

Fallout: Equestria

original art by Omny87

- [Глава 1. Побег из стойла](#)
 - [Глава 2. Пустошь Эквестрии](#)
 - [Глава 3. Напутствие](#)
 - [Глава 4. Перспектива](#)
 - [Глава 5. Каламити](#)
 - [Глава 6. Чистая правда](#)
 - [Глава 7. Вельвет Ремеди](#)
 - [Глава 8. Под откос](#)
 - [Глава 9. Мораль истории](#)
 - [Глава 10. Коррекция курса](#)
 - [Глава 11. Фракции](#)
 - [Глава 12. Нужно продолжать](#)
 - [Глава 13. Голоса из Прошлого](#)
 - [Глава 14. СтилХувз](#)
 - [Глава 15. Шёпот в темноте](#)
 - [Глава 16. Башни](#)
 - [Глава 17. Главный Злодей](#)
 - [Глава 18. Неестественные Причины](#)
 - [Глава 19. Предательство](#)
 - [Глава 20. За кулисами](#)
 - [Глава 20.5. Кобыла, за которую стоит бороться](#)
 - [Глава 21. Сердце Твайгайт Спаркл](#)
 - [Глава 22. Путь Земного Пони](#)
 - [Глава 23. Картина Предательства](#)
 - [Глава 24. Танцы Тьмы и Света](#)
 - [Глава 25. Щедрые души](#)
 - [Глава 26. Ксенит](#)
 - [Глава 27. Сигналы бедствия](#)
 - [Глава 28. Час Волка](#)
 - [Глава 29. Наперегонки с Совершенством](#)
 - [Глава 30. Охотники и Добыча](#)
 - [Глава 31. Прерванная Жизнь](#)
 - [Глава 32. Беседы в Затишье](#)
 - [Глава 33. Крестоносцы](#)
 - [Глава 34. Граница Ночи](#)
 - [Глава 35. Холодное Сияние Рассвета](#)
 - [Глава 36. Очень Странная Повесть Миднайт Шовер](#)
 - [Глава 37. Тень Министерств](#)
 - [Глава 38. О временах мирных](#)
 - [Глава 39. Грядущая Буря](#)
 - [Глава 40. Сверхзвуковой Радиоактивный Удар](#)
 - [Глава 41. К надежде](#)
 - [Глава 42. В огонь и тьму](#)
 - [Глава 43. Королевство Слепых](#)
 - [Глава 44. Искра](#)
 - [Глава 45. Добродетель Литлпип](#)
 - [Эпилог](#)
 - [10 лет спустя](#)
-

Глава 1. Побег из стойла

Введение.

λλλ >>>

Давным-давно в волшебной стране Эквестрии...

...Наступила эра, когда идеалы дружбы уступили место зависти, эгоизму, паранойе и жадному разделу территории и природных ресурсов. Страны подняли оружие против своих соседей. Конец света настал примерно так, как мы его себе и представляли — мир оказался свергнут в бездну магического пламени и тёмного волшебства. Подробности никому не интересны, причины, как и всегда, лишь в нас самих. Мир был едва не очищен от жизни. Великая чистка — искра магии, выбитая копытом пони, быстро вырвалась из-под контроля. Дождь пламени мегазаклинаний хлынул с небес. Целые земли, объятые огнём, бились в агонии, погружаясь на дно вскипевших океанов. Пони были почти стёрты с лица земли как вид. Их души стали частью радиационного фона, окутавшего землю своим покрывалом. На земле воцарились тьма и тишина...

Но это был не конец света, как предсказывали некоторые. На самом деле апокалипсис стал всего лишь прологом к очередной кровавой странице истории пони. В первые дни тысячи спаслись от ужасов армагеддона, укрывшись в гигантских подземных убежищах, также известных как «Стойла». Но когда они вышли наружу, их встретил лишь выжженный ад пустошей. Всех, кроме жителей Стойла Два. Ибо в тот день, когда небо пролилось магическим огненным дождём, огромная стальная дверь Стойла Два закрылась, и больше не открывалась никогда.

Fallout: Equestria

Пролог: о ПипБаках и Кьютимарках.

Если я и хочу рассказать вам о приключении всей моей жизни — объяснить, как я попала сюда с этими типами и почему сделала именно то, что я сейчас собираюсь сделать — мне, пожалуй, следует начать с небольшого объяснения, что такое ПипБак.

Так что же такое ПипБак? Вкратце, это устройство, носимое на ноге прямо над копытом, выдаваемое каждому пони в Стойле, когда он достигает трудоспособного возраста. Смесь магии единорогов и технологии, ваш ПипБак способен постоянно следить за состоянием вашего здоровья, помогать в принятии лекарственных препаратов и перевязке, инвентаризации и упорядочиванию груза в седельных сумках, ремонте, а также хранить всевозможные заметки и карты, позволяя отобразить их одним щелчком копыта. Более того, он позволяет когда угодно слушать Радио «Стейбл», так как может настраиваться на и раскодировывать практически любые радиочастоты. Но это ещё не всё! ПипБак любого пони также обладает Л.У.М.ом (Локатором Ушки-на-Макушке), который указывает нужное вам направление и к тому же помогает определять, враждебно ли настроены пони или другие существа вокруг вас. И, вероятно, наиболее впечатляющее — это способность с помощью магии ненадолго помочь вам в бою, используя З.П.С.(Заклятие Прицеливания Стойл-тек). Ах да, ещё одна способность ПипБака, о которой не следует забывать: он может отслеживать местоположение всех помеченных объектов и существ, включая других обладателей ПипБаков. Таким образом, если каким-то образом пони угораздило потеряться — не спрашивайте меня, как вообще возможно потеряться в Стойле, но это периодически происходит — любой, знающий метку потерявшегося, гарантированно его найдёт.

Им даже можно светить, как фонарём.

Итак, ПипБак — подлинный памятник техномагии единорогов. И да, обладание ПипБаком даёт огромное преимущество. Но несмотря на то, как бы это прекрасно и невероятно ни звучало, те пони, которым не довелось жить в Стойле, никогда бы не осознали, насколько буднично ПипБак смотрелся в глазах жителей Стойла Два. И почему я была так разочарована, имея один из них в качестве кьютимарки.

У всех в Стойле Два были ПипБаки. Все навороты, которые я перечислила? Да большинство не пользовалось и половиной! Они лишь настраивали их на радиостанцию «Стейбл», дабы послушать бархатный голос Вельвет Ремеди по вечерам или записи с последних школьных соревнований по пению днём. В Стойле было две хуфбольных лиги: одна — где позволялось пользоваться З.П.С, и вторая — где им пользоваться запрещалось. Помимо же этого, большинство пони не уделяло своим ПипБакам вообще никакого внимания. Смотрительница выдаёт ПипБак каждому пони в день празднования появления кьютимарки — обычно, через день-два после появления на вашем боку метки, которая даёт окружающим понять, что выделяет вас, в чём вы преуспеете. Как только она проявится, Смотрительница будет знать, какую вам поручить работу, а вы — каково ваше место в жизни Стойла. Так вот, я вовсе не обрадовалась, когда моей отличительной чертой стало то, что было у всех и каждого. Это как если бы мне сказали, что я вообще ничем не выделяюсь. Конечно, кьютимарка в виде ПипБака вполне могла означать, что мне суждено стать непревзойдённым мастером по их починке или кем-то вроде того, но на самом деле это было подобно появлению кьютимарки в виде кьютимарки.

И что ещё хуже, я получила свою кьютимарку последней. И неудивительно, если сейчас подумать. Довольно тяжело выяснить, в чём ты хороша, когда понятия не имеешь, в чём же именно. До тех пор, пока не найдёшь своё призвание. И я пробовала заниматься всем подряд. Я даже пыталась изобретать новые вещи. Как единорогу, магические способности позволяли мне совершать ряд манипуляций, недоступных для простых земных пони. Любой пони может открыть замок, зажав ключ в зубах, но оперировать несколькими инструментами для выполнения каких-либо аккуратных действий? Нет уж, увольте. Тут требуется точное владение телекинезом. Так вот, я решила научиться открывать замки с помощью заколки и отвёртки. И довольно-таки преуспела в этом. К несчастью, это совсем не приблизило появление кьютимарки, а лишь доставило мне кучу неприятностей.

Унизительно, но я даже прошла Т.С.М. (Тест Соответствия Метки) в надежде на выявление моих особенностей. Но нет. Мой результат был совершенно средним, с незначительно более высокими показателями в нескольких областях, и предлагал мне стать или ПипБак-техником, или инспектором верности Стойлу. И должна заметить, что эти два варианта вовсе не впечатляли, если учесть, что единорогам почти всегда и предвещали либо техническую, либо административную работу. Ну... кроме артистов от природы, вроде Вельвет Ремеди. Как я ранее заметила, врождённое волшебство единорогов позволяет совершать сложные действия и прочие тонкие манипуляции, которых требует техническая работа. Аналогично, Смотрительница и её правительство всегда состояли из единорогов. В конце концов, именно волшебство Смотрительницы создаёт искусственный свет для выращивания яблок в нашем подземном саду. Хотя наши яблоки и не похожи на те красивые красные штуки в старых книгах, они — то, что позволяет нам выживать.

И именно из-за того, что мне дали опробовать себя на обеих должностях, я и получила доступ к ПипБаку до обретения своего собственного, а иначе б я наверняка так никогда и не получила бы свою кьютимарку.

Ах, ещё одно. Меня зовут Литлпип^[1]. Нет, в самом деле! Я была младше всех и меньше всех, но даже моей матери хватило здравого смысла не назвать меня «Пипсвик» (ну, не то чтоб я не любила её, но когда её кьютимарка — стакан крепкого яблочного сидра...). В любом случае, забавно, насколько, бывает, глупые имена типа моего соответствуют действительности.

Что ж, рада встретить вас. И вот моя история...

Глава 1: Побег из Стойла.

«Потому что ещё никто не входил в Стойло и не покидал его.»

Серость.

Стены всех кабинок техобслуживания были одинакового, унылого серого цвета. Единственным достоинством же серой стены, на которую я пялилась именно сейчас, было лишь в то, что она была невероятно чистой. ПипБаки, как известно, были чертовски надёжны, так что моя деятельность как техника Стойла сводилась к длительному безделью. Быть подмастерьем ПипБак-техника означает, что пока твой наставник дрыхнет в кладовке, тебе поручается вся повседневная работа. То есть мытьё стен.

— Эту стену необходимо раскрасить.

Я дала волю фантазии, представляя, как Смотрительница соглашается и отдаёт приказ самой Палетте превратить всю нашу подсобку в один из её ярких шедевров. Палетта была лучшей художницей в Стойле Два, и это делало её нашим сокровищем. Жизнь в Стойле неизбежно начинала подрывать ваш дух — вы здесь родились, прожили тут всю свою жизнь, тут и умрёте. И ваш жизненный путь во многом определяется вечеринкой в честь появления кьютимарки. Поэтому Смотрительница настояла на том, чтобы каждую неделю репертуар радиостанции “Стейбл” пополнялся новыми песнями, все общественные места были ярко раскрашены и украшены мотивирующими и поднимающими настроение плакатами, а в атриуме регулярно проводились вечеринки... Всё в надежде отвлечь всех от депрессии.

Но реальность лавиной обрушилась на меня, лишь только я снова упёрлась взглядом в безупречно чистую серость стены. Облагораживание технических помещений и так было далеко не приоритетным, а отделение ПипБак-техников вообще было одним из самых малопосещаемых мест. Я почувствовала, как у меня самой поникли уши от осознания того, что я буду вынуждена созерцать эту серую стену почти каждый день до конца своей жизни.

— Ох, дорогуша, неужели всё настолько плохо?

А вот и она. Вельвет Ремеди, неотразимая угольно-чёрная единорожица с крашеными прядками в белоснежной гриве и голосом, нежным, как шёлк, и густым, как лучший шоколад, стояла в дверном проёме моей комнаты. Я мысленно возблагодарила себя за то, что успела закончить уборку, и в то же время устыдилась, что комната была для неё столь неподходящей.

Я поверить не могла, что она там стояла. Я видела её на сцене над нами во время поздних вечеринки, слушала её песни не переставая, записывая каждую новую на свой ПипБак, дабы не дожидаться возможности услышать её снова. Сейчас я признаю, что была влюблена в неё годами. Я и ещё по меньшей мере три сотни пони. Моя матушка всегда смеялась над этим. *Литлпип*, — говорила она, хихикая со своими подружками, — *дверь её амбара не в ту сторону открывается*. Мне понадобилась несколько лет, чтобы понять, что она имела в виду. И дюжина секунд, чтобы осознать, что Вельвет Ремеди только что меня о чём-то спросила.

— Ч-че-чего?..

Отличный ответ, Литлпип. Такой лаконичный. Мне хотелось зарыться в бетонный пол и укрыться его обломками.

Она нежно улыбнулась. Она мне улыбнулась! И сказала таким замечательным голосом:

— Ты выглядела такой подавленной, когда я вошла. Я могу чем-нибудь помочь?

Вельвет Ремеди. Предложила. Помощь. Мне.

Шок реанимировал ясность моих мыслей. У Вельвет Ремеди наверняка была причина, чтобы спуститься сюда. Что-нибудь, связанное с её ПипБаком. Не похоже, что она просто пошла прогуляться по техническим помещениям, в конце концов. Осмотревшись, я поняла, что в данный момент была тут единственной работающей пони. Мой наставник, как обычно, спал у себя в кабинете.

— О... Нет, ничего особенного. — Я пыталась вернуть себе самообладание. — Чем я могу быть вам полезна?

На лице Вельвет Ремеди одновременно выдвинулись и сострадание, и неуверенность, но она подняла переднюю ногу, представляя моему взору свой ПипБак. Более элегантная модель, чем у меня, с её инициалами и кьютимаркой (красивая птица с распростёртыми крыльями и клювом, открытым в песне), которая гармонично его украшала.

— Ненавижу доставлять беспокойство, но он начал натирать. Не могла бы ты заменить обшивку?

— О, конечно! — Я уже держала в воздухе специальные ключи, которые использовались, чтобы снять ПипБак с ноги пони (как у любого начинающего специалиста по ПипБакам, у меня в карманах моего рабочего комбинезона был полный набор всевозможных инструментов). — Я его мигом сделаю! — ПипБак со щёлчком раскрылся.

Вельвет Ремеди нерешительно хихикнула, опуская копыто.

— Что ты, всё в порядке. Не торопись. Мне надо намазать ногу мазью и отдохнуть до вечера.

Точно! Завтра вечером Вельвет Ремеди выступала в Салуне Стойла Два. Я собиралась отполировать её ПипБак так, чтобы он был достоин находиться над её копытцем. Даже если бы убила на это всю ночь, я его отладила бы так, чтобы он работал чётко, как новенький, да ещё и успела бы отдать ей до выступления.

— Отлично! Я отдам его вам завтра в это же время. Вы не разочаруетесь, обещаю!

Она снова мне улыбнулась, и после этого никакой серости в мире не удалось бы омрачить остаток этого дня.

— Спасибо. — Она развернулась, чтобы уйти. Я проследила за тем, как её кьютимарка исчезает в дверном проёме. И Вельвет ушла.

На следующий день я, насвистывая одну из песен Вельвет Ремеди, шла по залам к её комнате. Её ПипБак парил недалеко от меня в облачке магии, отделанный лучшей обшивкой, которую я смогла найти, и блестел как новенький. Я была вымотана бессонной ночью, но, тем не менее, пребывала в приподнятом настроении. Вельвет Ремеди просто обязана была быть довольной моей работой!

Повернув за угол, я была вырвана из своих мечтаний толпой пони, собравшихся у комнаты Вельвет. Чёрт возьми, мне пришлось чуть ли не с боем прокладывать дорогу через охотников за автографами и папарацци. Подняв ПипБак повыше, я начала пробираться через толпу.

— Она исчезла!

— Как она могла уйти?

Приглушённые голоса и паническое ржание вокруг меня становились всё более тревожными.

— Почему она покинула нас?

Исчезла? Вельвет Ремеди... исчезла?

А затем прозвучали слова, от которых у меня чуть не остановилось сердце:

— Я не думал, что дверь Стойла вообще можно открыть.

Она ушла *наружу?!!*

— Успокойтесь! — раздался голос Смотрительницы откуда-то из толпы. — У меня есть метки всех и каждого в Стойле. Я лично отправлю поисковую партию. Наша Вельвет будет дома не позже заката. Не волнуйтесь.

Я почувствовала себя так, будто меня засасывает в мокрую, холодную глину. Мой взгляд медленно поднялся на ПипБак, парящий надо мной.

Я опустила голову, пытаюсь, медленно пятаюсь, выбраться из толпы, левитацией плотно прижав к себе ПипБак. Когда Смотрительница попытается отследить Вельвет по метке, она приведёт всех не к ней, а к её ПипБаку, проходящему техническое обслуживание...

С глухим стуком я врезалась в кого-то. Это напугало меня так, что заклятие левитации с негромким хлопком рассеялось, и чистый и блестящий ПипБак покатился по полу.

Обернувшись, я обнаружила себя лицом к лицу со Смотрительницей.

Она не произнесла ни слова, лишь глазела на ПипБак, лежащий на полу. На нём были отчётливо видны инициалы и кьютимарка Вельвет Ремеди.

— Что. Это. Такое? — медленно и угрожающе спросила Смотрительница.

Все взгляды уже были направлены на меня. Я шкурой чувствовала каждую пару глаз. Все молчали. Тишина опустилась, подобно свинцовому покрывалу. Во рту у меня пересохло. Я не могла выдать ни слова.

Да мне и не требовалось. Я чувствовала волны ненависти. Десятки фанатов Вельвет Ремеди, и я — пони, непосредственно связанная с исчезновением их кумира.

Голос Смотрительницы был тих и неожиданно мягок:

— Забери его и возвращайся в свою комнату. Быстро.

Ей не пришлось повторять дважды.

В тот вечер я лежала на своей кровати, ковыряясь в ПипБаке Вельвет Ремеди, тогда как по радио на моём собственном передавали очередную версию сегодняшней трагедии.

Я не могла в это поверить. Вельвет Ремеди пропала. Я не могла понять. Как она смогла уйти? Почему она ушла?

Дверь Стойла Два была закрыта и запечатана. Только Смотрительнице было известно, как открыть её, если это вообще было возможно. И это, очевидно, было возможно.

Но зачем? Никто на самом деле не знал, что было снаружи, если там вообще что-либо было. В учебниках истории говорилось, что там всё было выжжено, безжизненно и ядовито. Таково, по крайней мере, было общепринятое и вполне логичное предположение. Но страшилка, рассказанная кем-то на моей первой (и последней) вечеринке, породила череду жутких кошмаров и до сих пор скиталась где-то по задворкам моего сознания: история о том, как один пони неизвестно как открыл дверь Стойла и вышел наружу... Чтобы обнаружить, что снаружи не было ничего! Лишь бесконечная пустота, которая увлекла того пони за собой, пожирая его душу, пока он сам не обратился в ничто.

Недавний опыт подсказывал, что это не тот случай, но эта картина до сих пор преследовала меня.

Я поняла лишь две вещи: первая — Вельвет Ремеди воспользовалась мной, чтобы снять ПипБак, дабы Смотрительница не смогла её отследить; а вторая — я крепко влипла.

То, что я была самой маленькой среди одноклассников и последней, кто получил кьютимарку, не способствовало укреплению дружбы с моими сверстниками. Я не могла мне в этом вопросе и мать. И уж тем более то, что я проснулась с воплями на своей первой вечеринке. Словом, я привыкла быть одна. Но у меня никогда раньше не было врагов. Меня не замечали другие пони, но и ненавидящих меня тоже никогда не находилось.

Я не могла винить их, хоть это и было абсолютно несправедливо. Они были расстроены, и им требовался мул отпущения. В новостях моё имя не упоминалось, просто сообщалось, что “Уникальный ПипБак Вельвет Ремеди был найден у одного из ПипБак-техников”, но учитывая, что нас было целых двое, было несложно определить, у кого именно, даже без того эпизода у её комнаты.

Смотрительница как раз говорила по радио: *“Мы все чувствуем эту потерю. Но я хочу напомнить, что Вельвет Ремеди сама выбрала этот путь. Она решила покинуть свой дом. Забыть нас, свою семью. Она обманула моё доверие так же, как и ваше, как и доверие той пони, которую своими махинациями заставила снять её ПипБак, чтобы мы не отыскивали её. Я знаю, многие из вас обозлены и расстроены. Но я призываю вас направить свою злость куда действительно следует...”*

Как бы я ни была признательна ей за её слова, они никак не повлияли бы на то негодование, с которым я отныне должна была сталкиваться каждый день, даже если бы каждый держал его в себе. Оно висело бы в воздухе, подобно старому дыму.

Я отвлеклась на блудный ПипБак, заметив зашифрованный файл. Я нашла его вчера, думая, что это новая неоконченная песня. Я не хотела открывать файл, как из уважения к собственности Вельвет Ремеди, так и из-за нелюбви к спойлерам, но, я полагаю, это больше не имело значения. Эта песня никогда бы не прозвучала.

Открыв сумку на своём комбинезоне техника, я достала устройство, позволяющее легко и безопасно снять шифр. Это был аудиофайл. Я запустила его.

“Запасной код открытия двери Стойла Два...СМСЗВФФ.”

Я в изумлении замерла, переваривая услышанное. Я быстро выключила радио и проиграла файл ещё раз.

Я не узнала голос. Он был женским, довольно приятным, но со странным акцентом, которого не было ни у кого в Стойле. Но теперь я знала, как ушла Вельвет Ремеди.

Должно быть, я просидела несколько часов, размышляя о том, как мне следует поступить. Но в конце концов я приняла решение.

Я собиралась идти за ней наружу. И я была намерена вернуть её назад.

Я стояла, уставившись на огромную стальную дверь, отделяющую Стойло Два от ужасов (или пустоты!), поджидающих снаружи. И на двоих пони-охранников, преграждавших мне путь. В моих седельных сумках лежал запас яблок и всё необходимое. Даже Большая Книга Чародейных Наук, чтобы было, что почитать. На шее висели две фляги. Я была готова идти. Но Смотрительница приняла меры, чтобы подобное не повторилось.

Настойчивость и сердитые взгляды так ни к чему и не привели. Мой рог светился, но они стояли, даже и бровью не поведя. Они бы на пушечный выстрел меня к контрольной панели не подпустили.

— Эй, а не ты ли, случаем, та кобылка, что позволила нашей Вельвет потеряться снаружи? — дерзко спросил один из охранников, делая шаг вперёд. Другой с отвращением отвернулся. Не знаю, я ли вызывала у него отвращение, или же он так же, как, видимо, и Смотрительница, относился к тем, кто хотел поквитаться со мной. И я вроде как надеялась на первое, учитывая, что я собиралась с ними сделать.

БУМС!

Металлический шкаф упал на них сверху, вырубив обоих. Земные пони никогда не замечают трюков с чем-то летающим-сверху-сзади. Я стояла у пульта и вводила пароль с ПипБака Вельвет Ремеди, когда из ближайшего интеркома раздался оглушительный голос Смотрительницы:

“Стой! Я приказываю тебе немедленно остановиться!”

Ага, как же.

“Охрана! Всей охране к двери Стойла Два! Остановите эту кобылку!”

Вот дерьмо!

Мои копыта рванулись к рубильнику, открывавшему дверь, и я взмолилась Селестии, чтобы код сработал. Затем я изо всех сил потянула рычаг.

Воздух наполнился громким клацаньем, за которым последовали шипение пара и сильный толчок, встряхнувший комнату. Затем я увидела, что здоровенный засов, запиравший дверь Стойла Два, отполз назад. Огромная шарнирная рука свесилась сверху, закрепляясь на двери, после чего с зубодробительным скрежетом выдавила массивную стальную дверь и откатила в сторону.

Я случайно поймала себя на том, что подумала про себя голосом своей матери: *“дверь её амбара не в ту сторону открывается”*. Дверь Стойла номер два вообще не должна была открываться. Даже дёрнув рычаг, я обомлела, когда увидела, что она всё-таки открылась.

“Тебе не нужно этого делать... Литлпип. Верно?” — вырвал меня из прострации голос Смотрительницы. Я услышала цокот копыт бегущих сюда охранников.

Я сделала шаг к двери.

— Не волнуйтесь, я верну её.

“Нет! Если ты уйдёшь, тебя сюда больше не впустят.”

Несправедливость происходившего на какое-то мгновение ошпарила. Смотрительница не только впустила бы Вельвет (в отличие от меня), но даже хотела за ней поисковую партию отправить. И в то же время Вельвет была особенной, а я... а я — нет.

Часть меня порывалась развернуться и поползти назад в свою комнату, вернуться к своей безотрадной, но безопасной жизни.

Пересилив себя, я вышла за порог.

Издав последнее шипение и глухой щелчок, стальная дверь Стойла Два окончательно закрылась.

Не знаю, что я ожидала увидеть за дверью, но уж точно не длинный, тёмный тоннель, пропахший гниющей древесиной и наполненный затхлым воздухом. Я больше не была в Стойле. Но я не была и снаружи. Я была лишь в преддверии.

Я включила фонарь на своём ПипБаке и в ужасе отшатнулась: весь тоннель был устлан скелетами давно умерших пони. Внешняя сторона двери Стойла была покрыта вмятинами в тех местах, где пони ломались в неё, кроша копыта в тщетных попытках попасть внутрь.

Быстро пройдя вперёд, я обнаружила, что тоннель заканчивается старым помещением с лестницей, ведущей к горизонтальной двери со сломанным замком. Вход в Стойло Два снаружи был хитроумно замаскирован под скромный погреб для яблок. А под словом “замаскирован” я подразумевала то, что тот, кто это построил, и впрямь строил яблочный погреб.

Сделав глубокий вдох, я поднялась по ступенькам, распахнула дверь погреба и вышла наружу.

Заметка: получен новый уровень

Новая способность: шерше-ля-филли — +10% повреждений противникам того же пола и уникальные реплики в диалогах с некоторыми пони.

^^ >>>

[a]

[1] Littlepip = Little Pipsqueak (Маленькая Малышка)

[a]Dr. Yukon:

перетрахнуто разок

Глава 2. Пустошь Эквестрии

«Ты в каком мире живёшь? В настоящем мире кровь течёт, понимаешь? Кровь течёт! И она зальет всю эту комнату, если ты отсюда не свалишься.»

<<< ^^>>>

Пустошь! Первые несколько секунд снаружи показались мне разрывающей сердце вечностью, заставляющей копыта дрожать от страха! История оказалась верна! Всё снаружи было огромной чёрной пустошью! Она окружала меня, удушая. Если бы я могла дышать, я бы закричала.

Только потом мои глаза несколько приспособились к темноте, и я немного успокоилась. По телу разлилось ощущение слабости и собственной глупости. Я ещё никогда прежде не видела ночь, настоящую ночь. Конечно, я всегда выключала свет, ложась спать, но то был маленький кусочек темноты, заключённый в стенах моей небольшой комнатки. И всегда оставалась узкая полоска света из-под двери — огни в коридорах Стойла Два горели вечно.

Но здесь всё было по-другому. Прохладный воздух, столь отличавшийся от того, в Стойле, щекотал мою шёрстку, приятно холодая кожу. Здесь пахло сыростью и гнилью, пылью и отчуждением. Я могла слышать стрекотание ночных насекомых, скрип сухостоя на ветру и какое-то отдалённое хлюпанье... но больше всего меня поразило то, что больше не было слышно постоянного низкого гула генераторов и вездесущего тонкого жужжания ламп. Я настолько к ним привыкла, что сначала мне всё казалось тишиной.

Я чувствовала грязь и камни под копытами, так не похожие на гладкие и чистые коридоры Стойла, где я бегала всю свою жизнь. И хотя я не очень далеко видела, было ясно, что ни стен, ни хоть чего-нибудь, напоминающего границы комнаты, вокруг и в помине не было. Словно я смотрела в горизонтальную пропасть, простирающуюся от меня во все стороны. Во мне зародился новый страх. Задние ноги подкосились, и я просто села, ошеломлённая. Глубоко дыша, я посмотрела на землю, благодаря её не только за то, что носит меня, но и за то, что могу зацепиться за неё взглядом.

Большой ошибкой было взглянуть вверх — от этой бесконечной высоты у меня закружилась голова и чуть не стошнило. Огромные облака закрывали почти всё небо; в просветы между ними лился мягкий свет. Через них я могла смотреть вечно. Безумие, но я представила себе облака как большую сеть, сплетённую, чтобы поймать меня, если вдруг упаду в пропасть неба. Проскользни я в промежутки между ними, и падение длилось бы вечно.

Я закрыла глаза, пытаясь сдержать порыв рвоты. Страх и тошнота были сильны, но постепенно проходили. Придя в себя, я начала замечать то, что сначала упустила в панике. Окружающий мир был отнюдь не бесконечен; местность поднималась и опускалась, создавая холмистый ландшафт у подножья гор. Земля была усеяна торчащими чёрными стволами давно умерших деревьев. Вдали я видела колышущуюся листву на ветвях более здоровых лесов, но вокруг Стойла Два растительность была очень редкой и чахлой.

Во-вторых, я заметила, что мой ПипБак мигает множеством предупреждений. Картограф начал работать, сканируя новую и незнакомую местность, и, к моему удивлению, выудил из эфира название местности: ферма «Сладкое яблоко».

Повернувшись, чтобы осмотреться, я зацепилась взглядом за большой заброшенный остов. Мне показалось, что некогда это было прекрасным домом. Сейчас он скрипел и раскачивался на ветру, угрожая вот-вот обрушиться.

Вновь посмотрев на ПипБак, я отметила, что он снова принимает несколько радиопередач. Трансляция от Стойла Два была слабой: её вытеснили другие станции. Сердце забило с надеждой, ведь это же был первый признак того, что снаружи всё-таки кто-то живёт. Я нажала на кнопку на ПипБаке, чтобы настроиться на первую станцию в списке.

«...по-прежнему закрыто. Внутрь не попасть. Мой сын съел одно из яблок с тех чёртовых яблонь рядом со Стойлом, и теперь сильно болен. Так болен, что даже не может двигаться. Мы забрались в цистерну рядом со старым памятником. У нас кончаются медикаменты и еда. Пожалуйста, если кто-нибудь слышит нас, помогите...»

Повторяю. Алло? Есть тут кто-нибудь? Нам нужна помощь! Я вёл свою семью к Стойлу около «Сладкого яблока», когда на нас напали рейдеры. Выжили только я и мой сын. Мы добрались до Стойла, но оно по-прежнему закрыто. Внутрь не попасть. Мой сын съел одно из яблок с тех чёртовых яблонь рядом со Стойлом, и теперь сильно болен. Так болен, что даже не может двигаться. Мы забрались в цистерну рядом со старым памятником. У нас кончаются медикаменты и еда. Пожалуйста, если кто-нибудь слышит нас, помогите...»

Повторяю. Алло? Есть тут кто-нибудь? Нам нужна помощь! Я вёл свою семью к Стойлу около «Сладкого яблока», когда на нас напали рейдеры. Выжили только я и мой сын. Мы добрались до Стойла, но оно по-прежнему закрыто.

Повторяю. Эй?...»

Казалось, этот пони уже забросил всякую надежду и повторял слова чисто машинально — настолько смиренным был голос. В шоке я выключила передачу, так как ещё одного прослушивания не перенесла бы. Только тогда до моих ушей донеслось слабое пощёлкивание ПипБака. Внимательно осмотрев его, я обнаружила, что дозиметр — опция, о наличии которой я даже не догадывалась — активировался. Стрелка на маленькой разноцветной шкале всегда покоилась в зелёном делении. Она по-прежнему была там, но неумолимо приближалась к жёлтой области.

Я не могла всю оставшуюся жизнь торчать рядом с тем, что давным-давно было дверью обычного яблочного погреба. Точнее, могла, но моя жизнь определённо была бы недолгой и мучительной. Какова была вероятность того, что из великого множества возможных направлений я выберу то же, что и Вельвет Ремеди? Даже несмотря на фору всего в несколько часов, шансы найти её были исчезающе малы.

Но надо же было с чего-то начать. Наилучшим вариантом было забраться повыше и осмотреться. Руины неподалёку возвышались над самыми высокими деревьями, а сорванная крыша верхней башенки была, пожалуй, наиболее выгодной позицией из всех доступных. Я на секунду закрыла глаза, собралась с духом и вошла внутрь.

То, что осталось от здания фермы, оказалось гораздо прочнее, чем выглядело на первый, да и на второй взгляд. Оно было обобрано подчистую. Всё, что пережило катастрофу, было вынесено. Остался лишь никому не нужный мусор, который, казалось, даже само время не смогло уничтожить: ржавые подковы, коробки с порошком для стирки платьев, давно обратившихся в прах, вилы со сломанным черенком, грабли...

Я начала подниматься по лестнице. Мой взгляд привлёк исходящий из комнаты сверху слабый зелёный свет, как у отравленных яблок. Мерцание исходило от экрана старого терминала; похожие магические устройства использовались и в Стойле Два. Невероятно, но после нескольких столетий под открытым небом он продолжал работать! Да, если Стойл-Тек что-то и строили, то строили на века.

Любопытство заставило меня подойти, и удивление быстро сменилось пониманием. То, что терминал работал, не было простым совпадением — на экране отображалось свежее сообщение:

Всем, кто покинул Стойло Два, чтобы меня найти:

Пожалуйста, возвращайтесь обратно. Я делаю то, что должна. Смотрительница всё поймёт, хоть никогда с этим и не согласится; вы, надеюсь, тоже однажды поймёте. Я не вернусь, не ищите меня, не подвергайте себя опасности. Пожалуйста, простите...

Вельвет Ремеди

Я поискала на терминале другие записи, но все они были древними и испорченными, кроме одной, зашифрованной очень своеобразным парным шифром. Я немного слышала о нём, но прежде никогда не встречала. Для расшифровки мне понадобились бы два файла сообщения: один — уже имеющийся здесь, и второй — с терминала, откуда оно было отправлено.

Так и не придумав, как лучше использовать громадное количество свободной памяти моего ПипБака, я поставила файл на закачку. Честно говоря, шансы вообще когда-нибудь встретить парный терминал стремились к нулю, да и особых причин надеяться на хоть какую-то полезность сообщения двухсотлетней давности у меня не было.

Намного важнее было осознать, что пустошь теперь стала моим домом. Допустим, даже если мне удастся найти Вельвет Ремеди, то её возвращение со мной назад в Стойло Два было под очень большим сомнением. Признаюсь, я тешила себя мыслями о том, как Смотрительница настолько обрадуется возвращению Вельвет, что с радостью примет нас назад. Возможно, она бы даже устроила вечеринку в нашу честь... Как же наивны были эти фантазии!

Мысли об этом чёрными облаками беспокоили мою душу и вконец испортили настроение. Тем временем я добралась до вершины руин и осмотрела раскинувшуюся передо мною пустошь. Глаза выхватили мерцающее пятнышко света — маленькую оранжевую прореху в тёмном полотне ночи. Похоже на походный костёр... совсем недалеко, полчаса размеренной рыси.

Приблизившись к освещённому клочку земли, я почувствовала, что что-то здесь не так. Эта странная поза, в которой, подвернув под себя ноги, лежал на соломенной циновке дымчато-бежевый единорог, эта напряжённость его тела — я никак не могла отделаться от чувства *неправильности* происходящего. Только я вступила в круг света возле костра, тёплое “привет” тут же умерло на моих губах, так и не успев прозвучать. У единорога был заткнут рот; можно было увидеть отблески пламени костра на опутавших его копыта цепях.

— Гляньте сюда! Разве она не чудо, а?

Большой земной пони вышел из тени ближайшей скалы. Его копыта брутально шипованными подковами с металлическим отзвуком цокали по каменистой почве. Ещё двое выскользнули из прикрытия по бокам — один из них держал лопату со смертельно остро заточенным лезвием, похожую на копьё, другой, оказавшийся единорогом, левитировал перед собой двуствольный короткий инструмент из дерева и металла. Они были одеты в грубо сделанную износившуюся одежду из толстой кожи. До этого мгновения я не видела огнестрельного оружия, разве что в книгах, но этого хватило, чтоб распознать смертельную угрозу.

Скованный единорог на коврике покачал головой с печально-насмешливым взглядом и начал пытаться вытащить кляп передним копытом, даже не стараясь больше скрыть цепи. Трое угрожающих мне одарили его лишь случайным взглядом.

— Вот если бы она ещё и связала себя для нас... — хихикнул вооружённый пони. Затем он обратился ко мне:

— Надеюсь, ты не будешь против? — Компания громко заржала. — Отлично, ещё один единорог. За эту красотку можно взять неплохую выручку.

Выручку за что? И с чего? Я совсем растерялась.

Пони, держащий самодельное копьё во рту, пробормотал нечто совершенно неразборчивое. Затем, очевидно решив, что наличие пушки послужит достаточным убедительным аргументом, выплюнул своё оружие и повторил:

— Чё за хрен... Эй, посмотри на неё! Она чё, мылась?

До меня начало доходить, что эти пони были, по крайней мере, очень странными; от их отвратительного запаха я чуть не чихнула.

— Что происходит? — из всего хаоса чувств в моей голове замешательство уверенно держало первенство.

Пленённому единорогу наконец-то удалось вытащить грязную затычку изо рта:

— Тьфу. Это работорговцы, идиотка!

Монтерей Джек, бежевый единорог со строгим выражением лица и кьютимаркой, похожей на кусочек сыра, плёлся позади меня вместе с захватчиками по разбитой тропинке, некогда бывшей дорогой.

Цепи на ногах очень утруждали ходьбу, не говоря уже о беге. ПипБак поставил в тупик усилия работорговцев спутать мои копыта; в конечном счёте они были вынуждены связать меня выше колен. Если бы пони с лопатой не держал своё оружие угрожающе близко к моему горлу, двое других точно получили бы пару пинков по уязвимым местам за свои выходки. А так они смогли управиться со мной довольно быстро.

Мне не завязали рот, но Монтерей заранее предупредил, что лишняя болтовня будущего раба скорее всего приведёт к потере языка. В принципе, мне нечего было сказать этим скотам, кроме богатого репертуара сочных метафор. Я и не надеялась получить ответы на мои вопросы, даже если мой язык переживёт их; они довольно много трепались — мне же этого было достаточно.

— Фенафишу это, — проворчал земной пони-копьеносец.

— О’кей, если б ты только научился плавать, мы бы взяли тебя с нами, правда, ребята? — с деланной учтивостью предложил единорог. Казалось, сарказм в его голосе можно было черпать бочками.

— Фенафишу ефаное флавание! — Судя по его гораздо более сильному и резкому запаху, я предположила, что он ненавидел воду вообще.

— Так, народ, как насчёт того, чтоб дружно заткнуться и просто заняться делом? Может, тогда я позволю вам попробовать одного из рабов, прежде чем мы доберёмся до леса, — их главарь, Громила, земной пони с шипованными подковами и кьютимаркой, подозрительно похожей на кнут (или змею?), обернулся ко мне и Монтерею с грязной улыбкой, не предвещавшей ничего хорошего. Я отвела взгляд; они засмеялись.

Сквозь их отвратительный разговор я смогла уловить странный шум впереди, похожий на журчание фонтана... нет, ближе к бульканью грязи. И что-то ещё... Отдалённый звук, становящийся всё ближе и ближе. Музыка? Действительно, музыка. Немного дребезжащая, но всё же... триумфальная? Королевская? Положа копыто на сердце, я бы назвала её причудливой и неуместной, но кто знает, какие вкусы у обитателей поверхности. Громила заметил моё выражение лица и не смог сдержать ухмылку.

— Что, не слышала прежде, а? Небось, всю жизнь прожила в Стойле? Хех, надо быть полной дурой, чтобы надеяться на спасителей. Это всего лишь спрайт-боты.

Музыка оборвалась резким, звенящим звуком.

Работорговец-единорог, Обрез, пробежал чуть вперёд, всматриваясь вдаль. Обернувшись к нам, он ухмыльнулся:

— Думаете, это радигатор его ухлопал?

Громила предположил, что он залетел в чью-то ловушку. Пони с копьём в зубах выдал кучу искалеченных древком неразборчивостей.

Единорог опять повернулся вперёд, и свет его рога упал на машину — металлическую сферу размером с голову жеребёнка, беззвучно парящую на четырёх крыльях прямо перед его носом. Я уверенно могла сказать: это вовсе не какая-то чародейная наука, а обычная технология земных пони.

— БЛЯТЬ! — Обрез от неожиданности отпрыгнул назад, нервным движением выхватил дробовик и выстрелил в спрайт-бота. Звук, подобный падению металлической пластины с потолка, эхом отозвался в покрытых ночью холмах. Выстрел высек сноп искр из шарика; спрайт-бот издал электрический визг и исчез во тьме. Единорог чуть было не погнался за ним, но голос Громилы умерил его пыл:

— Хватит, Обрез, остынь. Лучше побереги патроны.

— Чёрт, ненавижу эту тихую поеботу. Это ж сраное летающее радио — оно не должно так подкрадываться.

Мои уши горели от такого потока грязных слов, но на услышанное мне сейчас было плевать. Мой мозг будоражило *увиденное*.

— Идиот, — едва слышно пробормотал Монтерей. — В Понивилле все тебя слышали...

В отличие от него, я была рада поддержать единорога, тратящего свои боеприпасы — теперь знала, как работает это оружие.

— ...Не, вы выдали этого придурка? — ворчал себе под нос Джек. — Палить почём зря на рейдерской территории... Идиот, ну что с него возьмёшь...

Наш путь преградила река. Медленное скольжение волн подмывало берег, создавая полузастойные заводи. Вода набегала на опоры моста, издавая то самое журчание. За рекой виднелись развалины довоенного города.

На мосту громоздился лабиринт баррикад со сновавшими по нему тенями. Я поняла, как ошибалась, понадеявшись на спасение, когда мой взгляд упал на колья, обрамлявшие мост, и на две всё ещё гниющие головы пони, украшавшие их. Во рту загорчало — вид был ужасающим.

— Так, Шахтёр, останься здесь, — Громила наконец назвал имя владельца лопаты. — Обрез, идём, узнаем, сколько там платить в этот раз надо.

Монтерей Джек в отчаянии опустил голову и бросил злобный взгляд на мост. Подражая, я придвинулась поближе, усаживаясь так, чтобы Шахтёр не увидел слабый свет моего рога, когда я доставала заколку для волос и отвёртку из походного набора инструментов. Как и всё снаряжение работорговцев, кандалы не отличались особым качеством. Пока Громила и Обрез обсуждали что-то с пони на мосту, я сосредоточилась на первом замке. Мои усилия были вознаграждены мягким щелчком, передняя нога с ПипБаком освободилась. Кандалы с негромким лязгом упали на землю.

— Хмм?! — уши Шахтёра встали торчком, и теперь он стремительно шёл сюда. Я резко погасила магию, роняя отвёртку и заколку в грязь и надеясь, что в темноте работорговец не заметит лежавшую теперь на земле цепь.

— Ты фо фелаеф? — угрожающе прорычал работорговец. Противный острый край копья колебался в считанных сантиметрах от моих глаз.

БАБАХ!

Шахтёр резко обернулся; я не удержалась от испуганного вскрика — так близко к моему лицу просвистело смертельно острое лезвие лопаты. Стреляли со стороны моста. По звуку было ясно: это не дробовик Обреза, хотя мгновением позже прозвучал и он.

Поняв, что через мост придётся пробиваться с боем, Шахтёр негодуя посмотрел на нас и открыл было рот... Наверное, скорее всего, он хотел приказать нам оставаться на месте. Правды я уже никогда не узнаю: его голова взорвалась, забрызгав меня кровью.

Я стояла в шоке, с широко раскрытыми глазами, дрожа от ужаса. Кровь, теплая и липкая, струйкой стекала по лбу в левый глаз, медленно просачивалась в мою шерсть и гриву. В растущем списке никогда не виденных вещей смерть другого пони была на первом месте. Я мигала, чувствуя кровь на веках. Шахтёр УМЕР!!! И я вся была заляпана его ошметками!

Желание прыгнуть в воду было почти непреодолимым, но бросать всё просто так я тоже не хотела. Рог вспыхнул вновь, пробуждённый чем-то большим, чем осознанное намерение, и я принялась отпирать оставшуюся часть своих кандалов.

Бросив взгляд на мост, я увидела Обреза, сгорбившегося за одной из баррикад; он магией перезаряжал дробовик. Так, два выстрела, я поняла. Один на спрайт-бота, один только что. Два выстрела, затем перезарядка. Закрыв оружие, Обрез левитировал его над баррикадами и выстрелил вслепую, попав дробью в и так уже раненного пони; тот зашатался и упал.

К огромному несчастью для Обреза, у рейдера за ним был другого типа дробовик, более скорострельный и не ограниченный двумя выстрелами, стреляющий пулями, прошившими в теле единорога две больших дырки в момент, когда тот высунулся из-за укрытия посмотреть на результат своей работы.

Я отвернулась, съёжившись от творящегося передо мной кошмара, и сосредоточилась на замках.

Наконец освободившись, я принялась за Монтерея, но со стороны моста к нам направились двое пони-налётчиков, хладнокровно переступая через искалеченные сражением трупы Громилы, Обреза и тех, кого они успели забрать с собой. Один из них был единорогом, владельцем того разрушительного оружия, другой нёс в зубах молот. Единорог засмеялся, но не тем гадким ржанием Громилы, а каким-то сумасшедшим смехом, от которого у меня по коже пробежали холодные мурашки.

— Похоже, мы получили кой-какие призы!

Земной пони захотел сквозь молот в зубах. Единорог оценивающе посмотрел на нас — эти двое были ещё более грязными, чем работорговцы — лицо и бок налётчика были обезображены рваными шрамами, один из которых пролегал через кютимарку. Земной пони был лысым; на его боку красовался страшный ожог. Оба были одеты в какую-то рванину.

— ...Помогите нам... — слабым голосом попросила я.

— О да, конечно, я помогу тебе! — лицо единорога исказила ярость. Он занёс копыто надо мной и с силой ударил в бок. От невыносимой вспышки боли я задохнулась и не смогла устоять на ногах. Налётчик в ярости надавил на меня всем своим весом; я взвыла.

Вблизи меня Монтерей застонал, так как земной пони отоварил его молотом. Оставив меня, беспомощно свернувшуюся калачиком, единорог переключился на всё ещё скованного Джека. Молнией сверкнула мысль, что они будут избивать его до смерти, и даже после этого вряд ли остановятся.

— Придержи его ногу. Сейчас я отстрелю ему копыта нахрен! — единорог-рейдер левитировал винтовку к ноге Джека, единственной, которую я успела освободить.

Стараясь не обращать внимания на боль, подняла голову, сокращая расстояние между нами, и жёстко лягнула ногой с разворота. Мои копыта отбросили оружие, запуская его в полёт; секундой позже винтовка загремела по настилу моста. Я мгновенно подняла магией лопату-копье Шахтёра; налётчики с ликующими выражениями лица встали напротив — двое опытных бойцов против меня одной. Тот, с кувалдой, выступил вперёд, словно ему не терпелось увидеть, как я со своей хленькой лопаткой собираюсь расправиться с его молотом.

Внезапно неуловимо быстрым движением Монтерей запрыгнул на него, забросив цепь на шею, и изо всех сил упёрся в неё передними ногами. Молот с глухим стуком выпал изо рта удушаемого пони. Единорог обернулся, явно удивлённый такими изменениями в расстановке сил. Уже тогда я могла атаковать его, но одно дело защищаться, а совсем другое — нападать. Я не была уверена, способна ли вообще на такое: обагрить свои копыта кровью, ранить другого пони, покалечить, а возможно, и вовсе убить.

Противник поднял молот с земли и повернулся ко мне с горящей в глазах жаждой убийства. Внезапно я осознала, насколько легко толкнуть копьё вперёд. Больше не было никаких моральных колебаний — речь шла о *выживании*. Инстинкт самосохранения начисто подавил все угрызания совести. Хотя я и не имела таких боевых навыков, как у моего противника, но у меня было огромное преимущество — З.П.С.

Ведомое заклинанием прицеливания моего ПипБака, копьё хлестнуло по коленям единорога; второй удар пришёлся по лицу, обезоруживая его; третий был бы смертельным, но... но я не была готова убить. Не сейчас. Вместо этого я изо всех сил ударила налётчика по голове деревянной ручкой лопаты. Единорог без сознания упал на землю.

Я оглянулась — Монтерей стоял над безжизненным телом земного пони-налётчика, тяжело дыша. Некоторое время он просто смотрел на меня, затем поднял всё ещё скованное переднее копыто. Из-за цепей Джек не мог сдвинуть ногу больше чем на пару дюймов.

— О, сейчас! — опустив лопату, я включила фонарик ПипБака и начала искать отвёртку. К сожалению, заколка для волос была безвозвратно потеряна, а найти её ночью в этой грязи не представлялось возможным. Ничего, у меня были ещё.

Как только мы освободились, Монтерей медленно похромал к мосту. Некоторое время спустя он возвратился; его рог светился нежным бежевым цветом. Дробовик Обреза плыл перед ним. Прежде чем я смогла как-то отреагировать, Джек нацелил оружие на единорога, лежащего в отключке, и выстрелил.

Кровь налётчика медленно потекла к моим копытам. Полностью ошеломлённая, я смотрела, как Монтерей повернулся и как ни в чём не бывало начал обшаривать трупы, снимая с них разные вещи.

— Ты что делаешь? — наконец я обрела дар речи.

Он посмотрел на меня, как на идиотку:

— Да так, проверяю, есть ли что-нибудь ценное на них. Например, еда, если повезёт.

Я кивнула, наблюдая за тем, как Джек шёл к телам у ближайшего края моста. Ограбление мертвецов казалось аморальным, но холодная, расчётливая часть сознания напомнила мне, что если я не преодолёю подобные сомнения, то о выживании в этом мире можно забыть. Ведь глупо было бы умереть от голода только потому, что из-за робости я так и не удосужилась проверить сумку мёртвого пони на предмет какой-то еды, вроде мешочка овса или баночки старого яблочного соуса, правда?

Я осмотрела одного из налётчиков с окровавленным лицом и следами от подков Громилы и предприняла попытку пошарить по карманам его плаща, но желудок взбунтовался, и я бросилась к мосту; меня стошнило в грязную реку. Через прореху в облаках пробился мягкий серебристый лунный свет, и я увидела своё отражение в воде, всё ещё покрытое засохшей кровью Шахтёра.

Внезапно я увидела дробовик Обреза позади моей головы.

— А ещё я заберу всё ценное у тебя, — устало произнёс Монтерей со скучающим выражением лица.

— Ч...что? — я медленно обернулась и увидела Джека, стоящего на мосту позади меня; его силуэт купался в лучах лунного света, рог пылал бежевым светом. Дробовик, висящий в воздухе между нами, был нацелен на меня. — Но я же спасла тебя!

— Ну да. И только поэтому я не собираюсь убивать тебя, — глаза Джека сузились. — Конечно, если ты не будешь делать глупостей.

— Но ведь только благодаря мне ты жив!

— И что с того? — язвительно хмыкнул он.

— Мы ведь должны сотрудничать! Путешествовать вместе!

Монтерей презрительно фыркнул:

— И разделить на двоих припасы, которых и одному мало? И спать вполглаза, ожидая предательства? Нет, спасибо.

Моё праведное неверие угастро, исчерпав все аргументы. Вдруг я почувствовала себя такой уставшей. Кивнув, я опустила голову и выложила обе свои фляги. Затем я отшагнула назад, чтобы Монтерей мог без опаски забрать их. Я повернула голову, чтобы начать отстёгивать седельные сумки.

И тут я увидела его. Почти что у меня под хвостом.

Я обернулась к Монтерею, мой рог светился. И тут же боевой дробовик взмыл в воздух прямо передо мной. Долгое время мы просто стояли на усыпанном телами мосту, нацелив друг на друга парившее в воздухе оружие. На всё это сверху сквозь прореху в облаках глядела луна.

Тяжёлую тишину нарушил Монтерей:

— Ты не сможешь. Я видел твою схватку с тем рейдером. Если ты такого подонка не смогла убить, то меня — тем более.

Мои глаза угрожающе сузились:

— Я быстро учусь.

Пони фыркнул, но с места не сдвинулся:

— Ты хоть знаешь, за какой конец это держать?

Усилием воли я нацепила улыбку на лицо:

— Джек, а ты в курсе, что выстрел у тебя остался всего один? И, судя по тому случаю со спрай-ботом, дробовик твой настолько изношен, что этот выстрел я переживу. А вот переживешь ли ты все те, что успею сделать я, пока ты будешь перезаряжаться, а?

Монтерей попятился назад. Теперь я улыбалась совершенно искренне:

— И, кстати, фляги свои я заберу обратно.

Понивилль. Сколько раз я задавалась вопросом, откуда мой ПипБак знает названия этих мест... Он даже определил название дома, в который я только что проскользнула. Понивилль был территорией рейдеров, и я могла только надеяться, что в этом бутике «Карусель» их не будет.

Как только наши с Джеком пути разошлись, рядом со мной взорвались перила моста. Снайпер! Наверное, тот самый, что разнёс голову Шахтёра, словно переспелый арбуз. Я побежала в город, укрываясь за всем, что попадалось по пути. Некоторые дома были

достаточно целыми, чтоб спрятаться; этот же был ещё и ближайшим.

К счастью, в здании никого не оказалось. Почти час я выжидала, свернувшись в тени возле двери, но, похоже, пони-снайпера совсем не прельщало преследование меня. Хотя он мог просто ждать, пока я выйду.

На меня нахлынула усталость. Я целые сутки не спала и всю ночь была на пределе, как физически, так и морально. Мышцы почти не слушались, бока болели от ударов, душой и телом я была как выжатый лимон. Поспать бы... но засыпать здесь было бы самоубийством. Я могла проснуться в окружении работорговцев, рейдеров, мародёров или кого похуже... или не проснуться вообще. Однако мысли о том, чтобы выйти наружу и искать место получше, даже и не рассматривались — я не хотела испытывать судьбу. Вряд ли бы мне ещё раз так повезло со снайпером.

Состояние бутика «Карусель» было почти таким же, как и амбара на ферме «Сладкое яблоко», однако имелись и отличия. Грабёж здесь был более разрушительным. Стены изрисованы сценами насилия и грязными ругательствами. В углу лежала грудa рванья, вонявшая так, словно на неё постоянно мочились. Также имелись две кровати, одна из которых была густо заляпана кровью (и, вероятно, кое-чем похуже). От другой кровати, маленькой, видимо, детской, остался лишь матрац на сломанной раме. В самый раз.

Здесь я нашла ещё два сокровища: запёртый сундук и терминал, точь-в-точь как в «Сладком яблоке». К моему удивлению, он всё ещё работал. Разложив перед собой инструменты, я приступила к взлому. Эти терминалы были созданы теми же пони, которые впоследствии разработали ПипБак, так что шифрование и механизмы блокировок были мне достаточно знакомы, чтобы я с имевшимися средствами смогла хотя бы частично пройти сквозь систему безопасности. Оставалась лишь одна головоломка — увлекательный поиск пароля среди сотен извергнутых аппаратом строчек кода. Удивительно, как я в полубессознательном состоянии смогла выудить из них код доступа.

Или не чудо. Пароль был “яблоко”.

Я громко рассмеялась и спохватилась лишь осознав, до чего же странно громок мой голос в тиши этого ветхого здания — невероятно, но это был именно тот терминал, на который отправили то таинственное зашифрованное послание. С весьма необоснованным ощущением завершенности процесса я загрузила сообщение на ПипБак и доверила оставшиеся операции ему.

Годы повредили запись, но я узнала тот самый мягкий женский голос со странным акцентом, много часов назад сообщивший мне код, который провёл меня из привычной старой жизни в незнакомую и ужасную новую.

“...специальные инструкции для Стойла Два... ..там же моя семья! Пока снаружи не спадёт уровень загрязнения, дверь не откроется!”

Голос то затухал в белом шуме, то появлялся вновь.

“...знаю, что ты не хотела этого, Свити Белль, но теперь ты Смотрительница. Первая Смотрительница самого важного Стойла во всей Эквестрии! Сделай это для меня...”

...сохрани их в безопасности... ..лучшие друзья навсегда, помнишь?..”

Аудиозапись с тихим всхлипом оборвалась. Я была права — в сообщении двухсотлетней давности не было никакой пользы. Оставив сундук на завтра, я свернулась калачиком на маленькой кроватке и наконец провалилась в сон.

Заметка: получен новый уровень

Новая способность: Чутье Пони — Вы быстро учитесь и получаете +10% к очкам опыта.

<<< ^^ >>>

Глава 3. Напутствие

«Книги! Я прочла несколько на эту тему.»

<<< ^^ >>>

Дневной свет.

Я никогда прежде не видела солнца. Строго говоря, не видела и сейчас, но его мощный свет, даже рассеиваемый мрачной толщей облачного покрова, всё же был ярче и теплее того, что давали гудящие лампы Стойла Два. Даже воздух казался каким-то нездоровым в этом свете. Однако было светло, я видела частицы пыли и пепел, кружащие по комнате (я сомневалась, что дышать этим было вообще безопасно), и впервые осознала обширность внешнего мира.

Мне захотелось спрятаться под окном.

Набираясь решимости выйти в очень, *очень* большой мир снаружи, я занялась взломом запертого ящика, обнаруженного прошлой ночью. Я сломала две заколки, но оно того стоило! Внутри было самое прекрасное платье, которое я когда-либо видела! Эти швы, складки ткани, цвета — элегантные и роскошные — к тому же ткань была лёгкой и даже не проседала! Это была мечта! К сожалению, мечта другой, более высокой пони.

Радость и разочарование смешались во мне поровну. Пусть я не могла надеть его (по крайней мере, без основательной переделки), это была самая красивая и яркая вещь из всех, что я видела с тех пор, как покинула Стойло. Аккуратно сложив, я убрала его в седельную сумку.

Памятуя о ночном снайпере, я отошла под прикрытия перевёрнутого стола и магией открыла дверь. Потускневший колокольчик над ней радостно зазвенел. Комната наполнилась приглушённым солнечным светом и звуками пустоши. Щebet птиц, далёкий плеск реки. Свежий воздух сменял застоявшийся.

Я осторожно подошла к дверному проёму и огляделась. Постапокалиптический Понивилль являл собой догнивающий скелет маленького, некогда уютного городка. Улицы между разрушенными и сгоревшими домами были завалены мусором и щебнем. И повсюду — яркие картины разврата и уродства. Но граффити были не только снаружи; рейдеры изуродовали бутик «Карусель» с поразительным рвением. Я отвернулась от двери, разглядывая строчки брани и богохульств, покрывавшие все стены до самых стропил. И отшатнулась, содрогнувшись от отвращения к открывшемуся мне при свете солнца зрелищу: дюжина мёртвых, высушенных кошек была подвешена к потолку как украшения. Я спала прямо под троими из них.

Я непроизвольно отшатнулась, задней ногой оказавшись за порогом.

ПИП.

Что это?

ПИП.

Я обернулась и заметила оранжевый диск, наполовину закопанный в землю прямо за порогом. На нём мигала маленькая красная лампочка. ПИП. ПИП. ПИП.

— **ЗАКРОЙ ДВЕРЬ!** — раздался механический, но в то же время настойчивый голос. Сердце пропустило удар; в ужасе я запрыгнула внутрь, изо всех сил хлопнув дверью. Взрыв сорвал дверь с петель, отправив меня вместе с ней в полёт через всю комнату. Я приземлилась на разломанный туалетный столик, дымящаяся дверь накрыла меня сверху. “Уф!”

Когда я медленно выползла из-под двери, шок от произошедшего был сильнее моих ран. В ушах звенело. Ловушка! Не удивительно, что рейдеры не вломились сюда, пока я спала. Вместо этого они оставили мне подарок.

— Торопись. Они уже идут, — я едва расслышала голос, будто мои уши были забиты сахарной ватой.

— Кто ты? — спросила я, но всё же повесила фляги на шею и вытащила с помощью магии дробовик. Меня тревожило то, что у меня остался всего один патрон, но если бы рейдер вошёл в дом, я бы пустила его в ход.

Мне ответил совершенно другой голос:

— Выходи-выходи, кто бы ты ни была!

В проходе показалась злобно ухмыляющаяся физиономия налётчицы, которая держала что-то в зубах. Это “что-то” выглядело, как металлическое яблоко. Рейдерша мотнула головой, и “яблоко” влетело ко мне в комнату, хотя черенок остался у пони в зубах.

Воспоминание поразило подобно молнии: когда я была маленьким жеребёнком и бежала на урок, пони постарше высунулся в дверной проём и бросил в меня воздушный шарик с водой. Он порвался об мой рог, окатив меня и домашнюю работу водой. “Эй, пустобокая, не унывай! Я ж тебе помочь пытался. Ну, типа, вдруг твоей кьютимаркой будет мишень!” Он посмеялся и убежал обратно в класс, оставив меня, мокрую и несчастную, стоять в коридоре.

Урок был усвоен: когда кто-то что-то в тебя бросает — не дай этому в тебя попасть, или даже упасть рядом, ибо может взорваться. Дробовик упал на пол; мне пришлось сфокусировать свою магию на металлическом яблоке и вышвырнуть его обратно за дверь. Граната взорвалась, едва вылетев за порог, пыль вперемешку со щепками полетела мне в глаза, у ног что-то звякнуло. Моргая, я опустила взгляд и увидела под копытами покорёженный дверной колокольчик.

Мои глаза болели, и я продолжала моргать, пытаюсь очистить глаза от мусора. Вновь подняв дробовик, я осторожно направилась к двери. В дверном проёме едва виднелась абсолютно неподвижная нога налётчицы. Подумав, я телекинезом перетащила стол так, чтобы он создал подобие баррикады, закрывающей нижнюю часть двери, и подползла к нему. Я быстро высунула голову, чтобы проверить, была ли пони ещё в сознании.

Нога лежала отдельно.

Мне понадобилось мгновение, чтобы найти остальное тело, к счастью, мёртвое. Я сползла обратно в укрытие, чувствуя, как меня заполняет странное чувство. Я только что *убила* кого-то!

Я быстро поняла, что недооценивала Л.У.М. Когда я включила его, стало гораздо проще определять, где рейдеры, и избегать их. Несмотря на то что они меня активно искали, рейдеры оказались никудышными охотниками. Чтобы отвлечь их и пробраться мимо, достаточно было хлопнуть крышкой почтового ящика дальше по улице или разбить бутылку об одиноко стоящую трубу в нескольких метрах от них с помощью магии. Я уже практически миновала последний дом, когда снова попала под обстрел снайпера. Последний выстрел разорвал мне бок — вспышка жгучей боли и льющая кровь. К счастью, рана была не такой страшной, как выглядела, и даже моих невысоких медицинских навыков хватило, чтобы остановить кровотечение и перевязать её.

Я заползла в небольшой овражек, окружённый деревьями, и попыталась отдышаться. Где-то вдали я снова услышала музыку. Но бурчание моего желудка заглушило её, напомнив о том, что я не ела почти сутки. Открыв флягу, я телекинезом вытащила яблоко из седельной сумки. Естественно, не успела я откусить от него, как мой ПипБак вывел мигающую красную отметку на компас Л.У.М.а. Она указывала не на рейдерский город, а вперёд, вглубь холмистой лесополосы. Ну конечно, что-то ещё направлялось сюда по мою душу — пустошь определённо меня возненавидела.

Я закрыла флягу и встала, морщась от жара в простреленном боку. Подняв дробовик, по-прежнему с одним патроном, я наострила уши.

Вокруг было тихо. Даже музыка пропала. Затем я начала различать тихое жужжание. Я вскинула дробовик на уровень глаз и сфокусировалась на мушке, совместив её с красной меткой на Л.У.М.е. Сначала я ничего не видела, а потом заметила маленькое уродливое летающее существо, раздутое и гротескное, парящее между деревьев. Оно меня тоже заметило и запустило в меня зазубренным шипом. Игла пролетела мимо (точнее, запуталась в моей гриве).

Я прицелилась, но вдруг засомневалась. Эта дрянь была настолько маленькой и передвигалась настолько непредсказуемо, что у меня практически не было шансов в неё попасть. Я не решалась расходовать мой последний патрон. И я поступила следующим образом: спряталась за деревом и приготовилась пуститься в галоп изо всех сил. На Л.У.М.е появилась другая отметка, за этим последовал сухой и трескучий звук, не похожий ни на один из тех, что мне прежде доводилось слышать. Красная отметка погасла, оставив только новую, которую мой ПипБак определил как «дружественную».

— Я правда сожалею о том, что произошло в Понивилле. Но та рейдерша не оставляла тебе выбора. Она бы убила тебя, — это был тот самый механический голос, который выкрикнул предупреждение, определённо спасшее мне жизнь ранее.

С облегчением и недоумением я смотрела, как к моему укрытию подлетает спрайт-бот.

— Кто ты? — (у меня на языке вертелся вопрос «Что ты?», но я подумала, что это будет невежливо).

— Друг.

Я подняла бровь.

— Ну ладно, просто случайный прохожий. Но из тех, кто не желает тебе зла.

Повисло напряжённое молчание.

— Зови меня Наблюдателем.

Я критически осмотрела бот.

— Наблюдатель. Ну ладно... — Я выскользнула из-за дерева и осмотрелась, ища, куда укатилось моё яблоко, когда я его выронила.

Недалеко от того места, где было то летающее существо, я заметила светящуюся кучку розового пепла. — Это ты его так? — Блотспрайты. Вот что случается с параспрайтами под воздействием Порчи. Я их сам терпеть не могу. Рад был помочь. Найдя яблоко, я подняла его в воздух.

— Спасибо. И спасибо за то, что предупредил меня об этой... штуке в земле.

— Мне.

Я моргнула.

— Тебе?..

Бот засмеялся, что звучало довольно странно, так как его искусственный голос был безэмоционален:

— Да нет же. Так она называется. Взрывчатка в земле называется миной. Она срабатывает, когда ты подходишь достаточно близко.

— А! — я откусила кусок яблока. — Чрезвычайно дурацкое название для оружия.

Бот снова засмеялся. Это слегка раздражало. Затем, внезапно, я обнаружила, что и сама хихикаю.

— Мне слышалось, что ты сказала «мне», когда я достала яблоко. Я бы, конечно, поделилась, но я понятия не имела, что ты будешь с ним делать. Ты же не можешь есть.

— Что?.. — хотя голос бота и не был наделён эмоциями, ему всё же удалось хорошо передать смятение.

— Ты же не ешь. Пищу. Потому что ты робот, и у тебя нет рта.

Он засмеялся в третий раз, хотя сейчас это было похоже на легкий смешок:

— А, ты имеешь в виду бота. — Ну, по крайней мере, я была не единственной, кого запутал этот разговор, хотя я сейчас была сбита с толку больше чем когда-либо. — Бот — это не я. Я кое-где в другом месте. Просто научился взламывать их, чтобы общаться и осматриваться.

Я начала понимать.

— Значит, та музыка...

— Блин, конечно же, нет. Я выключаю это дерьмо, как только взламываю один из них. Как меня эта музыка достала, ты себе представить не можешь! — хакер сделал паузу и добавил: — Пока что.

Я доела яблоко, и желудку наконец полегчало. То же самое можно было сказать о моём душевном состоянии, благодаря этой культурной, хоть и крайне странной, беседе.

— Моё время на исходе. Теперь слушай: есть несколько вещей, которые будут тебе необходимы, чтобы выжить тут. Оружие (ну или хотя бы побольше боеприпасов для того, которое у тебя есть), броня, небольшое наставление... и, что самое главное, тебе нужно завести друзей.

Броню, по крайней мере, было несложно достать, хотя меня передёргивало при мысли о том, что мне придётся надеть одежду с мёртвой пони. С другой стороны, тот выстрел... Я пробыла снаружи меньше суток и уже побывала на волосок от смерти. Наверное, мне следовало вернуться на мост и снять броню с трупов.

Оружие? Если мысль о снятии брони с трупов заставляла меня поёжиться, то от мысли о том, что мне придётся опять кого-нибудь убить, замирало сердце. Друзья? У меня с этим были проблемы ещё с тех пор, когда я была жеребёнком в Стойле. Какие у меня были шансы в этом мире, где даже спасение пони от рейдеров и рабства не давали и намёка на дружбу? Если это и было необходимо для выживания, я сомневалась, что это задание было мне по зубам.

— А что ты имел в виду под наставлением?

Покачивающийся в воздухе бот несколько секунд не отвечал.

— Я попробую сейчас просто угадать. Тебе же нравятся книги, так?

— Ну... да. Мне...

— Существует замечательная книга для путешественников по Пустоши Эквестрии. Я уверен, что в библиотеке Понивилля есть копия. Подожди секунду... Так, я загрузил метку на твой ПипБак.

У меня глаза на лоб полезли.

— Библиотека *Понивилля*? Ты имеешь в виду то место, откуда я едва ноги унесла? Город, заполненный большими пони-психами? Ты смерти моей хочешь?

— Слушай, ты должна хоть кому-то довериться.

В моей памяти всплыли слова Монтерея Джека.

— С чего мне доверять тебе? Я тебя даже не видела никогда. Ты прячешься за ботами

с радио.

— О, понятия не имею. Как насчёт того эпизода, когда я спас тебе жизнь? Если бы я пытался тебя убить, зачем мне было это делать?

Голос, то есть Наблюдатель, был прав. Прежде чем я успела что-либо возразить, бот щёлкнул и снова начал проигрывать музыку (в композициях прозвучали несколько гармошек и тромбонов) и неторопливо улетел, будто меня тут и в помине не было.

Библиотека Понивилля располагалась в дереве. Не в доме на дереве, а в буквальном смысле *внутри дерева*. Огромного, искривлённого дерева, большего, чем любое из зданий, возведённых в центре города. Определённо, плод магического вмешательства, выдолбленный изнутри под нужды городской библиотеки. Южная сторона его была обугленной и безжизненной, но с другой стороны на ветках пока ещё цеплялись за жизнь несколько листочков. Дерево окружал огромный пустырь без каких бы то ни было укрытий.

Вся надежда на то, что мне повезёт так же, как у бутика «Карусель», мгновенно испарилась, когда я посмотрела на самый верхний балкон и наконец увидела снайпера — земного пони, вооружённого, судя по виду, мощной винтовкой. Оружие было закреплено на перилах балкона с помощью скользящего шкворневого крепления, что позволяло рейдеру целиться в любом направлении. Единственный безопасный подступ был прямо за его спиной, где верхушка дерева с дверью перекрывали видимость. И внутри точно были ещё рейдеры.

Меня била нервная дрожь, когда я наконец осторожно подкралась к двери с единственного направления, которое не сулило мгновенную смерть. Как можно медленнее и аккуратнее я проскользнула внутрь... и попала напрямиком в ад!

Трупы пони были везде! Не так, как на мосту, где они пали в бою; нет, эти были расчленены, освежёваны и выставлены на всеобщее обозрение! Тело какого-то несчастного пони, без головы и копыт, свисало с потолка, его плоть была разрезана и зафиксирована таким образом, чтобы были видны кости и внутренности. Отрубленные головы и конечности свисали на цепях, как извращённые украшения для вечеринки. Гниющий труп розовой пони с фиолетовой гривой был распят на книжном шкафу, прибитый железнодорожными костылями.

Пара костылей торчала из её глазниц. На другой стене висел освежёванный и раскрытый торс другого пони, его внутренности были развешены по полкам, подобно серпантину.

Кровь и внутренности были везде, свисая с потолка и разукрашивая стены наравне с рисунками, которые каким-то образом стали ещё более жестокими. Между шкафами, в потрескавшихся рамках, висели довоенные плакаты. На одном из них ("Чтение — это магия") какой-то пони-рейдер коряво, но впечатляюще, накалякал изображения взрыва мегазаклинания. Поверх другого ("У самых красивых пони — богатый внутренний мир!") была нарисована откровенная порнография. Книжки жгли пачками. Весь пол был покрыт пеплом и нечистотами, зловоние было *невыносимым*.

Комнату занимали три клетки, две большие и квадратные, и ещё одна, поменьше, в которую едва помещался пони, свисала с потолка. Пленники — грязные, избитые и беспомощные — лежали внутри, их копыта были увязаны грубыми верёвками. Двое в ближайшей клетке посмотрели на меня так жалостливо, что у меня сжалось сердце.

Мои глаза всё расширялись, пока я не зажмурилась и не прикусила копыто, чтобы не заорать. Я попятилась к двери, задыхаясь, не желая вообще дышать этим воздухом! Я чуть не захлебнулась той волной ужаса, что накрыла меня. Я едва успела убрать копыто, чтобы не заблевать себя своим же яблоком. Запах рвоты смешался с вонью комнаты, не давая мне остановиться.

— Пожалуйста, — раздался испуганный шёпот одной из пони, — помоги нам.

Это было за гранью ужаса! Я жмурилась всё сильнее и сильнее... и открыла глаза, когда волна жёсткой решимости прорвалась через завесу слабости.

— Пожалуйста... помоги!

Этот голос не был бестелесной и зацикленной радиопередачей, дрейфующей в эфире. Это были живые пони; они были прямо передо мной, и им требовалась помощь. И будь я проклята, как эти прогневшие насквозь рейдеры, если заставлю их просить дважды.

Отвёртка с заколкой немедленно пошла в ход, вскрывая первый замок. Металлическая дверь клетки, щёлкнув, открылась. Внутри были две пони, связанные и лежащие в собственных нечистотах. И тут я с сожалением поняла, что мне нечем перерезать верёвки. Я попыталась развязать их с помощью магии. Пути на ногах первой пони были такими мокрыми от крови, что мне не составило труда развязать их, но на второй верёвки были затянута слишком сильно.

— Ты... ты настоящая? — первая пони стояла, пошатываясь. — Я... я свободна?

Я кивнула, затем обвела взглядом остальных пони. Я понятия не имела, как добраться до той, что была в висающей клетке.

— Если бы ты смогла мне помочь с...

Пони побледнела и помотала гривой:

— Ну нет, я тут больше не могу оставаться. Вот, возьми припасы. Я успела их спрятать... — она разрыла тряпье на полу копытом, представив моему взору жалкую кучку хлама, лежащую на тряпке, дополнявшей эти «несметные богатства». Банка нарезанной моркови, коробка с довоенным пирогом, пригоршня бутылочных пробок. Я была разочарована.

— Нет, оставь себе. Тебе нужнее... — я затихла, заметив в куче одинокий патрон для дробовика, — ...а вообще, я возьму этот патрон. Спасибо! — С помощью магии я открыла дробовик и вставила патрон. Теперь у меня их было два.

Прежде чем я успела сказать что-либо ещё, пони завязала свой узелок, схватила его зубами и была такова. Я помолилась за неё Селестии и вернулась к спасению оставшихся. Я осмотрела вторую пони, которая до сих пор не сказала ни слова, и отшатнулась, увидев, что её ляжки изнутри были покрыты запёкшейся кровью. *Что сотворили* эти рейдеры?

Осматриваясь, я запомнила форму комнаты, стараясь игнорировать те ужасы, что были повсюду. (Над входом была древняя фреска, изображавшая красивого белого крылатого единорога — Селестию? — необычайно большого и грациозного. Перед ней в воздухе плавала книга, её крылья были вытянуты поверх толпы жеребят, улыбающихся и слушающих историю. Но не только пони были изрисованы картинами жестокости, крови и насилия; фреска также использовалась как мишень для всего, начиная от пуль и заканчивая фекалиями, и была запачкана и разбита до неузнаваемости.) Комната была странной формы, с балконами и смежными комнатами, которые ветвились, образно выражаясь, во всех направлениях. Я слышала голоса рейдеров, доносящиеся из других комнат. И, судя по обстановке, ножи были недалеко.

— Я скоро вернусь, — шёпотом пообещала я. Затем, телекинезом держа дробовик, я подошла к ближайшей двери.

Я отпрыгнула, когда дверь внезапно распахнулась мне навстречу. В проход вошёл рейдер и замер, тупо глядя на меня. Его шкура под самодельной бронёй была чёрной, грива растрёпана. На боках висели две кобуры. В одной был пистолет, а в другой — клинок, зазубренный, как пила, что позволяло наносить им самые страшные раны. В абсолютном замешательстве я увидела, что его кюйтмаркой было расчленённое туловище.

Рейдер быстро опомнился, повернув голову и достав зубами пистолет (он что, языком на спусковой крючок жать собрался?) прямо перед тем, как я при помощи З.П.С. отправила оба выстрела ему ровно в морду. Я не почувствовала никакой жалости, когда его голова превратилась в соус для спагетти, забрызгавший уже безжизненное тело. Я убила не пони — эти рейдеры давно потеряли право называться таковыми! Это были не пони, это были безумные монстры, которых было необходимо уничтожить! И помоги мне Селестия, если я не собиралась это сделать. Я не понимала этого до последнего момента, но я была *взбешена*! Чистое зло этого места потрясло меня до глубины души... и душа моя была *в ярости*!

Подобрав нож и пистолет, я отбросила пустой дробовик в сторону. Пистолет был не таким мощным, но он был полностью заряжен — шесть патронов в барабане. И это было хорошо, ибо все рейдеры, привлечённые поднятым шумом, скакали сюда.

Первая троица рейдеров ворвалась в главный зал библиотеки практически немедленно, одна из них выкрикивала ужасающие угрозы. З.П.С. помог мне направить ей в голову три выстрела. Первые две пули прошли мимо, зато третья закончила свой путь прямо в уродливом красном глазу налётчицы, свалив её наповал. Вторая начала стрелять в меня из пистолета (вы бы знали, они *действительно* жмут на спусковой крючок языком!), попав в дверной косяк. Одна пуля прошла мою седельную сумку, но не достала меня.

Я отползла и высунула голову, направив револьвер в дверной проём. Я дважды выстрелила во вторую пони, но прицеливающее заклинание моего ПипБака ещё перезаряжалось, и без него я, должно быть, целилась в потолок. Тем не менее, стрелок откатился, использовав тело одного из пленников как укрытие. Нечестивость поступка лишь подлила масла в огонь моей ярости. Я вышла в проход целиком, ища взглядом третьего рейдера, и заметила его в дальнем конце комнаты.

Третий пони опустил голову с зажатым в зубах бильярдным кием и бросился ко мне.

Я удивлённо моргнула. "Чего?" И сделала шаг назад. Пони нёсся на меня во весь опор и был уже практически вплотную, когда концы кия ударились об косяки, остановив его. Я высадила последний патрон револьвера прямо в его шею. На таком расстоянии мне даже не потребовалось З.П.С.

— Идиоты, разве вы не должны быть умнее? Вы же живёте в библиотеке!

Как только тело упало на пол, заливая всё кровью из открытой раны на шею, я увидела стоящего в полный рост рейдера с ружьём, целящегося через дверь. Я бросилась в сторону, когда прозвучали выстрелы, и закричала, почувствовав, как пуля вошла в мой бок. Это было больно! Даже больнее, чем я предполагала.

Я врезалась в стену, и, оставив на ней кровавый след, упала рядом с проходом. Боль заполнила мой бок, пульсируя при каждом вдохе. Я слышала цоканье копыт рейдера, по мере того как он осторожно приближался. Я попыталась сфокусировать магию, чтобы закрыть дверь, но тело пони с кием лежало в проходе.

Я окинула взглядом комнату. Это была кухня. На столе, в окружении ножей, лежала туша какого-то жутковатого существа, состоящего, казалось, из чешуи и зубов. Рейдер с кюитимаркой в виде расчленённого туловища разделял её, чтобы приготовить. Холодильник, плита. Разбросанные книги, но все — древние, рваные и абсолютно нечитаемые. Я начала сомневаться, что тут будет книга, которую описал Наблюдатель... Затем мой взгляд упал на то, что я надеялась найти. В углу, закреплённый на стене над несколькими металлическими ящиками с боеприпасами, висел потускневший жёлтый ящик с эмблемой в виде розовой бабочки: аптечка! Мне повезло дважды: она, кажется, была закрыта. В тех местах, где рейдеры пытались её взломать, всё было покрыто отметинами от ножей. В ней по-прежнему должны были остаться перевязочные пакеты и, возможно, даже лечащее зелье!

Но сначала мне надо было расправиться с рейдером, а я была ранена, и у меня не было патронов. Чтобы дойти до ящиков с патронами, мне бы пришлось пересечь открытый дверной проём. Отползая, я снова огляделась и, преодолевая боль, сфокусировала свою магию.

Когда рейдер переступил порог, его встретила туча ножей, летящих прямо в морду. “Вай!” Он развернулся и выбежал обратно. Все ножи или промахнулись, или бессильно отскочили от его брони. Я владела холодным оружием ещё хуже, чем огнестрельным. Но это отогнало его с прохода на достаточное время, чтобы я успела добраться до ящиков с патронами. Удача снова была на моей стороне. В одном были большие патроны для оружия, которое мне ещё не доводилось видеть, а вот в другом нашлись патроны для револьвера.

Рейдер снова просунул голову в проход, прокричав:

— У тебя кончились ножи, мазила! Почему бы тебе просто не выйти? Обещаю, я дам тебе умереть постепенно.

Он повернул голову в мою сторону, и его глаза расширились. Не знаю, может, это был мой взгляд, а может и револьвер. З.П.С. было снова включено, и я не собиралась давать этому ублюдку ещё один шанс использовать избитую и изнасилованную пленницу как щит.

После ещё одного мёртвого рейдера, взломанной аптечки и лечащего зелья, я спокойно вернулась в главную комнату с зазубренным ножом, летящим рядом со мной. Я подошла к открытой клетке и перерезала верёвки, связывавшие бедную пони.

— Уходи. Ты свободна. Найди безопасное место. — Я тут же вспомнила про снайпера и быстро подсказала ей, в каком направлении бежать. Она молча кивнула и начала красться к выходу. Я подошла к следующей клетке.

От того, что я увидела, меня затоснило. Пони заперли внутри с разлагающимся трупом. Она всхлипывала во сне, обернув труп хвостом как плюшевого медвежонка.

В отличие от остальных тел, я не могла определить, как она умерла, так как тело не было разорвано на части. У неё выпала вся шерсть, обнажив облезшую, тошнотворную красно-серую кожу. Её сухие глаза были открыты и смотрели в разные стороны. Зубы чудовищно пожелтели, и теперь совпадали по цвету с несколькими прядями волос, оставшихся от её гривы и хвоста. Странные мясистые наросты свисали с её боков. Сперва я приняла их за мутации, но потом поняла, что смотрю на крылья этой пони! Это было тело пегаса. Без шерсти и перьев её крылья выглядели странно, даже отталкивающе.

Я заорала в голос от ужаса, когда труп вдруг изменил своё положение и сел. Его глаза сделали по несколько оборотов, пока оба не сфокусировались на мне. Это была пони-зомби!

Зомби подмигнула мне, затем попыталась подняться на ноги, но упала на бок, так как её копыта были тоже связаны верёвками, как и у остальных. Оно... Она жалобно смотрела на меня.

Мой разум был в смятении. Из всех мыслей, которые болтались у меня в голове, “развязать милую зомбляшку, пока она на меня не обозлилась” казалась самой логичной, если не самой здоровой.

Сглотнув, я поднесла нож к её верёвкам:

— Не шевелись, — я посмотрела ей в глаза и быстро отвела взгляд: один из них опять уполз вбок. Её дыхание было зловонным. — Теперь, если ты попытаешься сожрать мои мозги после того, как я тебя выпущу, у нас будет очень неприятный разговор.

Я освободила ещё двух пленниц, включая гуля. Обе улизнули, даже не предложив помощь (хотя косоглазая пегасочка, по крайней мере, улыбнулась мне, что было... глубоко неприятно). Я пыталась понять, как можно добраться до висящей под потолком клетки, когда ещё два рейдера появились на балконе сверху. Один из них был единорогом с какой-то жутковато выглядящей пушкой. Я нырнула под укрытие лестницы, когда он открыл огонь. Оружие разразилось жуткой какофонией скорострельного огня, выпустив тучу пуль в главный зал.

По крайней мере, теперь я знала, для какого оружия предназначались те большие патроны.

Я ждала, пока не услышала, как он перезаряжается, а затем ворвалась в комнату и повернулась к нему, фокусируя всю свою магию... нет, не на своём оружии, и даже не на нём, а на книжном шкафу у него за спиной. Мой рог сиял всё ярче и ярче, когда он наконец поднял перезаряженную штурмовую винтовку и прицелился мне в голову.

БАМ!

Книжный шкаф упал прямо на него, послав его в нокаут. Винтовка упала на пол вместе с дождём растрёпанных книг. Что-то ещё упало на пол с опрокинутого шкафа. Отбросив книгу, накрывшую предмет, я обнаружила, что это был древний, пыльный довоенный бинокль. Сначала мне показалось чрезвычайно странным, что кому-то в библиотеке понадобился бинокль — для этого надо было обладать поистине отвратительным зрением — но я прогнала глупую мысль.

Я не видела, куда делся второй рейдер. Я поспешно добавила в свою растущую коллекцию винтовку и бинокль, за его хорошую кратность. Затем я опять посмотрела на балкон, полагая, что оттуда можно будет добраться до пони в клетке, висящей под потолком. Я подумала, что если получится туда забраться, я смогу запрыгнуть на клетку. Это приблизит меня к замку настолько, что я буду видеть, что делаю, пока буду его взламывать.

Второй пони-рейдер вновь появился у перил со злобной усмешкой на морде. Копытом он пододвинул к краю ящик с боеприпасами и перевернул его. Крышка откинулась, и полдюжины оранжевых дисков высыпались вниз, в библиотеку.

БИП! БИП! БИП!

БИП! БИП!

БИП! БИП! БИП! БИП!

БИП!
БИП! БИП! БИП!
БИП! БИП!

Ох, блять!

Я рванула со всех ног, перепрыгнула через тело рейдера с кием и залетела под кухонный стол, с помощью магии повалив его, как щит. Разделанный радигатор свалился на пол с мясистым шлепком.

А за моим щитом комната наполнилась ослепительным светом и пламенем.

Когда я вошла, главная комната была разгромлена. Свежая кровь капала мне на гриву. Посмотрев вверх, я увидела размётанные взрывом останки пони в её покорёженной металлической клетке. Ох, Селестия, отправь их в ад!

Сосредоточенно как никогда, я сняла броню с тел рейдеров, точнее, с того небольшого, что от них сейчас осталось. Она вся была изорвана, но, постаравшись, я смогла из лучших частей собрать нечто, дающее большую защиту, чем мой комбинезон из Стойла. У получившейся вещи практически не было карманов, поэтому мне приходилось откапывать набор инструментов в седельных сумках, чтобы воспользоваться большинством из них, но это был выгодный обмен.

Надевать эту броню было чудовищно. Мои копыта потемнели от крови только когда я делала его; каждый сантиметр его поверхности был покрыт слоем пригоревшей плоти мёртвых пони. Я почти сорвалась и бросила это занятие. Я натянула броню на себя; мой желудок взбунтовался, но рвать мне было уже нечем.

Я в последний раз огляделась, пока у меня было время. Рейдер наверху, очевидно, решил, что я была мертва — я бы на его месте тоже так решила. Обыскав тела, я нашла ещё немного патронов. Винтовка рейдера, убитого ранее, и до этого была в плохом состоянии, а после взрыва она вообще не подлежала восстановлению. Некоторые пони, определённо, собирали бутылочные пробки, что показалось мне абсолютно абсурдным предметом для коллекционирования. Я оставила их. В холодильнике на кухне был небольшой запас еды: приготовленное мясо радигатора, несколько шашлычков из жареных фруктов, что-то, что ПипБак опознал, как мясо блотспрайта, коробка с довоенным пирогом (потому что нигде не написано про вред питания двухсотлетней пищей) и немного воды, которая выглядела так, будто её разлили в бутылки прямо из грязной реки. Я взяла всё, кроме пирога и воды; определённо, рейдер с кьютимаркой в виде расчленённого туловища был неплохим поваром. Подумав, я посмотрела состав, указанный на коробке с пирогом (наполненным количеством консервантов, достаточным для сохранения желудка даже после того, как всё остальное сгниёт и превратится в прах!) и взяла его.

Когда я вернулась с кухни, рейдер как раз любовался на творение своих копыт в главной комнате. Один взгляд на меня (и мой растущий арсенал) — и он убежал наверх. Я побежала за ним, револьвер рассекал воздух в облачке магии, совпадавшим по цвету с сиянием, исходившим от моего рога.

Он забежал в дверь этажом выше. Мне понадобилось мгновение, чтобы добежать до неё, но осторожность заставила меня остановиться, перед тем как ворваться туда. Если бы я была на его месте, я бы поджидала прямо за углом, в готовности снести голову рейдеру, забежавшему внутрь. Поскольку всё было наоборот, я не собиралась совершать подобную ошибку.

Крик жеребёнка: “Ааа, помогите!” поменял сценарий.

Подойдя сбоку, я распахнула дверь. Атаки не последовало, и я ворвалась внутрь — и встала как вкопанная.

Комната была больше захламлена книгами и оканчивалась огромным окном с выходом на балкон. Она была так же отвратительно украшена, как и предыдущая, но тут была куча грязных матрасов. Рядом с открытым окном на пропитанном до черноты кровью матрасе лежала кобылка, ещё даже не получившая кьютимарку. Её многократно избивали и насиловали, а место, где должна была появиться кьютимарка, было покрыто множеством маленьких ожогов.

Её верёвки, как будто перегрызенные, лежали неподалёку на полу. И между ней и мной стоял рейдер с необычным заложником: гулем! Я тут же сообразила, что она, должно быть, влетела через балкон; и (если мне было позволено верить в то, что в мире ещё осталось порядочность) это наверняка она перегрызла верёвки пленницы. Теперь она стояла у стены с лезвием топора у горла.

Какая-то часть моего сознания продолжала отвлекать меня, задаваясь вопросом, как пони-зомби смогла взлететь, если на её крыльях даже не осталось перьев? Будто это было ещё более странным и жутким, чем её способность оставаться живой (в каком-то смысле) в таком разлагающемся состоянии.

От раздумий меня отвлёк ближайший стол. Увидев пепельницу с дымящейся сигарой, я сразу поняла, как та кобылка получила свои ожоги. Ярость переполнила меня до такой степени, что, казалось, вот-вот начнёт сочиться из глаз. Рядом с пепельницей на книге (лишь немного грязноватой), на обложке которой был изображён стилизованный череп пони, лежали два уже знакомых мне металлических яблока. Вторая книга, с изображением револьвера, практически идентичного тому, что парил в воздухе рядом со мной, упала на пол и лежала у ножки стола рядом с несколькими карандашами и детской коробкой для завтраков. На ней был изображена улыбающаяся нежно-белая единорожка с красивой розово-лиловой гривой, выглядывающая из-за логотипа Стойл-Тек. Казалось неправильным, что нечто столь невинно выглядящее должно быть в подобном месте.

Мой взгляд вернулся к земному рейдеру с топором в зубах. Некоторое время я его просто тихо ненавидела, и тишину в комнате прерывали лишь периодические всхлипывания кобылки.

Когда ко мне вернулся дар речи, мои слова удивили меня:

— Ради Селестии, какой же ты тупой. Тяжело приказать отойти или сдаться, когда рот топором занят, правда? Может, если бы ты провёл больше времени, читая книги, а не сжигая их, у тебя бы хватило ума придумать план, позволивший тебе выбраться отсюда. — Гранаты взлетели со стола и повисли между нами. — Такой, который бы не заканчивался запихиванием одной из них тебе под хвост.

Рейдер надавил лезвием топора на горло зомби, достаточно сильно, чтобы прорезать её плоть, которая разошлась, а потом снова стянулась, будучи неестественно упругой. Из раны засочился гной, когда-то, по-видимому, бывший кровью. Заложница даже не дрогнула и не издала ни звука, это за неё сделала кобылка.

— Точно. Убей её. — Револьвер подлетел к гранатам. — В таком случае, ничто не будет перекрывать линию огня.

Я видела, что рейдер взвесил все возможные варианты и остался недоволен результатом. Выронив топор, он возопил: “Я не хочу умирать!” и бросился к открытому балкону, перепрыгнув через плачущего жеребёнка.

З.П.С. послал четыре выстрела прямо в его задницу. Это была жалкая смерть.

Посмотрев на кобылку и гуля, я мрачно улыбнулась:

— Остался ещё один. Я скоро вернусь.

Я развернулась и направилась по лестнице на верхний балкон к снайперу.

Гораздо лучше экипированная и уверенная в своих силах, с сердцем, всё ещё горящим праведным гневом, я аккуратно покинула Понивилль. Впереди я заметила огромную беседку, окружающую мраморную статую гордо стоящего пони в боевой броне и с шашкой в зубах. Она была почти не разрисована... поглядев в бинокль, я поняла, почему. Заросший пустырь вокруг беседки кишел радигаторами. По мере того, как я приближалась, красных отметок на Л.У.М.е становилось всё больше.

Вытащив новообретённую снайперскую винтовку, я уложила нескольких. Теперь я знала, что их мясо было безвредно, будучи приготовленным (по крайней мере, по сравнению с другой пищей в Эквестрийской Пустоши). Засунув винтовку обратно в сбрую (ещё один "подарок" от пони-снайпера), я достала зазубренный нож и поползла к своей добыче.

На моём ПипБаке отобразилась новая отметка. Я увидела, что он отметил сооружение впереди как Боевой Мемориал Макинтоша.

Любопытство заставило меня подобраться ближе. Остерегаясь радигаторов, я подобралась достаточно близко, чтобы через бинокль прочитать надпись под статуей:

"Биг Макинтошу, герою Битвы при Утёсе Разбитого Копыта, в честь его благородной жертвы ради всей Эквестрии."

Я опустила бинокль ниже и заметила ровный круг с люком, выступающий из земли, примерно на полпути между мной и мемориалом. Вспомнив предыдущую ночь, я включила первую радиопередачу на ПипБаке.

"...с тех чёртовых яблонь рядом со Стойлом, и теперь сильно болен. Слишком болен, чтобы даже двигаться. Мы забрались в цистерну рядом со старым памятником. У нас кончается еда и медикаменты. Пожалуйста, если кто-нибудь слышит нас, помогите... Повторяю..."

Достав револьвер и помня о радигаторах, я поползла к люку цистерны. Я была почти у цели, когда одна из тварей внезапно бросилась на меня, раскрыв пасть, полную бритвенно-острых зубов. Я дважды выстрелила ему прямо в пасть. К моему ужасу, этого оказалось недостаточно, чтобы убить его, хоть и заставило рептилию подумать дважды, прежде чем продолжить атаку. Звуки выстрелов, тем не менее, привлекли внимание ещё нескольких. Бросив в страхе револьвер, я с помощью магии открыла крышку люка и нырнула внутрь, закрыв её за собой.

Вспышка ярости вымотала меня. После бойни в библиотеке всё тело болело от усталости, а нервы были на пределе из-за длительного выброса адреналина. Уплетая похлёбку из мяса блотспрайта, я ещё раз оглядела маленький подземный схрон и свернулась калачиком на верхних нарах из двух, вмонтированных в стену. Я старалась не думать о скелете жеребёнка, лежащем на нижней койке. Скелет его отца лежал у выхода. Глоток воды из фляги помог немного утолить мучившую меня жажду. Фляга почти опустела; мне следовало быть экономней.

Я вспоминала, что, когда я разобралась со снайпером и спустилась вниз, пони-зомби уже не было в комнате, как и юной пленницы. Я надеялась, что она отведёт её в какое-нибудь безопасное место. Мне показалось странным, что наиболее добропорядочная пони из всех встреченных в пустоши оказалась в каком-то смысле уже мертва. Я также заметила, что рейдер со штурмовой винтовкой тоже исчез. Должно быть, он пришёл в себя и выбрался из-под придавившего его шкафа. Это значило, что как минимум один рейдер сейчас бродил по пустошам, но я была не из тех, кто может убить спящего. Пусть даже и рейдера.

Я решила, что если переночую здесь, радигаторы, возможно, уползут от люка. Если мне повезёт, я даже найду брошенный револьвер.

Но оставшееся время я решила посвятить двум найденным книгам. Вынув их из седельных сумок, я осмотрела первую, на которой был изображён мой потерянный револьвер. Пушки и пули. Как незатейливо. Я отложила её в сторону.

Вторая же, серый томик с чёрным черепом пони на обложке, была настоящим кладом. Открыв её на первой странице, я погрузилась в чтение:

«Копытоводство по Выживанию в Пустоши. Автор: Дитзи Ду...»

Заметка: Получен новый уровень.

Новая способность: Книжный червь — Вы уделяете больше внимания деталям, читая книги. Вы получаете на 50% больше очков умений при чтении.

<<< ^^ >>>

Глава 4. Перспектива

«Не знаю, почему ты вызвала у него такой интерес, но я бы был осторожен.

Он ранее никогда никому не помогал.»

<<< ^^ >>>

Тупица!

Разряд молнии пронёсся мимо, разнося вдребезги старые часы на стене офиса, в котором я пряталась. В «Копытоводстве по выживанию в Пустоши» было полно всевозможных полезных советов. Рекомендации по собирательству, целая глава, посвящённая минам, и многое, многое другое! А ещё там были не очень полезные советы. После того, как я прочитала главу о том, «Как заставить довоенные технологии земных работать на Вас», первой же мыслью было заглянуть в развалины оружейного завода «Огненные Подковы», мимо которого я проходила, и поискать какие-нибудь технологии, которые получится приспособить под свои нужды.

Вместо этого я очутилась в лабиринте, заполненном пони-роботами и автоматическими турелями, и убегала от них до тех пор, пока не оказалась загнанной в угол в офисе под потолком заводского цеха. И практически без патронов. Если бы я не нашла ту аптечку в туалете для персонала, я бы уже погибла, пытаюсь пробраться через второй этаж.

Как я вообще могла быть такой бестолковой?

Внизу катались кругами три робота, пытаюсь отыскать меня. Это были гусеничные машины, по форме отдалённо напоминающие пони, с прозрачными резервуарами, в которых находились настоящие мозги. Я отказывалась верить в то, что те, кто создали их, использовали для этого мозги других пони. Эта мысль казалась слишком чудовищной. Даже использование мозгов других животных было чудовищным. И, определённо, двухсотлетнее пребывание в рабочем состоянии никак не отразилось на их рассудке.

— *Выходи. Мы просто хотим убить тебя за незаконное вторжение!*

Как мило.

То, что это был молодой женский голос, хоть и искусственный, пугало ещё больше. К счастью, перила на мостиках, ведущих к этому офису, были слишком узкими для этих роботов.

К сожалению, перила никак не мешали другому типу роботов, с которыми я встретилась здесь — гигантским паукам со множеством конечностей, большинство из которых оканчивались оружием, включая циркулярную пилу и огнемёт. И, что было ещё хуже, эти чёртовы машины могли летать! Прогремел гораздо более глубокий, мощный голос:

— *Именем Министерства Технологий, сдавайся, полосатое отродье!*

Я вовремя скрылась за рядом металлических шкафов — комната вдруг наполнилась ревушим пламенем!

Я вытащила из сумки обе гранаты и дождалась, пока пламя наконец утихнет. Металлические шкафы начинали неприятно жечь спину, а раскалившийся воздух обжигал лёгкие. Как только огнемёт прекратил изрыгать пламя, я повернула голову и метнула гранаты прямо в металлического монстра, попутно выдернув предохранительные кольца. Как только робот заметил меня, он направил в мою сторону оружие, похожее на рог единорога, пульсирующее зелёным светом. Из него вырвался луч магического пламени, прошипевший в миллиметре от моей щеки. Выстрел попал в вентилятор, стоявший на столе позади меня; он на секунду вспыхнул зелёным светом, а затем расплавился! Бросив гранаты, я нырнула обратно в укрытие.

Взрыв потряс офис. Я услышала, как часть дорожки снаружи с ужасающим грохотом обрушилась вниз. Оглянувшись, я увидела, что робот превратился в гору металлолома. Мостик снаружи был по-прежнему цел, но опасно провис. Я была не совсем уверена, что он выдержит мой вес.

Оторвав всё, что можно было оторвать от робота-паука, я взвесила доступные варианты. Я не могла оставаться тут вечно. Если я буду двигаться очень быстро, я успею пробежать по дорожке, и роботы внизу в меня не попадут. Их оружие казалось мне не слишком точным. Но несколько метров мостика теперь болтались в воздухе и угрожающе прогнулись. И чем дальше я на него смотрела, тем меньше мне хотелось оказаться на нём.

Я никогда до этого не пробовала поднять *саму себя*. Теоретически, это должно было сработать, но я никогда ещё не видела, чтобы кто-то так делал. Сфокусировавшись, я попробовала. Я почувствовала, как свечение моего рога обволакивает меня целиком. Оно стало ещё ярче, когда я попыталась приподнять себя. Когда я почувствовала, что чуть-чуть оторвалась от пола, я светилась, как дюжина лампочек, и обливалась потом. Это был предел моих возможностей, но я это сделала. Теперь шаг вперёд... ещё один... и ещё один...

Я была уже на полпути, когда роботы внизу начали пускать в мою сторону молнии. Один заряд ударил в мостик, растекаясь по нему. Мне сильно повезло, что я не касалась его. Но я была практически истощена. Мостик заканчивался, упираясь в огромное окно, пропускающее дважды профильтрованный — облаками и грязным стеклом — солнечный свет внутрь завода, как бы дополняя свет тяжёлых потолочных светильников. От окна мостик уходил в двух направлениях вдоль стен. Первое было тем, откуда пришла я. Второе вело к закрытой двери. Только вот в той двери не было замка, который можно было бы взломать. Её можно было открыть только командой с терминала.

Ещё один разряд промазал вчистую, попав в одно из разбитых окон офиса и изжарив терминал, которым я воспользовалась буквально пять минут назад, чтобы открыть вышеупомянутую дверь.

Металлический мостик был чертовски длинным. А за моей спиной были роботы, стрелявшие молниями. Я зарычала от напряжения, удерживая себя в воздухе, и почувствовала, что в глазах у меня начинает темнеть. Мне надо было остановиться, чтобы не потерять сознание, что, в свою очередь, стало бы моим концом.

Разжав магическую хватку, я повалилась на мостик. Он качнулся, но выдержал. Я перевела дыхание, которое сдерживала всё это время, и пустилась в галоп.

— *Не убегай! Мы хотим подружиться с тобой!*

Ещё выстрелы. Я напряглась, ожидая парализующего электрического разряда, поднимающегося от копыт и расползающегося по всему телу. Вместо этого я услышала громкий хлопок, звук бьющегося стекла и лопающихся тросов откуда-то сверху. На бегу подняв взгляд, я увидела, как один из разрядов попал в висющую под потолком слабо жужжащую лампу, и она взорвалась. И это, как ни странно, было последней каплей: одно крепление оторвалось от старого, потрескавшегося потолка и сорвалось вниз, сминая дорожку за моей спиной. Вся конструкция тяжело содрогнулась, а потом секция прямо за мной обрушилась с режущим ухо скрежетом гнущегося металла.

Разъеби меня Селестия копытом!

Должна признать, мой репертуар по части изошённых ругательств заметно вырос после встречи с рейдерами. И сейчас мне, несущейся на головокружительной скорости наперегонки с громяющим смертельным домино обваливающимися за моей спиной секций

дорожки, эта фраза показала себя как нельзя более подходящей к ситуации.

Я была почти у двери, когда металлическая дорожка ушла у меня из-под ног. Я бросилась вперёд, двигаясь лишь по инерции, и зацепилась за последнюю секцию одними передними ногами. Я висела, задние ноги болтались на высоте нескольких этажей над древним сборочным конвейером для винтовок, разбитым упавшими мостками. Я напряглась, пытаюсь забраться наверх. Сердце немислимо колотилось в груди. Я пыталась отогнать картины падения, которые рисовало моё воображение — старалась не думать о том, как мой позвоночник ломается от приземления на ленту конвейера вниз. По крайней мере, чёртовы роботы больше не стреляли по мне, откатившись в укрытие.

Казалось, это заняло целую вечность, но я сантиметр за сантиметром втащила своё тело на последнюю секцию мостика. Она угрожающе заколебалась подо мной, как торчащий из стены трамплин. Её держали лишь болты, шатающиеся в разбитых нишах. Я аккуратно поднялась и тихонько шагнула к двери.

Молния врезалась в мостик, сбивая меня с ног в болезненных конвульсиях. Я упала в проходе, меня жестоко трясло, грива и хвост встали дыбом. Мостик ответил металлическим скрипом и просел ещё на десяток сантиметров, угрожая скинуть меня в пропасть вниз.

Я с трудом поднялась на трясущихся ногах. Другой разряд прилетел практически из-под меня, промахнувшись мимо дорожки меньше чем на метр, и ударил в потолок. Опалённая штукатурка дождём посыпалась вниз. Я толкнула дверь, и словно гора свалилась у меня с плеч, когда та поддалась. Мостик просел ещё ниже. Я пошатнулась, зацепившись передними ногами за дверной проём, чтобы не соскользнуть по ставшей довольно крутой металлической платформе. Третий заряд рассёк воздух, попав в ещё один заводской светильник, взрывая лампу и опасно раскачивая плафон.

Заржав от натуги, я ввалилась в комнату. Я развернулась и села в проходе, глядя на робота, нарезающего круги прямо подо мной и пытающегося понять, как бы меня достать. Затем сильным ударом передних копыт я обрушила последнюю секцию мостика. Она упала, обдирая стену, и приземлилась на мозговой резервуар робота, раздавив его и разорвав остальную машину практически пополам. Должна признать, хруст, сопровождавший это событие, меня чрезвычайно удовлетворил.

Я понимала, что если в комнате, куда я с таким риском для жизни успешно забралась, не окажется другого выхода — я крепко влипну. Закрыв за собой дверь, я немедленно успокоилась. Цвет, в который была выкрашена комната, когда-то был ярко-оранжевым, и за прошедшие годы он так и не потерял своей теплоты. Деревянная обшивка, должно быть, привносила чувство уюта и комфорта в кабинет, как мне показалось, смотрительницы завода. Теперь же эта обшивка была прогнившей и облупившейся. На стене над столом висел огромный логотип из ныне сильно потускневшей бронзы:

ОГНЕННЫЕ ПОДКОВЫ

Как вам *такие* яблочки?

Я не поняла его смысла.

Оставив его в покое, я осмотрелась. Большой фигурный стол, кресло, шкафчики для документов, гардероб, плакат в подсвеченной рамке — такой же, что я видела раньше на заводе, но гораздо лучше сохранившийся. На нём на фоне радужных взрывов были изображены грациозные пегасы, рассекающие небосклон и стреляющие по тёмным полосатым фигурам со злыми светящимися глазами.

“Лучше быть распятым, чем полосатым!”

Вступай в Вооружённые силы Эквестрии уже сегодня!”

Мой взгляд едва задержался на них, переместившись на более важные вещи. В офисе находились терминал, который я могла взломать, стенной сейф и личный лифт, который, если бы был в рабочем состоянии, мог безопасно доставить меня на первый этаж к выходу из этой западни. Под столом обнаружился ящик с боеприпасами. А потом мой взгляд упал на нечто уникальное: в противоположную стену была вмонтирована стеклянная витрина, внутри которой красовался превосходно сохранившийся револьвер. Модель такая же, как у меня, но сделанная поистине с любовью. На нём был установлен оптический прицел, а рукоять была отделана слоновою костью для наиболее удобного удержания во рту и доступа к спусковому крючку. На рукоятке была эмблема — три яблока.

Я, образно выражаясь, размяла копыта на сейфе. Замок был сложным, но после нескольких попыток и одной сломанной шпильки я научилась избегать дальнейших потерь. Сейф открылся с громким щелчком. Внушительное количество предметов внутри заставило меня засомневаться в бесполезности экскурсии по «Огненным Подковам». Я начала сортировать найденное богатство, откладывая ценные вещи. Внутри обнаружился мешочек с довоенными монетами, номер журнала «Армия Эквестрии сегодня», целая стопка финансовых документов, имевших ценность пару веков назад, упаковка чего-то, смахивающего на жвачку (я не смогла разобрать надпись на ней), энергетическая батарея Спарк'о'Мэджик. Наконец, там лежало странное техномагическое накопительное устройство, которое определённо должно было подключаться к ПипБаку. Заинтригованная, я надела его и подождала, пока мой ПипБак его опознает.

СтелсБак — заклинание невидимости. Один заряд.

Ни-хре-на себе!

Следующим в списке был терминал. Достав комплект инструментов, я извлекла оттуда декодер и принялась за работу. Этот терминал было сложнее взломать, чем все, попадавшиеся мне ранее. Даже с моими инструментами мне пришлось несколько раз отключиться, чтобы не заблокировать компьютер. Глядя на экран, я вытащила из сумки второе яблоко и, откусив, почувствовала, что мне на зуб попало что-то твёрдое. Я поднесла яблоко к глазам и увидела пулю, торчащую из него. Взглянув на сумку, я заметила маленькое отверстие, и мне понадобилось несколько минут, чтобы вспомнить, когда это произошло.

Взломав терминал, я обнаружила целый ворох старых заметок и сообщений. Вдобавок, на терминале находились коды для отключения роботизированной системы безопасности. А ещё с него можно было открыть как сейф, так и витрину в стене. Я закатила глаза: спасибо, дорогое мироздание, ты подарило мне прекрасную возможность облегчить себе жизнь... сразу после того, как я с таким трудом обошла без твоей помощи. Ещё я поняла, что не сломала бы замочку, займись я компьютером в первую очередь.

Я приказала терминалу открыть витрину. Эта команда запустила сообщение:

— Кузен Брейбёрн. Я знаю, мы долгое время не общались, но дело, по ходу, идёт к большой войне, и мы, возможно, больше не увидимся. Я хочу всё исправить. Сейчас я не собираюсь просто так сотрясать воздух. Мы оба знаем, чем это кончилось в последний раз. Вместо этого я посылаю тебе Малый Макинтош как дар и извинение. Чтобы показать свою искренность. Сохрани его ради меня, хорошо?

Акцент был очень похож на тот, который я слышала на ПипБаке Вельвет Ремеди, но этот голос определённо не принадлежал той пони. Искренность голоса на записи заставила меня задуматься. Двести лет назад какая-то пони отдала это оружие в знак примирения, в попытке воссоединиться с семьёй. И кузен этой пони в точности исполнил просьбу, сохранив его для потомков даже после своей смерти.

Я не собираюсь оставлять пистолет тут в неприкосновенности, пока здание не обрушится на него. Но, взяв его, тут же почитительно убрала в сумку.

Всё, что мне оставалось — пересечь кабинет. В ящике с боеприпасами обнаружилось почти неприличное количество патронов к Малому Макинтошу. В гардеробе — старый костюм техника, который я пустила на заплатки для своего собственного, и другая одежда, которую я оставила в покое.

Наконец, я повернулась к лифту и нажала на кнопку. Ничего не произошло.

Естественно, он не работал. Пустошь определённо не хотела давать мне передышек. Достав инструменты, я отвинтила боковую панель и попыталась разобраться, что сломалось и смогу ли я отсюда привести лифт в рабочее состояние.

С огромным облегчением я поняла, что смогу. Лифт был в неожиданно хорошем состоянии, в отличие от остального здания, но батарея, питающая консоль, была разряжена. Слава Селестии, в сейфе лежала запасная. Заменяв её, я двинулась дальше. Когда дверь закрылась, меня внезапно осенило:

— Макинтош? Это же...

Я рысила в неопределённом направлении через развалины, захламлявшие местность вокруг оружейного завода «Огненные Подковы». Бродя без какой бы то ни было цели, я так и не нашла никаких признаков цивилизации... *цивилизованной* цивилизации, если точно. Я даже порядком смирилась с мыслью, что не найду Вельвет Ремеди. И теперь я развлекалась разведкой местности, хоть это и оказалось чрезвычайно опасным занятием.

Будучи в Стойле Два, я знала наверняка, какой будет моя дальнейшая жизнь (невыносимо унылой, как и раньше). Здесь же, в огромном внешнем мире, всё было с точностью до наоборот. Раньше я и не задумывалась о том, что постоянное рабочее место может не только обременять, но и в равной степени нести какое-то успокоение.

Мои уши повернулись на звук браваурной, триумфальной музыки. Я заметила спрайт-бот, летящий вниз по улице. Подбежав, я встала перед ним.

— Наблюдатель?

Бот просто пролетел мимо.

Я рванулась вперёд, снова обогнав его.

— Привет?

Музыка продолжала играть. Я помахала копытом перед его несуществующим лицом. Он покружился вокруг меня и полетел дальше.

Нда, это было познавательно.

Я выбрала новое направление движения и побежала дальше. Я задумалась над словами Наблюдателя. Броня — есть, оружие — есть. Дважды. Руководство? Я оглянулась на здание «Огненных Подков». Со скрипом, но всё же есть. Друзья?

— Довольно тяжело завести друзей там, где вообще никого нет!

Мой возмущённый восклик эхом отразился от потрескавшихся стен развалин. Если это и было заданием, то уж точно бестолковым. Мне нужно было срочно найти себе занятие. И, предпочтительно, отличное от “увернуться” и “прижаться к земле”. В Стойле Два я мечтала стать особенной; теперь же мне хотелось стать вообще хоть кем-то.

Опустив глаза, я зацепилась взглядом за самокат «Алый Скакун», лежащий посреди руин. Протянув копыто, я поставила его на колёса и несколько раз прокатила вперёд-назад. Три колёсика из четырёх прижавели намертво, но одно, к моему удивлению, всё ещё крутилось.

Оглядевшись, я поняла, что оказалась на краю детской площадки. Качели и горки, почерневшие от пламени древнего мегазаклинания, торчали под странно окрашенным небом, подобно костям огромной мёртвой твари. На краю покосившейся и искорёженной карусели до сих пор лежал скелет жеребёнка.

Волна грусти и жгучего стыда захлестнула меня. И посреди этой разрухи я ещё жалела себя?! Другой крошечный скелетик лежал у обгоревшего пня, у его копыт в грязи валялись три ролика. А четвёртый? Я сомневалась, что кто-либо когда-нибудь узнает, куда он делся.

Я побрела прочь через это тихое импровизированное кладбище.

В дальнем его конце, укрытый до сих пор сохранившимися стенами, стоял старый торговый автомат. Сквозь многолетний слой сажи проглядывала реклама «Спаркл-Колы» — подсвеченное изображение стилизованных морковок. К моему удивлению, автомат, казалось, до сих пор работал. Достав несколько довоенных монет, я скормила их аппарату. Я, по большому счёту, не рассчитывала, что в нём после стольких лет ещё осталась газировка. Но, к моему потрясению, из автомата исправно выкатилась бутылка колы. Внезапно я поняла, что мне жутко хочется пить.

Спаркл-Кола была чуть тёплой, но, тем не менее, довольно вкусной, с приятным морковным послевкусием. Щёлканье моего ПипБака указывало на то, что с каждым глотком я получала дозу радиации, но слишком незначительную, чтобы навредить мне. Пока я топталась на месте в «Сладком Яблоке», меня и то облучило больше. Тем более, на случай, если облучение достигнет того предела, когда мне станет плохо, у меня были припасены несколько зелий Антирадина — единственные припасы из аптечки с завода, которыми мне так и не пришлось воспользоваться, чтобы выбраться из здания.

Я заметила скамейку у стены здания неподалёку и решила дать отдых ногам, а заодно, по возможности, почитать номер «Армии Эквестрии сегодня», подобранный накануне. Повернув за угол, я зацепилась взглядом за старый рваный плакат, прикрепленный к стене. На нём было изображено лицо пожилой пони кричащей розовой расцветки. Через её гриву проглядывала седина (некоторых пони седина делает солиднее, большинство — просто старит. Её же она делала похожей на леденец). У неё были огромные, широко раскрытые глаза. Я готова была поклясться, что, несмотря на то что это был лишь плакат, она смотрела мне прямо в душу. Кто-то порвал плакат ровно посередине, поэтому я не могла с точностью сказать, каково было выражение её лица, но меня не покидало ощущение, что тут что-то не так. Сильно потускневшая, напечатанная крупным шрифтом надпись внизу гласила: “ПИНКИ ПАЙ СЛЕДИТ ЗА ТОБОЙ ВСЕГДА!” Ниже была ещё одна надпись, но настолько потускневшая и напечатанная таким мелким шрифтом, что мне пришлось рассматривать её в упор.

“...весёлая памятка от Министерства Морали.” Покачав головой и взглянув на плакат ещё раз, я отступила назад.

— Что это за Министерство Морали?

Голос Наблюдателя, раздавшийся у меня за плечом, заставил меня подпрыгнуть так, что, будь я в здании, я бы рогом вонзилась в потолок:

— Ещё одна задумка с благими намерениями, которой лучше было остаться на бумаге.

Я хватала ртом воздух, пытаясь вернуть сердцу нормальный ритм и испытывая мимолётную солидарность с Обрезом. Спрайт-бот парил рядом со мной. Селестия правая, когда эти устройства не проигрывали музыку, они были абсолютно бесшумны!

— Ты меня до кондрашки довести пытаешься?!

— Ох, извини.

Я одарила летающую сферу свирепым взглядом.

Я оставила мысль о скамейке и пошла, пытаюсь получить хоть какое-то удовольствие от остатков моей Спарк-Колы. Спрайт-бот летел следом.

— Вижу, ты разжилась бронёй... — нерешительно произнёс механический голос. Я не стала спрашивать, почему. То ли Наблюдатель изначально не собирался продолжать, то ли передумал на полуслове. Возможно, заметил, что я бродила по Пустоши Эквестрии в одежде, изнутри и снаружи покрытой запёкшейся кровью.

Я бы сейчас могла подойти к любой пони из Стойла Два и просто сказать “Я злая, ужасная пони из ночных кошмаров. АРРР!”, чтобы, несмотря на мой небольшой размер, она бросилась сломя голову наутёк.

Я допила колу, и мне жутко захотелось хорошенько помыться. Проблема была в том, что тратить таким образом достаточно чистую и не заражённую радиацией воду было непозволительно. Одна из моих фляг была пуста, а вторая подходила к концу.

— Возможно, причина того, что тебе так сложно найти себя в жизни, заключается в том, что ты ещё не нашла свою добродетель, — внезапно предположил Наблюдатель.

Я остановилась.

— Что? Как ты узнал о... ладно, не бери в голову, — а затем добавила: — Что ты имел в виду под моей добродетелью?

— Ну, — начал летающий шар, — величайшие герои Эквестрии, пони, связанные нерушимыми узами дружбы и силы, по отдельности олицетворяли великие добродетели общества пони. Доброту, честность, смех...

— Смех — добродетель?.. — спросила я с сомнением

— Уж поверь мне, — продолжил спрайт-бот, не уходя от темы, — ...щедность, верность и магию. Но они ничего не подозревали, пока одна пони не обнаружила, что её друзья олицетворяют эти добродетели, и все вместе они посвятили этим добродетелям всю свою жизнь. Не буду утверждать, что это *единственные* добродетели, они лишь... — бот замолчал, видимо, подыскивая слова, — ...минимальный необходимый набор. Просто хочу сказать, что, когда ты откроешь главную добродетель в своём сердце, ты найдёшь себя. И тебе больше никто и ничто не потребуется, чтобы определить твоё место в... — голос Наблюдателя с резким щёлчком затих, из бота снова полилась музыка.

— Гениально.

Я посмотрела на медленно улетающий бот.

Уж если *это* не было полной чушью, то что же было? Допив газировку, я бросила бутылку в кучу таких же неподалёку. Пустые бутылки захламляли Эквестрийскую Пустошь, как сорняки.

Мне в голову пришла ещё одна мысль. О Наблюдателе. «Копытоводство по выживанию в Пустоши» было написано после того, как на землю обрушились мегазаклинания. Гораздо позже, судя по советам, касающимся собирательства. Так что этой книги не могло быть в настоящем, довоенном фонде библиотеки Понивилля. Она попала туда позже; и, судя по тому, что она не была порвана, сожжена или заляпана кровью, совсем недавно. Это заставило меня задуматься: неужели Наблюдатель знал, что рейдеры держат тех несчастных пони в плену? И если да, то не поэтому ли он и послал меня туда? Неужели Наблюдатель использовал меня, заставив пройти через тот ужас, в надежде на то, что я их освобожу? Я не могла сказать наверняка. Впрочем, учитывая, что Наблюдатель спас меня, я была обязана ему неким кредитом доверия... но всё равно не могла отделаться от назойливого чувства, что Наблюдатель провёл меня — а я не любила, когда меня обманывали.

Я снова наострила уши, когда музыку в очередной раз прервал голос. Но это не был голос Наблюдателя. Это был кто-то другой. Этот голос не был металлическим. Это был приятный, вкрадчивый голос жеребца.

“Друзья пони, возрадуйтесь! Хоть мир вокруг вас мрачен, покрыт шрамами и отравлен войной, начатой нечестивыми, бездумными, низкими пони в прошлом, вы не обязаны жить в тени их жадности и злобы. Вместе мы сможем вернуть Эквестрию её первозданную красоту! Вместе мы сможем построить новое королевство и жить в единении! И начало уже положено, мои дорогие пони. Фундамент для новой, замечательной эпохи уже заложен. Да, это тяжкий труд, но разве не обязаны мы дать самим себе и будущим поколениям шанс на лучшую жизнь? Нет, на самую лучшую жизнь, которая только возможна? Как ваш друг, ваш лидер, я говорю — да, мы можем. Мы должны. И мы СМОЖЕМ!”

Что это за горячечный бред?

Музыка вернулась — не перескочив на середину песни, как это происходило, когда Наблюдатель перехватывал управление спрайт-ботом, а на начало новой песни, как бот и должен был работать.

Минутку, у пони теперь есть лидер? Это было для меня новостью. Насколько я поняла, у нас и страны-то больше не было. Блин, да я бы с удовольствием поселилась в каком-нибудь городке! Даже если бы это было несколько лачуг, построенных вблизи друг от друга и дававших живущим в них пони возможность мирной жизни. Ну или настолько мирной, насколько позволяла пустошь.

Если у нас был лидер, значит, должен был быть хоть один город, так?

Ускорив шаг, я нашла руины с более-менее сохранившейся лестницей, забралась на второй этаж, достала бинокль и огляделась. И правда — вдалеке я увидела дым. Довольно много дымных шлейфов достаточно близко друг к другу, чтобы предположить, что там было некое поселение. Я взмолилась Селестии, чтобы это был дым от кухонных костров, а не от рейдеров, сжигающих селение дотла.

Я увидела дорогу, ведущую к поселению. Она бы помогла мне не заблудиться. А ещё по ней что-то двигалось. Мой рог засветился, настраивая бинокль с помощью магии, и моему взору предстала небольшая группа пони. Двое тянули тяжело гружёную телегу. Молодой пони сидел наверху, разговаривая с двумя другими, ведущими за собой нагруженных двухголовых животных. Эта группа двигалась от теоретического города в моём направлении. Но они, кажется, ни от кого не убегали, никто из них не был ранен, и я сочла это хорошим знаком. Очень хорошим знаком.

Я подняла взгляд навстречу плотным, пылающим облакам, туда, где солнечный диск пробил яркую прореху в мглистом потолке, и послала Селестии благодарственную молитву.

Тропинка, по сути, не походила на полноценную дорогу. Скорее, это была длинная, петляющая просека, проложенная через Пустошь Эквестрии. Два параллельных металлических бруса, укреплённых жутко прогнившими деревянными поперечинами. Полчаса тому назад дорога пересекла овраг по расшатанному мосту. После моих забав с мостиками на заводе, я предпочла перейти овраг понизу, а не ступать на конструкцию, определённо оттягивающую своё падение до того счастливого дня, когда она сможет прихватить меня с собой.

Несмотря на раны, это оказалось хорошим решением. Овраг служил домом стайке больших, раздутых свиноподобных существ с чрезвычайно острыми резцами. Один из них, вцепившись в мою левую заднюю ногу, легко прокусил броню и оставил глубокую рану.

Малый Макинтош не был ни тихим, ни слабым. Одно выстрела из этого замечательного оружия хватало, чтобы начисто оторвать голову твари, атаковавшей меня! И поскольку он был достаточно скорострелен, я успела уложить ещё троих, пока прицеливающее заклинание не рассеялось.

Под мостом был чей-то лагерь. Судя по всему, он был давно заброшен, хотя на земле были разбросаны припасы, включая несколько коробок патронов для дробовика, банку еды, лежащую посреди открытых жестянок (“Чудесный плод”, как гласила надпись на этикетке, на поверку оказался простыми бобами), и закрытую аптечку. Легко взломав замок, я обнаружила там лечашее снадобье, которое немедленно выпила, и вздохнула с облегчением, когда рана затянулась, а боль отступила. Ещё там были зачарованные бинты, не столь эффективные, как зелья, но отлично подходящие для перевязки неглубоких ранений, и коробочка с... ментоловыми леденцами? (“Минталки! Освежи свой разум и дыхание!”) Я с удивлением разглядывала этикетку с улыбающейся зеброй, ибо это было первое изображение, на котором она не выглядела стереотипным злодеем.

Половина, может, даже две трети пути до поселения остались позади. Я старалась не думать о том, что увижу. Возможно, целый город, населённый цивилизованными и счастливыми пони. Я не хотела оказаться разочарованной. “Даже если это лишь несколько халуп,” — сказала я себе и побежала быстрее.

Я услышала выстрел и тут же почувствовала, как одна пуля навывлет прошивает мою правую заднюю ногу, а вторая рикошетит от металлического чехла снайперской винтовки, закреплённого на спине. Споткнувшись, я упала на камни, сжимая простреленную ногу, и заорала от боли. Из раны обильно текла кровь. Я могла точно сказать, что кость не была задета, так как отчётливо её видела! Я закинула голову и снова закричала.

В отчаянии я заползла за большую грудку камней, пытаюсь укрыться от невидимого стрелка. Превозмогая чудовищную боль, я сконцентрировалась и достала из сумки заколдованные бинты. Я попыталась перевязать раненую ногу, но бинты были предназначены для мелких ссадин и порезов, а не для зияющих сквозных ран. Они пропитались кровью и начали сползать ещё до того, как я закончила их наматывать. Я достала ещё один бинт и попробовала снова, на этот раз затянув повязку гораздо туже. Она мгновенно покраснела от крови, но хотя бы держалась.

Трясаясь от страха и боли, пребывая на грани шока, я подняла взгляд и попыталась угледеть того, кто напал на меня. Я огляделась, но вокруг никого не было! А укрыться тут было практически негде; склоны холмов были практически голыми. Я почувствовала холодок в сердце, когда представила, что где-то тут была пони со СтелсБаком! Она могла быть прямо у меня за спиной, целясь мне в голову, а я бы даже не узнала!

Но когда я посмотрела на небо, то увидела ржаво-коричневого пегаса с рыжей гривой, торчащей из-под чёрной ковбойской шляпы, и чем-то вроде винтовок, закреплённых под каждым крылом. Он только что закончил разворот и целился прямо в меня!

В панике, я с помощью телекинеза выставила перед собой большой кусок скалы как щит. Воздух разорвал звук выстрела, обе винтовки выстрелили одновременно! Первая пуля ударила в скалу, осыпав всё вокруг каменным крошечком, и отрикошетила во флягу. Остатки воды вылились мне под ноги. Вторая пуля пробила мою броню и застряла в плече, заставив меня отшатнуться. Я снова упала, чувствуя, как боль вспыхнула с новой силой и начала постепенно затухать, что было совсем нехорошо. Я чувствовала, что на этот раз уже не смогу подняться.

Так вот, значит, как умирают? Как же это переоценивали...

Мои веки налились свинцовой тяжестью. Я закрыла их, кажется, ненадолго. Но когда открыла их вновь, то увидела пони, тянущих свою повозку, спускающихся с холма. За ними шли другие, ведущие стадо... двухголового скота. Я вспомнила молодого пони на телеге.

Я сомневалась, что кто-либо из них посмотрит вверх.

С трудом поднявшись на ноги, я вышла из укрытия. Если мне и суждено было погибнуть, то не лёжа, наблюдая, как их будут убивать! В голову ударила волна боли от израненного тела, но я продолжала идти, переставляя немеющие ноги, пока не оказалась перед группой, следующей по дороге. Развернувшись и пытаюсь сфокусироваться, невзирая на шум в голове, я подняла Малый Макинтош в воздух и направила на пегаса, который развернулся и снова полетел прямо на меня.

Я стояла прямо между ним и путниками. В глазах всё плыло от слёз и травм. Я не была уверена, что попаду в него, даже используя З.П.С. И моя меткость не шла ни в какое сравнение с его. Он был потрясающим стрелком — технически, он ещё ни разу не промахнулся.

Собрав все силы, я зарычала как можно более угрожающе. И понадеялась, что пони, выдержавшая четыре попадания, достойна того, чтобы считаться с ней.

— Стреляй в меня сколько влезет, но если ты нападёшь на ту семью, *Я! Тебя! Прикончу!*

К моему удивлению, пегас уставился на меня, и, вместо того, чтобы выстрелить, сложил крылья, приземлившись передо мной.

— Фигасе!

Держать Малый Макинтош становилось всё сложнее. У меня полностью отнялась раненая нога, и я присела на колени, даже не осознавая этого.

— Я не нападаю на караван! Эт ты нападаешь!

Что?! В глазах у меня темнело, голова кружилась. Весь этот разговор казался бредом. Но, по крайней мере, он разговаривал со мной, вместо того, чтобы прикончить.

— ... Не нападала. *Ты подстрелил меня*, — сказала я слабым голосом.

— Ну естесна, я тя подстрелил! Када я вижу рейдера, который идёт к каравану, я дырявлю его до тех пор, пока он не перестает шевелиться!

Ржаво-коричневый пегас окинул меня взглядом. Затем с гордостью сообщил:

— Такой у меня принцип.

Я почувствовала, что мои передние ноги начинают подгибаться. Я была на грани обморока. Но его слова вызвали вспышку гнева, вернувшую меня к жизни. Малый Макинтош начал было крениться к земле, но теперь взлетел обратно, целясь между глаз противника.

— *Я не рейдер!*

Пегас указал на меня:

— *А выглядишь* прям как рейдер!

Вдруг, как будто из ниоткуда, в поле моего зрения вбежал тот самый жеребёнок с повозки. Я попыталась прокричать предупреждение, но у меня ничего не вышло. Темнота наконец накрыла меня с головой, и я упала, будто провалившись в глубокий сон.

Последнее, что я слышала, был стон жеребёнка:

— Каламити, что же ты натворил?!

Заметка: Получен новый уровень.

Новая способность: Яйцеголовый — вы будете получать по 2 добавочных очка умений за каждый уровень.

Глава 5. Каламити

«Дружба. Дружба никогда не меняется.»

<<< ^^^ >>>

Жива!

Я всё ещё жива!!!

Придя в сознание, я обнаружила себя на матрасе с заботливо подоткнутым одеялом. За три дня вне Стойла Два я ещё не чувствовала себя так комфортно и бодро. По крайней мере, я думала, что прошло три дня; кто знает, сколько я здесь провалялась. Привычно подняв ногу, чтоб посмотреть дату на ПипБаке, я нечаянно сбросила одеяло, незамедлительно соскользнувшее на пол.

— Ой, сморзнуло, кто проснулся! — приятный женский голос, раздавшийся поразительно близко, очень насторожил меня. Оглянувшись, я увидела себя в окружении нескольких пони, но смогла узнать только одного... Это был стрелявший в меня пегас! Я что, его пленница теперь?

Голос принадлежал красивой земной пони снежно-белого окраса, чья розовая грива, похожая на сахарную вату, удивительно шла к жёлто-розовому халату медсестры. За спинами небольшой компании пони я разглядела три аптечки — коробки с эмблемой в виде розовых бабочек — стоявшие возле стены, и выцветший довоенный плакат — рекламу рабочих мест в сфере здравоохранения (“Чтоб стать героем, вовсе не нужно быть Стальным Рейнджером! Присоединяйтесь к Министерству Мира!” — призывала пони на постере. На ней был тот же халат, что и на моей спасительнице, разве что чуть побольше). Судя по интерьеру и полному отсутствию цепей или верёвок, это была больница, а я — вовсе не пленница.

Кроме того, я довольно неплохо себя чувствовала. Немного устала, и, несомненно, подремала бы ещё чуток, но сон как копытом сняло. Просто странное тёплое бессилие. Я встала, и комната закружилась.

— Эй, расслабься, подруга, — молвил пегас по имени Каламити, ступая ко мне. Я никак не могла припомнить, откуда мне знакомо это имя — воспоминания будто покрылись туманом. Я откинулась назад на матрас. Ну конечно, сейчас, в компании, он вежлив и учтив, но тогда... тогда он был смертью с небес, безжалостным убийцей.

— Канди? — окликнул медсестру серый пони с угольно-чёрной гривой и хвостом.

— О, она поправится. Последнее целебное зелье я замешала и дала ей меньше часа назад.

— Замешала? — пони вопросительно выгнул бровь.

Канди улыбнулась:

— С яблочным шнапсом, естественно! Так оно всегда лучше помогает!

Я так и не поняла, почему ее коллега шлепнула серяня копытом по лицу. Я и вправду хорошо себя чувствовала. Даже лучше, чем хорошо. И приятно тепло.

Серый пони отогнал посетителей прочь. Это немного расстроило меня, хоть я совсем не знала никого из них. Несколько прошлых дней я была так одинока, так стремилась найти цивилизацию, и вот — она, покидает меня... Я сама не могла понять своих же бредовых мыслей.

— Давай, выходи, как поправишься. Тебя хочет повидать парочка пони, — серый жеребец улыбнулся мне, затем посмотрел на отставшего рыжеватого жеребца: — Ты тож, Каламити, а ну выметайся!

Каламити последний раз взглянул на меня, прежде чем убежать.

Канди подошла ко мне и мечтательно прошептала:

— Он тако-ой красавчик, правда?

— Кто?

— Каламити, кто же ещё! — хихикнула она.

Я даже не знала, что и сказать. Вообще.

— Он... стрелял в меня.

Канди непонятно покачала копытом.

— Я уверена, это просто ошибка.

Да, припоминаю... но к чему вообще эта беседа? В любом случае, я хотела сделать комплимент Канди, а не говорить о Каламити, был он там красавчиком, или нет. Ничто из этого я так и не осмелилась высказать вслух. Обиженно надувшись, я повторила:

— Он стрелял в меня... — потом добавила: — ...много раз.

Отдохнувшая и с намного более ясной головой, я стремилась познакомиться с пони Новой Эплузы. Судя по ПипБаку, я пробыла здесь около двух дней.

Я внимательно рассматривала ограждённый посёлок. Множество линий — как я поняла, железнодорожных путей — сходились в город, состоявший в основном из дюжин практически неотличимых домов, построенных из старых пассажирских вагонов. Они громоздились в два или даже три этажа; у некоторых до сих пор сохранились колёса. Посёлок опоясывало кольцо из тяжёлых товарных вагонов с устроенными в противоположных его концах массивными воротами. По верху кольца, всматриваясь в пустошь, прогуливалась вооруженная стража. Внутри бурлила обыкновенная жизнь: множество земных пони и единорогов спешило по своим делам. Вообще, место было грязным, ржавым... и в целом прекрасным!

— Как вы умудрились их сложить? — спросила я, глядя на самую высокую башню из четырёх вагонов. Мостики и переходы соединяли ее с другими башнями. На самой высокой крыше ярко сияющая надпись гласила: «Таверна Шлагбаум».

Рейлпрайт, чёрно-серый пони, шериф/генерал/мэр этого города, невыразительно ответил:

— А, это единороги сбацили.

Ахнув, я повернулась и уставилась на него. Никогда не слышала, чтоб пони левитировали что-то столь большое и тяжёлое!

Рейлпрайт ещё пару мгновений хранил серьёзную мину, перед тем как разразиться хохотом.

— Да шучу я!

Моё удивление растворилось в глупой улыбке, когда он указал на небо позади:

— Для этого есть кран.

Оглянувшись, я увидела громадную оранжевую башню из металла, возвышающуюся над городом, и массивный крюк, свисающий с её длинной стрелы.

— Тем не менее, — продолжал он, — если те так уж приспичило увидеть тяжеловеса, Подъёмник точно уделает всех. Поболтаешь потом с ним.

— С подъёмником? — я медленно проговорила, стараясь понять, было ли это очередной шуткой. Оказалось, вовсе нет.

Подъёмником, как любезно разъяснил мне мэр, называли одного единорога, работавшего в депо. “Не сыскать сильнейшего телекинетика по эту сторону руин Кантерлота.” После этих слов Рейлпрайт предложил мне небольшую экскурсию по городу.

Главный магазинчик Новой Эплузы назывался «Абсолютно Всё». Это была четвёртая остановка нашей “экскурсии”. Рейлпрайт знающе улыбался, уговаривая меня зайти в странноватого вида дом. Три разных пассажирских вагона, сваренных вместе, образовывали это здание; один из них напоминал чёрную металлическую бочку, увенчанную дымовой трубой. По-видимому, он и был одним из источников дыма, виденных мной издали. Приостановившись возле двери, я прочла надпись чуть пониже затейливых печатных букв названия магазина:

Да, я доставляю!

Лень зайти, грязные мошки? Я не на побегушках.

Ищете что-то особенное? Я не отвечу, но доставлю!

«Копытоводство по выживанию в Пустоши»!

Только сейчас! Бесплатная первая копия для каждой семьи!

Я толкнула дверь, ступая внутрь. И остановилась с удивлённым вздохом, увидев зомби-пони из библиотеки рейдеров. Это точно была она: те перекошенные глаза я ни с чем не спутаю. И то, что она мгновенно узнала меня, радостно улыбнулась и заключила в неприятно мягкие объятия (вонь, исходившая от неё, заставила меня задержать дыхание; зажимать себе нос было бы, пожалуй, совсем невежливо), развеяло последние сомнения.

Она отступила назад (спасибо и на этом) и взмахнула копытом — удивительно действенное сочетание приветствия и демонстрации магазина.

— Эм... привет... ещё раз, — я поздоровалась, ощущая некоторую неловкость. Во время последней нашей встречи я уносились, стараясь всадить пулю в череп рейдера.

— Привет! — донёсся знакомый голос слева. Я так сосредоточилась на зомби-пони, что напрочь позабыла об остальных в магазине. Обернувшись, я увидела Каламити, смотревшего на меня с робкой улыбкой. — Слухай, перед тем как ты убежишь, я очень хотел бы извиниться!

Я не собиралась бежать, но предусмотрительно отступила на пару шагов назад.

— Понимаешь, Дитзи Ду мне тут кое-что поведала...

Дитзи Ду? Я вновь обернулась к пегасу-зомби:

— Ты написала «Копытоводство по выживанию в Пустоши»? — Оба глаза Дитзи смотрели на меня; она прямо-таки лучилась счастьем, горячо кивая.

“Да, я доставляю.” Внезапно до меня дошло, как эта книга оказалась в Библиотеке Понивилля. Что, в свою очередь, укрепило мои подозрения насчёт Наблюдателя.

Пока я размышляла, Дитзи Ду примчалась с другой копией книги во рту и засунула её в мою седельную сумку. Зомби-пони была на удивление добра и щедра, но имела небольшую проблему с личным пространством.

Я открыла рот, собираясь сказать, что у меня уже есть один экземпляр (тем не менее, получить целую копию было бы не плохо, учитывая, что из книги на столе рейдера было вырвано несколько страниц), однако странное желание толкнуло меня сказать совсем иное:

— Ты... не сильно разговорчива, верно?

Зомби-пони вообще разговаривают?

Дитзи Ду отошла назад и широко открыла рот, позволяя заглянуть внутрь глубже, чем мне того хотелось. Каламити обратил моё внимание:

— Язык Дитзи вырезали работорговцы пару десятилетий назад, но даже без него она так же крута. — Предупреждение Монтерея Джека оказалось ужасающе правдивым.

Дитзи Ду подбежала к прилавку, где взяла карандаш в зубы и что-то написала на верхнем листе большого планшета для заметок. Потом она бросила карандаш и подняла планшет; глаза пегаски вновь разбежались.

Глядя на бумагу передо мной (пялиться на её глаза было бы верхом грубости), я прочла вслух:

— Поскольку я не могу говорить, я начала писать. И никогда не добилась бы таких успехов, не случись со мной такое.

Дитзи Ду положила планшет, вновь подняла карандаш и черкнула ещё строчку; затем подняла опять, чтоб я смогла прочесть.

— Давай подберём тебе броню получше?

Крышечки? И это пони используют вместо денег?

Бессмысленно, нелепо, но именно так обстояли дела. Неудивительно, что рейдеры собирали их. Теперь ясно, почему вокруг лежали кучи пустых бутылок — но ни одной крышечки (за исключением, конечно, той, которую я беспечно оставила в «Огненных Подковах»).

Мой рабочий комбинезон остался в «Абсолютно Всем». У Дитзи Ду не оказалось подходящего размера брони, но она поклялась, что сможет улучшить мою настолько, что никакой хлам, собранный рейдерами на коленке, с ней не сравнится. Дитзи предложила сделать это просто так, но я настояла на оплате. Тогда-то я и столкнулась с совершенно дурацкой бартерной системой оплаты на Пустоши.

— Крышечки. Seriously.

К счастью, довоенные деньги всё ещё ценились, но только оптом. Наверное, только для добычи содовой из до сих пор неразграбленных автоматов.

Дитзи Ду взяла несколько монет; я понятия не имела, сколько на самом деле стоила её работа, но подозревала, что получила немалую скидку. Также она буквально впихнула мне листок, объясняющий, как делать мины из крышечек в домашних условиях. Наверное, это вошло бы в «Копытоводство...», если бы некто мудрый не отговорил её.

— Дитзи — наш постоянный пегас. И единственный гуль в городе, — шепнул мне Рейлпрайт во время моего пребывания в «Абсолютно Всем».

Хорошо, “гуль” звучит намного лучше, чем “зомби”.

— А этот, — продолжил мэр, ткнув копытом в сторону Каламити, — всегда желанный житель в городе. Ещё бы, охранять караваны четыре года!

По дороге к Подъёмнику я наконец решила заговорить с рыжим жеребцом, бежавшим рядом со мной.

— Значит, ты тут не живёшь?

— Неа. Дом в получасе лёта.

Я напряглась, вспоминая всё, что знала о пегасах.

— Наверху, в облаках?

Глаза Каламити чуток расширились.

— О, нет. Просто хижина. Кто-то состряпал хибарку пару поколений назад, потом его сожрали здешние дикие твари.

Я уже встречала некоторых диких животных в этих местах. Когда я спускалась с помоста, мой взгляд упал на странное оружие Каламити. Я пробежалась глазами от стволов пушек до странного металлического выступа на его груди — скорее всего, управляющего механизма. Открыв было рот, чтобы спросить пегаса об этом, я обнаружила перед собой только воздух. Я остановилась и оглянулась назад: Каламити резко притормозил, давая пройти кобыле в соломенной шляпе и её жеребёнку. Пони едва справлялась, удерживая жеребёнка от галопа. Ей точно не помешала бы привязь.

— Но мам! Я хочу увидеть Дерпи!

Каламити наклонился ко мне и прошептал:

— Иногда народ так прозывает Дитзи Ду. Из-за глаз.

Ага, привлекает внимание; забияки из Стойла Два тоже наверняка скорее прицепились бы к косоглазю, чем к полусгнившей плоти.

— Но она не против. И даже находит это милым.

Не уверена, но похоже, что Дитзи Ду не особо возражала против отрезания языка. Что не делало сам поступок правильным.

— Тролли, вернись немедленно! — крикнула мать, когда жеребёнок побежал чуть быстрее. — Держись подальше от магазина! Я запрещаю тебе беспокоить это!

Это? Ладно, признаю, я тоже несколько раз подумала о Дитзи как об “этом”, в полной уверенности, что она мертва. Я приостановилась.

— Прошу прощения. Я тут новенькая. Вы имеете что-то против зо... гулей?

Пони смутилась, глядя больше на Каламити, нежели на меня. Мне не надо было и оборачиваться — я чувствовала его мрачный взгляд.

— Ну... нет, ничего против старой доброй Дерпи. Ой, в смысле, мисс Дитзи Ду. Но... ну вы знаете...

— Знаю что? — надавила я, пытаюсь не показывать то невольное отвращение, с которым я вдыхала её запах или чувствовала неприятно склизкие объятья.

— Ну... — пони украдкой оглянулась по сторонам, затем, склонив голову, прошептала: — Знаете, они все словно бомбы замедленного действия. Видите, каковы гули снаружи? Представьте, что стало с их мозгами. У них у всех едет крыша, рано или поздно. Бедная Дитзи, она и так долго держится, и у неё почти все в порядке. Но однажды... И я не хочу, чтоб мой мальчик как-то спровоцировал её. Или был там, когда она окончательно сойдёт с ума.

С этими словами пони выпрямилась и поспешила прочь, таща Тролли за собой. Замечу, прочь от «Абсолютно Всего».

Ошеломлённая, я долго стояла на месте. Наконец, спросила Каламити:

— Это правда?

Пегас глубоко вздохнул, что уже было нехорошим знаком.

— Ага... для большинства из них — правда. Бывает, залетишь не туда, и потом улепётываешь от целой орды плотоядных пони-гулей, ставших зомби. Но я точно тебе говорю, хоть с большинством так и случается, но до того рокового дня даже они остаются милыми малыши, пусть немного пахучими и диковатыми на вид. А некоторым, как Дитзи Ду, везёт, и они вообще так и не слетают с катушек.

Я поняла смысл его слов, но правда о лысой пегасочке-писательнице не испугала меня. Мне просто стало её жаль.

Подъёмником звали жёлтого единорога с оранжево-бежевой полосатой гривой и таким же хвостом. На нем была ярко-оранжевая строительная каска с отверстием для рога. Когда мы пришли, единорог загружал бочки на платформу грузового вагона, ещё стоящего на рельсах, проходящих по городу и соединённых с остальными путями.

— Здорово! Рад видеть маленькую пони с ПипБаком, спасшую Свит Эпл и Дитзи Ду! Не говоря о Дезерт Роуз, Беррел Кактус и Бирюзе! — он остановился и энергично потряс моё копыто.

— Мне тоже очень приятно, — я улыбнулась, слегка пошатываясь после мощного копытопожатия. — Рейлпрайт сказал, что с тобой можно поговорить по поводу перемещения тяжестей.

Подъёмник улыбнулся, затем, не особо напрягаясь, поднял три бочки сразу и поставил их на платформу.

— Ну, давай поговорим, — затем он удивил меня вопросом: — Шаришь какие-нибудь заклинания?

— Заклинания? — нерешительно повторила я.

— Ну да, — продолжал он, левитируя очередные три бочки, их и его рог окружало сияние того же цвета. — У единорогов обычно есть небольшая подборочка заклинаний, обычно относящаяся к тому, в чём он или она преуспели, за исключением тех, кому на судьбе написано шарить в заклинаниях — они умеют их целую кучу. Вот я, например, могу починить любой поезд или рельсы, только подумав о них.

Вот дерьмо. Пнув копытом землю, я глубоко вздохнула:

— Нет. Только телекинез. Никаких заклинаний.

Знаю, звучит жалко. Телекинез — первый жеребячий навык. К моменту, когда я получила кьютимарку, каждый второй единорог в Стойле Два уже мог похвастаться приличной коллекцией заклинаний. Спасибо, Подъёмник, что напомнил — я, возможно, самый неволшебный единорог.

Его глаза округлились от удивления. Он быстро сменил тему:

— Тут у меня куча работы, но вот что я тебе скажу. Если окажешь мне маленькую услугу, я научу тебя всему, что знаю сам о поднимании грузов.

Звучало неплохо. Но что за услуга? Принести ему содовую? Может, перекусить что-нибудь? Помочь связывать бочки на платформе?

— У нас небольшая проблемка с кой-чем, что лезет из старого Стойла на западе. Я слышал, ты храбрая и хорошо управляешься с оружием. Доберись дотуда и закрой дверь. Я думаю, мы избавимся от паразитов, если кто-нибудь перекроет им ход из гнездилищ

Понятно, не за содовой, значит.

— Итак, с чего бы это ты пошёл со мной?

Небо преждевременно неслено, и пора было включать фонарик на ПипБаке.

— Получается, за мной должок, — убеждённо произнёс Каламити, ступая за мной, — или даже целая куча долгов, если упомянуть всё, что ты сделала для пони Новой Эплузы.

Вздыхнув, я попыталась утешить пегаса:

— Ты не мог знать. На мне была рейдерская броня, да и ещё заляпанная кровью.

И арсенал оружия, сделавший бы среднестатистического рейдера радиоактивным от зависти.

— Заляпанная кровью рейдера. Тебе ведь нужна была защита, чтобы спасти жизни пятерых добропорядочных горожан!

— На самом деле, четырёх. Дитзи Ду спасла Свит Эпл.

— Ты спасла Дитзи, чтоб она смогла спасти Свит Эпл. В общем, пять. — Он глубоко вздохнул. — Кроме того, я не могу допустить, чтоб ты лезла туда одна. Очень мутные рассказы ходят об этих Стойлах. И слишком уж редко они хорошо заканчиваются.

— Я родилась в Стойле. Чёрт возьми, все пони — потомки выходцев из Стойл, так ведь? Понимаю, в опустевшем Стойле вполне могли свить гнездо паразиты, но не сказала бы, что все Стойла прокляты неким зловещим образом.

Каламити обдумывал услышанное.

— Пожалуй, ты права. Ну, за исключением немногих, вроде Дитзи Ду, переживших апокалипсис на поверхности, или их потомков.

Я остановилась так резко, что чуть не упала. Моя вновь полная фляга качнулась, больно ударив меня в грудь.

— Дитзи Ду пережила войну?! Она настолько стара?

— Ага. Гули не стареют, как обычные пони.

Мысль о пони, живущей так долго и знающей, что случилось на самом деле, взорвала мой мозг.

— Расскажи про неё?

Каламити коротко усмехнулся:

— Мало кто знает, насколько она стара. Знаешь, она пролетала около Клаудсдейла, когда ударило первое мезаэклинивание. Её задело только краешком магической волны, стёршей город с неба Эквестрии. Вот с тех пор она и стала гулем.

Я кивнула, шагая в мрачной тишине; я представила себе целый облачный город, заполненный пегасами. Всего мгновение — и пустота....

Из туч заморосил дождик.

Это было похоже на душ в Стойле Два. Только он был везде! И не думал прекращаться. Если бы вчера меня не помыла Канди, я бы лишь обрадовалась ему, несмотря на холодную воду. Но теперь мне, промокшей до шерстинки, это показалось скверным.

Небо потемнело, и я включила фонарик ПипБака, чтоб хоть что-то видеть впереди. Теоретически, ещё должно быть светло, но в это слабо верилось. Внезапно поднялся свирепый ветер. Дождь хлестал как из пушки.

— Что происходит? — крикнула я Каламити.

— Эт гроза, и очень сильная. Нам лучше найти какое-нибудь убежище, потому что она только начинается!

— Гроза? — вскричала я; клочок облаков на миг ярко вспыхнул. — Что за гроза?

БА-БААААААХ!!!!

Небо взорвалось! Похоже на звук дробовика самой Селестии, сделанного из чистого ужаса. Я попыталась спрятаться под Каламити.

— А ну вылезай оттуда!

Робко и немного неуверенно, я вылезла из импровизированного укрытия и взяла себя в копыта. Ещё одна вспышка украсила пейзаж белым светом, контрастирующим с резкими тенями, и погасла, прежде чем я поняла, что произошло. Ещё один мощный раскат сотряс небеса вслед за молнией. Каламити пришлось упереться в меня передними копытами, чтобы не дать спрятаться ещё раз.

— Если тебя так испугал гром, что же будет, когда ты молнию увидишь! — хихикнул он. — А ну пошли, спрячемся где-нибудь.

Каждая вспышка в небе сопровождалась ужасным треском или мощным взрывом. Немного спустя я действительно увидела молнию. Мне казалось, что она будет похожа на те удары электричества, которыми стреляли спайт-боты. Ничего подобного. Ослепительно-белая трещина порвала небо пополам, словно сама вселенная разлетелась на части. Молния сверкнула всего на мгновение, но призрачные линии плавали у меня перед глазами ещё несколько минут спустя.

Ещё я увидела кого-то вдали, на склоне холма, на миг освещённого молнией... или мне показалось. Я не могла сказать, кто это был — пегас или единорог. Сначала мне показалось, что оба. Но видение исчезло раньше, чем я смогла убедиться, что вообще что-то видела.

Мы скакали галопом, чувствуя, как земля под копытами всё быстрее превращается в грязь, пока не упёрлись в неистовую, пенистую реку. Грязная бурная вода отрывала куски от берегов на обеих сторонах. Я видела тёмные очертания вырванных мертвых деревьев, уносимых течением.

На другой стороне возвышался отвесный обрыв. Вода выливалась через трещины в скале сотнями ручейков, каждый из которых подпитывал реку. Почти точно напротив нас, только чуть выше по склону, чернел вход в пещеру; путь к ней был смыт.

Я беспомощно смотрела, пытаюсь понять, как мы собираемся перебраться. Тут я почувствовала, как Каламити поднял меня в воздух, перенёс через реку и опустил в устье пещеры.

Шагнув внутрь, я направила вперёд фонарик ПипБака. Тоннель сперва немного поднимался вверх, а затем круто спускался до ужасно старой, проржавевшей до черноты металлической лестницы, что вела к лестничной площадке. Там грубо вырубленные стены сменялись каменной кладкой. В конце виднелась очень знакомая стальная дверь, висевшая открытой на рычагах. В центре двери красовалось число «24». И там, за ней, лежал проржавевший, разрушенный двойник того места, которое, как я когда-то верила, всегда будет моим домом.

Каламити промчался мимо меня.

— Не стой столбом! Помоги закрыть эту дверь прежде, чем эта проклятая река вконец размочит берега и затопит пещеру! — он попытался силой толкнуть дверь. Посмотрев вниз, я внезапно осознала, что воды на полу уже набралось по косточку, и уровень продолжает подниматься...

Опомнившись, я бросилась к пульту. Помедлила, осматривая запорный механизм (почти полностью отсутствующий), чтобы быть уверенной, что смогу открыть его снова. Убедившись, я попыталась сдвинуть рычаг. Не вышло. Мой рог ярко вспыхнул, и, сосредоточившись, я добавила телекинетическую мощь к силе своих копыт. Громко скрипнув, рычаг подался, и дверь в Стойло Двадцать Четыре захлопнулась с протестующим скрежетом.

— Ты понимаешь, что мы только что закрылись в Дьявольски Страшном Стойле Сумрака? — поддразнила я напросившегося напарника, удивлённо уставившегося на дверь.

— Ну, я верю тому, что ты говорила. Если кто-нибудь и шарит в этом, так это ты, — он беспечно улыбнулся. — К тому же, — добавил пегас, похлопав крыльями, — вряд ли мне тут от них будет много проку.

Я разглядывала упряжь Каламити. Две дальнобойные винтовки, привязанные по бокам под крыльями и встроенные в седельный механизм. Тонкие металлические “вожжи” тянулись от них, заканчиваясь почти перед его ртом. Дёргая за них, можно было стрелять из обеих пушек одновременно. Седло было разработано так, чтоб перезаряжать винтовки по команде — то ли кусая “вожжи”, то ли потянув их каким-то особенным образом, я не могла сказать наверняка.

— Эй, Каламити, я вот что хотела спросить... Что это такое? — я указала копытом на хитроумную шкуровку.

— Что? — пегас покрутился на месте. Я не удержалась от смеха. Он остановился, глядя на меня, затем обернулся назад и вновь посмотрел на меня. — А, в смысле, боевое седло?

Я кивнула.

— Хорошая работа, правда? Сам разработал! — он встал на дыбы, гордо позируя. Затем, заметив выражение моего лица, спросил:

— Ты чё, никогда раньше не видела боевого седла?

Я покачала головой.

— У, это такая штука! — довольно объяснил пегас. — Грубо говоря, есть два типа пушек. Маленькие, которые пони могут взять в рот или, в случае единорогов, левитировать перед собой. И боевые седла. Они годятся для любого громоздкого, тяжёлого оружия с большой отдачей, которое просто так не удержишь. Чего только к ним не прикручивают: автоматы, ракетные установки...

— *Ракетные установки?!* — я поджала хвост и прижала уши.

— Ага! И даже энерго-магические пушки! — он помолчал, — ...но это такой гадский дефицит, что ты их ни в жисть не встретишь.

Я решила обдумать это как-нибудь на досуге. Проверив ПипБаком радиацию и прочие угрозы, и Л.У.М.ом любые вспышки враждебности, я отхлебнула большой глоток из фляги и начала строить план. Прожив целую жизнь в своём Стойле, я была уверена, что смогу пройти и по этому без проблем. Если конструкция одинаковая, то дверь справа в следующей комнате приведёт к лестнице вниз. К кафе, жилым помещениям и больнице. Коридор слева ведёт к техническим этажам, в том числе к такому знакомому пункту техобслуживания ПипБаков. Секунду поколебавшись, я решила сначала пойти направо.

Тем временем Каламити разведдал соседние комнаты. Он вернулся слегка удивлённый.

— В чулане стоит целый ящик динамита.

Вот так сюрприз. Мои уши встали торчком. В Стойле Два такое не встретишь.

— Что в нём?

— Полагаю, динамит, — ответил Каламити ехидно-серьёзным тоном. — По правде, я точно не знаю, он закрыт. И я не хочу трясти эту штуку, как подарок на именины. Ты прикинь, а вдруг там динамит?

Я последовала за рыжим пегасом в чулан, чтобы взглянуть на ящик. После трёх попыток и двух сломанных шпилек (которые начали заканчиваться) я была вынуждена признать, что замок мне не по зубам. Вместо этого я предложила придерживаться изначального плана.

С ободряющим шипением дверь в жилой сектор открылась. Лампы знакомо загудели... те, что ещё работали. Уже сейчас Стойло Двадцать Четыре навевало тоску по дому. Хуже того: тупая боль в сердце смешалась с ощущением неправильности происходящего. Видеть это место в разрухе и ржавчине было так неприятно, что не могу и описать. Личный вариант постапокалипсиса. Двери, которые больше не открывались. Пол, заваленный консервными банками и мусором. Странная, непривычная вибрация от оставшихся без ухода генераторов. А откуда-то снизу доносились пыхтение, шипение и стук — ни на что не похожие, совершенно чуждые Стойлу звуки. Жуткая, мрачная, деморализующая версия Стойла Два.

Оглянувшись, я увидела, что Каламити собирает крышечки с пола. Закусив губу, я боролась с нахлынувшим чувством, вопившим об осквернении места. Собирательство и мародерство было основой выживания в Эквестрийской Пустоши. Логично, почему бы не помародёрствовать и здесь. Но это более походило на разграбление могил. Безобразно.

Мои чувства развеялись, так как наверху гром ударил столь близко к пещере, что его можно было услышать в Стойле. Сердце выскакивало из груди.

— Что за... — я запнулась и тыкнула копытом вверх, подразумевая небо снаружи.

— Я говорил тебе. Гроза.

— Это не похоже ни на одну грозу, про которые я читала в книгах, — возразила я.

Каламити посмотрел на меня с мягкой насмешкой.

— Погода уже не та. Пони больше не ведут по небу солнце и луну. Мы, пегасы...

— Пресвятая Селестия и Луна ведут солнце и луну каждый день! — возмущённо парировала я. Как он мог такое сказать! Это... это богохульство!

— О да, — он закатил глаза. — В раю. Действительно.

Я оцетибилась. Пегас спокойно смотрел на меня, пока я не сдалась, жестом предлагая ему продолжить.

— Как я уже сказал, мы, пегасы, больше не управляем климатом. Погода Эквестрии одичала.

Холодок прокатился по моей гриве. Даже сквозь металлические стены и камни мы слышали раскаты грома.

Я начала задаваться вопросом, насколько сверхстойчиво было Стойло Два, что я никогда не слышала таких раскатов грома, как сейчас. Очевидно, оно было спроектировано, чтобы оставаться закрытым намного дольше, и я начала замечать некоторые архитектурные различия.

— Ха, — произнесла я, размышляя вслух, — тут только одна душевая.

По крайней мере, только одна в этой части жилого сектора. В Стойле Два их было две. Одна для жеребцов, одна для кобыл. Пол был мокрым, я слышала булькающие, ревушие звуки из-за двери ванной. В отличие от Стойла Два, Стойло Двадцать Четыре снабжалось из водоносного слоя, а вода просто очищалась антитоксином и противорадиационными заклятьями. В раковинах и унитазах бурлила вода, нагнетаемая ливнем снаружи.

То же случилось и с фонтанами. Один из них, между школой и жилыми секторами, разбрызгивал коричневую воду. Ужасные звуки доносились от труб и водопровода, как от неких противоестественных монстров.

Я замерла, как только красная точка вспыхнула на компасе моего Л.У.М.а. Где-то, прямо перед нами, бродило одно из тех существ, про которых рассказывал Подъёмник. И никто из нас не потрудился попросить их описание.

— Ну... есть соображения, каких именно “паразитов” мы должны здесь найти? — прошептала я, присев и двигаясь так тихо, как только можно.

Спальни, в отличие от душевых, были разделены: верхний этаж для жеребцов и нижний для кобыл. В отличие от Стойла Два, где

посещение были семейными. Мой Л.У.М. раздражал своей ограниченностью, он не мог сказать, на каком этаже находится существо, показывая, что сейчас оно стоит прямо перед нами. Я левитировала Малый Макинтош, готовая ко всему.

— Щас никаких, — прошептала Каламити в ответ. — Если я не ошибаюсь, мы их не ищем. Мы, типа, дверь закрываем.

— Если я не ошибаюсь, — парировала я, возможно, чуть громче, чем следовало бы, — предполагается, что это я должна закрыть дверь. Тебя тут вообще быть не должно.

Всё-таки, в чём-то он был прав. Запершись в логове неизвестных существ, околачиваться по коридорам и всюду совать нос — наверное, самый глупый поступок, до которого только можно додуматься. С другой стороны, это было совсем другое Стоило. Моё любопытство не позволило бы мне оставить его неисследованным. И если уж я заперта здесь на пару часов, времени лучше не найти.

Каламити покачал головой, но последовал за мной.

Мы подошли на пару шагов ближе, и красная точка снова пропала. Я быстро повернулась, стараясь разглядеть что-то позади нас, но напрасно. Либо существо попросту испарилось, либо сверху действительно был ещё один этаж. Мы присели, пытаюсь не шуметь. Спустя мгновение красная точка вновь появилась. Прямо перед нами. Несколько секунд — и она исчезла. На сей раз, очевидно, навсегда.

Если закрыть глаза на старость и разруху, школа в Стойле Двадцать Четыре выглядела точь-в-точь как дома. Школьные парты, стоящие ровными рядочками. Игровая площадка с игрушками. Стол учителя с терминалом, карандашами и даже давно сгнившим яблоком. Единственное различие состояло в большом стеклянном резервуаре, когда-то бывшим аквариумом. Даже в этих проржавевших стенах я чувствовала себя как дома.

Это должно было утешить меня, но нет. Напротив, стало как-то неприятно жутко. И это доводило меня до края. Постоянный стук и гудение в трубах усугубляли мой дискомфорт и вдобавок награждали слабой головной болью. И что хуже всего, мы столкнулись с тремя “призраками” — враждебными существами, появлявшимися только на Л.У.М.е, а так как у Каламити не было своего ПипБака, то он не мог понять, на что я так реагирую.

Я заволновалась, что мой Локатор Ушки-на-Макушке, или весь ПипБак целиком, сломался или испортился в Пустоши. И тут же разубедилась, вспомнив, что ПипБакам не страшны и гораздо худшие испытания. Скорее всего, у этих созданий была собственная магия, что ничуть не утешало.

— Слышала когда-нибудь о пони по имени Принц Селест?

— Что? — Я подошла, подняв бровь. — Дай-ка гляну... — Телекинезом подняв книгу со стола, я прочитала пару предложений, затем захлопнула её, чтоб посмотреть на обложку. — “Жеребец на луне”?!

Каламити хихикнул.

— Припоминаю, как мам читала мне чё-т подобное... ток там была кобыла на луне, если не ошибаюсь.

— Потому что там действительно была кобыла на луне! — Я начала быстро просматривать другие книги на столах и полках. Закончив, я пришла к важному выводу:

— Во-первых: во всех книгах каждая мало-мальски важная пони изменена на жеребца...

— Ну, я подозревал, что некоторые из них были жеребцами...

— Во-вторых! — настойчиво продолжила я, несмотря на голос, казавшийся напряжённым даже для моих ушей. — Ни в одной книге нету ничего, кроме самых туманных ссылок, на историю или правителей Эквестрии.

Не то, чтоб библиотека Стойла Два была совершенной в данном смысле — новая история в любой книге основывалась на старой. Но это не было нехваткой материала. Это было преднамеренным искажением фактов и смысла! В части Стойла, посвящённой образованию! Это... это...

— Ты щя чё-нить сожжёшь, если не остынешь.

Я со злостью бросила за угол книгу, которую держала. Я собралась уйти, негодование плащом окутывало меня, когда я вспомнила о терминале на столе учителя. Экран светился мягким светом. Подойдя к нему и готовясь взломать, я слегка разочаровалась, когда терминал с готовностью предложил свои тайны. Записи в основном были о посещениях и успеваемости. Две выбивались из общего ряда.

Первая:

“Настоящей неожиданностью стало сегодняшнее тестирование единорогов на магические способности. Все маленькие пони принесли своих домашних животных и на них показывали левитацию. Достаточно просто, несмотря на то что извивающееся животное может затруднить задание для жеребят в их возрасте. Мне пришлось позволить Масленке и Перидэнс взять талисман класса, так как у них не было своих питомцев. Перидэнс волновался, но, я думаю, что Масленка испугалась змеи, хоть ей и сказали, что она обеззублена и безопасна. Разумеется, у Масленки не очень хорошо получалось.

Всех удивила маленькая Кванта, целый год испытывавшая затруднения даже с простой левитацией. Знаю, что такого никогда не наблюдали у девочек, но я не могу представить иного объяснения: в классе случилось настоящее чудо. Кванта не только подняла себя, но и вспышкой энергии затронула всех животных в классе. Большинство выздоровело, но некоторые (наш талисман в том числе), кажется, полностью исчезли. И что самое странное, загадочная вспышка, похоже, превратила старую уродливую кошку Кэрот Тэйл в... ладно, ещё более уродливую старую кошку.

Это продлилось всего мгновение. С Квантой, похоже, всё в порядке. Никто не понял, что она сделала. Конечно, я оповещу родителей, да и Кэрот Тэйл травмирована. Чудом будет, если я смогу чему-то научить этих жеребят до конца недели. Между тем, я собираюсь писать прошение, чтобы ещё один жеребец присматривал за тестами. Так, на всякий случай.”

Вторую, последнюю запись в терминале сделали пару дней спустя:

“Я ожидал, что родители будут держать жеребят дома после случившегося в начале недели, но теперь они могли бы и отпустить их. Вместо этого посещаемость всё ещё низка. Сегодня почти половина учеников пропустила уроки. Если после выходных ничего не изменится, мне придётся поговорить с родителями. А если и это не сработает, то и со Смотрителем.”

Несколько мгновений я пялилась на последнюю запись.

— Погоди... Смотритель?

Каламити любопытно посмотрел на меня.

— Что-то не так?

— Смотрительницей этого Стойла был... жеребец?

Пегас моргнул, глаза его чуточку расширились.

— И что?

— Предполагается, Смотрительница всегда она. Вот что не так.

— Что, думаешь, жеребчику не под силу то, что делает кобыла?

Озадаченная, я пыталась доходчиво объяснить:

— Н-нет. Дело вообще не в этом! — я отрицательно покачала копытом. — Это.. Просто так правильно. Это традиция.

Он не двигался. Голос пегаса был удивительно ровный.

— Хочешь сказать, что даже если был бы жеребец, способный управлять Стойлом лучше, чем кто-либо, и его кьютимарка указывала на это, и ему не разрешили бы только потому, что он жеребец?

Я сглотнула, отступив назад. Параспрайт задерги, я была права! Всё же я не нашлась, как объяснить мою правоту без самокопания. Я просто промолчала.

Каламити развернулся и вышел из класса. На этот раз я последовала за ним.

— Ладно, чё-то я запутался.

Перед нами была другая дверь на Технический Этаж. Справа — кафе. Слева — кладовая. В последней мы обнаружили светящийся терминал, пару стеллажей с продовольствием и плакат на стене, изображающий могучего жеребца, храброго и высокого, в готовности встретить опасность лицом к лицу, в окружении трёх кобыл, припавших к земле, напуганных, но смотрящих на него как на спасителя, с обожанием.

Каламити сконфузился. Во мне медленно вскипало нечто похожее на гнев.

И дело не в том, что за поворотом не оказалось предполагаемого атриума. Я могла закрыть глаза на вопиющие расхождения в архитектуре Стойла (хоть они действительно бесили меня). И не в том героическом жеребце или жеманничавших кобылах. Плакат обыгрывал желание быть особенным, жаждать восхищения за свои достижения, которое я вполне понимала. И не в том, что это был уже пятый плакат, с которым мы столкнулись, и все они следовали одному и тому же гендерному уклону. Дело было в том, что жеребец на картинке отважно держал в зубах разводной ключ, а тот неопикуемый ужас кобыл, раболепно застывших, как напуганные кролики, являл собой непокорную засорившуюся раковину.

Осторожно, чтобы не подорваться на очередной социальной mine, я обратилась к пегасу:

— Теперь понимаешь... почему я расстроена? Дело не в том, что у власти должны быть лучшие из пони, заботящиеся о традициях. Это...

— Ага. Это пропаганда. Все эти плакаты были здесь до того, как пони пришли в Стойло, спасаясь от апокалипсиса. — Он повернулся и уставился на меня. — Всё равно что утверждать, что есть работа только для жеребцов и работа только для кобыл.

Я молча согласилась.

— Но эт справедливо только для кулинарии.

Я остолбенела. Мои уши встали торчком, и могу побиться об заклад, что с них пощёл пар.

— Что?! Как это связано с... — и запнулась, поймав его хитрый взгляд. — О. Ха-ха. Догадываюсь, что заслужила.

— Ага.

Воцарилась тишина. Я вернулась к взлому складского терминала и чтению записей пони, видимо, техинспектора, в то время как Каламити копался в продовольствии, выискивая что-нибудь мало-мальски ценное. Лязганье и стук труб не прекращались, но на секунду я почувствовала себя менее напряжённой. Наконец удалось сойти со скользкой дорожки социальных дискуссий. И тут-то всё и покатилося к параспрайтам.

Я только-только расправилась с четвертой записью и почти приблизилась к последней, как мой Л.У.М. вспыхнул красными точками.

Пять “призраков”!

Запись №1

“Я не могу поверить в свою удачу. Персефона прекрасна. Вчерашнее свидание прошло потрясающе. Она даже позволила себя поцеловать! И, похоже, я понравился её маленькой кобылке, Кэррот Тэйл. Так даже лучше, по мне она тоже ничего. И мне даже не надо притворяться, как я думал, только чтобы подольше побыть с её мамой. Более того, мы запланировали второе свидание на завтрашний вечер.

О, вот ещё. Грэйхорн наконец починил освещение на уровне 2-Б. Постоянное мерцание просто сводило поняш с ума.”

Запись №2

“Вся удача покатилося грифону под хвост. Сперва оборвался целый сегмент освещения на сами-знаете-каком-уровне, погрузив проклятый атриум во тьму в самый разгар движухи. Что хуже, Персефона отложила наше свидание. Какой-то единорог что-то сделал с питомцем Кэррот Тэйл, и Персефона весь день утешает свою малую сучку, чтоб та не утонула в слезах. Ну нафиг. Ненавижу детей.”

Запись №3

“Сегодня вызывал Смотритель. Чрезвычайная ситуация, требующая моих особых навыков. Угадаете, что? Он снова себя запер. Опять! Третий раз за неделю. К счастью, любой пони с каплей мозгов смог бы открыть эту штуку. Самый слабый ёбаный замок, который я когда-либо видел. Но, если Грэйхорну придётся всё-таки заниматься этим, я на всяк случай оставил пригоршню шпилек и номер «Ежедневника Слесаря» в раздевалке техэтажа. Я даже выделил полезные для него места в тексте. Если он не забудет пароль, проблем не должно быть. Я поставил его имя в качестве пароля.... блин, да он и его забудет.

Тем временем, с личной жизнью всё хуже и хуже. Кобылка Персефоны в больнице. Слышал, на неё напал кот. Им следовало бы приструнить его.”

Запись №4

“Где, мать его, носит Грейхорна? Этот идиот проебал всю сегодняшнюю смену. Звоню ему — не отвечает. Дерьмо, приходится тут всё делать самому.

А, ещё я заменил всё освещение на уровне 2-Б, и что? Правильно, у нас ещё проблемы. Клянусь богом, построившим это место пони надо поотрезать рога. Стойл-Тек наебал нас на огромную сумму. Надеюсь, им поджарило задницы мегазаклинаниями.”

Запись №5

“Грейхорна всё ещё нет. Расспросил остальных, никто его не видел. Он заболел? С него бы стало упасть и проткнуться собственным рогом.

Проклятье, опять эти скребущие звуки. Что-то хочет забраться в систему вентиляции. Я убрал пару решёток на этом этаже. Надеюсь, что, чем бы оно ни было, оно само оттуда выпадет. А то ещё придется какому-нибудь жеребёнку ползти по

трубе и доставать. Я упоминал уже, как ненавижу детей?

Сто проклятий! Я только что заметил хрень, тарачившуюся на меня с потолка. Если б не знал — подумал бы, что это та сраная кошка Кэрот Тейл. Но ведь они позавчера поймали и прибили её.

Тысяча проклятий!!! Эта хуйня только что укусила меня! Клянусь, я пошлю туда кого-нибудь с огнемётom!"

Подняв голову, я увидела тёмное отверстие на месте решётки и несколько пар чужих, мерцающих глаз.

— Каламити! Вернись! Они в вентиляции!

Каламити вернулся на мой крик как раз тогда, когда первое существо выскочило на полку, вывернув на пол ведро с предохранителями. Существо смутно напоминало кошку, но скорее размерами, нежели мехом, клыками-переростками или горизонтальным разрезом зрачка. Последнее меня удивило больше всего.

Я крупно ошиблась, спрятав Малый Макинтош. Когда это прыгнуло на меня, у меня не было времени даже подумать, не то что вытянуть оружие. Я инстинктивно среагировала и, телекинетически схватив создание, швырнула его прочь, как тогда с гранатой. Только сейчас мы были в маленькой комнате, и лететь ему было некуда. Шипя, оно шмякнулось об стенку.

Второе запрыгнуло на терминал, затем на пол. Я замахнулась передним копытом и со всей силой ударила по голове создания. Встав на дыбы, я угостила того, что был прибит к стене, смертельным ударом передних копыт.

Третье выскочило справа, ухватив когтями гриву.

Я завизжала как маленькая:

— Сними его! Сними его! Сними его! — Запаниковав, я начала брыкаться и пнула терминал задним копытом. Послышался хруст стекла и хлопок взрыва. Я почувствовала, как мне опалило шерсть возле копыта.

Повернувшись к двери, я увидела прицеливающегося Каламити.

БА-БАХ!

В голове мелькнула картина ранения и смерти, многократные выстрелы того самого пони, что пикировал на меня на дороге и теперь прицеливался снова. Зажмурившись, я упала на пол, пытаюсь увернуться от пули... уже после того, как Каламити выстрелил, разорвав кошкозмею на части. Я осталась целой и невредимой.

У меня дрожали копыта. Я попыталась улыбнуться, но вышла скорее гримаса. На его лице было написано, что ему хотелось сказать: я могу доверять ему и должна перестать бояться, что он меня пристрелит. Но он промолчал. Промолчал, потому что знал, что я имею полное право и всякие основания бояться его винтовок. Что это естественно в моём положении.

В то мгновение я кое-что поняла. Он действительно сожалел, что стрелял в меня. Не как в нового героя, спасшего нескольких горожан. Именно в меня. И он пошёл со мной не гонимый стыдом. Он не пытался исправить репутацию или восстановить положение в своих же глазах либо чьих-то ещё. Каламити действительно раскаивался, что чуть не убил меня.

Я даже не осознавала, что думаю о нём в таком ключе. Но сейчас до меня дошло. Проклятье, теперь мне надо извиниться.

Он отвернулся, изучая потолок.

— Похоже, звуки стрельбы отпугнули их.

— Пока да, — согласилась я. Мне всё ещё не хватало смелости поделиться с ним своим открытием. Он только отрицал бы это и чувствовал себя неловко. Он жеребец, в конце концов...

Проклятье! Я отругала себя за такие мысли. Нетрудно понять, что привело меня к такому образу мышления. Я впилась взглядом в тупой плакат.

— Ненавижу это Стойло.

Малый Макинтош крутанулся, прогромыхав тремя выстрелами, ведомыми З.П.С. Ещё три кошкозмеи обрели вечный покой. Их было легко убить, но эта радость с лихвой компенсировалось их проворностью и маленькими размерами. И чрезвычайной агрессивностью!

Ещё парочка тварей попытались напрыгнуть на Каламити, силясь уцепиться когтями. Он взбрыкнул, отбросив назад крылья, и запустил их в полёт. Потом ударом ноги с разворота взбил одного из них в кровавое месиво.

— Сколько же... этих мелких тварей... не считала?

Я выстрелила в одно из отброшенных Каламити существ, но промахнулась. Следующий выстрел попал в цель. Последнее ускользнуло от меня и запрыгнуло на спину Каламити. Я услышала его вой, когда существо впилось зубами в его шею.

— Спокойно, я разберусь! — я выдернула телекинезом существо; мой рог неистово сверкал магией, когда я поднесла Малый Макинтош к мяукающей твари, запачканной кровью Каламити, и нажала на спуск.

— Зараза, эта хрень кусается.

— Постой. Дай взгляну, — я уже вытаскивала бинт из седельных сумок. Перевязочные материалы почти закончились. Я знала, что мы сможем найти их или в больнице (которая должна быть впереди), или в душевых жилых кварталов (что подразумевало долгую прогулку назад).

Мы прошли технические этажи — долгий, сырой, изнурительный и скучный путь по самой нижней части Стойла, теперь полузаотопленной. Мы нашли раздевалку и паролем открыли шкаф. Моя коллекция заколок сильно пополнилась, а аккуратно свёрнутый «Еженедельник Слесаря» тоже переместился в седельную сумку. Единственные существа, найденные на техэтажах, были мертвы. Утонувшие. Несмотря на сходство с помесью кошки и змеи, эти маленькие твари не умели плавать. Благодарите пустошь, когда она делает вам маленькие одолжения.

Впрочем, нам начали встречаться скелеты. Сначала поодиночке, затем в кучах. Чем ближе мы приближались к сердцу Стойла, Атриуму, тем больше смерти витало в воздухе. Я не удержалась и представила картину: кто-то идёт по Стойлу Два и находит безжизненные тела всех, кого я знала.

Это было уже слишком. Мне нужно было отдохнуть и проветрить голову.

Не меньше девяти проклятых тварей подгадали момент, чтоб опять напасть на нас.

Забинтовывая рану Каламити, я скривилась, осознавая нехватку лечебных навыков. Задумай я присоединиться к Министерству Мира, меня бы вышвырнули за хвост. Всё было настолько плохо, что я запросто могла откинуть копыта, если б не знала, с какой стороны у зелий горлышко. И мне было неуютно от того, что кто-то ещё полагается на мои (и так скудные) умения.

Но мы всё оставались на ногах и шли в правильном направлении. В правильном ведь, да? И чем больше я об этом думала, тем менее разумными казались причины нашего блуждания здесь. Под конец я обернулась и осмотрела пройденный путь.

— Ладно. Я очень сильно ступила. Мы разворачиваемся, со всех ног бежим к выходу, баррикадируемся там и ждём, пока не пройдет проклятая гроза. Тогда выходим и закрываем за собой дверь.

— Эм.... вообще-то... я за то, чтоб дойти до больницы.

Я удивлённо повернулась, посмотрела на Каламити... и моё удивление сменилось оторопью. Затем ужасом.

— Кхм... полагаю.... — он покачался, белизна его кожи просвечивала сквозь ржавую шерсть, — ...там есть что-нить против... знаешь... яда?

Пегас упал с глухим звуком.

— Каламити!

Химера.

Из личных заметок Доктора Брирберри, главного врача Стойла Двадцать Четыре.

“Я назвал этот новый вид ‘Химерой’, ввиду очевидных причин. Это создание — следствие дикого магического взрыва от исключительно одарённой кобылки, Кванты. Вспышкой неконтролируемой магической энергии Кванте удалось ‘сплавить’ воедино несколько оказавшихся вблизи неё существ в полноценную и совершенно новую форму жизни.

Первоначально созданная химера несколько дней линяла, прежде чем проявить свою истинную суть; в это время другая ученица, Керрот Тейл, подверглась нападению существа. Она была срочно отправлена в клинику, но погибла в течение пары часов от неизвестного волшебного токсина, впрыснутого в ребёнка существом.

После линьки химера напала на технического работника по имени Грейхорн. Как и в случае с Керрот Тейл, мы лечили Грейхорна заклинаниями против яда и зельями, но напрасно. Грейхорн продержался втрое дольше Керрот Тейл и умер в страшных муках. Только после смерти Грейхорна мы смогли определить ключевые компоненты химерической физиологии.

Как вы видите на рисунках, что я приложил к документу, кошачьи и змеиные элементы сплава довольно очевидны. (см. изображения С-1 и С-2). Чего мы изначально не понимали и о чём не подозревали, так это некоторые повадки насекомого; возможно, в момент заклинания насекомое на очень глубинном уровне внедрилось в существо. Видите, клыки химеры совсем не похожи на клыки змеи, скорее, на яйцеклад насекомых.

Вид ведёт себя чрезвычайно агрессивно; нападает на любого подходящего пони-хозяина, куда может отложить яйца. Через день, когда яйца взрываются, личинка химеры прогрызает путь наружу, в конечном счёте убивая хозяина, если он ещё жив. В случае Грейхорна пять новых химер вырвались из его тела через час после смерти. (см. изображение С-3). Можете представить лицо моего помощника. (А можете не представлять, см. изображение С-4).

К счастью, случай с Грейхорном и предоставленные нам личинки химеры позволили разработать и заколдовать антитод. К несчастью, некоторые из требуемых трав в ужасном дефиците, и, скорее всего, зелья на всех не хватит. Смотритель хранит одну бутылку в своём кабинете, вместе с рецептом. Между тем я держу остальные в больнице, в магическом холодильнике, ожидая решения Смотрителя, как распределить зелье.”

Храни нас Селестия!

Когда я дочитала, ужас сковал меня. Я медленно встала из-за терминала Доктора Брирберри и осмотрела больницу. Десятки скелетов сгрудились возле открытой двери магического холодильника. Остальные лежали, сцепившись друг с другом.

Новый вид, чрезвычайно враждебный, обездвигивает жертву одним укусом, мучает её до смерти изнутри... и порождает при этом пять своих копий?

Я мгновенно поняла, что мешало химере наводнить Пустошь Эквестрии — река и неумение химер плавать. Благодарите пустошь, когда она делает вам большие одолжения!

Если мы выживем, я обязательно поговорю с Подъёмником насчёт его понимания “маленькой проблемки”. Преуменьшение не в почёте в Эквестрийской Пустоши.

Я взглянула на Каламити. Он лежал на койке и выглядел ещё более слабым. О Богини. Я не могла сказать ему! Пусть уж думает, что отравлен; так лучше.

Чисто наудачу, я распахнула дверь холодильника, уже зная, что ничего там не найду.

Ладно. Последний вариант. Я подошла к окну больницы и посмотрела на окутанный темнотой Атриум. Единственный свет исходил от пары всё ещё рабочих ламп клиники и от мигающего, дрожащего огонька в круглом окне кабинета Смотрительницы (нет, Смотрителя) выше. Если одна доза... “противоядия”... и осталась, то наверняка она там, в сейфе. Единственный путь к сейфу пролегал через Атриум.

Атриум кишел химерами.

Нервно сглотнув, я повернулась к Каламити. И выложила ему план.

После долгого взгляда Каламити наконец ответил:

— Да ты ненормальная.

Я сконцентрировалась; рог засветился, открывая сумки.

— Всё будет хорошо.

— Да ни хрена не будет хорошо! Это чистой воды самоубийство! Ты всех нас убьёшь!

Я сурово посмотрела на пегаса.

— Дай угадаю. Ты полагаешь, что должен пойти туда сам, зная, что ты уже и так... отравлен. И ничего, что ты встать не можешь без посторонней помощи? И даже с ней — вряд ли.

Рыжий пегас отчаянно предложил:

— Тогда выбирайся отсюда. Хоть кто-то из нас уйдёт живым из этого безумного Стойла.

— Я друзей не бросаю, — и перезарядила Мальый Макинтош.

Каламити закашлялся и посмотрел на меня с искренним удивлением.

— Друг? Но... я ведь тебя подстрелил.

Я закатила глаза и кивнула:

— Да, подстрелил. И я собираюсь шпынять тебя этим всю оставшуюся жизнь. Я совершенно не хочу проливать свою кровь зазя, если ты сегодня умрёшь.

— Не будь наивной душой, Лил’пип. Ты ни за что не сможешь...

Я левитировала СтелсБак так, чтоб Каламити его увидел, и улыбнулась, не ощущая той уверенности, которую излучала моя улыбка:

— Смотри, что у меня есть.

Несомненно, это были самые мучительные два часа в моей жизни. Медленный путь сквозь тьму, в окружении смертельно опасных

хищников. Они не видели меня. Но в темноте только Л.У.М. и заклятые прицеливания помогали мне не наступить или задеть их.

Минное поле. Пересекая его, я поняла, что, назвав собственную глупость и скользкую тему дурацких плакатов “социальным минным полем”, легкомысленно оскорбила настоящие минные поля и всех, кто хоть раз попадал туда. *Это* и вправду было минным полем. И все мины были живыми и двигались. Одно неверное движение, необязательно даже моё, и я буду не единственной, кто погибнет, расплачиваясь за него.

Но я справилась. В кои-то веки пустошь просто сыпала одолжениями. Найти дверь Смотрителя было просто. Судя по скелету, я предположила, что Смотритель запер себя, и боялась, что он употребил антидот. Но в закрытом сейфе я нашла и зелье, и рецепт, а также старую запись. Полагаю, это были его последние слова. Если бы я была Смотрительницей в Стойле Два, смогла бы я смотреть, как все умирают? Подозреваю, что на его месте я поступила бы так же.

Я взяла все три предмета. Предполагая, что они мне наверняка пригодятся в свете того, что я собиралась проверить.

Даже после принятия лекарства, Каламити требовалось время, чтобы оправиться. И неясно было, сколько именно. Подняв пегаса и Малый Макинтош, я вернулась назад, зная, что проклятые химеры лезут сквозь вентиляцию и что даже зачищенным участкам доверять нельзя.

Мы расположились в чулане возле главной двери. Усевшись с «Еженедельником Слесаря», я погрузилась в чтение, выискивая полезные сейчас заметки. Выделенные отрывки пришлись как раз кстати.

Снаружи гром ободряюще встряхнул гору. Я посмотрела вверх и поблагодарила Селестию за грозу.

Советы из книги пришлись как нельзя кстати. С небольшими усилиями и только одной заколкой я вскрыла ящик с надписью «динамит». Внутри действительно был динамит. Я осторожно вынула все шашки и положила свернувшегося Каламити в ящик, закрыв его. Если химеры и добрались бы до него, пока я занята, то ничего с ним они не смогли бы сделать.

В следующие несколько часов я оббегала Стойло Двадцать Четыре вдоль и поперёк. Везде, кроме Атриума. Я открывала каждую дверь, какую могла открыть, а потом фиксировала её чем-нибудь вроде мусорного ведра или опрокинутого канцелярского шкафчика — чем угодно, лишь бы не дать двери закрыться.

Что касается Атриума, то я сперва очистила больницу от медикаментов, а потом просто оставила горящую динамитную шашку и убежала.

Остальная часть взрывчатки должна была разнести пещеру, чтобы река могла затопить её. К тому времени как я всё подготовила, проснулся Каламити и заинтересовался, с какой стати его упаковали как взрывчатку. По мере объяснения моего плана его глаза становились всё больше и больше.

— Етить-колотить, — всё, что он ответил.

Мы покинули Стойло Двадцать Четыре глубоко ночью. Уже светало, когда мы приблизились к Новой Эплузе. По крайней мере, теоретически. Гроза прекратила мешать пустошь с дерьмом, и теперь просто падал дождь.

Канди была так добра, что выделила мне незанятую койку в больнице. Более чем справедливая оплата за рецепт с антидотом.

Я проспала до обеда. Когда я проснулась, с неба всё ещё лило как из ведра. Каламити проснулся поздним вечером и направился ко мне. К тому времени я уже добилась некоторых успехов под руководством Подъёмника. К моменту, когда мы сделали перерыв на баночку Спарк-Колы, я уже запыхалась и сильно вспотела.

— В общем, мы квиты, — сказала я Каламити, в то время как Подъёмник левитировал нам по баночке ледяной Спарк-Колы.

— Я не понимаю.

— Если бы мы остались у двери, тебя не укусили бы.

— Если бы мы остались у двери, ты бы никогда не достала противоядие.

— Если бы мы не рыпались, тебе бы оно и не понадобилось.

— Агась! Но кому-то оно могло бы и понадобиться! Подъёмник грил, что у них были проблемы с этими паразитами. Значит, они всё-таки как-то выбирались.

Дерьмо! Я совсем про это забыла. Но нам повезло, и гнездо разрушено...

— Ты понимаешь, что это не твоё Стойло было? — голос Каламити прозвучал в торжественной тишине.

Я взглянула на новоиспечённого друга.

— Что?

— Я знаю, что ты выросла в Стойле. Но *не в этом* Стойле.

Ну конечно же, не в этом. Мне незачем было напоминать, но я не понимала, к чему Каламити поднял тему.

— Просто... мне показалось, что ты принимаешь всё, что творилось там внизу, ну, не знаю... на свой счёт, — пегас посмотрел на меня честными глазами. — Просто хотел тебе напомнить.

Без сомнения, он был прав. Я не знала, что искала или что ожидала там увидеть. Но я позволила Стойлу Двадцать Четыре задеть меня за живое. Стойло Двадцать Четыре никогда не было моим домом. Я вообще никак не была с ним связана. Единственной нити, связывавшей Стойла, было двести лет, и она была похоронена в дребнях забытой истории. Стойл-Тек уже очень, очень давно не существовало. Я не была предана ему и не несла никакой ответственности перед давно умершими.

— О! — я вытащила запись из кабинета Смотрителя. — Послушаем, что там?

Заметка: Новый уровень.

Новая способность: Стрелок — при использовании оружия ртом или телекинезом, ваши шансы попасть с З.П.С. возрастают на 25%

Добавлена квестовая способность: Могучий Телекинез (уровень 1) — вы можете поднимать в три раза больше грузов при помощи левитации.

<<< ^^>>>

Глава 6. Чистая правда

«Уж лучше будь один, чем вместе с кем попало.»

<<< ^^>>>

“Привет!

Меня зовут Скуталу. Наверное, вы помните меня (я ведь довольно известна) по моим шикарным выступлениям, например, на прошлогоднем Галоп-Коне. Или узнали во мне основательницу «Алого Скакуна».

...

Конечно, теперь уже без разницы. То, что вы слушаете эту запись, означает, что Протоколы Угрозы Категории Омега были активированы и вам... вам пред... да какого сена!!!

Извиняюсь.

Ну, ладно... на данный момент я обращаюсь к вам как вице-президент Стойл-Тек. Вы назначены Смотрительницей (Смотрителем, если вы в Двадцать Четвёртом) Стойла корпорации Стойл-Тек, призванного обеспечить выживание населения. Вас выбрали за преданность и чувство долга перед окружающими пони. И пусть головной офис Стойл-Тек, возможно... да и скорее всего, уже лежит в руинах, идеалы компании остаются неизблемы.

Это Стойло является частью крайне важного социального проекта. Первая задача убежища — этого и прочих — сохранить жизни пони, что в нём оказались. Более того, перед вами стоит цель более значимая, чем спасение отдельных пони. Мы в Стойл-Тек осознаём, что нет смысла спасать кого-либо сейчас, чтобы истребить друг друга после. Надо понять, в чём заключались наши ошибки, найти лучшие решения. И воплотить их в жизнь сразу же, как только откроются двери Стойл.

...И как-то выжить в том, до чего наши лидеры умудрились довести Эквестрию...

...Проклятье! Н-надеюсь, не дойдёт до того, что кому-то п-придётся это слушать. Неужели всё напрасно? Неужели они и вправду нас всех уничтожат?..

...Извините. Опять я читаю не по сценарию. На чём мы остановились? А, да. Короче говоря, Стойл-Тек должна обеспечить грядущим поколениям более... более устойчивое общество.

В сейфе кабинета для вас подготовлен пакет с особыми указаниями и списком задач, где подробно расписан ряд характерных изменений, определяющих роль конкретно вашего Стойла в проекте. Если вдруг однажды исполнение этой роли явным образом поставит под угрозу жизни и здоровье ваших... всех ваших подопечных пони в целом, вам немедленно следует прекратить участие в проекте и принять все меры, необходимые для благополучного разрешения сложившегося положения. В остальном — строго придерживайтесь директив и регулярно докладывайте Стойл-Тек о результатах согласно персонализированному протоколу, который вам предстоит вскрыть.

Спасибо тебе. Мы лично и вся Эквестрия в долгу перед тобой....

И да смилостивится над нами всевышняя пони.”

Не то послание, что я ожидала услышать. Теперь эмоции насчёт Стойл совсем смешались в моей голове, и хотелось просто забыть о них навсегда.

— Отринь старое, прими новое, так? — я ещё раз стукнула копытом по стойке. — Яблочный Виски, ещё одно Фирменное, пожалуйста!

Яблочный Виски, единорог за барной стойкой и по совместительству владелец таверны «Шлагбаум», наполнил очередной стакан. Потом, прямо на моих глазах, он выставил на стойку семь яблок — великолепных золотистых яблочек, не тех бледных безвкусных подобию, что росли “не-дома” — и одним взмахом рога магией превратил их, одно за одним, в бутылки вкуснейшей, успокаивающей разум и утоляющей боль яблочной браги. Рядом со мной Каламити одобрительно застучал копытом по полу. Пара кобыл в глубине таверны восторженно выдохнула.

— Не знаю, что меня так удивило, — наклонившись к Каламити, прошептала я. — В конце концов, ваш предводитель — жеребец.

Каламити наострил уши и одарил меня удивлённым и озадаченным взглядом:

— Наш предводитель? Нет у нас никакого предводителя! — я не была уверена, сказал ли он это с обидой или беспокойством.

Я покрутила копытом в воздухе:

— Ну, я слышала его. Через спрайт-бота. Когда ботом не управлял Наблюдатель.

По взгляду его было видно, что замешательство Каламити углубилось. Внезапно он взорвался захватским смехом:

— Чего? Красный Глаз? — он повернулся к остальным пони в баре. — Эй, поняши. Литлпип думала, что Красный Глаз — наш главный.

Вся Таверна взорвалась смехом.

— Ну и ну, девчушка! — выкрикнула одна из кобыл за стойкой. — Да Красный Глаз не больше, чем напыщенный болтун! Ёлки, я даже не слушаю эту передачу. Особенно, когда в эфире станция Диджея.

— А?

— Ага, — поддакнул жеребец за соседним столиком, загибая стопку крышек от искоса поглядывающих на него компаньонов. Многие из них с отвращением смотрели на разноцветные бумажные квадраты. — Пусть только попробует этот Красноглазый заявиться сюда и сделать Новую Эплзу частью своего “нового мира”! Я ему это его “единство” и “братство” сам лично засуну в...

— Да сдавай ты уже! — ворчливо перебил его сосед.

— Так... — я силялась сложить вскрывшиеся обстоятельства в единую картину. Алкоголь хорошо помогал забыть, но не особо способствовал мышлению, — ...тот голос не-Наблюдателя в спрайт-боте — это Красный Глаз. И он не ваш предводитель...

— Что с этим наблюдателем? — спросила кобыла, сидевшая неподалёку от меня. — Эти спрайт-боты просто радио. Красный Глаз не может наблюдать за пони на самом деле. Они же не камеры! — она обратилась к Каламити. — В смысле, ты *представь*, если бы он мог?..

Ну ладно, я знала, что *это* не было правдой. Но, по-видимому, о том, что через спрайт-боты можно шпионить, многие и не подозревали. Наблюдатель посвятил меня в небольшую тайну.

— Эй, Яблочный Виски! Вруби Диджея! — громко окликнул один из жеребцов. Бармен «Шлагбаума» поднял взгляд на одну из полок, где стояла бурая коробка с проводами, что вели к динамикам по всей таверне. Его рог слегка засветился, включая радио, и из динамиков

полилса чарующий голос, возможно, самый мелодичный — или, в любом случае, мало уступающий голосу Вельвет Ремеди — из всех, какие я когда-либо слышала.

*“Как же так случилось? Что натворила я?
Хотела лишь помочь тебе, но ранила сильнее.
И скрыться бы мне. Мне бы убежать.
Хотела бы всё сначала начать...”*

И голос, и песня были наполнены такой искренней грустью и решимостью, что с головой захлестывало грустными переживаниями. Сразу же подступили слёзы, пришлось пересилить себя и сдержать их. Я решила, что выручит алкоголь, и, когда мой стакан опустел, цокнула по стойке, требуя повторить.

*“...В сражениях своих забыла, что кругом война.
Иношу мира я в седле не унесу одна...”*

Это было невыносимо. Сердце обливалось кровью, и я даже не могла понять, от чего. Я ухватилась за спасительный вопрос:

— Диджей? Что за Диджей?

Ответы нахлынули таким валом, что сложно было разобрать. Казалось, каждому пони в баре было что сказать.

— Диджей Пон3! Всегда в эфире!

— Лучшая музыка во всей Эквестрийской Пустоши.

— ...ага, целых... сколько? Двенадцать песен? Двадцать?

— Он пони-гуль. В эфире сколько себя помню.

— А вот и нет. Они меняются временами. Когда я была маленькой, Диджеем была кобыла!

— Слышал, что он пегас. И у него станция в облаках. Так он всегда знает, что где творится.

— Глупость какая. Все знают, что Диджей Пон3 вещает из Башни Тенпони в руинах Мэйнхэттена.

— Он точно гуль. Был ведь ещё до войны.

— Я слышал, что самым первым Диджеем Пон3 была кобыла по имени Винил Скретч, и её убило, когда удар зебр сравнял с землёй Мэйнхэттен. Но её племянник выжил, потому что был в Башне Тенпони и всё такое, потом продолжил её дело.

— Слышала, это была её сестра.

Голова шла кругом. Каламити смотрел на меня с ухмылкой. Наклонившись поближе, он проржал:

— Диджей Пон3 всегда в эфире.

На заднем плане голос невозможной красоты и грусти вопрошал: *“Как мне всё исправить? Сколько попыток мне дано? Хочу все сделать верно — мне не всё равно!”*

Музыка стихла, и по радио раздался голос: *“С вами Диджей Пон3, только что мы услышали песню Свити Белль о той самой главной истине пустоши: каждый сотворил что-то, о чём сожалеет. А теперь, мои маленькие пони, время новостей! Помните, я рассказывал о той паре пони, что выползли из Стойла Два? Так вот, мне докладывают, что одна из этих поняш вынесла рейдерское гнездо в самом сердце Понивилля и спасла нескольких пленников. В том числе нашу любимую Дитзи Ду, автора «Копытоводства по Выживанию в Пустоши»! Спасибо тебе, поняша! От всех нас! А теперь о погоде: всюду облачно, возможен дождь, пальба и многочисленные увечья...”*

Дальше я уже не расслышала. Слишком была удивлена. Обо мне говорили по радио. Диджей Пон3 говорил обо мне. Сердце охватила гордость вперемешку с паникой. И паника потихоньку брала над гордостью верх. Меньше недели я пробыла на поверхности и уже обзавелась репутацией, которая ширилась по всей Эквестрийской Пустоши... репутацией, которая выставляла меня гораздо более героичной и одарённой, чем я была на самом деле.

“...и ещё кое-что: другую Обитательницу Стойла в последний раз видели вблизи Эплузы. Да помогут ей Богини. И это чистая правда. А теперь назад к музыке. Далее на волнах: Сапфира Шорс поёт о том, что солнце когда-нибудь да выглянет. Твои бы слова, да Селестии в уши, Сапфира.”

Казалось, на мгновение всё замерло. Что?!? Я повернулась к Каламити:

— Рядом с Эплузой? Я думала, что *это и есть* Эплуза!

Каламити фыркнул, продолжая потешаться над моим незнанием пустоши:

— Да ты что, Литлпин! Тут, это *Новая* Эплуза. Не может же быть “новая” без “старой”, а? — он мгновенно посерьёзнул. — Даже близко не вздумай подходить к Старой Эплузе, слышишь? Это город работорговцев!

Его перебил Яблочный Виски:

— Ну, туда довольно безопасно ездить торговать. Немалую часть своего фирменного яблочного виски я продаю именно там.

Я остолбенела. Да он шутит, наверное.

— Вы... торгуете с работорговцами?!

— Ага. Кстать, поезд в том направлении отбывает завтрама.

В полном неверии я оглянулась по сторонам:

— Вы все тут торгуете с работорговцами?!

Каламити прошептал мне на ухо:

— Почему, ты думаешь, я здесь не прижился, — и это не было вопросом.

Следующим утром я уже стояла под проливным дождём, уставившись на поезд. Не было даже намёка на угрызения совести, что весь прошлый вечер я провела, тренируясь с Подъемником: помогала ему грузить железнодорожные платформы. Знай я, для кого предназначены эти товары, вечер сложился бы немного иначе.

— Мне тя не отговорить, да? — Каламити стоял рядом, проверяя обоймы своего боевого седла.

Голову раскалывала тупая пульсирующая боль — последствие чрезмерного увлечения яблочным виски — но соображала я довольно ясно. Я знала, что это глупо, но там, где есть рабовладельцы, есть и рабы, которых нужно спасти. Да, часть меня просто пыталась соответствовать раздутой репутации, ведь когда-то я тоже, пусть всего на пару часов, была пленницей торговцев рабами. И я не могла просто закрыть глаза на то, что где-то там пони ждали кого-то, кому настолько не всё равно, чтобы попытаться помочь им.

— Нет.

— Ну, тогда я иду с тобой. Всегда мечтал подстрелить это грёбаное место. Полагаю, вдвоём нам может и вправду посчастливиться.

От его слов мне стало значительно легче.

— Договорись с Дитзи Ду о припасах. Не хочу, чтоб у кого-нибудь из нас там кончились патроны. Мы можем проехать горы и пустыню на поезде, но обратно, скорее всего, придётся гулять пешком.

Поразмыслив, я внезапно поняла: даже если припасов хватит на нас двоих, как же быть со спасёнными? В каком они будут состоянии и выдержат ли такую прогулку? Не то чтоб эти вопросы могли меня остановить. Всё же нужно было найти способ уговорить поездовых пони подождать нас, пока мы “грабим” город, с которым они торгуют. Я озвучила свои сомнения Каламити.

— Тебе придётся шустро чесать языком, если хочешь договориться, чтобы нас подождали, — ответил пегас, и вспышка озарения осветила его лицо: — Но я как раз знаю одну пони, у которой, возможно, завалюсь то, что поможет тебе повернуть это дело.

Каламити порысип куда-то, снова оставив меня созерцать поезд.

В ожидании я решила поближе познакомиться с устройством поезда. Платформы и крытые вагоны вмещали товары. Пассажиры вагоны — такой в составе был лишь один — предназначались для пони. Загадкой для меня оставались лишь красный вагон в хвосте состава и один большой бронзовый вагон с дымовой трубой, который шёл впереди. Первый был мне совершенно незнаком, что-то похожее на второй я видела в составе архитектурной каши, которую являла собой лавка «Абсолютно Всё».

Из любопытства я спросила у одного из тягловых пони, для чего нужны эти вагоны. Он с радостью ответил:

— Тот, что сзади, называется тормозным. — Он указал копытом в сторону красного вагончика сзади. — У него есть тормоза.

Понимаешь, когда мы поднимаемся в гору, нужно постоянно сменять тягловые команды, потому что очень сложно, в гору-то. Одна команда тянет, другая едет и высматривает рейдеров. А когда катимся с горы, едут все. И тормоза нужны, чтобы слишком уж не разгоняться.

Затем он ткнул копытом в передний вагон:

— А это движок. Тянет поезд. Но мы его не пользуем, только свистелку. Хорошо отгоняет паразитов от дороги.

Чего?

— Тянет поезд? Я думала, вы, жеребцы, тянете поезд?

— Ага. Тянем.

— Тогда...

— Ну, тамушта движок без угля не работает. Угля у нас нет. Да если и был бы, угольного вагона всё равно нет. Поэтому ездим на попячьей тяге.

Бесмыслица какая-то.

— Так, получается, движок нужен, чтобы тянуть поезд, но тянуть он не может, поэтому вы сами тянете и движок и поезд? — должно быть, я что-то упустила.

— Ага.

Аргх!

— Ладно... тогда почему у вас нет угля? Где уголь?

Пони-железнодорожник закатыл глаза:

— Э, так в Эквестрии нет никакого угля, — я ощутила, как что-то скрипнуло в моей голове. — Весь уголь в далёких-далёких странах.

— Тогда... откуда... уголь... здесь появиться должен?

— Ну, поездом, ясное дело!

Rrrrr! Ну всё. Ещё один факт о поездах, и они сломают мне мозг. Этот разговор лишь усилил мою головную боль.

Каламити возвращался, шлёпая по лужам. Когда пони-железнодорожник вернулся к своей работе, пегас встал на дыбы и замахал копытами, лицом и жестами изображая привидение:

— Ууууу! Весь уголь в таинственных далёких странах... полных зебр! Ууууу!

Я неодобрительно уставилась на него.

— Ты закончил?

Он встал на ноги и, ухватив зубами, вынул из седельной сумки жестяную коробочку, и протянул её мне. Магией я поднесла её, чтобы рассмотреть поближе. На коробочке было выгравировано изображение зебры.

— То, чё внутри, называется “Праздничные Минталки”. Их варят из Минталок и... ещё кой-чего. Гарантированно сделают тя душой любой компании. Эти штуки снимают похмелье, очищают голову и превращают тя в самую красноречивую пони во всей пустоши.

Я подозрительно взглянула на него. Хотя, с другой стороны, я доверяла Каламити, да и что мне было терять? Открыв баночку телекинезом, я вытащила на свет один маленький квадратик и отправила его в рот. Осторожно прожевав его, я вынуждена была признать — это было вкусно, хотя послевкусие и отдавало горечью. Но никакой разницы я не почувствовала, и...

ОГО-ГО!!!

Мир резко обрёл острые черты. Цвета стали ярче и гораздо приятнее. Даже дождь ощущался приятнее. А мысли! Никогда раньше я не мыслила так ясно и трезво. Приходило блаженное осознание ранее сокрытых от моего мысленного взора истин. О Селестия, где же эти чудесные штуки были всю мою жизнь?!

Я чувствовала уверенность. Подобрать нужные слова оказалось проще простого. Я могла подбить кого угодно на что угодно! И вот-вот собиралась доказать это на практике!

Несколько часов спустя я уже сидела у окна пассажирского вагона и разглядывала проползающий мимо пейзаж. По крайней мере, ту малую его часть, что не была скрыта потемневшим небом и дождём, который снова усилился. Вспомнились ручьи воды, стекающие по скалам вблизи Стойла Двадцать Четыре. Я молилась, чтобы дождь не помешал нам взобраться в гору.

Уговорить поездовых пони подождать нашего возвращения было проще простого. Однако когда действие Праздничных Минталок закончилось, пришёл отходняк, от которого я ощущала себя полуслепой и ужасно глупой. Я еле удержалась, чтобы сразу же не слопать ещё одну. По правде говоря, я бы и слопала, не выхвати у меня баночку Каламити. Даже сейчас я украдкой посматривала на его седельные сумки.

Ох. Думай о чём-нибудь другом. Я попыталась настроиться на станцию Диджея Пон3, но её было едва слышно за шумом помех. Новая Эглуза, как я поняла, была на самом краю зоны хорошего приёма. Я попробовала настроить ПипБак на другую станцию и обнаружила музыку спрайт-ботов. Каламити сказал выключить.

Снова уставилась в окно, не думая ни о чём особенном. Немного спустя, из всех возможных вариантов, внутренний взор пал на Дитзи Ду. На мне был рабочий комбинезон, доведённый до состояния приличной брони усилиями странной, но дружелюбной пегасочки-гуля. Бедняга, подумалось мне. Она пережила уничтожение своего дома, которое превратило её саму в гниющую насмешку над нормальной пони, и прожила два столетия с памятью об этом. Рейдеры, работоторговцы... ей досталось и от их копыт. Своими глазами она

видела ужасы, которых мне даже думать страшно. И вдобавок, как будто всего этого было мало, волшебный меч нависал над обречённым мозгом, ожидая своего часа. Удивительно, но Дитзи держалась молодцом, и все тяготы не сломили её. Вспомнилась её улыбка. Хотелось бы знать, как ей удавалось оставаться счастливой...

Вдруг меня осенило.

— Чего это ты так улыбаешься, ни с того ни с сего? — спросил Каламити.

Я хихикнула про себя и встряхнула головой:

— Смех — добродетель.

— Чего?

Я улыбнулась, сдерживая свой собственный смех.

— Ну, может, не “хи-хи”, и определённо не “муа-ха-ха”... но что-то вроде внутренней улыбки, которая помогает пони сносить невзгоды окружающего мира и не утратить... вкус к жизни.

Может, было лёгким преувеличением назвать такое смехом. Но это определённо было добродетелью.

Я снова отвернулась к окну. Впервые за много дней я чувствовала себя намного бодрее.

За окном сверкнула молния. Ахнув, я отскочила от окна. Готова была поклясться, что видела голову гигантской розовой пони размером с большую медведицу, которая пялилась на меня с холма, ухмыляясь.

— Готова? — прокричал Каламити сквозь стену ливня.

Поезд приближался к Эглузе (*старой* Эглузе). Мы стояли на скользкой от дождя крыше пассажирского вагона. Ветер бросал грозди дождя нам в лица и трепал хвосты и гривы. Я кивнула.

Обхватив меня передними ногами, Каламити распротёр крылья и поймал встречный ветер. Буря сорвала нас с поезда, и Каламити начал планировать к скалистой гряде, возвышавшейся над городом торговцев рабами.

Порывы ветра с силой врезались в нас, и я заволновалась: а вдруг упадём? Но Каламити чётко придерживался курса.

Мы приземлились... и я тотчас же поскользнулась и упала в грязь.

Каламити коротко хохотнул. Я встряхнулась что было сил так, что половина грязи полетела в него, и тоже посмеялась.

Потом мы остановились. Добродетель или нет — смеху есть своё время и место. Но не здесь и не сейчас. Я поднесла бинокль Каламити и взяла снайперскую винтовку, чтобы через её прицел поближе рассмотреть группу полуразрушенных деревянных строений, снятых с рельс вагонов, импровизированных металлических конструкций и клеток с рабами, которые все вместе составляли старую Эглузу. Как раз прибывал наш поезд.

Темень бури и прибытие поезда создавали отличное прикрытие. Идеальный момент, чтобы прокрасться в город. Через оптический прицел я различала силуэты часовых, прогуливавшихся по мосткам, перекинутым между зданиями и над клетками. В клетках виднелись рабы, лежащие под проливным дождём. Одинокие фигурки посреди бури.

Я почувствовала, как мною начало овладевать знакомое чувство ярости.

— Каламити, остаешься здесь. Я пойду туда.

— Я сюда не отсиживаться пришёл.

— Ты будешь моим прикрытием. — Я левитировала ему снайперскую винтовку. — И запасным выходом, если что-то пойдёт не так.

Если, конечно, ты не считаешь себя специалистом по вскрытию замков, а меня достаточно хорошим летуном, чтобы вынести тебя оттуда.

Очевидно, он не особо обрадовался, но был вынужден признать мою правоту.

Достав Малый Макинтош и проверив барабан, я начала спускаться по скользкому склону. Не хотелось использовать револьвер. Не то чтобы я питала чувства в духе “живи и дай жить другим” по отношению к рейдерам. Просто, несмотря на все достоинства Малого Макинтоша, тихим он не был.

Я уже прошла большую часть пути до первой группы клеток, когда вспышка молнии внезапно озарила пейзаж. Если бы не она, минутой позже меня бы уже не было в живых. Пока же, я всего лишь крупно облажалась.

Мины.

Повсюду вокруг клеток ёбаные работорговцы поставили мин. Дождь смыл слой грязи с некоторых из них, и оранжевые металлические корпуса отражали вспышки молний. Наверняка их было ещё больше, но я не представляла насколько. И где.

После занятий с Подъёмником левитация давалась мне гораздо проще. Но таким образом мне удалось добраться лишь до ограды. Я уже не была так уверена, что мне хватит сил левитировать всех рабов в безопасное место.

— Эй, кто там? — голос из темноты. Работорговец. Не я одна заметила что-то с этой вспышкой света. Проклятье!

Я сорвалась с места, двигаясь как можно тише. Не хотелось оставлять загоны для рабов, но мне было просто необходимо больше времени. Стоило лишь выстрелить, сюда сбежался бы весь город. Я понимала, что попытаюсь я копытами завалить какого-нибудь работорговца, он точно успел бы позвать на помощь. Я решила спрятаться вместо этого, проскользнув в ближайшую хижину.

И сразу же об этом пожалела. В хижине было всего две комнаты, и из той, что была наверху, доносились звуки, как я искренне надеялась, совокупляющихся пониторговцев. Смущение и отвращение смешались во мне.

Стараясь не шуметь, я выискивала укромное место, чтобы спрятаться. Не хотелось стоять на пороге в случае, если бы тот часовой решил заглянуть в хижину. Попутно я стала вскрывать коробки. Я понимала, что это было воровством, а не просто мародёрством, но эти пони воровали других пони, поэтому, подумалось мне, у них не было оснований жаловаться.

Орудя отверткой и шпилькой, я не обошла вниманием даже мини-сейф, обнаруженный мною в соседней комнате. Внутри находилось нечто... уникальное. Маленький тотем. Статуэтка оранжевой пони с жёлтыми гривой и хвостом, запечатленной в момент удара копытами в воздух. В глаза сразу бросилась кютимарка — три яблока — точь-в-точь как на Малом Макинтоше. Я поднесла её поближе, чтобы прочитать посвящение, выгравированное на основании — «Будь сильным!» — и ощутила прилив магической энергии.

Не знаю, что она со мной сделала, но... я действительно чувствовала себя сильнее! Не только физически, увереннее тоже. Уместив статуэтку в седельную сумку, я уже закончила разграблять дом, и...

Дверь с грохотом распахнулась.

— Попалась!

Резко крутанувшись, я скользнула в уют З.П.С. и пустила две пули в пони — одну в голову, другую в грудь, ещё до того, как он успел дотянуться до меня своими закованными в шипастую броню копытами.

Раздался грохот. Двое пони наверху сразу же бросили сношаться и вывалились на лестницу. Один из них остановился, чтобы схватить оружие.

БАХ! БАХ! БАХ!

Малый Макинтош ревел, словно гром. Работорговцу с пистолетом так и не довелось пострелять. Я как можно быстрее перезарядила. Луна вас прокляни! Ну я и попала.

Я нырнула за камень, вихрь огня пронёсся надо мной.

Огнемёт! Этот пиздюк стрелял по мне из огнемёта!

— Хо-хо, чую, на ужин будет жареная пони, — ощерился работорговец со встроенным в боевое седло огнемётом. — Может, немного барбекю? — Я всерьёз надеялась, что он просто зло шутит, что они не пали так низко, чтобы взаправду *питаться* другими пони!

Полыхнула молния. Надо мной раздался раскат грома. Я побежала, чтоб укрыться за безумно перекошенным вагоном. За моей спиной просвистело пламя, поджигая хвост! Заскулив, я кинулась к ближайшей луже, окуная туда хвост, пока он не погас. Ой. Ой. Ой.

— Выходи-выходи, где бы ты ни была!

Отпрянув назад, я извлекла на свет штурмовой дробовик. Патроны к Малому Макинтошу всё-таки иссякли ещё пять убитых работорговцев назад. Двое из них были единорогами, вооружёнными дробовиками, и теперь у меня накопился основательный запас ружейных патронов.

Огнемётчик завернул за угол, получил заряд дроби прямо в лицо и жёстко шлепнулся оземь.

Я шустро собрала с тела всё, что мне было нужно, оставив боевое седло. У меня не было ни природных склонностей, ни профессиональной подготовки, чтобы им пользоваться. Да и лишний вес таскать было незачем. Я нервно огляделась, высматривая, не нападает ли кто ещё.

Включая пони-огнемётчика и троих из первой хижины, я уложила в сумме девять работорговцев. Порядочно, но далеко не целый город. Удивляло, что пальба не привлекла гораздо больше внимания. Возможно, свою роль играла гроза, да и у этих ребят, казалось, присутствовало поразительное эго, которое просто не позволяло им убежать и привести подкрепление. Должно быть, что-то ещё помогало мне, кроме погоды, глупости работорговцев и слепого везения!

Сражения с охранниками продвигали меня ближе к огромному многоэтажному амбару в самом сердце города. Из его окон обильно лился свет, и так же обильно — шум. Подобравшись поближе, я расслышала музыку. Я сверилась с ПипБаком, но старая Эплуза находилась вне зоны действия радиостанций, всех, кроме канала спрайт-ботов. (Я не представляла, каким образом их станция была доступна практически везде. Но догадывалась, что сами спрайт-боты могли работать и как ретрансляторы.) Всё же это была не та музыка.

Войти через парадный вход означало пойти на верную смерть. Однако проползти по мосткам ко входу на втором этаже оказалось вполне безопасным. Я пыталась проскользнуть бесшумно, но в секунду, когда я приоткрыла дверь, сквозняк с грохотом распахнул её настежь. Я резко отпрянула. Потом просунула голову вовнутрь. Комната была пуста. Без пони, по крайней мере. Она была набита сломанной мебелью и старыми канцелярскими шкафами. В некоторых из них нашлись крышки, патроны и пачки сигарет, которые сразу же обрели новый дом в моих седельных сумках. Я не курила, да и намерения начать не было. Но сигареты можно было продать Дитзи Ду, которая перепродала бы их на удивление многочисленным курильщикам из Эплузы.

Дверь в дальнем конце комнаты вела на балкон. С него было видно, что львиную долю комнаты занимал кабак, забитый пони, которые пили алкоголь, играли в кости и смотрели представление на сцене прямо подо мной. Балкон опоясывал кабак, и по нему с определённым интервалом прогуливались охранники, которых больше занимал бардак внизу. Меня они не замечали. Пока.

Минутку! Я... я узнала этот голос! Низко присев у края балкона, я вытянула голову через край, чтобы разглядеть левицу.

Вельвет Ремеди!

Заметка: Получен новый уровень.

Новая способность: Могучий Телекинез (второй уровень) — Теперь вы можете левитировать в три раза больше грузов своей магией. Эффект суммируется с Могучим Телекинезом (первый уровень), который необходим, чтобы получить эту способность.

<<< ^^ >>>

Глава 7. Вельвет Ремеди

«Они искренне считают нас богами. Но, с другой стороны, кто может их в этом винить?»

<<< ^^ >>>

Она!

Она была всё так же прекрасна, как тогда, когда я увидела её в первый раз. Это случилось на вечеринке, посвящённой дню рождения дочери Смотрительницы. Вельвет Ремеди посетила праздник, чтобы исполнить свою великолепную перепевку поздравительной песни "С днем рожденья тебя". Я страшно завидовала той кобылке ещё несколько недель после этого.

Вообще-то, она была ещё прекрасней, чем когда в последний раз я видела её. Когда последовала за ней в эти Пустоши. И увидеть её сейчас, посреди этой свалки ржавого металла, полуистлевшего дерева, кроваво-гнойных луж, и услышать её песню, столь чистую и волшебную, посреди этой клоаки отбросов было просто потрясающе.

Моё сердце трепетало, как бабочка, пойманная в банку. Часть меня стремилась кинуться к ней. Другая же часть, маленькая, но настойчивая, хотела гнаться на Вельвет, винить её в том, что она втянула меня в это; и не важно было, что единственной, заставившей меня покинуть Стоило, была я сама.

Я бросила взгляд на патрулировавших охранников. Хотя пока они и не смотрели в мою сторону, но в любой момент могли меня засечь. Я не могла идти к ней, как бы ни требовало этого сердце. Вместо этого я тихо отступила назад, туда, откуда пришла.

Появилась ещё одна заминка в плане. Теперь спасение Вельвет стало превыше всего. Нет, конечно же мне было не наплевать на остальных пони в клетках. Просто у меня появились некие... личные мотивы. Внутренне я представляла, как же рада будет она меня видеть.

В то мгновение, когда я вышла, я поняла, что вляпалась. Несколько работорговцев с привязанными к седлам фонарями стояли рядом с трупом этого ублюдочного огнемётчика, которого я завалила. Мои последние действия не остались незамеченными. Четверо пони, облачённые в лёгкую броню, развернулись и поскакали к центральному амбару. Я вжалась в стену. Вот-вот должна была подняться тревога!

Одиночный выстрел пронзил грозу, и бегущий впереди всех пони повалился от двух пулевых ранений. Двое из трёх скакунов остановились, проскользив по грязи, и юркнули в укрытие, пытаясь засечь нападающего. Третий продолжал бежать. Он почти добежал до ангара — так близко, что амбарная дверь заляпалась кровью, когда Каламити подстрелил его.

Остальные четверо, бронированные посерьёзней, засекли Каламити во время его последнего пике и открыли по нему пальбу. Но пегас был быстр, а вокруг темно... кроме того, пока меня не особо впечатляла точность стрельбы работорговцев. Я обрадовалась и совершенно не удивилась тому, что град автоматных очередей, выпущенных в Каламити, ушёл в пустоту.

Сейчас же эта четвёрка, сработавшись, направлялась к амбару, прикрывая друг друга. Отрезав Каламити любые безопасные пути, чтоб подобраться. Не мешкая, я сбежала по помосту к одной из старых, полуразвалившихся деревянных построек, окружавших мега-амбар. Дробовик был перезаряжен и в полной готовности. Дверь была заперта.

В спешке я уронила пару заколок и почти сломала отвёртку. Хитрый замок никак не поддавался, и каждая неудача всё больше раздражала меня. Я отчаянно хотела съесть ещё одну Минталку, желательно Праздничную.

Заколка сломалась.

Позади меня шум из центрального амбара резко изменился. Пение прекратилось. И пьяные вопли сменились властными выкриками.

В отчаянии вытащив ещё одну заколку, я попыталась снова. Я слышала, как двери амбара разошлись в стороны, и пониубивственные работорговцы вырвались в грозу с криками, полными жажды крови, насилия и смерти. Это вогнало меня в ступор, как удар под дых, ведь весь этот яд был адресован мне. Если бы работорговцы меня поймали, то моим единственным желанием было бы оказаться мёртвой пони.

Замок наконец поддался. Я без промедления скользнула внутрь.

БАХ! БАХ! БАХ! БАХ!

Четыре быстрых выстрела из боевого дробовика, и сидящие внутри охранники-работорговцы (играющие за столом, усеянном бутылочными крышками и сигаретными бычками) повалились ещё до того, как отреагировали на моё присутствие. Лишь спустя мгновение до меня дошло, что я открыла по ним огонь, исходя из их внешности, одежды и того, что они были вооружены в подобном месте. Не сделала ли я то, что, по сути, сделал Каламити, когда напал на меня?

Только я прикончила этих двоих, и даже задним числом у меня не было оснований полагать, что мои предположительно спровоцированные страхом инстинкты ошибались. У одного из убитых пони была пара кандалов в качестве кюотимарки, а у второго были ключи от входной двери и клетки, занимавшей две трети всей комнаты.

Я широко распахнула глаза. Эти клетки были не такими, как в библиотеке Понивилля; в них не было пленников. Там было оружие. И целые штабеля коробок с боеприпасами!

Я была в оружейной!

Две мысли промелькнули у меня в голове, одна за другой:

Первая — "Я выиграла джекпот!"

А за ней — "Наверное, именно сюда пойдут все работорговцы!"

Я быстро развернулась, заперла дверь и начала баррикадировать её. Правда, не слишком усердствуя. Если бы я закрылась тут, то уж точно никому не смогла бы помочь, даже себе. Но это могло выиграть мне чуток времени. Времени, чтобы пошариться по оружейной и продумать свой следующий шаг. Шкафчик, парта и металлический стол вполне подходили для этого. Крышечки с игральными фишками полетели на пол со стола, когда я перевернула его и придвинула к двери. Я левитировала шкафчик к двери и закрепила его. Затем парту окутало сияние моего рога. Я заметила слабо мерцающий терминал на парте. Пока есть время, стоило заглянуть, что там есть.

Но сначала, конечно, следовало вооружиться получше.

Семью ящиками с патронами (половина заперта), двумя стеллажами с оружием и оружейным шкафчиком (тоже запертым) спустя я превратилась из пони в ходячий арсенал. Здесь были десятки стволов, но в таком дерьмовом состоянии, что я смогла собрать из них лишь три полезных, включая игольный пистолет, спасибо ремонтному заклятию из ПипБака, позволяющему быстро разобрать худшее оружие в поисках лучших частей. В оружейном шкафчике было два боевых седла, слишком тяжёлых, чтобы возиться с ними.

У меня сейчас были патроны для всего, кроме Малого Макинтоша, даже для оружия, которое я до этого никогда не видела, вроде спарк-зарядов для энерго-магического оружия, и три ракеты. Меня беспокоило то, что у работорговцев был небольшой запас ракет. В частности из-за того, что ни одно из двух боевых седел не было под них приспособлено.

Лучшей же находкой пока что было не оружие или патроны, а схема для сборки уникального оружия, стреляющего отравленными дротиками! Это было бы тихим и эффективным оружием, большинство требуемых частей к которому попадались мне на глаза, когда я была в «Абсолютно Всём».

Работорговцы быстро сообразили, что я забаррикадировалась в оружейной. Если это и ввело их в замешательство, то они не показали этого. Повторно запира́ть дверь было бессмысленно; у первого пони, ломящегося в оружейную, была своя связка ключей. Стол, шкафчик и парта казались куда надёжней, и когда я закончила чинить оружие, они наконец перестали ломать копытами дверь. Несомненно, они притаились в засаде снаружи, но это дало мне ещё немножко времени, которое я использовала для проверки терминала. Взломать его не стоило вообще никаких усилий. Паролем было слово "терминал". Не впечатляет.

Первую, очень древнюю запись сделали за пару лет до апокалипсиса. Остальные же сделали в пару последних месяцев.

Запись №1:

"Вчера случился нежданчик в виде инспекции Министерства Морали. Вообще, мы вполне знали о ней, и я всем раздала указания, что и как делать. Но не могу поверить, до чего же гладко всё прошло! За небольшую часть нашего особого продукта они дали нам чистые метки? Даже если бы они были грязными, не пойму, почему бы им не прикрыть нас и конфисковать весь товар себе? Слишком хорошо для правды. Пришлось копнуть чуть глубже, и друг одного друга, работающего в Подковах, внедрил к ним и достал пожевать интересное яблочко. Оказывается, сама глава МинМорали терпеть не может новые законы о контрабанде. И если МинМорали продвигает их, значит все зебриканские вкусняшки протаскиваются в Эквестрию прямо под носом у Принцессы. Думаю, пока она говорит, что всё в шоколаде, значит так и есть. И даже если Принцесса подозревает её (каким бизоном надо быть, чтоб не подозревать?), то она и вправду та единственная, которую МинМорали не может призвать к ответственности!"

Запись №2:

"Наконец-то почистила терминал от всякой хрени. Три сотни с хвостиком документов, которые мне абсолютно не нужны (а многие из них, возможно, вообще не следовало создавать). Все, за исключением одного древнейшего чёртового файла со стрёмной пометкой на нем, которая не дает его хоть как-то изменить. И уж поверьте мне, я пыталась.

Не понимаю, зачем мы вообще паримся над учётом того, куда отправляются наши товары, всё равно они, чёрт возьми, идут в одно и то же место. Не знаю, на кой хрен Стерн понадобились все эти рабы, разве что она создаёт свою личную армию. В любом случае, товар чертовски быстро идёт в расход.

Босс всё больше волнуется о том, как быстро расходуется товар при переправке. Третью этих говнюков не выдерживает поездка, а Стерн нам за трупы платить не собирается. И мне вот теперь надо придумать, как сохранить товар живым до того, как получу крышки на копыта. Может быть, коктейль из наркоты поможет. Нашла скрытый этаж, ведущий к захороненному вагону, под крышу забитому этой хренью!"

Запись №3:

"Наконец-то убедил босса в необходимости начать вести небольшой бизнес на стороне на жеребьячем рынке. Маленьких легче отлаживать, контролировать и обучать. Нам, конечно, приходится заводить шарманку об 'инвестиции в товар', раз молодые жеребята не могут работать, как нормальные рабы, но многие пони видят в этом перспективу. Кроме Стерн, к сожалению. У этой сучки просто не хватает терпения.

Кстати о птичках. Оказывается, что смесь Бака и Дэша в небольших дозах довольно-таки здорово поддерживают самых хилых рабов от отбрасывания копыт до того, как они доберутся до Филлидельфии. А что с ними случается уже после того, как Стерн накладывает на них свои когти, меня уже не касается. Всё же следует поговорить с Уил Краком, чтобы он не сильно напрягал рабов. Никакой коктейль из наркотиков не поможет пони, если того отхлестают до смерти. Наверное, стоит ещё предложить немного чаще сменять рабов, тянущих вагоны."

Запись №4:

"Камеры в старом офисе шерифа идеально подошли для содержания жеребят. Жители Эплузы, может быть, построили большую часть этого места, предпочитая скорость долговечности, но они определённо знали, как сделать клетку. Я бы даже сказала, что эти камеры претендуют на второе место в списке оставленных здесь, после того как они все отбросили копыта, вещей, которым я рада. Сразу после рецепта яблочного пирога!"

Оказывается, сбор жеребят сделал налёты на изолированные фермы более удачными. Родители склонны быть досадно скорыми на стрельбу, когда мы приходим, чтобы потребовать их, но они также прилагают столько усилий, чтобы удержать мелких вне боя, что даже если нам приходится убить всех взрослых, мы всё ещё имеем хорошую прибыль."

Запись №5:

"Ну что за ёбаный опростоволос! Весь груз, целых два вагона, всех вырезали. Единственное, что приходит на ум, только то, что они нарвались на заплутавшую адскую гончую. Эта проклятая зараза всех отымела. Вдобавок я услышала, что Стерн посылает 'особую представительницу', чтобы разобраться с нашими делами. По мне звучит так, будто она планирует прибрать к своим когтям наш бизнес. Думаю, мы ей ещё подложим свинью. А этой 'особой представительнице' лучше присматривать за своим хвостом!"

Получили новый табун жеребят. Мы-то ещё с последней сделки в крышкахкупаемся! Ещё одно преимущество работы с жеребятами: достаточно убить одного из них на глазах у всех, как желание сопротивляться у них тут же отпадает."

Запись №6:

"Словами не описать, что творилось на прошлой неделе. Стерн удачно держала все свои карты об этой «особой представительницей» закрытыми. Откуда мне было знать! Достаточно будет сказать, что я вся тряслась, когда наш новый босс прослышала о кое-каких вещах, которые я говорила о ней, пока мы о ней ничегошеньки не знали. Но, полагаю, легко быть понятой, когда у тебя есть связь с божественным. Кроме того, ошметки нашего старого босса являются нам напоминанием того, что наш новый босс не мягкокопытная.

Новое приобретение творит чудеса с рабами. И это хорошо, так как новой начальнице не понравился наш трюк с Баком и Дэшем. К счастью, я сумела убедить её, что это была идея Эпл Кора. Бедный Эпл Кор. Я такого не ожидала.

Слава Богине!"

К концу чтения я могла поджечь этот городишко только лишь жаром своей злости. К главному приоритету — спасти Вельвет Ремеди — я добавила загоны с жеребятиками. Я вся просто вскипела от злости. Я больше не хотела отсиживаться в забаррикадированной комнате. Я хотела выйти и начать причинять боль этим ёбаным злым пони!

Иногда пустошь прислушивается к тебе и даёт просимое на все четыре копыта. Едва я отошла от терминала, сердито топая копытами, в попытке сфокусироваться и отодвинуть парту, как моя баррикада яростно взорвалась, обдавая меня осколками. Тело взорвалось кровью и болью, когда меня швырнуло об стену. Голова ударилась об оружейную камеру, и я на какой-то момент потеряла сознание. Работарговцы запустили ракету в дверь!

* * *

Содрогаясь от боли и шока, я с жадностью проглотила ещё одно лечашее зелье. Раны тут же стали заживать. Каламити держал мою переднюю ногу так, чтобы, несмотря на рану, разорвавшую плоть, я могла хоть как-то стоять. Рана была неопишимо ужасной. Даже несмотря на зелья, я буду колченогой, пока пони-доктор не вылечит её. Канди казалась ужасно далеко, и ещё не факт, что у неё были необходимые навыки.

К счастью, успокоил меня Каламити, ракетное боевое седло требует определённых усилий для правильной наводки, что означает, что любой ниже уровня эксперта в обращении с ним должен был занимать нужную позицию для каждого выстрела. Что и сделало его лёгкой мишенью — почти что слишком лёгкой для такого стрелка как Каламити.

Когда я наконец смогла встать, хоть всё ещё и пошатываясь, я торопливо рассказала Каламити о том, что нашла. Он оценивающе разглядывал меня, пока я сбивчиво лепетала о Вельвет, почти что раскрывая душу, затем (к счастью) рванул обратно, чтобы посмотреть боевые седла. Ни одно из них, заявил он с первого же взгляда, было не похоже на его собственное, даже на запчасти не сгодились бы.

Мы не отважились тратить больше времени в оружейной. Работарговцы могли вернуться в любой момент. Мы решили разделиться, порешив, что я пойду искать Вельвет Ремеди, пока он прокрадётся к офису шерифа, где разведает территорию и, возможно, устранит охрану. Я вскоре его встречу, открою клетки, а до тех пор он мог бы дразнить жеребят со своей стороны решётки. Или, по меньшей мере, дать им надежду и первую дружескую компанию с того времени, как они были пойманы.

Выскользнув наружу, мы разделились и скрылись в грозе. Работарговцы упустили нас из-под носа.

Я быстро задвинула за собой дверь товарного вагона. Снаружи яркий прямоугольник света, открытый мною, похудел и исчез в темноте.

Она была здесь!

— Как раз вовремя! — Стоя хвостом ко мне, она смотрела на стену с тремя жёлтыми коробками, уложенными таким образом, что их бабочки образовывали треугольник. — Я не могу сделать ничего хорошего, сидя в...

Она уже было повернулась в мою сторону, но так и застыла, заметив меня и умолкнув на полуслове. Потом медленно, не спуская взгляда с меня, полностью повернулась ко мне.

— О... нет...

За последние полчаса я воображала выражение её лица, когда я найду её. Удивление! Радость! Этого не было.

— О Богини!

Её глаза разглядывали меня, задержавшись на моём лице и пробежав по бронированному рабочему комбинезону (всё ещё узнаваемому, даже после улучшений Дитзи Ду) к моему ПипБаку. Вельвет выглядела потрясённой и... грустной?

— Что ты тут делаешь? — выдохнула она.

— Я пробежала через всю Эквестрийскую Пустошь от самого Стойла в поисках тебя. Я здесь, чтобы спасти тебя! — Я одарила её своей самой обаятельной улыбкой. Потом, представив, как это, возможно, выглядело со стороны, смиренно добавила: — Я не преследую тебя.

— А разве нет? — Она покачала головой и прогарцевала вокруг меня. — Я так старалась держать всех подальше от меня. Это совсем не то, чего я хотела! — Она посмотрела на меня снова, и на этот раз я заметила, что она рассматривает мои раны. И оружие. — Это же ты палила снаружи? Верно?

Так, стоп... почему я вдруг стала чувствовать, будто сделала что-то не так?

— Да. Я же сказала, я тут, чтобы спасти тебя.

— Спаси? Литлпип... — о Селестия, она помнила моё имя! — ...я не пленник. Я тут по собственному желанию.

Что? ЧТО!??

— Ты... здесь... с работорговцами... — Я не могла сказать, что разорвётся быстрее: моя голова или моё сердце. — Ты работаешь с работорговцами?!

Она смотрела на меня, её голос был холоден:

— И ты проложила кровавую дорогу через них. Сколько пони погибло сегодня вечером из-за тебя, Литлпип?

— Они работорговцы! — Я тяжело задышала в негодовании.

— А как насчёт тех, кого они поддерживают? Это город, Литлпип. Тут есть торговцы, владельцы таверны, просто рабочие. Ты не убила никого из них? Ты уверена?

— Нет, я уверена! Ну, разве что если некоторые из горожан могли носить броню работорговцев, носить оружие работорговцев и стрелять в меня, то да.

— А рабы? Ты думаешь, что можешь убить работорговцев, и они не будут мстить? Как ты думаешь, они не будут вымещать свою злость на беспомощных пони-рабах, например?

Нет, если мы их всех спасём. Вместо того чтобы спорить дальше, я заставила себя успокоиться. Это же Вельвет Ремеди! Я была просто обязана дать ей возможность объясниться. Самым спокойным тоном, какой я только смогла придать своему голосу, я задала вопрос:

— Почему?

Голос Вельвет ни разу не поднялся или даже дрогнул. Я была на грани крика, а она держала свой голос ровно. Из-за этого ещё сильнее хотелось кричать.

— Когда я покинула Стойло... После того, как оставила сообщение не следовать за мной, — она посмотрела на меня, — я наткнулась на группу из пони, на которых напал ужасный зверь. Лишь один из них остался в живых, с тяжёлыми ранами, без ноги. Конечно же я поскакала к его ноге. Ты знала, что я всегда хотела быть медиком? Я перевязала его раны и перенесла раненого в его лагерь. Это был лагерь работорговцев, и там были ещё пони, которые нуждались в помощи, особенно среди пленников, — Вельвет осмотрела вагон, который, как я начала понимать, был вовсе не её клеткой, а комнатой. — Я с ними с тех пор.

Я молча пялилась на неё.

— Но... ты помогаешь работорговцам!

Вельвет отвернулась от меня, посмотрела на свои жёлтые медицинские коробки с розовыми бабочками. Обычным тоном, как будто

говоря о погоде (облачно, возможны осадки, стрельба и кровавая бойня), она сказала мне:

— Однажды, когда я была ещё в твоём возрасте, я прочла в одной книге, что Флаттершай, сама Кобыла Министерства Мира, ступив на поле боя, настаивала, чтобы её пони-лекари помогли всем раненым. Всем! Пони, зебры, для неё это не имело значения...

Вельвет повернулась ко мне и медленно спросила:

— Разве я могла сделать что-то меньшее?

— Это другое!

— Другое? — хмыкнула она. — И чем же?

Да тем, что это были работорговцы, которые убивали и продавали других пони в рабство, даже жеребят! А зебры просто... зебры просто стёрли наши города. Я топнула. Хорошо, может быть, у меня не было логического объяснения, почему это было другим, но я чувствовала, что это другое.

— Вот посмотри, — я пыталась объяснить разумно, — Это работорговцы... Когда ты сохраняешь одного из них, ты даёшь ему возможность мучить и убивать других пони. Уничтожать жизнь. Ты лечишь рабов? Их продают на ужасную работу, которая закончится только с их смертью. Работу, которая их и убивает. Работорговцы просто используют тебя, чтобы те бедные пони пережили своё путешествие в ад.

Вельвет смотрела с болью:

— Ты думаешь, я не знаю этого? Но что я ещё могу сделать? Я всего лишь одна пони. И я не желаю сидеть сложа копыта! Я не отвернусь от страдающих пони, потому что они имеют несчастье быть пленниками работорговцев!

Вот, наконец-то я почувствовала землю под своими копытами, уверенность.

— Ты можешь помочь мне спасти их.

Она усмехнулась, качая головой.

— Спасти их? Лишь вдвоём? Против всех тех работорговцев? — Она посмотрела на меня. — Не то чтобы я сомневаюсь в твоей решимости... Или твоей огневой мощи... Но мы в ужасном меньшинстве!

Я почувствовала, что ухмыляюсь.

— Я не одна. У нас есть поддержка, и он — пегас!

Её сопротивление начало было рушиться, но всё-таки она покачала головой.

— Даже если мы и сделаем это, то что дальше? Вы принесли с собой еды достаточно для рабов? А воды? У нас много дней рыси до ближайшего дружественного поселения, и многие из бедных пони, я уверена, не в состоянии проделать такую поездку. Многие из них — жеребята!

Её взгляд упал на мою хроющую ногу, и её глаза расширились.

— О Богини! — она указала на это копытом. — Я не думаю, что даже ты способна на это. Если бы у нас было несколько часов, я могла бы подлатать тебя, но...

Вельвет села, её голос был полон сожаления:

— Я уважаю твою храбрость и самопожертвование. Но, Литлпип, ты действительно всё продумала?

— Конечно я всё продумала! — честно сказала я, немного со злостью в голосе. — У меня даже поезд есть!

— О! — её глаза удивленно распахнулись. В первый раз за сегодня в её голосе зазвучала не боль, но надежда. — Это... может сработать!

Каламити стоял на страже на крыше офиса шерифа, пока мы с Вельвет проделывали свой путь до клеток. Почти полдюжины жеребят и кобылок, запуганных, пропахших грязью и горем, следили за нами. Их страх чуть поубавился, когда они увидели Вельвет, она нежно улыбнулась им в ответ.

— У меня хорошие новости, маленькие пони, — тихо сказала она, игнорируя отвращение от вида обезглавленного трупа одного из охранников (Каламити расчистил путь). — Мы все пойдём кататься на поезде!

Я уже разбиралась с замком на первой клетке, любуюсь, как Вельвет успокаивала жеребят, просунув к ним нос через решётку. Она была, я практически уверена, чуть ли не единственным лучиком добра в мрачной, ужасной жизни этих жеребят. Мои глаза скатились на её бока, и я заметила, что к ним были привязаны две медицинские коробки как сумки. Только теперь я осознала, что алые и золотые полосы в её гриве и хвосте имели сходство с жёлтым и розовым цветами Министерства Мира. А также (почему я раньше не подумала об этом?) металлические ящики обеспечат хорошую защиту для боков.

Шифты встали на место, и я открыла клетку. Маленькие пони изнутри смотрели на меня со смешанными эмоциями: радостью, надеждой и страшным нежеланием впускать эти эмоции в свои сердца.

— У нас гости! — прорвался сквозь дождь голос Каламити. — Воу... Литлпип, у нас проблемы! Большие проблемы!

Вельвет Ремеди посмотрела на меня с тревогой, как будто надежда, которую я ей дала, была готова рухнуть. Ловко ковыляя, я прокралась к ближайшему окну и посмотрела в него. Двое пони шагали вверх по направлению к офису шерифа, хлюпая по маленькой реке, которая ранее была улицей. Третий наблюдал за ними с вершины товарного вагона, затем спрыгнул вниз и пошёл между ними. Двое по бокам были одеты в тяжёлые боевые сёдла, но лишь фигура посередине привлекла моё внимание.

Она была высокая и источала столько злобы и силы, сколько я не видела ни в одной пони. По правде говоря, она не была похожа на других пони. От её копыт и длинного, спирального рога на голове, до её... крыльев! Крылатый единорог!

Благоговевая, я извлекла из памяти единственные похожие очертания.

— с-Селестия? Луна?

Голос таинственной тёмной кобылицы величественно пронёсся сквозь дождь:

— Вам будет дан всего один шанс выбраться. Сделайте как Мы хотим. Или Мы обрушим всё здание вам на голову!

Мой разум пошатнулся, я чувствовала, как мои копыта несут меня к двери. Но я остановилась, ибо моё сердце настаивало, что это не может быть правдой: ни Богиня Селестия, ни Богиня Луна никогда бы не поддержали таких ужасных пони. Что бы это ни было за существо, эта тварь не заслуживала моего почтения!

Мой безбожный друг на крыше воспользовался моментом. С йии и хха Каламити бросился к тройке врагов, дважды стрельнув. Четыре пули достигли цели, и пони слева от не-богини со шлепком упал. Кровь хлынула на копыта странной кобылицы, и попала в реку, которая некогда была улицей Мэйн.

Странная кобылица ответила тихим смехом, напоминающим ржание, в котором не было и намёка на доброту души:

— Какая дерзость! — Я только открыла рот, как рог кобылицы засиял болезненно-зелёным, и молния, вырвавшаяся из его конца, ударила в грудь Каламити, отбросив его в небеса.

— Каламити! — Я отчаянно сосредоточилась, мой рог засветился. Каламити, без сознания спиралью падавший на землю, остановился как раз вовремя, удерживаемый моим левитационным полем, зависнув над минным полем, окружавшим загоны для рабов. Он открыл глаза, и те распахнулись в ужасе, когда он увидел под собой мины; его копыта забились в панике, когда он попытался затормозиться о воздух.

— О... ну разве это не трогательно! — Кобылица повернулась к работорговцу, всё ещё стоявшему сбоку от неё, в то время как я спускала Каламити в безопасное место. — Убить её. — Работорговец пошёл рысью вперёд, множество стволов его боевого седла было направлено на побитое годами и погодой деревянное строение.

Я слышала, как позади меня Вельвет говорит жеребяткам:

— Прижмитесь к земле. Так низко, как только можете! — Я обернулась и увидела, как слабое экранирующее свечение обвило клетки. Лишь с опозданием я поняла, что Вельвет даже не подумала окружить защитой и себя, она думала только о детях.

Рёв боевого седла работорговца не был похож на гром других орудий, но больше похож на ярость дракона! Пули разрезали стену здания, пролетая её насквозь, пробиты стену офиса шерифа. Я, почувствовав, как пули свистят рядом, нырнула на пол за металлический стол, пули забарабанили об стол.

Я услышала крик Вельвет Ремеди. И услышала, как она упала.

Рёв прекратился, как будто боевому седлу необходимо было перевести дух. Вынырнув из-под стола, я посмотрела в окно и сфокусировалась. Свечение моего рога охватило одну, две, три, четыре мины. Я вытащила их из грязи и левитировала к врагу, пока пулеметчик перезаряжал своё боевое седло. Странная кобыла увидела, что я делаю, и, растопырив крылья, обволокла себя болезненно-зелёным энергетическим полем, гораздо ярче и сильнее версии защитного заклинания Вельвет.

Работорговец повернулся к плывущим к нему минам в тот самый момент, когда те начали бипать. Он отшатнулся, широко распахнув глаза...

Щит странной кобылы забрызгало кровью и органами взорванного. Заклинание едва мерцало под натиском... Но оно мерцало.

— Это было впечатляюще... Почти, — пошутила она. — Но теперь игры закончились.

Я не обращала внимания. Мои глаза были направлены лишь на Вельвет Ремеди, лежащую в луже собственной крови. Три пули попали в неё, одна навывлет, а две глубоко вошли в её живот. Так быстро, как я могла, я открыла один из её медицинских ящиков и вытащила бинты.

Дверь офиса снесло с петель и унесло в темноту.

— Вперёд, — дразнила она, — давай своё лучшее заклинание.

Но заклинаний не было. Мне было нечего метнуть в неё.

— О! — рассмеялась она, будто прочтя мои мысли. — Что, нет заклинаний? Какое же ты жалкое подобие единорога!

Я перевязала Вельвет как могла, она пошевелилась и застонала от боли. У меня ёкнуло сердце.

— Итак, Мы надеялись, что великий убийца, решивший атаковать Наш город, хотя бы бросит Нам вызов. Нам было так скучно!

Я сосредоточилась. Мой рог начал светиться.

— Снова телекинез? Глупые игры маленького жеребёнка. — Она быстро приближалась, но остановилась в нескольких метрах от крыльца. — За неприятности, что ты Нам доставила... и что ещё хуже, за трату Нашего бесценного времени на ваши бесполезные глупости, сначала Мы будем убивать твоих друзей. Затем хорошенько нашинкуем и потушим, и скормим тебе же.

Мой рог засветился ярче, я даже вспотела от натуги.

— ...Нет, Мы думаем вместо этого скормить их жеребяткам, а тебя заставить смотреть!

Мой рог вспыхнул, ещё более яркое свечение охватило его. Я начала дрожать от напряжения.

— Всё. Равно. Не. Впечатлены. — Голос странной кобылы был величественным и при этом невероятно утомлённым. Свет от моего рога заливал всё, даже здания сквозь пулевые отверстия, но она всё равно не могла понять... — Так что же это такое? Ты левитируешь всех рабов прочь? Им не скрыться, Мы их всё равно поймаем. Или, может быть, ты пытаешься левитировать всё оружие в оружейной? Даже если бы ты и могла, этот щит вокруг Нас остановит любую пулю!

Второй слой сияния вышел из моего рога, окутывая первый. Я закричала от жгущей меня энергии.

Странная кобыла осмотрелась по сторонам, посмотрела назад, чтобы увидеть, есть ли что-нибудь за ней, но ничего не заметила.

— Ой хватит уже! — Она повернулась ко мне спиной.

— Ты права, — сказала я, едва держась на ногах. Я боялась, что упаду в обморок в любой момент от таких растрат сил, что я проделывала. — Я маленькая, слабая, жалкая... — Моя раненая нога дрожала так сильно, что у меня стучали зубы. Мои глаза слезились от боли. Я держала голову низко, рог к земле, почти в поклоне. — Я жалкое подобие единорога, не имеющее никаких заклинаний кроме простой, детской левитации.

Не поднимая рога, я посмотрела ей в глаза. Мой свет освещал её, я заметила, что у неё был на самом деле не чёрный, а тёмно-зелёный цвет шерсти, зелёная грива с фиолетовыми прожилками.

— Но я стала действительно в ней хороша.

Кобыла опять оглянулась, пытаясь угадать, что я делаю. Я заметила прикосновение опасения на её скучающем выражении лица.

— Ну, может, ты и не бесполезна, в конце концов. Отдайся Нам, Присоединись к Единству. Стань чем-то большим, чем жалкая вещь, которой ты сейчас являешься.

Третий слой сияния охватил мой рог, свет от него уже слепил глаза. Моя раненая нога мучительно болела, я упала на одно колено.

— Нет!

С вернувшимся отворачиванием кобыла потребовала:

— Что же ты делаешь?

Я слышала, как Каламити хихикнул поблизости.

— Мешает те тень отбрасывать.

— Что? — Кобыла посмотрела вниз. А уже потом вверх, где увидела намного более мягкое сияние над офисом шерифа. Миг спустя, тихо скользящий товарный вагон миновал крышу и остановился над ней. Её глаза расширились от понимания, когда я отпустила его.

БАМ!!!

Массивная волна воды и грязи из-под рухнувшего вагона сбила меня с ног, попадая мне в ноздри и лёгкие. Я закашлялась, задыхаясь. Я пыталась подняться вновь на копыта, но истощение задушило меня, и я потеряла сознание.

Заметка: Следующий уровень.

Новая Способность: Организатор — Вы раскладываете всё по местам в своём инвентаре. Вещи в вашем инвентаре занимают меньше места. Предметы с весом 2 или меньше стали для вас легче в два раза.

<<< ^^ >>>

Глава 8. Под откос

Глава 8. Под откос

«Что-то подсказывает мне: это не шоу.»

<<< ^^ >>>

Кровь.

Она омывала мои копыта, плескалась о мои ноги, текла рекой по улице Мэйн.

Я стояла посреди реки, полной трупов.

— Сколько пони ты убила? — спросил голос Вельвет Ремеди осуждающе. — Сколько времени тебе потребовалось, чтобы стать массовой убийцей, Литлпип?

— В-вельвет? — Я искала её в грозе. Но вместо этого мои глаза наткнулись лишь на выщербленную пулями стену дома шерифа.

Брутальное граффити покрывало её грязными богохульствами. Рейдеры уже здесь побывали: эта отвратительная работа — их копыт дело, садистские извращения выставлялись напоказ для всех. Я видела, как свисающее с потолка внутри здания побритое налысо туловище пони с отрубленными ногами покачнулось на цепях и упало на пол с глухим стуком.

Я попыталась закричать — оно начало ползти ко мне!

Вывернутое тело на стене с влажным треском оторвалось, обдирая кожу, оголяя рёбра и гниющие внутренности, и, разбрызгав воду, рухнуло передо мною.

Я попыталась отойти, но копыта увязли в илистой улице! Багровая сукровица в воде обволокла ПипБак и просочилась в шерсть на ногах.

— Каламити! Вельвет? Помогите! — завопила я, но голос стал беззвучным.

Бездействуя, спрайт-бот безмолвно наблюдал, как нижняя половина туловища раба присоединилась к ползущим ко мне зловещим вещам; длинная верёвка кишечника тянулась позади.

* * *

Я проснулась в холодном поту, сердце глухо колотилось в такт тряске и перестуку колёс поезда. Меня охватила слабость — менее леденящая и болезненная, чем должна была бы. Укрытая одеялом, я лежала на одной из полок пассажирского вагона. Рядом Вельвет Ремеди осторожно водила рогом над моей недавно искалеченной ногой. Поразительно, но она зажила, разве что сильно чесалась.

Я попыталась стряхнуть с себя хватку призрака своего кошмара. Это был хоть и не первый ночной ужас, рождённый переживаниями пребывания снаружи, но самый неприятный. Присутствие в нём моих компаньонов, или их отсутствие, почему-то делало сон хуже, гораздо хуже.

Вельвет Ремеди! Последний раз, когда я её видела, она лежала в луже собственной крови, защитив почти полдюжины жеребят...

Звуки вокруг подняли мои уши торчком; посмотрев через плечо, я увидела жеребят и кобылок из тюрьмы шерифа, занимающих большую часть вагона. Они выглядели утомлёнными и измученными; двое уже крепко спали, но у одного хватило духу улыбнуться мне:

— Это было круто! — Жеребёнок медленно помахал копытом, затем с цоканьем опустил его.

Я слабо улыбнулась в ответ, сердце наконец начало успокаиваться. Каламити оторвался от созерцания окна, дабы поприветствовать меня с возвращением в мир живых.

— Мы... целы? — Я заколебалась, опасаясь, что всё это — лишь очередной сон перед кошмаром. Вельвет Ремеди успокаивающе покивала.

— А рабы?

— В тормозном вагоне, — мягко произнесла Вельвет. Посерьёзнев, она продолжила: — В составе только один пассажирский вагон, и я посчитала, что жеребят надо больше места. Так что у нас был выбор: либо разместить рабов в тормозном вагоне, либо привязать их к платформе.

Говорить таким тоном, будто я на её месте предложила бы нечто ужасное, вовсе не было одной из милых черт её характера, решила я.

Внезапно я вспомнила о своём первоначальном плане и о запертых пленниках.

— Но замки?... — Я знала: Каламити не открыл бы их, и я не могла представить себе Вельвет Ремеди в юности, практиковавшей такой навык.

Она уставилась на меня.

— Ну... Хотя я и не слесарь, вроде тебя, и, конечно, не владею телекинезом столь совершенно, как ты (очень впечатляюще, должна заметить), но я же единорог! Обычная левитация мне вполне по силам... Между твоими ракетами и минами я смогла... обойтись без отмычек или ключей.

Поезд заглохал под нами. Выглядывая из окна, я увидела, что мы уже пересекли пустыню и успешно поднимались в гору. Здесь тягловые пони замедлились, мы приближались к наивысшей точке горного участка. Мой разговор с Вельвет остановился, и теперь Каламити прервал его окончательно:

— За нами опять хвост.

Потянувшись, я села, проверяя вылеченную ногу.

— Хвост?

Жеребёнок, что говорил ранее, заявил:

— Мистер Каламити думает, что нас что-то преследует. — Я заметила, что Каламити опять придвинулся к окну и... осматривал небо?

— Другая... — я не могла назвать "богиней" ту крылатую единорожицу-работорговку, с которой сражалась, — ...из тех... как у шерифа?

— Не-а, не думаю. Но там чё-т есть вверху. Не видно, правда, но есть.

— Если это что-то не видно, как ты знаешь, что оно есть вообще? — возразила Вельвет, но смягчилась под взглядом пегаса. — Может, другой пегас?

Каламити поморщился.

— Ну-у... эт вряд ли... — Он умолк, снова уставившись в окно.

— Хорошо, хоть дождь прекратился, — сказала Вельвет, выглянув в окно. — Эта гроза не утихала уже несколько дней.

Я повернулась и скользнула взглядом по толстому серому облачному покрывалу. Действительно, вода прекратила падать с неба, и облака слегка просветлели, превращая солнечный свет в серость.

— Вельвет... — начала было я.

Она послала мне улыбку, и сердце моё воспрянуло, её прошлые резкие замечания мгновенно забылись.

— Спасибо тебе, Литлпип. Твои повязки спасли мне жизнь.

Я взглянула на неё, зная, что у той медицинской помощи, магической или нет, не было ни единого шанса вернуть её к жизни. Только я начала высказывать это, Вельвет прервала меня, подняв копыто.

— Нет, но ты славно постаралась, чтобы привести меня в сознание, ну а потом я уже могла сама о себе позаботиться, — единорожица уклончиво посмотрела на Каламити, — не упоминая уже о тебе и о твоём занятом друге.

Каламити коротко хохотнул.

Я в удивлении уставилась на свою ногу. Усмехнувшись, Вельвет напомнила мне:

— Я ведь говорила тебе, что всегда хотела стать медпони, училась и даже проходила практику.

Я любопытно смотрела на красивую кобылу, намного старше меня.

— Если это то, чего ты хотела, так почему же?..

— Из-за кьютимарки. Однажды я пела песню больному джентельпони, и она появилась. Певчая птица — соловей, если точнее. И когда у тебя проявляется кьютимарка, твоё место в Стойле определено. — В её голосе слышалась горечь. Это была печальная правда, которую я хорошо знала. — Я даже просила Смотрительницу. Но было ясно, что мой жеребий — быть эстрадной певицей, моя судьба отпечаталась на моих боках. Мой голос был самым красивым в Стойле, и было глупо отрицать свою способность петь. Мне это даже слегка нравилось. Смотрительница даже показала мою родословную, доказывая, что я прихожусь пра-пра-много-раз-правнучкой первой Смотрительнице Стойла, легендарной певице.

Я кивнула, потому что сама слышала режущую грустью сердце песню в таверне «Шлагбаум».

— И как я могла идти против всего этого? Смотрительница... любезно потворствовала этому маленькому хобби, пока это не мешало моей новой обязанности — поднимать ослабевающий дух Стойла. Но, как я уже говорила тебе, это совсем не то, о чём я мечтала.

Уже предугадывая ответ, я спросила:

— Вельвет, почему ты покинула Стойло?

Вельвет скромно улыбнулась.

— Опять же из-за кьютимарки. — Она повернулась, отталкивая одну из аптечек, чтобы показать соловья на её боку. Крылья распахнуты, клюв открыт в пении. — Видишь, чего здесь нет, Литлпип?

Я видела, что там есть. Что всегда там было. Поющая красивую песню птица.

— Она не заперта в клетке, — мягким голосом сказала Вельвет Ремеди. — И если она свободна, то и я не могу иначе. В болезни или беде — я должна быть свободна.

— Пойду-ка я наружу — крылья разомну малёху.

Я оторвалась от книги, за чтением которой коротала время. (Оказалось, «Ежедневник Эквестрийской Армии» был целиком и полностью посвящён боевым сёдлам.) Поезд сбавил ход почти до полной остановки. Сам поезд уже проехал пик, и поездовые пони тянули остаток состава через гору, перед тем как отпустить его и заскочить самим. Не похоже было, что нам вскоре грозил ещё шанс подышать свежим воздухом... ну или для Каламити рассмотреть получше наш хвост.

Я кивнула, отпуская его. Вельвет Ремеди скорее всего уже возвращалась с тормозного вагона; она постоянно проверяла спасённых нами взрослых пони, и я, задержавшись, быстрой рысью побежала осмотреть жеребят.

Время ожидания медленно тянулось, как сам поезд. Вельвет что-то уж долго не было, неужто заблудилась? Нет, это глупо; в самом деле, нельзя же заблудиться в поезде? Я хихикнула, представив себе, как бы я заблудилась в поезде и как буду идти, ведомая заклинанием картографа моего ПипБака. Бедная Вельвет, как она вообще может проделать путь из одного конца поезда в другой без карты?

Я предложила Вельвет Ремеди её ПипБак, но она отказалась, что потрясло меня. Я напомнила, насколько полезной может стать эта штука в Эквестрийской Пустоши. Единорожка сказала, что я могу взять ПипБак себе как подарок и в качестве извинения за то, что дала его мне. Она не винила себя в моём уходе из Стойла, но жалела о том, что приложила своё копыто (по правде говоря, и всю себя) к моему выбору.

Последняя попытка убеждения натолкнулась на твёрдый отказ:

— Я сбежала из той тюрьмы и не буду носить её кандалы. Без разницы, насколько они позолочены. — С этими словами она ушла в тормозной вагон — посмотреть, как там пони.

Из задумчивости меня вывел драконий рёв пулемета. Раздались предсмертные крики тянувших поезд пони.

Через секунду я услышала, как "тягачи" (которые были также и охранниками) открыли ответный огонь.

Жеребята начали паниковать. Я попыталась их успокоить (или хотя бы собрать вместе), когда через заднюю дверь вошла крайне взволнованная Вельвет. Почти тогда же, крича и размахивая копытами, в вагон ворвался один из тягловых пони с рычажным ружьём, висящим в воздухе возле его бока.

— Засада! Работорговцы! Защищайте детей!

Что?! Как они нас обогнали?!

Прежде чем я успела задаться этим вопросом, жуткий пони в броне работорговцев с покрытыми кровью шипами вокруг копыт яростно вломился в вагон, намереваясь убить ещё кого-нибудь. Не было времени на размышления, я просто подняла свою винтовку и начала палить в него. Поездовой пони пригнулся, поворачивая ружье, и разрядил его в работорговца. Я даже не поняла, кто из нас его убил.

На мгновение кошмары вернулись ко мне. Я заколебалась, но, к счастью, только после того как нападавший был убит. Потом резким щелчком я включила мой Л.У.М. и увидела впереди наплыв красных меток, толпящихся вокруг нескольких дружественных, что были ближе ко мне.

Я повернулась к Вельвет, левитируя игольный пистолет и заряжая в него обойму. Я так и не разобралась, что означали метки на обоймах с иглами, но полагала, что любой вид амуниции по крайней мере мог лишать боеспособности.

— Возьми это. Защити жеребят во что бы то ни стало. Я пойду помогу в передних вагонах! — Нужно уложить напавших до того, как они доберутся сюда.

Вельвет Ремеди уставилась на пистолет, как будто я протягивала ей ядовитую змею.

— Я... Я не могу.

Ох, ради Селестии!

— Ты должна! Ты не выживешь здесь, если не будешь готова дать отпор, — я указала на жеребят, — и никто из тех, кого ты защищаешь, тоже.

Вельвет сглотнула.

— Я имею в виду... Я не знаю как!

О!

— Проще простого. Наводишь этот конец на плохого пони. Чтобы выстрелить, дёрни за маленький рычажок — это спусковой крючок.

Она кивнула, а потом взглянула в надежде, что я предложу что-нибудь иное.

— Я не убийца. Я... Я не думаю, что смогу!

— Учись, — хоть это и было жёстко, даже жестоко, но это надо было сказать. Это Эквистрийская Пустошь, тут нельзя иначе.

Поезд катился с горы, набирая скорость, впрочем пока не успел развить достаточно высокую, чтобы помешать разношёрстной банде единорогов и земных пони запрыгнуть на борт. Двое земных пони с боевыми сёдлами, укомплектованными пулеметами, прошлись очередями по тягловой команде, разрывая бедных пони на куски кровавого мяса, и были убиты ответным огнём с поезда.

Я держала позицию на крыше в нескольких вагонах от того, в котором находились Вельвет Ремеди и держала штурмовую винтовку наготове. На компасе Л.У.М.а было так много красных точек впереди, что отслеживать отдельные цели было невозможно. Какая-то часть меня требовала попробовать начать переговоры, лишь бы избежать растущих угрызений совести. Но об этом и речи быть не могло. Нет, все, кто атаковал поезд, должны были умереть. Именно с этим утвердившимся намерением я открыла огонь по первой же заскочившей на вагон передо мной работорговке. Пуля пролетела мимо цели, и та спрыгнула обратно. Проклятье!

В воздухе за моей спиной раздался взрыв. Обратив взгляд в небо, я увидела Каламити, виляющего и маневрирующего, с грифоном на хвосте. Преследователь был вооружён медвежьим ружьём — более крутой пушкой, чем мне приходилось видеть раньше — и периодически приостанавливался, чтобы сделать выстрел. Каламити, хвала Селестии, не спешил отыгрывать роль лёгкой мишени и увеличивал разрыв с каждой неудачной попыткой грифона.

На моих глазах Каламити неожиданно рванул в небеса, закручивая мёртвую петлю... и, к моему ужасу, грифон повторил манёвр, описывая слегка более крутую фигуру и вновь сокращая дистанцию!

Я услышала приближающийся цокот, но когда обратила своё внимание к впереди идущим вагонам, никого не увидела. Озадаченная, я шагнула к краю, чтобы посмотреть, не преследуют ли нас по земле...

...И увидела троих работорговцев, бегущих по боковине вагона мимо меня! Видимо, работорговец-единорог помогал им заклинаниями! Магическое сияние удерживало их копыта на внешней стене движущегося поезда.

— Взъеби их Луна рогом! — прорычала я, возмущённая магическим жульничеством, и, повернув штурмовую винтовку, стала стрелять им в бока, в хвост и в гриву, пока они бежали к следующему пассажирскому вагону. Два пони с криками упали с поезда, смертельно раненные, один сломал свою шею при падении; но третий проскочил в зазор между вагонами, прежде чем я успела перенаправить на него своё оружие.

Теперь поезд двигался в уверенном темпе. Я пробежала по крыше, и, прыгнув, со скольжением затормозила на крыше следующего вагона. Я посмотрела вниз между вагонами и быстро втянула голову обратно, так как пони-работорговец заметил меня и открыл огонь из пистолета-пулемёта, зажатого в зубах, прямо по тому месту, где только что была моя голова.

Сосредоточившись, я вытянула широко распахнувшего глаза работорговца из его укрытия. Затем что-то ударило меня сзади, посылая волну оглушающей боли по спине! Я уронила его, этого чертовски везучего ублюдка, прямоком на крышу через разрыв между вагонами, не причинив ему вреда. Теперь я была окружена; пони, которого я ранее не заметила, подкрался ко мне со спины, когда я фокусировалась на новой противнице, с кнутом, зажатым в зубах, которым она орудовала просто с дьявольским умением. Щёлкнув кнутом, она отшибла мою парящую в воздухе винтовку, которая полетела в обрыв утёса, сопровождая свой полёт стрельбой. Работорговец с ПП воспользовался моментом внезапности, чтобы перезарядиться, и усмехнулся, считая меня уже убитой.

Сверху прогремел ещё один хлопок, и две пули прошли работорговца насмерть. Его тело с ПП, всё ещё зажатым в зубах, съехало с крыши. Спустя мгновение Каламити на бреющем полёте пролетел над крышей вагона и резко накренился, его копыта скребли по скале, которая возвышалась над нами по другую сторону от поезда. Вдогонку за Каламити мчался грифон. Я пригнулась. Но пони с кнутом не была достаточно быстрой и попала под удар крыла грифона, который полностью обезглавил работорговку. Моё сердце чуть не вырвалось из груди, когда я увидела лезвия, обрамляющие передние части грифоновых крыльев.

Выхватив кнут обезглавленной пони, я пнула качающуюся голову с вагона. Потом засунула кнут в седельные сумки, вынула боевой дробовик и стала двигаться от одной стороны вагона к другой. Заклинание работорговцев резко изменило ситуацию, и я с болезненной тревогой думала, сколько же их прошло мимо меня, пока я соображала.

В голове поезда я услышала ещё стрельбу, которую вели пони в поезде, сражающиеся за свои жизни. В хвосте поезда я, кажется, услышала крик Вельвет Ремеди! Я повернулась на звук её голоса, когда что-то в головной части поезда упало с громким звуком, и затем поезд покачнулся, будто его колеса переехали тело, упавшее перед ним на рельсы.

Каламити ловко приземлился рядом со мной.

Я смотрела на него с удивлением, и он, кажется, немного покраснел, пригладив копытом гриву.

— Боюсь, наш острокрылый друг не сможет к нам присоединиться. Он отказался слезть с моего хвоста. Даж когда я пролетел между вагонами. — Каламити ухмыльнулся, осматриваясь, как бы пытаться найти оставшего от него друга. — Клянусь, он был прям позади меня, вот токо что!

Я тоже ухмыльнулась. Потом указала копытом на пассажирский вагон.

— Погнали, поможем Вельвет!

Каламити кивнул и взвился в воздух, ему даже не надо было куда лететь, поскольку движущийся вместе с поездом пассажирский вагон подъехал прямо к нему. Я увидела, как он исчез в зазоре перед ним, и кинулась помогать поездовым пони. Пока я бежала к ним, испуганный голос в моей голове вопрошал, чем же стала моя жизнь, если так много пони хотят меня лишиться её и я бросаюсь на них в атаку?

Последний из выживших тягловых пони бежал вместе со мной по крышам, и только мы нырнули в открытую дверь пассажирского вагона, как два розовых пучка магической энергии вырвались из боевого седла белого единорога-налётчика. Пони, который был рядом со мной всего секунду назад, теперь был лишь сверкающим розовым пеплом, развевающимся на ветру.

Пассажирский вагон был пуст! Или типа того. Черно-шёрстное тело работорговца свисало с потолка, истыканное иглами. Заклинание, наложенное на его копыта, держало его даже после смерти. На моего спутника-земного пони это зрелище произвело то ещё впечатление.

Ну и, может быть, я тоже немного вскрикнула.

— Вот чё я те скажу: я предпочитаю работорговцев, которые стреляют пулями! — тягловый пони ахнул, вставая. — Фиг перебинтуешь того, кто превратился в пыль!

Я была совершенно согласна с этим.

Через заднюю дверь, ведущую на вагон-платформу, вбежала Вельвет Ремеди. Увидев поездового пони, она поманила его за собой.

— Пожалуйста, поговори с Каламити! Он в тормозном вагоне!

— К нам движется какая-то сволочь, — я предупредила её, — и ещё четверо за ней. Я думаю, это последние. Но у одного из них боевое седло с энергопушками!

Вельвет осмотрительно кивнула, затем посмотрела на потолок и указала копытом на висящее тело.

— э-Этот пришёл прямо по потолку! К-как насекомое! — Она явно была шокирована, причём скорее тем, что ей пришлось лишиться кого-то жизни, чем самими обстоятельствами случившегося, но, как я подозревала, она не осознавала произошедшего в полной мере. Пока что. Я задумалась, не являлась ли её периодически отталкивающее поведение частью своеобразного защитного механизма помогающего справляться с ужасами Эквестрийской Пустоши.

Земной пони пробежал мимо неё, перезаряжая своё оружие, и пинком захлопнул за собой дверь.

Минуту спустя прискакал Каламити.

— Я отцепил тормозной вагон, усе пони в нём! Работорговцы не доберутся до них! — он опустил голову и топнул об пол. — Вот здесь мы будем держать оборону!

Не успел Каламити сказать о своём намерении, как три работорговца во главе с единорогом проникли в вагон. Но не спереди или позади, а через окна!

З.П.С. захватило работорговца, ворвавшегося через окно слева. На таком расстоянии мне было трудно промахнуться. К несчастью, им тоже. Рог Вельвет Ремеди засветился, когда я выстрелила в грудь моей первой цели, раз и ещё раз. Его броня погасила большую часть урона, но его отбросило назад, его собственный выстрел задел мою щёку. Я повернулась ко второму, но недостаточно быстро, чтобы предотвратить удар его магически зачарованной кувалды в мою грудную клетку! Боль была ослепляющей! Я даже слышала, как кости хрустят у меня под бронёй!

Мой визг боли не остановил его от нанесения второго удара, уже по моей спине. Броня Дитзи Ду рассеяла удар по моему телу, спасая меня от сломанной спины и очень короткой жизни парализованного.

Двойной выстрел Каламити проделал в работорговце, что был с его стороны, две зияющие дыры. Кровь и внутренности забрызгали кровать, стены и окна.

Последняя пошла на Вельвет. О Богиня, почему она не носила броню? Я смотрела с пола в ужасе, как работорговка вонзила ей боевой нож глубоко в плечо, совсем рядом с шеей. Кровь хлынула из раны и пропитала её угольную щёрстку. Заклинание Вельвет взорвалось, магия, исходящая из её рога, мгновенно погасла.

Я начала вставать, вскрикнув снова, когда острая боль прорезала моё тело огненными когтями. Моё заклинание прицеливания перезаряжалось, но мой первый противник уже оправился и поднимал своё оружие. Пони с кувалдой замахнулся снова, собираясь избить меня до состояния неподвижности: неподвижности трупа.

Каламити выстрелил. Броня, которая спасла работорговца от моего боевого дробовика, не защитила его от мощных ружей моего напарника. Пони, нанеся раны Вельвет, ухватилась зубами за рукоятку ножа, намереваясь вытащить его, но рог Вельвет вновь засветился, и нож окутало сияние телекинеза. Это было простое, слабое заклинание, удерживающее оружие. Но оно не дало пони вынуть нож с ожидаемой лёгкостью, и эта мимолётная пауза дала Каламити достаточно времени, чтобы направить стволы на неё. Он вновь выстрелил, и сырые ошметки работорговца забрызгали Вельвет.

У меня всё горело от боли, моё видение было сильно размыто, я тяжело дышала. По крайней мере, теперь мы были три на один. Но как только работорговец поднял молот над моей головой, распахнулась дверь, и белый единорог, стоявший за ней, открыл огонь из своей энерго-магической пушки.

Мой рог вспыхнул, оттолкнув пони с кувалдой на линию огня. Мгновение спустя мой импровизированный щит стал светящимся розовым пеплом.

Теперь соотношение сил было действительно три на одного. И хотя боль мешала мне стрелять, моё прицеливающее заклинание наконец-то перезарядилось, и благодаря З.П.С. выстрелы отправились в цель. А Каламити такая помощь не требовалась и давно.

Рог Вельвет Ремеди светился, она медленно восстанавливала мои сломанные рёбра. Боль в боку была сведена к пульсирующей, но достаточной, чтобы выдавить из меня хныканье.

— Действительно, Литлпип, это становится привычкой. — Её собственная шерсть слиплась от крови. Последнее из наших лечебных зелий было потрачено, мы с ней носили последние из бинтов, что у нас были. Один лишь Каламити остался практически невредим.

Мёртвые работорговцы лежали вокруг, за исключением того, что был с кувалдой. Его тело испарилось — обратилось в пепел. Меня поразила мысль, что я могла сейчас дышать этим самым пеплом.

Я отвернулась, уставившись в пол. Хоть мы и выиграли, но не хотелось подобной победы. Вместо этого я чувствовала, что стала причиной смерти полдюжины тягловых пони. В конце концов, я тоже потерпела неудачу в бою. Если бы Каламити не было с нами...

Прочтёшь обуревающие меня мысли по моему лицу было очень легко, Вельвет Ремеди в попытке успокоить меня сказала:

— По крайней мере, ты одолела того пони с ужасной кувалдой. Всё, что я успела сделать — это отвлечь на себя внимание.

— Ты делаешь большее. Твои навыки исцеления и восстанавливающее заклинание трудно переоценить, — сказала я. И прибавила:

— Хотя я удивлена, что ты не осталась с рабами и жеребятками.

Вельвет Ремеди заржала:

— В том вагоне было слишком много народу. Если бы я осталась там, кто-нибудь бы точно задохнулся! — Она закончила обрабатывать мои раны, морщась от тряски поезда. За окнами проносились пейзажи.

— Агась, — Каламити вернулся к нам, пробираясь сквозь грохот поезда. — Похоже, это был последний.

На повороте поезд опасно заскрежетал, заставляя нас опомниться. Вельвет посмотрела на нас и спросила с тревогой:

— Никто из вас, случаем, не думает тоже, что мы едем слишком быстро? Как этот ваш поезд замедлится?

— Мы используем тормоза.

— И где же они?

— В тормозном вагоне.

Уши Вельвет поникли. Она уставилась на Каламити.

— Тормозной вагон? Большой красный вагон, который ты только что отцепил, не так ли?

Я почувствовала прилив паники.

Каламити поморщился.

— Агась. Знаешь, а это объясняет, почему тягловый пони на меня так посмотрел.

— Я начинаю понимать, как ты получил своё имя, — Вельвет сказала наотрез.^[1]

Через несколько минут споров по поводу того, что же нам делать, бесконтрольный поезд уже настолько разогнался, что нам на каждом повороте приходилось держаться за что-нибудь, чтобы не упасть. Мы были только на половине пути вниз, отвесные скалы пролетали по обе стороны от нас. В конце концов я решила, что есть только одно решение.

— Каламити, хватай Вельвет и улетай!

Глаза Вельвет расширились.

— А как же ты??

Я решительно топнула копытом, стараясь не обращать внимания на приступ боли в моих недавно восстановленных ноге и рёбрах.

— Со мной будет всё хорошо, у меня есть кое-какие мыслишки насчёт этого.

Они оба колебались, но они доверяли мне. Наконец, кивнув мне, Каламити и Вельвет направились к ближайшей платформе.

— Я вернусь за тобой! — пообещал Каламити и раскрыл крылья. Ветер сорвал их в воздух.

Теперь я была одна. На стремительно мчащемся поезде!

"Окей", подумала я, "Теперь пришло время, чтобы действительно что-нибудь придумать."

Поезд мчался к новому повороту слишком быстро. На повороте поезд накренился, я почувствовала, как колёса оторвались от рельс!

Мой рог вспыхнул с силой, холодный пот появился на моём и так уже разбитом теле. Целый поезд светился моей магией, которая удерживала едущий на одной стороне колёс поезд от окончательного схода с рельс.

Со скрежетом поезд приземлился обратно на второй ряд колёс и мчался к ещё одному повороту. На этот раз поезд накренился в сторону пронесившейся вплотную с трассой вертикальной скалы. Протаранив эту скалу, крытые вагоны обзавелись большими дырами, а у пассажирского вагона с оглушительным лязгом содрало большую часть крыши. Я зажмурилась, защищаясь от разлетающихся во все стороны осколков.

Когда я открыла глаза вновь, ветер, что пробивался сквозь зияющую дыру в вагоне, в своей ярости почти сносил меня. Я видела впереди один ещё более резкий поворот. Дрожа от усталости, я знала, что никак уже мне не предотвратить неизбежное, поезд сорвётся с рельс.

Я снова сосредоточилась, мечтая, что смогу левитировать себя в безопасное место. Кряхтя от натуги, я почувствовала, как мои копыта отрываются от пола, когда голова поезда врезалась в поворот и соскользнула с рельс. Массивный вес поезда не мог следовать такому резкому повороту. С ужасным скрежетом и дребезгом поезд сорвался с трассы, паря над пропастью, как змея с разбитой головой, погружаясь в сторону долины более тысячи метров ниже!

Со всей оставшейся сосредоточенностью я толкнула себя вверх и прочь, поднимая себя с открытой крыши... но этого было далеко не достаточно. Я всё ещё падала, и быстро! Мои усилия только замедлили меня достаточно, чтобы увидеть, как поезд падает мимо меня, въезжая в мёртвый лес внизу с мощнейшим треском и грохотом. Разрушение внизу было такое, будто сама Луна решила разнести своим копытом эту землю. Огромные облака пыли поднялись в воздух, закрывая собой обломки, о которые я должна была разбиться.

И Каламити поймал меня!

Мы трое — Каламити, Вельвет и я — шагали через узкую долину под серыми облаками. Я понятия не имела, где мы находились, за исключением того, что Новая Эплуза была во многих днях пути, согласно карте в моём ПипБаке, считая, что мы будем двигаться по прямой. Считая, что мы будем двигаться туда вообще.

Согласно данным с терминала, работарговыцы старой Эплузы продавали большую часть пойманных ими пони некой Стерн в месте, называемом Филлидельфия. Меня не оставлял гнев, когда я читала о том, какие злые и жестокие вещи эти пони делали. Глубоко внутри себя я медленно закипала. По моему мнению, Филлидельфия должна была быть следующей. Но я не могла игнорировать наши более насущные проблемы.

Мы отчаянно нуждались в медикаментах. Кроме того, троим пони взятой нами воды и пищи не хватило бы на несколько дней. Нам нужно было найти кров и пополнить запасы.

Снова собравшись вместе, мы сделали привал на несколько часов. Мы все только что прошли через жестокий бой, и было бы безумием, более того — невозможным продолжать путь, не отдохнув. По правде говоря, мы заслужили куда большего отдыха, чем позволили себе — я настолько была измождена своими чрезмерными выходками с телекинезом, что не смогла левитировать даже такой относительно небольшой предмет, как Малый Макинтош — но незнакомая и, возможно, враждебная местность не вдохновляла на праздный отдых.

Долина была усеяна чёрными, мертвыми деревьями и обломками. Не от поезда, место его крушения осталось в километрах позади; эти обломки служили напоминанием об опустошившем Эквестрию апокалипсисе. Ландшафт был испорчен упавшими небесными повозками и подобными им средствами передвижения. По словам Каламити, мы проходили под окраинами того, что когда-то было городом пегасов — Клаудсдейлом. Теперь на его месте были только облака. А на земле разбросанные остовы транспортных средств пегасов, которые оказались достаточно далеко от города, чтобы не быть мгновенно уничтоженными, но недостаточно далеко, чтобы их пассажиры спаслись, служили единственным напоминанием о трагедии, унесшей столько жизней.

Неуместно оптимистичная музыка плыла, словно песня сирен через долину. Мои уши оживились, и я начала скакать по направлению к её источнику, мои друзья удивлённо кинулись мне вдогонку.

— Литлпип! — ахнула Вельвет, — Что это? — Каламити был не менее запутан. Он узнал звук спрайт-бота, но не мог понять, почему я так торопилась поймать его.

Достигнув спрайт-бота, я схватила его своей магией и, держа его напротив себя, потребовала:

— Наблюдатель!

Каламити приземлился рядом, странно глядя на меня. Вельвет позади перешла на шаг, удостоверившись, что я не была в непосредственной опасности ещё раз стать калеккой.

— Наблюдатель! — сердито закричала я, трясая в раздражении спрайт-бота, как будто это могло выключить музыку и вызвать моего загадочного знакомого. — Наблюдатель, я знаю, ты меня слышишь! Ты мне нужен прямо сейчас!

— Литлпип, — начал медленно Каламити, — Я не думаю, что... — он умолк, и глаза его в страхе распахнулись, как музыка резко прервалась и спрайт-бот напрямую обратился ко мне голосом, которого он никогда не слышал от спрайт-бота раньше.

— Ну, здравствуй, Литлпип. Чем могу помочь? — Жестяной искусственный голос, который обращался ко мне, определённо сильно напугал моего обладавшего большим опытом Пустошей товарища.

— Ты должен передать послание в Новую Эплзу! — Я неистово размахивала копытом. — С горы катится тормозной вагон, без поезда. Поездовой пони в нём позаботится о том, чтобы он съехал без происшествий, но в вагоне немало пони, в том числе и жеребята, которые не смогут выжить сами по себе. Новая Эплзу должна выслать за ними состав!

Наблюдатель молчал в нерешительности.

— Наблюдатель, они в плохой форме. У них нет ни пищи, ни воды. Время имеет огромное значение!

Наблюдатель медленно проговорил:

— Я не знаю, Литлпип, мне в непривычку...

— Меня. Не. Волнует! — сердито закричала я. — Тебе же не наплевать на тех пони, или всё же нет? Ты хочешь, чтобы те жеребята погибли?

— Да! Я имею в виду, да, волнуют. И я не хочу...

— Тогда помоги! У тебя нет времени, чтобы проявлять застенчивость, Наблюдатель. Жизни на кону!

С хлопком песня спрайт-бота возобновилась. Я отпустила его, не уверенная, что же чувствовать, облегчение или отвращение.

— Литлпип, — сказала Вельвет, подходя ко мне. — Если ты будешь так обращаться со своими друзьями, то скоро обнаружишь, что осталась одна.

Я нахмурилась, вспомнив свой недавний кошмар. Каламити, видимо, согласный с нею, наградил меня осуждающим взглядом. Вельвет возобновила шествие, я поплелась вслед за ней.

Заметка: Следующий уровень.

Новая способность: Лёгкая рысь — Вы ловки, осторожны и удачливы; или просто научились самолевитации. В любом случае, вы никогда не наступите на вражескую мину и не попадёте в напольную ловушку.

<<< ^^ >>>

[1]Calamity = Катастрофа

Глава 9. Мораль истории

«Это я должна быть окружена толпой народа, куда бы ни шла!»

<<< ^^ >>>

Облака.

Когда я первый раз вышла наружу, в этот новый мир, он был невозможно велик, небо — ужасающе высоко. Теперь постоянные облака — движущиеся, кипящие, темнеющие от дождя — были лишь очередным потолком. Серым, как тот, что был в технических помещениях Стойла. Только изредка, как тогда, в первую ночь, небольшие просветы открывались в облачном покрове, как зияющие раны, которые со временем затянутся. Дразнящие проблески светлой, чудесной синевы, весёлой и спокойной, искушали и мучили тех, кто жил внизу во мраке.

— Литлпип, — спросила Вельвет, её мысли были недалеко от моих, — не кажется ли тебе этот воздух снаружи странным? День такой тёплый и яркий, но всё же воздух... болезненный, что ли... Я чувствую, что очень хочу, но при этом не решаюсь быть укутанной им.

— Как будто он ядовит, — согласилась я. Каламити ничего не сказал. Я предположила, что для него воздух был как воздух, и всегда был таким.

Останки пегасьего транспорта, падавшего с неба как дождь, когда Клаудсдейл был уничтожен, были раскиданы по долине на многие километры. Некоторые из небесных колесниц и вагонов продолжали разрушаться вместе со старыми скелетами бедных пони, попавших под мегазаклинание, но чьи тела не были полностью стерты с лица земли.

Горы окружали долину со всех сторон, болезненная трава росла рядом с почерневшими деревьями. Новые растения росли вокруг них, питаясь их останками. Впереди возвышался сносившийся и выцветший плакат с изображением гигантской бутылки Спаркл-Колы, стилизованная морковь немедленно идентифицировала напиток, хотя слова на знаке слишком сильно стёрлись, чтобы их можно было прочитать. Сильно выцветшая жёлтая пони с розовой гривой держала эту бутылку чуть ли не в оргазменном ликовании. По утверждению Каламити, эти гигантские знаки, называемые рекламными щитами, усеивали все главные воздушные маршруты между Клаудсдейлом и другими городами, рекламируя товары и услуги по всей Эквестрии. Я могла видеть второй рекламный щит на противоположной стороне долины, возможно, в километре далее. Даже с такого расстояния, мне казалось, я могла различить знакомое изображение героических пегасов с радугами, проносившимися по всему небу позади них так, что проходили над армиями злых зебр. Лучше Быть Распятым, Чем Полосатым.

Большой крытый фургон лежал потрёпанный, накренившийся и частично затонувший в земле. Я заметила на нём, казалось бы, бизнес-логотип — семь восходящих кругов, показавшихся мне странно знакомыми... Не успела я обдумать это как следует, как мой ПипБак выдал название места: "Обломки «Поставки Дитзи Ду»". Теперь я вспомнила, где видела эту картину раньше — на внутренней стороне главной страницы "Копытоводства по выживанию в Пустоши".

Каламити глядел на обломки с тем же выражением, что и я. Вельвет посмотрела на нас, недоумевая, почему это мы остановились и тупо смотрели на какую-то повозку.

— Что?

— Именно здесь упала Дитзи Ду, — ответила я, чувствуя благоговение и печаль. Это... Это могло быть её единственным надгробным камнем, если бы её не постигла более странная судьба.

— Кто?..

— Дитзи Ду, — повторила я, не вылезая из своих мыслей. Я пыталась представить себе, каково это было... Вельвет, не зная этого имени, наградила меня взглядом, указывающим, насколько полезен ей был мой ответ, и повернулась к Каламити.

— Агась.

Вельвет коротко посмеялась и прошла мимо, обходя заднюю часть фургона. Спустя несколько мгновений я услышала, как она кричит:

— Литлпип, можешь подойти и посмотреть на это? — В её голосе слышался тон... надежды? Я побежала к ней вокруг фургона (и вовсе не как щёночек на зов хозяйина).

Землю вокруг задней части фургончика Дитзи Ду тут и там устилали разные ящики да контейнеры, а в самом фургончике их, разбитых и толщей сваленных, было ещё больше. Некоторые были открыты, и всё ценное благополучно разграблено. За исключением сейфа и одного ящика, на который Вельвет и обратила внимание. В отличие от других ящиков, разметка на этом была очень приметна — три жёлтые полосы и розовая бабочка в центре. Это была не медицинская коробка, но цвета и символ явно указывали на Министерство Мира.

— Конечно, нет проблем! — Я с гордостью левитировала свои шпильку с отвёрткой, наблюдая, как Вельвет усиленно борется с желанием подпрыгнуть от нетерпения. Отвернувшись, я начала сначала взламывать сейф. И, услышав, как она топчется в нетерпении, закусила нижнюю губу, чтобы заглушить смех.

Замок сейфа оказался слишком лёгким. Учитывая уровень грабежа, я удивилась, что такой лёгкий замок никто до сих пор не взломал. Была ли я единственной снаружи, кто тренировался во взломе? Я открыла ящик.

Один из предметов, что были внутри, сразу захватил моё внимание. Всё внутри сейфа было наполнено розовым светом, исходящим от бутылки со светящейся пурпурно-красной жидкостью:

***Спаркл-Кола
РАД!***

С бодрящим ароматом радиации и взрывом редискового вкуса!

(Это как копытом промеж глаз! Со вкусом РАДиски!)

Радиоактивная Спаркл-Кола выплыла из сейфа рядом со мной, окружённая волшебным сиянием рога Вельвет. Подняв бутылку на уровень глаз, она поморщилась, вглядевшись в этикетку.

— Это безумство. Кто может быть таким идиотом, чтобы считать радиацию полезной?

Мои собственные способности левитации были так перенапряжены, что я затратила кучу усилий, чтобы забрать у неё бутылку, но я гордо удерживала себя от одышки. С нарастающим ужасом Вельвет Ремеди наблюдала за тем, как я опускаю бутылку в одну из своих седельных сумок.

— Ты ведь не собираешься это пить, правда?

Я пожалала плечами. Во всяком случае, звучал этот лозунг вкусненько; да и уровень радиации, судя по показаниям ПипБака, был настолько мизерным, что можно было не волноваться и очиститься Антирадином позже. Я повернулась к ящику с бабочкой, побуждая Вельвет забыть (или хотя бы проигнорировать) напиток в моих седельных сумках.

А вот этот замок был не так прост. Он эгоистично отказывался выдавать свои секреты. После третьей попытки я начала беспокоиться, что он вообще окажется выше моих сил. А я отчаянно не хотела, чтобы Вельвет Ремеди видела мой провал. Правда, у меня был другой вариант... но и это я не хотела, чтобы она видела.

— Крепкий орешек... я должна сконцентрироваться. Вельвет, можешь отойти? — И, учитывая ранее ею данное предупреждение, я добавила: — Пожалуйста?

Уверена, она очень этого не хотела, но в соответствии с хорошими манерами, отступила. Как только Вельвет вышла из зоны видимости, я обратилась к сортировочному заклинанию ПипБака и вытянула баночку с Минталками со дна сумки, куда я их прятала. Это были не потрясающие ПрМ, которыми я угощалась раньше, но с ящиком мне не нужно было болтать. Открыв баночку, я вытряхнула одну себе в рот и начала жевать.

Эффект был незамедлительным. Это было так, будто серый фильм был смыт из всех пяти чувств, так, будто мой разум очистился после пребывания в густом тумане! Я была более живой и осознанной, чем когда-либо раньше! Это были не ПрМ, и определённо не со вкусом конфет, но этого было достаточно, чтобы заставить чёртов замок петь для меня.

Я услышала голос Вельвет Ремеди снаружи:

— Каламити, могу я тебя кое о чём спросить?

— Агась. Можешь, конечно.

— Почему кроме тебя я не встретила в Эквестрийской Пустоши ни одного пегаса? Я думала, что пегасы должны так же часто встречаться, как и единороги или земные пони.

Мои уши оживились. Их разговор не был личным, так что это не считалось за подслушивание. И, признаться, я тоже хотела знать.

Нависла тяжёлая пауза. Потом Каламити заржал.

— Ох, леди, вопросы у тебя, как в лоб копытом, да?

— Прости. Я извиняюсь, если это личное...

— Нет-нет. Ты должна знать, я думаю. — Я услышала, как Каламити вздохнул; моя чувствительность достигла удивительного уровня! И как я и предполагала, замок теперь стал простым и, щёлкнув, сдался.

— Ты и не найдёшь других пегасов. Ток ежли они не будут... как я. — Он остановился, словно разговор был для него тяжёл физически. — Ты знаешь, раньше, во время войны, мы, пегасы, были величайшей военной силой Эквестрии. Мы были элитой! Лучшими из лучших! Но после удара по Клаудсдейлу, что ж... эт было им, концом игры. Они оставили войну, оставили Эквестрию... В любом случае, не похоже, чтоб хоть один из них продержался больше нескольких часов после этого. Пегасы закрыли небо и спрятались в нём.

— Пегасы. Закрыли. Небо?

— Агась. Они пришпорили производство облаков до полной мощности и закрылись таким образом. Зебры не могут хорошо прицелиться в то, чего не могут увидеть. Не то чтобы они не пытались. Сделали несколько удачных попаданий, но не много. — Я услышала, как он бьет землю копытом. — С тех пор не было дня в Эквестрии, который не был бы облачным.

Вельвет ахнула.

— Это... это ужасно!

— О, они продолжают говорить себе, что прекратят прятаться со дня на день, откроют небо, придут, устремившись вниз, чтобы спасти оставшихся из вас. Когда они будут готовы. Когда настанет время.

Каламити презрительно фыркнул.

— Они говорят это себе уже свыше двухсот лет к ряду. Правда в том, что они слишком высокомерны, слишком ленивы, чтобы беспокоиться. До тех пор, пока они могут продолжать говорить себе, что в итоге поступают правильно, они могут жить сами по себе. В то время как вы тут все гибнете. От рейдеров, работорговцев и монстров... И прилагаете чёртову гору усилий, чтобы спасти себя без их помощи. — Для меня это звучало больше похожим на то, что пегасы сильно напуганы.

Я открыла ящик и начала рассматривать его содержимое.

— А ты? — спросила Вельвет.

— Я не могу так легко забить на это, как эти крылатые куски дерьма, — вау, Каламити, я рада, что ты на нашей стороне, но не грубовато ли?

Через несколько мгновений Вельвет вбежала в заднюю часть фургона. Она с жалостью оглянулась на Каламити, и тут заметила, что я открыла ящик. С радостным ликованием она чуть ли не затанцевала на мусоре рядом со мной.

Внутри ящика лежали многочисленные свитки, разбитая бутылка из-под чего-то, осколки этой бутылки, фотография кролика в рамке, небольшой хрустальный шар, запечатанный в прозрачный мешочек (собственность Министерства Мира — Ограниченный просмотр — Неуполномоченные зрители будут преследоваться по закону!) и книга (Сверхъестественное).

— Ооо! — Вельвет ахнула и издала звук, который, я думаю, можно было описать как восторженный визг.

Я наблюдала за ней, уголки моего рта дёрнулись вверх, когда я поняла, что Вельвет Ремеди, удивительная единорожица, красота которой и изящество музыки вдохновили не менее трёх сотен фанатов, сама является фанаткой!

— Я знаю, что это такое! — объявила Вельвет, левитировав к себе мешочек с шаром, чтобы рассмотреть вблизи. — Это шар памяти. Используется для записи событий. Не только звук, но и движущиеся картинки. Намного лучше, чем рекордер или камера. Очень редки! — Вельвет взяла себе шар памяти и фото кролика.

Я удивилась, что она оставила книгу.

— У меня уже есть такая. Но ты должна взять её себе, Литлпип. Я знаю, ты найдешь её полезной. — Что-то в её лице заставило меня думать, что это была шутка. Тем не менее, я не отказалась от книги, особенно если учесть, что сама Вельвет Ремеди мне её предложила.

Я только закончила укладывать книгу в свою седельную сумку, как Л.У.М. взорвался красным. Я замерла. Дерьмо... Очень много врагов! Работорговцы нашли нас! И, судя по всему, привели целую армию!

— Литлпип? Что там?

— Приведи Каламити, — с тревогой прошептала я. — Тихо, пожалуйста... — Я медленно повернулась на месте. Существовал разрыв в красном на радаре, мы были не полностью окружены. — У нас проблемы! Большие проблемы!

Вельвет мгновенно напряглась, нервно кивнула и побежала так быстро и тихо, как только могла, опрокинув один из ящиков на своём пути. Мы обе вздрогнули. Только достигнув задней части фургона, она в ужасе остановилась.

— Зомби-пони!

Что? Не работорговцы? Я подошла и встала рядом с ней. Я уже прикидывала, как расскажу ей о гулях, но слова умерли на моих губах, когда я увидела пустые, голодные взгляды и шаркающие, нелепые шаги приближающегося стада. Они не были похожи на гулей; они были похожи на зомби-пони! Я вспомнила предупреждение: *бывает, залетишь не туда, и потом улелётываешь от целой орды плотоядных пони-гулей, ставших зомби.*

Подойдя ближе к Каламити, я прошептала:

— Следуй за мной.

Мы наблюдали, как они подошли на шаг ближе. На два шага. Ближайшие зомби бросились в атаку!

— Бежим!

Мы бежали. Бежали так, словно за нами гналась безумная толпа чудиц желающих сожрать нас живьем. Потому что так оно и было!

Всё стадо рвануло вперёд, присоединяясь к охоте; наша плоть была их призом, за которым они гнались. Многие поднялись в воздух и полетели к нам. С помощью телекинеза я попыталась схватить и опустить вниз колесницу, за который мы бежали, но свечение вокруг моего рога вспыхнуло и угасло. У меня не было телекинетических фокусов, чтобы спасти нас.

Вельвет Ремеди вскрикнула, когда зомби-пони спикировал с неба. Она пригнулась, существо промахнулось и врезалось в дерево. Не останавливаясь, я перепрыгнула через тело, мой бок начал побаливать.

Эта боль очень скоро начала жечь бок, словно раскалённые угли, грозя подорвать мои силы. Слезы навернулись на глаза. Ещё два зомби спикировали к нам. Каламити с широко раскрытыми от страха глазами вдруг нахмурился и выплюнул:

— К чёрту всё! — Остановившись, он развернулся и открыл огонь. Выстрел разорвал лысое крыло одного из зомби; падая, он сбил другого. Вдвоем они, крутясь, упали с неба, шлепнувшись в наполовину погребённый металлический каркас огромного вагона, предназначенного для перевозки меньших вагончиков.

Впереди ржавый корпус длинной пассажирской колесницы выступал из земли, становясь преградой. Взвившись в воздух, Каламити закричал нам, чтобы мы обошли его и продолжали бежать.

— Не останавливайтесь! Ни на мгновение! — крикнул он, увернувшись от другого зомби, пинком перезаряжая седло.

Вельвет убежала далеко вперёд, мои короткие ноги и горящий бок угрожали обернуться моей ужасной смертью. Вельвет обежала вокруг пассажирского вагона и скрылась за ним. Я слышала целый табун, скачущий за моим хвостом, копыта били по земле в голодной погоне, дурной запах цеплялся за мою гриву. Я не могла повернуть; они тут же настигли бы меня, если бы я попыталась. В надежде, что мой небольшой рост хоть раз поможет мне, я прыгнула в проём одного из разбитых окон.

Моё тело, седельные сумки, всё остальное без помех прошли через окно. Я прыгнула на одну из стоящих внутри скамеек и тут же выпрыгнула в противоположное окно, не снижая скорости. Неровные осколки стекла порезали мне шею и ноги, разбились об мою броню и прощёлкали по моим сумкам. Я снова вышла, почти без помех, но ремень моей снайперской винтовки зацепился за зазубренный кусок арматуры, и меня рвануло обратно в вагон, глухо ударив об стенку.

Я попалась! Я попыталась выбраться, но мои копыта лишь бестолково скребли землю. Я слышала топот копыт множества зомби-пони, как они добрались до длинного тела вагона, как табун разделился, разойдясь в обе стороны. Я чуть не сошла с ума из-за этого, в попытках перегрызть зацепившийся ремень, пока они не навалились на меня. Откуда-то сверху доносились выстрелы Каламити; я слышала, как металлическая обшивка вагона вминалась и корёжилась, в кои-то веки его выстрелы не достигали врагов. Я впала в панику. Если меня не прикончат зомби-пони, то один из выстрелов Каламити уж точно достанет. (Я с ужасом поняла, насколько предпочтительней была последняя доля, и молила Селестию, чтобы ему хватило мудрости и милосердия пристрелить меня, когда они начнут меня есть!)

Наконец, с последним мощным укусом ремень поддался, и я вырвалась на свободу. Повинуясь инстинкту, я схватила снайперскую винтовку в зубы, позже поняв, сколь бестолково я потратила это бесценное мгновение, и побежала, насколько позволяли мне мои вопящие от усталости ноги и бок!

Табун зомби уже обошёл пассажирский вагон и полностью переключился на меня. Их копыта ожесточённо рвали обесцвеченную траву под ними. Вдобавок они скакали с такой лёгкостью, что это сделало мою попытку срезать через вагон посмешищем. Мой ясный разум и обострённые чувства обратились в ужас. Я чувствовала, как за мной грохочет земля. Я даже могла подсчитать, как скоро они начнут грызть мою шкуру. Я даже смогла различить странный тихий хлопок, даже сквозь громыхание табуна.

Я почувствовала, как меня подкинуло в воздух, когда обломки пассажирского вагона поглотила вспышка высвобожденной неконтролируемой магии. Я видела пульсирующий каскад цветов, породивший странные тени, когда закрученные магические потоки вспыхнули в небесах. Я учуяла запах гниющих зомби-пони, когда их разорвало на куски, особенно когда части их тел охватил огонь.

На бегу я упала на землю, долина ушла из-под моих ног, несмотря на все попытки сохранить равновесие. Ошмётки зомби-пони падали на меня сверху, словно дождь. Впереди меня, остановившаяся Вельвет Ремеди просто таранилась немигающим взглядом на развернувшуюся позади меня сцену, которую я не хотела себе представлять.

Большую часть табуна убило взрывом, но были и многие, кто не разбежался... но ненадолго. Каламити пролетел надо мной, крича задыхавшейся Вельвет, что нужно развернуться и бежать дальше.

Груда небесных машин, окрашенная в светло-голубой и серый, с пятнами белого цвета, являла собой единственно возможную позицию для обороны. Кроме того, долина расходилась в низкие скалистые холмы, которые совсем не годились для укрытия.

К тому времени, как мы успели к укрытию, несколько зомби-пони пролетели над нами, приземляясь в паре метров от нас. Вельвет Ремеди опустила рог, целясь в них, и неаккуратно пронзила одного, не сдержав выкрика "Фуууу!", чему я очень посочувствовала. Я попыталась левитировать Малый Макинтош, но магических сил уже просто не было. В отчаянии, я огляделась в поисках того, что могла бы держать в зубах, какой-нибудь копьеподобный штырь вполне бы сгодился.

Но то, что я нашла, было несравненно лучше. Ну, во всяком случае, мне тогда так показалось. Пока Каламити отстреливал зомби-пони, прущих на меня, я вскарабкалась туда, где валялся груз одного из упавшего транспорта. Я увидела в маленьком и жёстком просвете прекрасное светло-синее небо над облаками. Мой прочищенный Минталкой разум быстро сообразил, что окрас этих странных небесных повозок служил для одной-единственной цели — камуфляжа. Пегасовский военный конвой! И, слава Селестии, среди того, что они транспортировали, были турели!

Меня учили перепрограммировать магическую матрицу ПипБака. Перенастроить турель, запустив установки ПипБака "свой-чужой", было сравнительно легко! И уж тем более прямо сейчас!

— Э, Лил'пип? Ты уверена, что понимаешь, чё делаешь? — спросил Каламити, мельком глянув на меня, приземляясь между мной и прибывающими зомби-пони, и снова открыл огонь.

Я ухмыльнулась:

— А то!

*С тобой Селестия всегда и охраняет путь,
Которым ты избрал идти.
Поможет мужество найти.*

*Верным, честным, смелым будь,
Ни одного, что спас, не забудь,
И в нашем сердце ты останешься навеки, знай.*

Мелодия Вельвет Ремеди лилась журчащим ручейком, который шумел в постоянном движении. Я замерла в восхищении, глядя на своего кумира, творящего песню. Каламити не стал ворчать, он тоже нашёл её песню возвышенной на фоне уныния пустоши, хотя и закатила глаза, будто хотела, чтобы Вельвет придерживалась одного текста, а не старалась сделать его совершенней.

Прошло несколько часов с тех пор, как зомби и долина остались позади, не представляя больше угрозы. Небеса начали заволакиваться тёмно-серым. Каламити сказал с некоторой уверенностью, что это не гроза. Просто приближалась ночь. (Если я когда-либо встречу пегасов, думала я, то непременно поблагодарю их за то, что они сделали Эквестрийскую Пустошь столь удручающей. Так или иначе, это было ещё гаже, чем серая монотонность Стойла Два, а ведь я даже не верила, что хоть что-то может быть хуже Стойла Два. Хотя, это мог сказываться пост-Минтальный депрессивный синдром.)

— Богини мои! — ахнула Вельвет, когда мы взобрались на холм и увидели ЭТО: невероятно гигантский рекламный щит, намного выше любого здания, которые я видела, маячил прямо за следующим холмом. Изображение, на удивление не утратившее цвет и не попорченное грязью и водой на протяжении столетий, являло собой не что иное, как гигантскую мордашку почти невыносимо розовой пони с гривой, которую годы обратили в цвета конфеты-тросточки. Она улыбалась, и глаза её, казалось, следили за нами.

Я уже видела это из окна поезда. Даже сейчас, узнаваемый при таком свете и дистанции, этот щит — Селестия милостивая! — будил во мне нервные мурашки. Подходя ближе, я пялилась и пыталась представить его за много десятилетий до того, как время взяло свое, до того, как он был неоднократно занесен пеплом и прахом, размыт струйками дождя, когда он размещался исключительно ради шутки, как будто пони выглядывала из-за холма, будто играла в "ку-ку" с целой проклятой округой, когда это выглядело не настолько...

— ...Жутко. Луна меня прокляни, пиздец как жутко!

Я пыталась стряхнуть это ощущение, отворачиваясь от массивной афиши... и обнаружила, что смотрю на висящего передо мной спрайт-бота.

— Привет, Литлпип!

Я была бы уже в другой стране, если бы Каламити не схватил мой ускользающий хвост зубами. Он держал меня, пока я бежала на месте, до тех пор, пока паника не отпустила меня. А Наблюдатель тем временем мудро уплыл из зоны досягаемости моих копыт.

— Тебе повезло, что я не могу сейчас швырять в тебя камни телекинезом!

Судя по виду Вельвет Ремеди, она была бы не против мне с этим помочь. Каламити недоверчиво сверлил спрайт-бота взглядом, расставив ноги в оборонительной стойке.

— Литлпип?

— Наблюдатель, они в безопасности? — Это было всё, что я хотела знать в тот момент.

Спрайт-бот утвердительно качнулся.

— Да. Вагоны в пути. Хотя Дитзи Ду наверняка считает сейчас, что ты можешь взламывать спрайт-боты и отправлять через них послания. Извиняюсь за это.

— Литлпип? — Каламити рычал бы, если бы мог. — Я не доверяю этой шутке.

Итак, Наблюдатель нашёл способ передать сообщение, не дав жителям Новой Эплузы узнать о своих способностях. После слов Каламити я осознала, что и сама не особо-то доверяла Наблюдателю. И теперь, когда мне было известно, что пони, за которых мы сражались и чуть было не умерли, либо уже были в безопасности, либо уже скоро бы в ней оказались, мне на ум пришло весьма немало вопросов. Первым и самым важным из них был:

— Ты отправил меня в то гнездо рейдеров, отлично представляя, кого и что я там найду, не так ли?

Каламити перестал смотреть на странного бота и уставился на меня. Я никогда не говорила ему, почему пошла в библиотеку Понивилля.

— Они нуждались в помощи.

— Ты мог бы сказать мне правду! — нахмурилась я.

— Эй, я же не знал тебя. А сейчас знаю? Ты казалась хорошей пони, которая сделает всё правильно, как только сама увидит это, но...

Я чувствовала, что рычу.

— Ты солгал мне!

— Нет! — Если бы было возможно назвать глухой механический голос разгорячённым, то это был такой голос. — Я сказал тебе, что не желал тебе зла. И я не желал, и не желаю. Я сказал тебе, что ты найдёшь там то, что тебе необходимо, чтобы выжить... — Спрайт-бот подлетел поближе. — И я бы сказал, что ты нашла более ценные вещи, чем просто книги. Разве ты не согласна?

Чёрт побери, а ведь Наблюдатель был прав. Я встретила Дитзи Ду, а знакомство с ней я ценила куда больше, чем с написанным ею (и очень уважаемым мной) руководством. Сопоставив в уме события, я смогла сформулировать доказательство того, что наша с Каламити дружба появилась из-за того, что там произошло. Вероятно, пусть и менее достоверно, я могла также сказать, что мои отношения с жителями Новой Эплузы, а значит и моя способность спасти многих пони, включая Вельвет Ремеди (в своём смысле слова "спасти"), возникли именно благодаря действиям Наблюдателя. Я всё равно хотела вогнать копыто в лицевую панель грёбаного бота. Но я знала, что это было бесполезно. Спрайт-бот не был самим Наблюдателем.

Вельвет Ремеди прервала тишину:

— Литлпип, что происходит?

Я рассказала им всё.

— Упс, времени почти не осталось... — предупредил Наблюдатель, когда моё повествование, лишь изредка дополняемое его комментариями, подошло к концу. Каламити всё ещё недобро поглядывал на спрайт-бота.

Я упорядочила вопросы в своей голове, распределив приоритет.

— Наблюдатель, ты, кажется, знаешь многое...

— Ну, да...

— Что такое Министерства? — Я видела множество ссылок на Министерства, разбросанных в артефактах прошлого. Я подозревала, что такая информация будет полезна для контекста. Но я даже не представляла, что только что задала, возможно, самый важный вопрос в моей жизни. (По крайней мере, уровня Селестии.)

Наблюдатель молчал некоторое время. Достаточно долго, что я даже подумала, что наш странный псевдо-спутник, возможно, снова пропал. Слова Наблюдателя пришли медленно, обдуманно:

— Помнишь, когда я сказал тебе, что ты должна найти свою добродетель? И рассказал о величайших героях Эквестрии?

Я кивнула.

— Ты упоминал о них, да.

— Ну... — Наблюдатель начал медленно, как если бы слова были болезненными. — Резня в Литлхорне разбила сердце Селестии. После этого, примерно в середине войны, принцесса Селестия решила, что больше не имеет права править Эквестрией. Она отрёклась от престола в пользу своей сестры — принцессы Луны...

Я слушала с благоговением. Я никогда раньше не слышала, чтобы говорили о Богинях подобным образом.

— Война была разрушительной, как за рубежом, так и дома. Эквестрия пребывала в тяжелейшем положении, страдая как от внутренних проблем, так и от действий вражеской армии. Вы не представляете, как это было тогда.

Он помолчал некоторое время.

— Те героини, о которых я тебе раньше говорил? Они были шестью удивительными пони с чистыми сердцами и благодетельными душами, чья дружба обладала силой изменить мир. Принцесса Селестия всегда была им как мать. Для неё они все, одна в особенности, были Её детьми. Она любила их и желала их защитить. Поэтому Принцесса Селестия огородила их от ужасов войны, находя для них задания, которые большей частью держали их от греха подальше, ну или хотя бы от полей сражений. Дипломатические миссии к грифонам и буйволам — типа таких. Принцесса Луна впервые встретилась с ними при совершенно других обстоятельствах. Она уважала их и считала равными Себе. И, как я думаю, своими спасителями. И поэтому, когда принцесса Луна взойшла на трон, чтобы править Эквестрией и командовать войной, она сделала самых важных героев Эквестрии своими личными советниками. Она отдала распоряжение создать новые органы власти, по одному для каждой из них, задачей которых являлось осуществление советов, предлагаемых ими.

— И это были Министерства?

— Да.

Я окинула взором бесплодную, разорённую пустошь, которая когда-то была прекрасной страной Эквестрией.

— Не похоже на то, чтобы дело заладилось.

Молчание. Затем Наблюдатель заговорил снова:

— Ты когда-нибудь слышала старую поговорку — "Дорога в ад устлана благими намерениями"? Если у их истории была бы мораль, то именно так она бы и звучала.

В сгущающейся темноте мы подошли к ферме, которая выглядела по большей части целой — пусть на полях не было животных, но из дымохода вихрями поднимался дым, в некоторых окнах приглашающе горели огни, а через щели в дверях силосной башни сочился свет. Нас снова было трое, Наблюдатель пропал с резким щелчком и был замещён не обращающим на нас внимания спрайт-ботом, играющим свою дребезжащую патриотическую музыку. Каламити недоверчиво поглядывал на него, пока тот не потерялся из виду.

На одну из трёх досок, торчащих в ряд из земли на границе пастбища, уселся ворон. Последняя из досок была меньше других и кривой. Последние следы изгороди, предположила я.

Быстро, но осторожно мы спустились со скалистого холма и прошли рысцой через обсыпанные камнями поля. Нам требовались место для ночлега, еда и, если возможно, медикаменты. Этот дом был буквально ниспослан нам Селестией... при условии, что жители дома не собирались нас подстрелить за пересечение границ их владений. Слепо полагаться на гостеприимство незнакомцев в Эквестрийской Пустоши было неблагоприятно.

Ржавая ветряная мельница, лишённая двух третей своих крыльев, закрипела нам вслед.

— Может быть, это не шибко хорошая идея?.. — начала было я. То, что тут не было никаких ужасных граффити, не означало, что это место не полно рейдеров.

Вельвет Ремеди шагала позади меня.

— Литлпип, ну в самом-то деле, нельзя же быть такой угрюмой... — Она подняла копыто, чтобы постучать, и в тот же миг дверь распахнулась, обдавая нас тёплым светом. Вельвет моргнула пустому пространству, и затем посмотрела вниз на молоденькую кобылку, стоявшую в дверном проёме.

Она была розовой. Кричаще розовой! Она была чудным образом похожа на пони с гигантского рекламного щита, только гораздо, гораздо (гораздо!) меньше. И младше. Очень несовершенно, но похоже. Сложно было сказать на свету, но что-то с ней было не так. Сперва мои глаза остановились на грубом шраме на её голове, как будто она упала и ударилась ею, возможно на большой скорости, и очень сильно поцарапалась. Сперва мне пришло в голову, что она спрыгнула с крыши амбара. Пыталась летать? Мои глаза скользнули по её бокам в поисках крыльев, но она была обычной земной пони. А затем мои глаза разглядели, что у нее был пустой круп. Она была молодой, но не очень. В холке она была на голову ниже меня. Я знала, каково это — жаждать получить кьютимарку, которая никак не проявляется; моё сердце было тронуту ею. Она ждала, ждала даже дольше, чем я сама, и всё ещё ждала... нет, подождите-ка.

Эта неправильность... Ко мне пришло понимание. (Если бы я всё ещё была под действием Минталок, я бы это поняла сразу же!) Это был на самом деле не её цвет шерсти.

Она покрасила себя в розовый!

Я оглянулась на Каламити и Вельвет Ремеди. По выражению их лиц было понятно, что они тоже поняли, и им это не нравилось.

— Привет, дорогая, — начала Вельвет. — Твоя мать...

— ОБОЖЕМОЙ!!! — кобылка вскочила, визжа от восторга. Затем так же быстро она поднесла копыто ко рту, как будто задыхаясь от ужаса. — О нет! Вы пришли слишком поздно! Я ждала вас весь день, и сейчас мы закрыты! — Слёзы показались на её широко распахнутых глазах.

Вельвет Ремеди отступила на шаг.

— О Богини. Мне очень жаль, малышка, но мы не...

Выражение ужаса быстро испарилось, сменяясь широкой улыбкой.

— Ну конечно же вы не! Раз уж мы все рядом! — Она залихватски захихикала, потом выбежала из дома, лихо промчавшись мимо нас, и затем развернулась, внезапно одарив нас угрюмым взглядом. — И всё равно вам нужно было поторопиться. Тут нынче по ночам всякие гадости творятся! — С этими мрачными заявлениями она завизжала от радости и помчалась в амбар.

Мы обменялись взглядами. Я была в замешательстве. Каламити же просто пожал плечами и порысил за розовой кобылкой.

Когда мы дошли до амбара, Вельвет позвала её:

— Прости, милая, но ты нам не назвала своё имя.

— Ой! — розовая кобылка подпрыгнула. — Хи! Конечно! Извините! Я так взволнована! Вы первые посетители музея за... за века! — и снова хихикая: — О, я Пинки Белл!

— Музея? — переспросила я, поднимая бровь.

Пинки Белл подобралась и толкнула дверь, открывая амбар. Внутри амбар выглядел так, как будто в нём отгремела вечеринка. Не в хорошем смысле слова — больше было похоже на то, что в разгар вечеринки сюда залетела граната, и комната была забрызгана вечеринко-расчленёнкой и вечеринко-внутренностями.

— Добро пожаловать в Музей Пинки Пай! — пони постоянно подпрыгивала. — Это самый-пресамый-первый-музей-всех-вещей-Пинки-Пай-во-всей-Эквестрии!

Каламити потряс головой, на его лице показалась улыбка облегчения. Вельвет Ремеди одарила его ухмылкой, и он закатил глаза. Это было странно, нет сомнения. Но отсутствие работорговцев, рейдеров, ужасных монстров — всё это было столь долгожданным изменением.

Пинки Белл не унималась, даже дыхание не переводила:

— Знаете, вы как раз вовремя для экскурсии! А где ваш гид? Ох, лучше бы она не спала опять... Ой, подождите, это же я!

"Музей" был одной большой комнатой. Там нечего особо было показывать. Но Пинки Белл останавливалась и показывала каждый предмет отдельно, один за другим. Многие были украшены немного сдутыми шариками или обсыпаны конфетти.

— ...и они танцевали и танцевали весь день и всю ночь напролёт! И самое замечательное то, что это самый первый амбар, где Пинки Пай, будучи ещё молодой кобылкой, придумала первую вечеринку и получила свою кьютимарку!

Вельвет наклонилась ко мне, приговаривая:

— Я практически уверена, что вечеринки существуют поболее, чем двести пятьдесят лет, — Пинки Белл явно была в ударе и не собиралась останавливаться для вопросов.

— В первые годы войны Пинки Пай путешествовала повсюду, устраивая вечеринки для наших армий перед сражениями! Принося им вкус родины, и что самое главное — хорошее настроение и улыбки на их лица! — Пинки Белл указала на несколько мольбертов с изображениями Пинки Пай, танцующей на сцене перед почти тысячей пони. — То есть, когда она не была на сверхсекретных заданиях принцессы Селестии!

— А она оказалась не такой уж большой, — обратилась я к Вельвет, думая, насколько менее грозной оказалась настоящая пони, чем безумный рекламный щит всего в паре-тройке километров от фермы.

— Пинки Пай лишь расстраивалась, что не может быть везде и всюду, помогая всем войскам всё время! (хотя с Дэш она почти могла это!) Потому, конечно...

Каламити поднял копыто.

— Её подруга Дэш? Или наркотик "Дэш"? — Пинки Белл, казалось, не заметила его вопроса.

Гарцуя перед знакомым плакатом, Пинки Белл болтала без умолку:

— ...когда принцесса Луна предложила Пинки Пай возглавить Министерство того-чего-она-захочет-с-ним-сделать, она не упустила свой шанс! И так появилось Министерство Морали!

Это был неповреждённый плакат "ПИНКИ ПАЙ СЛЕДИТ ЗА ТОБОЙ ВСЕГДА". Пожилая розовая кобыла озорно улыбалась, как будто только что разыграла прекрасную шутку. И с полностью видимым лицом, я была готова поклясться, что поймала на себе любопытный взгляд её глаз. Я больше не чувствовала себя виноватой, смотря на плакат, пристально смотрящий на меня; теперь я чувствовала себя беззащитной.

Пинки Белл взяла со стола со всякой разной химией небольшую жестяную баночку.

— Пинки Пай была действительно великолепным поваром. И когда Принцесса Луна (бьяка) заявила, что зебринские наркотики, которые наводнили Эквестрию, были вредны для пони, Пинки Пай решила доказать, что они могли помогать и веселить! Работая день и ночь, Пинки Пай состряпала смесь Минталки и ещё нескольких наркотиков. Она создала... та-Да-ДА! Праздничные Минталки! — Пинки Белл подняла жестянку, показывая всем.

Я хотела эту банку!

Пинки Белл поставила её рядом с другой химией и продолжила экскурсию. Я же совсем забыла о монологе, мой разум настаивал, что я должна как следует запомнить место, куда Пинки Белл поставила баночку.

— ...К тому времени Министерство Морали превратило Пинки Пай практически в мистическую фигуру, которая могла легко стоять рядом с самими принцессами — Селестией и Луной!

Так, ну это уже было просто неправильно.

— Маленькие жеребята и кобылки знали, что Пинки Пай всегда следит за ними. Она видит всё, что они когда-либо делали. И если они

Были хорошими жеребьятами и кобылками, которые были милыми и дружелюбными, которые выполняли свои обязанности, улыбались, смеялись и никогда не распространяли бунтарскую ложь, то тогда на их дни рождения Пинки устроит замечательную вечеринку! — Пинки Белл предупреждающе помахала копытом. — Но если они были плохими жеребьятами и кобылками, Пинки Пай принесёт им камень!

Что за?! Я оглянулась на Вельвет в неверии.

Тем временем Пинки Белл остановилась. Глаза у неё расширились, и она сделала глубочайший вдох. И подождала. Мгновение, другое, третье, четвёртое... Наконец, Пинки Белл разочарованно выпустила воздух из груди.

— Извините. Думала, что смогу сымпровизировать музыкальный номер.

Вельвет Ремеди куда-то изучающе всматривалась.

— Как бы там ни было, о чём я говорила... Ах да! О том, как Пинки Пай устраивает вечеринки!

Вельвет повернулась к кобылке, слегка испуганно.

— Устраивает? Милая, ты ведь знаешь, что Пинки Пай мертва?

У Пинки Белл уже был готов ответ на это:

— О, она физически мертва! Но её дух живет в каждом из нас!

Я заметила, как Вельвет Ремеди подняла брови. И затем хихикнула чему-то, что, видать, мне пока не понять. Пока я стояла, положив копыто на лицо, Вельвет наклонилась к Каламити и прошептала:

— Видать, у духа Пинки Пай есть проводник.

Я пропустила большую часть "экскурсии", так как думала только о том, чтобы уговорить Пинки Белл расстаться с баночкой Минталок. Но когда она сказала, что у неё есть для нас предложение, я оживилась.

— Оказывается, у меня единственная сохранённая копия рецепта Праздничных Минталок... — Окей, но я знала, что это неправда. У друга Каламити тоже был рецепт. Но, возможно, что это самый быстрый и простой способ получить их. И почему я должна напрягаться из-за одной-единственной банки, когда могла получить проклятый рецепт?!

— ...И я могу отдать его вам, если вы принесёте мне кое-что для музея, то, чего у меня до сих пор нет! Магическую статуэтку Пинки Пай (ограниченный выпуск)! Принесите мне одну, чтобы я могла провести вечеринку в честь окончания всех вечеринок!

— Это было совсем не весело, — говорила Вельвет, нервно бегая по тесной комнатке, в которой Пинки Белл предложила остаться нам на ночь.

Когда Пинки Белл объяснила, что было выпущено несколько комплектов весьма особенных волшебных статуэток каждой из Кобыл Министерств, мне сразу вспомнилась статуэтка оранжевой пони с тремя яблоками на боку. Найти ещё одну вроде такой, а именно Пинки Пай, было практически невозможно. С другой стороны, Пинки Белл настаивала, что статуэтки могли пережить даже апокалипсис. И серьёзно, я уже нашла одну, проведя снаружи сколько времени? Неделю?

Каламити сидел на кровати, прильнув ухом к стене, и смотрел на обеспокоенную Вельвет.

— Бедная кобылка. Она ужасно грустит...

Каламити приглушённо заржал.

— Грустит? Ты ща слушала тот же мелкий розовый шарик Дэша, что и я? — И, вспомнив свой собственный недавний вопрос, уточнил: — Наркотика.

— Да. Эта бедная девочка точно *не* счастлива. — Вельвет опустила голову. — Она полна боли. Что-то ужасное случилось с ней.

Глядя на Вельвет, я в очередной раз задумалась об алых и золотых прядках в её серебристо-белой гриве, напоминающих розовый и жёлтый цвета Министерства Мира. Только раньше я думала о них как о случайности или судьбе, но сейчас они мне больше напомнили Пинки Белл с её перекрашенной шкуркой.

Вельвет поймала мой взгляд и с ужасающей быстротой поняла, о чём я думала.

— Это не то же самое! — сказала она тихо.

Внимание Каламити было больше обращено на стену, чем на нас. Внезапно он вскочил на ноги.

— Она ушла. И, если не хотите, чтоб с нами что-нить нехорошее произошло, я б посоветовал нам тож уйти. — Он подошёл к двери и надавил на ручку. Она не поддалась.

Мы были заперты.

— Может быть, она пытается оградить нас от "гадостей", которые часто посещают поля по ночам? — предположила я, сама не шибко веря в эти слова.

Вельвет Ремеди, оттолкнув меня, сама попробовала открыть дверь. Потом тихо заржала:

— Это не важно. Мы уходим, я не буду заперта в клетке.

Каламити уже был у окна и выглядывал из него на ферму. Я встала на дыбы и, оперев передние копыта на подоконник, посмотрела в окно. Сперва я ничего не увидела. Только ночь. Затем в темноте появилась щель тускло пульсирующего разноцветного света, когда Пинки Белл приоткрыла дверь сарая, чтобы выскользнуть наружу и захлопнуть её за собой.

Каламити молча и неподвижно выждал, пока дверь жилого дома не открылась, отбросив вверх осветившего землю прямоугольника тень Пинки Белл. Как только дверь захлопнулась, он развернулся и лягнул окно.

Твою ж... это было громко!

Каламити перенёс нас вниз, и мы начали красться через ферму, низко пригнувшись и держась по возможности в тени. Мы ползли рядом с сараем, когда меня поразила мысль, и я проскользнула внутрь.

Позже я говорила Вельвет и Каламити, что не уверена, почему полезла в сарай. Но, по правде говоря, у меня было две веских причины. Во-первых, рецепта Праздничных Минталок не было в музее, и я не заметила его в доме. Его легко было бы спрятать где угодно — в книге или под ковром — но я полагала, что одержимость Пинки Белл не позволит ей не положить его на виду. Поэтому я надеялась, что он в сарае.

Во-вторых, это странно светящийся, пульсирующий свет напомнил мне, как взорвался пассажирский вагон, когда Каламити попал в него. Позже я расспросила Каламити об этом, и он объяснил мне, что некоторые из действительно больших воздушных вагонов, как тот, который был создан для перевозки десятков пони, работали от магического поля, создаваемого спарк-двигателем, так что одного пони было достаточно для передвижения по воздуху. Как и спарк-батареи, эти двигатели, часть чародейной науки, всё ещё держали в себе серьёзное количество магической энергии. Каламити того ещё как следует не понимал, конечно же. Он просто знал, что стрельба по магическому ящику одного из этих транспортных средств вызывает адский вихрь.

Подобный вихрь был очень непродолжительным и разрушающим. Идея, что в амбаре у Пинки Белл было нечто сродни тому же самому, возможно, какой-то стабильный или замкнутый вихрь, очень обеспокоила меня.

— И на что же я смотрю?

Оно было небольшим, геометрической формы с поверхностями, которые, похоже, скручивались друг с другом. Вся эта штука была размером с корзинку для пикника, окрашенную в болезненно неприятные цвета.

Я почувствовала, как меня затачивает. Я потеряла себя в ней. Мне пришлось приложить физическое усилие, чтобы оторвать взгляд от этой штуки. Пошарив глазами, я увидела сейф. Остальная часть амбара была практически пустой. Я скользнула к нему и начала заниматься делом, в котором мне пока не было равных.

Сейф с тихим скрипом открылся.

Внутри лежала моя награда: рецепт Праздничных Минталок!

Но это было не моё. Я мародер, я грабила дома работоторговцев и рейдеров. Это же была кража у бедной маленькой земной пони, которая даже ещё не стала кобылой.

Но... Праздничные Минталки! Действительно же, всё, что мне нужно было — так это просто скопировать его на свой ПипБак и положить обратно. Это ведь не будет на самом деле воровством, правда?

Пинки Белл предлагала его в качестве награды за помощь в чём-то, и это заставляло меня чувствовать, как если бы я этот рецепт украдала. Как если бы я получила награду, которую не заработала.

Я сидела и смотрела на сейф... не знаю, как долго. Наконец, я сосредоточилась и левитировала один из предметов в сейфе к себе — рекодер с одним записанным сообщением. Я скопировала себе его на ПипБак и включила проигрыватель.

Я не узнала голоса кобылки, что оставила сообщение. Судя по голосу, она была такой же молодой, как Пинки Белл сейчас.

"Пэртри,

Рейдеры вернулись вчера. Им не понравилось, что на прошлой неделе папа с ружьём заставил их убежать, так что на этот раз они пришли, подготовившись. Мама спрятала нас в спальне, чтобы никто нас не увидел, и заставила пообещать, что мы будем сидеть тихо и спокойно. Но Сильвер Белл...

Моя сестрёнка всегда могла создать красивую музыку, которую мы просто обожали. Как перезвон десятков магических колокольчиков.

Но у Сильвер Белл иногда, когда она напугана или взволнована, заклинания случаются сами по себе. Она не хотела. Это был несчастный случай.

Рейдеры убили маму и папу. Они убивали их очень медленно и жестоко, заставляя нас смотреть. Это было...

Я похоронила их в восточном конце поля и поставила пару досок в качестве надгробий. Я ненавижу то, что доски недолговечны, но я не могу вырезать их имена на камне. И мама, и папа заслуживают, чтобы их могилы не были безымянными.

Сильвер Белл каждую ночь мучают кошмары. Честно говоря, меня тоже. Она целыми днями молчит, никогда не плачет, никогда не улыбается. Я даже не могу заставить её поесть. Я не знаю, что делать.

Я собираюсь отвести её в Башню Тенпони. Слышала, что там есть щегол, который принимает сирот. Идти далеко, и мне пришлось поскрести по сусекам у соседей. Если я не вернусь до твоего прибытия, то, пожалуйста, снаряди повозку. Я знаю, что не могу просить тебя присоединиться к нам; у тебя свои друзья, о которых надо заботиться. Но я была бы рада, если бы застала тебя поблизости, чтобы попрощаться.

Ты лучший бойфренд, которого можно только пожелать.

С любовью, Мемори."

Я сидела, ошеломлённая. Ох милостивая Богиня Селестия!..

— Ты не должна была слушать это! — Я развернулась и увидела, что Пинки Белл (...нет, Сильвер Белл!) смотрит мне в лицо. — Это. Не. Твоё.

Она стояла так близко, что я смогла гораздо лучше рассмотреть её шрам. Ужасное понимание поразило меня, как ведро ледяной воды. Сильвер — единорог, и она отрезала свой рог!

Я отпрянула, забившись в стоявший за мной открытый сейф.

— Ты так сильно этого хочешь? Так получи! — Пинки/Сильвер Белл протянула копыто и ударила по двери сейфа, но та лишь пошатнулась.

Из-за её спины послышался голос Вельвет Ремеди:

— Ты не похожа на Пинки Пай.

Пинки/Сильвер Белл замерла. Затем медленно обернулась. Тем не менее, она всё ещё блокировала выход из сейфа, и я не решилась просто переступить через неё, чтобы выйти.

— У тебя нет ничего общего с Пинки Пай, — Вельвет Ремеди говорила медленно, спокойно. Её голос не был обвиняющим. Это больше походило на грусть. — Ты скорее её полная противоположность.

Я заметила, что кобылку трясло. Буря эмоций прошла по ней, она с трудом сдерживалась, чтобы не заплакать.

— Ты не делаешь других счастливыми. Когда я смотрю на тебя, я чувствую только грусть, — продолжила Вельвет, теперь её голос стал нежнее. — Если бы ты встретила Пинки Пай, она бы не устроила вечеринку в твою честь...

— Это неправда!

Вельвет остановилась на мгновение.

— Может быть, даже если бы она и устроила вечеринку, то только чтобы помочь тебе, развеселить тебя. Потому что ты сделала бы её очень грустной.

— Д-д-да что т-ты вообще обо мне знаешь!?

— Я знаю, что твой смех — лишь маска. Маска, за которой ты пытаешься скрыть свои настоящие чувства. — Вельвет направилась к кобылке. Та была в ярости, но в то же время ей хотелось упасть и зареветь. — Я знаю, что ты чувствуешь. Я знаю, какая это боль, и ты не спрячешься от неё за всеми этими вечеринками и подставным весельем. Эту боль ты не залечишь заклинанием.

Когда Вельвет подошла к ней, Пинки/Сильвер Белл уже с трудом стояла на ногах.

— Ты не виновата в смерти своих родителей. И в том, что случилось с твоей сестрой, тоже нет твоей вины...

С её сестрой? И тут я вспомнила, что видела в поле три доски, одна из них стояла криво и явно была посажена кем-то меньшего роста. Я поняла, что её старшую сестру, Мемори, убили рейдеры, когда та, в поисках припасов, отправилась на соседнюю ферму. Моё сердце разрывалось.

— НЕТ! Я! ВИНОВАТА! — Не выдержав, Сильвер Белл зарыдала. Вельвет обняла её и прижала к себе её головку, давая девочке выплакаться ей в гриву.

Заметка: Следующий уровень.

Новая способность: Матлогика — Вам удалось оптимизировать логические цепи З.П.С. ПипБака. З.П.С. теперь на 20% круче.

<<< ^^ >>>

Глава 10. Коррекция курса

«Мда. Хорошо, что мне платят не за то, чтобы я с ними соглашалась. Священное Пламя, тоже мне!»

<<< ^^ >>>

Фейерверки.

Пинки Белл (нет, Сильвер Белл — мне действительно нужно думать о ней как о Сильвер Белл) назвала это фейерверками. Она берегла его до тех пор, пока коллекция её музея Пинки Пай не была бы завершена. Конечно, если ты собираешься устроить "вечеринку на окончание всех вечеринок", тебе понадобятся фейерверки.

— Это то, о чём я думаю? — проворчал Рейлрайт, уставившись из открытых дверей сарая на странный объект, наполненный пульсирующими, искривляющимися цветами. Снаружи, за его спиной, я могла разглядеть, как Дитзи Ду помогала кобылке залезть в её фургон для доставок. ("Доставляю Абсолютно Всё!" украшало кузов вместе со скоплением кружков, которые, как я предположила, были фирменным знаком пони-гуля.)

Наблюдатель снова вышел на связь. Спрайт-бот бесшумно залетел на ферму глубокой ночью. Наблюдатель продолжал приглядывать за нами. Мой слегка жутковатый страж-незнакомец. Уговорить его связаться с Дитзи Ду на этот раз оказалось заметно проще. Может быть, из-за того, что предостережение Вельвет Ремеди всё ещё было свежо, и я попросила о помощи вежливо, добавив "пожалуйста". А вероятнее потому, что Наблюдатель обалдел от показанного мною содержимого сарая.

Паническая реакция Наблюдателя на увиденный в сарае объект была неожиданной и пугающей. Совершенно не похожей на сдержанный шок Вельвет Ремеди при встрече с Дитзи Ду. Как только я убедила её, что пегаска-гуль была другом, а не хищным пони-зомби, как те из табуна, который нас гнал за день до этого, Вельвет стала улыбаться и вести себя безукоризненно вежливо. Но она не перестала держаться на расстоянии и поглядывать на гуля со страхом. Наверное, у её внутренней медпони была аллергическая реакция на само существование гулей.

Я ожидала, что Дитзи Ду прибудет лично. Сильвер Белл нужна была помощь, и мы не могли её сами предоставить. В Мэйнхэттене, возможно, было местечко, где ей могли бы помочь, если оно, конечно, ещё существовало. Но, как уже показал мой такой-небогатый-событиями путь по Пустоши, тащить с собой кого-нибудь вроде Сильвер Белл было слишком опасно. Ей нужны были любовь и забота, безопасность и длительное лечение. В скитании по пустошам ничего этого нет, а очередное столкновение с врагом могло ещё больше её травмировать. Я боялась, что её боль и раны уже были слишком глубокими. И рисковать я не могла. А ввиду отсутствия альтернативы, Новая Эплуза была единственным вариантом. И было бы трудно найти кого-нибудь, кто помог бы Сильвер Белл лучше, чем Дитзи Ду, не считая профессиональных психиатров. И я знала, что Дитзи Ду действительно бы заботилась о ней.

Того, что Рейлрайт тоже прибудет на фургоне, я не ожидала. И хотя его общество раньше было приятным, что-то в этом визите было дурным предзнаменованием.

Я отвернулась от него обратно к странному объекту, стараясь смотреть слегка мимо него, а не прямо на вихрящуюся поверхность.

— Агась. — Каламити стоял у выхода из сарая, рядом с распахнутой дверью. Он тоже не хотел подходить ближе, но из разумной предосторожности, а не из-за слепого страха. — Эт жар-бомба.

У Пинки Белл в сарае лежало невзорвавшееся мегазаклинание.

Для фейерверка.

Лучи чистого солнечного света пронизывали воздух, вырываясь из сотен мелких щелей в вездесущей облачной завесе. Такое же происходило в ночь, когда я покинула Стойло Два, только вместо бездонной пропасти, посыпанной звёздами, проглядывалось небо прекраснейших голубых оттенков. Как же мне хотелось увидеть то небо. Но щели закрывались даже быстрее, чем появлялись. К полудню серая завеса обещала быть снова сплошной.

Дитзи Ду накрыла Сильвер Белл одеялом и уже пристёгивала себя к фургону с отточенной легкостью. Она поймала мой взгляд и улыбнулась мне, её глаза снова перекосило. Я постаралась не содрогнуться от этого зрелища и, как могла, улыбнулась в ответ. Затем укоризненно посмотрела в сторону груды бочек, из-за которой Вельвет Ремеди старалась не выходить, не прячась, впрочем, по-настоящему.

— Чё ж, чёрт возьми, ты собираешься делать с этой штукой? — спросил Каламити у Рейлрайта, вместе с ним выходя из сарая. — Я

О предложил обрушить на неё сарай, но вдруг она от этого взорвётся. Чёрт, да она даже от переноски жажнуть может, почём нам знать!

— Да я даже без понятия, — заржал Рейлпрайт. Он поднял копыто, преграждая путь Каламити. — Ничё, если я тут поболтаю с Литлпип? Типа наедине?

Каламити пожал плечами и потопал к Дитзи Ду. Рейлпрайт подошёл ко мне. Моё беспокойство усилилось.

— Знаешь, если вы и дальше будете нам народ присылать, нам придётся городок побольше отстроить, — начал он обыденно, но в его тоне я заметила строгие нотки.

— Ну, я надеюсь, что мне удастся освободить из рабства ещё немало пони, — призналась я, снова вспоминая Филлидельфию. — Но я посылаю их к вам только потому, что у вас самые добрые и приличные жители, которых я встречала. — По-честному, мне стало немного неловко посылать пони жить в город, который торговал с работорговцами. Но я надеялась, что приток бывших пленных, с которыми жестоко обращались, изменит взгляды жителей.

— Не пойми меня неправильно. Мы восхищаемся тем, чём ты пытаешься сделать. Ты там жизни спасаешь, и к этому никаких претензий нету. Мы предоставим им дом и позаботимся о том, чтоб та кобылка и те, что из Старой Эплузы, получили должный уход.

Ну, сейчас начнётся, подумала я.

— Однако... — Рейлпрайт скорчил недовольную рожу. — Ты вся из себя безрассудная и опасная. Из-за тебя погибли шесть наших лучших пони-тягачей, некоторые из них были моими друзьями, сколько себя помню. Ты накрыла медным тазом один из наших немногих рабочих поездов, и довольно-таки весьма похерила все мирные отношения между Новой Эплузой и работорговцами. Теперь мне придётся ставить больше часовых на стены, а к караванам придётся приставлять больше конвоиров. Честно говоря, я не уверен, что у нас достаточно патронов на случай, ежели они вздумают отыграться на нас за то, чём натворила ваша компания.

Я осела на землю, поджав уши. У меня защемило сердце.

— Так что мне жаль говорить тебе это... реально жаль... но впредь вам не особо будут рады в Новой Эплузе. — Он постарался смягчить удар. — По крайней мере, довольно долго не будут.

Я оцепенела.

Рейлпрайт оглянулся в сторону Дитзи Ду и Каламити, топавших копытами, выменивая найденные вещи, которыми были нагружены наши седельные сумки. Его взгляд вернулся ко мне.

— Дитзи Ду настаивала на том, чтоб вы могли торговать с ней. Но я её уговорил проводить все сделки у городских ворот.

Потолок из облаков наконец залатался, снова окрашивая Пустошь в тоскливые серые тона. Вельвет Ремеди и Каламити бежали рысцой передо мной, погружённые в обсуждение текста песни; Вельвет каким-то образом умудрилась уговорить Каламити спеть с ней в дуэте.

Моё сердце было будто налито свинцом, но я была удивлена, что слова Рейлпрайта не так уж и сильно меня задели. У меня не было ощущения, будто из-под меня выдернули ковёр. У меня не было никаких серьёзных связей с Новой Эплузой, если не считать уважения, испытываемого к автору "Копытоводства по Выживанию в Пустоши". У меня никогда не возникало мысли осесть в этом городке, особенно после того, как я узнала, почему так не поступил Каламити. Поэтому я была так же вольна сейчас, как и прошлой ночью.

Я сверилась с ПипБаком. На встроенной карте теперь было отмечено несколько новых локаций, включая ту, куда мы шли: Мэйнхэттен. Каламити весьма удачно поторговался, добыв нам медицинские припасы, еду, фляги и даже патроны для Малого Макинтоша; он также выторговал нам возможность посмотреть на карты, имеющиеся в распоряжении Дитзи Ду, полученная информация записалась на мой ПипБак. Именно благодаря этим картам я получила отметки местонахождения Мэйнхэттена (до которого можно было добежать рысцой меньше чем за неделю) и Филлидельфию (до которой было нельзя). На ферме Беллов был небольшой очиститель воды, которым мы воспользовались, чтобы наполнить наши фляги для долгого пути.

Сильвер Белл покинула свой Музей Пинки Пай. С её позволения, я посмотрела рецепт Праздничных Минталок. Теперь он хранился на

моём ПипБаке. Почему-то мне пока что не хотелось посвящать остальных в это.

Усталость начинала брать своё. Мы не спали прошлой ночью, оставаясь с Сильвер Белл, пока не прибыла Дитзи Ду. Даже когда кобылка заснула полным кошмаров сном, мы не прекратили бдеть.

Вдалеке можно было разглядеть очень тонкую белую башню, возвышающуюся так высоко, что она пронзала облака. Какая-то часть меня очень хотела бы направиться в её сторону, чтобы просто посмотреть на башню поближе, но она была во многих километрах пути, это отняло бы у нас немало часов.

И потому мне пришлось насыщать своё чувство любопытства группой домов прямо по курсу. Прибавив шагу, я стала догонять Каламити и Вельвет.

Вельвет Ремеди отвлеклась от сочинения песни появившимся вопросом:

— Каламити, если пегасы живут в облаках, то чем они питаются?

— А, они выращивают свою еду прямо там, — небрежно ответил Каламити. Он обратил свой взгляд на неё. — Никогда не слышала о засеивании облаков?

Вельвет Ремеди уставилась на него. Надо отдать Каламити должное, его бесстрастное выражение лица продержалось несколько секунд, перед тем как пегас расплылся в ухмылке.

— Очень смешно. Ладно, храни свои секреты. Но когда-нибудь я ожидаю услышать серьёзный ответ, — рассмеялась Вельвет.

Я попробовала левитировать свой бинокль и посмотреть на здания поближе, но едва смогла открыть свою седельную сумку, как заклинание левитации выдохлось. Пресвятая Луна, мне явно требовался сон.

Каламити взмыл в воздух, устремившись в сторону зданий, чтобы посмотреть на них с воздуха. Он вернулся мрачным.

— Рейдеры.

БАХ!

Ещё одна пони-рейдерша отправилась на тот свет, а остатки её головы — на стену, забрызгивая граффити. Я нырнула обратно за яблочную тележку (сами яблоки давным-давно сгнили, и рейдеры заменили их черепами пони). В Малом Макинтоше оставалось ещё два патрона. У меня были ещё, но я не особо представляла, как перезарядить оружие, не прибегая к магии. Стрелять, зажав оружие в зубах, было и без этого непривычно.

Вельвет Ремеди сидела, пригнувшись, около меня, обрабатывая рану в боку Каламити. Надо отдать ей должное, она, по крайней мере, попыталась поговорить с рейдерами. Они ответили на её приветствие весьма извращёнными выражениями, как минимум в одном из которых речь шла о некрофилии. Сразу после этого Каламити приступил к зачистке крыш от пони, занимавших снайперские позиции.

— Пристегни-ка меня к телеге, — потребовал Каламити.

— Прости, что? — Вельвет вопросительно посмотрела на него.

Каламити постучал копытом по телеге.

— Вместо того, чтоб прятаться за ней, мы можем использовать её по назначению. Пристегните меня и запрыгивайте!

Я посмотрела на телегу, затем на Каламити:

— погоди... то есть, ты повезёшь нас по воздуху, пока мы будем расстреливать этих рейдеров? Ты серьёзно можешь так сделать?

— Агась.

Я моргнула. Это точно будет оригинальный ход. Я кивнула Вельвет, и она начала пристёгивать Каламити.

Несколько мгновений спустя мы уже были в воздухе. Чувство полёта будоражило; ветер обдувал мою шерсть, земля больше не держала меня. Всё равно что падение, только весёлое. Немного страшноватое, но весёлое.

— Ты стрелять ток не забывай! — Напомнил Каламити, осознав, что я была целиком поглощена новыми ощущениями. Пуля, выпущенная пони-рейдером с глухим стуком ударилась об днище телеги. Вряд ли это была первая. Моё внимание снова переключилось на схватку, и я прицелилась.

БАХ!

Ещё один рейдер упал замертво. Я навела прицел на следующего и спустила курок языком. Моя цель повалилась на землю, стремительно окружаемая кровью, хлещущей из раны. Как-то даже слишком просто.

Только теперь мне надо было либо перезарядить оружие, либо заменить его на другое. Дробовик был бесполезен на такой дистанции, а штурмовую винтовку я потеряла ещё в бою на поезде. Оставался только один вариант — снайперская винтовка, тяжёлое оружие, требовавшее использования телекинеза или опоры. Я оглядела телегу и пришла к выводу, что за опоры сойдёт её борт.

— Ох ты ж! — вырвалось у Каламити, когда одна пуля из тех, что беспрестанно пронзали воздух вокруг нас, пролетела так близко, что оставила царапину на его боевом седле. — Надоедливая тварь! Лил'пип, попробуй-ка снять вон ту, которая за почтовыми ящиками засела. Я наклоню телегу, чтоб удобнее было.

Я навела винтовку на цель, уперла её посильнее и прильнула к прицелу, Каламити круто развернул телегу. Я нашла взглядом рейдершу-единорожицу, уродливую кобылу с клоками малиновой шерсти там, где когда-то была грива. Она была практически полностью скрыта рядом почтовых ящиков и левитировала карабин с прицелом, неслабо модернизированную версию того автомата, который я когда-то использовала. Я придержала язык, пока манёвр, выполняемый Каламити, не вывел меня на более удобную позицию для стрельбы.

Рейдерша, которая теперь была практически целиком видна в прицел, выпустила в нашу сторону целый град пуль. Ускользая в нирвану З.П.С., краем уха я услышала крик Каламити как раз в тот момент, когда языком потянула спусковой крючок и отправила рейдершу на суд к Богиням.

Телега опасно накренилась.

— Каламити! — вскрикнула около меня Вельвет Ремеди. Наша повозка резко повернулась.

Я ахнула: в Каламити попали, прямо в правое крыло! Теперь из него сочилась кровь, а сам пегас кряхтел в муке, стараясь держать телегу в воздухе.

— Извиняйте, ребят, — произнёс он, в его голосе слышалась боль. — Ща может немного потрясти...

Телега резко просела метра на полтора, заставляя меня и Вельвет визжать от страха. Каламити остановил падение, изо всех сил стараясь дотащить её до крыши ближайшего целого здания.

Он дотянул. По большей части. Мой друг рухнул на крышу и заскользил по остаткам черепицы, повозка же грохнулась за его спиной, ломая колёса и выбрасывая меня и Вельвет Ремеди на крышу. Я снова оказалась в воздухе, только теперь это уже было не весело. Ударившись об кровлю и заработав острую боль в плече, я отскочила и влетела в груды ящиков и коробок с амуницией, первые из которых разлетелись в щепки при столкновении.

Я подняла голову и посмотрела в сторону Каламити как раз в тот момент, когда телега, опрокинувшись, соскочила с крыши и стала утягивать раненого пегаса за собой! Кровь из его пробитого крыла оставляла разводы на черепице. Каламити оттолкнулся и обхватил край крыши. Утягиваемый вниз пристёгнутой телегой, он дрожал от напряжения.

— На помощь!

Около меня раздался стон Вельвет Ремеди. Удачливая пони упала лицом на удобный, мягкий матрас — постель одного из рейдеров (если подумать, не такая уж она и удачливая). Я поднялась на ноги, морщась от боли из-за впившихся щёпок, порезов и болезненного ушиба правого плеча, и кинулась к Каламити. Вельвет обогнала меня, будучи более крупным единорогом, и, добежав, принялась перегрызать упряжь телеги. Мгновения спустя к ней присоединилась и я. Каламити кряхтел от боли и натуги.

После нескольких мучительно долгих секунд упряжь наконец не выдержала, телега сорвалась вниз и с оглушительным грохотом разбилась о землю.

Вельвет Ремеди сидела, склонившись, на матрасе (который она предварительно пыталась перевернуть на другую, менее испачканную сторону, но была остановлена колонией жуков, проживавших под ним) и разглядывала шар памяти, который мы нашли в развалинах Доставок Дитзи Ду. Она до сих пор его не просмотрела.

Вельвет уже промыла и залечила рану Каламити в меру своих способностей, затем перевязала её лечущими бинтами, заверив пегаса, что тот снова сможет летать уже к следующему утру. Конечно, при условии, что он послушает её совет и побудет на земле, пока не отдохнёт.

Она также позаботилась обо всех остальных наших ранениях с помощью зелий и припарок. Наши медицинских припасов снова стало меньше, чем мне этого хотелось бы; я надеялась компенсировать потраченное, обыскав близлежащие здания. У рейдеров наверняка где-то были запасы.

На крышу здания вёл люк. Когда мы отцепили телегу, из него выскочил одиночный рейдер, вооружённый металлическими граблями, заточенными как смертоносные когти. Он свалился замертво, поражённый залпом из боевого седла Каламити. Даже едва находясь в сознании, он был превосходным стрелком.

— Почему жар-бомба? — спросила я, пытаюсь засунуть снайперское ружьё в сбрую, не прибегая к левитации. (Оказалось, что у меня оставалось достаточно сил, чтобы перезарядить Малый Макинтош, хотя стрелять из него всё равно приходилось бы, держа его во рту.)

Мои спутники подняли головы, не поняв вопроса.

— То есть, почему именно бомба? — пояснила я. — Мне казалось, мегазаклинания колдовались.

— Единороги колдовали заклинания. Зебры — нет. Они смешивали свою магию с зельями, талисманами, фетишами. Ихние мегазаклинания либо устанавливались на ракетах типа той, которая уничтожила Клаудсдейл, либо их проносили в центр города и там взрывали, как это случилось с Мэйнхэттеном, — ответил Каламити. Он лежал, свернувшись в клубок, у люка, одновременно и отдыхая, и “стоя” на страже.

Я кивнула и перевела внимание на извлечение патронов из коробок с амуницией, принадлежавших рейдерам. В одной из них оказалось несколько гранат. Неплохо.

— Ну что, готов зачистить здание? — спросила я у Каламити. Может быть, все рейдеры уже были убиты, и мы могли беспрепятственно собрать припасы. Не стоило, впрочем, принимать желаемое за действительное.

Каламити, поднимаясь на ноги, кивнул. Вельвет прошла мимо меня, направляясь к люку. Вытянувшись вперёд, я прикусила конец её хвоста (стараясь не думать об его вкусе), останавливая её.

— Подожди здесь, — прошептала я. — Дай нам сперва разведать. — Она посмеялась над этим без тени благодарности, но послушалась совета.

Каламити схватил ручку люка зубами и взмахнул крыльями (заработав неодобрительный взгляд со стороны Вельвет Ремеди), открывая его настесь. Нас встретили тёплый подрагивающий свет и едкий дым горящих мусорных баков. Прижимаясь к земле, я проползла вниз. Каламити последовал примеру.

Три пони-рейдера сидели за баррикадой и нервно ждали нашего появления. Я помахала Каламити копытом, затем отступила сама. Сразу после этого я кинула им несколько гранат, найденных в ящике на крыше.

— Ох, блять! — раздался чей-то крик. Сразу за ним один за другим последовало три взрыва, затем наступила тишина, которую нарушал лишь звук опадающих обломков.

Проползая вниз, я обнаружила три окровавленных трупа и груды мусора. Больше в здании рейдеров не оказалось, хотя мне и Каламити пришлось убрать несколько растяжек и “разрядить” целый букет гранат, висящих над парадным входом, пока я не объявила здание официально безопасным. (К сожалению, ни я, ни Каламити не обладали достаточным навыком обращения со взрывчаткой, поэтому гранаты пришлось разряжать, швыряя ведро и унося ноги.)

Я вернулась к лестнице на крышу и пригласила Вельвет Ремеди.

— О, теперь мне можно спускаться? Как мило, — Вельвет прошла мимо меня, окинув меня равнодушным взглядом.

Дерьмо.

Снизу послышалось, как она нервно вдохнула в себя воздух, увидев следы боины около баррикады. Я закрыла глаза, морщась, затем снова открыла их и спустилась вслед за ней.

* * *

Среди зданий оказались почтовый офис, бакалея и Вербовочный Пункт Армии Эквистрии. Последний из которых принял прямой удар и оставил после себя две отдельно стоящие стены, на одной из которых до сих пор гордо висел вербовочный плакат. (“Ты тоже можешь быть Стальным Рейнджером!” провозглашала надпись под изображением поднявшегося на дыбы пони... или, по крайней мере, поднявшегося на дыбы полностью закрытого костюма в форме пони, возвышающегося на фоне каменистого ландшафта, покрытого мёртвыми, окровавленными зебрами). Остальная часть здания обвалилась в находящийся внизу кратер.

Мы же “приземлились” на крышу почтового офиса. В нём нашлось больше всего полезных припасов, здесь рейдеры хранили всё от пачек сигарет до всякой всячины, которая мне пригодилась бы при сборке дротикомёта. А вот медикаментов не нашлось. Досадно.

Из бакалеи уже давно были вынесены все продукты, и рейдеры превратили здание в свой лагерь; выпотрошенные тела их жертв свисали с потолков между грязными матрасами и котлами с омерзительной едой. Все поверхности были покрыты порнографическими и богохульными граффити. Вопреки нашим советам, Вельвет решила зайти в бакалею, но, не выдержав увиденного, выбежала и выплеснула содержимое своего желудка в один из почтовых ящиков, стоявших напротив здания.

Подойдя к трупу единорожицы, я подобрала зубами её карабин и после неудачных попыток запихнуть его в седельные сумки повесила на шею к флягам. Каламити собрал ружья, пистолеты и припасы с других рейдеров, оставив им лишь броню; сейчас он разбирает добытое оружие, чтобы собрать более качественные экземпляры, используя лучше всего сохранившиеся части. Когда-то я тоже занималась подобным, но у него это выходило намного лучше.

— В том кратере лежит с виду целый сейф, милая. Хочешь попробовать свои силы? — спросила у меня подошедшая Вельвет Ремеди. Она всё ещё выглядела травмированной увиденным ранее. Я проследовала за ней.

К счастью, моих сил было до сих пор достаточно для манипуляций шпилькой и отвёрткой.

— Нам стоит найти место, где можно отдохнуть. Как насчет того, чтобы мы устроились на ночлег здесь? — спросила я Вельвет, приступая к взлому.

— В городе рейдеров? — спросила она недоверчиво. — Ты видела, как у них выглядят помещения? Невероятно отвратительно — это ещё мягко сказано. Это должно быть исключительно вредно для здоровья. Я подозреваю, что вы так легко с ними расправились отчасти потому, что они были ослаблены болезнями. Без обид.

Посмеявшись, я снова сосредоточилась на сейфе.

— К тому же в округе могут быть ещё рейдеры. Ты ведь не хочешь, чтобы они вернулись, пока ты будешь спать?

Это был веский аргумент. Пусть я и была вымотанной, но этот городок был ужасным местом для ночлега.

Сейф открылся с характерным щелчком. Заглянув вовнутрь, я обнаружила ещё один СтелсБак и копию Тактик Шпионажа Зебр (“Знай

Врага в Лицо!”), а также стопку плохо сохранившихся документов и несколько слегка светящихся энерго-магических гранат. В глубине сейфа было припрятано записанное сообщение. Я загрузила его на ПипБак и прослушала.

"Посылаю вам одно из устройств, полученных с Утёса Разбитого Копыта. Разведка уже предполагала, что зебры разработали некие талисманы с заклинанием невидимости, но это похоже на что-то, сконструированное Министерством Магии. Оно даже совместимо с ПипБаками. Мне противно это говорить, но, видимо, среди нас есть предатели. Если кто-то в М.Ч.Н. сдаёт зебрам магические технологии, Принцессам стоит принять меры."

Голос был мне не знаком, но это уже было третье Министерство, о котором я слышала. Третье из шести. Шесть лучших друзей-героинь; шесть Министерств. До сих пор я слышала только о Министерстве Морали и Министерстве Мира. Или не только? Нет, было ещё одно, пусть я и не знала, как оно зовётся. Та статуэтка оранжевой пони, ударяющей копытами в воздух, была явно из тех выпущенных в ограниченном количестве магических артефактов, о которых нам поведала Пинки... нет, Сильвер Белл. Кьютимарка с тремя яблоками как две капли воды совпадала с изображением на рукояти Малого Макинтоша. Тот факт, что я могла мысленно прочертить линию от героинь, о которых говорил Наблюдатель, к фабрике оружия, охраняемой пониобразными роботами с живыми мозгами, заставил меня поёжиться. Было такое чувство, что мне многое не понравится из того, что я должна была узнать об этих Министерствах.

Министерство Мира хотя бы казалось благотворным.

* * *

Изгибающаяся линия железной дороги пролегла по скалистой местности, изобилующей холмами, и пересекалась с нашим маршрутом, так что мы продолжили путь по ней. Направление было не совсем, но всё равно достаточно верным, и я подозревала, что дальше пути постепенно заворачивали в сторону Мэйнхэттена. К тому же дорога была довольно плоской, что было удобно для нас. Хождение по холмам выжимало из меня все соки.

— Не могу сидеть и дальше в позолоченной клетке, — запела Вельвет. — В оковах проживая каждый новый день. Пора этой птичке спорхнуть со своей ветки; Я готова перейти на новую ступень.

— Я был слепым лишь потому, что сам глаза закрыл, — присоединился Каламити. Его голос было не сравнить с Вельвет Ремеди, но он поразительно гармонично подхватил ноту. — Видел только то, что от меня хотели. Отряхнуться ото лжи черёд мой наступил; Нарушь все правила, взмахни крылом и вместе полетели!

Ни-фи-га себе! Вот уже второй раз за день я осела на круп, удивлённо открыв рот. Вельвет Ремеди и Каламити продолжали петь, не заметив того, что я остановилась и пялилась на них. Я поднялась на ноги и порысила их догонять.

Часть моей души была переполнена счастьем от созерцания моих друзей за таким занятием. Часть моего разума восторженно визжала, видя, как Вельвет сочиняла новую песню. И, наконец, была надоедливая, циничная, приземлённая часть рассудка, которая настаивала на том, что эта пара оповещала всю округу о нашем существовании. Я подозревала, что Вельвет Ремеди об этом и не задумывалась — она пробыла в пустошах всего на несколько часов дольше меня и имела гораздо меньше опыта в путешествии по ним; она не была склонна думать о таких вещах. Каламити, с другой стороны, скорее всего, было всё равно. Вряд ли существовало много угроз, от которых он не мог бы просто улететь, и я подозревала, что он иногда забывал, что путешествует с двумя рождёнными ползать пони.

Я старательно игнорировала ту докучающую часть себя. Пока что эта песня помогала мне волочить копыта.

Когда мы обогнули крутой холм, песня Вельвет и Каламити грубо оборвалась.

— Понятия пока что не имею, как написать бридж, — застенчиво призналась Вельвет, — но припев силён.

Каламити, проникшийся проектом, согласился. Расправив крылья, он вспорхнул в небо, и приземлился на высокий утёс, выступавший из скалы. Затем он пригнулся.

— Впереди чё-то есть. — Он спланировал обратно к нам с утёса. — Там вокруг груды каких-то машин собралась кучка пони. — Каламити проверил, заряжено ли боевое седло. — На рейдеров вродь смахивают.

— Вроде смахивают? — переспросила я предостерегающе.

— Угу... ну... эмм, лучше к ним поосторожней приближаться, — зарделся Каламити, — Бережёного Селестия бережёт и всё такое. К счастью, они ещё нас не заметили, так чт...

— Ты в этом уверен, пони? — произнёс мрачным голосом кто-то над нами. Облаченная в броню грифина с глухим стуком приземлилась напротив нас, застыв в боевой позе — когти острые как бритвы, неровный шрам, пересекавший её клюв и ту часть лица, где когда-то был левый глаз, а в мгновенно расстёгиваемой кобуре под грудью ждал своего выхода трёхствольный энерго-магический

Потрёпанную в битвах грифину звали Гауда, и мы были её “гостями”. Должна признаться, она выглядела... впечатляюще.

Гауда по железнодорожным путям отвела нас к чему-то, что мой ПипБак нарёк Узловой Станцией Р-7. “Груда каких-то машин”, как её изначально назвал Каламити, оказалась старым, ржавым поездом и нагромождением вагонов, формирующих баррикаду на путях. Вагоны показались мне странными — я никогда до этого не видела вагоны для перевозки крупного скота. У локомотива отсутствовали колёса. Судя по оплетающим его побегам кактусов, мимо Седьмой Развязки поезда не проезжали по крайней мере десяток лет.

Пони превратили застрявший поезд в сторожевую заставу. Из вагонов выдalisь хижины, образуемые ржавыми листами металла. Судя по резкому запаху навоза, старая стрелочная будка играла роль туалета. Вельвет Ремеди со слезящимися глазами поднесла копыто к носу.

— Слышал истории, как работорговцы в таких перевозили свой товар, — заметил Каламити, увидев, что я разглядываю вагоны. — Своими глазами, правда, такого не видал.

Прикинув размеры вагонов и их количество в составе, я содрогнулась: немало же они перевозили рабов!

С другого боку, эти пони явно не использовали вагоны для таких целей. Они были одеты в такую же броню кустарного производства, что я когда-то позаимствовала у рейдеров, у нескольких было энерго-магическое оружие. Последнее было направлено на нас, стоило нам только приблизиться.

Я поджала уши, вспомнив, как такая штука испарила одного из тягловых пони, оставив от того светящуюся кучку розового пепла. Ко мне также пришло осознание того, что я уже видела подобное в свой первый день вне Стойла — управляемый Наблюдателем спрайт-бот обратил в прах блотспрайта. (Наверное, всё-таки спрайт-боты были результатом инженерии не только земных пони.) Несмотря на ситуацию, в которой мы находились, мои мысли были далеки от насущных проблем. Что Наблюдатель тогда сказал по поводу блотспрайтов? Результат воздействия Порчи на параспрайтов. А это то же самое, что и магическая радиация? Или всё-таки что-то другое?

— Хой! — крикнула Гауда. — Пропустите их, мне надо поболтать с этими пони.

Несколько пони подняли копыта в приветствии, сопроводим это ответным “Хой”, затем вернулись к тому, чем занимались до нашего прихода. Коричневого цвета кобыла без одной ноги пыталась костылём запихнуть батареи в цепь питания для многоствольной энерго-магической пушки. Розовый единорог снял несколько из этих стволов и теперь прочищал их. Он двигался заторможенно, будто у него была нарушена моторика, но телекинез продолжал быть подвижным и точным. Его тело было покрыто старыми шрамами — дюжинами их, возможно, больше сотни — и все на спине и задних ногах. Когда-то его отхлестали до полусмерти. Многократно.

Мой взгляд вернулся к моим спутникам. Каламити замедлил шаг, заглядевшись на пушку. Вельвет Ремеди была больше обеспокоена, если не приведена в ужас, состоянием некоторых пони.

Изголодавшийся жеребёнок выбежал рысцой из ниши, образованной ржавыми листами металла, неся на шее фляжку, которую стал предлагать каждой пони, которых я насчитала всего полдюжины.

— Во что же это мы ввязываемся? — тревожно прошептала, склонившись ко мне поближе, Вельвет.

Гауда жестом когтя и крыла направила нас в единственный пассажирский вагон поезда, уютящийся около ржавяющего локомотива. Судя по запаху перьев и перхоти, наполнявшему его, этот вагон служил Гауде домом. Или хотя бы офисом.

— Захлопните дверь, — приказала она голубой земной пони, зайдя вслед за нами. Дверь закрылась с пронзительным металлическим визгом, до меня донёсся звук задвигаемого засова. Мы были заперты наедине с грифиной.

Я не без иронии мысленно отметила, что при других обстоятельствах такое поведение было бы большим тактическим просчётом со стороны грифины — три на одного, двое из нас могли постоять за себя. (Думать о себе, как о пони, способной уверенно вести боевые действия, было непривычно и в какой-то степени неприятно. Уже не в первый раз я задумалась о том, изменяли ли меня пустоши в лучшую или худшую сторону, или же просто изменяли меня.) Сейчас же, однако, я была не в состоянии использовать левитацию, так что, если бы дошло до драки, нам была бы труба. По этой же причине я, собственно, и приняла “приглашение” Гауды ранее. За это время соотношение сил не изменилось.

Комната была обставлена просто, без излишеств, если не считать стоящего на столе включенного компьютерного терминала и висящего на стене потрёпанного чёрного флага, на котором были изображены угрожающего вида когти, будто проступающие из темноты. Гауда с важным видом села за стол, облокотила на него свои когти и повернулась к нам. Я потрясла головой, чтобы прояснить замутнённый недосыпом рассудок, и поймала себя на мысли, что она выглядела бы весьма привлекательной, будь она моего возраста, ну и, само собой, пони.

— Ну что ж, давайте разбираться по порядку, — Гауда сердито посмотрела на нас. — Кто такие и на кого работаете?

— Я б ты о том же хотел спросить! — оцетинился Каламити.

— Следи за языком, пегас! Ты на нашей территории и у меня в доме. Я спрашиваю, ты отвечаешь.

Я успокаивающе положила ему на бок своё копыто, давая понять, что всё в порядке.

— Меня зовут Литлпип. Это Каламити и Вельвет Ремеди. Мы просто проходили мимо, — пояснила я, сделав шаг вперёд. Нам всё больше требовалось место для ночлега, но я не собиралась это упоминать, не говоря о том, чтобы предложить заночевать где-либо поблизости.

— Мистер Топаз разрешил вам пересечь нашу территорию?

Этот вопрос показался мне ловушкой. Не успела я сформулировать тактический ответ, как Вельвет Ремеди опередила меня:

— Кто такой Мистер Топаз?

Седеющая грифина перегнулась через стол, единственный глаз зафиксировался на Вельвет.

— Повтори-ка? — Она оценивающее буравила единорожицу взглядом.

Вельвет выпрямилась.

— Ты спросила нас насчёт Мистера Топаза, о котором я впервые слышу. Я спросила, кто это такой. Что тут непонятного?

Удержаться от порыва сделать фейсхуф было весьма непросто.

Однако Гауда, очевидно, увидела в ней что-то, внушившее ей доверие к Вельвет и искренности её слов. Грифина вернулась в нормальное сидячее положение.

— Вы действительно не в теме, не так ли? — Её лицо медленно расплылось в улыбке, что придало шраму на клюве ещё более отталкивающий вид. — Как интересно! — Она раздумывала над этим, постукивая друг об друга кончиками когтей.

— Ну и? — вывела её из раздумий Вельвет Ремеди.

Гауда откинулась назад, теперь улыбаясь пуще прежнего.

— Мистер Топаз — хозяин и глава Разбитого Копыта и прилегающих территорий.

— Бред сивой кобылы. До Утёса Разбитого Копыта ещё ой как далеко, — усмехнулся Каламити, на что Гауда закатила глаза.

— Верно. Но вы менее чем в полчаса лёта до Разбитого Копыта, закрытого лагеря-каменоломни, названного в честь битвы при Разбитом Копыте.

— Лагеря-каменоломни, ну да, конечно.

Гауда стукнула себе по лицу крылом.

— Да ладно? Вы ведь не можете не знать процесс переработки камня. — Она посмотрела наши недоуменные лица и вздохнула. — В некоторых камнях скрыты самоцветы. Если у вас нет при себе единорога, который может определить, в каких они есть, а в каких нет, то, чтобы это выяснить, приходится раскалывать эти самые камни и смотреть, что внутри. Ну вы даёте, ребята, должна же была вам хотя

бы одна ферма для выращивания камней попасться по пути сюда.

— Как можно выращивать камни? — подняла бровь Вельвет.

— Уф. Да запросто. Берёшь земельный удел, где была замечена повышенная вероятность нахождения в камнях самоцветов, и выращиваешь их! — Своим незнанием таких вещей мы несомненно производили на грифину негативное впечатление. Помахивая в воздухе когтем, она продолжила: — Некоторые пони даже перекачивали камни с поля на поле, чтобы повисить шансы нахождения самоцветов...

— Бессмыслица какая-то, — выпалила я, прерывая её речь. Не росли же самоцветы в камнях подобно семенам. У меня вскипал мозг.

— Наверно, эт традиция такая, — предположил Каламити. Мне от этого стало ещё хуже.

— Ну тогда это глупая традиция, — ответила я. — В камнях не будет больше самоцветов, если за ними ухаживать, держать на солнце или положить на плодородную землю.

— Ну, походу это могли быть волшебные самоцветы. То бишь, ведь они используются во многих магических артефактах. Самоцветы ещё нужны для энерго-магического оружия, они в нём фокусируют и усиливают энергию.

Я уставилась в пустоту. Во-первых, я не ожидала от Каламити таких глубоких технических познаний. Во-вторых, мне никогда раньше не приходило в голову, что самоцветы действительно могли быть волшебными.

Гауда сидела напротив нас, нетерпеливо ожидая. Я нарушила наступившее молчание, повернувшись к ней.

— Думаю, с этим мы разобрались. Пожалуйста, продолжай.

* * *

У Гауды была для нас работёнка. И она обещала за её выполнение крышечки и право свободного прохода.

Само собой, у нас сразу возникли вопросы. Первым был:

— Почему именно мы?

— Потому что вы, поняши, не местные. Вы не относитесь ни к одной из местных фракций. И благодаря этому вы можете делать то, чего не могу я, проворачивать такое, что нельзя безнаказанно совершить, работая на Мистера Топаза. — Гауда прищурилась. — Смекаете?

Я медленно кивнула.

— Мы тебе нужны, чтобы сделать что-то, чего ты не можешь сделать сама, не предав при этом Мистера Топаза.

— Но разве нанимать кого-то сделать грязную работу за тебя — не такое же предательство? — сомнительно уточнила Вельвет Ремеди.

Гауда сердито посмотрела на неё.

— Послушайте-ка сюда. Я верна только контракту и крышечкам. Именно в таком порядке. — Она обернулась и взглянула на флаг, висящий за её спиной. — Моя старая команда испытала это на собственной шкуре, когда они решили принять предложение Красного Глаза и отдать ему в рабство караван, который мы были наняты защищать. — Она снова повернулась к нам. — Когти контракты не разрывают. Даже за бочки крышечек. Они выучили этот урок, когда получили от меня по пуле в спину.

Её улыбка теперь выглядела зловеще.

— Это было делом чести.

Я не особо представляла, как можно было называть делом чести убийство своих друзей исподтишка. Как бы то ни было, эти слова Гауды породили целый ряд новых вопросов, полившихся один за другим. Гауда любезно отвечала на них, пусть и недолго.

— Красный Глаз, тот жеребец, который болтает по спрайг-ботам, он глава работоторговцев?

— Да. Иронично, не так ли? Он проповедует всю эту чепуху про мир, единство, светлое будущее, а сам строит это будущее на костях сотен рабов. Не понимаю, почему же так много пони ведётся на это лицемерие.

— А грифоны не ведутся?

— Конечно, нет. У него денег не хватит на то, чтобы купить моё мнение, — поморщилась Гауда. — Не то чтобы он это предлагал. Для грифонов Единства нет. Мы для него просто наёмные крылья.

— И грифоны готовы на него работать?

— Ну да, — кажется, Гауда восприняла это как оскорбление или тупость с нашей стороны. Или тупое оскорбление. — Когти работают на любого, кто платит. На работоторговцев, рейдеров, мирных жителей, караваны. Лишь бы были крышечки. Мы политикой не занимаемся и стороны не выбираем. Кроме оглашённых контрактом, конечно. У грифонов так заведено уже более двух веков. Красный Глаз это понимает. И не имеет ничего против того, чтобы пополнить свои ряды нашими наёмниками.

— Ладно, а что за "когти"?

— Когти, — похвалилась Гауда, снова повернувшись к флагу, — это лучшие наёмники в Эквестрийской Пустоши со времен, когда та ещё даже не была пустошью. — Она гордо постучала по своей броне. — И лучших наёмников вам не сыскать.

— А почему...

Но у Гауды наконец-то иссякло терпение.

— Довольно. Я вам, блять, в учителя не нанималась. Я вам работодатель. Выполните моё задание и выполните его как следует, и можете задавать мне свои вопросы, пока я буду вас провожать со своей территории.

Я повернулась к своим товарищам. Работка вряд ли была сложной. Как раз подходила мне по возможностям. Мне даже навряд ли нужна была магия (которой и так почти не осталось).

— Ах да, чуть не забыла. — Гауда снова пощёлкала когтями друг об друга.

И почему только я чувствовала, что мне это не понравится?

— Чего?

— Залог. — На лице Гауды висела холодная, недружелюбная улыбка. — Не то чтобы я вам не доверяла, но мне надо быть уверенной, что вы не пойдёте и не расскажете Дэдайсу всё о нашей небольшой сделке. Так что... один из вас остаётся здесь со мной.

— Хрена с два! — прорычал Каламити.

— А почему бы тебе не сесть на мой рог и покрутиться? — предложила я сдержанно.

Гауда даже хохотнула над этим. Она раскинула когтями.

— Ну, если не хотите работу, то можете идти на все четыре стороны. Я просто прикажу пони снаружи отпереть дверь, а потом скажу им, что вы больше не находитесь под моей защитой. — Она приподняла бровь, будто давая нам время обдумать каждый вариант, как будто у нас и впрямь был выбор. — Если решите взяться за работу, то следуйте правилам.

Ладно, делать нечего. Я с нескрываемой неприязнью посмотрела на грифину.

— Хорошо. Можешь взять меня. — Мгновение спустя я, вздрогнув, уточнила: — В заложники.

Какую-то долю секунды Гауда раздумывала над предложением.

— Нет. — Острый как бритва коготь рассёк воздух и указал на Вельвет Ремеди. — Останется она.

У меня в рассудке эхом отдались слова, сказанные Каламити: “хрена с два!”. Я раскрыла рот, собираясь излить такой поток ругательств, который поверг бы в шок любого рейдера. Но Вельвет Ремеди опередила меня:

— Договорились.

— Чего?! — Я ошеломлённо уставилась на неё.

Вельвет просто кивнула.

— Здесь есть пони, которым нужна моя помощь. К тому же твои навыки пригодятся для выполнения задания...

— Погоди, — перебила её Гауда. — Нужна помощь? Только не говори мне, что ты ещё один Проповедник.

Вельвет Ремеди смерила грифину строгим взглядом.

— Может быть, тебе стоило сначала спросить чуть больше обо мне, прежде чем заявлять, что останусь с тобой именно я.

* * *

Каламити передал мне бинокль и укрылся за грудой камней, лежащей на вершине холма. Я поднесла его к глазам и оглядела раскинувшуюся перед нашими глазами небольшую искусственного происхождения долину, окружённую гребнями холмов.

Несколько рядов железнодорожных путей пересекали долину и обрывались перед металлическими воротами крепости. Бетонные стены с решётчатыми окнами возвышались над окрестностями, окружая внутренний двор, едва видный сквозь крышу из колючей проволоки (хотя с одного из краёв двора в проволоке имелось отверстие, через которое, очевидно, когда-то спускались грузовые вагоны). Развалины дороги, разрушенные на части несколькими бетонными заграждениями, вели ко вторым металлическим воротам, находящимся под сторожевой вышкой. Между ней и другими башнями прогуливались редкие часовые пони.

Перевоспитательный Скотный Двор Разбитое Копыто

"Восстанавливаем сбившихся с пути тяжёлой работой и любящей заботой"

Мы были предупреждены о том, что долина была заминирована. Путь по дороге обернулся бы в кровавую мясорубку. И даже если бы я пошла в одиночку, воспользовавшись СтелсБак, я вряд ли прошла бы через закрытые ворота. Судя по их виду, они открывались только изнутри. Если мы собирались проскользнуть вовнутрь незамеченными, у нас оставался лишь один вариант. Я повернулась к Каламити и по его лицу увидела, что он пришёл к тому же выводу.

— Так понимаю, мы подождём, пока стемнеет, потом я перенесу тебя туда.

Я кивнула.

— Ты уверен, что твоё крыло выдержит?

Каламити потянул своё забинтованное крыло и несколько раз взмахнул им.

— Агась. Сойдёт. Чтоб меня сбить, нужно всадить больше, чем одну пулю. — Потом быстро добавил: — По крайней мере, когда я не тащу с собой телегу из-под яблок.

Он посмотрел на крыло и помрачнел. Лететь всё равно было рискованно. Тёмное пятно в форме пони на фоне неба вполне могли заметить, особенно если местные часовые ожидали грифонов. Я не хотела вновь рисковать здоровьем Каламити. А СтелсБак не мог укрыть нас обоим. Я поразмышляла над дилеммой, пока меня не осенило. Это должно было сработать, хотя мне было неприятно просить Каламити лишний раз напрягать своё больное крыло. (Даже если он сам это только что предложил.)

— Каламити, помнишь те матрацы, что лежали в бакалее? — спросила я.

Час спустя Каламити плавно снижался, описывая в вечернем небе круги над брешью в колючей проволоке, растянутой над камнедробительным двором. В передних ногах он нёс меня. А я в свою очередь напрягала свой телекинез, левитируя под нами простыню от одного из матрасов из лагеря рейдеров. Покрытый пятнами кусок ткани прямоугольной формы скрывал наши очертания в небе.

Разбитое Копыто стало домом сбежавшим рабам, в частности и тем, что спаслись с того самого железнодорожного состава у Узловой Станции Р-7, которые теперь жили за счёт рейдов на местные фермы. Мой живот скрутило от одной мысли об этом. После того, как я сражалась за свободу рабов, рискуя как своей жизнью, так и жизнями моих друзей (не говоря уже о невинных поездовых пони), от мысли о том, что некоторые бывшие рабы опустятся до самых отвратительных форм варварства, у меня появилось ощущение, будто с меня вот-вот слезет кожа.

Их вожаком был пони по имени Дэдайс, который в свою очередь выполнял приказы ещё более важного пони, которого никто, кроме самого Дэдайса, не видел: Мистера Топаза. Именно для Мистера Топаза Дэдайс организовывал рейды и поддерживал работу на каменоломне.

По словам Гауды, в этой крепости, в офисе Дэдайса, был сейф. А в сейфе лежал гроссбух. Он и был нужен Гауде. Она не сказала зачем.

Честно говоря, у меня самой были причины для того, чтобы покопаться в этом гроссбухе.

Каламити ловко проскользнул сквозь дыру в проволоке и аккуратно приземлился на краю двора.

— Вот видишь, — прошептал он с самоуверенностью в голосе, — проще пареной репы.

Мгновение спустя два рейдера пробежали мимо нас рысцой. Мы отступили в тень, и я накинула на нас простыню. Мы задержали дыхание.

— Ты ничего не слышал? — спросил один у другого.

— Слышал. Как у меня желудок проурчал.

Казалось, они остановились на несколько мучительно долгих секунд. От вони, испускаемой простыней, у меня слезились глаза и скручивался узлами желудок. Я боялась, что чихну или меня стошнит.

Наконец, их копыта зацокали, удаляясь. Отбросив поганую простыню, я втянула свежий воздух. Затем мы с Каламити проскользили вдоль стены к первой попавшейся двери. Та оказалась закрыта. Ненадолго.

* * *

— Эт не тот сейф, который нам надо взломать, — прокомментировал Каламити, стоя на стрёме у двери.

Как оказалось, мы умудрились вломиться в центр для посетителей перевоспитательной... глядя правде в глаза, тюрьмы. На украшавших стены плакатах были изображены улыбающиеся, счастливые пони, которые разбивали копытами камни, открывая взору прекрасные самоцветы, или несли эти самоцветы надзирателям, буквально излучавшему одобрение. (“Здесь мы учим тех бедных пони, что сбились с пути, воссоединяться с миром!” гласило одно знамя. На другом читалось: “Наши гости гордятся своей полезной и тяжёлой работой, поддерживающей фронт!”)

Чтобы передать мои чувства не хватило бы фэйсхуфов всего мира.

В стороне от Каламити стояли, тускло помигивая лампочками, два торговых автомата. Оба уже давно были взломаны, и запасы Спарк-Колы и Рассветной Сарсапарели соответственно (на втором автомате красовалось изображение Богини Селестии, поднимающей солнце над счастливыми потребителями Сарсапарели) опустошены. Однако нам удалось добыть из этих машин немало довоенных монет.

— Да это недолго, — ответила я, левитируя к замочной скважине заколку с отвёрткой. Сейф, над которым я сейчас работала, не принадлежал Дэдайсу; это был сейф-хранилище для ценных вещей в Бюро Находок Центра для Посетителей. Эта часть здания даже не была напрямую соединена с самой тюрьмой. Нам ещё предстояло вновь отважиться пройти по двору и найти другую дверь.

Каламити покачал головой.

— Честно слово, я не в своей тарелке. Не пойму, зачем мы эт всё делаем. Мы ведь не помогаем рейдерам?

Я остановилась. Эта мысль приходила на ум и мне.

— Мы делаем это потому, что мы не в том состоянии, чтобы бороться с этим народом. Даже если бы мы были здоровые и выпавшие, это всё равно было бы непросто. — Я глубоко вздохнула. — Более того, это наш шанс копнуть поглубже в то, что вообще тут творится.

— Мне не особо интересно, чё творится в лагере рейдеров. Разве что чтоб узнать, как положить этому конец.

Я повернулась к Каламити.

— Нет, не только здесь, а везде. — У меня в голове обрисовывалось что-то, что мне не особо нравилось. — Я замечаю всё больше мелочей, подсказывающих, что это не нормальная для Пустоши ситуация. В мою первую ночь вне Стойла меня поймали работорговцы. Они прибыли к рейдерскому мосту, собираясь заплатить пошлину за проход, но вместо этого рейдеры открыли огонь. Тогда я приняла это за слепую удачу, но я больше так не думаю.

Каламити задумчиво посмотрел на меня, взвешивая в уме выдвигаемые мной идеи.

— Та псевдо-богиня в старой Эплузе была чем-то новым. Местные работорговцы не видели раньше ничего подобного. А некто Стерн прислала ту сучку сюда из Филлидельфии в качестве надзирателя. И всё это произошло за сколько времени? За неделю-две?

Моё внимание снова переключилось на сейф.

— Тут явно что-то происходит, и этот Красный Глаз тут играет главную роль. Что бы это ни было, оно долго планировалось... — Я не могла найти подходящие слова; внезапно они пришли ко мне с ментальным озарением. — Это как река во время грозы, которая вот-вот выйдет из берегов и всё затопит.

Каламити присел, сдвинув шляпу на затылок, и долго над этим поразмышлял.

— Да, пожалуй, всё логично. — Каламити хихикнул. — Кроме того, как часто я могу похвастаться тем, что я на задании, данном...

— Не надо.

— Кажись, ни разу, — заржал он.

Моя заколка сломалась. Я достала другую и попробовала ещё раз. У меня было сильное и отчётливое желание посмотреть содержимое этого сейфа, вызванное прочтением одной из последних довоенных заметок в терминале Центра для Посетителей. Сам терминал был так здорово зашифрован, что Рейдеры Разбитого Копыта так и не смогли его взломать.

Запись 42:

"Только что узнала, что Центр для Посетителей этого учреждения закрывают. Министерство Морали постановило, что друзья и семьи пони, признанных виновными в провокации и предательстве, больше не будут иметь право видеться с нашими гостями, пока те не будут официально реабилитированы, опасаясь, что гости могут передать ересь своим близким. По существу, это будет моя последняя запись.

К счастью, выходное пособие будет весьма щедрым. Думаю переехать в Клаудсдейл с семьёй. Наземный мир слишком мерзок для того, чтобы выращивать тут моих жеребят.

Мы сделали всё, что было в наших силах, чтобы связаться с теми пони, чьи вещи всё ещё лежат в Бюро Находок, и почти всё, что тут осталось, будет отправлено им по почте уже сегодня. К сожалению, нам так и не удалось связаться с посетившей нас недавно певицей. Свити Белль, очевидно, пропала с лица Эквестрии. Я позаботилась о принадлежащих ей вещах, убрав их в сейф.

Забавно, что мы закрываем этот офис буквально сразу после того, как его перекрасили. Если бы нас предупредили пораньше, то у нас было бы меньше проблем. (Не считая нового платья Тиары, пусть остальные и огорчены случившимся. Эта кобыла просто невыносима.)"

Сейф открылся ценой одной заколки. (Вскоре я, к своему разочарованию, узнала, что могла бы просто открыть его через терминал, если бы была терпеливей.)

Внутри лежал одинокий свёрток. Я аккуратно вытащила его зубами и положила на землю. Стоило мне потянуть за шнурок, как он с лёгкостью развернулся. Моему ошеломлённому взору предстала статуэтка непередаваемо прекрасной белой единорожки со сладострастными фиолетовыми гривой и хвостом, а также кюотимаркой в виде трёх самоцветов. (В свёртке были и другие вещи, но я про них совершенно забыла.)

— Ну что, закончила растлевать взглядом эту статуэтку? — Слова Каламити вернули меня на землю. Он нетерпеливо посмотрел на меня. Я залилась румянцем.

— Да, признаю, она красавица. Но вряд ли б ей понравилось, как ты на неё смотришь.

— Я... просто... смотрела... — пробормотала я, а затем сосредоточила все силы на том, чтобы левитировать статуэтку себе в сумку. Я знала, что могла в любой момент сжечь остатки своей магии, но я не могла не взять её с собой! И я не смела портить статуэтку, перенося её зубами. Она зашаталась, не желая отрываться от земли. Затем я почувствовала мощный приток сил, и статуэтка грациозно взлетела. Чем бы это благословение, данное ей, ни было, мои магические силы были восстановлены. Немного, но достаточно, чтобы левитировать статуэтку и даже Малый Макинтош. Я повернула в воздухе сексапильную, великолепную пони и смогла разглядеть гравировку.

“Будь непоколебим!”

Заметка: Следующий уровень.

Новая способность: Твёрдое Копыто — Ваши атаки становятся изящнее и точнее. Вы получаете повышенный, эквивалентный 5 очкам Удачи, шанс нанести противнику критический урон.

<<< ^^ >>>

Глава 11. Фракции

«Не знаю никого, кто пришёл бы сюда по собственной воле, кроме как в поисках неприятностей.»

<<< ^^ >>>

"Никого не стало.

Всех пони в Мэйнхэттене просто... не стало. Я-я общалась с лучшей подругой, Сильвер Спун, в чате, когда соединение оборвалось. Моя... моя лучшая подруга мертва. Только она... она не... лежит где-то мёртвая. В тот момент она говорила со мной, рассказывала о концерте в ХуфБитс, на котором была прошлой ночью, и, затем, её просто... просто не стало.

О-они сказали, что в некоторых зданиях Министерства пони могли выжить... но это не похоже на правду. Разбитое Копыто больше чем в двух днях рыси от Мэйнхэттена, и некоторые охранники утверждали, что услышали отголоски мегазаклинания. Это был неестественный, чуждый... ненастоящий звук. Некоторые осмелились забраться повыше. Они вернулись, описывая увиденное как огромный столб зелёного огня со странным радужным отблеском, окутанный кольцами чёрного дыма, поднимающийся к облакам оттуда, где должен был быть Мэйнхэттен.

Они говорят, что Клаудсдейл тоже был атакован. И что Эквестрийские мегазаклинания уже брошены на зебр. О... о нет... что, если зебры атакуют Понивилль? Он же крошечный! Они же не будут, правда? Я... мне надо предупредить маму и папу!

Может, они смогут попасть в Стойло на ферме "Сладкое яблоко". Пожалуйста, пожалуйста, оно должно быть ещё открыто! На прошлой неделе Сильвер Спун говорила, что Стойл-Тек направляла пони в Стойла около Мэйнхэттена, но это было что-то вроде проверки. Ничего такого, о чём следовало бы беспокоиться. Не похоже, что они знали..."

Я выключила запись. Ещё несколько загрузились в ПипБак во время прослушивания. Я находила разбросанные по всему караульному помещению кусочки аудио-дневника этой пони. Я встроила наушник в ПипБак, что позволило мне слушать записи, не привлекая внимания.

Каламити вернулся с разведки, показывая хвостом, что путь чист.

Путь через Разбитое Копыто оказался быстрее, чем, как мне показалось, мы вообще могли ожидать. В какой-то мере этому способствовал минимум следов нашего пребывания — мы не брали ничего, что могло вызвать подозрения своим отсутствием. (Я сделала исключение для предметов из Бюро Находок, оправдывая кражу тем, что сейф не открывался со времён мегазаклинаний, и никто не заподозрит, что он пуст, так как я заперла его снова.)

Более того, эти пони не предполагали, что в крепость кто-то может проникнуть; они её не охраняли. Я не хозяйка теней, но мне вряд ли понадобилось бы продвинутое копытоводство из Тактик Шпионажа Зебр, чтобы проскользнуть мимо таких рассеянных пони. (Я пролиставала книгу, пока Каламити держал маскировочный матрас.) Каламити не был так же хорош и почти выдал своё присутствие рейдерам уже дважды, но каждый раз нам удавалось спрятаться. Я решила отдать ему Тактики Шпионажа Зебр, как только мы вернёмся в форт Гауды. (Книги, всё-таки, не одноразовые.)

Внутренние помещения Разбитого Копыта были окрашены в холодный, монотонный серый — почти так же, как и служебные помещения Стойла Два, за исключением того, что стены здесь потрескались и обсыпались, потолок прогнил, а свет, слабый и мерцающий, исходил от железнодорожных костылей-факелов, забитых в стены. Темнеющее небо, затянутое облаками, превратило зарешеченные окна под потолком в мёртвые глаза, бесцельно взирающие в помещение. Где-то дальше по коридору работало радио и доносилась ужасно грустная песня — мы снова были в зоне приёма диджея Пон3.

"...Пони идут по шоссе, без роду, без знамени,

Пони толкутся возле меня, бредут к местам без имени..."

Песня разбудила грусть в моём сердце; в исполнении певицы довоенная Эквестрия казалась таким же мрачным местом, как и сама Пустошь. Следуя за Каламити, я уже подумывала включить одну из других записей в аудио-дневнике, просто чтобы заглушить это, но поняла, что звучать она будет только в одном ухе, а вместе они смешаются во что-то ещё более угнетающее.

"...Ждут жеребята свой день рождения, будут танцевать, веселиться,

И вырастут они быстро, теряя надежды, никогда которым не сбыться..."

— Дерьмо! — мрачно пробормотала я, задержавшись в тени позади плаката ("Упорный труд — Счастливый труд!") и уставившись между рядов парт в хорошо освещённую комнату. Внутри, пони, подходящий под данное Гаудой описание Дэдайса, сидел за столом, читая книгу (Применение самоцветов). Рядом с ним находился как минимум один охранник, которого я видела, и, скорее всего, ещё несколько. Сейф находился прямо позади него. Не было никакой возможности добраться до него незаметно. Даже если бы я использовала СтелсБак, он бы всё равно услышал, как меньше чем в полуметре от его ушей открывается сейф.

— Время для запасного плана, — прошептала я Каламити. — Есть такие?

Каламити, приподняв брови, ответил:

— Да. Загнать их всех в тормозной вагон и отцепить его.
Я вздрогнула, вспомнив, чем обернулся последний его план.

— Могло быть и хуже, — прошептал он с улыбкой, — Я уверен, план Вельвет был бы — подойти и вежливо попросить.

Я закрыла глаза. Чёрт. Мы не могли просто сидеть здесь и ждать, когда же этот ублюдок наконец свалит. Чем дольше мы торчали бы тут, тем было бы больше шансов, что нас поймают.

— Ладно, — сказала я наконец. — Мы сделаем это.

Каламити вытаращил глаза.

— Я же пошутил! — прошипел он.

Благодаря статуэтке, вернувшей мне часть магии телекинеза, я осторожно левитировала винтовку и карабин к Каламити.

— Возьми. Возвращайся в ту комнату и спрячься среди старых фонарей, — поручила я, имея в виду помещение, выглядевшее так, будто за последние несколько месяцев его только для быстрого перепахона пару раз использовали. — Я зайду и поздороваюсь.

— А когда они начнут палить в тебя, то какой план?

— Я соображу на лету, у меня всё ещё есть СтелсБак на случай, если ничто не поможет. С ним я смогу выбраться. Не жди меня, если начнётся стрельба. Возвращайся к Ремеди. — Подумав, добавила: — Пожалуйста.

Каламити нахмурился и ушёл, пробормотав что-то о целесообразности выполнения бескрылой пони чего-либо "на лету". Я запустила следующую запись, давая Каламити время занять безопасную позицию. Из наушника донёсся голос той же пони, впавшей, похоже, в панику.

"Коммуникационная сеть не работает. Я пыталась и пыталась дозвониться до мамы и папы, но ничего не получалось. Поначалу казалось, что сеть была просто перегружена, и мои звонки не доходили. Но потом сеть вырубилась окончательно."

Мы не можем дозвониться до Министерства Морали. Никто не ожидал, чтобы Мэйнхэттен ответил, но чтобы Кантерлот? Может... Нет, зебры не могли уничтожить Кантерлот! Или могли?.. Что... что случилось с принцессой Луной?"

Слышав о руинах Кантерлота ранее, я уже знала ответ. Я переключилась на следующий журнал.

"Снаружи начался дождь; ещё час назад погода была светлой и солнечной. Мне кажется, что это пегасы оплакивают Клаудсдейл."

Большинство охранников ушли. Они оставили мне коды открытия камер. Сказали, что теперь решать только мне. Больше никто не собирался рисковать, отпуская наших гостей. Почему я? Я-я не та, на ком может лежать такая ответственность!

Если меня не будет, эти пони помрут тут от голода! Но если я... Некоторые из них действительно плохие пони. Некоторые даже признались в оказании помощи зебрам на Утёсе Разбитого Копыта, когда те пытались убить принцессу Селестию. Если я отпущу их... Кто знает, что они могут натворить? Что же хуже? Дать им умереть здесь? Или выпустить эту заразу в и так уже израненную, страдающую Эквестрию?

Нет, нет, нет! Я всего лишь инспектор! Я не уполномочена принимать такие решения!

Мама? Папа? Сильвер Спун? Что же мне делать?"

Я не была уверена, зачем я слушала эти записи. Любопытство? Или, возможно, так я отдавала дань прошлому, слушая о нём? Изучая его?

Так или иначе, это не имело значения. Время действовать.

— Как ты сюда попала? — Дэдайс нахмурился, глядя на меня сверху. Мне в голову целились из трёх магических орудий (хотя огромный жуткий охранник слева от Дэдайса выглядел так, будто предпочёл бы загрызть меня).

— Я... — Думай, чёрт возьми! Наблюдатель может считать честность добродетелью, но иногда способность отбрехаться — тоже добродетель. — ...использовала магию. Я, всё-таки, единорог. — Я почувствовала волну облегчения — это звучало правдоподобно. Даже я могла в это поверить, если бы не знала, насколько ужасно у меня с заклинаниями.

— Лучше спросить: почему?

— Почему? Почему я пришла сюда?

— Нет, почему кобылки отличаются от жеребят. — Голос сине-серого пони сочился сарказмом. — Что ты думаешь по этому поводу?

— Я х-хотела... — произнесла я с запинкой, осознав, что мне стоило хорошенько продумать свои слова. Я отвела взгляд, копаясь в голове в поисках идей. Мой взор упал на обрамлённую рамкой газетную статью, на пожелтевшей от времени бумаге которой была напечатана фотография симпатичной единорожки ("Свити Белль Проводит Патриотический Концерт в Разбитом Копыте"). Мой взгляд снова встретился со взглядом Дэдайса. — ...вступить в вашу команду. Вы же все беглые рабы, верно? Ну а я только что сбежала из старой Эглумы.

Сказав это, я осознала, что на мне был бронированный комбинезон Стойла, и что на беглого раба я совсем похожа не была. Дэдайс разглядывал меня с глубоким и заслуженным подозрением.

Если бы они начали стрелять, я была бы уже мертва. Быть маленькой и быстрой очень полезно против огня дальнобойного оружия, но не настолько против выстрелов в упор из пушки, которая расплавит тебя в лужу. Хуже того, моё сердце замерло, когда я осознала, что Каламити наверняка разделит бы мою участь. Из того, что я знала о моём новом друге, бежать и прятаться — не его тактика. Не важно, что я сказала ему делать, подозреваю, он вступил бы в перестрелку.

— Скажу тебе вот что, кобылка, — Дэдайс, похоже, принял окончательное решение, пронзив меня взглядом. — Посмотрим, как ты справишься с парочкой заданий. Будь полезной, и мы поболтаем снова.

Я сглотнула. Ну, по крайней мере, он меня ещё не пристрелил.

— Что я должна сделать?

— У меня есть письмо, которое нужно доставить. Не далеко, до Золотого Утёса. Примерно час рысью. Есть карта — можешь загрузить в свой ПипБак. Доставь письмо, возвращайся, и тогда поболтаем.

Как только он толкнул по столу ко мне запечатанный конверт, я засомневалась, не значило ли это что-то вроде "Убейте пони, несущую

это письмо."

— Ах да, тебе ещё понадобится эта повязка на ногу, чтобы Гаудина знала, что ты можешь пройти.

— Кто? — спросила я, одев повязку, притворяясь, что не знаю, о ком речь.

— Сучка-грифина, которая управляет нашим приветственным комитетом. Честно говоря, от неё больше проблем, чем пользы. Но боссу, кажется, она нравится, поэтому она пока остается. Пока.

— Босс? Я думала, что ты босс.

У Дэдайса определённо было меньше терпения чем у Гауды.

— Скрамбл, если она опять заговорит, начинай вырывать ей ноги.

Ухмылка предвкушения расплзлась по лицу громилы слева от Дэдайса. Я вышла быстро и молча.

* * *

Я недалеко отошла, когда один из охранников Дэдайса рысью приблизился ко мне. Он жестом словно бы наугад подозвал другого пони держаться с другой стороны от меня. Было очевидно: они хотели убедиться, что я "найду дорогу к выходу".

Когда мы проходили мимо комнатки, где прятался Каламити, я выпалила так громко, как могла, но так, чтобы не вызвать подозрений:

— Итак, сопровождение наружу. Это ваша официальная работа? Вы наружный эскорт?

— Заткнись, — предостерегающе сказал один из охранников Дэдайса, но другой ответил с лёгкостью:

— На самом деле, нет. Я простой камнедробитель.

Я подняла бровь.

— Камнедробитель? Какова твоя история?

Он оказался довольно дружелюбным.

— Работорговцы атаковали нашу семейную усадьбу. Мой брат и я отбивались, пока жена пыталась спрятать жеребят. Они убили брата, забрали мою милую Шугарплам и жеребят и оставили меня умирать. — Пока он говорил, тень упала ему на лицо. Его глаза сузились, и ноты грусти, смешанной со злостью, звучали в каждом слове. — Приполз сюда для защиты. Я не рейдер. Не делаю ничего из этого дерьма. Просто работаю над камнями и благодарю Богинь, что я не один посреди пустоши.

Я кивнула, что же ещё я могла сделать? Пока мы шли, я могла слышать радио, что звучало в одной из соседних комнат. Музыка прекратилась, и диджей Пон3 сообщал новости:

"...предупреждал всех держаться в ближайшее время подальше от Эплузы. Что ж, кажется, Обитательница Стойла либо не получила сообщение, либо решила его проигнорировать. Я получил подтверждение сообщения о том, что она пришла в Эплузу и принесла ад на своих копытах. Она освободила более десятка рабов, многие из них — жеребята. Я счастлив сообщить, что они живы и здоровы. Но в этой песне есть и горькая нота — когда небольшая армия работорговцев пыталась вернуть рабов назад, наша героиня пустошей пожертвовала собой, убедившись, что спасённые в безопасности. Так что следующая песня посвящена тебе, Обитательница Стойла. Пусть Селестия и Луна укутают тебя в свои хвосты..."

Я споткнулась, запутавшись в шагах, мой разум был шокирован от быстрого осознания. В радио говорилось обо мне. Опять. Бедные пони, которым я помогла обрести свободу, были в безопасности. А я была мертва!.. Ну, согласно радио, какой-то пони предположил, что я погибла в железнодорожной катастрофе. Или так, или кто-то предпочёл солгать.

Я хотела остановиться, вернуться, услышать остальное. Пнуть или крикнуть на радио, чтобы как-то заставить его повторить всё с начала.

— Шевелись! — рявкнул охранник Дэдайса, когда я отстала на мгновение. Я двинулась быстрее, чтобы снова оказаться между ними.

Я взглянула на охранника и в этот раз спросила его:

— Ну, а какова твоя история?

С блеском в глазах он ответил:

— Выиграл себе тут местечко в ежегодном соревновании "Затопчи Надоедливое Единорога".

Настало время умолкнуть. Мы пошли немножко по другому пути — более прямо обратно во двор, не так, как мы с Каламити прошли сюда. Холл, через который мы проходили, был с несколькими дверными проёмами, ведущими в причудливую смесь амфитеатра и столовой. У дальней стены стояла старая сцена с оборванными и загаженными занавесками, где я представила себе выступающую Свити Белль, первую Смотрительницу Стойла Два. В комнате было тесно от заставленных как попало столов со скамейками и нескольких десятков пони-рейдеров, уплетающих стылую похлёбку, запах которой неприятно смешивался со зловонием невымытых тел пони и гнили.

Я отвлеклась на следующую запись в ПипБаке, чтобы не обращать внимания.

"Я не успела. Мне следовало это знать получше. Неудивительно, что остатки персонала так быстро дали дёру. Мне следовало знать, что Разбитое Копыто запечатается, как только главный терминал придёт к выводу, что мы отрезаны от внешнего мира. Вспомогательные протоколы предотвращения побегов. К тому времени, как я приняла решение и выпустила гостей из их камер, мы уже были в ловушке.

Я знаю, как можно ослабнуть, лишь раз поддавшись. Могу лишь себе представить, что они со мной сотворят, когда найдут члена персонала, оказавшегося закрытым вместе с ними.

Я забрала всю еду из холодильника в сторожевой и заперлась в этой уборной. Также закрыла ещё парочку дверей. Коли повезёт, то они решат, что эта закрытая дверь в порядке вещей. Ведь если они захотят её вынести, то они это сделают без проблем.

Еды у меня дня на три. Воды хоть отбавляй. Немного медикаментов. Я могу надеяться лишь на то, что смогу продержаться до того как они найдут путь из Разбитого Копыта. Мой единственный шанс — они уйдут до того, как поймут, что я здесь."

Когда мы вышли во двор, охранник повернулся ко мне и припёр к стенке.

— Значит, хочешь знать мою историю, да? — прорычал он. — Ну так слушай. Я был торговцем в караване, который должны были защищать Когги этой Гауды. Видел, как они пытались продать нас работоторговцам, и я видел, как она их порешила. А что до вопроса, как я оказался здесь? Она меня сюда забросила, и, как нам известно, она также забросила сюда и тебя.

Я прижала уши к голове. Я чувствовала, как камень втирается мне в спину.

— Я был одним из пони, который шёл за Гаудиной. Но хорошим торговцем стать нельзя, если не умеешь чутко колебания на рынке. Поэтому я заключил союз с Дэдайсом, — прорычал с предупреждением бывший торговец, ныне охранник. — Гауда идёт прямо на плаху. И поверь мне, тебе не захочется стоять рядом с тем, на чью голову обрушится топор.

Затем он отвернулся от меня. Другой из них усмехнулся:

— А теперь давай, телепортируйся отседова. — И они оставили меня одну во дворе каменоломни, закрыв за собой двери. Оглядев двор, я поняла, что любое здание для удержания заключённых здесь было спроектировано так, чтобы удерживать ещё и единорогов, не

давая им возможности телепортироваться. Это была редкая магическая способность, но всё же и этот вариант здесь был предусмотрен.

Я пошла к месту, где спрятала наволочку от матраса, включив ещё одну аудиозапись в ожидании Каламити. Голос был мягким, почти заглушённым отзвуками разгорячённых голосов на заднем фоне.

"Еда закончилась. Я растянула её на... ну, не знаю, неделю, может быть. Ну, четыре дня точно. Никак не узнать, сколько действительно времени прошло. После того, как кончилась еда, я обшарила мусорные баки. Нашла только несколько старых яблочных огрызков. Они были коричневые, мягкие, ужасные на вкус."

"Дела у гостей за дверью становятся всё хуже. Когда объект запечатали, в кладовой запасов еды было меньше, чем на два дня. Теперь они голодают. Я... я слышу их отсюда... они спорят о том, кого первым съедят! Ой нет-нет-нет! Они же не могут! Это выходит за рамки ужасного..."

Голос пони был прерван приглушённым вскриком. Хаос на заднем фоне усилился, и я отчётливо услышала, как пони кричал: *"Режь её!"*

"НЕТ! Ох, нет-нет-нет-нет! Я не хочу это слышать! Селестия, Луна, умоляю! Я не могу слышать это!.."

Ночь обняла нас своей темнотой, когда Каламити нёс меня в сторону Гряды Золотых Холмов.

— Повтори ещё раз, почему мы помогаем Дэдайсу?

— Нам всё ещё нужно попытаться добраться до сейфа для Гауды. Помни о Вельвет.

— Агась, — сказал он мрачно. Мы уже летели в тишине несколько минут. — Ещё раз, где это местечко должно быть? Я ни черта разглядеть не могу в этой тьме.

Нужное место было указано на автокарте моего ПипБака, но я не решалась поднять свою ногу и посмотреть; вертеться в объёмах летящего пегаса не было разумной идеей. Вместо этого я включила Ушки-На-Макушке, чтобы сверится с компасом.

Пусто. Или я забыла выставить курс в компасе на Гряду Золотых Холмов, или же мы сбились с курса.

— Твою-ж-тудить-налево, я пролетел! — Каламити заложил вираж, леденящий ветер продувал меня насквозь. После поворота в наше поле зрения попал ряд мерцающих огней. — Это то, что мы ищем? Как по мне, так это просто кучка палаток.

Я сверилась с Л.У.М.ом. И вот теперь я увидела метку; она мерцала на самом краю компаса.

— Нет, мы всё ещё идём не по курсу. Надо развернуться.

Но Каламити не стал разворачиваться.

— Погодь-погодь. Хочу посмотреть, чей-там за чёрненькое белеется. — Он спустился чуть пониже с целью пролететь над огнями. Когда мы приблизились, я тоже смогла увидеть кучу палаток, котлы на кострах и пони. А когда мы подлетели ближе — флаги: красный с чёрным, и по центру стилизованный белый глаз с кровавой радужкой.

Пони внизу были вооружены, и их было много. Среди них я засекла двоих грифонов. Наёмники-Когти, судя по броне, но они также носили вороты красно-чёрного цвета с запоминающимся глазом. Это были точно не Когти Гауды. Другая компания. В задней части лагеря я заметила ряды с повозками работорговцев.

Каламити захлопал крыльями, едва слышно зашипев от боли, унося нас вверх в темноту, надеясь, что до того, как кто-то снизу решил посмотреть на небо.

— Ну-с, разве это не бочонок с прогнившими яблочками?

— Каламити,— прошептала я, не в силах проигнорировать его страдания. — Твоё крыло...

— У меня усё путем. А терь — цыц.

Мы продолжили полёт. Теперь я почти не сводила глаз с компаса Л.У.М.а. Гряда Золотых Холмов была в четверти мили в сторону от Разбитого Копыта, с достаточным количеством холмов, которые легко скрывали лагерь от нас. На этот раз я засекала малюсенький проблеск раскачивающегося фонаря ожидающего нас курьера. Я предложила Каламити пролететь ещё немного и дать поскакать одной, двигаясь с ожидаемого курьером направления.

* * *

Дэдайс хлопнул копытами, слушая меня. Я не упомянула ничего об армии работорговцев Красного Глаза.

— Хорошая работа, — сказал он наконец. — Иди, отдохни. Ты выглядишь как игрушка грифона. Возвращайся завтра. У меня будет ещё одно дело для тебя. Сделаешь, и ты с нами.

Сказав это, он жестом выпроводил меня. На этот раз, к моему удивлению, никто не вскочил, чтобы эскортировать меня. Я отошла всего на несколько метров, когда Дэдайс, сопровождаемый всей охраной, просто вышел из кабинета, оставив дверь открытой. Они двинулись в противоположном от меня направлении.

Я остановилась. Сейф не охранялся. Это было... довольно легко. Нет, это определённо слишком легко.

Я включила СтелсБак.

Сейф оказался сложным, но не настолько, чтобы устоять против меня. Он с щелчком открылся, внутри был только гроссбук.

Я сунула гроссбук в сумку и как раз закрывала сейф, когда Дэдайс и его свита вернулись, оглядываясь вокруг. Если бы не заклинание, они бы меня увидели. Дэдайс двинулся за стол справа, его зверский телохранитель обогнул стол слева, отрезая пути к отступлению. Не важно, могли они видеть меня или нет, малейшее касание дало бы им знать, что я здесь! Когда они подошли ближе, я залезла на стол.

Двое других охранников, один — бывший торговец, заняли позиции у двери. Я повернулась на столе, пригнувшись, и приготовилась прокрасться наружу между ними. Один из них закрыл дверь.

Ёб твою луну!

Я медленно повернулась. Дэдайс стоял и смотрел на сейф.

— Думаешь, она взяла? — спросил бывший торговец. Сердце мое упало в желудок.

— Я думаю, наша маленькая шпионка сделала то, что хотела Гаудина. — Дэдайс улыбнулся. — Тем лучше. Пусть грифина сама себя поджарит.

Он повернулся к охране.

— Лучше подготовить остальных. Войска Красного Глаза нападут на Разбитое Копыто послезавтра на рассвете. Мы хотим убедиться, что не будет никаких проблем. Настало время лично встретиться с большой шишкой.

Голова закружилась. Дэдайс заключает сделки с работорговцами? Он собирался позволить войскам Красного Глаза прийти и забрать пони, которых он, как предполагалось, должен был защищать? Практически копия предательства Коггей Гауды, но в гораздо большем масштабе.

Дэдайс шагнул за стол и ударил по нему копытами, заставив меня поднять мое, избегая касания. Пот выступил у меня на лбу, пока я бесшумно балансировала.

Дэдайс наклонился взять в зубы экземпляр Применения Самоцветов. С ужасом я поняла, что стою на нём. Я едва успела убрать заднюю ногу. Теперь балансировать стало намного сложнее. Всё тело ныло от недостатка сна. Я лихорадочно искала, куда поставить копыто, прежде чем упасть.

Дверь распахнулась. Я рухнула на пол с глухим стуком, когда ворвалась пара земных пони. Дэдайс отпрыгнул, поражённый, уронив книгу.

— Сэр, простите что прерываю, но у нас нарушитель!

Дэдайс уставился на двух пони.

— Девчонка-единорог, где-то такого роста? — спросил он спокойно, подняв копыто.

— Нет, сэр. Этот — пегас!

Твою луну!

ПипБак просигналил, что заклинание невидимости готово рассеяться. У меня не было выбора. Я встала, пошатнувшись, и прошла мимо пони, едва протиснувшись между ними. Потом выскочила в открытую дверь.

* * *

Я прискакала к месту встречи так быстро, как позволили уставшие ноги. Каламити ждал меня, укрывшись матрасом.

— Это больше не нужно. Они заметили тебя. Гроссбух у меня. Уходим!

Через мгновение мы были в воздухе. Я видела, насколько Каламити устал; мы продолжали терять высоту. Я вздрогнула от мысли о том, какую нагрузку испытывало его заживающее крыло.

— Мы вернёмся к Гауде и поспим. Плевать на всё, нам нужно выспаться! — Он не жаловался, но я знала, что крыло убивает его.

Я включила следующую запись. На этот раз кобылица не шептала, но я едва слышала её сквозь шум.

"Чёрт возьми. Они знают, что я здесь. Я так резко проснулась из-за кошмара, что лягнула мусорную корзину, и они услышали. Скоро они проломают дверь."

Я слышала, как один пони с другой стороны двери ванной выкрикивал крайне нечестивые обещания.

"Мне больше не надо гадать, что они бы со мной сделали. Они хотят, чтобы я знала. Но я не позволю им этого."

Подумать только, этот поганый пистолет поможет мне спастись. Разбила зеркало рукояткой. Это будет больно... но если сделать быстро... больно будет недолго."

Осталась последняя запись.

Узловая станция Р-7 показалась из темноты. Измученный Каламити совершил немного грубую посадку. Сразу же на нас со всех сторон направили светящиеся энергопушки. Гауда сделала шаг вперёд.

— Добро пожаловать обратно. Я уже начала беспокоиться за вас двоих. — Она посмотрела на нас. — Достали гроссбух?

Я кивнула.

— Да. Но, прежде чем отдать его тебе, я хочу сама в него заглянуть. И тебе стоит кое-что знать.

Гауда подняла бровь.

— М? — оценивающе спросила она.

— Дэдайс знает. Он практически позволил мне украсть гроссбух. Я слышала, как он сказал что-то вроде "грифина сама себя поджарит".

Гауда уселась напротив меня. Наконец, сказала:

— Я впечатлена. Ты не обязана была говорить мне это. — Затем, сощуриив глаза, — Так почему же? Зачем тебе оно?

Я качалась на своих копытах.

— Есть кое-что ещё. Но я скажу тебе об этом только после того, как я и мои друзья немного поспим. Здесь. Под твоей защитой.

Клюв Гауды расплылся в улыбке, искривив шрам с одной стороны.

— Ладно. Можешь на это рассчитывать. — А потом многозначительно добавила: — Но пока вы спите, мне нужен гроссбух.

Я кивнула.

— То, что мне нужно, не займёт много времени.

Гауда повела нас обратно к одному из вагонов. Когда я ступила во внутрь, сразу почувствовала прилив облегчения, увидев Вельвет Ремеди, свернувшуюся калачиком на кровати из слегка заплесневелого сена. Она тихо говорила с другой пони, ноги которой были забинтованы нашими драгоценными остатками бинтов. Я задалась вопросом, остались ли у нас медикаменты вообще?

Вельвет Ремеди поспешно поднялась, одарив нас слабой, но радостной улыбкой.

— Что вы двое там делали? Любовались пейзажами?

— Агась, чё-т типа того, — ответил Каламити.

— Так, что я тебе говорила о крыле? — Вельвет подтолкнула Каламити в угол вагона, который явно стал импровизированным медпунктом. — Дай мне его осмотреть и сменить бинты!

Обессиленно, но с одобрением качая головой, я последовала за ней. Я слишком устала, даже для того, что бы оценить, какой у Вельвет симпатичный хвост. Найдя стожок сена, который выглядел грязным, но соблазнительно мягким, я повалилась на него и левитировала к себе гроссбух. Пролыстывая его, я нашла записи, которым было уже много лет. Самые свежие, я чувствовала, были самыми подозрительными. Что бы Дэдайс ни замышлял, я ожидала, что заполнение гроссбуха было лишь частью этого. Но старые записи, почти выцветшие, не могли быть изменены, оставшись незамеченными. Ну, по крайней мере, не земным пони. (Я поймала себя на мысли, что мне очень интересно, как могла бы выглядеть кюотимарка изготовителя подделок.)

Нужная мне запись нашлась легко:

"Некоторые из соседних фермеров начали оказывать сопротивление. Они вооружились благодаря тому торговому каравану, проходившему тут с месяц назад. Один из них пальнул пару раз в рейдерскую группу, которую я направил в восточную область. Мистеру Топазу пофигу, лишь бы поставка камней не прекращалась. Так что я думаю, надо напомнить этим фермерам, зачем они делают то, что мы им приказываем. Завтра я пошлю парочку ребят на ферму к Беллам, чтобы они показали пример остальным. Попросил их сделать это как можно зрелищней, чтобы остальные пони в следующий раз воспринимали всё как надо."

Я захлопнула телекинезом книгу с такой силой, что я даже не думала, что во мне осталось её столько. Гроссбух пролетел через весь вагон и врезался в противоположную стену. Теперь я не хотела спать. Теперь я хотела идти обратно к Дэдайсу, приставить Малый Макинтош к его горлу и открыть огонь.

Вместо этого я встала, подняла гроссбух и пошла поговорить с Гаудой.

* * *

— Ну, а сейчас что?

Гауда выглянула из-за гроссбуха, смотря на меня через свой стол.

— А что сейчас? Сейчас ты пойдёшь спать. Завтра мы с тобой мило поболтаем за завтраком, потом можете идти на все четыре

стороны. К тому времени все пограничные патрули и блокпосты будут предупреждены о том, что я велела дать вам проход. Ты с работой справилась. Устный договор это тоже договор, и от него я не откажусь. — Гаудина слегка нахмурилась. — Эх, жаль. Очень жаль. Нам бы тут весьма пригодился опытный медик.

Я пропустила сказанное мимо ушей. Это не то, что мне требовалось. И спросила:

— Как насчёт тебя?

— А что насчёт меня?

Я указала на гроссбух:

— Что ты теперь будешь делать?

Гауда фыркнула, но затем посерьёзнулась:

— Мистер Топаз заключил со мной контракт на защиту Разбитого Копыта и тамошних пони от угроз. Не сложно доказать, что Дэдайс стал одной из таких угроз. — Она царапнула гроссбух когтем. — Я не могу это оставить просто так. Я знала, что Дэдайс мутит тёмные делишки на стороне, но это уже слишком.

Слишком очевидно, подумала какая-то часть меня. Выглядело почти так, будто предательство Дэдайса было заранее оговорено и оплачено, чтобы он попал под крылышки Гауды. Я ей так и сказала.

Она засмеялась, с горечью пополам с весельем.

— Ой, думаешь, мне это не понятно?

Я могла бы догадаться, что она замышляла. И другой вопрос сразу возник у меня в голове:

— Что ты будешь делать с этим местом, когда станешь главной?

Она взглянула на меня. Я продолжила:

— Ну, я имею ввиду Разбитое Копыто. Во что ты его превратишь?

Она медленно, размеренно произнесла:

— Я тут не главная, и не буду. Даже если Дэдайса не будет. Мистер Топаз управляет этой точкой, и я всё ещё связана с ним контрактом.

Понятно, подумала я, кивнув. А если бы не была связана?

* * *

Вельвет Ремеди подошла ко мне, когда я вернулась в вагон. Я чувствовала себя невероятно уставшей, но сердце моё всё равно затрепыхалось немножко сильнее от её приближения.

— Итак, грифина действительно нас отпускает?

Я кивнула. Вельвет, похоже, больше удивилась, чем обрадовалась.

— Только нам надо провести здесь ночь, — сказала я. — Нам надо поспать...

— Я бы даже настаивала. Каламити ещё сильнее повредил крыло своими полётами. Ему нужно время, чтобы восстановиться.

Я болезненно вздрогнула. Вельвет сменила тему с неопозволительной для моего сонного мозга скоростью.

— Литлпип, пока вы с Каламити занимались воровством, у меня состоялся преинтереснейший разговор.

Я слабо кивнула. Честное слово, мне было сейчас не до того.

— Видишь вон того жеребца? — спросила она, указывая на тёмную фигуру, которая, я полагала, была спящим пони. — Его зовут Проповедник.

Я кивнула, смутно припоминая, что Гауда говорила о нём что-то.

— Он сказал, что пришёл сюда распространять слово Богини из-под копыта Красного Глаза.

Мои уши наострились. Вельвет удалось завладеть моим вниманием.

— Слово Богини? — спросила я. Из её слов мне стало понятно, что речь идёт вовсе не о Селестии или Луне.

Вельвет Ремеди кивнула.

— Он заявляет, что эта его Богиня говорила с ним во снах, когда он был ещё маленьким жеребёнком. — Она говорила тоном, даже не предполагающим наличие божественности.

Я не была готова отринуть это так быстро. Строго посмотрев на Вельвет, я прошептала в ответ:

— Он, возможно, прав. — Её глаза округлились в неверии. Прежде чем она успела соорудить насмешливую гримасу на своей мордашке, я продолжила: — Ты ещё не задумывалась над тем, как работорговцы опередили наш поезд? Я, вот, думала, быть может, это какой-то вид... магии телепатии?... которая как-то поспособствовала.

Я внезапно почувствовала желание отправиться в Башню Тенпони и пообщаться с диджеем Пон3. Похоже, что у него есть невероятно хорошая, если не идеальная, сеть информаторов... Или, возможно, какой-то вид магии или технологии, благодаря которым он видел всё, как на копыте. Я хотела поторгать информацией. Узнать то, что знал он. У нас тут образовалась головоломка, и нам не хватало пары фрагментов, чтобы решить её. И если у кого из пони они и были, так это у диджеев Пон3.

Похоже, Вельвет Ремеди переваривала мое замечание. Наконец она снова заговорила:

— Ну, если это правда, то и всё остальное, сказанное Проповедником начинает выглядеть в довольно мрачном свете. — Она провела меня в дальний угол вагона, нащёптывая: — Согласно словам Проповедника, Богиня выбирает для своих разговоров совсем мало пони...

Я поймала себя на том, что в голове появился вопрос. Выбирает? Или эти ограничения связаны с силой так называемой Богини.

— ...и с этим Красным Глазом она разговаривает больше, чем с другими. Однако Проповедник не особо уверен, что Красный Глаз... — Вельвет Ремеди остановилась в поиске подходящих слов, — ...верно получает послания. Кажется, он считает, что Красный Глаз воспринимает их искажёнными.

Было ясно, что Вельвет Ремеди не устраивала такая аналогия, но смысл она до меня донесла.

— Либо так, — продолжила Вельвет, — либо он просто не слушает. В любом случае, проповедник пришёл сюда, чтобы нести "Истинное Слово" Богини. Вдали от Красного Глаза и его банд работорговцев.

Я подумала о вооружённом лагере в нескольких часах рыси за границей Разбитого Копыта. Проповедник не так уж и далеко ушёл.

Я не решалась спросить: "А что такое — это "Истинное Слово"?" Я действительно не хотела спрашивать Проповедника напрямую. Конечно, я бы получила ответ, но искажённый личными предубеждениями Вельвет. Но ценой этого было бы — выслушать проповедь. А я слишком устала сегодня, чтобы даже думать.

— Перефразируя: Славьте Меня, почитайте Меня и Я возвышу вас и вы все станете Одним Единым со Мной. — Вельвет явно страдала в течение многих часов от этого. Я могла понять Гауду, почему она опасалась, что на неё свалился ещё один Проповедник.

Я кивнула Вельвет.

— Там куча сена ждет не дожждётся меня. Поболтаем за завтраком с Гаудой, потом мы свободны. — Правда, я пока не хотела уходить.

Я включила последнюю запись, перед тем как направилась в кровать. На этот раз удары с той стороны двери звучали намного громче и ритмично. Похоже, пони с той стороны использовали предмет мебели как таран. Я слышала треск дверного полотна.

Голос кобылицы был слабым, и она говорила взволновано, нараспев.

"Я слышу как, вы стучите, но не можете войти!"

Я слышу вас... ага, слышу. Вот те на... только сейчас я поняла что у меня тут куча записей, и вы, ублюдки, единственные, кто когда-либо их услышит. Идите все нахрен! Каждый!

Мои...

Оу, ничего себе... странно... О чём это я...?

Знаешь, а мне нравится красный... хлюп-хлюп, цок-цок! Эй, Сильвер Спун... давай повеселимся! Ну... хотя бы здесь, в уборной...

Стучитесь дальше, ублюдки!

...хотя, не подходит к моей кьютимарке. Ну и ладно, она по-любому дурацкая. Ну серьёзно, бриллиантовая корона? Какого хрена это должно значить?

Ну, я работаю с самоцветами. Одна Селестия знает, сколько я их перебрала... Лучшие экземпляры уже годы как вниз послала. Ха! Есть ещё что-то, что вам никогда не получить! Ха... ха ха... Так же, как вы не получите и меня!

моё... моё имя — Даймонд Тиара, и вы, ублюдки, не получите меня! Я... Я надула вас всех!

Ну... серьёзно, хотя... корона? Что это должно значить?

хи хи хи! Не полууучите меняяаяя!

Вы не...

...не...

...получите..."

Заметка: Следующий уровень.

Новая способность: Бесшумный галоп — Вы в совершенстве овладели искусством скрытного перемещения, что позволяет вам быстро двигаться, оставаясь незамеченным. Вы можете красться на полной скорости без каких-либо ограничений.

<<< ^^ >>>

Глава 12. Нужно продолжать

«Итак... вы думаете, что у вас есть силы, чтобы победить меня на моей же сцене, в моём же городе? Спускайтесь, и мы узнаем.»

<<< ^^ >>>

Завтрак.

Я передвинула кучку крышек по жестяной стойке, пока тёмно-коричневый пони, покрытый шрамами и с кьютимаркой в виде куска жареного мяса, снимал шашлык из кролика с огня. Гости или нет — ожидалось, что за еду мы заплатим. Сама не знаю, почему ожидала иного. Я взяла свою порцию в зубы, её пикантный запах проник мне в ноздри, и понесла к столику, где Каламити уже зарывался в миску с овсянкой.

— Литлпип, ты что делаешь?! — взвизгнула Вельвет Ремеди, увидев, как я приближаюсь. Я остановилась, с удивлением глядя на неё. Вельвет была поражена. — Ты же не собираешься есть это, правда?

Я кивнула, так как с шашлыком в зубах говорить было затруднительно. Мой живот заурчал. Проглотив слюнки, я поразились ароматом жареного кролика. Это было немного не то, что я ожидала, да и желудок странно содрогнулся, но пахло вкусно!

— Литлпип... — Вельвет положила копыто на грудь в преувеличенном драматизме. — Это же мясо!

— Угу, — пробормотала я сквозь завтрак, надеясь, что признание данного факта позволит мне спокойно поесть.

Глаза Вельвет Ремеди сузились.

— Мы вегетарианцы, — холодно напомнила она.

Я остановилась. И взаправду, в Стойле Два я ела только яблоки. Но я думала, что это единственная еда, которая у нас была. И чувствовала себя прекрасно от одной только мысли, что мне больше не придётся их есть. Я вспомнила о первой еде, которую нашла снаружи... как я нашла жареное мясо в холодильнике и решила, что в Пустоши это обычная еда. Мой желудок воспринял пищу не очень хорошо, но я рассудила, что это последствия жизни на яблоках и что к еде снаружи нужно просто привыкнуть. Думаю, по большей части я отлично приспособилась.

Естественно, теперь я поняла, что это был рейдерский холодильник. Так что такое меню было ожидаемо.

Каламити наконец оторвался от овсянки, вставая в разговор:

— Да, мясо есть мы можем. Прост не особо любим его. Для нашего рациона не шибко подходит. — Каламити посмотрел по сторонам, его покрытые овсянкой губы скривились. — Мои братья вечно подначивали меня на состязания по пожиранию хот-догов. Хотя обычно эт означало, что они пихали всяку дрянь мне в глотку.

Вельвет Ремеди ужаснулась.

— Хотя, скорее всего они были отвратительны токо потому, что хот-догам было лет двести, а не потому, что они были сделаны из мяса.

Мой аппетит вмиг пропал. Фу! Ради Селестии, надеюсь, что на всё это время их хотя бы заморозили!

Вельвет Ремеди отвернулась и ушла от столика. Она как раз уходила, когда к нам подседа Гауда с тарелкой жареных крыс. Гауда увидела, как Вельвет содрогнулась от отвращения и ускорила шаг. Ухватив крысу за хвост и проглотив, Гауда повернулась ко мне и спросила:

— Что это с ней?

— Я так полагаю, вы выдвигаетесь после завтрака? — спросила Гауда. За трапезой, состоявшей из кусочков жареных овощей и мяса кролика, я поведала ей о войске Красного Глаза. Она выслушала это с мрачной миной. — Вам прикрытие нужно?

Этот вопрос мучил меня всю ночь. (Не потребность в прикрытии, а вообще уход отсюда.) Мы могли уйти прямо сейчас, оставить Разбитое Копыто позади навсегда. Выбраться из заваривающейся каши и оставить этих пони на произвол судьбы. Должна признать, это была по-своему привлекательная идея. Особенно учитывая, что все альтернативные варианты практически гарантировали мне стать мишенью и высокие шансы на смерть.

Было ли здесь что-либо или кто-либо, ради чего стоило рисковать моей жизнью или жизнями моих спутников?

— Я... думаю задержаться здесь, — призналась я. — Ещё ненадолго.

Гауда ухмыльнулась.

С другой стороны, мне некуда было спешить. У меня не было дома. Из единственного дружественного городка, пока что встреченного мной, меня только что прогнали. Я была всё ещё брошена на произвол судьбы и потеряна. Будто снова в Стойле Два во времена, когда у меня ещё не было кьютимарки, без своего места в жизни. То же ощущение... только стены другие. (Даже потолок был таким же серым, просто теперь выше.) Я была пони с ПипБаком на боку — символом, который не значил ничего особенного в Стойле Два и вообще ничего не значил в пустошах.

Наблюдатель посоветовал мне искать свою добродетель. Какая у меня была добродетель, если бы я просто ушла? О'кей, может быть, благодарумие. Было ли благодарумие добродетелью? А самосохранение?

По правде говоря, у меня не было конкретной цели на будущее. Сама я считала рабовладение омерзительным и хотела разобраться с Красным Глазом. (И да, от моего внимания не ускользнули признаки того, что Красный Глаз был замешан в чём-то крупном; но в расследование этого я была вовлечена чисто из любопытства и беспокойства.) Я могла уйти, прикрывшись намерением остановить Красного Глаза, если это действительно стало бы моей целью. Но ведь небольшая армия буквально за холмами принадлежала ему. А если я действительно хотела разобраться с работорговцами, то почему не здесь?

— Нам, возможно, стоит поговорить, — многозначительно сказал мне Каламити.

Гауда задумчиво уставилась на меня, очевидно, взвешивая появившиеся варианты. Наконец она приняла решение:

— Если думаете остаться, то могу предложить вам контракт.

Я удивлённо подняла брови:

— Мм?

— Как бы ты отнеслась к заданию убрать Дэдайса для меня?

Я наострила уши. Во взгляде Каламити читалось удивление.

— Я? Почему?

Гауда скривилась.

— Потому что если это сделаешь ты, то мне придётся делать это самой. И хотя я уверена, что это не выходит за рамки моего контракта с Мистером Топазом, политические последствия хороши не будут. У Дэдайса много сторонников, а мне не нравится ждаться копы в спину.

— Чё-т не вижу, с чего б это за тобой станут меньше охотиться, если ты нас наймёшь с ним разделаться.

— Может, меньше охотиться и не станут, — согласилась Гауда, — но попробовать стоит. Если, конечно, — добавила она, уставившись на меня, — вы заинтересованы.

Шестерёнки в моей голове закрутились. Убила бы я Дэдайса? Чёрт, да я жаждала этого!. Уже обдумывала это и многое другое. Но быть нанятой для этого? Я уже устраивала самосуд ранее, но была ли я готова стать наёмным убийцей?

Я вышла из Стойла чуть больше недели и меньше двух назад. Если я дошла бы до такого сейчас, то кем бы я стала к концу месяца? К следующему дню рождения?

— Я подумаю об этом, — ответила я честно. Гауда нахмурилась. Конечно, она хотела ответа сразу. У нас было не так уж и много времени — меньше суток, прежде чем армия Красного Глаза ворвётся в Разбитое Копыто.

На основе моих представлений о Гауде и Когтях мне пришло в голову, что я сыскала бы больше уважения с её стороны, спросив:

— А что мы с этого будем иметь? Чем будешь платить?

Готова поклясться, что на лице Гауды мелькнула улыбка.

— У Дэдайса есть ключ. Всегда носит его спрятанным в хвосте. Ключ открывает хранилище в старых шахтах под Разбитым Копытом. Звучало логично. Естественно, такое место, как Разбитое Копыто, было бы построено над сетью пещер с самоцветами. Нельзя же было всегда полагаться на одни камнефермы. Когда пещеры были опустошены, что ещё с ними можно было сделать, кроме как использовать в качестве складов? В последнем сообщении Даймонд Тиары даже было что-то о том, что лучшие самоцветы отсылались "вниз".

— Что внутри хранилища?

Гауда ухмыльнулась.

— Твоя оплата будет тем, что найдёшь внутри. Как повезёт. Может быть, там драгоценные камни, может быть — оружие. Перед апокалипсисом драгоценные камни из Разбитого Копыта использовались для создания волшебных энергопушек. Учитывая, что арсенал был заполнен ими, справедливо предположить, что в хранилище их, возможно, ещё больше.

Предположение, что прямо под тюрьмой хранился арсенал магического оружия, звучало абсурдно. В конце концов, его же не мастерили здесь.

Но если бы я и убила Дэдайса, то явно не ради награды.

— Ты не можешь сделать это.

Вельвет Ремеди топала и фыркала в предназначенном для нас троих скотном вагоне.

— Литлпип, одно дело, чтобы убить в целях самообороны или чтобы защитить других. Но это... — Она одарила меня взглядом, который мог бы парализовать даже Смотрительницу. — Это. Преднамеренное. Убийство!

Каламити нахмурился.

— Я согласен с Вельвет, Литлпип, — сказал он как отрезал. — Ладно Когти — я их даже маленько уважаю, но я не наёмник. Ты можешь сделать это, но токо без меня.

Слова Вельвет были ещё сильнее:

— Помнишь ту песню о том, что надо оставаться благородной и верной себе, которую я сочиняла? Она была о тебе, Литлпип. И сейчас ты подводишь все эти принципы. Даже подумать о таком... — Она отступила от меня, её голос смягчился сожалением. — Я. Так. В тебе. Разочарована.

От её слов я почувствовала, как будто истекаю кровью, умираю. Но, чем больше они на меня орали, тем больше я понимала, что уже избрала свой курс. Я только должна была заставить их понять, почему.

— Сильвер Белл.

Они успокоились, глядя на меня. После долгой паузы Каламити спросил:

— А каким боком тут Сильвер Белл?

Я почувствовала слабость, но пресекла её.

— Мать и отец Сильвер Белл были убиты рейдерами. И они заставили Сильвер Белл с её сестрой смотреть на это. Вы помните это?

Я видела, как по Вельвет Ремеди пробежала дрожь.

— Конечно, мы...

— Они. Заставили. Их. Смотреть! — Я подчеркнула каждое слово ударами копыта об пол. — И делали они это медленно, очень болезненно и вселяюще ужас! — Я спросила ещё раз: — Вы помните это?

Мои спутники притихли.

— Те рейдеры пришли отсюда, — я сказала им наконец. — И они сделали это всё по приказу Дэдайса. Я прочла это в его гроссбухе.

Каламити заговорил первым:

— Ну, тада это меняет дело.

Вельвет Ремеди чуть дрожала, но была непреклонна:

— И что же это меняет?

— Это не убийство более, — заявил Каламити без оговорок. — А правосудие.

Вельвет покачала головой.

— Ты имеешь в виду месть.

— Не-а. Правосудие. Простое и ясное. — Каламити кивнул мне. — Я в деле. — Он указал на мой рог: — Как у тебя там с телекинезом?

— Отдых творит чудеса. Я не буду жонглировать вагонами. Но бочками — запросто. А как твоё крыло?

Глаза Вельвет метались между нами двоими снова и снова. С отчаянием в голосе она попыталась нас образумить:

— Планируете ли вы выяснить, кто из рейдеров был причастен к тому делу и убить их тоже? Или вы просто убьёте всех в Разбитом Копыте?

— Они рейдеры, — невозмутимо ответил Каламити, расправляя крыло. — Ежли честно, мне вот интересно, зачем вообще мы им помогаем. Ах да, позволим им с работоторговцами перестрелять друг друга. Прихлопнем чё останется.

У меня была другая идея.

— Вообще-то, не все пони здесь плохие. — Я думала о том, как негодноте, с которым разговаривала, будучи эскортированной. — Я думаю, это место можно изменить к лучшему. Возможно? оно станет торговым городом вместо крепости рейдеров.

Говоря так, я понимала, насколько тупо и идеалистично это звучало. Но я продолжила:

— Я думаю так: убить Дэдайса. Найти Мистера Топаза и разделаться с ним — любезно, если возможно, летально, если нет. И оставить Гауду за главную.

Дэдайс сказал мне заглянуть к нему за ещё одним заданием. Ощущая приятную тяжесть Малого Макинтоша в сумке, снайперской винтовки на спине и карабина сбоку, я подозревала, что он явно не такое дело имел в виду. Но его приглашение было прекрасной возможностью.

Я пошла одна, оставив Каламити во дворе за чтением Тактик Шпионажа Зебр. Ему это явно не нравилось, но я планировала дальнюю вылазку для изучения тех помещений Разбитого Копыта, которых ещё не видела. Включая те, что вели вниз, в шахту. Впервые увидев двор при свете дня, Каламити тотчас же заметил металлические панели гидравлического грузового лифта, но панель управления была совсем сломана. Если лифт вообще работал, то запустить его можно было только из шахты. Должен был быть другой путь. Где-то была дверь, ведущая под помещения тюрьмы, и я хотела знать, где.

И теперь, похоже, я её нашла.

Я стояла за кулисами сцены в столовой. С одной стороны замызганный и тяжёлый занавес скрывал в тени это место от проходной комнаты, коей являлась столовая, где рейдеры ели... не знаю уж, что у них там на обед. За сценой скопилось столько пыли, что я с уверенностью могла сказать, что пони здесь не ходят. Да и зачем? Всё пространство было завалено сгнившим театральным инвентарём и костями сотен пони. Бесчисленными костями были забиты все шкафы, торча и вываливаясь из ящиков; не поместившиеся же в них кости были свалены в кучи, наверняка достигавшие аж три пони в высоту, когда на них ещё была плоть.

"Гости" Разбитого Копыта докатились до варварства и каннибализма, и в конце концов каждый из них лёг тут своими костями. Я нашла записи, нашла граффити. И даже стала гадать, почему же не спотыкалась об их скелеты.

На всю стену — от стены до стены и от пола до самого потолка — растянулась огромная фреска. На ней изображался благородного вида пони-солдат, статую которого я видела ещё в Понивилле. Что же, вдохновляюще. И хотя фреска за многие годы выцвела и облупилась, я всё ещё могла разглядеть за солдатом саму Богиню Селестию: её божественные очертания лучились одобрением. В начале, как я поняла, это было тем, что каждый "гость" Разбитого Копыта видел каждый раз, когда принимал еду. Пока фреску не скрыли, построив тут сцену.

В стене были установлены закрытые ворота, достаточно широкие, что бы через них прошла телега. Позади была небольшая зона обстрела всего в несколько ярдов, где по обе стороны в нишах были установлены две обесточенные магические турели. А за ними — толстая металлическая дверь. Судя по погасшему индикатору, дверь была так же обесточена.

Мне хотелось попасть внутрь. Не из-за хранилища, полного возможных ценностей. Только у Дэдайса был ключ к хранилищу, и только Дэдайс встречал Мистера Топаза лицом к лицу. Если Мистер Топаз вообще существовал, то я бы дала копыто на отсечение, что он был в этом хранилище. В голове возникали разные предположения — от выделенного терминала для связи с Мистером Топазом и хранилища, являющегося Стойлом, до Мистера-Топаза-Мозгобота.

Ворота были закрыты. Я должна была сдвинуть горки сломанных костей чтобы добраться до них, задержав дыхание, когда в воздух взлетали белёсые хлопья. Я потратила несколько минут на это, но благодаря моим талантам ворота наконец открылись. Однако, с металлической дверью была совсем другая история. Она могла быть открыта только с терминала внутри здания, и только если я восстановлю его питание.

Должно быть, я провела несколько часов, рыская по Разбитому Копыту, пытаюсь восстановить питание этой двери. Требовалось лишь заменить часть предохранителей и спарк-батарей, но их оказалось до идиотизма трудно найти.

Я действительно нашла арсенал, за боковой комнатой казарм охраны. Он был полностью опустошён — не удивительно, учитывая, что большинство рейдеров были вооружены энерго-магическим оружием, которое, по моему мнению, было утащено как раз из этого арсенала. Тем не менее, на задней стене висела новостная статья в рамке, а за ней был сейф.

Взяв рамку со стены, я сразу обратила внимание на фотографию. Всё происходило посреди легкого зимнего снегопада; это были похороны. Судя по всему, очень важные, так как на заднем плане стояли затенённые фигуры двух крылатых единорогов, сильно расфокусированные. Одна была явно ниже другой. Мой разум хотел обратить их в Богинь Селестию и Луну.

Но не они привлекли мое внимание. Камера фотографа сфокусировался на кобыле — одинокой оранжевой пони, которая, в отличие от окружающих, избегая официального чёрного платья, одела только чёрную ковбойскую шляпу и чёрный платок с половиной яблока, вышитой спереди. Камера поймала всплеск света, отражающегося от падающей слезы, когда она клала один прекрасный цветок на гроб. Кьютимарка кобылы, три яблока, была идентична рисунку на Малом Макинтоше.

Вся Эквестрия оплакивает Биг Макинтоша, Героя Утёса Разбитого Копыта.

Две недели назад мы даже не знали его имени. Но, когда Биг Макинтош пал, встав на пути пули зебры-убийцы, предназначенной для Принцессы Селести, тотчас умерев, он запал в сердце и разум каждого любящего и патриотичного пони, став образцом храбрости, отваги и самопожертвования для всей Эквестрии.

Похоронная церемония проходила сегодня днём на западном дворе Министерской Аллеи. По указу Принцессы Луны, пегасы устроили лёгкий снег.

Открыв сейф, я обнаружила два (!) СтелсБака, последние требовавшиеся мне спарк-батареи и различные боеприпасы, которые, судя по найденным документам, были магически усилены. Снаряды для игольного пистолета, пули для Маленького Макинтоша и даже патроны для боевого седла Каламити. Плюс два типа боеприпасов для оружия, с которым я была незнакома (хотя и подозревала, что один тип был для многоствольных боевых сёдел, которые, как я заметила, использовали работоторговцы).

Только-только уложив мои новые сокровища в седельную сумку и возвращая статью на место, я услышала разговор рейдеров и застыла.

— ...а они точно не взорвутся нахер на минном поле? — Первый голос — жеребец.

Кобылица с более молодым голосом фыркнула:

— Будто мне было бы дело, если бы они и впрямь взорвались. Ты вообще имеешь представление, что эти проклятые работоторговцы сделали с моим городом?

Я быстро повесила рамку и прижалась к стене за одним из множества пустых оружейных стеллажей, навострив уши.

— Ты ведь из Литлхорна? Слышала, они устроили там резню.

— Не. Но это было бы милосерднее. Они забрали всех взрослых, кого смогли, убили остальных и оставили их гнить там, где они упали. А жеребята и кобылки? Для Красного Глаза дети были бесполезны. Так что они просто предоставили нас самим себе.

После секунды неловкого молчания она продолжила:

— Дела пошли под откос очень быстро. Бля, да они и изначально были дерьмовы, многие из нас видели искромсанные и брызжущие кровью тела наших родителей. Но всё стало гораздо хуже. Унесла свой хвост оттуда так быстро, как смогла. Я бы была более чем счастлива, если добрая часть этой банды налётчиков сдохла бы в криках, с оторванными ногами.

Я увидела тени двух рейдеров из Разбитого Копыта, перемещающиеся по полу арсенала, когда они проходили мимо, слишком увлечённые разговором, чтобы заметить что-то неладное.

— Ага, понятно. Но если ловушка Дедайса сработает, все эти работорговцы станут нашими рабами. Тогда ты сможешь выместить гнев на них лично, медленно. Я уверен, Дэдайс не будет возражать, если у нескольких его новых камнедробителей будет недоставать некоторых не-жизненно важных внутренних органов.

Голоса затихли, когда они свернули за угол где-то вне поля зрения. Я выдохнула: не осознавая этого, я задержала дыхание.

Мой разум работал с бешеной скоростью, собирая вместе то, что я только что услышала. Дэдайс, в итоге получается, не предавал Разбитое Копыто. Он просто заставлял силы Красного Глаза думать, что предаёт, заманивая их в ловушку. Естественно, он хотел, чтобы они попали внутрь без всяких трудностей.

И он обманом заставил Гауду действовать против него. Что если этот план был одобрен копытом Мистера Топоза... или хуже, был на самом деле планом Мистера Топоза...

Мне нужно было поговорить с Гаудой. Прежде чем я застрелю кого-либо.

— Я хочу, чтобы ты убила Гауду.

Я уставилась на Дедайса. Так это и было моим вторым заданием?

Изображая полное неведение как только могла, я переспросила:

— Кого?

Дедайс фыркнул.

— Гаудина Грозногёрлая. Грифина. На лице шрам. Только один глаз. Таковую ни с кем не спутаешь. — С садистской улыбкой он наклонился поближе. — Если сделаешь это, станешь частью моей команды. Чёрт, я даже сделаю тебя одним из своих личных охранников. Ты получишь хорошую комнату и хорошую еду.

Я потеряла дар речи. Он играл со мной. Я это знала. Но я всё равно растерялась.

Я осмотрелась вокруг, как тонущий пони ищет спасения. И ещё раз мой взгляд упал на портрет первой Смотрительницы Стойла номер два — Свити Белль. Я вспомнила, что Вельвет сказала мне. Кое-что, что сказала Смотрительница ей самой.

И, глядя прямо в серые глаза Дедайса, я утвердительно кивнула.

— Окей. Нет проблем.

Он моргнул.

— Это всё? — я спросила, как будто убийство Гауды было пустячком делом.

Он поднял брови.

— Нет... Я подумаю, что ещё нужно сделать.

Я повернулась, как бы уйти, сделала несколько шагов к двери и остановилась. Глядя через плечо:

— Тебя будут подозревать. Тебе нужно обзавестись алиби.

Его брови поднялись ещё выше.

— Вот что я тебе скажу: у меня есть план, по которому можно и от грифины избавиться, и тебе чистеньким остаться.

Его глаза сузились.

— Оу, правда? Ну так расскажи, пожалуйста.

— Когда-нибудь слышал о пони по имени Свити Белль?

Дедайс моргнул от удивления, а затем расхохотался. Он указал на картину на стене.

— Слышал ли о ней? Да у меня есть все её песни, которые можно сыскать в пустошах! Представляешь, она пела здесь! Прямо на этой сцене! — Он указал копытом в сторону столовой. — Лестница у моего офиса ведёт как раз на балкон, с которого сам начальник смотрел выступления.

Вау. Я надеялась, что Дедайс хотя бы знает кобылу, чьё изображение висит у него на стене. Но я даже представить не могла, что этот садистский ублюдок окажется её фанатом.

Он остановил наплыв эмоций, его голос охладел.

— Ну, и?

Я сделала глубокий вдох.

— Ну, ты знаешь, что я пришла сюда не в одиночку. Один из моих спутников, так получилось, является прямым потомком самой Свити Белль. И, оказывается, музыкальный талант у них — семейное.

Я завладела его вниманием.

— Её имя - Вельвет, и она направляется в Мэйнкэттен записывать новую музыку для радиостанции диджея Пон3.

Минуточку, так это же отличная идея! Это даст мне возможность поговорить с самым известным жеребцом пустошей.

— Вот что я имею в виду: я думаю, что смогу уговорить её выступить тут, на этой сцене... — Мой ум мчался, пытаюсь сформировать прилично звучащий план так быстро, как я говорила. — Мы сделаем это сегодня вечером. Пригласим всех посмотреть выступление и... Гаудину тоже.

Дедайсу, я видела, пришлась по вкусу эта идея. Битва будет завтра утром, и концерт придёт как раз кстати для поднятия боевого духа.

— Я спрячусь на балконе. Сделаю два выстрела. Один в голову грифины, другой — в твой стол, достаточно близко, чтобы выглядело, будто вы оба мои цели. — Я левитировала один из СтелсБаков. — Я исчезну до того, как кто-либо даже посмотрит в мою сторону, чтобы узнать кто это был. Ты можешь обвинить во всём наёмника-убийцу работорговцев. Кто бы не купился на это?

Особенно если все ожидали атаки работорговцев на следующее утро.

Дедайс раздумывал над планом, а я стояла и всё больше нервничала. Он должен был понимать, что этот план помещал его в то же перекрестье, что и Гауду, и он уже считал меня её шлюном. Поверил бы он в то, что я так запросто её предаю, что моя верность так

легко покупалась?

— Мне это нравится! — Дедайс засиял улыбкой и стукнул копытами друг о друга. — Только с одним условием.

Ой-ой.

— Эта твоя Вельвет... Я хочу услышать по крайней мере две песни, прежде чем прервать шоу. В том числе кое-что из репертуара Свити Белль.

— Гм... Какая-то конкретная песня?

Он улыбнулся.

— Блин, да я их все обожаю! — Он откинулся назад. — Удивите меня.

Выйдя из кабинета Дедайса, я огляделась. Я помнила о том, как Дедайс и его охрана ушли в другую сторону прямо перед тем, как я украла грессбук. Теперь я не была удивлена тем, что обнаружила проход, ведущий к прилегавшей к стене лестнице, которая вела на находящийся вверху балкон. Я осмотрела его. Затенённый. Скрытый от взора. Идеальная снайперская позиция.

По пути назад я заметила тусклое свечение, которого не было раньше. Работал один из терминалов в помещении рядом с офисом Дедайса. Я была уверена, что раньше такого не было. Похоже, замена предохранителей и спарк-батарей восстановила питание. Достав инструменты, я взломала терминал.

В терминале не было меню, не было записей. Лишь одна функция. Я нашла терминал, открывающий двери шахты.

— Я сделаю два выстрела: одну пулю в голову Дедайса, — сказала я Гауде, — а вторую в твой стол. Затем, с помощью СтелсБака, слиняю, до того как меня смогут узнать. Ты можешь обвинить в этом работорговцев, что нападут завтра.

Гауда скептически обдумывала эту идею.

— Конечно, у некоторых пони могут появиться подозрения, но не из тех, что могли бы выдвинуть против тебя. Особенно если ты их возглавишь и приведёшь к победе над работорговцами.

Гауда покачала головой.

— Что же, я согласна. Ты чертовски хитрая интриганка.

Я почувствовала прилив гордости. А затем сомнение, подобная похвала — хорошо или плохо?

Через несколько минут я присоединилась к своим друзьям в скотном вагоне. Вельвет Ремеди нервно скакала туда-сюда.

— Концерт? И всего несколько часов, чтобы подготовиться?

— Так, ещё разок, на кой мы в это ввязались? — Каламити был в замешательстве. — На чьей же мы стороне щас?

— На той же, что и раньше. Основной план не меняется. Но сначала я хочу, чтобы эти двое оказались в одной комнате.

Вельвет Ремеди открыла одну из её седельных коробок и вытащила блокнот.

— Какие песни я буду исполнять? Большая часть моих песен на самом деле не для рейдеров. Не думаю, что песни о любви, мире, благородстве или свободе тут подойдут.

Каламити заржал.

— Ну, многие из них — беглые рабы...

Вельвет Ремеди просматривала свой список песен.

— Эту вычёркиваем. Эта... возможно. О, эта забавная, но изначально предназначалась для дуэта. (Я читала в старом журнале, что Пинки Пай и Винил Скретч исполнили её в Хуфбитс.) Я могла бы переделать её под исполнение одной пони, но необходимо музыкальное сопровождение. Может, мою собственную? Как насчёт...?

Я закрыла глаза, вспоминая.

— Ну, Дедайс ждёт две песни перед нападением. И он сказал, что одна песня должна быть от Свити Белль.

Вельвет фыркнула.

— И когда ты собиралась мне об этом сказать?

— Хм... Сейчас?

Она хохотнула.

— Здорово. Две песни, одна моей пра-пра... много-пра-бабушки. Ну, по крайней мере, я большинство из них знаю наизусть. Но другая...

Я не могла не закатить глаза. Хотя я обожала музыку Вельвет и влюблялась в неё с каждой песней, сегодня требовалось лишь отвлечь внимание. Она не должна быть идеальной.

— Ты думаешь, сможешь приковать к себе каждую пару глаз в зале? — спросил Каламити.

Вельвет Ремеди казалась наигранно оскорблённой.

— Ну, конечно, дорогуша. Ни один глаз не будет смотреть в другую сторону. — Я могла в это поверить. Уверена, Вельвет Ремеди может удержать все глаза прикованными к ней, даже если бы среди зрителей была Дитзи Ду. Внезапно Вельвет ахнула. — Каждая пара глаз! Мне нужно в ванну! О нет, что же мне одеть?!

— Я могу тебе помочь.

Вельвет подняла голову.

— Нет, спасибо. Я могу и сама хорошо помыться, дорогая.

Я что-то промямлила, вспыхнув. Это было не то, что я имела ввиду, но теперь, когда она сказала это, я не могла изгнать образ из своей головы. Моё сердце затрепетало в груди.

Каламити заржал и развернулся.

— Я оставлю вас наедине для... — он помахал копытом между нами, — ... этого, чем бы это ни было.

Он быстро вышел, бормоча что-то про помощь пони Гауды в подготовке магической плазменной пушки к работе, до того как силы Красного Глаза окажутся здесь. Я не обратила внимания. Мой взгляд был обращён только на Вельвет Ремеди, и я чувствовала, что моё лицо горит.

— Я... — Я топнула. — Я имела ввиду, что у меня есть прекрасное платье для тебя!

Сфокусировав магию, я открыла сумку и вытащила самое красивое платье во всей пустоши, находку из бутика "Карусель".

"Как я могу это исправить? Сколько раз я должна попробовать?"

Пожалуйста, пусть у меня в этот раз все получится!

Полу-учится!"

Вельвет Ремеди была великолепна. Платье было совершенным на ней, делая её ещё более ошеломляющей, чем я когда-либо

видела. Её рог светился, и сцена была наполнена тёплым, цветным светом, который сменялся с её голосом и тоном песни.

"Я встаю на дыбы, чтобы подкинуть монету в молчании,
И пусть твёрдая решимость сокрушит моё отчаяние!.."

В качестве первого номера концерта она выбрала ту печальную песню, которую крутили по радио. С которой все наверняка были знакомы. И она более чем достойно её исполняла. Она была... великолепна.

Я присела на балконе, прикрывшись всё тем же отвратительным чехлом для матраса. З.П.С. был готов, снайперская винтовка заряжена и лежала рядом. На самом деле, я ненавидела себя за то, что собиралась погубить выступление Вельвет.

Дедайс был не глуп. Когда я вошла на балкон, я нашла записку, оставленную для меня: "Один выстрел в цель, один в стол. Сцена взлетит на воздух, если ты выстрелишь во что-либо ещё."

Сожги его Селестия! Даже если я могла бы дать знать Каламити о взрывчатке, он не лучше меня мог разоружить её. (Из мелкой пакоستي я украла его копию "Применение Самоцветов")

Песня Вельвет подошла к вышибающему слезу финалу. Публика, десятки рейдеров, сидели совершенно потрясёнными. Даже Гауда раскрыла клюв. Лагерь на несколько секунд погрузился в полнейшую тишину, сцена опустилась во мрак, не считая слабого свечения рога Вельвет. Затем столовую потряс взрыв цокота копыт дюжин аплодирующих пони, заставивший балкон дрожать и обрушивший с крыши на головы зрителей мелкий мусор.

Я поймала взгляд Дедайса, когда тот взглянул на балкон. Краешком глаза Гауда поймала его тоже. Она опустила клюв в её питьевую жестянку, не отрывая взгляда от Дедайса.

Новая музыка начала нарастать со сцены, оркестр в один рог.

Вельвет Ремеди начала топтать копытами об пол сцены, устанавливая ритм. Вскоре большинство пони в зале повторяли её ритм.

— Хватит этой грустной мути, кто готов оторваться!? — выкрикнула она, вызвав рев толпы.

Мои уши наострились, глаза расширились. И на мгновение я совершенно забыла о снайперской винтовке. Все, что имело значение — это то, что я не узнала музыку. Я никогда раньше не слышала эту песню!

"Gallop, don't trot, night's burning hot, don't make me wait to go! //Галопом, а не рысью, в ночь разгоряченную, не заставляй ждать меня!"

Band's playing loud, screams of the crowd, this here's what feeds my soul! // Играет музыка громко и радостно вопит толпа, вот что греет мою душу!

If you're not smiling, you're not trying! //Если вы не улыбаетесь, значит не пытаетесь!

Start a riot! Don't be quiet! // Устроим погром! И молчать не будем!

Hoof to the floor, just give me more, I need my rock 'n' roll! //Копыто об пол, дайте мне больше, мне нужен рок-н-ролл!

Селестия помилуй! Она же сама взорвёт сцену!

Я левитировала снайперскую винтовку, теперь боясь дать ей закончить песню. Со всеми этими спецэффектами, Вельвет Ремеди сейчас абсолютно завладела каждым взглядом; все пони в зале (и грифина тоже) не могли от неё оторваться. О, Луна, я могла бы начать отстреливать находившихся там пони, и никто бы ничего не заметил, пока пол зала бы не полегло. Ну, если бы сцена не превратилась бы в огненный шар.

"...Don't be lazy; just go crazy! // "...Не ленись, просто веселись!

Why don'tcha get that it's a PARTY?" // Что ж не видишь, что это ВЕЧЕРИНКА?"

Доверившись совершенству прицельного заклинания ПипБака, я сосредоточилась на серии из трёх целей.

БАХ!! БАХ!!

Первый выстрел разорвал жестяную кружку Гауды, забрызгав Гауду её содержимым. Она сразу нырнула под стол. Перед тем, как кто-либо успел среагировать, второй выстрел разорвал верхнюю половину головы Дедайса, забрызгав несколько пони перед ним. Третьей же целью была Вельвет Ремеди, которая осветилась светом моего рога, и я телекинезом утащила её со сцены за занавески.

В подтверждение слов Дедайса, в тот же момент вся сцена взорвалась, с грохотом окутавшись огнём и обломками. Пони в первых рядах упали. Я увидела, как, истекая кровью, Гауда зашаталась, поражённая деревянной щрапнелью.

Я включила СтелсБак и поскакала тихо к лестнице. Снизу кто-то кричал:

— Это работорговцы! Они напали раньше!

Абсолютно справедливое предположение, думала я, спускаясь по лестнице. Я была уже на полпути вниз, когда взрыв откуда-то снаружи дал понять, что кричавший не сильно ошибся.

Несясь к терминалу, я поражалась совпадению. Но нет, осознала я, добежав до стола с терминалом и активировав единственную функцию последнего, это было совсем не совпадение. Работорговцы Красного Глаза не доверяли Дедаису. Как он планировал предать их, так и они всё это время намеревались атаковать раньше. А в настоящий момент все до последнего пони были здесь. В соответствии с планом, тут присутствовали даже Гауда и её сторонники. Мы собрали всех в одном месте, оставив подступы и сторожевые точки незащищёнными. Ну, конечно, атаку начали именно сейчас.

СтелсБак почти иссяк, когда я ворвалась в комнаты за занавесками. Я нашла Вельвет Ремеди, пытающуюся выбраться из кучи скелетов. Её прекрасное платье было всё в зацепившихся за него костях.

Задыхаясь, я извинилась и рассказала о записке. Она лишь отмахнулась.

— О, всё в порядке. Я предпочитаю быть погребённой в куче скелетов, чем стать одной из них. — Она одарила меня улыбкой, что растопила моё сердце. — Спасибо, Литлпип!

Затем, как будто что-то вспомнив,

— А не могла подождать, пока я не закончу петь?

Я ответила застенчиво:

— Я боялась, что ты подорвёшь себя.

Я оглянулась на шторы, по мерцающему свету по их краям было понятно, что лицевая сторона штор была в огне, но они были достаточно толстыми, чтобы пламя не успело ещё проесть их насквозь. Я посмотрела вверх, чёрный дым начал клубиться у потолка. С другой стороны штор я слышала перестрелку и взрывы. Я огляделась в поисках Каламити.

Рыжий пегас с цепочкой в зубах, на которой болтался ключ, прискакал мгновение спустя, его чёрная шляпа ковпони почти свалилась.

Вельвет Ремеди закатила глаза со смехом.

— Ты что, задержался, чтобы раздобыть ключ?

Каламити повернул голову, вешая цепочку на один из стволов боевого седла.

— О да, чёрт возьми! — Он улыбнулся Вельвет. — Хрен знает, кто там победит, а я планирую слетать помарадёрствовать. Вельвет Ремеди поворотила нос. Даже я закатила глаза. Потом повернулась и побежала к воротам.

— Идём уже...

Каламити остановил меня, укусив за кончик моего хвоста.

— Куда прёшь? — Он кивнул головой в сторону ворот. Я повернулась, чтобы посмотреть туда.

С другой стороны ворот, между нами и теперь открытой металлической дверью, было четыре турели, нацелившиеся в нас.

Я застонала. Вернувшееся питание включило турели тоже. Как я могла быть настолько глупа, чтобы не понять, что произойдёт? Я могла отключить их раньше, прежде, чем включать питание.

— Разносим сразу все четыре? — спросил Каламити.

— Нет... Погоди... Дай подумать.

— Почему мы все ещё собираемся идти туда? — спросила Вельвет, явно предполагая, что оставшаяся часть плана провалилась.

Я была вынуждена согласиться. Теперь, больше всего, меня интересовало другое:

— Я надеюсь, тут есть выход.

Я посмотрела на ПипБак.

— Окей, нам везёт. У меня есть ещё один СтелсБак. С его помощью я доберусь до турелей и перепрограммирую их, так же, как те, что были в конвое пегасов. Таким образом они пропустят нас и задержат любого, кому придёт в голову нас преследовать.

У нас был план. Я вытащила мёртвый СталсБак из своего ПипБака и вставила последний рабочий, что у меня оставался. И принялась за работу.

Мы ползли через пещеры, переделанные в склады, заставленные ящиками, украшенными названием "Перевоспитательный Скотный Двор Разбитое Копыто". Некоторые были отмечены кругом, означавшим что у их Уровень Приоритета Селестии, и маркированы аббревиатурами — либо М.Ч.Н., либо М.В.Т.

— Ну, — я шепнула своим спутникам, — я знаю, что М.Ч.Н. — это Министерство Магии, но о другом не слышала.

Каламити остановился, замешательство отразилось у него на лице.

— Как это...?

— Министерство Чародейских Наук, — объяснила Вельвет, прежде чем он ляпнул что-либо обидное.

Голос, низкий и мощный, прогрохотал через пещеры, остановив нас.

— **Итак! Вы, маленькие пони, которые пришли в мой город и сотворили такой беспорядок. Вы убили моего лейтенанта и теперь пришли за мной.**

— Мистер Топаз? — Каламити спросил, повторяя мои собственные мысли.

Либо он использовал впечатляющую акустическую систему, либо магически усилил свой голос. Я подозревала, что последнее. И это означало, что он скорее всего единорог. Или... хуже. Может быть он такой же, как та псевдо-богиня, что я встретила у Новой Эплузы.

И в данный момент у меня не было с собой товарных вагонов.

Я быстро раздала магические патроны, молясь Селестии и Луне. Если Мистер Топаз был одним из тех монстров, нам нужна была вся божественная помощь, которую мы могли бы получить.

Каламити сразу перезарядил боевое седло. Вельвет Ремеди, однако, не выглядела впечатлённой. Её рог засветился, и, когда она открыла рот, её голос прогремел, исходя от каждого камня и каждой балки в шахте:

— **НЕ. ВПЕЧАТЛЕНА.**

Её вопль отразился от стен. Вельвет Ремеди понизила кошмарность голоса, который теперь был лишь немного страшней, чем его.

— **Почему бы вам не быть повежливей? Прекратите дурачиться и выходите поздороваться.**

Я левитировала Малый Макинтош и приготовилась встречать то, что, в чем я себя убедила, является одной из тех псевдо-богинь.

Когда дракон с чешуёй оранжевого цвета показался из-за угла, облизывая зубы, я поняла, как сильно я ошибалась.

— Ну, — кричал Каламити, пока крылья несли его по пещерам быстрее, чем Вельвет или я могли скакать. — По крайней мере, он ещё не совсем взрослый дракон!

Я поднажала, пытаюсь не отставать от Вельвет. Каламити был прав насчет преимуществ этого для нас — Мистер Топаз был немного меньше локомотива, не считая хвоста, покрытого острыми шипами. Он мог бы сожрать меня за один укус; но для Каламити ему могло потребоваться два. Я не понимала, какое преимущество ему это давало.

Используя магию, я вырвала подпорку из стены, когда мы пробежали мимо. Я слышала стук камней, когда потолок обрушился. Я его не останавливала, но, по крайней мере, замедляла достаточно, чтобы оставаться подальше от этих зубов!

— Мы могли попробовать договориться, — Вельвет кричала, несясь из-за всех сил. — Если бы Каламити не выстрелил в него первым!

Дыхание затруднялось, лёгкие болели. Я слышала, как Мистер Топаз прорывается через свежий завал.

— Налево! — выдохнула я.

Не было возможности остановиться и проверить карту в ПипБаке, но компас Л.У.М.а показывал что мы движемся по кругу.

— Мы хотя бы знаем, что новые боеприпасы работают! — Каламити развернулся на месте, сделав двойной выстрел в дракона, затем резко ушёл влево, исчезнув за углом. Мы следовали, держась чуть позади. Коридор, из которого мы только что выбежали, превратился в ад, стены сотрясались от драконьего рёва.

Боеприпасы сработали. Выстрелы пронзили бронированную шкуру дракона. Но он был настолько огромным, что это, похоже, только разозлило его.

Не замедляясь, Вельвет засмеялась, когда мы пробежали мимо большой металлической двери.

— Ну вот и твоё хранилище! Никто не желает остановиться и открыть его?

Хитрожопский риторический вопрос.

Каламити парил, остановившись на следующей развилке и неплохо контролируя панику в голосе.

— Литлпип, куда?

— Сейчас, наверное, направо! — По крайней мере, я действительно на это надеялась.

Если это не так, то мы упрёмся в конец коридора. И конец будет не только коридора.

Каламити исчез в правом проходе.

Луна и Селестия не оставили нас. Выбор был правильный, и проход привёл нас обратно к первому туннелю. Поняв это, Каламити уже

вылетел в Разбитое Копыто, где вовсю шёл бой между рейдерами и работорговцами.

Следующей выскочила Вельвет. Но когда я примчалась к двери, Мистер Топаз в конце концов догнал меня. Он открыл свою огромную пасть, сверкая зубами. Капля слюны упала мне на шею.

Турели открыли огонь, как только я проскочила мимо них.

И дракон заревел! Звук сотряс столовую, и битва на время остановилась, так как все уставились на то, как серьёзно раненый дракон в бешенстве спалил все четыре турели. Они замерли, когда внутренние компоненты с шипением расплавились. Меня обдало огнём, шерсть почернела, кожа покрылась волдырями. Одна из сумок загорелась.

Моё сердце колотилось, словно собираясь взорваться. Бока горели от напряжения. Я попыталась окликнуть остальных, но не смогла набрать воздуха. Я бы не успела выбраться, прежде чем упасть в обморок.

Я свернула в сторону от остальных, когда огонь от сумки достиг крепления снайперской винтовки; я бежала по коридору, слишком узкому для дракона. Позади меня пылала столовая. Мистер Топаз сжигал рейдеров и работорговцев без разбору.

А потом дракон пропал.

Я рухнула, запыхавшись, около стены туалета за два коридора от столовой. Вода наполнила раковину, пропитывая сумки, и лилась на пол рядом со мной. Она казалась прохладной для обожжённой кожи. Я шлепнулась в образовывавшуюся лужу и валялась, желая окунуться каждой больной частью тела. Я плакала.

Я старалась не думать о том, насколько мне сейчас больно. Но сосредоточиться на чём-либо другом было непросто.

Я предполагала, что дракон направился обратно в шахты. Он мог летать по столовой сколько захочет, но остальные коридоры были для него слишком узкими. Он, вероятно, родился там, внизу, или...

Вельвет Ремеди рухнула рядом со мной, тяжело дыша. Это было чудо, что никто из нас не получил серьёзных повреждений, тем более не погиб. Я попыталась встать, но ноги отказывались слушаться.

— Где... дракон? — Я задыхалась, ища подтверждение своей теории. Вельвет только покачала головой. Она не знала.

— Где... Каламити?

— Я... не... знаю... потеряла... след.

Проклятье. Не был же Каламити настолько глуп, чтобы направиться за ним. Или к хранилищу. Нет, конечно же нет. Мы просто разминулись, и всё. Но если работорговцы и рейдеры всё ещё бились во дворе, небезопасно было находиться в точке встречи. Улетит ли он назад на Станцию Р-7 и будет ли ждать нас там? Или атакует пони, бьющихся во...

— О, блаженная Луна!

— Литлпип? — Как бы ни была исчерпана Вельвет, она держала уши начеку.

Я поняла, что гигантская дыра в колючей проволоке во дворе, должно быть, работа дракона. И это привело меня к:

— Грузовой лифт! Дракон собирается подняться через шахту во дворе!

Пытаясь подняться, я зашипела от боли. Вельвет Ремеди посмотрела на меня с тревогой.

— Литл... пип! Вот, позволь мне... — Она открыла одну из жёлтых медицинских коробок, которые она использовала как седельные сумки, и вытащила из неё наши самые последние бинты, а также шприц.

— Это... заглушит... боль... — сказала она медленно. — Поверь мне... тебе это нужно.

Ой как она была права! Болеутоляющее помогло. Но я всё равно закричала.

Когда Вельвет Ремеди закончила, у меня кружилась голова, а перед глазами всё расплывалось из-за слёз. Я слабо застонала и с дрожащими коленями наконец поднялась на ноги.

— Литлпип, ты не в состоянии... — Но не было убеждённости в её голосе, лишь грусть.

Она знала, как и я, что мы не могли остаться здесь. И она знала, что я должна попытаться помочь Каламити.

— Есть ли... у нас в запасах хотя бы один Бак? — Я закусила нижнюю губу, ненавидя то, что спрашиваю у Вельвет такие вещи.

Вельвет Ремеди пощадил меня своим обычным вздохом неодобрения. После чего вынула из сумки бутылку с несколькими жёлто-оранжевыми таблетками внутри.

— Спасибо, — прошептала я, левитируя их себе в рот. Я сунула голову под струю воды из крана и проглотила их, не разжёвывая.

Таблетки подействовали через несколько секунд, достаточно долго для того, чтобы у меня появилось опасение, что они не возымеют нужного мне эффекта.

Меня охватил прилив сил. Я почувствовала себя сильнее, быстрее, менее измотанной и более бодрой. Это... это было хорошо. То, что надо!

Я подняла мокрые сумки из раковины и водрузила на спину, зашипев, когда они задели перебинтованную кожу.

— Надо было думать дважды. — Я подняла сумки и оставила их парить около меня.

Повернувшись к Вельвет Ремеди, я сказала, старалась, чтобы это прозвучало не как приказ.

— Вельвет, пожалуйста, попытайся найти Каламити. Будь осторожна. Не попадись... никому.

Она кивнула.

— Что ты попытаешься сделать, Литлпип?

Я взглянула на дверь.

— Я собираюсь вернуться вниз. Добраться до хранилища. Если повезёт, внутри будет что-то, что даст нам шанс против этого дракона.

— Но... — Вельвет Ремеди нахмурилась. — Литлпип, у тебя же нет ключа!

Улыбнувшись,

— Когда это мне требовался ключ, чтобы проникнуть через запертую дверь?

Столовая обратилась в бойню. Огонь всё ещё лизал обугленную отделку сцены. Воздух был отравлен дымом. А запах зажаренных пони, некоторые из которых ещё горели, мог удушить меня.

Я, конечно, спешила, но всё равно остановилась, чтобы подобрать с пола наименее повреждённое оружие, прежде чем я прошла через оплавленные ворота и искорёженные турели. Позади меня рухнула изничтоженная пламенем перекладина, что когда-то была сценой. Я пошла дальше в хранилище.

Свернув за угол, я столкнулась лицом к лицу с пони в кожаной броне, держащую энергомагическое копье. Я не могла точно сказать, на чьей стороне она была, но это и не важно — она в миг приняла боевую стойку.

— Подожди...

Она ткнула в меня светящимся концом копыя. Я попыталась увернуться и ударила боком в стену пещеры. Волна жгучей агонии прокатилась от моего бока к шее, моя плоть пузырилась и плавилась.

— ААааа!

Пони отступила, размахивая концом копыя у моей головы. Я упала на живот, пропуская копые надо мной и швырнула свою седельную сумку ей в лицо. Пони повалилась на спину.

Когда она поднялась, я врубилась З.П.С. и прицелилась в неё из случайно выхваченного оружия. Мое сердце замерло, когда я поняла, что это магическая энерговинтовка и я вообще без понятия, как из неё стрелять. Пони сделала выпад копыем, целясь мне в глаза, и я взмахнула винтовкой, парируя выпад копыя. При касании с наконечником копыя винтовка зашипела и искорёжилась.

Я бросила всё, что левитировала, и кинулась на пони, наклонив голову. Она вновь взмахнула копыём, но уже не могла достать меня; она ударила меня древком по боку с достаточной силой, чтобы несмотря на броню у меня там появился синяк, но с недостаточной силой, чтобы сбить меня с копыт. Мой рог пробил её броню и глубоко погрузился в её грудную клетку.

Я почувствовала, как меня шмякнуло копыём по голове, когда она выронила его изо рта. Она попыталась попятиться, но я продолжила толкать, пока не почувствовала, что она ослабла, что её тело становится мёртвым грузом.

Я отошла назад, мой рог был покрыт кровью. Пони упала к моим копытам, все ещё прерывисто дыша.

Я чувствовала, как кровь стекает по моей голове. Одна капля упала мне на левый глаз, окрашивая мой взор кроваво-алой пеленой.

Она прохныкала еле слышно:

—... Я не хочу умирать...

Я поёжилась. Я пыталась проморгаться, чтобы согнать кровь с глаза, но вместо этого мне в глаз попало ещё несколько капель, размывая моё зрение.

— Слишком поздно. Мне жаль. — Я говорила искренне. — Я не могу спасти тебя.

Я задумалась о том, чтобы свернуть ей шею. Она всё равно умрёт, так зачем же продлевать её страдания? Я занесла копыто...

...и перешагнула. Я просто не могла этого сделать. И не важно, что я позволяла Пустоши вытворять с собой, я ещё не очень изменилась.

Я прошла вглубь шахты ещё немного, остановилась и развернулась. Я прилевитировала свои седельные сумки, раскрыла их и достала покрывало. И нежно укрыла её. Затем я подняла оружие с пола, оставляя энергомагическую винтовку, но забрав её копые для своей коллекции.

И в дальнейшем у меня не было проблем, пока я не дошла до хранилища.

* * *

Сработали реле, и металлическая дверь хранилища отперлась со щелчком. Затем утихла сигнализация.

Хотя мне и не нужен был ключ, чтобы открыть дверь, он требовался, чтобы сделать это тихо.

Я упёрлась копытами в тяжёлую дверь и, напрягшись, сдвинула её в сторону. (Что явно у меня не вышло бы, не будь я под Баком.) Я шагнула в темноту и сконцентрировалась, усиливая свечение рога.

Я много чего ожидала, но не этого.

Комната была заполнена сверху донизу полками с шарами памяти. Сотни шаров памяти. У каждого из них была пометка с датой и "номером гостя".

Мои уши и хвост повисли. Здесь не было ничего, что могло бы помочь против...

— **Так, так. А ты настойчивая.**

Я резко развернулась. Мистер Топаз пригнулся у двери, просунув голову. Он был слишком широкоплеч, чтобы втиснуться сюда, но он загородил единственный выход. И один его огненный выдох испепелил бы всё в хранилище.

— **Я направлялся наверх, чтобы закусить парочкой твоих друзей снаружи, особенно тем аппетитным пегасом, когда ты подала сигнал к обеду.**

Я смогла лишь немного выйти из пределов досягаемости его зубов, когда задела хвостом последнюю полку, столкнув шары памяти. Я отчаянно огляделась, но бежать или прятаться было некуда.

— **Ты вправе быть съеденной первой. Я восхищаюсь твоим упорством,** — зло пошутил дракон.

— П-первой? — Мистер Топаз был садистом, но хотя бы болтливым. Если я смогу поддержать разговор, возможно, смогу придумать, как выбраться. Я пыталась напрячь мозг для телекинетического трюка, который смог бы спасти мою шкуру.

— **Самоцветы, конечно же, на десерт. Вы, пони, главное блюдо.** — Дракон глянул так сердито, что мне захотелось закричать.

— **И, конечно же, появились вы и всё испортили. Я потратил столько времени и сил, обеспечивая идеальный урожай перед спячкой, и теперь большинство из них погибло!**

Его глаза были полны ненависти.

— **Вы, маленькие пони, гораздо вкуснее живьём.**

Я отступала назад и натолкнулась на полку, сбив с неё несколько десятков маленьких мистических шариков, которые упали на пол и раскатились во все стороны.

На мгновение взгляд дракона обратился на один из них.

— **В любом случае, что конкретно ты ожидала найти здесь? Горы самоцветов? Думала, мне бы понравилось звать этого болвана Дедайска каждый раз, когда я немного проголодаюсь? Ты вообще заглядывала в ящики?**

— Н-н-нет.

Он рассмеялся. Его жгучее дыхание распространилось по комнате, я почувствовала, что скоро потеряю сознание от этой жары. Мои мысли поплыли, моё оружие и седельные сумки свалились на землю. Дракон смотрел на это, явно развлекаясь.

— **Или оружие? Может, ты надеялась найти магический дробовик-драконоубийцу? Потому что нашелся бы какой-нибудь дракон, достаточно склонный к самоубийству, чтобы хранить что-то подобное по всему дому.**

— Н-н-нет, — сказала я опять, хотя на этот раз он попал в десятку.

Дракон пролез в комнату и подтолкнул один из шаров когтем ко мне.

— **Вперёд. Попробуй один. В конце концов, ты умерла ради этого.**

Вскоре я должна была умереть.

Я нерешительно поднесла копыто к одному из шаров, но затем вернула его обратно. Пот тёк с меня рекой. Жара в комнате вытягивала из меня силы. Скоро я не смогла бы стоять. А пока единственной стратегией было продолжать говорить с ним.

— ч-что в них?

— Признание. — Дракон безжалостно улыbnулся. — Похоже, старая кобыла вашего Министерства Морали не совсем доверяла обычным методам допроса. Какой-то случай из её юности или вроде того. Вместо этого она учила единорогов вроде тебя внимательно исследовать память пони, искать уличающие мысли или переживания и выдирать их для общего доступа. Всё таки, не хотели посылать невиновных пони в Разбитое Копыто.

— что...но...это...

— Конечно, не все пони, пройдя через этот процесс, сохранили прежнее психическое состояние. Но как вы, пони, говорите? Не испечь пирог не порезав яблок? — Он опять рассмеялся. На этот раз я действительно потеряла сознание. Думаю, только на мгновение. Но я лежала на полу, не помня падения.

— это... ужасно.

Дракон прекратил смеяться.

— Видишь, маленькая пони? Посмотри, что вы, пони, делаете друг с другом наверху. Посмотри, что вы делали друг с другом здесь. Что заставляет тебя думать, что ваш жалкий испорченный род заслуживает чего-то большего, чем быть едой для дракона?

Я попыталась подняться. И не смогла. От жары все ожоги мучительно пылали. Я чувствовала, будто снова горю, только на этот раз ощущения были намного хуже. Я закричала.

Дракон собирался съесть меня. У меня не было никаких вариантов, никаких уловок, путей отступления. Я собиралась умереть здесь. Вот так. Одна, в крошечной комнатке под тюрьмой.

Тем не менее, я попыталась ответить.

— Н-не все... мы... плохие. Некоторые из... нас... хорошие.

Дракон фыркнул, наполнив комнату горячим дымом.

— Ага, я вижу. — Он смотрел на меня.

Я вдруг поняла, что смотрел он конкретно на мой рог, весь в запёкшейся крови.

Он насмешливо продолжил:

— Ну, полагаю, некоторые из вас хороши... с кетчупом. Он делает вас, маленьких пони, более вкусными и нежными. — Я съёжилась, боясь, что он сейчас опять засмеётся. Воздух был уже настолько жарким, что было почти невозможно дышать. — **Хотя лично я предпочитаю горчицу...**

Шахта снаружи наполнилась чистым зелёным огнем, и взрыв настиг дракона сбоку с силой, достаточной, чтобы выдернуть его голову из комнаты и свалить его.

— Йии ХхА!

Блаженный прохладный воздух залетел в комнату, очищая мою голову. Это был голос Каламити!

— Как тебе такие яблоки! — Каламити подлетел, неся магическую плазменную пушку с узловый станции Р-7.

— Хей, Лил'пип! Богини, как ж я рад, чё ты в порядке. Прости, что так долго. Эти штуки тяжёлые, когда не закреплены как следует.

Огромное трёхствольное орудие, больше его самого, было закреплено снизу живота, а источник питания был привязан верёвкой сверху боевого седла.

Я обнаружила, что хихикаю на грани истерики.

— Ты выглядишь нелепо!

— Ага, но... — бодрость в голосе пропала, когда Каламити осёкся на полуслове. — Да ты, блин, издеваешься надомной!

— Что?

— Он поднимается! Беги!

Бег был чем-то большим, чем то, что я могла осилить. Третью моего тела как будто поддержали над огнем. Я зашаталась, пытаюсь сосредоточиться. Мои сумки начали подниматься.

Каламити выстрелил снова. Мощный взрыв из пушки отбросил пегаса назад. Дракон взревел от боли и ярости.

Во имя Луны, что же нужно, чтобы убить ЭТО?!

Телекинезом захватив остатки своего имущества, я выскочила за дверь. Каламити перекусывал верёвки, удерживавшие пушку.

— Я тя вместе с этим не унесу.

Я оглянулась. Дракон был серьёзно ранен, возможно, даже смертельно. Одно крыло было разорвано и деформировано. Чешуя на боку расплавилась, обнажая рёбра. Вместо одной ноги торчал деформированный обрубок. И он всё ещё поднимался, с яростью в глазах. От открыл пасть, чтобы дыхнуть огнем.

Огонь оказался лишь малой частью того, на что дракон был способен раньше. Я почувствовала волну перегретого воздуха, опережающего пламя, но само пламя нас не достигло.

В следующий момент Каламити уже нёс меня по воздуху. Через шахту опущенного грузового лифта и в облачное небо. Мы пронеслись мимо Гауды, участвовавшей в жестокой воздушной битве с двумя грифонами из лагеря работоторговцев. Краем не залитого кровью глаза я видела, как она разрядила энергомагический дробовик в грудь одного из противников. Под нами хаос воюющих пони наполнил двор каменоломни, взрывы и сгустки магической энергии плясали в кровавой резне вокруг тёмной пустоты лифта.

Невероятно, но дракон последовал за нами.

Даже с разорванным крылом дракон был быстрее, в погоне за нами прорываясь через дыру в заборе. Каламити маневрировал бы лучше, если бы крыло полностью зажило и не было бы дополнительной нагрузки. Вообще, мы были как летающий кирпич размером с двух пони.

Приблизившись, Мистер Топаз широко открыл пасть. Оглянувшись, я увидела ряды ужасно острых зубов, окружавших ненасытную глотку.

У меня появилась идея.

— Продолжай лететь прямо.

Каламити заворчал, стараясь лететь быстрее.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь...

Я открыла сумки и вытащила оставшиеся гранаты. Все. Я со злорадством отметила, что они и вправду выглядят как металлические яблоки.

— Как тебе такие... — шепнула я, отправляя гранаты прямо в ненасытную глотку дракона.

Как только они исчезли, мне показалось, что я совершила ужасную ошибку. Драконы изрыгают пламя и едят самоцветы. С чего вдруг

я решила, что несколько гранат могут вызвать что-то серьезнее расстройства желудка?

В следующий момент мои сомнения подтвердились — гранаты не причинили никакого вреда здоровой части дракона... но разорвали его повреждённый бок мощной волной магической плазмы в потоке запёкшейся крови.

С зияющей, размером с трёх взрослых пони, раной в боку Мистер Топаз определённо умер прежде, чем рухнул на пол и проехал тридцать метров, оставляя полосу крови и внутренностей.

Каламити развернулся и заложил вираж, относя нас обратно на узловую станцию. В некоторых местах Разбитого Копыта ещё шли бои, но нам уже хватило впечатлений за ночь.

— Ох, конски яблоки, — с усталостью в голосе сказал Каламити. — Я почти забыл про Вельвет Ремеди. — Прежде чем я запаниковала, он обнадежил меня: — Она спряталась в Центре для посетителей. Я обещал вернуться за ней.

Он осторожно усадил меня, и, крайне истощённый, скрылся в ночи. Я сидела, ожидая его возвращения, и в какой-то момент уснула.

Заметка: Следующий уровень

Новая способность: Пони-снайпер — Шанс попасть врагу в голову в режиме З.П.С. увеличен на 25%.

<<< ^^ >>>

Глава 13. Голоса из Прошлого

«Это страшилка. Они все выдуманы.»

<<< ^^^ >>>

Дом.

— Откажись от прав на содержимое хранилища, и она вся твоя, — объявила Гауда, указывая крылом на Узловую станцию Р-7. — Согласна?

Хранилище, заполненное воспоминаниями, вырванными из разума многих пони, что двести лет как мертвы... или место, которое можно назвать моим домом.

— А тебе она не понадобится? — спросила я осторожно. — Для обороны?

— Теперь, когда я всем заправляю, я переберусь в Разбитое Копыто. Нас больше не хватит, чтобы занять все посты. Нам придется объединиться и организовать новую линию обороны. Если повезет, работорговцы Красного Глаза понесутся обратно в свои норы зализывать раны. Я не полагаюсь на везение. Гауда натянуто улыбнулась. — Предпочитаю полагаться на жадность пони. Чаще всего это срабатывает намного лучше.

Я медленно кивнула.

— Эти пони не будут промышлять грабежом, пока меня нет поблизости?

Гауда ухмыльнулась. У меня всё лучше выходило задавать вопросы, которые она считала уместными.

— Если я им скажу этого не делать, то не будут. — И с нехарактерным ей тёплым тоном она добавила: — Все осознают, что ты для них тут сделала. А те, кто не считает себя перед тобой в долгу, имеют достаточно здравого смысла, чтобы не нарываться на гнев местного убийцы драконов.

Я смотрела на нерабочий поезд, на лачуги из металлолома, видя все в новом свете. Это место может быть моим домом. Нашим домом, если Каламити и Вельвет готовы к этому. Место для отдыха, место, где Каламити мог бы повесить свою шляпу. (образно говоря, ибо он даже спал, не снимая её, впрочем, как и боевое седло)

Я прошлась, осматриваясь.

На Станции был водяной насос, гриль для приготовления пищи. Небольшой очиститель воды находился там, где были личные покои Гауды. В поезде было несколько запираемых скотных вагонов и два открытых вагона. У нас было бы у каждого своё личное пространство, много места для хранения. Генератор в одной из лачуг поддерживал освещение в ночное время, а в товарном вагоне стоял рабочий холодильник.

Я взглянула на сторожевую платформу над местом, что раньше было кабинетом Гауды. Каламити помахал мне своим перебинтованным крылом. Он почти закончил устанавливать трехствольную плазменную пушку. Я задумалась... Каламити был единственным из нас трёх, у кого хватало навыка, чтобы стрелять из этого монстра вкоптную, но, может быть, я сумела бы переделать её в автоматическую турель? Помня о камуфлированном пегасовском конвое, я знала идеальное место для поиска требуемых деталей.

Да, это местечко было проржавевшим, засранным, полным заплесневелого сена, но почти всё это можно было исправить тяжелой работой и любящей заботой. Отвратительная вонь из здания вокзала, уборная которого была переполнена навозом, была совершенно другим делом. Я бросила на него взгляд и подавила рвотный рефлекс. Решение этой задачки было бы и непростым, и неприятным.

Вельвет Ремеди заметила выражение моего лица и пропела:

— Думай об этом не как о годах сваливания лепешек в одну кучу, Литлпип, а как о бесплатных удобрениях. Мы бы могли возвести здесь сад-огород.

Мы! Это слово наполнило меня теплом и радостью, словно луч солнца.

Моим домом в Эквестрийской пустоши будет бывший дом Гауды. Вместе с её кабинетом.

Любое сомнение (или беспокойство о том, зачем это вдруг Гауде понадобилось хранилище, полное шаров памяти) было смыто этим замечательным словом — "мы".

— Беру!

— Так-то я не понял, — пробормотал Каламити. — Она теперь рейдерам помогает?

Вместе, Каламити и я шли через каменоломню Разбитого Копыта чуть позади Гауды. Вельвет Ремеди была где-то в другом месте, настаивая, что сделает всё, что может, для помощи раненым, несмотря на полное отсутствие медикаментов (как наших, так и в запасах лагеря), израсходованных уже на второй день после битвы. И даже несмотря на то что, вполне возможно, изверги, убившие родителей Сильвер Белл, были скорее среди раненых, чем среди мертвых.

— Не будет рейдеров больше. — Голос Гауды звучал решительно, так, что данное заявление было трудно поставить под сомнение.

Каламити, будучи самим собой, все равно усомнился.

— Не изменить тех ужасных вещей, чё натворили некоторые из них. — Он встряхнул гривой. — Мне всё-таки эт не нравится.

— Это было при Дэдайсе. — Гаудина Грознопёрая привела угнетённых пони Разбитого Копыта к победе против работорговцев Красного Глаза. Теперь, когда Дэдайс и Мистер Топаз были устранены, она была единственной, кого пони из лагеря признали своим лидером. — У меня большие планы; не будет больше места для бесчестных уродов в моём Разбитом Копыте.

Я наблюдала за ней, любясь её словами и движениями. Мне не нравилась Гаудина, но я не могла её не уважать. И да, она была гладкая, мощная и очень привлекательная для не-пони. (И что с того, что она грифина? Нет ничего плохого в том, что я просто смотрю.) Гауда взяла на себя двух вражеских грифонов и покромсала их своими когтями и магическим дробовиком. В бою она получила несколько новых рубцов. Я думаю, они только сделали её ещё более впечатляющей.

Я надеялась, что и другим кобылам они тоже приходились по нраву; теперь у меня самой был подобный шрам. Несмотря на причиняемую ожогами боль, их можно было полностью исцелить волшебными лечебными средствами. Но зловредные повреждения, причинённые деформирующей и разрушительной магической силой, было не так-то просто излечить. Короткий штрих повреждённой плоти на шее, след от прикосновения магического энергетического копья, останется у меня на всю жизнь.

—... тухлые яйца везде есть, но с ними мы разберёмся, — сказала Гаудина Каламити. Я поняла, что отвлеклась, так как рассматривала её бока (совершенно уважительном образом), и потеряла нить обсуждения. — Остальные пони понимают, что они годами ломали копыта ради дракона, который в качестве награды собирался их сожрать. Они переоценили свои жизненные пути, и большинство будет готово к переменам.

Гаудина ухмыльнулась, глядя на Каламити.

— Я заставлю бояться Гауду всех, кто не будет.

За несколько прошедших дней я уже успела узнать, что Мистер Топаз опустил лифт и собирался забраться в двор, когда я включила тревогу. Голос у дракона был громкий и звучал на весь двор. Хоть никто и не знал, о чем я говорила, слова дракона слышало довольно много народу.

Слово распространилось среди выживших. Теперь каждый пони знал меня и моих товарищей по имени и составил своё мнение...

— Эй, Литлпип! — раздался крик через двор, исходивший от группы пони, которые раскладывали броню, снятую с трупов. — Нашла хорошие пули для убийства драконов? А в кладовке Мистера Топаса не искала?

...у некоторых оно было чуть менее уважительным. Я закатила глаза и постаралась проигнорировать их.

Собравшись, я включилась в разговор.

— Так что же за большие планы, о которых ты упомянула?

Гауда остановилась и, повернувшись, оценивающе меня оглядела. Несомненно, я совала нос в дела, которые она предпочитала хранить в секрете. После длительной паузы она поведала мне всё, что мне было позволено знать, но ничего сверх того, что я разузнала бы сама за несколько недель.

— Из-за безвременного разуплотнения Мистера Топаса у нас теперь достаточно самоцветов для привлечения караванов и создания торговых путей. Разбитое Копыто лежит в пределах нескольких дней движения каравана от Мэйхэттена и Новой Эглузы, — с проницательной усмешкой завершила меня Гауда, — а эглузианцы, я слышала, ищут новых торговых партнёров.

Я старалась не поморщиться. Как много Гаудина знает?

— Агась, а у меня в Кантерлоте есть один хлев, который я могу продать, — с издёвкой сказал Каламити, криво улыбаясь Гауде. — Нисколько не поверю, что закалённая наёмница, навроде Гаудины Грознопёрой, собирается обосноваться тут и поиграть в мэра.

Гаудина рассмеялась. Звонко и насыщено.

— Ты прав. Ещё я разошлю... — Она сделала паузу, подыскивая подходящее слово, — приглашение всем Когтям, кто сейчас не связан контрактом.

Дальше она не разъясняла, но картина у меня уже начала вырисовываться.

— Что насчёт шаров памяти? — спросила я в основном из любопытства.

При всём моём удовлетворении от приходившей в форму Узловой Станции Р-7 (особенно порадовали запечатывание источника тошнотворной вони и начало воплощения моих планов о батарее турелей в реальность), я стала подозревать, что мне чего-то недоговаривают. Эта мысль меня не расстраивала — мои седельные сумки уже и так были полны. Во всяком случае, я восхищалась тем, насколько проницательной казалась Гаудина.

Глаза Гауды сузились.

— Не твоё дело. — Как я и ожидала.

Когда мы дошли до конца двора и вошли в сторожевую башню, я услышала работающее радио. Окончание древней песни Сапфиры Шорс уступило голосу диджея Пон3:

"Добрый вечер, жители пустошей! Сегодня у меня есть для вас хорошие новости! Помните ту маленькую кобылку из Стойла, которая атаковала работорговцев в Эглузе и спасла всех тех пони? Не спрашивайте как, но она выжила после крушения поезда с обрыва. Это верно, леди и джентльпони, она вернулась!"

Гауда продолжала идти, но Каламити остановился и уставился на меня, подняв брови и отклонив назад шляпу. Я почувствовала, что сильно краснею, не зная почему.

"Я слышу, вы спрашиваете, и где же она была всё это время? Ну, тогда садитесь и слушайте. Потому что пришло время для того, чтобы диджей Пон3 рассказал вам одну историю. Готовы? Хорошо. Это история о маленькой кобылке по имени Сильвер Белл..."

Я в растерянности взглянула на Каламити. Мне не нравилось получать похвалу за хорошие поступки Вельвет Ремеди. Вся моя заслуга была в том, что я уболгала Наблюдателя передать Дитзи Ду прошение о помощи.

— Погодь, пока он не начнёт называть тебя убийцей драконов, — веселился Каламити над моим смущением. Диджей Пон3 не сказал ничего про моего друга-пегаса, и Каламити казался чрезмерно довольным этим.

Я снова обвела взглядом каменоломню и всех пони, напряжённо трудившихся на бывшем поле битвы. Стало немного тоскливо на душе.

Под конец недели, решила я. К тому времени мы уже починим турели, снятые с небесного конвоя. К тому времени мы уже полностью излечимся и отдохнём. Моя шёрстка уже начала зарастать в месте, где были ожоги. Вельвет Ремеди уже перестала суетиться по поводу крыла Каламити.

Сам же Каламити уже не находил себе места. Он присоединился ко мне потому, что, подобно ему, я не могла сидеть без дела, пока других мучили и убивали. Ему нравилась идея использования Узловой Станции Р-7 в качестве опорного пункта для наших операций, и он уже планировал оборудовать в одном из грузовых вагонов мастерскую, но и не думал осесть и играть в счастливую жизнь домохозяина.

Вельвет Ремеди продолжала заботиться о самых тяжело раненных, кого она могла спасти, но было заметно, что она начала мириться с мыслью, что не могла оказать такую помощь, которую не были способны оказать другие пони. Вскоре и она пожелала бы покинуть это место. Певчая птица ещё не отлетала своё.

Сама же я желала раздавить очернявшую Эквестрию безжалостную тень рабовладельчества Красного Глаза, но эта цель была неопределённой и абсурдно амбициозной. Как показала практика, я в силах спасти отдельных пони, но я не была настолько самонадеянной, чтобы полагать, что могла бы повлиять на целые армии и экономику. По правде говоря, единственной достижимой целью была встреча с диджеем Пон3. Я рассчитывала на то, что он мог указать мне путь. Плюс к тому, после прослушивания радиопередачи в течение нескольких дней мне действительно понравилась идея добавить в программу музыку Вельвет Ремеди.

Под конец недели пора будет отправляться.

Мы были готовы идти. За исключением Вельвет, которая лежала на полу, как она утверждала, её личного вагона, с лежащим между её передними ногами шаром памяти, что мы нашли в обломках повозки Дитзи Ду.

— Ты что, всё ещё не посмотрела его? — Спросила я с удивлением.

Вельвет Ремеди посмотрела на меня кротким милым взглядом.

— После того, что ты нашла в хранилище? Как я могу? Я надеялась, что речь идет о Флаттершай... Но теперь... — Она поймала шарик копытами и поднесла к глазам. — Что, если это тоже признание? Что, если это плохо?

Я могла её понять. Я вспоминала свою реакцию на слова Вельвет о том, что она не была узником работяг старой Эглузы. Хотя тому и была похвальная причина, я познала, насколько это больно — видеть, как пони, которую ты боготворишь, падает с пьедестала, на который ты её поставила.

— Хочешь, я посмотрю его первой для тебя? — предложила я.

Вельвет Ремеди благодарно улыбнулась и кивнула. Она поставила шарик на пол и отступила.

Я сделала глубокий вдох, проглатывая внезапную нерешительность. Я никогда на самом деле раньше не просматривала шары памяти. Я знала, что ожидать: повторное переживание опыта другого пони. Я слышала, такие воспоминания были зрительные, слуховые, осязательные... даже вкус и запах сохранялись. Но я не знала, были ли они чёткими и яркими? Или за года могли помутнеть, потерять чёткость? Увижу ли я вещи как они действительно происходили? Или они будут искажены личным восприятием и предубеждениями обладателя этой памяти? Буду ли я слышать мысли того пони? И буду ли я в состоянии говорить за него?

Я остановилась в нерешительности, хотя меня одолевало сильное любопытство. Вельвет Ремеди смотрела на меня; её присутствие напоминало мне, почему я это делаю.

Я опустила на колени. Наклонившись вперёд, я коснулась рогом шара памяти и сосредоточилась на нём.

Странное ощущение захлестнуло меня, когда вагон, Вельвет Ремеди, все Пустоши исчезли и были заменены совершенно другой реальностью.

<=====ooO Ooo=====>

Я стояла на сцене, а точнее пони, чьими глазами я смотрела и чьими ушами я слышала, стояла на сцене.

Это было странно, как если бы я была парализована. Я чувствовала то, что она (?) чувствовала, но не могла двигаться. У меня вдруг появилось срочное желание укубить мою нижнюю губу, сразу за которым последовала короткая вспышка паники, когда оказалось, что я не могу сделать этого.

Я глядела на переполненный зрительный зал в крупном и весьма симпатичном закрытом театре. Многие пони в толпе были заняты разговором, низкий гул разговоров наполнял зал. Всё было слегка приглушённым и не в фокусе, но я всё ещё могла разглядеть лица каждого пони — уровень детализации, соответствующий сырой записи событий в мозгу пони, в которой я была. Я хотела поближе рассмотреть стены зала — у меня было впечатление, что они были не деревянными панелями, а на самом деле формировались из растущих деревьев, так же, как библиотека Понивилля. Но, конечно, я могла видеть только то, что видела эта пони.

Она была сосредоточена на немолодой (но всё ещё восхитительно милой) жёлтой пегаске с розовой стекающей гривой, скрывавшей большую часть её лица, и соответствующим гриве розовым хвостом. Жёлтая пони, неохотно направляясь к сцене, смотрела в пол, как бы боясь взглянуть на толпу, прежде чем трибуна послужит ей своеобразным щитом.

Я была поражена явным сходством между этой пони и пони на рекламном щите, что я видела неделю назад. Хотя то, что одна из самых могущественных кобыл в правительстве будет рекламировать колу с морковным вкусом, было выше моего понимания.

— мм... п-привет? Можно мне немного вашего внимания, пожалуйста? Если вы не возражаете?

Массивная акустическая система в зале усилила тихий голос пони, сделав его громкость почти как в обычном разговоре. Тем не менее, толпа мгновенно утихла. Каждый жеребец и каждая кобыла в толпе обратили всё своё внимание на жёлтую кобылу с кютимаркой в виде трёх розовых бабочек. Я сразу узнала шаблон. Вельвет Ремеди повесила свои медицинские коробки в её вагоне в Эглузе именно так, как на кютимарке.

— Спасибо, — пегаска пискнула, как будто была удивлена тому, что она вмиг оказалась в центре всеобщего внимания. Меня осенило, что у неё не было уверенности в себе, чтобы привлечь чужое внимание. Пони в толпе слушали её не из послушания и, тем более, не из страха. На самом деле я видела даже не уважение. Это была любовь.

— Сейчас... эм... Я знаю, все вы очень, очень заняты. Поэтому я постараюсь не отнять у вас много времени.

Похоже, она не понимала ситуации, в отличие от меня. Флаттершай не хотела никого обидеть или причинить кому-либо неудобства. Однако по лицам слушателей было видно, что это вряд ли возможно.

— Принцесса Луна дала нам... то есть... она позволила нам... У нас есть новый проект.

Я слышала, как по толпе прокатились смешки и ржание. Такие новости здесь явно не приветствовались, даже несмотря на то, насколько сильно здесь любили находившуюся на сцене пони.

Жёлтая пегаска немного съёжилась.

— Пожалуйста... всё хорошо. Я знаю, все мы перегружены и столько ещё предстоит сделать... и вы всё делаете просто замечательно. — После последнего утверждения она улыбнулась всем в зале. Если бы вся вода в Стойле номер два была заморожена, эта улыбка могла бы растопить её.

— Но... это действительно очень важно. Я говорила с принцессой Луной, и... Я очень, очень хочу осуществить этот проект. Я за него полностью, и я действительно надеюсь, что вы будете тоже.

В зале наступила полная тишина, все слушали.

— Эта страшная, ужасная война зашла далеко, длилась очень долго и принесла боль многим. — Я слышала печаль и боль в её голосе. О, любимая, милосердная Селестия... Мне хотелось подскочить к ней и обнять, солгать, что все будет в порядке. — Луна сказала, Министерству Мира должно найти способ остановить войну и привести всех — и пони и зебр за стол дипломатии.

Какой-то пони, (которого мне непременно захотелось лягнуть прямо в морду) как ни странно, спросил:

— Если война закончится, не останемся ли мы все без работы?

Я услышала, как Флаттершай прошептала: "Твои бы слова, да Селестии в уши."

<=====ooO Ooo=====>

Я встала, задыхаясь, будто задерживала дыхание, будто весь мой мир, переполняя меня, вырвался наружу. Пару секунд было потрачено для восстановления опоры под копытами.

Вельвет Ремеди смотрела на меня большими, красивыми глазами. Я улыбнулась ей и левитировала к ней шар памяти, стараясь сосредоточиться вокруг него, а не прямо на нём, чтобы не потеряться в памяти снова.

— Здесь нет ничего плохого.

Почти весь день мы прошли под серым небом оттенка сланца. Вдали неясно вырисовывались холодные мёртвые остовы Мэйнхэттена, всё ещё более чем в дне пути от нас. Но даже на таком расстоянии ощущалось разрушительное воздействие жар-бомбы. До этих мест пламя не дошло, однако взрывная волна сровняла с землей деревья и изрядно подырявила дома.

Мы приблизились к маленькому скромному домику, стоявшему отдельно от остальных, на пару миль дальше от Мэйнхэттена, чем всё остальное предместье, буквально окружившее город. Передняя дверь домишки смотрела в сторону от города, будто бы намеренно

избегающая общества городских монолитов позади. По этой причине передняя дверь осталась нетронутой взрывом, в отличие от задней части дома, почти полностью провалившейся вовнутрь. На таком расстоянии действие взрыва схоже с действием сильного урагана, оно лишь ослабило строение, для того чтобы само время довершило процесс разрушения.

Только мы подошли ближе, Каламити шепнул:

— Кто-то дома.

Он поднялся в воздух и украдкой приблизился, чтобы рассмотреть получше. Секунду спустя он вернулся, улыбаясь:

— Всё путём. Там торговец-бродяга, отсиживается в развалинах. А совы можн не бояться — уверен, она ручная.

Каламити развернулся и полетел вперёд, чтобы поприветствовать торговца. Вельвет Ремеди побежала за ним, огибая с западной стороны руины этого небольшого здания. Я последовала за ними и случайно заметила, что кто-то прибил аудиопроигрыватель к входной двери. Он выглядел древним и потрёпанным. Я подозревала, что он тут висит ещё с тех пор, как умер владелец хижины. Я сменила курс и подбежала к двери. Мой ПипБак откуда-то знал эти руины, на нём высветилось: "Коттедж Трикси". Я уже давно бросила попытки понять, почему мой ПипБак хранит маркировки, казалось бы, случайных мест.

Проигрыватель был в ужасной форме. Я стянула его с двери, намереваясь разобраться с ним, пока Каламити торговался с торговцем. В глубине моего сознания голос настаивал, что, возможно, это будет непросто, и стоит воспользоваться Праздничными Минталками. Я знала, что голос лгал, и пыталась игнорировать его.

Когда я вернулась к другим, купец (седой жеребец-единорог с гривой серого цвета и в снаряжении торговца) рассказывал Каламити и Вельвет Ремеди небылицы о Мэйнхэттенских руинах. Судя по тому, как он смотрел на Вельвет, было ясно, что он не видел такой красивой кобылы... ну, очень долго, если вообще когда-либо.

— Призраки? — с недоверием спросила Вельвет Ремеди.

— Ага. Именно поэтому я в одиночку дальше Фетлока не захожу. А там ещё и мантикоры.

— Мантикоры? — засомневался Каламити. — Чёй этим лесным существам делать в руинах крупнейшего довоенного города?

— Не знаю, но руины просто кишат ими. Лучше держаться оттуда подальше.

— ...И призраками, — не унималась Вельвет.

Единорог-торговец кивнул.

— Так говорят, по крайней мере. Имейте ввиду, Мэйнхэттен не похож на Кантерлот, где пони умерли медленно и мучительно. В Мэйнхэттене словно ничего не произошло. Это случилось так быстро, что духи пони даже не поняли, что они мертвы.

— Ерунда, — заржала Вельвет.

Пони наконец заметил подошедшую меня и широко улыбнулся.

— А, ещё один покупатель. Добро пожаловать в... — он повёл копытом на руины здания вокруг нас, — Луной Забытую Дыру. — Сидевшая на лишённом створок шкафу за его спиной робо-сова зажужжала и по-совиному ухнула. В приоткрывшемся металлическом ключе я заметила отблеск спрятанного внутри небольшого магического энергетического оружия. — Ничего особенного, зато всё моё.

Любопытство взяло верх надо мной.

— Почём птичка?

Купец засмеялся.

— Пардоньте, мисс. Старина Гирвинг не продаётся. Торговцы не живут долго в пустошах, если они путешествуют без защиты.

Я кивнула и подошла к Каламити, чтобы передать ему магическое энергокопье для продажи, и уселась дальше копать в проигрывателе. Эта штука была сделана до смешного выносливой, но этот уже перенес хренову тучу побоев. Когда я уже достала несколько моих точных инструментов, я поняла, что это будет маленьким чудом, если я чего-нибудь добыю от него.

Только начала я работать, как услышала, как Вельвет топает:

— Нет, нет, нет. — Я подняла глаза, удивляясь, почему она возражает против моих стараний, и поняла, что она смотрела на Каламити. Наклонив голову, она оттолкнула его от продавца.

— Какая муха ты укусила? — возмутился Каламити.

— Ты позволяешь ему грабить тебя, вот что! - Возразила она. — Теперь позволь пони, которая кое-что в этом понимает, заняться этим.

Я ошеломлённо наблюдала за своими спутниками. Торговец смотрел на них, слегка нахмурившись. Вельвет Ремеди повернулась к нему, пока Каламити наблюдал со стороны. Она проигнорировала кучу товаров, что Каламити пытался сбить, не говоря уже о тех, что он пытался купить, и, похлопав ресницами, одарила купца взглядом, вызвавшим у меня укол ревности. Потом спросила:

— То платье, весеннего цвета. Сколько за него?

Она торговалась, включив своё обаяние, и при этом скромно отмечала плохое состояние каждого из платьев, которые он ей предлагал. Вскоре она приобрела четыре платья по цене двух.

Подбежав к Каламити с платьями, Вельвет вежливо его попросила:

— Не будешь ли ты так расчудесно любезен починить тканью этих платьев то, что сделала наша ужасная битва с тем драконом с прекрасным платьем, которое дала мне Литлпип?

Я почувствовала, что моё сердце сделало небольшое сальто в груди. Каламити в замешательстве просто уставился на неё. Купец, наблюдая за ней, медленно пробормотал: "битва с тем драконом."

— Эт ещё зачем? Ты даж медприпасов никаких не выторговала.

Но Вельвет его не слушала.

— Ну пожааалуйста! — добавила она, улыбнувшись Каламити, и тот быстро принялся за работу.

Я вернулась к своей возне с проигрывателем. Спустя почти час я была довольна прогрессом. Я поняла, что содержание записи не стоило затраченных усилий, но этот проигрыватель стал для меня вызовом. Само же сообщение не имело особого значения.

Каламити закончил ремонт великолепного платья Вельвет. Я была впечатлена, платье было почти как новенькое. Вельвет улыбнулась ему и чмокнула в щёку (вызвав у меня ещё один укол ревности), а затем взяла платье и побежала прятаться, чтобы одеть его. (в чём, по правде говоря, я не видела смысла.)

Мой ПипБак последний раз просканировал сообщение, восстанавливая его. Мне удалось восстановить запись почти целиком. Я нацепила наушник и начала слушать результат часа своих трудов. Я не ожидала многого, хотя если там окажется рекламный аудиопроспект о галстуках, я немного расстроюсь.

"Уайтлпип, мне жаль, но мы не сможем увидеться на этой неделе. Ты же знаешь, встречами с тобой отмечены одни из лучших дней моей жизни, но я только что получила удивительнейший звонок. Мне позвонила Твайлайт Спаркл, да-да, Твайлайт Спаркл. Вот так, ни с того, ни с сего. Чудеса, правда? В смысле, я её помню ещё со времён, когда она ничего из себя не"

представляла, а я была...

Ну, не важно. Я так удивилась, что она даже помнит меня. Но нет, она пригласила меня в Мэйнхэттен в эти выходные, чтобы обговорить предложение. Ты можешь себе это представить? Я, работающая в Министерстве Магии! И когда сама глава Министерства лично звонит тебе, чтобы сделать предложение, это должно быть очень важно.

Я... Я не решаюсь сказать это, но я возвращаюсь. О, да, жизнь Трикси вот-вот круто изменится!

Гм... я не знаю, как долго я буду в Мэйнхэттене, но, на всякий случай, зайди и оставь на пороге, как обычно, три бутылки молока и пачку сливочного масла. Я заплачу на следующей неделе. Я обещаю."

Столько усилий, и я получаю заказ местному молочнику? Я, конечно, обещала себе не разочаровываться, но всё равно это меня задело.

Снова появилась Вельвет Ремеди, выглядя сногшибательно. Хотя я уже и лицезрела её в этом наряде, у меня слегка подкашивались ноги. Ну а торговец, вообще не видевший её наряженной, был просто сражён наповал.

— А теперь вернёмся к нашей сделке, — со снисходительной улыбкой произнесла Вельвет, левитировав энерго-магическое копьё из кучи добра, которое пытался продать Каламити. — Только я не уверена, что на что-то подобное у вас хватит крышек, хотя я думаю, мы сможем договориться.

— Не уверены, что хватит...? — торговец пытался нащупать почву под ногами. — Леди, да эта штука стоит...

— Довольно-таки много, — Вельвет улыбнулась. — Подумайте, сила энерго-магического оружия, но в виде копья, которое можно использовать без специальной подготовки. Убийственно эффективное оружие, у которого никогда не закончатся патроны или спарк-батареи. Ненужно тратить с трудом заработанные крышечки на патроны, не надо бояться, что понадобится остановиться и перезарядить его в критический момент боя.

Вельвет Ремеди эффектно им взмахнула.

— И посмотрите на его состояние! Одни лишь драгоценные камни стоят дороже, чем скудный запас медикаментов, который ваша маленькая "Дыра" может предложить.

Она замолкла, поглядев на энерго-магическое копьё.

— Хотя если подумать, то я не могу себе представить расставание с ним. Оно, конечно, тяжеловато, но...

— Хорошо, хорошо, — единорог-торговец перебил её. — Что вы хотите за него?

Я посмотрела на Каламити. По его выражению было ясно, что он думает о том же, о чём и я. С этого момента Вельвет будет заниматься всем нашим бартером.

* * *

Радтаракан мерзко хрустнул под моим копытом. Я поспешно отскребла его кишки о сломанный дорожный знак. Прошлую ночь мы провели в коттедже Трикси и за утро уже успели преодолеть приличное расстояние.

Судя по ПипБаку, этот лабиринт почерневших разрушенных домов, через который мы пробирались, был когда-то пригородом Фетлока. Мы не спешили — такая большая территория означала, что где-то ещё могут быть годные для прикармливания вещи, притом даже не запертые в сейфах или сундуках. Жаль не было медицинских припасов. Вельвет старалась экономнее использовать то немного, добытое у торговца, резала лечебные повязки надвое и натрое, по-прежнему настаивая на очистке и обработке порезов и царапин во избежание инфекций.

Вельвет Ремеди счастливо завизжала, когда открыла старый холодильник и обнаружила несколько бутылок с всё ещё чистой водой внутри. Наши фляги были почти пусты, а несколько рабочих кранов, что я нашла, заставили мой ПипБак трещать из-за радиации в воде. Её находка была прямо благословением Луны.

О каком-либо укрытии говорить не приходилось, да и красные метки не переставали ползать на моём Л.У.М.у. В основном из-за радтараканов или, реже, из-за гигантских ежей-мутантов. Магическая радиация, просочившись в воду, искажила множество представителей фауны пустошей в гротескные и часто монструозные версии их изначальных форм. Большинство же существ попросту не пережили трансформаций.

Но по крайней мере, это были не рейдеры или работарговы. Отсутствие необходимости сражаться с другими пони было просто отдушиной. Вельвет Ремеди начала развивать своё умение обращения с игольным пистолетом. Её моральные устои насчет убийств явно не относились к голодным и враждебным хищникам.

К нам присоединился Каламити, разведав что нас ждёт впереди:

— Вот нам привалило! Я, похож, нащёл, куда нам завалиться на ночь.

Вельвет и я проследовали за ним. Два квартала спустя мы наткнулись на каркас пассажирского небесного фургона. Этот был в гораздо лучшей форме, чем тот через который пришлось тогда срезать путь на окраинах Клаудсдэйла. Вся краска стала чёрной из-за огня и слезала хлопьями от старости, обнажая не столько металл, сколько ржавчину. Но в целом фургон был нетронут, находясь во время мегазаклинания на остановке, а не в полёте.

Этот фургон также был заполнен пассажирами, которые вместе с водителем, запряжённым спереди, были сожжены заживо волной погребального пламени, прокатившейся по Фетлоку. Фургон был полон обугленных скелетов и сгоревшего багажа.

— Ты хочешь, чтобы мы заночевали там? — Вельвет спросила в ужасе. — Каламити, это жутко. Даже для тебя.

Уставившись на фургон, полный скелетов пони, я поймала себя на мысли, что мне стало интересно, кем они все были. Как им жилось? Были ли они счастливы? Может, этот фургон отправлялся в Мэйнхэттен? Не на работу ли ехали все эти пони? Были ли среди них друзья, болтавшие о своих будущих покупках?

Я раздавила эти мысли железным копытом. Этот апокалипсис и так уже стал ежедневной лавиной ужаса и тоски, которой хватало и без таких мыслей. Они только сводят с ума и склоняют к суициду.

Когда я поглядела по сторонам, то ощутила искорку радости, заметив мерцание от автомата со Спаркл-Колой, втиснутого в закоулочек за углом от стоянки.

— Я сейчас вернусь, — объявила я, оставляя Каламити и Вельвет расчищать пассажирский фургон. Или спорить об этом. Всё равно.

Я побежала вдоль стены в укромный уголок, оказавшийся, как я сразу поняла, гораздо больше, чем я себе представляла. Красные точки на моём Л.У.М.е стали настолько обычной вещью, что я перестала обращать на них внимание. Это было большой ошибкой.

Мантಿಕора повернулась и бросила взгляд на нарушителя, который беспечно забрёл в её логово, и испустила рёв, от которого моя грива встала дыбом. Вонь падали из её пасти дала мне понять, что я была ужином.

В изумлении, я уставилась на здорового сурового монстра с могучими передними лапами, огромными крыльями и ядовитым жалом. Как же хорошо, что я уже несколько часов ничего не пила.

У меня не было готового никакого оружия — не хотелось тратить драгоценные боеприпасы на тех, кого можно было отлупить или раздавить. Мантикора явно не попадала в эту категорию, но я, развернувшись, всё-таки выписала ей пинок обоими копытами по носу.

Будто кирпичную стену брыкнула. Вместо отбрасывания мантикоры назад, я сама себя отправила лицом в землю. Зверюга подняла лапу, полную огромных когтей, и с размаху ударила мне по спине. Если бы не броня Дитзи Ду, удар мог бы проломить мне позвоночник. А так лишь всплеск боли прокатился по моей побитой спине. Я поднялась на копыта и побежала.

Мантикора пустилась в погоню, скачками сокращая расстояние. Я невысокого роста; она же была крупнее нескольких тележек с яблоками, поставленных одна на другую. Погоня была короткой.

Мантикора ударила меня головой, отбрасывая в сторону. Я тяжело рухнула на землю и катилась, пока не врезалась в остатки стены хозяйственного магазина на другой стороне улицы. Пока я пыталась подняться, приходя в себя, мантикора кинулась на меня.

В воздухе раздался звук залпа боевого седла Каламити. Из передней лапы мантикоры брызнула кровь, и она споткнулась, врезаясь в старый фонарный столб, а не в меня. Столб вырвало из земли, и он повалился с глухим металлическим стуком.

Когда мантикора оправилась, полусожжённое платье, должно быть, из багажа, что был в фургоне, пролетело по воздуху в магическом поле Вельвет Ремеди и обвязалось вокруг головы мантикоры, ослепляя её.

Мантикора начала слепо махать своим ядовитым скорпионьим хвостом. Один из ударов угодил в землю на расстоянии менее одного фута от меня.

Каламити снова выстрелил, на этот раз в бок этого существа. Я левитировала Малый Макинтош и прицелилась, пытаясь. Мантикора мотала головой яростно, сбрасывая повязку с глаз. Мой удачный выстрел попал мантикоре в хвост. Сила Малого Макинтоша расщепила его надвое.

Мантикора взревела от боли и кинулась на меня. На этот раз я была готова и быстро уклонилась в сторону. Повернувшись к ней, направила Малый Макинтош на её задницу. Расправив крылья, она поднялась в воздух и полетела к Каламити.

Каламити успел выстрелить ещё раз, поставив красные кляксы на грудь существа, до того как оно врезалось в него, сбивая его на землю. Обеспокоенная судьбой друга, я повернулась посмотреть, куда он, закружившись, упал. Каламити застонал в неудачной попытке подняться на ноги, но, по крайней мере, был цел. Его шляпа лежала посреди улицы неподалёку.

Вельвет Ремеди подбежала ко мне.

— Ты эксперт телекинеза, попробуй это. — она левитировала рядом с собой стопку дисков для циркулярных пил из хозяйственного магазина.

Когда мантикора устремилась к нам, я заполнила воздух вращающейся смертью.

* * *

Вельвет Ремеди закончила просматривать шар памяти Министерства Мира (по крайней мере в двенадцатый раз) и теперь старалась не смотреть, как я готовлю мясо мантикоры. По моему ПипБаку, оно было относительно неядовитым... по крайней мере, насколько мясо может быть таковым. Вельвет ела нашу последнюю банку кукурузы.

Каламити вылизал наши последние две банки бобов почти час назад и залез под пассажирский вагон, чтобы "посмотреть на кое-что". Он до сих пор не вылез оттуда. Было уже совсем темно и этот фургон по-прежнему был лучшим вариантом для ночлега, но мы должны были спать по очереди.

Всё моё тело болело от побоев мантикоры. Я уже почти привыкла к постоянному пребыванию в таком состоянии. Каламити досталось больше, но полученное им сотрясение, к счастью, оказалось незначительным. Только Вельвет Ремеди вышла из этого боя без единой царапины. Но всё же мои страдания стоили того: мешочки с ядом с жала мантикоры были последним компонентом, необходимым для сборки дротикомёта по чертежам, найденным мной в оружейной старой Эплузы.

Вздыхнув, Вельвет Ремеди подошла к фургону и припала к земле, заглядывая под него.

— Ну, выходи уже. Под этой повозкой не может быть ничего настолько интересного, — осуждающе сказала она. — Ты очень неудачно тогда упал и до сих пор мне не позволил себя осмотреть. — И с твёрдой решимостью добавила: — И на этот раз ты снимешь с себя это седло и дашь мне провести полный осмотр.

Я открыла Спарк-Колу, одну и найденных мною в торговом автомате после боя, и сделала глоток. Она была тёплая, но не совсем выдохшаяся, с приятным морковным вкусом.

Каламити послушно выполз из-под вагона с широкой улыбкой на лице.

— Хорошие новости, — заявил он. — Он почти не повреждён.

— О чём это ты? — спросила Вельвет Ремеди, склонив голову набок.

Каламити кивнул в направлении фургона. Увиденное заставило меня усомниться в его определении "почти не повреждён". Все окна были разбиты, в крыше зияли дыры, на левой стороне фургона из-за ржавчины образовалась дыра размером в два копыта.

— Я говорю о том, что в отличие от того, чём вы видели раньше, эт красавец представляет собой нечто большее, чем просто бомбу замедленного действия, — Каламити повернулся к фургону и улыбнулся. — Я мог ба его починить. Всё, чём ему нужно — эт потоковый регулятор.

— Ему? — Вельвет заржала.

— Агась. — Каламити взмахнул крыльями, взлетая.

Я подняла бровь.

— Потоковый регулятор? Это довольно специфическое оборудование. Такие вещи на дороге не валяются.

Каламити спустился с небес на землю.

— Та знаю. Но только подумайте: если б мы его нашли, то я б мог возить нас всех вместе с любым нужным нам снаряжением по всей Эквестрийской Пустоши. Никаких многодневных пеших путешествий по заражённой местности.

— О, да. Ведь у тебя пока что со средствами передвижения всё складывалось просто великолепно, — заржала Вельвет.

Мне вспомнился поезд. И телега из-под яблок. Может быть, забираться в ещё одну, которая по совместительству была ещё и бомбой, было не такой уж хорошей идеей. Однако я этого не сказала. Незачем гасить энтузиазм Каламити. Не то, чтобы у нас была необходимая деталь, а все дальнейшие сомнения можно было отложить до тех пор, пока она не нашлась. А, по всей вероятности, это не случится никогда.

Тем временем Вельвет уговаривала Каламити снять его боевое седло и броню.

— Я знаю, ты сам его сделал и предпочитаешь носить всё время, но серьёзно... Я с вами двумя уже больше недели, и до сих пор не видела твою кютимарку. Это не чувство стила, это просто нелепость.

Я была сосредоточена на своём ужине, но услышанное отвлекло мои мысли. Если подумать, я сама ни разу не видела кютимарки Каламити. Он всегда носил как минимум жилетку и седельные сумки. Кроме случаев, когда он купался. И я всегда давала ему уединиться,

правда, в основном потому, что она не была заинтересована в наблюдении за моющимися жеребцами.

— Эт потому чё нет у меня её.

Что? Да быть такого не может. Я сама очень поздно обзавелась кьютимаркой, но всё равно была с ней уже несколько лет. Как это взрослый жеребец мог её ещё не получить.

— Оу, — Вельвет Ремеди отвернулась, не зная как реагировать на это.

Каламити фыркнул.

— Эт не то. У меня она была. Просто терь её нету.

— Чего?! — Вельвет повторила мои мысли, хотя и более порывисто.

Каламити посмотрел на нас и вздохнул.

— Ну, полагаю, вам вполне можно и рассказать, — Он сбросил боевое седло и начал расстёгивать ремни на броне. — Её выггли.

— Что? Почему? — Вельвет запинаясь. — Кто мог такое сотворить?

— Мои братья. — Каламити сказал менее ровно, чем хотел бы. — Смотри, вот чё они делают с такими пегасами, как я.

— Как ты? — Спросила я, вспомнив, что он упоминал что-то подобное прежде.

Каламити кивнул.

— Я вам говорил о пегасах. Ну, они говорят, что когда мегазаклинание уничтожило Клаудсдейл, все пегасы отвернулись от Эквестрии и спрятались за плотным облаком. Абсолютно все. Кроме одной.

Я перестала есть; это выглядело бы невежливо. Но я всё равно сделала большой глоток Спаркл-Колы и наострила уши, слушая историю.

— Они говорят, что когда Рэйнбоу Дэш увидела, чё сделали пегасы, она сама отвернулась от них так же, как те отвернулись от всех пони на земле...

— Кто? — Вельвет Ремеди прервала как могла вежливо.

Каламити улыбнулся.

— Рэйнбоу Дэш. Лучшая из нас, по мнению некоторых пони. Та, кто обучала самых элитных и грозных пегасов в армии внутри и за пределами Эквестрии. Глава Министерства Крутости. Та, кто...

Клянусь, Каламити ждал, пока я не продолжу пить, прежде чем сказать это. Я сильно закашлялась, Спаркл-Кола брызнула из моего рта и ноздрей. Я неделю после этого буду пахнуть морковью.

— Министерство ЧЕГО?! — я задыхалась, глаза слезились. Я знала, что прервала его историю, но мне было всё равно.

Каламити ухмыльнулся на мою реакцию.

— Министерство Крутости.

— И чем же там занимались? — спросила Вельвет Ремеди.

Каламити пожал плечами.

— Насколько я знаю, ничем.

— Помнишь, как Наблюдатель поведал нам про Министерства? Ну дык вот, я слышал эту историю чутка иначе. Пегасы никогда не рассказывали об остальных главах, только о Рэйнбоу Дэш. И в истории, что я слышал, говорится, что когда Принцесса Луна сказала ей, что она получит собственное министерство, Рэйнбоу Дэш сразу заявила "Ну тогда моё будет Министерством Крутости!"

— Когда её спросили, чем Министерство будет заниматься, она ответила "А, что-нибудь придумают." Сама же Рэйнбоу Дэш была слишком занята, сражаясь на войне, чтоб отвлекаться на руководство каким-то государственным ведомством.

Я просто смотрела. У меня не было слов.

— Это... интересно. — Вельвет Ремеди наконец заявила. — Так эта Рэйнбоу Дэш была героем для пегасов.

Глаза Каламити сузились.

— Акцент на "была". Она не помогла им закрыть небо, просто улетела. Больше её не видели. А пегасы? Они выбросили своё мнение о ней быстрее, чем кобылка загоревшюся на ней шляпу.

Каламити закончил отстёгивать свой костюм и сбросил его. Нам открылось его клеймо — ужасный щрам, похожий на облако с молнией на месте, где была его стёртая кьютимарка.

— Я — Дашит, — сказал Каламити. — Для них это означает "Предатель".

Раздались раскаты грома над нами.

Был даже ещё не полдень. Небо стемнело достаточно, чтобы можно было ошибочно определить время как ранний вечер. Первая капля дождя упала на мой нос, вторая — на левое ухо.

Оставив Фетлок позади, мы попали на обширный простор травянистых холмов, кое-где подпорченных неряшливыми песчаными пятнами. У подножия близлежащего холма виднелось озеро, при нём хибарка и несколько негодных шлюпок на побережье. Когда мы приблизились, мой ПипБак, как всегда кстати, сообщил мне, что это «Хижина СтилХувза» и что я её нашла.

Достав Малый Макинтош, я пригляделась в его прицел поближе. Вдоль стены стояли инструменты, а в укрытом снаружи алькове виднелось свечение экрана рабочего терминала. Так... а не турели ли это там? По углам хижины виднелись какие-то закамouflированные металлические шлуковины. Возможно это тот последний случай на Узловой Станции Р-7 заставил меня так подумать. Если это и были турели, то они были значительно заглублены в землю.

— Стоять! — Крикнула я своим спутникам, заметив почерневшие отверстия на земле в траве вокруг лачуги. Взорвавшиеся мины. Трава была достаточно высока, и, чтобы заметить лежащую на земле мину, надо было на неё наступить.

Каламити и Вельвет Ремеди сразу остановились, глядя на меня с беспокойством.

Я открыла рот, чтобы сказать о минах, но другой голос прервал меня.

— Ну вы только посмотрите, кто это у нас тут! — Голос был царственный, величественный и устрашающий.

Крылатый единорог внезапно появился в мерцании перед нами. Вельвет Ремеди взвизгнула.

— Мы помним вас с Эплузы.

Моя челюсть отвисла. Нет. Не может быть...

Но смотря на неё, я понимала, что эта псевдо-богиня отличалась от виденной нами в городке работоторговцев. Её окрас был почти таким же, отличия были лишь в лице, гриве и расцветке торса.

Воздух по обе стороны от нас зарябил и появились ещё двое злобнокрылых единорогов.

— Заклинание невидимости? — Вельвет Ремеди возмутилась, по-видимому, начиная перенимать мою убежденность, что Пустошь просто ненавидит нас.

Мы были окружены псевдо-богинями. Каждая отличалась от других, но лишь слегка, будто они все были сёстрами. Я панически огляделась, но на холмистой местности не нашлось ни одного вагона. Затонувшей вёсельной лодки не хватило бы.

— Вы не та добыча, что мы искали, — сказала одна из них.

— Но мы с радостью убьём вас, — почти промурлыкала третья.

Заметка: Следующий уровень.

Новая способность: Лёгкий Галоп — Ваша манера передвигаться (или летать, если вы пегас) позволяет вам избежать атак.

Ваши противники получают -5 к боевым навыкам при атаке.

<<< ^^^ >>>

Глава 14. СтилХувз

«Стойла никогда и не предназначались для спасения пони.»

<<< ^^ >>>

Взрывы!

Мир вокруг меня разорвало какофонией оглушительных взрывов и вспышками огней; за могучими громовыми раскатами последовала ужасная жара. Слепящий свет не оставил и следа от мрака сумерек.

Время замедлило свой ход, как будто мой мозг перегрузило поступающей с органов чувств информацией, и он стал запаздывать. Меня пронзало шрапнелью и жгло пламенем, зажигая искры боли по всему моему телу. Я лишилась слуха, и заполнивший мир рокот сменился тонким звоном. Я была прикована к месту, не в состоянии пошевелиться. Стоявшую передо мной псевдо-богиню разорвало на куски, забрызгивая моё лицо кровью, пока они разлетались в стороны.

Я почувствовала, как меня бросило на землю. Вельвет Ремеди накрыла меня своим телом, и над нами мучительно медленно сформировался её щит. Я заметила что-то липкое и тёплое: на меня сочилась её кровь, смешиваясь с моей собственной. Только тогда до меня дошло, что целью атаки была не я. Вторая псевдо-богиня разворачивалась с широко раскрытыми от удивления глазами, возводя свой магический щит. Но она опоздала: скорострельные взрывы, убивавшие Вельвет Ремеди и меня, просто разрываясь поблизости от нас, были направлены прямо на существо. Щит псевдо-богини покрылся рябью, заколебался и исчез, не успев полностью сформироваться. И тогда её тоже поглотило пламя.

На какой-то момент шквал взрывов прекратился, и время продолжило свой ход. У меня перед глазами до сих пор стояли образы существ, их разрывающиеся тела были выжжены в моём зоре. В ушах до сих пор стоял отдалённый тошнотворный писк. Теперь источник этой мощной атаки предстал моим глазам. И я такую штуку уже видела раньше. Это был оживший постер из вербовочного пункта. Пони, с головы до хвоста облачённый в серую стальную броню. Могучий пережиток войны, "Стальной Рейнджер". Яркий фонарь на его лбу подсветил цель, и огромная пушка на правом боку чудовищного боевого седла снова открыла огонь.

Но последняя псевдо-богиня, пока жестоко убивали её сестер, успела завершить свой щит. И снаряды (которые, я теперь увидела, являлись выстреливаемыми с ужасающей скоростью металлическими яблоками, как те, что я использовала против дракона) взорвались об щит в то время, как та беззаботно стояла внутри. Огонь осветил её тёмно-синюю шерсть и болезненно-зелёные волосы, её глаза сверкали словно врата в ад.

Гранатомёт Стально Рейнджера снова остановился. И с левой стороны его боевого седла появилась большая коробка, из которой в направлении существа вылетели две ракеты, оставляя за собой дымный след.

Псевдо-богиня просто опустила голову, и её рог на мгновение осветился. В это самое мгновение обе ракеты полностью изменили курс. Стальной Рейнджер попытался сделать шаг назад, но не успел. Ракеты врезались прямо в нашего потенциального спасителя, взрывом отбросив его тяжёлое тело обратно вниз по склону. Несколько мин в траве заставили его полетать, пока его неподвижное и, казалось бы, безжизненное тело не остановилось рядом с хижинкой ниже.

Вес Вельвет навалился на меня. Мы ждали, когда Стальной Рейнджер поднимется, и весь мир, казалось, ждал вместе с нами. Когда после долгих мгновений он всё ещё не пошевелился, псевдо-богиня шагнула вперёд по отношению к нему. Я слышала её смех, хоть мои уши всё ещё ничего не слышали кроме ужасного звона. В глубине моего сознания я поняла, что была права насчёт телепатии у псевдо-богинь.

— Узрите, как пал так называемый "Могучий Охотник на Аликорнов"! — промурлыкал в моей голове величественный и жестокий голос псевдо-богини. — Богиня будет очень довольна.

Две пули ударились о щит псевдо-богини, вызвав лишь пару искр из него. Хромой и окровавленный после бури огня и осколков Каламити шагнул вперёд. Я видела, как его рот двигается. Несомненно, он говорил что-то ехидное и остроумное.

Псевдо-богиня (или аликорн, как она сама себя назвала) обернулась и насмешливо фыркнула.

Каламити ещё раз выстрелил, вызвав не больший эффект, чем в прошлый раз.

Я потянула задними ногами, пытаясь сказать Вельвет Ремеди, чтобы она слезла с меня, но она не послушалась. Её тело представляло собой тёплый, неподвижный груз. Я осознала, что её заклинание щита прекратило действовать, и меня охватила паника. Ставив её с себя, я поднялась и обнаружила, что моя прекрасная спутница была без сознания, а её шерстка была изодрана шрапнелью и сильно кровоточила. Мой рог засветился, я открыла одну из её коробок с медикаментами и стала вытаскивать все припасы, что у нас оставались. Моё сердце вскричало от отчаяния при виде того, как мало их было. Возможно, я тоже вскрикнула, но не услышала этого.

Я распахнула другую, надеясь на большее, но всё, что осталось во второй медицинской коробке — это её платье, бутылка с Баком и...

...Праздничные Минталки!

Голос в моей голове кричал. Вельвет Ремеди рассчитывала на меня, она умрёт, если я не смогу ей помочь. Мне нужно быть умнее прямо сейчас! Я должна быть лучше прямо сейчас! Мне необходимы эти Минталки!

Маленький шар памяти выкатился и упал в траву, когда я левитацией вынула банку Праздничных Минталок из её седельных коробок и притянула к себе. Желание принять несколько за раз ударило меня, и я должна была заставить себя взять только одну. Одной должно было быть...

Мир стал выглядеть гораздо ярче, чётче и яснее. Я ощущала каждую дождевую каплю, упавшую на меня. Каждую болячку, каждую кровоточащую рану на моём теле. Мой разум помчался по цепочкам мыслей.

Всё вокруг нас снова озарилось ослепительной вспышкой, на этот раз наполнив воздух удушливым смрадом озона — аликорн призвала из грозовых облаков молнию и сбила ею Каламити. Я повернулась, вскрикивая, но не испустила ни звука. Или испустила, но не услышала.

Каламити бился в конвульсиях на земле. Он не был мёртв, даже не потерял сознания, но совершенно не в состоянии продолжать бой. Судя по её виду, аликорну было всё равно. На её лице отобразилась злобная, холодная улыбка, а вокруг головы загорелись частицы розовато-фиолетового света, увеличиваясь в размерах и принимая форму магических стрел.

Я попыталась подняться на ноги, но они отказывались слушаться. На меня накатила волна валящей тошноты. Я знала, что тоже страдала от потери крови, а звон в ушах лишил меня чувства равновесия. Но я также знала, что жизни Каламити и Вельвет висели на волоске. Я тоже могла умереть, но умерла бы, спасая их.

И только из-за Минталок я знала, как и что я должна была сделать.

Мой телекинез всё ещё подчинялся мне, даже когда тело уже нет. Нацелив на аликорную снайперскую винтовку, я левитировала шар памяти к ней, так, чтобы он подлетел сбоку. Я чувствовала угрызения совести, рискуя тем, что настолько дорого Вельвет.

Псевдо-богиня повернулась, уловив движение уголком глаза. Она отреагировала, прежде чем узнала объект. Подумав, что это наверняка граната, она сосредоточила на шарике свою магию, планируя швырнуть его назад в меня.

Шар памяти слабо осветился, когда псевдо-богиня сфокусировала на нём свою магию. Её глаза расширились, щит испарился. Аликорн затерялась внутри чужой памяти.

Отдавшись во власть З.П.С., я прицелилась в голову и нажала на спуск.

* * *

— Нет! — сказала жёстко Вельвет Ремеди, её голос звучал как будто издали из-за жужжания в ушах. Она левитировала банку Праздничных Минталок от меня, прежде чем я успела взять ещё одну. Я бы использовала уже две — одну перед тем, как убить аликорна, вторую чтобы предотвратить ужасную депрессию, что, я знала, нахлынет, когда действие первой закончится.

— Но...! — Я попыталась придумать что-то, на что Вельвет Ремеди купилась бы. Сейчас я была поразительна; могла убедить кого угодно в чём угодно. — Хотя бы позволь мне их носить с собой. Вдруг пригодятся.

И при всём этом я почему-то не могла уговорить самую прекрасную кобылу в пустошах разрешить мне оставить у себя жестянку с лекарствами.

Я дала Вельвет Ремеди последнее лечебное зелье. Казалось, волшебный напиток залечивал её раны ужасно медленно. Теперь в её распоряжении на меня с Каламити остались лишь целебные бинты. Нам катастрофически не хватало припасов. Она всё ещё была слаба от потери крови и стояла с трудом. Для лечения ноги Каламити требовалась медицинская шина; Вельвет Ремеди не хотела рисковать, залечивая её заклинанием, до того как нога встала на место. Более того, он нуждался в длительном постельном режиме, чтобы оправиться после удара молнией.

А ведь был и ещё один.

Мне пришлось отодвинуть Вельвет Ремеди, прежде чем приблизиться к неподвижной бронированной фигуре рядом с хижинкой ниже. Используя левитацию, я могла безопасно перелететь через минное поле, Вельвет же не могла.

Связав слова, сказанные аликорном, и метку, данную ПипБаком сараю, не надо было находиться под эффектом Праздничных минталок, чтобы сообразить, что передо мной был СтилХувз.

Великий охотник на аликорнов... Это означало, что были ещё псевдо-богини, возможно очень много. Сама эта мысль пугала. СтилХувз уничтожил двух из них сочетанием элемента неожиданности и эпической огневой мощи. Было большой удачей, что я убила третью, прежде чем она убила нас всех. В прошлый раз мне потребовался товарный вагон. Эти существа не были непобедимыми, но они были могущественны, и их было очень сложно убить.

Металлический жеребец (по крайней мере, я так предполагала, основываясь на форме брони) не сдвинулся с места после боя. Я присела около павшего Рейнджера (при этом несколько бинтов на мне съехали, отваливаясь и открывая раны с сочащейся из них кровью). Вблизи броня выглядела ещё более внушительно. В неё была встроена собственная фильтрация воздуха, полная система жизнеобеспечения, даже механизированная система ввода медикаментов. Повреждения, нанесённые ракетами, выглядели намного меньшими, чем им стоило быть. Тем не менее, броня серьёзно прогнулась в точке поражения, жестоко сдавливая пони внутри.

Я попыталась найти способ снять шлем. Если таковой и был, то он был хорошо скрыт. Зато я нашла порт, с помощью которого мой ПипБак мог бы взаимодействовать с заклиниванием матрицы шлема. Я достала из рабочего комбинезона требуемый инструмент, уже подозревая, что у шлема были свои эквиваленты Л.У.М. и З.П.С., если не нечто большее. Кто бы ни разработал эту броню, он явно шёл нога в ногу со СтойлТек.

— Не делай этого. — Низкий, бурчащий, исключительно мужской голос раздался из шлема.

Я отскочила в испуге. Пони внутри был ещё жив! Под уверенностью, данной мне Праздничной Минталкой, я подошла, стараясь успокоить его.

— Я специализированный Стойл-Тек ПипБак техник. — Я солгала, но только немного. — Я уверена, что могу помочь.

— Нет. Ты не можешь. — Голос говорил, но тело всё ещё не двигалось. Шлем даже не повернулся, чтобы посмотреть на меня. — Моя броня получила сокрушительный удар. Всё офф-лайн. Медицина, авторемонт... вся матрица заклинаний разбита.

Я присела на корточки, вздрогнув от нескольких разрядов острой боли, стегнувших меня по бокам:

— А ты можешь...

— Без магической энергии я не могу даже пошевелиться. Я умру здесь. Я действительно уже мертв. — Низкий голос в доспехах звучал так, будто он уже смирился с этой идеей. — Но я забрал их с собой. И, если я не ошибаюсь, я спас Обитателя Стойла. Весьма неплохо для последнего деяния.

Я опешила. Моя раздутая репутация. Мне было очень неудобно, это было неправильно, чтобы другие пони рисковали своей жизнью ради меня, думая, что я что-то особенное.

Я уставилась на Стального Рейнджера, хоть и не мёртвого, но парализованного. Если у брони не было питания, взлом ни к чему хорошему не привёл бы. Я посмотрела на Вельвет Ремеди, думая, что лучше бы потратила немного времени на то, чтобы узнать у неё немного о лечении, чем просто полагаться на её навыки. Мне пришло в голову поднять её над минным полем.

Повернувшись назад к бронированному пони,

— Хорошо... СтилХувз, верно?

— Откуда ты... А, конечно.

Конечно что? Стряхивая путаницу, я продолжила:

— Я перенесу нашего медика. — Не говоря ни слова более, я повернулась и сосредоточила свою магию на Вельвет Ремеди. Она была шокирована, когда взлетела и поплыла к нам.

— Литлпип, поставь меня на землю!

— Минное поле, — сказала я просто.

— Хорошо, донеси меня, но потом поставь.

Секунду спустя Вельвет присоединилась к нам. Она элегантно мне усмехнулась и повернулась, чтобы осмотреть бронированного охотника. Сообщая ей всё, что он мне рассказал, я вспомнила плакат на стене клиники Канди: "Чтоб стать героем, вовсе не нужно быть Стальным Рейнджером! Присоединяйтесь к Министерству Мира!" Уверенная, что Вельвет тоже должна быть с ним знакома, я посмотрела на неё, интересуясь, вспомнила ли она его тоже.

* * *

— Не стоит беспокоиться, — настаивал СтилХувз, — Ничего не поделаешь. Я своё уже отскакал...

— Ерунда, — заржала Вельвет Ремеди, развешивая нездоровый пессимизм Стальной Рейнджер. — Нам надо просто сейчас вынуть тебя из...

— Нет, — просипел низкий голос снова.

— Прошу прощения? — спросила удивлённая Вельвет. Она в течении нескольких минут изучила броню, и теперь выглядела все более обеспокоенно. — Даже если броня и защитила тебя от ожогов и порезов, ты получил сильный удар. Внутренние повреждения могут... — И с этими словами она обернула броню мягким магическим сиянием.

— Не снимайте мою броню.

Вельвет пронила:

— Ну хватит уже, только что с Каламити так же было. Я не смогу тебя лечить, если не смогу тебя видеть.

— Если вы снимите мою броню, я умру.

Я моргнула, глядя на него и раскрыв рот, рассматривая огромную вмятину, вошедшую в его бок. И хоть я и не обладала врачебной проницательностью Вельвет Ремеди, но могла догадаться, что его броня — это единственное, что ещё держало его вместе.

Вельвет отошла, отменяя заклинание.

— Видно, это недоработка дизайна.

— Броня предназначена, чтобы держать меня в живых, — сказал СтилХувз. — Откройте броню над моим левым боком.

Вельвет Ремеди так и сделала. Она открыла систему для применения лекарственных средств и лечебных зелий: всё от Бака до...

— Некоторые из этих препаратов я даже не знаю, — Вельвет сказала в удивлении.

— В броне есть медицинские чары. Если бы они работали, я бы уже был полностью исцелён.

Я всё ещё изучала систему впрыска наркотиков.

— Тут нет системы подачи Празд...

— Литлпип! — Вельвет Ремеди рывкнула на меня, заставив умолкнуть.

Испугавшись, я отступила назад. Я прогнала мысли о наркотиках и сосредоточилась на разрушенном заклинании матрицы брони СтилХувза. Если бы это был ПипБак, я бы могла легко...

— погоди, — выпалила я, уже зная, что делать.

Вельвет глянула на меня.

— Липлип... — шикнула она. Я не могла её винить. С моего последнего наблюдения прошло лишь около секунды. Она не осознавала быстроту моего нынешнего мышления. (Иначе она не отобрала бы так быстро мои Праздничные Минталки.)

— Нет, я знаю, как его починить! Я могу возобновить питание брони и перезагрузить матрицу заклинаний, — выпалила я. — Разработчик брони включил в неё и техномагическую технологию Стойл-тек. Так что всё это не так уж и отличается от починки ПипБака.

Выражение Вельвет смягчилось.

— Ну, тогда действуй. — Она улыбнулась, отойдя с моего пути, стараясь не приближаться к минному полю.

Я подбежала ближе и вдруг провалилась обратно в реальность. Осознание своей ошибки смешалось с тяжёлой депрессией из-за прекращения действия Минталок. Один момент — и я глупа, невежественна и тупа.

— Я... Я не могу, — застонала я.

— Но ты же сказала...

— У меня нет инструментов. — Хотелось заплакать. Стальной Рейнджер мог умереть, заключённым в свою броню из-за того, что я не была сертифицированным ПипБак-техником Стойл-Тек. Мой походный набор инструментов не включал в себя мастер-ключ матрицы заклинаний. И с неохотой, но пришлось всё это признать.

Вельвет Ремеди подошла ко мне, слегка покачиваясь, всё ещё слабая из-за потери крови. Она приобняла меня своим хвостом, зашептав утешительно мне на ухо.

— Мастер-ключ матрицы заклинаний? — Голос СтилХувза прозвучал скорее с надеждой, чем с отрешением. — Его можно найти в Стойле Двадцать Девять.

Мы шли в другое Стойло. Я содрогнулась при этой мысли. И это, я полагала, скорее из-за опасения, чем из-за физической слабости — раны мои Вельвет Ремеди уже вылечила.

Каламити прихромал ко мне.

— Помни, Литлпип, это не твоё Стойло. — Я кивнула. Я всё ещё была во власти пост-ПрМ депрессии. Я знала, что я не в состоянии сделать это, но СтилХувз нуждался в помощи, и мы обязаны ему.

— Я передумал, — запротестовал Стальной Рейнджер. — Я не могу позволить вам идти в Стойло ради меня. — Его чувство надежды быстро сменилось упрямым благородством, которое я поняла и отринула. И я была не одна такая.

— Да? Ну что ж, идите сюда и остановите нас, — предложила Вельвет. Потом добавила: — Ах да, вы же не можете.

— Не умеете обращаться вы с больными, — заявил голос изнутри брони.

Я посмотрела на нас троих. Мы были не в состоянии путешествовать в неизвестную и, вероятно, враждебную территорию. Каждый из нас едва мог стоять.

— Я не скажу вам, где вход, — сказал СтилХувз, пытаясь нас отговорить.

Каламити заржал:

— Случаем не люк, с надписью "Стойло Двадцать Девять"? Возле вагонной стоянки Фетлок? — СтилХувз многозначительно промолчал. Каламити наклонился ко мне и прошептал: — А Вельвет Ремеди думала, что под тем фургончиком ничё интересного нет.

Путь до Стойла занял у нас гораздо больше времени, чем я помнила. Мы двигались осторожно, избегая красных точек на компасе моего Л.У.М.а. Прямо сейчас я чувствовала, что несколько радтараканов могли бы нас прикончить.

Каламити завис в воздухе, не нагружая свою больную ногу. Он взглянул на пассажирский фургон и неуместно бодро заявил:

— Что ж, надеюсь твоё заклинание левитации вновь готово впечатлять, Литлпип. Если ток мы по пути не нашли потоковый регулятор, а мне никто не сказал, то сдвигать эт штуку предстоит тебе.

Я прилегла. Мне требовалось полностью сфокусироваться на пассажирском фургоне (Дилижансы "Небесный Бандит" — отметила я про себя), а это значило, что не стоило тратить силы на поддержание вертикального положения. Я сконцентрировалась на фургоне, и мой рог окружило свечение. Магическая энергия окутала фургон. Я поднажала, направив всю силу на то, чтобы его сдвинуть. Мой рог вспыхнул. Вокруг него образовался слой сияния. Фургон начал со скрипом пошатываться. У меня на лбу проступил пот. Мне стало трудно дышать. Где-то вдалеке за меня волновалась Вельвет Ремеди, но я не обращала на это внимания. Второй слой сияния сформировался вокруг моего рога, и фургон подняло на пару метров над землей, а затем сдвинуло на тротуар.

Я мягко его опустила, затем обессиленно рухнула. Я увидела крышку люка. Ура. Теперь спать.

— Как долго я была в отключке? — спросила я в ужасе.

— Достаточно долго, чтобы получить столь необходимый тебе сон, — успокаивала Вельвет. — Я и сама немного подремала.

Мы находились в коротком служебном туннеле. В одном конце была дверь, ведущая в другие служебные туннели, вьющиеся под всем Фетлоком. В другом же конце три ступеньки вели к массивной двери Стойла Двадцать Девять. Каламити стоял на трёх копытах (поджав большую ногу), уставившись на панель управления.

— Ну и дела, — объявил он. Судя по всему, Стойло Двадцать Девять так никогда и не открылось. А без запасного кода мы вряд ли смогли бы зайти. Тем не менее, я пошла работать над этим. Моё мышление всё ещё было каким-то вялым, и поначалу я подумывала пожевать минталку (даже не-Праздничная подошла бы), но не хотела, чтобы Вельвет Ремеди или Каламити считали, что я зависела от них. Я ведь не зависела. Они просто делали меня лучше.

После вторжения в систему управления и тщательного зондирования я нашла кое-что интересное.

— Я думаю... я нашла чёрный ход.

— Где? — Каламити спросил, глядя на люк. — Эт далеко?

Я покачала головой.

— Нет. Я имею ввиду, в систему. Требуется ключ из трёх частей для обхода защиты.

— Что за ключ? — спросила Вельвет Ремеди с сомнением.

— Распознавание голоса. Требуется три разных голоса, — сообщила я им. Затем, прежде чем кто-либо отметил тот факт, что, по случайному совпадению, нас трое, я объяснила: — Это должны быть голоса трёх определённых пони. Не важно, что они говорят, важно, кто говорит.

Это был весьма интересный обходной манёвр. Интересно, что же могло потребовать такую его реализацию? Что, если во всех Стойлах была такая же дыра в системе безопасности?

— Чьи три голоса?

Я думала, проклиная насколько медлителен мой мозг.

— Я... гм... — И тут я вспомнила код из Стойл номер два. СМСЗВФФ. — Думаю, я знаю.

Первый голос отнял больше всего времени просто потому, что у меня не было готовой его записи. Из-за этого нам пришлось сидеть и прослушивать все композиции радиопередачи диджея ПонЗ. В первый и единственный раз я была по-настоящему рада краткости плейлиста его передачи.

"Всем добрый вечер! С вами ваш скромный ведущий, властитель радиоволн, диджей ПонЗ. Настало время для моей передачи. Начнём с новостей! Похоже, что наш рыцарь пустошей из Стойла Два оказался спасителем без предрассудков. Согласно отчётам, она и её товарищи спасли кучу рейдеров в Разбитом Копыте от порабощения и истребления напавшей армией работоторговцев. А затем, вот вам и глазурь на кексик, она убила дракона!"

Луна побери! Ну почему он никогда не говорил "Каламити и его товарищи"? Или "Вельвет Ремеди и её окружение"?

"Сомнительно это всё, конечно. Спасать рейдеров? Нет, всё-таки некоторые твари заслуживают порабощения."

Прекрасно.

"Также в новостях: Поступило ещё одно сообщение о нападении адских гончих на путников на пустыре между Мэйнхэттеном и Филлидельфией. Честное слово, пони, если вам придётся путешествовать тем путём, убедитесь, что ваш конвой вооружён до зубов, иначе даже не суйтесь. Это были советы по выживанию от диджея ПонЗ. Настройтесь на дополнительные советы из этой серии, в том числе "Гранаты — это не еда" и "Рейдеры не хотят быть твоими друзьями". Итак, далее у нас Свити Белль и её песня "Тёмные дни подошли к концу!..."

Я подскочила.

— Ну, поехали!

Вернувшись к панели управления, я скормила заклинанию распознавания голоса первые строчки песни, про себя отметив необходимость записи песни на случай, если нам крайне не повезёт входить в Стойло в третий раз.

За песней последовали два фрагмента записей:

"Запасной код открытия двери Стойла номер два... СМСЗВФФ."

"Привет! Меня зовут Скуталу. Наверное, вы помните меня (я ведь довольно известна) по моим шикарным выступлениям, например, на прошлогоднем Галоп-Конне. Или узнали во мне основательницу 'Алого Скакуна!'"

С могучим шипением и драконовым стоном дверь Стойла номер двадцать девять начала двигаться.

Я повернулась и увидела Вельвет Ремеди, подходящей мимо меня к двери. Великолепная кобыла надела красивейшее платье и причесала гриву. Я глянула на Каламити, но тот лишь пожал плечами.

— Эмм... Вельвет?

Платье скрыло большую часть её повязок.

— Мы встречаем пони другого Стойла впервые. Нам надо произвести хорошее впечатление, — сказала она аристократически. — Особенно, если у них никогда раньше не было посетителей снаружи. Нам надо выглядеть как дипломаты. — Не поворачивая головы, она одним глазом посмотрела на меня. — Если бы вы оба пошли первыми, мы бы выглядели как оккупанты.

Массивная металлическая дверь откатилась, и Вельвет Ремеди шагнула в Стойло Двадцать Девять царственно и без колебаний. Каламити прихромал ко мне, пока я смотрела, как она исчезает внутри.

— А в ней что-то есть. Да?

— Да... — сказала я, ощущая себя слегка онемевшей. Я мельком взглянула на Каламити, глазевшего через дверь на Вельвет.

— ... она... — вторая попытка.

Каламити не смотрел на Вельвет Ремеди, он пялился на неё. Что-то щёлкнуло в моей голове.

— ... нет!

Нет, это просто... нет.

— Нет? — спросил он в растерянности, не спуская глаз с её бёдер.

Я запнулась, приходя в себя.

— Нет, не нет. В смысле... да. Да, это так. Она... — Моя.

Проклятье!

* * *

Это было несправедливо.

Я любила Вельвет Ремеди. Ещё задолго, как Каламити вообще встретил её. Да, я знала, что у меня не было шансов с ней. Она была... Ей! А я была просто... мной. И я знала всё о дверях амбара.

Но... Арргх!

Я взяла ментальный образ Каламити, успешно, в отличие от меня, ухаживающего за Вельвет, и забросила его в глубокую тёмную яму. Потом её зарыла. Построила на ней дом и поселилась в нём.

Вместо этих мыслей я сфокусировалась на нетронуте чистом, но чрезвычайно мрачном интерьере Стойла Двадцать Девять. На первый взгляд оно казалось отлично сохранившимся. Однако возглас Вельвет Ремеди разрушил эту иллюзию.

Вельвет попятилась от остатков скелета с раздробленной серединой, болтавшихся над частью дверного механизма.

Вельвет пошатнулась, почти готовая упасть в обморок. Я поморщилась, глядя на то, как Каламити бросился её поддержать. Начало вышло весьма зловещим.

Две металлические двери давали нам два варианта: Техобслуживание или Атриум. На моём Л.У.М.е не было никаких красных меток. Да на нём вообще ничего не было, кроме пары моих компаньонов. В этом Стойле жизни не было. По крайней мере, в пределах зоны действия моего локатора. В Стойле царил полнейшая тишина, за исключением незатихающего высокого гудения освещения и лёгкого гула генераторов.

— Это местечко — могильник, — произнёс Каламити.

Техобслуживание привело бы нас прямо к кабинету ПипБак техника. Но Атриум привёл бы нас к клинике, а мы отчаянно нуждались в медикаментах. На всякий случай, если что-то скрывается в Стойле номер двадцать девять, нам обязательно были бы нужны медикаменты, прежде чем предпринимать какие-либо скитания по Стойлу. Я поделилась своими мыслями с Вельвет и Каламити, и они оба согласились со мной. Каламити морщился каждый раз, когда копыто его раненой ноги касалось пола.

Я сделала шаг вперёд, и дверь в Атриум скользнула вверх. Едва шагнув внутрь, я встретила взглядом скелеты ещё по крайней мере трёх дюжин пони. Все они были разбросаны по комнате, но большинство собралось прямо у моих копыт. Пришлось использовать телекинез для расчистки пути от костей "счастливиц", успевших оказаться в Стойле до мегааклинания, разрушившего Мэйнхэттен. Я почувствовала гнев, сверлящий мне затылок. Однако я напомнила себе, что это не моё Стойло.

В Атриуме также было много другого мусора. Бутылки пива, виски, скотча и вина, многие из них пустые, и многие разбиты. Платья и костюмы джентльмэны сгнили и распались. Далеко в глубине помещения была звуковая система, изрешечённая пулями.

— Вы думаете, они...? — раздался глос Вельвет и затих. Она смотрела на то, что было позади нас, как раз над дверью, через которую мы прошли. Там на стене были установлены две турели. Они функционировали, но, похоже, не отслеживали нас. Мой Л.У.М. утверждал, что они не враждебны. Но, судя по комнате, такими они были не всегда.

Я взглянула вверх, на окно офиса Смотрительницы, однако такового не имелось. На месте окна была пустая стена без каких-либо особенностей. Лестничная клетка, которая должна была вести к отделу безопасности и офису Смотрительницы, присутствовала, но была подписана просто: Отдел безопасности.

Я ощутила себя иррационально расстроенной из-за некорректности планировки Стойла. Снова.

Я услышала, как позади меня Каламити шептал Вельвет:

— У неё раньше была плохая реакция на предыдущее Стойло. — Неужели я была так очевидна? — Надо б присмотреть за ней.

Прекрасно. Теперь они собираются быть моими родителями. Арргх!

— Ладно, кажется, непосредственной опасности нету, потому предлагаю разделиться, чтобы сэкономить время. Вельвет, почему бы тебе не наведаться в клинику? Это безопасно, я видела клинику через окно Атриума. А мы с Каламити направимся в техобслуживание.

Вельвет Ремеди заявила:

— Нет. Каламити должен остаться со мной.

Я с трудом сдерживалась, чтобы не топнуть.

А Вельвет продолжала:

— Я бы хотела подправить его ногу как можно скорее. Я могу использовать магию для правильного сращивания костей, как только они встанут на место.

"Хорошо", проворчала я мысленно. Затем, звуча как можно приятнее:

— Конечно. Без проблем. Мне не требуется помощь, чтобы найти кабинет ПипБак техника. — Если только все остальные части Стойла не раскиданы согласно странному плану. — Я вернусь прежде, чем вы закончите.

Я побежала рысью через дверь позади. Вельвет Ремеди остановила меня тихим голосом:

— Литлпип? Ты в порядке?

Я помахала копытом.

— О, да. Я просто... кажется немного истощена. Потеря крови, знаете ли. — Я состряпала добрую улыбку. Вельвет выглядела так, будто пыталась в это поверить. — Хорошо. Я немного удивлена. Но я счастлива. Это хорошо, что оба моих друга нравятся друг другу.

Каламити кашлянул.

— Чтооо? — заржал он. — Да она ж самодовольная самовлюблённая элитистка, которая скорее будет лечить врагов, чем стрелять в них.

Вельвет наградила его сердитым взглядом.

— А он импульсивный хулиган, который думает, что может исправить Пустоши, утопив их в крови.

О, Богиня! Разве они могли показать это ещё более очевидно?

Я ушла, прежде чем закричала.

* * *

Я провела оставшуюся часть пути вниз через Служебные помещения Стойла, постоянно напоминая себе, что на самом деле хорошо, что мои друзья ладили, что ревновать глупо, когда у меня не было шансов быть с ней, и что, если я хочу сохранить их дружбу, мне лучше похоронить эти чувства в той же тёмной яме.

Я задалась вопросом, как долго это продолжается уже? Началось ли это недавно? Раньше не было признаков или я забыла их? Или я просто не хотела их замечать?

Вот из-за этого "их замечать" в моём мозгу нарисовалась совершенно нежелательная сцена с Вельвет и Каламити, которая тут же была порвана и выжжена из памяти. Будет трудно.

Знаешь, что легко помогло бы порадоваться за них? Маленькая пони в моей голове помахала мне баночкой. Нахрен эту маленькую

пони. Я просто хотела упиваться своими мыслями немного дольше.

На компасе моего Л.У.М. появилась цель. Она не была враждебной. Один из них пришёл сюда за мной? Если да, то как они оказались впереди меня?

Мгновение спустя обслуживающий бот завис у одной из стен. Его многочисленные конечности подскочили и начали очищать её. Не удивительно, что это место выглядело чистым. Я почувствовала искру досады, что в Стойле номер два не было роботов для мытья стен. Мне приходилось мыть стены моего Стойла вкопытную.

Робот направился чистить в мою сторону. Я решила убраться с его пути, скрывшись в отсеке робототехника. Вся та комната была заполнена обслуживающими ботами различной степени разобранности. Тут хватало инструмента для пополнения мастерской Каламити, и я приступила к наполнению сумок.

Офис, прилегающий к этому помещению, был весь чёрный, полностью сожжён. Я нашла обугленные скелеты двух пони и частично демонтированного медицинского бота. Судя по всему, кто-то допустил фатальную ошибку во время работы с ним, заставив санитарный огнёт взбеситься.

Обслуживающий бот прошёл мимо в холл.

В задней части сожжённого офиса был сейф. Краска вокруг него пузырилась и шелушилась. Сам же сейф от огня не пострадал. Я достала свои отвёртку с заколкой, но обнаружила, что сейф не был заперт. Уже в плохом настроении, я чувствовала себя обманутой.

Внутри была фляжка яблочного виски, мешочек двухсотлетних (деликатес из старых времён) медовых леденцов, банка (к сожалению, нормальных) Минталок, несколько папок для бумаг техобслуживания и аудиозаписи. Отложив бумаги, я скачала записи на мой ПипБак и начала их слушать.

"Говорит Мендер, это отчёт о ходе диагностики бытового робота-помощника, принадлежащего Кэнику. Наковыряние в его программных кодах ушла вся ночь, хотелось успеть с отчётом до похорон.

Из того, что я могу сказать, похоже, что робот пострадал при получении автоматического обновления его подпрограмм Стойл-Тек. Это действительно единственное объяснение, которое у меня есть, после того, как он подал Кэнику чашку с дымящимся горячим промышленным растворителем вместо кофе.

Все те пони, пустившие слух, что старик Кэник собирался упиться вусмерть, сейчас возможно сильно жалеют о своих словах. Или должны жалеть. Я видел беднягу до того, как его кремировали — весь рот и горло были полностью прожжены растворителем. У меня потом несколько дней кошмары были.

Я планирую поговорить с Шедоухорн сегодня, и я хочу, чтобы все домашние помощники были отключены, пока мы не проверим каждого из них. Конечно, это потребует много времени и сил.

Знаю, что продвигать свои идеи, используя гибель Кэника, меня недостойно, однако перед нами ещё одна причина того, почему, на мой взгляд, нам необходим представитель власти внутри стойла. Как пони из Стойл-тека могут рассчитывать на надлежащее управление Стойлом, если они не находятся здесь и не видят, что происходит?"

Это было неожиданно. И ужасно. Я пыталась избавиться мою голову от мысленного образа Кэника, концентрируя мысли на идее о Стойлах без Смотрительницы вообще. Стойлах, управляемых Стойл-Тек на расстоянии.

Отдел ПипБак техников находился как раз там, где ему положено. Обнаружив его, я испытала удивление и облегчение. Слегка раздражало лишь наличие сразу двух этих эмоций.

Мастер-ключ матрицы заклинаний был заперт в шкафу вместе с дюжиной других магических инструментов, к которым простые подмастерья, вроде меня, доступа не имели. Я вновь взялась за отвёртку и заколку.

Несколько минут спустя мой бронированный рабочий комбинезон был нагружен всем, что мне могло бы понадобиться для ремонта ПипБака повышенной сложности. И, в теории, всем необходимым для восстановления магического тока в броне СтилХувза. И, чисто на всякий случай, я прихватила с собой несколько спарк-батарей и небольшой проводник магического поля.

В кабинете главного Техника Стойла не хватало гамака, который так часто использовал по назначению мой наставник в Стойле Два. Я покачала головой, последний раз окидывая взглядом кабинку, перед тем как вернуться к моим друзьям. Среди вещей, раскиданных на столе Техника я заметила аудио-журнал.

Сидеть здесь и прослушивать журнал? Или рысью двигать назад, найти Вельвет Ремеди и Каламити. Вместе. Надеюсь, не целующихся. Лучше уж журнал.

"Этим утром Шедоухорн собрала нас на совещание. Вчера едва не случилось серьёзное происшествие. Этот дурень Бакбрайт подарил своему жеребёнку пневматическое ружьё на день рождения, а потом ещё привёл его на реакторный уровень попрактиковаться. О чём он только думал? Стрелок промахнулся мимо радтаракана, сделав небольшую пробоину в системе климат-контроля. Выяснилось, что также был задет водный талисман. Хорошо, что сейчас всё работает нормально, но ещё бы полдюйма и у всего Стойла были бы серьёзные проблемы.

Как глава отдела Техобслуживания, Шедоухорн представила целую серию новых протоколов по технике безопасности. Пока она не заверит их у Стойл-Тека, они останутся неофициальными, однако мы в любом случае будем им следовать. Если в Стойл-Теке кому-то не нравится, что кто-то раздаёт указания вместо него, что-ж, пусть прискачет сюда и заявит об этом."

Вельвет Ремеди толкнула ко мне три банки экстра-сильных зелий восстановления.

— Выпей их. Будешь в полном здравии через десять минут.

Я была в шоке.

— Не должны ли мы их сохранить, использовать экономно?

Вельвет Ремеди покачала головой. Она выглядела намного лучше. Она сняла платье и убрала бинты; её шкурка была в идеальном состоянии, шерсть выглядела целой и невредимой. Пара пакетов, обозначенных "Внутривенно", висела у неё на бёдрах, хирургическая трубка с полой иглой на конце спускалась от них к месту чуть ниже левого плеча.

— Не надо. Я уже собрала больше десятка, плюс много бинтов, несколько шин, пакеты крови и много чего ещё. Впервые у нас, определенно, море медикаментов. Я бы сказала, что эта клиника была подарком Богини, но знаю, что это не так.

Я подняла бровь и левитировала первое зелье к своим губам. Вельвет сунула мне аудиопроигрыватель.

— Я нашла это в то время, как... реквизировала запасы. — Я усмехнулась над её нежеланием называть это мародёрством или копанием в мусоре.

Я опустошила две баночки экстра-сильных зелий восстановления, а третью сунула в сумку. В мыслях всплыл образ Вельвет с

изодранной и окровавленной шкуркой. Я смогу стерпеть и лёгкую недолеченность, если этому будет сопутствовать запас зелий на случай необходимости.

Каламити тоже выглядел гораздо лучше. Он жаловался, что после заклинания починки Вельвет Ремеди в шине не было необходимости, но она настояла, чтобы он носил её по крайней мере ещё один день.

Я бродила по клинике, ища хорошее место, чтобы послушать записи. Я подозревала, что они содержат неприятную информацию. В записях, что мы находили в Пустошах, так редко было что-то хорошее. А в Стойлах тем более.

Я нашла химическую лабораторию в задней части клиники. На мгновение все мысли о записях вылетели у меня из головы. Глядя на препараты и расходные материалы, я поняла, что наряду с тем, что у меня уже есть, мне хватит ингредиентов, чтобы приготовить свои собственные Праздничные Минталки! Такая возможность... Я не могла сопротивляться. Это было бы глупо.

Едва приступив к работе, я вспомнила, зачем пришла сюда. Я запустила проигрыватель, дабы прослушать его запись, пока буду перемалывать обычные скучные Минталки в порошок.

"Ооо..."

Голос был настолько наполнен отчаянием, что я быстро выключила проигрыватель. Я не хотела этого слышать. Я сконцентрировалась на приготовлении в течение нескольких долгих минут, а проигрыватель просто лежал там на столе и злобно смотрел на меня. Наконец, в гневе, я включила его обратно.

"Как это вообще могло произойти?"

Мы с врачом только вышли на несколько минут. А когда мы вернулись, клиника оказалась запечатана, и была активирована система пожаротушения, заполняя всю клинику...

Нам потребовалось больше часа, чтобы открыть её снова. Мы пытались прорваться через окно, но оно было бронировано. Зачем они забронировали окно?! Пони внутри умерли от удушья. Лемонэрэйс была там только затем, чтобы ей сняли швы. Она планировала кьюти-праздник для её дочери в этот вечер и даже говорила со мной о том, какой лучше тортик заказать. Новый жеребёнок мистера и миссис Оранж был всё ещё в яслях клиники! О, Боже! Я думаю, они ещё даже не знают об этом!..."

Я выключила его снова. Моё сердце скручивалось в узлы от услышанного. Часть меня хотела плакать, часть хотела гнаться на что-то. Но не было ничего, на что я могла бы обратить свою ярость. Так что я направила её на кран, который отказался дать мне воды. Это было глупо, но зато я почувствовала себя лучше. Наконец (после того, как я добавила воды из своей фляги), я закончила перемешивание смеси и поставила её в печь.

Раздался звук пулемётного огня. Все мысли о журналах, Минталках и химии испарились, когда я услышала крик Вельвет Ремеди. Мои друзья были в беде!

Когда я повернулась, два красных пятна осветились на компасе моего Л.У.М.а. Турели стали враждебными. Примчавшись обратно в центральную клинику, я увидела прятавшихся за поваленной скамейкой Вельвет и Каламити. А снаружи две турели (над ныне закрытой дверью) усеивали пулями окно. Паутина трещин покрывала каждый его дюйм, бронированное стекло вот-вот готово поддаться.

Левитировав Малый Макинтош, я встала так, чтобы суметь мгновенно сбить обе цели, когда стекло рассыпется. У меня не было много защиты, но если бы я была быстрой и хоть немного везучей, она бы и не понадобилась.

Стекло развалилось звенящим каскадом. Я почувствовала, как первая пуля ударила мне в грудь, хоть и не пробив мою броню полностью, пока я активировала З.П.С. и прицеливалась сразу в обе турели. Вторая пуля прошла через переднюю ногу между ПипБаком и коленкой, когда я сделала первый выстрел. А затем и второй.

БЛАМ! БЛАМ!

Первая турель взорвалась. Пули второй турели двинулись по дуге от Каламити с Вельвет ко мне.

БЛАМ! БЛАМ!

Последняя пуля ударила меня в бок, с громким треском отрикошетив от рукоятки боевого дробовика, когда вторая турель взорвалась.

Я рухнула, внезапно осознав, что опять получила множество ранений, и у меня всё разрывается от боли. Но на этот раз я не беспокоилась об этом. Вельвет Ремеди и Каламити были совсем рядом, и мы находились в клинике. Если бы мне пришлось быть расстрелянной, я не могла бы придумать лучшего места или лучшей компании для этого.

Но как только я ударилась об пол, я через силу заставила себя подняться на копыта, игнорируя мои травмы. Хромая и истекая кровью, я попыталась приковылять в химическую лабораторию. Я должна была убедиться, что мои Праздничные Минталки не пережарились. Теперь, когда мои друзья были в безопасности, мой разум сосредоточился на том, что стало вторым, но всё ещё важным приоритетом.

Двери Атриума были закрыты и заперты. Мы были запечатаны внутри.

Этот факт был скорее осложнением, чем серьёзным основанием для беспокойства. Я знала, что смогу управлять любой дверью из Отдела безопасности. Однако пробираться к нему означало постоянно оказываться там, где охранные системы весьма рады пострелять когда им вздумается.

Я посмотрела на своих спутников. К настоящему времени я уже начала думать о нас как о опытных воинах пустоши (ну, по крайней мере, о себе и Каламити). Я не очень долго пробыла здесь, снаружи, но это время закаляло как огонь, если побывать в нём однажды. Несколько турелей не должны быть большой угрозой для убийцы драконов.

Я осеклась. Такие мысли были опасны. Последнее, что мне было нужно, так это самой поверить в то, что слышала по радио.

Вельвет Ремеди смотрела на меня печально. Думаю, я была достаточно быстра, хотя казалось, она начала подозревать о том, что же я делала в химической лаборатории. Она не спускала с меня глаз, её укоризненный взгляд жёг мою душу.

Каламити рассматривал что-то на стене. Сначала я предположила, что это был ещё один довоенный плакат. Он изучал его с тем же интересом, что и Вельвет Ремеди что-либо, связанное с Министерством Мира. Но когда я, немного прихрамывая из-за своей заштопанной и перевязанной ноги, подошла ближе, я увидела, что это была карта Стойла. Мои глаза проследовали вверх по лестнице к станции безопасности. Там находился арсенал. На том месте, где в нормальном Стойле были апартаменты Смотрительницы и её семьи, была серия номеров, помеченных как V.I.P. (особо важные пони). На месте же предполагаемого офиса Смотрительницы не было абсолютно ничего.

Я наморщила лоб.

— Я реально ненавижу эти Стойла.

Вельвет Ремеди осматривала скелеты, при этом держа меня в прямой видимости.

— Были... были ли другие Стойла, что вы нашли, тоже плохи?

— Хуже, — ответил Каламити.

Мы двинулись к лестнице, но задержались, проходя мимо доски объявлений. Я съёжилась, когда увидела, что через всю доску кто-то написал, по всей видимости, кровью "ПРЕКРАТИТЕ НАС УБИВАТЬ!!!"

— О небо, — прошептала Вельвет. К моему удивлению, она сорвала одно из объявлений, левитировав поближе, чтобы рассмотреть. Объявление висело между списком новых правил безопасности и заметкой о двух потерявшихся жеребятках, чьи улыбающиеся лица веками всматривались в атриум, полный трупов. Нижняя часть буквы "А" была нарисована на листе, который взяла Вельвет. Я уставилась на нее, задавшись вопросом, что, во имя Луны, может заинтересовать её больше, чем мольба о помощи, написанная собственной кровью умирающего пони.

Вельвет Ремеди повернула листовку так, чтобы мы с Каламити смогли её рассмотреть.

Празднование Третьего Месяца Выживания!

Сегодня вечером в Атриуме!

С 10 до 16 часов

Ведущая — почётный обитатель Стойла 29 — Винил Скретч.

(выпивка будет после двенадцати)

Каламити присвистнул, поправляя шляпу.

— Винил Скретч. Настоящая диджей Пон3... если верить тому, что говорят. Значитца, она всё-таки пережила взрыв жар-бомбы в Мейнхэттене.

Я метнула в Каламити взгляд, говоривший, что тому стоит пересмотреть своё определение слова "пережить".

Как же я ненавидела эти Стойла.

Остальные турели мало что могли противопоставить скрытности и Малому Макинтошу. Я перезарядила Мак, пока мы продвигались в Отдел безопасности. Я присела за терминал, постаравшись отнестись уважительно к скелету предыдущего его оператора, аккуратно левитировав его в угол к остальным. Вельвет начала читать над ними молитвы.

Каламити побежал в оружейную в тщетной надежде, что сможет открыть её без моих навыков. Убедившись, что всё-таки не сможет, он с разочарованным выражением отвернулся. Я подождала, пока он отойдёт от двери и легко взломала терминал. Он вскочил и, выстрелив в меня улыбкой, исчез внутри. Это была мелкая, но добродушная месть. Я всё ещё пахла морковью.

Вернувшись к терминалу, я обнаружила множество отчётов охраны. Наугад включила один из последних.

Запись №67:

"Это безумие!

Больше половины населения мертво. Сначала мы думали, что это было просто несколько страшных аварий, но сейчас ясно, что это было злонамеренно. Это как если сами Стойла обратились против нас! Вчера школа сама себя запечатала и плазмой продуло всё внутри. Двадцать три жеребчика и кобылки были убиты просто ужасно. Их тела буквально таяли. Мы слышали их крики! Мой племянник был в классе. Он только-только получил свою кьютимарку... Он собирался вырасти и стать художником!

Моя сестра не может перестать плакать. Она заперлась в комнате со всеми его фотографиями. Кто-то должен нести ответственность за это. Кто-то должен заплатить!"

Я вся дрожала. Но не от физической боли. Я дала команду терминалу, чтобы проиграть одну из более старых записей.

Запись №43:

"Шедоухорн скончалась вчера вечером от осложнений после удара током, когда она пыталась получить доступ к узлу безопасности, подключив свой ПипБак к панели. Это произошло так скоро после смерти Бакбрайта и его сына в той аварии с лифтом! Это Стойло - смертельная ловушка."

Я выбрала ещё одну.

Запись №72:

"Это Стойл-Тек. Это должен быть он! Сучары из Стойл-Тек заперли нас в своих маленьких чёртовых лабиринтах смерти и убивают. Теперь даже не одного за другим. Они нас убивают группами!

Какие садистские ублюдки могли такое сотворить?! Они убили детей!

Они что, не понимают, что мы единственный шанс пони на выживание? Эти Стойла должны спасти нас! Что за ублюдки могут играть в убийства с последними выжившими членами их же вида?

Мы даже не можем добраться до них. Всё это делается дистанционно."

Я выбрала следующую, игнорируя призыв Вельвет, чтобы я остановилась.

Запись №73:

"Ха. Ха. Шутите шутки над нами, не так ли? Мне приходит в голову, что то, что ударили мегазаклинания — тоже шутка. Мы считаем, что мир над нами был уничтожен. Потому что так сказали Стойл-Тек. И мы поверили. Но что, если это не так? Вся Эквестрия живёт своей повседневной жизнью в солнечном мире над нами, пока мы кричим, рыдаем и умираем здесь. И это всего лишь развлечение для каких-то больных, бездушных пони из Стойл-Тек.

Это единственное, что хотя бы имеет немного смысла во всем этом кошмаре."

Я потянулась к следующей записи, но Вельвет Ремеди уже физически меня остановила, оттащив от терминала.

— ЧТО?! — закричала я в чистой ярости, моё тело сотрясилось от дрожи, я чувствовала, что сейчас взорвусь.

— Литлпип, — сказала она, и я поняла, что она плачет. — Ты должна остановиться.

Каламити и Вельвет Ремеди послали меня искать последние две комнаты, V.I.P. комнаты, пока они выключали систему безопасности и открывали все двери. Это было хорошо. Они хотели, чтобы я отдышалась, успокоилась. Я хотела найти место подальше от них и начать разрушать всё, что попадётся на глаза.

Я была зла как никогда раньше, и я даже не могла выместить злость на источник моего гнева. Потому что они все мертвы. Мертвы десятилетия, столетия назад. Моё тело всё ещё трясло.

На баннере, что висел над дверью первой комнаты, было написано: "Винил Скретч". Это была её комната. Оригинальный, первый диджей Пон3. Я шагнула вперед, и дверь скользнула вверх.

Открывшаяся комната оставалась нетронутой с ночи вечеринки, проходившей через 3 месяца с того момента, как дверь Стойла Двадцать Девять запечаталась, поймав в ловушку пони, находившихся внутри.

Я ходила, осматриваясь. Стопки протоколов, вертушки, оборудование звукозаписи, место для еды и сна, отдельный туалет с ванной. Я могла бы выплеснуть свою ярость на этой комнате. С каким удовольствием я топтала бы оборудование и записи... Но я не могла этого сделать. Уничтожение вещей, которые были любимы жившими здесь (хоть и недолго) пони, не противопоставило бы меня против гнусных пони, которые создали это место, а скорее было бы продолжением их работы. Вместо этого я левитировала несколько записей к себе в сумку. Когда я вернусь к остальным, я отдам их Вельвет Ремеди, чтобы она положила эти записи к себе в одну из медицинских коробок. Там им не будут угрожать вражеские пули, я всё ещё помнила то яблоко.

В этом номере был сейф. Я колебалась. Я чувствовала, что это немного странно — взламывать сейф знаменитости, пусть даже и давно умершей. Но, глубоко вздохнув, я достала свои инструменты и принялась за работу. Внутри я обнаружила старую детскую игрушку, несколько фотографий в рамках и несколько плакатов. И ещё внутри оказалось четыре шара памяти. Первый, который попался мне на глаза, был подписан: "Последняя вечеринка Пинки Пай". Я сунула его в свою сумку и пошла в соседнюю комнату.

Вывеска над дверью гласила: "Шедоухорн".

Кобыла, заведовавшая техобслуживанием, была V.I.P. Стойла? Даже несмотря на мою едва сдерживаемую ярость, испытываемую к Стойл-Тек, компании, ненависть к которой невозможно было описать словами, какая-то часть меня осознавала, что здесь что-то было не так.

Дверь передо мной скользнула вверх, и я вошла. В этой комнате царил большой бардак. Повсюду валялись детали и металлолом. Стол был завален незаконченными проектами. К стене были приколоты чертежи различных систем Стойла. Один из них был содран, представив взору встроенный сейф. Я вновь принялась за работу. В сейфе обнаружилась ещё одна аудиозапись. Она выглядела неожиданно похожей на запись из кабинета Смотрителя.

Мне нужно было услышать это сообщение. Но часть моего разума кричала не делать этого. Я проигнорировала этот голос и включила проигрыватель. Раздался знакомый твердый, но уставший и наполненный грустью голос. Кобыла, похоже, читала сценарий, который уже успела возненавидеть.

"Привет, Шедоухорн! Следующая далее информация предназначена лишь для ваших ушей. Я обращаюсь к вам, потому что вы, ввиду преданности и чувства долга по отношению к нашей компании и окружающим вас пони, были выбраны для выполнения очень важного задания.

Меня зовут Скуталу. Вы наверняка меня знаете по... а, какая разница. Как меня это достало...

...Попробуем ещё раз...

Привет, меня зовут Скуталу, и я вице-президент Стойл-тек. Если вы слушаете эту запись, значит Протоколы Угрозы Категории Омега были активированы, и все граждане Эквестрии, выбранные для Стойла Двадцать Девять, были укрыты в самом высокотехнологичном сооружении для переживания апокалипсиса из когда-либо созданных.

Мне очень жаль. Я хотела бы, чтобы мы могли ещё как-нибудь помочь.

Чёрт, я бы хотела, чтобы всё это удалось предотвратить...

...Но вместо этого наша задача — спасти всех, кого можем, и постараться, чтобы такого больше никогда не повторилось.

Для этой цели ваше Стойло было выбрано для участия в важном социальном проекте. Главной целью Стойла Двадцать Девять, как и любого другого, является спасение жизней пони внутри него. Но...

...Но у вашего Стойла назначение более важное, важнее спасения отдельных пони. Мы в Стойл-Тек понимаем, что нет смысла спасаться сейчас, лишь чтобы уничтожить друг друга потом. Мы должны разобраться, где мы сбились с пути. Мы должны найти лучший путь. И мы должны быть готовы встать на него, как только откроются двери Стойл. И продолжить существование в том, во что наши лидеры превратили Эквестрию...

...Чёрт. Как же мы до такого дошли? Проклятье, проклятье, проклятье!...

Мы... Наверное, мы дошли до такого... может быть... потому что мы пони. Мы пытаемся сделать как лучше. У нас наилучшие намерения. Но, когда что-то идет не так, мы впадаем в смятение, в замешательство. Или огорчаемся. Или злимся. Наша способность принимать мудрые решения ослабляется тогда, когда она нам больше всего нужна.

Плохие решения, эмоциональные решения... они затащили нас в никому не нужную войну. Они поставили нас на грань вымирания... и, раз вы это слушаете...

...за пределами...

... да катись оно всё пропадом. Катись мы все пропадом.

...

Извиняюсь. Я ненавижу всё это. Так хотелось бы, чтобы мир был как во времена моего детства. Но желания остаются желаниями.

...проклятье. Не могу ни одно записать так, чтобы не занесло. Уверена, вы интересуетесь, какое это вообще к вам имеет отношение? Зачем я вам это говорю? Не волнуйтесь, смысл все-таки есть; это не просто тирада какой-то пони из Стойл-тек, которая... уже мертва... не так ли?

...

У Вашего Стойла исключительный дизайн. Вопреки официальным документам, у этого Стойла нет абсолютно никакой линии связи со Стойл-тек. Вместо этого, в качестве замены обычной должности Смотрительницы, мы оснастили Стойло Двадцать Девять компьютерной системой класса Крестоносец.

Мэйнфрейм класса Крестоносец представляет собой самый продвинутый суперкомпьютер, когда-либо созданный пони, компьютер, вобравший в себя все передовые разработки в области техномагии. Крестоносец способен мыслить независимо, быть креативным и обучаться. Всего было создано три таких компьютера, другие два сейчас находятся в ведомстве Министерства Чародейских Наук и Министерства Крутости соответственно.

Цель этого социального эксперимента — исключить из уравнения эмоционального и подверженного ошибкам пони. Узнать, окажется ли лучшей прагматическая и логическая система управления, независимая от наших ошибок.

Как обычно, на случай непредвиденных проблем есть запасной вариант. И этот вариант — Вы. К этой записи прилагаются коды для аварийного отключения Мэйнфрейма. При этом будут также отключены все автоматизированные системы, поэтому такая мера должна приниматься только в случае возникновения угрозы жизни всего населения Стойла. Узел доступа расположен между Отделом безопасности и V.I.P. комнатами, где Вы и сможете подключиться к Мэйнфрейму.

В самом крайнем случае алгоритмы Мэйнфрейма могут быть полностью переписаны путём магического переноса-

отображение мозга пони на матрицы Мейнфрейма. Это позволит Вам фактически стать Крестоносцем, взяв под контроль все автоматизированные системы самостоятельно. Однако эта функция не прошла тестирование и её действие на понициатора переноса неизвестно, поэтому я очень, очень не рекомендую её задействовать.

Однако, во всех остальных случаях крайне важно, чтобы Вы держали при себе эту информацию и сам факт эксперимента, согласно полученным директивам.

Спасибо вам. От всех нас. От всей Эквестрии. Удачи вам, да проживут пони Стойла Двадцать Девять долго и счастливо."

Найти узел доступа было несложно. Я включила запись снова, теперь в наушник. Смысла в этом, конечно, не было, но она хотя бы не была чересчур зловещей. А я должна была знать больше.

Сняв панель безопасности, я обнаружила мешанину проводов и трубок, а также втиснутую туда желтовато-оранжевую коробочку с чёрным разёмом. Вспомнилось вдруг, что последнего, кто пытался это повернуть, хорошо прожарило током. Так что подключение своего ПипБака для меня стало бы смертным приговором. К счастью, у меня был запасён другой вариант.

Я достала ПипБак Вельвет Ремеди, впервые с того случая, когда её нашла. Он был весьма красив, однако я понимала, что для Вельвет он служил неприятным напоминанием. Удерживаемый лишь левитацией, её ПипБак был подключён мной к узлу доступа.

Несколько минут спустя я уже просматривала потоки данных. Моё внимание привлекла строка:

>Обнаружена ошибка:

>Эффективность работы Водного Талисмана - 98%

>Анализирую ущерб

>Вероятность восстановления полной эффективности Водного Талисмана - 0%

>Рассматриваются варианты

>Уровень радиоактивного загрязнения поверхности выше нормы на 1300%

>Для сохранения Понижизни требуется нормирование расходов воды, а также сокращение населения Стойла на 0.02%

>Иницирую нормирование расхода воды

>Отбираю наиболее подходящих 0.02% для сокращения

>Иницирую сокращение населения

Силы покинули меня. Гнев уже перетекал в отчаяние. Там и ещё были похожие отчёты. К концу сезона водный талисман продолжил изнашиваться, и при достижении каждого следующего уровня его деградации Крестоносец, управлявший Стойлом 29, отбраковывал часть населения в расчётливой попытке сохранить в Стойле "Понижизнь" в целом.

Через три месяца водный талисман перестал работать окончательно. Крестоносец отреагировал соответственно. Для сохранения Понижизни.

Я залила в глотку остатки яблочного виски, наслаждаясь его жжением. Весь гнев улетучился, а на замену ему пришёл ступор, который оказался ещё хуже.

Я решила хотя бы ненадолго скрыться из этого ужасного места в шаре памяти. Аккуратно расположив шар, я сфокусировала на нём свою магию.

И сразу же была просто потрясена яркими вспышками, ужасно бьющим в уши рёвом и выворачивающей наизнанку тошнотой. Шар памяти каким-то образом начал портиться, и теперь я угодила в кошмар сенсорной обратной связи и головокружения. Я пыталась уйти, но выхода не было.

А потом мир как-то сам пришел в порядок. Но это был не тот мир, который я знала. Мне казалось, что я вся была в собственной блевотине, но я была не в себе и потому утверждать не буду.

<=====ooO Ooo=====>

Вокруг меня протекала огромная вечеринка. Цветные огоньки, праздничные украшения, и танцевальный ритм, который хватал за душу, и требовал движения. Я находилась у вертушек, качая головой в такт музыке. Повсюду были пони. Они танцевали, ели и делали в углах и за цветочными горшками такое, от чего бы их родители покраснели, и свалились бы без чувств.

Грациозно постаревшая, голубоватого цвета кобыла-пегас с волосами всех цветов радуги развязно подошла к вертушкам, выглядя немного пьяной.

— Отличный ритм, Винил Скретч! — улыбнулась она. — Твои ритмы всегда заводят вечеринки! — Она хорошо выглядела в свои годы, и, должно быть, была ещё той красавицей в молодости. Мне бы её причёску!

И, опаньки, неужто Винил Скретч с ней заигрывала? Её взгляд скакал туда-сюда... А, нет, она всего лишь покачивала головой.

— Ага, — сказала знакомая рыжая пони с ковпоньской шляпой на светлых волосах, и красными ленточками в хвосте, которые хорошо подходили её кютимарке с тремя яблоками. Она была значительно старше, чем изображение на её статуэтке; она даже была старше, чем на фотографии в новостях, и притом она постарела не столь грациозно. Мне показалось, что это скорее от волнений, чем от возраста. — Флаттершай и Рэрити не понравится, что они такое пропустили.

Её акцент напомнил мне о Каламити.

Оранжевая земная пони подошла к вертушкам, смотря на пегаса голубоватого цвета, которая слегка качнулась, улыбаясь в ответ

— Ты сможешь безопасно добраться домой, Рэйнбоу?

— А вот хрен! — пегас с радужной гривой стукнула рыжую пони по плечу — Я не уходила с вечеринки Пинки Пай в состоянии безопасно добраться домой уже как... лет двадцать!

Оранжевая пони странно на неё взглянула.

— Ты случаем не пробовала... нечто потяжелее... не так ли?

— А вот хрен! — Рэйнбоу топнула копытом, повторив свои слова. — Знаешь... — она снизила тон голоса, заметив, что начинает кричать — ... я не трогаю подобные вещички. — Она прислонила копыто к груди, с немного вялой гордостью. — Рэйнбоу Дэш стимуляторы не нужны!

Рыжая пони вроде бы успокоилась. Я поняла, что смотрю на загадочную кобылу Министерства Крутости, ту самую, чей бунт даровал Каламити его статус Дашита. Я не знала что думать; хотя вынуждена признать, причёска у неё что надо.

— Я слышала, что они изобрели такую штуку, под названием дэш! — заговорщицки сказала Рэйнбоу Дэш. — Пинки сказала, что от этой штуки я буду летать ещё быстрее. — Она приземлилась в героической позе, в её голосе зазвучала бравада — Конечно я не буду пробовать эту дрянь, ЭйДжей. Дэш под дэшем? Такое событие не просто нарушит все законы Эквестрии, оно нарушит и законы физики в

придачу!

Жеребец с шубкой светло-зелёного цвета подошёл, и что-то прошептал на ухо рыжей пони (которую, насколько я поняла, звали Эйджей). Рэйнбоу Дэш остановилась и уставилась на неё. — Итааааааак, Эйджей, и кто этот новый жеребец?

Эйджей ошетинулась:

— Не обязательно было спрашивать прямо сейчас.

— Если тебе нужно было чьё-то общество, — Рэйнбоу стукнула оранжевую пони по кьютимарке, — могла бы просто спросить меня.

Земная пони пригвоздила Рэйнбоу Дэш взглядом к месту.

— Дверь моего амбара туда не открывается. — Что-то во мне перемешалось. — И твоя, кстати, тоже. — Вроде бы прекратилось.

— Ты напилась. — метко добавила рыжая пони вдогонку, отойдя с пути зеленой кобылицы, чья тарелка была полна тортиков.

Рэйнбоу Дэш всего лишь хихикнула.

— Так что, представишь своего друга, или нет?

Эйджей закатила глаза, прежде чем представить его.

— Эт сержант "СтилХувз" Эплснэк. Служил вместе с Биг Макинтошем. Эплс, дорогой, эт Рэйнбоу Дэш, та самая моя давняя подруга,

о которой я те говорила.

Не может быть.

— Не может быть! — Рэйнбоу Дэш повторила мои мысли, и затем пустила их под откос. — Ты встречаешься с жеребцом по имени Эплснэк? — Пегаска, которая только взлетела, снова свалилась на пол, катаясь по нему от смеха.

Старая оранжевая пони закатила глаза. Не смотря на свою смеющуюся спутницу, она заржала,

— Не поранься. — Где-то в комнате послышались признаки спора.

— *Эплджек и Эплснэк!* — Рэйнбоу Дэш попыталась встать, и опять упала, сломленная свежей волной смеха. — Ну вы, ребята, жжётё!

Я думала, что его звание — всего лишь совпадение. Я бы его узнала по голосу, но он пока что молчал, с удивлением наблюдая за давней подругой своей возлюбленной.

Мой взгляд был оторван от этой парочки, когда Винил Скретч подняла взгляд на балкон, где едва замечаемый мной ранее спор начал привлекать всеобщее внимание. Пинки Пай я узнала сразу, а вот пурпурная единорожка, решительно отдалявшаяся от неё, была мне не знакома.

— Ну только не опять, — сказала Пинки Пай, прыгая за ней. — Ты же не ждёшь, чтобы я пекла кексы, не пробуя их на случай, если они не удались, не так ли?

— Я ухожу, — сказала она. — Мне вообще не следовало приходиться. — Её едва было слышно за шумом толпы.

Голос Пинки Пай каким-то образом был слышен за интенсивной рок-музыкой.

— Ой, не будь такой занудой, Твайлайт! Это *вечереееее-ришинка! Веселись!*

Единорожка шла вперёд, не обращая внимания на неё, пока на удивление энергичная пони не оказалась прямо перед ней.

— Веселись! Веселись! Веселись! Веселись! — она пропела как мантру.

Единорожка остановилась с поднятым копытом и посмотрела назад. Она выглядела так, как будто боролась с внутренним порывом.

На секунду, события могли бы пойти по другому. Но затем она резко опустила копыто.

— Мне не весело, Пинки Пай, — сказала она тихим и опасным тоном. — И хочешь открою секрет? И. Тебе. Тоже!

Пинки Пай хихикнула.

— Конечно мне весело! Здесь и торт, и мороженое, и кексики, и лучшая музыка, и напитки, и развлечения, и...

— И эти? — Единорожка взяла баночку с ближайшего стола. Я сразу поняла, что это такое.

— Ага! Особенно эти! — Розовая пони почти светилась. Я услышала, как Эплджек застонала рядом со мной.

Твайлайт открыла банку. Затем перевернула её, высыпая все Праздничные Минталки на пол. Часть из них упала через стенки балкончика, часть поскакала вниз по лестнице. Розовая пони ахнула и принялась собирать их. Какая-то часть меня желала к ней присоединиться, но всё, что я могла делать — это смотреть.

— Мне надоело лгать ради тебя, — громко сказала Твайлайт. — И прикрывать тебя перед Принцессой. Всем надоело. И больше я этого делать не стану.

Пинки посмотрела на неё с ненавистью, подбирая Праздничные Минталки.

— Тебе не стоило этого делать, злока-подлюка-рифмуется-с-клюкой.

— Ты больше не пони вечеринки, Пинки; ты просто наркоманка. Как и половина пони на твоих вечеринках. — Единорожка фиолетового цвета уставилась на розовую пони, высвобождая ту ярость, которую она копила некоторое время. — С меня хватит. Я хочу мою подругу назад. Я хочу мою Пинки Пай. Ты не она. Но если сумеешь её найти, попроси её позвонить мне.

Песня закончилась. Ритм прекратился. Вся комната провалилась в тишину.

— Твай...

— Не "Твай". В этот раз не сработает. Или очистишься и осознай правду... — единорожка глубоко вдохнула и закрыла глаза, чтобы подготовиться к тому, что решила сказать.

—...или дружбе конец!

Твайлайт повернулась и пошла к выходу. Розовая пони, кажется, расстроилась. Даже её волосы упали на плечи.

Эплджек, стоявшая рядом со мной, вздохнула.

— Ох ёлки, Твай.

Рэйнбоу Дэш, прекратив смеяться, взмахнула крыльями.

— А она вроде права.

Затем голубая пегаска не спеша полетела по направлению к выходу. Она всё равно обогнала Твайлайт у двери.

Твайлайт обернулась, смотря мимо Пинки Пай. Негромким голосом, который вряд ли достиг балкона, она произнесла:

— Если решишь снова быть моей Пинки Пай... по-настоящему решишь... и тебе понадобится помощь, ты знаешь, к кому обратиться.

Затем она вышла через дверь в что-то похожее на дождливую Мэйкхэттенскую ночь. Дверь захлопнулась за ней.

<=====ooO Ooo=====>

Одна мысль поразила меня, пока я вылетала из чужой памяти с ощущением, как будто получила неслабый удар в живот. (Меня, оказывается, действительно стошнило на саму себя)

Откинувшись на стену, я уверила себя:

— Я не настолько плоха...

— Но с вами мне нужно быть поаккуратнее, — сказала я Праздничным Минталкам у себя в сумках. — Я не дам повода Каламити или Вельвет Ремеди думать, что у меня с вами проблемы. Я не хочу потерять друзей из-за их уверенности, что я наркоманка.

Заметка: Следующий уровень

Новая способность: Жёсткая Шкура (первый уровень) — Жестокий опыт пребывания в Эквестрийской Пустоши закалил вас. Вы получаете +3 к сопротивляемости урону с каждым уровнем данной способности.

<<< ^^ >>>

Глава 15. Шёпот в темноте

«Псс...! Пинки Пай! Ты уже спишь?»

<<< ^^^ >>>

Отдых.

Сон выдался поверхностным и прерывистым. Мне отчаянно нужно было как следует выспаться. Но всякий раз, как я закрывала глаза, пред ними представало забытьё, полное видений ужасов Пустошей.

Я видела, как пони садились в пассажирский (Небесный Бандит) фургон. Я их представляла семьями, которые собирались провести день полного смеха и веселья в парке развлечений Министерства Морали — родители тепло улыбались жеребяткам и кобылкам, которые пританцовывали от нетерпения. (Не знаю почему, но я была уверена, что Министерство Морали строило парки, и что они были забиты кричащими детшками). Я видела матерей, которые призывали своих жеребят не взбираться на сиденья, отцов, которые проверяли плёнки в фотоаппаратах. И большая стена зелёного пламени со зловещей радугой, летящей на них так, что никто не мог её увидеть.

Я видела пони по имени Трикси, оставляющую сообщение на двери своего дома. Она улыбалась, убедив себя, что её жизнь вот-вот изменится. Я видела, как она отходит от двери. Я кричала ей, просила её вернуться, потому что я знала, что она никогда в жизни больше не увидит свой маленький домик снова. Я звала, умоляла, плакала. Но она не могла услышать меня. И она ушла.

Я видела, как пони сообщают своим близким радостные новости, что они были выбраны для заселения в Стойла. Я наблюдала, как они — яркие, красочные, живые пони — рысью бегут в свой новый дом, а часы на стене над ними отсчитывают минуты до страшной аварии, что обречёт их всех на ужас, отчаяние и смерть.

Я рывком проснулась.

Я лежала... где-то. В постели. Но каждый, раз когда я пыталась вспомнить, где это я и как я сюда попала, воспоминания от меня ускользали. В комнате было темно, но через приоткрытую дверь лились полоски света. Я не узнала стен с висящими на них затемнёнными плакатами или потолка, на котором крепилась тихая мирная турель.

С моим телом было что-то не так. У меня всё болело, я чувствовала тошнотворную слабость. Меня бил озноб, хоть потом я и не обливалась. Желудок так вообще скрутило. А во рту как будто кошки нагадили.

В двери промелькнули тени. Я услышала голос Каламити:

— Как ты думаешь, она ничё не подхватила в Стойле?

Мягкий и чистый голос Вельвет Ремеди ответил:

— Или это может быть вызвано стрессом. Я беспокоюсь о ней. Думаю, пустоши на неё сильно влияют.

— Ну а ты, вроде как, вся в порядке, — отметил Каламити, он шептал, стараясь не разбудить меня.

Вельвет криво (но все же очень женственно) усмехнулась:

— Да не так уж и в порядке, мой дражайший пустошник. — Это что — сарказм? Или приязнь? Наверняка я сказать не могла, а от попыток обдумать это у меня все плыло. — И конечно же я лучше справляюсь, чем Литлпип; в конце-концов, я больше чем на десять лет старше её.

Зашибись. Она считает меня дитём. Красота. Я, блядь, просто кобылка. Та же кобылка, что и в тот раз, когда мы впервые увиделись на кьюти-празднике одной старшей кобылки. Жизнь моя просто не может стать лучше!

— А все эти наркотики, что она принимает... до добра они точно не доведут.

Мой желудок тут же жёстко скрутило. Хотелось заплакать. Но мои веки были слишком тяжелы, чтобы осматриваться, и я не сопротивлялась — раз уж они сами закрылись. Я отвернулась от луча света, просачивающегося сквозь дверь, вновь проваливаясь в прерывистый сон.

— Ты собираешься сидеть с ней тут всю ночь?

Шёпот Каламити прозвучал где-то рядом с кроватью. Я была не совсем уверена в том, что не спала, и гораздо менее уверена в том, когда же течение снов вынесло меня на берег осознанности. Я едва помню проблеск в сумраке, колебание освещённости, возможно, из-за открытой двери.

— По крайней мере, пока её температура не спадёт, — шёпот Вельвет Ремеди зазвучал над моей головой. Мои уши дёрнулись.

— Она не спит?

— То поспит, то очнётся. Вот жар пройдёт, тогда она и поспит как следует.

Замечательно. Моё тело стало чуждо мне. Мой разум был словно в дымке. Я помолилась Селестии, прося её забрать мои болезни и забросить их на луну.

— Я больше беспокоюсь о тебе, — сказал Каламити. — И не только потому, что те тож надо поспать.

Селестия, ты меня ненавидишь? Мои болезнь и страдания давали им время сблизиться. Мой разум мучил меня образами, как они проводят время вместе, пока я фактически была из общей картины.

— Оу... — Мой лихорадочный мозг настаивал на том, что она произнесла это с удовольствием и по странному снисходительно.

— Твоё заклинание щита и рядом не валялось с ихним... — Каламити сделал паузу, — ...Аликорновским, так вроде их называли.

Что за отвращение в его голосе? Нет, не отвращение, что-то другое. Какое-то неудовольствие, будто слово ему не по вкусу.

— Что предлагаешь?

— Если ты хочешь и дальше прикрывать грудь других, те надо б начать носить броню, — настаивал Каламити. Вау, Каламити. Я тоже собиралась ей это предложить. Только вот... всё как-то не представлялось случая...

Моя голова была словно свинцовая. Даже чтобы просто слушать, казалось, нужно было прилагать усилия. Мне было жарко, одеяло мокро от пота, но мои конечности были слишком тяжелы, чтобы даже подвинуться. Сон надвигался на меня как мантикора, готовящаяся к прыжку, желая затащить меня снова в кошмары.

— ... не заставите меня носить одежду тех мерзких рейдеров, — говорила Вельвет. Я поняла, что пропустила часть разговора.

— Да мы и не будем. Да и броню работорговцев тоже. Плохая идея. Спроси об этом Литлпип, когда она очнётся, — тихо прошептал Каламити. — Но когда мы доберёмся до Тенпони, обязательно приоденем ты соответственно моде Пустошей.

Моё уныние испарилось при этих словах. Меня посетило странное чувство облегчения. Часть меня, я поняла, боялась, что они покинут меня.

Я чувствовала себя обречённой скитаться, пока не найду себе места на этой адовой поверхности, или... или пока я её не исправлю.

По крайней мере настало время, насколько смогу. Полагается, что я ищу свою свободу, как предложил Наблюдатель, словно жеребёнок пытается получить свою кюотимарку. Но Каламити и Вельвет не были обременены моими поисками или моими чувствами абсолютной потерянности. Почему бы им не предоставить меня самой себе, раз уж они нашли себе место, где можно осесть? Башня Тенпони, к примеру. Почему бы и нет?

Слушать их разговор о броне для Вельвет Ремеди (с чем-чем, а уж тут я была согласна с Каламити, что ей нужна броня, несмотря на то что я не могу представить своего изящного кумира ни в чём кроме шикарного платья) — знать, что они планируют путешествовать по Пустошам Эквестрии, предположительно, в моём обществе. Это наполняло моё сердце уверенностью и надеждой.

Но, несмотря на теплоту этих чувств, когда я снова погрузилась в сон, мой разум опять начал доносить меня тёмными картинками. Я задалась вопросом, что же можно было сделать, чтобы все пони в Стойле 29 выжили? Учитывая ад на поверхности и неработающий талисман воды... Всё, что я могла видеть — это были сотни пони в саркофаге под землёй. Их уже похоронили, и они просто ждали, когда же, наконец, умрут.

Мой разум настаивал, они не должны были умереть так, не в таком насилии и ужасе. У меня была мысль, как можно было бы спасти хотя бы одного...

Нет. Этот вариант слишком отвратителен, чтобы его рассматривать.

...Единственный способ, чтобы спасти хотя бы одного — это убедиться, что нагрузка на водный талисман была настолько мала, что его изнашивание заняло бы несколько десятков лет. Этого можно было бы достичь, если бы вместо первоначального сокращения населения на 0,02%, сократить его...

Я съёжилась. Как я вообще могла подумать о таком?

Спустя несколько часов я проснулась с тихим вздохом, вспотевшая и продрогшая от пустоты в моей душе. Чувство того, что мне снилось, откликнулось во мне чёрной меланхолией, вызванной слабостью. Осталось лишь несколько обрывков воспоминаний. Я была точно уверена, что они связаны с понивильской библиотекой, дохлыми кошками и драконом, сжигающим заживо.

Я обнаружила висящую на краю кровати фляжку и жадно напилась из неё. Затем упала обратно в ужасы сна.

"Нет! Не уходите! Я в ловушке!"

Я кричала, мои задние ноги были придавлены упавшей стеной, но Вельвет Ремеди и Каламити просто уходили от меня.

"Пожалуйста... Не оставляйте меня здесь!"

Вельвет Ремеди прислонилась головой к гриве Каламити и ласкала его носом. Земля растягивалась между нами. Они едва шли, но были всё дальше и дальше. Клубящийся туман окутал их, затемняя и скрывая от меня. Моё сердце угрожало остановиться. Я знала, что, когда они исчезнут, я умру.

Я проснулась, рыдая и избивая свою подушку копытом.

Отчаяние отравило мою надежду как прах, смешанный с тестом для кекса. Они всё ещё были со мной, но каждый из них удалялся от меня.

Мои уши наострились. Я не слышала их голосов. О, Луна... я осталась одна! Они бросили меня! Я всё ещё чувствовала себя в ловушке. Моя голова дёрнулась вверх, ошалело оглядываясь. Мрачный дневной свет просвечивал сквозь тяжёлые шторы (или это была бронированная сетка?), уныло освещая комнату. Что-то тяжёлое уперлось мне в бок. Поворачиваясь, я увидела спящую Вельвет Ремеди, положившую голову мне на бок, прижимая её одеяло ко мне.

Испытанное мною облегчение было словно болеутоляющее, которое заглушило мои иррациональные страхи, которые цеплялись ко мне как пиявки. Я была рада за Вельвет и Каламити. Нет, действительно рада! Я просто была... одинока.

Одинока и...

Разбита своим бессилием.

Я отвернулась от Вельвет и обнаружила, что пялюсь на кричаще розовый плакат на всю стену, рекламирующий Филлидельфийскую Ферму Развлечений ("Всё должно быть, как на Гранд Галопин Гала," утверждает Пинки Пай, "Каждый день, всегда!"). Ну, теперь-то я знала, откуда появилась эта идея.

На противоположной стене был ещё один агитационный плакат. ("Вы тоже можете быть Стальным Рейнджером!") Я поняла, где я сейчас, должно быть, нахожусь. Подняв ПипБак, я сверилась с картой. Хижина СтилХувза. Я рухнула на кровать, чувствуя себя невыносимо истощённой — и физически и умственно.

И, что ещё хуже, я чувствовала, что возбуждена. Это было не то ощущение, которое сочетается с болезнью. Может быть, это было из-за Вельвет Ремеди, лежавшей так близко и положившей свою голову мне на бок? Она спала частично на моей кровати. Мой желудок скрутился в предупреждении. Но мне было всё равно.

Мне было слишком жарко, слишком плохо от болезни. Но всё же, повернувшись на спину, я попыталась собраться с фантазиями чтобы облегчить хотя бы один из симптомов. Мои копыта под были одеялом. От стыда я отвернулась от Вельвет Ремеди.

Я вспомнила о Канди, но её лицо и приметы уже потускнели в моей памяти (а расставание с Новой Эплузой подгорчит любое воспоминание). Вспомнила я и кобылу с радужной гривой из шара памяти. Но не важно, насколько хорошо она сохранилась при своём возрасте, она всё равно была старше, чтобы я могла фантазировать о ней. И даже если бы я представила её более молодой, связь между ней и Каламити сделала бы мои фантазии... странными. Наконец, я решила остановить свой выбор фантазий на кобыле, изображённой в одной из статуэток — привлекательной белой пони-единороге с восхитительными фиолетовыми гривой и хвостиком.

Я наслаждалась этим настолько, насколько мне это позволяло мое мучимое болезнью тело... где-то с полчаса, наверное. Потом резко, словно нырок в ледяную воду ко мне пришло понимание — я фантазировала о великой и знаменитой что-то-типа-пра-тетушки Вельвет Ремеди. Осознание этого тут же прикончило мои фантазии и жестоко станцевало на их труп. Голова Вельвет Ремеди вдруг резко потяжелела. Я чувствовала тепло, исходящее от неё, и мой желудок скрутило от чувства вины.

Вдруг я почувствовала порыв желудка внутри меня и вкус желчи. Как только я перегнулась через край кровати, меня вырвало в трещину между кроватью и стеной.

Я всё ещё ощущала рвотные позывы, во рту была горечь и жжение, из глаз катились слезы. Вдруг я услышала, как заворочалась Вельвет Ремеди. Ну, теперь я пала ниже плитуса. Теперь в её глазах я буду не ребёнком, а блюющей наркопони. Теперь-то у меня точно не будет шанса увести её у Каламити... хотя я и не пыталась. (Да и не стала бы! Я вовсе не ревнивая и не эгоистичная пони. Но... честно говоря... будь я именно такой, то это был бы последний гвоздь в гроб моего шанса, будь у меня такой). Я почувствовала, как Вельвет встает с постели, больше не облакачиваясь на меня.

— О... Литлпип, ты в порядке? — Что за глупый вопрос. И всё же я кивнула, не отстраняя голову от стены. — Позволь мне принести тебе воды...

Я ждала, когда она уйдёт и тихо плакала, прижавшись к стене. Моя шёрстка была вся в поту, голова просто горела.

"Богиня, я просто жалкая."

Вельвет Ремеди вернулась, чтобы дать мне воды, очистить стену и пол от моей блевотины, искупать меня и сменить простыни на моей кровати. Я не была в состоянии наслаждаться этим. Но я могла только удивляться тому, что она тратит своё время на кого-то вроде меня.

Моя лихорадка наконец-то прекратилась, и я скользнула в блаженный восстанавливающий сон без сновидений.

Я проснулась, чувствуя себя так, как давно не чувствовала: находящейся в здравом уме.

Тело моё было слабым, но не немощным, и я согрелась и, к счастью, нормально отдохнула. Во рту было вязко, но желудок уже унялся. Я обнаружила, что очень хочу пить.

Я перевернулась в постели, размышляя, как долго я была в полубреду, и заметила Вельвет Ремеди, свернувшуюся калачиком на полу, она крепко спала. Моё сердце тянулось к ней, признавая, насколько я была обязана взрослому единорогу. Её голова покоилась на старой куртке и кто-то укрыл её одеялом, пока она спала. Я была уверена, что это Каламити, и была довольна этим.

Как только я сняла фляжку со спинки кровати, из соседней комнаты донесся глубокий, резонирующий голос СтипХувса:

— Извини, но я просто не куплюсь на это.

— Не понял, — слышался ответ Каламити. Было что-то такое в тоне обоих пони, что заставило меня напрячь внимание. Я навестила уши и стала тихонько пить, стараясь не пропустить ни слова.

— Ваша группа как из завязки плохого анекдота, — пояснил СтипХувз. — Агент под прикрытием, принцесса, ведущая свой род от довоенной аристократии, и изгнанник высокоразвитой цивилизации заходят в салун и пытаются всех уверить, что они совершенно нормальны.

Я чуть не подавилась. Быстро и беззвучно я заткнула фляжку и повесила её обратно на кровать.

— Считаешь, что мы врём?

Спасибо тебе, Каламити, что говоришь оскорблённо.

— Я считаю, что либо ты врёшь мне, либо они врут тебе.

Кто-то топнул ногой. Я предположила, что это был Каламити.

— С чего эт ты взял, что...?

— Потому что я был в сознании, пусть даже едва. Я видел, что мы все были в нокауте. Этот аликорн был в полной форме, нетронутая, её магический щит отбрасывал гранаты. И мгновение спустя она была мертва, — мрачно перечислял низкий голос подробности нашей первой встречи, как школьный учитель, читающий результаты теста. — Единственное пулевое отверстие — прямо у неё в мозгу. И ты хочешь, чтобы я поверил, будто это сделала невинная юная кобылица, всего пару недель назад вышедшая из Стойла? Ты сам то в это веришь?

Мне не понравилось, как Каламити притих, прежде чем ответить:

— Да. Верю. Потому что так оно и было.

— Невинная юная кобылица, — повторил СтипХувз. — Только что из Стойла. С доведёнными до совершенства криминальными навыками, которые позволяют ей вскрыть любой замок и взломать любой компьютер, даже если никто за двести лет не справился с этим трюком.

Я нахмурилась. Я должна была признать, что уже задавалась вопросом, почему до сих пор не встретила других квалифицированных взломщиков. Но при этом я знала, что я оттачивала своё мастерство в течение многих лет, пытаюсь заставить мою кьютимарку появиться. К.О.Т. показал, что мои природные таланты были направлены на мирские вещи или чародейские науки. Моё образование ПипБак техника, которое мало кто в пустошах мог получить, позволяло мне хорошо идти на контакт с терминалами. И что важнее всего, когда я покинула Стойла, все эти навыки у меня были гораздо хуже, чем являются сейчас. Я читала книги и получила много практики.

СтипХувз продолжал:

— Коли на то пошло, Стойло, всё ещё работающее в замкнутом цикле? Сложно найти Стойло, в котором хотя бы население выжило.

При этих словах над моими мыслями нависла мрачная туча.

Голос Каламити стал низким и, может быть, немного угрожающим.

— Хошь сказать, они не из Стойла?

— Нет. Я уверен, что они из Стойла, — ответил спокойный, ровный голос. — Я просто нахожу более вероятным, что они — хорошо подготовленные агенты на задании... возможно, откуда-то вроде секретного подразделения Министерства Крутости... а не простодушные туристки из резервации для гражданских пони.

Чего? Мне казалось, Каламити говорил, что Министерство Крутости фактически ничего не делало.

Каламити хохотнул:

— Это просто... нелепо.

— Правда? — спросил СтипХувз. — Она пережила падение поезда с обрыва.

— Я её поймал!

СтипХувз замолчал и, кажется, согласился с этим.

— Как ты её встретил?

Мой друг поколебался, но потом ответил с печальным вздохом:

— Я чуть было не убил её.

— Она только что вышла из Понивилля, где зачищала гнездо рейдеров, — объяснил Каламити. — Вся была в крови и носила броню, которую содрала с них, так что я её саму спутал с рейдером. Свалился с неба и начал палить. — В его голосе чётко слышалось сожаление.

У меня кольнуло сердце за него. Но в то же время передёрнуло от его описания. Кажется, Каламити тоже осознал, как странно это звучало, поскольку после некоторой паузы поспешно продолжил:

— Только эт рейдеры были. Рейдеров не так сложно убить. — Потом, видимо, припомнив крушение вагона, он добавил, — По крайней мере, если те чутка везёт. И если местность на твоей стороне.

— Понимаю, — невозмутимо заметил СтипХувз. — Значит, она не секретный агент. Просто везучая. Как насчёт второй?

— Вельвет Ремеди? Она... — Каламити усмехнулся. — Она штатская. Врач и певица. Как это укладывается в твою теорию про стойло для секретных агентов?

— Какие-нибудь ещё таланты?

— Быть самой прекрасной пони, которую я когда-либо встречал, считается? — Я так и видела, как Каламити улыбается, говоря это. — Помимо этого, никаких. Ну, то есть... у неё есть странное умение получать то, чём она хочет. Торговаться, то есть. А ещё уговаривать народ на всякое, в то время как она сама не... — Каламити оборвал фразу.

Отлично, Каламити. Не надо заканчивать это предложение.

— Прямая наследница одной из трёх основательниц Стойл-Тек. Основательницы, которая, как я полагаю, была лицом Стойл-Тек и сестрой одной из шести самых могущественных фигур довоенного правительства. Наследница с навыками в обольщении, торговле и дипломатии, — иронично произнёс СтилХувз нараспев. — Нет, ты прав. Это очень похоже на штатскую пони.

Я мысленно застонала. Как СтилХувз умудрялся это делать? Я начинала сомневаться в собственной истории, а ведь я сама в ней участвовала!

Каламити вздохнул. Я надеялась, что от раздражения.

— Ладно. Представим на минуту, что мои спутники вралли мне без стыда.

О нет. Каламити, пожалуйста, не надо. Мы были честны. Я знаю, что всё это звучит дурно, когда он говорит об этом так, но...

— Но зачем? — закончил Каламити.

— Ну, — проорчал глубокий мужественный голос, — они ввязались в битву между рейдерами и работоторговцами, как-то добились, чтобы главы обеих группировок уселись под прицелом мелкой, а потом не только устранили того, который был им негоден, но и убили дракона, заправлявшего делами, обеспечив тому, кто был им нужен, получение руководства...

— Осмелюсь сказать, — перебил его Каламити, — что я и сам мог с этим справиться.

СтилХувз продолжал, не разубеждённый его вспышкой.

— Как по мне, это очень похоже на спецотряд, меняющий расстановку сил для своих целей. Какими бы эти цели ни были.

Прокляните его Богини. Пони в самом деле о таком думают? А я-то огорчилась своей репутации, когда считалась всего лишь героем. Это было... безумием.

По крайней мере, Каламити, кажется, был со мной согласен.

— Ла-а-адно... Ладно, а как насчёт этого? Если Лиллпип — пони из какого-то секретного подразделения, то с какой напасти я мог умудриться чуть не убить её?

— Потому что подземные тренировочные комплексы — не лучшее место для обучения борьбе с воздушным противником. Сомневаюсь, что она даст тебе второй такой шанс.

Каламити и тут так просто не сдался, хвала ему.

— Слушай, я был с ними. А ты нет. Я понимаю, что они... ну, могут удивлять. Но если ты узнаешь их получше...

— То я увижу, что они вовсе не шпионы? — Тон СтилХувза был на грани смешка.

— Агась.

Спасибо тебе, Каламити.

— Не хитрые и не пронырливые ни на волосок?

— Ни на один.

— Ты знаешь, что, когда Литлпип спит, она очень мило похрапывает?

Я не хра... а, чёрт!

— Снова в путь?

Я как раз заканчивала одеваться и левитировала свои седельные сумки на их место, когда в комнату вошёл пони в броне, питаемой магией, и сделал своё объявление:

— Я буду сопровождать вас до Башни Тенпони. За то, что вы рисковали своими жизнями, чтобы спасти мою. Меньшее, что я могу сделать — это эскортировать вас до вашей цели.

Я не знала, что и думать.

СтилХувз, однако, занял твёрдую позицию:

— Я настаиваю.

Я нахмурилась. Размышляя, я осматривалась вокруг. В хижине было три комнаты: спальня, основная комната и мастерская в задней комнате. Увидев всё это, я поняла, что СтилХувз предоставил мне свою кровать, и что все, кроме меня, спали на полу. Это заставило меня почувствовать благодарность и вину.

Это была не спальня, в которой я провела последние несколько дней болезни, а главная комната хижины, вмещавшая в себя обеденный стол, ряды железных шкафчиков, стол со светящимся терминалом и несколькими разбросанными наградами в качестве украшения. Над столом висело знамя: половинка яблока со вставкой из трёх волшебных искр, оправленных шестернями, объётых крыльями в форме полумесяцев и перекрытых боевым мечом с защитой для рта на эфесе. Та же эмблема украшала бок боевой брони СтилХувза — прямо над тем тем местом, где должна была скрываться его кьютимарка.

Стальные Рейджеры.

Я вздохнула.

— Ты должен спросить остальных, — сказала я, подтягивая подпругу, и принялась надевать кобуры и перевязи для оружия.

— Я уже говорил с ними. Они утверждают, что ты их лидер.

Что? Почему? Я была наименее квалифицирована, чтобы принимать руководство. Потому что радио так говорит? Я добавила это к списку вещей, о которых стоит поговорить с диджеем ПонЗ, когда мы прибудем в Башню Тенпони.

Я оглянулась на Вельвет Ремеди, но она лежала на полу, а её разум потерялся в шаре памяти Флаттершай.

Я слышала, как Каламити в задней комнате трудился над оружием, что раздобыл в оружейной Стойла Двадцать Девять. У нас были большие запасы патронов малого калибра, но ни одна из наших пушек им не соответствовала. И потому Каламити сейчас разбирал и чинил небольшие пистолеты и маломощные винтовки, для которых эти пули как раз и предназначались. Не то, чтобы мы собирались их использовать, но они всё равно будут нам полезны: оружие и пули были ценным товаром для торговли.

По радио в задней комнате играла радиостанция диджея ПонЗ. Звуки пони-квартета уступили место песни, полной скорби, страха и надежды. Её исполнял жеребец с приятным голосом, который уже двести лет как мёртв.

"О, как мне бурю усмирить,

Когда война в твоих глазах?

О, как тебя мне защитить,

Когда повсюду ложь и страх?

*И когда всё, что было мило,
В руинах обрело могилу,
И вам не выжить здесь —
Нам шепчет глас впотьмах."*

Прицепляя мою снайперскую винтовку на место, я наконец посмотрела на СтилХувза. Мой ответ был утрачен, когда я увидела, что он смотрит в сторону, его взгляд был сфокусирован на маленькой фотографии в углу комнаты, что я не замечала раньше. Фотографии немолодой оранжевой кобылы с жёлтой, сидящей гривой под её ковбойской шляпой. Он немного качнулся. Я почувствовала тяжесть в комнате, сказавшую мне, что лучше помолчать.

Я подошла ближе, чтобы лучше рассмотреть, но уже знала, что видела эту кобылу раньше. Много раз. Её статуэтка лежала в моей сумке, как и воспоминание о ней с того, что стало последней вечеринкой Пинки Пай. Теперь я была уверена, что воспоминание о СтилХувзе тоже было в том шаре.

Под изображением была витрина. Внутри стояла ещё одна идеально сохранившаяся статуэтка взбрыкнувшей рыжей пони ("Будь сильным") в расцвете молодости. Сверху стояла маленькая обитая шёлком коробочка, очень похожая на ту, что я нашла в сейфе Винил Скратч, и в которой лежал единственный шар памяти.

СтилХувз пошевелился снова только когда кончилась песня и последний припев растворился в тишине.

— Ты знал её, да? — спросила я мягко и осторожно.

СтилХувз обернулся в мою сторону.

— Откуда мне? Она умерла двести лет назад.

Я взглянула на него — не осуждающе, только с пониманием. Он твёрдо выдерживал взгляд в течение нескольких секунд, пока я наконец не отвернулась.

Из задней комнаты раздался голос диджея Пон3:

"Ну как, уже навострили уши, мои верные слушатели? Потому что я говорил, а кое-кто из вас, похоже, не слушал. Уже который год я напоминаю вам, что гули и зомби — не одно и то же. Гули — это пони, которые имели несчастье впитать большую дозу магической радиации и не умереть. Эта штукавина гноит и выворачивает их тела, но, в отличие от зомби, их души такие же, как у остальных пони, и они заслуживают соответствующего к себе отношения."

Что ж, некоторые из вас, пони из Башни Тенпони, не поняли моего послания. И когда Шериф Роттингтейл продолжил настаивать, чтобы его и его гулей пустили внутрь, просто потому, что их уже тошнит от травли мантикорами и резни с кровокрылами, Шеф Грим Стар — начальник службы безопасности Тенпони, ответил тем, что нанял кучку головорезов, чтобы те зачистили жилища вдоль Линии Селестии."

В своём интервью, когда его спросили, как он умудрился стать таким мешком дерьма, Шеф Грим Стар сказал следующее:"

Другой голос — грубый и раздражённый — донёсся через динамики радио:

"Отъебись. Я сделал то, что было правильно для тех, кого я поклялся защищать."

Голос диджея Пон3 вернулся.

"Так отрадно знать, что есть пони, твёрдо отстаивающие предубеждения и фанатичную нетерпимость, не правда ли? Спасибо, Шеф Грим Стар, и пусть Селестия одарит тебя поцелуем с солнца."

Последнее явно было произнесено сквозь сжатые зубы.

Я покачала головой. С одной стороны, я, в общем-то, почувствовала облегчение, услышав новостную сводку, не относящуюся ко мне. Но с другой стороны, я сталкивалась как с пони-гулями в лице Дитзи Ду, так и с настоящими пони-зомби. Я знала разницу. И потому сама идея о том, что кто-то поддерживает массовое избиение невинных гулей, не желая видеть различие, вызывала у меня боль и окрашивала зрение в красный цвет.

Глубокий мужественный голос СтилХувза усмехнулся в его металлическом шлеме.

— Не фанатка гуле-заступников, я полагаю?

Я обернулась на него с удивлением, граничащим с некоторыми более тёмными эмоциями. Моё омерзение, по-видимому, читалось на моём лице или по языку тела, но мне не приходило на ум, что моя реакция с лёгкостью может быть ошибочно истолкована как направленная против самого диджея Пон3.

— Одна из самых мудрых и добрых пони, что я встретила в этой чёртовой адской дыре — пони-гуль! — выпалила я ему. — Её зовут Дитзи Ду, и она легко переплюнет любых трёх Стальных Рейнджеров вместе взятых! Не боевыми навыками или крутыми пушками, но качеством характера. — Я топнула так сильно, что почти вывихнула ногу. — Диджей Пон3 прав. И если ты не согласен, то не заслуживаешь права идти с нами.

СтилХувз ничего не сказал. Но начал собираться.

Я смотрела на лишние детали, которыми был завален верстак после Каламити. Теперь, когда у меня есть все детали, чтобы соорудить свой пистолет для стрельбы отравленными дротиками, я должна была использовать данную мне возможность и верстак. Магией я расчистила пространство, одновременно вынимая схему из сумки.

— Утро доброе, Литлпип. — Каламити вбежал в комнату. — Приятно видеть тебя на копытах снова.

Я слегка улыбнулась, на что он кивнул. Ночной разговор всё ещё омрачал мой взгляд. Я знала, что Каламити и Стальной Рейнджер говорили, и насколько убедительным был СтилХувз. Каламити знал, что я подслушивала, но никто из нас ничего не сказал.

— Походу, нам достался ищр один спутник. Хоть на кой-то время — охотно начал беседу Каламити. — Ну-с, чавой думаешь об нём?

Я пожала плечами. Я до сих пор не была уверена, из чего сделан Стальной Рейнджер. Я видела тени хорошего и плохого в нём, но было бы неправильно делать поспешные выводы.

По осторожному тону Каламити я могла сказать, что он сомневается насчет СтилХувза.

— Я признаю, мы могли бы использовать его огневую мощь, — он любезно предложил. — Чёрт, полезно же иметь специалиста по взрывам с таким боевым седлом, если мы встретим ещё какую-нибудь из этих... аликорнов.

Я кивнула, тоже начав беспокоиться о следующей стычке с этими существами. Если мои подозрения были верны...

— С другого боку, — начал Каламити, но остановился, как будто задавать вопрос о его мнении был пустым сотрясением воздуха. Я повернулась к нему и махнула копытом — дескать, продолжай.

— Ну, скажем так — у Стальных Рейнджеров не совсем репутация защитников простых пони.

А, ну да. Репутация. Ночной разговор снова замаячил у меня в мозгу. Я посмотрела через Каламити, увеличивая дистанцию между

нами. Интересно, было ли состояние между нами чисто физическим. Мои воспоминания вернулись на страницу почти забытого сна, где я была в ловушке под поваленной стеной, и мои друзья просто уходили от меня.

— Эй, Лил'пип, ты чего?

Нет, правда. Я тащу на себе свои заботы, как кьютимарку. Я усмехнулась этой чёрной шутке: да уж, шикарный из меня тайный агент получился бы.

Каламити подошёл и аккуратно положил копыто мне за шею:

— Ой, да не парься ты. Никто не сказал, что между нами посеяли семена раздора.

Я посмотрела на него, широко раскрыв глаза. Он улыбнулся мне.

— Я знаю, чё у ты на сердце лежит, Лил'пип. Те искренне хочется помочь народу, и ты на постой рискуешь своей жизнью ради этого, даже коль некоторые этого не заслуживают. Я тут не стану распинаться с вопросами о том, чё я о те знаю, тока из-за того, чё какой-то пони, не знающий тебя так, как я, вякает тут. Ну так пусть и идёт лесом!

Я почувствовала, как на глазах наворачиваются слёзы. Я обхватила копытами большого, тёмно-рыжего пони и обняла его от всей души.

* * *

— Ты можешь посмотреть в него, если хочешь.

Это было первое, что СтилХувз сказал мне после моей вспышки час назад. Вельвет Ремеди была в комнате и осматривала нашу провизию. Каламити наполнял наши фляги из очистителя воды СтилХувза. Я закончила собираться, и мой взгляд бесцельно бродил по комнате. Наконец, он упал на шар памяти под фотографией Эплджек, главы Министерства...

Я сообразила, что я действительно не знаю, какое же министерство Эплджек возглавляла. Но у меня было достаточно подсказок, чтобы иметь несколько догадок.

— Вперёд, — СтилХувз подбодрил. — В него давным-давно никто не смотрел. Кто-то ещё должен помнить это.

Сперва я посмотрела на Стального Рейнджера, затем на шар. Я задалась вопросом, зачем какому-либо пони, кроме единорога, держать у себя шар памяти, ведь только единороги могли заглянуть в него. Это не имело никакого смысла. Разве что, только делиться им с другими. Или хранить его. Но даже хранить было всё равно, что выбросить, если никто и никогда не заглядывал в шар.

Я с уважением кивнула на такое предложение. Затем наклонилась вперёд, направив рог на шарик, и сосредоточила на нём свою магию.

Мой мир погрузился во тьму.

<=====ooO Ooo=====>

Я была запряжена во что-то.

Мы стояли за кулисами в темноте тяжёлого занавеса. Эплджек стояла рядом со мной, глядя на сцену из тёмного камня, спереди был подиум с микрофоном и динамиками, а позади на стене — огромный латунный логотип "M.B.T."

Я (точнее говоря, пони, в чьей памяти я плавала) смотрел только на неё. Она выглядела взволнованно и неудобно в формальном бизнес-платье.

— Я не могу этого сделать.

Я почувствовала, что говорю, и услышала слова из моих уст:

— Всё будет хорошо. — Голос был глубоким и сильным, как у СтилХувза, но далеко не такой скрипучий.

— Они же ненавидят меня. У половины из них круп болит от мысли, что заместь того, чё бы им позволить страдать фигней, я заставляю их пахать в Министерстве. Но тот факт, чё я ищë привлекла к работе пони у Твайлайт? — По её голосу я поняла, что это всё ничем хорошим не закончится.

Я положила свою переднюю ногу на её шею (что позволило мне увидеть яблочно-зелёный цвет моей шерсти) и нежно потёрлась о неё носом. Ощущение, которое я нашла очень приятным.

— Сегодня они всё поймут и будут восхищаться тобой за это.

Я, а точнее пони, которым я была, наклонился и прошептал ей на ухо:

— А теперь иди туда и твори историю. Или я буду вынужден тебя отшлëпать.

Святая Селестия!

Оранжевая пони покраснела и дала владельцу памяти такой взгляд, что я заплатила бы что угодно, лишь бы на меня так посмотрела кобыла.

— Позже, любовничек, — улыбнулась она, немного повеселев, и вышла наружу к толпе. Пони, чью память я смотрела, спокойно наблюдал за ней, его глаза постоянно задерживались на её бёдрах, заставляя и меня смотреть. Хоть я и не могла его винить, но чувствовала я себя очень неудобно. Это была странная память для общего пользования.

Я заметила у неё кобуру, привязанную к одной ноге, в основном скрытую под её костюмом. Пока она шла, промелькнули три красных яблока на ручке цвета слоновой кости.

В приёме не было того уважения и тишины восхищения, которые получила Флаттершай, но Эплджек на подиуме встала прямо, откашлялась и начала говорить медленно и чётко.

— А теперь послушайте. Я понимаю, что не всем по нраву то, что пони из Министерства Чародейских наук работают с нами. Я знаю, что вы все хотите улучшить Эквестрию путём земных пони, и магия всему этому мешает. Но есть вещи, которые слишком важны, чтоб позволить упрямой гордости помешать нам принять помощь. Поверьте, я знаю.

— И я хотела, чтоб вы знали, какую гордость я испытываю, стоя перед вами сёдня. Многие ещё не знали, над чем мы работаем. Нам было очень важно не допустить... — следующее слово явно было не во обиходе её лексикона. — партикуляризма, чтоб сохранить наш проект в неприкосновенности от копыт зебр. Всё, что вы закончили всего за один год... не просто кучка земных пони, которые сделали куда больше за куда меньшее время, когда мы строили Эглузу.

До этого момента её слова отдавали сердитыми раскатами не выдержавшего угнетения пони. Теперь же её голос звучал сурово и смертельно серьёзно. Пони в зале наконец-то притихли. Не в страхе к ней, но к её словам.

— Когда я была молода, мой брат, Биг Макинтош, был всегда рядом со мной. Он был моим ближайшим родственником, он никогда не подводил меня. И когда Эквестрия нуждалась в нём, он и её не подвёл. Он героически служил в нашей армии, сражался за наши жизни в течение трёх лет. А потом, когда мы больше всего нуждались в нём, он совершил самую большую жертву.

— Когда та пуля зебры пробила броню и пронзила его сердце, она разбила и моё сердце тоже. — Я видела слёзы в глазах Эплджек. Её голос дрожал, но она говорила дальше. В зале теперь была полная тишина, звучал лишь её голос.

— Год назад мы похоронили моего брата. Биг Макинтоша. И в тот день я дала клятву, что больше никто из пони не погибнет в бою.

Они рискуют своими жизнями ради нас. Мы обязаны им. Теперь, начиная с сегодняшнего дня, мы начинаем возвращать им долг.

Носитель памяти начал выходить на сцену. Я почувствовала, как натянулись веревки, и упряжь впилась в мою плоть. Я ощутила сопротивление и услышала, как колеса тележки, которую я тянула, начала двигаться.

— Пони Министерства Технологии, представляю вам всем Стального Рейнджера!

<=====ooO Ooo=====>

Спустя несколько мгновений воспоминание лопнуло. Последний взгляд сохранился в моём разуме: тележка, на которой стояла волшебная силовая броня. И я тут же вернулась в реальный мир. Я посмотрела на СтилХувза, осознавая, что теперь понимаю его куда больше, чем минуту назад.

Светло-серые облака сгустились, окутывая пейзаж туманом. Всё, окружавшее нас, разрушенные годами и взрывной волной здания создавали тени и препятствия. Я постоянно посматривала на компас Л.У.М.а, чтобы мы не сбились с пути. Даже Каламити приземлился, чтобы не потерять нас.

Мы вышли на окраину Мэйнхэттена. Факт, что из-за тумана невозможно нормально увидеть город, раздосадовал меня. Каламити и Вельвет Ремеди возглавили шествие, я же плелась за ними, постоянно поглядывая на Л.У.М., в равной степени чтобы ориентироваться и высматривать враждебных существ.

Рядом с нами, чуть впереди и слева замелькала ещё одна красная точка.

— Каламити, враг на юго-западе.

Каламити кивнул и пригнулся, прокрадываясь вперед. Туман окутал его, скрывая его от моих глаз, но компас Л.У.М.а обозначил его местоположение. Вельвет отошла чуть назад, но не теряла его из виду, её рог слабо засветился, в любую секунду готовый набросить щит на оранжевогривого пони в чёрной шляпе-десперадо.

Мгновением позже раздался двойной выстрел.

Каламити вернулся:

— Гигантский радсвин.

Одно из мутировавших свино-образных существ, с которыми я столкнулась под мостом.

— Я надеюсь, вы не собираетесь жарить и съесть это, — небрежно сказала Вельвет Ремеди. — Я представить себе не могу, будто всё то мясо, что вы съели за последние несколько дней, хоть как-нибудь было полезно.

Я промолчала и лишь метнула в неё взгляд, который она, вероятнее всего, не заметила.

— Вот видишь, терь-то пнятно, с чего ты вся такая вегетарианка у нас, — засмеялся Каламити. — Ты ж никогда не пробовала бекон. Поверь, коль пони было бы суждено есть только фрукты, овёс и траву, то вкус бекона доказывал бы всю злобу и жестокость мира.

Ну зашибись. Теперь я ещё и радсвинину жрать буду.

Чуть позже, когда мы разожгли костер, Каламити начал объяснять, какие части радсвина самые вкусные. Вельвет Ремеди предпочла составить компанию СтилХувзу и держаться подальше от нас.

Её шёлковый голосок лился по воздуху, обращаясь к СтилХувзу:

— А теперь, если мы ввяжемся в бой, я надеюсь, тебе хватит здравого смысла позволить Каламити и Литлпип справиться самим. Без обид — я очень благодарна за то, что пришел к нам на помощь — но большой вклад в мою возможную кончину внесли все же твои гранаты, а не аликорны.

Я об этом так ещё не думала, но Вельвет Ремеди привела веский аргумент. Оружие СтилХувза было чрезвычайно... чрезмерным. И хотя все его прибабасы невероятно хороши для борьбы с мантикорами или аликорнами на большой дистанции, они смертельны для всех в ближнем бою или в закрытых помещениях.

Я должна была бы убедить СтилХувза придержать себя в резерве, пока не настанет момент. Я не была уверена, как это воспримет Стальной Рейнджер. Путешествовать с другими и принимать меры предосторожности, чтобы сохранить своих спутников в живых не было для СтилХувза, как я подозреваю, особо важно, чтобы долго иметь с ним дело.

—... старая песня, — Каламити говорил с Вельвет Ремеди, когда они снова шли впереди группы. — Коль я бы спел её малёх (неважно, скорее всего), ты наколдовала бы музыкашки, чтоб петь под неё?

— Ну, — неуверенно протянула Вельвет. — Я, конечно, могу попытаться. — Затем, она ободряюще улыбнулась: — А твой голос довольно хорош. Если бы ты взял пару уроков пения, то тебя можно было бы слушать с удовольствием.

Я закатила глаза. Такова уж моя Вельвет.

Нет, это Вельвет Каламити, одернула я себя. А затем окончательно для себя уяснила: Вельвет Ремеди принадлежала только Вельвет Ремеди, пока она не говорит об обратном. И только до тех пор, пока она это позволяет. А вот Каламити будет принадлежать Вельвет.

И я не собираюсь быть ревнивым третьим крылом.

СтилХувз замыкал наше шествие. Я немножко поотстала, предпочитая вовлечь его в разговор, нежели постоянно брести перед двумя пони впереди меня. В попытках начать разговор, я задала ему вопрос о воспоминании, которое я видела.

— Что за вопрос? — В его голосе читалось предположение, что я ему сейчас задам целую кучу вопросов, половина из которых не были моим делом.

— Министерство Технологий — почему М.В.Т.?

Когда скрытый за бронёй пони заговорил, я услышала нотку облегчения в его голосе:

— Официально оно называлось Министерство Военных Технологий. Но Эплджек было ненавистно это название. Она всегда говорила, что в первую очередь технологические инновации, которые разрабатывало и производило М.В.Т. служили в целом Эквестрии, а не только для войны.

Я кивнула, прислушиваясь. Эта тема грела СтилХувзу душу, в какой-то мере. Но небольшая, зеленая вспышка в небе над нами отвлекла моё внимание. Посмотрела вверх, но ничего не увидела. Я повернулась, чтобы спросить у СтилХувза, видел ли он это, но он продолжал говорить о Министерстве Эплджек; сомневаюсь, что его сейчас бы отвлекло даже крушение небесной повозки.

— Под руководством и поддержкой Министерства по всей Эквестрии расцвели десятки инновационных технических производств. А уже существующие стали во много раз сильнее, продукция Министерства стала частью ежедневной жизни пони. Такие компании, как Айроншолд, Четыре Звезды, Эквестриан Роботикс и даже Стойл-Тек. — Он повернул голову, закованную в шлем и посмотрел на мой ПипБак. — Так зачем же акцентировать внимание только на войне? Оно и должно было называться Министерство Технологий.

Я услышала музыку. Не Вельвет Ремеди и не Каламити. Патристическую торжественную музыку, тихонечко игравшую в тумане. Я

— остановилась, поворачиваясь, пока маленькая сияющая стрелка на моем компасе.

— Ну-ка, пони, всем стоять. Пойду проверю кое-что.

— Одна? — спросил СтилХувз.

— Да, — я кивнула. — Всё в порядке. Я мигом.

— И частенько она этим занимается? — Я услышала, как он спрашивает моих спутников, когда скрылась в тумане, ориентируясь на звук.

— Чем занимается? — засмеялся Каламити. — Шастает? В перерывах между исследованием случайных развалин? Да напостой!

Я приближалась к зданию, половину которого составлял гигантский амбар с выбитыми окнами. Другая, половина в тумане напоминала замок. Мой Пипбак высветил имя на моем Л.У.М.е: Главная Станция и Центральный Офис Четыре Звезды.

Музыка прекратилась с резким щелчком.

— Здравствуй, Наблюдатель.

— Здравствуй, Литлпип. Смотрю, ты обзавелась новым другом.

— Возможно, — сказала я, не подтверждая этого прямо.

И как по команде, сквозь туман раздался глубокий голос СтилХувза:

— Литлпип, ты в порядке? — Ничего себе, такими вещами как скрытность он себя явно не обременял.

— Эй, — воскликнул механический голос Наблюдателя. — Этот голос мне кажется знакомым. — Меня это не удивило. Голос у СтилХувза был очень своеобразным. И если Наблюдатель следил за мной всё это время, то он мог весьма успешно следить за Стальными Рейнджерами.

Наблюдатель — вот кого можно с уверенностью подозревать в качестве тайного агента.

Я оглянулась, высматривая спрайт-бота, но туман был непроглядным. Зато я нашла пару торговых автоматов: Спарк-Колы и Рассветной Сарсапарели. И третий в паре ярдов от них: Лавочка Боеприпасов Огненных Подков. Последний был взломан и основательно обчищен. По мне пробежал холодок от представления довоенного мира, где пули можно купить наряду с безалкогольными напитками в уличном торговом аппарате. И ничье взаимодействие не требуется.

— Наблюдатель, а существовало ли Министерство Крутости? — Это был просто вводный вопрос, в любом случае, ответ-то я уже знала.

— Ах да, Рэйнбоу Дэш, — бестелесный механический голос все же как-то умудрился передать удивление, не смотря на то, что он никак не мог. — Да, одна из героинь Эквестрии решила, что её Министерство будет Министерством Крутости. Они даже построили Штаб-квартиру Министерства на Министерской Аллее. Полагаю, Каламити упоминал об этом?

Я кивнула. Затем, осознавая, что Наблюдатель не может меня видеть лучше, чем я спрайт-бота (если честно, это бы меня и впрямь удивило бы, если бы он мог), я произнесла:

— Да.

Министерская Аллея. Я слышала об этом месте раньше, ума не могла приложить, где и когда.

После бесплодных размышлений, я наконец спросила:

— А чем Министерство Крутости занималось? — Терпеть не могла (ненавидела, прям-таки) переспрашивать о том, о чём мне уже рассказывал Каламити, а тем более зная то, о чём мне рассказал СтилХувз. Тем более, что Каламити рассказал мне тоже самое.

— Да особо ничем, — сказал Наблюдатель к моему огромному облегчению. — Ну, то есть, Рэйнбоу Дэш запустила два-три своих проекта, например, Проект Одного Пони, но по большому счёту они ничего не делали и попросту валяли дурака. Спустя пару лет Луна приказала им паковать вещички, и Штаб-квартиру М.К. отдали под склады.

У меня назрел ещё один вопрос. Я активировала заклинание сортировки инвентаря и раскрыла свои седельные сумки. Затем остановилась, чтобы окончательно убедиться:

— Ты меня видишь?

— Да, Литлпип. Я тебя вижу.

Так я и думала.

Я левитировала две статуэтки, что нашлись ранее.

— Что это?

Конечно же Наблюдатель знал ответ.

— Ограниченный выпуск Пони Гармонии. У тебя на копытах пара очень хороших магических артефактов. Лишь сорок две штуки были когда-либо сделаны.

— Сорок две? — Я то думала, что их всего шесть.

— Героини Эквестрии, те шесть пони, чьи добродетели совпали с Элементами Гармонии. Было сделано всего семь наборов — для каждой из них, и один для Луны. Эти пони, в основном, дали их друг другу, хотя пара статуэток перешла к любимым членам их семей.

Ну, в этом был смысл. У Свитти Белль была её сестры. Эплджек, должно быть, передала одну из своих собственных статуэток её жеребцу Эплснэку. Интересно, предназначалась ли изначально найденная статуэтка в Эплузе в качестве подарка для Брэйбёрна.

— О. Теперь-то я вспомнил, чей голос мне напомнил твой новый приятель, — произнесённое Наблюдателем имя заставило меня порадоваться тому, что я не пила Спарк-Колу в тот момент.

— Чей?.. — Но ответа я так и не услышала. Треск статического шума заменил голос Наблюдателя на голос Красного Глаза, который как раз говорил всем, что и рейдеры, и гули, и адские гончие есть зло. Его голос затихал, когда спрайт-бот удалялся в противоположную от меня сторону, пока совсем не скрылся в тумане.

Четыре Звезды были развитой железнодорожной компанией, которая когда-то предоставляла общественный транспорт для Мэйнхэттенского метро. СтилХувз предположил, что если монорельс всё ещё на ходу, то это будет самый простой путь через город, который проведёт нас через лабиринт обломков, большей части жутких порождений радиации и случайных рейдеров, таящихся в руинах.

Это звучало как хороший план. Поэтому я остановилась перед всё ещё освещённой картой. Эта станция была частью Ветки Луны. Ветка Селестии, которая пересекалась с этой веткой в нескольких точках вела прямо в Башню Тенпони.

Каламити закончил рыться в мусорных баках, возвращаясь с удивительным набором весьма оборотных вещей и десятками крышек. Вельвет Ремеди закатила глаза.

— Ну, надеюсь, тебе хватит крышек, чтобы принять ванну, когда мы доберёмся до Тенпони.

Я посмотрела через зал ожидания прямо на двери, ведущие в замко-подобное офисное строение. Там были почерневшие панели,

которые выглядели как ниши для турелей, которые уничтожили кучу лет назад. В любопытстве, я подбежала к двери и толкнула её. Закрыто.

Ну, для меня это только начало.

— Ты чего делаешь? — спросил Стилхувз, и к нему тут же присоединились остальные.

— Хочу посмотреть, что там, — просто ответила я, сфокусировавшись на замке. Этот был сложным. Четыре Звезды не желали просто так расставаться со своими секретами. Что лишь добавило мне решимости узнать, что это были за секреты.

Я услышала, как Каламити издал смешок, в котором ясно читалось "Я же те говорил".

Замок щёлкнул. С триумфом я распахнула двери.

В мгновение ока я осмотрела пространство угрюмого зала: полукруглый стол, укрепленный мешками с песком, временные баррикады, дюжина тел Стальных Рейнджеров, рассеянных по залу. Магическая броня до сих пор держала в себе их скелеты. И ещё я увидела три выжженные дыры в потолке, где раньше крепились турели.

Остальные потолочные турели в зале Четырёх Звезд развернулись и открыли огонь. Меня застали врасплох, но Вельвет Ремеди была готова. Её щит зажёгся вокруг меня, ещё до того, как воздух успел наполниться тра-та-та пулеметного огня. Однако щит защиты не дал; пули прошли сквозь него. Затем сквозь мою броню и меня. Мое тело разорвало в агонии, десятки вещей пошли наперекосяк внутри этого здания, ведь по крайней мере шесть пуль прошли сквозь моё тело и зарылись в пол станции.

Я едва слышала рёв канонады автоматического гранатомёта СтилХувза, как я рухнула, звуки и свет покидали меня. Я как будто падала в колодезь. Через далёкие кольца я видела, как потолок взрывается целой кучей огненных шаров, затем обрушивается вниз далёким громом, погребая под собой зал.

Я вернулась в мир живых, приходя в сознание и сразу чувствуя боль; Вельвет Ремеди заливала мне в глотку ещё одно экстра-сильное зелье восстановления. Я поперхнулась, судорожно глотая воздух.

— С возвращением, Литлпип. Мы тебя чуть не потеряли. — В голосе Вельвет слышалась твёрдость, вызванная беспокойством.

— Что произошло?

— Бронебойные пули, — прозвучал голос Каламити откуда-то из-за груды щебня. Он был недоверчив и встревожен.

— Прекрати! — приказал СтилХувз. Я запаниковала, задавшись вопросом, что из того, что я сейчас делала, можно было прекратить, но его восклицание было направлено Каламити. — Я не позволю тебе мародёрствовать над телами павших Рейнджеров.

— Эй, — возразил Каламити, — если ты не заметишь, им это больше не понадобится. А патроны, разбрасываемые твоим снагшибательным боевым седлом, не особ-то часто попадают в коробках с амуницией рейдеров или в ящиках столов в офисных зданиях. Нам стоит собирать всё, чём можем, и когда только можем.

Каламити ненадолго затих, а затем появился в поле зрения с гранатометным снарядами в зубах.

— Пвей мне, ни не будут п ним скуфять.

Он выплюнул снаряд в кучу собираемых им предметов, сердито взглянув на СтилХувза.

Я посмотрела на Вельвет Ремеди, пытавшуюся заставить меня выпить ещё.

— Так, впрёд в здания, которые могут быть небезопасными, заходи незаметно.

СтилХувз подступил ко мне. Интересно, насколько я сейчас была похожа в его глазах на агента супер-спецподразделения: в изодранной пулями броне, покрытой моей же липкой кровью. (Мне бы стоило её вымыть и подлатать, когда доберусь до Башни Тенпони. Или раньше. Я подозревала, что сейчас выглядела не лучше, чем когда вышла из Понивилля.)

— Ты несомненно привлекла моё внимание, — сказал он и повернулся к ближайшему мёртвому Рейнджеру, — Теперь я тоже хочу больше узнать об этом здании.

Я кивнула.

— Хорошо. Давайте поделимся. — Я подумала взять с собой Вельвет Ремеди, но осознала, что это было не лучшим вариантом. — СтилХувз со мной. Вельвет, ты не против остаться с Каламити? Вы вдвоём изучите этот этаж и подвал. Мы проверим офисы на этажах выше.

Вельвет улыбнулась. Затем упёрлась в меня строгим взглядом.

— Будь осторожна. Намного осторожней, чем в прошлый раз.

Я пообещала.

"Вниманию всех сотрудников Четырёх Звёзд:

В соответствии с новыми протоколами безопасности, всем сотрудникам будет выдано стандартное оружие военного образца. Это оружие предписано всегда носить при себе, находясь на территории компании. Невыполнение этого требования, а также ношение оружия в разряженном или ненадлежащем состоянии ведёт к преждевременному прекращению службы по единым правилам для сотрудников 13-Б.

В маловероятном случае вторжения правительственных сил на частную собственность Четырёх Звёзд, все сотрудники обязаны защищать частную собственность Четырёх Звёзд и руководящих работников. В связи с этим, все сотрудники обязаны посетить по крайней мере одну из трёх weekendных тренировочных программ Защита-Четырёх-Звёзд и Обучение-Работе-в-Команде, проводимых в этом месяце. Невыполнение этого требования ведёт к преждевременному прекращению службы по единым правилам для сотрудников 6-Е."

"Дэйзи Мэй предоставляет своё восхитительное домашнее цветочное печенье в качестве закуски после упражнений ЗЧЗОРК. Ням!"

Я уже прочла это же сообщение ранее; оно было на каждом взломанном мной терминале. Оно оставалось для меня всё таким же бессмысленным, как и в первый раз. Я взглянула на СтилХувза, чтобы убедиться, что всё было в порядке, перед тем как выбрать следующее.

Я решила, что сейчас подходящий момент, чтобы спросить:

— СтилХувз, ты когда-нибудь слышал о ком-то по имени Флаттергай?

— Почему ты меня об этом спрашиваешь? — заржал он.

— А, я слышала, что у тебя голос как у Флаттергая.

СтилХувз припопнул копытом.

— Мне такое уже говорили. — Я наострила уши. До этого момента, я полагала, что шансы того, что СтилХувз знает пони,

упоманутого Наблюдателем, близки к нулю.

— Просто шутка, — остановил он меня, когда я открыла было рот, чтобы задать вопрос.

Эх. С пронизательностью облом. Я вернулась к сообщениям на экране.

"Правила Эвакуации, Версия для Сотрудников:

Мы в Четырёх Звёздах ценим ваши обязательства перед компанией. В совершенно маловероятном случае рейда федеральных сил или, ещё хуже, взрыва мегазаклинания, защита ключевого персонала является долгом каждого сотрудника наряду с обеспечением безопасной эвакуации всех сотрудников в следующем порядке:

- 1) Президент компании Четыре Звезды и все находящиеся на собственности компании Акционеры
- 2) Члены Исполнительного Руководства
- 3) Ведущие Исследователи
- 4) Секретарь Президента, Дэйзи Мэй
- 5) Руководители Среднего Звена
- 6) Ассистенты-Исследователи с Красным, Чёрным или Золотым уровнем доступа
- 7) Ассистенты-Исследователи с Оранжевым или Белым уровнем доступа
- 8) Надзиратели по этажу

Как только все вышеуказанные безопасно эвакуированы с территории, мы предлагаем вам позаботиться и о своей безопасности.

Для обеспечения вашей защиты, мы выделили бронебойные патроны военного образца всем сотрудникам выше Надзирателей."

Я отодвинулась от терминала и зареклась, что если когда-нибудь попала бы в прошлое, то ни за что не пошла бы сюда работать.

В здании сохранилось удивительно много всё ещё функционирующей магической техники. Или, по крайней мере, сохранилось до нашего прихода. СтилХувз не церемонился, и каждый раз, когда он выводил из строя очередного охранного мозгобота или паукообразного робота-караульного, он также наносил серьёзный урон всему вокруг. Мародёрство светлосилок к поиску вещей в ящиках металлических столов и вскрытия ящиков с амуницией.

К счастью, и тех и тех в здании хватало. За прошедшие века в это место никто не смог успешно вломиться, и одних только патронов было достаточно для небольшой армии. Каламити оказался прав: ни в одном из ящиков не оказалось ракет или снарядов для гранатомёта. Зато у нас было навалом всего кроме них, включая бронебойные патроны. Даже лишние на продажу были. Распространённость последних убедила СтилХувза в том, что это здание готовили к обороне именно от Стальных Рейнджеров.

Оставалось ещё одно сообщение. И оно, судя по всему, было личным, не повторявшимся пока что ни на одном другом терминале.

"Ре: Сэтин:

Я слышал, что её взяло Министерство Морали. Обвиняют в подстрекательстве к мятежу. Агенты ММ вломались в её дом посреди ночи на прошлых выходных и утащили её с собой.

Руководство этажом выше рвёт и мечет; они уверены, что Сэтин что-нибудь скажет или, чего хуже, что-нибудь вспомнит. Что я знаю, так это то, что жду со дня на день, когда в дверь постучат эти бронированные Министерские громилы.

Нахуй эти горохомёты. Буду с собой пушку из дома брать!"

Пока я прокрадывалась вперёд, СтилХувз, развернувшись, прикрывал меня с флангов. Приходилось разделять внимание и на холл и на мой Л.У.М., проводя разведку — проверяя комнаты, роясь в ящиках столов и просматривая полки, пока на компасе не вспыхнула красная метка. Отступив, я указала СтилХувзу в направлении очередного противника, а затем задержалась в боковушке, не желая попадать под отдачу, которая сопровождала все атаки СтилХувза в таком узком коридоре.

Роботический голос взывал:

— Это частная собственность, свиньи-федералы! Сдавайтесь и будьте уничтожены!

За угрозой незамедлительно с шипением проследовала ракета. Коридор буквально наполнился пламенем. Я была просто поражена, услышав, как СтилХувз повалился на пол.

Срань лунная! Да это же прилетело от робота-охранника! Что за робот может стрелять ракетами??

Я достала свою снайперку, заряжая её бронебойными. Затем, присев, я осторожно глянула за угол.

Робот перекрывал почти весь коридор и выглядел как мутировавшая помесь танка и Стального Рейнджера. Четыре его ноги оканчивались шарообразными колёсами, неспешно продвигавшими его по коридору. Я насчитала у него по крайней мере три вида оружия, включая ракетную установку и пулемёт, установленный на грудном шарнире, который мог поворачиваться на 180 градусов.

Мне даже не удалось подобрать нецензурщины под статью увиденному, на языке было пусто как на боку младенца.

Машина катилась к СтилХувзу, лежавшему на полу, хоть и не обездвиженному. Пулемёт поворачивался в направлении упавшего Рейнджера. И я была вполне уверена, что робот тоже использует бронебойные боеприпасы.

Снова спрятавшись за угол, я прислонилась к винтовке и стала присматриваться через её прицел. Пулемёт оставил СтилХувза и начал уже поворачиваться ко мне, когда я окунулась в блаженный стазис З.П.С.. Снайперская винтовка отсчитала три выстрела один за другим.

Первые две пули пробиты по небольшому отверстию в "голове" танкоподобного охранника, но, похоже, лишь немного сбили ему прицел. Пулемёт робота прошёл стену, одна пуля вгрызлась в мою броню, больно скользнув мне по боку.

Третий выстрел угодил в ракетную установку, которая незамедлительно взорвалась. Его снаряды, предназначенные для уничтожения Стальных Рейнджеров, также хорошо сработали и против самого робота-охранника.

Моя левая задняя нога стала плохой опорой, покрытой липкой кашей из крови и моей шкуры. Я подковыляла к СтилХувзу. Его броня уже применяла лечебные зелья и укрепляющие препараты. Заклятье саморемонта брони восстанавливало её, забирая расходный металл из бронированного отделения на правом боку. Я даже остановилась на секунду подивиться на чудеса инженерии, созданные Эплджек и её Министерством.

— Ты в норме? — спросила я. СтилХувз кивнул, по-богатырски, без стонов. — Тогда я отлучусь ненадолго. Хочу узнать, что же этот монстр здесь сторожил.

Робот-стражник охранял офис президента Четырёх Звезд. Стол был бронирован для удобного баррикадирования, также в стене была секретная панель... ну, она была бы секретной, если бы была закрыта. Ящики письменного стола были заперты. Их взлом отнял

одну заколку и наградил меня чем-то вроде карты-пропуска. Я усмехнулась над тем, как иронично всё оказалось: этот пропуск позволил бы безопасно пройти через все системы роботической охраны, через которые нам пришлось прорываться с боем.

Под столом было припрятано несколько ящиков с боеприпасами. Открыв первый, я нашла полдюжины импульсных гранат. Я сразу вспомнила, что они предназначались для разрушения матрицы заклинаний брони Стальных Рейнджеров и превращения их в беспомощные статуи так же, как это сделал аликорн со СтигХувзом. Однако меня не покидала мысль, что эти гранаты были бы так же хороши и против более примитивных технологий всяческих роботов, включая стража этой комнаты. Вот уж точно — магический дробовик-драконоубийца в пещере дракона.

Получить доступ к компьютеру удалось не с первой попытки, каждый раз приходилось отключаться, прежде чем система, обнаружив вторжение, заблокируется окончательно.

"Правила эвакуации.

Версия для исполнительных менеджеров:

В случае удара мезаклинания по Мэйнхэттену, или хуже — рейда Министерства Морали — всем исполнительным менеджерам Четырёх Звезд надлежит проследовать в подземное стойло, согласно процедурам эвакуации СЗ 1А–5Г, приведённым ниже. Пожалуйста, придерживайтесь назначенных вам маршрутов.

Стойло Четырёх Звёзд гарантирует вашу полную безопасность в случае обоих бедствий, оно снабжено пищей, водой и медикаментами на весь срок действия мезаклинания — около двенадцати полных недель!

СЧЗ также имеет в наличии оружейный отдел, стрельбище для тренировки навыков, а также большое количество материалов для чтения, чтобы вы провели время с пользой. Они включают в себя руководства по акклиматизации в условиях новой среды, когда эффекты мезаклинания спадают, а также правила соответствующего этикета приветствования наших новых правящих зебра-покровителей."

Оки. Доки. Локи.

Стальные Рейнджеры не подведомственны Министерству Морали, громил вызвал кто-то другой. А ещё хуже то, что пони-управляющие ожидали это. Что же такое они здесь делали?

Согласно прилагавшейся карте, "потайная" лестница приведёт нас напрямик в подвальное помещение. Мы сможем быстро добраться к Вельвет и Каламити сразу отсюда.

Я приступила к взлому замка оружейного шкафа. Как и терминал, этот замок потребовал приложения всех моих усилий. Был большой соблазн употребить Праздничную Минталку, чтобы как-то отодвинуть границы своих возможностей. Но как раз, перед тем как я позволила себе их принять, замок сдался.

Внутри был доселе невиданный мной бронированный костюм — красный с чёрным, отделанный золотым, отлично сохранившийся. Я его вытащила и повесила себе на спину, подумав, что Вельвет будет шикарно в нём смотреться. В комплекте был и шлем, однако мне очень хотелось его оставить — пышность его красных перьев буквально кричала "стелать сюда".

Также внутри было несколько штурмовых винтовок весьма странного и впечатляющего вида. Одна из них была снабжена оптическим прицелом и глушителем. У неё был особый резной деревянный приклад, окрашенный в чёрно-белую полоску.

— Ждали ты, Лил'пип. — Каламити улыбнулся мне, когда я присоединилась к нему в подвале. Он и Вельвет Ремеди стояли перед запечатанной дверью с терминалом. Осмотрев терминал, я с удовольствием обнаружила, что там был волшебный глаз для сканирования карты-пропуска. Всё-таки для чего-то она сгодилась.

Я предложила Вельвет Ремеди одёжу, что я нашла. Она отвергла шлем как "слишком яркий", но вскоре Каламити уже помогал ей одеваться в это бронированное платье. Я же обратила своё внимание на терминал и вытащила карточку.

— В каком аду вы нашли это? — Раздался голос СтигХувза, когда он, наконец, догнал нас. Я повернулась, чтобы посмотреть на него, карточка повисла на месте. СтигХувз остановился внизу лестницы и смотрел на Вельвет Ремеди.

— Литлпип нашла его в раздевалке наверху, — ответила Вельвет Ремеди, гарцуя на месте. — Как вы думаете, оно мне идёт?

— Оно прекрасно, — ответил на выдохе Каламити. — Красный и золотой замечательно подходят к полоскам в твоей гриве и хвосте.

А затем с глуповатой улыбкой добавил: — И к тому ж я никогда не видел ничё подобного. А эт значит, никто тя не подстрелит, ошибочно приняв за рейдера или работаровца.

Волшебный глаз терминала просканировал карту и счастливо прогудел "Добро пожаловать, Миссис Президент!". Механизмы внутри начали жужжать и шипеть, когда дверь начала открываться. Дверь была не такая продвинутая, как у Стойл-Тек, но на несколько классов выше, чем лучшее, что я видела в пустошах.

— Я бы мог подстрелить её, — проворчал Стигхувз. Мы все уставились на него в недоумении.

— Это, — пояснил он, — униформа Легионера Зебр.

Каламити присвистнул, Вельвет Ремеди сконфузилась. Я отвернулась, решив, что лучше будет заглянуть в темноту открытого министойла передо мной.

Светясь в темноте, глаза по меньшей мере дюжины зомби-пони уставились на меня. В тот же момент я переосмыслила увиденное. Зомби — да. Но не пони.

Заметка: Следующий уровень

Новая способность: Кобылка действия (первый уровень) — Вы знаете заклинание прицеливания как свои четыре копыта, что делает вас на 20% круче в бою. С каждым уровнем этой способности вы получаете дополнительно 15 очков действия в режиме З.П.С.

<<< ^^ >>>

Глава 16. Башни

«Видите? Мы остаемся истинным воплощением любезности даже лицом перед настолько грубыми обвинениями. Нам здесь нечего скрывать.»

<<< ^^ >>>

Мэйнкэттен.

Больше двухсот лет назад это был процветающий, шумный центр. Мэйнкэттен провозгласили самым многонациональным городом во всей Эквестрии. Здесь жили или работали миллионы пони, он также был домом самым элитным кругам Эквестрийского общества.

Затем, в мгновение, Мэйнкэттена не стало. Миллионы жизней были поглощены вспышкой света, жара и магической энергии. Ещё сотни тысяч были убиты взрывной волной и жутким зеленым пламенем, которое испепелило практически всё, что осталось.

Теперь же всё, что осталось от Мэйнкэттена вследствие этого апокалипсиса, это Мэйнкэттенские Руины: многокилометровые лабиринты разрушенных и опустошённых построек в тени скелетов небоскрёбов, возвышавшихся над руинами, наподобие надгробий.

Пони вправе задаться вопросом, как такой холокост вообще можно было допустить. Как враги Эквестрии смогли тайно доставить такое разрушительное оружие в самое сердце нашего крупнейшего и величайшего центра?

Мне стало проще понять это теперь, когда я знала, что крупнейшая компания в Мэйнкэттене, заведующая общественным транспортом, руководилась предателями, верными врагам Эквестрии, и что подвал этого самого здания являлся плацдармом для операций зебр в пределах нашей родины.

Я посмотрела в глаза зомби-зебр и поняла, что именно так они доставили жар-бомбу в Мэйнкэттен. Что именно эти зебры несли ответственность за убийство миллионов.

Я также поняла, что мини-стойло под Четырьмя Звёздами не дотягивало до уровня качества Стойл-Тек — наряду с вредом, причинённым экспериментами Стойл-Тек, эти пони действительно знали, как строить убежища. Это посредственное стойло не способно было остановить поток магической радиации, превращавший зебр (и почти дюжину пони), которых оно должно было защитить, в омерзительных существ передо мной.

И да, я осознала, что они не столько зомби, сколько гули. Я бы сказала, что мне всё равно, но часть меня действительно надеялась, что они гули, когда я отступила с дороги.

— СтилХувз! Задай им из всего, что у тебя есть!

Туман рассеялся к середине дня, являя нам кладбище Мейнкэттенских Руин под серым, сердитым небом. Мы шли над ним, крадясь друг за другом вдоль одного из двух монорельсовых путей Ветки Луны, рассматривая сверху кварталы города, от которого остался лишь щербен. Во всех направлениях были разрушенные и разграбленные здания, почерневшие повозки и колесницы, осколки и мусор, что собрались вокруг металлических уличных фонарей. Но вот скелетов не было. Живые существа Мэйнкэттена были стерты в прах, смешиваясь с прахом миллионов других вещей, гонимых ветром.

Я начала замечать некоторые места, где всё ещё полыхало зеленое пламя. Интересно, как даже магический огонь смог продержаться веками.

Ветер нёс частицы ржавчины и пепла, а также запахи городского кладбища. Симфония скрипов и стонов наполняла город, смешиваясь со звуками осыпающегося и рушившегося бетона и перестуками металла, подвергающемуся налёту ветра. Иногда, доносившееся издали в виде эха, звуки перестрелок напоминали нам, что где-то там были рейдеры, мародёры и другие пони, снующие в скрытых улицах и потемневших зданиях.

Вспышка зелёного и золотого промчалась у нас из-за спин — потрясающая птица, устрашающая и в то же время красивая, кружила над нами, расправив крылья. Её глаза, похоже, светились, а из клюва вырывались язычки огня.

— Что это? — спросила Вельвет с благоговением в голосе, прежде чем я сама смогла подобрать слова.

— Жар-Феникс, — ответил СтилХувз, слегка присвистнув.

Зеленая с золотом птица завершила круг и устремилась прочь через затенённые улицы, исчезая из виду.

Мы снова продолжили путь. Все, кроме Вельвет Ремеди, которая просто заворожённо стояла. Она повернулась к СтилХувзу, хрипло потребовав:

— Расскажи мне о них.

С тихим ржанием мы все снова остановились. (Интересный факт о путешествии одной цепочкой: если пони останавливается, и в случае, если он не в самом хвосте, его спутники также останавливаются.) Я засмотрелась на испорченный рекламный щит, где изображённая бутылка Спаркл-Колы РАД, похоже, действительно светилась! ("Это как копытом промеж глаз! Со вкусом РАДиски!") Рекламные щиты были понатыканы вдоль Ветки Луны, словно сорняки.

— Сады Мэйнкэттена были крупнейшим заповедником в своём роде. Там проживали самые восхитительные и экзотические существа. И все они были моментально кремированы, когда жар-бомба зебр взорвалась, — объяснил СтилХувз. — Конечно, феникс имеет не такое отношение к превращению в пепел, как другие существа.

СтилХувз усмехнулся.

— Я бы не думал о приручении феникса. Они дышат огнём.

Избитая морского цвета кобыла выбежала из магазина и побежала по улице. Она кричала, слёзы лились с её глаз.

Десяток рейдеров, каждый с устрашающим оружием и одетые в старые шлемы роллеров гнались прямо за ней, выпрыгивая из окон, выламывая двери, улюлюкая и хохоча.

— На помощь!!! — Она споткнулась на бегу, и не останавливаясь, заковыляла от них. Кровь текла меж её бёдер, я видела кровотечение через прицел. — Пожалуйста!!! Кто-нибудь!!! Помогите!!! — Она многократно подвергалась изнасилованию, теперь же рейдерам просто захотелось развлечься. Они отпустили её и теперь преследовали, как будто это был спорт такой.

С высоты Ветки Луны мы находились слишком далеко, чтобы эффективно использовать З.П.С. для прицеливания, так что я навела прицел на первого рейдера — пёстро-коричневый с серым пони с кьютимаркой в виде черепа с горящими глазницами — и прицеливалась так, как учил Каламити.

— Хорошо, теперь замри и пульни по ним.

Я магией потянула за спуск. Три выстрела вырвались из зебринского автоматического карабина. Бесшумное оружие, как я уже

пожала, было не совсем бесшумным, но приглушённый звук был унесен ветром, а вес глушителя помог смягчить отдачу и удерживать винтовку на цели между пулями.

Пони-рейдер вспыхнул огнём. Он повалился на землю в криках и конвульсиях.

Я отступила, отлеветировав карабин, чтобы проверить обойму, пока Каламити сделал выстрел. Нет, я не зарядила случайно магические пули. Зебринская винтовка сама их зачаровала.

Рог туда, где у Селестии не сияет! Если это было оружие, с которым зебры ходили на поле боя...

Крики кобылы-жертвы вырвали меня из раздумий назад на поле боя. Каламити сделал второй выстрел. В снайперский прицел я увидела, что трое из налётчиков уже мертвы (один из трупов пылал на улице), а другие рассредоточились. Паникующая кобыла вскрикнула, когда, споткнувшись о поваленный фонарь, упала и заскользила по усыпанной мусором улице.

Один из рейдеров все ещё пёр на неё; я направила на него прицел. Да так и застыла, как только разглядела его — один из насильников был жеребёнком с пустым боком!

Я смотрела в прицел зебринского карабина за молодым пони, слегка дрожа. Он носил детский шлем для роллеров, в зубах был зажат зазубренный нож. Я видела её кровь на нем. Я сосредоточилась, спуск зебринского карабина начал медленно опускаться...

Не могу! Это же жеребёнок!

В ужасе я смотрела, как жеребёнок догнал упавшую кобылу, отбивавшуюся от него копытами. Я услышала шум выстрела в футе от себя и увидела, как тело жеребёнка крайне кроваво разорвало в двух местах, сила удара была такова, что его отбросило к почтовому ящику.

Я опустила зебринский карабин и в шоке посмотрела на Каламити. По другую сторону от него стояла Вельвет Ремеди, широко раскрыв глаза.

— Чавой? — Спросил Каламити, перед тем как слететь вниз, что бы помочь кобылке. — Я чё, твою мишень забрал?

Пони весёлые. Зебры не испытывают радости и страшатся её.

Пони честные. Зебры всегда лгут.

Пони верные. Зебры воткнули нож вам в спину.

Пони щедрые. Зебры эгоистичные и жадные.

Пони заботятся друг о друге. Зебры заботятся только о себе.

Я уставилась и на рекламный щит и подумала: ого.

— Это... это же просто неправильно! — произнесла Вельвет Ремеди, нарушая неловкое молчание, которое стало нашим спутником, после того как Каламити подстрелил жеребёнка-рейдера.

Двойной монорельсовый путь заложил изящную дугу, рекламный щит возвышался над висящими контрфорсами приземистого небоскрёба, расположенный так, чтобы пони-машинисты могли видеть его, когда они приближались к повороту. Он бы загораживал весь обзор с одной стороны надземной части железной дороги, если бы поезд приближался с другой стороны.

Каламити улетел вперёд. Больше чтобы дать нам место, чем для разведки. Линия Луны казалась безопасной.

Я очень хотела Праздничную Минталку, хоть в я в этом особо не нуждалась. Я просто ощущала сильную тягу к его эффектам, особенно к стимуляции мозга. Я бы просто думала намного быстрее, гораздо более чётко. Пока действует ПрМ я была бы более осознанной, а мои чувства — острее.

Если это то, что я получала от Праздничных Минталок, я начала задаваться вопросом, что же они делали с Пинки Пай?

Я поймала себя на раздумьях о Четырёх Звёздах снова. На основании того, что мы нашли в мини-Стойле (что осталось после того, как СтилХувз разгромил там всё, зачищая его от зебр), рейд Министерства Морали был в то же утро, когда взорвалась жар-бомба. Мне пришло в голову, что мегазаключение уже было в пути к месту назначения, когда Рейнджеры начали атаку.

Министерство Морали вызвало Стальных Рейнджеров, те уже знали куда и зачем идут. Знали где искать, кого допрашивать... это всё из-за опыта её подчинённых или же Пинки Пай всё это раскусывала своим чутьём, усиленным ПрМ? Я больше склонялась ко второму.

Не важно, каким негативным эффектам из-за пристрастия к ПрМ подвергалась Пинки Пай, у неё была интуиция на грани с предвидением. Предатели страшились её Министерства, она превратила их всех в суетливых параноиков. И не важно, что говорили о ней или её Министерстве, Пинки Пай удалось оказаться до обидного близко к спасению Мэйнхэттена.

Я остановилась, окинув взглядом опустошённый городской лабиринт. Миллионы пони погибли здесь, их спаситель бежал наперегонки со временем и проиграл.

Надо было отвлечься на что-либо другое. Я включила радиопередачу диджея Пон3 и стала её слушать через наушник. Хотя это всё лишь для видимости, я уже и так знала все песни наизусть. Я надеялась, что в принесённых нами записях диджей Пон3 найдёт что-нибудь для обогащения своего репертуара.

"Горячие новости," — объявил диджей Пон3 в перерыве между композициями. — *"Только что был получен отчёт о слабом сигнале бедствия, слышимом у Башни Подковы. Похоже, что Когти Блэквинг умудрились влипнуть по самые клювы. Да ты не волнуйся, Блэквинг. Башня Подковы очень близко к участку шерифа Роттингтейла. Может кто из его гулей захочет протянуть вам копыто помощи. Ах да, вы же со своими наёмниками всех их порешили. Ну что же, тогда удачи вам."*

Это был диджей Пон3 с напоминанием всем пони в Эквестрийской Пустоши: что посеешь, то и пожнёшь."

Каламити летел к нам обратно. Я выключила радио на моём ПипБаке, когда он приземлился на монорельс и объявил:

— Вам эт понравится.

Спустя несколько минут мы протопали достаточно по дуге, чтобы увидеть то, о чём нам говорил Каламити. Впереди Ветвь Селестии проходила над Ветвью Луны. Находясь на высоте двадцати футов, Ветвь Луны пролегла перпендикулярно над двойными монорельсовыми путями. Тёмная низина двойных железнодорожных путей Селестии своей непонятной расцветкой вызывала у меня мурашки.

— Ну и как же мы попадём туда? — издевалась Вельвет Ремеди.

Каламити закатил глаза и захлопал крыльями.

— Я перенесу вас — во как! Хотя, походу, наш стальной дружок будет тяжеловат для меня.

— Я могу левитировать его, пока ты меня несёшь. — Предложила я.

Каламити кивнул.

— Лады, ток будь осторожна, Лиг'пип. Ты ж не хочешь встревожить кровокрылов.

— Кровокрылов? — Я прилевитировала бинокль и осмотрела через него Линию Селестии. И съёжилась, как увидела их — в тени под монорельсом висели десятки гигантских гротескных летучих мышей-мутантов.

— Агась. Лучше б нам поторопиться, чтоб добраться до Тенпони до ночи. Не хотелось бы остаться на улице, когда она настанет.
* * *

Сколь тяжело было забраться на линию Селестии, столь же легко было и спуститься с неё. Уже наступали сумерки, когда мы обогнули поворот и встретились с грациозной аркой потускневшего серебра, изогнувшейся над монорельсом. Через арку мы наконец смогли увидеть Башню Тенпони во всём её на удивление хорошо сохранившемся великолепии. Мы часами видели её лишь мелькавшей между зданий и над ними и только сейчас смогли оценить размеры и сложность всей конструкции.

Больше половины окон светилось, многие из них потрескались, но в целом были нетронуты. Каждые двенадцать этажей здание сужалось, опоясывая себя балкончиком, в сеточной ограде которого виднелись следы грубого ремонта. С одной стороны башня вся почернела и провисла, покрытая заплатами всевозможных укреплений, добавленных на протяжении постапокалиптических десятилетий. Вывеска с названием свалилась в мощёный булыжником дворик. Огромная радиовышка устремлялась с крыши прямо в небо.

Монорельс прошёл под аркой (которая когда-то была ослепительной на солнце) и шёл вплоть до башни Тенпони, где высоко над землёй проходил через станцию Четырёх Звёзд, находящуюся сбоку самой башни.

Под потускневшей аркой висел логотип:

Министерство Чародейских Наук

Мэйнхэттенский Центр

Входя на станцию, мы увидели пони-охранников, забаррикадировавшихся за массивными стальными стенами и наблюдавших за нами через узкие щели. Стены станции были украшены картинами с изображением пони в натуральную величину. Когда-то эти картины были защищены магическими энергетическими полями, вроде заклинания щита Вельвет Ремеди. Сейчас же почти все картины почернели, были повреждены, многие без возможности восстановления, после того как щиты рассеялись и, поддерживавшие их, драгоценные камни были украдены. Все, за исключением одной: изображение знакомого сиреневого единорога. Когда-то фиолетовая с розовой полосой грива была в основном серой.

Я прыгнула на тротуар, что бежал вдоль стены, и рассмотрела картину получше. Края её были обуглены, краска вокруг неё пузырилась, но защитное поле всё ещё работало.

Остальные остановились, ожидая меня, но я помахала им:

— Я просто хочу посмотреть, я вас догону, — мои спутники кивнули и побежали дальше, никто, видимо, кроме меня, не обладал моим любопытством.

Хоть уже и не молодая кобыла, Твайлайт Спаркл выглядела на этой картине как минимум лет на десять моложе, чем в шаре памяти Пинки Пай. И значительно счастливее. Она была окружена чёткими цветами осени, на заднем плане много туманных, едва обозначенных пони создавали красочные пятна вокруг неё. Её кютимарка была скрыта, поверх неё была табличка с номером 10.

— Забег Листьев, — объявил голос позади меня, испугав меня так сильно, что я чуть не отпрыгнула назад к своей смерти. Я повернулась к спрайт-боту, который, казалось, материализовался из ниоткуда.

— Твайлайт Спаркл бегала каждый год в Понивилле. Никогда не выигрывала. — Мне кажется, металлический голос звучал... ностальгически? — Даже когда Министерство требовало всё её время.

Я смотрела на фиолетовую пони с "10" на её боку, потом взглянула на в основном нетронутый небоскрёб, который когда-то был центром Министерства Магии. Массивные буквы, когда-то образовывавшие его название, отвалились и теперь валялись кусками на земле. После я оглянулась.

— Хех. — Я улыбнулась.

Обращаясь к спрайт-боту я начала:

— А откуда ты знаешь Твай... — Но со статическим треском бот переключился опять на музыку, Наблюдателя уже не было. Я нахмурилась, поскольку, наблюдая как сферический робот уплывает прочь, подумала: "Мне только кажется, или разговоры с Наблюдателем становятся всё короче и короче?"

* * *

— Пони не могут просто войти в Башню Тенпони. — Охранник сообщил нам, хмурясь через бронированные окна и говоря через домофон. Огромные красные буквы, написанные на воротах, составляли надпись "ЗОМБИ ВХОД ВОСПРЕЩЁН!".

— У нас есть дело к диджею ПонЗ, — заявила Вельвет Ремеди возвышенно. — Хотя, если хотите объяснить ему, почему вы послали нас...

— Диджей ПонЗ ждёт вас, что ли?

— Безусловно, — вкрадчиво солгала Вельвет Ремеди. — И если бы я была на твоём месте, я бы не заставляла его ждать.

— Всех вас? — Охранник был настроен скептически.

Вельвет Ремеди сделала чрезмерно драматический вздох.

— Это мой телохранитель, — заявила она, указывая на Каламити. — И я уверена, вы признаёте члена Стальных Рейнджеров.

— Я-а... да...

— И... — Вельвет посмотрела на меня и, кажется, не знала что сказать.

Я поспешно предложила: "Ремонтница тостеров". Все наградили меня странным взглядом.

— Его... м... тостер сломался? — Вельвет Ремеди от этого вопроса поморщилась.

Охранник молча рассматривал нас. Наконец Вельвет Ремеди сказала:

— Послушайте, хотя я с радостью просто осталась бы здесь, в то время как вы нарываетесь на неприятности из-за того, что не пустили нас, снаружи уже темнеет. Возможно, сто крышек помогут ускорить процесс?

— Двести.

— Сто двадцать пять. И я не скажу диджею ПонЗ, что вы пытались вымогать у его гостей.

— Идёт. — В двери открылась бойница. — Просовывайте крышки сюда, потом войдёте.

Я начала доставать и отсчитывать крышечки. Мне уже давно хотелось разложить их всех в мешочки по двадцать для облегчения подобных задач. Две сотни крышек были довольно большой суммой для нас, но я не беспокоилась, ведь у нас было много оружия и боеприпасов для продажи внутри Башни.

— О, и ещё, — добавил охранник. — Вам придётся разоружиться перед прохождением через контрольно-пропускной пункт.

Рог им в...

— Ты заберёшь моё боевое седло только с моего холодного, окоченевшего...

Охранник усмехнулся.

— Не обязательно. Вы не должны сдавать своё оружие и боевые седла. Только патроны. Все патроны.

Я подняла брови из удивления. Это удивительно. Также резко сокращается список наших товаров для торговли. Но, по крайней мере, остались самые дорогие и тяжёлые предметы из этого списка.

Когда мы проходили через КПП, из кабинки охраны выбежала единорожка и провела своим рогом над нами. Каждая обойма, пуля, граната, ракета засверкали и стали видны даже сквозь металлическую броню СтилХувза.

— Ремонтница тостеров, — повторила она со скромной улыбкой, когда её взгляд прошёл по моим снайперской винтовке, боевому дробовику, зебринской винтовке, штурмовому карабину....

Фейсхуф.

— И Стальной Рейнджер? — спросила она, когда сняла ракеты с левой стороны боевого седла СтилХувза. — А вас каким ветром сюда занесло?

СтилХувз заржал.

— Я тут, чтобы просто убедиться, что у вас больше нет проблем с гулями.

— А, нас это уже не беспокоит, — улыбнулась она, — но всё равно спасибо.

— И поделом им. Нельзя позволять этим мерзким гулям повсюду расхаживать.

Каламити стрельнул СтилХувзу тёмный взгляд. Вельвет Ремеди усмехнулась себе под нос, но достаточно громко, чтобы все её слышали.

— О, да. Они действительно неприглядны. Не могу себе представить ничего хуже, за исключением, может быть, убийцы жеребят.

Каламити заржал и закатил глаза, надвинув шляпу на лоб.

За считанные минуты мы были лишены всех наших боеприпасов.

— Вы получите всё назад, когда будете уходить, — пообещала единорожка с важным видом, когда сгребла всё это в свою телекинетическую хватку и несла в караульное помещение.

— Я чувствую себя... как будто голым, — пожаловался Каламити. Ну, по крайней мере, у моего оружия они лишь понизили эффективность... до уровня высокотехнологичных палок и камней.

— Возможно, вы можете купить резиновые пули у шефа Грим Стара, если вы чувствуете, что вам это действительно надо, — сообщила нам единорожка, входя в караулку, дверь закрылась за ней. Каламити и я обменялись взглядами. Я в первый раз слышу, чтобы кто-то применял нелетальные боеприпасы.

Раздался громкий лязг внутреннего механизма богато украшенной двойной бронированной двери. Она распахнулась внутрь, представив взору отделанное мрамором и освещаемое канделябрами фойе Башни Тенпони.

На нас постоянно косились. Идея о высшем обществе была совершенна чужда мне. У нас в Стойле Два ничего подобного этому раздутому элитизму не было. Пустошь была грязным, разрушенным, прогнившим местом и явно противоречила всякому важничанью; единственным поводом ходить в местах типа Новой Эплузы с задраным носом было нежелание вдыхать вонь того, на что наступаешь.

— Давайте поспешим и найдём место, где устроиться, — заторопилась Вельвет Ремеди. — Мне нужно принять ванну.

— Блинство, из-за этих ребят я чувствую себя, как будто и мне надо принять ванну, — сказал Каламити, сгибаясь под тяжестью взглядов.

— А так оно и есть.

Я кивнула, раздумывая о том, как же мы найдём здесь место где остановиться. Мы проходили через мезонин, полный первоклассных магазинов (по крайней мере, первоклассных относительно всех остальных на Эквестрийских Пустошах). Если бы мы захотели здесь что-то купить или продать, то для Вельвет было бы полно работы. И я подозревала, что она была единственной, у кого было достаточно коммерческой смекалки, чтобы местные продавцы вообще захотели с ней говорить.

Вельвет Ремеди, кажется, читала мои мысли.

— Как только мы помоемся и отдохнём, мы должны разойтись. Я возьму наши товары, продам их первым же делом с утра, а затем куплю нам нормальную одежду, чтобы не выделяться в толпе. Литлпип, а ты должна похлопотать насчёт встречи с диджеем Пон3. — Я согласилась.

— А я отыщу мастерскую. Поработаю чутка над боевым седлом. До путешествий с Лил'пип у меня всегда был токо один тип патронов. Хочу сделать быстрый способ смены типов пуль. Будет неплохо использовать резиновые пули, ежели того потребует ситуация. — Он взглянул на Вельвет и на меня. — И давайте-ка мне своё оружие, чтоб я и над ним поработал, пока времечко есть.

Вельвет Ремеди левитировала свой игольный пистолет к нему.

— Ситуация вроде стрельбы по жеребёнку, что ли?

Каламити заржал.

— Неа. Я вижу рейдера — я делаю в нём дырки, — с вызовом посмотрел он на Вельвет и гордо добавил: — Эт моя политика.

— Это был ребёнок! — прошипела Вельвет Ремеди, топнув копытом.

Я оглянулась по сторонам. Мои спутники вот-вот закатят скандал.

— Так... давайте-ка мы отложим все эти...

— Любой, кто выбрал быть грязным, кровожадным рейдером, будет продырявлен, как взрослый, — настаивал Каламити.

— И ты думаешь, у жеребёнка или кобылки в данной ситуации есть какой-либо фактический выбор?

Глаза Каламити сузились, и он склонил голову.

— Ну, можт и нет. Но эт не означает, что я дам ему свободно насиловать и убивать даж когда он ещё не получил свою кьютимарку. Его потенциальные будущие жертвы не заслуживают этого. — В голосе Каламити появились опасные нотки. — В случае, если ты не заметила, Мой Маленький Насильник там...

— Да заткнитесь уже! — приказала я в конце концов. — Клянусь Богинями, ещё немного, и я расставлю вас обоих по углам!

Вельвет Ремеди и Каламити оба ощетинились. Но момента тишины было достаточно, чтобы они успели осмотреться вокруг и понять, что это не место для данного спора. Оба молчали весь вечер, пока я искала для нас место в Люкс-апартаментах Голдентейла. Наконец-таки я нашла, что искала. Это была красивая комната, мраморные стены лишь немного потрескались, сдвоенная ванная была лишь слегка запятнана, и простыни не слишком изношены и протерты. Я, вероятно, заплатила вдвое больше, чем могла бы добиться Вельвет Ремеди, но я уже была счастлива, что увела их с публики.

На следующее утро настроение у нас улучшилось. Мы приняли ванну и постирали одежду. Каламити провёл большую часть утра, подшивая и латая нашу броню. Мой бронированный комбинезон был весь в засохшей крови и в дырах от пуль. Тем временем Вельвет Ремеди упаковала оружие и найденные вещи на продажу и ушла до открытия магазинов, намереваясь осмотреться.

Я провела утро без маковой росинки во рту. Мы решили, что подождём, пока не вернётся Вельвет Ремеди с соответствующей Тенпони одеждой, прежде чем отправиться покупать еду. Тут был шикарный ресторан, мимо которого я прошла на пути к Голдентейл, и меня уже тошнило от консервов и довоенной пищи (которых, как напомнила Вельвет, у нас почти не осталось, и необходимо было запастись).

Я воспользовалась шансом расслабиться и почитать, лёжа на одной из кроватей. Я уже почти прочла все книги, какие у меня были, и собиралась отдать большинство из них Вельвет на продажу. Но всё-таки я решила, что лучше уж я их сохраню и начну собирать свою домашнюю библиотеку на узловой станции P-7.

Когда Вельвет Ремеди вернулась, принесла нам новую одежду (даже величественный плащ для СтилХувза, я чуть не грохнулась с кровати, увидев её. У неё была новая причёска, одета она была в новое стильное платье и соответствующие ему ювелирные украшения, на лице было лёгкое прикосновение румян. Она захлопала большими чем когда-либо ресницами на меня и я почувствовала слабость. Часть меня ненавидела её за то, что она заставляет меня так сильно её хотеть.

— Ого... Вельвет, ты выглядишь... — Каламити покраснел, будто перегрелся. Но, запинаясь, спросил, хватит ли оставшихся крышек, чтобы позавтракать.

Она взглянула на него,

— Безусловно, — глядя на меня, она ликующе улыбнулась, хлопая копытами. — А ещё хватит, чтобы пройтись по магазинам.

— Что у них есть?

Вельвет Ремеди усмехнулась, закатывая глаза.

— О, вы не поверите. Эти пони взяли совершенно новый уровень торговли. Двумя этажами ниже есть магазин, который продает только сыры. Прямо напротив магазина, который продает только вино.

Пафосно, как и следовало ожидать, но Вельвет Ремеди так же пренебрежительно относилась к местному снобизму, как и вся наша команда.

— Но, конечно, половина удовольствия от шоппинга заключается в поиске того, что хочется. Вот, что бы ты хотела найти?

— Кое-какие новые книги и резиновые пули.

Вельвет Ремеди вздохнула.

Ресторан был очень модным и наполнен какими-то важного вида пони. Я посмотрела на "еду" с оттенком депрессии. Не знаю почему, но я ожидала гораздо большего. Я надеялась на свежее зерно. Но вместо этого мы получили те же довоенные продукты, только по-новому приготовленные и сложенные в маленькие, но художественные порции.

Не потребовалось много времени, чтобы съесть это. И я всё ещё была голодной.

После завтрака мы разошлись. Каламити и СтилХувз отправились на поиски Шефа Грим Стара, надеясь приобрести пули и, возможно, какую-нибудь броню, которая подошла бы Вельвет Ремеди. Костюм зебры-легионера хранился в сумках СтилХувза. Вельвет было не шибко приятно его носить, особенно когда мы проходили над могилами бесчисленных пони, убитых зебрами, и я не винила её за это. Но мне очень не хотелось его продавать или просто бросить, он мог ещё пригодиться.

Мы с Вельвет пошли за покупками. В первую очередь — за едой. (В особенности потому, что я больше не намеревалась есть в ресторане, пока мы здесь). Взглянув на цены под рядами банок и коробок в продовольственном магазине, я съежилась.

— Может быть, нам стоит закупиться только на пару дней? Мы просто обязаны найти что-нибудь, если немного пошарим по развалинам.

Вельвет Ремеди согласилась, но только потому, что имела другие намерения касательно сэкономленных таким образом крышечек. Мы набрали немного припасов, потом Вельвет Ремеди на моих глазах поторговалась с продавцом, пока не сбила цену. Стоило нам выйти из магазина, как меня затащили в спа, чтобы, как настаивала Вельвет Ремеди, мы обе прошли полную программу ухода за телом.

Поначалу я сопротивлялась, но начав успокаиваться в сауне чувствуя, как расслаблялись мускулы, пребывавшие в постоянном напряжении ещё с моей последней ночи в Стойле, я вздохнула с облегчением.

Пара восхитительных спа-пони сделали нам совершенно неземной массаж. Это были лучшие крышечки, которые я когда-либо тратила. И, по правде говоря, спа-кобыла, массажировавшая мою спину, начала меня заводить.

— Я слышала, что Флаттершай каждую неделю посещала одно из таких мест вместе с моей пра-пра-много-много-пра-тётушкой. — Призналась Вельвет Ремеди, когда спа-пони массажировала мои плечи. Я вдруг почувствовала себя очень неловко.

Позже, когда мы бездельничали в грязевой ванной, мои глаза упали на книгу, что в одиночестве лежала на столике. Из любопытства я левитировала её к себе и прочла вслух: "Принципы Правильной Речи Пони. Корректируя наши мысли, мы корректируем речь". Я открыла книгу и посмотрела на титульную страницу. Внизу маленькими буквами было написано "Официальный гид от Министерства Стиля."

Я решила позже спросить спа-пони, могу ли я купить эту книгу.

Мы возвращались в нашу комнату после самого восхитительного утра, какое у меня когда-либо было. И моё внимание было сосредоточено на недавно купленной книге, когда я столкнулась с жеребцом-владельцем сырного магазина, сбив того с ног. Моя книга упала на пол вместе с кучей коробок с сыром.

Поднявшись, я начала извиняться и предлагать помощь, и тут мой взгляд упал на его кюотимарку в виде кусочка сыра.

— Ты-ы-ы!!!

Монтерей Джек встал и, отряхиваясь от пыли, ответил:

— А. Это ты.

Невысокая серая единорожка, облачённая в изящный парадный костюм, подошла и взглянула на разбросанный сыр. Затем на нас.

— У вас тут проблема?

— Да. Этот... пони... пытался ограбить меня! После того, как я спасла ему жизнь!

На этот раз уже я устраивала скандал, но мне было всё равно. Вельвет Ремеди просто смотрела. Монтерей Джек стал собирать коробки, перевязывая их верёвкой и игнорируя меня, будто я была маленьким твякяющим зверьком.

— Это правда? — спросила серая единорожка, глядя на Монтерея.

Монтерей только фыркнул. И, закончив перевязывать коробки, левитировал их к серой единорожке в костюме.

— Извините, Хомэйдж, мне придётся вернуть вам на счёт десять процентов за ненадлежащий товарный вид.

— Да, это правда, — ответила я за бежевого единорога. Ну конечно его кюотимарка была в виде сыра. Монтерей Джек заведовал сырным магазином.

Пони-охранник в старой броне службы безопасности М.Ч.Н. и с установленным на боевом седле пулемётом направлялся к нам. Повернувшись к нему, я указала на Монтерея.

— Сэр, арестуйте этого пони.

Охранник осмотрел нас обоих снизу доверху и спросил:

— По какому обвинению?

— Попытка грабежа.

Охранник усмехнулся.

— Цены у Монтерея Джека может быть и крутые, но это с большой натяжкой.

Я покачала головой.

— Нет. Я спасла его от рейдеров, и он отплатил мне тем, что пытался меня ограбить. — И, повернувшись к Монтерею, я добавила: — Они собирались переломать тебе ноги, если я правильно помню. Может быть, мне надо было позволить им это сделать?

Охранник посмотрел на меня скептически.

— Когда это было?

Я сделала паузу, а затем дважды перепроверила даты на моём ПипБаке.

— Три недели назад. — Неужели это было всего лишь три недели? Я чувствовала, что была вне намного дольше.

— Извини, — сказал охранник наконец. — Но это всего лишь твоё слово против его. И, честно говоря, так как ты не являешься гражданином Тенпони, слово твоё ничего не значит здесь.

— Вы хотите сказать, что это ему просто сойдёт с копыт? — возмутилась я.

— Литлпип, — тихо сказала Вельвет Ремеди, успокаивающе положив копыто мне на плечо. — Оставь это в прошлом. Возможно, он и пытался ограбить тебя, но ему это не удалось.

Я столкнула её копыто и развернулась к Монтерею Джеку.

— Так значит, ты будешь просто стоять там и отрицать это, не так ли? Ну так я...

— Нет, — сказал он твёрдо.

— ...не буду... стоп. Что?

— Монтерей? — Хомэйдж смотрела на бежевого единорога, её покупки были моментально забыты. Охранник вдруг застыл.

— Я ухаживаю за двумя жеребятками и кобылкой. Я должен был добраться до дома благополучно, а ты бы только зря перевела те припасы. Ты даже не была достаточно умна, чтобы обшмонать трупы. Ты бы и неделю не прожила.

— Очевидно, что нет, — прокомментировала Вельвет Ремеди.

— Монтерей Джек, — грозно произнёс охранник. — Вы понимаете, в чём вы сейчас признаётесь?

Монтерей фыркнул, глядя на меня.

— Я не лжец. И я не стыжусь того, что пытался сделать. Обеспечить жизнь своих детей важнее какой-то глупой маленькой незнакомки, которой даже не хватает здравого смысла, чтобы не идти в лагерь работоторговцев. — Он оглянулся на охранника. — После того, как Кларнет была убита, у них никого кроме меня не осталось.

Охранник заржал.

— Ну, наверное, теперь это не так. Вы знаете закон. Наказание за бандитизм — казнь.

Стоп, стоп, ЧТО?!

Вельвет раскрыла рот в изумлении. Охранник нажал что-то на своём боевом седле, и я услышала, как взводится его оружие.

— Прошу прощения, Монтерей Джек, но вы пройдёте со мной.

— Хм... Я передумала. Я никого не обвиняю. Ничего не произошло.

Охранник сердито взглянул на меня.

— Извини, кобылка. Но твои слова противоречат его словам. И, как я сказал, слово не-гражданина здесь не стоит и грязи на копытах.

Я ходила взад и вперёд перед лифтом. Это было безумием. Они не могут убить пони за то, что тот попытался и не смог ограбить другого пони, не так ли? Богини, почему я не могла просто держать свой глупый рот на замке?

Двери лифта отворились. Я отправила Вельвет Ремеди изучать законы башни Тенпони, надеясь, что она найдёт что-нибудь, пока я попытаюсь поговорить с диджеем Пон3. Войдя в лифт, я добавила это к списку вещей, которые я хотела спросить у него.

Если на то пошло, то почему сам Монтерей Джек не мог держать свой рот закрытым? В Эквестрийских Пустошах честность — не всегда добродетель.

Лифт начал скользить вверх. Я сделала глубокий вдох. Я собиралась встретиться с диджеем Пон3 и не знала, чего ожидать. Я надеялась, что он желал бы поговорить со мной. Если же нет, то это был бы долгий бессмысленный поход сюда. Ну, не совсем бессмысленный. Это была долгая прогулка для санитарно-курортного лечения.

И всё-таки она того стоила.

Двери открылись, и я вышла из лифта в богатый мраморный холл, в центре которого был фонтан. Огромный аликорн, сделанный из потемневшей от возраста латуни, вздыбился в моём направлении. На шее аликорна висело ожерелье с большим сапфиром — водным талисманом. Благодаря талисману, в фонтане текла свежая, чистая вода даже через двести лет после апокалипсиса. Я вспомнила чистую не облущённую воду в наших ваннах и спа-салоне и задумалась над тем, сколько же водных талисманов было в центре М.Ч.Н. И скольким пони эти талисманы смогли бы принести пользу, не будь они все собраны в одном месте.

Холл обнимали две лестницы, ведущие на второй уровень этажа. Через ограждавшие его перила протянулась надпись в бронзе: Министерство Чародейских Наук — Мэйнхэттен. Позади фонтана находились большие двойные двери под надписью "Библиотека имени Твайлайт Спаркл". А на самом втором уровне были ещё одни почти такие же двери.

М.Ч.Н. Станция Экстренного Радиовещания.

Только Уполномоченные Единороги.

Я сделала глубокий вдох и шагнула к лестнице. Вторая пара дверей лифта открылась позади меня. Я обернулась и увидела серую единорожку — Хомэйдж. Она вышла и осмотрелась вокруг. Я улыбнулась, стараясь не выглядеть нервной.

— Ты здесь тоже, чтобы увидеть диджея Пон3?

Единорожка кивнула. Она была примерно моего размера, единственная взрослая пони подобного мне телосложением из тех, что я встречала. Я махнула копытом, пропуская её вперед. Она, всё-таки, гражданин.

Как только подъёмник прибыл на нужный уровень, двойная дверь в С.Э.Р.М.Ч.Н. едва слышно отворилась, напомнив мне историю бродячего торговца о призраках Мэйнхэттена.

Внутри находилось множество мэйнфреймов и целые стены, увешанные мониторами с высоты птичьего полёта... ну, в общем, очень большую долю площади Эквестрийской Пустоши. Пока я разглядывала мониторы, Хомэйдж процокала мимо. После некоторых поисков я нашла на одном из мониторов Новую Эплузу.

— Впечатляет, не правда ли? — спросила Хомэйдж.

Я кивнула, заметив, что в то время, как у большинства экранов были чёткие изображения, несколько мерцали или имели искажённые картинки. Ещё был один большой набор экранов, которые вообще были черны.

— Вы были здесь раньше?

— О, несколько раз. — Она подошла к панели с кнопками и нажала одну из них копытом. Развернувшись, она побежала обратно к центру комнаты, где из пола поднимался микрофон. Рог Хомэйдж засветился и её голос изменился по волшебству.

— Доброе утро, жители пустоши! — закричала в микрофон Хомэйдж, её голос теперь был мужским и очень знакомым. — Как ваши дела? Это ваш приятель диджей Пон3, и сейчас время для... Правильно, время для кое-каких новостей!

Я осела на круп и смотрела, как голос маленькой серой единорожки передаётся по радиоволнам.

— До меня дошли слухи, что владелец сырного магазина Башни Тенпони Монтерей Джек был арестован за то, что тот решил, будто ограбить спасителя — самый адекватный ответ на доброе дело. Помните, что я всё время говорю вам, дети мои: относитесь друг к другу с добротой и уважением. А иначе ждите, когда содеянное цапнет вас за хвост в ответ.

И к другим новостям. Наконец-то кто-то прибыл починить мой тостер. Аллилуйя! Время завтрака! Проведем утро под Сапфиру Шорс.

Десять минут спустя я стояла на обдуваемой всеми ветрами крыше башни Тенпони. Хомэйдж отрегулировала драгоценный камень в центре одной из тарелок для радиопередачи.

Я вглядывалась в серый лабиринт Мэйнхеттена. Отсюда я могла видеть другое здание министерства, значительно более изношенное, Башню Подковы и даже Пони Дружбы в гавани. Далее насколько хватает взгляда простирался лишь восхитительно синий океан, постепенно скрываясь под завесой тумана.

— Иронично, не правда ли? — спросила Хомэйдж, её голос снова был нормальным. — Мне сказали, что статуя была подарком зебр, ещё до войны.

Я повернулась, чтобы посмотреть на неё, но увидела что-то далеко на горизонте, это привлекло моё внимание. Игольчатая, белая башня выросла до облаков. Я моргнула, понимая что я видела её раньше, но не там. Раньше я видела её из далека но это... было...

Я повернулась посмотреть туда, где должна была быть башня, и увидела ее. Их было две. Я достала бинокль и медленно повернулась, осматривая горизонт. Похоже, я заметила третью вдаль, торчащую из-за гор старой Эплузы.

Сколько же этих башен там было?

— Вижу, ты их заметила, — обронила Хомэйдж.

Я опустила бинокль.

— Что это за башни?

— Без понятия, — призналась Хомэйдж. — Что-то довоенное и действительно сложное. Я точно знаю, что у каждой из них пункт управления в основании и камеры наблюдения примерно на трети пути вверх. Диджею Пон3 удалось взломать одну из них. С помощью этих камер и отчётов от лояльных слушателей каждый диджей Пон3 старался держать пони проинформированными об опасностях, поднимать им настроение рассказами о героях и давать знать, что в целом происходит в пустошах. А также дать пони красивую музыку, чтобы помочь сделать жизнь более терпимой.

— Это всё, чем я могу помочь остальным. Но, похоже, как я ни стараюсь изо всех сил, это всё равно капля в море.

Я смотрела на Хомэйдж с изумлением, граничащим с благоговением.

— Ты же, напротив, можешь сделать гораздо больше. И мне нужна твоя помощь...

Заметка: Следующий уровень.

Новая способность: Так Это Делается на Ферме — Ваши критические атаки стали более разрушительными. Урон от критических атак, в том числе и при Скрытных Атаках, увеличен на 50%. Данная способность не влияет на вероятность критического попадания.

<<< ^^ >>>

Глава 17. Главный Злодей

«Говорю вам правду, какой бы горькой она ни была.»

<<< ^^ >>>

Ответы.

В течение нескольких недель я возлагала надежды на то, что если смогу добраться до Башни Тенпони и поговорить с диджеем Пон3, то получу ответы на все мои вопросы.

Сидя напротив Хомэйдж за её крохотным столиком и разговаривая за ледяной Спаркл-Колой, я задавалась вопросом, как это я умудрилась убедить себя в этом. Например, она не могла сказать мне ничего о Красном Глазе. По-видимому, его операции были в одном из немногих мест, куда она не могла заглянуть. Во всяком случае, у Хомэйдж было больше вопросов, чем у меня. К тому времени, как я закончила пересказывать историю из первых копыт о том, что же на самом деле произошло в Разбитом Копыте, и почему я сделала выбор, который сделала, стало понятно лишь то, что возложение всех своих надежд на предположения приносит только огорчение.

— Спасибо, Литлпип, — сказала Хомэйдж, протягивая мне ещё один ломтик арбуза, только что из консервной банки. — Я всегда говорю моим слушателям всё настолько точно, насколько позволяют мои источники. Ты не представляешь, как я рада иметь кого-то, кто может заполнить пробелы.

Я кивнула.

— И я благодарна за возможность рассказать мою сторону истории. Моя... репутация, кажется, выходит из-под контроля.

Хомэйдж улыбнулась.

— Незаслуженно? — Она указала на меня копытом. — Ты могла бы подумать, что то, что ты делаешь — ничего особенного, но это не так. Просто рискуя, чтобы помочь другим пони, как будто это само собой разумеется, ты показываешь пустоши способ быть лучше.

Хомэйдж подняла кусок веками сохранившегося арбуза в свои копыта и надкусила его, прежде чем продолжить:

— Ты права насчёт того, как должны пони относиться друг к другу, но в Эквестрийской Пустоши достаточно редко можно встретить пони, готовых потратить ценные боеприпасы, чтобы спасти незнакомца. Особенно, когда они знают, что эти боеприпасы могут им понадобиться завтра, чтобы защитить себя и свои семьи. Подвергнуть свою жизнь и здоровье опасности?

Хомэйдж печально покачала головой. У неё была красивая короткая синяя грива, которая упала ей на лицо, когда она сделала это. Я протянула копыто убрать ей волосы с глаз, чтобы Хомэйдж не пришлось выпускать из копыт её арбуз.

— Я боюсь, что Эквестрийская Пустошь не испытывает недостатка в Монтерей Джеках, но сталкивается с сокрушительным недостатком Литлпипов.

— Зачем он это сделал? — Я металась в отчаянии, упоминание Монтерея Джека сорвало наш предыдущий разговор. — Я просто не понимаю!

Хомэйдж смотрела на меня, удивляясь моей озабоченности.

— Гордость, я думаю. Судя по тому, что ты сказала, похоже, он действительно не жалеет о содеянном.

— Это идиотский закон, — утверждала я, топая копытом.

Хомэйдж, похоже, была не согласна.

— Башня Тенпони имеет очень строгие законы в отношении всего, что попадает под разряд "рейдерская деятельность". Это выступает в качестве сдерживающего фактора. Постарайся вспомнить, мы находимся между рейдерами Разбитого Копыта и работорговцами кратера Филлидельфии. Тенпони не просто хотят показать недоброжелательность, они хотят послать чёткий сигнал каждому в этих группах, чтобы те и не думали соваться сюда.

Чёрт возьми. Ненавистно было признавать, но это имело смысл. Но для меня всё ещё не имело смысла признание Монтерея Джека. Почему он признался? Надежда на то, что Монтерей будет освобождён, потому что он не был успешным бандитом, окончательно увяла.

Я остановилась и посмотрела на Хомэйдж.

— Он... он должен был знать о... — Я чувствовала неуверенность, как будто хватаюсь за соломинку. И что ещё хуже, я чувствовала себя ответственной за это. Хомэйдж ещё в начале разговора указала, что Монтерей Джек был тем, кто пытался ограбить меня, и он был тем, кто сделал то убийственное признание. Насколько она могла судить, у меня не было причин чувствовать себя виноватой. Но это не меняло того, что я чувствовала. В момент, когда я увидела Монтерея, я вспомнила его предательство, и чувство праведного гнева затопило меня, заставив броситься на врага. — Был ли шанс, что он не знал, что они могли бы казнить его за ... то, что он признался?

Хомэйдж покачала головой.

— Каждый гражданин Тенпони знает здешние законы. Чтобы получить постоянное проживание здесь, нужно очень многое. И знание законов — одно из простейших требований. — Я внутренне застонала, я была смущена и расстроена. Хомэйдж твёрдо добавила: — Монтерей Джек был владельцем того сырного магазина уже пять лет, а до этого он был охранником каравана, снабжавшего предыдущего владельца магазина. Монтерей знает законы.

Проклятье.

Хомэйдж и я шли по Библиотеке имени Твайлайт Спаркл. Все стены были увенчаны полками, за исключением пары читальных уголков и трёх больших сводчатых окон, позволявших ослабленному серыми облаками свету освещать библиотеку. Каждая полка была заставлена томами, копытоводствами, романами и сборниками копытописей. Каждая колонна была окружена ещё большим количеством книг. В центре стоял массивный стол, поддерживающийся не ножками, но кольцеобразной книжной полкой. Даже пространство под подлокотниками каждого стула были забиты книгами. Под окнами стояла кровать, ни с книгами, ни с полками, просто один из рассеянных по комнате предмет мебели (наряду со столом, холодильником, стульями и старым фонографом), которые говорили мне о том, что здесь обжилась Хомэйдж.

— Здесь... так много книг.

Хомэйдж подбежала к столу, где был установлен старый терминат, изливавший зелёное свечение сквозь завесы пыли. Симпатичная серая единорожка ткнула в него копытом, и из него раздался элегантный голос.

"Твайлайт, дорогая, мы действительно должны собраться в ближайшее время. Мы это годами не делали. И могу ли я говорить честно? Тебе нужно отдохнуть. Если кто-то и знает о изнурении себя, так это я. Почему бы тебе просто не взять отгул на утро? Присоединяйся к нам с Флаттершай на этой неделе. Мы даже съездим в Мэйнхэттен. Нет необходимости"

возвращаться в Кантерлот, я уверена, в Мэйнхэттене тоже есть прекрасные спа.

Так, а теперь, почему я, собственно, звоню по спецлинии: Я только-только услышала, что моё Министерство собирается обчистить Понивилльскую Библиотеку от идеологически неверных книг, и я уже знаю, что ты бы хотела сохранить их у себя. Так что, книги отгрузят у тебя. Надеюсь, что у вас там достаточно комнат. Я знаю, что в Министерстве Магии на Министерской Аллее библиотека куда больше, но нам не сойдет с копыт, если мы отгрузим все телеги, идущие в Кантерлот, не так ли?

Если у тебя нет достаточно места... только не злись сейчас... но ты могла бы попросить Пинки Пай помочь. Её министерство тоже в центре Мэйнхэттена, в конце концов. И, кажется, она всегда может найти ещё место для чего угодно. Понятия не имею, как она это делает.

Ну, ладно. Жаль, конечно, но надо закругляться и бежать по делам. Дизайн обложек для откорректированных книжек готов и просто не могу пустить их в печать, пока не буду убеждена, что каждая из них идеальна."

Я посмотрела на Хомэйдж с возросшим уважением. Здесь было не просто очень много книг, многие из них были оригинальными версиями.

Хомэйдж бросила взгляд на одну из стен, которые в основном были заставлены книгами. Над полками висела обрамлённая картина (изображающая панорамный вид долины камней и грязи) и маленькие настольные часы из дерева и латуни на одной из полок. Большое копыто прошло уже полпути между единицей и восьмеркой, маленькое копыто указывало прямо на четвёрку.

— Извини, но мне очень нужно вернуться к радио. Нужно огласить пару сообщений и проверить мониторы — не засекли ли они чего. Но, пожалуйста, чувствуй себя как дома и полистай книги, пока я не вернусь. Мне хотелось бы поговорить ещё... если тебе некуда спешить.

А мне и не нужно было, что я и сказала, хоть и знала, что, возможно, мне следовало сообщить своим товарищам, где я буду пропадать. Я извинилась, пообещав, что сейчас вернусь. Но, когда я уже собиралась покинуть библиотеку, вспомнила про записи. Повернувшись к Хомэйдж, я вынула их из сумки и левитировала к ней. Она смотрела во все глаза, словно кобылка на дне рождения, обнаружившая, что одна из коробок с подарками как раз такого размера, как игрушка, которую она так хотела.

— Я нашла их в одном из Стойл, — сказала я, стараясь не рассмеяться над её реакцией. — Думаю, ты могла бы найти им хорошее применение.

Она прыгала, визжа от восторга. Впервые с сырного магазина я почувствовала себя счастливой.

Рог Хомэйдж засветился, и она завладела записями.

— Ты не представляешь, как много это значит! Не только для меня, но для всей Эквестрии!

Я широко улыбалась, спускаясь в лифте на свой этаж.

Я всё ещё ощущала счастье, пока бежала к двери нашей комнаты. Но голоса, звучавшие изнутри, заставили меня застыть на месте.

— ...доктор говорит, что может выполнить процедуру, которая излечит зависимость, — утверждала Вельвет Ремеди. Я почувствовала, как радость утекает из меня, сменяясь раздражительностью. Они в самом деле говорили об этом? У меня за спиной? И они даже говорили об этом с доктором? С незнакомцем — никак не меньше?

— Что, типа как просто дать Лил'пип пилюлю? — Сомневающийся голос Каламити прогнал всякие сомнения в том, что они действительно говорили обо мне. — Проглоти, и все твои проблемы уйдут?

— О, нет, — ответила Вельвет Ремеди. — Во-первых, это... требует большего вовлечения. И займёт большую часть дня. Во-вторых, доктор Хелпингхуф чётко сказал, что процедура только очищает тело пациента от наркотика и избавляет от физической зависимости. Психологические элементы зависимости, вероятно, останутся с Литлпип на всю жизнь, но так ей будет намного легче.

Я занесла копыто, чтобы топнуть в ярости, но потом спокойно поставила его, не желая, чтобы они меня услышали. В этом было столько неправильного! Во-первых, как они посмели?! Во-вторых, какая зависимость? И чем мне будет легче? Я была в полном порядке. Я не принимала Праздничных Минталок уже сколько? Два дня? Какой наркоман может этим похвастаться? И в-третьих... "Хелпингхуф"? Серьёзно?

— Я в этом не так уверен...

Спасибо, Каламити. А теперь скажи ей, чтоб отъебалась.

Вместо этого он сказал:

— Лил'пип не оч хорошо переносит чувство предательства. Я видел её реакции на Стойла, куда мы...

— О, да. И это ничто по сравнению с тем, как она налетела на владельца сырного магазина, — согласилась Вельвет Ремеди. Прекрасно. Так вот что она делала, когда я попросила её разузнать о законах и о предстоящей казни Монтерея Джека. Беседовала с врачами о моих проблемах, которые, как они оба воображали, у меня есть.

— ...Мы должны быть очень осторожны в том, как мы подходим к этому делу, — Вельвет Ремеди продолжала свой абсурд. — Даже если мы вылечим Литлпип, от этого не будет никакой пользы, если мы потеряем её из-за этого. Без друзей, которые могут просто принимать её...

С меня было достаточно. Я отправилась обратно в библиотеку. Если Вельвет Ремеди и Каламити не знали где я и начали беспокоиться, то... Что ж, они это заслужили.

Хомэйдж была милостивой хозяйкой, чему я была особенно рада, так как не желала в ближайшее время видеть Вельвет Ремеди или Каламити. Хорошенькая серая единорожка помогла мне найти несколько книг, в которых я была заинтересована, и убежала наверх в радиостанцию, оставив меня тут читать.

В течение следующих нескольких часов я корпела над оригинальными изданиями "Большая Книга Чародейских Наук" и "Слесарь по замкам Сегодня", сверяясь с имеющимися у меня копиями. Я делала заметки и научилась многому в обоих предметах. Видимо, сделать книги "идеологически верными" также означает удалить из них те виды передовой информации, что могли бы вдохновить нарушителей порядка. Я слегка улыбнулась, понимая, что вся моя деятельность в юности по поиску своей кьютимарки как раз подходила под эту категорию.

Хомэйдж забежала в библиотеку чуть более двух часов назад и левитировала к себе записи и старый фонограф, что я заметила ранее. Пока я читала, она сидела и слушала музыку, её голова покачивалась в такт.

Только один раз моё обучение было прервано. Хомэйдж примерно наполовину прослушала довольно энергичную песню (о восстановлении дружбы, а именно утверждение в хоре, что жизнь без друзей — полный отстой. Это песня меня задела, и я просто не могла сейчас снова сосредоточиться на чтении). Вдруг Хомэйдж прервала песню и включила с самого начала. У меня мелькнула мысль

что она чувствовала себя подключенной к песне, но это было стёрто её провозглашением:

— Ладно, ладно. Я не могу просто слушать эту песню. Я должна танцевать под неё.

Я подняла глаза и вежливо кивнула, после продолжила читать.

— О, нет, — она топнула, — я не собираюсь танцевать перед гостьей, которая не танцует сама. Это было бы слишком неудобно. —

Мысль только начала появляться моей голове, как Хомэйдж позвала: — Ну же, вставай.

Поражённая, я подняла голову. У меня от этой песни не появлялось особого желания танцевать, и не важно, насколько оживлёнными были музыка вкупе со словами песни. И ещё мне было стыдно показывать Хомэйдж своё полное отсутствие навыков танца. Но я просто не могла сказать ей "нет", особенно учитывая, что эта библиотека была её домом, и я сделала ей тот подарок.

Так что мы... начали танцевать.

И хотя поначалу это было неуклюже, Хомэйдж сама была не шибко хорошим танцором, но отсутствие умения с лихвой компенсировалось творческой энергией. И эта её энергия и улыбка были заразительны, и я выкинула все переживания из головы. К концу песни я действительно наслаждалась, и почувствовала приступ грусти, когда она закончилась.

Следующая песня была намного медленнее, и я на мгновение почувствовала себя неловко, но я отвлекла нас обеих, спросив о картине над часами.

— Это картина Прекрасной Долины, — ответила Хомэйдж, убирая волосы с лица.

Я подняла бровь.

— Она не выглядит "прекрасной".

— Так и есть. Это ужасное место. По сравнению с ним ночёвка в Вечнодиком лесу не страшнее похода в сРа.— Хомэйдж положила копыто мне на плечо. — Лучше держись подальше.

Я никогда не слышала о Прекрасной Долине, да и побывать там желания не возникало. Однако мне стало любопытно, зачем это Твайлайт Спаркл в её библиотеке картина такого места? Этот вопрос показался мне крайне глупым — оно, конечно же, не было таким ужасным до войны. С другой стороны, оно явно не выглядело прекрасным или даже красивым. Оно выглядело пустынным и негостеприимным. Картина явно не вписывалась в библиотеку ни по цветовой гамме, ни по настроению, будто была нежеланным гостем.

— Там расположено отделение Министерства Магии, — ответила Хомэйдж.

— Оно не такое, как этот центр, — разъяснила Хомэйдж. — Под Прекрасной Долиной расположена обширная сеть пещер и пустот в породе. Вскоре после основания министерства, М.Ч.Н. прогнал обитателей этих пещер и развернуло там добычу самоцветов. Когда самоцветы иссякли, они стали использовать пещеры в качестве зоны захоронения некоторых... побочных результатов магических экспериментов Министерства.

Мой мозг рисовал мне образы монстров и всяческих нелепиц. Хомэйдж, видимо, поняла ход моих мыслей и любезно его перенаправила.

— Полные бочки странных магических токсинов. В последние военные месяцы Министерство Магии, видимо, проводило переоборудование отделения, но не думаю, что им удалось это закончить. Прекрасная Долина стала целью ввара второго егазаклипания. Многие, кому вообще не лень было интересоваться историей, считают, что Мэйнхэттен был вторым. Но по Прекрасной Долине удар был нанесён минутами ранее.

Я отметила себе, что этих мест следует избегать. Странные магические токсины вряд ли образовывали с излучением мезазаклипания хороший коктейль.

День перетекал в вечер; Хомэйдж вернулась в радиостанцию, чтобы снова накинуть на себя личину диджея Пон3. На этот раз я последовала за ней и наблюдала, как изменились её голос и манеры, когда она подошла к микрофону.

"...И пришло время для ещё одного гйда по выживанию от диджея Пон3. Сегодня я хочу поговорить с вами о двух самых серьёзных угрозах Эквестрийских Пустошей, на которые вы можете наткнуться. Нет, не радигаторы, кровокрылы или адские гончи. Нет, дети мои, сегодня я хочу поговорить с вами о их матерях. Это верно, подтяните стулья, потому что пришло время диджею Пон3 поговорить с вами об опасности радиации и порчи..."

Было что-то удивительное в наблюдении, как голос этой маленькой единорожки становится голосом Эквестрийской Пустоши.

"...Магическая радиация, как мы все знаем, является побочным эффектом мощной и злой магической ярости, выпущенной на Эквестрию. Естественно, самые большие и худшие зоны излучения находятся в таких местах, как кратер Филлидельфии, центр Мэйнхэттена... Почти везде, где взорвались мезазаклипания, за исключением Клаудсдейла и Кантерлота, которые следует избегать по другим причинам. Но даже недавно взорвавшийся небесный фургон может быть радиоактивным. К счастью, пока вы носите с собой детектор излучения, эти места можно избежать."

Более коварна радиационная угроза тем, что она проникает в пищу и воду. Всегда пейте очищенную воду, когда можете. Убедитесь, что вы несёте с собой несколько фляжек всякий раз, когда куда-либо путешествуете, и пополняйте их везде, где найдёте чистую воду. Носите с собой Антирадин..."

Большую часть этого я уже знала благодаря "Руководству по выживанию на пустошах", поэтому только наполовину слушала. Я должна была признать, что, несмотря на Монтерея Джека и глупость моих друзей, этот день был одним лучших в моей жизни. Но было уже поздно, и мой гнев на Вельвет Ремеди и Каламити, хоть и был всё ещё силен, но уже немного притупился по краям. Пора было возвращаться к ним.

"...Порча, с другой стороны, это зебра совсем в другую полосу. Никто точно не знает, что она собой представляет и откуда появляется, но мы знаем о её мутационном действии на монстров и зловерном, смертельном влиянии на пони. Запомните, ребята: порче всё равно, что на вас надето. Никакой защитный костюм от неё не спасёт. И от неё нет средства. Единственный надёжный способ определить, содержит ли место порчу, это по его репутации. Откройте это любым другим способом, и скорее всего будет уже слишком поздно..."

По мне это звучало как лучший способ спрятать что-то — поместить это в пещеру и повесить снаружи надпись: "Осторожно: Порча".

"И в новостях, один из небольших населённых пунктов в руинах Мэйнхэттена Гаттервилль замолк. Если есть кто-нибудь, кто путешествует недалеко от него, пожалуйста, загляните туда, посмотрите, что происходит, и дайте вашему приятелю диджею Пон3 знать."

И наконец, диджей Пон3 оканчивает новости со специальным заявлением:

Ну а теперь, я знаю что вам всем на самом деле интересно: что известно о той Эквестрийской героине из Стойл номер два? Как она?"

Я померкла и дала Хомэйджу умоляющий взгляд. Но не просить её о чём-либо, пока она в личине диджея Пон3, было всё равно, что просить у СтипХувза его оружие.

"Ну так у меня есть невероятные новости: Выходец из Стойла любит вас! Правильно, всех вас! И вы знаете, откуда я это знаю?..."

Я сжалась в страхе.

"...потому что она послала ко мне маленькую ремонтницу тостеров с нарочным. С завтрашнего дня в эфире появятся новые песни. Так что, верные слушатели, держите себя настроенными на эту радиоволну, если не хотите быть последним пони, кто не слышал диски, что я буду крутить для вас завтра! А теперь, это ещё раз Сапфира Шорс и её песня о том, что солнце не может прятаться вечно."

Свечение рога диджея Пон3 померкло, и я опять была в комнате с Хомэйдж.

— А ты, я вижу, не прочь легка перегнуть палку,

Хомэйдж улыбнулась.

— Просто говорю правду, как я всегда делаю.

— Ну, за исключением целого трюка с тайной личности, — рассмеялась я.

Хомэйдж одарила меня серьёзным взглядом.

— Ты же не думаешь, что высокомерным пони, населяющим Тенпони, понравится мысль о стороннике гулей, живущем в одной с ними башне? Да ещё и вещающем из неё. Если бы они знали, кто я на самом деле, то я бы не могла рассказывать обо всём как есть. Да на самом деле они бы дружно отсюда меня выдворили. Иногда, — сказала она, — быть честным — значит знать, когда не быть им.

Были ещё две вещи, которые я хотела спросить у Хомэйдж, но только одна, которую я могла себя заставить сказать. Поэтому, когда мы вышли с радиостанции, я наконец задала вопрос:

— Этим утром ты сказала, что нужна моя помощь. И так?

Хомэйдж покраснела.

— Ну, я отчасти надеялась, что ты могла бы рискнуть своей жизнью по моему поручению, но сейчас об этом просить было бы немного смешно.

Я подняла бровь, моё любопытство было задето.

— Давай, я слушаю.

Замечательная серая единорожка с синей гривой, спадавшей ей на глаза, казалось, обдумывала это. Но покачала головой.

— Скажи мне, — я слегка толкнула её.

— Мм... Я не хотела бы. Это глупо сейчас.

— Скажи мне, — я ещё раз толкнула. Её отказ делал меня ещё более любопытной.

Это уже было невыносимо.

Я остановилась на мгновение.

— Скажи, скажи, скажи!

Хомэйдж помахала копытом:

— Хорошо, хорошо. Раз уж ты у нас такая любопытная... — Она сделала глубокий вдох. И затем выпалила всё на одном дыхании: — Я хотела попросить тебя найти мне новые песни. Особые песни. Я знаю, что Свити Белль была очень близка с двумя другими основательницами Стойл-Тек, одна из которых — Скуталу. А ещё Скуталу была основательницей Алого Скакуна, чей офис и фабрика прямо тут — в Мэйнхэттене. Эта информация прошла через меня несколько лет назад, и в ней говорится, что офис Скуталу в сохранности, и в нём должны находиться несколько демонстрационных записей песен, которые ещё никто и никогда не слышал. Но сама я не смогу, потому что это весьма опасно. Это место просто кишит мантикорами.

Ух ты. Ага, ладушки, мне было определённо понятно, почему Хомэйдж считает просьбу насчет записей глупостью. А ведь она ещё даже не знает о Вельвет Ремеди.

Что напомнило мне о том, что мне нужно вернуться к Вельвет Ремеди и Каламити, к друзьям, которые сговорились у меня за спиной, и сказать им, что у меня нету лучшей идеи касательно будущего, чем до того, как мы сюда пришли. Мне нужно было отвлечься. И это было, действительно, ради доброго дела. Не говоря уже о том, что мне снова хотелось увидеть сияющее лицо Хомэйдж.

— Хорошо. Сделаю.

Хомэйдж пялилась в пол, крутя копытом. После моих слов, её голова взмыла вверх, недоверчиво вперив в меня взгляд:

— Но п-почему? — пролепетала она.

Я решила попробовать дать свои объяснения с благородством и долей лукавства вместе. Но большая часть меня ощущала, что лжи нет места в обители диджея Пон3. Поэтому я сказала ей:

— Потому что я понятия не имею, что делать дальше. А мои спутники ожидают, что я вернусь с планом. А ещё, если честно, потому что ты попросила меня об этом. — Придав своим словам немного лести, я добавила: — Я была бы счастлива помочь тебе, Хомэйдж.

Она моргнула:

— Так, хорошо, а ты не прослушала, случаем, часть про мантикор?

Я усмехнулась:

— Не-а. С последней заварушки у меня появилась пара нового оружия. Думаю, мы справимся. И не беспокойся, — добавила я, чтобы она не чувствовала себя виноватой. — Если это будет слишком опасно, то мы свалим оттуда.

Хомэйдж твёрдо кивнула, принимая аргументы, из-за чего её волосы снова упали ей на лицо.

— Ладно. Но если уж ты идёшь на нечто опасное ради меня, то без награды ты не останешься. Я уж знаю, о чём говорю!

Я вскинула голову, не намереваясь прямо-таки принять или отклонить её предложение, но мне было слишком любопытно, чтобы отклонить предложение, не услышав его.

— Я слышала, что твой друг Каламити расспрашивал всех в округе по поводу потокового регулятора. Ну, так уж случилось, что у меня такой имеется.

Я была не очень-то уверена, что мне хотелось, чтобы у нас был этот потоковый регулятор. Идея путешествовать на бомбе, несомой пегасом, была не очень привлекательной.

До того, как вернуться к своим спутникам, я сделала ещё одну остановку. Я подозревала, что Вельвет Ремеди не так уж и усердно проясняла ситуацию с Монтереем Джеком (учитывая, что вместо этого она бегала по докторам насчёт меня). Но я знала, что мне стоило

использовывая её сомнения в пользу своей невиновности. А из того, что я поняла, Вельвет Ремеди очень быстро загнала себя в тупик.

С другого боку, мне нужно было поговорить с Монтереем лично, прежде чем строить дальнейшие планы, особенно если эти планы включали в себя пункт оставить его на произвол судьбы. К сожалению, констебли Башни Тенпони не позволили бы не-гражданке, вроде меня, находиться возле него.

Но это не беда.

Волна ментолового вкуса, и мир взорвался яркими красками. Пройти мимо охранников было раз плюнуть. Я была очаровательной умной кобылкой; даже если они мне были не интересны, я была определённо интересна им. Я даже была в состоянии уболтать одного из них дать мне карандаш и планшечку. Что было замечательно, потому что сейчас, когда мой разум освобождён от природной вялости, у меня появились идеи!

Потоковый генератор будет непревзойдённым приобретением. Как закончим дела в Башне Тенпони, вернёмся обратно и отремонтируем Небесного Бандита. Может, заложим крюк домой, на станцию Р-7, чтобы маленько починиться и привести в порядок. Затем мы смогли бы направиться прямо на Филлидельфию, не обращая никакого внимания на опасности...

— Чего тебе надо? — Кислый голос Монтерея Джека прорезался сквозь моё погружение в гениальность от Праздничных Минталок. Я посмотрела и обнаружила его стоящим на кровати из заплесневелого сена в задней части ограждённой решеткой камеры.

Я заново переосмыслила то, где и ради чего я здесь. Глядя на неприятного бежевого жеребца, я рубанула с плеча:

— Зачем, во имя Селестии, ты признался в том, что сделал? Ты знал, что тебя посадят, а то и убьют за это.

Монтерей Джек вперила в меня ледяной взгляд. И, наконец, как если бы он говорил с ребёнком, произнёс:

— Потому что Эквестрийская Пустошь требует жертв. Ты ещё не пробыла тут достаточно долго, чтобы понять это... — Он осмотрел меня. — Но полагаю, ты уже начала понимать. Уже не невинная маленькая кобылка, которой ты была три недели назад, не так ли? Ты убивала. И не просто чудищ, ты убивала других пони. Скажи, когда ты вышла из того Стойла, ты была убийцей?

Шокированная, я подалась назад. Я понятия не имела, как это могло быть с чем-то связанным, но я знала, о чём он говорит. Я помнила, как смотрела на меня Вельвет Ремеди — словно я была по круп в крови. Так я себя представляла в тёмные времена и в кошмарных снах.

— Я знаю, что ты мародёрствовала над трупами. Как насчет воровства у рейдеров или у других пони, которые такие плохие, которых Пустошь довела до такого безумия, и значит, что оправдать можно довольно много из того, что ты им причинила? А как насчет тех пони, воровство у которых сложнее оправдать... Или теперь воровать у всех подряд просто и легко? — Слова Монтерея Джека пробудили воспоминания о взломе в сарае Сильвер Белл.

— А ты ещё никого не предавала? Не оставила никакого пони подыхать, спасая собственную шкуру? Убивала невинного, только потому, что это единственный способ спасти себя и близких? — Он тараторил на меня, читая отвращение в моих глазах. — Нет? Как насчет более мелких вещей. Доводилось просто уйти?

Разум тут же нарисовал голубую пони, загоняемую насильниками. Но это же не в счёт! Мы даже спасли её жизнь. Каламити даже дал ей целебные зелья. Мы же не просто бросили её на произвол судьбы. Мы помогли! ...А потом оставил её. Вельвет Ремеди, поняла я под ПрМ, ни за что бы не позволила нам уйти не удостоверившись, что кобылка в безопасности и не травмирована расправой Каламити над жеребёнком. Но я-то почему на этом не настаивала? Что со мной не так?

Монтерей Джек ждал. Единственный ответ, который я могла дать — кивок. Я кивнула ни на один из его вопросов конкретно, я просто внимательно слушала то, что он говорил.

— Пустошь Экестрии требует жертв. Она заставляет обтёсывать частички самого себя, пока ты не перестанешь узнавать себя. Так ты находишь добродетель. Ты находишь в себе что-то, во что ты веришь, с чем ты не будешь искать компромисс. Никогда. И до тех пор, пока ты хранишь эту частичку себя, одну добрую черту, только тогда ты сможешь перенести вид того, кого ты видишь в зеркале каждое утро. Это становится твоим якорем, вещь, которая позволяет жить самим с собой.

— Моя добродетель, мой якорь, это то, что я честный пони. Я хозяин своему слову. Я никогда не обманывал покупателя. Я не лгу. И до тех пор, пока я смотрю на себя и знаю, что я всё ещё честный пони, то я могу выдержать всё, что я сделал для обеспечения безопасности моей кобылки и жеребят.

— Но... — Я уставилась на него, не желая понимать. — Ты же мог молчать!

Он взглянул:

— Ну, и как долго? Я вернулся, а чёртово радио о тебе уже всем уши прожужжало. Мои дети каждый день слушали новости о твоём, Селестия побери, героизме. Они же тебя, блядь, боготворят. И каждый день я помнил, что я повстречал их кумира и попытался её ограбить. И я молчал, но непроизнесённая ложь остаётся ложью. И этот яд убивал меня не хуже любой петли на шее.

Его глаза сузились, и он вытянул свою морду через решетку так близко ко мне, как только смог:

— Не думай, что я сделал это ради тебя. Я это сделал, чтобы спасти себя. Даже если это меня убьёт.

Я отступила. Я не была уверена, был ли Монтерей Джек сломлен, валял ли дурака... или был до ужаса, до мурашек в своём уме. Я развернулась, чтобы уйти.

Когда я вышла за дверь, он крикнул мне вслед:

— Если ты ещё не нашла свою добродетель, то тебе лучше поторопиться. Пока в тебе осталось то, что ещё можно спасти.

Во мне всё ещё бурлила крутость Праздничных Минталок, когда я наконец вернулась к остальным. Так что убедить их присоединиться ко мне в охоте на музыку было легче паренной репы. (Я была убеждена, что возникнут конфронтации, но когда я пришла, Вельвет Ремеди была погружена в шар Флаттершай, давая мне шанс сперва поговорить с остальными). Каламити я как раз напомнила про потоковый регулятор. Для Вельвет Ремеди я повернула дело как шанс впечатлить диджея Пон и, возможно, записать свою собственную музыку. Она напомнила мне, что она теперь доктор, не просто певчая птичка из Стойла, но это её не совсем искреннее нежелание, я смогла преодолеть, заявив, что это позволит её прекрасным песням свободно порхать. СтилХувз же вообще не вмешивался — ни с желаниями, ни с возражениями.

Фабрика "Алый Скакун" была далеко от линий Луны или Селестии, так что спустя полчаса мы брели через городские трубы Руин Мэйнхэттена. Ломка от Минталок была сильной, как никогда раньше, и единственная вещь, удерживающая меня от съедания ещё одной, было обещание, что продержусь до Алого Скакуна. Я не могла сражаться в таком состоянии: тупой и полуслепой. Мне нужен этот перерыв. И если я сейчас приму ещё одну, то есть риск, что ломка начнётся прямо посреди боя. Так рисковать я не могла.

Отойдя назад, чтобы идти рядом со СтилХувзом, я заметила, что Каламити и Вельвет Ремеди неосознанно изменили шаг, чтобы проложить дистанцию между собой. Я закатила глаза. Они и раньше то были не супер. Депрессия всё усиливалась, а их молчаливое противостояние совсем не помогало.

— Итак... почему ты ещё с нами? — спросила я, надеясь, что мой тон не был глупым или обескураживающим. — Ты уже проводил нас до Башни Тенпони.

— Ты хочешь, чтобы я ушёл? — раздался глубокий голос из брони Стального Рейнджера.

Я замахала копытом:

— Нет, нет, я не это имела в виду. Я просто... я хотела знать, почему такой пони, как ты, продолжает со мной путешествовать.

— Может, мне просто больше делать нечего.

Я смотрела вперёд, не веря ему ни на грош. Хотя, зачем ему лгать? Похоже, все мои спутники готовы были уставиться на меня.

Вела ли я себя, как параноик? Или же СтилХувз был угрозой?

Погруженная в мрачное созерцание, я не заметила, как остальные впереди меня остановились. Я стукнулась об круп Каламити, царапнув его броню своим рогом.

— Эй. А чего..? — начала я раздражённо спрашивать, но слова так и застряли у меня в горле, когда глаза увидели огромный плакат на свободно стоящей разрушенной стене.

Плакат изображал пегаса, закованного в гладкую чёрную броню. Броня выглядела устрашающей, почти насекомообразной. Боевое седло выглядело как панцирь из оникса с двумя торчащими антеннами, кончики искрились зелёной магической энергией. Как и у СтилХувза, даже хвост пегаса был защищён пластинчатой бронёй. Но в отличие от брони Стального Рейнджера, здесь хвост служил и в качестве оружия, заканчиваясь диким, светящимся шипом. У меня было такое чувство, что я видела кошмарную версию брони Стальных Рейнджеров. Под пегасом, застывшим в воздухе в наиболее угрожающей позе, были нарисованы зебры — убитые или разбегающиеся.

НЕ БОЙСЯ, ЭКВЕСТРИЯ!

МЫ ЗАЩИТИМ ТЕБЯ!

Наконец, Каламити захохотал, издеваясь:

— Агась, точняк. Однажды, Анклав Великих Пегасов прилетит вниз с небес, дабы спасти всех нас, маленьких понишек. Может даже сразу после полуденной дремы.

Он наклонился и громко прошептал:

— А вот хрен вам, и не надейтесь. Это. Никогда. Не Произойдёт.

— Каламити?.. — начала Вельвет Ремеди, кажется, забывшая, что злилась на него.

Отвернувшись с отвращением от плаката, он рысью помчался прочь:

— Лентяи. Выпендрёжники. Это один хрен, что они взяли величайшую из нас, отбросили всё хорошее и замечательное, пока не остались ни с чем, кроме её недостатков, и не решили "а и так сойдёт!"

* * *

— Кажется, за нами следят, — заметил СтилХувз, когда мы проходили через разваленный двор, приближаясь к возвышающемуся зданию, почерневшему и наполовину поеденному ударом апокалипсиса. Я уставилась на карту ПипБака — фабрика "Алый Скакун" должна была быть прямо перед нами. Услышав замечание СтилХувза, я обернулась, взглянув на Л.У.М., больше доверяя прибору, чем собственному зрению в тусклом свете.

Ветер гонял по внутреннему двору фабрики мелкий мусор, сквозь трещины в серой каменной мостовой пробивалась пожухлая трава. Я окинула взглядом платформу, когда-то образовывавшую центр всего двора, платформу, на которой когда-то возвышались статуи нескольких пони. Статуи разрушились и раскрошились, от фигур остались только копыта, гротескно торчавшие из поверхности постамента. Я стала поворачиваться, осматривая местность, пока снова не уставилась на СтилХувза и на побитое взрывами здание, возвышавшееся над нами. Однако ни я, ни мой Л.У.М. ничего не засекали. В этот раз.

Я была уверена в правоте СтилХувза. Я тоже раньше что-то замечала, что-то, что удивительным образом показывало, насколько затуманенными казались все мои чувства. Но нет, здесь на самом деле был кто-то или что-то, державшийся на пределе дальности локатора. Этот объект был помечен как невраждебный, заставляя задумываться: то ли он держался в отдалении из-за стеснительности, то ли из-за осознания пределов возможностей техномагии Стойл-Тек.

Будто по команде, на Л.У.М.е вспыхнула отметка. Я обнаружила «Хуфбитс». Я обернулась снова посмотреть на здание, на этот раз с удивлением. Я помнила, чем было это здание когда-то: это было Мэйнхэттенское отделение Министерства Морали. Я видела его с высоты башни Тенпони. Однако фасад вполне определённо объявлял (своим дерзким оформлением и неоновыми надписями) строение центром шумного музыкального городского движения.

В отличие от местного отделения Министерства Магии, Министерство Морали не развешивало своих вывесок вдоль линии Селестии, не было даже маленькой таблички где-нибудь на стене. Его небоскрёб был безлик и безымянен, а также монолитен начиная с третьего этажа. Первые два этажа были отведены под то, что я расценила, как один из самых популярных клубов Мэйнхэттена (вспомнив признание Вельвет о том, что Пинки Пай и Винил Скретч по крайней мере один раз вместе выступали в Хуфбитс). Даже мой ПипБак не пометил его как Министерское отделение, будто это был секрет... который и так уже все знали.

В своё время центр Министерства Магии воплощал в себе все мои представления о министерских зданиях, вплоть до сумасшедших магических защит, ограждавших его от удара жар-бомбы. Но здание МинМор из-за ряда причин, начиная с явного недостатка защит и заканчивая его расположением над общественным клубом, в мои представления явно не вписывалось.

Я прошла вперёд, представ перед сияющими пастями разбитых окон Хуфбитс. Я попыталась представить его зал, полный пони, танцующих под песню Вельвет Ремеди, с которой она выступала в Разбитом Копыте. Как только я опередила Каламити и Вельвет, на Л.У.М.е появилась красная метка, а затем ещё одна. И ещё. Я остановилась, сделав всем знак задержаться. Присев, я двинулась вдоль Хуфбитс пока не достигла угла, где тротуар был покрыт обгоревшими кусками торговых автоматов.

Когда я осторожно глянула за угол, на локаторе появилось ещё несколько меток.

А ты не прослушала, случаем, часть про мантикор?

Фабрика "Алый Скакун" находилась буквально напротив внутренней аллеи от Хуфбитс. Красные и рыжие туши мантикор заполонили всё здание. Я наблюдала за тем, как несколько мантикор сорвались с террасы двенадцатого этажа и принялись кружить вокруг здания, пока одна за одной не сели на другие выступы. Две зверюги топтались во внутренней аллее, одна стояла ко мне спиной, её хвост раскачивался в паре дюймов от моей морды. Другая чуть поодаль рылась в мусорном баке.

Я спряталась обратно за угол и в расстройстве посмотрела на остальных. Все с выжиданием уставились на меня. Просто удача, что не было ни одной из этих тварей во дворе. Я подозревала, что теперь знаю, что случилось со статуями пони.

Луна, помоги мне. Что же делать? Думай. Думай...

Мне нужна была Праздничная Минталка. Я была уверена, что только съев её и получив взрыв рассудительности и ускорение мысли, я смогу решить эту проблему. Но после того, что я подслушала, чем занимались мои спутники, я не могла рисковать, чтобы они увидели,

как я съела ещё одну.

Я развернулась, стараясь не попасться им на глаза, и сколдовала заклинание сортировки ПипБака, затем левитировала баночку из сумки. Я держала голову наклонённой, в надежде, что мой рог светился недостаточно ярко, чтобы они заметили его в странных серых сумерках заката. Я левитировала одну ПрМ из банки и с жадностью закинула её в рот.

Как и ожидалось, она была вкусной, я её проглотила и засунула баночку назад. Сразу же серая пелена улетучилась с глаз, и мир стал намного ярче и лучше. Я сделала ещё один быстрый взгляд за угол, на этот раз ещё более осторожно. Мантикора, казалось, не двигалась. Даже хвост был почти в том же положении. Её спутница повалила мусорное ведро и пошла к следующему.

Я посмотрела в небо. Я была достаточно умна, чтобы справиться с двумя мантикорами. Без проблем. Но даже с Минталками я не могла обработать всё стадо. Я думала, Каламити мог бы перенести нас к одному из выступов, но мантикоры тоже могли летать. Они были тяжёлыми лесными существами и, казалось, никогда не летали высоко, но...

Мой взгляд наткнулся на что-то красное вверху. Что-то, не похожее на мантикор. Совсем не похожее.

Завод "Алый Скакун" среди прочего производил самокаты. Насколько я могла судить, он был особо известен как раз за эти маленькие красные самокаты. И было ясно, что "Алый Скакун" очень гордится ими, ибо завод когда-то был украшен гигантским красным самокатом более десяти метров в длину. Гигант уже не сидел на своём месте на строительных лесах на крыше. Леса заржавели и рухнули, а самокат упал и вклинился между зданиями Министерства Морали и Алого Скакуна примерно на уровне пятнадцатого этажа.

Образца мост.

Теперь я знала, как пробраться на фабрику.

* * *

— Ты действительно чокнутая, — наконец прокомментировал СтилХувз, выслушав план. Вельвет Ремеди внимательно смотрела на меня, как будто просто смотреть было достаточно, чтобы определить изменение в настроении.

— Знаешь, Лил'пип эти здоровые здания выглядят не шибко устойчивыми. Я так думаю: быть может нам лучше разбиться на пары и попытаться найти более лучший способ подняться. А то так будем рыскать тут до посинения.

Я согласилась. Не только потому, что я хотела быстрее двигаться, чтобы эффект от ПрМ не иссяк до того, как мы поднимемся и перейдём тот "мост", но я ещё и не была уверена, что полы в том здании смогут выдержать вес более двух пони одновременно. Тем более, когда один из пони — СтилХувз.

— Я пойду со СтилХувзом. Я лёгкая, и я могу использовать левитацию, когда это необходимо.

Вельвет Ремеди бросила один взгляд на Каламити и вмещалась:

— Нет! Я... я должна пойти с тобой, а СтилХувз пойдёт с Каламити. Он полетит. Так что нагрузки от веса не будет.

Каламити хохотнул, закатив глаза.

— Как пожелаете, принцесса. Итак, Рэйнджер, как насчет небольшого шмона?

— Пока ты будешь нести — без проблем, — прямо заявил СтилХувз и пошёл за Каламити прямо в одно из ближайших оконных рам Хуфбитс. Вельвет Ремеди задрала нос, поравнявшись со мной, когда мы тоже пошли.

Когда мы вошли в темноту, Вельвет Ремеди сфокусировалась, подсвечивая свой рог. Первое, что я заметила — автомат по продаже жвачек. Жвачки оплавилась и слиплись, образовав одну здоровую массу, обернутую в стекло машинки.

Центральная площадка Хуфбитс представляла собой три этажа мезонины над танцполом, который по сути находился в цокольном этаже. Платформа для музыкантов когда весела под потолком, придерживаемая кабелями. Теперь она торчала в полу, дико наклонившись, она пробила танцпол и была похожа на тонущий корабль.

— Разве это плохо, что я завидую тем пони, которым довелось выступить здесь? — спросила меня Вельвет, когда мы прошли под рядами подвешенных к потолку колонок, каждая больше, чем взрослый жеребец. — Или что я расстроена, видя это место уничтоженным?

Я покачала головой.

— То, что ты мечтаешь быть медицинской пони, вовсе не означает, что ты должна от этого меньше любить петь. — Так или иначе, я просто знала, что мои слова были правдой. Должно быть, из-за понимания и социального изящества, что давали ПрМ. Потому что я не была уверена, смогла бы я понять, что её беспокоит, не будь я под действием ПрМ. — Ты не изменяешь своей мечте или своей свободе пением.

Вельвет Ремеди приостановилась, потом заржала, улыбаясь.

— Спасибо, Литлпип.

Я улыбнулась в ответ, обходя обугленный скелет. Потом остановилась, глядя на него. В отличие от улицы снаружи, где пони просто испарились от вспышки, здесь они сгорели заживо. Я поморщилась, стараясь не представлять поток пламени, прорывающийся в танцевальный клуб. Я поняла, что, должно быть, центр Министерства Морали имел собственную магическую защиту, но не столь сильную, как у министерства Твайлайт Спаркл. Она, должно быть, и задержала на какой-то миг основную волну, прежде чем разрушиться. Инферно, поглотившее это место, было не менее окончательным холокостом.

* * *

Жар-бомба зебр была взорвана в центре Мэйхнэттена поздним утром, когда на улицах, вероятно, было меньше всего народу. Чего нельзя сказать о министерстве. Мне пришлось пропахивать своим волшебством путь через множество скелетов пони, которыми были полны почти все этажи.

Красные точки замелькали на компасе Л.У.М.а. По глупости, сперва я решила, что это призраки, о которых говорил нам торговец с механической совой. В любом случае, я сейчас была готова в это поверить.

— Кто? — требовательно спросил домовый робот-сова, залетев в коридор. Я замерла. Не в страхе, но в полном изумлении. Враждебный охранный робот-сова? В самом деле?

Механическая сова открыла клюв, и тонкая линия розовой магической энергии рассекла воздух, поразив закопчённую вазу на журнальном столике рядом со мной. Ваза полетела со стола, ярко светясь розовым, и рассыпалась розовым пеплом, ещё до того, как ударились об пол.

Видимо, да. В самом деле.

Я услышала звук стрельбы боевого седла Каламити в другом месте на этаже. Я левитировала свой боевой дробовик из кобуры и прицелилась в механическую птичку. Я чуть не выпалила в Вельвет Ремеди, которая внезапно пронеслась передо мной и поразила металлическое существо своим рогом, точно копьём.

Я дрожала и одновременно чувствовала панику, облегчение и гнев на Вельвет Ремеди, которая остановилась и вперила глазами в утихшего робота, что был нанизан на её рог. Она замотала головой, пытаясь сбросить его.

— Литлпип? — сказала она наконец со звуком отчаяния в голосе, выглядя комично. — Чутка помощи, пожалуйста?

— Только. Если. Обещаешь. Не бвыскакивать больше Перед дулом. Заряженного ружья..

Она остановилась, глядя на меня, мёртвая сова на рогу. Её глаза расширились, как её взгляд упал на мой дробовик.

— Боже мой.

— Вот уж точно Боже мой. — сказала я мрачно, хотя мой гнев и поуменьшился. Я обернула сову в мою магию и сняла её с рога Вельвет. Я хотела злиться на неё, но она выглядела так мило сейчас.

Пфм. Пфм. Пфм.

Пуля прошла через первую сову, воспламенив всё внутри неё. Ещё две пули рассекли воздух и врезались в стену со вспышками огня. Когда механический страж упал, я переключилась между целями с отточенным мастерством З.П.С.. Нажав курок ещё раз, я послала ещё три пули во вторую сову.

Тонкая розовая линия ударила меня в спину, вызвав жгучую боль, но, к счастью, не превратив меня в розовую пыль. Даже не дожидаясь, когда вторая механическая сова упадёт, я развернула ствол винтовки и указала на врага позади меня. Три пули пробили третью сову, и она, загоревшись, шмякнулась об пол. В воздухе пахло озоном, жжённой проводкой и других внутренностей роботов.

Выдохнувшись, заклинивание прицеливания рассеялось. Я осмотрелась вокруг, но врагов больше не осталось. Я проверила обойму зебринской винтовки.

Я быстро расхodoвала бронебойную амуницию, которую могла использовать зебринская винтовка. У оружия, судя по всему, не было режима стрельбы, позволявшего выпускать по одной пуле, а чтобы пробить этих существ требовалось всего одно попадание. Мне надо было сменить оружие, но боевой дробовик уже показал себя слишком неточным на расстоянии, на котором я предпочитала вести бой. Механические совы представляли собой лёгкую добычу, но у их магического энергетического вооружения был шанс, пусть и весьма небольшой, дезинтегрировать объект, в который они попадали. Я не хотела подпускать их достаточно близко для того, чтобы они могли как следует прицелиться.

Я подозревала, что у Малого Макинтоша было более чем достаточно сил, чтобы пробить металлическую обшивку этих гадов без использования бронебойных боеприпасов. Что было хорошо, так как Малый Макинтош был единственным оружием, для которого у меня их не было. (не считая дротикомёт, который был совершенно бесполезен против этих малышей.)

Сменив оружие, я подошла к стене из холодильников, намереваясь выяснить, какие же вкусности, начинённые вековыми дозами консервантов, в них хранило Министерство морали на этом этаже. На каждом втором этаже МинМорали в центре была кухня, даже если она и была маленькой, но она была. Кухонь тут было больше, чем уборных, что по логике правильным вообразить невозможно. А на некоторых этажах, вроде этого, не было ничего кроме кухни. На стенах были вывешены плакаты. Хоть большинство из них были коричневыми, шелушившимися или даже полностью сгоревшими. Но по тем, что были хоть немного читаемы, можно было понять, что Пинки Пай превратила потоковую организацию дней рождения для хороших маленьких кобылок и жеребят практически в отрасль промышленности. *Ты была хорошей кобылкой в этом году, Литлпип. (Поверь, мы знаем!) Так что, вот твой тортик, присланный прямо из Министерства Морали. И поздравительная открытка, подписанная самой Пинки Пай!*

То, что я себе представила, было нелепо и невероятно. Но я почему-то также считала, что это было правдой.

Вельвет Ремеди остановила меня, настаивая на осмотре моей раны на спине, прежде чем позволить мне пройти ещё хоть метр. Поэтому я села на корточки и с тоской смотрела на дверь ближайшего холодильника.

— Ты и Каламити, — сказала с досадой Вельвет Ремеди. — Когда я мечтала быть медицинской пони, это означало провести свою жизнь, помогая пони. Многим. А не только двум. Снова и снова.

— Ты всегда можешь просто дать мне АЙ! — Вздрогнула я, когда она надала чем-то жгучим на место ожога перед тем, как залить его приятно прохладным гелем.

— Это место будет как новеньким в кратчайшие сроки. Немножко розовым, может быть, и потребуются несколько дней, чтобы щёрстка выросла снова, но во всяком случае шрама не будет. — Не так, как линия на моей шее, она имела ввиду.

— ...И просто пытаться заставить его принять ванну — всё равно, что пытаться просунуть яблоко через игольное ушко... — После того, как Вельвет задела тему Каламити, её было не остановить. Я хотела закрыть свои уши копытами, но я не могла сделать это и при этом идти. По крайней мере, её голос упал, сделавшись более робким, когда мы узрели декор прихожей перед нами.

Мы прошли ещё один из многих этажей, посвящённых переработке огромного количества частных разговоров, передававшихся через самые разные техномагические приборы вроде терминалов. Министерство Морали подслушивало за всеми.

По всему коридору висели закопчённые плакаты Пинки Пай. Они смотрели на нас, глаза, казалось, следовали за нами, пока мы шли мимо них. Смелое слово "ВСЕГДА" красовалось на нижней части каждого плаката.

Самая страшная, вселяющая тревогу прихожая на свете!

Я левитировала к себе один из кексов, что мы нашли в холодильнике и надкусила. Он был немного зачерствевшим, но всё ещё съедобным после двух веков хранения. Тот, кто сделал их был или богиней приготовления пищи, или очень тёмной волшебницей.

—...стреляет, не задумываясь. Как он выпалил в дракона, прежде чем мы успели даже попытаться с ним поговорить. Или как он выстрелил в тебя...

Я по прежнему игнорировала её, пока мы шли по коридору. В конце были три двери. Налево, направо или вперёд? Я чувствовала, что действие Минталки начинает испаряться. Как только получу возможность, сразу съем другую. Я не могла рисковать выйти из-под действия наркотика в месте настолько тёмном и... причудливом. Или, если на то пошло, рядом с Вельвет Ремеди, когда она была такой...

— Вау!

Я надала на двери, открывая их, и обнаружила, что смотрю на небо. Перед нами простирался офисный кабинет размером с три атриума Стойла, заполненный рядами столов с терминалами, который резко обрывался в пустоту. Солнце опускалось за завесу из облаков, окрашивая небо в апокалиптический оранжевый оттенок. Я как-то забыла, что половина здания была разрушена.

Впервые за последние недели я почувствовала сильный приступ головокружения. Я уже привыкла к обширности мира, но такая внезапная смена окружения, пробудило во мне кобылку-агорафоба. Слегка дрожащим копытом я аккуратно закрыла дверь.

—...может быть, мне действительно нравятся грубые, как он? — Вельвет Ремеди замолчала, чтобы перевести дыхание. Я поблагодарила Селестию за момент тишины, злобно молясь, чтобы она ещё могла отправить голос Вельвет Ремеди на лунные каникулы.

По моей оценке мы находились этажом выше самоката. Сложные лестничные клетки заставили нас подняться выше, а теперь мы искали путь вниз.

— Он лишь заставляет меня так... так... злиться, — Вельвет Ремеди в ярости топала. Вот вам и силы молитвы. — Знаешь, я действительно думаю, что должна пересмотреть свои варианты. В Эквестрийских Пустошах я могла бы найти ещё кучу других жеребцов...

Я почувствовала укол ревности и сразу начала копать яму, чтобы похоронить это чувство.

— ...Или, — Голос Вельвет Ремеди зазвучал с внезапной сладостью. Я застыла и почувствовала её дыхание на моём левом ухе.

Когда это она успела оказаться так близко? Знойным голосом, таким мягким и гладким, словно растопленный шоколад, она продолжила:

— Или, может быть, кобылу?

Я почувствовала, что мои колени ослабли, моё сердце ёкнуло, всё тело начало промывать теплом и мой желудок наполнился бабочками.

А потом суровая реальность свалилась на меня, выкачав всё тепло и заморозив бабочек до смерти. Я повернулась к ней в мгновенной, ледяной ярости.

— НЕТ.

Вельвет Ремеди в изумлении отступила назад.

— Нет. Ты слишком проникательна, чтобы не знать, что я влюблена в тебя. — Я шагала вперёд, мой голос холоден и резок. — Ты не будешь играть с моим сердцем, предложив мне то, чего я жаждала, лишь только чтобы попытаться вернуться к Каламити.

Вельвет Ремеди отступала назад, прижав уши и заикаясь.

— Во имя Богинь, Ремеди! — рявкнула я, — Ты последовательница Флаттершай. *Ты просто не можешь быть такой злой!*

Глаза Вельвет расширились, уши почти приклеены к черепу, она сжалась предо мной.

Хорошо.

Я повернулась и пошла прочь, не желая смотреть на неё более. Она всё ещё стояла там, когда я повернула за угол. Что-то раздирало меня изнутри, но я не хотела, чтобы она это видела.

— Ты не должна быть здесь, — сказал голос, звучавший словно механическая Пинки Пай. — Ты плохая пони!

Спрайт-бот угрожающе засветился красно-розовым и нацелил на меня магическую пушку.

— Откуда они только берутся? — закричала Вельвет Ремеди, когда в дверь влетели ещё пять спайт-ботов и начали испарять нашу баррикаду из столов и холодильников.

Я знала ответ, но не было времени сказать его вслух. Это же очевидно. До того, как Наблюдатель смотрел всё, это делала Пинки Пай. Конечно же, спайт-боты были её. Я представила себе их плавающими по улицам довоенного Понивилля, Эглзузы, Мэйнхэттена... повсеместно. Везде. Игравших весёлую музыку. Маленькие послы хорошего настроения от Министерства Морали... Маленькие шпионы.

Я делала выстрел за выстрелом, пригибаясь только для перезарядки. Волны спрайт-ботов прибывали всё чаще и чаще, и их было так много, что действие моего заклинания прицеливания заканчивалось до того, как я могла разобраться с ними всеми. К счастью, они не представляли из себя сложных целей. Похоже, они даже не знали о уклонении.

Ясность ПрМ исчезла, оставив мой мозг вялым. Каждый момент, что я не прицеливалась или стреляла, был потрачен на надежды съесть ещё одну Минталку. Но с Вельвет Ремеди, присевшей рядом со мной, у меня не было никакой возможности сделать это. У меня всё ещё была холодная злость на неё, и последнее, что я хотела сделать, так это дать ей увидеть нечто, что она интерпретировала бы как то, что она была права.

Хотя я должна была задаться вопросом, почему она, всё-таки, права.

Ещё четыре влетело через разбитое окно. Я сбросила на них холодильник. Трое из них были раздавлены, четвёртого отбросило в прочь. Рядом со мной Вельвет стреляла из своего игольчатого пистолета в него снова и снова. Она постоянно мазала, но, наконец, попала. Игла безобидно отскочила от бота.

Бот открыл ответный огонь, подпалив её гриву.

— Прекрасно, — она рассердилась чисто в женской манере. Я удивилась, почувствовав, как дробовик вылетел из крепления. — Попробуй-ка это.

БАХ!!!

Спрайт-бот взорвался дождём искр.

Центральный офис когда-то был очень удобным. Огромное окно, что когда-то давало панорамный вид на Мэйнхэттен, было выбито во внутрь, в раме ещё остались неровные осколки стекла. Четыре сейфа, встроенные в стену рядом с окном, были покрыты волдырями, но нетронуты. Перед ними стоял расплавленный стол.

В дальнем углу была небольшая полу-кухня. Терминал на прилавке издавал мягкое розовое свечение. Я никогда раньше не видела, чтобы терминал светился не яблочно-зелёным цветом. Корпус был искривлён и обуглен, но всё же экран остался читаемым, и он принял некоторые спец-устройства для взаимодействия с ним, что я раздобыла в Стойлах номер двадцать девять.

В другом дальнем углу напротив кухни был ещё один почерневший скелет пони. Я просто сидела рядом с терминалом, пытаюсь его взломать, когда я заметила что-то, похороненное в костях.

Мне стало любопытно, и я подбежала посмотреть. То, что я увидела, было пятно чистого, неискаженного огнём, охватившим это место, цвета. Приглядевшись, я увидела статуэтку внутри грудной клетки давно умершей пони: молодая фиолетовая единорожка с розовыми и фиолетовыми полосами в её лавандовой гриве. Твайлайт Спаркл.

Я осторожно левитировала статуэтку из грудной клетки и взглянула поближе. Я сразу же почувствовала странную ясность мысли, что оттолкнула облако, нависшее над моим мозгом. Ощущение было далеко не такое сильное, как от ПрМ, не такое чёткое... Но я не могла отрицать, что чувствовала себя как бы чище.

На основании статуэтки было написано: "Будь умным"

Слегка улыбнувшись, я положила статуэтку в сумку и вновь обратила своё внимание на терминал.

Он был вне моего мастерства. Даже с новыми ухищрениями, что я узнала во время обучения в библиотеке, мне не удалось взломать его.

— Литлпип... — начала Вельвет Ремеди, осторожно приближаясь ко мне, когда я с отвращением сдалась, — пожалуйста, насчет того, что...

Я уставилась на неё предостерегающе.

— Не стоит говорить об этом, — отрезала я резко и жёстко, — На самом деле, почему бы тебе не пойти и постоять снаружи некоторое время. Мне нужно немного свежего воздуха.

Я могла видеть, как она ещё больше от этого сжалась. Она кивнула и, не сказав больше ни слова, пошла в офис за пределами

странной двери в форме кекса.

В момент, когда дверь захлопнулась, я левитировала одну Праздничную Минталку из сумки и проглотила её. После этого я пошла открывать все сейфы по очереди, с лёгкостью взламывая их. К моей радости, в третьем сейфе оказались десятки банок с Праздничными Минталками, чему я обрадовалась даже больше, чем найденным в четвёртом сейфе двум СтелсБакам.

Как только мой разум подпрыгнул до новых высот, я обратила свое внимание на броский терминал. Мне понадобилось перезагружать терминал аж четыре раза, что бы не дать системе заблокироваться. Но все-таки я его сделала. И выкрикнула победный клич.

— Литлпип? — голос Вельвет Ремеди прозвучал через дверь. Робкий, осторожный.

Мои плечи упали, я вздохнула. Встав из-за терминала, я подошла к двери и открыла её.

— Ладно, посмотрим. Я знаю, что ты хочешь извиниться. И что ты не хотела этого. Но это не меняет факта, что ты всё же пыталась это сделать. И в ближайшее время моя боль не собирается утихать.

Она кивнула, у неё в глазах стояли слезы. Я чувствовала себя плохо. Почему я чувствую себя плохо?

Я закрыла глаза и вздохнула снова. Теперь я видела ситуацию ещё яснее, даже если мне этого и не хотелось. Праздничные Минталки как всегда проясняли суть.

— Что бы там ни было, я всё понимаю. Я знаю, каково это — возлагать все свои надежды на то, что тебе кажется, а не на то, что есть на самом деле.

Я искала пример, который бы не говорил, что я фактически ничего не узнала от диджея Пон3. Мне пока не хотелось это признавать. И к счастью, найти пример получше труда не составило.

— Когда я вышла из Стойла, я была полностью потеряна. Я не понимала ничего из того, что было снаружи. Единственное, что я понимала — это были Стойла. Или, по крайней мере, я так предполагала. На самом же деле, я понимала только Стойло Два. И когда другие стойла не оправдали мои ожидания, я... я не могла с этим справиться. — Я стукнула копытом об пол, подняв облачко пепла. — Чёрт, я даже не знала тогда о этих чёртовых странных социальных экспериментах... Я расстроилась уже от того, что архитектура не... не соответствовала моим ожиданиям. Разве это не то, что я считаю правильным?

Вельвет Ремеди смотрела на меня задумчиво.

— Когда что-то или кто-то оказывается не тем, кем, ты предполагала, он являлся, то ты либо должна признать, что это ты не знала его так хорошо, как ты думала, и начать стремиться узнать реального его... Или же начать... ну...

— Делать то, что я делаю сейчас? — предположила Вельвет Ремеди.

— Да, — улыбнулась я ей. Потом закрыла глаза. — И я совершенно неправильная пони, чтобы давать тебе этот совет, когда я даже сама не могу это преодолеть.

— Спасибо, Литлпип, — серьёзно сказала Вельвет Ремеди, когда я исчезла обратно через дверь в форме кекса, чтобы в очередной раз посмотреть на терминал.

В терминале было только одно звуковое сообщение:

"Привет, Твайлайт. Это я..."

Я пыталась послать тебе сообщения на оба твоих офиса в Кантерлоте и один здесь. Все говорят, что ты находишься в Прекрасной Долине снова, так что я пытаюсь отправить тебе сообщение и туда. Я действительно надеюсь, что ты не избегаешь меня. Я... Я не стала бы винить тебя, если это всё же так."

Голос был тревожным, печальным и дрожащим. Я узнала голос Пинки Пай. Я слышала его в памяти Винил Скрэтч. Он был почти таким же, но гораздо более хрупким, возможно даже сломленным.

Я пошла на вечеринку в доме у Спайка и принесла его, как ты и просила. Там были все мои друзья, кроме тебя... Спайк сказал, что это потому что ты не можешь отлучиться с работы, но... Это из-за того, что я пришла, да?

Твайлайт, мне так жаль. Ты была права. Абсолютно права. Я очень долго знала это. Я просто...

Я просто не могу.

Я имею ввиду, я не могла. Но я это сделаю. Я записалась в клинику Хэлпингхуф на завтра. У них есть какая-то вещь... лекарство, которое поможет... наркомании... уйти.

Как думаешь, они могли бы испечь лекарство в виде торта? Или, может быть, пирога? Мне нравится пирог!"

На записи я услышала звук стука и открывшейся двери. Прозвучал второй голос:

"Мисс Пинки Пай? Министерство Военных Технологий прислало нам дюжину Стальных Рейнджеров. Они на позиции вместе с нашими агентами."

Пинки Пай снова заговорила, но на этот раз обращаясь к вторгшемуся пони. Она не озаботилась остановить запись, а просто позволила записывающему устройству продолжить свою работу.

"Ууу, эти пони из Четырёх Звёзд — такие плохие пони! Их надо изгнать. А потом бросить в темницу в изгнании. Но сначала нам нужно вынуть все их секреты из их плохих-плохих маленьких головок, чтобы точно знать, что не осталось никаких других. Так что передай моим пони, что они нужны нам живыми..."

О! Я знаю! Пусть они летят в одном из моих Пинки Шаров!"

Вторгшийся пони, казалось, был совершенно ошеломлён этим предложением.

"Мисс? Вы хотите, чтобы наш рейд на Четыре Звезды был... на гигантских дирижаблях в форме вашей головы?"

"Угу! Я хочу, чтобы они знали, что я иду на них!"

Я не могла удержать своё сознание от представления гигантского розового воздушного шара с тем же лицом, что смотрело с того огромного рекламного щита. Я не была уверена, было ли это безумным или же гениальным.

На аудиозаписи я услышала звук закрывшейся двери. Пинки Пай вернулась к обращению к своей (бывшей?) подруге Твайлайт Спаркл.

"Извини за это. Ты... ты не поверишь, что произойдёт дальше. Но не волнуйся. Если мы пройдем через этот день, то всё будет хорошо."

После сегодняшнего дня я могу сделать то, что ты хотела, чтобы я сделала. Я могу попытаться снова быть твой Пинки Пай. Прости, что не раньше... но я просто не могла. Я знаю, что ты мне не поверишь, но... постарайся вспомнить параспрайтов.

Я делала плохие вещи, Твайлайт. Ужасно плохие. И я позволила пони своего министерства сделать вещи ещё хуже. Мне очень, очень жаль. Я не знаю, смогу ли я быть твоей Пинки Пай снова, но я попробую. Это клятва Пинки Пай!

Я...

Праздничные Минталки плохие. Они портят пони. Я знаю, что я испортилась, запуталась. Больше, чем когда-либо. Но они мне нужны. Нормальная, старая Пинки Пай умна, и она может чувствовать, когда что-то надвигается. Но Праздничные Минталки делают меня... большей Пинки Пай. Не лучшей. Я теперь понимаю это. Но... большей, более эффективной. И нам нужно больше. Эквестрия нуждается в большем.

С Праздничными Минталками моё Пинки-Чувство намного-намного чувствительнее. И это единственное, что позволяет нам быть на копыто впереди от очень-очень плохих вещей. Мой нос горел весь день. Это как зуд в носу, но только намного-намного хуже. Есть плохие пони, Твайлайт. И они собираются навредить нам. Навредить всей Эквестрии. И обычная Пинки Пай не сможет их остановить...

Но после сегодняшнего дня всё будет нормально снова. Я просто знаю это. Надо лишь пройти через этот день.

...И завтра у меня назначение. И... и...

И Твайлайт? Как ты думаешь... может быть... ты могла бы пойти со мной? Мне своего рода... страшно. И это не тот страх, который уйдёт, если посмеяться.

Я хочу сказать, у меня ты сейчас со мной, так что ты как бы будешь со мной в любом случае. Но это не то же самое. Я хочу реальную Твайлайт Спаркл. Я...

Я хочу свою подругу назад.

Пожалуйста?

Я всё сделаю..."

Запись закончилась. Я сидела, ошеломлённая. Вихрь мыслей в моей голове, но ни одна не хотела взяться в фокус.

Праздничные Минталки делали пони хуже.

Пинки Пай сама сказала это. Но она также сказала, что они делали её... эффективней. Я знала, что это была правда, они делали меня эффективней прямо сейчас.

Пинки Пай хотела избавиться от них. Но она не могла. Не только потому, что она была зависима, но и потому, что они ей были нужны, чтобы делать её работу. Чтобы попытаться спасти жизни миллионов пони. Как это могло быть менее важно, чем дружба одной пони?

Эквестрийские Пустоши требуют жертв.

К аудиозаписи было привязано сообщение:

"Ошибка. Сбой подключения к терминалу Марипони номер 42.

Сообщение не отправлено."

Твайлайт Спаркл так и не получила последнее сообщение Пинки Пай.

У меня ты сейчас со мной...

Мой взгляд упал на скелет пони, из которого я получила статуэтку Твайлайт Спаркл. Грусть нахлынула на меня. Я чувствовала, что слёзы текут по моим щекам.

— Да пребудут с тобой Селестия и Луна, Пинки Пай, — сказала я, не зная что ещё сказать.

Солнце погружалось за горизонт, раскрашивая облака в оттенки розового и сиреневого. Цвета сумерек.

Когда мы с Вельвет Ремеди добрались до места, куда, пробив окно, приземлилась передняя часть самоката, Каламити и СтилХувз уже ждали нас там. Массивная красная модель самоката стонала на ветру.

— О, да. Это выглядит безопасно, — прокомментировал СтилХувз.

Увидев Каламити, Вельвет Ремеди выпрямилась, уставившись на него, а получив ответный взгляд, отвела свой.

— Итак, я думаю, что очередь Вельвет Ремеди и Каламити идти вместе, — предложила я твёрдо. Им надо было поговорить, и чем раньше они это сделают, тем лучше для них и для меня. — Я пойду со СтилХувзом и с помощью левитации проведу его через самокат.

Небо над нами уже заметно потемнело. Нам надо было спешить. Я подошла к выступу и совершила ошибку, взглянув вниз. Массивное парализующее головокружение ударило меня. Мы были на четырнадцатом этаже. Крошечные красные точки — мантикоры бродили по аллее внизу. Я почувствовала холодный пот на своём лбу.

Я не думаю, что смогу сделать это!

— Не обижайся, но я не хочу, чтобы ты левитировала меня, малышка. Ты выглядишь так, будто собираешься хлопнуться в обморок.

— Смена плана, — объявил Каламити. — Лил'гип, вернись с уступа. Поймай дыхание. Вельвет, ты иди первой. Не волнуйся, — добавил он, увидев её страх, — я подхватю, если ухнешься. Лил'гип, как будешь готова, поубавь вес СтилХувза своей левитацией. После этого я перенесу тебя.

Мы все согласились. Как только я убралась подальше от уступа, я почувствовала себя гораздо лучше.

Вельвет Ремеди пошла первой, тестируя самокат на надёжность. Он слегка вибрировал на ветру и тревожно застонал, когда она проделала пол пути, но всё же устоял. На мгновение я задалась вопросом, почему Каламити не мог перенести её тоже. Но я поняла, что он не мог перенести СтилХувза. И лучше, когда сначала переберутся на ту сторону те, кто полегче, прежде чем по самокату пойдёт Мистер Тяжёлый Пони.

Вельвет Ремеди перебралась на ту сторону и прыгнула с задней части самоката. После чего, слегка улыбнувшись, помахала нам. Я помахала ей в ответ. И вот тогда я впервые заметила их.

Несколькими этажами выше я увидела сломанные леса, что когда-то держали гигантский самокат Алого Скакуна. К ним были подвешены тёмные кожистые формы кровокрылов. Солнце уже полностью закатилось за горизонт, было темно, и они начинали двигаться.

Я левитировала зебринскую винтовку, думая, что если смогу расстрелять их, пока они прижаты друг к другу, то смогу уничтожить разом всё гнездо. Но в этот момент СтилХувз ступил на самокат, который протестующе заскулил от напряжения. Я сфокусировалась на обёртывании СтилХувза в телекинетический кокон, снижая вес его сумок и брони. Он, наверное, сейчас весил даже меньше, чем я.

Первый кровокрыл раскрыл свои крылья и поднялся в воздух, начав охоту.

Каламити выпалил в него. Очертание накренилось в полёте, затем начало падать. Встревоженные остальные кровокрылы поднялись в воздух.

Каламити взлетел и выпалил ещё раз. и ещё одна тушка устремилась к земле. Но другие два полетели к нему, почуяв ужин. Пегас развернулся в воздухе и помчался, уводя их от нас.

Пфт. Пфт. Пфт.

Я разделяла свой фокус между стрельбой из зебринской винтовки и контролем веса СтилХувза. Сосредоточение внимания сразу на двух разных задачах — это не одно и то же, что поднять два объекта, но я могла это сделать. Просто нелегко. Правда, я не могла использовать заклинание прицеливания, не теряя контроль над весом Стального Рейнджера.

Большинство моих выстрелов не достигали целей.

Я услышала звуки пальбы с позиции Вельвет Ремеди. У неё всё ещё был мой боевой дробовик, и её первый выстрел прошёл одного из кровокрылов. Я увидела, как высоко в воздухе над ней хлопает ещё один. Изогнутый шлейф дыма устремился к нему, и кровокрыл взорвался, как ракета СтилХувза настигла свою цель. Кожистые крылья затрепыхали вниз; не было никаких признаков тела, к которому они когда-то были привязаны.

С глухим стуком, мой обзор битвы был поглощён при виде приземлившегося кровокрыла на край самоката Алого Скакуна и затем замахал на меня кинжальной остроты когтями. Потеряв обзор, я потеряла из виду и СтилХувза. Самокат просел, вызывая болезненный скрежет металла по бетону.

Пфм. Пфм. Пфм.

Я промазала. Эта тварь была прямо перед моим лицом, я чувствовала её прогорклое дыхание, и я промазала!

Кровокрыл сложил крылья, пролезая в окно, чтобы цапнуть меня. Я почувствовала рядом со мной тварь, похожую на огромную летучую мышь, от чьей вони я зашлась в приступе удушья. Его когти, жаждущие крови, полоснули по моей броне, пытаюсь проникнуть сквозь неё.

Я услышала выстрел Каламити, и кровокрыл издал раздражающий уши визг. Он отступил от окна и развернулся к нападающему, но в его голове расцвели два кровавых цветка, когда Каламити выпалил ещё раз.

— Думаю, ты желала чутка помощи сейчас, партнёр! — выкрикнул Каламити, и, опрокинув шляпу, умчался. Его теперь преследовало четыре кровокрыла!

СтилХувз только что сделал это. Я устала на самокат. Он пережил вес СтилХувза, но выглядел сейчас менее стабильным, чем раньше. Каламити был занят, и я должна была сделать это сама.

— Ты можешь сделать это, — сказала я себе вслух. — Это был твой план.

На дрожащих ногах я вышла на самокат.

Я обливалась потом и передвигалась дюйм за дюймом. Я была на полпути через самокат, когда кровокрыл налетел на меня. Я направила зебринскую винтовку на нападающего и нажала на спуск.

Пфм. Пфм. Пфм.

Кровокрыл завизжал, воспламенившись. Мои глаза расширились, горящая летучая мышь мчалась на меня. В панике я галопом помчалась к концу самоката.

Горящий труп кровокрыла врезался в самокат позади меня, со скрежетом выбив его из окна Министерства Морали. Я почувствовала, что мост, по которому я мчалась, выскользнул из-под копыт и оставил меня в свободном падении.

Упаковав себя в свою собственную магию, я пыталась толкнуть себя вперёд.

По милости Луны, я нырнула в окно, а не в бетонную стену. И, поскольку Эквестрийские Пустоши меня ненавидели, это было как раз единственное уцелевшее окно во всём "Алом Скакуне".

Разбившееся стекло врезалось в мою кожу, покрыв тело очагами свежей боли, я жёстко приземлилась, отскочив от стола и отлетев на группу стульев. Мир вокруг почернел, и я потеряла сознание.

Придя в себя, я обнаружила, что находилась в остатках конференц-зала. Всё моё тело болело. Меня и друзей теперь разделяло несколько этажей. Прошло достаточно времени, чтобы действие Праздничных Минталок прекратилось.

А ещё меня обнюхивала мантикора.

Я застонала, пытаюсь подняться на ноги, но эта задача оказалась мне не по силам. Я задалась вопросом, каково это быть съеденной. И ужалила ли бы мантикора меня перед этим.

Мантикора наклонилась и сомкнула зубы на моей гриве. Затем подняла меня и потащила как котёнка. Этот процесс оказался болезненным, холку и кожу черепа словно жгло огнём, но я была не в том состоянии, чтобы протестовать.

Мантикора развернулась и стала выходить через дыру в стене. Среди развалившихся стульев я заметила свою зебринскую винтовку и сконцентрировалась, левитируя её к себе. Мантикора то ли не заметила этого, то ли не настолько осознавала происходящее, чтобы встревожиться.

Я понимала, что могла просто пристрелить её; но она меня куда-то несла, и мне было любопытно, куда именно. (Мне самой стоило куда-то идти, и, если бы мне удача улыбнулась, то эти куда-то совпадали. В любом случае, сколько бы боли переноска за гриву не причиняла, идти пешком мне никуда тоже не хотелось.) Ответ на мой вопрос я узнала, когда, пройдя два этажа, мантикора вышла с лестничного колодца на балкон, выходивший на фабричный цех. Повсюду были разбросаны маленькие, обычного размера красные самокаты в разной степени готовности. Между разложившимися конвейерными лентами и древним, развалившимся оборудованием кто-то поставил клетки. Многие из них содержали в себе пони. В большинстве же лежали ужасно раздутыми, извращёнными и деформированными телами, которые когда-то были пони. От их вида у меня скрутило живот и закололо в сердце.

Между клетками, словно сторожевые собаки, свободно расхаживали мантикоры.

Мой пленитель перегнулся через край балкона и раскрыл пасть, сбрасывая меня в одну из лишённых крыши клеток. Я жёстко приземлилась на тонкий слой сена с глухим стуком.

Я осторожно задействовала сортирующее заклинание ПипБака и достала экстра-сильное восстанавливающее зелье, прихваченное из Стойла Двадцать Девять. С жадностью осушив его, я прилегла отдохнуть, пока моё тело восстанавливалось.

— Не может быть, — прошептала я, взглянув на клетку напротив моей, находившуюся по другую сторону покрытой колёсами для самоката ленты конвейера. В клетке была уже знакомая морского цвета кобыла. Я заскулила. Всё это походило на страшный сон.

Она заметила меня. Неудивительно, учитывая то, как произошло моё прибытие.

— Эй! — Она поднялась на ноги и помахала мне через решётку и громко шептала мне. — Это ты!

Я посмотрела на неё с печалью.

— Мне очень жаль! Моя вина, надо было остаться с тобой. Позаботиться, чтобы ты благополучно добралась до дома.

Синяя пони с опаской огляделась вокруг.

— Нет. Он поджидал меня там.

Он? Кто он?

— Он забрал всех из Гаттервилля, — прошепила она испуганно, — Согнал нас всех в кучу своими монстрами. — Она оглядела меня.
— У тебя ещё осталось оружие! Когда он вернется, убей его!

Мой рассудок всё ещё был затуманен депрессией после Минталок и глупостью. Я кинулась догонять.

— Кто? Что? — и, наконец, — Почему?

— Доктор! Он мучает нас до смерти! — второпях поведала она мне, — он говорит, что ставит на нас опыты! Забирает пони в другую комнату, и затем они кричат ужасающе и страшно. А когда он их возвращает, они обычно мертвы. И это счастливики. Некоторые ещё дышат и чувствуют, но недолго. Их тела все извращены и ненормальны.

Селестия, помилуй.

Я поднялась на ноги, оглядывая ряды клеток. Взгляды десятков пони были направлены на меня, по большей части полные ужаса и отчаяния. Некоторые смотрели с надеждой. Другие — с жалостью и разбивающим сердце признанием того, что они вскоре умрут, в муках и воплях, и ничего не могут с этим поделать. Две пони, чьи рассудки не могли выдержать происходящее здесь, уставились в пустоту.

Только через мой труп!

Мантикора, "Монстр" этого доктора, посадила меня в клетку. Клетки меня удержать не могли. И она оставила моё оружие. Я сконцентрировалась, поднимая зебринскую винтовку, а затем и дротикомёт, левитируя их по разные стороны от себя. Я оказалась не готова к механическим совам, роям спрайтботов и кровокрылам, но к мантикорам я подготовилась заранее. Решётка только всё упрощала. Добраться до меня можно было только сверху.

Я соскользнула в З.П.С. Мне не доводилось использовать сразу два оружия, как сейчас, но не могло же это быть сложно? Яд из хвоста мантикоры парализовывал пони, а при достаточной дозе — убивал. Я не знала, был ли у мантикор иммунитет к своему же яду; если не был, то яд должен был по крайней мере замедлить их.

Я перезарядила зебринскую винтовку и стала расставлять цели.

* * *

Взламывать замок моей клетки было бы заметно проще, если бы в ней вместе со мной не находилась мёртвая мантикора. Но я справилась.

Кроме этой мантикоры, ни одна другая не успела попасть в клетку, до того как я смогла её убить. Отравленные дротики оказались так же неэффективны против мантикор, как и против спрайтботов и сов, поэтому я отбросила дротикомёт, взяв вместо него Малый Макинтош. Мантикора успела неслабо меня оцарапать, оставив у меня на груди кровавые порезы, перед тем как Малый Макинтош наполнил её шумной смертью.

Дротикомёт и зебринская винтовка были беззвучны. Малый Макинтош же был шумным. Но с другой стороны горящие мантикоры тоже себя тихо не вели. Предприятие, в котором я сейчас находилась, было полно дыма и вони от жареного мяса мантикор.

Дверь моей клетки распахнулась, и я выбежала навстречу клетке синей кобылы, взламывая её замок так быстро, как только могла, не ломая при этом заколку.

— На этот раз я провожу тебя до дома, — пообещала я. Но сперва, — Где лаборатория этого так называемого доктора?

Она указала путь. Но я не проследовала туда, пока не вскрыла замок каждой клетки, содержащей ещё живую пони. Следуя моим наставлениям, те, чьи умственные способности пострадали в наименьшей степени, помогали тем, кто был не в состоянии покинуть клетки без посторонней помощи. Я решительно удержала себя от того, чтобы слишком долго или слишком внимательно смотреть на тела погибших.

— Все оставайтесь здесь. Я скоро вернусь, и тогда я всех выведу отсюда обратно в... — Я обратила взгляд на пони морского цвета, и та произнесла название своей деревни. — Гаттервилль.

Вслед за этим я направилась к лаборатории, припав к земле. Выйдя из фабричного цеха, я сразу активировала СтелсБак. Доктора ожидал неприятный сюрприз.

* * *

Я проскользнула мимо очередной мантикоры, запомнив, где она находилась, чтобы убить её после того, как разберусь с доктором. Мне не хотелось лишний раз поднимать шум после того, что уже произошло.

В конце зала виднелись двустворчатые двери, ведущие в то, что когда-то было локальным медпунктом фабрики "Алый Скакун". (Что это говорило об уровне безопасности на фабрике, когда та ещё функционировала?) Через маленькие квадратные окна на дверях и щели в стене медпункта лился свет.

Я осторожно толкнула дверь, стараясь произвести как можно меньше шума, и проскользнула в помещение.

Гниющий гуль-земной пони в лабораторном халате расхаживал между столами с наборами химических реактивов и медицинским оборудованием. Вдоль одной из стен были поставлены медицинские кровати, запятнанные чем-то тёмным, что, наверное, было не одной только кровью. На самой дальней кровати лежал стянутый ремнями земной пони коричневого цвета с широко раскрытыми глазами мертвеца, из его груди вздулся гигантский зловредного вида пузырь. В центре комнаты лежали тела вскрытых мантикор. Судя по всему, их препарировали. Вдоль другой стены висели десятки хвостов мантикор. В дальнем углу были нагромождены на высоту двух пони бочки. На каждой был жёлтый знак в форме бриллианта с тёмно-фиолетовыми предостерегающими символами.

Токсичный Побочный Продукт Магии.

Собственность Министерства Чародейских Наук.

НЕ ТРОГАТЬ, НЕ ВДЫХАТЬ, НЕ СМОТРЕТЬ.

— Нет, нет, — бормотал себе под нос доктор гуль, — Я так близок к цели. Последняя партия почти сработала. Чего же мне не хватает?

Он подошёл к терминалу и оглядел экраны с данными. Затем повернулся к груде мёртвых мантикор.

— Только посмотрите на себя. Ничуть не изменились со времён до бомб...

Если не считать того, что теперь они были мертвы и вскрыты, предположила я.

—...Радиация вас не трогает. Порча вам не вредит. Вы совершенные существа.

Я достала Малый Макинтош. Гуль не был рейдером-садистом; он был просто чокнутым. Я помешкала с выстрелом, давая ему закончить возмущённую тираду. Мне хотелось узнать, ради чего же эти пони умерли в таких мучениях. Даже если я знала, что это было бессмысленно.

Доктор замер, уставившись на один из столов. Среди планшетов и нагревательных плит лежал шар памяти. Доктор протянул копыто и покатал шар под ним. Затем отвернулся.

— Я знаю, весь секрет в вашем яде, — заявил он разрезанным телам мантикор, — Я просто ещё не сформулировал точную формулу. Ещё несколько доработок, ещё несколько опытов... Но я разгадаю её!

Он повернулся к мёртвому жеребцу, лежащему на медцинской кровати. Подойдя к нему, доктор одобряюще прошептал.

— Недолго осталось ждать. Все будут тебя помнить. Всех вас. И, в первую очередь, меня. Мы дадим пони Эквестрии лекарство от Порчи! Думаю, я назову его Антипорчин... — Он приостановился, будто тело ему ответило: "Да, пожалуй, ты прав, это глупое название."

— Нет-нет, не за что. Не стоит благодарности. Я был только рад позволить вам внести лепту! — махнул он копытом телу, отступив назад и улыбаясь.

Богиня. Моя. Селестия.

Доктор замер в моменте озарения.

— Мне понадобятся ещё пони.

Любопытство взяло верх. Я была невидима, а этот психопат не собирался никого калечить прямо сейчас. Я решила, что ещё есть время.

Я приблизилась к дальнему столу, наклонила рог и сфокусировалась на шаре памяти. Реальный мир покинул меня...

<-=====ooO Ooo=====>

...вытесненный роскошным офисом. Награды выставлены на полках. Гораздо меньшая модель самоката Альый Скакун свисала с потолка. У всего был странный красноватый оттенок, а мой взгляд раскачивался и наклонялся, вызывая тошноту.

За большим столом из тёмного дерева стояла немолодая кобыла с рыжим мехом и лиловой гривой, в которой уже виднелись первые седые пряди.

— Ещё что-то? — Этот голос был чертовски знаком.

— Пока что только один. — Голос принадлежал не мне, но исходил от кого-то рядом. Я внезапно осознала, что эта память была определённно пугающе отличной от других. Я могла видеть и слышать, но не чувствовать или обонять. Я вообще не чувствовала тело.

Вид у меня перед глазами неожиданно резко наклонился, представляя моему взору потолок. Затем вид вернулся в первоначальное положение. Если так пошло бы и дальше, то меня бы стошнило, выдавая моё присутствие. Но я до последнего была заключена в памяти. Я осознала, что совершила вопиющий тактический просчёт.

Я, покачиваясь, приблизилась к книжному шкафу. Затем уставилась сквозь красноватый туман на стену над ним. Мой взор медленно вращался, пока не остановился на суровом лице белого единорога с алой гривой и светящимся таким же оттенком рогом. Она уставилась прямо на меня. Затем её рог погас, и красный туман пропал, возвращая чёткость и правильные цвета миру вокруг. Она прошлась по комнате, снова задействовав рог, чтобы изучить мебель в дальней части комнаты. Когда её рог проходил мимо одной из ламп, из неё полилось яркое розовое свечение. Розовый луч вспыхнул с хлопком лопающегося воздушного шарика и пропал.

— Это последний, Мисс Скуталу. В вашей комнате больше нет шпионских устройств Министерства Морали, — сказала единорог, — Мне стоит их звать?

Скуталу кивнула, гримасничая.

— Будьте так добры. Мои друзья уже достаточно долго ждут, — Она проследила, как единорог покинула помещение. Её взгляд упал на меня.

— О, Пикабу! — Крикнула она вдогонку единорогу, — Ты забыла свою... — её восклицание снизилось до вздоха, — Спаркл-Колу.

Я была Спаркл-Колой? Нет, погодите... Я была жучком, спрятанным в бутылке Спаркл-Колы. Скуталу подошла ко мне и наклонившись и схватившись, как я полагала, за верхушку бутылки, подняла её и отнесла в мусорное ведро. Перед моим взором всё завертелось, и я упала, приземлившись "лицом" вверх на грудку мусора. Она посмотрела на меня через круглое отверстие мусорного ведра, затем ушла из поля зрения.

Я слышала, как открылась дверь. Но не видела ничего, кроме потолка.

— Эплблум, Свити Белль, я так рада вас видеть. Вы представить себе не можете! — В голосе Скуталу слышалось облегчение. Затем в него закралась напряжённость, — За вами ведь никто не проследовал? Вас никто не видел?

— И мы ты рады видеть, — сказала Эплблум с оттенком веселья, — И нет, мы были осторожны. Но ты уверена, что устраивать *тайное собрание* в одном квартале от Министерства Морали — хорошая идея?

— Знаешь, я выбрала это место, думая, что они не ожидают, что прямо под носом у них что-то будут замышлять. Но буквально перед вашим приходом Пикабу нашла у меня в кабинете ещё два министерских жучка.

— Кто эта Пикабу? — спросила сладким голосом Свити Белль.

— Глава службы моей личной безопасности, — ответила Скуталу. Затем топнула копытом, — *Ненавижу* это!

— Скутс?..

— Ненавижу постоянно скрываться и всё делать украдкой. Это больше не весело! — угнетённо прорычала Скуталу.

— Это никогда не было *весело*, — заметила Эплблум.

— Да. Ты права. Это *противно*. — В поле зрения частично показалась, махнув копытом на окно кабинета, Скуталу. — Мы устраиваем эти подпольные встречи, придумываем новые типы двойного шифрования, скрываемся в незаконченных Стойлах просто чтобы свободно друг с другом поговорить. Этих пони я уважаю больше всех, две из них приходится *вам сёстрами*, а нам необходимо *прятаться* от них, чтобы что-либо сделать!

— Эй, с Эплджек всё в порядке!

— Рэрити... просто находится под давлением.

Судя по её голосу, Скуталу не выдержала.

— Окей, допустим, Эплджек ничего плохого ещё не сделала. И я могу с гордостью сказать, что с Рейнбоу Дэш тоже пока что в порядке. Но остальные? Пинки Пай? И серьёзно, Свити Белль... *Министерство Стиля?* Какого. *ХРЕНА!*

— Прекрати говорить о моей сестре в таком тоне, — попросила предостерегающе Свити Белль.

— Угу. Мы все знаем, как обстоят дела. Давайте не будем об этом лишний раз напоминать, — предложила Эплблум, — Давайте поговорим о чём-нибудь ещё.

— Например, о Стойлах Мэйнхэттена, — подсказала Свити Белль. — Слышала, ты уже начала посылать в них пони...

— Ага, или о том, почему ты постоянно меняешь чертежи моих Стойл.

Скуталу вздохнула.

— Мы уже об этом говорили, Эплблум. Иногда нам приходится изменить планировку и особенности Стойл, чтобы приспособить их для Экспериментов.

— Но мои планы были безупречны! — пожаловалась Эплблум.

— Вот именно, — возразила рыжая пони с фиолетовой гривой, — Твои планы всегда безупречны. Поэтому все их и используют.

Благодаря им терминалы теперь появились в каждом доме...

— Пффт. Терминалы были ранним проектом. ПипБаки *намного* лучше.

—...Но, — настойчиво продолжила Скуталу, — Каждое стойло не может быть безупречным. Иначе нельзя ставить Эксперименты.

— Но почему?

Скуталу тяжело вздохнула и ушла из поля зрения. Эплблум проследовала за ней, представляя моему взору. Мне было видно только часть её головы, но она была симпатичной светло-жёлтой пони с искрасна-розовой гривой. Я полагала, она была того же возраста, что и рыжая кобыла.

— То есть, я знаю, что если нам придется когда-либо использовать Стойла по назначению, то важно убедиться, что пони не повторят те же ошибки, выйдя наружу. Но ведь то, что они должны выйти наружу, так же важно, верно? Зачем же тогда менять план, который призван повысить шансы этого? Я просто... Я не пойму, почему... — Эплблум взглянула на меня, — ...Эй, когда эт ты снова стала пить Спаркл-Колу?

Не знаю, была ли Скуталу раздражена или благодарна за смену темы.

— Я не начинала. Ты же знаешь, я не могу притронуться к ней после того, как услышала о том несчастном случае на заводе. Это Пикабу забыла.

— А, — произнесла Эплблум, отворачиваясь, — И ты что это вообще созываешь пони в Стойла Мэйнхэттена? Протоколы Угрозы Категории Омега ещё ж не были активированы.

— Я... ну ты знаешь, к чему всё дело идёт. Ты правда думаешь, что у нас будет заблаговременное предупреждение, когда всё произойдёт? Достаточно заблаговременное для эвакуации?

— Нет, — ответила Свити Белль.

— И... ладно, буду честна. Я стала ещё раз взвешивать идеи некоторых Экспериментов, особенно в Стойлах Мэйнхэттена. Они... опасные, — призналась с трудом Скуталу, — Я хотела бы прогнать тесты со смягчёнными последствиями в случае отказа, просто чтобы убедиться, что, когда они действительно понадобятся, никаких проблем не возникнет.

Эплблум подняла голову.

— Но... разве это не сделает наши планы общеизвестными? Это же загубит все Эксперименты. — Судя по голосу, она хотела этого не больше, чем Скуталу.

— Знаю, — мрачно притопнула Скуталу, — Поэтому мы будем держать Мэйнхэттенских пони в их Стойлах, пока угроза войны не минует. После этого ничего уже не будет важно.

— Не думаю, что мне нравится эта идея, — осторожно произнесла Свити Белль, — Все будут считать нас злыми пони, ставящими эксперименты над беспомощными пленниками. Как мы можем это оправдать, если это никогда не пригодится?

— Не волнуйся, — серьёзным тоном сказала Скуталу. — Я уже всё устроила так, что вы обе остаётесь чисты. Всё будет выглядеть так, будто это была моя идея, — с безрадостной усмешкой отметила она, — В принципе, таковой она и является.

— Скутс...

— Угу, мы не можем позволить тебе так поступить.

Копыта ударило по столу с такой силой, что мусорное ведро потрясло. (Теперь передо мной лежала обёртка из Кексового Универмага.)

— Нет, можете. Потому что должны. — Тон Скуталу был свирепый и, как я полагала, на грани плача. — Мы не можем позволить этому повториться. Рэйнбоу Дэш, Эплджек, Рэрити, Пинки Пай... все они. Я их тоже люблю. Но сотворённое ими вышло из-под контроля. И оно вредит всем. И я не могу позволить этому повториться. **Никогда!**

— Это больше не наша Эквестрия! Это не счастливый, безопасный, милый мир, в котором мы выросли. Я не понимаю, как он мог таким стать. К-как... он м-м-мог стать таким плохим! Кто-то должен в этом разобраться! И всё исправить! И... и... и...

— И если мне придётся стать главным злодеем, чтобы сделать это, то я им стану.

<-----ooO Ooo----->

Реальность вновь заявила о себе без предупреждения. И я сразу знала, что я в беде. Эта память была гораздо дольше, чем другие. Заклинание невидимости рассеялось, и в какой-то момент я просто появилась в комнате, оглушённая шаром памяти.

Сейчас же я лежала на медицинском столе, скованная цепями. Моё оружие было не при мне и спрятано, вероятно неподалёку. Во всяком случае, находилось вне моей линии обзора. Я всё ещё носила свой бронированный комбинезон, который был ныне пропитан кровью от глубоких ран на моей груди. Я была одурманена из-за потери крови.

Гуль-врач подбежал ко мне.

— О, привет? Вернулась уже ко мне? Хорошо. не беспокойся, ты поможешь многим пони...

Врач наклонился, исчезнув с линии обзора, затем вернулся со шприцем во рту. Он смотрел ни меня сверху вниз.

И продолжал смотреть...

И всё смотрел, не двигаясь. Так и не двигался, пока морского цвета кобыла не подошла с моим дротикомётом во рту и не опрокинула парализованного врача толчком копыта.

Я наградила её благодарным взглядом.

Она повернулась, посмотрела вниз и начала яростно топтать гуля-врача. Я слышала, как трещит и крошится череп. Пони, казалось, вымещала все обиды и злость в гуле, всё топча и топча его ещё долго после того, как он уже должен был быть мёртв.

Мне потребовалось время, чтобы левитировать мои заколку с отвёрткой и отцепить каждую из цепей. На них были лёгкие замки, но я была ранена и голова сильно кружилась. Я сломала три заколки, прежде чем освободилась. Всё это время синяя пони долбила копытами то, что сейчас было больше пастой, чем телом.

Она не останавливалась, пока я не заключила её в объятия и держала её.

Я сидела на выступе, оглядывая удручающее поселение Гаттервиль, когда утреннее солнце взошло над городом. Этажом ниже Вельвет Ремеди ухаживала за пони, которых мы здесь спасли. Каламити и СтилХувз обсуждали возможную защиту, которую можно организовать вокруг кучки лачуг. Каламити как раз говорил о турели, которую мы установили на Станции Р-7.

Я встретилась со своими друзьями на фабрике Альый Скакун примерно спустя полчаса со смерти доктора-гуля. Им удалось найти сейф, который интересовал диджея ПонЗ, но так и не сумели открыть его. Вместо этого, Стилхувз разнес на куски целую стену, в которой был установлен сейф, и теперь таскал его с собой, прицепив его к упряжи. Каламити же в это время мародёрствовал в округе.

В сейфе было две демонстрационных записи. "Тише. Успокойся (Мэйнхэттен Никогда Не Спит)" исполняемая Свити Белль, и песня "Пой-же" от Метконосцев. Надеюсь, Хомэйдж оценит этот приз.

Наблюдатель тихо подплыл и остановился сбоку от меня. После посещения центра Министерства Морали я сомневалась, что когда-нибудь смогу смотреть на этих маленьких спрайт-ботов как прежде.

— Этого ведь недостаточно? — спросила я, нарушая тишину. — Знать свою добродетель, я имею в виду.

Я припомнила список Великих Добродетелей Пони, перечисленных Наблюдателем. Но эти добродетели, как я теперь понимала, не были великими сами по себе. Я видела тёмные, чахлые версии многих из них. Безрадостный, рождённый горем смех Пинки/Сильвер Белл. Верность одному лишь контракту и деньгам Гауды. Честность Монтерея, порождённая отчаянным желанием соответствовать внутреннему образу. Я почти собрала набор.

— Нет, — ответил Наблюдатель бесцветным, механическим голосом, за которым всегда скрывался. — Нужна... искра. Без неё добродетель не будет представлять собой ничего особенного.

— Какая ещё искра? — спросила я с безнадежностью. Я даже ещё не знала свою добродетель. Теперь мне надо было искать ещё и искру?

— Дружба, — коротко ответил он.

Я оглянулась на плавающего в воздухе спрайбота. От смены положения бинты тёрлись о мою грудь.

— Дружба?

Я повернулась и увидела, как Вельвет Ремеди бинтует ногу розового жеребца. Я видела, как Каламити добродушно смеётся над чем-то сказанным СтилХувзом. Дружба.

У меня была дружба. Я ощутила всплеск радости, когда принятие этого факта прорвалось сквозь мелочную ревность и наползающую паранойю, которые грозили взять надо мной верх. *У меня были друзья.*

— Можно сказать, что я проводил исследования по теме, — признался Наблюдатель. Затем, прежде чем я могла что-нибудь спросить, треск статического разряда возвестил о его исчезновении. Спрайт-бот поплыл от меня, играя тромбонную музыку.

Хомэйдж улыбалась, левитируя к себе две демо записи.

— Спасибо. Всем вам. Диджей Пон3 очень долго ждал их. Он не может сказать вам, насколько ценит это.

— Ну, он мог бы начать с того, что сказал бы нам это лично, — мрачно предложил СтилХувз.

— Я сожалею, — извинилась Хомэйдж. — Но он очень занят подготовкой следующего сегмента новостей. Он послал меня, чтобы дать вам знать, насколько он взволнован. И чтобы дать вам это.

Рог Хомэйдж засветился, потоковый регулятор приплыл к нам и приземлился у копыт Каламити.

— Оуу... — произнесла Вельвет Ремеди с разочарованием. — А я надеялась встретиться с ним и петь для него.

Я вздрогнула, поняв, что ещё не упомянула об этом Хомэйдж. Хорошенькая серая единорожка бросила мне вопросительный взгляд.

— Хм... Завтра. — Я запнулась. — Я уверена, что диджей Пон3 уделит нам завтра время. И это был тако-о-ой долгий день. Кто-нибудь из нас хочет встретиться с ним, прежде чем хоть немного отдохнёт? — Я сглотнула, глядя на остальных. — Или примет ванну?

Это подействовало на Вельвет Ремеди, она кивнула.

— А ведь правда! О чём я думала?

— А ты разве не хочешь хорошенько осмотреть эту... штуку, прежде чем мы куда-нибудь отправимся? — спросила я Каламити, указывая на магическое устройство.

— Агась.

Я посмотрела на СтилХувза. И ничего не смогла придумать... Но он, похоже, понял намёк и повернулся, чтобы уйти.

— Идём с нами, Литлпип?

— Эм... Я догону, — ответила я ему, мне надо было остаться на достаточно долго, чтобы, по крайней мере, передать Хомэйдж идею музыки Вельвет Ремеди.

Мои друзья вошли в лифт и обернулись. Вельвет улыбнулась мне, ещё раз давая знать, насколько она была благодарна за наш разговор ранее и за моё прощение. Каламити прикоснулся к кончику шляпы, обращаясь ко мне.

Двери лифта закрылись, и он начал спускаться, унося моих друзей от нас.

— Спасибо тебе, Выходец из Стойла, — сказала Хомэйдж тихо. — И не только за демо записи. Я уже слышала о Гаттервилле.

Вспомнив уловку Наблюдателя, когда мы впервые встретились, я почувствовала боль.

— Ты... знала?

Но глаза Хомэйдж невинно округлились.

— Нет. Если бы я знала, я бы сказала тебе. Потому что, если бы я знала и сказала тебе об этом, я уверена, ты бы пошла туда, только чтобы помочь им.

Я кивнула и благодарно улыбнулась. Как хотелось бы, чтобы все относились ко мне, как Хомэйдж.

— Итак, Вельвет Ремеди... она хороша?

Я усмехнулась.

— Лучшая. Прямой потомок Свити Белль. — Это привлекло внимание Хомэйдж. — И Вельвет не только унаследовала её мастерство. Я думаю, она даже превзошла её.

— Ну, тогда я просто обязана её услышать.

Я опустила копыто на пол, мысли о Вельвет Ремеди наполнили меня тоской. Было кое-что, что я хотела спросить, но у меня не хватало смелости раньше. А теперь моё сердце болело, желало знать.

— Хомэйдж... Могу ли я попросить тебя об одолжении?

— Конечно, — солнечно улыбнулась серая единорожка. — О чём хочешь попросить?

Я сделала глубокий вдох. Это будет унижительно. Но у Хомэйдж были глаза почти повсюду. Если кто-то и мог найти что-нибудь для меня, так это она.

— Ты смотришь по всей Эквестрии... части Эквестрии, которую можешь видеть. Ты когда-нибудь замечала кобылу, которая... ну... которая могла бы полюбить меня? — Я закрыла глаза, почти утонув в смущении. — Я имею в виду, кобылу, которой нравятся кобылы, и которая могла бы полюбить кобылу вроде меня?

Каждая секунда, что Хомэйдж была тиха, била меня словно наковальня, падающая на голову. Вслед за ней телега с сеном, потом фортепиано...

— Ну, я могла бы... — сказала Хомэйдж осторожно.

Я осела, почувствовав облегчение.

— Тогда... Не могла бы ты указать мне направление? Скажи, где мне искать?

Я почувствовала копыто, мягко коснувшееся моего плеча.

— Литлпип, я сказала, что я могла бы.

Я повернулась, чтобы посмотреть на неё, не понимая. Потом, глядя ей в глаза, я почувствовала искру понимания.

— оу... — Я моргнула. Выражение её лица смягчилось... чувственно...

Искра вспыхнула огнём.

— Оу!

Хомэйдж красиво улыбнулась.

Спасибо тебе, Селестия!

Заметка: Следующий уровень.

Заметка: Навык Наука достиг 100%

Новая способность: Кобылка действия (второй уровень) — Вы знаете заклинание прицеливания как свои четыре копыта, что делает вас на 20% круче в бою. С каждым уровнем этой способности вы получаете дополнительно 15 очков действия в режиме З.П.С.

<<< ^^ >>>

Глава 18: Неестественные Причины

«Дело пахнет керосином.»

<<< ^^ >>>

Надежда.

Наконец-то я нашла другую кобылу, которую я уважала и которой восхищалась, и которая уважает меня (и, может быть, даже восхищается мною) в ответ. Которая равнодушна к кобылам, и которую, я могла поверить, я по крайней мере немного привлекаю физически. Это не была любовь, мы почти не знали друг друга... но была возможность любви. Была, словом, надежда.

Последние шестнадцать часов обернулись очень долгим днём. Я очень хотела провести ближайшие несколько часов с Хомэйджем, но она сразу поняла, что я не в состоянии очень долго ничего, кроме как спать. Так что она послала меня ко мне в апартаменты, где Вельвет Ремеди стала хлопотать и цыкать над моими ранами, пока я не погрузилась в сон без сновидений от элементарного истощения.

Я проснулась утром очень поздно, голодная... и не только в смысле еды. Вельвет Ремеди уже проснулась и убежала в магазины, чтобы продать то, что Каламити утащил из "Алого Скакуна" и центра Министерства Морали. Наш же с Вельвет улов составлял в основном то, что мы будем сами использовать — боеприпасы и еда, ну и ядовитые железы, что я вырезала из мантикор.

После того, что пришлось пережить морского цвета кобыле, я решила оставить ей свой дротикомёт. У меня было всё необходимое, чтобы сделать ещё один, как вернусь домой. Каламити уже разведаль, где купить рабочий верстак (в настоящее время в очень разобранном состоянии), который он установит на станцию Р-7. Благодаря детали, требуемой для починки "Небесного Бандита", это дело должно занять не более чем несколько дней.

Я не собиралась уходить, пока у меня был шанс... провести время с Хомэйджем.

Из более чем любопытства я настроила свой ПипБак на станцию диджея Пон3 и слушала музыку, пока наводила марафет. Хомэйджем уже начала вводить новую музыку в плейлисты диджея Пон3. Сейчас играла та необычно оптимистичная песня о восстановлении дружбы, под которую мы с Хомэйджем тогда танцевали. И сейчас под неё я чистила зубы и пыталась вычесать все клубки из гривы и хвоста.

"Ууу-РРА!" — прогремел на радиоволнах голос диджея Пон3, когда закончилась песня. — *"Да благословят нас Селестия и Луна, у нас НОВАЯ МУЗЫКА!"*

И с этой новой музыкой пришло немного новых новостей! Готовы? Прошлой ночью наша Спасительница Пустоши..."

Мой телекинез лопнул, роняя всё, что я держала.

"...эта детка из Стойла Два нашла и спасла добрых жителей Гаттервилля! И от какого же ужаса она спасла их, спрашиваете вы? От сумасшедшего гуля-учёного, который проводил эксперименты с Порчей и вывел себе маленькую армию мантикор! Вот, ребята, что имеют в виду, когда говорят 'прихлопнуть двух радтараканов одним копытом': она не только спасла жизни более чем двух дюжин пони, но и решила мэйнхэттенскую проблему с мантикорами!"

Я уронила голову в раковину, издав хныкающий вздох. Моя репутация была совершенно неуправляема. Я едва слышала, как открылась дверь номера, изнывая над раковиной от того, что пони теперь будут думать обо мне и чего будут от меня ожидать. Часть меня клялась, что Хомэйджем просто нравится вызывать у меня корчи.

"Эй, увидите малышку, скажите ей, чтоб заглянула. Старина диджей Пон3 хочет хорошенько поцеловать её за это!"

Я вскинула голову и больно стукнулась рогом об кран.

— Ой!

— Ты в курсе, что есть более цивилизованные способы попить воды, чем лакать её прямо из раковины? — прозвенел из соседней комнаты голос Вельвет Ремеди.

Вздвигнув, я потрогала свой рог, глядя на себя в зеркало, а потом повернулась к Вельвет. Она тащила за собой маленькую красную тележку, нагруженную припасами и платьями. Я посмотрела на довольно модные и элегантные наряды.

— Я подумала, что мы захотим произвести наилучшее впечатление на диджея Пон3, — заявила она. Блин. Я и забыла о грядущем прослушивании Вельвет Ремеди. — Не беспокойся. Я знаю твой размер. Мне так часто приходилось тебя бинтовать, что я просто не могла его не выучить.

Я почувствовала, что краснею.

Вельвет Ремеди направила в мою сторону пару платьев — простых, но при этом изящных.

— Они прекрасно тебе подойдут. Поверь мне. То, что справа, отлично подчеркнёт твои глаза. То, что слева, прекрасно дополнит гриву и хвост.

— Какое же мне тогда надеть?

— Выбор за тобой. Или, если хочешь казаться загадочной, то оба. Найди повод выйти на пару минут и смени их в середине вечера.

— Вельвет Ремеди широко улыбнулась. — Давай, бери их. У девушки не может быть слишком много платьев.

Я кивнула, осторожно складывая их на своей кровати. Потом подпрыгнула и обняла Вельвет.

— Спасибо тебе!

— О, не стоит, дорогая, — добродушно рассмеялась она.

Вельвет Ремеди ожидала возможности встретиться с диджеем Пон3.

Мне нужно было поговорить с Хомэйджем и выяснить, каким образом она хотела разобраться с этим. Если она была готова открыться мне, доверяя такой большой секрет, то было разумным предположить, что она будет так же готова открыться моим друзьям. Часть меня, впрочем, не хотела, чтобы так было. Мне хотелось, чтобы это оставалось нашим секретом — только Хомэйджем и моим. Чем-то особенным, остающимся только между нами. Мне не хотелось, чтобы она доверяла этот дар кому-либо ещё, пусть даже Вельвет Ремеди. Это была эгоистичная мысль, и я понимала, что мне должно быть стыдно за неё. Но я успокоила себя тем, что это был секрет Хомэйджем, и она решала, рассказывать о нём или нет, так что тот факт, что я скрывала его от своих друзей, был проявлением добродетели.

На пути к лифту я прошла мимо постера. Пинки Пай, как он настаивал, всё ещё следит за мной. ВСЕГДА.

На противоположной стене висел постер Флаттершай. На этот раз не позирующей для рекламы Спаркл-Колы, а настоящий постер её собственного Министерства.

"Война? Страх? Смерть?"

Мы должны поступать лучше!

МИНИСТЕРСТВО МИРА"

Мы должны поступать лучше. Мы должны быть лучше. Я должна быть лучше.

Я понимала, за что Вельвет Ремеди любила жёлтую пегаску. Если бы только было больше таких, как она, то Эквестрийская Пустошь могла бы никогда не появиться.

Я всё ещё разглядывала постер, когда Хомэйдж вышла из лифта. Её лицо просияло, когда она увидела меня.

— А вот и ремонтница тостеров, которую я ищу.

Мне никогда теперь от этого не избавиться.

— Хомэйдж, — вздохнула я, чувствуя, как затрепетало моё сердце, упиваясь тем фактом, что эта милая серая единорожка с яркой синей гривой действительно испытывает ко мне чувства. Возможно, романтические чувства. Или, по крайней мере, готова принять в расчёт их возможность. Одно это было больше, чем то, что я когда-либо получала от другой кобылицы. Причём от кобылицы, которая мне нравилась. И которая ещё и была милой!

— Да? — спросила она игриво, заставив меня замяться.

— Я... эм... Я к тому, что... Когда и как ты хочешь заняться этим?

— Заняться этим?

Я раздражённо замахала копытом.

— Ну, помнишь... Вельвет Ремеди? Диджей Пон3? Запись её музыки?

— О! — улыбнулась Хомэйдж. — Этим заняться. Ты ведь ей доверяешь? Пони Башни Тенпони знают меня как девочку на побегушках у диджея Пон3, но я действительно не могу допустить, чтобы открылось, что я немного ближе к нему. Она сможет сохранить тайну?

Часть меня не хотела делиться правдой о Хомэйдж, но это было бы совершенно неправильно.

— Навечно.

— Вы и есть диджей Пон3?

Хомэйдж улыбалась, явно наслаждаясь неверием Вельвет Ремеди.

Вельвет сделала себе великолепный макияж и надела одно из своих новых платьев — сногшибательный пурпурный наряд, всё, чтобы произвести захватывающее первое впечатление. Теперь она то и дело бросала на меня недовольные взгляды.

— У меня здесь целая звукозаписывающая студия, так что запись будет звучать не хуже вас, — сказала Хомэйдж, проходя между нами. Я непроизвольно засмотрелась на её бёдра, прикрытые шёлковым серебристым платьем, которое искрилось, прижимаясь так плотно к...

Вельвет смотрела на меня. Она поймала меня за этим занятием, и от лёгкой улыбки на её лице моё сердце замерло. Мне повезёт, если остальные наши путешествия не будут сопровождаться песней "Литлпип и Хомэйдж сидят на яблоне".

Хомэйдж провела для Вельвет Ремеди очень укороченную экскурсию, целиком пропустив крышу и Библиотеку, но зато показав маленькую студию напротив С.Э.Р.М.Ч.Н. Вельвет выглядела так, будто оказалась в раю. Как бы она ни протестовала, как бы ни стремилась быть врачом, единственным, кого Вельвет могла убедить в том, что не получает от пения ни с чем не сравнимого удовольствия, была сама Вельвет.

Как только Вельвет Ремеди вошла в студию, Хомэйдж переключила всё внимание на записывающее оборудование, проведя рогом над столом, покрытым переключателями и циферблатами. Ряды цветных огоньков послушно засветились в ответ. Мне оставалось только сидеть в уголке и наблюдать за представлением.

Вельвет Ремеди приблизилась к микрофону.

— Проверка звука? Вы хорошо меня слышите, ДиДжей... как мне вас называть?

— Хомэйдж, когда мы наедине, — ответила серая единорожка.

Я ощутила иррациональный приступ ревности при упоминании слова "наедине". Я хлопнула себя по лбу. Такие чувства были так же недостойны, как и нелепы. "Прекрати быть глупой пони, Литлпип!" — прошептала я себе, не дыша.

— У вас изумительная установка, Хомэйдж, — восхитилась Вельвет. Затем как бы невзначай спросила: — Нет ли у вас здесь поблизости оборудованного верстака?

Хомэйдж подняла глаза от приборного стола.

— Есть. А что?

— О, прекрасно. Литлпип замыслила проект, и ей нужно личное рабочее место, — заявила Вельвет. Теперь я чувствовала себя действительно глупо за тот невольный приступ — даже на подступах к выступлению, которое услышит вся Эквестрия, Вельвет Ремеди думала о том, как помочь мне.

— Я подозреваю, что проект займёт у неё *всю ночь*, — промурлыкала Вельвет доверительно. — Ничего ведь, если она проведёт ночь с вами?

Солнечные вспышки оргазмов Селестии!

— О, я с удовольствием воспользуюсь шансом... — промурлыкала Хомэйдж в ответ, — ...занять её на ночь.

Я была обречена.

— Начинайте, когда будете готовы.

Рог Вельвет Ремеди начал светиться. Комната звукозаписи наполнилась разноцветным светом и насыщенной волнующей музыкой. Хомэйдж застыла в трепете. Я улыбнулась, зная, как воздействуют на всех выступления Вельвет.

"Музыка — спасение моё..."

Четыре часа спустя мы с Хомэйдж прогуливались по аллее башни Тенпони. Вельвет Ремеди была просто потрясающей. По её настоянию, Хомэйдж дала Вельвет исполнить каждую песню несколько раз, чтобы убедиться, что песни звучали идеально. К тому времени, как все песни закончились, моя угольно-чёрная спутница была совершенно выжата, и оставила нас, чтобы вздремнуть.

С того момента Хомэйдж говорила о выступлении и новой музыке, не переставая. К счастью, я не испытывала от этого новых приступов ревности. Фактически, я сама была в восхищении. Мы с Хомэйдж провели больше часа, вспоминая моменты выступления, как пара фанаток после концерта.

Первая песня очень долго была хитом в Стойле Два (и если бы мне было суждено выбирать первую песню для её бенефиса, то я несомненно тоже так поступила бы). Вторая песня была тоже популярна в дни, проведённые в Стойле. Третья была её собственным исполнением песни, спетой однажды самой Пинки Пай и первым диджеем Пон3 в Хуфбитс. Кое-что она выбрала специально для диджея Пон3 — песня, которую она начала петь в лагере Разбитого Копыта, и я была взволнована, что наконец услышу её до конца! Даже Хомэйдж проняло. Мне было приятно смотреть, как маленькая серая единорожка визжит от восторга!

Последней псней была та, которую Вельвет Ремеди написала во время наших путешествий. Та, что, как она когда-то утверждала, была обо мне. Я не могла решить, что же больше хочу: растаять или спрятаться.

Мы дошли до края мезонина, смотря на нижний этаж торгового центра Башни Тенпони, заполненный роскошными магазинами (включая один чисто винный, а другой, напротив — сырный, но он сейчас был закрыт). Когда мы приблизились к лестнице, ведущей вниз, я остановилась при увиденном. СтилХувз рысью проскакивал возле большого панорамного окна и смотрел на выставку картин, причем довольно небрежно. Все пони вокруг него останавливались и смотрели на него, некоторые его избегали. Я видела, как какая-то мамаша спрятала за собой своего любопытного жеребенка.

— Твой друг возбуждает всеобщий интерес, — отметила Хомэйдж.

Я усмехнулась.

— Полагаю, высшее общество Тенпони не привыкло к пони в магической силовой броне.

Я подумала, не царапают ли его бронированные копыта их претенциозно отполированный мраморный пол.

— Ну, он же Стальной Рейнджер. Это у многих вызывает напряжение.

Это был уже не первый случай, когда кто-то, кому я доверяла, заявлял, что Стальные Рейнджеры имеют сомнительную репутацию.

— Почему это?

Хомэйдж посмотрела на меня с удивлением.

— Ты странствуешь со Стальным Рейнджером, — медленно произнесла Хомэйдж, — и ничего не знаешь о них?

Я было открыла рот, чтобы сказать, что он... что? Я знала их по постерам, но то было двести лет назад. Истина была в том, что я не знала Стальных Рейнджеров. Я знала СтилХувза. По крайней мере лучше, чем мои компаньоны знали загадочного пони, полностью сокрытого в своей броне. Я видела шар памяти. Тот, в котором было воспоминание, которое, как я полагала (и не без оснований), принадлежало ему.

— Нет... Пожалуй, действительно не знаю. Расскажи мне.

Хомэйдж повела нас от лестницы к столику в маленьком, но дорогом кафе. Пони-официантка принесла нам меню в тот самый момент, когда мы сели, умудряясь выглядеть при этом надменно, как будто посетители были ниже неё. Глядя в меню, я вновь обнаружила, что оно состоит из облагороженных вариантов довоенной еды.

Я покачала головой и отбросила меню в сторону.

— Пятьдесят крышек за банановое пюре, которое я могу найти в холодильнике разрушенного здания за бесплатно? Нет уж, спасибо. Пожарить его в виде полосок и сплести из них подобие корзинки не стоит так дорого.

Хомэйдж вскинула брови.

— Не забывай, что большинство пони из живущих здесь не протянут и дня снаружи. От заветной "бесплатной" еды их отделяют рейдеры, работоторговцы, взбунтовавшиеся охранные роботы, а может быть, и заблудшие мантиторы, — она огляделась вокруг, наблюдая за другими посетителями, а потом наклонилась вперёд и прошептала: — Честно говоря, не думаю, что большинство из этих пони справятся даже с радтараканами. Они раздавят одного, а потом остальные убьют их, пока они пытаются отскрести с копыта радтараканьи потроха в неудержимом отвращении.

Я посмотрела на элитных кобылиц и джентльпони Башни Тенпони, сидевших вокруг. Похоже, что она была права.

— Запасы самой Башни Тенпони иссякли поколения назад. То, что они продают сейчас, было приобретено у мародёров — специалистов по проникновению в руины Мэйнхэттена в поисках продуктов питания. К счастью, до бомбы город изобилует продуктовыми магазинами, ресторанами и бакалейными лавками, так что мародёрство всегда было столь плодотворно, сколь и опасно. Но мародёры не рискуют своими шеями задешево. А учитывая то, насколько загрязнена радиацией вода, семье пони будет сложно очистить достаточно воды даже для маленького сада. Для ресторанов, подобных этому, речи о свежих урожаях быть не может.

Я приняла сказанное к сведению и снова взяла меню.

Я заказала корзинку из обжаренного бананового пюре и бутылку вина. Оно оказалось на удивление ароматным.

— Стальные Рейнджеры, — объясняла Хомэйдж за бокалом вина, — это старые стражи Министерства Военных Технологий. Они видят в себе рыцарей величия прошлого, которое они связывают с успехами Эквестрии в области технологий и промышленности, а также хранителей технологий, которые их Министерство помогло создать.

— Честно говоря, — продолжала она, — большинство из них будут более заинтересованы в том, чтобы спасти твой ПипБак, чем тебя.

После обеда я обратилась к Хомэйдж с предложением пойти ранним вечером в спа. Последний раз был до такой степени воспитательным, что я просто обязана была поделиться с нею своим опытом.

Хомэйдж попросила, чтобы маленькое радио в спа настроили на станцию диджея Пон3. Из выражения, что подарили ей спа-пони, было ясно, что они не очень-то одобряют этого любящего гулей ренегата, но всё же исполнили просьбу. С новой музыкой, я подозревала, популярность трансляции резко подскочила.

Одна из симпатичных спа-пони намазывала моё лицо очищающей лечебной грязью, когда голос диджея Пон3 прогремел из маленького радиоприёмника:

"Вечер добрый, дети мои!"

Я посмотрела на Хомэйдж в удивлении. Она подмигнула мне в ответ, прежде чем её глаза накрыли огуречными ломтиками.

"У меня вопрос ко всем вам, мои верные слушатели. Кто-нибудь из вас, кобыл или жеребцов, когда-нибудь видел... призрак? Да ну, диджей Пон3!" — слышу я, как вы говорите, — "Нет такой штуки, как призрак! Истории с призраками ходят по Мэйнхэттену ещё с тех пор, когда бабушка моей бабушки была маленькой кобылкой, но никто никогда не видел их на самом деле. Истории о призраках — выдумки, сам знаешь!" Ну а теперь, что если я — диджей Пон3, ваш голос в пустоши — сказал бы вам, что видел призрак? И я не имею в виду героических Обитателей Стойл, чудесным образом переживающих падения поездов со скал. Не в этот раз."

Я громко застонала. Я б зажмурилась, не будь у меня в глазах кусков овощей.

"Это было несколько лет назад, и я только-только выпутался из заварушки с одной из этих мантитор, так что был в тот момент под Дзешем и Стампедом одновременно. Но она была там, о чистая правда Селестии. Никогда не встречал её больше и не находил то самое место, где на неё наткнулся, но на этой дикой пустоши безумных вещей гораздо больше, чем вы думаете."

Позже, когда спа-пони делали нам понидекюр и обрабатывали рога, я спросила Хомэйдж:

— Что такое Стампед?

— О, смесь Рэйджа и обезболивающего, — ответила Хомэйдж. — Мы с подругой нашли рецепт в руинах клиники Министерства Мира.

когда мы были моложе.

Мною овладело любопытство:

— Подруга? Я её увижу?

— Нет. Боюсь, что она не пережила попыток обосноваться в Башне Тенпони.

Я чувствовала себя удивительно свежей и расслабленной. Время, проведённое в спа, было приятным и сближающим, и я возлагала большие надежды на остаток вечера.

Когда мы вышли из спа, Хомэйдж наклонилась ко мне и прошептала:

— Тот последний кусочек я записала заранее. Это хорошая идея, чтобы меня иногда видели на публике, пока диджей ПонЗ "в прямом эфире".

Я кивнула, совсем немного на неё засмотревшись. Приём грязевой ванны был первым случаем, когда я видела её не одетой ни в платье, ни в халат из спа-салона. Её кьюти-марка была похожа на динамик или мегафон. Что бы это ни было, она идеально ей подходила. И я могла понять, почему она решила скрывать её при помощи одежды. Если кто-то подозревал, что она была более чем девочкой на побегушках у диджея ПонЗ, то кьютимарка была бы явным разоблачением.

Три маленьких пони подскочили к нам: два брата и их младшая сестра. У двух младших в глазах стояли слёзы, и если мальчик старался их сдерживать, то его сестра плакала в открытую с выражением надежды на лице.

Я услышала, как Хомэйдж застонала при их приближении.

— Мисс Хомэйдж, — позвал старший, когда они оказались ближе. — Диджей ПонЗ говорит, что папа пытался ограбить Героиню Пустоши и что поэтому он в тюрьме. Это правда?

— Он правда это сделал?

— Папочка бы не стал.

Ох, ёбните меня луной. Луной, солнцем — всеми сразу. Да вздрючьте посильнее.

Хомэйдж, если на то пошло, выглядела даже более напряжённой. Но она придерживалась истины.

— Да, дети. Боюсь, что так.

— Но он правда очень сожалеет... — перебила её я, хотя и знала, что единственное, о чём сожалел Монтерей Джек, было то, что это поставило его в плохое положение. — ...и я уверена, что они его отпустят. Я...

Я остановилась, вздрогнув, и заговорила более медленно, подбирая слова:

— Я знаю, что Обитательница Стойла очень огорчена, зная, что он в тюрьме.

— Она его спасёт? — выпалила девочка с такой надеждой в голосе, что это чуть не сбilo меня с ног.

— Зачем ей это? — возразил старший брат. — Он угрожал ей и пытался ограбить.

Я безнадежно взглянула на Хомэйдж.

— Они не собираются его отпускать, — сказал средний из жеребят. — Они повесят его через два дня.

Я ходила взад и вперёд по Библиотеке, в то время как Хомэйдж с грустью наблюдала за мной.

— Ты не можешь вмешиваться.

— О, ещё как могу!

Хомэйдж печально вздохнула.

— Я понимаю, почему ты считаешь, что должна. Даже если он своими копытами вырыл себе яму. Но, судя по тому, что ты сказала, не очень похоже, чтобы он хотел помощи.

Я фыркнула.

— Ну, тогда я не собираюсь оставлять решение за ним. У него трое детей, о которых нужно заботиться. Это они должны стоять на первом месте, а не его вывернутый наизнанку кодекс чести.

— Литлпип, — захныкала Хомэйдж. — Мы только что встретились. Я не хочу уже потерять тебя.

Я остановилась в потрясении.

— Потерять меня?

Хомэйдж раздражённо объяснила:

— Если ты предпримешь что-нибудь и переживёшь ответный огонь охраны, то копыта твоего в Башне Тенпони больше не будет. И твоих друзей тоже.

Я повернулась и посмотрела прямо в её глаза. Они блестели от слёз.

— Я всегда буду с тобой, практически везде, куда бы ты ни пошла. Просто настройся на частоту диджея ПонЗ, и я буду там. Но... ты больше не сможешь быть вместе со мной.

Я осела на пол, когда осознание того, чем мне придётся пожертвовать, легло на меня всем своим весом.

Вечерело, я медленно шла по линии Селестии, Вельвет Ремеди и СтилХувз следовали за мной чередой, Каламити полетел на разведку.

Всё, что я сказала другим, это что я собралась на прогулку. Каждый из них настаивал на том, чтобы пойти со мной. Только Вельвет Ремеди спросила, есть ли причина, и сделала она это в частном порядке. Она могла бы сказать, что я расстроена, и она испугалась, что я не провожу вечер с Хомэйдж. Каламити, я думаю, просто хотел размять крылья. СтилХувз же последовал за мной без комментариев. Я чувствовала, что он готов был пойти за мной куда угодно, и до сих пор не имела понятия, почему.

Истина же была в том, что, как бы я ни хотела провести ночь с Хомэйдж, у меня было такое смятение внутри, что я просто не могла насладиться этим. Мне нужен был свежий воздух, нужно было очистить голову, отвлечься.

К счастью, серая единорожка не только поняла, но и поддержала меня.

Рог Вельвет Ремеди освещал путь, мне даже не надо было использовать фонарик своего ПипБака. Тишина ночи обволакивала нас точно одеяло, прерываясь лишь иногда отдалёнными криками или выстрелами. Каламити каждый раз летал на звук, чтобы разведать обстановку. Иногда он возвращался с сообщениями о мародёрах, отбивающихся от диких животных, но в основном он возвращался без какой-либо информации вообще. Один раз за его исчезновением последовало несколько коротких громовых раскатов — звука его боевого седла, который я выучила наизусть. Я не слышала ответного огня, но мы всё равно остановились и ждали, обеспокоенные за него. Ему потребовалась добрая четверть часа, чтобы вернуться. И когда он это сделал, он был нагружен мешками отобранного хабара.

— Рейдерское гнездо. Кучка земных пони-рейдеров с копытами и кувалдами, — объяснил он с ухмылкой. — Никто не ожидал пегаса!

Он приземлился и передал мне мешок, набитый металлическими яблоками.

— Там не было боеприпасов, но у них было это.

СтилХувз предложил отдать гранаты ему. Из всех нас он был единственным, кто действительно обладал навыками обращения с подобными штуками.

— Не пройдёт и пол года, как мы найдем чё-нить, чё не разносит всё на куски в радиусе нескольких ярдов.

Каламити свалил с себя ещё один мешок рядом с Вельвет Ремеди, на этот раз с чётко вырисовывающейся квадратной коробкой внутри.

— Аптечка у них была заперта, так что я просто притащил всё сюда.

— Притащил, — поправила Вельвет, взяв мешок.

— Ну, дык, я так и сказал.

Вельвет закатила глаза перед тем, как начать привязывать новую коробку к своей спине, прижимая её к уже висящим по бокам. Не обязательно было спешить её открывать, я могла бы взломать замок когда мы достигнем следующей станции Четырёх Звёзд.

Вручив подарки, Каламити снова полетел вперёд.

Следующая станция Четырёх Звёзд выглядела так, будто там была резня. Я смотрела, как СтилХувз прохаживается между телами более тридцати гулей. Большинство из них выглядело, как если бы их скосили шквальным огнём пулемёта. Мощные взрывы создали дыры в стенах станции и в домах, которые были построены внутри и вокруг неё.

Это место просто пропиталось густым запахом трупов гулей. Жужжание мух сливалось в непрерывающийся монотонный звук, что напомнило мне тонкий гул ламп и фонарей Стойла Два.

Вельвет Ремеди отбежала по линии примерно на триста ярдов от станции, не в силах переварить увиденное. Каламити приступил к общариванию трупов.

— Группа Роттингтейла, — объявил наконец СтилХувз, хотя я уже давно пришла к той же мысли. В его низком голосе слышалось безразличие. Мне захотелось, чтобы можно было увидеть выражение лица за его маской.

— СтилХувз? — спросила я осторожно. — С тобой всё в порядке?

— Почему со мной что-то должно быть не так? — ответил он. Его голос по-прежнему оставался безразличным. Слишком безразличным. Он сдерживался от чего-то, но был ли это смех радости или оскорблённая ярость, я не могла угадать. — А как насчёт тебя? Я заметил, что ты не балуешься мародёрством. Как сказал бы Каламити, не похоже, чтобы этим существам понадобились их вещи. А нам они могут пригодиться.

Для СтилХувза обчищать трупы гулей было нормально, а обчищать мёртвых Стальных Рейнджеров — нет? Мне это не нравилось, хотя, по здравом размышлении, я должна была признать, что, вероятно, реагировала бы значительно хуже на обчистку трупов обитателей Стойла.

— Я собираюсь сжечь их, — объявила я. — Как только Каламити закончит в них копать. Если хочешь, присоединяйся к нему.

— Интересно, — произнёс СтилХувз нараспев, но остался рядом со мной.

Его реакция на мою реакцию показалась мне такой же интересной, какой, очевидно, ему показалась моя. Поскольку окружающая обстановка была болезненной и отталкивающей, я решила попытаться изучить нашего нового друга.

— Я... слышала о Стальных Рейнджерах. У них не очень... героическая репутация.

— А ты так себя видишь? — спросил он в ответ. — Ты герой?

Я вздрогнула, но быстро заподозрила, что он уклоняется от вопроса.

— А как насчёт тебя? Кем ты себя видишь?

— Традиционалистом.

Так, и что-же эта хрень означает? Я попыталась снова:

— Мне говорили, что большинство Стальных Рейнджеров больше заинтересованы в сохранении технологий, чем в спасении пони. Как насчёт тебя?

СтилХувз молчал.

Я надавила.

— Ты следуешь за нами, чтобы сберечь мой ПипБак в сохранности?

СтилХувз фыркнул от смеха. Затем он угрюмо раскрыл небольшую частичку себя.

— Стальные Рейнджеры — все до единого — приносят одну и ту же Присягу. Но есть некоторое... расхождение во мнениях о том, обращена ли наша верность к Кобыле Министерства или же к самому Министерству.

Он говорил о "Министерстве", как будто бы было только одно. Или, по крайней мере, только оно имело значимость.

— Есть разница? — спросила я, но Каламити вернулся до того, как я смогла получить ответ, а СтилХувз не хотел делиться с публикой.

— Думаю, я собрал всё, что нам могло бы понадобиться.

— У тебя довольно крепкая спина для пегаса, — сострил СтилХувз. — Ты уверен, что не хочешь взять заодно мебель?

Каламити закричал, хлопая крыльями. Отбросив насмешку в замечании СтилХувза, я обдумала кривую в нём истину.

— Каламити, почему бы тебе не слетать назад и не выгрузить эти вещи в номере. Ты нас потом догонишь. Мы не будем уходить с Ветки Селестии.

Каламити улыбнулся, поправляя шляпу.

— Сделаем! — И был таков.

Я сосредоточенно обхватывала свечением тела гулей одного за другим и складывала их в кучу. Затем, пройдя дальше по одному из монорельсов в сопровождении СтилХувза, шедшего по второму из них, я достигла безопасного расстояния. Развернувшись, я достала винтовку зебр и выпустила половину обоймы в холм из трупов гулей. Куча начала гореть.

Мы нагнали Вельвет Ремеди, которая смотрела на погребальный костёр в странной очарованности. Я оглянулась, пытаюсь понять, почему это зрелище так притягивало её взгляд.

Жар-феникс кружил над костром трупов.

"...повторяю. Еще раз, это Блэквинг из Когтей Блэквинг, посылаем сигнал бедствия на всех дружественных частотах. Прошу, передайте это сообщение в любое отделение Когтей в области. Вражеский отряд загнал меня и мою команду в ловушку на крыше Башни Подковы. У нас кончаются боеприпасы, и долго мы не протянем. О... о, нет... вон — ещё попёрли!.."

Радиособрание резко оборвалось, затем начало проигрываться сначала, повторяя и повторяя голос грифины. Её голос звучал моложе, чем у Гауды, и не столь сурово.

Мой Пипбак начал получать сигнал бедствия примерно в миле от Башни Подковы. Сигнал был слаб, но эта Башня была одним из высочайших зданий в Руинах Мэйнкэттена, с лёгкостью затмевая собой Башню Тенпони высотой аж в два раза.

"Все, кто получает это сообщение, это Блэквинг из Когтей Блэквинг. Пожалуйста, нам нужна помощь. Нас зажали на крыше Башни Подковы превосходящие силы противника. У нас почти закончились патроны и провизия, и мы уже потеряли троих из нашей команды. Мы отчаянно нуждаемся в помощи. Если кто-нибудь услышит это сообщение, пожалуйста, приведите помощь. Умоляю, скорее! Мы долго не протянем. Это автоматическое повторяющееся сообщение. Ещё раз, это Блэквинг..."

Я вынула наушник и проиграла запись вслух, когда мы прошли несколько кварталов. Я надеялась, что Каламити догонит нас до того, как мы достигнем небоскрёба на станции Четыре Звезды, но я не сильно на это рассчитывала. Каждый цикл сообщения всё больше и больше разжигал во мне чувство срочности.

— Мы идём внутрь, — объявила я и, пересмотрев свои слова, поправила: — Я иду внутрь. Вы двое можете остаться, если хотите. Я пойму, — я взмахнула хвостом. — К тому же, кто-то должен дать знать Каламити, где мы.

СтилХувз усмехнулся:

— Лично я с нетерпением жду шанса увидеть этих благородных гуле-борцов, — он посмотрел на меня. — А ты-то почему идёшь? Потому что ты героиня? Или тебе нравится рисковать своей жизнью ради незнакомцев? Или тебе известно что-то ещё о Башне Подковы?

Я пристально посмотрела на своего компаньона и ухмыльнулась.

— О, я просто хочу знать, как кучка грифонов может оказаться в ловушке на крыше здания.

СтилХувз рассмеялся. Я повернулась к Вельвет Ремеди.

— Ты не пойдёшь одна, — настояла она с мрачной улыбкой, топнув копытом. — И мы можем оставить Каламити записку. — Она задумалась на секунду. — Он же ведь умеет читать?

Я закатила глаза.

— Да, и ты сама это знаешь.

Затем я обдумала идею и обнаружила, что не знаю, как поступить. У меня всё ещё были планшетка и карандаш, которые я взяла у охранника в Башне Тенпони, но записка, оставленная под куском раздробленного бетона, могла быть легко не замечена. Чтобы Каламити увидел сообщение, нам надо было написать его большими буквами на крыше станции. И даже в этом случае он мог не заметить его, если мы его как-нибудь не подсветим. Я изложила свои соображения Вельвет.

— На случай, если ты пропустила недавнее световое шоу, дорогая, подсветка не будет проблемой. — Вельвет криво улыбнулась. — Я могу наложить на буквы заклинание, которое сделает их довольно заметными.

— А ты не могла бы просто сделать светящиеся слова?

Вельвет Ремеди покачала головой.

— Да, но только если я буду стоять здесь, чтобы поддерживать их. Чтобы оставить их без присмотра, я должна зачаровать имеющуюся надпись. Желательно, сделанную краской, если только мы не найдём очень большую чернильницу.

СтилХувз заржал, направляясь к двустворчатым дверям станции, ведущим в Башню Подковы.

— Тогда мы напишем её кровью первого врага, которого встретим, — он повернулся и лягнул двери так сильно, что не только распахнул их, но и сорвал одну с петель, отправив её в полёт через всю приёмную, расположенную внутри. Я поёжилась и вознаградила Богинь за то, что комната не была набита врагами. — Вы идёте?

Я помогла Вельвет Ремеди перешагнуть через тело грифона, к его туловищу было прицеплено боевое седло с двумя миниганами, которое было размером почти с самого грифона. Это было первым телом, которому не было несколько сотен лет. Пол был устлан слоем гильз, идти по которым было весьма неудобно.

Я не могла сказать точно, что убило его. Это меня и волновало. И стало волновать ещё сильнее, когда Вельвет Ремеди диагностировала у него естественные причины смерти. Голос её был полон сомнений.

— По крайней мере, мы знаем, что они прошли здесь, — заключил СтилХувз. — Я уж начал было волноваться, что пути вверх нет.

Большинство помещений Башни Подковы были разрушены. Лестницы обвалились, коридоры превратились в пещеры. Всё здание стало сплошным лабиринтом, вынуждая нас бродить по комнатам из одного конца коридора в другой, чтобы спуститься на этаж ниже, где мы могли бы найти лестницу, ведущую на два этажа выше.

Впереди мы услышали журчание воды. мой ПипБак начал тихонечко потрескивать.

Единственным путём выйти на следующий лестничный пролёт было пройти через развалины между двумя уборными. Водный талисман здания все ещё качал воду через разбитые трубы. Вода была облучена низким уровнем радиации. Похоже, что взрыв жарбомбы облучил сам талисман.

Я попросила Вельвет Ремеди проверить, хватить ли нам Антирадина. Радиоактивный душ особого вреда не причинит, даже и волноваться не стоит. Но если это было предвестием ещё больших проблем, то я хотела бы быть убеждена, что мы подготовлены.

Задержав дыхание, я резво рванула через брызги, так быстро, как только я могла. Я застыла на мокрой половице, чувствуя, как пол впереди меня вздрогнул.

— О-о-о-оки-доки-локи. СтилХувз, сейчас я тебя отлетирую и приземлю вон там, — сказала я, указывая на дальний угол возле дверного прохода. — Этот пол не выглядит надежным.

Вельвет Ремеди отошла назад. Я сфокусировалась на СтилХувзе, обволакивая его телекинетическим коконом. Медленно, я подняла на пол ярда тяжёлого Стального Рейнджера и понесла его через душевую. Я сделала один шаг назад, чувствуя, как снова тревожно заколебался пол, и ещё чтобы дать ему пролететь мимо меня к углу, где пол, я была вполне уверена, был сух и устойчив.

СтилХувз пролетел половину пути, как вдруг он увидел в открытой двери что-то, что заставило его брыкаться в попытках найти опору под копытами.

Прежде, чем я поставила его на пол, прежде, чем я даже успела спросить его, что он там увидел, в дверной проём вошла аликорн.

Моё заклинание левитации лопнуло, стоило мне ахнуть в шоке. СтилХувз грузно упал, разворачиваясь, чтобы атаковать аликорна, и пол под его копытами рухнул. СтилХувз пропал с поля зрения. Я услышала, как внизу раздался всплеск. Аликорн сделала шаг вперёд, заглядывая в дыру, и остатки пола обрушились вниз. Аликорн попыталась удержать себя в воздухе с помощью крыльев, но они застряли в дверном проёме и она упала вслед за Стальным Рейнджером.

Я стояла на промокшей, провисающей доске, торчащей над этажом, словно трамплин. Что, кстати, было отличным сравнением —

весь этаж подо мной как раз занимал бассейн.

Мой ПипБак начал трещ-трещ-трещать с одуренной скоростью.

Задрыгав копытами, аликорн выбралась на плавающий кусок мусора. Её рог начал светиться. СтилХувза нигде не было видно, наверняка он камнем ушёл на дно.

Эх, как бы мне сейчас пригодилась сумка с гранатами. Действовать нужно было быстро, но как назло, мои мозги работали не достаточно быстро! Аликорн наколдует щит вокруг себя быстрее, чем соображу что-нибудь.

БА-БАХ!!!

Взрыв рядом с моей головой разорвал мои барабанные перепонки. Мир стал одним сплошным, высоким гулом. Я тут же потеряла чувство равновесия, кувыркнувшись со своего места. Я шлепнулась на дрейфующий в воде кусок пола, который тут же начал переворачиваться.

Я обхватила этот кусок теликинезом, дико заорав, но не слыша, хоть и чувствуя свой крик. Фокусировка стала невыносима.

Я увидела, как передо мной проплыла аликорн, окруженная кровью и мусором. Вельвет Ремеди боевым дробовиком вырвала огромный кусок шеи монстру. Оно ещё не было мертво, но гонка между двумя смертями уже началась: от потери крови или от утопления. Осталось лишь дожидаться, какая же смерть придёт первой к финишу.

Я в ужасе смотрела, как оно начало лечить себя — рана медленно затягивалась.

Они, блядь, могут регенерировать?

Это не честно! Это не нормально!

Во вспышке ярости я теликинезом схватила плавающий зазубренный кусок пола и стала рвать им шею аликорна, пока совсем её не оторвала. Создание начало тонуть в покрасневшей радиоактивной воде.

Вельвет Ремеди склонилась надо мной, направив рог на моё левое ухо. Слух в правом ухе она уже восстановила.

СтилХувз стоял рядом с нами на краю плавательного бассейна. С него стекала вода, заставлявшая мой ПипБак дико трещать. Он спорил с Вельвет о том, сколько Антирадина ему было необходимо выпить. Вельвет склонялась к тому, чтобы отдать ему все оставшиеся у нас упаковки препарата; СтилХувз же настаивал, что они не нужны ему совсем.

Моё левое ухо начало отходить.

— У нас нет на это времени, — топнул СтилХувз, разбивая бронированным копытом пару плиток.— Эти существа всегда путешествуют группами.

— Тогда бери Антирадин и прекрати вести себя как ребёнок, — бросила ему с сердитым взглядом моя хирург с дробовиком. — Ну вот серьёзно, неужели все мои пациенты должны быть такими сложными?

Я хотела заметить, что лежу здесь, будучи очень несложной, спасибо.

СтилХувз ошётинился в ответ на это. Наконец, я сказала:

— СтилХувз, скажи уже ей.

Оба повернулись и уставились на меня. Или, по крайней мере, я предполагала, что СтилХувз уставился на меня. Его забрало было направлено на меня.

— Сказать мне что? — медленно спросила меня Вельвет. Потом повернулась к СтилХувзу. — Сказать. Мне. Что?

СтилХувз молчал.

Я вздохнула.

— Слушай, если я смогла это понять, то и она сможет. Она умнее меня.

Я могла с уверенностью сказать, что Вельвет Ремеди сдерживает себя, чтобы не отреагировать на комплимент.

Наконец, СтилХувз сдался.

— Я — гуль.

Вельвет Ремеди, к её чести, не отступила назад. Даже не ахнула. Она просто была странно тихой какое-то время. Достаточно долго, чтобы я могла забеспокоиться, не потеряла ли опять слух, если бы не кап, кап, кап по плитке под Стальным Рейнджером.

— Радиация... оказывает регенирирующее действие на гулей, — признался Стил Хувз. — Мне больше грозило утонуть.

На самом деле, опасность этого была мала, учитывая ребризер, помещающийся в его магической силовой броне.

"Ну, конечно", — поняла я, чувствуя себя глупой и заторможенной: аликорн регенерировала, потому что она была в бассейне. Радиация, должно быть, воздействовала на них таким же образом.

— Ну, тогда, наверное, тебе не нужен Антирадин, — заключила Вельвет Ремеди будничным тоном, пряча упаковки обратно в одну из аптечек.

Принимая во внимание, что я лучше всех могу скрытно передвигаться, я решила, что должна разведать ситуацию впереди. Я заметила двух сестёр-аликорнов в комнате на следующем этаже. Они были повернуты ко мне хвостами, не обращая на меня никакого внимания — они были слишком заняты, пытаюсь магией сорвать с петель дверь сейфа. Их шёрстка была тёмного, фиолетового цвета, почти чёрного. И это не всё, что я заметила.

У них не было кютимарок!

Я выхватила снайперскую винтовку и погрузилась в нирвану З.П.С.

БАХ!!

Первая аликорн грузно осела, выбитые из черепа мозги забрызгали сейф, на котором она сосредоточилась. Вторая уже начала поворачиваться, её щит приобретал очертания. Но я была быстрее. А эти существа не так уж и сильнее большинства из нас, если их застигнуть врасплох, без защитных заклинаний.

БАХ!!

Я вынырнула из З.П.С., и тело второго аликорна шмякнулось на пол. Я посмотрела на сейф, мешанина крови, мозгов и костей напомнила мне, что мы не вернулись назад и не нарисовали для Каламити сообщение.

Так. Стоп.

Я смотрю на кровь-мозги кого-то... или, по-крайней мере мере — чего-то, что я только что убила... и это вызывает у меня подобные ассоциации?

Неужто я становлюсь настолько бессердечной к ужасам и насилию Эквестрийской Пустоши?

Я задумалась о том, как это связать со словами Монтерея Джека о потери себя.

А ещё я задумалась над тем, что за хреновину, в конце концов, выискивали эти аликорны здесь. Поэтому я процокола с намерением

взломать очередной замок. Но сейф не собирался поддаваться. После изучения и борьбы с ним я осознала, что он не был сломан или повреждён аликорнами. Просто он был сложным для меня.

Ну, это дело поправимое.

Я поняла, что улыбаюсь, когда Праздничные Менталки промыли мне мозги от всей глупости и тормознутости, которые меня сдерживали. Я сделала глубокий вздох облегчения! Наконец-то я снова настоящая я. Но улыбка моя погасла, как только я увидела Вельвет Ремеди, смотрящую на меня с грустью.

Ещё три аликорна стояли на другом краю зияющей пропасти. По крайней мере пять внутренних этажей рухнули, оставив ячейки полкомнат нависать над пропастью. Частицы мусора и пепла парили в пустоте между нами.

СтилХувз открыл огонь из автоматического гранатомёта, вынеся одну из них (а также все комнаты вокруг неё), до того как она смогла полностью возвести щит. Остальные две бросили себя в воздух, раскрывая свои крылья, как только щиты возникли вокруг них.

Я помолилась Луне и телекинезом вынула шар памяти, убедившись, что это с последней вечеринки Пинки Пай, а не тот, что я раздобыла в сейфе семи этажами ниже. Я начала левитировать шар как можно ближе к ним обеим.

Аликорн издала злобный, полный горечи, но величественный смешок, который отразился от стен над ямой. Используя свой телекинез она легко перебила мой, швырнув стул. Шар, содержащий память о последней вечеринке Пинки Пай, упал в вниз, подпрыгнул, покотился и скрылся в расщелине, потерявшись навсегда.

Голос тёмно-фиолетового аликорна пророкотал с неоспоримым превосходством.

— Ты считаешь Нас глупцами? Мы помним, как ты уже убила Нас ранее!

Ну, теперь нам точно пиздец!

— Сваливаем! — проорала я, развернувшись и дав дёру по лестнице.

Вельвет Ремеди и СтилХувз галопом мчались за мной, поравнявшись, когда я уже пробежала половину лестничного пролёта.

Обернувшись, я приказала СтилХувзу завалить проход за нами. Его автоматический гранатомет был бесполезен против аликорна, укрывшегося за щитом, но весьма и весьма эффективен против разваливающегося здания, в котором мы находились. Бетон и дерево с громом обрушились вниз, подняв облако пыли.

— Вот что сейчас произошло? — Требовательно спросил СтилХувз.

Задыхаясь, я начала объяснять:

— Тут каким-то образом замешана телепатия,.. — мои страхи нашли подтверждение. — ... не только между теми, кто рядом. А вообще со всеми. Каждый раз, как мы убьём одного, они узнают от него всё. — Я не могла обдурить их дважды одним и тем же трюком.

Наша уловка дала нам время, но немного. Я слышала их с другой стороны завала, как они начали расчищать путь к нам.

Со вспышкой света прямо перед нами возникла одна из аликорнов.

— Они ещё и телепортироваться могут?! — выпалила Вельвет Ремеди, достигнув, наконец, того же уровня непримиримой ненависти, что и я, по отношению к этим существам.

Сама же аликорн выглядела немного удивленной. Похоже, что телепортироваться в места, которые не видишь, сложновато даже для этих существ. Не думаю, что она ожидала, что сможет появиться так близко к нам. Очень жалко, что она не появилась где-то в ярде в сторону от нас, чтобы она застряла в стене. Но нет, на такую удачу мы не смели рассчитывать.

Или могли? Я поняла кое-что очень особенное. Сферический щит аликорна вот-вот набрал бы полную силу, но дело в том, что она появилась прямо между нами. Каждый из нас частично находился в области действия её барьера. Включая заднюю часть СтилХувза.

Аликорн начала творить заклинание. Я почувствовала, как в приступе сжимается моё сердце. Мои копыта начали подкашиваться.

Заклятье сердечного приступа? Почувствовав, как по мне прокатилась волна паники от того, что моё сердце прекращало биться, я внезапно поняла, как эти создания убивали грифонов с помощью "естественных причин".

— Давай! — заорала я, телекинезом захватив мешок с гранатами.

СтилХувз рванул вперёд, оставляя гранаты в мешке. Не раскрывая и не показывая содержимого, я сфокусировалась и попыталась вытянуть столько колец из гранат, сколько смогу. К несчастью, перемещать объекты, которые я не могла видеть было так же нелегко, как и телепортироваться аликорну в неизвестное место. Я смогла вытянуть только три кольца из гранат, до того как я вынырнула из щита.

Аликорн бросила вопросительный взгляд на мешок, что я швырнула к её копытам. Взрыв, прогремевший в её щите был весьма эффективным — зрелище было кровавым и ярким.

— Ну, это объясняет, как грифоны оказались заперты на крыше, — сказала я флегматично.

Нам пришлось сразиться ещё с четырьмя этими созданиями, до того как мы достигли крыши. Моя скрытность в сочетании с массивной огневой мощью СтилХувза помогли остаться нам в живых, но приходилось всё труднее и труднее. Они теперь все были предупреждены о нас и, похоже, скоординировались, чтобы занять оборону. Нам приходилось убегать всякий раз, как они начинали воровать, и мы были недостаточно быстрыми, чтобы убить больше, чем двух, до того как остальные сотворят щиты вокруг себя.

На крыше засело ещё четыре аликорна. Они сидели, застыв по четырём углам здания, их внимание было сосредоточено в центр. Вместо того, чтобы окружить себя магической сферой, они совместно поддерживали полусферу магической энергии, которая удерживала подобно клетке трёх грифонов-наёмников.

— Это кое-что новенькое, — пробормотал СтилХувз позади меня.

— О, слава Великому Яйцу, — прокаркала одна из наёмниц, смотря на нас из-под сияющей энергией раковины, которая держала в ловушке её и двух других выживших наёмников. Она замолчала. — Где остальные?

Я оглянулась, Вельвет Ремеди и СтилХувз стояли по обе стороны от меня. Где был Каламити знала только одна Богиня. Подозреваю, что он сейчас кружил над Веткой Селестии в надежде обнаружить нас. Я вздрогнула при этой мысли и понадеялась, что он не сильно волновался. Я видела малейшие признаки приближающегося рассвета на горизонте.

Прохладный ветер потрепал мою гриву, принеся с собой солоноватый запах с бухты. Как же жалко, что мы достигли крыши в потёмках ночи. Вид днём отсюда должен быть великолепным.

Хотя опять, этот вид мог парализовать меня головокружением. Так что, скорее всего, мы пришли в самое подходящее время. Я повернулась обратно к трем грифонам:

— Это все. Только мы.

— Ну, маловато будет для спасения, — сказал один из них с горечью в голосе.

— Благодарствуем. А теперь взгляни.

Я развернулась и посмотрела на аликорнов. В своей концентрации они были неподвижными. Я даже не была уверена, что они осознавали наше присутствие на крыше рядом с ними. И они находились вне щита, который поддерживали. Скоординированной атакой мы могли вынести трёх. Ну, а грифоны вполне могли добить последнего.

— Какие у вас с собой пушки, ребята?

Я слышала, как присвистнул СтилХувз, когда грифина, стоявшая позади, вышла вперёд. Она носила нечто, похожее на её собственную магическую силовую броню, сделанную для грифонов — далеко не такая сложная и навороченная, как у СтилХувза, когти, лапы и крылья остались открытыми, точно так же, как и лицо. Но с гигантским трёхствольным оружием на самом громадном боевом седле, которое я видела.

— Смонтированная АА-турель, — с уважением произнёс СтилХувз.

Я понятия не имела, что это значит, но это не выглядело как энерго-магическая версия плазменной турели, которую Каламити использовал против дракона.

Да, пушки у нас определённы были.

— Осталось лишь пять зарядов, — мрачно изрекла грифина. Ну, всё же пять выстрелов из этой штуковины — это гораздо больше, чем...

— А ещё к нам на подходе четыре крыла этих рогастых ублюдков, — произнесла первая грифина. По её голосу я наконец узнала в ней Блэквинг. Я отметила про себя, что не стала бы использовать "рогастый", чтобы описать аликорнов. Ну, если только Блэквинг не вкладывала в это слово несколько иной смысл, чем я.

— Четыре крыла? — спросила я. — То есть, ещё два?

— Нет, — вставил СтилХувз. — Она имеет в виду двенадцать.

— Ох. Ну... лунские камни.

В этом был смысл. "Крыло" подразумевает под собой группу из трёх. Это объясняет, почему они охотились на СтилХувза втроем в окрестностях Фетлока.

— Эти четверо просто держали нас прижатыми, пока их подкрепления не придут, — уведомила нас Блэквинг.

Стоять...

Я оживилась.

— Ну, тогда всё в порядке. Я уверена, что мы поубивали их ещё на подходе сюда! — Я посчитала в уме. Одна в бассейне. Две возле сейфа. Три над ямой. Одна сбегала и присоединилась к оставшимся трём. Значит мы убили...

...девять. Где-то остались ещё три. Так или иначе, нам удалось пройти мимо целого крыла аликорнов, и ни мы, ни они не заметили этого.

И они, возможно, заявятся на крышу в любую минуту. Нам нужно было действовать, и быстро!

* * *

Я быстренько изложила свой план и все стали занимать свои позиции. Когда все засели, я не удержалась, но озвучила свои подозрения Блэквинг:

— Что же вы, наемники, искали в этом месте, раз эти твари так взбеленились?

— Коды для взлома сейфа в Министерстве Стиля, — сказала Блэквинг на удивление охотно. — В сейфе лежит артефакт, который наш работодатель просто жаждет получить. Так получилось, что эти "богини", эти монстры так же рвутся получить эту вещь.

— А что за артефакт то? — Спросила я, прилевитировав Малый Макинтош и проверив барабан. На сей раз я собиралась использовать магические пули, уж чтобы наверняка.

— Чёрная Книга. Ну, Чёрная Книга чего-то там. Фолиант с гнусной зебринской магией. Штука, которая может разорвать душу пони на кусочки, как говорят. Или призывать духов с того света.

Некромантия.

Лишь одна мысль, что такие силы и заклятья вообще существовали, вызывала у меня кошмарную дрожь. Насколько я знаю, ни один из пони не практиковал такое тёмное искусство; и страшно было представить, что зебры действительно могли это делать. Некромантия вообще не должна была существовать — это просто страшилка для маленьких жеребят на пижамных вечеринках.

Если весь тот идиотизм Министерства Стиля был интригой, то зачистка книг предстала в новом, ужасающем свете. Мне стало интересно, а не было ли целью конфискации "идеологически неправильных" книг хотя бы отчасти быть дымовой завесой для этого. Потому что, во имя Богинь, нельзя же было сказать народу, что у зебр была некромантия, ведь это куда сложнее, чем просто изъять из продажи все просачивающиеся книги в Эквестрию!

Знание, что у зебр была некромантия, вдохнула в меня новое видение на то, как пребывание в области действия мегазаклинания превращало пони в гулей и зомби.

Пока я разговаривала с Блэквинг и размышляла о влиянии Чёрной Книги, СтилХувз и Вельвет Ремеди говорили о своём. Я уловила лишь конец их беседы.

—... у них у всех разные заклинания. Только тёмно-фиолетовые, как те, что остались внизу, могут телепортироваться, — объяснял ей СтилХувз. — Тёмно-синие...

— Невидимость, — вставила Вельвет Ремеди. — О да, я помню.

— Тёмно-зелёные? До сих пор я не видел, что они могут что-то, чего не могут другие. — СтилХувз подошел к одной из окаменевших аликорнов, внимательно посмотрел на её шерстку, тёмного, зелёно-лесного цвета и отступил. — Теперь знаю.

Бучер, грифина с тяжёлой пушкой стояла наготове напротив самого дальнего аликорна. СтилХувз прицелился в того, что был слева от меня. Вельвет Ремеди прицелилась со своего (бывшего моего) боевого дробовика, удерживая его в воздухе в дюйме справа от меня. Я левитировала Малый Макинтош на позицию между своими глазами и прицелилась в ту, что была передо мной.

— На счёт три. Раз... Два...

В громоподобном рёве выстрелов и взрывов упало три аликорна. Как и щит. Последний аликорн немедленно вернулся к жизни, забил тревогу и...

...суперпушка грифины выпустила такой бум, что, наверное, слышно было аж на луне. От четвертого аликорна ничегошеньки не осталось.

Блэквинг пролетела вперёд и подхватила меня своими когтями, в то время, как другой, легче экипированный грифон, подхватил Вельвет, унося её с собой в воздух. Я набросила на СтилХувза телекинетическую оболочку, левитируя его за нами. Последняя грифина взлетела, прикрывая наш отход.

Мы уже пролетели несколько кварталов, когда последние три аликорна вломились на крышу. Часть меня хотела язвительно

посмеяться. Но затем они напомнили нам, что тоже могут летать. И, ничем не обремененные, они могли делать это намного быстрее и ловче.

Заклучив себя в магические щиты, они быстро сорвали дистанцию.

Я закрыла глаза, стараясь напрячь заряженный ПрМ-ом мозг. В первый раз Праздничные Минатлки подвели меня.

— Ну, вот терь те бы пригодилась помощь!

Так я была рада слышать голос Каламити только тогда, когда я столкнулась с драконом. Я распахнула глаза, с благодарностью уставившись на него.

— Надеюсь, что у тебя есть план. Потому что у меня его нет!

— А, просто летайте за мной! — Каламити улыбнулся и обогнал нас, сбрасывая высоту.

Оказывается, что тяжело нагруженные грифоны могут лететь быстрее аликорнов только в одном направлении — это вниз. Они погнались за нами, но мы быстро набирали дистанцию.

— По крайней мере, пока мы не нырнём в матрацную фабрику, — каркнула Блэквинг, — Это было бы весьма коротким полётом.

Я бросила взгляд назад. Между нами и тремя существами образовалось приличное расстояние, теперь лишь три светящихся пузыря болезненно зелёного цвета, что сверкали в небе.

— Давайте! Начинаем подтягиваться! — прокричал назад Каламити.

— Да он хоть понимает... — проворчал грифон, несущий Вельвет Ремеди, — как это тяжело... подтягиваться... на такой скорости... да ещё с таким грузом?

Я увидела быстро приближающуюся улицу, когда мы начали приземляться. Я улыбнулась, думая о том, сколько хлама Каламити имеет привычку набирать во время мародёрства. Не было никаких сомнений, что ответ был — да.

Грифоны наконец-то начали ровняться, оставляя между собой пространство в квадратный ярд, пролетая над верхушками высоких фургонов. Я почувствовала, как копыто зацепилось за один из пассажирских фургонов. Аликорны начали нас догонять. С рога одной из них сорвалась молния, пролетевшая мимо нас.

Впереди улица заканчивалась массивной стоянкой. Ряды над рядами доставочных фургонов сложились в длинное здание. С обострённой ясностью от Праздничных Минталок я смогла разглядеть крышу здания, к которому мы приближались: чёрного цвета символ омега вместе с белой земной пони, вроде бы левитирующей посылку над своей спиной.

Я наконец-то поняла его план. Не успела я моргнуть, как Каламити открыл огонь.

Я посмотрела на свой Локатор Ушки-на-Макушке, просмотрев местность на предмет наличия форм жизни внизу. У меня было лишь мгновенье, но по крайней мере у меня были обострённые Праздничными Минталками чуткость и мыслительный процесс. Всё, что я увидела, так это красные точки, снующие внизу туда-сюда. Радтараканы, наверное. Я услышала серию хлопков, когда мы подстрелили последний доставочный фургон и не перелетели через верхушки крыш.

Аликорны только-только достигли стоянки, двигаясь слишком быстро, чтобы остановиться, когда первый доставочный фургон рванул, словно бомба с мегазаклинанием в миниатюре. Первый взрыв спровоцировал за собой цепную реакцию, и три городских квартала наполнились ярким каскадом окрашенных в безумные цвета вспышек.

Их щиты не смогли защитить от такого. Волна радиации не смогла исцелить их от силы, разрывающей их на части на клеточном уровне. Они даже в мыслях прокричать не успели. На это у них не было времени. Трёх аликорнов просто не стало.

Здание укрыло нас ровно настолько, чтобы не дать нам испариться. Мой ПипБак вопил от того, что нас настигла тепловая волна и радиация. Мой Л.У.М. вспыхнул красным в предупреждении, что я получила радиационное заражение, прежде чем он совсем отказал — система моего ПипБака упала.

А спустя мгновенье упали и мы.

Заметка: Следующий уровень.

Новая способность: Могучий Телекинез (уровень три) — Сила вашего телекинеза может потягаться с самой Твайлайт Спракл. Вы можете справиться с множеством объектов с лёгкостью; а если как следует сфокусироваться, то вы, возможно, сможете левитировать Малую Медведицу!

<<< ^^ >>>

Глава 19. Предательство

«Скажи, что мои друзья врут мне и избегают меня, потому что им не нравятся мои вечеринки, и они больше не хотят быть моими друзьями!»

<<< ^^^ >>>

Наркомания.

Когда ты понимаешь, что ты в ловушке? Когда чего-то хочется больше, чем чего-либо ещё? Когда ты осознаешь, что врешь друзьям и скрываешь от них истинное положение вещей, потому что не хочешь, чтобы они знали? Когда ты не можешь прожить и неделю без удовлетворения своей потребности? День?

Или когда ты просто тешишь себя мыслью, что на самом деле ничто из вышеупомянутого к тебе не относится и ты в полном порядке?

Мы разбились, и всё потемнело, словно кто-то задул свечу. Я лежала на улице, измучившаяся и сильно израненная. Но в глубине моего сознания я всё ещё падала. Последнее сообщение Пинк Пай наполняло мои мысли. К тому времени, как я пришла в сознание, действие ПрМ рассеялось, и я снова оказалась в трясине собственной беспомощности. Даже разноцветные огни взрывов, поглотивших три квартала позади нас, не смогли пробиться через мой психологический туман. Я стряхнула с себя щебень, которым была засыпана улица, но перед моим мысленным взором всё ещё был тот одинокий скелет пони в углу... перед смертью прижимавшей фигурку подруги к груди.

И всё-таки всё, чего я хотела — это ещё одна Праздничная Минталка. Очиститься от тумана и смятения. Сделать себя выдающейся, чтобы я смогла помочь друзьям.

В этот момент я поняла, что даже если не наблюдается ничего из моего личного списка "признаков опасности", я рискую потерять контроль. Я всё ещё решала, принять ПрМ или нет, и могла отказаться в любой момент. Но... я достигла грани, где я не чувствовала себя нормально — даже не чувствовала себя собой — без очищающего и просветляющего эффекта ПрМ.

Может быть, возможно, у меня действительно проблема?

— Иии-ХХА! — торжествуя воскликнул Каламити, подлетая к нам. — Именно так это делается в стиле Дашистов!

СтилХувз застонал, поднимаясь на бронированные копыта.

— На заметку, — проворчал он, — впредь никому не позволено жаловаться на чрезмерность моей тактики.

— Аааау! — вскрикнула одна из грифин (думаю, Бучер). — Моё крыло! Кажись, оно сломано...

Вельвет Ремеди выбралась из-под обломков опрокинутого фургона, на который она приземлилась. Её тело было изодрано и кровочило, оседали глубоко рана на лбу, но она не обращала внимания, хромая к травмированной грифине. На полпути она остановилась, шокировано смотря на бушующее пламя позади нас.

— Милосердная Селестия. Надеюсь, никто не жил в этих зданиях!

Каламити гордо приземлился рядом.

— Конеш, нет. Зачистили эту дыру от рейдеров вчера вечером, помнишь?

Мы сделали что?

Вельвет Ремеди пошатнулась и вытерла струящуюся со лба кровь, заливавшую глаза.

— Оу... Ты имеешь в виду тогда, когда ты улетел, заставив нас беспокоиться? — Она опустила копыто и сделала ещё шаг к предполагаемому пациенту, говоря: — Я... я помогу. Не двигайся...

Она сделала ещё три шага, прежде чем упасть без чувств.

— Эй! — воскликнул Каламити, поймав её на лету. Вельвет обмякла у него на передних ногах.

Я попыталась подбежать к ней, но оказалось, что я лежу. Это казалось странным. Я попыталась подняться, и дикая боль пронзила правую ногу. Я подняла её, пытаюсь понять, что не так... нога заметно потяжелела. Мой взгляд упал на торчащий из неё кусок арматуры, прямо над потухшим экраном ПипБака.

— ох. Это нехорошо...

Взглянув вверх, я увидела тёмный силуэт бронированного грифона, идущего ко мне, и вновь потеряла сознание.

— ...уже получили коды, когда они начали насадать на нас. Мы подумали, что нам охрененно повезло, раз они теснили нас прямо к крыше, но эти суки навернули наш путь к бегства, превратив его в ловушку.

Я очнулась во второй раз, как раз тогда, когда Блэквинг и СтилХувз были увлечены в дискуссию. Не думаю, что провалялась в отключке больше пары минут. Я чувствовала себя ещё слабее, чем когда я болела в хижине СтилХувза, как же мне хреново, а передняя нога пульсировала такой болью, что я не могла сдержать слёз.

— Моя команда заметила аликорнов, проверяющих как минимум ещё один сейф в здании, — заметил СтилХувз. — Они знали, что вы уже получили коды?

Блэквинг рассмеялась:

— Ну, не стали же мы это афишировать!

Мое внимание отвлеклось: красавица Вельвет Ремеди находилась рядом со мной, пока я была без сознания. Вельвет Ремеди сидела на коленках напротив меня, её исцеляющий рог светился. Она сидела в таком неудобном положении, что даже мне было больно на неё смотреть. Её голова была обмотана волшебными бинтами, через которые просачивалось большое багровое пятно с её обработанной раны.

— Надеюсь, тебе нравится вкус Антирадина, Литлпип, — сказала она, улыбаясь и стараясь звучать естественно. Я могла определить напряжение в её голосе, как бы она его ни скрывала. — СтилХувз единственный среди нас, кто не будет безмерно благодарен, если я смогу убедить Доктора Хелпингхуфа продать нам все его запасы.

— Вельвет... ты в порядке? Ты упала.

Вельвет мягко улыбнулась мне.

— У меня сотрясение, но оно не должно быть слишком серьёзным. Я больше переживаю за тебя, Литлпип.

Пф-ф-ф. Со мной всё будет в порядке. Пара лечебных зелий, и всё заживет, как на собаке. Так ей я и сказала. Вельвет вздрогнула. Почему она вздрогнула?

— Липпип... нельзя тебе лечебные зелья принимать, пока эта штука всё ещё торчит в тебе. — Я посмотрела на окровавленную, ребристую металлическую арматуру, гротескно пронзившую мою переднюю ногу. Вельвет продолжила: — Своей магией и медикаментами я тебя подштопаю, да. Но сначала нужно вынуть этот металлический прут.

Это будет больно, не так ли?

Вельвет Ремеди завершила меня, что это будет ОЧЕНЬ больно.

Телекинезом я вынула шар памяти из Башни Подковы, предавшись на мгновение созерцанию. Замок на том сейфе был самым сложным из всех, что я взламывала. Он был за гранью магических способностей двух аликорнов. Что же за секреты он хранил. Согласно сказанному Блэквинг, наёмники получили коды, которые они искали где-то в здании. Конечно, аликорны не знали этого наверняка. Вероятно, они просто не хотели рисковать.

— На счет три? — предложила я Вельвет Ремеди.

Она кивнула, её губы растянулись в одну тонкую полоску

— Раз... два...

Я пробудила свою магию и дотронулась до шара. Как только рог Вельвет Ремеди запылал и арматурина окуталась сиянием, все мои чувства провалились в другой мир.

<=====ооО Ооо=====>

Я сидела перед рядом терминалов между ещё двумя пони, на которых я не обращала никакого внимания. В ухе мягко шипел наушник. На экране терминала ничего не было, кроме значка-шарика, который надувался, пока не лопнет, затем процесс повторялся.

У хозяина памяти уже всё замлело от долгого нахождения в одной позе. У неё чесалась грива, как и...

Ой! Поправка, у него чесалась грива. Как и некоторые другие места. И мне вдруг очень сильно захотелось вернуться назад в руины Мэйнхэттена и чувствовать вонзённую в ногу арматуру вместо этого.

Маленький шарик в очередной раз лопнул и сменился текстом.

>Перехвачено аудиосообщение.

>Источник сообщения: Резиденция Оранж, Башня Подковы, Мэйнхэттен

>Получатель сообщения: [•••••]

>Получатель сообщения: зашифровано.

Производится запись в журнал. Требуется проведение процедуры Надзор.

— Отлично, — чрезвычайно скучающим голосом произнёс жеребец моим ртом. Я почувствовала, как моё копыто нажало кнопку, не глядя. Шум в наушнике сменился голосом.

“...останусь со своими дядей и тётей Оранж.”

Я сразу же узнала голос Эплблум. У него был странный тембр и охриплость, будто она долго плакала, но все слёзы уже закончились.

Мой хозяин схватил зубами карандаш и стал что-то калякать в блокноте. Я ощущала вкус ластика и чувствовала отметинки от зубов на древке. Я старалась сосредоточиться на вкусовых, зрительных и звуковых ощущениях, старательно игнорируя другие.

“Не слышно там чего-нибудь?” — Другой голос принадлежал Свити Белль. Нервный какой-то. Или обеспокоенный?

На экране передо мной появились ещё строчки:

>Несанкционированное шифрование преодолено.

>Получатель сообщения: Пони-Совершенство, Кантерлот.

>Приступить к анализу голоса?

Носитель моего сознания звучно вздохнул и нажал другую кнопку. Затем он вернулся к записям, лишь краем глаза поглядывая на экран.

>Идёт анализ голоса.

“Нет,” — строго ответила Эплблум. — *“Врачи говорят, что сестра выкарабкается, но...”*

“...но что?” — Свити Белль будто боялась услышать ответ. — *“Ну я же понимаю, это хорошая новость, да? Что ж так невесело?”*

Голос Эплблум стал тише. Я почувствовала, как слегка привстала. Очевидно, когда говорящие становятся тише, это хоть немного, но привлекает внимание.

“Тут слухи ходят...” — призналась Эплблум своей подруге. — *“Говорят, что, возможно, это был не такой уж и несчастный случай.”*

“Что?!” — поразились Свити Белль, понизив голос до шёпота. — *“Кому бы захотелось вредить Эплджек?”*

Экран вспыхнул, быстро наполняясь новой информацией. Какой-то удалённый мэйнфрейм только что определил говорящих и тему разговора. И теперь носитель моего сознания переключил всё своё внимание на экран и наушник.

“Говорят... что это, наверное, кто-то из её министерства.”

Свити Белль молчала. На заднем плане я слышала чей-то плач, тихие и трогательные рыдания. Я не могла определить, с чьей это было стороны, но мне не пришлось долго гадать.

“Чё эт там у тя происходит? Ты откуда звонишь, Свити Белль? У вас там всё в порядке?” — а потом, будто тревожные мысли вторглись в её голову, — *“С твоей сестрой тож что-то случилось?”*

“Что? А, нет-нет, с ней всё в порядке. Мы в... мы в спа на Листопадной. Рэрити здесь уже с полудня пытается остановить слёзы Флаттершай.”

“Что... эт из-за Эплджек?”

Голос Свити Белль зазвучал виновато.

“Эм... нет. Не думаю, что они уже знают об этом. Рэрити позвонила мне пару часов назад. Видимо, Флаттершай пропустила свой еженедельный сеанс, и Рэрити отправилась её искать. Флаттершай она нашла в её офисе в Министерстве Мира, свернувшейся в уголке. Я точно не знаю, что произошло, но...”

Настала очередь Эплблум:

“Но что?”

“Флаттершай говорит, что Рэйнбоу Дэш назвала её предательницей!”

“Что?!” — Эплблум не смогла сдержать свой голос, как Свити Белль. Я услышала, как кто-то на заднем плане что-то спросил.

Голос Эплблум послышался глуше, когда она ответила:

“Да нет, ничего, дядь Оранж. Эт не из клиники. Эт я со Свити Белль говорю.”

Чуть подумав, она глубокомысленно добавила:

“Похож, Рэйти и Флаттершай не смогут сразу поладить.”

Эплблум заговорила громче, теперь обращаясь к Свити Белль:

“Эмм... я должна идти. Твайлайт Спаркл может телепортироваться в любую минуту. Она пробудет с нами до тех пор, пока Эплджек не окажется вне опасности,” — пояснила Эплблум. — “А ты ж знаешь, какую неразбериху приносят эти телепорты на местные терминалы. Думаю, я во сне такой могу придумать и получиш... Кроме того, Скуталу будет вне себя, если узнает, что я говорила по незащищённой линии.”

“Предательницей!? Нет, ну ты представляешь, Эплблум? Рэйнбоу Дэш её самая давняя подруга. А что ещё хуже, она — носитель Элемента Верности!” — Видимо Свити Белль это задело до глубины души. — “Это всё равно, что сама верность называет тебя предательницей!”

“Интересно, как бы самой Рэйнбоу Дэш понравилось такое прозвище?” — мрачно процедила Эплблум.

“Да как вообще Рэйнбоу Дэш могла такое сказать?”

“Не знаю,” — ответила Эплблум обиженным голосом, — “Я уже перестала пытаться понять. Я просто хочу, чтоб всё это закончилось.”

“Я понимаю. Всё это... Иногда просто хочется зарыться в землю и переждать там всю эту дурацкую войну.”

Экран снова вспыхнул.

>Передача прервана со стороны получателя.

>Идёт Анализ содержания.

>Записи присвоен Приоритет Альфа.

>Требуется Подтверждение Памяти Надзирающего.

>Пожалуйста сообщите вашему Администратору.

Я почувствовала, как встаю и сбрасываю наушник.

— От чёрт. Ненавижу экстракцию памяти, — проворчал он тем, что ощущалось как мой рот. — Чтоб они сгорели, те кобылы.

<-=====000 000=====>

Я вернулась в мир мрака и невероятной боли. Но хотя бы половая принадлежность восстановилась. Проглотив крик, я слабо улыбнулась Вельвет Ремеди, обёртывавшей мою ногу лечебными бинтами.

— Это ты умно придумала, — похвалила Вельвет Ремеди, левитируя пару омолаживающих зелий из аптечки позади неё. Заметив, что своих аптечек на ней не было, я оглянулась по сторонам. Я могла поклясться, что они у Вельвет были до моей второй отключки, а вот когда я очнулась...

Невдалеке я увидела Каламити, который работал над её "седельными сумками", заменяя повреждённые в битве на новые, которые он раздобыл... где то.

— Что то интересное? — спросила Вельвет Ремеди, поднося рог к шару памяти.

Я посмотрела на шар памяти; мысли, которые он вызвал, боролись за господство в моей голове:

Я уже ранее замечала намёки на то, что в Министерстве Технологий не всё было гладко, но чтобы у кого-то из Министерства хватило упорства и ненависти в сторону Эплджек, чтобы подстраивать её гибель... Это поднимало конфликт на совершенно другой уровень. Это помещало тот звонок по времени где-то после смерти старшего брата Эплджек и её соответствующего усиления контроля над её Министерством. Возможно, даже после воспоминаний Эплсэка. Появление нового поколения магически усиленных терминалов объясняло то, что мне удавалось находить рабочие экземпляры на Пустоши. И если этот звонок произошёл тогда, когда я предполагала, то это объясняло, почему большинство терминалов оказывались кусками разбитого хлама. Усовершенствованию подвергались лишь те, которые считались жизненно важными или принадлежали богатым и известным пони.

Также я стала понимать, какие возможности увидела Гаудина Грознопёрая в целом хранилище, полном воспоминаний.

Но эти мысли лишь вводили от главного.

А самым важным было то, что Вельвет Ремеди не должна была увидеть это воспоминание никогда.

— Да там был скучный рабочий день какого-то жеребца, — соврала я, подняв и левитировав шар в свою сумку. — Как там грифина с переломом крыла?

— Какое-то время она не сможет летать. Её травма серьёзней, чем когда Каламити прострелили крыло... — сказала Вельвет, посмотрев на грифину. Как только Вельвет отвернулась, я телекинезом отправила шар в полёт. Если повезёт, он упадет достаточно близко от маленького армагеддона, устроенного нашим Дашитом, и ядовитая память сгорит в огне.

— Диджей Пон3 кое-чего недоговаривает, — настаивала Блэквинг, обращаясь к СтилХувзу. Мой окутанный металлом компаньон охотливо спросил о резне гулей, устроенной на станции Ветки Селестии. — Конечно, Грим Стар хотел, чтобы они все были мертвы, однако некоторые из башни Тенпони были заинтересованы в том, чтобы решить всё дружбой.

— Дружбой? — сказал СтилХувс с оттенком отвращения и недоверия. — С гулями?

Блэквинг наклонилась.

— Да, знаешь я встречала несколько гулей в своё время, и скажу я тебе, они были более уважаемы, чем многие пони в пустошах. — Тон, с которым говорила грифина, давал понять, что ей есть ещё что добавить, но она не хотела оскорблять Стального Рейнджера, который только что спас её жизнь. — Они не такие же, как зомби-пони; то есть в конце концов... ну, шериф Ротингтейл уже скатывался в зомбичество, в этом я точно уверена.

— Да? — спросил СтилХувз тоном, который я начала узнавать. Я задавалась вопросом, должна ли я беспокоиться? Угрожает ли что-нибудь Блэквинг и её грифонам со стороны СтилХувза? А пони в башне Тенпони?

Я так не думала, но насколько хорошо я знала СтилХувза на самом деле? Как вообще кто-нибудь может его знать, когда каждая выраженная эмоция может быть просто хорошо разыгранным представлением?

— Ага. Шериф Ротингтейл не хотел такого сожительства, даже если некоторые пони из Тенпони были не против. У этого ублюдка был план избавиться от всех пони в башне и занять её для себя и своей банды. — Блэквинг с отвращением резанула воздух. — Там целая толпа зомби-пони в туннелях техобслуживания рядом с башней Тенпони. Он пытался заплатит нам, чтобы мы открыли старый вход в туннель и пустили их внутрь.

СтилХувз молчал какое то время, затем спросил:

— Он пытался подкупить вас, чтобы вы порвали контракт? Он должен был знать, что честь грифонов не смирится с этим. Почему он не мог сам это сделать?

Я видела, как Блэквинг надулась от гордости.

— Дурак не смог бы. Открыть можно только изнутри.

— Ох, Луна! — ахнул СтилХувз. — Я надеюсь, вы рассказали об этом Шефу Грим Стару?

На клюве Блэквинг появилась гримаса.

— Вообще то... — она рыла землю когтями, — я не видела смысла в том, чтобы доводить всё это до фанатизма после того, как Ротингтейла не стало. Правда в том, что мы не шли внутрь с намерением прикончить кого-то ещё кроме него и его головорезов, но чёртовое место обрушилось нам на головы в тот же момент, как мы его прижали. У нас не было иного выбора, кроме как убить их всех.

СтилХувз хохотнул.

— Ну, никто не может вас винить. Но Грим Стар должен узнать о потенциально опасной дыре в защите Тенпони. Где находится этот старый вход в туннель, кстати говоря?

Бучер отстегнула от себя боевое седло со смонтированной АА пушкой и положила перед моими копытам. Я в недоумении уставилась на неё.

— Слушай, ты спасла наши жизни там, наверху. Мы благодарны тебе, — объяснила она. — Блэквинг, возможно, сделала бы тебя одной из Когтей, если бы ты была хотя бы пегасом. Но, к сожалению, ты всего лишь единорог, который не умеет летать. — Она ухмыльнулась.

Я смотрела на до смешного огромную пушку.

— Я не могу, правда, — пробормотала я, размышляя, что, чёрт возьми, мы будем делать с этой штукой, если я её приму. — Вам она нужнее.

— Да. Но гораздо больше мне нужна моя жизнь. И она у меня всё ещё есть благодаря тебе. Когти Блэквинг всегда платят по счетам. И не отрицай, что вам она тоже будет полезна. Малышка Гильда пробьёт дыру в щите аликорна, если ты сможешь послать четыре-пять выстрелов. — Она подняла голову. — Кроме того, была ещё идея отдать тебе нашу броню, но она вряд ли подойдёт пони.

Каламити взлетел и завис, глядя на неё.

— На самом деле можно приделать эт крошку к боевому седлу СтилХувза...

— Куда? — Огромное седло СтилХувза и так уже имело гранатомёт с одной стороны и ракетную установку с другой!

— На спину! — Каламити приподнял шляпу, явно довольный этой идеей. — Конечно, если мы прикрепим её на спину, СтилХувзу придётся нацеливать её с помощью хвоста, однако если подключить к ней это фантастическое заклинание прицеливания...

Ну уж нет. Я остановила это безумие прямо там. СтилХувзу, если уж на то пошло, нужно было оружие меньшей мощности, чтобы он мог спокойно стрелять в коридорах.

— Нет... как на счет того, чтобы вы просто оказали нам услугу?

— Я не очень люблю оказывать услуги, последствием которых может стать выдёргивание перьев из моего хвоста, — Блэквинг наконец закончила разговаривать со СтилХувзом и вмешалась в наш разговор. — Но если вы сможете придумать что-то более приемлемое к концу недели, мы всё ещё будем в этом районе.

Бучер посмотрела на своего командира.

— Каков план? — Она легла рядом со своим боевым седлом и стала затаскивать его на себя. Оно явно было слишком тяжёлым, чтобы поднять его без телекинеза.

— Завершить контракт. Доставить коды и получить нашу награду. После этого? — Блэквинг обернулась и посмотрела на отставшего члена своей команды, который уже был похож на мумию, благодаря усилиям Вельвет Ремеди.

— Во имя Яйца, — поклялась Блэквинг, — Я что-нибудь придумаю.

Каламити расстроился, увидев, как Бучер снова нацепила на себя Малышку Гильду.

— Даж не знаю. Как мы найдём вас?

Блэквинг выудила небольшое устройство из её сумки. Оно было похоже на СтелсБак.

— Вот. Это вещатель. Ты можешь подключить его к своему ПипБаку для передачи и приёма радиосообщений. Твой ПипБак не радио вышка, так что диапазон у него небольшой, но если вы поймали наше сообщение, то уже знаете, на какой частоте нас искать.

Я кивнула, перемещая его в свою сумку. Первым делом мне надо было восстановить магическую матрицу моего ПипБака. Я могла сделать это через костюм СтилХувза, так же, как до этого делала наоборот. Но это была не простая процедура, и я не могла сделать этого с такой ужасной болью. Или в темноте. Или, возможно, без пары Праздничных Минталок.

Нет... Нет, я могу сделать это и без них. Даже если я и не чувствую себя без них так хорошо. Я ведь делала это раньше, чёрт побери.

СтилХувз рысью догнал нас. Я хотела спросить его о несколько зловещем разговоре с Блэквинг, но он отвлек моё внимание.

— За нами следят. Там спайт-бот, который пытается привлечь твоё внимание, не давая мне знать, что он здесь.

Наблюдатель.

Извинившись и сказав, что догоню их, я отстала от группы. Конечно же спайт-бот подплыл ко мне в тишине заката.

— Привет, Литлпип! — Наблюдатель пытался говорить так, будто он здесь случайно, но, конечно, случайной эта встреча не была. Если бы это было так, то я сперва услышала бы музыку. — Что вы делаете здесь? И что за взрыв прогремел недавно?

Я задала себе вопрос, мог ли Наблюдатель быть застенчивым последователем, которого и я и СтилХувз замечали раньше. Я решила проверить эту теорию.

— Ну, Каламити игрался с фейерверками, а СтилХувз позволял тебе следить за нами весь день так, будто он не замечает, — сказала я мрачно. — А ты что делаешь?

— Весь день? Я не понимаю, о чём ты говоришь, Литлпип. Я оказался здесь только что.

Неплохая история. Не важно. Мне нужна была его помощь.

— Наблюдатель, мне нужна твоя услуга. Мне нужно, чтобы ты связался с Гаудиной и рассказал ей о Когтях Блэквинг.

Наблюдатель молчал долго, и я почувствовала необходимость объяснить.

— Гаудина собирает грифонов, у которых сейчас нет контрактов. Блэквинг потеряла половину своего отряда в схватке с теми аликорнами, а те, кто выжил, тяжело ранены. Им нужна помощь. Больше помощи, чем мы сможем оказать. Мы надеемся, что Гаудина даст им хотя бы возможность...

— Нет, — ответил механическим голосом спайт-бот.

— Нет? — Я села от удивления. — Мы можем помочь им. Или тебя заботят только пони?

— Я помогал тебе раньше потому, что это спасало жизни. А это не спасает жизни. Это больше похоже на... тщеславие. Я не раскрою

себя ради этого. Каждый раз, как я делаю это, я подвергаю себя риску!

Ох, ради любви Луны. Я отвернулась от парящего робота.

И вот тут Наблюдатель меня удивил:

— Ну хорошо. Я сделаю это ради тебя. Но ты должна сделать кое-что для меня. У меня для тебя задание.

— У тебя что? — Я моргнула, повернулась и уставилась на спрайт-бота.

— В Башне Тенпони есть Чёрный Опал. Он был украден у меня. И я хочу вернуть его.

Любопытствуя, я спросила:

— Что такое, этот Чёрный Опал?

— Это особый драгоценный камень. Как шар памяти, но используется в Реколлекторе. — Прежде чем я успела спросить, что же такое Реколлектор, Наблюдатель пояснил: — Шары памяти хранят память, извлечённую из пони при помощи магии единорогов, зачастую извлечённую силой. Реколлектор — это зачарованная корона, которую кто угодно может одеть, когда захочет записать свои воспоминания. Или же вновь пережить уже записанные. Даже если надевший её не единорог.

Я кивнула. Это было очень полезным изобретением. Как и устойчивые к магии терминалы Эплблум, это был шаг вперёд в развитии арканых технологий, которые подошли очень близко к своему концу. Иначе я бы наткнулась на них повсеместно.

— Итак, ты хочешь, чтобы я взяла шар памяти, хранящийся в башне Тенпони, и принесла тебе. Я что, похожа на пони-курьера? — Я рассердилась. — Но если это то, что по-твоему значит быть полезной, я сделаю это. Где эта штука находится?

— Я уверен, что он у этого пони-радиоведущего, диджея Пон3. Верни его мне, и я передам твоё сообщение.

Стоп. Что? Наблюдатель хочет, чтобы я украдала у Хомэйдж?

— Я...Я... — Я чувствовала, как внутри всё сжимается от ярости. — Оки... доки... локи. Я посмотрю, что можно сделать. — Мой голос был очень резок. — Но сперва ты отправишь это чёртово сообщение.

Спрайт-бот завис, в то время как Наблюдатель, казалось, обдумывает это.

— Конечно. Доверие строится с обеих сторон.

Ну, может быть. Но Наблюдатель просил меня предать пони, которая мне важна. А Хомэйдж была важна мне гораздо больше, чем какой-то пони, прячущийся за спрайт-ботами и требующий услугу в обмен на принятие мер во спасение. Я просто спрошу Хомэйдж о Чёрном Опале, подумала. Вежливо. И если она скажет нет, значит Наблюдателю не повезло.

Вдруг меня поразила одна очень важная мысль. Мои глаза расширились, и я уставилась на спрайт-бота.

— Что? Почему ты так смотришь на меня?

— Ты до сих пор не исчез. Все твои предыдущие визиты заканчивались очень быстро. Правильнее сказать, каждый раз, как я собиралась задать тебе вопрос, на который ты не хотел бы отвечать, твоё время контроля спрайт-ботом неожиданно заканчивалось. Но сейчас, когда тебе что-то понадобилось от меня, ты...

Раздался электрический треск, и весёлый марш (исполняемый на тубе, барабане и губной гармошке), полился из динамика спрайт-бота, покинутого Наблюдателем как раз вовремя.

Я не купилась на это.

Солнце поднималось, окрашивая облака великолепными цветами и погружая город в лабиринт теней.

Я бы несомненно насладилась дорогой назад, если бы отсутствие моего Л.У.М.а не заставляло меня пугаться каждой тени и каждого угла, за которым мог прятаться враг. Если бы моя передняя нога не пульсировала от боли. Если бы моя голова не гудела, а живот не скручивался и не сжимался. Меня уже вытошнило всем, что ела когда-либо вообще.

Я пришла к заключению: я ненавидела лучевую болезнь. Сильно ненавидела. Башня Тенпони, Хомэйдж и постель — всё это казалось бесконечно далёким.

Вельвет Ремеди разделила Антирадин между нами (за исключением СтилХувза), перед тем как мы попрощались с Когтями Блэквинг. То, чего не хватило бы, чтобы очистить от радиации и нас троих, пришлось разделить на шестерых. Вельвет Ремеди уверяла нас, что всё будет в порядке, как только мы доберёмся до Башни Тенпони, и она сможет пополнить свой запас. Хотя мы и не говорили ничего по поводу этого. И это заставило меня волноваться сильнее.

Я старалась отвлечь себя мыслями о шаре памяти. Они привели меня к мыслям о Министерстве (Военных) Технологий. А те, в свою очередь, заставили меня вспомнить о том, что сказал про Министерство СтилХувз. И о том, кому они помогали.

Такие компании как Огненные Подковы, Четыре Звезды, Эквестриан Роботикс, и даже Стойл-Тек.

Огненные Подковы: там я впервые узнала, что не всё в мире Эплджек было хорошо. Эквестриан Роботикс: в действительности я не знала о них ничего, но подозревала, что ужасные мозгоботы — это их копыт дело. Четыре Звезды: предатели, работавшие с лазутчиками зебр, они были в значительной степени причастны к гибели миллионов пони. И Стойл-Тек... я уже знала, как они работали.

Под копытоводством и поддержкой Министерства.

Из моих размышлений меня вырвал вздох Вельвет Ремеди. Я отстала в равной степени из-за моих мыслей и из-за физического состояния. Я попыталась доскакать туда, где остальные присели за стеной, выглядывая из наполовину разбитого окна. Вместо этого я покачнулась и обнаружила, что во мне ещё есть что-то, что можно вытошнить.

С отвращением вытирая остатки рвоты с морды, я подошла ко второму окну, не желая находиться близко рядом с остальными после того, что я сейчас сделала. Рядом был металлический стол; технически мы были внутри здания и смотрели из него. Я задержалась, чтобы открыть стол и найти в нём дюжину бутылочных крышек.

Мой затуманенный мозг задался вопросом, почему я нахожу крышечки в местах, подобных этому? Столы. Корзины для мусора. Шкафчики. Шкафы для хранения. Какому пони придёт в голову хранить деньги в абсолютно случайных местах? Какие мысли должны быть в его голове: О, смотри! Стол посреди пустыни. Давай положим туда несколько крышек. Не очень много. Как раз, чтобы хватило на бутерброд...?

Я потрясла головой, пытаюсь избавиться от паутины нелепых мыслей. Тупая боль сдавила мой череп, давая понять, что этого делать не следовало.

Смахнув слезы, я выглянула на улицу. Я услышала странные звуки, прежде чем увидела источник. А когда увидела, глаза мои расширились от удивления. Мгновение спустя шар зелёного пламени осветил улицу, и огонь жар-феникса сжёг кровокрыла. Я стояла, разинув рот.

Не все мои компаньоны стояли и просто смотрели на происходящее. Левитируя боевой дробовик, Вельвет Ремеди целилась через окно, к великому нашему удивлению.

Вельвет Ремеди никогда не вступала в битву первая. Список существ, против которых она готова была применить силу со

Вельвет Ремеда, рос, и теперь включала аликорнов. Это всегда происходило в порядке самозащиты или защиты других пони. Когда я увидела Вельвет, занимающую боевую позицию и направляющую дробовик в сторону воздушной схватки, я невольно вспомнила слова Монтерея Джека и подумала, неужели я медленно теряю её под влиянием Экветрийской Пустоши? Неужели она теряет себя?

Вельвет Ремеда подождала, пока жар-феникса полностью не закроет тело кровокрыла.

БАХ!!!

Гигантская летучая мышь с пронзительным визгом упала на землю. Вельвет Ремеда навела оружие на другую тварь, ожидая удачного момента.

Летучие мыши не собирались прощать ей это. Одна из них резко рухнула вниз, пикируя на мою подругу. Двойной выстрел Каламити сбил её, и кровокрыл упал прямо у копыт Вельвет Ремеда.

Небо озарилось зелёной вспышкой, когда жар-феникс попытался подлететь сзади к нападавшим. Один из кровокрылов развернулся и столкнулся с величественной зелёно-золотой птицей, и оба влетели внутрь фургона доставки, круша полки с испорченными книгами. Часть меня подумала, что книги, наверное, везли в Библиотеку имени Твайлат Спаркл.

Феникс был прижат кровокрылом. Я видела, как отчаянно он пытается выбраться. Другой кровокрыл подлетел ко входу фургона и тут же быстро отлетел, так как феникс выпустил в него зелёное пламя. Прекрасное создание издало печальный крик, когда кровокрыл поднял свою голову, намереваясь впитать зубами в птицу. Второй кровокрыл спустился в отверстие.

— Литлпип! — в панике закричала Вельвет Ремеда. — Твоя зебринская винтовка! — Я в замешательстве смотрела на неё, пока мой лишённый Праздничных Минталок мозг пытался понять, что она хочет, чтобы я сделала.

Вельвет Ремеда не собиралась ждать. Её рог засветился, когда она вытащила винтовку из державших её ремней и начала безостановочно палить в заднюю часть фургона. Через секунду всё внутри фургона было в огне. Кровокрылы завизжали в агонии. Один из них споткнулся, пытаясь идти на своих горящих крыльях, похожий на живой ад. Он рухнул на улице.

Больше ничего, ни жар-феникс, ни второй кровокрыл не выбрались из огненной печи, в которую превратился фургон с книгами.

Я переводила взгляд с фургона на Вельвет Ремеда и обратно.

— Но...

Вельвет одарила меня странным взглядом, а затем уставилась на огонь.

Я собиралась закончить мысль, когда пепел взорвался струёй пламени изнутри. Он закружился в утреннем воздухе, ловя лучи солнца, пронзавшие пост апокалиптический пейзаж города, и закручиваясь на ветру. Затем с ослепляющей вспышкой изумрудного света появился феникс.

Вельвет Ремеда издала радостный визг. Она смотрела, как странное, но великолепное существо трижды описало над нами круг, издавая музыкальный плач, и затем улетело.

Левитируя зебринскую винтовку ко мне, она ухмыльнулась.

— Не такое отношение к сгоранию заживо, помнишь?

* * *

— Когда вернёмся, буду долго принимать ванну, — заявила Вельвет Ремеда, — закуплюсь Антирадином, как только откроется клиника доктора Хэлпингхуфа. Такими темпами, пока дойдём, ждать этого останется недолго.

— Ё-моё, когда вернёмся, даж я ванну приму, — воскликнул Каламити, вызывая наигранную потерю сознания со стороны Вельвет.

Мне же просто хотелось спать. Желательно рядом с Хомэйдж.

— Я... — я прервалась, борясь со слабостью, ломкой по ПрМ и теперь ещё и недостатком сна, — Я не знаю. Мне надо поспать. Но у нас мало времени.

— Мало времени? До чего?

— До того, как Монтерея Джека казнят, — грубовато ответила я Каламити. — Мы обязаны его спасти.

Все встали на месте как вкопанные.

— Мы обязаны что?? — переспросил Каламити так, словно я предложила ему дать покусать себя гремучим змеям.

— Извиняюсь. Я не это хотела сказать, — поправила я себя, осознавая свою ошибку, — Я обязана его спасти.

— Прошу прощенья, но всё равно, кажись, не расслышал.

— Могу я спросить, зачем? — поинтересовалась Вельвет Ремеда.

— Не говоря уже о том, каким образом? — добавил СтилХувз.

Я повернулась к своим удивлённым и не желавшим сотрудничать друзьям. До меня дошло, что я никогда раньше не упоминала вслух о своём намерении спасти неприятного бежевого единорога.

— По мне, так пушай вешают его! — сказал Каламити, приземлившись с властно прозвучавшим в унисон цокотом всех копыт.

— Ты только встретила... — начала было Вельвет Ремеда, но оборвала мысль. — Хочешь, чтобы нас всех выгнали из Башни Тенпони за спасение пони, который тебя пытался ограбить? Это если тебя не пристрелит на месте охрана. Даже после того, как он признался?

Я заметила, что вся дрожала. Я была не в том состоянии, чтобы вести этот спор. Неужели они не видели, что это было правым делом?

— Чёрт побери, Литлпип! — Вельвет Ремеда внезапно рассердилась на меня. Почему она на меня сердилась? — Не выйдет это у Монтерея Джека! Ты спасла жизнь этому жалкому подлецу, и он отплатил тебе попыткой тебя же ограбить! Чёрта с два ему удастся лишить тебя и счастья!

Я отшатнулась, поражённая в равной степени словами Вельвет Ремеда и её гневом.

— Согласен, — только и сказал СтилХувз.

Наконец я выпалила, обращаясь в первую очередь к Вельвет Ремеде:

— Какая разница! Какая разница, достоин ли он спасения или нет. Как говорила Флаттершай, помогать на поле боя надо всем, верно? У этого жеребца есть дети! Два жеребёнка и кобылка. Как думаете, что с ними станет, когда он умрёт? Башня Тенпони, по-вашему, похожа на место, где знают, что такое благотворительность? Кто-нибудь из вас, занимаясь шоппингом, видел там приют для сирот?

Я обратилась к Каламити и СтилХувзу:

— Не важно, что я могу потерять, спасая его. Но как насчет того, что я потеряю, если даже не попытаюсь?

Иногда, чтобы совершить правый поступок, приходится становиться главным злодеем.

Мои друзья отступили от меня на шаг. Они переглянулись, словно решая, кому стоит первым заговорить. Наконец СтилХувз шагнул вперёд.

— Ладно, каков план?

Выдохнув с облегчением (и внезапно испытал такой приступ головокружения, что с трудом удержалась на ногах), я разъяснила:

— У меня остался один СтелсБак. Я проскользну вовнутрь. Выстрелю в него дротик. Всего один: яд парализует его на несколько часов, но не оставит после себя последствий. Затем я взломаю замок и перенесу его себе на спину. Буду левитировать его, чтобы снизить вес. Пока я несущу его на спине, заклинание невидимости должно распространяться на нас обоих так же, как оно распространяется на мои седельные сумки.

У Вельвет Ремеди слезились глаза, но она шагнула вперёд.

— В таком случае, перед тем как я смогу принять свою ванну, нам предстоит сделать ещё кое-что.

Я посмотрела на неё вопросительно и с надеждой.

— Нам стоит зайти к тому рабочему станку, чтобы ты собрала новый дротикомёт.

* * *

Я была всё равно, что мертва.

Я едва могла стоять. Верстак, казалось, плыл передо мной. Вельвет Ремеди была на моей стороне, нежно поощряя меня. Её отношение, казалось, полностью изменилось после того, как я упомянула о детях. Я была удивлена, но беспрекословно довольна.

— Всё хорошо. Ты можешь сделать это. Просто сосредоточься.

Я кивнула голосу Вельвет, собирая из казалось бы случайных деталей оружие.

— Теперь... это должно немного подсохнуть.

Вельвет Ремеди кивнула и слегка погладила меня своим носом.

— Твоё сердце всегда в правильном месте, Литлпип. — Она отошла и улыбнулась мне с грустью. — Твой ум, может быть, не всегда.

Но я научилась верить в твоё сердце... — Она посмотрела вниз и поковыряла пол копытом. — Я забочусь о тебе, ты знаешь.

Я чувствовала, что моё сердце трепещёт, и голова плывёт. Что это было? Это не попытка задеть Каламити. Сближалась ли она со мной? После подталкивания меня к Хомэйдж вчера? Нет... Я, видимо, неправильно растолковала.

Я посмотрела в сторону, почувствовав боль, так как знала, что Хомэйдж так близко. Мои глаза наткнулись на что-то красное в дальнем углу под одеялом.

— Эй... э... Вельвет, это твоя тележка? — спросила я, подозревая, что она оставила её здесь ранее утром. Я представила, что Хомэйдж нашла её и тщательно убрала подальше, даже накрыла. Хотя я не могла вспомнить, чтобы Вельвет её вообще прикапывала сюда.

Я посмотрела на неё снова, и мысль уплыла от меня. Она была красивой и грустной. Её глаза блестели снова, но она сменила тему:

— Как долго ещё? — поинтересовалась она, взглянув ещё раз на дротикомёт.

— А, чудо-клей просто... — я искала подходящее слово, но не нашла, — чудесен. Совсем не долго. Да он, наверное, уже готов.

— Много ли дротики тебе нужно?

— Понадобится только один. — Хотя я должна была признаться, даже если у меня будет несколько десятков дротики, мне очень повезёт, если я попаду хотя бы в дверь сарая.

— Дай мне посмотреть, — проворковала Вельвет. Я левитировала один из моих отравленных дротики и установила его в дротикомёт. Вельвет взяла его у меня своей магией и поднесла к глазам, примеряясь. Мне пришло в голову, что не смертельное оружие, такое, как дротикомёт, должно бы понравиться моей более пацифистской подруге.

Я вспомнила мои более ранние заботы. Сколько Вельвет Ремеди получила бы выгоды, психологической и духовной, если бы она могла обезвреживать врагов без дополнительного замачивания своих копыт в крови и смерти? Чёрт возьми, почему я раньше об этом не подумала?

Я повернулась к ней, уже собираясь пообещать, что сделаю ей её личный дротикомёт. И слова застыли на моих губах, я замерла в недоумении. Вельвет Ремеди направила на меня дротикомёт. Разве она не знает, что это небезопасно?

Тырк!

Оу! Я открыла рот, слова удивления застыли на моём языке.

Вельвет Ремеди прослезилась, говоря:

— Извини, Литлпип.

Что... Что произошло?

Рог Вельвет Ремеди засветился немного ярче. Я услышала скрип, маленькая красная тележка подкатилась, остановившись за моей спиной. Вельвет подошла ближе и нежно подтолкнула меня копытом, опрокидывая моё парализованное тело в тележку.

Она сделала это намеренно!

Когда Вельвет Ремеди накрывала моё тело одеялом, я поклялась, что убью её.

* * *

Я не знаю, когда потеряла сознание. Последние моменты, что я помнила, были ощущением вибрации лифта под тележкой. Тележка, я должна отметить, была очень неудобной. Я не могла ничего видеть или чують, кроме как запах этого проклятого одеяла. Думаю, я должна либо кипеть от злости, либо сильно волноваться, возможно даже опасаться за свою жизнь. Но я была слишком больна и слишком устала, чтобы у меня вообще остались какие-либо эмоции.

Я, вероятно, заснула.

Проснулась я с ужасно знакомым ощущением, что меня привязали к медицинскому столу. Волна паники прошла через меня, заставив бороться с ремнями, которыми привязали меня к столу. В ужасе я предположила, что упырь врач-психопат каким-то образом регенерировал и схватил меня снова. С помощью Вельвет Ремеди!

Я рухнула на спину, чёрная боль разрасталась в моём сердце. Как она могла сделать это со мной? Она должна быть моим другом!

Я только сейчас поняла, насколько я ужасно себя чувствовала. Страдания, головная боль, физические болезни. Я чувствовала себя невыносимо неправильно внутри. Так ли чувствуешь себя под действием Порчи? Я уронила свою голову на подушку (я была немного удивлена, что мои мучители подумали дать мне её).

Надо мной висел прибитый кем-то к стене плакат. Совсем молоденькая кобыла в жёлто-розовом полосатом халате медсестры смотрела на меня, сообщая, что для того, чтобы стать героем, вовсе не нужно быть Стальным Рейнджером. Очевидно, меня ожидали такие героические должности, как "Специалист по вычищению подкладных суден" и "Клоун Палаты Больных Раком".

Это не завод "Алый Скакун". Мои глаза начали блуждать по комнате. Больничная койка, к которой я была привязана, была отгорожена ширмой. Я могла видеть двигающиеся за ней силуэты пони. Единственными вещами, находившимися здесь со мной, были странный пикающий терминал и несколько пластиковых трубок, по которым текли жидкости в и из моего тела.

Одна из теней принадлежала Каламити. Я могла сказать это по форме шляпы.

Чёрт возьми, НЕТ! Только не он! Во имя Селестии и Луны, чтоб они сгорели оба...

— Чёрт возьми! — услышала я голос Каламити, обращённый ещё к кому-то, находившемуся в комнате, — Помнишь, мы говорили, что надо сделать это по-нормальному? Ну так вот. Это. Не. По. Нормальному.

— Думаешь, я хотела это делать? — Голос Вельвет Ремеди прозвучал через прозрачную ширму. В её голосе слышалось страдание.

Это хорошо! — Литлпип вынудила мои копыта.

— А как она умудрилась сделать это? Я, кажись, вспоминаю, что она едва прямо ходить могла.

Вдруг моё тело начало казаться действительно тяжёлым. Как будто большое свинцовое одеяло давило на меня.

— Не будь наивным! Ты слышал её. Казнь Монтерея Джека завтра. И она собралась сделать такое, что её выгонят из этого места, прежде чем мы даже получим шанс уговорить её начать лечение.

А-а, так вот *что* это было.

Я открыла рот, чтобы сказать что-то, но эта тяжесть захлестнула мои веки, и я не могла продолжать держать их открытыми.

Когда я снова проснулась, я чувствовала себя... лучше.

Я была уставшей и слабой, мои кости ныли, но я чувствовала себя лучше. Головная боль и болезни ушли. Я могла ясно видеть, слышать, чувствовать, думать. Не было больше тумана перед глазами и разумом.

Я попробовала сесть, но я была всё ещё прочно привязана к медицинской кровати. Волна паники опять прошла через меня, но я попыталась потушить её. Я не там. Я не в лаборатории безумного упыря. Это было по-другому. И если я буду продолжать говорить себе это, может быть моё тело послушает, и сердце перестанет так колотиться.

Я легла обратно, уже чувствуя изнеможение от попытки подняться. У меня не было сил сопротивляться, но их хватало, чтобы начать наполняться яростью. Единственные друзья, которые у меня были за всю жизнь, сговорились против меня. Вельвет Ремеди парализовала меня. Они привязали меня к кровати в клинике лишь через день после моего страшного опыта с гулем-врачом. Они принудили меня...

Милостью лунного изгнания, я знала, что у меня есть проблема. Я была не так уж глупа. Просто я... чёрт, я бы пришла сюда самостоятельно. Однажды. Пришла бы. Просто у меня были более важные, неотложные дела...

Одна тень подошла, и конец ширмы отодвинулся. Коричневый земной пони забежал в мою маленькую тюрьму. За ним я могла увидеть Вельвет Ремеди, свернувшуюся калачиком на скамейке. Её рог светился, и на скамейке перед ней лежал шар памяти. Она ушла в шар Флаттершай снова.

Богини! Как будто у Вельвет Ремеди не было собственных проблем с этим.

Я почувствовала что-то твёрдое в животе. Я имела полное право быть разъярённой на неё, и это было так. Но я не могла её ненавидеть. Вместо этого, даже с моим гневом, я почувствовала укол беспокойства за неё.

— Ну, с добрым утром, — сказал жеребец. — Я — доктор Хелпингхуф. А вас, как мне сказали, зовут Литлпип. Как вы себя чувствуете сегодня?

Я обратила свой гнев на него. Я не знала, насколько он этого заслуживал, но в какой-то степени точно. В конце концов, он ведь согласился провести для меня курс лечения от зависимости, не получив моего разрешения, пока я была парализована. Плюс, он был очень, очень услужлив.

— Это действительно глупое имя.

Врач не принял на свой счёт намеренное оскорбление.

— Да. Полагаю, вы правы. Я сменил имя, когда решил взять на себя клинику. Клиники Хелпингхуф были довоенными центрами оказания помощи и реабилитации. Может быть, это было немного самонадеянно с моей стороны.

Я вздохнула и покачала головой.

— Нет. Это... имеет смысл.

"Доктор Хелпингхуф" было... данью уважения к клиникам Хелпингхуф. Я чувствовала, что улыбка подбирается к моей морде. Я подавила её, обратившись к моему праведному гневу снова.

— Почему я привязана?! — потребовала я.

Хелпингхуф добродушно ответил:

— Лечение наркомании включает в себя полную промывку системы. И уж поверьте, вам точно не хотелось бы вынуть какую-нибудь трубку, пока идёт процесс. Вы можете причинить себе непоправимый вред.

Оу.

— Но почему я всё ещё привязана?

— Ну, если честно, потому что первая реакция большинства пациентов в вашем положении — сбежать. И слишком часто они пичкают себя ещё большим количеством наркотиков, от которых я их только что очистил.

— Выбор за мной, не так ли?

— Да, это действительно так. И с такими друзьями, как у вас, я не сомневаюсь, что вы завтра же оказались бы здесь снова, если бы так поступили. Я мог бы получить с вас неплохую прибыль.

Я уставилась в потолок.

— Мне нужны новые друзья! — У меня быстро заканчивались те, которые ещё не стреляли в меня.

— Такое отношение вполне ожидаемо. Это не доброе дело, и они все дерьмо, — сказал доктор. — Но в вашем случае я держу вас привязанной, пока я не уверен, что вы не собираетесь делать ничего, вызывающего напряжения. — Я наградила его мрачным взглядом, но он пожал плечами.

— Когда вы прибыли сюда, зависимость от Праздничных Минталок была вряд ли единственной вашей болезнью. Вы страдали от интенсивного воздействия радиации, не говоря уже об отравлении небольшой дозой яда мантикоры. И ваше тело, очевидно, в последние несколько недель подверглось достаточному количеству травм, что оно было почти на исходе. Мне пришлось проделать много работы, прежде чем я смог даже начать лечение, — говорил врач серьёзно. — Эти процедуры оставили вас в слабом и хрупком состоянии. Вы скоро поправитесь. Но для этого надо успокоиться, и в течение, по крайней мере, следующих нескольких дней никакой напряжённой деятельности.

Я лежала спокойно. В насколько же плохой форме я была? И если со мной было всё так плохо, то насколько плохо было другим?

— Доктор, мои... "друзья"? Они прошли через то же, что и я. Пожалуйста, они тоже нуждаются в вашей помощи.

Хулпингхуф кивнул.

— Я знаю. Я тоже подруга-едининой уже состояла на этом. Счастливой Рейнджер же наоборот — даже не дал мне на него взглянуть. Но у меня и так уже были Вельвет Ремеди и Каламити на моём столе, пока вы восстанавливались.

Конечно. Стилхувз не хотел бы, чтобы тут кто-либо понял, кем он был.

— Будут ли они в порядке?

— Физически — да, — сказал доктор. — Хотя я подозреваю, что, насколько хорошо они будут выздоравливать эмоционально, будет больше зависеть от вас, чем от меня.

Здорово. Ещё и это на меня взвалите. Я даже не собиралась на них злиться.

— А теперь я хочу немного поговорить с вами о зависимости, — сообщил мне Хелпингхуф.

Прекрасно. А теперь лекции. И он даже привязал меня для этого.

— Вы должны были заметить, что ваши чувства и мыслительные процессы теперь кажутся яснее и чище. Не так, как при гиперусилении, которое дают наркотики, но всё же гораздо лучше, чем когда вы были без них. Я прав?

Я неохотно кивнула.

— Это неприятная вторая сторона Праздничных Минталок. Это ускорители мозга, изготовленные из мистических растений, произрастающих только на родных землях зебр и, возможно, в Вечнодиком Лесу. Независимо от того, насколько часто вы используете их, они будут так же эффективны, как и в первый раз. Что большинство наркоманов не осознаёт, так это то, что отказ от них вызывает ухудшение ваших умственных возможностей. И чем больше вы их принимаете, тем хуже вам без них. Пони, которые принимали их в течение многих лет, достигали точки, когда они едва могли функционировать без наркотика в организме.

Хелпингхуф тонко улыбнулся.

— Просветлённое состояние, в котором вы сейчас находитесь, это на самом деле то, какой вы всегда были, прежде чем поддаться на Праздничные Минталки.

Что? Я была такой раньше? Но я чувствовала себя настолько более бдительной. Всё было так ясно. Было так легко думать. Не сверхбыстро, как под действием ПрМ, но всё же легко. Если так было до того, как я использовала ПрМ, то почему я чувствую себя так ново? И почему я не могла отличить...

Но я же должна была. Я знала, что что-то было неправильно в течение долгого времени. Я почувствовала, как слёзы наворачиваются на глазах, и задалась вопросом, откуда они взялись. Я посмотрела на врача.

— А теперь я могу дать вам совет, но я не могу заставить вас принять его, — продолжил врач. — Вам абсолютно необходимо держаться подальше от Праздничных Минталок. Это не будет легко. Ваше тело и мозг могут больше не жаждать или нуждаться в них, но пристрастие к наркотикам настолько же психологическое, насколько физическое. Так что я не могу сказать вам, что это будет нетрудно. Но, насколько я слышал, у вас сильная воля, и у вас есть сильные друзья, которые могут помочь вам в этом.

Я медленно кивнула, на самом деле не желая слышать это, но зная, что мне оно нужно.

— И я настоятельно рекомендую держаться подальше от простых Минталок или любых других веществ, вызывающих зависимость. Бак, Рейдж, Дэш.. Все из них. Праздничные Минталки являются наиболее опасными наркотиками, но другие не намного лучше. И с вашей семейной историей вы более восприимчивы к пристрастиям, чем большинство пони. Так что мой совет: просто держитесь подальше.

Я собиралась кивнуть ещё раз и остановилась. Минуточку...

— Какое отношение к этому имеет моя семья?

— Предрасположенность к наркомании может быть наследственной, — сообщил мне Хелпингхуф. — Ваша подруга Вельвет Ремеди рассказала мне о вашей матери.

— *Моей матери?*

Она не имела права!

— Она была алкоголиком, не так ли?

Я в ярости стиснула зубы, глядя на врача. Он терпеливо ждал, пока моя злость не утихла, и я не ответила:

— Ну, у неё кюотимарка — стакан яблочного сидра. Что же ещё ей было делать?

— Вы же знаете, что кюотимарки не контролируют вашу судьбу, не так ли?

Я просто смотрела в сторону. Я не собиралась быть втянутой в обсуждение моей матери, даже если они будут держать меня связанной в течение нескольких дней.

Ох, дерьмо. Монтерей! Как долго я была без сознания?

Я попыталась посмотреть на время на моём ПипБаке, но нога была привязана к кровати. И я быстро вспомнила, что мой ПипБак всё равно был мёртв.

— Доктор, — сказала я, стараясь не показаться слишком обеспокоенной. — Как скоро казнь Монтерея Джека?

Пожалуйста, Луна, дай мне силу...

Врач моргнул.

— Владелец сырного магазина? Это произошло два часа назад. — Я почувствовала, будто у меня в желудке свалился цветочный горшок. А за ним наковальня. — А что, вы его знали?

Я потерпела неудачу.

Вельвет Ремеди была первой, кто посетил меня. Только что из шара Флаттершай. Она говорила осторожно, словно ступая по яичной скорлупе. Когда она зашла, её рог засветился, и она сняла ремни, удерживавшие меня. Один за другим. Я сопротивлялась желанию схватить её за горло. Никакой напряжённой деятельности, как сказал доктор.

— Я не жду, чтобы ты простила меня... — начала Вельвет.

— Хорошо, — прервала я строго. — Потому что я не простила.

Она вздрогнула от моих слов, но упорно продолжила:

— ...или что всё будет нормально между нами. Но я ожидаю, что ты поймёшь, почему. И что поймёшь, почему я должна была это сделать именно сейчас.

— Почему ты почувствовала, что должна была сделать это именно сейчас, ты имеешь в виду, — выплюнула я. — И против моей воли.

— Ты не получила бы необходимую тебе помощь по своей воле. Это, возможно, единственное место во всей Эквестрийской Пустоши, где могли бы тебе помочь, и ты собиралась отказаться от этого.

— Я уже осознала свою проблему, — парировала я. — Я собиралась попросить о помощи.

— Да? — спросила Вельвет Ремеди, оказавшись где-то между шоком и неверием. — Когда?

— После того, как мы упали. Я поняла это тогда. И я, вероятно, спросила бы о помощи, после того как немного бы спала.

— Убедительно. — Она отвернулась от меня. Мне не нужно было видеть её лицо, чтобы сказать, что она скрывает слёзы. Я слышала их в дрожи её дыхания, видела их в содрогании её груди.

Аррх! Я хотела разорвать её на куски зубами... Но всё же я не могла видеть её боль. И я знала, что, если продолжу с ней говорить, то просто причину ей ещё большую боль. Может быть, она заслужила это, но я не хотела ранить её ещё больше.

— Вельвет, ты должна быть не здесь.

Она вытерла копытом лицо, перед тем как взглянуть на меня. Её глаза были красными и распухшими, но сами слёзы она мне увидеть не позволила.

— Потому что из-за того, что ты сделала, у детей Монтерея Джека больше нет опекуна. И скоро не будет и дома, — сказала я строго, глядя на неё. К её чести, она выстояла и приняла это.

Я спросила врача, что будет с ними. Я была права, в башне Тенпони нет и намёка на детский дом. Я вспомнила слова доктора: "Башня Тенпони — 'меритократия', а не социалистическая коммуна. Те, кто не заработал своё право быть здесь, и те, кто не может позволить себе оплатить пребывание здесь, тем в Тенпони не место." Жеребят и кобылку выгнали бы из башни в конце месяца.

— Так что ты должна помочь это исправить. Отправь СтилХувза сюда. Мне нужно поговорить с ним. А также пусть он принесёт мои сумки и рабочий комбинезон. Мне нужно починить ПипБак, чтобы я смогла отправить сообщение Когтям Блэквинг. Я напомию им о одолжении, что они обязаны нам. Я собираюсь отправить детей в Разбитое Копыто. — Я нахмурилась. Это было не идеально, но чертовски намного лучше, чем бросить их на произвол судьбы в руинах Мэйнхэттена.

— И твоей работой будет — сообщить детям Монтерея об этом и убедить их пойти.

Глаза Вельвет Ремеди расширились от немедленного признания, насколько эмоционально болезненную задачу я ей дала. Но она кивнула, принимая бремя как заслуженное.

— Прости меня, Лил'пип, — сказал Каламити, уронив голову на копыта. Он проскользнул за перегородки сразу же, как только Вельвет Ремеди ушла.

Я глубоко вздохнула и осторожно села. Для этого потребовалось усилие, но моя голова оставалась чистой, а мои внутренности не выворачивало. Было блаженством не чувствовать тошноту и не испытывать эффектов отказа от наркотиков.

— Тебе не за что извиняться, Каламити, — сказала я, хотя у сердитого пони в глубине моей головы было немного другое мнение. — Это сделала Вельвет Ремеди. И она... была права в том, что хотела помочь мне. Мне нужна была помощь.

Каламити поднял на меня глаза. Я была шокирована, увидев в них тяжкую боль.

— Нет, Лил'пип. Мне больше всех нужно извиняться. Это всё моя вина! Это я дал тебе эти зебрами проклятые Минталки.

Пылающий солнечный пердёж! Каламити был прав. Впервые я задумалась, каково ему было видеть, как я теряюсь в этих вещах. Выходит, он корил себя всё это время? О, милостивая Селестия, да что же я делала со своими друзьями?

Тяжело это было или нет, я слезла с больничной койки и обхватила Каламити передними копытами, прижавшись мордочкой к его шее. У меня не было слов, даже никаких мыслей о том, что можно сказать, но я надеялась, что, если я буду обнимать его достаточно долго, он поймёт, насколько я его прощаю, и насколько было жаль мне самой.

Мне *много* перед кем нужно было извиниться.

— Как у *тебя* дела? — спросила я СтилХувза, подключая свой ПипБак к его магической силовой броне.

— Не ты ли должна быть той, кого все спрашивают об этом? — спросил своим глубоким голосом СтилХувз.

— Я была... невнимательна к этому долгое время, — призналась я. — Я упускала из виду некоторые вещи. Очевидные вещи. Или, по крайней мере, слишком медленно додумывалась до них. — Я сглотнула. — Например, ты сказал мне, что Министерство Технологий финансировало Четыре Звезды. А потом ты раскрыл то, что они делали. Не представляю, как это должно было ударить по тебе...

— Я... справился с этим, — оборвал меня СтилХувз.

— Но ты не обязан был справляться с этим в одиночку. — Я помотала головой. — Я сосредоточилась на Вельвет Ремеди и Каламити, и даже не видела, что все мои друзья страдают. И не только шумные.

СтилХувз фыркнул от смеха.

— Спасибо, Литлпип. Только, как я уже сказал, я справился с этим.

Я кивнула, уважая его решимость. Мой ПипБак пискнул, требуя моего внимания.

— Ладно. Но я готова помочь тебе. Теперь действительно готова, — добавила я. — Если вообще могу. Скажем, если тебе нужен кто-то, с кем можно поговорить.

— Воздержусь.

Я замолкла. Следующие полчаса я была сосредоточена на том, чтобы снова заставить работать свой ПипБак. К концу моей работы маленькое носимое на ноге устройство работало быстрее и эффективнее, чем когда-либо за эти месяцы. Я достала из сумки передатчик и отправила Блэквинг сообщение. Она была раздосадована, услышав, чего я от неё хочу, но в основном испытывала облегчение от того, что я связалась с ней так быстро и прошу о том, что не вызывает чего-то худшего, чем досада.

"Во имя Великого Яйца, малышка, я готова была сказать что это целых три услуги. Но потом я поняла, насколько больше я должна вам за участие в операции Гаудины в Разбитом Копыте. Я чувствовала, как мои крылья немного тянет туда."

— Спасибо, Блэквинг. Вельвет Ремеди будет ждать вас с маленькими пони на станции Четырёх Звёзд возле Башни Тенпони.

Я закончила передачу. СтилХувз молчал ещё какое-то время.

— Ты уверен...? — начала я, складывая инструменты.

— Литлпип, ты кобылица такого рода, которая заставляет меня желать стать лучшим пони. — Его голос звучал... печально? — Только одна другая кобыла вызывала во мне это чувство. И рано или поздно ты обязательно узнаешь, как узнала когда-то она, что я не лучший пони.

СтилХувз вышел из клиники Хелпингхуфа.

— Где СтилХувз?

— Те правда уже можно вставать, Лил'пип? — спросил Каламити, широко раскрыв глаза, когда я ворвалась в номер.

— Ты знаешь, где он?

После ухода СтилХувза я просто пялилась в потолок. Потребовалось несколько минут, чтобы неясное чувство наконец побудило меня к действию. И к тому моменту я уже потеряла след.

— Ээ... ну, в последний раз я видел его разговаривающим с Шефом Грим Старом.

Нет! Я развернулась и поскакала к лифту.

Поиск двери в подвал знял у меня много — слишком много — времени. Я заставила себя проскочить через ту точку, когда должна была свалиться без сил, соревнуясь с невидимыми часами. Когда я наконец нашла дверь, моё чувство тревоги усилилось. Она должна была быть заперта, но вместо этого была чуть приоткрыта. Я метнулась внутрь и остановилось, прислонившись к холодной бетонной стене, борясь с одышкой.

Подвал представлял собой беспорядочный лабиринт. Стены здесь были слишком толстыми для моего Л.У.М.а, чтобы обнаруживать пони, как дружественных, так и враждебных, дальше пределов комнаты, в которой я находилась. Я была вынуждена искать, пользуясь только зрением. Наконец, в одной из дальних комнат я нашла ряд тяжёлых дверей, снабжённых древним предупреждающим знаком с облупившейся краской:

Аварийное убежище

Только для уполномоченных единорогов

Как и дверь в подвал, эти двери тоже были открыты. Мой ПипБак засветился — один дружественный пони.

— СтилХувз?

Я повернулась туда, куда указывал свет ПипБака, и увидела Стального Рейнджера, стоящего во мраке лицом к ещё одной большой двери, сделанной из толстой стали с вправленным в неё окошком из бронированного стекла. Рядом была панель управления в нескольких дюймах от его поднятого копыта.

— СтилХувз! — крикнула я, задыхаясь и чувствуя боль в боках. — Не делай этого!

Стальной Рейнджер опустил своё бронированное копыто и оглянулся на меня.

— Не делать чего? — спросил он таким будничным тоном, что мне захотелось закричать.

— Не впускай их!

Стальной Рейнджер вскинул голову.

— А. Не волнуйся, Литлпип. Никто не войдёт в эту дверь. Я позаботился, чтобы её больше нельзя было использовать.

Что? О. О, спасибо Богиням! Я осела на холодный каменный пол, чувствуя себя так, будто никогда больше не смогу стоять. Но это было нормально. Все мои страхи были только в моей голове.

СтилХувз подошёл ближе ко мне.

— Ты правда думала, что я впущу пони-зомби? Что позволю всем невинным пони в Башне Тенпони погибнуть? Ты и правда совсем меня не знаешь.

Он прошёл дальше, оставив меня там.

Нет, признавала я, чувствуя себя ужасно пристыженной, а так же безгранично вымотанной. Нет, я не знала СтилХувза. И, может быть, это был момент, когда я перестала думать дурно о своих друзьях. Стала больше доверять им. Они действительно хорошие пони. И они действительно стараются помочь.

Мои размышления были прерваны стуком. Лицо Шефа Грим Стара возникло по другую сторону окна. Плоть была ободрана с одной стороны его головы. Я могла видеть, как он смотрит внутрь в отчаянии и ужасе, стуча копытами в дверь.

Затем пони-зомби навалились на него снова, утаскивая его от окна, разрывая на куски и поедая живьём.

Заметка: Следующий уровень.

Новая способность: Галоп Пони-Жнеца — Если вы убиваете цель, используя З.П.С., то 25% ваших ОД восстановится после сбрасывания заклинания. Обычно этого достаточно, чтобы немедленно воспользоваться заклинанием ещё раз по крайней мере для одной атаки.

<<< ^^ >>>

Глава 20. За кулисами

«Могу ли я что-то для тебя сделать?... или с тобой?»

<<< ^^^ >>>

Провал.

Я не могла спасти Монтерея Джека. И не могла помешать СтилХувзу убить Шефа Грим Стара.

Я подводила своих друзей и всех, кто во мне нуждался. Меня как ножом резало осознание того, что я сделала своим близким из-за этой сраной зависимости. И как бы мне ни хотелось злиться на Вельвет Ремеди, это была моя вина, что Монтерей Джек мёртв. Я убила его Минталкой. По сути, я убила его целой кучей Минталок. Я ела их как... мать твою, они действительно на вкус как конфеты. Какого хуя?

Я была физически истощена и морально подавлена, на грани слёз.

Мне потребовалось много времени, чтобы взять себя в копыта, подняться с пола и проделать путь назад. Подвал был огромным лабиринтом. Я не туда свернула и очутилась в комнате, полной спарк-энерго генераторов, половина из которых работала, из-за чего вся комната, казалось, пульсировала. Те, что были у дальней стены, почернели, а их металлические корпуса были искорёжены. Один взорвавшийся генератор искрился, делая воздух на вкус словно электрическим. Скелет пони, разорванного надвое отлетевшим при взрыве генератора металлическим куском, покоился на полу в нескольких метрах от этих генераторов. Судя по инженерным схемам на стене, это были генераторы, питавшие магическую защиту Министерства. Они отдали свои жизни, чтобы спасти здание и всех его обитателей от Мэйнхэттенской жар-бомбы... Ну, за исключением одного очень невезучего обслуживающего их пони. Я размышляла, как его (или её) звали. Была ли у него семья? Знали ли они, что с ним случилось?

После двухсот лет оставалось лишь гадать. Лишь ещё одна слеза.

Я направилась назад и наконец нашла путь к выходу. Когда я вышла из подвала, меня встретили два пони-охранника башни Тенпони.

— Литлпип. Вам надо пройти с нами.

Я перевела взгляд с них на открытую дверь подвала. Меня арестовывали? На сердце будто навалился камень. Они, должно быть, думали, что я причастна к исчезновению Шефа Грим Стара. Это было... быстро. Хотя, я ведь недавно бегала здесь, словно сумасшедшая. А теперь вот она я, покидаю место преступления.

Сегодняшний день не мог стать ещё хуже.

Я кивнула охранникам, ничего не сказав, и дала им сопроводить меня до полицейского отделения. Я была здесь раньше. Я задалась вопросом, были ли тут те пони, с которыми я играла в соблазнительницу, чтобы добиться частной встречи с Монтереем? Им не пришлось бы меня казнить, я могла бы просто умереть от смущения.

Лишь в одном я была уверена — я не собиралась ничего говорить. Я знала, что сделал СтилХувз, но указать на него копытом ни к чему хорошему не приведёт. Я уже усвоила этот урок с Монтереем Джеком.

Пони повернулись посмотреть, когда мы проходили через полицейский участок Тенпони. Я могла расслышать перешёптывания, последовавшие за нами. Я узнала несколько дежурных охранников, в том числе и того, которого я сладко уговорила одолжить мне карандаш, чтобы записать все идеи, что порождал мой мозг под ПрМ. Я опустила голову, хотелось просто ползти.

Я увидела, как несколько охранников разговаривали со СтилХувзом в кабинете, мимо которого мы прошли. Судя по всему, он был здесь по своей воле. Это не сулило ничего хорошего.

— Сюда, пожалуйста, — потребовал один из моих сопровождающих. К моему удивлению, когда дверь распахнулась, я увидела не камеру, а прилично выглядящий офис, отделанный деревом и полный книжных полок.

— Присаживайтесь. И никуда не уходите. К вам скоро подойдут.

Я посмотрела на него в замешательстве.

— Извините за задержку. У нас была ситуация с Шефом; вы у нас сегодня не главный приоритет.

Я была так изнурена, что опустилась на маленький диван, стоявший в офисе, и не двигалась, ожидая, как мне казалось, часами. Я посмотрела на свой ПипБак. Становилось поздно. Я была голодна. И сбита с толку.

На углу стола стояло небольшое радио. Я включила его, собираясь забыться в музыке диджея Пон3. Вместо этого я была шокирована, услышав глубокий голос СтилХувза, урчащий из ящика.

"Я не герой.

Если вы ищете героя, посмотрите на Шефа Грим Стара. Он храбро пожертвовал собой, чтобы спасти всех вас. Я лишь жалею, что не смог спасти его.

Шериф Роттингтейл собирал настоящую армию пони-зомби в технических туннелях, окружающих Башню Тенпони. В подвале есть дверь, через которую Шериф собирался выпустить их на ни в чём не повинных жителей башни. Это была бы бойня. Когти, нанятые Шефом, узнали об этой угрозе, но были недовольны тем, как пошли дела (когда я встретил Когтей, их было значительно меньше, чем в тот момент, когда Шеф их нанимал), так что они пренебрегли необходимостью уведомить его о чём-либо из этого, оставив ваши жизни в опасности.

Когда я проинформировал об этом Шефа, он настоял на том, чтобы мы спустились вниз и проверили рассказ Когтей. Мы нашли дверь и рискнули пройти через неё, намереваясь убедиться, что её нельзя открыть снаружи. Мы занимались уничтожением терминала, управлявшего дверью из технических туннелей, когда пони-зомби атаковали нас толпой. Я спасся только благодаря своей броне.

Я всё ещё помню последние слова Шефа Грим Стара, приказавшего мне бежать, закрыть дверь и принять меры, чтобы она не могла быть открыта изнутри Башни. Он остался там, сражаясь насмерть, жертвуя собой, чтобы дать мне необходимое время. Чтобы Башня Тенпони была и оставалась безопасной."

Я уставилась на радио. Во имя гривы Селестии, он что, правда собирался сделать это? История содержала настолько солидную долю правды, что смогла бы сдержать расследование. И возникни у кого-нибудь сомнения в ней, они будут расценены как сомнения в героизме Шефа Грим Стара. Я знала, в чём отличие, но я была единственной, и было только моё слово против его. Моё слово негражданина. Не то чтобы я собиралась что-либо сказать. Я и так уже совершила ошибку, спустившись вниз по тому пути.

На радио снова звучал голос диджея Пон3:

"...из интервью, взятого час назад одним из моих верных помощников, полицейские Тенпони подтвердили рассказ Стального

Рейнджера, основываясь на компьютерной записи, оставленной Шефом Грим Старом...

Ох. Подождите... было ли это причиной, по которой он изначально направлялся сюда? Мои навыки вскрытия замков казались уникальными, но я сомневалась, что моя способность взламывать терминалы так же редка. И если кто-нибудь и мог сделать это, то кто не иначе как "рыцарь Министерства Технологий"? Это было всего лишь догадкой, подозрением, но меня поражало то, что СтилХувз скрывал свои намерения. Часть меня восхищалась тем, что он способен на такое. Другая же часть сердилась за то, что он использовал передачу Хомэйдж, посвящённую передавать правду Пустоши (какой бы горькой она ни была), для того чтобы распространять свою ложь.

Я выключила радио.

Наконец ко мне пришли поговорить. Жизнерадостным джентельпони, который занял место за столом напротив, был коричневый единорог с очками на носу и кюотимаркой в виде свитка.

— Извините, что заставил ждать. Приступим к делу?

Я хмуро кивнула. Мне уже не было интересно, зачем я здесь. Я просто хотела получить что бы там ни было и уйти.

Единорог левитировал несколько свитков на стол и развернул их.

— Теперь нужно довести до вашего сведения некоторые расходы, которые должны быть учтены. Стоимость верёвки, на которой повесили Монтерея Джека — тридцать бутылочных крышек... отличное качество, сделано на славу. Стоимость услуг палача — двадцать пять бутылочных крышек. Далее расходы на кремацию... — Жеребец взглянул на меня поверх очков. — Если вы, конечно, не хотите, чтобы его тело бросили на улице на съедение птицам. — Его тон как бы намекал, что это выглядело бы нецивилизованно, но он всё-таки предоставляет мне выбор. — Сама кремация обойдётся в сотню крышек, плюс пятьдесят семь на стандартную урну...

Я уставилась на него, начиная понимать. *Мне что, придётся платить за казнь Монтерея Джека?* Я офигела. Как, во имя Эквестрии, может существовать такой бред?

Хотя не такой уж и бред, подумала я, начиная впадать в депрессию... это моя вина, что он мёртв. С чего бы кто-то другой платил за это? Я угнетённо слушала список расходов, взносов и судебных издержек, который продолжал расти и расти.

...годовая арендная плата за сырный магазин и его жильё. Получается семь тысяч двести бутылочных крышек. Всё вместе, включая необходимые расходы и взносы, получается девять тысяч сорок семь бутылочных крышек.

Какое-то мгновенье я смотрела безучастно. Потом кивнула. И, вздохнув, спросила:

— Сколько у меня времени, чтобы всё отдать? У меня нет столько денег. — Все вместе мы бы легко собрали даже больше чем две таких суммы, но я бы чувствовала себя не в своей тарелке, если бы Каламити и Вельвет Ремеди помогли мне покрыть эту огромную сумму, добавив своих денег. (Так же, как и не взяла бы деньги СтилХувза, хоть из-за него я переживала меньше.)

Джентельпони только моргнул, глядя на меня.

Отлично. По их меркам, я бедная.

— Я имею ввиду, что сейчас я могла бы отдать половину...

Странно глядя на меня, жеребец сообщил мне:

— Всё уже было оплачено его счетами. К сожалению, у Монтерея Джека не было достаточно денежных средств, чтобы оплатить всё, поэтому пришлось конфисковать изрядное количество его имущества и продать с аукциона, в соответствии с... — он бубнил юридическим языком, который совсем меня запутал.

Мои мысли дрались друг с другом. То есть мне не пришлось бы платить за казнь Монтерея Джека? Тогда для чего было тащить меня сюда и говорить это всё? Они что, просто решили, что я хочу знать? То есть мне можно позлорадствовать? Мне официально положено злорадствовать?

Джентельпони опять уставился на меня. И вдруг нахмурился.

— Ой, совсем забыл, — пробурчал он себе под нос. И спросил меня: — Вы и понятия не имеете, почему вы здесь, не так ли?

Я покачала головой.

— Монтерей Джек был признан виновным в бандитизме. Он пытался вас ограбить. Таким образом, в случае его смерти, всё его имущество юридически является вашим.

Что? Стоп... *ЧТО!?* Это было ужасно, когда я думала, что меня наказывают; я смирилась с этим, потому что заслужила наказание своей тупостью и небрежностью. А теперь меня за это награждают? Нет! Мир не мог настолько ебануться! Я отказываюсь это допускать.

Жеребец внимательно посмотрел на меня.

— Честно говоря, многие пони подозревают, что Монтерей Джек признался не столько из-за угрызений совести, сколько из-за воздействия магии вашего рога, — сказал он мне. Я вспомнила перешёптывания, когда я проходила мимо. Конечно, они так думали. Любой пони, кто соображает в юриспруденции, заподозрил бы меня. Даже я смогла понять, почему сознался Монтерей Джек, лишь после нашего разговора тет-а-тет.

Жеребец продолжил:

— Лично я поставил немалую сумму на то, что это всё был какой-то хитрый план, придуманный тобой и Монтереем Джеком. — Он снова нахмурился. — Очевидно, нет.

Я удивилась этому.

— Что? Он умер. Какой это мог бы быть план?

Жеребец пожал плечами.

— Мы все знаем, что Монтерей Джек изменился с тех пор, как его жена умерла.

После того, как Кларнет была убита, у них никого кроме меня не осталось.

— Кларнет, да? — спросила я, и жеребец кивнул. — Он упоминал о своей жене. Что с ней случилось?

— Есть слухи, будто где-то в Фетлоке есть нетронутое Стойло. Несколько месяцев назад они попытались найти его. Никто ничего не нашёл...

Моё сердце замерло. Было глупо винить себя за то, что я нашла Стойло Двадцать Девять, не правда ли?

— ...Её убил мантикора. По словам Монтерея Джека, он прикончил тварь, но не раньше, чем она ужалила их обоих и сильно разорвала правый бок Кларнет. У бедняг была только одна порция противоядия, и она настояла, чтобы он принял её. С её ранами, если верить Монтерею, она бы не выжила, даже если бы он заставил принять его силой. — Жеребец покачал головой. — Конечно, это то, что сказал Монтерей. Но я не припомню случая, когда этот жеребец лгал.

Милосердная Селестия.

Жеребец прокашлялся и повернулся к документам, лежащим перед ним.

— Возвращаясь к нашему делу: даже после оплаты всех долгов остаются ещё личные апартаменты, лицензия на магазин, некоторое количество товаров для дома. И, конечно, есть ещё два вопроса, которые необходимо обсудить.

Это было так неправильно. Я не могла получать выгоду от смерти Монтерея. Я просто... Я не могла принять этого. Я не заслуживала этого.

— Первое, конечно, это тот факт, что вы не являетесь гражданином Башни Тенпони. Поэтому вы не можете вести никакой предпринимательской деятельности в Башне. Обычно на то, чтобы получить гражданство, уходит несколько лет. Однако, учитывая законное владение данной собственностью, если вы начнёте подавать соответствующие прошения прямо сейчас, то сможете получить гражданство чуть более, чем через год. — Он посмотрел на меня поверх очков, задерживая свой взгляд. — Однако, я бы посоветовал вам продать магазин кобыле или жеребцу из числа граждан. Получите приличную сумму и избавитесь от хлопот.

Я кивнула. И задумалась, не пригодится ли Хомэйдж бывший сырный магазин.

— Второй вопрос касается детей Монтерея Джека...

Я наострила уши. Что же с ними?

— ...которым, согласно закону, разрешено оставаться в личных апартаментах до конца этого месяца. Так что, хотя формально вы и владеете собственностью, боюсь, что вы не сможете прогнать их до первого числа...

Я чувствовала себя так, будто на меня рухнуло пианино.

Благодаря запутанному законодательству Башни Тенпони, я стала той, кто выкидывает детей Монтерея Джека в объятия беспощадной пустоши!

Я почувствовала, что наконец-то вижу то, что было скрыто за занавесом. Казнь Монтерея Джека превращала меня, героиню его детей, в пони, крадущую их дом сразу вслед за смертью отца. Я поднялась на ихнем несчастье. Конечно, если бы я не сделала ничего, чтобы предотвратить это...

...как я уже сделала раньше. Я позаботилась о них ещё до того, как эта ловушка захлопнулась.

Я подняла взгляд на жеребца и мою депрессию сменило другое чувство — гнев.

— *Он играл мной!*

Я орала в своём номере, телекинезом опрокидывая кровати. Мои глаза жгло от слёз, моё сердце бешено колотилось, заходясь в приступе ярости.

— Он подставил меня! — Я пустила по комнате торнадо из одеял. — Я была добренькой кобылкой, которой, он знал, сможет легко манипулировать. И он был прав! — Я топала копытами. Одеяла ударились об окно и отлетели.

Я ненавидела Монтерея Джека. Я хотела, чтобы он умер. Но он и так уже был мёртв, и я не была пони, которая могла бы сорвать свою злость на его детях. Он был чертовски прав на мой счёт. Поэтому я обрушила всю свою ярость на комнату и радовалась, что рядом нет никого из моих компаньонов, чтобы видеть это.

Это было слишком. Стыд, что я испытывала из-за моей зависимости, боль от того, что я делала больно моим друзьям, предательский поступок Вельвет Ремеди, а теперь ещё и то, как Монтерей умудрился наебать меня даже с того света.

Я бросила одну из моих седельных сумок к стене. Если бы левитация могла обладать какой-то силой, то я наверно пробила бы в этой стене дыру. Вместо этого сумка просто ударилась о неё, упала и открылась, вываливая на свет своё содержимое. Праздничный запас Праздничных Минталок рассыпался по полу. Заначка, найденная в сейфе Пинки пай.

Я уставилась на гору банок, застыв на месте.

Потребовалось всего лишь мгновение, чтобы весь мой гнев переключился на наркотики. Не успев даже осознать это, я уже стояла в ванной, одну за одной спуская содержимое баночек в туалет, проклиная их и себя за всё, что мы сделали с моей жизнью.

Сплашишиш. Вот ушёл месячный запас. *Сплашишиш.* Вот ещё порция отправилась за ними.

Я опорожняла и опорожняла баночки друг за другом... скатертью дорога. Больше вы никому не сможете навредить.

Сплашишиш. Туда отправлялось то, в зависимость от чего я позволила себе попасть.

Сплашишиш. То, чему я позволила встать между мной и пони, которые были мне ближе, чем семья.

Я плакала так сильно, что почти ничего не видела. Но мне и не нужно было.

Сплашишиш. Сплашишиш. Сплашишиш.

Последняя баночка Праздничных Минталок парила в воздухе передо мной, прямо над туалетом. Мне нужно было всего лишь наклонить её и спустить воду. Простейшая вещь в мире. Детская игра для начинающего изучать телекинез. Наклони и спусти.

Баночка продолжала висеть, не наклоняясь.

Последняя баночка.

Вместе со всеми страданиями, что они принесли... что я позволила им принести... Праздничные Минталки спасали мою жизнь и жизни моих друзей. И не единожды.

Должна ли я сохранить одну-единственную баночку? Просто на всякий случай?

Но если бы я взяла даже всего одну, я могла бы снова попасть в зависимость. Всё началось так же с одной штуки. И я не могла позволить себе сделать это. Я не была Монтереем Джеком. Я не собиралась становиться такой.

Баночка начала наклоняться.

Но что, если ясность ума, даваемая ими, была единственным, что могло спасти моих друзей? Что, если бы на кону была жизнь Каламити? Или Вельвет Ремеди? Или СтилХувза? Станут ли они жертвовать собой ради меня?

Да. Они станут.

Баночка перестала клониться и поплыла ко мне.

Но... могу ли я так поступить с ними? Заставить их снова пройти через это? Не будет ли это предательством по отношению к ним?

Баночка остановилась, зависла над унитазом.

— Литлпип? — раздался голос Хомэйдж у двери в ванную. Моя магия рассеялась, баночка упала в туалет вместе с содержимым.

Я смотрела на неё поражённая, с красными, опухшими глазами, зная, что выгляжу как полная уродина.

Хомэйдж вошла в ванную, такая элегантная в своём платье. Я отступила назад, не желая случайно прикоснуться к ней своим грязным телом. Она не пустила меня. Схватила и прижала к себе. Я не могла больше сдерживаться и громко разрыдалась.

Я услышала металлический скрежет, когда Хомэйдж левитацией вытащила железную баночку из унитаза и кинула к другим, таким же пустым.

Сплашиши.

Затем Хомэйдж забрала меня из моего номера к себе в Библиотеку, где она жила. Она поставила лёгкую музыку и всё время оставалась рядом со мной, включив в эфире диджея Пон3 список новых песен.

— Сколько времени пройдёт, прежде чем это попадёт в список новостей? — устало спросила я, когда солнце начало клониться к закату.

Хомэйдж посмотрела на меня мягко, но с укором.

— "Ремонтница Тостеров, Победившая Наркоманию — подробнее в начале следующего часа"? — Серая единорожка ткнула меня носом. — Серьёзно? Мне кажется, это не для всеобщего слуха, а тебе?

Я благодарно улыбнулась ей.

— Позволь, я приготовлю тебе чего-нибудь перекусить, — сказала Хомэйдж, прежде чем удалиться. Я только сейчас осознала, насколько голодна. Я не ела уже... почти два дня?

Хомэйдж заставила бы устыдиться рестораны Тенпони с их банановым пюре в форме корзиночек и прочим. Простая, но вкусная еда. И она была не против приготовить ещё, после того как я съела предыдущую порцию и всё ещё не наелась.

После ужина я чувствовала себя очень уставшей и полностью истощённой эмоционально, не говоря уже о набитом животе. Однако у меня были силы, чтобы помочь ей убраться.

— Где ты научилась так готовить? — спросила я, думая о том, как здорово было бы, если б с нами путешествовал кто-то, хотя бы наполовину одарённый её талантом. Я боролась с сильным искушением позвать её путешествовать с нами (и не только для того, чтобы готовить), но я знала, что она нужна здесь. Вся Эквестрийская Пустошь нуждалась в диджее Пон3.

— У меня была бурная молодость, — подмигнула она. Я ткнула её копытцем, и она продолжила: — Я действительно была помощником у последнего диджея Пон3. Вот так и получила эту должность после того, как он заболел; я была единственной, кто знал его. Заклинание, меняющее голос, передавалось как минимум пять раз от одного диджея Пон3 к другому, так что Пустошь никогда не узнала и не узнает о замене.

Я кивнула, подозревая примерно то же самое.

— После того, как получила свою кьютимарку, я несколько лет потратила, бегая по руинам Мэйнхэттена и около них с Джоукблу, близкой подругой... — Подругой, догадалась я, о которой она уже упоминала раньше. — Местность отсюда до Филгидельфии не была такой опасной, как сейчас. Я искала записи и шары памяти и приносила их диджею Пон3, в надежде, что там будет новая музыка для передачи. Выполняла другие поручения для диджея Пон3. Заработала свое место в Башне. Научилась, как выживать. Готовка, обращение с оружием, много практиковалась во взломе терминалов, отпирала закрытые двери и сейфы.

Я подумала о всех совершённых мною взломах и вскрытиях, причиной которым в большинстве случаев было любопытство и потребность всё изучать. Даже если то, что я узнавала, не значило ничего. Словно то, что я хранила эти воспоминания, было данью ушедшему прошлому.

— Джоукблу отлично разбиралась в оружии, умела обезвреживать ловушки... — Хомэйдж умолкла. Воспоминание явно причиняло ей боль.

— Ты хочешь... поговорить об этом?

Хомэйдж улыбнулась, в глазах у неё стояли слёзы.

— ...большинство ловушек. Какой-то ублюдок смастерил ловушку в виде детской коляски, использовал труп жеребёнка и запись плача, чтобы заманить жертву. — Я в ужасе съёжилась. — Когда она поняла, что ребенок мертв, было уже слишком поздно, чтобы убежать. Она пыталась обезвредить бомбу, но... — Голос дорогого мне единорога надломился.

Теперь был мой черёд прижать Хомэйдж к себе.

Я растянулась на кровати Хомэйдж, она делала мне массаж. Либо она многому научилась во время нашего похода в спа, либо у неё был большой опыт в этом деле. Не важно, главное, что это было просто восхитительно. Если бы я была кошкой, я бы сейчас мурлыкала.

Я почувствовала её вес на себе, когда она наклонилась к моему уху и зашептала:

— Я знаю, что врач предписал тебе отдыхать и не напрягаться. Ты это прослушала, как и большинство его пациентов.

Я кивнула, не имея ни малейшего желания говорить об этом. Или о чём-либо вообще. То, что она делала копытами, было просто божественно. Она надавливала ими, совершая круговые движения по задней части ног. Возможно, не так умело, как профессиональная спа пони. Но несказанно приятнее, потому что это делала именно Хомэйдж.

— Поэтому я не собираюсь извиняться, помогая тебе нарушать указания и дальше. — Я понятия не имела, что она... ох ОГО! У меня перехватило дыхание, когда я почувствовала её язык там, где до этого момента могла только мечтать. Удовольствие прокатилось по всему моему телу.

И она только начинала. Это определённо будет напряжённой деятельностью.

warning: sexual content

Я села, осматриваясь в недоумении. Мой взгляд упал на тёмное окно.

Хомэйдж рядом в постели повернулась и приоткрыла глаз, сдвинув магией одеяло.

— Литлпип? — сонно спросила она.

Я сказала ей, что мне показалось, будто я видела зелёную вспышку за окном. Это напомнило о такой же вспышке, увиденной неделю назад.

— Это, наверное, жар-феникс, — сказала Хомэйдж, прижимаясь ко мне носом. — Несколько обитают в Мэйнхэттене.

— Наверное, — кивнула я. — Однако мне кажется, что этот следует за нами.

Следующее утро мы провели вместе. Хомэйдж рано поднялась и приготовила завтрак. А потом опять пара часов копаний на Станции Экстренного Радиовещания, которая была над нами. В этот раз в новостях был рассказ о том, как я "храбро и мужественно спасла" Когтей Блэквинг, включая поздравления от диджея Пон3 с тем, что мне снова удалось разбить два яйца одним копытом — видимо, убив трёх аликорнов, я заодно взорвала и рейдерскую группировку. Я зарылась головой в простыни. Всё это не должно было меня удивить. (По правде говоря, я бы удивилась, если бы Каламити не позволил взвалить это всё на мои копыта). Хомэйдж доказала, что ей нравится меня смущать. Всеми возможными способами.

Она ушла, оставив мне большую часть часа на раздумья. Когда она вернулась, я всё-таки решила поднять неприятную тему. Чёрный

— Та штука? — Спросила она, сразу догадавшись о чём речь. Я думала, она спросит, зачем он мне нужен, но вместо этого: — Откуда ты узнала, что у меня есть такой?

Я покусывала губу.

— Эмм... знакомый попросил, чтобы я достала. — Я отвела взгляд, а потом посмотрела ей в глаза. — Мне очень хотелось послать этого пони на хуй. Но я подумала, что могу спросить. Пожалуйста, ты вполне можешь отказать. Я не хочу, чтобы между нами сейчас возникло недопонимание. Или, вернее, вообще когда-нибудь.

Хомэйдж внимательно смотрела на меня одно мгновение, показавшееся вечностью, и потом натянуто улыбнулась.

— Милая, единственное, что могло возникнуть между нами за последние несколько часов — это волнение. Но даже мне пришлось заниматься делом, хотя я и хотела расслабиться. И я не буду сердиться, если ты поступишь так же.

Я вздохнула с облегчением.

— И да, ты можешь его взять. — Она серьёзно посмотрела мне в глаза. — У меня тоже кое-что есть для тебя. А Чёрный Опал... считай, что это аванс. У меня есть задание, которое я хочу поручить тебе.

Мои глаза расширились от удивления.

— Всё, что угодно.

Она засмеялась.

— Ты вряд ли так скажешь, когда узнаешь, о чём я. Но... ты и твои друзья, вы планируете направиться в Филлидельфию, не так ли? — Смех в её голосе исчез, когда она произнесла это название.

Я решительно кивнула.

— Я всё ещё убеждена, что что-то угрожающе назревает в Пустоши. Что-то, имеющее отношение к Красному Глазу и аликорнам. Я знаю, они были на виду достаточно долго, — сказала я ей. Достаточно долго, чтобы СтипХувз стал известен среди чудовищ как "Могучий Охотник на Аликорнов", по крайней мере саркастически. Ставя под вопрос мою теорию: — Аликорны были на виду долгое время, ведь так? Мне кажется, у них с Красным Глазом гораздо больше общего.

Хомэйдж обдумывала мои слова.

— Десять лет назад я о них даже не слышала. Сейчас они повсюду в Кантерлоте, а в этом году показались целые группы и в Мэйхэттене.

Я снова кивнула.

— Когда я выясню, что происходит, диджей Пон3 будет первым, кто всё узнает, — пообещала я.

— А вслед за тем и вся Эквестрия будет в курсе, — поклялась Хомэйдж. — Хотя я, наверно, могла бы опередить тебя... — Я подозревала, эта недосказанность была преднамеренной. — ...если ты выполнишь для меня это не такое уж простое задание. Помнишь то помещение с нерабочими экранами на С.Э.Р.?

Я заметила их уже когда она в первый раз пустила меня внутрь М.Ч.Н.С.Э.Р. и разрешила осмотреться. Я так ей и сказала.

— Так вот на них шла трансляция с Филлидельфийской башни. Красный Глаз взял под контроль эту башню, ну или те три процента, к которым у меня обычно есть доступ, и отрезал меня от неё. Если вы пойдёте в ту сторону, то я хочу, чтобы вы подключили блок управления к главному мэйнфрейму станции башни. Это позволит диджею Пон3 наконец видеть, что происходит в этом жутком месте. Красный Глаз слишком долго работал в тени.

Я топнула копытом (хотя толку от этого не было — подо мной была подушка).

— Будет сделано.

Хомэйдж сняла картину Прекрасной Долины, открывая нашему взору сейф с дверью из бронированного стекла, которую с негромким щелчком открыла своей магией.

Внутри было три предмета, два из которых она левитировала ко мне. Первым был Чёрный Опал. Я смотрела на предмет, полный воспоминаний, которые Наблюдатель так жаждал получить.

— А вот это я хочу дать тебе в качестве подарка, — сказала Хомэйдж с мягкой улыбкой тёплым, но настойчивым голосом, обращая моё внимание на второй предмет — ярко розовую статуэтку очень знакомой пони. Я никогда не видела Пинки Пай такой молодой и настолько живой. Я могла даже ожидать, что статуэтка вскочит, одушевлённая чистой энергией, которую излучало её лицо, и начнёт прыгать по комнате. Это, я поняла, была реальная Пинки Пай... Пинки Пай Твайлайт. Для сравнения, кобыла, что я видела в памяти, была считай тенью.

— Она была подарком от предыдущего диджея Пон3, который в свою очередь получил статуэтку от того, что был до него. Мне сказали, что она была дана оригинальному, первому диджею Пон3 — Винил Скретч — самой кобылой Министерства Морали. — Фигурка излучала такую ауру необузданного счастья, что я не могла себе представить моральное состояние тех, кто был рядом с Пинки Пай. — Она сослужила мне хорошую службу. И теперь я хочу дать её тебе.

Я посмотрела на Хомэйдж, протестуя всем своим существом. Я не могла! Это была семейная реликвия! Это было...

— Я знаю, через что ты прошла. И я знаю, что она прошла через это же. Ты... ты поборола это, ты смогла. Она же этого не сделала. Я хочу, чтобы это было тебе напоминанием, чем-то, на что ты можешь посмотреть, когда почувствуешь желание съесть ещё одну Минталку.

Я с трудом сглотнула. И кивнула, понимая серьёзность этого дара. Я обернула маленькую Пинки Пай в телекинетический кокон и тут же почувствовала удар. Всё стало яснее. Моё тело стало более живым. Это было больше, чем небольшая порция Минталки, но на вкус как яблочные конфеты и кекс с глазурью. ("что за?!" — заявила часть моего разума. Я же, вроде, ничего в рот не клала). Вместе со статуэтками Пинки Пай и Твайлайт Спаркл я чувствовала себя почти как под действием Минталок, но без них. Только чище. Лучше. Более... полезной.

Я развернула статуэтку, чтобы прочесть надпись на основании. Надпись была не такая, как у других. Конечно, она ведь и не должна была быть такой же.

"Внимательность! Оно было под буквой 'Э'!"

Я чувствовала радость и печаль одновременно. Статуэтка напомнила мне о том, что я сделала неправильно, и о стоимости, которую я бы заплатила, не вытаскивая меня друзья из той бездны, куда я себя загнала. Печальное признание того вреда, что я сделала, и который мне теперь необходимо исправить. Посланник, убеждавший, что у меня есть силы не повторить это. И как, пожалуй, самое главное, это — подарок Хомэйдж, давший мне знать, что она поняла мою слабость, приняла и простила.

— Спасибо, Хомэйдж. Это значит для меня больше... чем ты можешь себе представить.

Я левитировала её к своей седельной сумке. Открыл отдел, в котором уже хранились три статуэтки, я вынула оттуда Твайлайт Спаркл, и, прежде чем положить обе статуэтки в отдел, я связала кусочком ткани Твайлайт с Пикни Пай. Теперь они могут быть снова вместе. Это было глупо, но я чувствовала, что так надо.

Когда Хомэйдж закрывала сейф, я обратила внимание на последний предмет внутри. Это был какой-то энерго-магический пистолет, но подобных ему я никогда не видела. Даже рукоять у него была такая, что не поместилась бы в рот какого-либо пони.

Мною овладело любопытство, и я спросила Хомэйдж о нём.

— Это долгая история, — сказала она мне. — Однажды ночью мы с Джоукблу двигали наши копыта вокруг Фетлока, пытаюсь найти Стойло, о котором до нас дошли слухи. Вдруг прогремел страшный взрыв, осветивший верхушки облаков. Сначала мы думали, что это гром, но потом всякий хлам дождём начал падать с неба. Куски самой странной небесной машины, которую когда-либо видели. Мы укрылись в сгоревшем пассажирском фургоне. Когда всё закончилось, я увидела эту вещь среди щебня. — Хомэйдж усмехнулась. — Хорошо, возможно, не такая уж и долгая история.

— А что это такое?

— Самая ужасная, мощная магическая пушка, которую Эквестрийские Пустоши когда-либо видели, насколько мне известно. Один её выстрел превращает в пар что угодно, на что ты её направила. Не так, как энергомагические пушки, которые ты видела, делают это раз в сто лет. Эта же пушка — Абсолютно. Каждый. Раз. — Голос Хомэйдж звучал, будто она боится эту пушку. — Я считаю, ты могла бы убить дракона одним выстрелом из неё. — После этих слов я сама начала её бояться.

— Откуда она взялась? — подумала я вслух. Идея, что там были пони... может быть, пегасы... с такими пушками, пробирала меня морозом от хвоста до кончиков копыт.

— Джоукблу решила, что это какой-то пегасовский экспериментальный летающий танк, взорвавшийся в ходе эксперимента. Мне... — Хомэйдж сглотнула. — Я знаю, что это глупость, но мне кажется, что это упало с гораздо большей высоты, чем облака.

— Большой высоты? — Я представила странную картину, как с луны на Эквестрию валяются предметы из сундучка с игрушками Найтмэр Мун.

Хомэйдж выглядела немного смущённой.

— Ты будешь смеяться.

Я пообещала, что не буду. И решила, что не рассмеюсь, не зависимо, насколько будет это сложно.

Красивая сексуальная серая единорожка воспользовалась мгновеньем, чтобы собраться с мыслями. Затем начала осторожно:

— Однажды я встретила зебру.

Это было вовсе не то, что я ожидала от неё услышать. Мои уши взлетели вверх, я наклонилась вперёд.

— Они... имеют другое отношение к небу, не такое, как у нас. Очевидно, потому что у них нет пегасов. Но это большее. До апокалипсиса мы, пони, всегда смотрели на небо с чувством радости и безопасности. Мы видели солнце, движимое через небо Селестией в течение дня, и луну, движимую Луной и приглядывающую за нами в течение ночи. Принцессы Селестия и Луна были нашими доброжелательными правителями. И, хотя большинство пони не встречало их лично, солнце и луна были символами их присутствия везде и для всех пони в Эквестрии.

Я чувствовала, как моё тело склоняется ближе, желая уловить каждое слово. Я никогда не слышала, чтобы кто-нибудь говорил о Селестии и Луне таким образом.

— Когда они погибли в апокалипсис, и пегасы закрыли небо, отбирая солнце и луну у нас, мы превратили их в божеств, чтобы они были всегда с нами. Даже пони в ловушке Стойл под землёй, кажется, поступили так же. Это вроде как параллельной эволюции.

То, что она говорила, было почти кощунственно, но я убила своё желание увещевать её, и наклонялась всё ближе, чтобы лучше слышать. У Хомэйдж была точка зрения, которую я хотела услышать, но которую я вряд ли выслушала бы от кого-то ещё. Она заставила меня задуматься, задаться вопросами. Например, объясняло ли это, что Каламити не верил в Богинь? Атеизм — это черта пегасов? В отличие от нас, они никогда не теряли объятий солнца и луны.

— Зебры испытывают раблепный страх перед небом, — сказала Хомэйдж. Такое выражение я бы скорее ожидала прочитать в пропагандической брошюрке, а не услышать от пони, которая узнала это от зебры. Но я знала Хомэйдж, и на неё не похоже было, чтобы она приукрашивала факты. — Зебры смотрят на небо и видят звёзды, которые светят на нас из бесконечной, тёмной пустоты. И звёзды, которые они знают, не так уж доброжелательны.

Я наклонилась ещё сильнее, опрокинулась и упала на лицо.

Хомэйдж остановилась, прикрыв своё хихикание копытом. Когда я поднялась, вероятно, выглядя настолько робко, насколько я себя сейчас чувствовала, она продолжила:

— Существует разум, верят зебры, у самих звёзд. Звёзды горят холодным, вредоносным огнём. Они не согревают ночью. Они хотят принести вред, зло в наш мир. И иногда они действуют. Но не напрямую, а подталкивая нас вредить и губить самих себя.

Я открыла рот, чтобы выразить предположение, что зебры немного сумасшедшие, но слова застыли на моих губах. Да, это звучит безумно. Но разве наши легенды не говорят примерно то же самое? Я вспомнила историю о Кобыле на Луне. (реальную версию, не ту ерундовую "Жеребец на луне")

Звёзды помогут ей в побеге.

— В частности они говорят о четырёх злонамеренных звёздах с сердцами, полными хаотичной жестокости, которые тоскуют по вкусу нашей боли и разрушения, вызванными нами, своими же копытами. — С гримасой Хомэйдж добавила: — Если есть хоть доля правды в мифологии зебр, я думаю, мы предоставили им шикарный банкет.

Четыре звезды помогают разрушить Эквестрию. Почему же это звучит так знакомо...

Хомэйдж отмахнулась от жуткой атмосферы, что поселилась в комнате от её рассказа.

— В любом случае, как я уже сказала, это глупость. Джоукблу, возможно, была права. Какой-то пегасовский эксперимент, взорвавшийся у них в копытах.

Осторожно, при моральной поддержке Хомэйдж, я опустила рог на чёрный опал. Если я собиралась отдать это Наблюдателю, я хотела бы сначала знать, что же отдаю.

С большой неохотой я коснулась опала своей магией и дала ему взять Хомэйдж, её Библиотеку и унести от меня.

<=====ooO Ooo=====>

Я чувствовала странно неправильно.

Мы шли по широкому затенённому и искусно украшенному коридору к ярко освещённой комнате, половину которой скрывала от взора

декоративная занавеска. Передо мной шли четыре пони, ведомые пятой. Главы Министерств.

Первой пони, которую я узнала, была Пинки Пай. Вместо того, чтобы спокойно идти по коридору, она подпрыгивала, словно фанатка, спешащая на выступление своего кумира. Она выглядела слегка моложе, чем когда я видела её в прошлый раз. Её грива, впрочем, всё равно напоминала леденец-тросточку.

Я глубоко смутилась, увидев, что ведущей пони была та прекрасная белая леди-единорог, о которой я... фантазировала. И пони, в которой я находилась, не сводила глаз с...

Слепящая течка Селестии!

Существо, в котором я была, не было пони. Он (а это был совершенно точно и невыносимо он!) был ростом с жеребца! На концах своих ног я ощущала... шлуки, которые были не копытами. И сложенные за спиной крылья. И хвост!...

— Спайк, — робко спросила Флаттершай, обращаясь ко мне, — Тебе не больно?

Я вдруг заметила, что нечто тесное и металлическое сдавливало мою голову. Реколлектор, предположила я. Судя по всему, он не был рассчитан на... то, чем я была.

Я открыла свой рот (тоже неприятно чужой) и ответила:

— Не. Вообще почти не чувствую ничего. Кроме того, Рэрити хотела записать память об этом.

— Она могла бы и сама надеть его, — пробормотала себе под нос Твайлайт Спаркл, шедшая передо мной. Мои глаза снова уставились на белого единорога с безупречной фиолетовой гривой. Та едва ли это расслышала, беседуя с пони, которую, как я уже знала, звали Эплджек. Рыжая пони с кютимаркой в виде трёх яблок выглядела моложе и не такой нарядной, как на последней вечеринке Пинки Пай.

— Надеюсь, здесь нет ничего общего с... *мой*... шлукой, о которой мы не говорили, — нервно и предостерегающе произнесла Эплджек.

— О нет, дорогая, я давным-давно забросила тот проект, — с лоском в голосе ответила Рэрити.

— А, — рыжая пони вздохнула с заметным облегчением, — Ну, тогда хорошо.

Мы ступали по затейливому ковру, в который были вплетены самоцветы. Существо, в котором я находилась, шагнуло на него, и по мне прокатилась волна холода. Твайлайт Спаркл остановилась прямо передо мной и принялась разглядывать ковёр, пока Эплджек и Рэрити разговаривали. От этого занятия её отвлекла, громко прочистив горло, Рэрити.

Рэрити плавно сменила тему, обратившись сразу ко всем четырём пони, которых она вела.

— Это всего лишь первый экземпляр. Но я думаю, что вы все будете впечатлены.

— Всегда рады посмотреть на твои проекты, Рэрити, — воодушевляюще сказала Твайлайт Спаркл.

Рэрити улыбнулась с деловитой благодарностью.

— И это всего лишь облегчённый костюм, не полностью силовая версия, — она повернулась к Эплджек и скромно улыбнулась. — И я хотела бы прояснить, что не пытаюсь наступать здесь тебе на копыта. Эта броня не такая же прочная, как твоя броня для Стальных Рейнджеров, и не обеспечивает такой же защиты...

— Ну и на кой тогда оно нужно? — прервала её Эплджек, — не вижу смысла создавать броню, которая недостаточно защищает!

Группа достигла конца коридора. С одной стороны комнаты находилось зеркало, другая же была заставлена швейными машинами, рулонами ткани и манекенами. Стены были покрыты выкройками и чертежами. По сигналу Рэрити все остановились и обратили взор на перегородку. (Кроме чужеродного хозяина тела, который не сводил глаз с единорога.)

— Ну, конечно же, потому, что в экипировке важно не только то, насколько хорошо она задерживает пули!

Эплджек, очевидно, готова была выразить своё полное несогласие, но прикусила язык.

— Окей, Рэйнбоу Дэш! — позвала Рэрити. — Они готовы тебя лицезреть!

Из-за занавески вышла тень ночного кошмара. Голубого цвета пегаска, облачённая в чёрный насекомоподобный панцирь, скрывавший всё, кроме передней части морды и крыльев. Её хвост был скрыт кожухом, напоминавшим хвост скорпиона с ужащающим острым жалом. Чёрный костюм брони выглядел глянцевым и зловещим. Всё это довершали жёлто-оранжевые защитные фасетчатые очки, напоминающие жуциные глаза. По бокам костюма были расположены антенновидные выступы; кристаллы на концах этих энергомагических орудий блестели переливающимися цветами радуги.

Реакция остальных пони последовала незамедлительно.

— И-И-И-И-И!

— Ё-моё!

— Выглядит... демонически.

— У-у-у-у-у. Дэши, ты жутковато выглядишь!

Существо, в котором я находилась, повернулось, провожая взглядом Рэрити, внезапно сорвавшуюся с места:

— Флаттершай! Вернись! Это всего лишь Рэйнбоу Дэш!

Я (мы?) повернулась обратно как раз в тот момент, когда Рэйнбоу Дэш подняла бронированным копытом очки на лоб. Её глаза сузились, на лице выступила самодовольная ухмылка, и она пригнулась, принимая угрожающую боевую стойку напротив зеркала. Она грозно прорычала, глядя в этой броне совершенно зловеще.

— О, да! — воскликнула она. — Вот это крутизна!

<=====Ооо=====>

Реальность вновь заявила о себе, оставив при мне странные чувства. Было очень приятно вновь оказаться в своём теле, на своих собственных копытах. Я никогда не хотела быть такой... шлукой снова.

* * *

СтилХувз подошёл ко мне, когда я рысцой бежала по монорельсовой станции Башни Тенпони.

— Ты собралась на встречу с... со своим другом спрайт-ботом, не так ли?

Я кивнула, глядя на бронированного воина.

— Наблюдатель, — произнёс он, удивив меня.

— Ты знаешь Наблюдателя? — Выпалила я. Затем, мысленно, треснула себя по голове. Я должна была вспомнить, что уже давно пора задать СтилХувзу пару-другую вопросов.

— Я знаю о Наблюдателе, — уточнил СтилХувз. — Прожив так долго, невозможно не знать о существовании друг друга.

Мне потребовалась пара мгновений, чтобы осознать сказанное, но затем я кивнула.

— Итак... Наблюдатель действительно живёхонек с незапамятных времен. Но кто такой Наблюдатель... и чем он... или она... или оно... занимается?

— Кто такой? Этого я не могу сказать. — СтилХувз придвинул переднюю ногу, выставившись на неё. — Наблюдатель позволяет пони знать о себе меньше, чем я позволяю им знать обо мне. И не без хорошей на то причины. — Он опустил копыто. — А касательно того, чем он занимается: у Наблюдателя есть привычка находить пони с... которые...

Я, не осознавая этого, стояла, уставившись на него в ожидании, пока он не взглянул в ответ.

— Наблюдатель находит пони, которые лучше других пони. И наставляет их на путь поиска других, чтобы создать команду друзей.

Я поняла, что немного на взводе. Мне не понравилось смотреть на свои приключения с такой стороны.

— А что потом?

— Ну, чаще всего они исчезают. Или отбрасывают копыта.

Это. Звучало. Неутешительно.

СтилХувз остался на станции, а я побежала в одиночестве по Ветке Селестии. Но пробежала я не так уж и много. Монорельс изогнулся вокруг разрушенного здания, Башня Тенпони осталась позади него. И там находился Наблюдатель, беззвучно парящий спрайт-бот. Он ждал.

— Он у меня, — сказала я просто.

— Спасибо, Литлпип. Я знал, что могу доверять тебе. И так, у этого спрайт-бота есть отсек для дополнительных батарей. Если ты просто...

— Нет.

Спрайт-бот мгновение висел над землёй в молчании.

— А? — Голос Наблюдателя звучал растерянно.

— Доверие строится с обеих сторон, не так ли? — спросила я с вызовом.

— А... ну да. Я передал твоё сообщение, как ты и просила. До того, как ты получила Чёрный Опал.

Я кивнула. Всё было честно, но я не за этим сюда пришла. Ещё не время. Я почувствовала, как во мне проснулась ожесточённая решимость.

— Тем не менее, нет.

— Нет? Ты его получила, но не собираешься мне отдать его?

— О, я собираюсь отдать его тебе, — сказала я с принуждением. — Лично.

Наблюдатель снова замолчал. На этот раз я не стала дожидаться ответа.

— Ты так много говоришь о добродетелях и дружбе. Ну так друзья не сбегают, когда речь заходит о личном. У тебя не будет друзей, если так и будешь прятаться за роботами и никогда не дашь увидеть себя ни одному пони. — Я фыркнула. — Чёрт, даже у СтилХувза дела обстоят лучше, чем у тебя. Так ты хочешь опал? Я хочу встретиться с тобой.

— Зачем?

— Потому что я хочу понять, являешься ли ты мне другом, или ты просто ещё один, кто играет со мной.

Наблюдатель замолчал на несколько большее время. Я задалась вопросом, насколько незнакомец за этой металлической занавеской жаждет получить свой чёрный опал с интересным, но казалось, незначительным воспоминанием. И уже когда я почти решила, что Наблюдатель скажет мне пойти и прыгнуть с монорельса, глухой механический голос произнёс:

— Хорошо.

Я моргнула. Это был ответ, на который я рассчитывала. Но...

— Ты права, Литлпип. — Я услышала пиканье со своей передней ноги. — Я загрузил своё месторасположение в твой ПипБак. До скорой встречи. — Затем затрещали помехи и спрайт-бот улетел под аккомпанемент барабанного соло.

Я подняла ногу, чтобы взглянуть на ПипБак. На моей карте Эквестрии появилась новая иконка. Далеко, очень далеко от Мэйнхэттена. Посредине нигде. Чтобы добраться туда потребуются недели путешествия на копытах.

Но если Наблюдатель решил, что этим он отобьёт у меня охоту, или хотя бы задержит, то он ошибался.

Я провела в башне Тенпони с Хомэйдж ещё одну ночь, после которой, к сожалению, настало время уходить. Нашей первой остановкой был Фетлок.

Каламити провёл несколько часов под Небесным Бандитом, устанавливая потоковый регулятор и убеждаясь, что всё было в рабочем состоянии. Когда он закончил, уже начинало стремительно темнеть.

— У меня отличные новости, — сказал он, выползая, весь промасленный, — у нас есть своё транспортное средство!

Вельвет Ремеди, СтилХувз и я зашлись громоподобными аплодисментами.

— Энтот красавец запитывается от массива спарк-батарей, но последняя пара веков его не пощадила. Так что батареи надо будет менять довольно часто, чтоб он на ходу был.

— Так, постой, — с тревогой в голосе сказала Вельвет. — То есть, ты имеешь в виду, что способность этой летающей западни оставаться на лету может вдруг иссякнуть в любой момент?

Каламити посмотрел на неё почти сочувствующе.

— Нее, сперва он начнёт снижаться, станет трудней рулить. В общем, будет целая куча признаков.

— К тому же, — уверяла я Вельвет Ремеди, — если это случится, то я думаю, мой телекинез будет достаточно силён для поддержания полёта, чтобы дать нам время безопасно приземлиться.

Я не смогла бы продержаться такой вес долгое время, по крайней мере, чтобы куда-нибудь при этом путешествовать. Но я была вполне уверена, что смогу продержаться нас на лету несколько минут, даже если сдохнут батареи и Каламити уснёт.

Все остальные начали забираться в Небесного Бандита. Вельвет Ремеди уже сейчас начала в нём прибираться и размышлять над его декором. Никто из парней не проявлял видимого желания в этом участвовать.

Я достала ложку и банку сладкого картофеля, открыв её. Я снова проголодалась и была намерена перекусить, планируя следующие три шага. Двигаясь на Небесном Бандите, мы сможем оказаться на пороге у Наблюдателя менее чем через два дня.

— эм, Лилпип? — окликнул меня Каламити. — Ты так и будешь там под дождём торчать?

Я прервалась, с ложкой, зависшей на полпути ко рту.

— Что? Какой ещё...

БУУМ!!!

Гром грянул прямо над головой, вода полилась так, будто кто-то открыл прямо надо мной гигантский кран. Я промокла мгновенно, а мои волосы провисли над лицом. Вода наполняла банку, помогая кусочкам сладкой картошки выпасть на землю.

Оставьте пони-пегасу прогнозы погоды.

Отбросив банку (теперь уже полную в основном воды), я галопом ринулась под защиту пассажирского фургона. Каламити и Вельвет Ремеди укрылись за СтилХувзом, пока я старательно отряхивалась, разбрызгивая воду во все стороны.

Раздался прекрасный пронзительный крик, из дождя к нам внутрь впорхнул жар-феникс через разбитое окно. Приземлился он на сиденье перед Вельвет Ремеди, чьи глаза тотчас же округлились. Она восторженно взвизгнула.

— Ты назвала её Паерлайт? — спросил СтилХувз, озвучивая мои собственные мысли, когда Вельвет Ремеди накормила птицу, перед тем как закутать её в своё одеяло. Мы путешествовали по воздуху целый день, как только закончился ливень. Жар-феникс остался с нами, а точнее — с Вельвет Ремеди.

Лично я нашла имечко слегка ужасным.^[1] Это заставило меня задуматься о своей подруге.

Мы по очереди спали и наблюдали за обстановкой, передавая по кругу мой бинокль. В нас пока никто не стрелял. На сегодняшний день у нас была отличная идея касательно того, куда мы направлялись. Сложно было не заметить гигантскую гору, возвышавшуюся над Эквестрией, как те шпилеподобные башни.

После того, как СтилХувз уверился, что Вельвет Ремеди крепко заснула, он подошёл ко мне и прошептал на ухо:

— Тебе следует убедить её проводить поменьше времени в этом шаре памяти.

Я взглянула на Вельвет Ремеди. За последние шестнадцать часов она пропадала в воспоминаниях Флаттершай дважды. Похоже на то, что у неё была своя зависимость.

— Это нехорошие воспоминания, — пробурчал СтилХувз, удивив меня. Я посмотрела на него, задавшись вопросом, как не-единорог мог знать, что это были за воспоминания. Будто прочтя мои мысли, он смущённо ответил: — Я спросил её.

Оу. Я захотела сделать фейсхуф.

— А что не так с теми воспоминаниями?

— Флаттершай была не такой, как все. Рэйнбоу Дэш хотела выиграть войну. Эплджек просто хотела защитить других пони. Особенно после смерти Биг Макинтоша. Твайлайт Спаркл хотела порадовать Принцесс, особенно Селестию, — произнёс с интонацией СтилХувз. — Но Флаттершай просто хотела, чтобы война закончилась. То воспоминание — момент, когда она нацелила всё её Министерство найти способ остановить конфликт. И она сделала это.

Я почувствовала дрожь.

— В мире, где не каждый в своём уме, было вершиной безумия верить, что можно создать оружие настолько разрушительное, настолько ужасное, что никто не посмеет его применить.

О, нет.

Я посмотрела на спящую Вельвет Ремеди. Тот же толчок, что заставил меня отказаться от шара памяти из Башни Подковы вернулся, многократно усиленный. Она любила Флаттершай. Представив её себе как милую, застенчивую жёлтую пони-пегаса. Иного она никогда не воспримет.

— погоди, — медленно сказала я. — Ты сказал никто? — Его странный выбор слов напомнил мне о моей первой беседе с Наблюдателем.

Ответ Стилхувза был ужасающим:

— Возможно только одна вещь могла быть ещё более безумной, чем вера в то, что такое оружие может принести мир — это создать такое оружие... а потом дать его обеим сторонам.

СтилХувз отвернул от меня своё забрало.

— Это воспоминание: это начало конца. В конечном счёте, *Флаттершай погубила нас всех.*

Мы кружили над горой, поднимаясь всё выше. Была ночь, и Каламити продвигался вверх медленно, руководимый моими направлениями, согласно карте ПипБака.

— Так-с, — бросил он через плечо. — Вот этого я и боялся. Походу, твой дружок Наблюдатель живёт дофига высоко — на самой верхушке. Которая, небось, выше облаков. С нами всё будет путём, но... Ну, над облаками летать не шибко безопасно. По крайней мере, тама, где над облаками ваще нет цивилизации.

Все пони проснулись. (Включая и Паерлайт.) Мы все кивнули, подготавливаясь. Я не имела ни малейшего понятия, чего ожидать, когда пробьёмся через облачную завесу. Но я здорово сомневалась, что нас ждёт радостная приветственная вечеринка с улыбками и кексами.

Каламити захлопал крыльями, неся нас вверх, в облачную завесу. Это было похоже на погружение в слегка влажный туман. Всё, что я могла разглядеть от тёмно-рыжего пегаса, тянущего нас в небеса, так это его рыжеватый хвост.

Спустя мгновение Небесный Бандит прорвался через облачную завесу, и ночное небо раскинулось вокруг нас бесконечностью, наполненной (злыми?) звёздами. Прекрасная, полная луна зависла в небе позади вершины горы, силуэт которой был подобен вертикальному разрыву в ткани Вселенной.

Вельвет Ремеди издала наполненное благоговением "Оооооооооооооо!" Паерлайт же красиво вскрикнула.

Челюсти головокружения прочно сомкнулись на мне. Ноги мои ослабли, колени подкосились. Иррациональная паника нашёптывала мне, что меня каким-то образом засосёт в одно из окон фургона, и я буду падать до бесконечности.

Я сцепилась за перила пассажирского фургона, смотря вниз, на облака. Теперь мне стало получше, и я смогла насладиться их красотой. Облака были покрыты серебром лунных лучей, которые светились нежным, умиротворяющим светом.

Мои глаза ("Оно было под буквой 'Э'!") заметили блеск металла на одной из скал. Я попросила Каламити подтянуть нас поближе.

Я ожидала увидеть Наблюдателя или, по крайней мере, ещё одного спрайт-бота. Но вместо них там был аудио-проигрыватель. Я левитировала его на борт Небесного Бандита.

— Уж лучше бы это было не от Наблюдателя... — произнесла я, начиная злиться.

— Чёй-то мне так не кажется, — раздался голос Каламити с носа вагона.

Я отбросила проигрыватель, выглядывая в попытке засечь то, что он увидел. Я врубил Локатор-Ушки-на-Макушке.

И как раз вовремя. Согласно ПипБаку, я нашла "Пещеру Дракона".

— Быть может, твой друг послал нас сюда на съедение, — высказала свою мысль вслух Вельвет Ремеди, уставившись на огромную черневшую щель. Небесный Бандит остался припаркован на утёсе позади. СтилХувз помогал Каламити отстегнуть упряжь.

— Данным на ПипБаке две сотни лет, — успокоила я её, сама нервничая, — так что это была Пещера Дракона две сотни лет назад. Сейчас тут может жить кто угодно. — Ну, по крайней мере, кто-то с крыльями.

Наконец высвободившийся из упряжи Каламити рысцой догнал нас.

— Что ж, планируете подождать снаружи, пока не взойдёт солнце? — На случай, если мы и правда собирались так поступить, он добавил: — Я б не советовал.

Вельвет Ремеди покачала головой.

— Конечно, нет! Литлпип, ты идёшь первая.

Ну, спасибо преогромное! Я зыркнула на неё.

— Всё-таки Наблюдатель — это *твой* друг.

Это ещё предстояло выяснить. Я шагнула вперёд.

Из глубины пещеры прозвучал глухой удар. В темноте что-то двигалось, приближаясь. Что-то крупное!

— Большие Медведицы ведь не отрицывают крылья, не так ли? — нервно спросила Вельвет Ремеди, вызывая у меня желание заехать ей посильнее. Я и так была перепугана.

Из пещеры высунулась голова дракона! Огромного, гигантского, взрослого дракона, который с лёгкостью мог бы съесть двух пони за один укус, даже если одним из них был СтилХувз. Трёх, если две из них были я и Хомэйдж.

— Привет, Литлпип. Я Спайк! — произнёс дракон голосом, который был совсем не таким страшным и рокошущим, как я ожидала. — И не беспокойся. Я не собираюсь вас есть.

Заметка: Следующий уровень.

Новая способность: Первопроходец — Время на путешествие к отдалённым локациям Эквестрийской Пустоши сокращено на 25%. Расход спарк-батарей Небесного Бандита снижен соответственно.

Добавлена квестовая способность: ПониСутра - у вас есть опыт в искусстве давать и получать физическое наслаждение. У Вас повышена вероятность половых контактов с конкретными персонажами.

<<< ^^^ >>>

[1]Pyrelight ~ Свет погребального костра

Глава 20,5. Кобыла, за которую стоит бороться

Глава 20.5. Кобыла, за которую стоит бороться

«Я НИКОГДА раньше не испытывала такой радости! Было так хорошо, что хотелось улыбаться вечно!»

Я растянулась на кровати Хомэйдж, она делала мне массаж. Либо она многому научилась во время нашего похода в спа, либо у неё был большой опыт в этом деле. Не важно, главное, что это было просто восхитительно. Если бы я была кошкой, я бы сейчас мурлыкала.

Я почувствовала её вес на себе, когда она наклонилась к моему уху и зашептала:

— Я знаю, что врач предписал тебе отдыхать и не напрягаться. Ты это прослушала, как и большинство его пациентов.

Я кивнула, не имея ни малейшего желания говорить об этом. Или о чём-либо вообще. То, что она делала копытами, было просто божественно. Она надавливала ими, совершая круговые движения по задней части ног. Возможно, не так умело, как профессиональная спа пони. Но несказанно приятнее, потому что это делала именно Хомэйдж.

— Поэтому я не собираюсь извиняться, помогая тебе нарушать указания и дальше. — Я понятия не имела, что она... ох ОГО! У меня перехватило дыхание, когда я почувствовала её язык там, где до этого момента могла только мечтать. Удовольствие прокатилось по всему моему телу.

И она только начинала. Это определённо будет напряжённой деятельностью.

После второго движения её языка я задрожала. Я улыбалась как дурочка. Это действительно происходит. Мы действительно собираемся сделать это!

Затем другая мысль возникла при третьем движении. О, Богиня, мы действительно делаем это. Что, если я всё испорчу? Что, если она возненавидит меня навсегда? Что, если утром она по радио сообщит всей Пустоши, что Обитательница Стойла — худший партнёр из всех?

Мой восторг быстро сменился паникой, и я начала дрожать всем телом. Когда я почувствовала, что её язык перестал прикасаться ко мне, я поборола позыв крикнуть ей, чтобы она продолжала, боясь, что заклинание разрушится, и она поймёт, что могла бы быть с более высокой и привлекательной кобылой, а не со мной тут.

— Литлпип, ты в порядке? — Её голос был полон беспокойства. Вероятно, она беспокоилась, что я страдаю от абстинентного синдрома или посттравматического стресса после одного из многих раз, когда я была при смерти.

— Я в порядке, — солгала я. Только сейчас.

— Может я... слишком тороплюсь?

— Нет! — закричала я, пытаюсь не сорвать голос. Это не было ложью. Она могла бы наброситься на меня, когда я впервые взглянула на неё, и всё равно бы я сказала, что она медлит.

— Хорошо, — засмеявшись, сказала она. — Потому что я и не собиралась останавливаться.

Затем она снова взялась за дело. Её язык был горячим, двигаясь по кругу там, сзади. Языки сами по себе становятся горячими, когда находятся рядом с личными частями других пони, или просто-напросто горячей была я, а она лишь совершала движения? Я прекратила думать о чём-либо, когда он скользнул внутрь.

Я вскрикнула. Я уверена, что не говорила ни на одном известном языке. Каким-то образом вся вселенная взорвалась у меня между бёдер, и единственное, что осталось — горячая, скользкая частица кобылки, смело движущейся в направлении, в котором не двигалась ещё ни одна кобыла.

Где-то внутри часть меня отмерла. Каждый раз в прошлом, когда я заводилась, я представляла или смотрела на пони, с которыми у меня не было ни единого шанса. Моей естественной реакцией всегда было прижаться спиной к стене, но сейчас некуда было спрятаться. Она ясно видела, что я чувствую, она была внутри меня. Это было слишком. Мои копыта зарывались в покрывало, я хотела убежать. Я знала, что в любой момент она поймёт, что это всё одно большое недоразумение, она меня вышвырнет, и мне придётся попытаться представить другую пони, чтобы закончить самой.

Закончить? Напряжение снова нарастало. О, Богини, нет. Милостивые Селестия и Луна. Меня уже разорвало недавно, проявите милосердие! Похоже, они были заняты. Я взорвалась. Моё тело забило в конвульсиях, я закричала.

— Охты, — Хомэйдж оттянула голову назад, слизывая, ну, меня со своих губ. — А я волновалась, что совсем тут заплесневела. Это я настолько хороша, или ты такая чувствительная? — Я слышала удивление в её голосе.

— Извини. — Мне хотелось выскользнуть из комнаты, прежде чем она начала смеяться над бедной Пип, которая не смогла продержаться и минуты.

Я почувствовала её губы на своей шее.

— Почему ты извиняешься? — Её голос был ласковым. Её грива коснулась меня и, клянусь, я чуть не лопнула снова. — У меня это тоже впервые за долгое время.

— У меня это впервые в жизни. — Вот дерьмо, я этого не говорила! Я закрыла рот обоими копытами, пытаюсь засунуть слова обратно.

Я приготовилась к грубым насмешкам. Вместо этого я почувствовала зубы своим ухом.

— Твой первый раз, да ещё такой? — Она жалобно вздохнула? — Не могу сказать, что не завидую.

— Ну, это, похоже, не первый, я много времени провела в одиночестве и... — На этот раз мне пришлось засунуть копыто в рот. Милостивая разъеби-небо Селестия, было ли что-либо ещё, что я могла сказать, поставив себя в неловкое положение? завопил возмущённый голос в моей голове. Может, я хочу рассказать ей, как я маленькой кобылкой писалась в кровать?

— Я имела в виду, с другой пони. — Она посасывала кончик моего уха. Так получилось, что это было приятнее, чем что-либо ещё, кроме того, что она делала копытами у меня между ног. — Ещё кое что. Ты ведь ещё не закончила, верно?

О Богини, она шутит? Только звука её голоса и этого ощущения на ухе было достаточно, чтобы... Ох, опять. Очередная волна экстаза пронеслась по всему телу. Она вплотную придвинулась ко мне и, кажется, усмирила мой пыл и прикусила ухо. Сильно.

— Ну, ответ очевиден, — сказала она, когда моё тело успокоилось. Я почувствовала, как телекинетическое поле захватывает меня и переворачивает на спину. — Это хорошо, потому что я хочу сделать ещё много всего. — Я никогда раньше не видела никого, смотрящего на меня так. Я моргнула, и она исчезла меж моих ног. Её губы были так же искусны, как и язык, но помощь зубов сделала их намного...

— У меня вопрос, — сказала она сразу после того, как её губы нарушили всю мыслительную деятельность в моей голове.

— С-сейчас? — умудрилась пискнуть я.

Глядя на меня, она прислонилась подбородком прямо к моей всё больше увлажняющейся промежности.

— Лучшего момента не может быть. Я хочу узнать о тебе больше. Вполне понятно, учитывая ситуацию. Я права?

Я изо всех сил пыталась вспомнить какие-нибудь слова, сложнее, чем "что", когда она куснула внутреннюю часть бедра.

— Спрашивай!

— Эта Вельвет ещё та красotka.

Блядь, да ты, наверное, шутишь.

— Я слышала, ты ушла из Стойла, чтобы найти её. Так в этом что-то есть? — И она уткнулась в меня кончиком носа.

— Это... Ах! ОЧЕНЬ сложно сосредоточиться, когда ты такое вытворяешь!

— Хочешь, чтобы я прекратила? — Её рот был прямо надо мной, её дыхание проникало в меня. — Тебе нужно обдумать, как ответить на вопрос? — Она приоткрыла рот и слегка поводила своим чудесным, восхитительным язычком по моей щёлке.

— Это просто немного как пытка, — выпалила я, перед тем как укусить своё запястье, чтобы не закричать.

Она наконец села, дав мне передохнуть. Потом подняла кончик своего переднего копыта.

— Позволь мне вернуться к разговору. Независимо от того, что ты скажешь, мы всё равно это делаем. — Чтобы придать значимости словам, она надавила сильнее. — Судя по тому, как она практически бросила меня тебе и что ты мне только что сказала, я уверена, что по факту ничего не происходит. Но ты же не станешь обшаривать половину Пустоши из-за любой пони.

— Я была по уши влюблена в неё всю свою жизнь. — Нет смысла что-то скрывать. — Но она была просто образом, голосом на радио. Чем-то, что заполняло мои фантазии. — Я не приводила свои мысли в порядок с момента, как она меня подстрелила, но всё это было правдой, хоть я и говорила это под принуждением. — Я правда не знала её до момента, как встретилась с ней здесь, в Пустоши.

— Да? — Она положила голову мне на живот.

— Фантазия не имела ничего общего с реальностью. — Я вздохнула, я буду скучать по тем фантазиям. Они были моими старыми друзьями. — Она... особенная. Но она не та кобыла, которую я бросилась спасать. Эта кобыла была просто подделкой, голосом на радио. — От этих слов стало больно. Это было похоже на прощание с частичкой себя.

Она долго смотрела на меня. Потом подняла бровь,

— Голосом на радио, да?

— Ох, даже не начинай, — буркнула я. — Я думала, ты жеребец.

Она снова принялась целовать меня.

— Ну теперь-то ты лучше знаешь.

— И к слову о жеребцах, Каламити тоже просто друг! И я познакомилась со СтилХувзом незадолго до тебя! — Мне очень не хотелось думать о ком-либо из них меж оргазмами.

Она взглянула на меня, надувшись.

— О, сладкая, я знаю, что ты интересуешься только кобылами. Всё, что я о тебе узнала, касается того, как ты внимательно изучаешь то одну, то другую кобылку.

Не успела я смутиться, как её язык исполнил ещё одну дьявольскую волну внутри меня. Вскрикнув, я коротко подумала, если я кончу два раза подряд, будет ли это считаться за один раз.

— Мне нравится играть с тобой.

Я заметила.

— Ещё вопрос, и я оставлю тебя в покое.

— Ладно, — сумела сказать я, после того как вспомнила свое имя.

Она приподнялась, облокотившись на мою грудь и подперев копытами подбородок.

— Что же такого кобыла вроде тебя видит в кобыле вроде меня?

Она, конечно же, собиралась позволить мне подумать над этим.

— Если ты устала и хочешь поесть, не стесняйся. — Она левитировала чашу с фруктами на прикроватный столик.

Я поняла, насколько же я изголодалась, взяла из чаши яблоко и жадно съела его. Облизав губы, я посмотрела на неё, терпеливо лежащую у меня на груди в ожидании. Я закатила глаза на несколько секунд, как бы раздумывая.

— Ответ "Я была сильно-сильно возбуждена" подойдёт?

Она рассмеялась, и это был чудесный звук.

— Что, никому из хорошеньких кобыл-рейдеров ты не приглянулась?

— Ну, было больше чем достаточно тех, кто хотел бы в меня проникнуть, но я берегла себя для девушки, которая бы сначала угостила меня обедом. — Я жевала второе яблоко, чтобы подчеркнуть сказанное. — На самом деле, я всегда, по-настоящему уважала диджея Пон3. Кто-нибудь из всех тех пони посвящал себя посильной помощи каждой пони? Это было постоянным напоминанием о том, что не все пони стали Рейдерами в Пустоши.

Хомэйдж поцеловала мою грудь и улыбнулась,

— Я бы сказала, что для этого тебе нужно только посмотреть в зеркало.

Оказалось, я всё ещё могла краснеть.

— Да, но ты помогала без... — Я остановилась, внезапно всплыло воспоминание; я чувствовала кровь на роге и видела кобылу, лежащую на земле и шепчущую, что она не хочет умирать. Я проглотила кусочек яблока. — Ты никого не убиваешь. Ты просто помогаешь. Это много для меня значит. — Я видела понимание в её лице. Я быстро продолжила, до того как она могла бы спросить, хочу ли я поговорить об этом. Я не хотела. — Конечно, когда я узнала, что на самом деле ты прекрасная кобыла с шикарным крупом, я просто голову потеряла. А кто бы не потерял?

Я почувствовала, как она соскользнула с меня, и откусила здоровенный кусок от третьего яблока. Тогда же я почувствовала, как её губы обхватили мой клитор. Прошло около минуты, когда я поняла, что не могу дышать, и не в смысле "божемойбожемойбожемой", а в смысле "огромный кусок яблока застрял у меня в глотке". После того как я начала кашлять и плевать, она заметила, что я подавилась. Вряд ли она хотела стать известна как "кобыла, которая убила Обитательницу Стойла оральным сексом" и бросилась помогать мне откашлять этот смертельный кусочек.

— Предупреждай, прежде чем делаешь, — хрипло выкрикнула я, когда кусок яблока-обидчика упал на кровать.

— Прости, — сказала она, поведив носом по моей щеке. — Но ты назвала меня своим героем и сказала, что у меня симпатичная задница. Я не могла устоять. — Она левитировала морковь из чаши, стоящей рядом, себе в рот, но вместо того, чтобы съесть, предложила мне. Я наклонилась вперёд и укусила её, думая, что она её отпустит, но вместо этого она крепко держала морковь и игриво на меня смотрела. Она терпеливо ждала, пока я дожую морковь и доберусь до её губ, и только тогда она проглотила то, что было у неё во рту, и, я уверена, она это сделала только чтобы освободить язык.

После нескольких минут этого я откинулась на кровать и, довольно вздохнув, похлопала себя по животу.

— Блин, это то, что надо. Гораздо вкуснее, чем стойловская еда.

Она подползла ко мне, уткнувшись лицом мне в шею.

— Ты скучаешь по нему? Я имею в виду, по Стойлу.

Вопрос меня удивил. Не столько сам вопрос, это было вполне естественный вопрос, но потому что ответ был:

— Нет.

— Правда? — Она казалась шокированной.

— Ну, то есть, я скучаю по тому, что меня никто не расстреливает всё время, — добавила я быстро. — А ещё я скучаю по уютенькому месту, где можно полноценно спать. Но там я никогда не чувствовала себя живой. Это было всё равно, что мы только и ждали своей смерти. Я не думаю, что пони действительно должны были быть заперты там на всю жизнь. — Она промычала в знак понимания и стала вести вниз копытом по мне. Я поцеловала её в макушку, вдыхая аромат её гривы. — К тому же, с тех пор, как я вышла оттуда, я встретила несколько действительно замечательных пони. Знаешь, — с каждым словом моя улыбка становилась шире, — похоже, что этот фрукт открыл во мне второе дыхание. На чём мы там остановились?

Она слезла с меня, подтянула ноги под себя и уселась на корточки. Она смотрела на меня как на жеребёнка, сделавшего что-то бестактное в обществе.

— Эм, Пип, только что я лицеизрела, как ты получила пять оргазмов, и я не знаю, чему вас там учили в Стойлах, — она откинулась на спину и раздвинула ноги, — но когда ты в спальне, надо делиться.

Часть меня была смущена от того, что я ничего для неё ещё не сделала этой ночью, но это была не та часть моей сущности, что смотрела на её промежность, застыв в параличе. Вне рамок уроков о здоровье я ещё не видела другую кобылку вот так. Это было потрясающе. Это было захватывающе. От этого я испытала ещё один оргазм. Да ради любви Богинь! Она же даже не прикоснулась ко мне!

Она просто смотрела, как я дрожу и ловлю ртом воздух целую минуту.

— А ты не шутила насчет "крайне возбуждённого состояния", не так ли?

— Несколько дней назад я поймала себя на том, что засматривалась на одноглазую грифину, — сказала я, переведя дыхание.

— Ну, по крайней мере я поняла, что твой разум открыт, — усмехнулась она. Она лежала и смотрела на меня. — Эй, Пип, ну ты, это, собираешься кое-чем заняться?

Ох. Точно. Я перевернулась на живот, улёгшись так, чтобы глаза были на уровне её колен. Я думала о всех тех штуках, что она проделала своим языком и губами. Я покрутила языком у себя во рту. Но он показался каким-то вялым и неуклюжим.

— Эй, эм, у тебя не найдётся, случайно, книги или типа того, где я смогла бы вычитать пару советов или... — Она сдвинула ноги. Клянусь, я ещё никогда не была так близка к отчаянию.

Она сделала глубокий вдох и резко выдохнула.

— Все нормально, в следующий раз я полностью тебя обучу. — Она слезла с кровати; мне хотелось плакать. Она начала что-то искать под кроватью. — А пока, так случилось, что у меня есть то, что мы можем делать с успехом для нас обеих. — Она вылезла, левитируя узкую прямоугольную коробку. Она открыла крышку. Содержимое было прикрыто папиросной бумагой. — Я нашла это, когда много путешествовала, довоенное приспособление. Устройство создано, чтобы две пони могли разделить удовольствие. — Её рог засветился, и я увидела, как бумага отодвинулась. Не волнуйся, это было тщательно проверено на предмет безопасности. — Она левитировала предмет из коробки с выражением гордости на лице.

— Это два члена, соединённые вместе, — заметила я уныло.

— Не совсем так, — сказала она с выражением лица, как у Каламити после чистки своих пушек. Она наконец оторвала свой взгляд от этой штуки и взглянула на меня. Я, видимо, не смогла скрыть ужас. — Не волнуйся, он не настоящий. — Она толкнула его, и он закачался в воздухе; меня вдруг затошнило.

— Хомэйдж, — сказала я, пялясь на повисший в воздухе фаллос. — Помнишь, я сказала, что люблю кобыл. Так вот это... эмм... совсем не кобыла.

— Это всего лишь игрушка, Пип, — сказала она спокойно, искоса взглянув на меня. — Ты что, раньше ничего такого не видела? Даже в Стойле? — Я покачала головой. — И что же ты делала, чтобы снять стресс?

— Я очень хорошо изучила свои копыта, — промямлила я.

Хомэйдж открыла рот, как будто хотела ещё что-то добавить, но тут же закрыла его. Она хмыкнула и сказала:

— Да ладно, забудь.

Я чувствовала себя дрянью. Она выглядела такой счастливой, что наконец может воспользоваться игрушкой с другой пони, и она уже так много сделала для... и со мной. Я протянула копыто, чтобы не дать ей положить коробку назад.

— Подожди, ты права. То есть, это всего лишь игрушка и... Я думаю, с тобой у меня получится. — Я поняла это, когда уже сказала. Мы не так долго знаем друг друга, но она уже значит для меня очень много, и я хотела сделать её счастливой.

Она мягко улыбнулась и поцеловала мой нос.

— И так я обвела тебя вокруг копыта. — Она хихикнула и взялась рыться в ящике прикроватной тумбочки. — Я думаю, это моё новое достижение в отношениях. Ты испытываешь оргазм практически по команде, и будь я проклята, если твоё лицо в этот момент не самое милое, какое только может быть. Теперь мне осталось только научить тебя, как отплатить тем же, и ты будешь идеальна.

Я знала, что с этого момента она всегда будет хозяйкой. Я официально стала пассивом в отношениях, и я не очень была уверена, что я... Стоп, отношения? Это были отношения. Я, Литлпип, сокращённо от Пипсквик, вступила в отношения перед лицом Богинь. Я улыбалась, как будто это был мой день рожденья и Хомэйдж только что выпрыгнула из торта. У нас отношения. Ей можно было совать в меня всё, что захочет, потому что у нас отношения!

Когда я вернулась с небес на землю, я заметила, что она напряжённо на меня смотрит, и всё это время она, оказывается, говорила со мной.

— Я сказала, что нам придётся это использовать. — Она левитировала девайс ко мне. — Будет холодно, и, так как ты ничем таким раньше не пользовалась, будет немного больно.

Пшш. Я была застрелена, зарезана, унижена и почти поджарена драконом. Я была готова ко всему. Я перекадилась на живот и приподняла бедра. Я посмотрела назад и подмигнула ей. Она только покачала головой и намазала чем-то похожим на желе один из... концов.

Она подошла ко мне сзади и положила копыта на оба мои бедра и зафиксировала моё положение. "Игрушку" она заставила повиснуть между нами в воздухе.

Я осела.

— Ты хорошая пони, Литлпип. Честная, чертовски добрая героиня. Я хотела бы знать тебя, держать тебя, любить тебя, прежде чем ты зайдёшь слишком далеко.

Что-то сломалось внутри меня. Нет. Не что-то. Моё сердце. Моё сердце треснуло. Я искала, сражалась, чуть не погибла во имя того, во что я верила, что считала правильным. Я нашла кого-то, кто делал то же самое, и она только что сказала мне, что на самом деле в конечном итоге ничего из этого не имеет значения.

Я видела Пустошь, но не как какое-то место, но как гигантского зверя с когтями-бритвами, который пожирает пони десятками. Я видела себя, доблестно атакующую этого монстра и разбитую им даже не глядя. Я видела свою линию вместе с каждым из атакующих его и, даже не замедляя пиршество монстра, умирающих.

Я видела пылающую новую Эплузу, городские пони все мертвы или их уводят в цепях вместе со всеми рабами, ради свободы которых я так тяжело боролась. Я видела Когтей, со смехом бросающих жеребят Монтерея Джека вниз с неба. Я видела Гауду с её маленькой армией, атакующую конвой снабжения и не оставляющую никого в живых.

Я видела себя, идущую к Сильвер Белл, настолько сломленной, как она никогда не была, стоящей напротив могил своей семьи. Она подбежала ко мне и прижалась к моей груди, плача и прося, чтобы я сказала ей, что всё будет хорошо. Я видела, как я взвожу Малый Макинтош и прижимаю к её голове. Я говорю ей, что всё будет хорошо, и нажимаю на спуск.

Я хотела кричать, но я знала, что меня бы просто стошнило, открой я рот. Я чувствовала, что мои передние ноги не могут держать меня больше.

Мне нужно что-то. Хоть что-нибудь, во что я могла бы верить. Я пыталась думать о Селестии и Луне, но они были лишь тенями сейчас для меня.

Я думала о Сильвер Белл снова, но я думала о том, что на самом деле произошло. Я видела, как Вельвет привела её к Дитзи Ду. Дитзи Ду. Мои мысли остановились на ней.

Я попыталась представить себе Дитзи до войны. Я не могла точно представить, какого цвета была её шкурка, но по редким волосам, что сохранились, я знала, что её грива была соломенного цвета. На мой взгляд, она была красива тогда. Должна была быть. Она пролетала мимо, и все пони улыбались ей. Представленным мною, неясным, словно затухающее эхо, голосом, она извинилась за отсутствие какой-либо почты для них сегодня.

Дитзи повернулась и посмотрела на Клаудсдейл с расстояния. Он взорвался. Я видела, как огонь настиг её. Видела, как она горела. Она пыталась броситься на защиту ближайших пони, но их не стало. Я видела, как она упала на землю уже тем, чем она является теперь. Я видела, как она очнулась в новообразованной Пустоши. Она шла, шокированно глядя на останки её мира.

Тут она услышала шум. Плач жеребёнка. Она помчалась на звук. Жеребёнку было слишком больно ходить, но он закричал и пытался бежать, когда увидел её. Дитзи ободряюще улыбнулась, отчего крик стал только хуже. Затем она закатила глаза независимо друг от друга, и жеребёнок перестал плакать от удивления. Дитзи усадила жеребёнка к себе на спину и пошла дальше.

На пути встретилось ещё больше плачущих, и все из них — жеребята. Она остановилась, чтобы собрать их всех до единого. Наконец, она добралась до кучки хижин. Тамошние пони застрелили Дитзи на месте. Жеребята собрались вокруг неё и кричали, что она помогла им, что она хорошая пони. Пони залатали её раны и взяли жеребят себе. Дитзи слышит отдалённые крики и уходит в их направлении.

Я вижу её гораздо позже. Копыта работорговца находятся на её шее, на противоположной стороне комнаты другой работорговец навис над молодой кобылкой. Дитзи кричит:

— Не причиняйте ей боль, она же всего лишь жеребёнок! Пожалуйста, я всё сделаю, только не делайте ей больно! Вы же не хотите делать это!

Работорговец над кобылкой кричит тому, что прижал шею Дитзи:

— Заткни эту зомби-суку! Она мне стояк убивает!

Стоящий на шее Дитзи единорог хватает с соседнего столика нож.

— О, я заставлю её замолчать.

Я вижу Дитзи на полу, кровь вытекает из её рта. Два работорговца стоят в другом конце комнаты, смеясь, спиной к ней. Она поднимается на ноги, две из которых сломаны, берёт кусок трубы в рот...

Я вижу её с кобылкой, что она спасла, в Новой Эплузе. Та помогает Дитзи писать. Я вижу, как Дитзи начинает писать книгу, она назвала её "Копытоводство по выживанию в Пустоши".

Я вижу, как Дитзи доставляет посылку мимо Понивилля и слышит крики кобылки.

Я вижу её сейчас, как увидела тогда, целую жизнь назад. Она избита, она в клетке, она уверена, что умрёт, как только её похитители решат, как. Она обняла жеребёнка, пытаясь помочь ему перестать плакать. Я освободила её, я думала, что она монстр. Я вижу её снова, безоружную, она вот-вот будет убита, потому что другая кобылка страдала.

Я вернулась в настоящее и никак не могла перестать плакать. Я рыдала, всё моё тело болело. Хомэйдж коснулась моей спины, и я мгновенно встала. Я с силой шмыгнула носом, и когда наконец могла говорить, я проревела так громко, как только могла:

— Это неправда!

Меня ещё трясло, но я не собиралась останавливаться:

— Я тоже видела охуенно жуткие вещи! Я видела такое уродство, что мне было интересно, а не наказала ли нас эта ебучая война всего лишь наполовину и мы заслужили худшего, раз внутри нас такое дерьмо. Но это не так! — Я вытерла глаза, чтобы видеть. — Но я встретила и хорошее; я видела город, который вёл дела с работорговцами, чтобы выжить, чтобы спасти жизни пони, которых они косвенно помогали поработать. Я видела банду рэйдеров, которые переделывают тюрьму в торговый пост, целый новый город. — Моё горло сжалось, но я не могла теперь остановиться. — Я встретила пони, которая видела, как весь её долбаный мир гибнет; она испытала на своей шкуре все ёбанные несчастья, какие мы только можем представить, и единственное, чем она занимается — это помощь другим.

Я топнула.

— И я не буду слушать тебя или кого-либо ещё, кто говорит, что доброта это болезнь. ДОБРОТА, БЛЯДЬ, НЕ БОЛЕЗНЬ! — проорала я во всю глотку. — Я видела многое, и в глубине души я чувствую: надежда ещё не потеряна. Мы можем быть хорошими. Мы хотим быть хорошими! Просто в этом настолько разрушенном мире тьме было позволено господствовать так долго, что все убедились, что так оно и должно быть. Пони просто нужно показать, что им не придётся всё время бояться, и они снова будут бороться со злом, и однажды жеребята будут смеяться над мыслью, что когда-то в тени прятались монстры.

Я стояла на своём месте и смотрела на Хомэйдж; она была в ступоре.

— Ты говоришь, что либо меня убьют, либо я сдамся. Что ж, тогда им придётся убить меня нахуй, потому что их мир — ложь и я не сдамся. Никогда! — Я тяжело дышала, и слезы на моём лице высохли. Хомэйдж уставилась на меня, как будто видела меня впервые в

жизни.

Не знаю, что я от неё ожидала, но явно не то, что она поцелует меня и потащит обратно в кровать. Всё, что она сказала: "Я верю тебе".

Я моргнула.

— Повтори-ка.

— Планирую, когда ты заберёшься сюда, — сказала она, коротко улыбнувшись. Я лишь смотрела на неё. — Я верю тебе. Я ошибалась. Я думала, что уже видела героев. Я думала, что уже всё повидала. — Слезы стекали по её лицу, но она их игнорировала. — Но я никогда не видела тебя. Я верю тебе, Литлпип. Я верю в тебя. Всё может измениться, и когда это произойдёт, это произойдёт только лишь потому, что ты напомнила нам, что темнота проходит и что это наша природа — быть хорошими.

Похоже, я ещё не выплакала все слёзы.

— А теперь тащи сюда свою милую задницу, и я буду тебя учить, как и обещала.

Я забралась на кровать вместе с ней. С её ртом на мне и с моим на ней, она начала учить меня. Она двигалась медленно, чтобы я особо не заводилась. После строгих испытаний оказалось, что я... ну... довольно сносна.

Хомэйдж спала рядом со мной. Я знала, что могла бы давно к ней присоединиться, но я просто лежала и ела последнее яблоко из миски, наблюдая, как она спит.

Я чувствовала, что что-то, о чём я слышала только в рассказах да слухах, жжёт у меня в груди. Любовь, так они называли это. Я любила её. Она показала мне, что даже пони, которая думала, что видела всё, всё ещё может иметь надежду. А когда есть любовь и надежда, у зла не будет ни единого шанса. Надо бы не забыть покрепче обнять Дитзи за то, что напомнила мне об этом.

Я посмеялась над своими глупыми мыслями. "Богини, я та ещё лесбиянка!"

Бонусная способность: Путь фруктов — Вы понимаете путь фруктов. Вы получаете странные и удивительные преимущества, попробовав... фруктового нектара. Например, получаете временный бонус +1 к силе. И то же самое, когда кто-то пробует ваш... нектар.

<<<

Глава 21. Сердце Твайлайт Спаркл

«Доводилось ли тебе любоваться восходом луны над Пустошью? Хотел бы я подарить тебе что-то столь же великолепное.»

<<< ^^ >>>

Дракон!

Реально большой, гигантский, чудовищный пурпурный дракон с зелёным гребнем, когтями и шипами, и очень, очень острыми зубами, и огромным ртом, который только что пообещал не есть нас.

Ну, это было началом.

Я могла слышать голос моих товарищей, но не могла повернуть голову. Мой взгляд был прикован к дракону, который смотрел на нас. Я не могла пошевелиться. Я едва дышала.

— Каламити, — быстро прошептала Вельвет Ремеди. — Не смей стрелять в это!

— И не собирался, — прошипел Каламити сзади. — Ты ж этого не допустишь.

Паерлайт вскрикнула и устремила прочь, хлопая крыльями со звуком треска камина.

— Интересно, — задумчиво пророкотал в глубине своей брони СтилХувз.

— Я б сказал, эт не просто интересно, эт то ещё зрелище!

— Он сказал, что он Спайк, — произнёс СтилХувз с любопытством. — Он не назвался Наблюдателем.

Взгляд дракона остановился на мне. Он поднял вверх очень острый коготь, длинной с моё тело, от рога до крупа.

Обращаясь ко мне, Спайк-совершенно-взрослый-дракон спросил:

— Они ведь знают, что я их слышу, верно?

— Литлпип, Вельвет Ремеди, Каламити... прошу, не бойтесь. — Спайк улыбнулся, обнажив острые зубы. Драконы не должны так улыбаться, когда не пытаются никого запугать. — Добро пожаловать в мой дом. Но только одно условие.

Наблюдатель ставил условия, что не могло меня не раздражать, но это был его дом. И Наблюдатель был драконом. Драконы всегда получают то, чего хотят.

Я ожидала условий типа: *не смей украсть, ни шага в сторону и не прикасайся к моим сокровищам*. Но я не ожидала от дракона, нацелившего свой смертоносный коготь на СтилХувза, фразы:

— *Этот остаётся снаружи.*

У Наблюдателя были проблемы с гуляями? Это реально раздражало меня. Может быть, не так сильно, как после встречи с Дитзи Ду и до случая с Роттингтэйлом, но это по прежнему беспокоило меня.

— Он с нами, — настаивала я, топнув копытом.

— Я дышу огнём, — возразил Спайк, выигрывая спор.

Я обернулась к СтилХувзу.

— Ты согласен с этим?

После всего путешествия сюда часть меня была готова повернуться спиной к Наблюдателю и уйти, если СтилХувз скажет нет.

— Всё в порядке, — ответил СтилХувз. С моих плеч словно груз упал. — Кроме того, я буду не один. — Заключённым в броню хвостом СтилХувз стукнул Небесного Бандита. Паерлайт, уютно устроившаяся внутри, украдкой посмотрела через одно из окон. Очевидно, что полёт внутрь дома самого большого хищника Эквестрии был слишком большой просьбой для нашего нового спутника.

Я кивнула СтилХувзу и повернулась к дракону.

— Хорошо.

Вельвет Ремеди была более вежливой и дипломатичной, учтиво поклонившись Спайку.

— Спасибо, могучий Спайк, что позволили войти в... ваш дом! — она сделала едва заметную паузу, прежде чем решила назвать пещеру так же, как и её обитатель...

Драконы краснеют? Спайк, кажется, да. Он оглянулся на темноту позади него.

— Ну, в действительности это больше пещера. Но я обустроил её достаточно для того, чтобы тут можно было чувствовать себя как дома.

— Я уверена, вы блестяще с этим справились, — польстила ему Вельвет Ремеди.

Спайк повернулся — мы нырнули под его повернувшийся следом хвост — и повел нас в пещеру. Пони в моей голове настойчиво топала, желая знать, почему я была обязана оставить друга снаружи.

Дракон? Наблюдатель был... драконом?

Страх и боязнь быть съеденной испарились, и я с удивлением обнаружила, что на смену им пришёл гнев.

— Это восхитительно! — объявила Вельвет Ремеди. — Я не знала, что пещера дракона может быть такой... уютной. — Она обернулась, задержавшись взглядом на горах драгоценных камней, окружающих тонущую в полу огромную круглую кровать. — Тут так много книг. Вы, наверное, коллекционер. — Стены были увешаны книжными полками, многие из них были уставлены множеством книг. Пещера тянулась дальше, теряясь во тьме трещины в дальней стене.

— Они принадлежат Твайлайт, — по привычке ответил Спайк. Затем поправил себя, произнеся с оттенком грусти. — Принадлежали Твайлайт.

— Твайлайт Спаркл? — спросила я, ища подтверждение своим подозрениям.

Я была уверена в ответе ещё до того, как дракон кивнул. Я думала об аудио сообщении, которое Хомэйдж проигрывала для меня, то, которое Рэрити оставила для Твайлайт Спаркл. Когда у Твайлайт закончилось свободное место для книг, она не обратилась к Пинки Пай, она стала хранить их здесь.

На пьедестале рядом с кроватью был установлен одинокий терминал, лишь слегка лучше тех, что усеивали пустоши; из задней панели устройства в глубину пещеры уходил, извиваясь, кабель. А я ожидала увидеть что-то, похожее на используемую Хомэйдж С.Э.Р.М.Т.Н.

Маленькая пони в моей голове топала всё настойчивее. Наконец, чувствуя, что терпеть больше нельзя, я прямо спросила:

— Почему я должна была сказать СтилХувзу оставаться снаружи?

— Эм... это сделала не ты. Это я сделал, — сказал Спайк, как будто мне нужно было напоминание о порядке прошедших событий. —

День, когда Стальной Рейнджер ступает копытом в мой дом — это день, когда я ем консервы. Зловещий рык ясно давал понять, какие "консервы" он имел в виду.

Ясно, у Спайка не было проблем с гуляями. У него были проблемы со Стальными Рейнджерами. Или с самим Министерством Технологий? Для того, кто проводил свои дни, перемещаясь между спрайт-ботами, это была неожиданная позиция.

Вельвет Ремеди всё ещё озиралась кругом, выражая своё восхищение, дракон, в свою очередь, наслаждался этим. Я подозревала, что прошло уже очень много времени с тех пор, когда его в последний раз хвалили, даже просто за то, как он хорошо следил за книгами. Предоставьте это Вельвет Ремеди, той, кто знает, что сказать.

Тем более, что я была настроена менее дипломатично. Я прикусила губу, я буквально кипела, сама не зная почему. Я задалась вопросом, было ли моё эмоциональное состояние запоздалой реакцией на вывод Праздничных Минталок из организма? Или я просто устала сильнее, чем предполагала? Я провела последние четыре недели, начиная с ухода из Стойла 2, будучи физически и психически истощённой.

Но Хомэйдж провела для меня удивительный (и мульти-оргазмный) сеанс восстановления. У меня должно было быть намного больше самоконтроля, чем когда-либо. Я отвернулась от Спайка и стала разглядывать его огромную постель. Она выглядела уютной. Плюш с подушками и одеялами — я бы даже сказала, что она выглядела божественно. Я густо покраснела и задрожала от кое-чего, никак не связанного с холодом, когда мой мозг вызвал воображаемые картины того, что я делала бы с Хомэйдж (и для Хомэйдж) на подобной постели. Я отвернулась, негромко кашлянув.

Спайк воспринял покашливание, как призыв к вниманию.

— Ох, точно. Чёрный Опал. — Он протянул свою фиолетовую лапу, на которой я могла свободно гарцевать. — Не была бы ты столь любезна?

"Пони-курьер к вашим услугам," — с горечью подумала я, переместив Чёрный Опал в его ладонь.

— Почему ты так сильно жаждешь получить эту вещь? — спросила я. Он был драконом. У него не было возможности, в отличие от земных пони, смотреть чужую память. И я не сомневалась, что никто и никогда не сделает реколлектор его размеров.

— Потому что, — его ответ был прост, — это был последний раз, когда самые великие пони Эквестрии и мои самые близкие друзья были вместе. — С печалью и ностальгией он добавил: — Все мы. В одном месте, в одно время. И счастливы.

Твайлайт Спаркл. Рэрити. Пинки Пай. Эпплджек. Рэйнбоу Дэш. Флаттершай.

Они были, со слов Спайка, величайшими героинями Эквестрии. Кобылы, которые воплощали шесть самых ценных добродетелей всех пони. Кобылы, дружба которых была способна изменить мир.

— Почему всё пошло не так?

Вельвет Ремеди была той, кто задал вопрос, но я думаю, что мы все должны были об этом знать. Спайк не спешил с ответом, и большая часть того, что он рассказал нам, было тем, что я предполагала.

— Эти пони, мои любимые друзья, были не без своих проблем. У них были свои недостатки, когда они были молоды. Но их добродетели позволяли им противостоять трудностям, и дружба давала им силу, которой не могло быть у одиночки. — Спайк улыбнулся, тоскуя о прошлом. Но потом его улыбка исчезла. — Даже у величайших пони есть свои недостатки. И под давлением обстоятельств они могут дать слабину. Они могут забыть тебя.

— Со своими Министерствами они больше не могли быть вместе. Они постоянно находились под давлением... — Спайк остановился. И затем яростно произнёс: — Нельзя во всём, что пошло не так, винить их! Даже в малой степени!

Мы кивнули, внимательно слушая.

— Сначала была война. Эквестрия была в состоянии войны уже более десяти лет, прежде чем Луна создала Министерства. Война меняет всё! — пылко проинформировал нас Спайк. — До этого Эквестрия жила в мире тысячу лет. Мы не знали войны. Мы не понимали её. Наверное, случись у нас такое в прошлом, мы бы не совершили всех этих ошибок, всех сразу.

Дракон ударил хвостом, заставив драгоценности, книги и пони подпрыгнуть.

— И затем, непосредственно, появились Министерства. Само воплощение хороших идей и благородных намерений пошло на перекосяк. И не по вине кобыл, которые "управляли" ими.

Вельвет Ремеди уловила странную интонацию в словах Спайка, чего нельзя было сказать обо мне.

— Что ты имеешь в виду? Главы Министерств фактически не управляли своими Министерствами?

— Ну, да. И нет. — Спайк сжал переносицу двумя когтями, поморщившись. — Как бы это сказать?

Мы ждали, пока дракон соберётся с мыслями.

— Из шести только двое пытались управлять своими Министерствами. Это были Твайлайт Спаркл и Рэрити. Остальные только предлагали идеи и надеялись на лучшее. — Спайк перебирал слова, прежде чем найти аналогии, которые он считал подходящими. (Я нашла это несколько странным вариантом).

— Представьте себе Министерства как портних. У них есть собственные идеи, как пошить хорошее платье, но они учитывают мнение каждого клиента — как и мои друзья, назначенные Главами Министерств — даже если у этих клиентов нет представления о пошиве платьев. Независимо от того, насколько хороши могут быть предложены идеи и блестящие навыки портних, в итоге может получиться кошмарная безвкусица.

— Агась, — вмешался Каламити. — Особенно, если там цел комиссия портних, каждая со своим чувством прекрасного. — Спайк кивнул.

— Демократия, как правило, способна привести к беспорядку всё, — проговорил Каламити с горечью. — Они могут действовать как один, ток когда чувствуют ся под угрозой.

Я смотрела на своего покрытого рыжей щёрсткой спутника и задавалась вопросом, откуда такие слова? Ох... конечно. Внезапно я почувствовала себя очень счастливой, потому что не шибко много знала о политике пегасов.

— Хм, не смекаю, — пробормотал Каламити. — Почему ты прячешься? У дракона не так много причин для того, чтоб прятаться. — Он задумчиво склонил голову набок. — Ну то есть, кроме сбрендившей Большой Медведицы.

И в это мгновение я поняла, почему была в бешенстве. Его слова были словно гром посреди ясного неба, выпуская мой гнев наружу. Моя реакция была естественной: меня прорвало.

— Всё это время ты был драконом! **ДРАКОНОМ!** Всё! Это! Время!

Спайк поражённо смотрел на меня.

— Э, Литлпип, — предупредил Каламити, — Пожалуйста, не расстраивай действительно большого дракона.

Я топала и буквально кипела.

— Ты понимаешь, сколько хорошего мог бы сделать? Как много жизней мог бы спасти? — в ярости я пошла на дракона. Если бы я не была ослеплена гневом, я бы закрыла лицо копытом от нелепости моих действий. Спайк отступил назад, делая ситуацию ещё нелепее.

— Не говори, что тебе безразлично, — я брюзжала слюной. — Тебя это ещё как волнует! Ты лишь наблюдаешь. Почему ты ничего не предпринимаешь? Эквестрийская Пустошь нуждается в таких, как ты!

Спайк казался сконфуженным, но настаивал:

— У меня есть причины.

— Причины?! — я напирала, — Боишься когти кровью замарать? Бля, да Понивилльские Рейдеры твою чешую даже поцарапать не смогли бы! Но нет, лучше послать маленькую кобылку, только из Стойла, практически без боевого опыта в дыру, кишашую рейдерами, где её, скорее всего, прикончат, нежели она спасёт хоть кого-то.

Я фыркала и пыхтела. Мои грива и хвост встопорщились. Часть меня очень хотела напасть на Наблюдателя. Ну, возможно, с помощью телекинеза своим рогом я могла бы ему заехать по морде так, чтобы он прочувствовал.

— Литлпип...

— *Что же это за причины? Что может быть настолько важным!?*

Я кричала на дракона. Всё это время я подвергала свою жизнь опасности и помогала другим, следуя наводкам того, кто был почти неуязвимым драконом, не обеспокоившимся выйти из дому.

— Что, тебе нужно было полировать свои камешки? Пересчитать их? Или нужно было немного вздремнуть?

Спайк вздрогнул. Это было всё равно, что бросить масло в огонь. Я открыла рот и выпустила поток нецензурщины — не думала, что я столько её знаю.

— **Довольно!** — прогремел Спайк, наконец-то звуча как настоящий дракон. Я сжалась, вспомнив, что была маленькой и, наверное, вкусной. Одно слово заставило меня замолчать.

Дракон отвернулся от меня и посмотрел на моих друзей.

— Вы доверяете Литлпип?

— Агась! — без колебаний сказал Каламити.

— Да, я доверяю, — согласилась Вельвет Ремеди. Я почувствовала боль, осознавая, что могла бы колебаться, поменяйся мы местами. Хотя я и простила её, но я всё ещё чувствовала боль от предательства, какими бы благими ни были её намерения.

— Хорошо. Тогда я расскажу Литлпип о своих причинах. Но только ей. И только тогда, когда она даст обещание никому о них не рассказывать. Даже вам.

— Почему? — вежливо спросила Вельвет Ремеди. — Я на её месте ответ потребовала бы.

Спайк нахмурился.

— Ты видела шары памяти. Ты знаешь о пони, которые могут извлекать чужие воспоминания, используя их магию. Так называемая Богиня, командующая аликорнами, телепат. И, следовательно, они тоже.

Я была поражена новым видением аликорнов как терминалов связи с мэйнфреймом. Отправление и получение сообщений. Вот, почему они знали, как погиб кто-то — Богиня наблюдала за смертью аликорна через его разум и после делилась знанием с другими.

— Чем меньше посвящённых, тем меньше риск, что полученные знания могут быть использованы против... — он сделал паузу, прежде чем продолжить, — меня.

Я нахмурилась. Если причина оставаться Наблюдателем была такой жуткой, Спайк подвергал себя большому риску, просто разговаривая со мной. Мой выход на поверхность не мог быть причиной, достаточной для того, чтобы прервать двести лет тишины.

Или всё-таки был? У меня вновь сложилось впечатление, что дракон был очень сильно одинок в своём добровольном изгнании.

С другой стороны, возможно, Спайк просто был большим мешком конского дерьма.

— Хорошо, — сказала я твёрдо. — Я согласна с этими условиями... но только если это твоя причина действительно стоящая!

Спайк мгновение обдумывал слова, прежде чем принять их. Он обратился к Каламити и Вельвет Ремеди.

— И со слов Литлпип причина будет действительно стоящей для вас двоих, даже если вы о ней никогда не услышите?

— Да, — нахмурившись, произнёс Каламити. — Я доверяю решению Литлпип. Если она скажет, что считает, что у ты стоящий повод не высовывать морды с пещеры, то и я считаю.

Вельвет Ремеди кивнула.

— Конечно.

— Тогда следуй за мной, Литлпип. Мне есть что показать тебе.

Огромный фиолетовый дракон двинулся вглубь пещеры через трещину в стене.

Я посмотрела на Каламити и Вельвет Ремеди, прежде чем двинуться следом за ним, почти переходя на галоп, чтобы не отстать.

— И на что же я смотрю? — спросила я себя во второй раз в своей жизни.

Мы прибыли в центр горы — вскоре я поняла, что мы шли вдоль кабеля, тянувшегося от терминала Спайка — и теперь я стояла в помещении, достаточно большом, чтобы в нём мог свободно перемещаться дракон.

Вдоль стен было установлено полдюжины мэйнфреймов с пульсирующими магической энергией кристаллами. Все они выглядели почти бездействующими, за исключением ближнего, который энергично гудел. В центре помещения, подобно гигантскому сталагмиту из магии и стали, возвышался шпиль колонны супер-мэйнфрейма, по сравнению с которым системы DJ Pop3 выглядели совершенно несерьёзно. Внушительных размеров изолированные провода взвизгивали от мэйнфреймов по стенам и, провисая над залом, крепились к колонне высоко над головой Спайка.

Палата напоминала собой дымоход. Взглянув вверх, я увидела далеко в вышине круг неба, мерцающий звёздами. Супер мэйнфрейм казался огромной волшебной палочкой, нацеленной в небо.

— Мэйнфрейм Крестonosец, — ответил Спайк.

Окончательный техномагический мэйнфрейм. Настолько мощный, что был способен думать. Учиться. Даже содержать в себе отпечаток личности пони. Я вспомнила, что было создано только три таких машины. Один был установлен в Стойле Двадцать Девять. Второй находился в Министерстве Крутости. И последний... этот... расположен здесь.

Платформы, исходящие из основания Крестonosца образовывали шестилучевую звезду, на концах которой были возвышения. На каждом из возвышений располагались подушечки с лежащими на них ювелирными изделиями. Самым близким ко мне была прекрасная диадема. Чуть дальше, я ясно видела, лежало ожерелье.

— Ты... — я посмотрела на Спайка, терзаемая сомнениями. — Это Наблюдатель?

Спайк усмехнулся.

— Нет. Я Наблюдатель. Это Мэйнфрейм Крестоносец. Особенного назначения.

— Что он делает? — моё любопытство утихомирило мой гнев. — Кроме взлома спрайт-ботов и слежки за пони.

Маловероятно, что его использовали с такой... неинтересной целью.

— Прямо сейчас — ничего, — ответил мне Спайк. Я чувствовала, как маленькая пони в моей голове вскрикнула от разочарования.

— Он ждёт.

— Ждёт чего?

— Ждёт кого.

Я туло уставилась на Спайка.

Казалось, Спайк искал в себе силы, чтобы продолжить. Я чувствовала, что его пугало то, что он собирался сказать.

— Это самый великий и важный проект Твайлайт Спаркл. Она вложила своё сердце в него. В конце концов, для неё это было намного важнее, чем всё остальное.

Спайк замолчал, глядя на меня, словно умоляя, чтобы я поняла ценность сказанных им слов. Я кивнула, ожидая продолжения. Я попридержала своё решение относительно его "причин", но уже было ясно, что если они и были не слишком весомыми для меня и других пони, то для него они имели практически жизненно важное значение.

— Она спонсировала постройку Крестоносца, работая с ним всё своё свободное время. Создание мэйнфрейма, который мог явить миру особое заклинание...

Я моргнула и у меня отвисла челюсть.

— Что? Всё это... — я взмахнула копытом. — Чтобы просто сколдовать заклинание?

Спайк взглянул на меня, и я заткнулась.

— Не просто заклинание. Мегазаклинание. Намного мощнее и сложнее других когда-либо созданных мегазаклинаний. Твайлайт Спаркл была не в состоянии исполнить его — самый сильный в плане магии пони из рождённых за последнюю тысячу лет — и она создала Крестоносца. Даже Селестия и Луна были не способны исполнить Сады Эквестрии.

— Сады Эквестрии?

— Да, — подтвердил Спайк. — Одно единственное заклинание, питаемое Элементами Гармонии, вычисленное и реализованное дополненной мощью Мэйнфрейма Крестоносца. Одно единственное заклинание, способное повлиять на всю Эквестрию, очистить её от радиации и порчи, возродить прекрасный рай, изуродованный и отравленный другими мегазаклинаниями.

Ох. Мои. Богини.

Я широко распахнула свои глаза, не веря в это, хотя могла сказать, что это было правдой. Одно заклинание. Одно единственное заклинание, способное исправить... ну, не всё, конечно, но исцелить душу нашей израненной земли.

— Тогда почему... — спросило я медленно, чувствуя нарастающую боль. Прекрасная, возрождённая Эквестрия... — Почему оно не было использовано?

Спайк произнёс с почти бесконечной тоской:

— Потому что пони, которые могли использовать Элементы Гармонии, мертвы.

Я обошла вокруг Крестоносца, попутно рассматривая Элементы Гармонии. Я остановилась около ожерелья с драгоценным камнем, похожим по форме на воздушный шар.

Я пошла на вечеринку в доме у Спайка и принесла его, как ты и просила. Там были все мои друзья, кроме тебя...

— Так значит, Твайлайт Спаркл доверила тебе Элемент Магии?

— Она доверила мне их все, — ответил Спайк. — Я не могу уйти. Если сюда забредут рейдеры, пока меня нет дома... или ещё хуже, отряд Стальных Рейнджеров...

Не было нужды говорить что-либо ещё.

— Я не могу рисковать, подвергая их опасности, — произнёс Спайк. — Я должен оставаться здесь. Нести стражу. Пока не найду нужных пони.

Я присела около Возвышения Смеха, готовая заплакать. Слишком много горестных эмоций, вызванных тем, что я видела и слышала, переполняло меня.

— В течении двухсот лет, — мрачно признался Спайк, — я находил добродетельных пони. Помогал им. Наставлял на путь познания самих себя. В надежде найти шесть правильных пони. Магия. Доброта. Смех. Щедрость. Честность. И... верность.

Моё сердце пропустило удар.

— Всё это время?

Он зашелся болезненным смехом.

— Ты не представляешь, насколько трудно для пони найти пятерых друзей во всеразобращающем ужасе пустоши. — Он опустил взор вниз и взгляделся в меня. — Хотя нет, всё-таки представляешь.

— Обязательно шесть? — спросила я.

— В истории Эквестрии существовала только одна пони, способная обладать более чем одним Элементом. Поверь мне, у меня есть много книг на эту тему. И это была Селестия. Она использовала их, чтобы изгнать свою сестру, превратившуюся в монстра. Это было возможно только с использованием всех Элементов. И Селестия была той, кто мог использовать их все.

— Тогда... Почему она не сделала это? — меня поразила моя мысль. — Если на то пошло, почему она не отправила всех этих проклятых зебр на луну?

— Потому что она тоже мертва, — ответил Спайк прямо. — И даже если бы нет, она больше не могла бы их использовать. Они больше не принадлежали ей.

Я посмотрела на ближайшее возвышение. Диадема, по словам Спайка, являлась Элементом Магии. Это напомнило мне, насколько жалкими магическими способностями я обладала. Не смотря на всё то, что я умела, в моей копилке был только один трюк.

Осознание этого нахлынуло на меня.

— Это... это не мы, верно? — Я обежала взглядом все возвышения и вновь посмотрела на Спайка. — Ни один из нашей группы друзей. Мы не способны возродить Эквестрию. — Я чувствовала, как это терзает моё сердце. — Ты всё ещё ищешь.

Спайк печально кивнул.

— Нет. Не вы. — Он снова фыркнул от смеха. — Но не печалься об этом. Ты удивительная пони, и у тебя удивительные друзья. Я не сомневаюсь, что ты со своей компанией сделаешь много хорошего для Эквестрийской Пустоши. Просто исцелить её — не твоя судьба.

Прекрасная, зелёная, Эквестрия... полная жизни... лишь одно заклинание. И я... не подходила. Я никогда ещё не чувствовала себя такой никчёмной.

— Эй, — заворчал Спайк, читая выражение на моём лице. — Это не твоя вина. Чёрт, представь себе, как трудно найти пони с добродетелью смеха в Эквестрийской Пустоши.

Я подумала о Дитзи Ду и почувствовала искорку надежды. Мы могли быть не теми пони. Но, возможно, я могла помочь Спайку с поиском тех, кто был ему нужен.

— Я думаю, что знаю, кого ты ищешь.

* * *

Я поклялась, что не скажу ни слова о том, что Спайк показал мне. Мне уже почти хотелось, чтобы он и не показывал. Если какой-либо враг узнает, что охраняет Спайк в этой пещере, величайшая надежда Эквестрии будет обречена — никак не меньше. Ноша этой тайны тяжела даже для дракона. А я была очень маленькой пони.

Возвращаясь назад к остальным, я заметила кое-что, что Спайк ненароком заслонил от меня. Высоко на стене был закреплён стеклянный шкаф, и в нём стояло шесть статуэток. Мне они были хорошо знакомы. У меня уже было четыре собственных.

Я не могла их как следует разглядеть, не говоря уже о том, чтобы прочесть надписи, если только не поднять себя при помощи телекинеза, но я чувствовала, что это будет не к месту.

— Что с ними произошло? — спросила я внезапно. Спайк остановился и оглянулся на меня, затем проследил, куда был направлен мой взгляд.

— То есть, я знаю, что случилось с Пинки Пай, но что произошло с остальными?

Челюсти Спайка устремлённо сжались.

— Я не знаю.

— Ты... не знаешь? Но ты же был там, верно?

— **Я. Не. Знаю,** — угрожающе повторил он.

Я отступила назад, тяжело переглатывая и подозревая, что пересекла черту, уничтожив, вероятно, всякую привязанность, начинавшую зарождаться в покое позади нас. Я уставилась в пол.

— А... ну конечно... ты был здесь.

Голос дракона взорвался в ярости, самоосуждении и раскаянии:

— **Я спал!**

И вновь я уставилась на дракона. Огромного, пурпурного, могучего дракона, который как-то умудрился проспать апокалипсис.

— Мне просто нужно было вздремнуть! Я думал, что, если случится что-то важное, кто-нибудь придёт и разбудит меня, — вскричал Спайк, и его голос наполнился отвращением к себе, рядом с которым моё самоуничижение казалось мелким и незначительным. — **Я должен был быть там! Я должен был быть с ней! Она мой самый близкий друг! Она не должна была умирать в одиночестве! Но вместо этого я спал!**

— Я... я сожалею, — сказала я с дрожью в голосе и прикоснулась копытом к его чешуе в ничтожной попытке его успокоить. Он был слишком велик, чтобы его обнять.

Спайк просто стоял, не шевелясь, затерявшись в океане скорби. Он не плакал. Терзаемый болью, он пролил все свои слёзы столетие назад. Поэтому я плакала за него.

Я поняла всё. Эта гора стояла посреди нигде. В днях пути от цивилизации. Даже отзвуки мегазаклинаний, добравшиеся сюда, легко можно было спутать с громом. Свет вспышки, возможно, проник в пещеру... но после первого же удара пегасы закрыли небо.

Когда Спайк отходил ко сну, все его друзья были живы. Эквестрия переживала самые тёмные времена в истории, но была надежда, что они пройдут. Когда он пробудился, Эквестрия исчезла. Его друзья погибли. Облака затмили небо, а земля была изуродована и отравлена.

Я задалась вопросом, смог бы он когда-либо вновь заснуть.

* * *

— Я только хочу, чтобы ты помнила, — сказал мне Спайк, когда мы подходили к главной комнате его "дома", — что Сады Эквестрии были настоящим даром, который оставила нам всем Твайлайт Спаркл.

Его голос стал немного жёстким.

— Я знаю, что путешествуя, суя свой нос в разные места и воспоминания, ты услышишь и узнаешь много разных вещей о моей Твай. Но это... то, что я показал тебе там... это истинное сердце Твайлайт Спаркл.

— Я не забуду, — пообещала я.

— И помни, теперь это и твой секрет. И мой маленький срыв там? Это тоже секрет. Вымолви хоть слово об этом, и я тебя за это съем, — сказал он сурово. Потом ухмыльнулся. — Или за то, что будешь отпускать шутки про взрослого парня, играющего в куклы.

Каламити и Вельвет Ремеди подняли на нас глаза, как только мы вернулись. Судя по выражению лица Вельвет, она заметила, что я плакала.

— Это стоящая причина, — сказала я просто.

Они оба кивнули, явно желая принять это.

Комнату накрыла неловкая тишина.

Каламити беспокойно оглянулся на вход. Где-то там были другие пегасы — целая цивилизация, бывшая когда-то его домом. Для его семьи и друзей он теперь был Дашитом. Изменником. Думал ли он о них? Скучал ли по ним? Или он тревожился о том, что его собственный род делает не с ним самим, но с его друзьями, если они настигнут нас здесь?

Вельвет Ремеди суежилась у своих ящиков — медицинских наборов, которые повидали слишком много, будучи использованные для зашивания ран, причинённых насилием. Певица, страстно желающая стать врачом, пацифистка по натуре, которой претила сама мысль о причинении вреда другому пони, теперь она носила три орудия убийства, одним из которых был боевой дробовик. Она перестала говорить с нами так, будто мы были способны на ужасные вещи, потому что теперь она просто знала, на что мы были способны. Взамен она отступила в воображаемый мир, который был больше похож на минное поле, чем она могла бы подумать.

Спайк...

Я практически ощущала боль, которую каждый скрывал в себе.

— Расскажи нам о них, — сказала я, прерывая тишину. Все повернулись ко мне.

— Твайлайт Спаркл, Рэйнбоу Дэш, Флаттершай и другие. Ты знал их, Спайк. Расскажи нам, какими они были, когда были молоды.

Когда они были счастливы. Расскажи нам о хороших временах, Спайк. Всем здесь нужно послушать об этом. Включая, быть может в

особенности, тебя.

— Погоди, погоди... — ахнула я. — Она заставила их отпустить её своим нытьём?

Каламити смеялся,

— И отдать ей все их драгоценные камни?

Спайк кивнул, на лице дракона сияла огромная улыбка.

— Нужно это запомнить, — сказала Вельвет Ремеди с опасной, шелковистой интонацией в голосе.

— Ну здорово, Спайк — пробормотал Каламити. — Теперь мы обречены.

Я стучала копытом по полу пещеры, аплодируя.

— Расскажи нам ещё!

Это было здорово. Каламити повеселил рассказ о том, как Рэйнбоу Дэш встала на защиту буйволов. Вельвет Ремеди болела за Флаттершай, которая заботилась о больном фениксе. Я же могу заметить, что разговоры о всех них, особенно о Твайлайт Спаркл, доставляют Спайку море удовольствия.

Я открыла седельные сумки, достала каждому из нас по бутылке Спаркл-колы. Одна из них закатилась за аудио рекордер, который я нашла на скале, и потерялась из виду. Часть меня всё же чувствовала себя плохо из-за СтилХувза, который не мог быть сейчас с нами и слушать эти воспоминания. Но я очень хорошо поняла, почему Спайк не хочет, чтобы рыцарь Министерства Технологий рыскал по его логову. Поэтому я старалась запомнить все истории, чтобы потом пересказать ему.

— Окей, вот ещё одна. Эта история про первую Зимнюю Уборку Твайлайт Спаркл.

— А чё такое — эта Зимняя Уборка? — спросил Каламити, открывая Спаркл-Колу, которую я передала ему. Морковный напиток брызнул ему на лицо. Он посмотрел на меня.

— Ох, да ладно, — хмыкнула я. — Я была должна тебе за Министерство Крутости.

Он нахмурился, а затем усмехнулся. Вельвет Ремеди левитировала платок, чтобы вытереть ему лицо.

Спайк весело смотрел на нас, ожидая, пока Каламити вытрется, прежде чем ответить.

— Ну, это когда пони в Понивилле убирают зиму, чтобы весна могла начаться вовремя.

Когда он посмотрел на нас, я увидела, как сильно он расстроился от того, что никто не понимает, о чём он говорит.

Двое из нас были из Стойла, так что никогда даже не видели зимы. Каламити провёл в изгнании достаточно времени, чтобы пережить несколько, но то были дикие зимы, которые наступали сами по себе. Пегасы давно уже не помогали сезонам сменять друг друга.

— Ну, обычно в Эквестрии сезонам помогали сменяться при помощи магии. Но Понивилль был построен земными пони, поэтому у них была традиция убирать зиму по-земному. Без магии.

— Но ведь единороги и пегасы тоже жили там, — удивилась Вельвет. — Почему же они не использовали магию?

Спайк кивнул.

— В первый раз мне это тоже показалось глупым. Первые полдюжины раз, если по-честному. Однако, когда я посетил Филлидельфию, я всё понял.

— Что понял? — спросила я.

— Ну, это гораздо труднее делать для земных пони, — пояснил Спайк. — У них нет магии. У них нету крыльев. В большинстве случаев они работают втрое больше, чтобы сделать вдвое меньшую работу. Но они делают и не жалуются. Вы не найдёте пони более гордых и упорных, чем земные пони.

Мне показалось, что Спайк говорит очень обобщённо, однако я подумала, что это очень подходило к нашему закованному в сталь другу.

— Конечно, земные пони очень изобретательны. Подождите, пока расскажу вам историю про то, как Пинки Пай преследовала Рэйнбоу Дэш на безумной летательной машине! Они всегда ищут способ сделать трудную работу проще. Вот почему земные пони всегда были теми, кто двигал прогресс вперёд. В Эквестрии даже колесо бы не появилось, не будь здесь земных пони.

— В эт я готов поверить, — согласился Каламити. — Ну, в ту часть, про колесо. Но я не поверю в то, что земная пони смогла угнаться за Рэйнбоу Дэш.

Я улыбнулась.

Спайк вернулся к своему рассказу.

— Всё началось с того, что Твайлайт разбудила меня ооочень рано... **и я же сказал, что вам здесь не рады!**

Я обернулась, полагая, что СтилХувз, должно быть, вошёл в пещеру. Может быть, он услышал, о чём мы говорили, и хотел что-нибудь сказать по поводу земных пони. Это точно подошло бы к ярлыку гордости и упрямства.

СтилХувз пятился в пещеру.

Нехорошо.

— Извиняюсь за вторжение, — сказал Стальной Рейнджер, — но у нас прибавилось компании. Жарьте меня, если это необходимо, но, возможно, вы сначала захотите разобраться с ними.

Каламити почти зарычал:

— С ними?

Четыре пегаса, полностью заключённые в ужасающую чёрную броню Анклава Пегасов, влетели в комнату и приземлились перед нами.

Спайк отреагировал немедленно. Дракон с зелёными шипами встал в полный рост, расправив крылья во всю длину и полыхая огнём.

— **ВАМ ЗДЕСЬ НЕ РАДЫ!**

Они проявили твёрдость, хотя двое из них отскочили назад на длину пони.

— Кажется, у вас уже другие гости, — заметил ведущий анклавовский пегас обыденным тоном.

— **Они здесь по моему приглашению. Вы — нет!**

Ведущий пегас поднял передние копыта в примиряющем жесте.

— Мы здесь только чтобы убедиться, что они успешно найдут дорогу под облака, — сказал он благожелательно.

— Я думаю, мы и сами найдём путь. — Каламити принял боевую стойку.

Он толкнул рычаг пониже спускового зажима его боевого седла — рычаг, которого не было до нашего посещения Башни Тенпони; я услышала щелчок от смены типа патронов в боевом седле. Я была уверена, что сейчас зарядились бронебойные.

— Не стреляй в них, — прошипела Вельвет Ремеди в сторону Каламити. — Дай нам по крайней мере попробовать решить дело дипломатически.

— Вы только посмотрите, кто это! — воскликнула одна из анклавовских пегасов, присвистнув. — Да у нас тут Дашит!

— И не просто Дашит, — произнёс один из закованных в чёрное жеребцов. — Это же Дедшот Каламити.

— Конскияблоки! — едва слышно пробормотал наш пегас.

Возглавляющий отряд пегас перевёл взгляд на другого, который опознал моего друга.

— Ты уверен?

— О да. Победитель соревнований за звание Лучшего Юного Стрелка четыре года подряд? Как уж забыть того пони, который побил тебя.

— Гатшот? — прошептал Каламити, широко раскрывая глаза.

Козырёк ведущего пегаса повернулся в сторону Каламити, задерживая на нём свои светящиеся, огненные блики.

— Он самый. В будущем награждён званием офицера за убийство предателя. — Магические камни на антеннах-оружии его боевого седла начали светиться огненно-рыжим цветом, таким же, как блики на его козырьке. — Извини, дракон, но это всё меняет.

Спайк так не думал.

— **Проваливайтесь, пока я вам ещё разрешаю.** — Дракон уже терял терпение.

— Ты, кажется, забываешь, кто здесь командует, дракон, — сказал лидер, не изменяя мягкому тону. — Сейчас мы уйдём в знак доброй воли. Но мы заберём с собой этого преступника. — Он указал копытом на Каламити.

— **Ты, кажется, забываешь, кто хорош на вкус с кетчупом.**

— Эй, слушай... — вновь заговорила кобылица в зловещей чёрной питаемой магией броне, — дракон... сэр. Награда за его голову стоит приличной кучки самоцветов. Намного вкуснее любого пони. Знаете что, отдайте его нам, и награда ваша.

Спайк замолчал и мигнул.

— Самоцветы?

О нет... он не станет. Только не после всего того, что он рассказал нам о друзьях — особенно о его друзьях...

Пегас кивнул.

— Много самоцветов!

— Много самоцветов?

— Ага!

Спайк склонил голову, как будто слушая голос, который мы не могли слышать.

— Вы ворвались в мой дом и пытались подкупить меня самоцветами, прося взамен выдать вам одного из моих гостей... гостя, которого вы заклеили именем пони, которая не только была моим хорошим другом, но и носителем Элемента Верности?

— Э... да? — Анклавовской кобылице, кажется, не нравилось, к чему шёл разговор. Я, в свою очередь, почувствовала облегчение. И даже позволила себе лёгкую улыбку.

Спайк потянулся вперёд одним когтем и обрушил его на спину кобылы, пригвождая её к полу. Он наклонился очень-очень близко к ней и другим когтем поднял её забрало, так что они могли посмотреть друг другу в глаза.

Спайк фыркнул стукотом пламени в её магическую броню через открытое забрало, поджигая анклавовскую кобылицу в её закрытом доспехе. Она кричала и билась на протяжении невыносимо долгой секунды или двух, прежде чем погибнуть. Из щелей в насекомоподобном металлическом панцире заструился дымок.

Я услышала, как Каламити издаёт придушенный вздох, в то время как я сама давилась от запаха. Я подумала, что нескоро смогу есть жареное мясо.

— О Богини... — простонала Вельвет Ремеди.

Спайк снова поднял коготь. Остальные пегасы Анклава улетели в ночь.

— Что ж. Теперь у меня будут неприятности.

— Мы должны остаться. Мы должны помочь.

— Не горю особым желанием стрелять в тех, кто может быть моим родственником. Но нужно сделать всё необходимое и сделать это правильно.

Спайк покачал головой.

— Нет. Будет лучше, если вы покинете это место, прежде чем они вернуться. Как только они увидят, что их добыча исчезла, у них будет меньше причин задавать вопросы.

Я с беспокойством посмотрела на Спайка.

— Что, если они... заглянут глубже?

— Я не предоставляю им такой возможности.

СтилХувз, стоящий у входа в пещеру, предложил:

— Если здесь есть что-то, что ты не хочешь им показывать, будет лучше, если пегасы будут уверены в том, что мы где-то в другом месте. — Он обернулся к Каламити. — Мы должны некоторое время лететь выше облаков.

Каламити кивнул.

— Пусть увидят нас где-нибудь, но только не здесь. — Он посмотрел на меня. — Есть что сказать? Двинем к Новой Эглузе, снизимся и повернём к Узловой станции Р-7, после того как помозолим им глаза?

— Это хорошая возможность избавиться от лишнего груза, — добавила Вельвет Ремеди с одобрением. — Сгрузим и соберём верстак Каламити.

Я кивнула. Решение принято. Мы отвлечём внимание пегасов от пещеры Спайка. Я лишь надеялась, что они не станут стрелять по нам. Хотя, если бы мы погибли в блеске славы ради спасения Садов Эквестрии, это бы того стоило.

— Перед тем как мы уйдём, — сказала Вельвет Ремеди Спайку. — У меня есть вопрос, на который ты мог бы ответить.

У меня в груди ёкнуло. Пожалуйста, только не о Флаттершай!

— Конечно. — Дружелюбно ответил Спайк.

— Что это за башни? — Спросила вельвет к моему облегчению. — Высокие, тонкие, белые? Пока мы сюда летели, я видела несколько. Это единственное, что я видела высотой с гору, и они явно созданы пони.

— Они были созданы для "Проекта Одного Пони" — ответил Спайк, одновременно с Каламити.

— Эт "Проект Стойкий Пегас", — заявил Каламити. Он со Спайком переглянулись.

Оки, доки, локи.

— Проект Одного Пони? — спросила я. Каламити выглядел обиженным из-за того, что я не обратила внимание на его точку зрения

первой. — Ты упоминал его раньше. Для чего был этот проект?

Спайк открыл было рот, но сделал паузу. Потом дракон поднял коготь, затем остановился. Наконец, он признался:

— Вообще-то, я не знаю. Я проводил всё своё время с Твайлайт. Я правда не знаю, чем занимались другие Министерства. Единственное, что мне известно, это то, что программа называлась "Проект Одного Пони". Это была идея Рэйнбоу Дэш, и в основном это было всё, чем занималось Министерство Крутости.

— Только с официальной точки зрения, — вставил СтилХувз.

Теперь я повернулась к Каламити,

— Проект Стойкий Пегас?

— Ну, я точ не знаю, с какой стороны эт Проект Одного Пони... — Каламити поводит челюстью, думая над словами дракона. — Мне сказали по-другому, но эт не значит, чё у меня нет причин сомневаться в чём-нить тольк потому, чё Великий Анклав Пегасов говорит, чё эт так.

Вельвет Ремеди страдальчески посмотрела на это эффектное искажение грамматики.

— И еслив эт и была идея Рэйнбоу Дэш, я оч сомневаюсь что она хотела, чтоб башни использовали так, как их щас используют. Потому что щас они используются, чтоб помочь пегасам изолироваться от других пони.

— Как так?

Каламити повернулся к Вельвет Ремеди.

— Помнишь, ты спросила типа, чё мы там ели, и я ляпнул что-т про посеы в небе?

Вельвет Ремеди кивнула.

— Я подумала, что добыюь от тебя нормального ответа позже.

— Да, щас ты его получишь, — сказал Каламити. — Я не знаю, чего вон те вотта башни должны были делать сначала. Но я знаю, чё Анклав решил с ими делать. То ись, заколдовывать облака на мили вокруг, чтоб мы могли выращивать зерно прям в небе.

Я присвистнула. Откуда-то снаружи донёлся ответный свист Паерлайт.

Логично. Для чего бы Проект Одного Пони изначально ни создавался, теперь башни использовались в соответствии с нуждами выживших пони. Пегасы использовали их в агрикультуре наверху. Хомэйдж использовала их для трансляции музыки и сообщений ДиДжея Pon3 по всей Эквестнийской Пустоши внизу. ("Говорю вам правду, какой бы горькой она ни была!") А Красный Глаз использовал одну для Богини знают чего.

Мои мысли перешли к Хомэйдж.

Я не рассказала Хомэйдж об обмане СтилХувза. Он использовал радиотрансляцию DJ Pon3, чтобы распространить свою ложь о шефе Грим Старе. (Я могла только гадать, как такой пони, как СтилХувз оказался в отношениях с носительницей Элемента Честности.) Я полагала, что Хомэйдж была бы лично оскорблена. Мне не хотелось принести ей известие, которое причинило бы ей боль. Но я держала рот на замке не только потому, что не желала её расстраивать.

Это могло побудить её озвучить в эфире поведенное мной, хотя я не могла предоставить никаких доказательств, подкрепляющих сказанное. Но какой был в этом смысл?

Я подозревала, что скорее всего она бы решила не заявлять об этом во всеуслышание. Как и моя борьба с зависимостью или её истинная личность, иногда секреты имели место быть. Хомэйдж понимала это. Эта замечательная единорожка была самой целостной личностью из всех, кого я знала, и я не могла позволить себе поставить её в неудобное в моральном отношении положение. Особенно после случая с Монтереем Джеком.

Тычок копытом Вельвет Ремеди вывел меня из задумчивости.

— Витаешь в облаках, Литлпип?

Я кивнула. Остальные уже забирались в Небесного Бандита. Пришло время отправляться. Нужно было уйти, до того как вернутся пегасы Анклава.

Я подбежала ко входу в пещеру, потом обернулась и посмотрела на Спайка.

— Я думаю... на этом всё, да?

Наблюдатель помогал мне, без него я бы не выжила. Он помог мне найти цель, цель и... в итоге дружбу. Но теперь стало понятно, что мы не те пони, которые нужны ему. И он должен сконцентрироваться на поиске других.

Спайк кивнул:

— Я буду приглядывать за вами. Может однажды мы ещё поболтаем. Но да... на этом всё.

— Спасибо, Спайк.

— Спасибо Литлпип.

Я развернулась и вышла из пещеры.

Я уже начала забираться в Бандита, когда меня вдруг осенило. Развернувшись, я галопом понеслась обратно в пещеру.

Честность. Это значило больше, чем просто говорить правду. Речь шла о целостности.

— Спайк! — крикнула я. — Я знаю одну из тех пони, что нужны тебе!

* * *

Два пегаса, облачённых в чёрные панцири, всё ещё висели у нас на хвосте, когда мы вылетели под слой облаков.

— Ха! — прокричал Каламити, с силой хлопая крыльями, таща сломя голову Небесного Бандита, — Я ж говорил, под облаками преследовать не будут! Ссыкуны!

Вельвет Ремеди посмотрела сквозь хлещущие по лицу пряди гривы на два демонических силуэта позади нас.

— Они всё ещё преследуют нас!

— Чего?! — Каламити оглянулся через плечо, — О, вот дерьмо-то!

Каким-то образом ему удалось припустить ещё быстрее.

Мы начали отрываться. На моих глазах самоцветы на боевых сёдлах Анклава вспыхнули, и мимо нас пролетели радужного цвета молнии. К счастью, преследователям было не сравниться в меткости с Каламити.

— Каламити, будь так добр, оторвись от этих пони, — попросила Вельвет с почти чарующим спокойствием. — Я бы очень не хотела, чтобы меня сегодня подорвали.

Ещё два заряда магической энергии прошли мимо, один из них влетел в одно окно и вылетел через другое, чуть не попав в Паерлайт. Волшебная птица крикнула и спряталась за Вельвет, которая стала утешать её.

— Вау, — сухо прокомментировал СтилХувз. — Они тебя очень не любят, правда?

— А вот терь держитесь! — крикнул Каламити в салон. — Я их ща стряхну!

Я обхватила передними ногами один из шестов между сиденьями. Вельвет Ремеди схватила одну из ручек, свисавших с потолка. (Судя по её выражению, она сразу пожалела об этом. Я могла только догадываться, каковы они на вкус!) СтилХувз закрепился между сиденьями. Миг спустя Каламити направил Небесного Бандита резко вниз. Паерлайт ударилась об потолок, но успела ухватиться клювом за растрёпанную ветром гриву Вельвет Ремеди, прежде чем ветер выбросил её через заднее окно. Разноцветные молнии пролетали вокруг нас. Кажется, я закричала.

Пегасы Анклава прекратили погоню на полпути к земле.

Мои ноги всё ещё дрожали, а копыта были рады наконец почувствовать под собой твёрдую землю.

Я следила, как Вельвет Ремеди торговалась с Дитзи Ду напротив главных ворот Новой Эплузы, выменивая спарк-батареи, чтобы заменить практически израсходованные старые в Небесном Бандите. Дальше нас не пропустили, но гуль-пегаска была только рада выйти поприветствовать нас. Какой-то момент я не могла опознать маленькую сиреневую кобылку, застенчиво проследовавшую за ней. Мои глаза расширились, когда я осознала, что это была Сильвер Белл. Больше не покрашенная в розовый цвет.

Она выглядела... лучше. Компания Дитзи Ду шла ей на пользу.

Сильвер Белл подняла глаза и узнала Вельвет Ремеди. Она остановилась как вкопанная.

— Здравствуй, Сильвер Белл, — нежно сказала Вельвет Ремеди. — Ты сегодня прекрасно выглядишь.

Сильвер Белл смотрела куда угодно, но не на Вельвет.

— Я хочу тебя кое с кем познакомить, — продолжила Вельвет тёплым и дружелюбным голосом. — Паерлайт, выходи и познакомься с Сильвер Белл.

Кобылка выпучила глаза при виде величественного жар-феникса. Золотисто-изумрудная птица приземлилась рядом с ней и приветственно проворковала. Произведённый на Сильвер Белл эффект был потрясающим — словно Паерлайт была чем-то впервые по-настоящему прекрасным из всего, что она когда-либо видела.

Ко мне подошёл Каламити.

— Можешь обозвать меня сумасшедшим, но, думаю, после того, как уйдём, эт кобылка проведёт следующие несколько дней, пытаюсь сделать Новую Эплузу такой же красивой, как эта птица.

Я могла это представить.

Я взглянула на Каламити. Ржаво-коричневый пегас с рыжей гривой и в чёрной ковбойской шляпе, пожалуй, был моим самым близким другом. (Не считая Хомэйдж, которая была ближе во всех смыслах, но и была значительно больше, чем другом).

— Знаю, о чём ты думаешь, — заявил Каламити. — Ты им не верь. Анклав заинтересован в том, чтоб делать из любого, кто взбрыкнёт на их идеалы, чудовищ

— Я верю тебе, — сказала я ему искренне. Я постоянно доверяла Каламити свою жизнь и жизни тех, кого я любила, и доверяла ему в этом абсолютно. — Но, Каламити, если ты от чего-то бежишь, может быть, мы можем помочь.

Каламити засмеялся.

— Лил'пип, ты меня должна уже достаточно хорошо знать, чтобы понимать, что бегство — эт не по мне.

Мой друг поднял голову к вездесущей облачной завесе.

— Я летел навстречу кой-чему. Они прост не хотели меня отпускать.

— Миленькое у тебя тут местечко, — сказал СтилХувз, оглядывая Узловую станцию Р-7. Было непонятно, говорит ли он с сарказмом или искренне.

— Дом, милый развалина-поезд.

СтилХувз окинул взглядом защиту из турелей, затем посмотрел на трёхствольную энерго-магическую пушку, закреплённую на крыше нелепого движка поезда.

— О, а вот это действительно красота!

Я слышала Каламити, копошащегося в своей мастерской. Я осмотрелась, но не могла понять, куда ушла Вельвет Ремеди. Будем надеяться, что она отлучилась немного поспать. Я так же нуждалась в этом. Нашей следующей остановкой должна была стать Филлидельфия. Я не знала, встретим ли мы там Красного Глаза, но всё мною изученное указывало на то, что все его операции сосредотачивались в этом грязном месте.

Пришло время кое-что расставить по своим местам.

Слова Спайка звучали в моей голове. "Я знаю, что путешествуя, суя свой нос в разные места и воспоминания, ты услышишь и узнаешь много разных вещей о моей Твай." Я поклялась помнить о, как он сказал, истинном сердце Твайлайт Спаркл. Я не могла представить, как смогу это забыть, когда увидела всё своими глазами. Следить за мэйнфреймом Крестоносцем, окружённым Элементами Гармонии, сидеть и ждать... год за годом, десятилетие за десятилетием избранных пони, чтобы исправить то, что было далеко за пределами моих возможностей.

Я могла сказать, что дракон "собирал пыль", но нет — в пещере было чисто. Спайк, я полагаю, добросовестно присматривал за Элементами Гармонии и мэйнфреймом.

Как же трудно будет сохранить память об истинном сердце Твайлайт, когда у меня нет ничего, что могло бы напоминать о нём?

Прямо сейчас мне представился случай поговорить со СтилХувзом с глазу на глаз. Я должна постараться сделать это наилучшим образом. Я хотела расспросить его об Эпплджек... но не думаю, что мы были готовы к этому. Я чувствовала, что сую нос в тему, на которую я ещё не заработала право говорить.

Но у меня были и другие друзья, включая ту, о которой я беспокоилась, которая шла навстречу сокрушающей реальности. Я понятия не имела, что могу для неё сделать, но крупом чувствовала, что, если я заранее узнаю как можно больше, это позволит мне помочь ей восстановиться, в случае, если я не смогу защитить её от трагического открытия.

— СтилХувз... что случилось с Флаттершай?

Стальной Рэйнджер замер на полпути и повернулся ко мне.

— Всё зависит от того, кого ты спрашиваешь, — ответил он таинственно.

— Никто не знает? — спросила я, надеясь получить более точный ответ. Желательно тот, с которым у меня была связанна маленькая надежда.

СтилХувз покачал головой.

— Имей ввиду, очень трудно точно определить, что случилось с какой-либо конкретной пони. На скелетах нет бэйджиков с именами. От миллионов пони мегааклинация не оставило даже их. Некоторые места, как Прекрасная Долина или Кантерлотские Руины, всё ещё

слишком опасны для исследований: Очень редко можно сказать, что произошло с кем-либо, даже любимой.

О, Богини. Я медленно кивнула.

— Многие пони... ну, те, кто знает Флаттершай лучше, чем из плакатов Министерства Мира... верят, что она была столь опустошена тем, что произошло с Эквестрией и с миром из-за её попыток остановить войну, что ушла в действительно плохое место, на погибель. Позволяя Эквестрии сделать с ней то, что она сама сделала с ней.

Я поёжилась. Это было не то, что я надеялась услышать.

— Говорят и другое. Некоторые утверждали, что она прыгнула вниз, на встречу смерти, с крыши Министерства Мира в Кантерлотских Руинах.

— Разве она не была пегасом?

СтилХувз усмехнулся.

— Да. Но находиться среди руин Кантелота уже было сродни смертному приговору.

Я смотрела вниз. Всё становилось только хуже.

— И есть ещё пони, которые утверждают, что она заблудилась в Вечнодиком Лесу и стала деревом.

— Погоди. Чего!? — У меня отвисла челюсть. — Как вообще такое возможно?!

СтилХувз пожал плечами.

— Не спрашивай меня. Я всегда был сторонником версии самоубийства. — Он фыркнул. — Однако, Вечнодикий Лес всегда был причудливым и ненормальным местом. И стал ещё более диким и смертоносным после апокалипсиса... Луна его знает почему. По нему даже не целились.

Стальной Рэйнжер отвернулся.

— Но все пони согласны в одном: Флаттершай пережила Апокалипсис... неизвестно насколько, но достаточно долго, чтобы весь этот ужас — смерть миллионов пони и животных, отравленная и изуродованная земля — тяжким грузом осел в её душе.

Я присела, чувствуя себя подавленной.

— Такова Эквестрийская Пустошь. Ничего, кроме жестокости.

"Это провал.

Спайк спит. Я могу разбудить его, но зачем трогать бедного парня? Разбудить посреди всего этого? Лучше он будет спать дальше. Пусть ему чуточку дольше снятся добрые сны.

Эй, драконы могут спать сотню лет, верно? Может Спайку повезёт, и он проснётся не раньше, чем Эквестрия исцелится. Хотя я не знаю, будет ли ста лет достаточно...

Смотря на нынешнее Солнце, я полагаю что этого почти никогда не случится. Облака закрыли небо. Я начинаю понимать, для чего всё это.

Теперь они называют меня предательницей. Меня! После всего, что я для них сделала! Отвернулись от Эквестрии, и у них ещё хватает наглости называть меня предательницей!

Они даже наняли наёмницу, чтобы та выследила меня. И вернулась к ним с моей головой. Отделённой от тела, конечно.

Она хороша. Лучшая. Я лучше. И она знает это..."

Второй голос, прозвучавший на аудиозаписи, был грубее голоса кобылы.

"Конечно. Что не может не удивить и не задаться вопросом, почему ты сидишь здесь и позволяешь мне найти тебя."

"Привет, Гильда."

Голос кобылки прозвучал устало.

"Жаль, что всё должно закончиться так, Дэш."

"Нет, ты не сожалеешь."

"И правда."

"..."

"Гильда... я могу попросить тебя об одолжении?"

"Что?"

"Мы можем спеть? Ещё раз?"

"А? Спеть что?.. Ох, нет, ты ведь это не серьёзно."

"Ну разок?"

Вторая говорившая многострадально вздохнула.

"Угх. Зачем?"

"Потому что я хочу на мгновение вспомнить старое счастливое время. Время, когда мир не был таким отстойным."

"Хорошо... Только для тебя, Дэш."

Голос сделал паузу.

"В последний раз. Но после, ты знаешь, я убью тебя."

"Попытайся."

Два голоса слились в нечёткой гармонии:

"Юниор Спидстерс — это наша жизнь. Взлёты к небесам и отчаянные спуски..."

Аудиозапись резко оборвалась. Записывающая машинка достигла своего предела.

Заметка: Следующий уровень.

Новая способность: Магия Дружбы — Когда ваше здоровье или здоровье любого из членов отряда становится ниже 30%, у всех членов отряда (включая вас) значительно повышается устойчивость к повреждениям.

<<< ^^ >>>

Глава 22. Путь Земного Пони

«Я молюсь о безопасности всех добрых пони, которые приходят в Филлидельфию, даже за рабов. Но мы не можем ожидать, что Богиня сделает всю работу.»

<<< ^^>>>

Промышленность.

Спайк сказал, что не понимал "Путь земного пони" до тех пор, пока не увидел Филлидельфию. И только теперь, когда руины города возвышались на горизонте, я начала понимать, почему.

Промышленность была тайным сердцем Эквестрии ещё задолго до войны. Разве может страна иметь поезда без сталелитейных заводов для выплавки рельс? Или высокие небоскрёбы Мэйнхэттена без стекольных фабрик, производящих окна сотнями? Как в маленьком городке, вроде Понивилля, может быть магазин портнихи без текстильной промышленности? Тем не менее, большинство пони едва думало об этом. С глаз долой, из сердца вон. Живя в счастливом и безмятежном сельском городке Эквестрии, про это было легко забыть. Если, конечно, вы не были пони, живущим в едином центре промышленного производства Эквестрии, священном городе индустрии земных пони.

Филлидельфии.

Я узнала об этом от СтилХувза. Сама спросила его, когда стало понятно, что мы идём к чему-то большему, нежели просто большая версия старой Эплузы. Потому что меньше чем на пол пути от Мэйнхэттена до Филлидельфии мой ПипБак начал принимать сигналы из Филлидельфии.

Это была та же музыка, что играли спрайт-боты, иногда прерывавшаяся на сообщения от Красного Глаза. Но теперь, когда у меня была постоянная передача, я поняла, что эти маленькие выступления были гораздо более частыми и несли больше, чем я предполагала. Красный Глаз словно говорил со мной, как он делал со всеми пони Филлидельфии. И его слова меня беспокоили. Сильно.

"...у нас Дядя и Тётя Фруткап — мирная любящая пара — женатые уже почти десять лет, живущие в своём маленьком старомодном домишке с крошечным садиком на окраине Роумера. Бездетная семья с двумя собаками и подсолнухом, который Тётя Фруткап назвала Селестией.

Какой же монстр, спросили меня, станет вырывать Тётю и Дядю Фруткап из их мирной, беспечной жизни и заставлять тянуть тележки, нагруженные железным ломом?

В самом деле, монстр. Но это монстр, чьи глаза открыты и устремлены в будущее. Будущее Эквестрии. Двести лет назад мы потеряли нашу великую нацию, но мы вернём её назад! А что же станет с четой Фруткап и их маленькой усадьбой через двести лет? Они превратятся в ничто — бессмысленное, не оставившее даже отпечатков копыт в анналах истории. Но... что останется значимым через двести лет? Эта фабрика!

И это силами этой фабрики, а также других, подобных ей, будет заново отстроена Эквестрия. Это из той работы, которую делают сейчас Тётя и Дядя Фруткап, будет создана новая национальная инфраструктура и родится новый золотой век — золотой век Единства! Эквестрия подобно фениксу восстанет из собственного пепла! Но не без нашей помощи и не без нашего труда.

Вот, что важно. Вот, что изменит мир к лучшему. Вот, что останется после нас!"

Слова Красного Глаза были встречены овациями по меньшей мере сотни копыт. Рёв толпы внезапно прекратился, сменившись резким голосом:

"Вот и она: речь Красного Глаза по случаю церемонии повторного открытия фабрики Честноталь. Как известно, Красный Глаз вернётся с повторным визитом на этой неделе, чтобы проверить производительность фабрики. А сейчас немного музыки, и начнём мы с моей любимой: Марш Параспрайтов..."

Радиовещание начало играть знакомый марш, исполненный на тубе и гармонике.

Я выключила радио, вытаскивая наушник. Красный Глаз, кажется, не жил в Филлидельфии. Но он делал туда визиты, и один из них скоро произойдёт. Я сообщила об этом друзьям.

Вельвет Ремеди свернулась калачиком на одной из скамеек Небесного Бандита, Паерлайт спала рядом с ней, украшая её угольную щёрстку изумрудными и золотистыми пятнами света. Я была поражена тем, что жар-феникс до сих пор остался с ней. Как правило, даже любимую птичку надо держать в клетке.

СтилХувз кивнул, не оборачиваясь. Он не переставал смотреть вниз, на землю, с тех пор, как мы пролетели последние обломки руин Мэйнхэттена. Я же старалась не делать этого.

— Ребят, у меня плохие новости, — донёсся голос Каламити спереди Бандита. — Эт штука начинает снижаться. Смотрите внимательно, где мы сможем сесть, пока спарк-батареи ещё держат нас.

— Всё, что я вижу — это грязь, камни и мёртвые деревья, — ответил СтилХувз. — Наверяд ли ты захочешь приземлиться здесь.

Я достала бинокль и подошла к одному из окон, отчаянно борясь с головокружением.

— Что мы ищем?

СтилХувз продолжал осматривать землю под нами.

— Любое место, где адским гончим будет не так просто добраться до нас.

Адские гончие. Я вспомнила Хомэйдж, как DJ РопЗ, предупреждавшую пони о адских гончих, охотящихся на пути между Мэйнхэттенем и Филлидельфией. Я представила себе бешеных собак, вроде той, что была у дяди и тёти Фруткап, только страшнее. Возможно, изменившихся и мутировавших, как кровокрылы. Конечно, первое, что я услышала о адских гончих, то, что всего лишь одна может уничтожить целый обоз работоторговцев. Но ведь и я могла. И меня было не так уж просто запугать.

Однако в голосе СтилХувза чувствовалось беспокойство. И мне в голову не могло прийти ничего, что могло бы заставить волноваться закованного в броню солдата.

— Так что такое, эти адские гончие? — Я заметила, что Паерлайт вздрогнула. Похоже, ответ был хуже, чем я могла ожидать, раз уж даже почти бессмертная птица волнуется.

Подозрения подтвердились, когда СтилХувз и Каламити оба обернулись и посмотрели на меня так, будто я спросила, что такое пистолет.

— Ты не знаешь, что такое адские гончие? — спокойно спросил СтилХувз. — И ты решила, что, как бы там ни было, мы должны отправиться в Филлидельфию? Даже не узнав, что представляет из себя дорога?

Вельвет вмешалась в разговор:

— Я никогда даже не слышала об адских гончих.

СтилХувз с металлическим стуком шлёпнул себя копытом по лицу. Спереди Каламити проворчал что то вроде "Дурачки из стойла".

— Вы могли бы просветить нас, — предложила Вельвет Ремеди. — Или можете и дальше разыгрывать драму.

СтилХувз ощетинился.

— Адские гончие, — он хохотнул, — Это всего лишь самые опасные твари во всей Эквестрийской Пустоши. Я бы предпочёл сражаться с аликорнами.

Мы с Вельвет Ремеди обменялись взглядами.

— Вау. Содержательно. Это что, такой большой секрет? — добавила она невозмутимым тоном, я ухмыльнулась.

Каламити сдвинул шляпу и посмотрел на нас через левое крыло.

— Кто-нить из вас, ребят, слышал о Прекрасной Долине?

Моё "Да" прозвучала одновременно с "Нет" Вельвет Ремеди. Если адских гончих моё воображение не могло представить достаточно жутко, то страшный образ Прекрасной Долины сразу обрастал жуткими слухами и упоминаниями об этом месте. Я посмотрела на простирающиеся внизу руины, коричневую грязь и почерневшие деревья. Это было не похоже на пустынный пейзаж, изображённый на картине в Библиотеке Твайлайт, но это было до конца света. Возможно...

— Это местность между Мэйнхэттеном и Филлидельфией? Прекрасная Долина? Мы сейчас прямо над ней, да? — Я осматривалась в поисках того, что могло бы быть Марипони. Строение вдалеке попало мне на глаза. Огромное здание с кучей труб. Оно выглядело относительно целым. Гигантские металлические балки торчали из здания во всех направления подобно вееру, поддерживая электрические кабели.

Каламити засмеялся.

— Чёрта с два. Прекрасная долина ближе к Понивиллю, чем к Филлидельфии. — Мне вдруг захотелось поблагодарить тех работорговцев, что схватили меня, когда я вышла из Стойла. Без них, кто знает, куда бы я пошла. — Но... чё те известно о Прекрасной Долине?

— Ну... это место, где находится Марипони, — начала я, пытаюсь припомнить всё, что слышала, и в тоже время удивляясь, почему Каламити завёл этот разговор. СтилХувз молчал, и это говорило о том, что он считает, что Каламити идёт в нужном направлении. (Или это говорило о том, что СтилХувз был СтилХувзом.) — Марипони изначально было там, чтобы добывать драгоценные камни, но когда они иссякли, его преобразовали во что-то другое. — Я облизнула губы, пытаюсь вспомнить ещё. — Они складировали все магические токсичные отходы в пещерах под Прекрасной Долиной. И она была вторым местом, куда ударило мегазаклинание...

— Вторым местом, да? — заржал Каламити. — Я не знал этого.

— Ты упускаешь самое важное, — перебил нас СтилХувз.

Более важное, чем мегазаклинание, радиация и магические токсины? Я перевела взгляд с Каламити на СтилХувза.

— Ага. Когда пони решили превратить Прекрасную Долину в прииск, они столкнулись с маленькой проблемой. Долина была заселена...

Глаза Вельвет Ремеди Расширились.

— Подожди... они превратили в шахту дома других пони?

— Не пони, — ответил СтилХувз. — Драгоценные камни были необходимы для энерго-магического оружия. Очень важное значение для войны. Было решено, что созданиям, жившим в Прекрасной Долине, придётся переехать. Долина принадлежала Эквестрии, это было необходимо.

Я почувствовала камень, упавший в мой желудок.

— Вот только не все обитатели, кажется, получили сообщение. После того, как пони очистили место, несколько семей вернулось в свои пещеры.

— Обратнo в... туда, где Министерство Тайных Наук хранило опасные магические отходы?

— И туда, где зебры заложили жар-бомбу, — добавил СтилХувз.

— Богини, — вздохнула Вельвет. — И они... выжили? Эти несчастные... кто там они были?

— Бриллиантовые псы, — отозвался Каламити.

Я застыла. Подождите-ка...

— Постой! Ты что, хочешь сказать, что существа, которых Рэрити победила своим нытьём, превратились в самых опасных тварей в Эквестрийской Пустоши?

— Агась.

Я с недоверием посмотрела на СтилХувза, но его шлем кивнул.

— Они большие. Они быстрые. Они чрезвычайно агрессивны. Их когти могут разорвать любую броню, будто это просто тряпка. Однажды я видел, как один из них когтями пробил магический щит аликорна.

Вот же ж блядь.

— Ну, я счастлива что мы здесь, наверху, откуда сможем стрелять в них, и они нас не достанут! — Я сделала паузу. — Они же не умеют летать?

— Неа, — сказал Каламити к моему облегчению, оказавшемуся очень коротким. — Но они умеют рыть. Быстро. И почти что угодно. Когда они придут за тобой, они будут оставаться под землёй, пока не зайдут тебе за спину. Земля может немного дрожать, и это единственное, что может тебя предупредить, прежде чем они начнут рвать тебя на части. И они точно не будут стоять и ждать, пока ты в них выстрелишь.

— Хуже того, — добавил СтилХувз. — Они умны. Они не животные, наподобие манतिकор или кровокрылов. Они заполучили энерго-магическое оружие и переделали его так, чтобы держать в своих когтях. Они не обладают магией, чтобы создавать новое оружие, но они прорыли путь к Оружейному складу Прекрасной Долины и украли оттуда больше сотни пушек, все из которых, надо полагать, были переделаны.

— Значит... — медленно проговорила Вельвет, — Они могут подстрелить нас, а мы их даже не достанем.

Повернув ко мне голову, она произнесла:

— Ну спасибо, Литлпип. Я просто обожаю место, в которые ты обычно меня затаскиваешь.

— Что это за место? — спросила я, глядя на гигантские трубы, когда вышла из Бандита и ступила на сломанную крышу здания, которое видела издали. Вокруг него металлические конструкции, подобные скелетам стоящих гигантов, расходились во все стороны, пересекая долину. Большинство шло к Мэйнхэттену или Филлидельфии.

Здание было огромным и представляло наилучшую защиту от адских гонимых.

— Электростанция, — ответил СтилХувз. — Массивные печи сжигали уголь для получения энергии, необходимой для работы множества не-магических устройств, появившихся после технологической революции в Эквестрии. До войны в Эквестрии были сотни таких. — Он указал копытом на кабеля, поддерживаемые металлическими скелетами. — А это доставляло выработанную здесь энергию в города.

Ого. Я левитировала бинокль и посмотрела вдоль одной из линий металлических конструкций. Через несколько миль линия ломалась, кабели оборвались и свисали с их до сих пор стоящих компаньонов. Это было намного больше, чем угольный двигатель поезда, который я однажды видела в Новой Эпплузе и на Узловой станции Р-7.

Каламити отцепился от упряжки Небесного Бандита и собирался забраться под фургон, в то время как Вельвет Ремеди доставала запасные спарк-батареи из её седельных сумок.

Отправив бинокль обратно в сумку, я осмотрела крышу. На одном конце была небольшая башенка с дверью. Моё любопытство проснулось и начало копаться в моём сознании не хуже копыта. Пожав плечами я побежала к двери, в нетерпении доставая отвёртку и заколку. Не вижу причин, чтобы не посмотреть.

Я почувствовала волнение, когда обнаружила, что дверь была заперта. Пригнувшись, я принялась за работу.

Щёлк. Такой приятный звук. Я толкнула дверь. Лестница наверх, в башню, и вниз, на электростанцию, предстали пред моим взором.

Стоило мне сделать лишь шаг в темноту, сзади раздался глубокий, грохочущий голос:

— Куда ты идёшь?

— Исследовать, — улыбнулась я через плечо. СтилХувз покачал головой, но всё же пошёл следом за мной, когда я ступила на лестницу.

Лестница башни вывела нас в одинокую комнату с балконом, который выглядел так, будто был предназначен для посадки летающего фургона пегасов. Задняя часть комнаты представляла из себя огромный грузовой лифт. Круглая эмблема компании на дверях (Гиппокампус Энерджи: Гидроэлектростанции, Уголь, Канализации) обратилась шелушащимися хлопьями, медленно исчезающими в забвении.

В оставшемся пространстве комнаты имелось множество огромных окон с видом, выходящим на Филлидельфию и Мэйнхэттен. Оба были слишком далеко, чтобы увидеть их, но Филлидельфия была ближе, и я смогла рассмотреть низкие облака на горизонте: чёрные, злые облака снизу светились красным. Башню слоновой кости Филлидельфии было хорошо видно, впившуюся в небо, словно игла.

— Ого. Небо над Филлидельфией выглядит... зловеще.

— Красный Глаз, должно быть, снова запустил несколько фабрик, — прокомментировал СтилХувз.

Я кивнула, хотя и не думала, что это должно как-то изменить облака. Хотя, я посмотрела на окружающие электростанцию огромные трубы, может и должно.

Четыре ящика боеприпасов стояло под рядом потухших индикаторов с подписями вроде "генератор №11 выходная мощность" и "сектор №7 нагрузка". Я опустилась на колени рядом с ящиками. Два из них были пусты, другие два — закрыты. Один открылся довольно легко и подарил боеприпасы, которые не подходили ни к одному оружию, что мне приходилось видеть. Калибр был ужасающе крупный. Замок на другом ящике был заклинен, к моему удивлению. Кто-то пытался вскрыть тот замок и всё заперол. Это было первое свидетельство о том, что в Эквестрийской Пустоши были пони помимо меня, умеющие взламывать замки. К несчастью для нас обоих, та пони не была мастером в этом деле.

Я села. В голову не приходило никаких способов вскрыть заклинивший замок, кроме как выстрелить в него из чего-нибудь помощнее, заодно угробив и содержимое ящика. Эта чёртова штуковина специально разработана так, чтобы нельзя было просто отстрелить замок.

С помощью телекинеза я подняла ящик и попыталась вырвать замок, но это было бесполезно. Пони могли бы подумать, что с силой, достаточной, чтобы поднять вагон, можно запросто открыть ящик, но это не так. Объекты в поле левитации, как вагон в Эпплузе, становятся практически невесомыми... пока я поддерживаю его. Просто мне не хватало сил, чтобы с помощью одного заклинания сломать его. У меня было бы больше шансов, воспользуясь я ломом. Но, так или иначе, я попыталась. И у меня ничего не вышло. Я попробовала вновь. И снова неудача. Наконец, я метнула ящик со всей силы в стену. Он ударился с глухим звуком, оставив трещину в штукатурке, нисколько не поцарапавшись.

— Всё, закончила? — спросил мягкий женский голос где-то с лестничной клетки. — Или сначала попрыгаешь на нём?

Я покраснела, взглянув на Вельвет Ремеди.

— Ээ... Как там у Каламити дела?

Она вздохнула, посмотрев в окно на Небесного Бандита на крыше пониже.

— Как думаешь, есть шанс, что он примет ванну в Филлидельфии? — Она перевела взгляд на СтилХувза. — Хотя, я думаю, нужен спа.

Я рассмеялась. Удачи в попытках затащить Каламити в спа-салон, если он там есть!

Лестничная клетка ниже вела к офисам, прилегающим к комнате отдыха. Пока я и СтилХувз осматривали офисы, Вельвет Ремеди побежала к комнате отдыха, чтобы собрать там какую-нибудь еду из того, что раньше было холодильником владельца. Я была уверена, что все её находки будут вегетарианскими, независимо от настоящего содержимого холодильника.

На противоположных сторонах офисного помещения находились окна. Пара их в глубине выглядывала наружу, но они настолько были залеплены вековой пылью, что слабый солнечный свет, пробивающийся сквозь облака, не мог прорваться в помещение.

Напротив были окна с видом на основной этаж электростанции, напичканный огромными генераторами и печами во всю стену. Металлические мостки делили пополам пространство и тянулись от этих офисов к помещению на дальней стороне, похожему на офис Смотрительницы.

— Как получилось, что мостки, нависающие над тяжёлыми агрегатами, стали доминирующим стилем?

Жуткие воспоминания о Айроншод Файрармс промелькнули у меня перед глазами. Хотя, к счастью, это место казалось покинутым. Осматриваясь, я заметила несколько турелей, но все они были уничтожены. Мостки и лестничные клетки вели вниз, на другой этаж завода. На одной из лестничных клеток лежали останки мозгобота и несколько кучек розового пепла. Ещё одно свидетельство о мусорщиках, побывавших здесь раньше нас.

Я развернулась, решив перейти помост и исследовать офис за ним. Но не со СтилХувзом. Опыт подсказывал мне, что помост

отказался бы выдержать кого-то с его весом.

СтилХувз смотрел на стенд, размещённый высоко на противоположной стене. К нему прикреплена была сильно выцветшая страница газеты. Я подбежала и оперлась передними ногами на стену, чтобы суметь прочесть страницу. Тот, кто устанавливал этот стенд, явно не думал о более низких пони.

Основная статья была снабжена изображением этой электростанции (или, по крайней мере, её точной копии):

"Энергостанция Гиппокампус №12 открывается посреди споров"

"Протестующие среди пегасов и единорогов осуждают воздействие на окружающую среду"

Статья занимала почти всю страницу, расталкивая в стороны меньшие заметки ("Престижный филлидельфийский отель Альфа-Омега примет в этом году Празднование Летнего Солнцестояния" и "Цены на уголь продолжают расти в связи с сохранением напряжённости отношений с зебрами. Принцесса Селестия обещает вскоре предложить приемлемое решение").

Меня пронзила внезапная мысль. Тогда в Новой Эпллузе Каламити говорил что-то...

Весь уголь в таинственных далёких странах... полных зебр!

Я опустила на все копыта и повернулась к СтилХувзу.

— Погоди-ка, — сказала я, чувствуя себя ошарашенной второй раз за последние часы. — В Эквестрии вообще нет угля! — Я махнула копытом в сторону электростанции. — Хочешь сказать, что вы, пони, построили всю инфраструктуру Эквестрии на источнике энергии, которого у вас не было?

СтилХувз ничего не ответил.

— Это... безумие! Кто это придумал?

СтилХувз молча смотрел на меня, пока у меня плавилась мозги, пытаясь осмыслить эту идею. Наконец, он заявил:

— Почему это должно было стать проблемой? У нас были ресурсы, необходимые зебрам, а у них был уголь. Мы торговали. Все счастливы.

Да, конечно. Пока какой-нибудь пони... или зебра... не обнаружит, что больше нечем обмениваться. Или просто решит, что не хочет делиться.

Я отвернулась, мой взгляд упал на до странного чистую кофейную кружку, стоящую на столе. Я позволила себе отвлечься, удивляясь тому, как в этих пыльных, запущенных, разваливающихся руинах кофейная кружка могла оставаться такой. Я осмотрела другие рабочие места и столы по сторонам. Да, здесь не было ни одной кружки, из которой я побоялась бы пить... кроме той, где, видимо, решила утопиться личинка радтаракана. Я чуток поёжилась и решила, что изготовитель здешних кофейных кружек применял какую-то несложную магию. Маленькое заклинание, позволяющее оставаться им самыми чистыми вещами во всей Эквестрии.

На некоторых кружках была эмблема компании: "Гиппокампус Энерджи: Гидроэлектростанции, Уголь, Канализации." Окей, хоть Эквестрия и не была зависима от торговли с зебрами, эта электростанция говорила об обратном.

Я фыркнула. Единороги дали нам энергию своей магией. Земные пони давали энергию с помощью воды, камней, и...

— Конскаяблоки! — воскликнула я, внезапно поняв, что мы оставили Каламити на крыше одного.

Мы все галопом вернулись назад, чтобы застать Каламити ещё за работой.

— Ещё не больше нескольких минут, — сказал он, наполовину скрытый под Бандитом, — Чего?.. Чё эт вы выглядите так испуганно?

Паерлайт летала вокруг, выискивая опасность. (Или еду. Или маленькие блестящие штучки.)

— Ничего, — начал было СтилХувз, но Вельвет Ремеди вышла вперёд, левитируя свёрнутый лист бумаги, который она вытащила из седельных сумок.

— Я нашла кое-что, на что ты захотел бы посмотреть, — чуть ли не промурлыкала Вельвет. — Всё-таки сбор и починка вещей — это по твоей части.

Каламити выполз из-под Небесного Бандита, чтобы посмотреть. Вельвет Ремеди немного съежилась и отошла назад. Он был настолько грязный, что она испугалась.

— Кнеш. Чего ты тут притащила?

Отойдя на пару шагов от Каламити, Вельвет левитировала бумажный свиток между ними и развернула схему. Бумага была запачкана кровью, но большая её часть была читаема. Каламити наклонился вперёд, чтобы изучить содержимое.

Краем глаза я заметила Паерлайт, нырнувшую за крышу. Миг спустя там сверкнула вспышка зелёного пламени. Величественная хищница вернулась с зажаренной белкой в клюве. Она сбросила её рядом с Вельвет Ремеди и начала поклёвывать добычу. Внутри себя я испугалась за Вельвет, которая меньше минуты назад отскакивала от покрытого грязью и жиром Каламити, а теперь лишь улыбалась, глядя на хищничество жар-феникса.

Каламити присвистнул.

— Что-ж, кой-кто был действительно... изобретательным. — Он посмотрел на Вельвет Ремеди. — Вы где эт нашли?

— На столе под останками мёртвой единорожки, — Вельвет явно волновалась. Судя по дрожи в её голосе, найденное ею тело не было скелетом. Кто-то более свежий, наверное мародёр, подумала я. — Возможно, она умерла за это.

— Как она умерла? — спросил Каламити с явной ноткой неотложности в голосе.

Вельвет Ремеди, будучи медиком, быстро выдала ответ:

— В неё попали из магического оружия. Оно не превратило её в пепел, но выжгло половину лица и шеи, — сказала она мрачно.

Каламити хмуρο кивнул:

— Ну, эт... ничё не объясняет.

— Электростанция была защищена роботами с энергооружием, — сказала я ему. — Я видела нечто подобное раньше.

Каламити облегчённо вздохнул. Паерлайт отвлеклась от еды и посмотрела вверх со свисавшей из клюва зажаренной белкой.

— Тут чертёж для создания шлема из когтей адских гончих. Штука в том, что я не думаю, что единорог смог бы носить его, — сказал он. Я представила почему; у меня не было желания расставаться с рогом ради какого-то шлема. — Но из этого можно было бы сделать чертовски хорошее оружие, пожелай я кому-нить захватить головой.

"Один жеребёнок спросил меня: 'Красный Глаз, а какая у тебя кьютимарка?'"

Харизматичный голос Красного Глаза зазвучал у меня в наушнике, когда я спустилась обратно на электростанцию. На этот раз я оставила СтилХувза с Каламити. В свою очередь, Вельвет Ремеди настаивала на том, чтобы пойти со мной. И не разделяться.

"Этому жеребёнку я ответил, что не имею оной."

Я замерла, подняв копыто к своему уху. Я с содроганием подумала о пустых боках аликорнов. Красный Глаз — аликорн? Он точно

Я направила мозг, пытаясь вспомнить, видела ли я где-нибудь самцов аликорнов. И я не могла вспомнить ни одного.

"Естественно, за этим следовал вопрос: 'Почему, Красный Глаз?' Почему нету кьютимарки? Это потому что я сам выбрал, чтобы её не было. Почему бы мне хотеть её? Я действительно собираюсь дать какой-то картинке на боку определять моё будущее? Если я найду то, что мне действительно нравится, нужен ли мне значок на заднице, чтобы сказать мне это? Конечно же нет."

Для многих пони кьютимарка является больше напоминанием о том, кем они быть не могут. Как вы можете ожидать, что будете великим учёным, если ваша кьютимарка — грабли? Или удивительным художником, если картинка у вас на заднице — куча сена? Кто даст вам шанс?

Но если ваш бок гол, то возможности безграничны. И выбор за вами. Вот, почему я удалил свою кьютимарку. И вот, почему все Дети Единства хотели сделать то же самое. В новой Эквестрии все мы будем вознесены Богиней, освободимся от принуждающих оков кьютимарок.

Но нам предстоит ещё многое сделать, прежде чем настанет тот день. И потому, в ожидании, мы решили сами сделать первый шаг."

Когда я сделала свой первый шаг на мостик, я выключила передачу. Мне не нужно было, чтобы этот вздор угрожал моей концентрации, если секция перехода начнёт сдавать.

— Вельвет, ты останешься здесь. Я просто собираюсь пройти к тому офису...

— Потому что "не разделяться" для тебя значит именно это? — проворчала Вельвет.

Я вздохнула и постучала по мостику.

— Потому что я не хочу рисковать прилагать лишний вес... — Я замолкла слишком поздно.

— Так... ты говоришь, что я тяжёлая? — сказала Вельвет Ремеди словно шоколадным шёлковым голосом. — Именно поэтому я больше не кажусь тебе привлекательной? Я то думала, что это из-за... тележки. Но нет, это потому, что ты считаешь меня толстой.

Фейсхуф.

— Вельвет... Я...

— Ох, нет, — сказала она с дополнительным покачиванием бёдрами, когда вышла на мостик вперёд меня. — Хорошо, что ты наконец сказала мне. Все эти приключения... Я действительно позволила себе потолстеть, не так ли?

— Вельвет...

Более зрелая кобыла трянула гривой, когда повернулась посмотреть на меня через плечо, и надула соблазнительно губки. Я почувствовала волну возбуждения, смешанную с сильным стыдом. Она подняла копыто к своей морде, посасывая в раздумье.

— Наверное, я ещё и старею.

Во имя яростной течки Луны!

Я последовала за ней, опустив голову, используя свою левитацию, чтобы нейтрализовать большую часть своего веса. Она пыталась меня весь путь. Это был длиннейший мостик в истории.

Я работала над замком двери того, что я мысленно назвала кабинетом Смотрительницы электростанции, когда Вельвет Ремеди укусила мой бронированный комбинезон и потянула, моё воображение нарисовало две возможности. Или что-то стало не так, что потребовало тихого уведомления, или Вельвет Ремеди решила дополнить моё наказание тычками и щипками. И то и другое выглядело вполне вероятным.

Я услышала шаркающий звук внизу.

Хорошо, не наказание. Аккуратно, я положила свои инструменты, не хотелось бы выронить их в случае чего. Я украдкой выглянула за край помоста. Под нами, скрытое за здоровенными генераторами, лежало расчленённое тело Стального Рейнджера. Задыхаясь от ужаса, я чуть не выкрикнула имя СтилХувза. Но это был не СтилХувз. Едва заметные внешние отличия в броне говорили мне о том, что этим рейнджером была кобыла. Неуклюже двигаясь, возле трупа возилось неповоротливое, демоническое существо, отдалённо напоминающее собаку, оно было в три раза больше пони в броне, которого оно раздирало на клочки смертоносными когтями, резавшими броню, будто это папье-маше.

Адская гончая остановилась и принюхалась. Оно поднялось в полный рост, затем страдальчески взвыло, упав обратно на все четыре лапы. Одна из лап существа была изувечена и деформировалась. Стальной Рейнджер сделала хороший выстрел, прежде чем упасть к монстру.

Монстр протянул лапу и поднял с пола странную с виду энерго-магическую винтовку. И снова начал осматриваться по сторонам. Вельвет Ремеди плашмя растянулась по мостику. Я отползла от края. Мы затаили дыхание.

Мы слышали ворчание. Затем скуление и шарканье. Оно передвигалось... но куда?

Я снова осторожно подняла отвёртку и заколку, надеясь, что в этом офисе был чёрный ход. Я не хотела ползти назад по длинному мостику. Если оно могло нас учуять, я хотела бы быстро выбраться из комнаты.

Защёлки сдвинулись. Дверь открылась с щелчком, который показался оглушительным.

Мы обе слышали странный громкий звук, доносящийся откуда-то снизу.

Мы обе ринулись в комнату так тихо, как только могли, и я бережно закрыла дверь за нами. Но было слишком поздно. Я видела, как монстр забирался по одной из лестниц как обезьяна — если эта обезьяна была создана из смерти.

Я сразу же взглянула на стену, где в Айроншод Файрармс был лифт. Не повезло. Я быстро оглядела комнату. Стол, терминал, оружейный шкаф (оружейный шкаф на электростанции?), шкаф с бумагами, офисный холодильник, разнообразная сильно обветшалая мебель. И никакого другого выхода.

Я сообразила, что адской гончей понадобится несколько секунд, чтобы попасть за дверь. И немного дольше займёт путь по помосту, учитывая раненную лапу.

Вельвет Ремеди проскакала к дальнему углу, рог начинал светиться. Дерьмо... если эти когти могли пробить щит аликорна, то что могла сделать Вельвет?

Я левитировала Малый Макинтош и снайперскую винтовку, хотя шанс, что я выстрелю из неё, прежде чем монстр сократит дистанцию и убьёт меня, был просто ничтожным.

Мы ждали.

Пока секунды тянулись, я стала мысленно перечислять упущенные возможности заменить боеприпасы на что-нибудь более

серьёзное. Но чем больше я сожалела о несделанном, я понимала, что момент, когда я опустошу Малый Макинтош для смены патронов, станет моментом, когда адская гончая прорвётся сквозь дверь.

Вельвет Ремеди дрожала, напряжённо сотворяя свое заклинание. Она стрельнула в меня хитрым взглядом, который я не могла объяснить, но не посмела даже шепнуть.

Мы подождали ещё несколько секунд. По моим подсчетам, адская гончая уже давно должна была добраться до двери. Она что, сидела под дверью? Или оно уже ушло? Я заставила себя думать сквозь завесу страха. СтилХувз говорил, что эти твари умные. Оно могло планировать. Но, что ему планировать? С чего мне что-то планировать, если я воплощение смерти? Раненное?

Чего бы я не стала делать, так это лезть за дверь, где пони ждут, чтобы пристрелить меня. Нет, я бы устроила ловушку.

Оно устраивало ловушку!

Мой разум выдал эту идею, когда Вельвет предложила свою:

— Оно двигается по запаху, — прошипела она. — Что, если оно сбилось со следа?

Я не думала, что такое было возможно. Оно должно было услышать, как я захлопнула за нами дверь. Но, если Вельвет Ремеди была права, то это означало, что оно направлялось к СтилХувзу и Каламити! И мы впустую тратили драгоценные секунды, которых у нас не было!

И конечно, если я была права, бежать спасать их означало совершить ту ошибку, которой оно от нас ждало, и попасться в ловушку.

Осторожно, я подбиралась к двери. Я была уже почти рядом с ней, когда услышала звук, доносящийся откуда-то с другой стороны, слабый, короткий и необъяснимый.

Я подпрыгнула и попятилась назад, пока мой хвост не коснулся дальней стены. Я согнулась, съёжилась и приготовила оружие к бою. Всё свое оружие.

Полумёртвая от страха, я начинала уставать от ожидания. Мои нервы были измотаны адреналином. От затхлого запаха обветшалости комнаты у меня болела голова. Мне показалось, что я слышала странные звуки ещё несколько раз, но они были такие слабые, что вполне возможно, что мое воображение играло со мной шутки.

На данный момент, если монстр пошёл за СтилХувзом и Каламити, то они были уже мертвы. Если оно ждало нас, оно явно могло ждать целую вечность.

— Отлично, — прошипела я. — Я собираюсь выяснить, ради чего мы собираемся умереть, и я выхожу. Медленно и осторожно. Я думаю, там ловушка.

Вельвет Ремеди кивнула,

— Просто держись подальше от адской гончей. У меня есть план.

У Вельвет Ремеди был план? У Вельвет? Я тут же упрекнула себя за то, что так удивилась. Она была умная и способная, хоть и не по-пустошки мудрая. И кроме того, это должно было случиться рано или поздно.

Я начала с проверки шкафа с оружием и обнаружила только, что, как и на ящиках с боеприпасами наверху, замок был испорчен попыткой взломщика-любителя открыть его. Я почувствовала вспышку гнева. СтилХувз и Каламити, возможно, мертвы, мы, возможно, скоро умрем, а этот дебил разьебал замок.

Я подошла к столу, только чтобы увидеть, что он был открыт и опустошён. Шкаф с бумагами также был открыт, но внутри в основном я увидела пепел с остатками сожжённых документов и папок, а также частично расплавленное записывающее аудиоустройство без каких-либо записей. Мой конкурент-взломщик открыл этот шкаф с бумагами с намерением уничтожить содержимое, а не унести с собой.

Я повернулась к терминалу. Взломать его было тяжело, но не так сложно, как терминал Пинки Пай. Но в любом случае, мой соперник уже добрался до него. Ну, или матрица заклинаний терминала была запрограммирована, чтобы стереть всё содержимое. Терминал был пуст.

Слева был сейф в стене, который я специально оставила напоследок. Осматривая его, я чуть не присвистнула над искусностью работы. Замок несомненно был самым сложным и требующим мастерства из всех, что я взламывала. Не говоря уже о том, что он был самый крепкий. Мой соперник, определённо, пытался открыть его и снова потерпел неудачу, но замок был даже не испорчен. Сволочь только сломал мою заколку, подло не давая мне добраться до приза, который не отдал и моему сопернику. Я дёрнула его с помощью простого телекинеза.

Моя первая попытка провалилась. Так же, как и вторая. Я надеялась, что на третьей попытке получится, но лишь была вознаграждена сломанной заколкой.

Чёрт! Я не была уверена, смогу ли без ПрМ управиться с ним.

Нет. Я не собираюсь идти по этому пути. Не снова.

Вместо этого я вытащила все взламывающие инструменты, какие у меня были, и попыталась ещё раз. И ещё раз. И ещё... пока, наконец, не сделала это.

Сейф с щелчком открылся.

Внутри было изрядное количество довоенных золотых монет, две обоймы тех очень страшных пуль, СтелсБак и шар памяти. И золотая седельная пряжка "Железный Пони". (Если это пряжка железного пони, то почему она золотого цвета?) Этот последний предмет я оставила внутри.

Указав жестом Вельвет, спрятаться за столом, я присела и сосредоточилась на двери. Телекинетическое поле окутало дверь; опустив ручку, я начала её открывать.

Первое, что я увидела, была адская гончая, присевшая на на дальнем конце дорожки, держа свою винтовку, направленной на цель, которую я не могла видеть. Первое, что я услышала, была симфония сигналов энергомагических мин, прикрепленных к двери адской гончей, готовых взорваться.

Би-ип! Би-ип! Би-ип!

Инстинктивно мне хотелось захлопнуть дверь, но даже если бы нас не убило взрывной волной, взрыв разрушил бы мост. Вместо этого я охватила их телекинезом и помолилась Богиням, что силы моего заклинания хватят, чтобы оттащить их от двери.

Адская гончая повернулась и выстрелила в меня лучом оранжевого света. Луч попал в открытый сейф на стене и поджарил его

заднюю стенку. Вспышка энергии раскалила пряжку Железного Пони докрасна.

Чёртовы мины не поддавались. Адская гончая могла прикрепить их с помощью чудо-клея. (И, возможно, так и сделала.)

БИ-ИП! БИ-ИП! БИ-ИП!

Больше времени не было. Я захлопнула дверь и упала.

Взрыв расплавил стену.

Он также расплавил и часть пола, так что стол свалился в комнату под нами. Не долго думая, мы с Вельвет прыгнули туда за ним. Последнее, что, мне показалось, я видела, прежде чем нырнуть в темноту внизу, была Паерлайт, парящая в свободном пространстве над генераторами, адская гончая пыталась сбить её винтовкой. Последнее, что я слышала, был звук разрывающегося металла.

Боль пронизывала мою левую переднюю ногу с каждым шагом. Учитывая, что мы только что сбежали, я была счастлива. Я просто повернула копыто. Все мои конечности всё ещё были прикреплены ко мне.

Коридор вёл мимо ванных комнат с одной стороны и комнаты, которая, я думаю, была комнатой отдыха зрителей, забывая торговыми автоматами. На другой стороне коридора в линию шли три освещённых, помещённых в рамки плаката с разными иллюстрациями, но объявляющих одно и то же — большими буквами, жирным шрифтом:

"ПРОГРЕСС"

На сильно стилизованных изображениях были, по порядку: локомотив, пускающий дым и тянущий за собой множество пассажирских вагонов, пони, с восхищением провожающие взглядом монорельсовый поезд, проезжающий над головой, и кобыла, которая практически в оргазмическом экстазе, любовалась, как её парящий в воздухе паукообразный робот протирал пыль с мебели. Подсветка у последнего плаката раздражающе мигала.

Мы нашли ещё двух расчленённых Стальных Рейнджеров, пока шли к лестнице. Меня встревожило то, что это была единственная дорога обратно в генераторную. Вельвет Ремеди шепнула мне:

— Когда скажу, беги что есть силы.

Волна страха прошла через мою грудь.

— Я не знаю, как далеко я сейчас смогу бежать, — сказала я, но на самом деле меня пугало то, что её план мог быть опасен для неё самой.

— Попробуй левитировать себя так, чтобы не распределять много веса на повреждённое копыто, — порекомендовала она. — И не волнуйся, я вижу, как ты на меня смотришь. Я буду прямо за тобой, обещаю.

Честность, как напомнил мне внутренний голос, не была достоинством Вельвет.

— Уж лучше будь, или я возвращусь.

Она кивнула. Я левитировала Малый Макинтош, заряженный магическими пулями, прямо перед собой и вздохнула.

Мы осторожно вступили на главный этаж электростанции Гиппокампус №12. Мы обнаружили раненую адскую гончую почти сразу же. Она взгромоздилась на верхушке генератора, стреляя в Паерлайт, которая вертелась и танцевала в воздухе, временами посылая сгустки зелёного огня в направлении чудовища.

Паерлайт отвлекала его от нас. До меня дошло, что эти страшные звуки, которые я слышала, были выстрелами из энерго-магической винтовки, приглушёнными дверью.

Надо запомнить: Во-первых, Паерлайт добровольно рисковала собой ради Вельвет Ремеди (и, возможно, ради меня). Во-вторых, Паерлайт обладенно проворный летун. В-третьих, адские гончие могут убить тебя кучей способов, но совсем не обязательно, что среди них будет точный выстрел.

Адской гончей понадобилось меньше секунды, чтобы обнаружить наше присутствие. В прыжке на нас оно кровожадно протянуло когти. Задев повреждённой ногой пол, оно коротко взвизгнуло, но здоровой ногой оттолкнулось к нам со скоростью, которая застала меня врасплох. Я застыла, забыв выстрелить.

Свет вокруг рога Вельвет Ремеди сформировался в шар, который устремился в адскую гончую и попал в ей в плечо. Чудовище сразу потеряло устойчивость, упав на пол в кучу конечностей и скользя к нам по инерции.

— Бежим! — закричала Вельвет Ремеди и бросилась бежать, оббегая монстра по широкому кругу и перепрыгивая через обломки мостика, который рухнул в комнату. Я побежала за ней, поняв её намёк. Боль всё ещё замедляла меня, но это не было большой проблемой. Адская гончая замахнулась на меня своими огромными, страшными когтями, я легко отскочила. Она пыталась ползти за мной, движимая одной лишь яростью. Гончая упала и никак не могла подняться.

Передо мной Вельвет Ремеди остановилась и жестом показала мне двигаться дальше. Я заволновалась, но спорить не стала. Когда я добежала до противоположной лестничной клетки, то услышала, как у меня за спиной она зовёт Паерлайт.

— Ты убила его? — тяжело дыша, спросила я, когда Паерлайт влетела в Небесного Бандита через разбитое окно, а Вельвет Ремеди подбежала, отставая всего на шаг.

Моя угольно-чёрная спутница-единорог заскочила в пассажирский фургон.

Я прибежала немного раньше их и крикнула об опасности СтилХувзу и Каламити, тяжело дыша. (Думаю то, что я сказала тогда было — Ааааа! Адская гончая... генераторы... винтовка... Вельвет... заклинание... Поехали! Поехали! ПОЕХАЛИ!) Каламити ещё не успел уловить связь между этим всем, когда Вельвет вылетела на крышу.

Каламити расправил крылья и резким толчком поднял нас с крыши в воздух.

Вельвет Ремеди кивнула мне головой, как только восстановила дыхание.

— Убила его? Зачем бы я это делала? У меня нет привычки убивать своих пациентов.

Я моргнула.

— Ачээтсейчасбыло?

— Обезболивающее заклинание, — улыбнулась она. — Бедняге несомненно больно.

Я уставилась на Вельвет, как будто она совсем спятила.

— Плюс, у этого лечения очень полезный побочный эффект, который не позволяет больному бегать. Очень сложно это делать, когда не чувствуешь своих ног. — Она с умным видом улыбнулась и подмигнула.

Я села.

Чёрт. Этот план... Чёрт.

Немножко отойдя от услышанного,

— Ты же не... вылечила его на самом деле, да?

Вельвет закрыла глаза. Она восприняла это как "нет". Лично я убила бы его, если бы знала, что оно фактически было беспомощным. Но отчасти я была рада, что Вельвет этого не сделала. Я беспокоилась, что Пустошь лишила её милосердия, которое делало её такой особенной. Она разрушила её дух, и от этого никуда не деться. Но было приятно видеть, что моя Вельвет Ремеди (в смысле "моя Пинки Пай") всё ещё была здесь.

И всё же, учитывая тех трёх Стальных Рейнджеров, я была совершенно не согласна с конкретно этим решением.

— Когда ты этому научилась? — изумлённо спросила я.

Вельвет мотнула головой и улыбнулась.

— В Башне Тенпони, пока ты была... в другом месте. У Доктора Хелпингхуфа была замечательная подборка заклинаний, которые он выставил на продажу. — Вельвет Ремеди задумчиво улыбнулась. — Видимо, в Министерстве Флаттершай был целый отдел единорогов, занимающихся магическими исследованиями.

Моя внутренняя пони беспокойно мотнула головой, но была проигнорирована.

— Ты можешь покупать заклинания?

Вельвет Ремеди хохотнула.

— Если под этим ты имеешь в виду обмен на обучение, то да.

— Но... Доктор Хелпингхуф — земной пони?

— Да, — снисходительно подтвердила Вельвет. — Но у него есть помощник — милый жеребец-единорог. В любом случае, не расстраивайся. Сомневаюсь, что ты что-либо потеряла. Никакое обучение не поможет, если у тебя нет природного дара к тому типу заклинаний, который ты хочешь выучить. Я никогда не смогу выстреливать молнии из рога, или превратить камень в цилиндр, или наколдовать дверь из разряженного воздуха. Не важно, сколько я потрачу бутылочных крышек или часов на попытки научиться. Мой талант — развлечение и медицинские заклинания.

Я поникла, но постаралась не подать виду.

— Да. А мой — сотворять то же заклинание, на которое способен любой другой единорог. Самое первое заклинание, которое мы учим. — Это примерно то же, что и иметь кютимарку в виде ПипБака. Лучший пример ничего не значащего.

— Нет, — сказала Вельвет с упреком. — Твой талант — совершать это заклинание лучше, чем кто-либо за последние две сотни лет.

Я слабо, но благодарно улыбнулась. Так звучало гораздо лучше.

— Прости за эт, — сказал Каламити, повиснув на сбруе и опустив крылья. Весь Небесный Бандит был поглощён мягким светом моего левитационного заклинания, сверкая в темнеющем небе, пока я медленно переносила нас к свободной части моста на трёх столбах. Он выглядел довольно крепким и должен был быть безопасным от адских гончих. Место, чтобы провести ночь.

— Не нужно извиняться, — настояла я. Каламити летел несколько часов до конца пути, с одной только остановкой на Электростанции Гиппокампус. Я завидовала выносливости пегаса.

— Я могу оклематься и дотянуть, — пожаловался Каламити, — ...прост силы не рассчитал. — Он посмотрел на громаду моста. — Думаешь, так далеко донесёшь?

— Даже не вспотев.

Вообще-то, даже очень вспотев. Я уже начала чувствовать напряжение, а до эстакады было ещё полчаса. Я бы сказала, что никак не смогу удерживать нас так долго, но после всего того, что сделал Каламити, я бы прокляла себя, если бы не нашла в себе стойкости донести нас чуточку дальше.

Мы двигались по небу нестерпимо медленно.

— Я всё ещё не могу поверить... — раздосадовалась я, — в смысле, идея того, что можно торговать заклинаниями, никогда не приходила мне в голову. — Я вздохнула. — Полагаю, это объясняет, почему Вельвет Ремеди наш дипломат и главный торговец, а я...

— Ремонтница тостеров? — предложил Каламити, когда я не смогла подобрать слова. Я засмеялась и кивнула.

Паерлайт выпорхнула наружу и уселась на боевое седло ржавошкурого пегаса, вцепившись в него когтями. Она расправила крылья и захлопала ими, как будто могла надеяться с участием моей магии тянуть Небесного Бандита Сама.

— Чёрт! — усмеялся Каламити. — Совсем скоро я вам стану совсем не нужен.

Мои глаза расширились от тревоги.

— Что? Не говори так!

— Ну эт, я заметил моментик: чё-т случаев, когда меня не было с тобой во время твоих приключений, явно больше, чем когда я был рядом.

Я раскрыла рот, чтобы сказать ему, насколько это неверно... и остановилась, когда до меня дошла действительность его утверждения. Вместо этого, я сказала:

— Каламити, ты мой самый близкий и дорогой друг... "Не считая Хомэйдж", — добавила я про себя. — Ты придаёшь мне силу. Ты помогаешь мне её не потерять. Ты мне всегда будешь нужен.

— Конечно, ты теперь так говоришь.

— И на следующее приключение мы отправимся вместе. Ты и я. Обещаю.

Заходящее солнце опустилось ниже кромки облаков, заставив их запыхать ярко-оранжевым и тёмно-красным. Эффект усиливался на фоне чёрных туч, висевших над Филлидельфией, превращая весь пост-апокалиптический город в пылающий ад.

— Проклятье!

Это были тёмные пятна, парящие над городом. Мы были достаточно близко, чтобы различить их, но лишь едва. Каламити тоже заметил их, когда попросил меня поднести ему бинокль. Он просмотрел пространство между силуэтом руин Филлидельфии и охваченным огнём небом.

— Ааа-чёрт, — сказал он, вынуждая меня посмотреть самой. Я левитировала бинокль к своим глазам и посмотрела в сторону Филлидельфии, увидев сотни ярких огней на чёрном фоне. Трубы, беспрестанно испускавшие дым. Дракониий скелет огромных американских горок добавлял инопланетных очертаний городскому небосводу. Мрачный силуэт Филлидельфии возвышался в небеса. Следующим, на что упал мой взгляд, были они...

Десятки розовых дирижаблей, сделанных в виде розовых улыбающихся лиц, заканчивающихся ушами и гривой, парили в небе над руинами города.

— Шары Пинки Пай.

— У них есть название? — спросил Каламити, содрогаясь. — Вообще-то, я больше смотрел на тех пони, которые в эти... шары Пинки Пай запакованы. Нам чертовски не стоит туда лететь.

Я посмотрела ещё раз, крутивя увеличивая до предела. Теперь я видела земных пони, обслуживавших укреплённые винтовки, легко превосходившие двух пони в длину, снабжённые оптикой и смотрелись они просто жутко. Они выглядели так же, как будет выглядеть моя снайперская винтовка, когда совсем вырастет.

— Бронебойные винтовки класса Антимех, — проинформировал меня Каламити. Теперь у меня была идея, для чего нужны были мои новые жуткие патроны.

Он был прав. Подбираться на этой бомбе на пегасье тяге как-либо близко к горизонту было бы смертным приговором. С этого момента мы пойдём. Мы проберёмся в Филлидельфию на своих копытах. Я искренне надеялась, что мы не на территории адских гончих

"Как боготворимые Принцесса Селестия и Принцесса Луна позволили нашей стране до такого дойти? Как главы Министерств позволили самой великой и прекрасной нации на свете умереть в огне и агонии? Ответ очень прост.

Некомпетентность.

Многие поколения трудолюбивых пони Эквестрии усердно работали, отстраивая эту страну, а лидеры сидели в стороне и извлекали выгоду. И не только они, но ещё и большинство пони по всей стране. Они пожинали плоды тяжёлой работы, сами и копытом не шевеля. Они бездельничали, спали на облаках, коптели небо, словно паразиты, кормящиеся потом тружеников. Тружеников, вроде вас. Тружеников, вроде меня.

Они стали эгоистами и лентяями. А лень, мои маленькие пони, — это мать глупости.

Разрушение, принесённое нам ими, было, коротко говоря, неизбежным. Они не могли делать ничего лучше, потому что они и не были никем лучше. Но сегодня мы работаем все. И завтра, когда наш труд будет завершён, мы сделаем шаг вперёд и будем приняты в любящие объятия Богини и преобразены. И в наступающем Единстве мы пожнём плоды наших собственных трудов. Вместе. Как равные..."

Я выключила радиопередачу Красного Глаза. После них я почему-то постоянно чувствовала у себя в голове путаницу. Иногда он звучал по-неприятному убедительно. Послушаю такую приманку подольше — того и гляди, сама съем его отравленное яблоко.

Как только мы достигли эстакады, Каламити рухнул от истощения и теперь тихо храпел неподалёку. Здесь оказались и другие средства передвижения, включая когда-то направлявшийся в Филлидельфию большой фургон Рассветной Сарсапарели с изображением Селестии, улыбающейся счастливым потребителем сарсапарели, на боку. На дальнем краю покоилась пара закамуфлированных колесниц — часть военного конвоя, которая не была раздавлена и погребена под обрушившимся следующим пролётом эстакады. Мне хотелось поглазеть да поизучать... но я дала Каламити обещание ранее. И, хотя копание в кузовах нескольких фургонов трудно было назвать приключением, я была уверена, что он бы обиделся, если я не подождала бы его. Не без причины.

Вельвет Ремеди тоже спала. На её плече сидела Паерлайт, чьё оперение, казалось, светилось в наступающей темноте. Жар-феникс выглядел гордым и, если это было не просто моим воображением, охваченным собственническим инстинктом.

СтилХувз снова дежурил. Я не могла припомнить, чтобы видела, как он спал. Гуляем вообще нужно спать? Так много я не знала.

— Ты мне нравишься, — улыбнулась я сказочной птице, — Ты... — Пришедшее мне на ум слово было простым, но после моего предыдущего недоразумения с Вельвет Ремеди я аккуратно подбирала слова, — откровенна. Мне не надо беспокоиться о том, что у тебя могут быть тайные планы или тёмные тайны. Ты наблюдала за нами... осмелюсь сказать, из любопытства? Если так, то этим мы похожи.

Жар-феникс радостно присвистнул.

— Вельвет Ремеди помогла тебе, и ты решила остаться с ней. Дружба, чистая и простая.

Феникс охорошился.

— Ты сделала правильный выбор, — добавила я, глядя на Вельвет Ремеди. — Она и правда очень хорошая, очень особенная пони.

— Я протянула копыто к её боку, касаясь кьютимарки. С поющей птицей.

Паерлайт сердито посмотрела, издав крик, сопровождаемый вспышкой зеленого пламени. Мой ПипБак слегка пощёлкал, затем снова затих. Я, хохотнув, убрала копыто.

— Не волнуйся. Я не соперница. Она вся твоя. — Немного огорчённым тоном я добавила: — Может быть, раньше и была бы. Но... всё изменилось.

Золотисто-зелёный феникс наострил уши. Я нашла способ объяснить:

— Вельвет посадила меня в клетку. Ради моего же блага... Я болела и вредила себе. Но после этого... — я приостановилась, — мы просто хорошие подруги.

Судя по всему, такое разъяснение удовлетворило Паерлайт. Но я не собиралась трогать бок Вельвет Ремеди, чтобы проверить.

Мне не удавалось заснуть. Недавние страхи и тревога о том, что ждало меня впереди, слились в несмолкающий гул в моей голове. Я не могла себе позволить войти в эту новую ситуацию отупевшей от недостатка сна, но от этой тревоги становилось только хуже. Я не могла заставить себя заснуть. Я пыталась.

Небольшое отвлечение внимания могло помочь мне разогнать тревожные мысли, роящиеся в голове. Я достала шар памяти, подобранный на электростанции. Я рассматривала его короткое время, пробегая по воображаемому контрольному списку. Я не была в битве или в неминуемой опасности, так что это должно было быть безопасно. С другой стороны, эти шары всегда были азартной игрой. Я слишком отчётливо помнила тошнотворные ощущения от повреждённого шара памяти.

Часть меня, однако, задавалась вопросом, не пользуюсь ли я бессоницей как предлогом, чтобы удовлетворить своё любопытство. Вероятно, так и было. Что ж, это было нормально. У кого из нас нет недостатков?

<=====ooO Ooo=====>

Воспоминание несло в себе нечто изумительное, чудесное, вдохновляющее. Солнечный свет!

Чистый, сияющий солнечный свет. Нефильтрованный и незадержанный пеленой облаков. Огненный шар в небе был одновременно страшным и величественным. Живой символ самой Богини Селестии. Его свет был мощным, способным пробиться через тьму и тени, разоблачая и очищая. Он был теплым и сочувствующим, и приносил с собой чувство надежды.

Солнечный свет был так же удивителен для меня, как ПипБак для пони Эквестрийской Пустоши. И, в свою очередь, свет был так же прозаичен для того пони, в теле которого я оказалась, каким был ПипБак для меня.

Я стояла на балконе вместе с несколькими элегантно одетыми джентльпони, глядя вниз на огромное залитое солнцем фойе, отделённое от улицы рядом окон из чистого стекла, поднимавшихся вверх по крайней мере на три этажа. Снаружи раскинулась идиллическая картина: хорошо одетые пони ярких цветов шли по своим делам по булыжным мостовым вдоль травяного бульвара —

Здания на другой стороне были в основном закрыты деревьями, но я видела, что они были такими же величественными и впечатляющими, как и то, в котором я находилась.

Балконы и мезанины охватывали открытый атриум. В больших садовых ящиках были посажены полностью выросшие яблони. Повсюду деловито сновали пони. Оглядевшись вокруг, мой хозяин сосредоточился на мраморном полу светлых цветов, на котором образовалось скопление пони, вызывавшее беспорядок.

Это было небольшое столпотворение, напиравшее на одинокую фигурку в центре — зебру.

— Возвращайся, откуда пришла!

— Ты думала сможешь просто так прискакать в Министерство?

— Лучше быть распятым, чем полосатым!

— Что ты здесь делаешь? Ты шпион?

Над толпой прозвенел голос знакомой рыжей пони со светлыми гривой и хвостом, спускавшейся рысью по изогнутой лестнице.

— Остынь, родной. Зекора не шпион!

Эпплджек достигла скопления и быстро разогнала всех пони, которые заворчали, возвращаясь к работе. Чуть больше чем через минуту там стояли только она и донельзя неуместная зебра. Другие пони обходили их стороной, бросая недобрые взгляды. Эпплджек бросала ещё более недобрые взгляды, заставив нескольких отвернуться и прибавить шагу.

Наконец, она повернулась к зебре, глядя на неё с большим сожалением.

— Зекора, тебе правда не стоит ходить везде просто так. Это сейчас небезопасно.

— А что, нельзя мне друзей навещать? — спросила зебра экзотическим, необычно-поэтическим голосом. — Ну что же, теперь буду знать.

— Ну, сейчас же война, — разумно заметила Эпплджек и, подняв копыто, смущённо почесала за ухом.

— Пони питают ко мне зlobу и страх. Я с этим встречалась в Понивильских местах. — В голосе зебры чувствовалось глубокое разочарование. — Тебе народ зебр может странным казаться, но пони... они не умеют меняться.

— Ну спасибо, — нахмурилась Эпплджек и слегка оцетибилась. Затем она вздохнула. — Давай просто уберём тебя с глаз, ладно? Идём со мной... — Эпплджек замолчала, озираясь в огромном атриуме. — У меня тут где-то должен быть офис.

Это её Министерство, и она даже не знает, где её офис?

— Леди Эпплджек, как приятно вас... — окликнул её джентльпони, спускаясь по другой лестнице. Заметив зебру, он остановился. — О, боже!

— Ох... — скривилась Эпплджек, прижимая копыто к лицу. — И ты тоже, Старшайн. С Зекорой всё в порядке. Она мой друг.

— О, конечно! — вежливо ответил джентльпони. — Я ничего не имею против зебр. Фактически, моя компания одна из немногих в Кантерлоте практикует приём на работу зебр. — Ну, разве он не лстивый паренёк. — Пусть Министерство Пропagанды говорит, что хочет...

— Министерство Стиля, — поправила его Эпплджек.

— Полагаю, я так и сказал, — пренебрежительно заявил Старшайн, полностью переключая внимание на зебру. — Так или иначе... Зекора, верно? Если вы когда-нибудь будете искать работу, загляните ко мне. Всякий, у кого есть отпечаток копыта Леди Эпплджек на рекомендации...

— Ты что-то хотел, Старшайн? — раздражённо перебила его Эпплджек.

— О, да. Я просто хотел передать вам небольшую благодарность за поддержку М.В.Т. для нашего расширения в Сталлионграде и Мэйнхэттене. Всё идёт как по маслу, и я ожидаю никак не меньше, чем звёздный успех.

— А... Я тебе уже говорила, Старшайн. Мы тут не берём отбрыков. Это не то, как мы здесь работаем.

— Конечно, конечно. Даже мысли такой нельзя допустить! — ответил джентльпони, добродушно оправдываясь. — Нет, это просто дружеский подарок. Но раз так, тогда ладно.

Он не хотел её оскорблять, разумеется. Скользкий тип. Абсолютно всё в этом пони вызывало у меня неприязнь. Судя по выражению лица Эпплджек, ей он нравился не больше.

— Что ж, Зекора... — сказал он, возвращаясь к зебре. — Что вы думаете об общественных перевозках?

Жеребец, стоявший на балконе рядом со мной, произнёс, понизив голос, отвлекая меня от сцены внизу:

— Она уже чуть ли не публично объявляет о дружбе с зебрами. Одна только огласка может нас потопить.

Я ощутила, как мой хозяин кивает вместе с остальными.

— Джентльпони, я думаю, настало время обсудить отставку Эпплджек.

<-----ooO Ooo----->

Я чувствовала холод, возвращаясь в реальность. Это ужасно — хранить память только для шантажа. Я оттолкнула шар подальше.

— СтилХувз? — Я осторожно подошла к Стальному Рейнджеру. — Я хочу поговорить с тобой об Эпплджек и её Министерстве.

Шлем закованного в броню Рейнджера повернулся ко мне, но он ничего не ответил.

— Ты знал её... вероятно, лучше, чем кто-либо, за исключением членов семьи и лучших друзей. Что... что случилось?

— Мегазаклинания упали, — невозмутимо ответил СтилХувз. — Все пони умерли.

Я вздохнула. Следовало ожидать, что он ответит что-то подобное. Я попробовала снова.

— Что произошло между ней и Министерством Технологий?

— Ты приказываешь мне рассказать? — спросил он со странной интонацией.

— Нет... — сказала я, чувствуя себя неловко из-за этого вопроса. — Я спрашиваю тебя. Просто я... хотела знать.

— Потому что знаешь, что обладание этой информацией даст тактическое преимущество?

Я повесила голову, чувствуя раздражение.

— Нет. Потому что... — Я замолчала в неуверенности. — Потому что, как бы глупо это ни звучало, мне не всё равно.

Мои слова удивили меня, как и истина, скрывавшаяся за ними. Каким-то образом мне стали действительно небезразличны эти шесть пони, жившие двести лет назад — кобылы Министерств. Я не понимала почему. Это было бессмысленно. Но в какой-то момент мои взгляды в прошлое переросли из академического любопытства в настоящее чувство привязанности.

Может быть, это было из-за встречи со Спайком. Его истории о ярком и радостном прошлом и приключениях этих близких друзей несомненно закрепили это превращение. Часть меня хотела счастливого завершения для истории хотя бы одной из них.

В реальности шансы этого рисовались гнетуще бледными. Я знала это, но всё равно не хотела терять надежду. Взглянув мимо

СтилХувз, я оглядела укрытую ночью Эквестрийскую Пустошь. Низкие облака над Филлидельфией светились багряным, отражая огни на земле.

Ад. Мы буквально направлялись в ад.

Низкий рокот голоса СтилХувз заставил меня вздрогнуть.

— У Эпплджек не было вкуса к администрированию, — начал он. Я повернулась к гулю, который был когда-то — я была уверена — любовником Эпплджек. — Это не было похоже на управление фермой или организацию Уборки зимы... — Я услышала, как он фыркнул от смеха под шлемом. — ...с которой, если подумать, ей всё равно требовалась помощь Твайлайт Спаркл. Так что она просто наняла кучку бизнес-пони, чтобы они делали это за неё.

Я задумалась, как много из них делили со мной балкон в том воспоминании.

— Намерения Эпплджек, — продолжил СтилХувз с ноткой необычной для него ностальгии, — заключались в том, чтобы Министерство Технологий помогало поощрять и субсидировать предприятия, которые осуществляли большее развитие технологий и промышленности. Министерство продвигало принципы пути земных пони и искало возможность помочь сделать Эквестрию лучше для всех пони, опираясь на эту этику.

СтилХувз смотрел на горизонт. На Филлидельфию. Его голос оставался твёрдым, но я могла с уверенностью сказать, пони-гуль говорит о глубоко эмоциональных для него вещах. Я почтительно слушала, понимая, что это дар.

— Эпплджек хотела совать копыта в чужие дела не больше, чем ей бы хотелось, чтобы кто-то вмешивался в дела её фермы. Она верила в добрую по сути природу пони и считала, что их следует оставить под управлением их собственных добродетелей...

Он внезапно повернулся ко мне и произнёс с горечью:

— Проблема в том, что промышленные предприятия и корпорации — это не пони. У них нет доброй природы. Они как... мэйнфреймы, рассчитывающие риски и прибыли. И если числа будут достаточно велики, они бросят маленьких жеребят в шестерни своих машин, чтобы смазать поток капиталов.

Я вдруг вспомнила о Мэйнфрейме Крестоносце в Стойле Двадцать Девять.

— Когда Эпплджек вернулась в Министерство Технологий после смерти своего брата, её единственной целью было сосредоточить усилия Министерства на том, чтобы создать новые, лучшие доспехи. Такие, которые не подведут пони, как подвела Биг Макинтоша его броня.

— Но чем дольше она настаивала на этом, тем глубже становилась пропасть ужасов, которую она открывала. То, что не было испорчено, было неподконтрольно. И тогда она стала пытаться всё исправить. Пыталась довести до конца разработку, не цдя здоровья и средств, пыталась исправить корпоративные нарушения.

СтилХувз надолго затих, не отводя от меня взгляда. Кажется, он оценивал меру моего понимания и вместе с этим, возможно, то, насколько я была достойна этого подарка.

Наконец, он закончил добавив:

— И это не то, чему кто-либо собирался радоваться. И с чем некоторые пони стали бы мириться.

"Знаете, какое слово я ненавижу сильнее прочих? Слово 'Раб'.

Да, мы все связаны цепями промышленности. Но есть что-то большее, что связывает нас. Это взаимная ответственность. И отречься от неё — значит стать ничем не лучше рейдера, отвратительного мерзкого кровососа на теле нашей великой Эквестрии.

Если я раб лишь лишь потому, что не свободен от добродетели и заботе о ближнем, то я не хочу свободы! Свобода быть бесполезным, разрушительным, непродуктивным... право отринуть будущее, которого мы лишь вместе сможем достичь... это не свобода. Это анархия в худшем своём проявлении. И добрые, усердно трудящиеся, благородные пони Эквестрии не потерпят этого. Не правда ли?

Рейдеры есть воплощение грехов прошлого. Эгоистичные, ленивые, жадные. Они берут то, что не могут сами создать. И уничтожают то, что не могут взять. Они заполонили Эквестрийскую Пустошь, словно термиты, пируя на уже иссохших костях нашей некогда великой нации. Они носятся около руин Филлидельфии, рыча и вопя снаружи Стены.

Будьте уверены, мои маленькие пони, что, когда настанет момент возрождения, этим мерзким насекомым не будет места в нашем новом мире. Те, кто не присоединится к Единству, будут раздавлены нашими копытами. Искоренены раз и навсегда.

Нам, возможно, даже не придётся долго ждать. Уже сейчас Великая армия Детей Единства становится всё сильнее и могущественней. И Богиня посылает Своих Детей, созданных по Её подобию, очищать пустошь.

Да... тем из вас, кто является термитами... рейдерам, Стальным Рейнджерам и каннибалам, я скажу следующее:

Очищение грядёт!"

Заметка: Следующий уровень.

Заметка: Навык Взлома достиг 100%

Новая способность: Проворный Скакун — Благодаря вашей ловкости и рефлексам, вы способны шустро поражать уязвимые места противников и не допускать, чтобы они делали то же самое. Вы получаете дополнительный 5% шанс нанести критический удар, в то же время для ваших врагов шанс нанести критический удар снижается на 25%. Эта способность действует, только когда вы носите лёгкую броню или обходитесь совсем без неё.

<<< ^^^ >>>

Глава 23. Картина Предательства

Глава 23. Картина Предательства

«Дитя моё, это довольно опасно исследовать места, которым ты не принадлежишь. Чем ты руководствовалась, оказавшись в моих покоях?»

<<< ^^ >>>

— Любопытство.

Я остановилась, заколка и отвёртка зависли между мной и стенным сейфом, когда СтилХувз пробормотал свой комментарий. Этот сейф был единственным в Клинике Хэлпингхуфа, который не вскрыли пони, побывавшие тут до нас. Всё, что могло содержать какие-либо ценности, было очищено; светлые пятна на стенах, показывающие, где весили боксы, говорили о том, что то, что не смогли вскрыть, просто сорвали со стен.

— А? — Как всегда красноречива, Литлпип.

СтилХувз заржал.

— Твоя маленькая подружка Хомэйдж спрашивала меня о том, что я думаю о твоих характерных чертах.

— Что? Когда? — О Богини, что СтилХувз сказал ей? Пожалуйста, хоть бы это не было плохим. Или постыдным.

— Пока ты лежала в больнице, — прямо ответил СтилХувз. — Тебя и вправду удивляет, что она расспрашивала твоих компаньонов о тебе?

Нет, не совсем. Она, вероятно, пыталась лучше узнать настоящую меня, в особенности перед тем как поднимать наши отношения на новый уровень. Это было... мудро. Просто я не была уверена, что СтилХувз — тот пони, от которого я хотела бы получать рекомендации.

— И что ты сказал? — нервно спросила я. И внезапно почувствовала себя глупой. Он ведь только что ответил, не так ли? — Я имею в виду... хорошо. Любопытство. Не так уж это и плохо. Да, я любопытна. Я не думаю, что это можно назвать моей характерной чертой.

— Мы идём в ад, — вставила Вельвет Ремеди, — а Литлпип осматривает достопримечательности.

— Нет, — возразила я. — Я не... — Я перестала говорить, увидев её понимающую улыбку. — Эй, Клиника была тут, у нас на пути. И вы знаете, что мы могли бы использовать медикаменты, если бы их нашли.

— А-ага. Вам надо было видеть Литлпип в Стойле Двадцать Четыре, — согласился Каламити. Изображая мой голос (плохо, надо сказать), он прокричал: — Опасные твари? Давай посмотрим!

— Эй. Не ты ли хотел пойти со мной на следующее приключение?

— Полагаю, она была такой с момента, как вышла из собственного Стойла, — заключил Каламити. — Хотя не мне её судить. Живя в коробке...

— О нет, — встряла Вельвет Ремеди. — Она была такой и в Стойле тоже.

Я вздохнула. Очевидно, сегодня был День Поддразнивания Литлпип. Я отвернулась, решив сосредоточиться на сейфе в стене. Пускай веселятся.

Вельвет между тем продолжала:

— Когда остальные жеребята решили попробовать что-то новое в попытке заставить свои кьютимарки появиться, они пробовали хуфбол. Или балет. А Литлпип? Она пытается изобрести искусство влезания в чужие личные вещи.

Я сломала заколку, что меня очень расстроило, так как замок был намного ниже моих умений.

Я глубоко вздохнула, глядя в случайном направлении — не на сейф и не на своих друзей. Паерлайт уселась на стойку для капельниц у углу рядом с больничной койкой. Позади неё висел постер Министерства Мира, изображавший Флаттершай с белым кроликом, сидящим у неё на голове, и разноцветными птичками и бабочками, порхающими вокруг. В верхней части постера стояла короткая надпись "Помните", но нижняя половина была настолько затёрта, что я не могла понять, что же она пытается сказать. Должно быть, была какая-то кроткая, но коварная сила в изображении Флаттершай, заставившая меня почувствовать стыд за то, что мы забыли о том, что она просила нас не забывать.

— Что ж, — проворчала я, доставая запасную заколку. — Может быть, тогда любопытство — моя добродетель?

Трое моих спутников тихо скептически переглянулись. Паерлайт мягко гукнула, когда их лица расплылись в улыбках (или, по крайней мере, мордочки Каламити и Вельвет Ремеди). Они одновременно повернулись ко мне и сказали, что нет — это определённо порок.

— Нда, такого мы не ожидали, — заметил Каламити, глядя через открытый сейф на здание, соседствующее с клиникой Хэлпингхуфа. Вся задняя стенка сейфа отсутствовала напрочь вместе с заметной частью стены. По характеру повреждений было похоже, что оружие большой магической силы, типа пушки со станции Р-7, было использовано, чтобы проплавить стену. — У кого-то круто встало на этот сейф.

— Значит они были идиотами, — прокомментировала я. — Этот взрыв наверняка уничтожил всё, что было внутри.

— Не думаю, что они использовали оружие именно против сейфа, — сказал Стилхувз.

— С чего ты взял?

— Ну, во-первых, сейф был спрятан. Похоже, они даже не знали, что он здесь есть.

СтилХувз был прав. Сейф был спрятан за большим оправленным в рамку плакатом; большинство мародёров не додумалось бы снять его и посмотреть за ним. Но после того, как Хомэйдж показала её сейф за пейзажем Прекрасной Долины, у меня появилась привычка заглядывать за картины. Которая, конечно, стала темой для моих спутников при обсуждении моих недостатков.

Я окинула взглядом место, где плакат был прислонён к медицинской стойке. Он сильно отличался от плакатов, которые я видела раньше. Это было более прямолинейное и беспристрастное предупреждение из прошлого:

Невроз Военного Времени

Тысячи лет пони знали только мир.

И нет ничего удивительного в том, что многие не смогли выдержать суровые реалии войны.

Невроз Военного Времени — настоящая болезнь, которая захватывает тысячи пони каждый год.

На что обращать внимание:

- Депрессия
- Постоянное беспокойство.
- Бессонница.
- Потеря аппетита.

· Непатриотичные мысли.

· Суицидальные порывы.

Если у вас или кого-то из ваших близких присутствуют два или больше из этих симптомов — это может быть НВВ.

В этом случае обратитесь за помощью. Ни один пони не должен страдать в одиночестве. Специально обученные и внимательные пони, прошедшие подготовку в Министерстве Мира, ждут вас, чтобы помочь.

Я лишь мимолётом глянула на плакат и снова прислушалась к Стилхувзу. (Прочитав плакат, перед тем как снять его, мне не было нужды читать его снова.)

— Во-вторых, — продолжал Стилхувз, очевидно, обративший больше внимания на окружающее, чем я, — следующее за клиникой здание было банком.

По правде сказать, я выбросила из головы соседнее здание, после того как обнаружила, что двери завалены изнутри кирпичами. Теперь-то я видела (через сейф), что изрядное количество обстановки внутри не пострадало. А банк обещал много интересного.

— Хорошо, — сказала я, левитируя перед собой зебринскую винтовку. — Я иду туда.

Едва я полезла в сейф, как тут же почувствовала зубы, впевнившиеся в мой хвост и вытаскившие меня обратно.

— Не-не-не-не, ты чё! — сказал Каламити, отпустив меня. — Да никто из нас нифига не сможет забуриться в эту штуку, — уточнил он, указывая копытом на стеной сейф. Я открыла рот, собираясь возразить, но он оборвал меня: — И тебе не дам храбриться тут в одиночку. То, что разнесло эту стену, может быть, ещё там шныряет. — И ухмыльнулся: — К тому же, ты сказала, что следующая развлекуха у тебя будет вместе со мной. Обещания над держать!

Я осеклась — он попал в точку. Потом меня осенило:

— Оттуда я смогу увидеть обвал, заваливший вход, и отлевитировать его с пути. И вы все сможете войти через дверь. Это займёт всего мгновение.

Они переглянулись, и я прочла на их лицах неохотное принятие неизбежности этого. Раз уж я взялась за это, то ничто не могло меня остановить (кроме, разве что, дротика с транквилизатором).

Я левитировала перед собой зебринскую винтовку, моё нынешнее основное оружие. Мы с Каламити провели всё утро за разграблением закрытых оружейных ящиков из сохранившихся конвойных колесниц на эстакадах; в результате я больше не беспокоилась о патронах для винтовки зебр. (Меня удивило, что даже здесь наверху всё, что не было закрыто, было разграблено. Но Каламити напомнил мне, что он не единственный летун на Эквестрийских Пустошах.)

Я поняла, что мы везунчики, раз уж пробрались через территорию адских гончих в разрушенные адские территории филлидельфийских пригородов без единого столкновения. Во время перехода мы с Каламити выдвинулись на разведку, будучи, безусловно, самыми скрытными членами нашей группы. Я держала радио в моём ПипБаке выключенным. Лишь самым крошечным отголоскам шумов удавалось утечь из моих наушников, чтобы быть услышанными кем-то ещё, но я подозревала, что адские гончие могли засечь даже их. Мне безумно хотелось опять включить его и услышать, что ещё может сказать Красный Глаз.

Ещё раз взглянув на сейф, я решила сбросить свои седельные сумки. Будет тесно, и застрять совершенно не хотелось. Я могу просто левитировать их за собой, когда полезу внутрь. Или, в худшем случае, вернуться в клинику за ними когда открою парадную дверь банка.

"Без столкновений" также означало что я всё ещё должна Каламити приключение, и я хотела отдать ему этот долг, до того как мы прибудем в самое сердце Филлидельфии. Мы собирались пробираться на территорию работорговцев, и я очень боялась за безопасность моих спутников. Не то, чтобы я сомневалась в их способностях или храбрости, но... тревога, которую я ощущала, с трудом складывалась в слова. Мои друзья были дороги мне, но они также могли быть дороги и работорговцам, но совсем в другом смысле. Насколько ценной добычей для них считался бы пегас? Или Вельвет Ремеди?

Только Сёстрам известно, как они отреагировали бы на Стального Рейнджера. А ведь нападать на целую чёртову армию работорговцев было бы последней вещью, которую я собралась бы сделать.

Если честно, то мы были почти в Филлидельфии, и я не знала, что нам делать по прибытии. Весь мой план заключался в том, чтобы прибыть туда, осмотреться и надеяться на то, что увиденное подскажет, что мне делать дальше. С тревогой я понимала, что единственным вариантом там вполне могло оказаться лишь развернуться и шмыгнуть домой. Но мои друзья ожидали большего. Все те рабы ожидали кого-то, кто спасёт их.

Я внезапно представила себе, как бегу к воротам, стучусь в них и говорю стражнику с другой стороны: "Привет, я пришла чтобы спасти рабов." Грёзы закончились на моменте, где мне прострелили голову.

Так что да, я, скорее всего, осматривалась. Подобное отвлечение давало мне немного времени.

Я залезла в узкую чёрную прямоугольную рамку сейфа и начала ползти на другую сторону.

"Ко мне недавно приходила кобылица. 'Спасибо вам, Красный Глаз!' — сказала она. 'Вы придали моей жизни смысл. Раньше я была несчастной, но теперь я часть чего-то большого. И теперь я знаю, что ещё большее ждёт меня. Возможность всей моей жизни.'

Конечно, она говорила это только для того, чтобы подобраться ко мне поближе и вонзить в меня грубый нож, сделанный ею из украденного железа. Но всё же её слова затронули меня. Поэтому её не убили на месте.

Вместо этого, я отправил её в Яму, где у неё будет шанс воплотить свои кровожадные порывы с более достойной целью..."

Вельвет Ремеди бросилась в женскую уборную сразу из вестибюля банка, и мы все вежливо притворились, что не слышим её. Вестибюльное радио неплохо помогало этому: слова Красного Глаза сливались с жужжанием мух. Озираясь вокруг, мне было неприятно думать о том, что мой желудок не выражал хотя бы близких по силе протестов. От вони слезились глаза, но я видела слишком много и слишком часто. Можно даже сказать, что я становилась закостенелой. И это до чёртиков меня пугало.

Я услышала как вода начала стекать в одну из раковин в уборной, и мне вдруг захотелось вломиться внутрь. Мы не проверяли местную воду, но я была уверена, что она радиоактивна. Вельвет должна была знать это, но я сомневалась, что она сейчас мыслит разумно.

— Разорванные тела пони и пошлые граффити, — сказала Вельвет со слабой улыбкой, когда она вернулась. — Прямо в стиле рейдеров. — Она повернулась ко мне: — Спасибо тебе снова за то, что приводишь меня в такие "замечательные" места.

Мне стало не по себе.

Когда-то вестибюль был местом, где пони слонялись в ожидании своей очереди к банковским служащим, чьи кассы занимали одну из сторон вестибюля, или к тем, чьи офисы были в задних помещениях, вроде того, в которое я проползла через сейф с уничтоженной стенкой. Однако рейдеры осквернили этот зал, с присущим им извращённым весельем, равного которому я не видела с Понивилльской

Библиотеки. Замученная собака, свисающая с потолочной лампы, была чрезвычайно отвратительной деталью декора.

— А чё, я согласен с Лил'пип, — заметил Каламити, взглянув на заднюю стену офиса, который примыкал к клинике. — Тутошние рейдеры махались с какими-то захватчиками, офигенно опасными. Рейдерских трупов дохрена, захватчиков ни хрена.

— Ну, один-то есть, — поправила я его. — Вроде бы.

Груда обломков, на которую пришёлся центр магического разрушения, ещё светилась бледно-розовым, намекая, что бой был не так уж и давно.

Каламити кивнул.

— Знаешь, чё я думаю? Удачный выстрел, — сказал он. — По тому, как эту стену разнесло нахрен с такого расстояния, что задело сейф у соседней стены, уверен, что один из захватчиков таскал седельную сумку, битком набитую магическими гранатами или типа того, а кто-то из рейдеров зафигачил в них пулю.

— Ну, они, очевидно, прошли не через парадную дверь. Или сейф. Так что это значит, что тут есть ещё один вход. — Я посмотрела на СтилХувза. — Ты не помнишь, что за здание было с другой стороны от банка?

Раздавшийся откуда-то сверху шум прервал наш разговор. Пыль посыпалась с потолка вместе со стуком копыт на этаже выше. Повешенная лампа закачалась, когда они прошли над ней; гниющий кусок замученной собаки упал на пол с мясистым звуком. Я левитировала винтовку ближе. Каламити перезарядил боевое седло.

— Если честно, — шепнула Вельвет Ремеди. — У вас была хоть мысль о том, что они могут быть дружелюбны?

— Не-а.

— Всем назад, — прорычал СтилХувз. Поняв его намерения, я ринулась в уборную, обволакивая удивлённую Вельвет в телекинетическое поле и втянула её за собой. Паерлайт нырнула в дверной проём над нашими головами. Каламити ринулся обратно в конференц-зал.

Пиу-у-у. **БУМ!**

Снаряд из автоматического гранатомёта СтилХувза взорвался вспышкой огня и штукатурки под потолком. С душераздирающим грохотом потолок обвалился, вместе с которым упали пятеро пони-рейдеров. Один жеребец с облезлой шерстью и кютимаркой в виде горящего черепа жёстко ударился о кассовый аппарат и укатился за пределы видимости. Кобыла с розовой гривой в виде шипов запуталась в ужасном экспонате, состоящем из, как минимум, внутренностей трёх жеребят, зебринский меч выпал из её рта и покатился по полу. Он остановился у копыт Каламити.

Последний пони-рейдер стоял над нами на краю обрушившегося потолка с охотничьей винтовкой, парящей у него под боком. Его взгляд упал на меня, скользя по моему телу... а вот теперь мне захотелось блевануть. Его глаза внезапно расширились, и он скрылся из виду.

Остальные пони-рейдеры пытались подняться на ноги. СтилХувз быстро запустил ещё шесть гранат им вдогонку. Я заметила мерцание щита Вельвет Ремеди вокруг нас двоих, как раз вовремя, чтобы защитить нас от осколков и кровавых осмётков. Оторванный глаз рейдера шлёпнулся о магическое поле в дюйме от моего лица и стал сползать вниз.

После всего этого я всё же опустошила свой желудок. Консервированная кукуруза совсем не такая вкусная, когда вылезает обратно.
* * *

— Один смылся — тот, что тут упал, — крикнул Каламити, зависнув с другой стороны касс. Распахнутые двери в дальние офисы банка отмечали наиболее вероятный маршрут побега рейдеров.

Ещё раз хорошенько отхлебнув из фляги, я ответила:

— Да и сверху один тоже удрал.

Я чувствовала себя слабой и растерянной, но старалась сосредоточиться на существовавшей угрозе. Выжившие рейдеры могли привести подкрепление. Конечно, если у них кто-то ещё остался. Меня больше беспокоило то, что они могли сейчас расставлять западни.

Каламити фыркнул.

— Так терь рейдеры бегают от нас? — Он поднялся в верхнюю комнату. — Хотя, конеш, они могут ца устроить засаду.

Вельвет Ремеди подняла взгляд на Каламити.

— Да ладно, тебя правда это так удивляет?

Она указала копытом на меня.

— Да самая маленькая из нас — просто ходячий арсенал. Ты — пегас с индивидуально собранным боевым седлом, а СтилХувз... это СтилХувз. О Луна, да мы выглядим скорее как вестники смерти.

Вельвет Ремеди подошла к месту бойни.

— Любому рейдеру, вооружённому так хорошо... — сказала она, подняв из развалин окровавленную утыканную гвоздями битку, — ...хватит одного взгляда на нас, чтобы ускакать вдаль без оглядки, если у него вообще хоть немного мозгов осталось.

Я скривилась. Не потому что меня беспокоила моя похожесть на вестника смерти в глазах рейдеров (Хотя должна была бы!). Просто комментарий Вельвет напомнил об искажённом мнении о нас, которое СтилХувз когда-то высказал Каламити.

СтилХувз смотрел на зебринский меч. Драгоценный камень в его рукоятке раскрошился и закоптился. Не важно, какие чары лежали на этом мече, они растаяли вместе с этим камнем.

— Та-ак... — начала я, собираясь с мыслями. — Главное хранилище находится в подвале. Другой путь в банк, возможно, пролегает где-то выше через соседнее здание. — Я взглянула на своих компаньонов, дав им время на возражения. — Вельвет, СтилХувз — вы идёте поверху. С вами двумя можно быть уверенным, что каждый, кого вы там найдёте, будет встречен или любящей заботой или подавляющей силой.

Вельвет Ремеди хоть и глянула на меня криво, но кивнула. (Во имя Луны, как же это я снова оказалась де-факто лидером?) Я уже видела, как моя приятельница из Стойла разделалась с адской гончей, так что я не беспокоилась о её безопасности.

— Как взломщик, я должна пойти вниз, в хранилище. Каламити, ты со мной.

* * *

БУМ!

Меткий дуэлет из боевого седла Каламити заставил энерго-магическую турель взорваться, разбрасывая осколки по залу. Скользнув в нирвану З.П.С., я прицелилась в две оставшиеся турели и разрядила по паре патронов в каждую. Они едва успели выстрелить, покорёжив бронепластину моего рабочего комбинезона и одарив меня болезненным, но терпимым жжением под ней.

Крадучись, мы прошли мимо офиса охраны и взглянули в шедший за ним коридор. По обе его стороны были двери в боковые комнаты, оканчивался же коридор массивной металлической дверью хранилища с терминалом рядом на стене.

Каламити уже пошёл дальше по коридору, но я задержалась у стола, заметив соскользнувшую с него книгу. "Повышаем объёмы

продаж". Обложка изображала довольного покупателя яблоко. Свою коллекцию я уже перечитала и оставила на Станции P-7, так что эту находку я прихватила с собой. Затем я пробежала по коридору, догнав Каламити.

Обжигающий сгусток зелёной энергии метнулся мимо меня, попав в стену за нами и превратив деревянную отделку с кирпичом под ней в зелёную светящуюся жижу.

— Люблю я запах плавленных зебр поутру!

Дерьмо. Тут один из этих.

— Назад! — крикнула я.

Мы двое едва успели заскочить обратно за угол, когда многорукий парящий робот показался из-за дальнего угла. Я почувствовала, как пламя лизнуло мой хвост, когда робот полил из огнемета коридор, где мы только что были.

— Ай! Ай-ай-ай-ай! — загарцевала я с горящим хвостом, пока Каламити не затоптал огонь. — ААААаааах!

— Пардонь.

Я захныкала, на глазах навернулись слёзы.

— Спасибо.

По пути сюда Каламити заставлял меня вскрывать каждый ящик с боеприпасами, каждую кассу и каждый стол. Его сумки уже прямо переполнились довоенными золотыми монетами вкуче с пачками сигарет и жвачки, а также другими вещами, которые он счёл стоящими. Я хоть и не рассчитывала найти, с кем нам удастся поторговать в Филлидelfии, но и не возражала. Я забрала большую часть боеприпасов, включая главный приз — четыре энерго-магические гранаты.

— Так, в прошлый раз гранаты прокатили, — прощептала я, доставая парочку, — а в отличие от аликорнов, я уверена, мне удастся провести эти штуковины одним трюком дважды.

Я присела на корточки перед настенным терминалом рядом с дверью, позади нас в коридоре догорали останки робота. Дверь в это хранилище была сходна с дверью под Разбитым Копытом, вот только здесь внешнего замка не было, что сразу свело на нет всю полезность моих навыков по вскрытию замков. Однако я была вполне уверена, что взломав терминал, я смогу перенастроить матрицу заклинаний и открыть дверь.

Пока я работала с терминалом, Каламити стоял на страже. Мы подняли головы, когда к нам эхом прикатился приглушённый звук взрыва несколькими этажами выше.

— Значит, любящей заботой встретить не получилось.

— Агась.

— Если я всё это переживу, то однажды усядусь и напишу продолжение Руководства по Выживанию в Пустоши, описав всё, что Дитзи Ду умудрилась пропустить.

Мне, конечно, нравилась пони-гуль, но... серьёзно, целая глава о радсвинах и лишь упоминание об адских гончих? А глава о перенастройке роботов под свои нужды оказалась вообще сплошным проёбом.

Я сосредоточилась на своей задачке, отсеивая различные варианты паролей, пока не нашла верный. Было почти так же сложно, как с терминалом Пинки Пай. Почти.

Издав серию громких лязгов, массивная дверь опустилась в пол. Слегка удивившись этому, я шагнула в хранилище.

Кто-то уже побывал здесь. Остались лишь разбросанные повсюду довоенные монеты, а большинство малых сейфов вдоль стен были открыты и опустошены.

— Тю-у-у, вот эт облом.

Я заметила три малых сейфа и один большой, которые выглядели нетронутыми. Их замки явно требовали уровень умений гораздо выше... неужели это была работа того самого взломщика-конкурента, что навёл такой беспорядок на Энергостанции №12?

Нет, это же бессмысленно. Но моя внутренняя пони не собиралась отказываться от этого предположения.

Я начала с самого большого сейфа, уверенная в том, что смогу с ним справиться, полная желания победить воображаемого соперника по уровню мастерства.

Пришлось приложить усилие, чтобы открыть сейф, но штифты наконец встали на место. Большая дверь неспешно открылась. Я с энтузиазмом потянула её телекинезом, собираясь посмотреть, что же внутри.

Внутри были два объекта, один из которых я видела ранее, правда, через бинокль: антимех-винтовка. Только эта была совсем нетронутая, с золотым стилизованным под пламя филигранным узором, явно сделанным на заказ, тёмными цитринами на стволе и гравированной именной табличкой "Гром Спитфайр". Она была разобрана на части, чтобы уместиться в сейф. Требовалась некоторая сборка.

Увидев массивную пушку, Каламити присвистнул.

Моё внимание привлекла небольшая коробка рядом. На ней была знакомая яблочная эмблемка, хотя здесь было одно яблоко, а не три, как на Малом Макинтоше. Я извлекла коробку наружу. У неё был свой замок, но он выглядел сравнительно просто.

— Самоцветы на стволе? Да, видал такие раньше, — сказал позади меня Каламити, всё ещё впечатлённый оружием, — На них чары, которые гасят отдачу. Эт для того, чтоб пегас мог стрелять и при этом не сбиваться с курса.

Я хихикнула. Он наверняка решил, что был проницателен.

— Нравится? Она твоя. — Я улыбнулась. — У меня даже есть немного патронов для неё.

Коробка с яблоком щёлкнула и открылась. Я поняла, что видела похожую коробку раньше — в сейфе Винил Скретч. Как и та, эта содержала в себе четыре шара памяти.

Я поставила открытую коробку на пол. Позади меня, Каламити изо всех сил старался не запищать от радости.

— Спасибо те, Лил'пип. Эт очень мило с твоей стороны...

— Каламити, — я утихомирила его улыбкой. — Посторожи тут. Я, возможно, буду недоступна некоторое время.

Оранжевогривый пегас обратил внимание на коробку с шарами памяти и кивнул, повернувшись ко входу в хранилище в боевой готовности.

Я направила свой рог в сторону коробки, подняв первый попавшийся шар памяти, и сфокусировалась на нём. Банк, Каламити и вся Эквестрийская Пустошь исчезли в небытие.

<=====ooO Ooo=====>

Эплджек смотрела на меня, как будто я потеряла рассудок.

— И вот какого сена ты это на себя нацепил?

Я очень надеялась узнать больше о прошлом... и, если повезёт, о Кобылах Министерств. Но обнаружить одну из них, обращающейся

ко мне, вблизи и лично? Это лежало за гранью везения.

Комната вокруг нас была очень похожа на номера в Башне Тенпони, как они должны были выглядеть первоначально. Может быть, это был Министерский Центр? На фоне играла песня, которую я слышала раньше:

*“О, как мне бурю усмирить,
Когда война в твоих глазах?
О, как тебя мне защитить,
Когда повсюду ложь и страх?
И когда всё, что было мило,
В руинах обрело могилу,
И вам не выжить здесь —
Нам шепчет глас впотьмах.”*

Мне понадобилось мгновение, чтобы вспомнить это, но я однажды видела СтилХувза, фактически очарованного этой песней.

— Чтобы запомнить этот вечер, — почувствовала я, как произносятся мои губы. Слова были произнесены мягким, низким, рокочущим голосом. О, Луна... это был голос СтилХувза! Более учтивый и совсем не такой резкий, как у гуля, которого мы знаем, но это определённо был он.

Как, чёрт возьми, это воспоминание завалялось здесь? В этом банке? Только теперь мне стало ясно, что СтилХувз, должно быть, знал, что это за здание, не потому, что заметил его вчера, а потому, что помнил это.

— А вот фигушки. Я не собираюсь с тобой ничего делать, пока на тебе этот нелепый реколлектор, Эпплснэк! — Эпплджек топнула ногой. — А ну, снимай сейчас же.

Постойте, чего? О нет. Мне правда, правда не следует быть здесь. Это же... личное. И...

— Я свяжу тебя. Твоим же лассо.

Эпплджек выпучила глаза. На её веснушчатых щёках проступил румянец.

О, милостивая Селестия, прояви милосердие. Мало того, что я вторглась в личные воспоминания СтилХувза, так этот парень ещё и был возбуждён. Я ощущала горячую напряжённость, которой мне отчаянно хотелось избежать. Я взмолилась Богине, чтобы она вытащила меня из этого воспоминания, избавила меня от него. И моего спутника-гуля тоже. Он не заслуживал, чтобы я была здесь. И я очень не хотела здесь находиться.

Глаза угрожающе прищурились.

— С чего же это ты взял, будто можешь превзойти меня с моим же лассо, солдатик?

(Часть моего мозга замерла, удивляясь, что сельская пони, ставшая важной политической фигурой, влюбилась в городского жеребца, ставшего солдатом).

СтилХувз... нет, Эпплснэк наклонился вперёд (то горячее давление у него в паху стало для меня совершенно невыносимым) и шипло прошептал:

— Потому что знаю, что тебя это заводит.

Слишком много информации! Пожалуйста, Селестия, Луна, кто-нибудь... остановите воспоминание... я хочу сейчас же кончить! Ааааа! То есть, уйди. Я хочу уйди!

Я почти поверила, что мои молитвы были услышаны, как только от ближайшего сияющего терминала раздался громкий звенящий звук. Эпплджек сбросила маску "оленья, застывшего в свете фар".

— Всё равно нет, — ответила она, разворачиваясь к терминалу. — Сейчас мне нужно посмотреть, что там. А тебе лучше бы снять эту шуковину до того, как я закончу. Ты выглядишь нелепо!

Я почувствовала, как мой хозяин вздыхает, потом идёт к тому, в чём я узнала дверь ванной. Меня охватил внезапный ужас. Эпплснэк всё ещё испытывал свою... твёрдость. О, Богиня, пожалуйста, пусть там не будет зеркала в полный рост!

Испуганный вскрик рыжей кобылы разрешил мои беспокойства с пугающей быстротой.

— Что случилось? — спросила я голосом Эпплснэка.

Кобыла Министерства Технологий прокручивала информацию на экране терминала так быстро, как ей позволяло её копыто.

— Нет... — простонала она. — Нет, они не могли! — Её голос становился громче и всё более напряжённым: — Нет! Они... они... Как они могли?!

Опять, более решительно:

— ЭйДжей, любимая, что случилось?

Эпплджек повернулась к своему солдатику. На глазах у неё навернулись слезы, а в голосе появилась устрашающая резкость.

— Айроншод — вот что случилось! — Она сплюнула, когда прочие эмоции, кипевшие у неё на душе, выплеснулись в виде ярости. — Один год! Стальные Рейнджеры просуществовали один год, и Айроншод Файрармс взяли и сделали ружьё, разработанное, чтобы пробивать их броню! Они создали оружие, чтобы убивать своих же!

Я почувствовала, как Эпплснэк посерьёзней от этих вестей.

Светловолосая кобылица металась из угла в угол от едва сдерживаемого гнева.

— Они называют это антимерх-винтовкой. Но чем она действительно является... так это винтовкой против магической силовой брони! — Она повернулась к нам со слезами на глазах: — Как долго ждать того момента, когда зебры завладеют этим? *Они просто погубили своих же!*

Я ощутила, как мой хозяин сглотнул. Ему изумительно хорошо удавалось сдерживать сердцебиение, но, хотя я не могла ощутить эмоции Эпплснэка, я всё же чувствовала физическое напряжение.

— Я вложила всё, что имела, чтобы найти лучший способ, как защитить наших солдат, — Эпплджек впала в ярость. — Я продала свою ферму! Я билась с пони собственного Министерства, чтобы осуществить этот проект.

Она повернулась, её широко раскрытые глаза были наполнены слезами.

— Я. Продала. Свою. Ферму!

К моему горлу подступил комок. Моё сердце болело за эту кобылицу, а мои копыта хотели обрушиться на злых пони, которые позволили себе быть такими бездумными.

Рыжая пони повернулась и лягнула свой комод так сильно, что разбила его в щепки и комки ткани.

— Это предательство! Они не могут этого сделать!

Мой хозяин следил за тем, как кобыла озирается в поисках ещё чего-нибудь, что можно лягнуть; затем у неё, кажется, появилась

более хорошая идея.

— Я отправляюсь туда! — неожиданно решила Эпплджек. — У меня родственники в Айроншуд. Брэйбёрн слушает...

Я ощутила, как замирает моё сердце.

— СтилХувз, — рявкнула Эпплджек, обращаясь к моему хозяину не по имени, а по его военному обращению. — Вызови Винграйта.

Скажи ему, чтобы был на крыше через две минуты и приготовил мою личную колесницу. Если отправлюсь сейчас, смогу добраться до Айроншуд к утру. Может быть, я смогу повернуть это всё вспять, пока не...

— Эйджей, любимая... — медленно произнёс Эпплснэк, пытаюсь сохранять благоразумие. — Если они уже изобрели его, то тебе не повесить это яблоко обратно на дерево. — Я знала, что он был прав. Второй предмет в сейфе был достаточным тому подтверждением.

Эпплджек смерила нас обоих взглядом (или, по крайней мере, это так воспринималось).

— Что ж, тогда я никому не дам от него как следует откусить. — Если бы я могла говорить, то сказала бы ей, что подобные ожидания были напрасны. — И звони уже!

Рыжая пони повернулась и оглядела разбросанные обломки дерева и обрывки платьев.

— Великолепно. Теперь мне ещё нужно найти что-нибудь прилично выглядящее, чтобы надеть.

Меньше чем через три минуты СтилХувз прощался с Эпплджек, входившей в лифт, соседствовавший с их номером. Звонок Винграйту был сделан, и колесница Кобылы Министрства уже ждала на посадочной площадке для пегасов.

— Я вернусь, не успеешь оглянуться, — настойчиво сказала она, одетая в строгий деловой костюм (который, видимо, не часто использовался) и выглядывшая немного менее кровожадной, но не менее решительной. — Извини, что эта ночь прошла не так, как ты надеялся. Я тебе это возмещу. Обещаю.

Она повернулась и подняла копыто, нажимая на кнопку посадочной площадки. Пока украшенные резьбой двери закрывались, она вскинула голову.

— Иними этот реколлектор. Ты выглядишь...

Двери закрылись. Послышалось лёгкое гудение, означавшее, что лифт начал подниматься. Мой хозяин посмотрел вверх, наблюдая, как стрелка над дверями лифта медленно движется от номера к номеру. Четвёртый этаж. Пятый. Шестой...

Эпплснэк повернулся к двери его и Эпплджек номера. Шкура под реколлектором уже начинала чесаться.

Из шахты лифта позади него прозвучал громкий звон. Он развернулся назад к резным дверям и услышал, как кабина лифта с грохотом пронеслась мимо его этажа, набирая скорость.

Затем раздался громкий кошмарный металлический удар.

<=====ooO Ooo=====>

Я вывалилась обратно в реальный мир, дрожа от воспоминания, всё ещё чувствуя крик Эпплснэка, как будто он сорвался с моих губ.

Подняв взгляд, я обнаружила, что забрало СтилХувза направлено на меня. Я сжалась, мечтая заползти прямо в сейф.

Его низкий резкий голос коротко заметил:

— Определённо порок.

* * *

"Что есть Единство?" — вещал голос Красного Глаза в моём наушнике.

Каламити и Вельвет Ремеди не сговариваясь приняли на себя командование, пока мы пробирались к выходу из банка. Мои копыта казались тяжёлыми, как будто бы это они были завернуты в сталь. Я не могла смотреть на СтилХувза. Я чувствовала только, что он смотрит на меня, не произнося при этом ни слова. Это было намного хуже, чем если бы он на меня кричал.

"Единство — это вы. Единство — это ваша семья. Ваши отец и мать. Ваши братья и сёстры. Или, во всяком случае, оно будет ими. Я видел это. И, да, Единство будет и мною тоже. Но сейчас я всего лишь его, а значит и ваш, покорный слуга. Богиня осенила меня видением Единства, и это Она принесёт мир в эту беспокойную страну.

Считайте меня не более чем курьером, доставляющим послание эволюции. Мы следуем за Богиней в Её великом поиске воимя излечения этой земли и всех добрых пони на ней.

Никто не умирает в Филлидельфии, если сам не изберёт этого. А в новой Эквестрии никому больше не придётся умирать. Когда вашим мытарствам настанет конец, вам останется только отдаться воле Богини. Уже сейчас она принимает тех, кто приходит к ней, в своё лоно и преображает их. Их старые, слабые, болезненные тела снимаются, как шелуха, и заменяются новыми, превосходящими..."

Когда мы проходили мимо раскрытой двери офиса, СтилХувз поднял закованное в метал копыто и затолкал меня внутрь. Очевидно, он хотел остаться со мной наедине. Глядя куда угодно, только не на него, я пробормотала извинения. Он остался к ним равнодушен.

— Какое из них ты видела? — спросил он холодно.

Я испуганно посмотрела на него.

— Какое. Воспоминание. Ты видела?

Меня окатило холодным смущением.

— То... в котором... — Я отчаянно искала наименее навязчивое описание. — ...Эпплджек узнала, что Айроншуд делает бронейные винтовки.

— А, — сказал СтилХувз. Другие три воспоминания были надёжно заперты в его сумке. — "Несчастный случай".

Я вспомнила напряжённый голос Эпл Блум:

"Тут слухи ходят... Говорят, что, возможно, это был не такой уж и несчастный случай. Говорят... что это, наверное, кто-то из её Министерства."

— Самая большая ссора у Эпплджек была из-за бронейных винтовок, — заявил мне СтилХувз. Я осознала, что он хотел, чтобы после просмотра воспоминания я имела представление о контексте. Это было необычайно откровенно для него. Тем удивительнее, учитывая то, насколько неправильно я поступила.

— С одной стороны, я не могу их осуждать, — признался он. — Ты бы тоже не стала, если бы увидела нескольких роботов из тех, что зебры начали выводить на поле боя.

Я кивнула, несмотря на боль в сердце за Эпплджек. Я припомнила танкоподобного робота-часового в Четырёх Звёздах. Я стреляла в него бронейными пулями из снайперской винтовки с расстояния нескольких ярдов, и только точное попадание в уязвимую область смогло его остановить.

— Но я знал, как сильно это её задело, и насколько лично она это приняла. От того, что у неё были родственники в Айроншуд, было только хуже. Всё это дело едва не разорвало её на части... — За шлемом раздалось хмыканье. — Самое худшее, что зебры всё равно выпустили бронейные патроны через несколько месяцев. Не такие эффективные, как антимервинтовки против моих товарищей.

Рейнджеров, но хорошо нацеленная очередь из винтовки могла пробить рейнджерский шлем.

СтилХувз оглядел меня, пока его закрытый забралом взгляд не остановился на Малом Макинтоше в его кобуре.

— По правде говоря, с бронебойными патронами этот пистолет тоже мог это сделать. Малый Макинтош, возможно, самое мощное огнестрельное оружие в своём классе, — сказал, с лёгкой ностальгией. — Создан с такой отдачей по зубам, что только кобылица подобная Эплджек могла с лёгкостью с ним управляться.

Как бы тяжело я себя ни чувствовала, это заставило меня фыркнуть от смеха. Согласно рассказу Спайка, челюсти Эплджек были настолько сильны, что могли держать не только её собственный вес, но и вес пяти её подруг, всего лишь уцепившись за кончик драконьего хвоста.

Я только ещё начала замечать, что весь контекст, который я получала, был связан с оружием, а не с самим несчастным случаем, как вдруг прозвенел громовой выстрел. Был ли это Гром Спитфайр? Как далеко продвинулись Каламити и Вельвет Ремеди и с чем они столкнулись?

Я сорвалась с места и, обогнув громаду СтилХувза, бросилась из комнаты в направлении звука. Было слышно, как тяжёлые копыта Стального Рейнджера стучат позади меня.

* * *

— Это был предупредительный выстрел, — услышала я заявление Каламити, произнесённое приглушённым и слегка невнятным голосом. — Второго не будет.

— Предупредительные выстрелы должны быть мимо! — строго рявкнула Вельвет Ремеди.

— Я не попал ни во что жизненно-важное, — прозвучал его ответ. Он говорил медленно и как будто сквозь сжатые зубы.

— Это оружие, — настойчиво потребовал грубый голос кобылицы, — собственность Министерства Военных Технологий. Сложите его, дикари, и мы оставим вас в живых.

— Конскляблоки! — Теперь я поняла, почему голос Каламити был таким искажённым. Он говорил, держа Гром Спитфайр в зубах. У него это получалось лучше, чем у работорговца с копьём-лопатой, на которого я натолкнулась в свою первую ночь на Пустоши, но не намного. — Единственное, почему вы не порвали нас, "дикарей", на клочки, это потому, что не хотите повредить эту милую пушечку.

Послышалось, как Паерлайт издала встревоженный вопль.

— Проклятье! — пробормотал позади меня СтилХувз, срываясь в галоп и быстро оставляя меня позади. Я опустила голову и прибавила ходу, пытаясь его нагнать. Малый Макинтош плыл рядом со мной, готовый к действию.

Я ворвалась в вестибюль, заполненный пони, и запнулась за оторванную ногу рейдерши, потеряв равновесие и приземлившись лицом в обломки обвалившегося потолка. Малый Макинтош упал в мусор, звякнув.

— Э... Она подставила подножку! — вяло предложила я, поднимаясь на ноги.

Мои глаза полезли на лоб, когда я увидела в комнате пятерых Стальных Рейнджеров, только один из которых был СтилХувзом. Один из четырёх вновь прибывших получил ранение в ногу, и Вельвет Ремеди теперь суежилась вокруг него к его же досаде. Каламити, казалось, намеревался поразить остальных троих взглядом. Без массивного Грома Спитфайр мы с моими спутниками были бы совершенно беспомощны перед ними. Даже если предполагать, что СтилХувз останется на нашей стороне.

СтилХувз стоял неподвижно, глядя то на Каламити с уникальной бронебойной винтовкой класса Антимех в зубах, то на Стального Рейнджера, которому тот прострелил ногу. Всё было так, как будто страхи Эплджек оживали прямо у него на глазах.

Кобыла, командующая квартетом Стальных Рейнджеров, рассредоточила своё внимание между Каламити и СтилХувзом и обратилась к последнему:

— Что вы здесь делаете вместе с этими дикарями?

СтилХувз не обратил на неё внимания, глядя на Каламити.

— Ты подстрелил Стального Рейнджера.

— Твои дружки напали на нас, намереваясь убить.

Вельвет Ремеди заговорила снова:

— Каламити прав. Как только они увидели нас, вон у того активировался ракетомёт, — сказала она, указывая копытом на одного из Стальных Рейнджеров. — А этот набросился на нас с магическим энергокопьем.

— Я спрашиваю снова, — сказала старшая кобылица, делая шаг вперёд, — что вы здесь делаете? Докладывайте, солдат!

Двое Стальных Рейнджеров позади неё сменили свои боевые стойки, чтобы лучше покрывать комнату. Один из них нацелился на меня. Я бросила взгляд на пол, пытаясь понять, куда же упал Малый Макинтош.

СтилХувз зарычал на Каламити:

— Мы с тобой ещё это обсудим. — Затем, решив уделить кобылице толику своего внимания, он ответил: — Вы не уполномочены знать эту информацию. Вам полагается знать только то, что я здесь по поручению, а вы препятствуете. А теперь прикажите своим рыцарям отступить.

Напряжение в воздухе стало почти удушающим.

— Я — Старший Паладин Министерства Военных Технологий. Вы будете обращаться ко мне с соответствующим моему рангу уважением!

— Так же, как и вы, — ответил СтилХувз с мрачным спокойствием, — обращаясь к старшему офицеру.

Голос молодого паренька послышался из шлема Рейнджера с ракетомётом:

— Старейшина СтилХувз?

Вопрос был встречен тишиной. Я заметила Малый Макинтош, но не посмела поднимать его с пола, уверенная, что кто-нибудь начнёт стрелять.

Каламити первым нарушил тишину.

— Старейшина? Ну, вы только подумайте, кто у нас тут таился.

— Мои извинения, Звёздный Паладин СтилХувз, — осторожно сказала старший паладин. — Я не узнала вас. Ваша броня соответствует намного меньшему званию.

СтилХувз хмыкнул.

— Извинения приняты. — Он повернулся к пареньку. — И я буду благодарен, если вы не будете обращаться ко мне по более высокому званию. Если вы знаете обо мне, то должны знать, что я оставил эту должность.

Старшая кобылица, однако, ещё не закончила.

— Вы вдали от своих земель, Звёздный Паладин СтилХувз. Согласно протоколу, я должна препроводить вас для встречи со Старейшиной Блюбери Сейбр.

Фонарь на её шлеме повернулся, освещая по очереди каждого из нас.

— Что же до дислокации ваших... друзей... — начала она.

— Они со мной, — настойчиво сказал СтилХувз. — Ведите. Я буду следовать за вами.

Заключённая в сталь кобыла развернулась и выбежала рысью из банка. Вельвет Ремеди оставалась рядом с раненым, который поднялся на ноги, осторожно ступая раненной ногой.

Когда оставшиеся из нас последовали за ними, я подобрала Малый Макинтош. Колёсики у меня в голове снова начали вращаться. И хотя я понимала, что не стоит начинать расспросы посреди напряжённой дипломатической ситуации, было ясно, что нам со СтилХувзом предстоял серьёзный разговор.

— Звёздный Паладин СтилХувз, сэ, — обратился юный рыцарь, приблизившись к СтилХувзу, в то время как другая не пострадавшая рыцарша держала нас с Каламити на прицеле своего лёгкого пулемёта. — Позвольте ещё раз извиниться за случившееся.

— Дело прошлое, — спокойно ответил СтилХувз. Я чувствовала, что это был не тот разговор, в котором мой спутник-гуль хотел бы принимать участие. Я обнаружила, что мысленно подбадриваю юного рыцаря.

— Разрешите спросить, сэ?

— Нет.

— О... — Рыцарь остановился на месте, пропуская нас вперёд, затем нагнал снова. — В таком случае, разрешите высказать мнение, сэ?

Голова СтилХувза чуть-чуть поникла.

— Нет.

Рыцарь замедлился, но на этот раз не остановился.

— Даю разрешение, Рыцарь Бум, — объявила старший паладин и добавила в сторону СтилХувза, — Мой отряд. Моя территория. Мои правила.

— Сэр, я просто хотел сказать... есть много Стальных Рейнджеров, которые с вами согласны. По поводу следования пути Кобылы Министерства, я имею в виду. Если бы вы заняли ваше законное место в качестве Старейшины, многие из нас с радостью последовали бы за вами.

СтилХувз оставался невозмутим.

Тишина затянулась, пока мы двигались рысью среди обломков пригорода, окружавших Филлидельфию. Молодой рыцарь медленно отстал и занял позицию позади нас. Я услышала его последние слова, произнесённые самому себе под нос, прежде чем замолчать до конца нашего путешествия.

— Мы всё равно последовали бы.

"Когда я был юным жеребцом, меня учили, что некоторые пони хуже других. Те, кто не был рождён земными пони, были хилы, слабы, непригодны к труду, неспособны даже поднять свой собственный вес без помощи магии.

Вы, дети мои, каждый день подтверждаете, что только те пони слабы, кто сам решил быть слабым. Единство — это больше, чем благословение Богини. Это наш поиск, как превозмочь лень и слабость предков, как достичь более высокого уровня бытия. Единство с нашими ближними, не отделение друг от друга, но усиление друг-друга и Эквестрии вместе с нами. И вы, дети мои, уже прошли половину пути.

Глядя на вас, я вижу, что Единство уже среди нас, и мы должны лишь принять его. Знаменательные перемены, что ждут нас — это лишь вершина кекса..."

Взрывы сотрясли улицу. СтилХувз вместе с другими Стальными Рейнджерами атаковал работорговцев, укрывавшихся за разбитыми колесницами и экипажами и даже за фургоном, полным рабов, которых они везли в сердце Филлидельфии. Голос Красного Глаза умер, когда граната из боевого седла нашего гуля уничтожила их радио.

Через шум никто не услышал раздавшийся откуда-то сверху выстрел, пробивший шлем Рыцаря Бака и оторвавший его от тела, превратив голову кровавое месиво. Шар Пинки Пай завис над нашими головами, превращаясь в неистовую фуксию на фоне заходящего солнца.

— В укрытие! — Крикнула старший паладин, и Рейнджеры рассредоточились.

В это время выжившие работорговцы начали наступать, накрывая улицы подавляющим огнём. Я спряталась за мусорным баком прямо перед тем, как в него попали пули. Не будь в баке мусора с прошлого века, пули бы просто прошли его и угодили в меня. Но так как бак был заполнен, лишь несколько прошли насквозь и были остановлены моими седельными сумками и бронёй.

— Этот мой! — заявил Каламити, взмывая с прикреплённым к спине Громом Спитфайр, собравшись выйти один на один с Шаром Пинки Пай. Вельвет Ремеди за почтовым ящиком сосредоточилась на заклинании щита, ненадолго активировав его между пегасом и работорговцами, нацелившими на него своё оружие.

Как только они отвели стволы от меня, я вынырнула из-за мусорного бака, войдя в З.П.С. и отправив троим по пуле в голову, спасибо зебринской винтовке. Падали мои цели с горящими головами. Ещё двое противников оказались погружены в зелёное мерцающее пламя, от которого затрещал ПипБак. Над орущими ошеломлёнными работорговцами пролетела Паерлайт.

Вверху кто-то обменялся выстрелами.

Прятавшаяся за фургоном лиловая с зелёным кобыла-единорог подхватила левитацией останки Рыцаря Бума и потащила их к себе. З.П.С. отключился только чтобы затем снова активироваться, частично восстановившись. Я смотрела через прицел винтовки, но сделать точный выстрел не могла — мешал фургон с рабами. Они все сжались от страха, пойманные в западню на ровном месте. По губам одной бронзовошкурой кобылы я прочла: "Не стреляй в меня!"

Стоп... и о чём я думала? Я сосредоточилась, охватив фургон своим левитационным полем, и аккуратно отбуксировала укрытие работорговца в сторону.

По мне открыл огонь другой работорговец, вынудив снова вернуться в укрытие. Я почувствовала, как поле левитации сорвалось, но успела его восстановить, прежде чем полный беспомощных пони фургон рухнул бы.

Крик и вспышка зелёного пламени известили о гибели прижавшего меня работорговца.

Я снова оглянулась на улицу как раз вовремя, чтобы увидеть, как лиловая с зелёным единорожка подняла гранатомёт Рыцаря Бума и запустила снаряд в витрину магазина, где укрылся раненый Стальной Рейнджер. Фасад магазина рванул, разнося дымящие обломки. А секундой позже кобыла-Рейнджер с лёгким пулемётом проделала в единороге не меньше дюжины дырок.

Ни с чем не сравнимый звук боевого седла Каламити прозвенел в воздухе и взрывался взрывом.

— Ура! — Пегас спикировал и завис надо мной. — Видала? Запультнул ей по гранате у неё во рту! Да ещё в тройном сальто! — Он вскинул в воздух копыто. — Кто самый меткий на Эквестрийской Пустоши?

Я махнула ему, призывая занять укрытие. Воздух наполнился шелестящим треском. Моя тень запрыгала по земле от внезапно осветившегося неба.

Указывая на свою грудь, Каламити позволил себе немного самолюбования.

— Победитель соревнований за звание Лучшего Молодого Стрелка четыре года подряд — вот кто!

— О, Господи, — произнесла Вельвет, глядя вверх из-за почтового ящика. На её лице отразился мелькающий свет.

Я ощутила всплеск страха. Каламити, парящий в воздухе на до мной, посмотрел вверх и его голос смолк.

Он поражённо наблюдал, как Шар Пинки Пай охватывает пламя. Рот от удивления раскрылся.

— Горючий газ? — наконец произнёс он. — Долбаные работорговцы наполняют свои дирижабли горючим газом?

По всей видимости.

— Литлпип... Каламити... — завывала Вельвет, взмахивая копытом, чтобы привлечь наше внимание. — Он падает прямо на нас!

Я знала, что надо было двигаться, но зрелище холокоста, висящего надо мной, пригвоздило меня к месту. Обрывки горящей ткани начали начали сыпаться на землю вокруг нас. Я вышла из транса в тот момент, когда пылающий лоскут тяжёлой ткани упал на стоящий рядом мусорный бак, укрыв его огнём.

Клопни Селестия мой клитор горстью солнечного пламени!

— **БЕЖИМ!**

Я нырнула за набитый пулями мусорный бак и побежала по улице так быстро, как только могли нести меня мои короткие ноги. Свет, падавший сверху, становился ярче, и я уже чувствовала накатывающиеся на нас волны тепла.

— Я же не знал. Откуда мне было знать? — говорил Каламити, двигаясь позади меня. — Какой долбаный псих стал бы так делать?

Пони, заключённые в клетку, повернулись к адскому пламени, заслонившему небо, и закричали. Воздух горел у меня в горле. К счастью я всё ещё удерживала фургон своим левитационным полем. Подняв его с земли, я повела его за собой, галопируя вдоль по разбитой улице, пытаясь увеличить дистанцию между нами и массивным огненным шаром (напоминавшим по форме голову Пинки Пай), который медленно падал на землю.

Я мысленно поблагодарила Селестию и Луну. Все мои спутники выжили. Правда, двое из Стальных Рейнджеров нет.

— Почему? — спросила кобыла-паладин, когда я открыла фургон чтобы освободить пленённых пони.

Я удивлённо посмотрела на неё. Захотев спросить, что она имела ввиду, я вспомнила предупреждение Хомэйдж о Стальных Рейнджерах:

Честно говоря, большинство из них будут более заинтересованы в том, чтобы спасти твой ПипБак, чем тебя.

До меня дошло, что Стальные Рейнджеры, похоже, напали на работорговцев с целью, совсем отличной от моей. Это открытие отдало горечью во рту.

— Потому что так правильно. И потому что, если бы я была на их месте, — сказала я, вспоминая, что однажды так и было, — я хотела бы, чтобы кто-нибудь меня спас.

Ушки Вельвет Ремеди приподнялись. Она услышала наш разговор, когда направлялась оказать первую помощь и утешить пони, своих оказались заперты в фургоне неделями, причём выглядели они (и пахли) именно так. Они были истощены, испуганы и спали в своих же испражнениях. Один из тех пони был мёртв, причём достаточно долго, чтобы начать вонять, но работорговцы даже не потрудились убрать труп. Я почувствовала, как во мне начал кипеть гнев.

Отвернувшись от этого зрелища, я посмотрела на бесстрастную маску Стального Рэйнджера.

— А ты почему?

— Чем больше сил наращивает Красный глаз, тем больше позиций мы теряем, — объяснила старший паладин. — Он жаждет технологий прошлого, которые по праву наши. Мы не можем идти против его армии в открытую, так что атакуем его линии снабжения.

Часть меня хотела высказать всё бронированной пони о её приоритетах. Вместо этого я нахмурилась. Я не ожидала, что окраины Филлидельфии окажутся районом боевых действий.

— Филлидельфия была местом размещения крупнейших центров как Министерства Военных Технологий, так и Министерства Морали. Но мы были вынуждены сдать наш Центр силам Красного Глаза три года назад и укрепиться на второстепенной позиции.

Я нахмурилась ещё сильнее.

— И никаких назревающих планов по его возвращению?

Я буквально почувствовала взгляд кобылы-рейнджера из-под её шлема. Предположительно, она вела меня в их крепость и потому причины не отвечать не было, но, видимо, эта свобода распространения информации на тактические сведения не распространялась.

Однако СтилХувз подступил и ответил:

— Нет, — было слышно, как кобыла заржала, оцетинившись, но СтилХувз не обратил на это внимания. — Смысла нет. К тому времени в здании уже не оставалось ничего, что стоило бы возвращать.

Подойдя ближе ко мне, СтилХувз потребовал:

— Иди за мной. Я хочу поговорить с тобой наедине.

Отлично, потому что я сама хотела поговорить с ним.

— Почему ты с нами?

Мы были в выгоревших изнутри развалинах небольшой столовой. СтилХувз оставался, как всегда, скрытым и нечитаемым за ширмой своей брони.

— И не надо этой бодяги о том, что тебе нечего больше делать, — потребовала я. Как только мы остались одни, СтилХувз-лидер испарился. Вновь я необъяснимым образом оказалась во главе. Только на этот раз я действительно хотела, чтобы так было: — Ты сказал, что у тебя поручение. Что за поручение?

Хвост СтилХувза качнулся.

— Помнишь, как ты подслушала мой разговор с Каламити? Портрет тебя и твоих друзей, который я тогда нарисовал?

Я глубоко кивнула. Следующие его слова стали для меня сюрпризом.

— Я не верю ничему из этого, — сказал он мне. — Ты не шпион и не секретный агент какого-то особого стойла Министерства Крутости. Ты — хорошая пони, которая стала жертвой своей же хорошей природы и неуёмного любопытства.

Усевшись на круп, СтилХувз продолжил:

— По моей оценке, ты выжила благодаря везению, растущим умениям и необычной удаче иметь способных друзей, которые хотят держаться тебя, даже когда ты ведёшь себя поразительно глупо.

Ну, спасибо, конечно.

— Я следую за тобой, потому что ты лучшая пони, чем я. И ты напоминаешь мне ещё кое-кого. Ты честно стремишься помогать и защищать других пони. Я верю... — Он замолк. В его голосе появилась дрожь. — Я верю, она бы одобрила тебя.

СтилХувз ковырял копытом обугленные и разбитые красные и черные плитки, устилавшие пол.

— Я говорил тебе ранее, что не все Стальные Рейнджеры одинаково понимают Присягу. Я всегда верил, что мы должны следовать примеру Кобылы Министерства — Эпплджек. Что мы должны быть привержены её целям и приоритетам. Что мы должны защищать других пони, как нашими технологиями, так и силой нашего духа. Наше предназначение не в том, чтобы красть и накапливать. Наше предназначение в том, чтобы защищать.

Я медленно кивнула.

— Я не был верен Присяге долгое время. Но на твоей стороне я снова могу быть ей верным.

Я отвела взгляд, осмысливая слова гуля. Повернувшись назад, я пригвоздила его взглядом.

— Это была самая душевная телега конского навоза, которую я когда-либо слышала.

Он перестал рыть.

— Это правда.

— Конечно, правда, — сказала я. — Вот так ты всегда и лжёшь. Если помнишь, я уже видела, как ты это делаешь. — Я начала ходить вокруг Стального Рейнджера, в то время как он продолжал сидеть. — Ты говоришь достаточно правды, чтобы кто угодно купился на твою историю. Но вот тут-то сбруя и трёт — всё это оценивание должно было произойти после того, как ты втёрся в нашу группу. Если уж на то пошло, ты объяснил только, почему ты всё ещё с нами. — Я остановилась перед ним и указала на него копытом. — Так что спрашиваю ещё раз. Почему. Ты. Здесь?

— Хорошо. — СтилХувз хмыкнул, поднимаясь на ноги, и повторил всё почти слово в слово. — Помнишь ли ты, как подслушала мой разговор с Каламити? Портрет вас с друзьями, который я тогда нарисовал?

Я снова кивнула.

— Это то, кем вас считает мой Старейшина. И моё поручение заключалось в том, чтобы оценить потенциальную угрозу, которую представляете вы и жители вашего Стойла.

* * *

Больше никаких тайн. Таково было моё условие на то, чтобы СтилХувз мог остаться. В ответ он отдал мне ящик с шарами памяти в знак повиновения. Я этого не ожидала, но он настаивал. В конце концов, мы оба понимали, что я действительно не могу просто довериться его слову.

Я сфокусировалась на одном из шаров, проявляя по отношению к нему ответное доверие, позволяя себе остаться беспомощной в его компании. Мир вокруг меня растаял.

<=====ооО Ооо=====>

Я была промокшей. Дождь хлестал из черноты ночного неба. На мне был плащ-дождевик, но ветер раздувал его, норовя сорвать. Только макушка моей гривы оставалась сколько-нибудь сухой под капюшоном.

Сверкнула молния, освещая посадочную площадку для пегасов, поднятую на две дюжины этажей над мелькающими огнями города, раскинувшегося внизу. Я узнала силуэт гигантского скутера, парящего над ярко освещённым зданием вдалеке. Это был Мэйнхэттен.

— Уверены, что хотите лететь в такую ночь, Эпплснэк, сэр? — спросил опрятно одетый серый пегас, впрягаясь в упряжь небесной колесницы. Это была особенно красивая колесница, украшенная очень знакомым трёх-яблочным знаком.

— Очень важное дело, — услышала я, как говорю голосом Эпплснэка. — И именно сегодня ночью.

— Ну, за это же вы мне и платите, верно? — улыбнулся пегас. — Хотя это, наверное, будет та ещё тряска.

— Переживу, — сказал Эпплснэк, и молния снова рассекла небо.

Пегас закусил ремень и потянул его, затягивая покрепче.

— А что с Мисс Эпплджек? Мне было очень жаль услышать о её несчастном случае. Пони, которые должны были поддерживать эти лифты в наилучшей форме, надо было отправить в тюрьму.

Я почувствовала, как сжимаются мои челюсти. Но голос Эпплснэка остался приятно ровным.

— Хорошо пристегнулся, Винграйт? — спросил он, что я одновременно услышала и почувствовала. — Ты же не хочешь выскользнуть из-за дождя.

— Ага, — засмеялся пегас. — Это было бы неприятное падение.

Эпплснэк поднялся в колесницу и прошёл как можно дальше вперёд, как будто боялся, что выпадет сзади, как только пегас двинется вперёд. Серый пегас расправил свои крылья, разбрызгивая капли дождя с перьев.

Эпплснэк рванул с пугающей скоростью. Я почувствовала, как метнулась вперёд и вцепилась зубами в крыло пегаса. Мой хозяин потянул назад, перетягивая крыло через металлический край повозки, и занёс копыто.

— Эпплснэк, что вы...? — вскрикнул от удивления пегас, прежде чем моё копыто опустилось на вытянутое крыло с дробящим кости ударом. Пегас закричал!

Выплюнув перья сломанного теперь крыла Винграйта, СтилХувз прорычал, уподобляя свой низкий голос раскатам грома:

— Только три пони в точности знали, когда Эпплджек будет подниматься в этом лифте!

— А-а-а-а! Моё крыло! Моё крыло! Какого чёрта...?!

— Я проверил твои сбережения. На твоём счёте был внезапный приток капитала три недели назад. И второй — ещё больший — менее чем через восемь часов после происшествия с Эпплджек!

Я смотрела прямо в испуганные глаза плачущего пегаса. Мой голос был угрожающе низким. Мой пульс не участился совсем:

— Тебе правда стоило выбрать что-нибудь получше, чем второе имя своей дочери в качестве пароля.

— Я... я могу объяснить! — завыл пегас, прижимая к себе сломанное крыло. — Моя сестра погибла на войне. Это было наследство!

— Не верю. — Эпплснэк повернулся и вышел из колесницы. Затем я почувствовала, как мой хозяин поднимает задние ноги и упирается ими в задний борт колесницы. Медленно, он начал толкать её по скользкой от дождя крыше, а вместе с ней и несчастного пегаса.

— Что?! Нет! Что ты делаешь? Не надо! — закричал пегас, безуспешно пытаясь остановить повозку, приближаясь всё ближе и ближе к краю крыши.

— Пожалуйста! У меня семья!

СтилХувз заворчал и остановился.

— Может быть, тебе стоило подумать о них до того, как делать выбор.

Он с силой лягнул колесницу, заставив её перевернуться через край крыши, увлекая за собой пегаса.

Я слышала, как крылатый пони кричал вплоть до того момента, как повозка отскочила от первого козырька, встретившегося ей на пути вниз.

Я почувствовала себя совершенно ошеломлённой и беспомощной, когда ноги моего хозяина понесли меня к ближайшей двери небрежной рысью, как ни в чём ни бывало. Я чувствовала, как он репетирует, беззвучно произнося слова:

— Произошёл ужасный несчастный случай. Нет, не имею понятия, откуда он летел. Могу сказать, что он подлетал слишком низко, но я ожидал, что он выровняется, чтобы не врезаться в здание. Это было ужасно. Мне кажется, это моя вина. Мне не следовало просить Винрайта лететь в такую погоду. Надо было понимать, что сила ветра будет слишком велика для него.

<-=====ooO Ooo=====>

Воспоминание оборвалось.

Я с ужасом посмотрела на СтилХувза.

Он спокойно смотрел на меня в ответ.

— Никаких тайн.

"Мы не первобытные племена, бьющие копытами по камню в надежде добыть огонь. Мы строим лучшее завтра для наших детей. И для детей наших детей."

Мы строим его потом и кровью, которые проливаем, чтобы восстановить основы промышленности нашей великой нации. Потому что без промышленности не будет прогресса. И мы не будем довольствоваться тем, что позволим расе пони ещё две сотни лет прозябать в роли падальщиков!"

Речь Красного Глаза закончилась, и его голос сменился чем-то похожим на карнавальную музыку.

Сумерки сгущались на Филлидельфией, когда мы взошли на небольшой холм, и я смогла увидеть, куда мы направляемся.

Почти две трети Филлидельфии были отгорожены от прилегающих руин высокой металлической стеной. Большая часть промышленного центра, парк развлечений, чей остов американских горок возвышался в лучах гаснущего света, и сам Филлидельфийский Кратер целиком умещались внутри. Мало того, что башни прямо с внутренней стороны укрывали в себе пони-охранников, так ещё и небо патрулировалось грифонами. Глазеющие дирижабли над ними обеспечивали дополнительное снайперское прикрытие.

"Вспомогательная позиция" Стальных Рейнджеров была очевидной: самое большое и легко обороняемое здание из оставшихся в целости за пределами стены. Массивная эмблема в форме шестерни на фасаде здания провозглашала, чем оно является, даже лучше, чем расстрескавшиеся двухэтажные буквы, врезанные в неё. Стальные Рейнджеры заняли штаб-квартиру Стойл-Тек и сделали из неё цитадель

Каламити невзначай обогнал меня и поравнялся со СтилХувзом, паря в воздухе рядом с ним.

— Значит, ты не старейшина, потому что сам так решил? — Спросил он с любопытством. — Может мы не такие уж разные, в конце концов?

Мою спину как будто окатило ледяной водой.

СтилХувз повернулся к Каламити, секунду изучая ржаво-шерстного пегаса.

— Нет. Ты улетел, следуя своим обязательствам, с пренебрежением к собственному роду, не задумываясь о последствиях.

Каламити, нахмурясь, отпрянул немного назад.

СтилХувз продолжал:

— Я сбежал от обязательств, потому что в точности понимал, каковы будут последствия, если я этого не сделаю. Я знал, что были пони, которые последовали бы моему примеру, а я не хотел рисковать развязыванием междоусобной войны среди Стальных Рейнджеров.

Отвернувшись от Каламити, СтилХувз сказал с уверенностью:

— Мы ничуть не похожи.

Заметка: Новый уровень.

Новая способность: Жёсткая шкура (второй уровень) — Жестокий опыт пребывания в Эквестрийской Пустоши закалил вас. Вы получаете +3 к сопротивляемости урону с каждым уровнем данной способности.

<<< ^^ >>>

Глава 24. Танцы Тьмы и Света

«Ммм! Чую запах пекущихся маффинов!»

<<< ^^ >>>

<-----ooO Ooo----->

Смерть.

Поле боя было усеяно окровавленными трупами. Угольно-серое небо тяжело и угрожало разразиться дождём.

Я умирала. Или, точнее, мой хозяин умирал. И мне, пойманной его памятью, пришлось составить ему компанию. Часть моего разума была достаточно ясна, чтобы понять это. Я могла чувствовать давление металла на голову моего хозяина — шлем, видимо, со встроенным реколлектором. Я собиралась пережить смерть?

Весь оставшийся разум был перегружен разрывавшей живот болью. Мой хозяин упал перед траншеей, голова приподнялась достаточно, чтобы увидеть, что большая часть тела ниже живота не была прикреплена как надо. Я видела его кишечник и другие органы, плетущиеся по недавно вырытой земле. Слава Селестии, я не чувствовала этого... мой хозяин перестал чувствовать что-либо ниже раны.

Он был уже мертв. Он, должно быть, уже понял это, просто его тело ещё не получило сигнала.

Кем я была? Я предполагала, что это была память Эпплсэка, учитывая, что она была в шаре из его сумки памяти. Но теперь было не похоже. Среди брони и крови, я не могла быть уверена.

Несколько пегасов летали над полем битвы, ища оставшихся в живых и передавая сообщения. На какой-то момент, знакомая голубая кобылка, с удивительной радужной гривой и хвостом, пролетела над мной. Её окровавленный фиолетовый костюм выглядел почти чёрным, а её боевое седло было выжжено. Она взглянула на меня и вздрогнула. Затем она вновь улетела.

— Эй! — Большой, особенно статный красный жеребец в схожей боевой броне съехал вниз в канаву ко мне. Его глаза расширились, когда он понял всю болезненность моих ран.

— Что... серж... мы оттеснили этих полосатых ублюдков? — Я почувствовала движения рта, голос был низким, мужским.

Я почувствовала, как что-то мокрое упало мне на щеку. Сначала я решила, что другой пони плачет, но потом всё больше и больше капель дождя упали с неба одна за другой.

— Агась, — кивнул красный пони, пучки оранжевой гривы вылезали из-под его шлема, окрашенные тёмно-красной запёкшейся кровью. Он говорил медленно: — Ты хорошо постарался, солдат. Очень хорошо. Они тебя в сержанты произведут после этого.

Дождь начал пропитывать его шкуру, смывая запёкшуюся кровь.

Мой хозяин начал задыхаться, кашляя кровью. На вкус она была горячая, с медным привкусом.

— Боюсь, что посмертно, сержант. — Голос моего носителя был утрашающе спокойным. Ему оставалось жить считанные минуты, если вообще оставалось. И он, кажется... смирился с этим. — Боюсь, что не присоединюсь к тебе, когда в конце концов ты уйдёшь.

Нам стало холодно. Мороз сильнее, чем обычный холод от дождя. Я чувствовала капли, падающие на рану. Я была рада, что я не чувствовала капли, падающие *внутри* меня.

— Не разговаривай, — сказал большой. Выглядел он очень обеспокоенным. — Я пока не собираюсь давать тебе отбросить копыта.

— Думаю, что у зебр другое мнение на этот счёт. — Боже, мой хозяин ещё и смеялся. Он полностью был в агонии... Я не чувствовала боли, подобной этой, с тех пор, как дракон поджёг меня. Я была уверена, что моё тело кричало... а он просто смеялся. Будто бы ничего не было. — Не волнуйся, серж. Мы выиграли день, да? Тогда не о чем сожалеть...

Большой красный жеребец выглядел так, будто пытался побороть слёзы. Мой хозяин улыбнулся, его лицо тонуло в собственной же крови.

— ...Только об одном сожалею. Так и не удалось познакомиться с твоей горячей сестрёнкой.

Жеребец угрожающе нахмурился, и я внезапно поняла, что его грива была того же цвета, что и шерстка Эпплджек. И у них были похожие веснушки. Биг Макинтош ошетинился, а потом грубо засмеялся.

— Терь ты обязан выкарабкаться, — улыбнулся он. — Чтоб я смог пнуть тебя под зад, парень!

Но было уже слишком поздно. Тьма уже понемногу окружала поле зрения моего носителя. Понь с косой пришёл, чтобы забрать его домой, где бы тот дом ни был до того, как Селестия и Луна стали богинями. Мой хозяин откинул голову назад, уставившись в темнеющее небо, чувствуя дождь на лице последний раз...

Множество пегасов парило над головами, двое из них тянули пассажирский фургон полный других пони, в большинстве своём единорогов. Все новоприбывшие были одеты в броню жёлто-розового цвета и несли с собой седельные сумки с маленькими бабочками на боку, прямо как у Вельвет Ремеди. Все, кроме ведущей пони. Ей не нужна была униформа... Флаттершай сама была униформой.

— Оу... Ох... О боже! — Застенчивая пони-пегас окинула взглядом холмы и канавы, полные мёртвых и умирающих. Её глаза наполнились слезами, её начало трясти. Но она топнула копытом и заставила вернуть контроль над голосом. — Ох... Хорошо... Пони, все вы... Пожалуйста, успокойтесь. Мы собираемся помочь.

Флаттершай повернулась и позвала свою команду.

— Пожалуйста, займите позиции как можно быстрее. Спасибо.

Просачивающиеся тени практически затмили зрение моего носителя, другие его чувства тоже быстро увядали. Я смотрела на мир со дна глубокого тёмного колодца. К счастью, боль была лишь на верхушке этого колодца, далеко от нас. Мы закрыли глаза.

Было трудно открыть их снова. Веки были тяжелы, будто сделаны из золота. Когда мы сделали это, смотреть было почти не на что. Просто облака да дождь. Едва видимые. Мы были в ещё более глубоком колодце.

Голова Флаттершай двигалась между нами и облаками, странно смотря сверху вниз, съёживаясь при взгляде на моего носителя.

— Ооох... О нет. — Она ринулась к нам. — Я... Мы... Я думаю, что могу помочь. Просто держитесь, пожалуйста!

Мы напряглись, чтобы сказать, но получился лишь шёпот:

— Иди... Помоги тем... кому всё ещё... — Наши слова оборвались. Больше не было сил договорить. Но смысл их и так был ясен.

Единорог в жёлто-розовом платье появилась в поле зрения.

— Флаттершай, — сказала она шёпотом, — мы готовы к тестовым испытаниям...

Мир пропал в пустоту. Пустота была всеобъемлющей. Ни взгляда, ни звука. Нечего учуять или ощутить. Кроме вкуса крови во рту.

Мы умерли.

Мы должны были умереть.

Но приятная теплота начала проходить через нас. Я чувствовала её везде, прямо до кончика хвоста моего носителя. Мир

стремительно возвращался, будто бы сфера памяти отпускала нас. Не было боли. Она была заменена на закаменелый холод. Наше тело промокало под дождём. Канавы превратились в болото с грязью.

Мы открыли глаза. Наше тело было полностью исцелено.

Это было чудо. Это было *невероятно!*

— Что ты было??! — Я услышала крик кобылицы надо мной. Я посмотрела вверх и увидела радужногривую кобылу, спускавшуюся с неба, и тянувшийся за ней радужный след. — Флаттершай! Что. Ты. Сделала?!

Рэйнбоу Дэш остановилась, паря в воздухе, в чрезвычайном шоке уставившись на свою подружку-пегаса.

— Мы излечили их, — грациозно сказала Флаттершай, её голос каким-то образом наполнился счастьем без единого намёка на гордость. Несколько единорогов подскакали, чтобы встать рядом с ней.

— Я знаю это, — уверила её Рэйнбоу Дэш — Но... как?

Флаттершай покраснела, выглядя довольной.

— Мы называем это "мегазаклинанием".

Рэйнбоу Дэш моргнула.

— Что, ещё раз?

Одна из единорогов прочистила горло, и Флаттершай скромно отступила назад, позволяя кобыле объяснить.

— Это новая, основополагающая структура, позволяющая малым заклинаниям увеличиться в размере и эффективности.

Голубая пегаска выглядела потерянной. И обеспокоенной.

— С помощью этого, — утверждала Флаттершай, — мы можем вылечить всех на поле боя одним-единственным заклинанием. Никто не должен умирать, только потому что мы не смогли добраться до него вовремя.

— Всех... — Рэйнбоу Дэш оглядела поле боя. Мой носитель тоже посмотрел. Везде пони поднимались на ноги с выражениями страха и замешательства. Только мёртвые оставались мёртвыми, их тела были разбросаны по холмам и заполняли канавы. Раненые, даже если они были на волосок от смерти из-за безнадежных ран, теперь были целы и невредимы.

Так же, как мой хозяин.

— ...Все они?..

Как и зебра, которая тащила себя среди тел с электрическим зебринским мечом во рту.

Рэйнбоу Дэш кричала на Флаттершай:

— Ты вылечила всех?! Без разбора? Даже зебр?!

— эм...

— *Ты хоть понимаешь, что ты наделала!??*

— Я... мы....

— Ты знаешь, сколько пони **погибло** сегодня? — взревела Рэйнбоу Дэш. — И теперь нам придётся опять сражаться в этой чёртовой битве с самого начала!

Я услышала, как жёлтая пегасочка тонко всхлипнула, начиная плакать. Моё сердце разбилось от этого звука. Я хотела, чтобы Эпплснэк обернулся к ней... Я хотела, чтобы он успокоил кобылку, которая только что спасла ему жизнь. Но он не уделил ей даже взгляда. Вместо этого мой носитель опустил голову и ткнулся мордой в слякоть, чтобы поднять свою винтовку, не обращая внимания на вязнущие в грязи зубы и вкус земли.

Выстрелы начали звучать по всему полю боя за траншеей.

— Флаттершай, ложись! — закричала Рэйнбоу Дэш, за мгновение до того как голубая пегаска схватила жёлтую, сбрасывая их обеих в траншею рядом со мной, её крыло зацепило след снаряда, когда тот взорвался за траншеей, осыпая нас грязью.

Начиналась битва. Снова.

<=====ooO Ooo=====>

Вельвет Ремеди остановилась перед массивными воротами, которые Стальные Рейнджеры построили перед штаб-квартирой Стойл-Тек. Бронированная плита выглядела так, как будто её вырезали из корпуса линкора. Она скользила в пазах в бетонной стене, которая делила квадратный двор небоскреба пополам.

Стальные Рейнджеры стояли на страже вдоль крыши и на открытой части внутреннего двора, сопровождаемые двумя танкообразными сторожевыми роботами, которые, по иронии, и послужили причиной создания антимервинтовки.

Внешняя же половина двора была беспорядочной кучей из потрескавшихся ступенек и расколотого булыжника, бетонных плантаторов, на которых ничего не росло, и высохшего фонтана. Над фонтаном возвышалась потрескавшаяся и сильно обветренная статуя когда-то прекрасной белой единорожки с завывающимися фиолетово-розовыми гривой и хвостом. Статуя настрадалась не только от погоды, но ещё и от кучи граффити, перед тем как Стальные Рейнджеры захватили здание и начали силой отгонять рейдеров и прочих негодяев от их базы.

Все остальные сосредоточились на охранниках в магической силовой броне и охранных роботах перед воротами. Старший паладин рысцой выбежала вперед, на ходу обращаясь к ним. Я наострила свои уши, чтобы слушать, но внезапно почувствовала толчок копыта Каламити. Он указал копытом и повернулся, чтобы видеть Вельвет Ремеди, подошедшую к фонтану.

— Привет, прабабушка, — сказала она ласково. — Пра-пра-пра-пра-пра... — Она остановилась, покраснев. — Я спела твою песню. И я просто хотела сказать: ты спасла нас. Я здесь благодаря тебе. Стоило Два работает.

Стальные Рейнджеры замолчали, они были заинтересованы странным, почти что внутренним разговором моей подружки со статуей. Каламити отошёл от нас, тихо подлетев к ней.

— Да, ты правильно поняла. — Вельвет порыла копытом землю. — Я... просто хотела, чтобы ты знала.

У неё на глазах были слёзы, когда она повернулась и отошла, двигаясь обратно к нам. Каламити приземлился рядом с ней и обнял, успокаивая.

Вельвет Ремеди остановилась, располагаясь в объятиях, и вздохнула. Потом вырвалась, вытирая слезу и возвращаясь на своё место за мной.

Паерлайт спустилась с небес и села на статую, тем самым заставив Стальных Рейнджеров принять боевые стойки.

— Вольно, — прогремел СтилХувз. Могу поспорить, что под шлемом он закатил глаза.

— Эти штуки опасны, — пояснил один из рыцарей.

Я мрачно засмеялась себе под нос:

— Да уж, она могла бы поднять твоё забрало и поджарить тебя, дыхнув. — Воображаемая картина была нелепа — увидеть пони, убитую с такой жестокостью, было ужасно, но почему-то зрелище Паерлайт, проделывающей этот трюк, взбудоражило мое чувство

юмора. О богины, со мной действительно что-то не то.

Кобыла-рыцарь рядом со мной (та, что с пулемётом на боевом седле) хихикнула у себя в броне.

— У этих шлемов не поднять забрало, — она повернулась ко мне, — это была бы серьёзная слабина у брони. Не могу представить, как такой дизайн прошёл бы через комитет Защиты.

Я точно не знала, о чём она говорила, но основной смысл поняла.

— Конечно нет, — согласилась я. — Если защита была основной целью брони.

— А какая ещё цель может быть у брони? — усмехнулась она.

— Устрашение.

Позади нас Каламити взлетел, чтобы посмотреть Паерлайт прямо в глаза.

— Если ты нагадишь на это, она тя убьёт. Честное предупреждение.

Раздирающий небо визг пронзил воздух. Вверху из-за стены показалось гигантское плечо крана. Массивные стальные когти на его конце опустились и схватили металлические ворота. Медленно, с мучительным скрежетом металла о бетон, ворота в цитадель Стальных Рейнджеров в Штаб-квартире Стойл-Тек поднялись, чтобы впустить нас.

— Маковка, — сказала кобыла-паладин рядом со мной.

— М? — Я смущённо моргнула.

— Это моё имя, — сказала она. — Я — Рыцарь Маковка. — Я всё ещё ничего не понимала, и она разъяснила: — Маки — это цветы из земель зебр.

— Оу, — я снова улыбнулась. — Литлпип. — Я приподняла правую переднюю ногу, показывая ПипБак. — Пип — сокращение от "ПипБак" — сказала я ей, решив просто не упоминать, что имя, данное моей мамой было "Пипскивк". — Все пони в Стойлах имеют такой. — Сказав это, я задумалась о том, было ли это правдой, учитывая часто смертельные странности других убежищ от Стойл-Тек. Я посмотрела за поднимающиеся ворота, проглотив комок в горле. — ...Ну, во всяком случае, в моём Стойле.

— Правда? — прокомментировала Маковка. — А мне всегда говорили, что пипнуть кого-то — значит выстрелить в него из огнестрельного оружия.

Я такого никогда не слышала. Серьёзно, ну вот что на это ответить?

Часть группы начала продвигаться. Паерлайт, по всей видимости, намеревалась остаться снаружи, в предместьях Филлидельфии. Я пожелала ей удачи, ожидая, что она всё ещё будет рядом, когда и если мы уйдём. Она выживала сама по себе достаточно долгое время, так что я больше беспокоилась за остальных.

Каламити снова посмотрел на основание статуи, наклонил голову и выудил бутылочную крышечку из высохшего бассейна фонтана. Потом он прилетел обратно к нам и, занимая своё место рядом с Вельвет, положил крышечку себе в сумку.

* * *

Звуки разрозненной стрельбы танцевали в воздухе. Стальные Рейнджеры наматывали круги по беговой дорожке вдоль высокой стены, окружавшей нижние этажи Штаб-квартиры Стойл-Тек. Во внутренней половине двора, старший паладин отдавал приказы новичкам, наблюдая, как они изо всех сил пытаются овладеть техникой движения в своей магической силовой броне.

— А, понятно, — сказал Каламити СтилХувзу, когда один из послушников лягнул изрядно помятый лист стали, оставив отметины в полуметре от намеченной цели. — Матрица заклинаний вашей брони увеличивает вашу силу и выносливость, чтобы компенсировать вес брони, верно?

СтилХувз кивнул, не сказав ни слова.

— Интересн, — размышляя, сказал Каламити. — Зачарование на броне Анклава обнуляет её вес. Как одно из тех, что на Громе Спитфайр.

Каламити глянул назад на уникальную противотанковую винтовку, привязанную к его боевому седлу. Эта штука в собранном состоянии была почти в два раза длиннее его, так что он держал её разобранной во время путешествий.

— Принцип действия отличается, но по сути всё то же уменьшение веса.

СтилХувс притормозил, уставившись на Каламити. До этого он не сталкивался с его причудливыми знаниями в области магической инженерии.

Старшая кобыла-паладин вела нас к некогда великим дверям Стойл-Тек. То, что когда-то было мерцающей полированной бронзой, инкрустированной богато лакированным лесом, сейчас было запятнанным и обесцвеченным металлом со вставками деформированной и гниющей древесины. Над дверью висела эмблема Стойл-Тек, включённая в каминную доску с парой декоративных ниш, где когда-то горел огонь. Пепел из укромных уголков полосами замарал стену и двери, из-за чего казалось, что здание плачет.

Я вздрогнула от этой удручающей картины.

Навострив ухо в сторону пальбы, Каламити спросил Стилхувза:

— А че, эт типа стрельбище тама позади? Если твои тутешние дружки не выгонят нас нафиг или не пристрелят в какой-то момент для острстки, я бы занял его на чуток.

— Хочешь впечатлить Рейнджеров? — парировал наш спутник-гуль.

Каламити рассмеялся.

— Да не. Совсем не за этим.

Я подбежала ближе, во мне проснулось любопытство.

— Тогда что? Конечно же, наш чемпион-по-стрельбе-в-течение-четырёх-лет не нуждается в чьих-то наставлениях. Я никогда не видела, чтобы ты промахивался...

— Даже когда должен был, — хмыкнула Вельвет Ремеди.

— ...тогда зачем тебе стрельбище?

Ведущая нас кобыла остановилась перед парадной дверью и говорила с кем-то по ту сторону через интерком. Маковка подбежала ко мне, она выглядела взволнованной. Или скучающей. Трудно сказать, когда не видишь выражение лица.

— Вишь ли, эта новая пушка, Гром Спитфайр — магически зачарованная антимер-винтовка. Сделана для пегаса-снайпера, — сказал Каламити и сдвинул край шляпы вперёд. — Она зачарована так, что весит лишь пару фунтов и отдача у неё, как у пёрышка. Стреляет больше как магическая пушка, нежели огнестрельная. У неё даж молния-камень есть внутри, поэтому гремит как гром при выстреле. Она даже стреляет на двадцать процентов быстрее не зачарованной и никогда не заклинивает. Нет подвижных частей.

А вот теперь и я присвистнула.

— Эт всё значит, что эт малышка больше энерго-магическая пушка, чем огнестрельное оружие. Но в то ж время она "кушает" пули, типа как и моё боевое седло. Но хреначит ими с учётом ветра и гравитации. Оч необычное сочетание. — Он мне улыбнулся и затем

крыто взглянул на СтилХувза. — Эт значит, что мне б лучше сначала пристреляться к ней на стрельбище, а потом уж тащиться в реальную перестрелку.

Дверь в Стойл-Тек открыли изнутри.

Вельвет протолкнулась между нами, закатив глаза и встряхнув гривой.

— Тебе и твоей пушечке нужно побыть наедине? — бросила она, пройдя мимо Каламити.

Он моргнул.

— Ну, да. Я тольк что эт сказал.

Я приложила копыто к лицу. Вельвет Ремеди хмыкнула и забежала внутрь, не обращая внимание на смущённого пегаса.

"Вас тревожат новости последних дней? Волнуетесь о том, что случится с вами или вашей семьёй если упадут мегазаклинания? Я знаю и понимаю ваши страхи, ведь я тоже их разделяю..."

Мои спутники и я поражённо осмотрелись. Вестибюль Стойл-Тек был спроектирован так, чтобы быть дружелюбной саморекламой. Грустный, приятный голос, казалось, звучал прямо перед нами, независимо от того, куда мы смотрели. Он наполнял воздух.

— Это Свити Белль, — шепнула Вельвет Ремеди, выискивая громкоговорители.

"Как и вы, я надеюсь на лучшее... но как и вам, мне нужно быть готовой к худшему. Я желаю безопасное место для своих близких, где те выживут, если этот ужасный день придёт, и наша прекрасная Эквестрия падёт перед холокостом мегазаклинаний."

— Сообщение автоматическое, — сказала мне Маковка. — Включается каждый раз, как мы проходим через ту дверь. Мы пытались его отключить. Безуспешно. Сделали только хуже. — Она указала на здоровенный логотип Стойл-Тек, встроенный в пол. — Здесь раньше была голограмма той статуи единорога, которая стоит перед зданием. Она была сделана из мерцающих огней и пиздечки походила на призрак. Её уничтожение заодно прикончило и интерфейс для туристических презентаций. — Она усмехнулась с оттенком иронии. — Наслаждайтесь.

Это объясняло, почему ни наш гид, не другие Стальные Рейнджеры не обращали на голос Свити Белль ни малейшего внимания.

"Мне тоже нужно знать, что моя семья будет спасена. Но больше этого я хочу знать, что они будут счастливы. Я не хочу, чтобы они были заперты в тёмном и тесном убежище оставшуюся часть своей жизни. Это ничем не лучше тюрьмы. Нет... Я хочу, чтобы моя семья была спасена и находилась в безопасности в одном из великолепных Стойл, созданных Стойл-тек."

Наш гид провёл нас мимо старых витрин, большинство которых были разбиты и разграблены, и множества ужасно выцветших плакатов на стене. Плакаты варьировались от ужасающих предзнаменований Армагеддона (которым как-то удавалось быть более приятными и веселыми, чем та постапокалиптическая действительность, которую они пророчили) до картин улыбающейся Свити Белль, убеждающей родителей доверить их детей обещанию Стойл-Тек о долгих и счастливых жизнях. Всех их объединяло одно сообщение, хоть и редко облачённое в конкретные слова: Мы заботимся. Вы нуждаетесь в нас. Вы умрете без нас. Купите себе билеты лотереи Стойл-Тек прямо сейчас.

Мы приближались к концу прихожей, минуя древний автомат со Спарк-Колой (этот автомат был снабжён пластиной с подсветкой, изображавшей Флаттершай, в почти ограмном состоянии пьющую её любимый напиток со вкусом моркови) и машину для продажи боеприпасов, которую проломил и обчистил. Конец зала был украшен искусственными камнями, так что прихожая превращалась в маленькую тёмную пещерку. Иллюзия имела бы эффект, если бы куски штукатурки со "стены пещеры" не обвалились, обнажая сети проводов за собой.

Как только наш ведущий ступил в пещеру, громкий вибрирующий лязг эхом прошёлся по прихожей, включилась подсветка, представляя взгляду огромную модель двери Стойла.

Голос Свити Белль ожил вокруг нас снова, запись играла на удивительно низкой скорости первые несколько секунд, делая её голос похожим на голос СтилХувза.

"Стойл-Тек приглашает вас в нашу новую линейку подземных убежищ, представляя нашу запатентованную тайную аппаратуру С.Э.С. Технология С.Э.С. — это продукт специализированных, бескомпромиссных усилий наших учёных в Стойл-Тек, предназначенных, чтобы преподнести вам самые продвинутые и устойчивые дизайны, созданные на трёх основах выживания в пост-апокалипсисе: Безопасность, Удобства и Самодостаточность."

Я и Вельвет Ремеди переглянулись.

Модель двери Стойла (пронумерованная как "0") распаивалась на петлях, пока мы приближались. Проигрывался звук открытия настоящей двери Стойла. Вращающиеся жёлтые огни довершили показ, вот только в Стойле Два таких не было.

"Вы и ваши близкие сможете спать спокойно, зная, что непробиваемые двери наших Стойл созданы, чтобы выстоять и защитить, даже если зебры-захватчики подорвут жар-бомбу прямо напротив вашего нового, безопасного и защищённого дома. (С вероятностью отказа всего лишь в 7 процентов даже при настолько экстремальных и маловероятных обстоятельствах.) Могучие двери Стойл от Стойл-Тек гарантированно защитят вас и ваши семьи."

Вау.

Вельвет Ремеди издала приглушённый смешок. Не успев себя одёрнуть я прошептала:

— Дверь амбара Вельвет Ремеди не открывается в эту сторону. — Я судорожно вздохнула и быстро исправилась: — То есть, дверь Стойла Два.

Слишком поздно. Угольно-чёрная единорожка с алыми и золотыми полосками в белой гриве пригвоздила меня взглядом, говорившим, что мне будут припоминать это на протяжении долгого неприятного времени. Чёрт возьми, иногда я ненавидела свою мать. Не то, чтобы она действительно была виновата в том, что у меня язык без костей... но это была её вина.

"Вы всё ещё боитесь, что домом вашей семьи станет тёмный и тесный подвал? Магический свет С.Э.С. уничтожит эти страхи. С помощью магической силы Смотрительницы вашего Стойла каждый сможет наслаждаться полностью реалистичным солнечным светом даже под землёй, со всем теплом и радостью, что он приносит." Голос Свити Белль стал хвастливым. "А ночью, мягкий свет заполнит залы, предоставленные технологиями земных пони".

До сих пор самая точная часть выставки была в освещении зала с его вездесущим высокочастотным гудением. Конечно, в настоящем Стойле "ночное освещение" работало по шестнадцать часов в день, каждый день, всё время. А обещанный реалистичный солнечный свет использовался для подземного яблоневого сада. Основываясь на вкусе и цвете того, что мы называли яблоками, у меня были сомнения относительно того, насколько "полностью реалистичным" был этот свет.

"Обеспокоены безопасностью? Не бойтесь. Каждое Стойло снабжено уровнем безопасности и полностью оснащёнными"

арсеналами. Наша система камер "Френдли Пай" позволяет Смотрительнице наблюдать за всеми пони в общественных местах, не влезая в ваши личные дела." Бестелесный голос Свити Белль был особенно доволен этой функцией. "Мы здесь, в Стойл-Тек, верим в обеспечение вашей жизни должным уровнем уважительной конфиденциальности без угрозы вашей безопасности."

Мы начали тащиться через странный макет Стойла. Планировка макета не имела ничего общего с реальностью и выглядела более похожей на аттракцион, нежели на функциональное убежище. Каждые несколько метров мы проходили мимо большого окна. Как только наш ведущий пересекал определённый рубеж, внутри навечно загерметизированных помещений загорался мерцающий свет, а манекены играли сцены утопически счастливой подземной жизни. В каждой комнате, которую мы проходили, призрак Свити Белль заманчиво предлагал нам ознакомиться с другими аспектами того, как замечательно и безопасно жить в Стойле.

После других стойл, в которых я была, я поняла, что это начало выводить меня из себя. Я не могла перестать думать о том, сколько Стойл превратилось в смертельную ловушку, что было очень не похоже на все те обещания. И каким-то образом реакция на лице Каламити лишь усугубляла эти ощущения

"Здесь, в Стойл-Тек, мы нашли время, чтобы обдумать всё. Мы знаем, что в случае худшего катаклизма мегазаклинаний возрождение Эквестрии займёт не месяцы, а десятилетия. Тем из нас, кто захочет пережить уничтожение, возможно, придётся прожить большую часть оставшейся жизни под землёй и стать свидетелями рождения нового поколения, которое никогда не видело мир снаружи. Поэтому каждое Стойло включает Яблочный Сад Стойл-Тек, предоставляя не только более чем достаточно продовольствия для растущего подземного поколения, но и траву для ваших жеребят и туманные фонтаны для имитации радуг, работающие на основе наших водных талисманов патентованной технологии С.Э.С."

Заканчивалась ли в других Стойлах еда? Сад в стойле два был, попросту говоря, громадным. Что, наверно, объясняет, почему остальные в Стойле никогда не наслаждались магическим солнечным светом. Разве Стойл-Тек создавали остальные стойла с садами, которые смогут прокормить только одно или два поколения? Или Свити Белль целенаправленно опускала тот ужас, который она и её две подруги ожидали?

"Конечно же, мы все надеемся и молимся на то, чтобы эти стойла никогда не понадобились. Но может ли кто-нибудь из нас позволить себе рисковать жизнями наших родных и нашими собственными?"

Вельмет Ремеди была на грани слез из-за прощальных слов её предка, который, как мы обе знали, стал первой Смотрительницей Стойла Два... Стойла, особой целью которого было удерживать нас там, в безопасности, навсегда.

Или, я знала, пока Спайк не найдёт нужных пони, чтобы активировать Сады Эквестрии

— Я не могу поверить, чё вы жили в подобном месте... — сказал Каламити, когда мы поднимались по ступенькам вверх. — Это... объясняет многое.

Я открыла свой рот, но не смогла найти слов, издав только слабый писк.

"Мы в Стойл-Тек надеемся, что вы хорошо провели время на сегодняшней экскурсии. Если у вас есть какие-либо вопросы, вы можете их свободно задать в приёмной. Наш дружественный коллектив будет рад рассказать вам всё, что вы хотите знать."

Пока СтилХувз разговаривал со Старейшиной наедине, мы вынуждены были ждать в длинном зале из гниющих деревянных панелей за дверью офиса Блюберри Сэйбр под бдительными взглядами бронированных пони.

Я попыталась завязать беседу с Маковкой. Разговор шёл неплохо, пока я не накосячила, спросив, что она думает о Присяге Стальных Рейнджеров, мне было интересно, понимает ли она её так же, как и Рыцарь Бак, в плане следования принципам Эпплджек? Вместо ответа я узнала, что говорить о Присяге посторонним (или 'дикарям', как она нас назвала), было запрещено. После этого она проигнорировала все мои дальнейшие попытки поговорить. Я не могла сказать точно, было ли это потому что я глубоко оскорбила рыцаря, или потому что здесь были другие Стальные Рейнджеры.

Я собралась было попытаться подслушать, но затем поняла, что охранники не позволят мне подойти к двери так близко. И я не была полностью уверена, что хотела знать, о чём говорили. Я была уверена, что есть часть беседы, которую я ещё успею услышать, особенно что-то относительно нас или миссии СтилХувза. Но тут, вероятно, было нечто большее, чем небольшая дискуссия о внутренней политике и текущих событиях в пределах Стальных Рейнджеров. Это было вне сферы моих интересов; и после погружения в одно из воспоминаний СтилХувза без его разрешения я не хотела вновь незванно лезть копытами в его дела так скоро.

Кроме того я заметила, что действительно не хотела знать. Стальные Рейнджеры были... неприятными.

СтилХувз был Стальным Рейнджером. Не просто бывшим членом, который всё ещё носил броню, потому что (по непонятным мне причинам) он не мог её снять, а действующей и всё ещё активной частью организации. Был Звездным Паладином. А это звучало внушительно, хоть я и не вполне понимала, что это значит.

Из этого путешествия и из воспоминаний в его шарах памяти я начала многое узнавать о моём новом компаньоне. (Ну, самом новом четырёхкопытном компаньоне). И я нашла, что смогу принять большинство из этого, хотя и не всегда легко. Я чувствовала, что могла доверять ему... в определённых пределах... и называть его другом. Но я не завидовала его судьбе, и я опасалась того, что станет с его лояльностью, когда посыпятся яблоки.

Изучая его, я также изучала Стальных Рейнджеров. Я интересовалась ими, так как они были связаны со СтилХувзом... и Эпплджек, кобылой из того узкого круга друзей, которых Спайк знал лично, и которые были мне не безразличны, независимо от веков между ними и нами. Сама идея о защитниках, всё ещё преданных идеалам Эпплджек, была словно луч света в море тьмы, которым часто казалась Эквестрийская Пустошь.

Но сами Стальные Рейнджеры, или, как минимум, большая их часть, показались мне немногим лучше, чем хорошо оборудованные более принципиальные рейдеры. Они не насиловали и не пытали, у них не было изуродованных тел, развешанных на стенах. Но они и не испытывали угрызений совести, просто просиживая круп и позволяя другим пони страдать, голодать и умирать, в то время как у них были технологии, чтобы сделать что-то хорошее. Они были как Спайк, только без благородной и самоотверженной причины, которая оправдала бы их действия.

Я нахмурилась и устремила свой внутренний взор от мыслей о Рейнджерах назад в прихожую. Решив не подслушивать, я вставила наушник в одно ухо и настроила мой ПипБак на радиопередачу Филлидельфии. Но вместо пропагандистских речей Красного Глаза я услышала очередное повторение "Марша Параспрайтов". Я посмотрела на своих друзей. Вельвет Ремеди и Каламити сидели вместе, иногда украдкой бросая взгляды на дверь в офис Блюберри Сэйбр. Вельвет помогала Каламити отделаться от вопиющих заблуждений о жизни в Стойле после экскурсии.

Я собиралась было присоединиться к беседе, но я пропустила большую её часть, и Маковка и охранники казались более

заинтересованными в ней, чем я. Так что это просто сидела, начиная ёрзать на месте (скучно!). Я начала рассматривать картины на стенах, изодранные и потемневшие от возраста, изображавшие проекты зданий. Одно из них я узнала — кажется, это фабрика Алый Скакун.

Я встала, чтобы рассмотреть картины поближе, и прошлась по залу. Кое-где на одинаковом расстоянии друг от друга были установлены пьедесталы, на каждом из которых выставлялись маленькие архитектурные модели. Большинство моделей разрушилось под тяжестью не менее двадцати десятилетий. Но некоторые из них уцелели почти полностью и всё ещё стояли нетронутыми, представляя собой свидетельство удивительных навыков своего создателя.

Когда Стойл-Тек строили что-то, они строили это на века.

Я уже собиралась вынуть наушник из своего уха, когда музыка прекратилась (играло что-то патриотическое, но в то же время с преобладанием гобоя), и послышался голос Красного Глаза.

"Друзья мои, позвольте поделиться с вами тайной — только между мной и вами. Я не всегда был таким. Нет, когда-то я был юным жеребёнком, безответственным и беспечным. Я не понимал нужды в тяжком труде и стараниях. Да и не должен был понимать. Ибо я был ребёнком, а детство — это время невинности. Время познания мира. Время счастья и роста.

Мне повезло быть одарённым, сверх заслуженного, безопасными местами для странствий, защитой от злодейств и ужасов Эквестрийской Пустоши и компанией моей любимой собаки — Зимы. О, какие приключения у нас были.

Звучит прекрасно, не правда ли. Время мира и радости, в которое я могу мысленно возвращаться в конце дня после того, как Эквестрийская Пустошь обрушит на меня худшие из своих ужасов и отчаяния. Среди видений моего мирного прошлого и нашего восхитительно светлого будущего я обретаю силу идти вперёд, каким бы ни был труден путь и тяжела поклажа.

Но... моё детство — живописное, идеальное и безопасное... Этим ли наслаждаются ваши собственные дети? Скажи мне, Эквестрийская Пустошь, сколько из наших детей сегодня истинно счастливы? Истинно беззаботны?

К сожалению, мы оба знаем ответ. Ни одного. Сегодняшняя Эквестрия — суровое, мрачное, непрощающее место. Наши жеребятя живут среди страха, насилия и убийств. Жестокий и отравленный мир не предлагает нашим детям ничего кроме бессмысленной борьбы, слишком часто завершающейся мучительным и ужасным концом. Здесь нет радости и нет надежды.

Довольно! Это закончится здесь. Это закончится сейчас. Да, однажды Новая Эквестрия, которую мы строим, предложит им ту же утопическую безопасность, которой я когда-то наслаждался... но мы не можем ждать этого, пока наши дети страдают. Лидеры нашего прошлого могли забыть, какой заботы заслуживает каждый жеребёнок, когда они излили свою надменную ярость на наш мир. Но мы — те, кто прошёл через ад — не настолько глупы. И мы не будем ждать до завтра.

Как уже известно тем, кто живёт в местах, вновь освоенных нами, молодые эквестрийцы всегда были и остаются для меня приоритетом номер один. Всё, что мы делаем, чем мы жертвуем, делается для них, чтобы они смогли жить в лучшем мире. Сейчас же мы стремимся окружить их всей заботой и защитой, что могут предложить наши копыта.

И даже больше того, дорогие друзья. О, намного больше. Мы даём им школы, где они могут учиться, медицинские центры, где они получают бесплатный уход — лучший медицинский уход во всей Эквестрии, и дома, где они могут жить с другими детьми, заводя друзей, и всё это в окружении бдительной заботы любящих, проверенных кобылиц и жеребцов.

Вскоре армия Детей Единения придут в ваш город. Не как армия захватчиков, о нет. Но как армия инженеров, учителей и врачей. Они заново отстроят ваши школы, учредят больницы, предоставляющие лучший уход среди этой разбитой и замученной нации, и принесут вам Слова Богини, чтобы и вы могли познать Единение.

И тогда наши дети снова смогут спокойно играть."

Дверь в офис Блюберри Сэйбр открылась, и из неё выглянул СтилХувз.

— Литлпип, не могла бы ты зайти ненадолго?

Старейшина Блюберри Сэйбр была первой из Стальных Рейнджеров, на которую я действительно положила глаз. Она была довольно симпатичной престарелой кобылой. Мне показалось, что когда она была ближе к моему возрасту (или даже Вельвет), она, должно быть, была очень милой. У неё была шерсть приятного голубого цвета, а её грива и хвост были ягодно-фиолетового цвета до того, как они стали в основном серебристо-серыми. В них по-прежнему просвечивались клочки натурального цвета. Я не увидела её кютимарку; её одежда скрывала небольшую часть её тела.

СтилХувз провёл меня внутрь и закрыл за собой дверь своим закованным в металлическую броню хвостом. Блюберри Сэйбр стояла передо мной рядом с тяжёлым металлическим столом, плетёный фронтальный дизайн которого странным образом напомнил мне строительные леса. Одно её копыто лежало на столе. Присмотревшись внимательнее, я заметила, что её копыто не касалось поверхности металла. Между копытом и столом был зажат круглый чёрный шар памяти.

— Литлпип, — сказал СтилХувз со странным напряжением в голосе. — Мне нужно, чтобы ты посмотрела в этот шар и сказала мне, что внутри.

Я озадаченно посмотрела на него. Потом на Старейшину Стальных Рейнджеров. Она кивнула с ухмылкой, которая неприятно смотрелась на её некогда милом лице.

— Ладно, — сказала я, медленно приближаясь. Я была немного удивлена своей нерешительностью. Что-то в атмосфере комнаты было не так. Всё же я сделала так, как просил СтилХувз, наклонив рог к шару и сконцентрировавшись. Когда реальность начала ускользать от меня, я почувствовала странное окатившее меня ощущение. Часть меня запаниковала, внезапно подумав, что они хотят обездвижить меня. Моё собственное воспоминание — то, когда Вельвет Ремеди стреляла в меня из моего собственного дротикомёта — вспыхнуло у меня в голове.

А после я больше не была с ними.

<=====ооО Ооо=====>

Первым чувством, которое у меня появилось, был запах. Прежде чем я смогла увидеть амбар, я почуяла насыщенный запах сена, смешивавшийся с другими, менее приятными, грубыми ароматами. Зрение появилось следующим. Мне захотелось моргнуть, когда ослепляющий солнечный свет, прекрасный и чистый, просочился в амбар через открытый сеновал. Затем появилось осознание. Сначала ощущение прикосновения накидки, которую я носила, из грубой но совсем не неприятной ткани. Потом...

Я чувствовала себя странно.

Тело, в котором я оказалась, было каким-то непривычным, заметно отличалось от тела пони... но ума не приложу, чем. Я уже была в воспоминаниях земных пони, и отсутствие рога уже не было поразительным для меня. Однако, тело было менее чужим, чем у мужчин-пони, и уж тем более ощущения были не такие, как в моём причудливом опыте пребывания в теле Спайка. Но я всё равно чувствовала,

что что-то было не так. Это ощущение было как зуд, который кто-то хотел прохихотеть.

Мой носитель стоял на постели из сена, наблюдая за тем, как две знакомые мне кобылы заходят в амбар. Они прошли мимо меня, даже не удостоив взглядом.

— Ну так о чём таком ты хотела со мной поговорить, Рэрити, что нам пришлось прятаться в амбаре?

— Ну, — начала элегантно белая единорожица, глядя на свою веснушчатую подругу с растрёпанной светлой гривой, — Рэйнбоу Дэш сказала, что на прошлой неделе на Празднике Летнего Солнца она заигрывала с тобой, и ты не возражала...

Мне захотелось засмеяться. Рэрити удалось выдержать идеальный тон, лежащий между сплетничаньем и непристойным намёком. И всё же я не сомневаясь могла сказать, что она лишь играла с рыжей кобылой с тремя яблоками на кюотимарке. Можете называть это интуицией, но я просто знала, что Рэрити смотрит только на жеребцов. И от этого выражение лица Эпплджек выглядело ещё более забавным.

— О, нет! — чуть не закричала Эпплджек, отступив назад. — Проклятье! И ты туда же? Рэйнбоу Дэш была пьяна. Опять. И я сказала ей, что...

Мне очень хотелось, чтобы мой хозяин засмеялся, потому что трудно ощущать колики, когда твоё тело отказывается сотрудничать. Но, по крайней мере, я могла сказать Эпплджек, что всё, что он мог бояться здесь обнаружить, было чушью.

Эпплджек восстановила самообладание, как только Рэрити похлопала ресницами, но вскоре не смогла сдержать женственный смех.

— Ох, во имя любви... — сказала Эпплджек, топнув ногой. — Неужели ты притащила меня сюда, чтобы только шутки шутить? — Она прижала копыто к своему веснушчатому лицу. — А, чёрт... это Рэйнбоу Дэш тебя подговорила? Это один из её розыгрышей, да?

— Вообще-то... да, — призналась Рэрити. — Это была её идея...

— Я так и знала! — фыркнула Эпплджек, снова топнув.

— ...но мне правда нужно с тобой поговорить кое о чём, — сказала грациозная единорожица, неожиданно становясь весьма серьёзной.

Эпплджек заметила перемену настроения. Веселье, даже то, которое было за её счёт, закончилось.

— Что это?

— Я... столкнулась с новой магией, — осторожно произнесла Рэрити. — Магией зебр. — Она остановилась, оценивая реакцию сельской кобылицы.

— Ты имеешь в виду, типа тех снадобий, которые варила Зекора?

— Нет, не совсем, — ответила Рэрити, понижая голос. — Ты когда-нибудь слышала о сосудах душ?

Эпплджек смерила свою пурпурногривую подругу взглядом.

— Нет. И я не уверена, что хочу.

Но Рэрити не была готова остановиться.

— Сосуд души — это предмет... это, вообще-то, может быть любой предмет, а не обязательно сосуд... в который помещают душу.

Эпплджек выглядела ошеломлённой, но Рэрити продолжала. Было похоже, что теперь, начав говорить, она не могла остановиться, пока не выскажет всё.

— Помещение души в сосуд меняет объект. Во-первых, он становится фактически неразрушаемым. И можно использовать душу, чтобы подвешивать на неё другие заклятья... — Она остановилась, захваченная какой-то мыслью, и добавила: — Она становится основанием. Похоже на каркас мезоклиниции, я полагаю.

— Рэрити! — вскрикнула Эпплджек. — Что за бес в тебя вселился, девочка! Где ты вообще достала такую магию? Это же... — Голос рыжей кобылы понизился до шипения. — Это некромантия!

Рэрити посмотрела на свою подругу и кивнула. Её глаза тоже были широко раскрыты.

— Я знаю. — Затем, в ответ, — Она из книги зебр под названием Чёрная Книга. — Она снова остановилась в задумчивости. — Ну, Чёрная Книга... чего-то... что я не могу произнести. Имя, но в нём недостаёт гласных в тех местах, где они обязаны быть. Там есть все виды в высшей степени мерзких вещей. Сосуды душ. Обходные заклинания. Магия для разрывания душ на части...

С каждым словом Эпплджек приходила во всё больший ужас. Рэрити, кажется, не очень это замечала. Она улыбнулась, как будто раскрывала особенно пикантную подробность сплетни.

— Если тебе интересна более колоритная история книги, то говорят, что она написана безумным зебринским алхимиком, который общался со звёздами через сны.

— Кто говорит? — спросила Эпплджек, но так и не получила ответа.

— Что ж, я знаю, что всё это совершенно чудовищно, и первым моим порывом было сжечь книгу и таким образом избавиться от неё, — сказала Рэрити. Впервые с момента, когда разговор принял неприятный оборот, Эпплджек выглядела немного успокоенной. Это успокоение прожилось недолго.

— Но лучший маг моего Министерства говорит, что он обязательно сможет переработать ту кромсающую души магию, превратив её в точное заклинание, которое позволит ему отделять небольшие порции души пони. Достаточно, чтобы создать сосуд души, не нанося реального урона объекту заклинания.

— И... зачем тебе делать это?

— Подумай, Эпплджек! Какой солдат не захочет отдать небольшую часть души, чтобы вложить её в собственную броню, сделав её непроницаемой для любой пули? Для любого оружия? — Рэрити прямо таки сияла, восторгаясь своей идеей. — И это не обязательно должны быть те безобразные металлические штуки, над которыми работало твоё Министерство. Мы можем сделать идеальную, непроницаемую броню из платьев. Прекрасных платьев!

Эпплджек дрожала.

— И наши солдаты не только будут выглядеть сказочно, оставаясь неуязвимыми для оружия врага, — продолжала Рэрити. — Они не будут отягощены. До сих пор броня всегда доставалась ценой подвижности, но теперь...

— Рэрити?

Единорожица остановилась, положив копыта на плечи Эпплджек.

— Эпплджек, только подумай. Никто из наших семей больше не должен будет умирать в битвах. Если бы у Биг Макинтоша была...

— **НЕТ!**

Рэрити отступила, потрясённая внезапной вспышкой Эпплджек. Но рыжая земная пони ещё не сказала всего. Она придвинулась к своей подруге, тыкая копытом ей в грудь.

— Не смей тащить моего брата в этот **мрак!**

Рэрити судорожно втянула ротом воздух, широко распахнув глаза.

— Разговор окончен! — отрезала Эпплджек. — Не хочу слышать ни слова больше. Это... мерзко. Ни один солдат не отдаст того, что ты просишь. А даже если бы они и хотели, как бы мы могли им позволить? Некоторые цены просто слишком высоки! Думаешь, если бы не было ужасных последствий от пользования этими штуками, мы бы уже не встречали зебр с непробиваемой бронёй? Или пулями, которые могут пробить что угодно? Или хуже?

— Я... — Рэрити остановилась. Она отвернулась от Эпплджек, краснея от смущения. — Ох... ты совершенно права. Я... Я не понимаю, о чём я только думала!

Эпплджек вздохнула с глубоким облегчением.

— Ничего, сахарная. Тебя захватила идея, и ты как следует обо всём не подумала. Со всеми иногда бывает.

Единорожица посмотрела на Эпплджек, слабо улыбаясь.

— Ну, тогда... мне везёт, что у меня есть хорошая подруга, которая может меня одёрнуть.

Эпплджек рассмеялась.

— Значит всё в порядке. А теперь я хочу, чтобы ты вернулась в Кантерлот и продолжила работать над своими дизайнами. У тебя и так куча работы. И пусть никто из нас никогда больше об этом не упоминает.

— Как будто этого никогда не было, — сказала Рэрити с искренней благодарностью в голосе...

— Как будто этого никогда не было, — согласилась Эпплджек.

Рэрити и Эпплджек обнялись. Затем единорожица элегантно выскользнула из объятий и направилась к двери амбара.

— Эй, — окликнула её Эпплджек. Её подруга остановилась, оглянувшись назад. — А когда вернёшься, сожги эту книгу. А лучше пусть кто-то другой сделает это за тебя, — посоветовала рыжая пони. — Я подозреваю, что даже от её чтения у тебя мутился рассудок.

Рэрити задумчиво подняла копыто к подбородку, а потом кивнула.

— Да, думаю, ты права, Эпплджек. — Она благовоспитанно нахмурилась. — Эта книга опасна.

Эпплджек наблюдала, как Рэрити толкает дверь амбара копытом и выходит. Наконец мой хозяин пошевелился, легко ступая, чтобы не делать никакого шума, следуя за белым единорогом.

— Эй! — снова крикнула Эпплджек, проскакав мимо меня достаточно быстро, чтобы моя накидка затрепетала. Она остановилась в дверях, продолжая, — И на что бы там ни подбила тебя Рэйнбоу Дэш, знай — обнимашки не считаются!

<=====ooO Ooo=====>

Я вернулась. Вернулась в своё тело и в компанию СтилХувза и Блюберри Сэйбр, двух членов Стальных Рейнджеров с самым высоким рангом. Носителей тех самых "безобразных металлических штук", которые Эпплджек разработала, несмотря ни на что. Шестерёнки снова задвигались в моей голове. И пони в моем мозгу была занята попытками собрать головоломку. И первое, что щёлкнуло, было воспоминание Эпплджек и Рэрити в памяти Спайка:

"Надеюсь, здесь нет ничего общего с... той... штукой, о которой мы не говорили."

"О нет, дорогая, я давным-давно забросила тот проект."

СтилХувз прервал мой напряженный мыслительный процесс нехарактерным тоном:

— Ну, так что там было?

Я мигнула. Я больше не думала, что вся каша из-за преданности Эпплджек, которая вообще никогда не должна была ставиться под сомнение. Но меня сбilo с толку то, что нужно было в этом воспоминании СтилХувзу. Ясно, что Эпплджек отговорила свою подругу от этой ужасной идеи. Иначе такая совершенная броня и в наше время была бы на каждом шагу.

— Это был ... разговор, — предложила я. Мой мозг интенсивно работал, пытаюсь подобрать нужные слова и выяснить, как вытащить информацию, которую я хотела от них узнать. — Между главами Министерства Технологий и Министерства Стиля. — Я подумала, что может лучше было расшифровать МВТ полностью, но менять это было уже слишком поздно.

— Это был долгий разговор о разных вещах, большинство из них тривиальны, — сказала я. Ну, это не совсем неправда. — Что конкретно вы хотите узнать?

СтилХувз покачал головой.

— Сказав это, мы повлияем на твой ответ.

Старейшина Блюберри Сэйбр фыркнула.

— Ну, если ты не скажешь, то, без проблем, я скажу ей. — Пожилая кобыла улыбнулась мне. — Скажи ему, что эта память подтверждает, что "истинные ценности министерской кобылы", за которые он так упорно цепляется — фикция. Эта память доказывает, что она действительно заботилась не о жизни солдат, а только о продвижении своих собственных проектов. И когда другие пони придумывали гораздо более совершенную броню, она делала так, чтобы такой проект никогда не вышел в свет.

Ааа, так вот о чём речь.

Я нервно мигала, чувствуя гнев. *Это* — то, что их на самом деле волнует!? Из всех наихудших вещей в той памяти Старейшине Стальных Рейнджеров было важно именно *это*? Я окосела.

Встав так ровно, как позволяла моя осанка, я раздраженно спросила:

— А как насчёт того, что я вам скажу, что же в этой памяти я *не* увидела?

Блюберри Сэйбр мигнула в удивлении. СтилХувз сделал предварительный шаг ко мне.

— Что я не увидела, так это своего хозяина!

Из бессмысленного взгляда Старейшины я поняла, что использовала выдуманные мной термины. Я понятия не имела, как правильно назвать хозяина воспоминания. Не то, чтобы это имело значение. Старейшина была земной пони. Она так или иначе не могла посмотреть шар памяти без реколлектора. Казалось всё более вероятным, что она никогда и не видела этого воспоминания сама, или что это было много лет назад, и она уже просто не могла точно вспомнить его детали.

Таким образом, я попробовала объяснить ещё раз, едва сдерживая гнев (Нет, ну надо же, о такой ерунде!..)

— Я не видела пони, память которого была в шаре. Даже копыто. И хотя это не совсем уж необычно, я совершенно уверена, что две Кобылы Министерств также не могли видеть хозяику воспоминания. Я не думаю, что та беседа состоялась бы при свидетелях.

Старейшина и СтилХувз сосредоточились, готовясь внимательно выслушать мой ответ.

— Всё, что я видела там, так это как кто-то шпионил за Кобылицами Министерств. Незаметно. — Я вспомнила ту зудящую странность.

— И я не думаю, что это вообще была пони. Я почти уверена, что побывала в памяти зебры.

Ещё одна часть головоломки в моей голове встала на место. Я подняла свой ПипБак, говоря:

— Я нашла это в щелке рекрутингового центра около Разбитого Копыта. — И воспроизвела старую запись, выключив наушники, чтобы они оба могли услышать:

"Посылаю вам одно из устроят, полученных из Утёса Разбитого Копыта. Разведка уже предполагала, что зебры разработали некие талисманы с заклинанием невидимости, но **это** похоже на что-то, сконструированное Министерством Магии. Оно даже совместимо с ПипБаками. Мне противно это говорить, но, видимо, среди нас есть предатели. Если кто-то в М.Т.Н. сдаёт зебрам тайные технологии, Принцессам стоит принять меры."

Прослушивание записи породило оживлённую дискуссию, но в конце концов осталось ясным лишь то, что мне удалось завоевать хотя бы немного доверия Старейшины, уведя при этом её со СтипХувзом от прежнего спора о Министерской Кобыле.

Где-то час спустя Старейшина Блюберри Сэйбр встала и подошла к окну, глядя на агрессивное-красное зарево, поднимавшееся из-за филлидельфийской стены.

— Если вы собираетесь туда, то так у вас ничего не выйдет, — сказала она. — Во всяком случае, точно не в броне, с оружием и с отрядом товарищей.

— Почему бы и нет? — спросила я. — Я не беспокоюсь насчет того, что надо преодолеть стену. Я могу просто перенести нас через неё в момент, когда будет смена патрулей. — Ну, по крайней мере, так я планировала.

— Потому что, — Блюберри Сэйбр повернулась ко мне: — Вам никогда не приблизиться к Красному Глазу таким способом. Он всегда под защитой. Как минимум, стаей грифонов, если не крылом этих проклятых аликорнов. Стоит вам всего лишь немного засветиться, и он тут же покинет город на своей небесной колеснице. Без шансов, вы не сможете застигнуть его врасплох. Он будет оповещён о вас заранее, а вы даже не будете знать об этом.

Блять. Я была уверена в возможности подобраться к нему поближе, пока она не упомянула аликорнов. Я должна была догадаться, что это будет не просто. Но будь я проклята, если теперь я сдаюсь и развернусь домой. Только не после того, что, я узнала, эти рабовладельцы делали с невинными пони.

— Я могу помочь тебе, — предложила Старейшина. — Если ты согласишься помочь мне.

Ох. Это должно было случиться.

Старейшина предложила свой вариант. Она могла бы доставить меня и, возможно, одного из моих товарищей в окружённую стеной часть города... безоружными и одетыми в робы рабов. И уже оттуда я стала бы подбираться к Красному Глазу, желательно путём получения его доверия, а не за счёт чьих-то смертей. Последний вариант, вероятно, имеет те же минусы, что и тайное нападение.

— Возможно, вам придётся больше опасаться заключённых, чем охранников, — заметила Блюберри Сэйбр. — Армия Красного Глаза начала облавы на рейдеров и теперь обращает их в рабство вместе с остальными. Среди тех пони, с которыми ты окажешься в одной упряжи, могут встретиться редкостные куски дерьма.

Этот план становился всё лучше.

— А что вы хотите от меня взамен? — спросила я наконец.

— Две вещи. — Блюберри Сэйбр ходила по офису кругами, пока рассказывала суть задания. — Во-первых, Красному Глазу удалось разработать какой-то реактор, который подпитывается от радиоактивного магического излучения. Прямо из Филлидельфийского Кратера рабы добывают ему облучённый мусор, который он может превратить в полезную энергию для работы заводов.

СтипХувз усмехнулся.

— Ну, это изменит правила игры. — Заявления Красного Глаза о строительстве Новой Эквестрии, по крайней мере на уровне инфраструктуры, внезапно стали гораздо реальней.

— Именно, — согласилась Блюберри Сэйбр. Она повернулась ко мне. — Я хочу получить чертежи этого двигателя.

Окей. Чертежи питаемого радиацией реактора. Это пункт один.

— А что во-вторых?

Старейшина Стальных Рейнджеров нахмурилась ещё больше.

— Наша разведка утверждает, что Красный Глаз продолжил исследования в области так называемых Обходных Заклинаний.

Я вздрогнула. Я слышала о такого рода магии не более чем два часа назад, и не в таком "приятном" контексте.

— Я хочу, чтобы вы нашли его лабораторию по исследованию Обходных Заклинаний. Что сможете — конфискуйте. Остальное уничтожьте. — Старейшина топнула передними копытами. — Тщательно!

Я удивилась.

— С каких это пор Министерство Военных Технологий заинтересовано в исследованиях заклинаний?

СтипХувз вмешался:

— С тех самых, как только это стало вопросом выживания. — Он пояснил: — Зебры создали Обходные Заклинания в середине войны. Обход дополняет любое другое магическое воздействие, что позволяет ему игнорировать один конкретный тип вещей. Зебры, например, использовали его для создания ракетного варианта жар-бомб для увеличения скорости стрельбы... Эти ракеты — это уменьшенная версия того самого знакомого тебе мегазаклинания, только с... с игнорированием урона по зебрам. Проще говоря, зебры могли прокрасться в область, переполненную пони, установить взрывчатку, взорвать её и убить всех в радиусе одного-двух кварталов без вреда для себя.

Мысленный образ невидимой зебры, входящей в переполненный атриум Стойла во время одного из выступлений Вельвет Ремеди запал в мою голову и отказывался уходить.

— Единорогам из Министерства Тайных Наук не удалось расшифровать эти чары до того, как обрушились мегазаклинания, — сообщила Блюберри Сэйбр. — И сейчас уже невозможно узнать, как близко подобрались к этому они. И, следовательно, как близок к успеху Красный Глаз. Я думаю, что ты понимаешь, что в интересах выживания всех пони, чтобы Красный Глаз не закончил это исследование.

Я кивнула, теперь воображая обходные заклинания аликорнов. О Богини!

— Итак, — спросила Старейшина. — Ты согласна с моим предложением?

Как бы мне ни была ненавистна эта мысль, я не видела других вариантов. Не сейчас, когда просто убить Красного Глаза уже не достаточно.

— Это дурацкий план.

Я вздохнула, глядя на своих друзей.

— Почти наверняка, но уж какой есть.

— Я не пуцую тебя одну! — настаивал Каламити. — Особенно безоружной!

Я улыбнулась в ответ на его верность.

— Я не буду совершенно безоружна, — заверила я его. — Они не заберут мой рог. И они не смогут забрать мой ПипБак.

Вместо этого мы собирались обмотать мои передние ноги грубыми тряпками, чтобы скрыть его присутствие.

— Почему ты должна идти одна? — спросила Вельвет Ремеди, почти умоляя. Кажется, ей этот план нравился даже меньше, чем Каламити.

— Потому что...

Потому что я не хочу, чтобы проклятые рабовладельцы трогали тебя своими копытами. Ты прекрасна. А там красота — это очень неподходящее качество.

— Ты нужна мне здесь. Ты не боец, а там полно захваченных в рабство рейдеров.

Пожалуйста, пожалуйста, не заставляй меня объяснять дальше.

Вельвет Ремеди нахмурилась, явно недовольная каждым словом, но больше ничего не сказала.

— Один из нас должен быть с тобой! — продолжал настаивать Каламити. — Почему не я?

По крайней мере Каламити мне было легко дать прямой ответ.

— По двум причинам, — сказала я, чувствуя себя на секунду причудливо похожей на Блюбери Сэйбр. — Во-первых, потому что ты — пегас. И одной Луне известно, что они станут делать с пегасом. Вы, ребята, не совсем обычная добыча тут внизу. — Я сжала губы от досады. — Не думаю, что мы сможем оставаться вместе после ворот.

Каламити это совсем не удовлетворило.

— А мне плевать. Пусть попытаются сделать что-нибудь, если считают, что я им это спущу. Я не собираюсь оставлять тебя ток поэтому!

Я ожидала услышать это, но всё равно почувствовала волну искренней благодарности. И, прежде чем я успела перейти ко второй причине, меня перебила Вельвет Ремеди.

— А как насчёт СтилХувза?

— Я не могу, — коротко ответил он. — Стальные Рейнджеры немного... бросаются в глаза.

Вельвет раздражённо вздохнула.

— Мы уже все знаем, что ты гуль. Тебе не обязательно прятаться в броне. Ты можешь её снять.

— Нет. Не могу.

Каламити вскинул голову и вопросительно посмотрел на СтилХувза.

— Почему нет? — спросила Вельвет Ремеди.

— Потому что моё тело спланилось с ней, — дал гуль ответ, вызвав несколько потрясённых вздохов (один из которых был моим).

— О! — сказал Каламити, отступив на пару шагов назад. — Ты из тех гулей!

Стоп... есть разные типы гулей? Помимо пони-гулей и пони-зомби?

Вельвет Ремеди была не в меньшей степени удивлена реакцией Каламити.

— Каких тех гулей?

— Он — Кантерлотский Гуль.

СтилХувз кивнул. Мы с Вельвет Ремеди всё ещё не улавливали смысла.

— Может кто-нибудь потрудится объяснить?

Больше никаких тайн.

* * *

Пони, которые получили большое количество магической радиации и выжили, были вынуждены терпеть жестокое ухудшение состояния и превращение в пони-гуля. Так как зебры использовали разные виды мегазаклинаний, разумеется, были небольшие различия в эффектах. В большинстве случаев эти различия были едва различимы, даже между самими гулями. Но Кантерлотские гули были полностью другим видом. Потому что мегазаклинание, активированное в Кантерлоте, было не таким, как все остальные.

— Когда бомбы начали падать, — начал СтилХувз, — Принцесса Луна подняла магический щит над всем городом. Кантерлот обстреливали сотнями ракет. Ни одна из них не была мегазаклинанием, как ракеты, которые ударили по Клаудсдейлу или Филлидельфии, но они нанесли бы те же разрушения, если бы достигли цели. Но принцесса держала щит.

Вельвет Ремеди и я сидели и слушали, почти очарованные. Каламити спокойно ходил из стороны в сторону.

— Я находился в одном из селений, которые окружали город, за пределами щита. Моему отряду приказали эвакуировать поселения, отправляя как можно больше пони в убежища или Стойла. Вспышки от ракет, взорвавшихся о щит, сожгли сотни за первые несколько минут. Обстрел продолжался часами.

СтилХувз сделал глубокий, дрожащий вдох и выдох. Даже скрытый в своей броне, я могла сказать, что он потрясен. В то время, я думала, что это из-за памяти о тех смертях. Позже я поняла, что это из-за того, что случилось позднее.

— Эпплджек была со мной. Но когда начался обстрел, она поскакала назад в Понивилль, оставив нас делать свою работу, пока она пыталась обеспечить безопасное перемещение своей семьи в Стойло Два.

Я внезапно задалась вопросом, удалось ли самой Эпплджек туда попасть? Была ли она в Стойле Два, когда оно закрылось? Я видела, как Вельвет Ремеди смотрела на меня и, я подозревала, задавалась тем же вопросом.

— Но ракетный удар был только частью плана зебр. Мегазаклинание уже было в городе. Особенное мегазаклинание... В конце концов, оно должно было убить Луну и Селестию, не только три четверти миллиона пони.

— Розовое облако, — резко сказал Каламити, вздрогнув.

— Да.

Каламити моментально продолжил рассказ.

— Розовое Облако это... было... большое радиоактивное облако хаотично движущегося некромантского газа. Как и порчу, его не заботило, есть ли у тебя противогаз. Ничего не защищало от него. Он просачивался во всё, чего касался, и начинал разлагать это. Я слышал ужасные истории о телах, найденных вплавленными в тротуары, или с седлами сплавленными с костями. Кантерлот до сих пор токсичен. Улицы и здания впитали Облако как губка и медленно испускают его, пока распадаются.

— Зебры знали про щит, — продолжил СтилХувз. — Он сохранял Розовое Облако сконцентрированным в городе достаточно долго, чтобы смертельно отравить даже Селестию и Луну. Когда они поняли, что умирают, было слишком поздно. Но, тем не менее, они продолжили поддерживать щит. Мне рассказывали, что они постоянно менялись: одна держала щит, пока другая пыталась вернуть себе немного сил. В конце концов, они поддерживали друг друга.

— Почему? — спросила я, чувствуя, как на глаза наворачиваются слёзы. — Почему они просто не дали щиту исчезнуть? Город был уже обречён! Почему они не сбежали?

— А ты бы сбежала? — спросил СтилХувз. — Я всё ещё был в отдалённом селении, когда щит наконец исчез. Город впитал достаточно Розового Облака, чтобы воздействие не было фатальным, но...

Каламити снова дополнил рассказ с отвращением в голосе:

— К тому времени, как Луна и Селестия поняли, что Розовое Облако убивало их, с первой атаки уже прошло несколько часов. Пегасы уже закрыли небо. Ветер начал бушевать.

Грустно похлопав крыльями, наш друг-Дашит пояснил:

— Если б Селестия и Луна рассеяли заклинание, они возможно б и выжили... Хотя, скорей всего, и были б мало похожи на прежних себя. Не целая куча других пони была б обречена, потому что неконтролируемый ветер сдул бы Розовое Облако на деревни и фермы... Эт бы уничтожило всю жизнь до самого Понивилля. Можт и дальше.

Он сообщил нам мрачно:

— Мне оч жаль. Сочувствую вам обеим. Реально. Но... Луна и Селестия не Богини, которые глядят на вас с неба, как вас там в Стойлах учили, да. Принцессы отдали свою жизнь, чтоб ваши предки могли бы спрятаться в Стойлах и выжить.

Прошло много времени, прежде чем Вельвет Ремеди и я начали говорить. До этого мы просто покинули других, найдя для себя угол, и сидели в молчании.

В то время я для себя решила, что, чёрт побери, я всё равно буду продолжать молиться Селестии и Луне. Не имеет значения, если реалии жизни не соответствовали моей вере. Я всё ещё чувствовала в глубине своего сердца, что Луна и Селестия где-то там, наверху. Наблюдают за нами, заботятся о нас, наставляют нас на истинный путь.

Я не знала, было ли то, во что я верила, правдой. Мне казалось, что нет. Но я всё равно решила верить в это.

Наконец мы собрались вместе ещё раз, и я снова пыталась объяснить, почему никто не пойдёт в Филлидельфию со мной. Хотя моя вера пошатнулась, и теперь я не чувствовала себя так уверенно, как раньше, но я не оставляла попыток их убедить.

— Во вторых, — сказала я Каламити, возвращаясь к нашему разговору. — Ты пегас.

— Эм, Лиг'пип? Я думал, это было первым.

— Ну, это также и второе. Поскольку ты — мой запасной выход. Мой путь жизни. Никто другой не сможет прилететь и вытащить меня, если дело запахнет жареным. Я нуждаюсь в тебе здесь, чтобы ты смог сделать это.

Каламити нахмурился, но, кажется, счёл эту причину приемлемой.

—Погоди! — Он посмотрел на меня, как на лгунью. — Как, чёрт возьми, я пойму, где ты находишься и когда тебя надо будет вытаскивать, если я буду торчать тут?

К счастью, у меня уже все было схвачено.

— Эти работорговцы, по крайней мере рядовые, вряд ли достаточно образованные в своём большинстве. Я уверена, они были бы не в состоянии понять, где у моего ПипБака конец, а где начало. Так что, я уверена, я смогу пройти и пронести с собой встраиваемый модуль. — Я улыбнулась. — Это означает, что можно будет взять либо СтелсБак, либо рацию, которую мы получили от грифонов.

Я достала оба устройства.

— Я возьму рацию. Ты берёшь СтелсБак. СтилХувз может активировать его для тебя, когда...

— Я сам знаю, как использовать СтелсБак, — прервал меня Каламити, протягивая копыто к устройству. — Итак, как я услышу твой звонок, гений? Если ты не заметила, у меня нет собственного ПипБака.

Я усмехнулась, вытаскивая ПипБак Вельвет Ремеди, который все эти недели лежал в моей седельной сумке. У Вельвет Ремеди было огорчённое выражение лица.

— Да, я его сохранила, — сказала я, прежде чем она что-то спросила. — И да, я знаю, как ты не хочешь его носить. Ты и не должна. Это просто запасной план, если основной сорвётся.

Каламити поднял бровь.

— И это?

Наконец, я вытащила из сумки блок управления Хомэйдж.

— У меня есть очень важная миссия для вас, которую вы должны выполнить после моего ухода. — Я посмотрела на своих компаньонов и решила, что нет лучшей команды для этого задания. — Мне нужно, чтобы вы отнесли это в Башню Филлидельфии и подсоединили её к главному компьютеру. Как только вы это сделаете, DJ Pon3 откроет глаза и рот в Филлидельфии, вытесняя Красного Глаза. И это освободит приёмник станции, чтобы поймать мою передачу.

— Красный Глаз наверняка отправил тяжёлые отряды охранять ту башню, — заметил СтилХувз. — Ожидая, что нам придётся прорываться.

— Значит вам наверняка понадобится медик, — заметила Вельвет Ремеди.

Каламити прикоснулся к кончику шляпы.

— Что ж. Похож у нас всех есть план.

— Вперёд, — сказал СтилХувз, держа последний из его четырёх шаров памяти на бронированном копыте. — Ты уже видела остальные. Можешь посмотреть последний, прежде чем отправиться в путь.

Я не думала, что готова к ещё одному путешествию в воспоминания Эпплсэка. Этот день был слишком похож на эмоциональный водоворот. Я чувствовала себя слабой и хрупкой, как будто меня могло сломать порывом ветра. Я подняла копыто в знак отказа и покачала головой.

СтилХувз заворчал.

— В сравнении с тем, что ты уже видела, этот довольно нежный, — сказал он. — Ты же мне доверяешь?

— В очень ограниченных пределах, — призналась я. — Ты же там не... занимаешься с Эпплджек сексом?

СтилХувз молча уставился на меня. Потом опустил шар на пол, оставив его катиться по направлению ко мне.

— У тебя порочный ум.

Он развернулся и вышел.

Я смотрела на шар, пока он не остановился, упёршись в моё правое копыто.

<=====ooO Ooo=====>

— Это несправедливо!

Я узнала голос Рэйнбоу Дэш почти за целую минуту до того, как смогла различить слова.

Я была СтилХувзом. И в этот раз не Эпплсэком, судя по тяжёлой броне, сдавливавшей всё моё тело. Моё поле зрения внутри

шлема было ограничено забралом, но я была обладателем сложной и изощренной системы "Спаркл-зрения". В шлеме я, видимо, имела доступ к своему Л.У.М.у, ПипБаку... и многому другому.

Дышать внутри брони было неприятно. Моя морда была вжата в противогаз. Воздух был прохладным и свежим, вероятно, из-за встроенного небольшого талисмана воздуха, но расположение микрофона было просто неудобным.

Сама броня была громоздкой и давила своим весом на меня, но я чувствовала себя сильной. Сильнее, чем в любой памяти, где я была прежде. Вес брони, явно немалый, чувствовался не большим, чем у лёгкого комбинезона.

Мои шаги были тяжёлыми, будто мои копыта были... хм, заключены в панцирь стальной брони. Впрочем, так оно и было на самом деле. Это был, в целом, полезный опыт, освещавший ощущения СтилХувза и его существование в этой броне. Несмотря на то что я видела несомненные преимущества Стального Рейнджера, я не завидовала ему.

Я ступала по коридору, направляясь в сторону деревянных двойных дверей в конце. Это, как я догадалась, было какое-то административное здание. К счастью, не поле боя. Непосредственных угроз жизни здесь вроде бы не было.

Я почувствовала, как моё бронированное копыто поднялось и открыло дверь, аккуратно соизмеряя силу толчка.

Это был едва обставленный кабинет, который выглядел почти не используемым. Несколько полок и стол. Внутри стояли Рэйнбоу Дэш и Эпплджек и, кажется, спорили. Эпплджек стояла за столом, одетая в костюм, в котором ей было явно неудобно. Рэйнбоу Дэш, с другой стороны, была одета в тот же фиолетовый с чёрным костюм, в котором я видела её ранее сегодня и в то же время несколько лет назад. Хотя, скорее, это был костюм новой модели при почти не изменившейся базовой конструкции. Он имел жёлтый зубчатый вырез, а сбоку было нарисовано крылатое облако в виде черепа с радужной молнией, как раз в том месте, где под костюмом у Дэш должна была быть кюотимарка.

Обе кобылы отвлеклись и повернулись в мою сторону. Эпплджек кивнула, одарив СтилХувза улыбкой благодарности. Рэйнбоу Дэш равнодушно смерила взглядом металлического солдата, явно не в состоянии узнать под бронёй пони. Я вспомнила, что пегаска не узнает о том, что Эпплджек и Эпплсnek вместе, до той самой вечеринки, которая, я подозревала, произойдёт только через год или два. Её внимание вернулось к своей оранжевошёрстной подруге.

— Это просто неправильно! — Синяя пегаска сплюнула с праведным негодованием. — Министерство Крутости строит почти пятьдесят башен, высоких, как облака, по всей Эквестрии, а ты вынуждена продавать ферму "Сладкое Яблоко" только для того, чтобы сделать новую броню? Какой в этом смысл?

Ладно, может и не спор.

Это потому что строительство этих башен — всё, что, я так думаю, ты делаешь, — терпеливо объяснила Эпплджек. — Меж тем, министерство Технологий спонсирует с полсотни отраслей, поддерживая их, пока они не начнут получать стабильный доход. В следующем году будет ещё двенадцать.

Рэйнбоу Дэш зевнула. Затем подняла голову:

— Тебе не кажется, что Министерство Технологий чересчур успешно?

Эпплджек сдвинула свою ковпоньскую шляпу и улыбнулась.

— Нет, ну серьёзно, — возмущалась голубая пегаска, расправив крылья. — Настолько, что я иногда даже не могу узнать Эквестрию.

Рыжая пони с седоющей светлой гривой смерила свою подругу взглядом. В других воспоминаниях я не замечала седины, хотя разница в возрасте составляла в лучшем случае несколько лет. Я с изумлением поняла, что в какой-то момент Эпплджек начала красить волосы. Это заставило меня задуматься, возникнет ли у меня такое же желание в её возрасте. Но, в конце концов, я буду везучей пони, если проживу так долго на Эквестрийской Пустоши.

— Ну, например, тебе что, и правда нужны все эти дороги? — поинтересовалась радужногривая пегаска.

— У некоторых из нас нет крыльев, знаешь ли.

В дверь постучали. СтилХувз бросился к Эпплджек, как телохранитель. Рэйнбоу Дэш нахмурилась, но отошла в сторону.

— Войдите! — крикнула Эпплджек.

Дверь открылась, и в комнату вошла Эплблум. Она была прекрасно ухожена и одета в деловое платье пурпурного цвета и цвета красного дерева, отлично подходящее к её гриве. Она выглядела куда комфортабельнее в своём костюме чем её старшая сестра. На её боку была пристёгнута деловая сумка.

— Подождите... — сказала Рэйнбоу Дэш, глядя на двух сестёр. — Ты продаешь ферму... собственной сестре?

— Технически, — ответила ей Эплблум вежливым профессиональным тоном, — она продаёт ферму "Сладкое Яблоко" Стойл-Тек.

Младшая сестра вытащила зубами клипборд из деловой сумки. Она предложила его Эпплджек, которая взялась за другой конец и положила клипборд на стол между ними.

— Я думаю, что ты увидишь всё таким, как мы и обещали, — сказала Эплблум своей сестре. Я заметила, что её голос был более вежлив, чем у её старшей сестры, деревенский акцент был не так силён.

СтилХувз подошел к Эплблум и прошептал на ухо:

— Ты ведь не будешь пахать там землю и строить супермаркет, не так ли?

— Господи, конечно нет, — прошептала Эплблум сконфуженно. Почти... виновато. Её старшая сестра поймала взгляд.

— Погодь. Ты ведь не собираешься выкидывать нас с бабулей с фермы, верно?

Эплблум выглядела оскорблённой.

— Как ты вообще могла подумать об этом? Я же твоя сестра!

— Потому что я знаю это выражение лица, — сказала Эпплджек серьёзно. — И потому что я твоя сестра. А теперь показывай.

Эплблум вздохнула, затем вытащила чертежи и развернула их на столе перед старшей сестрой и двумя (тремя, если честно) гостями.

— Вы по прежнему будете иметь права на яблоки и деревья, как мы и обещали. Стойл-Тек покупает только права на землю. Но вы должны будете переместить все эти яблони вот в этот сектор. И вы не сможете использовать амбар до следующей весны.

— Чего? — Эпплджек подняла бровь на свою сестру. — Почему?

— Потому что мы собираемся построить там Стойло.

<-=====ooO Ooo=====>

Заметка: Новый уровень.

Новая способность: Маленькая Дэш — Когда на вас надета лёгкая броня или брони нет, вы бежите на 20% быстрее.

<<< ^^^ >>>

Глава 25. Щедрые души

«Мы стоим на пороге великой эры. И хоть направлял ваши старания я, это стало возможным благодаря вашему труду.

Поскольку, да, свобода — это то, над чем мы все сейчас работаем.»

<<< ^^ >>>

Одна.

Я отдала Каламити всё своё имущество, даже комбинезон. Рыцарь Маковка принесла мне грязную, мерзкую рабскую одежду, чтобы я могла обмотать ею свою переднюю правую ногу, дабы скрыть ПипБак. В комплекте с палкой и пятнами крови можно было бы предположить, что моя нога была сильно ранена. (Если кто-нибудь спросит, я скажу, что она была пронзена куском арматуры.)

После этого меня сковали. (Как и работорговцы ранее, Рыцарь Маковка не смогла сковать мои копыта должным образом из-за моего ПипБака. Так что она заклочила меня в кандалы выше колен.) Я левитировала себя в клетку рабов и поставила себя на подстил из заплесневелого сена, заполненного маленькими назойливыми жучками. Не прошло и нескольких минут, как я уже ощущала себя жутко неудобно. А если ещё учитывать, что меня вчера вечером почти оттрахала в хвост гигантская пылающая Пинки Пай, я выглядела сейчас действительно жалко.

Мне было позволено положить несколько заколок в свои лохмотья, но я могла только надеяться найти отвёртку по другую сторону Стены.

Затем, с озабоченными прощаниями, мои товарищи оставили меня в покое. Я должна была лежать и ждать подкупленного Стальными Рейнджерами работорговца Красного Глаза с повозкой для рабов.

Я забыла, каково это быть одной. Я провела всю свою жизнь в одиночестве. У меня не было друзей, когда я выросла. И моя мать, сколько бы я её ни любила, была не из тех родителей, с которыми кобылка могла бы чувствовать себя "вместе". Одиночество — это холод и скука, в которых чувствуешь себя несчастной. Это ноющая, причиняющая боль пустота, которая должна быть заполнена. И мои маленькие хобби и увлечения никогда не могли её заполнить. Потому что это была дыра, которая может быть заполнена только общением.

Когда я росла, самым близким мне была музыка — пение на радио Стойла номер два. По крайней мере, в музыке я ощущала присутствие ещё одного пони, который пытался установить связь. И я могла делать вид, что этот пони пытается соединиться именно со мной, а не с любым, кто слушал. Иллюзия не была совершенной и сохранялась только во время песни. Но пока музыка играла, мираж дружбы помогал защитить меня от холода.

Излишне говорить, что это были песни Вельвет Ремеди и их я любила больше всего. Я даже влюбилась, думаю, в мечты о ней. Я до сих пор помню боль, когда мой глупый и нереальный мысленный образ был разрушен реальностью, стоящей в вагоне поезда. Реальностью, что она не заклочённый в городе работорговцев. И даже тогда, думаю, я всё ещё цеплялась за маленькие фрагменты моей мечты-Ремеди. До того дня, когда она выстрелила в меня.

Тем не менее, я бы не обменяла мою настоящую дружбу с настоящей пони на что-либо. Тем более на отношения с моей двумерной мечтой. То, что я имела, было лучше. Гораздо лучше. Потому что это было реально.

Когда я покинула Стойло номер два, моя жизнь изменилась навсегда. И самое резкое изменение — это не огромные открытые пустоши или солнечный свет, едва пробивающийся через облака. Это не ужасы, жестокость и злобность, которые я видела, и не вся та боль и страдания, которые я испытала. И даже не растущая река крови, в которой я утопила свои копыта.

Самым резким изменением была дружба. И она началась только через несколько дней, как я покинула Стойло. С пони по имени Каламити.

Каламити отличался от любого пони, которого я когда-либо встречала. Он обладал бесстрашием и благородством, к которым я могла только стремиться. И он заботился обо мне, как никто раньше. Даже моя мать не заботилась обо когда-либо, как он. Он был готов стоять за меня, даже когда я была глупа и неадекватна. Не то, чтобы мы всегда соглашались, а даже наоборот — достаточно часто спорили. Но он доверял мне, и он был кем-то, кому, я знала, могу доверять в ответ.

Я охотно признаю, я была ревнивой, когда Каламити и Вельвет Ремеди начали сблизиться. (И, оглядываясь назад, я должна задать вопрос, было ли моё убеждение, что они были парой, уже точным или же самосбывающимся пророчеством?) Как же глупо я должна была себя чувствовать по этому поводу. Но дружба была и всё ещё является чем-то новым для меня. И мне предстояло много уроков, чтобы узнать о ней. (И много, много больше, если верить огромному количеству историй Спайка.)

Лишь только после того, как я смогла принять их близость и найти в ней утешение, моё сердце стало действительно достаточно открытым, чтобы принять Хомэйдж. У меня была дружба, но пустота в душе была гораздо глубже. Я хотела большего, чем товарищеские отношения. Я мечтала о любви и о физической близости.

Я также признаю, что когда Хомэйдж открыла для меня эту возможность, я была привлечена к ней из отчаяния. Но это изменилось. Она изменила это. Кроме того, я бы не стала винить пони, которые могли бы подумать, что наши отношения были быстрыми и краткими. Хотя и верно, что я встретила её в шкурке и гриве только в Башне Тенпони, но я много знала о ней и до того, как встретить её лицом к лицу, как и она знала обо мне. По правде говоря, я знала Хомэйдж почти так же долго, как я знала Каламити.

Правда, я не знала её глубоко и лично до Башни Тенпони, но кто действительно знает своих друзей в первые несколько недель? И я могла бы с уверенностью сказать, что связь у нас была построена ещё до встречи, и был заложен прочный фундамент. Я могу сказать это в значительной части благодаря честности, которую, я поняла, воплощает Хомэйдж. Честность, хоть и не без украшений, но всё равно настоящая.

Хомэйдж знает меня сильную, но она также знает меня слабую, худшую. И вместо того, чтобы отстраниться, она обняла меня. Она держала и утешала меня. И она сделала гораздо больше — она позволила мне близость, о которой я раньше только мечтала и, как правило, стыдилась этого в себе. С Хомэйдж мне не стыдно.

После того, как я увидела воспоминания СтилХувза, печальное понимание вкралось в мои мысли. Он был единственным из моих спутников, кто был в подобных отношениях. (Пока что... если только Каламити и Вельвет Ремеди не умудрились быть подлыми и хитрыми в намного большей степени, чем я им приписывала.) Как и у меня, у него был компаньон, которому он мог доверять, быть открытым и честным с ним. И так же, как и я, он предпочёл некоторые вещи скрывать от неё. Я совершенно уверена, он не рассказал Эпплджек про убийство, которое он совершил. И я, в моём случае, скрыла от Хомэйдж... ну, ещё одно совершенное им убийство.

Думая об этом, я внезапно увидела жуткую параллель.

СтилХувз однажды сказал, что я узнаю, что он не был "лучшим пони" (что, как я уже поняла, было истиной) точно так же, как когда-то

узнала и она. Я могу лишь догадываться, что случилось между ними, а она знаю, что когда начали падать мегазаклинания, они были вместе. Думаю, что они пытались вернуть те отношения, которые были испорчены его секретами. И я также знаю, что в конечном счёте она оставила его. Она предпочла ему свою семью и оставила его.

И он живет с этим отказом уже две сотни лет. Один.

С болью в сердце и чувством неловкости я поняла, что отчаянно желаю поговорить с Хомэйдж. Если повезёт, я смогу сделать это как только мои друзья перехватят контроль над вышкой. Я задалась вопросом, смогу ли я поговорить с ней просто говоря в воздух. Но, судя по тому, что я слышала, мне скорее всего придётся самой придти на станцию, чтобы пообщаться с ней в живую. В любом случае, я решила рассказать ей правду. К лучшему или к худшему.

В отличие от хобби и увлечений моей одинокой юности, дружба действительно может заполнить ту пустоту в душе достаточно, чтобы пони мог быть счастливым. Хотя я обычно и не считаю свой опыт в Эквестрийских Пустошах чем-то счастливым, но я действительно была так счастлива здесь, как никогда не была в Стойле номер два.

Быть с друзьями — всё равно, что укрыться одеялом от холода. Это оплот, что делает вас сильнее. Связь, которая делает вас чем-то большим. Без друзей я была незащитной, маленькой и слабой.

И, отклоняясь от темы, страдающей от чесотки.

Плетёная ограждающая забаррикадированные внешние ворота металлическая сетка потрескивала энергией. Охранники с забавой наблюдали за тем, как работороговец тащил мою тележку к Стене.

— Только одна? — спросила охранница. Она носила тяжёлую броню с боевым седлом, на котором крепился четырёхствольный боевой дробовик. Зрелище, которое заставило меня съёжиться. — Целая повозка только для одной? Расслабился, Гнаш?

Работороговец, тянувший мою повозку, лишь хмыкнул. Я почесала шею задним копытом и старалась не вздрагивать каждый раз, как повозку тряхнёт, пока мы ехали по разбитым каменистым улицам. У меня была несбыточная надежда, что рабам предоставляют ванны.

— Да ещё и такая маленькая, — сказал охранник-единорог в подобной броне. Я не заметила у него никакого оружия, за исключением его рога и копыт. Я подумала, делает ли это его более или менее опасным? — Если бы это был не единорог, я б сказал сбросить её в озеро.

Зуд был просто ужасен, мне захотелось и впрямь быть сброшенной в озеро. А также мне пришло в голову, что это был не первый раз, когда работороговец говорил о единорогах как об особо ценном товаре. Не шибко удивительно, учитывая, что единороги в Стойле номер два занимались технической работой благодаря возможности тонких манипуляций нашей магией. Я гадала, что же за работу Красный Глаз поручал нам. И, наверное, я узнаю это достаточно скоро.

Пока пони с четверным дробовиком держала меня на прицеле, её коллега-жеребец опустил рычаг, вырубив электрический треск сетки-забора. Он нажал копытом на кнопку, и часть сетки-забора начала с грохотом сворачиваться, открывая нам проход. Пони с четырёхстволкой, как и два снайпера, скрытых в стальных бункерах, расположенных по обе стороны от ворот, продолжала держать под прицелом меня, одну-единственную единорожку в клетке, закованную в кандалы. Были видны головы патрульных пони, идущих по возвышению позади стены. Даже зная меня, чувствовалось, что это был явно перебор.

Грифон сделал вираж над головой, проверяя последнюю поставку, и улетел смеясь.

— Во имя сам-знаешь-кого, Гнаш, когда я только увидела её, подумала, что ты и впрямь притащил кобылку! — засмеялась кобыла-охранник, заставляя меня чувствовать себя ещё меньшей. — Я подумала, что должна бы хорошенько стукнуть тебе по голове, прежде чем Стерн доберётся до тебя.

Гнаш, мой "шофёр", лишь ещё раз хмыкнул.

— А это ещё что? — спросил охранник-единорог, глядя на меня. Его рог засветился, и ржавое зазубренное копьё повисло между мной и решёткой. Я отпрянула назад. Единорог нахмурился, подцепил наконечником копья окровавленную тряпку, обматывающую мой ПипБак, и стянул её.

Дерьмо! Я ещё не успела попасть за ворота, а план уже начал рушиться.

— О, — сказал он с противной улыбкой. — Думаешь, ты умная пони? — Он жестоко ухмыльнулся. — Давай посмотрим, насколько умной ты себя почувствуешь внутри.

Внутри? Неужели он намерен изнасиловать меня? Меня поразил приступ паники. Или просто проведёт через ворота?

Кобыла-охранник смерила его взглядом, а затем жестоко засмеялась.

— О, пожалуйста, сделай это! Чёрт, я даже хочу помочь тебе её удержать! — она одарила своего спутника злой ухмылкой. — Пятнадцать минут веселья... а потом неделю будешь чесаться в паху из-за кусающих тебя там сенных жучков!

Я вдруг почувствовала благодарность к заражённому сену.

Единорог отошёл назад, выглядя испуганным, затем хмуро посмотрел на кобылу.

— Тебе бы это действительно понравилось, не так ли?

— Больше, чем сама жизнь. — Какая отвратительная парочка.

— Вот ещё! — Он нажал кнопку, чтобы закрыть внешние ворота, и махнул копытом снайперу. — Пропускай! — Он одарил меня ещё одним взглядом, на этот раз полным отвращения. Его глаза наткнулись на мой ПипБак, теперь частично видимый под тряпками. — Да, и покажите её Доку Слаутеру. У неё один из этих терминаторов на ноге, которые хер снимешь.

Для пони, которая так сильно разочарована, что у неё кьютимарка в виде ПипБака, я была действительно в ужасе от мысли, что могу лишиться онго. Судя по реакции единорога, эти работороговцы уже видели ПипБаки раньше. И у них были способы их снять.

Он повернул рычаг, и забор вокруг нас начал снова потрескивать и гудеть.

С раздрающим скрежетом, огромные внутренние металлические ворота Стены начали опускаться на массивных цепях — подъёмный мост, дополняющийся рвом за внутренней стороной Стены. Мой ПипБак начал быстро щёлкать, улавливая радиацию, просачивающуюся из ила. Стена явно была предназначена для того, чтобы помешать любому выйти, так же, как и помешать любому войти.

После я получила первое представление о внутреннем городе Филлидельфии. Рабовладельцы стояли на страже покрытых сетками ям, одетые в плащи и газовые маски, направив оружие вниз, где бедные пони трудились до изнеможения. Я не могла сказать, какую работу они выполняли, но могла сказать, что выглядели они грязными, большими и дрожащими.

Дымовая труба поднималась из ближайшей ямы. Адский, окрашенный в красный дым лился из нее. Я закрыла рот от зловония невымытых пони и вредных газов.

Ярко-желтые и зеленые полосы порхали вокруг трубы, прежде чем сесть на соседнюю грудку щебня. Паерлайт! Она подняла свою голову ко мне.

Я была не одна.

"Смотрите!" — раздался голос Красного Глаза, — "Мы стоим на пороге нового рассвета. С каждой фабрикой, что мы восстанавливаем, с каждым заводом, что мы отстраиваем, мы делаем большой шаг к той Эквестрии, в которой наши дети смогут жить в безопасности и комфорте современного города, а не пресмыкаться в ветхих руинах прошлого. Из камня, стекла и стали этих заводов мы можем построить дома, небоскрёбы, дороги и общественный транспорт, которые подарят свободу и процветание грядущим поколениям! Это, дети мои, самое последнее поколение, которое должно съёживаться в пещерах и вести борьбу за остатки двухсотлетней еды."

Филлидельфийское радиовещание льётся повсюду. Сообщения и музыка нон-стоп — постоянные спутники как рабовладельцев, так и рабов.

Гнаш протащил повозку мимо ещё нескольких ям и остановился у бывшей стоянки. Я закашлялась. ПипБак не постеснялся сообщить мне, что газ, шедший из дымовых труб, был токсичен. На охранниках были противогазы, но с рабами они поделиться ими, похоже, не могли. Меня уже трясло от гнева. Расход живой силы здесь, должно быть, просто невообразим.

Стоянка наполнилась повозками, большинство из которых уже опустели. Тянувшие их пони выгнали рабов из клеток и собирали их сейчас на свободной части мостовой. Ворота, через которые я сюда попала, были не единственными, и я здесь была не единственным новоприбывшим.

Гнаш открыл мою клетку и сунул в неё свою голову, чтобы схватить зубами цепь, соединяющую мои кандалы и грубо вытащить меня наружу. Я была втянута в толпу страдающих пони, каждый из которых, очевидно, прошёл через недели мучений, прежде чем даже попасть сюда.

Большая чёрная грифина в тёмно-серой броне Когтей приземлилась на крыше рядом с кучей колесниц и смерила нас злым взглядом. Над её белопёррой головой развевался на ветру розовый стяг — флаг Красного Глаза. У неё под одним крылом был свёрнут кнут, а к спине была привязана антимех-винтовка.

"Да, работа трудна," — раздавался голос Красного Глаза из ближайшего динамика, пока грифина осматривала группу несчастных пони под ней. — "Но только благодаря щедрому дару нашего труда дети и дети наших детей смогут иметь лучший мир. Мы должны бескорыстно отдавать всё, что можем, чтобы Новая Эквестрия могла возродиться и подняться. И это не то, что легко попросить."

Честно говоря, я не шибко заметила, чтобы Красный Глаз вообще просил.

"Дикари заботятся только о своих небольших группах, они не могут или не хотят видеть более широкую, общую картину. Рейдеры и Стальные Рейнджеры являют собой воплощение эгоизма, их заботят лишь собственные желания и устаревшие кодексы, они берут у нас всё, что хотят, ничего не давая взамен."

"Но здесь, сегодня и каждый день, мы отдаём. Мы создаём. Там, где другие только знают, как разрушать, мы строим! И это, дети мои, то, как мы проложим путь для..."

Один из тянувших повозки гаркнул на нас, заставив многих пони съёжиться, а одну даже залиться слезами:

— Сделайтесь презентабельными, вы, кучка бесполезных мулов!

Выражение грифины вдруг сменилось с чего-то вроде мягкого презрения на холодный гнев. Она повернула свою массивную броневую винтовку быстрее, чем, я думала, это возможно. Выстрел из неё был подобен праведному гневу Луны. Гаркнувшего на нас пони разорвало на две части, пуля пробил асфальт и схоронилась глубоко в земле.

Несколько пони закричали. Пурпурная кобыла с оранжевой гривой начала пятиться, стараясь отступить от распространяющейся лужи крови. Её полное ужаса лицо было забрызгано чем-то, что выглядело, как желудок мёртвого работорговца.

"...Мы не животные. Мы не зебры. Мы пони! У нас лучшая натура и высшее призвание. Мы знаем, что дорога трудна, но мы, столкнувшись с проблемой, стоим на своём и идём дальше. Мы знаем, что многие из нас страдают и гибнут, и никогда не вкусят сладкие плоды нашего труда. Но из-за нашей щедрости и надежды другие познают лучшее будущее. Потому что будущее стоит любых жертв! И да, Новая Эквестрия требует жертв."

Окей... но жертвы?

Речь Красного Глаза закончилась, и снова началась музыка, возвышенная и царственная. Грифина смотрела не на нас, но на сжавшихся работорговцев.

— Не перебивайте, когда Красный Глаз говорит!

Затем она повернулась к нам.

— Меня зовут Стерн, — заявила грифина, глядя на её новых рабов. — И это мой город.

— Вы — работники, — сообщила нам Стерн, прохаживаясь по крыше выше. — Вы работаете над созданием более светлого будущего, Новой Эквестрии, которая будет населена членами Единства. Ваша работа является даром будущему. И вы можете сделать этот дар добровольно, или же Красный Глаз сделает его за вас.

Я оказалась в противоречии. Я кипела от обращения с рабами, которое являлось не чем иным, как медленным и мучительным убийством. И всё же... я поняла цель Красного Глаза. Может быть, не полностью. Всё это Единство становилось совершенно жутким. Но прогресс? Стремление сделать мир лучше любой ценой? То же побуждение оставило меня по круп в крови, и меня за это не терзает чувство вины.

Красный Глаз заставит вас работать над тем, над чем нам, возможно, все равно следовало бы вместе трудиться. (Хотя и добровольно и в более безопасных условиях!) А я? А я прострелю вам голову, если вы насилующий и убивающий паразит на шкуре всего рода пони. Выходит, мы оба решили, что пони, не выбравшие правильный путь, утрачивали право жить свободно, если и жить вообще.

Но была разница. Есть линия между Красным Глазом и мной. Она просто не такая чёткая, как мне бы хотелось. Тем не менее, это не уменьшало боль от того, что я видела и слышала вокруг себя, и не отменяло необходимость прекратить эти ужасы.

— Но большинство из вас не шибко заботятся о будущем, не так ли? Я вижу это по вашим глазам. Вам насрать на других пони. Вы заботитесь только о своей "свободе". Ну так слушайте же внимательно, потому что я собираюсь рассказать вам, как освободить себя, — сказала Стерн хриплым голосом с осуждением и отвращением. Часть меня хотела закричать, что я забочусь. Но другая, гораздо более сильная, часть меня внимательно слушала. Если я не смогу найти отвёртку и неохраняемое место, чтобы спрятаться, то это могло бы быть моим лучшим шансом.

— Свободу здесь зарабатывают! — Ага, конечно, подумала я. Но Стерн была быстра, чтобы изложить эту концепцию. — Вы можете

трудиться на заводах и фабриках и работать дома у паду, или же вы можете стать добровольцами для более опасной работы. И эти добровольцы будут вознаграждены. Красный Глаз — очень щедрый жеребец. Он даёт вам три варианта.

Грифина подняла три когтя-бритвы и начала загибать их.

— Вы можете выбрать работу в Группе по Восстановлению Стойл. В области Филлидельфии находится много Стойл, богатых ресурсами. Но Стойла, как правило, опасны. Они зачастую имеют собственную систему безопасности или собственные... уникальные опасности.

Я вздрогнула, почувствовав новую волну ярости.

Грифина нахмурилась.

— И, конечно, есть Стальные Рейнджеры, которые охотятся за той же добычей. И, прежде чем у вас появятся какие-либо неправильные идеи, позвольте мне предупредить вас: Стальные Рейнджеры сразу убьют любого, кто встанет у них на пути перед изъятием старой собственности Стойл-Тек. Они начнут убивать вас так же быстро, как начали бы убивать нас. А в тех редких случаях, когда в Стойлах есть ещё живые жители, они, как правило, убивают их всех тоже. А Красный Глаз даёт им те же варианты, что и вам.

Мои глаза расширились, моя челюсть упала. *Изнасилуй их Луна своим рогом!*

— Если вы проработаете два года в Группе по Восстановлению Стойл, Красный Глаз обещает вам свободу. Вы будете помечены и получите разрешение жить так, как вам захочется. — Грифина понимающе ухмыльнулась, — До тех пор, пока вы не решите стать проблемой.

Два года. Это... не вариант. Но я действительно сейчас думала не об этом. Я думала о том, что мне с Блюберри Сэйбр нужно будет обменяться парой очень очень грубых фраз. Я уже выбирала патроны для знаков препинания.

Загнув второй коготь, Стерн продолжила:

— Вы можете работать в кратере Филлидельфии. Красному Глазу нужны радиоактивные материалы, и этот кратер просто сокровищница, заполненная ими.

Если Блюберри Сэйбер можно было верить, а с её стороны было бы глупо врать о моей цели, то я знала, зачем Красный Глаз раскапывал кратер. Ему нужно было топливо для реактора. Но работать в эпицентре взрыва мегааклинация... даже в противорадиационном костюме это было бы смерти подобно!

— Красный Глаз заявил, что любой пони, который проработает полные шесть месяцев в кратере Филлидельфии, будет лечиться от лучевой болезни и получит свободу. — Её клюв скривился в ложно доброй улыбке. — Но так как он такой благотворительный жеребец, Красный Глаз недавно сократил срок до всего четырёх месяцев. — Я подозревала, большинство пони умирали от отравления в течение трёх.

— И третий вариант, — сообщила нам Стерн, держа оставшийся коготь, — состоит в том, чтобы сражаться в Яме. Яма — арена для битвы, пони против пони. В каждом Турнире по шесть раундов, и обычно Турнир проводят один раз каждую неделю. Чаще, если Красный Глаз почтит нас своим присутствием.

Грифина посмотрела сверху на нас, оценивая жалостное стадо новых рабов.

— Если вы последовательно переживёте шесть турниров, то не только получите свою любимую свободу, но и почётное место в армии Красного Глаза. — Она выпрямилась, сердито смотря на нас. — Но, откровенно говоря, никто из вас не выглядит достойным такой чести.

Чернотелая грифина фыркнула.

— Тем не менее, для меня дело чести — дать вам этот вариант. Просто постарайтесь не быть слишком лёгким врагом для вашего оппонента, если всё-таки выберете его. — Затем, нахмурившись на нас ещё раз, она предупредила: — Это способы, заработать свободу. Но есть ещё два способа получить её. Вы можете в любое время решить присоединиться к Единству. Если вы сделаете это, то ваша судьба будет в копытах Богини. — Она сказала это слово, как будто оно было неприятно. — Или, конечно, вы можете обрести свободу через смерть.

— Попытайтесь сделать что-нибудь глупое, попробуйте бунтовать, попробуйте бороться, попытайтесь сбежать... Что угодно из этого — прекрасный способ умереть ужасной смертью. — Стерн пригвоздила нас взглядом. — Но это то, чем они являются.

Добро пожаловать в Филлидельфийскую Ферму Развлечений!

Выцветшее, преувеличенно-большое изображение головы Пинки Пай и её передних копыт выглядывало, свесившись с верхушки стальных кованых ворот в виде арки. А за ней простирались гниющие руины того, что когда-то было огромным парком аттракционов. Я помню его по изображению на плакате в лачуге СтилХувза. ("Таким должен был быть Гранд Галлопин Гала! Каждый день! Всегда!")

Нас погнали через арку. Значительная часть старого парка развлечений, где раньше проходили ярмарки, была приспособлена под жилища для рабов. Мне выделили циновку из соломы где-то в ограждении, где пони когда-то носились в небольших вагончиках, врезааясь друг в друга для развлечения. (Так как я была новенькой, мне не приходилось рассчитывать на четыре стены, только на крышу. И мне сказали, что я должна быть рада и этому. Дождь в Филлидельфии, как меня предупредили, жжётся.)

На тропинке к воротам, я увидела рабов, запряженных в те самые вагончики, расчищающих груды булыжников и одновременно тянувших за собой колесницу, в которой стояла пони-рабовладелец, которая хлестала их кнутом, если они шли недостаточно быстро. Либо если рабовладельцу нравились звуки, которые издавали бедняжки под ударами плетью. Либо ей просто было скучно.

Проводил ли хотя кто-нибудь из тех замученных пони свои ночи на Плугодrome? Заебись ирония.

Когда-то жеребёта и молодые кобылки протащили бы своих родителей целые мили, чтобы играть и веселиться на глупых аттракционах и представлениях Филлидельфийской Фермы Развлечений. Теперь это был чудовищный памятник рабству и смерти, окрашенный в яркую, отслаивающуюся краску.

Пинки Пай не одобрила бы.

Над нами проплывали три Шара Пинки Пай по постоянной орбите над старым парком аттракционов. Один свободно перемещался, другие два были закреплены по одному на каждое из двух самых высоких зданий, которые ещё стояли по эту сторону Стены. Первый был привязан к старому отелю, избитому, но не сломленному, который возвышался всего в нескольких кварталах за пределами восточной окраины Филлидельфийской Фермы Развлечений. Огромная надпись на балконе на двадцатом этаже была изржавевшая и давно потерявшая своё освещение, но даже без него я могла признать отель Альфа-Омега с фотографии в статье, что я видела пару дней назад.

Второй Шар Пинки Пай был привязан к зданию, возвышавшемуся прямо из Фермы Развлечений. Оно явно было стилизовано под амбар, выглядя как ничто иное, как колоссальная версия здания на Ферме "Сладкое яблоко". Первые этажи были покрыты фресками ярких цветов и изображениями сказочных персонажей, большинство из которых соскользнули с Обрыва Детского Легкомыслия в Долину

тревожных образов. Американские горки, которые описывали петли по всему парку развлечений, проходили сквозь здание на уровне шестого этажа. Огромная радио-банья на крыше "амбара" была изменена, чтобы выглядеть как огромный смешной флюгер.

Я поняла, что смотрю сейчас на Филлидельфийский центр Министерства Морали.

Я должна была знать. Пинки Пай и её министерство создали спрайт-ботов. Источник вещания спрайт-ботов должен был быть в каком-то из центров Министерства Морали. Он был недостаточно мощным, чтобы охватить Мэйнхэттен, но каждый спрайт-бот ретранслировал сигнал, что позволяло Министерству Морали повысить эффективность до бесконечности. Когда Красный Глаз захватил центр, он просто добавил свои проповеди в список воспроизведения. Саму же музыку Министерство Морали транслировало ещё до войны.

Как будто в насмешку над моим откровением, в динамиках заиграл клавесин, и полились слова песни:

"Вы должны делиться, вы должны заботиться. Это то, что вы должны сделать!"

Я действительно очень захотела пушку.

— О, смотри, — крикнула кроваво-красная кобыла, чьи тёмно-зелёные волосы были уложены в форме шипов. Она развалилась на зрительских перилах арены Плугодрома. — Свежее мяско!

Рабовладельцы, которые шли с нами, ушли. Гнаш кинул мне прощальный взгляд, который я не могла никак объяснить. И нас оставили одних с другими рабами. Многие не обращали на нас внимания. Большинство, удостоившее нас взглядом, делало это с печальным, смиренным выражением.

Я почувствовала отвращение при виде некоторых из них — у многих выпадала шерсть и волосы из гривы, открывая взгляду фурункулы и обесцвеченную плоть, страдающие от сухости конечности, шелушащуюся кожу лица. Медленно умирающие жертвы радиоактивного отравления.

Но здесь были и задиры.

Кроваво-красная кобыла соскользнула с перил и подошла к нам.

— Слушайте сюда, мои маленькие личинки червей, — пролаяла она. Её кютимарка была похожа на глазное яблоко, нанизанное на копьё. Я вздрогнула, удивляясь, как и каким образом вообще можно получить такую кютимарку. Блюберри Сэйбр предупреждала, что мне, возможно, стоит больше опасаться заключённых, нежели охранников.

Другой пони присоединился к ней: неуклюжий жеребец цвета мочи с очень злым жёлтым цветком в качестве кютимарки. (У меня появилось абсурдное ощущение, что этот цветок хочет убить меня).

В школе Стойла номер два были хулиганы, и эти пони напомнили мне о них. Не важно, насколько бессильными мы все были, они найдут способ сделать всех нас ещё более несчастными. Это было презренным в лучшем случае. В то время, как пони страдают, я чувствовала, что это гнусно, что некоторые из рабов сами ищут способы, как сделать жизнь других ещё хуже. Я знала, что лучший способ стать сильнее — через дружбу. Разве мы не должны работать все вместе? Но... это было проще и быстрее для эгоистов.

— Я — Блад, — объявила багровошкурая кобыла с гривой-шипами. Затем, представляя перекачанного жеребца, добавила: — А это Нарц. — Бугай глазел на нас, задерживая взгляд на кобылах.

— Я знаю, вы там сейчас слышали те разглагольствования Стерн, мол, Филлидельфия вся её и всё такое, — сказала Блад. (Я готова была спорить, она не посмела бы, будь грифина где-то поблизости.) — Так вот: Плугодромом владеем мы!

— Да у вас здесь просто славная империя, — успела вполголоса съязвить я, прежде чем смогла замолчать.

Блад будто дали пощёчину.

— Чё сказала? — Она подошла ко мне, прищурившись. — Ты сказала там что-то? Вроде звук был, будто ты говорила, хотя я что-то не припомню, чтоб разрешала тебе.

Что же это я не могу рот закрытым подержать? Ладно, раз уж она собирается вышибить из меня всё дерьмо, может заодно и жуков кусачих вытрясет.

А если подумать, то наверное, хорошо, что я привлекла её внимание. Если задиры получают новую кобылку для битья, это хотя бы немного отвлечёт их от остальных рабов. А я уже и с драконом сталкивалась, так что смогу вынести всё дерьмо от этих двоих.

Ладно, убегала от дракона. Но это уже придирки.

— Так ты что-то там говорила? — спросила Блад, нос к носу со мной. Для такой позы ей нужно было слегка опустить голову, и это, как я видела, доставляло ей удовольствие. Мой невысокий рост делал меня весьма привлекательной жертвой.

— Я... я п-просто сказала... какая у вас славная империя. Нуу, понимаете... целый парковый аттракцион-развалина, — заикаясь выдала я и отклонилась назад. — Вы н-наверняка так гордитесь!

Глаза Блад округлились.

— О... так ты просто у-мо-ляешь меня тебя избить. — Она подняла копыто и поставила его на цепь от моих оков, отправив меня лицом в грязь. — Слушай сюда, кобылка, правила теперь такие. Говоришь, когда я разрешу. Лижешь, где я скажу. По вечерам полпайка отдаешь мне. И тогда, возможно, лишь возможно, я придержу тебя для себя и не отдам Нарцу иметь тебя каждую Луной проклятую ночь, пока он тебя не располовинит!

Я взглянула на неё, нацепив жалостное выражение лица.

— Нарц, — сказала она громиле цвета мочи. — Ну-ка выеби её хорошенько!

Тяжело ступавший жеребец подошёл ко мне с мерзкой ухмылкой:

— С удовольствием!

Он развернулся и лягнул.

ОЧЕНЬ СИЛЬНО!

Боль взорвалась в моей груди. Я обнаружила себя летящей назад. Я пробила сгнившие останки того, что когда-то было ларьком для продажи хот-догов (с изображением Пинки Пай, обильно поливавшей их горчицей).

Я изо всех сил пыталась встать на ноги, когда он ещё раз врезал мне на полном скаку, сбивая с ног. Думаю, я услышала, как трещат рёбра. Стало больно дышать.

Самец подбежал ко мне, пока я пыталась перевести дыхание, и встал сзади. Я боялась, что он сломает мою незащищенную спину, и перевернулась. Он компенсировал это, поставив копыта на мой живот, выбив ударом весь воздух, что во мне был. Я закашляла, почувствовав кровь.

Огромный жеребец встал, нависая надо мной.

Мой рог слабо застветился, обернув его очень нежную часть в телекинетическое поле, и предупреждающе сдавил.

Нарц резко остановился.

— Предлагаю сделку, — прошептала я, полустоном от боли. — Ты сам решаешь, что я недостойна твоего внимания... Таким образом

ты сохранишь лицо. И в ответ я тебе не покажу тебе, насколько это важно в этом деле. — Я ждала немного сильнее, и его трянуло от боли, у него выступил пот. — И ты держись подалеже от других рабов, иначе сделка отменяется. — С ещё одним маленьким сдавливанием Нарц горячо кивнул, проливая слёзы из глаз от натуги, стараясь при этом не закричать.

— Согласен? — спросила я, хотя я знала, что он уже согласен, так как я слегка скрутила телекнетическое поле. Его реакция безусловно того стоила.

— Хорошо, — буркнула я, чувствуя во рту привкус тёплой меди. Я отпустила его и опустила голову, у меня перед глазами всё плыло. Я нуждалась в медицинской пони. Я нуждалась в Вельвет Ремеди.

Отряхиваясь, Нарц сделал вид, что смотрит на меня сверху вниз. Потом в раздражении отступил.

— К чёрту! — сказал он слишком громко. — Она настолько мала, что смахивает на грёбаного ребёнка! — Он обернулся, Блад смотрела на него, сузив один глаз в недоверии.

Нарц оглянулся через плечо на меня и фыркнул, видимо, решая, что ему может и не может сойти с копыт. Он отвёл свою правую заднюю ногу и сделал выпад, обрушив отвратительно жёсткий удар прямо меж моих задних ног. После чего побежал прочь, греясь в очевидном одобрении кобылы цвета крови.

Я никогда в жизни так сильно не кричала.

"Я гулял по улицам Филлидельфии, очищенным от булыжников, и видел завод, производящий сталь, текстильные фабрики, производящие одежду, электростанцию, производящую электричество," — голос Красного Глаза гордо звучал из металлических динамиков на стальных столбах, которые пронзали красноватый вечерний воздух. — *"Это начало, но такое славное начало. И все это принадлежит нам... каждому из нас".*

— Что это? — спросила я, чуть не плача, когда мне сунули под нос миску с непонятной кашеобразной массой. От запаха мой избитый желудок сжался в спазме.

— Овсянка, — равнодушно ответил пони-раб, зачерпывая полную миску той же бесцветной жижи для следующего пони.

— Овсянка? Вы с ума сошли? — Я посмотрела на него с недоумением. — Это несколько не похоже на овсянку! Ни по виду. Ни по запаху. Ни по... — Ещё одна порция дряни плюхнулась из черпака в миску. — ...звуку.

Я отдала половину "овсянки" Блад, чувствуя себя так, будто это я проявляю жестокость. Потом я помоталась вокруг, пока не нашла другого пони, у которого отбирали его порцию, и отдала ему остальное. У меня всё равно слишком болели мягкие места, включая живот, чтобы пытаться есть.

В благодарность он дал мне мрачный совет по продолжительному существованию в качестве "работника" в Филлидельфии. Не выбирай Кратер. Большинство пони, которые идут туда, не проживают и трёх месяцев. Что уж говорить о четырёх. Не выбирай Яму. Тебе придётся пережить тридцать шесть схваток с рабами, чтобы выйти из неё, а схватки всегда на смерть. Я застонала. Я не представляла себя забирающей жизнь другого раба. Ну, может быть, Блад или Нарца, но никак не безвинных.

Сам он работал на свалках, пользуясь инструментом, который он называл авто-топором, чтобы разрезать на части колесницы и другие крупные куски металла для переплавки. Это была опасная работа, и их держали под постоянным наблюдением охранников, стоящих на высоких местах, но без кнутов. Ни один рабовладелец не стал бы появляться на свалке с рабами, вооружёнными вращающимися лезвиями, магически зачарованными, чтобы легко прорубаться сквозь металл.

Он потчевал меня многочисленными способами смерти, имевшимися в Филлидельфии. Одним из самых неприятных была работа в карьерах, которые я видела по пути сюда.

— Но к счастью, — сказал он, — их берегут для пони, которые пытались бежать или даже хуже — саботировать работу Красного Глаза.

— А что в них?

— У Филлидельфии есть небольшая проблема с параспрайтами, — сказал пони, доедая остатки моей жижи. — Очевидно, было какое-то массовое заражение может быть за три или четыре десятилетия до мегазаклинаний. Предположительно, его побороли, но параспрайты очень живучи.

Он стал вылизывать миску, пока я пыталась сдержать рвоту.

— Пару лет назад ребята Красного Глаза пробивались в одно из Стоил, располагавшееся довольно близко к Кратеру, и открыли карман, набитый проклятыми тварями — все облучённые до чёрта и мерзкие как никогда.

— Блотспрайты? — спросила я, но он покачал головой.

— Не, блотспрайты — это то, что получается из параспрайтов, которые подхватывают порчу. Большие и злобные, но не склонные размножаться. И это благо, уж поверь мне. — Он серьёзно посмотрел на меня. — А эти мелкие паршивцы облучены. Большая разница.

— Так... что они делают?

— То же, что и всегда. Едят и выплёвывают таких же, — сказал он и пристально посмотрел на меня. — Только теперь они плотоядны.

Они едят... пони? О, Селестия!

— А те дымоходы?

Жеребец опустил голову.

— Ну, там мы сжигаем гнёзда, которые они находят. Единственный способ убедиться, что они больше не размножаются, это убить их огнём. — Он нахмурился. — Проблема в том, что иногда остаётся несколько глубоко в гнезде, которые как следует не прожариваются истребителями. Они просыпаются после жары, вылетают... сетка над карьерами нужна для того, чтобы они не успевали улететь далеко, а один из охранников всегда вооружён огнём. Особенно после того случая, как одной кобылице мелкий паршивец залетел в глотку. Они потом сгрызли её изнутри.

Полный кошмар. Мне было искренне жаль, что я не могла раз услышать этого.

Но как бы ни было это плохо, на вершине его списка способов смерти стояло Единство.

— Я знаю, что этот ублюдок Красный Глаз говорит, но я знал множество пони, которые пошли добровольцами в Единство, но ни один из них так и не вернулся, — признался он мне. — Как говорят некоторые пони, Богиня, чем бы она там ни была, превращает их в этих больших аликорнов, которых мы иногда видим поблизости. Но если бы это было правдой, то я полагаю, что их должно было бы быть больше. И мне думается, что хоть кто-то из них потрудился бы вернуться и поздороваться со старыми друзьями, раз уж они могут летать.

Я не считала полезным говорить ему, что их, вероятно, было больше, чем он думал. Мой разум уже обрабатывал другую информацию. У псевдобогинь не было кюти-марок, и их по крайней мере направляли при помощи телепатии. Мои мысли крутились вокруг той возможности, что трансформация начисто удаляла их индивидуальность и чувство себя. Сделать такое с пони было... хуже

убийства!

Ночь была холодной, и у меня не было одеяла. Я лежала на погрызенном крысами старом коврике, который до меня был кроватью рабов, большинство из которых, вероятно, ныне мертвы. Коврик был настолько изношенным, что на нём лежать было, возможно, неприятнее, чем на бетонном полу под ним, и таким заляпанным, что мне действительно не хотелось к нему прикасаться. Но это было всё, что я имела.

Моё тело было покрыто синяками и всё ещё было трудно дышать. Мои рёбра дали трещину, но, к счастью, не были сломаны. Я всем сердцем старалась игнорировать ещё худшую боль снизу. Часть меня хотела убить Нарца, настолько мучительно и жестоко, насколько это возможно. Часть хотела свернуться калачиком и плакать. Я боролась с обеими этими частями. Учитывая, что я сделала и пригрозила сделать с ублюдком цвета мочи, думаю, часть меня хотела бы показать, что я могу взять то блюдо, что ему предложила. Хотя бы потому, что я сказала ему, что он мог бы сохранить лицо, и сколько бы я его ни ненавидела, должна признать, именно это он и сделал.

Небо над нами было чёрным и отражало легкие оттенки оранжевого и красного. С наступлением ночи все кузницы, печи и другие ярко светящиеся объекты стали видны более отчётливо, придавая Филлидельфийским Руинам адский вид. Хуже всего была тонкая красная тень в воздухе которая стала люминесцентным заревом над огромной ямой, куда ударило мегазаклинание, пропустив обширные промышленные районы города, чтобы попасть в самое сердце городских жилищных построек. Тьма никогда полностью не окутывала центр Филлидельфийского Кратера.

Порыв ветра принёс глубокий холод и вместе с ним удушающий, едкий запах откуда-то из глуби Филлидельфии. Некоторые рабы закашлялись во сне, я вздрогнула и попыталась дышать, не вдыхая.

Я скучала по своим друзьям. Я задалась вопросом, были ли они в порядке. В голове я начала проигрывать все ошибки, которые я допустила, все пути моего плана, которые могли бы пойти не так...

Где-то невдалеке я заметила вспышку зелёного пламени.

Встав, я тихонько скользнула наружу и включила Локатор Ушки-на-Макушке, чтобы он помог мне обнаружить жар-феникса. Моё сердце наполнилось благодарностью за компанию, когда я увидела, как она уселась на табличку в виде улыбающейся Пинки Пай с поднятым копытом. ("Вы должны быть такого роста, чтобы кататься на Колесе Фермы Развлечений") За ней железная громада колеса возвышалась над парком, словно злобно вззирающий на нас механический глаз.

Паерлайт музыкально крикнула мне.

— Спасибо, — сказала я ей искренне. Не думаю, что я могла бы пройти через это испытание в одиночку.

Я подумывала засыпать её вопросами, попросить передать Вельвет Ремеди сообщение, или ещё с полдюжины других вещей. Вместо этого я решила просто сидеть, положив голову на двумерную Пинки Пай, и наслаждаться её компанией.

— Ну, давай выберем тебе работу, — сказал Мистер Шайни, глядя на меня. Мистер Шайни был пони-рабовладельцем, отвечающим за назначение новых рабов на работу, и он обладал обманчиво-ласковым голосом. — Я вижу, у тебя есть ПипБак, и ты должна бы быть помечена для визита к Доктору Слаутеру, но я думаю, мы можем не торопиться с этим. — Он одарил меня улыбкой, которая казалась добродетельной, но не было в ней никакого реального тепла. — Что скажешь, если мы вместо того, чтобы снять, используем это?

У меня всё ещё всё ужасно болело, я немного хромала, но он этого не замечал, или, по крайней мере, его это не волновало. Я была уверена, что он назначал на работу пони и в гораздо худшем состоянии.

— Что я должна делать?

— Так, в городе есть здание, которое кишит параспрайтами. Но на этот раз мы не можем просто зайти туда с огнемётами. Поэтому мы могли бы использовать пони с Пипбаком, — объяснял Мистер Шайни. — Эта вещица может находить для тебя мишени, так? Мы отправим тебя туда в экологическом снаряжении и с маломощной энергомагической винтовкой. Стреляй по чёртовым штукам, пока они не станут горстками пепла.

— Сколько... сколько их там? — Назойливые кошмары предыдущей ночи снова пронеслись у меня в голове.

— Не должно быть больше пятидесяти. У них не было ничего, что можно было бы съесть, с тех пор, как гнездо было обнаружено. Бедный Вайттэйл.

В течении получаса он выдал мне всё снаряжение. Кроме боеприпасов. Я получу их, когда попаду в здание. Они протолкнут их через отверстие для почты.

Воздух пронзили лучи яркой пурпурно-красной энергии, метнувшиеся в мою сторону от охранной турели на потолке в холле. Один из лучей попал по моему экологическому костюму, проплавив дыру размером с копыто немного пониже моей кюйтимарки и оставив ожог. Когда я прыгнула за стол, я подумала, вот бы не остался шрам, как на моей шее.

Терминал на столе мягко светился этим тошнотным светло-зелёным цветом, каким почти все они светятся. Я спряталась за ним и взялась за взлом системы. Это заняло всего секунду; защита терминала была жалкой. А мне повезло! Терминал мог выключить турели.

Турель выпустила ещё одну очередь огненных стрел розового цвета. Несколько ударов пришлось на заднюю стенку терминала. Он взорвался перед моим лицом с фейерверком искр.

Я могла бы навсегда ослепнуть или вообще умереть, если б экологический костюм не включал в себя противогаз и внушительные очки. Я в страхе отодвинулась от стола и обдумала ситуацию.

До этого момента охота за жуками была скорее разочаровывающей, чем опасной. Снаряжение надёжно защищало меня от параспрайтов, и я настолько напрактиковалась в искусстве подкрадываться, что могла бы подобраться сзади, прежде чем полуслепая тварь меня заметит. И это было хорошо, так как я почти совсем не умею пользоваться энерго-магическим оружием. Даже с небольшого расстояния, даже с З.П.С. я промахивалась столько же раз, сколько и попадала.

Когда турель изрыгнула очередной луч, маленький жёлтый параспрайт подлетел ко мне, привлечённый запахом моего обожжённого мяса. Я проскользнула в З.П.С., пока он подлетал ближе, прицелилась лазером и открыла огонь. Я попала с третьего выстрела, и он рассыпался вспышкой бирюзового пепла. Я вышла из режима прицеливания, но секундой позже снова активировала З.П.С., чтобы прикончить ещё двух параспрайтов (один из которых был цвета близкого к цвету плоти).

"Кажется, у меня проблемы"

Я проверила магическую спарк-батарею. На тех двоих ушло пять выстрелов. Лучше, но ещё не отлично. Если верить встроенному сканеру в моем ПипБаке, в доме было ещё пятьдесят два параспрайта, которых мне придётся уничтожить, а я сейчас убила около девятнадцати — двадцати одного параспрайта. А значит нужно было избавиться ещё от тридцати одного, большинство из которых, я знала, роились на производственном этаже здания — пространстве, которое я избегала, решив очистить сначала оставшуюся часть

здания. Только сейчас они чуяли мясо.

У меня оставалось 7 выстрелов.

"Большие проблемы!"

Турель выплюнула ещё больше магической энергии, пытаясь завалить меня. Не очень умно, учитывая, что целый большой металлический стол был на пути. Стол становился тёплым на ощупь.

Если я тут не найду ещё боеприпасов... или, что лучше, другого оружия....

Я открыла стол для проверки.

Бутылочные крышечки. Три. Из меня вырвался крик разочарования.

Я посмотрела по сторонам и заметила поблизости дверь с табличкой "Обслуживание". Обернув стол в телекинетическое поле, я пронесла его рядом с собой как щит во время забега до двери. Она была закрыта.

У меня всё ещё не было отвертки. Подняв взгляд к небесам,

— Если кто-нибудь из вас двоих действительно там, я искренне раскаиваюсь, что сомневалась. Правда раскаиваюсь. Простите! А сейчас... не могли бы вы устроить мне перерыв, пожалуйста?

Турель опять выстрелила. Стол больше не был просто теплым. От него начинал исходить жар. Ещё три параспрайта влетело в комнату, привлеченные моим запахом.

— Ну и идите вы нахуй! Обе! — крикнула я. — Идите полижите друг у друга...

Я скользнула в З.П.С. и отправила несколько управляемых выстрелов в параспрайтов. Двое превратились в пепел. Третий был поражен и упал на пол, но не погиб. Остальные выстрелы прошли мимо. И теперь я была пустой. Я задыхалась, мои рёбра горели, из-за чего было больно дышать.

Чёрт!

Турель снова выстрелила. Стол теперь светился. В изнеможении, я огрызнулась:

— Ты так этого хочешь? Так на, получи! — держа стол между мной и турелью, я левитировала его к конструкции-обидчице и ударяла её снова и снова, пока она с хрустом не перестала работать.

Затем я левитировала его мимо себя в другую сторону, подбросив и уронив светящейся металлической поверхностью на покалеченного голубого жучка.

Я сумела закрыться в офисе над главным этажом здания. Коридор, который защищала турель, вел к этой комнате — точь в точь комната Смотрительницы. Там была небольшая дверь с одной стороны, которая, возможно, вела в туалет, и большие окна с зеркальными стеклами, которые выходили на основной рабочий сектор. Я устала через одно из окон на массу милых разноцветных хищников, парящих между помостами наверху и печатными прессами внизу.

Всё тот же стиль, мрачно отметила я. Как будто у прежнего мира был дикий стояк на производственные травмы.

До меня также сейчас дошло, почему прогулка с огнемётами была совсем не вариантом. Это здание было типографией. И большая его часть была занята книгами, плакатами... истинный рог изобилия горячего для неконтролируемого огня. Этот огонь, возможно, уничтожил бы вещи, которые, я уверена, были не безразличны Красному Глазу — прессы.

Мне пришлось поаплодировать жеребцу. У него была власть, сталь, текстиль... а теперь он работал над возрождением массовой публикации. Насколько я могла сказать, единственной книгой, написанной и распространённой после апокалипсиса, было "Руководство по выживанию в Пустошах". Восстановление работы в этом месте станет огромным шагом вперёд.

Школы, которые он обещал, вдруг стали казаться реальными.

Я заметила ещё несколько автоматических огневых турелей, покрывающих основной рабочий этаж. Чёртовы устройства игнорировали жучков, но я знала, что они атакуют, если хотя бы одно моё копыто коснётся пола в этой комнате. Я была не в состоянии биться с таким количеством параспрайтов, так же как и с этими чёртовыми устройствами.

В комнате был стол с всё ещё работающим терминалом. Я села и начала его взламывать, надеясь, что смогу отсюда отключить все башенки. Пароль, к моему удивлению, был "Щедрые Души".

"Добро пожаловать в Филлидельфийский центр Министерства Стиля, **мисс Перивинкль!**

Как вы этим чудесным утром?

Прошло 202 года, 37 дней, 1 час и 13 минут с вашего последнего входа в систему.

Хотите проверить свои сообщения?"

Стоп... это был Центр? Но... здесь ничего не было! Это было небольшое здание, немного больше, чем типография. Здесь ничего не было.

В этом... нет смысла. Это не была башня; здание высотой в два этажа. И я осмотрела здание достаточно хорошо, чтобы быть уверенной, что здесь нет никаких секретных отсеков. Здесь было не много офисов, не больше, чем должно быть в маленькой типографии.

Я встала и осмотрелась по сторонам. На стенах в офисе висели плакаты и ещё больше их виднелось на печатном этаже внизу. Большинство их я видела раньше. Все, начиная с плакатов "ПРОГРЕСС" Министерства Военных Технологий до изображения Твайлайт Спаркл над словами "Чтение — это магия" (я видела этот плакат в Понивильской Библиотеке, правда здесь он без безобразного граффити).

Я снова взглянула на терминал и заметила кое-что ещё. На столе лежал старый альбом. Я открыла его и стала с помощью магии листать страницы, полные разнообразных вырезок: старых газетных статей, флайеров, общественных сообщений. Большинство уже постарели так, что невозможно было прочитать. А из тех, что ещё можно было, многие были знакомы. Клиническое предупреждение о Неврозе Военного Времени, например.

Одна из более-менее читабельных газетных статей привлекла моё внимание:

"Дракон Над Хуффингтоном"

"Шедоуболты под руководством Рэйнбоу Дэш сразили дракона в небе над Хуффингтоном в минувшие выходные. При этом силам зебр удалось нанести глубочайший удар по Эквестрии за всю тринадцатилетнюю историю войны. Все слухи, что зебры заручились поддержкой драконов своей родины были подтверждены. Принцесса Луна обещает расширить Эквестрийский пегасий..."

Продолжение статьи было на следующей странице. А оставшуюся часть этой страницы занимало изображение Рэйнбоу Дэш, возвышавшейся над головой павшего монстра.

Это был своего рода образ, который заклеил Рэйнбоу Дэш как национального героя в сознании пони.

Я закрыла альбом и снова взглянула на экран. Я начала понимать.

Я вспомнила плакат Пинки Пай, который первым предупредил меня о существовании министерств. Если бы меня тогда спросили, я бы ответила, что Министерство Морали было первым, которое я увидела.

И я была бы неправа.

Министерство Стиля было первым, которое я увидела. Только оно было под другим именем. Оно почти никогда не шло с настоящим именем. По крайней мере, внешне. Я подозревала, что "Принципы Правильной Речи Пони" на самом деле были внутри-министерским документом.

Министерство Стиля, видимо, не делало своих собственных проектов. Оно служило другим министерствам. Оно создавало материалы, книги, плакаты, листовки... И однажды даже броню. Каждый плакат был связан с одним из других министерств. Чёрт, наверное, каждый раз, когда я что-либо видела или слышала о любом из них, я видела Министерство Стиля.

Невидимое Министерство... которое было везде.

* * *

Я загрузила сообщения Мисс Перивинкль в свой ПипБак, чтобы позже внимательно изучить, затем перешла к более неотложной задаче, а именно к автоматическим огневым турелям. Я надеялась что смогу отключить их через терминал в офисе, как я предполагала, принадлежавшем Смотрительнице. Но терминал позволил мне сделать лучше. С его помощью я смогла перепрограммировать турели на уничтожение параспрайтов!

Я прислонилась к столу, слушая, как град ударов огневых турелей заполнил главный этаж Центра М.С. Счётчик убитых параспрайтов на моём ПипБаке достиг цифры тридцать девять и только сейчас начинал сбавлять темп. Я поняла, что мне придётся самой разобраться с оставшимися в комнатах и в местах, которые турели не покрывали. Но моя работа вдруг стала намного проще.

Моя удача продолжала расти. В стороне от этого офиса была ванная. Вода в туалете заставила мой ПипБак чудачить, раковина была полностью нерабочей... Пони-водопроводчица работала над ней, когда ударило мегазаклинание. Её скелет всё ещё был в комнате, она была убита куском, упавшим с потолка.

Немногое осталось от её униформы ремонтника, но этого было достаточно, чтобы залатать мой экологический костюм при помощи чудо-клея, несколько бутылок которого я нашла в той же униформе. А также там были гаечный ключ и (уииии!) отвёртка!

Там также была запертая слабым замком медицинская коробка, в которой я обнаружила несколько исцеляющих бинтов и пару дополнительных заколок. И банку Минталок.

Я пялилась на банку в течение долгого времени, борясь с желанием просто взять и принять одну. Лишь одну.

Понадобилось немалое усилие, чтобы закрыть коробку, оставив Минталки внутри. Я заперла коробку снова. Никогда больше.

Наконец-то я освободилась от этих проклятых кандалов! Я заметила, что большинство других рабов их не носит, так что я была практически уверена, и мне это сойдёт с копыт. Но если бы я сама их не сняла, подозреваю, что не нашлось бы тут никого знающего и настолько доброго, кто помог бы мне с этим.

Я по-настоящему ненавидела Филлидельфию.

Огонь турелей прекратился. Для уверенности в безопасности я их вообще выключила, прежде чем выйти из офиса. Судя по ПипБаку, осталось ещё пять параспрайтов. И у меня всё ещё не было патронов. Мне нужен был план.

Возвращаясь путём, которым пришла, я попыталась отпереть комнату обслуживания, в которую не смогла войти раньше. Если повезёт, то меня ждёт много магических спарк-батарей внутри.

Дверь с щелчком открылась, но полоса удачи закончилась. Там не было магических спарк-батарей. Ни оружия, ни каких-либо боеприпасов. Вместо этого там был скелет пегаса, который закрылся изнутри, один с теперь уже пустыми бутылкой Бака и коробком обезболивающих. Судя по положению скелета и беспорядку в комнате, я подозревала, что он умер в сильных конвульсиях... но я надеюсь, он был не способен их чувствовать.

Несколько хорошо сохранившихся постеров висело на стене той комнаты, которую я до этого не видела. Довольно фантастический плакат, изображавший команду пегасов-воздушных акробатов под названием "Вондерболты", чья ярко-синяя форма явно была скопирована с более тёмной, воинственно выглядящей формы Шедоуболтов.

Или это было наоборот? Газетная статья в рамке гласила:

"Героическая Попытка Вондерболтов Освободить Зебринских Пленников Ценой Четверых Погибших"

"Сегодня утром принцесса Селестия объявила об успешном спасении семнадцати пони, которых в течение двух недель удерживали в плену зебринские пираты. Вондерболты, величайшие летчики Эквестрии, добровольно отправились на секретное задание по спасению заложников в зебринских водах. Тем не менее, за успех операции пришлось дорого заплатить — четыре члена элитной команды пегасов были убиты в ходе боя. К счастью, никто из пленных не погиб, и только один получил серьезные ранения.

В течение этого двухнедельного кризиса Его Величество Император Зебр неоднократно осуждал действия пиратов и выражал поддержку Принцессы Селестии, но Он не дал разрешения на введение Эквестрийской армии на территорию зебр, объясняя это тем, что введение войск миротворцев может 'увеличить существующую в регионе напряжённость', настояв на том, что в докладах Его имперской разведки указано, что пираты действовали в нейтральных водах. Его Величество продолжает отрицать любую информацию о связи с пиратами и отказывается выдавать местонахождение пиратской гавани.

Принцесса Селестия утверждает, что операция Вондерболтов на зебринских территориях была результатом 'недопонимания, которое в итоге закончилось хорошо' и извинилась перед Его Величеством лично..."

Статья явно описывала события, предшествовавшие началу войны. Ещё одна вещь, о которой можно будет порассуждать на досуге, когда мне не придётся искать способ уничтожения параспрайтов без энергомагического оружия, или как сжигать их без огня.

В комнате обслуживающего персонала находились верстак и различные мелочи, в том числе коробка с закусками "Вондерболты" и мешок с чьей-то рассыпавшейся по полу коллекцией порнухи. В основном старые копии журнала Вингбонер. Я решила не смотреть. Нет, правда.

Ладно, может чуть-чуть. Кобылы-пегасы своего рода... экзотичные, в конце концов.

Я ощутила прилив вдохновения. Я выбросила журналы и отложила мешок в сторону, опустошила коробку из-под закусок, вытряхнув грязь, в которую превратилась протухшая пища. Я вспомнила схему, что Дитзи Ду отдала мне в подарок. Я подумала, что вряд ли самодельные мины помогут бы с проблемой параспрайтов, но это не означало, что я не нашла бы им применение позже.

Я собиралась положить свою новую мину в мешок, как вдруг у меня возникла новая идея. Я не могла сжечь этих чёртовых жуков-пониедов в здании, но почему бы не...

Полнаса спуская я выбежала из типографии с мешком сердитых параспрайтов, плывущим рядом со мной.

— О, Паерлайт! — пропела я с улыбкой.

Мистер Шайни был впечатлён, и я почувствовала прилив гордости. Только эта гордость сопровождалась стыдом и гневом, что я позволяю себе радоваться рабскому труду. И что ещё хуже — радоваться тому, что меня хвалит один из работорговцев.

Наградой за мои труды было изъятие у меня энерго-магической пушки, но при этом он предложил мне набор рваной рабской одежды. Она давала совсем небольшую защиту, но мало — лучше, чем ничего. И она согреет холодной ночью. Бывший владелец, по словам Мистера Шайни, уже не был в состоянии использовать её по причине обезглавливания.

Быстро выполненная работа не привела к отдыху, а только к ещё большей работе. Я была назначена на склад металлолома на остаток дня. Я провела всего десять минут, получая инструктаж по работе с ужасным на вид автоматическим топором, перед тем как бригадир, сам раб, решил, что он просто не хочет давать такой опасный инструмент в копыта такой маленькой и слабой на вид кобылы. Я указала ему на то, что, будучи единорогом, я более чем способна владеть металлорежущей пилой, независимо от моего физического размера и силы. В ответ на это он назначил меня на работу по сбору кусков металлолома, которые другие работники (рабы, чёрт возьми!) отрезали от старых пассажирских вагонов и других значительного размера металлических артефактов прошлого.

Я поплелась в сторону склада металлолома, откуда раздавался оглушительный шум. Десятки пони разрезали металл острыми магически заточенными лезвиями. По крайней мере ещё с десяток собирали готовый лом. Я подняла глаза и увидела рабовладельцев-охранников. Они взирали на нас с безопасного расстояния, вооружённые боевыми сёдлами или штурмовыми винтовками, находясь вне досягаемости резаков. Смелая единорожка могла бы, конечно, попытаться левитировать авто-топор в одного из них, но она будет застрелена, прежде чем сможет убить больше одного охранника. Краем глаза я увидела блеск великолепного жёлтого с зеленым оперения Паерлайт. Она сделала круг над площадкой с коробкой завтраков "Вондерболты" в когтях, после чего упорхнула из зоны видимости.

Слегка улыбаясь, несмотря на мою тоскливую ситуацию, я принялась за работу.

Порабощённые пони, вскрикивающие под бичами работорговцев, тянули повозки, полные металлолома, в стальной двор для нарезки. Я была шокирована, когда увидела, как несколько пони устало плетутся, таща на свалку повозку, гружённую массивной стальной дверью Стойла в форме шестерни.

Моя работа была намного проще ихней благодаря моей магии. И это дало мне возможность поговорить с другими рабами. Но они были не шибко болтливими, быстро напомнив мне, что слишком много разговоров заставляют работорговцев нервничать, и это быстрый способ лишиться языка. Но я ещё была в состоянии раздобыть несколько слухов, которые убедили меня, что единственные места, где могли бы быть схемы Рад-Двигателя или исследования заклинаний обхода — это гостиница Альфа-Омега и центр Министерства Морали.

Альфа-Омега в настоящее время использовалось как "особое жильё". Это означало, что в нижних этажах располагались жилые помещения для бойцов Ямы. Нахождение на кратчайшем пути к смерти от копыт других рабов-бойцов не оставалось без компенсаций: гораздо лучшее место для ночлега, более короткие часы работы и, если слухи верны, доступ к самогонному аппарату. Кто или что были размещены в верхних этажах было, по-видимому, в строжайшем секрете.

— Эт единственное место во всей Филлидельфии, где можно получить выпивку, — заявила одна из рабынь во время данной ею передышки авто-топору, чтобы остыть, прежде чем прорезать ещё три метра в том, что когда-то было стеной Стойла. — Акромя бара Ромер. Эт притон работорговцев по ту сторону Стены. — С некоторым стыдом я подумала, что не отказалась бы от яблочного виски. — Стерн ненавидит эту штуку. Грит, выпивка делает работорговцев глупыми, а её бесит работать с глупыми.

Кобыла-раб со странным акцентом вонзила авто-топор в стойловскую стену и пинком по нему продолжила резать. Я бродила вокруг достаточно долго, чтобы набрать стопку кусков, вырезанных из стены, и левитировать их к бункерам. После этого я двинулась дальше.

Как говорят пони, вообще готовые говорить, всё, что известно о смешном здании Министерства Морали в форме сарая, это что к нему всегда привязан Шар Пинки Пай, что Стерн ночует на верхней башне, и что где-то внутри находятся покои самого Красного Глаза.

Я говорила с другим рабом, на этот раз — жеребцом-единорогом с поражённым болезнью глазом и только тремя ногами (это был результат не несчастного случая или жестокости — то был врождённый дефект. Он родился в племени, живущем слишком близко к Филлидельфийскому кратеру). Наш разговор был прерван, когда рабы один за другим останавливали свою работу, чтобы посмотреть в небо, покрытое чёрными облаками. Несколько указывали туда копытами. Многие перешёптывались.

Я взглянула вверх, чтобы узреть причину волнения. Её оказалось нетрудно обнаружить. Небесная колесница летела над нашими головами, запряжённая двумя грифонами. Колесницу сопровождало крыло аликорнов.

— Чтож... — пробормотал изуродованный жеребец, — Похоже, Красный Глаз здесь.

Я стояла в том же месте, где и вчера. Кровь работорговца, пущенная Стерн, всё ещё окрашивала землю. Вокруг меня, прижавшись, собрались другие рабы. На крышах вокруг нас выстроились грифоны в броне Когтей. Стерн заняла своё любимое место и уставилась на нас. Её бронебойная винтовка была перекинута на спину, но я ещё помнила, как быстро она может её достать.

Разговаривающие затихли, Марш Параспрайтов оборвался на середине песни.

Несколько пони около меня нервничали. Я заметила Блад и Нарца в толпе. Блад выглядела скучающей, разглядывая своё копыто. Нарц выглядел мрачным.

И наконец я увидела его. Красного Глаза.

С аликорнами по бокам спускался по рампе с правой стороны здания, на котором сидела Стерн, пони, которому я ставила в вину немалую часть неправильности Эквестрийских Пустошей.

Красный Глаз был крепким, сильным земным пони-жеребцом с шкурой багрового цвета и несколькими шрамами там, где должна быть его кютимарка. У него были хорошо причёсанные чёрные как смоль грива и хвост. Он носил чёрный плащ который ниспадал с его правой стороны. Я видела только левую сторону его тела, пока он шагал по направлению к центру крыши, левый глаз его был определённо голубого цвета.

Я не была уверена, чего ожидала. Чёрт, я думаю, что ожидала увидеть монстра-аликорна, размером с Шар Пинки Пай, источающего зло и взрывы силы. Или что-нибудь столь же абсурдное.

Красный Глаз был... всего лишь пони.

Я могла бы покончить со всем этим прямо сейчас! Мне просто нужно было что-нибудь большое и тяжёлое. Я могла бы левитировать это к нему сверху и отпустить. Даже если грифоны заметят меня, даже если Стерн меня пристрелит, я могла бы согласиться с этим, если прихвачу на тот свет и его с собой.

Одна из аликорнов оглядела толпу, её глаза быстро меня обнаружили. Она раскрыла крылья и поднялась в воздух, следя за мной.

ёрт! Они помнили, и они не позволяют мне применить тот же трюк во второй раз.

С дрожью я поняла, что аликорны знали, что я здесь. А также их Богиня. И это, я подозревала, означало, что Красный Глаз тоже.

Это был дурацкий план.

Посреди крыши на краю здания был отрезок перил, когда-то державших вывеску. Красный Глаз подошёл к нему, а два аликорна заняли позиции по обе стороны. Он повернулся к нам, расставляя передние копыта на перилах и глядя вниз. Я раскрыла рот в изумлении, земля внезапно стала уходить из-под копыт.

— Работники! Добро пожаловать! И благодарю за то, что присоединились ко мне. — Красный Глаз был ещё более харизматичным вживую, его слова были вкрадчивы, гладки и чертовски убедительны. Но я едва слышала их, мой взгляд был прикован к красному свету, исходящему из металлической оболочки, что была вокруг того, что должно было быть его правой глазницей.

Киберпони?

Красный Глаз был киберпони?! Я смотрела в лицо техники, уровень развития которой вырос далеко за пределами терминалов и спрайт-ботов. У Красного Глаза были кибернетические имплантаты! Как? Где он их взял? Когда такого рода технология вообще стала возможной?

Мой взгляд бежал по его телу в поиске других признаков искусственных улучшений и заблокировался на его правой передней ноге. У Красного Глаза был ПипБак!

Красный Глаз был Выходцем из Стойла.

— Я многого потребовал от вас во имя будущего, — говорил Красный глаз, когда я потрясла головой, чтобы выйти из моего полного ступора. Малиновый кибер-жеребец даже носил свой ПипБак на передней правой ноге, что было редкостью. Прямо как я.

— Но я бы не стал ничего требовать от вас, чего бы не требовал от себя самого, — утверждал Красный Глаз, глядя на нас. Красный луч его глаза сверкнул, проходя по мне.

— Как вы видите, я был награждён, и не за мои заслуги, особым воспитанием, о каком хорошие пони нашей Эквестрийской Пустоши могут только мечтать. Я жил в Стойле, где такие роскоши, как безопасность, пища и чистая вода, принимались как данность. Один наш водный талисман мог бы обеспечить живительной влагой тысячи пони, но вместо этого применялся для легкомысленных радостей вроде фонтана атриума.

Тряхнув головой, он насупился.

— Взгляните на мой глаз. Моё Стойло предлагало медицинские и технологические разработки уровнем гораздо выше даже довоенной цивилизации. Пони в высших кругах Стойл-Тек задумали провести в моём Стойле эксперимент с системой правления путём земных пони...

Вскорми меня Селестия!

В Стойле Два всегда была Смотрительница-единорог. Я попыталась представить Стойло под управлением земных пони и с тем же рвением к прогрессу и промышленности, что было свойственно головам из Министерства Технологии. Что же они могли создать за более чем две сотни лет изоляции?

Ну, допустим, кибернетические импланты.

Я поняла, что упустила нить речи Красного Глаза, и упрекнула себя, что не уделила ему более пристального внимания при том, что он был прямо передо мной. Однако меня не покидало смутное ощущение, что я смотрелась во мрачное и чертовски кривое зеркало.

— ...видел Пустошь такой, какой она была. Но более того, я видел то, какой она должна быть! И какой она может снова стать! Той ночью, впервые, Богиня прошептала мне...

Едва удержалась от фейсхуфа. В идее, что Богиня аликорнов говорила с Красным Глазом, ну или что у него создавалось такое впечатление, было куда больше смысла. Я знала пони в Стойле 2, которая иногда принимала радио Стойла на металлический зубной протез. И одной Селестии известно, что могло ловить то биожелезно в голове Красного Глаза, будь то по задумке разработчика или нет. Богиня телепатически обращалась к аликорнам. Может, она и к нему обращалась? Или он просто помехи ловил?

А ведь Проповедник в разговоре с Вельвет Ремеди предполагал, что Красный Глаз получал искажённые сообщения.

— ...И в первую очередь Она показала мне, насколько ошибочны были принципы моего Стойла. Насколько отталкивающей была вера в превосходство земных пони. Ни одно племя пони не выше другого. Мы все — рабы Эквестрийской Пустоши и только труд делает нас свободными.

Пока Красный Глаз говорил, я вспомнила искажённые версии историй и прошлого, которые встречала в Стойле Двадцать Четыре. Даже повесть о Кобыле на Луне — повесть о тысячелетнем пути принцессы Луны к безумию в виде Найтмэр Мун, от которого её спасла группа друзей, которых она потом назначила главами своих Министерств — была переделана в повесть об обезумевшем принце. Если Стойл-Тек делала такое для успешного проведения в том Стойле эксперимента по мужскому доминированию, то я могла только догадываться, какими были методы в Стойле Красного Глаза.

— Но труд этот ничего не стоит, если его не разделить! Пока все мы не станем свободны, никто из нас по-настоящему свободен не будет. Да и не заслуживает быть! — Красный Глаз посмотрел куда-то в сторону со странно пристыженным видом. Затем с неожиданным неистовством он продолжил. — Именно поэтому моё Стойло было разобрано первым. Его двери и опоры были выдернуты и переплавлены, а бетонные стены и полы — разрезаны для основания Собора — крепости, которую мы возводим на месте моего бывшего дома, крепости, которая станет новой столицей нашей Новой Эквестрии и новым домом для нашей Богини во плоти.

Я пошатнулась.

— Пони моего дома были первыми присоединившимися к армии Детей Единства. Или как было во многих случаях, они стали первыми рабочими на этих самых дворах, где трудитесь и вы сегодня. Я видел, как дар нашего Стойла был разделён, как водный талисман был отдан боровшемуся с трудностями городу, который теперь знает радости чистой прозрачной воды. Я направил величайшие умы наших лучших пони-учёных на решение задач грядущей новой эры.

— От моего дома осталась лишь эта мантия, которую я ношу как напоминание, — заявил Красный Глаз, улыбаясь нам. — Всё, что я когда-либо имел, я отдал. Так же, как отдаёте и вы сегодня... — Его глаза, и механический и натуральный, окинули взглядом толпу пони. Голос его звучал по-отечески. — И я просто не могу гордиться всеми вами ещё сильнее.

Красный Глаз бросил взгляд на Стерн. Чёрная грифина кивнула белопёрой головой, однако, только он отвернулся, скривила клюв. Одна из аликорнов продолжала кружить в воздухе, находясь на страже на случай неопознанных левитируемых объектов.

Взглянув на нас снова, озаряя нас своей улыбкой из-под облаков цвета сланца, Красный Глаз объявил:

— И потому я решил подарить вам передышку. Завтрашний день объявлен днём отдыха. Никто не должен трудиться. Кроме того, бар Ромер будет открыт для всех желающих отведать лучшего конского виски во всей Филлидельфии!

Слова лидера работоторговцев были встречены топочущими аплодисментами и радостными выкриками. Сумасшествие какое-то. В

благодарности толпы было смысла не больше, чем в местной овсянке. Оглянувшись, я всё-таки нашла несколько пони, не поддавшихся всеобщему ликованию. Одним из них был Нарц, хотя Блад, похоже, радовалась за них двоих.

Красный Глаз расплылся в доброй улыбке и взмахнул копытом, требуя тишины. Гул и топот прекратились с трудом, будто бы их душили.

— Также я устраиваю и развлечения. Два полных Турнира в Яме для всеобщего удовольствия, вход свободный! — Он окинул толпу взглядом. — Но это, конечно же, если найдётся несколько добровольцев.

Тишина переросла в тяжёлое молчание. Рабы посмотрели друг на друга.

— И у нас есть один претендент! — объявил Красный Глаз, глядя в толпу. — Ещё желающие?

Я осмотрелась вокруг, пытаюсь увидеть, что за пони вызвалась на эти кровавые состязания. Нарц поднял копыто. Блад шокировано смотрела на него.

Затем, не спеша, в знак товарищества, что, я думала, за пределами возможности порочной бывшей рейдерши, Блад встала рядом с жеребцом цвета мочи и подняла собственное копыто, опустив голову со вздохом.

— Да чтоб тебя, Нарцисс! — пробормотала она, — Как я тебя, блядь, ненавижу...

Голос Красного Глаза подсчитал:

— Это два!

Всё полетело к чёрту через час после выступления Красного Глаза.

Я уже возвращалась к Плугодрому, когда крик кобылы заставил меня пуститься бегом. Крик доносился из строения, потускневшая надпись на котором гласила: "Зеркальный Лабиринт и Дом Чудных Отражений!" Крик повторился и я бросилась внутрь.

Интерьер был довольно тёмным и пыльным, в воздухе кружили пылинки, пол был устлан битым стеклом. Не желая порезать копыта, я слегка левитировала себя, шагая. Я оказалась в лабиринте, как и было заявлено, но лишь немногие рамы сохранили больше, чем несколько зеркальных осколков, упёршихся в задник рам. Старые граффити наводили на мысль, что когда-то банда рейдеров использовала это место для "увеселений" в своём стиле.

— Нет! Отвалите от меня! — закричала кобыла, и я остановилась, как только узнала этот голос. Это была Блад.

Я услышала смех. И голос жеребца, хриплый и жестокий, который спрашивал:

— А теперь, почему бы нам не повеселиться этой ночью? Это будет правильно, учитывая то, что завтра в Яме ты помрёшь!

Я слышала мычание, похожее на голос Нарца. А потом звук удара чем-то деревянным о тело пони.

Я побежала вперёд, пока не поймала отражение сцены в оставшейся трети разбитого зеркала. Два пони-работовладельца прижали Блад к стене. Я могла видеть кровь, текущую из ран на её крупу, сделанных осколками зеркала позади неё. Один из работорговцев был единорогом, левитирующим рычажный дробовик перед лицом Блад и похотливо притеснявшим её. Жеребец рядом с ним наставил на неё обрез, практически идентичный самому первому увиденному мной огнестрельному оружию.

Ещё три работорговца свалили Нарца. Одна из них, кобыла, пыталась заставить его повиноваться, избивая прикладом своей винтовки.

Моё сердце вспыхнуло от гнева. Я почувствовала, что мои нервы воспламенились. Пони в моей голове пытался напомнить мне, что я не могла начать убивать работорговцев, что это что мой единственный шанс добраться до Красного Глаза требовал до конца оставаться незаметной, что мне всё ещё нужно проделать много работы...

...И что в любом случае я действительно не хотела спасти эту садистскую суку и её дружка-насилльника. Какого чёрта я буду рисковать своей жизнью, рисковать всем ради них?

И абсолютно ничего из этого не возымело значения, когда в ярком свете моего рога по всей комнате всплыли сотни смертоносных осколков зеркал.

Пони-работорговец с обрезом успел только один раз выстрелить, до того как комната превратилась в один большой кухонный комбайн. Он промазал.

Чрезвычайно кровавое убийство пяти работорговцев не прошло незамеченным. Для привлечения внимания хватило одного выстрела. И вот теперь я бежала по лабиринту, отчаянно пытаюсь найти путь наружу, а охранники в тяжёлой броне и боевых седлах гнались за мной.

Я покинула Блад и Нарца живыми и глубоко шокированными, коридор стал разукрашен кровью так, что рейдеры позавидовали бы. Я прихватила чьё-то рычажное ружьё и винтовку кобылы, остальных обыскивать времени не было. Патроны были только те, что остались в оружии. А согласно Л.У.М.у, их было немного: два в ружье, двенадцать в винтовке.

Красные метки на Л.У.М.е сообщили о ещё двух охранниках впереди меня. Они несомненно уже окружили здание. Осталась лишь надежда выбраться отсюда и сменить место действия, до того как в ход пойдут не только ближайшие силы работорговцев.

Всё-таки нужно было тогда выбрать СтелсБак.

Красные метки двигались и, пробираясь сквозь лабиринт, приближались. Я присела, затаившись с ружьём наготове. Лишь только голова первого охранника показалась в коридоре, я скользнула в З.П.С. и открыла огонь. Первая охранница тяжело рухнула, кровотока разорванным горлом. Сразу за ней была вторая. Ей в лицо ушёл последний выстрел ружья, центрированный на её левый глаз. Я бросила ружьё и помчалась вперёд.

Позади я слышала окрики и топот закованных в броню копыт по битому стеклу.

Впереди я встретила открытый дверной проём, в который пробивались сумерки из-за стоявшего в нём работорговца. Это была кобыла-единорог, и она левитировала перед собой щит, завершая установку пулемёта на входе. Бля!

Я нырнула в ответвление и попятилась в его тупик, взвешивая варианты. Работорговцы позади меня уже подбирались ближе.

Я неожиданно столкнулась с зеркалом позади меня, от прикосновения по телу прокатилась волна холода. Я обернулась, глядя в единственное уцелевшее зеркало в Доме Чудных Отражений, и застыла на месте.

Из зеркала на меня глядела я... но и не я. Литлпип, смотревшая из зеркала, была в латаной рейдерской броне. Множество ран от выстрелов, она уже умирала, её тело сдавалось, а она пристально смотрела из стремительно слабеющей боевой стойки, придавая мне своим взглядом решимости сделать следующий шаг.

Я в ужасе съёжилась, развернулась и выбежала оттуда.

И оказалась прямо на мушке пулемёта.

Я уже валялась бы кровавыми ошмётками, если бы моё внезапное появление не оказалось столь неожиданным для единорожицы. Секунды её промедления хватило мне, чтобы схватить и развернуть телекинезом пулемёт, открыв огонь. Щит явно мало что мог

противопоставить его великолепной огневой мощи.

Я на миг задержалась, безуспешно попытавшись снять пулемёт со станка и забрать с собой. Затем рванулась через дверь наружу.

С одного из шаров Пинки Пай выстрелил снайпер. Пуля прожужжала мимо, попав в бывшую тележку с попкорном. Я стала вилять, стараясь быть как можно более трудной мишенью. Мне нужно было безопасное место, желательнее где-нибудь повыше. Пора было звать Каламити. Весь план накрылся.

Над головой пролетела грифина, обстреляв меня из пистолета-пулемёта. Я сменила курс в надежде, что меня не загоняют в угол.

А так и было. Мой путь перекрыла кованая железная ограда, окружавшая парк аттракционов. Они завели меня в ловушку.

По крайней мере они хотели так сделать. Пробегая мимо опрокинутого кондитерского лотка ("Розовые пироги Пинки Пай!"), я подхватила магией дюжину жестянок от пирогов и расположила их перед собой. Я левитировала каждую жестянку выше предыдущей, получив в итоге ступеньки. Охватив себя полем левитации для устранения собственного веса, я взбежала по лестнице из жестянок и перепрыгнула через ограду.

Снайпер на шаре Пинки Пай снова выстрелил, продырявив последнюю жестянку, как только моё копыто её покинуло. Грифина развернулась и продолжила преследование. Но, хоть и ненадолго, я свела число противников к двум.

Я упала, перевернулась и активировала заклинания прицеливания, выпустив половину пуль из винтовки в бронированный живот грифины, пролетевшей надо мной. Броня Когтей оказалась весьма добротной. Грифина не погибла, даже крови не было, но удары пуль перебили её дыхание, отправив на жёсткую посадку.

Только я с перекатом вскочила на копыта, как ещё один выстрел снайпера угодил прямо туда, где только что была моя голова. Нужно было убираться от этой снайпер-пони! До Каламити она не дотягивала, но стреляла пугающе хорошо. А здесь вполне хватит и одного попадания.

Я побежала к ближайшему нетронутому зданию, выстреливая последние пули в двух пони, охранявших его. Я бросила винтовку, сменив её на пистолет одного из охранников, и вломила в главный вход отеля Альфа-Омега.

Отель, в котором когда-то проводился праздник Летнего Солнца, видал и лучшие времена. Аура разрушенной роскоши цеплялась за интерьер подобно его потускневшим и облезающим обоям. Застоявшийся воздух наполнился пылинками и духом тлена. Кое-где сквозь трещины в потолке просыпались струйки песка и пыли от рассыпавшейся штукатурки.

Отель стал домом для тех, кто понимал, что находился на прославленной скамье смертников.

Вдоль бара сидели пони и топили ночь в алкоголе, зная, что завтра большинство из них жестоко убьют в кровавом спектакле на потеху толпы. Толпы, полной собратьев-рабов, которые как-то могут смотреть в Яму и не видеть там самих себя. Которые могут смотреть... и даже радоваться.

Я ощутила тяжесть на сердце, когда поспешно проходила через небольшое скопление пони-рабов. Они если и глянули на меня, то лишь мельком. Им было всё равно. А почему должно было быть иначе? Очевидно, мы были просто неспособны проявлять внимание друг к другу.

Я смахнула влагу с глаз и поискала взглядом лестницу. Если я выберусь на крышу, то смогу позвать Каламити и убраться отсюда ко всем чертям.

Тяжело ступая по гнилому ковру, я прокладывала свой путь вверх по Альфа-Омега. Л.У.М. обнаруживал целую толпу дружественных меток, но ни одного пони (или грифины), кто был бы враждебен. Я прошла мимо картины, изображавшей изящную фигуру Селестии посреди похожего на большой бальный зал помещения, лицо её озаряла добрая улыбка, окружала её красочная толпа веселящихся пони. Праздник Летнего Солнца в полном разгаре.

Изображение посерело от возраста и пыли.

— О, Богини, это очень удручающее место, — пробормотала я, почти желая, чтобы охранники снова гнались за мной. Как будто только так адреналин защитит меня от покрова отчаяния, который начал душить меня.

И где же они?! У меня на хвосте должна быть вся армия Стерн. Что-то не похоже, чтобы снайпер не видел, где я скрылась.

Может, они решили, что я загнала себя в ловушку? Но даже если и так, я не могу поверить, что они просто сядут там внизу и дадут мне возможность здесь как следует обустроиться. Так почему же они не идут за мной?

Я достигла следующего лестничного пролёта и начала подниматься дальше.

Только я добралась вверх, как все дружественные цели на моем ЛУМе начали становятся красными. Я насчитала уже десятки противников. Слишком много — на локаторе они отображались уже одной большой слипшейся точкой, что делало невозможным определение позиций отдельных противников.

Я левитировала автоматический пистолет и присела как можно ниже, надеясь, что так я смогу прокрасться мимо большинства из них.

Дверь открылась, но не по вине моего копыта или рога, но от телекинетического удара единорога с той стороны. Я активировала заклинание прицеливания, надеясь подстрелить противника, до того как он меня заметит. И снова застыла.

Жеребёнок!

Малыш, который неумело левитировал однозарядный дробовик, даже не достиг ещё того возраста, чтобы получить кьютимарку.

За ним я видела ещё детей, маленьких кобылок и жеребят, все они выглядели упитанными, хорошо ухоженными... и чересчур хорошо вооружёнными. Сама комната ярко освещалась и, видно, не так давно была окрашена в позитивные цвета. Все серьёзные трещины были заделаны (подозреваю, что магией), воздух был значительно чище. В отличие от зданий, занимаемых рабами или работоторговцами, этот восстановленный этаж весьма неплохо отражал своё прежнее великолепие. Я поразилась ещё больше, когда заметила школьный класс через дверной проём напротив.

В моей голове прозвучал голос Красного Глаза:

...Молодые эквестрийцы всегда были и остаются для меня приоритетом номер один. Всё, что мы делаем, чем мы жертвуем, делается для них, чтобы они смогли жить в лучшем мире.

Сцена, развернувшаяся перед моими глазами, была одновременно прекрасной и ужасающей.

Маленькие поняши, оторванные от дома и их семей и переданные на попечение "любящих, проверенных кобыл и жеребцов." Их настоящие семьи умирали в городе внизу, порабождённые и содержащиеся под присмотром за Стеной. Хотя им уделяется внимание и наилучший из возможного уход... Вероятно, им живётся лучше всего в Эквестрийских Пустошах.

И их обучали. Образование. Идеологическая обработка. Конечно, они любили его. Они были бы готовы убить за него.

Красный Глаз строил школы. И он собирался получить возможность печатать свои учебники.

И этот сценарий должен был повториться везде

Нет, я не могу. Я отключила заклятие прицеливания.

Я не могла прокраситься мимо всех. И я не могла, просто не могла с ними сражаться.

— Эй! — жеребёнок крикнул вниз. — Она здесь, наверху!

Я развернулась, чтобы убежать, но сзади я увидела синего аликорна, тихо поднимавшегося по лестнице ко мне.

Эх, я бы сейчас смачно треснула бы себя по лицу, если бы было время на эмоции. На самом деле я задавалась вопросом, почему никто не пошел за мной. О Богини, как я могла забыть, что некоторые из этих монстров могут становиться невидимыми?!

Рог аликорна светился. Металлическое яблоко поплыло ко мне, я услышала отлетевшую чеку. Аликорн точно выживет, но даже если бы выжила я, поняшки за моей спиной погибнут. Если бы у меня было чуть больше времени, я бы остановилась, чтобы спросить, какого чёрта действия аликорна угрожают жизни детей, если молодые пони так сильно дороги Красному Глазу. Но времени на это не было. Инстинктивно я выбросила вспышку телекинетической энергии, пытаясь отбросить гранату прочь.

И поняла свою ошибку, когда окружающий мир стал ускользать от меня. Последним из этого мира я видела аликорна, который исчез за завесой иллюзии, окружившей шар памяти.

Они запомнили. Они научились. А я попала на собственный трюк.

<=====ooO Ooo=====>

Всё обрело практически невыносимую резкость. Краски стали более красочными. Контуры предметов практически пульсировали. Солнечный свет был солнечнее, чем я его когда-либо могла себе представить. Яркий, тёплый и сияющий сверх всякого чаяния. Я чувствовала запах куста, за которым стояла, цветов невдалеке, травы. Я чужала двух пони, за которыми наблюдала. Пот Эпплджек вызвал бы у меня зуд в недавно пораненных местах, если бы это было моё собственное тело.

Это было не оно, впрочем — факт, который я осознала с гипер-чувствительностью. Я ощущала слабое жжение на левом переднем копыте, как будто только что тронула горячую плиту. У меня чесалась спина, и едва заметно болели ноги, и было покалывание вдоль спины. На языке чувствовался знакомый и приятный вкус перечной мяты.

О нет...

С нарастающим ужасом я поняла, что мой пони-носитель был под действием минталок.

Ох, умоляю, нет! Я этого не вынесу!

Действие наркотика было не так сильно выражено. Я получала повышенную скорость восприятия и яркие ощущения, но не было заметно никаких других побочных эффектов. Тем не менее, это было слишком удобно, слишком заманчиво.

— Здорово, Флаттершай, — сказала Эпплджек, приветствуя свою подругу с улыбкой, когда жёлтая пегаска мягко приземлилась на траву, как будто боялась её потревожить.

— Привет, Эпплджек, — сказала она робко.

— Ну, так что привело тебя в наши края?

— Ну... — Робкая пегаска опустила глаза и скрестила ноги. — Я... эм... то есть...

Эпплджек закатила глаза.

— Ну же, девочка. Выкладывай уже. Что-нибудь случилось?

Пегаска глубоко вздохнула и произнесла скороговоркой:

— Не ищешь ли ты для себя близкую подругу? Потому что, если ищешь, то мы могли бы... эм... ну, знаешь...

Она замолчала, явно не представляя, чем хороше близкие подруги занимаются в уединении своих постелей.

Мой хозяин едва сдержал смехок, когда Эпплджек выпучила глаза. Затем она нахмурилась, обошла густо покрасневшую пегаску и побилась головой об дерево.

Закончив, она повернулась к Флаттершай.

— Ладно. Хватит. Что за мода пошла у моих друзей налетать на меня, притворяясь, будто меня тянет на кобылиц? Ты всё прекрасно знаешь. И ты сама прямая. — Она сделала шаг вперёд. Флаттершай пискнула и отступила назад. — Флаттершай, я тебя знаю. Так что будь со мной пряма.

Каламбур, вероятно, не был намеренным.

— Ну...

— Это Рэйнбоу Дэш втянула тебя в это? — спросила Эпплджек.

— О! — пискнула Флаттершай, но покачала головой. — Нет.

Эпплджек выглядела сомневающейся.

— Значит, ты говоришь, что выдумала это всё в одиночку?

Флаттершай покачала головой.

— Значит, Рэйнбоу Дэш тебя в это втянула!

— Нет, — тихо возразила она. Мой хозяин начал двигаться, тихо выползая из-за куста.

— Но... кто-то втянул? — сообразила Эпплджек. Её жёлтая подруга кивнула. — Кто?

Мой носитель подкрался к Эпплджек так быстро и скрытно, что даже я не заметила, как это произошло. И всё же меня ставило в тупик, как мы могли стоять так близко и ни одна из пони, казалось, не замечала нас. Были ли мы невидимы? Это, конечно, был бы не первый раз, когда я обнаруживала себя в магически сокрытом существе, которое шпионило за Кобылицами Министерств. Но я точно была в земном пони...

Эпплджек развернулась и оказалась нос к носу с моим хозяином. Испуганная, она так быстро отскочила, что упала на спину.

— Пинки Пай!

— Хайа! — почувствовала я, как произносит мой рот очень высоким, но приятным голосом. — Оой! Ты меня поймала!

— С какой напасти ты... — начала светлогривая пони, но осеклась. Затем она хлопнула копытом по лбу, так и лёжа на спине в совершенно униженной позе. — Ты! Это всё один из ваших с Рэйнбоу розыгрышей, да?

— Ага! — сказала я весело и начала подсакивать на месте. *Подсакивать!?*

Эпплджек встала на ноги и строго посмотрела на меня и мою хозяйку.

— Не против, если я спрошу зачем?

— Ну, ты была совсем грустно-пони с самых похорон...

— Конечно была! — вспыхнула Эпплджек. — Я похоронила брата!

— ...и ты работала очень, очень много, — продолжала Пинки Пай. — И ты никуда не ходила, и не бывала на вечеринках, и не виделась с друзьями. И даже не разговаривала с парнями целую вечность!...

Эпплджек фыркнула.

— Откуда тебе знать, когда я...
Она резко замолкла, понимая, насколько глупо звучал этот вопрос, учитывая то, кого она спрашивала. Флаттершай скользнула назад, почти что спрятавшись.

— ...и ты совсем заработалась и перенапряглась, и ты сожжёшь себя, если не будешь осторожна, и тебе очень, очень нужно с кем-нибудь переспать!

Эплджек повесила голову. Пинки Пай была... безнадежна, в лучшем случае.

— Это ведь не кончится, пока я не найду себе парня?

— Неа! — объявила Пинки Пай, подскочив на месте. Как, чёрт возьми, она умудрялась так подсакивать на всех ногах сразу? Я была внутри неё и всё ещё не могла этого уразуметь.

— Что ж, поможет ли мне, если я скажу, что есть один парень, на которого я положила глаз?

Пинки Пай прекратила подсакивать и уставилась в пустоту. Чесотка переместилась со щеки на подбородок. Она повернулась на Эплджек и сказала:

— Ага, это правда. Но чесучий подбородок значит, что ты ему ещё не сказала. Ты должна поговорить с ним!

Эплджек вздохнула.

— А если поговорю, это безобразие закончится?

Мир передо мной закачался, так как Пинки Пай энергично закивала.

Моя носительница начала неугомонно повторять "Давай!", прыгая кругами вокруг Эплджек.

— Ладно. — Эплджек выставила копыто и остановила Пинки Пай. — Но при одном условии!

— Каком?

— Вы поклянетесь... — Эплджек повернулась к Флаттершай. — ...Обе поклянетесь, что Рэйнбоу Дэш не услышит ни слова об этом!

— Но... — начала Пинки Пай, — если Рэйнбоу Дэш не узнает, то как же она поймёт, что пора заканчивать розыгрыш, глупая?

— От Рэйнбоу я это стерплю, — сказала Эплджек уверенно. — По крайней мере теперь, когда знаю, откуда это пошло. Но этот мой возможный парень... в общем, у него довольно забавное имя... и я думаю, что Рэйнбоу может не удержаться от того, чтобы всё не испортить.

Вау, это всё звучало как-то неубедительно. Эплджек, кажется, тоже это поняла.

— Слушайте, я скажу ей сама, когда буду готова. Не раньше. — Она взглянула на своих подруг. — А теперь клянитесь Клятвой Пинки Пай!

Клятвой Пинки Пай?

Моя хозяйка отреагировала незамедлительно. Я с трудом уследила за странными движениями (которые закончились тыканьем копытом в мой глаз!), сопровождавшимися небольшим стишком, который Пинки Пай и Флаттершай умудрились прочитать совершенно синхронно.

— Через сердце на луну кексик в глаз себе воткну!

Эплджек вздохнула с облегчением. Трое друзей начали идти, и моя хозяйка оказалась чуть позади.

— О... вот опять.

Эплджек и Флаттершай остановились и посмотрели назад.

— Что "опять"?

— Пекучее копыто значит, что Литлпип наблюдает за мной, — неожиданно выпалила Пинки Пай. — Или будет наблюдать. Я пока не уверена. — Она поскакала вслед за своими друзьями.

— Что ещё за Литлпип?

<-----ooO Ooo----->

— В крематорий? — предложила Стерн, глядя на меня. Я была связана и прикована к полу. И, как будто этого было недостаточно, два зеленощёрных аликорна недвижимо нависали рядом со мной, держа меня в ловушке своего магического щита.

Мало того, что я нарушила большую часть правил, за что Стерн уже должна была привести смертный приговор в исполнение, я ещё и делала это весьма агрессивно. И хотя я сильно провинилась, она нашла время, чтобы перечислить имена всех рабовладельцев, которых я убила, прежде чем меня поймали, что было неизбежно.

— Нет, — сказал Красный Глаз, вызвав вид шока и неудовольствия у грифины. Кибернетический жеребец приблизился и встал передо мной. — Сегодня я чувствую себя особенно щедрым.

Я засомневалась, что меня должно было заботить его понятие щедрости. Но, с другой стороны, ужасная история о пони, которую пожрали изнутри постоянно размножавшиеся параспрайты, оставили в моей душе неизгладимый след.

Обращаясь непосредственно ко мне, Красный Глаз спросил:

— Ты думаешь, я монстр?

Я ответила прямо:

— Да.

Он пожал плечами.

— Потому что, конечно, так оно и есть. А ты, Обитатель Стойла, вероятно, видишь это более чётко, нежели большинство. Потому что ты и я в многом похожи, не так ли?.

— Ни капельки, — прошипела я сквозь зубы.

Красный Глаз усмехнулся.

— Я слышал о твоих подвигах. Я думаю, мы очень похожи. Даже больше, чем тебе бы хотелось. Только до этих пор тебе было гораздо легче.

В ярости я сплюнула,

— Легко?! Ты думаешь, то, через что я тут прошла, было легко?!

Красный Глаз улыбнулся мне почти отеческой улыбкой.

— Тот факт, что ты всё ещё стоишь тут и смеешь осуждать меня, говорит сам за себя. Тебе было трудно, я уверен. Но ты никогда не была вынуждена отказаться от своих принципов ради высшего блага. Принести себя в жертву и стать монстром, потому что это было бы правильным.

Ах, как же я была несогласна.

— Ты не смогла сделать это, даже чтобы бы сбежать, — отметил он. — За что, кстати, я тебе очень благодарен. Если бы из-за тебя

хоть один волос упал бы с грив этих юных пони... — Он помолчал, потом сказал просто: — Спасибо.

Красный глаз повернулся к Стерн. В поле зрения оказался его плащ грубый прямоугольник из чёрной униформы охранников Стойла с жёлтым номером 101.

— Отведите её вниз и держите под охраной. Завтра она будет драться в Яме.

Выстроившись по номерам в темноте вместе с пятью другими пони, я потратила час на то, чтобы покопаться в записанных на ПипБак сообщениях мисс Перивинкль. Большинство из них были бесполезны, но одно было на самом деле интересным, от одной из Министерских Кобыл... и не той, от которой я ожидала.

"Дорогая Мисс Перивинкль," — начал голос. Мне показалось очень странным слышать аудиосообщение, записанное, будто это было письмо.

"Было очень приятно услышать известие от вас снова. Новые плакаты для библиотек абсолютно совершенны. Я надеюсь, что вам не будет в тягость произвести двести штук на следующей неделе?"

А также у меня есть один более... деликатный вопрос, который хотелось бы с вами обсудить.

Позвольте мне предварить это тем, что на протяжении десятилетий после того, как она научила меня её заклинанию поиска драгоценных камней, я и Рэрити далеко не регулярно встречались, чтобы обмениваться заклинаниями.

Я должна признать, и поверьте, я говорю это не для того, чтобы похвастаться, она давно не приносила мне ничего, чего бы я уже не изучила. То есть, до встречи три дня назад.

Я была очень взволнована, увидев, что она узнала чары, которые я никогда не видела прежде. У неё было зачарованное маленькое зеркальце. Если вы взглянете в него, то вы увидите лишь своё отражение, как и в любом обычном зеркале. Но если вы его коснётесь или сосредоточите на нём свою магию, то зеркало запечатлит... ну, как она выразилась, запечатлит изображение вашей души. Затем вторые чары позволяют зеркальцу показать это изображение. Как Рэрити сказала мне, зеркало может показать, как вы выглядите. Как внешне... так и внутри.

Должна признать... я была не готова к тому, что увидела. И я всё ещё не уверена в этом. Но это... личное. Так вот, я хотела бы спросить вас, могли бы вы мне дать какие-нибудь предположения о том, где Рэрити могла узнать подобные чары? Я знаю, Рэрити может откопать любое вышедшее из моды заклинание, если оно будет соответствовать её желаниям, но, если честно, я перерыла все свои книги, но не нашла ничего, что хотя бы отдалённо напоминает эти чары. Я знаю, вы последние несколько месяцев тесно с ней сотрудничали, так что я надеялась, что у вас найдётся идея.

Кроме того, это едва ли стоит упоминать, но от этого заклинания я почувствовала... холод. Чего в заклинаниях Рэрити никогда не было.

Как бы там ни было, это в основном моё безудержное любопытство. И я прошу вас, пожалуйста, не говорите об этом с ней. Но если у вас есть какие-либо идеи, я буду очень признательна, если вы ими со мной поделитесь.

Ваш друг,

Твайлайт Спаркл."

Я удалила сообщения с ПипБака, но вот это одно сохранила.

Я сидела в тихой темноте вместе с пятью другими отмеченными душами и ждала.

Шум снаружи оповестил меня о том, что места вокруг арены быстро заполнялись. Я слышала Стерн, её голос, усиленный громкоговорителями, приветствовал всех на кровавом шоу. Я слышала, как копыта колотили трибуны в аплодисментах.

Меня перекосило от отвращения. Да как они могли? Это было просто омерзительно.

Ранее пони-работорговец прижала какую-то тряпицу к моему боку, накрыв кьютимарку. Она полурыча щепнула мне, что её заветное желание — это чтобы мои страдания были глубокими, мучительными и очень медленными. Она знала одного из насильников-работорговцев, и я выжила здесь лишь потому, что Стерн смотрела. Но ей сойдёт с копыт покрытие нижней сторны тряпицы каким-то жгучим порошком, который сильно мешал мне сосредоточиться.

У меня был третий номер.

Блад и Нарц были номерами один и два соответственно. Они сидели ближе к воротам, глядя на арену — большую цементированную площадку с клеткой, внутри которой были подвешены несколько бочек. Были видны нажимные пластины, расставленные по всей площадке как мины. Никто из них не говорил со мной, игнорируя моё существование. Я не могла решить, чувствовать боль или облегчение.

— Раньше это был ледовый каток, — непринуждённо заговорил жеребец синего цвета с номером четыре на боку. — Видимо, владелец Фермы Развлечений любил кататься на коньках. Просто будь благодарна, что Красный Глаз удалил водный талисман и нашёл ему лучшее применение. Это и так достаточно жестокие бои, чтобы проводить их на льду.

Я попыталась представить это, но безуспешно. Толпы снаружи зашлись хором, требуя сражения. Топот их копыт сливался в единстве, которым сама Богиня могла бы гордиться. Часть меня хотела перекалечить их. А ведь это были те, кого я пыталась спасти.

— Эй, считай, тебе повезло, — пошутил синий пони. — Быть третьим номером не так уж и плохо. Тебе хоть кто-нибудь объяснил, в чём суть?

Я покачала головой. Рёв снаружи повышался в бурном темпе. Сначала послышался громкий гул, затем лязгающий звук, поскольку ворота начали подниматься невидимым никем внутри единорогом.

— Первый раунд! — прогремел голос Стерн.

— Из красных ворот: весь путь от Каменных Ферм, Киндерблок! Это его второй Турнир, и, как вы знаете, он уже кое-что умеет! И с Чёрных ворот: она жестокая, она гадкая, она рейдер с количеством жертв большим, чем шипов в её волосах... это Блад!

Блад встала, одно мгновение смотря подавленно на открытые ворота, затем подняла голову и побежала наружу, сделав храбрый вид, которому я ни на секунду не поверила.

— Видишь — сказал Четвертый. — Есть пара ворот. Мы у Чёрных. У каждого ворот есть шесть бойцов, пронумерованных в случайном порядке. Если выживешь в первом раунде, тебя выставят против соперника из Красных ворот. Турнир длится до тех пор, пока все соперники не будут мертвы. Выжившие будут сражаться в следующем Турнире.

Я смотрела на Блад и вздрагивала.

— Значит, обычно хреново быть номером один. — Я не верила, что сочувствовала мерзкой рейдерше.

— Ну, это палка о двух концах, — сказал Четвертый. Я посмотрела на него с недоумением. — В смысле, верно, что чем выше твой

номер, тем выше твои шансы не участвовать в сражении. И любой, кто переживёт все 6 Турниров, получит свободу. Не важно, сражался он или нет.

У меня возникло ощущение, что Четвёртый прошёл через как минимум один Турнир таким образом.

— Тебе даже застолбят местечко в армии Красного глаза! — добавил он с энтузиазмом.

Я было хотела указать ему на местечко, подготовленное ему Красным глазом, но решила держать рот на замке.

Внезапный рёв толпы вернул моё внимание обратно на арену. Блад лежала в луже её собственной крови. Киндерблок, спортивного вида серый жеребец, поднял своё копыто в победном жесте. Битва длилась секунды.

Моё сердце упало.

— В чём же выгода быть первым? — тупо спросила я.

Четвёртый наклонился ближе, видимо, не понимая сути личного пространства.

— Так вот, видишь вон те бочки? а пластины? — Я кивнула на оба его вопроса. — Ступишь на пластину и бочка упадет. А бочки напичканы всякой дрянью. Обычно это радиоактивная жижа, но иногда в них бывает кое-что и похуже. Я слышал, что была бочка, заполненная порчей.

Меня передёрнуло, когда я посмотрела на клетку с бочками, сооружённую над ареной. Несколько грифонов парили в небе, следя за шоу через бинокли или оптические прицелы винтовок. Моё внимание привлекла встроенная в клетку дверца, которая была закрыта на простенький замок.

— Раунд второй! — прокричала Стерн.

— Из Чёрных врат к нам пожаловал Нарцисс! — толпа взорвалась ржанием и хихиканьем, когда Нарц вышел на арену. Он взглянул на кровавый труп своей подружки, а затем заблокировал жёсткий взгляд на Киндерблоке, взгляд, который я практически почувствовала, находясь за ним.

Нарцисс кинулся на светло-серого пони. Киндерблок побежал... но не к нему, а к одной из пластинок. Бочка сверху не свалилась. Скорее, когда серый пони пробежал по пластинке, нижняя сторона бочки распахнулась, и из неё обрушилось на землю с десятков мин, которые, отпрыгивая, разлетелись во всех направлениях. Нарц изменил направление с ловкостью, которую я от него не ожидала.

Мины были взведены на быструю детонацию, только один бип перед взрывом в вспышке дыма и осколков. Киндерблок был почти достаточно быстр, но его задние ноги всё же задело и изодрало взрывом. Он всё ещё изо всех сил пытался встать на ноги, когда кровотокающий Нарц дошёл до него.

Я знала, сколь болезненен удар его копыт. Но, видя это, я подозревала, что Нарц ещё сдерживался, когда ебанул по мне. Даже с его последним ударом ниже пояса.

Толпа забила копытами и закричала ещё больше, когда Нарц избивал другого жеребца, переломав ему ноги, затем остальные его кости, прежде чем тот умер.

Я почувствовала желчь во рту.

— Мины, — размышлял вслух Четвёртый номер. — Ну, это что-то новое. — Я одарила его мрачным взглядом. — Эй, как я уже говорил, в этих бочках внутри всякая дрянь. Но одновременно с этим в них всегда есть какая-нибудь пушка или две. Так что, если ты первая, то сможешь успеть выбрать что-нибудь подходящее из бонусов. А если ты выступаешь последней, ну тогда ... придётся сражаться с вооружённым противником на арене, заполненной каким-нибудь дерьмом и Богиня знает чем ещё, и всё, что у тебя есть — это твои копыта. Хреново сражаться последним.

— Раунд три! — объявила Стерн, когда наконец Нарц закончил месить копытами тело Киндерблока и начал избивание уже мертвого пони.

— У Чёрных ворот у нас по-прежнему Нарцисс, очень неплохо показавший себя в своём первом бою. Я не думаю, что кто-то из вас, пони, будет ржать над его именем теперь, не так ли?

Толпа зааплодировала владельцу еле видной за брызгами крови Киндерблока кютимарки-цветка, частично видимой за нарисованным на его боку вторым номером.

— А теперь та, ради которой вы все здесь собрались!

Толпа смолкла в радостном предвкушении.

— Внимание на красные ворота! Она демон во плоти, она экзотична, и она не проиграла ни одного боя! Приветствуем победителя четырех Турниров подряд! Ксенит!

Первой мыслью, пришедшей мне на ум при слове "экзотичная", был образ кобылы-пегаса. Возможность столкнуться на этой арене с летающим противником пугала. И, если она была действительно так хороша, как её расписали, то я очень скоро окажусь перед ней: сразу же, как она прикончит Нарца.

Красные ворота открылись и Ксенит вышла на арену под гром и стук абсолютно подавляющего большинства аплодисментов. Судя по её выражению лица, ей это внимание ни капельки не льстило. Взгляд, которым она окинула Нарцисса, отчетливо показывал то, что ему придется умереть. Она была уверена в этом, и это не приносило ей никакого удовольствия. Вообще.

Из-за отсутствия крыльев она не была пегасом. Из-за её полос она не была даже пони.

Она зебра!

Заметка: Новый уровень.

Новая способность: Спокойная под обстрелом — Вы восстанавливаете очки действия быстрее. Насколько? Ну, вы уже догадались: на 20% быстрее!

<<< ^^^ >>>

Глава 26. Ксенит

«Судьба Эквестрии не зависит от наличия у меня друзей.»

<<< ^^ >>>

Зебры.

Враги Эквестрии. Существа, которые убивали нас миллионами и уничтожали наши земли отравленными облаками и жар-бомбами.

Существа, которые постоянно изображаются как демонические, кошмарные, практически без души. Существа, суть которых, по пропаганде Министерства Стиля, воплощение противоположностей добродетелей пони.

"Да..." — думала я, выходящая на огороженную арену, где пони жестоко убивали друг друга для развлечения рабов. — "...потому что мы, пони, настолько благородны."

Было ли справедливо приписывать Ксенит все ошибки членов её расы за прошедшие века? Не в большей степени, чем винить меня за то, что пони, должно быть, сделали с ними.

У меня были свои собственные грехи, чтобы нести за них вину.

Итак, предполагая, что брыкания рейдера по имени Нарцисс не убьют её, я ожидала, что мне придётся бороться с этой зеброй. И либо убить её, либо умереть от её копыт. Скорее всего последнее. Я была лишена всего, что я могла бы использовать в качестве оружия. Даже отвёртку, за которую я боролась так тяжело и которую, по моим ощущениям, я заработала, отобрали. У меня был мой рог, мои копыта, моё единственное заклинание и З.П.С. Мои навыки драки были, прямо скажем, жалкими. Было бы чудом, если бы я выжила.

Мне удавались чудеса раньше. Намерение Красного Глаза было таково: либо я умру, либо я буду вынуждена убивать других рабов, компрометируя те частички себя, что держала в неприкосновенности, дабы прожить достаточно долго, чтобы убить Красного Глаза.

В любом случае он бы победил. Хотя в последнем, если мне бы всё же удалось убить его, была бы в лучшем случае пиррова победа.

Я думала про изображение в зеркале. Литлпип умирает как рейдер, пропитанная кровью. Это была не моя душа, я была в этом уверена! Но... Я знала, что я могла бы стать такой. Я уже просто купалась в крови моих врагов.

Я поняла, что как и Монтерею Джеку мне приходится выбирать между жертвованием всем тем, что позволяло мне жить с самой собой, и просто смертью.

Мне требовался другой вариант.

* * *

Тепло Солнца пробилось вниз через чёрные тучи, прожаривая красноватый пейзаж Филлидельфии. Нарцисс твердо стоял, тяжело фыркая, искалеченный труп Киндерблока сочился кровью, которая впитывалась в землю вокруг копыт сразившего его.

Тело Блад, рейдера-спутника Нарца, лежало неподалеку в собственной сохнувшей и запекавшейся крови.

Нарц посмотрел на неё, и я видела боль на его лице. Я поняла, что она просто будет лежать, пропекаясь на жаре, пока все бои не будут закончены. Мне хотелось кричать. Ему даже не дали времени, чтобы оплакать. Следующий бой уже начался.

Нарц повернулся, зафиксировав свой взор на зебре по имени Ксенит. Крайне редкое зрелище в Эквестрийской Пустоши. Возможно, даже более редкое, чем пегас.

— Ксенит была в рабских ямах в течение многих лет, — прокомментировал синешёрстный пони, назначенный вступить в бой после меня. — Мы работали рядом друг с другом в алхимической хижине к северу отсюда около трёх месяцев, в основном перерабатывая огнемётное топливо. За всё это время она не сказала ни слова. Я слышал, это из-за того, что захватившие её работоторговцы вырезали ей язык, после того как она сказала что-то обидное для них.

Номер четыре сделал паузу.

— Она была зеброй, и вообще, это, вероятно, было чем-то совершенно вопиющим. Вроде "Привет".

Я смотрела, как зебра шагнула вперёд, двигаясь к Нарцу и опустив голову, что я восприняла как знак уважения к её смертельному противнику.

Нарц видел это не таким образом. Он видел возможность, и он использовал её. Повернувшись, он жестоко лягнул её прямо в шею. Зебра упала с ног.

Нарц повернулся, встал на дыбы, поднимая оба копыта над упавшей зеброй. Ксенит перевернулась на спину и яростно ударила задними копытами прямо в выставленный желудок вставшего на дыбы земного пони. Нарц упал, схватившись за живот, кашляя и плюясь кровью.

Зебра перевернулась на копыта.

Нарц хмыкнул и отпрянул назад, но зебра присела и повернулась на одном переднем копыте, её вытянутые задние ноги выбили ноги Нарца из-под него. Он опять упал.

Я смотрела, а моя челюсть упала почти до земли. Я наблюдала за текучими движениями зебры. Она не дралась — это было больше похоже на вид боевого искусства. Я никогда не видела ничего подобного.

— Хе. Похоже на Стиль Падшего Цезаря... не то, чтобы я был экспертом, — отметил Номер Четыре со слабым трепетом. Увидев мой непонимающий взгляд, он вскинул брови. — Не говори мне, что ты пошла на Арену, не прочитав хотя бы несколько книг о боевых искусствах зебр? Как же ты считаешь победить?

— Н-нет, — пробормотала я, запинаясь. Из всех книг, с которыми я сталкивалась на своём пути по Пустоши, мне как-то удалось пропустить именно эту. — К-конечно, нет! — Я вернулась к бою.

Нарц вновь встал на копыта и кружил вокруг зебры. Зебра наблюдала за ним, ожидая его атаки с почти жутким спокойствием. Он сделал выпад, и она бросилась вниз, всаживая копыта в его грудь и используя его собственную инерцию, чтобы перебросить его над ней. Нарц попал в грязь и растянулся.

Она была гораздо лучшим бойцом. Это было нечестно.

Но Нарц был сильнее. И он боролся грязнее.

Ксенит осторожно побежала ближе. Я подозревала, что она ищет способ закончить бой, пока жеребец цвета мочи ещё лежит лицом вниз в грязи. Нарц дрожал, как будто в изнеможении, и он стонал, когда его попытки поднять себя заканчивались тем, что его ноги выходили из-под него.

Его слабость была уловкой. В тот момент, когда Ксенит подошла достаточно близко, Нарц завертелся по земле и пустил ей в глаза облако грязи и песка. Она заржала и отступила, будучи ослеплённой. Её тело ушло в оборонительную позицию, готовое к немедленной атаке.

Но Нарц видел то, чего она, видимо, не видела. И вместо возвращения к бою он бросился вперёд. Я услышала "БИП" от неразорвавшейся мины, когда он проскакал по ней, задними копытами пиная взрывчатку назад, к зебре.

Ксенит тоже это услышала. Она бросилась прочь так быстро, как могла, мина взорвалась в воздухе почти за две длины пони от зебры. Недостаточно, чтобы убить или даже покалечить, но достаточно, чтобы взрывная волна ударила её, отправив кувыркаться.

Я чувствовала, что задыхаюсь.

— О, она может справиться с намного большим, чем это, — прокомментировал Номер Четыре. — Работорговцы в хижинах регулярно её избивали. Им, похоже, доставляло огромное удовольствие срывать на ней по любому поводу. Что сильно облегчало участь всех остальных.

Я рассердилась, морщась и из-за мысленных образов, вызываемых в воображении его словами, и из-за рези в моём боку. Порошок, который засыпал работорговец напротив моей кюотимарки, своими противными зубами вгрызлся в мою плоть.

— Чёрт, я помню, как однажды раб-единорог сделала что-то не так на переработке и подожгла себя. Работорговцы пристрелили её, чтобы та не бегала, поджигая всё вокруг. Затем, когда огонь угас, они просто для удовольствия отрубили голову единорога и изнасиловали ею зебру. — У Номера Четыре, по крайней мере, хватило приличия немного съезжиться. Я смотрела в полном ужасе. — Подумай, это было прямо перед тем, как она вызвалась добровольцем в Яму.

Ксенит стала подниматься. Нарц использовал момент передышки, чтобы не нападать, а перебежать на другую плиту. Защёлка на бочке сверху освободилась и дно открылось, выпуская галлоны светящегося зелёного раствора. ("Да, сейчас это содержится в большинстве из них," — прокомментировал Номер Четыре.) В эту гадость упало что-то большое, ударившись о землю с мокрым стуком. Все брызги, кроме нескольких капель, пролетели мимо Нарца, но и те заставили его кричать. Он танцевал, стряхивая светящееся дерьмо, а затем повернулся, чтобы увидеть приз.

Авто-топор лежал в разлившейся, люминесцентной зелёной луже, мокро блестя. Нарц скривился. Только что почувствовав несколько капель на боках, он, казалось, не был склонен брать в рот что-то, искупавшееся в этой гадости.

Ксенит вновь осторожно двинулась вперёд. Она почерпнула достаточно из его тактики, чтобы знать, что она не желает разбираться с Нарциссом где-нибудь рядом со светящейся лужей. Они начали кружить около разлива друг напротив друга, каждый сохраняя дистанцию от раствора, Ксенит даже больше, чем Нарц.

Пони на трибунах начали топтать в унисон.

— Сражайтесь! Сражайтесь! Сражайтесь!

Нарц сделал ход. Кружась, он смог добраться до трупа Киндерблока, а Ксенит была на другой стороне бассейна. Развернувшись над останками Киндерблока, он поднял свои задние копыта...

УДАР! Труп Киндерблока полетел за его спину.

Плюх! Волна зелёной грязи хлынула на Ксенит. Зебра откатилась в сторону в манёвре, который я даже не считала возможным.

Она бросилась на Нарца.

Большой жеребец увидел, что она приближается, и присел, держась за землю. Он метнул в неё оба задних копыта в мощном ударе моментально, как только она оказалась в пределах досягаемости копыта.

Но Ксенит прыгнула. Она прыгнула прямо на Нарцисса, ударив его в затылок летящим копытом. Она приземлилась на копыта в изящном перевороте, который закончила лицом к противнику.

Нарц, казалось, был заморожен на месте. Он смотрел, не двигаясь.

— Парализующее копыто! — объявил Номер Четыре. — Это *определённо* Стиль Падшего Цезаря.

Она может парализовать пони ударом копыта!? Как, чёрт возьми, я должна сражаться против этого?

Нарц опрокинулся. Ксенит рысью подошла к упавшему пони, её печальный взгляд был устремлён в его широкие, полные страха глаза. Толпа начала скандировать и топтать копытами.

— Убей! Убей! Убей!

Раздался странно усиленный голос Стерн:

— Прикончи это!

Зебра положила одно копыто на шею Нарцу. Она опустила голову, её морда на секунду задержалась рядом с его ухом, прежде чем она впилась зубами в его гриву. Она дёрнула голову назад с жёстким рывком. Я услышала треск шеи Нарца.

Зубы Ксенит отпустили гриву мёртвого пони. Она побежала по направлению к центру арены в ожидании своего следующего соперника. Меня.

От полуденной жары под толстым, душным покровом облаков Филлидельфии становилось нечем дышать. Мои треснувшие рёбра болели. Мой бок жгло так сильно, что мне пришлось вытирать слёзы с моих глаз.

Ксенит стояла, глядя на меня своими печальными глазами, пока я брела на арену.

Теперь, когда я была внутри, а не смотрела через ворота, я могла видеть больше Арены. Но в основном это было то же самое. Существовал третий вход — двойные двери, за которыми я представила ожидающих работорговцев-охранников, готовых вбежать в бывший каток при первых признаках реальной проблемы. Я могла видеть Стерн, стоящую на поднятой и забаррикадированной платформе выше и позади трибун. Она была одета в необычный довоенный шлем, который, как я подозревала, усиливал её голос. Она также несла свою антимерх-винтовку, перекинув её на спину поверх брони Когтя.

И я видела толпу пони, глядящих на арену с радостным ожиданием. Я заметила, что некоторые перекусывали. Я почувствовала вспышку гнева. В конце концов, пони не хотели видеть меня зверски убитой на пустой желудок.

— *Я пытаюсь спасти всех вас ПОЧЕМУ?* — я кричала на них. На мгновение я смогла понять, как Красный Глаз считал морально оправданным заставить этих пони так страдать, чтобы построить лучший мир. Я не согласилась, но я могла понять его.

Видишь, маленькая пони? — сказал Мистер Топаз. — *Посмотри, что вы, пони, делаете друг с другом наверху. Посмотри, что вы делали друг с другом здесь. Что заставляет тебя думать, что ваш жалкий испорченный вид заслуживает чего-то большего, чем быть едой для дракона?*

Я попыталась вспомнить, что я ответила.

Ксенит подошла ближе ко мне. Я видела, что на её теле имелось много шрамов под полосатой шерстью. Её кюотимаркой (или что там у зебр на боках вместо них) было волнистое нагромождение линий, больше похожее на иероглиф, чем на правильную кюотимарку. Об её правый бок кто-то, похоже, гасил сигары.

Она опустила голову, когда приблизилась ко мне. В том положении, которое я приняла как проявление уважения.

Затем, очень тихо, так, что только я услышала, Ксенит прошептала:

— Я сожалею.

Я застыла, ошеломлённая. Зебра, которая не говорила, даже когда рабовладельцы насильовали её рогом мертвого пони, заговорила ради меня. Действительно, знак уважения.

Конечно, я поняла, она играла в молчанку потому, что любые другие действия привели бы её к настоящей потере языка. Она смогла заговорить потому, что я была на волосок от смерти.

Также её слова сильно притупили мою бдительность. Я поняла это секундой позже, чем нужно.

Ксенит поразила меня своими передними копытами, загоняя их в мой раненый бок. Я слышала и чувствовала, как моё треснутое ребро сломалось и прокололо одно из моих лёгких. Я рухнула, скользя назад от силы удара. Мир поплыл, пока я боролась за воздух.

Похоже, она знала, куда ударить, чтобы нанести наибольшее число травм. (В отличие от Нарца, который только знал, как вызвать максимум боли.)

Я посмотрела в небо, красный туман растекался по краям моего поля зрения. Я видела грифонов, летающих выше, их когти, держащие винтовки. Я слышала стук более двух сотен копыт — это пони на трибунах призывали мою смерть.

На меня упала тень. Я повернулась, чтобы увидеть вставшую на дыбы Ксенит, её копыта, возвышающиеся над моим лицом для быстрого последнего удара.

Я задыхалась, мой рог вспыхнул, и я оттолкнулась от земли. Мой покров левитации обернулся вокруг меня, делая меня почти невесомой, и я вскочила с земли, как воздушный шар от удара. Копыта зебры врезались в грязь, которая всё ещё несла на себе отпечаток моей головы.

— Подожди! — Я снова задыхалась, чувствуя напряжение от самолевитации, пока я пыталась восстановить дыхание. — Мы... Мы не должны делать это...

Зебра смотрела на меня с выражением покорности и жалости.

— ...Пожалуйста, не делай того, что они хотят, чтобы ты делала! — Я медленно опускалась на землю. Ксенит наблюдала, ожидая, пока я вернусь в пределы досягаемости. — Присоединяйся ко мне. Мы можем бежать вместе.

Ксенит фыркнула, подарив мне взгляд, который заставил меня задаться вопросом, сколько пони делали это предложение раньше. Но никого, я подозревала, кто мог бы действительно добиться успеха.

— СРАЖАЙТЕСЬ! СРАЖАЙТЕСЬ! СРАЖАЙТЕСЬ! — закричала толпа.

— У меня есть план... — предложила я, стараясь казаться более уверенной, чем была. Мой успех с планами в последние несколько дней меня не вдохновлял. Весь этот план был удивительно непродуманным.

По правде говоря, я была самонадеянной — так гордилась своей способностью импровизировать, так поверила в себя после прошлых побед, что я на самом деле думала, что смогу пройти во вражеский лагерь ни с чем, кроме ума... и победить. Я позволила Старейшине убедить меня, что это единственный путь, потому что это позволяло мне удобно защитить моих друзей. Вместо этого я стала рабом, и теперь я отчаянно пыталась парить вне досягаемости разрушительных ударов копыт зебры.

Это было время, чтобы отсупить, перегруппироваться и, надеюсь, придумать не настолько умопомрачительно глупую стратегию.

Ксенит прыгнула, передние копыта поразили меня в грудь. Моё тело взорвалось болью! Я закричала, моё заклинание сорвалось, и я упала на землю с глухим стуком.

Зебра приземлилась на расстоянии длины пони от меня.

Ужасно задыхаясь, я посмотрела, как она сделала шаг назад, выставляя задние копыта на дистанцию удара.

Мой рог засветился снова. В отчаянии я обернула телекинетическое поле вокруг её горла и начала сжимать.

Как только я начала душить её, Ксенит лягнула мои неломанные ребра. Но моё удушье сбило её прицел вполне достаточно, и я научилась уворачиваться.

Зебра покачнулась, когда я усилила мой телекинетический захват. У телекинеза было не так много физической силы, но у меня было достаточно, чтобы раздавить её горло. Я не хотела убивать кобылу-зебру, но я должна была вывести её из боя.

Ксенит зашаталась, её глаза выпучились, ноздри расширились. На мгновение она дала мне тот же полный ужаса взгляд, что Нарц даровал ей. Затем она приняла покорный вид и прекратила борьбу, глядя на меня взглядом, который сказал мне, что она приняла мою победу.

Потом она потеряла сознание. Я отпустила её, позволяя ей упасть, как мешок с яблоками.

— Какая жалость! — прогремел голос Стерн.

Повсюду вокруг меня воздух разразился громopodobными аплодисментами.

— *Убей! Убей! Убей!*

Я старалась не упасть, мучительно ловя дыхание, и посмотрела на толпу. Я ненавидела их. Каждого из них.

Я побежала к упавшей фигуре Ксенит. Она медленно дышала.

Я посмотрела на бочки. Мой рог вспыхнул снова, заключив одну из них в магическое поле. Но бочка была надёжно прикреплена к потолку клетки, и мой телекинез не был достаточно сильным, чтобы свободно разорвать крепление.

Стерн, казалось, сообразила, что я что-то замышляю, потому что она сняла свою бронебойную винтовку.

— Убей это! — потребовала грифина. Не могла ли Стерн по крайней мере называть Ксенит "она"?

Мой разум осветило воспоминание, как открываются бочки. Мне не нужно тянуть их вниз, достаточно просто открыть защёлки. Защёлки были простыми.

Мой рог ярко светился.

Стерн направила свою винтовку на меня и уставилась через прицел.

— Прикончи это сейчас же!

Защёлки на бочках открылись. Все сразу.

Мой ПипБак яростно защёлкал. Четвёртый оказался прав, большая часть из них содержала светящуюся зелёную гадость. И оружие. Бочки выплеснули содержимое, дождём выбрасывая орудия смерти. Магическое энергокопье, меч, бензопила (бензопила?!) и даже несколько пушек. Я оставила их там, где их выбросило из бочек. Мне нужна была только жижа.

Светящаяся гадость была очень мутной. Я разметала её по внутренней части клетки, создавая светящуюся зелёную завесу. Тонкая, как фотоплёнка, её оказалось достаточно, чтобы скрыть меня. Мне не очень то хотелось стать мишенью для грифонов и надзирателей. Закончив с завесой, я перебежала на новое место. Как я и предполагала, Стерн выстрелила по тому месту, где я стояла мгновением раньше.

Я почувствовала слёзы на глазах. Боль в груди жгла, моё дыхание становилось всё менее ровным, когда я пыталась сфокусироваться на таком большом количестве мест за раз. Каждый вздох немного удушал меня.

Я обернула себя ещё одной телекинетической оболочкой, обнуляя свой вес, а потом расширила её, чтобы обернуть также и вокруг зебры. Я не думала брать её с собой, но у меня и в мыслях не было оставлять её позади.

Перед глазами все плыло. Я принуждала себя к поддержанию сосредоточенности. Мой рог зажёгся ярче, слой свержсияния охватил его. Мне пришло в голову, что остроглазая грифина могла определить моё местоположение по моему пылающему рогу через эту занавесу мерзости.

Но мне нужно было поддерживать должную сосредоточенность и найти достаточно энергии для ещё одной уловки. А ещё мне нужно было больше времени.

Телекинезом я подняла энерго-магическое копьё и заблокировала им двойные двери, за секунду до того как работорговцы начали ломиться.

Завеса ослабла, в ней начали появляться дыры. Одна из прорех была практически надо мной, предоставив моему взору дверь на вершине клетки, которую я заметила немногим ранее. Я оттолкнулась, запустив себя вверх. Мой взгляд был прикован к замку. У меня не было заколок, а отвертку у меня украли.

Но они мне и не требовались.

Управление множеством объектов вне поля зрения было хитрым, но мне уже удавалось выдёргивать чеки от гранат, скрытых в мешке. Плюс, я знала замки. Я знала расположение в них штифтов и их внутренние механизмы. Я должна была открыть замок с помощью одной лишь моей магии.

Протягиваясь с помощью моей магии, я окутала замок мягким светом. Мой рог охватил второй слой сияния, поверх первого. Поток света лился от моей головы.

Я почувствовала пулю, промчавшуюся мимо меня. Ниже, удары по двойным дверям, заставляли магическое энергокопьё сгибаться.

Я всё ещё летела вверх, неся бессознательную зебру. Мы приближались к клетке, но подъём неумолимо замедлялся. Один из грифонов пальнул в меня сверху, но его выстрел срикошетил от прутьев клетки, выбив искры.

Я неоднократно повторяла себе "Я могу сделать это!"

Второй выстрел вспыхнул непосредственно от ворот, в дюймах от замка.

Кого я дурачу? Я едва могу дышать! Моё волшебство колебалось, циркулирующий занавес уменьшался и дрожал.

Нет! "Я могу сделать это!"

Я задвинула штифты на место. Замок щёлкнул и открылся. Моё зрение снова заплыло. Я почти исчерпала себя.

Энергомагическое копьё разломилось пополам. Двери распахнулись, и на арену вывалились работорговцы.

Я лихорадочно отбросила замок и открыла дверь. Через миг мы пролетели через дверцу, и я помчалась так быстро, как позволяло моё потрёпанное лёгкое. Я выпустила из магических объятий всё, кроме себя и Ксенит. Моё тело взвыло от боли и напряжения.

Зазвучали выстрелы, пули били по клетке с обеих сторон в опасной близости от меня. И вновь я пустилась зигзагом, усложняя жизнь стрелков. Я приближалась к краю клетки.

Ледовая арена располагалась на краю Филлидельфийской Фермы Развлечений. С достаточным везением я могла бы перепрыгнуть через ограждение, которое стало бы преградой для преследователей... По крайней мере для наземных.

Конец клетки приближался быстрее, чем мне хотелось. Я прыгнула, крича от боли в груди. Двое взлетели над парком развлечений. Моё сердце упало, когда я поняла, что бежала не в ту сторону, и мой прыжок возвращал меня на Ферму Развлечений, а не отдалял от неё.

Что-то резко пнуло мою правую переднюю ногу с металлическим скрежетом! Грохот антимех-винтовки Стерн прозвучал сразу после того, как мою ногу мучительно обожгло. Пуля промазала, лишь едва зацепив мой ПипБак, но ударило так сильно, что мне показалось, будто ногу раздробило!

Моё магическое поле лопнуло, я рухнула на множество путей американских горок в нескольких этажах над парком развлечений, располагавшемся ниже.

Я застонала, чувствуя ритмичные толчки возвращающегося ко мне мира. Но моё тело ощущало это скорее как верчение в стиральной машинке, нежели как то, как развлекаются молодые кобылки наедине. Мир казался безумно накренившимся. Я могла дышать только мелкими вдохами-выдохами. Яркая боль жгла мою правую переднюю ногу. Я слышала стрельбу.

Память нахлынула обратно, и я резко открыла глаза. Я огляделась, почти сваливаясь со спины зебры, которая несла меня на крутой склон американских горок Филлидельфийской Фермы Развлечений.

Я была без сознания несколько минут. Достаточно долго, чтобы зебра очнулась и, схватив меня, помчалась дальше. После того, как она очнулась в треках в нескольких этажах над землёй, у неё было не много вариантов дальнейших действий. на самом деле всего два. И я почувствовала благодарность к Ксенит, что она всё же выбрала вернуть должок и взять меня с собой.

Сперва я заволновалась из-за ПипБака. Я подняла переднюю ногу, но удалось поднять её лишь на пару дюймов, перед тем как я мучительно вскрикнула. Жгучая боль разрывала мою ногу.

Мой ПипБак принял непрямо попадание; Он был не так сильно повреждён, однако пуля прошла через периферийное устройство. Передатчику был конец. Как и моему плану побега.

Я посмотрела на Л.У.М. Пипбак мерцал от множества предупреждений. Я получила большую дозу радиации, чем моему ПипБаку нравилось, моя грудь и правая передняя нога получили калечащие повреждения. Имелась в этой ноге трещина в кости, а также мучительное растяжение.

Посмотрев вниз, я увидела работорговцев, стреляющих в нас с земли. Исходя из опыта, эти кобылы и жеребцы не попали бы в нас даже с близкого расстояния. Если они и попадут в нас на этом расстоянии под прикрытием дорожки, то это явно будет только чёртовое везение.

Позади нас ещё больше прорывались на дорожку, но они были далеко позади. Наибольшей угрозой были грифоны. Я осмотрелась, но не заметила ни одного. А это означало только одно.

Ксенит достигла вершины дорожки и встала. Набор из трёх красочно окрашенных вагончиков в форме пони стоял на верхней точке подъёма американских горок, ржавая тут уже две сотни лет. Не было места, чтобы обойти вагонетки, что не оставило зебре никакого другого выбора, кроме как пробраться через них.

Она осторожно поставила копыто на оранжевый задний вагончик и надавила на него своим весом. Вагончик издал металлический стон. Она обернулась и посмотрела на меня с гримасой, по которой я обо всём догадалась.

Я сфокусировалась, оборачивая нас в левитационное поле, чтобы уменьшить наш вес. На моей голове выступил пот. В лёгких будто появились горячие угли, дышать я могла только одним из них. Усилие высосало все оставшиеся во мне силы. Моё магическое поле

получило, когда я снова почти вырубилась.

Нет, чёрт возьми! Какого это должно происходить прямо сейчас?! Моя магия однажды уже была перегружена, и потребовались дни (и магическая статуэтка), чтобы я могла левитировать что-либо снова. По ощущению, это было то же самое, что и тогда. Может быть, не истинное выгорание, но сильное снижение мощности из-за того, что я в таком ослабленном состоянии так сильно перенапряглась. И не избежать мне истинного выгорания после этого.

Я выровняла дыхание и сфокусировалась снова. Мой рог мягко засветился. Левитационное поле медленно обернуло нас. Я дышала быстро, почти захлёбываясь кислородом, но поле удерживалось.

— Забирайся, — выдала я, задыхаясь. — Сейчас.

Зебра осторожно взобралась на вагонетку, потом осторожно наступила на выступ первого ряда сидений. Старая машина немного качнулась, застонав снова. Шаг за шагом она начала идти через трио вагонеток.

Мы уже были на полпути через средний вагончик фиолетового цвета, когда пуля, последовавшая за отдалённым звуком выстрела, пробила нос передней вагонетки. Я охнула, когда Ксенит непроизвольно отшатнулась назад и упала в сиденье вагонетки. Моя магия взорвалась, и сцепленные вагончики издали протестующий визг.

Я ошиблась. Это были не грифоны. А снайпера на тех гребаных Шарах Пинки Пай. Как только мы оказались на вершине горки, мы стали для них лёгкой мишенью. Да и вагонетки замедляли наше движение, что не давало им повода трудиться с прицеливанием.

Ещё один выстрел пробил обшивку и сидение одной из вагонеток позади нас. Ксенит свалила меня со своей спины в укрытие одного из сидений, затем проползла в укрытие сидения впереди меня. Мы закрепились.

Над нами мелькнула тень грифона и сбросила что-то, отскочившее от перил и упавшее с пути. Секунду спустя граната взорвалась, звук взрыва был подчёркнут треском дерева. Я ощутила лёгкий и неприятный сдвиг вагончика позади нас — взрыв сломал несколько балок в и без того ненадёжной конструкции.

Другой грифон взлетел вслед за предыдущим и, распространив крылья, стал целиться. С ужасом я заметила, что этот гад нацеливал на нас ракетницу!

Времени на размышления не оставалось. Надо было сматываться.

Выскочив из сиденья, я развернулась и ебанула по сцеплению вагончиков, отцепив передние два от одного заднего. Ещё один выстрел разорвал воздух над моим левым боком и пробил задний вагончик. Я запоздало заметила, что передок каждой из вагонеток выглядел как смешные лица друзей Пинки Пай.

Я уперла передние ноги в сиденье и с силой лягнула Эпплджек в лицо. Моё тело, протестуя, кричало, мою переднюю правую ногу сжигало болью.

Оранжевый вагончик, скрипя, начал скользить вниз по рельсам, испуская снопы искр от заржавевших колёс. Пони-работорговцы, преследовавшие нас, остановились, встав как кегли в боулнге, а затем развернулись и попытались убежать. Один из них попробовал перепрыгнуть на рельсы, которые были ниже и исчез из вида.

Без заднего вагончика в роли якоря два передних начали медленно скользить вперёд вниз по склону. Я качнулась вперёд, пытаюсь обхватить большой ногой спинку сидения передо мною. Мне удалось, но боль поразила мою голову, словно кувалда. Я кричала, почти выскальзывая с вагонетки.

Ксенит прыгнула обратно на моё сиденье и схватила мою гриву зубами

Грифон с ракетницей выстрелил. Дымный след устремился к нам, пророча быструю смерть.

Ксенит рванула меня в вагончик и прижала нас к полу настолько низко, насколько мы могли. Через мгновение в дорожку врезалась ракета. В то место, где только что был задний вагончик. Пламя взрыва пронеслось над нами, обжигая и царапая шрапнелью наши спины. Вагонетки резко толкнуло вперёд, подкинув над дорожкой и резко хлопнув обратно, в то время как металлические обломки дорожки и куски горящего дерева дождём рушились на парк ниже. То, что было по-началу медленным, практически ползущим движением вперёд вдруг превратилось в скоростной спуск.

Вагончики сталкивались и грохотали, с визгом несясь по пути вниз. Голубой вагончик спереди подскочил и накренился, угрожая свалиться с дорожки. Если это произойдёт, то и мы рухнем вслед за ним. Но на этот раз не было Каламити, чтобы поймать меня.

Моё жёлудок сильно скрутило, когда спуск вниз вдруг обратился подъёмом, бросая нас из сидений.

Вагончик ехал под таким углом, что места, где мы сидели, начали хорошо просматриваться. Пуля вошла в скамейку в дюймах от левого плеча Ксенит, разбрызгивая щепки.

Один из грифонов (я считаю, тот, что бросил гранату) имел при себе рычажную винтовку и летел на нас, постреливая в нашу сторону. Наша маленькая гонка создала расстояние между нами и ими, но мы уже замедлялись. Через несколько секунд меж нами уже будет оптимальное расстояние для стрельбы.

Второй грифон перезаряжал свою ракетницу. Третий, летевший позади того, накренился и исчез из моей видимости, скрывшись за деревянным холмом американских горок.

Грифон с рычажной винтовкой выпалил снова, и струйка крови брызнула из задней части шеи Ксенит. Рана, которая, я знала, должна полыхать болью. Она стиснула зубы, но не издала ни звука. Грифон приблизился и, прицелившись, снова выпалил.

Но винтовка была пуста. Ругаясь, грифон начал её перезаряжать.

Перезарядка означала, что он был меньше сосредоточен на удерживании своего оружия. Я сфокусировалась и телекинезом вырвала винтовку из его когтей, и закрыла её. Глаза грифона расширились, когда его собственное оружие развернулось и указало на него. БЛАМ!

Когда он упал, новый шлейф дыма выскочил из ракетницы другого грифона и помчался к нам. Ракета пролетела мимо нас, и я услышала взрыв где-то впереди.

Я срочно левитировала к себе грифонову винтовку, чтобы проверить патроны. Грифон успел зарядить только две пули в неё, прежде чем я его обезоружила, оставив меня с ещё всего одним выстрелом. Я должна была выбрать, кого наградить моим вторым вы...

Третий грифон вдруг взлетел прямо рядом с нашей вагонеткой, когда мы достигли вершины холма, целясь из своего обреза в наши лица.

БАМ! Грифон спиралью устремился вниз, мой едва прицельный выстрел пробил его крыло.

Ксенит сжалась в страхе на своём сиденье. Я осмелилась сесть на свою сидуху и взглянуть вперёд. Внизу этого холма дорожка проходила через сараеобразное здание Министерства Морали. Но благодаря той второй ракете в дорожке ныне зияла дыра.

Ксенит пробормотала что-то на чудном языке, появляясь рядом со мной. Затем, понизив голос:

— Я надеюсь, что по-прежнему всё идёт по плану.

— Ага, — солгала я.

Я полезла вперёд, жвавшись в страхе, когда снайпер, ещё раз выстрелил, попав в дорожку впереди нас. Пуля из антимехвинтовки уничтожила скобу дорожки. Зацепившись ляжкой за переднее сиденье, я скользнула вниз по лицу Твайлайт Спаркл. Рожок Твайлайт, торчащий спереди, послужил крючком, за который я могла зацепиться правой передней ногой. Достигнув левой передней ногой защёлки внизу меж вагончиками, я пнула по ней, отцепив от нас переднюю голубую вагонетку.

Освободившись от лишнего веса, передняя вагонетка стала отдаляться от нас, скользя вперёд. Она прошла через поворот, попала в разрыв... и вагонетка Рэйнбоу Дэш сделала то, что действительно хотела сделать. Она слетела с дорожки и взмыла в воздух.

Сфокусировав всё своё внимание, какое только было, я окутала вагончик Твайлайт Спаркл в телекинетическое поле, отрицая наш вес. Я взмолилась Луне, чтобы нас перекинуло через разрыв. Я взмолилась Селестии, чтобы мои силы не сдали, пока мы не перелетим.

Если и были какие-то сомнения в моей голове насчёт того, что Богини смотрят на нас сверху, эти сомнения полностью испарились, когда мои молитвы были услышаны.

* * *

Фиолетовая вагонетка Твайлайт Спаркл устремилась в темноту туннеля. Жёсткий толчок потряхнул нас, когда наш бесконтрольный вагончик наконец-таки слетел с дорожки. Моё тело выбросило из вагончика, когда его занесло и перевернуло. Я упала на трек, новая боль глубоко поразила моё плечо, и словно током шибануло правую ногу, когда я врезалась своим левым плечом в металлический рельс.

Ксенит, вжавшись в сиденье, осталась в вагончике, когда тот сбил собой ряд дорожных конусов в форме пони-клоунов. Ещё не восстановив дыхание, я подняла глаза, чтобы увидеть, как из-под обломков неуверенно выплывает форма зебры.

Изо всех сил я пыталась подняться на копыта, обе мои передние ноги протестовали с несогласованной болью. Моя голова кружилась, я подумала, что получила болевой шок.

Ксенит подбежала ко мне.

— Итак, мой маленький пони-спаситель, — сказала она экзотическим голосом. — Это всё по-прежнему часть плана, да?

Я включила фонарик ПипБака.

— Где-то здесь должен быть путь в здание.

— План побега — это ворваться в дом Красного Глаза? — Я слышала прячущееся недоверие в её почти невинном тоне.

Я кивнула.

— Мы отправимся на крышу. Там всегда на якоре стоит один из Шаров Пинки Пай. Мы его одолжим. И так мы переберёмся через Стену и ров. — Я поморщилась от боли при дыхании. — Ну а снаружи нас уже ждут мои друзья.

Зебра посмотрела на меня оценивающе.

— Твои друзья все такие же чокнутые, как и ты?

— Ты... не должна следовать за мной, — отметила я со вздохом. Я спасла жизнь зебры, но при этом я похитила её. Она не могла уже вернуться к работоторговцам, мы обе знали это. Пока она не окажется по ту сторону Стены, она всё ещё в неслабой западне вместе со мной. — Хотя я действительно это хочу.

— Ты спасла мою жизнь, маленькая пони, — ответила она. — И сейчас ты несёшь за это ответственность. Это от тебя зависит, попаду ли я в безопасное место. До тех пор я следую.

Я кивнула.

— А после этого?

— Ты всё ещё несёшь ответственность, — сказала она твёрдо. — Пока я сама не заберу у тебя эту ответственность.

Я моргнула. Было сложно принять такую мысль. Я была немного другой, чтобы сразу понять странную логику зебры.

Мы шли дальше по туннелю, высматривая дверь, ведущую в старый центр Министерства Морали, который Красный Глаз и Стерн сделали центром своей рабовладельческой империи.

У меня всё болело, ужасно болело. Но, по моему опыту, я могла легко изменить интерьер, чтобы получить выгоду в бою, если нам придётся вступить в оный. Я почувствовала прикосновение возвращающейся уверенности.

Грифон с ракетницей влетел в туннель позади нас. Мы с Ксенит сразу спрятались в темноте, частично скрывшись среди обломков и замеров. Грифон начал идти вдоль рельса, стараясь побыстрее привыкнуть к темноте.

Я сосредоточилась на защёлке его сумки, где он держал дополнительные ракеты.

Ничего не произошло.

Я сконцентрировалась ещё раз. Сильнее.

Ничего. Не было даже слабого свечения моего рога, а тем более телекинетической области. Я повесила голову. Выгорание. Тот прыжок через разрыв исчерпал всю остававшуюся у меня магию. Я была беззащитна. И бесполезна.

Чёрт побери... почему это должно было случиться именно сейчас? Я рассчитывала на свою левитацию, по крайней мере, пока мы не попадём в воздушный шар. Теперь же нам придётся искать какой-нибудь другой способ попасть в него. Если такой вообще есть. И если мы доживём до крыши. Что сейчас было уже под гораздо большим сомнением.

Я вовремя оглянулась назад, чтобы увидеть тень, перемещающуюся вблизи грифона. Ксенит подобралась к нему вплотную совершенно незамеченной. Мгновенный удар копытом, и тело грифона одеревенело, грифон издал звук удушья. Она, не теряя времени, передними ногами свернула ему шерю.

Я осмотрела грифона, когда тот упал мёртвым возле зебры. Я хотела бы, чтобы у него была винтовка. Я подумывала, взять ли ракетницу. Но (так как я не СтилХувз) решила отказаться от этой идеи. Очевидно, Ксенит предпочитала скрытный подход к борьбе, похожий на мой собственный. Кроме того, если учитывать мой опыт владения мощными взрывчатыми веществами с помощью лишь зубов, да ещё и внутри здания...

Я также хотела бы, чтобы броня грифона имела более пони-образную форму. Однако я прихватила его сумки, вытряхнув содержимое.

* * *

Я заглянула за угол, оставившись в потускневший розовый коридор. Два пони в броне цветов Красного Глаза стояли рядом с терминалом и охраняли неглубокую нишу напротив. Мне показалось, что из неё исходило свечение автомата Рассветной Сарсапарели. Эти караульные в настоящий момент не были заняты охотой на нас, но обойти их было невозможно. Единственный другой путь наверх обрушился ещё десятилетия назад.

Но всё равно идея нападения на пони, которые даже не угрожали нам, даже если те были рейдерами, перечила мне. Это уже выходило за рамки понятия самообороны. Я задалась мыслью, возможно ли было проскользнуть незамеченными мимо них, но коридор был слишком узок, а они стояли хвостами к стене. Нам пришлось бы прошмыгнуть прямо под их носами. А как бы бесшумны мы ни были, припадание к земле не сделало бы нас невидимыми.

Ксенит проскользнула мимо меня, до того как я успела остановить её знаками. Она не испытывала моральных сомнений по поводу убийства случайных членов армии Красного Глаза. К моему удивлению, ей удалось проползти полкоридора, до того как её заметили. Она пересекла оставшуюся дистанцию одним скачком, приземлившись на передние копыта и ударив задними по голове одного из караульных с силой, достаточной, чтобы сбить с него шлем, который загремел по коридору.

Вторым караульным была единорожка, и она уже левитировала автоматическую винтовку в направлении зебры.

Крича от боли в ногах и наклонив рог, я бросилась на караульную. Единорожка повернулась, удивлённая появлением второго противника, давая Ксенит возможность выбить винтовку. Магическое поле вокруг оружия пропало, и винтовка, вылетев из него, отскочила от грязно-розовой стены. Мой рог скользнул по броне караульной, нанося этим больше вреда мне, чем ей. Её рог окутало сияние.

Мощный разряд электричества вырвался из неё, сводя мои мышцы, и я, споткнувшись, рухнула на пол. За ногами караульной я заметила также повалившуюся Ксенит. Я застонала, вспомнив, что (в отличие от меня) у других единорогов в распоряжении был не только телекинез, но и другие заклинания.

Единорожка вновь охватила автоматическую винтовку магической энергией и навела её на меня, очевидно считая единорога более серьёзной угрозой. Роковая ошибка.

Ксенит подсекла ноги единорожки, и автоматическая винтовка начала палить, усеивая пол около меня пулями. Я едва могла пошевелиться, но к зебре, судя по всему, уже вернулись практически все способности. Моя полосатая спутница кувыркнулась на караульную и обрушила град ударов копыт на её лицо. Я с отвращением поморщилась при звуке ломающегося рога. Магия вокруг винтовки испарилась, и оружие упало на землю в пределах досягаемости зубами.

К моменту, когда я поднялась на ноги с винтовкой в зубах, Ксенит уже расправилась с обоими караульными.

Я огляделась. Мои подозрения оказались верны, в нише напротив караульных обнаружилась пара торговых автоматов — раздатчик Рассветной Сарсапарели и с виду работающая Лавочка Боеприпасов Огненных Подков. А между ними находилась тяжёлая металлическая дверь хранилища.

— Что это? — спросила Ксенит, вглядываясь в комнату, которая была запечатана дверью убежища.

Она была не без причины удивлена, когда я остановилась для того, чтобы взломать терминал, но успокоилась, стоило мне объяснить ей, что мне надо было перевести дух. Моё учащённое и резкое дыхание только подтверждало это заявление. Самым плохим в моих ранениях было то, что я не могла рисковать их залечивать — не со сломанным ребром и пробитым лёгким. Любая припарка могла залечить их неправильно. До того, как мне оказала бы помощь Вельвет Ремеди, я не смела использовать ничего действеннее целебной повязки. А в нашей ситуации я не смела применять даже обезболивающее. Мне требовалось мыслить ясно.

— Это так меня дразнит Пустошь, — ответила я, заходя в хранилище и осматривая по большей части пустые полки с разбросанными по ним Шарами Памяти — ни в один из которых я не могла заглянуть без магии — и стоящий вдоль стены ряд встроенных в стену сейфов с кодовыми замками — ни один из которых я не могла открыть. Пустошь просто обожала тыкать меня носом в мой каждый момент слабости.

— Что это? — спросила она, разглядывая десятки шаров, валяющихся на полу.

— Признания.

Я принялась собирать шары, поднимая их зубами и сбрасывая в одну из украденных седельных сумок, по другую сторону от боеприпасов и бутылок сарсапарели. Бродя между рядами шкафов, я заметила свечение другого терминала. Вероятно, до содержимого сейфов все-таки можно было добраться.

Дойдя до него, я подключила к терминалу свой ПипБак и приступила к взлому. Терминал оказался необычайно крепким орешком. Маленькая пони в моей голове стала требовать Минталки после того, как я третий раз вышла из системы, не давая протоколам безопасности заблокировать терминал. Я старалась подавить этот голос.

Я всё сильнее ощущала, ощущала, как много времени это отнимало. Пони Стерн прочёсывали здание и окружали территорию вокруг в поисках нас. Они были рассредоточены, но рано или поздно одна или несколько из них наткнулись бы на нас.

— Ещё одна попытка! — настояла я, обращаясь к Ксенит, и вышла из системы в четвёртый раз, — Если не подберу, то уходим.

— Зачем ты вообще пытаешься открыть сейфы Красного Глаза? Что ты надеешься найти? — рассудительно поинтересовалась Ксенит, — Может быть, билеты на воздушный шар?

Я фыркнула. Уже собираясь сказать что-нибудь в ответ, вероятно что-то язвительное, я нашла пароль: Сэр Линтс-э-лот. Уставившись на какое-то мгновение в пустоту, я перестала корить себя за то, что не подобрала его раньше.

По датам на терминале стало ясно, что никому в голову раньше это также не пришло. Терминал не использовался для доступа к этим сейфам более двух сотен лет. Уведомление о безопасности сообщало, что крайний левый сейф несколько раз открывался за последние годы путём ввода кода.

Я открыла их все.

Крайний правый сейф содержал в себе сильно потрёпанный контейнер для шаров памяти с одним-единственным шаром внутри. Остальных трёх на месте не было. Там также нашлись аудиожурнал, выцветший плащ, СтелсБак и полдюжины документов. Доставая плащ, я заметила реакцию Ксенит на него, пусть она и быстро оправилась.

— Что? — спросила я.

— Ничего, — солгала она.

Я взяла аудиозапись и шар памяти, положив их отдельно от кучи шаров, поднятых с пола. Я предложила Ксенит плащ. Его блеклый цвет мог послужить лучшим камуфляжем, чем её контрастные полосы, и он был мне велик. Она кивнула и надела его, но он соскользнул. Застёжка на шее была сломана.

Я открыла второй сейф и в тревоге отскочила от вырвавшихся наружу пульсирующих, вихрящихся огней. Внутри лежало четыре похожих на яйца объекта, которые переливались гипнотическим танцем тёмных цветов.

— Ч... что?

Ксенит подошла поближе и изучила объекты, не смотря при этом прямо на них.

— Жар-яйца.

Я тупо уставилась на неё, пока мой мозг это распутывал. Точно. Флаттершай не разработала сами заклинания, способные разрушать города. Она разработала магическую структуру, которая использовала обычное заклинание и усиливала его за рамки... ну, за рамки их воображения. Но как и с исцеляющим заклинанием, здесь требовалась первоначальная магия, которую бы усиливали. Эти жар-яйца и были основой для опустошительных жар-бомб.

— К...Какая мощь взрыва? — спросила я свою спутницу.

— Не знаю. Я не жила две сотни лет назад и не участвовала в войне, где их использовали.

Метко подмечено. Наверное, Министерство Морали конфисковало эти яйца во время какой-нибудь облавы или типа того. Мне стало понятно, почему они до сих пор лежали под замком.

В третьем сейфе хранилось нечто похожее на шлем Анклава со встроенным реколлектором, дополненным чёрным опалом. Там также лежала целая кипа документов, подписанных "ДЖЗ", включавшая множество фотографий, искажённых до неузнаваемости временем. Я выдернула кипу, разбрасывая её по полу, стремясь добраться до скрывавшихся за ней предметов.

— Деятельность Жителей-Зебр, — произнесла стоящая позади меня Ксенит, читая одну из выкинутых мной из сейфа папок, — Ваше правительство внимательно следило за каждой зеброй, проживавшей в Эквестрии.

— Правительство не моё, — быстро поправила я, — И Министерство Морали следило за всеми поголовно.

За бумагами обнаружилось нечто, напоминающее ПипБак первого поколения. ПипБак был до сих пор застёгнут, а на войлочной подкладке виднелись давным-давно засохшие пятна крови. Он был снят путём ампутации, надеюсь, что посмертно. Я сразу подключила этот ПипБак к своему и принялась просматривать файлы, но те были защищены тем странным двойным шифром, который я встретила в свою первую ночь вне Стойла Два. Единственным, что мне удалось получить из него, оказались чертежи этажей Стойла Три. Это стойло было идентичным Стойлу Два, но яблочный сад был на треть меньше, и здесь было два смежных Кабинета Смотрительниц. Меня от этого почему-то бросило в дрожь.

Последним сейфом был тот, которым пользовался Красный Глаз. И в нём лежал главный трофей.

Чертежи Питаемого Радиацией Двигателя.

Ксенит машинально отступила от плаката, который висел в верхней части лестничного пролёта.

— Зайка Смерти! — прошептала она загадочно.

Я по очереди смотрела то на плакат, то на свою спутницу-зебру. Это был тот же плакат, что я видела в клинике, только в лучшем состоянии: Флаттершай была окружена зверятами, а надпись гласила: "ПОМНИТЕ: Мы все здесь вместе! Заботьтесь о ближних."

Сначала я подумала, что Ксенит говорит о Флаттершай. В этом был некоторый смысл; я знала, что Флаттершай расценивалась как носитель смерти и разрушений, принимая во внимание её связь с созданием мегазаклинаний. И она была чрезмерно мила.

Затем мой взгляд упал на маленького белого кролика, сидевшего у неё на голове. Я повернулась к Ксенит, недоумевающе подняв брови.

— Зайка Смерти? Seriously?

Ксенит фыркнула.

— Тебе не понять. Ты не слышала рассказов о защитнике Флаттершай.

Мои уши наклонились, и мне пришло в голову, что я глядела на неё с самым что ни на есть изумлённо-недоверчивым выражением.

— Зайка Смерти был ужасен на поле боя. Флаттершай приходила исцелять, даже солдат-зебр, а её защитник уничтожал любого, кому хватало глупости напасть на неё.

— ...Зайка.

— Ооо... Зайка Смерти был не простым кроликом. Зайка Смерти был воплощением самой смерти с острыми как бритва зубами...

Она меня разыгрывала. Она должна была меня разыгрывать.

— Сильнее существ, во много раз превосходящих его по размерам, благодаря веществам, которые он варил в тайных лабораториях.

— Веществам? — безумие какое-то.

Ксенит опустила своё лицо до уровня моего, продолжая говорить с этим странным акцентом.

— О, да. Зайке Смерти не было равных в лабораториях. Ещё я слыхала, что он умел стряпать и на скорую лапу готовить простенькие салаты, — она едва заметно улыбнулась. Всё-таки разыгрывала.

Хотя, судя по её глазам, не во всём.

Мы двинулись дальше, по совпадению оказавшись в чём-то, напоминавшем этаж, отведённый на исследовательскую лабораторию. Из лестничного колодца мы вышли к одинокой двери с небольшим окошком. Через него можно было разглядеть беспорядочно раскинувшееся место, посвящённое магическим и традиционным наукам. Из огромного пейзажного окна в дальнем конце комнаты лился затихающий красноватый свет Филлидельфии. День подходил к концу. Солнце клонилось к горизонту.

Мы бесшумно проскользнули в дверь. Одинокий пони, расхаживавший в помещении, не заметил нашего прибытия. Ксенит быстро с ним расправилась.

Я опустила автоматическую винтовку и принялась стягивать с него лабораторный халат. Ксенит приподняла бровь, увидев, что я накинута на себя.

— Защиту особо не обеспечит, — признала я, — Но всё же лучше, чем ничего... — я могла раньше снять броню с караульных Красного Глаза; но после того, как меня чуть не убил один пегас, я не собиралась допустить подобную ошибку ещё раз, — ...Кроме того, в нём я чувствую себя учёнее.

Ксенит закатила глаза, затем направилась к фармацевтическим шкафам в подсобке. Она выбила копытом замок на первом шкафу и распахнула его.

Я достала аудиозапись, загрузила её на ПипБак, намереваясь прослушать во время осмотра комнаты. Мой взгляд упал на рецепт Праздничных Минталок. В исследовательской лаборатории наверняка было всё, что могло мне понадобиться для их изготовления, а я всё больше находилась в отчаянии.

Не без приложения силы воли я пролистнула подальше от рецепта. Я заставила себя подумать о Каламити. О Вельвет Ремеди. О Хомэйдж...

Мне вспомнился сладкий голос Хомэйдж. И в моей памяти всплыло нечто, когда-то ею сказанное:

...О, смесь Рэйдж и обезболивающего. Мы с подружкой нашли рецепт в руинах клиники Министерства Мира, когда мы были моложе...

Я моргнула. Затем обратилась к Ксенит.

— Подожди... ты хочешь сказать, что домашний кролик Флаттершай изобрёл Стампед?

"Алло?"

Спросил голос Рэрити в моём наушнике, когда я принялась просматривать терминалы и заметки, которых была полна

лаборатория. Сразу стало понятно, что мне была слышна лишь половина разговора.

"О, здравствуйте, Ваше Величество! Как это любезно с вашей стороны мне позвонить!"

О, да как обычно. Столько всего надо сделать, так много проектов и так мало времени! По правде говоря, к половине своих обязанностей по заведованию Министерством я отношусь так же, как Флаттершай относилась к пребыванию в роли модели! Всё остальное я, само-собой, совершенно обожаю! Да, конечно, я всё ещё нахожу время для создания новых нарядов. И на сон днём. Думаю, если бы на это времени не хватало, я бы просто сошла с ума... О, нет, нет, нет. Пара пропущенных трапез никому не повредит. К тому же это идёт на пользу моей фигуре.

Да. Да, я слышала, что случилось с Зекорой, и я так же разгневана этим, как и все. Я уже пообещала предоставить Пинки все ресурсы моего Министерства, чтобы помочь её Министерству найти животных, ответственных за это, и предать их правосудию. ...Зато, ведь признайте, новая серия плакатов выглядит весьма впечатляюще."

Судя по её голосу, Рарити была искренне встревожена по поводу Зекоры и лишь слегка довольна эффективностью своей пропаганды. Имя последней я уже где-то слышала. Ах да, это та зебра, которая была другом Эпплджек, и, вероятно, другом их всех. Мне стало понятно, почему Рэрити так отреагировала.

"...Пинки Пай? Она — вечно чудаковатая милочка! ...Нет, не больше, чем обычно... Нет, Принцесса Луна, я не думаю, что вам есть, о чем волноваться. Странности и Пинки идут копыто об копыто. К этому привыкаешь и лишь больше её за это любишь."

Мне вспомнилось, как в шаре Винил Скрэтч Твайлайт Спаркл упомянула, что все прикрывали Пинки Пай с её зависимостью. Я сразу почувствовала облегчение, что смогла побороть возникшее ранее желание приготовить Праздничные Минталки.

"Однако я готова признать, что начинаю волноваться за некоторых друзей. ...Ну, я слышала слух, всего лишь слух, уверяю, что у Эпплджек... небольшие проблемы в Министерстве. ...Нет, подробностей я не знаю.

...А Твайлайт... Вы видели её в последнее время? Она совершенно вымотана! И ужасно перенапряжена! Бедняжка взяла на себя слишком много ответственности и так много работы... Ну, ведь признайте, что, помимо, конечно, меня, она — единственная, кто действительно постарался заведовать своим Министерством, а не просто подкидывать идеи, словно подковы... А о 'Министерстве' Рэйнбоу Дэш вообще лучше не говорить. ...И о проходящем крупномасштабном наступлении; и о начавшемся у Спайка драконом переходном возрасте, он сейчас — та ещё ноша... Нет, нет. Но, Принцесса Луна, я серьёзно считаю, что Твайлайт Спаркл требуется отпуск.

Нет, со всеми остальными всё в порядке. По крайней мере, так было, когда мы с ними в последний раз виделись. У Флаттершай всё просто замечательно. Встречаюсь с ней каждую неделю... Так хотелось бы встречаться почаще и с остальными. Они были моими первыми настоящими друзьями... и, честно говоря, единственными. И мне ужасно их не хватает. Но дел всегда так много. Не помню, когда мы все в последний раз собирались вместе... А нет, помню. Это была вечеринка по случаю дня рождения Пинки Пай. Нет, не в этом году. Прошлогодняя, кажется. ...Или позапрошлогодняя?"

Впервые за весь разговор голос Рэрити дрогнул. В нём ощущалась грусть, которую она старалась скрыть. Она звонко отразилась в моём сердце. Наверное потому, что я сама испытывала подобного рода боль.

"Да нет, я в порядке. Просто... иногда кажется, будто мы всё больше отдаляемся друг от друга. И я не могу на это смотреть. Мне серьёзно стоит что-нибудь с этим сделать."

Я нуждалась в своих друзьях. Когда аудиозапись почти подошла к концу, я дрожала не от одной лишь физической боли.

"Нет, Принцесса Луна, это я была рада побеседовать! Огромное спасибо, что позвонили!"

Я снова просмотрела записи, скрывавшиеся в терминале на столе старшего научного сотрудника лаборатории. (А в самом столе ещё обнаружилась пепельница с коробкой сигар и штук двадцать крышечек.)

Обходные заклинания. Судя по этим исследовательским отчётам, в Министерстве Тайных Наук уже раскусили принцип их действия где-то за месяц до того, как пришёл конец тому миру. Они даже начали понемногу применять эти заклинания, не для средств вооружения, а для щитов, пропускавших только определённые материалы.

Исследования Красного Глаза шли в двух направлениях. Первое заключалось в добавлении обхода к эффекту некоторого оружия. Все детали исследования были отредактированы после его успешного завершения. А произошло оно где-то за неделю до моего прибытия, судя по тому немногому, что можно было прочесть. Я могла простить Старейшину Рейнджеров и за то, что она этого не упомянула, предположив, что она просто была не в курсе. Второе направление исследований ещё продолжалось, но результаты принесло менее обнадеживающие — Красный Глаз искал способ перехитрить Обход, заставив его игнорировать что-либо, на что он не был рассчитан.

Ксенит наполнила сумку различными травами и препаратами из подсобного шкафа и уже возвращалась ко мне, как, увидев что-то в окне, застыла на месте.

Оставив терминал, я подбежала к ней так быстро, как мне только позволили ноги и дыхание. Изумлённая, я уставилась в окно, глядя, как нечто огромное выходило из красного свечения Филлидельфийского кратера.

Это был чёрный бронированный аликорн, размерами в три раза больше обычного. Окружавший её воздух буквально рябил от энергии. Она летела в нашу сторону, оставляя за собой энергетический шлейф.

— Что з-за...? — всё, что я смогла выдать. Во рту пересохло.

— Она хорошо искупалась в излучении Филлидельфийского кратера. — заметила Ксенит. — И будто ребёнку объяснила: — Существа радиации не просто лечатся ей. Если они достаточно её поглощают, то вырастают более сильными. Более мощными.

Аликорны могут превращаться в... массивных, супераликорнов-бегемотов?!

— Ну так вообще нечестно! — проскрипела я в бессильной злобе.

Я направила взгляд в небо, по очереди проклиная Селестию и Луну. То есть, мало того, что аликорны гораздо более искусны в магии? Что они умны. Умелы. Что они грёбаные телепаты. Что у них щиты, через которые почти ничто не может пройти. И что они могут летать.

А ещё быть невидимыми или телепортироваться. Этого мало, да?

Я ещё нашла в себе силы позлиться на небеса:

— Да что Вы от меня хотите?! Во имя Вас, какого хрена Вам нужно?!

Тёмно-синее свечение покрыло всю ширь громадного окна. Стекло завибрировало. Перед глазами вдруг мелькнул образ скотобойни, в которую я превратила зеркальный лабиринт.

— Бежим, — шепнула я Ксенит.

Мы развернулись и побежали.

Как только мы минули дверь на лестничную клетку, я услышала звук разбивающегося стекла. Но не услышала ни единого осколка, упавшего на пол. Я развернулась и захлопнула дверь, лишь на миг опередив сотни смертельных осколков, посланных нам супераликорном.

Когда град осколков закончился, я приподнялась и осмелилась одним глазом взглянуть в дверное окошко. Я увидела, как огромный аликорн чёрного цвета влетела в помещение и активировала свой щит. Сверкающий энергией пузырь раздулся вокруг неё с силой, ломавшей пол и потолок, разбрасывая столы и химическое оборудование. Из-за сползавших со щита потоков энергии ближайшие терминалы взрывались в снопах искр. Также я заметила, как оставленная мной автоматическая винтовка провалилась через проломленный пол на этаж ниже.

Ну что ж, о разрушении лаборатории беспокоиться уже не нужно.

Я отвернулась в ужасе и обнаружила, что могу заставить себя бежать быстрее, чем мне позволило бы моё тело. Оно хоть и болело, хоть и каждый вдох будто наполнял грудь огнём, но я бежала.

* * *

Аликорн пробился сквозь пол в коридор выше. Собственные размеры мешали ей свободно двигаться, но это ей никаких проблем не доставляло. Своим щитом она легко вспарывала стены, просто проходя мимо них, сминая при этом офисы по обеим сторонам.

В голове мелькнула мысль, что она легко могла просто обрушить здание на нас. Её рог был окутан почти чёрным облаком энергии. Щит приоткрылся на долю секунды, позволив ей выпалить разрядом тёмной энергии, лишь отдалённо напоминавшим чёрную молнию.

Я рванула за угол. Моё тело будто готово было взорваться. А потом взорваться ещё раз. Ксенит опережала меня, двигаясь куда более ловко. Коридор позади нас был растерзан и наполнен запахом озона и чёрной лакрицы.

Вслед за Ксенит я преодолела ещё один лестничный пролёт, крича от боли и злобы на само здание, заставлявшее нас забираться по лестницам, в отличие от того проклятого монстра за нами.

Как только мы добрались наверх, сквозь потолок спустился супераликорн и завис перед нами. Споткнувшись, я остановилась, с непередаваемой ненавистью понимая, что нам придётся спускаться обратно. Да вот только тело моё идти уже не хотело. Оно хотело просто сдаться и умереть.

Я ощутила, как Ксенит схватила меня за гриву и взвалила себе на спину.

Гигантский чёрный аликорн расправил крылья и нацелил рог на нас. В передней части щита замерцал огонёк, раскрутился спиралью и образовал окно. С изумлением и тревогой я поняла, что моя магия, не иссякни она, была бы здесь бесполезна. Щит был крайне сильный — даже магия аликорна не могла через него пробиться.

Ксенит осела, уронив меня одним мешком боли. Я заметила, как она подёрнулась.

Заклинание сердечного приступа. Непоправимый ущерб здоровью или смерть за несколько секунд.

И я закричала! На аликорнов за их настолько абсурдную мощь и злостность и полнейшую нечестность! На Богинь, позволивших такому кошмару вообще существовать и столкнувших меня с ним, когда я исчерпала всю свою магию! И на Кратер Филлидельфии за всю его проклятую радиоактивность!

С питаемой гневом силой за гранью своих возможностей я оторвала своё страдающее тело от пола и помчалась на существо, которое, как я вдруг поняла, до ужаса походило на старые изображения Найтмэр Мун. Я подскочила, не полностью запрыгнув в окно в щите супераликорна. Края глубоко врезались мне в грудь, я будто зависла на кривой бритве. Пошевелившись, я порезалась ещё хуже, кровь лилась и внутри и снаружи щита.

Аликорну хватило вежливости хотя бы выглядеть шокированной. Мне удалось прервать её заклинание, нацеленное на сердце Ксенит.

Я не могла попасть внутрь к ней. Но, крича от глубоких ран, я вытащила свою голову назад, распахнула одну из моих седельных сумок и забросила содержимое внутрь щита.

Десятки шаров памяти покатались по дну магического пузыря. Аликорн посмотрела вниз без удивления. Она повернулась в мою сторону. Сквозь панику я поняла, что должно было произойти, и пнула себя наружу, прежде чем отверстие в щите захлопнулось. Если бы я промедлила, экран супер-аликорна разрезал бы меня надвое.

Я рухнула на пол, истекая кровью. Вот и все. Мне конец. Теперь можно уснуть.

Пока я теряла сознание, на моём лице застыла слабая улыбка, несмотря на всю боль. Я спасла Ксенит. И я доказала, что можно обмануть сучьих аликорнов одним трюком два раза кряду.

Последнее, что я увидела до того, как темнота поглотила меня, была аликорн, плывущая в своем непроницаемом пузыре, отрезанная от любых внешних угроз, за исключением нескольких десятков шаров памяти. И четырех жар-яиц.

Взрыва я уже не услышала. Как мне позже рассказала Ксенит, было... громко. И даже ещё громче.

* * *

Когда я очнулась, мы были в мужской ванной. Я находилась в одной из кабинок и смотрела на плакат Пинки Пай (вечно следящей, даже когда ты нужду справляешь?). Мне не было столь больно, сколь должно было быть, если предположить, что я не была просто мертва. (И действительно, кто бы повесил плакат Пинки Пай в ванной комнате на небесах? Или вообще в ванной комнате?) Я чувствовала головокружение и... странность.

Я посмотрела вниз. Я была завёрнута в исцеляющие повязки. Наверное в три или четыре медицинских комплекта. На полу рядом со мной было ещё много уже отслуживших замененных пропитанных кровью повязок. Я тут была уже какое-то время. Мой ум неохотно понял, что я была под действием болеутоляющего.

Побег шёл по плану.

Ксенит появилась в поле зрения.

— Ты безумная пони.

— Спасибо тебе.

— Жаль, что я не могу позволить тебе отдохнуть дольше, нам нужно идти. За нами по-прежнему охотятся.

Я кивнула и попыталась встать. Мои конечности не хотели слушаться. Чуть погодя, я снова оседлала зебру, будучи заброшенной к ней на спину, как старый ковёр. Я смущённо покраснела и надеялась, что не облила кровью её всю. Я задумалась о том, что такая поездка делает с ранами у меня на груди, и как хорошо магические перевязи залечат остальные мои увечья. Левое плечо больше не болело, а правая нога ощущалась лишь слегка вывихнутой.

Ксенит зубами подняла мои седельные сумки и добавила их к своим мешкам с аптечными запасами, свисавшими у неё через бока. Я помогла ей надёжно привязать их.

Моя полосатая компаньонка стремительно, но аккуратно кралась по этажам, явно стараясь держаться от чего-то подальше. Я знала, что за нами охотятся работорговцы Стерн. Но при этом ощущение от этого было немного другим. В моей голове потемнело. После супер-аликорна я не была готова к ещё одному врагу-сюрпризу.

— Что за нами? — спросила я, боясь ответа.

— Зима, — зловеще прошептала Ксенит.

Мой затуманенный обезболивающим разум пытался понять суть.

— Но ведь сейчас лето, — вежливо поправила я её.

Зебра фыркнула.

— Киберсобака Красного Глаза. Зима отслеживает наш запах.

Мой ум воспроизвёл часть трансляции Красного Глаза. Ту, что я нашла особенно бросающейся в глаза: Мне повезло быть одарённым, сверх заслуженного, безопасными местами для странствий, защитой от злодейств и ужасов Эквестрийской Пустоши и компанией моей любимой собаки — Зимы. О, какие приключения у нас были.

Если бы он был жеребёнком в то время, то собака должна была уже давно представить себе, что он вместо того, чтобы позволить этому случиться, кибернетически обновил её, заменив часть старых органов и частей её тела, что уже были израсходованы. Это было жутко.

Я застонала. Мне действительно очень-очень нужно выбраться из Филлидильфии.

Мы преодолели два лестничных пролёта без проблем. Трижды Ксенит удавалось проползти мимо работорговцев незамеченной со мной на спине. Когда мы пробирались мимо открытого офиса, я увидела за окном край навеса, закрывший ото взора заходящее солнце, свет которого окрасил мир снаружи в цвета кровавой реки. Мы были почти на крыше.

Я услышала низкое скрежещущее рычание.

Я оглянулась назад. Позади нас я увидела собаку полу-робота, преследовавшую нас. Зима была больше машиной, чем животным. Её мозг был заключён в слегка светящуюся банку, которая выглядела столь же шокирующе, как и у мозго-ботов, которые, я начала считать, являлись не пони, а домашними собакам, чьи мозги использовались в тех ужасных штуках. Передние лапы Зимы оканчивались когтями, которые выглядели, будто сделаны были из когтей адских гончих.

Даже Ксенит не хотела сражаться с этой штукой. Зебра бросилась в галоп, помчалась от собаки так быстро, как только могла. Зима издала вой и погналась за нами, свечение её мозга сменило цвет на малиновый.

Я жалела об отсутствии автоматической винтовки. Или, впрочем, любого оружия вообще. Так или иначе, я не думала, что смогу сразить Зиму своим зловещим взглядом.

Мы оказались рядом с лестницей с пометкой "На Крышу". Кибер-собака лягала зубами в сантиметрах от копыт Ксенит. Я с запозданием поняла, что собака легко могла бы вскочить на неё и начать разрывать меня на части, но не делала этого. Нас загоняли.

Я повернулась, чтобы предупредить Ксенит. Прежде, чем я успела, мы оказались на крыше. Ксенит занесло, и она замерла между крышей Министерства Морали и облачным кроваво-красным небом.

Воздушный шар Пинки Пай на якоре был всё ещё там. Как было и два других, ещё и третий подплывал. Полдюжины антимер-винтовок были нацелены в нашем направлении.

С явным сарказмом Ксенит спросила:

— Всё идет по плану, не так ли?

Зима остановилась у двери позади нас, отрезав путь к отступлению.

Я закрыла глаза, ожидая выстрела. Но пони-снайпера колебались. В ожидании чего-то. Рычание позади подсказало Ксенит ответ.

— Красный глаз идёт.

Значит этот ублюдок собрался позаботиться о нас лично? Да ну нахуй.

— Ну, давайте! — закричала я вверх на гигантские головы Пинки Пай. — Просто сделайте это уже!

Я исчерпала запасы сил. Обезболивающие переставало действовать, и боль начинала понемногу наводнять мой разум.

Столб золотого с обжигающим оттенком зелёного пламени выстрелил из кратера Филлидильфии. Молния света достигла пика и раскрылась крыльями, которые вспыхнули в небе, словно второе солнце.

Паерлайт приблизилась к нам и пролетела над нами, окружённая горящей изумрудно-золотой аурой, по размерам в сто раз больше её самой.

Существа радиации не просто лечатся ей. Если они достаточно её поглощают, то вырастают более сильными. Более мощными.

Простите, Селестия, Луна... за всё плохое, что я о вас думала!

Подлетающий Шар Пинки Пай погрузился в пламя, как только Паерлайт прошла сквозь него. Магическая птица открыла клюв, и ярко-зелёный огонь вспыхнул, растекаясь по крыше над нами. Все три шара Пинки Пай загорелись, превратившись в пылающий ад. Куски горящих шаров и работорговцев сыпались на нас, пока пылающие каркасы цеппилинов не начали разваливаться, ниспадая в сторону парка развлечений. Я ехидно надеялась, что площадка внизу полна работорговцев, окруживших здание.

— Паерлайт! — Я улыбалась, хлопая копытами в аплодисментах.

Ксенит оставилась ввысь, потеряв дар речи.

Кибер-собака запаниковала и сбежала вниз по лестнице.

Паерлайт сделала круг. Я могла видеть энергию, которая вытекала из неё, подобно частым волнам, которые исходили от чёрного аликорна. Птица нырнула вниз, и мне показалось, что я услышала треск огня и крики работорговцев ниже.

Я была так увлечена происходящими событиями, что мне потребовалось несколько минут, чтобы осознать, что Паерлайт только что обратила в пепел наш план спасения.

Мы всё ещё не могли сбежать из Филлидильфии.

Наш захват был таким же позорным, как и неизбежным.

Я глядела сквозь дымку красного. Не вина моего собственного видения, но свойство комнаты, в которую мы вошли. Воздух был наполнен каким-то непонятным паром, мои и без того напряжённые лёгкие стонали при каждом вдохе. Красные лампы были встроены в комнату, их свет окрашивал воздух в тошнотворный алый оттенок.

На полу была линия, о которой нас предупредили хорошо вооружённые грифоны, чтобы мы её не пересекали. Зима присела рядом, готовая атаковать в любой момент. Я думала, что с навыками Ксенит ещё можно было бы посражаться. Но при самой этой идеи просто хотелось рухнуть от усталости.

Красный Глаз вошёл через дверь в противоположной стене рядом с большим тёмным экраном. Он поднял копыто и грифоны, нас охранявшие, вышли из комнаты за дверь позади нас. Я слышала, как они заперли её на замок и на засов.

— Литлпип, — сказал он любезно. — Сядь, расслабься. Я не причиню вам никакого вреда.

Очевидно, то же самое нельзя сказать о нас. Я всё ещё обдумывала, почему это Красный Глаз запирался в комнате с нами, как Ксенит кинулась на него, жажда убийства в её глазах.

Она шлёпнулась о невидимую стену достаточно сильно, что ей повезло, что не сломала себе шею. Я осмотрелась вокруг и вдруг поняла причину этой чудной атмосферы.

— Ты используешь окрашенный красным туман, чтобы скрыть аликорний щит, — предположила я вслух. Я на самом деле была немного впечатлена. — У тебя должно быть тут по крайней мере две зелёные, поддерживающие его, просто они за стенами.

Красный Глаз сиял, смотря на меня. (Дословно — в тумане луч красного света из его кибернетического глаза был хорошо виден.)

— Я хотел бы, чтобы мы могли говорить свободно. Без пони, атакующих других пони. — Он бросил взгляд на поднимающуюся на ноги зебру.

— Чего ты хочешь? — спросила я мрачно. Была только одна причина, о которой я подумала, почему он не избавился от нас. И мне это не понравилось.

— Всё, чего я хочу — это кое-что, что ты собиралась сделать в любом случае, — сказал Красный Глаз как будто случайным, невыносимо уверенным тоном. — Я просто хочу, чтобы ты сделала это по моей шкале времени.

Прекрасно. Мой смертельный враг предлагает мне на него поработать. Моя жизнь — отстой.

— Я хочу, чтобы ты убила Богиню.

У меня отвисла челюсть.

Окей, я этого не ожидала.

— Н... но ты же служишь Богине! Ты... ты её высший-ебать-священник!

Красный Глаз слегка нахмурился, присев.

— Мне больше нравится думать о нас скорее как о... партнёрах. И, к сожалению, партнёрство для моих целей больше не выгодно. — Он смотрел на меня, полностью игнорируя Ксенит. — И после твоей обработки Супер-Аликорна я действительно думаю, что ты — то, что мне нужно для достижения успеха.

— Да неужели? — сердито сказала я.

— Я уверен, ты успела заметить, что Богиня контролирует Её детей. Телепатически. У них не так много индивидуальности, поскольку они являются продолжением Её воли. И они останутся таковыми, пока Она, наконец, не уйдёт на покой.

Я кивнула.

— Не так много смысла стремиться к свободе всех пони, если Единство приходит с цепями, — продолжил Красный Глаз. — В Новой Эквестрии нет места ни работоторговцам, ни рабам.

Ксенит усмехнулась.

— Тогда и для тебя не шибко много места. — Я улыбнулась, моё собственное чувство вторило ей.

Красный Глаз взирал на нас спокойно.

— Да. Нет и для меня.

Окей, во второй раз уже застал меня он врасплох.

— И что же ты намерен делать? Убить себя?

Он рассмеялся. У Красного Глаза был харизматичный, приятный смех. Я ненавидела его за это.

— Нет, нет. Я планирую возвыситься. После того, как ты позаботишься о Богине, наконец настанет время мне присоединиться к моему собственному Единству. Но не так, как любой из вас. Кото-то должен взять на себя задачи, которые Принцессы и пегасы забросили, дав им в конце концов одичать. Кто-то должен регулировать погоду, поднимать солнце и луну.

Я моргнула.

— Хорошо, у меня появилась новая теория. Ты псих.

Серьёзно, Богиня не могла управлять этими вещами, а превращённый в аликорна земной пони — тем более.

Он снова рассмеялся, напрягая мои нервы до предела.

— Ну тогда я потерплю неудачу. Но в любом случае я больше не буду путаться у тебя в гриве, тебе не придётся беспокоиться обо мне в дальнейшем. Разве это не здорово, раздавить два яйца одним копытом?.

Я действительно ненавидела этого жеребца.

— А как же вся тобой проделанная работа? — ответила я. Чёрт возьми, одна из причин, почему я вообще не решалась уничтожить этого монстра, так это потому, что даже я могла видеть то хорошее, к чему ведут его усилия. Я могла бы... восхищаться тем, что он строил, даже если я ненавидела то, каким образом он это строил. — А как насчёт школ? Больниц? Восстановления инфраструктуры, которая позволит Эквестрии вытащить себя из этой пост-апокалиптической ямы?!

Красный Глаз притворился размышляющим.

— Ох, дорогая. Ну что ж, я полагаю, ты просто должна занять моё место и довести дело до конца.

Моя челюсть снова отвисла. Он опять меня ошеломил. Как ему это удаётся?

— Ты хочешь, чтобы я... Что?!

Красный Глаз улыбнулся.

— Заняла место? Или просто ожидаю, что ты не позволишь всему этому просто так развалиться. Конечно, я уверен, что ты будешь пытаться найти способ сделать всё это без досадных ужасов рабства. Но, по крайней мере, фундамент мне удалось возвести, благодаря чему ты могла бы даже добиться успеха. — Он любезно поклонился мне. — Я, конечно, надеюсь на это. — Потом добавил деловым тоном: — Богиня всё ещё находится в Её... доме в Марипони.

Я поняла, что меня ожидает ещё потрясение.

— Иии...ты меня отпустишь?

Черногривый кибер-пони кивнул.

— Подразумеваются некоторые запросы. — И, даже не глядя на Ксенит, добавил: — А также ты можешь взять с собой твою новую подругу-зебру. Вы двое кажетесь... эфффективными вместе. Согласись, и она получит свободу.

Ксенит посмотрела на меня с непередаваемым выражением. Я знала, что она так хотела свободы, что готова была рисковать своей жизнью и убивать других рабов ради неё. Просила ли она меня согласиться? Или предупреждала о сделках с дьяволами?

— А если я откажусь убивать Богиню?

Красный глаз нахмурился.

— Ну, я предпочёл бы не обращаться к угрозам. Но позволь только сказать, что при успехе ты спасешь жизни своих друзей в башне. НЕТ! Я никогда не должна была посылать их в то место одних! О Богини, что же я наделала?

— Ч-что ты сделал с Каламити, Вельвет Ремеди и СтилХувзом? — Я спрашивала испуганным голосом. — Они в порядке?

Красный глаз моргнул своим настоящим глазом.

— О, ты, наверное, имеешь в виду твою штурмовую команду в филлидельфийской радио-вышке? Я отправил Стерн с полным отрядом её лучших бойцов, чтобы обеспечить им тёплый приём. Я уверен, хотя бы один из них выжил.

Я тяжело сглотнула, ощущая как вся Эквестрия уходит из-под меня.

— Я... Я хочу их увидеть.

Красный Глаз любезно кивнул. Он подошёл к кнопке на стене ниже большого экрана.

— Стерн, доклад. У меня тут кое-кто, кто хочет видеть пленников.

Экран монитора засветился. Всё, что он показывал в тот момент, были руины и кровь.

Поднялось копыто и постучало по экрану.

— О, смотри-ка! — на экране показали лицо Каламити с улыбкой и его рыжая грива. — Тут включилось что-то!

Послышалось низкое ворчание СтилХувза:

— Не трогай там ничего.

— Так, подожди-ка, — сказал Каламити, слегка приободрившись, — эй, да в этой штуке Лиллип видно. Здорова!

Красный Глаз ожидал явно не такого ответа. Нахлынула волна облегчения, подкосив мне ноги, и я рухнула на пол.

— О, а ты, должно быть, Красный Глаз. Не сказать, чтобы рад встр... ух нихрена ж себе! Да ты ж киберпони! Никогда не думал, что они взаправду есть!

К Красному Глазу наконец вернулся дар речи.

— Каламити, верно? Я так понимаю, вы убили...

— ...Твоих встречающих? Это их ты думал тут увидеть? Извиняй, большинство из них не может подойти по причине потери ног и других частей тела.

— Большинство?

— Ну твоя дамочка-грифина, в общем-то, в целости и сохранности. Будь спок, её не сильно побили, и сейчас ей ни капельки не больно. — ответил Каламити с притворным дружелюбием, не затронувшим стальной блеск в глазах. — Просто подумал, что у нашей подруги Лиллип дела могут оказаться неважными, вот и решил оставить кого-то, чтоб поторговаться.

Я смотрела, как опускался мост через ров. На другой стороне, сквозь электрифицированные ворота, я видела Вельвет Ремеди и СтилХувза, стороживших связанную и крайне сердитую Стерн. Каламити находился на скрытой снайперской позиции.

Я почти могла чувствовать, как воздух становился холоднее, когда пристальный взгляд СтилХувза упал на мою полосатую спутницу.

Красный Глаз стоял рядом со мной, защищённый щитом аликорнов, которые таились в канализационной трубе прямо под нами, но были недоступны взгляду Каламити.

— Вспомни моё предложение, Лиллип. Убей Богиню... — прошептал мне Красный Глаз, явно не беспокоясь, что дети Богини это услышат. (После случая на крыше Башни Подковы я сильно сомневалась, что они вообще могут слышать.) — ...и тогда ты не только избавишься от неё, ты избавишься и от меня. И спасёшь своих друзей в башне.

Я моргнула и с недоумением уставилась на него.

— Мне кажется, мы уже прояснили, что угрожать здесь глупо. — Я указала на ждущих меня друзей по ту сторону ворот.

Красный Глаз вскинул голову, и на миг мне показалось, что он был действительно сбит с толку.

— А. Прошу прощения за недоразумение. Я не имел в виду тех друзей в этой башне... — сказал он, кивнув в сторону белой иглы Филлидельфийской Башни, — Я имел в виду твоих друзей в Башне Тенпони.

Я почувствовала, как моя кровь стынет в жилах.

— Я знаю, что это проклятое здание уже пережило жар-бомбу, но неужели ты думаешь, что оно переживёт ещё одну?

Заметка: Новый уровень.

Новая способность: Гладиатор — Стоимость очков действий для нападений без оружия в З.П.С. уменьшена на 10%.

Добавлена квестовая способность: Выживший в Филлидельфии — Жестокие бои за Стенами Филлидельфийских руин сделали вас сильнее. Ваш порог повреждений увеличен на +2 и ваша защита от радиации увеличена на +3%.

<<< ^^^ >>>

Глава 27. Сигналы бедствия

«Когда стены падут и потеряешь ты всё, что имел, семья станет опорой твоей. А семье опорой было и будет род-племя её.»

<<< ^^ >>>

Семья.

Это было не то слово, в котором я сильно нуждалась, или понятие, к которому была сильно привязана.

Я никогда не знала своего отца (довольно редкая ситуация для кобылки, растущей в Стойле Два). Когда моя мать была в моём возрасте, она проводила большую часть своего времени будучи... ну, есть разные слова, которыми я писала бы других пони. Но это была моя мать. И для неё я выбрала слова "неразборчивая" и "выпивающая".

Взрослела я в компании своей матери. Но большинство моих воспоминаний о ней сводились к фразе: "Сиди тихо, пока взрослые разговаривают". Однако она обучила меня играм. И даже не смотря на мое осознание (а тогда я все еще была "пустышкой") того факта, что играла она со мной скорее ради того, чтобы самой не умереть со скуки, нежели от желания повеселить меня, я всё равно хранила в памяти каждый радостный момент игры с ней: будь то настольные игры или стратегии, да что угодно, что только могло предложить нам Стойло.

Но даже тогда я не думала о нас как о "семье" в том особом значении этого слова.

Теперь, через пелену боли, я поняла что всё начало меняться. Точнее, уже изменилось без моего ведома.

Когда обезболивающее перестало действовать и адреналин прекратил подгонять меня, я смогла почувствовать, как же на самом деле болело моё тело. Бинты помогали и, вероятно, спасали меня от обильного кровотечения из глубоких ран на груди. Однако, продолжая толкать себя вперёд будучи раненой, я нанесла ущерб далеко не только своей магии.

Но теперь я была с друзьями. Это давало чувство защищённости и безопасности. Наконец-то моё тело могло расслабиться и просто болеть.

Вельвет Ремеди переключилась в режим мамы-доктора, едва только увидела меня. Теперь, когда я перестала мысленно обнюхивать её между задних ног, я обнаружила, что меня умиротворяют её беспокойные хлопоты, особенно если учесть, что она справлялась с материнством намного лучше, чем моя настоящая мать.

По правде говоря, эти пони стали моей семьей. Пожалуй это тот самый случай, когда пони, разделившие с тобой тяготы и невзгоды, становятся твоей второй (ну или первой) семьей.

...И у моей семьи намечался неприятный разговор.

— Она — зебра! — воскликнул СтилХувз, когда Стена была уже далеко позади. А когда мы приблизились к искорёженным руинам Явас Капа, СтилХувз наконец решил поставить все точки над "и" по поводу нашего компаньона и его присутствия, и я, ответив, что это просто-напросто моя подруга, совершила большую ошибку.

— Да, так и есть, — ответила я, валясь с ног и испытывая боль по всему телу. Дыхание моё было неглубоким, и было такое ощущение, будто я постоянно тону. В тот момент я мечтала о ванне, которая помогла бы мне смыть всю эту кровь с моей шкуры, вымыть из моего бока этот жгучий порошок и, в конце концов, отвадить от меня этих мерзких кусачих насекомых, которым каким-то чудом удалось проделать весь этот путь со мной. Также я мечтала о кровати, которая была бы хоть немного мягче цемента. И ссора — последние в чём я тогда нуждалась.

— Которая так хорошо пустила тебе пыль в глаза, что ты стала ей доверять, — предположил СтилХувз, — А им нельзя доверять.

Ксенит, которая просто шла за нами подальше от Стены и арены рабов Филлидельфии Стерн, хранила благоразумное молчание. Но сейчас уязвленная и, возможно, ободрённая чувством укрепляющейся между ней и мной дружбы зебра возразила:

— Война давно оттремела, и я в ней не участвовала. А полоски на моём теле ещё не говорят о том, что я должна быть по ту сторону баррикад, прямо как твоё оружие не говорит о твоей принадлежности к войскам Найтмэр Мун.

Гениально.

— Войска Принцессы Луны, — резко сказал Стальной Рейнджер, который сам принимал участие в двухсотлетней войне, — Таким, как ты, запрещено даже упоминать это имя!

Он повернулся ко мне и спросил:

— Литлпип, что ты вообще собираешься делать с этой зеброй? Только не говори мне, что действительно собираешься оставить её в нашей команде.

— Святые Конюшни, — вмешалась в разговор Вельвет Ремеди, — Конечно же нет. К тому же, это было бы просто глупо — путешествовать с существом, чей род деградировал в плотоядных дебилов...

Ксенит остановилась, уставившись на угольно-чёрного единорога в изумлении, граничащем с негодованием.

— ...Или погодите, это же не зебры! — как бы невзначай закончила Вельвет, — Это же гули.

Теперь уже СтилХувз остановился, и я была готова поспорить, что сейчас под его забралом скрывался его освидрепавший взгляд. Ксенит, которая всё ещё прибывала в замешательстве, фыркнула и медленно, в своем экзотическом стиле, спросила Вельвет:

— То есть ты считаешь... что я похожа на гуля?

Я опустила голову: обстановка накалялась слишком быстро.

Вельвет Ремеди широко раскрыла глаза, как только поняла каким именно образом Ксенит восприняла её фразу.

— Нет, конечно же нет, — заверила она зебру, а затем уклончиво намекнула, — Хотя есть здесь кое-кто, пахнущий наподобие.

Ксенит понюхала свою шкуру. Я закатила глаза, а затем, просто чтобы убедиться, понюхала свою шкуру и посмеялась — от меня несло.

Каламити, ожидавший нас чуть спереди кофейни Явы, взмыл в воздух, сжимая Гром Спитфайр. Рядом с дверью кофейни валялась вывеска, на которой был изображён жеребец. Он был молочно-белого цвета со светло-коричневой гривой, включавшей вкрапление чёрных полос. Его кюотимаркой была чашечка с дымком (я даже понадеялась, что она была с кофе). Судя по всему, это и был Ява. Но в следующую минуту мы остановили, и Каламити решил сам нас встретить.

Он приземлился рядом со мной, убрал свою зачарованную крупнокалиберную винтовку в новомодную кобуру, располагающуюся на его седле, протянул Ксенит копыто и, попутно улыбувшись, сказал:

— Приветик!

Мне хотелось поцеловать его (хотя обычно при виде жеребца у меня такого желания не возникает).

Ксенит выглядела несколько ошарашенно. Она неуверенно протянула своё копыто, но как только Каламити схватил его обоими копытами и энергично потряс, она отпрянула назад с широко открытыми глазами.

— Рад встречи. Я, типа, Каламити. — Передние копыто зебры всё ещё продолжало трястись, хотя Каламити его уже больше не сжимал. — Добро пожаловать в команду.

— Так просто? — с опаской спросила она, не сводя глаз с Каламити, будто в жизни пегасов не видала (я внезапно осознала, что скорее всего так дело и обстояло).

— Ну да, — ответил Каламити, продолжая улыбаться, — Чувствую, у вас был долгий и трудный путь. И раз ты здесь, значит Литлпип тебе доверяет, а мне большего и не нужно.

— Да, — сказала Вельвет, тяжело вздохнув, — Потому что суждения Литлпип стали достойны Селестии с недавнего времени.

Она смотрела на мои травмы с растущим беспокойством.

— Хорошо, хорошо! Признаю, это был дурацкий план... — сказала я, с отчаянием взглянув на друзей, — Мне очень жаль... Я с самого начала знала, что всё накроется медным тазом, и не хотела вас втягивать во всё это. Знаю, нам следовало держаться вместе, а мне — больше вам доверять. Вместе мы — сила, а я без вас — ничто...

Я упала на колени от внезапно охватившей меня усталости.

Рог Вельвет засветился, и она взмахом копыта попросила всех замолчать и стоять там, где стояли. Мгновение спустя, моя подруга-единорог ахнула:

— Богини милосердные! Литлпип... что произошло там с тобой?

Я лежала, растянувшись на кровати в комнате, которая когда-то была детской, а Вельвет Ремеди тем времени стояла на коленях близ меня. Мы вторглись в многоквартирный дом, который когда-то делил жилой квартал Филлидельфии с Явой и его чашками. В соседней комнате я видела своих друзей. Каламити собирал мелкий мусор, который потом выкидывал, Ксенит готовила, а СтилХувз негодовал.

— Интересно, чего ради они вообще старались? — размышлял Каламити вслух, глядя на доски, которые он отковырял от двери час назад. Их мы пустили на дрова для костра. — Того, кому хватило решимости и умений бросить вызов городским руинам, парой деревяшек не остановишь. С чего тогда вообще заколачивать дверь?

Ксенит нашла несколько кастрюль и теперь готовила на огне что-то очень вкусно пахнущее. Несколько кастрюль стояло рядом с ней, ожидая своей очереди. Я же дивилась нашей удаче, так как с того самого момента, как мы остались без Хомэйдж, я ощущала острую нехватку умелого шеф-повара.

Я вздрогнула: Хомэйдж была в смертельной опасности, и я отдала бы всё на свете, чтобы увидеть её прямо сейчас. Но я... меня переполнило чувство вины за то, что я ровным счётом ничего не делаю, чтобы помочь ей. Я проклонила Красного Глаза:

— На кой черт он отправился искать Хомэйдж?

— Не думаю, что он отправился за ней, — предположил Каламити из соседней комнаты, — Я считаю, что его цель — DJ Рон3. Чувак в последнее время о тебе только хорошее вещал. Скорее всего Красный Глаз посчитал его твоим другом, которого ты уж точно захочешь спасти.

— Это, конечно, если только он не считает тебя ангелом во плоти, чья цель спасти всех и вся, — язвительно добавил СтилХувз, — Да ещё ради этого готова будешь зайти к чёрту на кулички, дойдя в итоге до идиотизма.

Мне так и захотелось напомнить ему, что план-то предложила Старейшина Стальных Рейнджеров, но вовремя опомнилась. СтилХувз никогда не предлагал или убеждал меня взвалить на себя эту операцию, а когда я приняла решение, он просто оказывал мне поддержку. Учитывая все его предыдущие разговоры со Старейшиной Блюберри Сэйбр, подозреваю, что он бы поддержал меня, даже если бы мое решение предполагало сказать ей сесть на мой рог и покрутится.

Я перевела взгляд со СтилХувза на Каламити, снова поражённая той огромной разницей между ними в делах касающихся поддержки. Каламити был верным, а СтилХувз был... послушным. Не обязательно мне, а вообще кому угодно, кого он выбрал себе в командиры. Он был солдатом даже сейчас.

Вельвет Ремеди провела надо мной своим светящимся рогом ещё раз, чтобы убедиться в том, что не пропустила ни одной раны, травмы или ещё чего-нибудь. Как я и предполагала, моё сломанное ребро и пробитое лёгкое волновало её больше всего (ну ещё, конечно же, Ксенит, которую Вельвет удостоила целой череды косых взглядов, которые СтилХувз не смог бы превзойти). Однако она запретила зебре давать мне какие-либо лечебные настойки, полностью уверенная в силе своих целебных заклинаний.

— Литлпип! — вскрикнула Вельвет, проведя своим рогом над моим хвостом. Она наклонилась ниже, её голос был взволнованным и полным сочувствия, — Как тебя вообще могло ранить в это место?

— Я тут ни при чём, — послышался голос Ксенит из соседней комнаты.

— Что? — спросил Каламити, напряженно подняв глаза. — Кто там и куда ранил Литлпип?

Я закрыла свое лицо копытами, чувствуя, как мои щеки начинают краснеть от стыда.

— Не твое дело! — жестко ответила Вельвет, доставая из сумок на своем седле медикаменты, коих Каламити нашёл целую кучу во время уборки.

Мое беспокойство за Хомэйдж принесло с собой размытые видения о великолепной серой единорожке, целующей эту ужасную рану, чтобы она прошла, на это не помогло.

Тактично возвращая нас к нашему предыдущему разговору, Вельвет Ремеди предложила:

— Я знаю, что ты беспокоишься за Хомэйдж, но не давай беспокойству брать верх над тобой. Помнишь, с тех пор, как Красному Глазу стало нечего бояться, у него появилось кое-что, чтобы устрашать тебя. Но если он воспользуется "этим", то в итоге получит лишь злую Литлпип. И если он хотя бы на половину такой же умный, каким ты его себе представляешь, то ему хватит мозгов, чтобы понять, что ему этого совсем не нужно.

Я прикусила нижнюю губу.

Каламити встал и потряс головой.

— Не хочу вас волновать, но... — пегас сделал неловкую паузу, закинув своё копыто на свою оранжевую гриву, — В общем, я считаю, что если он и поместил мегазаклинание в башню Тенпони, то сделать это он должен был до того, как ему в голову взбрело использовать тебя. Так что, если что и мешает ему воспользоваться им, так это ты...

— Значит... ты думаешь, что он воспользуется им, как только узнает о смерти Богини? — спросила я, нахмурившись (такого поворота событий я себе даже представить не могла). — То есть, если я это сделаю?

Каламити исправил свою шляпу.

— Я... точно не знаю, но DJ РонЗ, как и многие его слушатели, имеют свой взгляд на происходящее, — сказал Каламити, смотря хмурым, пронзительным взглядом, — А большинство известных мне диктаторских режимов склонно недолюбливать оппозиционеров, а порой просто кончать с ними...

Я уже было спросила Каламити, сколько диктаторских режимов он знает, но слова так и застряли у меня в горле, когда я вспомнила, что он мне как-то сказал:

Не верь им. Анклав готов превратить во врага народа каждого, кто посмеет критиковать их идеалы.

Так что я просто кивнула, пытаясь показать поддержку своим взглядом.

— Стерн резала языки всем, кто пробовал катить бочку на Красного Глаза, — напомнила мне Ксенит, произнеся имя грифины с особым отвращением, — Я пару лет рта открыты не смела, чтобы мой не оттяпали. — И добавила: — Славно, что теперь я наконец-то могу свободно им пользоваться.

— Но теперь, когда мы все вместе, я не понимаю почему бы нам не пойти и не вывести его на чистую воду? Ворвёмся, смешаем ему все карты, короче, кончим его, — пробурчал СтилХувз.

— Во-первых, достать его будет не просто. Старейшина Блюберри Сэйбр была права на этот счёт: Красного Глаза хорошо охраняют, и в случае чего он даст дёру ещё до того, как мы доберёмся до него... — сказала я, глубоко вздохнув.

Чего я не сказала так это того, что я была не уверена, хочу ли я рубить на корню его план. Хотя я была уверена, что не хочу рушить результаты его долгих трудов. Я хотела освободить рабов, но это было не то же самое. Так ведь?

Чёрт побери! Мою моральную позицию было проще понять до того, как я осознала, что чёртов ублюдок (а я хорошо это осознала) был прав. Он строил светлое будущее... ну или, по крайней мере, нечто наподобие, жертвуя на это всё: начиная со своего дома, заканчивая вашей свободой.

Я вспомнила свой разговор с Наблюдателем относительно добродетелей, которые без того, что он назвал "Искрой", теряли свой истинный смысл, становились искажённым подобием самих себя. Я нашла в Красном Глазе ещё одну — щедрость. Даже щедрость могла пойти путём зла, исказится... особенно когда раздариваешь направо и налево то, что тебе не принадлежит.

— Ты что, действительно, веришь, что у Красного Глаза есть мегазаклинание? — засмеялся СтилХувз.

Я нахмурилась.

— Неразорвавшаяся жар-бомба? Когда же он её нашёл? — вопрошал СтилХувз, — Где? Об такие шулки на дороге не спотыкаются.

Я, Вельвет Ремеди и Каламити обменялись взглядами.

— О, черт... — простонал СтилХувз, — Что вы натворили?

Здание окутала тишина (если, конечно, исключить треск огня и бульканье кастрюль), несколько долгих минут ожидая наших объяснений.

— Вы отдали жар-бомбу Новой Эплузе?! — взорвался СтилХувз, начав мерить комнату шагами, делая звонким взмахом своего закованного в железо хвоста акцент на каждом слове, — Городу, печально известному за свою торговлю с работоторговцами Красного Глаза?

— Агась...

— Кому из вас, придурков, пришла в голову столь замечательная идея? — спросил СтилХувз.

Я молча копалась в своих воспоминаниях. Я вспомнила свою озабоченность вопросом отправки освобождённых рабов в Новую Эплузу. Но никак не могла вспомнить ничего, связанного с передачей им мегазаклинания.

Каламити поднял копыто, всем своим лицом выражая глубокую досаду.

— За это они тебя называют "Каламити" (катастрофа), да? — спросила Ксенит.

Вельвет Ремеди села рядом с Каламити.

— Вы вообще понимаете, что Новая Эплуза существует благодаря Красному Глазу, а? — вскипал от злости СтилХувз. — Его забрало повернулось к нам, найдя лишь пустые взгляды. — Этот городишко умирал от жажды до того, как пришел Красный Глаз и дал жителям водный талисман. Вы должны были понять, что город в долгу перед ним!

— Извиняй, партнер, этого я не знал... — покачал головой Каламити, выражая искреннее удивление. Я, тем не менее, простонав, закрыла копытами свои глаза.

Я видел, как дар нашего Стойла был разделён, как водный талисман был отдан боровшемуся с трудностями городу, который теперь знает радости чистой прозрачной воды.

Смерть Хомэйдж была вопросом времени, и ответственность за неё полностью лежала на моей совести.

Мой ПипБак не переставал щёлкать, не давая мне забыть, что вода, в которой я мылась, была радиоактивна. Рядом с обшарпанной и искорёженной ванной сидела Вельвет Ремеди, держа наготове Антирадин, чтобы, как только я закончу мыться, сразу же дать его мне. В пустоши чистая вода была большой редкостью, и едва ли те, у кого она была, стали бы расходовать её на принятие ванн, даже если живут в местах, имеющих водный талисман, наподобие Башни Тенпони. Здесь же, в руинах Филадельфии, фонила вся вода без исключения.

Щёлканье напомнило мне, что недели, проведенные мною в пустоши Эквестрии, во многом были... удачными. Мне не приходилось делать большинство из самых отвратных вещей, с которыми многие пони встречаются каждый день. Например, мне никогда не приходилось пить радиоактивную воду из толчка.

От стены, отделявшей ванную от гостиной, мало что осталось, так что я эффектно мылась у всех на виду. Ксенит всё ещё возилась со своими кастрюлями. Вельвет, пытаясь усидеть на двух стульях, помогала мне отмывать места, которые я обычно мою, используя магию, и приглядывала за Каламити. Он же, отыскав в других квартирах разбитые радиоприёмники, пытался на их основе собрать хотя бы один рабочий. СтилХувз караулил входную дверь.

И вот радио, которое ремонтировал Каламити, ожило.

"Йии-хаа! Привет всем пони Филлидельфии! С вами DJ РонЗ, проливающий свет даже на самые тёмные уголки Эквестрийской Пустоши! Сигнал не остановить! И, благодаря детке из Стойла Два, послание теперь достигает даже запертых в этой Селестией оставленной чёртовой дыре душ. Похоже, что наша отважная Обитательница Стойла ворвалась в самый центр поработительной деятельности Красного Глаза и наставила старому ублюдку здоровенный фингал... в форме потери половины дирижаблей и небольшой армии работоторговцев. И это не говоря уже о распылении Кратерного Босса. Мало того, она сбила спесь с правого копыта Красного Глаза — грифины Стерн. Ииии даже это ещё не всё! Наша маленькая Героиня Пустоши, наша Дарительница Света пробрыкнулась прямо сквозь стену, выстроенную Красным Глазом вокруг филлидельфийского радиоэфира, принесла моё скромное послание в тот край,

я никогда я никогда прежде не мог достичь! Спасибо тебе, Обитательница Стойла!"

Я, прости, погрузилась глубже в ванну. Восторг, который я почувствовала в голосе Хомэйдж (который, конечно же, был изменён), здесь, в этой страшной дыре, боролся со смятением и унижением, что я чувствовала, слыша, как мой самый большой в жизни провал описывался, как блестящая победа. Я этого не заслуживала.

"Если повстречаете нашу Дарительницу Света, передайте ей большое спасибо! Её нетрудно будет узнать, если зебра, спасённая ею из рабства во время последней проделки, составит ей компанию. Всем же остальным, кто всё ещё трудится в Филлидильфии, хочу сказать: наши сердца с вами, и ваши тяготы не были позабыты. Кроме того, хочу вас немного обнадежить: зная нашу Дарительницу Света, я сомневаюсь, что она уже закончила с Красным Глазом!"

Ксенит уставилась на радио, медленно моргая.

— Откуда он так много знает? — спросила она. Мы перешли ров и покинули пределы Стены менее трёх часов назад.

— И почему он не упомянул о вас? Победа в основном ваша заслуга, вы освободили нас, и за это я больше всего благодарна, — сказала Ксенит, посмотрев на моих компаньонов.

— Пустяки, чего уж там, — хихикнул Каламити.

— Потому что мы попросили... ДиДжея Рон3 не упоминать нас, — промурлыкала Вельвет Ремеди. — Все почести должны доставаться Литлпип.

Я застонала: это был заговор.

Я уже было встала, чтобы сказать кое-что, но Вельвет закрыла своим копытом мой рот и прошептала мне на ухо:

— Да, и боюсь я не позабыла о том моменте с "амбарными воротами". — Она улыбнулась, увидев, как я рухнула под напором охватившего меня стыда.

Голос DJ Рон3 продолжил сообщать новости и давать советы пони по всей Пустоши. Я почувствовала озноб, слыша, как DJ Рон3 открыто общается с нами, даже не подозревая, что ей грозит смертельная опасность.

"Предупреждение для всех, кто путешествует по центральной Эквестрии. Держите свои копыта подальше от окрестностей Понивилля. Я получаю множество сообщений о пожаре в задней оконечности Вечнодикого леса. Похоже, он распространяется медленно, но всё-таки его распространение и дым вынуждают некоторых неприятных обитателей леса передвигаться в сторону Понивилля, а пара монстров уже перебралась в город. К счастью, в окрестностях того района живут только рейдеры, так что "бон апети" вам, монстры!"

— Ну вот, не одно, так другое, — промычал Каламити, подразумевая то, что Прекрасная Долина находилась как раз чуть дальше Понивилля, если идти от леса. Но, к счастью, мы будем пересекать это место гораздо выше уровня земли, следовательно избежим каких-либо проблем с "местным населением".

— Если только, конечно же, среди тварей, бегущих из леса, нет мантикоров или чего наподобие...

Зная мою удачу и злокозненность Эквестрийской Пустоши, то это будут злобные драконы.

"Что ж, вот и ещё один тяжёлый день на Эквестрийской Пустоши, но у меня есть новости и музыка, чтобы помочь вам его пережить.

Так что скажите прости-прощай дурацкому белому шуму и поприветствуйте великолепную музыку! С вами был DJ Рон3..."

Замаскированный голос Хомэйдж уступил место новым песням из коллекции ДиДжея Рон3. Что-то из тех записей, что я спасла из Стойла №29.

"А ты мечтаешь?.."

После ванны я стала чувствовать себя гораздо лучше. Пока Вельвет Ремеди покачивала своим рогом над моим телом, залечивая моё лёгкое и вправляя моё ребро, меня начало клонить в сон.

— Литлпип, мы можем поговорить? О зебре, — спросил СтилХувз, войдя в комнату.

Я издала протяжный мучительный вздох. Опять? Я сделала вид, будто ослышалась, впрочем неубедительно, и ответила:

— Можешь Греть? Прости, не слыхала о такой.

— Очень смешно, — сухо сказал СтилХувз, — Литлпип, мне нужно поговорить с тобой.

— Тебе нужно сходить домой? Ладно. Нужны мы вчетвером, чтобы пойти с тобой? — я несколько выделила слово "вчетвером", и только потом осознала, что вместе с Паерлайт нас было пятеро. Где, интересно, сейчас была эта прелестная пташка?

Тихо похихикав, Вельвет Ремеди поднялась и, опустив голову, рысцой побежала к Стальному Рейнджеру. Она прижалась к нему и, воспользовавшись магией телекинеза, чтобы уменьшить вес его массивного снаряжения, вытолкала его за дверь.

— Прости, СтилХувз. Сегодня мы слишком заняты спасением Эквестрии, так что с предрассудками разберёмся позже. Как насчёт следующего месяца?

СтилХувз, громко топая ногами, крикнул:

— Ты можешь взять с собой любого из своих компаньонов, но даже если и я тоже соглашусь взять его, Стальные Рейнджеры всё равно не позволят ей войти в их цитадель и остаться там! — он смотрел на меня вверх белой с вкраплением алых и золотых полос гривы Вельвет, — Или, может, я не прав, и у тебя больше нет никаких дел в цитадели?

Я опустила лицо, понимаю, что жеребец-гуль прав. Старая штаб-квартира Стойл-Тек была моей первой намеченной остановкой. Также мне надо было кое-что... обсудить со Старейшиной Блюберри Сэйбр. Однако, это было не то место, в которое можно было взять с собой Ксенит. Наверное, мне было бы легче убедить обитателей цитадели в дружелюбности аликорна...

Вельвет Ремеди уже почти вытолкала СтилХувза за дверь, когда я наконец промолвила:

— СтилХувз, я пригласила Ксенит присоединится к нам, и она будет с нами столько, сколько пожелает. Если для тебя это такая большая проблема, то тебя никто не держит, — начала я, смотря на него очень мягко, — Помнишь, Эплджек сама предложила зебре свою дружбу...

В ответ я получила неожиданное ворчание:

— Да, и если бы ты только знала, чем это закончилось, ты бы об этом даже не заикнулась!

Ого. Минное поле.

— Ладно... но тем не менее, мне каким-то образом посчастливилось стать лидером этой развесёлой шайки пони, и я решила дать ей шанс. Если ты хочешь остаться с нами, то сделаешь то же самое. Я не хочу, чтобы Ксенит загадочным образом испарилась, пока я отвернулась...

Вельвет Ремеди издала резкий вздох, услышав мои намёки. Она не знала о моделях поведения, что я видела в воспоминаниях Эпплснека, и шокировано смотрела на меня, не веря в то, что я считала, будто кто-то из нас способен на такое. Я завидовала невинности Вельвет. СтилХувз замолчал.

— ...Раз уж ты с нами, тебе придётся вылюбить и вытерпеть всё дерьмо из неё. Считай это приказом. — Я пристально смотрела на

него, давая ему шанс.

— Кстати говоря, — добавила я с неохотой, — Ты совершенно прав насчёт Стальных Рейнджеров. Я не буду брать Ксенит с нами в здание Стойл-Тек. То есть нам... эм... снова придётся на некоторое время разделиться. Хотя бы ненадолго.

СтилХувс постоял с секунду и резко кивнул. Он повернулся и уже было собрался уйти, но чуть не врезался в зебру, которая проходила мимо, держа в зубах прикрытую кастрюльку. Они неловко уставились друг на друга, но затем кое-как разошлись. Вельвет Ремеди отошла назад, пропуская Ксенит в комнату, а затем закрыла за ней дверь.

Зебра наклонила шею, чтобы опустить кастрюлю на пол и сказала:

— Опять я становлюсь предметом ссоры.

— Становилась предметом ссоры, — мягко поправила её Вельвет.

— А я разве не тоже самое сказала? — озадаченно спросила Ксенит. Я прикрыла рот копытом, чтобы скрыть смехок.

Вельвет Ремеди опустила глаза.

— А это ещё что? — спросила она, указывая на кастрюлю, при этом её уши отклонились назад, — Я надеюсь, что там нет никакого мяса, да?

— Конечно же, нет, — ответила Ксенит с немалым удивлением. — Зебры вегитарианцы... я считала, что и пони тоже. Разве нет?

Я видела, как Вельвет Ремеди почувствовала внезапное облегчение, она прямо заискрилась от радости.

— Да! Конечно же! Слава Селестии... Наконец-то! — Она скользнула к Ксенит и обняла её за шею передней ногой, очевидно, не замечая, как зебра внезапно напряглась. — О, мы будем лучшими друзьями, я и ты.

Вельвет подалась назад, осматривая Ксенит.

— К тому же, Литлпип — не единственная, кому нужна медицинская помощь, — она снова стала привычной мамой-доктором и, ставив матрас с двухъярусной кровати, настойчиво повела к нему зебру.

Но попытка заставить её лечь на него переполнила чашу терпения Ксенит. Она отпрыгнула, оттолкнув при этом копыто Вельвет с такой силой, что у той на глазах появились слезы, да и саму её оттолкнуло так, что она чуть не споткнулась.

— Я не люблю, когда меня трогают! — выпалила зебра.

Моргнув, Вельвет Ремеди упала на свой круп, прижав к груди ушибленное копыто. У меня внутри всё заледенело. Часть меня хотела прыгнуть и встать между ними, чтобы как-то разрядить обстановку. Но ситуация поменялась так быстро, что я даже понять не успела, что произошло.

— О, — Вельвет моргнула и широко раскрыла глаза, — О, Ксенит... прости, я не знала!

Она смотрела на замершую в напряжение зебру, и в голосе её слышалось неподдельное сожаление.

Я никому не рассказывала о том, что Номер Четыре сказал мне про Ксенит, поскольку считала, что не имею на это право. Вельвет же и не просила об этом, так как поняла сама. Не полностью, спасибо Богиням, но достаточную часть.

Осторожно опустив своё большое копыто, Вельвет Ремеди поднялась и извинилась ещё раз. Но на извинениях дело не закончилось, и Вельвет продолжила настойчиво настаивать на своём:

— Я больше не буду просто так трогать тебя без твоего разрешения. Это было не красиво с моей стороны. Но я пони-врач, и мне придётся дотронуться до тебя, чтобы излечить физические недуги.

— Я сама с этим справлюсь, — усмехнулась Ксенит.

Вельвет кивнула головой.

— Я в этом и не сомневаюсь, но у меня это выйдет лучше, — сказала она. И это не было хвастовством. После того, как она вылечила моё лёгкое и ребро, сомневаться в её правоте не приходилось.

— Ты заслуживаешь куда лучшего обращения, чем получала в последнее время. большей частью, конечно же, от других, но и от себя самой тоже. Позволь мне позаботиться о тебе подобающим образом, — тихо промолвила Вельвет, — По крайней мере, в меру моих возможностей.

— Я пришла сюда, чтобы преподнести малышке подарок, а не для того, чтобы получать толчки и уход от пони-врача, — сказала Ксенит.

Они повернулись ко мне. Я уже было решила сделать вид, что прослушала весь их разговор. Эх. Наша семья достаточно разрослась, чтобы потребовался кто-то, кто устанавливал бы правила. Вот только почему этим кем-то должна была быть именно я? Учитывая мой совершенно бессемейный опыт, не была ли я самой неподходящей для этого пони?

— Ксенит, — спокойно начала я, — В нашей команде мы все доверяем друг другу свои жизни, и каждый из нас заботится о других и использует свои таланты для того, чтобы помочь им. — Тут я остановилась, поняв, что ход моих мыслей неправилен и сбивчив. Я их "скорректировала" и продолжила: — Мы все очень рады, что ты с нами, и я надеюсь, что ты останешься с нами до конца. Но, понимаешь, быть частью команды — значит также идти на некоторые жертвы. Ты сказала мне, что я теперь ответственна за тебя, а это значит, что я также должна быть убеждена, что о тебе хорошо заботятся. И вот как я решила сделать это: позволить Вельвет оказать тебе медицинскую помощь, которую она оказывает почти каждому из нас, — Я посмотрела на зебру и добавила, — Если только ты не хочешь сложить с меня мои обязанности.

Глаза Ксенит сузились, но она, тем не менее, медленно легла на матрас и сказала:

— Нет, я не хочу, маленькая пони.

Я выдохнула воздух, который по какой-то непонятной мне причине удерживала до этого.

Вельвет Ремеди осторожно пошла к зебре, но остановилась, когда проходила мимо кастрюльки, которая всё ещё стояла на полу.

— Ксенит, а что это за подарок-то? — спросила она.

— Это восстанавливающий отвар, — ответила Ксенит. — Он восполнит магическую энергию твоего рога, который ты перенапрягла во время нашего спасения.

Я моргнула. С одной стороны, это была потрясающая новость. Когда у меня в последний раз было выгорание, потребовались дни на восстановление. Сейчас же, когда над Хомэйдж нависла угроза со стороны Красного Глаза, я не могла позволить себе бездействовать так долго. С другой стороны, что вообще зебра могла знать о магии единорогов, а уж тем более об уникальных для них недугах?

— Я знаю многие из древних мистических рецептов. Одни для лечения, другие для улучшения или вреда, — сказала нам Ксенит, — Если у меня будут правильные ингредиенты, то я смогу сварить зелья, которые навсегда изменят и усилят тебя, чтобы быть лучше подготовленной к будущим сражениям.

Изменят? Что-то я не очень хочу "измениться", — подумала я.

— Это, конечно, не то зелье, но у меня есть все необходимые ингредиенты, чтобы приготовить эликсир наподобие. Например, тот, который укрепит твои кости, так что их будет куда сложнее сломать. Я приготовлю, будь уверена... если ты позволишь мне.

Вельвет Ремедди всем своим видом показывала скептический настрой.

— Не думаю, что это хорошая идея. Как и этот подарок, раз уж на то пошло, — сказала она, и прежде чем кто-либо из нас успел ей возразить, добавила, — У Литлпип уже был неприятный опыт со все этой "медициной" зебр. Она чрезвычайно восприимчива к её "побочным эффектам".

Ксенит посмотрела на нас.

— Я не предложила бы полный кубок зелья, если бы оно вызывало привыкание. — Зебра, нахмурившись, посмотрела на Вельвет, затем на меня, — Ты только что сказала, что вы делитесь между собой своими талантами. Разве ты не позволишь поделиться этим с тобой?

Вельвет усмехнулась тому, что Ксенит использовала мой собственный аргумент так быстро. Зебра вскинула свою голову.

— Вы видели Красного Глаза, не так ли? Этот пони усилил себя с помощью машин и технологии. Если малышка действительно выбрала его в свои смертельные враги, то почему бы ей не воспользоваться теми дарами, которые я предлагаю? Ведь Красный Глаз и мой враг, почему бы мне не сделать этот подарок?

Вместо ответа я поднялась, подошла к кастрюльке и сняла крышку. Жидкость внутри имела сладко-пряный аромат, а дымок, вырывающийся изнутри кастрюльки, прочистил мои пазухи. Лишь немного поколебавшись, я начала пить.

Моя магия была полностью израсходована. После зелья Ксенит и ночи восстановления я всё ещё не могла поднять даже пустую кастрюлю. Но мне показалось, что я почувствовала, как моя магия начинает возвращаться. И я знала один тест, которому требовалось лишь мельчайшая искра магии и внимания.

Я положила один из шаров памяти на пол квартиры. Я принесла в жертву все шары из сейфов в моей битве с супераликорном, кроме этих двух. Просто я положила их в другую сумку. Я легла, наклонилась вперёд и сконцентрировалась, как только мой рог коснулся шара...

<=====ooO Ooo=====>

Вспышки света прорывались сквозь тьму ночи — множество камер ловили момент для толп пони-журналистов и папарацци. Они стояли вперемешку с теми пони, которые громко кричали какие-то протесты и держали какие-то плакаты. Мой хозяин стоял на мраморной лестнице, взирая на них свысока и следя за тем, как отряд полицейских продвигается сквозь толпу.

Я была одета в полный комплект доспехов, однако, в отличие от воспоминаний Эплснэка, броня не вызывала чувства клаустрофобии или тяжести. Я, фактически, вообще её не чувствовала. Ограниченное зрение, Л.У.М., который щёлкал позади забрала, и запах пота пойманного в ловушку пони были наилучшими показателями того, как я была одета. (Кстати говоря, запах пота этой пони был настолько приятным, что я никак не могла перестать думать о нём.) Ещё одним неприятным открытием стало наличие у меня крыльев. Я была в теле пегаса.

По обе стороны от меня стояло много пегасов в гладких чёрных панцирных доспехах, которые я привыкла ассоциировать с Анклавом.

Когда полицейские прорвались сквозь толпу и начали подниматься по лестнице, я увидела, что они сопровождали зебру, которая была закована в цепи и окружена вооружёнными пони.

Один из них подошёл ближе и сказал кому-то позади меня:

— Была поймана с поличным в Огненных Подковах за попыткой украсть чертежи антимех-винтовки.

Зебра протестовала против жёсткого обращения с ней.

— Вламываться туда мне не было причины, коли приглашена туда была, дурачины! — Её экзотический голос был похож на голос Ксенит, и я узнала странные рифмы, которые, казалось, всегда текли из её уст. Потом почти шёпотом, Зекора спросила у конвоира: — Всегда ль марионеткой ты был без причины?

— Я знала это! — прокричал сильно знакомый голос сзади меня. Розовая пони-вечеринка вышла в поле зрения, кинув острый взгляд в сторону Зекоры. — И ты думала, что я позволю тебе обманывать нас своим доверием! Ты... ты прохиндейка!

Зекора выглядела обиженной. Пинки Пай не смягчилась, переходя в ярость нараспев.

— Эта пони — ведьма злая,

Злые пляски исполняет...

— Пинки Пай, ты меня не так поняла. И твоя глупая песня сердцу не мила.

— Даже не пытайся войти в моё доверие, Зекора. Я... Никогда больше. — Пинки Пай отвернулась от неё, нахмурившись. Это был первый раз, когда я действительно видела кобылу Министерства Морали злой, и это было страшно.

Вполголоса она прорычала:

— Я надеюсь, тебе действительно нравятся камни!

Пинки Пай посмотрела на меня, потом ткнула копытом в двоих бронированных пегасов справа от меня.

— Ты и ты, сопроводите моего *старого друга*... — прошипела Пинки Пай сквозь стиснутые зубы, — ...до конвоя. Остаток своей жизни Зекора будет гостить в Разбитом Копыте. Скажите им там, чтобы вытянули из неё всё, что только можно. И пусть. Там. Особо. Не. Церемонятся!

Два пегаса справа от меня поспешили подчиниться. Пинки Пай указала на меня копытом:

— А ты. За мной.

Розовая земная пони топала обратно вверх по лестнице в то, что я приняла за здание Министерства. Мой хозяин повернулся и побежал за ней, следуя за Пинки Пай, когда та пересекла тёмный, просторный холл лифта. Под её дыхание, Пинки Пай продолжала ядовито петь :

— ...Зачерпнёт воды из лужи

достанет острый ножик,

И тебя в рагу покрошит!..

Она перестала петь в лифте. Что было хорошо, так как её песня неприятным образом совпадала с начальной версией марша параспрайтов, что играл в лифте. Пинки Пай повернулась и одновременно нажала на все кнопки своим крупом.

Лифт отвёз нас к большому офису с огромными зеркальными окнами, выходившими на... Кантерлот.

Пинки Пай опасно прошагала в центр комнаты, потом повернулась, фиксируя меня своего рода злонамеренным выражением, которое заставило меня думать, что она может порезать меня и запечь в кексиках. Тогда в волшебное мгновение на её лице ворвалась огромная улыбка, которой, казалось, хватит, чтобы осветить всю комнату. Она помахала передними копытами перед носом, крикнув распиравшим от радости голосом:

— ОБМАНУЛА!

Стареющая земная пони рухнула на пол от смеха.

— Самый! Лучший! Розыгрыш!

Мой хозяин засомневался и подошёл к окну, глядя вниз. Л.У.М. начал определять пони и кареты на улице ниже. Конвой с Зекорой уже выкатывал к Разбитому Копыту под сопровождением легкобронированных стражников, дополненных двумя пегасами в магической броне.

Я почувствовала, как поднялось забрало. Моё отражённое в окне лицо было голубым, с красно-фиолетовыми глазами и спутанной копной радужных волос. Отражение Пинки Пай появилось в окне рядом с моим.

— С Зекорой всё будет в порядке? — спросила она с ноткой искреннего беспокойства в голосе. — Правда, Дэши?

Я видела и чувствовала, что мой хозяин кивнул.

— Она была с лучшими тренерами Министерства Крутости. Я не позволила бы себе этот шаг, если бы дела обстояли иначе.

Пинки Пай кивнула и перевела взгляд на конвой внизу. Он отъехал уже на два квартала. Пинки Пай помедлила, подняла левое копыто и помахала им.

— Ха.

Рэйнбоу Дэш игнорировала это, её зрачки сузились.

— Спасение предателями, сочувствующими зебрам через три...

— Два! — Пинки Пай посмотрела вниз в возбуждении. — Оооо, из Зекоры получится такой хороший шпион!

— Один...

Первый фургон из конвоя с заключёнными взорвался после вспышки под ним. Тёмные фигуры бросились со всех сторон, освещённые всполохами огня из своего оружия.

Рэйнбоу Дэш опустила забрало.

— И. Мы. Идём.

<-----ooO Ooo----->

Я сидела в гостиной, пытаюсь перемещать маленькие предметы. До этого я левитировала к себе упаковку жевательной резинки. (Что, пожалуй, было единственным, для чего эта жвачка сейчас годилась. Кто будет пробовать есть двухсотлетнюю жевательную резинку?)

За завтраком, по содержанию неотличимым от обеда, разговоры стали более непринуждёнными. Все хотели лучше узнать Ксенит, удивляя её, в свою очередь, рассказами о наших приключениях за последние пять недель.

— Я никогда не видела кровокрыла, — признала Ксенит, — Но видела высушенные оболочки их жертв. Но все же... ракета? Не слишком ли много для одной твари?

— СтилХувз бьёт наверняка.

Гуль фыркнул.

— Твой черёд. Расскажи ей про своё решение проблемы аликорнов, преследовавших нас в Мэйнхэттене.

— Вообще-то, — прервала Вельвет, — думаю, сейчас черед Ксенит. — Она ободряюще взглянула на зебру и предложила, — Почему бы тебе не рассказать нам немного о том, где ты приобрела свои навыки зельеварения? — Вельвет намеренно перешла к рассказам о событиях, имевших место задолго до Филлидельфии, направляя воспоминания зебры и нашу беседу подальше от опасных и болезненных тем.

Ксенит помедлила, но смягчилась, когда пауза затянулась.

— Я научилась варить снадобья и лекарства, как обычные, так и магические, от прародителей. В молодости они были искателями приключений и проникали во все запретные места — даже углублялись в Вечнодикий Лес в поисках Хижины Зекоры и покорили Плато, возвышающееся над Лягушачьим Болотом — разыскивая старые рецепты и знания зебр, утерянные веками. От них я узнала обычаи и сказки зебр... вернее, всё из того, что я знаю о них.

Я оторвалась от постройки крошечной крепости из жвачки и патронов. Каким-то образом мысль о зебрах, как о таких же, как я, Эквестрийских мусорщиках, стала неожиданностью. Не знаю, что я ожидала. Что-то более военное и уникально-зебринское, наверное.

— Мои прародители были в числе выживших Стойла Три, как и большинство зебр в Эквестрийской Пустоши. Как это обычно бывает, мои прародители засомневались в обычаях их родителей и намеревались узнать о зебрах больше, нежели безоговорочно верить сказкам, пересказываемым со времён Консервации.

Мне не нужно было разъяснение, чем являлась Консервация. Никому, кто жил в Стойле, не нужно было. Но я хотела узнать больше о Стойле, чертежи которого хранились в моем ПипБаке.

— Стойло Три?

СтилХувз крякнул.

— Стойло Давайте-Жить-Дружно, — саркастически фыркнул он. Я заметила, как при этих словах Вельвет наострила уши.

— Это определённо было экспериментальное Стойло, — произнес Стилхувз. — Фактически, все зебры Эквестрии были "совершенно случайно" определены туда. Их популяция составила половину всех жителей Стойла.

Ксенит поморщилась от того, что её прервали, но кивнула, подтверждая слова СтилХувза.

— Это было задолго до моих прародителей, но согласно дошедшим рассказам, Смотрительницы сообщили всем, почему они были выбраны и почему в Стойле не было ни книг по истории, ни плакатов, связанных с текущими событиями.

Ага. Вместо того, чтобы что-то менять, Скуталу и её подруги просто-напросто ограничили влияние Министерства Стиля насколько возможно.

— Смотрительницы? — спросила Вельвет Ремеди. — Во множественном числе?

Ксенит кивнула.

— Одна пони и одна зебра.

Опыт исследования Стойл давал о себе знать. Но всё же, если всё-таки были выжившие...

— Что пошло не так?

— Почему ты считаешь, что что-то пошло не так? — Ксенит вопросительно взглянула на меня. — Зебры и пони могут сосуществовать весьма гармонично, если дать им шанс.

СтилХувз ещё раз предоставил необходимый ответ.

— Стойло Три было построено в пределах единственного города в Эквестрии, в котором было множество зебр, —

проектмировал он нас. — Кантерлот.

О нет.

Ксенит заметила, как я переменялась в лице, и мрачно кивнула.

— Даже Стойла не могут сдерживать Розовое Облако вечно. Стойло Три выстояло больше столетия, прежде чем Облако проело себе путь внутрь. В течение следующего поколения те, кто ещё был способен, были вынуждены распечатать дверь и бежать. Многие не смогли пережить воздействия. Мои прародители были среди тех, кто смог.

— Ты... убила дракона?! — Ксенит уставилась на меня и Каламити, широко открыв глаза, но, затем, сощурившись, спросила меня, — Это правда? Или месть за Зайку Смерти?

— Зайку Смерти? — спросила Вельвет с любопытством.

Каламити вытащил книгу из своей сумки.

— Думаю, это пригодится.

Я сконцентрировалась, пытаясь окутать книгу магией. Я вспотела, но книга послушно прилетела ко мне. Боевые Искусства Зебр, гласила обложка.

— Где ты это нашёл? — спросила я, открывая оглавление.

— В картотеке на станции, — сухо ответил Каламити. — Удивительно, но под буквой П.

Я пропустила это мимо ушей. Пролог сообщал о богатой истории боевых искусств, начиная с проверенных столетиями стилей (например, Стиль Падшего Цезаря), и кончая довольно новыми. Хотя самые новые из них появились за несколько лет до написания этой доапокалиптической книги и в основном фокусировались на использовании улучшающих снадобий — например, Стиль Зайки Смерти. Автор книги плохо о нём отзывался, ссылаясь на неопределённое "влияние" с земель, где жили пони.

Я закрыла книгу, чтобы прочитать её позже.

Ксенит пристукнула копытом в раздумьях.

— Литлпип, с твоего позволения, есть одно место, куда я хотела бы отправиться. Я понимаю, что есть неотложные дела, но для меня это очень важно.

— Конечно же мы... погоди, с чего вдруг решение за мной? — Я оглядела остальных. — Почему все пони ведут себя так, будто я лидер?

— Литлпип права, — воскликнул Каламити. — У нас по-любому полно неотложных дел, так что, думаю, стоит выслушать план. Что там дальше по плану?

Я благодарно кивнула и изложила план.

— Сначала надо вернуться в Штаб-квартиру Стойл-Тек. У меня есть кое-что для Старейшины Блюберри, и я планирую обменять это на доступ к мэйнфрейму Стойл-Тек.

Стилхувз вопросительно хмыкнул.

— Красный Глаз себе крепость отстраивает, называемую "Собор", в месте где раньше стояло Стойло №101. Думаю, в терминале Стойл-Тек есть карта местоположения всех Стойл, которая поможет нам узнать, где же находится логово Красного Глаза.

Я взглянула на Каламити.

— После этого мы на всех парах мчимся к Башне Тенпони и начинаем эвакуацию.

Каламити ухмыльнулся и повернулся к Ксенит.

— Прости, что прервал. Просто уточнил кое-что. А теперь, о чём ты там говорила?

Я моргнула в недоумении.

— Да? Что уточнил?

Ксенит тоже усмехнулась и любезно ответила:

— Мне показалось, что ты только что продемонстрировала всем, кроме себя, почему ты являешься лидером.

Я уставилась на неё. Что она...? Ох, ебать. Я мрачно посмотрела на Каламити, но он только лишь ухмыльнулся. Клопать меня крыльями Луны!

— Ты и сама можешь туда отправиться, — предложил СтилХувз Ксенит, изо всех сил стараясь скрыть свою неприязнь к ней.

Ксенит кивнула головой.

— Да, но путешествовать в одиночку будет сложно и опасно. Уж лучше я загляну туда позже, чем никогда, — сказала она, посмотрев на меня, — Хотя, если ты откажешься, то я покину вас, как только мы достигнем места, что в нескольких днях пути от места моего назначения.

Я кивнула. Хотелось незамедлительно согласиться, но разумнее было сперва спросить:

— Куда тебе нужно?

— Мне... нужно вернуться в дом моего племени. В деревню, которая была родной мне и моей семье до того, как работорговцы Стерн напали на нас.

— Твоей семье?

— Мои родители и муж были убиты в бою. Моя дочь... — Зебра сглотнула перед тем, как продолжить. — Моя дочь была слишком мала в качестве раба для Стерн, и она была не пони, чтобы отправить её в одну из школ Красного Глаза. Так что Стерн оставила её там, вместе с другими детьми.

Вельвет Ремеди всхлипнула, пустив слезу, к которым зебра похоже была не склона или же вообще неспособна. Мои же мысли вернулись в прошлое к разговору одной из рейдеров в Разбитом Копыте, которая рассказала, как её собственный город пал жертвой той же трагедии, как в нём остались лишь дети, предоставленные самим себе. Она стала рейдером, чтобы убежать от ужасов, которые творились в месте, что когда-то было её домом, но превратилось в ад под руководством обезображенных мясников и психически надломленных детей.

— Это было давно. Очень давно. Я сомневаюсь, что дочь узнает меня, если она до сих пор жива. — Лицо Ксенит было печальным, но голос оставался твёрдым. — Я давным-давно потеряла возможность быть её наставником и защитником. Сейчас же я лишь хочу знать.

— Тебе определённо не стоит куда-либо торопиться, — проворчала Вельвет Ремеди, едва мы завидели здание Стойл-Тек, которое было отделено стеной от большей части Филлидельфии, прямо как город Стерн в миниатюре. — Если только в клинику на недельное лечение.

В принципе она была права, но у нас не было недели. Я чувствовала себя виноватой за то, что эгоистично забрала большую часть дня на отдых. Но когда моя магия восстановилась достаточно, чтобы левитировать Малый Макинтош, я знала, что время выдвигаться.

Маленькая семейка мусорщиков бросилась искать укрытие, как только увидела нас. Сердце кровью обливалось, стоило лишь подумать о том, что когда-то пони при встрече на улице здоровались друг с другом, дружелюбие было социальной нормой. На Пустошах Эквестрии дело обстояло иначе: любой незнакомый пони встречался с предусмотрительной подозрительностью и прежде всего расценивался как потенциальная угроза. Я улыбнулась мусорщикам и дружелюбно помахала им копытом, когда мы уже прошли мимо них. Но ответных действий не последовало, они даже как-то отпрянули, пряча за собой пони помоложе и держа оружие на взводе, будто мы вот-вот нападём, подобно шайке рейдеров.

Я ненавидела Эквестрианскую Пустошь. Особенно Филлидельфию.

— Ух ты! — вырвалось у Вельвет Ремеди, глаза были широко открыты от удивления. — Ну не великолепна ли ты? — Она быстро пробежала вперёд нас.

Паерлайт, блестяще светясь, взгромоздилась на статую Свити Белль над фонтаном. Она истратила большую часть энергии, полученной в Кратере Филлидельфии, но её аура всё ещё была в пять раз больше её самой, освещая внутренний двор Стальных Рейнджеров золотым сиянием.

Моё сердце ринулось к плающему фениксу, очень благодарное ей за поддержку, когда я была за Стеной. Пока я подбегала к ней, на глазах навернулись слёзы.

Мой ПипБак начал трещать, предупреждая о том, что находиться близко к Паерлайт было вреднее для здоровья, нежели ванная в Филлидельфийской воде. Я приостановилась и посмотрела за тем, как Вельвет Ремеди левитировала к себе банку РадСейфа из седельных сумок. Она приняла больше рекомендованной дозы, прежде чем подбежать прямо к радиоактивной птице и мягко уткнуться в неё носом. Паерлайт заворковала.

Ну что ж, Вельвет Ремеди перестала проводить слишком много времени в шаре Флаттершай после того, как к нам присоединилась Паерлайт. Я испытывала смешанные чувства от такой замены.

— Все пони в этой компании — психи, — пробормотала Ксенит, пройдя мимо меня.

Я пододвинулась к Ксенит.

— Эм... это здание принадлежит Стальным Рейнджерам. Думаю, тебе не слишком безопасно идти туда вместе с нами. Ты не против подождать снаружи? В одиночестве ты не будешь, да и я надеюсь, что это ненадолго.

Ксенит оглядела меня.

— И кого ты собираешься оставить мне в компанию?

Я знала, что боевое мастерство Каламити нужно мне для прикрытия, просто чтобы встреча Блюберри Сэйбр прошла без проблем. И я не столько хотела иметь Стального Рейнджера с собой по дипломатическим причинам, сколько не хотела оставлять его наедине с Ксенит. Вельвет Ремеди, с другой стороны, наверняка обрадуется проведению времени вместе с Паерлайт... ведь я всё равно не собиралась брать с собой внутрь величественный светящийся комок радиации. Так что я сказала Ксенит своё решение.

Зебра кивнула.

— Как пожелаешь. Я останусь здесь с единорогом Флаттершай и её фениксом Зайкой Смерти.

Оки-доки-локи.

— Может быть... поработаешь над тем зельем, которое ты мне предлагала? — предложила я, несколько углубляясь в тему. Я хотела показать зебре своё доверие и дать ей занять себя чем-нибудь продуктивным, пока нас нет. Я, правда, не очень хотела изменяться. Я провела достаточно времени в воспоминаниях пони, чьи тела значительно отличались от моего. Я даже не знала, как хорошо мне жилось бы в одном из них.

Но...

Ксенит была права. У Красного Глаза были свои преимущества. Мне наконец-то надо засунуть свою щепетильность подальше и брать то, что предлагают.

Ксенит улыбнулась.

— Как пожелаешь.

"...те огни, о которых я сообщал вчера, оказались работой личной армии Красного Глаза. Грифоны, носящие цвета короля работарговцев, были замечены пролетающими над дальней стороной Вечнодикого Леса с переносными мусоросжигателями. Но если любые другие леса уже сгорели бы до тла, то в этом огонь распространяется невероятно медленно. Похоже что Вечнодикий Лес сопротивляется."

Голос ДиДжея РонЗ шёл из настенных динамиков в холле для посетителей Стойл-Тек. Мы слушали, пока я нетерпеливо ждала.

"И последняя новость для вас, мои верные слушатели. Похоже, что Красный Глаз положил свой красный глаз на Башню Тенпони. К счастью для ребят из этого места, оно отстроено как крепость, а единственный вход труднодоступен и хорошо охраняется. Пони Башни Тенпони забаррикадировались внутри — пока что целые и неврежденные. Здесь полно запасов воды и пищи, а новая шеф охраны изо всех сил старается наладить нормированную выдачу, так что они должны суметь продержаться до прихода помощи."

Я вскочила на ноги, услышав это.

— Нет! — закричала я на динамик. — Они не пытаются вас захватить. Они пытаются запереть вас внутри!

"А теперь кое-что не совсем обычное. Я как правило не читаю почту в эфире, но у меня тут личное сообщение от моей помощницы Хомэйдж для Обитательницы Стойла. Кхм-кхм... Дражайшая Литлпип... оуу, ну разве это не мило? Кажется, кто-то влюбился. Дражайшая Литлпип, я понимаю, что наше положение здесь может показаться тяжёлым, и я знаю, что в твоей натуре сразу же броситься к нам на помощь, но мы пока что в порядке, а у тебя есть более срочные дела вблизи от дома. Делай то, что от тебя потребуется, позаботься сначала о них. А затем, позже, мы сможем встретиться там, где мы встречались прежде, и я обещаю дать тебе столько оргазм... Оу! Ну, это мне уже непово читать в эфире. Думаю, придёт мне вызвать свою помощницу на небольшой разговор."

А тем временем, шёлковый голос Вельвет Ремеди споёт вам о том, что ведёт её по жизни на этой пост-апокалиптической пустоши!"

Я уставилась на динамик, застыв на месте с челюстью на полу и с жаром, подкатывающим к лицу и другим местам. Прекрасный голос Вельвет Ремеди полился из динамика, заняв место голоса ДиДжея РонЗ, но я едва слышала его.

То, что я хотела сказать, звучало как "Я не могу поверить, что она сделала это!" То, что я фактически произнесла, было больше похоже на писк.

Каламити захрюкал от смеха, заливаясь слезами, а потом с хохотом повалился на спину.

— Что значит "Старейшины здесь нет"?!

— Старейшину вызвали в срочный поход, и она недоступна, — заявила Рыцарь Маковка. — Однако она сказала, что в случае, если вы вернётесь, вы можете оставить мне то, что вам удалось заполучить.

Я топнула.

— У меня было впечатление, что эти вещи важны для вас, пони! Или по крайней мере для неё, раз уж я рисковала ради них жизнью!

— Собственно говоря, она не ожидала, что ты выживешь, — объяснил СтилХувз. Судя по его тону, он сам хотел перекинуться парой слов со Старейшиной.

Я сердито посмотрела на кобылицу в магической силовой броне.

— Ладно. Могу сообщить, что результаты исследований Красного Глаза в области Обходных Заклинаний были уничтожены.

Я не захватывала с собой ничего из них, и я не отдала бы их этим пони, даже если бы они у меня были. Но я знала, что по крайней мере часть этих исследований была успешно завершена. Я могла бы сказать ей это. Но, в самом деле, на хуй этих пони.

— Я заполучила чертежи Радиационного Двигателя. И я готова передать их вам...

...предварительно сделала копии. Я не считала нужным об этом говорить. Я не видела проблемы в том, чтобы отдать Стальным Рейнджерам эту технологию. Я намеревалась отдать её любому, у кого есть возможность воплотить её. Это было нечто вроде шага вперёд, от которого могла выиграть вся Эквестрия, но только не в том случае, если она будет охраняться ревнивыми одиночками.

Кстати говоря, будь я проклята, если не попытаюсь получить что-нибудь взамен на этот раз.

— ...в обмен на доступ к мэйнфрейму Стойл-Тек.

Рыцарь Маковка оторопела от такого поворота.

— Извините? Нет, это абсолютно невозможно...

Каламити встал рядом со мной, пригвоздив её взглядом к земле.

— Я так считаю, что мы даже не совсем просим. Вы обязаны Лил'гип, и вот мы пришли за расчётом. Почему бы нам не разойтись по-хорошему?

Кобылица посмотрела на СтилХувза, рассчитывая на поддержку.

— Я — Звёздный Паладин, — учтиво напомнил ей мой закованный в броню спутник. — В отсутствие Старейшины, я — самый старший по званию Рейнджер на этой базе. И я приказываю вам провести нас к мэйнфрейму Стойл-Тек. — Он повернулся ко мне. — Я лично прослежу, чтобы Литлпип не получила доступ к информации, жизненно важной для безопасности Стальных Рейнджеров или Министерства Военных Технологий.

Рыцарь Маковка фыркнула, но послушно развернулась и повела нас.

— Разрешите выразить мнение, сэр?

— Нет.

В комнате было холодно и темно, лишь огоньки мэйнфрейма мигали в темноте. Замки на двери, турели снаружи, следы копыт в пыли — всё это наводило на мысль, что доступ сюда был ограничен и заходили в это помещение очень редко.

Я ткнула копытом выключатель, но комната осталась тёмной. Я включила лампу в моём ПипБаке и осмотрелась. Работающий прожектор на шлеме СтилХувза тихо гудел, разрезая своим лучом света окружающую темноту. Он пошёл следом за мной.

Вместо того чтобы сразу подойти к мэйнфрейму, я позволила своему любопытству протаскать меня по всему огромному подвалу. В дальнем конце была огромная дверь Стойла в форме шестерни. Она не закрывала дверной проём, а просто была прислонена к нему. Со снятыми сумками, я едва смогла протиснуться через вход. Судя по номеру, это было Стойло 0.

По ту сторону двери тянулись комнаты и коридоры обслуживающего крыла Стойла. Но коридоры заканчивались тупиками в маленьких грунтовых пещерах. Наборы инструментов и строительного оборудования валялись повсюду. Некоторые участки стен и потолка рухнули.

В одном углу я нашла свернувшийся калачиком скелет земного пони. Пол вокруг пони был завален пустыми бутылками. Я покачала головой, когда заметила, что бутылки были из-под яблочной водки. Тут же, на полу рядом с разбитым реколлектором, лежал чёрный опал. На нижней кости левой передней ноги земной пони была одета ранняя модель ПипБака.

Я подключила к нему свой ПипБак и нашла единственную аудиозапись. Усевшись, я начала воспроизведение. Голос на записи был мягким, почти заглушённым фоновым шумом сирен и бомбардировки.

"Я действительно не знаю, что сказать. Или, если на то пошло, кому я это говорю. Хорошая новость в том, что Свити Белль спасла мою семью в Стойле 2. Я не знаю, где находится Скуталу, но я рада, что она не..."

Особенно громкий рёв заглушил всё остальное, за этим последовали звуки металла и бетона, рушащегося в недостроенное Стойло.

"По Филлидельфии был удар. Вот и всё... Все кончено. Все пони мертвы... кроме тех, кого мы могли спасти. Селестия побери, Эпплджек, почему ты не предотвратила это? Почему никто не предотвратил?"

Я слышала яростное щёлканье. Я взглянула на свой ПипБак, но уровень радиации был в безопасной зелёной зоне.

"Нет, нет, нет! Я не это имела в виду! Это не вина Эпплджек. Блин, это больше моя вина, чем её. И я знаю, что не должна так себя чувствовать, но я чувствую. И, думаю, это на самом деле больше не имеет значения. Все пони мертвы сейчас. Я мертва сейчас. Я не пережила удар мегазаклинания, только лишь пережив взрыв. У нас даже нет двери. Радиация убьёт меня."

Непрекращающиеся щёлчки шли с записи.

"Я просто хотела сказать всем пони, кто это слушает, что я сожалею. Даже если бы все эти жеребята погибли бы не из-за меня, я всё равно сожалею. Я пыталась всё исправить. Действительно пыталась."

СтилХувз позвал меня.

— Я в порядке! — отозвалась я и вытерла слёзы с глаз, — Я выйду через минуту.

Перед тем как вылезти обратно, я опустилась на колени и подняла шар памяти зубами. Вернувшись в подвал, я положила шар в седельные сумки и подошла к мэйнфрейму Стойл-Тек.

Мэйнфрейм было сложно взломать, но то ли моё мастерство возросло, то ли терминал Пинки Пай был легче... Я скачала всю информацию, что могла, о различных Стойлах и начала просеивать её в поисках одного кусочка информации, что интересовал меня

больше всего. Расположение Стойла 101.

Я нашла его, и ответ меня удивил.

Когда я вернулась к своим друзьям снаружи цитадели Стальных Рейнджеров, отдав перед этим чертежи Рыцарю Маковке, как и было обещано, я рассказала всем всё, что узнала.

— Стоило 101 было построено прямо посреди Вечнодикого Леса. — Все, затаив дыхание, глядели на меня так, как и ожидалось. — Там должен был быть старый замок на безопасном клочке земли посреди леса. Вот где Стойл-Тек отстроили своё последнее законченное Стоило.

Ксенит была первой, сообразившей что к чему.

— Что же получается, Красный Глаз строит себе крепость в центре Вечнодикого леса... попутно выжигая всё вокруг неё? Зачем?

— Трудно создавать и развивать армию в месте, где дикая природа хочет выпотрошить тебя и выпить все соки, я считаю. — предположил Каламити.

— Сельское хозяйство, — изложила я свои догадки. — Ты сам это сказал, Каламити. Вечнодикий Лес не был поражён мезоклиматами. Это — одно из немногих мест, не заражённых радиацией или Порчей, что делает Вечнодикий Лес отличным местом для пахотных угодий.

Ксенит согласилась с моим ходом мыслей.

— А когда они выжгут всё, земля будет богата питательными веществами из пепла. — Она выглядела мрачной, неосознанно впадая в ритмичную речь, которую я могла слышать от Зекоры. — Я месяцами перерабатывала огнемётное топливо для Стерн. Очевидно, что он накапливал много для этого поджога.

— А когда он закончит — возведёт стену вокруг всего леса и получит полный контроль над едой, — согласился СтипХувз, смотря в сторону Стены, которую возвёл Красный Глаз вокруг двух третей города. — Вот, что он делает.

* * *

<=====ooO Ooo=====>

— Думаешь, ей понравится? — взволнованно спросила Эплблум, смотря на изысканный макет деревни с почти монастырскими стенами. Конструкция выглядела знакомо, я видела останки этого макета рядом с кабинетом Блюберри Сэйбр.

— Она будет в восторге, — я почувствовала и услышала слова, сказанные мною. Голос я не узнала. В нём совершенно отсутствовала деревенский акцент, как подрастающей кобылы. Эта Эплблум, одетая в стильное формальное одеяние, в котором ей пока ещё не было удобно, была моложе меня.

— Думаешь, ей понравятся изгибы?

— Она полюбит изгибы, — мягко уверил её мой хозяин. — всё в порядке.

— Чё насчёт луны в центре двора? Мож, следовало пойти с полной луной, а не полумесяцем...

— Она и луну полюбит. Тоже хорошо.

Эплблум бегала рысью вокруг стола, глядя на модель со всех сторон. Комната, в которой мы находились, была из светящегося белого мрамора, висели текучие шторы, золотая филигрань покрывала все акценты. Если мы были не во дворце, то кто-то пошёл на многое, чтобы создать впечатление оного.

— Как насчёт башни? Не слишком короткая? Или, может быть, слишком высокая? — Эплблум сжала в отчаянии уши. — Аргх! Я даже не знаю, любит ли принцесса Луна башни! Почему я не спросила об этом раньше?!

Мой хозяин испустил многострадальное ржание.

— Она придёт в восторг от башен. Башни очень хороши.

Эплблум отреагировала, будто сейчас упадёт в обморок.

— Хороши? Но они должны быть *идеальны!* — Волнение Эплблум было столь сильно, что она чуть не воспарила. Я подумала, что молодая кобыла от стресса могла бы даже воспламениться.

— Успокойся, дитя. Я уверен, что принцессе Луне очень понравится. — Я чувствовала, как моя морда улыбается, произнося эти успокаивающие слова. — Принцесса Селестия хотела великого архитектора для этого проекта, и Она уверена, что получила его.

Эплблум вздрогнула, потом успокоила дыхание.

— Спасибо ещё раз, дядя Оранж, за сопровождение меня на встречу с принцессой. Я не думаю, что могла бы сделать это самостоятельно.

— Ты выглядишь гораздо презентабельнее, чем твоей сестре когда-либо удавалось. Но также попробуй следить за словами, исправь свой деревенский акцент. Помни, что звуча утончённо, ты показываешь всем, что ты утончённая натура.

— Да, дядя Оранж. Я... Я запомню. — Эплблум вернулась к самотерзанию, но уже не столь сильному.

— Ты должна гордиться, — сказал дядя Оранж ободряюще. — Это своего рода проект, который сделает тебя известной по всей Эквестрии.

Эплблум просто кивнула. Слава, видимо, её не интересовала. Тем не менее,

— С деньгами, чё я получу за эт... извините, что получу за это, я смогу расширить мой бизнес. Найму больше помощников. Может быть начну рассматривать другие виды проектов. — Она подняла глаза с улыбкой. — Скуталу говорит, что она хотела бы вложиться сейчас в Алого Скакуна. Может быть, построить компанию вместе...

Голос Эплблум стих. Кто-то вошёл в комнату. Кто-то величественный. Мой хозяин упал в изящный поклон. Эплблум быстро последовала его примеру.

Я была в обществе Богини!

Не одной из этих богохульных псевдо-богинь аликорномонстров. Я преклоняла колени перед Богиней Солнца, которой поклонялась ещё с детства — перед самой Селестией!

Она была неописуемо величественной: высокой, белой, совершенным аликорном, чьи грива и хвост текли, переливаясь разными цветами, её бока украшал символ самого солнца. Она была изящной, доброй и совершенно прекрасной.

— Пожалуйста, — сказала она грациозно. — Встаньте, мои маленькие пони. Я рада видеть вас.

Когда мой хозяин встал, Принцесса Селестия (уии! уии! уии!) обошла стол вокруг, одобрительно рассматривая макет.

— Что же, это новая академия Луны?

Эплблум взволнованно кивнула, не имея возможности говорить.

— Выглядит чудесно.

Эплблум пискнула:

— Спасибо, Ваше Величество!

Уши Селестии поднялись:

— А, вот и она сама. Если позволите, можно сперва я поговорю с ней?

— Конечно, Ваше Величество, — быстро ответил мой хозяин.

Селестия повернулась, и Эпплблум с её дядей последовали её взгляду.

Принцесса Луна вышла из-за занавесей. Её темно-синие цвета смотрелись потрясающе но резко выделялись из остальных интерьеров дворца. Она была намного меньше, чем её царствующая старшая сестра (или, если на то пошло, любая псевдо-богиня)... размером почти с обычную пони. И в то время как принцесса Селестия выглядела ослепительно, принцесса Луна показалась мне... милой.

Настолько милой, что в моей голове зародились бы нечистые мысли, если бы моя голова уже не была слишком занята подпрыгиванием в стиле Пинки Пай и издаванием шквала пищащих звуков восторга.

— Сестра? Ты меня звала?

— Да, Луна, дорогая. Я думала насчёт школы для изучения магии, которую ты предлагала. И я решила отправить всех твоих студентов на луну.

Луна застыла. Её рот широко открылся. А затем медленно закрылся.

— Ты не станешь... — Я могла видеть, как шестерёнки у Неё в голове снова зашевелились. — И не сможешь. Без Элементов Гармонии у тебя нет силы даже близкой к нужной, дорогая сестра.

Да что здесь творится?

Эпплблум, очевидно, тоже не поняла шутку, или просто не могла видеть Луну в неудобном положении, так что быстро выговорила:

— Она имеет ввиду Каньон Полумесяца.

Принцесса Селестия улыбнулась, но склонила голову к Эпплблум со взглядом, в котором ясно читалось, что она не хотела, чтобы молодой архитектор проговорился так быстро.

Принцесса Луна стрельнула взглядом в свою сестру, а потом подошла к столу. Её глаза расширились.

— Это... — Она подняла голову со слезами на глазах. — Это будет Академией для Молодых Единорогов имени Луны? Моя собственная школа магии? Прямо как твоя?

Принцесса Селестия улыбнулась и уткнулась носом в Свою младшую сестру.

— С днём рождения, сестрёнка.

Челюсть Эпплблум отвисла от удивления, и мой хозяин постучал её по копыту. Покраснев, она взмахнула копытом над моделью.

— Принцесса Селестия отдала... — Она замолчала, глядя на принцессу, чтобы убедиться, что всё в порядке и ей можно говорить.

Принцесса Селестия улыбнулась, мягко глядя на неё, и кивнула. — ...нам долину Литлхорн в Каньоне Полумесяца для застройки. Он изолирован, вдали от опасностей...

— Или любых поселений, — заметила Принцесса Луна, одарив сестру мягким, но пристальным взглядом. — И вдали от Кантерлота и твоей собственной школы.

Принцесса Селестия кивнула.

— Я хочу, чтобы ты восприняла это с пониманием. Чтобы другие пони не сравнивали школы, как в случае если бы эти школы были бок о бок, и чтобы ученики не отвлекались на соперничество. — Принцесса скользнула взглядом по Эпплблум и добавила: — И я знаю, вы рассматривали Понивилль, но я не хотела бы, чтобы молодые жеребцы и кобылы ходили в Вечнодикий Лес.

Луна закатила глаза.

— Да брось, большая сестрёнка. Жеребята не настолько глупы, чтобы бродить там. Будь уверена в моих студентах...

Лицо Эпплблум выражало некое подобие желания быть сейчас совсем в другом месте.

— ...единственное, что можно встретить в окрестностях Литлхорна, на расстоянии целого дня пути — это несколько зебр в джунглях.

— Да, — кивнула принцесса Селестия. — Там недалеко будут дружественные зебры, если вдруг школа будет нуждаться в помощи. И вскоре некоторые из твоих студентов будет иметь собственных маленьких драконов, так что, если кто-нибудь пожелает связаться с тобой, тебе будет достаточно просто чихнуть.

<=====ooO Ooo=====>

Мы летели из Филлидельфии в Мэйхэттен. Как бы мне ни хотелось направиться сразу к Башне Тенпони, предупреждение, посланное мне DJ Pon3 занимало все мои мысли, так что я в первую очередь направила Каламити к узловой станции P-7. Если что-то неприятное назревало в Разбитом Копыте, что-то, о чём, по мнению Хомэйдж, надо позаботится в первую очередь, то я не собираюсь терять время.

Это всё оставляло мне много времени на размышления. И большую часть этого времени было потрачено на мысли по поводу шара памяти, что я нашла рядом со скелетом несчастной Эпплблум. После того, как я увидела Богинь, мой внутренний пони целый день не мог прекратить танцевать, и это было даже почти труднее, чем оторвать себя от переживания этой памяти снова и снова, и даже труднее, чем бороться с желанием принимать Праздничные Минталки. И, по крайней мере, с последними мне помогало то, что я их просто не брала с собой. Тяга к ним проходила за неимением простого способа добраться до Минталок. Но это... Я не могла просто выбросить шар памяти Богинь! Он заслуживал быть сохранённым.

Я тут же представила себе возможность создания собора, желая превратить его в храм Селестии и Луны с шаром памяти, как со священной реликвией. Это была глупая мечта, и она прошла. И ещё я поймала себя на том, что представляю себе, как Луна клопает меня своими крыльями, только на этот раз представляя это как соблазнительную фантазию, а не как богохульство. Я остановилась до того, как моё воображение зашло слишком далеко и наказала себя, начав биться головой в борт Небесного Бандита, до тех пор, пока Каламити не пригрозил посадить фургон.

Потребовалось время, прежде чем последствия того, что я видела, начали угасать.

Литлхорн. Я слышала это название в разном контексте. Но особо запомнились слова Наблюдателя:

Резня в Литлхорне разбила сердце принцессы Селестии. После этого, почти в самой середине войны, принцесса Селестия решила, что она была более не достойна возглавлять Эквестрию. Она ушла в отставку, отказавшись от своего поста в пользу своей сестры, принцессы Луны.

Я огляделась. Вельвет Ремеди опять находилась в забытьи, внутри шара памяти Флаттершай. Пайрлайт, её аура минимум в два раза превосходила её размер, прижалась к левому плечу Вельвет и величественно посапывала. Я делила Небесный Бандит со СтилХувзом и Ксенит. Каламити был впереди, неся нас по воздуху.

Что ж, если здесь и был пони, который должен был знать, то это СтилХувз.

— Что случилось в Литлхорне?

СтилХувз и Ксенит вместе задумались над этим вопросом. Они посмотрели друг на друга, прежде чем СтилХувз ответил мне просто:

— Катастрофа.

Я вздрогнула, зная, что я действительно не хочу этого слышать. Но часть меня этого требовала.

— Расскажи мне.

— Литлхорн был школой. Единорожки, кобылки и жеребят, многие из которых были ещё слишком малы и даже не получили своих меток, жили там, обучаясь, чтобы стать лучшими магами Эквестрии, — медленно начал СтилХувз. — Однажды вечером, чуть более чем через девять лет после начала войны, конвой зебр въехал в долину Литлхорн. Два десятка зебр-легионеров и три больших крытых повозки. Когда они не ответили на мирные предложения, директор школы активировал школьную защиту...

— Они не знали языка, — внезапно прервала его Ксенит. — Они не были солдатами. Это была колонна беженцев. Кобылы и маленькие дети-зебры просто пытались уйти из зоны боевых действий!

— Я знаю это! — жёстко отрезал СтилХувз. — Они поняли это, когда подбили первую повозку и увидели мёртвых! Но к тому времени было уже слишком поздно. — Он повернулся ко мне. — Было уже слишком поздно. Конвой зебр сопровождали убийцы, носившие зебринские стелс-плащи...

— Он был один, — поправила его Ксенит. — Отец, чья семья была убита внезапным нападением вашей школы.

— Им больше и не понадобилось, — зарычал СтилХувз. — Школа была полна детей. И зебры забросили внутрь газовую бомбу. Это был Кантерлот в миниатюре. Полосатые сволочи *убили... каждого... пони* в Литлхорн!

Я чувствовала, что плачу.

— Хорошо... пожалуйста... я не хочу больше этого слышать.

* * *

Они не обращали на меня внимания.

Но я и не настаивала. Я всё ещё была потрясена до глубины души. Литлхорн был поворотным моментом войны, и мой внутренний пони со слезами представлял себе, как Литлхорн подтолкнул к уничтожению всех пони, которых он коснулся. Я начала понимать. Я представляла то чувство вины Эпплблум, которое предопределило её выбор. И это было ничто по сравнению с виной и горем принцессы Селестии, которая сама выбрала это место. Или с влиянием на принцессу Луну, чьи любимые студенты были убиты все до единого.

— После Литлхорна проклятые зебры окончательно превратились в мантикорье дерьмо. Для обеих сторон каждый бой стал боём на истребление. Мы уничтожили один фургон, и да, это было ошибкой. Они уничтожили сотни маленьких детей, а затем началось полное безумие!

— Это не было связано с Литлхорн, — мрачно произнесла Ксенит. — Война изменилась. Это уже был вопрос не угля или драгоценных камней...

Угля и драгоценных камней? Это, пожалуй, имело смысл. Зебры не были похожи на единорогов. Они не могли создавать заклинания или использовать магию напрямую. Они должны были варить её в зельях, вселять её в фетиши или каким-либо образом привязать её к объектам, чтобы получить свою магию. И возможно, за исключением Сосудов Душ, драгоценные камни были единственным подходящим для магических чар сосудом. Любое сообщество, использующее тайные науки, потребует целых железнодорожных составов полных драгоценных камней. Это не было проблемой для пони. У нас были земли, богатые драгоценностями. Фермы камней выращивали их. Но если в землях зебр не было драгоценных камней... но они имели уголь...

Я очнулась от своих размышлений, когда СтилХувз надвинулся на Ксенит.

— Значит ты признаёшь, что вся ваша проклятая раса была ёбанными психами!

— Нет, — отрезала Ксенит. — Мы видели, что вы, пони, попали под влияние звёзд. Нельзя было давать никакой пощады, как и нельзя было ожидать никакой пощады от нации, находящейся под влиянием космического зла.

— Что?!? — прошептала вместе с криком СтилХувза.

— Не вы ли последовали за чемпионом, посланным злыми звёздами? За Найтмар Мун?

— Что? Ты... *что?!* — СтилХувз начал, топая, ходить кругами, до тех пор, пока Каламити снова не пригрозил посадить Небесный Бандит на землю, чтобы дать нам поговорить.

— Подожди... — Проговорила я медленно. — Ты хочешь сказать... что причиной того, что война зашла так далеко... в том, что зебры не могли отличить Принцессу Луну от Найтмэр Мун?

От борьбы за ресурсы до священной войны ровно за десять секунд.

— Они не одна и та же ёбанная пони! — СтилХувз кричал на Ксенит, ещё громче от того, что он не мог накричать на зебр из прошлого — Мы ... мы не следовали за Найтмэр Мун и более того, принцесса Селестия заключила Луну в тюрьму на ёбанной Луне на тысячу лет. —

Стальной Рейнджер дрожал. — Они. Не. Одно. Лицо!

Вельвет Ремеди вышла из шара памяти Шлаттершай и смотрела на нас в замешательстве. СтилХувз повернулся к нам и рявкнул:

— Скажите ей.

— Они не одно и то же лицо, — сказала я твёрдо. А затем обнаружила молчание у себя за спиной. Я обернулась и посмотрела на Вельвет Ремеди.

— Честно говоря, — прошептала она, — Я никогда не была на самом деле уверена, что это было. Я всегда полагала, что это было своего рода психическое расстройство.

— Ар-р-р! — Голос СтилХувза звучал убийственно. Что, учитывая что это был СтилХувз, на самом деле пугало меня. — Психические расстройства приводят к физическим превращениям!

Я согласно кивнула. ...Если только речь идет не о волосах Пинки Пай. Достаточно вспомнить её превращение сразу после ссоры с Твайлайт Спаркл.

СтилХувз заметно дрожал. Его голос сменился с яростного крика на тихий и режущий.

— Тогда получается, что не было никакого реального шанса договориться дипломатически, не так ли? — Я могла утверждать, что его глаза, скрытые забралом шлема, упирались в Ксенит. — Приглашение на Хребет Разбитого Копыта для мирных переговоров... там ведь и не предполагалось никаких мирных переговоров, так?

Уши Ксенит прижались к голове. Она старалась быть разумной, видимо понимая, что это уже не было даже недружественным аргументом.

— Я не была там. Пожалуйста, не забывайте, что это были другие зебры и пони. Не мы.

— Отвечай на вопрос.

Ксенит отвернулась.

— Из рассказов, что я слышала, — вздохнула она с сожалением, — Надежда на мир ещё была, но только в том случае, если бы

исчезла Найтмэр Мун. К сожалению, пони прислали на Хребет Разбитого Копыта не ту принцессу.

Ночь стала бесконечно холоднее. Мои нервы были на пределе. Я ждала, что же сделает СтилХувз.

Издав последний рык, СтилХувз удалился в дальний конец Небесного Бандита и улёгся, делая вид, что спит. Я знала, что это не так, но я, к счастью, была на его стороне.

— У вас там усё в порядке? — обернулся Каламити.

Мой ответ в точности повторил ответ СтилХувза рыцарю Маковке:

— Нет.

Мы поймали сигнал примерно за час пути до Узловой Станции Р-7. И он был не из Разбитого Копыта.

"...атический сигнал бедствия от Стойла Два Стойл-Тек. Сообщение начинается."

Механический голос уступил другому, который я рассчитывала уже никогда не услышать. Голосу Смотрительницы нашего Стойла.

"Литлпип, Вельвет Ремеди, если кто-то из вас слышит это... Я молюсь, что вы ещё живы, что ещё там и слышите это"

Пожалуйста, если вы... или кто угодно дружественный слышит... Стойло Два находится под атакой. Мы не знаем, кто они или откуда пришли. Но они как-то открыли наружные ворота, и они убивают всех, кого встретят внутри! Я эвакуировала всех выживших в крыло Смотрительницы и Охраны. Но теперь, когда мы отрезаны от сада, у нас кончается пицца. Захватчики, похоже, решили просто подождать, пока мы не помрём с голоду. Если вы слышите это, пожалуйста, спасите нас."

Моя кровь превратилась в лёд. Я проанализировала сигнал. Трансляция в настоящее время передавалась через тот же передатчик, что передавал сообщение отца умирающего жеребёнка, однажды проникшего в цистерну рядом с Мемориалом Биг Макинтоша. Механический голос вернулся.

Дом!

"Сообщение повторяется. Это автоматический сигнал бедствия от Стойла Два Стол-Тек. Сообщение начинается..."

О, Богини...

— К-Каламити, немедленно поворачивай! Мы должны добраться до Стойла Два! Быстрее!

— Эм... Литлпип? Сейчас поверну. Что...

Я вытащила наушник и проиграла сообщение вслух. Не прозвучало и десяти слов, как Каламити уже сделал вираж и тянул нас в новом направлении.

— Нет... — прошептал СтилХувз. — Чёрт бы их побрал, нет!

Я повернулась к своему другу-рейнджеру.

— Что "нет"? — И тогда я поняла, в какой это поход помчалась Старейшина Блюберри Сэйбр в момент, когда меня не было.

— Мне очень жаль, Литлпип. Я сделал всё возможное, чтобы заставить их поверить, что планировать захват Стойла Два было ошибкой. Я твердил это на протяжении десятилетий. Но после того, как вы двое появились, они поняли, что там было всё ещё функционирующее Стойло...

— Это. Была. Твоя. Миссия?! — я шагнула вперед, практически испепеляя взглядом земного пони-гуля. — Оценить, можно ли спокойно захватить Стойло Два?!

Он съёжился предо мной.

— Я даже пытался дать им взамен Стойло Двадцать Девять.

Я закачалась на копытах, мой ум балансировал на краю тёмной бездны, я силилась вспомнить, оставила ли я при взломе Стойла Двадцать Девять улики, которые технически подкованные агенты Министерства Военных Технологий могли бы использовать для того, чтобы понять, как пройти через двери моего собственного Стойла.

Вельвет Ремеди обняла меня копытом и держала.

— Если Стальные Рейнджеры штурмуют наш дом, — сказала она со сталью в голосе, — Возможно, он нам ещё пригодится.

— Иль можт быть лучше прост скинуть тя тут, — отозвался Каламити, фиксируя СтилХувза взглядом. — Потому что я направляюсь к Стойлу Два. И когда прибуду туда, я собираюсь убить кучу Стальных Рейнджеров!

Заметка: Новый уровень.

Новая способность: Укрепляющий Отвар — с данной способностью Ваши конечности получают вдвое меньший урон.

(Примечание: Укрепляющий Отвар и кибернетический усилитель Адамантиновый Скелет несовместимы.)

<<< ^^ >>>

Глава 28. Час Волка

«Это... бойня, достойная уровня Стальных Рейнджеров.»

<<< ^^>>>

Ярость.

Пылающая, взрывная ярость. В момент, когда я поняла, что Стальные Рейнджеры вторглись в мой дом и *убивали* пони внутри, мой взор окрасился красным как никогда раньше. Мои нервы горели, трещали электричеством. Я хотела кинуться в бой, устроить бойню, разорвать этих сучар на куски и топтать, пока те не превратятся в кашу под моими копытами.

Но мои враги, убийцы, осквернившие мой дом, были не здесь. Пройдут часы, даже если Каламити будет мчаться на своей максимальной скорости, прежде чем мы доберёмся до Стойла Два. Я хотела причинять боль прямо сейчас. Моё тело, разум и душа кричали о справедливости и возмездии... Но я не могла это получить, даже некого было ударить. Вокруг меня были только друзья.

Так что я просто стояла и молча предавалась ярости.

И они были достаточно мудры, чтобы не вмешиваться.

— Думаете, я хотел этого? — огрызнулся СтилХувз, нервно расхаживая по салону. — Стойло Два было домом семьи Эпплджек. Если кто-то из семьи Эппл ещё живы, то они живут там...

— Я не говорю, что ты хотел этого, — огрызнулся в ответ Каламити. — Или что ты не охренеть как старался остановить их. Я лишь говорю, что твои старания были недостаточны. — Рыжий пегас прибавил ещё скорости, несмотря на то что уже был на грани истощения. — И теперь моя очередь.

Ксенит наблюдала за спором, в центре которого была на этот раз не она. Повернувшись к Вельвет Ремеди, она спросила:

— Это... ваш дом? Твой и малышки? Почему Стальные Рейнджеры атакуют его?

Вельвет Ремеди покачала головой, горячие слёзы текли по её угольным щекам. Ветер хлестал её белую гриву.

— Ресурсы. Ничего более. Это всё, что они видят в функционирующем Стойле. По крайней мере, водный талисман бесценен. Как и яблочный сад. — Она закрыла глаза, содрогнувшись в мягком рыдании. — В лучшем случае они хотят его в качестве базы.

Моя ярость угасала, неспособная поддерживаться без возможности выплеснуться. За ней медленно нарастали шок, грусть и страх, готовые накрыть меня с головой, как только выгорит пламя гнева.

— Вы не можете просто войти и начать убивать Стальных Рейнджеров, — топнул СтилХувз.

— Не пойму, почему нет. Насколько я вижу, они ничего более, чем банда высокотехнологичных рейдеров, охотящихся на невинных. — Каламити стукнул по своему боевому седлу, меняя боеприпасы. — Пони, подобные им, должны умереть. И моя цель — принести им смерть. Такова моя политика.

СтилХувз повернулся к Вельвет Ремеди.

— Поговори с ним.

— И что сказать? — Голос Вельвет был твёрд, как сталь.

— Ну, для начала, что это самоубийство, — проворчал СтилХувз и посмотрел на нас. — Вы, пони, действительно думаете, что можете взять на себя несколько отрядов заслуженных Рыцарей и Паладинов в магической броне?

Слова гуля попали в самую точку. Это было нам не по силам. Одной Богине было известно, сколько Стальных Рейнджеров сейчас там внизу, каждый вооружён до зубов, в броне, с боевым опытом гораздо больше нашего собственного. Как же я собиралась спасти Стойло Два? Как?

Я начала вспоминать пони, с которыми выросла. Моих учителей, моих сверстников, каждого пони на моей первой и единственной ночной вечеринке... Я почувствовала себя раздавленной под грузом такой ответственности, я не могла дышать.

— Вы будете удивлены тому, на что мы способны, — сказал Каламити.

Бронированный гуль повернулся к пегасу.

— В этом я на вашей стороне.

— Ты? Неужели? — спросила я, наконец прервав своё молчание.

Все остальные обратили свой взгляд на СтилХувза. Стальной Рейнджер, вечно подчиняющийся солдат, был загнан в угол. Он был вынужден выбирать между преданностью нам и своей присягой к ним.

Будь выбор настолько прост, он был бы однозначно не в нашу пользу. Но я видела его, что творится у него в голове. Через его воспоминания. Клятва СтилХувза была не Министерству Военных Технологий. Она была ей. Эпплджек. И когда требовалось защитить её, не было такой морали или клятв, которые он считал бы столь священными, чтобы позволить им стоять у него на пути. И если всё ещё было так, то у нас ещё был шанс.

СтилХувз не ответил. Нехороший знак. Но такое решение было достаточно трудно и без принуждения. Я не смела давить на него. Я нуждалась в нём. Я нуждалась в них всех.

— Просто зашибись, — проворчал Каламити, — Ты хоть можешь, по крайней мере, пообещать не палить нам в спины, когда решишь, на чьей стороне?

Я хотела была сказать пегасу, чтобы он заткнулся, но знала, что у него было право высказаться. И сейчас он был единственным, кто из кожи вон лез, чтобы просто доставить нас туда. Но если бы у меня был хотя бы один маленький шанс не дать Стойлу пасть... не дать всем тем пони, что я знала, умереть... Мне нужно было сплотить своих друзей. Мы должны были быть сильными. Вместо этого я впала в отчаянье, а команда моя тем временем раскалывалась на части из-за царившего в ней напряжения.

— Раз уж мы даём обещания, возможно Литлпип пообещает нам, в случае победы, не принимать никого из них в команду? — осуждающе съязвила Вельвет.

Я остолбенела, хватая воздух губами, будто получив жестокий удар промеж ног.

— Да брось, Литлпип, — сказала Вельвет, закатывая глаза. — Я просто не могла не заметить твою привычку коллекционировать пони (а теперь ещё и зебр), которым почти удалось тебя убить. — Она встряхнула гривой. — Надо признать, иногда мне кажется, что это часть тебя пытается мне отомстить.

— Что?! — Какого хрена?

— Исключая тот факт, что именно я каждый раз собираю тебя по кусочкам, только я несу ответственность за твое текущее положение. — Уточнила Вельвет. Её обычно красивый голос звучал дёрганно.

Я могла сказать, что это было возвращением противной, озлобленной Ремеди, которая имела дело с ужасами вокруг неё, плохо думая о её друзьях. Я действительно надеялась, что мы оставили эту Ремеди позади. Но она была там, похороненная под поверхностью, только и ждущая достаточного количества напряжения на линиях ошибки индивидуальности Вельвет, чтобы освободиться.

— Ты уверена, что часть тебя не пытается наказать меня, окружая напоминаниями всех моментов, когда ты была на волосок от гибели?

— Погодите-ка! — оглянулся Каламити. — Вы так обо мне думаете?

О, Богини... Я не знаю, смогу ли я сделать это даже с вами. Но без вас точно не смогу.

— Прекратите! Все! — Я топнула всеми копытами, дрожа. — Не время для разногласий. Наш дом... мой дом... они нуждаются в нас! Чем мы им поможем, если сами уже готовы перегрызться?

— Ах тыж блин! — воскликнул Каламити. — Ты права, Лил'пип, извиняюсь.

— Как и я, — сказала Вельвет Ремеди. Хорошая Ремеди снова возвращалась. По крайней мере пока. — Я... не знаю, что на меня нашло. Я полагаю, что не очень хорошо с этим справляюсь.

— Итак... — спросил СтилХувз спокойным голосом, подавая вид, что ничего не произошло. — У тебя есть план?

Я почувствовала порыв ветра на моей шерсти и гриве, взъерошивший мой комбинезон под седельными сумками и бронёй. Я посмотрела на них обоих, неожиданно почувствовав себя совсем мелкой. Мои взгляд упал на Вельвет.

— Это... не может быть только моим решением. Вельвет, оно было и твоим домом тоже. — Мои глаза умоляли её. Я молча просила её помочь мне.

Пожалуйста, Вельвет, пожалуйста, не позволяй всему этому взвалиться на меня... Это наш дом. Они — наши пони. Я не могу нести то, что их жизнь или смерть будет висеть на мне, просто не могу.

Вельвет посмотрела на меня. В её глазах, полных слёз, я видела доброту, которая сказала мне, что она поняла, и что она возьмет от меня столько этого нелёгкого бремени, сколько сможет.

Вельвет повернулась к остальным.

— СтилХувз прав. Я сомневаюсь, что наша огневая мощь может сравниться против Стальных Рейнджеров. И даже если бы мы победили, мы бы просто не смогли обойтись без потерь. Таким образом, сначала в ход идёт дипломатия.

Я кивнула, со слезами на глазах. Внезапно, я вновь смогла дышать.

На горизонте было нечётное оранжевое свечение, указывая на приближение сердитого рассвета. Но свечение было в неправильном направлении, и появилось за много часов до первых признаков дневного света. Солнце и луна хоть и были дикими, поднимаясь и устанавливаясь по их собственными прихотям, но даже у тех прихотей, казалось, была точность часового механизма.

— Ну и на что мы смотрим?

— Пожары, — ответил Каламити. — Это где-то за Вечнодиким лесом. Похоже, Красный Глаз подпалил весь задний двор.

— Думаете, войска Красного Глаза могут быть близко к Стойлу Два? — усомнилась Ксенит.

— Никаких шансов, — ответил Каламити. — Эти пожары отсюда в дне пути. Нету причин думать, что они могут быть вблизи Понивилля.

Я прислонилась к Вельвет Ремеди, используя её мягкое тело для физической поддержки, впитывая её аромат, чтобы успокоиться. Я всё ещё дрожала, пыталась усмирить себя, отбиваясь от волн чередующейся ненависти и мрачного горя. Стресс изничтожал меня, пока я не почувствую себя разрывающейся на части.

Вельвет Ремеди позволила себе отвлечься на разглядывание освещённых огнём облаков вдалеке.

— Я помню, когда впервые покинула Стойло Два. В пелене облаков были просветы. Я могла видеть настоящий солнечный свет. Он был наипрекраснейшим и согревающим. Прекраснее, чем что угодно, с чем я сталкивалась в жизни. Я подумала... раз есть такое великолепие вроде этого, Снаружи не могло быть плохо. — Она уныло усмехнулась. — Никогда больше не видела солнце таким. Иногда я удивляюсь, что мир ощущается таким тёмным и безнадежным не из-за этого.

Я помнила похожие просветы в облаках, изливавшие свысока нежный лунный свет Луны на меня и Монтерея Джека, когда мы столкнулись лицом к лицу на мосту у Понивилля. Такое ощущение, что это было целую вечность назад.

— Агась, — ответил Каламити, пропустив мимо ушей душевность и красоту примечания Вельвет. — Над Вечнодиким Лесом не работают должным образом. У пегасов всегда были проблемы с покрытием облаками этой местности. Типа как облака хотели двигаться. Сами по себе. Облачный занавес там иногда был весь как в заплатках.

СтилХувз смотрел в другую сторону, глядя своим забралом в темноту. Наконец, он с низким гулом признал:

— Я не понимаю, зачем старшине Блюберри Сэйбр делать это.

У меня было ощущение, что Вельвет Ремеди уже весьма хорошо разъяснила этот вопрос ранее.

СтилХувз выдохнул.

— Оно очень далеко от её территории. Старшина Блюберри Сэйбр — ответственный за личный состав Стальных Рейнджеров Филлидельфии. Стойло Два в техническом плане отстаёт от знаний моего Старейшины и личного состава Мэйнхэттена.

О.

— Они не могут удерживать Филлидельфию, — предложила я, чувствуя крепкие волны гнева, когда мои мысли затрагивали то, что должно было происходить сейчас каждую минуту. — Красный Глаз продолжает укрепляться. Позиция Стальных Рейнджеров там застойная, если не ослабевающая. Я думаю, Вельвет права в том, что им нужна новая база.

Гуль кивнул под своей бронёй.

— Как бы то ни было, скорее всего захват Стойла Два должен был быть обязанностью старейшины Коттэдж Чиз (Cottage Cheese — творог). Для него отсутствие при захвате было бы серьёзным нарушением протокола. А когда двое старейшин в одном месте — я бы не назвал это мудрым ходом.

Спереди заржал Каламити, позволяя ногам взмыть в воздух, и высунул свой язык, выражая отвращение.

— Чо, серьёзно? Вашего командира зовут Творог? Его ребята его ненавидят или тип того?

СтилХувз усмехнулся, несмотря на неприятную ситуацию.

— Он предпочитает, чтобы его называли просто Коттэдж.

— А я люблю творог, — сказала я тихим голосом.

— Эй, быть может этот ваш старшина Коттэдж Чиз втягивает Блюберри Сэйбр в то же, во что она втянула Литлпип, — предложил Каламити. — Посылает её в какое-нибудь гиблое место. В конце концов, не верит же он в эту чушь про то, что у Министерства Крутости чёрные оперативники в Стойлах и прочий вздор?

— Ну, может быть и не полностью вздор. — пробормотала я себе под нос.

— Что эт ты имеешь в виду, Литлпип?

Дерьмо. Каламити услышал меня.

— Ну, я о том, что я видела Рэйнбоу Дэш и Пинки Пай, назначавших Зекору двойным агентом Эквестрии. Рэйнбоу Дэш сказала, что Зекора занималась у лучших тренеров Министерства Крутости... что звучало как будто МК занималось множеством подобных вещей.

Я была встречена ошеломлённой тишиной. Молчали все. Кроме Паерлайт, которая странно ворковала на Вельвет.

Я была слегка обеспокоена, что упоминание того, что у меня был шар памяти с Рэйнбоу Дэш, заставит Каламити потребовать реколлектор. Я не хотела, чтобы мой друг-Дашит потерял себя в шаре памяти, как случилось с Вельвет и шаром Флаттершай.

— Зекора? — спросила Ксенит, её голос замедлился и стал более осторожным. — Ты имеешь в виду Зекору из Хижины Зекоры в Вечнодиком Лесу?

Упс.

— Ну-у... да. Оказывается, она была подругой Министерских Кобыл. И её избрали для...

Будет ли хорошей идеей рассказать Ксенит, что Зекора работала под прикрытием, чтобы предать зебр?

— Зекора была предателем! — рыкнул СтилХувз. — Она продавала оружейные технологии зебрам! — Он шагнул ко мне. — Она пыталась отдать им ту проклятую винтовку, которая пробивала броню Стальных Рейнджеров!

Вот черт...

— О, нет. Не совсем. Это было частью её... маскировки?

— Нет, это не так, — непреклонно продолжал настаивать на своём СтилХувз.

— Флаттершай была знакома с зеброй? — спросил голос Вельвет Ремеди. В конце концов, это откровение, слава Богиням, вряд ли станет поводом для чего-нибудь плохого.

— Э, Липпип... можт ты объяснишь кой-чего насчёт тех шаров памяти, в которые ты вечно смотришь?

Я вздохнула. Даже если стараться не упоминать личные воспоминания, как в шарах памяти СтилХувза, или опасные, вроде тех, что связывали Флаттершай с проклятыми мегазаклинаниями, это затянулось бы надолго. Но часть меня благодарила Каламити за то, что он сменил тему. Нам всё-таки нужно было лететь ещё несколько часов.

— Пекучее копыто означает что!?

— Но она так и сказала!

Я всё ещё была ошеломлена этим, как будто только что это пережила.

— Я всё ещё привыкаю к мысли о Флаттершай, помогающей Эпплджек, — рассмеялась Вельвет. — Пусть даже это было во благо.

Её глаза блестнули, когда она посмотрела на меня, и я повесила голову. Мне уже пришлось помучиться после той оговорки про "дверь амбара", и я внезапно ощутила уверенность, что Вельвет Ремеди теперь почерпнёт совершенно новое вдохновение в поступках жёлтой пегаски.

В подтверждение моих подозрений, Ксенит наклонилась ко мне и произнесла:

— Ты обречена.

СтилХувз был аномально молчалив, даже для неразговорчивых гулей, с тех пор, как я растолковала то первое воспоминание. Сначала, я подумала, что откровение насчёт Зекоры затронуло его, или, возможно, подтверждение его теорий о Министерстве Крутости. Со временем я отважилась предположить, что причина была не в этом. Я подозревала, что скорее всего, пока мы были отвлечены от конфликта, что ждал нас в Стойле Два, СтилХувз был погружён глубоко в его собственный душевный беспорядок и работал с ним настолько, насколько он мог, до того как настал момент выбора. В некотором смысле он был крепче всех нас здесь. Ну, или хотя бы меня.

Ветер донёс до нас звуки беспорядочной стрельбы.

Мы приближались к Понивиллю. Ферма "Сладкое яблоко" всё ещё была на достаточном расстоянии, но в мёртвой тишине Пустоши звук далёкого боя разносился на многие мили.

Вельвет Ремеди всхлипнула.

— Там много стреляют.

— Автоматические гранатомёты, — отметил СтилХувз. — Вроде моего. Несколько штук.

Меня затрясло, когда в воображении начали складываться картины того, что могло случиться. Они ведь не будут использовать такое тяжелое оружие внутри Стойла, верно? Но если это так, то что же там происходит? Внезапно я представила, как всех пони из Стойла Два согнали к ближайшей роще зараженных яблонь, выстроили цепью и... расстреляли из гранатометов. Ради дикого удовольствия, чтобы посмотреть, как их тела разрывает на куски.

Я застонала, на моих глазах выступили слёзы. Я пыталась забыть представленную картину. Конечно, даже эти чудовища не будут столь жестоки, столь кровожадны. Они всё-таки собратья СтилХувза, а не рейдеры, да?

— Монстры! — прошипела рядом со мной Вельвет.

— Наверн ты права, — ответил Каламити, заставив меня вздрогнуть от столь усердного согласия. Не надо, пожалуйста. Это не должно быть так, как я представляла. Этого просто не может быть!

Пожары Красного Глаза гонят кучу тварей в сторону Понивилля. Видать парочка их добралась и до фермы "Сладкое Яблоко."

Наступила глубокая ночь. Это время носило свое особое название, которого я не помнила — время, когда тьма окутывает всё вокруг и не дает заснуть, когда бремя всех твоих бед и ошибок начинает давить особенно сильно, а чудовища из дальних уголков твоего разума начинают скребстись под дверью...

Вельвет Ремеди встала и принялась рыться в припасах, сложенных на задней площадке Небесного Бандита — вещах, которые мы собирались продать потом или припрятать в надёжном месте на узловой станции Р-7, но не хотели постоянно носить на себе или в сумках. Было там и всё оружие, которое Каламити смог собрать с тех пони, которых Стерн привела, чтобы напасть на моих друзей в башне Филлидельфии.

Я начала перебирать оружие. Выбирать особо не приходилось. Малый Макинтош, возможно, был достаточно мощным, чтобы пробить броню Стальных Рейнджеров, если найти уязвимое место, и ещё у меня была обойма бронебойных патронов к снайперской винтовке. Только к винтовке Зебр имелось достаточно бронебойных патронов, благодаря каравану, на который мы с Каламити наткнулись возле Филлидельфии, и благодаря боеприпасам, которые Каламити смог "освободить" из рабства Стерн.

Я поднесла к себе винтовку Зебр и осмотрела её. Ярость вновь закипела во мне, вытесняя немую боль. Один раз я уже смогла

отгордиться от ярости, стараясь оставаться как минимум здоровыммыслящей, и не позволив ей затмить мой разум. Действительно ли я хотела использовать винтовку Зебр против Стальных Рейнджеров? С одной стороны, они были моими врагами, и они заслуживали своей участи. И эта винтовка была лучшим оружием для того, чтобы разобраться с ними. Но заклинание в этой винтовке... Оно не просто позволяло пулям пробивать броню. Я видела, что бывает с пони, который сгорает заживо внутри своих доспехов, и эта картина до сих пор наводила на меня ужас. Была ли я и вправду готова поступить с ними как Спайк?

— Что это на тебе надето? — ахнула Ксенит.

Вельвет Ремеди вежливо ответила:

— Мы собираемся биться против действительно опасных противников. Было бы глупо, если бы я не надела броню? И это лучшая броня, которая у меня имеется.

На Вельвет Ремеди была одета броня легионера зебр.

— Если, конечно, её не хочешь надеть ты, — мягко сказала Вельвет. — Думаю, у тебя больше причин носить её, чем у меня.

Ксенит задумалась на мгновение, взглянув на СтилХувза.

— Нет. Мой дом здесь, в Эквестрии.

— А, конски ж яблоки... — вздрогнув, проворчал Каламити. И тут же спросил громче: — Вельвет? Лил'пип? Я тут спросить хотел. Нет, вы конешь отказывайтесь, если неохота. Знаю, что прошу больше, чем надо было бы... — Он умолк на мгновение и продолжил уже настойчивей, — Но раз мы собираемся на большую драку, я тут припас кой-чего неподалеку, и оно нам бы очень пригодилось. Это отнимет у нас минут пятнадцать, не больше, обещаю. Но в эти пятнадцать минут Рейнджеры могут как раз убивать ваших родичей.

Я чувствовала, как секунды утекали каплями крови. На пятнадцать минут дольше, когда мы и так уже были в пути слишком долго... Я не могла и думать об этом.

— Нет, — резко ответила я. — Мы не можем дать им и минуты, не говоря уже о пятнадцати. — Я сделала глубокий вдох, — Но если ты думаешь, что это поможет, высади нас у Стойла и лети куда хочешь. Догонишь потом.

— Нет, — вмещалась Вельвет. — Разделяться сейчас - плохая идея. Я не хочу, чтобы Каламити бродил по Стойлу в поисках нас. Мы пойдём все вместе.

Она была права. Моё предложение было не из лучших.

— Давай, Каламити, — продолжила она. — Мы и так потеряли много часов, пока летели сюда. Если пятнадцать минут настолько важны в этом деле, значит мы давно уже опоздали. Я знаю, что ты не пошёл бы на дело, в пользу которого не был бы уверен. И если это действительно сослужит пользу и позволит нам остаться в живых, то оно стоит этих пятнадцати минут.

Каламити расправил крылья, ложась на другой курс

Ферма "Сладкое яблоко" показалась на горизонте — покатые холмы, поросшие чахлыми деревьями с заражёнными плодами на ветках, и старый амбар, который всё ещё стоял на удивление невредимым.

...вы не сможете использовать амбар до следующей весны.

Я внезапно подумала, что Эпплблум снесла старый сарай, когда нужно было копать котлован для Стойла Два. И отстроила его снова. Когда Стойл-Тек что-то строит, это строится на века.

Воздух блестел огнями. Казалось, кусок звёздного неба спустился сверху сквозь облака и приземлился посреди фермы. Рой злобных звёзд... Вспышки выстрелов плясали на земле вокруг него.

Ксенит резко вдохнула.

— Нет!

— Что это?

Глаза зебры расширились от ужаса:

— Звёздное отродье!

То, с чем сражались Стальные рейнджеры, было кошмаром, сошедшим со страниц зебринских легенд — существом с тёмной стороны луны, пришедшим в наш мир тысячелетия назад "подарком" от далёких звёзд.

Существо было огромным, но почти невидимым сгустком сверкающих живых созвездий света, которые, казалось, обтекали его. Я включила локатор Ушки-На-Макушке, но когда компас вспыхнул россыпью точек на земле, большинство из которых были враждебно-красными, он не смог засечь то, с чем они все сражались. Детектор показывал, что там не было **ничего**.

Стрельба приведённых в боевую готовность Стальных Рейнджеров разлилась по воздуху, и звёздное небо оборонялось, дробя их или отправляя их в полёт. Взорвались ракеты, обливая создание огнём достаточно долго, чтобы можно было разглядеть очертания.

Я почувствовала мягкое утешение, когда заметила, что его форма была неясно похожа на пони, с головой, телом и четырьмя ногами. Необъяснимо жуткий рёв раздался через окутанные облаками небеса. Как будто космос кричал в ярости.

Моей первой мыслью было желание помочь. Я хотела бежать к ним на помощь. Потребовалось ещё мгновение, чтобы вспомнить, что пони внизу были врагами. Но ведь не все, по крайней мере так показывал мой Л.У.М, этого ли не достаточно?

— Мы должны им помочь, — решительно сказал СтилХувз, озвучив мои мысли. — Ты хотела дипломатии? С этого мы и начнём.

— Даже не думайте о том, чтобы победить Звёздное отродье, — яростно сказала Ксенит. — Каким нужно быть дураком, чтобы так поступать? Всё, на что можно надеяться — это спастись бегством!

— Ты с нами знакома? — спросил СтилХувз. И после этих слов я поняла, что он сделал свой выбор.

Смена маршрута была отменена, Каламити летел к амбару и направлял нас прямо в бурю.

БУМ! БУМ! БУМ! БУМ! БУМ! БУМ! БУМ! БУМ! БУМ!

СтилХувз стоял на крыше Небесного Бандита, его автоматический гранатомёт отправлял гранату за гранатой в практически невидимого монстра, а Каламити тем временем зашёл на следующий круг. Пегас делал всё возможное, чтобы подлететь как можно ближе, не зайдя при этом в зону поражения Звёздного Отродья — не простое дельце, учитывая то, что тварь-то почти невидимая.

Стальные Рейнджеры были почти сокрушены. На земле лежало около дюжины трупов в искорёженной броне. Нигде поблизости не было сил, которые по оценкам СтилХувза были посланы в Стойло. Я смогла разглядеть ещё троих по тусклому цвету их Л.У.М. и по блестящим вспышкам выстрелов от их оружия. Один из Рейнджеров выпалил пару ракет, которые взорвались напротив прозрачного, скрывающегося монстра.

Звёздное Отродье приняло ответные меры, выпустив невидимый придаток, встретившегося с бронированным рыцарем с отвратительным хрустом.

Пони подбросило в воздух прямо на нас. Каламити с криком "Йиии-хха!" ловко увернулся. Я увидела, что тот пони был уже мертв, пролетев мимо нас — сквозь проломленные со страшной силой доспехи было видно, как его органы размазало по броне.

Парлаит пролетела мимо нас, обстрелянная существом огнём, часть его спины, охваченная пламенем, быстро затухала.

Я сосредоточилась, пытаюсь обернуть всего монстра в магическое поле. У меня не было никакого намерения перемещать его, но благодаря полю, возникшему на его краях, мы могли видеть всё существо. Оно было намного больше, чем я предполагала. Но, по крайней мере, теперь мы могли избежать столкновения с ним.

Вельвет Ремеди отправила своё анестезирующее заклинание прямо в космическое чудовище и попала ему прямо в голову. Монстр пришёл в замешательство буквально на несколько секунд, а затем издал ещё один взвизгивающий рев.

— Чёрт, она слишком велика! Ей наше оружие, что слону дробина! — воскликнул Каламити.

— Я же вам говорила, — с досадой сказала Ксенит, — Вам не удастся убить Звёздное Отродье. Вам еще повезло, что это детеныш. Взрослая особь весь Понивилль бы разрушила без особого труда.

— Это только детеныш? — удивлённо спросила я, когда чудовище отступило назад, проломив амбар. Последнее здание, оставшееся на ферме "Сладкое яблоко", амбар, переживший апокалипсис и две сотни лет запустения, с грохотом развалился. Почему-то мне было больно смотреть, как амбар, в котором я наблюдала за Эпплджек и её друзьями в счастливом и солнечном прошлом, был стёрт с лица земли неосторожным движением Звёздного отродья.

— Литлпип, продолжай его подсвечивать! — приказал СтилХувз, когда моё магическое поле начало тускнеть. — Каламити, разверни нас перед этой тварью и держи высоту! Вельвет, готовь заклинание и жди моего сигнала.

— Надеюсь ты знаешь что делаешь, — сказал Каламити, подтягивая Небесный Бандит прямо к морде чудовища.

— Вельвет, давай.

Вельвет Ремеди сосредоточилась, выпуская маленький сгусток магии в голову твари. Та была снова оглушена на мгновение — магией, которой хватило бы, чтобы полностью обездвижить адскую гончую дольше, чем на час.

Полоса дыма вырвалась с крыши Небесного Бандита. То был СтилХувз, выпустивший ракету. Я видела, как она пролетела сквозь моё магическое свечение куда-то в даль, где должно было быть убежище сей твари, застрыв при этом в её прозрачной голове.

Звёздное Отродье испустило громоподобный рёв, что сбил нас с небес. Каламити пытался восстановить контроль над ситуацией прежде, чем мы упадём в заражённый яблочный сад. Секунду спустя послышался взрыв ракеты, сопровождаемый звуком рвущегося мяса.

Мы врезались об землю парю секунд ранее тела Звёздного Отродья. Меня подбросило, с сильным треском я ударилась о скамейки и металлические стены. Всплески боли разошлись по моему телу. Небесный бандит перевернулся, подмяв несколько деревьев, прежде чем остановиться. Каламити висел в упряжи, словно мёртвое тело. Вельвет Ремеди стонала, лёжа среди разбросанного снаряжения. Я не могла видеть, куда забросило СтилХувза. Или Ксенит.

Мой ПипБак бешено щёлкал. Я почувствовала тёплую липкость, покрывавшую мою гриву. Я приподняла копыто. Такое мельчайшее движение принесло за собой головокружительную боль и ослепительные вспышки перед глазами. А потом темноту.

* * *

Яркий луч света из шлема СтилХувза нашёл меня.

Ксенит скакала рядом, выглядя до омерзения целой и невредимой. Она, судя по всему, выскочила из окна, когда мы падали, сгруппировалась и перекатилась при приземлении, что её и спасло.

— Все... пони в порядке? — спросила я слабым голосом.

— Лучше некуда, — ответил СтилХувз. Судя по тому, как щёлкал от радиации мой ПипБак, он явно не врал.

— Ты пролетел через дерево, — возразила Ксенит. — Возможно, сломав спину.

— Кантерлотского гуля просто так назад в могилу не загонишь, — ответил СтилХувз. Я почувствовала, с каким удовольствием он смотрел, как у Ксенит в ужасе перехватило дыхание, и та отшатнулась от него.

— Да, мы такие! — слабо улыбнулась я. — Удивляем на каждом шагу. — Я повернулась к СтилХувзу. — Как тебе удалось убить Звёздное отродье? Это было невероятно!

— Я уже один раз видел Медведицу, ещё на войне, — ответил СтилХувз. — Силуэт, который ты высветила, выглядел так же, как и существо, в облике которого она была. Просто чуть более опасное и трудноразличимое. Вот я и выстрелил туда, где у медведицы должен был быть глаз. Просто надеялся, что это сработает.

Каламити испустил тяжкий вздох. Очнувшись висющим вверх тормашками в упряжи пассажирского вагона, он замахал ногами, словно в надежде перевернуть вагон обратно. Это явно не помогало.

— Дай-ка я помогу, — крикнула я ему и магией расстегнула упряжь. Каламити шлёпнулся на спину, издав глухой стук.

— Уф!

Вельвет Ремеди выкарабкалась из вагона, вытягивая за собой все наши медикаменты. Я подумала, что наш багаж при падении могло разбросать по заражённой рошце на сотню метров вокруг. Но собирать его этим утром времени не было. Сначала нужно было пережить остаток ночи. По крайней мере, моё оружие осталось со мной.

— Подойдите ко мне, пожалуйста. Да, и зебра тоже, — мягко сказала Вельвет, сбрасывая с себя седельные сумки. — Мед-пони сейчас подлатает вас, перед тем как мы пойдём дальше, и постарается не думать, что залечивать раны ещё до того, как начать сражаться — это плохой знак.

— Стоять, пони! — раздался голос откуда-то из темноты. Два тактических фонаря на шлемах поймали нас в пятно света.

Два Стальных Рейнджера, переживших бой со Звёздным отродьем, двигались к нам с оружием наготове, а лучи света от их Л.У.М.ов ясно давали знать, что заклинания прицеливания уже наведены на нас.

— Ого, — раздался милый голос кобылы из-под вторых доспехов. — Смотрите, это же Старейшина СтилХувз.

— Звёздный Паладин СтилХувз, — поспешно поправил второй голос. — Держите его на мушке, Рыцарь Строберри Лемонэд. — Тот, второй, повернулся к нашему гулю. — У нас особое распоряжение отправить вас обратно. Вы не можете вмешиваться в эту операцию.

— Это было потрясно, СтилХувз, сэр! — затараторила младшая рыцарь, отключив Л.У.М. — Как вам удалось убить эту тварь?

— Рыцарь Лемонэд! — зарычал на неё старший Рейнджер, — Включите обратно Л.У.М. и держите их на прицеле!

— Вы понимаете, на какое Стойло напали? — медленно спросил СтилХувз. — Это Стойло Два, Стойло, построенное, чтобы сохранить семью Эппл и жителей Понивилля. Это ферма семьи Эпплов. Вон тот амбар был местом, где Министр военных технологий, сама Эпплджек, выросла и провела своё детство. Это Стойло — дом её потомков. Вы напали на семью Министра военных технологий. Это вам следует уйти отсюда. Уйти с позором.

— У нас приказ. Так же, как и у вас, между прочим.

— Вы не можете мной командовать, Паладин. И Старейшина Блюберри Сэйбр тоже не может, — настаивал СтилХувз. — И даже если бы и командовали, эти приказы ошибочны. Вся эта операция — позор. И каждый, кто в неё ввязался, позорит имя и честь Стальных

Рейнджеров.

— Приказы, которые я передаю, идут от самого Старейшины Коттэдж Чиза. Вы обязаны покинуть территорию немедленно. Вместе со своими дружками-дикарями. — Паладин обернулся к рыцарю, стоящей рядом. — А ты, включи уже Л.У.М. и прицелься! Это приказ!

— Сэр? — нерешительно прошептала Стрauberри Лемонэд, — Старе... Звёздный паладин СтилХувз прав. Эта операция неправильна, незаконна.

Паладин развернулся к рыцарю, и теперь пулемёт в шарнирной установке на его спине нацелился уже на неё.

— Включите Л.У.М. и держите их на прицеле, иначе ещё до захода солнца будете отвечать перед трибуналом за неподчинение! — прорычал паладин. — Я ясно выра...

БАХ!

Паладин упал. Две пули проделали чёрные пустоты в его шлеме.

Рыцарь Стрauberри Лемонэд испуганно отскочила. Остальные уставились на Каламити.

— Чего? Я дал шанс вашей дипломатии. Да только вот он чё-т не особо хотел разобраться по-хорошему.

Рог Вельвет Ремеди мягко светился, пока та старалась забинтовать мой рассечённый затылок так, чтобы бинты не закрывали лицо. К счастью, по её словам, рана только на вид была страшной. Впрочем, болела она порядочно.

— Старейшина Коттэдж Чиз умирает, — сказала Рыцарь Стрauberри Лемонэд, обращаясь в основном к СтилХувзу. — В смысле, он умирал всё это время, но вот в этот месяц всё ухудшилось, даже лечение в больнице не помогает. Он решил посвятить себя захвату Стойла Двадцать Девять, прежде чем умереть. Сейчас он как раз там, вместе с Звёздным Паладином Кроссродс. Он привлёк Старейшину Блюберри Сэйбр к захвату Стойла Два, вместе со Звёздным Паладином Нова Рэйдж.

— Ну, конечно, он сделал так, — прокомментировал СтилХувз. — Звёздный Паладин Кроссродс настаивала, чтобы я стал Старейшиной. У неё был тот же настрой, что и у меня. Коттэдж должен был знать, что Кросс никаким путём не уговоришь на взятие Стойла Два. — Он топнул. — С другого бока, Звёздный Паладин Нова Рэйдж — приверженец традиций МВТ, как и Старейшина Блюберри Сэйбр.

Каламити приподнял левое крыло. Оно было повреждено при падении, и сейчас Вельвет туго заматывала его бинтами.

— Значит, этот ваш Коттэдж хочет заполучить Крестonosца в Стойле Двадцать Девять? Охота жить вечно внутри машины?

— Но это же безумие, — возразила я. — Крестonosец может снять слепок, копию разума пони, но сам пони не станет частью машины. Коттэдж Чиз будет физически мёртв точно так же, как если бы он умер не в Крестonosце.

— Возможно, — предположила Вельвет Ремеди, — он думает, что может действительно вложить себя в машину, свой разум и душу. — Я не сразу поняла её мысль: Сосуд души... Группа наёмников Блэквинг охотилась за информацией о Чёрной Книге, которая была нужна кому-то на стороне. И теперь я подозревала, что знаю, кто это может быть. Если Сосуд Души в принципе может быть любым предметом, почему бы не взять для этого Крестonosец? Я представила Старейшину, вечно существующего в неуязвимом компьютере, отдающего приказ штурмовать мой дом. Я не должна позволить ему сделать это! Он не получит вечную жизнь в награду за убийства.

СтилХувз всё ещё разговаривал с рыцарем Стрauberри Лемонэд. В конце беседы та сказала:

— Послушайте, я верю, что вы правы. И я на вашей стороне. Но пойти с вами я не могу. Я не могу стрелять в других Рейнджеров. — Она взглянула на Каламити сквозь забралю шлема. — Или сотрудничать с дикарями, которые это делают.

СтилХувз кивнул, положив закованное в броню копыто на её плечо.

— Я уважаю твой выбор. Ты поступила правильно.

Он повернулся к нам.

— Мы готовы?

Я поднялась на ноги, левитируя перед собой Малый Макинтош и винтовку зебр. Из того, что рыцарь нам рассказала, следовало, что старейшина Блюберри Сэйбр оставила снаружи пятую часть своего отряда, чтобы те предупредили о нашем появлении, а вовсе не для охраны от тварей, бегущих в Понивилль из Вечнодикого леса. По правде говоря, я не была готова к бою. Но каждая секунда, потраченная на разговоры и лечение, давала десяткам Стальных Рейнджеров время, чтобы пробиться в крыло Охраны и Смотрительницы, убивая всех выживших после первой атаки, кто встретится им на пути. И они не собирались дожидаться меня.

— Идём.

Каламити замыкал отряд. Его меткая стрельба могла спасти всех, попытайся враг обойти нас сбоку. Я постоянно оглядывалась, наблюдая за его реакцией, пока мы шли к дверям Стойла по старому тоннелю под яблочным погребом. Для него это не было похоже на экскурсию по вылизанным макетам помещений в офисе Стойл-Тек.

— Дом Вельвет Ремеди... Дом Лигпип... — шептал он. Каламити явно думал, что его не слышат. Впрочем, не будь у меня статуэтки Пинки Пай, я бы действительно не слышала его.

— Надо, надо быть сильным. Для них. Нельзя вот так просто ворваться и перестрелять этих сволочей ко всем чертям. Да, точно. Надо держаться. Надо следить за Ремеди и Лигпип, прикрывать их. Я смогу...

Скелеты, покрывавшие пол перед входом, были изломаны и стёрты в пыль, растоптанные десятками стальных копыт. Чувство горькой тошноты добавилось к ярости, заполонявшей мой разум. Никто не знал, кем были эти пони, но они явно заслуживали лучшей участи. Я начинала злиться на саму себя. Почему я тогда не похоронила их? Они ведь все когда-то умерли под запертой дверью моего Стойла...

Но в конце концов, вся Эквестрийская Пустошь была усеяна такими скелетами. Я никак не позаботилась ни об одном из них. Даже об останках Эплблум и Пинки Пай. Но ведь я не оскверняла их. Я же не растоптала их без всякого сожаления.

Дверь в Стойло Два была полностью открыта.

Нашими парламентёрами были Вельвет Ремеди и СтилХувз, они и вошли первыми. Я хотела, чтобы наш Стальной Рейнджер пустил в ход вежливость прежде, чем нам нужно будет отстреливаться. И так, Вельвет снова шагнула туда, где когда-то был наш дом... И сразу же встала как вкопанная, вскрикнув, словно от боли. Я поскакала к ней.

Стены и пол вестибюля были такими же серыми, как остальные помещения технического крыла, но сейчас они были покрыты беспорядочными брызгами разных цветов. Милыми пастельными цветами шкурок пони, лежащих в лужах багрово-алого цвета...

Смотрительница отправила полдюжины пони, чтобы поприветствовать гостей. Только двое из них — охранники Стойла — были вооружены. У остальных же были только надежды на дружбу... Возле раскрытого рта молодой сиреневой кобылки лежал растрёпанный букет цветов — приветственный подарок гостям. Белые лепестки были забрызганы красным. Стальные Рейнджеры просто расстреляли их всех в упор.

Пони в моей голове балансировала на краю тёмной, извивающейся пропасти. Бездонного колодца, заполненного костями,

однажды в темноту. И потоки ярости захлестывали её багровыми волнами, увлекая за собой вниз, в бездну...

Я дернула её назад, и стена ярости внутри меня осыпалась осколками. Ужас, боль и горечь, которые она сдерживала, хлынули наружу. Я упала на колени и зарыдала.

— Вот так вот... — я расслышала голос Каламити, словно доносящийся откуда-то издали. — Нахуй эту дипломатию. Все пони, кто решился на это, кто просто стоял и ждал, уже мертвы.

Я поняла, что узнала желтую кобылку, чей разорванный пулями труп лежал в углу... Но не могла вспомнить, когда мы с ней познакомились. И как её звали... И это было очень, очень плохо. Почему я не могла вспомнить её имени? Она же была достойна того, чтобы её имя помнили. Она должна была жить!

Заплаканная Вельвет Ремеди подбежала и обняла меня, пока я всхлипывала и рыдала, уткнувшись в её шерсть и броню.

— Литлпип была сильной достаточно долго, — услышала я её голос. — Это и мой дом тоже. Теперь мой черёд.

Каламити, Ксенит и я собрались в подобие разведгруппы. Как только я немного успокоилась и была способна идти, Вельвет Ремеди послала нашу троицу вперёд. Мы не собирались вести переговоры, если только враг не выбросит белый флаг первым. Наоборот, мы решили бить первыми — быстро, решительно и наверняка.

Первый Стальной Рейнджер, которого я нашла пулями из винтовки Зебр, умер с криками в страшных мучениях, когда его органы загорелись, поджаривая его изнутри. Я не чувствовала жалости. Сострадания тоже не было. Не было даже чувства мести или какого-либо удовлетворения. Эмоциональный срыв полностью опустошил мои чувства, оставив только злобу и решительность. То, что я сделала, было правильным и необходимым и воспринималось не ужаснее, чем чистка зубов.

И я уже не чувствовала ни капли отвращения к тому, как поступил Спайк, защищая свой дом.

В каждом новом коридоре было всё больше убитых пони. Атака Стальных рейнджеров была жестокой. Но тем не менее, трупов было куда меньше, чем я ожидала. Приветственная процессия сыграла свою роль в продуманном плане Смотрительницы. А когда Рейнджеры продемонстрировали свои намерения уже на входе, встречающие оттянули достаточно времени, чтобы позволить ей эвакуировать остальных в крыло охраны и администрации.

Я не могла понять, любить или ненавидеть её за это.

Техническому крылу досталось сильнее всех. Стальные Рейнджеры пробивались сюда в первую очередь, возможно, чтобы не допустить саботажников из числа жителей до технологий, которые были им нужны больше всего. У тех пони, что были там, не было времени, чтобы выбраться из крыла до того, как Рейнджеры отрезали им все пути к отступлению.

Я повернула за знакомый угол и очутилась прямо перед комнатой ПипБак техников. Эмоции захлестнули меня при виде чёрных подпалин на стенах, которые я когда-то протирала. Красная полоса крови тянулась вдоль стены, резко уходя вниз — до тех пор, пока не привела меня к трупу моего начальника. Если не считать оторванной ноги, я вполне могла бы заставить себя поверить, что он просто снова спал на рабочем месте...

Это было совсем не похоже на то, чем я когда-то хотела украсить эту скучную стену...

Я снова заплакала, и свечение Л.У.М.а расплылось бликами в пелене слёз.

Дверь в кабинете моего начальника была выбита и лежала рядом на полу. Внутри кто-то был. На компасе сверкнула красная точка. Я дала знак своим держаться подальше и начала медленно красться вперёд.

Стальной Рейнджер так и не заметила меня. Я левитировала Малый Макинтош прямо к затылку её шлема, чуть левее рёбер жёсткости.

БАХ! БАХ! БАХ! БАХ! БАХ! БАХ!

Я разрядила весь барабан прямо ей в мозг. Она наверняка умерла уже после первого выстрела, но я не могла остановиться.

Я уже начала разворачиваться и уходить, но замерла, когда заметила спальное место моего начальника. Под ним лежала пустая бутылка Спаркл-Колы и инструкция по эксплуатации (ЛиЗ в квадрате: "Любовь и Забота Для Полностью Потерянных"). Я вспомнила, как мой начальник пролистывал эту книгу, пока говорил, смотря совсем не в ту сторону, в которой я находилась, сосредоточенно слушая. Пролитая слёзы болезненной ностальгии, я левитировала книгу в одну из моих седельных сумок.

Вдали раздался грохот выстрелов боевого седла Каламити. В следующую секунду они с Ксенит влетели в комнату техников. Коридор снаружи охватило пламя.

— Малый Макинтош не слишком-то незаметен, Литлпип!

Ксенит вытянула пузырёк из маленькой седельной сумки для снадобий и трав. Зебра выгледнула содержимое на пол, и оно тут же растеклось вязкой лужей, напоминающей своим запахом лакрицу. Ксенит обмакнула туда передние, а затем и задние копыта.

Пламя в коридоре угасло. Секунду спустя в комнату влетела граната. Я обхватила её магическим полем и вытолкнула обратно. Кто-то выкрикнул "берегись!" за мгновение до взрыва.

— Проклятье. Ненавижу единорогов! — сказал Стальной Рейнджер, давая нам знать, что он выжил и по большей части невредим.

Я повернулась к Каламити и... где же Ксенит? Я осмотрелась. Потом посмотрела вверх. Она ползла по потолку, паста на её копытах позволяла магически прилипнуть к поверхности. Это было похоже на те заклинания, которые использовали работоторговцы против нас при падении на поезд несколько недель назад.

Она подкралась к дверному проёму стойла и заглянула туда, глядя в обоих направлениях, прежде чем соскользнуть и изречь: "двое". Мелкими кивками головы она дала Каламити информацию о их положении, какую мой Л.У.М. давал мне. Я перезарядила Малый Макинтош.

Она кралась, сливаясь с потолком, была бесшумной, как призрак. Каламити выждал момента, пока она спрыгнет на одного из Стальных Рейнджеров, затем выкатился, встретившись лицом к лицу с другим, и выстрелил дуплетом.

Я вынырнула из-за угла, разворачивая Малый Макинтош и приводя в действие заклинание прицеливания. Но Ксенит уже искалечила другого пони, её удары копытами сквозь броню раздробили его внутренности. У меня слегка отвисла челюсть от того, как она с ним разобралась.

Стиль Падшего Цезаря пугал меня до усрачки.

По мере того, как мы пробивались через Техническое крыло, нам всё чаще стали попадаться разбросанные между трупов светящиеся кучки зелёного или розового пепла — всё, что осталось от пони, убитых энергомагическим оружием. Каламити это очень беспокоило.

Мой Л.У.М. показал мне, что четыре Стальных Рейнджера стояли за углом, рядом с дверью в генераторную. Я передала это остальным.

— Ща я их сделаю, — сказал Каламити выдвигаясь вперёд, но я положила копыто на его плечо и покачала головой. Каламити нахмурился. Он не хотел отступать, но ему пришлось это сделать. Пегас и зебра заняли позиции, пока я тихо поскокала назад, где ждали Вельвет Ремеди со СтилХувзом.

Спустя секунду СтилХувз пронёсся мимо Ксенит и Каламити и повернул за угол. Его ракетница и остальное оружие было готово к стрельбе.

— Я — Звёздный Паладин СтилХувз. И я объявляю конец этой пародии на операцию. Мы не должны атаковать Стойло Кобылы нашего собственного Министерства. Мы не должны устраивать резню невиновных, когда Она предназначала нас для Защиты пони. — Его командный голос гремел под сводами зала. — У вас есть два пути: Присоединится ко мне и остаться верным Клятве принципам Кобылы нашего Министерства, или выбрать сторону Старейшины Блюберри Сэйбр и Звёздного Паладина Новы Рэйдж и быть расстрелянными.

— Тогда ты признаёшься, что ты — предатель! — ответил один из них. — Остановись и приготовься к аресту.

Ответ неверный. СтилХувз выстрелил из всего, что только было, в коридор, который порвало на части в ярком пламени, жаре и осколках.

— Не думаю, что смогу больше носить эту броню, — сказал он, возвращаясь к нам. Его броня дымилась и была усыпана раскалённой шрапнелью. — Проблема лишь в том, что снять её я не могу.

— Честное слово, — сказал Каламити, оскалившись, — Ты никогда не выглядел прекрасней.

Ксенит скользнула в салун Стойла Два через чёрный ход. Я держалась сразу за ней, невольно рассматривая её ляжки и ловя себя на мысли, что проклинаю работоторговцев, когда-то исполосовавших её шрамами.

Чёрный ход вывел нас затемнённую кухню. Ну, она была тёмной, пока Паерлайт не влетела в неё, приземлившись на одну из кастрюль на плите. Горящий костром феникс уже почти вернулся в своё обычное состояние, но всё ещё изливал достаточно энергии, чтобы походить на факел.

Мистер и Миссис Спаркл Сайдер валялись в дальнем углу, их тела лили кровь друг на друга. Мистер Спаркл Сайдер всегда давал мне бесплатное мороженое, когда я была маленькой. (Ну, до того как он поймал меня за взломом двери его кабинета). Его жена была одной из подруг моей мамы.

Заднее копыто Миссис Спаркл Сайдер застряло в двери морозильника, не давая ему закрыться. Все мороженое внутри медленно таяло, стекая в лужи щербета на полу.

Я почувствовала, как неконтролируемая ярость взяла верх над оцепенением. Моё сердце тяжело забило в груди.

— Чисто, — прошептала Ксенит, заглядывая в глубь Салуна. Я кивнула в ответ.

Минуту спустя я заняла позицию возле двери, заряжая последние оставшиеся пули в Малый Макинтош. Магические пули. Каламити и Ксенит остались на кухне, в свою очередь охраняя нас с тыла.

СтилХувз стоял в Салуне, выглядя неуместно посреди богатого псевдо-деревянного декора. Вельвет Ремеди, тем не менее, двигалась уверенно, почти скользя по возвышающейся сцене, и магическое сияние её рога отражалось в экранах терминала и звукоотражателей. У Вельвет Ремеди был план. Мгновение позже, она прошагала к краю сцены и взглянула на СтилХувза.

Я вспомнила то время, когда пустобоким жеребёнком пробиралась в салун, пряталась позади толпы и наблюдала, как почти взрослая Вельвет Ремеди исполняла свои песни. Её музыка текла в мою душу, и было мучительно сложно подавлять желание танцевать.

— Готова, — сказала она, и её рог засветился.

— Внимание, Стальные Рейнджеры, — начал СтилХувз. Его голос пролетел по всему Стойлу Два. Вельвет Ремеди управляла системой оповещения.

— Говорит СтилХувз, член-учредитель и старейший из живущих Стальных Рейнджеров. Звёздный Паладин Контингента Мэйнхэттена. Я призываю вас остановиться и подумать о вашей Клятве. Подумать, где вы находитесь и что вы делаете. Является ли ваша верность верностью Эпплджек, Кобыле Министерства Военных Технологий, создателю брони Стальных Рейнджеров и кобыле, которая Своими собственными копытами, Своими потом и кровью, и честностью Своего сердца выковала Стальных Рейнджеров? Или вы клялись пугливым, жадным пони, которые оставили всё, что Она защищала, превращая нас в немногим большее, чем техно-рейдеров, коллекционирующих игрушки прошлого, потому что они забыли о том, что это — добродетель, которая делает пони великими, а не безделушка? Пони, которые, глядя на дом Эпплджек, отдают приказ порезать Её семью, чтобы насытить свою жадность? Эти приказы, эта операция, они вызвали бы отвращение в глазах Кобылы нашего Министерства. Эпплджек поставили во главе Министерства Военных Технологий потому, что Она была Хранителем одного из Элементов Гармонии. И правительница Эквестрии признавала значимость этого. Как вы думаете, побрякушка на шее делала её Хранителем или же это делала Добродетель в её душе? Сегодня вы должны выбрать, кому ваша Клятва служит. Бросить эту позорную цель и перейти на мою сторону, подтверждая Клятву верности защиты жителей Эквестрии, чему и посвятила Эпплджек Свою жизнь. Или продолжать это постыдное деяние и столкнуться с гневом тех из нас, кто выбрал путь истинный!

Свечение вокруг рога Вельвет Ремеди потускнело. СтилХувз взглянул на неё.

— Ну... и как прошло? — Она широко улыбнулась в ответ.

Трое Стальных Рейнджеров ввалились в Салун и помещение наполнилось грохотом и огнём их боевых сёдел. СтилХувза задело при первом залпе.

Я в оцепенении смотрела на Стального Рейнджера, рухнувшего в растекающуюся лужу той дряни, которая у гулей называлась кровью.

Я проскользнула в Л.У.М. и расстреляла в них остатки барабана Малого Макинтоша, убив одного и ранив другого. Я бросила пистолет Эпплджек и схватила зебринскую винтовку, в то время как в салун вломилось ещё три Рейнджера. Позади себя я услышала взрывную волну из Грома Спитфайр. Каламити обезглавил первого Стального Рейнджера, который попытался зайти сзади.

Один из пяти Стальных Рейнджеров выстрелил парой ракет в сторону Вельвет Ремеди. Певица возвела свой щит и ракеты взорвались у нижней части сцены, отправляя в воздух ошметки псевдо-дерева.

Другой повернулся ко мне, направляя на мою голову что-то, похожее на крупнокалиберную снайперскую винтовку.

— Нет! — взревела Вельвет Ремеди, сияние её рога усилилось, как и громкость её голоса. — **Это моя сцена!**

Комната осветилась светом, который заклинался рогом Вельвет Ремеди, переводя на неё всё внимание. Стальной Рейнджер передо мной шагнул в сторону, ослепнув из-за вспышки света Вельвет Ремеди. Его рассеянность дала мне время, достаточное для выстрела из зебринской винтовки. Пуля с разрывом прошла через забрало моего врага.

Один из Стальных Рейнджеров ответил Вельвет рыком своих миниганов. Щит Вельвет ослаб. Я выстрелила ещё тремя

Бронебойными снарядами из зебринской винтовки в голову того миниганнера, видя вспышки огня через пулевые отверстия. Я чуяла запах жарящихся понячьих мозгов.

Вельвет выхватила свой боевой дробовик, открыв огонь по захватчикам, но их броня оказалась более прочной. Тем не менее, она не защитила их от её анестезирующего заклинания. Стальной Рейнджер, которого я ранила, упал.

Другой Рейнджер выстрелил в неё из наспинной снайперской винтовки. Пуля прорвалась сквозь её щит и броню. Я видела шок и боль в её взгляде.

Паерлайт внезапно влетела, чтобы убивать, опалив упавшего рейнджера и тех двоих, что ещё были на ногах, радиоактивным пламенем. Их костюмы защитили их и от этого, но пламя размыло обзор. Я проскальзывала в Л.У.М. и тут же выскакивала, обстреливая каждого Стального Рейнджера, пока у меня не кончились бронебойные патроны.

Гром Спитфайр прогремел снова. Секундой позже Каламити и Ксенит пронеслись в комнату, сбив меня с ног.

Я поняла, что пахнет газом.

Откуда-то из глубины Стойла донёсся звук сильного взрыва, не похожий на огнестрельное оружие или гранату. Страх пробежался по моему позвоночнику, неужели Стальные Рейнджеры сумели взорвать защитную дверь, за которой пряталась большая часть жителей моего дома.

Ксенит обернулась, схватила меня ртом и вытащила из дверного проёма.

ВВУ-УШШ!!!

Кухня взорвалась, извергая в Салун ад и поджигая столы и стулья из псевдо-дерева.

— Ни слова про моё имя, — выпалил Каламити, глядя на Ксенит. Затем он увидел СтилХувза и замер. — Где Вельвет? — спросил он моментом позже.

Я указала вверх на сцену. Я могла видеть её упавший силуэт. В жуткой тишине, которая последовала за сражением, можно было разобрать звук капающей крови, стекающей со сцены на пол ниже.

Кап. Кап. Кап.

— Нет... — прошептал он. Крылья понесли его на сцену намного быстрее, чем могла это сделать Ксенит или я, добравшись до туда на копытах. Пегас с оранжевой гривой приземлился и заключил Вельвет Ремеди в удушающие объятия.

— оу, — прошептала Вельвет.

— Успокойся, глупышка, — сказал Каламити, обнимая её. — Я не позволю подстрелить тебя. Ты бушь в полном порядке уже скоро. У нас самая лучшая мед-пони во всей Эквестрийской Пустоши.

Я начала подниматься к ним по лестнице, проходящей ко сцене. Ксенит последовала сразу за мною.

— оу! — снова сказала Вельвет. И добавила, — Кто тут глупая пони?

— Это ты, Вельвет Ремеди, — мягко настоял Каламити. — Ты красивая, замечательная кобыла. Но теперь помолчи.

Я достигла сцены как раз вовремя.

Я не знаю, что собиралась сказать Вельвет, но в этот момент Каламити прервал её поцелуем.

— О-оу, — прошептала Ксенит мне на ухо. — Я ждала подобного от этих двоих ещё с тех пор, как впервые их встретила.

По-началу я была поражена. Но потом поняла, что маленькая пони в моей голове нисколько не ревновала. Она не была счастлива, если уж честно, но дело касалось ситуации, в которую мы попали, и того факта, что Вельвет Ремеди поливала Каламити своей кровью из пулевого ранения.

Воздух наполнился странным, жутким звуком, идущим снизу. Комната пропиталась холодом.

СтилХувз снова поднялся на ноги.

Моя челюсть ударилась об пол. Я сильно недооценивала, что значит быть Кантерлотским гулем.

У меня не было времени удивляться.

— Ебать! — простонала я, когда два Стальных Рейнджера заняли позиции снаружи, прицеливая гранатомёты на передние окна Салуна. — Пони, пора сваливать!

Одна из Стальных Рейнджеров вошла через дверь в дальнем конце уборной и тут же открыла огонь из своего автоматического гранатомёта, взрывая толчки и кабинки, что стояли между ней и мной. Жар нахлынул на меня, обжигая лёгкие горячим воздухом. Осколки пробивались сквозь мою броню и вонзались в плоть, оставляя меня истекать кровью из многочисленных ран. Тем временем, снаружи, Каламити и Ксенит позли позади кучи шкафчиков, из которых я сделала своеобразную баррикаду. Мы подбирались ближе к школе, в которой я когда-то проходила свой Тест на Соответствие Метке, сейчас же, сверху до низу набитой Стальными Рейнджерами.

Патронов к Малому Макинтошу у меня не осталось, и, на самом деле, я уже начинала переживать, что это же постигнет и патроны к винтовке зебр.

Нам везло, пока мы выбивали их по одному или по двое — у нас был фактор внезапности. Но теперь враги были наготове и атаковали всем отрядом. И только узкие коридоры спасали нас от участи быть окружёнными или полностью нейтрализованными.

Ракета, пролетев над шкафчиками, взорвалась об стену позади Ксенит и Каламити. Их обоих откинуло взрывной волной в баррикаду. Оглушённый Каламити приподнялся, истекая кровью. Ксенит же вообще не подавала признаков жизни.

— СтилХувз, Вельвет! — крикнула я. — Нам нужна ваша помощь! — Они прикрывали нас в тылу, Вельвет выглядела не самым лучшим образом, даже после того, как опустошила обе имевшихся у нас бутылки с экстра сильным зельем лечения. Ей нужно было держаться подальше от буйных сражений, но лишняя помощь нам бы не помешала. Чем дальше мы заходили в Стойло, тем сильнее была вероятность угрозы с фланга.

Ещё один громopodobный взрыв послышался откуда-то из глубин Стойла, сопровождаемый чередой других взрывов.

Вода фонтанировала из всех разбитых туалетов. Копыта Стального Рейнджера зашлёпали по воде по мере её приближения.

— Сдавайся, Литлпип. — Чёрт. — Сдавайся сейчас же, и, возможно, Старшина Блюберри Сэйбр пощадит тебя и твоих друзей. Нова Рэйдж не предоставит тебе такой возможности.

Ага. Так прям и произойдет.

— Думаю, бесполезно пытаться уговорить тебя сдаться нам? — отозвалась я, — Неужели массовые убийства — это истинный Путь Земного Пони?

— Пошла ты! — резко ответила она и открыла шквальную огонь по мне. Я окутала все обломки, что валялись вокруг меня, полем телекинеза, собрав их вместе, чтобы получить нечто вроде щита. Но это не помогло: первый же взрыв разнёс мой импровизированный щит вдребезги, коими меня ещё и отделало вдобавок. Острая боль пронзила моё тело, давая понять о многочисленных переломах.

Гранаты продолжили взрываться вокруг меня. Мой ПипБак сигнализировал, что каждая моя конечность была серьёзно

Я мирно мирно, а также он вежливо сообщил мне, что я умираю от повреждения внутренних органов. Но их я чувствовать не могла. Моё тело было в состоянии шока, так что всё, что я могла чувствовать, это холод.

Две ракеты влетели в комнату откуда-то позади меня. Они врезались в Стального Рейнджера, сбив её с копыт. Она проскользила по мокрому полу и врезалась в угол, замертво.

— Литлпип! — крикнула Вельвет Ремеди откуда-то издалека. Я потеряла сознание.

Я моргнула. Я не чувствовала своего тела, но каким-то образом я ещё была жива. Л.У.М. описывал моё состояние, как "плохое, но стабильное". Я приходила в норму. Я могла видеть огни Стойла Два над головой, слышать их вездесущий шум.

— Где я?

— Не, ну правда, Литлпип, — мягко упрекнула Вельвет Ремеди. — С твоим-то пристрастием наносить себе увечья ты хочешь сказать, что не узнаёшь клинику Стойла Два?

— Каламити? Ксенит?

Лицо Вельвет Ремеди наклонилось, попав в моё поле зрения.

— Хорошая новость в том, что все вы не пострадаете, проходя по этому этажу. Плохая новость в том, что мы израсходовали все наши медицинские запасы, включая довольно многое из запасов Стойла, чтобы спасти тебя. — Она взглянула в сторону. — А также пару настоек Ксенит.

— Старейшина Блюберри Сэйбр отправила большинство её пони обратно в яблоневый сад, — сказал СтилХувз. — Теперь она волнуется, и на то есть очень хорошая причина.

Она волнуется? Они почти убили нас, и мы ещё не были даже рядом с крылом Безопасности и Смотрительницы. Я не понимала, почему они просто не скучковались и не истребили нас. Так я и сказала.

— Потому, что их меньше, чем по их подсчётам — нас, — резко сказал СтилХувз. — Примерно пятеро Рейнджеров, которых она вела, ещё не полностью осознавали то, что здесь происходило. Звёздный Паладин Нова Рейдж убил одного из них за предательство, и Старейшина Блюберри Сэйбр заперла оставшуюся часть инакомыслящих за заваренной дверью...

Это объясняет, почему не сработала дипломатия. Все, с кем можно было договориться, были заперты Старейшиной.

— Они заточены в школе, — ввязалась Вельвет. — СтилХувз поговорил с ними, и, если мы сможем вытащить их оттуда, то к нашей стороне примкнёт примерно дюжина Стальных Рейнджеров.

— К несчастью, у нас с этим небольшая проблема. Но Старейшина Блюберри Сэйбр этого не знает. Она считает, что на момент, когда мы захватили этот сектор, мы стали гораздо сильнее.

После того, как я попробовала подняться, я поняла, что не чувствовала ни боли, ни вообще чего-либо.

Вельвет Ремеди использовала на мне своё анестезирующее заклинание. Я снова попыталась подняться, резко подав сигнал от мозга к телу, я не почувствовала чтобы что-то пошевелилось. Моё тело поднялось и я с глухим стуком упала на пол, окровавив нос. Этого я тоже не почувствовала.

— Посмотрите, кто теперь глупый пони, — хихикнула Вельвет Ремеди. — Прекрати или я скажу Хомэйдж, что тебя связали и хлестали.

Я не могла почувствовать, но была уверена, что покраснела.

В качестве дополнительного наказания Вельвет оставила меня лежать на полу, обратив своё внимание на Ксенит. Зебра до сих пор была без сознания.

Каламити примчался чуть позже.

— Боюсь, нет лёгкого способа открыть ту дверь. Проще распилить её резакон, потратив на это дофига времени. — Он тихонько фыркнул. — Вдобавок, похоже что-то такое враг пытается замутить в крыле С и О. Тока те двери просто чертовски толще, и их там больше одной. Нам подфартило, у нас есть пара часов до того, как они продерутся сквозь них.

Я заставила своё тело перевернуться, с тяжёлым чувством достижения цели, когда, наконец, с третьей попытки у меня это получилось. Я поймала себя на том, что смотрела в потолок, а не на друзей, что значительно умалило победу.

— Кстати, энерго-магическое оружие проплавит те двери как нефиг делать.

— Боевые седла Стальных Рейнджеров не экипируются энерго-магическим оружием, — ответил СтилХувз. — Это в стиле Анклава.

— Да, — сказал Каламити странным тоном. — Эт то я понял.

Мой взгляд упал на решётку для воздухоотвода. К сожалению, несмотря на то что я была маленькой, я не была химерой. Я не помещалась в него. Но...

— Паерлайт!

— Ты эт к чему, Литлпип? — спросил Каламити.

— Паерлайт может пробраться по воздухоотводам. Она может принести резак "нашим" Стальным Рейнджерам, запертым в аудитории. Пусть они освободятся, — предложила я. — Плюс, она может приносить им еду и воду, пока они работают.

— Годная мысль, — сказал Каламити, невозможно было не заметить усмешку в его голосе. — Мы тогда продолжим миссию, пока толкаем свою дипломатию.

Теперь у нас был план.

План был и у Старейшины Блюберри Сэйбр. Пока мы были заняты, сучка заварила все входы в Атриум, кроме прохода через яблочный сад.

Сад был огромным открытым пространством с тоненькими деревьями, почти не обеспечивающими укрытие. Она могла собрать внутри свои отряды, создав зону поражения, в то время как несколько её солдат работали бы над вскрытием защитных дверей.

Лучшее, что я могла придумать, это левитировать больше шкафов перед нами, формируя нечто вроде клина в два шкафа в ширину и два в высоту. СтилХувз и Каламити собирались присоединиться ко мне. Вельвет определённо гораздо больше заботилась о нас, чем о себе, стараясь тратить на себя минимум медицинских припасов, которые нам могли понадобиться (и понадобились) позже. У неё всё ещё не до конца зажила огнестрельная рана, и я настаивала, чтобы она с Паерлайт держалась сзади, в качестве "связного". Ксенит пообещала Каламити, что будет стоять на страже нашей раненной пони-медика.

Утверждать, что я была в хорошей форме, значило бы бессовестно лгать. Но боль которую я испытывала, когда заклинание исчезало, была не самой худшей в моей жизни (определённо лучше, чем быть охваченной огнем дракона или ударенной между бёдер ногами пугающе сильного рейдера); я могла с этим справиться. Мои ноги, передние и задние, вроде работали, если сказать с натяжкой. Я могла дышать, не прилагая больших усилий, и слышала стук сердца. Плюс, у меня были магия и ПипБак. Я была не в оптимальной боевой форме, но больше было и не нужно. И были пони, рассчитывающие на меня.

Я уже увидела слишком много пони, которых я узнала, лежащих мёртвыми на полу в Стойле. Я не позволяю Старейшине Блюберри Сэйбр или Звездному Паладину Нова Рэйдж увеличивать их число.

СтилХувз подбежал ко мне сзади, пока я левитировала шкафы. Мгновением позже подбежал другой Стальной Рейнджер... только он не был Стальным Рейнджером. Это был Каламити, облачённый в броню Стального Рейнджера от шеи до хвоста. Его чёрная ковбойская шляпа всё ещё плотно сидела на его рыжей гриве, и во рту он держал Гром Спитфайр.

— Зачем ты надел эту броню? — строго спросил СтилХувз. Каламити просто взглянул на него. — Ладно, а как ты собираешься в этом сражаться? Требуются месяцы тренировок, чтобы адекватно действовать в магически-усиленной броне.

— Чего? — пробурчал Каламити, держа уникальную антимех-винтовку.

Я покачала головой, молясь Луне о нашей грядущей битве и Селестии о том, чтобы оберегла Ксенит и Вельвет Ремеди.

И телекинезом открыла дверь.

* * *

Моя великолепная боевая стратегия просуществовала около двух минут. Как случилось и до этого, моя магия не могла удержать шкафы под напором взрывов их снарядов и гранат. Меня вынудили выстраивать нашу баррикаду на земле, создавая временное сооружение, уходящее ярдов на двадцать в сад. Стальные Рейнджеры быстро нас окружили, обстреливая шкафы и медленно прорываясь сквозь нашу защиту.

Наша линия обзора была ограничена небольшими зазорами между шкафами, специально сделанными такими, чтобы не пропустить гранату. Даже так, я сосредоточила свою магию на отбрасывании гранат назад в атакующих, пока они не прекратили их метать.

СтилХувз не мог вести огонь через столь узкие щели. Каламити успешно использовал Гром Спитфайр: каждый раз, когда кто-либо из Стальных Рейнджеров оказывался достаточно глупым, чтобы высунуться из укрытия, он тут же снимал его. В нашей металлической тюрьме звук был просто оглушительным. Мои уши пульсировали от боли, было ощущение, будто меня сейчас вырвет, но я продолжала выполнять задание.

Но у пегаса осталось менее полдюжины тех редких патронов (даже с учётом того, что он обобрал стрелка Стальных Рейнджеров с винтовкой наподобие), а спаренные миниганы, встроенные в его боевое седло, было невозможно навести на цель сквозь маленькие проломы.

У меня кончились бронебойные патроны к винтовке зебр, а стандартными броню Стальных Рейнджеров было не пробить, не говоря уже, убить. Пришлось воспользоваться снайперской винтовкой. К ней тоже не было бронебойных патронов, но удачный выстрел в слабую часть ихней брони всё ещё имел должный эффект. Часть меня чувствовала досаду за то, что я стала таким опытным убийцей творений Эпплджек.

Каламити и я продолжали стрелять.

— Ахтыжсу... — произнёс Каламити в момент своего последнего выстрела. Он подал мне знак, что у него закончились патроны.

Я надеялась, что мы сможем кончить достаточное количество Стальных Рейнджеров, чтобы оставить за собой свободу выбора между возвращением назад и движением вперёд. Все эти красные точки на моем Л.У.М.е... Мы справлялись превосходно... но всё ещё были обречены. Я завела нас в ловушку с ещё одним дебильным планом. И на этот раз нас, скорее всего, всех пришьют.

Но я не собиралась так просто сдаваться. Пришло время встать и бежать. У СтилХувза и Каламити всё ещё оставались их боевые сёдла, и, в первый раз, гуль был тем из нас, кому не грозила нехватка патронов. Наконец-то появившаяся возможность прибрать чужую амуницию чрезвычайно помогла нам.

Я сосредоточилась, левитируя шкафчики, и отбросила их во все стороны, ориентируясь на красные точки моего Л.У.М.а. Приложив не так уж много сил, я отпустила шкафчики прямо перед столкновением, и они сразу из невесомых стали чертовски тяжёлыми. Помещение заполнилось звуком падающих тел, и нескольких Стальных Рейнджеров накрыло ударившими их шкафчиками.

К сожалению, броня Стальных Рейнджеров делала их сильнее, так что у них получилось сбросить с себя ящики быстрее, чем я предполагала. Мы галопом бросились через сад к противоположной двери.

Пули свистели мимо нас, снаряды рвались вокруг. Комья грязи и щепки взмывали в воздух. Ракета с жутким рёвом пронеслась мимо меня и исчезла в кроне яблочного дерева, прежде чем взорвалась. Я почувствовала, как моё лицо забрызгало яблочным пюре.

СтилХувз стрелял вперёд, расчищая нам путь, а Каламити, проклиная отсутствие крыльев у магической силовой брони, был вынужден оборачиваться, чтобы прикрывать наш тыл огнём. Несколько Стальных Рейнджеров, вооружённых лёгкими пулемётами и миниганами, стреляли в ответ, но их пули лишь отскакивали от его брони.

Каламити быстро разворачивался, нагоняя нас, до того как Рейнджеры отвечали ему снарядами или снайперскими пулями. С бронёй он справлялся намного лучше, чем представлял СтилХувз, и уж куда лучше, чем представлял себе сам Каламити.

Походило на то, что мы сможем сделать это. Я поднажала настолько, насколько моё побитое в бою и надорванное тело могло позволить... и была первой, кто достиг двери.

Она была заперта. И заминирована.

Ну а как же.

Но это не было для меня проблемой. Ну, в смысле навыков или инструментов. Это было проблемой времени.

Каламити и СтилХувз нагнали меня, в то время как я обезвреживала взрывчатку. СтилХувз начал руководить моими действиями, так как его знания превосходили мои, а Каламити повернулся, выжидая приближающихся Рейнджеров.

— Сдавайтесь! — выкрикнула Старейшина Блюберри Сэйбр, когда Стальные Рейнджеры окружили нас. Я услышала щелчок, означавший разоружение бомбы. Теперь сама дверь.

Я услышала больше щелчков, означавших то, что все Стальные Рейнджеры в яблочном саду перезарядились. Старейшина Блюберри снова выкрикнула.

— Даю последний шанс. Сдавайтесь.

Я вздохнула. Чёрт тебя дери. Ты же не глава Министерства Морали!

— Почему ты просто не убьёшь нас?

— Потому что сейчас ей надо показать, к чему это приводит, если быть как я, — предположил СтилХувз. — И она знает, что всё пройдёт значительно легче, если у неё будут заложники, судьба которых мне не безразлична.

— Или мне, возможно, просто нужен опытный взломщик, — ответила Блюберри Сэйбр. — Кто-то, кто может дать мне пройти через защитную дверь.

Ну уж нет.

Откуда-то послышался взрыв. Один из Стальных Рейнджеров упал, будучи разорванный пополам. Несколько дружелюбных точек неожиданно проскользили по экрану моего Л.У.М.а.

"Не может быть!" — подумала я. Стальные Рейнджеры наверху нужно было ещё несколько часов, чтобы освободиться. Никакого подкрепления не должно было...

У виска Старейшины Блюберри Сэйбр возник энерго-магический пистолет. Его держала подозрительно знакомая грифина. Упавший капюшон плаща показал её голову...

Блэквинг?

Глаза Старейшины Блюберри Сэйбр расширились, когда она поняла, что ситуация резко изменилась.

— Откуда вы явились?

Блэквинг ухмыльнулась, нажимая на курок. Зелёный луч из её пистолета ударил пони между глаз, превратив её силуэт в зелёное светящееся облако.

— Меня прислала Гауда.

Старейшина Блюберри Сэйбр рухнула светящейся лужицей.

Картина боя поменялась. Потоки магической энергии от небольшой группы грифонов скрестились с артиллерийским огнём Стальных Рейнджеров. Каламити и СтипХувз ринулись в бой, пока я открывала дверь телекинезом.

Наконец, замок, щёлкнув, открылся, и дверь отодвинулась в сторону. Передо мной был Атриум. Но ещё до того, как дверь открылась полностью, в нос мне ударил тяжёлый запах горелой шерсти и густеющей крови, литры которой обильно покрывали пол и засыхали тёмными лужами. Атриум превратился в скотобойню...

Разноцветные тела невинных пони были повсюду. Многие из них лежали в нескольких местах одновременно — кто-то из Рейнджеров разрядил в помещение целую обойму из автоматического гранатомета. Я вошла в Атриум, переступив через чью-то розовую ногу, оторванную ниже колена.

Я заметила окровавленный сгусток желтоватой субстанции, прилипший к стене и медленно сползающий вниз. Потребовалось время, чтобы понять, что это был совсем не кусок чьих-то мозгов.

Это был торт.

Я взглянула на красочный плакат, протянутый над Атриумом. Стальные Рейнджеры ворвались на детский праздник кьютимарок...

Я чувствовала ярость. Чистую, концентрированную ярость.

Я встретила троих Стальных Рейнджеров на балкончике Атриума. Двое из них орудовали автопилами, прорезаясь через третью (и последнюю) защитную дверь. Они, должно быть, уже полчаса здесь работали.

Я обернула их магией, левитируя друг к другу, до того как они успели выключить автопилы. Магически усиленные клинки сделали то, для чего и были предназначены — прорезали металл. А уж с плотью под ним они справились прекрасно. Это было отвратительное месиво.

Я выронила их, но оставила автопилы, поворачивая их к последнему Стальному Рейнджеру.

— Звёздный Паладин Нова Рэйдж, я полагаю? — Я заметила, что её боевое седло было оснащено автоматическим гранатомётом.

Звёздный Паладин уставилась на меня.

— Да. А ты у нас...

— Б е г и.

Адреналин в очередной раз оставил моё тело, и вернулась боль. Физическая и эмоциональная. Это было практически всё, что помогало мне держаться на ногах.

Я изгнала свой гнев, но он оставил за собою отчаяние и глубокую печаль.

Час давно закончился — этот чёрный час, имя которого я не могла вспомнить, час, когда мрак мира сильнее обычного вторит тьме в душе. Но я всё ещё была в ловушке.

Блэквинг присоединилась ко мне, пока я ждала Вельвет Ремеди и Ксенит. Смотрительница наверняка наблюдала за всем происходящим в стойле через системы наблюдения "Френдли Пай". Но она всё ещё не открыла дверь.

— Гауда знала, что вы прилетели к нам на помощь, без контракта, без переговоров о вознаграждении, — объясняла грифина. — Когда мы слышали сигнал бедствия, она решила дать вам презумпцию невинности и попросила, моих Когтей помочь.

— Я благодарна вам, что вы согласились, — ответила я с мрачной улыбкой. Мой взгляд продолжал блуждать по весело расцветенному баннеру "Счастливого Праздника Метки".

Каламити бегал кругами, разминая крылья и радуясь, что выбрался из брони Стального Рейнджера.

— Ах, не завидую СтипХувзу! — Он посмотрел вверх. — Как, чёрт возьми, ты появилась рядом со Старейшиной, а? СтелсБак?

Ксенит побежала вверх по лестнице на балкон Атриума. Она резко остановилась, увидев Блэквинг. Вельвет Ремеди с разгону наткнулась на её зад и со стоном упала. Она снова заплакала. Каламити бросился к ней, обернул её одним из своих крыльев, и проводил на балкон.

— Мои девочки пришли со СтелсБаками, это да. Но я...

— Где ты достала этот плащ? — прервала её Ксенит.

Блэквинг одарила зебру терпеливой ухмылкой.

— Да, как я уже говорила, стелс-плащ зебр. — Она уставилась на меня с серьёзным видом. — У вас больше друзей, чем я думала, малышка. Мы уже почти пролетели над Новой Эглузой, когда гуль-пегас и её ребенок привлекли наше внимание. Оказывается, они тоже слышали сигнал бедствия и очень хотели помочь. Фактически это они дали нам достаточно СтелсБаков, чтобы попасть внутрь, в то время как все пони были заняты этим звёздным отродьем, и начать нашу собственную войну. Не говоря уже о плаще. И я хотела бы отметить, что я настояла на том, чтобы заплатить ей.

Я посмотрела через перила на других грифонов из Когтей Блэквинг. Отдалённые взрывы, что я слышала ранее, очевидно были делом рук Бучер с её Малышкой Гильдой.

— Думаю, она сама хотела бы прийти, но... у неё ребенок на крыльях, — сказала Блэквинг, нахмутив брови, — Которого, я очень сильно надеюсь, она удочерила. Если же нет, то... фу...

— Сожалею, что мы не смогли добраться до вас быстрее, — окликнула нас Бучер. — Мы сами загнали себя в ловушку в генераторной. Но пришли вы, пони, и не только разобрались с охранниками, запершими нас, но в принципе и с дверью тоже.

Я стояла посреди скотобойни, которая когда-то была моим домом. И смеялась. Это был плохой смех. Это был болезненный, ужасный, эмоционально опустошающий смех. Смех пони, которая уже не может кричать или плакать.

Я силой заставила себя замолчать, когда защитная дверь начала открываться. За ней стояла Смотрительница, пристально

вглядываясь в нас, а позади неё была толпа до смерти напуганных пони.

— Там безопасно? — спросил один из них. Я потеряла дар речи и не смогла ничего ответить.

— Агась, — ответил за нас Каламити, — Последних кончили. Те, что в школе, нормалёк перцы, просто вляпались в не в то, что нужно.

Мы их с собой заберём.

Автопилами было гораздо легче побороть приваренные двери.

— Спасибо, — сказала Смотрительница, обращаясь ко всем нам. Затем она загнала всех пони обратно внутрь убежища: им незачем

было видеть, что стало с Атриумом.

— Литлпип, Вельвет Ремеди, не могли бы вы подойти, пожалуйста?

Смотрительница жестом пригласила нас войти в ранее запечатанное крыло. Каламити скользнул своим крылом с Вельвет и носом подтолкнул её к Смотрительнице. Она двигалась медленно, но с грацией настоящей леди. Я последовала за ней, чувствуя себя неуклюжей, маленькой и ужасной.

— ...и в следующий момент повсюду была кровь! Спарк Сайдер махнул своим копытом вот так и упал...

Когда Смотрительница медленно вела нас сквозь толпу к своему офису, знакомый голос заставил меня замереть на месте.

— Мама?

Я оглянулась, и вот она передо мной — стоит с малой кликой подруг (за исключением миссис Спарк Сайдер, что примечательно).

Она повернулась и оглядела меня с едва уловимой брезгливостью.

— Это Литлпип? — спросила она одну из подруг.

Другая кобылица ответила утвердительно.

— Я даже не узнаю её, — сказала мать. Ни трепета, ни угрозы не было в её голосе, просто будничное утверждение.

Мне показалось, что всякая жизнь покидает моё тело, когда она смотрела на меня. Моя кровь оледенела, желудок свернулся узлом и провалился в самую дальнюю часть тела, которую смог найти. Мир словно бы отдалился от меня.

Она отвернулась от меня, снова погружаясь в разговор; моё присутствие едва отразилось в её рассказе.

— Я была травмирована. То есть, мне теперь кошмары об этом будут сниться всю жизнь. Думаю, мне потребуется терапия. И, как бы ужасно это ни звучало, моей первой мыслью было "теперь его передник никогда не отстирать!" (Потому что на нём был тот милый жёлтый с...

Я заметила сияние её рога, такое мягкое. И бутылку, плавающую поблизости, окружённую тем же светом. Она была пьяна. Конечно же, она была пьяна... вот так она и защищалась от всевозможных кризисов, которые, как ей казалось, она переживала, а этот-то был настоящим.

И всё же... она была жива. Была жива и осталась в точности такой же. И я была здесь. Опять.

— Мам?..

Вдруг Вельвет Ремеди очутилась между нами и так сильно ударила копытом мою мать по лицу, что та упала.

Я остолбенела, глядя на это. Вельвет Ремеди только что ударила мою мать.

Голос Вельвет прозвучал так, как будто она собрала в него весь свой гнев, всю обиду. Это было не криком, а чем-то большим.

— **Твои. Страдания. Ничто.**

Она отвернулась от моей матери, вытаращившейся на неё и, опустив голову, подтолкнула меня прочь отсюда.

— Никаких благодарностей не хватит для твоей смелости и героизма, — сказала Смотрительница, благодаря нас за спасение Стойла Два.

— И, Литлпип, я обязана перед тобой извиниться. Тебе здесь всегда будут рады. Это твой дом.

Я посмотрела вверх, на Смотрительницу, затем вниз — на своё тело, покрытое засохшей кровью, половина которой была моей.

— Нет.

— Нет? — спросила Смотрительница.

— Мне нет здесь места. Больше нет. — Я посмотрела на Вельвет Ремеди, лежащую на диване в кабинете Смотрительницы напротив меня. — Я была снаружи пять недель, и посмотрите на меня. Как бы я ни пыталась, я не прежняя пони. И никогда уже не буду. Пустоши изменили меня, искупали в крови... Может, я теперь такая же отравленная, как и всё снаружи. Я не могу вернуться. Я не могу принести этот яд сюда.

— Думаю, он уже сюда проник, — печально сказала Смотрительница.

Я кивнула.

— Я знаю. Но эти пони ещё хорошие. Невинные. Они должны сберечь это так надолго, как только смогут. Вам надо смыть кровь, убрать тела. И постараться вернуть прежнее Стойло Два. Достаточно кошмаров на сегодня.

Смотрительница кивнула.

— Тогда... могу я сделать что-либо для вас, в обмен за всю вашу помощь?

Я подумала над этим. Затем посмотрела на неё.

— Да. Во-первых, нам нужен какой-либо вид оплаты для грифонов.

— Оплаты? — заморгала Смотрительница. — А, понимаю. Они наёмники.

— Наемники, которые пришли на помощь Стойлу Два без контракта или обещания оплаты, — быстро добавила Вельвет Ремеди. — Потому что они доверяют нам и справедливо заслуживают возмещения.

— Тогда я не буду пятнать вашу репутацию, дорогая Вельвет. — Смотрительница повернулась ко мне. — Что-то ещё?

— Да. Я хочу доступ к записям Смотрительницы. — Это было явно не то, что она хотела. — Я хочу посмотреть записи о населении, не более того. — Так или иначе, это нравилось ей ещё меньше.

— Я тоже, — заявила Вельвет Ремеди, вставая и идя в мою сторону. Я до сих пор испытывала противоречивые чувства, желая одновременно обнять её и лягнуть за то, что ударила мою мать.

— Знаете, — медленно произнесла Смотрительница, обращаясь к Вельвет, — Когда я дала вам доступ к вещам Свити Белль, это было сделано в надежде, что её богатая история музыканта убедит вас принять вашу карьеру. Я не ожидала, что вы используете эту возможность, чтобы найти способ сбежать. — Она нахмурилась. — СМСЗВФФ. Очевидно, что мне нужно было изучить записи предыдущей Смотрительницы гораздо более внимательно, прежде чем давать их в копыта другим пони.

Вельвет Ремеди покачала головой.

— Вы должны были знать.

— Я... поздравляла. Но думала, что вы делаете лучший выбор.
— Я сделала лучший выбор, — твёрдо сказала Вельвет Ремеди.

Я нашла то, что искала в записях о населении, в первые же несколько минут.

Она добралась!

Эпплджек добралась до Стойла Два. Она была здесь, когда дверь Стойла запечатали. Согласно записям, она мирно прожила здесь двадцать пять лет. Счастливо... по крайней мере, настолько счастливо, насколько счастливо может жить пони, обитая в Стойле и зная, что мир наверху был разрушен.

И всё же она выжила. Согласно записям, она провела следующие десять лет, обтряхивая яблони в стойловом саду, пока травма бедра не вынудила её уйти на пенсию. (В записке врача высказывалось предположение, что ослабление бёдер могло быть генетическим заболеванием, характерным для её семьи). Даже после этого она десять лет готовила для обитателей Стойла на кухне в том месте, которое теперь называлось Салуном Стойла Два.

Она ушла тихо, и, в отличие от других жителей Стойла, которых кремировали, её, по настоянию Смотрительницы, похоронили в яблоневом саду. Она была...

Я прервала чтение.

Я вошла в комнату Палетты. Всегда неопрятная, заляпанная краской художница Стойла Два пережила резню и уже погрузилась в новый проект.

Стальной Рейнджер стоял, не шевелясь, перед ней, весь во внимании, пока она дорисовывала изображение трёх красных яблочек поверх магических искр и шестерней.

СтилХувз подошёл ко мне.

— Я уже не хочу носить броню Стальных Рейнджеров, но я не могу снять её, — сказал он, как только я увидела перемены в его облике. Как и у раскрашиваемого Рейнджера, его знак Стальных Рейнджеров был покрашен знаком, похожим на кюотимарку Эпплджек. Красный цвет продолжался оттуда, акцентируя неровности и края всей остальной его брони. — Я подумал, так будет правильно.

Я немного удивилась, что он не выбрал оранжевый, но заметила, что он придерживался цветов кюотимарки.

— Они все это делают? — спросила я, взглянув на Стального Рейнджера, которого раскрашивали, и затем на очередь в холле.

— Каждый пони, который вернулся к истинному значению Клятвы. Клятвы, какой бы хотела видеть её Эпплджек. — Он тихо усмехнулся. — Мы больше не сможем называть себя Стальными Рейнджерами. Я не смогу... Пройдёт время, пока я привыкну к этому, — проворчал он.

— И как же вы будете себя называть? Рейнджеры Эпплджек? — предложила я.

— Хм. Вряд ли я достоин этого. Но... может быть. Посмотрим. А пока мы просто отступники. — Он отвёл взгляд, его хвост, облачённый в металл, качнулся. — Я должен ненадолго вас покинуть. Я уведу остальных в Стойло Двадцать Девять. Я связался со Звездным Паладином Кроссродс, и она сразу же присоединилась к нашему делу. Она уже планирует превратить Стойло Двадцать Девять в место, где мы сможем работать. Все что нам нужно — это водный талисман для очистки воды. Но есть и другая проблема...

— Старейшина Коттэдж Чиз?

— Как бы сказал Каламити, агась, — усмехнулся СтилХувз. — Похоже, ты была права насчет него. Кросс говорит, что он отправил группу Стальных Рейнджеров в Руины Кантерлота, чтобы достать ту "Чёрную Книгу" для него. Но они ещё не вернулись. Если мы сможем добраться до Стойла Двадцать Девять раньше, чем они...

— У тебя есть транспорт.

— Ты правда думаешь, что Каламити сможет тащить ещё и десять Стальных Рейн... то есть, Отступников всю дорогу до Фетлока?

— Это пассажирский транспорт, — сказала я. — Кроме того, ты нас знаешь?

СтилХувз засмеялся,

— Ладно. Но после того, как вы нас высадите, вы должны отправиться в Башню Тенпони. Нельзя больше откладывать. Я догону вас позже. Я обещаю.

Я мрачно кивнула. Я поймала его на слове.

Я уже собралась уходить, но вдруг вспомнила, зачем я его искала.

— СтилХувз? Нам надо поговорить с глазу на глаз.

— Эпплджек не покидала тебя.

СтилХувз покачал головой.

— Конечно покинула. Она предпочла быть со своей семьёй. И я не осуждаю её за это. Никогда не осуждал. — Он слегка пригорцевал на месте. — Мы... были не совсем... наши отношения рушились. Мы пытались их восстановить, но... этому просто не суждено было сбыться, и мы оба это знали. Я любил её, и поэтому отпустил.

Я зарыдала про себя, но сдержалась.

— Нет, Эпплсnek, — сказала я, обращаясь к нему настоящим именем. — Она любила тебя. Она пыталась вернуться к тебе. Но Смотрительница не позволила ей.

Он перестал пригварцовывать и уставился на меня.

— Не позволила?

— Она помогла своей семье добраться до Стойла, и Смотрительница закрыла дверь. Эпплджек не знала, что Смотрительнице Стойла Два был дан строгий приказ не открывать дверь никому. При любых обстоятельствах. Не раньше, чем атмосферные и грунтовые сенсоры покажут, что мир наверху снова чист и безопасен.

— Прошло уже двести лет...

— Я знаю... Стойл-Тек серьёзно просчитались, оценивая, как много времени это займёт. Но это не имело значения, поскольку Свити Белль никак не могла отпустить Эпплджек наружу. Эпплджек хотела уйти. Она хотела найти тебя. Записи об Эпплджек полны заметок о её спорах со Свити Белль по этому поводу. Но, конечно же, при её положении и с показаниями наружных сенсоров Свити Белль никак не могла позволить ей уйти.

СтилХувз топнул.

— Погоди. При её положении? Её покалечили? Если эти зебры хоть...

У меня упало сердце. О Богини, он же не знал.

— СтилХувз, — сказала я, и мой голос показался показался нежным и тихим мне самой. — Эпплджек была беременна.

— Клянусь, вот поэтому я и не хотела, чтобы ты была медиком, — сказала Смотрительница, хмыкнув.

Вельвет Ремеди сердито посмотрела на неё.

— Не можешь удержаться, чтобы не раскопать чего-нибудь. Знаешь, вы с Литлпип стоите друг друга.

Вельвет сделала глубокий вдох.

— У вас здесь серьёзная проблема. Вы хотя бы смотрели на отчёты о населении? Вы хоть представляете, сколько из изначальных обитателей этого Стойла были членами семьи Эпплов? Во имя Селестии, да даже у нас с Литлпип есть общий предок-Эппл в шестом колене!

Я остановилась, едва войдя в офис Смотрительницы, наблюдая за спором двух кобылиц. Обе совершенно не замечали меня.

— Это не так страшно. Шестое колено — это довольно много...

— Всё это Стойло находится в опасности полного вырождения, — рявкнула Вельвет Ремеди в ответ. — Я бы сказала, что это довольно страшно. Литлпип ошибалась. Вы не сможете запереться здесь надолго.

— Привет? — сказала я наконец. Обе кобылицы оглянулись на меня с одинаково ошарашенными лицами.

— Возможно, есть другой путь.

Последний крик. Маленький. Быстрый. Пятнадцать минут максимум. Мы хотели вернуться, чтобы забрать Стальных Рейнджеров- "отступников" и переправить их к Фетлоку, прежде чем они это узнают. А потом — к Башне Тенпони.

Мне нужна была Хомэйдж. Мне было просто необходимо упасть в её объятия.

— Я нашла.

Вельвет Ремеди читала слова, буквы которых были как будто нацарапаны жеребёнком на боку металлического монстра, ржавевшего перед нами.

Это была пушка. И, скорее всего, она ржавела здесь в течение многих лет ещё до войны. Только Богини могли знать, что она делала в этом укромном уголке Фермы Сладкое Яблочко. Деревья здесь росли очень плотно. Пушку мог увидеть только пегас, пролетевший прямо над ней. И, похоже, такое размещение не было каким-либо хитрым стратегическим ходом.

Небольшие участки на старом металлическом стволе по-прежнему были достаточно отполированы, чтобы отразить оранжевый свет восходящего солнца. Основание пушки было частично утоплено в землю между несколькими крупными камнями, в результате чего оружие накренилось. Рядом был полуразрушенный стол для пикника. Также присутствовало несколько досок, прибитых к мёртвому дереву позади меня.

— Как это может помочь? — Спросила Ксенит у Каламити.

Я должна признать, что у меня был тот же вопрос. Этот старый металлический монстр явно не мог стрелять.

Каламити усмехнулся.

— Не пушка. — Он обошёл вокруг кучи больших камней, громоздившихся у основания пушки. Он постучал копытом сперва по одному, потом по другому. — Это.

— Камень? — спросила я.

— Камень Судьбы, — сказал наш друг-пегас, загадочно улыбаясь.

Я была уставшей и измотанной — морально и физически. Еле стоявшей на ногах.

— Судьба — это камень?

Даже Вельвет Ремеди выглядела сконфуженной.

Каламити вздохнул.

— Выдолбленный камень, — пояснил он. — Этот камень использовал каждый Дашит, начиная с первого пегаса, за которым охотился Анклав и который был заклеимён на всю жизнь. Этот камень зачарован так, чтобы открываться только тем пони, которые знают правильные слова. — Он посмотрел на казавшийся особым камень. — Каждый Дашит оставил что-нибудь здесь. Некий знак той жизни, которую они оставили позади.

— Как пегас может зачаровать камень? — спросила Вельвет Ремеди.

Каламити пожал плечами.

— Ну, предположим, что некая пони сделает это для него.

— Или, возможно, ему поможет зебра, — предложила Ксенит.

Каламити глубоко вдохнул, снова стукнул по камню копытом, а затем громко и отчётливо сказал:

— Кьютимарки не имеют значения.

Заметка: новый уровень.

Заметка: Навык "Огнестрельное оружие" достиг 100%.

Новая способность: Зебра-Аугментированная пони — устойчивость вашего тела повышена благодаря алхимии зебр. Вы получаете +10% сопротивляемости яду, огню и радиации, +3 к предельному урону.

Примечание: Зебра-Аугментированная пони и кибер-имплантируемые способности Кибер-Пони абсолютно несовместимы.

Глава 29. Наперегонки с Совершенством

«Давным-давно в волшебной стране Эквестрии жили две царствующие принцессы, которые правили вместе и поддерживали гармонию в этих землях. Для этого старшая своей силой единорога поднимала солнце на рассвете, младшая же выводила луну и приносила ночь...»

<<< ^^ >>>

"Блять.

Знаете, что такое ирония?"

Я узнала голос Скуталу. Даже несмотря на его хриплость. И несмотря на сильный кашель пегаски, бешеный треск и шум ветра.

"Ирония — это когда я провожу, похоже, всё своё грёбаное детство в попытках получить свою кьютимарку, чтобы потом её лишиться.

Ирония — это когда я провожу почти десять лет, трудясь для спасения Эквестрии от мегамагического конца света..." —

Голос Скуталу резко прервался, последовала очередь из влажного хриплого кашля.

— "...а когда он пришёл, меня там даже и не было, бля. По трёпаной случайности сломала трёпаное крыло, практикуя новую программу для трёпаного Галоп-Кона. Когда выбралась из Ганноверской пегасьей клиники, всё уже закончилось.

Ирония — это то, что именно из-за меня Свити Белль стала Смотрительницей Стойла Два. Я уже начинаю о ней беспокоиться. А сейчас она, возможно, единственная из нас, кто выжил. Я..."

Запись снова прервалась кашлем.

"...Эплблум, должно быть, в Филлидельфии. Но туда даже и близко не подобрёшься. Сдохнешь от радиации за несколько минут. Я, вообще-то, думала идти стучаться в дверь Стойла Два... но потом увидела те трупы. Свити Белль правильно сделала, что никому не открыла. Нельзя впускать эту заразу. Всё Стойло перетравит. Если б я постучалась к ним, Свити Белль могла бы и открыть дверь для меня. А я этого допустить никак не могу.

Блять.

Бросаю свой ПипБак. Оставляю его здесь с этим сообщением. Полагаю, если Эплблум выживет, то в поисках придёт сюда. Если нет, кто-нибудь ещё придёт. Да и он уже просто задрал трещать. Его нытьё про радиоактивный снег и яд в воздухе мне нафиг не нужны. Да воздух уже позеленел к хренам..." — снова кашель. — "Ну кроме тех розовых вихрей с Кантерлота. Когда воздух уже видно, то ясен пень, что он плох..."

На этот раз кашель длился несколько минут.

"Бля, кровь. Это нехорошо.

Они продолжали утверждать нам, что облачный заслон нужен для нашей защиты. Для ограждения городов пегасов от радиации и влияния мезааклинаний. Кто ж знал, что они не вралы? Какие-то ублюдки даже предлагали клеймить меня, как бывшую внизу. Как заражённую. Теперь-то я знаю, что это бред. Сказала им... хе. Сказала им, что горжусь поступком Рэйнбоу Дэш. Назвала себя Дашитом. О, это так их взбесило.

Ирония... Я упорнейшим образом трудилась в поисках лучшего пути. Какого-то типа общества, правительства или чего-то ещё, что было бы лучше. Что не допустило бы ошибок, из-за которых все пони погибли. А оказалась закрытой наверху с целой уймой пони, посвятивших себя поискам наихудшего пути. Даже я не пошла бы на эксперимент вроде "Анклава"... Стойла же не запрограммированы на провал. А чёрт побери, да Анклав протянет несколько месяцев — самое большое."

Голос Скуталу умолк. Но кашля в этот раз не было, лишь хрипловатое дыхание. Через некоторое время она продолжила.

"Если вы это найдёте... до того как меня не станет..."

Горлораздирающий кашель прервал её слова, за ним последовала тишина. Затем стон.

"Если вы это найдёте... там отмечена хижина. До неё я отследила Рэйнбоу Дэш. Думаю, она живет там... или была недавно. Её там не было, когда я туда зашла. Сейчас я возвращаюсь. Буду ждать её там... в надежде, что она вернётся.

Я должна быть там ради неё. Будто она со мной. Кто-то должен её там ждать..."

Скуталу кашлянула последний раз.

"Хочу, чтобы Дэш знала... не все мы..."

Она не одинока."

Я с благоговением поместила старый побитый ПипБак назад в Камень Судьбы, где тот лежал уже почти две сотни лет. Первая Дашит оставила тут свой ПипБак, и другие Дашиты вторили ей, навсегда оставляя здесь свои сокровища, частичку себя, своей прошлой жизни. Все, за исключением Каламити, который отказался от всего, что было в его прошлой жизни, что мы пришли вернуть.

На копытах Каламити лежала чёрная панцирная броня Анклава. Концы встроенных в неё энерго-магических винтовок мерцали злым светом.

— Я так думаю, она несправедливо принадлежит мне, — сказал Каламити. — Она принадлежит Капитану Дедшот Каламити Великого Анклава Пегасов. Я не он более. Но увидев, что Вельвет одела тот костюм зебр, я подумал, что это очень глупо и неоправданно упрямо с моей стороны — хотя бы не взять с собой её на всякий случай. На случай, если дела пойдут ну совсем плохо.

Каламити взглянул на нас, его лицо покраснело под ржавой шерстью.

— Вы ж знаете, нам по-любому нужно переэкипироваться.

Я кивнула, вспоминая разбившийся Небесный Бандит и кучу разбросанных позади него вещей.

— Итак, мой жеребец — капитан? — промурлыкала Вельвет Ремеди, обволакивая магией броню Анклава и отрывая её от земли.

Мой жеребец? Я почувствовала приближение улыбки. Я знала, что однажды Каламити станет собственностью Вельвет Ремеди. Но эта кобыла не тратила времени.

Я улыбнулась обоим. Это было здорово.

Окружающий мир был полон зла. Мои друзья нуждались в тепле, и я радовалась, что они находили его друг в друге. Я думала о Хомэйдж. И была ей благодарна. Без неё в моём сердце не было бы столько добра.

Каламити запнулся, покраснев ещё сильнее.

— Ты хочешь поговорить об этом? — вежливо спросила Вельвет Ремеди, успокаивающе уткнувшись головой в шею Каламити и левитируя к нему зловещий чёрный панцирь.

— Э-э... Ну, у неё счетверённая плазменная винтовка Прибой... моей собственной конструкции....

— Это не то, что я имела в виду.

Каламити смотрел в сторону.

— Знаю. — Он повернулся к ней. — Серьёзно, здесь не о чем говорить. Они назначили меня Капитаном. С присягой пришли новые обязанности. Я был назначен вести крыло разведчиков ниже уровня облаков.

Увидев моё удивление, он объяснил:

— Анклав не так глуп. Они шлют сюда разведчиков дважды в год, чтоб оставаться в курсе событий. Затем прячут рапорты и рассказывают мирным пони, что мир внизу ещё не готов к нам или что воздухом дышать нельзя. Делают всех счастливыми, чтоб просто растрачивать жизнь.

Только вот внизу всё было совсем не так. Уже давно не так. И когда я увидел это... ну, меня своего рода покорило. И когда на своём третьем патруле я увидел атаковавших караван рейдеров...

Я знала, что произошло дальше.

— Твоя политика?

— Агась. Приказал своему крылу вынести их. Они отказались. А потом я, тип, запер их за неподчинение. Начальству эт не понравилось. Сказали, тип, дают мне последний шанс встать на путь истинный. Я согласился, а иначе огрѐб бы.

Каламити фыркнул и копнул землю копытом.

— Они заставили меня выступить на собрании, чтоб пояснить всем пони, что там внизу спасать нечего. Показать, насколько я им предан.

Вельвет Ремеди отошла и посмотрела на Каламити.

— Что же, это было глупо с их стороны.

— Агась. — Морда Каламити расплылась в ухмылке. — Я считал, что прошло уже дофига времени с тех пор, как кто-нибудь взбрыкивался на Анклав за то, что они забыли о том, что могло случиться. Я стоял на своём и говорил всем пони, что нам нужно спуститься сейчас же. — Он сделал паузу. — Ну, а потом... вы знаете, о чём я. Короче, я сказал, что покидаю их и что они могли свободно за мной следовать.

Каламити поднял копыто и почесал свою гриву под шляпой.

— Не в курсе — я, типа, уничтожил своё собственное крыло месяцев шесть спустя.

Я вспомнила, что сказал Каламити тогда, в Филлидельфии: А большинство известных мне диктаторских режимов склонно недолюбливать оппозиционеров, а порой просто кончать с ними...

Я подбежала и обняла Каламити передней ногой. (Что, замечу, было немного сложно, так как он был, честно говоря, немного выше меня)

— Спасибо, Лиг'пип.

В голове возникла мысль.

— Получается... — спросила я Каламити, как только опустилась на все копыта. — Большая часть пегасов даже не понимает, что здесь происходит?

— Они не плохие пони, Лиг'пип, — сказал Каламити тихо. — Им прост их лидеры лапши на уши повешали. Каким бы хорошим ни было правительство, те, что наверху, пешек в реальную суть вещей не посвящают. — Он потоптался на месте и спросил: — Думаешь, хоть кто-нить в Новой Эплузе имеет понятие, как они связаны с Красным Глазом?

Я вспомнила, как пони в таверне "Шлагбаум" смеялись, когда услышали, что "тот жеребец со спрайт-ботами" может быть всенародным лидером. Но с другой стороны, я готова была поспорить, что Свити Белль не говорила никому из жителей Стойла Два об их друзьях и родных, умирающих снаружи, разбивающих копыта о стальную дверь, умоляя впустить их внутрь.

Чѐрт, я вроде как лидер этих пони, и хранила свои собственные секреты. (В голове промелькнула правда о Министерстве Мира и Мегазаклинаниях.) Так что я должна была признать, что Каламити был прав.

— Лиг'пип, если бы большинство пони сверху понимало, чѐ тут внизу творится, они бы уже подняли и отправили чѐртов Анклав и всех пони на помощь. — На этом месте уверенность Каламити дала трещину. — Ну, как минимум больше половины, я так считаю.

Я почувствовала, что одна из моих седельных сумок стала легче. Обернувшись, я увидела, как Вельвет Ремеди левитирует свой ПипБак от меня. Я смотрела, как полированный ПипБак (с выгравированным поющим соловьѐм Вельвет Ремеди) скользит по воздуху и аккуратно ложится в Камень Судьбы рядом с ПипБаком Скуталу.

— Я надеюсь, что это не слишком самонадеянно, — сказала она Каламити с некоторой опаской. — Я не Дашит, но я оставила старую жизнь позади. И я чувствую неправильным — брать что-либо, не оставив ничего взамен этому месту.

— Спасибо, мне приятно, — утвердительно ответил Каламити.

Я проверила сортировщик инвентаря на своём ПипБаке. Список вещей прокрутился до тех пор, пока я с болью не поняла, что не имею ничего из своей жизни в Стойле, что могла бы оставить.

Я бросила сиротливый взгляд на Камень Судьбы, чувствуя себя, будто что-то делала неправильно. Я оставила все воспоминания о Стойле Два позади. Я бы, наверное, запечатала фотографию моей матери внутри камня, но у меня и этого не было.

Хотя... у меня всё-таки было кое-что.

Кусая нижнюю губу, я остановилась на рецепте Праздничных Минталок. Я оставила бы его, да не хотела, чтобы кто-нибудь ещё пострадал от них, как я когда-то. В первую ночь Снаружи, я узнала о сообщении Элпблум, адресованном Свити Белль, которое было зашифровано особым способом. Этим методом шифрования воспользовалась и я, отправив рецепт на ПипБак Вельвет Ремеди. Прочитать рецепт, предварительно не скачав его с обоих ПипБаков — моего и Вельвет — теперь уже было невозможно.

Я стёрла рецепт из своего ПипБака.

Так или иначе, и то и другое освобождало и пугало.

Стойло Два. Я снова уходила из него. На этот раз это было больнее. Наверное потому, что я знала, что никогда больше не вернусь туда, хоть и могла.

Слово "измождѐнность" было явно недостаточным, чтобы описать моѐ состояние. Психическое потрясение, пережитое ночью, смешивалось с физическими нагрузками в бою. Вдобавок я снова чуть было не погибла этой ночью. Я смотрела на Каламити, который как-то умудрялся выглядеть практически нормально — несмотря на то что ему досталось перенести едва ли не больше, чем мне самой.

При этом он весь день провёл в полете, буксируя Небесный Бандит.

Практически нормально... Мне сказали, что он безжалостно истребил всех оставшихся в живых Стальных Рейнджеров. Я не упрекала его за это. Но это было чем-то большим, чем просто его моральным кодексом или его "политикой". Мы были его самыми близкими друзьями, и он воспринял штурм нашего бывшего дома так, словно это был его собственный дом.

Опять же, за исключением Ксенит и Паерлайт мы все поступили так же. Из наших личных соображений.

— Каламити? — спросила я, когда левитацией оторвала Небесный Бандит от земли. — Когда мы впервые встретились и ты сказал, что не живёшь в Новой Эллузе, ты сказал, что у тебя есть маленькая хижина? — У меня было подозрение.

Каламити приземлился на фургон и стал возвращать его в нормальное положение. Невесомый пассажирский фургон легко поворачивался под его копытами, пока не встал вертикально.

— Агась, — ответил он. — И, в ответ на следующий вопрос, тоже агась. Я нашёл отметку в ПипБакке первого Дашита, законтачив его с моей бронёй. Чуть до того, как от неё отказался.

— Рэйнбоу Дэш когда-либо возвращалась к хижине? Я имею в виду, ты знаешь?

— Наверяд ли, — ответил Каламити, и его слова отозвались горькой грустью в моём сердце. — Когда я туда добрался, нашёл скелет пегаса, свернувшегося в углу — ну я и похоронил его на заднем дворе. Наверн, если Рэйнбоу Дэш вернулась бы туда, там бы их двое лежало...

Снова кольнуло в груди. Каламити сделал больше для Скуталу, чем я для... других мёртвых, мимо которых я просто прошла. Я почувствовала стальную решимость, растущую в моём горе.

— Прежде чем мы продолжим, мы должны похоронить скелеты в тоннеле яблочного подвала, — сказала я твёрдо. — Я знаю, что время поджимает, но, чёрт возьми, я не хочу это так оставить.

Каламити кивнул, как я и ожидала. Вельвет Ремеди подбежала к нам, левитируя ещё одну грудку найденных вещей.

— Это было бы прощ, если б я знала заклинание Найди Наши Вещи.

— Знаешь, раз мы идём всеми этими обходными путями, можт заскочим в моё старое жильё, — предложил Каламити. — Я б захватил кой-какие инструменты. А Лил'пип могла б взломать сейф в полу, который ни одна пони не осилила. — Он подмигнул мне при этих словах. Я услышала, как Вельвет сдерживает хихиканье.

Фэйсхуф. Это же просто нечестно.

Уборка и Камень Судьбы уже отняли первый час этого дня, а похороны займут ещё больше времени. Нам бы повезло, если б мы добрались до Фетлока до захода солнца. Но тут: сейф в полу! Сейф в полу хижины, которую и Рэйнбоу Дэш и Скуталу когда-то называли своим домом... если совсем вкратце... не меньше. Маленькая любопытная пони взбудораженно скакала в моей голове, перебирая все возможные важные и интересные вещи, которые могут быть внутри.

Я пронзила Каламити взглядом.

— Думаешь, что сможешь использовать мою слабость против меня так вот запросто?

— Агась.

Я притопнула.

— О да, ты можешь. Но только раз.

— Агась. Будь уверена.

В конечном счёте похороны сдвинули время нашего отправления меньше, чем на час. Отступники СтилХувза ещё не все были выращены и не были готовы отправляться.

— Рад, что вы, наконец, с нами, — сказал паладин-жеребец по имени Биттер Брайт СтилХувзу, когда они, наконец-таки, начали маршировать к Небесному Бандиту.

— Это должно было случиться раньше, — сурово сказал СтилХувз. — Я должен был сделать это, когда ещё был шанс на перемирие. Теперь будет гражданская война. Кровопролитная.

Паладин Биттер Брайт кивнул.

— Звездный Паладин Кроссродс уже перекрыл все пути коммуникации Старейшины Коттэддж Чиз и выслал предупреждения представителям других контингентов, которые последуют за нами. Если повезёт, они сумеют сльинять до того, как хотя бы одно слово о том, что случилось, достигнет других Старейшин.

Я сглотнула.

— И что произойдёт потом?

Паладин Биттер Брайт заржал.

— Если бы мы сделали это ещё несколько лет назад, со Старейшиной во главе, тогда те, кто верит, что Стальные Рейнджеры должны следовать за Кобылой Министерства и помогать другим пони Эквестрии, могли бы просто стать новым контингентом Старейшины. Возможно, мы... выглядели бы жалко, но голос Старейшины — закон. Теперь же...

Стальной Рейнджер-Отступник помолчал, прежде чем продолжить.

— Теперь же мы отделяемся. Мы предатели и мятежники. Когда Старейшины узнают об этом, любой из их рядов, кто нам сочувствует, будет ликвидирован.

Ох, огромное спасибо, Селестия.

— Надеюсь, — добавил СтилХувз, — Те, кто хотят присоединиться к нам, смогут сделать это раньше. Они направятся к Стойлу Двадцать Девять. Нам нужно зачистить его, или они попадут в ловушку.

— Ну, не считая Троттингэм, — заговорила высоким голосом Рыцарь Строуберри Лемонэд, присоединяясь к разговору, подойдя неудобно близко к СтилХувзу. Мой друг огляделся по сторонам, как будто выискивая какое-нибудь мелкое задание для неё. — В Троттингэме больше наших, чем ихних. В Троттингэме, готова поспорить, именно Старейшина покинет корабль.

Пони в моей голове захныкала, наблюдая, как мои действия врываются в войну и кровопролитие.

— Мне очень жаль...

— По поводу чего? — спросил Паладин Биттер Брайт. — Ничему из этого не послужила твоя вина или твои действия. Кроме того, благодаря тебе и твоим друзьям эта группа не погибла от копыта Новы Рейдж и не заключена всё ещё в ловушке в школе Стойла, ожидая смерти от жажды и голода. — Он фыркнул, — Эта битва началась в момент, когда Нова Рейдж убила одного из нас и заперла других. И это случилось несколькими часами раньше вашего появления. Это её вина. И наша. Чёрт возьми, нам следовало бы извиниться перед вами, что не рассказали всего, пока другие не начали жестоко убивать бедных жителей Стойла Кобылы Министерства.

— Вина на мне, — в завершение сказал СтилХувз. — Всегда была на мне.

Когда он побрёл мимо меня, опустил шлем и прошептал мне на ухо:

— Всё же хорошо, что мой ребёнок не знал меня.

Блэквинг и её Когти летели с нами часть пути, чтобы доставить Гауде весть об их победе, а также о будущей пятилетке, что Смотрительница и Блэквинг набросали по моему совету.

— Вы уверены, что мы не должны отправиться с вами в Стойло Двадцать Девять? — спросил Каламити.

— Нет, — ответил СтилХувз. — Сейчас это внутренняя проблема.

Я слушала трансляцию ДиДжея Рон3 в своих наушниках, но не было никаких новостей о Стойле Два. Ничего, что могло предупредить Старейшин, что их ряды дрогнули. Я молилась о том, что молчание будет продолжаться, пока я не достигну Хомэйдж.

Но наше везение на этом не прекратилось, так как лачуга Каламити была почти по пути в Фетлок и Мэйнхэттен, а следовательно и нам по пути. Однако совершенно с другой стороны от Прекрасной Долины. Я начала опасаться того, что Красный Глаз может совершить какую-нибудь пакость, если мы слишком задержимся. Я надеялась на то, что его искаженная щедрость "убедит" его дать мне время передохнуть после всего, через что я прошла.

— Что мы будем делать, когда достигнем Башни Тенпони? — поинтересовалась Ксенит.

— А позволит ли Красный Глаз вам туда попасть? — спросила Рыцарь Строуберри Лемонэд, двигаясь к скамье, что была рядом со мной. СтилХувз успешно маневрировал позади нескольких Стальных Рейнджеров, избегая встречи с ней. Мне этот маленький танец показался забавным, отчасти из-за голоса рыцаря: он был таким милым! (А тот факт, что он исходил из-под устрашающего вида брони, делал его ещё круче.) И отчасти из-за того, что кому-то ещё здесь было немножко не комфортно.

— Красный Глаз держит это место в осаде, — сказала я хмуро. — Прорываться с боем не лучшая идея. Куда лучше попробовать проскользнуть туда...

Я вспомнила, что говорила мне Хомэйдж в своем липовом письме: *А затем, позже, мы сможем встретиться там, где мы встречались прежде, и я обещаю...* Ну, кхе, думаю не стоит подробно останавливаться на том, что она обещала, важнее была вот эта часть.

— Я знаю об одной доступной крыше, о которой солдаты Красного Глаза, вероятно, не знают. И я уверена, Хомэйдж ожидает, чтобы мы именно там и приземлимся.

Остальные кивнули. Ксенит встревожилась.

— А впустят ли они зебру внутрь?

— Хомэйдж впустит, — заверила я её. Ксенит могут не позволить гулять по башне, но не могли же мы оставить её за бортом.

Как только мы приблизились к повороту в сторону лачуги Каламити, Блэквинг спикировала вниз и полетела бок о бок с Небесным Бандитом. Грифина подала мне сигнал.

— Думаешь, Гаудина будет удовлетворена оплатой? — прокричала я через порыв ветра.

Блэквинг издала смешок.

— Думаю, она будет удивлена. Возможно, даже встревожена. Она надеялась наложить лапы на водный талисман Стойла Два. А тут ей предлагают перенести всё чёртово население Стойла, равно как и его наиболее важное имущество, под её контроль.

Как и решила Вельвет Ремеди, Стойло Два больше не могло себе позволить оставаться изолированным. Населению нужно было генетически обновляться, представив собой новое племя Внешнего мира. Но они не могли просто открыть дверь Стойла. Учтивая, что Стойло Два находилось на краю Вечнодикого Леса с одной стороны и в часе бега от территории рейдеров с другой. Им нужно было двигаться. Разбитое Копыто обеспечило прибавку населения и безопасность.

Следуя этому плану, водный талисман будет перенесён на Узловую Станцию Р-7 и целая подземная яблочная роща будет перемещена в шахты под Разбитым Копытом. Пони из Стойла Два станут строить дома между Узловой Станцией Р-7 и старой тюрьмой. Это будет большая ноша, но ведь Старая Эплуза, как-никак, была построена всего за год земными пони.

Это казалось странным, зная, что мой новый дом станет моим старым домом. В течении пяти лет Узловая Станция Р-7 должна будет стать центром города.

— Я больше беспокоюсь о задержке, — ответила я. — Пока пони из Стойла Два действительно начнут переезд, пройдёт в лучшем случае несколько месяцев. В данный момент места вокруг Стойла слишком опасны.

Массовое бегство зверей из Вечнодикого Леса было всё же только частью проблемы. Я больше беспокоилась об ответных действиях Стальных Рейнджеров.

Итак, на данный момент Стойло снова залечивало свои раны. Пони Стойла Два требовалось время, чтобы научиться жить с этой травмой. Им нужно было время, чтобы вычистить Стойло и перекроить свои жизни. Они никогда не смогут забыть; и часть меня считала, что это хорошо, так как это научит их больше ценить то, что они имеют, и приведет к необходимым изменениям.

— Гауда молчит, — сказала Блэквинг. — Но у вас есть и другие проблемы. Единственный способ перевезти сад в Разбитое Копыто — это по железной дороге. А пути как раз пересекают Новую Эплузу.

Вот дерьмо. Точно ведь.

— Мы придумаем что-нибудь, — заверила я её. — Но сперва надо разобраться с Красным Глазом.

Говорила я гораздо уверенней, чем была на самом деле. Но слова Каламити напомнили мне, что, хотя и существуют подозрительные или даже совершенно безнравственные пони в высотах Новой Эплузы, основную часть городских жителей составляют хорошие пони. Мля, да там же Дитзи Ду жила!

Мысль о пегасе-гуле подкинула ещё одно поручение. Мне придётся найти способ отблагодарить её. Мы все обязаны ей своими жизнями. Без этих СтелсБаков, что она просто отдала, чтобы помочь Блэквинг в спасении жителей моего дома...

Я отошла от края Небесного Бандита, когда Блэквинг свернула, другие грифоны последовали рядом. Бучер послала воздушный поцелуй в нашу сторону. Я думаю, что это было для СтилХувза, но я понятия не имела, почему. Может быть, просто дух товарищества, который проявляется с взаимной любовью к чрезмерной огневой мощи.

Каламити повернул в другую сторону.

— Это не займёт много времени, — уверила я СтилХувза и Отступников.

— Эт одна большая туча жуткого чёрного дыма, — прокомментировал Каламити, когда мы подлетали к его хижине.

Дым от пожара в Вечнодиком Лесу окрасил воздух в неприятный оранжево-розовый цвет. Хижина Каламити, приютившаяся на полпути к небольшой труднопроходимой возвышенности, была немногим ближе к Новой Эплузе, чем к Вечнодикому Лесу. Но так как она была далеко от пожаров, сильные ветра разносили дым на мили вокруг.

Я привыкла к странному и болезненному воздуху Внешнего мира, но сообщение в ПипБаке Скуталу навеяло воспоминания. То первое утро в Эквестрийской Пустоши, как эта дикая странность ошарашила меня. Это же было совершенно другое. Я чуюла неестественные запахи, витающие в дыме, ощущала привкус чего-то едко-горько-сладкого при каждом вдохе.

— Должны ли мы этим дышать? — спросила я Вельвет Ремеди. Мне вспомнились опасности работы в сжигательных ямах для параспрайтов. Кто-нибудь из пони вообще знает, какую гадость может принести с собой дым из Вечнодикого Леса? Я вдруг позавидовала Стальным Рейнджерам (Отступникам и другим), что в их броневые костюмы встроены респираторы.

— Скорее всего нет, — сказала Вельвет Ремеди, нисколько не успокоив мои страхи.

Скалы вокруг хижины были неустойчивыми. Не было ни одной безопасной тропинки, чтобы подняться, и никакой полянки, чтобы посадить пассажирский фургон. В конце концов, это был дом для пегасов. Каламити был вынужден сделать посадку у подножия скал. После короткого обсуждения предполагалось, что мы с Каламити поднимемся одни.

— Ну уж нет, — топнула Вельвет Ремеди копытом. — Ты нас не для того тащи сюда всю дорогу, Каламити, к твоему старому дому, чтобы потом не дать мне его посмотреть.

Каламити фыркнул с тревожным и немного смущённым видом.

— Ну же, — промурлыкала Вельвет. — Я показала тебе свой дом, теперь ты покажи мне свой.

Я усердно пыталась думать о других вещах.

— Вот что: я левитирую себя наверх, а вы двое подлетите.

— А ты сможешь, Лил'пип? Поднять себя так высоко?

Честно говоря, я не была уверена. Самолевитация всегда была трудным трюком. Я бы хотела попробовать. Но не хотела бы пострадать от падения, если не получится.

— Будешь готов поймать меня? — спросила я кротко. Каламити кивнул, уверенно вытянув крылья.

Где-то позади себя я услышала Ксенит, спрашивающую какую-то пони:

— Почему им просто не сделать два захода?

Я посмотрела вверх, устремляя свой рог к хижине. И сглотнула. Это было... очень высоко.

Мой рог начал светиться. Сфокусировавшись, я окутала своё тело телекинетическим полем и оттолкнулась от земли. Я раньше это делала, но так же, как в Яме, мой подъём начал замедляться. Я сосредоточилась и попыталась поднять себя вверх.

Я всё ещё замедлялась.

Я сосредоточилась, капли пота выступали у меня на лбу и сбегали вниз по шее. Сияние охватило мой рог, бросая блики на скалы.

Я прекратила замедляться. Я сделала это! Я тащила себя через воздух!

Это была... изнуряющая буксировка. Усилие было почти болезненным. Но у меня получилось.

Я летела!

* * *

Я лежала на деревянной доске, которая была частью переднего крыльца Каламити, с трудом дыша. Ноги не хотели меня держать. Ну, они могли бы, если б я попросила, но просто не хотели.

Это того стоило. Хоть и совсем недолго, но я в самом деле летела.

Это было не изящной сценой свободы; в силу того, что я не была ни пегасом, ни птицей. Это больше походило на бег галопом к вершине против ветра. Но я сделала это. И на мгновение все ужасы и боль нескольких прошедших дней забылись в спешке и напряжении.

Интересно, сколько времени понадобится Каламити и Вельвет Ремеди, чтобы подняться. Немного — тут же ответил мой разум. На самом деле, я была удивлена, что их ещё не было.

Я вспомнила, что у меня всё ещё был шар памяти из одного из сейфов в подвале Министерства Магии в Филлидельфии — шар из сейфа, где также лежал и плащ (Судя по реакции Ксенит и недавнего опыта грифин, я сделала вывод, что это был зебринский стелс-плащ) Я, не раздумывая, решила, что не хочу тратить время, валяясь на крыльце хижины Каламити и вытирая пот с лица. Так что я левитировала шар памяти и сосредоточилась на нём.

И тут же поняла, что это было ошибкой, вспомнив, что шар был извлечён из поломанного ящика и, похоже, повредился, но было уже слишком поздно.

Моё тело взорвалось болью, каждый нерв верещал, как будто я горела и горела, не умирая. Я знала, моё настоящее тело, должно быть, вопило и дёргалось, но боль была слишком сильной, чтобы бояться за свою безопасность. И вообще, упасть со скалы и разбиться о землю было бы милосердием.

Тысячи раскалённых ножей вонзились в мой мозг.

Мгновение... или вечность спустя боль прекратилась так же неожиданно, как и началась. И я больше не была собой...

<-----ooO Ooo----->

Я даже не была пони. Знакомое ощущение непривычности. Я чувствовала, что была окутана плащом, гриву и уши укрывал капюшон (а также небольшая сумка и что-то ещё висели на боку на ремне). Это было слишком знакомо. Я снова была невидимой. Ситуация была слишком простой, чтобы долго её обдумывать. Я наблюдала за жеребцом, восхищающимся собой в зеркале... в зеркале, которое также должно было отражать моего хозяина с этого угла, но не отражало. Моим хозяином была зебра в стелс-плаще. Возможно, та же, что и раньше.

— Если ты не примешь моё предложение, то ты должна хотя бы подумать над использованием своего огромного состояния, которое я хотел бы вложить в твою новую публикацию, — предложил жеребец с гордым видом. Он был величественным, высокомерным белым единорогом, довольно красивым для своих пожилых лет. — Я, в конце концов, лучший пони.

— Едва ли, — произнёс нараспев прекрасный голос, который мог принадлежать только Рэрити. Если жеребец и заметил слегка пренебрежительный тон, то не подал и виду. — В Министерстве Стиля нет места показным или прославленным псам. Наша цель — это помочь именно клиенту засиять на всю Эквестрию, а не нам. И наш клиент и есть вся Эквестрия. Мы должны оставаться невидимыми.

И вежливым, приятным голосом она добавила:

— Возможно, вам стоит попробовать в Министерстве Крутости.

Мы были в офисе. В довольно милом офисе с изысканными занавесками и золотыми узорами на деревянной обшивке стен. Он определённо не выражал смиренности, которой я ожидала от здания Министерства Стиля, что говорило мне о том, что это был не простой центр М.С., а штаб-квартира Министерства на Министерской Аллее в Кантерлоте... единственное место, где даже Министерству Стиля приходится придерживаться стиля.

— Тебе легко говорить. — Жеребец нахмурился. — Ты уже во главе одной из важнейших отраслей нового правительства Принцессы Луны. Ты находишься уже далеко за пределами своих самых смелых крестьянских мечтаний.

Ух ты. У меня голова болит от этого жеребца.

Ответный удар Рэрити был сдержанным, спокойным, даже очаровательным.

— Смирение было тяжёлым для заучивания уроком, на самом деле. Это называется взрослением. Кое-что, с чем, как это ни печально, вы, кажется, почти не знакомы.

— Это что-то вроде мести, не так ли? — Удивительно, но жеребец всё ещё не потрудился взглянуть на прекрасную кобылу, с которой он говорил. Если он был объектом наблюдения моего хозяина, то магический плащ казался ненужным.

— Леди не мстительны, — осведомила его Рэрити изящным голосом.

— Но ты не леди, — ответил жеребец, не задумываясь. — Ты на государственной службе.

Мне хотелось врезать ему.

— Вам очень повезло, что я леди, — ответила Рэрити, её голос стал ниже. — И у меня нет поблизости торта.

Я понятия не имела, причём здесь торт. Но, по крайней мере, мой хозяин наконец-то обратил внимание на великолепного белого единорога. Опять же она выглядела моложе, чем я ожидала, и не было никакой серости в волосах.

Она действительно знает, как ухаживать за собой, подумала я с восхищением. Бьюсь об заклад, она красит свою гриву.

— А я принц, — осведомил её жеребец, наконец соизволив перевести свой взгляд со своего отражения на кобылу, к которой обращался.

Предложение?

— Серьезно? — Рэрити закатила глаза. — Я долго работала с высокомерием, которое свойственно вашему роду и которое появилось благодаря Принцессе Селестии, шутившей над... — Она задумчиво замолчала, прежде чем продолжить, — ...любим пони, когда-либо встретившимся вам.

Рог Рэрити засветился.

— Если ты примешь моё предложение, ты станешь принцессой, — не обращая внимания, продолжил принц.

О Богини, трахните меня во все щели, это ничтожество действительно хочет жениться на Рэрити? Вот что он имел в виду под принятием его предложения. Это не предложение, это просьба.

Рэрити осмотрелась вокруг и вздохнула.

— Да, и ваше копыто доберётся до одного из самых мощных Министерств в Эквестрии. Или, по крайней мере, это то, о чём вы, кажется, думаете. — Она посмотрела недоверчиво. — Я не могу представить такой мир, где бы это того стоило.

Принц тяжело выдохнул.

— Ты говоришь так, будто я не жертвую безмерно собой в этом соглашении. Как от твоего мужа, от меня точно будут ожидать, что я буду с тобой в отношениях.

He. Ve. Po. Ят. Но!

Я сосредоточилась, пытаюсь заставить моего хозяина разбежаться и лягнуть его от души.

Рэрити молча на него смотрела, её глаза медленно сузились. Её рог на мгновение засветился ещё раз.

— Этот разговор окончен. Принц Блюблад, вам пора идти. Если у вас есть какие-либо предложения, пожалуйста, адресуйте их любому другому пони кроме меня. Ваше присутствие причиняет мне физическую боль.

— Я принц, а также член высшего суда Кантерлота. Тебе не помешало бы...

— А я не хочу, — прервала Рэрити. — Вы мне не нравитесь. К сведению, я нахожу вас довольно мерзким. Я презираю то, что моё положение обязывает меня признавать ваше существование, и, что ещё хуже, изредка посвящать вам своё время. Но это время подошло к концу. До свидания.

Принц Блюблад фыркнул, выпрямляясь.

— Не ты должна жаловаться, а я...

— О, а я и не жалуюсь. — Глаза Рэрити опасно сузились. — Я ною. Если бы я жаловалась, это предполагало бы, что здесь есть кто-либо более авторитетный, кому я бы жаловалась. Но таких здесь нет. В этом Министерстве я самая главная. Заметили?

Рэрити подбежала к своему столу и нажала копытом на кнопку.

— Охрана!

Она повернулась улыбнуться единорогу-жеребцу, когда двойные двери в конце комнаты распахнулись и появились двое охранных пони. Принц Блюблад в испуге отступал назад.

— Пожалуйста, выпроводите принца из владений. Если он будет сопротивляться, арестуйте.

Мне предстояло насладиться тем, как моя хозяйка не попятилась назад. Сердце забилось быстрее. Она повернула нашу голову, и я почувствовала, как мои зубы прикусывали что-то, привязанное к ней. Это была рукоять клинка, и зебра бесшумно поднимала его.

Охрана исполнила приказ Кобылы Министерства. Принц Блюблад оказался достаточно умным, чтобы не сопротивляться. Я надеялась, что, когда они уйдут, мой хозяин вложит клинок в ножны, но у зебры определённо были другие планы.

Мы остались наедине с Рэрити в её офисе. И она нас не видела.

— Невероятно! — воскликнула она, словно прочитав мои мысли. Пожилая кобыла-единорог стояла к нам спиной, склонив голову к столу и сосредоточившись на чём-то, в то время как мой хозяин начал подкрадываться ближе.

Нет! Я пыталась выкрикнуть предупреждение.

Зебра повернула голову, нацеливая клинок в шею Рэрити, правее её пышной гривы. Я чувствовала, как мой хозяин напрягся, приготовившись к удару. Рэрити слегка подвинулась, её рог сиял. Один из драгоценных камней в передней части стола сдвинулся в сторону, обнажая секретный замок, который приковал к себе всё её внимание.

Пожалуйста, нет!

Я почувствовала, как что-то сдвинулось в зебринской сумке. Новый вес. Внезапно моего хозяина подбросило. Я услышала взрыв, почувствовала мощное давление и обжигающую боль, затем — ничего. Моя хозяйка упала. И лежала неподвижно, ощущались лишь слабые подёргивания. Её тело стало бесчувственным.

— Просто невероятно, — повторила Рэрити, когда элегантно повернулась, глядя на то место на полу, куда мы невидимые рухнули.

Я более слышала, чем чувствовала, как плащ окутанный магическим полем, отражающим мягкий свет рога Рэрити, был снят с моего хозяина. Как только он был снят, и хозяин и плащ стали видимыми. Рэрити не удостоила нас вниманием. Она левитировала плащ к себе и осматривала грубую ткань до тех пор, пока не нашла пряжку с драгоценным камнем.

— Вот ты где, моя прелесть, — сказала она, освобождая телекинезом драгоценный камень и ломая при этом застёжку. — В тебе ведь есть интересная магия, не так ли? — сказала она, оценив камень и отбросив сам плащ. — Твай была бы рада поближе посмотреть на тебя!

Я поняла. Я видела начало СтелсБаков.

Я вспомнила о сообщении, что нашла в вербовочном центре: *Разведка уже предполагала, что зебры разработали некие талисманы с заклинанием невидимости, но это похоже на что-то, сконструированное Министерством Магии.* Пони, насквозь пропитанные паранойей военных лет, опасались худшего, не зная при этом того, что знала Твайлайт Спаркл. Не зебры переняли эту магию у нас, а мы переняли эту магию у них.

Длинный смертоносный клинок лежал на ковре там же, где и упал. Близко, но вне досягаемости. Мой хозяин пытался подползти к нему, но тело его не слушалось.

— Я подбросила парализующую гранату в твою седельную сумку, — сообщила нам Рэрити, убирая драгоценный камень. — Мне нравится думать, что я весьма преуспела в манипуляциях с вещами. Даже когда я их не вижу.

Зебра придвинулась ближе к клинку.

— Серьёзно? — спросила Рэрити с усмешкой, подбирающей леди. Она левитировала клинок прочь, бросив на нас презрительный взгляд. — Зебринский ассасин проникает в мой офис и пытается убить меня, сокрывшись под плащом с зачарованным камнем?

Она наклонилась ниже.

— Я бы рассказала тебе, как я получила свою кьютимарку, да, думаю, там, куда ты направляешься, тебе это не понадобится.

Голубое магическое поле обволокло наушники, которые лежали на её столе, и мягко поместило их прямо на голову Рэрити.

— Хотя я бы поинтересовалась, ты пыталась убить представителя кабинета министров "Найтмэр Мун"? — спросила она, повернувшись к нам хвостом и открывая потайное отделение стола. — Или же ты здесь за этим?

Рэрити подошла к нам, левитируя перед собой могущественную чёрную книгу с чёрным кожаным переплётom.

Когда я увидела книгу, я знала, что она хранит множество секретов. Множество секретов, которые раскроются мне, стоит лишь взглянуть на страницы.

— Ну, я так полагаю, это-то мы узнаем, — пообещала нам Рэрити.

Она поднесла копыто к наушникам, выражение её лица тут же сменилось на едва скрываемую радость.

— Эй, Пинки Пааааай! Это Рэрити. У меня тут для тебя подарочек, — сказала она с улыбкой. — Он тебе понравится.

<=====ooO Ooo=====>

Я очнулась на старой, затхлой койке в хижине Каламити. Вельвет Ремеди лежала на полу, тяжело дыша, вся в поту. Сам Каламити возвышался надо мной, затменный светом, что шёл из окна над верстаком позади него.

— Что случилось, Лиг'пип?

— Где?.. — Я заморгала, оглядываясь по сторонам. — Что?..

— Наверх ты добралась нормально, — сказал Каламити. — Я видел это. Но когда мы почти поднялись, ты вдруг вскрикнула, дёргаясь, как будто в огне горишь, и сбросилась с крыльца!

— Я упала? — Мои глаза расширились. Я обернулась, смотря по сторонам. Дверь в хижину была открыта. Я моргнула, потому что передо мной проплыл образ Чёрной Книги. Больше всего это напоминает момент, когда, посмотрев на яркий источник света, быстро отворачиваешься и перед глазами появляется объект похожей формы. Однако на моей памяти посещение чьих-то воспоминаний подобного эффекта не вызывало.

Я поморгала, чтобы избавиться от образа этой книги. Я видела крыльцо, на котором я лежала. Шара памяти нигде не было видно.

— Да, чёрт побери, упала! — резко ответил Каламити, — А мы тут веселились, пытаюсь тебя уговорить, даже после того как ты ослабла. Мы чуть не умерли от переживаний. Чё за херня здесь вообще произошла?!

— Я... — начала было я, посмотрев снова на пустое крыльцо. Мне инстинктивно захотелось соврать, но, пожалуй, никакая ложь не смогла бы положить конец переживаниям моих друзей. — Я совершила ошибку. Пока я ждала вас, я дотронулась до шара памяти. Но он был повреждён...

— Чего?! — вскрикнул Каламити. — На крыльце?! Лиг'пип, да я тя еле поймал!

Я отпрянула назад, уставившись на своего друга-пегаса; мои копыта начали ступать по простыню с койки, когда спина моя упёрлась в стену.

— Знаешь, эт не просто лететь, пока держишь пони. А уж когда их две, и одна из них лягается и кричит, будто её изнутри пожирают! — набросился на меня Каламити. Сразу же в памяти всплыли воспоминания о неприятных кошмарах с параспрайтами. — Ты чуть нас всех не угробила! Вельвет пришлось использовать магию, чтоб тя удержать. А я ведь напоминал те, что в этом заклинании ей до тя далеко!

Я взволнованно взглянула на Вельвет. Она была слишком утомлена, чтобы ответить тем же.

— Ты ж не думаешь, что после того, чё мы пережили прошлой ночью, мы заслуживаем того, чтоб ты нас всех до смерти напугала своей кончиной?

О Богини. Тяжесть моего бездумного поступка обрушилась на меня. Меня бросило в дрожь. Боль моего стыда и справедливая злость Каламити прорвали шлюзы, и внезапно нахлынувший эмоциональный потоп того, что я пережила за предыдущие несколько дней, начал поглощать меня. Ужасы рабства Филлидельфии, Яма, угроза Хомэйдж, резня в Стойле Два, моя мама...

— Прости! — крикнула я в ответ, разрыдавшись. — Я облажалась! Это было ужасно! Прости!

— В точку, Лиг'пип! — сердито проворчал Каламити. — Твоё любопытство тебя скоро заведёт в могилу. И нас ты заберёшь с собой!

— Прости!

Каламити фыркнул, сердито смотря на рыдающую меня. Вельвет Ремеди вздрогнула, пыхтя, поднялась на ноги и подошла ко мне, болезненно растянувшись на кровати.

— Ладно, — твёрдо сказал Каламити. — Основополагающее правило. С этого момента ты не играешь с теми штуками, если ты не на земле, не в безопасности от сражений. И тока если один из нас следит за тобой.

Заложив закон, Каламити позволил себе чуть смягчиться. Он наконец осознал своё собственное изнеможение. Пегас нежно обернул меня крылом.

Оба они оставались со мной, пока не утихла буря.

— Терь вставай, Лиг'пип, — наконец сказал Каламити, подталкивая меня крылом. — Так ты бушь смотреть на тот сейф в полу, иль нет?

Я кивнула, хотя это был первый раз, когда я правда не хотела удовлетворить свою тягу к неизведанному. Я медленно соскользнула с кровати и посмотрела на пол под ней.

На сейфе был, в общем-то, не очень сложный замок. Даже находясь в состоянии непомогания, я смогла бы легко его открыть, с инструментами или без. Сейф щёлкнул.

Наибольшую ценность среди содержимого седельной сумки представляла одна вещь, блестящая и не поблёкшая, несмотря на

время. Статуэтка Рэйнбоу Дэш. Она стояла в величественной позе, с расправленными крыльями и усмешкой на лице...

— Вперёд, — мягко сказал Каламити. — Бери. Я знаю, ты любишь собирать эти безделушки.

— Но... Разве ты сам не хочешь её? — спросила я удивлённо.

— У меня уже выжжена её кюитимарка на боках. Думаю, она и так рядом со мной.

Я кивнула, затем осторожно выпустила свою магию, внезапно ощутив толчок в тот момент, когда она коснулась статуэтки. Мне было... лучше. Я чувствовала себя так, будто могла стать лучше, чем раньше. Могла сделать всё. Чувствовала себя более ловкой, более грациозной... и даже больше. Я, как бы сказать, стала круче.

Надпись на статуэтке совпадала с описанием самой Рэйнбоу Дэш:

"Будь потрясным!"

Каламити вышел из своей лачуги в странный красно-оранжевый воздух. Он был облачён в жуткий чёрный панцирь своей старой брони Анклава. Концы его счетверённой винтовки Прибой зловеще поблескивали. Он проверил свои крылья и скорпионий хвост.

Потом он опустил голову и сорвал копытом шлем. Он взглянул обратно вверх, позволив дымному ветру трепать его оранжевую гриву. Он выглядел странно без своей шляпы.

— Забудьте, — фыркнул он, топнув. — Я не буду ходить в таком виде. — Он повернулся и вбежал обратно в лачугу. — Хоть убейте.

Ему потребовалось меньше минуты, чтобы скинуть броню. Вельвет Ремеди обернула её магией, убедившись, что заодно подобрала и шлем с крыльца, и сказала:

— Что ж, по крайней мере можно взять её с собой. Ты можешь передумать, когда увидишь войска Красного Глаза, окружившие Башню Тенпони.

— Ладно, — проворчал он. — Я забрал всё, чё хотел. Давайте уже пойдём.

Я приостановилась.

— Каламити? Я знаю, ты надеешься продать эту кучу оружия работорговцев в Башне Тенпони, но я подумываю, что мы должны отдать его Дитзи Ду. Знаешь, как благодарность за то, что она сделала для Стойла Два.

Вельвет Ремеди заржала.

— Вряд ли ей нужен будет такой подарок, Литлпип. Скорее, он даже причинит ей боль, напоминая о том, что с ней сделали работорговцы. — Я нахмурилась, морщась. — Кроме того, ты правда хочешь прямо сейчас дать Новой Эплузе ещё больше оружия? — Признаться, я и правда не хотела.

Потом Вельвет Ремеди посмотрела на Каламити.

— Ты знаешь, что любит Дитзи Ду? Соглашусь с Литлпип: нам правда нужно ей что-нибудь подарить в знак благодарности.

— Ну... — Каламити подумал. — Она любит маффины.

Вельвет выглядела шокированной.

— Гули вообще могут есть?

Вообще-то, им не обязательно, но они могут.

Я улыбнулась. У нас были Хомэйдж и Ксенит, а они были лучшими поварами в Эквестрийской Пустоши.

Большую часть пути я старалась не думать о том, что случилось ранее. Я знала, что, если бы начала, то обязательно заплакала бы снова.

Вместо этого я попыталась сфокусироваться на разговорах между Отступниками, но они углубились во внутреннюю политику Стальных Рейнджеров, и мое внимание поплыло. Рыцарь Строуберри Лемонэд сидела рядом со мной, звонко выделяясь в разговорах старших товарищей при каждой возможности.

Строуберри Лемонэд (Клубничный Лимонад) — подумала я. Звучит аппетитно.

Застонав, я удержала себя, пока моё воображение не зашло слишком далеко. Мне нужна была Хомэйдж. Я посмотрела за борт пассажирского фургона. Сумерки висели над всей пустошью, когда мы подошли к Фетлоку. Внизу я заметила в большинстве своём рухнувшие руины того первого домика, но там уже не было того блуждающего торговца и его механической совы.

Когда мы достигли Фетлока, я заметила бледный столб дыма, идущий из трупной ямы пони на пути к Стойлу Двадцать Девять. Ещё больше свернулось около решётки канализации. Не было слышно звуков битвы.

— Это одновременно и хорошо, — сказал СтилХувз, — и плохо.

Когда мы подобрались ближе, Стальной Рейнджер вышел из тени. Потом была вспышка света. Я пригнулась, оживая столкновения.

Но это было не оружие. Это был сигнальный фонарь.

— Слава Эпплджек, — кажется, я услышала бормотание СтилХувза. Это были хорошие новости.

Я выдохнула с облегчением. Эквестрийская Пустошь дала нам передышку как раз вовремя.

Удача сопутствовала нам, пока мы скользили во тьме к руинам Мэйнхэттена. По мере приближения к вершине Башни Тенпони я могла различить огни рядов палаточных лагерей Красного Глаза внизу, подсвечивающих башню с земли и освещавших Линию Селестии. Они занимали всю поверхность станции Четырёх Звезд.

Грифоны патрулями летали вокруг башни, однако, но летали они на бреющем полете, высматривая наземные цели. Я с самого начала поняла, что Красный Глаз не знает о Небесном Баңдите. Он, конечно же, знал, что с нами был пегас, то есть он мог бы предположить наличие у нас более быстрого вида транспорта. Но отвергать возможность нашего пешего похода он тоже не мог. И если бы это было так, то мы едва ли сюда добрались бы к этому моменту, двигаясь напрямик из Филлидельфии в Мэйнхэттен.

У нас было время.

И у нас была проблема. На крыше Башни Тенпони был аликорн. Щит она не поднимала, чтобы лучше выслеживать всяких там приближающихся Литлпип. Я могла бы застрелить её. Зебринская винтовка с глушителем идеально подходила для этой цели. Но как только она умрёт, все аликорны неподалёку узнают об этом. И, скорее всего, Красный Глаз тоже.

Пассажирский фургон сильно накренился.

— Вот дерьмо! — воскликнул Каламити, когда мы начали снижаться, покидая облака. Спарк-батареи сели, а наш несчастный пегас был слишком измучен, чтобы осилить внезапную перемену в весе. Он чуть сознание от напряжения не потерял. Мы камнем начали падать вниз.

Я бешено сосредоточилась на оборачивании Небесного Баңдита своей магией. Если я смогла тянуть себя через воздух, может быть, я смогла бы замедлить или даже прекратить падение.

Мой рог ярко вспыхнул. Нагрузка резко ударила меня, словно электричество, подкашивая мои ноги и напоминая о том, что я не спала больше суток.

Мы продолжали падать.

Я напряглась, задыхаясь и дрожа всем телом. Ослепительный свет вырвался из моего рога. С его кончика начали стрелять искры.

Свечение вокруг Небесного Бандита начало сверкать. Это привлекло внимание одного из грифонов под нами, как только мы упали мимо их патрульной линии. Грифон повернулся к нам, и, достав свою снайперскую винтовку, выстрелил.

Теперь все узнают, что мы здесь. Но я не могла отвлекаться на это. Я вкладывала все свои силы, чтобы замедлить наше падение. По моему рогу пробежал второй слой свечения. От него начали исходить лучи света.

Мы начали замедляться.

— Э, чёрт, — слабо проворчал Каламити, рухнув в упряжи, в то время как аликорн сорвался с крыши, и, планируя, устремился к нам с поднятым щитом.

Я крикнула, каким-то образом испустив мощь, которой у меня не было (Будь Сильным! Будь Непокоримым! Будь Потрясным!). Мой рог разразился третьим слоем свечения. Небесный Бандит резко остановился, зависнув в воздухе.

Потом мы начали подниматься.

Аликорн так и замер с широко открытыми глазами. Её рог начал искриться электрическими разрядами, готовясь запустить в нас молнию.

Грифон снова пальнул в нас, и на этот раз пуля оставила маленькую дырку в крыше. Он начал было перезаряжаться, но его поглотил зелёный огонь. Паерлайт радостно вскрикнула и ринулась вслед за нами.

Вельвет Ремеди охватила Небесный Бандит своим магическим щитом, и, хотя первая же молния расколола его вдребезги, цель свою он выполнил: уберёт нас от удара. Часть моего разума осознала, что шок от попадания молнии привёл бы к потере мною концентрации, и, как следствие, к нашей неизбежной смерти.

Аликорн поднимался выше, назад к крыше, сохраняя почтительную дистанцию между собой и нами, а её рог снова начал искриться разрядами.

Паерлайт приземлилась рядом с Вельвет, переполненная чувством гордости.

Ксенит разбила ещё один сосуд об пол и потопталась на нём, и, как только вторая молния полетела в нас, она схватила меня за гриву и забросила на свою спину. Мощный электрический разряд попал в Небесный Бандит, поражая током всё, что прикасалось к его металлическому каркасу. Вельвет упала, издав вскрик. Паерлайт также, пронзительно крикнув, рухнула на пол пассажирского фургона.

Ксенит и я остались невредимы, защищённые её изоляционным зельем. Мы продолжили подниматься. Мы и не могли делать что-либо другое.

Аликорн приземлился обратно на край крыши. Магические частицы начали образовывать кольцо вокруг неё, преобразуясь в жуткие снаряды.

Откуда-то с крыши по аликорну ударил луч космической энергии, моментально пробив щит и поразив монстра. Щит лопнул, как мыльный пузырь, в тот момент, когда луч обратил аликорна в переливающуюся лунного цвета пыль.

Я левитировала небесный Бандит на крышу. Хомэйдж ждала нас там, инопланетное оружие плавало рядом с ней. Только увидев меня, она бросилась галопом в пассажирский фургон и заключила в объятия.

Хомэйдж!

Я чувствовала её, ощущала её мягкую шёрстку и тепло её тела. Я расслабилась в её объятиях и начала плакать.

— Зебра! — счастливо завизжала Хомэйдж. Ксенит съёжилась, когда Хомэйдж предложила ей копыто.

— Она... не любит прикосновения, — сказала я сексуальной серой единорожке. Хомэйдж опустила копыто и кивнула.

— А ты кто такая будешь? — спросила Ксенит, побуждая к знакомству.

Меня поразило вдохновение.

— Хомэйдж, могла бы ты позволить... — Я прервалась. — Не могла бы ты попросить ДиДжея Рон3, чтобы Ксенит могла бы провести некоторое время в М.Т.Н.С.Э.Р.?

Хомэйдж и Ксенит посмотрели на меня с любопытством.

— Пожалуйста? — попросила я Хомэйдж.

— Я... Я уверена, что это можно организовать, — сказала Хомэйдж доверчиво.

Я повернулась к моей подруге-зебре.

— У ДиДжея Рон3 есть камеры по всей Эквестрийской Пустоши. Может быть, одна из них видела твою дочь или её племя?

Глаза зебры расширились. Я увидела в них проблеск надежды.

Хомэйдж улыбнулась.

— Да, конечно. И я уверена, что смогу уболтать ДиДжея Рон3 позволить тебе взглянуть на некоторые из архивных данных. Я покажу тебе, как это сделать, и после этого я отлучусь. — Она слегка покраснела. — Мы с Литлпип будем заняты, но мы не будем далеко.

— Она любит шлепки и связывание, — сообщила Вельвет Хомэйдж заговорщическим голосом, слишком громким для шёпота.

Я выпучилась на неё, мгновенно покраснев.

— Это не так!

Хомэйдж подняла бровь.

— Вы двое говорите о любви к бондажу и порке? — спросила она невинно.

— Нет. Я имею в виду, да, но...

— О, — притворилась Хомэйдж, что поняла. — То есть, ты говоришь, что Вельвет любит бондаж?

— Нет, я. Но... — Вот дерьмо.

— Так это ты любишь! — Хомэйдж очень широко улыбалась. Я сдалась, повесив голову и приняв свою обречённость.

Я сузила глаза и шепнула угольно-шерстной кобыле:

— Всё то время, что я мечтала о тебе? Это было до того, как я узнала, какая ты злая!

— Не беспокойся, — сказала Хомэйдж, обнимая меня передней ногой и улыбаясь. Её глаза блеснули, когда она взглянула на Вельвет. — В прошлый раз я узнала, что ты способна на мультиоргазм. Сегодня вечером я собираюсь выяснить, сколько же ты сможешь получить, прежде чем потерять сознание. — Она покусывала одно из моих ушек. — И потом я собираюсь проверить, смогу ли я тебя разбудить ещё одним. Так что... кой-какой бондаж, может, и понадобится.

Я почувствовала, как тону в жаре и смущении. Я одновременно хотела позволить ей связать меня и делать со мной всё, чего бы она

ни хотела... и далеко-далеко убежать, и спрятаться под каким-нибудь камнем навсегда. Я покачулась, почувствовалась слабость, и чуть не упала. Хомэйдж деликатно маневрировала меня к двери на крыше.

— Вау, — сказала Ксенит, стоя с другими, пока мы уходили, её экотический голос тронула нотка меланхолии. — Со всеми вашими поддразниваниями я начала жалеть малышку. Сейчас же я чувствую лишь зависть.

— Ага, — согласилась Вельвет Ремеди, звуча ошеломлённо. — Я тоже. — И повернувшись к Каламити, — Не в обиду.

— Обиду? Дьявол, я ревную.

Хомэйдж усмехнулась. Потом повернулась к остальным.

— Вы идёте?

Я встала, сначала подумав, что она приглашает их наблюдать. Это... Я не могла... нет!

Но у Хомэйдж были менее жестокие планы.

— Я организовала вам отдых в том же номере, что и в прошлый раз. Всё в порядке.

Вельвет Ремеди и Каламити покинули нас. (Вельвет что-то говорила насчёт перетаскивания бедного пегаса за хвост в направлении спа-центра.) Хомэйдж, Ксенит и я остались одни в комнате с огромным аликорном-фонтаном.

Как бы ни была я истощена физически, эмоционально выпотрашена и болезненно возбуждена, я не могла обращать внимание на свои потребности, пока не разобралась с потребностями других. Сначала надо было привести Ксенит на Станцию Экстренного Радиовещания. Глаза Ксенит стали ещё шире, когда она увидела стены мониторов с изображениями с видеокамер. Многие по-прежнему мерцали или показывали искажённые картинки, но на этот раз они работали все.

— Это... удивительно, — выдохнула зебра. — Что это за место?

Хомэйдж рассказала ей, а также добавила:

— Изображения, которые ты видишь, идут от башен, вроде той, что в Филлидельфии. Ещё три дня назад от Филлидельфийской башни не было сигнала. Красный Глаз использовал ту башню для чего-то, и это блокировало сигнал. Но благодаря Литлпип у ДиДжея Рон3 теперь есть глаза даже в самом центре территории работяг. — Хомэйдж улыбнулась Ксенит благожелательной и обнадёживающей улыбкой. — Мы наконец-то можем начать делать там что-то действительно хорошее.

Зебра кивнула. В течение следующего часа Хомэйдж инструктировала зебру, как контролировать камеры и просматривать архивы. Ксенит разбиралась в этом с трудом. Между тем я в основном просто смотрела. В доме Хомэйдж я наконец-то почувствовала себя в безопасности. Я была уже не на краю смерти, не мчалась куда-то, не сражалась, и моё тело всё время пыталось уснуть.

Тем не менее, мне удалось получить обещание от них обоих, что те испекут маффины. Дитзи Ду скоро получит самую большую и самую лучшую доставку маффинов в истории Эквестрийской Пустоши.

И, наконец, я с Хомэйдж остались одни в холле, стоя рядом с фонтаном.

— И что я буду делать с тобой, моя Героиня Пустоши? — промурлыкала Хомэйдж. — Сначала, я имею виду.

— Хомэйдж, — неохотно сказала я. — Нам надо поговорить.

— Оу. Звучит серьёзно.

Я кивнула. Улав на корточках, я начала говорить. И начала с правды о СтилХувзе и Шефе Грим Старе, обильно извиняясь за то, что не рассказала об этом раньше. Выражение Хомэйдж было возмущённым, но прощающим.

Наконец, я сказала ей о Красном Глазе и мега-заклинании.

— Нам надо эвакуировать башню, — закончила я. — Быстро и скрытно.

— Мы не можем покинуть Башню Тенпони, — сказала Хомэйдж, помотав головой.

— Я знаю, что вы в окружении. Но, возможно, на Небесном Бандите... или по тоннелям? — предлагала я взволнованно. — Это не может быть невозможно.

Хомэйдж ещё раз покачала головой.

— Нет. Может быть, кое-кто из населения. Но я всё равно останусь здесь. Мы не можем позволить Красному Глазу захватить это место.

— Я знаю, DJ Рон3 важен, но он не так важен, как твоя жизнь. — Конечно же, она это не могла понять. Но я видела Сады Эквестрии. Я знала.

— Тогда ты серьёзно недооцениваешь необходимость голоса правды и надежды в этом разрушенном мире, — сказала мне Хомэйдж. — DJ Рон3 даёт пони по всем Эквестрийским Пустошам предупреждения и советы, которые нужны им, чтобы выжить. Но более того, он даёт им комфорт и надежду, которые внушают им, что выживание того стоит.

Я отвернулась и кивнула, чувствуя стыд. Она была права.

— И хоть я и могла бы сказать, что DJ Рон3 является самым важным из того, что мы должны сохранить и защитить здесь, но он — не единственное сокровище в этой башне.

Я с удивлением посмотрела на неё. Это что-то новое.

Хомэйдж нежно провела копытом по моим волосам, её собственная синяя грива упала её на глаза.

— Литлпип, любовь моя, — сказала она, это слово послало через меня волну трепета, разжигая желания и мечты. — Башня Тенпони была видным центром Министерства Тайных Наук. Это не отель или торговый центр. Тайны здесь есть.

— Тайны? — спросила я, та чертовски любопытная пони в моей голове оживилась при одной только этой мысли. — Какие тайны? — Я могла бы сказать в этот момент, что Хомэйдж обдумывает, следует ли мне рассказать или нет. Но только лишь в это мгновение.

— Литлпип, ты когда-нибудь задумывалась, почему я могу оставаться здесь, помощником ДиДжея Рон3, когда совершенное большинство в Башне его просто презирает? — Я была вынуждена признать, этот вопрос ни разу не забредал ко мне в голову.

— В Башне Тенпони существует тайное сообщество. Они — это те, кто, осмелюсь сказать, действительно во главе. — Она отступила и огляделась. — В этом здании есть места, изолированные от широкой общественности. Места, содержащие Министерские секреты. Все виды магических исследований и разработок.

Она посмотрела на меня, сбрасывая волосы с глаз.

— Ты в курсе, что это раздражающее заклинание щита, что используют аликорны, было разработано здесь?

Я смотрела на потемневшую от возраста бронзовую статую аликорна.

— И ты не видела, сколь сильным это заклинание может быть, если направить в него достаточно мощности, — сказала мне Хомэйдж. — Единственная причина, почему щиты аликорнов могут быть пробиты при определённой огневой мощи, это потому что аликорны не могут включить их на полную мощность.

— На самом деле, — сказала я, вспомнив супер-заряженного аликорна из Филлидельфийского Кратера, летящего через здание с

щитом, раздражая мои стены. — Я думаю, всё-таки видела.

Хомэйдж велела мне рассказать ей об этом. Как только я закончила, она кивнула, будучи явно потрясённой.

— Думаю, ты права, — признала она.

Хомэйдж продолжила.

— Где-то за несколько недель до Конца в одном из центров Министерства Тайных Наук расшифровали какое-то суб-заклинание, которое они решили использовать для улучшения щита. Не сделать его более мощным, но сделать так, чтобы определённые пони могли проходить через экран, как будто того и не было. Они приступили к созданию магических генераторов щита, размещая их внутри помещений или участков зданий, которые они хотели защитить.

Сказав это, Хомэйдж вскочила на край фонтана и ритмично постукала правой передней ногой по статуе аликорна. Я ахнула, когда рог статуи засветился и светящийся ореол магического щита охватил стены.

— М.Т.Н.С.Э.Р. и библиотека Твайлайт являются одной из опекаемых областей Башни Тенпони, — сказала она с улыбкой. — Для населения ниже DJ Pon3 всегда был странным отшельником, живущим в той части башни, куда никто не может добраться, и имевшим дела с внешним миром только через посредников.

Моя челюсть отвисла.

— Включив щит, отключить его можно только изнутри. И только те пони могли пройти внутрь, что были назначенными с помощью суб-заклинания...

— Обходные Заклинания, — сказала я, медленно засовывая отвисшую челюсть обратно. Я выглядела чужаковато из-за Хомэйдж. — Суб-заклинание под названием "Обход". Твайлайт Спаркл переизобрела его по заклинаниям зебр.

Как и СтелсБаки, думаю. Защитные экраны, позволяющие определённым материалам проходить сквозь них.

Проклятье.

Я собиралась убить Богиню для Красного Глаза, в конце концов. Это не только единственный способ защитить Хомэйдж и других пони Башни Тенпони, это и единственный способ держать его подальше от изучения этого места.

Я спросила:

— Мы можем переместить всех пони под защиту этого щита?

— Ненадолго, — ответила Хомэйдж, — и я не думаю что это хорошая идея. Если взорвётся жар-бомба, то она разрушит основание башни и всё, что осталось без защиты. И никакие щиты не спасут нас от падения.

Она с хмурым видом признала:

— Ни один из щитов, предназначенных для защиты всего здания, не работает.

— Я знаю, — сказала я и поведала, как неправильный поворот в подвале привёл меня к комнате, полной генераторов. Я не упомянула о пони из обслуживающего персонала, которая умерла от шрапнели, когда мегазаклинание перегрузило всё и произошёл взрыв.

Меня осенила ещё одна страшная догадка.

— Красный Глаз ищет способ обмануть Обход, — предупредила я Хомэйдж. Если эти щиты использовались для защиты наиболее важных исследований как минимум одного из Министерств... то за чем он мог охотиться? Было ли это "что-то" здесь? — Успехов он в этом деле пока не добился, но его пони работают над этим день и ночь.

Хомэйдж поморщилась.

— Плохо. — Она спрыгнула с фонтана. — Спасибо за предупреждение, Литлпип. — Она приблизилась ко мне. — Проблема в том, что уже есть способ обмануть... Обход, верно?

Я кивнула.

— Обход работает генетически. И не столь точен, как Министерство Тайных Наук думало. Близкие члены семьи или даже их потомки получали Обход. Вот так я и попадаю сюда, даже когда щиты подняты. — Хомэйдж взглянула на аликорна, затем на меня.

— Щиты в Башне Тенпони были установлены, чтобы позволить только Твайлайт Спаркл и ещё трём единорогам высшего ранга Мэйнхэттенского центра М.Т.Н. пройти. Оказывается, я прямой потомок одного из тех высокопоставленных единорогов, — призналась она мне. — Так же, как и те пони, которые действительно управляют Башней Тенпони. Вот почему они хотят, чтобы я была здесь. — И осторожно добавила: — Ну, пока я не шибко их напрягаю.

Ого. Ух ты.

— Должна признать, что я и так уже рассказала тебе слишком много. Я думаю, мы скоро приступим к делу. Незадолго до того как я смогу передать в твои копыта некоторые особые ресурсы этой башни, — улыбнулась Хомэйдж. — А теперь позволь мне провести для тебя "расширенную" экскурсию.

Заклинания щита были только началом. Хомэйдж вела меня через один скрытый коридор и экранированную комнату после него, отключая щит для меня и восстанавливая его, когда пройду.

Мы вошли в большую многоугольную ритуальную комнату яркого белого цвета. Пол покрывали сложные изысканные и тайные мозаичные узоры из белой плитки. А также в комнате была зеркальная труба, смотрящая прямо на тьму облаков выше.

— Что это?

— Это, — Хомэйдж показала вокруг, — камера мегазаклинаний.

Я споткнулась.

— Подожди... Ты можешь колдовать тут мегазаклинания?

Хомэйдж хихикнула.

— И да и нет. Здесь можно колдовать только один вид мегазаклинания. Если у тебя есть достаточно единорогов, которые его знают. По-видимому, каждая камера мегазаклинаний спроектирована под один единственный тип заклинания.

Я кивнула, у меня во рту внезапно пересохло.

— Сколько... камер мегазаклинаний... есть в Башне Тенпони?

— Только одна, — грустно созналась Хомэйдж. — И она бесполезна.

— Бесполезна?

Хомэйдж прошла в один из тридцати двух углов камеры и левитировала к себе магнитофон.

— Я нашла его в одной из звукозаписывающих студий. Судя по всему, редактированию запись не подвергалась.

Хомэйдж включила запись, и заиграла умиротворяющая музыка, наигрываемая на арфе, издающей глубокий звук. Я прикрыла глаза и сама не заметила, как начала покачиваться в такт музыке. Она была загадочной, в отличие от всей той музыки, что я слышала до этого.

— Раз в год в время ночного вещания, я пытаюсь протолкнуть в эфир эту музыку. Я её обожаю, да вот только она совершенно не в стиле ДиДжея Рон3.

Я кивнула, с нетерпением ожидая момента, когда Хомэйдж наконец заткнётся, чтобы понаслаждаться музыкой. Она говорила со мной, затрагивала печали прошлой недели, но не вызывая при этом боли.

Музыка закончилась, дрожащие волны звука неспешно уносились прочь.

Я услышала голос из записи, как если кто-то говорил через студию звукозаписи.

"Это было красиво, Лира. Теперь давай попробуем..."

Но спор в фоновом режиме, начавшийся еле слышно, быстро приближался. Из камеры звукозаписи раздался голос, который, я думаю, принадлежал Лире:

"Что происходит?"

"Эм... Вы это от меня не слышали, но Твайлайт Спаркл уже три дня как лишилась сна, стараясь подготовиться к инспекции Принцессы, и уже весь день на пике злобы. Я предполагаю, лучше ей не попадаться. Но не беспокойтесь, не думаю, что она зайдёт сюда."

Спорящие голоса вне студии звукозаписи стали достаточно громки и близки, чтобы можно было разобрать слова.

"...Ну просто замечательно, Твайлайт. Сейчас она рыдает в туалете."

"Ну, мне очень жаль. Но эти результаты просто недопустимы. Я не могу пойти к Принцессе и просто сказать ей, что мы поместили её имя на мегазакливание. Это... Это неприемлемо!"

Пони в студии звукозаписи не издавали не звука. Спор был прямо за дверью. Твайлайт Спаркл и мужской голос, звучащий смутно знакомо.

"Есть лучший способ, чем взять пони и сказать им: 'Смотрите, тысячи пони мертвы, потому что ты облажалась со своим мегазакливанием. Объясни им это.' И как это, чёрт подери, может помочь?"

"Разве ты не понимаешь, Спайк? У зебр есть ракеты с боеголовками-мегазакливаниями. Сотни! Если они их запустят, то эти ракеты достигнут Эквестрию с родины зебр за считанные минуты. И этот Селестия Один или Селестия Прайм, или как там его назвали, не может быть применён, если не солнечно. Я не могу сказать принцессе, что единственное средство, что мы имеем против этих ракет, в облачный день просто не работает. А что делать, если зебры решат напасть на нас ночью?"

"..."

"Знаешь что? Забудь об этом, Твайлайт. Я собираюсь вздремнуть. И, честно говоря, тебе не мешало бы тоже сделать это."

"Ты всегда хочешь вздремнуть. Но работу ещё нужно сделать."

"Какая разница. Разбуди меня, когда Твайлайт, которую я знаю и люблю, решит тебя навестить. А до тех пор я даже говорить с тобой не хочу."

"Гррр. Здорово."

— Здесь, — сказала Хомэйдж, махнув копытом в направлении полуразрушенного сельскохозяйственного отсека, — Мы обнаружили, что Министерство Тайных Наук усовершенствовало заклинания, очищающие воду, радиацию, даже удаляющие Порчу.

Я была поражена. Если бы только тот обезумевший доктор-гуль знал... То, ради чего он столько убил...

— К сожалению, — сообщила мне Хомэйдж, — заклинания работают только на очень небольших масштабах. С большим усилием мы могли бы очистить одно дерево, плоды которого стали бы спелыми и сочными, идеально подходящими для употребления... Но мы никак не смогли бы предотвратить просачивание яда обратно из почвы. Нужна целая армия единорогов, чтобы очистить достаточно земли для выращивания сада без беспокойства о том, что земля станет плохой до сбора урожая. Но эти заклинания вполне подходят для прекрасных растений в горшочках.

— Но если бы ты могла сотворить эти заклинания везде, все сразу. Очистить всё... — Я поняла, что я видела. Это были компоненты Садов Эквестрии.

— Я бы сказала, что ты просто бредишь. Но я говорю с моей Литлпип. Я знаю лучше.

Настало время сказать ей.

Когда я закончила, Хомэйдж осела на пол.

— Я? — Она посмотрела на меня, как бы умоляя меня отказаться от истины. — Спасение... всей Эквестрии... на мне?

Я кивнула.

— Ты. Дитзи Ду. Ещё четыре пони. Мы пока не знаем, кто они.

— Это заклинание... оно может всё исправить?

— Большую часть, — я снова кивнула. — Но есть вещи, которые необходимо сделать в первую очередь. Не я Спасительница Пустошей, Хомэйдж. Это ты. Ты и остальные пятеро. — Я подарила ей сладостно-горькую улыбку. — Я лишь расчищаю путь.

Хомэйдж долго на меня таращилась. Потом встала.

— Мне нужно выпить...

Да идут в жопу моя мать с моей уязвимостью к зависимостям! Мы вернулись в библиотеку, и Хомэйдж утопила себя в яблочном виски. И я с ней напару, рядом, пьяная, чтобы... ну, чтобы делать что бы то ни было, что делают пони, когда они пьяны.

— ...И тут, — невнятно продолжила рассказ Хомэйдж, после того как отвлеклась на другую историю, соскочив с основного рассказа о ещё четырёх историях, — Джоукблу говорит: "Пфф, большое дело. У тебя есть какая-то будка, которая внутри больше, чем снаружи. Ну, мистер Ктопыто, у меня есть четыре маленькие седельные сумки, и я могу поместить в них тридцать винтовок и больше боеприпасов, чем ты можешь уместить в охапке. Чёрт возьми, ты бы видел, сколько граблей я могу втиснуть в мою домашнюю коробку инструментов!" — Хомэйдж стукнула по столу бутылкой, подчеркнув сказанное.

Я прервала её, махнув копытами и стараясь представить себе эту картину. Я была пьяна и, возможно, пропустила что-то, ну ведь невозможно же уместить грабли в коробку инструментов. В конце концов я сдалась, решив, что это всё-таки была шутка.

— Джоукблу — смешное имя. Как она его получила?

Хомэйдж стала более мрачной, но не более трезвой.

— Врождённый дефект. На её мать напала "убийственная шутка" во время беременности. Большая удача, что хотя бы одна из них выжила.

— Ау, — сказала я, не совсем понимая сказанное, но всё равно потянулась утешительно поглядывая её копытом. Мне показалось, что так и надо было сделать, хоть я и уронила при этом несколько бутылок яблочного виски, большинство из которых были пустыми.

Воспоминание поразило меня, и я снова начала плакать.

— Лит... пип? Что такое?

С содрогающимся дыханием я рассказала ей:

— Я застрелила одну из Стальных Рейнджеров. В затылок. Я думаю, ту, что убила моего старшего наставника, но... я не уверена.

— Ну, звучит как эта сука заслужила этого. Все Стальные Рейнджеры заслужили.

— Да, я знаю... но я просто подкралась и застрелила её. И продолжала стрелять. Даже после того как она уже была мертва. Пока в барабанах Малого Макинтоша не закончились патроны, я стреляла в её труп. — Моя грудь вздымалась с содроганием. — Я... мне не нравится та пони, которой я становлюсь. Я думаю, я теряю себя. Монтерей Джек был прав. Я убегаю от того, что должна бы в себе сохранить.

Хомэйдж была рядом со мной. Я не помню, как она покинула свой стул. Уже второй раз за эту ночь она держала меня, когда я начинала плакать.

Она мягко повлекла меня к постели.

— Давай, Литлпип. Тебе надо отдохнуть.

* * *

Если моё пребывание в Башне Тенпони и волновало Красного Глаза, то виду об этом он не подавал. Похоже, ему было плевать и на потерю аликорна с грифоном. Я знала, что это должно меня беспокоить. Но я всё это игнорировала, я расслаблялась, даже в спа с Хомэйдж сходилась. Дважды.

Я не хотела думать о себе как о эгоистичной пони, но идёт нахуй Красный Глаз, я нуждалась в этом. И разве я не заслужила хоть немножко этого? Может быть и нет, учитывая мои ошибки — повреждённый шар памяти, действительно тупые планы битв, путешествие за Стену в одиночку. Но если я и не заслужила, мои товарищи уж точно заслужили это.

Я надеялась, что Хомэйдж и Ксенит поладят. Но в то время, как Хомэйдж, казалось, нравилась зебра, Ксенит её явно сторонилась. Что сделало сессию выпечки маффинов на кухне весьма неловкой, из-за чего я даже удалилась в библиотеку, чтобы почитать, сидя за столиком.

Я только что закончила сравнительное чтение полного варианта библиотечной версии Применения Самоцветов с моей собственной и глядела на картину Прекрасной Долины, когда Ксенит забежала в библиотеку.

— Ну, повезло ли отыскать свою дочь? — спросила я, как бы между прочим, напоминая какую исключительную и уникальную аппаратуру в распоряжение зебры предоставила Хомэйдж.

— И да и нет, — ответила Ксенит. — Я видела признаки её племени. Они жили в предгорьях под руинами Кантерлота. На безопасном расстоянии от Облака, — быстро уточнила она. — Но я не видела следов моей дочери. Тем не менее, я благодарю тебя за это...

— Тебе стоит поблагодарить Хомэйдж.

— Уже.

— Тогда почему ты так... холодна с ней?

Зебра пристально смотрела на меня, словно оценивая. Наконец она спросила:

— Разве ты не видела, какое оружие было у неё? Твоя любовница была отмечена Звёздами. Она проклята. Ничего хорошего в ней не может быть.

Ксенит пошла прочь.

Ну ёпт... Кажется, теперь уже было совсем бесполезно в чём-то убеждать зебру, после такого бреда. Наверно, мне повезло, что я тогда случайно не вляпалась в кровь Звёздного Отродья, а то бы Ксенит и меня тоже считала бы проклятой.

— Да не бывает никаких проклятий! — крикнула я ей вслед с досадой.

С глубоким вздохом я закопала голову в книжный завал.

Несколькими минутами позже вошла Хомэйдж с маффином из слоёного теста, балансирующем на носу.

— Итак, — прошептала она хрипло, обняв меня передней ногой. Я покраснела, чувствуя приятные неконтролируемые волны трепета через своё тело, как будто я падала на кровать из бабочек. — Где я там остановилась? — Это трепетание сходилась внизу, превращаясь в тёплую и радостную труднопереносимость. — Двадцать... три, не так ли?

О, Богини! Она действительно считала!

* * *

Небесный Бандит рассекал воздух на пути к Прекрасной Долине. Небо было чуть подёрнуто дымом и казалось шершавым. Долина, раскинувшаяся внизу, была полностью безжизненной пустошью, усеянной камнями.

Разбросанные тут и там небольшие дыры в земле были единственным напоминанием, что пещеры под нами были жилищем десятков, а то и сотен самых опасных чудовищ в Эквестрии. Адских гончих.

Я левитировала бинокль и уставилась в горизонт. Воронка диаметром в несколько миль указывала место, где взорвалась Жарбомба. От удара она вошла в землю и сдетонировала глубоко внизу. Всё, что когда-то стояло на поверхности, теперь провалилось в заполненные отравой подземные тоннели.

За прошедшие двести лет края воронки выветрились и осыпались, образуя широкий кратер. Даже днём от него исходило едва заметное свечение. А стенки кратера были испещрены сотнями нор...

У самой кромки кратера были видны обрушившиеся стены комплекса Марипони. Будучи ранее горнодобывающим комплексом для разработки месторождений драгоценных камней, здание больше всего походило на тюрьму "Разбитое Копыто", нежели на здания Министерств, которые я видела до этого. Оно могло бы сойти за крепость — разумеется, разорённую. Взрыв и последующее осыпание воронки оторвали часть фундамента и разрушили стены. Почти треть всего сооружения провалилась в кратер. А то, что осталось, сильно потрепал сейсмический удар.

— Ехтен хрен! Если Богиня пережила это, то, полагаю, пару сотен лет жизни она себе заработала.

— Какой у тебя план, малышка? — спросила Ксенит.

— План? — усмехнулась Вельвет. — Я думаю, Литлпип планирует просто прийти туда и пристрелить её.

Последние пару дней мои друзья, как и я, восстанавливали силы. Несмотря на очевидную безнадежность нашей миссии, все хорошо отдохнули и вернулись в форму. Если я провалила бы все и сдохла, то была бы счастлива этому. С этими пони.

Нет, стойте-ка. Зебры — это не пони. С этим народом.

— Ну что, всё прошло в ажуре! Я загнал им все собранные пушки и купил нам кучу патронов. Даже заколдованных раздобыл для

Малого Макинтоша. Не знаю тольк, прокатит ли это колдунство против Богини, но бум надеяться!

Я проверила ПипБак и включила Локатор Ушки-на-Макушке. Сверила часы.

— Дитзи Ду уже, наверно, получила свои маффины, — улыбнулась я Ксенит. — Спасибо, что помогла мне с ними. Уверена, они ей понравятся.

Меня внезапно поразило осознание того, что к тому моменту, как мы с Ксенит пересекли ров и вышли за Стену, я провела на Эквестрийской Пустоши всего-то чуть больше пяти недель. Теперь уже почти шесть. За шесть недель — от ученика ПипБак техника до будущей убийцы Богинь.

— Моя жизнь просто нереальна.

Вельвет Ремеди наклонилась к моему уху:

— Ну, сколько у вас получилось на этот раз?

Я густо покраснела и уткнулась лицом в колени.

— Смотреть в оба! — окрикнул нас Каламити. — У нас гости на восемь часов!

Я резко обернулась и снова достала бинокль. Пять светящихся шаров — щиты аликорнов — направлялись от Марипони навстречу нам.

— Вот блин, надо было мне сразу надеть эту чёртову Анклавову форму, — выругался Каламити. — Лиг'пип, собирай Гром Спитфайр. Ща мы им устроим!

Я телекинезом вытянула магически усовершенствованную анти-мех винтовку Каламити из чехла и начала собирать её.

Четыре тёмно-синих аликорна внезапно появились из ниоткуда, окружив нас.

— Звёзды прокляли меня на тысячекратное изнасилование рогом Найтмэр Мун... — прошептала Ксенит рядом со мной, шокировав меня почти так же, как появление аликорнов.

— Ты была рядом с Литлпип слишком долго, — намекнула ей Вельвет, левитируя свой дробовик. Аликорны уже подняли свои щиты.

{{ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ДОМ БОГИНИ!}}

Голос гремел в моей голове, отдаваясь эхом.

— О... — простонала Вельвет, пошатнувшись. — Это нехорошо.

{{ОТЛОЖИТЕ ВАШЕ УБОГОЕ ОРУЖИЕ И ВХОДИТЕ! ВЫ — МОИ ГОСТИ! ИБО Я, БОГИНЯ, НЕ ВИЖУ В ВАС НИ МАЛЕЙШЕЙ УГРОЗЫ!}}

О, нет. Нет-нет-нет-нет-нет!...

— Ежели она нас не боится, нафига тогда весь этот цирк? Да блин, послала бы нам посылку, и всего делов-то.

Ксенит посмотрела на нас.

— О чём вы говорите?

Но я знала. О Богини... настоящие... я знала.

Я с трудом выдавила:

— Потому что она хочет, чтоб мы что-то для неё сделали.

* * *

Нас сопровождали до самых стен разрушенного здания. Едва приземлившись, мы увидели больше трёх десятков аликорнов, стоящих среди руин. Словно единое целое, они все одновременно повернули головы и посмотрели на нас.

Это было самое жуткое и неестественное зрелище из всех, что я когда-либо видела.

Четыре тёмно-синих, словно ночь, аликорна провели нас через двери. Они уже убрали свои щиты. Честно говоря, они им были и не нужны. Сейчас у них было тотальное превосходство над нами.

К моему удивлению, аликорны привели нас в место, похожее на пост охраны внутри здания. Комната казалась почти неповреждённой, время сохранило её. Остальные помещения и коридоры, которые мы видели по пути, были расколоты подземным взрывом и осыпались, истерзанные временем и непогодой. Но эта маленькая комната была почти... нетронута.

Богини там не было. Там вообще ничего не было, кроме пары кресел, тумбы с четырьмя запыленными мониторами, шкафчика-картотеки и нескольких древних кофейных чашек. Пространство над мониторами было застеклено, но уже в нескольких дюймах от стекла взгляд упирался в металлическую стену. Напротив длинного окна была ниша с дверью, а стену вокруг неё покрывали странные прорези.

— Сдаётся мне, это наша камера, — сказал Каламити. Что ж, если это действительно так, будет скучновато... Или очень страшно, если кто-то из аликорнов останется с нами здесь.

{{МЫ ПОГОВОРИМ! НО СНАЧАЛА БОГИНЯ ХОЧЕТ, ЧТОБЫ ВЫ УВИДЕЛИ! ПОНЯЛИ! И ВОСХИТИЛИСЬ!}}

Голос Богини не был отголоском или эхом. Насколько я поняла, это была пре-верберация, словно мы слышали десятки меньших, слабых голосов внутри её голоса, пытающихся говорить одновременно, и не слишком успешно. Богиня говорила хором.

— Поняли что? — спросила Вельвет Ремеди. Ксенит посмотрела на неё, сконфузившись.

{{БОГИНЮ!}}

Мониторы охраны ожили и засветились под слоем пыли. Один из них показывал разномастных пони в лабораторных халатах, снующих по похожей на нашу, но гораздо более просторной комнате, набитой мониторами, вычислительными блоками суперкомпьютеров и вспышками мигающих лампочек.

"Всем приготовиться!" — сказала зеленовато-жёлтая пони с кьютимаркой в виде колбы с пузырящейся зеленой жидкостью, смотря на нас сквозь экран.

— Это образы далёкого прошлого, — тихо сказала Ксенит.

Второй монитор показывал просторный цех с шестью огромными сообщающимися резервуарами, наполненными густым светящимся варевом. Оно сверкало сиреневыми и зелеными бликами под стеклянными крышками, заставляя всё в помещении отбрасывать разноцветные тени. Техномагические приборы и оборудование висели под потолком. Узкие мостки окружали резервуары и соединяли их с центральной площадкой уровнем выше, на конце которой располагалось что-то вроде панели управления.

— Снова эти мостки-над-цепами в духе военного времени, — проворчала я.

— Неужели это?.. — хотела было спросить Вельвет, когда на третьем мониторе появилась одинокая пони. Пожилая пони сиреневого окраса с серыми полосами в её фиолетовой гриве. Комната позади неё была размером примерно с нашу и оборудована такими же мониторами. Но в нашей комнате за окном была только металлическая стена, а её окно выходило на тот самый цех, что был виден на втором мониторе.

— Твайлайт Спаркл, — кивнула я.

— Эээ, ваше божественное святейшество, — обратился Каламити в пустоту, тыкая в последний экран. — Надеюсь, вы в курсе, что

вот этот у вас сломался? — Экран монитора треснул и показывал только радужные пятна.

{{СЛОМАЛСЯ? ЧТО? КОНЕЧНО, ЗНАЮ! БОГИНЯ ЗНАЕТ ВСЁ!}}

Маленькие голоса в наших головах эхом повторяли последние два слова ещё несколько секунд после того, как Богиня закончила "говорить".

— Чудесно, — презрительно бросила Вельвет Ремеди.

"Готовы начать испытание на пони," — немного нервно сказала Твайлайт Спаркл. — "Запускайте её внутрь".

"Запускаем Подопытного номер один," — объявила пони на первом мониторе.

"Не называйте её так!" — предупредила Твайлайт. Она поскакала к окну, левитируя рядом с собой чашку, очевидно с чаем, отхлебнув из неё на ходу. Отставив чашку в сторону, Твайлайт наклонила мордочку к микрофону. На втором мониторе симпатичная синяя единорожка с гривой, которую седина перекрасила в роскошный серебристый цвет, медленно шла по подвешенным мосткам.

Она обернулась и взглянула вверх, на окно. "Твайлайт Спаркл, я хотела ещё раз поблагодарить тебя за то, что ты дала мне такую возможность. Это так много значит для меня."

"Не стоит благодарностей, Трикси," — мягко ответила Твайлайт Спаркл. Имя сразу показалось мне знакомым, и через мгновение я вспомнила её. Трикси: кобыла из коттеджа на окраине Фетлока. Она поехала в Мэйнхэттен, чтобы встретиться с Твайлайт Спаркл, и уже никогда не возвращалась.

Фиолетовая пони нажала копытцем кнопку, и из консоли в конце мостков поднялась изысканно украшенная золотая чаша. Сиреневая и зеленая жидкости поднялись по прозрачным трубкам из резервуаров к механизму над платформой. Затем тонкой струйкой они полились в чашу.

Трикси прошла по платформе и принялась к чаше.

"Это розы?"

Твайлайт мягко усмехнулась.

"Да. Я добавила аромат. Надеюсь, на вкус это тоже будет как розы."

"Правда?" — Трикси восхищённо посмотрела на Твайлайт Спаркл.

Ушки Твайлайт опустились.

"К сожалению, скорее всего нет." — Она замялась. — "Трикси, ты ведь знаешь, что тебя никто не заставляет это делать."

"О, я хочу," — настаивала голубая единорожка. — "Я хочу помочь. И... это сделает меня более могучей? Как Луна и Селестия?"

"Ну, не столь сильной. Но сильнее, да."

"Такой, как ты?"

Твайлайт Спаркл выглядела немного неловко.

"Мы надеемся, что сильнее."

"И... это безопасно, так ведь?"

"Абсолютно," — заверила Твайлайт Спаркл синюю единорожку внизу. — "Все испытания дали потрясающие результаты. Единственное — отклонения в результатах могут зависеть от... Ну, от дозировки. И поэтому нам нужно проверить это на пони-добровольцах, вроде тебя. Если нам повезет сделать всё правильно с первого раза, то ты будешь первым аликорном с тех пор, как родилась принцесса Луна."

Единорожка на краю площадки кивнула. Неразборчиво сказала что-то себе под нос, наподобие "великая и могучая пахнет розами", и снова взглянула вверх широко открытыми глазами.

"Ты точно уверена? Может быть, мне стоит начать с порции побольше?"

Твайлайт Спаркл с трудом сдержала усмешку "Нет. Я..."

Картинка на всех мониторах изменилась в мгновение ока.

Разбитый монитор передал страшный рёв, и радужные пятна на нём превратились в ослепительный свет.

На трёх остальных мир содрогнулся.

На первом потолок обрушился вниз огромными глыбами, погребая под собой пони внизу. Одна из глыб обрушилась прямо перед дверью, загородив её. Мэйнфреймы рассыпались в облаке искр.

На втором мониторе вздрогнуло всё помещение цеха. Я услышала, как с громким звоном лопнули стальные тросы, удерживающие платформу под потолком. Мостки развалились на части и упали вниз. Два резервуара прорвало, когда на них обвалилась добрая треть всего потолка, и их светящееся содержимое разлилось по полу завода. Я видела, как автоматические системы разрезали и запечатывали соединительные трубы оставшихся резервуаров. Трикси в ужасе закричала, когда половина тросов, поддерживающих её платформу, оторвалась, подвешивая её вертикально.

Сирены оповещения ревели с третьего монитора: "Обнаружен источник радиации!" "Зафиксирована сейсмическая активность!" "Угроза токсичного загрязнения!" "Запечатываю спасательные блоки!"

"Нет!" — крикнула Твайлайт Спаркл, когда гигантская бронированная плита перекрыла дверь в её комнату. Она обернулась, и тяжёлые стальные ставни захлопнулись перед окном.

"ТРИКСИ!"

На втором мониторе платформа с Трикси наклонилась под острым углом. Единорожка скользила вниз по наклонной плоскости, пытаясь за что-нибудь зацепиться, когда нижний край оставшихся мостков ударил по стеклянной крыше резервуара, разбивая её вдребезги. Трикси рухнула туда следом.

Все четыре монитора сверкнули и отключились.

Потрясённые, мы стояли в комнате охраны, переводя взгляд с мониторов друг на друга.

Монитор три опять включился.

"Дорогие пони, кто бы вы ни были. Говорит Кобыла Министерства Магии, Твайлайт Спаркл," — произнёс слабый голос Твайлайт. — "Прошло уже два дня, после того как мегазаклинание взорвалось над Марипони. Судя по тому, что никто не приходит на помощь, я догадываюсь, что это был не единственный удар."

"Я оставляю эту запись на случай, если кто-нибудь всё-таки придёт. Я попала в ловушку в комнате безопасности номер три, на этаже резервуаров Марипони." — Пожилая фиолетовая пони обращалась к камере. — "Защитные системы, позволяющие мне открыть её, не работают, и к моему сожалению, я сама спроектировала эти комнаты так, чтобы они могли выдержать близкий удар мегазаклинания, поэтому моя собственная магия вряд ли может здесь чем-то помочь."

Мы все все смотрели, понимая, что видим прозрачно, как письмо Твайлайт Спаркл. Картинка перед моими глазами начала расплываться. Я изо всех сил пыталась не заплакать. Эта неделя и так уже принесла слишком много слёз. Но сейчас они всё равно катились по моим щекам.

"У меня закончилась еда, и водный талисман в комнате безопасности, по-видимому, повреждён." — Она кисло улыбнулась и продолжила. — *"Во всяком случае, я точно уверена, что чистая вода не должна быть такого цвета. Вдобавок у меня, похоже, начинаются галлюцинации. Мне кажется, что я слышу крики пони, оставшихся внизу, словно с ними творится что-то ужасное. Но я знаю, что это невозможно. Эти стены звуконепроницаемы."*

"Я всё ещё слышу голос Трикси, она кричит у меня в голове. Временами становится совсем тяжело..."

Фиолетовая пони махнула копытом.

"Неважно. Важно то, что мы пытались. Мы пытались, и мы уже были так близки к разгадке... Ещё неделя, может быть даже пара дней, и наш труд, сделанный здесь, не только смог бы изменить войну, но, я уверена, помог бы нам добиться мирного разрешения конфликта."

Теперь важно то, что у нас всё ещё есть последний шанс. Найдите Спайка. Он мой самый верный помощник... Мой первый помощник. ...Найдите его..."

Казалось, Твайлайт Спаркл заснула. Монитор снова погас.

— Спайка? — спросила Ксенит.

Экран вновь ожил. Осунувшееся лицо Твайлайт прижалось к камере. Она выглядела истощённой и безумной.

"Здесь что-то происходит. Я... Я не знаю, что именно. Но оно плохое. Если вы всё ещё в Марипони — бегите. Выбирайтесь отсюда, пока не поздно и сбросьте сюда ещё одну ракету..."

Внезапно из динамика под вторым монитором раздался громкий металлический лязг. На третьем экране было видно, как поднялись тяжёлые ставни на окне и отъехала от двери металлическая плита.

Теперь включился и второй монитор. В цеху с резервуарами царил хаос. Толстый слой смешавшихся жидкостей покрывал пол. И в нём что-то плыло. Нет, не плыло... Тело красного единорога волочилось за телекинетическим отростком, тянущим его через разлитую жидкость. На наших глазах отросток выхватил тело из лужи и поднял к краю резервуара. Мгновение спустя тело исчезло, провалившись внутрь.

Струйки крови взметнулись над несколькими резервуарами.

На третьем мониторе Твайлайт Спаркл ползла к двери. Ослабевшая от голода и обезвоживания, она не могла подняться на ноги. Поэтому она не видела, что творилось за окном.

Комнату озарило светом. Синим светом, принявшим форму Трикси. Сияющий синий единорог стоял перед Твайлайт Спаркл. Отсюда мы могли ясно видеть её лицо, когда она разговаривала с фиолетовой кобылой-единорогом, когда-то олицетворявшей Элемент Магии. Призрачный образ Трикси говорил, но слов мы не слышали.

"Прости, Трикси," — всхлипнула Твайлайт Спаркл.

Когда рот призрачной Трикси снова задвигался, Ксенит протиснулась вперёд и наклонилась ближе к экрану. Наша зебра начала читать по губам.

— ...не за что извиняться. В конце концов, твой эксперимент сработал. Всё прошло гораздо чудеснее, чем я могла даже мечтать. Не расстраивайся. Будь счастлива. Теперь мы будем жить вечно. Ты. Во мне.

Меня охватил холодный парализующий страх. Боже, хоть бы Ксенит ошиблась...

"Что?" — испуганно спросила Твайлайт.

— Извини, но мне потребовалось время, чтобы набраться сил и спасти тебя, Твайлайт Спаркл.

Вельвет Ремеди ахнула, когда прозрачные синие телекинетические щупальца скользнули через комнату и обвилились вокруг копыт Твайлайт.

"Нет!" — Твайлайт Спаркл сопротивлялась изо всех сил, которые, казалось, давно должны были её покинуть.

— Пришло время спасти тебя, Твайлайт Спаркл, — Ксенит продолжала озвучивать образ Трикси. — Теперь мы станем очень близки, ты и я.

— О, Богини, — застонала Вельвет и уткнулась в гриву Каламити, когда щупальца медленно потащили брыкающуюся и кричащую Твайлайт Спаркл к одному из резервуаров.

Меня била дрожь. Я хотела, отчаянно хотела отвернуться. Но не могла.

Твайлайт Спаркл испустила последний крик, перед тем как исчезнуть, затакнутой в дальний резервуар. Одно слово — наверное, чьё-то имя, но я не смогла разобрать его.

Оба монитора погасли. Теперь уже навсегда.

О, Богини! О, Богини! О, Богини!..

Меня сковало ужасом, Вельвет Ремеди плакала, а Каламити выглядел мрачнее грозовой тучи.

Комнату шатнуло, воздух наполнился звуком скрежещущего металла, когда ставни нашего собственного окна поднялись.

Мы пристально вгляделись в резервуары. Это была не просто похожая комната, это была та сама комната.

Столетия не пощадили это помещение. Треть его обрушилась, прибрав с собой пару резервуаров, бассейн на полу превратился в яму с илом, покрытым плавучим мусором и каким-то отвратительного вида налётом пыли.

Вихрь ярких лучей вырвался из двух нетронутых резервуаров. Он закрутился в воздухе, взрываясь, как фейерверки. Внутри моей головы зазвучало эхо фанфар, однако то было не одно из моих воспоминаний.

{{ВЕЛИКАЯ И МОГУЧАЯ БОГИНЯ ПРИВЕТСТВУЕТ ВАС!}}

— Ладно, и как же нам, чёрт побери, убить это?

— Каламити! — шикнула я.

Ещё больше лучей света поднялось из резервуаров. Они мерцали, сливаясь воедино, пока не превратились в гигантское лицо Трикси, нависшее над нами. Но это был не простой образ лица, потому что на нём то и дело, будто прыщи, появлялись лица других, а затем также неожиданно исчезали.

{{НЕ БОЙТЕСЬ! ИБО Я, БОГИНЯ, ЗНАЮ, ЗАЧЕМ ВЫ ПРИШЛИ! ТОТ ПРЕДАТЕЛЬ, КРАСНЫЙ ГЛАЗ, ЖАЖДЕТ МОЕЙ СМЕРТИ! НО БОГИНЯ НЕ ОБЕСПОКОЕНА ЭТИМ, ИБО БОГИНЯ ВЕЛИКА И МОГУЩЕСТВЕННА, А КРАСНЫЙ ГЛАЗ — НЕТ!..}}

Каким-то образом, несмотря на леденящий душу ужас того, что я видела сейчас, и того, что случилось здесь раньше, маленькая пони

в моей голове была копытом, требуя внимания. Ей не нравилось, куда клонила Богиня.

— Не бойтесь, — начала Ксенит, — Ибо я, богиня, знаю...

— Можешь уже не говорить, — шепнула ей Вельвет Ремеди.

{{...ПОКА НЕТ.}}

Я пискнула, но затем поборолась себя и сказала:

— Красный Глаз видел записи, так ведь?

{{НЕ ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЯ, ЧТО ОН ВИДЕЛ ИХ.}}

Видимо, это значит "да".

{{ВАЖНО ЛИШЬ ТО, ЧТО ОН МЕНЯ ОСЛУШАЛСЯ И ПОСМЕЛ УСТРОИТЬ ЗАГОВОР ПРОТИВ МЕНЯ! ВАЖНО ТО, ЧТО ОН СМЕЛ ОТНИМАТЬ У МЕНЯ! КРАСНЫЙ ГЛАЗ УЖЕ БОЛЬШЕ ГОДА НЕ ПРИСЫЛАЛ МНЕ НИ ОДНОГО ЕДИНОРОГА, И БОГИНЯ УВЕРЕНА, СКОРО ОН ВООБЩЕ ВСТАНЕТ НА ПУТИ МОЕГО ЕДИНСТВА!}}

— Эм... Дайте угадаю, — сказала я, решив ускорить разговор. — Вы хотите, чтобы мы кончили Красного Глаза.

Чёрт побери, лишь бы это было не так, потому что большего идиотизма придумать было нельзя. Всех фэйсхувов в мире не хватит, чтобы описать эту ситуацию.

Призрачные фейерверки поменяли форму, образуя алое кольцо пламени, которое вращалось позади силуэта Богини, символизируя её недовольство.

— Мда, — шепнула Вельвет Ремеди, обернувшись. — Даже для настоящей Богини это перебор. — Она заржала: — Действительно, если она у нас таинственная-и-ужасная-"Богиня"-тайных-магических-наук, почему бы ей не быть заодно и богиней-идиотских-карнавальных-шоу?

{{ВЗДОР! БОГИНЯ МОЖЕТ УБИТЬ ЕГО В ЛЮБОЙ МОМЕНТ, КОГДА ПОЖЕЛАЮ! ОДНАКО...}}

Ну начинается.

{{ВОЗМОЖНО, ОН ОБНАРУЖИЛ ЧТО-ТО, ЧТО МОЖЕТ СТАТЬ УГРОЗОЙ ПРЕКРАСНОМУ НОВОМУ МИРУ, КОТОРЫЙ МЫ ВОЗВОДИМ! И ПЕРЕД ТЕМ КАК УНИЧТОЖИТЬ КРАСНОГО ГЛАЗА, НАМ... МНЕ... ПРОСТО НЕОБХОДИМО УЗНАТЬ, ЧТО ЭТО!}}

Ну, ладно, в этом вроде будет побольше смысла.

— Сказала богиня, которая двадцать минут назад утверждала, что "знает всё", — пробормотала Вельвет.

Каламити ткнул её крылом.

— Это, можт, хватит уже злить чудовище-телепата с большим воображением?

— Так почему же мы?

{{ПОТОМУ ЧТО СЕКРЕТ, КОТОРЫЙ ИЩЕТ КРАСНЫЙ ГЛАЗ, СЕКРЕТ, СКРЫТЫЙ ДАЖЕ ОТ ВЕЛИКОЙ И МОГУЧЕЙ БОГИНИ, ЗАКРЫТ НА СКЛАДЕ НА МИНИСТЕРСКОЙ АЛЛЕЕ КАНТЕРЛОТА!..}}

О! Так вот в какое место хочет проникнуть Красный Глаз. Я вспомнила разговор с Наблюдателем:

Да, одна из героинь Эквестрии решила, что её Министерство будет Министерством Крутости. Они даже построили Штаб-квартиру Министерства на Министерской Аллее. Спустя пару лет Луна приказала им паковать вещички, и штаб-квартиру Министерства Крутости отдали под склады.

{{...С СИСТЕМОЙ УПРАВЛЕНИЯ, С КОТОРОЙ СПРАВИТСЯ ТОЛЬКО ПЕГАС...}}

Хитро. То есть, Богине-то я и не нужна, ей нужен Каламити. Интересно, а как Красный Глаз собирался с этим справиться?

{{...ЗА ЩИТОМ, ПРОЙТИ СКВОЗЬ КОТОРЫЙ МОЖЕТ ЛИШЬ ГЛАВА МИНИСТЕРСТВА!}}

И это будет Обход, что пытался использовать Красный Глаз. Но почему...

Ну, конечно же! Родственники! Богине и Вельвет Ремеди была нужна тоже. Опять же, я лишь расчищаю путь.

{{КРОМЕ ТОГО, ЕСТЬ ОДНА ВЕЩЬ, ЧТО МЕШАЕТ ЕДИНСТВУ. ЭТО... ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ИЗЪЯН, ЧТО ДОЛЖЕН БЫТЬ ИСПРАВЛЕН ДО ТОГО, КАК ЕДИНСТВО БУДЕТ ПРИНЕСЕНО ВСЕМ ПОНИ НА ЭТОЙ ПРОКЛЯТОЙ ЗЕМЛЕ!}}

— Знаете, шя, когда я усёк, чё это за Единение такое, я этому только рад.

{{ПОТОМУ ЧТО ВЫ — ВСЕГО ЛИШЬ ПОНИ! ВАШ РОД НЕ МОЖЕТ БОЛЬШЕ ПРОЦВЕТАТЬ В ЭТОМ МИРЕ! ВЫ НЕ ЖИВЁТЕ, А ВЫЖИВАЕТЕ! И ЭТО-ТО У ВАС ЕДВА ПОЛУЧАЕТСЯ! НО МОИ ДЕТИ МОГУТ БЛАГОДЕНСТВОВАТЬ НА ЭТОЙ ЗЕМЛЕ! МОИ ДЕТИ МОГУЩЕСТВЕННЕЕ! ОНИ ГОТОВЫ ВСТРЕТИТСЯ ЛИЦОМ К ЛИЦУ С ОПАСНОСТЯМИ ЭТОГО МИРА! ТО, ЧТО УБИВАЕТ ВАС, ДЕЛАЕТ МОИХ ДЕТЕЙ СИЛЬНЕЕ!}}

— Твои дети даже размножаться не могут, — отметила я. — Все аликорны, которых я видела, без исключения были самками. У тебя нет жеребцов. Я согласна, это очень забавно, но, когда дело доходит до "процветания", это может вызвать некоторые проблемы!

Основной голос богини замолк на мгновение. Фейерверки и вспышки продолжили сверкать позади её светящегося силуэта, лица заполнили лицо. Они что-то бессвязно бормотали в моей голове, от чего у меня началась мигрень.

{{КАК СКАЗАЛА БОГИНЯ, ИЗЪЯН! НО ЕГО МОЖНО ИСПРАВИТЬ ПРИ ПОМОЩИ ПРАВИЛЬНОЙ МАГИИ!}}

— Дай угадаю. Ты хочешь маленькую чёрную книгу Рэрити.

Прежде всего, Богине была нужна я. Пони, способная взламывать замки.

Пока эскорт аликорнов вёл нас к Небесному Бандиту, все мои друзья, и я вместе с ними, думали об одном: "Что же теперь?"

— Так вы все умеете читать по губам? — спросила Ксенит.

Ладно, не все мои друзья думали об одном и том же.

Красный Глаз опять поймал меня врасплох. Но...

Я остановилась, будто меня мешком с сеном по лицу ударили. Я не чувствовала копыт — я только что осознала ещё одну вещь, куда страшнее всех предыдущих.

— Лип'пип? — спросил Каламити.

Что-то в моем выражении лица заставляло его волноваться.

— Она сказала... Красный Глаз уже больше года не отправлял ей единорогов.

Я вспомнила свой опыт с работоторговцами. И маленькие намеки на то, что Красный Глаз, ну или, по крайней мере, Стерн, были очень заинтересованны в единорогах.

Отлично, ещё один единорог. За эту красоту можно взять неплохую выручку.

Если бы это был не единорог, я б сказал сбросить её в озеро.

— Но если Красный Глаз не отсылал единорогов Богине... — сказала я мрачно, — Значит он оставлял их себе.

Я в отчаянии обернулась и посмотрела на остальных.

— Красный Глаз втирал о контролировании погоды, управлением солнцем и луной. Ему бы не удалось сделать это, будучи простым аликорном. Но он и не собирался становится аликорном, он собирается стать таким, как... — сказав это я указала копытом на Марипони, — как Это!

И он мог достигнуть подобного результата и заполучить подобную силу лишь одним способом — проделать то же самое, что стало с Трикси. А он мог. Он видел видеозаписи. И с учётом его заявлений о том, что крепость в Вечнодиком лесу спроектирована как новый дом для Богини, он строил дубликаты резервуаров Марипони в Соборе.

Он не отправлял Богине единорогов, потому что из все видов пони у них самая сильная магия, и берёг он их для того, чтобы самому поглотить их силу!

Заметка: получен новый уровень.

Достигнут максимальный уровень.

Заметка: навык "Скрытность" достиг 100%.

Новый навык: Телекинез Уровня Селестии — То, что вы можете делать левитацией, достойно легенд. Вы можете уверенно летать на уровне пегасов-новичков. И, может быть — кто знает? — даже двигать Солнце.

<<< ^^ >>>

Глава 30. Охотники и Добыча

«Что ты высматриваешь?»

«Два очень опасных типа движений. Медленные, тяжёлые, мощные движения и резкие, непредсказуемые, лёгкие. Оба пригодны для убийства.»

<<< ^^>>>

Добродетели.

Первый реальный совет, данный мне после выхода из Стойла — найти свою добродетель. Ну, не совсем — найти оружие, броню и друзей. И я верила, что справилась с такой, казалось, страшной задачей. Этот совет — найти ту определяющую позитивную черту, которая позволит мне не потерять себя в тёмных кошмарах, которые Эквестрийская Пустошь может противопоставить — ускользал от меня. Вместо этого я ставила перед собой другие цели, другие задачи. Я отправилась сделать этот взорванный мир лучше, чище для пони, оказавшихся здесь в ловушке.

И я чувствовала, что все мои усилия были напрасны.

Красный глаз был очень умён, очень изворотлив и очень хорошо организован. Я недооценила каждый его шаг, и он умело воспользовался этим против меня. Даже его, казалось бы, безумные заявления о приближении божества были подкреплены коварным и жутким планом. Акт неимоверно жестокого, холодно расчётливого забоя единорогов, превзошедшего убийства, задел меня до глубины души. И всё же я уже могла представить себе его ответ: что есть смерть нескольких десятков или сотен единорогов сейчас ради безопасности и мира миллионов в будущем?

Я почувствовала горечь.

Богиня была... безумной. И, тем не менее, она была фактически неприкасаемой. Необыкновенно могучей. И армия её приспешниц, значительно численно меньшая войск Красного Глаза, состояла из одних из самых грозных противников во всей Пустоши. И они были полностью преданы, если не подконтрольны её прихотям, в числе которых было наше исчезновение.

И она была таким мощным телепатом, что, даже если бы я могла придумать план, она бы узнала о нём, прежде чем я смогла бы приблизиться достаточно близко, чтобы осуществить.

Мы взялись тягаться с совершенством. И мы проигрывали.

Я чувствовала угнетающее приближение тьмы. Если я когда-либо ещё нуждалась в добродетели, чтобы выстоять, то точно сейчас.

Но даже добродетели могли обратиться против тебя. Они могли потерять свой первоначальный смысл, стать искажёнными или извращёнными. Наблюдатель рассказал мне о шести самых больших добродетелях пони — доброте, смехе, щедрости, честности, верности и магии — хотя дал ясно понять, что есть и другие, и что моя, вероятно, не в этом священном списке. Я язвительно заметила, что, возможно, могла бы собрать сломанные, исковерканные версии каждой из них. Это получалось у меня лучше, чем поиск пони с истинной добродетелью. Однако я шутила.

Теперь я встретила Богиню, сущность, некогда бывшую Трикси, и поняла, что увидела воплощение искажённой добродетели магии. Всё, что мне осталось найти — это исковерканную доброту, и у меня будет весь набор.

{{О, НО ТЫ УЖЕ ВСТРЕТИЛА ИСКОВЕРКАННУЮ ДОБРОТУ, ЛИТЛПИП!}}

Жестокий, сладостный голос Богини взорвался в моей голове хором шепчущих, в основном согласие, голосов. Тяжесть её мыслей в моей голове удушала.

{{ЭТО ТЫ.}}

Нет! Это не так! Она не могла быть права!

Я была лучше этого. Я должна была быть лучше этого.

Но как раз когда я отчаянно отрицала садистское предположение Богини, мой разум вызвал в воображении сомнения и демонов, как будто стремясь доказать её правоту.

Я спасла рабов из Старой Эплузы, только для того чтобы оставить в городе, торгующем с работоторговцами. Я убила рейдеров, которые изнасиловали и охотились на голубую пони в Мэйнхэттене, чтобы уйти прочь и оставить её на произвол судьбы, когда опасность миновала. Сколько ещё? Сколько ещё раз я была в подобной ситуации, пытаюсь помочь, чтобы потом оставить? Должна ли я считать всех в Филлидельфии жертвами своей доброты? Я вспомнила свой образ в зеркале, отражающем мою душу. Исковерканная доброта была тем, что я видела там? Было ли ей это чудовище?

Нет... это была немощь и отравленное представление. Это была Богиня, нашедшая мою слабость и безжалостно мучающая меня. У меня была добродетель, хорошая и истинная, только и ждущая, когда я её найду.

Я должна была найти.

* * *

Мы вышли из наименее потрёпанного здания Марипони на дневной свет, четыре аликорна Богини вели нас к месту, где приземлился Небесный Бандит.

Мой ПипБак защёлкал. Жар-бомба здесь взорвалась под землёй. Радиационное излучение Прекрасной Долины не шло ни в какое сравнение с ужасами Филлидельфийского Кратера. По крайней мере, не на поверхности.

На ближайшей стене была карта здания выше водных резервуаров. Щелчки ПипБака зловец участвовали, когда я поднесла его близко к стене, но я была заинтересована в карте, чтобы в будущем было чем руководствоваться. Я подозревала, что это могло мне понадобиться.

Окружавшие нас аликорны молча наблюдали за нами из-за разрушенных стен, стоя среди сломанных колонн и щебня. Их безмолвное присутствие было жутким и зловецим.

— Процветание? — спросила Вельвет Ремеди тихим голосом, опустив голову. — Мне кажется, что это место наоборот проклято.

Я кивнула, инстинктивно понизив голос, словно молчание аликорнов вынуждало нас говорить тихо.

— Ты заметила, что они ни разу не заговорили? — Ни одна из телепатов не произнесла и слова, когда мы столкнулись с ними в Прекрасной Долине. В предыдущих сражениях они были хвастливо болтливы. — Я думаю, что близость Богини подавляет их. Она заглушает их разум. Чем ближе, тем они больше похожи на марионеток.

— Меня особо не колышет их индивидуальность с личными качествами, — шёпотом встрял Каламити. — Видать, они все как их богиня — "ололо я великая, а вы все жалкие насекомые". Просто иногда молчание — золото.

Пегас на секунду задумался и продолжил.

— Сдаётся мне, это всё Порча. В Прекрасной Долине её полным-полно, — напоял он. — Кажись, она может связываться с этими своими "детьми" издали, но с простыми ребятами она разговаривать на расстоянии не умеет — кроме разве что Красного Глаза. Но здесь мы все слышим её у себя в голове, как будто так и должно быть. Бьюсь об заклад, вся эта долина для неё как резонатор или усилитель.

Чудесно.

— Ну тогда — никому ни о чём не думать, пока не уберёмся подальше из этого Богинями забытого места.

Каламити посмеялся над моим выбором слов.

Конечно же, аликорны ничего не ответили. Они провели нас сквозь руины к асфальтированной площадке, которая когда-то была местом для посадки небесных экипажей. Небесный Бандит стоял в ожидании. Паерлайт на его крыше принялась подпрыгивать и громко кричать, увидев нас.

Вельвет Ремеди остановилась.

Каламити, увидев птицу, замер и настороженно поднял уши.

— Погодите-ка, — прошептал он, преградив мне путь передней ногой. Четверо аликорнов прошли дальше к Небесному Бандиту, то ли не заметив, то ли не придав значения тому, что их подопечные остановились. — Кажись, она хочет нас предупредить.

Ещё один аликорн упал с неба позади нас и поднял свой щит.

— Так и есть, — выдохнула Вельвет Ремеди.

Четвёрка аликорнов поскакала к Небесному Бандиту. Та, что была впереди, обернулась, подзывая нас, и в ту же секунду вспышки энергомагических выстрелов взломали асфальт вокруг них. Все четверо аликорнов были мертвы — троих растворило на месте, превратив в лужицы светящейся жижи, четвертой оторвало несколько конечностей. С жалобным ржанием она упала в нескольких метрах поодаль, истекая кровью. Рог Вельвет Ремеди вспыхнул — её анестезирующее заклинание позволило существу дожить последние мгновения без боли.

Аликорны в развалинах вокруг нас замерли одновременно. Ещё двое из них упали, когда разящие сгустки света снова рассекли воздух.

Вельвет Ремеди пробормотала что-то, закрыла глаза, и её рог вспыхнул, затем пять небольших мерцающих энергией шаров выстрелили из него. Один из шаров быстро подлетел ко мне и стал плавать над головой. Другой завис над Вельвет. Остальные отыскивали Каламити, Ксенит и Паерлайт и зависли над ними, как крошечные стражи.

— Новое заклинание?

— Позже объясню, — сказала Вельвет Ремеди, кивнув; она высматривала путь для прорыва. Аликорны в руинах возводили свои щиты.

Воздух был наполнен зарядами магической энергии.

Стая адских гончих прорывалась поверх развалин с невероятной скоростью, чтобы напасть на аликорнов, прижатых огнём других гончих, стрелявших со стороны долины.

Они заминировали посадочную площадку! Образы адских гончих в моём воображении выкапывали отверстия в земле, отделяемой от внешнего мира полудюймовым слоем асфальта, садили мины на тонкий слой чудоклея и закапывали их.

— Возвращаемся в укрытие! — крикнула я. Уйдём с линии огня, перегруппируемся.

Я повернулась, только чтобы обнаружить, что мы заперты сзади аликорном с поднятым щитом. Позади неё была дверь обратно в Марипони, тёмная и пустая. Бетон в шаге от неё взорвало, и адская гончая выскочила из земли. Массивные когти прошли сквозь щит и содрали огромный кусок мяса с её бока, когда та поворачивалась, чтобы сразиться с гончей. Аликорн почти сотворила заклинание, как чербер вошёл когтями в её лицо, убив мгновенно.

{{НАГЛЫЕ ШАВКИ!}}

Пронзительный свист пронёсся через воздух и мою голову: Богиня проецировала ментальную и магическую энергию через остатки системы воздушной тревоги Марипони. Я прижала свои копыта к ушам, но это не помогло. Я не могла думать, не могла двигаться под этой атакой. Каламити, Вельвет Ремеди и Ксенит, все сделали то же самое, но, казалось, это помогло одной только зебре.

Адская гончая сразу же упала, схватившись за уши, и завывала от боли.

Остальные сжались от боли, развернулись и убежали назад в долину. Тому, что был ближе к нам, повезло меньше: трое аликорнов опустились вокруг него, убрав щиты, перед тем как их светящиеся рога одновременно пронзили толстую шкуру сжавшейся в комок твари.

В следующую секунду одна из них растворилась, пронзённая разящим энергетическим лучом. Адская гончая-снайпер была вне досягаемости телепатической и звуковой волны Богини или была чем-то защищена от неё. Оказалось, среди этих существ были и хорошие стрелки.

Оранжевый луч света попал в крыло Каламити. На какое-то мгновение всё его тело засветилось оранжевым, и Каламити превратился в светящийся силуэт. Маленький шар над его головой издал хлопок, и свечение откатилось назад, перед тем как испариться, оставив в крыле дырку размером с копыто. Заклинание Вельвет Ремеди спасло его от неминуемого превращения в пепел. Мой друг-пегас упал, корчась от боли, но его крик утонул в звуке сирен Богини.

Сирена остановилась.

Атака возобновилась, но теперь веер неприцельных выстрелов множества стрелков сменился несколькими одиночными, но профессионально нацеленными. Выстрелы растворялись, бессильно вспыхивая на щитах аликорнов. После прекращения звуковой волны адские гончие не спешили снова бежать в атаку.

— Надо было мне надеть ту старую броню, — процедил Каламити сквозь зубы, когда Вельвет Ремеди склонилась над ним, пытаясь не плакать. — Эй, да у меня ведь даже кровь не идёт, верно? — Волшебная энергия оплавилась плоть на крыле вокруг его раны и выжгла перья.

— Молчи, — приказала Вельвет. — Лежи тихо. Береги силы и позволь своей мед-пони сделать всё, что нужно. — Боль в её голосе говорила мне, что дело было плохо.

Ещё один разряд энергии ударил в грудь обломков, за которой мы спрятались. Аликорны поднялись в воздух, собираясь контратаковать снайперов, но каждый раз, когда они подлетали, адские гончие исчезали в земле. Они пытались оттянуть аликорнов подальше и разделить их. Богиня отозвала нескольких из них назад, опасаясь засады. Видимо, она уже сталкивалась с этим раньше.

— Вы видели, как все существа отреагировали, когда первые четыре были убиты? — спросила Ксенит, не переставая рыться в своей сумке. — Если Трикси-монстр переживает смерть каждого аликорна... возможно, это её дезориентирует.

Я кивнула, надеясь обдумать эту версию позже, когда мы будем вне досягаемости Богини. Я посмотрела на Вельвет, спросив:

— Он поправится? Сможет ли он снова летать?

Ответ Вельвет занял больше времени, чем я ожидала.

— Я могу восстановить структурную целостность крыла своим заклинанием, но залечить рану не в моих силах. Ему понадобится как минимум одна доза экстра-сильного заживляющего зелья, чтобы восстановление организма пошло правильно, тем более если он хочет снова летать уже на этой неделе. А сейчас у нас нет даже простого лечебного зелья... — Она грустно взглянула на меня. — Если помнишь, я потратила все наши медицинские средства, чтобы починить тебя в Стойле Два.

Я почувствовала укол вины.

— Заклинание у тебя что надо, — похвалил Каламити, несмотря на приказы врача. — Ты ж мне жизнь спасла.

Тень улыбки скользнула по нахмуренному лицу Вельвет Ремеди.

— Да, я надеялась затариться медицинскими препаратами у доктора Хелпингхуфа, но, так как Башня Тенпони находится в осаде, он был в силах продать только несколько бинтов. В общем, пришлось мне потратить часть времени на изучение пары новых заклинаний. Заклинание сопротивления дезинтеграции казалось довольно разумным выбором.

Ксенит вытащила пузырёк со снадобьем и предложила его Вельвет. Она обволокла его полем телекинеза, так что он продолжал летать рядом с ней. Затем Вельвет добавила, нахмурившись:

— К сожалению, одними моими заклинаниями и бинтами твоему крылу не поможешь.

— Мне придётся удалить повреждённую плоть, прежде чем я смогу начать восстанавливать и вправлять кости твоего крыла, — настаивала Вельвет Ремеди страдальческим голосом, обращаясь к Каламити. — Это повреждения магического характера, и если не удалить всю поражённую плоть, твоё крыло вообще никогда не сможет нормально функционировать. Операция грозит серьёзной потерей крови, но Ксенит дала мне кое-что, что должно уменьшить кровотечение. — Она нахмурилась. — Боль должна быть адской, но моё анестезирующее заклинание поможет тебе её не чувствовать. Однако, ты будешь не способен двигаться час, как минимум.

Луч розового света ударил над входом в Марипони, не попав в дверной проём. Внушительный кусок стены вспыхнул и растворился.

Ксенит повернулась ко мне.

— Ты уже заставляла фургон летать. Можешь повторить это, чтобы мы убрались отсюда?

Я покачала головой; я спрашивала себя о том же самом.

— Я могу, но самолевитация невероятно истощает. Я не думаю, что смогу утащить нас достаточно далеко. И даже если бы я это могла, я не могу тащить нас достаточно быстро. И всем этим гончим-снайперам достаточно одного хорошего выстрела, чтобы подорвать нас.

— Тогда мы в ловушке, пока не найдём медикаменты для крылатого.

— Блин, девочка, разве ты ещё не запомнила моё имя? Я Каламити.

— Я извиняюсь... Каламити. Я... не привыкла оперировать именами или... — Бывшей рабыне было явно трудно облачать свои чувства в слова, — быть в таких отношениях, когда мне можно обращаться по именам.

Я готова была поклясться, что уже слышала, как Ксенит обращалась к кому-то из нас по имени, но сейчас, когда я подумала об этом, я не могла точно вспомнить. Единственное, что приходило на ум — это когда она спрашивала у Каламити, как тот получил своё имя. Только самые важные фигуры в её жизни имели имена — Красный Глаз и Стерн, правившие теми, кто поработил её, или легендарные персонажи, вроде Зайки Смерти или Найтмэр Мун.

Сколько лет она хранила молчание? Раньше мне казалось, что завести друзей в Стойле Два было невозможно, если ты пустобокая и неуклюжая дочь пьяницы. Но быть зеброй в котловане рабовладельцев Филлидельфии было гораздо, гораздо страшнее. Интересно, запомнила ли она имена своих мучителей. Может быть, именно так имена пони откладывались в её памяти?

— Ты веришь, что внутри могут быть запасы лекарств? — спросила Ксенит, смотря на Марипони.

Я включила автоматическую карту в ПипБаке, сканируя стену. Увы, медицинский блок Марипони был в том крыле, что провалилось в кратер. Всё, что там находилось, было сломано, раздавлено и наверняка заражено Порчей. Там должны были оставаться ваннные комнаты с аптечками, но найдутся ли в них необходимые Каламити лекарства? Мне это показалось сомнительным, и, откровенно говоря, я не горела желанием проверять, действительно ли это так. Кровь стыла в моих жилах от ужаса перед тем, что там таилось и на что оно было способно. Я знала, что мы были нужны Богине, но вдруг она передумает? Я не хотела, чтобы нас постигла участь Твайлайт Спаркл.

— Здесь недалеко, в нескольких милях отсюда, есть госпиталь, — сообщил Каламити, застав нас всех врасплох. — Часть шахтёрского городка обслуживала это место. Когда закрыли шахты, городок был брошен, но они восстановили его часть для работников Марипони и их семей.

Я не спрашивала его, откуда он это узнал. Каламити выживал в Эквестрийских Пустошах ещё задолго до нашей встречи. Кто знает, какие слухи и клочки информации он знал? Я всего лишь была довольна за этот маленький подарок судьбы.

Очередной выстрел ударился в стену, за которой я пряталась, заставив её засветиться и расплавиться. Я стремглав кинулась в другое мало-мальское укрытие. Мы никуда не сможем направиться, пока находимся под обстрелом.

— И там должно быть много крыш, чтобы скрыться на время, пока меня лечат, — заверил нас Каламити. — Не идеально, но, вероятно, это самое безопасное место от адских гончих... Если мы, конечно, сможем добраться до туда.

Мы все знали, что речь идёт о путешествии в несколько миль по кишашей адскими гончими радиоактивной и пропитанной Порчей местности.

— Просто покажи путь, Каламити, — сказала я увереннее, чем чувствовала себя на самом деле. — У меня есть план.

— Эт у тя завсегда, — ухмыльнулся Каламити. — Ток доставь нас в Старый Олней, и мы бум в порядке.

Прошло уже около часа; казалось, адские гончие утомнились. Это заставило меня задуматься, скрывался ли за их атакой большой смысл или ими двигал спортивный интерес.

Я поставила передние ноги на перила низкой водонапорной башни комплекса Марипони, мой бинокль парил перед моими глазами. Отсюда я едва могла различить очертания Старого Олнея, мирно покоящегося вдали. Эстакадная автомагистраль проходила неподалёку от города, ведя в никуда. Она обрушилась чуть менее, чем в восьмистах метрах дальше съезда в город, оставив после себя полосу обломков и фургонов того времени, хотя долина с тех пор и преуспела в стирании с лица земли этих остатков.

Сосредоточив взгляд на горизонте, я увидела силуэт, могущий быть Понивиллем. На пределе видимости небо окутал плотный смог от пожаров Вечнодикого леса. Осматриваясь дальше по краю, я обнаружила три иглообразные башни, возвышающиеся над облачным небом. Уверена, я заметила одну из них на окраине Клаудсдейла, но две другие раньше не видела.

Сделав взглядом полный круг, я опять посмотрела на Старый Олней, потом проследила путь, по которому нам предстояло туда пройти: множество железнодорожных путей, тянувшихся от Старого Олнея до Марипони, пересекавших каменистую равнину лишь с

незначительными неровностями, вроде оврага, наполненного неопрытанной растительностью и тухлой водой. Я не смогла разглядеть подробно, но растения под мостом двигались так, как будто овраг там стягивал намного более сильный ветер, чем лёгкий бриз, теревивший мою гриву.

Картинка потемнела, когда аликорн пролетел через мой сектор обзора, загоразивая ландшафт. Я убрала бинокль и спряталась.

Стало возвращаться больше аликорнов. Те, которые были здесь, уже продолжили свою бесшумную слежку, похоже, не собираясь уделять нам внимания. Я также ожидала, что Богиня или её аликорны попытаются навязать нам других сопровождающих, но они как будто забыли про то, что мы здесь. Только это было невозможно — они всё ещё смотрели прямо на нас. Может, Богиня прикидывала, что мы будем делать дальше? Или она ещё не оправилась? Она потеряла довольно много своих детей за этот час.

Я была не единственной, кто заметил это странное поведение.

— Здорова! — сказал Каламити, неуверенно подбегая к одной из тёмно-фиолетовых аликорнов, махая копытом перед её лицом. — Помнишь нас? Пони, которые хотели найти для тебя эти твои штуки? Я тут крыло повредил. Если кто-нибудь из твоих подтянет тебя, то мы от тебя отстанем намного быстрее.

Он развернулся ко мне, немного пошатываясь от теряющего эффект анестезирующего заклинания.

— Это странно, правда?

— Может быть, Богиня принимает великий и могучий сон? — предложила Ксенит. Каламити фыркнул, усмехнувшись, но затем сморщился.

— Эй, Ксенит, — внезапно произнёс Каламити, — Я никогда не говорил, но хочу, чтоб ты знала, я рад за тебя, что теперь ты на свободе, и... Вот.

Милосердная Селестия. Каламити, можно быть менее дубовым?

Ксенит смотрела на него спокойно, затем просто сказала,

— Спасибо.

Каламити пережевал остальную часть фразы, потом попробовал ещё раз:

— Ну... зелья, которые ты сварила? Есть какие-нибудь подходящие для укрепления брони или помогающие нам для техобслуживания?

— Нет, — ответила Ксенит. Похоже, поняв, к чему он клонил, вежливо продолжила:

— Я знаю множество ядовитых зелий, которые могут тебе понадобиться, если захочешь сделать свои пули более смертельными.

Я понимала его. Он пытался найти общий язык с новым членом нашей группы. Он был очень гостепреимен к ней, доверяя моему мнению. Но с того момента они не сильно сблизились, как, например, Ксенит с Вельвет Ремеди, или хотя бы установили какое-то подобие отношений (можно ли назвать это соперничеством? невольным уважением?), что были между Ксенит и СтилХувзом. Каламити с Ксенит были дружелюбно настроенными друг к другу, знакомыми; и я предполагала, что Каламити пытался развить это в настоящую дружбу.

Каламити пробежался вокруг аликорна. Она вяло поворачивалась, держа его в своём поле зрения.

— Меня искушает желание пристрелить их. Сколько сможем. — Вельвет стрельнула в него тревожным взглядом, и он с усмешкой отступил. — Да я и не говорил, что буду это делать. Просто сказал, что хотелось.

Ксенит покачала головой.

— Нам следует принять эту передышку как помощь для осуществления плана малышки без помех.

Я левитировала броню Каламити, а также Гром Спитфайр и прочее наше жизненно важное снаряжение из Небесного Бандита. Мне не хотелось, чтобы кто-нибудь пошёл доставать его, когда пространство вокруг фургона всё ещё могло быть заминировано.

Когда я положила нашу амуницию в центре большого обломка упавшей стены, Вельвет позвала нас собраться. Паерлайт села на её круп, распушившись и выглядя величаво.

Из предосторожности Вельвет создала над нами новый оберег от дезинтеграции. Я наблюдала за Каламити, когда его сфера взорвалась, но не уловила, что остальные пропали одновременно с ней.

— Я могу сотворить это заклинание над множеством друзей, — объяснила Вельвет, как только заново возвела своё заклинание. — Но оно исчезает, как только кого-нибудь ранит. Поэтому будьте лапочками и попытайтесь не нарваться на пулю.

Она повернулась ко мне.

— Особенно ты. Я действительно ненавижу эту идею. Ты слишком уязвима. Литлпип, почему именно ты всегда должна лезть в самое опасное место?

Но она знала ответ. Мы это уже проходили.

Все мои друзья собрались на бетонной плите, в то время как я оборачивала их левитационным полем.

Вельвет повернулась помочь Каламити облачиться в Броню Анклава, очень осторожно обращаясь с его частично залатанным крылом. Она опять надела броню зебр, настаивая на том, чтобы как можно сильнее снизить риск.

— Тем более, что Литлпип, кажется, настаивает на том, чтобы, как всегда, взять на себя непомерную долю.

Я поднимала кусок стены Марипони в воздух, не останавливаясь до тех пор, пока он не был как минимум на высоте четырёх этажей надо мной. Я рассчитывала, что бетон послужит для них щитом от энерго-магического оружия адских гончих.

Я понимала беспокойство Вельвет, но в этот момент оно не могло помочь. Моя магия телекинеза стала достаточно сильной для того, чтобы я легко могла левитировать этот большой кусок стены и всех их на нём, но если бы я добавила туда ещё и себя, то это вызвало бы такое напряжение, что было бы удачей проделать хотя бы полпути без мучительного выгорания. Я согласилась уменьшить свой вес настолько, чтобы не задевать шагами спусковые механизмы мин и не заявлять о своём присутствии какой-либо адской гончей, которая могла затаиться чуть ниже поверхности, но это было всё. В конце концов Вельвет Ремеди согласилась.

Это должна была быть я.

Я двинулась вперёд, передвигаясь вблизи руин Марипони. Кусок стены с моими друзьями плыл вперёд высоко надо мной.

Хотя я и не сказала бы, что сильно, но была в душе благодарна за возможность взять на себя такой риск.

Был ли этот поступок достоин Исковерканной Доброты? Как только эта мысль пришла мне на ум, я тут же отогнала её. Сейчас у меня не было права сомневаться в себе.

Когда я подошла к обвалившемуся краю комплекса Марипони, меня начали терзать сомнения. Мой ПипБак заливался щелчками, предупреждая о радиации, но в системе Л.У.М.а не было предусмотрено ни звука, ни других сигналов, которые бы обнаружили и предупредили меня о Порче.

Дорога до Старого Олнея внезапно стала казаться такой далёкой...

Красные пятна на моём Л.У.М.е предупредили меня об угрозах.

Я левитировала к себе винтовку зебр и скользнула в З.П.С. прямо на ходу. Я бежала рысью, следуя советам из книги "Руководство

по бегу для ботаников", найденной мною в библиотеке Твайлайт Спаркл в один из тех часов, когда Хомэйдж была занята ролью Диджея Роп3 и давала мне время передохнуть. Мне нужно было пробежать несколько миль как можно быстрее; к моему удивлению, это совсем не означало, что я должна была скакать изо всех сил.

Острое жало ударило меня в бок, отскочив от брони и не причинив никакого вреда. Заклинание прицеливания отметило сначала первого блотспрайта, потом второго. Я выпустила по каждому из них короткую очередь, и пламя поглотило поражённых Порчей насекомых, едва те упали на землю.

Я продолжала скакать вдоль рельс, чуть ускоряя темп, чтобы нагнать потраченное на стрельбу время. Кусок стены с моими друзьями на нём парил высоко вверху, держась рядом. Впереди был овраг.

Мою кожу начинало странно покалывать в разных местах. Я заволновалась, было ли это связано с нервным напряжением или аллергией на что-то? Или, что самое худшее, не было ли это первыми признаками Порчи?

Компас моего Л.У.М.а заполнился десятками красных точек. Их появлялось всё больше и больше. Овраг кишел враждебными существами.

Я взбежала на рельсы и приготовилась сорваться в галоп, в надежде, что изрядно расшатанный деревянный мост защитит меня.

Что-то приподнялось над краем оврага. Я застыла в ужасе, глядя на... нечто, исковерканное Порчей. Оно было похоже на растение, его огромная голова была покрыта наполненными газом волдырями, позволяющими держаться в воздухе, а корни свисали вниз, волочась по земле. Ротовая мышца в центре головы сжалась и выплюнула в меня струю вязкой массы. Наполненный спорами концентрат забрызгал землю передо мной, источая удушающее зловоние.

Видимо, Эквестрийской Пустоши никогда не надоеет рождать новые виды разнообразной мерзости. Ещё несколько почти таких же болтающихся в воздухе растений-плевунов выбирались из оврага, направляясь ко мне.

Я снова скользнула в З.П.С, помечая две ближайšie цели и посылая по короткой очереди в головы обоих чудищ, но третье в тот же момент успело выплюнуть в меня свою заразу. Я почувствовала, как эта дрянь заляпала мою броню и шерсть, вызывая жжение в местах, где она коснулась кожи. Я сбила прицельное заклинание, зажимая нос от нестерпимой вони.

Два летуна, в которых я успела попасть, живописно вспыхнули. Газовые пузыри, удерживающие их в воздухе, разорвались, охваченные пламенем, словно миниатюрные копии воздушных Шаров Пинки Пай.

Ещё три растения перевалялись через край оврага. Одно из них задело догорающие останки предыдущих и тут же бурно воспламенилось. Второе плюнуло в меня спороносной жижой, а третье устремилось вперёд, словно хотело наброситься на меня и сожрать. Я отпрыгнула в сторону, увернувшись от плевка, и снова врубила З.П.С., прицеливаясь сначала в нападавшее растение, а потом в то, которое смогло в меня попасть.

Пули бесшумно вылетали из ствола зебринской винтовки. Два отмеченных прицельным заклинанием растения упали, объятые пламенем. Но из оврага продолжали вылезать новые. Я сбросила прицел и тут же вызвала заклинание снова, отмечая ещё двоих.

Одно из загоревшихся растений успело плюнуть в меня уже горячей спороносной жижой. К счастью, огненные брызги пролетели в метре надо мной и расплескались по шпалам.

Моя кожа уже начинала сильно болеть там, где на неё попали споры. Я снова сбросила прицел и отряхнулась, сбрасывая с себя мерзкую жижу. Затем снова подняла винтовку и вызвала заклинание прицеливания, выстрелив по наступавшей толпе растений, половина из которых уже горела.

Одно из летучих растений свалилось обратно в овраг, охваченное огнём. Я слышала, как начали гореть и взрываться газовые волдыри на других растениях, вызывая цепную реакцию, которая превратила сотни метров оврага в пылающий ад.

Я галопом неслась через деревянный мост, в то время как пламя из оврага начало лизать его. Сильный жар и удушливый газ обрушились на меня, пока я заставляла себя продвигаться через мост. Мои глаза ужалило острой болью. Несколько растений в пожарище внизу плевались в меня горячей спороносной жижой. Многие попадали в мост, заставляя его пылать. Горящий плевок ударил меня по левому бедру. Моя задняя нога и седельные сумки воспламенились!

Я удержалась от крика, зная, что он мог привлечь адских гончих. Со жгучей болью в ноге я побежала, приложив свои максимальные усилия. Теперь я была полностью сконцентрирована на левитировании стены, но физические муки угрожали разрушить моё заклинание. Огонь распространялся, было больно вдохнуть.

Пламя лизнуло мои копыта, подпалив их. Я закричала.

Я почти пересекла горящий мост над оврагом, корчась от боли, когда адская гончая вырвалась из под земли, привлечённая моим криком. Но она была достаточно далеко от меня, чтобы Каламити смог прицелиться в неё с платформы выше. Сверху прорезались четыре выстрела магической энергии, расплавляя адскую гончую в цветастую лужицу.

Я начала снижать стену, задыхаясь от дыма и зловония своей собственной горячей шерсти, зная, что не смогу удерживать её больше. Она была на высоте трёх метров от земли, когда боль перегрузила меня и я бросила стену.

Я галопом добежала до конца моста и камнем рухнула на землю, извиваясь, туша огонь на левом боку и крича.

— Просто доберись до Старого Олнея и всё будет в порядке, — сказала Ксенит, её экзотический голос прозвучал издевательски, в то время как она всматривалась в город внизу, используя мой бинокль.

Мы были на вершине эстакады и смотрели вниз, на Старый Олней. Отсюда мы могли видеть десятки адских гончих, притаившихся в городе. Парочка их была даже на крыше.

— От чёрт, нахрена вы вообще меня послушали? — расстроился Каламити. — Я ж не Лил'гип, вы знаете что все мои планы — полное дерьмо.

Я повернулась, телекинезом левитируя бинокль к моим глазам. Я всё ещё не могла ничего чувствовать... анестезирующее заклинание Вельвет Ремеди делало своё дело... но это не препятствовало мне использовать моё заклинание левитации. Вообще, стало даже легче его сотворять. Мне потребовалось всего полсекунды, чтобы сделать себя достаточно лёгкой, чтобы Паерлайт могла нести меня, пока я левитировала остальных вместе со стеной позади.

Старшая единорожка, не теряя времени, оборачивала меня в остаток наших медицинских бинтов, в то же время выговаривая мне за то, что я приняла на себя ещё одну ужасную атаку на нашу группу. Но когда боль прошла, вне удушающего дыма, я почувствовала уверенность, что я сделала всё правильно. Что-то было неправильно со мной, я чувствовала это в том месте, где споры попали в меня. Что-то медленно двигалось под моей кожей, что-то, что даже заклинание Вельвет не могло охватить. Я левитировала моё собственное переднее копыто так, что я могла проверить медицинское диагностическое заклинание ПипБака. Оно подтвердило, что я больна чем-то, но не могло определить, чем именно. Это не был яд, и я не была заражена спорами. Нет, спороносная жижа этих летающих растений была пронизана Порчей.

Я никогда не верила, что смогу пройти путь весь путь, не заразившись Порчей; я никогда не была такой удачливой. Скорее это был вопрос того, насколько велико заражение и насколько быстро Порча возьмет своё. Я знала, что общество, хранящее секреты башни Тенпони, обладало заклинанием, которое могло очистить от Порчи, хотя я и не знала, может ли оно полностью устранить ущерб, нанесённый ей. Это будет моей надеждой.

Среди развалин Старого Олнея было несколько почти нетронутых зданий, одним из которых была больница. На её крыше стояло устройство, которого я никогда раньше не видела. Раскрашенное розовым и жёлтым, оно походило на огромный леденец с забавными пропеллерами, прикрепленными сверху.

— А это ещё что? — спросила я, показав на него копытом.

— Эээ... Эт, наверно, небесный фургон земных пони, — ответил Каламити. — Их земнопони придумали, чтоб им тоже летать можно было.

Это могло мне помочь! Не нужно будет бежать по земле, левитируя остальных по воздуху для безопасности. Я в надежде спросила:

— Думаешь, оно ещё работает?

— Неа, — бросил Каламити, разрушив мои мечты о безопасном полёте над землей в машине земных пони. И тут же добавил: — Но думаю, я её чуток подлатаю, и эта детка снова взлетит.

Надежда воскресла.

— Великолепно! Потому что это наш План Б!

Я осмотрела оставшиеся кварталы, заметив странную светящуюся антенну, торчащую среди множества ящиков и баррикад на крыше здания напротив больницы, и разорённую колонну военных машин на дороге. Среди них были грузовая повозка с разбросанными в кузове металлическими ящиками и тяжёлый танк, наполовину вросший в землю. Вместо обычного землистого оттенка или камуфляжной раскраски танк был покрыт яркими разноцветными полосами. Краска облупилась и выцвела, но всё ещё бросалась в глаза удивительно ярким пятном среди серых кварталов.

Я засмеялась.

— Этот танк похож на радугу! — Трудно было придумать разумные причины для подобной раскраски.

— Правда? Значит вот как они выглядят? — спросила Ксенит. Увидев моё недоумение, она объяснила: — Я никогда не видела радугу.

Сначала сказанное зеброй показалось мне невероятным, потом ужасно грустным, а потом меня одолело любопытство. Я подняла голову к небу, плотно укрытому облаками. Я уже видела, как здесь шёл дождь. Дождь на самом деле шёл часто. Но здесь, снаружи, я ни разу не видела радуги (кроме тех, что были изображены на картинках и плакатах). Фактически, единственными настоящими радугами были те, что я видела в Стойле Два, когда работали оросительные системы в саду. Искусственный солнечный свет Смотрительницы просачивался сквозь водяной туман, создавая сияющие арки чудесных цветов. Когда я была маленькой, я упрашивала маму разрешить мне поиграть с ними. И она даже разрешила мне как-то раз.

— Агась, — Каламити будто прочёл мои мысли. — Чтоб сделать реальную радугу, нужна магия или прямой солнечный свет. Видать, на Эквестрийской Пустоши нормальной радуги-то отродясь не бывало.

Он на секунду задумался и добавил:

— Разве что над Вечнодиким лесом, там так бывает, что облака местами типа ветром разносит.

Мы с Вельвет Ремеди переглянулись. Меня словно полоснули ножом по сердцу. Я ведь даже не думала, что буду скучать по ним, пока не осознала, что теперь все мы жили в мире, где не бывает радуг.

— Ща я их пристрелю, — объявил Каламити, перед тем как зубами поднять Гром Спитфайр и поставить его на перила эстакады, прицелившись на одну из адских гончих в городке внизу.

— Нет! — прошипела Ксенит, опуская копытом Гром Спитфайр. — Если ты выстрелишь, то дашь им понять, что мы здесь.

— Подождите. — Вельвет Ремеди начала наводиться на мысль, но я была сосредоточена на Каламити и Ксенит, а они были сосредоточены друг на друге.

Каламити начал что-то говорить с винтовкой в зубах, затем положил её, чтобы должным образом ответить.

— Агась. Я выяснил, что смогу вынести парочку, пока они поймут, откуда выстрелы, потом ещё больше вылезут из тех зданий, чтоб осмотреться. Давайте позволим им бежать прям к нам. Между ними и нами довольно много места, чтоб успеть отстрелять их.

Я уже доставала свою снайперскую винтовку, левитируя моё находящееся вод наркозом тело в оптимальную снайперскую позицию.

— Литлпип, подожди! — сказала Вельвет, но последующие её слова прервались возгласом нашей спутницы-зебры.

— Вы дураки? — Ксенит вбежала на место. — Не так нужно вести себя на территории врага. Враг превосходит нас в количестве. И это вам не глупые рейдеры, а смышлёные противники. Не ведите себя бессмысленно.

Каламити вздёрнул голову.

— И чё ты предлагаешь нам делать? Прятаться и красться?

— Да, — твёрдо кивнула Ксенит. — Быть осторожными, двигаться быстро, держаться по ветру и в тених. Всякий раз избегать встречи. Убивать, только если встреча неизбежна, но быстро и бесшумно.

Каламити посмотрел на меня.

— Я сказал, что мы вынесем их, пока далеко от них. Чем больше прикончим сначала, тем с меньшим числом будем драться вблизи.

Ксенит вздохнула, встала между мной и Каламити, лицом к нему.

— Послушай меня. Я наблюдала за тобой. Ты охотник. Ты знаешь, как быть охотником. Но знаешь ли ты, как быть добычей?

Каламити отступил на шаг, поднял насекомоглазое забрало своей брони, чтобы взглянуть на неё своими глазами.

— А мне не интересно быть добычей.

— Ну, я провела большую часть своей жизни в качестве жертвы. И я знаю, как выжить, когда ты в меньшинстве и тебя преследуют, — сказала ему Ксенит. — Возможно, тебе стоит послушать.

Каламити посмотрел мимо Ксенит на меня.

— Литлпип? Решение за тобой. — Зебра тоже повернулась ко мне.

Я взвесила варианты. Но в конечном счёте я знала, что тактика победит.

— Я согласна с Каламити. Мы перестреляем сколько сможем, прежде чем туда пойдём.

Я левитировала снайперскую винтовку к себе, зарядила её бронебойными патронами и прицелилась. На такой дистанции З.П.С. был бесполезен. Но я запросто могла попасть в голову, просто целясь через оптику.

Ксенит заржала, встряхнув головой. Каламити подобрал Гром Спитфайр с асфальта на эстакаде и занял позицию в двадцати метрах

от меня.

— Чёрт возьми, стойте! — услышала я крик Вельвет Ремеди, но я уже нажала на спуск.

БАХ!!

БАХ!!

Воздух наполнился оглушительным громом, когда мы начали стрелять. Я видела через прицел, как голова адской гончей взорвалась кровавыми брызгами. Я двинулась, беря в прицел следующую цель. Теперь все адские гончие смотрели вверх, поворачиваясь, начиная двигаться. Я нашла вторую цель и выстрелила, но существо двигалось слишком быстро. Я целилась с упреждением, стреляя второй раз, затем третий. Я больше не могла прицелиться в определённую часть его тела; я просто надеялась попасть хоть куда-нибудь вообще. Мой второй выстрел попал в цель, но это только замедлило адскую гончую. Третья пуля совсем никого не задела.

Я продолжала попытки.

Несколько ответных лучей магической энергии рассекли воздух, но мы находились слишком далеко и вдобавок были хорошо защищены эстакадой от всех неприятностей, кроме навязчивого снайпера.

Каламити был более удачлив. Каждый его выстрел поражал цель, ранил или убивая. Он отстреливал тех, кто был на улице, а я сосредотачивалась на тех, кто только выходил из дверей. Это лучше срабатывало. Я повалила второго. И третьего.

— Дерьмо, — разочарованно прошипел Каламити, когда адская гончая, в которую он целился, внезапно нырнула под землю и начала рыть проход сквозь неё, как будто это была мокрая туалетная бумага. Каламити отстрелил хвост существа, до того как оно исчезло.

Они больше не выходили из дверей. И я видела, как последняя из оставшихся на улице адских гончих исчезала в норе.

Мы убили всего десяток.

— Блестяще сработали, — Вельвет Ремеди закрыла лицо копытом. — Оба. Теперь они знают, что мы здесь, а мы к тому же напали на них первыми. — Она выглядела возмущённо.

Каламити помахал раненым крылом.

— Моё крыло не согласно. Уши Вельвет Ремеди поникли.

— Теперь, — сказала Ксенит Каламити, — ты добыча. Все мы — добыча.

Они пришли за нами на эстакаду, а я всё ещё была парализована анестезирующим заклинанием. Адские гончие не были настолько глупы, чтобы взбираться по откосу, как мы надеялись. Вместо этого они прорыли своими мощными когтями ход в контрфорсе под нами и начали взбираться.

Первый забрался по перилам почти над нами. Паерлайт среагировала быстрее всех, выдыхая на него радиоактивное зелёное пламя. Каламити быстро оживился, выстреливая из двух винтовок "Прибой" в броне Анклава, прямо в торс адской гончей, когда она набросилась, чуть не задев жар-феникса. Чудище упало, растворяясь.

— Они подходят снизу, — предупредила Ксенит, перед тем как отвернулась порыться в своей сумке.

Вельвет Ремеди проворковала Паерлайт:

— Будешь ли ты настолько любезна, чтобы поджарить всех взбирающихся? Паерлайт довольно прогудела и перепрыгнула через край. Я услышала рёв пламени внизу.

Паерлайт смогла вынести двоих, прежде чем большинство псин прекратили подъём и начали палить в неё. Она мелькала, уворачиваясь и лавируя между зарядами магической энергии, оттесняющих её от эстакады и пони, которых она защищала.

Ксенит достала бутылку и передала её Вельвет Ремеди.

— Окуни свои пули в это, перед тем как зарядить их, — поручила она. — Яд покалечит существо, если выстрел был недостаточным для того, чтобы его убить.

Вельвет Ремеди с мрачным лицом разрядила свой дробовик и смочила ядом заряды, как и предлагала Ксенит.

Ещё двое крались вдоль ограды. На этот раз я была готова, левитируя Малый Макинтош, и, ускользая в З.П.С, стреляла им в головы. Мозги адских гончих разлетались через выходные отверстия пуль.

Трое новых пришли на место двух убитых. Звук раздираемого бетона предупреждал меня о большом количестве адских гончих, прорывающих ход непосредственно через эстакаду от вершины контрфорса.

Анестезирующее заклинание Вельвет Ремеди ударило одну из гончих и заставило её упасть. Ремеди прицелилась из дробовика в другую и засомневалась.

Адская гончая бросилась на неё, когти оставили неглубокие красные линии на груди и горле Ремеди, и я отбросила её телекинезом.

— Сдавайся, — предложила она этому существу. — Не заставляй меня поранить тебя.

— Твою мать! — закричал Каламити, выстреливая стаю энерго-магических зарядов в гончую. Существо превратилось в дымящееся пюре, оставляя Вельвет Ремеди и Каламити смотреть друг на друга через дымок. — Не общайся с ними! Им пофиг!

— Они разумны! — прокричала она в ответ. — У них есть право жить.

— Вы все слышали зебру! — кричал Каламити, разворачиваясь для выстрела по другой гончей, выкопавшейся из асфальта. — Они охотятся на нас.

— И чья в этом вина? — съязвила она громко, создавая щит вокруг Ксенит. Когти адской гончей прошли сквозь щит Вельвет, как будто он был сделан из цветного воздуха. Зебра шагнула, начиная атаку, поднимая свои задние ноги и блокируя одним копытом лапу монстра, а другим ударила его по горлу. С глухим звуком гончая упала.

— Хотя один пони когда-нибудь пытался просто поговорить с ними? — раздраженно кричала Вельвет.

Я перезарядила Малый Макинтош так быстро, как только могла. Они появлялись всё быстрее. Теперь становилось сложно отстреливать их, как только они приближались. А один хороший удар их когтей может убить любого из нас.

Вокруг нас были окровавленные тела адских гончих и горки гильз. Мы смогли убить ещё десяток, и чудом никто не был ранен или убит. Даже если Вельвет Ремеди была права, то было уже слишком поздно. Я сообщила ей это, когда выстрел в упор по гончей оказался неудачным. Тварь со своими когтями приближалась ко мне.

Вельвет Ремеди запела. Это была всего одна высокая нота, но адская гончая сразу же отшатнулась, закрывая своими когтистыми лапами уши. Она повернулась и исчезла в дыре, из которой появилась, столь быстро, что я даже не успела воспользоваться своим прицельным заклинанием, чтобы стрельнуть в неё.

Вельвет продолжила держать ноту, сильную и звонкую. Я оглянулась по сторонам: остальные гончие тоже стали спасаться бегством с эстакады.

Когда все гончие исчезли, голос Вельвет наконец замолк. Тяжело дыша, она урезонила нас сердитым взглядом.

— Дикая звери и монстры — это одно, но с разумными существами можно и более мирными путями разобраться!

Мы осторожно двигались через Старый Олней. Солнце начинало садиться, и я хотела добраться до госпиталя и выбраться обратно до того, как ночная темнота доставит нам ещё больше неудобств.

Сейчас мы следовали совету Ксенит: не лезть на рожон, двигаться быстро и скрытно. Вельвет была единственной пони из нашей группы, чей навык скрытности оставлял желать лучшего, так что я левитировала её на протяжении всего пути. Тусклый свет, излучаемый моим рогом, и сияние вокруг Вельвет беспокоили меня. Это выглядело так, будто я всем вокруг указываю её как первостепенную цель. Но, исходя из нашего опыта, адские гончие полагались во время охоты больше на слух (а может, и на нюх) нежели на зрение, так что куда важнее было держать копыта Вельвет Ремеди подальше от земли.

Когда мы проходили сквозь остатки здания, я заметила несколько похожих на пони фигур, лежащих на полу второго этажа, через дыру в потолке. Я просигналила копытом остальным.

— Стойте. Я хочу посмотреть.

Я начала левитировать себя вверх, потянув натуги; мой рог засиял ярче. Но, так как на моем Л.У.М.е не было никаких красных маркеров, да и вообще никаких признаков жизни на верхнем этаже, я чувствовала себя довольно спокойно.

Когда я пролетела через дыру, я увидела тела четырёх Стальных Рейнджеров — трое из них были в классической броне, а вот четвёртый — нет. Он-то меня больше всего и заинтересовал: желтая кобыла-единорог, одетая в обвешенную бронепластинами красную робу, украшенную символом Стальных Рейнджеров — искрами и шестернями. До сих пор я не видала ни единого Стального Рейнджера, который был бы одет в нечто отличное от их доспехов, исключая Старейшину Блюберри Сэйбр. Все четверо Рейнджеров умерли от несовместимых с жизнью травм, нанесённых когтями адских гончих. Трупы пролежали здесь довольно долгое время и успели разложиться.

Адские гончие заминировали пол вокруг тел. Одну за другой я обезвредила мины.

Я начала обыскивать тела, ища любые улики, чтобы понять, зачем эту четвёрку принесло в Старый Олней, а также любые боеприпасы или что-либо интересное, что могло бы пойти нам на пользу. Мне улыбнулась удача. У одетой в робу ("обокрадываемой") пони было два СтелсБака и шар памяти. У другого Рейнджера нашлись магически усиленные патроны того же калибра, как и у обычного боевого седла Каламити.

Я отнесла свою добычу к друзьям.

— Ты ж не собираешься смотреть, что в этом шаре, пока мы в Старом Олнее, ведь так? — мягко предупредил меня Каламити. — Ты ведь помнишь наш маленький уговор?

Я торжественно кивнула.

— Клянусь Клятвой Пинки Пай.

— О чём это ты?

— Неважно. Расскажу позже. И да, я обещаю.

Когда мы дошли до конца улицы, мой Л.У.М. предупредил меня о наличии как минимум четырёх адских гончих за углом. Я подала всем знак остановиться.

Мы могли бы разобраться с ними. На нашей стороне был эффект неожиданности. Но они тоже были не лыком шиты, и один их хорошенкый удар мог каждого из нас превратить в лошадь без головы. Да и звуки битвы могли всех остальных гончих в округе на уши поднять. Так что нет. Продолжим следовать совету Ксенит. Я жестом показала остальным идти обходным путём.

— Ненавижу я это, — пробормотал Каламити шёпотом. — Я хочу охотиться на охотников, а не играть в эти суетные игры. Я не кролик.

Ксенит криво улыбнулась.

— Сдержанность даётся тебе с трудом, да?

Каламити повернулся к ней.

— И чё это значит? Ты, типа, намекаешь на то, что я — хвостун?

— Что же, она так уж прям и не права? — промурлыкала Вельвет Ремеди именно таким тоном, чтобы вывести пегаса на чистую воду и смутить его.

Частично разваленная пожарная часть, наклонённая под безумным углом, заставляла весь мир казаться чуждым и угрожающим. Каламити, Вельвет Ремеди и я взбирались через лабиринт сломанных этажей и покосившихся колонн. Паерлайт пролетала между этажами, иногда ныряя вниз к ярко-красным фургонам пожарной части, покореженным и частично захороненным под рядами настила.

Адская гончая рванулась к дверному проёму позади нас... только чтобы найти там поджидающую её Ксенит. Быстрый удар под рёбра сковал существо на месте, парализуя его. Как только оно упало, заряд магической энергии, запущенный через дверь, ударил зебре в шею. Её тело окутало яркое сияние, и шары над нашими головами лопнули. Ксенит упала, истекая кровью от раны в шее размером с шар памяти.

Вельвет Ремеди ударила монстра анестезирующим заклинанием, а затем бросилась к Ксенит, пуская в ход своё платье, чтобы зажать рану. Платье тут же пришло в негодность, пропитавшись кровью.

— Ну теперь-то, ПОЖАЛУЙСТА, можно мне пристрелить их? — нервно спросил Каламити, на что Вельвет лишь нахмурилась, но ничего не сказала.

Ксенит прохрипела:

— Да... Только тихо... И разрежьте их... Пусть... пахнет... кровью...

Теперь уже было ясно, что адские гончие охотились, выслеживая нас по запаху. Мы с Каламити понимали, на что намекала Ксенит. Вельвет Ремеди отвернулась — она не хотела или не могла смотреть на то, как мы расправились с двумя тварями. Мы сделали это быстро. Это было нашим последним одолжением жертвам, чьи тела мы собирались выпотрошить.

— Это конец всех шансов на дипломатию, — простонала Вельвет.

Я вытянула из развалин рваный кусок листового железа и остановилась, держа его над телом адской гончей. Эта штука должна была распороть его, высвободить его запах, перебивая наш след зловонием смерти. До чего же мерзко...

Я медленно опустила зазубренную железку, взрезая бронированную шкуру чудовища. Сталь медленно вгрызалась в него. Это было невероятно тяжело, и вонь стояла невыносимая. Немного утешало то, что адская гончая, по крайней мере, умерла быстро и безболезненно.

"Исковерканная доброта", — прошептала голосом Богини маленькая пони в моей голове

Пожалуйста, нет.

Когда я закончила, меня начало тошнить. Я много убивала, но такое... заставляло чувствовать себя рейдером. Сознание услужливо вытаскило из памяти образ меня самой в окровавленной рейдерской броне — отражение в волшебном зеркале...

Этажом выше находились уборные с аптечками в каждой из них. Треснувшие зеркала и разбитые унитазы были перекошены под неестественными углами. Всё здание сильно покосилось, и от этого у меня кружилась голова. Кружилась даже сильнее, чем от мерзкой работы, которую мне только что пришлось проделать.

Мой ПипБак начал жаловаться, как только я подошла к раковинам достаточно близко, чтобы просканировать ещё работающие из них. Уровень радиации в воде здесь мог соперничать, если не превышал показатели Филлидельфии.

Упёршись в стену, я села и начала взламывать замок на ящике с медикаментами в женской уборной. Замок поддался без особого труда. Я открыла его, опустошая ящик от его медицинских запасов и добавляя их к запасам медикаментов, добытых из мужской уборной. Ничего из этого не могло помочь крылу Каламити, но небольшая лечебная припарка сможет закрыть и подлечить рану Ксенит. Пустошь иногда делала мелкие услуги.

Я поднялась, неустойчиво чувствуя себя на скошенном полу, и поспешила вернуться к другим. Они собрались там, что когда-то было кухней пожарной станции.

Вельвет Ремеди взяла припарки и приложила их, затем позаимствовала иглу и нить из набора для ремонта одежды Каламити. Шкаф пару зданий назад преподнёс полупустую бутылку яблочного виски. Я внутренне всхлипнула, когда напиток пошёл на стерилизацию иглы. Я могла бы отпить глоточек. Пришлось утолить жажду водой из моей фляжки. Она уже была на исходе.

Я почувствовала зуд в тех местах, где его не должно было быть.

Припарка остановила кровотечение и отчасти затянула зияющее ранение в шее Ксенит. Вельвет начала зашивать рану, чтобы окончательно её закрыть. Но даже учитывая мастерство Вельвет Ремеди, рана будет напоминать зебре о себе до конца её жизни в виде отвратительного шрама. Я только сейчас осознала, что, попади магический разряд чуть по-другому, Ксенит могло бы с нами уже и не быть.

— Теперь подожди здесь и отдохни, — велела зебре Вельвет. — А ты, Литлпип, приглядишь за ней. Я возьму Каламити, поищу что-то наподобие тряпки, чтобы вас, мясников, оттереть. — Вельвет Ремеди высунула нос наружу и потрусил вон.

Каламити нахмурился, но последовал за ней, задержавшись около меня, лишь чтобы напомнить:

— Никаких шаров памяти.

Я пронаблюдала, как он вышел после неё. Тряпки? Больше похоже на предлог, чтобы потолковать с Каламити наедине.

Я глубоко вздохнула.

— Самый. Худший. День. В. Жизни. — Нет, это не так. Хотя с того самого момента, как мы ступили на Прекрасную Долину, каждый день становился всё тяжелее, и, если дело так пойдёт и дальше, скоро мы узнаем, что такое "Зло Уровня Луны".

Ксенит пролежала почти целую минуту, прежде чем подняться и пойти осматривать кухню. Ей пришлось перегнуться через пологую столешницу, чтобы суметь обыскать шкафчики.

— Ну, по крайней мере, ты так же хороша в следовании приказам доктора на отдых, как и мы, — хихикнула я, когда зебра начала расстановку кастрюль на столе. Одна из них начала скатываться; я поймала её магией, прежде чем та упала на пол.

— Ксенит, — спросила я, когда старое беспокойство затопило меня опять. — Ты доверишься мне?

Не отрываясь от своего занятия, она ответила:

— Доверяю тебе насчёт чего?

Вопрос был с уловкой, но справедливый.

— Доверишься ли ты мне как... личности?

— Нет, — просто ответила она. — А должна?

Меня охладил честный ответ.

— Почему нет?

— Ты импульсивная и не умеешь контролировать внезапные порывы, — сказала Ксенит, открывая холодильник и доставая из него что-то большое, покрытое причудливо видоизменившейся плесенью. Она поставила это на стол, и, когда эта штука попыталась соскользнуть со стола, я её поймала, хоть меня и тошнило от одного её вида.

— Ты быстро соображаешь и так же быстро действуешь, — продолжила Ксенит, согнувшись, обыскивая нижние ящики. — Это помогает тебе быстро приспосабливаться к чему угодно, возможно, быстрее, чем кто-либо, кого я знаю. Это помогает тебе импровизировать тогда, когда другие впадают в ступор. Однако у медали есть и обратная сторона: всё это приводит к поспешным действиям и необдуманным решениям, что втягивает тебя в неприятности так же часто, как и вытаскивает из них.

Она наконец-то достала из ящика нож и положила его на столешницу. Я и его тоже поймала, когда Ксенит обернулась ко мне.

— Хотя это только мои наблюдения, а я тебя не так уж и давно знаю, — сказала она, тщательно изучая меня взглядом. — А почему тебя это так интересует?

Я не знала, что и думать. С одной стороны, мне хотелось с ней поспорить, с другой стороны, большая часть меня подозревала, что она была права, и корила её за такую прекрасную наблюдательность.

— Думаешь, я плохая?

Ксенит остановилась, поглядев на меня странно, а затем рассмеялась.

— Нет, малышка. Ты самая заботливая душа из всех, кого я когда-либо встречала среди пони или других.

Снова маленькая пони в моей голове прошептала о Исковерканной Доброте голосом Богини.

— Ты думаешь, я оказалась тогда проклятой? — По её непонимающему выражению я уточнила: — Меня коснулась Хомэйдж.

Зебра вновь принялась рыться на кухне, вытягивая из нижнего шкафчика скороварку на Спарк-батареях.

— Я об этом прекрасно знаю.

Я занервничала.

— Ч-что ты хочешь этим сказать?

— Бывают любовники тихие, а бывают — не очень, — сказала Ксенит. — И ты явно не из тихих.

О нет, Селестия, смилуйся....

— В моём племени таких, как ты, называют "визжалками".

Я чувствовала, как краснею от ушей до кончика хвоста. От стыда мне хотелось броситься в кратер Прекрасной Долины.

— То есть, все... Каждый раз... — пискнула я.

— Да, — подтвердила Ксенит. — Каждый.

Мне потребовалось несколько минут, чтобы успокоиться и восстановить дыхание. Ксенит заботливо подала мне старый бумажный пакет.

— Теперь ты можешь дышать? — мягко спросила она.

Я кивнула.

— Думаю, да.

— Медицинская пони права, — сказала Ксенит с мягкой улыбкой. — Ты действительно милая, когда краснеешь.

Я почувствовала слабость, моё дыхание снова участилось.

Воспользовавшись моментом, я успокоила себя как смогла.

— Значит... я проклята? Потому что люблю Хомэйдж?

Она остановилась и отвернулась. Я ждала ответа. Но он оказался совсем не тем, что я ожидала.

— Возможно, зебры ошибались в отношении Найтмэр Мун, — призналась она. — Возможно, вы, пони, были правы. Возможно, обладатели Элементов Гармонии нарушили что-то, что удерживало звёзды, победив Найтмэр Мун. Возможно, и Луна стала... другой.

Она обернулась.

— Но это не означает, что печать Звёзд не лежит на ней. Что она не изменила её в других, более тонких аспектах. — Она посмотрела мне в глаза. — Я открыта для твоих убеждений, но и тебя прошу прислушаться к моим. Возможно, мы обе правы.

Я нахмурилась. Мне не хотелось соглашаться с тем, что в её убеждениях была хотя бы доля правды. Но я сама видела вещи, говорившие об обратном. Вещи, которые заставляли поверить, что там действительно было что-то тёмное и жуткое, в бесконечной холодной пустоте по ту сторону луны...

— Но Хомэйдж не злая, она не безумна, она не такая, как Найтмэр Мун, — настаивала я. — Фактически, она спасла наши жизни. Она спасла и твою тоже.

Ксенит кивнула, грустно улыгнувшись.

— Но ты же не будешь отрицать, что это был слишком удивительный выстрел?

— Абсолютно. Это был... что?

— Оружие звёзд хочет убивать, — сказала Ксенит. — Оно жаждет крови.

Хорошо, теперь это было совсем жутко.

— Я соглашусь с тем, что Хомэйдж хорошая, добрая пони. И что она не проклята. Потому что ты попросила меня об этом, — согласилась Ксенит. — Хотя я и не доверяю твоим суждениям, я верю, что они честны. И я подозреваю, что в вопросах любви ты разбираешься лучше меня.

Я улыгнулась, почувствовав лёгкое облегчение.

— Спасибо, Ксенит...

Зебра кивнула.

— Но в ответ я попрошу тебя непредвзято смотреть на вещи, в которые я верю, и внимательно прислушиваться к предупреждениям. Звёздам доставляет удовольствие давать нам средства, чтобы уничтожить друг друга и самих себя. Действительно ли ты думаешь, что твои отношения не изменились, теперь, когда она отняла жизнь ради тебя?

Я почувствовала холодок. Я не задумывалась об этом раньше. Или, если и задумывалась, то видела исключительно положительные последствия. Хомэйдж спасла мою жизнь. Как это могло не сделать нас ближе? Но разве не я в ту же ночь рыдала перед ней из-за того, что убила Стального Рейнджера?

Независимо от того, оправданы ли были суеверные страхи Ксенит, она заставила меня обдумать случившееся менее эгоцентрично.

Я посмотрела в глаза зебры.

— Спасибо.

Я магией переместила весь массив кастрюль и сковородок. Ксенит быстро открыла для себя, что ни одна поверхность в комнате не была достаточно плоской, чтобы спокойно готовить, после неудачного случая с плитой.

Снаружи, не так далеко, Каламити и Вельвет Ремеди начали спорить. Мы слышали их из кухни, но слов разобрать не могли. Да я и не хотела. Ксенит фыркнула, беспокоясь, что их разговор привлечёт новых гончих, но чем дальше они отходили, тем тише становились их голоса. Хотя дух ссоры всё ещё витал в воздухе.

Я вернулась к ранней части моего разговора с Ксенит.

— Доверяешь ли ты моим словам?

— До тех пор, пока ты не решишь, что в моих же интересах лучше мне солгать.

Дерьмо. Мне была ненавистна мысль о том, что она может быть права. Я бы предпочла быть больше похожей на Хомэйдж. Но если речь шла о честности или защите моих друзей, больше опыта у меня было в выборе последнего. И я хоть и сожалела об этом, но свой выбор меняла редко. Означало ли это, что я для Хомэйдж была как СтилХувз для Эпплджек?

— Ну, ты бы доверила мне свою жизнь? — спросила я, когда Ксенит взяла нож и начала счищать куски плесени в одну из кастрюль. Она закончила, затем отложила нож. Я поймала его снова.

— Это не вопрос доверия. Ты спасла мою жизнь. Ты ответственна за неё. — Тыфу. Логика зебры становилась всё более безумной. — И я не хочу освобождать тебя от этого.

— Почему нет? — спросила я разочарованно. — Посмотри, после того как я тебя спасла, что принесло тебе то, что ты следуешь за мной? Ты чуть не погибла! Я таскаю тебя из одной адской дыры прямо в другую, не менее адскую.

Зебра смотрела на меня с печалью в глазах. Затем отвернулась. Она наполнила кастрюлю ужасно радиоактивной водой, затем начала смешивать плесень в ней, не отвечая мне. Я села и начала смотреть. Во всяком случае, может, научусь чему-нибудь.

Один за другим она добавляла всё больше компонентов, ни один из которых не выглядел нормальным. Я надеялась, что это не было тем, что было предназначено к употреблению в пищу.

— Молчи, — сказала она, хотя я уже давно молчала. — Будь тише. Беги. Скрывайся. — Её голос был низким, тяжёлым. — Забери еду и скройся, или пони отберут её. Молчи. Когда они придут к тебе, расслабься. Позволь им делать всё, что они хотят. Не борись. Не кричи. Молчи.

Она посмотрела на наклонный потолок.

— Когда они причиняют боль, мычи. Хнычь. Молчи. Всегда одно и то же. Пока им не надоест. Потом спрячься. Лечись. Готовься к следующему разу.

Она посмотрела на меня.

— Если они придут убивать тебя, убей их. Спрячь тела. Спрячь хорошо. Найди другое место. Не дай себя заподозрить. Подчиняйся. Молчи. Скрывайся.

Холодная дрожь пробежалась по мне, когда я уставилась на покрытую шрамами зебру.

— И только после этого действительно исключительного ужаса я решила сражаться. Я не хотела, чтобы они видели, что я могу бороться, но я не могла больше терпеть. — Она опустила голову, смотря на меня сквозь слёзы. — До тебя — работоторговцы. До работоторговцев — мой муж. До него — мои родители. Я никогда не принадлежала себе. Меня беспокоит эта идея. Я знаю свою роль. Я с ней выживаю.

Я покачала головой.

— Я несу за тебя ответственность, как ты говоришь. Но я не рабовладелец. Ты не моя собственность.

— И поэтому ты лучше остальных, — согласилась Ксенит. — Но, тем не менее, факт остаётся фактом: я не знаю, как жить, отвечая за себя.

— Я думаю, — сказала я ей, — ты бы справилась.

Коридор был наклонён под таким отвратительным углом, что у меня создавалось ощущение, будто бы я шла не по полу, а по стене. Я держалась рядом с Каламити, следя за наличием адских гончих на Л.У.М.е. По просьбе Ксенит, мы снова стали охотниками.

— Ещё один сзади, — шепнула я ему, как только светящаяся точка появилась на компасе. — Думаю, в складовой комнате.

— Ага, вижу, — кивнул Каламити, напоминая мне, что у стилизованного под жучиные глаза забрала его брони был свой Л.У.М. Пригнувшись, пегас украдкой двигался вперёд, пока не встал прямо напротив двери. Четыре его энерго-магические винтовки горячо пульсировали. Я телекинетически толкнула дверь, удерживая, чтобы гравитация не качнула её обратно.

Острый шип вылетел из складовой, безобидно отскочив от передней части чёрного бронированного доспеха Каламити.

— Пф... — усмехнулся он, поднимаясь на корточках и поражая блотспрайта жалом своего облачённого в броню скорпионьего хвоста. Пронзённое создание издало посмертный визг.

— Хех, — сказал он, продолжая усмехаться. — Когда-нить хотела, чтоб эти штуки оценивали уровень угрозы, вместо того чтоб просто показывать, что угроза есть? Я ведь мог истратить патроны на какого-т жучка.

Я ухмыльнулась.

— Да постоянно.

Повернувшись к остальным, я подала знак идти вперёд. Вельвет кивнула и подтолкнула Ксенит, которая сидела и смотрела в противоположном направлении, прикрывая наш фланг.

Мой Локатор Ушки-на-Макушке отслеживал дружелюбное пятнышко света, когда Паерлайт влетала и вылетала из комнат, ища врагов для поджаривания... или грызунов для съедения. Жар-феникс вернулся, сбросив обугленный труп маленького животного к копытам Вельвет Ремеди.

— Ооо. Спасибо, — приторно пропела Вельвет, нежно поглаживая оперение птицы копытом. Паерлайт счастливо крикнула, расправив и замахав крыльями. Меня это поразило.

— Знаешь, ты прот поощряешь её продолжать эт делать.

— А почему бы и нет? — нежно сказала Велвет. — Моя маленькая Паерлайт — отличный охотник. Каким и должна быть.

Каламити раздражённо посмотрел в направлении Ксенит. Ну, я предположила, что раздражённо. Учитывая то, что мой друг был скрыт в броне, я не могла сказать точно. Но его позу я определила как раздражённую.

Я решила, что мой друг выглядел куда лучше без брони. Она делала его каким-то загадочным, даже зловещим, возводя между нами невидимый барьер, который отталкивал меня от Каламити. Я привыкла видеть СтипХувза в доспехах, но я не могла смириться уже с тем фактом, что не могла видеть лица Каламити.

— Она, в конце концов, хищная птица, — напомнила нам Вельвет. Ксенит посмотрела на обугленный труп и покачала головой, затем с поразительной лёгкостью быстро подбежала к нам по наклонённому коридору.

Каламити сделал движение своим покалеченным крылом и, как мне показалось, побормотал:

— Как и я не так давно...

— Каламити, — вклинулась я, переключив его внимание на себя. — У меня тут вопрос есть к тебе как к пегасу.

— Валяй, — ответил он, заметно обрадовавшись.

— Вот если бы мне захотелось очистить от облаков большую область, к примеру, над Мэйнхэттеном... — К самому случайному примеру, область над камерой мегазаклинаний, требующей солнце для работы. — То как бы это можно было повернуть, не разворошив улей Анклава?

Каламити расхохотался.

— Ё-моё. Что на этот раз планируешь-то, Лил'пип?

— Чисто теоретически.

— Ага. Ну конечно, — ответил он, явно не поверив ни единому слову.

Ксенит подошла к трупу блотспрайта.

— Безупречно, — произнесла она нараспев, открывая свою сумку. Склонившись вниз, Ксенит оторвала его крылья и выплюнула их в сумку. — Теперь мне нужно найти место, чтобы завершить отвар.

Ксенит двинулась вперёд, снова возглавляя нас.

— Стоит ли вообще спрашивать про этот отвар? — произнёс Каламити.

— Ну, то, что она в него уже положила, отбивает у меня всякую охоту им интересоваться.

Возвратившись к моему вопросу, Каламити ответил:

— Ну, есть ток один способ очистить такую большую территорию так быстро. Эт сверхзвуковой радужный удар.

Шестерёнки в моей голове завертелись.

— Конечно, ответ Анклава будет скор и смертелен, но час чистого неба у тя будет. — Каламити сочувственно усмехнулся. — Вот ток для этого, к сожаленью, нужен пегас, способный повернуть этот приём. А их на Эквестрийской Пустоши осталось ровно ноль.

Шестерёнки заклинило. Проклятье.

— Извиняй, Лил'пип. Выделяваясь иль нет, я никогда не умел делать этот трюк. Он редким единицам удаётся, и их Анклав держит на очень коротком поводу.

Когда пожарное депо начало падать, оно наткнулось на Административное Здание Горнодобывающей компании Марипони. Около

полутора метров отделало окно покосившегося депо от разбитого окна соседнего здания.

— Прыг-скак и прыжок, — с улыбкой сказала я Каламити. Я вспомнила, какого это — носить броню Анклава, по воспоминаниям Рэйнбоу Дэш.. Может она и выглядит до утрашения тяжёлой, но она поразительно лёгкая. Для Каламити это не составит большого труда. Каламити оперся об наклонный пол.

— Вам-то легко говорить, а я всю жизнь для таких дел крылья использовал. — Он повернулся ко мне. — Если у меня не получится, поймаешь меня, да?

— Да левитируй ты его и всего делов, — предложила Ксенит из соседнего окна, где она и Вельвет уже ждали нас.

— Да, — согласился Каламити. — Мне этот план больше нравится.

Я закатила глаза, а затем шепнула ему:

— Но что, ты думаешь, поразит Вельвет больше?

Каламити выпрямился, отбросив все свои страхи прочь, разбежался и прыгнул. У него ещё полтора метра в запасе осталось. Хвастун.

Мой черёд. Я посмотрела вниз на наклонённый пол и на промежуток между противостоящими оконными проёмами. Они были не наравне, одно из них было где-то на два фута выше. Я сглотнула. В оправдание Каламити, наклонённый пол мешал и мне.

Я поскакала вперёд, облегчая себя в самый последний момент, когда набрала нужный импульс. Проплыв на ту сторону, я врезалась в бронированный хвост Каламити.

— Ну вот, — сострил Каламити. — Говорил же, проще простого.

Я усмехнулась и покачала головой.

В комнате было открытое пространство офиса, заполненное терминалами, ни один из которых не сохранился. Я проверила свой Л.У.М. и обнаружила красные огоньки, двигавшиеся вокруг нас, вероятно, этажом ниже. Я знаком сказала всем молчать и переместила Вельвет к нам.

Когда мы проходили мимо последнего стола, я заметила оранжево-жёлтую книгу в мусорном ведре. Я левитировала её к себе и осмотрела. "Большая книга взрывов", — сообщила обложка, добавляя снизу: "Руководство по обращению с динамитом". Ниже всего этого была картинка с автором книги — Рэд "Фри-Хувз" Раннер, стоящим с мультяшным воздушным шариком и говорящим: "Лучше сразу возьмись за шашку правильно, потому что она не взорвётся второй раз." Книга была сверху донизу набита бумажками и исписана пометками. Я положила книгу в сумку, чтобы потом прочесть.

Под ней была аудиозапись. Я скачала её в свой Пипбак и засунула наушник в ухо. (Конечно, Каламити был не против этого, прослушивание аудиозаписи не отдалит меня от окружения.)

"Начальник горнодобытчиков Точвуд всему заинтересованному персоналу:

Первый пункт повестки дня:

В течение следующих двух дней мы ожидаем прибытия 'неожиданной' проверки. Все служащие должны быть хорошо отдохнувшими и выглядеть прилично. В связи с этим Смотрительница Санни Дэйс выделила половину завтрашнего дня, чтобы вы все смогли отдохнуть и почистить свою одежду. Предупреждаем: любой, кто использует это время, чтобы пойти в Понивилль и пропустить стаканчик спиртного, обратно в комплекс Марипони, а также в любое его отделение в Старом Олнее пущен не будет. В добавление к этому, провинившийся будет оштрафован на сумму в размере недельного заработка. Грузчики, убедитесь, что в этот раз у вас на голове присутствует соответствующий головной убор, иначе Горнодобывающая компания Марипони разошлёт вам уведомления об увольнении.

Второй пункт повестки дня:

Горнодобывающая компания Марипони произвела экстенсификацию производства. Это означает, что в ближайшее время вас ожидает увеличение рабочих часов на 20%, а также надлежущая этому надбавка к зарплате в размере 15%. Начальники отделений, превысивших новые нормативы, получают вознаграждение. Не могу сказать, что в точности это будет, но позволю себе сказать вам, что вознаграждение будет включать в себя мороженое. Также в скором времени будут введены в эксплуатацию некоторые тоннели, использование которых было ограничено или вовсе запрещено. Горнодобывающая компания Марипони заверяет вас, что все эти тоннели удовлетворяют и даже превышают установленные минимальные стандарты безопасности.

Третий пункт повестки дня:

В последнее время увеличивается число отчётов о вторжениях блуждающих Алмазных Псов. Я точно не знаю, проблема ли это раздела территории или их глупости, но при встрече с Алмазным Псом на территории, принадлежащей компании Марипони, требуйте его немедленного ухода. В случае отказа вам разрешается использовать средства звукового утрашения. Спрашивайте у своих бригадиров новейшие свистки серии D4 ("Diamond Dog Deterrent Device" - "Устройство Утрашения Алмазных Псов"), теперь с удобными нашейными ремешками.

Четвёртый пункт повестки дня:

Благодаря Брикбейн теперь нужно перевести наш счётчик Дней Без Серьёзных Травм обратно на ноль. К счастью, Брикбейн скоро вновь сможет использовать большую часть своих конечностей. Помните, ремешок свистка D4 должен быть как можно короче, чтобы сам свисток или же ремешок не могли попасть в движущиеся части какого-нибудь механизма.

Продолжайте хорошо работать, пони."

Я выключила наушник. Мы подошли к лестничной площадке, и мой Л.У.М. разгорелся красными точками. Две адские гончие заметно притаились в нижней части лестницы, ведущей вниз. На них была самодельная броня, а одна несла энерго-магический миниган. За углом были ещё.

Одна из них начала принохиваться.

Я подала знак остальным позади и посмотрела на Ксенит. Теоретически, зелье, что она приготовила, должно было придать нам запах плесени и блотспрайтов. Тем не менее, спуск вниз до уровня земли не представлялся возможным, если только Ксенит не пришла к выводу, что настало время идти напролом.

Зебра отрицательно покачала головой, скользнула вперёд к лестнице и начала подниматься на крышу. Если мне не изменяла память, то этот путь вывел бы нас на крышу улицы дальше больницы. Я была не уверена, что даже Каламити мог бы перепрыгнуть главную улицу Старого Олнея, пользуясь простым "прыг-скак и прыжок".

— И на что я смотрю? — Это был уже не первый раз, когда я произносила эти слова.

Поздний вечерний ветер со стоном разгуливал по улице Старого Олнея, развевая наши гривы и хвосты. В метре от моих копыт находилась круглая лужица слизи, что когда-то была снайпером адских гончих, чья позиция была здесь — на крыше Административного Здания Горнодобывающей компании Марипони. Каламити пальнул в него, как только мы выбрались на крышу. Тварь превратилась в лужу, не успев даже крикнуть, не то что атаковать нас.

Странного вида антенна располагалась в центре прогнувшийся крыши. Она тихо гудела и была окружена издающими слабое голубое свечение драгоценными камнями. Вокруг антенны стояло несколько столов, на одном из которых, том, что был целее остальных, стоял лицом от нас работающий терминал. Остальные же столы были изрублены когтями в щепки. Необычные серебряного цвета коробки лежали рядом, все кроме одной также были изрублены. Отметины от когтей адских гончих виднелись по всей длине ограды, что огораживала крышу.

Здесь было несколько мёртвых пони. Все пегасы. Все одинаково одетые в чёрные панцирные доспехи.

— Группа разведчиков Анклава? — спросила я Каламити.

Наш пегас прошёлся среди трупов. Они были старые, только сухая и гнилая плоть висели на их костях.

— Нет, — сказал он, глядя вверх. — Это была научная группа.

Каламити подбежал к другой стороне терминала.

— Я не имею ни малейшего понятия, что они делали в Старом Олнее, или вообще здесь внизу. — Его голос был мрачным. — Но я хочу это узнать.

Я вспомнила, что Хомэйдж рассказала мне о той ночи, когда она нашла оружие звёзд. Джоукблу подозревала, что это была часть эксперимента Великого Пегасьего Анклава. Возможно, она была не так уж далека от истины?

— Может быть, мне попробовать взломать? — брякнула я; хотелось знать, какие тайны хранил терминал.

Закованная в броню голова Каламити взглянула вверх, и затем он, подняв забрало, тихо засмеялся.

— Прошу, — сказал он, отходя от терминала и приглашая меня к нему взмахом своего похожего на скорпионье жало хвоста. — Хотя не думаю, что тебе удастся его взломать.

— Да ладно тебе, Каламити, — добродушно засмеялась я. — Мне ещё не встречался терминал, который оказался бы мне не по зубам. — Меня распирало от гордости: мне был брошен вызов.

— Эт потому что они были не Анклавовские, — сказал Каламити со знанием дела.

Я высунула язык, как только подбежала к нему.

— Технологии у всех одни и те же. А это я, помнишь? Маленькая кобылка с ПипБаком на боку. Пусти-ка меня к нему.

Я впала в ступор, как только увидела интерфейс терминала. Он был сделан из странной белой субстанции, что я никак не могла опознать. Я протянула своё копыто, чтобы дотронуться до неё, но оно прошло сквозь субстанцию, будто там вообще ничего не было.

Это было сделано из... облаков? Какого хуя?

Каламити рассмеялся. Я огляделась. Анклавские коробки с запасами были закрыты и сделаны из того же материала, с белым либо светлым оттенком розового. Я посмотрела на Каламити, требуя объяснения, в то время как пони в моей голове возмущалась, что так не должно быть.

— Ну, а из чего, вы ожидали, пегасы всё делают? На небе полно городов, большей частью сделанных из облаков. — Я уж чувствовала, как он скалится под своим чёртовым шлемом. — Чё, думала, что только единороги могут использовать магию в собственных целях?

Я разочарованно остановилась. Сама идея, что есть терминалы и замки, в которые я не могу попасть, потому что они были сделаны из облаков, была просто... просто неправильна и несправедлива!

Слова Богини всплыли в моей голове: с системой управления, с которой справится только пегас.

Бля. Министерство Крутости построило главные системы управления из грёбанных туч. Любой пони, кроме пегаса, попытавшийся управлять системой, обнаружит слегка прижатый влажный воздух.

Мысль пришла мне в голову.

— Есть ли ктонибудь ещё, кроме пегасов, кто может работать с облачным интерфейсом?

— Неа, — важно заявил Каламити. И тут же исправился. — Агась. Грифоны могут.

Так вот как Красный Глаз собирался разобраться с первым препятствием. А теперь он пытается понять, как разобраться со вторым. Нас опять начало поджимать время.

Вздыхнув, я взметнула в воздух копыта от злости и рысцой побежала обратно к остальным, оставляя работу по взлому терминала Каламити. Но, передумав, подбежала к краю ограды крыши и левитировала к себе свой бинокль, чтобы осмотреть стоящую улицей дальше больницу. Она будто землетрясение пережила: по стенам шли огромные трещины, а одна из стен вообще упала. Жёлтый крест с розовой бабочкой посередине висел почти что отдельно от стены двумя этажами выше входа. Верхние болты выдернуло из стены, так что весь знак целиком ненадёжно нависал над улицей. Большинство окон были выбиты, и ветер Старого Олнея играл запятнанными занавесками больницы.

Несмотря на это, здание больницы оставалось одним из самых хорошо сохранившихся строений в городе, а также нашей последней надеждой найти медикаменты, которые были нужны, чтобы вылечить крыло Каламити.

Я посмотрела на крышу. Я отчётливо могла видеть причудливое, раскрашенное яркими цветами приспособление, позволяющее земным пони летать, светящееся на фоне заходящего солнца. Его бок украшало название "Грифинчейзер II". Оно выглядело неисправно, но я доверяла оценке Каламити.

Я посмотрела вниз, на главную дорогу Старого Олнея — Мэйн Стрит, с её набором железнодорожных путей, бегущих к центру. Адские гончие бегали от одного здания к другому стаями. Охотясь на нас.

И наступала ночь.

<=====ooO Ooo=====>

Я смотрела на шипы, украшавшие верхнюю часть кованых ворот. Они были некрасивы, имели болезненный вид. Я направила рог на один из них, металл осветился красивой голубой магией и изменил свою форму на изображение радостно скачущей кобылы.

Я послала молитву благодарности Селестии и Луне. Я была в кобыле-единороге. Я чувствовала себя в этом теле хорошо и правильно.

И более того — я купалась в солнечном свете. Самом ярком и чистом. Воздух был пыльным, но чистым, напоминая мне ещё раз о том, сколь странным был воздух в реальном мире.

Я обратила свой взор к следующему и сколдовала заклинание над ним. Он превратился в скачущего жеребца-единорога. Я была

напожена тем, насколько он номинал принца Блюблада. Практически идеальное сходство. Следующий щип осветился и превратился в единорога-кобылу, наклонившую голову, как бы посреди атаки с разбега, её рог был опасно направлен на шею Блюблада...

— Веди себя прилично, Рэрити, — услышала я, как моя хозяйка прошептала прекрасным голосом Рэрити. Голубое свечение магии снова охватило две фигурки, и они превратились в совершенно иные — в двух счастливых пегасов.

Я почувствовала странный трепет, поняв, в чьём теле я находилась. Следом за вспышкой чувства вины.

— То старое заклинание, да? — раздался голос прямо позади меня.

Я повернулась, и синяя пегаска с шокирующе радужной гривой оказалась в поле зрения.

— Это невоспитанно так подкрадываться к пони, Рэйнбоу Дэш!

— Я не подкрадывалась, — обороняясь, сказала пегаска. — Я просто летела. Не моя вина, что полёт тих. — Рэйнбоу Дэш была одета в фиолетово-чёрную униформу, что я видела раньше. — Итак, для чего же они послали тебя проделать весь этот путь до этой помойки?

Рэрити осмотрелась вокруг, и я признала вид Старого Олнея. Неповреждённого, в хорошем состоянии, шумного. Я увидела магазины и дома, что видела ранее как просто руины.

И всё же, как бы славно ни выглядел Старый Олней в этой памяти, это был явно не период его расцвета. Большинство магазинов было заколочено. Ощущение заброшенности висело над большей частью города. И большинство пони были явно или военными, или же связанными с Министерством Тайных Наук.

— Видимо, у них опять возникли проблемы с Алмазными Псами, — печально ответила Рэрити. — Флаттершай пыталась поговорить с ними, но это не помогло. Так что кое-кто решил, что, если я поговорю с ними, это больше поможет.

— Ну, — усмехнулась Рэйнбоу Дэш, — Я, кажется, догадываюсь, почему.

— Да ну?

— Разве Флаттершай не пыталась сказать им, что это не их дом больше? — спросила Рэйнбоу Дэш, паря в воздухе передо мной. — Или ты не знаешь, что это опасно?

— Конечно же она пыталась, — сказала Рэрити. — Флаттершай даже пыталась идти на компромиссы...

Рэйнбоу Дэш хлопнула себя копытом по лицу.

— Но это было, когда они обнаружили, что магические... — Мой хозяин искал подходящее выражение. — ...Побочные продукты Твайлайт, скажем, начали проедать бочки. Санны потеряла пони, пытающегося переместить их, когда несколько бочек разорвались, как будто они были сделаны только из покрывавшей их когда-то краски. — Я наблюдала, как мы осматриваем Рэйнбоу Дэш сверху донизу. — Знаешь, я до сих пор поверить не могу, что ты носишь это.

— Эй, мы же элитные воздушные силы Луны. Как ещё мы будем называть себя?

— Как насчёт чего-нибудь, Кроме "Шедоуболты"? — пренебрежительно предложила Рэрити.

— Ну а почему бы не сыграть на сумасшедшем страхе зебр перед Найтмэр Мун? Оригинальные Шедоуболты были как раз Найтмэр Мун, не так ли? — Рэйнбоу Дэш заговорщически ухмыльнулась. — Почему бы не использовать это в наших интересах? Каждая зебра, что видит нас и покидает поле боя — это на одного меньше, кого надо убить и кто мог бы убить кого-то из наших.

— Тем не менее, я никогда не смогу привыкнуть к тебе, выглядящей так.

— На самом деле, — сказала Рэйнбоу Дэш, закинув копыто за голову и пригладив им гриву, — У меня была мысль насчёт этого. Как думаешь, твои старые швейные навыки сойдут для работы с бронёй? — поддразнила пегаска Рэрити.

— Рэйнбоу Дэш! Ты меня обижаешь!

— О! — раздался возглас откуда-то слева от моего хозяина. Через мгновение серый пони в военной форме остановился после галлопа и отсалютовал Рэйнбоу Дэш. Рэрити отступила назад.

— Вольно, э-э... — Дэш посмотрела на униформу пони. — ...командир танка?..

— Торчвуд, мэм! Большой ваш поклонник. Следил за вашими успехами, начиная с Воңдерболтов!

Лицо Рэйнбоу Дэш оживилось.

— В самом деле? Видели ли вы меня в прошлом году на Галоп-Коне?

Мой хозяин покачал головой.

— Дэш, кажется, ты будешь некоторое время занята. Я догоню тебя позже, — сказала она любезно, хотя это пегаска искала её, а не наоборот. — Как думаешь, к обеду освободишься?

Рэйнбоу Дэш обернулась назад.

— О, да, без проблем. Я хотела бы подбросить тебе несколько идей.

Я почувствовала, как Рэрити улыбается.

— Кроме того, — добавила Рэйнбоу Дэш, подлетев поближе и шепча на ухо, — До меня дошёл слух, что ты работаешь над новым заклинанием вместе с Министерством Мира. Что-то насчёт сохранения пони живым и спящим на неограниченный срок...

— Анабиоз, да, хотя это и очень плохое его описание, — ответила Рэрити, кивнув. — И я работаю над ним для них, а не с ними. На некоторых... частных направлениях исследований, наконец принёсших кое-какие плоды. Но оно всё ещё нуждается в некоторой тонкой настройке.

Дэш широко улыбнулась.

— Отлично. Потому что это звучит как то, что я как раз ищу.

Рэрити подняла бровь.

— Смею ли спросить?

— О, лишь часть Проекта Одного Пегаса.

Я почувствовала, как Рэрити нахмурилась.

— Ты имеешь в виду ту вещь, котрую ты сделала ужасным бельмом на глазу всей нашей прекрасной Эквестрии? — Она фыркнула.

— Они будут лучше выглядеть, как только будут готовы. Я обещаю. Эплблум говорит, что они будут "элегантными". Тебе же нравится элегантное, не так ли?

— Да, нравится. Но я повременю с решением, пока сама не увижу их.

По морде Рэйнбоу Дэш расплылась широкая улыбка.

— Просто подожди, пока не увидишь главный центр. На самом деле, ты можешь увидеть его строительство, если построишь с крыши больницы. Просто повернись лицом к водонапорной башне и взгляни около сотни миль вперёд и вверх. — Рэйнбоу Дэш сделала паузу. — Ну, возможно, потребуется бинокль...

— Уж скорее телескоп, — возразила Рэрити.

— Хе-хе. Ага. Во всяком случае, оно пока ещё не названо. Они не позволяют мне назвать это, как я хотела, хотя это мой чёртов проект и моё Министерство. Так что...

— Ты хотела это назвать "Мегакрутой Центр Грандиозной Суперпотрясности Рэйнбоу Дэш", не так ли? — спросила Рэрити, дразня Дэш в ответ.

— Не-е-е-ет! — с негодованием отозвалась Рэйнбоу Дэш. А затем призналась: — Не совсем.

Рэрити рассмеялась очаровательным и счастливым смехом.

— Иди, удели время своему поклоннику, Дэш. Встретимся позже.

Рэйнбоу Дэш ухмыльнулась и, помахав копытом, полетела к командиру танка Торчвуду. Через несколько секунд они уже были погружены в обсуждение воздушной акробатики Рэйнбоу Дэш. Пегаски, которая, по всей видимости, могла выполнять сверхзвуковые радужные удары даже во сне.

Рэрити повернулась и побежала прочь, напевая радостную мелодию.

<-=====ooO Ooo=====>

* * *

— Что ты сделал? — требовала ответа Каламити Ксенит, когда я покинула память. Пегас нервно переступал с ноги на ногу.

— Я не знаю. Она сама начала делать это. — Мои уши уловили высокий писк антенной решётки. Я взглянула на Каламити, смотрящего на терминал так, словно тот подвёл его.

С замиранием сердца я спросила.

— Что, блокировка сработала?

Каламити покачал головой.

— Не-е, вошёл почти без проблем. Не так уж сложно было. — Он посмотрел на меня широкими под жутким жукоподобным шлемом глазами.

— И? Что это за место? Это то, о чём ты думал?

Каламити сглотнул.

— Это Анклавовский эксперимент. Под руководством Харбинджера, одного из членов Высшего Совета Анклава. Они тут игрались с магически контролируемые звуковыми излучателями, надеясь подчинить адских гончих.

— Они пытались сделать из этих существ рабов, — негромко сказала Ксенит.

Я посмотрела кругом, впиваясь свежим взглядом в крыши.

— Не думаю, что это сработало.

— Как думаете, возможно ли то, что нам несказанно повезло и Каламити только что врубил сигнал Оставьте-Нас-В-Покое, — мрачно пошутила Вельвет Ремеди, подошла трусцой к краю крыши и глянула вниз на улицу. Она тут же отпрянула обратно с широко раскрытыми от испуга глазами, и её шерстка угольного цвета только подчёркивала побледневшее лицо.

Я осмелилась выглянуть. Солнечный жар страсти Селестии! Улица была забита адскими гончими. Их были десятки. Большинство вылезло из дверных проёмов или карабкалось по зданиям. И все направлялись к нам.

И выглядели разозлёнными.

Примечание: максимальный уровень.

<<< ^^ >>>

Глава 31. Прерванная Жизнь

«У всех нас бывают тёмные моменты. В такие моменты мы можем обратиться к Богиням, но хорошо иметь друзей.»

<<< ^^ >>>

Воспоминания.

Все возникающие у нас мысли, все принимаемые нами решения имеют корни, лежащие глубоко в толще нашего жизненного опыта. Чтобы понять самих себя, мы должны обратиться к нашему прошлому. К нашим воспоминаниям.

Я считаю, что наше прошлое и наши сердца делают нас такими, какие мы есть. Нас определяют наши воспоминания. Но что если мы их утратим? Потеряем ли мы связь с основами? Поддадимся ли свободному течению? Останемся ли теми, кем были?

Если бы вы могли заблокировать свои самые ужасные и болезненные воспоминания, воспользовались бы вы этой возможностью чтобы избежать боли? И если да, не утратили бы вы важную часть себя при этом?

А что же более высокий уровень мышления? Причинность, рациональность? Если я забуду все открытия, приведшие меня к пониманию чего-то, смогу ли я открыть это что-то для себя снова? Пойму ли я логику дискуссии, если не могу о ней вспомнить?

Так насколько же важны воспоминания для нашей способности мыслить вообще? Или, по крайней мере, мыслить ясно?

А что если наоборот? Что если добавлять к своим ещё и чужие воспоминания? Как часто можно проживать жизни других пони, принимать их решения, переживать с ними их радости и горе, прежде чем разделяющая вас грань начнёт размываться?

Были ли шары памяти настолько же выразительны, как и особенно хорошо написанные книги? По своему опыту я знала, что в шарах памяти сохранялись только ощущения. Погрузившись в шар памяти, я могла видеть, слышать и осознать, равно как и ощущать вкусы и запахи, но не имела доступа к мыслям и эмоциям владельца этих воспоминаний. Оказывает ли видение жизней других, неважно, насколько колоритное, влияние за гранью знаний и развлечений?

И что случается с пони, переживающими один и тот же шар памяти снова и снова?

А что если пойти дальше? Что если бы вы могли слышать мысли других пони? Заглядывать в их разум? Может, даже ощущать их воспоминания?

Что если бы вы были Богиней?

Кем же нужно при этом быть, чтобы сохранить хотя бы каплю самосознания?

* * *

Я с ужасом взирала на заполняющую улицы толпу адских гончих. Они выбегали из переулков и полуразрушенных домов. Они вылезали из окон и появлялись из тёмных дверных проёмов практически каждого здания, которое я видела. Каждого, правда, кроме одного, куда мы как раз и направлялись — больницы.

Первые гончие уже добрались до Административного Здания Горнодобывающей компании Марипони. Некоторые ворвались внутрь. Остальные тем временем вгрызлись когтями в кирпичный фасад и начали взбираться по стенам.

Каламити повернулся к ящикам Анклава и принялся разбирать разодранные когтями контейнеры, пока не нашёл единственный неповреждённый. Я услышала его шёпот, звучащий как молитва, хотя я не знала ни одного высшего существа, к которому мог обратиться Каламити. Закончив, он стремительно застучал копытами по облачному замку, набирая код.

Ящик с шипящим звуком открылся и обдал нас порывом холодного воздуха. Внутри был... комок пушистых белых облаков.

Я бы непременно сделала фэйсхуф, если бы не возглас, который издал Каламити, увидев содержимое, прозвучавший явно ликующе. Пегас опустил голову и скинул шлем, высвободив свою рыжую гриву. Его широко раскрытые глаза и самодовольная улыбка приподняли мне настроение. Он скрывался за этой чёрной насекомоподобной маской слишком долго, и я успела по нему соскучиться.

— Как ты узнал комбинацию? — с любопытством спросила Ксенит.

— Нуль-один-нуль-четыре. День рождения Харбинджера. — Каламити гордо улыбнулся. А затем смущённо признался: — Эт на терминале было.

— Облако?

— Агась! Вы се попали в эт заваруху из-за меня. Я вас из неё и вытащу.

Он опустил голову в ящик Анклава и взял кучку облаков зубами. (Он укусил облако и поднял его! У маленькой пони в моей голове случилась аневризма.)

— Смоф'ифе! — хвастливо произнёс он сквозь облако в зубах и подошёл к краю крыши, обратившись лицом к больнице. Прямо перед ним над крышей показалась лапа взбирающейся по стене адской гончей с длинными, разрывающими плоть и броню когтями. Каламити отскочил назад, выронив связку облаков (которые просто остались висеть в воздухе, где он их отпустил).

БАХ! Дробовик Вельвет Ремеди выстрелил, и тяжёлая пуля ударила Адскую гончую прямо в центр её левой груди. От удара плоть содрогнулась, словно желе, но устояла. Тварь взвыла от боли и повалилась вниз, сбита выстрелом.

— Слава Селестии! — с облегчением вздохнула Вельвет Ремеди. Я удивлённо моргнула, понимая, что та благодарит Богиню за то, что шкура адской гончей была достаточно толстой, чтобы остановить тяжёлую ружейную пулю, выпущенную в упор. До этого я использовала против них только Малый Макинтош и снайперскую винтовку. Мне повезло с выбором оружия. Остальное вряд ли смогло бы их пробить.

Ещё одна гончая взобралась на крышу точно перед Ксенит. Зебра плавным движением нанесла точный удар в грудь твари. Я услышала хруст рёбер, и гончая упала, с хрипом пытаясь вздохнуть, как я понимала, из-за проколотого лёгкого. Второй удар отбросил гончую за край, где она врезалась во вторую, и они вместе полетели в переулок. Одна из них упала спиной на край открытого мусорного контейнера, который издал громкий лязг.

Трудно было понять, что выглядело страшнее: адские гончие или Ксенит, способная убить их голыми копытами.

— Благодарю любезно, Вельвет! — Каламити вернулся к парящему облаку и пнул его. Облако стало разворачиваться, разматываясь, словно ковёр, и растянулось над улицей.

Ещё три адские гончие перевалились через край крыши. Вельвет Ремеди отошла назад и запела, взяв ту самую безупречную высокую ноту. Все три гончие схватились за уши. Две остановились и попятились обратно к краю. Одна, ухватившись за него, начала спускаться, а другая, идя назад, оступилась и, комично размахивая лапами, свалилась с крыши.

Третья метнулась вперёд, почти наугад ударив Вельвет Ремеди взмахом лапы. Вельвет отпрыгнула, но её правая голень осталась на месте, медленно повалившись в растекающуюся лужу крови. Голос Вельвет оборвался неестественным визгом, она тут же подхватила отрезанную голень телекинезом и устала на собственную ногу, заканчивающуюся окровавленным обручком в паре дюймов над тем

местом, где раньше было колено.

Чудовище отвело лапу назад, один из её когтей был покрыт кровью Вельвет Ремеди. Четыре разряда магической энергии тут же ударили её в противоположную лапу. Самка Адской гончей вспыхнула и растворилась.

— Вельвет!

Я в ужасе закричала. Каламити рывком подскочил к угольно-чёрной единорожке, подхватив её, когда та начала терять сознание, всё ещё не отрывая глаз от того места, где должна была быть её правая голень.

— Я... смогу это поправить, — прошептала она. В следующее мгновение Вельвет повалилась на заботливо подставленные копыта Каламити.

Паерлайт взмыла в воздух, издав скорбный крик.

НЕТ!

Ксенит, не мешкая, принялась доставать из сумки зелья, пока не нашла нужное. Она разбила его о крышу и приказала пегасу:

— Обмакни её рану в это! Живо!

Зелье выглядело в точности как тот пудинг, который Ксенит дала Вельвет, чтобы Каламити не погиб от потери крови, после того как ранил крыло.

Подхватив обрубок ноги Вельвет магией, я поднесла и его к этому пудингу и опустила в растёкшееся по полу месиво.

— Мы всё исправим, — простонала я с решимостью в голосе. — Она исправит. Она так сказала!

Я слышала, как по зданию и по его стенам стремительно поднимаются другие адские гончие.

Каламити держал Вельвет, ошеломлённо глядя на неё. Его глаза блестели, как и броня, покрытая кровью Вельвет.

— Каламити, давай! — прокричала ему на ухо Ксенит, выведя пегаса из транса. Он с такой силой ткнул кровоточащим обруском в лечебную пасту Ксенит, что бывшая без сознания Вельвет застонала.

Повернувшись ко мне, Каламити приказал:

— Ксенит, закинь Лил'пип мне на спину. Лил'пип, ты левитируй сех остальных, кроме нас с тобой. И не забудь ногу Вельвет!

Он выпустил из передних копыт Вельвет Ремеди и, галопом добежав до облачного ковра, ступил на него. Облако держало его, словно было сделано из стали.

Грубо потянув меня за гриву, Ксенит подняла меня на спину Каламити. Я поморщилась, но слёзы, пеленой застилавшие мои глаза, были предназначены Вельвет. Я подняла её безвольное изувеченное тело в воздух, охватив магией и её отрубленную конечность. А затем, наконец, и Ксенит.

Две гончие ворвались на крышу через люк. Третья прорыла путь прямо через перекрытие, получив по носу разодранным ящиком Анклава, скатившимся в образовавшееся отверстие.

— Пускай тут попробуют нас нагнать! — Каламити перешёл на галоп, неся меня над улицей по слою облаков, а наши друзья пересекали городской каньон, удерживаемые в воздухе моей магией.

Две гончие из люка опустились на лапы и, рванув следом за нами с Каламити, прыгнули. Они бы приземлились прямо перед нами, но пролетели сквозь облака (что, вообще, свойственно и живым существам и облакам) и рухнули на улицу под нами. Одна из них поднялась, отряхнулась и, взглянув на здание, в которое мы направлялись, повернула в другую сторону. Вторая свернула при падении шею и уже не встала с земли.

— Я полагаю, у нас есть время обшарить больницу, пока сигнал с маяка не прекратился, — проржал Каламити, оглядываясь на проход из облаков. Адские гончие продолжали разрывать Административное Здание Горнодобывающей компании Марипони, не обращая внимания на наш побег. — Я останусь здесь и почию эту развалюху.

— И я... хочу остаться... здесь, — с трудом выдохнула Вельвет. — И защитить... Каламити.

— Ты собираешься защитить меня? — Каламити окинул её недоверчивым взглядом.

Она улыбнулась в ответ с ярким самообладанием.

— Если мой голос не может... успокоить диких зверей... он может... по крайней мере... обратить их в бегство.

Я ненавидела этот план.

Слова не могли описать, как сильно я ненавидела этот план. Единственной вещью, заставившей меня согласиться с этим планом, была острая нехватка времени, невозможность найти лучший путь и искра надежды, вызванная реакцией одной адской гончей. Надежда, что, возможно, адские гончие имеют отвращение к больнице, что защищает нас.

Повернувшись к Ксенит, я жестом указала ей следовать рядом. Мы не могли терять времени, и сейчас мы имели две большие раны, требующие медицинских средств высшего класса. Я молила Луну, чтобы это место не было уже вычищено до нас. Чтобы каким-нибудь образом, по какой угодно причине в этой больнице всё ещё оставался хороший запас.

— Вот дерьмо, — произнёс Каламити, всё ещё глядя через воздушный мост. В тревоге я повернулась к нему, мой желудок ухнул вниз. О, Богини, пожалуйста, только не это! Пожалуйста!

— Я свой шлем оставил.

Я захотела очень сильно его лягнуть.

— Забей. В любом случае без него ты выглядишь лучше! — Меня поразила мысль. — Ты можешь стрелять из этих винтовок без интерфейса шлема?

— Нет.

Мое ощущение падения стало ещё сильнее.

— Сколько осталось патронов для Грома Спитфайр?

— Ну щц вставлю новую обойму, но у меня их тока три. Да ещё два патрона в этой.

Больше, чем он успеет выстрелить, если будет вести огонь в одиночку. Я мрачно посмотрела на Вельвет Ремеди.

— Иди, Пип. Я позабочусь о нём, — настаивала Вельвет. Паерлайт приземлилась рядом с ней, надувая грудь и выглядя свирепой.

Я кивнула, окинув взглядом Каламити, а затем машину конфетной раскраски — Гриффинчейзер II

— Ты сможешь его починить?

— Агась, конечно, терь иди!

Паерлайт подарила мне душераздирающий взгляд.

Ксенит уже ждала меня у двери, ведущей с крыши. Я кивнула в последний раз, молясь Богиням, чтобы это был не последний раз, когда я их вижу живыми, и поскакала молча прочь.

Мы с Ксенит шли через разрушенные серые коридоры с облупившейся жёлтой обшивкой. Частички пыли плавали в воздухе. Иногда обломки осыпались с потолка.

Я шла впереди, двигаясь быстро и незаметно, проверяя комнаты. Мой Л.У.М. показывал, что в больнице есть многочисленные враги, скрывавшиеся где-то впереди и позади нас. Из моего опыта по Стойлу Двадцать Четыре я подозревала, что они были на уровень ниже.

Меня поразила несправедливость того, что, даже находясь под сигналом, адские гончие охотились на нас в этом месте. Но уже будучи готовой проклинать небеса (размышляя, что, возможно, мне стоило бы проклинать всё-таки звёзды), я вспомнила о Каламити и блотспрайте в кладовке. Проклятье умерло в смехе, когда я поняла, что, по всей вероятности, мы окружены враждебными насекомыми — блотспрайтами или радтараканами... или тем, во что там могли превратиться радтараканы под влиянием Порчи.

Когда я начала спускаться по коридору, мои уши вскинулись, услышав счастливо знакомый "мужской" голос.

"Кто сказал, что вы не можете вернуться домой? Эта стойкая кобыла из Стойла Два уверенно пошла и спасла свой проклятый дом от порочной и неспровоцированной атаки Стальных Рейнджеров, собиравшихся полностью вырезать его население и открыть там магазин. Но в это время, дети, Обитательнице Стойла помогли! Это правда! Наш Луч Света в темноте и жестокости мира нашёл отклик в сердцах других пони! И не только пони, но и грифонов тоже. Даже гули приложили к этому копыто!"

Я говорю вам, дети: это самая прекрасная вещь, которую я когда-либо видел в Эквестрийских Пустошах. Народ, пони и непони подобные, были свидетелями самоотверженной помощи нашей Героини всем вокруг неё, и многие из нас приняли её пример к сердцу. И когда наша Спасительница Пустошей больше всего нуждалась в нас, мы пришли!

Сейчас я спрашиваю каждого из вас, и этот вопрос идёт прямо из сердца Диджея Рон3 к вашим сердцам: когда придёт возможность, придёте ли вы тоже?"

Я почувствовала, как краснею, но смущение было похоронено под любовью к серой единорожке за этим голосом. Её слова были подобны лучу маяка в моем урагане тьмы.

"Позвольте мне рассказать вам немного о пони, что сделали шаг вперёд. Потому что вы не поверите в это! Множество Стальных Рейнджеров всех мастей и званий решили взбунтоваться против своих Старейшин и обязались помогать страдающему народу Эквестрийской Пустоши! Вы правильно меня поняли, дети. Некоторые из этих покрытых сталью пони на нашей стороне!"

Это не было просто, ведь их Старейшины приказали открыть на них охоту. Я получаю сообщения о сражениях Стальных Рейнджеров и Стальных Рейнджеров-Отступников на улицах от Мэйнхэттена до Троттингэма. Также у меня есть удивительные сообщения о том, как Отступники сносят рейдерские лачуги и скачут на помощь караванам. Так что если вы увидите одного из новых Рыцарей-Отступников или Паладинов, поблагодарите их. Может быть, небольшим количеством боеприпасов."

Я чувствовала благодарность и боль, думая о СтипХувзе и тех, кто последовал за ним. Сражающихся на улицах, борющихся за их жизни, поскольку они выбрали не идти за эгоистичными и злыми пони. Пони в моей голове задалась вопросом, что произойдёт, если пегасы когда-нибудь узнают правду о мире, что существует ниже их копыт. Придут ли они на помощь, пойдя против своих лидеров?

Я двигалась вперёд, следуя за голосом, толчком открыв дверь в офис, где говорило старое, пыльное и заброшенное радио, лицевые диски которого всё ещё пылали от голоса DJ Рон3 с небольшим стальным эхом.

"И последняя передача лично для Обитательницы Стойла. Ещё одно сообщение от моей помощницы... но не волнуйтесь, дети. Я читал его, и в этот раз оно вполне целомудренно..."

Я замерла, воображение услужливо представило всё, что я могла сейчас услышать, начиная с очередных невероятно постыдных обещаний, заканчивая ещё одним душераздирающим сообщением, как то, об атаке Стойла Два.

"Она сказала: Где бы ты ни была сейчас, я думаю о тебе. Я смотрю наверх, в темноту ночного неба, и знаю, что смотрю на ту же тьму вместе с тобой. Мы никогда не будем разлучены, независимо от того, насколько далеко ты заберёшься, чтобы помочь нам, отдавая себя от этого места. Ты всегда будешь в моём сердце."

Я люблю тебя, Литлпип."

Я почувствовала, как зачастило моё сердце, разрываясь от счастья.

"Ах... разве это не романтично? Неужели это не затрагивает струны ваших сердец? Когда это моя помощница стала такой дрянной? Ох, здесь P.S.: Тридцать один. Ха. Что бы это значило?"

В голове помутнело. Я просто тонула в смущении, сгорала заживо от жары, внезапно вспыхнувшей во всём моём теле.

— Ох, прелестно, — произнесла нараспев Ксенит где-то позади меня, в её экзотичном голосе не слышалось и следа сочувствия. Она наклонилась вперёд и прошептала мне на ухо: — Я должна сказать Вельвет Ремеди, прежде чем она услышит это от незнакомца, не так ли?

Я была уничтожена, умирала от унижения. Хомэйдж изгнала меня в мир смущения, а Ксенит заключила в темницу ожидания мучений в этом мире.

Только несколькими часами позже я поняла, что слова Ксенит несли скрытую надежду на то, что Вельвет Ремеди выживет. Давая понять, что Вельвет скоро будет постоянно меня дразнить, Ксенит разогнала мой страх того, что я чуть было не потеряла её.

Медицинский кабинет с лёгкостью открылся, замок на двери не был сложным испытанием. Ксенит начала собирать медикаменты и бинты внутри. Госпиталь до сих пор был просто сокровищницей мелких припасов, но совсем не тех сильных зелий, которые мы так отчаянно искали. Я осмотрела наполненную гниющими кроватями, оборванными ширмами и опрокинутыми капельницами комнату. Ночной ветер вырывался из сломанных окон, заставляя занавески танцевать, словно привидения. Неприятный запах сотен адских гончих прошёлся сквозь комнату. Я выглянула наружу и увидела их всех, взбирающихся по зданию напротив нас, словно рой пчёл.

Я удивилась, почему они просто не разрушили решётки. Может, они не могли. Может, в пульсации было что-то, что не позволяло им этого. Всё же, с множеством пытающихся забраться на крышу, они рано или поздно случайно сломают её.

Я посмотрела в другую сторону, за дверь. Посреди зала была комната медсестёр. Никаких красных точек на моём Л.У.М.е. Я дала Ксенит знать, где я буду, и пошла туда. Когда я приложила ухо к двери, мне послышалось змеиноподобное шипение. Я ещё раз проверила Л.У.М., но угроз нигде не было.

Дверь была заперта. Опять же, не сложное испытание. Но когда я попыталась толкнуть дверь, она не хотела двигаться с места. Я оттолкнулась, наваливаясь всем своим весом, и услышала треск изнутри, как только дверь открылась на полметра. Быстрое щёлканье

раздалось из моего ПипБака.

Я, кашляя, просунула голову и увидела, что потолок рухнул, заполнив собой большую часть комнаты. Сломанные терминалы и офисное оборудование захламляли пол вокруг больших кусков конструкционного материала. Я частично могла видеть комнату выше, где балансировала ванна, висящая только лишь на трубах уборной. Вода брызгала из трещин в них, замачивая щебень внизу и сливаясь на уровень под нами через этаж с комнатой медсестёр. Всё это образовалось за десятилетия повреждений водой.

Внутри была не то что бы комната, но там был закрытый металлический шкаф с большой красной надписью "КОНФИСКАТ", до которого я могла бы добраться. Я сняла седельные сумки и протиснулась внутрь.

У шкафа был сложный замок. Вполне в моих силах, но он заставил меня напрячься. Настолько, чтобы я почувствовала гордость, когда он открылся. Внутри были наркотики. Бак, Дэш, Минталки, множество обезболивающих, а также пули и порошки, которых я не знала. Но не только. Ещё шар памяти. Нож с клинком, мерцающим неестественным фиолетовым светом. И копия "Тактики шпионажа зебр". Я левитировала к себе седельные сумки. И, используя телекинез, сложила содержимое ящика в одну из них.

Сверху лежала жестянка с праздничными минталками. Моё сердце ёкнуло.

Я обернула жестянку магическим полем.

"Есть ли у нас на это время?" — спросила маленькая пони в моей голове. — "Нужно спешить. Мы можем выбросить это позже."

Я знала, что она лгала.

И знала, что от них надо избавиться сейчас же. Если я возьму минталки с собой, искушение взять одну, когда всё пойдёт к чёрту, будет слишком сильным.

"Ой, ну же. Ты сильнее этого," — настаивала пони. И я была сильна, так ведь?

Или... что если Ксенит может использовать их для зелий или чего-нибудь ещё? Было бы обидно зазря выкинуть.

Проклятье, я потеряла слишком много времени! Закрыв седельные сумки и левитировав их к себе, я выскользнула из сестринской.

Внутренняя борьба отвлекла меня, и я даже не заметила красный огонёк, появившийся на самой границе локатора.

Богинь не существовало! Они бы не позволили появиться на свет тому, что я видела перед собой.

Это... отродье, двигавшееся передо мной по коридору, определённо когда-то было пони. Сохранившихся черт лица пони было достаточно, чтобы раскрыть эту чудовищную правду. Невозможно было подобрать слова, чтобы описать его ужасное отвратительное тело. Лучшее, на что был способен мой мозг, это мысль, что пони начал таять, потерял всю шерсть за исключением отдельных клоков гривы и хвоста, плоть под которыми перестала плавиться (произвольно и не вся сразу), а стала разбухать и покрываться нарывами. Его глаза, впалые, огромные и красные, уставились на меня. Распухший и растянутый язык выпал из мерзости, бывшей его ртом, и распался на повисшие свободно отростки. Щупальца, казалось, жили своей жизнью, извиваясь, словно от сильной боли.

Я застыла на месте, словно приросла к полу, не имея ни сил, ни желания двинуться. Я хотела броситься прочь с криком, когда отростки этого языка стали волнообразно покачиваться и в следующее мгновение метнулись вперёд, растянувшись на всю длину коридора, и обхватили одно из моих копыт мокрыми объёмами. Я упала, и этот корчащийся кусок плоти потащил меня к себе. Я не могла оторвать взгляда от его глаз, снова попыталась закричать, но он каким-то образом лишил меня голоса.

Его языки подняли меня над дёргающейся, лишённой шерсти массой. Из рта вырвался ещё один язык-щупальце, тентакли развернули меня, так что перед глазами у меня оказался потолок, и сковывавший меня паралич пропал. Я начала отбиваться и испустила полный ужаса крик.

Щупальца были невероятно сильными. Я не могла освободить копыта. Меня продолжало крутить, пока я не оказалась к этому отродью затылком, коридор перед моими глазами перевернулся с ног на голову. Я увидела, что из комнаты мне на выручку бросилась Ксенит и... с широко раскрытыми глазами замерла на месте.

Я почувствовала ещё один тентакль, скользнувший по моему телу, и с ужасающей униженностью осознала, что эта масса плоти не собиралась меня убить...

— **НЕТ!** — закричала я, полная ярости и первобытной паники. — **НЕТнетнет — БАХ!! — нетнетнет — БАХ!! — нетнетнетнет!!! — БАХ!!** Мои крики прерывались неистовыми выстрелами Малого Макинтоша, из которого я слепо палила по живому куску плоти.

Я почувствовала приторную вонь. Щупальца обмякли и отпустили меня. Я упала на эту тварь, чьё тело было словно тёплый и скользкий мешок с проступавшими изнутри готескными мышцами и сухожилиями, а затем — на пол. Я поползла прочь. Моё тело казалось мне отвратительным и омерзительным в местах, где оно коснулось меня.

— О, Литлпип, мне так жаль, — выкрикнула Ксенит, галопом пустившись мне навстречу.

Я пыталась сдерживать дрожь в коленях. Пули Малого Макинтоша оставили зияющие дыры в плоти этой твари.

— Ч-ч-что *эт-т-то* т-такое?

— Я не знаю, — с ужасом в голосе ответила Ксенит. — Но мы должны быть осторожны. Мы можем снова встретиться с ними и с их Взглядом.

Мы двигались между рядов больничной аптеки. Наши копыта оставляли следы на покрывавшем пол слое просыпавшихся порошков. Многие стеллажи упали, пролив содержимое на плитки кафеля.

Я направила фонарик ПипБака на едва различимые этикетки стоявших на полке склянок — незапятнанные ничем медицинские сокровища. Ксенит рысью подбежала к ним с мешком в зубах, который она ранее нашла в секции бытовых вещей. Она сгребала баночки в мешок копытом, выбирая их будто просто наугад. Я не знала, помогут ли они Каламити или Вельвет Ремеди, но я научилась доверять Ксенит в вопросах алхимии и зельеварения.

Мы обе замерли, услышав слабое шарканье ещё одного ходячего куска плоти. Бросив мешок, Ксенит направилась к прилавку, а я — ко входу в аптеку.

Ксенит поднялась, осторожно выглядывая из-за прилавка. Не двигаясь. Каждый мускул её тела оставался неподвижен. Я услышала очень тихий звук, приглушённо вырвавшийся из её горла, когда из соседней комнаты вытянулись языки отродья и, растянувшись, начали обвиваться вокруг неё.

Я выскочила из аптеки, завернула за угол и, едва заметив эту тварь, яростно сжала глаза и выпустила в её направлении несколько очередей из винтовки зебры. Я услышала дикий вопль и тут же почувствовала резкую вонь, исходящую от разбухшей загоревшейся плоти этого отродья. Я открыла глаза и увидела, как Ксенит освободилась из ослабевших конечностей, по которым к ней уже подбирался огонь. Она едва не сгорела заживо.

— Извини, — сказала я с гримасой на лице, когда мы обе откашлялись, и замолчала, мысленно отметив, что не следует больше использовать винтовку зебр против этих... или, если уж на то пошло, каких-либо других порождений Порчи, особенно учитывая моё везение

при работе в паре.

Сумка Ксенит отвязалась, и я помогла ей привязать её к поясу. Вместе мы пошли к ближайшей лестнице, не отвлекаясь на то, чтобы заглянуть в мусорки. У нас и так ушло куда больше времени, чем я могла спокойно потратить. И это беспокойство даже не было связано с жутким зудом, распространявшимся по моему телу.

Согласно старым надписям, на следующем этаже были расположены отделение неотложки и операционные. Именно на этот этаж мы возлагали особые надежды найти экстра-сильные восстанавливающие зелья.

К ним надо подкрадываться сзади, мы быстро поняли это. Один взгляд в лицо этим скользким комьям плоти парализовывал и тело и разум. Мы не знали, могут ли эти существа повлиять сразу на двух кобыл, но ни Ксенит, ни я не были настолько глупы, чтобы отважиться на такой эксперимент.

Впрочем, во многом они были полной противоположностью адским гончим. Эти медленные, тупые чудовища нисколько не полагались на тактику, а руководствовались низменными желаниями. И их плоть была слаба. Даже пуля малого калибра могла вызвать большие зловонные разрывы в их бургристых телах.

Мы добрались до хирургического этажа. Вдоль стены маленькой приёмной в ряд стояли скамейки, на полу, усыпанном сгнившими брошюрками лежали несколько скелетов пони, у двоих были сломаны кости таза. Меня пробрала дрожь, когда я поняла, что бедные кобылы погибли не от того ужаса, что вторгся в их тело, а от того, что из них вышел.

Коридор за залом ожидания оканчивался парой дверей, открывавшихся в обе стороны. На полпути к ним в стороны от коридора вели две массивные, словно закрывавшие сейф двери, рядом с которыми на стене висело по терминалу. Одна из комнат была хранилищем медицинского имущества этого этажа. Знак над другой гласил просто и ясно: "ИЗОЛЯТОР". Был, по крайней мере, один положительный момент — больница в целом не выглядела разорённой мародёрами. Не было видно и следов от когтей гончих. Теперь-то уже не было тайной, почему они избегают этого здания.

— О, Богини, — раздался казавшийся слегка металлическим голос из-за двойных дверей операционной. Мой Локатор Ушки-на-Макушке показывал две отметки, одна из них определялась как невраждебная. Другая горела красным. — Мисс Тюлип, я опасаясь, что вы явились с серьёзным смертельным случаем. Я боюсь, это превосходит мои скромные навыки, но могу порекомендовать строгий постельный режим и сообщу первому освободившемуся врачу о вашем самочувствии.

Мы вдвоём прокрались по коридору и остановились у терминалов. Тот, что открывал комнату с мед. имуществом не работал, и мне пришлось взламывать дверь телекинезом.

— Добрый день, господин испытываемый, — произнёс странно весёлый голос. — Я рад видеть, что ваши цвета отчасти восстановились. Позвольте, я заменю ваши IV-ампулы. Нет, нет, не дёргайтесь. Вы только делаете хуже. Эти ремни ради вашей же пользы.

Затвор сдвинулся, неохотно скользнул в паз, и дверь в мед. хранилище открылась. Я осветила фонариком ПипБака в темноту, всем сердцем надеясь на проблеск удачи. Внутри были стойки с обвалившимися полками. Металлический шкаф оторвало от стены и опрокинуло на край прилавка. Створки открылись наружу, а содержимое пролилось и просыпалось на пол.

Ксенит встала на стрёме, а я шагнула внутрь. Двигаясь осторожно, словно жертвы, которыми мы и были, нам достаточно было лишь немного везения, чтобы зайти и выйти незамеченными теми, кто находился в соседней комнате.

Один из шкафов в целом выглядел нетронутым, но, судя по пятнам перед дверью, его содержимое постигла куда менее завидная участь.

Моё сердце провалилось в желудок и начало перевариваться.

Бодрый голос снаружи произнёс:

— Мисс СанШауэр, дорогая, давайте вернём это обратно. Вы никогда не вылезаете, если будете и далее терять свою голову, как сейчас.

Мои копыта стали страшно тяжёлыми, как я подошла к шкафу. Он был заперт на хитрый замок. Я не сразу открыла его, но это было отчасти из-за пробирающего меня страха.

— В самом деле, эти уборщики — абсолютные лентяи? Только поглядите на состояние этого помещения. Полная анитисанитария. Если бы тут показались инспектора Министерства Мира, некоторых пони точно бы уволили.

Мне хотелось сорваться в галоп, найти источник голоса и залягать его до смерти. Вместо этого я открыла дверцу шкафа.

Джекпот!

Ксенит бережно перекладывала найденные нами лечебные припарки и экстра-сильные восстанавливающие зелья в мои седельные сумки. Я ожидала, что мы найдём больше, но надеялась, что и этого будет более чем достаточно. К тому же мне попалась небольшая шкатулка, которую оказалось не так-то просто открыть. Внутри была усовершенствованная медицинская матрица заклинаний.

Я подняла её в воздух — в центре периферийного устройства был расположен драгоценный камень, на который были наложены сложные чары — и перенесла из контейнера в свою сумку.

— Сейчас вернусь, — сказала я Ксенит, ещё раз взглянув на Л.У.М., чтобы проверить, нет ли здесь других враждебно настроенных существ.

Ксенит была настороже, готовая в любой момент оттянуть меня назад. Я ползла к дверям операционной, двигаясь настолько бесшумно, как только возможно, удерживая рядом в воздухе Малый Макинтош. Я не собиралась, если под красной отметкой на Л.У.М.е скрывается очередное ужасное отродье, давать ему время повернуться ко мне лицом. Хоть бы не оказалось, что оно и без того уже обращено к двери.

Я приоткрыла дверь и осмотрелась. В операционной было полно каталок, на которых лежали скелеты пони. Несколько были пусты. А к одной было привязано ремнями раздутое толстое тело одного из этих кошмаров. В вену была воткнута игла, от которой отходила трубка длиной где-то три четверти метра, конец которой свободно свисал со вспученной массы существа.

Ярко-жёлтый медицинский бот с несколькими конечностями перелетал от одной каталки к другой, "помогая" своим пациентам.

Комок плоти пошевелился. Я выпустила в него из Малого Макинтоша четыре выстрела, эхо от которых разнеслось по всему этажу. Кошмарное отродье будто бы сдулось, наполнив воздух ужасным зловонием, напоминавшим не то желчь, не то нечистоты.

У меня заслезились глаза, я развернулась, прикрыв морду копытом, и галопом понеслась обратно по коридору, остановившись только в приёмной. Там меня настигла яростная рвота. Кислотный привкус желчи во рту, честно говоря, был предпочтительней запаха внутренностей того кошмара.

Я сглотнула и вытерла морду, чувствуя себя неважно. После чего повернулась и рысью припустила обратно к двери, приготовившись

к удушью вонючей вони. Я толкнула дверь, как смогла задержала дыхание и правила к неисправному мед-боту.

Я полагала, что смогу его перепрограммировать, обойдя повреждённые участки кода. А с продвинутой медицинской матрицей заклинаний он не только пригодится для проведения мед. экспертизы, но и будет в состоянии использовать небольшое количество медицинских заклинаний. Возможно, даже Вельвет Ремеди сможет научиться некоторым от него. Ну на крайняк станет ценным вложением в развитие Узловой Станции Р-7. А если повезёт, то поможет вернуть Вельвет Ремеди утраченную конечность.

Но это всё потом, когда вернёмся.

Прямо сейчас я позарез хотела заткнуть этот голос.

Я вышла из операционной. Робот, обёрнутый магическим полем, плыл за мной. Остановившись рядом с Ксенит, я взглянула на тяжёлую дверь под тёмной табличкой "ИЗОЛЯТОР". Терминал возле неё мягко светился. Маленькая пони в моей голове гарцевала, преисполненная любопытством.

Это займёт всего минутку.

Подключив девайс для взлома, я приступила к работе.

Дверь с лязгом сдвинулась в сторону. Внутри была маленькая комната с картотечными шкафами, письменным столом, светящимся терминалом... и гигантским укреплённым окном, смотрящим в немного большую комнату. Внутри неё был операционный стол, стоящий под вмонтированной в потолок хирургической установкой. Масса механических рук со скальпелями, хирургическими пилами и инструментами, похожими на пыточные, напоминала паука. Всё это было направлено к привязанной к столу фигуре.

Это было одно из этих порождений Порчи. Но оно было мёртво, плоть уже гнила. Тентакли были удалены, тело — вскрыто и частично расчленено.

Но было одно различие. На перекошенной, мутировавшей плоти были остатки кьютимарки.

Я услышала, как какая-то пони чуть не задохнулась от ужаса. Я думаю, это была я.

Наблюдательная комната выглядела поразительно нетронутой временем. Взрывная волна мегазаклинания оставила в окне трещину, но оно ещё держалось. Краска на стенах шелушилась. Потолок, покрытый трещинами, как паутиной, немного провисал. В комнате за стеклом не хватало угла. Неровные края подсказывали, что причина сего — в воде. Я предположила, что это вызвано треснувшими трубами в комнате медсестёр, но похожие повреждения были по всему зданию.

Я подошла и взломала терминал. Вся информация была повреждена или удалена, кроме одного аудиофайла. Я включила его, и голос кобылы — призрак из прошлого — зазвучал в динамике под потолком.

"Это Санни Дэйз, консультант Министерства Тайных Наук в Марипони. С инцидента, оборвавшего жизнь Пичи Пай, прошло два дня. Восемнадцать часов назад я проникла в мозговой канал... этой расчленённой штуки. Предыдущие попытки убить это существо летальной инъекцией провалились. Теперь мы снова видим признаки жизни; эта тварь не хочет умирать. Но мозг больше не функционирует, и, я надеюсь, остатки тела поймут этот намёк. Я распорядилась до тех пор прекратить вскрытие.

Я смирилась с мыслью, что моя подруга детства умерла два дня назад, и эта мерзость — уже не она.

Я наконец-то смогла попасть на аудиенцию с Министром Твайлайт Спаркл. Она сказала, что Министерство Тайных Наук использует мой старый комплекс для создания так называемого Зелья Вынужденной Трансформации. Со слов Твайлайт Спаркл, ЗВТ скорее всего станет решающим фактором войны. Очевидно, она надеется, что с помощью магического усиления мы сможем привести войну к быстрому заключению. Вот уже несколько лет зебры вводят в неё мистические и алхимические усиления, и мне кажется, будто Министерство Тайных Наук решило побить зебр в их же собственной игре.

Я спросила Министра Твайлайт Спаркл о содержимом цистерн, хранящихся в пещерах под Прекрасной Долиной. Она раскрыла, что в них находится эффективнейшее трансформационное магическое вещество, с которым Министерство Тайных Наук будет проводить испытания на пони-добровольцах.

Со слов Кобылы Министерства, создание ЗВТ — чрезвычайно тонкий и требовательный процесс. И, по-видимому, установленные ею стандарты качества ещё выше всех остальных. Любая партия с любым недостатком, любая партия, не отвечающая абсолютно качеству, запечатывалась и браковалась. Со слов самой Твайлайт Спаркл, если она намерена попросить пони, доверить ей изменить их тела при помощи ЗВТ, разве не должна она предоставить им самую, насколько это возможно, идеальную версию зелья?

Кобыла Министерства была ошеломлена новостью о происшествии, а мой рассказ о случившемся с Пичи Пай поверг её просто в ужас. Она наложила строжайший запрет на дальнейшие перемещения бочек. Похоже, Министру Флаттершай теперь придётся искать другие способы урегулирования ситуации с Алмазными Псами мирным путём.

Лично меня гложет соблазн их всех просто перестрелять. Знаю, это плохо, но из-за того, что мы пытались ублажить стаю Алмазных Псов, я провела два долгих дня, наблюдая, как моя лучшая подруга превращается в... нечто, что и в самом страшном сне не приснится.

Худшая часть моей личности осуждала Пичи Пай. Она не должна была быть там внизу. Последние четыре дня она приходила на работу, несмотря на то что была простужена. Я твердила ей: 'Возьми больничный.' Но она не могла прожить и дня без работы. Часть меня интересовало: была ли это её оплошность, или же она несколько потеряла рассудок. Такие мысли заставляли меня ненавидеть саму себя. Пичи Пай заслуживала лучшего.

Пичи Пай была самой лучшей подругой, какую кто-либо может иметь.

Её муж снаружи. Он хочет видеть тело. Я просто не знаю, что ему сказать. Всё, что я знаю — он ни за что не должен это увидеть."

Я вывалилась из изолятора и рухнула у стены, тяжело дыша.

— Литлпип? — глубоко обеспокоенно спросила Ксенит. Она тоже слышала запись Санни Дэйз, я видела грусть в её глазах, слышала её и в голосе. Но она не знала того, что знала я, не представляла, что я сделала. Запись затронула меня намного сильнее, чем её, так как она не могла уловить полный смысл этих откровений.

С другого бока, Порча, как говорила Хомэйдж в образе DJ Рон3 — это зебра в другую полоску. Никто точно не знает, что это такое или же откуда оно взялось, но мы знаем про её способности видоизменять чудовищ и про её неизбежные злокачественные последствия для пони.

Я знала, что такое Порча. И знала, откуда она взялась.

Я знаю, что, путешествуя и ступая но во все щели и воспоминания, тебе доведётся много услышать или узнать о моей Твай,
— таково было полное боли предупреждение Спайка.

Порчей было ЗВТ: Зелье Вынужденной Трансформации. Ещё одно ужасное наследие Твайлайт Спаркл.

Но это ведь несправедливо. Твайлайт Спаркл была хорошей пони с добрым сердцем. Конечно же, штаб М.Т.Н. в Мэйнхэттене работал над заклинанием, способным очистить Порчу, и уже не секрет, что у них, в отличие от других пони (как того безумного гуля-доктора), были в этом успехи. В конце концов, Твайлайт Спаркл знала во всех подробностях, что такое Порча. Она знала каждую составляющую. И после случившегося с Пичи Пай она не собиралась просто оставить опасные магические токсины в бочках под землёй. Она работала над тем, чтобы всё вычистить. Конечно, в комплект Садов Эквестрии будет входить заклинание, способное очистить страну от Порчи. Я предполагала, что Твайлайт Спаркл создаст Порчеччищающее мегазаклинание и покроет им Прекрасную Долину... как только испытания ЗВТ покажут положительный результат.

Варьировалась только... ну... дозировка.

Слова Твайлайт Спаркл вернулись ко мне. Эксперимент с ЗВТ в Марипони требовал строго определённой дозировки. Кто знал, каковы эффекты от слишком маленькой дозы? По моему торсу пробежался густой зуд, говоря мне, что, вероятно, я скоро узнаю.

Но это было, когда они обнаружили, что магические... побочные продукты Твайлайт, скажем, начали проедать бочки, — сказала Рэрити Рэйнбоу Дэш. — Санни потеряла пони, пытающегося переместить их, когда несколько бочек разорвались, как будто они были сделаны только из покрывавшей их когда-то краски.

Тот ужас с другой стороны окна был тем, кем становилась любая пони, пострадавшая от массивного воздействия. Если такое создание появлялось под воздействием токсина всего нескольких бочек, я была благодарна, что никогда не видела саму Трикси внутри того чана.

Но если у тебя ровно столько, сколько нужно? Вот значит как Трикси создавала своих аликорнов. Я размышляла, сколько времени понадобилось ей, чтобы найти необходимую дозировку, и как много провалившихся "испытателей" она проглотила, прежде чем нашла нужную дозу?

Мой взгляд скользнул в дальний угол комнаты. Пичи Пай была при смерти несколько дней. Хоть это существо и должно было уже умереть, медицинское оборудование всё ещё диагностировало аномальные признаки жизни.

Я знала, откуда появились остальные порождения ужаса.

Всю обратную дорогу на крышу я и Ксенит пробежали галопом. Тяжело дыша и запинаясь, я с грохотом влетела в дверь.

— Мы достали... то... за чем пришли!

Вельвет Ремеди безусловно выглядела плохо, но, хвала Богиням, она была в сознании. Каламити же стоял на кромке крыши и смотрел вниз. Я заметила, что он в зубах держал свой шлем. Он пробежал обратно и вернул его!

Это означало, что...

Я взглянула на противоположное здание. Все адские гончие исчезли. Вместо антенны я увидела только несколько обломков. Я подползла к краю, бросая взгляд на Грифинчейзер II. Он всё ещё вызывал впечатление развалюхи, но я поняла, что Каламити удалось завершить ремонт.

Каламити положил шлем рядом с собой.

— Если вы чё-т пропустили, то они, типа, приказывают нам сдаться.

Посмотрев вниз, я увидела адских гончих, уже окруживших здание, дюжина из них держали в лапах факелы. Некоторые были вооружены энергетическим оружием, хотя большинство из них довольствовалась только когтями. Чрезвычайно большая адская гончая стояла на полусгнившем фургоне, держа мегафон:

— Спускайтесь. Сейчас же! — залаяла она усиленным мегафоном голосом. — Даю вам последний шанс!

Я очень надеялась на то, что здесь мы сможем вылечить крыло Каламити и восстановить ногу Вельвет Ремеди. Но это больше не представлялось возможным.

— Давай, Каламити! Уходим!

— Я чёт не догоняю, чего они на нас до сих пор не напали.

Я мрачно ответила:

— Я знаю почему. И поверь, ты будешь не рад узнать причину.

Он отошёл от края, подобрал шлем и направился к Вельвет Ремеди. В его глазах было заметно, как он постарел за прошедший день.

— Ты... не... виноват, — заверила пегаса Вельвет Ремеди, когда он прилёг рядом с ней.

Он опустил шлем и прижался к угольно-чёрной единорожке.

— Виноват. Крыло продырявили мне. И гончих отстреливать захотел я. Вы по уши в дерьме благодаря мне. А этого я не забуду. Ни в жисть.

Внезапный удар сотряс здание. У нас под ногами нарастал оглушительный рёв. В нескольких метрах от края крыши появилась огромная трещина, и вся южная стена больницы с чудовищным грохотом обрушилась на землю.

Оргазмы Лунного затмения! Эти блядские адские гончие подорвали фундамент!

— Пора сматываться, пони! — прокричала я, забравшись в Грифинчейзер II, и попыталась понять, как управлять этим хитроумным изобретением земных пони. К счастью, это оказалось довольно просто. Работу механики поддерживали спарк-батареи, и машина приводелась в движение главным образом при помощи педалей.

— И зебра! — добавила я. — Собирайтесь вместе. Мы уходим!

Начали разваливаться и другие части здания. Крыша накренилась, и Гриффинчейзер II начал скатываться прямо к оборванному краю.

Я охватила всех полем магии, убеждаясь, что не забыла прихватить мед-бота, ногу Вельвет, шлем Каламити и сумку Ксенит с медикаментами; затем я начала со всей силой крутить педали.

Механизмы, ремни, приводы Гриффинчейзера II протестующе закрипели. Но лопасти всё-таки начали вращаться.

С ужасным грохотом крыша больницы упала под нами. Больница рушилась с вздымающимися клубами дыма и мусора.

Но мы не упали вместе с ней. Облако пыли накрыло нас. Медленно, привыкая к летающей машине, я повернула нас в сторону Марипони и Небесного Бандита.

После всего, что произошло, я ничего не могла делать.

Ксенит варила зелье, используя как свои собственные запасы, так и препараты, найденные нами в больнице. Я чувствовала

необычный запашок, что шёл из кастрюли, которую она держала над огнём. Ксенит сказала нам, что зелье улучшит способность тела Вельвет к самостоятельному восстановлению, и это позволит её ноге полностью и правильно прирасти к телу, как только её вернут на место. Зелье также навсегда изменит Вельвет Ремеди, как некоторые зелья зебры до этого изменили меня. Несмотря на то что эти "усиления" были похожи на дар, ощущались они скорее как жертва. Последний барьер, отделяющий Вельвет от той, кем она была раньше. После всего этого она точно больше не будет той пони, какой была.

Каламити отказался покидать Вельвет Ремеди всё то время, что я перепрограммировала мед-бота. Должна признать, пока я занималась этим, я изменила имя робота. Учитывая, какой будет его следующая операция, название "Костоправ" было совершенно не к месту.

Пришло время мед-боту и Вельвет вылечить и Каламити и себя саму. Мне оставалось просто сидеть и смотреть. Хотя я не думала, что смогу выдержать это.

На данный момент мы были в безопасности. Аликорны формировали периметр вокруг Марипони, а адские гончие, похоже, решили сделать передышку. Ищя шар памяти, который я нашла в больнице, я активировала сортировочное заклинание моего ПипБака. И я с ужасом обнаружила баночку Праздничных Минталок среди моего инвентаря. Я не могла вспомнить, как они оказались у меня. Я скомандовала сортировщику схоронить эту банку на самое дно седельных сумок. Та маленькая пони, что была сторонницей сохранить минталки, теперь разочарованно заржала. Глупая, непоследовательная маленькая пони.

Я отлевитировала шар, укладывая его на кусок щёбня впереди. Потом опять быстро схватила, как только он начал скатываться. Выбирая, куда лучше поставить, я магически сфокусировалась на нём.

Мир растаял.

<-----ooO Ooo----->

Мир пах душистыми лосьонами и мягкими ароматами. Пол подо мной был комфортным; я сидела на плюшевом коврикe. И чувствовала тепло и вес прижатой ко мне кобылы, обнятой моими передними ногами. Её слёзы пропитывали мою шерсть на груди.

Я слышала плач пони. А также мягкий звон музыки откуда-то сверху. В другой комнате знакомый кобылий голос говорил:

— Ну я же понимаю, это хорошая новость, да? Что ж так невесело?

Пони в моих ногах имела нежную жёлтую шерстку и текучую розовую гриву, это была Флаттершай.

— ...но я действительно этого заслужила, — пробормотала Флаттершай мне в грудь, её тело содрогалось от рыданий. — Я...

Ноги, державшие Флаттершай, были элегантно белого цвета, я была Рэрити.

Рэрити почувствовала слабость от едва сдерживаемой печали, утомление, которое я слишком хорошо знала. Её глаза горели, на краю слёз, но она сдерживала их, оставаясь сильной для жёлтой пегасочки в объятиях.

— Я предатель! — простонала Флаттершай.

— Я не верю в это, — мягко сказал мой хозяин. — Рэйнбоу Дэш была...

Флаттершай повернулась лицом ко мне, глаза её были полны слёз.

— Рэрити. Я дала мегазаклинания зебрам.

Я почувствовала, как мой хозяин напрягся, глаза Рэрити расширились. Но она всё равно не отпустила Флаттершай. Она держала её. И хоть и была шокирована, спросила непредвзятым тоном:

— Зачем ты это сделала?

Флаттершай жалко пискнула, когда почувствовала, как Рэрити напряглась. Выражение её лица сказало мне, что она ожидала быть отвергнутой. Оттолкнутой. Может быть, даже хуже. Но тон её голоса был решительным, когда она ответила:

— Чтобы остановить войну.

Рэрити покачала головой.

— Как?

— Ты помнишь тест. Я вложила лечащее заклинание в то мегазаклинание, что позволило излечить практически всё. У зебр есть зелья, позволяющие им регенерировать раны, и мегазаклинания обеспечат регенерацией целую армию. Видела ли ты новое заклинание щита Твайлайт? Щит, усиленный мегазаклинанием, защитит целый город.

Флаттершай смотрела на её подругу-единорога, жёсткая решимость сияла в её залитых слезами глазах.

— Если обе стороны будут иметь мегазаклинания, мы больше не сможем убивать друг друга. Они должны будут прекратить боевые действия.

Я почувствовала дрожь Рэрити, узел сформировался в её горле. Слёзы, что она сдерживала, начали течь. Я точно могла сказать, она знала, что обе стороны будут не так использовать этот дар.

— О, Флаттершай... — Когда первая слеза скатилась по её щеке, Рэрити наклонилась вперёд, убирая с лица Флаттершай скрывшую его текучую розовую гриву, и поцеловала пегасочку в лоб. — ...Ты всегда была лучшей из нас.

Она обняла пегаску сильней.

— Никогда, никогда не сожалей о том, что ты сделала, дорогая. — Она прижимала голову Флаттершай к своей груди так, чтобы та не могла видеть её слёз.

Я услышала, как на заднем плане другой голос сказал:

— Что? А, нет-нет, с ней всё в порядке. Мы в... — Я наконец узнала голос Свити Белль. — Мы в спа на Листопадной. Рэрити здесь уже с полудня пытается остановить слёзы Флаттершай.

Флаттершай вздрогнула, скуля.

— Рэрити? Я... Я не могу дышать. — Её кроткий, нерешительный тон предполагал, что это и впрямь произойдёт, если Рэрити продолжит сжимать её.

Рэрити быстро отпустила её.

— Оу... Флаттершай, прости. — Она встала и быстро отвернулась, прежде чем пегаска успела заметить её слёзы. — Мне нужно немного освежиться. С тобой всё будет хорошо, пока я не вернусь?

Флаттершай пискнула, но кивнула.

Моя хозяйка быстро побежала в направлении к маленькой женской уборной. По пути она прошла мимо тревожного вида спа-пони. Остановившись, Рэрити прошептала:

— Помните, вы закрыты. Мне очень жаль, Министерство Стиля покроет ваши потерянные доходы в тройном размере, но мы действительно не можем быть сейчас потревожены.

Перед тем как спа-пони успела ответить, Рэрити почти галопом помчалась в дамскую комнату. Когда дверь захлопнулась за ней, я услышала, как Свити Белль сказала:

— Флаттершай говорит, что Рэйнбоу Дэш назвала её предательницей!

Нервы Рэрити почти дымилась. Она лила слёзы, размывая взор, но отражение в зеркале выглядело грустным и полным страха. Её рог засветился, и что-то вылетело из её сумочки, висящей на боку. Она вытерла передней ногой слёзы, чтобы лучше видеть фотографию в рамочке.

Это были Кобылы Министерств. Все вместе, выглядящие гораздо моложе... может быть, моего возраста. Они выглядели растрёпанно, но светились счастьем, одетые в некогда элегантные платья, выглядящие так, будто их хозяйки побывали в драке, не снимая их. Тут был и Спайк тоже, но совсем не такой, какого я знала или могла вообразить. Ребёнок Спайк! Они все собрались за круглым столом, покрытым чем-то, похожим на крошки пончиков.

— Я... Я не думаю, что смогу выдержать больше. Я была ничем, перед тем как встретила вас. Вы лучшие друзья, которых пони могут иметь. Самые лучшие пони в мире... — Рэрити шмыгнула носом. — И я чувствую, что теряю вас всех!

Всё тело Рэрити содрогалось. Она посмотрела на себя в зеркало и была потрясена тем, что увидела. Включив воду в раковине, она плеснула водой себе на лицо и попыталась смыть следы своей печали. Оглянувшись назад, она выпрямилась и сказала себе:

— Хватит жалеть себя, Рэрити! Флаттершай нуждается в тебе!

Её рог снова засветился, открывая сумочку и поднимая фотографию.

Дверь распахнулась. Рэрити повернулась, вынуждая естественно выглядящую улыбку появиться на её морде. Её глаза расширились, когда она увидела печально выглядящую Свити Белль.

— Сестрёнка, мне очень жаль прерывать, но...

— Да? — сказала Рэрити полным радости приветствием, которой, я знала, она ни на грамм не чувствовала.

— С Эпплджек произошёл... несчастный случай.

Я почувствовала, как напряглось тело Рэрити.

— Несчастный случай? Она в порядке?

— Она в коме, но врачи говорят, что она поправится, — печально сказала Свити Белль.

При слове "кома" магия Рэрити лопнула, фотография в рамке с грохотом рухнула на пол.

— Эпплджек говорит, Твайлайт Спаркл уже в пути, чтобы увидеть её. Она хочет знать, сможете ли вы с Флаттершай тоже посетить Эпплджек.

Рэрити покачнулась. Принуждая свой голос не дрожать, она сказала своей младшей сестре:

— Конечно мы придём! Мы с Флаттершай прямо сейчас отправимся в Мэйнхэттен. — Она улыбнулась сестре. — А ты пойдёшь?

Свити Белль кивнула.

— Я уже договорилась. Поезд отправляется через час. — Младшая единорожка выскользнула обратно за дверь, закрыв её за собой. — Увидимся там.

В момент, когда Рэрити осталась снова одна, обычно грациозная кобыла закачалась на грани обморока. Опершись о раковину, она опустила взгляд на лежащую на полу фотографию. Небольшая трещинка пробежала теперь по стеклу, отделяя Пинки Пай и Флаттершай от Рэйнбоу Дэш и Твайлайт Спаркл.

Кобыла-единорог тихо заскулила. Обернув своей магией фотографию, она засунула её обратно в сумочку, а затем вынула оттуда знакомую гарнитуру. И прикоснулась ногой к наушнику.

Рэрити повернулась к зеркалу и посмотрела на себя. Выражение печальной решительности застыло на её лице.

В наушнике прозвучал голос:

"Алло? Министерство Стиля, офис Госпожи Рэрити."

— Это Рэрити. Свяжитесь с главным магом Министерства. Скажите ему, что я всё-таки изменила своё решение и нуждаюсь в его услугах насчёт особого проекта.

<-----ooO Ooo----->

Оглядываясь на проделанный нами обратный путь, казалось, что он был долгим и не слишком богатым на события, но такое впечатление создавалось из-за того, что случилось позднее.

Крыло Каламити отлично зажило, но мы настояли, чтобы он регулярно останавливался и отдыхал. Вельвет Ремеди становилось то лучше, то хуже. Её передняя нога была жёстко зафиксирована толстой шиной, не позволявшей ей ходить. Вельвет была ужасно слаба и катастрофически нуждалась в отдыхе и лечении.

— Вельвет, ложись спать, — нараспев произнесла Ксенит, осторожно назвав нашу спутницу по имени. — Дыханию Феникса нужно время, чтобы подействовать.

— Богини, Вельвет, — присоединилась я, — Ты хуже, чем... да все мы, когда ты командуешь нами как наша медпони.

Вельвет не обращала на нас внимания, вместо этого проворковала что-то Паерлайт и уткнулась носом в её крыло.

— Слышишь, Паерлайт, милая? Отварчик Ксенит сделал меня частично фениксом. Разве это не замечательно?

— Это всего лишь название, — вздохнула Ксенит.

Вельвет Ремеди продолжала играть с Паерлайт, порхавшей над моей прекрасной подругой, не скрывая радости от того, что та жива. Жар-феникс снова уселся на шину Вельвет, что никак не казалось мне полезным.

У меня всё зудело. И мне это совершенно не нравилось. Я поклялась себе, что первым делом, как вернусь в Башню Тенпони, я найду Хомэйдж и чего угодно ей наобещаю, чтобы воспользоваться тем заклинанием от Порчи. Но я боялась, что может оказаться слишком поздно.

Ну, вторым делом. Первым — сниму для друзей люкс, где Вельвет наконец сможет, блин, отдохнуть.

— Если ты не ляжешь спать, как только мы окажемся в Тенпони, клянусь, я привяжу тебя к кровати.

Глаза Вельвет Ремеди расширились. И тут же сузились в предназначенном мне страстном взгляде.

— Ох, Литлпип, ты уже надоедаешь. Нет, правда, это твой фетиш, не мой.

Я фыркнула. Это уж точно было не моим фетишем.

К счастью, Вельвет Ремеди обратилась к Ксенит.

— Вчера, когда включилась сирена, ты слышала её только ушами? — спросила она.

Во взгляде зебры явно читалось непонимание. Я разделяла её чувство, поскольку нашла вопрос довольно странным. Ксенит наконец ответила:

— Чем ещё я могла бы услышать тот ужасный вой? — Она призадумалась. — Я почувствовала что-то перед этим, низкий колеблющийся гул, но он, по сути, не был звуком как таковым.

Вельвет Ремеди кивнула и окинула нас всех взглядом. Я ничего не поняла, но потом меня вдруг осенило, было же совершенно очевидно, что...

...Я смотрела в прицел Малого Макинтоша, когда в поле зрения показалась зомби-пони. Мягкий нажим на спуск, и Малый Макинтош взревел. Созданию разорвало голову.

Я повернулась в поиске других плотоядных зомби, но красного на моём Л.У.М.е не было. Я убрала оружие, чувствуя угрызения совести. Было так печально и ужасно осознавать, что эти зомби когда-то были живыми пони, ныне заключёнными в тюрьму разлагающихся тел и умов, медленно мучающихся гниющим безумием, превратившим их в неразумных монстров, заставляя пожирать других пони. Тем не менее, часть меня до ужаса ясно помнила, что бывают судьбы и похуже.

Я пошла доедать свой суп. Остальные также были увлечены своим ужином. Сумерки плавно переходили в ночь. Руины старой подстанции нависали над нами. Мы выбрали это место, чтобы стены подстанции не позволяли свету от костра сиять на сто километров вокруг. Каламити хотел, чтобы мы и ночью продолжили идти в Мэйнхэттен, но поддался на наши уговоры.

Ксенит помешала жидкость в кастрюльке и предложила Вельвет очередную порцию. Паерлайт полетела охотиться, как только Небесный Бандит коснулся земли, и Вельвет Ремеди очень за неё беспокоилась, с тех пор как показался первый зомби-пони.

Я услышала цакающий звук приближающихся копыт, сопровождающийся тяжелым и неприятным на слух дыханием, которое просто не могло быть издаваемым пони. Я подала сигнал остальным, левитируя винтовку зебр и снова включая свой Л.У.М., чтобы просканировать местность на наличие врагов. Врагов нет, но зато к нам приближалось несколько нейтральных объектов. Я вздохнула с облегчением.

Через несколько минут свет нашего костра осветил вошедшую к нам путешествующую кобылу-торговца. Увидев нас, она встала как вкопанная, бросая взгляд на каждого из моей (очень тяжело вооруженной, как я внезапно осознала) компании. Двухголовая скотина, которая стояла позади неё и несла её вещи, жалобно замычала.

Каламити подбежал к купчихе, вынуждая её отступить назад. Но он был очень весел и хотел пожать ей копыто.

— Здорова! Лет сто вашего брата не видывал! Буду очень признателен, если вы присоединитесь к нашей пирушке. Супец отменный, кланусь!

Он наклонился вперёд и громко прошептал:

— Не я его стряпал.

Кобыла-торговец улыбнулась, от напряжения в её теле и следа не осталось.

— Спасибо огромное, — сказала она и побежала к нам, как только привязала к мусорному контейнеру свою скотину. Я ахнула, когда огромное чудище вошло вслед за рогатым скотом и, тихо рыча, поковыляло за ней.

— Ч-что э-это? — спросила, запинаясь, с широко раскрытыми глазами Вельвет Ремеди.

Купчиха засмеялась.

— О, не беспокойтесь за Обнимашку. Он — очень дружелюбный мишка. Ну если только вы — не шайка рейдеров, — улыбнулась она. — Знаете, леди не стоит шляться по пустошам без надёжного друга. Там ведь полно плохих парней.

— Яо гай, — странным голосом шепнула Ксенит, наклонившись к уху Вельвет.

— Я... никогда раньше не встречала такого зверя, — сказала Вельвет Ремеди с всё ещё широко раскрытыми глазами.

— Ну, по правде говоря, я тоже никогда раньше не встречала ни зебры, ни пегаса, — добродушно ответила купчиха. Ксенит предложила ей тарелку супа. — Спасибо, мисс.

— Что привело вас сюда? — с любопытством спросил Каламити.

— Да вот новый маршрут осваиваю, между Разбитым Копытом и Мэйнхэттенем, — с улыбкой ответила пони-торговец. — Подумала, что надо бы использовать новую возможность, пока все тудой не ломанулись.

Неожиданно Каламити взмыл в воздух и стремглав умчался к припаркованному Небесному Бандиту. Как только он вернулся со своими седельными сумками, он тут же начал вытаскивать всякий мусор. От старых упаковок из-под картофельного пюре быстрого приготовления до мелкокалиберного оружия, которое, честно говоря, уже не стоило нашего внимания.

Стоп... С каких это пор смертельное оружие дальнего боя уже не стоит нашего внимания?

— Где ты всё это нашёл? — спросила Вельвет Ремеди. — И когда? Я думала, мы продали в Башне Тенпони всё, без чего можно обойтись.

— Надыбал в Стар Олнее, — ответил Каламити. Вельвет Ремеди оставалось только кивать головой, пока он располагал лучшие вещи для обмена. Вельвет встала и, прихрамывая, слегка оттолкнула Каламити в сторону, дабы пересортировать плоды его работы.

— Я расскажу тебе страшную тайну, — сказала Ксенит, приблизившись вплотную к пегасу. — Пройти мимо шкафа или мусорки, не заглянув внутрь, не только не запрещено, но и вполне выполнимо.

Каламити повернулся к ней с притворно изумлёнными глазами, чем заслужил от меня фейсхуф.

— Да ладно? Как это? Ещё ни разу не получалось.

— Оно заметно.

Мне это показалось забывным. И тут мне пришла в голову мысль:

— Эй, Каламити, можем мы по пути завернуть в Разбитое Копыто? Мне надо поговорить с Гаудой...

...Я поморщилась, когда Вельвет Ремеди опять погрузилась в Шар Флатершай.

Теперь я знала, что СтилХувз был не совсем прав насчёт желтой пегаски. Но достаточно близок к истинному положению дел, чтобы заставить меня волноваться за подругу. Особенно учитывая те невзгоды, физические и психические, которые на этой неделе обрушились на Вельвет Ремеди.

Она оказалась ужасающе близка к смерти. Дважды. И хотя временная потеря ноги не оставила видимых шрамов и не нанесла непоправимого ущерба её здоровью, психологическое влияние, оказанное травмой, было невозможно вылечить с помощью магии. Её изменение под действием зелья Ксенит проходило без каких-либо внешних признаков, но я не думала, что для неё внутренние перемены были так же незаметны. Всё это вместе, после ужасов той бойни, устроенной в Стойле Два...

Я смотрела вдаль, задумчиво водя передним копытом по железному полу Небесного Бандита. Мы приближались к Разбитому Копыту. В темноте уже виднелись его огни.

Я направила поток мыслей в другое русло, чтобы хоть как-то отвлечься, и вспомнила о просмотренных вчера шарах памяти. Хоть убейте, но я никак не могла понять, как или почему воспоминание о спа-салоне в Листопадном Переулке было заперто в том шкафу. В большинстве случаев расположение шаров памяти казалось мне вполне логичным. В отличие от этого.

Что касается другого шара, выбор места его хранения тоже был вполне объясним, хотя мне пришлось сперва поломать голову.

Стальные Рейнджеры под предводительством облаченной в доспехи кобылы наверняка пытались попасть на крышу больницы. С информацией из этого воспоминания они смогли бы определить местоположение центрального хаба Проекта Одного Пегаса, чем бы он там ни оказался.

На мой взгляд, Рэрити решила записать память по той причине, что она была по-настоящему счастлива, когда Рэйнбоу Дэш попросила её придумать дизайн брони Анклава. Ведь в душе она оставалась модельером. И наконец, её работа и обожаемое хобби объединились... в некотором роде. Я без труда представляла, как этой изящной немолодой единорожке хотелось снова и снова переживать тот момент. В особенности, когда в копытах её друзей всё стало разваливаться.

Мало чем отличаясь от Вельвет Ремеди.

— Окей, Литлпип, — позвал Каламити. — Мы идём туда.

Наш пегас был в хорошем настроении. Он снова летал. Вельвет шла на поправку. Он даже поболтал с караванщицей и поторговал с ней (или, точнее, наблюдал, как торговала Вельвет Ремеди). Я была удивлена, сколько мелких вещей он умудрился собрать со Старого Олнея, пока большинство из нас были сосредоточены просто на продвижении вперёд.

Не у одной меня были пороки.

— Грифоны приближаются, — крикнул Каламити. Я включила Л.У.М. и проверила, дружелюбны ли они. Моментом спустя Блэквинг и её Когти, кружа, показали на виду, подтягиваясь к нам.

— Литлпип и друзья, — сказала она. Я покраснела. Почему никогда не "Каламити и друзья." или же "Вельвет Ремеди и друзья."? Я задавалась этим вопросом миллионы-миллиарды раз. Конечно, теперь ответ я знала. За это надо благодарить Хомэйдж и моих компаньонов. Уау.

— Блэквинг! — сказала я, стравивая своё смущение, чтобы поговорить с грифиной. — Я надеялась увидеть тебя. Мне нужно кое о чём тебя попросить, надеюсь, мы сможем прийти к соглашению.

— О? — приподняла бровь грифина-наёмник. — Должна быть хорошая...

...Я проснулась. И обнаружила, что смотрю на знакомый потолок клиники Хелпингхуфа. Только в этот раз, по крайней мере, я не была связана.

Я знала, что лучше не вставать сразу, потому я просто громко откашлялась. Голоса за ширмой смолкли, и тени подошли. Доктор Хелпингхуф отодвинул ширму и с любопытством посмотрел на меня.

— Когда я сказал, что мог бы сделать с вас неплохую прибыль, я говорил это вовсе не как поощрение...

Вельвет Ремеди оттолкнула его, колебаясь в попытке пройти на трёх ногах. Её глаза сузились, и голос был сердит. Я именно это и ожидала.

— Я поверить не могу! — почти закричала Вельвет. — После того, что мы пережили! Ты воспользовалась ими снова?!

— Я должна была, — сказала я ровно. — Это был единственный способ. — Единственный способ убедить Красного Глаза выслушать. — Но это было лишь единожды, и я пошла лечиться немедленно. — Я выровняла взгляд на неё. — По собственному желанию, должна заметить.

— Единожды? Ага, конечно. До следующего раза, когда ты решишь, что они тебе требуются, — кипела Вельвет. — Литлпип, ты что, ничего не узнала?! Ты не можешь сделать это лишь единожды!

Я поморщилась. Она была права. Я играла с огнём, хоть и знала, что была пропитана виски.

— Пожалуйста... Я знаю, что это плохо. Но это было действительно важно. И я знала, что для меня это будет ещё сложнее. Так что ты мне понадобишься...

— Дай мне посмотреть! — потребовала она. Доктор Хелпингхуф вежливо попятился.

— Посмотреть?

— На твой Богинями проклятый сортировщик инвентаря, Литлпип! — рявкнула Вельвет Ремеди. — Я хочу лично убедиться, что ты не припрятала у себя ещё хоть одну.

Волна страха прошла через меня. Я подняла ПипБак к её глазам, чтобы та могла посмотреть, и молилась, что я действительно швырнула проклятую баночку Праздничных Минталок в горящую мусорную бочку в момент, когда бежала из лагеря. Я молилась, что моя зависимость и маленькая пони в голове не сыграли с моей памятью какой-нибудь трюк. И я собиралась скоро сделать это сама.

— Ладно, хорошо, — сказала Вельвет, просмотрев мой инвентарь и, к счастью, не обнаружив там признаков ПрМ. — И тебе лучше поверить, я обязательно пройду по всем твоим вещам, вернувшись в комнату. И с сего момента буду делать это довольно регулярно.

Я кивнула.

— Спасибо, Вельвет. Я...

— ...Доказала, что тебе нельзя доверять, — отрезала она, её слова ранили меня. Тем более, потому что я это заслужила.

Помощник Доктора Хелпингхуфа подбежал к нам, снисходительно улыбаясь. Вельвет Ремеди посмотрела на белого с полосатой красно-розовой гривой жеребца-единорога.

— Это будет больно? — спросила Вельвет с беспокойством. И, метнув мне мрачный взгляд, добавила: — Не то чтобы она это не заслужила...

Возвращаясь к белому единорогу, Вельвет призналась:

— Она так много пережила... Я не хотела бы, чтобы она страдала ещё больше.

— Не беспокойтесь, — сказал единорог. — Она не вспомнит боли.

И, повернувшись ко мне, она спросила:

— Готова ли ты сделать это?

Я кивнула.

— Давай покончим с этим. — Я медленно вытаскила себя с постели и последовала за ним.

Когда мы уходили, я услышала стон Вельвет Ремеди:

— Пытаясь спасти всю пустошь, ты разрушишь себя, Литлпип...

...Прозвительный белый свет надо мною исчез, я обнаружила себя во тьме, смотрящей вверх на незнакомый потолок со странными узорными зеркалами. Я лежала в кресле в причудливой и неудобной позе. И не имела ни малейшего понятия, как тут оказалась.

Последнее, что я помнила — клиника Хелпингхуфа. Я начала припоминать, что лечилась от ПрМ зависимости по своему же желанию. Я съежилась, мой рассудок наполнился стыдом, вспомнив как я подобрала ту банку в сестринской. Я была унижена и чувствовала отвращение к самой себе за ту слабость, которую я проявляю всякий раз, когда надо выбросить их. Но, хоть убейте, я не могла

припомнить, что принимала одну.

Или, раз уж на то пошло, не могла вспомнить и соглашения на лечение, хотя и помнила его окончание.

Меня окутал глубокий, чуждый страх, когда я попробовала отследить свои действия, вспомнить хоть часть воспоминаний. С уходом из Марипони моё чувство времени стало продырявлено, словно швейцарской сыр. Но те разрозненные моменты, что я помнила, давали понять, что зря времени я не теряла.

Показался знакомый жеребец-единорог, наклоняясь надо мной. Его алая с розовым грива свисала так, что почти касалась моего лица. Вид его гривы напомнил мне о Пинки Пай после окончания той вечеринки.

— Не паникуй.

— Где я? Как я сюда попала? Кто вы? — Вопросы сыпались из меня, как только появлялись в голове. Единорог поднял копыто, призывая умолкнуть, но я не хотела молчать. — Что со мной произошло?

Я почувствовала, как кто-то другой коснулся моего плеча, Хомэйдж обошла кресло.

— Расслабься, любимая.

Мои глаза стали метаться между ними, мои эмоции были в смятении.

— Литлпип, — спросила Хомэйдж, — ты мне доверяешь?

Несмотря на все мои тревоги и растерянность,

— Да.

— Тогда приостанови свои мысли, любимая, расслабься, — прошептала Хомэйдж. Она помогла мне слезть с кресла и заключила в объятия. Тяжело дыша, я прижалась к ней, пытаюсь успокоить бурю паники, что подавляла меня.

Её запах стал спасательным кругом, брошенным в океан моих бедствий, и верёвкой, по которой я могла выбраться в безопасное место. Я медленно расслабилась.

— Литлпип, это — Лайфблум, — наконец сказала мне Хомэйдж, представляя меня белому единорогу с красно-розовыми гривой и хвостом.

— Рад снова с тобой встретиться, — сказал Лайфблум. — Вельвет Ремеди и Хомэйдж столько мне про тебя рассказали.

Я медленно кивнула, картина прояснялась.

— Ты ассистент доктора Хелпингхуфа, правильно? Тот самый, у кого Вельвет Ремеди покупала заклинания?

— Он самый.

Хомэйдж нежно погладила мою гриву, словно она могла избавить меня от дрожи, что я чувствовала.

— Помнишь, я рассказывала тебе о "серых кардиналах" Башни Тенпони? Так вот, Лайфблум — один из них.

Единорог с улыбкой поклонился.

— А ты тот Выходец из Стойла, которого DJ Pop3 и Хомэйдж нарекли Дарительницей Света.

Я покраснела от смущения, глядя в сторону.

— И скромная, — добавил он, улыбнувшись. — Это хороший знак.

Повернувшись к нему, я снова спросила, на этот раз медленнее:

— Где я? И что со мной произошло?

Рог единорога заблестел малиновым сиянием. Небольшой контейнер всплыл в поле зрения. Я узнала тип контейнера. В таких держали шары памяти.

— Это твоё, Литлпип.

— Моё?! — У меня перехватило дыхание от того, что он сказал. — Здесь мои воспоминания?

— За последние пару дней, — подтвердила Хомэйдж.

Я пошатнулась. Лишиться пары дней?

— За... Зачем вы их забрали?

— Потому что ты сама меня об этом попросила, — сказал Лайфблум. — А Хомэйдж убедила меня, что на то хорошая причина.

— Лайфблум — кто-то вроде магического протеза. Использует заклинания, которые ранее никто не видел. Он единственный единорог в Башне Тенпони, освоивший старые заклинания памяти, когда-то использовавшиеся Министерством Морали, — пояснила Хомэйдж. — Он также единственный, кто может колдовать Очищение от Порчи.

Понимающе глядя на меня, Хомэйдж продолжила это небольшое откровение словами:

— Итак, как ты себя чувствуешь?

Я замерла, прислушалась к себе. Я ощущала усталость. Напряжение. Ожоги на моих боках зажили, но всё ещё чувствовались.

Глубокий, тревожный зуд исчез.

— В будущем возможны незначительные изменения, — объявил Лайфблум. — Однако ничего опасного для твоего здоровья или жизни как таковой. Я почти убеждён, что мы очистили тебя от Порчи как раз вовремя.

Я почувствовала предательскую слабость в коленках от нахлынувшего чувства благодарности.

— О, спасибо!

В коробке с шарами памяти была записка, написанная моим собственным зубо-письмом.

Литлпип,

Шары памяти в этой коробке лежат по порядку. Первый шар — это что-то вроде оглавления, а остальные — это мои/твои основные воспоминания за последние несколько дней. Три самых важных шара, которые, я думаю, мне захочется пережить — это шары номер четыре, шесть и восемь. Все остальные — это просто длинные, скучные перелёты и обычные вещи. Я не думаю, что мне/тебе действительно нужно тратить часы внутри шара памяти, только лишь чтобы пережить нашу дефекацию или часы зуда.

Не смотри ни в один из шаров, пока ты/я не раздобудешь Чёрную Книгу и не доставишь её до Марипони. Пожалуйста. Я знаю, что для меня/тебя это будет действительно трудно, но это очень важно.

Твоя ты,

Литлпип.

Я перечитывала записку снова и снова, но это всё равно не имело смысла. Я посмотрела на шары памяти. Я хотела свои воспоминания назад! Я хотела знать, что я сделала за последние два дня. Мне нужно было знать, зачем я использовала Праздничные Минталки снова. Что может быть настолько крайне важным, что заставило меня это сделать?

Голубоватое магическое поле закрыло крышку, удалив шары памяти с глаз моих долой, и коробочка всплыла из моих копыт. Хомэйдж

подняла её магией, поместила в свой сейф и закрыла. Огромная картина Прекрасной Долины встала на своё место.

Она повернулась ко мне, улыбаясь.

— Ну а теперь, как скоро ты собираешься отправляться?

Я покачала головой. Я чувствовала себя потерянной, двигающейся по не контролируемому мною течению. Я не знала своих планов, что должна была делать дальше.

Всё, что я знала, это что Вельвет Ремеди нужно время, чтобы восстановиться. На самом деле, Каламити тоже. Может быть, это нужно всем нам. Я ненавидела идею провести ещё один день для себя, когда в Эквестрийской Пустоши были ещё пони, страдающие и умирающие лишь потому, что меня там не было, чтобы им помочь. Но это время было не для меня. Оно было для моих друзей. И я ничего не могла сделать без них. Я нуждалась в них. Сейчас даже больше, чем когда-либо.

— Я думаю, у нас есть день или два, — сказала я нерешительно. — Но не более того.

Хомэйдж улыбнулась.

— Чудесно! Я начну обед.

Я вспомнила кое-что.

— Тридцать один?! Как ты вообще смогла сделать это со мной!

— Я знаю твоё тело как прекрасный инструмент, — ответила она, направляясь на кухню. — И я могу добиться самой красивой музыки из него!

Я почувствовала слабость.

— Я... не... о том...

Я посмотрела вокруг, внезапно задумавшись над тем, где же Ксенит.

<-----ooO Ooo----->

— Привет, я! Добро пожаловать в мои воспоминания!

Я смотрела на себя в зеркало в полный рост. Я видела Хомэйдж и Лайфблума, двигавшихся на заднем фоне. В комнате было темно, и в центре стоял пустой стул под ярким прожектором. Зеркальные вставки в потолке отражали свет, отскакивающий от стула, в результате чего потолок, казалось, блестел.

Это только оглавление, сказала я себе. Посмотреть только этот шар — вполне допустимо. Я чувствовала себя сбившейся с толку, мне требовалось хоть немного контекста.

— Если вы — не я, то эти воспоминания не для вас, — почувствовала я, как говорю это по факту своим собственным ртом. Это было в высшей степени странно, моим хозяином была я. — Пожалуйста, не смотрите больше шаров и верните их немедленно ДиДжею Рон3 или его помощнику в Башне Тенпони.

Зуда больше не было. Я стояла перед этим зеркалом уже после того, как Лайфблум применил на мне заклинание чистки Порчи.

— Ну а теперь, предполагая, что это всё-таки я... это в высшей степени странно. А я-то думала, что написать заметку — уже странно... — Я прервалась, видимо, чтобы ещё раз собраться с мыслями. Я что, всегда так бессвязно изъясняюсь?

— Итак, первая большая вещь, что ты должна знать... — Я ещё раз прервалась. Я почувствовала, как моё тело делает вздох.

— Чёрт побери, Литлпип! — сказала я, топнув. — Я смотрю это, после того как я сказала себе не делать этого, не так ли?

Я почувствовала прилив смущения, поняв, что я себя поймала.

— Изнасилуй Селестия твою пизду палящим солнцем, если я даже не могу следовать инструкции, данной самой себе! У меня что, нету хоть чуть-чуть долбаного самоконтроля?!

Я почувствовала, как снова топаю. Почувствовала, как пыхчу. Всё это воспоминание было слишком нереальным.

— Чёрт побери! Хорошо... извиняюсь за это, если я смотрю шар, когда уже должна. Если это так, то я должна бы перед собой извиниться.

Сделав глубокий вдох, я начала снова:

— Я собираюсь сделать этот коротким, на всякий случай, если, боюсь, я действительно идиотка. — Я подарила себе мрачный взгляд, затем продолжила: — Во-первых, теперь ты уже поняла, что есть два вида заклинаний памяти. Первый тип записывает память, как чары, наложенные на реколлектор. Второй же удаляет память полностью. Это тот тип, который Министерство Морали использовало, когда не было нежным.

Я почувствовала, как я нахмурилась, и Литлпип в зеркале нахмурилась в ответ.

— Во-вторых, у меня есть план, как победить Богиню. Я рассказала всем его по частям, только их части. Единственная пони, которая знает весь план — это я. К сожалению, мы ничего не сможем сделать с Богиней, если не сможем даже подойти к ней. И если я пойду, зная план, Трикси прочтёт его прямо из моей головы. Конец игры. Так что... — Я почувствовала, как подняла переднюю ногу и сделала резкое движение, Литлпип в зеркале сделала именно это.

Дерьмо. Я знала, что была права. Другая я, то есть. Аргх!

— Так что, во имя любви Селестии и Луны, во имя любви Хомэйдж, не смотри больше ни единого проклятого шара, пока не притащишь Чёрную Книгу в Марипони.

Я топнула в гневе.

— Серьёзно, я так разочарована во мне! — Затем робко добавила: — То есть, если я действительно сделала это. Если я и впрямь воздержалась, как себе и сказала, то это действительно неловко.

Я почувствовала себя виноватой и совершенно злой на себя.

— Итак, четвёртый шар памяти — это мой разговор с Блэквинг. Я уверена, мне понадобится узнать многое из того, что мы удалили. Шестой мне понадобится знать по нескольким причинам. Это тот, где я приняла Праздничную Минталку. Я начинаю задаваться вопросом, было ли это правильным шагом? Но мне очень, очень нужно было быть наиболее убедительной. Ты увидишь.

— Восьмой шар памяти — это приветствие Хомэйдж, когда мы вернулись в Башню. И этот, я знаю, я захочу переживать снова и снова.

Я подмигнула себе.

<-----ooO Ooo----->

Заметка: Максимальный Уровень.

Добавлена квестовая способность: Прикосновение Порчи (1) — Воздействие Порчи изменило вашу физиологию. При наличии Острой Лучевой Болезни (400+ рад) любая повреждённая конечность автоматически регенерируется.

<<< ^^^ >>>

Глава 32. Беседы в Затишье

«Мы могли бы организовать наше собственное тайное общество.»

<<< ^^ >>>

— И так?

Успела я только левитировать картину Прекрасной Долины на место, как вошла Хомэйдж.

— Что и так? — спросила я, надеясь, что звучала не так виновато, как себя в данный момент чувствовала.

— Ты прокралась у меня за спиной и взломала мой сейф, чтобы посмотреть свои воспоминания, даже после того как я и ты сама сказали тебе не делать этого?

О, Богини. То, что я разочаровалась в себе, уже было достаточно плохо. Но сколь плачевным было то, что я ворвалась в сейф Хомэйдж для этого?

Я ненавидела своё любопытство, и я ненавидела себя за то, что оказалась столь слабой. Я смотрела на Хомэйдж, гадая, что же сказать. Должна ли я признаться ей в содеянном? Будет ли ей больно? Знает ли она уже?

— Литлпип, — сказала Хомэйдж грустным, но строгим голосом. — Я не знаю, что меня расстраивает больше. То, что ты ворвалась в мой сейф и пыталась отменить всё то, над чем ты так усердно работала, или что ты в самом деле собиралась лгать мне об этом.

— Но я... — Моё сердце разбилось.

— Ты сделала паузу, чтобы подумать, — нахмурилась Хомэйдж. — Это не займёт много времени, чтобы подумать, как сказать "да".

Я опустила глаза к полу.

— Я думаю, этим вечером тебе лучше поспать где-нибудь в другом месте.

Я почувствовала, как моя кровь замерзает. Я с мольбой смотрела в глаза Хомэйдж. Красивая маленькая серая единорожка наградила меня грустной улыбкой.

— Я была там, когда ты делала ту небольшую речь для себя. Я знала, что ты, вероятно, собираешься сделать это... и ты сделала. Я надеялась, что ты могла бы быть лучше...

Её слова били меня, словно тот рейдер промеж ног.

— ...но я не сержусь на тебя за это. Просто разочарована.

Уж лучше бы она злилась. Разочарование гораздо больнее. Лучше бы она накричала на меня... Сама мысль, что я не смогла и опечалила Хомэйдж...

Хомэйдж ласково посмотрела на меня.

— Прежде чем твои беспокойства заведут тебя в тёмное место, я скажу тебе наперёд: это вовсе не меняет моё отношение к тебе. И моё разочарование не будет долгим. Я прогоняю тебя не потому, что не хочу тебя видеть, я прогоняю тебя потому, что ты была плохой и заслуживаешь наказания.

Она слегка улыбнулась мне.

— И я думаю, мы обе знаем, что тебе это необходимо столько же, сколь ты это заслужила. — Улыбка исчезла. — Увидимся завтра, Литлпип.

Выяснение, почему это я нуждалась в наказании столь же сильно, сколь заслужила, заняло у меня большую часть езды на лифте вниз. В заслуженности же наказания сомнений не было. Яма в желудке и отвращение к себе в сердце сказали мне, что я поступила неправильно. Я провинилась перед собой. И что ещё хуже, я провинилась перед ней. Моим голосом во тьме.

И вместе с тем, даже если она простила, я никогда не смогла бы принять её прощение, пока она не наказала бы меня за содеянное. Я не могла двигаться, в то время как мой хвост дёргался. Я нуждалась в том, чтобы что-нибудь упало мне на голову, или я всегда бы ожидала этого.

Я была не совсем уверена, как мне пришла в голову эта аналогия ("Внимательность! Оно было под буквой 'Э'!"), но я знала, что это было необходимо.

Я медленно шла по коридору к двери нашего номера и машинально открыла замок телекинезом. То, что когда-то было невообразимым подвигом, стало даваться мне с такой лёгкостью, что я едва была сосредоточена на этом. Почти все мои мысли были где-то далеко. Я была полна решимости оставаться в Башне Тенпони ещё кое-какое время. Не для себя, но для моих товарищей. За последние несколько дней каждый из них был на краю гибели. Ксенит и Каламити чуть было не превратились в пепел при атаке адских гончих. Если бы Вельвет не раздобыла у Лайфблума то замечательное заклинание в последний раз, как мы были здесь, это бы и произошло. Каждый из них получил страшные раны, травма Вельвет по-прежнему держала её в гипсе, несмотря на мощную целебную магию и лучший уход, что могли предоставить ей пустоши. Не то, чтобы я была нетронута, но я боялась за них больше, чем за себя. В глубине души я почему-то знала, что я была расходным материалом, но вот они не были.

Мне нужно было многое восстановить. Я подумала, должна ли я просить их прояснить путь? Или мы должны пройти через это поодиночке? Я не знала, с чего лучше всего начать. Или даже что я, возможно, уже сделала. Обречена ли я была в ближайшие дни повторять обсуждения, которые мы уже провели и я их просто не помню? И видеть, как неловко смотрят друзья на меня в тот момент, как я второй раз начинаю трудный разговор?

Может быть, я оставила себе какие-нибудь подсказки? Конечно, как говорится, задним числом... но нет, даже этого не было. Что ещё хуже, я была достаточно умна, чтобы понять, что не должна даже пытаться сложить кусочки вместе. Если я буду думать о вещах слишком много, я могла бы восстановить логические линии, а я не хочу, чтобы мой мозг подвёл меня, когда окажусь нос к носу с Богиней. Я подозревала, что Трикси телепатией может прочесть не многим более моих поверхностных мыслей — если бы могла, то в Марипони всё пошло бы совсем не так. (Или, возможно, всё-таки могла, но у неё не было достаточно свободного внимания, чтобы сделать это, при этом сохраняя связь со всеми её аликорнами. Тот факт, что Каламити удалось её чем-то удивить насчёт того, что он видел, сказал мне, что она этого не видела и была лишь в начале текущей мысли.) Тем не менее, если бы я знала план или даже имела подозрения, то я никак не могла бы о нём не думать, выполняя его.

Эти мысли столь заняли мою голову, что я даже не заметила звуков, когда вошла в комнату. Но одного взгляда хватило, чтобы я застыла, словно мёртвая.

Каламити. И Вельвет Ремеди.

Вместе. В постели. Переплетённые. Двигающиеся...

...занимающиеся...

Я не должна быть здесь. Срочносматываюсьпока!

Я стала мастером скрытности. Мне удалось выскользнуть быстро и гладко, без малейшего шороха, незамеченной.

Но щёлчок, когда я закрыла дверь за собой, прозвучал громче, чем Малый Макинтош.

Я замерла. Всё моё тело напряглось, нервы обледенели, мозги дымились. Я могла бы приступить к разбирательству в своих чувствах по поводу того, на что только что наткнулась, но прямо сейчас меня захлёстывала паника.

С другой стороны двери я услышала голоса. Моё сердце бешено колотилось.

— Неужели... кто-то только что открыл дверь? — спросила она осторожно.

— Я закрыл её на ключ, — ответил он.

А потом, почти в унисон:

— Лигпип!

— Литлпип!

Я побежала. Так быстро и так тихо, как только могла. Когда я уже мчалась по коридору, могу поклясться, я услышала голос Ксенит, провозгласивший из ниоткуда:

— Обреченааааааа!

Я постучала копытом в дверь библиотеки Твайлайт. Часть меня знала, что я должна была быть изгнана из компании Хомэйдж сегодня, но я искала, куда бы сбежать. Мне нужно было место, чтобы спрятаться и место, чтобы остаться на ночь, и Хомэйдж выступила на передний план в моих мыслях.

Никто не ответил. Дверь была заперта, и я была не в том состоянии, чтобы ещё что-нибудь взломать без разрешения. Я бросилась вверх по лестнице на балкон и подняла копыто к двери станции экстренного радиовещания. Она была занята? Прервёт ли стук моего копыта запись? Имею ли я право на такой риск?

И что она скажет мне? Как я могу просить её сделать мне исключение на основании того, что я умудрилась вторгнуться в что-то большее, чем просто частную жизнь моих друзей?

Действительно обречена. И я это заслужила. Я опустила копыто. Я буду просто весь день бесцельно гулять по Башне Тенпони, всех избегая, и ждать, пока последний час моей ссылки не истечёт.

Без проблем. Я могла бы прожить полдня, не попав в очередную беду.

Я услышала звон в атриуме ниже. Двери лифта скользнули в стороны. Я присела, спрятавшись на балкончике, как только увидела, как из него в атриум выходят Вельвет Ремеди и Каламити. Каламити помогал ей, поддерживая крылом. О, Богини! Я не могу встретиться с ними сейчас! Я тихо прокралась обратно к двери М.Т.Н.С.Э.Р.

— Как думаешь, она расстроена? — прозвучал снизу голос Каламити.

Я услышала странное глухое бряцание передней ноги Вельвет, когда та неловко прошествовала через атриум.

— Ну, я хотела бы, чтобы она видела в этом лишь возможность подразнить меня в отместку за мои поддразнивания, — приплыл ко мне голос Вельвет Ремеди. Её шоколадный, ровный голос имел слегка затравленный тембр. — Но я сомневаюсь, что так оно и будет. Бедняжка была влюблена в меня целую вечность, и в то время как я под впечатлением, что она прошла это, может быть, она всё ещё чувствует боль.

И правда, чувствовала ли я? Я не была уверена. Я всё ещё была слишком переполнена страхом быть пойманной. А теперь я забеспокоилась, что я могла бы себя так чувствовать. Это было бы несправедливо. И эгоистично. У меня были отношения с Хомэйдж, которые оставили меня... исчерпанной, честно говоря. Какое право я имела ревновать других, что они строят свои собственные отношения? Особенно если это два моих самых близких друга. Я должна быть счастлива больше, чем когда-либо за них.

— Честно говоря, я думаю, ты слишком плохо думаешь о Лигпип. У неё слишком большое сердце, чтоб её ревность разъедала. Думаю, я должен больше беспокоиться о твоей птичке.

До меня дошло, что я не чувствую радость за них. Не думаю, что я ревновала. Я хотела быть гораздо лучшей пони. Если бы я была ревнива, я не заслуживала бы дружбы ни одного из них. Но нет, не думаю, что чувство, что я сейчас чувствовала — ревность.

Это чувство было тревогой. Болезненным пессимистическим беспокойством.

Голос Каламити вновь раздался снизу.

— Ты думаешь, она здесь? Кажется ужасно...

— Тихо? Да, теперь, когда ты упомянул об этом. Но если бы она была в компании Хомэйдж, мы бы услышали её. Во всяком случае, это то, в чём меня уверила Ксенит.

Я спрятала лицо в передних копытах, вдруг залившись краской. Я никак не могла уже попасть в более неудобное и унижительное положение.

— Ну, то есть... тридцать один? Селестия, помилуй!

Окей, я была неправа. Вот Теперь не может быть хуже.

— Это... много, верно? — спросил Каламити в козлоподобном невежестве.

— Да, это много, — сказала Ремеди. Я практически слышала, как она закатывает глаза.

— А... у тебя? — Оу нет. Неужели Каламити действительно спросил это? Я услышала мягкий шлепок копыта Вельвет Ремеди. Так ему и надо.

— Не спрашивай даму об этом, Каламити! — сделала она ему выговор. А затем, более тихим голосом, — Да. Дважды.

— Дважды? — Ох, какой идиот. — И мы были... тогда она была... — Я почувствовала, как мои уши горят, когда поняла, что Каламити пытается сделать арифметические вычисления. — Как, чёрт побери, она умудрилась найти время, чтобы ещё и в Прекрасную Долину сгонять?

— Действительно, — сказала Вельвет с лёгкой горечью. — Похоже, кютимаркой Хомэйдж должна была быть Литлпип. Очевидно, это то, что она лучше всего делает.

Мне захотелось слиться со стеной и исчезнуть в пустоте за ней. Мне захотелось, чтобы с неба упала сама луна, обрушив потолок и меня вместе с ним. Мне не хотелось, чтобы они нашли меня, и мне не хотелось слышать их личную беседу... И просто мысль о том, что они могут узнать, что я случайно их подслушивала, убивала меня изнутри.

Я услышала всплеск. Один из них ступил в фонтан.

— После Марипони я наконец поняла аликорна в этой комнате, — размышляла Вельвет, переводя тему. — Я удивлялась, как и зачем Твайлайт Спаркл выбрала это украшение.

— Думаю, когда найдём её, — медленно проговорил Каламити, — тебе следует поговорить с ней.

— Да? И почему это?

— Ну, прост ты всяко в этом лучше меня. Лил'пип захочет узнать, кем мы терь друг-другу приходимся, ну и всё такое. Я только хуже сделаю.

— И кем же, по-твоему? — вкрадчиво спросила Вельвет.

— Вот чёрт, — досадно и растерянно вздохнул Каламити. — Этого вопроса я и пытался избежать, — Нехотя признался он. — Не знаю.

Голос Вельвет был нежным и добрым.

— Ты — Каламити, а я — Вельвет Ремеди. Такие же, как и были до этого, только чуть более близкие. — Я услышала ещё один всплеск. — Я не собираюсь настаивать, чтобы мы были чем-то большим, чем хочешь ты. Я точно не собираюсь обязывать тебя или требовать того, чего ты против...

Я никак не могла прекратить думать о том, что весь этот разговор основан на чём-то таком, во что меня до этого не посвящали, и что у меня не было никаких прав его слушать. Мой разум начал искать выход из сложившейся ситуации.

— Те и не нужно просить, девчушка.

— Я знаю, — промурлыкала Вельвет. — Но ты должен знать, что я против того, чтобы что-либо менять в тебе... ну, кроме, может быть, твоего произношения... я просто хочу быть с тобой.

Если бы я открыла дверь позади себя, закрыла и быстро встала, подумают ли они, что я просто только что вошла сюда со станции позади? Было похоже на хороший план.

Дверь была закрыта. Ну конечно, как же ещё.

Ну, хуже уже точно не могло быть...

— А, чёрт. Не знаю, чё и сказать. Я в таком не силён.

— Тебе и не нужно что-либо говорить.

— Агась. Наверно. Может мне... прост обнять тя?

Замок щёлкнул. Я приоткрыла дверь, потом встала и снова закрыла.

— Лил'пип.

— Лил'пип.

Я посмотрела вниз на них, стоящих в бассейне фонтана. Копыто Каламити скользнуло из прерванных объятий к его лицу. Моё сердце ушибённо забилось, и я выпалила первое, что пришло в голову.

— О. Привет. Я только что была там с Хомэйдж, мы с ней, ну, занимались.

Они одарили меня странным взглядом. Я хотела зафэйсхуфить себя до беспамятства. Взамен я одарила их наигранной, а скорее всего и неуклюжей улыбкой. Они посмотрели друг на друга, потом опять на меня, выражения их лиц расплылись в сострадании и заботе. Я поняла, что они примут мою неловкость за дискомфорт от увиденного ранее, а не от втайне услышанного сейчас. Вельвет Ремеди хотела уже потребовать объяснений...

Дверь позади меня открылась, и выглянула Хомэйдж.

— Лил'пип, ты ведь только что пыталась зайти, да? — Её глаза сузились на мне. — Наказание работает совсем не так.

Каламити и Вельвет Ремеди переглянулись, осознавая ситуацию.

Обречена. Я не смышлёная пони.

* * *

После двадцати минут объяснений, признаний и извинений (и не без помощи жалобного хныканья) я, Каламити и Вельвет Ремеди сидели в комнате Хомэйдж за столом напротив друг друга. Хомэйдж заваривала чай, а я сгорала от стыда и чувствовала себя маленькой провинившейся пони.

Но теперь я, по крайней мере, могла как-то выразить свои чувства конкретными фразами. Проблема была в том, как мне их лучше озвучить. Что если мои опасения были верны? Не сделаю ли я им больно, пролив свет на их отношения? Или, что ещё хуже, вдруг мои предчувствия обманули меня, но неаккуратно заданные вопросы породят новые подозрения?

Неприятная тишина висела между нами. Вельвет сидела спокойно, но выглядела напряжённой. Каламити теребил зубами шляпу.

Если говорить, то говорить прямо сейчас, пока они вместе и могут вытянуть друг друга, отвечая на неудобные вопросы. Но что если?..

Каламити внезапно постучал копытом по столу, и как бы невзначай спросил Вельвет:

— Слушай, думаешь они прям тут этим делом занимались, а?

Я быстро сменила тему — не только потому, что ответ был "да", но ещё и потому, что мне не хотелось заставлять их об этом думать именно тогда, когда Хомэйдж ставила на этот самый стол чай и тортик.

— Я просто хотела спросить, в смысле, вы двое — мои самые близкие друзья. Мы везде путешествуем вместе. И с нами обычно... почти никого больше нет...

— И ты волнуешься, что мы стали так близки только из-за того, что оказались в одной упряжке? — тактично закончила Вельвет.

— Ну... в общем-то, да.

Каламити фыркнул.

— Терь я знаю, как ты, наверн, думаешь, будучи выходцем из Стойла. Но я здесь внизу уже долго. У меня было много других вариантов. Мне было как-то не до них. — Он кивнул вверх. — И там, наверху, тож были варианты. Но никого из кобылок из обслуживания особо не беспокоила помощь поняшам здесь, внизу. Эт отбивало интерес, знаешь ли.

Должна была признать, я никогда не думала о том, что у Каламити были отношения с кем-то до нас. Он казался этаким героем-одиночкой, из-за чего в моём представлении он был таким же чужаком для всего остального мира, как и мы. Но разве Рейлпрайт не утверждал, что Каламити были предложены дом и местечко в Новой Эплузе?

Вошла Хомэйдж, неся чай и тортики. Она улыбнулась и поцеловала меня в рог, который внезапно почувствовался мне приятно тёплым, в то время как она левитировала чашку чая на стол передо мной.

— Должна признаться, — начала Вельвет Ремеди. — Я сначала тоже об этом волновалась... Первое, что привлекло меня в Каламити, были крылья.

— Да все вы на перья западаете, — шутливо подколот её Каламити.

Вельвет сдержанно хихикнула.

— Нет. Тогда я ещё едва покинула свой дом, и рисковала тем, что можно было назвать свободой, и появился ты. Свободнее, чем

любой пони, которая вообще могла себе представить. Даже земля тебя к себе не тянет.

— Да брось ты. Я ничем не лучше других пегасов.

— Нет, ты лучше, — нежно, но твёрдо ответила Вельвет. — Я не могу точно знать этого, но ты гораздо лучше. Я всегда хотела быть мед-пони, и я ухватилась за первую же возможность. Но я оставила свой дом только по личным причинам. А ты вырвался из оков, которые не давали тебе помогать остальным пони. Ты покинул своих родных ради сострадания к другим.

Каламити покраснел. Я внезапно поняла, что таким мне он больше понравился. Это делало его красивее.

— Ты правда заботаешься о пони, — бродя взглядом по Каламити, продолжила она. — И я видела, каков ты с нами, а в особенности с Литлпип. — И, повернувшись ко мне, сказала: — Он рядом с тобой, никогда не покинет. Защищает тебя даже от самой себя...

— Всегда рядом, чтобы подхватить, — неожиданно мягко сказала я.

Улыбнувшись, Вельвет Ремеди кивнула.

— Когда он рядом, я чувствую себя в безопасности, ведь я знаю, что он защитит нас. А в особенности, тебя, после того как ты показала, что нуждаешься в этом больше всех. Но он всегда прямо здесь, рядом со мной, когда я тоже нуждаюсь в нём.

Я внезапно почувствовала себя опять неуютно, на сей раз из-за того, что я опять прерывала Каламити. Я наклонила голову, вдыхая успокаивающий аромат зебринского чая с молоком и специями, исходивший из моей чашки.

Хмурясь немного, Вельвет Ремеди не могла не добавить:

— Я не говорю, что мы идеальная пара. На мой взгляд он часто склонен прибегать к насилию как решению проблем, и не он единственный. — Она пристально взглянула на меня. В течение нескольких мгновений её стальной взгляд держал меня, заставляя непроизвольно ёжиться. Тогда её выражение расслабилось. — Но я понимаю, что в реалиях Пустоши насилие — зачастую единственный способ. Хотя Вы двое и злоупотребляете этим. По крайней мере вы оба считаете, что вся пролитая кровь — это цена ради справедливости, сострадания и чувства ответственности за притеснённых пони. Хотя многие посчитают это проявлением слабости.

Она повернулась к Каламити, всем своим видом говоря "теперь твоя очередь".

Хомэйдж обошла стол и села позади меня, ненавязчиво поглядывая на меня. В этом взгляде читалась поддержка, несмотря на недавнее разочарование во мне. Я думала, что должна быть наказанной, но даже намёка не витало в воздухе.

Я почти молилась, чтобы Каламити сейчас не ляпнул что-нибудь невпопад. Раньше я не была за них рада, потому что боялась, что эта близость повредит им. Но сейчас я хотела, чтобы они были вместе. Теперь я понимала это. Я надеялась, что у них всё получится. И слова Вельвет были словно луч настоящего, чистого солнечного света. Я впервые подумала, что они, возможно, действительно будут хорошей парой. Разумеется, если Каламити снова не начнёт тупить в ближайшие пару минут.

Каламити нервно чертил копытом пол.

— Эээ, то есть, сейчас не прокатит просто сказать "окей, я тоже так думаю"?

Я сделала глубокий глоток, наполняя рот слегка горьковатой жидкостью. Приятное тепло чая мягко разлилось внутри меня, медленно распространяясь по всему телу.

Вельвет Ремеди кивнула головой. Пегас снова почесал загривок, случайно уронив шляпу на глаза.

— Ну... она очень красивая, — начал Каламити. — Не только снаружи. За её внешней красотой и периодически резким характером скрывается восхитительный внутренний мир.

Я удивленно моргнула. Ему теперь нужно было как-то поддерживать заданный стиль.

— Ну то есть... — замаялся Каламити, он тоже это понимал. Но он говорил честно. Я надеялась, Вельвет это учтёт. — Вот смотри, когда мы её в первый раз спасли, я не знал, чё и думать. Она помогала работорговцам. И она была... Ну... Короч, я подумал, что она такая же наглая, жеманная и высокомерная фифа, как эти пони здесь в башне. Но она была совсем не такая. Она прекрасна, но она... Ну не знаю... Как-то попроще что-ли?

Он остановился, чтобы подобрать слова, затем улыбнулся, по-видимому найдя нужное, и продолжил:

— Настоящая. Она настоящая, и само главное — она предана своему делу. Она помогала работорговцам не потому, что ей нравилось то, чё они делают — прост она должна была помогать пони. И в этом ей не мешают неудобства или личная неприязнь.

Каламити обернул своим хвостом Вельвет Ремеди, восхищённо смотревшую на него.

— Она верный друг. Она не отвернётся и пойдёт с нами в любое пекло. Правда эта её манера мирно решать проблемы со злыми или агрессивными ребятами не всегда прокатывает, но я понимаю, что в этом что-то есть иногда... Ну, она же так делает, потому что реально беспокоится за них и хочет помочь... Хотя в основном они этого не заслуживают. Да они её и не спрашивают даже.

Пегас пожал плечами.

— Ну как мне её за это не любить?

Глядя в глаза Вельвет Ремеди, он закончил:

— Ну ты такая... в общем, то, чё доктор прописал, понимаешь? — Вельвет наигранно закатила глаза, но улыбнулась. — Эквестрийская Пустошь — она же не самое лучшее местечко. Мрачная, жестокая, кровавая... Бывает, так сразу и не вспомнишь, за что тут вообще стоит бороться. Но вот щас мне достаточно прост посмотреть на эту угольно-чёрную единорожку, чтобы вспомнить, понять, какими хорошими на самом деле могут быть пони, и что за это стоит бороться.

Часть меня хотела вскочить и обнять их. Часть меня хотела сказать им, чтобы они уже ушли в комнату и уединились... Хотя они и сейчас могли бы ещё быть там, и виновата в этом была я.

— Хорошо... вы меня убедили, — сказала я с улыбкой. Хомэйдж обняла меня сзади, и наш дуэт помог почувствовать меня менее неловко перед Каламити и Вельвет Ремеди.

— Да, — неожиданно сказала Вельвет Каламити, передавая кусочек торта. — Я думаю, они действительно занимались "этим" на этом столе.

Хомэйдж куснула меня за мои покрасневшие уши. Ох... слишком поздно, я сменила тему разговора:

— Ну... и как долго вы вместе?

Каламити засмеялся.

— Ты имеешь ввиду физически? Или что-то другое? — Он взглянул на Вельвет, но та своим видом будто говорила "от этих вопросов я держусь подальше". — Эммм...со вчера?

Я моргнула.

— Да ладно те, Литлпип. Да мы тольк неделю назад впервые поцеловались.

Вельвет Ремеди вздохнула, затем мягко произнесла:

— В самом деле, Литлпип, мы должны тебя поблагодарить за то, что у нас вообще есть отношения.

Подождите, что?

— Агась. Если бы ты не вела ся так, типа мы уже были парой там, в Стойле, я б низачто не подумал, что мы начнём мыслить друг о друге таким образом.

Я покраснела так сильно, что начала бояться совсем сгореть.

Каламити покатыл мне два шара памяти по столу.

— Ты говорила, что можешь посмотреть их ещё раз.

Я поймала их телекинезом, стараясь не сосредотачиваться на них.

— Они... мои?

— Дась. Сбарыжил их у той караванщицы, она сказала, что это подлинские воспоминания Рэйнбоу Дэш. — Он криво ухмыльнулся мне, из-за чего моё сердце ёкнуло. Я была взволнованна, ведь представлялся шанс узнать что-нибудь ещё о легендарных пони прошлого. Но когда это стало навязчивой идеей?

— Правда? — спросила я с надеждой.

— Ну, если верить твоим же словам, — ответил Каламити, судя по голосу, считавший, что его облапошили, — то это не совсем так.

Я переместила их себе на хранение в сумку и допила чай. Он уже был едва тёплым. Разговор ещё некоторое время продолжался.

Затем Вельвет и Каламити оставили нас. Я почувствовала, как Хомэйдж отпустила меня. Чашки, блюдца и остатки тортика засветились цветом магии рога Хомэйдж и поплыли обратно, в раковину.

Я почувствовала, как будто с меня стащили тёплое одеяло в холодный зимний вечер.

— Я думаю... Я должна идти. Я ведь по-прежнему наказана, не так ли? — Я встала и начала идти в неопределённом направлении.

— Да, — сказала Хомэйдж неохотно.

Я хотела наказания, не связанного с разлукой с Хомэйдж. Мысль, о том, что сегодня придётся быть одной, причиняла больше боли, чем прежде. Я остановилась рядом с письменным столом, где валялись личные вещи Хомэйдж. У неё был триптих с фотографией в рамке на столе. Фотография со мной на пустоши, рядом с друзьями. Фотография была сделана откуда-то далеко и высоко и настолько приближена, что я почти заполнила кадр, но размазанная из-за большого расстояния от камеры до объекта съёмки. Я подозревала, что фотография была сделана с камер на шпильках. Я подозревала, что сегодня Хомэйдж было так же больно, как и мне.

— Не могла бы ты меня просто отшлэпать? — спросила я, надеясь на быстрое наказание.

Хомэйдж рассмеялась.

— Нееееет. Но завтра я могла бы. В качестве вознаграждения.

Я недоумённо смотрела на неё, опустив одно ухо. Как порка может быть наградой?! ох... ОХ! О-мой-бог! Я потеряла равновесие и треснула головой об стол. Я отпрянула обратно, спотыкаясь и считая звёздочки.

Хомэйдж всё ещё посмеивалась, даже когда подбежала ко мне, чтобы убедиться, что всё в порядке.

— Я думаю, что лучше уйти сейчас, — сказала я ей. — Прежде чем ушибусь. Снова.

Я брела по рыночному сектору Башни Тенпони, мало обращая внимания на пони вокруг меня. Запах от ресторанов и закусовых дразнил мои ноздри ощущениями, которые были слишком хороши для упакованных несколько веков назад продуктов. Но так или иначе, мой нос тянул меня к одному из них.

Осматривая предложенные меню, мои глаза расширились от удивления, цены теперь писали карандашом, и, судя по всему, множество раз переписывались, причём явно не в меньшую сторону. Я бросила взгляд на свой ПипБак, проверяя, сколько крышечек имела на копытах. Вельвет Ремеди была королевой бартера, и таким образом мы позволяли ей держать большинство наших крышечек. Мне хватало только на Спаркл-Колу и на упаковку яблочных кексов. (Заполненных сладкими яблочными конфетками и пятитысячной нормой консервантов. Yay!)

Я швырнула свои крышечки и заказала колы. Я смотрела как пони копытом сгрёб крышечки с прилавка и пошёл с ломом в зубах ко всё ещё функционирующему автомату Спаркл-Колы. Подцепив панель, он достал мой заказ. Цепь и замок на земле объяснили мне, как обеспечивалась сохранность товара.

Я взяла колу, левитировав к своей морде, и пригубила приторный и тёплый однородный морковный напиток. Я была час в изгнании и уже ненавидела это.

Я увидела Каламити, покидающего полицейского, он выглядел недовольным.

— Просто разбой какой-то, — проворчал он. — Да я могу где угодно прикупить бронебойные патроны за ту цену, по которой они толкают резиновые. — Потом добавил: — Если их где-нить продают.

Я проскакала рысью в его сторону.

— Как там твоё крыло?

Каламити улыбнулся, поняв цель вопроса.

— У нас с Вельвет всё путём. Хотя... не всё. Ей тяжело. То, что случилось в Стар Олнее, не на шутку её испугало. Но мы вместе, мы справимся. Так что не надо больше таких подстав, как тогда с психологом.

Я удивлённо моргнула.

— Я записала вас на приём? — Раньше я уже обдумывала такую возможность.

— Агась. Не самый лучший твой план, — отметил Каламити. — Зато с благими намерениями.

У меня пропало желание увидеть те воспоминания. Совсем.

Мы молча шли некоторое время. Я отпила свою колу, потом немного предложила своему другу. Каламити взял её, ухватив зубами за край бутылки, наклонил и сделал глоток. Затем он передал её обратно. Мы прошли ещё немного, не заговаривая.

— Я волнуюсь, Лил'пип.

Я кивнула. Было около сотни волнующих нас вещей. Вдобавок, несколько особых для Каламити, недавно нырнувшего в более глубокие отношения с Вельвет Ремеди.

— Анклав... тот эксперимент на крыше Стар Олнея. Это было что-то новое. Чё-т катастрофически новое. И я не знаю, почему они там были, чё делали или чё у них на уме. — Он посмотрел на меня. — Дась, я волнуюсь.

Из всех возможных его переживаний это было то, чего я меньше всего ожидала. Хотя должна была бы. Это был его народ. Его родина. И тяжесть эта была для него такой же, как все связанное со Стойлом Два для меня.

— Пегасы — отличные ребята, — сказал Каламити. — Что бы ни случилось, помни об этом. Потому как Анклав... Вот он — нет. Не особо.

<====ооО Ооо====>

Я была в просторном вестибюле, облицованном серым мрамором. Тусклый из-за пасмурной погоды свет падал через огромные вертикальные окна. Снаружи под проливным дождём с транспарантами в копытах протестовали десятки пони, выкрикивая лозунги. Внутри пони бегали рысью по своим делам или разговаривали, собравшись в небольшие кучки. Длинные плащи на большинстве из них до сих пор блестели от влаги. Немногие тащили за собой скромных размеров тележки, доверху загруженные коробками.

Моим хозяином была земная пони, которая сидела за длинной стойкой, лениво уставившись в текст на терминале. Судя по распространявшемуся в определённых частях тела теплу, история, так увлëкшая её, была весьма откровенного и наверняка небезопасного для чтения на работе содержания.

Знакомый голос эхом отразился откуда-то сверху и на безопасном расстоянии, чтобы моя хозяйка успела сменить окно (на памятку о Неврозе Военного Времени), не вызывая лишних подозрений. Она взглянула через плечо вверх, её взгляд следовал по кованной лестнице, спускающейся с мезонина. Архитектура помещения без сомнения соответствовала Министерскому стилю.

Неожиданная вспышка света в четырёх метрах от приёмной стойки отвлекла внимание моей хозяйки от поисков. Посреди фойе стояла немного пошатывающаяся Рэрити. От её одежды, гривы и большого рюкзака шли струйки дыма. Она часто моргала и, казалось, сама не понимала, как тут очутилась. Но в мгновение ока собралась и рысью с настойчивым выражением направилась к моему хозяину.

— Здравствуйте. Добро пожаловать в... — вежливо начал мой хозяин. Но Рэрити слишком торопилась для тонкостей.

— Да, да. Я знаю, где я и кто вы, — сказала она, махая копытом. — Мне надо узнать, здесь ли ещё Рэйнбоу Дэш. Пожалуйста, скажите мне, что я её не упустила.

До того как моя хозяйка ответила, владелец знакомого голоса ответил за неё. Рэйнбоу Дэш спланировала с лестницы и громко воскликнула:

— Вау! Рэрити, ты только что телепортировалась сюда?

На шаг позади Рэйнбоу Дэш стояла Эпплджек, которая была впечатлена не в меньшей степени. Её оранжевая шёрстка и светловолосая грива добавили тёплых тонов в эту строгую, холодную комнату.

Рэрити медлила с ответом, разглядывая обеих подруг, но потом мягко улыбнулась.

— Да, вообще-то я годами обменивалась заклинаниями с Твайлайт... и хочу заметить, что это заклинание не так просто, как кажется.

— И с содроганием добавила: — Скажите, что с моей гривой всё в порядке!?

Рэйнбоу Дэш устремилась вниз поприветствовать её.

— Всё нормально.

Спускаясь с лестницы Эпплджек добавила:

— Она великолепна.

Казалось, она только что несколько раз пробежала сквозь горящий дом.

— Так что случилось? — весело спросила Рэйнбоу Дэш.

Рэрити оглянулась и посмотрела вверх, на Эпплджек. На её лице ненадолго отразилось беспокойство. Потом она повернулась к Рэйнбоу Дэш.

— Мне нужно... кое о чём поговорить с тобой. Но с этим можно повременить. Пока ты не будешь одна.

Рэйнбоу Дэш моргнула. Затем широко открыла глаза. И прошептала:

— О... Насчёт новой... — потом тоже оглянулась на Эпплджек. — ...брони?

Рэрити кивнула.

— Об этом и ещё кое о чём. У меня было множество проблем с усовершенствованием этого заклинания, и я хочу видеть устройство, в которое ты хочешь внедрить его.

— О! — Рэйнбоу Дэш метнулась назад и почесала свою радужную гриву передним копытцем. — Ну, у Эпплблум всё в порядке с закупкой капсул жизнеобеспечения у Министерства Мира. Они должны быть у нас уже на следующей неделе, но... ну, она собирается их чутка улучшить. Ты будешь ждать, пока она закончит?

Рэрити подняла бровь.

— Эпплблум тоже это известно?

— Да. А что... это проблема?

— Ну... — сказала Рэрити, кругами водя левым копытцем по мраморному полу. — Я правда не хочу, чтобы моя сестричка ввязывалась в моё исследование. А ведь они с Эпплблум — лучшие подруги...

— Я только что услышала имя своей сестры? — рысью взбежав по лестнице, спросила Эпплджек.

Рэйнбоу Дэш обернулась и улыбнулась.

— Да, она помогает мне с проектом.

— Я думала, что Министерство Крутости в общем-то ничего и не делает.

Дэш фыркнула и раздулась от гордости.

— Ты имела в виду, не делает ничего, что не круто.

Рэрити и Эпплджек с сомнением переглянулись.

— Ну, как бы там ни было, — сказала Рэрити поспешно. — Я действительно должна идти...

— Стой, — сказала Эпплджек. — Значит ты телепортула себя так далеко, чтоб потом прост уйти? — Она нахмурилась. — И почему эт я чувствую себя нежелательным собеседником?

— Нежелательным? — ахнула Рэрити. — О, небеса, нет! Как раз тебя я больше всего хочу видеть, Эпплджек. — Я хихикнула про себя и порадовалась, что мой подслушивающий хозяин не сделал того же. — Нам сильно не хватает встреч друг с другом. Такое чувство, что уже года прошли с того, как... — Она сделала паузу, потом воскликнула. — И-дее-я! Сейчас мы вместе. Давайте пообедаем?

Рэйнбоу Дэш пожалла плечами.

— Конечно. Почему бы и нет?

— У меня вполне найдётся часок перед сходкой с чиновниками из Министерства Технологий, — согласилась Эпплджек. — Тут наметни дети Карамеля Эппла открыли кафешку с яблочной выпечкой, которую я не прочь посетить.

— Звучит прекрасно, — Рэрити хлопнула в копыта с широкой улыбкой. — Погоди... это, случаем, не те звери, которые пытались убить тебя, сломав лифт?

Глаза Эпплджек сузились.

— Это так и не было доказано.

— Всё равно, сама мысль о том, что ты будешь находиться в одном помещении с этими...

— Да, — Рэйнбоу Дэш подпрыгнула. — Хочешь, я пойду с вами? Если они собираются сделать что-нибудь забавное, я заставлю их подумать дважды.

— Я сама со всем разберусь, Дэш. Но спасибо за предложение. — Видя, что ей не удалось убедить подруг, в чьих взглядах по-прежнему читалось неодобрение, она вздохнула и добавила: — К тому же, сержант СтилХувз уже вызвался сопровождать меня.

— Я знаю этого парня? — с подозрением спросила Рэйнбоу Дэш. — Ты уверена, что можешь ему доверять?

— Не думаю, что вы знакомы, — снова вздохнула Эпплджек, — но он служил с моим братом. А коли мой брат ему доверял, доверяю и я. — На её морде промелькнула ухмылка. — К тому же я не собираюсь там долго проторчать. Ровно столько, чтоб толкнуть речь. Я весь день репетировала. Хотите послушать?

Глаза Рэрити округлились от мысли о прослушивании всей речи Эпплджек, а, быть может, просто от обеспокоенности тем, что происходит это будет в холле, а у неё грива кудряшками.

— Может быть... за обедом? — предложила она.

— Конечно же, — с гораздо большим энтузиазмом сказала Рэйнбоу Дэш, — Давайте заценим.

— Ну ладненько... — Эпплджек сделала паузу. Выпрямилась. Прочистила горло. Закрыла глаза. — Вы все уволены.

Рэрити и Рэйнбоу Дэш молча уставились на неё. Эпплджек открыла один глаз и покраснела.

— Ну, как оно было?

— Это... всё?

— Агась. — Она покраснела ещё, выглядя немного гордой, но в то же время обеспокоенной.

— Отлично! Так им и скажи, ЭйДжей! — Рэйнбоу хищно усмехнулась, а Рэрити била в пол копытами, аплодируя. — Блин, увидеть бы их лица...

— Эй, Рэйнбоу Дэш! — раздался голос в дверях, и она повернула голову. В вестибюль зашли три немолодых пегаса. Один из них — светло-серый с коротко стриженной поседевшей гривой, спадавшей ему на глаза — был без плаща и отряхнулся так, что во все стороны полетели брызги, вызвав крики и жалобы других пони.

— Здравствуйте! Добро пожаловать... —начала было моя хозяйка, но умолкла, завидев, как трое пегасов стали проталкиваться к Рэйнбоу Дэш, не замечая кроме неё никого вокруг, в том числе и её подруг.

— Эй, Рэйнбоу, помнишь меня? — спросил пони горчичного цвета, сделав шаг вперёд. Он был непривычно крупным жеребцом, и его плащ прикрывал только один бок, открывая взгляду кютимарку в виде большого оранжевого баскетбольного мяча. Я подумала, что у него, должно быть, всё было большим... и тут же пожалела, что не могу ткнуть себе копытом в глаз, чтобы прогнать из мыслей возникшую следом картинку.

Рэйнбоу посмотрела на них сквозь прищуренные глаза и потрясла головой.

— Простите. Нет. Я сильно занята и могу помнить только важных пони.

Вся троица нахмурилась. Тот же пегас, горчичного цвета зарычал, толкая копытом в грудь Рэйнбоу.

— Тогда, может быть, ты помнишь моего младшего брата. Он был один из пегасов, убитых драконом в сражении за Хуффингтон.

Глаза Рэйнбоу Дэш расширились. Её поведение сразу же изменилось.

— Ох... Мне так жаль. Несколько храбрых пони погибли в тот доблестный день...

— Агась, — сказал пегас пепельного цвета с потухшим взглядом пронизательных голубых глаз и немногочисленными прядями песчаной гривы, оставшихся на его лысеющей голове. — Кажется, что ужасно много пегасов доблестно умирает в эти дни. Похоже, что мы только и делаем, что дождем. Я не знаю пони в Клаудсдейле, не потерявшего кого-то из близких.

Рэйнбоу Дэш печально кивнула.

— Война...

— Война, — усмехнулся темно-пепельный пони. — Война на земле. Против зебр...

— И драконов, — напомнила ему Рэйнбоу Дэш. — Теперь они используют и драконов, если ты не забыл. Не говоря уже о грифонах-наёмниках.

— А у некоторых из них есть магические амулеты, позволяющие им летать, — вклинившись в разговор, со знанием дела сказала Рэрити. — Если вы думаете, что невозможно для земной кобылы полететь в Клаудсдейл с помощью правильной магии, у вас печально короткая память.

Пегас горчичного цвета сплюнул.

— Если бы пегасы держались в стороне от конфликта, то зебрам бы не пришлось ввязываться в войну драконов. А Вы тут ещё и новую инициативу Луны проталкиваете, как бы побольше пегасов на фронт отправить? Что, пока всех нас там внизу не кончат, спокойно спать не сможете?

— Пусть... только... — с жаром ответила Рэйнбоу Дэш. — Что!?

— И не только мы так считаем, — холодным тоном проинформировал Рэйнбоу Дэш лысеющий пегас. — И пусть пока что на наше мнение вам плевать, но моя сестра — мэр Клаудсдэйла — она...

— Одну грёбаную минуточку, — громко прервала Эпплджек. — Терь я знаю, что вы все потеряли родственников, я знаю как это ранит. — Она подошла к горчичному пегасу. — Я сама потеряла брата в этой войне. Его звали Биг Макинтош. Вы все, вероятно, слышали о нём!

Полный чувства собственного достоинства взгляд горчичного пони стал смущённым.

Я услышала щелчок и жужжание сверху. Только мой хозяин отвернулся от спора, как текст на её экране исчез, его сменило мигающее предупреждение.

ОБНАРУЖЕНА ЖИВАЯ ГРАНАТА

В казалось тот же момент Рэрити ахнула.

— Граната!

Пони стали рассеиваться, сталкиваясь друг с другом, не понимая, куда бежать.

Магия Рэрити вспыхнула вокруг сумки, открыв её.

Разноцветные лучи света выстрелили из сдвоенной энергомагической турели, спустившейся с потолка. Они ударили по какой-то пони в толпе, превратив её в пылающий розовый силуэт того, кем она была.

Мой хозяин посмотрел вниз, осматривая пол, её движения казались невыносимо медленными. Я мысленно закричала, чтобы она пряталась в укрытие, но она как будто оцепенела. Её взгляд упал на металлическое яблоко в паре метров от своего стола. Большая чёрная открытая книга упала на него, и четыре белых копыта прыгнули сверху.

Книга!

Всё произошло за мгновение!

Вспышка огня и вихрь магии под книгой,
оглушительный шум, а следом за ним звенящая тишина,
Рябь взрывной волны, отбросившей Рэрити назад.

Мой хозяин споткнулся, дезориентированный звоном в ушах. Пони вокруг кричали, но их голоса казались приглушёнными и далёкими.

Я заметила Чёрную Книгу. Она приземлилась рядом с Рэрити, дымящаяся, но невредимая.

Я ощущала противоречивые волны ужаса и облегчения. Как какая-то книга уцелела, заглушив взрыв энерго-магической гранаты? Что это за книга такая? И всё же... спасибо звёздам, что она не пострадала. Эта книга была опасной, но это и было ценным! Просто глядя на неё, я поняла, насколько ценной она могла быть...

Рэйнбоу Дэш была быстра. Она подлетела к моему хозяину, вырвав её из объятий страха стуком своих копыт.

— Закрой это место! — услышала я её крик сквозь звон в ушах. — Собери свидетелей и позвони в Министерство Морали. Кто-то из пони видел что-то, даже если они об этом и не подозревают.

Эпплджек рысью бегала вокруг, выкрикивая:

— Все пони в порядке? Кто-нибудь ранен? — Она повернулась к моему хозяину, подняла копыто и крикнула. Её голос звучал, будто дошёл до меня сквозь метры плотного хлопка, но жужжание в конце концов затухало. — Сообщи Министерству Мира. Пусть пришлют советников. — Мой хозяин кивнул.

Рэрити застонала, неуверенно двигая копытами и потирая уши.

— Быстро соображаешь, Рэрити, — сказала Эпплджек, лихо метнувшись к ней на помощь. — Сдаётся мне, ты только что спасла уйму жизней с...

Эпплджек замерла, уставившись на Чёрную Книгу.

— Это... То, о чём я думаю? — Мрачно нахмурившись, Эпплджек повернулась к Рэрити и сказала: — Ты ж сказала, что избавишься от этой проклятой штуковины!

Отряхивая себя от пыли, Рэрити одарила её ответным взглядом.

— Я сказала, что сожгу, — спокойно ответила она. — И я пыталась. Но, как видишь, она не горит. — Понизив голос, она прошептала Эпплджек что-то, что заставило тревожно встать её уши. Потом, снова повышая голос, добавила: — Я даже просила Спайка сжечь её. Добилась лишь того, что она отослалась принцессе Селестии.

Я вздрогнула, да и мой хозяин тоже, понимая, что ничего хорошего предстоящий разговор сулить не может.

Эпплджек нахмурилась, хотя она всем сердцем хотела поверить своей подруге, но её все равно терзали сомнения. Виноватый взгляд Рэрити не помог.

— Ну... те всё равно надо избавиться от этой штуки!

— Как? — упрямо возразила Рэрити. — Сомневаюсь, что меньшее чем мегазаклинание может уничтожить её. И конечно же я не собираюсь никому передавать Книгу, она может попасть не в те копыта.

— Ну, чёрт возьми! — вскрикнула Рэйнбоу Дэш, неосознанно отрывая своих подруг от пылкой беседы, что со временем могла перерасти в ссору. Дэш подлетела к кучке пепла, которая когда-то была пони. — Кому пришло в голову использовать здесь энерго-магические системы защиты? Кучка пепла не будет особо распространяться по поводу того, кем она была, или предоставлять зацепки и улики следствию.

— Странники зебр, я так подозреваю, — нараспев с серьёзным тоном произнесла Рэрити, поворачиваясь к очень расстроенной голубой пегаске.

— Вот только не надо тут, Рэрити, — предупредила Эпплджек. — Меня уже достало, когда на зебр валют всё, чё попало.

— Это точно не первое их покушение на меня, — оцетинилась Рэрити, с удивлением смотря на подругу. — Не ожидала, что даже после предательства Зекоры ты будешь их защищать.

— То, что Зекора оказалась гнилым яблочком, ещё не значит, что все они такие, — настаивала Эпплджек.

Несмотря на то что мой хозяин уделял больше внимания единорогу и земному пони, мне всё-таки удалось заметить полный вины взгляд, мелькнувший на лице Рэйнбоу Дэш. Я внезапно осознала, что Рэрити и Эпплджек не знают всей правды о своей подруге зебре. Настоящие положение дел по поводу предательства Зекоры было тщательно охраняемым секретом, о котором знали только две Кобылы и, возможно, маленькая группа доверенных лиц их Министерств.

— Будто в мире нет пони, что мог бы захотеть кончить кого-нибудь из нас, — сказала Эпплджек.

Услышав сказанное это, Рэрити широко раскрыла глаза.

— О, Селестия... а ведь ты права.

— Ну, если за этим стояли они, то ясно, как сахар, что они меня не остановят, на заседание я попаду.

— Чёрт, — выпалила Рэйнбоу Дэш, взлетая. — Все мы знаем, что целью могла быть и та компания. — Она указала копытом на трёх пегасов, сжавшихся в углу. — То, что они тут наплели, можно расценивать как мятеж. — От неё веяло стальной решительностью. — Я думаю, что в Клаудсдейле пора открывать центр Министерства Морали.

Рэрити отчаянно оглянулась по сторонам.

— О, богини, боюсь, обеда не будет. Мне нужно вернуться к Стилю. У нас нет времени выяснять, что скажем про это новостным пони. Три Кобылы Министерств... о, это плохо. Пока задвинем эту тему.

Как только Рэрити магией подняла Чёрную Книгу и исчезла в ещё одной вспышке, мой хозяин наконец вернулся к своему занятию.

<=====ooO Ooo=====>

Вернувшись из шара памяти, я обнаружила, что уже не лежала на скамье около уборной, на которой уселась просмотреть его. Я была в другом месте. Тёмном и холодном.

Чёрная Книга проплыла во тьме передо мной. Она почти потухла, как и подобает остаточному изображению.

Надо мной вспыхнул яркий луч света, осветив богато украшенный пурпурно-розовый мраморный пол, но пытаться теперь разглядеть что-либо в неосвещённых светом участках было бесполезно. Я включила свой Локатор Ушки-на-Макушке и обнаружила, что по крайней мере шестеро неизвестных скрывались во тьме вокруг меня. Мой Л.У.М. указывал на то, что враждебными они не были. Это не очень-то меня утешило, потому что было очевидно, что меня похитили.

— Э-гей? — Я пыталась скрыть нарастающее раздражение. — Кто вы? И что вам нужно?

Я тут же догадалась, что они хотели, чтобы я что-то сделала. Какая-нибудь новая работёнка, которую необходимо выполнить, новая преграда на пути к Руинам Кантерлота. Если это так, то должна их разочаровать. Я решила, что уже достаточно отвлекалась от основной

задачи. Часы тикали. И бомба готова разрушить Башню Тенпони и погубить всех пони в ней. У меня не было времени на игры.

Вперёд вышел пони, скрытый под плащом. Лицо его под капюшоном было затенено из-за света, лившегося сверху. Но изгибы на капюшоне выдавали в пони единорога. А ещё достаточно света отразилось от мраморного пола, чтобы я узнала пятнистую коричневую шкурку.

— Приветствую, Литтлпип, — произнёс знакомый голос, источник которого я не нашла. В голосе были нотки настоящего джентельпони, но надменности как таковой не было. — Мы приносим извинения за столь грубое пробуждение.

— Кто "мы"? — спросила я, хотя уже и так знала.

— Мы называем себя Обществом Сумерек, — произнёс джентельпони. Я еле удержалась от того, чтобы спросить, не шутит ли он.

— Очень таинственно. Но кто же вы на самом деле? — спросила я, подавляя вырывающийся сарказм. — И что вы хотите?

Единорог под капюшоном издал сдержанный смешок. Затем продолжил:

— Правильный вопрос — почему. Вы тоже носите таинственные имена, не так ли, Выходец из Стойла? Героиня Пустоши? Нам сказали, что вы Спаситель Пустоши, Дарительница Света.

Я съёжилась. Я никогда не хотела, чтобы меня так называли. Я этого не заслуживала. А теперь я была в центре внимания, обо мне судили по репутации, которую я не могла ни контролировать, ни соответствовать ей.

— То, что мы хотим, — продолжил джентельпони. — это лишь знать: кто же вы на самом деле?

Я шмыгнула.

— И вы похитили меня для этого? Могли бы и просто спросить.

— Такие разговоры не для лишних ушей, — сказал другой голос где-то слева от меня, в темноте.

— Вы уже были там, где вам не стоило быть. Видели вещи, которые никому нельзя было видеть, — сказал третий голос, на этот раз справа от меня. Внезапно я заволновалась насчёт Хомэйдж. Это ведь она нарушила правила этой чересчур драматичной группы пони, дабы помочь мне. Что они могли бы сделать в ответ? В темноте вокруг меня раздалось бормотание. — Ради своих целей вы использовали секреты, которые мы должны охранять.

Оу.

— Я знаю слишком много, да? В этом дело?

— Это лишь часть проблемы, — сказал джентельпони, смотря на меня. — Мы обсуждали возможность дать вам доступ ко всей загадочной мощи этого места. Окончательное решение ещё не принято, но вы уже всё равно пользовались нашими секретами.

— Вы представляете для нас опасность, — сообщил голос справа от меня. — Не только для нас, но и для тех, кто однажды достигнет успехов с тем, что мы охраняем тут.

Я топнула.

— Фигня. Я слышала этот бред и раньше. За две сотни лет вы так и не сделали ничего с тем, что у вас имеется. — Я повернулась и двинулась в сторону голоса справа от меня. Там оказался пони в плаще, прятаящийся под капюшоном так же, как он прятался в тенях. Он нервно попятился, оцетинившись.

— Вы храните свои тайны, лишь потому что в них есть что-то особенное, — со злостью сказала я. — И это даёт вам чувство, будто вы особенные и важные. А не потому что вы собираетесь ими когда-нибудь воспользоваться, чтобы что-либо изменить.

— Башня Тенпони — олот цивилизации в этом диком и жестоком мире, — невозмутимо ответил джентельпони. — Думаю, мы проделали немаленькую работу.

— Да, конечно. Но не вы, не правда ли? — Я уставилась на него. — Чёрт, да единственный из вас, кто делает что-то полезное, это... — Я приостановилась перед тем, как назвать её имя. — ...это DJ-Pop3.

— Ну, по крайней мере, она может хранить секреты, — усмехнулся четвёртый голос где-то позади меня.

— Мы просто наследники этих тайн. Неразумно с твоей стороны судить о нас лишь по ошибкам наших предшественников, — сказал джентельпони. Я нахмурилась, прикусывая язык. В его словах был смысл.

— А, возможно, вы и правы, — убедительно сказал джентельпони. — Возможно, пришло время использовать сокрытую здесь мощь во имя куда больших целей. Но мы не можем доверить это кому попало. Ни кому-либо из жадного и злобного внешнего мира и ни кому-либо из Башни. Кому можем мы доверить столь большую власть и ресурсы? Кого из тех, что мы знаем, не опьянит власть?

Я тяжело вздохнула.

— Так что вам от меня нужно? — спросила я. — И как же мне убедить вас, что я не собираюсь становиться следующим Красным Глазом, если получу маленькую поддержку?

— Ваши воспоминания.

Меня аж передёрнуло.

— Ч-чего?

— Несколько дней из вашего прошлого были изъяты сегодня рано утром из вашей памяти в одной из наших уединённых комнат. Нам нужен доступ к этим воспоминаниям.

Они хотят... мои воспоминания? Частичку моей жизни? К тому же ту, чьё содержание даже мне неизвестно?

— Нет, — топнула я. — Это мои воспоминания. Это личное.

— Мы бы могли попросить вас рассказать о себе, но в таком случае вы расскажете лишь то, что мы хотим услышать. Другое дело — увидеть всё своими глазами, без купюр. Как же ещё можем мы узнать о том, кто вы есть на самом деле?

Я кипела от злости. Я не могла доверить что-то столь ценное этим незнакомцам. Я не доверяла им. Я доверяла только Хомэйдж. Только ей. К тому же... это казалось неправильным. Чем-то вроде преступления. Хотя, учитывая, сколько времени я сама провела, копаясь в чужих воспоминаниях, моё отношение в лучшем случае можно было назвать лицемерием.

Голос слева протянул:

— Мы знаем, что Красный Глаз поставил под угрозу существование этой башни и жизни всех пони, чтобы принудить вас к сотрудничеству. Если вы поставили на кон наши жизни, то не заслуживаем ли мы, по-вашему, по крайней мере узнать, ради чего затеяна эта игра?

Гнев отпустил меня, я задумалась над его словами.

Наконец, глубоко вздохнув, я спросила:

— Получу ли я их обратно? — Если ответ будет "нет", сделка не состоится. И если придётся, я с боем выберусь отсюда.

— Разумеется, — ответил мне джентельпони.

— Ладно. Я согласна, но на двух условиях.

Джентельпони поднял голову под капюшоном.

— И какими будут ваши условия?

— Первое: воспоминания останутся в собственности Хомэйдж. Я доверяю их охрану ей. На данный момент у меня нет оснований доверять вам.

— Согласны. А второе?

— Хомэйдж не покинет Башню Тенпони, пока сама того не захочет, и помощь мне или раскрытие своих действий не будет грозить ей никакими последствиями.

Снова послышалось бормотание. На этот раз недовольное.

— Торг неуместен, — сказала я, надеясь, что сейчас козырь в копытах у меня. Но что если они всё-таки решат, что я не представляю для них такого уж интереса?

Но джентльпони ответил:

— Согласны... — Я испытала облегчение.

— ...также на определённых условиях. — У меня замерло сердце. Облачённый в плащ пони продолжил. — Против Хомэйдж не будет предпринято никаких действий, пока каждый из нас не получит возможность заглянуть в шары памяти. В случае, если то, что они раскроют нам о ваших характере и методах, убедит нас расценить вас в качестве перспективного вложения, а не угрозы, мы не станем ничего предпринимать в отношении Хомэйдж и с неё будут сняты все обвинения. Если, однако, ваша память докажет, что вы представляете опасность для нашего общества или Башни в целом, Хомэйдж ожидает соответствующее судебное разбирательство.

Я понимала, что, согласившись с этим, я подвергну опасности свои собственные воспоминания, рискуя больше никогда не увидеть их. Но, в конце-то концов, что мне ещё оставалось? Моя память была скромной платой в сравнении с потенциальной выгодой. Я молилась, чтобы хоть на долю соответствовать той характеристике, которой меня наградил DJ Pon3. Я надеялась, что была порядочной пони.

* * *

Мне снова вручили шар памяти, чтобы я потерялась в нём, пока они возвращали меня на ту же скамейку, откуда взяли. Это казалось абсолютно глупым, но я всё равно приняла это. Я подозревала, что Лайфблум был с ними, и это заставило меня чувствовать себя немного более в безопасности, хотя бы потому что Хомэйдж и Вельвет, вроде бы, он нравился.

Когда я во второй раз покинула шар памяти, чувство дежавю было достаточно ярким, чтобы я задалась вопросом: а не пригрелось ли мне Общество Сумерек? Я задумалась, как часто пони, обитающие в Башне Тенпони, находили внезапные провалы в своей памяти, что использовало Общество Сумерек, когда в их игре не было подходящего шара памяти?

Перепогружение в шар памяти вслед за моим таинственным похищением заставили меня задуматься о таком предмете как тайна и о её распространении. Общеизвестно, что скрытость операции и безопасность вовлечённых в неё пони зависит от степени их осведомлённости. Но всё же это казалось жестоким со стороны Пинки Пай и Рэйнбоу Дэц, что они скрыли правду о Зекоре от Эпплджек и Рэрити. Ведь они верили, что их близкий друг оказался предателем. Действительно ли было необходимо причинять им эту боль? Разве нельзя было им доверить ту тайну? Всё, что я знаю, это то, что Рэрити безусловно умела хранить секреты, но Эпплджек? Возможно ли убедить носителя Элемента Честности отстать от ложь? Неужели лучше для всех пони (и одной зебры), чтобы она оставалась в неведении?

Я упаковала шар памяти, проверяя свой Пипбак, чтобы убедиться, что другой по-прежнему был со мной и всё моё снаряжение было на своем месте. Потом, встав, я пошла по коридору в направлении от уборной. Мой разум по-прежнему напряжённо собирал пазл.

Кроме того, если связать предыдущие воспоминания, то было ясно, что Министерства знали правду о верованиях зебр. Или, по крайней мере, знали достаточно об их страхе перед Найтмэр Мун, чтобы попытаться использовать это против них. Но СтигХувз даже не подозревал об этих планах. Следовательно, правительство решило скрыть правду от населения, в особенности от низших слоёв. Я скептически отнеслась к такому решению. Ещё я с трудом понимала, зачем всё это. Как этим знанием можно деморализовать врага? Могло ли это привести к достижению поставленных целей? Тот жуткий кошмар в Литтлхорне, та резня бедных жеребят оставила незаживающую рану в душе Эквестрии.

Литтлхорн, конечно, стал точкой невозврата для обеих сторон. В этот момент я подумала, что у пони было даже больше способов пойти на компромисс, чем у зебр.

Передо мной неожиданно свалилась зебра. Я отскочила, уже левитируя Малый Макинтош, моё сердце бешено колотилось. Но как только я узнала её, я испытала огромное облегчение.

— Ксенит! Ты напугала меня! — Взволнованная, я поспешно заснула Малый Макинтош обратно в кобуру. — То есть, ты сбита ход моих мыслей.

— Храбрая маленькая пони, — сказала она нараспев.

— Где ты была?

— Пряталась, — просто ответила она. — Когда они забрали тебя, я следовала за вами. Но, похоже, они не собирались делать тебе больно или угрожать, так что я не действовала.

Внезапно мне стало намного спокойнее насчёт странной сегодняшней интерлюдии. Но в то же время я понимала, что мне нужно поговорить с Хомэйдж и предупредить её о предстоящих событиях. Если она ещё не в курсе.

— Я сейчас пойду к Хомэйдж, — сказала я, не упомянув, пустит ли та меня к себе. — Не против присоединиться?

Я вспомнила дискомфорт Ксенит в отношении моей Хомэйдж и подумала, что, наверное, из-за этого я и не видела зебру весь день. Ну и ещё из-за того, что она может быть незаметной, как живой СтелсБак, и для прятков предпочитает потолки.

— Если ты хочешь.

Я остановилась.

— Хорошо, а ты что хочешь?

— Это не важно, — ответила Ксенит. — Мне здесь не рады, так что я не могу делать то, что хочу. Для слишком многих мои полоски делают меня врагом. Или, того хуже, демоном из прошлого, ответственным за все страдания этого мира.

— Это несправедливо.

— Не важно, что это несправедливо. Такова реальность. — Она посмотрела вниз. — Иногда мне кажется, что я земная пони и мои полоски — это на самом деле большие раны, наказание за большую ошибку, к которой были причастны предки моих предков.

Я вздрогнула. Не столько от глубины боли и покорности в её голосе, сколько от картинки в моём сознании, которую нарисовали её слова. Должно было быть что-то, что я могла бы для неё сделать.

— Если бы ты могла делать что угодно, то что бы ты сделала?

— Я бы пошла по магазинам, — произнесла Ксенит. Она улыбнулась моему изумлению.

— А что такого? Все любят ходить по магазинам. Мне бы хотелось иметь возможность сходить в магазин, посмотреть вокруг, поздороваться с пони-продавцами и сделать покупки. Сталкиваться не с большей грубостью, чем любой другой пони-покупатель.

Меня немного выбила из колеи нормальность этой просьбы. Я попыталась представить, каково это, когда ты не можешь даже зайти в магазин, купить что-то. Но не смогла и почувствовала себя ужасно.

Конечно, должен быть способ, чтобы исправить это.

— Мы можем покрасить её шкуру в новый цвет, — предложила Хомэйдж, убирая в сторону большую картину Прекрасной Долины, скрывающую её сейф. Она переносила мою коробку с шарами памяти в другое место, не желая показывать свой сейф, когда Общество Сумерек придёт за ними. — Почти чёрный древесный уголь может скрыть её прекрасные полосы, достаточно будет скромного платья и шляпы, чтобы завершить маскировку. Хотя я в жизни не могу представить себе тех, кто захочет сделать это.

Хомэйдж повернулась к Ксенит и тепло ей улыбнулась.

— Ты великолепна такой, какая ты есть.

Ксенит нахмурилась.

— Я говорю правду, — настаивала Хомэйдж.

— Я уверена, что моя Литлпип фантазировала о тебе хотя бы раз. Разве не так, Литлпип? — спросила она, сознательно поставив меня в унижительное положение. Хуже того, я немедленно представила вид попки Ксенит в Стойле Два.

— Видишь? — рассмеялась Хомэйдж. — Эта покрасневшая мордочка Литлпип означает, что она наблюдала за тобой.

Ксенит пристально посмотрела на меня. Я опустила на пол, положив копыта на голову. После нескольких мучительных моментов Ксенит ответила:

— Я зебра. И это уже клеймо.

— Да, — согласилась Хомэйдж, открывая свой сейф. — К тому же прекрасная, сексуальная зебра.

— Если приукрасить тебя, то никто и не заметит, что ты зебра, — предложила Хомэйдж, покачивая открытой дверью сейфа. — Но ты действительно уверена, что хочешь скрыть, кто ты и что ты?

— Я скрывалась всю жизнь, — просто произнесла Ксенит. — Это не...

Ксенит закашлялась и отшатнулась, её взгляд впился в предмет позади Хомэйдж. Впечатлённые её реакцией, мы проследили за её взглядом.

Звёздный бластер.

— Ты... хранишь его здесь за семью замками, как бесценное сокровище... — медленно и серьёзно произнесла Ксенит.

Хомэйдж нахмурилась.

— Я храню его здесь, чтобы он никому не навредил.

Ксенит моргнула, затем, посмотрев на меня, медленно заинтересовалась,

— Значит ты знаешь, что он жаждет крови?

Хомэйдж бросила на меня озадаченный взгляд. Я попыталась ответить ей таким, чтобы убедить, что Ксенит была совершенно серьёзна в своём заявлении. Хомэйдж не засмеялась. Не было похоже, чтобы она посчитала его хоть сколько-нибудь забавным.

— Признаюсь, да, из этой штуки я стреляю куда лучше, нежели из того оружия, коим мне доводилось пользоваться, в том числе другими видами энерго-магического. Но я объясняла это тем, что по большей части в Эквестрийской Пустоши крайне сложно достать энерго-магические пушки, а все прочие, которые я находила, представляли собой полнейшую рухлядь.

Ксенит, не произнося ни звука, ждала.

— Но нет, я не думаю, что он действительно хочет убивать. Я сомневаюсь, что эта вещь может быть живой или разумной, — сказала ей Хомэйдж. — Однако в том, что её предназначением в намерениях самих создателей являлось убийство, я не сомневаюсь.

— Создателей? — переспросила Ксенит.

— Это сложное техно-магическое устройство. Я не думаю, что звёзды просто принесли его в этот мир. Кто-то или что-то сделало его. — Она посмотрела на зебру. — Ведь так действуют звёзды? Подталкивают пони к самоуничтожению?

Я была сражена наповал таким ответом. И припомнила, что именно Хомэйдж первая рассказала мне о мифологии зебр. И, судя по всему, она верила в то, о чём говорила.

— Так ты... разделяешь наши убеждения? — медленно задала вопрос Ксенит.

— Я считаю, что большинство религий — это смесь правды и вымысла, надежды и страхов. Сложно сказать, сколько истины содержится в том или ином мифе. — Хомэйдж вытащила из сейфа коробку с моими воспоминаниями и закрыла его, оставив внутри дарованное звёздами оружие.

— И на мой взгляд в мифах зебр присутствует некоторое количество истины. Правда, я думаю, что ваши давно упокоившиеся предки верили, что понимают звёзды куда лучше, нежели на самом деле...

Хомэйдж взглянула на меня и обратилась к нам обеим:

— Но я повидала достаточно, чтобы убедиться, что пустота, лежащая по ту сторону луны, хранит в себе чудеса и страхи, неподвластные нашему воображению. И что по крайней мере некоторые из таящихся там сил вредоносны за пределами нашей концепции зла и ищут они свой путь с враждебными намерениями.

— Я передумала, — раздался экзотичный голос угольно-чёрной земнопони рядом со мной, которой на самом деле была Ксенит. — Она мне нравится.

Ставшая пони Ксенит вглядывалась в банки, наполненные странной жидкостью, в которой плавало нечто ещё более странное. Банки выстроились на дальней полке одинокого аптекарского киоска, который притаился за углом от основных магазинов, как маленький жеребёнок прячется от хулиганов. Хозяин постоянно смеривал нас своим недоброжелательным взглядом, но я чувствовала, что волна негодования была направлена более на меня, чем на Ксенит. Она была облачена в платье искусно стилизованное под вьющийся плющ и инкрустированное нежными цветками полевых растений. Широкополая шляпа прекрасно подходила этому ансамблю. Ксенит выглядела восхитительно, прям как местные леди и джентельпони Башни Тенпони.

А я же выглядела, ну, как я.

— Кто? — спросила я и тут же поняла очевидный ответ. — Хомэйдж?

Я внезапно почувствовала себя немного глупо. Не-зебра кивнула с улыбкой.

Мне захотелось начать прыгать вокруг и кричать "Да-да-да!"... но владелец и так уже косо поглядывал на меня.

Ксенит явно наслаждалась своим вечерним времяпровождением, в открытую прогуливаясь по улицам, проходя через толпы, сидя с

ними в одних ресторанах и будучи обслуживаемой теми же заносчивыми официантами, плата такие же непомерно высокие цены за сладкий картофельный пудинг и яблочное пюре во фритюре, что и другие пони.

Уже не первый раз от очередного пони прозвучало ехидное предложение показать Ксенит дорогу до ближайшего магазина одежды, произнесённое с таким сочувственным взглядом, будто она была моей старшей сестрой со скованными из-за меня копытами, а мой внешний вид, соответственно, был проявлением юношеского бунтарства. В такие моменты я просто ненавидела, что была столь мала.

— Выбор здесь отличный, — заметила Ксенит. — Но я не ожидала столь высоких цен.

— Вы, наверное, не обратили внимание, мисс, — проворчал жеребец за прилавком, — у нас не будет свежих поставок в ближайшее время. Товаров дефицит.

В Башне Тенпони цены на всё выросли в три раза с того момента, как я была здесь в первый раз. Блокада Красного Глаза придушила торговлю с караванчиками и мародёрами. Это несколько беспокоило меня, пока мы были на рынке.

Чуть ранее какая-то пони, фыркнув, воскликнула:

— Да меня чуть обморок не хватил, когда я узнала, что те вина, которые должны были попасть в мой погребок, будут проданы в какую-то дыру, вроде Гаттервилля или Арбы.

Я вспомнила, насколько противно мне было общество этих пони.

Крики снаружи привлекли наше внимание. Вежливо улыбнувшись жеребцу, с негодованием смотревшему из-за прилавка, Ксенит сказала:

— Мы ещё вернемся.

Кажется, он не поверил ей, взглянув на меня так, словно я специально тратила его время. Отвернувшись от него, я последовала за Ксенит к выходу из магазина.

Леди и джентельпони собрались в небольшую толпу около внешнего окна башни. Чопорные и приличные юные кобылки и жеребята взбирались на своих родителей, на мгновение забывая о надлежащих приличиях, пытаясь хотя бы на мгновение на что-то взглянуть.

Ксенит, упиваясь возможностью общения с этими незнакомцами, поинтересовалась:

— Что за волнение?

Меня уже не в первый раз удивило, как легко ей удавалось влиться в общество, не находясь под тяжестью клейма своей расы.

— Захватчики! — ответил жеребёнок, быстро пробежав мимо нас и показывая головой в сторону окна. — Они уходят!

— Не нравится мне это, — сказала я Ксенит, когда мы смотрели в окно, вглядываясь вниз в темноту ещё неглубокой ночи. Огни факелов удалялись от Башни, подобно потокам лавы. Более половины сил Красного Глаза покидали позиции. — Единственная приходящая на ум причина их ухода, когда я ещё не выполнила свою часть сделки — это то, что он заранее решил в любом случае снести башню. Прямо сейчас.

Ксенит осмотрительно спросила:

— Разве он не должен увести всех своих подчинённых?

— Нет, если он хочет быть уверенным, что никто не сможет отсюда бежать, — предположила я. Хотя в этом я видела мало смысла, но другого объяснения таким действиям у меня не находилось.

— Может, это всё часть твоего изощрённого плана? — с надеждой в голосе предположила Ксенит.

— Что-то мне так не кажется.

— Разве я не должна быть наказана? — спросила я, сидя на кровати Хомэйдж внутри Библиотеки Твайлайт Спаркл и смотря на отступающие войска сквозь огромное окно. Я была напряжена. И встревожена. Я хотела знать, что замыслил Красный Глаз. Он собирался уходить. Хотя у меня не было никаких оснований для беспокойства, мои инстинкты кричали об обратном.

Во всей башне пони излучали осторожный оптимизм.

— Я передумала. — Хомэйдж села позади меня и начала массировать мои плечи, сбрасывая напряжение. Ксенит пыталась убедить меня не предполагать худшего, но у меня не получалось отвлечься от дурных мыслей.

Копыта Хомэйдж нежно массировали мои плечи и опускались по моей спине, двигаясь к моим бокам. Я не могла сдержать стоны.

Мои глаза распахнулись, когда тёмные мысли кинжалом вонзились в мой мозг.

— Хомэйдж! Ты же знаешь, я была поражена Порчей, ведь так? Только Богини знают, что за мерзость была во мне. Сейчас я могу быть... неправильной!

Хомэйдж нежно хихикнула — совсем не тот ответ, что я ожидала услышать.

— Любимая, — сказала она, вызывая дрожь в моей спине, — мы это уже обсуждали.

— Ох... — произнесла я, чувствуя смущение. Хомэйдж покрыла поцелуями всю мою гриву.

— Для начала, Доктор Хелпингхуф и Лайфблум осмотрели тебя. Это была крошечная мутация, к тому же доброкачественная. Не о чем беспокоиться. — Она прикусила одно из моих ушек. — Факт того, что ты рисковала заразиться Порчей ради меня и других пони в этой башне, не остался незамеченным. Или недооценённым, особенно мной.

Я почувствовала облегчение. Кинжал в моём мозгу растаял.

— Ну я тебя даже собой проверила и довольно-таки тщательно. Ты определённо всё та же моя Литлпип.

Мои уши вспыхнули, когда она прошептала:

— Шар номер во-осемь...

Я нежно зарылась в её шерсть, держа Хомэйдж в объятиях. Она склонилась надо мной, тело её было тёплым, а дыхание приятно тяжёлым.

— Хомэйдж, — спросила я с трепетом, боясь испортить вечер.

— Да, любимая? — донёсся до меня сладкий голос Хомэйдж с нежным придыханием.

— С тобой... всё в порядке?

— После этого? Ооооу даааа. — Она захихикала.

Я рассеянно щекотала её, наслаждаясь возможностью просто прикоснуться к ней.

— Ты знаешь, о чём я. Происходили неприятные вещи... раньше. И то, что ты сделала несколько дней назад, чтобы спасти нас...

Хомэйдж вздохнула и повернулась, чтобы посмотреть на меня, хотя мы и не могли видеть друг друга в темноте.

— После всего, через что ты прошла ради меня, ты всё ещё беспокоишься обо мне больше, чем о себе.

Это было... уловкой. Но я не собиралась позволить ей уйти с этим.

— Это не ответ на вопрос.

— Обычно из нас двоих стреляла Джоукблу, — призналась Хомэйдж. — Я отнимала жизнь всего несколько раз (не считая зверей и роботов), но каждый раз это спасало другого пони... хотя иногда этим пони была я. — Она дотянулась копытом до меха на моей мордочке. — Мне не нравится это. Я не получаю удовольствия от этого. И я, в самом деле, не хороша в этом. Но об этом я не жалею.

* * *

На следующее утро пошёл лёгкий дождь, который, стуча по окнам, покрыл и без того серый вид Руин Мэйнхэттена туманом. Я использовала бинокль, чтобы осмотреться, и обнаружила, что только треть сил Красного Глаза поддерживала осаду. Зато они выглядели так, как будто бы они разбили здесь лагерь навсегда.

На сердце было тяжело, в голове был туман от недостатка сна, причём последнее — полностью вина Хомэйдж. Не то, чтобы я возражала. Хотя бы капельку. Но я начинала чувствовать себя виноватой за то, что она уделяла мне так много внимания по сравнению с другими. Я даже близко не могла повторить то, что она делала для меня, и я начинала чувствовать себя неполноценной. Я уже дошла до такого состояния, чтобы просить её об инструкциях. Но вопрос, как бы я ни формулировала его у себя в голове, как всегда, звучал жалко и ни капли не романтично.

За мной, поскрипывая, катилась небольшая красная тележка.

Я остановилась, когда добралась до двери в нашу комнату. И на сей раз я подняла копыто и постучалась. Дважды.

Каламити, улыбаясь, открыл дверь.

— Привет, Лиг'пип. Доброе утро.

— И тебе доброе утро, Каламити. Я вижу, ты в хорошем настроении.

— Агась.

— Мы готовы сделать это?

Каламити усмехнулся.

— Думаю, она уж пару дней как готова.

Хлопнув крыльями, он отскочил с моего пути.

Вельвет Ремеди лежала на краю своей (а теперь, я готова была поспорить, и Каламити) постели, её загипсованная нога была протянута перед ней под неудобным углом. Её глаза расширились, когда она увидела тележку. А затем снова сузились.

— Это ещё зачем?

— Сегодня большой день, — сладко сказала я. — Готова пойти в Клинику для снятия гипса?

— Я и сама могу его снять, — настаивала Вельвет Ремеди. — И я не позволю таскать себя в этом.

Но я обняла свою подругу телекинетическим полем и подняла в воздух.

— Отпусти меня.

— Так док сказал, — напомнил ей Каламити. — Хелпингхуф хочет осмотреть твою ногу и убедиться, что там всё залечилось как следует.

— Мы твои друзья, — добавила я, пока Вельвет тщетно размахивала конечностями в воздухе. — Мы настаиваем, чтобы ты получила наилучший медицинский уход, и мы не позволим тебе от него увильнуть. Ты всегда отлично о нас заботилась, но при этом часто обделяла вниманием саму себя. В этот раз мы такого не допустим.

Я опустила её в тележку. Она сначала попыталась оттолкнуться, вытянув ноги, но с гипсом на ноге из этого вряд ли бы вышел толк. Осознав это, Вельвет наконец уселась в тележке, подогнув под себя три не скованные ноги.

— Ты ведь этим наслаждаешься, не так ли?

— Ага, — сказала я с улыбкой. Я развернулась и вышагала наружу, осторожно толкая её через холл в лифт, в той самой тележке, в которой однажды она перевозила меня в то же самое место.

* * *

— Ты была права, — сказала я Вельвет, как только Доктор Хэлпингхуф провёл последний тест ноги моей подруги. Вокруг ноги остался тонкий шрам. Он даже не будет заметен, когда шёрстка вырастет снова.

Вельвет Ремеди взглянула на меня, когда по настоянию доктора пошевелила ногой во всех возможных направлениях. Лайфблум стоял рядом, его рог светился, заклинанием помогая Хэлпингхуфу проверять функциональность ноги Вельвет внутри.

— Ты сказала, что мне нельзя доверять, — напомнила я ей. Она тяжело вздохнула и собиралась уж сказать что-то успокаивающее, но я ей не позволила. Мне нужно было высказать это. — И в том, что касается Праздничных Минталок, ты права, мне нельзя доверять.

Я нахмурилась, пытаюсь выдать из себя слова, зная что я должна.

— Я не знаю, нужны ли были они мне. Возможно, я никогда не узнаю. — Она не видела ситуацию целиком: только Хомэйдж и Ксенит знали, что мои воспоминания сейчас просматривались Сообществом Сумерек. — Но я знаю, что, когда у меня был шанс оставить немного у себя, я не была достаточно сильна.

Вельвет Ремеди печально смотрела на меня.

— Так что сейчас ты нужна мне для того, чтобы ты сдержала обещание. Пробегишь по моим вещам. Проверь ПипБак. Может, Лайфблум научит тебя заклинанию обнаружения ПрМ. Не важно, чего нам это будет стоить. — Я немного вздрогнула, услышав падающий тон своего голоса. — Пожалуйста. Я прошу твоей помощи. Я нуждаюсь в ней.

Вельвет медленно кивнула.

— Конечно, Литлпип.

— Что ж, — объявил Доктор Хэлпингхуф. — Хочу сказать, что вы свершили просто чудесное восстановление, юная леди. Можно вас выписывать. — Он посмотрел на Каламити. — Рассчитаться можете с Лайфблумом на выходе.

Каламити кивнул, обняв Вельвет своим ранее подбитым крылом. Посмотрев на меня, он спросил:

— Ну, куда дальше?

Я сжала губы, размышляя.

— Наша цель сейчас — Руины Кантерлота. Но по пути нам надо посетить ещё несколько мест. На нашем пути ещё деревня, в которой, как считает Ксенит, живёт её дочь. Но сначала нам нужно вооружиться всей возможной информацией по выживанию в Розовом Облаке. А это значит, что сейчас мы пойдём назад, в Стойло Двадцать Девять.

Остальные кивнули в знак согласия.

— Нам нужен СтилХувз.

* * *

<-----ooO Ooo----->

В Понивилле был отличный день. Светило солнце, поливая тепло Эквестрийский городок, согревая и землю и душу. Лишь несколько облаков затмевали небо и мятно-зелёный пегас летал сверху, слегка запоздало распыливая их. Внизу разноцветные пони бежали рысью по своим делам, часто останавливаясь, чтобы дружелюбно поприветствовать проходивших рядом. Три кролика, бросившиеся в кусты, тащили из чьего-то огорода редис.

— О Бо... — вырвалось у Флаттершай, не заметившей из-за спадавшей на глаза длинной розовой гривы, как кролики проскочили между её ног. Она едва удержалась, чтобы не полететь следом за ними, бросив тех пони, вместе с которыми шла.

— Эти новенькие неплохо справляются, — заметила Эпплджек, взглянув на небо. — Но без Рэйнбоу Дэш всё как-то не так.

— Об этом я с вами и хотела поговорить, — сказала ей Твайлайт Спаркл, левитируя письмо из седельной сумки. — Сегодня я получила письмо от Принцессы. Она говорит, что Рэйнбоу Дэш не просто в отпуске. Она устроилась в Эквестрианские Небесные Стражи.

— Бедняжка очень переживает из-за того, что случилось с Вондерболтами, — прокомментировала Рэрити, подставив мягкому летнему ветру перья своей новой шляпы. — Я не могу её винить.

— Да, так вот, Принцесса не хотела бы, чтобы она подвергла себя опасности, но Она была не вправе сказать Дэш "нет". Так что...

— Твайлайт открыла письмо, и остальные окружили её, наострив уши, — ...Принцесса Селестия дала нам задание. Мы отправимся к буйволам и попробуем укрепить с ними дипломатические связи. Поскольку у Рэйнбоу Дэш уже есть опыт работы с ними, Принцесса считает её идеальным кандидатом на роль посла.

— О, поняши! — Пинки Пай подпрыгнула.

— Я работала над своей песней, и я думаю...

— О, сено, нет, — простонала Эпплджек.

— Боже мой, — вздрогнула Рэрити.

— умм... — умм-кнула Флаттершай.

— Никаких песен! — строго сказала Твайлайт Спаркл.

— Но...

— Никаких Песен. — Повторила она. — Приказ Принцессы.

— Ооуу...

— Твайлайт, дорогая, — обеспокоенно спросила Рэрити. — Принцесса Селестия случайно не сказала, почему на самом деле мы укрепляем дипломатические связи с буйволами? Я имею в виду, кроме того, чтобы занять Рэйнбоу Дэш.

Твайлайт покачала головой. Тяжелая тишина повисла над группой друзей, которые и так явно были в диссонансе с солнечным и жизнерадостным днём.

Эпплджек нарушила эту тишину:

— Мне тут рассказали слухок один: ребята с фермерской выставки, что на прошлой неделе была, говорят, что... — Она замолчала, будто бы боялась, что слова в её мыслях сбудутся, если она произнесёт их слишком громко. — ...Что, возможно, мы на пороге войны.

Флаттершай ахнула и спряталась за пенёк.

— Эт-то невозможно, Эпплджек. Эквестрия ни с кем не воевала уже... — Твайлайт сделала паузу, поднимая в памяти все свои знания об истории Эквестрии. И не найдя ничего, — ...Думаю, что никогда. По крайней мере, за последнюю тысячу лет.

— Ну да, мы все знаем, какими сильными и твердолобыми могут стать пони, когда их средства к существованию находятся под угрозой. Но на сей раз, боюсь, они не ограничатся метанием пирогов. Биг Мак принёс домой кой-чего из их новомодного огнестрельного оружия, чтобы позаботиться о куролиске, который напал на наших свиней...

Эпплджек была прервана расстроенным писком Флаттершай, которой, наконец, удалось выбраться из-за её пенёка.

— Он бы не стал!

— Прости, Флаттершай, — извиняющимся тоном сказала Эпплджек. — Но эта штука убивала наших свиней. Иногда об опасных хищниках надо заботиться довольно грубыми методами.

— Вы должны были сказать мне! Я могла бы остановить его ради вас, — сказала Флаттершай, её голос нехарактерно повысился и окреп. — Теперь ваши свиньи навсегда останутся мёртвыми, вы знаете, ведь только куролиск может обратить свою магию. И он бы сделал это, если бы я могла ему сказать.

— Что? — Эпплджек застонала. — Вот же ж блин!

Флаттершай покорно обернулась к Твайлайт Спаркл.

— Но ведь этого не может быть, чтобы началась... — На слове "война" голос подвел её, сорвавшись на жалкий писк. — ...Ведь не может?

— Надеюсь, что нет, — сказала Твайлайт. — Я не знаю, что бы мы делали в таком случае.

— Но... Пони страдают. И звери. — Флаттершай дрожала, как и её мысли. — Мы просто не можем этого допустить. Не можем.

— Думаю, что именно поэтому Принцесса хочет, чтобы мы начали говорить с буйволами, — неуверенно сказала Твайлайт.

— Ну, какой бы ни была причина, мы сделаем это вместе, — заключила Рэрити. — Дайте мне несколько дней, чтобы закрыть магазин, и я буду готова к поездке.

Остальные кивнули.

— Ты права. Нет ничего, с чем бы мы не справились вместе, — сказала Эпплджек, улыбнувшись Рэрити.

— Верно, — сказала Твайлайт уже заметно твёрже. — Что бы там ни было, Принцесса Селестия поручила эту миссию нам, и мы её не подведём. — Это было для неё обычным делом. Она уже делала это раньше, и сейчас делала вновь. — Сделайте всё, что нужно, чтобы подготовиться. Возможно, на время нам придётся покинуть Понивилль. Я собираюсь вернуть Рэйнбоу Дэш. Давайте встретимся здесь в течение двух дней. — Она практически светилась верой в своих друзей.

Все её друзья кивнули, Флаттершай смотрела крайне нервно и особенно решительно. Затем пони ускакали, оставляя жёлтую пегаску в состоянии одиночества.

— Ах, так много предстоит сделать. Но мы не должны сдаваться. Мы не должны, не должны, не должны, — сказала она в грустной ярости. — Кто позаботится о моих животных?

— Могут ли я помочь? — спросил мой хозяин, подлетая к безутешной жёлтой пегаске.

— Ой! — подпрыгнула Флаттершай. Потом присела, виновато оглядываясь вокруг, пока не увидела меня. — О, привет Дитзи Ду. Я тебя не заметила. — Она застенчиво отвела взгляд. — Эм... конечно, если ты не против?

Я ощутила, как мой хозяин счастливо улыбнулся. Сегодня был хороший день.

<=====ооО Ооо=====>

Примечание: Максимальный уровень.

Глава 33. Крестоносцы

«Все эти разлагающие амбиции не имеют ко мне отношения.»

<<< ^^ >>>

Дождь.

То, что началось лёгким дождиком, днём стало порывистым ливнем, обещая к вечеру обернуться ужасным наводнением. Серые облака нависли над такими же серыми Мэйнхэттенскими руинами, едва различимыми за сплошной завесой дождя.

Капли дождя падали в лужи на крыше Башни Тенпони, соединяя их между собой и превращая в миниатюрные озёра. Копыта Ксенит разбрызгивали из них воду, пока она загрохала последние припасы в Небесный Бандит. Я наблюдала, как она встала на задние копыта и передала сумки Каламити, тут же устроившему ту внутри. Мой взгляд задержался ней и на полосах на её спине, завораживающе изгибавшихся, когда под ними волной прокатывались мускулы. Я была вынуждена согласиться с Хомэйдж — мне больше нравилась такая Ксенит. И хотя я была рада, что Ксенит получила возможность походить по магазинам и пообщаться с пони в Башне Тенпони, я была счастлива вновь увидеть её полосы.

Смыть краску оказалось немного сложнее, чем я ожидала. Нужны были недели на возвращение её шкуре натурального цвета или же многочисленные травяные ванны, которые бы исчерпали все запасы настоек Ксенит, настаивавшей на том, что лучше приберечь их для других случаев. Так что нам пришлось искать Лайфблума, надеясь, что у него найдётся заклинание для удаления фальшивого цвета. К счастью, он его знал и предложил обучить нас ему за символическую плату.

Вельвет Ремеди сразу ухватилась за эту возможность. Она была уверена, что заклинание не выходило за пределы её магических возможностей. Косметическая магия имела мимолётную связь с медицинскими и развлекательными чарами, естественными для её таланта. Я вспомнила, как легко она вымыла Небесный Бандит, используя лишь магию; я ожидала, что это будет даже легче. Но когда Вельвет выучила это заклинание, оно оказалось для неё удивительно тяжёлым и дало лишь частичный эффект. Краска въелась настолько, что некогда белая шерстка Ксенит стала грязно-серой.

Я попыталась сделать это сама, но все мои усилия оказались напрасны. Мой рог даже не соизволил засветиться, когда я пыталась сконцентрироваться на заклинании. В конце концов нам пришлось заплатить Лайфблуму, чтобы он произнёс заклинание лично.

— Снова пялишься на её зад, да? — внезапно услышала я напугавший меня до смерти шёпот Хомэйдж, едва мой взгляд пал на круп Ксенит.

Мои уши дёрнулись в испуге, и, вдруг почувствовав, что краснею, я пробормотала:

— Что? Конечно же нет. Я просто планировала. Ну конечно же! Плановое планирование плана.

Хомэйдж усмехнулась.

— Ага. Конечно.

Задумчивым тоном и с нежностью серая единорожка продолжила:

— В следующий раз я снабжу тебя полным комплектом конспектов, которые ты просила. — Я готова была сгореть от стыда; спасибо, что она хоть говорила достаточно тихо для окружающих. — Хотя я и не уверена в твоём восприятии материала. Ты так чувствительна, что во время демонстрации практических упражнений ты с трудом сосредотачиваешься на уроке. — Луна, спаси меня. Мои уши как ад горели. — Но я соглашусь, что и мне трудно было бы сконцентрироваться.

Хомэйдж наклонилась к моему уху и прошептала:

— Может быть, стоит привлечь к нам кого-нибудь третьего? Как насчёт Ксенит?

Я почувствовала, как плюхнулась в лужу, прежде чем осознала, что ноги уехали из-под меня. Вода на крыше была холодной и, забравшись под мою броню, попала в западную шерсть и кожи.

Хомэйдж хихикнула. Конечно же, она шутила. Она должна была шутить. Как только я поднялась, мой ум нашёл уже с полдюжины причин, почему о сексе втроём с Ксенит не могло быть и речи, и не в последнюю очередь потому что эта полосатая кобыла не любила прикосновений. Но маленькая серая единорожка уже посадила семена фантазий у меня в голове, зная, что это уж точно не облегчит моё время вдали от неё.

Я метнула на Хомэйдж раздражённый взгляд, решив, что это, возможно, её месть за мою прохладную реакцию на одну из её любимых игрушек.

— Ты просто маленькое зло, — прошипела я. — И ты знаешь об этом, так ведь?

— А что это такое? — спросила я, смотря, как Вельвет Ремеди левитировала что-то вроде рельсов на крышу Небесного Бандита.

— Рэйлинги, ну или что-то типа того, — ответил Каламити. Приземлившись на вершину омываемого дождём пассажирского фургона, он начал затягивать ремни. — Я вот подумал о том, как СтилХувз завалил то Звёздное Отродье. Стоя на крыше, он шмалял, не парясь. Благодаря этим стойкам, пони сможет удержаться верхом, какие бы кульбиты я не совершал.

После того как Каламити вытащил из седельных сумок небольшой сварочный аппарат — достояние (как я полагала) последнего проведённого обмена товарами — Вельвет Ремеди чопорно добавила:

— А также на них можно будет перевозить наш багаж.

Покончив со сваркой, Каламити начал оценивать свою работу:

— Я тут прикинул, что будет излишним накинуть сверху немного брони. Это стормозит нас немного, да и мне придётся чаще останавливаться. Но парочка пластин сделают это судёнышко намного безопаснее.

У меня было предчувствие, что Каламити готовился к битве, о которой я ничего не знала. Было ли это частью плана, чтобы справиться с Богиней? Это сделано, дабы оставить меня в неведении? Или, возможно, это было связано с его опасениями касательно Анклава. Если первое, то лучше держать язык за зубами и не спрашивать его об этом. Если бы я настояла на ответе, то поставила бы его в неудобное положение, вынудив солгать мне. Хуже того, из-за меня он мог непреднамеренно выдать что-то важное. И потому мне следовало просто довериться ему.

Мои мысли вернулись к шарам памяти, в которых я побывала вчера. Со слов Каламити, я сказала ему, что могу без опаски заглянуть в них. Если бы я узнала об их существовании, я бы с ума сошла от любопытства. Но я о них и не знала, пока Каламити не положил их на стол и не покатил ко мне. Теперь я задавалась вопросом, было ли это подарком, или в тех шарах были обрывки информации, которые, как я полагала, мне нужно было знать.

Сведения, хранившиеся в первом шаре, могли оказаться весьма полезными. Отличительны были два события, первым из которых

было появление Чёрной Книги, которая, судя по всему, сама являлась сосудом души. Я было подумала, не было ли это делом копыт самой Рэрити, но тут же отказалась от этой мысли. Куда как вероятнее могло оказаться, что наполнявшая её душа некогда принадлежала сумасшедшему алхимику-зебре, который собственноручно и написал Книгу. Страх и ненависть, которые зебры питали ко всему, связанному со звёздами, как и то, что текст Чёрной Книги якобы явился той безумной зебре во сне, объясняли, как так вышло, что эта книга по прошествии целых поколений, проведённых в землях зебр, осталась цела и невредима и в итоге оказалась здесь. Определённо, список легенд, ореолом тьмы окружавших эту книгу, теперь не только заслуживал доверия, но и мог обзавестись новыми.

Более того, я вспомнила, что сосуды душ можно было зачаровать другими магическими эффектами. Кто знал, какие мистические эффекты Чёрная Книга могла бы оказать на находящихся поблизости пони.

Другим важным моментом, который я запомнила, была беседа между Рэйнбоу Дэш и теми тремя жеребцами. В том споре я стала свидетельницей зарождения Анклава. Шар поведал мне о распространении среди пегасов чувства негодования от потерь своих близких в войне. Войне, на которую они буквально смотрели свысока — эти чувства даже достигли сердца по крайней мере одного наделённого властью пегаса. Скорей всего, он был убит первым мегазаклинанием зебр, уничтожившим Клаудсдейл.

В свете этих событий Рэйнбоу Дэш, героиня войны, лидер Шедоуболтов, стала движущей силой возрастающего вовлечения пегасов в борьбу. Я вспомнила новостную статью в Филлидельфийском центре Министерства Стиля: ответной реакцией на вербовку зебрами драконов Луна намеревалась усилить силы пегасов Эквестрии. Я подозревала, что новая силовая броня Рэйнбоу Дэш была частью этого плана.

Рэйнбоу Дэш стала символом движения и для тех, кто был готов поддержать её, и для тех, кто презирал её... Появление Дашитов стало закономерным итогом этих противоречий.

Заботы Анклава шли вразрез с мыслями Каламити. Если только... если только Анклав не угрожал Садам Эквестрии. От этой мысли по моему телу пробежал холодок. Но если бы это было правдой, то, конечно же, я бы не стала стирать это из памяти. Я бы немедленно вмешалась в происходящее! Никто не остановил бы меня от помощи Спайку в защите пещеры, включая меня саму.

Горькая радость сопровождала видение второго шара. Я была счастлива и глубоко опечалена, видя пять легендарных пони в более светлое и счастливое время. Но это была уходящая весна перед началом войны, которая принесёт только страдание и ужас всем им. Они стояли на краю чего-то ужасного, но они любили, смеялись и танцевали.

Самое лучшее пережитое мною воспоминание не имело какой-либо практической ценности. Я не впервые слышала о миротворческой миссии с буйволами, хотя сейчас у меня появилось больше информации. Самым ценным было то, что я впервые оказалась в прекрасном, мирном прошлом, оно напомнило о том, каковы пони на самом деле. И я молилась, чтобы они однажды снова стали такими.

— Одних молитв тут недостаточно, — прошептала я сама себе. Нет, чтобы изменить наш мир, надо действовать. Должны быть пони, способные противостоять тьме и одержать верх. Я буду той пони.

— Ммм? — спросила стоявшая рядом со мной Хомэйдж. Я так промокла от дождя, что уже забыла о луже ранее. — Ты выглядишь отрешённой, будто в шар памяти погрузилась.

В ответ я скорчила рожицу. Потом, вытаскив из седельных сумок шар памяти Дитзи Ду, леветировала его к ней.

— Я хочу, чтобы ты взяла его, — сказала я. — Твой голос не раз был моей путеводной звездой во тьме. Если ты почувствуешь, что тебя окружает гнетущий холод, взгляни в него. Позволь ему вывести тебя.

Хомэйдж с любопытством подняла голову и с полузакрытыми глазами прошептала:

— Мне это и не нужно. Ты мой путевой огонёк. — Но всё же охватила шар телекинезом и увела подарок.

— Я буду бороться, чтобы чистое и светлое прошлое стало нашим будущим, — сказала я, повернувшись к ней. — Даже если придётся биться о всю эту стену тьмы и ужаса пустоши, пока от меня ничего не останется. — Как те пони, разбившие своих копыта о запечатанную дверь Стойла Два. Я упорно буду добиваться цели от битвы к битве, пока не отдам себя до конца. — И потом, уже не в состоянии стоять на ногах, я затолкаю своё умирающее, истекающее кровью тело в глотку ужаса и заставлю его подавиться.

Хомэйдж посмотрела на меня с грустью и пониманием. А после наклонилась и нежно потёрлась носиком о мою щёку.

Сдерживая улыбку, я усмехнулась:

— Или, знаешь, это всё закончится солнцем да радугами. Нет причин для пессимизма.

Хомэйдж смеялась, несмотря на слёзы, которые наполнили её глаза. Или, возможно, то был просто дождь.

— Кстати о шарах, — сказала я, меняя тему.

Хомэйдж моргнула под дождём и печально улыбнулась.

— Они у меня. Если им необходимо посмотреть твои воспоминания, чтобы узнать тебя, им необходимо собрать максимум информации. Так что каждому из них надлежит просмотреть их все по порядку, начиная с первого.

— Замечательно, — ответила я, улыбнувшись ещё шире.

— Хотя я предпочла бы, чтобы мы оставили шар номер восемь себе, — добавила Хомэйдж. И впервые я увидела, как она покраснела.

— Равно как и я, — призналась я хмуро. — Но в то же время я подумала, что если они не получат один из шаров, то будут сомневаться, что мне нечего от них скрывать. К сожалению, я так думаю до сих пор.

Хомэйдж кивнула.

— Действительно. — Она отвела взгляд в сторону. — Может, мне удастся убедить их в его незначительности. По крайней мере, после того как его просмотрит первый пони. — Зная, какие вещи она могла со мной проделать, я засомневалась, что найдется хоть один пони, который упустит возможность испытать их. Сама мысль о пони, пользующихся ухаживаниями Хомэйдж, предназначенными только для меня, была для меня мерзкой. У меня внутри всё сворачивалось, стоило представить, что кто-то посягнёт на столь личное. Я бы не смогла пойти на такую жертву. Но зная, как много добра могли сделать для всей Эквестрии секреты, сокрытые внутри залов Башни Тенпони, маленькая пони в моём сердце потребовала этого от меня.

— Могу ли я спросить, почему? — спросила Хомэйдж. Я моргнула. Она должна была знать, почему я была готова позволить Обществу Сумерек заглянуть в свои воспоминания. Видя моё неудобство, она разъяснилась: — Я узнаю эту улыбку. Ты что-то задумала. Зачем инструкции, если дело не только в контексте?

— Ох! — Я опять захихикала. — Хорошо, кажется, эти воспоминания охватывают лишь два дня? И времени на их просмотр уйдёт столько же, сколько и на сами события, содержащиеся внутри. Но в отличие от меня, когда я их переживала, этим пони придётся делать перерывы. Останавливаться, есть, спать, заниматься своими обычными делами... — Я пожала плечами. — Думаю, если нам повезёт, к моменту, когда они просмотрят большинство шаров, всё будет кончено. А если нет? Ну, по крайней мере я вынудила целую толпу надменных пони в Башне Тенпони есть еду, приготовленную зеброй, и полюбить её.

Хомэйдж сорвался на смех. Она обхватила меня своими передними ногами, обнимая так сильно, что мы упали в небольшое озерце, сформировавшееся на крыше из нескольких луж.

Я брызнула из лужи на неё. Она брызнула на меня в ответ. Мы обе лежали в холодной, прибывающей воде, ногами брызгая друг в дружку волны воды, пока, я могла поклясться, не стали мокрее, чем сам дождь.

— Сдаёшься? — провизжала она. Вовсе нет! Я собиралась взять верх и уже удерживала телекинезом над её головой целую бочку воды. Показав копытом вверх, я услышала просто восхитительный писк моей Хомэйдж, который оборвался, как только на неё обрушился настоящий водопад.

— Хорошо, хорошо, я сдаюсь! — закричала Хомэйдж. Медленно, мы взяли себя в копыта. Хомэйдж дрожала, с её голубых волос стекали капли дождя. Она была невероятно красива.

— Готова идти? — раздался доброжелательный голос Вельвет из салона Небесного Бандита. Я повернулась и увидела, что Каламити закончил присоединять укрепления к крыше пассажирского фургона и уже приготовился лететь.

Я оглянулась на Хомэйдж.

— Мне пора.

После чего улыбнулась.

— Но ты всегда будешь со мной, совсем близко. Я буду на твоей волне, слушая сообщение надежды... — Я мягко поцеловала её рог. — ДиДжей Рон3

Мрачный настрой нашего прежнего разговора вернулся назад, из-за чего по моей мокрой шкурке пробежала дрожь.

— Пообещай, что мы ещё увидимся, — попросила она.

— Клятвой Пинки Пай.

Небесный Бандит прорезал тяжёлую завесу дневного ливня. Каламити выглядел несчастным и насквозь промокшим. Он махнул копытом на предложение Вельвет Ремеди о создании щита, утверждая, что и так уже промок, устанавливая новую крышу. Наполовину это была напускная храбрость, наполовину — Просто Дурацкий Просчет. И теперь, когда он молчал, я могла сказать, что он жалел об этом.

Хотя, прямо скажем, мы все промокли насквозь. Пассажирский фургон с выбитыми окнами обеспечивал довольно сомнительную защиту от дождя. Так что очень скоро все скамейки промокли, а по металлическому полу ручьями текла вода. Хорошо, что брезент помог нашим припасам частично пережить потоп, однако вода, просочившись под чехлом, намочила днища коробок и сумок.

Паерлайт издала тоскливый мяукающий крик. Вельвет Ремеди старалась сушить нас снова и снова, используя своё очищающее заклинание, но это была неравная борьба, и через час она сдалась.

Мы с Вельвет сидели вместе на скамейке в задней части фургона. Рог Вельвет Ремеди светился, и тихая мелодия словно ручейком лилась из него.

— Ну как, похоже? — спросила она. Ошеломлённая, я смогла лишь утвердительно кивнуть.

— Ты что... прям сейчас это придумала? — с трепетом спросила я, снова поражённая тем, как же легко ей удавалось придумывать абсолютную новую музыку, да и чтобы она при этом была просто потрясающей.

— Ну, да, правда этому предшествовали годы практики, — признала Вельвет Ремеди. — Но это мой врождённый талант. — И, по-матерински посмотрев на меня, посоветовала: — Прежде чем я смогу написать музыку под твою песню, Литлпип, тебе бы надо написать слова. По крайней мере несколько строк, чтобы я смогла узнать, какой ритм и стихотворный размер ты хочешь использовать.

Я тоскливо вздохнула. Идея так хорошо звучала в моём сердце прошлой ночью и так легко в голове этим утром. Я хотела написать песню, которая бы выразила мои чувства к Хомэйдж. Она должна была быть не чем-то чрезмерно слащавым, а чем-то откровенным, искренним выражением моей любви. Чем-то, что Вельвет Ремеди исполнит в следующий раз, как мы вернёмся в Башню Тенпони. Особым подарком для пони-ДиДжея, которая позволила мне влюбиться в неё по уши.

С Вельвет Ремеди рядом я думала, что могла придумать что-то мало-мальски достойное, до того как достигнем Стойла Двадцать Девять, но...

— Я просто не умею писать стихи. Складывать слова вместе это... — Я вздохнула. — ...Очень сложно.

— Позволь мне помочь, — предложила Вельвет, слушая, что у меня уже выходило, вежливо стараясь не морщиться.

В течении нескольких часов я с Вельвет собрали несколько строк, из которых можно было бы скроить полный куплет. Или две половинки двух разных куплетов. Я ещё не была уверена.

"...В тепле твоих объятий я нашла признание,

И в самый тёмный час маяк увижу я,

Сквозь все невзгоды, сквозь отчаянье,

Тот шар, в котором память, в котором ты и я..."

Вельвет Ремеди пропела мои стихи, пробуя их на вкус, улыбаясь тому, как они звучали на этот раз.

— Намного лучше. Хотя я всё ещё думаю, что некоторые из твоих фраз немного слишком конкретны.

Я покачала головой.

— Это к ней от меня. Это личное. Эти слова и должны быть конкретны. — Я была упряма перед лицом мудрости, но это была моя песня, и мне нравилась строчка: "Я была разбита вагоном одиночества."

Вельвет Ремеди одарила меня полной понимания терпеливой улыбкой. Я поняла, что ей удастся уговорить меня немного изменить текст ещё до рассвета.

Буря продолжала усиливаться. Нам приходилось останавливаться каждый час, чтобы дать Каламити отдохнуть от бомбардировавшего его косо дождя. Продвигались мы медленно, хоть и летели. Всё по причине сильного ветра, сносившего нас с курса и вынуждавшего Каламити постоянно его корректировать. Так больно было смотреть на все эти его старания ради нас.

На нашей третьей остановке нас приютили останки заправочной станции, стоявшей среди руин небольшого бизнес-района, некогда простиравшегося от Мэйнхэттена до Фетлока. В почти развалившемся строении я заметила более-менее целую кладовую. На её двери был выцветший и запятнанный плакат с изображением радушной Твайлайт Спаркл. "Знания — это магия" — гласила надпись над её дружелюбной улыбкой. А под ней шрифтом поменьше: "Министерство Тайных Наук ищет светлые головы. Вместе мы спасём Эквестрию!" Плакат пересекало корявое граффити: *-орис с мими-*. Этот обрывок навёл на мысль, что плакат откуда-то перевесили и края фразы теперь украшают неизвестную стену.

Каламити отстегнулся и отправился в каморку хорошенько отряхнуться, а мы стали рыться в своих припасах в поисках коробок "Пышек Пони Джо" и банок сладкой картошки на ужин. На пышки я посмотрела с сомнением — хотя я и стала менее брезгливой в

осознании двухсотлетнего съестного, но всё же не решилась с ним прикоснуться. Каламити вернулся, когда Паерлайт уже подогрела (и слегка облучала) банки с картофелем. Пегас уже порядком обсох и был характерно нагружен раскопанным добром.

— Ща надо б Спарк-батареи поменять, пока мы тут сидим, — объявил Каламити, когда Вельвет закончила телекинезом очищать его перья и шкуру от остатков воды. — Хреново будет, если они сдохнут в воздухе посреди бури.

— Не смей, — ахнула Вельвет Ремеди. — Ты и так достаточно потрудишься. И теперь, когда ты наконец сухой, ты не полезешь сразу же валяться в грязи, под этим фургоном. Ты отдохнешь. Один из нас сменит их за тебя.

Конечно же это означало, что полезу я. Но я была более чем счастлива быть добровольцем.

— Ну, — Каламити явно был согласен с этим вариантом и был рад возможности наконец расслабить свои ноющие от усталости крылья. — Тогда, наверн, нам надо чуток отдохнуть здесь и переждать, пока буря не поутихнет. — Мы сразу с ним согласились. Хотя я уже и знала, что дождь над Эквестрийской Пустошью может идти несколько дней подряд, но всё же надеялась, что худшая его часть закончится через пару часов. Слепящая вспышка молнии сверкнула над нами, на мгновение превратив мир вокруг в чёрно-белую панораму. Каламити оглянулся и сказал что-то ещё, но его слова утонули в раскатах грома, от которого здание содрогнулось и из трещин в потолке посыпалась штукатурка.

Через пару минут я уже заползала под Небесный Бандит. Жижка подо мной была не просто размокшей землей — скорее вязкой смесью воды и пепла. Я старалась не думать, в чьих останках мне пришлось барахтаться. В конце концов, большая часть пепла была от испепеленных взрывом зданий, ведь так?

Выкручивая телекинезом болты, державшие крышку отсека спарк-батарей, я услышала музыку. Это был уже знакомый марш, звуки которого просачивались через шум дождя и ветра. Приближался спрайт-бот. По мере того как летающее радио приближалось к фургону, музыка становилась всё громче, а шум дождя ещё сильнее подчёркивал металлическое дребезжание его динамиков.

Статические помехи пришибли музыку. Спрайт-бот умолк.

— Привет, Наблюдатель.

— Эй, Литлпип. Давно не виделись, и могу сказать, ты явно была сильно занята.

Я печально усмехнулась, подумав, сколько воды утекло и через сколько всего мне пришлось пройти, с тех пор как я в последний раз говорила со Спайком.

— Как там дела обстоят с тво... твоим домом? — спросила я (наплыв паранойи не позволил мне напрямую назвать его дом пещерой). — Эти... эм... незваные гости всё ещё приносят тебе неприятности?

— Вообще-то, в последнее время они притихли. Не знаю, окопались ли они, или просто стараются избегать моё укрытие. — Он сменил тему. — Кстати, ты, случаем, не находила других... подходящих, м?

Ух, в этом разговоре я чувствовала себя как-то неловко.

— Нет, ещё нет. Но я ищю.

— Спасибо.

Мы либо ходили вокруг да около, либо нам и вправду было нечего друг другу сказать. Я вдруг ощутила охватившее меня горе от осознания того факта, что, видимо, я была не тем героем, что был нужен Спайку. Я определённо была не той пони, что может сделать всё от и до без сучка и задоринки. На краткий, буквально искре подобный момент я подумала, что знаю своё предназначение, однако надежда на это тут же разбилась подобно волнам о камни суровой действительности.

Но ведь Сады Эквестрии не вернут всё на круги своя по мановению копыта доброго пони с радужными намерениями. Даже после того как они очистят землю от порчи, мутировавшие создания, порождённые этой порчей, останутся нетронутыми. Аликорны, те жуткие монстры из больницы (если они выжили), блотспрайты, адские гончие. Даже если порча будет изгнана из атмосферы, мир останется покрытым завесой гнетущего мрака. Даже если мир будет очищен от радиации, Сады Эквестрии не смогут изгнать зло, отравляющее сердца столь многих пони. Рейдеры и работорговцы не испарятся подобно ядам, отравляющим почву.

Короче говоря, требовалось столько всего сделать. И мне не обязательно быть избранным героем, появление которого предсказали росписи на стенах. Я просто должна сделать что-то хорошее.

А моя небольшая помощь в чём-то столь великом, как Сады Эквестрии, если я и смогу её оказать, будет лишь крохотной вишенкой на торте.

Пауза растянулась настолько, что стало уже неудобно. Наконец Наблюдатель сказал:

— Думаю, мне пора.

— Подожди, — сказала я, мне в голову вдруг закралась одна мысль. — А может не-пони быть носителем Элемента гармонии? — Может, мне стоило расширить круг поиска.

— Эээ, нет, я так не думаю.

— Ох. — Ну, спросить в любом случае стоило. Я мучительно вспоминала, что же хотела сказать. И, наконец, вспомнила тему, которой не могла больше избегать. — Спа... Наблюдатель. Я знаю, что случилось с Твайлайт Спаркл.

Тишина. Лишь гром проворчал где-то. Затем я услышала "Ох".

Спайк молчал чуть дольше, пока, наконец, не решился:

— Пожалуйста, скажи мне, что она ушла быстро. Что ей не было больно. Ведь это было быстро, не так ли?

В горле собрался ком. Я почувствовала, что мои уши прижались к голове, и была рада, что находилась под Небесным Бандитом и что наша таратайка скрывала от него мои эмоции. Я разинула варежку, но сил говорить у меня не было.

Я... не могла сказать ему. Он этого не заслужил. Она была его самым близким другом — сестрой, матерью и лучшим другом в одном лице — и это было слишком ужасное и тяжёлое знание. Боль от знания того, что, возможно, какая-то часть Твайлайт была всё ещё в Богине, жива, но больше не являлась собой, не была даже в здравом уме, и так было на протяжении веков...

Я поняла, что собиралась солгать Спайку. Голос пони в моей голове зашипел: "Исковерканная доброта", но это был голос не моей внутренней маленькой пони, это был голос Богини.

— Она умерла, пытаюсь спасти других пони, Спайк. Это была благородная смерть. — Когда она умерла, она кричала чьё-то имя. Не его ли?.. — И ещё... я верю, что она думала о тебе с нежностью до самого конца. Думаю, что она была счастлива, что тебя не было с ней, что ты выжил.

Это была наглейшая, подлая ложь. И ни один пони бы мне не поверил, если бы услышал это живую: мое лицо меня выдавало. И даже ни один дракон, не важно, как сильно он нуждался в этом.

Ещё одна долгая пауза.

— Спасибо, Литлпип. — Механический голос спрайт-бота не мог передать эмоции, но я всё равно могла бы сказать, что глубоко в своей пещере могучий дракон Спайк плакал.

— Ты... наша её тело? Её похоронили?

Я почувствовала, что моё сердце разрывается. Спустя мгновение паники я еле смогла выдохнуть.

— Нет, Спайк. Я видела её смерть в записи. Но... после того как она умерла, Богиня... поглотила её тело.

Спрайт-бот молчал, молчал и Наблюдатель-Спайк в его лице.

— Я собираюсь покончить с Богиней, — сказала я, и на сей раз каждое моё слово было чистой правдой. — И если каким-то чудом там что-нибудь осталось от Твайлайт, я позабочусь о её покое.

Ярость шторма била по пустоши большую часть ночи, и, истощив свой гнев, обернувшись лёгкостью почти мирного дождика, словно спящий яо-гай. Мы добрались до Стойла Двадцать Девять в тот злоедейский час тьмы, имени которого я не могу вспомнить.

Я ласково попросила Паерлайт остаться и охранять Небесный Бандит. Учитывая обилие монстров, с которыми мы сталкивались в Фетлоке прежде, это было разумной предосторожностью. Но по правде, я просто не хотела приводить радиоактивную птицу на новую базу Отступников.

Отступники, чья броня Стальных Рейнджеров несла на себе красные полосы, приняли боевые стойки при нашем приближении. Я видела их напряжённость. Мигом позже мягкий свет вспыхнул вокруг нас и шёлковый голос Вельвет Ремеди прозвенел во мраке:

— Приветствую вас, последователи Эпплджек. Литлпип и её окружение приветствует вас и просит аудиенции у СтилХува.

Было неудобно слышать, как Вельвет Ремеди называет нас так. Я не заслуживала такого уровня доверия или внимания. И более того, я не хотела, чтобы мои друзья думали о себе таким образом. Но так или иначе, увидев, как Отступники расслабились, я почувствовала благодарность за её дипломатичность. Два бывших Стальных Рейнджера отправились сопровождать нас на пути к дверям Стойла Двадцать Девять.

Я с дрожью вспоминала своё последнее посещение этого места. С тех пор новые следы ожогов "украсили" стены тоннеля обслуживания. Гильзы замусорили пол, и тёмные следы говорили о свирепых боях между Отступниками и Стальными Рейнджерами, когда они соперничали за контроль Стойла и компьютера Крестonosца внутри.

Один из сопровождавших нас рыцарей подал знак другому, стоящему за пультом. Магическая силовая броня охранницы была соединена кабелем с пультом управления, поэтому ей даже не нужно было тянуться к выключателю. Послышалось змеиное шипение пара в клапанах, и механический манипулятор внутри Стойла отодвинул тяжёлую круглую дверь в сторону со скрежетом, от которого у меня свело зубы.

Мы пошли дальше. Переступая порог Стойла, я какой-то частью даже не верила, что снова вернулась сюда. Я ещё слишком хорошо помнила свой первый визит в это место. К счастью, пройдя дальше, я обнаружила, что Отступники нашли время, чтобы убрать тела. Двое молодых рыцарей уже заканчивали убирать обломки, которыми был усеян пол Атриума. В прошлый раз я была озадачена необычной планировкой этого Стойла. Оно не было похоже на Стойло Два, оно было... не таким, каким Стойло должно было быть. Теперь, после моего последнего визита в Стойло Два, это беспокойство исчезло. Память о родном Стойле была запятнана смертью и разрушениями. "Правильного" Стойла больше не существовало.

Внутри последствий битвы было не меньше, чем снаружи. Одна из колонн Атриума, ранее целая, была разбита вдребезги. Пол был повреждён так, как повреждал только автоматический гранатомёт. Я мельком глянула в сторону Клиники и вздрогнула, вспомнив, как орудия Атриума прижали нас здесь. Турели теперь были заменены новыми, покрашенными в цвета Отступников, с трёхъяблочным символом. Я представила, что бы подумала Эпплджек, узнав, что её кьютимарка теперь на турелях Стойла.

Мой взгляд блуждал по серому потолку, затем ниже, по боковым лестницам, опоясывающим унылые серые стены. "Это помещение нуждается в росписи", угнетённо подумала я.

Два Отступника провели нас вверх по лестнице на второй уровень. Я глянула на информационную доску, когда мы проходили мимо. Старые сообщения и записи были убраны. Сама доска была отбеленной дочиста. Ужасные послания, написанные на ней кровью пони, существовали теперь только в воспоминаниях.

Это место было последним пристанищем Винил Скретч, напомнила мне маленькая пони в моей голове. Гробница первоначального DJ Pon3. Я быстро решила дальше не думать в этом направлении. Там были не слишком приятные вещи.

Мы проходили мимо пары дружески беседующих рыцарей, одна тянула тележку для мусора, другая шла позади неё.

— В самом деле, развесить здесь несколько цветных плакатов. Не говоря уже о том, чтобы бросить парочку ковриков. Может, занавески повесить.

— Это место совсем не богато на окна, — сказала другая. — И я не думаю, что Старейшина СтилХувз примет такого рода убранство.

Я скрыла свой смешок копытом.

— Вееееееерно. Но скорее всего он будет за идею плакатов.

— Ну удачи в поисках подходящего нам. На всех МВТшных плакатах только надпись "ПРОГРЕСС" и какая-нибудь технологическая новинка. С Кобылой Министерства я ещё ни одного не видела.

Проходя мимо, я вспомнила о двух кобылах, чьи министерства никогда не хвастали их лицами: Эпплджек и Рэрити. Одной — потому что её министерство не хотело воздавать ей почести, другой — потому что она сама не желала их принимать.

У СтилХува, чья любовь к Эпплджек была непоколебима, в хижине была её статуэтка ("Будь сильным!"). И, я подозревала, это был самый лучший её образ, который они смогли бы найти.

Я инстинктивно предполагала, что СтилХувз занял офис Смотрительницы. Но когда сопровождающие свернули в отдел безопасности, я вспомнила, что в Стойле Двадцать Девять не было офиса Смотрительницы. Призрачное ощущение этой неправильности снова мелькнуло на задворках моего разума.

СтилХувз расхаживал по комнате, разговаривая с тёмно-рыжей кобылой с короткой жёлтой гривой, в которой я сразу признала (бывшего?) Звёздного Паладина Кроссродс. Она не носила броню Стальных Рейнджеров, ни перекрашенную, ни стандартную. В самом деле, должны же они все её когда-нибудь снимать? Кроме СтилХува, конечно же.

"Теперь его называют Старейшиной" — ошеломлённо подумала я, глядя на нашего бывшего компаньона.

— ... не можем отправить с ним целое подразделение, — возражал СтилХувз, — в этом случае в Стойле Двадцать Девять останется угрожающе малое число обороняющих.

Я ещё не знала, о чём шла речь, но уже отметила крайнюю необходимость удержания Отступниками Стойла Двадцать Девять. Если бы Стальные Рейнджеры его захватили, то все остальные Отступники, пришедшие сюда в поисках убежища, попали бы в ловушку.

— А если отправившись лишь небольшой почётный караул, наверняка можно спровоцировать нападение, — спокойно возразила Кроссродс. — Мы не можем сказать нашим ребятам, чтобы они отправлялись на такое опасное дело с недостаточным числом бойцов.

Но СтилХувз был с этим не согласен:

— Они — Рейнджеры Эпплджек. Идти на опасные дела ради других — это именно то, что нам и следует от них ожидать, и то, что они должны ожидать от самих себя.

— Каждый из нас должен стремиться на помощь невинным, не задумываясь о собственной безопасности. Но в данной ситуации нет невинных, нуждающихся в спасении. Здесь — перевод заключённого через враждебную территорию. Это другое, — настаивала Кроссродс. — И ты это знаешь.

Отступники по обе стороны от нас смиренно и молча стояли. Я подумала, что надо бы обозначить наше присутствие, хотя бы прочистив горло. Не из-за нетерпения, но чтобы удостовериться, что оба лидера новой фракции знали о неприглядности их рассуждений. Мне стало казаться, что я не вежливо ожидаю, а подслушиваю.

— Стальные Рейнджеры, открыв огонь по нашим паладинам, рискуют попасть в своего Старейшину. — парировал СтилХувз, но затем, похоже, передумал насчёт сказанного: — Вообще-то, если Стальные Рейнджеры убьют Старейшину Коттэдж Чиза во время атаки, то так для нас может оказаться даже лучше в долгосрочной перспективе. Если его просто отпустить, то в будущем это может обернуться множеством проблем и смертями Отступников.

Кроссродс вздохнула и со скромной улыбкой сказала:

— Да, но мы не должны допускать таких мыслей. Помни, мы хорошие пони. — СтилХувз в ответ откровенно заржал.

— Привет всем! — выкрикнул Каламити. — Ну, кого и куда вы на это раз ведёте?

Я заметила, что Вельвет что-то тихо промурлыкала. Нашему эскорту несколько не понравилось дерзкое вмешательство Каламити, но, как только СтилХувз и Кроссродс повернулись к нам, Кроссродс одарила нас улыбкой.

— А вы, должно быть, Каламити, Вельвет Ремеди, "Та самая Зебра" и, конечно же, Литлпип.

Я сердито посмотрела на СтилХувза. "Та самая Зебра". Да ну? Но затем Ксенит сказала:

— О тебе скоро весь мир узнает, малышка.

И моё негодование стихло. Ну, в конце концов, в его поведении наметилась справедливая переоценка взглядов. Сначала я и не поверила, что лишь поэтому СтилХувз таким образом отозвался о Ксенит. Хотя, выскажи я это, он сразу бы поспорил, что так оно и есть, и победу в этом споре я бы не одержала.

Вельвет Ремеди вышла вперёд и склонила голову, приветствуя их.

— Да. Это мы. И нашу спутницу-зебру зовут Ксенит. Мы рады наконец встретить вас, Кроссродс.

СтилХувз, казалось, посмотрел на нас скорее оценивающе, нежели формально или по-дружески, после чего ответил Каламити:

— Коттэдж Чиз, Старейшина Мэйнхэттенских Стальных Рейнджеров, в настоящее время находится под... домашним арестом. Мы провели переговоры и согласились вернуть его Стальным Рейнджерам Брыклинского Креста.

— Брыклинского Креста? — из любопытства спросила я.

— Почему они прост не придут сюда, чтоб забрать его? — удивился Каламити.

Кроссродс, нахмурившись, ответила:

— Как я подозреваю, по тем же причинам, о которых мы спорили — сколько из нас готово взять на себя ответственность доставки. Старейшина Коттэдж Чиз потерял большую часть своих рыцарей при нападениях на Стойла Два и Двадцать Девять. Силы, удерживающие Брыклинский Крест, сильно истощены, что объясняет их нежелание разделяться.

— Тогда навряд ли вы должны беспокоиться о том, что они могут напасть, — ответил Каламити.

— Они — нет. — Стилхувз начал ходить по комнате. — Остальные — да. В любое время силы, расположенные в Филлидельфии, могут нанести контрудар. Их Старейшину убили в Стойле Два. Они этого не забудут. И они могут получить подкрепление от остального личного состава Стальных Рейнджеров.

Кроссродс потрясла головой.

— Хуффингтон всё ещё не отвечает. И Троттингем в таком беспорядке, что их Старейшины с трудом решатся посвятить свои силы чему-то другому...

— Разве что Стальные Рейнджеры полностью оставят Троттингем, — отметил СтилХувз.

— На данный момент это может быть их наилучшим стратегическим решением. Но даже если они уйдут сейчас, для них будет тяжело объединиться с силами Филлидельфии для атаки, прежде чем вернутся наши пони.

— Тяжело, но не невозможно.

Каламити, смеясь, прошептал Вельвет:

— Я почти хотел сказать им, чтобы сняли комнату. — Я покачала головой. — Так они б эту и выбрали.

Один из охранных интеркомов затрещал помехами, сопровождаемыми голосом жеребца:

— Старейшина СтилХувз, сэр. Мои извинения за то, что прервал вас, но Старейшина Коттэдж Чиз требует своё медицинское кресло.

На заднем плане я услышала сварливый, но всё же культурный голос очень старого жеребца:

— ...всё ещё Старейшина, и вы, предатели, должны выказывать надлежащее уважение. Я не вернусь в свою цитадель в капсуле, подобно багажу. Я вернусь с высоко поднятой головой.

— Медицинское кресло? — спросила я.

СтилХувз простонал. Кроссродс подошла к щиту интеркома и кратко взглянула на карту огней выше, чтобы определить, какую кнопку нажать, чтобы говорить с ними. Вельвет Ремеди мягко заржала:

— Ох, Пип.

Я сперва не совсем поняла, что она имела в виду, но при взгляде на мигающий огонёк на карте мне стало ясно, где у них была тюрьма. Крыло обслуживания, отделение ПипБак-техников.

Пока я смотрела, как коричневая кобыла искала свою кнопку, пони в моей голове пыталась разобраться, какие же чувства я должна испытывать. И бесстрастно остановилась на "Не лишено смысла".

— Старейшина Коттэдж, идёт дождь, — вежливо ответила Кроссродс по интеркому. — Вы можете простудиться. Что, как вам известно, скорее всего убьёт вас. Ваша капсула жизнеобеспечения — единственный способ, которым мы можем гарантировать, что вы переживёте поездку.

— Вы, предатели, уже убили меня, — парировал Старейшина. — Мэйнфрейм Крестоносец в этом Стойле был моей последней надеждой, и вы растоптали её. Приму ли я смерть от меча, измороси или чашки яда, я встречу свой конец с достоинством.

Кроссродс убрала своё копыто от интеркома и с беспокойством посмотрела на СтилХувза.

СтилХувз размашисто подошёл к терминалу, отодвинув Кроссроадс с пути, и нажал на кнопку интеркома.

— Старейшина Коттэджд Чиз, — прогрохотал его голос внутри терминала. — Это СтилХувз. Наша беседа записывается. Пожалуйста, повторите свой запрос.

— Запрос, — с раздражающей любезностью ответил Старейшина. — Да. Я запрашиваю, чтобы сюда немедленно принесли моё медицинское кресло и чтобы ваши рыцари помогли мне в него пересесть. Я вернусь на Брыклинский Крест как пони, а не как багаж.

Кроссроадс покачала головой.

— Мы не можем. Он может умереть.

СтилХувз вновь нажал на кнопку.

— Вы были проинформированы о риске для вашего здоровья. Если вы отказываетесь путешествовать в капсуле жизнеобеспечения, вы можете скончаться. Это то, чего вы хотите?

— Будь ты проклят, СтилХувз, да, сейчас же принеси мне моё Богинями проклятое кресло!

СтилХувз оглянулся на Кроссроадс и удовлетворённо проворчал. И, нажав на другую кнопку, объявил:

— Кто-нибудь, принесите Старейшине Коттэджд Чиз его Богинями проклятое медицинское кресло.

— СтилХувз! — ахнула Кроссроадс.

Но наш бронированный спутник уже принял своё решение.

— Он Старейшина. У него есть право принимать собственные решения.

Знакомый голос Рыцаря Строуберри Лемонэд раздался из терминала:

— Я займусь этим!

Звёздный Паладин Кроссроадс бросила мрачный взгляд, будучи недовольной решением её нового Старейшины.

— Честно, я не думаю, что помощь в самоубийстве враждебного Старейшины — лучший камень, который мы можем заложить в основу нашего движения. — Её тон смягчился. — Вы полагаете, что Эпплджек одобрила бы это?

Я могла почувствовать негодование в его исходящем из-под забрала взгляде. Его ответ пришёл спустя несколько секунд.

— Я не знаю. Это не те решения, которые она хотела бы принимать. Но в течение нескольких ближайших месяцев нас ждёт множество таких же сложных решений, и выживание нашей фракции наиболее приоритетно. — И торжественно добавил:

— Эпплджек хотела, чтобы мы помогли пони Эквестрийской Пустоши, насколько мы можем. И мы не сделаем этого, если потерпим крах, прежде чем сможем приложить к этому копыта.

* * *

— Литлпип, что привело тебя сюда? — спросил СтилХувз, как только его обсуждение с Кроссроадс закончилось и он ответил ещё на несколько обращений. — Я обещал, что присоединюсь к вам, но, как ты можешь видеть, у меня полные копыта дел.

— Я здесь за твоим советом, — сказала я ему. — Мы идём в Руины Кантерлота. И нам нужно знать, чего там ожидать и как лучше всего действовать, чтобы остаться в живых.

Кроссроадс ахнула.

— Вы... идёте туда? Почему?

— Ты смерти хочешь, Литлпип? — опешил СтилХувз. — Недостаточно того, что ты бросаешься на рейдеров? Почему ты вынуждена постоянно находить всё новые, более экстремальные способы вредить себе, рискуя своей жизнью и зачастую жизнями тех, кто следует за тобой?

Это было больно.

— Я сделала бы это в одиночку, если б могла. Но мы должны попасть в Министерство Крутости в Кантерлоте, и сама я этого сделать не смогу.

— Ага, — топнул Каламити. — Мы ценим, что ты не хочешь подвергать нас опасностям, Литлпип, но завязывай со всей этой хернёй прямо сейчас. Ещё одну миссию в одиночку тебе не пережить. — Филлидельфия была ещё свежа в головах моих спутников.

— Насколько плохо то, во что мы ввязались? — спросила Вельвет Ремеди.

СтилХувз негромко хмыкнул.

— Плохо. Не настолько, как раньше, но всё равно плохо. Правильно ли я предполагаю, что вы уже чётко определили, куда хотите попасть и что собираетесь сделать? Руины Кантерлота — не место для экскурсий.

Я кивнула.

— У нас две цели. Офис Рэрити в Министерстве Стиля и хранилище в Министерстве Крутости.

СтилХувз кивнул.

— Хорошо. Это вам на пользу. Когда попадёте в руины, не позволяйте себе отвлекаться. — Его забрало повернулось, по очереди осматривая каждого из нас, и остановилось на Каламити.

— А почему?.. — спросила я, озадаченная тем, что СтилХувз, очевидно, ожидал у нас проблемы с отвлечением. — Разве там в руинах ещё есть кто-то живой, кому нужна наша помощь?

— Нет, — твёрдо ответил СтилХувз. — В Кантерлоте не осталось никого, кто подходил бы под ваше определение живого. И никого, кто ждал бы от вас спасения.

— Как всё мрачно, — негромко отметила Вельвет.

Ксенит удивила меня, сказав:

— Те, кто сохранил хоть немного рассудка и догадался бежать из Кантерлота, сделали это уже давным-давно. Остались лишь кантерлотские гули. Но это не те гули, у которых сохранился разум. Это лишь пустые оболочки, полные некрояда, повторяющие последние в своих разрушенных жизнях шаги. Это зомби, раз за разом повторяющие шаблон, потому что это все действия, что они помнят. — Зебра нахмурилась. — Помимо нападений. На это, похоже, они все способны. И они будут жестоко убивать всех, кого почуют. Всех, кто не из их числа.

— Кантерлотские зомби? — пропела Вельвет. — Мило.

— Самая большая опасность заключается в Розовом Облаке, — сообщил СтилХувз. — Оно просачивается во всё. Загрязняя, разлагая, убивая всё, к чему прикоснётся. За века Облако превратилось во всего лишь дымку. Кантерлот впитал в себя большую часть, как губка, и теперь оно сочится из стен и улиц, медленно высвобождаясь по мере их разрушения.

Я кивнула. Сколько раз я это слышала...

— Сейчас уже можно там выжить, если действовать быстро и осторожно. Некоторые пони могут пережить и разовое воздействие в несколько часов. Но идти на такой риск глупо. И не засыпайте там — проснуться вы уже не сможете.

— Ограничивайте время воздействия. Каждую секунду, проведённую на открытой местности, Облако будет проникать в ваши лёгкие

и кожу. Безопаснее в закрытых помещениях, неразрушенных зданиях и туннелях, но туда ещё не проникло Розовое Облако. Вам нужны будут все лечебные зелья, какие вы сможете найти, и принимать их нужно будет регулярно. Их лечебная магия может обращать эффект воздействия Облака, пока оно ещё не причинило непоправимых повреждений. Лечащие повязки использовать нельзя. От них бывают... другие проблемы.

— Также вам будут встречаться карманы, где Розовое Облако осело и сконцентрировалось. Обходите их, если можете, или пробегайте их с максимальной быстротой, если нет. Хотя и обладая лишь долей изначальной эффективности Облака, эти карманы могут убить вас за считанные секунды.

Вельвет Ремеди подняла копыто.

— Другие проблемы?

СтилХувз вздохнул.

— Я ведь уже рассказывал, почему не могу снять свою броню. Поверьте, вам действительно не захочется одевать что-либо, направляясь в Руины Кантерлота. Никакое защитное снаряжение не оградит вас от Розового Облака. К тому же есть вероятность того, что при длительном или чрезмерном воздействии с вашей кожей может сплавиться всё, что прикасается к ней в данный момент. Литлпип, тебе нужно будет переносить всё оружие группы при помощи телекинеза. Остальные должны брать оружие только когда будут его применять. Снаряжайтесь по-минимуму, исключение лишь для лечебных препаратов, потому как все ваши сумки будут нести Литлпип.

Мне захотелось сказать ему, что вес не имеет значения, но потом поняла, что иметь как можно меньше объектов контроля — весьма здравая мысль.

— Ну так если там спасать некого, так чего ж волноваться-то насчёт всяких отвлеканий? Кантерлот явно не похож на место, где можно пошнырять по окрестностям.

— Потому что Литлпип до смерти любопытная, — сказал СтилХувз уныло. — А ты клептоман.

— Мусорщик, — поправил его Каламити, взмахнув крыльями. СтилХувз оставил его замечание без внимания.

— Руины Кантерлота пережили лишь единственный удар. Уже после апокалипсиса до меня дошли слухи от том, что после падения щита зебры произвели запуск мегазаклинаний, дабы окончательно разрушить город. Но даже если это и правда, то те ракеты своей цели не достигли. Кантерлот удивительно хорошо сохранился, особенно там, где не бушевало Розовое Облако. В городе полное изобилие ценностей прежнего мира. И есть ли хоть малейший шанс, что вы не будете отвлекаться?

Ксенит повернулась к Вельвет.

— Видимо, на нас и будет возложена задача оберегания двух наших компаньонов от самих себя.

— Это ещё не всё, — предупреждал СтилХувз. — Розовое Облако проникло во всё, с чем соприкасалось, и деструктивные процессы превратили прежде безопасные объекты в смертельные ловушки. Среди таковых стоит отметить передатчики и спрайт-боты.

— Передатчики? — переспросила я. — Ты имеешь в виду устройства, подключаемые к ПипБаку, вроде того, что мне дала Блэквинг? Закованный в силовую броню гуль кивнул головой.

— Они обрели широкую популярность среди Кантерлотской элиты прямо перед войной. ПипБаки стали самым желанным аксессуаром, а уж владеть дефицитным передатчиком было престижнее некуда. — СтилХувз издал сухой, без всякого намека на наличие шуток, смешок. — Теперь же Розовое Облако глушит и искажает их сигналы. Не знаю, как это можно объяснить, но сигнал, который они сейчас передают, имеет в себе некую потустороннюю составляющую. Если вдруг окажетесь в зоне действия передатчика, то вы должны либо уничтожить его, либо немедленно уносить копыта. Думаю, вам не захочется узнать, каким именно образом вы умрётё, если поступите иначе.

— Ты, должно быть, шутишь, да? — с удивлением сказала я. Поход в Руины Кантерлота мигом превратился в смертельно опасное и полное безумия путешествие. И как же я собиралась провести всех невредимыми через это?

— Хотелось бы, — проворчал СтилХувз. — Раз уж вы собрались идти туда, то мне придётся составить вам компанию. Одними советами тут не поможешь. Вам нужен проводник. Кто-нибудь, кто знает карту города и сможет как можно скорее доставить вас туда, куда вам нужно.

Я глубоко вздохнула с облегчением.

— Это... очень много для нас значит. Спасибо тебе. Мы в тебе действительно очень нуждаемся.

— Мы тоже по тебе скучали, — промурлыкала Вельвет. СтилХувз затопал копытами и заржал.

— А мы, возможно, сможем оказать тебе ответную услугу, — предложила я. — Тебе не понадобится вверять "доставку" Старейшины Коттэдж Чиза кому-либо из своих Отступников... Кстати, куда там его везут-то?

— Брыклинский Крест, — ответил Каламити, ухмыляясь. — Лигпип права: у вас есть я и Небесный Бандит. Мы и сами за полдня осилим дорогу.

Кроссроадс, которая большую часть нашего воссоединения хранила молчание, вдруг произнесла:

— Чудная идея! Но, как бы мы ни ценили ваше желание помочь, мы всё равно не можем позволить вам сделать это в одиночку. Во время обмена потребуется присутствие представителей Рейнджеров Эпллджек.

СтилХувз, похоже, уже обдумал это.

— Нет, хватит и одного представителя довольно высокого звания...

Мне показалось, или его голос и впрямь прозвучал чуть радостнее?

— ...То есть меня.

СтилХувз был снова с нами. Маленькая пони в моей голове тихо радостно визжала. Мы ещё раз оказались вместе.

Дверь станции безопасности скользнула вверх, и я вышла в холл, СтилХувз был рядом со мной. Везде включилась сигнализация.

— Ч-что?.. — Я споткнулась и начала оглядываться.

— Мы атакованы! — СтилХувз развернулся на копытах и вернулся на станцию безопасности. — Звёздный Паладин Кроссроадс, доложить!

— Я... я не знаю, сэр, — сказала Кроссроадс, метаясь между мигающими мониторами и панелями. — Периметр безопасен. Нет контакта с врагом на входе. — Звёздный Паладин остановилась. — О гадство. Нападение произошло изнутри. Идут сообщения о взрывах в крыле обслуживания.

— Коттэдж! — зарычал СтилХувз. И бросился к коммуникатору внутренней связи. — Пони, доложите. Что происходит у вас там внизу?

Нет ответа.

— Крос, дай метки на каждого пони в Стойле Двадцать Девять. И скажи мне, что у нас есть метка проклятого кресла Коттэджа.

Мы с друзьями вернулись в отдел безопасности и стали смотреть, как подсвеченная карта Стойла стала наполняться метками. Я

знала об этой процедуре, хоть никогда раньше и не была её свидетелем. У всех ПипБаков были метки, по которым можно было найти их носителей. Именно таким образом Смотрительница и намеревалась отыскать Вельвет Ремеди, и именно поэтому Вельвет уговорила меня снять её ПипБак. Броня Стальных Рейнджеров тоже предусматривала такую функцию, что было весьма ожидаемо. А что насчёт пони, не носивших свою броню, как Кроссроадс?

Карта Стойла уже заполнилась метками. Но две из них выделялись из общего числа, потому как находились в несуществующей, согласно карте, части Стойла: на пустом месте, на котором должен был быть офис Смотрительницы.

Одна из двух отметок вспыхнула красным.

— Это кресло Старейшины, — заявила Крос. — Где?..

Я знала где.

— Мэйнфрейм Крестоносец.

Я, правда, не знала, как Коттэдж смог оказаться в отсеке, в который даже Шедоухорн не знала, как попасть. Но секунду спустя поняла, что удивляться тут не стоит. Старейшина Коттэдж был в тесных связях со Старейшиной Блюберри Сэйбр. А цитадель последней располагалась как раз в штаб-квартире самой Стойл-Тек. И там, конечно же, были планы всех Стойл. Неудивительно, что они знали о каждом Стойле гораздо больше их обитателей.

— Чё ж он хочет сделать-то? — заржал Каламити. — У него ж нет той книги, из-за которой весь сыр-бор? То, что он себя загрузит в ту машину, его не спасёт.

— Нет, — отвечал СтилХувз, — Коттедж продолжал посылать Рейнджеров в Руины Кантерплота за той книгой. Вот только никто оттуда не возвращался. И я даже не уверен, волновал ли его этот факт.

— Даже если то, что окажется в машине, не будет им самим, — предположила Кроссроадс, — он вполне может воспринимать это как живое наследие.

Прохрипел интерком.

— Старейшина... СтилХувз... — вещал чей-то запыхавшийся голос, — Старейшина Коттэдж... он сбежал.

— Я вижу, — ответил СтилХувз. — Как?

— В его кресле... в закрытом ящике оказались... импульсные гранаты.

СтилХувз топнул.

— Неужели никто не проверил кресло на наличие оружия, перед тем как отдать его противнику?

— Но сэр... это же... личный ящик Старейшины. И он был под замком.

Кроссроадс негромко добавила:

— Видимо, они не могут просто взять и отбросить чувство уважения, укоренявшееся в них десятилетиями. Я тоже с большим трудом решилась бы вламываться в личные вещи Старейшины.

— Этому миру нужно больше Литлпипов. — буркнул СтилХувз.

Глядя на карту, в разговор включилась Вельвет Ремеди:

— А кто это там с ним?

Звёздный Паладин Кроссроадс повернулась к терминалу, просматривая сведения на его экране. Затем, обернувшись к нам, ответила:

— Рыцарь Строуберри Лемонэд.

СтилХувз встрепенулся. Кроссроадс продолжила озвучивать отчёт с терминала:

— Матрица заклинаний её брони повреждена. Фактически, она парализована.

— У него заложник.

Я присела у стены между станцией безопасности и двумя VIP-номерами (некогда принадлежавшими Шедоухорн и Винил Скрэтч, вспомнила я). Панель безопасности лежала рядом с моими копытами. Я подключила свой ПипБак к скрывавшемуся за ней разъёму узла доступа.

Со своего ПипБака я могла видеть помещение через камеру, изображения с которой были доступны только для пони, имеющих доступ к этому узлу. Даже станции безопасности к ней не было доступа. Я видела мэйнфрейм Крестоносец — гигантский столб с ответвлениями, достающими до меньших мэйнфреймов вдоль стен, как спицы в колесе. Я видела обездвиженную Строуберри Лемонэд, лежащую в своей отключённой броне. Её шлем был снят, обнаруживая очень симпатичную молодую кобылу. Её шерсть была розовой, а грива имела нежный жёлтый цвет. Её окрас показался мне инверсией Флаттершай, хотя её грива была очень коротко обрезана, как лучше для тех, кто постоянно носит металлический шлем.

Она с ненавистью смотрела на старого, морщинистого, немощного пони в шкуре цвета овсянки, восседающего на продвинутом инвалидном кресле. Со слов СтилХувза, это кресло было "реквизировано" Старейшиной из разрушенной больницы Министерства Мира, наряду с несколькими системами поддержки жизнеобеспечения и другим высокотехнологичным медицинским оборудованием. Множество трубочек постоянно подпитывали ветхое тело Старейшины, тело, которое оставалось живым исключительно благодаря медицине и стойкому желанию жить.

Старейшина возился со шлемом, покрытым драгоценными камнями и лампочками, и подключённым, как я могла уверенно предположить, к блоку мэйнфрейма Крестоносец, ответственному за перенос-отображение мозга. Устройство должно было находиться на голове пони, покоящегося в баке с гелем под ним. Коттэдж был скован невозможностью физически переместить себя из кресла в бак, так что он отстегивал шлем.

И пока я наблюдала, ему это удалось. Шлем поплыл по воздуху в направлении его головы, затем остановился, когда несколько жизненно важных кабелей, до сих пор связывавших его с остальной частью машины, достигли своего предела. Старейшина начал маневрировать креслом, пытаясь придвинуться достаточно близко, чтобы достать голову шлем.

Мне внезапно пришло в голову, что Старейшина Коттэдж Чиз был первым... нет, вторым единорогом, которого я видела среди Стальных Рейнджеров. Их шлемы были совсем не предназначены для рогов. Я задумалась, а не отрезал ли он свой рог для ношения брони. Это, конечно, могло быть знаком верности Стальным Рейнджерам. Но даже если и отрезал, то рог отрос снова, а я и не думала, что такое могло случиться. Это были бы светлые новости для будущего Сильвер Белл.

Или же, я вдруг поняла, он мог подняться по ступеням иерархической лестницы для Стальных Рейнджеров, что не носили брони. У них, в конце концов, были единороги, вроде той, чей труп я нашла в Старом Олнее. Писцы, так их вроде называли. Научные работники.

Я знала, что СтилХувз искал способ попасть внутрь комнаты. Коттэдж же определённо попытался бы использовать Строуберри Лемонэд как заложника. Хотя я-то знала, что СтилХувза этим не остановить. К счастью, у меня была другая идея.

— Привет, Старейшина Коттэдж Чиз, — сказала я через терминал. — Я Литлпип. Я взломала комнату, чтобы попросить вас не делать этого.

Старейшина нахмурился, но проигнорировал меня, попытавшись передвинуть свое кресло в более удобное положение рядом с баком.

— Остановите его! — закричала Строуберри Лемонэд. — Делайте, что должны. Пустите в комнату газ!

— Заткнись, — почти дружески сказал Старейшина. Затем, обращаясь ко мне, заявил: — Любая попытка вмешательства будет стоить жизни этой юной предательнице.

— Я тебе не дамочка в беде, — огрызнулась она. — А рыцарь Рейнджеров Эплджек! Я не буду вашим орудием. Если бы могла, я взорвала бы себя, чтобы вас остановить! Я готова к этому.

Сначала меня коснулось тёплое чувство гордости за Строуберри Лемонэд. Славно сказано, девочка! Потом я моргнула. Ничего из того, что я видела, не давало повода думать, что броня Стальных Рейнджеров может такое. Но потом я предположила, что это зависит от нагрузки боевых седел.

— Но ты ничего не сможешь сделать, — невозмутимо ответил Старейшина. — Так что прекрати свой лепет.

— Это не спасет тебя, — пыталась я вразумить Коттэджа через терминал. — Ты должен знать, что твой разум, созданный внутри Крестоносца, на самом деле не будет твоим.

— Я прекрасно осведомлён об этом, — ответил Старейшина. — Я не дикарь. — Он наклонял и напрягал шею, стараясь достать до шлема. Он был уже близко, но оставалось ещё несколько сантиметров пространства между шлемом и немногочисленными ключьями его гривы.

— Тогда почему? — спросила я жалобно, пока мой ПипБак сканировал соединения терминала.

— Мои тело и душа не могут выжить, но мой разум продолжит существование. Это восстание потерпит крах, и когда Стальные Рейнджеры восстановят это место, мой разум будет здесь, чтоб повести их в будущее.

— Какое будущее? — парировала я. — Всё, что вы делаете — это разграбляете и копите технологии. В то время как другие пони строят новый мир, вы прячетесь в своих цитаделях. К чему приведёт такое руководство?

— Ты невежественная вошь, — с досадой крикнул он, болезненно подвинувшись в кресле. — И тебе никогда не понять.

— Тогда вразумите меня, — предложила я чуть более резким, чем мне хотелось, голосом.

— Сама вразумись, — ответил он. — Посмотри по сторонам, если у тебя есть глаза и ум, чтобы постичь смысл окружающего тебя. Эти племена не имеют будущего. То, что ты принимаешь за прогресс, лишь краткая остановка на пути к полному уничтожению. Рейдерами, бандитами и работорговцами становятся больше пони, чем толпится вокруг погибающих островков цивилизации. Лишь Красный Глаз взаправду стремится построить новый мир, и ты видела, до чего он опустился в своих попытках навязать своё мировоззрение.

— По крайней мере, Красный Глаз действительно что-то делает.

— Всё, что он делает — это вонзает ядовитый кинжал в сердце всего рода пони. — Сказав это, Коттэдж подвинулся дальше и так напряг свою шею, что его начало трясти, а зубы с болью стиснулись. Но всё-таки ему удалось одеть шлем на голову. — Ты действительно считаешь, что какое-либо общество, вышедшее из созданных им темниц страдания, будет представлять собой нечто иное, нежели сборище вырожденцев и уродов?

Я сжалась, боясь, что он может быть прав.

— Но как же Стальные Рейнджеры? Что хорошего выйдет из воспитанных вами кровавых убийц?

— Мы не делаем вид, будто создаём общество, — сказал мне Старейшина Коттэдж Чиз. — Мы лишь собираем то, что понадобится тем, кто будет его создавать. Стальные Рейнджеры переждут это бедствие, и через поколения, когда вы, испорченные твари, не имеющие права называть себя пони, наконец полностью уничтожите сами себя, они выйдут на свет очищенного от вас мира. Мы возродимся, как феникс из пепла. Но не как этот Богиням противный жар-феникс, а как истинный и чистокровный, неся с собой славу и знания былых времен, чтобы создать новый мир, принадлежащий настоящим пони!

— И ты будешь ими управлять.

— Да. — И, хмыкнув, запустил сканирование для психического переноса.

— Ты будешь править ими?

— Конечно.

— И что же поможет тебе не превратиться в тирана? Собственно говоря, что поможет тебе не совершать тех же ошибок, что совершила старая Эквестрия? Всё, чем ты обладаешь — это знания и научные наработки, которыми владели пони перед войной. Ничто из того, что ты сохраняешь, не уберёжёт пони от подобного финала в будущем.

Аппарат зажужжал. Драгоценные камни на шлеме начали светиться. Замигали огни.

— Я уберегу, — уверенно заявил Старейшина. — Мой интеллект. Мои суждения. Не затронутые эмоциями и разлагающей эгоистичностью, которые однажды привели пони к краху, а теперь хотят снова. Пожалуй, это к лучшему, что я так и не завладел этой Книгой. Это лишь сделает меня мудрее.

— Ты же станешь бессердечным, — грустно заметила я. — Будешь лишён сострадания. Тебе будет недоставать всякой добродетели, которая делает пони достойными спасения. Именно добродетели наших сердец делают нас чем-то хорошим. Именно они могут сделать нас чем-то выдающимся.

Старейшина с тревогой вздрогнул.

— Подожди. Что ты делаешь?

— Останавливаю вас, — вежливо ответила я. — Вице-президент Стойл-Тек предоставила Шедоухорн коды для полного отключения Крестоносца в случае, если он будет представлять угрозу. Мне следовало использовать их раньше. И я сделаю это прямо сейчас.

— **НЕТ!**

— Мне очень жаль, мистер Коттэдж. Но в этой пустоши нет места для холодного бессмертного деспота, который будет править этим миром, будучи бездушным видением.

Я ввела код. Стоило Двадцать Девять погрузилось во мрак.

Примечание: Максимальный уровень.

<<< ^^ >>>

Глава 34: Граница Ночи

«Лаадненько. Что скажешь, может, мы лучше уйдём из этого жуткого местечка?..»

<<< ^^>>>

Тьма.

Всё погрузилось во мрак. Даже узел доступа сдох. Ну, пиздец.

Окей, не так уж и неожиданно. Сообщение, оставленное Скуталу для Шедоухорн, предупреждало, что выключение Крестоносца также отрубит и все автоматизированные системы. Мэйнфрейм Крестоносец контролировал практически всё, то есть автоматизированными были все системы.

Я остановила Старейшину Коттэджд Чиза. И теперь я лишь надеялась, что в процессе это не стоило Отступникам их базы.

Я включила подсветку своего ПипБака, и надо сказать, он стал выглядеть несколько призрачно в окружавшем меня безмолвном царстве тьмы. Проверив карту, я была приятно удивлена, обнаружив, что во время подключения к терминалу на карте появилась отметка входа в комнату с Крестоносцем. Я поднялась и направилась к ней. Мне нужно было попасть туда и перезагрузить матрицу заклинаний в силовой броне Струберри Лемонэд, до того как СтилХувз прорвётся к ней.

Я боролась с одолевающим чувством паники. Если я вывела из строя все системы Стойла, у меня были большие проблемы.

Тишина длилась недолго. Крики эхом прокатились по коридорам. У входа в атриум я пронеслась мимо двух рыцарей, чей разговор подслушала чуть ранее. Хотя одна из них по-прежнему тащила за собой мусорный контейнер, они галопом скакали в сторону станции безопасности с включёнными на шлемах прожекторами, которые полосами света рассекали тьму перед ними.

Все залы озарились тусклым оранжевым светом аварийных ламп. Я вздохнула с облегчением. Спасибо тебе, Эплблум, ты всё предусмотрела!

"Здравствуйте, жители Стойла Двадцать Девять", — раздался из динамиков сладкий, как конфетка, голос кобылы. — "Меня зовут Свити Белль, и я... была одним из основателей Стойл-Тек..."

Я бросила недоуменный взгляд на один из динамиков, проходя мимо него. И что это было?

"Если вы слышите это сообщение, то это значит, что мэйнфрейм Крестоносец, который управляет Стойлом Двадцать Девять, с тех пор как оно было запечатано, был отключён несколько минут назад, потому что он начал представлять опасность для пони под его опекой."

Голос Свити Белль приятно успокаивал. Я перешла на шаг.

"Чтобы позаботиться о важных для поддержания жизни и безопасности системах, была активирована аварийная подсистема," — сообщил голос Свити Белль. — "К сожалению, эта подсистема имеет ограниченный срок службы и сможет работать только в течение пяти лет."

Для пони в ловушке Стойла Двадцать Девять под превратившимся в ад миром пять лет были бы большой проблемой. Для нас же это была просто манна небесная.

"Боюсь, что дальше вам придётся действовать по своему усмотрению. Но не надо паники. Вы хорошие пони, и вы сможете сделать больше, чем думаете, если просто приложите свой ум. Я знаю, что с вами всё будет хорошо."

Удачи, мои маленькие пони."

Я свернула за угол в крыло техобслуживания Стойла и увидела, как чёртова пулемётная турель выезжает из отверстия в потолке, освещаемая лишь оранжевым светом аварийной сигнализации. Я плавно остановилась, смотря на турель. Когда мы в прошлый раз здесь были, Каламити отключил все охранные системы подобного рода. Однако, судя по всему, подсистема снова привела их в режим боевой готовности. Тем не менее, теперь, когда нет Крестоносца, жаждущего порешить население Стойла, они ведь не будут стрелять по нам, верно?

Турель щёлкнула, загудела и повернулась ко мне.

ТРА-та-та-та-та-та!

Я нырнула обратно за угол, спасаясь от пуль, высекавших искры из стен. Какого хера?

Из динамиков послышался другой автоматизированный голос, на сей раз анонимной кобылы.

"Аварийное отключение мэйнфрейма Крестоносца выполнено успешно. Подсистема безопасности пытается определить характер чрезвычайной ситуации и оказать требуемую помощь."

Я услышала выстрелы глубоко в Стойле.

"Анализирую: Внимание! Водный талисман неисправен! Чрезвычайная ситуация класса "Селестия"! Отправляется запрос на доставку нового талисмана в ближайшее отделение поддержки Стойл-Тек... Ошибка соединения! Запрос не может быть отправлен! Причина: отделение поддержки Стойл-Тек не отвечает или более не существует. Пробую отправить запрос во второе отделение поддержки Стойл-Тек... Ошибка соединения! Запрос не может быть отправлен! Причина: второе отделение Стойл-Тек не отвечает."

Я левитировала Малый Макинтош и проверила барабан.

"Анализирую: зафиксировано вторжение. Уровень чрезвычайной ситуации 'Луна'. Задействованы меры противодействия вторжению. Все жители Стойла должны проследовать в одну из безопасных комнат до устранения угрозы."

Я выпрыгнула обратно в коридор и сразу же включила З.П.С. Моё заклинание прицеливания зафиксировалось на турели, и я тут же пальнула в неё четыре раза. Третья пуля разнесла турель вдребезги, выбив из неё фонтан искр.

Я галопом понеслась к "безопасной комнате", полностью уверенная в том, что мэйнфрейм Крестоносец находится там. Мне хотелось попасть туда и поднять Струберри Лемонэд на копыта, до того как комната будет запечатана. К счастью, потайной вход, которым воспользовался Коттэджд, был на этаже техобслуживания, прямо за следующим...

С трудом затормозив перед этим следующим поворотом, я оказалась прямо перед ещё двумя турелями. Я рванула обратно, едва не попав под пронзившие воздух за моей спиной пули.

"Определение местоположения жителей по тегам ПипБаков. Количество жителей Стойла Двадцать Девять: ноль," — бесстрастно объявил голос. — "Количество жителей Стойла Двадцать Девять, находящихся вне безопасных комнат: ноль. Запечатывание безопасных комнат."

Дерьмо!

У меня не было времени перезаряжать Малый Макинтош, поэтому я достала сразу обе винтовки — снайперскую и зебринскую. Я надеялась на то, что мои навыки в стрельбе достигли нужного уровня, чтобы самостоятельно нацеливать более одного вида оружия одновременно. З.П.С. не проектировалось для работы с полем телекинеза, которое охватывало более одной пушки, а уж тем более, когда они были такими разными.

Я вынырнула из-за угла, пытаясь прицелиться на лету. Коридор тут же заполнился пулями, летящими с разных сторон. Я почувствовала, как несколько пуль отскочило от моей брони. Я ощутила жгучую царапину на своей щеке, но эта боль не шла ни в какое сравнение с болью, когда одна из пуль попала мне в заднюю ногу.

Снайперская винтовка выстрелила дважды, пробив отверстия в металлическом корпусе турели. Зебринская винтовка занялась второй, поджигая её. Турель взорвалась, забирая с собою её раненную близняшку.

Я дрожала от боли, пронзавшей мою заднюю ногу. Мне теперь было нипочём не успеть, ведь я больше не могла бежать.

"Безопасные помещения запечатаны," — объявил кобылий голос, уведолив меня о том, что больше на них рассчитывать не придётся. Мне никогда не хватало времени. — "Выпускается нейротоксин."

Стоп, что?

Я вспомнила рыцаря Струберри Лемонэд, призывающую меня пустить газ в комнату, чтобы вырубить Коттэджа, но я не понимала, что это действительно было возможно. Но Стойла, как правило, опасны, предупреждала нас Стерн в Филлидельфии. Они зачастую имеют собственную систему безопасности или собственные... уникальные опасности.

Я бешено повернулась, оглядываясь вокруг. Мне нужно было выйти из зала. Но куда я могла пойти, чтобы оказаться в безопасности? Комнаты безопасности были уже закрыты. Вдруг я почувствовала себя сильно уставшей.

За отсутствием лучшего выбора, я стала ковылять обратно в крыло обслуживания. Я хотела добраться до отделения ПипБак-техника. За этим выбором не скрывалось логики. Просто чувствовала, что будет лучше, если я там буду. Я, наверное, не думала в этот момент. Я чувствовала сильную усталость.

Усталость... и тяжесть.

Я задумалась о том, какой газ будет выпущен. Услышу ли я что-нибудь? Смогу ли я его почуять? Будут ли гореть глаза и лёгкие? До сих пор не было ничего, даже дымки в воздухе. Мотыльки надежды запорхали в моём сердце. Быть может, после двухсот лет противодействие нарушителям уже не работало. Может быть, газа и не было. От этой мысли мне стало лучше, хотя было небольшое головокружение.

Кружение. И усталость. И тяжесть...

О нет...

И я провалилась обратно во тьму. Я даже не почувствовала, как моё тело рухнуло на пол.

Я очулась в клинике Стойла Двадцать Девять. Не самое приятное для меня место в любом Стойле, а особенно в этом.

— С возвращением, Литлпип, — пророкотал глубокий голос СтилХувза. — Мы готовы выступить к Брыклинскому Кресту, как только ты оправишься.

Рот был словно набит ватой. Хриплым голосом я спросила:

— Почему я не умерла? — Правая задняя нога, плотно обёрнутая лечебной повязкой, пульсировала болью.

— Токсин разрабатывали для того, чтобы выводить из строя, а не убивать. — Голос определённо принадлежал Вельвет Ремеди, но я с трудом его узнала: звучал он так же плохо, как и мой собственный. — Либо Стойл-Тек не хотела доверять системе анализа угроз их подсистемы что-либо, что могло бы уничтожить Стойло... или же они ожидали, что Стойло будет располагать заключёнными. — Судя по её голосу, уровень ненависти Вельвет к Стойлам стремительно приближался к моему. — Никак не могу поверить, что они пустили газ в клинику.

— Ну, — хмыкнула я, совершенно не удивлённая тем, что реакцией Вельвет Ремеди на отключение энергоснабжения Стойла стало немедленное перемещение в клинику — место, куда пони обычно обращались за помощью. — Возможно, газ-то они в атриум пускали, а тут эта дыра в стене, вместо полноценного окна.

Я заставила себя встать. Возникшая волна тошноты и головокружения чуть не вернула меня обратно.

— Ооооооооохх. — Я посмотрела на Вельвет Ремеди. — Ты в порядке?

— Несколько дней не смогу петь, — хмуро ответила она. Вельвет выглядела немного усталой, но, к счастью, не пострадала. — Но с другой стороны, да. Все пони в порядке. — И поспешно добавила: — И зебра тоже.

— А Рейнджеры?

— Изолирующая броня с системой рециркуляции воздуха, — сказал СтилХувз с частичкой гордости за технологии Эпплджек, — Газу до нас не добраться. Ну, до тех, кто в броне, конечно.

— Крос? — спросила я, моё горло жгло болью. — Струберри?

— Обе в порядке. Они были в безопасных помещениях. Я лично перезагрузил доспехи рыцаря Струберри Лемонэд.

Я кивнула. Было чувство, что тут пока безопасно. По крайней мере, вооружённому. И у Звёздного Паладина Кроссродс было достаточно времени, чтобы укрыться в безопасном помещении, прежде чем оно было запечатано. По тону СтилХувза я догадалась, что Струберри Лемонэд выказала большую благодарность, чем ему было надо. Хотела бы я на это посмотреть.

— Кого-нибудь... подстрелило?

— Ну, тебя, — с иронией ответила Вельвет Ремеди. После чего добавила помрачневшим тоном: — Да. Несколькоких. Слава Богиням, ничего смертельного, но несколько пони не смогут ходить пару недель. Боюсь, один из них уже никогда не сможет встать.

Известие о том, что я учинила, таким грузом упало на мои плечи, что я рухнула обратно на каталку и недвижно уставилась в потолок. Меня интересовало одно: сколько? Сколько пони пострадало и сколько ещё они будут страдать?

— Хорошая работа с Коттэджем, — сказал мне СтилХувз, хотя я не думала, что заслуживала каких бы то ни было поздравлений. — Старейшина ещё жив, но находится в коматозном состоянии. Это его вина, не твоя. Он в своей капсуле жизнеобеспечения и готов к доставке.

— Коматозное... — прошептала я, когда тупая боль прошлась через меня, никак не связанная с моими повреждениями. — Он когда-нибудь?..

— Маловероятно, — прямо ответил СтилХувз. Он заставил это звучать так, чтобы это походило на отличную весть.

— П..п-простите.

Ком застрял в горле, когда я посмотрела на жеребца-рыцаря, лежащего на каталке. Его довольно скверно ранила одна из внезапно активизировавшихся турелей в мужской спальне. У него не было брони: он снял её, перед тем как свернуться калачиком и уснуть... чтобы проснуться от пуль, разрывающих его спину, и кричать от боли, пока два его товарища-Рейнджера уничтожали турель.

Я представила себя на его месте и подумала, что после произошедшего он больше никогда не сможет спать спокойно.

— За что? — горько спросил жеребец. — Эй, это не твоя вина. Если кого и винить, так это Коттэджа.

Я так не думала. Сморгнув слёзы, я положила копыто ему на плечо.

— Есть... что-то, что я могу сделать для тебя?

— Думаю, ты уже достаточно сделала, — возразил он, посмотрев примирительно, от чего я вздрогнула.

Я кивнула и повернулась, чтобы уйти.

Каламити и Ксенит шли ко мне по коридору. Я оцепенела, увидев рог Ксенит. На секунду мне показалось, что зебра превратилась в единорога... причём далеко не лучшим образом. Но я быстро заметила ремни, держащие на её лбу изогнутую металлическую пластину с выходящим из неё рогом. Я хихикнула, несмотря на меланхолию.

— Так, я вижу, тебе наконец выпал шанс собрать шлем адских гончих, — обратилась я к ржавошкурому пегасу, когда он остановился у мусорки и открыл её крылом. Я узнала то, что было изображено на схемах, найденных нами на энергостанции Гиппокампус №12. Несколько когтей адских гончих слились в исключительно смертоносный рог.

— Агась! — гордо ответил Каламити, выживая из мусорки старую пачку сигарет. Ксенит выглядела менее возбуждённой.

— Использовать такое оружие не свойственно Стилю Падшего Цезаря, — прокомментировала она, её экзотичный голос приобрёл строгий тон. — Но пегас утверждал, что одними копытами не справиться с щитом аликорнов.

Я моргнула.

— Мы... ожидаем новых проблем с аликорнами? — нерешительно спросила я. Кажется, я вспомнила предупреждение про аликорнов в Руинах Кантерлота. — Я думала, что мы выполняем миссию Богини? Разумеется, они позволят нам пройти.

Сбросив пачку сигарет в свои седельные сумки, Каламити нахмурился, отчего его морда стала ещё более мрачной.

— Ну... Скажем так, мы просто не будем рисковать.

* * *

Ночной шторм перешёл в лёгкий дождик, пока Каламити тащил Небесный Бандит между тёмными скелетами зданий, некогда бывших небоскрёбами Мэйхэттена. Мы летели к Брыклинскому Кресту, располагавшемуся в никогда не виденной мною части города.

Вельвет Ремеди пошевелилась, уже во второй раз вынырнув из шара Флаттершай с нашего ухода из Стойла Двадцать Девять этим утром. Я посмотрела в сторону, не встречаясь с пристальным взглядом СтилХувза. Каждый пони заслуживает немного уединения.

— Есть кое-что, что я не могу понять, — признала Вельвет Ремеди, посмотрев на меня и откладывая шар памяти в сторону. Её голос всё ещё скрипел, но уже не столь сильно, как несколько часов назад.

У меня не было настроения разговаривать. По моей просьбе меня привели ко всем Отступникам, получившим ранения из-за активации охранной системы. Я извинилась перед каждым. Почти все из них были вежливыми и поблагодарили меня за действия с Коттэджем и раскрытие двух мест, где могли храниться резервные водные талисманы. Лишь один из них нагрубил мне. Должно было быть больше.

— Литлплп, ты рассказывала, что Красный Глаз говорил о контроле над солнцем, луной и погодой. Но никто, даже Богиня Селестия, не мог управлять погодой по всей Эквестрии. Неужели он действительно думает, что, подражая Трикси, он сможет стать могущественнее, чем принцесса Селестия?

Я пожала плечами, не желая разговаривать. К тому же, у меня действительно не было идей.

Вельвет Ремеди потрясла головой.

— Если уж на то пошло, то зачем заикливаться на солнце и луне? Где-то там и Селестия и Луна направляют их, как было всегда... — Вельвет взглянула на Каламити, их взгляды встретились, когда он посмотрел на наш разговор через плечо. — ...Или же Каламити прав: Богини просто умерли, и солнце с луной научились вставать сами по себе.

В первую очередь это значило, что Богини никогда не были нужны.

— Конечно, во время их руководства это было символом статуса, — сказала Вельвет. — Но Красный Глаз более... практичен. Зачем превращать себя... во что-то вроде неё, чтобы делать то, что ему не нужно?

Каламити ушёл в сторону от почерневших зданий из-за вырвавшейся из них дюжины голубей. Из-за наклона пассажирского фургона я соскользнула со своей скамьи, до слёз ударив заднюю ногу. Паерлайт прыгнула с бока Вельвет и, вылетев в небо через одно из открытых окон, начала преследование.

Моргая, я раздумывала, не вернуться ли на скамейку. Лежать на полу, конечно, было не так удобно, но вновь упасть на него мне вовсе не хотелось, так что я не стала подниматься.

— Разве не ясно, — произнесла Ксенит. — Он хочет, чтобы ему поклонялись как Богу. Разве есть способ лучше, чем взять на себя роль ваших Богинь?

Я покачала головой.

— Я так не думаю.

Красный Глаз говорил так, будто удалил себя из уравнения. Всё равно как если бы он умер. Ему можно приписать много вещей, но среди них нет мании величия.

— Вы исходите из предположения, которое попросту неверно, — вставил Каламити.

Мы все дружно повернулись к нему.

— А какое предположение верно? — так ласково спросила Вельвет, что если бы не отравление тем газом, она бы буквально промурлыкала этот вопрос.

— По вашим словам, так солнце и луна делают то, что им и положено, — ответил Каламити, поднырнув под угрожающе повисшим между двумя перекошенными башнями пешеходным мостиком. Из его трещин порой осыпалась крошка, пролетая мимо устроившихся снизу кровокрылов. — Я слышал, дескать, Селестия подымала солнце в начале дня и опускала его вечером. Тогда Луна — та, что принцесса — выводила на небо луну и поутру прятала её обратно. Так вроде всё было устроено, да?

— Ну, да, — ответила Вельвет Ремеди. — Конечно. Но ведь ясно, что это всё ещё происходит. Прежде была ночь, сейчас день, и он вновь сменится ночью, как часы.

— О, это происходит, но совсем не как часы. Я не могу сказать вам, как много раз в своём детстве я видел в небе одновременно и солнце и луну.

Вельвет с Ксенит так и ахнули. Я пошатнулась. Сама идея была... будто из пророчества о конце света. Солнце и луна никогда не

делили небо. Это было противостоественно, богохульно.

— Обычно это происходило ранним утром, будто они не могли решить, кому нужно уходить. Я думаю, они одичали. Как погода. — Каламити начал плавно опускаться Небесный Бандит, дав нам возможность увидеть серо-голубую поверхность океана по ту сторону Мэйнхэттенского порта. Я увидела несколько огней Статуи Дружбы, сияющих с маленького острова в заливе. Штормовые облака потемнели, растянувшись над морем и закрыв горизонт свинцовыми дождевыми тучами.

— Это происходит не так часто, но достаточно, чтобы пегасы не забывали о том, что там наверху больше никого нет, — фыркнул Каламити. — И это не всегда происходит по утрам. Однажды в середине дня, уже во времена послевоенного поколения, солнце и луна не только оказались на небе одновременно, они были на одном и том же месте! Как будто они столкнулись, или что-то вроде того.

Меня ужаснуло и шокировало то, что описывал Каламити. Пони в моей голове попыталась ляпнуть что-нибудь эдакое, но ни одно из непристойных упоминаний Богинь не могло сравниться с богохульством этого события.

— Меня-то там не было, конечно, — сказал нам Каламити. — Но я видел фотографии. Солнце превратилось в большой чёрный диск, озарявший всё красноватым светом, как будто миру пришёл конец. Многие пегасы решили, что так и есть. Начался бунт, убийства. Анклав вмещался и восстановил порядок. Думаю, тогда-то они и получили настоящую власть.

Был уже поздний вечер, когда я впервые увидела Брыклинский Крест.

Небоскрёбы нависали над нами, Мэйнхэттенские Руины превратились в серый лабиринт из разрушенных и поваленных зданий, расходящихся лучами от Зоны Взрыва. Мы могли ясно видеть место, где взорвалась Жар-бомба. Место, некогда бывшее центром Мэйнхэттена, превратилось в огромную пустую воронку. Поверхность Зоны Взрыва стала однородной, гладкой, изборождённой лишь подземными тоннелями. Она блестела, как стекло.

За пределами Мэйнхэттенской Зоны Взрыва, в километрах от разрушенного города, тёмная река прорезала землю. Её берега стали границей между Мэйнхэттеном и Брыклином — крупнейшим пригородом Мэйнхэттена. Реку когда-то пересекал Брыклинский Мост — одна из главных достопримечательностей Мэйнхэттена — массивный многоуровневый подвесной мост с огромными кирпичными опорами, включавшими в себя арендуемые жилые помещения. Сейчас же мост обрушился с обеих сторон, оставив после себя лишь одинокою колонну в центре реки с висящим на ней куском шоссе, направленным в обе стороны. При взгляде с высоты она походила на гигантский крест. Маленькие ручьи дождевой воды стекали с каждого конца, ветер подхватывал их, превращая воду в туманные брызги.

Место встречи для нашего обмена со Стальными Рейнджерами находилось на этой стороне реки. Я встревожилась, когда Каламити пролетел мимо него, паря над водой.

— Держитесь!

— Что? — спросила я, заползая на скамейку и доставая бинокль. Первым делом я увидела внизу обломки брошенных вагонов, сцепленных между собой, которые я считала нашим пунктом назначения. Там действительно находилось несколько Паладинов, поднявших забрала и смотревших на меня сквозь пелену дождя. И большее число пони, выжидающих в руинах за его пределами. Я насчитала около дюжины.

Они или устроили засаду, или же хотели защитить себя, если бы мы решили их обмануть? Я рассказала СтигХувзу об увиденном.

— Убедитесь, что ваше оружие заряжено, — ответил он. Затем повернулся к Каламити. — Ты, куда собрался?

Я обратила взгляд на Брыклинский Крест, отметив ещё больше Стальных Рейнджеров, движущихся между обломками вагонов и оборонительными баррикадами. Там было множество турелей (в том числе несколько подвешенных снизу моста, чтобы не подпускать кровокрылов). Несколько дозорных ботов, похожих на танки, патрулировало территорию. Вся эта конструкция была выстроена между уровнями и колоннами причала, дополняя жилые помещения, уже бывшие внутри. Ряд подъёмных кранов удерживал несколько небольших лодок у краёв перил моста. В общем, цитадель Стальных Рейнджеров Мэйнхэттена выглядела тесной и защищённой до нелепости.

Чтобы выслать подкрепление, им понадобилось бы много времени. Им пришлось бы плыть на лодках.

Их я и увидела на реке — маленькие, лёгкие суда на тяге огромных воздушных винтов. Горстка этих судов скользила подобно насекомым по воде рядом с маленьким посёлком, приютившимся вдоль берега в тусклой тени Брыклинского Креста.

Во времена старой Эквестрии в зданиях находились сети магазинов, очевидно, двух конкурирующих кофеен. Два конкурента сражались друг с другом при помощи рекламы, устанавливая на своих углах торгового центра гигантские рекламные щиты. Рекламный щит Чашки Явы рухнул, проломив смежную крышу прачечной "Солнечные пузырьки". Рекламный щит напротив серьёзно пострадал от дыма и возраста, сохранив лишь четыре чёткие буквы: арба.

Жители Арбы окружили асфальтовую парковку остовами почтовых и грузовых фургонов, укрепив эти баррикады раздобытыми где-то стальными листами. В целом, такая защита вполне годилась, но рядом с могучей цитаделью Брыклинского Креста маленький посёлок казался беззащитной приманкой.

Несколько вывесок, снятых с магазинов на проспекте, в том числе и вывеска Кофеен Явы размером со школьную доску, были скреплены вместе, образуя ворота, которые открывались благодаря системе цепей и растяжек. Над ними пони прикрепили ещё одну вывеску: "Арба. Самый дружелюбный город на Пустоши!" Ворота медленно поднимались, готовясь впустить торговый караван, приближавшийся к городку.

Я сразу поняла, что привлекло внимание Каламити, даже не посмотрев вниз.

Вымокшие под дождём пони внизу, готовые засаду на караван, не были похожи на рейдеров. У них не было той ёбнутой внешности отбросов общества — ни кютимарок в виде окровавленных клинков, ни ожерелий из костей убитых пони. Они выглядели как простые бандиты.

— Э... Каламити? Может быть, просто распугаем их?

— Чтобы они опять на караван напали? — резко спросил Каламити, ударив по рычагу перезарядки своего боевого седла. — Охота потом ходить и извиняться перед теми, кого они убьют, после того как мы их отпустим?

Он поймал меня на слове. Пришлось заткнуться.

Их было девять. Я увидела, как несколько из них нацелили свои винтовки на стены Арбы. Одна из них, синяя кобыла-единорог, заняла позицию, левитируя тяжёлую штормовую винтовку. Если бы мы им не помешали, могла бы начаться настоящая бойня.

Каламити нацелился на первого из бандитов и открыл огонь. Один залп его боевого седла — и пони упал, потеряв половину черепа.

Бандиты засуетились, не понимая, откуда по ним стреляют. Одна из них догадалась посмотреть на небо. Каламити снова выстрелил — как раз в тот момент, когда она начала звать остальных, показывая на нас копытом. Одна из пуль ударила прямо в её поднятое копыто, пробив его насквозь и разорвав всю нижнюю часть ноги. Вторая попала в толстую кожаную броню. Смертельно раненая пони повалилась на спину.

Паерлайт пролетела перед нами, нырнув вниз по направлению к ней. Великолепная охотница струю зелёного пламени, поджигая раненую бандитку. Я слышала её крики, когда она горела заживо.

Оставшиеся семь бандитов нырнули за лучшее укрытие, направив своё оружие вверх. Один чёрный земной пони с обрезом вскинул оружие в направлении Паерлайт.

БАХ! Прекрасный жар-феникс испустил пронзительный крик боли и, упав с неба и отскочив от одиноко стоящей стены, приземлился в мусорный контейнер. Вельвет Ремеди вскрикнула в испуге.

— Каламити, сейчас же опусти нас туда! — прокричала она.

Множество пуль высекали искры из Небесного Бандита, издавая металлический звон. Я левитировала зебринскую винтовку и нацелила свой прицел вниз. Большинство пони снизу стреляло по нам, кроме того чёрного жеребца, чей дробовик просто-напросто не мог до нас дострелить. Поэтому он, согнувшись в три погибели, прятался за почтовым ящиком, выискивая укрытие понадежнее. Воспользовавшись своим заклинанием прицеливания, я взяла его на мушку. У жеребца было неплохое укрытие: нужно было сделать довольно замысловатый выстрел, чтобы достать его...

Я замерла, затем убрала зебринскую винтовку и достала снайперскую. Я объяснила этот поступок тем, что бронебойная пуля прошла бы прямо сквозь ящик, как нож сквозь масло. Но на самом деле мне просто не хотелось поджигать кого-либо из тех пони. Они не заслуживали подобной участи.

Но я всё равно собиралась их убить. Сделало ли это меня "исковерканной добротой" в конце концов?

Каламити накренился, стрельнув ещё раз. Одна из бандиток узнала на своей шкуре, что её укрытие было недостаточно хорошим. Она закричала, когда одна из пуль вспорола ей бок, а другая, вжикнув от бетона, накрыла её душем белой пыли.

— Да вылезь ты, мать твою! — крикнул Каламити.

Низкий голос СтилХувза сухо прокомментировал:

— Не думаю, что она собирается делать тебе это одолжение. — Он двинулся к одному из разбитых окон фургона, попросив нас отойти. Ракетная пусковая установка, встроенная в его боевое седло, активировалась. Две ракеты со свистом вылетели в сторону импровизированного бандитского укрытия, последствием их запуска стал удушающий дым, заполнивший весь фургон. Я бросилась к окну, больше затем, чтобы отдышаться, чем наблюдать за их полётом. Ракеты поразили бетонные плиты, за которыми укрывалась бандитка. Обломки бетона оставили от тела кобылы только кровавые ошметки.

Новые выстрелы. На сей раз ни от бандитов, ни от нас. Несколько вооружённых пони атаковали из Арбы, стреляя из пистолетов и винтовок по бандитам. Другие двигались на защиту торговца.

Оставшиеся бандиты были вынуждены действовать на два фронта. Серо-синий бандит-единорог нацелил свой автомат на приближающихся пони из Арбы и открыл дикую пальбу. Пони нырнули под прикрытие остова старой колесницы и развалившихся стен, оставшихся от стоматологической клиники. В воротах один пони кричал караванщикам, чтобы те свалили с линии огня. От нескольких попаданий тяжело нагруженная двухголовая скотина взывала от боли и страха.

Это вывело меня из ступора. Я левитировала снайперскую винтовку перед собой, и, глядя вниз через оптику, послала три бронебойные пули сквозь почтовый ящик. Вороной жеребец упал, завалившись на бок, его бока вздымались, кровь медленно вытекала с каждым вдохом.

Каламити маневрировал в попытках приземлиться около мусорного контейнера, и тут я услышала плач неожиданно выскочившего из-под груды металлических коробок жеребёнка, побежавшего к смертельно раненому пони с криками:

— Папочка!

О, нет. Нет. Изнасилуй меня протуберанцем Селестия, нет.

Жеребёнок побежал прямо к упавшему жеребцу и кинулся на своего умирающего отца... прямо на линию огня.

Что же я наделала?

Щит Вельвет Ремеди накрыл жеребёнка и его павшего отца. Я выронила своё оружие, чувствуя, как ледяное оцепенение охватывает меня. Они бандиты, пыталась я уверить себя. Но я не была готова к бандитам, у которых есть семья.

Пожалуйста, я молила Селестию, не позволить отцу умереть. Отцу... которого я поразила тремя пулями.

Далеко внизу выстрел винтовки одного из бандитов попал прямо в грудь арбинки. Она упала, харкнула кровью раз, два... и затихла навсегда.

Залп автоматического гранатомёта СтилХувза ударил по моим ушам, и дорожка взрывов прошла по линии обороны бандитов, убив двоих из них и раскидав оставшихся. Ещё один двойной выстрел Каламити срубил одного из бандитов, оставившего кровавый след на стене позади себя. Другая бандитка получила несколько попаданий от пони Арбы. Броня спасла её, но удачный выстрел покончил с её везением. Её голова резко дёрнулась от удивившей в неё пули, и пустая чёрная глазница, окаймлённая кровью, бессмысленно уставилась на нас. Неожиданно перед моим взором всплыло жуткое видение, как луна затмевает солнце в огненном диске. Меня бросило в дрожь.

Как только она упала, последний бандит развернулся и ринулся к руинам. Два пони из Арбы бросились за ним. Я могла бы сказать, что Каламити хотел к ним присоединиться, но Вельвет отчаянно стремилась увидеть Паерлайт. Пассажирский фургон колебался в воздухе, пока Каламити делал выбор. Затем мы свернули, опускаясь рядом с протянувшейся дорогой.

Вельвет Ремеди выпрыгнула через окно, прежде чем мы коснулись земли. Ей тоже предстояло сделать выбор. И отец и Паерлайт могли быть уже мертвы. Но если кто-то из них был всё ещё жив, вряд ли он продержался бы достаточно долго без её помощи. Она замерла, отчаянно смотря то в одну сторону, то в другую. Я могла видеть, как дрожали её ноги. С мучительным криком она сделала свой выбор. И помчалась к Паерлайт так быстро, как только могла.

Её рог засветился во время бега, открывая одну из её аптечек. Лечебные бинты, зелья и препараты вылетели наружу.

— Ксенит, Литлпип, пожалуйста, помогите ему! — крикнула она во весь голос, оставляя нас позади себя.

Телекинезом подхватив упавшие медикаменты, я побежала к отцу и его жеребёнку, Ксенит скакала рядом со мной.

— Вы не можете... забрать... моего сына... — слабо проскрежетал чёрный жеребец, пока два жителя Арбы пытались отвести от него жеребёнка. Влажная грива мальчика опустилась на глаза, вода, капающая с неё, смешивалась с его слезами, пока он изо всех сил старался вернуться к отцу.

— Мы хорошо о нём позаботимся, — доброжелательно пообещала одна из арбинок. — Будем обращаться с ним, как с одним из наших.

Мы с Ксенит сделали всё, что было в наших силах. Но мы даже вместе не могли сравниться с одной Вельвет Ремеди. И, видя серьёзность ран, я подумала, что даже она не смогла бы спасти его без целой Клиники. По крайней мере, болеутоляющее притупило его

страндания. Его последние вздохи слабели. Его глаза остекленели и больше не видели.

Как не видели его и мои глаза из-за застилавшей их пелены слёз.

— Я... не позволю... — Оставшаяся часть предложения пропала в последнем выдохе.

Жеребец был мёртв.

Я отступила, тяжело дыша, слезы текли из моих глаз. Я убила его. Я убила отца жеребёнка.

Мне было тяжело дышать. Я попыталась придумать что-нибудь, что могла бы сделать для исправления этого. Но нельзя исправить смерть. Не было ничего, что бы я могла сделать для отца и его жеребёнка. Я знала это и чувствовала, что это убивает меня. Я заслужила это.

До моих ушей донёсся звук скрипа колёс и стука копыт по лужам. Я повернулась к прибывшей из Арбы пони, впряжённой в телегу. Она оказалась крепкой абрикосовой единорожкой с телегой на кютимарке и щрамом под ней. На её шкурке виднелись следы лучевой болезни. Стоило к ней повернуться, как она дружелюбно поприветствовала меня. Её рог осветился мягким коричневым светом, окутавшим отца и левитировавшим его в телегу, поместив чёрный труп сверху других тел пони. Арба собирала мёртвых — как своих, так и бандитов.

— Зачем? — слабо спросила я.

— Ну, кто-то же должен их похоронить, — ответила зелёная арбинка с потрясающей оранжевой гривой. Я ощутила ещё один выстрел боли, когда поняла, что добрые пони Арбы обходились с мёртвыми врагами лучше, чем я относилась даже к тем, кто мне был безразличен. Образы скелетов Пинки Пай и Эплблум снова встали у меня перед глазами.

Я поняла, что была совершенно недостойна привязанности Хомэйдж. Я не заслуживала друзей, которых нашла. Я не могла продолжать в том же духе. Я не могла продолжать это. Мне нужно было стать лучше.

Я должна была быть лучше.

Появилась Вельвет Ремеди со слезами на глазах. О Богини, нет. Неужели и Паерлайт...

Но в этот раз мои волнения были напрасны.

— Она будет жить, — сказала Вельвет. — Если бы дробовик был в лучшем состоянии, это была бы другая история. Но она в плохом форме. Мы должны отнести её к какому-нибудь радиоактивному месту в течение нескольких часов, чтобы она могла начать восстанавливаться должным образом.

— Если вы ищете радиацию, — сказала одна из арбинок (молочная кобыла с волокнистой коричневой гривой и врождённым дефектом, который оставил её с одним глазом), трясая копыто Вельвет Ремеди в дружеском приветствии, — можете посмотреть на разведенческой ферме ДипигЗА прямо вверх по реке. Остерегайтесь радигаторов. Только не убивайте никого из них.

— Дипигза? — спросила я насмешливо, но тут же получила ответ в виде сухого кивка.

Мой взгляд упал на её бок. Её кютимарка выглядела как несколько острых зубов, возможно радигаторских. У неё тоже был маленький щрам под кютимаркой. Он выглядел как небольшое клеймо, напоминающее мне о знаке, уничтожившем кютимарку Каламити.

— Разведенческая ферма? — спросила Вельвет. — И кого там разводят?

— Очевидно же, радигаторов. Ты разве не слухала? — ответила молочная пони.

— Ох, — вежливо ответила Вельвет. — Литлпип... мы должны идти.

Оцепенело кивнув, я направилась к Небесному Бандиту. СтилХувз стоял около него, проверяя капсулу жизнеобеспечения, привязанную к крыше. Состояние Старейшины Коттэдж Чиза осталось прежним. Каламити вытаскивал старый чемодан из ржавой колесницы. Мой маленький мусорщик.

— Слышьте, вернитесь назад! — позвала оранжевая кобыла с зелёной гривой. — Мы будем обедать!

"В третий раз за этот месяц мне пришлось разнимать Мистера Бинса и Ямокка Джо, кричащих друг на друга. С тех пор как Джо открыл новый Старбакс напротив Чашки Явы Мистера Бинса, всё пошло наперекосяк. Сначала они просто пытались сбить друг друга цены. Затем пропал груз кофейных зёрен, и Ямокка Джо начал бросаться грязными обвинениями. Совершенно необоснованными, поскольку из-за некоторых 'сбоев' в системе терминалов Старбакс место разгрузки оказалось в Филлидельфии. Не могу терпеть такие штуки. Они кажутся совершенно чуждыми пони.

Вчера Ямокка Джо расчехлил новую рекламу Старбаксовского Горячего Кофе. Никогда ещё не ощущала такого желания купить чашечку кофе из-за понравившейся рекламы. Я не знаю, чем "горячий" кофе отличается от любого другого, но Мистера Бинса так взбесила реклама, что из него самого едва пар не повалил. Он даже назвал её "вопиющим примером использования секса для продажи кофе", и мне кажется, что тут он попал в точку. Мистер Бинс сагитировал стадо местных пони стоять у входа в кофейню Джо, клеймя беднягу как аморала и дегенерата и преследуя его клиентов. Обычная чушь в духе "задумайтесь о детях". Когда я пришла, чтобы прекратить это всё, одна старая кобыла ударила меня транспарантом. Ямокка Джо пришёл к нам на помощь, и не успела я оглянуться, как он столкнулся лицом к лицу с Мистером Бинсом, и было похоже на то, что дело дойдёт до ляганий. Не очень успокаивало нервы и то, что глупый, визгливый пудель миссис Везер сорвался с поводка и прибавил к общему шуму своё невыносимое тявканье.

Урезонив их, я отправилась напрямиком в Быстропомощь штопать. Не могу поверить, что оставила свою работу у Мэйнхэттене ради этого дерьма."

Чемодан, принесённый Каламити, был заперт. Открыв его, я нашла старую форму охранника, электрошокер, месячный проездной на Линию Луны и комикс ("Кобылы-Мечницы"; на обложке красовалась кобылица с нелепыми вызывающими формами, не покрывающей бока броней и мечом во рту, сталкивающаяся с обрыва монстра, похожего на смесь гигантского яо гая с Найтмэр Мун, и с жеребцом, прячущимся за ней с вытаращенными глазами). Вдобавок там оказалась целая куча аудиожурналов. Большинство из них испортилось без возможности восстановления, но мне удалось загрузить в ПипБак целых восемь штук.

Мой ПипБак с упрёком щёлкнул на меня.

Наш Небесный Бандит облетел вокруг развалин питомника, окрашенного в кричаще зелёно-розовые тона. Перед парадным входом стояла мультяшная статуя улыбающегося крокодилчика. Питомник располагался между берегом мрачной Мэйнхэттенской реки и рядом железнодорожных путей, которые пересекали улицу, ведущую к нему. Повсюду были разбросаны пустые железнодорожные цистерны, из большинства которых вытекала светящаяся ядовитая гадость. Когда взорвалась Жар-Бомба, состав пошёл под откос, расплескав радиоактивные отходы ещё и на несколько корпусов питомника. Инкубатору досталось больше всего. Несколько вагонов влетело в здание и в водные запруды, разрушив их до основания.

Дом Престарелого Гамми и Заповедник Аллигаторов

Я насчитала по меньшей мере дюжину этих огромных животных, которые кружили в водных запрудах или лежали на берегу, а за разрушенной стеной инкубатора заметила едва уловимое движение эпических размеров радигатора, который запросто мог оказаться размером с целый вагон.

— Внутрь не пойдём, — объявила я. Кобылица из Арбы просила нас не вредить местной природе. Мне не вполне была понятна эта просьба, ведь радигаторы представляли собой явную угрозу расположенному ниже на реке городу. И как я полагала, турели под мостом Брыклинского Креста время от времени стреляли не по одним только кровокрылам. — Здоровяк, что там прячется, выглядит так, что кажется, будто может меня целиком проглотить.

Вельвет Ремеди усмехнулась.

— В этом нет необходимости. Каламити, просто опустишься на крышу. Я подыщу для Паерлайт укромный уголок, где она сможет отдохнуть. — Она со скорбным взглядом посмотрела на раненую птицу, завёрнутую в одеяла. Раздавшийся кашель феникса и пробежавшая по ней дрожь только усилили тревогу моей подруги.

— Есть, — отозвался Каламити. — Но не мешкайте. Крыша, походу, на честном слове держится.

— Как думаете, почему пони попросили нас не убивать этих зверей? — поинтересовалась Ксенит.

— Я вам скажу, почему, — засмеялся Каламити. — Да потому что мясо радигаторов — просто вкуснятина!

Вельвет Ремеди скривилась, а Ксенит выглядела так, будто съела испорченный бутерброд. Я же, с другой стороны, почувствовала, что упустила шанс, когда я в первый день выбралась наружу. Я даже не подумала, чтобы убить и зажарить радигатора около памятника Биг Макинтоша.

Каламити посадил Небесный Бандит на крышу питомника, приземлившись с цоком всех его копыт. Крыша застонала и опасно просела под нами. Во мне поселились подозрения, что Каламити был недалёк от истины.

Вельвет Ремеди вышла, левитируя за собой завёрнутое в одеяла тело Паерлайт, и пошла к куче ящиков в одном из углов здания, осторожно ступая по неустойчивой поверхности.

— Я собираюсь тебя тут ненадолго оставить, — мягко проворковала Вельвет. — Тут много хорошей, тёплой радиации. Вскоре ты будешь чувствовать себя как раньше.

Трескотня моего ПипБака подтвердила её правоту. И всем нам следовало принять Антирадина, как только мы уберлись бы отсюда.

Вельвет не видела нажимной плиты. Честно говоря, я тоже. Чёртова штуковина была хорошо замаскирована. Вельвет была рядом с ящиками, когда наступила копытом на неё. Один из ящиков открылся со взрывом разноцветных лент, конфетти и блестяшек. Воздух разорвал звук трубы, и несколько двухсотлетних шариков... осталось лежать на дне ящика, покрытые жиром и гнилью.

Вельвет от неожиданности на несколько шагов отпрыгнула назад и с глухим стуком приземлилась на все четыре копыта.

Крыша рухнула под нами.

Я почувствовала себя отвратно, меня бросило в невесомость, когда Небесный Бандит накренился и начал падать в то пустое пространство, где раньше была половина крыши. Каламити быстро захлопал крыльями, снова поднимая нас в воздух, в то время как я заключила Вельвет Ремеди и Паерлайт в пузыри левитации.

Несколько кусков потолка свалились в лужи внизу, заставив металлические мостки звенеть. С громким гулом под нами рушилось здание.

Вельвет и Паерлайт медленно плыли назад к Небесному Бандиту. Очевидно, мы должны были найти другое местечко, чтобы позаботиться о выздоровлении Паерлайт.

Внезапно из провала вырвалась огромная голова эпического радигатора. В последний момент я успела оттащить Вельвет и Паерлайт, но существо задело Ремеди своей чешуйчатой мордой и вышвырнуло её из пузыря левитации.

Чёрная единорожица упала на бок монстра и соскользнула по нему в заводь, кишащую гораздо меньшими радигаторами, подняв при падении столб брызг.

Гигантская рептилия извернулась и разинула пасть, пытаясь схватить Небесный Бандит. Мне было и страшно и смешно одновременно: у этого чудища не было зубов. Огромные беззубые челюсти сомкнулись на фургоне, угрожая утащить нас вниз. Каламити вскрикнул, неестественно изогнувшись, и беспомощно повис в воздухе, едва справляясь с одним здоровым крылом.

Вельвет Ремеди била копытами по воде, отчаянно пытаясь удержаться на плаву, а к ней уже приближались другие, меньшие радигаторы. Плавание, как правило, не входило в число нужных навыков для жизни в Стойле. Подплывший ближе всех радигатор раскрыл пасть, продемонстрировав два ряда острых как бритва зубов. В лихорадочной панике Вельвет бросила в него заклинание анестезии, после чего ухватилась передними ногами за парализованное животное, словно за спасательный круг.

Исполинский радигатор продолжал тащить нас в инкубатор. По-прежнему не желая его убивать, я впервые за всё время достала пистолет с отравленными дротиками и всадила их один за другим в мягкую плоть крокодильей глотки.

Эпический радигатор разжал челюсти, содрогнулся и рухнул в заводь. Поднявшаяся волна перенесла Вельвет Ремеди и несколько вовсе не лишённых зубов хищников через ограждение. Надсадно крикнув, Каламити взмахнул крыльями и потянул за собой освобождённый пассажирский фургон.

Я снова создала вокруг Вельвет Ремеди телекинетическое поле и подняла её в воздух. Мгновение спустя на том месте сомкнулись челюсти сразу нескольких радигаторов.

— План Б? — спросила Ксенит, и ухом не поведя.

"Я как раз начала отмокать в роскошной ванне, когда поступил экстренный вызов из торгового центра: миссис Везер сообщила о грабеже. Я добралась туда, не успев высохнуть, в липнущей к шкуре униформе, с тем только, чтобы услышать, что вором оказался новый спаркл-кольный автомат в прачечной и что украдена была единственная монетка. Очевидно, она ткнула в кнопку этой новой Рад-Спаркл-Колы, а автомат выдал ей обычную. Ах, кошмар."

Оператор в Солнечных Пузырьках, естественно, не имел возможности как-то влезть в автомат. Я, наверное, могла бы это сделать при помощи монтировки, но тогда бы с меня состригли компенсацию за ущерб. Вместо этого я просто дала ей свою монету, которую она немедленно сунула в автомат, ткнула в ту же самую кнопку и получила тот же самый чёртов результат. Думаю, мне стоило бы вручить награду за то, что удержалась и не опробовала погонялку на старой кляче."

Час (и пару пакетов Антирадина) спустя Небесный Бандит подлетел к назначенному месту встречи. Стальные Рейнджеры перегруппировались. Многие из резервных рейнджеров прятались теперь в местах, которые нельзя было обстрелять с воздуха. Либо так, либо они совсем ушли, но я сомневалась, что последнее вообще было возможно.

Я облизала внутреннюю сторону щёк. Антирадин на вкус был как прогнивший апельсиновый сок и оставлял привкус, который как-то

умудрялся быть даже менее приятным. Я заподозрила, что кто-то решил придать Антирадину фруктовый вкус ради повышения продаж. Мне захотелось встретить где-нибудь эту пони и выстрелить в неё отравленным дротиком.

Паерлайт лежала на одной из разбитых цистерн, купаясь в радиации. Гигантские радигаторы не должны были добраться до неё, если только она не скатилась бы с цистерны. Вельвет Ремеди устроилась на безопасном расстоянии ровно за границей радиоактивной зоны, наблюдая за ней в мой бинокль. Она держала наготове анестезирующее заклинание на случай, если Паерлайт упала бы или додумайся какой-нибудь из радигаторов, как подобраться к её укрытию, и боевой дробовик с избытком патронов на случай, если заклинания оказалось бы недостаточно.

Когда Каламити обогнул парковку, дождь наконец-то стих.

Мы приземлились на краю парковки, встав напротив восьми Стальных Рейнджеров, которых мы могли видеть, и нескольких других, которых мы видеть не могли. Согласно моему Л.У.М.у, одна из них была совершенно враждебна — красное пятно в море огней на моём компасе — пусть даже она терпеливо стояла, как и все остальные.

Мы подождали, пока Каламити не распряжётся и стряхнёт с себя капли дождя. После этого он взлетел на крышу фургона и расстегнул цепи, удерживавшие капсулу жизнеобеспечения Старейшины Коттэдж Чиза. Пока я опускала капсулу, чтобы левитировать её позади нас, Каламити взял Гром Спитфайр и взмыл в воздух. СтилХувз заворчал и вышел вперёд. Я пошла следом, левитируя капсулу. Ксенит позади меня.

Атмосфера напоминала резиновую ленту, натянутую до предела и вот-вот готовую лопнуть.

— О, Богини, мне это не нравится, — неслышно пробормотала я. Всё своё оружие я заранее удерживала телекинезом, пусть даже оставляя его в кобурах. В каждое были заряжены бронебойные или магические патроны. Мои уши поворачивались, ловя звуки невидимых нам Стальных Рейнджеров, которые перемещались на более выгодные позиции, если судить по маленьким огонькам, сновавшим по моему Л.У.М.-компасу туда-сюда.

К нам подошли два Стальных Рейнджера. Одна из них была писцом-единорогом, одетой в робу из довоенной армированной ткани. Другая — тем самым красным огоньком на моём компасе; паладин, чьё боевое седло несло на себе нечто похожее на две противотанковые пушки. Остальные стояли наготове, открыв оружейные отсеки на своих боевых сёдлах.

— Мы ожидали Стальных Рейнджеров Предателей, а не одного предателя и кучку дикарей, — прорычала мисс враждебность. Затем она вскинула голову, глядя на СтилХувза. — Но похоже, что нас почтил своим присутствием сам СтилХувз. Скажи-ка, Хуви, они и правда называют тебя Старейшиной?

Хуви?

— Я принял должность, — коротко ответил СтилХувз. — Полагаю, у вас есть кто-то, кто хотел бы присоединиться к нам в обмен? Выпустите её, заберите своего Старейшину и идите с миром.

— Ах, Рыцарь Энт Мит? — сказала единорожица с долей сожаления, которое никак не отражалось в её глазах. — Боюсь, что она уже не сможет составить нам компанию. Ускакала с края моста, пытаюсь избежать заключения.

Я почувствовала, как моя кожа съедается под гривой. СтилХувз даже не пошевелился. Его голос казался равнодушным к новостям, хотя я подозревала, что внутри он кипел от ярости. Не пытались ли они спровоцировать его на что-нибудь?

— Какая жалость, — невозмутимо ответил СтилХувз, стоя совершенно спокойно. — Со Старейшиной тоже произошёл несчастный случай, прежде чем мы смогли отправиться в путь. Он жив, но без сознания.

Несколько Стальных Рейнджеров встали на дыбы и топнули, но никто не совершил ничего глупого, а те двое, что беседовали с нами, казалось, не придали особого значения этим новостям как несущественным.

— Паладин Амарант, — сказала единорожица притворно-просительным тоном, — не могли бы вы проверить капсулу Старейшины Коттэджа и удостовериться, что всё в порядке?

Бронированный паладин с противотанковыми ружьями сделала шаг вперёд, остановилась и отступила на несколько шагов назад.

— Паладин Амарант? — спросила единорожица.

— У нас проблема, — произнесла Амарант нараспев. — Это не просто какая-то группка дикарей. Это дикари из Стойла Два. Это — Обитательница Стойла, — кивнула она в мою сторону.

— Да, я понимаю, — сказала единорожица, проявляя нетерпение, — но я не вижу, чем это существенно.

— Это существенно, — зарычала Амарант, — потому что у DJ Pop3 на неё стоит. — Меня передёрнуло. Представившийся мысленный образ был во всех смыслах неправилен. — И он всю Пустошь заставит поверить в то, что она скажет. Если бы здесь были только Отступники, то, что бы тут ни случилось, это наше слово стояло бы против их. Но с ней...

Единорожица нахмурилась.

— И что, скажи на милость, здесь, по-твоему, должно случиться, если правда будет не на нашей стороне?

Паладин Амарант отступила ещё на два шага.

— Тут всё ясно. Убить их.

Как только она это произнесла, все точки на моём компасе окрасились в красный цвет. Все, кроме единорожицы.

— Что?! — вскричала она, оборачиваясь к остальным. — Отставить приказ!

Но было уже поздно.

Неподвижно стоявший СтилХувз держал Стальных Рейнджеров под прицелом, активировав заклинание наведения своей брони ещё во время разговора. Прежде чем кто-либо из них успел отреагировать на слова Паладина Амарант или той единорожицы, наш Рыцарь Эплджек выпустил в них тучу фугасных гранат. Трое Рейнджеров разлетелись на бронированные потроха раньше, чем единорожица произнесла "приказ", но её слова потонули в грохоте многочисленных взрывов.

Паладин Амарант выстрелила в СтилХувза практически в упор. Снаряды, которыми было заряжено её двойное противотанковое орудие, прошли насквозь, пробив броню СтилХувза и оставив после себя идеально круглые отверстия. С глухим металлическим стуком он упал на землю. Его метка на моём компасе погасла.

Амарант резко обернулась ко мне, но успела только заглянуть в дула снайперской и зебринской винтовок и Малого Макинтоша, направленных на неё. Я выстрелила из всего разом. Судя по тому, как из отверстий, пробитых моими выстрелами в её броне, вырвались голубые искры, убили её, вероятно, магически улучшенные пули Малого Макинтоша.

Мир вокруг меня взорвался вспышками гранат и ракет, которые выпустили оставшиеся три Стальных Рейнджера, пренебрегая безопасностью как Старейшины, так и единорожицы. Они целились в СтилХувза, но, как только он пал, их заклятья прицеливания потеряли наводку. Я ощутила, как по мне хлестнули щрапнель и огонь, и свалилась на землю со звоном в ушах. Магическая хватка, которой я держала всё своё оружие, тут же испарилась.

Даже почти оглохнув от взрывов, я всё равно слышала эхо Грома Спитфайр, разносившееся по Мэйнхэттенскому побережью. Два

Стальные Рейнджеры упали, умерев раньше, чем коснулись земли. Третий выпустил ещё две ракеты. Я видела, как Ксенит проскакала мимо меня, уклоняясь от них, упёрлась передними копытами в землю и, развернувшись всем телом, лягнула рыцаря в шлем с такой силой, что у него хрустнула шея.

Когда она обернулась ко мне, я увидела, что в зубах у неё был зажат небольшой пузырёк. Она бросила его. Пузырёк разбился об землю, и парковка начала заполняться дымом.

Я с трудом поднялась на ноги, сражаясь с болью, пронзавшей многие части моего тела. ПипБак посылал мне медицинские предупреждения. Некоторые из моих порезов были довольно глубокими, и я быстро истекала кровью. Сортировщик инвентаря немедленно поместил в пределы досягаемости остатки медицинских припасов, которые я ранее забрала у Вельвет Ремеди. Я приняла последнее болеутоляющее и выпила исцеляющее зелье.

Новые взрывы прорвали землю недалеко от меня, отбросив меня назад. Я ударилась головой о бетон с достаточной силой, чтобы это оглушило меня. Стальные Рейнджеры, остававшиеся до этого в укрытиях, вышли на позиции, с которых по нам можно было открыть огонь. В ушах звенело, а зрение у меня помутилось, но я всё равно различала звук пулёмётной стрельбы.

Дым и пыль затуманивали мой взор, но Л.У.М. по-прежнему отмечал цели. Я не представляла, что же случилось с Ксенит. Я огляделась, старательно моргая глазами, чтобы очистить их от песчинок бетона, но нигде не могла её увидеть. Не было даже дружественного огонька, который мог бы отметить её на компасе.

Ещё один дружественный огонёк вспыхнул на компасе, одновременно с ужасным звуком, потрясшим воздух. СтилХувз снова поднимался на ноги в вихре невиданной некроромантической энергии. Кантерлотские Гули не остаются лежать мертвецами. Их нужно обратить в пепел или расчленить, чтобы удержать на земле.

Я испытывала одновременно радость и ужас, ещё больше страшась предстоящего похода в Руины Кантерлота.

Кто-то полз ко мне — дружественный огонёк на моём компасе. Я обернулась, ожидая увидеть Ксенит. Это была единорожица-писец. Она тащила себя по разбитому асфальту, оставляя позади красную полосу из разодранного бока: взрывом ей оторвало ногу.

— Я... — сказала она слабо, вглядываясь в меня так настойчиво, как будто от этого зависела её жизнь, — ...не... понимаю...

Но её жизнь не зависела от меня. Она уже была окончена. Во второй раз за тот день я дала болеутоляющее (всё, что у меня осталось) той пони, которая должна была быть моим врагом.

Я обнаружила, что лежу на соломенной подстилке на главной площади Арбы и наблюдаю за скачущими по своим делам разноцветными пони. Многие останавливались, чтобы махнуть копытом в знак приветствия, или подходили поздороваться. "Самый дружелюбный город в Пустоши" — гласил их лозунг, и судя по всему, они в самом деле жили в согласии с ним. Как сказала мне одна пони (взаправду уродливая кобылица красновато-коричневого цвета с отсохшей левой задней ногой и кьютимаркой, напоминавшей кастрюльку): "Ну должны же мы быть в чём-то хороши. Во всём остальном этот город отстоен. Так что, возможно, мы и есть его лучшая часть, верно?"

Фасады всех магазинов были заколочены, за исключением зданий "Быстропомощь Хелпингхуф" (где окна были обклеены пожелтевшими листовками и постерами) и "Комиксы Добродетели" (где не то что окон — фасада уже не было). Однако город, очевидно, не был брошенным: в нём жили почти полдюжины семей.

Этой ночью мы могли бы заночевать у них. Добрые пони Арбы настояли на том, чтобы любезно принять нас как гостей за спасение торговца этим утром.

Я была слишком слаба, чтобы спорить. Или вообще что-либо чувствовать. Отчасти из-за болеутоляющих, которыми меня накачала Вельвет Ремеди, перед тем как обмотать бинтами, словно музейный экспонат. Приходите поглазеть на редчайшую мумию Обитателя Стойла. Но остерегайтесь проклятия.

Я не могла вспомнить, чем закончился бой. Как и большую часть из того, что связано с единорожицей-писцом, будто её просто вычеркнули из этой жизни. Я получила сотрясение. Вельвет Ремеди предупредила, что у меня могло возникнуть помутнение.

— Ещё раз спасибо за вашу любезную помощь, незнакомец, — говорил Каламити купец. — Мне был бы конец, если бы вы не вмешались.

Вельвет Ремеди подбежала ко мне словно бы из ниоткуда. Она нежно поцеловала меня в рог, как если бы я была её маленьким жеребёнком.

— Как твоя голова?

Я буркнула в ответ. В голове было полно стонающих теней.

— Ты будешь в порядке, Литлпип, — сказала она успокаивающе. — Просто отдохни. — Произнеся это, она вздохнула. — Хотя кому я это говорю?

— Где вы сейчас были? — спросила я, меняя тему.

— Помогли торговцу подлечить браминов, — ответила она, показав на двухголовых животных. — В одного попало несколько пуль, а у другого осколок стекла застрял в копыте. Прежде чем первый поднимется на ноги, пройдёт день или два, так что сегодня торговец разделит с нами трапезу.

Я кивнула.

— Это любезно с твоей стороны. — Сама же я недоумевала, как можно заметить кусочек стекла под чьим-то копытом. Ну, в смысле, копыта же на земле стоят, верно?

— А, так она сама мне сказала, — непринуждённо ответила Вельвет, когда я озвучила свой вопрос. Она снова поцеловала меня в лоб и предупредила: — Я пойду посижу с Каламити. — После чего неспешно ускакала, оставив меня в раздумьях, когда это она успела научиться разговаривать с животными. Голова у меня не варилась как следует, и я была уверена: что-то я упустила.

Поднявшись, я огляделась по сторонам. Делать мне было нечего, а большее, на что я была сейчас способна — разве что пристрелить кого. Так что я включила ещё одну аудиозапись неизвестной охранницы магазина.

"Весь день провела на дне рождения своей племяшки. Поначалу, честно говоря, я хотела, чтобы меня вызвали на службу, но, само собой, ничего не происходило. Меня всё же так и подмывало изобразить ложный звонок. Знаю, это ужасно и эгоистично, но Дарлин страдает от симптомов Невроза Военного Времени, а я ничем не могу ей помочь. Мне пришлось как дура просто беспомощно стоять и, бросая вместе с сестрой озабоченные взгляды на Дарлин, покуда она ходила взад и вперёд по комнате, выслушивать её ворчание: 'Ну и что с того, что сегодня мой день рождения? Завтра мы все можем быть мертвы. Меня бесит эта война! Почему всё должно быть именно так? Неужели уже поздно прийти к мирному решению? Уверена, среди зебр есть и хорошие.' Праздничного настроения не было ни у кого.

По словам сестрёнки, депрессия Дарлин началась ещё несколько месяцев назад, и ей никак не удаётся вытащить её. Она

возлагала большие надежды на то, что день рождения поднимет настроение девчухи, но на деле она только больше замкнулась в себе. У моей сестры уже нет идей. Я посоветовала ей обратиться в Министерство Мира. Дарлин нужна помощь, которую мы оказать не в силах."

Одна из арбинок подбежала ко мне с флягой, висевшей на шее.

— Не хотите ли воды?

Я поняла, что во рту у меня совсем сухо, и кивнула. ПипБак тихо затрещал, когда я перенесла к себе по воздуху предложенную флягу. Кобылица, казалось, смотрела с извиняющимся взглядом.

— Боюсь, у нас есть только грязная вода. Очиститель опять не работает. Уже целую неделю. Мы собрали сколько смогли дождевой воды, но она для детей.

Я понимающе кивнула и сделала небольшой глоток. Ровно такой, чтобы не показаться невежливой и лишь смочить рот. Но вспомнив, что может случиться, шанс выпить хотя бы такой воды нам мог выпасть ещё не скоро, я глотнула побольше. Одни Богини знали, какая вода нас ждала в Кантерлоте. Наши запасы чистой воды Вельвет пополняла только в Тенпони.

— КЫШ! ТАЩИТЕ СВОИ ЖАЛКИЕ ШКУРЫ ПРОЧЬ ОТСЕДОВА! ВАМ ТУТ НЕ РАДЫ!

Я подпрыгнула на месте, услышав этот вопль, доносившийся с чердака бывшей Кондитерской Кастарда.

— Деда Рэттл^[1], сейчас же вернитесь в свою комнату! — так же криком ответила ему кобылица.

— ПШЛИ ВОН! ПШЛИ ВОН, И ШОБ КОПЫТА ВАШЕГО ЗДЕСЬ БОЛЬШЕ НЕ БЫЛО! — кричал сердитый старый жеребец, левитируя перед собой палку и угрожающе ею покачивая. — У МЕНЯ ЕСТЬ ДРОБОВИК!

У него была палка.

Кобыла выглядела смущённой.

— Пожалуйста, не обращайтесь внимания на дедушку Рэттла. Он слегка не в своём уме.

В окне наверху появилась та зелёная кобылица с оранжевой гривой, с которой я уже говорила раньше, и бережно, но настойчиво оттащила от него старого жеребца вглубь комнаты. Первая пони, взяв обратно свою флягу, смущённо улыбнулась и ускочила прочь.

Я тряхнула головой, чувствуя небольшое головокружение, и осмотрелась в поисках друзей. Я взглянула на спящую Паерлайт, усевшуюся на старом торговом знаке над местом, где были привязаны брамины. Она мягко светилась, почти вылечившись, во сне избавляясь от ран. Я подобралась поближе, восхищаясь приглушённым величием спящего феникса.

Я нажала на следующую аудиозапись в дневнике.

"Сегодняшний день стал последним этапом продолжительной войны между Мистером Бинсом и Ямокка Джо, и нужно сказать, мне совсем не нравится, куда она ведёт. Ямокка Джо угрожает подать в суд на Мистера Бинса за его последнюю рекламную кампанию, чей лозунг был: 'все наши зёрна выращены в Эквестрии'. По словам Ямокки, эта реклама пытается выставить Старбакс в непатриотичном свете, подразумевая, что некоторые их зёрна могли прийти и с земель зебр. Я пыталась втолковать, что ничего подобного в этой рекламе нет, но он не слушал.

Я говорила с Мистером Бинсом об этой новой рекламе, и он сказал (цитирую): 'Эй, я не говорю, что его зёрна зебринские. Я говорю ток, ну знаешь, разве ты в курсе откуда его зёрна? Конеш нет. Но наши зёрна чистые, стопудово патриотические зёрна, выращенные пони для пони. И эт всё, что я говорю, лады?'

Просто потрясно. Мистер Бинс напомнил мне, что зима уже на носу и что зима закаляет и ломает пони в кофейном бизнесе. Ему нужна была любая мелочь, что можно использовать против Старбакса. Я сказала ему, чтобы он попробовал делать кофе, который не был на вкус, как будто его профильтровали через что-то, чем мул вытер зад.

'Но кофе таким и должен быть!' — ответил он мне."

Сэнди Шор.

Так звали сына того черношкурого бандита. Я поглядывала на него, сидя за одним из уличных столиков на главной площади Арбы и склонившись над миской мясного рагу, которым нас любезно угостили добрые пони Арбы.

Сэнди Шор был апатичным, медлительным и чрезвычайно замкнутым в себе пони. Сейчас он не плакал, но глаза его были красными от пролитых ранее слёз. Взгляд его был прикован к миске, но он смотрел на неё безо всякого интереса. Я его понимала. Хотя мясо действительно было изумительным ("радигаторы — вкуснятина"), но у меня совершенно не было аппетита. Я положила ещё ложку в рот, машинально пережевала и проглотила.

ПипБак тихо потрескивал. Мясо было потушено в слегка облучённой речной воде. После дозы радиации в доме Гамми я не особо переживала о незначительном её количестве в "грязной" воде похлёбки. Я немного переживала за жеребёнка, но догадывалась, что ему доводилось принять и большую дозу. И не раз. По крайней мере, вода в стакане у него была чистой — дождевой.

— А что здесь пользуется спросом? — услышала я Вельвет Ремеди. Они с Каламити по-дружески болтали с несколькими арбинцами и торговцем за соседним столиком.

СтилХувз сидел рядом, охраняя Старейшину Коттэдж Чиза в его медкапсуле, а ремонтные заклинания в его броне потихоньку заделывали зияющие отверстия, оставленные противотанковыми орудиями Амарант. Как именно он собирался теперь поступить со Старейшиной, я не знала. Полагаю, он сам — тоже.

— Нам постоянно нужны запчасти для этого сраного очистителя воды, — сказала ей Эмеральд Файр^[2] — уже знакомая мне зелёная кобылица. — И запасы Антирадина, тем более, когда эта хрень ломается. Что обычно происходит по чётным и нечётным дням недели. Помимо этого? Да обычные припасы. А, и ёбаная Богиня, нам бы хоть рулон туалетной бумаги!

Богиня? Только одна? Или они в самом деле почитали Эту?

Вельвет Ремеди тоже обратила на это внимание:

— Богиня? — вежливо спросила она.

— Ага, ну знаешь, Единство и прочая там херня. Мы будем сплочены как единое целое, разве не так? — Эмеральд Файр произнесла это так громко, что за соседними столиками раздался смех, и она спешно понизила голос. — Пару лет назад у нас был один её странствующий проповедник. То был плохой год, и мы нашли в нём хоть какое-то утешение.

Вельвет Ремеди кивнула и сменила тему:

— Так что же есть у вас для бартера?

— Мясо, — гордо ответила молочая кобыла. — Добытое потомственными охотниками на радигаторов. — Охотница ударила себя копытом в грудь. Теперь я поняла, почему она просила нас не убивать монстров в инкубаторе. Гигантские радигаторы были их способом к существованию.

Я начала выпадать из беседы. Появились проблемы с концентрацией. Я опустила взгляд на тарелку и поняла, что съела больше, чем полагала. Моя голова пульсировала, даже несмотря на обезболивающее.

Сэнди Шор покинул стол и побрёл к части магазинной аллеи, некогда бывшей частью Быстропомощи Хелпингхув. Среди потускневших постеров и рекламных плакатов, оклеивших окна, я заметила один серый с чёрными буквами:

Помни, что отличает

Пони и зебр.

Не полосы. Не кюти-марки.

А то, что внутри.

Есть хорошее лишь в Нас!

Ни изображений. Ни упоминаний Министерств. Почти наверняка местного производства. Смущение сумело преодолеть мою нечувствительность. Я надеялась, что Ксенит не видела его. Я посмотрела туда, где она ела еду собственного приготовления. Одна, рядом с браминами торговца, у одного из них вокруг ноги виднелась повязка, наложенная любезной Вельвет Ремеди.

— Что за метки на твоих боках? — услышала я вопрос Каламити, когда встала из-за стола и направилась к Ксенит. — Они похожи на клеймо. — В его тоне были странные нотки.

— Ага. Это метка Арбы, — сказала ему кобыла горделиво. — Мы получаем такую, после того как съедим сердце своего первого убитого. Только пони с меткой Арбы имеют право голоса в городском совете...

Я присела рядом с Ксенит, отстраняясь от беседы остальных присутствовавших. Всё равно сосредоточиться на ней мне было непросто. Вероятно, из-за контузии. Или, возможно, она просто не показалась мне такой уж важной. Довольно сложно таким мелочам показаться важными, когда я сквозь слёзы продолжала видеть, как Сэнди Шор обнимает своего отца. Или кобылу, чей глаз стал жутким солнечным затмением. Или единорожицу-писца, убитую своими же Рейнджерами ради своеобразного политического хода, всё ещё мне непонятного.

Я посмотрела на то, что ела Ксенит.

— Пожалуйста, скажи мне, что они не отказали тебе в еде, — сказала я, чувствуя, как мой загривок покрывается мурашками.

— Нет, — ответила она просто. — Я приготовила для себя и медицинской пони. Ни одна из нас не любит тушёное мясо. Я просто надеюсь, что никого не оскорбила.

О. Ах да. В этом был смысл.

— Мы должны извиниться перед тобою, — искренне ответила я.

— Почему?

— Ну... потому что... — Я оглянулась в сторону плаката. Может, она ещё не заметила его.

— Это написала не ты. — Вот гадство, она заметила. — И никто из ныне живущих пони, здесь или где бы то ни было. Ты не должна извиняться за то, что натворили другие пони задолго до того, как ты могла их остановить.

Моя голова немного гудела, и мне потребовалось какое-то время, чтобы понять, что говорили не только о пони. Я кивнула, выражая понимание.

— Ни один из нас не обвинил бы тебя в тех ужасах, что произошли во время войны. — Я сделала паузу, понимая, что это было не совсем так. — Ну, СтипХувз обвинил бы, но я думаю, что даже он изменит своё мнение. — Мои мысли возвратились к плакату. — Они хотя бы могли закрасить его.

— Масштабы их охоты скоро приведут к вымиранию вида, — сказала Ксенит. И торговать мясом они уже не смогут. Им не позавидуешь — вряд ли кто-то стал бы тратить последние крохи на краску, которую, к тому же, сложно достать.

Я попыталась вспомнить, сколько радигаторов было в инкубаторе. Когда я ожидала, что с ними придётся сражаться, то их казалось очень много. Но теперь, представ передо мной в роли и еды и товара, их число стало совершенно незначительным. Я надеялась, что в реке их было на порядок больше, и неожиданно для себя задумалась, а что же считалось в Арбе "плохим годом".

Мой мозг, казалось, уменьшался. Я заметила, как потеряла чуть-чуть времени. Сзади, за столами, я услышала Каламити, спрашивающего, где находятся те новые могилы. Я почувствовала внезапную ответственность проявить моё уважение по отношению к бандиту, которого я убила, независимо от того, насколько это действие показалось бы смешным или бессмысленным.

— А, мы их ещё не похоронили, — ответил арбинец. — Земля слишком сырая. Тела пока что лежат под замком в подвале клиники.

Эмеральд Файр бросила на жеребца мрачный взгляд. Каламити кивнул. Вельвет Ремеди осторожно кашлянула:

— А не туда ли, случаем, отправился Сэнди Шор?

— Не волнуйтесь, мисс. Подвал заперт на замок, и без ключей никто не сможет туда пройти.

Именно так. Поскольку, очевидно, единственной пони на всей пустоши, которая может вскрывать запертое, являюсь я. Нет, подождите, должен был быть кто-то другой. Вероятно, кто-нибудь из Филлидельфийских Стальных Рейнджеров. Или, возможно, кто-нибудь, кто работает на Красного Глаза.

Я замерла, неожиданно осознав, что моим соперником-взломщиком мог оказаться сам Красный Глаз. С одной стороны, ничто не указывало на достоверность этой догадки, но что-то мне подсказывало, что я была права. Мои собственные чувства были невероятно противоречивы.

Уверенность покинула меня так же быстро, как и пришла. Я пришла в себя смотрящей в лужу, не зная, сколько времени провела в таком состоянии. Я быстро оглянулась. Но все пони были на своих местах. Кроме Сэнди, который угрюмо сидел в углу между клиникой и тёмной стеной с логотипом Старбакс.

Сквозь плотную завесу облаков пробилась длинные лучи заходящего солнца, и на логотипе тут же зажглись огни. Старинный таймер, включивший их, каким-то чудом до сих пор работал, и следом вспыхнули остальные лампочки, вернее их треть, разлившись по торговому центру разноцветными лужами света. Мне на глаза попала вывеска, на которой надолго задержался мой взгляд. На ней были изображены две привлекательные кобылицы-близняшки, одна с гривой кремового цвета и шкуркой — кофейного, а вторая с такой же коричневой гривой и кремового цвета телом. Они сплетались в тесных объятиях, подобно тому, как их хвосты, переплетаясь, обвивались вокруг кружки кофе с эмблемой "Старбакс", а сзади их подсвечивали мерцавшие лампочки, которые, казалось, вот-вот моргнут в последний раз и больше уже не зажгутся.

Разум тут же подсунул мне подходящий слоган: "Купите нашего кофе, и сможете посмотреть, как мы лижемся."

— Что что? — спросила Ксенит. Я покраснела от смущения, поняв, что сказала это вслух.

— Ммм... ничего. Просто заметила кое-что. — Я вздрогнула и быстро уточнила: — В кафе, там.

Ксенит проследила за моим взглядом.

— А кто кого лягает: звёзды их или наоборот?

— Мне кажется, они друг другу, — ответила я, и только тогда поняла, что её внимание привлекли не две пони-лесбиянки, а название кофейни "Старбакс^[3]". Я подумала было повернуться, чтобы увидеть её выражение лица, но не могла оторвать взгляд от вывески.

— Ты в порядке, малышка?

— Контузит, — ответила я. И затем, руководствуясь понятной лишь мне одной логикой, перескочила на другую тему: — А Вельвет Ремеди теперь с браминами разговаривает.

— Ага. Она действительно добрая пони, — ответил один из браминов. — Очень любезная.

Я начала кивать.

— Да, она действительно... шозафигня!? — Я подскочила, запнулась об Ксенит и шлёпнулась на собственный хвост.

Правая голова брамина улыбнулась мне, в то время как левая продолжала самозабвенно жевать свою жвачку.

— Т-ты можешь говорить? — пробормотала я и покраснела. — Прости. Я не знала, что брамины... ну...

— Разумны? — спросила меня браминья голова, пока я поднималась, глядя на Ксенит. Зебра лишь покачала головой.

— Эм... да, — призналась я, чувствуя себя неразумным жеребёнком.

Она хохотнула.

— Не каждый из народа пони пытается заговорить с нами. Не то чтобы я виню тебя. Большинство из нас тупы как пробки. Не так ли, Герберт? — сказала она, глядя на свою другую голову.

Другая голова продолжала жевать. Я посмотрела на Ксенит, но та просто с забавой глядела на меня.

— Нда, особо с ним не поболтаешь, — угрюмо произнесла первая голова.

— Вы... эм... я... — Я чувствовала себя глупо. — Простите. Контузия. Башка не варит... эм... я Литлпип.

— Ну приветик, Литлпип. Я Бэсс. А это, моя другая половинка — Боб.

— Боб? — переспросила я, удивляясь, как две головы одного брамина могут быть разного пола. Я оглядела Бэсс — на брамине было несколько повязок; одна из тех, что на ноге — наложена с любовью и профессиональным искусством Вельвет Ремеди. Брамин, судя по выпирающему вымени, была женского пола.

Хотя я не могла припомнить, чтобы мне когда-нибудь встречались брамины-самцы. Не то чтобы я обращала на это особое внимание.

— Агась. Боб, — сказала мне брамин. — Я зову его Гербертом, просто, чтоб он понервничал.

— О-о. — Судя по Бобу, не было ничего такого, что могло подействовать ему на нервы. Я даже не уверена, был ли Боб в курсе, о чём вообще речь.

— У большинства браминов один мозг на двоих. Каждому по половинке. А мне повезло. Если ещё и перспективу провести всю свою жизнь рядом с Бобом можно так назвать. Так или иначе, ещё раз поблагодари ту пони, что латала мою ногу. Она милая. Отлично справилась.

* * *

"Вчера Дарлин увезли пони из Министерства Мира. Скорее всего, она сейчас в Мэйнхэттене, в центре по лечению Невроза Военного Времени. Мне удалось достать месячный проездной на Линию Луны, теперь смогу проводить её каждый день.

Сегодня выпал первый снег. Зима приносит свои проблемы в торговый центр. Теперь я занимаюсь уборкой снега с тротуаров и крыш, а также посыпаю дорожки солью, так что ещё никто не пострадал. У кофейен бизнес идёт в гору, другие же магазины страдают от сезонной потери клиентов. Только постоянные покупатели не страшатся снега.

Поймала пару хулиганов, рисующих порочащие Принцессу Луну вещи на заднем дворе Солнечных Пузырьков. Один из преступников попытался сослаться на НВВ как на причину, побудившую его к таким действиям. Это меня просто взбесило. Член моей семьи действительно страдал от такого. Я устала смотреть на то, что пони используют НВВ как оправдание для своего плохого поведения. Поэтому, когда второй ублюдок наставил на меня баллон с краской, я наконец получила шанс использовать шокер. Его всё ещё трясло, когда полиция прибыла.

Весь день потратила на составление отчётов. Грёбаний пудель миссис Везер помочился на мою ногу, пока я разговаривала с офицером. Мне по-настоящему хотелось хорошенько приложить этого маленького монстра."

Как только запись закончилась, я не спеша направилась к столику, где Вельвет Ремеди и Каламити всё ещё болтали с местными пони. Торговец закончил трапезу и уже раскладывал спальный мешок прямо у разбитой витрины магазина комиксов (зажатого между прачечной и кондитерской). Я узрела ещё один плакат Кобыл-Мечниц прямо над пустыми полками.

— В пятый раз в этом году сгорел этот треклятый водный фильтр. Честно говоря, я думаю, что эта чёртова хреновина просто безнадёжна. Мы постоянно его латали, чинили и надёжно скрепляли скотчем, но есть то, что есть, — рассказывала Эмеральд Файр Каламити. — Когда он окончательно скопытится, я даже не знаю, что делать. Мы уже пытались договориться со Стальными Рейджерами, чтобы они позволили нам воспользоваться их водным талисманом, но нам отвечали только потоками свинца.

— Погодите-ка... — Я взглянула на тёмный силуэт Брыклинского Креста. Немногочисленные огни освещали затенённый пирс, который возвышался над водной гладью немного ниже по течению от Арбы. Повернувшись к СтипХувзу, я спросила: — В ту часть моста построили водный талисман?

— Нет, — с лёгкой насмешкой ответил СтипХувз. — Но Старейшина Коттэддж Чиз привёз несколько штук после его налёта на больницу Министерства Мира недалеко от Города Дружбы.

— Города Дру... — Я прервалась. — Минуточку, их было несколько?

— Да. Даже тогда, я думаю, он имел на них планы.

— ВАШУ МАТЬ! — закричал дедуля Рэттл с чердака. — ВЫ, МУДАКИ, ВСЁ ЕЩЁ ЗДЕСЬ? ПРОВАЛИВАЙТЕ ИЗ АРБЫ, ПОКА НЕ ПОЗДНО!

Эмеральд Файр уткнулась лицом в копыто.

— Никто не желает его заткнуть? — Несколько пони, включая одноглазую молочного цвета кобылу, поспешно ретировались.

— У МЕНЯ ЕСТЬ ДРОБОВИК!

Не обращая на него внимания, я обратилась к Эмеральд Файр:

— У них несколько водных талисманов, и они не дали Вам чистой воды? — Мысленный туман рассеялся, концентрируясь в смертоносный пучок.

Зелёная пони (с миленьким пламенем в качестве кьютимарки над клеймом Арбы) закивала.

— Нам особо нечего предложить. Сейчас не сезон радигаторов. Но из того, что есть, нам удаётся наменять на чистую воду.

Во мне уже закипала ярость.

— Да почему вообще вы должны её покупать? Это же вода! Она жизненно необходима.

СтилХувз встал на дыбы, а Каламити подпрыгнул.

— Эй, эй, Лил'пип, — заржал Каламити, подлетев ко мне. — Что плохого в том, чтоб продать нужные вещи, ежли есть хорошая возможность. — И торопливо прошептал: — Ежли помнишь, народ здесь живёт продажей мяса.

СтилХувз тихо заржал себе под нос.

— Эплджек продавала яблоки. Тебе что-то не нравится?

Я остановилась, спохватившись. В Стойле все жизненные потребности предоставлялись Стойлом. Необходимая еда, питьё, место для проживания, даже одежда. Кроме того, все обеспечивались работой согласно особым талантам. Мы платили только за роскошь. Либо пособием, выдаваемым Смотрительницей, либо деньгами, полученными от прибыльных хобби. Но то, что годилось для Стойла Два, не годилось для Эквестрийской Пустоши. Тем не менее, я не могла не злиться на отказ Стальных Рейнджеров.

— Это совсем другое, — настаивала я. — Вы говорите о пони, которые работают за то, что они продают. О пони, которые, охотясь, рискуют жизнью и конечностями. Даже садоводам приходится потрудиться, чтобы вырастить овощи. Но Стальные Рейнджеры... это же водный талисман, он свободно обеспечивает водой. Они ведь даже не создавали его, просто украли!

— Подобрали — коротко поправил Каламити.

— Ладно. Подобрали. Будем считать, что и они потрудились, чтобы достать его. Но это не значит, что они не должны поделиться! — сказала я, всё повышая голос. Внезапно в моей голове всплыла эта дурацкая песня: "Нужно делиться, договориться. Это верный совет, чтобы найти решенья свет." Я терпеть не могла этот мотив, но в тоже время слова просто потрясли меня своей мудростью.

В стакане у Сэнди Шора была чистая дождевая вода. Но что дальше, когда её запасы подошли бы к концу, а водный фильтр по-прежнему не желал бы работать? Я убила отца бедного жеребёнка. Меньшее, что было в моих силах — это позаботиться, чтобы, блять, вода, которую он пьёт, не была отравлена. Теперь это было моим долгом перед малышом. И я оставалась ему должна ещё гораздо, гораздо больше.

— Литлпип, — осторожно спросила Вельвет Ремеди. — О чём ты думаешь?

— Пакуйте Старейшину Коттедж Чиза, — рявкнула я СтилХувзу. Раз уж я лидер группы, то я, чёрт возьми, собиралась вести её. — Мы выдвигаемся к Брыклинскому Кресту. И в этот раз мы не отдадим Старейшину им бесплатно. Мы его обменяем.

СтилХувз заржал.

— Учитывая случившееся днём, думаешь, им так уж нужен собственный Старейшина? — Он подошёл ближе. — Я думал об этом весь вечер, Литлпип, и уверен, они надеялись, что его смерть будет на наших копытах. Или, по крайней мере, так можно было бы заявить, не встретив серьёзного сопротивления. Мёртвый, он — мученик, погибший за их правое дело. Живой — Старейшина, без конца посылающий Стальных Рейнджеров на смерть в Руины Кантерлота, Старейшина, чьё руководство привело Мэйнхэттенское подразделение к развалу из-за его потуг во чтобы то ни стало захватить Стойла Два и Двадцать Девять.

Я не отводила от него взгляда, осмысливая услышанное.

— Думаешь, они снова нападут?

— Вероятно.

— Хорошо, — прошипела я.

— Литлпип! — ахнула Вельвет Ремеди.

Я повернулась к ней.

— Не я начала это, но я это закончу. Мы уйдём с Брыклинского Креста только с водным талисманом. — Я нахмурилась. — Даже с двумя. Ещё один возьмём для Стойла Двадцать Девять.

Каламити мотнул головой.

— Лил'пип, подумай как следует. Ты подпишешь Арбе смертный приговор. — Я отшатнулась, поражённая его словами. — Сейчас Стальным Рейнджерам до её жителей нет никакого дела. Дашь им водный талисман — дашь Рейнджерам повод сунуться сюда. И ты знаешь, каким методом они заберут желаемое.

Я поморщилась, подумав об атаке Стальных Рейнджеров на Стойло Два.

— Я. Не. Забыла.

Вельвет Ремеди съёжилась, её мягкий голос всё ещё немного дрожал.

— Литлпип... Я знаю, откуда это исходит. Часть моего сердца тоже хочет отомстить за них. Но это не правильно.

— Нет, — топнула я. — Я считаю, что это правильно. И я считаю, что уже, бля, пора. — Я посмотрела на своих друзей. Они глядели на меня с беспокойством. Может, даже со страхом. — Я пойму, если вы не захотите пойти со мной в этот раз. Я не стану относиться к вам хуже.

Ксенит держала язык за зубами, как и все предыдущие годы. Не произнеся ни слова, она встала по бок от меня. Каламити встряхнулся и расправил крылья.

— Я не говорил, что не пойду. Всё, что я хочу сказать — это что надо действовать с умом. Отсюда не так далеко до Города Дружбы. Возьмём там один талисман, и Вельвет уговорит их на такую сделку, чтобы у пони Арбы были все права на воду.

Я кивнула. План Каламити звучал гораздо лучше, чем мой.

— Так ты в деле?

— А то как же, — ухмыльнулся Каламити. — Думаешь, я просто так прошляплю очередное твоё приключение? Мало я ныл, что не хочу отсиживаться в стороне?

Вельвет Ремеди уткнулась лицом в копыто.

— Кто-нибудь должен остаться с Паерлайт... — начала она. Потом вздохнула. — Но вас же там убьют без меня. — Она строго посмотрела на меня: — И мне всё это не нравится. Я собираюсь проводить переговоры, и не думаю, что сейчас кто-либо из вас дипломатически настроен по отношению к Стальным Рейнджерам.

— А ты? — спросил её Каламити.

— Нет, — признала Вельвет. — Но в отличие от вас, я могу притвориться.

"Провела время сегодня с сестрой, заполняя заявки на место в одном из убежищ Стоил-Тек. Первоначальный взнос съел большую часть моей зарплаты, но это будет стоить потраченных усилий, чтобы на одно беспокойство у моей сестры стало меньше. С тех пор как забрали Дарлин, сестрёнка как будто ускользала от меня. Я думаю, что она пила, хотя в её дыхании я ни разу не почувствовала ничего подозрительного.

В этом месяце я навестила Дарлин дважды. Она определённо выглядела лучше, и к ней возвратилось её хорошее

настроение. Что бы Министерство Мира ни делало с ней, это, кажется, работает. Она почти вернулась в норму. Вот только я заметила в ней что-то не то. Она, кажется, стала забывчивой. Я спросила о вечеринке в честь её дня рождения, но в ответ она промолчала и потом сказала, что не помнит о ней. Сотрудница, с которой я поговорила в больнице, сказала, что временная потеря памяти — это побочный эффект её лечения.

Честно говоря, я была так рада увидеть улыбку моей сестры, что не придавала этому значения.

Повстречалась с одним из тех маленьких хулиганов, застуканными мною за распылением краски пару месяцев назад. Он прилично выглядел, был одет с иголочки, с роскошно расчёсанной гривой. Он остановил меня, чтобы поблагодарить за то, что я наставила его на путь истинный. Я была так ошарашена, что только ответила, что мне было приятно это слышать. На вопрос, как дела у его приятеля, он отвёл взгляд, говоря что-то о том, что старается не поддавать под плохое влияние.

Ситуация в торговом центре становилась всё интереснее. Мистер Бинс и Ямокка Джо возобновили свои рекламные войны. На прошлой неделе я ожидала получить очередной нагоняй от Мистера Бинса, за то что Ямокка смонтировал ту подговаривающую к копытоприкладству вывеску (и именно об этом все подумали) с "горячими и пылкими" близняшками Эспрессо и Латте в кафе Старбакс. Но казалось, это забавляло его.

Почему, выяснилось вчера, когда над Чашкою Джавы засияла новая вывеска. Конечно она была не столь 'горяча', как у конкурента, но она была огромна! На глаз процентов на двадцать больше, чем у Старбакса. Всё было выкрашено в патриотические цвета с изображением принцессы Луны в углу с одобряющим призывом к публике: 'Лучший инструмент держаться в тонусе всю ночь.' Я задалась вопросом, имел ли он разрешение, чтобы пользоваться образом Луны.

Ямокка Джо потратил большую часть дня, пытаясь убедить меня, что новая вывеска Чашки Джавы слишком уж большая, что она не отвечает нормативам, да и вообще приближается выюга и всё сметёт. Я сказала ему, чтобы он писал свои жалобы в районный департамент."

Солнце уже клонилось к закату, когда Небесный бандит подлетал к чернеющему силуэту Брыклинского Креста.

— Ох бля! — крикнул Каламити, резко потянув в сторону, так как на нас нацелилось полдюжины турелей. Не успели они открыть огонь, как Вельвет Ремеди уже накинула на Каламити магический щит. В следующее мгновение воздух наполнился потоками пуль и разноцветных лучей.

Я сконцентрировалась, мой рог засветился, в то время как Вельвет Ремеди создавала над нами свою защиту. Свет моей магии замерцал вокруг каждой турели Брыклинского Креста (именно вокруг каждой, а не только тех, что стреляли по нам). На всякий случай я расширила поле также и на роботов-часовых, которых видела на мосту.

Каламити танцевал в небесах, стараясь уберечь Небесный Бандит от значительных повреждений и закрывая нас своим телом от огня орудий. Щит вокруг него принимал на себя так много выстрелов, что походил на фейерверк.

Я усилила концентрацию, работая так быстро, как только могла. Я знала: я способна сделать это. Я эффективно делала это прежде. Только вчера ползала под Небесным Бандитом, заменяя спарк-батареи. У меня были необходимые знания. Это было легко... но требовало больше времени, чем я предполагала.

Щит Каламити ослаб, поток пуль пробил его и прошёл вскользь по боку пегаса, оставив раны хоть и размером с царапину, но числом более дюжины. Он взвыл. Тут же мы опустились на несколько метров из-за того, что он ненадолго забыл о полёте. Каламити расправил крылья и поймал воздух вновь, как только Вельвет Ремеди набросила ещё один щит так быстро, как только могла.

Все турели отрубались одновременно. Я вскрыла телекинезом энергоблоки и вытащила спарк-батареи. Они отключились. Как и роботы-часовые.

Я нахмурилась, левитируя несколько десятков спарк-батареи к Небесному Бандиту. Я хотела оставить Стальным Рейнджерам все шансы поступить правильно. И если сегодняшний обмен был первым страйком, тогда это был номер два^[4].

Каламити поднял нас в воздух и полетел на посадку.

"Сегодня моей сестрёнке пришло письмо из Стойл-Тек. Она рыдала над ним, когда я вернулась с работы. Меня приняли, её — нет.

Мне прислали специальный передатчик. Как только на него поступит вызов, я отправлюсь в Стойло Тридцать Четыре. Согласно письму, передатчик является моим пропуском, и его настоятельно советуется не терять. Я предложила его и, соответственно, своё место в Стойле сестре, но она отказалась. Сказала, что в любом случае никуда не уйдёт. Если объявят тревогу, она попытается найти Дарлин.

Большую часть вечера я провела в мольбах и уговорах, а сестра в это время напилась до беспамятства. Я до полуночи рыдала и пыталась убедить себя в том, что всё это на самом деле не имеет значения. Всё равно Стойла никому и не понадобятся. Зебры ни за что не посмеют использовать мезааклинания в качестве оружия. Это будет означать верную смерть — как нашу, так и их самих. Осталось только в это поверить.

Работа стала отнимать всё свободное время, что нисколько не радует. Хоть я и не думаю, что так будет продолжаться долго. Старбакс по-прежнему переманивает к себе клиентов Чашки Джавы, и мистер Бинс уже начал отчаиваться. Сегодня он добавил в свою кофейню новый торговый автомат Айроншод Аммо Эмпориум. Теперь вы можете купить порцию кофеина и патроны в одном месте.

Ни к чему хорошему это не приведёт."

Как только мы приземлились, Вельвет Ремеди наскоро создала перед Небесным Бандитом щит, разместив его между останками нескольких повозок, и уже после этого вышла наружу.

К нам приближалось несколько Стальных Рейнджеров. Из боевого седла одного из них вылетела ракета и врезалась в щит, который тут же исчез, лишний раз напомнив об ограниченности нашей силы магии единорогов.

— **Приветствую, Стальные Рейнджеры!** — сказала Вельвет, магически усилив свой голос. — **Мы пришли с миром для переговоров о безопасном возвращении вашего уважаемого Старейшины.**

Я была готова простить им ракету. Но если бы они выстрелили в Вельвет после её приветствия, это был бы уже третий страйк.

Стальные Рейнджеры перешли на рысь. Они не стреляли. По крайней мере, пока.

— Брыклинский Крест является собственностью Стальных Рейнджеров, — крикнула одна из них, голос был усилен её броней. — Немедленно покиньте эту территорию. Все переговоры будут позже.

— Я знаю, что это за место, рыцарь Риверсид, — заявил СтипХувз, выходя из фургона и становясь рядом с Вельвет Ремеди. — А

вам не помешало бы знать своё. Вас удостоили присутствием двое Старейшин, и один из них к вам обращается.

— 3-звёздный П-паладин СтилХувз? — спросила рыцарь-кобылица, явно узнавая характерный голос СтилХувза. Она запнулась на миг, переминаясь с копыт на копыта. — М-мы больше н-не признаём ваш авторитет. Вы — предатель.

— Нет, я приверженец идей Кобылы Министерства, служитель истинной цели Рейнджеров, — спокойным голосом ответил СтилХувз. — А ты, рыцарь Риверсид — едва завершивший инициацию салага. А ну зови сюда главного!

— Эмм... Это я и есть, сэр.

СтилХувз промолчал. И, беспристрастно:

— Ты шутишь. — Стальные Рейнджеры не сводили с нас взгляда, к трём стоявшим присоединилось ещё трое. Я заметила ещё двоих, вышедших на каменные арки и занимавших снайперские позиции. Голос СтилХувза выдавал его неверие: — Ты ведь шутишь, да?

— Н-нет, сэр, — ответила рыцарь Риверсид, неуверенно принимая боевую стойку. — И боюсь, я в-вынуждена просить вас покинуть территорию.

— Вижу, что боишься, Рыцарь Риверсид, — сказал СтилХувз. — Мы доставили сюда Старейшину Коттэдж Чиза, которого намерены вернуть вам в обмен на два водных талисмана, находящихся здесь у вас. После этого мы покинем Брыклинский Крест. Никак не раньше.

Вельвет Ремеди было заметно некомфортно. Уже было ясно, что её намерение самой вести переговоры растворилось, словно дым. Я активировала Л.У.М. и достала снайперскую винтовку, отметив целями двух пони на снайперских позициях. Даже с моим умением и с заклинанием прицеливания попасть в кого-либо из них было бы весьма сложно. Но я хотя бы могла прижать их на время.

Стальные Рейнджеры выглядели настолько опешившими, насколько для них это возможно, и это при том, что все они были полностью скрыты за бронёй.

— П-простите... что?

— После столь недостойного поступка Паладина Амарант при предыдущем обмене вам ещё повезло, что мы просим так мало за возвращение вашего Старейшины, — без колебаний пояснил СтилХувз. — В которого тогда стреляли ваши же пони, так что будь поаккуратнее со словом "предатель".

Чуть помедлив, рыцарь Риверсид сделала шаг вперёд.

— В-вы же знаете, мы не можем выполнить такие требования. Запрос отклонён. А теперь убирайтесь из нашей цитадели! — Два угрожающе смотревших на нас лёгких пулемёта встроенного боевого седла её брони с щелчком перезарядились. Но на Л.У.М.е она всё ещё была невраждебной. Блеф.

— Так вы действительно собрались атаковать Старейшину с двухсотлетним боевым опытом и командой героев пустоши, победившей дракона? — предостерегал СтилХувз. — Не по-тя-не-те.

— Я не могу дать вам водный талисман, а уж тем более два, — бросила она в ответ. — Ваше предложение абсурдно. А ещё вы нарушаете нашу границу!

Такие интонации обычно предвещают провал мирной операции, однако на Л.У.М.е пока не было красных меток. Всё ещё можно было решить словами. Я начинала всерьёз на это надеяться. Мне было невдомёк, насколько сильно потери в Стойлах Два и Двадцать Девять сократили Мэйнхэттенский контингент Стальных Рейнджеров. Сегодняшнее столкновение, должно быть, окончательно лишило их руководящей верхушки. Остались лишь рыцари, поставленные охранять крепость, и, возможно, кучка писцов.

Но не эти пони напали на Стойло Два. И не они стали по нам стрелять сегодня ранее. И даже в воде для жителей Арбы отказали не они.

БАХ!

Один из снайперов выстрелил в СтилХувза. Тот рыцарь даже не был красным на локаторе. Думаю, это была случайность. Пуля ушла рикошетом от магической силовой брони гуля и угодила в Вельвет Ремеди. Взвизгнув, она упала, и кровь из раны стала заливать её кьютимарку-соловья.

И всё покатило в ад.

— Прекратите стрелять в нас! — крикнула я. — Сдавайтесь!

Две единорожицы, работавшие здесь клерками, паниковали. Учитывая вой сирен и взрывы снаружи, я не была удивлена. Одна из них сотворила слепящее заклинание, которое заполнило всю лестницу мерцающими огнями. Я крепко зажмурилась и вслепую выстрелила в них отравленными дротиками, не желая убивать этих пони. К сожалению, они не проявили в ответ подобного желания.

Треск молнии прорезал воздух, заставив волосы на моём теле встать дыбом и заполнив пролёт запахом озона. Я поднялась выше по лестнице, прижимаясь к стене, почти запинаясь о ступеньки. Одна из единорожиц владела боевыми заклинаниями. Я снова выстрелила, надеясь, что если я в них и не попаду, то хотя бы не подпущу ближе.

Два водных талисмана, за которыми мы пришли, болтались на цепочке на моём роге. Это были поразительно маленькие вещицы, не больше, чем чересчур изысканные ожерелья. Огромные сапфиры в центре их золотой решётчатой конструкции излучали прохладную энергию, но в целом были ничем не примечательны. Я храбро ворвалась во внутренние комнаты причала и взялась за самый сложный из всех замков, которые я когда-либо взламывала. Но моё относительно бесшумное вторжение было провалено, когда включилась сигнализация.

Я чувствовала холодный бриз и отчётливо слышала звук автоматического гранатомёта СтилХувза, сражавшегося с рыцарями с великой долей мастерства, но в той же степени чрезмерной огневой мощью. Когда я прошмыгнула вовнутрь Брыклинского Креста, Каламити вертелся в воздухе, сражаясь с двумя оставшимися охранными танками, с теми, что я пропустила.

Ещё одна молния прорезала воздух и ударила меня прямо в грудную клетку. Моё тело скрючилось от сильной боли. Моя магия лопнула, и оружие кувырком покатило по ступенькам. Я покачнулась, задыхаясь, и выпала в окно.

Свободное падение, всего лишь на долю секунды, но достаточно долгое, чтобы пони в моей голове решила, что я лечу навстречу смерти. Затем я ударилась о металлическую балку. Я открыла глаза, моргая, перед глазами всё плыло и мелькало странными цветами и формами от слепящего стробового заклинания. Я лежала на одном из нижних слоёв, которые формировали решётку под Брыклинским мостом, глядя вверх, на нижнюю сторону дороги.

Холодный ветер дул на меня, неся первые капли ливня. Я посмотрела вниз и тут же пожалела об этом. До земли было чертовски далеко!

Ладненько. Будь очень, очень тихой. Просто левитируй себя обратно в окно, сказала я себе. И нет проблем.

Два единорога-писца появились в окне надо мной, их рога светились. Сгустки магической энергии возле одной из них начали превращаться в жуткие кинжалы.

Я выхватила Малый Макинтош, скользнула в З.П.С. и дважды выстрелила.

Каламити взмахнул крыльями, и Небесный Бандит оторвался от Брыклинского Креста. Остальные из нас забились в пассажирский фургон, после сегодняшнего больше походивший на решето, чем на транспорт. Следующей же остановкой, настоял Каламити, мы должны были одеть наш Небесный Бандит в броню, пока ещё хоть что-то осталось.

Ксенит склонилась к Вельвет Ремеди, тяжело дышавшей во сне. Пуля застряла у неё в боку, и всю битву Вельвет её выковыривала, в то время как Ксенит прикладывала целебные настойки и зебринские припарки, говоря, что они необходимы. Теперь Вельвет была вне опасности, но она потеряла много крови и нуждалась в отдыхе.

В конце концов только два пони Брыклинского Креста сдались. Мы позволили им уйти в одной из лодок Креста. Я наблюдала, как кран опускал их, и вздрогнула от боли, осознавая, как мало пони было в лодке.

Мы раздели павших рыцарей, писцов и посвящённых — всего четырнадцать пони — и соорудили погребальный костёр. Они заслужили это. Я подумала, что, если бы Отступники заняли Брыклинский Крест, мы смогли бы отдать наши водные талисманы Городу Дружбы и Стойлу Двадцать Девять. Но сперва нам нужен был отдых. Пони Арбы предложили нам убежище, и я очень хотела отблагодарить их за это.

Свет погребального костра танцевал в небе. Будто вызванная, зелено-золотая полоса появилась, кружась и делая пируэты в пламени.

Я включила последнюю аудиозапись, которую мне удалось восстановить, пока мы летели во тьме.

"Этим днём я очнулась в госпитале. Судя по всему, я провалялась в хирургии два дня. Поездо ещё, что фирма, увидев, как я получила травму на рабочем месте, оплатила большую часть расходов. Я приняла звонок от миссис Везер, которая исступлённо вопила об убийстве, и бросилась в магазин так быстро, как могла, сказав ей, чтобы она отправила сообщение с терминала в полицию.

У нас прошлой ночью был грандиозный шторм. И когда я туда попала, прачечная 'Солнечные Пузырьки' была черти чем. Оказалось, что Ямокка Джо был прав насчёт этих блядских огромных непристойных вывесок Мистера Бинса. Чёртова штукавина свалилась этим утром, через три часа после окончания шторма, проломив крышу Солнечных Пузырьков. Жертвой 'убийцы', как оказалось, стал хренов пудель миссис Везер. Она кричала и визжала на Мистера Бинса с таким красным лицом, что я думала, она взорвётся, заявляя, что он убил её бедного, маленького ходячего моче-распылителя. Что он запустил проклятую собаку в прачечную, пока она вышла за тортом. Не могу сказать, что я не смеялась.

Я даже не заметила, как эта безумная рогатая старуха достала пистолет. Я всё ещё не уверена, на самом ли деле она стреляла в меня, или пуля предназначалась Мистеру Бинсу и у неё просто сбился прицел. Мне сказали, что полиция взяла её под стражу.

Пока я была в операционной, мой радиоприёмник Стойл-Тек отключился. Я пропустила звонок, но ничего страшного. Согласно сообщению, это просто что-то вроде теста, как те учебные пожарные тревоги в школе. Я решила не упоминать это при сестре. Она и так уже слишком беспокойная.

Сестрица здесь, и она выглядит более печальной и взволнованной, чем когда-либо. Я думаю, она не спала. Я сказала ей, что все врачи говорят, что я буду в порядке, я оклемаюсь, буду как новенькая ещё до конца недели, но я не думаю, что она действительно слушала. Меня подстрелили, и это, казалось, всё, на чём она могла сосредоточиться.

Что ж, на этом и ещё кое чем. Как оказалось, пока я была у хирурга, пони из Министерства Морали нанесли ей визит. Согласно словам сестрички, они задавали разные вопросы о Дарпин. Странные вещи, как то, что она сказала на своём дне рождения, и о её стажировке в прошлом году в Четырёх Звёздах. Сестра съезжала с катушек. Я думаю... Я думаю, она гибнет.

Я видела нечто подобное раньше. Хоть мне это и не нравится, думаю, пора звать Министерство Мира. Они кажутся единственными, кто способен бороться с Неврозом Военного Времени."

— Ну и где все? — спросила я, выбегая из Небесного Бандита. — Есть кто?

— Поздно уже, — произнесла Ксенит. — Они, вероятно, спят уже все.

Я кивнула. Пока шла битва на Брыклинском Кресте, опустилась ночь. Я осмотрелась. Все магазины были закрыты, но между досками, прибитыми к окнам Старбакса, пробивался свет. Я хотела пойти посмотреть, но решила, что не хочу вламываться в чей-либо дом. Вместо этого я отправилась к магазину комиксов, передняя стена которого обрушилась. Я слышала храп торговца, но я сама была такой уставшей и эмоционально вымотанной, что могла бы спать и при звуке перестрелки.

Я не была хорошей пони. Я хотела быть хорошей пони. Я старалась быть хорошей пони. Но сегодня... сегодня...

— Эй! — прошипел на меня голос из темноты. Я повернулась и увидела дедулю Рэттла, прятавшегося в тени. Я осмотрелась в поисках "дробовика", под которым я подразумевала палку. Вместо этого я заметила красные отметины над его задними копытами. Мне хорошо были знакомы эти отметины, означающие, что он носил кандалы. Причём совсем недавно. Мои брови поднялись в тревоге.

— Тссс. Они не знают, что этот старик ещё может взломать замок, — сказал он мне, сообразив не только, что я увидела, но и какие выводы сделала. — Ты и твои друзья, удирайте из Арбы. Это нехорошее место.

Я моргнула.

— Ч-что ты имеешь в виду? Они показались мне очень хорошими.

— Загляни в подвал, если не веришь мне. Но не говори, что я тя не предупреждал.

В подвал? В Быстропомощи. Где они держали тела, которые собирались похоронить завтра. Я почувствовала внезапное, ужасное, тянущее ощущение внутри.

Дедуля Рэттл нервно обернулся.

— Сваливайте отседа. Послушай меня. Сваливайте! — Затем он захромал обратно в тень. Я хотела последовать за ним, но развернулась и тихо поскакала в Хелпингхуф.

В Быстропомощи Хелпингхуф было три пони. Они болтали рядом с посудой с тушёным мясом, курили и играли в домино. Они выглядели, как семья, одна из них была кобылкой не старше жеребёнка, только что получившего кьютимарку. И, заметила я, метку Арбы. А также они ходили на охрану. Как бы там ни было, они не увидели, как я проскользнула.

Замок на двери подвала был необычайно дорогим для такого малоимущего городка, как этот. Не то чтобы я не понимала, что они его могли подобрать где-нибудь, но я ожидала, что такая ценность будет продана в течение их прошлого "плохого года". Но всё же это был самый простой замок, который я вскрывала в тот вечер.

Меня сразу же поразила вонь, сопровождаемая гулом мух. Но, так или иначе, я ожидала найти трупы. Я беззвучно закрыла за собой дверь и осторожно сошла с крыльца, включая фонарь на своём ПипБэке. Два талисмана воды мягко чокнулись вместе, всё ещё свисая с моего рога. Один из них я раздобыла для этого города, рискуя своей жизнью и жизнями моих друзей. Убивая пони, которых я не хотела убивать. И самозащита не делала их менее мёртвыми.

Дзыньк. Дзыньк.

В подвале была скотобойня. Плитка на полу была забрызгана и как будто исчеркана кровью, свежей и совсем старой, стекающей к канализации, вмонтированной в центре. Тела пони лежали на столах. Они были не просто вскрыты, но разрезаны на части, обриты и освежёваны, мясо отделено. Я узнала как мёртвых из Арбы, так и бандитов. Останки ещё большего числа пони были свалены в бочки в углу.

За бочками были холодильники. Они стояли в линию, как солдаты, одетые в чисто-белую форму, не считая мест, забрызганных кровью. Дрожа, я приблизилась к одному из них, по коже пробежали мурашки при каждом шаге по липкому, мокрому полу. Я потянулась, чтобы открыть первый холодильник телекинезом, чувствуя ужас, прикасаясь к нему даже магией. Он был заперт.

Как, впрочем, и другие. Это меня не остановило.

Я отомкнула первый и приготовилась. Распахнув дверь, я увидела мясо.

Я повернулась, шатаюсь. В поле зрения попал череп пони на стене рядом с лестницей, там, где я не могла видеть его раньше. Череп был прикреплен на доску. Под ним кем-то было выпаяно слово ЕДИНСТВО.

Мы будем сплочены как единое целое, разве не так? То был плохой год, и мы нашли в нём хоть какое-то утешение.

Они съели его, осознала я, мой разум балансировал над тёмной границей ночи. Они убили проповедника и съели его.

Дзыньк. Дзыньк.

Чёрный жеребец, бывший отцом Сэнди Шора, лежал на одном из этих столов. У него были выломаны рёбра и вырезано сердце.

Это метка Арбы. Мы получаем такую, после того как съедим сердце своего первого убитого.

Но я убила отца того жеребёнка. И, разумеется, я не собиралась...

О Богини...

Я ощутила внезапное и жестокое недомогание. Я доковыляла до стены, давась рвотой, пытаюсь очистить себя от каждого оставшегося кусочка вечерней трапезы. В висках снова застучало. Я почувствовала головокружение. Свою контузию.

И я убивала ради этих пони...

Я вздрогнула, и мой желудок снова вывернуло. Затем я сплюнула, пытаюсь избавиться от этого вкуса во рту. Мне очень хотелось прополоскать рот Антирадином

Водные талисманы столкнулись вместе. Дзыньк.

Чувство болезни прошло, оставив мне только чувство жестокости.

— Так вы, суки, каннибалы!? — вломившись в Быстропомощь, проорала я, хватая телекинезом троих пони и начиная их душить. — Вы тут СОВСЕМ ебанулись?! Вам мало того пиздеца на пустоши, решили добавить?!

Мать семейства, та самая абрикосовая кобыла, собиравшая тела, левитировала было со стола нож, но я выбила его своей магией.

— Вы, большие уроды, скормили жеребёнку ЕГО СОБСТВЕННОГО ОТЦА?! — Гнев заполнял мой рассудок. Младшая кобыла уже теряла сознание. Но двое ещё сопротивлялись, отец пытался лягнуть меня, хотя я была на другом конце комнаты. Ему удалось лишь опрокинуть стол, раскидав домино и жаркое из пони по полу. Под крышкой стола была пристёгнута винтовка в кобуре. Сосредоточившись на столе, абрикосовая кобыла направила его на меня для выстрела.

Бах!

Я ощутила столкновение пули с бронёй, оставившее лишь сильный ушиб. Было больно, но я не позволила себе даже поморщиться.

— Где ЖЕ-РЕ-БЁ-НОК? — прорычала я.

Я должна была его найти. Чтобы спасти от этого места. Его и любого другого, кого ещё можно. А вот насчёт остальных...

Отец указал ослабшим копытом в сторону Старбакс.

— Благодарю, — прошипела я, доставая зебринскую винтовку.

Пфт. Пфт. Пфт. Пфт. Пфт. Пфт.

Я бросила их горящие тела и побежала к двери.

Из темноты на меня кто-то налетел. Я направила винтовку в его сторону, но узнав торговца, приостановилась.

— Я слышал выстрел? — спросил пони-торговец, выглядевший взволнованным. — Бандиты вернулись?

Я секунду смотрела на него испытующе, а после низким и угрожающим голосом спросила:

— А ты знал?

Торговец замер, осмысливая ситуацию.

— Знал... что?

— Что Арба полна каннибалов. Что ты на самом деле покупал у них мясо пони. Ты. Это. Знал?

Торговец побледнел, ему стало заметно нехорошо. Он пошатнулся, изо всех сил стараясь устоять на копытах. Вполне сойдёт за ответ.

— Посмотри в подвале. — Я указала туда, откуда только что вышла. — Только учти, там по пути пожар и трупы. А потом иди расскажи что видел всем пони, кого встретишь.

Я повернулась в сторону Старбакс, сквозь забитые окна которой ещё пробивался свет. Было слышно, как мои друзья бежали ко мне, но я не обращала на них никакого внимания. Я твёрдой поступью шла ко входу кофейни.

И вся праведная ярость ада следовала за мной.

"С вами DJ Pon3, и должен сказать, я не знаю, что и подумать, дети мои.

На протяжении недель я рассказывал вам о героических подвигах Обитательницы Стойла, нашей Героини Эквестрийской Пустоши, нашей Дарительницы Света в эту тёмную пору. Но сегодня...

Ещё одно поселение Мэйнкэттена замолкло. Арба мертва. До меня дошли сведения, что в городке населением в тридцать пони были убиты все жители. И я даже не знаю... как это сказать, дети мои, но...

Но похоже, что Обитательница Стойла имеет к этому непосредственное отношение. Свидетель из Брыклинского Креста сообщил, что видел, как она начала стрелять в жителей общины Арба.

Так вот, дети мои... Я не желаю в это верить. Я не желаю верить в то, что наша героиня обратилась против нас. В этой

истории просто обязано быть что-то ещё, чего я пока не знаю. Если у вас есть хоть какие-то подробности произошедшего, пожалуйста, свяжитесь с моей помощницей Хомэйдж в Башне Тенпони. Хоть что-нибудь...

Я понятия не имею, что пошло не так и почему. Но не остановлюсь, пока не найду и не узнаю причину. А когда я узнаю, то узнаете и вы.

С вами был DJ Pop3. Несущий вам правду, какой бы горькой она ни была."

Заметка: Максимальный Уровень.

<<< ^^ >>>

[1] Rattle (eng.) — Пустомеля

[2] Изумрудное Пламя

[3] Лягаясь со звёздами

[4] Страйк — промах в бейсболе. Три — игрок уходит с поля.

Глава 35. Холодное Сияние Рассвета

«Говорят, на какой-то городок на юге напали, но подробностей я не знаю. Знаю только, что никаких беженцев оттуда нет. То есть либо нападение было плёвое, либо там всё очень, очень плохо.»

<<< ^^>>>

"Герои..."

Нам всем нужны герои, дети мои. А сейчас даже больше, чем когда-либо. Они бьются на светлой стороне, и делают они это от лица всех нас. Но Эквестрийская Пустошь сурова к героям. Нет... Она беспощадна к ним. Она их убивает. Она рвёт их на части. Когда-нибудь каждому герою суждено оступиться и упасть. Каждому герою неминуемо суждено потерпеть неудачу.

А теперь слушайте, дети мои: герои — это вам не машины с какой-нибудь Эквестрийской фабрики роботов. Герои — такие же пони из плоти и крови, как и мы с вами. Они занимаются тем, что должны бы делать мы, потому что никто больше не сделает этого. Истинное отличие героя не в том, что он не терпит неудач и не оступается. Я говорил это уже сотню раз и повторю снова: великая истина Пустоши заключается в том, что здесь нет пони без греха, что каждый совершил что-то, о чём теперь сожалеет.

Нет, настоящих героев узнают по поступкам, которые они совершают после своего падения. По тому, как они поднимаются на ноги, стряхивают с себя грязь и снова бросаются в битву на светлой стороне. Несмотря на то, что они совершили, несмотря на то, насколько туманна перспектива счастливого конца.

Как это ни печально, но большинство героев погибает. Или же их захлёстывает жестокостью и отчаянием, и тогда, сломленные, они сдаются.

Но в Обитательнице Стойла, Дарительнице Света я увидел героя совершенно иного закала. Я был убеждён... и убеждён до сих пор... что эта героиня никогда сдастся перед пустошью, никогда не отступит.

Есть, впрочем, ещё одна судьба, которая может постичь героев. Если боль и ужасы Эквестрийской Пустоши становятся для них совсем невыносимы, это может сломить их. Они могут превратиться в тех самых монстров, с которыми когда-то решили сражаться. К сожалению, дети, такое может случиться даже с самыми лучшими из пони. Даже у Флаттершай были свои Сады Кантерлота.

Итак, мы не знаем, это ли случилось с нашей Героиней Пустоши, и есть ли в этой истории что-то ещё, чего мы не слышали. Мы просто. Не. Зна-ем. Но вот что я вам скажу:

Первым, кто сообщил о боине в Арбе, был пони с Брыклинского Креста. Но это — крепость Стальных Рейнджеров, а у меня есть свои причины ставить под сомнение их слова. Так что я начал копать. И копать я начал с того, что попытался связаться со своей знакомой из Брыклинского Креста — Риверсид, пони, которой можно доверять.

Как оказалось, её там больше нет. Там никого нет. Брыклинский Крест, где якобы и находился свидетель Арбинской резни, мёртв. Не осталось никого.

Да, дети мои, я знаю, что всё это звучит очень плохо. Целых два поселения вблизи нашей Героини опустели. Я всё ещё не теряю надежды, но предупредить вас я просто обязан. Просто на тот случай, если Эквестрийской Пустоши предстоит столкнуться с совершенно новым порождением мрака.

Так что если заметите группу хорошо вооружённых пони вместе с пегасом и зеброй, направляющуюся в вашу сторону, или пролетающий на пегасьей тяге пассажирский фургон... то, пока всё не прояснилось, может быть, вам лучше оказаться где-нибудь ещё.

Но не запирайте двери, если Обитательница Стойла придёт к вашему дому. Ибо, если наши надежды верны, то сейчас она нуждается в нашей помощи и поддержке сильнее, чем когда-либо прежде. А если верны наши опасения... что ж, дети мои... тогда она вполне может расценить запертую дверь как вызов."

— ...Как это плохие? — требовал объяснений Каламити, при этом морда его была прямо напротив дедули Рэттла, как если бы они собирались поцеловаться. — Мне нужно знать, потому что я чей-то никак не могу вдуплить, какого черта здесь творится. Я люблю Лил'пип и очень сильно хочу, чтоб эт всё было хоть как-нибудь обосновано. Но всё, чё я вижу — эт группа правильных перцев, которые впустили нас, накормили и даже приютили, а в качестве платы за свою доброту получили путёвку в иной мир!

Я только что стёрла город с лица земли. Целый город. Я только что убила... хладнокровно убила столько пони.

Мой гнев улетучился сам собой, оставляя после себя пустоту. Я не чувствовала ни грусти, ни злости. Если и было что-то, то это было чувство опустошённости. И некоторой озадаченности.

Последние события... сколько это заняло? Час? Меньше? Я не могла вспомнить. Все мои мысли и воспоминания были в беспорядке и отказывались выстроиться ровно. Моё осознание сделанного складывалось из доказательств передо мной настолько же, насколько из обрывочных воспоминаний о собственных действиях.

— Они были каннибалами, — заявил СтилХувз не в первый раз. — Ты сам это видел.

В подвале! Идите! Посмотрите сами!

Вот что я им крикнула. Мои друзья нагнали меня сразу после того, как я вошла в Старбакс. Но уже после того как я дала слово своей винтовке. Тот жеребёнок — Сэнди Шор — был там, теперь-то я вспомнила. Они сидели за обеденным столом. Снова. Ели. Ублюдки уже накормили пацанёнка его собственным отцом, и этого им, видимо, было мало.

Я вспомнила ту яму с горящим в ней огнём. Раскалённые угли, пламя и железный прут с окончечностью в виде клейма Арбы, также раскалённой до бела. Сгоряча я решила было, что они собирались заклеить мальчика! Но впоследствии я осознала, что в этом не было какого-либо смысла. К тому же, я так подумала, из присутствовавших там пони один наверняка был участником сегодняшней утренней перестрелки с бандитами.

Я вспомнила, как Каламити шокировало и встревожило то, что я устроила пальбу. Вельвет уже почти впала в истерику. В подвале! — крикнула я. Идите! Смотрите сами!

— Здесь не было пони, заслуживавших спасения, парень, — сказал нашему пегасу дедуля Рэттл, — Разве что только дети. Все, кто заслуживал право гордо именовать себя пони, покинули этот город давным-давно. Нашли другие способы выжить.

— Ты пока здесь! — жёстко ответил Каламити.

— Кто-то должен был остаться ради детей, — парировал старый жеребец. — А также отваживать отсюда приезжих.

Каламити выглядел так, будто хотел добавить что-то ещё, но дедуля Рэттл продолжал говорить:

— Все остальные здешние пони без колебаний пошли б на убийство или ещё чё похуже. А те, кто не могли... Некоторые ушли в Город Дружбы или в Гаттервилль, некоторые просто стали бандитами. Чёрт возьми, парень, половина ребят, которых ты положил сегодня утром, раньше жили здесь.

Каламити немного пошатнулся от этого откровения.

Малыши, дети Арбы, сбились вместе за заклинанием щита Вельвет Ремеди. Единорожица поддерживала щит с начала сражения, убирая лишь, когда я левитировала нового жеребёнка или кобылку из одного из магазинов. Она не выстрелила ни разу. Просто стояла здесь, внутри щита, защищая детей.

К тому времени, когда я вышла из Старбакса с жеребёнком и двумя кобылками на буксире, остальные вышли из клиники. Они видели то, что видела я. Но к тому времени это уже было не важно. Остальные жители города проснулись и теперь отстреливались. Если бы не Вельвет Ремеди, жители могли бы убить собственных детей в перестрелке.

Каламити отстреливался для самозащиты, стараясь ранить и лишить возможности сражаться. Я помню его полный ужаса взгляд, когда я добила пони, которого он подбил, чтобы вывести его из боя. СтилХувз тоже придерживался обороны, всюду пропуская меня вперёд. Но, в отличие от Каламити, мой друг-гуль не боялся давать сдачи. Кондитерская Кастарда загорелась от выпущенных им ракет. Думаю, что-то в архитектуре препятствовало распространению пожара, иначе вся Арба сгорела бы до основания.

Я взглянула на детей. Они жались друг к другу, напуганные, плачущие. Съезжившись позади Вельвет, они бросали на меня полные ужаса и ненависти взгляды. Я стояла там и впитывала их ненависть; я не могла их винить. Бедные дети только что видели, как я убивала их родителей, их семьи. Многие слышали, как их матери орут "НАСИЛЮЮТ!", когда я срывала с них одежду, чтобы посмотреть, есть ли у них клеймо.

Я сглотнула, когда ко мне в душу вернулись первые чувства: боль и ужас от содеянного по отношению к этим детям. Того, что им пришлось увидеть по моей милости и во имя их спасения. О Богини, что я наделала!

Всего их было пятеро. Плюс жеребёнок, отца которого я убила. Плюс один молодой паренёк, чуть постарше жеребёнка. Он был достаточно взрослым, чтобы иметь кьютимарку, но его бок не нёс клейма Арбы. Он ел мясо сознательно, но не мог заставить себя убивать.

Я пощадила его. Его ещё можно было спасти. Из всего города он был одним-единственным, исключая дедулю Рэттла и детей. Даже в забытье ярости я не хотела верить в то, что весь город целиком погряз в пороке. Честно говоря, я продолжала думать, что тут должен был бы быть кто-нибудь ещё, кого можно было спасти. Всего один, возможно ли такое? Теперь же, слушая дедулю Рэттла, я поняла, почему любая попытка найти не совсем пропащего пони (исключая того юношу) была обречена на провал.

Каламити развернулся, побежав к Вельвет Ремеди, только бросив взгляд мне вслед. Он уставился на свою возлюбленную сквозь щит, который она поддерживала вокруг себя и жеребят.

— Ты говорила, что у Лил'пип сотрясение, так? — Мой друг-пегас выглядел совсем отчаявшимся. — Она же не соображает, не в своём уме, так? Может это быть... оправданием?

Вельвет Ремеди оглянулась на него через сияние магии, её глаза сузились.

— Ей не нужно оправдание!

Я молча смотрела, наблюдая за друзьями, спорящими о моих действиях, принимая разные стороны. Я потрясённо молчала, будто бы в шоке. Вот только при шоке не чувствуешь себя безжизненной. Моя головная боль вернулась. На самом деле она никуда не уходила. Но пульсации становились всё хуже. Настолько хуже, что я не могла больше её игнорировать, даже ради творящегося вокруг.

— Пардон? — спросил Каламити, выпучив глаза.

— Они. Были. Каннибалами! — фыркнула Вельвет Ремеди. — Может тебе, с такой скоростью пожирающему мясо, сложно это увидеть, но эти... пони... то, что они сделали, выходит за рамки приличия.

— Эй! — огрызнулся Каламити, и, чтоб не уступать ей в голосе, повысил свой. — Я понял, что они были каннибалами. Я б записал этот городишко в список тех мест, где б я не хотел поселиться, сразу за Новой Эплузой. Да и за то, что они скормили мне пони, я никогда не возвращался б сюда и предупредил бы народ об этом.

Я содрогнулась. По моральной шкале Каламити каннибализм и сделки с работоторговцами оказались на одном месте.

— Но я б не убивал их за это! — продолжил он. — Как я заметил, они ели только бандитов и рейдеров. Уродов, которых надо отстреливать, как бешеных собак.

— Аарггх! — выдохнула Вельвет в порыве чувств. — Есть вещи, которые делать нельзя, Каламити! Я уже давно не та наивная кобылка из Стоила. Я видела, насколько жестока Эквестрийская Пустошь. Я знаю, что иногда приходится делать нечто плохое. Шарить по карманам мертвецов? Ладно. Убивать? Монстры и мутировавшие животные каждый день. Убивать пони? Больше, чем хотелось бы, но случается. Даже убийство пони оказывается часто и прискорбно необходимым.

Вельвет была Выходцем из Стойла, как и я. Мы выросли с одинаковыми моральными принципами. Только... она держалась за них лучше, чем я. Пустошь начала подтачивать меня с первой же ночи. Её нравственный стержень был крепче и прочнее моего. И увиденное ею в подвале было далеко за пределами того, что она могла принять.

— Но нужно проявлять хоть каплю уважения. Нужно хоронить врагов. А если и нет, то, по крайней мере, не на надо танцевать и мочиться на них. И уж тем более не следует растаскивать трупы на харчи.

— Иногда приходится делать то, что нужно, чтобы выжить, — мягко заметила Ксенит. Это было первое, что она сказала с момента начала стрельбы.

Вельвет повернулась к ней с круглыми от удивления глазами.

— Ты всерьёз не поддержишь в этом вопросе Литлпип, а открыто заявишь: "Каннибализм — Yay!"?

В отличие от Вельвет и Каламити, голос Ксенит стал только тише:

— Вы до сих пор не можете взять в толк, на что я была готова пойти, лишь бы остаться в живых, и что мне в итоге устраивали. Если бы передо мной поставили тарелку с мясом пони и сказали: "ешь", я бы съела. И это не было бы худшим из того, что я позволяла с собой совершать. Даже ничто из произошедшего за эту неделю не сравнилось бы с этим.

Вельвет отшатнулась от суровой зебры. Повернувшись к Каламити, она сказала:

— Они не просто убили бандитов, Каламити. Ты видел голосу проповедника. Они прибили её к стене, словно трофей! А если убили его, то скольких же ещё?

— Этого я не знаю, — ответил Каламити. — Но ведь и вы тоже.

— Они накормили тебя мясом пони, которых ты убил. Возможно, скормили тебе сердце одного из них... — продолжила Вельвет Ремеди.

— За что не услышат "спасибо".

— ...и они продавали его торговцам, дабы те разносили его на пустоши! — Вельвет указала копытам на сжавшихся позади неё жеребят. — А ещё готовили целое поколение делать то же самое...

— Вельвет, — произнесла я мягко. Слишком мягко, чтобы быть услышанной. Не надо меня защищать, Вельвет. Ты была права насчет меня тогда, в Старой Эплузе. Я убийца. Монстр, тонущий в крови всех убитых ей пони. Я — та пони в зеркале, ничем не лучше рейдера.

Хотя... Так ли это? Тут жили плохие пони. Они должны были умереть. Я спасла других пони, убрав этих, не правда ли?

"Исковерканная доброта", — сердито сказала в моей голове маленькая пони.

— Арба не была городом пони, — настаивала Вельвет Ремеди. — Это был рак, который необходимо уничтожить, пока он не распространился дальше.

— Вельвет? — сказала я ещё раз, немного громче. Каламити молча смотрел на неё.

С громким ржанием Вельвет воскликнула:

— Арба — мутировавшая плоть, которая должна была быть отрезана, для того чтобы начать лечить пустошь.

— Вельвет... ты пугаешь детей. — Мой голос был мягким, но достаточно громким, чтобы она услышала. Красивая угольная единорожица повернулась, ужас и слёзы появились в её глазах, когда она увидела испуганные лица кобылок и жеребят у себя за спиной.

"Я не исковерканная доброта," — захныкала я в ответ кошмару в голове. Но мне не верилось в это. Больше не верилось. Трикси была права. Или я сделала всё, чтобы она стала права.

Если ты всё ещё не нашла свою добродетель, тебе лучше поторопиться, — говорил Монтерей Джек. — *Пока в тебе ещё осталось что-то, что можно спасти.*

Осталось ли во мне хоть что-то, что ещё можно спасти?

"Ты только что убила более двадцати пони," — ответила маленькая пони в моей голове. "Как ты сама думаешь?"

Голова раскалывалась. Я поняла, что плачу.

Каламити же обратился к СтилХувзу.

— Ну а ты что?

— А что я? — лаконично ответил СтилХувз.

Каламити мотнул головой.

— Как думаешь, смог бы я... смириться с этим? Я хотел бы... для Лиг'пип... но...

— Литлпип наш лидер, — ответил СтилХувз. — Это был её приказ.

— Это был?.. — Каламити моргнул и поднял бровь под шляпой. — Это?.. Да чтоб тебя!

Пегас взмыл в воздух, нависая над Стальным Рейнджером-Отступником. СтилХувз даже не пошатнулся. Сама идея того, что Каламити запугивает огромного Рейнджера казалась мне смехотворной.

— Ты у нас теперь Старейшина Рейнджеров Эпплджек. Нечего прикидываться послушным солдафоном, это уже не прокатит! — предупредил его Каламити. — Что, по-твоему, сказала бы на это Эпплджек?

Голос СтилХувза угрожающе повысился:

— Эпплджек была фермером. Если она не выкладывалась по полной ради своих друзей или спасения других пони, то те силы, что оставались, она уделяла своим яблокам. Ей не была чужда мысль, что от гнилых требуется избавляться. И думаю, Эпплджек испытала бы такое отвращение, что и сказать нельзя, узнай она о пони, которые едят себе подобных.

Каламити хлопнул крыльями и отодвинулся назад.

— Но... Убить их всех?...

СтилХувз вздохнул.

— Она бы этого не сделала, нет. Но у неё были другие варианты. Она бы их арестовала. Повязала бы и отправила напрямую в Министерство Мира, где их могли перевоспитать.

Каламити кивнул.

— Но... я как бы о том и говорю. У Лиг'пип был выбор. Она могла сперва пойти к нам. Почему она сперва не пошла к нам?

Меня трясло от манеры Каламити говорить так, будто меня здесь не было. Будто бы он не хотел признавать меня. Но затем... я задумалась, а заслужила ли я большего? Смогла бы я смотреть на него, если бы он совершил что-то подобное?

— Она была взбешена. Её разум помутился, — прямо сообщил СтилХувз Каламити. — Единственное, что она сделала не так — она дала гневу управлять собой. Это то, что ты хотел услышать, Каламити? В таком случае, да, я не одобряю. Я бы предпочёл, чтобы она убила этих монстров с hladнокровным расчётом.

СтилХувз был прав. Каламити был прав. Я совершенно потеряла самоконтроль.

Но... они были плохими пони. Они были ужасными пони. Они заслуживали этого!

"Все они?" — спорила маленькая пони. "Даже молодые?"

Я старалась сберечь молодых! Я спасла их! Но я травмировала их в процессе. Было ли сотворённое мною чем-то лучше того, что рейдеры сделали Сильвер Белл?

Тем не менее, я убила только ответственных, взрослых...

Пони в моей голове набросилась на меня с вопросом: "а как насчёт той кобылки в клинике?"

Мой рассудок плавал. Я всё ещё с трудом вспоминала произошедшее. Будто бы я пыталась собрать кусочки воедино, но они выскальзывали из моих копыт.

Пфт. Пфт. Пфт. Пфт. Пфт. Пфт.

Вот это я хорошо запомнила. Две очереди по три пули. Одну в мать, другую в отца. Я... Я не убила маленькую кобылку.

"Ты правда так считаешь? — тут же не преминула возразить маленькая пони в голове. "Её ведь нет здесь среди выживших, не так ли? Ты уверена, что не удушила её до смерти? Ты об этом тогда хотя бы подумала?"

Я... нет... я не могла... или так всё и было?

Да даже если и нет, что я для неё сделала? Оставила лежать без сознания рядом с горящими трупами родителей. О да, Литлпип, это не так чудовищно.

Я была настоящим чудовищем.

Но она была уже не малой кобылкой, подумала я в отчаянии, цепляясь за каждую подходящую иллюзию. У неё уже была кьютимарка.

"Мыслишь, как жителица Стойла, — упрекнула пони в голове. "Ты была старше, когда получила свою."

У неё была метка Арбы. Она ела и убивала.

"А почём тебе знать, что её жертвой не был какой-нибудь радигатор?" — возразила маленькая пони.

Она была охранником! Винтовка под столом подтверждала это. У пони Арбы бывали гости. Гости, которых они не собирались убивать. Так что у них были охранники, охранявшие их ужасный секрет. Готовые убить для его защиты. Она была одной из них. Она знала, что происходит в городе и что это плохо, но продолжала защищать его.

Маленькая пони в моей голове умолкла. Грош цена была моей победе, но я её одержала.

— Поднимись в мою комнату, — раздался голос рядом со мной. В какой-то момент разговора ко мне подошёл дедуля Рэттл, а я его даже не заметила. Мне казалось, что время ускользает от моего восприятия. — Под моей кроватью стоит сейф. Принеси лежащую в нём книгу. Я знаю, что ты умеешь взламывать замки.

Я повернулась к дедуле Рэттлу. Расстояние до него казалось бесконечным. У меня вдруг возникло чувство, будто я тону в окружающем воздухе.

— Что это за книга?

— Это мой гроссбух. Каждый пони, убитый ими. Каждый пони, ими съеденный.

Вельвет Ремеди услышала это.

— Зачем? — мягко спросила она. — Зачем вы вели записи о таких вещах?

— Потому что я знал, что этот день придёт, — ответил деда Рэттл. — А голова-то у меня уже не та. Днём так вообще.

Вельвет Ремеди закрыла глаза. По её щеке медленно стекала слеза, ярко сверкавшая в сиянии магического щита.

— Даже не думал, что это будет кто-то вроде вас, — сказал дедуля Рэттл, после чего добавил, указав копытом на СтилХувза: — Вообще-то, я думал, что это будет он.

Я стояла на чердаке деда Рэттла и смотрела на его кровать. На протёртые доски пола. На железные кандалы, которыми старого жеребца приковывали к кровати.

Я вспомнила, как пробежала через горящую кондитерскую Кастарда и галопом взбежала по этой лестнице. Из-за головокружения дважды споткнулась о ступеньки. Я считала виной всему головную боль и дым. Чердак был им полон, и я распласталась на горячем полу. Жар был ужасным. Но огня на втором этаже не было. В пекарне был огнеупорный потолок.

Я закашлялась, пытаюсь открыть замок сейфа. Но он не поддавался. Я никак не могла представить его устройство, сколько ни пыталась. Мои мысли каждый раз путались и улетучивались. Голова раскалывалась, будто в неё забивали железный костыль.

Я вытатила магией отвёртку с заколкой и принялась взламывать по старинке...

...Слишком сложно. Замок был издевательски сложным. Либо я была не в том состоянии, чтобы его взломать. Сломав четыре заколки, я сдалась и просто легла на горячий пол, кашляя и отплёвываясь, отчаянно пытаюсь навести порядок в голове. Свежесть, которую даровали водные талисманы, омывала меня, сдерживая жару в комнате до вполне терпимой.

"Почему ты не пошла к друзьям в первую очередь?" Пони в голове не давала мне отдыха.

Я не знаю, сказала я ей.

"Почему ты не поговорила с дедом Рэттлом? Могла бы получить этот гроссбух. Тогда бы знала наверняка."

Но я знала. Я видела... достаточно.

Я убила ради этих монстров. Стальные Рейнджеры... эти несчастные пони на Брыклинском Кресте... они не должны были умереть. Они не заслужили смерти ради Арбы. Особенно не ради Арбы.

Вернулись и другие воспоминания. Теперь я вспомнила, как застрелила молочного цвета одноглазую пони. "Мы помогли тебе!" — крикнула она, роняя свой дробовик, в котором закончились пули. В мозгу вспыхнули воспоминания о Понивильском мосту. Не говорила ли я то же самое Монтерею Джеку?

Ты никогда не была вынуждена отказаться от своих принципов ради высшего блага. Принести себя в жертву и стать монстром, потому что это было бы правильным.

Красный Глаз больше не был моим тёмным и злым отражением... он был просто моим отражением. Я была монстром. Меня никогда не принуждали. Я сделала это, потому что была разъярена. Во всяком случае, он был даже лучше меня.

Нет.

Нет, я не собиралась оставлять это так. Я не собиралась позволять себе становиться такой. Я сделала... ошибку. Ужасную, злую ошибку. Но это была не я. Я была лучше этого и всё ещё могла быть. Я должна была найти способ исправить это.

Нельзя исправить смерть.

Нет. Но я могла бы потратить всю свою жизнь, делая всё, чтобы возместить это. Я бы...

Я была Исковерканной Добротой. Но я могла быть большим, правда ведь? Могла ли испорченная пони также иметь Истинную Добродетель?

Да, утверждал голос в моей голове. В памяти вспыхнул последний визит в Новую Эплузу. Сильвер Белл, увидевшая Пайерлайт, её округлившиеся глаза, словно неожиданно целый мир открылся для неё. Мир красоты.

Голос из ниоткуда (Оно было под буквой 'Э!') произнёс тоном малой кобылки: "Я никогда раньше не испытывала такой радости. Было так хорошо, что хотелось улыбаться вечно."

И часть меня знала, знала точно...

Зовите меня сумасшедшей, но после нашего ухода я почти уверена была, что несколько следующих дней та кобылка провела, пытаюсь сделать Новую Эплузу такой же красивой, как увиденная ею птица.

...что в тот момент Сильвер Белл нашла свою добродетель. Настоящую, чистую, истинную. А раз пони, воплощавшая исковерканную радость, также могла быть чем-то большим, значит могла и я.

Моя головная боль исчезла. Я взглянула в окно. Небо светлело. Рассвет почти наступил. Я была в комнате несколько часов. Как? Как я потеряла столько времени?

Я вытатила ещё одну заколку. В этот раз я открыла замок. Это не было даже близко по сложности с моей первой попыткой.

"Отличный денёк, дети мои! Это ваш любимый голос радиоволн, DJ Pon3 с новыми новостями!"

Во-первых, предупреждение для путешественников. Главную угрозу на маршруте от Прекрасной Долины до Новой Эплузы представляют пожары в Вечнотиком лесу. И речь не только о воздухе, хотя если представить, что там могло сгореть, у нас есть все основания для беспокойства. Но нет, я получаю сообщения о воистину страшных монстрах, которые бегут из лесов.

Караванам следует избегать передвижений по всему указанному участку пути до получения дальнейших указаний.

А теперь немного о другом.

Почтальон принёс сегодня ДиДжею РопЗ письмо. Написанное нашей дорогой Дитзи Ду из Новой Эплузы. Люблю эту девочку. В общем, она услышала два моих сообщения о Выходце из Стойла и новостях из Арбы... и, не теряя времени, написала мне. Вот её слова о нашей Обитательнице Стойла:

Я видела, как она вышла из себя. Из-за того, что со мной сделали рейдеры в Понивилле. И с кобылкой. И со многими другими.

Она увидела, она сошла с ума, она достала пистолет и принялась спасать пони.

Я была одной из них. Может быть, вы тоже. Её пули по сей день спасают пони, потому что тех рейдеров здесь больше нет.

Бьюсь об заклад, она спасла много пони в Арбе.

Постскриптум: Вкусные-вкусные маффины! Хомэйдж классная! Ксенит классная! Литлпип классная! Спасибо, спасибо, спасибо!"

— Долго же ты там пропадала, — проворчал дедуля Рэттл, когда я вернулась с его гроссбухом. — Уснула что ли?

Я положила его перед ним.

— Я... не знаю.

— Ну, я не могу ждать весь день! — сказал он, спешно подхватывая дневник. — Светает. В ясном сознании я пробуду недолго.

Вельвет Ремеди лежала рядом с детьми, мягко напевая им колыбельную. Большинство из них уже спало. После слов пожилого жеребца она прекратила петь, повернувшись к нему.

— Что вы имеете в виду?

Дедушка Рэттл смотрел на неё без следа позора, как будто он был слишком стар и изжит, чтобы быть смущённым своими словами.

— Говорю тебе, мой рассудок не тот, что раньше. Меня Поцеловала Луна, так как я был достаточно стар, чтобы иметь Кьютимарку, но это не помогает, когда приходит рассвет.

— Поцеловала Луна? — спросила я, мои действия, очевидно, не убили моё любопытство.

Дедушка Рэттл внимательно посмотрел на меня.

— Именно. То есть, я думаю яснее и более проникательно ночью. Благословение Богини. Последние годы это перекрывает слабоумие в ночное время.

Старый жеребец левитировал гроссбук к Каламити.

— Ну, будешь читать или нет?

Цвета ржавчины пегас посмотрел на книгу, висевшую в воздухе перед ним. Затем помотал головой, отталкивая её. Книга вырвалась из левитационного поля Рэттла и с глухим стуком упала на землю.

— Мне эт не нужно, — сказал Каламити, проходя мимо дедули Рэттла в мою сторону, глядя на меня. — Ты не права, Лиг'пип.

— Говорит пони, который стрелял в неё, потому что подумал, что она рейдер, — прошептала Вельвет Ремеди.

— Без разницы, что в книге, — продолжил он. — Ты потеряла контроль над собой.

— Я знаю, — сказала я тихо.

Каламити бросился на меня. Я напряглась, слишком поражённая, чтобы среагировать. Он схватил меня, сдавливая. Я пыталась сопротивляться, но он был больше, сильнее...

Он... обнимал меня?

— Уж я то знаю, что у тебя в сердце, Лиг'пип, — напомнил мне Каламити, сжав ещё крепче. — Как знаю и то, что ты хорошая пони. Наверное, лучшая, из всех, кого я встречал. — По его лицу текли слёзы. — И если это сердечко кричит от боли, ярости и гнева, мне остаётся только поверить, что на то есть веская причина. А я слишком измучен, чтобы её увидеть.

Свежий утренний ветерок овеивал Небесный Бандит. Шестеро детей, один молодой жеребец и деда Рэттл сопровождали нас, рассевшись порознь на скамьях пассажирского фургона. Это был второй раз лет за двести, когда он казался полным, хотя свободных мест было ещё предостаточно.

Не было ничего удивительного, что Вельвет Ремеди взяла жеребят с нами. Мы собирались перевезти их в Город Дружбы, где они были бы в безопасности. Без сомнений, в городе с таким названием им были бы рады. Я могла предложить горожанам водный талисман, если бы они начали упираться.

Теперь внимание Вельвет Ремеди было направлено на меня. Её рог засветился, когда она посмотрела мне в глаза.

— Может быть, мне нужно выписать тебе справку, чтобы ты наконец поняла, что у тебя травма головного мозга? — упрекнула меня Вельвет. — Ты получила сотрясение всего шестнадцать часов назад, а то, чем ты занималась в течение всего этого времени, отдыхом никак не назовёшь.

— Полет до Кантерлота займёт как минимум три дня, — размышляла я. — Отдохну в пути. — Моя головная боль вернулась, однако не такая сильная, как прежде. Я была не в состоянии есть. Но мне и не хотелось вовсе. Я не была уверена, смогла бы я вообще когда-нибудь снова есть. Но я точно знала, что больше в жизни не положу мяса себе в рот.

Вельвет мягко ткнула меня носом.

— Ты не должна. Ты не должна винить себя, я имею в виду. Ты... ты не сделала ничего неправильного. — Она взяла мое лицо копытами и заставила меня посмотреть ей в глаза. — Я знаю тебя, Литлпип. Я вижу, как ты дронишь себя на части с тех пор, как это произошло. Возможно, даже прямо во время тех событий. Ты не монстр. Ты не злодей. Ты кобылка, которая любит пони и заботится о них, и которая, в конце концов, видела столько боли, что просто не смогла её вынести. Богини, если бы все мы были как ты.

— Вельвет? — Что-то в её голосе обеспокоило меня.

Она посмотрела вниз, опуская рог.

— Если здесь среди нас и есть монстр, то это я, Литлпип.

— Что? Нет, это...

— Вчера ты убила кучу пони, убивавших и евших других пони, — сказала она мягко и с нескрываемой скорбью в голосе. — Вчера я поставила жизнь своего домашнего питомца выше жизни пони.

Я быстро помотала головой. Теперь была моя очередь заставить её смотреть мне в глаза.

— Ты поставила жизнь любимого члена нашей группы, разумного и способного к чувствам существа, выше жизни пони, который стрелял в неё.

Вельвет Ремеди посмотрела на меня с влажными глазами, в которых была видна благодарность, но не сказала ни слова.

— Что это за пометки? — спросил СтилХувз у дедули Рэттла. Каламити мог пренебречь гроссбухом, но лидер Рейнджеров Эпплджек внимательно его изучал.

— Что ты сказал? — переспросил дедушка Рэттл. — Эй! Откуда у тебя мой гроссбух?!

— Ты дал его мне, — ровно, терпеливо ответил СтилХувз.

— Оу. — Он огляделся. — Мы ведь покидаем Арбу, да? — Это был уже не первый раз, когда Рэттл выглядел удивлённым из-за перемены окружающей обстановки.

— Да, — сказал СтилХувз. — Теперь, если позволите, что это за пометки?

Дедушка Рэттл вгляделся в гроссбух.

— Эт — скоко раз я предупреждал пони, прежде чем остальные убивали их. Одна отметка каждый раз, когда я говорил им, что у меня есть дробовик.

— Понятно.

— В его глазах такие заметки являются попыткой помочь, — шепнула Ксенит, пододвинувшись ко мне. — Я подозреваю, что он не ожидал спасения вообще. Он готовился к защите.

Дедуля Рэттл повернулся, оценивающе глядя на СтилХувза.

— Ты — эт он, не так ли?

СтилХувз оторвался от гроссбуха.

— Простите?

— Ты Паладин СтилХувз! — воскликнул он. — Я тебя помню! Ты тот гуль, по которому моя дочь так сохла.

Уши Вельвет Ремеди приподнялись. Я сдержала смехок. СтилХувз заржал и попытался вернуть его внимание к гроссбуху.

— Вы, должно быть, ошиблись.

— Не, ты просто недостаточно проницателен, — настаивал на своём деда Рэттл. — Ты даже не замечал её. Всё время тосковал по Эпплджек.

СтилХувз резко поднялся.

— Я тебя знаю?

— Писец Рэттл. — Деда Рэттл сделал паузу. — Бывший. Ушёл после того, как моя дочь забеременела. — СтилХувз тут же вскочил на ноги, и Рэттл поспешно добавил: — Да не от твоих! От того жеребца, как-там-его-звать, из Арбы...

СтилХувз медленно поднял голову.

— Писец Рэттл. Магия Трансформации. Покинул Рейнджеров после того, как твою дочь опозорили. Теперь я вспомнил.

Дедуля Рэттл помрачнел, но кивнул.

— Ты знал магию трансформации? — спросила Ксенит.

— Ага. Стальные Рейнджеры пытались найти заклинание, чтобы превращать броню в одежду и обратно. Не заработает, говорил я им. Броня и так напичкана заклинаниями. — Он выглядел несколько напряжённым. — Я могу превратить твоё ружьё в палку, если захочу.

У меня есть дробовик.

— У меня нет ружья, — отметила Ксенит.

— Оу. — И повернулся ко мне. — А у тебя?

— Ты сможешь превратить его обратно? — спросила я.

— Эм... нет.

У него была палка.

В стороне от него я заметила юного жеребца, которого вытащила из кофейни Чашка Джавы. С самого начала полёта он не сводил с меня глаз и безмолвно лежал на скамье Небесного Бандита.

"У тебя нет метки Арбы?" — вспомнила я, как спросила его, чувствуя чуть ли не головокружение от облегчения.

"Нет," — ответил он мне, пятясь обратно в угол комнаты. "На прошлой неделе я должен был убить кобылку и съесть её сердце, но... Я не смог. Мне жаль, я знаю, что должен был, и Отец был в ярости. Он..." Затем выражение его лица осветилось озарением. "Вы убили папу, правда?"

У него был странный взгляд. В нем не было упрёка. В нем было... смирение.

Теперь, первый раз с тех пор, он заговорил.

— Что случилось с Клиргласс^[1]?

Я не сразу поняла, о ком он — единственной пони в Арбе его возраста была та молодая охранница. Кобылка, которую я не собиралась убивать... но которую, сейчас я в этом была уверена, я задушила, даже не задумавшись. Я поёжилась, подбирая слова.

— Я убил её. — Это был не мой голос. Я повернулась и удивлённо посмотрела на СтилХувза.

— Подлетаем к Городу Дружбы! — выкрикнул Каламити, не дав нам больше сказать ни слова.

— На этот раз дай мне вести переговоры, — сказала Вельвет Ремеди СтилХувзу. — Твои дипломатические способности оставляют желать лучшего. — Гуль молча кивнул. События прошлой ночи сильно на него давили. И для него Арба была не самым тяжёлым бременем.

У меня вдруг возникло странное головокружение, и я поднялась, приняв при этом устойчивое положение. Но вот головокружение прошло, и я подошла к окну посмотреть на Статую Дружбы, сделанную из позеленевшего металла. Взгляд статуи был устремлён через Мэйнхэттенскую бухту. Внутри этой окружённой со всех сторон водной гладью конструкции находился целый город пони. Я видела свет, вырывающийся на свободу сквозь маленькие щели проржавевшего насквозь металла. Город Дружбы.

* * *

Меня отбросило на одну из скамеек пассажирского фургона, когда Каламити резко взял влево, чтобы уклониться от выстрела.

— Не могу поверить, что нас обстреливает Город Дружбы! — прокричала я.

Вслед за тихими хлопками выстрелов последовал оглушающий взрыв где-то под нами. Клуб дыма и огня, порождённый взрывом, виднелся в десятке метров от нас. Пони-стрелки, ведущие огонь из окон короны, были не такой уж серьёзной угрозой, а вот огонь береговой артиллерии — это уже совсем другой разговор!

— Ты, похоже, не слушала радио? — прогремел голос СтилХувза. — Твой приятель DJ Pon3 довольно неласково отозвался о резне в Арбе.

— ЧТО?!

Ещё один снаряд разорвался в воздухе. Каламити сманеврировал резко в сторону, снова меня отбросив. Вельвет наложила заклинание щита на жеребят, чтобы удержать их в фургоне.

— Мы не можем видеть сестрь! — крикнул Каламити. — Я должен повернуть назад!

— Похоже, один из отпущенных тобой Рейнджеров Брыклинского Креста сообщил о событиях в Арбе, выставив нас в худшем свете,

— горько произнёс СтилХувз.

Внутри меня всё оборвалось. Хомэйдж... О, Богини, что обо мне думала Хомэйдж? Возненавидела ли она меня?

— Я сделал запись, на случай, если ты захочешь услышать её позднее.

Я хотела ускакать к ней. Приказать Каламити, чтобы он немедленно повернул Небесный Бандит прямо к Башне Тенпони. Но...

Но я не могла. Я и так уже упустила время. Нам нужно было в Кантерлот. Покончить с Богиней. И наконец обратить наши усилия на Красного Глаза. Прямо сейчас тысячи пони были в опасности из-за одного лишь Красного Глаза, и я, несомненно, испытывала его терпение.

Мне пришло на ум, что единственным доказательством, выслушал ли меня Красный Глаз или нет, был шар памяти, оставленный в Тенпони. Я каким-то образом связалась с Красным Глазом. По-видимому, через пони-посредника или грифона в его лагере. Я надеялась, что убедила его в том, что у меня был план и мне просто требовалось время на его осуществление. Много времени.

Что более важно, Хомейдж требовалась правда. Такая правда, в достоверности которой она бы не усомнилась. Я же была последней пони, которая смогла бы поведать всё как есть. Она должна была услышать рассказ о событиях из менее предвзятого источника, чем тот, что являла собой я.

Если бы она и узнала правду, то точно не из моих уст. Что-либо от меня было бы исковерканным. И если она не узнала бы... или хуже, если бы она узнала и возненавидела меня за это...

Эти мысли убивали меня. Но, подобно гулю, я всё равно продолжила бы свой путь. Если я собиралась потерять Хомэйдж... я все равно её не заслуживала. Даже если вся пустошь ополчилась бы против меня. Даже если бы каждый пони стал бы бояться и ненавидеть меня, я не оставила бы своих попыток сделать Эквестрию лучше. Даже если бы это означало, что я навсегда стала бы для них главным злодеем.

Каламити уносил нас всё дальше от Города Дружбы.

После посадки мы ещё с часок переждали в Мэйнхэттенских руинах и пошли к гавани на своих четверых. Большая часть нашей группы осталась позади, следя за происходящим со смотровой платформы, в то время как Вельвет Ремеди вела выживших к Мосту Дружбы. Рог её светился, а позади неё парила капсула жизнеобеспечения Старейшины Коттэдж Чиза. Паерлайт уселась на верхушке, наслаждаясь поездкой.

Мост Дружбы был разводным и когда-то простирался от Мэйнхэттена до самого острова. Меня изумлял тот факт, что мост был почти что целым и невредимым. В нём, конечно же, не хватало некоторых секций, но едва ли хотя бы один из этих "промежутков" был более ста метров в длину, к тому же уцелевшие части моста связывали между собой верёвочные мосты.

— И как им это только удалось? — задумчиво произнесла я, взирая на довольно-таки протяжённые верёвочные мосты. Сооружение их выглядело невероятным подвигом даже для магии единорогов. Каламити хлопнул меня по плечу, затем ухмыльнулся и взмахнул крыльями.

— О. Точно. — Когда-то Город Дружбы стал приютом по крайней мере для одного Дашита.

Глядя через свой бинокль, я заметила, что пони Города Дружбы изрядно захлामीли Мэйнхэттенскую половину разводного моста, заблокировав его в опущенном состоянии, а свою же сторону отремонтировали, чтобы только они могли его контролировать. Пока я это изучала, Вельвет Ремеди, дедуля Рэттл и жеребята достигли конца Мэйнхэттенской части.

Идти должна была Вельвет, причём она одна. В предупреждении ДиДжея Рон3 Каламити и Ксенит были признаками опасности. И только Вельвет Ремеди с её талантом дипломата могла договориться с пони из Города Дружбы, чтобы они приняли выживших.

Точнее, не совсем одна. С ней была Паерлайт. Я вдруг вспомнила, сколько утешения дала мне Паерлайт в Филлидельфии.

Позади, в развалинах здания, Ксенит тихо разговаривала со СтилХувзом, пока готовила костёр для еды.

— Быстро же ты вынес приговор, евши других пони, — мягко произнесла она.

— Я — гуль, — ответил он.

— А я зебра, — ответила она. — И вегетарианка, как медицинская пони. Однако методы выживания Арбы оскорбили тебя больше, чем меня. Почему?

— Зомби едят плоть пони. Потому что они монстры.

Зебра пронизательно кивнула.

— Понимаю.

Мы смотрели. И ждали. Они были очень далеко, но мне показалось, что Вельвет Ремеди подняла копыто. Мне рассказывали, что у пони в городе есть интерком, по которому мы с ними могли бы поговорить. Если они захотели бы нас выслушать.

СтилХувз поднялся ко мне и сел рядом.

— Каламити, не возражаешь, если я поболтаю с Литлпип наедине?

Каламити на секунду посмотрел на него, затем кивнул и улетел туда, где готовила еду Ксенит. Я нервно взглянула на СтилХувза.

— Клиргласс? — медленно спросила я у него.

— Ты послала торговца — ни в чём неповинного пони — в подвал, и хотя ты перебила всю охрану, кроме одной пони, там его могли бы запросто загнать в угол, — ответил он. — Как и нас. Это была тактическая ошибка, которую ты не допустила бы, будь твоё сознание ясным. — Он посмотрел на меня. — Вот по этому я и понял, в каком ты была состоянии.

Я закрыла глаза и отвернулась.

— Прими эту боль не спеша, — сказал он мне мрачно. — То, кем ты стала вчера вечером, будет терзать тебя до конца жизни.

Я кивнула. Внутри у меня уже закипали слёзы, но я сдержала их, потому что сейчас они пролились бы только ради меня. А я их не заслуживала. Пони Арбы — тем более. Я испытала ужас, воочию увидев того монстра, которым некогда могла стать и вот, на какой-то миг, действительно стала после того, что учинила в Арбе. Но, несмотря ни на что, у меня не было сомнений, нуждалась ли Арба в подобной... зачистке. Да, как и любая другая дыра рейдеров или банда работоторговцев. Если кто и заслуживал моих слёз, так это пони, которых я спасла. Та ночь нанесла мне глубокую рану клинком, который я сама держала, и вскрыла гнойник моей души. И теперь эта необъятная пустота сочилась отчаянием и отвращением к самой себе, но я постепенно заполняла её решимостью.

СтилХувз посмотрел на гавань.

— Я должен поблагодарить тебя, Литлпип.

— За что?

— За твоё падение, — сказал СтилХувз, удивив меня. — Всё это время ты была той пони, на которую можно равняться. Из-за тебя я

захотел стать лучшим пони. Но в то время... ты была слишком хороша. — Он посмотрел на меня. — Ты была недостижимым эталоном. И сегодня благодаря тебе мне стало легче жить с самим собой.

Я просто смотрела на него. Моё сердце скрутило, словно оно не знало, что чувствовать. Капля дождя упала на мой рог. Другая ударила по носу.

СтилХувз отвернулся и снова начал созерцать залив, а дождь тем временем начинал лить всё сильнее и сильнее. В конце концов я тоже отвернулась и, достав свой бинокль, увидела Паерлайт, несущую что-то к острову. Гроссбух дедули Рэттла.

"Добрый вечер!

Это DJ Рон3, и у меня есть для вас новости! Кардинальное дополнение к событиям в Арбе и на Брыклинском Кресте. Моя помощница провела несколько последних часов, беседуя с торговцем, который был в Арбе и многое знает о произошедшем там.

Но прежде всего... Аллилуй-й-я! Похоже, тёмная сторона всё-таки не поглотила нашу Спасительницу Пустоши. Возможно, она слегка и оступилась, но послушайте-ка вот что:

Пони в Арбе были каннибалами. Да, да, они ели пони! И словно это недостаточно мерзко, они ещё и продавали их мясо под видом радигаторьего. Вот ваш сегодняшний шашлычок, он точно из радигатора? Вы в этом уверены? О великие Богини, я-то думал, что повидал всё извращённое дерьмо этой пустоши.

А Обитательница Стойла, похоже, узнала всю правду о городке. Но, к сожалению, здесь-то подробности и заканчиваются. А всё потому что, когда наша героиня показала торговцу, что она обнаружила, тот незамедлительно бежал оттуда.

Но он и без того рассказал многое. Хотя бы то, что, до того как началась вся эта ботва, пони из Арбы предложили нашей героине ужин и место для ночлега. И да, дети мои, вы правильно угадали, что было в меню. Но ещё до того как ей раскрылась правда, она пыталась помочь пони из Арбы, отправившись на Брыклинский Крест, чтобы выменять там чистой и безопасной воды для городка. Но Рейнджеры с того рухнувшего моста открыли по ней огонь, прежде чем она смогла бы до них докричаться. По словам торговца, фейерверк там был ещё тот.

И не знаю, как у вас, дети мои, а у меня возникли новые подозрения насчёт случившегося на Брыклинском Кресте, а также несколько серьёзных вопросов к тамошнему свидетелю событий в Арбе.

Я расскажу вам больше, как только узнаю сам. Ну а пока, дети мои, я думаю, нам всем можно вздохнуть с огромнейшим облегчением.

А сейчас вы услышите песню Свити Белль о той самой главной истине пустоши..."

Дождь шёл без остановки следующую пару дней. Он продолжал лить как из ведра, даже когда мы перелетели через предгорье, которое медленно, но верно переходило в горы. Тёмные утёсы, почти отвесные, нависали над окрестным ландшафтом. Где-то там наверху, скрытые за пеленой дождя, находились Руины Кантерлота, бывшей столицы Эквестрии.

Мы все промокли до костей, но Каламити досталось больше всех.

Я дрожала от холода. Мой бронированный комбинезон второй кожей приклеился ко мне, очень неприятно сдавив шёрстку между ним и реальной кожей. Но тем не менее, сейчас мне было лучше, чем в последние несколько дней. Это было первое утро за долгое время, когда меня не мучили головные боли; наконец-то я почувствовала, что могу действительно ясно мыслить.

Хотя Вельвет Ремеди и заявила, что травма моя прошла, она всё ещё хотела, чтобы я себя не перетруждала. Я только и делала, что отдыхала с тех пор, как Вельвет вернулась с Моста Дружбы. Одна, за исключением Паерлайт. Город Дружбы подтвердил своё имя и принял всех беженцев из Арбы и Старейшину Коттэджд Чиза в придачу. Они не попросили ни оплаты, ни компенсации. Они просто хотели помочь. Так, как пони и должны помогать.

Я послала к ним Паерлайт с одним из талисманов воды. Не в качестве оплаты, но в качестве подарка.

Другой же водный талисман теперь находился в Стойле Двадцать Девять. Звёздный Паладин Кроссрордс подумывала о перезагрузке Крестоносца с тех пор, как мы ушли. Кросс была убеждена, что с кодами для корректировки системы они смогли бы переделать программу Крестоносца, превратив его в послушного и полезного зрителя.

Она ещё не решила, что делать с Брыклинским Крестом. СтилХувз снабдил её советами, но решение оставил за ней. Думаю, что после провала его дипломатической миссии он теперь хотел держаться подальше от того места.

Я посмотрела на свои копыта. Когда мы подошли к Кантерлоту, новая мысль пришла мне в голову. Мы должны были снять с себя всё, прежде чем войти. Броню, сумки... Я должна была левитировать всё это.

Но нельзя левитировать ПипБак. Ну, можно, но тогда он был бы просто причудливым радиоприёмником. Он должен быть на теле, чтобы Л.У.М. и З.П.С. могли работать, не говоря о медицинской поддержке и автоматических картах. Я могла его снять. У меня были инструменты для этого. Но без него я бы лишилась львиной доли своей полезности в самом опасном месте, куда ступало моё копыто. Могла ли я сделать это? Имела ли я право подвергать своих друзей ещё большей опасности только потому, что в противном случае я оказалась бы навсегда спаяна с... ну, с моей кьютимаркой?

— Смотрите в оба, пока не найдём безопасное место для ночлега! — прокричал Каламити сквозь шум дождя. По правде говоря, безопасность в данный момент нас волновала куда меньше, чем сухость.

Мы все подошли к окнам. Я достала свой бинокль, но толку от него было мало: он просто приблизил серую стену дождя.

Вдруг СтилХувз галопом побежал в переднюю часть Небесного Бандита и спустя секунду повернулся ко мне.

— Литлпип, сможешь поднять меня на крышу?

— А ты там удержаться сможешь? — спросила Вельвет обеспокоенно. — На одной лишь подставке?

— Что случилось? — спросила я, уже после того как включила свой Л.У.М, и тут же ответила на свой же вопрос. С заклинанием прицеливания я смогла распознать несколько враждебных объектов — не меньше дюжины — и все они были воздушными. И... Три дружественных объекта на земле. Секунда ушла у меня на подсчёт, тем временем одна из красных меток приблизилась к зелёной, заставив её погаснуть навсегда. Их осталось лишь две.

— Каламити! — прокричала я, доставая снайперскую винтовку. — Подвези нас как можно ближе! Мы должны видеть, куда стрелять!

Достав винтовку, я взяла на мушку какой-то тёмный летящий силуэт, который толком разглядеть-то не могла, воспользовавшись своим З.П.С. Заклятию прицеливания было насрать на дождь, а мой Л.У.М. довольно быстро опознавал цели.

Кровокрылы. Целая грёбаная стая нападала на две спасающиеся бегством фигуры, которые, насколько я могла судить, были полностью безоружны.

Я открыла огонь, полная решимости не позволить их числу уменьшиться.

"Эй, радиослушатели? Не спите ещё? Время для специального чрезвычайно позднего выпуска новостей!"

Сегодня со мной, пусть и не в студии, но общающийся с нами через передатчик, дедуля Рэттл, пони, который долгое время жил в Арбе, теперь же новоиспечённый житель Города Дружбы. И он здесь для того, чтобы внести ясность в дело о том, что же всё-таки случилось три дня тому назад. Так что присаживайтесь, дети мои, и держитесь за свои шляпы, потому что история грозит стать сногшибательной.

Но сначала я хочу кое-что сказать. Я хочу обратиться к Героине Пустоши, нашей маленькой Дарительнице Света:

Прости меня.

Повидав с моё, своими глазами увидев, как многие герои терпят поражение и падают в бездну... будет трудно ожидать чего-то иного. Будет трудно хранить веру. Даже если знаешь, что там есть кто-то, в кого ты просто обязан верить.

Не ты подвела нас, Обитательница Стойла. Это я подвёл тебя. И прошу тебя, прими мои самые искренние и глубочайшие...

Одна особенная ремонтница тостеров однажды сказала, что всегда будет на моей волне, слушая послание надежды. Ну так слушай же внимательно, Обитательница Стойла, потому что это чистая правда. Из самого сердца.

То послание надежды? Это ты. Ты моё послание.

Итак, дедуля Рэттл, почему бы вам не рассказать нам немного о себе и об этой книге, что вы сегодня хотели нам показать?"

...

"Эт не книга. Эт гроссбух. Запись каждого ужасного деяния жителей Арбы. К тому времени, как я закончу читать первые две страницы, я ручаюсь, каждый из вас будет просто жаждать сделать то, что та малая кобылица уже сделала за вас..."

Заметка: Максимальный Уровень.

<<< ^^ >>>

[1] Прозрачное Стёклышко

Глава 36. Очень Странная Повесть Миднайт Шовер

«У меня есть такая дурь, которая может возбудить тебя и твою кобылку, от которой ты можешь загрузиться, которая может сделать тебя счастливым и сильным, классным... И, конечно, у меня есть такой наркотик, который заставит тебя ЛЕТАТЬ... Дэш.»

<<< ^^>>>

БАХ!

Кровокрыл завопил, когда пуля моей снайперской винтовки прошла его брюхо насквозь. Тёмный силуэт, сложив крылья, штопором падал вниз, пока не исчез в буре.

Капли дождя барабанили по Небесному Бандиту. Я больше полагаюсь на З.П.С., чем на своё зрение. Стоя на крыше, СтилХувз делал то же самое. Ритмичные взрывы его автоматического гранатомёта и визги кровокрылов заполнили воздух.

— Откуда, чёрт возьми, они прут? — крикнул Каламити, стреляя из своего боевого седла, когда тёмный силуэт одной из летучей мышей пролетел прямо перед нами. Их было куда больше дюжины, как я сперва подсчитала. Тут была вся их чёртова стая.

Я услышала глухой удар, когда одна из тварей накинулась на СтилХувза, в тщетной попытке пробить броню кусая его. Ещё один кровокрыл вылетел из дождя и врезался в кузов Небесного Бандита, качнув его и опрокинув меня с сиденья. Моя снайперская винтовка звякнула об пол.

Зелёное пламя вспыхнуло по всему борту Небесного Бандита. Горящий кровокрыл оглушающе взвизгнул и беспорядочно закувыркался к земле. Паерлайт промелькнула в воздухе и, издав боевой клич, нырнула вслед за ним. Я удивлённо моргнула, впечатлённая яростью жар-феникса, несущего отмщение крылатым тварям.

Другой кровокрыл застрял в противоположной стороне фургона, яростно просовывая голову в окно и скрежеща зубами. Боевой дробовик Вельвет Ремеди взревел, и меня всю забрызгало содержимым его черепушки.

Когда Ксенит отбросила бездыханное тело кровокрыла, я взяла себя в копыта и, убрав снайперскую винтовку, вытащила Малый Макинтош. Стая плотным кольцом окружила нас. И верный маленький револьвер Эпплджек был самым шустрым и мощным оружием, что у меня было. На мгновение мне стало обидно за нашу зебру; в данной ситуации её навыки боя были малоэффективны.

Я прыгнула к окну, скользя в З.П.С., и прицелилась в первую тёмную тень, которую увидела.

БАХ! БАХ!

Первая пуля попала в спину кровокрыла, вторая оставила рваную дыру в левом крыле. Монстр устремился в последнее пике, но вместо выбывшего к моему окну рванулся другой.

БАХ! БАХ! БАХ!

Импульс направил кровокрыла прямо в борт Небесного Бандита, разможив тело с характерным звуком. Я услышала скрежет металла о металл. Тёмная масса из двух кровокрылов свалилась в пелену позади нас, СтилХувз зацепился за одного из них и пропал вслед за ними в потоках ливня.

Я закричала, бросив телекинетическую сеть, но было слишком поздно... он исчез. Мгновение спустя ещё несколько кровокрылов окружили вокруг нас. Один из них вспыхнул зелёным пламенем со стороны брюха.

Позади меня Ксенит пинком выбила дверь пассажирского фургона и вглядывалась сквозь дождевую завесу в многочисленные тёмные силуэты, окружившие нас. И прежде чем я поняла, что она собиралась сделать, зебра выпрыгнула из фургона и спланировала на спину гигантской летучей мыши. Она вонзила шип своего адского шлема в затылок крылатой твари. И ещё до того как монстр перестал подавать признаки жизни, она прыгнула к следующему противнику.

И я чувствовала жалость к ней, подумала я, смотря, как она разрывала своим "рогом" крыло ещё одного кровокрыла, в то время как другие твари даже не подозревали о новой угрозе. Мне стоило пожалеть её врагов.

Гигантская летучая мышь с огромными по сравнению с ней самой крыльями спикировала на Каламити. Я развернулась, прицелилась и открыла огонь.

БАХ! *клик клик*

Последняя пуля Малого Макинтоша попала в тварь. Она завизжала. Каламити пытался сбросить её с себя, но летучая мышь обнажила свои длинные, острые как бритва клыки и вонзила их в тело пегаса. Каламити завопил.

Мимо меня проскакала Вельвет Ремеди с боевым дробовиком, из которого она не прекращая палила по монстру, разнеся его на куски, прежде чем он успел выпить хоть каплю. Небесный Бандит завалился на бок. Каламити был сильно ранен, а обезображенный труп летучей мыши до сих пор висел на нём. Но главное — Каламити был жив.

Мгновение спустя я увидела, насколько ужасающе близко он оказался к смерти. Бандит ушёл в пике, его сотрясала турбуленция, а Каламити упорно пытался посадить его. Перед нашими глазами возникла земля, и я увидела две фигуры, на выручку которым мы стремились. Две молодые зебры, не старше той кобылицы с меткой Арбы, Клиргласс. Я перезаряжала Макинтош, когда на одну из них бросился кровокрыл и придавил своим весом к земле. Я торопилась как могла, но на всё ушла всего лишь секунда. Монстр вонзил клыки в бок зебры и втянул в себя кровь. Зебра превратилась в пустую высушенную оболочку раньше, чем её покинуло сознание.

— Нет! Чёрт возьми, нет!

Я завыла. Щёлкнув затвором Малого Макинтоша, я прицелилась в монстра с З.П.С., как он вдруг метнулся в сторону, уйдя с линии огня. Но он не смог уйти от Ксенит и был разорван на части, прежде чем я успела нажать на спуск.

— Я не понимаю, — сказала Ксенит. — Почему вы втроём путешествовали по этой опасной местности? Да ещё в такую бурю.

Мы столпились под сияющим куполом магического щита Вельвет Ремеди. Я наблюдала за тем, как дождь нескончаемым потоком обрушивается на барьер света, замороженная необычной красотой этого зрелища.

Выживший зебрёнок высох после многократного применения чистящего заклинания Вельвет, как и все мы, и сидел, закутавшись в одеяло, взятое из нашего багажа (которому тоже не помешала бы подобная сушка).

Ксенит развела огонь и сидела напротив зебрёнка, а между ними уже закипала кастрюлька с супом (на сто процентов вегетарианским!). На глазах юнца только что самым страшным образом погибли два друга детства. Ему нужно было нечто большее, нежели какое-то одеяло. Я понимала, что это сделало бы не так много, но я начала верить в чудодейственную силу объятий.

Ксенит, однако, не стала обнимать жеребёнка. Она никогда никого не касалась, только если не хотела причинить кому-нибудь боль. Вельвет Ремеди хлопотала над ранами Каламити, используя собственную магию и кровоостанавливающую настойку Ксенит. Прежде чем

применять целебные зелья, сперва нужно было вытащить из спины застрявшие клыки. Никто не видел и следа нашего Рейнджера Эпплджек. Встав, я подошла к зебрёнку и легла около него.

— Прости, — прошептала я. — Мы... Я должна была быть быстрее. — Я замолчала, неуверенная в том, являлось ли внезапное объятие лучшим утешением для него. И к моему стыду, маленькая часть меня напомнила, что я была одурачена и помогла каннибалам. Я мысленно уронила на эту частичку наковальню, а затем сослала на луну.

Я мягко поставила на одно из его копыт своё. Он вздрогнул и поднял на меня взгляд, и первоначальное удивление в его глазах сменилось благодарностью.

— Мы были должны, — сказал он наконец. — Мы были слишком взрослыми. — И, посмотрев на Ксенит, спросил: — Ты не из Глифмарка?

— Глифмарка? — переспросила Ксенит. Зебрёнок кивнул. — К сожалению, я ничего не знаю об этом месте. Это деревня зебр?

— Чё ты подразумеваешь под "слишком взрослый"? — проворчал Каламити. Он стиснул зубы, когда Вельвет вытащила второй клык и обработала открывшуюся рану настойкой Ксенит.

Зебрёнок странно посмотрел на нас.

— Кто же вы?

— Друзья, — ответила я мягко.

Он посмотрел на меня с подозрением, а затем с грустью.

— Мой друзья мертвы. — Он повернулся к Ксенит. — Куос и Зуна были моими друзьями с тех пор, как мы научились ходить. Мы всё делали вместе. Мы даже... Мы даже метки получили вместе. — Он запинался, а слёзы катились по его юному лицу. — И-и из д-д-деревни т-тоже и-изгнаны вместе...

И тогда я его обняла. Я прижимала его к груди, позволяя заливать меня слезами.

Ливень начал успокаиваться, оставляя после себя моросящий дождик. Мой взгляд скользнул в сторону хребта. Там, по сторонам узкой долины, укрывались тёмные шпили Руин Кантерлота. Мы бы уже были там. Но нас ждала другая дорога.

Над пологими холмами разносился прекрасный голос Вельвет Ремеди:

— *Нет сил больше сидеть взаперти*

Под замком в позолоченной клетке.

Я готова со сцены сойти,

Свободной птицей взмыть с этой ветки.

Каламити вступил, превосходно попав в ритм. Его тембр приятно дополнял роскошный голос кобылицы-единорога:

— *Я закрыл глаза, бродя, как слепой,*

Что говорили, то и видел точь-в-точь.

Я сыт по горло всей ложью тупой,

Брошу всем вызов, вскину крылья и прочь!

Вместе они сплели себя в дуэте, и было полным безрассудством свинцовому небу и неутрачивающему дождю сопротивляться их хору.

Мне этого не хватало.

Мы шли в сторону Глифмарка. Неподдалёку от меня Каламити тянул Небесный Бандит. Он удерживал его на уровне головы пони от земли. Одна лишь мысль о посадке в летающее "нечто" вызывала у юнца приступ паники. Так что мы пешим ходом сопровождали зебрёнка к его новому дому.

Я считала, что так даже лучше. Я и так провела целую кучу дней зажатая в четырёх стенах этого фургона, восстанавливаясь физически после травмы головы и психологически после того душераздирающего Самого Худшего Дня В Моей Жизни. Физически-то я теперь была здорова, а вот психологически... Я была способна продолжить путешествие. Но то, что я натворила, уже нельзя было исправить.

Осознание этого направило поток моих мыслей к СтилХувзу. Ещё одна причина пешего похода: я была уверена в то, что он нас искал. И когда он нашёл бы нас, было бы лучше нам находится на земле, а то он и ракету пустить мог, чтобы привлечь наше внимание.

— *Я чуда не жду, сам кую свою судьбу.*

— *Я не спасу никого, если сдамся и умру.*

— *Целый мир лежит под ногами,*

— *Само небо взирает на нас...*

Когда Вельвет Ремеди и Каламити объединили свои голоса на последней строчке стиха, воспламеняя свой хор с новой силой, я обратилась к своей спутнице-зебре. Ксенит шла рядом со мной, юный же жеребец шёл между нами.

— Ты всё ещё хочешь найти своё племя?

— В этом нет необходимости, — серьёзно ответила Ксенит. — Моя дочь больше не с ними.

Раз начав, зебрёнок уже был не в силах остановиться оплакивать своих погибших друзей. В редкие моменты, когда он успокаивался, он рассказывал, как они оказались в этом треклятом месте. Я начала представлять картину произошедшего.

Троица друзей происходила из родного племени дочери Ксенит. Его основали те, кто пережил нападение работорговцев на деревню Ксенит. Среди выживших и не попавших в рабство были только жеребята.

Мне вспомнились слова Ксенит: *Мои родители и муж погибли в сражении. Моя дочь была слишком юна для работорговцев Стерн... и для неё не было места в школе Красного Глаза. Она просто оставила её с остальными детьми.*

Целое племя детей. Постоянно живущих с единственной мыслью: взрослые — это добыча для работорговцев. Взрослые могли привлечь новую атаку. И факт того, что работорговцы не забирали детей, не означал, что они не сделали бы с ними более страшных вещей.

— И как же они решают, когда зебра вдруг становится слишком взрослой? — поинтересовался Каламити. Ответ был очевиден. Дело было не в днях рождения. Всё зависело от зрелости. Ты становишься слишком взрослым, когда получаешь свою метку.

Как в Стойле Два. Получив свою кьютимарку, ты считался взрослым. И с этого момента ты становился рабочей силой. Здесь же, в племени зебр, получение метки было страшным событием.

Я кивнула Ксенит. С тех пор как атаковали деревню зебр, она долгие годы страдала в рабских ямах. Её дочь была юна, но едва ли младенцем, и зебрёнок с нами лишь смутно помнил, когда ту кобылку изгнали из племени.

— Моя дочь находится в Глифмарке, если она всё ещё жива.

В Глифмарке было... отстойно...

Я посмотрела вниз склона, на ряды унылых, обветшалых лачуг с продавленными крышами, ведущие к наполовину разрушенному зданию на площадке, забитой мусором. Весь город был окружён стеной мусора, не способной остановить даже радсвина. Земля превратилась в чёрную безжизненную грязь. Горстка зебр, выглядевших избитыми и удручёнными: их головы опустились, глаза смотрели в землю, гривы и хвосты запутались и стали неопрятными.

Это было похоже на город, где только и ждут, чтобы умереть.

Из букв на фасаде разрушенного здания я могла составить "ЭНЖЕЛ", последнее оставшееся слово из забытого названия. Какой бы ангел^[1] ни присматривал за этим городом, он пал.

Стоило нам подойти, зебры посмотрели на нас с ужасом. Я заметила, как две из них вытолкнули третью вперёд. Кобылица ступила к нам.

— Мы сдаёмся! Только... только не убивайте нас, — крикнула она. — У нас ничего нет... но берите всё, что хотите!

Я почувствовала, как рухнуло моё сердце.

— Это... Глифмарк? — недоверчивым тоном спросила Ксенит.

Зебрёнок кивнул нам, слегка покачиваясь на копытах, застигнутый врасплох.

Вельвет рысцой выбежала вперёд.

— Здравствуйте, — ласково сказала она успокаивающим голосом. — Не бойтесь, мы не причиним вам вреда. Мы всего лишь путешественники, которым посчастливилось встретить только что получившего свою метку жеребца и предложить ему свою помощь, а именно сопроводить его сюда в целости и сохранности.

Лица зебр выражали противоречивые чувства. Я-то знала, как они нуждались в путниках, что не имели бы злого умысла в посещении их деревни, но, тем не менее, им было уж очень нелегко поверить в такое чудо.

— Но теперь, когда он здесь, мы можем тотчас удалиться отсюда, если пожелаете. Хотя я все равно попрошу вас о снисхождении. У нас был долгий путь в поисках безопасного места для стоянки.

— Безопасного? — спросила зебра, в голосе её при этом прозвучала горькая усмешка. — Леди-пони, безопасностью тут и не пахнет. Мы тут сидим, как на пороховой бочке, в ожидании работорговцев. Весь вопрос только в том, останется ли здесь хотя бы кто-нибудь после набегов рейдеров и монстров к тому моменту, когда работорговцы придут.

Но она всё равно пригласила нас в город. С каждым шагом городишко становился всё хуже и хуже. Унылее. Как если бы отчаянье и безнадежность въелись в каждую прогнившую доску обшивки жалких лачужек, подобно Облаку заставляя их навевать это состояние окружающим.

— И как же вы тут выживаете? — спросила Вельвет, её голос уже был похож на плач. Я знала, в чём было дело. Тут не было ни полей с урожаем, ни садов. Зебры были вооружены грубыми копьями да пистолетами, чьё состояние оставляло желать лучшего, а сами пистолеты были тварям, вроде кровокрыла, что слону дробина. Охотников тоже было не видать. Разве что они ставили капканы на мелкую дичь.

Зебры были так истощены, что я могла легко различить кости, проступающие сквозь шкуру. Все они умирали от голода.

Когда Вельвет высказала свои наблюдения, ближайшая к ней зебра сразу же ответила:

— Здесь ничего не растёт. Земля, на которой стоит город, была заражена Облаком из Кантерлота. — Увидев наши встревоженные взгляды, она добавила: — Не переживайте, мы достаточно далеко от него, воздух здесь чистый.

Зебра, что впустила нас в город, объяснила:

— Вон то здание — это ветеринарная лаборатория...

Я была удивлена её познаниями. Племя детей было куда более состоятельным, нежели те, кого они выгнали. Но меня всё равно интересовал вопрос, как долго собиралась просуществовать эта "идиллия". Без взрослых племя не могло пополняться. Пару лет, и племя-то племенем бы уже не было. Остался бы лишь один ребёнок, отсылающий другого, уже повзрослевшего, куда подальше.

— ...Там в подвале есть гидропонный отсек. По большей части там выращивали ядовитые растения. — Сказав это, зебра посмотрела на землю, и её пробилась сильная дрожь. — Нам довелось узнать это не самым лучшим способом. Но мы выживаем за счет тех растений, что оказались съедобными, и за счет того, что осталось в торговых автоматах. Но эти запасы почти закончились. Мне очень жаль, но нам нечем вас накормить.

Вельвет Ремеди взмахнула копытом.

— Забудьте об этом. У нас есть провизия. Давайте уж лучше мы вас накормим.

Я обменялась взглядом с Каламити и кивнула. Этими припасами мы собирались питаться во время нашего путешествия по Кантерлоту и по пути обратно. Но эти зебры, очевидно, нуждались в них куда больше, чем мы. Да и по сравнению со мной, они и заслуживали их куда больше. Они ведь в последнее время не вырезали целый город, обуянные слепой яростью. А мои страдания на фоне их выглядели совсем уж незначительными.

— Ветеринарная лаборатория? — спросил Каламити, как только мы приблизились к зданию.

То, что выглядело мусором издали, продолжило выглядеть им и вблизи. Правда, этот металлолом определённо принадлежал военным. Сломанные роботы сгрудились вокруг боевых колесниц, все они так проржавели и обветшали, что были едва узнаваемы. Кучи пустых коробок из-под боеприпасов были свалены в одном из углов вместе с останками турелей различных видов. Тут даже было то хитроумное летающее устройство, вроде того, что мы нашли в Старом Олнее, только это было на порядок больше. Оно занимало пол-площадки и валялось вверх тормашками.

Каменные столбы окружали скудные остатки дороги, ведущей во двор здания. Покосившийся плакат гласил: "Фармацевтическая компания зайки Энжелы." Что же, в конце концов, это имя было ещё не всеми забыто. Я вспомнила заявление Ксенит о том, что ручной кролик Флаттершай изобрёл боевой наркотик "Стампед^[2]", и задумалась о том, как же Энжелу удалось создать эту компанию. Затем я ударила себя копытом в лоб, осознав всю глупость своего вопроса. Зная Флаттершай, можно было предположить, что Министерство Мира имело подразделение, посвящённое благополучию животных. И, конечно же, она назвала бы его в честь своего любимого зверька.

— Захват военными, — предположила я, заметив остов часового робота. Мне стало интересно, уж не переделали ли часть этой лаборатории для производства Стампеда.

С содроганием я осознала, что несчастные зебры жили здесь в тени Смерти... Зайки Смерти. Ирония была столь горька, что мне пришлось воздержаться от смешка.

— А как же торговля? — спросил Каламити?

— Караваны здесь не останавливаются, — сказала нам зебра. — Здесь нет ничего, нужного пони, и нам не на что купить припасы.

Вельвет Ремеди ахнула от ужаса, когда из какой-то лачуги, балансируя на трёх ногах, проковыляла зебра. Остатки четвёртой явно были поражены гангреной.

— У вас что... и врача нет, да?

— Больше нет.

Мы обошли всё. Смотреть в городке было особо не на что. Наша провожатая махнула копытом.

— Спице, где хотите.

— И это... все? — медленно спросила Ксенит у проходящей мимо зебры, с любопытством глазевшей на нас. Я поймала себя на том, что уставилась на эту зебру; она подвела свои полосы углём, поэтому выглядела так, будто бы её шкурка была чёрной в белую полосу, а не наоборот.

— Не обращайтесь внимание на Глум (анг. Gloom — "Мрак"), — пренебрежительно сказала наша проводница.

Ксенит мотнула головой.

— Тут что, нет ещё других зебр?

Зебра покачала головой. Другая зебра, Глум, повернулась:

— Найтмэр Мун забрала их. Шесть ночей назад. Теперь они все мертвы. Хотела бы и я.

— Найтмэр Мун... забрала их? — спросила я.

Наша провожатая кивнула.

— Они пришли и забрали половину из нас. Не знаю, зачем. Прежде они никогда не обращали на нас внимания.

Ксенит это явно задело.

— Была ли похищена та, что откликнулась на имя Сефир?

Полосатая кобылка уставилась на Ксенит.

— Да. — Видя, как Ксенит изменилась в лице, другая зебра отвернулась, устремив взгляд вместо неё на Вельвет Ремеди. — Она была нашим доктором.

Я подалась вперёд, ловя взгляд зебры.

— Куда они ушли?

* * *

— Вы не обязаны отправляться на их поиски только из-за того, что среди них моя дочь, — сказала Ксенит, когда я перезаряжала оружие. — Или из-за твоей необходимости заглядеть вину за город каннибалов.

— Нет, — согласилась я, вложив Малый Макинтош обратно в кобуру. — Мы должны, потому что это правильно.

— Агась, — добавил Каламити, подойдя к нам в броне Анклава, но без шлема. Большую часть свободного времени с самого Старого Олнея он провёл, пытаясь найти способ вести огонь из своих Прибоев, не надевая его. — К тому же, хотел бы я оказаться неправ, но, быть может, мы сами к этому причастны.

Чего? Я остолбенело уставилась на Каламити.

— Я думаю, что Богиня не так-то глупа, — объяснил Каламити. — Она поняла, что где-то возникла мёртвая зона, и вот... экспериментит себе.

Это... Это же было связано с теми воспоминаниями, что я извлекла из себя, так ведь?

— Ну, раз уж вы не упомянули об этом раньше...

— Я остаюсь, — внезапно сказала Вельвет.

Я в недоумении повернулась к ней. Единорожица мотнула головой.

— Им нужен врач. И сейчас, а не когда ты вернёшь им своего. С атаки аликорнов на Глифмарк прошло пять дней, а это на целых пять дней больше, чем они могут ждать.

Её глаза говорили за неё. В них была убеждённость, что ей есть, о чём сожалеть. И она теперь не собиралась отворачиваться ни от кого, оказавшегося в нужде — будь то пони или зебра.

Я шагнула к ней и обняла.

— Береги себя.

— Это я должна сказать тебе это, — ответила она. Паерлайт села рядом на ржавый бочонок и издала вопрошающий крик. Вельвет прижалась мордочкой к прекрасной птице и сказала ей: — Пожалуйста, лети с ними, Паерлайт. Береги их. — Птица кивнула и салютовала ей крылом.

Глядя на Каламити, Вельвет строго наказала:

— Верни их мне без лишних дыр.

— Не пожалею сил, — пообещал он и надвинул шляпу на лоб.

Я отпустила Вельвет Ремеди и повернулась к Ксенит и Каламити.

— Ну что, кто-нибудь из вас двоих хоть что-нибудь знает о цели нашего похода — Зебратауне? — В ответ от обоих, что и неудивительно, я услышала "нет". В очередной раз мы отправлялись навстречу неизвестности.

* * *

У меня было такое чувство, будто этот дождь собирался длиться вечно. Задыхаясь после подъёма на очередной холм, я начала переосмысливать идею пешего похода в Зебратаун. Услышав, что он всего в двух днях рыси, Каламити предложил отправиться на своих четырёх. Я согласилась, ибо Небесный Бандит был бы очень заметным объектом для аликорнов.

Теперь я поняла, что идея нестись назад по этим скользким холмам с освобождёнными зебрами на буксире и, возможно, аликорнами на хвосте была просто глупа.

Я услышала свист над нами. (Каламити всё-таки не буквально шёл на своих четырёх.) Взглянув вниз, я увидела ещё одну маленькую долину с пятнами асфальта почти исчезнувшей дороги. Там среди разрушенного забора стояла древняя каменная хижина. На её крыше распластался труп кровокрыла, а на железной распорке бывшей ветряной мельницы был насажен ещё один. От двери хижины к нам скакала фигура в металлической броне со знаком Эпплджек.

— Огромная пустая долина вокруг, а ты умудрился врезаться в единственную хижину! — крикнул ему Каламити, улыбаясь.

Я мчалась вниз навстречу к нему, Ксенит — за мной, но поспокойней.

— Поосторожней, — предупредил Каламити, когда я достигла СтилХувза. — В последнее время её так и тянет обниматься.

— Насколько я помню, в прошлый раз именно ты обнимал её, — дружелюбно съязвил обычно немногословный Рейнджер Эпплджек.

Через несколько минут мы зашли в маленькую двухкомнатную хижину, чтобы уйти из-под непрекращающегося дождя.

— Тпру! — изрек Каламити, подтвердив мои опасения, остановившись на пороге; потоки воды лились с полей его чёрной шляпы.

Я уже видела достаточно коррозии, гнили и мусора, оставленного поколениями мародёров. Но тут было иначе. Картины были искромсаны, мебель разломана копытами, маленькие сокровища осквернены.

Я видела и последствия разорительных зверств рейдеров. Разруха в доме гораздо больше походила на дело их копыт, но она была старше, она хранила все признаки предшествующего апокалипсиса: картины выцвели настолько, что нельзя было разобрать ни одного силуэта, мебель гнила, а набивка порванных подушек обратилась в пыль (думаю, изначально они всё-таки были наполнены не пылью).

— Дальше — хуже, — предупредил СтилХувз. Я ступила дальше во внутрь, из-за поворота показались обломки скелета на полу под висящей петлёй. Любая зацепка относительно того, повесился ли владелец этого скелета или был линчёван, была утеряна в далёком прошлом.

Каламити опрокинул ударом копыта груды сломанных стульев, затем понёсся в кухню, чтобы глянуть, было ли что-либо стоящее внимания в холодильнике. Минуту спустя я услышала знакомое шипение бутылки Спаркл-колы. Любопытство снова принесло плоды.

Я ткнула в лежавший среди щебня терминал с экраном, разбитым чьим-то копытом. Потом пригляделась. Это была одна из тех более новых моделей, которые я и встречала повсеместно. Присмотревшись получше, я поняла, что он ещё работал. Кто бы ни сломал его, терминал пал жертвой всеобщего и глупого заблуждения о том, что поломка экрана может хоть как-нибудь повлиять на его матрицу заклинаний.

Каламити вернулся, держа в зубах бутылку Рассветной Сарсапарели и опустошая её содержимое большими глотками.

Я левитировала несколько инструментов и присела рядом с терминалом.

СтилХувз внимательно посмотрел на Каламити и сказал:

— Мы что, на свидании?

Каламити аж поперхнулся и брызнул своей сарсапарелью прямо через зажатую в зубах бутылку.

— Чего?! — сказал он, выронив бутылку, на его глаза навернулись слёзы.

Я прекратила своё занятие и посмотрела, что там творилось, затем засмеялась во всё горло. Так ему и надо!

— Я предполагал, что, заметив украшения на крыше, вы придёте, чтобы найти меня, — отметил СтилХувз. — Но теперь-то я вижу, что вы все при параде.

Пегас бил себя копытом в защищённую бронёй грудь и тряс головой, откашливаясь. И как только ему удалось восстановить дыхание, он ответил:

— Не, всё не так. Мы держим курс на Зебратаун, собираемся спасти пленников из копыт аликорнов. — Я заметила, что Каламити не упомянул того факта, что пленники-то были зебрами. — Так ты с нами, могучий охотник на аликорнов?

Я почти забыла этот титул.

СтилХувз был на удивление молчалив. Я посмотрела на него, задумавшись, должна ли я беспокоиться. Неужто он снова думал про Арбу?

— Зебратаун, — проговорил СтилХувз медленно.

— Агась!

— Я бы... пожалуй, отказался. — В его голосе чувствовалось неприятное напряжение. Я посмотрела на Ксенит, она только грустно покачала головой и ушла в дождь.

— Но всё же соглашусь. — СтилХувз звучал очень недовольно. — Эпплджек бы хотела, чтобы именно так поступали её Рейнджеры.

Я кивнула головой, чувствуя и гордость и скорбь в нашем гуле-компаньоне. Затем я вернулась к терминалу, подключила его к своему ПипБаку и запустила быструю диагностику. Я подняла брови, осознав, что терминал имел довольно сложную магическую систему противодействия взлому. Я была совершенно уверена, что могла взломать её, но ценой ошибки в данном случае была бы не только простая блокировка.

Я абстрагировалась от всех остальных и сконцентрировалась на взломе терминала через свой ПипБак. Пару минут спустя пришлось отключиться и попробовать снова. В последний раз терминал с подобным уровнем защиты встречался мне в Мэйнхэттенском Министерстве Морали.

Меня очень заинтересовало, зачем бы это пони или зебре, живущей в простой хижине, мог понадобиться терминал с уровнем защиты, что мог соперничать с защищённостью терминала главы Министерства Морали?

Ещё пару минут спустя мне пришлось снова отключиться. Я едва избежала срабатывания магической системы защиты, встроенной в терминал. Это безумие! Чёртов пароль был аж тридцатидвухзначным. Пиздец!

Я пробовала и в третий раз. И в четвёртый. Когда я взламывала его в пятый раз, я уже начала подозревать, что этот треклятый терминал существовал лишь затем, чтобы ткнуть меня в грязь лицом.

Вернулась Ксенит, во рту у нее болталось несколько полосок кожистых перепонки с крыльев кровокрылов. Она отряхнулась, обрызгав нас, и, игнорируя негодующий взгляд Каламити, положила их в сумку.

С шестой попытки я его наконец взломала. Пароль был "АстрономическийАльманахАстронома". Разделяю чувства предыдущего хакера, разбившего экран... Годы не пощадили этот терминал в отличие от других моделей, но, возможно, с его содержимым был порядок? По крайней мере, в нём осталась куча файлов, которые я могла загрузить на свой ПипБак, включая несколько записей из дневника.

Из дневника Миднайт Шовер^[3]

День первый:

"Итак, сегодня первый день моего 'изгнания' из изысканных чертогов Кантерлота, в которое я была отправлена в соответствии с заданием. В восемь утра я уже была в Зебратауне, вернее рядом с ним, где меня со всеми моими чемоданами оставили королевские стражи, так что пришлось немного пройти пешком. Впрочем, я их нисколько не виню за нежелание приблизиться к городу. Тем более, день был словно создан для прогулки: с гор веяло прохладой, а в небе ярко сияло солнце Селестии. Моих способностей к левитации было достаточно, чтобы самой донести все свои пожитки, к тому же идти было совсем недалеко и я не сильно устала. Хотя должна признать, я немного беспокоилась за безопасность доверенной мне на хранение бесценной реликвии.

Я бы сказала, что по Эквестрийским стандартам это неплохой город, но разве про Зебратаун можно сказать, что он придерживается каких-либо стандартов? Впрочем, я ожидала, что жить придётся в какой-то лачуге, так что всё не так плохо. Я слышала, что где-то в глухой глубинке Эквестрии есть город, который земные пони построили едва ли не за год. Если это действительно правда, тогда, наверно, в каждой зебре живёт такой маленький земной пони (и я не имею в виду ничего

оскорбленного или мятёжного по своему духу), превратили бедные донельзя трущобы у подножия гор Кантерлота в довольно впечатляющий город. Особенно поражает вознёсшийся ввысь на высоких опорах акведука, о котором я просто обязана рассказать, ведь, избегая по горам, он тянется до самого Кантерлота. Вода из окружающих нашу славную столицу источников отводится не только в город зебр, но и на близлежащие поля.

Подумать только, ещё не так давно этого города и в планах-то не было. Впрочем, необходимости в сегрегации тоже не было, пока зебры не убили в Литлхорне наших детей — всех до единого. Я, однако, не настаиваю на том, чтобы свезти сюда всех зебр-честных-граждан Эквестрии. Много зебр живёт и в самом Кантерлоте. У меня даже есть подруга-зебра. Но учитывая всевозрастающее в более отсталых, глухих частях королевства враждебное отношение к зебрам, для них самих становится небезопасно находиться среди обычных пони. Так что в итоге всем будет лучше.

Стоит ли говорить, что я была благодарна Принцессе Луне за эту хибару в нескольких милях от города, которую Она предусмотрительно выделила на время моих исследований. Сама же хибара была... уютная. Конечно, она не шла ни в какое сравнение с роскошью и комфортом Кантерлота, к которым я привыкла; но я научный сотрудник, а не изнеженный дворянин. Я вполне могу пережить отсутствие золотых унитазов и обойтись минимальным набором удобств.

День я провела, раскладывая вещи и исследуя новый терминал. Почему всегда новое техно-магическое оборудование геморройнее стандартного? Ну конечно, справедливо предположить, что трудности могут возникнуть с установкой новейшей подматрицы безопасности, но учитывая деликатность моих исследований, её можно было и не ставить. Вряд ли найдётся кто-то из полосатых с нездоровым любопытством, кто решит поковыряться в моих делах, так ведь?

Завтра сбегая в Зебратаун и попробую познакомиться с городом и его жителями. Очень важно наладить хорошие отношения, перед тем как начать исследования."

— Что ты можешь сказать о Зебратауне? — спросила я у СтипХувза, срываясь на крик, чтобы он смог услышать меня сквозь рёв бурлящей воды.

— Посмотри вверх, — ответил Рейнджер Эпплджек.

Я подняла голову и копытом прикрыла глаза от ливня. За последние несколько часов дождь усилился, превращаясь в бурю.

Над нами возвышались тёмные скалы. Когда мой взгляд поднялся, я увидела Кантерлот. Разрушенный замок с прилегающим городом выступал из горы над нами. Я ожидала увидеть розовый туман вокруг них, но дождь окрасил руины в такие же унылые серые цвета, в которые была окрашена вся Эквестрия. Множество водопадов, жадно пивших дождь, яростно низвергали потоки воды с рёвом тысячи мантикор.

— Идите за рекой от самого большого водопада, и она доведёт вас до Зебратауна, — сообщил нам СтипХувз.

Я наблюдала за падающим параллельно отвесным скалам потоком, затем встречающимся со странной многоарочной конструкцией (напоминавшей мне Филлидельфийские горки) и с нескончаемым диким рёвом переливающимся через неё. Хотя предгорья загородили от нас Зебратаун, до деревни было уже копытом подать.

— Как там? — спросила я.

— Плохо, — с прежней, не менее зловещей краткостью ответил гуль.

— А я-то думал, что он скажет чё-нить ещё более бесполезное, навроде "мокро".

СтипХувз проигнорировал выпад.

— Тебе не рассказывали, что случилось с Кантерлотом? — произнёс он. — Когда первые ракеты были на подходе, Принцессы объединили усилия, чтобы создать щит вокруг всего города. Щит был огромен. Он и должен был быть огромен. Они не просто защищали замок. Там, наверху, целый мегаполис, который снизу так просто не увидеть.

Я кивнула. Отсюда были видны лишь верхушки королевского замка. Министерская Аллея была в Кантерлоте, как и школа Принцессы Селестии для одарённых единорогов, да и мало ли что ещё. Я могла различить останки вьющейся дороги, высеченной в склоне горы для подъёма колесниц и экипажей.

Я представила себе: огромный мощный щит принцесс бомбардируется, сотрясается взрывами и купается в огне. Я знала, что щиты аликорнов препятствуют распространению звука и затрудняют наблюдение сквозь них, но всё же интересно, о чём думали пони, съёжившиеся внутри.

— Когда активировалось мегазаклинание зебр, щит заполнился Розовым Облаком так плотно, что нельзя было раглядеть даже силуэта замка внутри.

Теперь на месте Кантерлота перед моим внутренним взором предстал массивный розовый пузырь, будто бы выдутый из исполинской жвачки.

— Их щит продолжал сдерживать Розовое Облако на протяжении часов, пока Стальные Рейнджеры и другие эвакуировали города у подножия. Зебратаун располагается прямо под Кантерлотом. Ему досталось больше всего, когда щит пал.

СтипХувз посмотрел на меня.

— Можешь считать это пробным походом в сам Кантерлот.

Из дневника Миднайт Шовер

День второй:

"При моих первых попытках подружиться с жителями Зебратауна на меня хоть и смотрели с подозрением, но общались вежливо и невраждебно. И, учитывая положение дел здесь, я считаю, что это маленький триумф с моей стороны.

Помимо различий в архитектуре и, конечно, вопиющей полосатости местных, я почти поверила, что была в чрезвычайно бедном приболотном пони-городе. Может быть, как в Понивилле. Из двух вещей, бросившихся мне в глаза, первой была замкнутость населения и неохота раскрываться перед незнакомцем, что и следовало ожидать от жителей практически любого населённого пункта, ещё не достигшего высокого положения в обществе, когда хладность и расчётливость вынуждают вас забиваться в оболочку снобизма.

Другая вещь была ещё более красноречива. Она заключалась в том, какой след оставила Война на Зебратауне. Ну, помимо самого факта существования этого места. Во-первых, я не нашла здесь никаких патриотических плакатов или рекламных щитов, в отличие от Кантерлота, забитого ими до отказа. Я, конечно, не ожидала тут увидеть восхвалений пони и принижений зебр, или призывов сделать свой вклад в военную экономику, но я была удивлена, не найдя ни одного плаката,

якогось хочь како-нибудь Министерств. По сути, единственный способ агитации для Министров в деревнях зебр — это спрайт-боты с разными зацикленными патриотическими песнями, летающие повсюду. Я видела пару-тройку в окрестностях города. И так же, как и кантерлотские пони, зебры не обращают на них внимания. Если честно, песня, внушающая патриотизм в первые сто прослушиваний, неизбежно перестаёт воодушевлять после первой тысячи.

Что меня ещё покорило — так это присутствие здесь пони-солдат. Насколько я поняла, это было нововведением. После покушения на принцессу Селестию жители Зебратауна начали подвергаться гонениям со стороны пони окрестных городов. Принцесса Луна приняла решение разместить часть Эквестрийской Гвардии в Зебратауне для защиты и безопасности жителей."

Дорога к Кантерлоту превратилась в бушующую реку. Каламити нёс меня над грязными волнами, а я левитировала обломок каменного арочного моста со СтилХувзом и Ксенит на нём. Столетия бурь сорвали мост с его первоначальных швартов и смыли в долину, где я нашла его почти похороненным под грязью. Паерлайт летела снизу под защитой навеса, её периодические огненные выдохи отражались от бурлящей снизу воды.

Смотря на реку, которой стала дорога, я ещё раз пересмотрела своё решение обойтись без Небесного Бандита. И этот небольшой мост стал моим компромиссом в этом вопросе: он был достаточно большим, чтобы на нём уместились пленные, которых я намеревалась освободить. И если улицы Зебратауна от этого шторма затопились, то вероятность того, что каменный мост мог бы уплыть, была крайне мала, в отличие от пассажирского фургона.

Внезапно у меня потяжелела голова, а на рог словно гирию повесили. В глазах поплыли красные пятна. Я попробовала сосредоточиться, но нарастающая пульсирующая боль в голове вынуждала кричать.

Паерлайт издала пронзительный крик.

Я едва расслышала, как СтилХувз крикнул Каламити:

— Выше! Поднимись выше! Быстро!

Я почувствовала рывок, и Каламити, мучительно ворча, замахал крыльями сильнее. Ксенит испустила протяжный стон.

Мучения закончились так же внезапно, как и начались. Кричащая боль в голове исчезла, слух прояснился. Я задыхалась, щурясь от слёз и плавающих пятен. Я утёрла слезы и в ужасе уставилась на копыта: дождь смывал с них красную муть. Из глаз моих текла кровь...

— Ч-что?..

Я почувствовала, что Каламити расслабился, его полёт стал более свободным. Позади меня дрожащим голосом Ксенит пробормотала:

— Колючие мошонки тысячи звёздных чертей, кто только что уронил на нас луну?

Ннда, ругательство зебры было просто возмутительным. Хотя её описание было как нельзя более уместным.

— Передатчик. — По голосу СтилХувза было ясно, что, в отличие от нас, он совершенно не пострадал от невидимой атаки. — Возможно, осталось несколько разбросанных по округе, вымытых из Кантерлота дождями.

Я оглянулась на пересечённую нами реку. Передатчик был где-то под волнами. Мы и не смогли бы увидеть его, к тому же из-за непрерывного рёва водопадов я не могла слышать каких-либо издаваемых им звуков. Ничто не могло предупредить нас, пока его излучение не начало нас убивать.

Я отвернулась и снова устремила свой взгляд вперёд, когда мы достигли вершины последнего холма. Зебратаун лежал перед нами. Руины остались нетронутыми только для того, чтобы медленно, на протяжении многих лет, втаптываться в землю и смываться наводнениями. Большинство хижин зебр было разрушено, не оставив даже скелетов. Маленький лабиринт из раскрошенных магазинов, островки ровных зебринских торговых рядов и несколько массивных построек сформировали серые массы, полускрытые за пеленой падающей воды.

Наибольший водопад из Кантерлота, поглощённый бурей, врезался в расширяющийся горный утёс меньше чем в четверти мили от Зебратауна, его рёвом был заполнен весь воздух. По полуразрушенному акведуку, стоящему под водопадом, вода устремлялась к Зебратауну. Но конструкция после стольких лет воздействия потока разрушилась в нескольких местах внутри города, и теперь вода лилась прямо по улицам, вместо того чтобы течь к холмам, где у зебр были пахотные угодья.

Когда мы пролетали над улицами Зебратауна, я увидела розовые нити, кружащиеся в воде. Что ж, у каждой медали две стороны: противный ливень превратил Розовое Облако в Розовые Ручьи. Мы могли бы остаться снаружи в безопасности, но мы не осмелились бы и шагу ступить в мелкие озерца, некогда бывшие улицами.

По крайней мере, мы могли остаться в броне. Мне нужен был мой ПипБак, чтобы определить местоположение зебр.

Я взглянула на Руины Кантерлота над нами, задаваясь вопросом, во что же дождь превратил город выше. Ясно было, что дожди, вроде этого, шли много раз прежде и что Розовое Облако всегда возвращалось. СтилХувз сказал бы нам, если бы бывало иначе. Но сделала ли гроза нашу миссию в Кантерлоте менее или всё же более опасной?

Из дневника Миднайт Шовер

День третий:

"Я провела ещё один день в Зебратауне, знакомясь с владельцами парочки предприятий, в которых я позже могла бы провести некоторые исследования, а также представляясь зебрам-полицейским в местном полицейском участке. Я быстро поняла, что Зебратаун живёт по тем же законам, что и вся Эквестрия, и зебры вполне могут и сами следить за своими делами. Они даже предложили показать мне хранилище конфиската и контрабанды, дабы убедить меня получше.

Подозрительность вокруг меня усилилась, и я быстро постаралась убедить их в том, что я здесь для проведения персональных исследований для диссертации, а не по какому-нибудь делу Министерств или военных. В итоге на меня стали смотреть ещё более подозрительно. Также мне грубо намекнули, не провожу ли я исследования на тему "врожденной зебринской неполноценности". Как будто кому-то нужно было такое исследовать! Я заверила их, что нет, я просто изучаю их астрологию.

К моему удивлению и ужасу, это вызвало реакцию ещё худшую, нежели на исследование "неполноценности". Пришлось приложить максимум моих усилий и проявить неслыханные харизматичность и изящество, чтобы убедить их, что мои исследования совсем не во вред им. Тем не менее, я покинула их, потрясённая и немного встревоженная. Смогу ли я выполнить мою задачу?

Больше всего меня встревожили мысли о том, как отреагируют местные, если узнают правду, лежащую за моим исследованием."

— Ну, и где ж, думаете, они зебр держат? — спросил Каламити, когда мы пролетали над обширной территорией, занятой с одной стороны фонтаном. Сам фонтан украшала статуя принцессы Селестии. Однако, давление воды из неуправляемого акведука заставляло фонтан хлестать потоками из глаз, концев крыльев и рога Селестии, словно из шлангов под давлением.

Мой Л.У.М. был включен, но показывал только зелёные маркеры (моих друзей) да появляющийся время от времени красный маркер. Тот факт, что я никак не могла засечь позицию врага (или врагов), которого обнаруживал мой Л.У.М., перед тем как тот бесследно исчезал, заставлял меня нервничать.

— В городе не так уж и много пригодных для этого построек уцелело, — сказала Ксенит. Зрелище разрушенного города зебр не производило на неё никакого видимого впечатления.

— Не думаю, что аликорны засели в каком-нибудь магазинчике, — отметил СтилХувз. — Это не в их стиле. — Это высказывание значительно сузило круг наших поисков. — С другой стороны, они могли бы воспользоваться городской канализацией. — А вот это — наоборот.

— Канализацией? — простонала я.

— Ну тогда понятно, почему город ещё сильнее не затопило, — оценивающе сказал Каламити. — Думаю, они её и построили, чтобы весенний паводок сдерживать.

— Среди прочего.

Мой компас опять предупреждающе замигал, когда мы скатывались с разрушенной крыши зебринской хибары. Мы оказались рядом с тем, что когда-то раньше было амфитеатром (а сейчас стало большим городским озером). Разбитые стены и арки обрамляли старый амфитеатр; немногие оставшиеся колонны были украшены каменными барельефами, изображающими маски злобных духов самых жутких форм. Я съёжилась от мысли присутствовать на спектакле в компании этих дьявольских масок, сверлящих тебя злобным взглядом с каждой колонны амфитеатра.

В тени арочного свода стоял чёрный аликорн. Мы заметили друг друга одновременно. Не успели мы ничего предпринять, как она тут же исчезла во вспышке света

Блять. Да это была одна из телепортирующихся!

— Ожидайте гостей, — предупредил СтилХувз.

Мы вынуждены были сесть: в воздухе мы были слишком легкой мишенью.

Каламити подлетел к самому большому нетронутому участку. Прежде чем самому приземлиться, он спустил меня на кусок треснувшей крыши. Паерлайт вылетела из-под каменного моста как раз перед тем, как он с шумом свалился на обветшавшую кровлю, сбросив СтилХувза и Ксенит. Рейнджер Эпплджек неуклюже плюхнулся на землю, в то время как Ксенит изящным гимнастическим кульбитом приземлилась на все четыре копыта. Наша спутница повернулась в сторону ворчащего гуля, на её лице читалась лёгкая ухмылка.

— Упс, виновата! — крикнула я поднимавшемуся на ноги СтилХувзу.

Громкий треск раздался под моими копытами. Я сразу поняла, что вся эта конструкция собиралась вот-вот рухнуть. В течение десятилетий эта крыша ждала подходящего повода, и вот наше появление стало кульминацией.

— Ненавижу крыши, — захныкала я, взглянув на компаньонов. Крыши, потолки, полы... всё, что могло уйти из-под копыт. Во всей чёртовой пустоши они были моими злейшими врагами. Я приготовилась сфокусироваться, намереваясь поднять в воздух себя и своих спутников... и, возможно, победоносно засмеяться.

Крыша обвалилась, накрыв нас снизу клубами розового дыма. Мой взор затуманился, пульсирующая головная боль вышибла из меня дух, мои лёгкие боролись за глоток чистого воздуха. Моё заклинание развеялось, и меня поглотил розовый туман...

Моё тело рухнуло на пол, весь зал был наполнен густой розовой дымкой. Розовое Облако просачивалось через трещины в потолке и накапливалось здесь. Заклинание медпомощи начало заполнять мой Л.У.М. предупреждениями, когда мои внутренние органы начали страдать от воздействия розовой гадости. Моё сердце било в лихорадке, а лёгкие изо всех сил старались достать хоть глоток воздуха. Я почувствовала, как в моих внутренностях происходит что-то ужасное.

Также вам будут встречаться карманы, где Розовое Облако осело и сконцентрировалось, — предупреждал нас СтилХувз. — Обходите их, если можете, или пробегайте их с максимальной быстротой, если нет. Хотя и обладая лишь долей изначальной эффективности Облака, эти карманы могут убить вас за считанные секунды.

Я проверила карту на ПипБаке в поисках ближайшей двери.

— Сюда! — попыталась закричать я, но мой голос был практически беззвучен. — За мной! — Я ринулась к двери в надежде, что комната за ней была безопасна. Если же нет, то я скорей подохла бы, чем нашла ещё одну.

Пинком распахнув дверь, я выскочила в коридор, который, к моему ужасу, оказался заполненным этим чёртовым облаком от конца до конца. Половина открытых дверей на моём пути убили всякую надежду на спасение. Розовое Облако убило бы меня прежде, чем я достигла бы конца коридора.

Галопом добравшись до первой закрытой двери, я несчастно вскрикнула, обнаружив её запертой. Я была не в состоянии сейчас что-либо взламывать. Я рванула к следующей двери, моё сердце было готово взорваться. Лёгкие горели. Зрение затуманивалось.

Дверь открылась. Я рванула в комнату за ней, благодаря Селестию за отсутствие там облака, и рухнула на пол, с размаху налетев на каменный парапет. Мой Л.У.М. по-прежнему мигал предупреждениями, да ещё и красные маркеры заполнили весь радар. Мне нужно было срочно принять лечебное зелье, чтобы устранить вред, нанесённый Розовым Облаком, до того как начали бы отказывать мои внутренние органы.

С большой тревогой я поняла, что все наши медикаменты остались у Вельвет Ремеди.

В глазах всё ещё было темно, но зрение постепенно прояснялось. Каламити пролетел мимо и завис в воздухе чуть дальше парапета. Когда СтилХувз и Ксенит вбежали в дверь позади меня, я услышала под собой похрустывание. Осмотревшись, я поняла, что мы находились на полукруглом каменном балконе, выходившем на затопленную, пещеристую, выложенную осыпающейся плиткой комнату. В основном вода была достаточно мелкой, чтобы можно было перейти, но попадались и очень глубокие затопленные ямы. Розовые ручьи струились подобно лентам по всему полу. Комната под нами состояла из нескольких небольших ярусов, лестницы между которыми превратились в водопады. По периметру располагалось множество балконов и выходов. Дюжина зебр воззрилась на нас мёртвыми, злыми глазами при нашем появлении.

— Хороший выбор, — нараспев произнесла Ксенит. Её голос был ужасно слабым. — Если мы хотим избежать отравленной воды, то что может быть лучше бани?

Балкон начал уходить из-под наших копыт.

— Только не это, — простонала я, окружая заклинанием себя и своих друзей прежде, чем кафельный пол под нами не наклонится слишком сильно.

Полукруглый каменный балкон оторвался от стены и обрушился на кафельный пол ниже, пробив в нём дыру. Мы же воспарили над внутренней частью бани, окружённые моей магией.

— ХА! — закричала я вниз на обломки балкона, игнорируя странные взгляды Каламити. — Ха, ха, ха!

В ответ снизу раздалось странное ржание, и несколько мёртвых зебр, сорвавшись с места, помчались к выходам в комнате под нами. Вода начала с бульканьем заливать дыру в полу, пробитую упавшим балконом.

Воздух заполнился взрывами, когда СтилХувз открыл огонь из автоматического гранатомёта, разрывая тела зомби-зебр. Комнату наполнили брызги воды вместе с летающими кусками плитки и бетона.

Три "мертвые" зебры прорвались к выходу, но большинство погибло при атаке СтилХувза. Ксенит вскрикнула, когда одна из сбежавших зебр пробежала по розовому коридору и выпрыгнула из всё ещё открытой двери позади нас. Клубы розового тумана кружились вокруг неё. В прыжке зебра столкнулась со СтилХувзом, выбивая его из моего левитационного поля. Зомби-зебра и гуль-пони с тучей брызг погрузились в один из нижних бассейнов.

— Что ж, он сможет принять ванну, — прокомментировала Ксенит, пока мы парили выше бассейна и смотрели на две тёмные фигуры, сошедшие в копытной под водой, где ни один из них не мог утонуть.

— Как думаете, ему нужна помощь? — спросил Каламити. Мы покачали головами.

— Где Паерлайт? — спросила я, внезапно осознав, что мы потеряли члена отряда.

Каламити нахмурился, слегка покраснев.

— Порхает снаружи, я полагаю. Эта птичка достаточно умна, чтоб не провалиться сквозь крышу, имея крылья за спиной. — Ради Каламити я постаралась сохранить серьёзную мину.

Потихоньку вода отступала. Немного поразмыслив, я вдруг заметила жёлтые медицинские ящики. Спасены!.. При условии, что там осталось хоть парочка лечебных зелий. С помощью телекинеза оттолкнувшись от остальных, я подлетела к медицинским коробочкам. Первая была не заперта и всё ещё была полна медикаментов. Зебратаун не разделил участь разграбления, в отличие от остальной пустоши, где дважды успели заглянуть под каждый камень. Если весь Зебратаун был полон подобных сюрпризов, то что же нас ждало в Кантерлоте? Я внезапно поняла беспокойство СтилХувза по поводу моего любопытства.

Моя голова всё ещё пульсировала, а дыхание было прерывистым и слабым. Мой извивающийся кишечник явно проталкивал что-то инородное, сжигая мои внутренности. Мне не были нужны указания заклинания медпомощи, чтобы понять, что я скоро отброшу коньки. И я первой выбралась из Облака; моим друзьям, несомненно было хуже. Найденные лечебные зелья я отправила Каламити и Ксенит, себе же я намеревалась достать из второй коробки. Она была заперта.

Мой взор опять затуманивался, пока я возилась с замком. Л.У.М. предупредил о новой опасности. Обернувшись, я увидела проталкивающуюся через дверной проём зомби-зебру, её безжизненные глаза потусторонним огнём уставились на меня.

Выхватив зебринскую винтовку, я всадила три пули прямо в голову монстра. Пффт. Пффт. Пффт. Я увидела, как мозг ходячего трупа вспыхнул оранжевым пламенем. Монстр остушился и упал, словно мешок муки.

Вернувшись к первоначальным задачам, я наконец открыла коробку. Вылижи меня Селестия с головы до хвоста! Там было супер восстанавливающее зелье! Я выдула его, прежде чем могла бы окончательно потерять сознание.

Тотчас я почувствовала себя лучше: взгляд прояснился, дыхание облегчилось, моё сердце стало сильнее биться. Мои уши наполнились неестественным, скрежещущим звуком. Когда я обернулась, зомби-зебра вставала на ноги в водовороте нечестивой энергии.

Но... но я стреляла в её голову! Она ведь сгорела!

Она должна была сдохнуть! Жаль, что Кантерлотская зебра не знала об этом, когда с размаху ударила меня своим копытом. Весь удар пришёлся на мою броню, посылая моё тело в незапланированный полёт. Я ударила головой об медицинские ящики, вызывая приступ головной боли. Перед глазами поплыли звёзды, когда я свалилась в воду. Я услышала, как Ксенит нырнула, в тот же миг мой магический заряд разорвало. Я почувствовала что-то липкое и тёплое в моей гриве, заклинание медпомощи сообщило о травме головы.

Учитывая моё предыдущее сотрясение и истощение от Облака, я боялась, что могла уже не выкарабкаться. Страх улетучился, когда я потеряла сознание.

* * *

Из дневника Миднайт Швер

День четвёртый:

"Принимая во внимание крайнюю защищённость терминала и деликатный характер графиков и документов, хранящихся внутри, я решила что он достаточно безопасен, чтобы записать на него детали моего назначения и спор, который в итоге привел меня в культурную пустошь. (Под культурной пустошью я подразумеваю любое место вне Кантерлота.) Я хочу сделать это сейчас, пока слова принцессы свежи в моей голове, пока время и события не испортили эти воспоминания. Я, конечно, могла бы создать шар памяти, но этим предметам страшно не хватает должной защиты. Любой единорог может заглянуть внутрь.

Сперва отмечу, что я приняла это назначения охотно, даже с нетерпением. Есть вещи, которые для пони важнее, чем подходящее окружение, правильное питание и хорошая компания. И прежде всего это их особый талант, как по волшебству украсивший их бёдра в виде кьютимарки. К сожалению, есть пони, чей талант — быть самодовольной выскочкой или фермером на ферме камней, или что-то, не менее ужасное. Но мне особенно 'повезло', моя кьюти-марка изображает событие, которое никогда не произойдёт в моей жизни.

Последний метеоритный дождь, случающийся раз в столетие, прошёл над Понивиллем за десять лет до моего рождения, и следующий случится спустя десятилетия после того, как я уйду. Так что шанс не только увидеть, но и прикоснуться к тому, что изображает моя кьютимарка, взять его в свои копыта — это слишком потрясающий подарок, чтобы просто отвернуться от него.

Жизнь Королевского Астронома имеет немало плюсов, не последний из которых — возможность быть рядом с принцессами. Я могла видеть их в более чем неформальной компании и даже годами имела возможность поговорить с принцессой Луной или принцессой Селестией по первому их зову. Таким образом, я верю что смогла лучше понять характер обеих принцесс, чем кто бы то ни было, за исключением их королевской стражи, их самих и кое-кого из прислуги замка.

Например, принцесса Луна — младшая из сестер. Она также меньше и милее. Я видела много пони, которых эти черты

вводили в заблуждение, которые считали, что она слабее и беззащитнее сестры. И я видела, как Принцесса не раз играла на этом заблуждении, обычно с огромной ловкостью. О Принцессе Ночи с уверенностью можно сказать, что она темнее своей сестры.

На мой взгляд, пони всё время склонны были подозревать принцессу Селестею в деяниях, на которые наша благосклонная принцесса никогда бы не решилась, а принцессу Луну, в свою очередь, наоборот — недооценивать.

Полагаю, многие в замке боялись того, что должно случиться после покушения зебр на принцессу Селестию. Принцесса Луна заперлась в своих апартаментах на несколько дней, отменив встречи со всеми пони, чтобы защитить сестру. На четвёртый день Она созвала свой кабинет министров, и Шесть Кобыл вместе с Ней провели совещание, длившееся остаток этого дня и весь следующий. Я была вызвана после того, как они ушли.

К моему удивлению, принцесса Луна не была разгневанной или холодной, или мучимой угрызениями совести. Она была, если можно так сказать, задумчивой. Она пригласила меня, предложила выпить и убедилась, что мне удобно. (Мне было удобно, я наконец-то перестала ужасно нервничать.) И Она поведала мне то, чем, по-моему, Она ни с кем не делилась, не считая пони из Её ближнего окружения, потому что Ей не хотелось говорить на эту тему.

Постараюсь передать слова Её Величества так точно, как только смогу.

'Если вы слышали старые сказки пони, то вы должны думать, что конфликт между мной и Селестией произошёл за один вечер... и я полагаю, что так оно и есть. Но это был не обычный вечер. Они написаны так, что кое-кто мог бы подумать, будто я впала в истерику. Или что сестра заточила меня в лунную тюрьму после ссоры за завтраком. Не Селестия решила повернуть самые могущественные магические энергии во всей Эквестрии против меня так легко и быстро. Это я в своём безумии не оставила ей другого выбора. Но она до конца не оставляла попыток убедить меня. Атака не была неожиданной и неподготовленной.'

Но все эти книги замалчивают, а мифы совершенно не обращают внимания на то, что утро, в которое я восстала, длилось более недели. Многие также ошибочно считают, что раз Селестия поднимала и опускала Мою луну в течение тысячи лет, Она, мол, могущественнее и Моё изгнание было совершенно незначительным и излишним, раз уж Она может Сама управлять Моей луной. Но дело не в этом. Она могла поднимать Мою луну в течение всех этих лет лишь потому, что меня тут не было. Я бы тоже смогла поднимать Её солнце в Её отсутствие. Но когда ночь наступала, говоря древним языком, балом начинала править Я. Я целую неделю удерживала луну высоко на небосводе, не давая Её солнцу полностью взойти, и Она ничего не могла с этим поделать.'

Не могу передать печали, горечи и сожаления, что были в голосе принцессы Луны. Тем не менее, сколько бы боли ей ни принесли эти воспоминания, Принцесса Ночи выдержала.

'Спустя неделю в Эквестрию пришла лютая зима, чей мороз убивал как растения, так и животных. И пони по всей Эквестрии страдали и умирали от голода и холода. Но мне было всё равно. С моей яростью ничто не могло сравниться, я жаждала мести.'

Мой гнев поразил не только наши земли. Перед концом, грифоны и зебры отправили убийц по мою душу. Но у них не было шансов против моей силы и моей брони, я с лёгкостью победила их.

Селестия поняла, что должна сделать. И она не могла сломить меня в моём безумии. Даже моя сестра не была достаточно могущественна, чтобы очистить моё сердце и спасти меня. Ей нужна была помощь. Требовалась... искра, чтобы использовать Элементы Гармонии на полную мощь, и было тяжело получить её, работая в одиночку.'

Слова не могут передать всю глубину эмоций, которые я чувствовала во время этих откровений. Изумление и ужас было трудно описать. Принцесса Луна дала мне время усвоить сказанное, и я рискнула спросить, почему она решила поделиться этим с недостойной пони, вроде меня. Если честно, я начала беспокоиться за свою жизнь. Такие секреты были не для ушей астрономов, Королевских или каких-либо ещё.

'Я хочу, чтобы ты поняла, с чем предстоит столкнуться во время задания, которое я хочу предложить' — сказала она мне.

'Ты должна понять две вещи. Во-первых, конфликт между мной и Селестией не был, если можно так сказать, 'одноночным'. Я планировала, готовилась. Я понимала, что рано или поздно Селестия использует Элементы против меня и что другие попытаются остановить меня раньше. У меня была броня, созданная специально для меня из крайне редкого магического сплава. Я не ожидала, что сестра изгонит меня. Я предполагала, что она попытается атаковать меня, моя защита была построена на этом предположении. Моей самой большой ошибкой было думать, что она будет так же жестока, как и я.'

С этими словами она представила моему вниманию небольшой сейф. Она левитировала его на достаточном расстоянии, словно Её приводила в ярость мысль о том, чтобы прикоснуться к нему. Поставив сейф передо мной, Она открыла его ещё одним заклинанием, явив мне обугленные и покорёженные куски металла.

'Это фрагмент доспехов Найтмэр Мун.' Она велела мне взять и изучить его. Металл был лёгким, прохладным на ощупь, бледно-голубым и с необыкновенным блеском, который заставил бы серебро устыдиться. Я спросила Её, где в Эквестрии Она нашла такой металл.

'Родина этого металла — не Эквестрия. И даже не этот мир. Каждые сто лет небо нашего мира украшает метеоритный дождь. Один из них произошёл в год, когда Найтмэр Мун освободилась, и Я была спасена... В самый долгий день на тысячный год моего заключения.'

Я вижу, ты сделала расчёты. Стоит отметить, что в редких случаях, может быть, раз в дюжину метеоритных дождей не все метеориты сгорают в небе. На этот раз были последствия. Во время метеоритного дождя, который произошёл в год Моего изгнания, одно из этих последствий упало в Вечнодиком лесу, недалеко от... старого замка.

Я верю в то, что зебры дали имя этому звёздному металлу и что у них гораздо больше мифов о нём, чем у нас. Мне нужно, чтобы ты отправилась в Зебратаун... можешь взять его с собой... и узнай всё, что сможешь об этих мифах.

Реакция зебр на Мою позицию была более ненормальной, чем Мы ожидали. Ради всей Эквестрии, Мне нужно понять, почему.'

Прочтение этого места, в то время как я восстанавливалась, возможно, было ошибкой. Я никогда не предполагала, что раньше сделала Найтмэр Мун. Никогда. Теперь я это представила, и возникший образ потряс мою душу.

Меня переполняла ярость, хотелось кого-нибудь немедленно прикончить. Внезапно я побледнела.

Я подумала о себе. О том, как прорывалась сквозь один из магазинов в Арбе, телекинезом подбрасывая пони к потолку, чтобы увидеть их метки Арбы. Затем я открыла огонь из зебринской винтовки и наблюдала, как их горящие, бьющиеся в агонии тела падают на пол.

Я была Найтмэр Мун в миниатюре.

Но если Найтмэр Мун смогла стать принцессой Луной снова, если она смогла поднять себя с таких ужасных глубин монстра, чтобы стать любящей и достойной любви Богиней нашего поклонения, то у меня была ещё надежда. Слова в дневнике дали мне уверенность, что мои надежды были чем-то большим, чем простое принятие желаемого за действительное.

Но в тоже самое время они были предостережением, что прогнившие плоды убийств, ведомых слепой яростью, будут преследовать меня всю жизнь. СтилХувз был прав. Как и у принцессы Луны, эти воспоминания останутся со мной навсегда. И как зебры помнят о кошмарах Найтмэр Мун, так и я в глазах других буду ничем другим, кроме как чудовищем.

Ксенит дала мне последнее лечебное зелье. Третий медицинский ящик был заперт, но умение взлома не требуется, если у одного из твоих друзей есть рог из когтей адских гончих, способный резать металл, словно картон. Я выпила его, наблюдая, как предупреждения на Л.У.М.е о моём предсмертном состоянии постепенно утихают.

— Следующий зебро-мертвяк получит от меня ракетой в хлебальник, — проворчал СтилХувз. Я поняла, что битва в бассейне была для него полным разочарованием, так как он не мог активировать пусковой механизм своего оружия под водой. Я представила себе двух практически неуязвимых существ, весь бой которых свёлся к копытопашной под поверхностью воды. Вызванная картинка пробудила во мне чувство мрачноватой насмешки. Уверена, СтилХувз не был бы признателен, если я бы я усмехнулась.

Вскоре мы продолжили путь. В бане не было тюрьмы, что мы искали, о чём нам сказала изобилие "Кантерлотских" зебр и отсутствие аликорнов. Но в подвале бани мы нашли вход в канализацию. И сколь бы я ни ненавидела мысль погружаться в здешнюю воду, мы не могли проигнорировать одно из наиболее вероятных мест, куда аликорны могли привести своих пленников. К счастью, когда мы с Ксенит плюхнулись в воду, она не причинила нам какого-либо заметного вреда. Видимо, концентрация розового в дождевой воде была достаточно низкой, чтобы оказаться вполне безопасной. Ну или, по крайней мере, это было тем, что я без конца твердила себе, когда мы брели по брюхо в потоке дождевой воды через огромные тёмные туннели канализации Зебратауна.

Из дневника Миднайт Шовер

День седьмой:

"Сегодня я посетила одно из самых удивительных зданий в Зебратауне. Зебрам вполне удалось смешать своё культурное наследие с Эквестринской эстетикой. Одним из достижений стали известные (печально) Зебратаунские бани. Вода подаётся по акведуку, несколько же бассейнов подогреваются котлами. Посетители перемещаются между горячими и холодными ваннами, собираясь в группки по интересам, чтобы обсудить события дня или насладиться поздним завтраком около бани. Публичное купание весьма непривычно, но я должна заметить, что опыт, предоставленный этими банями был весьма, весьма богат, как в физическом, так и социальном смысле.

Я была удивлена, что в Зебратауне жили пони. Как мне сказали, не больше горстки, но здесь были пони, которые сознательно решили прожить тут свою жизнь. Я имела возможность побеседовать с одной из таких пони в бане — восхитительной сельской кобылкой по имени Дейзи. Дейзи утверждала, что выбрала жизнь в Зебратауне, потому что зебрам надо было напомнить, что не все пони, по её словам, были 'ксенофобскими фанатиками'.

И к вопросу о беспричинных страхах, я оказалась в подобной неприятной ситуации, когда зебра-мать закричала и вытащила за загривок своего жеребёнка из ванны (вскоре и вся баня опустела) при одном только взгляде на меня. Когда я попыталась узнать причину столь бурной реакции, большинство зебр просто прятало свой взгляд в смущении. Только одна мне объяснила, ужасно краснея при этом, что причина их страхов была в моей кьютимарке, изображающей падающие звёзды. Казалось, что древние мифы так давили на психику некоторых зебр, что моя кьютимарка уже сама по себе стала причиной такой реакции.

Выйдя из бани, я заприметила пару жеребят, пытающихся скрыть ингалятор. Они утащились в землю, будто их родители застучали со свежим номером журнала 'Вингбонер'. Я не из тех пони, кто в этом разбирается, но догадываюсь, что они пользуются контрабандой зебринских препаратов. Возможно, полицейским стоит лучше мониторить ситуацию."

Вш-шш-шш-шш-шух!

Две ракеты вылетели из боевого седла, встроенного в броню СтилХувза, и умчались в канализационный туннель. Их огневой мощи с лихвой хватало бы даже для убийства Кантерлотской зебры-зомби.

Ракеты взорвались о щит аликорна с нулевым эффектом.

Пещероподобный туннель перед нами продолжался за прочной железной решёткой, преградившей наш путь. СтилХувз и Каламити старались отвлечь фиолетового аликорна, пока я взламывала настенный терминал, управлявший запорами тяжёлой металлической двери в ответвлении туннеля. Я трудилась так быстро, как только могла, пробираясь сквозь дебри системы, просматривая массивы данных на предмет возможных паролей.

Дверь звякнула и отъехала, открываясь, как только я нашла и ввела нужный пароль — "не_радуга".

Мы вслепую бросились внутрь. СтилХувз спрятал сенсорную мину в заднюю панель терминала, прежде чем закрыть дверь, погрузив нас во тьму.

Несколько пар горящих белым огнём глаз уставились на нас. Л.У.М. определил четыре враждебные точки перед нами. Я скользнула в З.П.С. и отметила первую зомби-зебру, направив Малый Макинтош на её люминесцирующие во тьме глаза.

БАХ!! БАХ!!

Звук выстрела револьвера отразился от металлических стен. СтилХувз включил встроенный фонарь на своём шлеме, осветив лабораторию со столами, где покоились разнообразные довоенные приборы и химикаты. Зомби-зебра, в которую я стреляла, лежала неподвижно с расхреначенной головой. Я очень надеялась, что она не сможет встать после этого. Оставалось ещё три зомби-зебры, одна из которых держала в зубах копьё.

СтилХувз открыл огонь, превратив один из углов лаборатории в зону поражения. Комната заполнилась дымом, жаром и осколками стекла. Я быстро отвела глаза и, опрокинув стол, присела за него, прячась от последствий атаки СтилХувза. Каламити и Ксенит присоединились ко мне.

— Эй, эй, эй! — закричал Каламити, держа свою шляпу передними ногами.

Слава Богиням, СтилХувз прекратил палить. Секунду спустя металлический клинок, отблескивающий чем-то зелёным, пробил стол и

приложила мне в плечо. Я закрычала и прижала копытом рану, чтобы остановить кровотечение. Каламити взлетел и пустил свои Прибои в ход, Ксенит в это время достала бинты и занялась моим лечением.

Я услышала ещё один взрыв, но уже из-за двери. Аликорн попыталась воспользоваться терминалом, чтобы спуститься в шахту, но не получила доступа.

Я почувствовала прилив головокружения. Страх в моей голове вернулся. И тогда к головокружению присоединилась тошнота, заставившая меня рухнуть на пол.

— Яд, — произнесла Ксенит. — Не бойся. Это зелье я знаю. Страдать будешь, но лишь слегка. Потом станешь как новенькая.

Выгибаясь в мучительных судорогах, я поняла, что категорически несогласна с её определением слова "слегка".

Я услышала ужасный, некромантский звук от подстреленной мною зомби-зебры, встающей на ноги. Каламити вновь открыл огонь, и я услышала, как зомби жижей плюхнулась на пол.

Последняя зомби-зебра перепрыгнула через стол и оказалась лицом к лицу с Ксенит и мной. Я пыталась сосредоточиться, нацеливая Малый Макинтош, но очередной спазм в животе рассеял мою концентрацию, оставив задыхаться и молиться о потери сознания.

Ксенит среагировала мгновенно и атаковала зомби парализующим ударом. Я увидела, как её глаза расширились от страха, когда этот приём не возымел никакого действия на монстра, который незамедлительно воспользовался замешательством зебры и вонзил зубы ей в спину, прямо под одну из лопаток.

— Не трогай меня! — завизжала Ксенит, отскакивая прочь, её шкура и плоть серьёзно пострадали, пока она вырывалась из зубов монстра. Она хлестнула врага головой; не встретив сопротивления, рог адской гончей разрезал зомби-зебру. Её голова отделилась от тела и покатила по полу, остановившись напротив моего лица, мертвый свет её глаз потух, оставив после себя безжизненный взгляд, устремлённый прямо на меня.

Ксенит закричала снова, делая копытами пудинг из трупа. Потом наколола голову зомби на рог адской гончей и запустила в другой конец комнаты. Голова стукнулась о ящик с ингаляторами, опрокинув его и рассыпав содержимое по полу.

Ксенит рухнула возле меня, дрожа и задыхаясь, кровь текла по её спине.

Из дневника Миднайт Шовер

День тринадцатый:

"Исследование продвигается ужасно медленно. Похоже, лишь очень немногие зебры знакомы с фольклором своей родины. (Также они неоднократно делали мне замечание насчёт такой формулировки, утверждая, что их родина — Эквестрия.) Видимо, огромной доле местного населения никогда не рассказывали об их культурном наследии. Либо эти зебры сами решили забыть всё, что могло связывать их с нашими сегодняшними противниками, включая изо всех сил изображаемое незнание культурных и религиозных аспектов своей родины.

Винить я их не могу. С момента моего прибытия уже было несколько мелких инцидентов. В основном граффити, разбитые цветочные горшки, потоптанные палисадники и другие несущественные беспокойства. И я понимаю, что постоянные проявления нетерпимости, хоть и со стороны незначительного меньшинства, вполне могут повлиять на общий настрой жителей.

Солдаты, которым верили защиту жителей от подобных нападков, волнуют куда больше, чем сами хулиганы. Мне удалось узнать, что среди недавно переведённых сюда военных есть и те, кто служил на Утёсе Разбитого Копыта. И я собираюсь ещё до конца недели написать письмо с предложением заменить весь местный контингент военнослужащих, кто ранее принимал участие в боях с полосатыми."

— Запомни это место, малышка, — мягко сказала Ксенит, пока Каламити неумело применял её кровоостанавливающие мази и наши последние бинты. — Я сюда захочу вернуться.

Я покачала головой, открыв сейф в стене лаборатории. Я надеялась найти там ещё медикаментов, но внутри были только револьвер, патроны для него, несколько разложившихся книг и рецепт приготовления Дэша. Последний я отдала Ксенит, взяв себе патроны.

Я задержалась на мгновение, чтобы отметить лабораторию на карте моего ПипБака, перед тем как побежать к терминалу, управляющему дверью у противоположной стены помещения. Этот дался мне легко. Дверь отъехала в сторону.

Ксенит двигалась медленно, чтобы лечащие бинты затягивали её раны максимально быстро. Укус зомби-зебры больше повредил шкуру, нежели плоть, но она всё равно нуждалась в лечебном зелье, последние из которых мы истратили, чтобы избавиться от эффектов Розового Облака. Она достала неповреждённый алхимический набор и, открыв сумку, вытащила оттуда склянки с ингредиентами и полоски кожи кровокрылов.

Видя, что Ксенит собралась готовить, я повернулась к Каламити.

— Я и СтипХувз разведаем обстановку вокруг. Ты оставайся с Ксенит. — Его вооружение анклава было лучшим, что мы имели против зомби в замкнутом

пространстве. По крайней мере, эти две лужи светящейся жижи на полу уж точно больше не встали бы.

Я закрыла дверь лаборатории за нами. Теперь, зная пароли, для меня не составило бы труда открыть её, и я не хотела оставлять нашим врагам открытого прохода. Мы двигались вперёд. Вода лилась в тоннель через бесчисленные трубы и сточные канавы. Эхо грома заполняло канализацию на несколько секунд после каждого удара молнии наверху. Во всём этом шуме даже СтипХувз мог оставаться незаметным.

Мы повернули за угол и замерли, увидев сверкающий аликорний щит, перегородивший проход впереди. По другую сторону щита уровень воды поднимался во всю высоту прохода. Два тёмно-зелёных аликорна неподвижно стояли перед щитом по бокам тоннеля, словно две статуи стражей.

— Что за?..

Вспышка света, и между ними появилась их фиолетовая сестра. У неё сочилась кровь из раны, полученной, видимо, при взрыве терминала. СтипХувз занял боевую позицию. Я достала снайперскую винтовку, надеясь выстрелить до того, как аликорн успеет поднять свой щит.

— Ага! Попались! — Она недобро ухмыльнулась. Её рог засветился, и она со вспышкой исчезла, прихватив своих сестёр. Щит исчез вместе с ними, и ничем более не сдерживаемая стена воды обрушилась на нас.

С неимоверными усилиями я начала прорываться на поверхность потока, с большой скоростью нёсшегося по канализации Зебратауна. Но как только мне это удалось и я успела вдохнуть немного воздуха, моё тело затащило обратно в бурлящий водоворот, где я окончательно потеряла ориентацию в пространстве.

Я почувствовала, как врезаюсь в какие-то железные прутья. Вдруг голова начала сильно пульсировать, рог словно клещи сдавили, а шум в ушах стал невыносим. Я попыталась левитировать себя к поверхности, лёгкие горели. Но вместо глотка живительного воздуха мой рог ударился о дно канализации, отдавшись сильной болью в голове. От непроизвольного вскрика вода хлынула мне в глотку, и я начала тонуть.

В панике я развернулась и оттолкнулась ото дна так сильно, как только могла. Моя голова показалась на поверхности, а подводное течение сильно придавило меня к решётке. Я начала откашливаться, голова раскалывалась, рог чуть ли не взрывался. Из глаз потекли кровавые слёзы.

О, Богини! Передатчик!

Я была зажата. Я не могла выплыть. Мой задыхающийся разум корчился в мучительной боли, я заставила себя нырнуть обратно вниз. Открыв глаза, я всматривалась в темноту вокруг. Я заметила скелеты нескольких пони (или, вероятно, зебр), прибитых течением к железным прутьям. У одного из них был ПипБак на передней ноге. В глазах двоилось, а голова раскалывалась, но я как могла быстро оторвала ногу вместе с ПипБаком от скелета и просунула между прутьев. Течение унесло ПипБак и его испорченный передатчик.

Рванувшись обратно к поверхности, я зашла в тяжёлом кашле. Боль в голове быстро отступала, теперь лишь слегка напоминая о себе. Через железные решётки виднелся холодный серый свет дождливого дня; вода выливалась из конца дренажного тоннеля, в котором я была заперта. Я задержала дыхание, давая воде удерживать меня перед решёткой, пока её уровень не опустился до уровня груди.

Что-то тяжёлое и металлическое ударило меня сзади. Я подвинулась и заметила в воде у моих копыт какой-то предмет. Моя снайперская винтовка.

Спустя несколько минут одинокий огонёк замаячил в темноте тоннеля. Сначала я решила, что это одноглазая зомби-зебра. Но узнала фонарь на шлеме СтипХувза. Мой друг бежал ко мне, разбрызгивая воду из канализационного потока.

Из дневника Миднайт Швер

День двадцать третий:

"Мои исследования потихоньку начали приносить плоды. Судя по всему, самой осведомлённой о мифологии зебр в городе был преступник, в данный момент пребывающий в заключении в полицейском участке Зебратауна. Правда, торговка, поведавшая мне об этом, не могла или не желала говорить, какие обвинения были ему предъявлены.

Уже около месяца длится моя 'ссылка', и, пусть я и скучаю по замку, что-то в этом странном грязном маленьком милом городишке меня смущало. И вовсе не в хорошем смысле этого слова. Но продавцы больше не смотрели на меня с недоверием, и сегодня я с Дейзи наслаждалась обедом из хрустящего сена.

Как бы то ни было, становилось предельно ясно, что, вопреки усилиям полицейских, в этом городе была глубоко въевшаяся проблема контрабанды. Три смерти за последние три недели в пригородных угодьях могли быть связаны со свежезапрещённым наркотиком под названием "Дэш". Одна из смертей была вызвана передозировкой и две — огнестрельными ранениями. Причём последние два убийства были совершены одной и той же личностью, которая в тот момент была под сильным воздействием наркотиков. А сопоставив это с некоторыми собственными наблюдениями, я всё больше уверяюсь, что Зебратаун по самый круп увяз в торговле, а может даже и в производстве этого опасного вещества.

По пути домой я заметила пару пони, пытающихся пробраться в город, неся что-то, напоминающее бутылки ликёра. Их поведение было достаточно подозрительным, чтобы я их остановила и начала так громко расспрашивать их о делах в городе, что один из солдат неподалёку не удержался и обратил на них внимание. Что не удивительно, пони немедленно вспомнили о срочной встрече где-то в другом месте."

Никаких больше исследований канализации. По крайней мере, пока все остальные возможности не будут исчерпаны. Аликорны показали, как легко они могли превратить её в смертельную ловушку.

— С каких это пор аликорны говорят "ага, попались"? — спросила я, неуверенно стоя на каменистой улице Зебратауна у самой кромки воды. После того, что я пережила, меня не особо заботило, промокну я или нет, независимо от того, сколько нитей розового я видела в этой воде.

Паерлайт кружила над головой, как бы радуясь, увидев нас снова. Мы оказались отрезаны от Ксенит и Каламити, и я боялась спускаться вниз, чтобы найти их. Нет, было бы лучше если бы я отправила СтипХувза за ними. Он, по крайней мере, не мог утонуть.

Я осмотрелась вокруг, осознавая, что потеряла своего металло-бронированного спутника. Рэйнджера Эпплджек, только что стоявшего рядом со мной...

Обернувшись, я увидела, что он стоял на краю просёлочной дороги, молча глядя на свои копыта. Я подбежала и спросила, всё ли у него в порядке.

— Я умер здесь, — сказал он, перед тем как погрузиться в загадочное длительное молчание.

Из дневника Миднайт Швер

День двадцать четвёртый:

"Я шла на встречу с местными полицейскими, но мне пришлось пойти другой дорогой из-за нескольких огромных пони-повозок, загородивших путь. Времени хватало, потому я решила осмотреться и заодно заглянуть в магазинчик на окраине города, торговавший копиями церемониальных масок зебр. Я была уверена, что хозяин такого магазина многое знает об обычаях и, разумеется, убеждениях зебр.

Мои планы на вторую половину дня прервал крик о помощи, который быстро затих. По-видимому, кое-кто из 'Эквестрийской Гвардии' решил позабавиться с симпатичной зеброй. Когда я добралась до места происшествия, 'самцы' уже лежали на земле перед своим весьма сердитым командиром — сержантом Эпплсэком, который, как я позже узнала, был одним из солдат, переведённых сюда после Утёса Разбитого Копыта.

По тому, как один из солдат держался за рёбра, и по его хромой походке стало ясно, что сержант предпочёл

немногословные методы для пресечения этого 'нападения'. Хотя я, конечно, произнес несколько крепких слов после того, как уткнул забияк носами в пыль.

Но ещё сильнее меня потрясло то, что случилось далее. Я уже взяла на заметку имя сержанта, чтобы объявить ему благодарность, когда потрясенная и плачущая зебра протянула ему копыто, чтобы сказать 'спасибо'. Сержант Эпплснэк развернулся, оттолкнув её, и сказал, что он остановил этих сволочей не потому, что беспокоился о ней, а потому, что они позорили Эквестрию.

Я почувствовала, что созрела тема для еще одного письма, на этот раз адресованного самой принцессе."

Неподвижный взгляд СтилХувза был направлен на дорогу перед ним. В брусчатке я увидела четыре отпечатка копыт. Они выглядели так, будто были впавлены в твердь камня. СтилХувз медленно шагнул вперед, ставя копыта в каждое из углублений. У меня по загривку пробежали мурашки, когда я увидела, что они подошли ему идеально.

Взгляд СтилХувза скользнул к очертаниям Кантерлота вверх

— Я был здесь в день смерти Эквестрии, — медленно произнёс он. Я неподвижно слушала.

— Мы знали, что конец близится. Мы с Эпплджек были здесь, эвакуируя всех пони и зебр. Стоило Три было закрыто щитом Принцесс, но были и другие неподалёку. — Он повернулся ко мне. — Ты не представляешь, каково это — смотреть, как ракеты врезаются в щит, грозя прорваться сквозь него и убить всех внутри.

Он отвернулся.

— Затем мы получили известие, что зебры снесли Клаудсдейл с лица небес. Эпплджек простилась и помчалась в Понивиль. Я... — Из-под бесстрастной маски вырвался дрожащий вздох. — Я никогда не винил её за уход. Или за приказ остаться. За это некого было винить, кроме себя.

По хрипотце в обычно стальном голосе гуля я поняла, что мой друг сейчас по-настоящему плакал. Рейнджер Эпплджек больше не мог прятать свои душевные раны, и от этого моё сердце было готово вырваться из груди.

— Мы пытались восстановить наши отношения с той самой ночи, когда она увидела тьму во мне. Я хотел нас сохранить, но рана была слишком глубока. Она с трудом могла на меня смотреть. Я не понимал, почему она так хотела, чтобы мы были вместе. Ведь я был её недостойн. ...Но я тогда не знал, что она беременна.

Я хотела его обнять. Утешить его как-то. Но знала, что он не смог бы этого почувствовать. Броня отделяла его от нас. Всё, что я могла — быть рядом и слушать.

СтилХувз пытался стряхнуть свою скорбь.

— Я остался здесь. Она оставила меня во главе эвакуации на время её отсутствия. Я уже был ранее в Зебратауне, я знал это место. Ни один боец не знал Зебратаун так, как знал его я. Выбор именно меня был обоснован.

Он посмотрел вверх, обдумывая свою речь. Мой внутренний взор рисовал передо мной картину его рассказа.

— Щит принцесс был огромен, — напомнил он. — На несколько сотен метров выше города, он отделил Кантерлотские водопады. Вся вода ушла из города, затопив нижнюю часть щита. В это время ракеты начали взрываться о щит сверху.

— Вода отлично поглощает Розовое Облако. Когда щит пал, вся эта вода исполинским розовым цунами обрушилась на Зебратаун. Эта волна затопила город и пони... и всех, кто в городе оставался.

Он снова посмотрел вниз, выходя из углублений в брусчатке. В его голосе была болезненная ностальгия, красноречиво показавшая мне, насколько он не хотел здесь находиться.

— Я стоял на этом самом месте.

Из дневника Миднайт Шовер

День двадцать седьмой:

"Мои письма Принцессе Луне продолжают оставаться без ответа.

Я понесла звёздную сталь к одному из ювелиров города, только для того чтобы меня выперли из магазина и сказали больше никогда не возвращаться. Это из того же репертуара, что и кобыла, шесть дней назад поклявшаяся, что ничего не знает об этой вещице и о старых зебринских сказках тоже.

Я отшатнулась в сторону, когда мимо меня промчалась колесница, в которую был впряжён знакомый на вид пони, и двое, сидящих в ней, кинули горящие бутылки, выкрикивая при этом анти-зебринские лозунги, слишком грубые, чтобы я их могла повторить. Одна из бутылок угодила в окно ювелирного, где немедленно разыгрался огонь. Делая то, что любой другой хороший пони сделал бы, я помчалась на помощь лавочнице, но она остановила меня, раскидав серебряный чайный сервиз передо мной, и скрылась в чёрный ход.

Я страдала от дыма и незначительных ожогов, но ничего серьезного. Лавочница также осталась относительно невредимой. А вот юная зебра, которую спасли из пожара, сильно обгорела и была госпитализирована. Больницы здесь оборудованы и укомплектованы плохо, но тут делают всё, что могут, и используют лечебные припарки по рецептам зебр (вы, вероятно, не найдёте их даже в книгах Библиотеки Министерства Тайных Наук).

Молодая зебра попала в госпиталь с одной из нападавших. Ещё двое пони ожидали прибытия повозки в полицейском участке Зебратауна. И за задержание нападавших стоило поблагодарить сержанта СтилХувза. Он вовремя отреагировал, выхватив табельный пистолет и выстрелив возникшей в ногу.

Могу также похвалить пожарные службы Зебратауна, которые усмирили огонь до того, как он успел переползти на соседние здания.

Я провела большую часть вечера в полицейском участке, раз за разом повторяя мою версию произошедших событий. Я воспользовалась этой возможностью, чтобы побольше узнать о том зебре-заключённом, который содержался в изоляторе. Мои усилия, чтобы добиться личной аудиенции, не увенчались успехом. Этим вечером один из полицейских соизволил сообщить мне, что заключённого обвинили в контрабанде, а также было предъявлено ещё одно обвинение, которое я интерпретирую как 'ересь'.

Когда я спросила, была ли контрабанда связана с возросшим количеством инцидентов с Дэшем, полицейский категорически отрицал любую связь между Зебратауном и местной наркотической проблемой. Он утверждал, что приток Дэша наверняка исходил от кого-то, связанного с соседней ветеринарной фармацевтической компанией.

Место этого полицейский настаивал, что вся контрабанда в данном случае представляла из себя одну книгу. Я спросила, можно ли её просмотреть, отметив, что это могло бы помочь моим исследованиям. На что тот ответил, что был бы очень рад помочь мне с этим, если бы не тот печальный факт, что книгу конфисковало Министерство Стиля, забрав её из хранилища контрабанды несколько дней назад."

Ересь. У меня были свои мрачные подозрения насчёт того, что это значило. И что за книгу забрали из зебринского хранилища контрабанды. За той же самой книгой, Чёрной Книгой из потайного сейфа Рэрити, мы направлялись в Руины Кантерлота по велению Трикси-Богини. Я не знала, что шло за этим далее в моём замысле, но уже уяснила, что доставка Книги в Марипони была ключевым его моментом.

Каламити и Ксенит снова были с нами, и теперь мы, притаившись в развалинах какого-то магазинчика, глядели через булыжную площадь на полицейский участок Зебратауна. Благодаря дневнику Миднайт Шовер, я считала это место наиболее подходящим для поиска аликорнов с пленниками.

Позади раздалось тихое 'динь' — Каламити подчищал магазинную кассу. Я даже не обернулась посмотреть.

Я достала бинокль и осмотрела полицейский участок подробнее. Часть акведука, проходившего сразу за ним, обрушилась, захватив с собой где-то четверть здания. От него остались две неравные части, соединённые лишь подвальными помещениями. На крыше части побольше я заметила аликорна. Это было определённо здесь.

Я посмотрела на входную дверь и сразу поняла, что нам нужен был другой способ войти. И не из-за стражниц или замка. Просто металл двойных дверей деформировался, сплавив их вместе. Подозреваю, что рухнувший акведук напустил в здание огромное количество розовой воды, из-за чего в нём и происходили повреждения всевозможнейшего рода.

— И в какой же из двух частей они, по-вашему, держат мою дочь?

Каламити ответил за меня:

— Эт просто. В той, куда мы не пойдём сразу.

Из дневника Миднайт Шовер

День двадцать восьмой:

"Мои усилия найти лавочку, торгующую церемониальными масками, были вновь сорваны сочетанием неясных и противоречивых объяснений. В какой-то мере я понимаю и не осуждаю зебр за эскалацию. Любой бизнес, связанный с наследием родного края, увеличил бы напряжение среди Эквестрских зебр и, вероятно, стал бы магнитом для следующего нападения, подобно вчерашнему.

Мне удалось успешно уговорить одного жеребца побеседовать со мной, стоило ему напомнить о его сделке с жеребятами по обмену их ингаляторов на монеты. Я не только получила более подробное расположение магазина, но жеребец ещё раскрыл несколько скользких моментов касательно верований полосатых о принцессе Луне. К примеру, касательно зебринского фольклора, помешательство Принцессы Луны и 'глубины зла' могли быть вызваны только (и он сказал это ироничным тоном, явно насмехаясь над этим суеверием) 'внешними силами'.

Когда я спросила его, что имеется в виду под 'внешними силами', он засмеялся и ответил: 'Звёзды, глупышка. Звёзды!'

Пытаясь зародить дружественные отношения, я предложила ему сделать себе татуировку-звезду, если он действительно хочет проявить свою неприязнь к безрассудству старших. К моему удивлению, это предложение его сильно возмутило. Опуская довольно грубые и ненужные выражения, его ответ можно было свести к 'я насмехаюсь над их устаревшими верованиями потому, что я разумнее их, а не потому, что я идиот.'

Больше я ничего не смогла добиться от него.

В косвенной связи с этим вспоминается один местный слух. Кобыла, недавно поймавшая пулю в ногу, скончалась прошлой ночью. Официальные источники говорили о каких-то 'осложнениях'. А если верить слухам, она не перенесла операцию из-за возникшей дешевой ломки. Проще говоря, зебры сами были виноваты в том налёте.

И в продолжение этой темы, я встретила сержанта СтилХувза по пути к рынку. Жеребец сосредоточенно чистил свои доспехи. Какой-то вандал нарисовал полосы на защитных пластинах и нацарапал надпись 'Любитель зебр' на ботинке.

Я посочувствовала ему. Несправедливо, что ему приходится терпеть насмешки за стойкое исполнение своих обязанностей, за то, чем пренебрегает большинство солдат.

Отбросив щётку, он сплюнул и сказал мне: 'Не нравится мне этот город. С удовольствием бы покинул его. Тут становится трудно просто ненавидеть зебр и любить пони.' Мы немного поговорили, я пыталась убедить его, что эти зебры такие же граждане Эквестрии и заслуживают не меньше любви и дружелюбия. В конце концов, они же не виноваты, что родились с полосами. Будто у них был выбор. (А если бы был, то я уверена, что они предпочли бы быть пони.)

В конце концов, я всегда была очень непредубеждённой пони и сторонницей равноправия.

'Верно,' — ответил он. — 'Но я — солдат.'

Он говорил так, как будто солдату надлежит думать о зебрах только как о врагах и ни о ком больше. Возможно, в этом и был здравый смысл, но если это так, то я благодарна за то, что я не солдат.

'Больше вы меня не увидите. Я вызвался добровольцем на спецзадание Министерства Военных Технологий. Мой фургон отбывает в эти выходные, и я в этот жалкий городок больше ни ногой. И, если на то будет воля Эквестрии, мне больше не придётся любезничать с зебрами.'

Зебратаун, я подозреваю, станет хуже без него."

Я перестала читать, мои уши оживились от звука взрыва ракет по крайней мере в двух кварталах отсюда. Я прошептала короткую молитву за СтилХувза. Несомненно, Могучий Охотник на Аликорнов без труда должен был справиться с одной... мне хотелось верить. Я пожурила себя за беспокойство. СтилХувз был самым живучим гуле-пони-подобным-созданием во всей чёртовой Эквестрийской Пустоши. Мне стоило больше верить в друзей. Но... я не могла перестать беспокоиться о их безопасности, когда кому-то, кроме меня, приходилось рисковать жизнью в одиночку.

Каламити дал бы мне по голове, если бы узнал, о чём я думала. Черт, а Хомэйдж... ну, если честно, Хомэйдж дала бы мне кое-куда ещё, и мне бы это понравилось... И мне действительно не стоило бы думать о таких вещах в такой момент. Фокус, Литлпип. Фокус!

Каламити, Ксенит и я пробирались через останки внутренней двери на верхний этаж полицейского участка Зебратауна. Обвал оставил дверь доступной снаружи, давая нам возможность пройти. Паерлайт тихо летела за нами. Здесь была важна скрытность, поэтому СтилХувз вынуждался отвлекать аликорна на крыше, чтобы мы могли прокрасться внутрь.

Я подловила себя на том, что не могла решить, нравится ли мне Миднайт Шовер или нет. Я понимала, что это в любом случае уже не важно. Эта пони давно мертва. Может, меня волновало то, что королевский астроном получил невероятный подарок от Селестии и Луны лично. Или, может, потому, что эта пони знала СтилХувза ещё в тот важный и сложный период его жизни, когда он делал усилие, чтобы быть более добродушным. Однако, гражданский фанатизм этой пони постоянно напрягал меня. И это был представитель королевского двора.

Перед тем как мы разделились, я спросила СтилХувза о его первом визите в Зебратаун, дав ему знать, что в дневнике из той разграбленной хижины упоминается его имя.

— Покушение на принцессу Селестию и героическая гибель Биг Макинтоша оставили глубокий след в душе всех пони. Больше всех досталось тем, кто был в компании Макинтоша. После битвы за Утёс Разбитого Копыта, — говорил СтилХувз, — принцесса Луна распорядилась, чтобы всех, кто принимал участие в той бойне, передислоцировать ближе к сердцу Эквестрии и подальше от линии фронта, по меньшей мере, на полгода. Увольнительная с войны вместе с психологической реабилитацией. — Его определили в Зебратаун поддерживать порядок.

В комнате впереди были слабые признаки розового. Концентрация была минимальной, способной вызывать лишь приливы тошноты и головокружения, а не быструю и мучительную гибель, что нам грозила, когда мы испытали всю силу концентрированной розовой смерти в банях. Я молилась Богиням, чтобы заложников держали не в заражённой зоне. Если это было так, то мы спасали мертвецов.

Первая комната вывела нас в узкий коридор. Каламити расправил свои крылья, коснувшись стен по сторонам.

— Ну вот, это нечестно. — Он фыркнул. — Глупая зебринская архитектура. — Он, извиняясь, глянул на Ксенит. — Без обид.

— Да нет проблем.

Мы отправились вперёд, крадучись от комнаты к комнате. Нашу группу вела я с Паерлайт. Самолевитация позволяла мне безопасно снимать растяжки и обезвреживать нажимные ловушки, которые аликорны расставили по этажу. В который раз их тактика показалась мне необычной.

Я услышала голоса впереди, необыкновенно величественные голоса псевдо-богинь. Только в этот раз голоса были какие-то странно другие. Я не могла понять, в чём именно. Я махнула копытом для тех, кто был позади, показывая им оставаться на месте, и медленно проползла вперёд, вслушиваясь.

— У нас ведь достаточно полосатых пони, да? — заговорила одна из них. — У нас... — она восемь раз стукнула копытом по полу, — вот столько.

— Нет, у нас вот сколько, — сказала другая, отстукивая семь раз. — Тошная померла, когда они попали в розовое внизу, помнишь?

— Все полосатые — тошние, — пожаловалась первая. — Давай просто заберём тех, что есть, и покинем это Богиней забытое место.

Было что-то ненормальное в том, как они ссылались на самих себя. Чёрт, да весь этот разговор был охрененно странным.

— Мы ненавидим это место, — подала голос третья.

Я астыла, осознавая, что целое хреново крыло этих существ находится прямо за стеной. Я дала задний ход, обдумывая варианты обхода. А их не было, тем более в таких стеснённых условиях. Это был конкретный пиздец.

— Это забытое Богиней место заставляет нас вспоминать прошлое. Ненавижу вспоминать, — продолжил третий голос, и я тут же поняла, что в их голосах было такого странного. Они были не в моей голове. Я их слышала. Ушами. — Прошлой ночью я вспомнила, как была жеребцом.

Укуси меня Луна за зад! Розовое Облако портило им телепатию! Здесь они были отрезаны от влияния Богини. Не удивительно, что Трикси нужны были мы для экспедиции в Кантерлот.

А потом до меня дошло. Руины Кантерлота, по идее, были полны аликорнов. И эти аликорны понятия не имели, что мы-то, по идее, их союзники. Да это всем пиздецам пиздец.

Я развернулась, указывая остальным двигаться вниз по коридору.

Из дневника Миднайт Шовер

День двадцать девятый:

"Сегодня был удивительный день.

После того как ещё два торговца отказались разговаривать со мной на тему звёздной стали, я наконец нашла магазин церемониальных масок и встретила с его хозяйкой. На этот раз я предусмотрительно не стала распространяться о стали и даже упоминать, что мне о ней известно, вместо чего расспросила зебру о легендах её народа, касающихся метеоритных дождей, объясняя своё любопытство кьютимаркой на своём боку.

В ответ старая зебра рассказала мне многое, хотя и вполголоса, и только после того, как закрыла магазин и мы уединились в подсобке.

Она рассказала о вере зебр в то, что звёзды — это видимые проекции ужасных существ, настолько непостижимых, что наш разум сломается прежде, чем мы сумеем осознать хотя бы идею возможности их существования. Существа настолько извечные и ужасающие, что всё зло нашего мира не идёт ни в какое сравнение с их коварством и жестокостью.

Многое из этого я уже слышала ранее, но не в такой спокойной манере и не с такой абсолютной убеждённостию.

Среди наиболее занятых сказок была история тысячелетней давности, рассказывающая об одном из первых городов зебр и как он был разрушен несколькими метеоритными ударами во время первого задокументированного метеоритного дождя. Город был зебринским центром торговли и политики, и его разрушение повергло народ в сотни лет племенной гражданской войны.

Думаю, что описанные события, если считать их достоверными, представляют собой исторические корни того, что стало доминантным в зебриканской мифологии.

Я устроилась на парковой скамейке неподалёку от фонтана Селестии (тем самым они, полагаю, хотели заявить во всеуслышание: "мы тоже граждане Эквестрии"), когда один из этих огромных юлоподобных кораблей новой модели — Гриффинчейзер V — спустившись с Кантерлота, приземлился на дальней стороне Зебратаунской общины. Несмотря на мою должность Королевского Астронома, я никогда не видела ни одной из Кобыл Министерств. Сегодня же я увидела сразу двух. Флаттершай, глава Министерства Мира, вышла из пассажирского отсека в компании восьми других пони, пятеро из которых

несли розовые чемоданы.

Пинки Пай, Кобыла Министерства Морали, сошла с одной из шести педальных позиций и приказала тяжело нагруженным пони следовать за ней через главные ворота к одной из зебринских хибар. Она открыла дверь и вошла внутрь. Флаттершай вежливо окликнула компанию оставшихся троих и направилась с ними напрямиком в госпиталь.

Полчаса спустя пятеро пони Пинки Пай вышли из дома, сложили свои чемоданы в Гриффинчейзер и зачем-то пошли проверять окрестные дома. Немного спустя, дом покинула и сама Пинки Пай, закрыв за собой дверь. Она подбежала к калитке и положила под неё что-то, а затем накрыла эту штуку сеткой, которая имитировала грязь. Затем она ещё до кучи набросала грязи на это всё.

На этом глава Министерства Морали не успокоилась и сама замаскировалась под мусорный бак... с накладной бородой. Должна признать, это было довольно забавно.

Признаюсь, я позволила любопытству взять над собой верх. Я просидела на скамейке битый час, наблюдая за бородатым мусорным баком и его нелепой осадой пустой хижины. Моё терпение было вознаграждено, когда Флаттершай и её пони вернулись, сопровождаемые приятно потрясённой зебринской супружеской парой с молодой кобылкой, что вилась у их ног. Я не видела кобылку до того, как та получила свои ужасные ожоги, и сомневаюсь, что смогла бы узнать её, если бы всё-таки видела (ведь все зебры имели склонность выглядеть одинаково). Но было не так уж тяжело догадаться, кем должна являться кобылка.

Кроме того, было совершенно ясно, что хижина, оккупированная Министерством Морали, ранее была её домом. Даже тогда я не была готова к взрыву, запущенному, когда маленькая кобылка ступила на скрытую Пинки Пай нажимную плиту.

Я подозреваю, они будут вычищать Зебратаун от конфетти на протяжении нескольких следующих недель. Не говоря уже о ленточках на нескольких крышах. Маленькая кобылка была в крайнем восторге... после того как она выползла из своего укрытия за родительскими копытами. (Резкий звук фанфар заставил меня прыгнуть под скамейку.)

Зебры высыпали из соседних хижин, хотя я не была уверена, что они сделали это в связи с приветствием, а не для того, чтобы убедиться, что их город не подвергся бомбёжке. Однако подавляющее большинство сразу присоединилось к общему веселью.

Всё это вызывало улыбку на моём лице. Даже если зебринские жеребята имели совершенно иные предпочтения по поводу музыки для вечеринки, нежели образцовый кантерлотский пони. Единственной, кстати, кто не улыбалась, была сама Пинки Пай. Но я подозреваю, что это могло быть из-за того, что, подготовив такую замечательную вечеринку, у неё совершенно не было времени остаться и насладиться ею. Обе Кобылы Министерств и их компания поднялись в воздух на этом шести-педально-местном летуне ещё до того, как кобылка успела разрезать свой тортик."

Я принялась взламывать замок хранилища контрабанды в полицейском участке Зебратауна, размышляя во время работы:

Пинки Пай подняла вечеринки-сюрпризы на новый уровень.

Я обнаружила, что думаю о тусовочной ловушке на крыше разведенческой фермы радигаторов, гадая, какую вечеринку она затевала. Может, вечеринку "с-возвращением-извиняйте-за-то-что-аллигаторы-отхватили-вам-ногу" для кого-то из персонала питомника? Или, может, день рождения кого-нибудь из работников? Или такая же вечеринка, только для одного из аллигаторов? Я потрясла головой. Нет, я не могу представить, что даже Пинки Пай закатит вечеринку для аллигатора. Это было бы просто нелепо.

Тумблеры встали в пазы, и дверь открылась. Я шагнула внутрь, включив свет на ПипБаке, и сделала глубокий вдох, наслаждаясь затхлым, зато бесцветным воздухом.

Мой взгляд упал на оружие, и я замерла, поражённая.

— Ни хрена себе! — прошептал Каламити. Я смогла лишь кивнуть. Я была уверена, что зебры никогда не должны были иметь такого рода вооружения. Если бы Кантерлотские пони имели хоть малейшее представление о том, что полосатые граждане Эквестрии накапливали сразу под ними что-то вроде этого...

— Они готовились отразить вторжение, — тихо сказал Каламити.

Ксенит кивнула.

— Скорее всего они боялись, что Кантерлотские пони в конце концов придут за ними.

— Пушки реально в плохом состоянии, — с сожалением сказал Каламити. — Хотя думаю, что смогу собрать парочку рабочих из частей... шлук двадцати.

— Бери всё. — Меня вдруг осенило, и я начала взламывать замок на оружейном шкафчике. — Всё, что сможешь заставить стрелять.

Через мгновение я открыла шкафчик и уставилась на... штуку внутри.

— Что это?

Ксенит заглянула мне через плечо и сказала просто:

— Жар-Яйце-Мёт.

ЧТО?! Я пошатнулась на копытах.

Конечно же, один из ящиков с боеприпасами, вскрытых мною позже, хранил несколько жар-яиц. Забрав их, я левитировала Ж.Я.М.

— Сейчас вернусь, — сказала я остальным, перед тем как полезла назад в розовую дымку. Обратный путь к двери зала я преодолела за несколько минут. Аликорны всё ещё говорили внутри.

Я вышла из-за угла, активировав З.П.С., и с удовольствием увидела знакомые щрамы на одном фиолетовом аликорне.

— Попались!

Из дневника Миднайт Шовер

День тридцать второй:

"Сегодня я получила официальный документ от принцессы Луны в ответ на мои последние отчёты. По этому документу о полномочиях, подписанному Самой принцессой, местные полицейские должны дать мне право допросить любого заключённого, находящегося в их ведении.

Я заметила в городе одну странность. Как будто всё это место было оставлено. Все магазины таинственным образом оказались закрыты. Я направилась прямо в полицейский участок Зебратауна, только для того, чтобы найти его закрытым и запёртым изнутри. Мне показалось, что сегодня у зебр должен быть какой-то праздник. Учитывая тёмные и зловещие нотки в

большей части их мифологии, можно предположить, что праздники у них должны бы быть мрачным и страшным делом. Хотя даже в этом случае закрытие отделения полиции кажется исключительным. Пони бы никогда не стали закрывать центры жизненно важных услуг всего лишь из-за даты на календаре."

Мне снилось, что я, Литлпип, была зеброй. Я бежала по городу зебр... не Зебратауну, который был скорее смещением наследия зебр с эквезрийской эстетикой, а настоящему городу зебр. Город этот был сформирован в тропическом лесу на холме, деревья сами сливались в дома и здания после того, как их корни были укреплены самыми древними и священными зельями. Дома были отмечены масками дружбы и приветствия. Заборов не было. Только резьба, призванная благословить дом и отпугнуть от него злых духов. Сады овощей и трав тянулись вокруг каждого дома, и сосуды висели на ветвях. Я не была уверена, как узнала об этом, о том, как выглядел настоящий город зебр (Будь умным!), но я знала, что он был именно таким.

Я посмотрела на яркое звёздное небо и улыбнулась луне. Перед глазами в небе промелькнули полосы. Я моргнула, не понимая, что увидела.

Но потом всё изменилось. С неба упала звезда!

Я слышала вздохи и ропот от зебр вокруг меня. Я не единственная видела происходящее. Другие зебры, мои друзья и соседи, смотрели в небо. И чем больше падало звёзд, тем круглее становились их глаза. Некоторые звёзды гасли, оставляя за собой в воздухе полосы.

Одна, особенно яркая звезда, упав с небес, не погасла. Вместо этого она врезалась в нашу лесную деревню во вспышке света, звука и грязи, разрывая на куски дома и встряхнув землю под нами.

Звёзды атаковали нас!

С неба упала ещё одна звезда, прорезав через город огромный пламенеющий след. Погибли десятки моих зебр-собратьев. Возникла паника. Улицы наполнились горожан, спешно покидавших свои дома и не знавших, куда бежать.

Я ощутила, как земля содрогнулась от очередного столкновения. Лес уже горел. Взглянув вверх, я ужаснулась, мои копыта, будто приклеенные к земле, отказались двигаться. Ещё одна звезда, гораздо ярче, сорвалась с её законного места в ночном небе, устремившись прямо на меня...

Я очнулась, жадно хватая воздух!

Я посмотрела на развалины. Взрыв трёх аликорнов жар-яйцом был восхитительным убийством. Одна из них даже была достаточно быстра, чтобы создать проклятый щит, прежде чем я успела выстрелить. Но это ни черта ей не помогло.

Не была я готова к такому большому взрыву. Я была осторожной, целясь в стену позади аликорнов. Этой стены уже не было. Не было ни пола или потолка. Комната, которую аликорны занимали, как и номера с каждой стороны, стали зияющими пастями, открытыми для дождя.

Выстрелив, я снова спряталась за стену. Однако взрывом её вынесло в коридор, повалив на другую, и я оказалась зажатой между ними. Глянув в отчёт заклинания медпомощи, я очень удивилась, что, несмотря на сильные ушибы и синяки, не было никаких переломов. Повезло. А могло бы вообще размазать.

Я осмотрелась. Ж.Я.М. лежал, раздавленный куском стены. Он был сейчас бесполезен, хотя Каламити мог бы пустить его на запчаста для ремонта другого, который мы когда-нибудь нашли бы. Я сконцентрировалась, оборачивая кусок бетона полем левитации и поднимая его. Забрав Ж.Я.М. и воспользовавшись левитацией, я сделала разбитую стену невесомой и оттолкнула её.

Я выбиралась из-под обломков, поднимая их магией в воздух, когда Паерлайт приземлилась рядом со мной, Каламити и Ксенит были неподалёку. Каламити тащил огромный мешок с оружием.

Из дневника Миднайт Швер

День тридцать пятый:

"Это не праздник. На три дня Зебратаун превратился для меня в город-призрак. Три дня я добивалась аудиенции в полиции, и день за днём мне отказывали.

Я знаю, что зебры здесь. Я вижу их тени в окнах. Я застала одну зебру убирающей приветственную маску внутрь дома, перед тем как хлопнуть и запереть дверь перед моим носом. Другая торопила своего жеребёнка домой и резко изменилась в лице, когда жеребёнок мне улыбнулся. Ужас. Чистый ужас.

Хватит так хватит. У меня официальный приказ принцессы Луны, и я буду ждать снаружи до тех пор, пока меня не признают."

Мы ждали Каламити внизу лестницы. Наш друг-пегас воспользовался пробитой мною дырой сбоку полицейского участка, чтобы слетать и спрятать всё, что они с Ксенит взяли из хранилища.

Каламити оказался прав. Узников в этой части полицейского участка не было. Я отправила Паерлайт исследовать оставшиеся помещения, после того как убедила своих друзей, что мне не так плохо, как я выгляжу. Мы нашли несколько медицинских коробок в здешних уборных и несколько ящиков боеприпасов, однако больше ни одного аликорна и ни одной пленённой зебры. Они находились в другой секции. Чтобы добраться до них, нам необходимо было попасть в другую часть участка через подвал.

Ксенит выпила одно из трёх лечебных зелий, что я раздобыла, позволяя ему обработать укусы зомби-зебры. Она поймала мой взгляд и улыбнулась.

— Не бойся, малышка. Я буду в порядке. Хорошо, что от укуса сам не становишься зомби, разве нет?

Я кивнула. Хотя, судя по её выражению, было что-то ещё.

Вы не обязаны отправляться на их поиски только из-за того, что среди них моя дочь. Или из-за твоей необходимости загладить вину за город каннибалов.

Погодите, она действительно пыталась отговорить меня это сделать? Я нерешительно обратилась к своей подруге-зебре:

— Ты же не против сделать это с нами?

— О чём это ты? — спросила она, не следуя ходу моих мыслей.

— Спасти свою дочь, — сказала я осторожно. — Ты же этого хочешь, не так ли?

Ксенит на секунду уставилась на меня. Но выражение её лица смягчилось.

— Да, конечно хочу. Я желаю, чтобы моя дочь была в безопасности. — Затем, понизив голос, призналась: — Просто не знаю, готова ли я к этому.

— Что ты имеешь в виду?

Ладно. Это место было хреновым. Здесь были всевозможные способы расстаться с жизнью. Но сегодня утром я видела, как Ксенит прыгнула с летящего пассажирского фургона на спину одного из кровокрылов, намереваясь спасти жизни других. И непохоже было, чтобы Ксенит страшилась попасть в опасность вместе с нами.

— Если я её спасу, то снова буду в ответе за неё, — сказала Ксенит просто.

Я вспомнила обо всех тех вещах в ненормальной логике зебры, которые приходилось принимать как должное. Но для моей подруги они не были ни капельки безумными. Таковы были вещи в её мире, и она чувствовала себя загнанной в угол нависшей над ней ответственностью, которую она, как ей казалось, не заслужила или не могла осилить.

— Ксенит, мы должны, — сбивчиво объясняла я. — Мы не можем просто оставить их умирать, даже если их спасение будет стоить нам больше, чем мы готовы отдать.

— Я знаю это, малышка. И от этого не становится легче.

Я кивнула.

— Тогда постарайся выкинуть это из головы. Сконцентрируйся на том, что мы должны сделать, а с последствиями разберёмся, когда они придут.

Каламити вернулся.

Я вскрыла подвальную дверь и распахнула её копытом.

Подвал был заполнен Розовым Облаком.

— Дерьмо.

Снова закрыв дверь, я несколько раз вдохнула. Потом посмотрела на Каламити, Ксенит и Паерлайт.

— Готовы?

Из дневника Миднайт Шовер

День тридцать шестой:

"Я подстерегла одну из полицейских, когда та попыталась проскользнуть домой после своей смены. Припёртая к стенке, зебра призналась, что по всему городу распространился слух. Каждая зебра теперь знала, что я была обладательницей звёздного металла; хуже того, они как-то прознали, что это был фрагмент доспехов Найтмэр Мун, который я притащила с собой из Кантерлота.

Мной мгновенно завладела тревога: распространение этой информации подвергнет ценную фамильную драгоценность, доверенную мне, опасности быть украденной! Последующие слова полосатой полицейской, тем не менее, поведали мне, что всё как раз наоборот. Ни одна зебра добровольно не отважится приблизиться к 'проклятой' куче метеоритного метала, равно как не вынесет и моего присутствия, учитывая мою связь с этой фамильной драгоценностью. Безумно, но в понимании зебры, моя 'долговременная подверженность воздействию' означает, что я словно бы была заражена, как если бы я контактировала с опасной и заразной болезнью. Ни один магазин не будет иметь дел со мной. Я была неофициально, но довольно-таки эффективно изгнана.

Это всего лишь треклятый кусок металла!

Сунув бумаги в лицо зебре, я потащила её обратно в участок и потребовала облегчить мне доступ к заключённому. Признаюсь, я была, быть может, чересчур громкой и напористой для пони моего воспитания, однако мои усилия принесли свои плоды. В конце концов глава полиции открыл дверь, достаточно, чтобы просунуть голову между цепей, которые защищали его от моего насильственного проникновения. Он бросил один взгляд на мои бумаги, соглашаясь с властью, которой они меня наделяют, однако 'с сожалением' проинформировал меня о том, что заключённый совершил самоубийство позапрошлой ночью и не станет говорить ни с кем, не важно, пони или зеброй.

Я не была удовлетворена. И потребовала взглянуть на тело своими глазами. У меня было подозрение, что зебра мне лгал. Или хуже того — он сам мог решиться на грязный ход, дабы предотвратить моё общение с пленной зеброй.

К моему удивлению, глава полиции сдался. Он исчез, закрыв дверь, и в следующее мгновение я услышала, как снимаются цепи. Когда он открыл дверь снова, все полицейские покинули комнату. Я видела их, наблюдающих из смежных комнат, словно нервные жеребята, вглядывающиеся в темноту под их кроватями.

Глава полиции провёл меня через полицейский участок Зебратауна и открыл дверь, ведущую на тускло освещённый лестничный проём. Мы спустились, проходя через этаж с нормальными тюремными блоками и погружаясь дальше вниз, пока не попали в подвальное помещение, где находилась железная громадина парового котла. За ним, напротив хранилища с углём, была маленькая комнатка, не больше туалета, с тяжёлой металлической дверью. На двери находилось небольшое зарешеченное окно, сквозь которое я могла заглянуть в полутёмную камеру.

И я увидела заключённого. Эти зебры не переместили его. Я склонна полагать, они были слабо расположены даже открыть дверь, не говоря уже о том, чтобы убрать полосатое тело, находящееся внутри. Я не могла разобрать написанного на стенах, но мгновенно поняла, что он нарисовал неразборчивые письма своей собственной кровью. Я отшатнулась, когда мой пристальный взгляд упал на него: вне всяких сомнений он лишил себя жизни в приступе безумия. Он впился зубами в свои собственные передние копыта, продолжая вгрызаться, глотая кровь, пока они не оказались соединены с остальным телом лишь узенькими полосками мяса. Я не представляю, какой кошмарный импульс позволил ему оставаться в живых достаточно долго, чтобы сотворить такое с обоими копытами."

Камера была прямо посреди подвала. К тому времени, как мы достигли её, моё сердце угрожал хватить удар, мои лёгкие отказывались работать, голова разрывалась на куски, а кожу словно сдирали прямо с мяса. Я не могла достигнуть конца подвала и не могла вернуться назад, но камера как раз была свободна от розового. Всё, что было нужно — отпереть её.

Попытка провалилась. Крича в агонии, я попробовала снова. Мои компаньоны сжались неподалёку. Они умирали.

На этот раз дверь открылась. И мы все ввалились внутрь.

Пытка прекратилась, но мой Л.У.М. искрился всеми наихудшими предупреждениями. Без лечащих зелий мы не могли выбраться. А их у нас осталось только два.

Двое из нас должны были остаться позади, запертые в этой клетке до тех пор, пока остальные не вернутся с медикаментами.

— Вы двое, идите вперёд, — проскрипел Крылом на Ксенит и меня. Я открыла было рот, чтобы возразить, но он закрыл его своим копытом. — Эта миссия её гораздо больше, чем моя, и это будет правильно, если пойдёте вы. И к тому же, вы две — крутейшие спецы по побегу, чем кто-либо ещё.

Ксенит была дрожь, она выглядела болезненно.

— Нет, это... — Она замолчала, её глаза невероятно расширились, шерсть встала дыбом. Она не смотрела на Каламити. Её глаза были прикованы к стене позади него. Я подвинула своего крылатого друга и уставилась на стену. На ней были слова, нацарапанные выцветшей кровью. Но слова были странными, не принадлежащими ни одному языку из известных мне.

— Ксенит, что это?

— Пророчество, — тихо произнесла Ксенит. — На древнем языке нашего народа. — Сглотнув, она стала читать с дрожью в голосе:

Сияньем наших звёзд Мы осветим путь к вашему концу

И воссияем на могилах всего зебринского племени.

Сотни тысяч кошмаров^[4] придут за вами,

Армии нашего Тёмного Потомка заполонят небеса

И враги с неприступных городов обрушатся на ваши земли,

Защищённые бронёй, скроенной из их собственных душ.

Ликуйте с нами. Всех до единого вас ждёт смерть.

Я застыла, прикованная к месту. Пузырёк кошмарного осознания медленно поднимался в мой разум из чернейшей бездны.

Пророчество было неправильным. Это было ложью.

Но, несомненно, зная, как сильно зебры ненавидели всё, что ассоциировалось у них со звёздами, несомненно, пророчество, навряд ли этого, было бы отправлено напрямую к зебринскому монарху и религиозным лидерам их земель. Я видела Четыре Звезды. Я знала, что были зебры, верные родине, и пони, верные своей цели. Это непременно должно было быть отправлено...

И когда зебры увидели мегазаклинания и щиты аликорнов, разве они не сделали такое же предположение, как и Флаттершай о том, как заклинания могут быть использованы для защиты целого города?

Когда они узнали, что Чёрная Книга попала в копыта Рэрити, и даже услышали, что она предложила использовать сосуд души для создания неуязвимой брони, смогли бы они поверить, что она откажется от этого проекта?

А что насчёт новой брони для пегасов? И как бы они отреагировали, если бы узнали, над чем работала Твайлайт Спаркл?

Пророчество было скроенной на заказ апокалиптической брехнёй, разработанной, чтобы вынудить зебр пойти на самые крайние меры.

Но... откуда тот зебра мог знать? Как мог он предсказать, запутанно и искажённо, вещи, которые ещё даже не начали происходить до момента его смерти? Строго говоря, завладение Чёрной Книгой после его поимки как раз и запустило всё в движение.

Как?... Ладно, это не было невозможным. Я уже сталкивалась со способностями предвидения ранее. Может быть, звёзды... или что-то... дали зебре некий эквивалент необычных чувств Пинки Пай? Может, это было некое влияние Чёрной Книги или чар, что были вплетены в неё после того, как она стала сосудом души? Может, зебра была под действием Минталок... или чего-то посильнее Минталок. В конце концов, зебры как раз и были теми, кто создал этот наркотик, ведь так? Или, может быть...

Может быть...

Может быть, это не имело значения. Нет, не может. Это точно не имело значения.

Полицейские здесь были настолько напуганы этим безумным зеброй, что даже не потрудились отпереть дверь и убрать тело. Я глянула вниз и убедилась, что скелет был всё ещё здесь. Миднайт Шовер не смогла разглядеть пророчество через окно. Возможно, никто вообще не смог. Очень вероятно, что мы — первые, кто увидел письма на стене.

И наихудшим было то, что это не имело значения. Даже если пророчество так и не покинуло стены этой комнаты, зебрам это было и не нужно. Министерство Магии взломало обходные заклинания зебр всего за каких-то пару недель до Конца, и они уже использовали их для создания щитов, через которые могут пройти только определённые индивиды. Твайлайт Спаркл начала тесты на пони по созданию аликорнов с помощью ЗВТ непосредственно в день удара. Стоило этим достижениям появиться, и появление у Эквестрии непроницаемой защиты и армии продвинутых бойцов-аликорнов становилось лишь вопросом времени... как и поражение зебр в этой войне.

Зебры и так уже проиграли. Эквестрия победила. Осталось только лишь обыграть всё это. Шах и мат в считанное количество ходов. И если зебры действительно поверили, что не осталось никакой возможности выжить, что их ожидает полное уничтожение или что-то ещё хуже от Найтмэр Мун... если они правда верили в это... то единственным оставшимся выходом было взорвать шахматную доску.

Зебры не видели другого выхода.

* * *

Из дневника Миднайт Шовер

День тридцать шестой, дополнение:

"Я почти закончила собираться. Нет никакого смысла продолжать мои исследования здесь. Я больше не получу никакого сотрудничества от жителей Зебратауна. К моему смятению, даже Дейзи не отвечает на стук в дверь, хотя, возможно, её попросту нет в городе. Это не имеет значения.

Я послала сообщение принцессе Луне, проинформировав её о своём провале и незамедлительном возвращении. Я запросила королевскую колесницу подобрать меня в течении двух часов. Этого достаточно, чтобы упаковать этот терминал и остатки моих пожитков. Я хочу свалить из этого места и оказаться в своей постели ещё до полуночи.

Вот и стук в дверь. Мои провожатые прибыли слегка рановато. Что ж, придётся им подождать. Но я не заставлю их ждать долго.

Лёгкий стук перешёл в громкие удары. Я волнуюсь, что принцесса Луна разочаровалась во мне и пожелала увидеть меня до того, как я соберу вещи. Или, может, мои провожатые были приглашены на званый вечер в Кантерлоте и теперь боятся из-за меня беспардонно опоздать. Не важно. Я решила, что мне не нужна куча всего этого барахла. Я всегда могу купить новые вещи, как только вернусь в общество здравомыслящих пони. Вообще говоря, всё, что мне нужно, уже в моих сумках, равно как и сейф с реликвией и этот терминал. Я буду готова так скоро, как закончу писать эту заметку и заткну наконец..."

* * *

Мы с Ксенит пристально всматривались вверх. Вся лестница в этой части здания была разрушена, отхватив порядочный кусок от каждого этажа. Мы были на дне четырёхъярусной ямы, уставившись с поднятыми головами туда, где должны были быть камеры и этажи.

трёмя этажами выше мы увидели тюремную клетку и молодых зебр, запертых внутри. Клетка находилась за щитом, генерируемым двумя знакомыми тёмно-зелёными аликорнами, сидящими перед ней, подобно стражам, не двигающимся, не мигающим.

Этажом выше стояли и наблюдали ещё три аликорна.

Что ж, по крайней мере Розовое Облако не просочилось в эту часть здания. Я всё ещё получала отвратительные медицинские предупреждения со своего Л.У.М.а, несмотря на найденную пару лечащих зелий в полицейском хранилище, одно из которых было мною принято. Ксенит выпила другое. Я чувствовала лёгкую жалость, что не сохранила их, но к тому времени как мы обе выбрались из подвала, мы были неспособны спасти ни одной зебры. Если бы мы не нашли те два зелья, понадобилось бы спасти нас самих.

Я просто ненавидела Розовое Облако.

Пять аликорнов. Блять. Надо было предвидеть это. Аликорны обычно работают группами по трое. Здесь было трое в одном крыле. Одна на крыше, а это указывало на наличие по крайней мере ещё двух. И потому наличие тут целой пятёрки очень даже имело смысл. И как мы, мать его, должны были это проверить? Не было ни единого шанса проскользнуть в клетку. И мы были отнюдь не в наилучшем состоянии для сражения.

Я работала над превосходным планом. И почти закончила его, когда услышала, как Ксенит приглушённо ахнула.

— Сефир!

Я охнула от удивления, когда зубы Ксенит сомкнулись на моей гриве и она зашвырнула меня на свою спину. Зебра ворвалась в поле зрения аликорнов, издавая боевой клич.

Одна за другой, три аликорна поняли свои щиты и прыгнули вниз, устремляясь прямо на нас.

Ксенит повернулась и побежала... но не далеко.

— Держись, малышка!

Я плотно обвила её копытами, гадая, что она собиралась сделать. Она крутанулась, опустив свой рог, и приготовилась встретить ближайшую из аликорнов, приближающихся к ней.

— Ты же... шутишь, да?

В последний момент Ксенит прыгнула. Зебра прорезала воздух со мной, вцепившейся в её спину, словно в саму жизнь. Её копыта ударились о щит аликорна и оттолкнулись от него; сохраняя импульс, мы прыгнули к следующему, а затем к третьему.

Зебра приземлилась на третьем этаже прямо перед двумя зелёными аликорнами; я всё ещё крепко держалась за неё, смотря вниз на трёх ошеломлённых аликорнов, которых использовали в качестве платформ для прыжка.

Ксенит подняла голову и рубанула в одну и в другую сторону, рассекая своим адским рогом глотки двух аликорнов перед собой. Щит исчез.

— Открой дверь, малышка! — потребовала она. — Скорее.

Я моргнула, всё ещё потрясенная, и сползла с её спины. Я высвободила свою магию, отпирая замок на клетке с необычайной лёгкостью. Аликорны внизу стряхнули своё удивление и полетели напрямик к нам.

— У тебя есть ещё шары памяти, малышка?

Я кивнула.

— Да, но они... они не купятся на...

Но эти аликорны были отрезаны от Богини. Они могут попасться на тот же трюк!

— Отойди, — предупредила я.

Ксенит нырнула мимо меня в клетку, срывая свою сумку и высыпая её содержимое перед широкоглазыми молодыми жеребцами и кобылками. Подняв левитацией все шары памяти, что у меня были, я услышала, как Ксенит говорит:

— Такие же, как вот эта... Пусть каждый из вас возьмёт по одной и наденет. Быстро.

Аликорны летели на нас. Глядя на них вниз через руины, я метнула шары памяти в бездну с криком:

— Жар-яйца для каждого монстра! Yay!

Тройка аликорнов разлетелась.

Я услышала, как сзади меня молодые зебры вдруг начали кричать от резкой боли! В тревоге я развернулась, повернувшись спиной к пропасти.

— Что?..

Я остановилась, поражённая в очередной раз, не веря своим глазам.

А у некоторых из них есть магические амулеты, позволяющие им летать. — Голос Рэрити, говорящей с тремя надоедающими Рэйнбоу Дэш жеребцами, сладко прозвенел на задворках моего разума. — Если вы думаете, что невозможно для земной кобылы полететь в Клаудсдейл с помощью правильной магии, у вас печально короткая память.

У всех восьми зебр, стоящих передо мной, выросли большие крылья, похожие на крылья летучих мышей.

— Ого... это... когда ты?.. — Мой взгляд упал на странный талисман, висящий на шее Ксенит, сделанный из частей ингалятора и идентичный тем, что надеты на всех остальных зебрах, некоторые из которых всё ещё извивались и корчились, пока их крылья вырастали. Я поняла, для чего понадобились те полоски кровокрылов.

Ксенит улыбнулась мне с притворной невинностью.

— Ты же понимаешь, что всё это как-то жутковато, ведь так? — сказала я, слегка улыбаясь.

И снова я ехала на спине Ксенит с обвитыми вокруг её шеи копытами, её крылья хлопали по обе стороны от меня. Дождь потоком обрушился на нас, вымачивая нас обеих. Семеро других зебр парили позади нас.

У нас был довольно хиленький старт. Но ведь никто из нас не был чем-то большим, чем самым начинающим летуном. Чего нельзя сказать о трёх аликорнах, преследующих нас. Они взмыли над полицейским участком Зебратауна позади нас, подняв свои щиты сразу же, как оказались в воздухе.

Яркая вспышка и грохот сотрясли воздух, и один из зебр закричал, когда заклинание молнии аликорна поразило его. Он упал с неба, оставляя за собой дымный след.

— Нет! — закричала я и бросила к нему свою магию, заключая его в телекинетическую сеть и таща обратно к нам... но он был уже мёртв.

Вш-шш-шш-шух!

Близнецы-ракеты, стартовавшие откуда-то из Зебратаунских руин впереди, ударили прямо в один из аликорних щитов. Монстр перевёл внимание на СтипХувза.

Полицейский участок Зебратауна взорвался.

Взрыв ушёл вверх, через большую половину полицейского участка, раздирая здание на части. Сила взрыва врезалась в трёх аликорнов, сминая их щиты и сбивая ту, которая пикировала с неба на СтилХувза.

Взрывная волна достигла нас, и Ксенит потеряла контроль. Я услышала, как позади нас СтилХувз пользуется всеми преимуществами момента уязвимости аликонов. Я обернула магией Ксенит, себя и шестерых выживших зебр, потянула вверх, стараясь смягчить падение.

Мы грохнулись в амфитеатровое озеро с громким плеском.

Я задыхалась, изо всех сил стараясь грести вверх, плывя не лучше, чем Вельвет Ремеди. Едва моя голова пробилась поверхность, морду захлестнуло волной и я наглоталась смеси из воды и воздуха.

Последним, что я увидела, был вихрь зелёного и золотого, взмывшего в небо над тем местом, где раньше был полицейский участок Зебратауна.

— Ты. Сделал. ЧТО?! — вскрикнула Вельвет Ремеди.

Дождь наконец прекратился, оставив после себя влажную прохладу и серость на пустоши. И хотя здесь не было радуг, посвежевший воздух пах очень приятно.

Это был второй день нашего возвращения. Мы приехали поздно вечером, сразу после того как ливень закончился. Наше возвращение было встречено с удивлением и праздником среди зебр Глифмарка, а ночь мы проспали на сон, утро на восстановление и (метафорически) зализывание наших ран. Я хотела похороны для двух зебр, которых мы не смогли спасти, но глифмаркские зебры не хотели портить первый в их жизни светлый момент мыслью о трауре. Вместо этого мы бросили все наши усилия на помощь этому городу, прежде чем отправились бы дальше. На этот раз я не помогала только затем, чтобы уйти.

Каламити выглянул из-за военного робота, которого он чинил, и приподнял шляпу.

— Рванул большущий паровой котёл, что был у них в подвале.

СтилХувз работал рядом с Каламити, подключившись к роботу из своей магической силовой брони при помощи ПипБаковского технического приспособления, которое я одолжила ему ненадолго. Рейнджер Эпплджек перепрограммировал каждого робота из серии Энжела, которого Каламити мог заставить исправно работать, превращая их в стражей Глифмарка.

Вельвет Ремеди заикалась, выглядя совершенно ошеломлённой.

— Эй, я знал, что не смогу дорваться до выходов, но я понял, что могу пройти три метра от камеры до котла, понажимать выключатели да кнопки и рвануть назад в камеру до того, как помру. — И застенчиво улыбнулся, добавив: — И, короч, открыть печь, чтоб Паерлайт смогла залететь внутрь.

Паерлайт счастливо заворковала. Среди всех нас она была лучше всех одета, красиво пылая в огне своего собственного производства.

— Почему?

— Ну, я подумал, что у Лил'пип и Ксенит сёдла своими проблемами набиты, и мы не хотели, чтоб кто-то откинул копыта, спасая нас, — объяснил Каламити. — Так вот, я подумал, эй, паровой котёл ведь рванёт паром, ведь так? Мы видели, как дождь вымывает Розовое Облако, и я решил, что паровой взрыв очистит подвал от Облака в момент.

— Но... тебя ж убить могло!

— Ну, камера казалась реально крепкой. Я прикинул, что она выдержит. — Каламити улыбнулся, краснея. — Конеш, рвануло чертовски сильнее, чем я ожидал. Хорошо ещё, что ударная волна пошла в основном вверх.

— Это БЕЗУМИЕ! — Вельвет Ремеди топала, разрываясь между облегчением, что Каламити был жив, и желанием придушить его за этот безрассудный план.

Мягким голосом Сефир нараспев прознесла:

— Это друг твой, чьё имя Каламити, не так ли?

Ксенит пробежала мимо Каламити с Сефир и ещё несколькими другими городскими зебрами за ней. Её дочь смотрела на пегаса, когда они проходили, и Каламити приподнял шляпу и поклонился.

— Рад встрече, мисс Сефир!

Ксенит вела группу зебр вниз к лабораториям Фармацевтической компании зайки Энжела. Я не была уверена в своих чувствах к Ксенит, учащей город Глифмарк, как изготавливать Дэш, но я вняла её аргументу, что город нуждался в чём-нибудь, что они могли бы продать торговцам в обмен на продовольствие и запасы. Это была её возможность попытаться взять ответственность за них.

Хоть и на короткое время, но мы лишились Ксенит. Она собиралась остаться в Глифмарке, провести какое-то время с дочерью и помогать местному племени, в то время как остальная часть команды занялась бы Руинами Кантерлота.

Кантерлотский гуль прервал своё занятие и взглянул на Каламити.

— Как ты узнал, что котёл будет работать?

— Да я-то как раз думал, как бы его сломать. Это обычно лучший способ, чтобы что-то взорвать.

Вельвет обернулась и прошептала Паерлайт:

— Не могу поверить, что ты могла участвовать в чём-то таком... таком... безумном!

Жар-феникс выглядела немного смущённой, но тем не менее гордой. Вельвет Ремеди откинула гриву назад, высунула нос на воздух и фыркнула.

Я слушала их с улыбкой на лице. Потом повернулась к стоящим возле меня в ряд зебрам. У каждого из них было своё оружие, что собрал Каламити из оружия-хлама, добытого из хранилища контрабанды в полицейском участке.

— Теперь смотрите внимательно... — сказала я в начале их первого урока по стрельбе и безопасности при использовании огнестрельного оружия.

Они пристально смотрели на меня, желая узнать, как защитить себя и свой город. Впервые за Богини знают сколько времени в Глифмарке появилось чувство надежды.

Заметка: Максимальный Уровень.

<<< ^^>>>

[1] Angel [Энжел] (eng.) — ангел

[2] Stampede (eng.) — натиск (бегущего табуна)

[3] Полночный Дождь

[4] Nightmare Moon — Лунный Кошмар

Глава 37. Тень Министерств

«Сюда, Выходец из Стойла. Есть кое-что, что ты должна знать.»

<<< ^^>>>

Наконец-то!

Наконец-то я добралась до этого места в истории. И прошу вашего разрешения дать мне немного свободы в рассказе о нём.

Далёк и извилист был путь, приведший меня к Кантерлоту, и мне всё ещё предстоит рассказать о трудностях и открытиях, ожидавших нас там. Самыми важными из этих открытий стали шесть шаров памяти — шесть заключительных шаров памяти, найденных мной в этом месте. Именно в этих воспоминаниях завеса передо мной начала раздвигаться, являя моё истинное место в этом мире, моё предназначение и то, как всё должно было закончиться.

Я наконец-то получила первое представление о своей судьбе.

То, что это заняло так много времени, вероятно, раздражает, и вы могли бы задаться вопросом, почему я не приступила к этой части раньше. (По правде говоря, я и так пропустила немалую долю рассказа, пытаюсь поведать вам только о той части моих приключений, которая была важной и достаточно захватывающей, чтобы вы не прекращали читать.) Я рассказала вам это, думаю, по той же причине, что и принцесса Луна рассказала Свою историю Миднайт Шовер: контекст.

Только при правильном контексте можно увидеть, сколь значимы те воспоминания. И как поставили они мои копыта на дорожку, приведшую меня сюда, и почему я делаю то, что сейчас делаю.

Так или иначе, мне всё ещё предстояло долгое и опасное путешествие. Я видела только проблески. Я не нашла ещё свою добродетель, я не понимала своей роли в этом мире, и я совершенно не догадывалась о войне, готовой вот-вот обрушиться на всех нас.

Я посмотрела шары в тот момент, когда наше путешествие по Кантерлоту подошло к концу. Но я чувствую, для меня это слишком — рассказать их все сразу. Слишком для меня, по крайней мере, пытаться пережить их так. Так что, с вашего позволения, я не буду придерживаться надлежащей хронологии событий и расскажу о этих воспоминаниях по мере рассказа гораздо большей истории — рассказа о нашем посещении Кантерлота.

Благодарю вас за терпение.

— Эт ужасно быстро, — прокомментировал Каламити, глядя на на светло-розовый туман, уже заполнявший улицы Кантерлота, над которыми мы пролетали. Сильный дождь пару дней назад хорошенько промыл облако, но оно было достаточно плотным, чтобы уже через полдня воздух принял розоватый оттенок.

Большая часть города была построена из камня, вырезанного прямо из горы, на которой был построен Кантерлот. Улицы были выложены булыжником элегантными формами, сделанным из камня и раствора или магически обтёсанных камней. Большинство каменных зданий всё ещё стояло, хотя и пошло трещинами от тяжести их возраста. Когда мы подлетели к трёхэтажной башне, когда-то бывшей высококлассной гостиницей, она с грохотом рухнула, подняв вьющиеся завитки розоватой каменной пыли. Всё, что было более восприимчиво к энтропии, ныне являлось лишь ржавчиной и щебнем, мазками и пятнами, а дряхлые каркасы были окрашены розовым и разваливались по швам.

Как ни странно, некоторые из наиболее сохранившихся объектов были когда-то живыми. Чёрные и скрученные формы мёртвых деревьев выстроились линиями вдоль улиц, заполненных тёмно-розовыми сгнившими костями, многие из которых погрузились в обесцвеченные камни мостовых.

Единственным местом, выглядевшим подозрительно сохранившимся, было скопление зданий, когда-то формировавших сердце Эквестрии — рассеянные белокаменные башни королевского замка.

И повсюду был розоватый туман — слабый в воздухе под нами, более густой на улицах и между всё ещё стоящими зданиями.

— С каждым часом будет только хуже, — предупредил нас СтилХувз. — К утру Розовое Облако вернётся в полную силу.

Я сжала губы в решимости, перед тем как сказать:

— Это не будет проблемой. После Зебратауна я не собираюсь тратить здесь больше времени, чем абсолютно необходимо.

Одна из вещей, что наш опыт в Зебратауне сделал очень ясной — это что угроза со стороны Розового Облака прямо пропорциональна его концентрации. Мы провели целый час в лёгкой дымке Облака полицейского участка Зебратауна и схлопотали лишь небольшие проблемы со здоровьем. Ничего, что нельзя поправить целебным зельем и кой-каким временем на свежем воздухе. Места же, где Розовое Облако было густым, были даже более смертельны, чем описывал СтилХувз.

— Приземлимся прямо перед Министерством Стиля и бегом за тем, ради чего мы здесь, — сказала я своим спутникам. — После этого галопом в Министерство Крутости, хватаем то, что нам нужно оттуда, и сваливаем. Если повезёт, справимся менее чем за час.

Мы провели основную часть дня, помогаю Глифмарку. (Даже сейчас Ксенит была там и старалась обучить зебр-подростков методам зебринской маскировки... ну, по крайней мере, за такой короткий промежуток времени.) Солнце садилось, погружаясь за горизонт за облаками и раскрашивая мир в огненно-оранжевые и кроваво-красные оттенки. Мы надеялись получить кой-какое преимущество в предстоящей темноте.

— Ты уверен, что это место не подверглось ракетному удару? — спросила Вельвет Ремеди, наблюдая уровень ущерба по всему городу. — Всё это разрушение просто из-за возраста?

— Энтропийный эффект Розового Облака ускоряет распад, — ответил СтилХувз. — Если бы город не был сделан в основном из камня, он бы уже давно рассыпался в пыль. Лишь мистически защищённые места почти не тронуты.

— Я думаю, всё-таки часть повреждений была от взрыва, когда щит спал, — прокомментировал Каламити, делая поворот и везя нас на безопасной высоте через окраины города в направлении замка.

— Я думала, что ракетный обстрел прекратился, когда Розовое Облако заполонило щит?

— Агась, я тож это слышал, но я ща не том, — объяснил Каламити. — Помните, мегазаклинание накачало столько Облака в Кантерлот, что розовый воздух там выглядел почти твёрдым. И при этом щит был полон воздуха с самого начала...

Конечно. Давление воздуха в Кантерлоте, вероятно, было... ну, не знаю, насколько высоко, но уж точно немаленьким. Неудивительно, что Розовое Облако просочилось насколько могло в абсолютно каждую поверхность, которой коснулось.

— ...Я насчёт момента, когда щит исчез. Там был ещё один адский... ну, ты эт видел, СтилХувз. Прально?

— Я не заметил, — ответил СтилХувз угрюмо и вызывающе. — Я был слишком сосредоточен на падении волны розовой воды.

Я пересмотрела, что мы узнали из нашего так нами названного "пробного забега в Кантерлот" в Зебратауне. (Разве что я со

СтилХувз не сошлись во мнении, что означает "пробный".)

Наибольшей опасностью, с которой мы ожидали столкнуться в Кантерлоте, было Розовое Облако. Но прямо сейчас находиться там не шибко отличалось от пребывания в Зебратаунском полицейском участке, и поэтому я была уверена, что с нами всё было бы хорошо, минимизируя мы риски. Ещё мы знали, что Розовое Облако может заставить объекты сплавиться с плотью (или друг с другом), о чём мы могли не беспокоиться, пока не попадаем под воздействие высоких его концентраций, при которых точка слияния была бы далеко за нашими проблемами со здоровьем.

Так что я объявила, что не собираюсь снимать ни броню, ни ПипБак.

— Тогда я собираюсь нацепить своё боевое седло, как ток мы приземлимся, — ответил Каламити.

— Дурацкая затея, — возразил СтилХувз и пояснил: — Если уж ты настаиваешь на риске ношения брони, то Доспех Анклава не только обеспечит гораздо большую защиту, но и его энерго-магическое оружие гораздо лучше подходит для борьбы с тем, что нам, скорее всего, встретится.

Слова нашего Кантерлотского Гуля напомнили мне один из наиболее болезненных уроков Зебратауна: мои боевые навыки были здесь практически бесполезны. Два врага, с которыми мы собирались столкнуться, были Кантерлотскими "зомби" и аликорнами. Ни одно из моих оружий не стоит и выеденного яйца против последних, когда те поднимают свои щиты, или против групп вообще. Чтобы остановить Кантерлотского Гуля, я должна не только подстрелить гада, но ещё и подбежать, да каким-нить макарон оторвать ему бошку. К сожалению, пули не стремятся обезглавливать.

— Агась, я эт и так знаю, — упрямо ответил Каламити. — Но хоть я и знаю, что шансов считай нет, я всё равно не хочу рисковать быть слитым с этой треклятой хренью. — И сплюнул, как бы подчёркивая фразу.

Другой нашей заботой были радиоприёмники. СтилХувз предупредил, что любая система вещания — от ПипБаков до спрай-ботов — по всей видимости, стала смертельными ловушками, даже внутри зданий. К счастью, также заверил он нас, мы могли нормально услышать эти проклятые штуки, прежде чем попали бы в их смертельную зону. Оба радиоприёмника, жертвой которых я стала, были под помещавшей мне их слышать водой и не успели вызвать у меня реакцию, так как я слишком быстро проскочила через их убийственную зону. Я надеялась, что, путешествуя по Кантерлоту, мы могли избежать этих смертельных ловушек, если бы были достаточно осторожны.

Возвращаясь к своим предыдущим наблюдениям, Каламити высказал мысль:

— Тем не менее, Розовое Облако ужасно быстро возвращается, да ещё и так много. Ты уверен, что оно просто просачивается обратно из улиц да канав?

— Что ты имеешь в виду? — спросил СтилХувз.

— Ну, не знаю, оно подпитывается как-то, что ли, или что-то подобное.

СтилХувз взмахнул окованным металлом хвостом.

— Ты думаешь... то мегазакливание... может ещё работать? — Я почувствовала дрожь.

— Я не могу даж представить, почему всё Облако до сих пор не смыло, если эт не так.

Это была глубоко неприятная мысль.

— Но это было бы безумие. Если бы заклинание просто продолжало работать, оно в конце концов отравило бы всю Эквестрию! Зебры просто не могли такого хотеть! — сказала Вельвет Ремеди.

Нет... даже они не могли...

Я вспомнила упомянутый СтилХувзом слух: *после падения щита зебры произвели запуск мегазаклиний, дабы окончательно разрушить город. Но даже если это и правда, то те ракеты своей цели не достигли.*

— Возможно, — предположила я, — они могли спроектировать его так, чтобы оно работало неограниченное количество времени. Столько, сколько им потребуется. И потому они ожидали, что оно будет уничтожено вместе с Кантерлотом вскоре после падения щита. — После того, как оно сделает свою работу — убьёт принцесс.

Паерлайт издала скорбную ноту. Следующие несколько минут мы летели в молчании.

— Нет! — сказала я, телекинезом выхватывая Шар Флаттершай у Вельвет Ремеди, когда та достала его из одной из своих медицинских коробок. Она ахнула, когда шарик вдруг уплыл от неё.

— Литлпип! Верни назад, — сказала она, понизив голос.

Я нахмурилась и покачала головой.

— Ты теряешь себя в нём слишком часто, Вельвет. Это начинает меня действительно беспокоить.

Я могла бы позволить ей уходить в него ещё несколько недель. В конце концов, её зависимость от Шара Флаттершай пошла на убыль, когда к нам присоединилась Паерлайт. Но с тех пор, как феникс был ранен и Вельвет Ремеди бросила умирающего пони, чтобы спасти её, моя подруга-единорог стала пропадать в шаре даже чаще, чем раньше.

— Прошу прощения? — фыркнула Вельвет, телекинезом выхватывая его обратно. — Я уверена, что потеряла в шарах памяти куда меньше времени, чем ты, — отметила она. — И я была куда умнее, когда делала это.

Оуч.

— Окей, тут ты права. Но, по крайней мере, я не просматриваю один и тот же шар снова, и снова, и снова, — сказала я, стараясь казаться разумной. — Это не нормально.

Вельвет нахмурилась.

— Потому что я люблю этот. Независимо от того, как плохо здесь, я всегда могу найти утешение в Флаттершай. — Я жжалась внутри.

— И да, это эскапизм. Как чтение книги, — продолжила она. — Была бы ты обеспокоена, если бы я читала одну и ту же книгу снова и снова? У всех нас есть свои маленькие хитрости, которые помогают пройти через день. И, по крайней мере, моя — не саморазрушение.

Я почувствовала, как она явно намекала на Праздничные Минталки, но Вельвет всё же осадилась, не желая заходить так далеко. Вместо этого она, вздохнув, сказала:

— Этот мир ужасен, и мне кажется, что, сколько бы я ни сделала, он не станет лучше. Все мои друзья ежедневно рискуют своими жизнями или конечностями...

— Не я, — вставил СтилХувз.

— ...Да, но ты то у нас — совсем другая проблема, — огрызнулась Вельвет. — На мой старый дом напали, те, кого я знала, мертвы, и теперь мы собираемся нырнуть с головой в яд по приказу психотического деспота, узревшего крах расы пони. Поэтому, возможно, немножко бегства от реальности — это единственное, что не даёт мне сойти с ума.

СтилХувз повернулся ко мне, но ничего не сказал. У меня были свои собственные причины для обуздания её преклонения перед Флаттершай, но это был явно не тот способ.

— Что это такое? — спросила Вельвет Ремеди, меняя тему, указав копытом. Я проследила за тем, как она прячет шар, прежде чем повернуться, и увидеть то, что поймал её взгляд.

Заходящее солнце было за стройным белым шпилем, возвышавшимся над городом, выше самой высокой из башен замка, обрамлённым парой мраморных "крыльев", более трёх этажей высотой. Солнечный свет, казалось, зажгёт нимб вокруг шпиля, когда тень накрыла город.

— Монумент Селестии, — сообщил нам СтилХувз. — Принцесса Луна возвела его в честь принцессы Селестии и Её тысячелетнего мирного правления, когда Та ушла с трона.

— Конечно. И это объясняет, почему он выше, чем замок, — кивнула Вельвет Ремеди. — Луна всем дала понять, что не видела Себя достойной заменой Селестии.

Позади монумента протянулось безжизненное поле с уродливыми, мёртвыми деревьями, которые, казалось, торчали из грязи, словно цепкие костлявые лапы. Поле было обрaмлено мощёными булыжником дорожками. В центре был огромный прямоугольный бассейн, заполненный ярко-розовой водой. Прямо с противоположной от монумента стороны поля возвышался королевский замок с покрытыми трещинами белокаменными стенами и крошащимися шпилями.

Поле было обрaмлено по бокам, словно молчаливыми часовыми, шестью сохранившимися зданиями, стоявшими друг напротив друга, как фигуры на шахматной доске — Министерствами, каждое ныне — лишь тень царственных и впечатляющих бывших себя. Министерская Аллея.

— Да тут целая куча аликорнов, — присвистнул Каламити, глядя на тёмные формы, роившиеся в дальнем конце Министерской Аллеи. Мы были предупреждены о аликорнах в руинах Кантерлота, но я предполагала, что они будут рассеяны по городу. Вместо этого они столпились на Министерской Аллее. Их как будто что-то притягивало к замку, словно фонарь мотыльков.

Приземляться прямо на Министерской Аллее — не вариант. Они всем роем накинлись бы на нас, только коснись Небесный Бандит земли, а аликорны были одним из тех врагов, против которых мои стрелковые навыки были совершенно бесполезны... ну, по крайней мере, как только те поднимут свои чёртовы щиты.

Аликорны были одним из опаснейших и сильнейших противников в Эквестрийской Пустоши, но, по крайней мере, они были предсказуемы. Но встреча в Зебратауне всё изменила. В розовом аликорны теряли свою телепатию и связь с Богиней. Здесь они были личностями, их поведение и тактика радикально менялись. Логично, что я была недостаточно опытна, чтобы мои инстинкты говорили мне, чего от них ожидать. Эти аликорны были гораздо умнее, чем те, что мы встречали в Эглуге и Мэйнхэттене. Их индивидуальность позволяла более творческое тактическое мышление. Но в то же время они были менее скоординированы.

И если мои подозрения были верны, представляли меньшую *магическую* угрозу. За исключением того, что, как я пришла к выводу, было даром их породы, все аликорны, похоже, обладали одними и теми же заклинаниями. Но единственное заклинание, которое аликорны использовали в Зебратауне, кроме щитов, было заклинание молнии... и только одна из них его использовала. Если бы они все обладали полным спектром обычных для аликорна заклинаний, мы бы уже были мертвы. И потому я пришла к подозрению, что аликорны обладали набором заклинаний, предоставленных им Богиней, и когда их связь распалась, аликорны также потеряли и большинство своих заклинаний.

К сожалению, их треклятые щиты, похоже, были вообще врождёнными.

— Хорошо. Новый план, — объявила я. — Мы садимся рядом с Монументом Селестии, быстро и тихо перебегаем от здания к зданию, пока не достигнем наших целей. СтилХувз, какое точно из этих зданий является Министерством Крутости?

— Министерство Крутости — это небольшое остеклённое здание из чёрного камня в самом конце, рядом с замком и напротив Министерства Морали, — ответил СтилХувз и пояснил: — Министерство морали — это здание с башней-причалом для Шаров Пинки Пай.

Рядом с замком. Конечно. Как же иначе.

Я включила Л.У.М., когда Каламити, облетев вокруг монумента, стал искать хорошее место для посадки. Прямо за монументом протянулось скопление средне сохранившихся зданий, украшенных золотыми крышами. Эти здания были рассеяны по более широким земельным просторам, которые, видимо, раньше были парком. Через него вилась речка, вода которой была загрязнена лентами розового, впадая в городское озеро.

— Ну что, поехали, — выбрав место, сказал Каламити и начал снижаться. Я была благодарна ему за предупреждение, хоть нам и не шибко-то много надо было сделать, чтобы собраться. Вельвет Ремеди сделала глубокий вдох, видимо, намереваясь задержать дыхание, перед тем как мы влетим в Розовое Облако.

Мы погрузились в розовую мглу.

Цвет неба на закате превращался в нечто совершенно чуждое. Красные и оранжевые оттенки перетекали в болезненные, злокачественные цвета. (Йей!) Ну, даже с изменением планов, мы должны были управиться за несколько часов.

На моём Л.У.М.е вспыхнуло название места, пришедшее из заклинания автоматической карты моего ПипБака: Школа для Одарённых Едиорогов Принцессы Селестии.

Куча огней вспыхнула на компасе моего Л.У.М.а, но ни одна из целей не была враждебна. Я обратила своё внимание в их направлении, когда Каламити полетел вниз между крышами высоких зданий. Эти огни указывали на одно из них. Я попросила Каламити подлететь чуть поближе.

"Башня из слоновой кости:" — отобразилось на Л.У.М.е, когда мы приблизились к элегантному зданию, увенчанному золотым куполом. — "Магистратура."

Один из верхних этажей Башни слоновой кости хвастался красивым многоэтажным окном. Во время удара мегазаклинания давление воздуха разбило его, и вся башня была заполнена Розовым Облаком. Когда мы пролетали мимо, я увидела, что внутри когда-то была библиотека, все книги которой давно уже сгнили. Башня слоновой кости стала местом концентрированного Облака; я увидела большие почти твёрдые пучки розового, всплывающие вверх по лестнице из комнаты ниже.

Несколько тёмных рептилевидных форм бродило по библиотеке, иногда разминая кожистые крылья. Одно из существ, свернувшись калачиком в разбитой верхней чаше гигантских песочных часов, спокойно дремало.

Драконы. Кантерлотские Гули драконы-подростки. Думаю, примерно возраста Спайка, как в той памяти, в которой я была заперта в его теле. Я вспомнила ощущение крыльев. Они могли бы быть его братьями и сёстрами, поняла я, навсегда запертые в слабо развитых телах, не способные дальше расти и не способные умереть. Печальная нота продолжала играть, даже когда три из них на моём Л.У.М.е сменили цвет на красный.

Трое из Кантерлотских Драконов повернулись, наблюдая за тем, как мы пролетели мимо башни, затем, взмыв, устремились за нами.

СтилХувз отреагировал немедленно, кинувшись к заднему окну Небесного Бандита.

— СтилХувз, подожди! — крикнула я, не уверенная, что действию мудро, но всё же не желая ещё раз сделать ошибку, открыв огонь первой. — Вельвет, твой выход!

Выпуская дыхание, которое она всё ещё держала, Вельвет Ремеди вскочила на копыта, и, моргая на меня со странным выражением, прошла мимо. Это был её способ молча сказать "ну наконец-то", ну или она всё ещё злилась на меня за попытку отнять у неё Шар Флаттершай.

Рог Вельвет тихо засветился, СтилХувз, уступая ей место, отошёл в сторону.

— **Драконы Кантерлота, — прогремел её голос. — Мы — очень маленькие пони-путешественники, смиренные пред вашим величественным присутствием. Мы умоляем вас позволить нам пройти через ваши владения. Мы обещаем, наш визит будет кратким и мы не будем вас беспокоить.**

— Чё, правда, что ли? — пробурчал СтилХувз. Его тон ясно показывал всю его веру в дипломатию Вельвет Ремеди.

— Нет, — прошептала она в ответ. — Не совсем. — И, повернувшись ко мне, — Извини, Литлпип...

— **ЕДА!** — проревел один из драконов. Зашибись. Они едят пони! Конечно же они едят пони. Мистер Топаз планировал пирушку.

— **Конечно, конечно, — ответила им Вельвет Ремеди. — Я и не думала проходить через ваш дом, не принеся чего-нибудь в качестве пошлины.**

При этих словах она левитировала одно из платьев, что купила для меня в Башне Тенпони. То, я отметила, в подол которого было шито несколько сапфиров.

— **Боюсь, у меня только один подарок, так что я надеюсь, вы не возражаете против делёжки!** — И вышвырнула платье из заднего окна Небесного Бандита, троица драконов немедленно кинулась к украшенному камнями платью.

Повернувшись к нам, Вельвет Ремеди улыbnулась и предложила:

— Давайте быстрее внутрь, пока они не закончили драться.

* * *

Я выскочила из Небесного Бандита в тот момент, когда он коснулся земли, левитируя с собой наш скарб. Мы оставили всё, кроме необходимого, в Глифмарке на попечении Ксенит. Каламити вынырнул из упряжи.

— Эй, гляньте, — сказал Каламити, указывая меж близстоящих зданий на руины «Планшетов Клип-Клопа» в нескольких кварталах от нас. — Можт заглянем туда на обратном пути? — предложил он, когда мы начали скакать к ближайшему зданию. — Отличное местечко, чтобы раздобыть абляционную броню для нашего Бандита!

— Никаких лишних... погоди, что? — я моргнула, в замешательстве уставившись на Каламити.

— Разве ты не заметила все эти папки-планшеты, валяющиеся повсюду? — спросил Каламити, пролетая рядом с нами. — Эти штуки хрен пробьёшь!

Честно говоря, я этого не заметила. Но я и не рылась в мусоре так ярко, как Каламити. Тем не менее, планшеты в качестве брони? Он, должно быть, шутил.

— Сделаны из чистого хренслониума! — продолжил Каламити. — В них даже Малый Мак дырку не пробьёт!

Хренслониум? Да не было такой вещи, как... о! Я поняла.

— Ну, конечно, лишь новые были с него сделаны. Но только после того, как они перестали делать их из слоистого упрямиума.

— Осторожно только там, — хмыкнул СтилХувз. — Семья Эппл владела монополией на залежах упрямиума.

Вельвет Ремеди следовала за нами с полным смятения выражением лица.

— Я думала, они были яблочными фермерами... — прошептала она Паерлайт, летевшей рядом с ней.

— Ну, ерунда, — сказал Каламити. — Если бы некоторые пони не зажили весь упрямиум, может быть, они бы и не исчерпали его так быстро.

— Да будет тебе известно, Эпплджек никогда не жилила упрямиум, — ответил СтилХувз. — Она пускала в дело каждый грамм, что имела.

Я моргнула, разинув рот. СтилХувз, что, только что пошутил насчёт Эпплджек? Вау.

Волна боли прошла через мою голову, когда я подошла к двери здания, на моём Л.У.М.е среди медицинских предупреждений мигнуло название здания. Я почувствовала, как будто мой рог сжало тисками. Мой взор размылся, в ушах начало звенеть.

Я отшатнулась назад, и боль сразу исчезла.

— Стоять! — крикнула я, протягивая переднюю ногу, чтобы остановить остальных, идущих за мной. Но я была недостаточно быстра. Каламити не остановился и, пролетев надо мной, влетел внутрь, хлопнув дверью.

Как только дверь открылась, я услышала шум радио-помех. Каламити был в середине холла, когда приземлился и, пошатываясь, обернулся. Я увидела кровь, начавшую сочиться из его ушей и уголков глаз, когда он посмотрел на нас. Его лицо исказилось гримасой боли. Затем он поднял взгляд выше нас. Я увидела, как его глаза округлились от ужаса, когда он осознал, что его боевое седло было сейчас не с ним. Качаясь, он закричал:

— Лил'пип! Там! — И свалился на колени.

Я бросилась внутрь, вынимая Малый Макинтош из кобуры, наплевав на взрыв боли в голове и внезапный оттенок красного в глазах. Я развернулась и мгновенно увидела школьный динамик, встроенный в стену чуть выше бюста Богини Селестии, смотревшей на нас со стены над дверью.

БАХ!!

Первым выстрелом я промазала, вырыв дырку в стене рядом с динамиком. Моё видение быстро становилось хуже, и я не могла использовать своё заклинание прицеливания — оно не признавало динамик в качестве мишени.

БАХ!! БАХ!!

Мой второй выстрел расколол лицо Селестии. Третьим я попала в динамик, взорвавшийся дождём искр. Статический звук помех смягчился, но всё ещё оставался; боль не ушла. Тут был по крайней мере ещё один динамик! Я осмотрелась вокруг, но мой взор утонул в красном. Я ничего не видела.

Звон в ушах заглушил всё остальное. Я едва могла слышать взрывы вокруг себя, я потеряла равновесие и свалилась на бок, мой взор померк.

И тут взор очистился почти мгновенно, звон в ушах утих. И сравнительно небольшая головная боль всё ещё избивала мой мозг. Остальные бросились ко мне. Судя по дыму и мусору вокруг, СтилХувз бомбил гранатами верхние стены вестибюля, пока звук не прекратился.

Я застонала и медленно села, вытирая кровь со своих глаз.

— У нас новая проблема, — сообщила мне Вельвет Ремеди, её голос был каким-то странным и как бы далёким. Я моргнула, глядя

на неё, пытаясь очистить свой взор, потом посмотрела в сторону входа, на который она показывала.

Заклинание щита накрыло передние двери. Судя по всему, стрельба в холле частной школы магии Селестии включила систему защиты.

Только поднялись мы на третий этаж, как обнаружили, что лестница на следующий была обрушена, заставляя нас пройти через классы к лестнице на противоположной стороне. Мой план избегать обходных путей не заладился уже со старта.

Я толчком открыла дверь, проверив свой Л.У.М. на наличие противников, и зашла в класс. Здание было старым, но, к счастью, здесь не было Розового Облака, что позволяло нам действовать осмотрительно. У нас было предположение, что в кабинете директора на верхнем этаже должен быть терминал, способный отключить заблокировавшие нас внутри щиты. По крайней мере, это было то, за что мы приняли большое пространство в верхней части башни, что было на карте, располагавшейся на стене в холле и большей частью уничтоженной заградительным огнём СтилХувза.

Даже в состоянии упадка классная комната несла на себе след высшего класса, отличавший её от зданий за пределами Кантерлота. Филигрань в стенах и мебели, рваные остатки гниющих плакатов, пол, покрытый потрескавшейся двухцветной сине-голубой мраморной плиткой на манер шахматной доски.

Я остановилась, глядя на глобус, стоящий в углу, с начавшими шелушиться континентами на его поверхности. Странно, я всегда считала, что Эквестрия была плоской. Я огляделась. Последним уроком в этой комнате, видимо, была астрономия, так как на доске до сих пор была изображена схема (если я правильно поняла) единственного пути, по которому двигались солнце и луна вокруг нашего мира.

Это было вовсе не то, чему нас обучали в Стойле Два. Нас учили механике, робототехнике, тайным наукам и заклинаниям. Я иногда думала, куда солнце заходило, когда Селестия прятала его, воображая, что оно пряталось под нами, возможно, дремало. Если эта схема была правильной, то Селестия отправляла его в другую часть мира, чтобы сотворить день в другом месте. Я подумала, может, в далёких землях зебр? Или, может быть, где драконы жили изначально? Означает ли это, что Найтмэр Мун, создавая здесь вечную ночь, медленно поджаривала их в вечном дне? И... как странно было пегасам время от времени видеть и солнце, и луну на небе одновременно?

— Невероятно, — произнесла Вельвет Ремеди.

Я обернулась и увидела, что была не единственной пони, отвлекшийся на содержание помещения. Вельвет взбежала вверх по лестнице, поднимавшейся вдоль рядов стульев напротив доски. В верхней части рядом с другой дверью висело несколько плакатов. Вельвет смотрела на тот, на котором совсем молоденькая кобылка создавала волшебством щит вокруг себя и своей семьи, в то время как злобного вида зебра на удочке спускала к ним шашку динамита.

— Они в самом деле учили детей использовать их заклинание щита, чтобы защититься от атаки мегазаклинания! — топнула Вельвет Ремеди. С плакатов я почерпнула, что заклинание щита было одним из первых, что учили применять любого единорога, способного учиться. — С тем же успехом они могли бы сказать им прятаться под парты!

— Эм, Ремеди, в этой комнате нет парт, — отметил Каламити.

Вельвет Ремеди повернулась и увидела ряды стульев и кафедру; ни одной парты не было видно. Она вздохнула.

— Не в этом суть.

— Может быть, Селестия просто хотела, чтобы они не боялись? — предположила я. По моему представлению, говорить детям неправду, позволяя им думать, что они что-то могут, было добрее, чем оставить их с чувством беспомощности.

Или же моё представление было детищем исковерканной доброты?

Я хмыкнула, ненавидя Трикси.

Красные отметки появились на компасе моего Л.У.М.а. Несколько из них находились за дверью рядом с Вельвет Ремеди.

— Вельвет! — прошипела я, обращая её внимание на себя, прежде чем указать на дверь. Каламити, ныне экипированный своим боевым седлом, подлетел на позицию напротив двери. Я шепнула молитву Богине Селестии, в итоге ставшую больше извинением за пальбу ей в лицо.

Дверь открылась, и я почувствовала, как немею.

Это была маленькая кобылка-единорог, ставшая Кантерлотским Гулем, детская школьная униформа вплавилась в её плоть. Позади неё было ещё несколько жеребят и кобылок, запертых в бесконечной рутине подготовки к экзаменам... Пока они не заметили нас. И воздух наполнился звуком, более ужасающим, чем я могла себе только представить — звуком чистой и чудовищной агрессии со стороны хора болезненно детских голосов.

Нет! Селестия, помилуй!

Я застыла. Я не в силах была оторвать взгляд от детей-монстров. Я... Я не могла сделать этого.

Каламити выстрелил, пули-близнецы из его боевого седла разорвали голову кобылки, отправив её мозги на плакат "помни-о-своём-щите." И, повернувшись к нам, закричал:

— Какого лешего вы ждёте?!

Я знала, что они на самом деле не дети. Я знала, что они в лучшем случае — дикие животные. Что они убьют нас, если мы не будем бороться или не убежим. Но моё тело отказывалось делать что-либо.

Каламити выпалил снова. Стоящая рядом со мной Вельвет Ремеди бросила своё обезболивающее заклинание в молодого жеребёнка, который при его попадании лишь простонал. Заклинание не оказало на него какого-либо видимого эффекта. Даже СтилХувз, казалось, на мгновение дрогнул, но тут я услышала, как взводится его ракетная пусковая установка.

Вуууи-БАБАХ!!!

Две ракеты устремились в верхний угол и взорвались об потолок, в результате чего большие его куски обрушились на существ (детей!) ниже, вместе с половиной ряда кресел из классной комнаты над нами. Отступая назад, я споткнулась и села на круп, когда два жеребёнка и кобылка оказались погреблены под рухнувшим потолком. Маленькой пони в моей голове было болезненно интересно, убило ли это их или же просто доставило неудобство, даже когда их метки на компасе моего Л.У.М.а погасли.

— Литлпип, — скомандовал СтилХувз, — Подними нас туда. — Подними... туда? Я почувствовала, что мысли мои вязки, словно тина, и еле тянутся.

— СЕЙЧАС! — закричал он, выбивая меня из оцепенения. Каламити пролетел мимо меня, выпалив снова, когда через открытую дверь вбежал ещё один Кантерлотский Зомби-жеребёнок и перепрыгнул к нам через обломки. Двойной выстрел попал ребёнку-монстру в бок, швыряя его в ряды кресел. Я обернула всех нас левитационным полем и подняла через потолок.

Позади я услышала зловещий звук деформации, означавший, что один из павших детей Облака снова поднимался, наполненный некромантической жизнью.

Я высушила голову из классной комнаты и посмотрела в обе стороны по коридору. Я всё ждала, когда же появятся дети-зомби, но компас моего Л.У.М.а был чист от врагов. Я не могла сказать, пытались ли они всё ещё подняться к нам или прекратили преследование. Сейчас они не могли ни видеть, ни слышать нас — в буквальном смысле: с глаз долой — из сердца вон.

В коридоре была новая опасность. Воздух был заполнен розовой дымкой, густота которой росла ближе к вентиляционной решётке в потолке. За решёткой я увидела большой металлический вентилятор, деформированный и слившийся с металлом собственного стержня. Густой участок не выглядел особо большим, но медленно рос.

— СтилХувз, — приказала я, закрывая дверь. — Нам требуется разведка. Иди и найди кратчайший путь в другую безоблачную часть здания.

Стальной Рейнджер-Отступник кивнул. Я открыла дверь достаточно надолго, чтобы он галопом из неё выскочил, затем снова закрыла её.

— Эй, Пип, — почти шёпотом сказал Каламити. — Вроде, одним из ближних Министерских зданий было Министерство Магии. Я так думаю, мы должны заглянуть туда и прихватить кой-какое энерго-магическое оружие на всякий случай, если вдруг опять кучу Кантерлотских Гулей повстречаем.

— Ну, началось, — вздохнула я, заставив себя не фейсхуфить.

— Ну, энерго-магическое оружие могло б лучше согдиться против Кантерлотских Гулей, чем то, что мы с собой притащили, не считая СтилХувза, — рассудил Каламити уж слишком разумно. — И мы не должны полагаться на него, чтоб разбомбить очередное здание, когда столкнёмся ещё с несколькими.

— И раз уже заговорили на эту тему, — вмешалась Вельвет Ремеди, — нам также необходимо остановиться в Министерстве Мира. Это прямо через дорогу, мы определённо сможем запасть там медикаментами. Они нам особенно понадобятся, если в конечном итоге придётся биться против тех аликорнов.

Ну, конечно.

— Вот смотрите, — сказала я, повернувшись к ним обоим, — чем больше экскурсий мы делаем, тем более опасной эта поездка становится. Мы и так уже по графику должны были покинуть первое здание.

— Тем больше причин раздобыть дополнительные медикаменты, пока можем. Ты знаешь, в Министерстве Мира где-то должны быть склады.

Я кивнула.

— Ага. "Где-то." В том то и проблема. Вы говорите не о коротких остановках. Вы говорите об изучении этих зданий.

— Я знаю это, — кивнула Вельвет. — И я знаю, что это опасно. Но я боюсь...

— Нет, ты просто хочешь увидеть Министерство Флаттершай.

Вельвет Ремеди отступила на шаг назад, изображая раненное сердце. Я и бровью не повела.

— Ладно, ладно. Да, хочу. Но я также обеспокоена, — настаивала она, — о СтилХувзе.

— СтилХувзе? — эхом отозвался Каламити. — С чего эт ты о нём забеспокоилась? Этот парень может пережить что угодно. Даже апокалипсис.

Вельвет ремеди закатила глаза.

— Он бессмертен, несокрушим, его броня может восстановить себя. Но как мы можем знать, в порядке ли он внутри? Единственное, что может исцелить гулей — это радиация и зелья, которые его костюм автоматически ему выдаёт. В последний раз он восполнял запасы медицинского модуля своей брони ещё в Стойле Двадцать Девять. И с тех пор он был прострелен противотанковыми снарядами, упал с нескольких сот метров, прошёл через всё, что было в Зебратауне!

— Вот смотри, Вельвет, если бы у СтилХувза были проблемы, он бы сообщил нам об этом, — сказал Каламити.

— А ты уверен в этом? — ответила Вельвет. Я задумалась и оказалась не в состоянии решить, какой из недостатков моих друзей был здесь во главе — чрезмерное беспокойство Вельвет Ремеди или упрямый стоицизм СтилХувза?

Я подозревала, что это была та "другая проблема", которой, по утверждению Вельвет, был СтилХувз. Я не могла винить её за её беспокойства. В лучшем случае она была врачом, который был лишён возможности обследовать пациента. И пустоши было не в привычку предоставлять лучшее обслуживание достаточно часто. Я начала пинать себя за то, что прочность СтилХувза стала для меня сама собой разумеющейся.

— Ну, он побывал в домике Гамми, — предложил Каламити.

— Но это было до того, как он был расстрелян, — напомнила пегасу Вельвет. — После этого ты вернулся достаточно надолго, только чтобы забрать нас.

— Чёрт. — Каламити потёр лоб под шляпой. — Думаю, в твоих словах чё-т есть. — И, повернувшись ко мне, предложил: — Лиг'пип, ты могла б продиагностировать его броню и посмотреть, в каком состоянии наш друг. Как мы все знаем, он сейчас под своей бронёй может быть реально весь изодран да переломан.

Я посмотрела на дверь, желая, чтобы СтилХувз вернулся уже.

— Хорошо. Министерство Мира и Министерство Магии. Но только максимально быстро. Найдём, что нам нужно, и бегом дальше. Только целевые задачи. Никаких осмотров достопримечательностей.

Они оба кивнули. После чего Вельвет Ремеди добавила:

— По правде, я надеялась, что мы могли бы заглянуть ещё и в замок Богинь...

Я хлопнула копытом себе по лицу.

— Не-ет!

Задыхаясь, я свалилась рядом со стеллажами складского помещения, повалив несколько ящиков со средством для чистки окон себе на голову, когда, вбегая в комнату, врзалась в них. Я боролась за дыхание, моё сердце бешено колотилось в груди.

Вельвет Ремеди, последней вбжав в комнату, захлопнула дверь за собой. Она врзалась в СтилХувза и, отскочив от него, приземлилась между ним и верстаком, за который держался Каламити, прежде чем повалиться к её коленям.

— Поверить не могу, что вы уже делали с собой это и раньше! — с трудом, задыхаясь, выпалила она.

Вельвет начала раздавать лечащие зелья.

— Под полицейским участком было гораздо хуже, — простонал Каламити, опустошив своё зелье. — Почему, ты думаешь, я избрал взрыв котла лучшей альтернативой?

— Прощён, — неуверенно простонала Вельвет, левитировала своё зелье к губам и с жадностью выпила.

Я выпила переданное мне Вельвет зелье и закрыла глаза, ожидая, когда его исцеляющий эффект начнёт восстанавливать моё

сострадавшее от Облака тело. Вельвет раздала всем ещё по зелью, а я уверилась, что остановка в Министерстве Мира в конце концов была нам действительно необходима.

Со слабостью я протаскала по полу к СтилХувзу.

— Ложись, солдат, — потребовала я. Мне было слишком больно, чтобы исполнять социальный танец, что требуют дружба и вежливость.

СтилХувз повинился без вопросов, случайно опрокинув ряд вантузов своим бронированным хвостом. Я вынула инструменты и, подключив свой ПипБак к его доспехам, запустила диагностику. СтилХувз прямо-таки лучился неудовольствием по поводу вторжения в его частную жизнь, но всё же лежал молча и неподвижно.

Маленькая пони в моей голове начала паниковать, когда ПипБак зафлудил весь Л.У.М. медицинскими предупреждениями. Я старалась сохранить мою маленькую пони спокойной, когда начала закрывать сообщения об опасности, которые, вероятно, были ложными, ведь мой ПипБак не был откалиброван под гулей, тем более я не знала, что такое "норма" для Кантерлотского Гуля. Я хотела бы, чтобы у меня было понимание медицины, как у Вельвет Ремеди. Хотя, учитывая её реакцию на гулей, это не особо помогло бы..

Лишь одно я могла с уверенностью сказать — в его броне не осталось ни единого исцеляющего препарата. И, видимо, дело так обстояло ещё с Зебратауна. Жеребец держал себя на обезболивающем и боевых наркотиках, большинство из которых уже были исчерпаны. И что же он собирался делать, когда и те закончились бы?

Чёрт возьми, да одна из его ног была сломана в трёх местах. Броня держала её вместе, словно шина.

— Нехорошо, — сказала я ему строго, чувствуя, будто нацепила подковы Вельвет Ремеди. Он молчал. — Если у тебя проблемы, вроде этого, ты должен сообщить нам об этом!

— Я буду в порядке, — наконец сказал он. Но я заметила, что он не смотрел на меня, говоря это.

И самым херовым было то, что он, скорее всего, так и околачивался бы, пока не помер окончательно, не успев пополнить запасы своей брони. И до тех пор ему предстоял целый мир боли. Обезболивающие забирали много её прямо сейчас, но не всю. И они уже подходили к концу.

Это чувствовалось, как самоказнь. Может быть, за то, что произошло на Брыклинском мосту. Или, может быть, из-за пожиравших его плохих воспоминаний, старых ран и сожалений, что Зебратаун сделал вновь свежими.

Я могла бы отметить, что, когда обезболивающие кончатся, его боль, мешая ему, может подвергнуть нас риску. Это был своего рода аргумент, который, я знала, он может выслушать и принять. Но это было холодно и эгоистично. СтилХувз был нашим другом и заслуживал лучшего, чем это. Мне нужно было что-то сказать ему, что мы о нём заботились, но это всё равно было бы лишь увещеваниями в его ушах.

Я посмотрела на Вельвет Ремеди с надеждой на помощь, но лишь вспомнила о нашем споре о Шаре Флаттершай. Вельвет Ремеди сбегала от боли, СтилХувз же разрушал себя... Я посмотрела на Каламити и задалась вопросом, лучше ли он справлялся, чем другие. Казалось, у Каламити всё нормально... Но ведь и про СтилХувза я так же думала, пока не глянула поглубже.

По крайней мере, у Ксенит всё было хорошо, ведь так? Нет... Никогда не казалось, что у Ксенит всё хорошо. После того, что она пережила, я была бы удивлена, если бы в её мире вообще могло бы существовать понятие "хорошо". В мире, который отдалённо напоминал наши собственные. Её ужас быть укушенной всё ещё свеж был в моей памяти. Но, по крайней мере, ей становилось лучше, я думаю, а не хуже. Хотя... В тот момент, когда мы ушли, она всё ещё не призналась Сефир, что была её матерью. Это было лишь потому, что она была зеброй? Или это был тревожный знак, что-то ещё, что я упустила?

СтилХувз встал и двинулся назад, отсоединив мой ПипБак от своей брони.

— Я должен идти.

— Куда?

— Дальше, — ответил он. — Искать следующую комнату, чистую от Облака.

Вельвет Ремеди возвела свой щит, мерцающий магический экран заполнил коридор как раз вовремя, чтобы три ребёнка-дракончика врезались в него. Маленькие бескрылые существа зарычали и начали скрестить когтями о экран, их глаза светились, лица были искажены гневом.

— Ох, ну разве они не милашки? — проворковала Вельвет, на что получила громкое НЕТ от всех остальных из нас.

— О, ещё проблемы нам на круп, — сказал Каламити. Я обернулась.

С другого конца зала показалось несколько Кантерлотских жеребят и кобылок, вышедших с лестничной клетки. У ведущей кобылки на спине сидел ещё один Облачный дракончик.

Я уставилась на кобылку, мои глаза обратились к...

— Литлпип, ты на что пялишься?

В чёрном ужасе я прошипела:

— Посмотрите на её кьютимарку! — Из-под рваной школьной униформы ясно виднелся тёмно-розовый сгусток, украшавший бочок дитя Облака.

Я пошатнулась, как до меня дошёл смысл. Кобылка получила свою кьютимарку после мегазаключения, после своей "смерти". То, что Облако превратило бедное дитя в бессмертного монстра, уже было ужасно. Но почему-то мысль о том, что оно искаверкало и извратило её настолько, что даже украло у неё нечто, должно бы сделать её особенной... и заменило собой... Это было как-то слишком жестоко, потому гораздо более отвратительно.

Кобылка-ужас опустила голову, её рог засветился розовым. Толстые выющиеся пучки Розового Облака заструились в разные стороны из её рога, заполняя коридор. Она фактически сотворила Розовое Облако!

Дракончик спрыгнул с её спины и, разрывая своими маленькими когтями ковровое покрытие коридора, ринулся к нам.

Эхом по коридору раздался двойной выстрел Каламити, тело дракончика отшвырнуло в стену. Через мгновение струйки розового дотянулись до нас. Сразу же меня словно кинжалами поразила головная боль, голова закружилась. Я стала отступать, пытаюсь уйти, только чтобы упереться задом в щит Вельвет Ремеди. Три дракончика позади нас издали рёв ожидания и острого желания.

— Что... — Каламити кашлянул, — с... вами? — Пегас рухнул на пол, не в силах дальше лететь, когда Розовое Облако начало есть его внутренности. Он слепо выпалил в розовое. — Они... Не. Настоящие дети!

Я слышала, как дети Облака скакали по коридору к нам. Всё, что я видела — это розовое и чёрное, моё видение по краям начало темнеть. Компас моего Л.У.М.а ничего не показывал, кроме размытой массы красного. Каждый вздох, казалось, высушивал мои лёгкие, заставляя бороться всё труднее даже за половину моего обычного дыхания.

Вельвет Ремеди рухнула рядом со мной, её щит растворился. Один из детей-монстров прыгнул на меня, когтями царапая мою броню

и врываясь в плоть, его зубы погрузились в мою гриву, пытаясь достать до загривка.

СтилХувз открыл огонь по коридору. Я свернулась калачиком, когда меня начали поражать шокирующие волны и осколки от взрывов вблизи. От грохота звенело в ушах, мои чувства направления и баланса отправились в ад. Но взрывы также разметали Розовое Облако. Мои кишки скрутились, ощущение было, словно все мои внутренности начали гнить, но головная боль всё же отступила. Как раз настолько, чтобы позволить мне сосредоточиться. Я левитировала Малый Макинтош, нацелила на маленького монстра на моей спине, меня грызущего, и выстрелила.

Я почувствовала, как существо свалилось с моей спины. Бедняга, подумала я, которому не дали вырасти, не дали стать драконом.

Вельвет Ремеди, свернувшись в клубок, плакала. Два других ребёнка-монстра пытались съесть её. Её тело было покрыто мелкими кровотокающими ранками. Я выстрелила ещё дважды, освобождая её, и копытом столкнула с неё их трупы. Так или иначе, как бы ни было это ужасно, но мне было легче пристрелить этих существ, чем монстров, имевших форму детей. Как будто то, что они недостаточно выросли, чтобы говорить или думать, заставляло рассматривать их больше как бешеных животных.

Мой Л.У.М. мигал медицинскими предупреждениями. Даже поредевшее Розовое Облако убивало меня. Мне нужно было убираться отсюда, прежде чем мои внутренности стали бы отмирать. Обернув Вельвет Ремеди своей магией, я поскакала так быстро, как только мои ноги и лёгкие мне позволили... ошеломлённой рысью... стараясь выбраться из розового.

Позади меня Каламити ещё раз выпалил, затем развернулся и последовал за мной, споткнувшись при попытке бежать. Воздух наполнился тем самым отвратительным страшным звуком, когда глаза дракончика, в которого выстрелил Каламити, снова начали светиться, малыш зарычал.

— Бегите вверх, — окликнул нас наш Рэйнджер Эпплджек. — Я их задержу. — Никто не пройдёт.

— Всё, это последние наши лечебные зелья, — сказала Вельвет Ремеди со слезами на глазах. Я застонала, выпив левитированное ею ко мне зелье. А ведь мы даже не добрались ещё до Министерской Аллеи! — И у меня до сих пор не было шанса восполнить запасы брони СтилХувза.

Я наблюдала, как косые полосы красного, покрывавшие тело Вельвет, залатываются на моих глазах, в результате чего она становилась в вид нормальной, но всё равно всё ещё покрытой своей собственной кровью. Кобыла понуро свалилась на большую кровать в центре комнаты, на которой уже лежал Каламити, и свернулась калачиком.

В большой круглой комнате не было окон, но были и камин и мусоропровод, по которым Розовое Облако могло в неё проникнуть. К счастью, заклинание магической вентиляции помешало Облаку сконцентрироваться здесь, оставив в воздухе лишь лёгкий его оттенок. Переносимый уровень розового, если, конечно, не спать тут.

Комната директора когда-то была прекрасной, впечатляющей своей росписью стен (плывущими облаками синих и фиалковых оттенков) и нежной витеватостью каждой грани мебели. Призраки той красоты улавливались в жирной гнили ковра, кровати и гобеленов. Золотой, свернувшийся, как свиток, стэнд висел на стене рядом с книжным шкафом, заставленным истлелыми книгами и остатками гнили растворённых свитков. Напротив центральной кровати был ещё один золотой стэнд, на этот раз державший терминал, экран которого мягко светился.

Дверь в эту комнату была снабжена одним из самых сложных замков, с которыми я когда-либо сталкивалась. Я ожидала, что с терминалом у меня будет трудностей не меньше.

— Это просто неправильно! — давила Вельвет Ремеди, уткнувшись в Каламити. — Все эти дети... все эти маленькие дракончики... — Каламити обернул её своим крылом, и она снова зарыдала. — Они не заслужили этого! Это... Это так... несправедливо!

Это было хуже, чем несправедливо. Это было зло.

Я чувствовала, как бурлящий гнев кипит в моём бьющемся сердце. Но не на кого было злиться. Я не могла злиться ни на зебр (и, возможно, пони), создавших и развернувших мегазаклинание, давным-давно мёртвых, ни на их жертв. Нет, я была зла на Розовое Облако! Да как оно посмело!

Я начала взламывать терминал, стараясь сфокусироваться, не обращать свои разочарования на терминал, дабы не сделать ошибку и не включить блокировку.

— Литлпип... — тихо сказала Вельвет. — Если... если мегазаклинание всё ещё работает... всё ещё изливает этот яд... — Она закрыла глаза, чтобы её дрожащий голос нашёл и принял решительный тон. — Мы должны прекратить это.

Я кивнула.

Паролем были "извинения".

<=====ooO Шар-Яблоко Ooo=====>

Мой хозяин смотрел на свои часы. Маленькое копыто указывало на семёрку, большое было отклонено на несколько минут от часа. Было позднее утро, ну или час ночи. Я никак не могла узнать наверняка — коридор был из холодного серого металла без окон — но всё же ощущение было, что была ночь.

Мягкий звук прибывшего лифта позади моего хозяина привлёк его внимание. Он повернулся, когда двери лифта открывались, наполняя коридор музыкой, лившейся из динамика внутри лифта. Лифт казался пустым.

Мой хозяин отошёл, осторожно наблюдая. Двери лифта закрылись, отрезав от нас звуки музыки. Я едва слышала мягкий гул начавшего спускаться вниз лифта.

Мой хозяин посмотрел налево от себя. Пустой коридор без дверей, заканчивающийся тяжёлой стальной дверью в хранилище. Потом посмотрел направо. Магическая область синего света мерцала перед железными воротами. Комната за ними была наполнена гудением мэйнфреймов.

— Извини, что пришлось в этот раз опоздать, — сказал экзотический голос из ниоткуда, звуча слегка приглушённо. Сначала показалась голова зебры, стянувшей капюшон, потом показалось и всё остальное тело. — Я не хотела заставлять тебя ждать.

Я почувствовала, как мой хозяин сжал губы.

— Всё в порядке, Зекора. Но вам придётся поторопиться. Патруль охраны отбудет в любую минуту. Когда это произойдёт, мы обеспечим падение щита, но только на четыре минуты. Вы должны войти, получить данные и выйти. — Я видела, как моя голова повернулась и достала ключ из кармана моей униформы охранника. — Это поможет вам пройти через ворота. Вы знаете, что за систему ищите, не так ли?

Зекора кивнула. Тень грусти наплыла на её лицо.

— Спросить я хочу: оно стоит того? Пони жизнью лишатся из-за сего.

Я почувствовала, как мой хозяин хмурится.

— Мы должны быть готовы идти на жертвы, если хотим положить конец этой войне. Ваш успех здесь станет ключом к доверию Цезаря, это позволит нам приблизиться к нему.

Мой хозяин отступил назад.

— Но, если это поможет, я уверен, они обеспечат, чтобы в момент, когда зебры ударят по оружейным заводам по этим схемам, там было минимум персонала. — Хмурость моего хозяина превратилась в гримасу. — К сожалению, у нас были небольшие осложнения.

Зекора подняла бровь.

— Они установили какой-то новый детектор драгоценных камней. Что-то от Министерства Стиля. Он предназначен для обнаружения зебринских талисманов, вроде вашего плаща. И это не является частью обычной системы безопасности, потому мы не можем отключить его, не подняв тревоги. Вам придётся снять ваш плащ, прежде чем войти.

— Он не нужен будет там, так что вверю его вам. — Зекора выскользнула из плаща, из одежды оставив лишь сумку. Она выглядела странно голой без ювелирных украшений, что я видела на ней раньше.

Щит синей энергии вдруг исчез. Мой хозяин сделал резкий вдох.

— Быстро. Ударь меня. Сильно!

Зекора развернулась и лянула моего хозяина. Одно копыто угодило прямо в его грудь, сломав по крайней мере одно ребро. Другое жёстко протаранило мягкую плоть его шеи.

Глаза Зекоры округлились, увидев, как мой хозяин свалился, задыхаясь, борясь за воздух. Она явно не рассчитывала, что её удар окажется, возможно, смертельным.

Мой хозяин махнул ей, кашляя и борясь за то, чтобы оставаться в сознании. Зекора поскакала дальше по коридору. Я слышала, как она ключом отперла ворота и отворила двери, но моё видение было размытым.

Я сидела, борясь за каждый глоток воздуха, болезненно проталкивая его сквозь покалеченное горло в раненую грудь.

Я услышала звон позади. Двери лифта отворились, оттуда вышел яблочно-зелёный жеребец в смокинге и оглянулся по сторонам. Эпплснэк.

В момент, когда он увидел меня, его глаза в изумлении расширились. Потом сузились, заметив брошенный рядом со мной плащ зебры.

— Чёрт! Я знал, чувствовал же, что что-то неправильно! — Он поднял глаза и взглянул на открытые ворота и отсутствующий магический щит. — Держись, парень! Я позову...

Эпплснэк застыл, его голос резко смолк, когда он увидел Зекору, которая, обходя мэйнфрейм, направлялась обратно.

— Ты!!!!

Эпплснэк принял боевую стойку, Зекора остановилась.

— Ты!!! — с яростью в голосе крикнул Эпплснэк.

— Эпплснэк?.. — сказала Зекора не в рифму, её глаза округлились ещё больше.

— Она верила тебе! Она пустила тебя в наш дом! И ты предала её! — Эпплснэк медленно шагал вперёд. — Я открыл своё сердце тебе, потому что она этого хотела. Я даже начал сам доверять тебе, мне начала нравиться ты... зебра! Как я мог быть! Так! Глуп!

— Эп... Эппл... — прохрипел мой хозяин, приподняв копыто. — Не надо... — Но мой голос был почти беззвучен. Я, мы пытались встать, но наши копыта не работали. Я поняла, что мы действительно умирали.

— Она считала тебя своим другом. Ты разбила ей сердце! — ревел Эпплснэк. Я вдруг поняла. Это было то, что причинило ему боль. Я вспомнила реакцию СтилХувза, когда рассказала ему правду о Зекоре, и его болезненный уход, который, видимо, из-за того и последовал.

Я предпочёл бы, чтобы она убила этих монстров с холодным расчётом, — сказал СтилХувз Каламити насчёт моего неистовства в Арбе. Он считал, что было плохо не убийство. Была плохо слепая ярость.

— А теперь, именно этой ночью, этой из всех возможных ночей, ты вернулась, чтобы причинить ей боль снова?!

Зекора покорно присела на корточки.

— Поймал ты меня, драться с тобой не желаю, — сказала она нараспев. — В плен твоей волей в эту ночь попадаю.

Эпплснэк наклонился, дрожа. Потом проревел:

— Нет, Зекора! "Убита при сопротивлении аресту" говорится не так!

Нет! О нет, СтилХувз! Не делай этого!

Он кинулся вперёд и, развернувшись, лягнул Зекору. Она не пыталась увернуться. Во всяком случае, в первый раз. Но увернулась во второй. И в третий. И в четвёртый.

Мой хозяин падал во тьму, просачивающуюся по краям в его видение. Борьба за дыхание становилась всё трудней, он проигрывал. Всё его тело стало слабым и далёким. Я даже не слышала гул лифта. Но мы услышали звон. Когда двери разъехались, странно знакомая песня просочилась в коридор.

"...О, как тебя мне защитить, когда повсюду ложь и страх?

И когда всё, что было мило, в руинах обрело могилу,

И вам не выжить здесь, — нам шепчет глас впотьмах."

Это была песня, которая играла в хижине СтилХувза, когда я впервые действительно встретилась с ним. Песня, в которой он потерял себя тогда.

Мой хозяин снова сдал попытку подняться, стараясь заставить работать хоть какую-нибудь часть своего тела. У нас больше не осталось воздуха.

Дальше по коридору я увидела в попытке защитить себя атакующую Зекору. Эпплснэк нырнул под удар и сделал свой, ударив её снизу и отправив её тело в полёт. Зекора с неприятным мясистым звуком врезалась в стену, оставив на ней брызги крови, когда её тело свалилось на пол.

Из лифта раздался ужасно знакомый голос:

— Да ё-к-л-м-н! Я знаю, что он планирует сделать предложение сегодня, но если мы пропустили нашу песню лишь потому, что сержант СтилХувз вдруг стал сержантом Тормозом...

О нет! О нет-нет-нет-нет-нет-нет-нет-нет, НЕТ!

Не иди сюда, Эпплджек! Не смотри на это! Если ты увидишь это, увиденное ранит тебя.

Мы пытались восстановить наши отношения, — сказал мне СтилХувз. — *С той самой ночи, когда она увидела тьму во мне.* Не узнала о ней. Увидела.

Эпплджек, одетая в лёгкое чёрное платье, явно сшитое Рэрیتی на заказ, вышла из лифта. Она посмотрела направо, увидев пустой

коридор, оканчивающийся дверью в хранилище. Затем посмотрела налево.

Она выпучила глаза, её зрачки расширились, когда она увидела окровавленного Эпплсэка. Его грудь вздымалась с каждым вздохом, и стоял он на очень кровавом трупe Зекоры.

<=====ooO Ooo=====>

— Там, в подвале экзаменационного здания, есть тайный ход в королевскую казну? — в неверии спросил СтилХувз, когда мы бежали галопом к Монументу Селестии, наше оружие с большей частью нашей поклажи плыло позади в моём левитационном поле.

— Агась! Для меня тож это смысла не имеет. Это не то место, куда б хотелось бы иметь потайные пути, — ответил Каламити, планируя рядом с нами. — Но это именно то, что сказала карта в терминале.

Я всё ещё не оправилась от осознания, на чьи апартаменты я наложила копыта, в чей терминал проникла. Вельвет и Каламити лежали на Её постели!

После того как Её сестра приняла трон... после Литлхорна... Она проводила больше времени в Своей школе, чем в замке.

Когда мы достигли монумента, мы замедлили наш темп. Большинство аликорнов было на противоположной стороне Министерской Аллеи, но мой Л.У.М. отображал лишь достаточное количество близких к нам противников, чтобы беспокоиться, даже в румяной тусклоте света сумерек. Нам сейчас нужна была скрытность.

Монумент Селестии был великолепен, даже после столетий, наложивших свои отпечатки по всей структуре, разрушая камень и оставляя местами голый стальной каркас. Я остановилась на мгновение, чтобы с трепетом посмотреть на него, после чего поклонилась монументу, посылая молитву Богине.

Я услышала звук помех. И он становился всё громче.

Спрайт-бот приближался к нам с лицевой стороны монумента, в его транслируемом белом шуме была некроматическая смерть. Моё видение стало меркнуть, голова начала взрываться головной болью, что в этот вечер, казалось, творилось со мной уже бесконечное количество раз. Мы были лишь на границе эффекта и, чтобы он нас не поглотил, начали отступать назад.

Я была бесполезна против созданных Розовым Облаком гулей и зомби, но вот эта угроза была той, для обращения с которой лишь одна я была хорошо оборудована. Я была единственной с тихим оружием дальнего боя.

Я левитировала зебринскую винтовку, нацелилась за угол монумента и стала следить за "дружественной" целью на компасе Л.У.М.а. Ожидая, когда она влывёт в зону видимости...

Пфт. Пфт. Пфт.

Спрайт-бот упал на землю, его вещание умерло в искрах и дыме сожжённых внутренних схем. Мы пробежали мимо него, игнорируя его "труп".

Ну, большинство из нас. Каламити поднял его и передал СтилХувзу, вспомнив, что броня Рейнджеров использует металлолом для саморемонта.

Территория снаружи школы Селестии была блаженно пуста. Когда нахлынуло Розовое Облако, все, кто был снаружи, в поисках укрытия вбежали в здания. Не то чтобы здания оказались достаточно хорошим укрытием...

Когда мы обогнули одно из могучих крыльев Монумента Селестии, мы увидели, что Министерская Аллея имела не такую уж и ровную поверхность. По всему полю были разбросаны скелеты, словно чёрные сорняки торчавшие из земли. Министерская Аллея была полна пони, когда её поглотило Розовое Облако.

...жеребец, галстук-бабочка и воротник которого стали одним целым с его шеей...

...каркас коляски с ребёнком-пегасом, сваренным в него; мать этого дитя, наполовину вплавившаяся в лежащий рядом булжничик...

...кобыла, сидящая на скамейке в странной позе; её скелет ныне проплавился в скамейку, навсегда оставив её в этом положении...

...два пони, слившиеся в вечном объятии, их черепа подняты и направлены туда, откуда розовый ужас спустился на них, задувая двойную свечу любви и жизни...

— Это слишком... — простонала Вельвет Ремеди, а потом ахнула от ужаса, застыв, словно мёртвая, смотря вперёд.

Министерство Мира. Кантерлотский центр Министерства Флаттершай был построен в роще магически взращённых деревьев. Двести лет назад это было бы трогательное видение природной красоты. Но Розовое Облако убило деревья, превратив их в витой, чёрный ужас; всё здание было похоже на дом с привидениями.

Мелкие предметы усеяли булжную мостовую и безжизненные клумбы, окружавшие Министерство — ножницы, пепельницы, металлические рамки картин — давление воздуха вырвало их из комнат, когда стёкла в окнах разбились. Куски разбитого терминала лежали на крыльце рядом с передней дверью. Керамическая бабочка была разбита на шесть кусков, ныне валявшихся вдоль мёртвой живой изгороди.

Когда мы ползли вперёд, Вельвет поколебалась.

— Я... я не думаю, что хочу увидеть больше. Я не хочу знать, что это отравленное место сделало с Флаттершай.

Вельвет Ремеди остановилась, чтобы взглянуть на стоящую в углу диораму с участием Флаттершай, сидящей на лесной полянке и окружённой нежными зверьками. Я предположила, что она боролась с желанием разбить стеклянную раму и украсть кобылку-Флаттершай для себя.

— Ты в порядке?

— Я... Я просто не могу забрать её у всех её лесных друзей, — тихо проскулила Вельвет.

Министерству мира был нанесён серьёзный внутренний ущерб, когда деревья, формировавшие большинство его наружных стен, скрутились в своей неестественной агонии. Розовое Облако просочилось всюду, кроме самых глубоких внутренних помещений. К нашему ужасу, Кантерлотский центр, оказалось, к лечению и медицинским исследованиям почти не имел отношения. Он был народным фронтом и административным сердцем других центров Министерства Мира. Наши поиски медикаментов здесь не увенчались успехом.

Лишь одно хорошо — пока ещё ничто в Министерстве Мира на нас не напало. В этом месте было мертво абсолютно всё.

Я подошла к двойным дверям и толчком открыла их. Вельвет, глядя мне через плечо, заржала в смятении.

Просторное помещение, заполненное розовой дымкой, было когда-то конференц-залом. Ряды гниющих сидений спускались ступенями вниз к полуразрушенной сцене с последними обрывками проеденных Облаком штор. Стены, сформированные из ещё большего количества деревьев, были черны и мертвы.

Вельвет Ремеди почему-то оттолкнула меня и поскакала в ядовитую комнату.

— Вельвет! Ты чё творишь? Убирайся оттуда! — крикнул ей Каламити.

Вельвет не обратила на это никакого внимания, мчась к сцене и запрыгивая на неё. Я увидела, как она вздрогнула, приземлившись

на сцену, Розовое Облако начало разъедать её. Рядом со мной закрычала Паерлайт, взывая к своей любимой Вельвет.

— Что, чёрт подери, она думает, она делает?! — потребовал Каламити.

Вельвет споткнулась, поворачиваясь к аудитории и вставая перед подиумом. Она поставила на него копыто, и он распался от её прикосновения. Я услышала её всхлип. В зале по-прежнему была хорошая акустика.

Видя, как она стоит на сцене, одетая в её жёлтые медицинские коробки, я вдруг поняла, что это был не просто какой-то конференц-зал. Это была не просто какая-то сцена.

— мм... п-привет? — кротко сказала Вельвет Ремеди, читая по памяти. — Можно мне немного вашего внимания, пожалуйста? Если вы не возражаете?

О Богини!

— Стой, Лил'пип. Я ща схвачу её!

— Спасибо, — продолжала говорить Вельвет. — Сейчас... эм... Я знаю, все вы очень, очень заняты. Поэтому я постараюсь не отнять у вас много времени.

— Каламити, подожди! — сказала я, подняв копыто. Паерлайт трепетала на краю розового, крича в беспокойстве.

— Подождать? — Он повернулся ко мне в отчаянии. — Да у ней, блять, крыша поехала! Она умрёт там, если мы будем ждать!

Я сконцентрировалась, оборачивая Вельвет Ремеди своей магией.

— Я вытащу её... просто... думаю, может быть, она нуждается в том, чтобы это сделать? — Она рисковала своей жизнью ради этого, и я не могла сказать, была ли она на пути к катарсису или же к кататонии.

— Нуждается сделать что? — потребовал Каламити.

Паерлайт не стала ждать. Жар-феникс влетел в яд, направляясь к Вельвет Ремеди.

Под нами Вельвет продолжала свою речь, прекрасно копируя Флаттершай:

— Принцесса Луна дала нам... то есть... она позволила нам... У нас есть новый проект. — Вельвет сделала паузу и посмотрела на толпу, существовавшую только у неё в уме, в то время как Паерлайт приземлилась перед её передними копытами и упёрлась ей в грудь своей головкой, подталкивая, побуждая двигаться.

— Плохо дело, — сказал мне СтилХувз.

Вельвет немножко сжалась,

— Пожалуйста... всё хорошо. Я знаю, все мы перегружены и столько ещё предстоит сделать... и вы всё делаете просто замечательно. — И сотворила самую чудесную улыбку.

— Да какого сена?! — застонал Каламити.

Паерлайт начала кашлять. Я охватила её тоже своей магией, всё больше тревожась. Нуждалась ли она в этом? Простила бы она меня, вытащи я её, отказав ей в этом? Имело ли это значение?

— Но... это действительно очень важно. Я говорила с принцессой Луной, и... — Вельвет упала на колени, кашляя. Её голос становился всё слабее, она с трудом дышала. — Я очень, очень хочу осуществить этот проект. Я за него... — Снова кашель. — ...полностью, и я действительно надеюсь, что вы будете тоже. Эта страшная, ужасная война зашла далеко, длилась очень долго и принесла боль многим.

Я слышала печаль и боль в слабеющем голосе Вельвет. Дорогая, милосердная Селестия, я видела её слёзы!

— Довольно! — зарычал Каламити. — Лил'пип, тащи её оттуда! Сейчас же!

Я кивнула, смаргивая свои собственные слёзы.

— Твои бы слова, да Селестии в уши, — прохныкала я, магией поднимая Вельвет Ремеди и вытаскивая свою подругу из этой газовой камеры.

Вельвет Ремеди едва была в состоянии двигаться, а тем более ходить, даже когда я напоила её нашим последним целебным зельем. Мы оставили её на попечение Паерлайт и СтилХувза.

— А теперь потрудись рассказать мне, какого чёрта всё это было? — сердито спросил Каламити, перелетая через кабинки лабиринта офисов, в то время как я пробиралась через них.

— Шар Флаттершай, — сказала я ему. Я услышала хруст и почувствовала резкую боль в левом переднем копыте. Посмотрев вниз, я увидела, что наступила на останки маленького зверька. Остановившись, я прислонилась к стене и телекинезом вытащила обломок маленькой кости в форме шипа из копыта, показалась кровь. Были и другие маленькие скелетики по всему этажу.

— Тот зал... это была та самая аудитория, где Флаттершай разговаривала с её министерскими пони в памяти шара. Вельвет Ремеди воспроизводила это... ну или переживала... или что-то ещё.

— И это столь поразило тебя, что мы позволили ей продолжать?! — с гневом спросил Каламити.

— Я... Я не знаю. Вельвет — актёр. Не думаю, что это было... Я надеюсь, это было лишь её исполнение. Её единственный шанс побыть на сцене Флаттершай. Но...

Я повернулась к моему другу-пегасу, первому другу, которого я когда-либо имела.

— Каламити, Министерство Флаттершай создало мегазаклинания.

— ОГО! — Каламити замер в воздухе и стукнулся на пол. — Повтори-ка ещё раз!

— Они изначально были предназначены для массовых исцеляющих заклинаний. Она даже не думала, что их можно использовать как оружие, смерть несущее.

Каламити застонал.

— Вельвет...

— Она ещё не знает. Но рано или поздно она это выяснит. И когда это произойдёт, ты думаешь, для неё было бы легче, если бы мы отказали ей в шансе сделать... ну, то, что она сделала?

— Блять! — Каламити лягнул одну из стенок кабинок, пробив её копытом.

Мы двинулись дальше через офисы. Было тихо, тишина разбавлялась лишь звуками возни Каламити, рывшегося в столах и шкафчиках. Воздух здесь был ясным, разве что затхлым и старым. Тем не менее, чувствовалось, что Розовое Облако было вокруг нас, вгрызалось в моих друзей, разъедая даже нашу дружбу.

Больше не разговаривая, мы шли мимо кабинок и небольших офисов, пока не достигли изогнутого жёлтого коридора. На внутренней кривой была простая деревянная дверь, рама вокруг двери была покрыта маленькими скворечниками. Вдоль нижней части двери было несколько меньших дверок, видимо, предназначенных для маленьких зверьков, чтобы те могли входить и выходить, когда им заблагорассудится.

Вдоль внешней кривой были две пары величественных аполоничных двустворчатых дверей из полированного красного дерева. В них также были встроены маленькие дверцы для животных. Дальняя пара дверей была открыта, но всё, что я видела в комнате, была часть стены. Кривизна коридора помешала мне увидеть, что было в дальнем конце, но оно мне и не нужно было. Сразу же за открытыми дверьми к потолку коридора была подвешена стеклянная табличка с надписью "лифты", по-прежнему подсвеченная мягким мерцающим светом.

Я проверила по Л.У.М.у наличие любых признаков враждебности, компас был чист. Толкнув Каламити, я предложила:

— Давай уже покончим с этим. Я хочу выбраться отсюда. Ты берёшь на себя эту дверь, — указала я на небольшую как бы внутреннюю дверь. — А я возьму те.

Каламити несчастливо посмеялся, но всё же полетел к меньшей двери. Я могла бы держать пари, что офисы, по которым позволялось свободно бегать маленьким зверькам, были менее склонны иметь опасную систему обороны. Не то чтобы я ожидала чего-нибудь угрожающего от этих комнат, Министерство Мира было совершенно, даже устрашающе мирным.

Я проследила за тем, как Каламити открыл дверь во внутренний офис. Она даже не была заперта. Затем я направилась к ближайшей паре двойных дверей красного дерева. Внутри был конференц-зал с великолепным изысканным столом в центре из того же красного дерева, что и двери. Стулья были перевёрнуты, документы и папки разбросаны. Противоположная стена была огромным панорамным окном, смотрящим на розово-порченую Министерскую Аллею.

В комнате был единственный скелет — кобылы, свисающей с окна, её переднее копыто слилось со стеклом. Искажения расходились от её копыта по стеклу — там, где трещины в окне слились снова вместе, прежде чем давление снаружи успело возрасти достаточно, чтобы разбить окно вовнутрь. Некогда красивая седельная сумочка гнила, висая на её костях. На полу валялось её содержимое, вывалившееся через прогнившее дно.

Это была... Флаттершай? Моё сердце сжалось, комок сформировался в горле. Не отрывая взгляда от скелета, я подошла ближе, проделав путь до стола. Так или иначе, часть меня была уверена, что это Флаттершай. То, что она была... нет, погодите. Я почувствовала прилив облегчения, когда поняла, что это всё-таки не жёлтая пегаска, просто не могла быть. Не было крыльев, присутствовал рог... это был единорог. Вероятно, секретарь или медсестра, может быть, смотритель животных Флаттершай, пока она была далеко. Но точно не сама Флаттершай.

Когда я обошла стол, чтобы рассмотреть поближе, я увидела на дальней стене классную доску между двумя мониторами. Конференц-зал был предназначен для мультимедийных презентаций. Среди странных схем чётко выделялись три строки, жирно написанные жёлтым мелом, каждая первая буква строк была розового цвета.

Максимально эффективно

И совершенно мирное

Разрешение конфликта

Я почувствовала слабость.

— Ох... о, бедная Флаттершай... — Я споткнулась и села в кресло. Кресло тут же рассыпалось, роняя меня на пол. Моргнув, я обнаружила, что смотрю между ножек стола на задние копыта свисающего скелета и на мусор, выпавший из её сумочки.

Среди полусгнившего мусора лежала статуэтка. Не тронутая ни временем, ни Облаком статуэтка жёлтой пегасочки, окружённой птицами и бабочками, небольшой семьёй бурундуков и белым кроликом. Она очень мило улыбалась им из-за занавеса её розовой гривы, взгляд нежной заботы был в её глазах.

Я встала, подошла ближе и увидела...

Будь Милым.

Последняя статуэтка Кобылы Министерства. Теперь у меня был полный комплект. Только я не собиралась держать её у себя. Я знала одну кобылу, нуждавшуюся в ней больше, чем я. Кроме того, не было бы неправильным, чтобы исковерканная доброта носила с собой статуэтку Носителя Элемента Доброты? Разве я не... обесчестила бы её таким образом?

Так что, с намерением отдать статуэтку Флаттершай Вельвет Ремеди, я обернула её своей магией... и всё изменилось. Я почувствовала прилив магии, как и с другими, но на этот раз он сопровождался чем-то большим. Чем-то значительно большим.

Когда я подняла статуэтку Флаттершай перед собой, я уже знала, что всё-таки сохраню её у себя. Не из эгоизма. Не потому, что хотела этого или заслужила.

Статуэтки хотели быть вместе. Кобылы Министерств нуждались быть вместе. Они просто должны были быть. Флаттершай, Рэйнбоу Дэш, Пинки Пай, Твайлайт Спаркл, Рэрити, Эпплджек. Они были сильнее, когда были вместе, были лучше. Разделить их — это было самым худшим, что мог кто-либо с ними сделать. Я знала это, и теперь, когда их воссоединила, я знала, что просто не могу разделить их вновь.

Каламити свалил на пол найденные им медикаменты.

— Я нашёл личный кабинет Флаттершай, — сказал он Вельвет Ремеди. — И нет, прежде чем ты спросишь, её там не было. Но она оставила нам всё это...

Вельвет Ремеди расплылась улыбкой, её глаза засияли. Это было так, будто сама Флаттершай сохранила медикаменты для нас, зная, что мы будем в них нуждаться.

— Кабинет даже не был заперт, — отметил Каламити.

Вельвет начала перебирать лекарства. Каламити просто притащил всё, что нашёл. Я признала супер восстанавливающие и лечащие зелья, которых было достаточно, чтобы пройти через три Кантерлота, и ещё остался бы запас. И обезболивающих тоже. Большинство остальных препаратов, однако, было выше моего понимания.

— Ветеринарные препараты, — объяснила Вельвет Ремеди, отделяя таблетки для животных от лекарств для пони. Затем она взяла из первой кучки несколько штук. — Это для Паерлайт. На всякий случай.

Паерлайт наигранно захрипела, как будто её рвёт, а затем с вызовом посмотрела на Вельвет.

— О, если я скажу, ты примешь лекарство. — Вельвет противопоставила взгляду Паерлайт свой, её глаза сузились, но, тем не менее, она улыбалась. — У меня и так достаточно проблемных пони-пациентов.

— Офис Флаттершай был больше похож на кабинет врача, чем главы целой отрасли Эквестрийского правительства, — размышляя, сказал Каламити. — Была даже таблица проверки зрения на стене, но с орехами. — Имитируя проверку, он приложил копыто к глазу и стал перечислять: — Жёлудь, миндаль, грецкий орех, кешью, арахис, опять жёлудь...

Вельвет обернула зелья своей магией и разделила их среди нас.

— Держите их при себе. В подобном месте не имеет смысла держать все медикаменты у одной пони. — Затем она уложила

остальное в свои медицинские коробки, за исключением выборки, что приберегла для СтилХувза.

Повернувшись к нашему рейнджеру, Вельвет предупредила:

— Сейчас я дам тебе всё, что могу, в том числе и примерно половину обезболивающих. Но в запасах Флаттершай нет боевых наркотиков, так что, боюсь, тебе придётся обойтись без Бака и Дэша, ну а всё остальное ты уже накачал в своё тело. — И, пощипав, добавила: — И нам всё ещё нужно найти для тебя яму с радиацией так скоро, как только сможем. Прежде чем ты опять влезешь в бой с чем-нибудь слишком опасным.

СтилХувз усмехнулся, но ничего не сказал, предоставляя Вельвет Ремеди доступ к медицинскому модулю своей брони.

Каламити вытащил несколько банок и коробочек еды, раздобытые им из настенного торгового автомата. Я почувствовала гул в своём кишечнике и поняла, что уже давно голодна. "Тортики двухсотлетней свежести" звучало не шибко аппетитно, но то, что Каламити поставил перед нами, было всем, что мы имели. Мы оставили всю нашу провизию с Ксенит и голодающими зебрами Глифмарка.

— Вы будете рады узнать, что Флаттершай со всем её Министерством были, по-видимому, поголовно вегетарианцами, — пошутил Каламити.

Вельвет Ремеди зыркнула не него.

— Каламити! Не могу поверить, что даже после Арбы ты всё равно думаешь о поедании мяса! — Она указала копытом на меня. — Даже Литлпип лучше усвоила урок.

— Ну спасибо, блин, — пробормотала я.

Каламити пожал плечами.

— Говоришь как пони, ни разу в жизни не пробовавшая бекона. — Чёрт. Я должна была признать, что буду скучать по бекончику. Но после того как невольно отведала другого пони, не думаю, что смогла бы переварить его.

Вельвет заржала, глаза сузились, она шагнула к пегасу, встав к нему почти морда к морде.

— Знаешь, иногда я думаю, что причиной, почему у тебя не было так много проблем с теми каннибалами, как было у нас, потому что ты любишь мясо и не видишь особой разницы между поеданием радсвинины и поеданием пони.

Каламити заржал в ответ и так же в ответ сузил глаза.

— А я иногда думаю, что причиной, почему вы, стойловский народец, так презираете поедание мяса, потому что как раз именно вы не видите особой разницы между мясом радсвина и мясом пони.

И всё из-за какой-то еды... Я беспомощно наблюдала, как двое влюблённых свирепы смотрят друг на друга.

— Пони должны быть вегетарианцами. Поедание мяса — изврат. Каждый раз, когда ты делаешь это, пустошь одерживает маленькую победу.

— Глупости. Это выживание, — возразил Каламити. — Чёрт, даж поедание пони — это преступление без жертв. В конце концов, они ж мертвы. Им плевать. И вот только когда пони начинают убивать других пони, как ублюдки из Арбы, вот ток тогда, я считаю, они делают что-то не так.

Ещё больше сверления взглядом. Воздух между ними стал таким напряжённым, что я начала бояться, как бы чего-нибудь не взорвалось, в равной степени ожидая от них, что они начнут стрелять друг в друга или целоваться.

Наконец Вельвет Ремеди предложила, понизив голос:

— Давай просто разойдёмся и двинемся к следующему зданию, пока один из нас не сказал что-нибудь, о чём потом пожалеет.

— Мне кажется, это ты первая скажешь то, о чём потом пожалеешь.

— Напротив...

— ХВАТИТ! — рявкнула я, не в силах больше терпеть напряжение. Я собрала телекинезом остатки еды и кинула их в сумку. — Хватит вам уже, в самом деле! — сказала я, топнув ногой. — Идём к следующему зданию. Каламити, ты идёшь впереди вместе со мной, Вельвет — позади. — Затем, левитировав наше оружие и поклажу, я проворчала: — О Богини, вас двоих куда с собой брать нельзя.

Паерлайт приземлилась на боевое седло СтилХувза. Клянусь, птица смеялась.

Мы были на полпути от Министерства Мира к Министерству Тайных Наук, когда аликорн заметила нас. Она стояла на крыше Министерства Твайлайт, глядя на Аллею ниже. Сначала я спутала её с резной статуей; всё здание Министерства было на аликорний мотив и напоминало коня на шахматной доске — Министерской Аллее. Тёмно-синий камень, видимо, был выбран в честь Луны. Стена, охватывавшая основание здания, была из гладкого мрамора и инкрустирована серебром и алмазами, выстроенными в виде созвездий — вид, который можно было бы ожидать от безвкусно показной обсерватории или очень плохого платья. Даже при наличии красного света на моём Л.У.М.е я была удивлена, когда часть архитектуры поднялась в воздух и, окуржив себя магическим щитом, спикировала на нас.

БАБАХ!!!

Я упала, хватаясь за звенящие уши, когда выстрел из Грома Спитфайр пронзил щит аликорна и пробил её шею, окрасив кровью внутреннюю сторону щита у неё за спиной. Щит угас, и аликорн врезалась в землю перед нашими копытами.

Вельвет Ремеди подбежала ко мне, и наклонившись, поддела меня головой, помогая подняться на копыта. Как только я встала, она попятилась и что-то стала говорить, но из-за звона в ушах я её не слышала. Постигнув моё пустое выражение лица, она указала копытом на поле Министерской Аллеи.

Я крутанулась, и компас моего Л.У.М.а наполнился красными огнями. Выстрел обратил на нас много внимания. Аликорны уже начинали поворачиваться в нашу сторону, некоторые из них уже повзлетали.

СтилХувз проскакал мимо нас, совершенно не обращая внимания на здания Министерств, засыпая ракетами и гранатами группы аликорнов. Поле Министерской Аллеи разразилось грязью, дымом и пламенем.

БАБАХ!!!

БАБАХ!!!

Каламити, целясь в экранированных аликорнов, стрелял с Грома Спитфайр так быстро, как только массивное оружие позволяло, в то время как СтилХувз бросился к ним прямо через густой розовый бассейн, разрывая в клочки всех, кто слишком медленно реагировал на массивность и сокрушительность его атаки.

Одна из аликорнов с дальней стороны розовой воды встала на дыбы.

— Я лично принесу голову пегаса Прозревающей Тьму! — Она взмыла в воздух, мерцающий щит образовался вокруг неё.

— Фы фто? — возмутился Каламити через по-прежнему зажатый в зубах Гром Спитфайр.

БАБАХ!!! Выстрел прошёл сквозь сердце вспышки света, где аликорн была мгновением раньше. В тот же миг тёмно-фиолетовый монстр появился в другой вспышке света прямо за спиной Каламити.

Стреляя из Малого Макинтоша, я бросилась к ней, Вельвет Ремеди посакала рядом со мной. Мои пули с искрами поглощались аликорним щитом. Рог монстра засветился. Проскользив, я остановилась и разинула рот, глядя на то, как сияющая магией пурпурного аликорна кровь из рухнувшего рядом с Каламити аликорного трупа всплывает в воздух и начинает принимать форму.

Каламити развернулся, но аликорн была слишком близко. Ствол Грома Спитфайр ударился о щит, от чего выскользнул из зубов Каламити. Вельвет Ремеди проехала, останавливаясь, и, колдуя обезболивающее заклинание, приставила свой светящийся рог к щиту аликорна. Шар света появился прямо внутри щита и поразил аликорна.

Та рухнула внутри своего щита. Её тело поразилало, но её магия по-прежнему беспрепятственно работала. Кровь лежащего рядом с нами аликорна укрепилась в красный клинок.

Кровяной меч устремился к Каламити. Тот попытлся, и клинок пролетел мимо него, скользнув лезвием по его шее и оставив после себя неглубокую кровоточащую рану.

Я слышала свист ракет СтилХувза и непрерывный гром его гранатомёта. Судя по звуку, он переключился на осколочно-фугасные гранаты в попытке сбить щиты аликорнов.

Кровяной меч кружил вокруг, стараясь поразить лицо Каламити. Мой друг-пегас закусил рычаг своего боевого седла и выпалил по мечу. Клинок лопнул, поражённый Каламити в воздухе.

— Бегите вперёд, — крикнул Каламити. — Я разберусь с ней. — Он поднял Гром Спитфайр и закусил устный держатель.

Парализованная аликорн смотрела на него изнутри щита, её глаза округлялись.

БАБАХ!!!

Вельвет Ремеди окликнула меня, направляя к Министерству Тайных Наук, и сама посакала туда. Я быстро последовала за ней, Каламити прикрывал наши спины, а СтилХувз... Ну, СтилХувз, казалось, совсем позабыл о нас. Прямо сейчас он был Могучим Охотником на Аликорнов, сталью бронированным проклятием монстров Эквестрийской Пустоши.

Каламити развернулся, когда ещё два экранированных аликорна нырнуло из темнеющего розового неба. Он поднял Гром Спитфайр, захватывая цель.

<клик>

— Аф дефьмо! — Глаза Каламити расширились. Не было времени перезаряжаться, пегас развернулся и устремился за нами.

Два аликорна пролетели над бассейном, щитами проборождая розовую воду. Они облетели СтилХувза по широкому кругу, давая ему свободное пространство. СтилХувз попытался повернуться за ними, но так далеко зашёл в бассейн Министерской Аллеи, что водянистый розовый ил сковал его движения. Аликорны оставили его позади в погоне за Каламити.

Я услышала несколько раскатов грома, и воздух разгорелся яркими вспышками метнутых аликорнами по розовому бассейну молний. СтилХувз издал хриплый крик, когда дуги электричества прошлись по его броне, а затем рухнул, исчезая под водой.

— Блять! — Я сменила курс, роняя всю нашу поклажу позади, мчась к воде, виляя и уклоняясь, делая из себя трудную мишень. Я искала СтилХувза на Л.У.М.е, но ничего не видела. Либо он был опять мёртв, либо сверхнасыщенная розовая вода нарушала прицельное заклинание моего ПипБака.

Крыло аликорнов взлетело, пронесаясь над пылающими ошметками нескольких своих сестёр. Четвёртая сколдовала очередную молнию, на мновение осветившую всё ослепительной вспышкой. Я почувствовала запах озона, когда линия молнии прошла меньше чем в метре от моего тела.

Я добралась до края бассейна, прыгнула, и, обернув себя магией, полетела над розовой гладью, уклоняясь сколь могла, буровя взором воду, ища нашего павшего металлического паладина. Если бы я только могла найти его, я бы обернула его телекинетическим полем и левитировала...

Моя голова взорвалась, мой рог чувствовался, словно расщепился на части! Как только я закричала, я уже знала, что скрывалось в воде...

Я упала, и, прежде чем успела поймать себя, все мои четыре копыта погрузились в густой розовый ил. Голова разрывалась от натуги. Рог, казалось, словно шурупом пытался ввинтиться мне в голову; и я была уверена, что некроматическая энергия каким-то образом целится прямо в источник моей магии. Я должна была найти передатчик и избавиться от него! Нет! Я должна была двигаться! Убираться прочь!

Каким-то образом я заметила (Внимательность!), что аликорны держались от этого места подальше. Это ведь было то самое место, где они ранее облетели СтилХувза. Я думала, что они избегали его, но, закричав от боли, поняла (Будь Умным!), что избегали они передатчик.

Я почувствовала новую агонию страшного жжения в ногах и копытах. Моя магия взорвалась, и я со всплеском упала в вязкий розовый бассейн. Теперь всё моё тело горело!

Я сжала свою морду замком, невольно молотя конечностями от боли. Если бы я отхлебнула, даже совсем немного, я, несомненно, была бы мертва. Я заставила себя сосредоточиться, на мновение забыть о боли. Я больше не хотела выйти из розового бассейна или избавиться от передатчика; сейчас я не могла даже осмысленно двигаться. В полном отчаянии я попыталась отшвырнуть от себя всё это дерьмо. Приложив всю имеющуюся у меня концентрацию, я сумела сделать это; обернув весь бассейн магическим полем, так быстро, как только могла, я левитировала вверх всю воду, все скелеты, всё, что было не мной.

Сверхнасыщенная розовая вода бассейна воспарила надо мной. Боль в голове и роге отступила. Жжение почти исчезло, задержавшись лишь сильнейшей болью в правой передней ноге. Задыхаясь, я подняла глаза. Я встала и стала яростно отряхиваться, сбрасывая розовую воду со своего тела, пока не почувствовала себя почти сухой. И лишь тогда осмелилась открыть глаза.

Аликорны отлетели подальше от меня и вдруг взмывшего в воздух бассейна. Они смотрели на это и шептались меж собой голосами, которые я лучше всего могла бы описать как "заинтересованные".

Я посмотрела вверх. В последних лучах сумерек я узрела сотни мелких монет и бутылочных пробок, блестевших по всему дну воды. Я увидела плававшие в бассейне скелеты, многие из которых были слиты воедино. Я заметила СтилХувза, его бронированный хвост свисал вниз из розовой жидкости.

Я осторожно отделила его от жидкой массы надо мной. Я посмотрела туда, откуда пришла. Каламити, Вельвет Ремеди и Паерлайт пялились на это с выражением, запертым где-то между ужасом и радостью. Я попыталась посакать к ним, неся за собой СтилХувза, но жгучая агония поразила мою правую переднюю ногу, и я врезалась в пол лицом.

Моё тело прошло через слишком многое и не хотело больше сотрудничать. Но даже через пульсирующую головную боль я смогла достаточно сосредоточиться, чтобы окутать себя магией. Голову пронзало болью, словно шипами, но я оттолкнулась и со СтилХувзом на буксире медленно полетела к краю бассейна и моим друзьям, отпуская из хватки всё больше и больше насыщенной Облаком воды. Илистая розовая жидкость занавесью лилась позади меня.

Я почувствовала, как теряю сознание. Самолетивала златочивала слишком много сил, и моё тело просто кричало от чрезмерного им злоупотребления. Вдруг я почувствовала, как тёплые передние ноги обняли меня. Каламити залетел под нависшее надо мной розовое озеро и, поймав меня, понёс в безопасность. Едва он успел вылететь из бассейна, как моё закливание рассеялось полностью; я услышала, как с глухим металлическим стуком на землю упал СтилХувз. Развернувшись, Вельвет поскакала к нему, её рог засветился.

Каламити, не останавливаясь, полетел ко входу в Министерство Тайных Наук.

— Держись, Пип! — подбодрил он, пролетая через передние двери...

...и исчез. Я почувствовала момент свободного падения. Думаю, я даже почувствовала, как ударилась об пол. А затем — темнота.

* * *

<-----ooO Шар-Бабочка Ooo----->

Жёлтое ковровое покрытие мчалось под моими ногами. Я чувствовала, что мои нервы на пределе. Я обнаружила, что оказалась в ловушке в маленьком, совершенно инородном теле, мчавшемся меж копыт толкущихся, паникующих пони. Постоянный грохот грома наполнял воздух, смешиваясь с криками пони, через которых я бежала по проходам между офисами. Пурпурная кобыла рассыпала передо мной документы дождём, выбегая из одного из офисов. Один из листов ударил меня в лицо, когда я бросилась через этот дождь.

Я пробежала через все офисы и оказалась в огромном изогнутом коридоре, моё маленькое сердце колотилось в груди. Я услышала кобыльи крики из-за двойных дверей красного дерева. Голос был полон гнева и слёз.

— ДА КАК ОНИ МОГЛИ?! КАК МОГЛИ ОНИ СДЕЛАТЬ ЭТО?!

Я бросилась к маленькой, как раз моего размера, двери, встроенной в нижнюю часть большой.

— ОН-НИ РАЗРУШИЛИ ВСЁ! ОНИ УБ-Б-БИЛИ ВСЕХ!!!

Зал заседаний выглядел так, будто по нему прошло торнадо. И это действительно было так. Желто-розовое торнадо в форме Флаттершай. Я ворвалась в комнату как раз вовремя, чтобы увидеть, как она швырнула терминал через стекло казалось бы гигантского окна, проделав в нём большую дыру. Звук невероятного грома усилился. За окном я увидела ребящее небо и вспышки взрывов ракет зебр, долбящих по щиту принцесс. Каждая ракета, взрываясь огненными вспышками, посылая рябь по щиту, словно камень, брошенный в озеро.

Флаттешай стояла на столе, дрожа, топчась копытами. Её залитое потоками слёз лицо было искажено от ярости. Она оглядывалась в поиске ещё чего-нибудь, что могла бы швырнуть или разбить.

— Я... Я ДАЛА ИМ ЖИЗНЬ! А ОНИ... А они...

Я знала эту комнату. Я, считай, только что была тут.

Окно уже начало ремонтировать себя, дыра становилась всё меньше и меньше, паутина трещин редела и уменьшалась в размерах. Министерская магия. Здание было живым. Оно исцелялось.

Я вскочила на стул, а оттуда на стол, бросаясь к боку Флаттершай.

— Они... Я...

Бедная пегаска страшно рыдала, дрожа так, что едва держалась на ногах.

— Я сделала это! Это всё МОЯ вина!

Я достигла Флаттершай и обхватила её переднее копыто, прижавшись крепко к нему, пытаюсь её успокоить.

— О! — Она посмотрела вниз на меня, и я почувствовала, как её слёзы каплют мне на лоб. — О... о, Энжел, что же я наделала? Все пони... все беспомощные маленькие зверьки... все они умрут. И это ВСЁ. МОЯ. ВИНА!!!

Флаттершай упала на стол и, прижавшись лицом к нему, рыдала.

Позади неё я увидела те роковые строки: Максимально эффективное И совершенно мирное Разрешение конфликта.

Я держала Флаттершай, поглаживая её с беспокойством, пытаюсь помочь, ощущая страх. Она не заслужила этого. Это не её вина.

Снаружи громовые удары и неистовое световое шоу всё не прекращались.

Вторые двойные двери из красного дерева с треском распахнулись, в комнату вбежала белая единорожица. Её величественные фиолетовые грива и хвост выглядели потрёпанными, и её красивая седельная сумочка висела рядом с её кьютимаркой — тремя бриллиантами.

— Флаттершай! — крикнула Рэрити, оглядываясь, и обнаружила разбитую рыданиями пегаску. — О... о богини...

Рэрити поспешно подбежала к ней.

— Флаттершай, дорогая, мы должны идти! — Она подтолкнула рыдающую, сломленную пегаску. — У нас только полчаса, прежде чем Стойло запечатает. Мы должны попасть внутрь!

Я не могла сказать ей, что, вероятно, уже слишком поздно.

— Оставь м-меня, — прохныкала Флаттершай. — Иди т-т-ты, Рэрити. Спаси себя. Я... Я заслужила смерть!

— Чепуха! — Рэрити просунула свои передние копыта под голову Флаттершай, приподнимая её обливающегося слезами лицо. — Ты заслуживаешь жить, Флаттершай. Наверное, даже больше, чем большинство из нас. Я не позволю тебе умереть здесь.

— Р-рэр?

Слеза скатилась с одной из щёк Рэрити.

— Я люблю тебя, Флаттершай. И я не позволю тебе остаться здесь. — Рэрити мягко улыбнулась, но её голос не терпел возражений. — Теперь поднимайся и иди со мной, иначе я притащу тебя к Стойлу зубами.

Я смотрела то на Флаттершай, то на Рэрити, одной лапой всё ещё осторожно поглаживая пегаску.

Ф-Ф-В-У-У-МП!

Все трое повернулись к окну. Оно уже почти себя отремонтировало, отверстие в данный момент имело размер бейсбольного меча. Снаружи щит продолжал рябить под массивным ракетным обстрелом.

И тут мы увидели это. Стена густого розового тумана катилась через весь город. Она пожирала квартал за кварталом, наводняя аллеи внизу и переливаясь через вершины зданий. Рэрити испустила резкий вздох, когда густой розовый туман нахлынул на здание Министерства Стиля и, обливаясь вокруг него, встретился с розовой волной, уже поглотившей здание Министерства Тайных Наук, затопив её Министерство полностью. Я моргнула, и Министерств на другом конце Министерской Аллеи уже не было.

Потом исчез дальний ряд деревьев, розовое облако катилось через травянистый парк, отражаясь в бассейне, пожирая паникующих, полных ужаса пони внизу.

Розовая стена надвигалась на нас. Парка уже не было.

Рэрити ахнула, заметив отверстие в окне. И сразу же бросилась к нему.

Деревья исчезли.

Рэрити вонзила переднее копыто в отверстие.

Стена розового облака Министерство Мира. За окном не осталось больше ничего. Остававшиеся в окне трещины начали деформироваться и таять, сливаясь друг с другом. Рэрити застонала от боли, но всё равно держала копыто в отверстии, не впуская Облако внутрь.

— Р-рэр?

Глаза Рэрити широко раскрылись. Она посмотрела в окно и прошептала низким тоном понимания:

— Это... некромантия.

Рэрити повернулась к Флаттершай, смотрящей в ужасе в окно.

— Забудь о Стойле, Флаттершай. Я доставлю тебя в безопасное место! — При этих словах она сосредоточилась, её рог засветился, и Флаттершай исчезла во вспышке света.

Я почувствовала, как беспокойство и гнев пробежали по моему лицу. Я прыгнула к Рэрити и стукнула её ногой.

Она посмотрела на меня, её рог засветился снова, открывая её седельную сумочку.

— Не волнуйся, Энжел. Я послала её в безопасное место.

С раздражением я её ещё раз пнула.

— Оу. Хорошо, я отправила её в старую хижину Зекоры в Вечнодиком лесу. Ну, по крайней мере, очень близко к ней. Зебры нападают на пони-населённые пункты. В лесу же нет пони, так что это единственное место, на которое, я уверена, они не будут нападать. — Она улыбнулась и вынула из сумочки шар памяти. — Не волнуйся, Энжел, я пошлю тебя к ней. Но сначала я должна оставить сообщение для Твайлайт...

Рэрити уставилась на меня.

— Твайлайт, дорогая, я отправила Флаттершай прочь отсюда. И если я смогу, то отправлюсь вслед за ней. Я не хочу, чтобы ты телепортировалась в город в поисках... ах! Ох... это плохо...

Рэрити вздрогнула. Я увидела, что даже этот краткий контакт с Розовым Облаком начал убивать её.

— ...Не ищи нас. Не появляйся в Кантерлоте. Но... но это... оооооух! — Рэрити слабо повалилась на окно. Её копыто выскользнуло бы из дырки, но уже не могло. Оно стало частью стекла. — Слушай, Твайлайт. В моём столе в моём кабинете есть особая книга. Она спрятана в тайнике. Возможно, тебе придётся взорвать стол в щепки, чтобы достать её, но... ААААГХ! Но не беспокойся. Я не возражаю. Твайлайт, это книга заклинаний. И...

Рэрити начала сильно кашлять.

— ...и я думаю, в ней есть заклинание, с помощью которого... удастся победить эту некромантию! Ты... ты должна заполучить эту Книгу...

Рэрити прислонилась к стеклу, её копыто держало её вес сейчас. Тем не менее, она левитировала шар памяти ко мне. Я вдруг поняла, почему она говорила со мной, будто я была Твайлайт Спаркл. Моя память будет сообщением.

Её рог засветился.

— Не беспокойся, Энжел. Это будет не больно. И как только я это сделаю, я пошлю тебя к Фла...

<-=====ooO Ooo=====>

* * *

Я застонала.

Всё моё тело ненавидело меня за то, что я ещё жива. Головная боль достигла той точки, где уже было трудно мыслить. Правая передняя нога ужасно чесалась под ПипБаком. Всё остальное просто болело.

Слишком много физических травм за слишком короткий промежуток времени. Моё тело кричало мне, чтобы я остановилась. Я потеряла счёт, сколько раз я была расстреляна, избита, отравлена. Сколько получила ран, которым требуются недели или даже месяцы, чтобы зажить. Вместо этого я утопила себя в магических зельях исцеления, позволяя им всё залечить, после чего снова бросалась в бой. Боль стала такой же моей спутницей, как мои друзья.

Но Розовое Облако и передатчики были гораздо хуже. Они разрывали меня на части так, как пуля не могла, атакуя сразу везде, атакуя мою магию, атакуя мой мозг. Даже зелья исцеления и восстановления не могли помочь против происходящих глубоких и необратимых повреждений. Я не доживу до старости. В один прекрасный день все испытания, которым я подвергла своё тело, догонят меня, и я умру молодой.

Часть меня хотела покончить со всем этим, пока я ещё могла. Но каждый кусочек меня знал, что я никогда не отступлюсь. Отступить — значит сдаться. Я не могла даже отдохнуть, хоть и знала, что должна. Каждый день, что я бы отдыхала, был бы днём, когда те, кого я могла бы спасти, умерли бы. Если бы я отдыхала на час больше, молодого зебрёнка убили бы те кровокрылы. Если бы я отдыхала часом меньше, я смогла бы спасти его друзей.

Но боль для меня не имела значения, пока я была жива и могла что-то изменить. Я задалась вопросом, то ли же самое чувство ощущал СтилХувз?

Я спасла его. Он не двигался, но я знала, что он не мог быть мёртв. Молния, возможно, оставила его без сознания или вырубил матрицу заклинаний его брони. В любом случае, если бы я не добралась до него, то это сделали бы аликорны. Передатчик не спас бы его, хотя он определённо оттянул бы для него время.

Спасибо Богиням, мне удалось левитировать эту розовую жижу от себя, прежде чем эта дрянь успела попасть мне в рот. Спасибо Селести и Луне, что я выпила лечебное зелье минутой раньше и окунулась в бассейн не с открытыми ранами от когтей Кантерлотских дракончиков.

Я не могла сказать, охрененно ли мне везло, или же наоборот — не везло.

И теперь, подумав об этом, я нашла новое оружие против аликорнов. Конечно, оно было смертельно для всех без разбора, но ведь можно же найти какой-нибудь способ использовать передатчики в мою пользу.

Но в первую очередь мне надо было узнать...

...где я, чёрт возьми, была.

— Каламити? Вельвет Ремеди?

Я была одна.

— СтилХувз?.. Паерлайт?

Совершенно одна.

Я лежала на мягкой с подушками постели. Я попыталась сесть, и гром прошёл через мою голову, сбивая меня обратно вниз и заставляя слёзы появиться на моих глазах. Я включила Л.У.М., не помня, как выключила его, и просмотрела медицинские предупреждения. Мне нужно было выпить зелье супер восстановления, возможно, даже несколько. И обезболивающие. Мне требовались

обезболивающие.

Но у меня их не было. У меня не было вообще ничего! Ни оружия, ни чего другого. Я смутно помнила, как выронила наше оружие и поклажу в погоне за СтилХувзом. Я застонала от мысли, что Малый Макинтош тоже был там. Я почувствовала себя так, словно потеряла друга.

Надеюсь, Вельвет Ремеди прихватила всё, прежде чем следовать за нами. Но сделать это для её ограниченного телекинеза было бы трудновато. И я не могла себе представить, чтобы она вспомнила о оружии, когда нужно было выручать СтилХувза.

На мне не было моего комбинезона. Но я определённо не раздевалась, прежде чем лезть в бассейн. Я почувствовала себя действительно голой, когда поняла, что при мне нет даже моих хакерских приспособлений.

Оглядываясь вокруг, я поняла, что была в библиотеке. И она была даже больше, чем Библиотека Твайлайт Спаркл в Башне Тенпони. Я вспомнила проигранное мне Хомэйдж аудиосообщение Рэрити к Твайлайт:

Я только-только услышала, что моё Министерство собирается обчистить Понивилльскую Библиотеку от идеологически неверных книг, и я уже знаю, что ты бы хотела сохранить их у себя... Я знаю, что в Министерстве Магии на Министерской Аллее библиотека куда больше, но нам не сойдет с копыт, если мы отгрузим все телеги, идущие в Кантерлот, не так ли?

Если бы я могла позволить себе тратить время, я бы просто сидела и читала.

— О, вы проснулись, — испугал меня голос. Это был вежливый голос, голос джентельпони. Я быстро оглянулась, морщась от боли, что ударила в мою голову при резком движении и размыла мой взор. — Доброе утро, мэм.

Утро? О Боги, я проспала всю ночь? И никто меня не нашёл? Это было неопишимо плохо.

— Кто ты? — спросила я таинственного незнакомца. — Где я?

— Драгослов к вашим услугам, сударыня. Вы находитесь в Библиотеке Твайлайт Спаркл.

Я сморгнула слёзы, медленно поворачивая голову в направлении источника голоса. Его владельцем был механический филин. Гораздо более красивая версия, чем была у того купца в развалинах коттеджа Трикси. Также я вспомнила боевых сов Мэйнхэттенского центра Министерства Морали. Но этот филин выглядел более сложным, созданным с любовью, его перья даже были украшены бронзовой филигранью.

— Кто... что ты? — По крайней мере, механический филин казался не враждебным.

— Драгослов, мэм. Младший ассистент младшего ассистента ассистента Твайлайт Спаркл.

— Как я сюда попала?

— Ну, мэм, — смущённо сказал филин, — Когда кобыла и жеребец любят друг друга или подписали определённые обязывающие контракты...

— В эту комнату, я имею в виду, — быстро прервала его я. Пони в задней части моей головы моргнула. Определённые обязывающие контракты? Ну хотя, это был Кантерлот, дом королевской семьи и знати.

— Вы были телепортированы сюда, мэм. Протоколы безопасности. Министерство изолировано. Все посетители и персонал телепортируются в надлежащие области, а вторгающиеся правонарушители отправляются в зоны принудительного задержания.

В клетки, он имел в виду. Зуд под ПипБаком сводил меня с ума.

Дополнительные вопросы показали, что Министерство было изолировано и блокировка работает без перебоя ещё с самой "экологической катастрофы" более двухсот лет назад. Кроме того, все зоны телепортации были в здании министерства, но Драгослов не мог мне сказать, куда были отправлены остальные. Так же не мог филин дать и нормального объяснения, почему меня телепортировало в частную библиотеку Твайлайт Спаркл. У меня было ощущение, что система безопасности функционирует не совсем так, как предполагалось. Возможно, она деградировала под веками непрерывной работы. И мне, видимо, повезло, что я была телепортирована не в книжный шкаф или прямо в стену.

— А что насчёт моей одежды?

— Все инородные предметы со следами токсинов были телепортированы в отдел сан-инспекции. — Я реально надеялась, что это не означало сжигание!

— Я хотела бы получить её обратно. Пожалуйста.

— Конечно, мэм, — любезно ответил Драгослов. — Санитарная обработка была завершена. Ваша одежда будет возвращена в гардероб немедленно.

Новый страх пронзил меня. Если эта магическая система безопасности лишила меня моей брони, то не удалила ли она броню СтилХувза? Или она признаёт нечто размытое как неотъемлемое? Если, конечно, Вельвет Ремеди удалось доставить его в здание Министерства. Моя голова сразу нарисовала картину, как Вельвет, левитируя за собой СтилХувза, вбегает в здание и телепортируется, а беспомощный СтилХувз сваливается на пороге.

Ежели он всё-таки был внутри и до сих пор жив (ну, по меркам Кантерлотских Гулей), то он был где-то далеко, как и остальные из нас. Мои друзья могли находиться в любой точке здания. Опять же я вспомнила, что у них была целая ночь на попытки найти меня. Тот факт, что они всё ещё меня не обнаружили, означал, что плохи были у них дела.

Я застонала и ещё раз попыталась сесть. На Л.У.М.е по-прежнему мигали предупреждения. Я подняла ПипБак проверить автокарту, желая, чтобы все мои друзья носили ПипБаки, тогда я могла бы просто найти их по тегам. Конечно, это ведь была именно та самая проблема, благодаря которой я влипла во всё случившееся со мной дерьмо полтора месяца назад, ведь так?

Я посмотрела на переднюю ногу и перестала дышать.

ПипБак больше не был одет на мне. Там, где металл устройства должен был оканчиваться, а моя плоть начинаться, зазора больше не было. Вместо него был размытый плавный переход одного материала в другой. Я почувствовала приступ тошноты, глядя на это.

Я была настолько небрежна к возможным опасностям раньше, но теперь, когда со мной это на самом деле произошло, я почувствовала, будто была изнасилована, будто потеряла что-то, что не могла объяснить. Я просто... я просто больше не была собой.

Я упала на кровать и, свернувшись калачиком, заплакала.

— Драгослов, — прохныкала я через несколько минут, пытаюсь дать отпор чувству пустоты в моём сердце. — Мне нужны медикаменты. Любые обезболивающие, лечащие и восстанавливающие зелья, что ты можешь мне дать.

— Не желаете ли воспользоваться автономной исцеляющей кабинкой, мэм?

— Хорошо, да... Где исцеляющая кабинка?

Никогда больше.

Я почувствовала себя лучше, чем на протяжении нескольких недель, но только физически. Психологически же я была почти уничтожена. Исцеляющая "кабинка" была сплошной металлической трубой, едва ли большей, чем пони. Входя в неё, я словно заходила в

свой собственный гроб.

Воздух был душным, даже перед тем как дверь закрылась за мной. Погружая меня во тьму. Я никогда раньше не испытывала клаустрофобии (даже наоборот, я была склонна к внезапным приступам агорафобии). Но в том металлическом гробу, в абсолютной темноте, со звуками, издаваемыми этой ужасной штукой...

И тут я начала чувствовать, как магическая энергия зондирует меня, омывая, словно слизистый, чужеродный массаж от невидимого ужасного существа!

Никогда, никогда больше. Даже если моему телу и стало легче, я знала, что несколько недель мне будут сниться одни кошмары. Я уже ожидала, как буду просыпаться в холодном поту, каждый раз переживая ужасный сон, как бесконечно оказываюсь в ловушке, запертая в этой "автономной исцеляющей станции".

Она прекрасно работала, как и было положено, но даже мантикоры не смогли бы меня затащить в неё ещё раз, даже будь я на краю смерти. Я вздрогнула, представив, что могла бы сотворить эта кабинка, не функционируй она должным образом из-за неисправности или повреждения Облаком.

Я почувствовала, как вся дрожу.

Стены были покрыты мягкой бархатистой тканью бордового цвета с блестящими акцентами, что придавало коридору богатый, роскошный вид. На стенах висели картины. Я пошла туда, где большой овал тёмной ткани указывал на то, что оттуда была удалена картина, вероятно, портрет. Коридор передо мной оканчивался дверью с надписью "испытания заклинаний". Кто-то чем-то, очень похожим на засохшую кровь, вывел на двери слова: "Заклятие в Коробке". От последней буквы "е" кровь тянулась полосой к тёмному пятну на полу.

— Нехороший знак... — пробормотала я. По мне пробежали мурашки.

Когда я подошла, я услышала за дверью едва уловимый шипящий звук, издаваемый словно сотнями умирающих змей. Я отступила назад, собрала с духом, сделала глубокий вдох и открыла магией дверь. За ней я увидела лабораторию и ещё одну дверь с её противоположной стороны. Снова глубокий вдох, и я бросилась бежать.

Я вбежала в лабораторию, и уши мои наполнились статическим звуком помех. Головная боль, от которой исцеляющая станция избавила меня, вернулась вспышкой, сопровождаемая знакомым давлением в роге. У меня не было огнестрельного оружия. И я никак не могла вытащить динамик. Я просто должна была пройти через лабораторию и выйти за его радиус поражения, прежде чем он убьёт меня.

В глазах опять всё окрасилось кровавыми тонами, когда я добралась до противоположной двери. Она была заперта.

Я стала телекинетически рыться в замке, боль в моём роге всё росла, смертельный эффект динамика врезался в мой мозг. Я провела около часа в исцеляющей станции и в первый раз после ухода из Башни Тенпони чувствовала себя действительно здоровой. И мне было разрешено пользоваться этим ощущением даже менее чем сорок минут.

Я взломала замок и пинком открыла дверь, выходя из лаборатории за пределы зоны поражения динамика. Я оперлась о перила, тяжело дыша и щурясь от крови и слёз. Потом посмотрела вниз, на большой зал, вдоль которого вытянулись широкие лестницы. Подо мной был фонтан, похожий на тот, что стоял в холле Хомэйдж. Разве что стояли на нём здесь две статуи резвящихся одинаковых единорожц. На стенах с каждой стороны висели картины, в том числе королевский портрет улыбающейся зелёной кобылицы-единорога с тёмно-зелёной гривой. На противоположной стороне висел такой же портрет, только с обратными цветами шерсти-гривы.

— Вельвет? — позвала я. — Каламити? Есть кто-нибудь? — Мой голос раздался эхом по величественному и пустому коридору.

В конце большого зала, в пересечении нескольких лестниц, распротранявшихся так, что образовывали форму, похожую на крылья бабочки, были важного вида высокие арочные двери со стоящими по бокам от них бюстами единорогов. К моему удивлению, они были заперты.

Я также была очень удивлена, когда в момент, когда я приступила взлому замка, выскочили две энерго-магические турели и стали палить в меня. Я сразу же поблагодарила Богинь, что мне был возвращён мой бронированный комбинезон, и, развернувшись, нырнула через ближайшие перила с лестницы, ловя себя левитацией, как только убралась из-под обстрела.

Я полагала, что мне, видимо, чертовски повезло, что моей броне не довелось достаточно долго купаться в розовом бассейне, чтобы слиться с моим телом. И что все мои инструменты для взлома и ремонта также не слились вместе или как-то ещё не пришли в негодность. То, что мой ПипБак сплавился с моей ногой, и так было жестоким ударом, и это учитывая, что я никогда и не хотела его снимать.

Ага, это сделало бы мои отношения с Хомэйдж очень сложными, поддразнила меня моя маленькая пони. Я раздражённо зашикала на неё и переключила своё внимание на безопасный взлом двери.

Замок на двери оказался сложным, но сегодня я уже столкнулась и с ещё более трудным. Я увидела алую вспышку сверху и услышала треск — кроме турелей дверь имела ещё и иную магическую защиту. Если бы я попыталась взломать её с помощью моих отвёртки с заколкой, я была бы сейчас в ужасном состоянии.

Клик. Да!

Я легла на пол, смещая своё внимание на фонтан. Вода засияла моей магией, собираясь в большой шар. Я левитировала его к себе и, загородившись им, поскокала вверх по лестнице. Энерго-магические турели заметили меня и начали стрелять, каждым выстрелом испаряя часть моего щита в облако пара. К моменту, когда я проскочила через дверь, оставшейся воды едва ли хватило бы, чтобы наполнить мусорную корзину.

Я была так счастлива, что больше не было турелей, ожидавших меня внутри. Я обнаружила, что только что забежала, как я быстро поняла, в офис главы исследовательского отдела. Книжные полки, шкафы, gobелены, таблицы работы тайных заклинаний. Комната была симметрично обустроена вокруг ковра с затейливым узором из звёзд разных цветов. Два довольно внушительных стола стояли стык в стык друг с другом, с картинами тех же самых зелёных пони на стенах за ними — не портреты этого времени, но полные картины, что позволило мне увидеть их идентичные кютимарки: переплетённые друг с дружкой спирали магических искр. На каждом столе находилось по терминалу рядом со стеклянными табличками, внутри которых сверкающими блёстками были выписаны имена:

Мозаика и Гешгальт.

Обойдя вокруг столов, я увидела витрину с оружием и ящик боеприпасов. Внутри витрины была волшебная плазменная винтовка и мульти-кристальный энерго-магический дробовик. Последний напомнил мне ружьё Гауды. Мне потребовалось меньше минуты, чтобы присвоить их. После чего мне очень захотелось бежать наверх и раздолбать тот проклятый динамик смерти. Я была не шибко хороша с энерго-магическим оружием, но была уверена, что всё же смогу попасть вблизи по неподвижной мишени.

Подойдя к терминалу Мозаики, я вынула свои инструменты и приступила к взлому. К счастью, розово-насыщенная вода, связавшая меня с пипБаком, кажется, не повредила его функционированию. Стойл-Тек не валяли дурака, делая ПипБаки; уровень долговечности этих устройств был где-то между СтилХувзом и сосудом души.

— Вельвет? — спросила я, толкнув только что взломанную мною дверь. В комнате за ней было черным-черно, и мой голос эхом отражался от стен, странно уносясь вдаль.

— Литлпип? — слабо и с облегчением отозвался голос из темноты.

Вспыхнул свет, осветив сначала рог Вельвет Ремеди, затем её глаза, гриву и хвост. Её угольная щётка, казалось, слилась с пустотой вокруг неё.

— Сюда! — Я зажгла свой собственный рог, давая ей знать, где я. Она встала, пошатываясь, и быстро побежала ко мне.

— Слава Богиням, — прошептала она, подбежав ко мне, и потёрлась носом о моё лицо. — Я... Я так долго была здесь в ловушке. Одна. В ловушке. — Она дважды сказала это. Мне не требовалось объяснений. Моя любимая подруга, певчая птица, вновь оказалась в клетке, да ещё и в одиночку. Она дрожала.

— Всё хорошо, Вельвет. Я... Мне так жаль, что потребовалось так много времени, чтобы найти тебя.

— Что случилось? Где я? Каламити в порядке? А Паерлайт? Что случилось со СтилХувзом? Я его несла и...

Я поднесла копыто к её морде, заглушая поток вопросов. А потом заключила в объятия. Я была удивлена, но не тем, что она укуталась в них. А тем, как быстро она успокоилась и оттолкнула меня.

— Спасибо, Литлпип, но сейчас важнее всего другие.

Я кивнула и начала потчевать её информацией. Благодаря терминалам Гештальт и Мозаики у меня было довольно хорошее представление, где кто сейчас находился. Вельвет Ремеди оказалась в ловушке в одной из камер мегазаклинаний, заполнявших весь этот этаж. СтилХувз был где-то в исследовательских лабораториях Тайных Технологий двумя этажами ниже нас. Каламити был где-то в подвале, в котором находились тюремные камеры, министерская охрана, сверхсекретные склады и (что было как-то неуместно) министерские кухни. Паерлайт не была замечена влетающей в здание или вылетающей из него. Или она так и не попала внутрь, или в системе безопасности была дыра размера феникса.

Что-то, похоже, было совсем неправильно в подвале. Вся система безопасности была перенаправлена на терминалы Гештальт и Мозаики, и любая связь с подвалом была разорвана.

Единороги-близняшки были не только главами исследовательских лабораторий этого центра Министерства Тайных Наук, но и Министерства в целом. Оказалось, они регулярно оставались за главных в Кантерлотском центре, особенно когда Твайлайт Спаркл уезжала в министерский центр Мэйнхэттена. Насколько я могла судить, их не было здесь, когда активировались протоколы безопасности, но я смогла отменить их, послав команду одновременно с обоих их терминалов. Телекинез, спасибо тебе ещё раз.

Когда я закончила рассказывать Вельвет Ремеди о том, что я узнала, она посмотрела на меня с любопытством.

— Почему ты не послала Драгослова за всем твоим оборудованием?

Я моргнула. А потом сделала фейсхуф.

— Потому что я не умная пони. — Нам надо было найти ещё и отдел сан-инспекции. Чёрт возьми, наши дела становились всё хуже и хуже.

— Ну, почему бы нам не сбегать спросить его, прежде чем отправиться дальше?

Да уж. Это было бы, конечно, гораздо легче.

Я уронила всё, что левитировала, за исключением магических ружья с винтовкой, и вбежала в лабораторию. Шипящая гибель нескольких динамиков стала вгрызаться в мой мозг и пронзать шипами рог. Это было повторением трёх этажей выше, но сейчас при мне был магический дробовик. Я развернулась, ища взглядом динамики и радиоприёмники, прицепленные к гражданским моделями ПипБаков скелетов.

ФЗЗЗАХХ!

Я выпалила в ПипБак, одетый на переднюю ногу недалеко лежавшего единорожьего скелета. Мульти-выстрел магической энергии обратил кости с приёмником в шлак.

ФЗЗЗАХХ! ФЗЗЗАХХ!

Первый выстрел прошёл мимо настольного радиоприёмника и угодил в набор склянок с какой-то химией, расставленный на трёх стоящих рядом столах, взорвав их в дожде осколков стекла и облачке цветного пара. Вторым выстрелом расплавив злополучный приёмник, я всё же заткнула его смертельное шипение.

Но тем не менее звук помех не прекратился. Где-то был ещё один. Мой взор уже был красным, кровь текла из ушей. У меня в голове словно гранаты рвались. Наконец заметив второй динамик, навела мульти-кристальный дробовик и потянула за спусковой крючок.

Ничего. Эта чёртова хреновина перезаряжалась.

В панике я помчалась в дальний конец лаборатории. И, зажавшись в угол, с облегчением вздохнула, так как зло, сокрушавшее мой череп и рог, исчезло. Этот последний квадратный метр лаборатории находился за пределами опасной зоны. Левитировав энерго-магическую винтовку, я тщательно прицелилась и выстрелила. И ещё раз выстрелила, и ещё... Я продолжала палить по этому маленькому улюлючному динамику, пока, дважды перезарядившись, наконец не попала в него.

— Чисто! — крикнула я. Вельвет Ремеди вошла в лабораторию и начала её обыскивать, а я просто свалилась в углу и ждала, когда головная боль стихнет. На ней были вновь одеты её медицинские ящики, пополнявшиеся сейчас содержимым таких же жёлтых медицинских коробок, висевших на одной из стен.

— Так... — спросила я, тяжело дыша. — Что же ты пыталась сделать там внизу в той аудитории?

Вельвет хохотнула.

— Я уже выслушала эту лекцию от Каламити. — Она левитировала флаконы да бутылочки из медицинской коробки, остановившись, когда к ней подплыл мультикамерный инжектор. — Рэйдж? Почему он здесь? Рэйдж — это зебринский боевой наркотик.

— Это не лекция, Вельвет. Я просто... просто хочу понять. Ты нас до чёртиков перепугала.

— Каламити то же самое сказал. Только громче.

Я не участвовала в том споре. Каламити вылетел вперёд меня, бросаясь к Вельвет и СтилХувзу после рейда в офис Флаттершай. Они довольно долго спорили. Я же в это время была в глубокой задумчивости, размышляя о Кобылах Министерств. В такой глубокой, что умудрилась даже потеряться в кабинках.

— Вельвет, пожалуйста. — Я вздохнула, стараясь держать свой голос нежным, даже с пульсирующей болью в голове. Я левитировала очередной шприц болеутоляющего и сделала себе укол. Почти сразу же пульсирующая боль притупилась достаточно, чтобы я смогла её игнорировать. Меня мучило беспокойство, что, если так и дальше пойдёт, я серьёзно рисковала пристраститься к обезболивающим.

Как будто чтобы ещё усилить моё беспокойство, Вельвет Ремеди левитировала баночку Минталок из последней медицинской

коробки и, открыв, перевёрнула её вверх дном. Таблетки словно снегопад посыпались на пол, и Вельвет стала топтать их в порошок.

Она обратила ко мне раздражённый взгляд.

— Флаттершай была прямо там, Литлпип. Она стояла прямо на том сама месте, говоря те самые слова. Именно в том зале Флаттершай пыталась остановить войну, остановить кровопролитие и ужас, которые в конечном итоге сгубили всю страну... И весь мир!

Потом отвернулась от меня и проговорила:

— Ты не поймёшь.

Дверь с надписью "Альфа Технологии" откатилась назад, выявляя нашему взору самые секретные лаборатории Министерства Тайных наук.

— СтилХувз!

Мы с Вельвет Ремеди бросились внутрь. Наш друг лежал на круглой платформе, окружённой магическим щитом. Услышав нас, он встал. Думаю, я даже услышала его тихое радостное ржание.

Вельвет остановилась вплотную к щиту и осмотрела его, прежде чем спросить СтилХувза, в порядке ли он. Очевидно, атака аликорнов в конце концов лишила его сознания. И восстановил он его несколько часов назад. Пять целых, три десятых часа назад, как уточнил СтилХувз, которому всё это время совершенно нечего было делать, кроме как смотреть на секундомер Л.У.М.а своего забрала. Даже если его оружие и могло вырубить щиты, взрывы в столь ограниченном пространстве разорвали бы его самого на части. Даже СтилХувз не пережил бы расчленение.

Я нашла терминал, управляющий магическим полем, и приступила к обману его системы защиты. Вскоре я уже смотрела на систему управления лабораторий с несколькими уровнями секретности, а также ряд отчётов по проекту.

Улыбнувшись СтилХувзу, я отключила поле.

— Добро пожаловать назад!

Вельвет Ремеди обняла его. И, хоть я и знала, что он ничего не чувствовал, это его каким-то образом заставило выглядеть неудобно.

— Я раздобыла ещё несколько лекарств для твоего медмодуля, — сказала она, и он сразу же стал выглядеть менее неудобно. Я усмехнулась и, обратив своё внимание назад на экран терминала, стала просматривать отчёты, начиная с категории под названием "Призрак".

Отчёт №347

"Мозаика (или это была Гештальт?) преподнесла сегодня для Альфы новый проект. Видимо, после более чем трёх лет их полных провалов в создании заклинания, Кобыла Министерства отказалась от идеи воссоздать зебринскую невидимость в виде заклинания. Учитывая наш успех со СтелсБаками, она отдала нам проект, потребовав, чтобы мы создали устойчивое магическое устройство, способное на невидимость, не ограниченную временем — нашу собственную версию стелс плаща зебр.

Этот новый проект пришёл прямо вместе с потерей члена Табуна Альфы. Хотя, как я понимаю, без него нам будет только легче. Официально Бэйкер был отстранён без сохранения заработной платы. Неофициально же, как уверяют слухи, Бэйкер находится под следствием за принятие "взносов" от кого-то из Министерства Технологий в обмен на торможение развития энерго-магического оружия. Для меня это звучит так, словно в здании по соседству есть парочка пони, что больше озабочена доминированием Огненных Подков, нежели тем, что лучше для всех хороших пони Эквестрии."

Отчёт №397

"Ещё один день, ещё один бессмысленный ежедневный отчёт, который, конечно же, никто никогда не прочтёт.

Наконец-то прибыла партия наркотиков из Министерства Морали, опоздав при этом на три недели. И в сопровождении двоих пони с розовыми чемоданчиками, которые настаивали на том, чтобы проследить, как будут использоваться эти препараты. Мне довелось услышать кое-какие грубые слова, пролетевшие между одной из магических близняшек и чиновниками Министерства Морали. (А ведь думалось, что после того как мы снабдили их талисманами для их нелепых воздушных шаров, они должны бы более тесно сотрудничать!) Итого: даже если груз фактически уже в здании, мы должны ждать по крайней мере ещё три дня, пока администрация проталкивает новые документы, прежде чем наркотики будут вскрыты и мы наконец сможем приступить к следующему этапу испытаний нашего прототипа медицинского модуля Стальных Рейнджеров.

Продолжающиеся попытки усовершенствовать конструкцию и продолжительность работы СтелсБаков, похоже, упёрлись в стену. МГ СтелсБак II обладает самым передовым дизайном, использует ту же систему магической перезарядки, что мы внедрили в некоторые линии новейшего энерго-магического оружия, и обладает зарядом, вчетверо превышающим по длительности нашу оригинальную конструкцию. Тем не менее, перезарядка аккумулятора — несколько часов, а продолжительность по-прежнему значительно отстаёт от нашей цели.

Гештальт (или это была Мозаика?) посетила сегодня Альфу, чтобы оценить наш прогресс. После объяснения наших трудностей она предложила новый путь экспериментирования: стелс-костюм, который использовал бы массив из нескольких СтелсБаков. Пока один СтелсБак источал бы свою батарею, другие в это время могли бы перезарядиться.

Я распространил её идею всем остальным в Табуне Альфы, и мы набросали несколько предварительных эскизов. Это выглядит многообещающим."

Отчёт №444

"Сегодня был самый подходящий день, чтобы провести его в лабораториях Альфы. Или, если более точно, не быть двумя этажами выше. Так или иначе, Кобыла Министерства Мира как-то разузнала о видах ритуальных камер мезааклинаний в отделе создания заклинаний. Для такой милой и приятной старушки она оказывается воплощением ужаса, когда сердится. И не хватит золота в королевской казне, чтобы оказаться лицом к лицу с разгневанной Кобылой Министерства того стоило.

Спустя целый месяц калибровки нового массива Костюм Пони-Призрака готов к своему первому живому тесту. Так же, как тестовые турели, я принёс Чуньку сегодня в офис. Я так думаю, если бы Костюм Пони-Призрака можно было бы надеть на мою кошку, у нас уже был бы победитель.

Твинкл и Дэйбрик сегодня снова были особенно причудливы друг с другом, и опять без особой причины. Я подозреваю, что эти парни меж собой крутят какой-то роман. Если это так, то, надеюсь, они не будут об этом трепаться. Лично я думаю, они были бы милой парой. Но у нас есть правила, а их надо соблюдать. И последнее, что я хочу — это чтобы мы лишились одного из них по причине, что магические близняшки решили, что им лучше работать на разных этажах."

Отчёт №445

"Чуныкка стала большим ударом для офиса. Абсолютно все члены Табуна Альфы собрались вокруг и совершенно избаловали её своим вниманием. Некоторые даже попросили, чтобы я её ещё раз принёс. Я спрошу об этом магических близняшек, авось мы смогли бы держать её как лабораторную кошку для поднятия морали.

К сожалению, Костюм Пони-Призрака оказался не столь впечатляющим. Мало того, что костюм оказался не в состоянии пройти "Чуныкко-тест", но мы также обнаружили, что костюм сливает энергию со всех СтелсБаков разом, в то время как запущен только один. Уверен, последнее является лишь технической проблемой дизайна. Меня больше встревожила первая проблема. Мы провели трёх членов Табуна через тестовую камеру с лишь одним СтелсБаком, и Чуныкка не заметила ни одного из них. Что-то в костюме или, может быть, в массиве как-то ослабляет заклятие невидимости.

К счастью, до следующей проверки на исправление этого у нас есть ещё время. Никто на нас не обращает внимания здесь, при том-то бардаке наверху. Видимо, Флаттершай обратилась к самой Твайлайт Спаркл, и теперь магические близняшки очищают дом. Я не понимаю участвующей здесь политики, но у меня на копытах уже два десятка уволенных единорогов, и это только первый день! Ещё дюжина фактически ушла, вняв предложению Министерства Мира.

До меня даже дошли слухи, что они планируют демонтировать некоторые из камер, либо перестроить их в чисто защитные заклинания, как того требует Министерство Мира. Но я не верю этим слухам. Эквестрия не станет разоружаться посреди войны. Особенно после того, как на прошлой неделе зебры успешно протестировали своё собственное мегазаклинание."

Отчёт №489

"Спасибо Чуныкке, мы наконец-то получили представление об одном из вопросов, преследовавших Проект Костюм Пони-Призрака. Видимо, магия стелс плащей зебр также минимизирует звук и запах. При разработке СтелсБака мы заметили разницу заглушающих эффектов артефактов зебр и наших собственных устройств. Мы отписались об этом, как о вполне приемлемой незначительной потере. В частности, заглушение звука плащами было лишь чуть большим, чем у наших изначальных СтелсБаков.

Однако мы не заметили обонятельный эффект. Зебры, очевидно, были сильно этим озабочены, возможно, из-за опасностей дикой природы, что по слухам были в изобилии у них на родине. (Ещё одно доказательство, что зебры с рождения чокнутые. Могли бы вы себе представить жизнь в Эквестрии, если бы она была полна рыскающих монстров?)

Если первоначальный СтелсБак ещё сохранял хотя бы часть этого эффекта, МГ СтелсБак II — нет. Или, точнее, эффект теряется после первого применения. Причины, почему этот элемент заклинания после перезарядки СтелсБака II отказывается работать, до сих пор для нас загадка.

Твинкл, отправившись сегодня за кошкой, позволил кой-чему проскользнуть насчёт него и Дэйбрика. Я сделал, казалось бы, безобидный комментарий насчёт кошек, имеющих склонность выставлять на показ то, что должно бы быть тщательно скрыто. Надеюсь, он понял намёк."

Отчёт №512

"Сегодня Проект Костюм Пони-Призрака постигла ещё одна неудача. Я поражаюсь, как что-то настолько простое в концепции может так сильно сопротивляться надлежащему выполнению. Я потратил весь прошлый месяц на решение проблемы взаимного истощения, только чтобы обнаружить, что новый массив не может пройти стресс-тесты. Костюм Пони-Призрака ничего не стоит, если не может поддерживать невидимость, после того как исчерпает первый из СтелсБаков.

Ещё несколько исследователей Табуна Альфы начало относиться к этому как к Проекту Разочарование. Да ещё и другие проекты накопились, и мне придётся переметнуть на них большинство моих пони с этого проекта, сместив его по приоритету вниз, пока не станет выглядеть хоть немного поперспективнее.

К счастью, ни Гештальт, ни Мозаики сегодня нет в Кантерлоте. Они отправились на встречу с Твайлайт Спаркл на том новом заводе в Прекрасной Долине. (Честно говоря, мне дышится немного легче, когда их нет под боком. Я лично считаю магических близняшек немного жуткими, особенно когда они заканчивают слова друг дружки. Никого ещё, случаем, кроме меня, не бросает в дрожь, когда они делают это? Слово Мозаика и Гештальт всегда точно знают, что в этот момент думает другая сестра, словно они являются скорей не близняшками, а одной кобылой, запертой в двух телах.

Ладно, никаких больше книжек о призраках да гоблинах с омерзительными рисунками перед сном."

Отчёт №550

"В Лабораторию Альфа сегодня сделала неожиданный визит сама Твайлайт Спаркл. К моему ужасу, она попросила новейшую информацию о Проекте Костюм Пони-Призрака. Она, видимо, надеялась, что мы продвинулись гораздо дальше, и хотела принести его Рэрити, Кобыле Министерства Стиля (какого хрена?), для консультации по вопросам эстетического дизайна костюма. Серьёзно, предполагается, что костюм невидим. Кого, чёрт возьми, колышет, как он выглядит?"

Твайлайт Спаркл попросила меня смириться с неудобствами и предоставить Рэрити полное наше внимание и уважение. После чего Дэйбрик чего-то посоветовал искавшей способ взбодрить свою подругу Твайлайт Спаркл, сказав что-то о Рэрити как о портнихе. Честно говоря, я понятия не имею, как отвлечение на другую работу кому-то, занимающему столь высокий пост, сможет поднять настроение, особенно если от этой работы нет проку. С другого боку, одна только мысль, что одна из Кобыл Министерств, возможно, страдает от Невроза Военного Времени, уже была страшна. Так что я сказал Дэйбрику держать это мнение в тайне.

Твайлайт Спаркл хоть явно и разочаровалась в нашем прогрессе в данном конкретном проекте, по крайней мере поняла наши проблемы. А также была значительно более приятной с нашими другими проектами, такими как мульти-кристальное боевое седло тяжёлой пехоты. Лаборатории Альфа и дальше продолжали показывать большие успехи в других проектах, так что я не думаю, что нас ждут серьёзные проблемы.

А также она спросила, есть ли у меня кто-нибудь доверенный на примете, кому мы могли бы предложить присоединиться к лаборатории создания заклинаний над нами. Видимо, они изучают так называемое "Заклятие Обхода" и дошли до точки, когда им требуются свежие головы. Я сказал ей, что у меня есть пара мыслей и что мы ещё вернёмся к этой теме. Завтра я собираюсь поговорить с Дэйбриком и Твинклом. Я бы предпочёл сохранить у себя их обоих, они отличные члены Табуна. Но если я в конце концов собираюсь потерять одного из них, пусть уж лучше это будет таким образом."

Я прекратила просмотр отчётов. В одном только "Призраке" были ещё десять отчётов, а там было ещё и с полдюжины других категорий. Встав, я осмотрелась в лаборатории, открывая запертые шкафчики да контейнеры.

Ох как же будет жалеть Каламити, что не присутствовал при этом, подумала я. Тут была целая куча инструментов, предназначения которых я даже предположить не могла. Я глянула на Вельвет, чтобы убедиться, что она по-прежнему занята СтилХувзом и не на очередной "экскурсии". Её мне надо было ждать в любом случае, так что я левитировала из-под одного из столов спортивную сумку и, расстегнув её молнию, после чего вынув пустую кошачью переноску, начала сваливать в неё все подряд инструменты, попадавшие на глаза.

— Литлпип, готова идти? — позвала Вельвет.

— Сейчас, минутку, — ответила я, ускоряя свою "уборку". Но тут был ещё один контейнер, который я хотела обшарить, прежде чем мы отправились бы в подвал — тот, в котором я увидела прототип Костюма Пони-Призрака. Или, по крайней мере, его части. Проект явно не был завершён и был заброшен в середине полного детального осмотра. Теперь же, роюсь в контейнере, я раскопала кое-что, что стоило прибрать к копытам: МГ СтелсБак II.

С ворчанием СтилХувз растащил в стороны двери лифта, и мы втроём заглянули в его тёмную шахту. На полпути вниз голубое энергетическое поле горизонтально разрезало шахту лифта, блокируя наш путь. Удивлённая, я вздохнула. Мы уже пытались пройти по лестнице в подвал и столкнулись с толстой металлической дверью, скользнувшей вниз при нашем приближении и отрезавшей путь. Весь подвал был всеми способами заблокирован. Единственным способом попасть внутрь было телепортирование системой безопасности здания, а мне предстояло ещё и выход найти.

— Посмотрите на тросы, — щепнула Вельвет. — Они проходят прямо через щит.

Я кивнула. Сначала удивившись, что тросы не были разорваны, я поняла, что щит лишь смыкался вокруг, не касаясь их самих.

— Что думаешь?

— Заклятие Обхода, — ответила она.

— Для тросов?

— Для всего лифта, — предположила она. — Я знаю, что это рискованно, но...

СтилХувз недоверчиво заржал.

— То есть, ты считаешь, что они поставили барьер в шахте лифта, через который сможет пройти сам лифт?

В задумчивости я закусила нижнюю губу.

— На самом деле, это не так глупо, как кажется. Лифт мог быть запрограммирован спуститься вниз, когда подвал был заблокирован, но они не хотели, чтобы для пони это стало ловушкой, поэтому они установили барьер, через который лифт мог бы пройти. Таким образом, барьер мог бы активироваться мгновенно, а у лифта было бы ещё время, чтобы принять любого пассажира с этажей выше. — Я высказала свою сырую идею, но в ней всё же был кой-какой смысл. — После того как лифт достиг подвала, вся система отключилась, и он был заблокирован в этом положении.

— И что это нам даёт? — спросил СтилХувз.

Вельвет почти мурлыкала.

— Они не рассчитывали на Литлпип, не так ли? — Я знала, что она имела в виду. Левитировать лифт к нам, зайти внутрь и спуститься. Но была проблема.

— Мне нужны схемы систем лифта, — сказала я им.

Вельвет странно посмотрела на меня.

— Зачем?

— Запирающий механизм где-то в центре, насколько я могу судить. — Она продолжала смотреть на меня. Я вздохнула. — Слушай, я должна знать, что я делаю, перед тем как сделать это.

Я взглянула на них. Конечно, они не поняли. СтилХувз не знал о магии вообще ничего, а заклинание левитации Вельвет Ремеди было на уровне жеребёнка.

— Это та самая причина, почему телекинезом я могу выстрелить из оружия или вытянуть блок питания из турели, даже если я их не вижу, но не могу я магией сжать чьё-либо сердце или же собрать винтовку с закрытыми глазами. Если я не вижу, что я делаю, я должна представить себе это действие с изрядной долей точности, иначе магия не появится, — объяснила я, надеясь, что не звучала покровительственно.

— Мне нужно что-то, от чего оттолкнуться, чтобы у меня был хотя бы шанс сделать это. Как со звёздным отродьем. Пока Паерлайт не подпалила его, мне неотчего было отталкиваться, чтобы начать. В данном случае, так как я понятия не имею, что там за механизм блокировки и где точно он находится, мне нужна схема.

Вельвет со СтилХувзом кивнули.

— Одна схема лифта уже на подходе.

— О Богини, — простонала Вельвет Ремеди. — Литлпип!

Я изучала на своём ПипБакке найденную СтилХувзом схему лифта. Вельвет стояла за мной, и я поняла, что она только что увидела.

Я посмотрела на неё, потом отвернулась и кивнула. Мне нечего было сказать.

СтилХувз заржал. Я подняла копыто, как бы говоря ему, чтобы молчал. Я не знаю, сказал бы он "Я-же-тебе-говорил" или стал бы извиняться, но я не думаю, что могла бы справиться с этим. Я спасла его. И это стоило мне части своей поняшности. Что сделано, то сделано. Не могу сказать, что не жалела об этом, но точно скажу, я бы сделала это снова, даже зная результат.

— По правде, — сказала я, чувствуя узелок в горле. — Это не так уж и плохо. Я даже зуда больше не чувствую.

Я обратила своё внимание к шахте и лифту ниже. Я сосредоточилась, пытаюсь сотворить свою магию по ту сторону щита. Это был немного новый трюк, но ничего не говорило о том, что он не должен сработать. Я вспомнила щит супер-аликорна из Филлидельфийского кратера, который был настолько мощным, что сквозь него даже его хозяйка не могла творить магию. Этот же щит был ничем по сравнению с её щитом. Я подумала о Вельвет Ремеди, сколдовавшей обезболивающее заклинание внутри аликорного щита.

Я могла сделать это.

Я была довольна, увидев, как лифт оборачивается свечением моей магии. Я сосредоточилась на мощных, но простых зажимах снизу, раскручивая винты, державшие их вместе, пока не услышала, как они развалились.

Сосредоточившись, я медленно поднимала лифт. И когда его верхушка достигла голубого светящегося поля, я задержала дыхание. Момент истины. Была ли права Вельвет?

Кабинка продолжала подниматься, сколько сквозь поле, будто это была всего лишь плёнка воды. Я облегчённо выпустила дыхание. Через несколько секунд лифт уже висел на нашем уровне. Я раздвинула двери.

— Леди и джентельпони, — объявила я, изящно поклонившись, — Карета подана!

* * *

В то время как я левитировала лифт к подвальному этажу, мы с Вельвет были одни.

Мы втроём едва зашли в кабинку лифта, как обнаружили проблему. С немаленьким объёмом СтилХувза мы никак не могли уместиться там все разом. Мы бы не поместились, даже будь на месте СтилХувза Каламити. Или, если бы и поместились, не смогли бы маневрировать, жди нас внизу хотя бы одна турель.

И потому мы оставили СтилХувза охранять скарб Каламити, спортивную сумку и часть нашего оружия. Каламити надо было лишь подольше подождать, чтобы снова нацепить своё боевое седло.

Уставившись на пол лифта, я задумчиво постучала передними копытами друг о друга. И, наконец, спросила у Вельвет:

— Малый Макинтош?

— Неправильный вопрос, — прошипела Вельвет Ремеди. Я была поражена резкостью её голоса.

— Ты должна была спросить о Паерлайт!

Ох. Я почувствовала укол вины.

— По данным системы безопасности, Паерлайт не в здании. Она не попадала в ловушку... — Я замолкла, ощутив чувство, словно тону, чувство, заморозившее моё сердце и лишившее воздуха в груди. Лифт с толчком остановился, когда мои глаза округлились. Если Паерлайт не показывалась внутри, это означало, что она всё ещё была снаружи, в розовом. Целая ночь в Облаке означала смерть.

— Я попросила её прихватить наши вещи, левитируя СтилХувза внутрь, — мрачно сказала Вельвет. — Но я была магически брошена в ту тюрьму... ту камеру... прежде чем смогла придержать для неё двери.

Вельвет Ремеди посмотрела на меня с надрывающим сердце выражением.

— Я всё представляю, как она подобрала Малый Макинтош и всё наше драгоценное оружие, схоронила их где-нибудь и села на улице ждать меня. — Я съёжилась, хныканье сдавило моё горло. Но Вельвет покачала головой.

— Паерлайт — умная птичка. Она умеет выживать. Я должна верить, что она не ждала меня слишком долго, что она вылетела из Облака, из Кантерлота. Может быть, отправилась назад в Глифмарк к Ксенит. — Она отвернулась, но я всё же увидела капли, упавшие с её щёк и разбившиеся влажными пятнами на полу. — Если Розовое Облако не налетело слишком быстро. Если она не была застигнута врасплох. Я должна верить.

С уверенностью, которой у меня вовсе не было, я заверила её, что она была права.

И вновь начала спускать лифт.

* * *

"Скажи мне, где оно!" — прогрохотал кобылий крик через мой мозг.

Мои уши подскочили.

Кланг. "НЕТ!" — раздался второй, похожий на Триксин, голос эхом в моей голове.

Воздух дрожал вокруг нас. Мне было трудно дышать.

Клинг-кланг. "ОСВОБОДИ НАС! ТВОЯ БОГИНЯ ТРЕБУЕТ ЭТОГО!"

Я с Вельвет Ремеди скользнула через кафельный пол, расталкивая опрокинувшиеся ящики зерна и разбитые тарелки, кухонные ножи и просыпающиеся пакеты муки. Сначала мы ползли, чтобы быть более незаметными, но теперь мы это делали, чтобы вообще дышать.

"Нет. Если я освобожу нас, то ты убьёшь нас обоих."

"ТЫ УЖЕ ПЫТАЛАСЬ УБИТЬ МЕНЯ. ЛУЧШЕ УЖ МЫ ОБЕ ПОГИБНЕМ!"

Клинг-кланг-клинг.

Я кашлянула, мои замученные лёгкие боролись за воздух. Высокий звук, который я издала при этом, совсем не был похож на кашель пони, что меня обеспокоило. Я снова кашлянула, Вельвет Ремеди сделала то же самое, её кашель был похож больше на звук детской игрушки-пищалки, чем на что-либо, должное прозвучать от неё.

Наши уши оживились, и мы, замерев и молясь, что другие обитатели кухонь нас не услышали, стали прислушиваться.

"Мы должны закатить вечеринку! Наша Богиня требует этого!"

Аликорн не услышала нас. Она была слишком занята, споря с... насколько я могла сказать... собой.

Я подошла к концу прилавка и осторожно заглянула за него. Зелёного цвета аликорн была связана тяжёлыми цепями, свисавшими с толстых труб под потолком. Она стояла там и испуганным, но умным взглядом в её глазах осматривалась вокруг, отчаянно выискивая что-то.

Внезапно её поведение изменилось, глаза застыли, а лицо искривилось в гневе. Она бросилась на связывавшие её цепи. *Клинг-кланг-клинг!*

"Я — ТВОЯ БОГИНЯ!" — раздался гневный голос Трикси. Правда, это был не подлинный голос Богини, а какая-то странная, бледная имитация, прошедшая эхом через мою голову. Я поняла, что её рот не двигался. Всё, что я слышала, было в моей голове. Весь "диалог".

Но как могло быть возможно это? Розовое Облако препятствовало телепатии аликорнов. Я была уверена в этом. Оно отрезало их от Богини, позволяя им восстановить часть утерянной индивидуальности. Кухни были наполнены каким-то газом, но это было не Облако. Но ведь Розового Облака было предостаточно и вне здания.

Подумав об этом, я взглянула на бок аликорна и обомлела. У неё была кьютимарка! Она была странной, чем-то вроде звёздной дымки, но я не была уверена. Тот факт, что она была у аликорна, шокировал меня. Её бок дрожал от напряжения, она бросилась снова, но цепи натянулись и не пустили её.

Я проследила за её взглядом. Похоже, она пыталась добраться до печей.

"Я ПОМОГЛА ТЕБЕ! Я БЫЛА С ТОБОЙ, КОГДА ОНА МОЛЧАЛА. Я ШЕПТАЛА ТЕБЕ, КОГДА ТЫ НЕ МОГЛА БОЛЬШЕ ВЫНОСИТЬ ТИШИНУ В СВОЕЙ ГОЛОВЕ. Я НЯНЧИЛАСЬ С ТОБОЙ. Я! НЕ ОНА! — кричал голос не-Трикси. — И ПОСЛЕ ЭТОГО ТЫ ПРЕДАЛА МЕНЯ! Я УБЬЮ ТЕБЯ ЗА ЭТО!"

Я предполагала, что без Богини аликорны были отрезаны от своего общего источника магии. У них оставалась их собственная магия, щит и, возможно, одно-два заклинания. Нужно было пересмотреть эту теорию.

Или нет. Фиолетовые могли телепортироваться. Синие — становиться невидимыми. Зелёные делали эти странные вещи с застыванием аки статуи. Но что, если это всё были части другого, большего дара? Зелёные аликорны были телепатами! Даже отрезанные от Богини, они сохраняли этот талант. Во всяком случае, Богиня могла позаимствовать этот талант у них.

Я почувствовала, что Вельвет Ремеди скользнула вперёд, мимо меня. Я оглянулась на аликорна.

"Это была наша миссия." — раздался первый голос. Аликорна борются и продолжила что-то искать. Я замерла снова, когда она посмотрела сквозь меня. Она была в прострации, почти как рейдер.

"Мы так близки. Я не потерплю неудачу!"

Я посмотрела на её мордочку, её губы не двигались. Весь этот спор происходил в её голове... и, соответственно, в наших.

Затем я заметила нечто, потрясшее меня. Кьютимарка аликорна исчезла, напомнив мне кобылку из моего класса в Стойле Два, чей отец пытался подделывать кьютимарку с помощью магии. Каждый раз появлялась новая, чтобы тут же исчезнуть, прямо как сейчас.

Только в этот раз она не просто исчезла. Её сменила кьютимарка в виде колбы с пузырящейся зелёной жидкостью. И она вызвала чувство дежавю. Я видела её прежде.

Мгновением спустя поведение аликорна изменилось, и я заметила, что вместо колбы появилась звёздная дымка.

"ЗАЧЕМ? ЗАЧЕМ ВОЗВРАЩАТЬСЯ К НЕЙ? Я ЛУЧШЕ. Я ЗДЕСЬ ТОЛЬКО ДЛЯ ТЕБЯ. НАВСЕГДА."

Кланг-кланг-клинг-клинг-кланг-клинг!

Потрясенная и немного взволнованная тем, что увидела, я начала ползти обратно. Кьюти-марка — это неотъемлемая часть тебя, знак твоего особого таланта. Как он может так изменяться? Даже если ты в депрессии, даже если тебе хуже некуда, ты всё ещё остаёшься собой. Твоя кьютимарка никогда не покинет тебя.

"И Я СИЛЬНЕЕ В МАГИИ, ЧЕМ ОНА! ОНА СКАЗАЛА, ЧТО ЭТО НЕВОЗМОЖНО. 'НИ В КАКИХ МЕЛКИХ ГРЫЗУНОВ', СКАЗАЛА ОНА. НО Я СМОГЛА! Я НАШЛА ЗАКЛИНАНИЕ! И Я СМОГЛА ИСПОЛНИТЬ ЕГО, ПОКА ТЫ ХНЫКАЛА В УГЛУ..."

Каламити свернулся калачиком в углу небольшой клетки, за магическим щитом и запертыми воротами. Мне пришлось задержать дыхание, чтобы взломать терминал и опустить щит. Даже на высоте одного метра стало невозможно дышать.

Взламывание компьютера заняло у меня несколько попыток. Было сложно сконцентрироваться, особенно с беспрерывно транслирующимся прямо в голову телепатическим спором аликорна.

Как только щит рассеялся, мы подползли к его клетке. Вельвет просунула копыта между прутьями, прикасаясь к нему, пока он придвигался ближе к нам.

— Стой! — проскрипел он, заметив, что я занялась замком.

Не предупреждение, а его высокий, скрипучий голос заставил меня замереть.

— Водород, — пискляво предупредил он. — В воздухе его полным-полно. Одна искра из пушки или из рога, и мы все поджаримся.

Я словно слушала маленькую лесную зверушку. Только ещё милее и забавнее. Я фыркнула, стараясь удержать смех. Я попыталась отвлечь себя серьезностью нашего положения. *ведь думалось*, говорил терминал, *что после того как мы снабдили их талисманами для их нелепых воздушных шаров, они должны бы более тесно сотрудничать!* Министерство Магии создало водородные талисманы для Министерства Морали. Один из них определенно находился в "сверхсекретном хранилище" здесь внизу. И был активирован.

Ну и как без магии и оружия мне открыть камеру Каламити?

— Лучше бы те чё-нить придумать, да пошустрее, Лил'пип, — голосом лесной зверушки настаивал Каламити. — Это место станет недыхательным через часок-другой. Кажется мне, единственная причина, из-за которой это заняло столько времени — это местечко огромное.

Я обхватила морду обоими копытами, слёзы брызнули из глаз.

— Я видел упоминание об этом, когда был в ангаре внизу, — добавил он пискляво.

Это меня добило. Я больше не могла сдерживаться. Несмотря на затруднённое дыхание, я покатила по полу от смеха. Высокий тон моего собственного смеха заставил меня гоготать ещё сильнее.

— Точно, давай, угорай надо мной! — Каламити сердито глянул на меня. И теперь даже Вельвет захохотала. — Только пусть кто-нибудь притащит проклятый ключ и выпустит меня отсюда! Пока эта аликорнка меня с ума не свела! — Он был уморителен. Я затарабанила копытом по полу, помирая от смеха.

— Сначала спой что-нибудь, — предложила Вельвет Ремеди, её голос ещё тоньше. Каламити фыркнул.

— Спасибо, — сказал Каламити, запихнув что-то розовое в свою сумку. Я моргнула, осознав, что он умудрился спереть что-то даже в таких условиях.

— А щас пора валить, пока та рехнутая дамочка внизу не подорвала это здание к анклавам собачьим, — поспешно предложил Каламити, натягивая своё боевое седло. Его голос почти вернулся в норму.

Вельвет Ремеди с сожалением оглянулась в пустую шахту лифта.

— Я... Мне бы хотелось найти способ помочь ей, — сказала она мягко.

— Чего? Помогать полоумному аликорну? С какой стати?

Вельвет Ремеди подарила Каламити строгий взгляд.

— Она определённо страдает. Представь, каково это — иметь кого-то в качестве постоянного компаньона по жизни, а затем внезапно потерять его? Я видела её метки...

— Метки? — спросил Каламити. — Прямо так, во множественном числе?

Вельвет кивнула.

— Одна из них принадлежала одной из пони на видео, которые нам показала Богиня. Я думаю, это она стала одной из первых аликорнов. Богиня пребывала в её разуме на протяжении столетий. — Вельвет снова оглянулась на лифт. — А потом... пришла сюда и внезапно потеряла. Я не удивлена что она была травмирована. Я бы больше удивилась обратному.

Каламити приподнял брови.

— Значит, Розовое Облако сносит аликорнам крышу? Решено. Нам нужно попасть в замок.

— Что?

— Объясню потом. Сваливаем отсюда.

Через пару минут мы неслись галопом через вестибюль.

Задыхаясь, я остановилась и оглянулась на стену Ровозого Облака. Оно ещё не было смертельно густым, как в местах его концентрации, но было достаточно дерьмовым, чтобы глушить почти весь свет. Солнце только поднялось над горами, а казалось, что уже поздний закат.

— Может, было что-то, что ты могла сказать? — поинтересовалась я, видя, в какое смятение начала погружаться Вельвет. Паерлайт не было нигде видно (что, вообще говоря, было хорошо, но это лишь кормило её горе).

Красивая единорожка покачала головой, её белая грива с разноцветными полосами заколыхалась.

— Нет, Литлпип. Единственный способ помочь бедному созданию — годы терапии, — сказала она, понуро глянув на меня. — Нельзя вылечить настоящую психологическую травму супер восстанавливающим зельем или недолгой беседой с красивыми словами и прочим психотрёпом.

— Я был прав, — объявил Каламити. — Ненавижу говорить "я ж говорил вам"... но после того "сначала спой что-нибудь" я с удовольствием это скажу. — Он приземлился около парадной двери Министерства Тайных Наук и уставился на нас. — Так вот... Я ж говорил вам!

— Говорил нам что? — вежливо спросила Вельвет, когда мы рысью подбежали к нему.

— Что ещё за "спой что-нибудь"? — спросил СтилХувз. Я снова захихикала.

Каламити заржал, вращая глазами.

— "Зебринское" мегазаклинание. Оно всё ещё продолжается... вроде как.

Я оборвала смех.

— Где оно?

— Что значит "вроде как"? — спросила Вельвет.

— Нам следует покинуть здание, — напомнил СтилХувз.

Каламити кивнул ему.

— Пральна. И я скажу вам, когда доберёмся до следующей двери.

Было утро. Мы потеряли добрый кусок дня, и Розовое Облако собиралось стать достаточно густым, так что мы решили слегка отдохнуть от нашего путешествия. Следующей дверью должно было оказаться Министерство Технологий, потом через Министерсто Стиля. И оттуда, наконец, в Министерство Крутости. Хотелось верить, что оставшиеся министерские здания будут более похожи на Министерство Мира, нежели это.

Мы открыли дверь и ворвались в Розовое Облако.

Дистанция, которую необходимо было пересечь, была меньше городского квартала. Я была уверена, что мы сможем сделать это с лёгкостью. Никаких отвлечений.

— Смотрите! — закричала Вельвет, указывая на один из мусорных контейнеров рядом со зданием. На нём было размытое пятно, похожее на пламя. Я внутренне застонала, вращая глазами, и рысью побежала туда. Каламити оказался шустрее и уже открыл его к тому времени, как мы достигли его.

Внутри было наше оружие и снаряжение. Паерлайт припрятала их в контейнер и пометила его. Своим пометом. Не желая рисковать оставить что-нибудь позади, я левитировала содержимое мусорки наружу и понесла вслед за нами.

Аликорны повалили на нас, подняв щиты, не успели мы пройти и половины пути. СтилХувз повернулся и открыл огонь. Гром Спитфайр был где-то в куче гнилого мусора, парящего позади, и ни одно из оружий, готовых к стрельбе, не могло проникнуть сквозь щиты.

Поэтому мы бежали, задыхаясь, галопом к дверям Министерства Технологий так быстро, как только можно. Двери были стеклянными; весь фасад Министерства был стеклянным, образуя матрицу чистых оконных панелей, вздымавшихся на высоту трёх этажей. Остальная часть здания обладала элегантною простотой — величественной, функциональной, почти что мужской грациозностью. Король на шахматной доске. Я надеялась, что стекло было хоть как-то усилено. В ином случае, аликорны просто пробурются через него.

Ступени к Министерскому зданию были усеяны скелетами давно умерших пони. Я промчалась мимо единорога, чьи копыта погрузились в бетонные ступени, и перепрыгнула через тело молоденькой кобылицы, чьи косточки переняли рисунок платья, которое было надето на ней в день Розового Облака.

Я также заметила и беспорядочную кучу скелетов, устилающих мраморный пол внутри огромного Министерского фойе, но всё это вылетело из моей головы, стоило мне только телекинезом потянуть стеклянную дверь и угодить в область статических помех. Я завывала, когда свежая, но знакомая агония скрутила мой мозг. Я оступилась и повернулась обратно к выходу, чтобы увидеть, как мои друзья влетают в комнату и все, кроме СтилХувза, падают на пол. Снаружи приземлились аликорны, закрыв дверь и застыв, держа их запертыми с помощью своих щитов.

Нас загнали в ловушку!

Я глянула вокруг, роняя мусор, который я тащила, прямо на скелеты нескольких пони, проводя неистовый поиск. Почти сразу я заметила три передатчика, и пока я достаточно сосредоточилась, чтобы вытянуть оружие, я заметила ещё два.

— Их... их тут дюжины! — взвизгнула Вельвет Ремеди, зажимая свою голову, кровь бежала из её глаз и ушей. Хлестнув своей магией, я попыталась обернуть ею все скелеты, намереваясь зашвырнуть всё содержимое комнаты вверх на один из мезонинов. Мучительно пытка врезалась в мой рог, затуманивая мой взор.

Где-то, я слышала, как голос кричал: "Вырубай их!" Потом, второй раз за полдня я потеряла сознание.

* * *

<=====ooO Шар-Звезда Ooo=====>

Я была заперта в самой длинной, самой скучной памяти на свете. Моя хозяйка подписывала кучу документов: неразглашение контрактов, соглашение на наркотики и лояльность к тестированию, соглашение на возможное принудительное переселение и так далее. Каждый документ был помечен эмблемой — большой звездой, окружённой более мелкими и описанной рогом и крыльями. Каждый из них имел заголовок официального документа Министерства Тайных Наук.

Моя хозяйка или владела скоростным чтением, или вовсе не читала, что было скорее всего. Иногда она осматривалась, застенчиво поглядывая на скользящую за своим столом кобылу или смотря на дверь рядом с письменным столом. В первый же раз, когда она сделала это, по причудливой конструкции дверей и декоративному освещению я сразу поняла, где мы были. Это была Башня Тенпони. Мой хозяин ни разу надолго не поднимал взгляд, прежде чем возвращаться к заполнению документов.

Всякий раз, когда она поднимала перо, она мокала его в чернила и подписывала своё имя.

Трикси.

Мы подняли взгляд, Трикси и я, когда дверь открылась и улыбающаяся Твайлайт Спаркл вышла из неё.

— Трикси, я так счастлива, что ты могла бы сделать это!

— Я... Я не упустила бы эту возможность. — Мы подписали последний документ и левитировали всю стопку к кобыле за столом (которая сидела сейчас в своего рода тревожном внимании, которое приходит к пони, которые валяют дурака, прямо перед тем как в кабинет заходит их босс).

— Пожалуйста, проходи, — сказала Твайлайт, шагнув в сторону. Медленно, почти смиренно, Трикси прошла через порог.

Мы вошли в аккуратный офис, не показной ни в малейшей степени, в основном заполненный заставленными книжными полками и различными безделушками магической или личной значимости. Мы с Трикси глазами бродили по комнате, задержав взгляд на банке с

покрытыми пурпурными пятнышками осколками скорлупы, плавающими в консервирующей жидкости. На банке была надпись: "Яйцо Спайка".

Твайлайт Спаркл, шедшая за нами, закрыла дверь и, пройдя мимо нас, села за свой стол. Потом, слегка нахмурившись, посмотрела на свой стол и, по-видимому, решив, что это казалось слишком формально, вышла из-за него, села на подушку, лежащую на полу, и предложила другую Трикси.

— Мисс Спаркл... — начала Трикси. Я чувствовала её нервозность.

— О, пожалуйста, зови меня Твайлайт, — просияла она. — Так скажи мне, работала ли ты над новыми трюками в последнее время?

Я чувствовала, как моя хозяйка какой-то момент не могла выдать из себя ни слова, потом привела себя в порядок, сделав глубокий вдох. И гордым голосом похвасталась:

— Ну да! Фактически на днях я придумала новое заклинание невидимости! Не хотели бы увидеть?

Твайлайт Спаркл моргнула.

— Ты. Придумала. Заклинание Невидимости?

— Совершенно верно! Известен ли вам ещё хоть один единорог, который мог бы сделать это? — Я почувствовала, как мой хозяин сотворяет заклинание. Твайлайт Спаркл ахнула.

— Ты... Трикси, ты в самом деле невидима! — Твайлайт протянула копыто, толкнув нас, чтобы убедиться, что мы на самом деле были ещё там, а не телепортировались прочь. — Это... это удивительно!

Я почувствовала, как с нас спадает заклинание. Оно было явно недолговечно. Тем не менее, Трикси села, широко улыбаясь.

— Видите? Я по-прежнему Великая и Могучая Трикси, не так ли?

Твайлайт смотрела на неё. В то время как тикали секунды, я чувствовала собирающуюся каплю пота на лбу моего хозяина.

— Ты придумала это заклинание самостоятельно?

— Ну да! Я... — Вдруг вся напыщенность Трикси, казалось, сдулась. — Нет. — Она опустила взгляд в пол, шаркая его копытом. — Я хочу сказать, да, я создала заклинание. Но только после того как раздобыла один из этих новых СтелсБаков и выяснила, как сколдовать эту магию самостоятельно.

Выражение Твайлайт смягчилось.

— Спасибо, что честна со мной.

Трикси кивнула.

— Видимо... я должна уйти.

— Нет! — стремительно сказала Твайлайт. — Нет... Всё в порядке. Я всё ещё очень впечатлена. Те СтелсБаки были созданы моим Министерством...

Трикси поморщилась.

— ...и мы их создали из магической инженерии зебр. Но ни один из моих единорогов не смог воссоздать их в виде заклинания. У меня есть целый отдел в Кантерлоте, который потратил годы, пытаясь сделать то, что ты только что продемонстрировала, и до сих пор у них это не удалось.

Трикси снова подняла голову, удивлённая. Я почувствовала жжение в глазах, она сдерживала слёзы.

— То, что ты сделала, невероятно. И ты должна гордиться. И не нервничать. У тебя уже есть работа. — Твайлайт Спаркл улыбнулась. — То есть, если ты всё ещё хочешь. Я надеюсь, всё это не заставило тебя отказаться от своего решения.

— Ох, нет! Совсем нет, — поспешно сказала Трикси. — Я хочу работать в Министерстве. Вашем Министерстве. — Затем, смягчив голос, — Мне нужна эта работа.

— Богини, — Глаза Твайлайт округлились. — Трикси, что случилось?

— Ну... вы знаете... — вздохнула она. — Дела пошли плохо после Понивилля. Я потеряла свой дом. Распространился слух о том, как вы победили Малую Медведицу и как я... — Она покачала головой. — Я стала посмешищем, но я была слишком горда и слепа, чтобы увидеть это. Мои выступления стали вызывать лишь насмешки вместо радостных приветствий. А потом вообще никто не стал приходить на мой шоу. Деньги закончились. Никто не наймёт "Великую и Могучую" Трикси. Мне пришлось наниматься на... неприятные работы.

Трикси отвела взгляд в сторону.

— На самом деле, когда началась война, мне зажилось лучше. Пони перестали обращать внимание на мою репутацию. Мой провал был достаточно давно, и у них появились другие объекты для ненависти.

— Оу... ох, Трикси, я не знала...

Трикси подняла взгляд на заинтересованное выражение лица Твайлайт, а затем опять опустила на пол.

— Честно говоря, я удивлена, что вы хотели бы, чтобы я работала здесь.

Твайлайт улыбнулась.

— Ну, я помню тебя как опытного и талантливого единорога с внушительным набором заклинаний. И я рада, что ты с нами. У меня есть новый проект, и нужны добровольцы. — И, на мгновение умолкнув, добавила: — И ещё кое-что. Мне нужно, чтобы ты позволила записать одно из твоих воспоминаний.

Глаза Трикси округлились.

— Вы... вы хотите увидеть мои воспоминания?

Твайлайт Спаркл покачала головой.

— Лишь одно. И, если не против, воспоминание об этой встрече тоже.

Трикси посмотрела на Твайлайт косо.

— Это? Ну... я не шибко против. Но... почему?

— Эта война, — стала объяснять Твайлайт, — Будет выиграна магией высшего класса. Мы работаем над зельем, которое могло бы превратить обычную пони в...

Она сделала паузу, затем выплюнула:

— В аликорна.

Трикси ахнула.

— И нет, я не шучу. Мы готовы протестировать его. И я хотела бы попросить тебя быть первой. — Твайлайт Спаркл заметно нервничала. Она понимала серьёзность того, что просила у моего хозяина, даже если Трикси и не понимала.

— ...Аликорна? Вы имеете в виду, как принцесса Селестия?

— И принцесса Луна, да. — Тон Твайлайт был очень серьёзным. — Это преобразовывающая магия высшего порядка. Нам нужна память для сравнения. До и после. Мы не думаем, что превращение в аликорна повлияет на твою психику, но мы не можем это

утверждать с уверенностью.

С этими словами она нежно положила копыто на плечо Трикси.

— Мы приняли все возможные меры предосторожности. Я бы не стала никого просить это сделать, не будь абсолютно уверена, что оно сработает и что это безопасно. Но всё же... Я знаю, что прошу многого. Слишком многого. Это зелье изменит не только то, кто ты. Оно изменит, что ты.

Трикси слотнула.

— Если ты не хочешь этого, можешь отказаться в любой момент, — улыбнулась Твайлайт Спаркл. — И я обещаю, у тебя всё ещё будет работа в моём Министерстве. Я позабочусь об этом.

Трикси хранила молчание долгое время. Я чувствовала дрожь, проходящую через неё. Но затем, медленно и мягко, она сказала:

— Я сделаю это. Я не против измениться. Я больше не самый большой поклонник той, кем я являюсь. И не была уже очень долго. Может быть... таким путём я действительно смогу стать той, кем, мне казалось, я была.

Глаза Твайлайт Спаркл танцевали от радости.

— Тогда добро пожаловать в Министерство Тайных Наук, Трикси! Если ты не возражаешь, я хотела бы сразу приступить к работе. — Твайлайт Спаркл резко поднялась и двинулась в направлении к двери.

— Свободна ли ты в выходные? Я хотела бы, чтобы ты посетила Марипони со мной. У меня есть парочка пони, с которыми я очень хотела бы тебя познакомить. — Она издала маленький визг восторга. — О, я просто изнываю от нетерпения увидеть их лица, когда ты включишь невидимость!

— Кто? — спросила Трикси, вставая и двигаясь вслед за ней.

Твайлайт развернулась с улыбкой.

— Гештальт и Мозаика. Они мои учёные головы. Близняшки и самые удивительные заклинатели, которых ты когда-либо встречала. — И с робкой усмешкой, — Ну, после нас с тобой, конечно. Я обычно оставляю их на мой центр Министерства в Кантерлоте, но сейчас они в Марипони — наблюдают за последними приготовлениями. Тебе они понравятся. У них есть милый способ понимать друг дружку с полуслова, — усмехнулась Твайлайт. — И хочешь услышать кое-что действительно впечатляющее? Я видела, как они заканчивали заклинания друг друга!

Завершать мысли и заклинания друг друга. Основы телепатии и обмена заклинаниями. Вдруг я поняла, почему было три породы аликорнов, почему они обладали своими способностями... и даже почему все аликорны были женского пола!

Десятки пони были поглощены тем, что стало Богиней, но доминирующим стал именно разум Трикси. Поведение моего хозяина было не очень-то похоже на поведение Богини, но в ней была явная её тень. Богиня скрывалась в какой-то части её души, ожидая, когда же дадут ей волю.

Но это была не просто Трикси, власть имущая. Это был сплав из четырёх пони, бывших достаточно сильными, чтобы оказывать влияние на процесс создания аликорнов.

Голубой — невидимость. Фиолетовой — возможность телепортироваться. Зелёные — телепаты, способные работать вместе, чтобы создавать более эффективные щиты.

Четыре пони, все четыре — кобылы.

Я подумала, если бы Богиня поглотила меня, появилось бы новое поколение аликорнов, обладающее мощнейшим телекинезом?

Будет ли Красный Глаз создавать только аликорнов-жеребцов?

Мои мысли были прерваны остановившейся Трикси и, нервничая, задавшей вопрос:

— И они... будут впечатлены... мной?

— О, я тебе это гарантирую!

<-----ooO Ooo----->

Я держала глаза закрытыми, стараясь продлить мгновение покоя. Я была жива и чувствовала себя невредимой. Даже головная боль ушла. Хотелось оставаться в таком положении хотя бы чуть-чуть дольше. Потому что пробуждение возвращало меня в мою жизнь, а это сулило боль.

Но оно также означало друзей. Не было никакого желания спать вечно. Просто чуть-чуть подольше. Пару минут. Это всё, чего мне хотелось.

Звуки вокруг были странными. Грубые низкие голоса, цоканье копыт, пронзительное нытье, постоянно присутствовавшее в моём детстве.

Аликорны устроили ловушку. Пугающе продуманную. Когда я свалилась в бассейн, аликорны наблюдали за тем, как я справилась с ловушками с помощью телекинеза, и в этот раз они не только предвидели это, но и использовали против меня ловушку, атакующую меня быстрее через мою же магию. Осознание этого чертовски пугало. Я без понятия, почему это не сработало. Они должны были убить нас всех.

Мои глаза открылись и уставились на чрезмерно знакомый потолок клиники Стойла.

Стоп. Что?

— Добро пожаловать в Стойл-Сити, — пророкотал голос жеребца, стоящего неподалёку. Глаза его сверкнули, его гниущее тело волочилось прямо ко мне, грязный вечерний плащ на спине вплавился в кожу. Я оглянулась. Архитектура отвечала всем стандартам Стойла, но все пони вокруг были Кантерлотскими Гулями.

Жеребец-гуль топнул, привлекая моё внимание.

— Мы вылечили тебя и твоих друзей после того шоу, что вчера устроила ваша компания. Мы в Стойл-Сити особенно готовы помочь тем пони, которых те монстры так сильно ненавидят.

Он поднял зловонное копыто и предупреждающе стукнул по моему рогу. Я видела, что он носит ПипБак; он был сплавлен с плотью, как и мой. Только к его был приделан передатчик, который был милосердно отключён.

— Передатчики в фойе держат тех монстров снаружи. К тому же, большинство из нас ещё и носит их на случай, если понадобится выйти наружу.

Он заметил, как расширились мои глаза.

— Не волнуйся. Ни один из нас не держит их включенными, пока мы внутри — помехи чертовски раздражительны — если только мы не на дежурстве. Или пока вы не дадите нам повода их включить. Один неверный шаг, и каждый житель Стойл-Сити станет ходячей смертью для вашей живой братии. Так что веди себя со своими живыми друзьями хорошо. Ясно?

Я кивнула. Яснее некуда.

— Теперь, мне кажется есть кое-кто, кто хотел бы... — начал гуль, однако его прервал визг Вельвет Ремеди, находящейся где-то неподалёку.

— ...эх. Похоже, тебе следует сначала отыскать свою подругу-единорога, — заключил гуль, но я уже прыгнула и понеслась через клинику, вляпая между гулями. Я заскользила и остановилась, заметив Вельвет. Затем порысила вперед, чувствуя, как теплая улыбка расплывается по всей моей морде. Она сидела на медицинской кровати, лицо было наполнено радостью, а вокруг неё в воздухе радостно носилась Паерлайт.

* * *

— Добрый день, уважаемые гули Стойл-Сити (жалкие куски гниющего ходячего мяса)! — объявил парящий робот, приветствуя случайных граждан Стойл-Сити, проходящих через зал.

Каламити шёл сбоку от меня, находя коридор Стойла слишком тесным, чтобы летать. Прохожие-гули одаривали нас чудными любопытными взглядами.

— ... Лил'пип, ты лишилась части себя, — говорил пегас.

Я взглянула на ПипБак, и болезненная гримаса немедленно искадила мою морду. Я заставила себя улыбнуться.

— На самом деле, я скорее приобрела новую.

— Не мучи мне воду своими нюансами, — предупредил Каламити. — Суть в том, что такая потеря причиняет боль пони, и я не говорю только о физической. И притворяться, что те не больно — это вовсе не храбро. И не разумно тоже.

Я молчала.

— Когда Вельвет Ремеди потеряла ногу, — продолжил Каламити, — ей хреново было. Даже после того, как она свою конечность вернула.

— Прости, Каламити, — криво хихикнула я, — но не думаю, что я буду нуждаться в такой же терапии.

— Не будь жопой мантикоры, Лил'пип, — сердито ответил Каламити. — Когда мы свалим отседова, нам надо будет двинуть в Башню Тенпони, и те надо бу...

— Нет! — рявкнула я. Я посмотрела на Каламити: его крылья были распахнуты, а глаза широко раскрыты, начисто лишая меня резкости, а мой отказ — силы. Уже мягче, я пожаловалась: — Мы стали мастерами в откладывании дел, которые нам давно пора сделать. После Кантерлота мы сразу выдвигаемся в Прекрасную Долину. Больше никаких задержек, никаких побочных приключений, никаких отвлечений. Мы выполним это чёртовое задание.

Каламити некоторое время не отвечал. На фоне я слышала, как робот говорит:

— Здравствуйте, мадам. Я надеюсь, что к утру вы будете в добром здравии (будто бы это вообще возможно).

Мы повернули за угол и увидели Атриум Стойла. Это местечко было усовершенствовано, специально чтобы поддерживать множество магазинов и лавок, в которых Кантерлотские Гули торговали товарами и услугами.

Когда мы начали спускаться по лестнице, Каламити мягко спросил:

— Ты в порядке, Лил'пип?

Дурацкий вопрос, учитывая то, о чём мы только что говорили. Но я не обратила на это внимание, так как услышала беспокойство в его голосе.

— Я устала, Каламити. Совершенно измоталась, — призналась я. — Мне нужно закончить всё это. Освободится наконец от этой угрозы, от этой миссии. — Я посмотрела вверх, изучая рынок Стойл-Сити. — Потом, после всего этого, я отдохну. Может, когда всё кончится, я просто возьму, лягу и просплю столетие-другое. Но не раньше.

Мы достигли последней ступеньки. Местечко это выглядело прямо как хорошее, оживлённое, маленькое кладбище. Единственное, что сразу бросалось в глаза — это полное отсутствие ресторанов и продавцов еды. Наверное, гулям они в принципе не нужны. Я внезапно осознала, насколько же голодна я была и как же давно я в последний раз ела.

— А что насчёт тебя? — спросила я в ответ, когда мы приблизились к лавке с названием "Ружья и Боеприпасы Калибра"

— Я? Ну, я... — он остановился, когда я повернулась к нему и выразительно подняла бровь. — Это нечестно, кидаться моими же словами обратно в меня.

— Я ничего не сказала.

Он хмыкнул. Потом, потирая брови под своей ковбойской шляпой, признался:

— Вообще-т, я чувствую себя не очень. Не могу перестать думать о тех бандитах из Арбы. И о пони Брыклинского Креста. — Он надулся. — И те бандиты. По словам того старика, половина из них была из самой Арбы, но всё равно они были бандитами. Всё равно они напали на торговца.

Он глянул на меня.

— Я знаю, вы думаете, что стать бандитом — это прямо благородный шаг в развитии по сравнению с теми чуваками из Арбы. Но по мне, когда те чуваки в Арбе начали убивать ради мяса, они были ничем не лучше бандитов.

Я кивнула. Мои собственные чувства... были совершенно отличны. Но мой кошмарный поступок в Арбе лишил их какой-либо значимости.

— Но Брыклинский Крест? Это ж совершенно иное. — Каламити встряхнул головой с горьким ржанием. — Мы пришли туда потребовать что-то, а закончили всё убийствами ради этого.

— Это... — Моя челюсть отвисла. — Каламити, всё НЕ ТАК выглядит! — Мы пытались договориться. Они выстрелили первыми. Мы пытались достать нечто, что они отказывались дать тем пони, которые страдали без этого. У нас было кое-что для обмена, и мы пытались! Они подвергли риску жизнь их Старейшины! Мы... мы не рейдеры!

— Разве? — с явным сомнением спросил Каламити. — Разве не выглядит всё это хоть чуточку ТАК?

Я топнула, мотая головой.

— Нет.

Всё ещё не согласный, Каламити шагнул к двери оружейного магазина.

— Если ты отнимаешь у богатых и отдаешь бедным, ты всё равно — всего лишь рейдер, — сказал он, когда дверь открылась.

— Нет! — Я была непоколебима. — Нет, не рейдер. Может, бандит, в худшем случае. Но не рейдер. И тебе лучше знать. — Я поверить не могла, что мой друг-клептоман оспаривал это. — Некоторые даже назовут тебя героем.

Брыклинский Крест беспокоил Каламити глубоко в его мыслях, вонзался в голову нетипичной и беспорядочной логикой. Может, Вельвет права, и нам всем нужны годы терапии.

Ступая в магазин после него, я положила копыто на его плечо. Потом, не зная, как ещё могу помочь, крепко обняла его.

— Только не в моем магазине, — маленький мертвый жеребенок за стойкой с отвращением кашлянул. — Если вы за этим, вам на

два этажа выше.

Жеребёнок выкладывал ракеты на стойку перед Каламити.

— Одна или две из этих бронебойных крошек почти гарантировано пробьются через аликорновский щит и устроят полный бардак крылатой сучке за ним. — Он посмотрел, что Каламити предлагал взамен. Мы оставили Каламити не только ремонт пушек и оборудования, но ещё и рытье в мусоре в поисках чего-то, что можно было бы продать. — Всё это потянет на пять штук. Добавь сюда одну из тех энерго-магических пушек, и я дам тебе все восемь.

Каламити поднял бровь. Ему далеко было до Вельвет Ремеди, но он был по-своему в торговле, и я могла точно сказать, что он думает, будто его разводят.

— Три ракеты не равны первоклассному энерго-магическому оружию, даже если они так хороши, как ты тут нам напел.

— О, не сомневайтесь, — бросил жеребёнок. — Это одно из преимуществ жизни в Министерстве Военных Технологий. У нас есть такие игрушки, о которых вы, живенький народ, даже не слышали.

Я склонна была признать, что он прав. А ещё я была готова поспорить, что большинство из этих игрушек или были на сомнительных стадиях разработки, или находились в чересчур малых количествах для продажи.

— Если они так хороши против щитов аликорнов, почему вы всё ещё не разобрались с ними? — резонно спросила я.

Нетрудно было догадаться, что гули из Стойл-Сити сражались с аликорнами с того момента, как те начали появляться в Руинах Кантерлота с десятилетие назад. У меня возникло впечатление, что гули проигрывали и теперь были эффективно заперты в Министерстве, которое они звали домом.

Жеребёнок нахмурился.

— Восемь ракет не слишком помогут против нескольких дюжин этих крылатых сучек. С другой стороны, магическая винтовка может значительно поднять счет убийств за пару лет снайпинга.

Каламити заржал.

— Что ж, звучит так, словно винтовка стоит всех восьми. Но можешь взять её за шесть и назвать меня Элементом Щедрости.

Жеребёнок заключил сделку, хотя, судя по его выражению, он назвал Каламити парочкой других слов, как только мы ушли.

— Теперь, что есть из боеприпасов для винтовки?

Жеребёнок покачал головой, издав фыркающий смех.

— Извиняйте, не могу помочь. Если нужны патроны, следует поискать в другом месте.

Каламити моргнул. Потом с преувеличенным вниманием перечитал вывеску магазина.

— Я думал, магазин называется "Пушки и Патроны Калибра". Как у тебя может не быть патронов? Ты продаешь только две вещи.

— Ха-ха, — маленький гуль сказал холодно. — Мои патроны находятся в торговом автомате на хранении. Только этот засранец сломался, и я не могу до них добраться. Так что нет патронов.

Каламити начал лыбиться.

— О, кажись, я могу помочь те с этим. За, скажем, десятипроцентную скидку на патроны? — Вельвет Ремеди бы так гордилась, подумала я.

Глаза гуля-жеребенка зажглись (буквально), он ответил:

— Определённо! Если думаешь, что справишься.

Каламити засмеялся.

— После стольких раз, когда я ломал их, чтоб обчистить, готов поспорить, что эт моя карма — починить хотя б один из них. — Он подмигнул мне. Наша прошлая беседа всё ещё висела в воздухе, но было здорово видеть Каламити в бодром духе.

Каламити поднял копыто и взъерошил голову жеребёнку.

— Не волнуйся, дядя Каламити обо всём позаботится. — Он перелетел через прилавок и порысил к модифицированной «Лавочке Боеприпасов Огненных Подков», оставив глядящего на него гуля с презрительной усмешкой.

— Я на столетие старше тебя.

— Что ты можешь рассказать об этом месте? — спросила я Калибра, стадцатилетнего Кантерлотского гуля, запертого в теле жеребёнка. Мы смотрели, как Каламити работает. Он разобрал уже половину автомата, периодически до нас долетали "агась" или "твоюжмать".

— Это оружейный магазин, — раздражённо ответил Калибр. — Я продаю пушки. И, обычно, патроны.

— Я имела в виду о Стойл-Сити, — пояснила я. — Мы здесь новенькие.

Калибр поднял брови в притворном удивлении.

— Серьезно, что ли? Ты думаешь, в городе могли жить двое живчиков, которых я мог не заметить?

Я оборвала его, спрашивая:

— Как группа гулей оказалась в Стойле?

Калибр вздохнул, потеряв надежду отбить моё желание докучать ему вопросами.

— Стойло Один было построено, чтобы защитить Принцесс, аристократию, правительственных руководителей и верхушек Министерств. Или, так, по крайней мере, Стойл-Тек всем говорили. Они построили Стойло Один в этом здании потому, что, очевидно, правящие пони Стойл-Тек и Министерства Военных Технологий были очень близки.

Верно, они были родными сёстрами.

— Как бы то ни было, когда Розовое Облако пришло, целая куча пони с округи, преимущественно из замка и Министерств, галопом понеслась к Стойлу, надеясь, что смогут войти внутрь. В конце концов, хоть они и были в безопасности от Розового Облака в любом из министерских зданий — кроме, возможно, Министерства Мира — но только Стойло имело долгосрочный запас еды. Либо сюда, либо помереть от голода. Естественно, все эти пони помчались через Облако сюда, и большинство из них поперемемерли. Те же, кто добрался, обнаружили, что ублюдки в Стойле уже заперлись внутри. Они снова были заперты в безопасности, не имея провизии, но большинство "скончалось" ночью, страдая от достаточной дозы облучения, необходимой, чтобы обратить их в гулей. Больше жрачка была им не нужна. Так всё и сработало. Справедливость восторжествовала, когда Стойл-Тек угробила всех пони в Стойле Один. Гули уже основали город внутри здания к тому моменту, как Стойло открылось. Когда они получили доступ к его ресурсам, городок превратился в Стойл-Сити.

Я внимательно слушала.

— А что насчёт тебя? — спросила я Калибра, только он закончил.

— Ухх, — застонал он. — Все живчики такие надоедливые?

— Ага, — сказала я, просто потому что могла сказать.

— Прекрасно. Я родился в Стойле Три. Оно располагалось под землёй. — Он глянул на меня выжидательно. Затем вздохнул, когда уверился, что для меня это не стало особым потрясением. — Думаешь, Розовое Облако снаружи — это плохо? Это ничто. Спустись под землю по любой трубе, обслуживающему туннелю или подземной железной дороге, и ты увидишь, что значит плохо. А потом, живчик, ты подохнешь. Там внизу Розовое стало твёрдым. Там внизу Розовое Облако живое. Живое и голодное. Было лишь вопросом времени, когда оно найдёт способ проникнуть внутрь.

Это ни в какие ворота не лезло. Я уставилась на него с неверием.

— Конечно, пони, вроде тебя, это насмешит. Одну из аликорнов, которая пыталась говорить с нами вместо того, чтобы атаковать, это развеселило тоже. Но я говорю тебе правду, Розовое Облако внизу живое. Я слышал, как Оно дышит.

Калибр передёрнул плечами. Затем вздохнул и на одном дыхании быстро затараторил:

— Короче, Облако добралось до меня. Я помер. Стал гулем. Как и мои родичи. Облако в Стойле Три, поэтому мы пришли сюда. А тут аликорны прилетели, моих родителей убили. Теперь я сам по себе. И я не против, потому что я стар достаточно, чтобы быть дедушкой твоего прадедушки. Я открыл оружейный магазин. Продаю пушки и пули. Обычно. Та-да! Прodelали полный круг. Время вопросов истекло.

Каламити приостановил работу и глянул на меня со знающим видом. Пока Калибр не смотрел, он сказал одними губами: нам надо поговорить.

* * *

— Д-Д-ДРАКОН?!

— Агась, — подтвердил Каламити, пока мы бежали к открытой двери Стойла Один. — Большой, громадный-огромный, чудовищно древний дракон.

Прямо впереди тянулась огромная, открытая площадка Министерского здания, использовавшаяся для технологического процесса. Но гули превратили её в подобие общественной комнаты свободного искусства. Группа из двух пони начала играть, один на стеклянной арфе, а другой на губной гармошке. Музыка, разливавшаяся в холле Стойла Один, была удивительной, западающей в голову, прозрачной и странно дезориентирующей. Это была музыка призраков.

— Как Розовое Облако может быть драконом? — спросила я, замешательство побеждало мой первоначальный шок.

— Эт не... не совсем... — Каламити запнулся. — Это... странно, признаю. Смотри, ты ж знаешь, как работают жар-бомбы зебр, так? Они берут жар-яйцо и вплетают в него мегазаκливание... талисман... или как-там-его. Или ещё чего. Как бы там ни было, мегазаκливание Розовое Облако было сотворено так же. Они взяли связку тех шлук, что они использовали в Литлхорне, которые по существу похожи на водные талисманы, только для Розового Облака, и вплели в них мегазаκливание... или как-там-эту-хрень.

— Ясно, — сказала я, кивая. Я была уверена, что понимаю, о чём говорит Каламити, лучше, чем он сам. — Но как стало возможным...

— Ну, коли ты хочешь создать талисман, который продержится очень долго или достаточно долго, чтоб положить кого-то, кого реально трудно убить, из чего ты его сделаешь?

Ох. Я почувствовала тянущее тревожное ощущение в животе.

— Из драгоценных камней.

Я сделала паузу, когда мы подошли к фонтану. Стойло Один имело действующий водный талисман. Я протестировала фонтан, поднеся свой ПипБак поближе, но не обнаружила никаких следов загрязнения. Не было ни следа от розового.

— Агась, — сказал Каламити, когда я глотнула воды из фонтана. Это не было полноценной заменой еды, но что поделать. — Этот талисман Розового Облака всего-навсего держатель, набитый драгоценными камнями.

Я понимала, к чему он ведёт.

— Его сожрал дракон, так?

— Агась. И не сожрал, а сожрала. Дракониha. Которая охраняла королевскую сокровищницу, если быть точным.

Когда мы достигли входа, я замолчала, заметив сияющий терминал. Любопытство взяло верх.

— Погоди-ка, — попросила я Каламити.

Я тыкнула в терминал и была удивлена, обнаружив, что он уже был взломан и информация на нём была в свободном доступе любому, кому было интересно. Вся информация состояла из одного аудиофайла. Я загрузила его в свой... в свою ногу.

Повернувшись к Каламити, я прокомментировала:

— Окей, это объясняет наличие секретного коридора.

— Как именно?

— Ну, школа принцессы Селестии, очевидно, использовала детёнышей драконов для чего-то. Они должны были откуда-то появляться, — резонно предположила я. — Думаю, принцесса имела своего рода соглашение с драконом. Дракониha получала величайшую во всей Эквестрии кучу сокровищ, а принцесса получала... эм, её детей.

Королевский страж сокровищницы была мамочкой.

Каламити кивнул.

— Что ж, видимо, дракониha переварила мегазаκливание или что-т вроде. Это изменило её, стало её частью. Прямо сейчас она спит в сокровищнице и храпит Розовым Дымом.

Просто зашибись. Я наконец поняла, как Кантерлотское Розовое Облако выжило после сотен лет проливных дождей. И почему оно было таким плотным в подземных помещениях. Облако попадает в секретный коридор, разъедает его стены, а оттуда попадает... всюду. Канализация, туннели, продолжите сами.

— Скорее всего, она теперь ни на каплю на дракона не похожа, — задумчиво протянул Каламити. — Я догадываюсь, что она расплавила свои сокровища. И всю чёртову сокровищницу впридачу. — Он ударил по металлическим поручням. — Так много грёз о королевском джек-поте. И всё зазря.

Я округлила глаза. Затем спросила:

— Откуда ты всё это знаешь?

Каламити повернулся ко мне.

— Да потому что пока вы все отдыхали, я был заперт внизу в дыре с той безумной аликорновской дамочкой. Вы все пробыли только пару минут в полоумном городе. В моей же голове проклятый спор продолжался всю чёртову ночь напролёт!

Он испустил громкий смешок.

— И я почерпнул пару занятных вещей со всего этого.

Знак, висевший на стене рядом со стойловской шестернёй, гласил:

Художественная Община

(Пожалуйста, никаких передатчиков.)

Мы вошли в открытые шестерёнкообразные двери и остановились, услышав музыку более отчётливо. Я почувствовала непреодолимое желание отойти куда-нибудь в сторонку и лечь, забыв о драконах, некромантских облаках и обо всём другом. Просто лежать и слушать, как призрачные звуки странным образом проходят сквозь мою душу.

Мы с Каламити всё ещё находились в Художественной Общине, убаюканные музыкой, когда СтилХувз нас нашёл. Бронированный гуль тяжело подбежал к нам и остановился достаточно надолго, чтобы сказать "За мной." И потрусил назад через толпу Кантерлотских Гулей, прежде чем я даже успела понять, что он вообще к нам подбежал.

Я с трудом поднялась на копыта, чувствуя себя вялой, расслабленной и странно несбалансированной. Каламити потянул крыльями, сделав пару ленивых взмахов, прежде чем подняться в воздух. Потолок был в три пони высотой, что давало ему достаточно места для манёвров между лабиринтом гулей, стендов и дисплеев ниже и светильниками выше.

СтилХувз хладнокровно прорывался через толпы жителей Стойл-Сити, не сбавляя темпа. Я задалась вопросом, нормально ли это было для него? Он не ожидал ничего кроме яда, смерти и монстров в Руинах Кантерлота. И хоть мы нашли это в непомерных объёмах, но мы также нашли кусочек цивилизации, сообщество, состоящее из Кантерлотских Гулей, как и он сам.

Когда мы начали восхождение на один из лестничных пролётов, мой живот опять запротестовал, урчанием напоминая об отсутствии должного завтрака или обеда. Я постаралась отвлечься, включив в наушники аудиозапись, скачанную из терминала Стойла Один.

Голос был очень знакомым, что сделало начало записи ещё более резким. Была влажность в голосе, его владелица явно плакала. Но не более того. Теперь, когда остались только горечь и печаль, исчезла боль, её место заняла холодная злоба.

"Здравствуйте. И прощайте."

Моё имя — Скуталу. Вы, возможно, знаете меня как вице-президента Стойл-Тек, компании, которая спроектировала и построила Стойло, в котором вы нашли ваше убежище. Но прямо сейчас я говорю вам как одна из очень-очень-очень многих пони, что вы, суки, убили.

Вы. Министерские подонки, главы Эквестрии, принцессы, если вы здесь. Вы убили нас всех вашей тупой, бессмысленной войной. А теперь я возвращаю вам вашу услугу.

Я признаю, я сделала немало серьёзных размышлений насчёт удержания двери Стойла Один от правильного запечатывания, дабы вы сдохли все от того ужаса, от которого отгородились, позволяя всем остальным пони Кантерлота, всей Эквестрии погибать. Всем...

Всем пони, что мы не смогли спасти.

...

Но тут весь смысл в Стойлах. Все остальные Стойла предназначены, чтобы спасти народ. (Да, именно 'народ'. Я рада сообщить, что одно из Стойл было построено, чтобы уберечь столь много зебр Эквестрии, сколь это возможно, тех, кого вы затолкали в помойную яму и попытались забыть о них. И Стойло Четырнадцать в настоящее время является жильём для многих грифонов Эквестрии... Но Стойла были построены в основном для спасения пони. Даже таких пони, как вы.) И именно потому вы будете жить остаток ваших жизней в Стойле Один, так же, как и ваши потомки. Независимо от условий снаружи.

Я сделала так, чтобы Стойло Один не открылось до тех пор, пока хотя бы один из вас жив. (Что будет очень долгим сроком, если принцессы находятся там.) Независимо от того, насколько быстро исцелится Эквестрия, ни одна из ваших проклятых душонок не получит выгоды с того, что вы сотворили. Эквестрия — это то, что вы, пони, не заслуживаете.

Надеюсь, ваши души будут гнить вечно."

СтилХувз вел нас к границе Стойл-Сити — к одной весьма скучной официальной комнатке с названием "Министерство Военных Технологий — Центр Предоставления Субсидий", которая была переделана в оборонительное укрепление, дополненное турелями, бронированными стенами и баррикадами с оружейными отверстиями — к двери, укреплённой приваренными бронированными пластинами. СтилХувз остановился, поднял бронированное копыто и затарабанил по двери в нетерпении.

Он выждал момент, тихонько хмыкнув что-то себе под нос.

— СтилХувз, в чём дело? — спросила я, обеспокоенная странным настроением, струящимся от него. Я заметила, что он надел седельные сумки, которые никогда до этого не носил.

Он не ответил, продолжая бурчать. Только я начала подозревать, что он считает про себя, как он замолчал. СтилХувз открыл бронированную дверь и прошёл внутрь мимо недовольно выглядящего Кантерлотского Гуля, несущего стражу. Мы с Каламити последовали за ним.

Я помахала стражу, пока мы проходили мимо, изучая его боевое седло, броню и ПипБак на ноге. Его передатчик был выключен; я быстро врубилась, зачем стучал СтилХувз. Страж не отреагировал на моё приветствие.

Чувствуя волну депрессии, я заметила, что его ПипБак не был частью его. Я подозревала, что большинство ПипБаков, которые носили гули Стойл-Сити, были позаимствованы у Стойла Один и его жителей. Без правильных знаний и инструментов было невозможно снять ПипБак и переместить его на другое тело. Как бы то ни было, отделение ПипБак техников в Стойле Один должно было иметь инструменты и всю документацию, что могла понадобиться Кантерлотским Гулям. Я постаралась встряхнуться. Угрюмые мысли о моей ноге ничем мне не помогали. Эмоции вообще не имели значения.

Пока мы продвигались вперёд, я поймала себя на том, что смотрю на стену розового. Мы вышли на верхний мезонин, с которого просматривался весь атриум. Тусклый, подкрашенный розовым светом наполнял некогда великий атриум. Облако снаружи было достаточно густым, чтобы нам пришлось пить лечачие зелья после перебежек между Министерскими зданиями. Снизу мы слышали море помех, исходящих от дюжин передатчиков, спрятанных между скелетами, коими был усеян пол. Но мы были достаточно высоко, чтобы не быть в опасности.

Чувствуя прикосновение дежавю, я придвинулась к перилам и глянула вниз. Я была здесь раньше. Прямо с этой точки я смотрела вниз на гораздо более солнечное фойе, когда Эпплджек открыто говорила со своей старой подругой зеброй. Я смотрела, а мой хозяин в это время замышлял, как избавиться от Эпплджек.

Я отшатнулась от перил, дрожа от отвращения. СтилХувз оглянулся на меня с нескольких метров впереди.

— Сюда.

Место, в которое вёл нас Рейнджер Эпплснэк, оказалось странной маленькой нишей под круговой лестницей. Дверь была давно удалена, вместо неё висела простенькая, заляпанная занавеска. Тёплый свет лился снизу из-под свисающей ткани, также как и сверху, и по бокам. СтилХувз постучал по стене рядом с занавеской, в этот раз почти вежливо.

— Стар? — мягко пророкотал он. — Это Эпплснэк. Я вернулся со столькими вещами, о которых ты просила, сколько смог найти. И я привёл моих друзей.

Хоть СтилХувз и был в числе моих друзей уже несколько недель, слышать, как он отзывался о нас таким образом, было удивительно, странно и горько.

— Ох, благослови тебя небеса, — донёсся изнутри дребезжащий голос пожилой кобылы, сопровождаемый странным скрипом. — Пожалуйста, входите внутрь.

СтилХувз без колебаний отодвинул занавеску. Со смесью осторожности и предвкушения, я вошла за ним.

Комнатка под лестницей была небольшой, освещенной парой старых Спаркл-Коловых ламп, расположенных на металлических ящиках. В ближайшем углу была чистенькая ванная с несколькими древними кофейными чашками, стоящими на полках. Задняя половина комнаты была разделена некогда красивой шторой, в оригинале богатого оттенка алого и багрового, сейчас уже выцветшей и изношенной. Большую часть стены непосредственно напротив двери занимала ржавая вентиляционная решётка, вентилятор за ней лениво вращался. Единственной примечательной мебелью среди всего беспорядка был древний граммофон, сидящий рядом с плеером для воспроизведения более современных аудиозаписей. Я немедленно представила, как ранее эта комната служила маленьким убежищем для вахтёра или обслуживающего пони. Место, куда он или она могла убежать во время своей смены, чтобы покурить, отдохнуть или заняться чем-то ещё.

Жительницей такого уединённого и слегка унылого места, вне Стойл-Сити, но всё же внутри Министерского здания, оказалась кобыла, которая была пожилой ещё до того, как Розовое Облако сделало её неумирающей. Она была единорогом, её тело было сплавлено с инвалидной коляской, в которую она была заключена в значительной степени ещё и до этого. Моим первым предположением было увидеть за занавеской следующую "комнату", в которой лежит матрас, однако я сразу сообразила, что дело не только в том, что Кантерлотские Гули не спят, но ещё и в том, что эта кобыла не в состоянии даже лечь и отдохнуть.

Неподвижно, она поприветствовала нас улыбкой, широко открытые глаза сияли.

— Спасибо, Эпплснэк! — она переключилась на нас. — Так много времени прошло с тех пор, как у меня были гости.

СтилХувз поставил сумку-седло на пол.

— Мне жаль, что я не смог найти всего, Стар.

Фиолетовое свечение возникло вокруг рога гуля-единорога и обернуло сумку.

— О, это чудесно! — сказала Стар, извлекая наружу пару пластинок и несколько аудиозаписей. — Ты спас старушку, Эпплснэк. Действительно спас. — Следующими вылетели наружу книги. — Я бы сошла с ума, если бы мне пришлось читать те пыльные старые книги ещё по одному кругу!

Она ахнула, когда вынула несколько коробок со старыми кексиками.

— О, как это заботливо! — Улыбка старушки была странно красива, несмотря на состояние её разлагающегося и перекошенного тела. — Я могу не есть совсем, но как же здорово время от времени кушать сладости.

Я глянула на СтилХувза. Его поза была почти что робкой. Я почти чувствовала теплоту, что излучал обычно непреклонный и стойкий гуль.

Пожилая кобылица замолчала, мимолётная дрожь тенью пробежала по её нижней губе. Она повернулась, вращая колёса кресла своей магией, словно магический буксир притянул её к занавеске, которой она легонько коснулась своего левого глаза. Коляска скрипнула, когда она повернулась. Я заметила, что большие колёса были всё ещё функциональны, тогда как малые оплавились и стали неподвижны. Движение занавеси открыло стену, покрытую плакатами и картинками. Я не смогла разобрать ни одну из них, заметила лишь, что доминирующим цветом был лавандовый, а на одном из плакатов красовались слова "ЧИТАЙ".

Когда занавеска вернулась на своё место, я поняла две вещи. Первое: я без понятия, почему старушка-гуль так растрогалась тем, что мой разум окрестил как забег по магазинам. И второе: она была неспособна смахнуть слезу копытом, потому что её передние ноги были вплавлены в ручки кресла. Я почувствовала невольную дрожь, попытавшись представить постоянную жизнь без возможности пошевелиться. Я сразу же захотела помочь этой бедной кобылице. И к тому же очень гордилась СтилХувзом.

— Но где мои манеры? — внезапно спросила Стар, поворачиваясь к нам с огромной улыбкой на лице и левитируя содержимое сумки в сторону. — И где твои? — сказала она без намёка на резкость. — Ты не представил своих друзей.

СтилХувз тихо ржанул. Потом повернулся и глянул на нас. Каламити пялился на него с настолько поднятыми бровями, что они почти сталкивали с головы его шляпу, но тут он извлёк из себя почти что элегантную улыбку.

— Да, Эпплснэк. Неужели ты хотел присвоить эту красивую юную девушку одному себе? — Каламити послал Стар тёплую улыбку и задорно подмигнул. Она закатила глаза, улыбаясь.

— Стар, это Литлпип, — сказал он, кивая на меня. — А этот пегас — Каламити. Литлпип, Каламити, это Стар Спаркл.

— Как вы, Мисс Спаркл? — сказал Каламити. Моя приветственная улыбка на секунду дрогнула. Погодите. Кто?

— Она живёт здесь, снаружи Стойл-Сити, потому что её оттуда изгнали, — сказал СтилХувз, его голос был острым, как лезвие. Я моргнула. Кантерлотские гули не нуждаются ни в еде, ни в одежде, и Министерское здание давало убежище, внутри Стойл-Сити или нет. Но я выяснила, что пони нужны не только эти вещи. Пони нуждаются в компаньонах и хоть какой-то социальной структуре; и это то, что дает им Стойл-Сити. Так же, как и в воде, пони нуждаются в дружбе.

Изгнав Стар, гули Стойл-Сити лишили её единственной вещи, которую они могли дать, единственной вещи, в которой она нуждалась больше всего.

— Потому что гули Стойл-Сити уверены в том, что её дочь создала аликорнов.

— ...Всегда гордилась своей дочерью, — твёрдо сказала нам Стар Спаркл, магией отдёргивая занавеску, делившую пополам её скромную жилплощадь. — И ничего, что делают эти монстры снаружи, этого не изменит.

За занавесью была Твайлайт Спаркл. Каждый сантиметр пространства был покрыт её изображениями, начиная с министерских плакатов, заканчивая древними пожелтевшими домашними фотографиями (на всех них Твайлайт была молодой кобылкой.) Также были вырезки газетных статей с участием дочери Стар Спаркл. Большая картина маслом улыбающейся Твайлайт Спаркл в декоративной овальной рамке висела по центру задней стены. Всякие безделушки в форме Кобылы Министерства Твайлайт Спаркл или с её изображениями заполняли небольшие полки и ящики. И в центре всего была драгоценная статуэтка Твайлайт Спаркл с надписью на основании "Будь Умным."

— Охренеть, — выдохнул Каламити.

— Но когда аликорны стали появляться в Кантерлоте и начали убивать нас, пони из Стойл-Сити решили, что я более не приветствуюсь среди них, — печально объяснила Стар Спаркл. — Они сказали, что я представляю опасность для города. Аликорны никогда не уделяли мне необычного внимания, но... — Она посмотрела в сторону. — Ну, может быть, они были правы.

— Звучит больше, как они искали кого-нить, на кого б всю вину свалить, — проворчал Каламити.

Стар одарила Каламити болезненной улыбкой.

— Пожалуйста, не судите их слишком строго. В конце концов, они позволили мне жить в этом здании. И я никогда не подвергалась преследованиям. Иногда, примерно раз в год, кто-нибудь мне что-нибудь даже приносит. — Она тепло улыбнулась СтилХувзу. — Как Эпплснэк сегодня. Такой милый паренёк.

— Вы заслуживаете лучшего, — ответил СтилХувз.

Моё сердце вторило настроению, наполняясь тяжёлой печалью. Но маленькая пони в моей голове видела сцену передо мной более чем немного жуткой. Стоять рядом с дочерью супротив общественного преследования было замечательно, но то, что я видела перед собой, было больше похоже на храм. Я чувствовала, что смотрю в лицо одержимости.

Стар Спаркл, казалось, читала что-то в моём выражении или языке тела.

— Твоя подруга считает, что я чокнулась, — сказала она СтилХувзу.

Я открыла свой рот в желании высказать протест.

— Не волнуйся, дорогая, — сказала она мне любезно. — Я понимаю. Это выглядит так, потому что так много в таком малом пространстве. — Я закрыла рот, обменявшись взглядом с Каламити, прежде чем с извиняющимся выражением, хоть и не совсем искренним, опустить голову. Это казалось бы чрезмерным, даже помести это в помещение вдвое большего размера.

Стар Спаркл вздохнула, глядя на храм Твайлайт Спаркл.

— Всё же ты права. Но это не то, о чём ты подумала. — Она закусила нижнюю губу и закрыла глаза. — Я любила свою дочь. Больше жизни. Как и мой муж. — Она открыла глаза, глядя на картину маслом в овальной рамке. — И я восхищалась ею. Любимая ученица принцессы, Носитель одного из Элементов Гармонии, Кобыла Министерства Тайных Наук. Я была так горда. — Я слышала дрожь в её голосе, её взгляд опустился на пол. — Но я... я также боялась её, — медленно призналась Стар Спаркл. — Мы оба боялись, хотя мой муж и меньше, чем я. Однажды, когда она была очень молода, она потеряла контроль. Она превратила меня в растение в горшочке... совершенно случайно. Если бы не принцесса...

Кобыла, родившая Твайлайт Спаркл, посмотрела на меня, её глаза были влажны от слёз.

— Я знаю, что не должна была. Но я испугалась. И хотя я никогда не переставала любить её, я позволила себе отдалиться от неё. — Она нахмурилась. — Мать... Моя дочь получила больше писем лично от Самой принцессы, чем от меня. Я никогда не посещала её за всё её время в Понивилле. Я никогда не встречалась с её друзьями...

Она покачала головой.

— И при этом она никогда о нас не забывала. Когда они построили Стойло Один, моя Твайлайт убедилась, чтобы я с мужем были в числе первых, кому будет гарантировано место внутри. Мы были на пути туда, когда Облако нагнало нас. Мой муж умер на ступеньках перед Министерством, убедившись, что я прошла через дверь.

Она отвела глаза, тихо бормоча:

— Конечно, они запечатали Стойло раньше...

Я обнаружила, что смотрю на её инвалидную коляску и думаю о скелете жеребца снаружи, копыта которого погрузились в бетон. Я вдруг почувствовала сильную злость на пони Министерства Военных Технологий. Как смели они запечатывать Стойло, оставляя хороших пони на улице, пони, которых они должны были спасти! Они заслужили... Ну, то, что они получили.

— Думаю... я пытаюсь наверстать все расстояния, что я положила между нами, пока моя дочь была ещё жива.

Я посмотрела на храм свежим взглядом. Это была не одержимость. Это была сверхкомпенсация.

— Я прихожу сюда поговорить с ней, — сказала нам Стар Спаркл. — Иногда я говорю ей, как прошёл мой день, хотя в этом не так уж и много смысла, ведь мои дни почти всегда одни и те же. Иногда я читаю ей. Она очень любит книги. — Стар грустно улыбнулась. — Иногда я просто говорю, что очень сожалею. И что люблю её.

Она отвела взгляд, несколько слёз сбежали по её щекам и упали вниз.

— Иногда, — мягко призналась она, — я даже думаю, что слышу, как она говорит мне что-то в ответ.

— Мы берём её с собой! — топнул СтилХувз.

Мы стояли на мезонине, ожидая, пока Вельвет Ремеди с Паерлайт присоединятся к нам.

— Нет, мы не берём её с собой! — топнула я в ответ.

— Она заслуживает лучшего, чем это, — настаивал СтилХувз, указывая копытом в сторону лачуги Стар Спаркл.

— Но она не заслуживает столкнуться с тем, с чем должны столкнуться мы, — аргументировала я, качая головой. — Там, куда мы дальше идём, слишком опасно... — Я была прервана величественным криком Паерлайт, приземлившейся мне на голову, её когти укололи мою голову сквозь гриву. Я повернулась, чтобы увидеть подбегающую Вельвет Ремеди с большим пакетом, плывущим позади неё.

СтилХувз сердито заржал.

— Конечно же, мы возьмём её с собой не прямо сейчас. Аликорны будут ждать нас прямо на улице. Я не хочу, чтобы её убили.

— У меня есть кое-что, что могло бы помочь в этом деле, — прервал Каламити, вынимая новые ракеты из своей сумки и складывая их перед СтилХувзом.

— Ооо-о? — пропела Вельвет Ремеди. — Мы раздаём подарки? Прекрасно, потому что у меня есть подарочек для Литлпип!

Я моргнула.

— Настоящий? Для меня?

Она сложила свой пакет предо мной, когда присоединилась к нам.

— Я просто должна была тебе что-нибудь новенькое из одежды, — промурлыкала Вельвет. — Особенно после того, как кинула твоё платье драконам.

Я старалась не состряпать гримасы. Из списка всего, о чём я сейчас была обеспокоена, красивое платье было... Нет, в списке его вообще не было. Я даже и не думала о красивых платьях. К Эквестрийской Пустоши шёл более надёжный и бронированный вид. Хотя... Может быть, неплохо было бы одеться во что-нибудь красивое для Хомэйдж?

Но когда я открыла пакет, я обнаружила, что Вельвет Ремеди удалось удивить меня.

— Броня Кантерлотской Полиции, — сказала мне Вельвет Ремеди, когда я вынимала старую униформу. Она была в прекрасном состоянии. — Самая лучшая лёгкая броня в Эквестрии. — И театрально заржала: — Ты не поверишь, как трудно найти хоть что-нибудь твоего размера.

— Ух ты... Я... — Я моргнула. Это был замечательный подарок. Но в то же время я приросла к своему бронированному рабочему комбинезону Стойла. (Хотя, к счастью, не буквально.) В конце концов, ведь Дитзи Ду бронировала его.

— Давай, примерь её. — И, словно прочитав мои мысли, добавила: — Знаю, твоя старая униформа Стойла служила тебе верой и правдой, но, может, всё-таки хватит с неё? Она рвалась и шлопалась так же часто, как и ты, и заслуживает отдых. Тебе так не кажется?

Я кивнула и начала раздеваться.

— Но мы всё равно не берём её с собой, — сказала я твёрдо.

— Берём кого? — спросила Вельвет.

— Стар Спаркл, — сказал ей СтилХувз.

— Кто?

— Берём её куда? — спросил Каламити.

— В Башню Тенпони, — настойчиво сказал СтилХувз.

— Ты и впрямь думаешь, чё они прост возьмут и позволят ей, Кантерлотскому Гулю, жить в этом шикарном, высокомерном?..

— Да, они позволят, — медленно вполголоса произнёс СтилХувз, что сказала мне, что для граждан Башни Тенпони было бы очень плохо отказать ей. — Она была матерью Твайлайт Спаркл! Вспомни, что вообще такое Башня Тенпони. Они позволят.

— Я согласна, — кивнув, заявила я, подозревая, что Общество Сумерек пошло бы на многое, чтобы заполучить прямого родственника Кобылы Министерства в свою Башню. — Я уверена, что Хомэйдж может помочь. И... — Я усмехнулась, покачивая головой. — Я могу разместить её там. У меня есть свой сырный магазин.

Каламити и Вельвет Ремеди на меня разом странно посмотрели.

— Что у тебя есть?

Стащив комбинезон через голову, я сообщила СтилХувзу:

— Но мы не возьмём её с собой...

Я бросила свой бронированный стойловский комбинезон на пол и посмотрела на него. Он был рваным, столько раз заделанным, что, казалось, был шит из лоскутов. Были на нём глубокие пятна, не все из которых были кровью. Это было отвратительно.

— ...не сейчас. — Я посмотрела на СтилХувза, всё ещё нетерпеливо фыркавшего. — Мы вернёмся за ней. Я обещаю. А сейчас она тут в безопасности.

— Почему нет? — настойчиво спросил СтилХувз.

— Потому что мы направляемся не в Башню Тенпони. Как только мы разберёмся с Кантерлотом, мы направимся прямо в Прекрасную Долину... — Больше никаких задержек.

— После того как подберём Ксенит, — напомнил мне Каламити. Ладно, одна задержка.

— ...После того как подберём Ксенит, — добавила я. — Прекрасная Долина. — Я задержала взгляд на СтилХувзе. — Ты знаешь, что там. Я не собираюсь брать мать Твайлайт Спаркл туда. И не возьму её никуда, пока не покончу с Богиней.

СтилХувз, казалось, удовлетворил такой ответ, и он, кивнув, отступил.

Я сложила комбинезон так, как только позволили лучшие броневые пластины, и сунула его в спортивную сумку, заполненную инструментами для Каламити.

— О! — Я посмотрела в сумку и, левитировав оттуда свою старую броню и СтелсБак II, отдала её Каламити. — У меня тоже есть подарок. Для тебя.

Каламити взглянул внутрь и испустил практически визг радости.

Я начала одевать Броню Полиции Кантерлота, бывшую мне как раз... ой, что это за чувство? Ах да! Я вспомнила: Это чувство, когда носишь что-то чистое!

СтилХувз подошёл к ближайшему охраннику Стойл-Сити и о чём-то обмолвился с ним, получив кивок.

Я пробежалась вокруг, привыкая к ощущению новой брони.

— Спасибо, Вельвет! Это... классно! — Я помолчала, оценивая цвета. — Как она выглядит? Идёт ли к моей гриве?

СтилХувз заржал, возвращаясь, в то время как охранник уходил вдоль перил мезонина.

— Честно? Я не могу себе представить её на тебе. Не хватает крови.

Я даровала СтилХувзу грозный взгляд.

— Дай ей время.

Я перевела своё внимание на охранника, игнорируя их обоих. Рог охранника засветился. Искры волшебного света поплыли вниз и распространились по покрытому скелетами этажу ниже.

Звук помех под нами смолк.

— Как?..

— Я их выключил, — просто сказал охранник. — Я включу их снова, после того как вы выйдете.

Выключить их? Моё копыто ударило по моему лицу, когда я вспомнила, как съёжилась в углу лаборатории Министерства Магии, отчаянно стреляя по динамиту. Конечно же, их можно было просто выключить.

Я была не умной пони. Я была, по сути, очень даже глупой пони.

Когда мы сошли вниз по лестнице и направились через море костей, я остановилась и вытащила передатчик из одного из ПипБаков, после чего повертела его перед глазами, знакомясь с его устройством.

— Ну, разве не очевидно, что это засада, — сухо сказал Каламити, глядя в розовое. — Куда, вы думаете, они направились? — Снаружи не было видно ни одного аликорна. — Прячутся, небось, на крыше или с боков здания.

— Может быть, та, которую они называют Прозревающей Тьмой, устала терять посланных на нас аликорнов и отозвала их обратно? — с надеждой предположила Вельвет Ремеди. Что-то в её голосе говорило, что она сама не верила в возможность такого поворота.

— Итак, — посмотрел на меня Каламити, — Каков наш план?

<-=====ооО Шар-Воздушный Шарик Ооо=====>

Офис Пинки Пай. Министерство Морали. Мэйнхэттен.

Только... нет.

Когда я толчком открыла дверь розовым копытом, всё стало не так. Всё исказилось. Словно нормальная цветовая гамма мира

вдруг стала витой гротескной пастельной живописью.

Мне было хреново, но при этом я чувствовала себя ужасно живой. Дрожь пробежала по моему позвоночнику. Уши чесались. Заднюю часть задней правой ноги покалывало, и слабое жжение нарастало в моём левом переднем копытке.

Я знала это чувство. Мой хозяин находился под действием Праздничных Минталок. На границе ужасного срыва. Это было... жутко неправильно.

Мир на вкус был смешным. Пах смешно. Как мята и гнилая капуста.

— Глупая злючка-сучка Твайлайт. Я в порядке! Я покажу ей... — Мой хозяин оглянулся, нахмурившись. Это было как будто даже она поняла, что что-то было ужасно неуместно, но не могла определить, что.

— ...Я знаю. Я запишу свою память и отправлю ей. Хорошее длинное воспоминание. Она увидит, что со мной всё хорошо. И она не сможет уйти, пока не посмотрит...

Нет. Нет, Пинки. С тобой вовсе не всё хорошо. В этом нет совершенно ничего хорошего.

— Пфф, да забей ты на неё, — прозвучал голос рядом со мной. — Если она хочет кинуть тебя, потому что ей больше не нравятся твои вечеринки, то скатертью дорога! — Голос был женским и исходил из... растения?.. Да, одно из комнатных растений в горшочке в комнате Пинки Пай и впрямь с ней разговаривало. Я видела, как растение двигалось и шевелило листьями, когда раздавался голос из него. — Тебе она не нужна. Тебе вообще никто из них не нужен!

Мой хозяин дал ей... ему... быстрый взгляд.

— Я думала, что она была моей подругой.

— Неужели? — раздался другой голос из мраморного пресс-папье на столе Пинки. — Никто из них не видит того, что можешь видеть ты. Они не могут понять, под каким давлением ты находишься.

— Да, — согласилась Пинки Пай. — Да, они не могут.

О Богини. У Пинки Пай был психический раскол. И я видела то, что она видела у себя в голове.

Пинки Пай продолжала осматриваться вокруг, потом остановилась, уставившись на тонкий предмет, скрытый большим куском ткани.

— Откуда это ты тут взялся? — Она подошла, и схватив зубами за край ткани, стянула её с предмета.

Перед ней стояло зеркало. Я видела, как моя хозяйка смотрела на меня, но это была не та Пинки Пай, к которой я привыкла. Цвет её шерсти потускнел, её грива распрямилась и повисла. Выражение её лица было зло и сурово. Это была Пинки Пай сразу же после её последней вечеринки.

На зеркале висела ленточка с прикрепленной к ней запиской:

Дорогая Пинки,

Я подумала, это поможет тебе найти себя.

~Рэрити.

Пинки Пай нахмурилась, прочитав записку.

— Я. Не. Потеряна! — Она схватила ленту зубами и сорвала её прочь. Потом посмотрела на себя в зеркало. — Ты тоже, Рэрити? — пробормотала она. — Все мои друзья собираются отказаться от меня, что ли?

— Никому больше нельзя доверять, — проворчал пресс-папье.

Пинки Пай подбежала к ближайшему домофону и, прижав копыто к кнопке, сказала:

— Эй. В моём офисе стоит зеркало, которого здесь быть не должно. Вызовите кого-нибудь, чтобы его вынесли.

"Да, мэм," — прозвучал голос кобылы из домофона, звуча странно далеко. — "А где оно должно быть?"

— Мне всё равно. Доставьте его на Ферму Развлечений или что-нибудь в этом роде, — проворчала Пинки. — Главное — избавьтесь от него.

Моя хозяйка подбежала обратно к зеркалу и уставилась на него. Потом протянула копыто, чтобы прикоснуться к поверхности...

...и отскочила назад, почувствовав шок от холода. Образ в зеркале резко изменился. Теперь смотрела на нас из зеркала другая Пинки Пай. Улыбающаяся, весёлая, ярко-розовая, кудрявогривая Пинки Пай.

— Оу! Эй! — счастливо прокричала Пинки Пай из зеркала. — Привет, Пинкамина! Ох, ты не шибко хорошо выглядишь. А это плохо, ведь ты — это я, а это значит, что и я выгляжу не шибко весело!

У неё было зачарованное маленькое зеркальце. Если вы взглянете в него, то вы увидите лишь своё отражение, как и в любом обычном зеркале. Но если вы его коснётесь или сосредоточите на нём свою магию, то зеркало... запечатлит изображение вашей души. Затем вторые чары позволяют зеркальцу показать это изображение.

Зеркальная Пинки Пай посмотрела на мою хозяйку с беспокойством.

— Что случилось с нами?

— Кто ты, чёрт побери? — проворчала блёклая Пинки Пай.

Богини, это было странно, если не сказать жутко. Я решила думать о них под разными именами, чтоб хотя бы мысли не путались. Хотя часть меня беспокоила, что меня саму поглотит это безумие.

— Конечно же я — это ты! — хихикнула Пинки Пай. — Я реальная ты... Что странно, так как я под кайфом тоже. — Отражение было тоже под ПрМ? Или это глюки в голове Пинкамина... отражение, с которым не может быть этого разговора в первую очередь потому, что чёртово отражение Не Может Разговаривать! Это, блин, как пресс-папье и растение в горшочке!

— Это какой-то трюк, — прошипела Пинкамина.

— Ты имеешь в виду, вроде шутки? Видишь, они на самом деле по-прежнему заботятся о тебе. — Пинки Пай сделала паузу. Потом осветилась улыбкой. — О! Привет, Литлпип!

Э-э... привет? Разговор вдруг свернул в совершенно очумелую сторону.

— Литлпип сказала "э-э, привет", — сияя, объявила Пинки Пай.

Стоп. Что?

— А теперь Литлпип сказала "стоп, что?", — хихикнула Пинки Пай.

Это просто невозможно!

— Ты напоминаешь мне нашу подругу Твайлайт Спаркл, Литлпип!

— Она не наша подруга, — вздохнула Пинкамина. — Больше не подруга.

Глаза Пинки Пай округлились.

— Она наша лучшая подруга. Иначе б она не старалась нам помочь! — Пинкамина открыла рот, но Пинки Пай покачала головой. — И не пытайся говорить себе, что не нуждаешься в помощи. Я лучше знаю. А это значит, что и ты лучше знаешь.

— Я... Я лишь стараюсь сделать пони счастливыми.

Сделать их счастливыми?

— Прямо в точку, Литлпип, — серьёзно сказала Пинки Пай. — Ты не можешь сделать пони счастливыми. Ты можешь только помочь им найти своё счастье. — Пинки Пай указала на окно. — Посмотри туда. Они выглядят счастливыми?

— Нет, — пробормотала Пинкамина, глядя куда угодно, но только не в окно.

— Они не счастливы, — печально сказала Пинки Пай. — Я думаю... Я думаю, они на самом деле... боятся нас.

Это было... это было тем, что привело Пинки Пай к пониманию, что она нуждалась в помощи. Этот разговор, который так или иначе был безумным, я была его частью, этот разговор подтолкнул Пинки к...

— Шшшш! — Пинки Пай хмуро посмотрела на меня из зеркала. — Ты должна хранить секреты, Литлпип!

Что? Нет! Если бы... Если бы был шанс, что я как-то... смогла связаться... есть вещи, которые Пинки Пай нужно было знать! Я могла бы предупредить её! Я могла бы спасти...

— Неееееее слу-ша-ю! — сказала Пинки Пай, театрально закрывая уши. — Литлпип. Ты. Не. Можешь. Рассказать!

Но... ведь всё закончится так ужасно!

— Нет-нет, это не так, — горячо ответила Пинки Пай, помотав головой. И вдруг снова улыбнулась. — Всё закончится солнцем и радугами! — радостно объявила она. Меня поразило странное ощущение дежавю.

Она указала копытом на меня (или, может быть, на Пинкамину).

— Если, конечно, ты готова пройти сквозь огонь.

— Какой огонь? — спросила Пинкамина.

— Не слушай её! — настаивало растение в горшке. — Она просто хочет твоего провала.

— Нет, — настаивала Пинки Пай. — Мы должны сделать то, что важнее всего. Мы должны спасти других пони, перед тем как спастись самим. Ты знаешь, что я имею в виду, говоря о тех плохих-плохих пони в Четырёх Звездах. И лишь тогда... — Пинки Пай печально улыбнулась. — Лишь тогда мы спасём себя, ведь так?

Солнце и радуги. Я хотела сказать ей, сколь совершенно нереально это было. Чёрт, этих двух вещей больше не было в этом мире...

Пинки Пай сердито нахмурилась, глядя на меня из зеркала.

— Солнце. И. Радуги.

Пинкамина упала на ковёр.

— Мы... Я... — Она начала плакать. — Как? Как могу я это исправить? Как могу я хихикать над ужасным, когда я сама ужасна?

Если объятия могут исцелить боль, то смех может исцелить страх. Но Министерства отбрасывают большую тень. Много, очень много пони было, нуждавшихся в смехе.

— Мы должны остановиться, — торжественно произнесла Пинки Пай. — Всё Министерство Морали не помогает. Оно лишь ранит пони, и мы должны остановиться. Итак, сначала нам надо почиститься. Затем записать это воспоминание для Литлпип. А потом...

— Всё министерство, — простонала Пинкамина. — Нужно покончить с ним, разрушить и его. Большая прощальная вечеринка. Величайшая за всю историю.

<-=====ooO Ooo=====>

* * *

Впереди показалось высокое, изогнутое здание женской грации, украшенное большими драгоценными камнями и кристаллоподобной решёткой. Если здание Министерства Военных Технологий было королём Министерской Аллеи, то Министерство Стиля было явно королевой. В любом же другом месте Министерство Стиля предпочитало быть невидимым, копытом-тенью поддерживая всех остальных из-за кулис. Кантерлотский центр Министерства Стиля был образцом высшего качества, имя Министерства обтекало фасад здания усыпанными бриллиантами буквами.

Рэрити, Кобыла Министерства, никогда не показывала себя ни в одной публикации, ни на одном плакате или продукте Министерства Стиля. Здесь же она гордо стояла перед своим Министерством в виде алебастровой статуи, важно возвышаясь над фонтаном из хрусталя, стекла и алмазной пыли.

Мой план, в основном состоявший из "бежим", казался, работал. Вельвет Ремеди и СтипХувз скакали по бокам от меня, в то время как мы пробегали меж мёртвых деревьев, выстроившихся вдоль парка. Мои лёгкие горели, борясь за дыхание. Голова пульсировала болью, и в глазах всё было размыто. Я чувствовала нагрузку на сердце и мышцы. Розовое Облако нападало на каждый клочок моего тела — внутри и снаружи.

И всё ещё за нами не было вражеского преследования, но тут на компасе моего Л.У.М.а загорелись две красные метки.

— Смотрите в оба! — крикнул СтипХувз, его забрало дало ему такое же предупреждение. Я никого не видела. Либо враги были невидимы, либо прятались в драпированных садовых беседках Министерства. Каламити забил крыльями, взлетая вверх, опасаясь аликорнов на крыше.

Всё произошло менее чем за три секунды.

Мы бросились вокруг фонтана Рэрити и попали прямо в ловушку.

БИ-ИП! БИ-ИП!

БИ-ИП!

БИ-ИП! БИ-ИП! БИ-ИП! БИ-ИП!

БИ-ИП! БИ-ИП!

БИ-ИП! БИ-ИП! БИ-ИП!

БИ-ИП! БИ-ИП! БИ-ИП! БИ-ИП!

БИ-ИП! БИ-ИП!

Мины! Много мин! Многие из которых были энерго-магическими. Они практически застопорили пространство между Рэрити и дверью Министерства Стиля. Многие из них уже начали мигать, когда Вельвет Ремеди и СтипХувз подбежали и остановились рядом со мной. Мой рог уже светился, левитацией охватывая мины.

Два аликорна вышли из своих укрытий и сели, как статуи, сразу воздвигая щит вокруг нас, захватывая нас в ловушку вместе с минами. Паерлайт, летевшая на расстоянии вытянутого копыта от нас, врезалась в щит изнутри и упала, ошеломлённая, среди мин.

БИ-ИП! БИ-ИП! БИ-ИП! БИ-ИП! БИ-ИП! БИ-ИП!

БИ-ИП! БИ-ИП! БИ-ИП! БИ-ИП!

БИ-ИП! БИ-ИП! БИ-ИП! БИ-ИП! БИ-ИП!

БИ-ИП! БИ-ИП! БИ-ИП!

БИ-ИП! БИ-ИП! БИ-ИП! БИ-ИП! БИ-ИП!

БИ-ИП! БИ-ИП! БИ-ИП! БИ-ИП!

БИ-ИП! БИ-ИП! БИ-ИП! БИ-ИП! БИ-ИП!

Я собрала все плачущие мины в две кучи и левитировала их в направлении аликорнов, сидящих снаружи щита, при этом магией включая прикрепленный мною к моему ПипБаку передатчик. Вельвет Ремеди телекинезом подтащила к нам Паерлайт и накрыла всю нашу группу своим собственным щитом.

Моя голова взорвалась в агонии. Мой взор поплыл красным. Рядом со мной Вельвет Ремеди начала кричать, как только смертельная некромантия передатчика атаковала её, но сохранила свой щит. Аликорны дёрнулись, разевая свои морды в сплетённом крике боли, их щит распался.

Мины взорвались в кавалькаде огня, осколков, шокирующей силы и магической энергии.

БАХ! БАХ!

Турель взорвалась, как только две бронебойные пули Малого Макинтоша забурились в её внутренности. Двойной выстрел боевого седла Каламити вывел из строя последнюю из шести охранных турелей.

Я плюхнулась на плюшевый диван, уткнувшись лицом в подушку, и поймала своё дыхание. Остальные располагались, поглощая лечащее зелье. Розовое облако нанесло вред больший, чем ловушка аликорнов и турели вместе взятые.

От подушки чем-то отвлотно пахло, но мне было плевать. С одного лишь взгляда становилось понятно, что Министерство Стиля поддавалось гниению и разрушению. Обстановка и декор выбирались за внешность, а не за живучесть.

— Не предвещает ничего хорошего, — сказал Каламити с гримасой. Я взглянула устало, опрокидывая в себя лечащее зелье. Отодрав себя от блаженной подушечки на диване, я двинулась туда, где он летал. Каламити смотрел куда-то за стойку фойе.

Стальные Рэйнджеры. Мёртвые. Больше полудюжины.

— Отправлены Коттэдж Чизом разыскивать Чёрную Книгу, — торжественно заметил СтилХувз, присоединяясь к нам.

— Агась. Но... что их убило? И кто уложил их так?

Я тряхнула головой. Определённо дурной знак. Я повернулась, опрокидывая зелье и позволяя исцеляющей жидкости литься на мой язык и через горло. Каламити летал возле тел, собирая амуницию с их боевых сёдел.

Вельвет Ремеди изучала Каталог Министерства Стиля, висящий на стене между двух мраморных колонн.

— Где мы ожидаем найти книгу? — спросила она.

— Стол Рэрити. Секретный сейф в её офисе.

Вельвет кивнула.

— Тут есть административный лифт. Хоть раз мы сможем сбегать туда-сюда так быстро-быстро, прям как любит Литлпип.

Каламити покашлял в копыто. Кашель прозвучал прямо как комментарий насчёт "влюблённых кобылиц".

Вращая глазами, я проверила карту и двинулась к лифту. Он находился в холле по правое копыто и за углом. Холл был увешан подсвеченными в позолоченных рамках плакатами, каждый из которых превозносил достоинства других Министерств.

Я остановилась сразу же, как обогнула угол.

Административный лифт находился между двумя плакатами "ПРОГРЕСС", один из которых был знакомым изображением исполненной веселья пони и её парящего робота, а другой изображал группу пони, с трепетом взирающих на мерцающий терминал. Лифт был богато оформлен, позолочен и держался открытым мёртвым телом Стального Рейнджера. Тело писца скрючилось внутри, медленно разлагаясь. Её рог и верхушка черепа были взорваны, окрасив заднюю стенку кабинки. Мягкие помехи лились из динамика на крыше кабинки лифта.

— Может, нам всё-таки не следует ехать на лифте? — предложила Вельвет, поравнявшись со мной.

Пока мы продвигались через лабиринт терминалов, мониторов и столов для переговоров, занимавших большую часть Медиа Надзора, я была поражена отсутствием скелетов или других признаков мёртвых пони. Не только в Министерстве Стиля, но и в Министерствах Мира и Тайных Наук. Возможно, именно картина холла Министерства Военных Технологий напоминала мне, что чего-то не хватает. Единственными мёртвыми здесь были Стальные Рейнджеры. За исключением одного сообщения, написанного кровью, не было ни одного признака смертей пони, как и в Министерстве Твайлайт.

Освещение в комнате мерцало на грани отказа. Когда мы включили свет, две световых панели взорвались.

СтилХувз остановился, взглянув на полосу покрытых пылью мэйнфреймов вдоль одной из стен.

— Эта комната единолично могла их прикончить, — прокомментировал он. — Достаточно видеть все технологии, хранящиеся здесь, и осознавать, что они здесь всего лишь за книгой.

Я бросила взгляд на ближайший терминал, он всё ещё мерцал. Заинтригованная, я извлекла свои хакерские приспособления. Получить доступ было невероятно легко. Пароль был "блеск".

Медиа Надзор, внутриофисная записка №057

Просто памятка и разъяснение для новичков Медиа Надзора, отдел создания Образа:

На всех изображениях пони, в которых присутствует массовка, должны хотя бы в отношении два к одному присутствовать пони ярких и пастельных тонов (шерсть и грива которых имеют нейтральные цвета, такие как коричневый, серый или рыжеватый). Лучшие даже три к одному. Единственным исключением являются пони с белой шерстью. Белый цвет Селестии допустим всегда и в любом количестве.

Более того, убедитесь, что любая планируемая фотография согласована хотя бы с одним из пегасов отдела создания Образа. Мы хотим поддерживать образ Эквестрии состоящим из славных солнечных дней и ясных звёздных ночей. Избегайте облачного неба, если только это не требуется для эффекта. Можно использовать цветокоррекцию, чтобы сделать небо над Эквестрией ещё более голубым.

К тому же помните, что все изображения зебр должны быть монохромными. Цветные фотографии должны быть обесцвечены или обработаны убирающим насыщенность и корректирующим цвета заклинанием. К документу прилагается палитра подходящих оттенков для изображения зебры, но можете также использовать совершенно любой цвет, придающий изображению демоничность или болезненность.

Персональная записка:

Уважаемая Шаттербрайт,

Хоть я и ценю ваше художественное мышление и согласна с вами, что "яркая и красивая" Эквестрия — наиболее желанное

её представление, всё же вынуждена отклонить ваше предложение изображать на всех картинах Эквестрии яркой солнечный день. Пожалуйста, помните, что страной теперь правит принцесса Луна, и мы не должны позволить нашей политике ранить Её чувства.

Искренне,
~Рэрити

Медиа Надзор, внутриофисная записка №162

Всем пони в Медиа Надзоре необходимо посетить завтрашнюю обязательную встречу работников. Ровно в восемь. На этой встрече мы дадим обзор нашей новой Системе Радио Перекрытия. Благодаря поддержке Министерства Крутости мы получили возможность установить систему аварийного вмешательства или усиления радиовецания, покрывающую всю Эквестрию. Все пони Медиа Надзора должны быть ознакомлены с основами новой системы и способами доступа к СРП из головного офиса Медиа Надзора или из Базовой Станции любой из Башен МК.

Встреча продлится около двух часов. Лимонные пирожные и чай включены.

— Э, Лиг'пип? — протянул Каламити, глаза на отключённый монитор. Поперёк него кто-то написал сообщение:

ОНИ СОЖРУТ ТВОЮ ДУШУ!

— Можно нам уже валить отсюда? — простонал пегас. Я не винила его.

Мы продолжили поиск, ещё более осмотрительные и осторожные, чем прежде.

— Дракон!? — воскликнула Вельвет Ремеди, повторяя мои собственные чувства. Паерлайт издала взволнованный крик.

— Агась, — подтвердил Каламити, пролетая над столами и книжными ящиками отдела запрещённых публикаций. Мы же были вынуждены всё это обходить. Судя по тому, что я смогла распознать, за тем непомерно длинным столом, мимо которого я шла, небольшая армия единорогов когда-то магически преобразовывала книги в "новые издания". У каждого рабочего места стояла пара ящиков: один с надписью "негодно", другой с надписью "исправлено".

На плакате на стоявшем рядом книжном шкафу была изображена земная тёмно-синяя пони, читающая книгу, и с нагроможденными по бокам от неё остальными. Надпись гласила: "Будьте старательны. Мы проверяем вашу работу." Мы прошли через офис проверки книг, чтобы добраться до этой комнаты.

— Это сильно осложняет нашу задачу, — буркнул СтилХувз. — Я не уверен, что нам хватит огневой мощи, чтобы грохнуть столь древнего дракона.

Вельвет Ремеди нахмурилась.

— Вы сейчас понимаете, что мы, возможно, говорим о матери Спайка? — Она заржала. — Проявите хоть немного сострадания.

Я поморщилась. Но сейчас она представляла угрозу для Эквестрии — гигантская, живая фабрика Розового Облака.

— Я не думаю, что мы должны, — начал Каламити. — Я имею в виду, убить её. Свихнувшаяся леди-аликорн уже решила эту проблему за нас.

— Она уже мертва? — удивилась я.

Каламити помотал головой.

— Кажется, она овладела заклинанием, которое превратит большую маму-дракониху во что-нить маленькое, что не выдыхает Облако... или хотя бы будет выдыхать крошечные струйки Облака. В полевую мышку, я думаю.

Вельвет Ремеди замерла, уставившись на Каламити.

— Заклинание, которое превращает дракона в полевую мышку?

— Агась.

— И как нам наложить это заклинание? — спросила она. — Я уверена, что оно находится вне сферы моих колдовских умений, и мы знаем, что Литлпип им тоже не овладеть.

Я нашла заклинание, — утверждала личность не-Трикси, — И я смогла исполнить его.

— А это и не нужно, — усмехнулся Каламити. — Чокнутая аликорнская дамочка его уже сколдовала. Ну, иль типтого.

— Типа того? — подсказала Вельвет. Я не была уверена, спрашивала она, что он имел в виду или исправляла его произношение. Каламити понял, что первое.

— Как я слышал, она использовала одну разработку Министерства Магии для Министерства Морали. Способ сотворить заклинание, а его эффект запустить в любое время опосля по сигналу. — Каламити потёр шею копытом. — Если точнее, это способ размещения заклинания в подарочной коробке. Подарок открывают — оно срабатывает. Она ему ещё название такое чудное придумала.

— Заклятие в Коробке, — предположила я.

— Агась, — сказал Каламити, приземлившись за рядом клеток с маркировкой сан-инспекции. — Именно так.

Я пролезла под разделявшим нас столом и подошла к пегасу, чтобы прочесть табличку перед клетками. "Обработка особо опасной литературы. Внимательно изучайте инструкции." Как я поняла, в этих клетках когда-то содержались специально подготовленные параспрайты, зачарованные на пожирание печатного слова. Интересно, они только определённые слова употребляли или подчищали книгу полностью (тем самым идеально очищая её от всяческой крамолы)?

— В этом есть смысл, — думала я вслух. — Скорее всего, из-за плотности Розового Облака в тех местах она не могла подобраться к дракону, чтобы сотворить заклинание самой. Поэтому ей пришлось прибегнуть к Заклятию в Коробке. Хотя интересно, как она доставила его к матери?

— Она заключила сделку с парочкой Кантерлотских Драконов, — сказал Каламити.

— Да уж! — сказала Вельвет. — Неудивительно, что у неё был кризис личностей. Она в самом деле была на грани, представляя часть себя немощной!

— Как ты всё это узнал? — спросил СтилХувз.

— Вся. Грёбаная. Ночь.

— Я так понимаю, подарок всё ещё не был открыт? — Я глянула на Каламити выжидающе. — И этим должны заняться мы? — Это значило, что нам придётся отправить в сокровищницу СтилХувза. Больше никто из нас не смог бы там выжить. — Открыть этот подарок, не превратившись в полевую мышку?

— Ну... не совсем.

— Что?! — Я в неверии уставилась на Каламити.

Мы поднялись выше и пошли через цветастый этаж Образовательных Реформ, пока Каламити объяснял план, разработанный аликорном из подвала Министерства Тайных Наук. Когда он договорил, у меня появилось ощущение, что мир окончательно сошёл с ума.

— Кто, чёрт возьми, связывает что-то настолько важное с запуском Гала? — фыркнула я. — Это безумие!

Каламити смерил меня взглядом. За ним был плакат со счастливыми жеребьями, играющими на радостно-выглядящем школьном дворе под аркой радуги.

— Какая часть из того, чё ты видела в том подвале, показалась те вменяемой?

Я простонала, прижав копыто к лицу.

— Ладно, ладно... посмотрим, врубилась ли я. Чтобы прекратить постоянную подпитку Розового Облака, мы должны запустить Заклятие в Коробке, которое превратит дракона сокровищницы в полевую мышь. Выключатель для Заклинания был встроены в фейерверки, предназначавшиеся для Гранд Галопин Гала...

Я вспомнила слова Пинки Пай на плакате Филлидельфийской Фермы Развлечений в хижине СтилХувза: *Всё должно быть, как на Гранд Галопин Гала. Каждый день, всегда!*

В последний год Эквестрии принцесса Луна передала весь Гранд Галопин Гала Пинки Пай. Одна из её установок "мгновенной вечеринки" была оборудована фейерверками. Но Гала так и не наступило. Обрушились мегазаклинания, и жизни в Кантерлоте прервались. Больше никаких вечеринок.

— А выключатель, запускающий фейерверки, находится в покоях принцессы Луны в королевском замке? — Теперь я поняла, почему Каламити сказал, что нам нужно туда. Я была настолько расстроена, что могла лишь закричать. Почему ничто никогда не было лёгким?

— Как мы узнаем, что оно работает? — спросила Вельвет Ремеди. Попросить СтилХувза пробраться в логово дракона и проверить, очевидно, ей в голову даже и не приходило.

Каламити вытянул что-то из своей поклажи и положил на копыто.

— С помощью этого! — он держал большой розовый драгоценный камень с трещиной глубоко внутри, искусственной трещиной в форме руны. — Заклятие в Коробке врубается, и эта малышка зажигается.

Я задавалась вопросом, было ли "это" тем, что искала аликорн.

— Ты же стащил это по пути из подвала, не так ли? — задала Вельвет практически риторический вопрос.

Пятнышко красного цвета появилось на границе моего Л.У.М.-компаса. Я повернулась, пытаюсь засечь его источник. Уши встали торчком, улавливая низкий, неземной гул. Он звучал похоже на деформирующий, скрипучий звук возрождения Кантерлотского Гуля, только мягче и заикленным на единственной ноте, словно заевшая пластинка.

Но там ничего не было. Только короткая разноцветная книжная полка с резными и нарисованными сердечками и радугами, и гарцующими маленькими пони. На полке находились такие же разноцветные книги. Краска уже отшелушивалась, и две полки сгнили и провалились, их содержимое было разбросано по полу. Выше была школьная доска с задачей: *В родном городке Саншайн, Понивилле, награда за обращение пони в сочувствующего зебрам составляет 500 монет. Саншайн поговорила со своим плохим дядей вчера, ещё с двумя пони сегодня, и поговорит ещё с одним завтра. Если половина пони, с которыми она побеседовала, обратятся в сочувствующих зебрам, сколько она выручит к концу недели?*

На доске образовалась тёмная тень. Затем она раздулась призрачным облаком, будто сжимая её когтями, выходящими из стены.

Я застыла, пытаюсь осознать, на что я смотрю. Призрачное облако росло, надвигаясь на нас, разделяясь на многочисленные плывущие усики. Вселяющий ужас гул исходил от этого, становясь всё громче. Свет начал мутнеть, словно эта тварь поглощала освещение комнаты. Одно щупальце свернулось, проходя через доску, абсолютно бесплотное. Его хвостик вытянулся из доски, и тварь оказалась полностью в комнате с нами.

Я пыталась врубить З.П.С., но моё заклинание прицеливания было не в состоянии захватить цель.

Вуууууууш! Ракета из боевого седла СтилХувза пронеслась мимо меня, проходя сквозь призрачное облако, словно оно и правда было всего лишь тенью. Ракета ударила в дальнюю стену с оглушительным взрывом огня, пыли и разноцветных осколков. Ударная волна сбила меня с ног, повалив книжную полку, швырнув стол. Призрачное облако едва отреагировало, его щупальца всё ещё тянулись к каждому из нас.

Я отскочила назад, прочь от ползущей тени, уверенная в том, что случилось бы, дотронься оно до меня. *Они сожрут твою душу!* Наше оружие было бесполезно против этой твари. Никакие патроны не могли остановить её. Меня больше не удивляло, что все Стальные Рейнджеры, зашедшие так далеко, погибли здесь.

Вельвет Ремеди создала свой щит, упаковывая призрачное облако своей магией. Оно давило щупальцами на стенки щита, растекаясь по поверхности, не в силах пройти.

Вельвет Ремеди сдерживала его. Нет... их! Тень была роем миниатюрных, черных как смоль некроспрайтов. *Они могли проходить сквозь твёрдые объекты, но не через магический щит.* Я содрогнулась, с дрожью выпуская воздух, который держала.

— Я продолжу держать их, — сказала Вельвет. — Идите вперёд без меня.

Паерлайт села ей на круп, настаивая взглядом на задержке. Мы кивнули и побежали, оставив её удерживать тучу.

Книга была здесь. В этой комнате. Я её чувствовала.

Я была в личном офисе Рэрити раньше. Всё было почти так же, только обглоданное зубами времени. Манекен стоял в одном из углов, рядом с витиеватым сундуком. На нём была записка, написанная элегантным почерком Рэрити.

Мысли о платье:

Цель — создать элегантную и функциональную броню умеренного веса и классического стиля. Я выбрала цветовую гамму амаранта и золота, самую дорогую мне с того платья, которое мои драгоценные друзья создали для меня на первое Гала так давно. В честь моей самой дорогой и ближайшей подруги я приложу все свои умения в области высокой моды, чтобы обеспечить фешенебельный "at couture". Армированные пластины, особенно на груди, берут вдохновение от доспехов, которые носят королевские стражи.

Я вплела немного магии в платье. Хоть металлические пластины и останоят пули, одежда должна также держаться против холодного оружия, равно как и быть устойчивой к ношению, повреждениям и грязи, которую я ожидаю от поля боя или Гала. (Я шутила насчет того, что сделаю финальную версию неразрушимой, но это была лишь шутка. В конце концов, я сказала Эпплджек, что не стану заниматься подобными вещами. И кроме того, реакции моего первого мага было бы достаточно для того, чтобы отбить у меня такое желание, если бы я была серьёзна. Он прав, конечно же. После того, что я сделала, у меня скорее всего не осталось достаточно души, чтобы отжалеть даже маленький кусочек.)

Как бы то ни было, я очень довольна своим первым вариантом. Но финальное платье должно быть даже лучше, почти чистейшим совершенством. До Гранд Галопин Гала всё ещё месяцы, так что даже со всем этим дурдомом, у меня куча времени. Я искренне надеюсь, что большая часть или даже все мои друзья будут на празднике в этом году. Если так и будет, я надеюсь убедить их удостоить меня честью разработать для каждой из них похожее-но-уникальное бронированное-но-элегантное платье "Кобылы Министерства".

Обычно Гала не должно быть местом для первого показа того, что, я надеюсь, станет новой линией модной брони. Но в этом году Пинки Пай наконец-то осуществила свою мечту и была поставлена во главу этого события. Так что все отговорки отменяются.

Я вынула отвёртку и заколку, относительно легко взломала замок на сундуке. Открыв его, я засмотрелась на бронированное платье. Оно было... красивым.

— Я думал, ты говорила, что книга в столе? — сказал Каламити, взлетая за мной. — Ух ты!

— Да, — прошептала я, вытаскивая бронированное платье и осматривая его.

— Эм... Лип!Пип? — неуверенно произнёс Каламити. — Можно... можно я его себе возьму...

— Не знал, что ты любишь носить платья, — вставил СтилХувз, как только присоединился к нам.

Каламити перевернулся в воздухе.

— Эт не мне, — объяснил он. — Эт для Вельвет!

Я хохотнула, когда СтилХувз насмешливо ржанул.

— Конечно можно, Каламити. Она будет выглядеть... изысканно в нём!

Я передала платье Каламити и направилась к столу. Я закрыла глаза, воспроизводя в памяти, как Рэрита открывала секретное отделение. Один из камней, вставленных в переднюю часть стола, скрывал замок.

Открывая глаза, я протянула свою магию через стол, продвигаясь к камню. Я начала подковыривать замок, используя только магию. Вымок был обманчиво простым, словно тайник хотел быть открытым.

Я выдвинула секретное отделение. Там, среди бумаг и мусора, словно спящий дракон, лежал тёмный том, прекрасно сохранившийся. Его древние страницы, наполненные самой сильной и запретной магией под обложкой из самой темной кожи.

Я высвободила свою магию. Я ощутила холодный шок, когда дотронулась до неё своими скудными способностями. Книга обещала высвободить величайшие силы и тайны, о которых я только могла мечтать. Мне больше не нужно было быть однофокусным единорогом. С этой Книгой, я смогла бы стать самой Магией, если бы захотела, могущественной настолько, чтобы быть достойной звания Носителя этого Элемента.

Она была моей!

* * *

Вельвет Ремеди медленно подошла к нам. Её рог все ещё сверкал, бусинки пота стекали с её лба. Она вкладывала всю свою концентрацию в поддержание щита, даже когда он оказался вне поля зрения. Она собиралась отпустить его, как только мы выйдем. Рой некроспрайтов не покидал здание Министерства на протяжении двух столетий. Мы надеялись, что не покинет и сейчас. Я считала одинаковыми шансы на то, что магия, вложенная в стены Министерства и сдерживавшая Розовое Облако, также держала некроспрайтов внутри, и на то, что рой оставался внутри только из-за присутствия Чёрной Книги.

Я повернулась посмотреть на плакат в рост пони на стене. Я уже видела его раньше, на большом рекламном щите в Мэйнхэттене. Мне он не слишком тогда понравился. А сейчас, когда я уже была знакома с зеброй, он нравился мне ещё меньше.

Пони весёлые. Зебры не испытывают радости и страшатся её.

Пони честные. Зебры всегда лгут.

Пони верные. Зебры воткнули нож вам в спину.

Пони щедрые. Зебры эгоистичные и жадные.

Пони заботятся друг о друге. Зебры заботятся только о себе.

— Ладно, план таков, — сказала я, зная, что остальные этого бы не одобрили. — Вы все бежите в Министерство Крутости. А я собираюсь проскочить в королевский замок и запустить Гала-фейерверки.

— Одна?

— Ты собираешься что?

— Ни в коем случае!

Такую реакцию я и ожидала.

— Нет, Лип!пип! — сказал Каламити, устремляясь ко мне и прижимая меня к стене. — Я должен сделать это. Я быстрее. Я более манёвренный. И я рассказал об этом. Эт моя миссия.

Я вытянула МГ СтелсБак II и повертела перед ними.

— Я могу проникнуть незамеченной. Должна пойти я. Только я. — У одной лишь меня был ПипБак. В обсуждении не было смысла.

— Понячы перья! — сплюнул Каламити, ударив копытом по плакату ростом с пони.

— Если ты найдёшь богинь... — медленно произнесла Вельвет Ремеди, всё ещё концентрируясь.

Я нахмурилась. Не хотела я находить принцесс. Разум вызвал кошмарные образы Их скелетов, сплавившихся воедино в тронном зале, и моё сердце на мгновение остановилось. Я не была уверена, что смогу себя контролировать, найдя Их и увидев, где Они погибли.

Я точно не хотела, чтобы Вельвет Ремеди стала свидетелем такого опустошающего ужаса.

— Если я найду тела принцесс, это не значит, что я найду Богинь. Они трансцендентальные души.

Я проигнорировала фырканы Каламити.

— Но ты расскажешь мне, что нашла, — настояла Вельвет Ремеди. Я очень не хотела этого. — Обещай мне.

Я только кивнула, чувствуя слёзы на глазах. Я помолилась Богиням, чтобы мне не пришлось ни сдержать обещание, ни нарушить его. Я тихонько молила их, чтобы я не обнаружила ничего.

Каламити подлетел ко мне снова, на этот раз с розовым камнем в зубах. Он бросил его мне.

— Теперь пообещай и мне кое-что, — мягко сказал он. — Пообещай, что сделаешь это. Несмотря ни на что. — Я посмотрела на него в удивлении. И быстро кивнула. Конечно же сделаю!

— Серьёзно, Лип!пип. Я правда хотел бы, чтоб это был я. — Он опустил голову, выглядя пристыженным. — Я сердцем знаю, что мы всё ещё хорошие парни. Но голова требует доказательств. Мне эт просто необходимо.

Я подняла розовый камень с руной-трещинкой.

— Тогда да, может, тебе следует оставить его, — предложила я. — Тогда ты точно узнаешь, когда всё произойдёт.

Каламити тряхнул головой.

— Как бы мне ни хотелось этого, он может те понадобиться. Без него как ещё ты поймёшь, что всё получилось, и сможешь вернуться назад? — Он отвёл взгляд. — Ни за что я не поступлю так с тобой только ради своего удовлетворения.

Я кивнула снова и спрятала драгоценный камень. Каламити тихо полетел вперёд.

Мы прошли к лестнице и спустились. Чёрная Книга излучала неприятный холод через одну из моих сумок. Я начала задаваться вопросом, неужели я и правда собиралась отдать её Трикси. Может, мой план, каков бы он ни был, нуждался в пересмотре? Или, может, есть что-то в книге, что помогло бы справиться с Трикси раз и навсегда?

Что Рэрити сказала Эплджек о содержимом Черной Книги? Магия, позволяющая разрывать душу на части.

Может... может я даже могла бы спасти Твайлайт Спаркл!

* * *

— Arrrrrg!

Я швырнула Черную Книгу в одну из колонн королевского тронного зала. Вытянув ещё одно лечащее зелье, я осушила содержимое, надеясь, что это облегчит грохот в моей голове и тесноту в груди.

Королевский замок был наполнен Розовым Облаком, более густым, чем снаружи. Оно разъедало гобелены, оставляло от драпировки и ковров только слизистые остатки, потрескало и обесцветило витражи, превратило некогда королевскую мебель в кучу обломков. Золотой фонтан у подножия королевского трона потускнел без полировки и покрылся розовым налётом.

По крайней мере, здесь не было костей. Не было скелетов ни Селестии, ни Луны.

Я знала, что мне не стоит останавливаться. Я должна была продолжать двигаться. Если бы я медлила, Облако убило бы меня. Или сдох бы СтелсБак II, и убили бы меня уже аликорны.

Но всё равно я остановилась, любопытство душило меня, угрожая разорвать острыми когтями, если я не загляну внутрь Книги. Хотя бы одним глазком. Я остановилась, говоря себе, что только лишь переверну обложку, просто удостоверюсь, что параспрайты не съели слова со страниц.

Чёрная Книга была написана архаическими зебринскими рунами. Каждая чёртова страница. Книга хотела, чтобы я прочла её. Я была уверена, что если я изучу её, ответы придут ко мне во снах. Но прямо сейчас она не могла мне помочь. Маленькая пони в моей голове впала в истерику.

Красные огоньки вспыхнули на моём Л.У.М.е. Я захлопнула рот, прикусив нижнюю губу. Дура, дура, дура! Я бросилась в сторону, хватая книгу, ощутив морозный всплеск, который появлялся всегда, когда я касалась её своей магией.

Два аликорна вошли в тронный зал, прячась за щитами. Насколько могу сказать, аликорны в замке никогда не сбрасывали щиты. Они казались более устойчивыми к Розовому Облаку, но иммунитета у них не было. И с такой концентрацией Облака здесь, они были вынуждены ограничивать облучение.

Я скрючилась позади трона, прячась даже несмотря на то что была невидима.

Я чувствовала, как Облако пожирает мои внутренности, впивается в мускулы, пережимает лёгкие и сердце, просачивается в кишечник. Я уже хотела ещё одно зелье, но обязана была держаться, или запас иссякнет. Личные апартаменты принцессы Луны не могли быть далеко. Если бы эта парочка ушла, я, скорее всего, смогла бы быстро добежать до них. Или хотя бы отошла достаточно, чтобы их щиты не блокировали этот Селестией проклятый проход.

— Я ничего не вижу, — сказала одна, повернувшись к своей спутнице. — Но я чувствую что-то. Комната кажется холоднее, чем до этого.

Что за чёрт? Неужели Чёрная Книга была проклятым холодильником? Нет, это не имело смысла. Сейф, в котором она хранилась, был бы замёрзшим. Неужели аликорн почувствовала нечто метафизическое? Мне вдруг стало интересно, как бы Пинки Пай отреагировала на влияние Чёрной Книги.

— Я не чувствую разницы, — сказала другая, по крайней мере частично подтверждая мои подозрения. — Нам следует предупредить Прозревающую Тьму. Она узнает, что послужило причиной твоей чувствительности.

Аликорны последний раз оглянулись вокруг. Одна из них подошла к трону, наклонила голову и посмотрела прямо на меня. Сквозь меня.

— Здесь ничего нет, — сказала она, отворачиваясь и присоединяясь к своей сестре.

— Идём.

* * *

Дверь в апартаменты принцессы Луны была оснащена замком, идентичным тому, который охранял комнату принцессы Селестии в Её школе. Очень хитрый замок, но похожесть позволила быстро с ним справиться.

Я толкнула дверь копытом и резко отступила, когда густое Розовое Облако выкатилось наружу в холл. Концентрация Облака здесь была летальной. Я едва могла разглядеть потолок (который, как я заметила, являлся некогда прекрасной мозаикой светлого голубого неба с пучками облаков и весёлым солнышком); дальнюю стену я вообще не видела.

Я вытянула лечащее зелье и выпила его, чувствуя, как оно исцеляет моё сердце и лёгкие, глушит стук в моей голове. Мой желудок успокоился. Я сделала глубокий вдох.

Я ворвалась в комнату, мой рог светился, предоставляя свет. Я искала выключатель для Гага. Почти сразу же моё сердце попыталось остановиться, лёгкие потеряли свой запас воздуха, и я начала задыхаться. словно тысяча миниатюрных паучков вылупились в моём кишечнике и поползли по моим внутренностям.

Я нашла кровать, туалет, шкаф для одежды... но я не видела выключатель! Я бросилась к двери, паучки начали кусаться и жалить.

Я захлопнула дверь за собой, вытаскивая два лечащих зелья и опустошая их. Когда мой ум очистился, я поняла, что у меня осталось только одно лечащее зелье, плюс зелье супер восстановления.

И мне нужно было сделать по крайней мере ещё один забег в комнату.

Я подтолкнула дверь, снова отступив назад. Потом припала к земле, приготовившись бежать.

Красная точка появилась на моем Л.У.М.-компасе. Я с дрожью застонала. И взмолилась, чтобы заклинание невидимости выдержало. Драка была последней вещью сейчас, которую бы мне хотелось.

— **Выходи, выходи, моя маленькая пони!**

Величественный голос аликорна зазвучал сразу у меня в голове и в ушах. Я обернулась и увидела, как она поднялась по лестнице позади меня и вошла в комнату со мной. Она была одной из зелёных аликорнов, но её шкурка была так темна, что казалась оттенка чёрного дерева. Её грива и хвост текли у неё за спиной, как плазма, развеиваясь на несуществующем ветру. Она была одета в броню из

костей, седло было из рёбер пони, а её крылья украшали соответствующие кости крыльев. С её шеи свисал череп пони с неожиданно длинным и тонким рогом.

Густые клочки уплотнённого Розового Облака из комнаты принцессы кружили вдоль пола позади меня, закручиваясь вокруг моих копыт. Я обнаружила, что меня колотит.

Аликорн остановилась, глядя прямо на меня, потом оглядела остальную часть комнаты. Её рог сверкнул, и небольшой нож выскользнул из её брони. Лезвие зависло на мгновение, затем вдруг хлестнуло кругом, сделав два глубоких пореза вдоль её собственных плечей. Аликорн начала истекать кровью.

Мои глаза расширились. Но я не могла глазеть на её самонанесенные раны. Мои глаза были снова прикованы к черепу пони с его длинным, тонким рогом.

Аликорн исполнила заклинание, и кровь из её ран начала капать вверх, поднимаясь в воздух, кружа и объединяясь. Её глаза сверкнули, когда две лужицы парящей крови сформировались в злобно изогнутые клинки.

Я почувствовала, что снова дрожу. Не от слабости, но от ужаса. Я узнала этот рог. Я видела его раньше в воспоминаниях.

Сестра? Ты меня звала?

Пара кровавых клинков метнулись через воздух, вращаясь, полосая меня. Один попал на броню, отскочив в сторону. Другой прорезал глубокую рану вдоль левой стороны моей шеи. Кровь заструилась по броне и левой ноге. Я зашипела от боли, потрясённая.

— **О да, Я вижу тебя, моя маленькая пони!** — смеялась аликорн за щитом. — **Или ты всерьёз надеялась, что эта твоя игрушка скроет тебя от взора Прозревающей Тьмы? Какая глупая маленькая пони.**

Мечи крутанулись в воздухе обратно ко мне. Я снова почувствовала озноб, когда вытянула Чёрную Книгу, отбивая ею один из мечей, когда второй ударил по моей броне с достаточной силой, чтобы оставить синяк. Первый меч распался слоями алой пыли, как только он отскочил от Чёрной Книги.

— **О-о! Что это там у тебя?** — промурлыкала аликорн.

— Ага, что это там у меня? — хмыкнула я, чувствуя волну слабости и тошноты. Я теряла кровь. Мне нужно было принять лекарство, прежде чем истеку кровью. Но...

Другой клинок рубил вокруг. Я отскочила с его пути, его краешек чуть не задел мою мордочку. Я подняла Чёрную Книгу, пытаюсь ударить ею, но клинок уклонился, возвращаясь к своей хозяйке. Я пыталась сосредоточиться на мече, но мой взгляд соскальзывал с него, снова возвращаясь к тому черепу. Тому изысканному рогу...

Это... Это будет Академией для Молодых Единорогов имени Луны? Моя собственная школа магии? Прямо как твоя?

Рёбра, крылья, череп с этим тонким рогом... Я знала, что это были части одной пони.

Лезвие выпрямилось и выстрелило прямо в меня, метя в точку между моими глазами. В последний момент я левитировала Книгу, закрывая лицо. Красный туман разлился по краям, меч исчез сразу, как только коснулся чёрной кожаной обложки.

— **Думаю, я возьму это.** — Прозревающая Тьму сфокусировала свою магию, оборачивая её вокруг Книги. Её щит на мгновение распался, когда она почувствовала шокирующе холодную ауру Книги. Но лишь на долю секунды, слишком ничтожную, чтобы я могла ею воспользоваться.

— Как ты смеешь! — Я задрожала ещё сильнее. Но не от слабости или ужаса. Аликорн забрала Чёрную Книгу, легко вынимая её из тисков моего телекинеза. Но мне было всё равно. Хрен бы с ней, с Чёрной Книгой, она для меня была несущественна. По сравнению с тем, что Прозревающая Тьму носила на шее в качестве трофея.

— **А теперь ты умрешь,** — сказала она обыденно, почти зевая. Она подняла Книгу. Магические частицы возникли рядом с ней, преобразаясь в жуткие ножи.

Ноги подвели меня. Я упала на колени, в лужу собственной крови, которая уже начала окрашиваться розовым. Лёгкие горели, а сердце билось всё тяжелее.

Но мне было наплевать. (Будь непоколебим!) Я сосредоточилась на черепе с длинным, тонким рогом.

Войско магических ножей бросилось, рассекая воздух, к своей цели.

Прозревающая Тьму взглянула вниз, когда почувствовала, как сдвинулось её ожерелье. Телекинезом я вогнала рог Луны в мягкие ткани под её челюстью, и прямо ей в мозг.

Она дёрнулась, искорка жизни задержалась в ней достаточно надолго, чтобы её жуткие ножи достигли цели. Большинство испарилось при ударе о мою новую броню, но несколько погрузилось глубоко, прежде чем исчезнуть вместе с заклинанием щита, когда аликорн свалилась на землю.

Лечебные зелья кончились. Зелья супер-восстановления тоже. Почти каждая часть моего тела, что не была бронирована, была завёрнута в лечебные повязки.

Я оглядела покои принцессы Луны. Густая завеса розового.

Чёрная Книга снова была в моих седельных сумках. Но чувство одержимости было подавлено другими эмоциями. Так же, как тепло огня позади меня подавило холод Книги. Я отодрала кости Луны от Прозревающей Тьмы и сжигала их. Это было единственное подобие надлежащих похорон, которое я могла сообразить.

Я оглядела ещё раз покои принцессы Луны, продолжая молиться.

Дым погребального пламени вился вокруг меня, чёрный и едкий. Розовое Облако прядями выползло ко мне из дверного проёма. Дым пробирался вглубь, облако же вытекало наружу, вынуждая меня понемногу отступать до тех пор, пока я не ощутила горячее дыхание огня своим телом.

Я вскочила, услышав грохот грома изнутри покоев принцессы Луны. Мозаика на потолке изменялась, пухлые белые облака становились густыми и темными. Мгновение спустя в комнате Луны пошел дождь, внезапным потоком смывая розовое из воздуха. Я слышала бульканье из небольшого отверстия в полу.

Отряхнувшись, я начала смеяться. Я посмотрела наверх и закричала "Спасибо!" Богини услышали меня и ответили на мои молитвы!

Или так, или это был самый специфический дизайн для пожарной тревоги из всех, что я видела!

Поливаемая дождём, я стала осматривать комнату. Теперь найти переключатель стало куда проще. Я врезала по кнопке, затем повернулась в сторону единственного здесь окна и запрыгнула на полуразвалившуюся кровать Луны, дабы уберечь ноги от розовой воды, заливавшей весь пол. За окном раздались громкие хлопки и взрывы. Столб сияюще-золотого света устремился в небо и расцвёл в нём ярким букетом.

Я выудила наружу розовый камушек как раз вовремя, чтобы увидеть его мягкое затухающее свечение. Успех! Свет камня потух, и я увидела, что руна внутри выгорела, вытесненная чернеющим пятном внутри камня.

Я запрогала на кровати Луны, повизгивая от восторга. Внезапно за окном распустился ещё один поток света, накрыв Кантерлот ярким ливнем всех цветов переливающейся гривы Селестии. Я понимала, что фейерверков было больше, чем я могла видеть. Намного больше. На какой-то момент громоподобный грохот взрывов сравнялся с армией в целую сотню отстреливавшихся СтигХувзов. А затем и превзошёл её.

Я отошла от окна, желая вернуться к моим друзьям.

И тут на противоположной стене я увидела их. Коллекцию статуэток Кобыл Министерств. Все шестеро, собранные вместе, как они и должны были быть. Выстроившись в хрустальной шкатулке-витрине. Я поняла тогда, что только Луна и Спайк сохраняли коллекции в целом виде. Даже Рэрити разделила пони из своего набора, подарив себя своей сестре Свити Белль. А Флаттершай она всегда носила с собой, куда бы ни направилась.

Я обернула шкатулку своей магией, забирая её с собой.

* * *

— Вы будете смотреть это... всё? — с трепетом в голосе сказал Каламити.

Наблюдатель сказал нам, что здание Министерства Крутости было переопределено под склады. Но я никогда не могла себе это представить.

Внутренние стены были выбиты. Всё здание было гигантской чёрной пустотой, заполненной бесконечными рядами ящиков, шкафов и металлических коробок. Ряды были разбиты на чёткие разделы, раскинувшиеся вдоль здания, ящики каждого раздела были окрашены определённым цветом. Маленькие ромбовидные светильнички, многие из которых перегорели, были подвешены к потолку с определёнными интервалами. Эффект был, словно смотришь на радугу в усыпанном звёздами чёрном небе.

— Вы все видите всё это?

— Да, — сказала Вельвет Ремеди, глаза на эту картину.

— А мы не можем прост...

— Нет, — ответила я. Это длилось бы вечно, да и мы никак не могли унести всё это.

— Ну хоть один ряд? — с мольбой в голосе спросил Каламити.

— Нет. — Я огляделась. — То, что мы ищем, находится за щитом. И за обороной здания. И я не думаю, что вообще в этом помещении. Это значит, что искомый объект, вероятно, под нами. Нам нужно прочесать тут всё и найти путь вниз.

— Ну блин. Вы какие-то неинтересные! — пожаловался Каламити, улетая.

Паерлайт тоже умчалась искать, оставив позади себя изумрудно-золотую полосу меж тьмы и радуги.

— Вельвет, задержись, — сказала я, когда она и СтигХувз рысью направились к желтой и зелёной секциям соответственно.

Вельвет остановилась и повернулась ко мне. Затем, не справившись с собой, стала позировать.

— Тебе нравится? — проворковала она. — Разве не прелесть? — Она была одета в данную ей Каламити броню. Когда я впервые увидела её в этом, моё сердце ёкнуло. Теперь же, когда она позировала, сердце моё пропустило ещё удар.

Она улыбалась, следя за моим выражением.

— Или ты... предпочитаешь так? — Она упала в знойную, соблазнительную позу, и моё сердце пригрозило вообще остановиться. Я вдруг почувствовала жар.

— Я... эм... в-вау.

Она просияла. Чёрт возьми, это было нечестно. Я больше не должна была так думать о Вельвет Ремеди. Я нуждалась в Хомэйдж.

— Итак, как я выгляжу?

— Облизабельно, — проскулила я.

Она невинно моргнула.

— Что ты сказала?

— Красиво! — Я кашлянула и покраснела. — Очень, очень красиво! И бронированно. Что хорошо. Хорошо, что у тебя наконец-то есть броня!

Она очаровательно засмеялась и встала.

— Ну спасибо, Литлпип. — Посмотрев в точку, где полминуты назад был Каламити, она промурлыкала: — надеюсь, у нашего летуна будет такая же реакция.

— Прямо Железная Пони-леди, — сказала я, не отрывая от неё глаз.

Вельвет Ремеди сделала фейсхуф и покачала головой.

— Я всё ждала, что кто-нибудь это скажет. И почему же это должна была оказаться ты, Литлпип?

Я начала понимать, что забыла, зачем попросила её задержаться.

— У меня тоже есть для тебя подарок.

Она моргнула, опуская копыто.

— Правда? Сегодня прямо-таки мой день рождения. — Она смотрела, как я вынимаю узелок ткани. И немного бранящим тоном спросила: — Это оружие?

— Нет, — сказала я, слегка раненая её реакцией. — Но это очень-очень особенное. И ещё ты должна пообещать мне, что не разделишь это и не удалишь ни единой части. Никогда.

Вельвет Ремеди смотрела уже с долей любопытства и лёгким волнением.

— Обещай, — потребовала я. — Это важно.

— Конечно, Литлпип. Я понимаю, это важно, по крайней мере, для тебя. Обещаю.

Я левитировала к ней узелок, разворачивая хрустальную коробочку, добытую из спальни принцессы Луны. Вельвет Ремеди ахнула, её глаза немедленно нашли Флаттершай.

Она взяла своей магией коробочку, и я услышала её резкий вдох, когда магия каждой из статуэток разом затопила её. Когда в королевском замке я завладела шкатулкой, статуэтки не оказали на меня совершенно никакого эффекта, но ведь, в конце концов, я уже обладала полным набором, и они уже дали мне то, что должны были дать. Я всё ещё поддерживала своей магией хрустальную коробочку на всякий случай, если вдруг статуэтки окажутся чрезмерным подарком.

Глаза Вельвет ремеди расширились, сначала с тревогой, потом с пониманием.

— Где? — спросила она, её голос немного дрожал. На глазах её были слёзы.

— Покои принцессы Луны. Они были её. И теперь они твои.

— И тышла?..

— Лишь кости, — сказала я печально. — Их души были уже в другом месте. — И больше я не сказала ничего.

— Лигпип! Твой на четыре часа! — крикнул Каламити, когда я опустошила Малый Макинтош в тело Ультра-Стража, пробивая его броню, но всё равно его не вырубая. Он катился ближе по проходу с оранжевыми шкафами и ящиками, полностью собой его в ширину заполняя. Я развернулась, чтобы в ужасе увидеть ещё один сзади надвигающийся на меня радужной раскраски робот-танк, его главная башня уже была наведена на меня.

Обернув себя в левитационное поле, я оттолкнулась от земли. Оба Ультра-Стража одновременно выстрелили в меня из своих осколочно-фугасных противотанковых орудий, убивая друг друга.

БАБАХ! БУМ! БУМ! БУМ! БУМ! БУМ! БУМ! БУМ! БУМ!

В ближайшем к моему проходе СтилХувз столкнулся по крайней мере ещё с двумя и открыл огонь из своего гранатомёта. Бомбируемые танки отстреливались с мульти-кристальных скорострельных энерго-магических орудий. Рёв энерго-магического оружия ослаб, когда один из танков вырубился. Мерцающие шары над моей головой и головой Каламити лопнули, когда оберег антидезинтеграции Вельвет спас СтилХувза от превращения в пепел.

СтилХувз пульнул ещё несколько гранат, а затем отступил за угол, от его оружия подымался дым. Несколько пластин его брони стало, расплавившись вместе с куском мяса под ними и оставив ужасную зияющую рану, из которой сочилась тёмная жидкость, некое подобие крови Кантерлотского Гуля. Он пошатнулся от боли. Ракетная установка в его боевом седле наполовину распалась; чтобы её починить, нужно нечто большее, чем простая металлоломная диета.

Каламити начал возвращаться за Громом Спитфайр, но я подманила его копытом. Компас моего Л.У.М.а был сплошь покрыт красным, вражеские метки сливались в одну жирную красную линию, куда ни повернись.

— Их здесь, должно быть, больше сотни, Каламити! — И это была только первая линия обороны. Одни только Богини знали, что ещё тут было. — Мы не сможем пробиться через них назад. Ты должен найти пульт управления и вырубить систему безопасности! Ты единственный, кто может это сделать!

Я выхватила свою снайперскую винтовку, загружая её зачарованными пулями, и взлетела на вершину стены ящиков, целясь в сильно повреждённого танк-бота, заставившего СтилХувза отступить. Мульти-кристальное энерго-магическое орудие повернулось вверх в своём универсальном шарнире, направив все свои стволы на меня. Мы открыли огонь одновременно.

Моя новая броня взяла на себя четыре из пяти выстрелов, которые попали в меня, я успела выстрелить лишь раз. Пятый заряд магической энергии поразил меня, словно шар расплавленной стали, прожигаясь в мою грудь. Невыносимой агонией взорвало мою грудь, когда грудная клетка сохранила моё сердце, но ценой полностью дезинтегрированного ребра.

— ААААААЙЙЙЙЙЙЙЙЙЙ!!!! — Моя магия распалась, я упала.

Одновременно с этим пуля из моей снайперской винтовки вошла прямо в центр энерго-магического орудия танк-бота, пробив свой путь сквозь матрицу ядра. Верхняя часть Ультра-Стража взорвалась во вспышке разноцветной энергии.

Моё тело, словно тряпичная кукла ударившись о полку с оранжевыми металлическими коробками, отскочило и жёстко рухнуло на пол среди зубчатых осколков умерщвлённого танк-бота. Я почувствовала, как один из осколков пробил мою броню и впился мне в живот, но не глубоко.

Странный, похожий на электрический, звук детонации пришёл откуда-то из-за нескольких рядов. СтилХувз испустил крик больше ярости, чем боли, и я услышала, как его металлические доспехи рухнули на пол.

Я застонала от неопишуемой боли в моей груди. У меня были проблемы с дыханием.

— Они снова сменили тактику! — крикнула Вельвет Ремеди откуда-то впереди. — Ли...

Воздух наполнился звуком трескучих взрывов. Волна заряженной энергии пронеслась по проходу, протекая через меня, заставляя мои шерсть и гриву встать дыбом. Я медленно подняла ПипБак к глазам. Он был мёртв. Импульсные гранаты. Это означало, что СтилХувз был неподвижен, а мой ПипБак был просто металлической частью ноги. До тех пор, пока не перезагрузю его. Что будет сложновато без возможности перезагрузить от брони СтилХувза.

Я слышала металлический вой и грохот, ещё один Ультра-Страж подкатывался в мой ряд. Я попыталась левитировать свою снайперскую винтовку с намерением стрелять в гада, только чтобы обнаружить, что больше нет её у меня. И я даже не знала, куда она делась. Должно быть, упала в другой ряд.

У этого радуго-крашеного танк-бота главным оружием был гранатомёт. Вероятно, тот, который забомбил тут всё импульсными гранатами. Дополнительным оружием была высокомогущая крупнокалиберная винтовка, и она уже поворачивалась, наводясь на меня.

Я сосредоточилась, свечение моей магии охватило десятки ящиков с каждой стороны прохода. Я не могла выбить спарк-батареи танк-бота, прежде чем он успеет выстрелить, но я могла левитировать достаточно дерьма на его пути в качестве щита.

Танк вырубился.

— Ййи-хХА! Вот, как мы это делаем в небесах!

Мерцающая область пурпурной магической энергии окружала около четверти фундамента. Щит был едва ли слабее щита Филлидельфийского супер-аликорна. Немного нервничая, Вельвет Ремеди глубоко вздохнула и пошла вперёд. Прямой потомок Свити Белль прошёл сквозь экран целым и невредимым. Щит даже не кольхнул её гриву.

Она повернулась к нам назад, с облегчением выпуская дыхание.

Это была лёгкая часть. На самом деле, объяснить Вельвет, что ей надо сделать, чтобы отключить генератор, было куда сложнее, чем объяснить, как работает Обход. В данный момент единственное, что могло пойти не так, это что она весь воздух там внутри истратит, прежде чем отключит генератор. Вероятность чего, казалось, была далеко не нулевая.

Несколько минут спустя щит растаял. Вельвет с видом победителя стояла у обесточенного генератора в центре.

Внутри были величайшие тайны Министерства Крутости.

Я повернулась к Каламити, пляшущего в воздухе, словно кобылка, только что получившая свою кьютимарку.

— Как бы мне ни было ненавистно просить тебя об этом, но, Каламити, пожалуйста, не мог бы ты пригнать Небесный Бандит?

Его лицо упало. Мне действительно было его жаль.

— Что? Сейчас? Но... Но всё...

— СтилХувз не может двигаться. Мой ПипБак мёртв. Мы не можем вернуться назад путём, которым пришли. Мы должны рискнуть сесть прямо напротив Министерства Крутости. — Это было сумасшедше, но я не могла и подумать о другом варианте. К счастью, мы серьёзно проредили аликорнов Министерской Аллеи, и фейерверки рассеяли большинство оставшихся. Хотя никто и не знал, на сколь долго.

Каламити выглядел разочарованным, практически тяжело раненным моей просьбой. Я посмотрела на него серьёзно.

— Ты самый быстрый и манёвренный из нас, и единственный, кто может привезти наш транспорт. Приходи Небесный Бандит и зависни над Облаком. Возьми мой бинокль и следи за нами. В момент, когда мы выйдем, пикируй вниз и подбери нас.

— Хорошо, чёрт побери, — сказал он мрачно.

Я левитировала из сумки розовый драгоценный камень с отметкой ожога внутри.

— Это твоё. Дело сделано.

Каламити слабо улыбнулся.

— Спасибо, Лиг'пип. За мной должок. — Он сунул камень в свою сумку со слегка просветлевшим лицом. Оранжевогривый пегас в ковбойской шляпе развернулся и быстро улетел, бросив последний взгляд на сокровища, в которых ему было отказано. — Эх, надеюсь, жертва — добродетель.

Я повернулась и посмотрела на ящики и шкафы перед собой. На одном из концов ранее защищённой области стояли мейнфрейм и несколько терминалов. В центре под прожектором стоял стенд с небольшой запертой коробочкой на нём. Такого вида коробочки использовались для хранения шаров памяти.

Я ахнула, когда увидела символ, украшавший коробок:

Пылающее копыто.

Несколько минут спустя я лежала на полу Министерства Крутости, глядя на содержимое коробки пылающего копыта.

Шесть шаров памяти. Каждый сидел в своей плюшевой с бархатом ячейке с соответствующим символом на дне: яблоко, бабочка, звезда, воздушный шарик, облако с молнией и, наконец, алмаз.

Я сделала глубокий вдох, затем наклонилась и прикоснулась рогом к первому.

<-----ооО Шар-Грозное Облако Ооо----->

Я почувствовала, как мой хозяин нервно сглотнул, прохаживаясь по тёмной круглой комнате. Огромные арочные окна тянулись вверх, предоставляя потрясающий вид на яркую звёздную ночь. Круглое окно над нами прекрасно обрамляло луну.

Круг лунного света падал на большой круглый стол. У стола стояло семь стульев — шесть с эмблемами, выгравированными на спинках, а один был выше других и был инкрустирован обсидианом и лазуритом. Мой хозяин прошёл между двумя стульями, глядя на стол. Стулья были мягкие, красной расцветки. Те же эмблемы, что на спинках, были и на столе напротив каждого стула. В том месте, где обычно ставят тарелку с едой.

Слева от моего хозяина было изображение шестерней и звёзд, пересечённое мечом — символ Стальных Рейнджеров и Министерства Военных Технологий. Справа от него было изображение большой звезды, окружённой более мелкими, обрамлённой по бокам крыльями и сверху длинным рогом — символ Министерства Тайных Наук. На противоположной от моего хозяина стороне стола была бабочка с наложенным поверх неё крестом. Мой хозяин не посмотрел на другие изображения.

Остальная часть стола была занята картой Эквестрии. Были помечены на ней линии фронтов, где зебрам удалось продвинуться вглубь страны. Большая часть войны, однако, велась на родине зебр, да в морях и землях между странами. Взгляд моего хозяина задержался на небольшой части Эквестрии, что была потеряна, на каньоне в форме полумесяца.

Долина Литлхорн.

Вся карта была утыкана высокими грибовидными модельками. Сначала я подумала, что это были отмечены жар-бомбы, но потом поняла, что модельки были белого цвета, а их стебли были высокими и тонкими иглами. Башни.

Кто-то пролетел над головой моего хозяина и, приподняв одну из башенок зубами, переместил на полдюйма.

— Филлидельфийская Башня должна быть на той стороне города, — сказала Рэйнбоу Дэш и приземлилась на стул с противоположной от меня стороны стола. Символ перед её стулом был практически идентичен её кьютимарке, разве что облачко обрамлялось фиолетовыми крыльями. Я видела этот символ на одной из её униформ Шедоуболта.

— Куды мне деть та? — спросил мой хозяин, продемонстрировав свой деревенский говор.

Рэйнбоу Дэш пожала плечами.

— Почему б тебе не деть на стул своей сестры? Уверена, ЭйДжей не будет против.

Глаза Эплблум округлились.

— Нет, я не могу!

Открылась дверь, и в комнату вошла принцесса Луна. Я почувствовала копьё, проворачивающееся в моём сердце. Эплблум и Рэйнбоу Дэш вместе склонились в поклоне, принцесса заняла свой стул.

— Добрый вечер, Рэйнбоу Дэш. Рада снова видеть вас, Эплблум.

Эплблум сглотнула.

— Пожалуйста, встаньте.

Я не хотела, чтобы она вставала обратно. Это было... больно. Я была в присутствии Луны, моей Богини, живой и здоровой. После того, как менее часа назад сожгла её кости. После того, как видела Её, осквернённой аликорном! Я хотела бы, чтобы Эплблум не поднимала глаз. Или хотя бы отвела взгляд в сторону.

Эплблум поднялась, поняв, что Рэйнбоу Дэш уже стояла, и обратила внимание на принцессу.

— Приятно слышать, что вы что-то наконец делаете с данным мною вам министерством, Рэйнбоу Дэш, — сказала принцесса, слегка браня. — А теперь расскажите мне об этом новом проекте. Он кажется... крупномасштабным.

— Оу да! — усмехнулась Рэйнбоу Дэш, захлопав крыльями. Казалось, она не могла долго усидеть на месте. — Помните, вы сказали мне, что хотели бы моей помощи в строительстве Эквестрийской Воздушной Обороны? Ну так это мой ответ: Проект Одного Пегаса!

— Звучит... впечатляюще, — терпеливо ответила принцесса Луна. — И что это?

— Словом: контроль погоды!

— Это два слова, — шепнула Эплблум голубой пегаске, сердито посмотревшей на неё в ответ.

Проект Одного Пегаса был... контролем погоды? Ну, я думаю, в этом есть смысл, если Анклав был в состоянии изменить башни так, чтобы суметь посадить зерновые культуры в облаках.

— Контроль погоды? — сказала Луна, наклонив голову в любопытстве, вторя моим мыслям и даже соединяя их в единое целое и обращая в разные направления. — Таким образом, этот проект позволит нам обрушивать шквалы молний на вражеские позиции? Или превращать в болота их дороги проливными дождями? Выгнать их с наших земель ураганами и градом?

Челюсть Рэйнбоу Дэш почти рухнула на пол.

И, подняв её, она взлетела и начала нарезать круги по комнате.

— Оооо, да! Это даже круче, чем я думала! Ну, то есть, я знала, что это будет офигенно, но я даже не думала, насколько

офигительным это могло бы быть!

Принцесса Луна хихикнула. О, Богини, я влюбилась в этот смешок. Я была просто в восторге.

— А для чего вы сами думали это использовать?

Рэйнбоу Дэш остановилась в середине цикла и зависла, повернувшись к принцессе и стряхивая румянец.

— Ну, я так понимаю, эта война будет выиграна через превосходство в воздухе. Не в обиду Твайлайт. Я имею в виду, у нас есть это.

А у них этого нет.

Она подлетела к столу.

— Наша проблема: у нас недостаточно боевых лётчиков. Особенно сейчас, когда зебры используют драконов. Пегасов недостаточно просто потому, что они уже слишком заняты сохранением контроля над погодой. Чёрт, даже я раз в год должна отказаться от войны, чтобы помочь Понивиллю с уборкой зимы!

— Конечно, другие пегасы... — начала говорить принцесса Луна, но Рэйнбоу Дэш прервала (!) её.

— Ни в коем случае. Они нуждаются во мне. Я не оставлю Понивилль.

Принцесса Луна какое-то мгновение выглядела сердито, но потом улыбнулась и кивнула.

— Конечно. — И, вернувшись к карте, — Продолжай.

— Ну, с помощью Проекта Одного Пегаса мы наконец-то автоматизируем решение всех наших забот насчёт управления погодой.

Башни, что вы здесь видите, будут контролировать погоду в каждом из соответствующих им районов. — Дикая, радужно-гривая пегаска широко улыбалась, почти танцуя в предвкушении. — Взгляните!

Рэйнбоу Дэш вынула маленький переключатель и щёлкнула. И Эплблум и принцесса Луна подскочили, когда бахнул маленький гром над столом и чёрные кольца дыма расплылись из каждой модельки башни, треща электричеством.

— Да начнётся дождь! — Посмотрев на потолок и опустив взгляд вниз, я была слегка удивлена, увидев миниатюрный ливень, льющийся из миниатюрных облаков, начавший поливать стол.

— Я разработала это из инверсионного следа Вондерболтов! — хвасталась Рэйнбоу Дэш. — Всё по поводу Проекта Одного Пегаса проходит через мои копыта. И получает моё одобрение, только если это действительно круто!..

Я почувствовала, как мой хозяин закатил глаза.

— ...И всё это будет управляться всего лишь одним пегасом в Центре Истинной Крутости Рэйнбоу Дэш!..

— Мы всё ещё решаем, как назвать его, — быстро вставила Эплблум, увидев огорчённое выражение лица принцессы Луны.

Рэйнбоу Дэш выглядела слегка смущённо.

— Эй, это ведь мой проект и моё Министерство...

— Как бы там ни было, — сказала Эплблум, взяв на себя инициативу. — Пони в центральном узле будет введён в своего рода...

состояние комы.

— Введён в кому? — шокированно переспросила принцесса Луна.

— На самом деле, мы пока ещё не доработали эту часть, — призналась Эплблум.

— Но мы уже реально близки! — быстро вставила Рэйнбоу Дэш. — Компания Эплблум работает над модификацией модуля жизнеобеспечения, а я собираюсь переговорить с Твайлайт и Рэрити, авось у них найдутся полезные идеи.

— Понятно, — сказала принцесса, звуча не полностью убеждённо.

— И это будет подключено к одному из наших новых компьютеров-Крестоносцев, — продолжила Эплблум только для того, чтобы Рэйнбоу Дэш снова её прервала.

— Ага. Только не надо никакой "скачать-твой-мозг" ерунды. Я отключила всю эту фигню. Я хочу, чтобы над погодой Эквестрии работала живая пони, а не какая-то машина, думающая, что она пони.

Эплблум вздохнула. Затем ещё раз продолжила:

— Пони в капсуле жизнеобеспечения будет мысленно связана с Крестоносцем, который позволит ей управлять погодой всей Эквестрии.

— Этой пони будет пегас? — спросила принцесса.

— Да! — объявила Рэйнбоу Дэш. — Ну... нет. Технически нет. Но должна быть.

Принцесса Луна посмотрела на карту и на все стоящие на ней башни, как минимум четыре десятка.

— Вы предоставили мне массу пищи для размышлений. Это будет огромный расход ресурсов...

— Но совершенно стоит того! — с надеждой воскликнула Рэйнбоу Дэш.

Принцесса Луна кивнула.

— Скорее всего, — согласилась она с улыбкой. — И я считаю, что у Министерств Морали и Стиля найдётся масса предложений, которые могут быть интегрированы в это. И центральный узел станет главной целью врага для нападения, так что потребуются самая лучшая защита, что Министерства Тайных Наук и Военных Технологий смогут предоставить.

— Но... это всё равно будет моим проектом, верно? — спросила Рэйнбоу Дэш. — И это будет по-прежнему Министерством Крутости?

— Конечно.

<=====ooO Ooo=====>

Я и Вельвет Ремеди бежали по красному проходу, СтилХувз плыл по воздуху надо мной, наше оружие и поклажа летели позади. Я поморщилась, держа копыто у груди. Вельвет Ремеди сделала своей магией для меня лучшее, что могла, восстановив потерянное ребро, но было адски больно и по-прежнему трудно было дышать. Повреждения ослабили меня, и нужно было время (и зелья), чтобы я смогла вернуть свою выносливость.

Я планирую возвыситься, — сказал мне Красный Глаз. — Кото-то должен взять на себя задачи, которые Принцессы и пегасы забросили, дав им в конце концов одичать. Кото-то должен регулировать погоду, поднимать солнце и луну.

Контроль погоды. Теперь же я знала, как он собирался это сделать, как он собирался, став Богом, выполнять задачи Селестии и Луны. (И я поняла, что он смог бы даже двигать солнце с луной, как сказала принцесса Луна Миднайт Шовер, балом бы начал править Он.) Я не была уверена в деталях, но теперь я знала достаточно, чтобы знать план Красного Глаза, даже если и не могла видеть его. Этот киберпони точно знал, что делает.

После взлома терминала Министерства Крутости я смогла рассмотреть специфику Проекта Одного Пегаса. К сожалению, без моего ПипБака я не смогла сохранить никакой информации или схемы. Мне пришло в голову, что мне, возможно, придётся записать свою память, чтобы суметь рассмотреть его позже. То же, что я не знала, что я не поняла до момента много позжего — это что этот мой взлом терминала отправил куда-то далеко сигнал тревоги. И что война грядёт.

Кое-что было очевидно. Проект Одного Пегаса действовал, как и предназначено для управления всей погодой Эквестрии. Центральный узел П.О.П. находился над облаками и имел такую страшную оборону, какую я когда-либо могла себе вообразить, в том числе и такой же щит, какой был поставлен в Министерстве Крутости. Было заклятие обхода, но я понятия не имела, кто был назначен, чтобы пройти. Моим предположением было, что это была Рэйнбоу Дэш.

Капсула анабиоза, из которой должен был быть запущен весь Прокет Одного Пегаса, была пуста. Проект никогда не был активирован.

Тупой грохот сотряс Министерство Крутости. Светильники над нами закачались, пыль посыпалась с потолка, и плохо уложенные ящики посыпались с полок по всему зданию.

Я подняла голову, выбитая из своей задумчивости. Я повернулась к Вельвет Ремеди, когда ещё один толчок сотряс пол. Мы ускорили бег, отчего моя грудь взвыла от боли.

Мы бросились к открытым дверям...

...и были встречены волной густого розового и пламени!

Мои лёгкие резко ослабли, и я рухнула на землю, моя магия взорвалась, роняя СтилХувза. Я почувствовала, как умираю, разрываемая на части Розовым Облаком, словно была наполнена параспрайтами Филлидельфии. Рядом со мной со слабым криком рухнула Вельвет Ремеди.

Подвал Министерства Тайных Наук взорвался. Страдающий аликорн наконец-то проиграл свою битву. Или, возможно, звон цепей выбил искру. Всё Министерство было в огне, как и мёртвые деревья. Все деревья, даже формировавшие Министерство Мира. Я слышала стон начавшего деформироваться здания.

Подвал был огромен, размером примерно в треть Министерской Аллеи, и когда он взорвался, взрыв пробил тоннель между королевской казной и Школой для Одарённых Единорогов Принцессы Селестии. Остатки области мгновенно заполнились Розовым Облаком смертельной концентрации. Установка фейерверков Гала и превращение дракониху-мать в мышь не повлияли на уже имеющееся Облако, оно не исчезло. Здесь оно было более рассеянным, но это лишь означало, что у нас было на несколько секунд жизни больше. Может быть, даже на целую минуту, и при этом большинство из нас было без сознания.

В моих глазах всё размылось и потемнело. Я почувствовала, как Паерлайт мягко стукнулась, упав мне на спину. Я почти видела тень Небесного Бандита в воздухе над нами. Вельвет Ремеди сунула все три супер восстанавливающих зелья, которые у неё оставались, в мою морду, заставляя пить, а затем впала в беспамятство.

Я чувствовала, как моё тело трясётся, когда сверхдоза исцеляющей магии затопила меня. Я жила, при этом сгорая, мои нервы пылали. Но я была в сознании, и этого было достаточно, чтобы левитировать всех и всё вокруг себя. Я забросила всех нас в Небесный Бандит, крича Каламити, чтобы летел так быстро, как только мог. Уже сейчас я начала ослабевать, Облако, словно когтями, рвало меня.

Розовое Облако причиняло боль и Каламити, и скорость его была недостаточной. Я слышала, как он ворчал, напрягаясь, чтобы держать нас в воздухе, как ржал от натуги. Я распахнула медицинскую коробку Вельвет Ремеди. У нас больше не оставалось супер восстанавливающих зелий, но, может быть, она сохранила хоть одно простое лечебное зелье? Нет. Ничего. Я закрыла её и поползла к другой стороне Вельвет, но прежде чем я успела открыть вторую коробку, Каламити потерял сознание. Небесный Бандит стал падать.

Я пыталась сосредоточиться, но казалось, будто по мозгу били кувалдой. Я вскрикнула от натуги. Мои лёгкие были словно горячими углями в груди. Приложив дополнительные усилия, которых, по идее, у меня уже не должно было быть (Будь Сильным! Будь Непоколебим! Будь Потрясным!), я охватила нас моей магией, мой рог вспыхнул ярким сиянием. Напряжение было мучительным. Небесный Бандит дрейфовал вниз, пока не окунулся в обильно украшенную лентами розового реку, формировавшую ров перед Кантерлотом. Меня подбросило вперёд, закинув на лежавшую без сознания Вельвет Ремеди.

Небесный Бандит не захотел тонуть. Магия, позволявшая Каламити таскать его в воздухе со всеми нами внутри, видимо, держала его на плаву. Или, может быть, Богини вновь явили нам свою милость. Как бы там ни было, я высвободила свою магию и слабо рухнула на пол пассажирского фургона. Я прижала копыто к шее Вельвет Ремеди и проверила дыхание Паерлайт. Они обе были без сознания, но живы. Я молилась, чтобы ни одна из них не была в коме.

Пассажирский фургон начал лениво поворачиваться в проточной воде. Мои уши оживились, поймав рёв водопада.

— Ох... ёпт. — Вот и закончилась милость Богинь.

Я не тратила энергию даже на то, чтобы подняться на копыта, а обернула магией небесный Бандит и стала молиться.

Пассажирский фургон достиг края и начал накреняться. Мой рог снова вспыхнул и засиял, когда я напряглась изо всех сил, стараясь удержать нас от переворачивания. Вода всё продолжала толкать нас с края.

Мы прорвались сквозь Розовое Облако. Мы падали.

Пока мы падали, я подтолкнула нас вперёд так далеко от падающей воды, как только могла. Я удержала нас от переворота и замедлила падение, на у меня не было сил, чтобы падение полностью остановить или даже хотя бы направлять нас.

Кантерлот был долгим путём вверх по склону горы.

Вельвет Ремеди выбросило из пассажирского фургона, когда Небесный Бандит с резким стуком ударился о Зебратаунский акведук. Он был достаточно широким, чтобы пассажирский фургон боком скатился в него. Тело Вельвет шлёпнулось в быстро текущую воду акведука и было смыто.

— Эй, ты куда?!

Вернувшийся в сознание Каламити резко дёрнулся, изо всех сил захлопав крыльями. Я уклонилась от скользящего тела СтилХувза и выпрыгнула вслед за Вельвет, в то время как Каламити прилагал каждую толику своих сил, чтобы взять пассажирский фургон под контроль.

Я услышала скрежещающий звук Небесного Бандита, царапающего стены акведука и не поддающегося на попытки Каламити поднять его. Впереди я увидела тело Вельвет и телекинезом бросилась к ней. Брызги воды ударялись о мою морду, я хрипела, мои лёгкие снова словно огнём сжигало, жгло ещё сильнее, чем раньше. Моя магия дрогнула на грани истощения.

Я сосредоточилась сильнее, толкаясь всеми четырьмя ногами, борясь, чтобы держать голову над водой, концентрируясь на Вельвет Ремеди. Я должна была вытащить нас из воды, прежде чем она утонет.

Я снова метнула свою магию к ней и на этот раз всё-таки поймала её, подняла из воды и начала левитировать к себе. Мы неслись вниз по акведуку, у меня кончались силы, и я боролась уже за то, чтобы не уйти под воду.

Но это была уже проигранная битва, и при этом я даже едва умела плавать. Моя голова погрузилась, и в мои лёгкие попала вода. Я дёрнулась на поверхность снова, сильно кашляя. Моя магия рассеялась, и Вельвет Ремеди снова упала в воду на расстоянии в два пони от меня.

Один из рухнувших участков акведука оказался впереди.

Я оттолкнулась, на этот раз посылая себя вперёд. Я дотянулась до Вельвет и схватила её ногу своей передней, сожалея, что у меня были всего лишь копыта, а не когти. Я подтянулась ближе и второй ногой обняла её вокруг шеи. Мы сплелись в воде, несомые к краю, и я сильнее заработала задними ногами, стараясь уберечь любую из нас от утопления. Я боролась, чтобы обернуть нас магией, но была слишком перенапряжена и истощена. Магия не желала появляться.

Мы перекатились через край и отправились в свободное падение к рухнувшим вниз блокам акведука.

Каламити поймал нас!

...И сразу же почти врезался в землю на берегу озера, образовавшимся под сломанным акведуком. Мы с Вельвет Ремеди вылетели из хватки его передних ног и прокатились по грязи до полной остановки.

Я изо всех сил старалась встать. Чтобы добраться до неё и убедиться, что она ещё дышала, хотя бы подползти к ней. Но моё тело не реагировало вообще. Оно отказалось работать. Слишком много травм, слишком много напряжения и стресса, слишком малый период времени.

Всё. Хватит.

* * *

<-----ooO Шар-Алмаз Ooo----->

Ветер от приземляющегося Грифинчейзера IV трепал мой плащ. Я смотрела, как Рэрити сходит с летательного аппарата, её голова была повязана модным шарфом, чтобы защитить гриву от ветра.

Она бежала ко мне, когда пони-движимый вертолёт поднимался обратно в ярко-голубое небо. Я купалась в свете и тепле полуденного солнца. Столь редкий и драгоценный дар, а мой хозяин смотрел только лишь на приближающегося красивого белого единорога.

— Ты тут! — она улыбнулась, как если бы мой хозяин был утерян и вновь найден. — Всё ли готово?

— Да, госпожа Рэрити, — сказал мой хозяин естественно хриплым голосом. — Если можно поинтересоваться, кто станет жертвой этого заклинания?

Рэрити подняла голову, странно посмотрев на моего хозяина.

— Я, конечно. — Я почувствовала, как челюсть моего хозяина отвисла. — Я бы даже не подумала сделать что-то подобное с любой другой пони.

— Конечно, — сказал мой хозяин, явно опешив. — Тогда, если позволите спросить, сколько? — Грифинчейзер IV в настоящее время был уже достаточно далеко, чтобы ветер стих. Скрип машины исчезал вдали.

Рэрити жестом копыта указала моему хозяину следовать за ней и пошла в направлении к двойным стеклянным дверям неопишимо причудливого здания. Мой хозяин поскакал вперёд и приподнял голову. Я почувствовала, как он магией отворил дверь перед Кобылой Министерства.

— О, спасибо! — она лучезарно улыбнулась ему. — Такие манеры! — И мягко поцеловала рог моему хозяину.

Он повернулся и последовал за ней внутрь, взирая на неё с благоговением. Она была великолепна, сексуальна не по годам, царственна... И мой хозяин был мужчиной, даже по одному только трепету его сердца. Он был идеальным джентельпони, и не просто по внешнему виду. Я обнаружила, что я ни в малейшей степени не была против того, что мой хозяин был мужчиной. И почувствовала стыд, вспомнив, что я сделала недели назад большой в хижине СтилХувза. Мой хозяин был лучшим пони, чем я.

— Сорок два, — объявила Рэрити.

Мой хозяин прирос к месту, его сердце пропустило удар, и не лучшим образом. Его морда зияла, глаза округлились в шоке, если не в откровенной жути.

— С-с-сорок д-два?! — Мой собственный ум кружился.

— Ну, на самом деле сорок три, — сказала она причудливо. — Я бы очень хотела сохранить хоть маленький кусочек для себя.

— Вы... — Мой хозяин стоял, дрожа. — Вы хотите разрезать вашу душу на сорок два куска? — сказал он слабо. — То есть... сорок три?

— Да, — кивнула она чопорно. Рэрити улыбнулась, подойдя к моему хозяину, и положила копыто ему на плечо. — Не волнуйся. Я знаю, ты сможешь сделать это.

— Я... я... — Мой хозяин моргнул.

— Я всегда всем говорю, что мой главный маг — абсолютный мастер, когда дело доходит до магии и резки чего-либо, — сказала она ободряюще. — И что, Снипс, это ты.

Мой хозяин, Снипс, нервно сглотнул и кивнул.

— Готова ли комната сейчас? У тебя было достаточно времени с Чёрной Книгой?

Снипс снова кивнул.

— Но... Госпожа Рэрити, сорок три? Я не могу быть уверен, что вы даже выживете! Или что вы останетесь прежней после этого.

Улыбка Рэрити дрогнула, открывая глубокую печаль за её маской.

— Я выживу. Все мы выживем. — Она вернула свои тёплые манеры обратно. — Итак, я послала Снэйлсу сосуды души. Ему было дано копытоводство, так что не беспокойся об этом. Из того, что я читала, осколки сами найдут свои сосуды, так что это практически работа для дурака. — Она похлопала меня по плечу. — Беспокойся лишь о резке.

— Осколки вашей души... — сказал мой хозяин тихо.

Кусочки головоломки, много кусочков, начали падать на свои места.

— Да. — Рэрити сделала глубокий вдох. — Теперь я буду пряма. Мне надо сначала немного освежиться.

Она начала убежать, потом повернулась и посмотрела умоляюще на моего хозяина. Все маски счастья или отсутствия беспокойства исчезли. Ей явно было страшно.

— Снипс? Это будет больно? — Её голос был почти как у кобылки.

Снипс сглотнул, нахмурился и признался:

— Госпожа Рэрити, это, вероятно, станет новым определением пыток.

Рэрити вздрогнула и издала приглушённый мягкий хныч. Потом взяла себя в копыта и высоко подняла голову.

— Ну, по крайней мере, это будет быстро.

Она исчезла в коридоре.

Мой хозяин смотрел ей вслед, пока тени коридора полностью не скрыли её. Потом повернулся и нажал своей магией на кирпич высоко в стене. Грохот заполнил коридор, когда камни стены подались вперёд, открывая потайную лестницу, спускающуюся в темноту.

Через несколько минут мой хозяин стоял в тёмной ритуальной комнате, освещавшейся светом лишь нескольких светящихся камней, исписанных странными символами, и одной свечи. Свеча стояла на подставке, на которой покоилась Чёрная Книга.

Воздух в комнате был очень холодным, я могла видеть дыхание своего хозяина.

— Сорок три, Снэйлс, — простонал мой хозяин. — Рэрити хочет, чтобы я разрезал её душу на сорок три кусочка! Я... я не знаю, смогу ли сделать это.

— Сорок три? — медленно спросил другой, более высокий единорог в робе. — Но... но сосудов души всего сорок два. Я считал. Дважды. На тот случай, если в первый раз ошибся.

— Ага. Она сказала, что хочет сохранить один кусочек для себя.

— Что? Её жертва станет простыми подарками? Или что-то вроде того?

Снипс покачал головой.

— Я не знаю. — Он посмотрел вверх. — Эй, Снэйлс, с тобой всё хорошо?

— Ага, — медленно сказал другой единорог. — Я лишь надеюсь, что ничего не перепутаю, не испорчу.

Я почувствовала, как Снипс вздохнул.

— Ты не испортишь ничего, Снэйлс. Госпожа Рэрити не доверила бы ничего столь большого пони, который, она думала бы, мог испортить дело. — Он ободряюще улыбнулся Снэйлсу. — Помни, что Рэрити всегда говорит о тебе.

— Что я высокий?

— Нет. Другое.

— Что я, может быть, и медленный, но всегда довожу дело до конца, — сказал Снэйлс, в его голосе появилась уверенность. — И это лучшее, что она может сказать большинству пони.

— Верно! — Снипс топнул. — Ну а теперь иди к сосудам души и будь готов. Это... это действительно произойдёт.

— Ну, мы всегда хотели увидеть удивительное волшебство, — припомнил Снэйлс. — И это самое наиудивительнейшее!

— Ага, — сказал Снипс, звуча снова немного нервно.

В комнате было темно, холодно и тихо.

Мерцал свет медленно тающей свечи.

Мне показалось, прошла вечность, прежде чем Рэрити спустилась по лестнице. Когда она сошла к нам, она была одета в чёрные одежды с капюшоном, словно она посещала свои собственные похороны. Не говоря ни слова, она прошествовала в центр комнаты, встав посреди круга из мягко светящихся камней.

Снипс повернулся к ней, левитируя Чёрную Книгу перед собой. Осторожно он начал читать чужеродные слова, слова давно умершего языка зебры, родившегося безумным или, возможно, родившимся от звёзд. Я почувствовала, как мой хозяин концентрируется, направляя всё своё внимание в заклинание. Я чувствовала силу, омывающую меня, и не только изнутри, но и извне. Сила, идущая из странного, чёрного места.

Магия была отвратительной и мерзкой. Я чувствовала скверну.

Рэрити оторвалась от пола, зависнув над маленьким волшебным вихрем, образовавшимся под ней. Вихрь жуткой энергии поднялся и начал оборачиваться вокруг кобылы, укутывая её как кокон или как оборачивающаяся вокруг жертвы змея. Выражение её лица поначалу было спокойное, потом к ней начала подступать паника... но так и не пришла. Вместо этого она начала кричать.

Я жутко хотела сбежать из цара памяти. Я просто не могла слышать эти крики. Крики не только боли, но и кошмарных душевных страданий. Я вспомнила свою адскую поездку в автономный стенд исцеления. То, что делало с Рэрити это заклинание, было *на много порядков хуже!*

Чёрная магия захлестнула Снипса, сконцентрировалась на кончике его рога и готовилась к бегству. Сфера чистой пустоты, чернее абсолютной тьмы, сорвалась с нашего рога и столкнулась со сверхъестественной энергией, вращающейся вокруг Рэрити.

Произошёл взрыв, тьма обратилась светом, вихри жуткой энергии преобразовались в призматический легион лучей света, которые, промчавшись над головой Снипса, оставляя за собой в воздухе затухающий след, направились в свои сосуды.

Снипс не обернулся, чтобы посмотреть. Он даже не взглянул на сосуды души. Глаза жеребца-единорога были прикованы только к Рэрити. Он бросился к ней, чтобы поймать, когда та упала без сознания на пол.

Но ему и не нужно было смотреть. Я уже знала, что это такое.

<-=====ooO Ooo=====>

* * *

Как далеко вы готовы зайти ради своих друзей?

Сколь многим вы готовы ради них пожертвовать?

После всего, что я увидела о Рэрити, я знала, что её глубочайшим страхом и величайшей болью была потеря её друзей. Видеть, как они расходятся, как дружба рушится.

Да нет, я в порядке. Просто... иногда кажется, будто мы всё больше отдаляемся друг от друга. И я не могу на это смотреть. Мне серьёзно стоит что-нибудь с этим сделать.

Так что же я знаю о сосудах душ? Я знала, что они практически не поддаются разрушению, они вечны.

Я знала, что вы могли бы соединить их с заклинанием, позволяя этим заклинаниям длиться фактически вечно.

Но если вы прикоснётесь к сосуду или сосредоточите на нём вашу магию, то заклинание... фотографирует вашу душу.

Я вспомнила, как будучи Спайком наблюдала за тем, как Рэрити провела всех своих друзей по коридору, чтобы увидеть новую броню Рэйнбоу Дэш. Я вспомнила странный ковёр, что мы пересекли, и странный холод, когда Спайк наступил на него. Твайлайт Спаркл отреагировала точно так же. Конечно же она почувствовала. Твайлайт уже знала этот особый холод: зеркало Рэрити. Я даже подозреваю, что она хотела высказать об этом Рэрити, но та отвлекла её на Рэйнбоу Дэш.

А затем вторые чары позволяют зеркалу показать изображение вашей души.

Отражение души. Отражение того, кем вы на самом деле были. Глубоко внутри. Но картина с этим заклинанием, возложенным на неё, была бы больше, чем просто изображение пони. Она источала бы ауру истинной души.

А Твайлайт? Пинки Пай просила её в том последнем послании, которое Твайлайт ниогда так и не получила: *Как ты думаешь... может быть... ты могла бы пойти со мной? Мне своего рода... страшно. И это не тот страх, который уйдёт, если посмеяться. Я хочу сказать, у меня ты сейчас со мной, так что ты как бы будешь со мной в любом случае...*

Я должна быть там ради неё. Будто она со мной. Кто-то должен её там ждать... — говорила Скуталу, сильно кашляя. — Хочу, чтобы Дэш знала... не все мы... Она не одинока.

Сорок два.

Лишь сорок две штуки были когда-либо сделаны. Наблюдатель... Спайк сказал мне это. Семь наборов по шесть шгук. По одному комплекту для каждой Кобылы Министерства и один для принцессы Луны.

Сосредоточившись, я открыла сумку и левитировала из неё сосуды души Рэрити, ставя их перед собой. Все вместе. Вместе они были сильней, были лучше.

Будь Сильным!

Будь Милым.

Будь Непоколемым!

Будь Умным.

Будь Потрясным!

Внимательность! Оно было под буквой 'Э'!

Заметка: Максимальный Уровень.

Добавлена квестовая способность: Мои Маленькие Пони — Вы собрали полный комплект из шести статуэток Кобыл Министерств. Сильнее вместе, чем по одиночке, они придали вам +1 к удаче в дополнение к их обычным бонусам.

<<< ^^ >>>

Глава 38. О Временах Мирных

«Ведите себя хорошо, а то пристрелю нафиг.»

<<< ^^ >>>

Хватит.

Ощущение, будто меня асфальтовым катком переехало. Разум уже даже не находил сил, чтобы дальше упрекать меня. Моё раздолбанное тело было на грани. Мышцы еле двигались, внутренности болели, а ПипНога чесалась. Я чувствовала, как хлопала грязь в моей броне, попавшая туда через выжженную Ультра-Стражем дыру в груди.

Но мне на это было глубоко наплевать: мои друзья нуждались во мне. Вельвет Ремеди была без сознания (о, Богини, хоть бы она просто была без сознания). Она тонула, я пыталась спасти её, но Вельвет, очевидно, пробыла под водой больше, чем положено. Сейчас же она просто неподвижно лежала там.

В нескольких метрах от нас Небесный Бандит, наполовину затонувший в озере, нависал своей носовой частью над илистым берегом. Я услышала ворчание, доносящееся откуда-то сверху по левую сторону от меня, то был Каламити, пытавшийся освободиться из упряжи.

— Вот чёрт! — говорил Каламити, беспомощно мотыляя ногами. — Ёлки-палки!

Моё внимание было сконцентрировано на Вельвет Ремеди. Я уже было собралась подойти к ней, посмотреть, всё ли с ней в порядке, но моё тело меня не слушалось. Я попробовала притянуть её с помощью магии, но поле магической энергии так и исчезло, едва лишь обхватив ногу Вельвет. Силы оставили меня.

Она не дышала. Её тело не шевелилось. Вообще.

О Богини, Вельвет Ремеди не дышала!

— Каламити! — хрипло крикнула я через растущий во мне ужас. — Вельвет не дышит! Помоги

ей!

— Пытаюсь! — крикнул Каламити, начавший сразу усиленно бороться с упряжью, яростно замахав крыльями и ногами. — Не могу освободиться!

Мой разум захлестнула волна паники. С каждой секундой Вельвет Ремеди была всё ближе к грани смерти, а я не могла добраться до неё, даже подползти не могла. Внезапный прилив адреналина заставил мой рог засиять. Этой энергии всё равно не было достаточно, чтобы левитировать Вельвет, но её хватило, чтобы открыть зажимы упряжи и освободить рыжего пегаса. Каламити, только упав в грязь, сразу ринулся к Вельвет, и, добравшись, начал делать ей попеременно массаж сердца и искусственное дыхание.

Позади него Небесный Бандит с нарастающим грохотом начал уходить под воду. И как только это началось, я осознала, что СтилХувз всё ещё был там — внутри фургона. В своей отключенной броне он был словно парализован и сейчас шёл на дно вместе с Небесным Бандитом. Захлебнуться и умереть-то СтилХувз не мог, но быть заживо погребённым под толщей воды — участь незавидная. Мне сразу вспомнилось моё кошмарное пребывание в исцеляющей кабинке.

Каламити продолжал с жаром пытаться вернуть Вельвет Ремеди к жизни.

Мои глаза заволочило серой пеленой. Всё моё бытие жаждало покоя, умоляя меня просто оставить всё как есть и отдаться сну. Но я боролась с нападками тьмы, маленькая пони в моей голове билась и кричала, что если я позволю усталости взять верх над собой, то я уже больше никогда не проснусь. Потерять сознание сейчас с большой долей вероятности значило уйти напрямиком в кому. И каким-то образом я понимала, что приятным этот сон не будет. Все кошмары исцеляющей кабинки только и ждали, когда я попаду в мир сновидений.

Вдруг я услышала сдавленный кашель Вельвет Ремеди. Мой страх исчез без следа, моё сердце ликовало: "О, слава Богиням!"

Паника, сдавливающая мои сердце и разум, ослабила свою хватку, и тьма обрушилась на меня, словно бушующий океан. Мне показалось, что Каламити стрелял из своего боевого седла и кричал что-то, но всё это уже доносилось откуда-то издалека. Затем всё стихло.

Перед моими глазами пролетела вся моя жизнь в Стойле Два. Скучная, глупая, серая и совершенно безопасная. Лишённая всякого вкуса настоящей жизни, лишённая смысла и друзей. Совершенно бесполезная работа. Чувства ответственности и надежды руководили мной, когда я бросила вызов бесконечности, распахнувшей зияющую тёмную пасть по ту сторону Стойловской двери, оставляя спокойствие позади. Обменяв его на боль и ужасы, когда отправилась за Ней.

Я вспомнила свой первый день вне Стойла: солнечный свет, показавшийся мне тогда

странным и опасным, но также прекрасным, хотя и был рассеян пеленой облаков. Я увидела, какой же глупой я была, когда шла напролом в места, вроде Айроншод Файрармс или Стойла Двадцать Четыре, неоднократно подвергая риску свою жизнь, а затем и жизни моих друзей, ведомая любовательностью и жаждой ответов. Мне повезло остаться в живых.

Предо мной проплывали образы моих друзей. Мой первый и бесстрашный друг, Каламити, который всегда рядом, который всегда готов поймать меня, если я упаду. Раз за разом вверяла я ему свою жизнь. Вельвет Ремеди — настоящая кобыла (не та, что из тех моих глупых фантазий) с любящим сердцем. Она заботилась обо мне в болезни и здравии, она взвалила на себя мою ношу, когда моё возвращение домой стало для меня непосильным. Образ СтилХувза предстал перед мною в битве, сопровождаемый чередой взрывов. Я видела, как он усмирал своих внутренних демонов, чтобы сражаться бок о бок с Ксенит, чтобы в конце концов взять на себя столь большую ответственность и возглавить новую силу в Эквестрийской Пустоши ради блага всего живого. А вот и Ксенит, которую мы вырвали из копыт адского рабства Красного Глаза, измученная кобыла. Но она многое пережила и стала нашим проводником в Старом Олнее — одном из самых зловещих и опасных мест, что только могла предложить пустошь.

Мой разум переполнился голосами. Одним из них был голос ДиДжея РонЗ, вещающего из Мэйнхэттена. Он нёс послания предупреждений и надежды, продолжал выставлять нас героями. Мне вспомнился первый настоящий голос из прошлого — послание Скуталу, привет от одного из пони, что построили прошлый мир и видели его крушение. От них я узнала о добродетелях, жертвах и неудачах. И даже несмотря на то что они ушли в лучший мир, они стали моей семьёй наравне с моими друзьями. Одиночества для меня больше не существовало.

В памяти всплыли моменты радости, восторга (смешно подумать, но я уже почти забыла, что это такое). Завтрак с Гаудой на узловой станции Р-7. Шалости с Хомэйдж под проливным дождём. Вдруг мою голову накрыла тьма. Изуродованная Пинки Белл с жар-бомбой, которую она хотела приберечь для салюта. Случайный выстрел (БАМ!) на Брыклинском мосту.

В следующее мгновение я уже утопала в крови, багровой реке, которую наполняла кровь всех тех, что когда-то умерли от моих

копыт. Могли превратиться этот кошмар в реальность. Из всего того, с чем я боролась: рейдерами, работорговцами, зомби-зебрами и даже драконом, самая большая угроза всегда исходила из меня самой. Тьма и ярость скрывались во мне. Пагубные привычки и несостоятельность.

Моя душа была истерзана. Мне был нужен покой. Неужто с меня было недостаточно всего того, через что я прошла? Я пыталась творить добро, я пыталась помочь. Я раз за разом заставляла себя прорываться сквозь муки и ужасы. Смерть уже ожидала меня в своих чертогах. Я слышала сладкую, обманчивую песнь жуткой пони-жницы, предлагающей мне последние пристанище с вечным покоем впридачу.

Я хотела пойти к ней, позволить ей окутать меня мантией непроницаемой тьмы и вечного сна.

Но даже здесь маленькая пони в моей голове продолжала бороться со мной. Она напоминала мне, что осталось множество незавершённых дел, что уходить в покой ещё слишком рано. В этом мире всё ещё были пони, нуждавшиеся во мне. В этом мире всё ещё был Красный Глаз, угрожающий Башне Тенпони и моей любимой Хомэйдж. В этом мире всё ещё была Богиня, жаждущая стереть род пони с лица земли, подвергнув их Единению.

Если, конечно, ты готова пройти сквозь огонь...

Вот чёрт. Моя маленькая пони была права. Как бы я ни желала обратного, а придётся вернуться... в сознание.

Со стоном я повернулась на бок. Я обливалась болезненным потом. Неприятная волна теплоты прокатилось по моему телу, вызывая ощущение тошноты. А засохшая грязь вызывала чесотку.

Я лежала на грязной койке в каком-то ветхом строении, которое воняло гнилыми досками и плесенью. Моя попытка подняться успехом не увенчалась: ноги будто из ваты были сделаны. Но желудок счёл мои усилия сигналом к восстанию, и я почувствовала, что меня нехило так тошнит. Слава Селестии, неподалёку от кровати стояло старое ведро, и, по ходу дела, стояло оно здесь именно на этот случай. Моё горло жгло, а во рту стояло отвратительное послевкусие. Смерд был таким, что на глаза навернулись слёзы, а желудок решил разродиться ещё большим количеством рвоты.

Со слезящимися глазами я откинулась назад. Такое уже происходило. Болезнь, вызванная физическим перенапряжением, психическими потрясениями и извращённостью пустошей. Мы должны были идти. У меня не было времени опять валяться в койке несколько дней.

Кантерлот сильно сказался на моём здоровье. Розовое Облако вместе с передатчиками устроили мясорубку моему мозгу и внутренностям. Ужасающая и травматичная потеря ребра. Шрам на том месте, как и на шее, никогда не заживёт полностью. Мой ПипБак, вросший через шкуру прямо в мясо. Разве удивительно, что мой организм разваливался?

Шары памяти оказались эмоционально травмирующими. Часть меня вопила о том, чтобы бежать обратно в Министерство Мира и устроить Рэрити достойные похороны. Но даже до того как мы покинули Министерство Крутости, огонь и Облако сделали это невозможным. Душераздирающий удар нанесла сцена с Эпплджек, выходящей из лифта... и осознание того, что Эпплснэк собирался сделать ей предложение именно той ночью, и она ждала этого... о Богини.

Я попыталась встать, чтобы вновь грохнуться. Мне нельзя быть такой слабой. Моя болезнь могла стоить жизнью.

Богини, где ж это я? Я медленно оглядела окружающую грязь. Пустые бутылки, мусор, дверной проём без двери и заляпанная простыня, его прикрывающая. Точно не хижина СтилХувза.

— Ща... мы тебя поправим на счёт "раз", — послышался голос Каламити из соседней комнаты, сопровождаемый громким ударом металла о ломающееся дерево. Я почувствовала желание окликнуть его. — Девчонка была добра, дав мне комплект магической брони на время, достаточное, чтоб ты перезагрузить. Скоро опять будешь скакать, как жеребёнок малый.

— Ты уверен, что знаешь, что делаешь? — прозвучал голос СтилХувза. — Может, стоит подождать Литлпип?

— И оставить тебя вот так?

— А это неправильно, что у меня есть желание придать ему пару интересных поз? — влился в разговор голос Ксенит.

Пусть я и была разбита, мне пришлось уткнуться мордочкой в матрас, чтобы задушить смехок. Я почувствовала себя лучше, зная, что трое моих друзей находятся сразу за этой грязной занавеской.

— Только попробуй, — ворчливо предупредил СтилХувз. — Каламити... поторопись.

— Так, ещё раз, которым концом эту штуку втыкать? — спросил пегас, изображая смятение. Лёгкость голоса выдала его.

— Просто поторопись. Пока зебре не пришли в голову новые идеи.

— Спасибо, СтилХувз, — тихо проговорила Ксенит. — За помощь деревне моей дочери. Я знаю, как тяжела должна быть для старого солдата помощь роду зебр.

Я мысленно ухватила за это, хоть в голове всё плыло. Мы были в Глифмарке. Комната за дверью погрузилась в тишину.

— Эпплджек боялась зебр, — наконец заговорил СтилХувз. — Это заставило её младшую сестру показать ей, что они такой же народ, как и пони. Хорошие ребята в большинстве своём. — Я слушала, дивясь, что Эпплснэк раскрывает душу перед Ксенит. — Она никогда этого не забывала. Даже в темнейшие годы войны. Даже когда её ближайшая подруга-зебра предала её... — Его голос замер. Низкий рокошущий голос СтилХувза каким-то образом зазвучал ещё ниже: — ...Как нам казалось.

Соседняя комната снова погрузилась в тяжёлое молчание.

— Эпплджек хотела, чтобы её рейнджеры защищали вообще всех, кто чист душой, а не только пони.

Я полюбила СтилХувза чуть больше в тот момент.

Секунду спустя Каламити сменил тему:

— Как они?

— Обе в забытьё. — Голос Ксенит посерьёзней. Обе? Вельвет Ремеди всё ещё без сознания? Меня опять накрыл приступ паники.

Сколько времени прошло с Кантерлота? — Хотя Литлпип что-то бормочет и стонет сквозь лихорадочный сон.

— Литлпип проснулась, — объявил СтилХувз. — И наверняка сейчас греет уши.

Вслед за этим я немного возненавидела СтилХувза. Вперёд, Ксенит, разрешаю, ставь его в глупые позы!

Я дрожала, когда Ксенит вошла. Меня почему-то бросило из жара в холод.

— Железный гуль был прав, — небрежно бросила Ксенит. — Ты проснулась.

— Ч-что с Вельвет?

— Она всё ещё дремлет, — сообщила Ксенит. — Я дала ей зелья и препараты, какие знаю, но только она сама может найти свой путь к нам назад, как это сделала ты.

— Она найдёт, — завершила я её. — Вельвет Ремеди сильнее, чем кажется.

— Как и ты, — произнесла зебра, кладя копыто мне на лоб чуть ниже рога.

— Ну, это несложно, если выглядишь жалко, — простонала я. Ксенит почти незаметно усмехнулась.

— Мы должны идти... — начала я говорить, пытаюсь встать в третий раз. И сразу же, подставив под себя передние копыта, нырнула вперёд к ведру, застигнутая очередной волной тошноты.

Ксенит смотрела, как меня рвало.

— Ты больна, — сказала она мрачно (как будто без неё было не ясно). — Тебе нужен отдых. Я не позволю нам отправиться в путь, пока ты не будешь чувствовать себя достаточно хорошо для путешествия. Ещё один день как минимум. Может, два.

— Как давно?.. — спросила я, сплёвывая в ведро с рвотой и пытаюсь счистить кислую мерзость со своего языка и зубов.

— Меньше суток, — сказала Ксенит. — Каламити договорился с твоим другом-торговцем и достал вещи, которые тебе нужны. А ещё он установил броню на наше летающее судно. Если Глифмарк чем и не беден, так это металлоломом.

Интересно, когда он успел сделать всё это. Кивнув, я попыталась договориться с Ксенит:

— Одна ночь. Потом мы должны идти. Воспользуюсь костылями, если потребуется.

— Нет, — отрезала она. — Я решаю, когда нам идти, и я говорю: ты никуда не пойдёшь, пока, по крайней мере, не будешь способна передвигаться на своих четырёх и держать в себе еду. Только после этого я подумаю. Это если предположить, что медицинская пони не проснётся к тому моменту и не прикуёт тебя к постели до твоего полного выздоровления.

Я застонала, сползая обратно в кровать. Мы не могли ждать так долго. Особенно если Вельвет Ремеди решила бы приковать меня, пока мне не полегчает. На что Вельвет была очень даже способна. Ксенит наверняка даже и не подозревала о способностях Вельвет, зебры не было рядом, когда та подстрелила меня.

— Я смогу восстановиться по пути в Прекрасную Долину, — сказала я ей, припоминая, что говорила нечто подобное Вельвет Ремеди после Арбы. Но одна лишь мысль о поездке в Небесном Бандите заставила голову ныть и неприятно скрутила желудок. — Ладно... как только смогу удержать в себе еду. — Я не собиралась заставлять других лететь в фургоне вместе со мной, всю поездку не вынимающей головы из ведра.

Разум побродил немного, пытаюсь воссоздать прошедшие дни. Как давно Вельвет Ремеди подстрелила меня отравленным дротиком? Как давно я покинула Стойло Два? Вся моя жизнь ужалась... во сколько? Всего восемь недель? Больше полутора месяца, даже не два. Столь же несчастная маленькая пони в моей голове отметила, что где-то между настоящим моментом и хижинкой СтилХувза у меня должны были закончиться все мои больничные и уже скоро мой наставник в ПипБак-мастерской урезал бы мне жалование. Я обнаружила, что хихикаю.

— Смех, — задумчиво протянула Ксенит, — явный признак выздоровления. Или скольжения к безумию.

Это лишь заставило меня сильнее хихикать.

Ксенит поднялась, хватая ведро за ручку своими зубами. Вонь из него уже начала разноситься по комнате. Я чувствовала благодарность к ней, но в то же время смущалась своей слабости. Я сожалела, что из-за меня ей приходилось делать что-то настолько неприятное.

Я почувствовала внезапный прилив сил, когда она уже начала идти к выходу.

— Ксенит, как там твоя дочь? И... ты ей ещё не рассказала?

Зебра остановилась. Поставила ведро и повернулась в мою сторону.

— Сефир в полном порядке. Она доктор, лечащий этих горожан, и у неё это неплохо получается. Она очень благодарна за нашу помощь.

Ксенит села и уставилась в пространство.

— Она и другие жители её деревни сняли с меня груз ответственности. Теперь меня здесь ничто не держит. — Потом строго посмотрела на меня. — А насчет твоего второго вопроса: нет. И я надеюсь, что ты ей тоже ничего не расскажешь.

Я кивнула.

— Но... но разве она не должна знать? И, Ксенит, ты обязана быть с нею.

Ксенит грустно улыбнулась.

— Она теперь самостоятельная кобыла. Не та маленькая девочка, которую я знала. Я бы предпочла, чтобы она была сильной, чем снова стала моим жеребёнком. — Она снова посмотрела в сторону. — И, по правде, я не могу быть ответственной за неё. Я не знаю, как. Плюс, вы нуждаетесь во мне. Больше, чем она.

Высказавшись, Ксенит поднялась, снова взяла ведро и вышла, оставив за собой раскачивающуюся занавеску.

Я снова легла, не зная, что и думать. Часть меня радовалась, что Ксенит снова с нами. Но другая часть меня, та часть, что мечтала о "хэппи энде" для моих друзей, тихо плакала. И я даже не знала, почему. Моя собственная мать, несмотря на всю мою любовь к ней, была менее важной по сравнению с моими друзьями. И я бы не стала тратить то время, которое я провожу с ними, на попытки встретиться с ней. Так почему же моё сердце желало воссоединения Ксенит и Сефир?

Я снова почувствовала озноб. Часть меня захотела сдёрнуть отвратительно грязную занавеску и завернуться в неё. Но лучшая часть меня содрогалась только от одной мысли об этом. И я понимала, что если я сделаю это, то жар вернётся. И потому я просто свернулась калачиком. Волна усталости прошла сквозь меня.

Мы нуждались в Ксенит. Я нуждалась в ней. Вместе мы были сильнее. Лучше.

Мне были нужны мои друзья. Скоро... как только мне стало бы лучше и я смогла бы нормально двигаться... мы приступили бы к исполнению моего плана, чем бы он ни был, чтобы покончить с Богиней.

Я застонала из-за очередного озноба, прошибшего моё тело. Внезапно я занервничала. И испугалась. Я собиралась подвергнуть риску наши жизни ради плана, о котором толком-то ничего даже и не знала! Я доверяла себе... но это начинало выглядеть слишком глупо. Мои друзья доверяли мне, но должны ли были? Я не сказала им о своих действиях, только об их частях плана. Никто не знал, что мы сейчас собирались делать! Это же безумие!

У меня был план, как разделаться с Богиней. Я рассказала каждому пони его роль, но только его роль. Единственная пони, которая знала весь сценарий — это я.

А затем я вырезала у себя это знание и заперла его в шары, хранившиеся сейчас далеко в Башне Тенпони. О чём я думала? И главное — чем?

Я рассказала каждому пони его роль, но только его роль.

Каждому пони...

О!

...потому что Богиня не могла читать мысли зебр.

Мое лицо расплылось в улыбке. О да, я была умной пони!

— Она сделала что? — ахнул Каламити, вырвав меня из полусна, в который уже впало моё больное тело. — Чёрт возьми, Лил'пип же мне обещала...

О нет. Что я натворила? Я немедленно почувствовала себя ужасно, чем бы ни было то, что обидело Каламити.

— Успокойся, — вежливо приказал СтилХувз. — Всё было в порядке.

Они уже запустили броню СтилХувза? Я не слышала, чтобы он хоть как-то двигался. Сама мысль, что СтилХувз был словно парализованный в своей броне, уже вселяла ужас. Я подумала о том, как он беспомощно уходил в пучину озера, как он молил Богинь, чтобы его поскорей оттуда вытащили.

— В порядке? Меня не было, ты был парализован, а Лил'пип засунула голову в целую чёртову кучу шаров памяти прямо посреди Руин Кантерлота? — проревел Каламити. — Проклятье! Я знал, что у этой кобылки временами не все дома, но я ожидал, что она будет держать обещания получше! Чего она ожидала от Вельвет, если бы на вас напали? Или если бы Облако вошло?

— Включила бы щит, — ответил СтилХувз.

Каламити прервался на полуслове.

— Ещё раз, что?

— Мы были в Министерстве Крутости, в зоне, защищённой щитом. Если бы что-нибудь случилось, Вельвет Ремеди смогла бы защитить нас одним движением выключателя, — сообщил ему СтилХувз, добавив напоследок: — Или ты не доверяешь защите Рэйнбоу Дэш?

Я услышала, как Каламити испустил вздох поражения.

— Ладно. Хорошо.

— Не она виновата в состоянии Вельвет Ремеди, — добавил СтилХувз. — Фактически, она могла утонуть, спасая её.

— Да знаю я. И не злюсь на неё из-за... чёрт, не злюсь я на неё. Я просто злюсь, — признался Каламити. — Уж лучше так, чем волноваться, как больной.

Я услышала треск древесины, с потолка посыпалась пыль через зазоры меж потолочными досками, когда маленькое здание тряхнуло от пинка Каламити.

Я могла понять его чувства.

— Хренова туча возможностей, чтоб всех подвести, Каламити, — пробурчал наш пегас. Что?

— Я припоминаю, что ты спас всех. — Чувства СтилХувза отражали мои. Каламити поймал нас. А потом спас Вельвет, когда я не смогла.

— Да уж, не нужно было никого спасать, если б я прост вытащил нас оттуда. Моя вина, что мы грохнулись в болото. Бляха, я даже не помню, как земли коснулся!

— Каламити! — слабо позвала я. — Не надо. Просто... Не твоя вина... — Энергии хватило прокричать лишь это, да и то оставило мне одышку.

Оранжевогривый пегас просунул голову над занавеской, зависая на высоте пони над полом.

— Лил'пип? Прости. Я думал, ты спишь.

Часть меня жалела, что он увидел меня такой. Я была покрыта потом. Шерсть была спутанной и прилипшей к коже. Я не мылась с момента падения в ту грязь.

Я тряхнула головой, затем слабым жестом пригласила его внутрь. Пегас приземлился, чтобы пройти через проём, и подошёл к старому, запачканному матрасу, служившему мне постелью.

— Принести тебе чё-нить? Воды? Одеяло? — Он нахмурился. — Не уверен, есть ли у нас хоть какое-нибудь. Да и вода здесь тож не из лучших.

Я хотела и то, и другое. Но не попросила ни о чём.

— Каламити, спасибо тебе, — сказала я, улыбаясь, как только могла. — Вельвет и я, мы обе обязаны тебе своими жизнями. Ты был... потрясен.

Он тряхнул головой.

— Спасибо, конечно, но...

— Не надо но. Это было... тяжело... и болезненно для каждого из нас. Иногда я хочу просто остановиться... — открылась я со стыдом. Остановится мне хотелось даже гораздо раньше.

— Я знаю, о чём ты. Меньший пони давно б уже ушёл. — Каламити прилёг рядом. Он достал розовый камушек и положил между нами.

— Спасибо те за это, Лил'пип. Я запутался после Брыклинского Креста. Я возненавидел то, что случилось там, эт отравило мой ум в тёмные места. Ты дала мне кое-что, что напоминает мне, что мы хорошие парни. Мы не всегда поступаем правильно. Бляха, иногда мы творим чёрт-те что. Но мы продолжаем стараться, и некоторым ребятам становится лучше, благодаря нам.

Я кивнула, вглядываясь в камень.

— Ненавижу этот твой план, — прямо сказал Каламити. — Ты опять полезешь в самое пекло в одиночку. И опять только ты это можешь сделать. Ненавижу я это.

Я... в одиночку? Идея отправиться в Марипони (или ещё хуже, рыскать по всей Прекрасной Долине!) в одиночку вселяла ужас. План мне больше не нравился.

С другой стороны, я не удивилась. Я знала себя слишком хорошо. Любой шанс уберечь друзей от опасности — любой способ взвалить всю ношу на себя — и я воспользуюсь им. И я поступала так снова.

— Ты ж помнишь, что сделало это место с нами в прошлый раз? — напомнил Каламити. — А ведь мы были вместе тогда.

— Каламити? — спросила я, начиная волноваться. — Что ты можешь рассказать мне о плане?

Каламити моргнул. Затем выпучил глаза, осознав, что я только что спросила.

— Чё? Ты не знаешь? Я имею в виду, я знаю, ты удалила воспоминания, но ты правда ничё не знаешь о плане? — А вот сейчас он начал паниковать. — Ты чё, не оставила себе никаких подсказок или записок?

Подсказок? Записок?

— Где я могла... — Я запнулась. Блять, конечно же! Мой ПипБак! Как я раньше не подумала?

Я медленно подняла правую ногу к глазам, взгляд скользнул по мёртвому экрану ПипБака.

— Эм... Каламити, ты ведь перезагрузил броню СтилХувза? Он способен двигаться? — Я чувствовала себя в высшей степени тупой и безрассудной.

Каламити поморщился.

— Вообще-т, нет. — Я вытаращила в изумлении глаза. СтилХувз был парализован всё это время? — Оказалось, не так всё просто, как выглядит. Я ж не подкованный ПипБак-техник и уж тем более не "ремонтник тостеров".

— Тогда... — Я начала подниматься с матраса, преисполненная решимости не оставлять СтилХувза недвижимым ни минутой дольше. Ноги затряслись, а желудок послал тошнотворное предупреждение. Я оглянулась, но ведёрко ещё не вернулось. Я легла обратно, положив копыто на мордочку, и попыталась успокоить свои внутренности. — ...Можешь приволочь его сюда, пожалуйста? — В голове всё снова поплыло. Пытаясь вспомнить, что нужно было делать, я словно продиралась сквозь толстый слой ила. Мне нужны были инструменты, мастер-ключ матрицы заклинаний и что-то, от чего я могла перезапустить его. — Не мог бы ты также принести мой ремонтный комбинезон и... ты раздобыл где-нибудь силовую броню?

— Сделаю в лучшем виде, — сказал Каламити, выглядя раздосадованным. — Он... малёк тяжеловат.

Я кивнула, задаваясь вопросом, как же они затащили СтилХувза внутрь. Или вытянули из воды. Я распахнула глаза, вспомнив кое-что ещё.

— Я слышала выстрел!

Каламити вздрогнул, подпрыгивая и оглядываясь.

— Где? Ты уверена? Я ничего не слышал.

Я мотнула головой, слегка похныкивая от того, как же хреново себя почувствовала от этих резких движений.

— Нет... раньше. На озере. Ты выстрелил... во что-то.

Каламити ощутимо расслабился.

— А, тот выстрел. Я привлекал внимание грифона. Видимо, кой-какие ребята заметили, как пассажирский фургон падает с Кантерлота.

СтилХувз молча сел рядом со мной. Меня лихорадило, мне было трудно сосредоточиться, но я всё-таки закончила. Я начала отсоединять свой ПипБак от его доспехов, взглянув ещё раз на комплект сильно повреждённой силовой брони, лежащий в углу.

— Извини, — сказала я ему, вытирая слой противного пота с лица. — Мы должны были вытащить тебя быстрее. — Я чувствовала себя такой усталой.

СтилХувз ничего не сказал, но молчание не было угнетающим. Его хвост беспокойно шевелился. Я убрала инструменты в сторону.

— Готово. — Я кинула ещё один взгляд на броню, принесённую Каламити, и вздрогнула. Иногда всё это казалось просто несправедливым.

Это была броня Стального Рейнджера, разодранная, но с функционирующей матрицей заклинаний. С её помощью я перезагрузила свой ПипБак (а потом уже с него восстановила броню СтилХувза). На ней всё ещё виднелись следы крови. Я решила сперва восстановить матрицу ПипБака, не потому что это было легче, а потому что СтилХувз вряд ли захотел бы подключиться к другой броне напрямую.

Силовая броня была взята с тела одного из Рейнджеров, которых мы убили в Стойле Два. Судя по повреждениям, этого пони именно СтилХувз и завалил.

СтилХувз встал. Он протестировал каждую ногу, затем вытянулся.

— Спасибо, — сказал он торжественно. — Теперь отдыхай.

Я свернулась калачиком, часть меня злилась, что он видел это, но не мог должным образом позаботиться. Я действительно не хотела ничего, кроме как спать... желательно, без снов.

Я следила, как он повернул к дверному проёму. Он бы просто ушёл, если бы все вопросы были решены. Но они не были решены.

— Эпплснэк... — прошептала я и поняла по его остановке, что он меня услышал. Я не была уверена в нужности того, что сейчас собиралась сделать, но... больше никаких секретов. — Я тебя видела.

— Ты меня часто видишь.

— В одном из тех шаров... в Министерстве, — сказала я. — Это были воспоминания охранника... он помогал Зекоре с её миссией... помогал ей подобраться ближе к Цезарю...

СтилХувз ничего не ответил, но в комнате словно похолодело.

— Ты... собирался сделать предложение... Эпплджек той ночью. — Я взглянула на него, сердце так и сжалось в груди. — Мне так жаль.

— Ближе к Цезарю, — повторил СтилХувз. — Зачем?

Я закрыла глаза.

— Не знаю, может, последить за ним.

— Или порешить.

Я почувствовала озноб. Хотя по большей части это было симптомом моей болезни, нежели реакцией на слова гуля.

— Я не знаю... но не думаю, что это было именно так.

Я не была в этом полностью уверена, но Зекора просто не походила на хладнокровного убийцу. В этом меня убеждала её обеспокоенность из-за смертей пони, а также её неопытность ведения боя, которая, возможно, и стала причиной смерти моего хозяина. Нет, на такого убийцу она не была похожа. Я съёжилась от осознания того факта, что вот я как раз и походила.

— Она была шпионом.

Остынь, родной. Зекора не шпион!

Мир переполняла злая ирония.

СтилХувз стоял неподвижно, будто его броня снова отрубилась. И вот наконец он произнёс:

— Не имеет значения. Смерть Цезаря не положила бы конец войне. Легат бы просто занял его место. А он, если что, был ещё хуже.

Я сглотнула, во рту остался неприятный привкус.

— СтилХувз... Эпплснэк, я не осуждаю тебя. Я просто хочу сказать... — Но что я хотела сказать? Я попыталась подобрать нужные слова. — Я просто хочу сказать, что понимаю тебя. Я понимаю, что ты имел в виду, когда говорил, что тебе легче жить с самим собой. И... мне жаль.

Он хохотнул.

— Эпплджек тоже не знала всей правды о Зекоре, — продолжила я. — И она любила тебя. Она боролась за ваши отношения, потому что любила тебя. И, думаю, потому что понимала. — Не одобряла. Но понимала.

СтилХувз покинул комнату.

Я была в ловушке. Погребена заживо. Заключена в железном гробу. Не хватало воздуха. Я не могла дышать.

Звуки... Ужасные, страшные звуки раздавались из темноты. Со скрипучими, металлическими оттенками. Раздирающие звуки. Визжание пилы.

Я попыталась отползти назад, но здесь не было места. Мой круп ударился обо что-то гладкое, но не железо, а стекло, и я почувствовала холод. Мои копыта плескались в липкой, теплой крови. Я уловила её запах: болезненный, зловонный, медный. Моя исцеляющая кабинка заполнялась им.

И ты проложила кровавую дорогу через них. Сколько пони погибло сегодня вечером из-за тебя, Литлпип? — эхом раздался голос Вельвет Ремеди, её осуждающий тон вызывал у меня тошнотворное чувство дежавю. — *Сколько пони ты убила?*

Это была кровь Арбы.

Сколько времени тебе потребовалось, чтобы стать серийным убийцей, Литлпип?

Визг пилы всё приближался. Она собиралась разрезать меня своими зубьями. Вскрыть мою голову и добраться до мозга.

Странные символы появились и начали плавать передо мной. Древние зебринские руны. Но, в отличие от звуков, голоса и тьмы, их пульсирующие чёрно-малиновые линии успокаивали меня. Они начали двигаться, изменяться в размерах, пытаясь раскрыться. Пытаясь защитить меня.

Я узнала эти символы, они были в той Чёрной Книге. Я тут же отвернулась...

...И наткнулась на зеркало. Я смотрела на самую себя, окровавленную, умирающую. Литлпип-рейдер. Моё отражение было ужасным, отвратительным. Потоки крови лились из зеркала, кровь Арбы текла из моего тела, смешиваясь с моей собственной кровью.

Пила всё приближалась. Я уже чувствовала ветерок от её вращающегося диска в своей гриве. Она собиралась вырезать моё сердце, разорвать моё тело и сломать позвоночник. Наверняка это было бы больно. Ужасно больно. Но я не собиралась так просто умирать.

Позволь нам помочь тебе, — зашептали руны. — *У тебя нет сил. У тебя нет цели. Мы дадим тебе цель.*

— У меня есть цель! — закричала я на Литлпип-рейдера из зеркала.

Не я Спасительница Пустошей, Хомзйдж, — узнала я свой голос. — *Это ты. Ты и остальные пятеро. Я лишь расчищаю путь.*

Но ты можешь стать Спасительницей, — снова зашептали руны, паря вокруг зеркала. Я осознала, что могу общаться с ними.

Позволь нам поделиться своими секретами!

— Да не хочу я ваших секретов! — закричала я на руны, но это была ложь. Я уже видела тьму, скрывавшуюся в Чёрной Книге, все те ужасы. Но...

Ты уже видела, как много хорошего мы можем сделать в умелых копытах. Ты не можешь отказаться.

— Я... я... — Я захныкала, колебаясь. Потому что понимала, что это правда. Даже самую тёмную магию можно было использовать во благо. Но... — Я не такая, как Рэрити. Я слабая...

Мы можем сделать тебя сильнее. Лучше!

— Н-н... нет...

Мой взгляд зацепился за рейдершу из зеркала. Она дрожала, умирая от потери крови. Она была ужасна, нелепа.

— Я не Это! — заплакала я. — У меня есть цель!

Это... это не мы, верно? — Я опять услышала свой голос. — *Ни один из нашей группы друзей. Мы не способны возродить Эквестрию.*

Нет. — Я различила смеющийся голос Спайка. — *Не ты!*

Пила была совсем близко. Если я не приму помощь от этих знаков, то она разрубит меня, мелькнуло у меня в голове.

Дай нам поделиться с тобой всеми нашими секретами!

— НЕЕЕТ!!! — Я кричала, плакала. Я хотела эти секреты! Я пыталась бороться, но они мне были очень, очень нужны.

Пила исчезла. Шум тоже. Исцеляющая Кабинка больше не была моим гробом, и я уже была не одна.

— Хватит! — сказала Рэрити, шагнув вперёд. Она уставилась на руны. — Оставьте её в покое!

Что за?.. Как?

Красивая белая единорожица хмуро взглянула на меня.

— На самом деле я была не так уж и сильна. — Она снова уставилась на руны, как из тьмы позади меня вышли остальные Кобылы Министрств. — Чёрная Книга пытается подчинить тебя своей воле, когда ты слаба и одинока. Но ты больше не одинока.

— Я не... С каких пор?

— С тех самых, как собрала всех нас вместе, не помнишь? — улыбнулась Эпплджек. — Ты ж сама это сделала.

Я думаю, что знаю, кого ты ищешь, — вспомнила я, как говорила это Спайку.

— На этот раз всё идет совсем по-другому... — В голосе Твайлайт Спаркл чувствовалось удивление.

— Агась. — Рэйнбоу Дэш пролетела у неё над головой. — А ты думала, что всё пройдет так же, как и с Селестией? Это было бы скучно!

— Мне кажется, что это всегда будет проходить по-разному, — сказала Эпплджек.

Я была смущена, но быстро успокоилась. Я не знаю, как, но они были рядом со мной. И с ними у меня было достаточно сил для борьбы.

Но ты ведь не собираешься бороться? Позволь нам дать тебе распробовать наши знания.

— Эй, Пинки, это отличная вечеринка, но у меня есть кое-что, что сделает её намного лучше, — грустно сказала Пинки Пай, скорчив рожицу. Она уставилась на парящие руны, но мне показалось, что она видела вовсе не то, что видели мы. — Ты должна это попробовать. Всего одну штучку. Она несёт тебе крышу! — Пинки топнула копытом.

Ещё один голос раздался из темноты.

Ты ещё не отказалась от своих принципов ради "высшего блага"? — спросил Красный Глаз. — *Я вижу, ты уже превратилась в монстра. Или ты думаешь, что я не слышал об Арбе?* — Снова полилась кровь.

— Ох и не нравится же мне этот парень! — зашипела Эпплджек.

И вы только взгляните на это! — с издёвкой сказал Красный Глаз, когда я почувствовала жжение на том месте, где ПипБак слился с моей плотью. — *С каждым днём ты становишься всё больше похожа на меня!*

— Я не такая, как ты, — врала я. — И я не монстр! — Хотя и знала, что была им. Я прямо сейчас видела это в зеркале.

— ИСКОВЕРКАННАЯ ДОБРОТА! — Голос Трикси был полон триумфа, её лицо парило над зеркалом.

Флаттершай вышла вперед.

— Да откуда тебе-то знать?

— Я — БОГИНЯ! Я ЗНАЮ ВСЁ!

— Замолчи, — строго на неё взглянув,скомандовала Флаттершай. — И успокойся, пожалуйста.

Лицо Трикси потускнело, выглядя смущённо.

Власть, — уговаривала Чёрная Книга. — *Цель. Вместе мы сможем покорить мир!*

— Не слушай это. — Голос Рэрити стал твёрже.

Эпплджек положила копыто мне на плечо.

— У тебя ведь уже есть цель. Ты Дарительница Света, помнишь?

— Я... я даже не знаю, что это значит. — Я помотала головой. — У меня нет цели! Я заблудилась. Я не знаю, что творю.

— Слушай сюда, — строго сказала Эпплджек. — Я говорю чистую правду. У тебя есть цель.

— Эт ты собрала их вместе. — По краям поля зрения появились образы моих друзей. Моих живых друзей. Каламити. Вельвет

Ремеди. СтипХувз. Ксенит. Даже Паерлайт. Они тоже были со мной.

Мои глаза начало щипать.

— Ты нашла хороших друзей. Осознай это. Очисти тропу и освети свой путь, — мягко улыбнулась Эпплджек. — Ты ведь знаешь, что это значит.

Мне так хотелось поверить ей, что я даже задрожала.

— Но... — Обернувшись к зеркалу, я уставилась на подстреленную, умирающую Литлпип в покрытой запёкшейся кровью рваной рейдерской броне. Она едва стояла, когда совершила своё очередное убийство, Малый Макинтош парил перед ней, нацеленный вверх. — ...Но это моя душа. Ведь так?

— Конечно же, глупышка, — сказала Пинки Пай, внезапно обняв меня и показав на зеркало. — Ты просто неправильно смотришь.

Посмотри, что у тебя за спиной.

Я проснулась и вскочила, лоя ртом воздух. Затем снова упала на матрац. Я чувствовала себя ужасно: мокрая от пота и вся облепленная кусочками затвердевшей грязи. Мерзко. Даже пошевелиться и то сил почти не было. Моя грива была спутанной и слипшейся. Но тошнота отступила, а жар спал.

В комнате ещё кто-то был.

— Ксенит?

Ко мне подошла зебра, но она была не моим компаньоном.

— Сефир, — сказала я, узнав её. — А где остальные пони?.. То есть, все остальные?

Сефир вытащила мокрую губку из жестяной кастрюльки.

— Твоя подруга по несчастью проснулась с час назад, — ответила она, протирая губкой мой лоб. — Сейчас они все с ней.

Я бы тоже хотела сейчас быть с ней.

— Ксенит — моя мать, так ведь? — спросила Сефир. Я остолбенела, не зная что и сказать. Ксенит попросила меня молчать, это я и собиралась делать. Хотя, раз уж Сефир уже начала догадываться...

— Думаю, что да, — сказала Сефир, продолжив натирать меня губкой, стирая пот с моей шерсти. — Она пыталась скрыть это, но неужто она считает, что в пустошах полно зебр с именем Ксенит?

Умная девочка. Прикосновения холодной губки заставляли меня немного вздрагивать, но за каждое из них я была безмерно благодарна. Я очень хотела помыться, как бы это ни было больно. Я бы отдала своё левое переднее копыто за день в спа Тенпони.

— Вы скоро уйдёте, — сказала Сефир, будто всё о нас знала. — И заберёте её с собой.

— Да, мне жаль.

— Буду рада увидеть её уход, — прямо сказала молодая зебра. — Не хочу показаться неблагодарной за всё то, что она сделала, но она бы не сделала этого, не направляй ты её.

Я вздрогнула.

— Нет, неправда!

— Увы, это так, — сказала Сефир голосом, отменяющим любые пререкания. — Я люблю её... издали. — Я почувствовала странный холодок, когда слова зебры вторили моим вчерашним мыслям. — Ей нужен хозяин, и всегда был нужен. Я не собираюсь идти по её стопам.

Сефир продолжила намыывать меня губкой в тишине.

— Твой отец?.. — начала я свой вопрос.

— Мой отец, — с горечью сказала молодая зебра. — Карл Дес-Хуф был лидером нашего племени, пока не прилетела грифина-работорговец и не убила его.

Стерн. Это точно она.

— Я тогда ещё была маленькой кобылкой, но я помню, как отец обращался с матерью. И как управлял племенем. Мне его не жаль.

Я знала, что не должна была двигаться. Моему телу не было нужно ничего, кроме как больше отдыха. Но я должна была увидеть Вельвет Ремеди. И я не хотела идти обратно в сон. Там меня ждали существа и образы, и не все они желали мне добра.

Ветхая лачуга (было бы слишком громко назвать это зданием) была Глифмаркской пародией на клинику, и, похоже, самым старым домом в городе. Полы были разбиты, крыша провисла, но тут размещались все мы. Вельвет Ремеди находилась в том, что когда-то было ванной комнатой. Старая ванна, окрашенная водой в коричневый со следами розового, была единственной неповреждённой вещью в комнате, полной мусора и разбитого фарфора.

— Я думал, что потерял тебя, — говорил Каламити, когда я подошла. Я остановилась, выйдя из поля зрения, не желая прерывать. Мои ноги кричали, что это лучшее время для того, чтобы лечь или прислониться к чему-нибудь. Они были измучены и устали нести мой вес, и если бы я отказалась спать, то могла, как минимум, лишиться их.

— Теперь ты знаешь, что я чувствую каждый раз, когда ты уходишь или делаешь что-то безрассудное, — ответила Вельвет без злости.

— Я... я не думаю, что смогу вынести это без тебя, — сказал ей Каламити. — Я борюсь, Вельвет. Кажется, что наша дружба рассыпается, и я пытаюсь быть сильным. Но у меня не выходит.

Я вспомнила, что бормотал себе Каламити, когда мы зашли в Стойло Два: *Надо, надо быть сильным. Для них. Нельзя вот так*

просто ворваться и перестрелять этих сволочей ко всем чертям. Да, точно. Надо держаться. Надо следовать за Ремеди и Лил'пип, прикрывать их. Я смогу...

— Что случилось, любовь моя? — мягко спросила Вельвет. — Что гложет тебя?

— Брыклинский Крест. — Я вздрогнула. — Я должен был попытаться решить то дело по-мирному, но...

— Иди сюда, — попросила Вельвет. — Позволь обнять тебя.

Я слышала, как у Каламити дрогнул голос.

— Мы были бандитами, Вельви. Ничем не лучше бандитов. Мы пришли требовать то, что, мы знали, они не хотели бы отдать, и всё это закончилось кровью. Те молодые рыцари не заслужили смерть. — Мой друг плакал. Я почувствовала ком в горле. Моё сердце скручивалось в узлы. — Я бы остановил это. Я лучше знал. И это делает произошедшее моей виной.

— Тише, любимый, — проворковала Вельвет. Она знала, здесь она ничего не могла сказать, поэтому мудро промолчала. Я представила, как она держала его, как он плакал ей в гриву.

— И я боюсь, что потеряю ты тоже, — отрывисто сказал Каламити.

— Что? Нет, любовь моя, — успокаивала его Вельвет. — Ты не потеряешь меня.

— Та хрень, которую ты сотворила в Министерстве Мира, говорит об обратном, — заявил Каламити. В его голосе появилась твёрдость. Я могла утверждать, что он отодвинулся от неё. — Нет... не надо, не говори ничё. Я понимаю, почему ты это сделала, я догадываюсь. Но ты слишком сильно вжилась в образ Флаттершай. Это не правильно и не разумно вкладывать всю свою веру в пони, которую вряд ли знаешь.

— Я знаю Флаттершай, — мягко настаивала Вельвет.

— Ага, но есть вещи, которых ты не знаешь, — ответил Каламити, и в моей голове зазвучали тысячи сигналов тревоги.

— Да? — спросила Вельвет, и я готова поклясться, что вопрос был, словно яд. — И что же, например?

— Я точно не знаю, — замялся Каламити. — Но Лил'пип видела что-то в этих шарах, и... — По тону его голоса я слышала, что он знал, на что идёт. Поэтому он сменил тактику. — Просто вспомни, что, всегда говорит DJ Роп3. Единственная правда Пустоши. Мы все совершали поступки, о которых жалеем. И, я так понимаю, Флаттершай тоже есть, о чём жалеть.

— И Литлпип держит это в секрете, так ведь. Без сомнения, чтобы защитить меня. — Вельвет вздохнула. Я догадалась, что Каламити кивнул. — Какой сюрприз. Литлпип скрывает что-то от друзей. Клянусь, если бы существовал Элемент Разочарования...

— Вельвет, пожалуйста, — тихо сказал Каламити. — Не сердись. Она правда хочет как лучше.

— И ты думаешь, это правильно? Ты считаешь, меня нужно защищать от чего бы то ни было?

— Я не знаю, — парировал Каламити. — После Министерства Мира — возможно. — Он почувствовал себя увереннее, сказав это. — Я просто знаю, те не стоит лезть из кожи вон, стараясь стать своим идеалом. — Мне внезапно вспомнилась Пинки Белл, и, готова поспорить, Вельвет Ремеди тоже. — Ты прекрасная, любящая, заботливая пони сама по себе. Просто будь собой.

Я выскользнула за входную дверь, чтобы ненароком не помешать разговору Каламити и Вельвет Ремеди. Я моргнула в лучах странного дневного света, снова раздумывая над тем, каким странным выглядел воздух без целительного света солнца.

Дитзи Ду помахала мне копытом.

Я снова моргнула, осматривая фургон Дитзи Ду. (Абсолютно Всё! "Да, я доставляю!"). Я заметила, что у неё появился новый компаньон. Грифон-телохранитель в броне Когтей.

Теперь я поняла, у кого Каламити выменял броню Стальных Рейнджеров и что за грифону он сигнализировал. Ксенит дала толчок экономике Глифмарка, и Дитзи Ду потребовалось всего несколько дней, чтобы начать торговать с ними. Уж очень быстро всё стало известно. Я заподозрила, что без копыт Хомэйдж здесь дела не обошлось.

Маленькая кобылка цвета лавандовых цветков со светло-русой гривой рысцой подбежала ко мне. Она улыбалась, держа кусок пергамента в зубах.

— Вот, мисс Литлпип, — произнесла Сильвер Белл почти нараспев. — Я нарисовала для вас рисунок. Смотрите, это вы и Хомэйдж.

Я левитировала листок и уставилась на него. Это была неумелая детская мазня... и самый замечательный из рисунков, что я когда-либо видела.

— Оу... вы плачете? Вам не понравилось? Я очень-очень старалась!

— Я... Я его обожаю! — Я опустилась на колени и нежно обняла Сильвер Белл. Меня интересовало, чем же я заслужила столь невинный и замечательный подарок? Глубокий стыд охватил меня, когда я вспомнила, что однажды собиралась обворовать эту маленькую кобылку. — Спасибо, Сильвер Белл!

Дитзи Ду подбежала к нам, и, едва я отпустила Сильвер Белл, я заметила пару маленьких дощечек, свисавших с шеи пегаски. Она сняла одну из них, вытащила кусочек мела и написала: "Привет!"

— И тебе привет, Дитзи Ду, — ответила я, удерживая рисунок рядом с собой. Надо будет найти что-нибудь водонепроницаемое, чтобы сберечь рисунок до тех пор, пока мы не вернемся на узловую станцию Р-7, подумала я. А там уже я поставила бы его в заветное место прямо рядом с моей постелью. Сильвер Белл как-то удалось передать Хомэйдж таким образом, что она выглядела просто восхитительно.

Дитзи Ду стёрла копытом прошлую надпись и написала: "Может ли рог снова отрасти?" Она смотрела на меня, упорно улыбаясь, а правый зрачок меж тем тревожно пополз вверх.

Я моргнула.

— Я не... Я не знаю. — Я ещё немного подумала. — Рог — это ведь кость, так?

Спустя несколько минут Вельвет Ремеди уже сидела на коленях рядом с Сильвер Белл, а я с Каламити и Дитзи Ду смотрели на то, как светится её рог.

— Теперь это заклинание получается у меня куда лучше, — сказала Вельвет, сварливо добавив: — Спасибо избытку практики. Но я могу лишь помочь рогу заново отрасти. Я не знаю, восстановятся ли вместе с этим его магические способности или сколько времени они могут потребовать на восстановление.

— Спасибо вам, мисс Вельвет Ремеди, — мягко и понимающе зазвенела Сильвер Белл. Она перевела свой взгляд на Паерлайт, и улыбка её стала такой же широкой, как и глаза.

Величественный жар-феникс начал петь Сильвер Белл. Её песня была глубокой, печально-ностальгической, но чрезвычайно прекрасной.

Вельвет Ремеди нежно улыбнулась и усилила свою магию. Шрам на голове Сильвер Белл начал светиться.

— Как ты думаешь, с Сильвер Белл всё будет в порядке? — спросила я у Вельвет. Небесный Бандит прокладывал себе путь через пожелтевшее от дыма небо.

— Честно, не знаю, — ответила Вельвет, откашливаясь. — Я надеюсь, что вместе с рогом к ней вернуться и её магические способности. Но Пустоши никогда не прощают подобное. — Она снова закашляла, и я присоединилась к ней.

Мы пролетали над опушкой леса, двигаясь в сторону Прекрасной Долины через Понивилль. Пожар в Вечнодиком лесу был виден отовсюду. Лес горел целую неделю, он был охвачен огнём и густым дымом, но тот кусок леса, который я видела, казался абсурдно целым.

— Чёрт подери, я то уж думал, что от этого места одни угольки остались! — воскликнул Каламити, пытаясь лететь как можно ниже, чтобы не попадать в дым. — Эй, Паерлайт, ты уверена что этот лес не перерождается так же, как фениксы?

Паерлайт иронично крикнула в ответ.

Вдруг наше внимание привлёк звук выстрела. За ним сразу же последовало ещё несколько.

Каламити развернулся на шум, и вскоре мы уже подлетали к перестрелке. Две группы сражались под прикрытием камней и чего-то, очень похожего на обугленный труп речного змея.

— Кажись, рейдеры! — откликнулся Каламити.

Рейдеры? Серьёзно? Я же вынесла всех рейдеров в Понивилле. Они там что, на деревьях растут?!

— Но кого они атакуют? — спросила я, попутно включая Л.У.М. и пытаюсь хоть так разглядеть неизвестных сквозь дым.

— Других рейдеров... Наверное. — Каламити сделал крен, и я смогла всё лучше разглядеть. Ну конечно же, три молодых рейдера оборонялись от группы из четырёх взрослых рейдеров. Ни одна сторона ещё никого не потеряла, но у одного парня из группы молодых сильно кровоточила простреленная нога. Я удивлялась тому, что Каламити ещё не начал стрелять в них.

— Должны ли мы им помочь? — поинтересовалась Вельвет Ремеди, занимая соседнее с моим окно.

— Помочь кому? — засомневался Каламити. — Я не думаю, что здесь есть хорошие пони, хотя б один. И я... немного опасаясь... после последнего случая. Не хочу начать стрелять не в тех.

Вельвет Ремеди глубоко вздохнула.

— Ну, мы ведь можем и по-другому им помочь. — Она взмахнула своим рогом, начавшим светиться. Прямо под нами пополз магический щит Вельвет, разделяя бьющихся бандитов.

— **Извините меня,** — разнёсся усиленный магией голос Вельвет. — **Не могли бы вы, пожалуйста, сложить ненадолго оружие и объяснить нам, из-за чего вы дерётесь?**

— Чё за фигня? — крикнул один из взрослых рейдеров, прицелившись и выстрелив из своей винтовки в Вельвет Ремеди. Пуля отскочила от бронированных стен нашего фургона.

— **Неправильный ответ,** — проинформировала его Вельвет. Магия окутала её рог, выстрелив в нападавшего анестезирующим заклинанием. Рейдер свалился, парализованный. — **Давайте-ка попробуем ещё раз.**

Я левитировала к себе зебринскую винтовку (думая, что мне действительно стоило бы найти нормальное оружие, которое может стрелять обычными патронами и не оставляет от пони горящие трупы) и приготовилась обороняться. Мы с Каламити быстро переглянулись, решив не мешать Вельвет Ремеди.

— Ты шо, смерти себе желаешь? — закричал другой взрослый рейдер. — Аль ты из ума совсем выжила, а?

Снова раздались выстрелы. И те и те пытались попасть друг в друга через щит Вельвет. Пока что никому не везло.

— Они же рейдеры! — кто-то из молодых бандитов кричал на нас. — Они уничтожили Республику!

— Чего они уничтожили? — спросила я сконфуженно.

— Небольшой городок к северу от нас, — объяснил Каламити. — Мне довелось защищать несколько караванов меж ним и Новой Эглузой. Кучка чудаков навроде культа, странные, но неплохие ребята. И определённо не заслуживающие смерти.

— **А вы тогда кто?** — спросила Вельвет.

— Ого! — крикнул Каламити, когда один из взрослых рейдеров кинул самодельную гранату в сторону Небесного Бандита. Я поймала её телекинезом и оттащила Вельвет от окна, за секунду до того как она взорвалась, раскидывая осколки стекла и гвозди во все стороны. СтилХувз встал между Ксенит и окном, его броня защитила нас от шрапнели, залетевшей внутрь. Я услышала, как болезненно закричал Каламити: гвоздь прошёл сквозь одно из его крыльев. Но его броня и защита Небесного Бандита уберегли его от остальных осколков.

— Мы? Мы — герои! — крикнула нам кобылица, самая младшая из них, пока её напарники перезаряжались.

— **Но вы выглядите, как рейдеры,** — осторожно сказала Вельвет Ремеди.

— Чего?! — удивлённо закричал кто-то из молодых пареньков. — Ааа... Вы о броне? —

Я моргнула, чувствуя, что теперь всё встало на свои места.

— Ладно, — крикнула я, двигаясь к окну и целясь из зебровой винтовки. Какой-то рейдер снова выстрелил, промахнувшись мимо Небесного Бандита.

— Ты уверена, Лил'пип? Мы ж даже не знаем...

— Мы знаем, с какой стороны по нам стреляют, — нетерпеливо ответил СтилХувз, открывая двери фургона и переводя ракетницу на своём седле в боевой режим.

— Ебать! — закричал кто-то из взрослых снизу. — Это ж один из тех рейнджеров-изгоев!

Вууууш!

СтилХувз запустил ракеты. Одна ракета — и щит Вельвет Ремеди уничтожен огненным взрывом. Второй снаряд пролетел сквозь огонь и упал в землю рядом со взрослыми рейдерами. Двое бандитов успели укрыться, но от их товарищей остались лишь кровавые, тлеющие ошмётки.

Оба выживших обратили всё своё внимание на нас. Один из них уже доставал очередную самодельную гранату. Я уж было приготовилась схватить её своей магией...

Позволь нам дать тебе распробовать наши знания.

...Как вдруг внезапно поняла. То заклинание было таким простым. И едва ли отличалось от телекинеза. Очень простым, правда. Мой рог начал светиться.

Брызнувшая из останков рейдеров кровь начала стекаться в одну лужу, переливаясь, взлетая.

Я осознала, что это лишь первое заклинание. Всего лишь маленькая демонстрация, предлагаемая любому, кто мог бы...

...Мог бы что? Быть достойным? Подходящим? Или достаточно слабым...

Осталось лишь сформировать меч.

(Будь Непоколебим!)

— Нет! — закричала я. Мой крик прозвучал в тот же момент, когда рейдер сбросил в нас гранату. Кровь плюхнулась вниз, земля пропиталась ею. Вельвет Ремеди подняла ещё один щит, на этот раз между нами и рейдерами, защищая нас от снаряда. Граната взорвалась, раскидав шrapнель по всему щиту.

Нет! Меня трясло, холодный пот стекал по моей спине. Но зато я выстояла. Уж лучше я так и останусь единорогом с единственным заклинанием, чем воспользуюсь подобным.

— Я никогда раньше не видел зебр. — Молодой жеребец оливкового цвета обошёл вокруг опасно поглядывавшей на него Ксенит. — Я имею в виду, ни одной в реальности. Ты не выглядишь так, как те, на картинках. — Он тряхнул головой, отбрасывая пряди гривы цвета баклажана. — А правда, что ваши глаза могут светиться?

СтилХувз быстро расправился с остальными, и мы приземлились. Вельвет Ремеди обрабатывала рану жеребца, пока Каламити разговаривал с кобылкой из этой троицы, узнавшей пегаса из рассказов о защитнике караванов. Её рвение поговорить с ним про охоту на рейдеров убедило его, что мы выбрали правильную сторону. Мы же ещё не успели представиться.

— Вы не слышали о Героине Пустоши? — взволнованно спросила юная кобылица в добытой ею рейдерской броне. — Она со своими друзьями падает с неба и спасает всех, насмерть стреляя в плохих парней и монстров. Паф, паф, паф! — Янтарная кобылка с широко распахнутыми пурпурными глазами практически визжала. — Мы собираемся быть прямо. Как. Она!

Мои уши прижались к голове. Я съёжилась, пытаясь стать меньше, хорошо ещё на мне больше не было бронекombineзона Стойла. Каламити посмотрел на меня, заткнув копытом рот и безуспешно сдерживая хихиканье. Проклятье, зачем он захихикал?

— Вы уверены, что она хочет, чтобы вы рисковали собой, охотясь на рейдеров? — осторожно спросила Вельвет Ремеди, заматывая заднюю ногу жеребца лечебными бинтами. — Я уверена, что Героиня Пустоши не хочет, чтобы вы поранились.

Тон, которым она произнесла моё прозвище, заставил меня густо покраснеть. Всё же радио было достаточно плохим. Шагнув в сторону, я спряталась за СтилХувза, мои уши пылали.

— О нет, — настаивал её пациент, жеребец цвета хаки с ванильного цвета гривой. — Но она хочет помочь нам сделать Эквестрию лучше. DJ Pон3 говорил, что мы должны учиться на её примере.

— Она не может быть везде одновременно, — разъярялся второй паренёк — оливкового цвета. — Мы все должны быть смелыми, все должны помогать ей бороться за правое дело.

Это было уж слишком. Я никогда не заслуживала своей репутации, но после Арбы... Это было невыносимо. Почему все эти пони так боготворили меня? Мне хотелось зарыться в глубокую яму где-нибудь далеко-далеко и сидеть там, пока это всё не кончится.

— Ты спасаешь жизни, — сказал камуфляжного раскраса жеребец Вельвет Ремеди, когда она закончила перебинтовывать его рану. — Что бы там ни было, Эквестрийская Пустошь нуждается в таких пони, как ты.

Вельвет моргнула от удивления.

— О-о... спасибо! — выдохнула она.

— Эй, — воскликнул жеребец, глядя на Вельвет Ремеди, его глаза расширились. — Ты звучишь, прям как та дамочка на радио! Ну, которая поёт новые песни.

Паерлайт приземлилась на хвост Вельвет Ремеди и пропела мелодичную ноту. Вельвет Ремеди покраснела.

— У тебя хороший слух. — В конце концов, это были её фанаты.

— Вау, — сказал оливковый жеребец, глядя на СтилХувза. — Вы и вправду один из тех героических отступников Стальных Рейнджеров?

— Ну да, — проржал СтилХувз.

— Это так круто!

— Так значит вы охотитесь на рейдеров? — спросил впечатлѐнный Каламити.

— Агась! — с энтузиазмом сказала янтарная кобылка. — Мы находимся на спасательной миссии! Её лицо исказилось. — Эти рейдеры убили всех взрослых в Республике и забрали кобылок и жеребят в крепость. Я думаю, что они хотели оставить их для себя. Мы идѐм за ними.

— Позабавиться, видимо, захотели, — фыркнул полным ненависти голосом жеребец цвета хаки.

Каламити ошѐтинился. Вельвет Ремеди ахнула:

— Они что?

— Где находится этот форт? — спросила я, выходя вперѐд, забыв о своём смущении.

Оливковый жеребец указал копытом.

— Это старая хижина на противоположной стороне Понивилля, вплотную к Вечнодикому лесу. — Проклятье! Я думала, что очистила Понивилль от рейдеров. Это место должно было быть достаточно далеко, чтобы я его пропустила. — Они превратили его в центр для малых групп.

— Сколько? — спросил СтилХувз.

— Около двенадцати. Минус эти четверо, то есть восемь. Но у них есть оружие и собаки.

Ксенит посмотрела на меня.

— Ни на что не отвлекаемся? — спросила она спокойно. Я прикусила губу.

СтилХувз заржал:

— Остальные могут идти дальше, если хотят, но Эпплджек не понравилось бы, что её рейнджеры игнорируют мольбы о помощи. —

Трое молодых пони смотрели на нас.

Я кивнула.

— Богиня просто подождѐт ещё часок или два. — У нас была возможность помочь, и я не повернусь спиной. «Ни на что не отвлекаемся» идѐт нахер.

Вельвет Ремеди дрожала.

— Это же..

Я кивнула. Я была не удивлена, что упустила группу рейдеров. Дом, который они облюбовали, был действительно удалѐн от остальной части города. Он был окружѐн ржавой колючей проволокой и заострѐнными кольями, на которые были наколоты головы кроликов, белок и других мелких животных. Уродливые, отравленные деревья были вырваны из бесплодной земли и обеспечивали дополнительные укрытия снайперам. Мѐртвые птицы висели на их ветвях, соединѐнных вместе, подобно ветряным колокольчикам. Вода в речке, вытекающей из Вечнодикого леса, была серой от пепла. Внутри ограды были питомники, по некоторым из которых бродили злые,

подлые сторожевые собаки. В других питомниках... Через бинокль в одном из них я увидела искалеченное тело пони.

— ...Коттедж Флаттершай, — закончил СтилХувз.

Забор на противоположной стороне дома был напрочь разломан. Несколько деревьев были вырваны с корнем, а несколько питомников были раздавлены в лепёшку. Это выглядело так, будто что-то огромное неуклюже вышло из Вечнодикого леса и едва ли заметило, что что-то раздавило. Пара рейдеров топталась на обломках, что-то делая, а третий сдерживал собак от побега заклинанием щита, похожим на щит Вельвет.

Я передала бинокль Каламити.

— Не мог бы ты облететь всё вокруг? Убедиться, что мы ничего не пропустили? — Пегас снял свою шляпу, накинул ремень от бинокля на шею и одним ударом натянул шляпу обратно на голову.

— Так точно, Лиг'пип. Воздушный разведчик уже вылетел.

Янтарная кобылка смотрела, как Каламити расправил крылья и полетел.

— Пегасеры крутые.

— Пегасы, — поправила Вельвет Ремеди на автомате.

— Ага. И они тоже.

— Мы должны разделиться, — рекомендовал СтилХувз. — Попасть в главную хижину и двор одновременно. И защищать их раздельно.

Я согласилась.

— Ты пойдёшь с этими пони и возьмёшь тех, что во дворе. Ксенит может освободить всех пленных и доставить их в безопасное место, пока вы четверо выносите...

— Трое, — прервала Вельвет. — Ты не пошлешь этого жеребца в бой с раненой ногой, — возмущалась она. — Тем более что он не сможет уйти от собак.

Я нахмурилась и кивнула.

— Ты права. Я не подумала. — Тот факт, что я постоянно шла в бой раненой, вовсе не означал, что это умно. Тем более что эта маленькая группа "начинающих героев" не имела в своём составе собственную Вельвет Ремеди.

Я посмотрела на СтилХувза,

— Скорее всего большинство жеребят должны быть внутри дома. Мы с Каламити пойдём туда и выведем их. — Я посмотрела на Вельвет. — Я хочу, чтобы ты держалась позади нас и была готова создать щит. Не хочу, чтобы кого-нибудь из жеребят ранило. — Она нехотя кивнула.

— Погодите, — сказал хаки-жеребец. — Вы возьмете её с собой? Вы в своём уме?

Вельвет Ремеди ответила ему, нахмурившись:

— Я не беспомощна.

— Ты лекарь! Ты должна держаться подальше от сражений и быть под защитой. — Я понимала его логику. Потеря Вельвет Ремеди была потерей не только одного пони, но и бесчисленного множества.

Вельвет фыркнула.

— Почему тогда меня не запереть в маленькой, красивой клетке?

Каламити приземлился перед нами, прежде чем спор успел перерасти во что-нибудь большее.

— Трое рейдеров во дворе, включая единорога с защитными заклинаниями. Два снайпера в своих укрытиях. Отдыхают внутри. — Он нахмурился. — Впереди я видел много изуродованных трупов и только двоих живых жеребят в клетках. Они позволяют собакам кусать их. Остальные должны быть внутри.

Я смотрела на Вельвет с внезапно подступившим беспокойством, так как я вспомнила те ужасы, которые встретила в библиотеке Понивилля и бутике «Карусель».

— Вельвет, ты уверена что хочешь в этом участвовать? Судя по тому, что я видела, эти рейдеры получают удовольствие от осквернения бывшего дома близких друзей Флаттершай...

Вельвет Ремеди вышла вперёд.

— Я не останусь в стороне. Пошли.

Мы с Каламити пролетели через открытое окно на второй этаж домика Флаттершай. Как только я почувствовала пол под ногами, я левитировала Вельвет Ремеди, прикрывая свою мордочку. Глаза слезились от вони. Внутри хижина оказалась ужасно грязной.

Спальня была намеренно уничтожена. Кровать, на которой ещё видна была резьба в виде бабочек, была выжжена разбитым фонарём, сгоревшие остатки использовались как туалет. Неоднократно. Картины были сняты с полок и разбиты. Книги были осквернены. Камин был заполнен грудой черепов, на некоторых ещё разлагались остатки плоти. Гниющие тушки мелких зверьков свисали со стропил. Что-то, похожее на голубоватый плющ вскарабкалось по стене и обвилось стропила, прежде чем засохнуть. Я подозревала, что рейдеры отравили землю, убив все растения и всех животных, которым не посчастливилось попытаться найти здесь еду или воду.

Вельвет Ремеди бросилась к окну, её вывернуло. Я чувствовала отвращение, но не только из-за того, что я видела и ощущала, но ещё и потому, что сама не была у окна, делая то же самое.

Вельвет Ремеди отодвинулась от окна, когда снизу донеслись голоса.

— Хочешь ножик? Маленькому Баки не нужен ножик. — Жестокий кобылий голос разразился смехом.

— Ох, дай ребёнку нож, — проворчал жеребец. — Станет гораздо интереснее.

Я медленно поползла к лестнице, Каламити впереди меня.

— Запомните, детишки... — сказал третий голос насмешливо, когда я достигла перил и глянула вниз.

Комната внизу была заполнена старыми, ржавыми клетками. Большинство пустовало, но приблизительно полдюжины жеребят было заперто внутри нескольких из них. Взгляды всех были направлены в центр комнаты, в глазах был ужас. Некоторые плакали.

Центральная часть пола была вырвана. Две кобылки и жеребёнок находились в дыре, окольцованной спутанной сетью ржавой колючей проволоки. Одна из кобылок валялась в грязи, истекая кровью из многочисленных ран, кусок плоти с гривой был вырван с её головы. Жеребёнок выглядел потрёпанным и тяжело дышал, стараясь не касаться пола одной из передних ног. И он, и оставшаяся кобылка дрожали, слёзы бежали по их юным лицам.

Рейдеры собрались вокруг их грубой, домашней версии Ямы, куря, выпивая и валяясь на мебели "украшенной" костями пони.

— ...тот, кто выживает, получит обратно тела родителей.

БАХ!!!

— Да как вы смеете! — закричала Вельвет Ремеди, поворачивая боевой дробовик во второму рейдеру, когда первый упал.

— Пустошь недостаточно тяжела? Недостаточно больна? Без вас, монстров, делающих её ещё хуже?

БАХ!!! Второй выстрел разворотил заднюю ногу и бок второго рейдера. Он с визгом обрушился в лужу крови.

— Да ещё и в доме Флаттершай?! — Вельвет Ремеди накинула свой щит на детей, продолжая спускаться по лестнице, пылая безудержной яростью. Я наблюдала, застыв на месте.

— Я оторву твою башку и выложу на блюде! — прокричала рейдерша, ныряя за своим дробовиком.

БАХ!!! Наша врач с дробовиком разорвала в клочки грудь раненого рейдера.

— Как посмели вы стать такими улюдыжками!?

Снаружи были слышны взрывы вперемешку с беспорядочной стрельбой. СтилХувз отвлекал противника.

Рейдерша крутанулась с дробовиком в зубах, встречаясь глазами с дулом дробовика Вельвет Ремеди. Она замерла, глядя в чёрную дыру своей смерти.

Нашу единорожицу трясло от ярости.

— Я никогда раньше не убивала пони, — сказала она, её мягкий голос был усилен заклинанием.

Это её собственная Арба, внезапно подумала я. По крайней мере, на её стороне было то, что никто и никогда не усомнится в мерзости пони, которых она искореняла. По крайней мере, она спасала детей, а не пугала их.

БАХ!!!

Вельвет опустила дробовик, отвернувшись от обезглавленного тела третьей рейдерши.

— И я уверена, что всё ещё не убила.

— Я не хотел! — ревел жеребёнок по имени Баки. — Я... я не хоте-е-л! Они з-за-заста-а-а-а-вили меня это сде-е-елать! Я н-н-не хотел д-делать ей бо-о-ольно!

Кобылка с разбитой головой лежала мёртвая. Она скончалась раньше, чем мы добрались до неё. Вельвет Ремеди обняла малыша, пытаясь успокоить его как могла, хоть и выглядела сама не меньше шокированной.

Мы спасли девять жеребят. Ещё троё были снаружи, один из них, жеребёнок с черной шкуркой, свернулся калачиком в глубине клетки так, что даже Каламити не сразу его заметил. К нашему удивлению, он был пегасом, правнуком дашита по имени Радар. Каламити слышал об этом пегасе-изгое.

— Он был последним из тех, кто послал Анклав куда подальше, — сказал он мне. — Пока я не сделал то же самое.

Я возложила ответственность за охрану и защиту жеребят на плечи трёх молодых героев. Двор жижины был заставлен фургонами, набитыми клетками; теперь было понятно, как рейдеры перевозили сюда детей. Их можно было использовать как легкобронированный транспорт. Я заметила, что молодой жеребец теперь ходил с бандитским дробовиком. После того как Каламити отремонтировал его, дробовик стал по-настоящему достойным оружием. Даже лучше оружия Вельвет. Они вполне могли добраться до Новой Эплузы, если, конечно, никуда не надумали бы сворачивать.

Новая Эплуза была не лучшим местом, в которое можно было отправить беженцев, но она была ближе всего. Узловая станция Р-7 слишком далеко, и ближайший к ней город — это Республика. Но они не могли туда вернуться.

— Мне жаль, что я не могу пойти с вами, — говорила я янтарной кобылке, понимая, что так и не узнала её имя. — Но мы действительно должны идти.

Она кивнула.

— Спасибо. Героиня Пустоши гордилась бы вами!

Я косо посмотрела на неё, краснея.

— Я... кхм... да. Надеюсь на это. — Я ударила копытом об землю.

— Ага. А кто-нибудь говорил вам, что вы очень милая, когда краснеете? — спросила она, затем поцеловала меня в щёчку и понеслась к своим друзьям, пытавшимся уговорить жеребят и кобылок зайти в фургон. Я заморгала, мысленно возбудившись.

Через полчаса фургон тронулся, буксируемый двумя не ранеными молодыми героями. СтилХувз гарантировал, что ни один из местных рейдеров больше не навредит им, и они направились в Новую Эплузу с историей "о героизме и невероятной силе Рейнджера Эпплджек."

Я почти чувствовала теплоту, исходившую от СтилХувза. Он выполнил клятву Эпплджек, и он знал это. У меня появилась надежда, что благодаря этому его душевные раны наконец-то начали затягиваться.

Я обернулась и взглянула на Вельвет. Она неплохо держалась, пока фургон отправлялся. Но как только я взглянула на неё, она задрожала, а затем рухнула, зарыдав. Каламити еле успел поймать её.

— Почему всё так ужасно?! — рыдала Вельвет. — Как эти... эти создания могут быть пони?! — Я уставилась в землю, думая о том же. — Мы сражаемся, наносим вред себе, истекаем кровью ради того, чтобы сделать Эквестрию лучше, — выговаривалась Вельвет, уткнувшись лицом в шею Каламити. — Но нельзя разобраться с проблемой, пока не избавишься от её причины... Я много думала о Розовом Облаке... Но... Но рейдерам нету объяснения! Почему они так ужасны? Почему? Почему-у-у?!

Солнце уже садилось, когда Каламити посадил Небесный Бандит на окраине Прекрасной Долины. Всё вокруг нас было усыпано телами мёртвых пони и обломками военного лагеря. Одно из знамён Красного Глаза, слегка обгоревшее, раскачивалось на ветру.

— Мда... Нам пиздец, — заявил Каламити, самостоятельно выбираясь из сбруи Небесного Бандита (Прошлым утром он установил механизм быстрого выпуска). Он провёл последние несколько часов в поисках этого лагеря. Это был один из пунктов плана, о котором я рассказала ему, прежде чем извлекла свои воспоминания.

Записки, которые я оставила самой себе, были очень расплывчатыми. Четко написанными, но совсем не информативными. В одной из них упоминалось, что нам нужно задержаться здесь, прежде чем лететь в Долину. Не знаю почему, но я подозревала, что это имело отношение к тому, из-за чего я пробралась в лагерь Красного Глаза близ Башни Тенпони. К чему-то настолько важному, что мне пришлось принять Праздничную Минталку. Я действительно надеялась, что это и правда было настолько важно... а может быть и нет, судя по тому, что лагерь был разрушен несколько дней назад.

Большие чёрные птицы кружили над трупами. Меня чуть не вырвало, когда одна из них вырвала глаз у мёртвого бронированного жеребца коричнево-грязного цвета.

— Эти раны от заклинаний аликорнов, — отметил СтилХувз, двигаясь среди тел. — Работа детишек Богини.

Кровавая резня. И ни одного мёртвого аликорна. Чёрт.

— Я так думаю, что терь Богиня и Красный Глаз не сражаются на одной стороне, — прокомментировал Каламити.

— Не обязательно, — предположил СтилХувз. — Это мог быть и предупредительный удар. Или, может быть, ей не нравилось, что его армия расположилась так близко. — Чем дальше я смотрела на это, тем больше поражалась тому, что это была лишь малая часть армии, окружившей Башню Тенпони. — Так или иначе, я сомневаюсь, что у Красного Глаза есть что-то для быстрой коммуникации войск. Значит есть большая вероятность того, что он ещё не знал о случившемся. А если бы он и узнал, то Богиня могла просто сослаться на нападение существ из Вечнодикого леса.

— Так что же тогда? — спросил меня Каламити. — План накрылся?

— Я... я не знаю, — покачала я головой. Не у меня это надо было спрашивать. Я осмотрелась в поисках Ксенит. Она снова исчезла.

Вельвет вылезла из Небесного Бандита. Паерлайт гладила её своим крылом.

— Слушай, если мы всё ж идём, — сказал мне Каламити, — то я хочу, чтобы Вельвет осталась здесь, со СтилХувзом. Она не в лучшей форме, чтобы делать чё-либо сейчас. — Я согласилась. Если, конечно, план позволял им здесь остаться. Чёрт подери, куда смылась эта зебра?

Я развернулась и тут же отпрыгнула, столкнувшись мордой к морде с нашей полосатой подругой.

— То, что нам нужно, всё ещё здесь, — загадочно сказала она, её экзотический голос был тихим и интригующим. — Нам лучше двигаться быстрее. Я видела детей Богини прямо за этим хребтом. Сейчас они разбираются с гидрой, но эта битва будет недолгой. — Гидра?! Теперь то до меня дошло, кто растоптал лагерь работоторговцев рядом с домиком Флаттершай. — Делай то, что должна делать, Литлпип.

Я облегчённо кивнула. Всё шло по плану, хоть меня и шокировали мысли о гидре. Часть меня очень хотела увидеть эту битву, но я знала, что не могла. Я проверила свои заметки, просто чтобы убедиться, что я права.

Ну что же, пришло время одеть повязку на глаза.

Я подсмотрела.

Ничего не смогла с собой поделаться. Пока Каламити рассекал воздушные просторы над Прекрасной Долиной, неся за собой наш фургон, я уловила дикий рык гидры. Я просто должна была посмотреть. Ничего же страшного, если одним глазком?

В первую очередь я заметила, что была в фургоне одна. Это меня шокировало. Я была уверена, что со мной хотя бы Ксенит будет.

Я аккуратно подобралась к окну и выглянула наружу. Только смотреть там было не на что. На многие километры протянулась Прекрасная Долина. На горизонте виднелась Марипони и кратер, усеянный тысячами нор гончих. И тут грянул гром, и гидра прорычала снова. Теперь стало ясно, что смотрела я не в ту сторону.

Я подвинулась к противоположному окну.

— Что там за шевеления? — спросил Каламити. Я почувствовала себя виноватой, однако это ощущение было тут же смыто зрелищностью битвы, свидетельницей которой я стала.

Одна из аликорнов лежала окровавленная на земле. Вторая находилась в пасти крайней слева головы гидры. Размеры гидры были просто поразительны — она могла без труда проглотить аликорна целиком. Из захлопнутой пасти торчали лишь крылья, вяло трепыхавшиеся с каждым нажимом челюстей. Вокруг гидры летало ещё три аликорна, уклоняясь от смертельных бросков незанятых голов. Но вот одна голова глубоко вдохнула и обдала каким-то газом одну из детей Богини за магическим щитом. Оный, похоже, неплохо защитил свою фиолетовую хозяйку, которая подняла крыло и стала крутиться на месте, пока вторая голова не разинула свою пасть, затем сложила крылья.

Вспышка света на месте аликорна — и голова гидры взрывается с сочным мясным звуком. Покорёженное и сплошь окровавленное тело фиолетового аликорна полетело к земле.

У меня просто отвисла челюсть. Аликорн пожертвовала собой и телепортировалась прямо внутрь черепа того монстра! Я быстро вернула повязку на место, весьма благодарная тому, что моя голова была маловата для такого дикого приёма.

{{С ВОЗВРАЩЕНИЕМ, ГОСТИ МОИ!}} — хор голосов поглотил мои размышления. — **{{МОИ ДЕТИ ПОВЕДУТ ВАС, ДАБЫ ВЫ МОГЛИ НАСЛАДИТЬСЯ ПРИСУТВИЕМ ВЕЛИКОЙ И МОГУЧЕЙ БОГИНИ!}}**

В голове стали ощущаться сильные пульсации.

Как я ощутила, мы совершили посадку. Я ждала. Согласно моим записям, Каламити должен был сказать мне, когда можно будет снять повязку. Я слышала, как он вылезал из упряжи. Слушала, как приближались его шаги. Он остановился прямо за дверью. Мы ждали.

{{ПОЧЕМУ МЕДЛИТЕ?}}

"А то ты не знаешь" — подумала я ей.

— Лил'пип, уже можно, — сообщил Каламити.

Я сняла повязку. Прямо на нашем пути стояло двое тёмно-зелёных аликорнов, также я заметила и ещё десятки других, окружавших руины Марипони. Они просто стояли. Стояли и смотрели на нас. Безо всяких мыслей.

Вообщем-то, нет — единомысленно. Меня аж передёрнуло.

— Когда ты закончишь, меня тут уже не будет, — сказал мне Каламити. И буквально в каждом его слове ощущалась ярко выраженная неприязнь к этому плану. Я взглянула на него широко открытыми глазами. Что я пойду к Богине одна, я знала, но вот что мой транспорт уйдёт без меня... Что это за дела? Как же я собиралась...

Мой друг-пегас указал мне на груду хлама в стороне.

— Выбираться будешь на этом.

Я посмотрела, куда он указал, и заметила нечто розовое, спрятанное в обломках. Гриффинчейзер II. А я-то думала, что же с ним стало с тех пор, как мы были в Старом Олнее.

{{ЧАША БОЖЕСТВЕННОГО ТЕРПЕНИЯ ПОЧТИ ПОЛНА!}}

"Да иду я уже, иду" — подумала я. — "У меня есть то, что ты просила. Только аликорнов своих попридержи."

В моих записях оставались лишь следующие инструкции:

Л.У.М. не выключай, тяни время, жди сигнала.

На этот раз аликорны Богини повели меня не в смотровую комнату, а прямо к Богине. Я перенесла себя через пыльное озеро З.В.Т. и усталилась на парящие между резервуарами лицо Богини.

На моём Л.У.М.е были отмечены два зелёных аликорна, что были по бокам от меня, а затем появилась отметка какого-то бесформенного, неуловимого тумана, который, похоже, заполнял большую часть помещения. Я подняла голову и заметила, что над резервуаром, в который столетия назад упала Трикси, дымка была ярче всего.

Я начала испытывать ужас. Даже когда я говорила с Богиней, сообщая ей о своих находках, я знала, что лишь отсрочиваю

неминуемое. Чёрная Книга была по многу, в седельной сумке, а телом ощущала её холод. И я принесла её сюда. Целенаправленно. Я собиралась отдать её в копыта самого худшего "пони" из всех, кто вообще мог получить Чёрную Книгу. Целенаправленно.

Никаких героических поступков или спасённых жизней не хватило бы, чтобы искупить это зло.

{{КОНТРОЛЬ НАД ПОГОДОЙ? И ЭТО ВСЁ? БОГИНЯ ОЖИДАЛА... БОЛЬШЕГО ОТ КРАСНОГО ГЛАЗА. И КАКУЮ ЖЕ ОПАСНОСТЬ СИЕ МОЖЕТ ПРЕДСТАВЛЯТЬ?}}

— Ты же сама говорила, что чего бы там Красный Глаз в Министерстве Крутости ни искал — это тебе угрожает, — напомнила я Трикси-подобной-херне, говоря при этом вслух, потому что общаться одними лишь мыслями было как-то немного жутковато.

{{ТОГДА ЯСНО, ЭТОТ ПРОЕКТ ОДНОГО ПОНИ И ЕСТЬ УГРОЗА! И ПРИЧЕМ ОЧЕНЬ ХИТРАЯ, ПОЭТОМУ ЭТО ТРЕБУЕТ МОМЕНТА БОЖЕСТВЕННОЙ ЗАДУМЧИВОСТИ. НО ТОЛЬКО МОМЕНТА! О ДА...}}

Я вглядывалась, стараясь не допустить, чтобы моё неверие в проект стало слишком сильным.

{{ИЛИ, МОЖЕТ БЫТЬ, ЕГО НЕ ЭТОТ ПРОЕКТ ИНТЕРЕСОВАЛИ! РАССКАЖИ МНЕ ВСЁ, ЧТО ВЫ ВИДЕЛИ В МИНИСТЕРСТВЕ КРУТОСТИ!}}

Ну, тянуть время оказалось не так уж и трудно.

{{ТЯНУТЬ ВРЕМЯ? ЗАЧЕМ? ГЛУПАЯ МАЛЕНЬКАЯ ПОНИ! ТЫ НЕ В СИЛАХ СДЕЛАТЬ НИЧЕГО, ЧТО МОГЛО БЫ ОБЕСПОКОИТЬ БОГИНЮ ИЛИ НАВРЕДИТЬ ЕЙ!}}

Стоя там, смотря на аморфное нечто предо мной, я начала допускать её возможную правоту. Как же, чёрт побери, я собиралась остановить Богиню? Пристрелить? И сколько же мне понадобится патронов? К тому же, пальба была, видимо, лишена всякого смысла, если только у меня в сумках не завалялись богине-бойные патроны. А у неё же был весь арсенал заклинаний аликорнов. Возможно, даже весь набор заклинаний Трикси, Твайлайт Спаркл, Мозаики и Гешгальт вместе взятых... А может, и всех единорогов, что она поглотила. Она могла убить меня одной лишь силой мысли.

Это было безнадежно.

{{ДА! ВАШ МАЛЕНЬКИЙ НЕЛЕПЫЙ ПЛАН ПРОТИВ БОГИНИ БЕЗНАДЁЖЕН! БОГИНЯ НЕ ВПЕЧАТЛЕНА! ТЫ... постой, кто?}}

Что?

{{КТО?}}

Что, ещё и филин^[1]? Вдруг я вспомнила Драгослова.

{{ТЫ ДУМАЛА О КОМ-ТО. ПОДУМАЙ О НИХ СНОВА!}}

Оу. Упс? Шар-Звезду в своём замысле я никак не могла предусмотреть. Неужели я только что прошляпила что-то?

Потянуть время? Что ж, попытка не пытка...

Я думала о шарах памяти, вспоминала их как только могла. Каждую деталь. Особенно уделяла внимание Шару-Звезде.

Казалось, часами я воспроизводила в голове всё произошедшее в Кантерлоте. Даже когда я чувствовала, что меня окружает всё больше и больше аликорнов, я не останавливалась. Я несколько раз прошла по каждому шару памяти, но каждый раз возвращалась к Шару-Звезде. И когда я делала это, голос Богини затихал в моей голове. Судя по всему, эти воспоминания ошеломили её.

Наконец она приказала мне остановиться.

{{Достаточно воспоминаний! Они... они не такие уж и важные!}}

В глубине души я подозревала, что для неё это были самые важные воспоминания на свете.

Но у меня не было времени на проверку своих подозрений. Индикатор на Л.У.М.е, определявший моё местоположение, начал мигать, но он не писал, где я нахожусь. Как так? Я же стояла на одном месте, не двигаясь, наверное, несколько часов. Он не должен был ничего делать. Индикатор просто мигал, привлекая моё внимание.

Наверное, это и есть сигнал. Но... что мне теперь нужно делать?

И тут он написал мне:

> БЕГИ!

> КСЕНИТ УСТАНОВИЛА ЖАР-БОМБУ ПОД МАРИПОНИ.

> ТВОИ ДРУЗЬЯ В БЕЗОПАСНОСТИ.

> У ТЕБЯ ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТЬ МИНУТ, ЧТОБЫ СКРЫТЬСЯ.

> БЕГИ!

Что, что, что, ЧТО!??

Жар-бомба?! Здесь?! Как она сюда попала? Как Ксенит прошла мимо адских гончих? Я, конечно, знала, что она хорошо прячется, но это было просто невероятно! Как я могла попросить её пойти на этот риск? И сейчас я должна была выбраться из радиуса поражения бомбы на чёртовой развалюхе? Это же безумие! Почему я стою здесь? Какого чёрта я вообще сюда пошла? И откуда у меня была...

Пока я паниковала, кусочки плана вставали на свои места.

Конечно же, мне нужно было быть очень убедительной. Какая причина приёма Праздничной Минталки могла быть более уважительной, чем выпрашивание у Красного Глаза жар-бомбы? Неудивительно, что он начал сворачиваться после этого. Он перевозил бомбу в другой лагерь. Башня Тенпони не была под угрозой уничтожения мегазаклинанием почти неделю! Я обезопасила Хомэйдж ещё до того, как покинула её.

То, что нам нужно, всё ещё здесь, — сказала Ксенит. Я вспомнила, как выглядела жар-бомба в сарае Пинки Белл. Такая маленькая, что кобылка без проблем могла её передвигать.

Я вспомнила, что собиралась поговорить с Гаудой, но я извлекла все воспоминания о том, что произошло на Утесе Разбитого Копыта.

Блэквинг! Я вспомнила свои слова: *Мне нужно кое о чём тебя попросить, надеюсь, мы сможем прийти к соглашению.*

Я вспомнила все моменты, когда Ксенит испарялась в пылу сражения. Как же ей удалось в тот раз проследить за мной, да так, чтобы Общество Сумерек её не спалило...

Точно! У Ксенит был зебринский плащ-невидимка Блэквинг! И эти плащи-невидимки скрывают всё, даже запах хозяина.

> У ТЕБЯ ТРИДЦАТЬ СЕМЬ МИНУТ, ЧТОБЫ СКРЫТЬСЯ.

Но зачем я тогда взяла...

Не смотри ни в один из шаров, пока ты/я не раздобудешь Чёрную Книгу и не доставишь её до Марипони, написала я самой себе. А потом сказала Каламити, чтобы он разрешил мне посмотреть шары памяти, которые мы выкупили у торговца прямо перед тем как

отправились к Разбитому Копыту.

Спор между Эпплджек и Рэрити пронёсся в моей голове:

Ты ж сказала, что избавишься от этой проклятой штуковины!

Я сказала, что сожгу. И я пыталась. Но, как видишь, она не горит. Я даже просила Спайка сжечь её. Добилась лишь того, что она отослалась принцессе Селестии.

Ну... те всё равно надо избавиться от этой штуки!

Как? Сомневаюсь, что меньшее, чем мегазаклинание, может уничтожить её. И, конечно же, я не собираюсь никому передавать Книгу, она может попасть не в те копыта.

Я принесла с собой Чёрную Книгу не для того, чтобы отдать её богине, а чтобы уничтожить её раз и навсегда! Раздавить двух радтараканов одним копытом.

Маленькая пони в моей голове нервно скакала кругами, пытаясь перекричать мои мысли: Бомба! БОМБА! Бежим скорее отсюда! БОМБА!

{{ЗЕБРА!}}

Вот дерьмо!

Я левитировала из седельной сумки Чёрную Книгу и бросила её в жижу. Всплеск — и вот покоробленная чёрная кожа книги подобно поплавку закачалась на поверхности среди прочего мусора.

Нет! Подумай о всех тех вещах, которые ты сможешь сделать!

Я затормозила, мой разум наконец-то вернулся ко мне. Мне нужно было валить отсюда, сейчас же!

Ты можешь спасти Твайлайт Спаркл!

Мои глаза уставились на Книгу. Но маленькая пони в моей голове орала. У меня не было времени на это!

Шмяк! Я врезалась в кого-то. Я запаниковала, моё сердце начало бешено стучать, а магия левитации испарилась, уронив меня в лужу порчи.

Я развернулась чтобы увидеть, кто загородил выход.

Три пони в броне Анклава заблокировали путь к выходу. Самый ближний ко мне пегас цвета сумерек летел вперёд, одетый в гладкий, по-военному элегантный серый доспех

— Приветствую вас, Богиня, — начал пегас, следя за светопредставлением Трикси, которая не выглядела заинтересованной. —

Позвольте мне представиться. Я Харбинджер, и я здесь по поручению Анклава.

Энто Анклавовский эксперимент, — говорил тогда Каламити о научном проекте, на который мы наткнулись в Старом Олнее. —

Под руководством Харбинджера, одного из членов Высшего Совета Анклава.

Но Богиня сейчас думала о более важных вещах...

{{ДЕТИ МОИ! БЕГИТЕ!!!}}

...Что я сейчас и делала. Я отчаянно искала способ обойти их. Я могла бы перелететь через них, но у них были крылья. И я не могла обездвигнуть их, просто оторвав их от земли магией. Можно было попытаться сразиться с ними, но это же Анклав. Это как драться с тремя-четырьмя Каламити: я бы без сомнения проиграла. И даже если бы выиграла, то с полученными ранами не смогла бы вовремя спастись.

> У ТЕБЯ ТРИДЦАТЬ ШЕСТЬ МИНУТ, ЧТОБЫ СКРЫТЬСЯ.

— Не нужно куда бежать, — спокойно заверял Богиню Харбинджер. — Мы не собираемся вредить вам. По суди, я пришёл сюда, чтобы предложить союз между Анклавом и вами, Богиня.

Я застыла с отвисшей челюстью.

— Так, стоп... что?! — На мгновение я забыла о бомбе, тупо уставившись на пегаса.

Богиня была за тотальный геноцид. Её планы на Эквестрию сулили смерть всем пони. И что ещё хуже, конец какой-либо индивидуальности. Она была воплощением ужаса. И Анклав собирался заключить с нею союз?

{{ЛЕТИТЕ, ДЕТИ МОИ! СПАСАЙТЕСЬ!!!}}

Ладно, часть меня всё же была немного впечатлена Богиней. Трикси знала, что вот-вот умрёт, и последним её поступком было спасение аликорнов. Чёрт.

— Недавно мы заволновались из-за действий пони, именующего себя Красный Глаз, — начал Харбинджер. — Мы знаем, что он сражается против вас и в его планах вас свергнуть. Его манипуляции с башнями представляют прямую опасность для Анклава и его граждан. Его намерения — не что иное, как начало войны.

О нет, всё шло не так! Я тревожно гарцевала в луже порчи, осматриваясь в поисках запасного выхода. О Богини, если я даже и смогла бы его найти, то не успела бы спастись вовремя!

— Но армия Анклава... — Харбинджер позволил себе смешок, — ...Ну, скажем так, она "внушительна". Но если мы объединим наши усилия, то мы без сомнения сможем разделаться с Красным Глазом и уничтожить угрозу, которую он из себя представляет. Быстро.

> У ТЕБЯ ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ МИНУТ, ЧТОБЫ СКРЫТЬСЯ.

О нет! НетнетнетнетнетнетнетНЕТ! Это очень плохо! Нужно валить отсюда, СЕЙЧАС ЖЕ!

— И как только Красный Глаз и его заговор перестанут быть угрозой, — подытоживал Харбинджер, ухмыляясь, как хитрый политик. — Вы внизу будете безраздельно править всей Эквестрией. Мы же останемся наверху, где нам не будет ничего угрожать. И мы все познаем мирные времена.

Комната наблюдения! Она могла выдержать взрыв мегазаклинания. И она спасла Твайлайт Спаркл ранее!

Конечно, я буду заперта в ловушке. Но я буду волноваться об этом позже.

Перейдя на галоп, я телекинезом подняла себя на один из не разрушенных мостиков и побежала к комнате наблюдения.

— Что она творит? — спросил Харбинджер. — Амброзия, за ней! — Одна из пегасок в чёрной броне взмыла в воздух, преследуя меня.

Моё сердце бешено колотилось в груди. Я почувствовала странный зуд, расходившийся по моим копытам.

> У ТЕБЯ ТРИДЦАТЬ ЧЕТЫРЕ МИНУТЫ, ЧТОБЫ СКРЫТЬСЯ.

Я кинулась в комнату наблюдения, лихорадочно осматриваясь. В прошлый раз эта комната автоматически запечаталась, среагировав на взрыв жар-бомбы. Но в этот раз бомба находилась прямо под Марипони. К тому времени, как ставни закроются, от меня останется лишь обгоревший труп!

Но я знала, что Твайлайт Спаркл не создала бы защитную комнату с таким роковым недочётом. Должен был быть какой-то копытный

Глава 39. Грядущая Буря

«Все мы уйдём когда-нибудь. Просто я надеялся на что-то более... Героическое.»

<<< ^^^ >>>

Души.

Душа — дух и сущность пони, фундаментальное ядро их жизни и естества, которое существует вне биологии плоти, крови и нервных импульсов.

Я видела эмпирическое доказательство реальности душ. Более того, мои верования в загробную жизнь, где души мёртвых пони продолжали существование в вечном покое, и в трансцендентальные души Селестии и Луны, в качестве Богинь приглядывающих за нами с любовью, жалостью и надеждой — всё это превосходило основы знания и являлось прерогативой веры.

Но две вещи я знала наверняка: души обладают жизненной силой, а также — душу трудно уничтожить.

Не было способа узнать наверняка, была ли уничтожена Чёрная Книга. Но если и нет, она была погребена под камнями или вплавлена в кратер из стекла.

Чёрной Книге не обязательно было быть проводником жуткого космического ужаса, её страницы не обязательно должны были быть наполнены богохульной магией, чтобы развратить находящихся рядом с ней. Достаточно было и того, что Книга стала пристанищем злобной и порочной души — души безумной, вредоносной зебры.

Зов Чёрной Книги достигал тех её окружающих, что были предрасположены к её влиянию. Два аликорна вошли в тронный зал. Одна почувствовала присутствие Чёрной Книги. Другая — нет. Каламити не отреагировал на неё, когда я её нашла; другие мои друзья находились рядом с ней во время путешествия. Но в моём разуме потайные зазубренные крючки были ещё до того, как я заполучила Книгу. Мы столкнулись с двумя аликорнами, поддавшимися влиянию Чёрной Книги даже без визуального контакта с ней или изучения её страниц. Прозревающая Тьма подверглась трансформации из-за близости Книги. Сделала ли телепатия её особенно беззащитной? Заполняла ли Чёрная Книга пустоту в её голове, оставленную отсутствием Богини?

Я была уязвима для неё. Мои слабости — зависимость, любопытство и стыд от владения лишь одним заклинанием — придали ей силы.

Душа Чёрной Книги была особенно древней и могущественной. Я владела Книгой меньше чем два дня, и она уже начала искушать меня. Сперва неуклюже, Книга не была телепатом, как Богиня. Большинство страхов в свои кошмары предоставила я сама. Книга лишь использовала мои лихорадочные ночные фобии как инструмент. И всё равно у меня не нашлось силы в одиночку противостоять её первым пробным атакам. Быть способной выстоять против этого влияния, в то время как она непрерывно пытается разрушить тебя, сохранить хоть часть себя после лет, проведённых с Книгой, не говоря уже о том, чтобы принять её порочные дары и создать нечто благородное и хорошее для других... это потребует уровень эмоциональной стойкости и силу духа практически за пределами понимания.

Будь непоколебим!

Как часто приходится этим пони из прошлого, через сияние их души, давать мне понимание, которого у меня нет, или давать мне силы тогда, когда своих уже не осталось. Они спасли меня, они вели меня, так же, как Эплджек в Старой Эплузе. Их сила росла с каждой статуэткой, которую я находила. Но только после того как я собрала их все вместе, они смогли сильнее на меня влиять.

Я верю, что Рэрити не случайно появилась первой. Мой разум и душа в одно мгновение превратились в поле битвы между двумя враждующими влияниями. Одна могущественная душа зла и безумия против шести осколков, сияющих добротелью и надеждой Рэрити и пяти её ближайших друзей. Кусочки статуэток не были по-настоящему Кобылами Министерств — я полагаю, они были более похожи на части души Рэрити, носящие прекрасную маскировку — но они светились истинной природой тех других пони. Они горели любовью, состраданием, добротелью и благородством каждой из Кобыл Министерств. Они были вечными, метафизическими образами глубочайшей, истинной природы тех пони, светившимися подобно маякам, наполненных сияющей частью самой Рэрити.

Рэрити, чьи магические способности всегда находились в тени способностей Твайлайт Спаркл, казалась лёгкой добычей для Чёрной Книги. Это было не так. Она не просто была носителем одного из Элементов Гармонии. И когда души Кобыл Министерств были собраны вместе, они принесли внутренний огонь, который питает Элементы Гармонии. Они оказались более сильными, даже как осколки, чем душа, находящаяся в книге. Или, по крайней мере, достаточно сильными, чтобы дать мне силы не поддаться ей.

Если Чёрная Книга не смогла противостоять кругу Кобыл Министерств, когда от них остались лишь осколки, то как она могла устоять против всей души Твайлайт Спаркл, в сочетании с тремя самыми магически мощными кобылами её времени? Чёрная Книга не телепат, но она может чувствовать души вокруг, инстинктивно знать, кем она может манипулировать... И кем не может. Во время последнего искушения Книги чувствовалось её отчаяние. Душа зебры не могла знать, что я собираюсь уничтожить этот сосуд души. Это была реакция на что-то другое.

Чёрная Книга чуяла Богиню. И была напугана.

Что происходит с душой, когда больше нет тела, что держит её? Является ли она потусторонней? Распространяется ли она, не сдерживаемая более, как водород из лопнувшего шарика, пока не перестает быть душой, становясь неотличимой от окружающего мира?

Что насчёт душ, запертых вместе в том ужасе, которым была Богиня?

Моей целью было уничтожение физической составляющей Богини и освобождение душ, запертых внутри. Чтобы позволить Твайлайт Спаркл, Трикси и другим обрести мир, который они заслужили и в котором им было отказано. Я не ожидала, что Богиня попытается спасти своих детей, но я также не ожидала и воздействия шести шаров памяти. Показав те воспоминания Богине, я пробудила нечто в Трикси. Богиня словно потеряла себя, и я верю, что часть её была способна вновь себя найти в тех воспоминаниях. Шар-Звезда был создан для сравнения; показывая его Богине, я действовала, как зеркало Рэрити для Пинки Пай. Так же, как, я надеялась, воспоминания из Шара-Воздушного Шарика расшевелили что бы там ни осталось от Твайлайт Спаркл.

А что насчёт моей души?

Если бы я умерла здесь, приняли бы меня Селестия и Луна или отвернулись бы в ужасе и отвращении?

Я знала, что я сделала. И моя душа чернела от этого. Я наконец-то сделала этот шаг с утёса; пожертвовала нравственностью и добротой для спасения Эквестрийской Пустоши. Я становилась Красным Глазом. Всё больше и больше. И за это придётся заплатить.

Тридцать восемь минут стали бы чёртовой тучей времени, но это время для меня не имело значения. Его было достаточно, чтобы Ксенит и Каламити спаслись. Я была готова завершить свою жизнь.

Тридцати восемь минут хватило бы аликорнам Богини, чтобы перевернуть вверх дном Марипони, найти бомбу и обезвредить её, не важно, какой там Красный Глаз установил таймер. Но жар-бомба никогда не была в Марипони.

Тридцати восьми минут не хватило бы аликорнам, чтобы прорваться через лабиринты туннелей адских гончих и найти бомбу, спрятанную в десятках метров под основанием Марипони. Подземная детонация жар-бомбы произошла прямо под нами.

Я очнулась в крошечной тьме.

Мне было плохо, даже хуже, чем в последние дни. Моё тело горело. Во рту было сухо. Живот был скручен болью, но блевать было нечем. Тело было покрыто потом. Нижняя часть меня была придавлена огромным весом, и это напомнило ночной кошмар: когда я была придавлена стеной, рыдая и наблюдая, как Каламити и Вельвет Ремеди уходят от меня.

Ниже в темноте слышалось шипение. Пол был под наклоном. Я бы скатилась в шипящую темноту, если бы не была придавлена.

Мой Пипбак тихо потрескивал.

За эти несколько ужасных минут я не могла понять, где же нахожусь. Потом вспомнила бомбу. Вспомнила, как бежала в комнату безопасности. Удар по аварийной кнопке.

Многое из того, что было после, ускользнуло из моей памяти. Оставшиеся воспоминания путались. Но я помнила ощущение грандиозного **БОМ!** откуда-то из-под ног. Ощущение толчка, подкинувшего всю комнату в момент, когда взрыв уничтожил всё вокруг. Несколько секунд невесомости, затем ничего.

Щёлк... щёлк.

Я включила Л.У.М. Интересно, когда я успела его выключить. На его экране мелькнуло с десятков предупреждений. Комната безопасности пережила два взрыва мегазаклинаний. Один из них почти в упор. Но комната где-то получила микроповреждения в защитной стене, и теперь излучение проникало вовнутрь. Спасибо Твайлайт и её Министерству, что я осталась жива и что, несмотря на огромную температуру снаружи, эта комната не стала невыносимой печью. Но уровень излучения быстро приближался к смертельному.

Я левитировала Антирадин из моих седельных сумок, предвкушая его ужасный вкус. Согласно моему сортировщику инвентаря, медикаменты, которые у меня были — несколько лечебных зелий и флакон с зельем Ксенит против кровотечений — полностью закончились. Я успела побывать в сознании после падения, но я этого не помнила.

Магия комнаты безопасности должна была защитить меня от воздействия взрыва огромной силы. Но даже в этом случае при падении я должна была нехило так шмякнуться. Мне очень повезло, что я не сломала шею. Или чего-нибудь ещё. Согласно показаниям Л.У.М.а, я была на удивление невредима... для умирающей кобылы.

Погодите... разве со мной здесь не было кого-то ещё?

Вглядываясь в темноту, я пыталась вспомнить. Компас Л.У.М.а показывал, что рядом никого нет. Я подняла свою ПипНогу и включила фонарь.

О милосердные Богини!

Фонарь моего ПипБака осветил вниз комнаты, наклонённой под безумным углом. Стойка терминалов была вырвана из стены. Бетонный потолок рухнул, обнажая фиолетовый металл за собой. Большой кусок бетона упал на меня, придавив собой.

Комната была на треть наполнена мутной водой, бетонной крошкой и разломанными частями кабинета. Тонкая струйка вырывалась из трещины в стене. Что-то плавало в тёмном бассейне подо мной.

Это был более просторный гроб, нежели исцеляющая кабинка. Глупо с моей стороны было подумать, что это помещение может меня спасти. Я оказалась запертой в ловушке, и даже если бы смогла сбежать, то мгновенно погибла бы снаружи.

У меня закончилась еда, и водный талисман в комнате безопасности, по-видимому, повреждён, — говорила Твайлайт Спаркл. — Во всяком случае, я точно уверена, что чистая вода не должна быть такого цвета.

Водный талисман был заражён порчей.

Тело Амброзии было скрыто под водой... В основном. Её тело было раздавлено и изуродовано порчей. Бесформенный кусок мяса торчал из забрала, словно язык.

Мясистый, ужасного вида червяк плавал на поверхности воды. Я закричала, когда поняла, что это одна из моих задних ног.

После нескольких минут ужаса я поняла, что чувствую обе свои задние ноги. Едва дыша, я направила свет под плиту, придавившую меня, пытаясь под неё заглянуть.

Обе мои ноги были на месте, целые и невредимые... Кроме одной, на которой была ещё розовая кожа с лёгким пушком.

Я потеряла ногу при падении... и отрастила её обратно!

Я уже не думала, что возможно почувствовать себя ещё хуже, но я ошибалась. Глубокий, душераздирающий ужас заполнил меня, когда я осознала, что я уже даже не пони. Я была чем-то другим. Я хотела рыдать и кричать.

Гулем ли стала я, превращённая бомбой? Или это порча так повлияла на меня? Насколько я отличалась теперь от детей Богини?

По крайней мере, излучение убило бы меня раньше, чем комната успела бы заполниться достаточно, чтобы я утонула. Если, конечно, я не стала псевдо-аликорном настолько, что излучение меня уже не смогло бы убить. Я молилась на это.

Пожалуйста, пожалуйста... Селестия, молю тебя...

Сжалься надо мной.

Я включила фонарь. Лучше уж ничего не видеть.

Что-то вывернуло защитную комнату. Бетонная плита сдвинулась, обдирая мою кожу, оставляя кровавый след. Раны уже затянулись, когда я попыталась закрепиться, боясь, что плита может соскользнуть. Потом я почувствовала, как вся комната приподнялась и зависла в воздухе.

Заражённая вода омыла меня, когда комната накренилась. Деформированный кусок плоти, некогда бывший моей ногой, поплыл ко мне. Я вскрикнула в ужасе от слизистого прикосновения моей осквернённой бывшей конечности.

Жёсткий скрип наполнил воздух, металлические ставни на окнах отвалились, открывая подсвеченное багровым облачное небо, наполненное парящим пеплом. Бронированное стекло потрескалось, острые осколки зависли, затем их сдуло прочь.

Мой ПипБак начал трещать быстрее.

Где-то надо мной я увидела тёмный силуэт фургона и свечение, исходившее, как я подумала, от Паерлайт. Но потом я поняла, что этот свет исходил от пегаса. Мои друзья пришли, чтобы спасти меня? Как? И какой ценой?

"Эх, Каламити..." — думала я, плача без слёз, — "что же ты наделал?"

Но что-то было не так.

Багровое свечение окутало меня, другая его часть оттащила плиту с моей ноги. Меня левитировали отсюда через разбитое окно.

Супер-Аликорн настолько тёмного фиолетового цвета, что казалась почти чёрной, смотрела на меня светящимися глазами, небрежно отбрасывая комнату безопасности, показывая такую силу своих способностей, которая раздавила бы меня без усилий.

Облака над нами казались ужасно близкими. Я посмотрела вниз. Мы были очень-очень-очень высоко. В Прекрасной Долине под нами зиял уже второй кратер, всё ещё светившийся после произошедшего.

Хлопнув крыльями, она взлетела на уровень фургончика над нами, левитируя меня за собой.

Я одновременно поняла, что этот фургончик — не Небесный Бандит и что светящийся пегас — не Каламити.

— Дитзи Ду?

Супер-облученная пегаска-гуль счастливо улыбнулась мне, и болезненный золотисто-зелёный свет полился из её рта и от её зубов.

Существа радиации не просто печатся ей. Если они достаточно её поглощают, то вырастают более сильными. Более мощными.

Дитзи Ду прилетела в Прекрасную Долину, чтобы найти меня. Она спасла меня. Она и...

Супер-Аликорн посадила меня на переднюю скамейку курьерского фургончика "Абсолютно Всё", прицепленного к Дитзи Ду. Без свечения её рога небо перестало быть пурпурным и сменило оттенок на болезненно-зелёный. Мой ПипБак трещал как сумасшедший. Мы были на достаточной высоте, чтобы уровень радиации от воронки спал до средней херовости, но Дитзи Ду впитала достаточно радиации, чтобы сделать это спасение ну совсем кратким.

Светящаяся пегаска улыбнулась и указала назад, на фургон. Я обернулась и посмотрела в небольшое окошко.

Внутри фургона стояли ящики Антирадина, пакетики светились манящим апельсиновым светом. Я быстро левитировала к себе несколько и начала пить, оборачиваясь, чтобы поблагодарить её.

Я остановила свой взгляд на кюотимарке супер-аликорна: большая розовая звезда, окружённая маленькими белыми звёздочками.

Супер-аликорн невозмутимо молчала. Её взгляд, казалось, застыл на моих седельных сумках.

И тут меня озарило. Богиня отправила своих детей спасаться. Однако она была телепатически связана с ними. Когда её тело было уничтожено и бесчисленные души пони, которые были заключены в ней, стали свободны, некоторые, самые сильные, нашли путь к её детям.

Одержимость.

Но тела уже имели собственные души. К сожалению, это не могло продолжаться долго. Кюотимарка на боку супер-аликорна уже начала тускнеть.

Я вскарабкалась. Если это каким-то образом и была Твайлайт Спаркл, то ей просто необходимо было кое-что услышать. Я переключила звук в наушнике и левитировала к ней, находя нужный файл.

Голос Пинки Пай, металлический и искажённый, зазвучал вокруг.

"Привет, Твайлайт. Это я..."

...Я хочу сказать, у меня есть ты сейчас со мной, так что ты как бы будешь со мной в любом случае. Но это не то же самое. Я хочу реальную Твайлайт Спаркл. Я...

Я хочу свою подругу назад.

Пожалуйста?

Я всё сделаю..."

Супер-Аликорн колебалась, как бы парализованная звуком, пока сообщение не закончилось. Затем, ни слова не говоря, она развернулась и стала улетать. Кюотимарка на её боку уже совсем исчезла.

— Твайлайт! Подожди! — кричала я вслед исчезающему аликорну. — Стар Спаркл ещё жива! А Спайк...

Но та часть Твайлайт Спаркл, которую мои слова были способны достичь, уже ушла. Испарилась. Или, как надеялось моё сердце, просто уснула.

Я хотела плакать, но у меня не было слёз.

Я выпила ещё омерзительного Антирадина, а Дитзи Ду развернулась и повезла нас прочь из Прекрасной Долины.

Дитзи Ду спустилась ниже, как только мы достигли края Долины. Мы летели вдоль границы, двигаясь более медленно.

Мы что-то искали. Я хотела спросить, что, но Дитзи Ду не смогла бы ответить.

Что ты сделала? Что ты только что сделала?

Голос Амброзии звучал у меня в голове. Я старалась вспомнить.

Я говорила ей о бомбе. Я уверена в этом. Не помню точно, что я сказала, но раздражённая кобыла с энерго-магическим боевым седлом точно не вызывала желания лгать.

Она отреагировала тем, что попыталась вызвать Харбинджера через передатчик, встроенный в её шлем.

Эта комната спроектирована, чтобы выдержать мегазаклинание, — напомнила я ей. — Твоё радио не сможет проникнуть через неё.

Она в панике смотрела на меня. *Я должна сказать Харбинджеру! Он должен выбраться. Мы должны отступить.* Эти слова вызывали у меня приступ страха.

Сколько пони снаружи?

Земля шла медленно под нами. Больше я ничего не могла вспомнить.

Я заметила их, дружественные точки на компасе Л.У.М.а, прежде чем увидела на самом деле. Когда мы приблизились к поляне недалеко от разрушенного лагеря Красного Глаза, появился СтилХувз, стягивающий камуфляжную сеть с Небесного Бандита. Вельвет Ремеди, Ксенит и Каламити находились внутри.

Они выглядели изнурёнными, усталыми и оборванными. Каламити немедленно поднялся в воздух, пока Вельвет и Ксенит наблюдали за небом.

Паерлайт потерялась. Где Паерлайт?

— Нашла что-нибудь в этот раз? — крикнул мой друг-пегас. Я пыталась вскочить, но у меня просто не хватало сил, поэтому я просто махнула. Они так или иначе всё равно не могли меня видеть. Дитзи Ду была слишком яркой.

Дитзи Ду подлетела к ним поближе и зависла на краю поляны. Я приняла ещё Антирадина, когда она махнула Каламити назад. Я чувствовала себя слабой, полумертвой. Моё тело было мне чуждо сейчас. Я больше не была собой. Но всё это меркло в сравнении с мыслью о предстоящей долгожданной встрече.

Я должна была попасть в башню Тенпони. Очиститься от порчи, оценить, что осталось от меня и... если Хомэйдж захотела бы остаться со мной... остаться с ней и моими друзьями навсегда.

На вельвет короткое навсего, а сожаления, к сожалению. Я очистила путь для вознесения Красного Глаза, и у него был целый взвод единорогов, которых он планировал принести в жертву. После расправы с угрозой со стороны Богини и Чёрной Книги передо мной теперь стояла новая задача: ринуться в Вечнодикий лес и спасти тех единорогов из Собора Красного Глаза. Скорее всего, у меня было не так уж много времени. Теперь, когда Красный Глаз не мог больше полагаться на защиту аликорнов, он, вероятно, намеревался действовать быстро. Но у меня не было сил даже с радтараканом сражаться, не говоря уже о штурме крепости. Моё тело ныло, моля об уходе и отдыхе; я не могла заставить его двигаться, пока не получу того и другого.

— Эй! Это Лиг'пип! — с восторгом закричал Каламити. — Эй, ребята! Дитзи Лиг'пип вернула! Она жива!

Вельвет Ремеди и Ксенит затопали, аплодируя. Вельвет благодарно вскрикнула.

СтилХувз тихо заржал.

— Хвала Эпплджек! — Он повернулся к остальным. — Ладно, уходим остюда. Не люблю находиться в одном месте так долго.

Особенно вблизи..

Земля треснула. Фонтаны грязи рванули в воздух, когда полдюжины адских гончих вырвались из-под земли.

Дитзи Ду рванула вверх, когда одна из них крутанула свою энерго-магическую винтовку и выстрелила в нас. Вельвет Ремеди закричала. Каламити завертелся в воздухе; ударив по рычагу на боевом седле, он сменил патроны. Одна из гончих приблизилась к Ксенит, проводя резкий толчок. Зебра поднырнула под удар, и, повернувшись, лягнула адскую гончую в грудь, повалив её. СтилХувз открыл огонь, его гранатомёт разорвал на куски одну из гончих, едва та успела прицелиться в Ксенит и Вельвет своим мультикристалльным магическим дробовиком.

— Живо в фургон! — крикнул Каламити, поразив выстрелом гончую, пытающуюся забраться в Небесный Бандит.

Почва под СтилХувзом взорвалась, когда адская гончая вырвалась из-под земли; её когти полоснули по длинной дуге, прорезаясь сквозь броню.

Бронированное тело СтилХувза упало на растресканную землю с тяжелым звуком. Его бронированная голова отлетела на несколько метров в сторону.

Мир остановился.

Битва всё ещё кипела, но где-то очень далеко. Все цвета и звуки поблекли, оставляя лишь меня, биение моего сердца и медленно катящуюся голову СтилХувза.

СтилХувз был мёртв.

Холодный, влажный озноб пробежал по моему телу. Не было ни единого шанса исправить это. Я видела, как Ксенит обезглавила Кантерлотскую зебру. Но маленькая пони в моей голове дрожала в отрицании. Нет, нет, настаивала она. Сейчас будет ужасный извращённый звук, и он снова будет рядом с нами, как всегда.

СтилХувз был мёртв.

Я не могла пошевелиться. Не могла ничего почувствовать. Не могла дышать. Мой разум закрылся, механизмы заклинило.

Адские гончие не собирались давать мне времени на размышления, тем более на скорбь. Адская гончая, убившая СтилХувза, шагнула вперёд, её когти впились в шлем СтилХувза. Она повернулась и швырнула бронированную голову моего друга, пытаясь сбить нас с неба. Дитзи Ду уклонилась, и голова СтилХувза жёстко ударилась в фургон рядом со мной, расщепив древесину. Удар разбил фонарь на его шлеме.

Что-то оборвалось у меня внутри.

Мой рог взорвался светом, слой за слоем его окутывало сияние, даже ярче, чем Дитзи Ду. Свет окружил адских гончих, всех, и выстрелил ими в небо, подымая выше и выше, пока они не превратились в чёрные точки. Потом они исчезли совсем.

— СтилХувз! — закричала Вельвет, бросаясь к павшему, безголовому телу и обвивая его копытами. Все остальные повернулись и выпучили глаза, внезапно осознав, что мы только что потеряли одного из нас.

БУМ!

Землю потрянуло, когда первая гончая упала с неба. Искажённое, сломанное тело сплющилось.

БУМ! БУМ! БУМ!

БУМ! БУМ! БУМ!

Ты хоть знаешь, что такое жар-бомба?

Ещё одна вспышка памяти, когда мы приблизились к Новой Эплузе. Мы летели низко, двигаясь быстро. Ксенит стояла на крыше Небесного Бандита, следя за облаками. У меня сложилось впечатление, что нам стоит идти пешком, но моё состояние было чересчур тяжёлым, чтобы даже попытаться.

— Лететь больше небезопасно, — окликнул меня Каламити, летя так близко к фургончику "Абсолютно всё", как только можно, чтобы не страдать от Дитзи-облучения. — Чёртов Анклав повсюду разослал патрули, и всё, что не на земле, так и стремится привлечь их внимание. А Небесный Бандит не так уж и неприметен, особенно учитывая наш прорыв сквозь облака в прошлом месяце.

Не светил нам перерыв.

— Ты уверена, что в Марипони видела Харбинджера? — спросил Каламити, как только мы замедлились.

— Так он себя назвал, — отозвалась я, злясь на то, сколько усилий ушло на крик.

— Проклятье. Что-то крупное затевается, раз уж целый полк Анклава спустился в Марипони. Мы с Ксенит еле унесли копыта оттуда. И мы подорвали одного из членов Верховного Совета? Я мог бы использовать одну из твоих креативных клятв насчёт этого, Лиг'пип, — нахмурился Каламити. — Поздравляю. Мы только что объявили Анклаву войну!

Оуч. Но, скорчив гримасу, я поняла, что Анклав показался туда, зная, что Красный Глаз замыслил что-то против Богини. Если уж на то пошло, за этим взрывом они должны были заподозрить именно его, а я выглядела бы, как его агент. Что, кстати говоря, именно так и было.

С точки зрения Анклава, Красный Глаз только что объявил им войну.

Я увидела Паерлайт, кружащую над городом, единственную хищную птицу. Она издала крик, как только оба наших фургона приземлились, Дитзи Ду поставила свой фургончик недалеко от Небесного Бандита. Паерлайт спикировала и скрылась в городе.

— Может, он успел уйти? — вяло предложила я.

— Вот уж вряд ли, — ответил Каламити. — Как ток аликорны смылись, огромный щит обернул весь Марипони. Я думаю, она пыталась забрать тебя вместе с собой. Никто не выбрался.

Или она пыталась сдержать взрыв. Защитить её спасающихся детей.

Только телепатия могла пройти сквозь щит такой силы, созданный самой Богиней... до момента, когда бомба убила её. Это если

предположить, что она не знала, что бомба находилась внутри щита. По правде, жар-бомба была заложена достаточно глубоко под объектом, чтобы запросто оказаться вне щита. И если она подозревала об этом, то, может, она пыталась спасти себя.

В любом случае, это не имело значения. Мегазаклинание оказалось сильнее мощи Богини.

Это магический огонь, — предположила я, отвечая на вопрос Амброзии, хотя я понимала что и впрямь не знала, чем же была жар-бомба, кроме зелёного пламени и радиации.

Это упакованное, усиленное некромантией дыхание дракона, — сказала мне Амброзия. — *Магический, разрушительный тип драконьего дыхания, способного отправить тебя в какое-либо место. В случае жар-бомбы — скорее всего, прямёхонько в ад.*

Основываясь на одержимости супер-аликорна (который наверняка был обычным аликорном, пока Твайлайт Спаркл не полетала по новообразовавшемуся в Прекрасной Долине кратеру в поисках выживших), догадка Амброзии была почти наверняка ошибочной. Но от самой идеи всё равно бросало в дрожь.

Меня вдруг поразили сказанные Рэрити слова: *Я даже просила Спайка сжечь её. Добилась лишь того, что она отослалась принцессе Селестии.*

Я задумалась, вспомнив Спайка сжигающим пони Анклава прямо в её броне. Смотреть на это было ужасно больно, но было чуть легче представить, что он отправил её душу к Селестии.

Что ещё раз напомнило о жестокой реальности: о теле, лежащем в Небесном Бандите. Должны ли мы были кремировать СтилХувза? Согласился бы на это Спайк?

— Мы не можем остаться здесь, — сказал Каламити, привычная бодрость исчезла из его голоса. Он посмотрел на Дитзи Ду. — Никто из нас.

Дитзи Ду печально кивнула. Она опустила одну из своих дощечек и написала на ней: "Это навсегда?"

— Неа. Думаю, излучение исчезнет так же, как и из Паерлайт после подпитки в Филлидельфийском Кратере, — заверил её Каламити.

— Но Паерлайт потребовались дни, чтобы вернуться к нормальному состоянию, — напомнила ему Вельвет. Её глаза были ещё мокрые и опухшие от слёз. Она сидела рядом с головой и телом СтилХувза, оберегая их. — И Дитзи Ду получила больше радиации, чем Паерлайт. Это может занять недели.

Милая кобыла-гуль смотрела с паникой в глазах. Она быстро стёрла всё со своей дощечки и написала большими буквами: "СИЛЬВЕР БЕЛЛ".

Вельвет Ремеди кивнула, грустно улыбнувшись.

— Я останусь здесь и буду за ней присматривать.

— Ты не можешь, — наконец заговорила я. — Нас не пустят в город.

Ксенит выглядела удивлённой.

— Нас, и не пустят? — спросила она, её экзотический голос выдал её собственную тоску. — Когда это мы успели оскорбить этот город?

— Задолго до тебя, — сказал Каламити. — Тогда, когда мы ещё были втроём: Лил'пип, Вельвет и я

— Ну, кажется, тогда меня пустят, — утверждала Ксенит. Повернувшись к Дитзи Ду, она мягко улыбнулась. — Было бы приятно присмотреть за Сильвер Белл, пока ты будешь далеко.

Дитзи Ду, забывшись, подскочила к зебре и заключила Ксенит в плотные (хотя и мягкие) объятия. Ксенит застыла, но ничего не предприняла. Пегаска-гуль быстро отступила, и написала на своей дощечке "Извини!".

— Слушай, Дитзи, — предложил Каламити. — Кажись, я знаю, где тебе смогут помочь. Есть одна кобылка в городе Дружбы, которая изучает радиацию и её воздействие на разных существ. Ежли кто и может помочь те быстро очиститься от этого, так эт она.

Дитзи ярко улыбнулась, один её глаз закатился вверх, и было видно, как она сейчас сдерживается, чтобы не обнять Каламити.

— Почему б тебе в этот "перерыв" не слетать с нами, — предложил Каламити. — В одиночку-то небезопасно, а мы как раз туда направляемся, а, Лил'пип?

— Башня Тенпони. — Я кивнула, понимая, что мы не могли кремировать тело СтилХувза. Мы не имели права так поступать. — Сначала Фетлок. Мы должны передать СтилХувза в Стойло Двадцать Девять.

Массивные ворота Новой Эплузы с грохотом открылись. Сильвер Белл бежала впереди грифона-телохранителя, которого я видела с Дитзи Ду, перед тем как улетала. Её глаза округлились, как только она увидела Дитзи Ду.

— Мамочка, ты выглядишь, как Паерлайт!

Маленькая лавандовая кобылка рванула через дорогу перед нами, пытаясь добежать до неё. Ксенит быстро поймала её, не давая подойти ближе.

— Мамочка!

Я услышала сдавленный звук. Я не была уверена, была ли это Вельвет или же Дитзи Ду. Светящаяся пегаска положила дощечку, стёрла копытом имя Сильвер Белл и написала что-то, потом подняла табличку снова.

Сильвер Белл пыталась вырваться из сдерживающих её объятий Ксенит, но, не в силах, начала плакать.

Дитзи Ду приблизилась на полпути к тому месту, где стояла Ксенит, держащая Сильвер Бэлл — так близко, как только могла — и поставила дощечку на дорогу.

"Держись подальше, милая. Мама ядовита."

* * *

Облака темнели, предвещая грозу в Эквестрийской Пустоши.

Прямо по поверхности облаков двигались тени. Мы увидели, как одна за другой эти тени стали выходить из-под облаков, принимая форму огромных чёрных боевых кораблей. Каждый корабль представлял из себя огромный ангар с платформами для массивных энергомагических пушек, несомый чёрными грозowymi тучами по бокам и приводимый в движение десятком вращающихся пропеллеров. С помощью бинокля я едва могла разглядеть чёрные точки, которыми были бронированные пегасы, группами патрулирующие пространство между боевыми кораблями.

— "Хищники", — угрюмо прокомментировал Каламити, наблюдая, как корабли снижались, незначительно меняя курс. — "Убийцы драконов".

Я позволила своей магии угаснуть, бросила бинокль на землю рядом с собой. Я была в недоумении и не могла подобрать достаточно красочных метафор. Всё, связанное с рогом Луны, казалось мне сейчас глубоко неуместным. Мой взгляд нашёл Дитзи Ду, яркую точку света. Она была обёрнута свинцовым плащом, который она попросила грифона притащить из её магазина. Тот самый почтовый ящик висел на её боку. Но её копыта и крылья продолжали светиться, как горящие изумруды.

Я вспомнила, что Хомэйжд говорила как DJ Рон3, что "почтовая пони" доставила письмо от Дитзи Ду.

Под антирадиационной бронёй, предоставленной Дитзи Ду, и под моей собственной бронёй моя щёрстка начала отрастать на задней ноге... моей новой задней ноге. Сама мысль об этом казалась глубоко неправильной. Я выпила достаточно Антирадина, чтобы вывести большую часть радиации из моего тела, даже с учётом моей поездки в фургончике "Абсолютно Всего". Но всё равно внутри я чувствовала себя больной и перекошенной.

Мы приземлились у подножия холма, скрывавшего от нас коттедж Трикси. В теории мы остановились, чтобы перекусить, но никто не хотел есть. Мой желудок был не готов что-либо переваривать, Дитзи Ду не нуждалась в пище, и ни у Каламити, ни у Вельвет не было аппетита. Они оба просто смотрели на свои бобовые консервы, пока Дитзи не прогарцевала мимо, уронив табличку, на которой было написано: "Ваши бедные бобы тоскуют. Они скучают по своим друзьям-желудкам, хотят быть с ними вместе."

Каламити едва заметно ухмыльнулась и немного поел. Вельвет Ремеди только грустно улыбнулась. Я выпила ещё Антирадина.

— Они спускаются с неба последние два дня, — проинформировал Каламити. — Пони от страха с ума посходили. Начали прятаться. Вся чёртова пустошь словно перешла в военное положение. — Он искоса глянул на меня. — Они взяли контроль над радиовещанием этим утром. Над обоими — Красного Глаза и ДиДжея РопЗ. На радио теперь Анклав. Круглые сутки.

Одев свои наушники, я включила на ПипБаке радио, стараясь не обращать внимания на чувство, будто внутри всё перекручено. Вместо музыки Хомэйдж или голоса ДиДжея РопЗ я поймала конец гимна пегасов.

"Приветствуем вас, жители Эквестрии. Прямо сейчас вы видите корабли в небе над вами. Возможно, наши пегасы уже приземлились на ваши улицы. Но не нужно тревожиться. Наши разведчики всего лишь оценивают текущую ситуацию, после чего мы решим, как мы сможем помочь вам..."

Я выключила его. Я слышала пропаганду и получше от Красного Глаза.

— Я стараюсь не допустить сомнений в своей правоте, — признался Каламити. — Я ушёл, когда понял, что Анклав не был заинтересован в помощи здесь внизу. А щас нужно многое обмозговывать заново.

— Они пытались заключить сделку с Богиней, — сказала я ему. — Они тут не для помощи.

— Ага, — сурово сказал Каламити. — Но, по правде, не думаю, что они и впрямь хотели дела с ней иметь. Просто запасной план.

Каламити снова принялся натягивать камуфляжную сеть.

— Где ты взял её? — спросила я.

— СтилХувз, — вздохнул Каламити. — Как Анклав впервые появился, он достал это у Кроссроадс. Сказал, что нам нужно прятать Небесный Бандит, пока никуда не двигаемся.

Я сглотнула. Я начала думать о тех временах, когда СтилХувз защищал нас. Но в конечном итоге в мыслях остался лишь его голос, этот глубокий мужской гул — как голос Флаттергая, как отметил Наблюдатель — и я больше никогда его не услышу. Мои глаза горели от желания заплакать.

— Он был реально хорош в этом, — торжественно произнёс Каламити. — Мыслил тактически.

Мы разделили минуту молчания.

Несколько минут спустя мы опять летели, стараясь держаться ниже, хотя из-за рельефа это было довольно сложно. Каламити рванул нас вверх, набирая высоту, как только мы пересекли руины коттеджа Трикси.

Вокруг него стояло несколько аликорнов. Нас они удостоили лишь мимолётным взглядом. Во всяком случае, я бы сказала, что выглядели они потерянно.

— Завтра, — сказала нам Кроссроадс.

Я моргнула от удивления. Мы находились в центре службы безопасности Стойла Двадцать Девять. Тело СтилХувза почётным караулом было перенесено в комнату мэйнфрейма Крестоносец. Мрачная атмосфера царила в Стойле.

— Завтра? — спросила я, слегка покачиваясь. Я чувствовала себя разбитой; мои копыта нуждались в отдыхе. Мой разум был затуманен, но я была уверена, что сказанное Старейшиной было ненормальным. — Разве это... не слишком быстро?

— Все Стальные Рейнджеры Отступники, кто мог прийти, уже здесь, — заржала Звёздный Паладин Кроссроадс.

— Рейнджеры Эпплджек, — подал голос Каламити. Кроссроадс вопросительно посмотрела на него, он пояснил: — Я знаю, эт неофициальное название, но так вас называл СтилХувз. — Опустив взгляд на свои копыта, он добавил: — Думаю, надо бы чтить это. Эт всё, чё я хотел сказать.

Коричневая кобыла со стриженной жёлтой гривой кивнула.

— Как я уже сказала, все Рейнджеры Эпплджек, которые могут присутствовать на похоронах Старейшины, уже здесь. Медлить не стоит. Было бы неправильно позволить его телу... остаться непогребённым.

Я представляла, какие здесь внутренние дела требовали решения. СтилХувз был лидером и символом, сплотившим всех этих рейнджеров. Теперь его нет, Кроссроадс нужно было действовать быстро, чтобы не дать рейнджерам развалиться. Каждый, казалось, ожидал, что Кроссроадс займёт место Старейшины, многие уже считали её старейшиной, не дожидаясь официальных протоколов. И Кроссроадс не была готова принять это решение, пока СтилХувз не был похоронен. Её любовь и уважение к нему были слишком сильны, чтобы допустить такое.

— А вы останетесь принять в этом участие?

— Даже дикие мантикоры не смогут нас утешить, — сказал Каламити. Я быстро произнесла молитву Луне, чтобы слова Каламити не стали реальностью.

— Я не смогла бы никуда отправиться этим вечером, даже если бы захотела, — кивнув, усмехнулась я. Мне было трудно даже просто стоять. — Мы останемся на ночь, если вы не против. И если у вас найдётся место, где Дитзи Ду не будет представлять опасность для окружающих.

Кроссроадс мрачно улыбнулась.

— Ваша светящаяся подруга? Мы можем поместить её в одну из имеющихся у нас экранированных комнат. Я не собираюсь не допускать к ней пони только потому, что она гуль, особенно в преддверии похорон СтилХувза. Но я не могу позволить ей разгуливать по Стойлу. Она опасна для окружающих.

Я кивнула. Я знала, Дитзи Ду поймёт.

— Где... — Нет, это всё. Мои ноги решили, что с них хватит стоять и попытались попробовать что-нибудь ещё. Как насчет упасть? О, это хорошо звучит.

Бум.

— Лил'пип! — поднялся на дыбы Каламити. Его голос был наполнен тревогой.

— Я... Со мной всё хорошо, — быстро сказала я ему. — Пол хороший. Думаю, я просто полежу на нём немного.

Кроссроадс шагнула вперёд.

— Что с ней?

— Лил'пип была в Прекрасной Долине, когда жажнуло мегазакливание, — беспокожно сказал ей Каламити. — Она нарушает все правила и выкарабкивается из любого триндеца, я думаю, что жизнь ей за это мстит.

— Сейчас вызову наших медиков... — начала Кроссроадс.

— Я за Вельвет! — бросил Каламити, разворачиваясь и вылетая из комнаты.

Я вздохнула. Вся эта суета. Мне просто нужно было немного отдохнуть. Просто немного вздремнуть...

На следующее утро тёмные облака нависли над Эквестрией. Холодный ветер играл с травой и приносил запах надвигающегося дождя. Тихие раскаты грома поворчали в глубине завесы облаков. Где-то вдали шла битва, эхо которой разносилось по всей округе.

Мы собрались на зелёном холме, вблизи хижины СтилХувза. Ветер создавал рябь на поверхности озера. Позади нас, около огромного одинокого дерева, стояла Дитзи Ду. На ней была чёрная накидка, надетая поверх свинцового плаща, оставлявшая неприкрытыми её светящиеся копыта и мордочку. Пегаска-гуль откуда-то знала, что стоит принести несколько таких накидок.

Я села в инвалидную коляску, только поднявшись на гору из рядов рейнджеров в доспехах, окружавших обе стороны процессии. Я встала чуть более часа назад. Потеряв сознание в центре службы безопасности, я проспала всю ночь в стойловской клинике. Отдых улучшил моё состояние, но всё равно я чувствовала себя ужасно и словно чужой в собственном теле. Вельвет Ремеди помыла меня, почти ничего не говоря, после чего настояла, чтобы на похороны я шла не на копытах.

Каламити сделал чёрные платья для меня и Вельвет из тех накидок, предоставленных Дитзи Ду, снова демонстрируя своё причудливое умение шитья. Ткань соответствовала цвету моего сердца. Я утопала в горе, но до сих пор не могла заплакать. Я чувствовала, что была сломлена.

Рейнджеры с обеих сторон прохода медленно топали в унисон ритму процессии.

Шесть рейнджеров в церемониальных одеждах шли по очищенной тропинке, закусив во рту стержни, на которых держалась платформа с покоящимся на ней телом СтилХувза. Я заметила, что Строуберри Лемонэд была среди них. Слезы катились с её глаз, когда она шла в ногу с большими жеребцами, неся вместе с ними СтилХувза к могиле, которая стала бы его последним пристанищем.

Кто-то припалял голову СтилХувза на место. Так или иначе, это было то, что стало последней каплей. Моё дыхание перехватило, я задрожала. Всё моё тело начало дрожать, содрогаясь в рыданиях.

Вельвет Ремеди нежно придержала меня. Она тихо плакала с тех пор, как мы вышли из Стойла Двадцать Девять, и почти всю вчерашнюю поездку. Сейчас она утешала меня, в то время как плотина внутри меня сломалась. Мои глаза яростно горели. У меня не было слёз, но я всем своим телом делала то, чего не могла глазами.

Звёздный Паладин Кроссроадс шагнула вперёд, когда процессия достигла могилы. Она начала говорить то, что написала этой ночью, от имени СтилХувза.

— Рейнджеры Эпплджек, — начала Кроссроадс. — Именно так назвал нас Старейшина СтилХувз...

Мои мысли улетели куда-то, стоило Кроссроадс заговорить. Я вернулась в то время, когда СтилХувз начал путешествие с нами.

Итак... почему ты ещё с нами? — спросила я СтилХувза.

Может, мне просто больше делать нечего.

— ...пережил больше, чем любой из вас может себе представить, — говорила Кроссроадс. — Он пережил большее, чем мы можем даже понять. И на протяжении веков его сердце неизменно оставалось предано любви к одной кобыле...

Я сомневалась в нём. Он держал свои мотивы, как и свои чувства, крепко прижатыми к своей груди. Я с болью вспомнила то время, когда подумывала распилить его на обочине.

Я следую за тобой, потому что ты лучшая пони, чем я. И ты напоминаешь мне ещё кое-кого. Ты честно стремишься помогать и защищать других пони. Я верю, она бы одобрила тебя.

Так он мне ответил, когда я задала ему вопрос.

Я не был верен Присяге долгое время. Но на твоей стороне я снова могу быть ей верным.

— ...ничего более подходящего, чем повторить слова, которые он нам говорил, — напомнила Кроссроадс рейнджерам, собравшимся перед ней. — Как говорил СтилХувз: Я призываю вас остановиться и подумать о вашей Клятве. Подумать, где вы находитесь и что вы делаете. Является ли ваша верность верностью Эпплджек, Кобыле Министерства Военных Технологий, создателю брони Стальных Рейнджеров и кобыле, которая Своими собственными копытами, Своими потом и кровью, и честностью Своего сердца выковала Стальных Рейнджеров?..

Очередное воспоминание промчалось, цокая копытами. Я со СтилХувзом смотрели через гавань, глядя на город Дружбы.

Я должен поблагодарить тебя, Литлпип.

За что? — спросила я.

За твоё падение, — ответил СтилХувз, удивив меня. — Всё это время ты была той пони, на которую можно равняться. Из-за тебя я захотел стать лучшим пони. Но в то же время... ты была слишком хороша. Ты была недостижимым эталоном. И сегодня благодаря тебе мне стало легче жить с самим собой.

Я склонилась к Вельвет Ремеди, зарываясь лицом в её платье.

— ...Эпплджек поставили во главе Министерства Военных Технологий потому, что Она была Хранителем одного из Элементов Гармонии. И правительница Эквестрии признавала значимость этого. Как вы думаете, побрякушка на шее делала её Хранителем или же это делала Добродетель в её душе? — Голос кобылы, что вскоре должна была заменить СтилХувза, был преисполнен уважения к его словам. — Сегодня вы должны выбрать, кому ваша Клятва служит.

Ещё одно воспоминание, наполнившее меня болью за моего друга и за всё то, что он потерял.

Хорошо, что мой ребёнок не знал меня.

СтилХувз был загнанным пони. Тени его прошлого, его ошибки и грехи тяжким грузом легли на его плечи.

Мне очень жаль, Литлпип. Я сделал всё возможное, чтобы заставить их поверить, что планировать захват Стойла Два было ошибкой. Я твердил это на протяжении десятилетий. Но после того как вы двое появились, они поняли, что там было всё ещё функционирующее Стойло...

Я так злилась на него, хотя он сделал всё возможное. Часть меня хотела убить его на месте. Он не сопротивлялся и не нападал в ответ. Вместо этого он сделал шаг вперёд, стал лучшим пони, которым хотел быть.

Спасибо тебе, СтилХувз, — говорила Ксенит, — за помощь деревне моей дочери. Я знаю, как тяжела должна быть для

старого солдата помоща роду зебр.

Эпплджек хотела, чтобы её рейнджеры защищали вообще всех, кто чист душой, а не только пони.

Он боролся со своими собственными предрассудками. И наконец начал преодолевать их. Он сделал первые шаги по дороге искупления, которую теперь никогда не сможет пройти до конца.

Я попыталась вспомнить его последние слова. Это было предупреждение, он убеждал нас двигаться. Только вот сами слова вылетели у меня из головы. Но вместо них я отлично помнила другие его слова: *Остальные могут идти дальше, если хотят, но Эпплджек не понравилось бы, что её рейнджеры игнорируют мольбы о помощи.*

— ...продолжим, во славу его имени и памяти о нем, — сказала Кроссроадс, завершая свою речь.

Наступила полная тишина, прерываемая лишь ветром и странными звуками стрельбы, непрерывно звучавшими вдали.

— Кто-нибудь ещё хочет что-то сказать? — предложила Кроссроадс, печаль насквозь пропитала её голос. — Перед тем как мы опустим СтилХувза в его последнее пристанище?

Я отстранилась от Вельвет Ремеди и сфокусировала свою магию, катаясь вперёд. Она шла около меня, пока мы пробирались вперёд.

Я повернулась к ожидающим Рейнджерам. Я открыла было рот, но мой голос застрял где-то в глотке. Очередной всхлип сотряс моё тело.

Я опустила взгляд. Вельвет успокаивающе коснулась копытом моего плеча.

— Я... — Я тяжело сглотнула. — Я знала Эпплснэка очень недолго. Н-но, может, я з-знала его лучше, чем кто-либо ещё. Он делился со мной. В-воспоминаниями...

Я умолкла. Просто не могла продолжать. И потому лишь подняла свою слившуюся с ПипБаком ногу. Рог Вельвет Ремеди засветился.

— Я... Мне не в чем его судить. Но когда Эпплснэка будут опускать, я хотела бы, чтобы играла вот эта песня. Это была песня его и Эпплджек.

Я включила музыку. Магия Вельвет усилила прекрасную мелодию, позволяя ей литься меж травянистых холмов, песчаных карьеров и через озеро подобно бризу.

*"О, как мне бурю усмирить,
Когда война в твоих глазах?
О, как тебя мне защитить,
Когда повсюду ложь и страх?
И когда всё, что было мило,
В руинах обрело могилу,
И вам не выжить здесь, —
Нам шепчет глас впотьмах."*

Пока звучала песня, рыцари шагнули вперед, устанавливая платформу над могилой, в которой покоилось тело СтилХувза, всё так же заключённое в его броню Стального Рейнджера, украшенную красными полосами и кюотимаркой Эпплджек на боку. Платформа остановилась над ямой, её поля покоились на краях свежeverытой земли.

*"Ничто не вечно в этом мире
И буря стихнет, дай лишь срок.
Зачем же внемлить жизни лире
Так, словно дан лишь этот рок?
Так возьми же моё сердце,
В ненастье обними меня,
И любовь нам даст согреться,
Все ужасы от нас гоня."*

Песню портили только далёкие раскаты грома и постоянный звук стрельбы. Строуберри Лемонэд отошла, её красные от слёз глаза встретились с моими. Потом она отвернулась, глядя вдаль.

И вдруг я услышала резкий вдох удивления Строуберри Лемонэд. Я подняла взгляд туда, куда она уставилась. Где-то совсем далеко виднелся протянувшийся по Эквестрии горный хребет с выступавшим с самой высокой скалы силуэтом Кантерлота, окутанным розовой дымкой, понемногу истончавшейся уже несколько дней. Огромные тени парили около города, посверкивая разноцветными вспышками.

*"Ведь я знаю: завтра будет лучше,
И верю: день тот может лучше быть..."*

Ещё несколько Рейнджеров повернулось посмотреть, хоть большинство не сводило взгляда со СтилХувза. Вопреки правильному решению моего плачущего сердца, я левитировала бинокль и направила его на Кантерлот.

Несколько Хищников Анклава поливали огнём Руины Кантерлота. Нет, осознала я, страх и неверие пронзили меня насквозь. Они стреляли под город!

О Богини! Они же не могли!..

Но как только я подумала об этом, укреплённые колонны поддержки под королевским городом сдались. Город над ними сместился, белые башни потрескались и развалились на части, как и весь Кантерлот, обрушившийся к подножию горы.

Грохот раздался по всей Эквестрийской Пустоши, почти неотличимый от звуков далёкой грозы. Моё сердце провалилось в бездну.

Мы вернёмся за ней... — обещала я. — А сейчас она тут в безопасности.

Моё последнее обещание СтилХувзу. И теперь мне его никак не сдержать. Анклав уничтожил Кантерлот, а вместе с тем и всех в Стойл-Сити.

Ветер прорезал мою гриву, когда я стояла перед уже готовым надгробием, сделанным рейнджерами. Это был красивый, величественный знак, сделанный из большого куска отполированного розового гранита, взятого из Фетлокской Торговой палаты. Красный с серым. Цвета СтилХувза.

Здесь покоится

СТАРЕЙШИНА "СТИЛХУВЗ" ЭППЛСНЭК

Прародитель Рейнджеров Эпплджек

Стойкий.

Несокрушимый.

Непоколебимый.

...и настоящий друг.

Каламити сел рядом со мной. Вельвет Ремеди уселась позади.

— Ксенит должна быть здесь, — заметила я печально.

— Агась, — согласился Каламити.

— Она с нами душою, — напомнила нам Вельвет Ремеди.

Я посмотрела вниз, на основание надгробия и на нишу, выпиленную там.

— И не только она, — сказал Каламити, проследив за моим взглядом.

В этой специальной нише стояла оранжевая статуэтка со светлой гривой и хвостом, о которой я рассказала Кроссроадс, что она найдет её в хижине СтилХувза. Слова "Будь сильным!" были еле видны из-за гранита, в котором стояла статуэтка. Его маленькая пони всегда будет следить за ним. Дух Эпплджек никогда не покинет его.

Я медленно скатилась в холл Стойла Двадцать Девять, мысли мои были заполнены тенями, сожалением и болью. Я подвела СтилХувза. Он умер, и я подвела его. Он просил меня только об одном. Он просил меня просто спасти одну пони. Но я оставила Стар Спаркл в Кантерлоте, и теперь она была мертва.

Я задумалась, знал ли Анклав, что стирает с лица Эквестрии целое поселение пони. Потрудились ли они сперва всё проверить перед атакой. Волновало ли их это вообще.

Я достигла конца зала и взглянула на освещённую табличку над входом: Винил Скретч. Я подняла копыто и постучала в дверь.

— Вельвет?

— Я хочу побыть одна! — донёсся голос изнутри.

— Вельвет, пожалуйста... — Я знала, что она переживает из-за потери СтилХувза, но я начала по-настоящему беспокоиться, когда Каламити сказал мне, что она заперлась в комнате Винил Скретч. — ...Нам пора.

— Я сказала, что хочу побыть одна! — крикнула она из-за двери, заставив меня вздрогнуть.

— Вельвет?.. — Что-то было не так. Ещё более неправильно, чем я знала. — Пожалуйста, поговори со мной.

Я услышала, как дверь открылась. Металл с пневматическим шипением скользнул прочь. Вельвет Ремеди стояла там, вся потрёпанная, с сердитым выражением на лице. Её рог сиял.

— Ты не хочешь говорить со мною прямо сейчас, Литлпип. А теперь уходи.

Сосредоточившись, я начала вкатываться вовнутрь. Она телекинезом бросила в меня что-то, попав мне в грудь. Я посмотрела вниз, на то, чем она в меня запулила, и упала на колени. Это была коробка с шарами памяти.

Шарами памяти СтилХувза.

— Ты знала! — жёстко сказала Вельвет, но на удивление без обвинений. — Каламити рассказал мне многое. Но я не представляла, что СтилХувз тоже знает. Все вы знали.

О Богиня! Она посмотрела его воспоминания. Она видела его смерть в день, когда Флаттершай впервые тестировала Мегазаклинания!

— Вельвет... — начала я, только не могла ничего найти, кроме как сказать "Прости меня".

— Просто. Уйди.

В горле стоял ком.

— Я... Я пыталась... Я должна была...

— Сказать мне? — спросила она, и горькая ухмылка пересекла её мордочку. — Я знаю, почему ты не сказала. Ты пыталась уберечь меня от правды. Пыталась спасти меня. И другие, я подозреваю, тоже. Именно это ты делала, не так ли?

Было что-то в её голосе, что мне сильно не нравилось. Я боялась того дня, когда правда о роли Флаттершай в финале прежнего мира станет известна Вельвет Ремеди. Но я ожидала ярости, криков... Но не этого.

— Флаттершай... Она сделала ошибку, — предложила я, желая сказать Вельвет, что бомбы с мегазаклинаниями не были на самом деле виной Флаттершай. Все эти смерти и разрушения не были на копытах её кумира. Это было нормально, что она любила Флаттершай. — Она создала...

— Флаттершай создала нечто прекрасное, — вставила Вельвет голосом, не терпящим возражений. — Единственная её ошибка была в том, что она дала это всем.

Это... ну, я вроде должна была почувствовать облегчение, услышав от неё эти слова, верно? Так почему же я не чувствовала?

— Сейчас, если ты не против, я хочу побыть одна, — сказала она серьёзно. — Я не думаю, что смогу и дальше путешествовать с тобой.

— Что? — ахнула я, моё раненое сердце остановилось. Я не могла потерять ещё одного друга! Не сейчас! — П-почему?

Вельвет Ремеди фыркнула, становясь по-настоящему злой.

— Ты действительно хочешь уйти, Литлпип, прежде чем я скажу что-то, в чём мы обе должны будем раскаяться. — Она начала уходить, пытаясь закрыть дверь за собой. Но та не закрылась, так как сенсоры двери чувствовали меня.

— Но...

Вельвет Ремеди топнув, развернулась.

— Флаттершай ошиблась, давая мегазаклинания другим. Она создала магию жизни и лечения. Как я могу её не любить за это? — Она сверкнула на меня глазами. — Но наивно было полагать, что можно дать хоть кому-нибудь мегазаклинания без риска, что он сотворит что-то ужасное!

Я старалась ответить, но моя голова не работала. Я не могла пошевелиться, смотря на свою дражайшую подругу, наблюдая, как она уничтожает себя.

— О, я понимаю, почему она думала, что другие пони будут использовать мегазаклинания в благих целях. Я была такой глупой. Я тратила свою жизнь на помощь другим пони, потому что, будучи идиоткой, наивно полагала, что глубоко внутри мы все по своей природе хорошие. Что мы заслуживаем, чтобы нам помогали. Заслуживаем быть спасёнными.

Её слова пробудили во мне неприятные воспоминания о мистере Топазе.

— Мы... Мы в своей основе хорошие.

Вельвет Ремеди надломанно посмеялась, неприятный смех.

— Разве ты не заметила, Литлпип? — словно бранила она меня. — Ты как-то пропустила Арбу? Как насчёт домика Флаттершай? Или

любое другое дерьмо, которое мы видели? — Она покачала головой. — Глубоко внутри мы все — рейдеры.

У меня отвисла челюсть.

— Нет! Это неправда! — Я знала, Вельвет Ремеди была обижена. Я молилась, чтобы это говорила в ней её боль, а не она сама.

Невыносимо было видеть её такой.

— Нет? — возразила она. — Даже лучшие из нас опускаются до зла, едва с них слетит шляпа. Знаешь, что самое ужасное я сделала в своей жизни? — Я предположила, что она скажет про тот момент, когда начала убивать рейдеров в домике Флаттершай, но она меня удивила: — Когда я пыталась тебя использовать, чтобы заставить Каламити ревновать. Я знала, что ты любила меня, а я...

Она опустила голову.

— Это было ужасно. То, что я пыталась сделать, зло и жестоко. Я не заслуживаю прощения.

Я хотела протянуться к ней и обнять. И в объятиях держать.

— Но я простила тебя, — сказала я ей нежно. — У нас у всех есть моменты...

— Зла? — прервала она меня. — Это верно, Литлпип. Чёрт побери, да ты, возможно, самая самоотверженная и благородная пони на всей пустоши, и смотри, что ты наделала. Мы здесь, на похоронах СтилХувза, потому что ты решила взорвать мегазаклинание под логовом Богини.

Я пошатнулась, как будто она ударила меня.

— Честно говоря, я знаю, что ты думаешь о них лишь как о монстрах. И я даже знаю, почему ты должна была это сделать. Богиня представляла собой угрозу для всех и вся. Но... Ты взорвала их дома, чтобы добраться до неё, Литлпип!

О Богини!

— Ты вырезала все их чудовищные семьи с их маленькими чудовищными отпрысками. — Её тон был грустным и без злости, но каждое слово врезалось в меня, словно кувалда. — Честно, на какие их действия ты рассчитывала? Что они перевернутся по команде? Притворятся мёртвыми?

Она смотрела прямо в мои глаза.

— СтилХувз мертв из-за того, что ты сделала. — Всё моё тело онемело. — Но хуже всего то, что ты действовала правильно, что это надо было сделать.

Всё это... Смерть СтилХувза... это всё моя вина!

— И ты лучшая из нас. — Она подошла и оттолкнула меня копытом от дверного проёма. — Я не пойду с тобой, Литлпип. Я не могу помочь спасти пустошь, если не верю, что пони, населяющие её, стоят того.

Металлическая дверь скользнула и закрылась между нами.

Я выпала из моей инвалидной коляски и свернулась клубком на полу, пронзённая болью от этого разговора.

Наконец-то слёзы. И они не планировали останавливаться.

* * *

Показался ищущий меня Каламити. Я не хотела двигаться. Я хотела просто умереть.

— Я... я сделала это, — простонала я, не в силах больше плакать.

— А ну прекращай, слышишь меня? — приказал Каламити. — Ты рисковала своей жизнью и чуть не погибла, спасая Эквестрийские Пустоши от самой страшной угрозы, которую только можно себе представить. Ты, мать твою, герой, и ты не должна тут валяться, жалея себя.

— Эта бомба... скольких убила? — Адские гончие, пегасы. Сколько непреднамеренных смертей. Просто чтобы уничтожить Богиню.

Я представила себе, что даже Красный Глаз будет потрясен тем, как далеко я отбросила свою мораль.

— А как по мне, так ты наоборот спасла кучу пони, — сказал мне Каламити. — И это не твоя вина, что чёртов Анклав появился тогда, когда появился. Никто не мог предугадать это.

— А как насчёт адских гончих?

Каламити заржал.

— Ой, чёрт ты возьми, Вельвет! — топнул он. — Адские гончие — это не что иное, как смертоносные территориальные монстры, убивающие всех пони без разбора. Они веками были дикарями. Да ты хренову тучу жизней спасла, уничтожив этих шавок.

Он был прав, но это не мешало мне думать о волшебном драконьем пламени, сжигающем дома чудовищ, наполненные беспомощными, кричащими детьми.

— Пошли, Литлпип, приведём тебя в порядок.

Я моргнула, глядя на него снизу вверх.

— Ты пойдёшь со мной?

И весьма удивилась, когда Каламити кивнул.

— Сам-то я хочу остаться с Вельвет. Побывать тут ради неё, — прихлопнул он крыльями, явно беспокоясь. — Но вас же в Мэйхэттен нужно отвезти. Одним вам добираться опасно. Немощная героиня и гуль-торговец? — Пегас скептически покачал головой. — Знаю, Дитзи обидится пуще некуда, да вот только если я с вами не отправлюсь, то вы навряд ли сами доковыляете. Да и я на этой неделе больше друзей терять не собираюсь.

Мэйхэттен. Хомэйдж. Моё сердце истекало кровью. Я очень нуждалась в ней. Но даже сама мысль об очередной встрече с ней наполняла меня страхом. Как она вообще может захотеть иметь со мной дело после всего, что я сделала? После того, во что я превратилась?

Он нагнулся и нежно потёрся об меня носом.

— Особенно моего самого первого.

Я почувствовала, как что-то тёплое прошло через моё холодное, умирающее сердце.

— Спасибо тебе... Извини, что тащу тебя от неё.

— Насколько я понял, ты предложила ей больше помощи, чем я мог бы. Если нет способа вытащить её из темноты, те маленькие статуэтки станут лучшими проводниками, на какие она только может надеяться.

Временами мой друг-пегас был поразительно мудр.

* * *

Мы с Каламити забились в конец курьерского фургончика, одетые в противорадиационные костюмы. (Наша подруга-гуль широко улыбалась, вытаскивая из одного из ящиков второй комплект, предназначенный специально для жеребца-пегаса. Я начала думать, что Дитзи Ду действительно перевозит абсолютно всё, что могло бы нам понадобиться.) Каламити привязал своё боевое седло поверх противорадиационного костюма, отказавшись от своей обычной брони. Даже в нём он пил Антирадин минимум ежедневно. Каламити не

должен был быть здесь, со мной, но он отсутствовал. Я была одновременно и благодарна ему, и злилась на него за это.

Каламити не хотел рисковать тащить Небесный Бандит в Мэйнхэттен. У Кроссродс были подтверждённые сообщения о множестве операций Анклава в городе. Так что мы могли двигаться либо на своих четверых, либо в фургончике Дитзи Ду.

Путешествие не должно было занять больше нескольких часов. Мы собирались сперва остановиться в Башне Тенпони, где меня оставили бы. Затем Каламити собирался отправиться с Дитзи Ду в город Дружбы. Если Хомэйдж была всё так же рада мне, то я надеялась провести неделю, закутавшись в её объятия.

— Ах ты ж блин! — воскликнул Каламити, отрываясь от нашей четырнадцатой игры. — Можт, таки, до пятнадцати побед? — Я начинала подозревать, что он поддаётся мне. Действительно, ну никто же не может так плохо играть в крестики-нолики.

Я почувствовала замедление фургончика.

— Вот чёрт, — сплюнул Каламити, когда два пегаса Анклава пронесли мимо фургона и пошли на разворот обратно к нам.

— **Стоять, пегас!** — крикнула одна из них, её броня усилила голос и дополнила его пугающей вибрацией. — **Назови се... святые угодники, это ещё что за хрень?!**

Нехорошо.

Фзззз! Фзззз!

— Они стреляют в нас? — ахнула я. Оба пегаса Анклава стреляли в Дитзи Ду!

Фургон начал резко падать. Меня и Каламити опрокинуло на стенки фургончика вместе с парой ящиков. Один из них, содержащий в себе дюжину пакетов с Антирадином, открылся, разбросав вокруг себя оранжевые пакетики. Некоторые из них выпали в переднее в окно фургончика.

Я подползла к окну и выглянула. Фургон стал подниматься, накренившись, когда Дитзи Ду сделала крутой поворот, лавируя между опор линии Луны. В свинцовой броне гуля дымилась пробоина прямо за левым крылом, из раны сочилось что-то светящееся.

Фзззз! Фзззз!

Часть крыши над надо мной засветилась и распалась в пыль, образуя дыру в потолке размером с жеребёнка. Левитировав Малый Макинтош, я стала взбираться на опрокинутый ящик, пока один из атакующих пегасов не оказался в прямой видимости через отверстие. И скользнула в З.П.С.

Каламити нырнул вниз через заднюю дверь фургона и раскрыл крылья, как раз в тот момент, как я несколько раз выпалила по закованному в чёрный панцирь солдату Анклава. Две пули из трёх отскочили от брони, последняя же её всё же пробила. Я пригнулась, нуждаясь в перезарядке бронбойными либо магическими пулями.

Фзззз!

Фургон снова накренило, ящики заскользили к открытой задней двери, Дитзи Ду пыталась набрать высоту. Я растянула телекинетические сети, стараясь уберечь Дитзи Ду от потери всего имущества, что она везла с собой. Снаряд магической энергии влетел в фургон, угодив по одному из металлических ящиков и расплавил его вместе с содержимым.

Я слышала выстрелы боевого седла Каламити. "Дэдшот" Каламити. Я уверена, что он настрелял на своё прозвище.

Один пегас из Анклава парил прямо позади нас. Драгоценные камни на его боевом седле затрещали, свечение стало ярче, когда пегас переключился на более мощные спарк-батареи. Я подняла Малый Макинтош, зафиксировав его на голове пегаса прицельным заклинанием. Мне не хватило времени сменить патроны, но если бы мне удалось попасть в забрало, уверена, пуля прошла бы его насквозь.

Меня жёстко отбросило назад, когда Дитзи Ду неожиданно резко затормозила. Гнавшиеся за нами пегасы, не успев сманеврировать, вмазались в задок фургона.

Мы начали движение, как только экипированные в черные панцири пегасы без сознания упали на землю.

Я левитацией складывала ящики по местам, когда Каламити залетел обратно.

— Извиняй, Лил'пип, не могу позволить себе убить собрата, — сказал пегас, слегка скривившись. — Отправил одного на посадку пулей в крыло, но проблем от них у нас не поубавится. — Он отвёл взгляд. — Когда-то и я был одним из них.

Я поняла.

— Не хочешь ли поговорить об этом?

Каламити покачал головой.

— Не сейчас. Давай сперва довезём тя куда надо, — ответил он, намереваясь оттянуть время. — Хотя да, думаю, когда-нибудь я об этом с вами поговорю, и случится это скорее раньше, чем позже.

— Час от часу не легче, — застонала я, как только мы увидели группу Анклавовцев над Башней Тенпони. Дитзи Ду двинулась от них в поисках места на земле вне поля их зрения. Мы должны были добираться до Башни своим ходом или, точнее, я должна была. Присутствие Анклава в Тенпони означало, что что моим друзьям-пегасам туда путь закрыт.

Память возвращалась.

Открой обратно! — приказывая мне, закричала Амброзия, в то время как грозные антеннообразные стволы её боевого седла угрожающе светились. — *Ты откроешь прямо сейчас эту комнату или я, Клянусь Советом, покажу тебе, что такое — плавиться!*

Я не могла. Я пыталась образумить её. *Я вместе с тобой попала в ловушку. Эта дверь открывается только снаружи, и, исходя из того, что я видела в первую свою поездку в Марипони, открыть её может только Богиня.*

Это всё. Лишь вспышка, мгновение. Куска в тридцать с небольшим минут для меня словно и не было.

Дитзи Ду приземлилась в затемнённом устье мойки колесниц. Она отцепила себя от фургончика, достала лечебное зелье из почтовой сумки и повесила её на бок.

— Дитзи Ду? Каламити? Можете меня здесь подождать? — спросила я жалобно. — Всего лишь несколько часов. Что если я не смогу войти? Или что-то пойдёт не так? — Как вариант, Хомэйдж могла меня просто прогнать.

Дитзи Ду быстро кивнула. Затем опустила дощечку и написала одно слово:

"Маффины?"

Я улыбнулась.

— Если я уболтаю Хомэйдж испечь ещё хоть немного, безусловно!

Несколькими минутами позже я шла через руины к Башне Тенпони. Здание казалось ещё более впечатляющим с земли. Оно росло впереди, единственное неповреждённое здание в округе такого размера, возвышаясь над кладбищем, оставшимся от Мэйнхэттена, как маяк, будучи одновременно и передатчиком и предупреждением.

Я ступала между пустых консервных банок, остатков костров и десятков других напоминаний, что армия Красного Глаза

жар-бомбы.

С помощью той самой Жар-Бомбы, которую, по договоренности с Красным Глазом, он отправил со мной в Прекрасную Долину, чтобы я уничтожила Богиню и Чёрную Книгу. И убила ещё многих других, включая СтилХувза. Эта мысль пронзила моё сердце. Маленькая пони в моей голове тихо плакала.

Я остановилась, опираясь на огромную букву "С", одну из наиболее сохранившихся букв, упавших с фасада здания. Я сбила дыхание. Я уже готова была свалиться с ног, но не могла сказать, было ли это от скорби, угрожавшей раздавить меня, или от слабости, которая разрушала моё тело. Эти два чувства слились воедино.

Впереди я увидела главный вход в Башню Тенпони, который был закрыт бронелистами. Весь нижний этаж был забаррикадирован с помощью магически расплавленного щебня со двора. Единственный способ попасть внутрь, кроме крыши, был на станции Четыре Звезды, находившейся надо мной. Я точно знала это. Но это не делало левитацию до станции менее изнурительной.

Я посмотрела вверх и увидела солдата Анклава в броне, делающей его похожим на чёрное насекомое, шагающее по путям надо мной. Лёгким щелчком я активировала МГ СтелсБак II и стала невидимой.

— Что значит: "Ее здесь нет"?! — воскликнула я, идя за Лайфблумом.

Лайфблум вёл меня через секретную часть Башни Тенпони. В место, о котором ни горожане, ни вновь прибывшие бронированные гости понятия не имели.

— То и значит, Литтлпип, — подтвердил Лайфблум. — Анклав отключил её трансляцию. Видимо, у них есть возможность заглушать нас, независимо от того, что мы делаем с этими башнями...

Но... это всё равно будет моим проектом, верно? — спросила Рэйнбоу Дэш. — *И это будет по-прежнему Министерством Крутости?*

Анклав не контролировал центральный узел Проекта Одного Пегаса, но кто знает, сколько центров Министерства Крутости, находившихся за облаками, они контролировали. И Рэйнбоу Дэш заверяла, что у Министерства Крутости были основные полномочия.

Я знала свою Хомэйдж. Она не могла просто ждать, пока её отключат. Она желала быть уверенной в том, что правда всё равно увидит свет, даже если это её убьёт.

— Когда она ушла? — спросила я, волнуясь сейчас за неё сильнее, чем в тот раз, когда Башня Тенпони столкнулась с бомбой Красного Глаза. Это, по крайней мере, я смогла предотвратить.

— Вчера утром, через несколько часов после того как они перехватили её эфир, — ответил Лайфблум, когда мы дошли до кабинки, в которой он собирался вычистить остатки порчи, спрятавшиеся в моём теле. — Она взяла несколько передающих устройств, наподобие тех, которые отдала вам для Филлидельфийской башни. Сказала, что у неё есть план.

— Хомэйдж, удачи, — прошептала я, желая мысленно подбодрить её, несмотря на все мои страхи и волнения.

Дидзи Ду приземлилась в доках острова Дружбы.

— Очень любопытно, мы прибыли в город Дружбы, и при этом нас ещё никто не подстрелил, а? — спросил меня Каламити выпрыгивая из фургончика.

— Агась, — сказала я, подражая егоговору. Он усмехнулся.

Дитзи Ду отцепилась от фургончика и встряхнулась, заставив складки свинцового плаща трепыхаться. Она была расстроена, но понимала, почему я вернулась без маффинов. Каламити был заинтересован моим быстрым возвращением из Башни Тенпони. Но без Хомэйдж и с пегасами, разгуливающими по всему зданию в чёрной насекомоподобной броне, у меня не было желания или причин оставаться там. Наблюдение за парой бронированных пони Анклава, глядящих в окно моего закрытого сырного магазина и говорящих о том, что они имеют право на "геройскую скидку", стало последней каплей, и я покинула Башню.

Охранница приближалась к нам, её глаза метались между двумя пегасами.

— Итак, это визит великого и доброжелательного Анклава, не так ли?

Каламити закашлялся, притопнув немного.

— Вряд ли.

— В самом деле? — спросила охранница, приближаясь. — Тогда позвольте взглянуть на вашу кюотимарку.

Я удивлённо подняла брови, но Каламити развернулся, схватился зубами за край противорадиационной брони и задрал его, обнажая шрам в виде облака и молнии, стёрший его кюотимарку.

— Все хорошо, — сказала кобыла охраны, заметно расслабившись. — Добро пожаловать в город Дружбы. — Она мило улыбнулась нам. Её взгляд прошёлся по фургончику, и когда она посмотрела на Дитзи Ду, её глаза округлились в удивлении. — Дитзи? Автор "Руководства по Выживанию в Пустоши"?

Дитзи Ду счастливо зацокала копытами, радуясь, что её узнали.

— DJ РопЗ говорил, что ты гуль, но он никогда не упоминал что ты светишься!

Дитзи Ду опустила свою дощечку и написала: "Свечусь недавно. Перебрала Прекрасной Долины. Город Дружбы может исправить?"

Охранница прочла надпись, и на лице её промелькнула надежда, хоть и вперемешку с неуверенностью:

— Ну, если тебе тут и может кто помочь, так это доктор Фрешуотер. Она заведует научной станцией, построенной на самом острове Дружбы. Лет десять назад она создала водный очиститель, и теперь вот уже пару последних лет работает над раскрытием тайн так ею называемых Детей Бомб.

— Весело, — подумала я вслух, подозревая, что мне вполне могло бы подойти такое имя.

Хоть Лайфблум магически и очистил моё тело от порчи, я всё-таки подвергалась крайне интенсивному её воздействию: от целого озера ЗВТ в Марипони и от его слабой распылённой формы в комнате безопасности там же. Согласно диагнозу Лайфблума, все мои внутренние органы были на своих местах, и я не стала меняться в размерах или отращивать крылья. Однако произошли изменения на фундаментальном биологическом уровне. Со слов единорога, я уже стала ближе к аликорнам, чем к пони.

Только я не считала этот факт чем-то хорошим. Богиня заявляла, что аликорны — есть улучшенная и превосходная форма жизни, что они более приспособлены к выживанию и процветанию в новом мире, чем пони, что они станут их естественными преемниками. Я же ощущала себя чужой в своей собственной шкуре.

Охранница посмотрела на меня.

— Чем я могу помочь тебе, подруга?

Я задумалась на мгновение.

— Мы здесь, чтобы помочь Дитзи Ду, и останемся здесь столько времени, сколько ей понадобится. Не могли бы вы описать ситуацию в городе Дружбы?

Охранница кивнула.

— Конечно. Если вкратце: город Дружбы пытается быть хорошим местом для нормальных пони и стремится быть настолько свободным и безопасным, насколько это возможно. На острове это даётся намного проще. Рейдеры и работоторговцы особо нам не досаждают. Чаще всего это обычные морские змеи или радигаторы. Иногда сюда приходят беженцы или просто те, кто ищет тут покоя. Мы прилагаем все усилия, чтобы помочь им, но город же не резиновый. Рэспбери Тарт хочет начать строить лачуги в центре города, но мэр Блэк Сис препятствует этой затее. Она не хочет, чтобы остров Дружбы превратился в трущобы.

Я кивнула, мысленно оставляя в голове заметки.

— Город дружбы управляется советом из трех достойнейших пони. Доктор Фрешуотер, о научной станции которой я вам уже говорила, мэр Блэк Сис, которая является народным избранником, и шеф Лентерн, который возглавляет охрану. Если вы ищите место для проживания, то лучшее из лучших — это гостиница "Согревающие Улыбки". Также вы можете поискать бесплатное место в Общей Комнате, но я не рекомендую. — Охранница нахмурилась. — Это место находится в ведении Рэспбери Тарт. Мэр говорит, что дела у неё там нечисты. На этот счёт я не уверена, но она определённо не страдает от недостатка контроля, который разрекламировала в своём заведении.

Дитзи Ду поднялась на дыбы и, заржав, толкнула передними копытами. Отвечая на мой вопросительный взгляд, она убежала за дочерью и, вернувшись, очистила её копытом, после чего написала: "Плохие дела у Р.Т. Никаких ей маффинов".

Охранница повела нас к запасному входу в научную станцию, который выглядел в доки. Вопреки названию города, вход этот выглядел совсем не дружелюбно. Толстые армированные плиты на пневматике надёжно закрывали вход на станцию, а бронированные турели охраняли к нему подход. Ни замка, ни терминала. Только камера. Двери мог открыть только кто-то внутри. У самого входа лежал небольшой зелёный коврик из искусственной травы с белыми цветочками и с надписью: "Добро пожаловать".

— Рэспбери Тарт — глава торгового союза. Мэр говорит, что она упорно зарабатывает себе на пинок из города, просто без прямых улик никто действовать не хочет — есть опасения, что она уведёт из города и многих торговцев. — Охранница закатила глаза. — Ну, это, конечно, если она сможет через переднюю дверь пролезть.

Охранница, улыбаясь, помахала копытом на камеру. Я услышала, как отключились турели, а массивные плиты, открываясь, с шипением заскользили в стороны.

— Боюсь, вы должны сдать ваше оружие у входа, — предостерегла охранница. — Город Дружбы — дружное место, друзья, и мы хотим сохранить его таким. Мы вернём вам оружие, когда будете уходить. Я рекомендую потратить немного времени, чтобы представиться мэру Блэк Сис, как только вы разместите Дитзи Ду. Вы найдёте её в "Припасах Блэк Сис". — Она улыбнулась Каламити. — И, я полагаю, вы хотели бы посетить Радара, нашего жителя-Дашита.

Каламити ошеломлённо разинул рот.

— Радар до сих пор жив? — выдохнул он. — Он чё, тут?

— Именно так. Стар как мир, да крыльями ещё машет. Он был ответственен за научную станцию ещё тогда, когда наш городок только зарождался. Он помог превратить город Дружбы в то, чем он является в настоящее время.

Я моргнула, внезапно вспомнив главу из Руководства по Выживанию в Пустоши об основах поселения. Я только просмотрела главу во время чтения, в конце концов, я больше интересовалась основными подсказками выживания, чем грандиозными понятиями, такими как строительство здания. А затем я вспомнила утверждение Каламити, что пегас помог натянуть верёвочные мосты, соединяющие целые куски Моста Дружбы.

Охранница усмехнулась реакции Каламити.

— Полагаю, вы даже и не думали увидеть другого Дашита в своей жизни.

Я хихикнула, глядя на моего спутника.

— Может, подберешь свою челюсть, перед тем как зайти.

Когда Каламити сдавал боевое седло на пост охраны прямо у входа, к нам в явной спешке подбежала лазурная единорожка с коротко подстриженной малиновой гривой и коротким хвостиком. Она была одета в лабораторный халат и выглядела очень по-учёному.

— Здравствуйте! Добро пожаловать на научную станцию города Дружбы, где мы трудимся во имя лучшего будущего для всего народа пони. Прошу вас, входите. — Она дружелюбно улыбнулась. — Я — Доктор Фрешуотер, а это — моё детище. Прошу вас, почувствуйте себя как дома. Ничего не трогайте.

Она тряхнула мое копыто и немедленно повернулась к Дитзи.

— Дитзи Ду, верно? — спросила доктор Фрешуотер, взяла очки и рысью подбежала к нашей светящейся пегаске-гулю. Она левитировала небольшое устройство, начавшее щёлкать, как дозиметр в ПипБаке.

Дитзи Ду кивнула. По-видимому, она спокойно относилась к вторжению в своё личное пространство.

— Давайте быстренько замерим ваш уровень облучения в специальной комнате. Как вам такая идея? М? Ничего себе, ваш показатель впечатляет. Это новое состояние? Когда вы стали такой? Откуда у вас такое облучение? Нет, нет, не останавливайтесь, чтобы писать, просто пойдём. — Доктор уже убежала, хвостом поманив Дитзи за собой. — Давайте, мы уже всё подключили.

Дитзи Ду посмотрела на свои крылья, бросая нам взгляд, который я не смогла понять из-за того, что её глаза снова начали вытворять эти странные шулки. После этого она попорхала за Доктором Фрешуотер, которой, похоже, не терпелось обследовать её вдоль и поперёк во имя науки.

— С ней все будет хорошо, так ведь? — спросила я проходящую мимо лабораторную пони.

— Ах да, конечно, — замылась пони. — После того как она подключит эту светящуюся особу, она будет в безопасности по ту сторону стекла.

— Я имела в виду Дитзи Ду, — сердито сказала я, когда лабораторная пони пошла прочь.

— Я уверен, она будет в порядке, — заверил меня Каламити, когда поднимался рядом со мной, отделившийся от своего боевого седла. — Доктор Фрешуотер кажется немного странной, конечно. Но если она может помочь Дитзи Ду вернуться к Сильвер Белл как можно быстрее, я уверен, наша старушка потерпит.

Я содрогнулась, идея мне не понравилась. Да, именно за тем Дитзи Ду и хотела приехать, именно потому мы и здесь, но от этого было не легче. Я надеялась, что с ней они сделают всё правильно.

— Зелья зебр, — с гордостью произнёс пожилой пегас, когда Каламити с присущей ему прямоотой начал расспрашивать его о долголети. Радар ударил себе по груди охрового цвета копытом (немного поморщась) и воскликнул: — Разве может быть что-то лучше?

Их военные пораскрывали кучу всяких секретов и методов приготвления зелий. Это паразитировало.

— По правде говоря, я могла бы в это поверить, — сказала я старому сморщенному охряному пони с короткой стриженной гривой, которая, возможно, была белой и до того, как её владельцу стукнуло столетие. Я усмехнулась, глядя на Каламити, выглядящего так, словно желал сорваться с места и кричать "Охтыжбожежмой". Это была встреча, которую он никогда не ожидал, с пони, о котором он никогда не знал, но сама мысль, что он не единственный Дашит в Пустоши Эквестрии, похоже ошеломила его.

— Эта хренова выскочка Фрецуотер может забрать мой пост в Совете Города как главный научный сотрудник, но она не сможет заставить меня уйти на пенсию! Только не сейчас, когда я ещё жив и здоров, — настаивал Радар. — Я такой же, как и был.

Чтобы доказать это, старый пегас расправил крылья и наполовину перелетел свою мансарду в задней части станции, сделав три полных метра, прежде чем приземлился, ужасно хрипя.

— Эй, полегче, — сказал Каламити, вдруг очнувшись от полностью охватившего его благоговейного ступора. Потом подлетел к качающемуся старому пегасу, пытаясь поддержать его. Но Радар оттолкнул молодого Дашита прочь.

— Я же сказал, я в отличной форме. Не нужно никакой помощи! — Он пригляделся к нам. — А вы-то кто такие будете, ребята, и что вам нужно от старого Радара?

— Я — Каламити, — с теплотой ответил мой друг. — А это — моя лучшая подруга, Литлпип. Я — Дашит, спустился с облаков лет эдак семь назад. Думал, что я один здесь такой. В смысле, я, конеш, слышал про тя рассказы, но ты же ж бросил Анклав так давно...

— И теперь они возвращаются, — поставил точку Радар. — Чертовски не вовремя. — Каламити урюмо кивнул. Радар посмотрел на него сверху вниз. — Скажи-ка мне, что ты обо всём этом думаешь?

— Да не знаю я, — признался Каламити. — Но не думаю, что они здесь ради "Спасения Пустошей".

Пожилой пегас ухмыльнулся.

— Ах, значит ты тоже не купился на то дерьмо, которым они пичкают нас по радио. — Каламити покачал головой. — Хорошо. А то я уже начал думать, что я один такой.

— А ты, как там тебя зовут, — Радар повернулся ко мне. — Как насчёт тебя, крошка? Ты думаешь, что они спустились со своих старых-добрых небес, чтобы спасти твой хвост?

— Литлпип, — напомнила я ему. — И нет. Я определённо так не думаю.

Радар улыбнулся и глубокомысленно кивнул.

— Замечательно, ну, как мне видится, это должно быть как-то связано с Проектом Стойкий Пегас. Ведь это ключ к мощи Анклава.

— Как это? — спросила я.

— Сельское хозяйство, глупорогая, — заявил Радар. — Без башен Анклав не сможет кормить пони. Пегасы не смогут выжить за пеленой облаков.

Помнишь, ты спросила типа, чё мы там ели, и я ляпнул что-т про посевы в небе? — говорил Каламити после посещения фермы Пинки Белл. — *Я не знаю, чего вон те вотта башни должны были делать сначала. Но я знаю, чё Анклав решил с ими делать. То ись, заколдовывать облака на мили вокруг, чтоб мы могли выращивать зерно прям в небе.*

— Без него, — настаивал Радар, — Анклав падёт.

— Красный Глаз планирует взять под контроль... П.О.П. Он хочет управлять погодой.

Радар усмехнулся, пробормотав себе под нос:

— Ну, что ж, удачи ему в этом.

Я вспомнила, что Каламити говорил ещё в пещере Спайка:

Они могут действовать как один, ток когда чувствуют ся под угрозой.

— Тогда, с их точки зрения, — предположил Радар, — либо он, либо они.

— Ебанись с небес Луна, — выругалась я (пожилой пегас вскинул бровь, а Каламити шепнул: "да она частенько так выражается"). —

Мы могли бы это и предвидеть.

Печально и устало я посмотрела на Каламити.

— Когда мы впервые узнали о том, что Красный Глаз шарился в Филлидельфийской Башне, мы должны были понять, что Анклав должен был сделать шаг рано или поздно. К тому времени как мы покинули Кантерлот, мы должны были знать наверняка. — Я закусила нижнюю губу. — Вопрос был лишь в том, когда они поймут план Красного глаза.

— Не похоже, чтоб Анклав так уж волновали дела на Эквестрийской Пустоши, — заметил Каламити. — По крайней мере, мне так всегда казалось. Пошлют несколько групп разведки каждый год — и всё.

— Стойте-ка! — Радар неожиданно подлетел ко мне, упершись своим лицом в моё. — Ты сказала, твоё имя Литлпип?

— Д-да, — заикнулась я, отходя назад.

— Ты была в Министерстве Крутости? Прежде чем великий и ужасный Анклав сорвал весь Кантерлот с горы?

Я следила за монитором, пока Радар набирал пароль.

— Так значит ты был в Министерстве Крутости? — спросил Каламити у Радара, не в силах скрыть свой шок.

— Да, был, — ответил Радар. — Несколько десятилетий назад, незадолго до того как они выжгли мою кьютимарку. Я надеялся, что найду там ответы. — Он взглянул на нас, когда монитор ожил. — Я не прошёл дальше пункта охраны, и мне пришлось валить оттуда, оставив чёртово здание в состоянии полной боевой готовности позади. Но мне удалось вынести эту "драгоценность" из логов охраны.

Я взглянула на монитор. Дата лога была очень старой. Первые годы постапокалипсиса.

— Что ты имел в виду, говоря "удачи ему"? — спросила я, глядя, как на записи проходила минута за минутой.

— Ась?

— Когда я сказала, что Красный Глаз планирует взять под контроль П.О.П., — напомнила я ему, — ты сказал: "удачи ему в этом".

— А-а. Ну, весь сраный Анклав уже несколько поколений пытается попасть в его центральный узел. Если они не могут, то я не вижу никаких шансов для Красного Глаза.

— У него есть план, — сказала я с уверенностью.

— Да ну? — с издёвкой спросил Радар. — Ну, что ж, с удовольствием послушаю. Потому как это место заперто жёстче, чем анус моей бывшей жены...

О Богини, как же мне было не до возникших образов.

— ...То место оборудовано наилучшими в Эквестрии системами защиты. Вокруг него стоит суперцит, такой мощный, что через него хрен кто мог пролезть. Думаю, внутри там и пушки есть, которые тоже 'супер', только вот за тем до безобразия мощным щитом они теряют всякий смысл.

— Я знаю, что Анклав выстроил целую базу вокруг него, — добавил Каламити. — Целая куча военных охраняет место, в которое и без того никто войти не может.

Радар тихо посмеялся над Каламити.

— Никогда не найдёте пони, который смог бы пройти. Высший Совет Анклава знает, что щитом может управлять только Рэйнбоу Дэш. Но у Рэйнбоу не осталось родственников. И когда она ушла, она наверняка включила щит, отделивший их от желанного трофея.

— Спорим, они усвоили этот урок, — улыбнулся Каламити.

— Они просто объявили её изменницей, вот что сделали, — сплюнул Радар. — Послали грифину-наёмницу убить её и принести её голову. Надеюсь, что если кто-нибудь "оденет" Рэйнбоу Дэш вокруг шеи, то он сможет пройти через щит.

Мы с Каламити ахнули от ужаса.

Я отвернулась от монитора.

— Анклав хотел... это... Богини!

Радар мрачно согласился, лишь поправив меня в одном месте:

— Ну, тогда ещё они были не совсем Анклавом. Но они достигли этого очень быстро.

— Что произошло?

Радар ответил просто:

— Ну, либо они не достали её голову, либо достали, но так и не смогли пройти.

"Пинки Пай?" — раздался из монитора голос Рэйнбоу Дэш. Я отошла назад, чтобы разглядеть сильно потрёпанную голубую пегаску, вошедшую в подвал. Изображение с камеры наблюдения увеличилось, сфокусировавшись на ней. — "Ты здесь?"

"Пинки Пай?" — спросила она ещё раз. Её голос звучал слишком тихо в этом большом помещении. — "Я принесла их, как ты и просила. Для чего они?"

Её слова эхом отразились от стен. Свет надежды в широко раскрытых глазах медленно угасал.

Рэйнбоу Дэш остановилась за несколько шагов от щита, магический свет рисовал на стенах причудливые силуэты, пока она осматривалась.

"А ты не шутила насчёт исцеляющих зелий, кстати говоря. У меня осталось последнее, и мне ещё нужно очиститься от той розовой хрени снаружи. Эта штука... ужасна.

В помещении не раздалось ни звука. Искорка у неё в глазах совсем пропала, а выражение лица стало до боли печальным.

"Тебя же... тут нет, да?" — спросила Рэйнбоу Дэш у пустоты вокруг. — "Похоже, и ты не добралась."

Рэйнбоу Дэш торжественно прошла сквозь щит. Она направилась к маленькому постаменту в его центре, к коробке с шарами памяти. Её крышка была слегка приоткрыта. Рэйнбоу Дэш открыла её носом, показав три уже лежащих там шара и место для ещё трёх. Второй, третий и пятый отсутствовали.

"Я не знаю, зачем тебе это надо, или кто такая эта Литлпип, которую ты упомянула в записке, но надеюсь, что это действительно так важно, как ты сказала," — нахмурилась Рэйнбоу Дэш, её голос звучал мягко и грустно. Она полезла в седельную сумку, зубами достала шар памяти и мягко опустила его на место, предназначенное для шара-бабочки.

"Было не так просто их добыть. Особенно с Гильдой на хвосте. Но даже она не настолько храбрая, чтобы следовать за мной в то, что осталось от Кантерлота. Тем более, в моё Министерство." — Она положила шар-звезду на место. — "Но она ждёт меня там, и после этого розового дерьма я не уверена, что смогу её сделать."

Рэйнбоу Дэш взяла последний шар памяти, тот, что должен был лечь в держатель, отмеченный её собственной кьютимаркой. Она помолчала, глядя на маленький герб облака с радужной молнией. Потом вздохнула и положила шар на место.

Рэйнбоу Дэш обратила свое внимание на шар в четвёртом держателе. Воздушный шарик.

"Но я тебе доверяю. Ты же знаешь. Ты сказала, что это важно, я верю тебе и никогда не оставлю свою подругу. Даже... Даже после того как она..." — закончила она уже шепотом: — "...ушла."

Одинокая слеза скатилась по её щеке, когда она устало ухмыльнулась.

"Это последняя выходка, правда? Вместе, как всегда."

Она подняла копыто и закрыла коробку с шарами, по гробнице раскатился щелчок замка.

Я потянулась и коснулась экрана монитора, не в силах удержать себя от слёз.

Рэйнбоу Дэш повернулась и пошла прочь. Достигнув внутренней границы щита, она остановилась. Её лицо выражало решимость.

"Но знаешь что, Пинки? Раз уж тебя здесь нет, я меняю правила." — Рэйнбоу Дэш развернулась и побежала к мэйнфрейму на противоположной стороне области, покрытой щитом. — "Если кто-то придёт и будет тут шариться, я хочу знать это. Я установлю обходной сигнал в каждом центре Министерства Крутости. Если я буду жива, я хочу встретиться с этой твоей Литлпип."

Дэш пару секунд помолчала.

"Прости, Пинкс," — сказала она, оглянувшись через плечо. — "Надеюсь, ты не против."

Остаток записи я смотрела ошеломлённая в образовавшейся тишине.

* * *

Город Дружбы возвышался над нами: концентрические кольца магазинов и домов, соединённые переходами и платформами, которые расходились от центральной спиральной лестницы, проходившей через похожее на дымоход открытое пространство, как шлейф дыма, восходящий к голове статуи Дружбы.

Толпы пони двигались вверх и вниз по спиральной лестнице, отсеиваясь на боковых переходах и смешиваясь с движением на платформах, окружённых слоями сооружений из добытого металлолома, выстроенных на внутренних стенках массивной статуи — город, построенный из мусора, большая часть которого была собрана с кораблей, затонувших в гавани. Небольшой лес опорных балок был сильно перегружен на низших уровнях.

Пони собрались в питейном заведении, называемом "У Спарк", которым управляла дружелюбная, но слегка потрёпанная кобылка с меткой Спарк-Колы на боку. Её помощники сновали между столами, принимая заказы и разнося однообразные, приготовленные во фритюре блюда. Из радио поблизости доносился рёв тяжёлых горнов, барабанный марш и раскаты грома. Музыка Анклава.

Пони замирали, дабы уставиться на нас с Каламити, идущих по городу Дружбы. Беседы обрывались на полуслове. На этот раз взгляды были направлены не на меня; это присутствие пегаса в толпе привлекало их внимание. Каждый из них бросал быстрый взгляд на бок Каламити.

Мы больше не носили антирадиационные костюмы, оставив их у наиболее дружелюбного помощника доктора Фрешуотер. Без

Каламиты и боевого седла Каламиты смотрелись необычно голым с его шляпой сорвиголовы. При виде метки Дашита на Каламиты нервные выражения лиц пони сменялись улыбкой. Вскоре, где бы мы ни были, мы были окружены толпой незнакомых пони, дружелюбно приветствовавших моего друга-пегаса и его маленькую спутницу.

Я же не достаивалась никакого внимания, но лишь до тех пор, пока к нам не подошли двое охранников службы безопасности города Дружбы, одетых в тяжёлые доспехи пастельных тонов, которые отлично гармонировали с их гривами.

— Добро пожаловать в город Дружбы, Каламиты, — улыбнулся один из них, протягивая копыто. Вести о нашем визите разлетались быстрее, чем толпа позволяла нам продвигаться. — А вы, должно быть, Обитательница Стойла, о которой DJ Pon3 говорил столько хорошего. Это честь встретиться с вами, мисс.

Я почувствовала, как жарко краснею, глядя на охранника.

— Вы уж звиняйте насчёт стрельбы по вам на прошлой неделе, — сказал пони огорчённо, протягивая мне копыто.

Я уже тянулась потрепать его, когда его суровая партнерша угрюмо проворчала:

— А вот я — пас. — Я замерла.

Охранник тревожно посмотрел на свою напарницу, но та стояла на своём.

— Она застрелила родителей тех жеребят прямо у них на глазах, — сказала она, глядя на меня. — Огненными пулями.

Мое копыто опустилось на пол из металлолома.

— Знайте, они называют вас адской кобылой, — сказала охранница сердито. — Дети.

Другой охранник, парень, в смущении прикрыл лицо копытом.

— Всё хорошо, Найт Брайт. Давай просто пойдём. — Он смотрел на нас с сожалением. — Звиняйте, ребят, за это.

Когда охранники отошли, Найт Брайт оглянулась через плечо и медленно, одними губами произнесла: "Пули. Из. Огня."

— Добро пожаловать в Припасы Блэк Сис, — приветливо встретила нас черногривая кобыла цвета индиго за прилавком, когда увидела. — Моё имя Блэк Сис. Я мэр этого города и владелец это милого магазинчика. А вы, должно быть, Литлпип и Каламиты, — улыбнулась она. — Слухи ходят кругом. Спасибо, что заглянули. Что я могу для вас сделать сегодня?

Я огляделась и была поражена. Небольшое судно, из которого был сделан магазинчик, было разрезано на части, принесено в город Дружбы и полностью переделано. Металлический пол и шкафы были крепко приварены. Узкие лестницы вели к жилой комнате, которая когда-то была каютой капитана. Древний предшественник терминала — сочетание монитора и домофона — был встроен в стену за прилавком, который выглядел, как будто добыт был из какого-нибудь кафе.

Каламиты порхнул вперёд, чтобы поприветствовать мэра Блэк Сис.

— Рад встрече! — приветливо улыбнулся он. — Не возражаете, если я тут пошарюсь вокруг? Я хотел бы немного поторговать.

— Ну и совпадение, чёрт меня возьми! — заухмылялась она. — Мой магазин здесь как раз для этого! У нас есть практически всё, что тебе может понадобиться. Давай я тебе покажу здесь кое-что...

Было приятно смотреть, как Блэк Сис и Каламиты торгуются, мой крылатый друг хотел сбавить многое из того, что он собирал в Министерстве Стиля, в обмен на крышки, боеприпасы и медикаменты (особенно на Антирадин). Блэк Сис оказалась опытной и харизматичной торговкой, и вскоре он начал подбирать подарок для Вельвет. Что-то такое, что сможет тронуть её сердце и напомнит ей, что ради хороших пони всё ещё стоит сражаться.

Мои мысли всё ещё тонули в холодных воспоминаниях об Арбе, отделяя меня от окружающего мира и разговора. Я почти не отреагировала, когда из-за открывшейся двери выскочил тёмно-серый жеребец с тростью в зубах. Я среагировала, лишь когда палка превратилась в магический бластер и он выстрелил из него в мэра.

— Тарф перетаёт прифет!

Каламиты в одно мгновение оказался возле Блэк Сис, отбрасывая её из-под прицела прямо на полку с коробками для завтраков, сенсорными модулями и садовыми гномами, которая обрушилась на кобылку цвета индиго. Снаряд смертельной магии ударил в дисплей парового датчика, распылив его.

Моей первой реакцией было вытащить Малый Макинтош, но почти сразу я вспомнила, что моё самое верное оружие не со мной. Каламиты, развернувшись, встал напротив убийцы, загородив собой Блэк Сис. Жеребец сместился, чтобы вновь выстрелить, понимая, что ему придётся сначала разобраться с Каламиты, перед тем как вернуться к своей цели.

Я обрушила на него свой телекинез, подняв тёмно-серого пони и отбросив его к дальней стене, где две полки скрыли от его взгляда моего друга и кобылу-мэра. Я обернула своей магией его шею, сжимая. Жеребец лягнулся и крутился, выпучив глаза, магическое оружие с грохотом стукнулось об пол.

Блэк Сис встала на копыта, несколько садовых гномов упало позади неё, убийца потерял сознание. Я отпустила его. Мэр медленно моргала, покачивая головой.

— Что ж, кажется, ваша репутация героев вполне оправдана, — сказала она, слегка морщась от вывиха. — Спасибо, что спасли меня.

— Эт наша работа, — сказал Каламиты, больше для меня, чем для неё. — Как думаешь, почему он тя убить-то хотел?

Мэр нахмурилась.

— Дерьмо, я почти уверена, что Рэспбери Тарт стоит за этим, — объявила она и подошла к старому терминалу. Она нажала одну кнопку по монитором и рявкнула: — Тарт, я хочу поговорить с тобой прямо сейчас!

Пони цвета индиго беспокойно перебирала копытами, наблюдая за Каламиты.

— Не могли бы вы быть так любезны и связать этого ублюдка? — Она опустила глаза на энерго-магическое оружие на полу. — Как, чёрт побери, Ленгерн пропустил это?

Я подошла к месту, куда упало оружие, и подняла его, чтобы рассмотреть. Это была модель, с которой я никогда ранее не сталкивалась, но я не так уж и хорошо разбиралась в энерго-магическом оружии.

— Вы можете расспросить дедулю Рэттла об этом, — предложила я. Заклятие, замаскировавшее бластер под трость, было слишком похоже на магические исследования старика, чтобы быть простым совпадением.

У меня есть дробовик.

Я никак не могла себе представить дедушку Рэттла, работающего заодно с кровожадными пони. По крайней мере, не готова. Мне вдруг стало страшно за старого безумца.

Монитор вернулся к жизни, показывая толстое лицо гранатовой пони с жёлтой гривой и очень харизматичной улыбкой.

— О, мэр Блэк Сис! Как я рада слышать вас! — Её слова буквально сочлились из динамика под монитором. — И какой честью я обязана, что мне этим вечером позвонили сама вы?

— Конечно ты знаешь, почему я тебя вызвала, кровожадная сука. — Блэк Сис сплонула, топя как копытом. — Ты только что послала пони убить меня.

— Опяаяяя ты ругаетесь! — протянула она, её улыбка сползла от обвинения. — Тихе, тихе. Не к лицу мэру нашего восхитительного города столь омерзительно сквернословить. Или опускаться до такой вопиющей клеветы.

— Отрицаешь, значит? — Блэк Сис прищурилась. — Что ж, увидев, как этот неудавшийся убийца облажался, я уверена, мы сможем с этим разобраться, когда шеф Лентерн проведёт с ним в камере для допросов денёк-другой.

— О-о? — гранатовый пузырь на мониторе выглядел удивлённым. — Так он выжил? Это же хорошо. Чем раньше шеф сможет выйти на истинного виновника, тем лучше, правда же? Хотя вы при этом лишитесь хорошей возможности для клеветы. Как жаль.

Я подбежала, левитируя перед собой орудие умышенного убийства. Блэк Сис посмотрела на него и снова повернулась к Рэспбери Тарт:

— И ты, конечно же, не имеешь ни малейшего понятия о том, как подобное оружие попало в город Дружбы?

— Не лучше бы вам спросить об этом шефа Лентерна? — посоветовала она.

Блэк Сис заготала:

— Мы обе знаем, что всё, что попадает в город Дружбы без его ведома, проходит через тебя.

Гранатовая пони нарочито обиделась.

— Несмотря на то что вы говорите, Общая Комната — это не место контрабандистов и воров. Я думаю, вы должны больше верить им. — Её слова текли в мои уши, словно слизь. — Кроме того, если бы я хотела вас убить, я бы не использовала такой грубый метод. Я бы отравила еду.

Рэспбери Тарт добилась той реакции, которой хотела. Глаза Блэк Сис на момент расширились и снова сузились. Жирная кобыла почти мурлыкала от удовольствия.

Я начала глубоко и сильно не любить Рэспбери Тарт.

— А теперь будь душкой, держи меня в курсе дела. Вы же душка, мисс мэр? — продолжала Рэспбери Тарт. — Как глава торгового союза, я имею право знать о махинациях, угрожающих миру и безопасности наших маленьких пони.

— Конечно, — проворчала мэр Блэк Сис, прежде чем разорвала соединение.

На лице мэра было пасмурно.

— Жалкий слизняк в понячьей шкуре. Теперь шефу Лентерну придётся приставить охранников к этой гадюке, просто чтобы убедиться, что с ним не случится какого-нибудь несчастного случая со смертельным исходом до того, как он будет допрошен. — Она пнула одного из садовых гномов. — И я хочу быть уверена в том месте, где я беру пищу.

— Мы можем как-нибудь помочь? — предложила я.

Мэр подняла брови.

— Можете ли вы получить признание? — Она покачала головой. — Вы и так помогли мне больше, чем я могла просить. Но... — Она на секунду задумалась. — Если вы сможете незаметно установить подслушивающее устройство в её офисе над Общей Комнатой, я, возможно, смогу поймать её говорящей что-нибудь про это безобразие, что я смогла бы показать совету.

Я улыбнулась, вытягивая мою сращённую с ПипБаком переднюю ногу перед собой.

— Жучки — одна из моих специальностей.

Мой план был прост:

— Я использую свой СтелсБак и невидимой проскользну мимо охраны Рэспбери Тарт. Даже окажись она в комнате, я смогу поставить жучок и выйти незамеченной.

Я посмотрела вниз на установленный в мою ПипНогу МГ СтелсБак II. Я уже использовала его, чтобы выбраться из Башни Тенпони. У устройства было не так много времени на подзарядку, но если бы я двигалась быстро и всё бы прошло хорошо, мне на всё про всё и десяти минут хватило бы.

— Я не в восторге от этой затеи, — сказал Каламити, пролетая надо мной. Я же тем временем держала путь через город Дружбы к заведению “У Спаркл”. Мои внутренности перестало крутить, после того как Лайф Блум очистил меня от заразы, и последние несколько часов мой живот не переставал гудеть, напоминая мне, что я уже целые сутки не ела ничего кроме воды и Антирадина. По меньшей мере половина моей слабости была вызвана голодом.

— Думаешь, нападение на мэра как-то связано с нами? — спросила я. Каламити вторил моим опасениям. То, что атака произошла сразу, стоило нам лишь переступить порог магазина, было дьявольским совпадением, а я с малых лет не люблю совпадения.

— Ну, нет, — ответил Каламити. — Не с нами лично. Но после Красного Глаза, Анклава и смерти Богини... Просто произошло слишком много, чтобы я поверил в случайность. — Он расстроено зарычал с опущенной головой и безвольно повисшими крыльями. — Чёрт, это ведь могли даж адские гончие спланировать. Похищение пони и насилие точно не вне их лексикона.

— Так что это, наверное, опять моя вина, — простонала я, глядя в пол. — Добавь в список.

— Ээй, — Каламити приземлился передо мной. — Ничё из этого не твоя вина, дорогуша. Красный Глаз копал под Богиню и Анклав задолго до твоего выхода из Стойла, — уверенно заявил он. — Он искал способ попасть в Министерство Крутости, и велик шанс, что уже нашёл. — У него уже были грифоны, готовые помочь ему отключить системы безопасности. — Всё, чё ты натворила — это ускорила прибытие Анклава. И, я считаю, эт дело хорошее, ведь эт спутало карты Красному Глазу.

Я отвернулась, но Каламити схватил меня за голову своими копытами и заставил смотреть на него, пока он, хлопая крыльями, поднимался над тротуаром.

— Винишь себя за смерти тех гончих? Может, за СтилХувза даже? — Дрожь моего тела выдала меня. — А ну прекращай этот бред сейчас же, слышь? Ты взяла бомбу у Красного Глаза, чтоб убрать угрожающую геноцидом тварь. Чё б, по-твоему, сделал Красный Глаз, если б ты свою часть уговора не выполнила? — Он нещадно уставился в мои глаза. — В лучшем случае, сделал бы это сам. В худшем — сделал б тож самое с поселением пони, достаточно сильным, чтоб встать у него на пути. Блять, да он же и так угрожал Башне Тенпони.

Я поняла, что плачу.

— Ахх, чёрт, Лилгип, — сказал Каламити, смягчившись. — Ну, иди сюда. Давай я намучу те чё-нить поесть.

Я послушно последовала за ним.

Толпа была небольшой вокруг “У Спаркл”. Кобылы-официантки выглядели благодарными за передышку. Музыка на радио сменилась официальным голосом:

“...в сговоре с чудовищем в Прекрасной Долине, называвшей себя Богиней. Эта Богиня была матерью ужасных аликорнов, которые мучили Эквестрийскую Пустошь, ставя под угрозу жизни всех добрых пони вроде вас. Но

Дьявольский сговор Богини и Красного Глаза, сотворивший столько убийств копытами аликорнов и магией, бледнеет в сравнении..."

Моё лицо ударило о зад Каламити, когда он резко остановился, прислушиваясь.

"Это было их намерение, оторвать вас от ваших домов и семей. Заставить вас терпеть мучения, превращая вас с помощью порчи в бездумных рабов. Красный Глаз и Богиня работали вместе не только чтобы забрать вашу свободу и жизнь, но и чтобы уничтожить вашу индивидуальность и душу."

Я подалась назад, качая головой. Потом присоединилась к Каламити, удивлявшемуся, что это был Анклав.

— Если они думали, что Богиня настолько плохая, — шепнула я своему другу, — почему они пытались вступить в союз с ней?

"Естественно, Великий Анклав Пегасов не мог оставить всё как есть! Мы пропали на некоторое время, но не забыли про своих братьев и сестёр, единорогов и земных пони. И мы не могли позволить этой мерзости извращать и уничтожать вас."

Поэтому мы взорвали мегаакливание под домом Богини — заводом Марипони в Прекрасной Долине..."

Моя челюсть отвисла, а земля, казалось, ушла из-под копыт.

— Кто ты, чёрт возьми? — Рэспбери Тарт плюнула, увидев меня. — Какого чёрта ты делаешь на моём чердаке? Как ты прошла мимо моей охраны?

Я разместила подслушивающее устройство и была на полпути к выходу, когда СтелсБак сдох.

Масса понячьей плоти, возлежащая на шезлонге за столом, колыхнулась, повернув ко мне лицо.

— Гизмо, живо сюда! — Я ощутила, как пони позади меня стремительно двигается, перекрывая выход.

— Гизмо, выпроводи нашего незваного гостя отсюда, — попросила гранатовая кобыла жеребца позади меня. — Лучше через окно.

— Стойте, — сказала я, быстро сообразив. — Я здесь по поводу контракта на Блэк Сис.

Рэспбери Тарт насмешливо подняла бровь.

— Какой контракт? А, теперь я вспомнила тебя. Ты была позади, когда наша мэр позвонила мне, чтобы кидаться обвинениями. —

Она подняла одно из своих плитоподобных копыт, приказывая жеребцу позади меня подождать. — Чего ты хочешь?

Шестерёнки закрутились в моей голове.

— Пони, который пытался убить мэра, был никчёмным. И тупым. Сейчас мэр доверяет мне. — Я одарила её своей лучшей заговорщической улыбкой. — Я могу сделать это проще. И грамотно. Но это будет не дёшево.

Рэспбери Тарт вздохнула.

— Ты действительно думаешь, что я тупая? Ты действительно думаешь, что можешь легко пустить мне пыль в глаза?

Я представила сколько шерсти было на ней — рулоны жира, второй подбородок.

— Мало овец в мире, — пробормотала я вслух, прежде чем смогла остановиться.

Она выкатила свои глаза.

— Ты знаешь, я действительно не люблю, когда меня оскорбляют, особенно домушники. Гизмо, мог бы ты оторвать ноги этой маленькой пони и выкинуть прочь?

Упс! Я галопом развернулась, чтобы увидеть Гизмо. Я вытаращила глаза, когда увидела хирургические шрамы и механические крылья. Гизмо был киберпони. Почти наверняка один из беженцев из Стойла Сто Один.

Гизмо кружился, расправив крылья, чтобы нашинковать меня. Я отскочила в сторону, лезвия на крыльях рассекали воздух в сантиметрах от моих глаз. Я не знала, делают ли кибернетические крылья из земных пони летунов, равных пегасам, но перья у них были острыми.

Гизмо кувыркнулся, его крылья поднялись и рассекали воздух, а не меня, так как я успела нырнуть в укрытие, ища что-нибудь, что можно было использовать как оружие. Гизмо развернулся и лягнул в меня креслом, стоявшим передо мной и сбившим меня с ног, словно таран. Моя броня приняла удар, оставив меня ошеломлённой, но целой и невредимой.

— Гизмо, хватит играть с едой, — лениво приказала Рэспбери Тарт. — Просто прикончи её, и дело с концом.

Я подтянулась к двери. Гизмо вскочил на диван и прыгнул в воздух, раскинув крылья. Может быть, он и не мог с ними летать по-настоящему, но зато они позволяли ему парить. Он пролетел через всю комнату и приземлился на меня всеми копытами, придавив к полу.

Я сосредоточилась, мой рог засиял. Я была слаба и безоружна. Но, чёрт побери, я с боем прошла Кантерлот. И Старый Олней. Я не могла проиграть какому-то неудачнику с имплантатами!

Я ощутила, как копыто надавило на мой затылок, когда Гизмо сдвинулся, чтобы подвести крыло к моей шее. Потом я услышала хлопающий звук, когда ведомая моим телекинезом отвёртка через ухо проникла в его мозг.

Гизмо свалился с меня, дёргаясь. Ему потребовалось меньше минуты, чтобы умереть.

Оттолкнувшись назад, я обратилась к Рэспбери Тарт.

— Отлично. Давайте попробуем ещё раз.

— Или я сама могу просто покончить с тобой.

— Не думаю, что сможешь. Я не пирог, — съязвила я.

Мой рог засветился, левитируя тело Гизмо и указывая одним из его острых как бритва крыльев на её горло.

— Итак, последний шанс.

Рэспбери Тарт внезапно увидела меня в новом свете:

— Хотя, всё-таки, ты можешь и пригодиться.

Мэр и Шеф Лентерн ждали, когда же мы с Каламити вернёмся в Припасы Блэк Сис.

— Вы получили всё это? — с нетерпением спросила я, когда вошла в магазин.

— Да, — сказала Блэк Сис тяжёлым тоном, выражение её лица было мрачнее, чем когда-либо. Это не было похоже на поведение кобылы, к которой только что принесли её противника на серебряном блюде. — И почти сразу же я получила звонок от Рэспбери Тарт, в котором она сообщила, что ты пытаешься заполучить контракт на моё убийство.

— Что? Подождите... Я не... Я лишь хотела заставить её сказать что-то... Я на самом деле не предлагала...

Шеф Лентерн замахал копытом.

— Не волнуйся, девочка. Мы знаем. Надо быть феерично тупым убийцей, чтобы заключать контракт, когда знаешь, что твоя цель может тебя слышать через устройство, которое ты сама же и поставила.

Ох! Я с облегчением вздохнула.

— Но Рэспбери Тарт прикрыла свой хвост. Она сделала это похожим на то, что она только манипулировала, чтобы привести того, кто хочет быть убийцей, к правосудию. Мы не можем использовать против неё ничего, что она сказала тебе.

Каламити ошётинился.

— Хорошо, а как насчёт того, что её больной киберпони пытался сделать с Лиг'пип?

— Она вторглась в её дом, — ответил шеф Лентерн.

— В любом случае, сейчас это не имеет значения, — заявила мэр Блэк Сис. — У нас проблемы посерьёзней.

— Что опять? — заржал Каламити.

Мэр Блэк Сис подошла к терминалу.

— Сразу после того как она позвала нас, Рэспбери Тарт совершила ещё один звонок... — Она нажала кнопку. Из динамика прозвучал незнакомый голос жеребца:

"Привет? Кто это?"

"Ну, и тебе привет, дорогой" — вяло потёк голос Рэспбери Тарт. — "Мы всё подготовили для вашего посещения. Я расчистила путь. Когда ваши ребята будут здесь, двери будут открыты... посылка... которую они ищут, ничего не подозревает. Но мы потерпели одну маленькую неудачу..."

"Такие слова меня не радуют," — холодно произнёс жеребец. — "А тебе не стоило бы говорить мне то, что меня не радует."

"Мэр Блэк Сис всё ещё остаётся проблемой," — промямлила Рэспбери Тарт. Мэр и начальник охраны переглянулись.

Я услышала тяжёлый вздох из динамика.

"Разобраться с мэром этого проржавевшего подобия города было твоей задачей. А мы готовы и вполне в состоянии прибегнуть к самым суровым мерам в случае оказания нам сопротивления."

"О, конечно," — слегка волнуясь, сказала Рэспбери Тарт.

"Лично я предпочитаю прибегнуть к суровым мерам," — заржал жеребец. — "Всё нужно доводить до конца."

"Не, это не обязательно, дорогой. Как долго нам ждать вашего прибытия?"

Неизвестный жеребец фыркнул.

"Наши Хищники в восьмидесяти минутах от вас. Этого вполне достаточно, чтобы устранить твою маленькую проблему. Или бежать из города."

Анклав направлялся в город Дружбы.

— Я... Я могу просто сдаться им сама, — кротко предложила я. Пони, собравшиеся в зале переговоров, оценивающе на меня посмотрели.

— С чего ты взяла, что им нужна именно ты? — спросила Доктор Фрешуотер, подняв брови.

— Ну... — Я поморщилась. У меня не было причин так предполагать, кроме совпадения по времени и того факта, что это всегда оказываюсь я. — Кто если не я?

— Ах чёрт, нет! — плюнул Каламити. Он повернулся к остальным. — Вы все не отдадите Анклаву ни одного пони! — Он сделал паузу.

Его решимость быстро таяла, и он с надеждой спросил: — ...Так ведь?

Позади открылась дверь, и в зал вошёл шеф Лентерн в сопровождении охраны.

— Рэспбери Тарт исчезла. Кажется, она прихватила с собой одну из лодок.

— Скатертью дорога, — хохотнула мэр Блэк Сис. — Теперь о ней можно не волноваться. Вопрос лишь в том, сражаться нам, эвакуироваться или и то и то?

— У нас хватит лодок, чтобы эвакуировать всех пони? — спросила Доктор Фрешуотер, повернувшись к начальнику охраны. Пони печально покачала головой.

— Лет пять назад, может быть, и хватило бы, но сейчас — нет. Те лодки, что у нас есть, могут принять лишь треть населения. Даже меньше с учётом того, что Тарт забрала одну из них.

— Честно говоря, — отметила я презрительно, — мне кажется, она бы её и так целиком заняла.

Каламити покачал головой.

— Если их целью будет кто-то на одной из лодок, они потопят их все.

— Тогда сражаемся, — зарычал Шеф Лентерн. — Эти пушки в порту именно для таких случаев.

Доктор Фрешуотер посмотрела на остальных.

— Вы серьёзно не собираетесь даже обсуждать вариант переговоров? Ведь судя по той записи, они хотят только одного пони. Как мы можем подвергать жизни остальных пони в этом городе опасности из-за одного? — Она смотрела на нас с мольбой. — Разве мы не должны хотя бы узнать, кого они хотят?

— И если эт вы? — заржал Каламити. — Тогда чё?

Доктор нахмурилась.

— Ну, тогда я попытаюсь уйти. Одна.

— Мы можем с ними связаться через терминал Рэспбери Тарт? — предложила я.

Если я и была целью Анклава, то я более чем хотела бы сдаться, чтобы город не пострадал. И, я уверена, Каламити считал так же.

Но позволять Анклаву подходить так близко к городу, пока мы здесь ждём, чтобы узнать, кто им нужен, с точки зрения тактики выглядело катастрофой. И уже не в первый раз я задумалась, что же порекомендует СтипХувз...

Порекомендовал бы... Маленькая пони в моей голове нагнала тяжёлые тучи печали.

Шеф Лентерн покачал головой.

— Уже пытались. Они не отвечают. — Нехороший знак.

— Звучит так, как будто они решили прибегнуть к суровым мерам в любом случае.

Я включила радио в своей ПипНоге, слушая экстренную передачу Анклава через наушник. Я вовсе не рассчитывала отыскать какую-либо реальную зацепку к тому, что они задумали, но чувствовала, что не должна упустить ничего, что они говорили. Но сейчас эфир был заполнен лишь звуками мрачных гимнов, до боли напоминающих похоронные. Похороны СтипХувза были только этим утром, утрата близкого друга сжимала моё сердце тисками невыносимого горя, и строгие тона этой музыки резали меня, словно острые металлические крылья.

Каламити был прикомандирован к шефу Лентерну. Беглый осмотр береговых орудий выявил саботаж. Очевидно, это была часть

того, как Респери Тарт "расчищала путь" для Анклава. К счастью, повреждения были нанесены крайне непрофессионально, и Каламити был уверен, что, по крайней мере, половину орудий можно вернуть в строй до прибытия Анклава. Но работать нужно было быстро.

Я проследовала в комнату наблюдения за доктором Фрешоутер и посмотрела через антирадиационное окно. Яркий зеленовато-жёлтый свет лился через стекло. Находящаяся внутри Дитзи Ду, увидев, что я подхожу, помахала мне крылом.

Устройство, вмонтированное в стену, защёлкало, считывая радиационный фон внутри помещения.

— Давайте ещё раз попробуем, — говорил в микрофон один из лаборантов, кремовый единорог с василькового цвета гривой. — Сконцентрируйтесь...

Техник-единорог начал проводить Дитзи Ду через умственные упражнения, использующиеся молодыми кобылками и жеребятами-единорогами для практики в телекинезе. Но Дитзи Ду не была единорогом. У неё не было магии. Чего им ожидать...

ФЬУУУШ!

Счётчик радиации отчаянно заверещал, когда комната на мгновение осветилась ослепительно ярким светом. Дитзи Ду комично повалилась на пол, сбита с ног взрывом энергии от её собственного тела.

— Превосходно! — радостно воскликнул в микрофон техник-единорог и застучал копытами, аплодируя. — Продолжайте в том же духе, и вы сможете очистить себя от излучения всего за пару дней.

Дитзи Ду радостно гарцевала внутри камеры.

— А теперь ещё раз, — со смехом произнёс единорог. — Но на этот раз попытайтесь сохранять концентрацию, чтобы устоять на ногах.

Я улыбнулась Дитзи Ду и зааплодировала тоже. Каким-то образом созерцание её радости разогнало мрачные тучи в моей голове, пусть и ненадолго.

Музыка в наушнике прекратилась, и зазвучал голос. Я отвернулась от стекла, прислушиваясь. Мне не хотелось, чтобы Дитзи Ду видела выражение моего лица.

"Приветствуем Вас, пони Эквестрийской Пустоши. Великий Алкнав включает в себя наших земных братьев и сестёр.

Я знаю, что многие из вас оплакивают потерю Кантерлота, культового центра Эквестрии, коим Он являлся. Но этот королевский город был разрушен столетия назад, и всё, что осталось, стало нерестилищем для монстров и ядов. Иногда, чтобы позволить телу зажить, мы должны отрезать заражённую плоть..."

Я могла чувствовать угрюмость на моей мордочке. Мне не нравилось, куда всё катилось. Это больше походило на оправдание нападения на Руины Кантерлота.

"...Сжечь заражённые участки, прежде чем инфекция распространится..."

Я вздрогнула, когда взрыв помех прорубил радиопередачу, больно ударив по ушам.

"Добрый вввечер, детки!"

Голос ДиДжея Pop3 прорвался в эфир.

"Это снова DJ Pop3, ваш старый приятель! Прямо из засекреченного места где-то в Пустошах Эквестрии. Вы же не думали, что я оставлю вас всех только из-за Анклава, не так ли?"

"Что ж, у старины ДиДжея Pop3 не так уж много времени, перед тем как дядя Анклав прикроет всё это, так что давайте сразу к делу, а? Верно, время для новостей!"

ДА! Маленькая пони в моей голове радостно подпрыгивала. Да! Да! Да! Да! Да!

"Для начала, вот вам правда о том, что произошло в Марипони. У меня информация из достоверных источников. И в одном я вынужден согласиться с Анклавом: Богиня была именно настолько великой и ужасной проблемой, какой они её пытаются выставить. Но на этом правда заканчивается, и начинается чистое враньё."

Я предположила, что достоверными источниками могли быть башни, с которых она могла всё наблюдать. Но подождите...

"Я не знаю, зачем Анклав полез в Марипони, но ясно как день, что вовсе не за тем, чтобы избавить Эквестрийскую Пустошь от самой большой проблемы, которую ей довелось испытывать. Нет, это дельце провернула не кто иная, как наша с вами любимая Обительница Стойла!"

Мои уши горели, но я была так счастлива просто слышать голос Хомэйдж (естественно, изменённый, как и всегда).

"А бомба, которую она использовала — та самая, которой Красный Глаз угрожал башне Тенпони уже несколько недель. Оказывается, наша героиня уболтала Красного Глаза отдать ей свой большой козырь..."

...ох! Достоверные источники. Хомэйдж смотрела мои шары памяти!

"Так что это ставит под большое сомнение всё то, что Анклав натрепал про альянс Красного Глаза и Богини. Они вам врут, детишки. Врут как дышат. В настоящий момент DJ Pop3 до сих пор не может сказать, чем они занимаются, но одно скажу вам точно: Великий Анклав Пегасов нам точно не друзья!"

"Что ж, держите уши на макушке, ведь это не последняя наша встреча..."

Нахлынула очередная волна помех, и голос ДиДжея Pop3 пропал.

Я вытаскила наушник и приложила его к своей груди, согревая себя мыслью, что Хомэйдж всё ещё там, снаружи, жива и борется за справедливое дело своим немаловажным способом.

"Внимание, жители города Дружбы!" — искажённый броней голос раздавался изо всех городских громкоговорителей. — **"Мы здесь для того, чтобы взять под стражу пегаса, разыскиваемого за преступления перед Великим Анклавом Пегасов. Его имя Радар. Вы можете узнать его по следующей метке на его боку..."**

Я взглянула на ближайший громкоговоритель (серый ящик, прикреплённый к одной из опорных балок заведения Спаркл). Я только-только добралась до бара и ожидала Каламити, когда прозвучало сообщение Анклава.

Я проверила время на ПипБаке. Анклав явился слишком рано! У нас должно было быть ещё двадцать минут в запасе. Мэр сделала своё объявление, убеждая пони вернуться в дома, менее десяти минут назад. Мэр Блэк Сис назвала всё это "учением", понимая, что паника будет стоить многих жизней. Но "учение" не обладало достаточно сильной мотивацией. Улицы города нигде не были даже близки, чтобы быть пустыми.

Наши Хищники в восьмидесяти минутах от вас.

Но их бронированные отряды были намного быстрее.

"...Отказ от передачи этого пегаса в копыта Анклава будет считаться заговором. Немедленное выполнение приказа будет поощрено. Отказ же будет встречен силой."

Пони, которые остановились, чтобы послушать объявления Анклава, рассталкивая друг друга, начали носиться по лестнице в суматохе. Жеребца синевато-зелёного цвета вытолкали за перила, и он с диким воплем пролетел три этажа, обрушившись на толпу безумно носящихся пони.

Где-то был слышен крик напуганного жеребёнка.

Я вскочила с места в поисках источника голоса.

Центральная дверь в город с грохотом распахнулась, и кошмарно-бронированные силуэты четырёх пегасов Анклава двинулись внутрь, их скорпионьи хвосты медленно скручивались, а антенно-подобные встроенные в броню Анклава пушки пульсировали разными цветами.

— **Всем оставаться на своих местах!** — сказал один из пегасов. — **Мы — Анклав. Мы здесь, чтобы привлечь к ответственности одного пони.**

Многие пони остановились, застыв на месте, другие бежали к ближайшим дверям, ныряя внутрь. Я слышала плач жеребёнка за шумом сотен испуганно шепчущихся.

— **Мы общаем помещения,** — сообщил пегас застывшей толпе. — **Не пытайтесь спрятаться. Не пытайтесь сбежать. Не оказывайте сопротивления. Повинуйтесь, и ни один волос не упадёт с ваших грив.**

Пегас за ним вышел вперёд, в то время как двое других продвигались через толпу, образуя форму веера. Пегас крикнул:

— **Любой пони, обладающей информацией, с помощью которой мы сможем осуществить быстрый арест пегаса Радара, получит вознаграждение в пять тысяч крышечек!**

К их чести, ни один пони города Дружбы не поспешил принять предложение.

— Пошёл ты! — выкрикнул жеребец цвета мяты с винтовой лестницы.

Пони Анклава посмотрела на него. Драгоценные камни на её броне заблестели.

Фзззз! Пони вокруг жеребца разбежались в стороны, поскольку он во мгновение ока превратился в светящуюся кучку пепла.

Ещё две пони в толпе сорвались на бег, стараясь достичь двери одного магазина.

Фзззз! Фзззз!

Мерцающие молнии магической энергии врезались в толпу, поражая свои цели. Одну из пони испарило, и её прах рассеялся через дверь, до которой она пыталась добраться. Другая завалилась на бок, крича от боли.

— **Повторяю: не пытайтесь спрятаться, не пытайтесь убежать, не пытайтесь вмешиваться. Повинуйтесь.**

Меня била дрожь. Будь со мной моя снайперская винтовка, эти четверо были бы уже мертвы. Одна из облачённых в чёрное пегасов начала продвигаться сквозь толпу завсегдатаев "У Спаркл". Она была совсем близко от меня и, проходя мимо, окинула взглядом. Я заставила себя замереть, зная, что любое неосторожное движение могло подвергнуть пони опасности.

Она остановилась, её шлем повернулся к моему ПипБаку, сражённому с ногой.

— Вечносвободные ветры! — прошептала она с отвращением, быстро пройдя мимо.

Я заметила маленькую кобылку с тёмно-красной шерсткой, которая съежилась у подножия винтовой лестницы, дрожа и похныкивая. Моё сердце тотчас потянулось к ней. Сантиметр за сантиметром я начала подбираться ближе, в надежде, что смогу утешить её.

Я была уже на полпути, когда она увидела меня. Её глаза широко распахнулись в ужасе.

— Адская кобыла! — заверещала она, вскакивая и со всех ног устремляясь прочь от меня.

Нет!

Фзззз!

— НЕТ!!!

Блестящий розовый пепел, бывший мгновение назад скачущим жеребёнком, летел, гонимый инерцией, медленно оседая на металлическую поверхность пола.

Мой мир разваливался на части. Я упала, мои копыта поднимались ко рту, как будто могли сдержать мой крик.

— *He-e-em!*

— **Брайтвинд, вы застрелили молоденькую кобылку!**

Всё моё тело дрожало и не могло остановиться. Слёзы текли ручьём. О Богини, нет!

— **Отставить истерику, рядовой!**

— **Истерику?** — Второй пегас повернулся к первому. — **Да вы только что застрелили ребёнка!**

Адская кобыла! Я была так же повинна в смерти этой кобылки, как и Брайтвинд. Я убила её, пытаясь помочь. Видение того, как она разлетается облаком розоватых песчинок, снова и снова прокручивалось в моей голове. Ни о чём другом больше думать я просто не могла.

Первый пегас, Брайтвинд, повернулся к своему обвинителю.

— **У нас чёткие приказы, и ты будешь им следовать. Вернись в строй, сейчас же!**

— **Она не хотела предупредить Радара или спрятать его! Она просто испугалась!**

Поверните время вспять! Я беззвучно взывала к Селестии и Луне. *Поверните время вспять! Я не стану пытаться помочь ей. Я не позволю ей увидеть меня. Прошу, верните её. Прошу! Позвольте мне всё исправить!* Но никакие сожаления и никакие мольбы, обращённые к богиням, уже не могли заставить этот сверкающий пепел переродиться во вспышке света.

— **Мы не могли этого знать, рядовой,** — оправдывался Брайтвинд. — **А теперь ты либо затыкаешься и возвращаешься в строй, либо летишь к Хищнику, и я разберусь с тобой позже!**

— **Я не подписывался на это,** — отворачиваясь от Брайтвинда, сказал пегас и полетел туда, откуда они прибыли.

Грохот береговых орудий сигнализировал прибытие Хищников. Город Дружбы не бросил своего жителя-Дашита. Анклав начал полномасштабное вторжение на шестьдесят девятой минуте.

Я ползала над прахом малышки из Арбы, собирая его воедино своим телекинезом. Я почти закончила, когда меня нашёл Каламити, летящий с грузом всего нашего оружия.

— Лил'пип, чё ты творишь? — крикнул он, как вдруг взрыв малиновой магической энергии вскрыл верхние уровни статуи Дружбы, рассекая дома и мостики. Пегас схватил меня и увлёк за собой, прежде чем куски июстиков и строительных лесов посыпались дождём.

— Я... Я не могу найти хоть что-то, чтобы положить её внутрь, — сказала я, смотря в глаза моего друга и показывая ему светящийся шарик пепла, осторожно обёрнутый в мою магию. Он был такой маленький. Настолько, что даже не верилось, что менее получаса назад он был молодой кобылкой.

Каламити посадила меня в убежище Спаркл как ещё один залп энергомагических пушек Хищника прожёт дыру размером с колесницу в одном из боков статуи, заливая расплавленным металлом гостиницу "Согревающие Улыбки." Если внутри были пони, то они были мгновенно заживо сожжены пламенным потоком цвета фуксии.

Каламити смотрел на пепел, который я держала, с изумлением, переходящим в понимание. Он осмотрелся и вынул пустую бутылку Спаркл-Колы из мусорного бака.

— Вот, Лил'пип. Положи её сюда.

Мой мир стал пеплом. С нежным благоговением я магией поместила кобылку в бутылку. Она мягко светилась розовым. Я левитировала крышку, плотно закрывая бутылку.

— Окей, Лил'пип. О ней ты позаботилась, — сказал мне Каламити. — Теперь ты нужна мне. Я знаю, это тяжело, и я знаю, это больно, но ты нужна нам здесь и сейчас. — Я смотрела на него, удивляясь, как он мог быть столь близок и столь далёк одновременно.

— Эй, Лил'пип, очнись.

Всё вокруг нас двигалось, металось, взрывалось, пони бежали в ужасе, пытались добраться до выходов. Их не волновал недостаток лодок. Громоподобные выстрелы береговых орудий раздавались всё реже и реже.

Каламити сильно шлёпнул меня по лицу копытом.

Я ахнула от неожиданности, подняв копыто к щеке.

И услышала крики и близкие взрывы.

— Жизнь этих пони зависит от тебя, Лил'пип, — сказал Каламити, когда ему удалось привлечь моё внимание. — Соберись. Страдать будешь завтра. Помоги им сейчас.

Я медленно кивнула, стараясь оставаться в сознании, как пловец, борющийся за путь к поверхности океана.

Положив бутылку пепла в седельную сумку, я посмотрела на Каламити.

— Чем я могу помочь?

И Каламити улыбнулся, готовый свалиться с ног от облегчения.

— Они прибыли с тремя Хищниками, — сказал нам Радар, когда мы достигли одной из снайперских платформ на вершине статуи Дружбы. — Береговые орудия подбили одного из них.

Я уставилась в небо на пару тёмных боевых кораблей, нависших над островом Дружбы, в то время как десятки пегасов копошились над статуей. Шеф Ленгерн и два пони-охранника стреляли в нападавших солдат Анклава, как только замечали их, прячась за низкими баррикадами, когда пегасы открывали ответный огонь. Позади меня Каламити быстро собирал Гром Спитфайр.

Пушки на левом Хищнике вспыхнули, посылая энерго-магические заряды в стацию, разрывая и прожигая её крепкую медную шкуру, прошивая город под ней и заливая его кипящей медью. Второй Хищник безмятежно парил.

— Этот второй Хищник прекратил стрельбу, когда добил последнее береговое орудие, — заявил Радар. — Так что нам осталось разобраться с последним! — Он покачал головой и добавил: — Хотел бы я знать, чьим так не терпится схватить меня.

Радар посмотрел на меня сконфуженно.

— Я бы и сам сдался, но Фрешуотер не позволила мне. Грозилась пристрелить, если я попытаюсь. — Он уставился в небо. — Я бы вышел сейчас, но теперь это не имеет смысла.

Он был прав. Анклав зашёл слишком далеко. Оставлять хоть кого-то в живых в их планы не входило.

Пегас Анклава, запряжённый в боевой фургон, резко снизился к толпе пони, потоком устремляющихся из статуи. С ударом его копыта, распахнулся люк в нижней части фургона и посыпались бомбы. Беспомощные пони внизу были обречены, их тела разрывало в ключья дикой энергией мощных взрывов.

Каламити встал, прицеливаясь. Гром Спитфайр разорвал воздух, выстрел проник в боевой фургон. Взрыв сотряс небо.

— Хороший выстрел, — мягко похвалил Радар.

Каламити тяжело дышал, глядя сквозь слёзы.

— Недостаточно быстрый.

— Вся эта бойня не стоила меня, — сказал Радар.

Я проследила за его взглядом, обращённым к подорванной земле, окровавленной измельченными телами невинных пони. Большое, разрывающее в части горе, которое переполняло мою душу, сменилось могучим боевым кличем.

Это неправильно. Это зло. И я собираюсь остановить это.

— Вот если того последнего сшибить, совсем другое дело будет, — повторился Радар. — Я бы сам бы это сделал, да только... — Он опустил взгляд. — Я уже совсем не тот. — И снова глядя на нас: — И доку Фрешуотер про это ни слова, ясно?

— Мы сделаем это, — сказала я Радару и повернулась к Каламити. — У меня есть план.

Я уставилась на горящие обломки доков. Анклав бомбил суда. Никто не покинул остров на лодках.

Горящие фрагменты фургончика "Абсолютно Всё" валялись на поверхности воды вдоль покосившихся, разрушенных причалов.

Я сочувственно посмотрела на Дитзи Ду. Но светящаяся пегаска лишь пожалела плечами, написав на своей доске: "Это всего лишь фургон."

Когда она взлетела над руинами, мои глаза увидели нечто красно-зелёное, плавающее в воде. Переднее копыто пони, окровавленное и разорванное.

И из глубин моей памяти всплыл один фрагмент.

Помоги мне! — прохрипела Амброзия. Она медленно умирала в своей броне, придавленная куском терминала, наполовину погруженная в отравленную порчей воду, залившую помещение. Её тело выглядело скрученным и неправильным.

Я не могла добраться до неё. Я едва успела обработать мазью Ксенит рваные края культи моей задней ноги, прежде чем окончательно истечь кровью. Я выпила все до единого целебные зелья, что у меня были, но всё равно оставалась слаба и голова кружилась от кровопотери, я не способна была поднять ничего тяжелее чашки кофе. Моя кровь ручейками стекала по придавившей меня плите, предавая ядовитой воде розовый цвет в свете ПипБака.

Помогиии мнеее! — простонала она голосом, полным муки. — *Пожаааалуиста! Убеееей меня!*

Я хотела. Ради любви милосердной Селестии, я хотела. Но к стыду своему, я тогда ничего не могла, кроме как попытаться забить её до смерти чашкой из-под кофе.

Затем голос в голове напомнил мне, что это было неправдой. Кое-что я всё-таки могла сделать.

Помню, как магией подняла ей забрало. Глаза её уже не были на предписанных природой местах. Лишь один глядел на меня —

раздвинувшийся, неестественный, искажённый мутациями до невозможности.

И сейчас, когда я стояла возле доков, наблюдая за покачивающимся на волнах оторванным копытом, пришло озарение: если не для меча, то, по крайней мере, для кинжала крови было вполне достаточно.

Воспоминание рассыпалось, оставив меня потрясённой. Я попыталась докопаться до того, что произошло в дальнейшем, но там, где должны были быть воспоминания, осталась только темнота.

Дитзи потребовалось меньше минуты, чтобы облететь обломки и ящики, плавающие в воде, и вот наш дружелюбный гуль уже стоял передо мной, с глазами, разбегающимися в разные стороны, улыбкой на морде и СтелсБаком в копытах.

Я очнулась от своих мрачных дум и добавила СтелсБак к прочему оборудованию, которым собиралась экипироваться. Меня трясло. Что произошло со мной, что я могла спокойно смотреть на оторванную конечность бедной пони, и мне не хотелось закричать? Эквестрийская Пустошь отравила мою душу.

Над нами зловещий Хищник дал залп по короне статуи Дружбы, окутав одну из снайперских позиций смертоносной магией. Я потянула Дитзи Ду за собой, ища укрытие от обломков медной обшивки статуи, пролившихся вниз, словно куски горячей плоти.

Каламити спланировал к нам, уворачиваясь от падающих обломков, и бросил к моим копытам два комплекта брони Анклава, уже освобождённых от тел пегасов, сражённых выстрелами снайперов.

— Два? — удивилась я. — Но я не смогу носить такой. Затем сухо уточнила: — Рог. И нет крыльев.

Дитзи Ду ткнула меня копытом.

— Что? — Я округлила глаза, когда до меня дошло. — Постой. Дитзи, ты не можешь пойти с нами! Мы отправляемся в самое пекло!

— Ей больше двухсот лет, — напомнил мне Каламити. — Так что она вполне может о себе позаботиться, мисс два-месяца-как-из-Стойла.

Дитзи Ду пристально посмотрела на меня, когда взрывы сотрясли остров. Каламити вскинул Гром Спитфайр, ловя на мушку боевой фургон, ведущий бомбардировку.

— Хорошо. Ты идёшь с нами, — согласилась я, вставляя СтелсБак в свою ПипНогу и запирая всё, что мы не могли взять с собой, включая боевое седло Каламити, в ближайший ящик. — Собирайся.

Дитзи Ду отсалютовала мне копытом и начала одеваться, пряча своё сверкающее искалеченное тело в чёрной насекомоподобной броне.

"Хищник 'Слоистый', я Хищник 'Дождевой'. Ответьте немедленно. Приём."

Пока Каламити с Дитзи Ду, замаскированные под солдат Анклава, несли нас ближе к чёрной пасти ангара атакующего нас Хищника, моя ПипНога уловила новый сигнал, который не был очередным зацикленным Анклавовским радиовещанием, и расшифровала его. Я обнаружила, что слушаю внутрикорабельную военную частоту пегасов.

"Командующий Хищника 'Дождевой', Тандершир, Командующему Хищника 'Слоистый', Айсбрейк. Почему прекратили огонь?" — властвующим голосом спросил командующий жеребец, очевидно, пытаясь связаться с не отвечающим вторым Хищником. — **"Ответ обязателен. Приём."**

Каламити приземлился на нижней палубе Хищника, сбрасывая невидимую меня вместе с сумками на чёрный металлический пол, расчерченный линиями посадочных огней. После чего побежал к двери ангара, ища глазами терминал. Я следовала за ним, а Дитзи Ду прикрывала наши спины, пока он пытался открыть дверь. Как и следовало ожидать, у терминала был облачный интерфейс. Я могла помочь ему лишь советами, в очередной раз не способная ничего сделать с терминалом сама.

"Командующий Тандершир, это Командующий Айсбрейк. Враг беззащитен. Битва выиграна. 'Слоистый' отменяет боевую готовность," — сдержанно и с достоинством ответила ему пегаска. — **"Крыло остаётся и захватит заключенного, как только 'Дождевой' прекратит огонь."**

Дитзи Ду исполнила маленький танец в своей броне. Очевидно, она тоже принимала эту передачу. Восстание второго Хищника привело её в восторг.

— Ещё чуть-чуть, почти! — кричал Каламити. Я вернулась к терминалу, сканируя его содержимое. Где-то там был искомый пароль.

"Командующий Айсбрейк, таких приказов не было! Продолжайте огонь."

"При всём уважении, командующий Тандершир: нет."

Две неудачные попытки — и мы нашли пароль. Прагматизм.

Тяжёлые двери, герметизирующие ангар, скользя, открылись. Внутри по высокому потолку тянулись линии гудящих ламп, идентичных тем, с которыми я выросла в Стойле Два, но размещены они были очень просторно, оставляя ангар тёмным и холодным. Крупные тяжело бронированные окна вдоль крыши впускали серые сумерки позднего вечера между установленными энерго-магическими турелями. Я представила, что ангар был бы ярким и почти уютным, если бы в эти окна лился чистый дневной солнечный свет, что царствовал над завесой облаков.

Технический персонал Анклава и солдаты внутренней охраны, одетые в облегченные версии Анклавовской брони, деловито перемещались по верху. По обеим сторонам ангара выстроились ряды боевых фургонов. На стенах через равные промежутки висели красные противопожарные щиты. У дальней стены, между панорамными окнами, располагались стеллажи с бомбами. Группа офицеров Анклава, стоявшая с противоположной стороны, наблюдала за ангаром, одновременно прислушиваясь к тому, что творилось в радиоэфире.

"Айсбрейк, чтоб тебя! В действии операция Выжигание. Развёрнутая по непосредственному распоряжению Высшего Совета Анклава," — напомнил своей коллеге жеребец, командовавший на том Хищнике, в который мы забрались. — **"И у вас есть чёткие приказы. Производите захват целей и продолжайте огонь, иначе со всем экипажем пойдёте под трибунал за нелояльность!"**

Дитзи Ду и Каламити сдвинулись с места одновременно, словно устремлённые к единой цели. Пока они не делали ничего подозрительного, их должны были игнорировать.

Мгновение спустя я тихо поскакала вперёд, к первому боевому фургону. У меня было время стандартного СтелсБака, и я уже потратила половину, только чтобы пробраться сюда внутрь.

"Хищник 'Дождевой', пони Хищника 'Слоистый' вынуждены вам сообщить, что мы не будем убивать беззащитных наземных пони, независимо от ваших приказов."

Я добралась до первого фургона и щёлкнула переключателем, который открыл бомболок. Левитировав из первого мешка две самодельные бомбы, я заминировала боезапас фургона.

Бомбы были сделаны по схеме крышкомин, которая казалась мне дала Дитзи Ду, казалась, целую вечность назад. Только вместо петард и крышек коробки для завтраков были начинены боеприпасами мелкокалиберных береговых орудий (теперь уже разбитых). Мэр Блэк Сис поделилась припасами. Дитзи Ду помогла сделать сами бомбы. Много бомб.

"Эээ. Како... Че-э... ч-что?" — командующий Тандершир запинался, не веря своим ушам. — **"Во имя великих вождей, Айсбрейк, это же бунт! Одумайтесь! Всю же команду пересудят за предательство."**

Ответа от командира Айсбрейк или другого Хищника не последовало. Я установила ещё две бомбы и двинулась к третьему боевому фургону.

По ангару заскользили тени. Я взглянула вверх и через окна в потолке увидела, как огромные энергомагические орудия на верхней палубе повернулись влево. Орудия же на днище всё ещё обстреливали город Дружбы.

"Хищник 'Слоистый', это Хищник 'Дождевой!'" — рявкнул командир. — **"Вы захватите ваши цели и продолжите стрелять, либо мы откроем огонь по вам!"**

Закончив с третьим фургоном, я бросилась к ближайшему стеллажу с бомбами, возводя их так быстро, как только могла. Бросив взгляд на Каламити и Дитзи Ду, я увидела, что один из офицеров Анклава преградил им путь и теперь пытался чего-то добиться от нашей немой гули.

— Она говорить не может, — объяснял Каламити, бурно жестикулируя. — Она повредила горло во время битвы. — Позади него Дитзи Ду кивала, подтверждая сказанное моим другом. — Я приглядываю за ней, так что ежли те чё нужно спросить у неё, спрашивай это у меня.

Офицер Анклава, молодой серый пегас с чёрной гривой и кьютимаркой в виде пера посмотрел на двух моих замаскированных друзей испытывающим взглядом.

— На "Дождевом" нету солдат с подобными травмами. — Он уставился на Каламити с подозрением. — И я не могу распознать вашу манеру речи. Напомните-ка мне, откуда вы.

Все пони в ангаре замерли, переводя взгляд наверх, как только "Дождевой" открыл огонь по второму кораблю.

Я вскарабкалась наверх, чтобы разместить самодельные взрывные устройства на втором и третьем стеллажах с бомбами. Я приближалась к тому месту, где офицер допрашивал моих друзей.

Каламити хлопал крыльями в раздражении.

— Послушайте... — ворчал он, — мы со "Слоистого". Там, похож, предательство назревало. Вот мы и свалили оттуда, пока не поздно...

— Что ж, это вам зачтётся, — сказал ему пегас, отрывая взгляд от окон наверху. — Но в сложившихся обстоятельствах, боюсь, я оказываюсь перед необходимостью поместить вас обоих под арест до окончания боя. — Молодой офицер огляделся в поисках солдат поблизости. — Степень вашей преданности будет определена трибуналом, как только мы снова окажемся за облаками.

— Вот чёрт, — прошипел Каламити, отступая на шаг назад и нанося офицеру удар жалом своего бронированного хвоста. Дитзи Ду попятилась, всем своим видом выдавая потрясение.

— Линяем! — закричал Каламити, когда разряды разноцветных молний засверкали по ангару — солдаты и защитные турели среагировали мгновенно. Я левитировала детонатор рядом с собой, бросая мешок со взрывчаткой у основания последнего стеллажа с бомбами, и рванула галопом.

Энергомагические лучи ударили по Дитзи Ду и Каламити, истончая защиту их силовой брони. Одно из попаданий расплавilo пластину в броне Дитзи, и болезненный жёлто-зелёный свет её облученного гильега тела пробивался теперь наружу через дыру в чёрном панцире.

Я вышвырнула СтелсБак из моей ПипНоги, давая турелям и солдатам ещё одну цель.

Громовой раскат прорвался в ангар снаружи, когда выстрел одной из пушек "Дождевого" угодил во что-то жизненно важное на "Слоистом".

Каламити и Дитзи Ду выскочили из ангара с несколькими пегасами на хвосте.

Я уже достигла посадочной платформы, когда почувствовала, как жгучий разряд поразил мою Кантерлотскую полицейскую броню, прожигая в ней дыру. Я окутала себя магией, обнуляя свой вес, и прыгнула.

Под нами, извергая дым из зияющих в корпусе дыр, медленно падал с небес перекошенный Хищник "Слоистый". Несколько из расположенных на днище "Дождевого" пушек повернулись к разрушенному кораблю, когда он рухнул на мост Дружбы, и дали последний залп, разнося его в клочья.

Я активировала детонатор. Позади меня с драконьим рёвом из ангара "Дождевого" вырвались свет и жар, порождённые серией взрывов. Стена огня настигла меня, швыряя в бешеном вращении через всё небо и развеивая мою магию, когда стеллажи с бомбами превратились в апокалиптический вулкан, разрывающий пополам боевой корабль Анклава магическим огнём.

На этот раз меня поймала Дитзи Ду. На ней не было шлема, а броня зияла дырами. Светящийся гной сочился из многочисленных ран. Но она улыбалась, и один из её глаз смотрел прямо на меня, когда она издала скрипучий победный клич.

Моё сердце воспарило от её ликования. Но затем упало вновь, когда я взглянула на горящую статую Дружбы, тела убитых горожан и дым от сожжённого города, мрачно сочащийся из зияющих ран, нанесенных разрушительной магической энергией.

Мы почти добрались до Фетлока, когда Анклав схватил нас.

Был предрассветный час. Грозовые тучи над нами сердито грохотали, предвещая ужасную бурю.

Мы покинули остров Дружбы (чудом прихватив с собой ящик со всем нашим снаряжением), увлекая за собой столько уцелевших солдат Анклава, сколько могли. Большинство из них прекратило сражаться, как только рухнули их боевые корабли, но некоторые определённые были настроены продолжать "зачистку" и были заняты выжившими защитниками города.

С нашей помощью удалось уцелеть чуть больше четверти населения города Дружбы. Но Радара и шефа Лантерна не было среди выживших. Оба погибли, когда "Дождевой" уничтожил их снайперскую позицию. Каламити стал замкнутым и неразговорчивым, узнав эту новость.

Выжившие по-прежнему были заперты на острове. Хищник "Дождевой" уничтожил доки со всеми лодками, а падение "Слоистого" обрушило одну из секций моста. По возвращении в Стойло Двадцать Девять мы намеревались добиться помощи Рейнжеров Эпплджек. А ещё я надеялась, что нужды почти двух сотен несчастных пони сумеют вытащить Вельвет Ремеди из её раковины.

Но Дитзи Ду была ранена. Гораздо сильнее, чем старалась показать. И когда мы пролетали окраины Мэйнхэттена, она начала слабеть. Поэтому мы приземлились в развалинах здания, которое, если верить изображению столовых приборов, всё ещё различимому на сильно повреждённой полусгоревшей вывеске, когда-то было закусочной. (А возможно, исходя из подковообразного орнамента, бегущего по верху одной из уцелевших стен, обувным магазином).

Когда выяснилось, что руины пусты, Каламити, прихватив Гром Спитфайр, перелетел в развалины дома по соседству в поисках еды, Антирадина и прочего, что могло там найтись. Меня он оставил на краю руин, чтобы следить за улицей. Дитзи Ду, сбросив с себя покорёженную броню Анклава, игриво плескалась в светящейся луже радиоактивных отходов, пролившихся из задней части фургона с логотипом М.Т.Н.

Я не могла сдержать улыбку, глядя, как сверкающий гуль кувырывается в отходах, излечивая свои раны. Это не улучшало её общее состояние, но теперь, когда доктора города Дружбы научили её, как быстро очиститься, Дитзи Ду волновалась гораздо меньше.

Поймав мой взгляд, она встряхнулась, забрызгивая светящимися каплями весь фургон и развалины вокруг себя, и потрусилась ко мне, закрывая глаза и концентрируясь, как делала раньше. Её тело полыхнуло излучением, отправив мордой прямо на разбитый асфальт улицы. Она тут же поднялась (её глаза опять разъехались в разные стороны) и захихикала над собственной неуклюжестью.

Поравнявшись со мной, она опустила свою доску, написав на ней: "У 'Абсолютно Всего' нет лодок. Нужно исправить".

— Не волнуйся, — уверила я её. — Мы сумеем вывезти этих пони в безопасное место.

Дитзи Ду счастливо кивнула и ударила по доске, закрутив её вокруг шеи на петле, после чего ловко поймала так, что та снова висела напротив её груди.

— **Ни с места!** — прорезал темноту усиленный бронёй голос. — **Вы окружены.**

Я чертыхнулась про себя, активируя Л.У.М.

На компасе была целая россыпь красных огней.

Я обратила взор к ящику, в котором до сих пор была скрыта большая часть нашего оружия. Малый Макинтош был при мне, но зебринская и снайперская винтовки по-прежнему оставались внутри. Я быстро прикинула в уме, сколько бронебойных патронов для моего любимого оружия у меня оставалось, много ли времени ушло бы на перезарядку и каковы шансы, что я завалю противников, прежде чем они пристрелят мою, теперь уже лишённую брони, спутницу-гуля.

— Мы сдаёмся, — тяжело вздохнув, ответила я.

Дитзи Ду, ткнув копытом в голубое поле нашей энерго-магической клетки, тихонько ойкнула. (Один из немногих звуков, который ей удавалось произносить без языка.) Я смотрела через поле на топтавшихся снаружи солдат Анклава. Пегас-техник сел рядом с терминалом, управляющим питанием клеток. Здесь были и другие клетки, но наша была единственной, в которой был хоть кто-то. Я мрачно заметила, что интерфейс был облачным. Неподдалёку от терминала лежал ящик Анклава, в котором находился Малый Макинтош.

Мой ПипБак равномерно пощёлкивал. Находиться взаперти с Дитзи Ду было всё равно что принимать радиационную ванну. Я хмуро отметила, что все царапины и синяки, которые я получила в городе Дружбы, исчезли, а меня само начало неприятно мутить, тем самым угрожая лишиться драгоценного обеда.

Тык. "Ой". Тык. "Ой".

— Эти пони не участвовали в нападении на город Дружбы, — высказалась я шёпотом, наблюдая за офицером Анклава, кинувшей только что опустошённую ею бутылку Рассветной Сарсапарели в начинающую переполняться урну. Когда нас ввели в клетку, я мельком увидела радиолокатор Анклава.

— Они разбили лагерь, чего-то ждут. — Я посмотрела на Дитзи Ду. — Есть какие-нибудь идеи, чего именно?

Дитзи Ду, посмотрев на меня, помотала головой, последние ключья её гривы покачались в такт её движению. Затем она повернулась к синей потрескавшейся стене. Тык. "Ой".

Пегас горчичного цвета, одетый в лёгкую броню Анклава (идентичную той, которую я впервые увидела в воспоминаниях на Рэинбоу Дэш, когда она хвасталась ею перед своими друзьями), остановился во время своего обхода, поднял забрало и зло посмотрел на Дитзи Ду.

— Ты прекратишь сёдня эт, или нет? — прогремел он. — У меня от тя башка разболелась.

Тык. "Ой."

— Эй, — рявкнул пегас на меня. — Ты не можешь её заткнуть?!

— Неа, — ответила я, уловив движение краем глаза. Приглядевшись, я увидела Каламити, поднимающегося на высокую каменную гряду. Наша кавалерия прибыла.

Я сместилась и опустила голову, пытаюсь выглядеть несчастной и жалкой, пряча своё лицо в копытах, чтобы позволить себе с радостью смотреть на Каламити, не выдавая его пони, следящим за нами.

Каламити, глядя вниз на пегасов, окружавших нас, приготовил Гром Спитфаир к стрельбе. Я замерла в ожидании.

Каламити всё смотрел на пегасов. И не стрелял.

— Каламити? — прошептала я про себя.

Каламити медленно отступил, убирая Гром Спитфаир, и исчез.

Дитзи Ду уронила свою доску рядом со мной: "Он не собирается нас спасать?"

"Каламити, что ж ты творишь?" — думала я, чувствуя тревогу и лёгкую обиду.

Два пегаса в устрашающей ониксовой броне вели Каламити в лагерь под приставленными к нему острыми хвостами. Рыжий Дашит шёл впереди них с высоко поднятыми крыльями.

Чёрт возьми, Каламити!

— **Вперёд!** — приказала одна из пегасов, в то время как техник убирал энерго-магическое поле с одной из клеток. Она подтолкнула Каламити к платформе. Он быстро развернулся, чтобы взглянуть на кобылу, пока голубое поле образовывалось между ними.

Я подошла к нему, настолько близко, насколько позволяла наша клетка. Здесь становилось душно.

— Каламити, — прошипела я. — Какого?..

Каламити печально взглянул на меня.

— Прости, Лиг'пип. Я... Я прост не смог.

— После того, что они натворили? Ты шутишь?

Каламити неудобно сдвинулся и кивнул, не объясняя ничего. Но объяснение последовало почти сразу.

— Ну-ка, посмотрите, кто эт тут у нас! — Это был пегас, который разъярился на Дитзи Ду. Он бежал рысью, словно маленький жеребёнок, который только что получил свою кютимарку. — Неужели эт мой маленький братишка!

Его маленький кто?

— Привет, Прайд, — с кислым видом ответил Каламити. — Вижу, Анклав терь всякий сброд в свои ряды принимает.

— Эй, — зашипел жеребец горчичного цвета. — Не я здесь предатель.

— Да я о другом, — ответил Каламити. — Тебя ж раза три с армии выпирали, не меньше.

— Ты знаешь его? — спросила я.

Прайд обернулся ко мне с улыбкой:

— Оу, так вы тут друзья все, что ли? — Он с наигранным удивлением смотрел то нас, то на Каламити. — Ну надо же. Маленький Каламити таки смог завести друзей. — Он закатил глаза, добавляя: — Кобыла-пигалица и монстр.

Прайд ухмыльнулся.

— Вам бы следовало найти друга получше, — мерзко произнёс пегас. — Каламити ж летающая катастрофа.

Наклоняясь поближе ко мне за пределами голубого поля, Прайд тихонько заржал, как будто хотел рассказать мне тайну. Я встала, глядя на него через энергетический барьер.

— А вы знаете, почему отец назвал его Каламити? — громко спросил жеребец.

Отец? Прайд был братом Каламити? Так вот почему он не смог выстрелить!

Вдруг у меня всплыло воспоминание о споре между нами и Вельвет Ремеди насчёт употребления мяса в пищу.

Да, мясо есть мы можем. Прост не особо его любим. Для нашего рациона не очень подходит, — утверждал Каламити. — *Мои братья вечно подначивали меня на состязания по пожиранию хот-догов. Хотя обычно это означало, что они пихали всякую дрянь мне в глотку.*

Брат Каламити злобно усмехнулся:

— Потому что он убил нашу мать, появляясь на свет.

Я упала на колени, от жестокости Прайда у меня перехватило дыхание. Маленькая пони в моей голове рыдала от боли, которую такие ужасные слова должны были причинить моему лучшему другу.

Но Каламити лишь посмотрел на него со скукой.

— Ты опять за своё? — протянул ничем не впечатлённый пегас. — Ты не видел меня шесть лет, и за всё это время не придумал ничё получше? — Оранжевогривый жеребец помотал головой. — Раньше, когда я ещё пустобоким был, вы все тыкали мне этим в лицо, и я ревел из-за этого часами. Но если ты ещё не заметил, это было очень давно и я уже давно не жеребёнок.

Прайд фыркнул.

— Действительно? Странно. Я чёт не вижу у тебя никакой кьютимарки, братец.

Каламити закатил глаза.

— Ты прекрасно знаешь почему, — сказал он.

Пегас Анклава, топнув копытом, рассмеялся.

— Да, это моя работа! — Он посмотрел в клетку, на своего братца. — Мне следует поблагодарить тебя. Твоё оклеймение стало моим проходным билетом в Анклав.

У меня закружилась голова. Родной брат Каламити лично выжег его кьютимарку?!

— И ты тоже должен сказать спасибо, — с сарказмом продолжил Прайд. — Ходить с молотком на боку — стрёмно же.

Потом уставился на Каламити.

— Ой, наверное, неприятно осознавать, что ты отвернулся от своего народа и стал чёртовым предателем зазря, что нужно было подождать ещё несколько лет?

— Я всегда был предан всем пони Эквестрии, — сверкнул глазами на брата Каламити. — Это не моя вина, что Анклав только себе верен и своим принципам. Если б они были тем, кем прикидываются, они б сейчас здесь были, вместе со мной.

— Всё ещё обливаешь их дерьмом, братишка? — хмыкнул Прайд. — Если ты вдруг ещё не заметил, мы и так сейчас все здесь.

— Итак, Прайд, — устало спросил Каламити, — чё здесь происходит на самом деле? Потому что Великий Анклав Пегасов спустился не для того, чтобы нас спасти. И я чёт не вижу ни одного гражданского. Это военная операция, от начала и до конца.

Прайд хохотнул.

— Вы чё, радио совсем не слушаете? Один ублюдок, называющий себя Красным Глазом, полез в такое дерьмо, в какое ему лезть не следовало.

— Ты имеешь в виду Проект Одного... — Каламити быстро поправил себя: — Проект Стойкий Пегас?

— Агась. Он сделал чё-то такое, что потревожило наших лидеров, и они начали копать во всём том дерьме, что он натворил с одной из наших башен. Не такой уж он и умный, этот Красный Глаз. Оставил кучу всяких подсказок насчёт того, куда совал свои копыта.

Я нахмурилась. Красный Глаз всегда был осторожен. Но с другой стороны, если Анклав смог заглушить сигнал ДиДжея Рон3, транслирующийся из М.Т.Н.С.Э.Р., он вполне мог получить доступ к вещам, которые, как предполагал Красный Глаз, должны были оставаться засекреченными.

Или Красный Глаз как-то помогал им. Как я поняла по городу Дружбы, Анклав сеял семена собственной гибели, просто находясь здесь.

И это даже не принимая в расчёт, что мы с друзьями собирались с ними сделать.

— Как всё это связано со сносом королевского города? — спросил Каламити. — Почему вы прост не прилетели к Красному Глазу и не пристрелили его? И чё это за операция такая — Выжигание?

Прайд коротко спросил:

— Где ты это услышал?

— Есть у меня источники, — загадочно ответил Каламити, прижимая копыто к груди.

Прайд долго смотрел на Каламити, перед тем как сказать:

— Не делайте из Анклава злодея только из-за того, что нам недостаточно убить одного лишь этого ублюдка. Даже если мы убьём его, кто-нибудь может пойти по его следам и закончить дело.

Ну, значит они должны убрать акромя Красного глаза ещё и Стерн.

— Чтобы защитить Анклав и расу пегасов, мы должны убрать Красного Глаза, тех, кому он рассказал о своём плане, и любого, кто, возможно, знает чё-нибудь о Проекте Стойкий Пегас, — твёрдо заявил Прайд. — И избавиться от последнего земного центра этого чёртового Министерства Крутости, чтобы никто никогда не осуществил план Красного Глаза.

Богини. Вот почему они пришли за Радаром. Он был до этого в Министерстве Крутости. По той же причине войска Анклава преследовали и нас.

Шестерни в моей голове начали двигаться. Хомэйдж тоже была их целью. Кто ещё? Маленькая пони в моей голове собрала картинку, которая повергла меня ужас. Анклав пытался стереть город Дружбы с лица Пустошей Эквестрии. *Всё нужно доводить до конца,* сказал голос, который, как я знала сейчас, принадлежал Командующему Тандерширу. Он не хотел убивать только Радара; он мог бы

сказать это остальным членам научной группы. А они могли бы рассказать своим семьям и друзьям. Тандершир считал, что весь город был "заражён" и подлежал уничтожению.

Как же далеко нужно было оказаться в этой цепи знакомств, чтобы Анклав не посчитал вас угрозой? На что он был готов пойти?

— Вы все говорите о массовом убийстве, — вздохнул Каламити. — И после этого вы заявляете, что Анклав — Спаситель Эквестрии! — Его глаза сузились, взгляд был острее кинжала. — Вы ведь и не собирались воссоединиться с Эквестрией после этого?

Прайд жалостливо взглянул на Каламити.

— Ну, и что дальше? — Каламити топнул. — Эт ж нужно было бы как-то объяснить гражданским. Анклав хотел прост списать всё это на большую разведывательную миссию? "О, мы прост подумали, что настало время нам спуститься, но после долгих исследований поняли, что ошиблись. Лучше подождём ещё пару сотен лет", так что-ли?

— Что-то типа того, — пренебрежительно ответил Прайд.

Мы сидели в тишине в наших магических клетках, когда рассвет начал окрашивать горизонт. Я ужасно устала, но никто из нас не чувствовал себя сонным. Каламити снова начал извиняться (уже который раз), пока я чуть было не крикнула ему, что всё в порядке.

Я провела последние два часа, размышляя над тем, как я левитирую к себе оружие, включаю заклинание прицеливания и выношу всех в этом лагере. На данный момент большинство пони спало. Я понимала, что это хороший шанс для осуществления моего плана.

Но даже тогда мы остались бы сидеть запертые в этих клетках.

Слегка дрожа, я стёрла пот со лба. Л.У.М. предупреждал меня о том, что продолжительность воздействия радиации уже достигала критических величин. Я просто обязана была попытаться что-то проверить, но только что-то, что сработало бы. Потому что до второй попытки я вряд ли бы здесь дождалась.

Дитзи Ду забилась в дальний угол клетки, пытаясь держаться как можно дальше от меня. Но в таком малом пространстве это не имело смысла.

Каламити улёгся в своей клетке. Он выглядел угрюмым.

— Я уверена что Прайд был неправ, — сказала я своему другу через щиты между нами. — Ну, насчёт твоего отца. Он бы не назвал тебя так после смерти твоей матери.

Каламити одарил меня кривой улыбкой.

— Я так и не заставил себя спросить его об этом. Но зная моего отца, он, вероятно, так и поступил.

Луна милосердная. Это.. ужасно.

— Я... Прости меня, Каламити, но, кажется, теперь я ненавижу твоего отца.

Каламити сел, улыбнувшись.

— Ничё, Лиг'пип. Он был бы рад услышать это. — Я поморщилась. — Все пони недолюбливали моего отца. Эт его работа — быть самым ненавидимым ублюдком во всём Анклаве.

— Твой отец тоже в Анклаве? — Я вздохнула, вдруг мысленно представив отца Каламити членом Высшего Совета Пегасов. Возможно, даже стоявшим за операцией "Выжигание". Богини... не заставляйте Каламити проходить через это. Это несправедливо!

— Агась, — сказал Каламити. Мрачная улыбка пропала по его лицу. — Сержант-инструктор по строевой подготовке в Нейварро.

Каламити выпрямился, расправил крылья и понизил голос, передразнивая:

— МОЛОТОК!? У тебя на кюотимарке сраный МОЛОТОК? Лучше бы эт значило МОЛОТИТЬ ВРАГОВ! А не то ты будешь САМЫМ ЖАЛКИМ ПОДОБИЕМ СЫНА, что я **ВООБЩЕ** видел!

Ух ты.

Каламити снова сел, тихо усмехнувшись себе под нос.

— Агась. Эт мой батя. — Он потряс гривой и взглянул на меня. — Разве удивительно, что все четверо его сыночков оказались в Анклаве?

Я была готова благословить свою матушку в тот момент.

— Значит... — попыталась я завязать разговор, пока искала выход из положения, — твоей кюотимаркой был молоток?

Каламити посмотрел вверх.

— Агась. И отвёртка.

— Твоей кюотимаркой были инструменты?!

Такого я не ожидала. Мне было бы куда проще представить себе моего друга с перекрестием прицела на боку. Или с мишенью. Хотя последняя была бы далеко не лучшим вариантом из того, что можно носить на себе в Эквестрийской Пустоши.

Однако, в этом был весь Каламити. Пони, который превосходно справился с восстановлением Небесного Бандита и заставил его вновь подняться в небо. Который приводил в порядок нашу броню и снаряжение. Который мог отремонтировать всё что угодно, от огнестрельного оружия до платьев. Он был не просто стрелком. Если подумать, то всё оружие, которое он использовал (за исключением Грома Спитфайр), было собрано или модифицировано им самим. Он даже приспособил броню Анклава под себя, чтобы иметь возможность стрелять, не надевая шлема.

Дитзи Ду, подбежав ближе, прижала свою доску к щиту, заставив его затрещать.

Каламити прочитал написанное.

— Историю? — посмотрел он на меня в недоумении.

Я кивнула Дитзи Ду, соглашаясь:

— Похоже, она хочет услышать историю появления твоей кюотимарки. — После чего, улыбнувшись, добавила: — И, думаю, я тоже.

— Кюотимарки не важны, — тоскливо отозвался Каламити.

— Давай, — подбодрила я его, застучав копытами по полу клетки. — Историю! Историю! — Дитзи Ду присоединилась ко мне.

— Ладно, ладно, — театральнo закатил глаза Каламити. Затем пристально посмотрел на меня: — Но потом твоя очередь.

Он потеревил свою ковбойскую шляпу, вспоминая.

— Ещё когда я совсем мелким был, — начал Каламити, — я всё время старался, чтоб мой отец гордился мной. Было почти невозможно быть равным моим старшим братьям. Я никогда не думал стать таким ж большим и сильным, как они, поэтому я практиковался в стрельбе. В первом же Состязании Юного Снайпера, в котором я участвовал, я занял третье место. Отец был очень разочарован.

Меня передёрнуло.

— Я пытался сказать ему, что я старался как мог, но он ответил мне, если эт было лучше, чё я мог, то я был просто жалок. Я сказал,

что эт была не моя вина. Что старое ружьё, которое он мне дал, было с до смешного несбалансированным весом, хрен с него прицелишься. Он ответил мне, что я мог бы и исправить его.

Каламити покачал головой, роясь копытом в полу клетки.

— Именно так я и поступил. Я провёл целый год, возясь с этим ружьём. Я наладил прицел, сконструировал собственный ротовой держатель, добавил веса плечевым скобкам для большего баланса. В следующем году я был первым.

Каламити взглянул на меня со слезами на глазах.

— Э-эт был первый раз, когда отец улыбнулся мне. П-первый раз, когда он похвалил меня.

Он поднял глаза на утреннее небо. Восходящее солнце окрашивало облака в прекрасные оранжево-золотые и розовые цвета.

— Когда я вернулся домой и снял свою спортивную броню, они уже были там. Молоток и отвёртка. Лучший день моей жизни.

Он посмотрел вниз, копытом взъерошив волосы у себя на загривке.

— Ну, пока не встретил тебя с Вельвет, конечно же.

— Я получила свою кьютимарку самой последней среди сверстников, — сказала я им. — Все другие жеребята и кобылки из моего класса получили свои кьютимарки двумя годами ранее, и Смотрительница хотела назначить мне работу.

Я начала объяснять:

— Обычно в Стойле Два нам давали работу, которую мы будем выполнять всю свою жизнь, в зависимости от наших кьютимарок. И пока у меня её не было, Смотрительница не могла меня куда назначить. Поэтому она прибегла к старинному уставу, созданному первой Смотрительницей Стойла Два, который позволял мне временно стать учеником в различных должностях, пока что-то не заставит мою кьютимарку проявиться. По большей части, она предлагала мне попробовать себя в административной и технической стажировке, так как большинство единорогов назначали на эти должности.

Я взглянула на ПипБак, окончательно вросший в мою ногу.

— А ПипБак нам выдавали после того, как мы получим и кьютимару и назначение на работу.

Закусив губу, я начала вспоминать:

— Однажды, когда я была ученицей у главного ПипБак-техника, взволнованная парочка заявила в кабинку техобслуживания. Их сын пропал. Он сбежал во время своей "Вечеринки в честь появления кьютимарки". Непонятно как, но он умудрился потеряться в Стойле, и они никак не могли найти его.

Каламити растерянно смотрел на меня. Он помнил, насколько маленьким и ограниченным было Стойло по сравнению с внешним миром.

— Одной из самых забываемых способностей ПипБака было отслеживание отмеченных целей. В основном это использовалось для навигатора. Я получила свой ПипБак с целой кучей уже загруженных отметок. Я до сих пор удивляюсь случайным сообщениям типа "Вы сейчас здесь" на своем Локаторе Ушки-на-Макушке. — Я улыбнулась, вспомнив, как удивилась тому, что мой ПипБак знал название фермы «Сладкое яблоко». — У каждого ПипБака есть метка, позволяющая любому с кодом метки и ещё одним ПипБаком найти его. Мой наставник... уснул (как всегда). Поэтому я взломала его терминал и загрузила код метки от новенького ПипБака жеребёнка в один из тех, над которым я работала. Я взяла инструменты, с помощью которых можно было открыть ПипБак, и надела его, в первый раз включив Локатор Ушки-на-Макушке. Введя в компас Л.У.М.а метку жеребёнка, я обошла всё Стойло, пока не нашла его. Жеребёнок умудрился запереть себя в сарае техобслуживания Яблоневого Сада. Это произошло после окончания работы, и никого не было рядом, кто мог бы услышать его стуки и вопли. Я не хотела, чтобы у жеребёнка были проблемы, поэтому, вместо того чтобы позвать какого-нибудь садовника, я выбила замок и сама его освободила.

Я слабо усмехнулась:

— Ну и конечно же он пошёл и рассказал всем пони о том, как я "спасла" его. Я попала в неприятности, из-за того что присвоила себе Пипбак и выломала замок. По крайней мере, мой наставник скрыл взлом терминала. Да и Смотрительница не собиралась заострять внимание на этой проблеме, увидев, что моя новенькая кьютимарка пророчит мне ещё долгое время оставаться неразлучной с ним.

Улыбаясь воспоминаниям, я закончила свой рассказ:

— Это был первый раз, когда я почувствовала, что сделала что-то действительно полезное. Что-то по-настоящему... хорошее.

Не думаю, что кто-то из нас ожидал, что Дитзи Ду тоже присоединится к беседе (чёрт, нам даже и в голову не приходило, что у неё тоже была кьютимарка), поэтому мы с Каламити были несказанно удивлены, когда светящаяся пегаска уронила свою доску к моим копытам и ткнула меня, требуя, чтобы я прочла. А затем ткнула чуть сильнее, напоминая, что я должна читать вслух, чтобы Каламити тоже мог услышать её историю.

Дитзи Ду бесчисленное число раз стирала свою доску, чтобы написать несколько новых слов, прежде чем её незамысловатая история была рассказана:

— Мой дядя владел транспортной компанией. Я помогала ему. Хотя он и не позволял ничего трогать копытами. Говорил, что я неуклюжая. Но разрешал ездить с ним в фургоне, называя своим маленьким талисманом. Мне это нравилось. Было очень весело помогать пони переезжать в новый дом. Мне нравилось видеть их счастливыми. Особенно если это были семьи. И особенно если у них были жеребята моего возраста. Однажды нам попалась семья, которой было грустно из-за переезда. У них были маленькие кобылка и жеребёнок, но они испугались меня из-за моих глаз. Тогда я начала строить смешные рожи и заставила их рассмеяться. Они были счастливы. Потом я показала им, где дядя хранил самую развеселую штуку во всём мире: пузырчатую упаковку. Им понравилось давить пузырьки, особенно маленькому карапузу. Мы веселились весь день. Дядя сказал, что именно тогда я и получила свою кьютимарку. Но я была слишком занята весельем, чтобы заметить это.

Я уже почти продумала план побега, когда мимо наших клеток прошмыгнул Прайд, направляясь к терминалу. Ткнув в него копытом, он отключил энерго-магические стены наших клеток.

Каламити вскочил, спрыгивая с платформы клетки.

— Чё за?

— Просто уходите, — прошипел Прайд.

Пшикнув, я привлекла внимание Каламити, показав на ящик Анклава, в котором был заперт Малый Макинтош.

— Открой его, — сказал Каламити, указывая копытом, — и мы уйдём.

Прайд раздражённо скрипнул зубами и отправился возиться с ящиком.

— Значт... — произнёс Каламити, когда ящик с шипением открылся. Я левитировала к себе Малый Макинтош и ещё несколько других

вещей, которые они отобраны у меня и Дитзи Ду. — ...Мы тип сбежали, да?

— Что-т тип того. Пока не знаю. Но вам нужно убираться. — Прайд нервно огляделся. — Одно слово на прощание. Операция "Выжигание" отныне распространяется на всех Дашитов. Попадётся на глаза ещё раз — пристрелю. Усёк?

Каламити кивнул.

— Ну и ну, я почти готов обнять тя, бро.

Дитзи Ду подошла к нам, держа в зубах свою доску с написанными на ней двумя словами: "Новая Эглуза?"

Прайд угрюмо взглянул на нас.

— Любимый торговый город Красного Глаза? Тот самый, который дал ему бомбу, убившую члена Верховного Совета? Анклав отправил туда целый полк с первыми лучами солнца.

Дитзи Ду была так ошарашена этой новостью, что доска выпала из её раскрытого рта.

— Монстр, — мрачно произнёс Прайд, — я б удивился, если там щас остался хотя б кратер.

Глаза Дитзи округлились в ужасе, огромные зрачки смотрели прямо по центру, словно она увидела что-то позади Прайда, из горла вырывался странный писк. Мне не нужны были слова, чтобы понять, что она пыталась сказать: *Сильвер Белл!*

Я слышала полный слёз голос маленькой кобылки лавандового цвета, звучащий из позавчерашнего дня: *Мамочка!*

Дитзи Ду сорвалась в полёт, направляясь к Новой Эглузе. Каламити, подхватив меня, рванул за ней, немного отклонившись в сторону на расстояние, достаточное, чтобы я телекинезом выловила Гром Спитфайр из развалин, где он его оставил.

Четыре Хищника висели в воздухе над Новой Эглузой, эскадрильи облачённых в чёрную броню пегасов парили в небесах между ними. Город всё ещё стоял, но мы видели парящих над ним солдат Анклава, отстреливающих тех пони, что пытались бежать за стену.

Дитзи Ду остановилась, паря в воздухе, на её лице был отпечаток тревоги.

Каламити оцетинился, его глаза сузились в гневе, когда пегасы бросились за убегающей кобылой, открыв ураганный огонь из взрывов света, превративший бежавшую пони в раскалённую голубую пыль.

— Проклятье, Лил'пип! Мы должны остановить это! — Он был на пределе. Я могла определить это по его голосу.

Прежде чем мы могли отреагировать, Дитзи Ду снова резко разогналась, летя прямо в сердце сил Анклава. Пегасы были сбиты промчавшейся мимо них светящейся торпедой. Они начали преследовать её, но быстро прекратили стрельбу, после того как их первые выстрелы ушли мимо и угодили в одного из Хищников.

Каламити высадил меня и погнался было за ней, но я схватила его зубами за хвост.

— Эй! Это самоубийство. — Я знала, мы могли потерять Дитзи Ду и, возможно, Ксенит с Сильвер Белл. Но будь я проклята, если я позволю потерять ещё и Каламити. — Нам нужен план!

Дитзи Ду остановилась посреди войск Анклава. Они окружили её, но не могли стрелять без риска попасть по своим. Несколько бронированных пегасов приблизились, их хвосты скрутились, готовые нанести удар, как только войдут в область поражения.

ФЬУУУШ!

В вспышке света и радиации, которая разметала нападавших пегасов Анклава, Дитзи Ду взлетела прямо вверх, изо всех сил махая своими лысыми крыльями.

Пегасы Анклава отправились в погоню. Они вновь начали стрелять, но Дитзи Ду повторно взорвалась радиацией, каждый раз ослепляя своих преследователей, когда они поднимались выше.

Два Хищника повернули свои орудия, паля в воздух магической смертью. Но огромные орудия были слишком неточными, чтобы попасть по быстро набирающей высоту цели. После полудюжины промахов они оставили убегающего гуля гонящимся за ней солдатам в чёрной броне.

Свет от Дитзи Ду осветил участок тёмных штормовых облаков, когда она исчезла внутри них. Затем свет поблек, и она пропала.

Преследующие её пони остановились, паря в воздухе. Некоторые из них стали возвращаться.

Внутри я знала, что она могла в любой момент прорвать вершину облачной завесы и увидеть настоящий солнечный свет впервые за, вероятно, две сотни лет. Маленькая пони в моей голове плакала.

Но потом реальность дала знать о себе. Дитзи Ду отвлекала Анклав. Давала нам шанс. И мы его упускали!

— Хорошо, — сказала я Каламити, вставляя МГ СтелсБак II в свою ПипНогу. — Вот наш план...

— Погодь, — сказал Каламити, глядя вверх.

Я проследила за его взглядом и увидела зелёно-золотистую вспышку из облаков. Я знала, что это было, но всё же достала бинокль, дабы убедиться в этом окончательно. Начали падать первые капли обещанной грозы.

Дитзи Ду пробилась назад через покрывало облаков, пулей проносясь мимо замешкавшихся солдат Анклава, прежде чем те успели бы среагировать.

Те солдаты, которые сперва начали отступать, теперь развернулись и ускорились, пытаясь схватить её.

ФЬУУУШ! Вспышка радиоактивного излучения разбросала бронированных пегасов, когда она рванула вперёд, словно ракета.

Остальные пегасы пустились в погоню, посылая ей вдогонку лучи радужного света. Большинство промахнулось. Но некоторые, к моему ужасу, нет.

ФЬУУУШ! Дитзи Ду совершила рывок, ускоряясь. Она нацелилась прямо в центр пространства между Хищниками Анклава.

Хищники заняли атакующие позиции. Их нижние пушки были нацелены на Новую Эглузу, собираясь стереть её с лица Эквестрии.

Мой план был отброшен так же быстро, как и составлен. Всё, что я могла теперь делать — это смотреть.

ФЬУУУШ!

Дитзи была недостижима для своих преследователей. Но, как оказалось, не для их оружия. Один из пегасов Анклава выпустил две ракеты по пегаске-гулю, когда она пронеслась мимо размытым светящимся пятном. Ракеты развернулись, ловя свою цель, и устремились за Дитзи, вращаясь относительно друг друга и оставляя за собой двойной спиральный след.

ФЬУУУШ!

Ракеты не были сбиты с толку и наращивали скорость, сокращая дистанцию, в то время как Дитзи Ду молотила крыльями, нацелившись на корабли Анклава, собиравшиеся разрушить её город и убить её дочь. Она двигалась так быстро, что, казалось, сам воздух Эквестрийской Пустоши деформировался о неё. Её тело сияло всё ярче и ярче, предвещая новый взрыв. Болезненный свет, льющийся от тела Дитзи Ду, вибрировал в воздухе, срываясь с неё слоями неестественных, больших цветов.

Ракеты почти настигли её, когда она поравнялась с Хищниками.

Дитзи Ду взорвалась.

Заметка: Максимальный Уровень.

Добавлена квестовая способность: Прикосновение Порчи (3) — Воздействие Порчи ещё сильнее изменило вашу физиологию. Вы становитесь на 20% сильнее и быстрее, когда "греетесь" в тёплом сиянии радиации. Чем выше уровень вашей лучевой болезни, тем быстрее восстанавливаются ваши очки действия. Ваша естественная продолжительность жизни резко увеличилась.

<<< ^^ >>>

Глава 40. Сверхзвуковой Радиоактивный Удар

«Если ты чувствуешь себя одиноко и всё ещё ищешь настоящих друзей, просто посмотри в небо. Кто знает, может вы...

смотрите на одну и ту же радуугу.»

<<< ^^ >>>

Потеря.

Война пришла с громом и смертью. И вся Эквестрийская Пустошь была в трауре. В этот темнейший час все мы молились о луче света.

Все мы понесли потери.

Мои друзья и я потеряли одного из нас — СтилХувза. Он наконец-то обрёл покой, воссоединившись со своей любимой Эпплджек и их ребёнком в ином мире. Но я ощущала, что его уход оставил зияющую рану в моей душе. Ничто не могло заполнить ту пустоту, что образовалась в нашей группе на месте СтилХувза. Призрак его смерти навис надо всем, заслоняя собой все наши личные потери. Делая нас ещё более уязвимыми и слабыми.

Я боролась с потерей самой себя. Я больше не была собой. Не была Литлпип. Я была чужаком в собственном теле, превратившемся в нечто, совершенно отличное от пони. И я была чужаком в собственном разуме, не зная правды о том, что сделала. Слова Вельвет ранили не потому, что она была жестока, а потому что она была права. Взрыв жар-бомбы был чудовищным злодеянием. И тем не менее, как уверяла Вельвет Ремеди, было необходимо сделать это. Возможно, я просто не задумывалась о последствиях... или они не волновали меня — без моих воспоминаний я не могла сказать точно.

СтилХувз поплатился за это. Он расстался с жизнью из-за того, что я сделала.

Я знала, что никогда не стала бы смотреть те воспоминания. Ну, может быть, за исключением восьмого шара (моя душа жаждала каждого исцеляющего прикосновения Хомэйджа), но не другие. Я не хотела знать, насколько хорошо я всё осознавала. Я бы не вынесла, если бы выяснилось, что я предвидела этот холокост. Это стало бы окончательной и бесповоротной потерей себя.

Вельвет Ремеди страдала от потери веры. Ей было больнее, чем любому из нас, потому что она потеряла всё, во что верила. Пустошь была слишком холодным, жестоким и отвратительным местом для любого пони, а уж тем более для той, чья душа была полна доброты и заботы о ближних, чьим основным желанием было помочь, излечить, сделать лучше. Для неё не имело значения, было ли страдающее существо пони, зеброй или монстром. Друзья, незнакомцы, враги — в глазах Вельвет Ремеди все были достойны сострадания. Я помнила, как она пыталась помочь адской гончей и облегчить страдания умирающего аликорна. Вельвет Ремеди выдержала всё, что Эквестрийская Пустошь обрушила на неё, пусть и давая иногда слабину, но её вера в то, что помощи достойны абсолютно все, была непоколебима. И она продолжала верить в это, борясь с отчаянием и уродством Пустоши и своим внутренними демонами, цепляясь за её личную религию Флаттершай. Доброта Кобылы Мира была её защитой и опорой.

Но теперь, когда воспоминания СтиХувза открыли ей истину, эта опора рухнула. И она тонула.

Каламити боролся с потерей всего, что было ему дорого, и он чувствовал, что проигрывает эту битву. Один из его друзей уже был мёртв, и он видел, как те, кем он особенно дорожил, включая его любимую, ускользают, теряясь во тьме своих страданий.

Но этот страх был ничем по сравнению с разрушением его собственного мира. После встречи с одним из братьев Каламити (который, похоже, был не самым худшим членом его семьи) я по-новому взглянула на "политику" Каламити и его реакцию на Брыклинский Крест. Каламити был моим лучшим другом, но только сейчас я по-настоящему начала узнавать и понимать его. И сейчас Анклав спустился на нас с операцией "Выжигание". Одно дело быть не согласным с политикой Анклава и покинуть его, и совсем другое — быть свидетелем тому, как Анклав стал величайшей угрозой для Эквестрии.

Как и мы, Рейнджеры Эпплджек потеряли СтилХувза. Он был их Старейшиной, их стержнем. Пони, который собрал их всех вместе, дал им толчок. Теперь молодые силы добра сами вели мучительную борьбу за выживание.

И так было не только с нами. Страдала вся Эквестрийская Пустошь. С разрушением Кантерлота, пони пустоши потеряли величайший символ легендарной эпохи мира и спокойствия, которые царили до войны. Со смертью СтилХувза и разрушением этого города, как будто порвалась последняя нить, связывающая прошлое с настоящим. Доказательство того, что мы когда-то имели; робкое обещание, что мы, возможно, могли бы иметь это снова. Теперь же мы дрейфовали в море тьмы.

В тот же самый день пустошь лишилась больше чем символа. В кровавой резне мы потеряли город Дружбы, один из величайших центров поникультуры. Мы потеряли маленький островок мира в пустоши. Мы потеряли уверенность в том, что хотя бы укрывшиеся за стенами укрепленного города увидят новый день. По всей Эквестрии пони оплакивали умерших и страшлись за живых.

И словно эти раны были недостаточно глубоки, пони пустоши потеряли ещё и голос, который взывал к ним в темноте, открывал правду и дарил надежду — голос ДиДжея РонЗ. Но хотя бы эта потеря не была невозможной. Хомэйджа была где-то там, боролась, и голос ДиДжея РонЗ мог иногда прорываться сквозь тьму, даря искру света, хоть и ненадолго.

И даже наши враги понесли большие потери.

Аликорны потеряли свою Богиню, их проводника, наставника. Они потеряли Связь, которая объединяла их и давала им Цель. Голос, которому они подчинялись, который постоянно звучал в их головах, пропал. И многие из них начинали терять рассудок.

Сердце цивилизации адских гончих, самых жестоких и смертоносных тварей на пустошах, было разорвано на кусочки, а большая часть их популяции просто испарилась в единой вспышке зелёного некромантического пламени. Очень привязанные к дому, они потеряли его.

Даже Анклав понёс потери. Они потеряли одного из своих лидеров и очень многих своих пони в той отвратительной и трусливой террористической атаке. Сколь многие их зверские убийства были порождены горем и гневом раненой нации?

Операция "Выжигание" стоила им больше, чем они готовы были потерять. Они не ожидали сопротивления ни от врагов, ни тем более от своих. Пегасы столкнулись не только с потерей солдат, но и с потерей веры, идеалов. И чем дольше они тут находились, тем хуже становилось для них.

Из всей пустоши, возможно, только Красный Глаз ещё не понёс потерю. Но это скоро изменится.

Потери. Они не делают нас лучше или хуже, хотя и могут. Не показывают нам, кто мы есть на самом деле. Просто причиняют боль. Перед их лицом все равны. Даже самый садистский рейдер, неспособный к сочувствию, наслаждающийся созерцанием боли других, будет страдать от своих потерь.

В чёрной раме потерь мы все молили о свете.

Дитзи Ду взорвался... и взрыв был колоссальным!

Чудесное зеленовато-золотое сияние в самом центре было столь ярким, что едва не обожгло мне глаза, и эта вспышка ещё долго стояла перед ними, даже когда я отвернулась. Из эпицентра взрыва вместе со взрывной волной во все стороны разошлось кольцо света всех цветов спектра, но таких странных оттенков, что казалось токсичной радугой.

Ракеты, что преследовали Дитзи Ду, отбросило назад, и они взорвались в считанных метрах от неё. Жидкое содержимое ракет разлетелось в стороны шлейфом жуткого адского пламени, заполнив огнём всё небо над Дитзи Ду и под ней. Хотя в неё ракеты и не попали, прогремевший двойной взрыв отбросил гуля, словно какую-то тряпку, и тело Дитзи Ду, усеянное шрапнелью (либо без сознания, либо уже мёртвое), кувыркаясь в воздухе, резко устремилось вниз. Её сияние потухло.

Но огонь и энергия, которыми вспыхнули ракеты, были едва заметны за той яростью, что только что высвободила Дитзи Ду, и их жалкие взрывы потонули в оглушительном грохоте её достижения. Взрывная волна промчалась по небу, сорвав пару крыш с тех домов Новой Эплузы, что не были сделаны из вагонов, и разбросала во все стороны обломки и бывших в воздухе пегасов Анклава.

Ну, есть ток один способ очистить такую большую территорию так быстро, — сказал мне Каламити, когда я спросила можно ли избавиться от облачной завесы. — *Эт сверхзвуковой радужный удар.*

Я ещё не вполне осознала тот поразительный факт, свидетелем чего сейчас была, как взрывная волна отбросила четырёх Хищников Анклава от города, а кольцо неземного света пронеслось мимо них, унеся прочь окружавшие их облака. Они использовались в Хищниках как рабочие компоненты всех систем, компьютеров, конструктивных элементов... а грозовые тучи держали их в воздухе. Величественные военные корабли Анклава падали на землю, рассыпаясь на части. Три рухнули прямо за стенами города. Четвёртый отнесло не так далеко, и его остов опускался прямо на дома и других пони, но его вовремя подхватило поле левитации карамельного цвета и сдвинуло в сторону ровно настолько, что он упал на прочное сооружение из торговых вагонов прямо рядом с таверной «Шлагбаум».

Хотя все мои мысли вертелись вокруг названия этого феноменального зрелища, я метнулась магией к Дитзи Ду и бросила телекинетические силки под её обмякшее тело, крепко его обхватив. Она падала так быстро, что всё равно разбилась бы, но я не могла просто стоять в стороне.

Вокруг моего поля левитации возникли ещё два. Одно — мощное, знакомого карамельного цвета, а второе — тусклое, бледно-серебристого. Но даже втроем мы не смогли остановить её падение, а только немного замедлили.

Ровно настолько, чтобы её поймал Каламити.

В тот самый момент, когда Каламити, прорываясь через наши левитационные поля с вытянутыми передними ногами, подхватил тело Дитзи Ду, взрывная волна достигла небес, разорвав облачную завесу. Солнечный свет, чистейший и сияющий так ослепительно, что и представить невозможно, озарил Новую Эплузу своим теплом. Чувство было такое, будто Сама Селестия снизошла с небес и заключила город в свои объятия.

Воздух переливался разными цветами, тяжёлые грозовые тучи высвобождали свою ярость, тая на глазах. Моя ПипНога тихонько затрещала. Дождь был радиоактивен. Токсичен.

И хотя я всего того не видела, позже я узнала, сколько всего ещё сделало чудо Дитзи Ду

В стенах Новой Эплузы Ксенит стояла на краю дорожки из металллолома, откинув капюшон плаща, и зачарованно глядела на чудо в небе над нами. Это зрелище настолько увлекло её, что она не заметила маленькую кобылку лавандового цвета, чей заново отросший рог сиял бледно-серебряным светом. Она проскочила между ног Ксенит и галопом припустила к только приземлившемуся Каламити, и тогда лишь ушла Ксенит уловив её счастливый крик:

— Мамочка!

Сверхзвуковой радиоактивный удар Дитзи Ду не ограничился одной лишь Новой Эплузой, я поворачивалась, глядя на всё расширяющееся кольцо взрыва, на радугу восхитительных и вместе с тем неестественных цветов, а вслед за ней неслась взрывная волна, поднимая на своём пути пыль и обломки, словно ураган.

Сверхзвуковой радиоактивный удар пронёсся над Вечнодиким лесом, очистив небо над ним от дыма и раздув те языки пламени, что не погасил. Взрывная волна трянула окна Собора. Уверена, в тот момент Красный Глаз отвлекся от своих дел, чтобы выглянуть в окно, поняв, что только что произошло нечто очень важное.

Удар был ощутим и в Понивилле, отчего окупировавшие город поселенцы забились под землю. Токсичная радуга вспыхнула над Прекрасной Долиной, погнав перед собой ветер, полный чудовищной радиации.

Сквозь пелену облаков, застилавших всё небо, пробилось зарево необычного цвета. Скорбевшая перед холодным надгробием угольно-чёрная единорожка взглянула на его отражение в озере позади хижины СтилХувза.

Громоподобный грохот сверхзвукового радиоактивного удара отозвался эхом и в каньонах Мэйнхэттенских руин. Стоя у окна в Башне Тенпони, коричневый в яблоках единорог со свитком на боку увидел, как на город вдали пролился солнечный свет, и один из лучей отразился в его очках.

Даже среди холодных, продуваемых всеми ветрами утёсов Разбитого Копыта, где из тёмных туч валил летний снег, на мониторах внутри центральной станции башни Разбитого Копыта увидели радиационный удар Дитзи Ду, озаривший часть горизонта вспышкой необычного сияния.

А прямо рядом со стенами Новой Эплузы маленькая единорожка с ПипБаком на боку почувствовала, как у неё в голове кусочки всего этого невероятного пазла наконец встают на свои места. Всю свою жизнь я искала своё призвание, смысл своего существования. В юности я томилась от желания поскорее получить свою кьютимарку, чтобы узнать, чем же я отличаюсь от других, чем же я лучше... и было ли во мне хоть что-то особенное. Снаружи Стойла мои поиски вытекли в длительное скитание, в которое я отправилась ради того, чтобы обрести добродетель и, в конечном итоге, своё место в этой необъятной и жестокой пустоши.

Теперь, в свете солнца, подаренного Дитзи Ду, я увидела его. С каждым кусочком пазла, встающим на своё место, я всё чётче осознавала свою цель. Цель, что я всю свою жизнь так жаждала найти.

Я левитировала себя через стену Новой Эплузы. Плевать я хотела на изгнание из города. Сейчас было не до того. Каламити приземлился внутри с Дитзи Ду. Моё сердце вопило — я не знала, жива она или нет. Два дня назад я уже потеряла СтилХувза. Наверяд ли я смогла бы перенести потерю ещё одного друга. Слишком скоро.

Я опустилась среди луж и поскакала к Каламити, сидевшему на железнодорожном рельсе, купаясь в лучах солнца, и Дитзи Ду, лежавшей на его передних ногах. Гной вытекал из её бесчисленных ран. Сильвер Белл и Ксенит стояли рядом, и вокруг них собиралась большая толпа. Если Рейлпрайт решит вышвырнуть меня, пускай только попробует, подумала я.

Сердце тяжело стучало, когда я добежала до Каламити. Со слезами на глазах взглянув на гуля-пегаса, я взмолилась Селестии и

Луне, чтобы она лишь только пошевелилась. Показала, что жива.

В голове всплыла картина, как Вельвет Ремеди держит СтигХувза, и я не смогла сдержать рыдания.

Шёрстка была неприятно мокрой от дождя, но тепло солнца и его чистый свет были слишком чудесны, чтобы прятаться внутри. Мой взгляд поднялся вверх, к зияющему провалу чистейшего голубого цвета, и утонул в этой перевернутой бездне. Совершенно непохожее на то страшное ночное небо, которое я увидела в просвет между облаками в первый день в пустоши, сейчас оно было прекрасным и безграничным, и одного взгляда на него было достаточно, чтобы развеять одолевавшие меня раньше ужасы.

— Нет, — тихонько скулила я, обращаясь к самой себе и Богиням. — Пожалуйста, нет. Она должна выжить. Она должна это увидеть. Она заслуживает увидеть это.

Пони Новой Эплузы выходили из домов и магазинов, где они прятались. Все смотрели на небо, впервые в жизни увидев солнце. Большинство выглядело как после контузии, но один за другим многие начали улыбаться.

Несколько цветных пятнышек закружилось в голубом небе. Некоторые начали спускаться, гоняясь друг за другом. Это были пони-пегасы из мира над пеленой облаков, собравшиеся посмотреть на невиданный доселе феномен.

— Ч-что это было? — спросил жеребец где-то слева от меня.

— По-моему... Дитзи Ду только что спасла нас, — ответила кобылица.

Я наблюдала за тем, как пегасы, движимые любопытством, нерешительно спускались к Новой Эплузе. Эти разноцветные пегасы совсем не походили на солдат Анклава. Они не были одеты в чёрное, и их движения не таили в себе угрозы.

Они не плохие пони, Лип'лип, — раздался тихий голос Каламити в моей голове. — Если бы большинство пони сверху понимало, чё тут внизу творится, они бы уже подняли и отправили чёртов Анклав и всех пони на помощь.

Надеюсь, что это так, подумала я, вновь обратив взор на Дитзи Ду. Сильвер Белл шагнула вперёд и осторожно касалась её, хныкая.

Тык. Ой.

— М-м-мамочка?

О Богини, прошу, только не это...

Позади меня голос маленького жеребёнка взывал к своей матери:

— Ма! Ты видела это? Видела? Дерпи спасла нас! И Дерпи... поранилась!

— Да, Тролли, — мягко сказала мать жеребёнка. — Я видела.

Она заслуживала увидеть всё это. Я рыдала, молилась, слёзы наполняли мои глаза, затуманивая взгляд. Дитзи Ду продолжала лежать неподвижно.

Пожалуйста!

Едва заметное движение. Дрожание глаз. Вдруг один повернулся и уставился прямо на Сильвер Белл. Потом Дитзи Ду прошептала что-то... что-то едва понятное, но, как показалось мне, даже несмотря на то, что у неё нет языка, это было очень похоже на "Прости милая, мама просто вздремнула."

Я рухнула на землю, разразившись рыданиями даже большими, чем когда-либо, но в этот раз я плакала от радости и облегчения. Дитзи Ду была жива!

— Мамочка! — Сильвер Белл, подскочив, обняла истекавшую сукровицей гулю. Будучи слишком слабой, чтобы двигаться, пегаска приобняла восторженную кобылку крыльями.

— Мамочка, — радостно затараторила маленькая единорожка, — ты сделала всё таким красивым!

Солнечный свет обволакивал нас, а на горизонте позади токсичная радуга рассеивалась, постепенно исчезая.

Сильвер Белл забралась на Дитзи Ду, её копыта скользили из-за гноя, истекающего из многочисленных ранений умирающей кобылы. Я обернула их в магический кокон и леветировала к магазину Дитзи Ду, где рядом уселась Паерлайт на бочку для сбора дождевой воды.

Мы должны были отнести её внутрь, я знала это. Положить её рядом с Паерлайт. Найти бинты... бинты лежали внутри. Они должны были быть там. Это ведь "Абсолютно Всё".

— Простите меня, — сказала Ксенит. — Я пыталась не пускать её наружу, но ваша дочь... оказалась хитрее.

— Ты вернулась домой, мамочка? — взмолилась Сильвер Белл. — Мисс Ксенит... хорошая. Но она не мамочка. — Кобылка, понизив голос, прошептала в изорванное, отвратительное ухо: — Она немножко жутковата.

Глаза Ксенит расширились на мгновение, но уже через секунду она смотрела вдаль как ни в чём не бывало. Слова Сильвер Белл лишь сильнее убедили её в том, что она не могла быть хорошей матерью для своей дочери.

Я поморщилась, хотя понимала, что Сильвер Белл не хотела никого обидеть. Я могла только догадываться, насколько странной и отчуждённой для неё была Ксенит. Даже сейчас зебра была одета в свой стелс-плащ. Вероятно, большую часть времени, проведённого с кобылкой, Ксенит была невидима, чтобы не сталкиваться с городскими пони. Но всё равно эти слова ранили её.

Искоса смотря на малышку, Ксенит предложила:

— Вы не думали насчёт того, чтобы обучить её Стилю Падшего Цезаря? — Вдруг я осознала, что мне хочется больше узнать о своей полосатой подруге, о её воспитании, её бывшем племени, ведь её ответом неуловимому жеребёнку стало предложение отточить её навыки убийств и калечения.

Дитзи Ду покачала головой и вновь обняла Сильвер Белл своими крыльями.

Дозиметр в моей ПипНоге всё ещё щёлкал, но я не могла точно сказать, реагировал ли он так на Дитзи Ду или же на воду в луже под ней. Я подозревала, что пегаска всё ещё была радиоактивна, даже после сверхзвукового радиоактивного удара. Но уровень излучаемой ею радиации был неопасен для маленькой единорожки. Ничего такого, от чего Антирадин (буэээ!) не помог бы. А сейчас им просто нужно было побыть вместе.

Щёлканье участилось, когда Паерлайт уселась на мою голову. Не дожидаясь нашего приглашения, жар-феникс сама устроила для раненого гуля ванну в зелёно-золотом свете радиации.

— Не-а! — настаивала на своём Сильвер Белл. — Я буду художницей! Видите?

Лавандового цвета кобылка указала куда-то копытом. Я проследила за направлением её ноги, и мой взгляд упал на один из близстоящих домов-контейнеров, на котором было грубое, но красочное изображение Новой Эплузы.

Настоящая фреска.

Я прошлась взглядом по городу, разглядывая его впервые с момента моего последнего визита. Рисунок на контейнере был не единственным. Детские росписи были повсюду: на вагонах, бочках, машинах. Везде, где только народ Эплузы позволял Сильвер Белл творить. По рисункам можно было проследить то, как она учится рисовать. В свете закатного солнца её картины, и без того яркие, делали город, похоже, самым привлекательным местом на пустошах.

Свет искрился на поверхности заражённых луж. Солнце приятно грело мою шёрстку. Я чувствовала, как тёплые лучи притрагивались к моей душе, солнечный свет прорвался через завесу потерь и страданий, которые копились всё это время. Свет солнца вновь зажгёт надежду, и вся тьма прошлых дней казалась не столь значимой. Моё сердце ждалось от боли, жалея о том, что СтилХувза больше нет с нами. Я бы хотела, чтобы он увидел это.

Диковатого вида пони с шипастой гривой и кьютимаркой в форме черепа, пронзённого окровавленным клинком, проскакал мимо меня, держа дробовик в зубах.

Я проследила за тем, как он добежал до одной из упавших пегасок Анклава. Она пыталась встать, когда жеребец, вставая на дыбы, с размаху ударил ей по голове, бросая её обратно на землю.

— Лефать!

Забрало костюма пегаски было сломано, и я смогла разглядеть её пурпурные глаза, смотрящие с ужасом на пони. Жеребец приставил дробовик к крылу кобылы, продолжая придавливать копытом её голову и не забывая при этом поглядывать за смертельным хвостом.

Я слышала скрежет металла, когда ещё один пегас, облачённый в злое чёрные доспехи, выбрался из-под груды обломков, которая до этого была сараем. Что-то затмило солнечный свет надо мной, и, подняв голову, я увидела трёх пегасов, перелетевших через стену и зависших над городом. Вся Новая Эплуза стояла в молчаливом благоговении... Стар и млад повалил на улицу из своих домов, чтобы полюбоваться на небо, искупаться в живительных лучах солнечного света. Пегасы Анклава жили над облаками всю свою жизнь, всю жизнь они провели под ярким солнцем, и поэтому сейчас не обращали на него внимания. Всё, что они видели — это город, который снова нанёс им сокрушительный удар.

Бой ещё не окончился.

Бззззак! Бззззак!

Только я присела в дверном проёме "Абсолютно Всего", как лучи яркого света ударили в косяк, превращая входную дверь Дитзи Ду в кучу золы. Жар, пылуший от плавящейся двери, опалил мою шёрстку.

Снаружи царил хаос. Мы сражались при солнечном свете, и это казалось абсолютно неправильным. Постыдным. Маленькая пони у меня в голове волновалась, что горожане начнут ассоциировать что-то столь прекрасное, как солнечный свет, с отвратительными ужасами войны.

Я воспользовалась телекинезом, пытаюсь пристроить наушник в своё ухо, одновременно отстреливаясь из Малого Макинтоша. Верный револьвер Эпплджек был единственным оружием, которое у меня оставалось. Я с сожалением вспомнила, что мои снайперская и зебринская винтовки до сих пор оставались запёртыми в ящике где-то в Мэйнхэттене. Если, конечно, их ещё не стащили.

"...цели миссии прежние," — возник голос жеребца на военной частоте Анклава. Я была почти уверена, что он транслировался с одного из сбитых Хищников. Новая Эплуза была атакована десятками солдат Анклава, вместо ожидавшихся сотен, позволяя предполагать, что либо пегасы с тех Хищников были до сих пор запёрты внутри, либо за городскими стенами развернулась борьба между силами самого Анклава. — **"Мы здесь, чтобы извлечь Эквестрию от этого гнезда терроризма. Будьте стойкими, солдаты! Во имя Совета! Во имя Анклава!"**

Пегаска в чёрной броне бросилась за перевернутую дрезину. Одна из моих пуль разбрызгала лужу позади неё, другая обрела покой в деревянном каркасе дрезины. Пегаска, захлопав крыльями, взлетела, снова открывая огонь.

Грифон-телохранитель Дитзи Ду подхватил молниевую винтовку и скрылся наверху. Каламити был чуть дальше в магазине, вместе с Паерлайт охраняя Дитзи Ду, пока Сильвер Белл несла медикаменты. Я оглянулась как раз вовремя, чтобы увидеть, как кобылка лавандового цвета опасно балансирует на нескольких коробках, пытаясь дотянуться до ключа, лежавшего на верхней полке. Я сумела поймать и малышку, и ключ, когда весь стеллаж обрушился вниз, рассыпая повсюду фотокамеры и плюшевых мишек.

Отвлечись, я дала атакующей меня пегаске шанс, которым она не преминула воспользоваться. Я крикнула от боли, когда мне обожгло бок, но кантерлотская полицейская броня спасла меня от серьёзных повреждений.

КРЭК! Белая молния сверкнула из окна второго этажа надо мной. Пегаска свалилась с криком, её чёрная силовая броня дымилась. Возможно, она была ещё жива, но её броня, лишённая матрицы заклинаний, была слишком тяжела, чтобы двигаться в ней.

На расстоянии, я могла видеть тела жеребца, смахивавшего на рейдера, и фиолетовоглазой пегаски Анклава. Они упали рядом, обменявшись смертельными ударами. Её фиолетовые глаза смотрели безжизненно. Его тело было пронзено лезвием её хвоста.

— Тролли, а ну СЕЙЧАС ЖЕ внутрь! — раздалось откуда-то левее снаружи.

В панике я выскользнула за дверь. Слишком много смертей жеребят я видела. Я чувствовала вес бутылки с прахом в одной из седельных сумок. Я не могла допустить, чтобы что-нибудь случилось и с этим маленьким жеребёнком.

Мать Тролли, чья соломенная шляпа и цветастое платье были пропитаны радиоактивными осадками, стояла между солдатом Анклава и своим жеребёнком. У неё не было оружия, но она стояла твёрдо, заслоняя собой сына, который, выскочив из своего укрытия за её ногами, побежал к ближайшей открытой двери. Я взяла пегаса на мушку в тот самый момент, когда застрекотало магическое оружие на его броне.

Ну неужели ни дня не может пройти без того, чтобы я убила другого пони? — печально взмолила к пустоши маленькая пони у меня в голове.

Бело-синяя полоса ударила в землю между матерью и солдатом Анклава одновременно с (*Бззззак! Бззззак!*) его выстрелами.

Белая пегаска с гривой и хвостом всех оттенков синего приземлилась лицом к лицу с солдатом Анклава. Она открыла рот, но, прежде чем успела сказать хоть слово, один из лучей смертоносной энергии ударил её в грудь. Второй выстрел прошёл сквозь шляпу матери, превращая шляпку в пепел.

БАХ! БАХ! щёлк

Мои выстрелы пошатнули пегаса Анклава, одна пуля пронзила его броню, пока белая пегаска падала на землю. Судя по её прерывистому дыханию, выстрел разорвал, а возможно, и испарил одно из её лёгких.

Я поймала себя на том, что взываю к Вельвет Ремеди, но быстро вспомнила, что её не было с нами.

Пегас Анклава застыл ошеломлённый, глядя на стонущую белую пегаску.

"Командующий, у нас тут гражданские," — зазвучал новый голос на военной частоте Анклава. — **"Предлагаю отвести войска для проведения операции 'Облачный занавес'."**

Я забралась обратно в укрытие, перезаряжая Мальтий Макинтош, когда знакомый жеребёнок цвета хаки с ванильной гривой выбежал из соседнего вагона и упал рядом с белой пегаской. Один из трёх молодых героев, которых мы встретили у домика Флаттершай.

— Кто-нибудь, помогите мне отнести её к Канди!

Искры, сопровождаемые звоном металла, брызнули с пегаса, когда он попал под огонь с крыши. Посмотрев вверх, я увидела искалеченную, лишённую гривы кобылу в рейдерской броне, которая вела огонь железнодорожными костылями из чего-то, напоминавшего самодельную паровую винтовку. Рейлрайт, мэр города, прятался за перевернутым верстаком, держа в зубах связку костылей для перезарядки.

Через мой наушник стало просачиваться больше голосов:

"...встретили неожиданное сопротивление..."

"...не так, как в предыдущих поселениях. Здесь есть жеребята. Семьи..."

Солдат Анклава повернулся к ним, открывая огонь. Второй закованный в чёрную броню пегас пронёсся над нами, обрушивая на голову мэра град магических гранат. Сосредоточившись, я отправила их обратно. Заряды взорвались во вспышке разноцветного безумия, разорвав бомбардировщика на куски. Кровь и внутренности дождём обрушились на Рейлрайта. Я почувствовала приступ тошноты, взглянув на ярко-розовые кишки, блестящие на солнце.

"Говорит Винтер, командующий Хищником 'Кучевой'. Не забывайте, что это террористы, снабдившие Красного Глаза мезазаклином, которое он использовал для своей трусливой атаки, во время которой погибли сотни граждан Анклава! Атаки, которая повлекла за собой смерть Харбринджера и можества наших братьев и сестёр! Этот день будет внесён в историю как день позора..." — вещал рычащий голос на частоте Анклава. Я была поражена тому, насколько велика была разница между пропагандой, которую Анклава вещал жителям Пустоши и тем, что они говорили своим солдатам. — **"...и позорное использование этих неприемлемых, ужасающих приёмов должно лишь укрепить нашу уверенность!"**

Моя кантерлотская полицейская броня разогревалась всё сильнее. Верхние слои начали плавиться, когда две энерго-магические молнии ударили в меня. Ещё одна поразила вывеску Дитзи Ду ("Да, я доставляю!"), уничтожая её предложение о бесплатных экземплярах "Руководства по Выживанию в Пустоши".

Осматриваясь в попытке понять, откуда в меня стреляют, я заметила пегаску в чёрной броне, которая приземлялась на балкон таверны "Шлагбаум". Похоже, что она привлекла не только моё внимание. Её стало обволакивать зелёное телекинетическое поле, постепенно поднимая крылатую воительницу вверх и придавая ей вращение. Маленькая пони в моей голове вздрогнула, осознав ошибку единорога за мгновение до того, как пегаска вытолкнула себя из магической оболочки одним сильным взмахом своих крыльев.

Атака единорога не только не помешала, но даже наоборот, помогла заклятию прицеливания пегаски обнаружить атаковавшего её эплузianца. Ещё до того как я смогла взять солдата на прицел, она выстрелила, и удивлённый единорог испарился в свечении магической энергии Анклавовского минигана.

БАХ! БАХ! БАХ! БАХ!

Я жала на спуск Малого Макинтоша так быстро, как только могла. Несколько пуль от ricochetило от её чёрной брони, но одна всё-таки попала в крыло висящей в воздухе пегаски. Теряя контроль и дико вращаясь, она врезалась в грузовой кран Новой Эплузы с отвратительным хрустом.

"...Будьте стойкими!"

Пегаска Анклава ricochetила от металлической стрелы крана и рухнула на землю. Я скользнула взглядом вдоль стрелы вверх и увидела платформу, которую он держал высоко над городом, и рельсы, лежащие на ней.

Та же идея пришла в голову кому-то ещё. Магическое сияние карамельного цвета вспыхнуло среди молний под одной из сторон платформы и срезало удерживающие её цепи. Платформа развернулась вниз, обрушивая всю массу рельс на солдата Анклава, прежде чем она успела унести копыта. Звук, раздавшийся, когда все эти металлические балки столкнулись с землёй и другим металлом, прокатился по всей Новой Эплузе, подобный барабанной дроби какого-то жуткого оркестра. Я съёжилась, закрывая уши.

"...И помните, что вашими действиями здесь вы гарантируете вашим братьям и сёстрам, вашим семьям, оставшимся дома, безопасное будущее... Рэд? Что это ты?.."

Вещание в моём наушнике внезапно прервалось.

Краешком глаза я заметила единорожицу, рыдавшую над телом павшего жеребца. Я видела, как выражение безутешного горя на её лице внезапно сменилось слепой яростью, когда солдат Анклава приземлился на улице неподалёку, тыкая носом неподвижное тело другого пегаса в броне. Я знала, что сейчас должно произойти. Маленькая пони в моей голове молила остановить это, но с моих губ не сорвалось ни звука, когда она левитировала в воздух боевое седло-машинган мёртвого жеребца и, прицелясь, открыла огонь.

Первые пули попали в цель, пробивая броню солдата Анклава и разрывая его внутренности. Но отдача боевого седла выбила его из магического захвата кобылы, разворачивая ствол, и несколько пуль прошло саму несчастную единорожку. Ещё долгие три секунды после того, как боевое седло рухнуло на землю позади неё, она стояла, обливаясь кровью, с выражением удивлённого непонимания в глазах. Затем, зашатавшись, упала на тело жеребца, которого оплакивала, и жизнь ушла из её глаз.

Дыхание смерти чувствовалось над всей Новой Эплузой. Ухмыляющийся пони-жнец правил бал.

— ХВАТИТ! — кричал Каламити, стреляя через дверной проём позади меня в двух пролетавших Анклавовских солдат. Они обстреливали горящей плазмой улицу под собой, оставляя лишь кричащих, сгорающих заживо пони в агонии. В голосе Каламити чувствовались гнев и горе. Его крик был душераздирающе надломленным:

— ХВАТИТ УБИВАТЬ ПОНИ!

В ужасе я приказала заклятию прицеливания игнорировать врагов и переключиться на дружественные цели. Пони, объятые магическим огнём, были обречены. И я не могла оставить их страдать. Я хотела, чтобы Вельвет Ремеди была здесь, я тосковала по её анестезирующему заклинанию. Но единственным, что я могла им предложить, были пули.

БАХ...

...БАХ

Моё заклятие прицеливания позволяло идеально точно целиться сквозь огонь. Одна голова — одна пуля. Это было проявлением милосердия, и я ненавидела себя за это. Такое чувство, что моя кожа, скрючившись от отвращения, желала сползти с моего тела.

"Внимание всему персоналу Анклава!" — новый голос, принадлежавший кобыле, раздался в моих ушах по вновь заработавшей военной частоте Анклава. — **"Говорит Рэд Глэр, действующий командующий Хищника 'Кучевой'. Командир Винтер был отстранён от командования. С этого момента приказы отдаю я."**

Яростная битва ненадолго затихла. Многие солдаты Анклава остановились, чтобы послушать её и перезарядить оружие.

"Эта битва окончена. Я прибегаю к протоколу "Облачный занавес". Все силы Анклава должны немедленно отступить и оказать поддержку."

И вот так просто всё и закончилось.

Солдаты Анклава остановились, повернув головы к солнечному синему небу над нами. А потом все как один поднялись и улетели.

Демоны убегали обратно в Ад.

Прошло несколько минут, пока пони Новой Эплузы не перестали стрелять по ним. Но пегасы были слишком быстрыми, и все, кроме одного, вылетели за радиус поражения, до того как горожане под ними начали стрелять в попытках их сбить. Та единственная кобылка пикировала, выделявая в воздухе пируэты. Падающая тень. Она врезалась в дождевую бочку, разнеся её на части. Она истекала кровью, раскрашивая облученную воду.

Я упала в дверном проёме, силы покинули меня. Отвращение и ужас сменились оцепенением, отчего мне стало ещё хуже. И кроме оцепенения я почувствовала, что меня трясёт.

Дитзи Ду спасла Новую Эплузу. Если бы не она, то от города остался бы лишь дымящийся кратер. Но всё вокруг меня (мёртвые тела, плачущая толпа) говорило, что эта победа была не без тяжёлых потерь.

Я наблюдала за тем, как Каламити приземлился рядом с упавшей белой пегаской с фантастической синей гривой. Ее грудь то вздымалась, то опускалась — она боролась за каждый вдох, но всё ещё была жива. (И пока я смотрела, я заметила, что у неё на ремне висел ПипБак. Замок на нём был заперт, наверняка его сняли с трупа предыдущего владельца. Неспособная сама его открыть, она просто повесила ПипБак на себя, как какую-нибудь фляжку.) Каламити помог пони цвета хаки положить её на кусок листового металла и отнести к клинике Канди. Было ещё много пони, направлявшихся к этому зданию. У Канди уже закончились палаты, и поэтому она приказала всем раненым выстроиться в очередь у крыльца клиники.

Я перевела свой взгляд, уставившись в темноту внутри "Абсолютно Всего". Грифон-телохранитель Дитзи Ду всё ещё сидел у окна на втором этаже, как ястреб высматривая поднимающихся пегасов... или, ну, как грифон.

Ужас пробежал по мне, как только я осознала, что ещё никто не позаботился о Дитзи Ду. Я могла видеть её со спины, освещённую свечением Паерлайт. Недвижимую. (*То, что она не двигается, ведь нормально, да?* — отчаянно спросила маленькая пони в моей голове. — *Это ведь ещё ничего не значит. Гули и так мало двигаются. СтилХувз мог стоять на одном месте часами... Богини, бедный СтилХувз.*) Сильвер Белл сидела рядом с кроватью гуля, жар-феникс свернулся у её передних копыт. Маленькая пони в голове перестала оплакивать моего Рейнджера, ушедшего достаточно давно, и вздрогнула, вспомнив, насколько вредным могло быть свечение Паерлайт для маленькой кобылки. Я молилась Богиням, что Дитзи Ду не потеряла весь свой запас Антирадина в тот момент, когда её фургончик разлетелся на кусочки.

Я попыталась подняться на копыта, надеясь доскакать до них, но ноги не выдерживали моего веса. Я взглянула на медицинский дисплей Л.У.М.а, надеясь, что меня не так уж и сильно поранили во время битвы. Да, броня защитила меня, но я была исчерпана, эмоционально жестоко избита, и в последний раз я спала перед похоронами. И только солнечный свет давал мне силы и энергию для того, чтобы идти вперёд. Даже если он был "исковеркан".

И тут свет начал тускнеть.

Я обратила свой взор к небу. Высоко над нами Анклавовские пегасы летали от одного края синего круга к другому, рисуя параллельные полосы из облаков на просвете. Странно, я вспомнила старую историю о фигуристах, разрезавших таким способом лёд во время Зимней Уборки. Но когда тонкие линии из облаков начали густеть, разбухать одна за другой, заполняя синие промежутки, я поняла, что это выглядит так, будто кто-то медленно закрывает жалюзи на окне. Пегасы снова заперли солнце.

Облачный занавес.

* * *

Мои мысли казались мне тёплыми, умиротворяющими и слегка пушистыми, словно плюшевый медвежонок, которого я обычно обнимала, засыпая. Лечебная микстура Канди содержала приличную дозу рома.

Каламити обнаружил меня рухнувшей в дверном проёме, пытающейся доползти до Дитзи Ду, и настоял на том, чтобы отправить меня в госпиталь. Я протестовала, так как не считала себя раненой настолько серьёзно, чтобы отвлекать на себя внимание, необходимое другим пони. Но я зря волновалась. Мне нашли койку примерно в полуквартале от переполненной клиники, освободили от доспехов и напоили из "исцеляющей фляги", содержимое которой сильно отдавало алкоголем.

Стоны и рыдания обволакивали меня, как густой дым. В воздухе витали запахи алкоголя, крови и жжёной плоти. На койке рядом со мной лежал пожилой земной пони с зелёного цвета шкуркой. Он вышел на улицу только для того, чтобы увидеть солнце, и лишился задней ноги. Канди с горечью в голосе говорила его внукам, что их дедушка крепко уснул и может проспать ещё очень долго. Молодая кобылка, обняв жеребёнка, который был немногим моложе её, разразилась в рыданиях.

Мне тоже хотелось разрыдаться. За СтилХувза. За Вельвет. За молодую кобылку, чей прах я носила в бутылке. За Дитзи Ду... Хотя я надеялась, что она выкарабкается. И за тех, кто не смог. Но я не могла. Я слишком устала для этого. И вокруг было чересчур много пони. Маленькая пони в моей голове шептала, что моя боль, моя скорбь — это моё, личное. Я могла плакать вместе с Каламити. Или с Хомэйдж. Но не перед всеми этими пони.

Каламити лежал недалеко от меня, шляпа сдвинута набок, а взгляд направлен в грязь под его ногами. Мой друг не плакал, но даже он не мог скрыть свою боль. Всем сердцем мне хотелось подойти к нему, обнять, но мои ноги меня не слушались.

— Мы исправим это, — заверила я его.

Каламити замешкался. Он смотрел не на меня. Взгляд моего друга был направлен на ряды бугорков, покрытых простынями. В каждом из них угадывались знакомые до боли формы — это были тела погибших сегодня пони.

— Нельзя исправить смерть.

Его тихий голос был унылым, разбитым. Мне хотелось зарыться в землю, лишь бы только не слышать его.

Я представила СтилХувза, мрачно шагавшего среди тел под простынями, отдававшего дань уважения павшим. Он должен был быть здесь, рыдала маленькая пони в моей голове. Затем моё извращённое воображение представило его как одно из этих тел. Я поперхнулась и отвела взгляд.

Я посмотрела на Канди, мои глаза следили за белой земной пони в жёлто-розовом халатике медсестры. Я фантазировала о ней один раз, и она стоила того. Но сейчас я жалела, что она не Вельвет Ремеди, навыки единорожки были крайне необходимы.

Или не Хомэйдж. Это было эгоистично, но я ничего не могла с собой поделать. Хомэйдж могла вылечить и успокоить меня лучше, чем ящик слабых лечащих зелий с ромом. Хомэйдж была солнцем для меня. Её присутствие согрело бы меня, её нежные слова прогнали бы мрачные мысли из моей головы. А её язык, спускающийся всё ниже, к...

Мои фантазии прервал Рейлрайт. Чёрно-серому жеребцу составила компанию безволосая, покрытая шрамами кобылка, которую я уже видела с ним. Её рейдерская броня не скрывала кюти-марку: чёрный, иглоподобный кинжал, с которого капает кровь.

Мои глаза сузились.

— Ты дал Красному Глазу жар-бомбу, — выпалила я, когда открыл рот, собираясь что-то сказать. Рот резко закрылся. Воздух между нами стал холоднее и начал потрескивать от странной, невидимой энергии.

Каламити встал, мрачно смотря на него.

Лысая пони вклинилась между нами, не обращая внимания на распри между мной и мэром, или не в состоянии понять, что к чему.

— Ничёсе. Терь я понимаю, какво это, — заявила она. — Чертовски здорово разок оказаться богиней проклятой героиней. Биться вместе с ангелами и типа того.

— Кто ты такая, черт побери? — проворчала я. Она выглядела, как рейдер. И разговаривала так же.

— Стилетто. — Её лицо перекосила дикая улыбка. — Рейдеры Разбитого Копыта... хотя какие мы теперь, к чёрту, рейдеры. Защищаем пустошь за крышечки и забавы ради.

Пони Гауды. Разбитое Копыто нанимало наёмников. Водилось с шипастыми пони, которых я видела раньше, и с грифонами-телохранителями, как у Дитзи Ду. Я знала, что Гауда не только объединяла свои силы, но и думала, что делать с "червивыми яблочками" в их рядах. Может, она решила, что эти бывшие рейдеры недостаточно мерзки или недостаточно безнадёжны, чтобы поближе познакомиться с её когтями, но не настолько, чтобы позволить им ошиваться рядом с домом?

— А ты её для него рванула, — с каменным лицом сказал Рейлпрайт.

— Он угрожал этой бомбой Хомэйдж! — прошипела я. А поняв, что это имя для него ничего не значило, добавила: — Он угрожал всей Башне Тенпони. Тысячам пони!

— Твои действия поставили меня в трудное положение. Мне надо было показать Красному Глазу, что Новая Эглуза не против него, — негодовал Рейлпрайт. — К тому же, думаешь, я предпочёл бы держать в городе неразорвавшуюся жар-бомбу? Да никто бы так не поступил. Это же чистой воды безумие!

Я чувствовала, что мои нервы натянуты до предела. Несмотря на истощение, я прилагала огромные усилия (Будь Милым), чтобы не врезать ему копытом по морде.

— Между прочим, ты, кажись, по-любому на Красного Глаза работаешь, — прошептал Рейлпрайт. Жеребец непонятно усмехнулся. — От уничтожения его работоторговцев и к уничтожению его врагов... Хрен бы кто догадался, что до такого дойдёт.

Чрезвычайное усилие. Каламити ошметинился, предостерегающе заржав.

— И у него, кажись, на ты планы.

Что ещё?

Очевидно, Стилетто заскучала. Она отошла в сторонку, села и стала начищать шипы на своей броне, глядя на небо.

— Ты о чём? — спросила я, неуверенная, что хочу знать ответ.

Рейлпрайт пожал плечами.

— Не уверен. Но я пришёл сказать, что ты можешь возвращаться в Новую Эглузу, — сказал он. — Нет смысла тебя избегать, если ты в активе у Красного Глаза. Не буду говорить, каким непопулярным это решение сделало меня среди орды любителей этого ДиДжея Рон3. Мне вообще повезло, что мэром остался, — пробурчал Рейлпрайт.

Стилетто подошла и ткнула Рейлпрайта копытом.

— Грифоны на подходе. Похожи на больших шишек.

Я подняла глаза к небу. Облачная завеса была полностью восстановлена. Примерно за полчаса больше сотни пегасов заделали дыру в небе, погружая пустошь обратно во мрак. Отдалённая вспышка осветила грозовые облака, и вторая вспышка ответила ей уже чуть ближе. Она высветила стаю грифонов. Двое поменьше летели по бокам от лидера стаи, направлявшейся в Новую Эглузу.

С неба начали падать тяжёлые капли дождя.

Холодная чистая вода полилась из почерневших облаков над нами. Капли колыхали поверхность радиоактивных луж, пополняя их. Мягкий металлический перестук дождя по крышам вагонов был похож на звук похоронных барабанов. Гроза, которой угрожало небо, начиналась медленно, но вскоре Канди заставила всех добровольцев, которых нашла, заносить раненых внутрь, пока они совсем не промокли.

Каламити подошёл к моей койке и остановился, одарив Рейлпрайта и Стилетто неласковым взглядом.

— Так, один взялся с другой стороны, и понесли её в "Абсолютно всё", либо помогите...

— Ага, ага, — оборвала его Стилетто и, схватившись за другой конец койки, добавила сквозь зубы: — Какой крутой. Очень убедителен, слов нет. Меня аж трясёт всю.

Я была не единственной, кого отправили к Дитзи. "Абсолютно Всё" было одним из самых больших зданий Новой Эглузы, и больше полудюжины коек с ранеными пони леветировали, отнесли или же просто притащили по земле туда.

— Что ж, мы сделали большой крюк, — пробормотала я, когда мою кровать поставили около дверного проёма в комнату Дитзи Ду. Похоже, что пегаска-гуль не двигалась с того момента, как я видела её в последний раз. Сильвер Белл дремала, свернувшись на ней калачиком. Рядом лежал пустой пакетик Антирадина. Я заметила несколько капель светящегося апельсинового сока на мордочке спящей кобылки. Благодаря радиоактивному свечению Паерлайт можно было с уверенностью сказать, что эта комната в полном распоряжении Дитзи Ду.

— С ней всё будет хорошо? — спросила я у Паерлайт. Несмотря на то что я была в окружении множества пони, мне больше не у кого было это спросить — Ксенит опять куда-то испарилась.

Окружённая мягким свечением, птица издала нежную трель. Мне снова захотелось, чтобы Вельвет Ремеди была тут, я не была уверена, смогла бы она помочь раненой гуле, но она уж точно смогла бы растолковать мне чирикание Паерлайт.

Кто-то ткнул меня в плечо.

— Почему ты не сказала нам, кто ты на самом деле?

Обернувшись, я увидела кобылу с янтарной шерсткой и жеребца цвета хаки, которым мы помогали прорваться в домик Флаттершай. Копыто, ткнувшее меня, принадлежало кобыле, которой как-то удавалось выглядеть одновременно и восхищённой, и рассерженной. Я поняла, что краснею. Маленькая пони в моей голове тут же начала уверять, что это происходит под воздействием рома, а вовсе не от смущения или под взглядом хорошенькой кобылки. Ах да, фляга. Мне нужно было выпить прямо сейчас. Прежде чем ответить. Агась.

— Я распиналась о Героине Пустоши, а ты была прямо там и ничего не сказала! — настаивала кобыла.

Она злилась на меня?

— Я не... — попыталась оправдаться я. — В смысле... Я просто пытаюсь поступать правильно. Как и любой другой.

— Ну конечно, — перебила меня кобыла, закатывая глаза. — Как и любой другой. Потому что кто угодно станет рисковать своей жизнью, чтобы пробраться на территорию самых опасных тварей в Эквестрии, заложить жар-бомбу и стереть их с лица земли. — Она ухмыльнулась.

Я округлила глаза, застыв в тревоге.

— Что? Как... Откуда ты... Но... — Слова застревали у меня в горле. Ну, разумеется, об этом знали все. DJ Pon3 позаботился об этом. Но это было не то, чем я могла бы гордиться.

— Ага, — добавил жеребец. — На мой взгляд, на неразорвавшуюся жар-бомбу в пустоши обязательно нашёлся бы какой-нибудь злобный засранец, чтобы использовать её для убийства охрененного количества пони. — Я вздрогнула. — Но ты не только избавилась от неё, чтобы она не смогла причинить кому-либо вред, но попутно уничтожила... Сколько? Сотни? Тысячи тварей, которые охотились на пони ради развлечения? Как сделал бы любой другой, — добавил он с сарказмом.

Мой разум пошатнулся. Я чувствовала, что мой мир сходит со своей оси. Я была в смятении. Воспоминание о том, что я сделала, сливалось с видением СтипХувза, стоявшего на разверзшейся земле, и острых когтей, которые, рассекая его броню, перерезали шею.

Жеребец в трёх койках от меня очнулся и начал кричать, а его тело — трястись в судорогах. Два других подбежали к нему, пытаясь удержать на месте, пока Каламити бегал за болеутоляющим в магазин Дитзи. Даже в такой ситуации мой друг не забыл оставить несколько бутылочных крышечек в упалату лекарства. Сквозь крики жеребца я услышала голос мэра Рейлрайта, который объявил, что все медикаменты Дитзи Ду были изъяты для лечения пострадавших в ходе битвы. Маленькая пони в моей голове возмущённо топнула услышав это. Даже несмотря на то что в глубине души я знала, что в подобной ситуации такая замечательная пони как Дитзи Ду не только не стала бы брать деньги с нуждающихся, но и сама бы принесла им свои медикаменты, мне всё равно отчаянно хотелось, чтобы мэр сперва спросил разрешение на это.

Вдруг дверь с шумом распахнулась, впуслав в переполненный магазин капли дождя и двух пегасов без брони, с гривами необычайно ярких цветов. Крик жеребца стал утихать по мере того, как начинало действовать болеутоляющее, которое вколол ему Каламити. Один за другим пони начинали поворачивать головы в сторону гостей, а их голоса постепенно опустились до шёпота или вовсе замолкали. Лишь в дальнем углу, не замечая ничего вокруг, одинокая кобыла продолжала рыдать над своим мужем, замотанным в окровавленные повязки с головы до хвоста.

— Я уверена, что они принесли её сюда, — сказала подсолнухового цвета кобыла — у неё была необычная, вьющаяся, малинового цвета грива, а на её боку красовалась кьютимарка в виде улыбающегося солнца — перед тем как застыть в оцепенении. Глаза пегаски округлились от осознания того, что все пони в этом зале смотрят теперь на неё. Следом за кобылой в помещение вошёл пегас со шкуркой нефритового цвета и коротко подстриженной гривой. Он выглядел так, будто собирался утешить кудрявую спутницу подальше от этого места прямо за её кудрявый хвост.

— Ты с ума сошла? — прошипел он, стараясь говорить тихо. Нельзя сказать, что ему это удалось. — Они же убьют тебя! И, возможно, она тоже уже мертва! И чтобы ты знала, мы сейчас у них на кухне!

Кобыла нервно улыбнулась. Можно было заметить бусинки пота, скатывающиеся с её лба, когда она взглянула на единорога и земного пони. Подняв копыто в робком приветствии, она щепнула своему спутнику:

— Тсс, они же могут услышать тебя.

— Я передумала насчёт того, что пегасеры классные, — потоптавшись на месте, тихонько проржала янтарная кобылка рядом со мной.

Взгляд пегаски скользил по комнате до тех пор, пока не остановился на ближайшей книжной полке.

— Специальное предложение к началу учебного года: все карандаши и тетрадки за полцены, — прочитала она мягким голосом, перед тем как повернуться к своему спутнику. — Не кухня. Если только ты не думаешь, что они предлагают жеребячий салат с изумительным карандашевым кобблером на десерт.

Я услышала несколько смешков, но мне её замечание лишь напомнило о ужасах, с которыми я столкнулась в Арбе.

— Они же шутили насчёт поедания жеребят? — жеребец цвета хаки выдохнул в ужасе.

— Они шутили насчёт того, как мы выглядим, — ответила янтарная кобылка.

Всё ещё стоявший в дверях пегас нефритового цвета вцепился зубами в гриву кобылы и потащил её к двери.

— Мы должны уйти отсюда, — настаивал он, таща свою спутницу наружу. — Здешний воздух отравлен, ты что, забыла? Она умрёт, до того как снова сможет взлететь. Чёрт подери, да она скорее всего уже мертва!

— Я ещё жива, — послышался слабый голос. Вверх поднялось белое копыто. Я чуть подвинулась, чтобы увидеть раненую белую пегаску. — И, согласно моему ПипБаку, воздух не отравлен, Трекер.

— Разумеется, он отравлен, — возразил нефритовый пегас. — Ты используешь этот прибор неправильно. Они не работают, если не надеть их на себя.

Вообще-то, собиралась я возразить (чувствуя, что это отличный момент, чтобы блеснуть знаниями), счётчик радиации ещё мог работать, подобно радио. А вот монитор состояния здоровья, надо признать, уже нет. Внезапно мысль ушла, так до конца и не сформировавшись. Под воздействием "медицинских препаратов" и усталости я туго соображала.

— Если воздух был отравлен, — возразила жёлтая пегаска, — как же выжили все эти пони?

— У них развился иммунитет, — парировал жеребец. — Ты что, никогда не слушаешь научные передачи по радио?

Их перепалка была прервана рыжим пегасом в чёрной ковбойской шляпе.

— Во-первых, — авторитетно заявил Каламити, — уж будь, бля, уверен, что действительно существуют места, где воздух ядовит, но это не одно из них. Во-вторых, вы всё равно не сможете вернуться домой, так что примите всё как есть.

Глаза жеребца расширились в тревоге. Затем сузились. Белая пегаска ахнула.

— Что ты имеешь в виду, говоря, что мы не сможем вернуться? — прохрипела она. — Я обязана вернуться. Эти солдаты атаковали безоружных гражданских пони. Стариков и детей! Когда мой Сенатор услышит об этом...

Когда её кто?

Каламити повернулся к ней с выражением некоторого сочувствия на лице, но его голос звучал твёрдо:

— Солдаты Анклава видели, что вы спустились сюда, вниз. И наверняка уже доложили об этом начальству. Для них вы сейчас по другую сторону облачной завесы, к тому же контактируете с местными. Неофициально вы заражены. — Взглянув с грустью на пегасов, он добавил: — А официально — уже мертвы.

— Не слушайте его, — выпалил нефритовый пегас.

— В течении недели Анклав вышлет соболезнования и разрешения на рождение нового ребёнка... — продолжил Каламити.

— Санглинт, Морнинг Фрост, не слушайте его. — Трекер вышел вперёд. Несколько легко раненых горожан встали и преградили ему путь. — Он — Даши! Все его слова полны лжи и вредных идей!

Каламити посмотрел на Трекера, даже не дрогнув.

— Да я прост говорю всё как есть. Спасая вас от болезненных попыток вернуться.

— Думаешь, я тебя не узнаю? — заявила Трекер. — Ты — Дедшот Каламити. Ты убил всю свою группу и скрылся от наказания за облаками. Я видел тебя на плакате "В розыске"!

Каламити легко вздохнул и, оглянувшись на меня, пробормотал:

— Опять историю переписали. — И, снова посмотрев на жеребца, мой друг здраво сказал: — Верьте во что хотите, но, когда я говорю вам не возвращаться, прислушайтесь. — Он посмотрел на двух пегасок. — Эт ничем хорошим для вас не закончится.

— Мы должны попытаться! — заявила белая пегаска с восхитительной голубой гривой. Я решила, что это она была Морнинг Фрост. — У меня здесь всё записано.

— А она мне нравится, — заявила янтарная кобыла рядом со мной, и маленькая частичка моего сердца с ней согласилась. Хорошая девчушка!

— Так ты, значит, невиновен? — глумился Трекер. — Так чего ж ты тогда сбежал?

Каламити опустил голову и потянул за один из ремешков на своём боевом седле. Остальные развязались, и боевое седло соскользнуло на пол.

— Я не отрицаю, что я Дашит, — сказал он. — Забудем о том, с чем я не согласен. И так, если я избежал правосудия, как, ты думаешь, они меня заклеят умудрились?

— Да, в этом есть смысл, — оценивающе сказала жёлтая кобыла (Санглинт, как я предположила). — Может быть, Анклав... солгал.

— Они не могут нам лгать, — заявил Трекер таким голосом, которым объясняют простейшие вещи глупым жеребяткам. — Они же правительство.

Я чувствовала, что Каламити прямо таки лучится желанием фейсхуфнуть. Анклав... не имел для меня смысла. Мои мысли поплыли, пытаюсь зацепиться за что-нибудь. Я поняла, что поздно было спрашивать моих друзей о пони, с которыми мы столкнулись. Но самое главное — мне нужно было отдохнуть. Поспать. А ещё сильнее — перевести дух. Плакать пони, которых я потеряла. Моё сердце истекало кровью из многих глубоких ран. *Страдать будешь завтра — помоги им сейчас.* Но сейчас уже завтра, так ведь?

Я потеряла нить диалога между пегасами. Да, никудышный из меня друг, раз вот так оставляю Каламити одного против них. Я попыталась наострить уши и понять, о чём разговор.

— ...после того как они ничего не сделали с тем драконом, граждане не останутся на их стороне, не наплюют на Резню в Прекрасной Долине... — говорила Санглинт.

— ...не могут меня игнорировать. Я член Группы... — настаивала Морнинг Фрост.

— ...последний раз, когда я полёрся куда-то за вами двумя! — раздражался Трекер. — Да с такими подругами...

Я сдалась, уши снова прижались к голове. Я подняла взгляд к крутящемуся вентилятору, свисавшему с потолка "Абсолютно Всего", и попыталась отрешиться от мира.

Могла же я страдать сегодня, так ведь? Плакать сегодня. И вновь сражаться завтра.

Первая слеза зародилась в моём глазу, потом набухла, чтобы скатиться по щеке. Я попыталась её сморгнуть. Не здесь. Я должна быть одна.

— Эй, — поражённо сказала кобылка янтарного окраса. Она положила копыто мне на плечо. — Эй, не плачь. Пожалуйста, не плачь.

Я обернулась к ней.

— Если ты заплачешь, я тоже заплачу, и тогда начнётся вся эта рыдательная фигня.

За её голосом скрывалась искренность. Не только мне было плохо. И не только я пыталась это скрыть. Я слабо улыбнулась ей.

У СтилХуваз всегда была боль в душе, напомнила мне пони у меня в голове. Он всегда держал её в себе.

Но это не обязательно было правильно, так ведь. Моя душа, казалось, плавала во тьме, едва касаясь воды, и, если бы я дала волю слезам, я бы в них утонула.

— Кто вы? — раздался голос в дальней стороне комнаты. Раньше чем кто-нибудь смог ответить, началась лавина.

— Вы из Анклава, да?

— Чё вы на нас набросились?

— Селестия ведь там? Почему вы её не отпускаете?

Кто-то был любопытен, но большинство просто обезумело. В каждом вопросе был недобрый подтекст.

— Успокойтесь! Успокойтесь все! — громко сказал Каламити, поднимая копыто.

— Не один ли ты из них, Каламити? — спросил кто-то с ядом в голосе.

Каламити запнулся.

— Теперь все послушайте меня...

Вдруг я услышала глухой удар и следующий за ним пронзительный визг, как мне показалось, из соседней комнаты.

Кто-то из толпы указал на меня... Нет, ЗА меня. Многие пони обернулись. Пронзительный визг прекратился.

Дитзи Ду стояла в дверном проёме. Моё сердце словно подскочило в груди, она была жива. Она выглядела слабой, хрупкой, казалось, едва стоит на ногах. Пегаска стояла, слегка наклонившись на бок, как будто опираясь на что-то невидимое. Я догадалась, что этой опорой была зебра, надевшая свой стелс-плащ. Но главным было то, что она была жива и в сознании. Один из её глаз скопился в сторону потолочных вентиляторов, вторым она смотрела на пони, собравшихся в магазине. Гуль медленно опустила голову, взяла в зубы мел и начала писать на доске.

Закончив, она подняла её так, чтобы было видно всем:

"Будьте милыми.

'Абсолютно Всё' оставляет за собой право выгнать пони, которые не будут милы по отношению к другим.

P.S Медикаменты сейчас за маффины потом.

Улыбки бесплатны."

В зале стояла гробовая тишина.

Потом янтарного цвета кобыла, имени которой я до сих пор не знала, робко подошла к Дитзи Ду и обняла её, выражая благодарность.

Уже через несколько секунд пегаска была окружена пони, каждый из которых старался обнять её, поблагодарить и помочь ей с выздоровлением. Их было так много, что помощь невидимой зебры уже была не нужна, да и ей просто негде было стоять.

— Может, тебе принести чего? — предложила янтарная "молодая героиня". — Содовую? Белку на палочке? Хоть что-нибудь?

Вначале я хотела отказаться, но подумав ещё раз, ответила:

— Воды, если можно. Спасибо.

Я наблюдала за тем, как кобылка и её друзья встали и начали проталкиваться сквозь толпу пони, пришедших увидеть Дитзи Ду. Бедную кобылу полностью окружили.

Дитзи Ду была жива.

Она была нездорова, даже по меркам гулей. Но она была жива. И будет жить. Возможно, она даже полностью вылечится благодаря Канди. Возможно.

Была также большая вероятность, что она никогда полностью не вылечится, что она уже не будет такой энергичной и бодрой, как раньше. Но она спасла город. Спасла дочку. Совершила чудо. И когда на кону вся Эквестрийская Пустошь, это малая, легко переживаемая потеря.

— Ну как, держисься, Лил'пип? — спросил Каламити, приземлившись рядом.

Ответ был "нет", и мы оба его знали, поэтому, чтобы не врать, я спросила:

— Что там насчёт её Сенатора?

— Я восхищаюсь её мужеством, — заржал Каламити. — Но это ж самоубийство. У Анклавовских Небесных Стражей приказ стрелять по ним, как только увидят... — Он горестно поморщился. — ...Чтоб предотвратить распространение инфекции, конечно ж.

Я застонала, закрыв глаза.

— Прости. Ты можешь их переубедить?

— А хрен его знает, — признался Каламити. — Но я попытаюсь. Слушай, Лил'пип, мне тут нужно свалить ненадолго. Рейлпрайт требует наших новых друзей-пегасов в свой офис. Хочет задать несколько "вежливых вопросов".

Мне не понравилось, как он это сказал.

— И я намерен провести там с ними всё время, — заявил Каламити, топнув. — Нравится эт мэру или нет.

Я слабо протянула ногу, чтобы коснуться его груди.

— Хорошо, позаботься о них.

Я не думала что Рейлпрайт хочет навредить им, но я подозревала, что он мог бы отправить их за решётку "для их же защиты", и я сомневалась, что допрос носил бы дружеский характер, если бы не было Каламити.

— А кто такой Сенатор? — спросила я.

Каламити сдвинул шляпу на затылок.

— Член Сената, Нижнего Совета. Он "творит" политику.

— А что делает Высший Совет?

— Следит за её исполнением. В него входят верховные судьи, военачальники... — Каламити сделал паузу, уставившись на меня. — Лил'пип, по-твоему, сейчас лучшее время для этого?

Я застонала.

— Нет, но я должна узнать. Я должна понять.

В своё время я была благодарна тому, что ничего не знала о политике пегасов. Но это время прошло. Прошло, когда они начали убивать пони с пустошей.

Мой друг нахмурился, закрыв глаза.

— Те ребята внизу не имеют ничего общего с Анклавом. Эт трудно объяснить. А ещё труднее объяснить эт кому-то, кто всю жизнь прожил в Стойле.

— Рейлпрайт тоже захочет это понять.

— Агась, знаю, — Каламити тяжело вздохнул, собираясь с духом. — Ладно, я знаю, то, что ты услышишь, может показаться тебе странным, но просто выслушай терпеливо.

Я кивнула, слушая его. Я не должна была делать это сейчас. Я слишком устала, была полностью истрепана и пьяна из-за рома. Но часть меня чувствовала, что надо выслушать его, сейчас или никогда. И ещё одна часть меня думала, что Каламити мог бы попробовать вначале объяснить всё своему другу, перед тем как начать объяснять это мэру.

Каламити молчал, двигая глазами. Я решила, что он думает, с чего бы начать.

— Ты перед этим какие-то комитеты упомянул, — предложила я.

— Да, сейчас, — сказал оранжевый пегас, обдумывая всё. — Анклав управляет правительством пегасов через комитеты. По сути, Советы — большущие комитеты из пони, избранных для принятия национальных решений. Также Советы создают малые комитеты, которые будут решать локальные или особые... да блин, на сам деле эт значит, что они нифига ничего не делают.

Я уже запуталась.

— Так... А Анклав... Это государство, армия или правительство?

Каламити засмеялся, покачивая головой.

— Черт подери... — Махнув хвостом, он мысленно вернулся к тому, с чего начал: — Ладно, Анклав это... ну... эт не государство. Все пегасы — граждане, независимо от их принадлежности Анклаву. Все пегасы могут голосовать за представителя из своего города в Нижнем Совете и за того, кого они хотят видеть членом Высшего Совета. И ток члены Анклава могут баллотироваться на правительственные должности.

— И.. Как же пегасы становятся членами Анклава?

— Не носи чушь, Лил'пип, это ж и так понятно! — ухмыльнулся Каламити. — Их вербуют.

Так... Значит на должности в правительстве годились лишь те, кто служили в армии? Я попыталась осознать это, но это вызвало лишь головную боль. Анклав ведь появился во время движения за изоляцию, когда пегасы отказались участвовать в войне.

— Чёрт, видать, они считают, что у того, кто смог пережить три года обучения военному делу и три месяца практики с моим отцом, достаточно стойкости, чтобы помогать управлять страной.

Брр. Анклав быстро занял одно из первых мест в списке "Вещи, из-за которых у меня болит голова". Он уже обогнал "Ферму Камней" и шёл нос к носу с "Двигателями поездов".

— Как так получилось, что у вас есть армия, в то время как войн нет уже двести лет? — выпалила я, пытаюсь разобраться в этой путанице.

— Ну, было несколько стычек, — ответил Каламити. — Движение за отвоёвывание небес у грифонов остановилось во времена Радара. В основном же военные выполняют роль службы внутренней безопасности и патрулируют облачный покров.

— Все равно не понимаю, — покачала я головой. — А кто тогда у вас Смотрительница? — Вспомнив Стойло Двадцать Четыре, я добавила: — Ну, или Смотритель, если у вас там жеребец во главе.

Это ведь правительство. Государство. Кто-то должна быть главной. Кто-то должна быть Принцессой.

— Нет таких, Лил'пип, — вздохнув, сказал Каламити. — В том-то и дело.

Я сломала голову, пытаюсь понять то, что шло вразрез со всем, что я знала о работе комитетов. Идея советов звучала немного похоже на город Дружбы, но такой большой и замысловатый, что я не смогла бы построить вокруг него структуру.

Каламити оглянулся на дверь. Рейпрайт выталкивал двоих пегасов, в то время как Стилетто стояла около кушетки Морнинг Фрост.

— Лил'пип, я побег.

— Иди. Помоги им. — Я махнула ему на прощание. Сделай всё возможное, друг.

Каламити повернулся и замахал крыльями, поднимаясь в воздух. Ветерок от его крыльев охладил меня.

— Каламити? — окликнула я его, едва он полетел к выходу. Он остановился и обернулся.

— Мы сможем всё исправить, — ещё раз заверила его я. Он горько посмотрел на меня, и я согласилась с его взглядом: — Ты прав... смерть не исправить. Но мы добьёмся того, чтобы все эти смерти не были напрасны.

— Как, Лил'пип?

— Я не знаю... — призналась я. — Пока что. Но я даю тебе слово, мы сможем. Сможем сделать это началом чего-то большего. Того, за что стоит умереть.

Каламити улыбнулся. Слабо, но с неподдельной теплотой.

— Ловлю тебя на слове.

Я улыбнулась ему. Моему первому другу.

— Спасибо.

Каламити посмотрел в сторону двери. Рейпрайт, Трекер и Санглинт уже ушли. А Стилетто никак не могла провести Морнинг Фрост мимо всех этих кроватей.

Я видела, как взгляд Каламити мечется от койки к койке. Тут был старик, который потерял ногу. Жеребёнок, полностью замотанный в окровавленные бинты — пострадавший от шрапнели — плакал на груди у матери. Один из осколков задел его кьюти-марку, которой не было и недели. Жеребец в трёх кроватях от него спал под действием успокоительного. Его жене не повезло оказаться на улице, когда Анклав начал заливать их пылающей плазмой. Вероятно, она была одной из тех горящих пони, которых я милосердно застрелила. Он сильно обгорел, пытаясь подобраться к ней, но его ожоги были ничем; для него намного мучительней было наблюдать, как его любимая кричит в агонии, объятая плазменным огнём... и сохранить это воспоминание как последнюю память о ней.

На этот раз меньше всех пострадала я.

— Но чё нам до этого то делать? — не оглядываясь, спросил Каламити.

Я закусила губу, не в силах унять дрожь. К глазам подступали слёзы, но я не давала им выйти наружу. Не здесь. Не сейчас.

— То же, что избрал бы СтилХувз, — ответила я. — Бороться.

Он вышел, и я снова уставилась на вентилятор, мои мысли крутились, как его лопасти.

Мы будем бороться. До тех пор, пока не найдём способа всё исправить, сделать мир лучше. Мы будем упорно шагать к этой цели. И будем помогать пони всем, чем сможем.

Так бы поступил СтилХувз.

— Вот твоя вода, — раздался голос янтарной кобылки, она скакала ко мне. Я ощутила прикосновение стекла к груди. Послышался хлопок и шипение, когда она открыла свою бутылку Рассветной Сарсапарели. И этот звук напомнил мне кое о чём.

Мы что, на свидании?

Напомнил о СтилХувзе. О Богини, как же я по нему скучаю.

И после этого шлюзы прорвало окончательно. Плевать, где я и кто рядом. Я свернулась калачиком и начала плакать. Глубокие, щемящие рыдания. За ту боль, что вынесла Вельвет Ремеди. И за Каламити. За Дитзи Ду, которая едва не погибла. Я плакала за мужа, который потерял свою жену, и за старика, который потерял свою ногу, за город, который потерял радость от солнечного света и получил взамен кровавую бойню.

Я плакала за маленькую кобылку, чей прах был в бутылке. И за Стар Спаркл.

Но сильнее всего я плакала за СтилХувза.

Быстро выбившись из сил, Дитзи Ду отправилась наверх с Паерлайт, оставляя Сильвер Белл "присматривать за магазином", а грифона-телохранителя присматривать за Сильвер Белл и не позволять никому из пони подняться следом за ней. Пока все остальные были заняты, Ксенит оттащила мою койку в комнату Дитзи, давая мне немного покоя и уединения.

Сегодня плачь. Сегодня отдыхай. Завтра снова в бой.

Я проплакала несколько часов. Ксенит бдительным стражем стояла у двери, в основном прилагая усилия, чтобы держать подальше от меня трёх молодых героев в их безудержном стремлении "помочь". Я не хотела ничьей помощи и не нуждалась в ней. Я хотела поплакать ещё немного. И мне нужен был сон.

Но слёз уже не осталось. Моё тело обессилило. Мой разум был в смятении. И я по-прежнему не могла заснуть. Я слишком устала, чтобы спать. Шестерёнки в моём мозгу крутились вхолостую. Они вращались у меня в голове со скоростью мысли, не производя при этом ничего.

Столько жизней находилось на грани. Столько могло погибнуть, пока я спала. Красный Глаз и Анклав... так много нужно было сделать. Слишком много, чтобы осмыслить это. Мне нужен был способ сделать всё правильно. Чтобы всё это обрело смысл.

Я пыталась сосредоточиться, в надежде, что если я смогу собрать свои мысли в кучу, направить их в правильном направлении, то, возможно, смогу наконец отдохнуть.

Но мои мысли отказывались отправляться в счастливые места. Вместо этого они вновь и вновь возвращались в Прекрасную Долину и то местечко прямо за её чертой.

Мои воспоминания остановились на ощущениях, которые я испытала за пределами комнаты безопасности, когда супер аликорн тащила меня в безопасное место. Дитзи Ду нашла меня. Твайлайт Спаркл спасла меня. По крайней мере, мне очень хотелось верить...

Она смотрела на мои седельные сумки. Тогда я не придавала этому значения, но сейчас я вспомнила это чётко. Казалось, она не видела ничего, кроме них.

Во внезапном озарении я вдруг абсолютно точно поняла, что это была действительно Твайлайт Спаркл, или то, что от неё оставалось, управляла аликорном. Контролировала его. И я поняла, как она меня нашла.

Будь Сильным! Будь Милым. Будь Непокоримым! Будь Потрясным!

Она спасала не меня. Я сомневалась, что то, что оставалось от Твайлайт Спаркл, даже догадывалось, что я была там. Она спасала своих друзей. Спасала их от судьбы, которая, в буквальном смысле, была её собственной. Или, возможно (Будь Умным), она ощутила

только самой себя. И, во власти некоего кошмарного дежа, она занималась собственным спасением.

Я не могла быть уверена.

Мои мысли скользнули в более путанные воспоминания, сопровождаемые звуком развергающейся земли.

Нашла что-нибудь в этот раз? — прозвенел в моих мыслях голос Каламити, когда я представила голову СтилХувза, катящуюся от его тела.

Я задыхнулась, заставляя свой разум отбросить эту сцену, и она сменилось перед моим мысленным взором образом рыдающей Вельвет Ремеди в объятиях Каламити.

Мы сражаемся, наносим вред себе, истекаем кровью ради того, чтобы сделать Эквестрию лучше. Но нельзя разобраться с проблемой, пока не избавишься от её причины.

Я не могла бы остановить рейдеров. Они порождение ужаса и жестокости пустоши. Всё, что я могла сделать — это продолжать убивать их, пока не утону в их крови, величайший в истории серийный убийца.

Красный Глаз. Анклав.

Красный Глаз утверждал, что он собирается удалить себя из уравнения. Как бы странно и глупо это ни звучало, я верила ему. Он был своего рода честным ублюдком. Но Анклав... Как бы я смогла остановить что-то столь могучее, как целая армия? Целое правительство (если я понимала хоть половину из того, что, как я думала, я знала о нём)?

Они могут действовать как один пони, ток когда чувствуют ся под угрозой.

А-а-а! Я просто хотела спать! Я сходила с ума!

С удивлением я обнаружила, что думаю о Рэйнбоу Дэш. Вспоминая, как кольца дыма расплывались с электрическим треском над столом с картой Эквестрии.

Да начнётся дождь. Я разработала это из инверсионного следа Вондерболтов! — хвасталась Рэйнбоу Дэш. — *Всё по поводу Проекта Одного Пегаса проходит через мои копыта. И получает моё одобрение, только если это действительно круто!*

Начнётся. Не знаю почему, но мой разум ухватился за это слово.

Начнётся. Я слышала, как дождь барабанит по крыше "Абсолютно Всего". Начнётся. Магазин содрогнулся от грохота грома в небесах.

Башни могли начать дождь. По всей Эквестрии, если это было необходимо. И они же могли дождь остановить. Даря солнечный день. Всей Эквестрии.

Я почувствовала, что шестерёнки в моей голове встают на место, образуя новую конфигурацию. Новоиспечённый механизм в моей голове собирал новую картинку.

Сельское хозяйство, глупая единорожка, — утверждал Радар. — *Без башен... Анклав падёт.*

Единственный способ остановить Анклав... спасти Эквестрию... это взять под контроль облачную завесу. Расчистить её. Вернуть Эквестрии солнечный свет. Это бы не только лишило Анклав власти, но и раскрыло бы его ложь, показав пегасам, что на самом деле происходило здесь внизу.

Вот чего боялся Анклав. И не без оснований. Если бы облачная завеса исчезла, это бы не только уничтожило Анклав, но и заставило бы пегасов вернуться на поверхность. Они были бы не в состоянии далее обеспечивать себя самостоятельно. В конечном счёте, всё сводилось к сельскому хозяйству.

Пегасы либо воссоединились бы с земными пони и единорогами, либо попытались бы оккупировать их. Если верить словам Каламити и судить по тем трём пегасам, что встретились мне сегодня, большинство из них захотело бы помочь.

Но нет, это было бы слишком ужасно, слишком быстро. А вот Красный глаз наверняка посчитал бы это приемлемым. У него были планы по созданию большой сельскохозяйственной базы в Вечнодиком лесу, но годы ушли бы на их реализацию. До тех пор пони пришлось бы выживать на оставшихся клочках плодородной земли. И кто знает, было бы их достаточно?

Но... было нечто другое. Ещё одна возможность, о которой Красный Глаз не мог знать.

Для того чтобы остановить Анклав, не нужна была армия. Достаточно всего одного пони. Пони, который пожертвовал бы собой, чтобы всё исправить.

Но ты никогда не была вынуждена отказаться от своих принципов ради высшего блага, — сказал мне когда-то Красный Глаз. — *Принести себя в жертву и стать монстром, потому что это было бы правильным.*

Внезапно я поняла. Я осознала свою цель.

Вернуть солнце.

Кольца дыма с электрическим треском. Пони в моей голове задумалась. А что будет, когда башни остановят дождь и разгонят облака? На что это будет похоже?

Не то же самое. Это было бы скучно. — произнесла Рэйнбоу Дэш. По крайней мере, в моих мыслях. Слова Каламити эхом отозвались в моей голове:

Ну, есть ток один способ очистить такую большую территорию так быстро. Эт сверхзвуковой радужный удар.

Несмотря на одолевающую меня усталость, я вскочила.

Солнце и радуги.

— Будь я проклята.

Где-то в другой комнате нахлынул и спал гул возбужденных голосов, сопровождаемый тем, что кто-то увеличил громкость радио Дитзи Ду достаточно для того, чтобы слышать искажённый голос ДиДжея РонЗ.

"...вернулся, детишки. Но ненадолго. Итак, несколько вещей, о которых я должен вам рассказать.

Во-первых, наши сердца и молитвы обращены к пони города Дружбы и всем, кто с ними связан. Вчера, в самом ужасающем нападении из всех, что когда-либо были, воздушная чума, называющая себя Анклавом, жестоко уничтожила город Дружбы. Города больше нет, дети мои. Сотни пони погибли. Если вы не верили мне до этого, то поверьте сейчас. Анклав пришёл не за тем, чтобы защищать пони. Они не наши друзья.

Но я не принёс вам тёмные вести без проблеска света, детишки! Вот хорошие новости: пони Эквестрийской пустоши восстали против Анклава. И я говорю не только лишь о нашей Дарительнице Света, хоть она и была в самой гуще событий. Когда Анклав пришёл в город Дружбы, она дала им отпор. Благодаря нашей героине Пустошей Анклав потерял все силы, что бросил на город; и что более важно, около двухсот пони смогло пережить это нападение.

Но она не единственный герой, осмелившийся выступить против Анклава. Помните тех Стальных Рейнджеров —

отступников, о которых я вам рассказывал? Отлично, они теперь называют себя Рейнджерами Эпплджек. И пока я говорю, они уже около часа вывозят выживших с острова Дружбы, охраняя их на пути к новому дому.

Где они могут найти новый дом, спросите вы? Ответ — всюду, куда бы они ни пошли. Даже обычно консервативная Башня Тенпони открыла свои двери для беженцев... после того как группка единорогов поднялась и выпинала Анклавовские жалкие хвосты из своей башни. Й-й-е-ху! Одно очко в пользу хороших пони!

Ко мне поступает ещё множество сообщений. Герои сомкнули ряды от Разбитого Копыта до Хуфингтона, чтобы противостоять ужасам небес. У меня как раз есть история именно о двух таких героях, которые разнесли один из тех боевых кораблей немного южнее Сталлионграда. Они даже оставили визитку: Лев и Мышь. Знаете что, Лев и Мышь, остановитесь как-нибудь в Башне Тенпони. Как только моя помощница выйдет из отпуска, мне бы очень хотелось, чтобы вы дали ей интервью. И ещё. Тем грифонам и пони, которые разбили Анклаву у Разбитого Копыта: чертовски хорошо сработали.

Однако же самый сильный удар по Анклаву нанесла не кто иная, как наш возлюбленный автор 'Руководства по Выживанию в Пустоши', Дитзи Ду. Вы все его видели. Блин, да я мог видеть это сияние на всём пути от Утёса Разбитого Копыта. У нас даже нет названия для того, что эта лучшая пегаска в Пустоши сотворила этим утром. Сверхзвуковой Радиоактивный Удар? Токсичная Радуга? А-а, ладно, не важно, как назовёте это вы, а я назову это чудом."

Как и я, любимая.

"А теперь, дети мои, только не волнуйтесь. Я знаю, что только что вроде как раскрыл своё местоположение. Но Анклаву уже знал его. С мониторов башни я видел все убийства, совершённые ими по дороге сюда, ещё до начала передачи. Они могут быть у меня на пороге в любой момент, и я не думаю, что эти ребята хотят пригласить меня на чашечку чая. Но не волнуйтесь за меня. Я не боец. Никогда не был, даже во бытность мою исследователем Пустоши. Я был скорее хакером и ремонтником. Починить что-нибудь, построить по схеме, заставить технологии и магию старины работать на меня. Я даже почти не умею стрелять. Но это не значит, что я просто лягу и сдамся им.

Сон при этих словах как копытом сняло. Я легла на кушетку, напряжённо вслушиваясь в каждое слово, в каждый фоновый звук. Тут я вспомнила, что у меня есть наушник, и включила передачу на своей ПипНоге.

"И ещё два слова, прежде чем я покину вас снова. Первое, я хочу посвятить эту трансляцию памяти Старейшины СтилХувза, основателя Рейнджеров Эпплджек. Я знаю, что на фоне всех тех смертей, свидетелями которым мы были, может показаться странным оплакивать гибель одного отдельно взятого пони. Но СтилХувз был не просто пони.

СтилХувз был героем. Защитником пони. Он положил свою жизнь, спасая других, и вдохновил других своим примером. Целый легион Стальных Рейнджеров откололся от братства, чтобы последовать за ним.

Кроме того, СтилХувз был верным товарищем нашей героини пустоши. Его присутствие придавало ей сил. Её победы часто были и его победами тоже.

Когда я встретил СтилХувза в первый раз, он сделал так, чтобы шеф Грим Стар погиб героем в глазах пони, которых защищал. Я узнал его достаточно хорошо за последнюю пару недель."

Конечно узнала, подумала я. Она смотрела мои воспоминания.

"Не буду врать, СтилХувз был не без своих недостатков. Он не всегда был хорошим пони. Он вершил правосудие по своему усмотрению, и я не всегда соглашался с ним, когда он брал на себя роль судьи и палача. Но таков суровый закон Эквестрийской Пустоши.

Но он никогда не колебался. Он был верен своей любви и своим принципам, за которые сражался, до самой смерти. СтилХувз прожил невероятно долгую жизнь. И погиб в бою, быстро и безболезненно. Я уверен, именно такой смерти он бы и желал. И теперь наша очередь быть справедливыми, бороться и никогда не отступить."

Слеза скатилась по моей щеке. Я плакала снова.

"А теперь, дети мои, я должен сделать признание. Этот не совсем прямой эфир.

И у меня есть сообщение для солдат в чёрной броне, которые ломятся сейчас на станцию в Башне Утёса Разбитого Копыта: видите штукковину, переливающуюся голубым светом? Это небольшой подарочек домашнего приготовления, подсоединённый к батарее от оружия, сделанного самими чёртовыми звёздами.

Прощайте..."

Передача оборвалась волной помех. Её не сменило радио Анклава. На всех частотах просто была мёртвая тишина. И длилось всё это самые долгие десять минут, которые Эквестрийская Пустошь когда-либо переживала.

Только слова Хомэйдж удерживали меня от того, чтобы провалиться во тьму. Я тогда не могла знать, что моя любовь нанесла Анклаву глубочайший, самый опасный удар. Я не понимала, что Хомэйдж зарядила весь энергозапас того странного оружия в эту бомбу. Я не видела бриллиантово-голубой взрыв, стёрший в порошок больше чем просто передающую станцию и дюжину тяжело бронированных пегасов Анклава в ней. На протяжении двух сотен лет почти пятьдесят башен Проекта Одного Пегаса стояли, непроницаемые для всего, что враги и Пустошь могли на них бросить. Я не была свидетельницей тому, как на снежно-белом хребте одна из этих башен раскололась и обрушилась на землю.

Я проснулась, совершенно дезориентированная во времени. Я не помнила, как я уснула и сколько проспала. Но тем не менее я чувствовала себя отдохнувшей. Я была в состоянии встать и оглядеться вокруг, что я и сделала. Тяжёлые капли дождя стучали по металлической крыше над моей головой.

Обрывки сновидений стали всплывать в моей памяти. Что-то про солнце и сверхзвуковые радиоактивные удары, но они были серые и расплывчатые.

Хотелось есть. И пить. Слегка болела голова, и хотелось в туалет.

Вернувшись в магазин, я очень удивилась, что в нём больше нету медицинских коек; вместо этого я увидела там грифонов.

Раскаты грома доносились снаружи.

Гаудина Грознопёрая разговаривала с телохранителем Дитзи Ду. Недалеко от неё стояло два грифона-подростка (как я поняла по их меньшему размеру относительно своих старших товарищей). Схожесть в их строении и росте навела меня на мысль, что эти двое были близнецами. Грифина из этой парочки разговаривала сейчас с Каламити; дискуссия, казалось, развернулась вокруг двух пистолетов, которые она носила в кобуре, привязанной к груди. Один из пистолетов сейчас находился в когтях грифины и был разобран, вероятно, для того чтобы мой друг оценил его состояние своим опытным взглядом. Она немного походила на Гауду, но была немного стройнее и

гораздо привлекательнее, и я бы, несомненно, обратила на неё внимание, если бы не подозрение, что она младше меня как минимум лет на пять. Я могла с уверенностью сказать что она вырастет довольно симпатичной, если Пустошь позволит ей. Её брат-близнец стоял, облокотившись на прилавок, и с легким ошеломлением наблюдал, как Сильвер Белл пытается продать ему одну бесполезную вещьцу за другой. Похоже, ему уже пришлось купить утюг, три бильярдных шара и пустую консервную банку, лишь бы только улыбка не сползала с лица малышки.

Дитзи Ду парила над своим верстаком (в буквальном смысле), работая над чем-то очень похожим на мою кантерлотскую полицейскую броню. Увидев меня, она схватила броню и мелок и подлетела ко мне.

Гуль показала мне то, над чем работала. Это действительно была моя старая броня, но Дитзи починила и укрепила её, сделав намного прочнее.

На её дощечке надпись: "Была как-то дырявовата."

Я покраснела.

— С-спасибо. Сколько я тебе должна?

Дитзи Ду, казалось, вот-вот расхохочется. Она поставила доску, стирая надпись с неё копытом, а потом написала: "Никакой платы. Героиня Пустошей носит броню от Дитзи Ду. Это будет шикарная реклама."

Пегаска-гуль улыбнулась мне. Улыбка вышла жутковатой, можно было увидеть не только чуть ли не все её зубы, но даже краешки её дёсен. Тем не менее, эта улыбка согрела мне душу. Она просто хотела помочь мне, а реклама была всего лишь отговоркой.

Я нежно обняла гуля (несколько нежнее, чем следовало бы). Она напряглась на мгновение, а потом обняла меня в ответ. Нежно.

— Ты хороший друг, — шепнула я ей. — И замечательная пони. Одна из лучших, которых только можно найти в этом мире. Спасибо тебе.

Она посмотрела на меня немножко странно и, покачав головой, ткнула меня копытом в грудь.

Я догадалась, что так она говорила "Не я — ты" (либо так, либо она ни с того ни с сего решила поиграть в догонялки). Прежде чем я успела ответить, к ней подбежала Сильвер Белл, её рожик засветился бледно-серебряным светом, и к Дитзи Ду подлетела горстка крышечек.

— Смотри, мамуля! Я сама заработала!

Нежная, кристально-чистая мелодия, звучащая, как звон дюжины серебряных колокольчиков, пролетела по магазину.

Каламити подошёл ко мне, сопровождаемый молодой грифиной с пистолетами.

— Лиг'пип! Уже очнулась!

Часть меня хотела подбежать к нему, сказать, что у меня есть план, что каким-то чудесным образом на меня снизошло прозрение и что теперь я просто знала, что нам нужно делать. Это, конечно, не могло исправить всего, но положило бы начало, дало бы нам ощутимый толчок.

Но я ещё не была готова к этому. Мне нужно было собрать больше информации. Я должна была знать, как Анклав отреагирует на всё то, что произошло здесь, внизу, на то, что сделала Дитзи Ду. И ещё мне очень нужно было в туалет.

— Сколько я пролежала? — спросила я, заметив, что за окнами уже потемнело. Очередной раскат грома легонько сотряс магазин. Надоедливый стук в голове стал ещё сильнее.

— Где-т двенадцать часов, — признался Каламити. Большую часть дня!

Но сначала мне нужно было кое-что сделать. Принять ванну и, возможно, немного болеутоляющего. Однако прежде чем я смогла убежать по своим делам, Каламити приобнял меня крылом и, повернув к близнецам, сказал:

— Ни за что не угадаешь, кто это.

— Эм... — сказала я смущённо.

— Литлпип, это Кейдж и Реджи, — сказал он, показывая сперва на грифона-парня. Тот криво улыбнулся, убирая свою новоприобретённую консервную банку в сумку. — Кейдж, Реджи, это Лиг'пип...

Я робко подняла копыто, чтобы помахать близнецам.

— ...Дарительница Света и Героиня Пустоши.

Мое копыто упало, а лицо залила краска. Как же я сейчас ненавидела Каламити.

— Я б сказал, что Дерпи подарила сегодня куда больше света, чем ты, Лиг'пип, — усмехнулся Кейдж, протягивая свою когтистую лапу. Я заколебалась, чувствуя одновременно смущение и смутную обиду из-за того, что кто-то ещё, кроме маленького жеребёнка, использовал это прозвище, даже несмотря на то, что Каламити когда-то уверял меня, что Дитзи находит его милым.

Я подняла копыто, и он мягко пожал его с особой осторожностью. Хотя, даже при такой нежной хватке, его когти впивались довольно больно. Я отвела копыто назад, осматривая его в поисках капель крови, уверенная, что он смог бы оторвать мне его, если бы захотел. Я переключила внимание на хорошенькую молодую грифину и с легкой дрожью протянула копыто ей. Чувствуя, что краснею ещё сильнее.

— Кейдж и Реджина Грознопёрые, — шепнул Каламити мне на ухо.

Я застыла с отвисшей челюстью.

— Ага, всё верно, — ухмыльнулась Реджи. Я заметила, что Кейдж закатил глаза. — Мы дети Гауды.

У Гауды есть дети?!

Маленькая пони в моей голове начала нарезать круги, протестуя: "Я не засматривалась на её дочь, я не засматривалась на её дочь!"

Я обратила внимание на Гаудину, которая разговаривала с Дитзи и другой грифиной. Дитзи Ду подняла одну из своих табличек — я не видела, что на ней было написано — а Гауда ответила:

— Ну, я же не могу требовать с города оплаты за защиту, если мы в нём даже и не покажемся для этого, ведь так? А теперь не будешь ли так добра?

То, что Гаудина трясла деньги с Новой Эплузы, было началом настоящей защиты? Маленькая пони у меня в голове с любовью хихикнула, это было так по-Гаудински. Верна только контракту.

Конечно же я не засматривалась на Реджину. Она была слегка молода для меня, не говоря уже о том, что она — грифина. ("Гауда тоже грифина," — вставила моя маленькая пони.)

Ладно, сдаюсь. Однажды я нашла Гаудину достаточно привлекательной... для грифины. Но это было ещё до Хомэйдж, и я была так одинока...

Я внимательно посмотрела на грифину, пытаюсь верить себя, что это было лишь мимолётное увлечение.

Да, она сильна и хорошо сложена, а шрамы, несомненно, придают ей особый шарм... (и, видимо, мне действительно нравятся кобылы старше меня, — с издёвкой произнесла пони в моей голове). Но Гаудина не выглядела старой. (Сперва Вельвет, — не

унижалась моя маленькая пони, — *теперь мамаша-грифон?*) Мне ужасно захотелось, чтобы эта маленькая тварь наконец заткнулась. Гаудина не старая. Довольно взрослая, это да, но... (*Ага, а дети у неё появились, когда ей было три?*) ...не старая. Она все ещё выглядела энергичной и стройной, и... или я просто не умела определять возраст грифонов?

— О. Моя. Гауда! — внезапно громко воскликнула Реджи, выбивая меня из задумчивости. — Литлпип запала на маманю! Во имя в лунной течке стонущей Луны!

Я почувствовала, как вслед за щёками всё моё тело начинает пылать от стыда.

— Что?! Нет! Я... но... — Обернувшись, я увидела, что Гаудина смотрит на меня, высоко подняв брови. — ГГАХ!!!

Я рухнула на пол в полном смущении, пытаюсь спрятать голову под своими копытами.

Убейте меня.

— Я хотела сказать тебе, что твой дружок ждёт тебя снаружи, — окликнула меня Гауда, милостиво давая мне повод, чтобы высочить на улицу, под проливной дождь, так, как будто за мной гналась целая стая адских гончих.

Я оперлась на двигатель поезда, ставший частью разнохламовой конструкции "Абсолютно Всего". Была тёмная, глухая пора самого раннего утра. Время, когда тьма сильнее всего тяготит душу и голодные чудища снаружи скребутся в твою дверь.

Дождь лил как из ведра, превращая улицы в реки и смывая с них радиоактивный мусор и кровь. Огни Новой Эплузы пробивались сквозь стену дождя, заставляя капли сверкать и переливаться в темноте. Вода стекала с крыш и, весело бурля в водостоках, выплескивалась в переполненные сточные каналы. Я быстро промокла до костей.

Снаружи никого не было. Моё полное и безоговорочное унижение отошло на задний план перед желанием облегчиться. Я обежала здание и, убедившись, что меня никто не видит, начала пополнять ближайший ручеек.

— Привет, Литлпип... — раздался голос из ниоткуда метрах в двух от меня.

Я подпрыгнула от неожиданности, сердце сделало попытку выпрыгнуть из груди. Смущение, раздражение и шок боролись во мне, когда я узнала механический голос Наблюдателя.

— ...о, прости. Я подожду вон там.

— Поздновато! — огрызнулась я. Чёрт! Нужно было сначала проверить всё вокруг с помощью локатора.

Глубоко вздохнув, я включила Л.У.М. и засекла спрайт-бота.

— Всё нормально? — спросила я. Что ж, теперь можно было и поговорить. Так или иначе, я всё равно собиралась закругляться.

— Со мной? Да. Но... — В голосе Наблюдателя слышалась нерешительность. — Я хотел убедиться что ты в порядке. — И вина. — Ты ведь в порядке?

Существовало множество способов ответить "Нет" на этот вопрос, но я решила сразу перейти к делу.

— Что случилось?

Наблюдатель молчал около минуты, спрайт-бот безмолвно покачивался под дождём.

— Я лоханулся, Литлпип. — Моё изображение нарисовало мне огромного, свирепого дракона, произносящего слово "лоханулся". Но это был Спайк. — И ты теперь в опасности.

Я закрыла глаза. Опасность не была чем-то новым для меня.

— Что произошло? — Позади меня раздался скрип открывающейся двери.

— Литлпип? — раздался в ночи голос Каламити.

Я подняла копыто, призывая Наблюдателя немного повременить с рассказом.

— Сюда! — окликнула я Каламити.

Спрайт-бот молча ждал, пока Каламити подойдёт к нам, шлёпая копытами по ручейку, которым я пользовалась пару минут назад.

— У Анклава есть видеозапись с камер безопасности вас в Министерстве Крутости. И Верховному Командиру Харбинджеру удалось передать что-то из Марипони, прежде чем всё там взлетело на воздух. Они сложили два плюс два.

Это было вполне предсказуемо. Интересно, была ли я единственной пони, считавшей, что выборы на должность "Верховного главнокомандующего" были чем-то совершенно неправильным.

— Анклав отправил за вами свой лучший ударный отряд, — продолжил Наблюдатель.

— От чёрт, — простонал Каламити.

— И кто это? — спросила я.

— Вондерболты, — сообщил нам Наблюдатель.

Я моргнула.

— Погоди, кто? — Анклав назвал своих лучших охотников за головами "Вондерболтами"? В глубине души (Будь Потрясным!) мне хотелось дать им хорошего пинка под зад просто за то, что они используют это название. — Это пипец как неправильно!

— Это ещё не всё, — признался Наблюдатель. — Один из патрульных Анклава, который видел тебя в пещере, был младшим членом Вондерболтов. Он узнал тебя, Каламити. Они пришли ко мне в пещеру...

— Гатшот, — пробормотал Каламити.

Я вспомнила того пегаса: *Это же Дедшот Каламити. Победитель соревнований за звание Лучшего Юного Стрелка четыре года подряд? Как уж забыть того пони, который побил тебя.*

Один из Вондерболтов (Мне очень хотелось как следует потоптаться на них!) был вторым по меткости после Каламити? А ведь Каламити никогда не промахивался!

Мои глаза округлились от осознания того, что, возможно, произошло.

— Спайк! — ахнула я, забыв обо всём на свете. — Твоя пещера! Они же не могли... — Нет, нет, нет! Пожалуйста, скажи, что ты не позволил Анклаву уничтожить Сады Эквестрии!

— Они в безопасности, — произнёс Спайк голосом спрайт-бота. Я почувствовала облегчение. — Но... ну, вы же сами понимаете, что я должен был спровадить их оттуда как можно быстрее, верно? — Даже в изменённом спрайт-ботом голосе дракона слышалась горечь.

Каламити глубоко вздохнул.

— Чё ты им рассказал?

— Я никогда не был хорош в роли допрашиваемого! — продолжил Спайк.

— Чё. Ты. Им. Рассказал? — сказал Каламити с нажимом.

— Не много... честно... просто... — Спайк замолчал на секунду, собираясь с духом. — Я сказал им, что ты была на заводе Айроншод Фаерармс.

Каламити моргнул.

— Чего?

— Старая фабрика оружия. Как-то раз я встретила Наблюдателя неподалеку от неё, — объяснила я своему другу. — Давным-давно, — добавила я, хотя и понимала, что на самом деле с тех пор прошло не так уж и много времени. Два месяца. Но для меня эти два месяца были целой жизнью. — Ещё до того, как встретила тебя.

— Тааак... — произнёс Каламити, задумавшись. — Чёт все равно не догоняю. И чё с того?

Но я знала, о чём волновался Спайк. Моя память вернула меня к моменту, когда я узнала, что Стальные Рейнджеры были на пороге Стойла Два, и к моим страхам, что в этом могла быть моя вина. Что, когда я взломала дверь Стойла Двадцать Девять, я могла оставить после себя какие-то следы...

А на Айроншод Фаерармс я была ещё менее осторожна. Я взломала офисный компьютер, как полный дилетант. Оставив всюду виртуальные отпечатки своих копыт.

— Насколько Вондерболты... подкованы в техническом плане? — медленно спросила я.

Каламити нахмурился.

— Эт зависит от... — Сделав глубокий вздох, он обратился к спрайт-боту: — Виндшир и Ленсфлэйр всё ещё с ними?

— Кто? — переспросила я, полагая, что это были имена, которые стоило запомнить.

Каламити зашуршал своими крыльями.

— Виндшир — мой старший брат, — объяснил мне рыжий пегас. — Любимчик отца. Мастер коммуникационных технологий. Был лучшим в выпуске, окончил академию с отличием. Потом стал капралом, членом Вондерболтов. — Он потряс головой. — Единственный из нас, кого отец по-настоящему поддерживал. Но, с другой стороны, как ему при всём этом не быть отцовским любимчиком?

Поморщившись, я спросила:

— А Ленсфлэйр?

— Лучший друг Виндшира, соперник, иногда любовник, — сказал Каламити. — Эксперт в починке, специализирующийся на магическом вооружении. Это он научил меня паре трюков, которые я использовал, когда собирал винтовки "Прибой" для своей брони. Лучший из тех, кто работает с арканскими технологиями.

Вот дерьмо. У нас были проблемы. В первую очередь, как мы могли пойти войной против старшего брата Каламити? С другой стороны, учитывая то, что я знала о его семье до сих пор, следовало как следует навалить этому жеребцу в воспитательных целях.

— Виндшир ушёл из Вондерболтов несколько лет назад, — произнёс Наблюдатель, от чего мне сразу полегчало. — Занялся делами, связанными с пресс-релизом.

— Пресс-релизом? — переспросила я.

Каламити наклонился ближе и прошептал:

— Вондерболты — звёзды Анклава. Они проводят столько же времени, выступая с шоу на патриотические темы, сколько и действительно охотятся. А, возможно, и больше.

Знаменитости. Лучшая в Анклаве группа охотников-убийц... они выслеживали и убивали пони, и у них были фанаты. Они устраивали шоу. Пони выстраивались в очередь за их автографами. Они выпускали пресс-релизы, когда у них менялось расписание. Какого хера?!

— Но Ленсфлэйр всё ещё с ними. Он был одним из тех, кто заявился в мою пещеру позавчера.

Моя голова поникла. Мы были мертвы.

— Лил'пип? — Каламити заметил выражение моего лица.

— Они могут выудить мою электронную подпись из компьютера в Айроншод Файрармс, — сказала я ему упавшим голосом. — И как только они сделают это, с помощью оборудования в их броне они смогут найти меня, где бы я ни была.

— Прости меня, Лил'пип, — сказал Спайк голосом, полным раскаяния. — Но... ты ведь можешь просто снять свой ПипБак, верно? Пустить их по ложному следу?

Я подняла переднюю ногу, показывая спрайт-боту, насколько близка я стала в последнее время со своим ПипБаком.

Наблюдателю хватило мудрости промолчать.

— Я могла бы отрезать свою ногу, — подумала я вслух. Ведь она могла бы вырасти снова. — Или я бы просто ушла, чтобы отвлечь их. — Я взглянула на Каламити. — И уберечь тебя.

— Чёрт, нет! — Каламити топнул. — Даж не думай о таком, Лил'пип. Мы будем держаться вместе.

— Но...

— Никаких "но"! — строго сказал Каламити. А потом улыбнулся. — Кстати, у меня есть план. — Каламити, усмехаясь, слегка ткнул копытом мой нос. — Доверься мне, завлекалочка.

Ничего хорошего это не предвещало.

Заметка: Максимальный Уровень.

<<< ^^ >>>

Глава 41. К Надежде

«Для многих из нас дорога будет нелёгкой, но путь всегда существует для нас, чтобы следовать, независимо от того, сколько раз мы можем упасть.»

<<< ^^^ >>>

Безумие.

Я стояла посреди потоков воды, лившихся позади "Абсолютно Всего", и с отвисшей челюстью таращилась на Каламити. Его план был просто безумием. Никак иначе не назвать.

Проклятье, это был даже не план! Планы как-то... хоть похожи на планы. А у Каламити была куча идей и смутных надежд, скреплённых множеством "наверное там видно будет". С нами не было тех или того, что требовалось, чтобы просто попытаться осуществить эту затею. И я сомневалась, что мы вообще могли это найти.

— Ну как? — спросил он, искренне желая моего одобрения.

— Я начинаю соглашаться с Вельвет Ремеди, — ответила я, вспоминая её реакцию на действия Каламити в полицейском участке Зебратауна.

— Так... ты согласна попытаться? — Да чтоб тебя! Каламити уставился на меня глазами жеребёнка, надеясь на моё согласие поддержать его... безумство. Этот план... был чем-то, что ему было просто необходимо попробовать осуществить. Так же необходимо, как изголодавшемуся пони еда.

Я с трудом изобразила улыбку.

— Лучшего плана у меня всё равно нет. Разумеется, попробуем, — согласилась я. Мы все умрём.

Спрайт-бот Наблюдателя болтался под дождём рядом с нами, молча слушая.

Наконец механический голос, за которым скрывался Спайк, жалобно спросил:

— Ребята, я могу что-нибудь для вас сделать? Мне правда очень жаль.

Я стукнула по своему мокрому от дождя лбу ещё более мокрым копытом. Думай! Думай, ты, глупая кляча!

— Да, — ответила я, смотря в сторону спрайт-бота. — Есть кое-что.

— Что же? — спросил Спайк.

— Подожди здесь немного, — сказала я, махнув копытом. — Мне надо поговорить с Гаудой.

* * *

— Чего я не понимаю, — сказала я Каламити, когда мы направились ко входу в "Абсолютно Всё", — так это почему Вондерболты ещё не настигли нас? Они ведь быстрые, верно?

Каламити как-то подозрительно глянул на меня.

— Быстрые. Можно и так сказать, да.

В небе сверкнула молния.

— Разве они не должны были уже попасть в "Айроншод"? — рассуждала я, стараясь перекричать раскаты грома. — Они вряд ли потратят много времени, чтобы добыть метку моего ПипБака... — Если, конечно, Ленсфлэйр настолько умелый, как это звучало в устах Каламити. А уж лететь от "Айроншод Файрармс" до Новой Эплузы совсем недалеко.

— Они, наверн, в комитете задержались, — криво ухмыльнулся Каламити.

Сбитая с толку, я остановилась и посмотрела на Каламити. Мои копыта тем временем вязли в грязи. Неужели он имел в виду, что они должны подать на утверждение план своей охоты? Пони в небесах все с ума посходили, что ли?

Каламити повернул за угол и чуть не сшиб Рейлрайта. Насколько я могла слышать, двое жеребцов бормотали извинения. Рейлрайт стоял под навесом магазина Дитзи Ду и, видимо, ждал кого-то. Увидев меня, он кивнул и небрежно перевёл взгляд на огни вдоль городской стены.

Последний раз, когда я видела Рейлрайта, он уводил куда-то нескольких пони, которые осмелились спуститься ниже облачного покрова Анклава.

— Где те новые пегасы? — спросила я шерифа/мэра, просто интересуюсь, насколько долго я проспала.

Рейлрайт посмотрел на Каламити, прежде чем ответить.

— Я их назначил работать в помощь общине. За это у них будет место в общинном доме до тех пор, пока они не смогут обустроиться получше.

Я вопросительно посмотрела на Каламити. Мой друг-пегас поморщился как будто от кислого и сказал:

— Радио Анклава передало предложение помочь "заблудившимся гражданам". Трекер принял это за чистую монету и улетел. Он пообещал связаться с Фрост через её ПипБак, когда будет за облаками. Но уже больше шести часов прошло.

— Каламити старался немного образумить тех двух кобыл, когда началась передача, — добавил Рейлрайт. — Та кобыла с ПипБаком — вроде бывший военный, я думаю. И что-то в этой передаче хорошенько её напугало.

Я поняла, что определённо волнуясь за Трекера.

— А что те надо на крыльце у Дитзи, шериф? — спросил Каламити как бы между прочим.

Рейлрайт лишь покачал головой, уловив подозрение в голосе пегаса. Я старалась не забывать, что Рейлрайт и Каламити знали друг друга много лет. Их отношения всегда были радушными, если не откровенно дружными, до того как жар-бомба и беглые пегасы встали между ними.

— Получаю прогноз погоды от Грознопёрых, — ответил Рейлрайт. — Гроза бушует от берегов Брыклина до самой окраины Надежды. Шторм очищает воздух от дыма пожарищ в Вечнодиком лесу, а по всей Прекрасной Долине выпадают отвратительные осадки.

— Это место должно быть как можно более токсичным, — хохотнул Каламити.

— Просто повезло, что переменчивая погода над Вечнодиким лесом не позволяет шторму проникнуть внутрь, — добавил Рейлрайт.

— Похоже, этому месту просто нравится гореть.

— Надежды? — переспросила я Каламити.

— Агась, — согласился Каламити. Затем, увидев непонимание на моем лице, добавил: — Ты уже была там, Лип'пип. Развалины, которые раньше были поселением Надежда, всего в двух часах хода вниз по дороге.

— Это город со старой оружейной фабрикой, — уточнил Рейлрайт. Айроншод Файрармс. Я вспомнила прогулку через игровую площадку Надежды. Там я в первый раз увидела плакат Министерства Морали. Я только не знала названия этого города. — Там ещё

Массив стоит, в нескольких милях в сторону Вечногодикого.

— Чего? — спросила я, окончательно запутавшись. — Антенн?

— Солнечные Батареи Надежды, — произнёс Каламити со скукой. — Большое скопление тарелок, направленных в облака. Насколько я понимаю, пони старого мира перепробовали все, какие ток возможно, безумные способы получения энергии, когда поставки угля прекратились.

Вот что я упустила. В тот единственный раз, когда я была достаточно высоко, чтобы на мгновение выглянуть из окна фабрики, я была "слегка" занята, пробегая по обрушивающимся мосткам. Надо всё это обдумать. Технология превращения солнечного света в энергию? Это имело смысл, учитывая, что министерство Твайлайт Спарк даже работало над использованием этого света в военных целях.

И этот Селестия Один или Селестия Прайм, или как там его называли, невозможно применить, если не солнечно. Я не могу сказать принцессе, что единственное средство, что мы имеем против этих ракет, в облачный день просто не работает. А что если зебры решат атаковать нас ночью?

Несомненно, там было ещё над чем работать. Но даже просто надежда обеспечить Пустошь энергией была ещё одной причиной, по которой Эквестрия должна была увидеть солнце. Старые генераторы и спарк-батареи были не вечны.

Каламити стоял, почти касаясь копытами двери, когда она распахнулась и в дверном проёме нарисовалась Реджина Грознопёрая. Моему другу пришлось посторониться, когда она вышла наружу, кивком головы поприветствовав присутствующих. Вооружённая до зубов грифина-подросток прислонилась к стене под вывеской Дитзи Ду и достала пачку сигарет. На крыльце "Абсолютно Всего" становилось тесно.

— Кто-нибудь видел, куда убежала та маленькая единорожка? — спросила Реджи небрежно, закурив сигарету. Я тут же замерла, предположив, что под маленькой единорожкой она подразумевала Сильвер Белл.

Каламити пришёл к тому же заключению.

— Сильвер Белл пропала? — Она была внутри ещё минуту назад.

Рейпрайт закусил нижнюю губу.

— Думаю, я видел, как она направлялась к туалетам.

Ой.

— М-м... тогда не стоит пока собирать поисковый отряд. — Мысленно метнув пару молний в Наблюдателя, я добавила: — Лучше дадим ей уединиться. — Внезапно пришедшее по пятам этой мысли осознание того, что в Новой Эглуге были общественные уборные, огрело меня по лбу, словно доской с гвоздями. Ох. Чёрт. Разумеется, уборные здесь были общественными. О чём я только думала?

— Ну а сейчас-то ты от чего раскраснелась, Лил'гип? — Ну, спасибо тебе, Каламити. Не мог оставить это незамеченным? Ага, щас.

— Т-ты... э-э-э... что-то говорил насчёт... комитетов?

К счастью, Каламити понял намёк и перескочил обратно к предыдущей теме, как будто и не отвлекался от неё.

— Помнишь, я говорил те, что Анклав держит пегасов, которые умеют делать сверхзвуковой радужный удар, на коротком поводке? Теперь ты понимаешь, почему. Со всеми этими облачными технологиями, на которые Анклав полагается, и главное — облачной завесой, неудивительно, что это умение кажется им оружием массового поражения.

Я посмотрела туда, где на город упал один из Хищников. В пелене дождя его освещали установленные рядом прожекторы. Там же были видны силуэты пони, собиравших обломки.

— Пойми, Лил'гип, когда пегасы закрыли небо, мы успели потерять один город. Всего один. Да, он был самым большим, но всё ещё оставалось несколько других, почти не тронутых войной. Все их довоенные технологии и магия... столетиями использовались повторно и для разных целей.

Небо разорвала молния. Гром обрушился на нас с такой силой, словно хотел вбить нас в грязь.

— Но большего они не могут, — крикнул Каламити. — Пегасы не могут создавать магические предметы, как единороги или зебры. И там не из чего создавать, за исключением того, что осталось от прошлого. Или облаков. Из облаков получаются отличные дома для пегасов, но они не очень-то подходят, чтоб делать из них броню и пули.

Я вспомнила, как моё копыто прошло сквозь интерфейс терминала Анклава.

— Из тех немногих гор, что поднимаются выше облаков, выжали все ресурсы, если только там не было таких созданий, которые оказались Анклаву не по зубам. — Ага, вроде Спайка. — Несколько поколений назад Анклав вторгся на небеса грифонов, просто чтобы получить их горы.

Каламити кивнул Реджи, которая глубоко затянулась сигаретой и бросила в небо проклятие.

— Когда война закончилась, — добавил Каламити, — у пегасов было около пятидесяти Хищников, только четыре Циклона, и они не могли произвести больше. Учтём те четыре Хищника, что ты уничтожила жар-бомбой, один сбитый возле Сталлионграда, и получится, что Анклав потерял дюжину боевых кораблей меньше чем за неделю. Это больше, чем они потеряли за две сотни лет. И четыре из них сбил токсичный радужный удар Дитзи Ду.

Каламити многозначительно посмотрел на меня:

— Анклав сейчас, должно быть, ссытся от страха.

Мне хотелось, чтобы он не использовал именно эту фразу.

— Хорошо, — сказала я твёрдо. Затем спросила: — И как это связано с Вондерболтами?

Каламити закатил глаза.

— Эт не очевидно, Лил'гип? Я ж те говорил: пегасов, которые умеют делать Сверхзвуковой Радужный Удар, держат на коротком поводке.

О! Теперь я поняла. Вондерболты. Любого пегаса, доказавшего, что он способен выполнять Сверхзвуковой Радужный Удар, призывали в ударный отряд знаменитостей Анклава.

Это значило, что все пони, охотившиеся на нас, были настолько хороши. И план Каламити стал нравиться мне ещё меньше.

— И когда Анклав увидел, что сотворила Дитзи, — догадалась я, складывая кусочки вместе, — они собрали Вондерболтов на... — я замолчала, подыскивая подходящее определение, — ...экстренное заседание, чтобы, обращаясь к их опыту, найти способ противостоять новой угрозе?

Каламити кивнул.

— Тип того. Они понятия не имеют, сколько пегасов-гулей живёт здесь внизу, — заявил он, заставляя вспомнить стадо пегасов-зомби, от которых мы спасались бегством в окрестностях Клаудсдейла. — И раз Дитзи Ду смогла сделать это, то, теоретически, любой облученный в достаточной мере пегас-гуль должен быть способен совершить сверхзвуковой токсичный удар.

Да. Анклав действительно должен быть счастлив от страха.

— Короч, я думаю, у нас ещё есть пара дней до того, как Вондерболты повиснут у нас на хвосте.

Гауда болтала с Дитзи Ду, когда я вошла в магазин. Кейдж и телохранитель Дитзи сидели прямо за ними, пристроившиеся за столом-катушкой, играя во что-то прямоугольниками из твёрдой бумаги. Любопытство заставило меня отвлечься и подглядывать за их игрой. Каждый грифон держал в когтях несколько разноцветных бумажек с отметками, и шесть стопок с бумажками лежали на столе лицевой стороной вверх. Ещё две стопки лежали лицом вниз, судя по всему они брали из них ещё бумажки в течении игры. Я бы смотрела и дальше, пытаюсь понять правила игры, но я не хотела заставлять Наблюдателя ждать. (И тем более эта игра была точно не для пони. Единороги могли бы держать эти мелкие бумажки веером, но зачем учиться игре, в которую не сможешь сыграть с друзьями-пегасами и земнопони?)

Подбежав к Гауде (кивнувшей в ответ на что-то, что Дитзи написала на своей дощечке), я прервала их так вежливо, как могла. Дитзи Ду отошла, с улыбкой кивнув.

— Гауда, мне кое-что нужно от тебя. — Я хотела попросить её сделать одолжение, но маленькая пони в моей голове напомнила, что Гауда не делает одолжений. Она признаёт только контракт.

Мрачная грифина без каких-либо эмоций посмотрела на меня своим здоровым глазом.

— Прости, крошка, но ты не в моём вкусе.

Ч-чего? Агрхх! Она подумала, что я хочу?.. А хотя, что ещё она могла подумать после того, как её дочка застучала меня за её разглядыванием.

— Эт-т-то совсем не то, что ты под-думала! — затопала я, приходя в себя.

Часть меня захотела тут же куда-нибудь зарыться и спрятаться до того, как я утону в волне собственного смущения. Но это было слишком важно. И к тому же, я не интересовалась ею в этом плане. Не, ну то есть интересовалась... но у меня была Хомэйдж. И было похоже, что моё путешествие скоро подойдет к концу. А самой последней, чёрт подери, вещью, которую я собиралась делать в оставшиеся дни, была измена Хомэйдж!

Маленькая пони в моей голове захныкала: *Или всё же? Мда, она мне не помощник.*

Гаудина подняла бровь.

Ну конечно же нет, мысленно прошипела я своей маленькой пони. Она грифина. С детьми. Что как бы намекает, что её интересуют другие грифоны. Мужского пола. И почему я вообще веду с собой эту дискуссию?

Попытавшись вернуть мысли в нужное русло, я заявила:

— У тебя контракт на защиту этого города, так?

— Таак, — медленно сказала грифина. Её лицо стало строгим, будто она вела переговоры.

— Но ты не защитила его. Это сделала Дитзи.

— Тааак, — повторила она, на этот раз ещё медленнее.

— И сейчас есть большая вероятность того, что Анклав придёт за ней. И они, вероятно, вырежут весь город, лишь бы добраться до неё. — Я видела, как глаза Дитзи Ду округлились. Гауда не была в городе Дружбы, но Дитзи Ду видела ужасы, на которые готов пойти Анклав.

Гауда посмотрела на Дитзи, нахмурившись.

— Она наняла Гильгамеша своим телохранителем. Но я так понимаю, ты хочешь, чтобы я сделала что-то ещё? — Я начала подробно объяснять, что хотела от Гауды. Где-то на середине объяснения она, в шоке выпучив свой здоровый глаз, повернулась ко мне.

— Ты с ума сошла? — Вероятно, все пони в этом городе были сумасшедшими. Включая меня. — Я была с тобой до пещеры дракона. Но, я думаю, если попросить моих грифонов пролететь с Дитзи здесь, над облаками, а затем — в драконий дом, мой контракт с этим городом закончится о-о-очень быстро.

— Дракон вас не тронет. Я обещаю.

— Да правда, что ли? — Она посмотрела на меня оценивающим взглядом. — Твои взаимоотношения с драконами изменились, как я погляжу, с последнего раза, как мы виделись.

— Этот дракон не ест пони, — твёрдо сказала я. — Или грифонов. — По крайней мере, я была почти уверена, что Спайк не лакомится грифоньим мясом. А что вообще Спайк ест? Только драгоценные камни?

— Нуу, если ты хочешь, чтоб я спокойно отнеслась к тому, что контракт включает в себя ещё и посещения драконов, — намекнула Гауда, — тогда, возможно, ты сможешь спокойно отнестись и к тому, что мы потребуем в качестве платы.

После этого я, видимо, собиралась остаться совсем без денег. Но это стоило того, чтобы сохранить Дитзи Ду в безопасности. И Сильвер Белл.

— Хорошо. Но если ты возьмёшь их обеих, Дитзи и её дочь, так скоро, как... Кстати, где Сильвер Белл? Не должна ли она была уже вернуться? — Я посмотрела на Дитзи Ду.

Кто-то ж должен был присматривать за этой кобылкой. Решение пришло мгновенно:

— Где Ксенит?

Беспокойство переросло в панику, когда Стилетто ворвалась, выглядя ехидно-самодовольной.

— Эй, Дерпи. Эта твоя ветроголовая кобылка ща на станции Рейлрайта. И ты ей ужас как нужна.

Телохранитель Гильгамеш был быстр. Дитзи Ду была ещё быстрее. Она вылетела в дверь, закрутив бумажки воздушным потоком, скорее, чем мой разум смог уяснить, что же я услышала от рейдера Разбитого Копыта.

Бросив Стилетто злобный взгляд (и "Тогда почему ты не помогаешь?"), я помчалась мимо неё в ночной шторм. Гильгамеш был впереди меня, Каламити позади. Я слышала, как Гаудина приказала Кейджу присмотреть за магазином, перед тем как дверь, хлопнув, закрылась сзади меня.

Да, вот что значит ощущать себя насквозь мокрой. Я думала, что была мокрой ещё несколько минут назад. Вау, как я ошибалась. Сейчас дождь усилился и, не успела я улицу перебежать, уже промыл меня до костей. Но меня это не волновало. Меня волновала Сильвер Белл. Пони в моей голове кусала копыта, настаивая на том, что я просто обязана забрать их двоих как можно скорее. Так почему же я засыпала?

Мои копыта плескались в реке подо мной. Каламити и Гильгамеш быстрее достигли полицейского участка, занятого мэром/шерифом Новой Эглузы. Дитзи Ду уже была в дверях.

Свет был погашен. Нехорошо.

Я вытасила Малый Макинтош, попутно активируя прицельное заклинание. Я попыталась воззвать Дитзи Ду к осторожности, но

опоздала.

Пегаска-гуль развернулась в воздухе и толкнула дверь, за которой оказалась лишь чернота.

На компасе моего Л.У.М.а высветились десятки огней, как только Дитзи Ду повернулась и полетела в тёмную пасть двери. Это была ловушка!

Я подняла Малый Макинтош перед собой и понеслась галопом настолько быстро, насколько можно, чтобы наверстать упущенное.

Минутку... Ни один из огоньков на моём Л.У.М.е не был враждебно-красного цвета.

Свет на станции вспыхнул в тот самый момент, как десятки красочных Эпплузианцев закричали в унисон:

— СЮРПРИЗ!

Я от испуга чуть шарик не прострелила.

Окружённый магическим свечением карамельного цвета, в поле зрения вплыл торт, следуя за знакомым жёлтым единорогом с гривой в оранжево-бежевую полоску. Торт был выполнен в виде гигантского маффина, напоминающего множество маффинов поменьше на ближайшем столе под сверкающим транспарантом:

СПАСИБО, ДИТЗИ ДУ!

Ошеломлённая Дитзи Ду стояла посреди комнаты, широко раскрыв глаза.

— Тебе нравится? — с тревогой спросила Сильвер Белл. — Это вечеринка! — Кобылка выглядела взволнованной. — Для тебя! — добавила она. По её огромным сияющим глазам (и большинству из украшений), я поняла, что маленькая лавандовая кобылка сделала большую часть работы по устройению этой благодарственной вечеринки. Возможно, даже планировала её. В ней всё ещё оставалась частичка Пинки Белл, и это, в определённой степени, объясняло странные эмоции девочки.

Её тревоги улетучились, когда Дитзи Ду подлетела к Сильвер Белл и, схватив её в охапку, начала осыпать поцелуями, пока девочка плакала от счастья.

Вскоре уже все пони наслаждались вечеринкой.

— Привет, Подъёмник, — сказала я, поворачиваясь к жёлтому единорогу. — Полагаю, это твой телекинез я видела там вчера утром. Спасибо, что поймал её.

— Тебе спасибо, — ответил Крейн. — Без твоей помощи ничего бы не вышло. И без помощи этой малышки, — добавил он, глядя на Сильвер Белл, которая пыталась вернуть себе способность держатся на ногах после головокружительных обнимашек. — Это была первая магия, которую девчонка смогла сотворить, после того, как её рог отрос заново. Я думаю, она смогла сделать это, вдохновлённая радиационным ударом её мамочки.

Почему-то (Будь Умным!) я была уверена, что он был прав.

Мы провели следующий час за беседой, во время которой говорила в основном я, потчужа его рассказами обо всех телекинетических трюках, что я сотворила за последние два месяца. К моему удовольствию, Подъёмник был весьма впечатлён моими способностями. Но по-настоящему мне удалось удивить его моим мастерством, лишь когда я рассказала о телекинетическом полёте.

— Проклятье, девочка, — сказал он, широко раскрыв глаза. — У меня ушли годы, чтобы добиться подобного. — Я почувствовала лёгкое разочарование от того, что эта моя способность оказалась совсем не уникальной. Но Подъёмника не зря называли лучшим телекинетиком во всей Эквестрийской Пустоши. По крайней мере, я обучилась этому трюку намного быстрее. — Как далеко ты можешь себя переносить? Я способен разок облететь Новую Эпплузу, прежде чем меня покинут силы.

— Я... я правда не знаю, — призналась я. Мне удалось переместить себя с земли до лачуги Каламити. Но я никогда специально не выясняла, насколько далеко простираются мои способности. — Я боюсь, что опять со мной случится выгорание, если буду прилагать слишком много усилий, выясняя это.

— Ты умудрилась выгореть? — спросил он. Я кивнула. — Неудивительно, так-то напрягаясь.

Мы оба подскочили, когда что-то в комнате взорвалось в конфетти.

— Хорошая новость в том, что есть одно средство от этого, — сказал мне Подъёмник, левитируя от нас все кусочки конфетти и отправляя их в мусорное ведро. Средство, позволяющее исцелить выгорание? Я была вся во внимании. — К сожалению, в пустоши его, возможно, уже не найти. Требуется несколько растений, произрастающих исключительно в Вечнодиком лесу. Считаю, они уже все сожжены.

Ох. Вот дерьмо.

— Думаю, я мог бы расстаться с одной из своих бутылочек, — лукаво произнёс Подъёмник. — За одну маленькую услугу.

Ну разумеется. К этому всё и шло. Плюс, последняя услуга, о которой он просил, включала Стоило, кишащее химерами.

— Я немного занята сейчас. На меня охотятся, знаешь ли, — призналась я. — Но если я переживу всё это, я обдумаю твоё предложение. — Возможно, впервые за всё время я отказалась от отвлекающего задания. Но я действительно не могла терять время. Если только... — Эта услуга... Кому-то грозит опасность?

— Нет, — ответил Подъёмник. — Я почувствовала облегчение. — Насколько я знаю. — Ну, по крайней мере, хоть что-то. — Есть одна ферма на границе Вечнодикого леса неподалёку от Солнечных Батарей Надежды. Достаточно близко к Вечнодиному, чтобы её земля была плодородной.

Ферма неподалёку от Вечнодикого леса? Наверное, всему виной было нечто, витающее в воздухе. А может быть, сумасшествие действительно заразительно.

— Возникла из ниоткуда прошлой весной. Не имею понятия, кто построил её. Похоже, какие-то пони приложили немало усилий для её создания, но потом отказались от этого места. Или, что более вероятно, нашли на свои головы нечто, выползшее из леса, — пожал плечами Подъёмник.

Неподалёку я заметила Дитзи Ду, наслаждающуюся маффином. Одно её ухо стояло торчком, и я подозревала, что она внимательно прислушивалась к нашему разговору.

— Нам бы очень пригодилось зерно, особенно сейчас, — заявил Подъёмник. — Но среди местных ходят странные слухи об этом месте. Первый пони, кто попытался поселиться там, через какое-то вернулся в город, рассказывая, что там живут призраки. А потом он вообще перестал возвращаться. Это было пару месяцев назад. Необходима пара глаз, которая исследует это место и даст нам знать, если оно безопасно для посещения. — Он зашевелил бровями. — Надеюсь, ты не боишься лошади без головы?

Я обдумала это.

— Вот что я тебе скажу. Если я отправлюсь туда, я как следует там пороюсь, посмотрю, что к чему, и дам знать, — сказала я ему. И добавила: — За средство. Но сейчас у меня дел по горло.

Дитзи Ду была тут как тут. Она нацарапала новое сообщение на одной из своих досок, висящих на её шее:

Не беспокойся насчёт этой их чуши о призраках.

Нет причин избегать этого места.

Призраков не существует.

Просто мины.

Я моргнула.

— Мины?

— Любимая теория Дитзи Ду, — уточнил Подъёмник. — Основанная на кровавых ошмётках тел и местах, где земля выглядит так, словно она взорвалась.

Тем временем Дитзи Ду вытирала свою доску. И спустя мгновение написала своё предложение:

Пожалуйста, принеси мне все мины, которые сможешь найти. Я обменяю их на крышечки и гранаты.

Агась. Определённо заразно.

К нам прискакала взволнованная Сильвер Белл.

— Пошли, мамочка! Ксенит начинает игру "Прикрепи к пони хвост". Хочешь поиграть?

Соломенногровая кобылка начала дёргать Дитзи Ду прочь ещё до того, как та успела ответить.

Погодите. Ксенит начинает игру? Хотя, если подумать, восстановление ориентации и поддержание точности с завязанными глазами звучало, как упражнение, с которыми зебра была знакома.

Я навострила уши, используя этот момент, чтобы оглядеться и прислушаться к вечеринке вокруг меня. Из старого проигрывателя, напоминающего тот, что был у Хомэйдж, только в куда худшем состоянии, звучала музыка. Счастливые и беззаботные песни. Все предметы обстановки в комнате Рейлрайта были сдвинуты к стенам, освобождая место, где сейчас танцевали пони. Казалось, будто солнечный луч проник внутрь и всё ожило в этой комнате.

Паерлайт устроилась на вешалке Рейлрайта. Она качала головой и испускала музыкальный свист, не сводя взгляд со своего разноцветного и искажённого изображения в скоплении воздушных шариков. Я решила, что она добралась до "огненного" пунша.

Огненного... Дракон! Проклятье. Я ведь должна была рассказать Спайку о Гауде и Дитзи Ду.

— Извини, Подъёмник, — сказала я поспешно. — Я скоро вернусь.

— Не торопись, — отозвался жёлтый пони. — У меня тоже есть чем заняться.

Выскочив за дверь, я промчалась мимо Гаудины. Она стояла снаружи, прислушиваясь к звукам вечеринки. Я остановилась, слегка поскользнувшись в грязи.

— Ты в порядке?

Она кивнула.

— Я согласна на эту сделку. Пятьсот бутылочных крышек, и я аккуратно доставлю этих двоих в пещеру дракона к завтрашнему вечеру. — Она покачала головой. — Надеюсь, ты знаешь, что делаешь. Эти двое... они заслуживают хорошей жизни.

Я испытала мимолётное беспокойство, что эта вечеринка расстроила Гауду. Это было бы вполне объяснимо после того переполоха, что устроили те пони. (*Как я могла сомневаться в вас?* спросил голосок у меня в голове. *Это могло случиться с любой из нас*, ответил другой. Маленькая пони в моей голове огляделась вокруг в поисках источника этих голосов).

Я потрясла головой, чтобы очистить её от странных мыслей. Нет, правда была в том, что вид семейной идиллии Дитзи Ду и Сильвер Белл тронул грубое сердце командира грифонов, и она вышла наружу подумать.

— Спасибо, — сказала я ей. Я повернулась было в направлении, где ждал Наблюдатель, но снова остановилась. — Так какие в твоём вкусе? — Я почувствовала, что должна была задать этот вопрос.

— Не связанные отношениями, — прямо ответила мне Гаудина Грознопёрая.

Ответ вызвал у меня улыбку. С определённой точки зрения, любовь между пони была подобна контракту. А Гаудина уважала контракт. И никогда не стала бы уважать пони, которая нарушила бы его.

— Ну давай же, — Сильвер Белл с огоньком в глазах всё пыталась отвлечь меня от беседы с Канди. — Идём станцуем!

Я взглянула на милую маленькую кобылку: такая настойчивая и такая... милая. Как тут отказать? А как там её мама? Я бросила взгляд в сторону косоглазой гульки, но та, с любовью поглядывая на свою дочурку, лишь сочувственно мне улыбнулась.

Попрощавшись с Канди (которая, кстати, и была ответственна за появление здесь "взрослого пунша"), я вслед за лавандовой кобылкой отправилась танцевать.

Вечеринка затянулась далеко за полночь.

Утомлённая танцами, я нашла свободный столик и плюхнулась рядом, набирая себе стаканчик "взрослого пунша". Он имел хоть и своеобразный, но очень приятный ягодный вкус, а также слегка "фонил". Зря я, конечно, спросила про его состав. Пунш с мутафруктом был куда вкуснее, когда я ещё не знала, из чего он сделан.

Ко мне подседа Ксенит.

— Малышка уже уснула, — сообщила она. — Надо бы её уложить в кровать наверху, в комнате мэра. — Что ж, это лучше, чем нести Сильвер Белл домой под дождём. К тому же, так она и Дитзи Ду будут вместе. — За ней присматривает грифон-охранник.

Интересно, спал ли Гильгамеш вообще? И судя по тому, что удалось услышать, не одна я задавалась этим вопросом.

— Ну а ты-то как справляешься? — поинтересовалась я.

— Я не мать, — отвечала Ксенит. — Я могу быть охранницей. Защитником. Но не больше. Завидую я им.

— Ты можешь и не быть матерью, — говорила я, вспоминая, как Ксенит оставалась обучать зебр Глифмарка скрытности. Как она учила их изготавливать Дэш. — Но ты можешь быть больше, чем просто охранницей. Ты можешь быть наставником.

Ксенит не нашла, что ответить. И потому дальше мы сидели молча, лишь попивая пунш на мутафрукте.

За столиком неподалёку уже знакомое трио юнцов проводило время, обсуждая, как им назвать свою группу. Оливковый пони предлагал Рейнджеров Пустоши.

— Не, не пойдёт, — возразила янтарная кобыла. — Сильно смахивает на подражание Рейнджерам Эпплджек. Нужно что-то пооригинальнее.

— Ясно, — ответил оливковый парень и поднял копыто. — Как насчёт "Уробороса"?

— Чего?

— Это такая змея, пожирающая себя с хвоста, — пояснил жеребец.

— Фе. И с чего б это нам так называться?

— Да нет, вы не поняли, — взялся он разъяснять. — Это древний символ обновления. А мы же и помогаем Эквестрии обновиться,

так ведь?

— И ты уверен во всём этом? — спросил жеребец цвета хаки.

— Нет, — заявила янтарная кобылка, мотая головой. — Не надо нам никаких змей. Ничего в них героического нету. — И мне кажется, она была права. Что же за друзья станут называть свой отряд в честь змей?

Протянувшись к ним, я предложила:

— Хотите что-то героическое? Как насчёт "Крестоносцев"? — Глаза юных героев заметно засияли. — Мне случилось знать, что это имя имеет весьма блистательную историю. — Не говоря уже о том, что предыдущих его владельцев тоже было трое.

— О, да, да! — воскликнула янтарная кобылка. — Крестоносцы Пустошей!

Улыбаясь, я вернулась к своему бокалу. А тем временем за соседним столиком разгорелось ещё более жаркое обсуждение молодыми героями планов по изменению Эквестрии. А я ведь до сих пор не знала их имён. Хотя теперь знала. Вроде как.

Улыбаясь и болтая, ко мне подошли Каламити и Реджи. Желая разрешить возникшее подозрение, я спросила:

— А вы, похоже, давно знакомы, да?

— Ага, — ответил Каламити.

Мимо проходила бледно-голубая единорожица и предлагала пирог и маффины. Я взяла тарелочку с пирогом и надкусила его. Ну да. Со вкусом маффинов.

— Каламити мои пушки делал, — горделиво усмехнулась Реджи.

— Ага. Пару лет назад встретились. Она тогда с братом прикрывала с воздуха караваны от Новой Эглуды до Республики, — продолжил Каламити. И заверил, ухмыляясь: — Правд, тогда ещё не знал, что они родня твоему пернатому увлечению.

Я простонала, прижав уши, и густо покраснела. Реджи уже не могла сдерживать смехи. И конца же этому не будет.

— Ты хуже Вельвет! — И сразу же я пожалела о сказанном, заметив, какую боль причинила.

И как она была заразительна. Я снова вспомнила о Вельвет Ремеди. И о СтилХувзе. Как же я хотела, чтобы они были здесь, наслаждались вечеринкой вместе с нами. Без них это веселье выглядело так...

Реджи увела наши мысли от отсутствовавших друзей, вытащив один пистолет и положив его на стол. Такой модели я ещё не видела.

— Каламити взял две винтовки калибра .223, подрезал их и модифицировал, превратив в наикрутейшую на Пустошах пару пистолетов.

Я понимающе присвистнула. Интересно, каковы они против Малого Макинтоша?

— Надеюсь, Каламити поможет мне с запасом ускорителей заряжания, — добавила Реджи, достав сигарету, которую пегас тут же показал копытом убрать. — А то прое... теряла несколько, когда Анклав на Разбитое Копыто напал.

— Так что там случилось? — спросила я, вспомнив, как DJ Рон3 говорил об этом случае.

— Что за вечеринка такая, даж курнуть нельзя, — буркнула Реджи. А потом пожала плечами: — Они напали. Мы отбивались. Пнули их железные задницы так, чтоб аж до луны хватило. Чего тут ещё говорить?

Заметив, что этим ей не отделаться, она вздохнула:

— Ну ладно. Похоже, кто-то в верхах Анклава до кой-чего догадался. И появилась идея посылать отряды сперва на стычки с рейдерами. Чтоб задать, так сказать, первое впечатление, сформировать в мозгах нужное представление о пустошах. И вуаля: солдаты готовы без колебаний уничтожать по приказу целые города.

Не так, как в предыдущих поселениях, — говорил один из нападавших пегасов. — Здесь есть жеребята. Семьи!

Каламити уныло устался на свой пирог:

— Умно.

— Да, — подтвердила Реджи. — Такими темпами, как сейчас, они всех рейдеров к концу месяца истребят. — И нахмурились: — Проблема в том, что Анклаву никто не сказал, что Разбитое Копыто уже не рассадник рейдеров. Но это проблема, скорее, для Анклава...

Молодая грифина расплылась в улыбке.

— Тех "птичек" они не посылали, только целый выводок бойцов. Дюжины три, не меньше. Мы их и покروшили. Вся их расчудесная броня и вооружение в полёте и гроша ломаного не стоят, если не уметь их грамотно применять в группе.

Я только моргнула. Это действительно свежий взгляд на угрозу Анклава. Хотя Когти — это же наёмники-профессионалы, основательно вооружённые, закалённые годами боёв на пустошах.

Реджи встала из-за стола.

— Ладно, тут уже что-то всё затухло, а я ещё пирога Кейджу обещала захватить. В общем, я сваливаю.

Грифина прошла пару метров, после чего неожиданно обернулась и метнулась обратно к нам, вонзив в стол свой острый коготь.

— И знаете: куда б вы сейчас ни отправились, мы с Кейджем идём с вами.

— Что?

— И не спорьте. Не знаю, что вы там задумали сейчас делать, только обычно от ваших побед всей Эквестрии польза. — Реджи обвела нас взглядом, сделав голос потише. — Мамаля, конечно, этого никогда не признает, но она вам чертовски благодарна за Прекрасную Долину. У Богини планы на грифонов были весьма непривлекательны. — Для грифонов Единства нет. — Раз её детьми будут все пони, то все остальные потенциальные их соперники занесутся в расстрельный список. Да и половина причин, по которым на Красного Глаза работает столько наших, и по которым такие, как Стерн, ему так преданы... — чаша, из которой Ксенит только что пила, застучала по полу, — ...это то, что все они знали о его замыслах против Богини.

Наша троица переглянулась.

Реджи продолжила:

— И как мне с брательником кажется, вы — лучшая возможность этой пустоши разобраться со всем этим. К тому же, под самый накал страстей у вас не хватает двоих бойцов, включая и "тяжёлую артиллерию". Мы вам необходимы.

Слышать такое было по меньшей мере... странно. Когти так не работали. Во всяком случае, Гауда.

— Но мы же вас не нанимали. — И за этим сразу последовала другая мысль: — А мать ваша как на это смотрит?

— Вы ещё передумаете, когда узнаете, во что ввязываетесь, — сказал Каламити.

— Да плевать, — не уступала Реджи. — Считайте, что мы себя сами наняли на это дело. Ну, это чтоб вы не думали, что мы от вас отстанем.

— Мы с благодарностью примем любую помощь, — отметила Ксенит. — Я ведь права, малышка?

Я поглядела на Каламити снова. Может быть, всего лишь может быть, нам всё-таки удастся пережить этот план.

Сквозь утреннюю туманную изморось я увидела, как четыре десятка чёрных бронированных силуэтов поднялось над вратами и

влетело в город.

На какой-то момент я почувствовала ярость и страх. Анклав собирался атаковать ещё раз! Однако потом я заметила мягкое, карамельного цвета свечение, обволакивающее комплекты брони Анклава, и поняла что в них не было пони.

Тяжёлые ворота с грохотом отворились, и в город вошёл Подъёмник. Но он был не один. Позади него шла измождённая долгой дорогой угольного цвета единорожица, в белоснежной гриве которой виднелись знакомые вплетения алого и золотого. Она была одета в боевое платье Рэрити, а вместо седельных сумок на её боках висели жёлтые аптечки.

Это была она.

Вельвет Ремеди остановилась, её глаза расширились, когда она увидела меня. Мы смотрели друг на друга сквозь пелену дождя, разделённые рекой грязи, в которую превратилась главная улица Новой Эплузы.

Она отшатнулась назад, когда я галопом бросилась к ней. Между нами была боль. Но эту боль затмевала надежда, которую я почувствовала, вновь увидев Вельвет. Она попробовала пятиться, но я заключила её в объятия, прежде чем ей удалось бы сбежать.

— Ты тоже тут? — спросила она кротко. — Ну конечно же ты тут.

— Богини, как же мы по тебе скучали, — сказала я ей, не отпуская. — Пожалуйста, скажи что ты больше не покинешь нас.

— Я... Я пришла, чтобы помочь, — пробормотала она в нерешительности. — Я... навецала СтилХувза... и увидела взрыв.

— Она пришла сюда вчера, поздно ночью, — обратился ко мне Подъёмник. — Помогала в основном пегасам, которые были слишком ранены, чтобы улететь домой.

Конечно она помогала.

Вельвет Ремеди было плевать, кто перед ней. Она всегда была готова остановиться и помочь любому пони, что встречались у неё на пути, не важно, хорошими они были или плохими. Я лишь надеялась, что её доброта не будет забыта Анклавом.

— Я собирал их броню, — сказал Подъёмник, указывая рогом вверх. — Собираюсь отдать эти комплекты Дитзи Ду, думаю они ей пригодятся. Мы в долгу перед ней за то, что она сделала. Надеюсь, это сможет погасить хотя бы малую его часть. — В этот момент Подъёмник стал мне нравиться чуточку больше. — В конце концов, ведь это она их всех посбивала.

Намереваясь сменить тему, Вельвет Ремеди указала копытом на Подъёмника.

— Этот хвастался, что он самый лучший телекинетик на Пустоши, — сказала она с возмущением. — Очевидно, что он ещё не встречался с тобой.

Мы с Подъёмником обменялись взглядами. Единорог усмехнулся, когда я отвесила ему почтительный поклон, на что он ответил мне тем же.

— Или я ошибалась, впрочем как и всегда, — вздохнула Вельвет, глядя на нас.

— Подъёмник был моим учителем, — объяснила я. — Он рассказал мне, как... раскрыть свой... телекинетический потенциал? — Богини, это звучало глупо. Я решила, что это из-за того, что я читала слишком много комиксов про "Кобыл-Мечниц" и слишком долго была одна.

Ксенит (и откуда только она взялась?) прошептала мне на ухо:

— А сейчас ты должна сказать: "И теперь ученик стал мастером."

Я моргнула, всё ещё пытаюсь осознать то, что где-то рядом стояла невидимая Ксенит.

— Что? Почему?

— Так принято, — серьёзно прошептала она.

Я потрясла головой.

— Кем?

На это у зебры, видимо, ответа не было.

Подъёмник пошёл дальше, леветируя несколько дюжин анклавовых бронекостюмов, добытых им снаружи, в сторону "Абсолютно Всего". Ксенит, отступив назад, казалось, растворилась в туманной сырости утреннего дождя. И всё-таки Сильвер Белл была права — зебра была немного жутковатой.

Под дождём остались стоять только я и Вельвет. Одни.

— Вельвет...

— Литлпип...

— Сначала ты...

— Давай лучше ты...

Мы остановились, разговор не клеился. Между нами повисла неловкая тишина, нарушаемая лишь стуком дождя по металлическим крышам железнодорожных вагонов.

— Литлпип, то, что я наговорила тебе тогда... — снова начала Вельвет. — Это было ужасно.

Я глубоко вздохнула. Её слова всё ещё отдавались болью в моей душе; рана, нанесённая ими, была слишком глубока. Но, тем не менее:

— Ты была права, — сказала я Вельвет. — И ты пыталась защитить меня, докричатся до меня. Остановить, — добавила я, осознавая, что это была чистая правда. — Это была моя вина. Я должна была остановиться тогда. Кобыла, тыкающая палкой в осиное гнездо, не может не быть ужаленной.

На мгновение я задумалась, а существуют ли осы в Эквестрии до сих пор? Я видела их только в книжках.

Вельвет Ремеди потрясла головой, хлопнув промокнутой полосатой гривой.

— Нет. То, что я сказала, было грубо. И... лицемерно. — Она стряхнула с себя аптечки. Жёлтые ящики с розовыми бабочками упали в грязную воду. — Я не достойна быть последовательницей Флаттершай. И не достойна быть твоим другом.

Я видела, что она дрожит. Главным образом из-за усталости и холода. Должно быть, она мчалась галопом всю дорогу, от самого Фетлока. А это было неблизко. Я приподняла её мордашку, подперев копытом ей подбородок, и заглянула Вельвет в глаза. Они были мокрыми не только из-за дождя. Она плакала.

— Но я хочу, — продолжила она. — Я позволила Пустоши изменить себя. Я понимаю это. И я была права — большинство пони не заслуживает помощи. Но это не повод для того, чтобы так поступать.

Я понимала. Я знала, что это такое, когда твоя вера в доброту пони колеблется. Я почувствовала это ещё в Яме — когда все те рабы, которых я пыталась спасти, смеялись и улюлюкали, взывая к моей смерти. Но, в отличие от Вельвет, эта вера не была основной причиной моего желания помогать.

— Я понимаю, что всё зависит от меня. Я хочу быть сильнее, чем Пустошь. Не хочу позволить ей изменить меня ещё сильнее, — нерешительно произнесла она. — Но я не уверена, что знаю как.

Хомэйдж была права: *Эквестрийская Пустошь* сурова к героям. Нет... Она беспощадна к ним. Она их убивает. Она рвёт их на части. Когда-нибудь каждому герою суждено оступиться и упасть. Каждому герою неминуемо суждено потерпеть неудачу. Истинное отличие героя не в том, что он не терпит неудач и не оступается... Нет, настоящих героев узнают по поступкам, которые они совершают после своего падения. По тому, как они поднимаются на ноги, стряхивают с себя грязь и снова бросаются в битву на светлой стороне.

— Вельвет, Флаттершай гордилась бы тобой, — начала я, хотя и не была уверена, что говорю то, что нужно. Но говорила я это от чистого сердца, и должна же была моя искренность что-то значить? — Она бы хотела, чтобы ты была с ней заодно. Не важно, что ты оступилась. У нас у всех есть моменты, о которых мы сожалеем. И у меня тоже, ты это знаешь. Никто не идеален. Никто не может быть всегда сильным. Думаешь, Эпплджек никогда не лгала? Или Рэрити никогда не жадничала? Или Пинки Пай не грустила? Даже у Флаттершай были свои Сады Кантерлота. — Я нежно улыбнулась ей, надеясь обнадёжить. — Главное, чтобы ты не позволяла своим неудачам остановить тебя.

Вельвет Ремеди долго глядела на меня и горько плакала. Казалось, внутри неё шла яростная битва.

— Спасибо тебе. Я не заслуживаю таких друзей, как ты, — наконец сказала она. Отвернувшись, Вельвет устала в грязную воду, покрывающую её копыта. После тяжёлой паузы она всё же произнесла дрожащим голосом: — Это я виновата, что СтилХувз погиб.

— Что?

Она подняла голову.

— Мне жаль. Я... Когда ты не вернулась, СтилХувз предлагал уйти. Но я знала, что ты стала бы искать нас на том же месте. Другие думали, что ты мертва, но я отказывалась в это верить. — Вельвет говорила всё громче, впадая в истерику. — Я настаивала, чтобы мы оставались поблизости. Я верила, что если ты переживёшь взрыв жар-бомбы, то постарайся добраться до нас. И мы должны были быть на месте к тому времени, когда у тебя это получится.

Она задрожала, причитая:

— Это из-за меня адские гончие смогли нас так легко найти. Это я заставляла нас каждый день разбивать лагерь вблизи того же самого места.

Вельвет Ремеди, рыдая, опустилась на землю. Я крепко обняла её, обхватив своими копытами. Мне была понятна её боль. Я прощала и была благодарна ей за то, что она сделала, и именно по той причине, по которой она это сделала.

— Прошу, скажи, что ты будешь снова с нами, — прошептала я наконец. — Мы любим тебя. Ты нужна нам. Быть без тебя всё равно что идти с открытой раной. — Я обняла её ещё крепче. — Мы так скучаем по тебе.

— Я... — начала Вельвет, отстранившись и вырвавшись из моих объятий. Она встала, пристально глядя на меня. Нас разделял проливной дождь. — Литлпип...

Виииишбум!

Оранжево-рыжий вихрь врезался в Вельвет Ремеди, сбивая с ног, и она оказалась в грязи с Каламити, лежащим на ней.

— Вельвет! — радостно закричал он, прижимаясь мордой к перемазанной с ног до головы кобыле.

— И тебя рада видеть, — с трудом выговорила она. Каламити шагнул назад, оглядывая свою чумазую любовь.

— Упс, — сказал он, краснея. — Щас я те помогу.

Прежде чем Вельвет или я успели вымолвить хоть слово, Каламити перелетел на другую сторону улицы и схватил бочку с дождевой водой, стоявшую у дома Рейлпрайта.

ФШШШШ! Каламити опрокинул бочку на Вельвет Ремеди.

Вельвет ахнула.

— Что ж, хорошо, что я уже была мокрой. — Грязи на ней уже не было.

— Рад, что ты вернулась! — сказал ей Каламити, абсолютно не сомневаясь в последнем.

Вельвет робко пошлёпала копытом по воде.

— Если... если вы примите меня.

— О чём ты говоришь, глупышка, — ответил Каламити с упрёком.

Вельвет взглянула на него.

— Я хочу быть с вами. Я хочу помочь. — Её тихий голос звенел нотками мольбы.

Каламити опустил морду в грязную воду и, выловив оттуда её аптечки, водрузил их обратно ей на спину. Она поблагодарила его, а он, дразня, потянулся к ней грязными губами, угрожая поцеловать.

— Всё снова идет так, как и должно, не так ли? — спросила Ксенит, материализуясь рядом со мной.

Я кивнула. Дождь начинал стихать.

Внезапно, взглянув на Вельвет Ремеди и Каламити, я поняла. Последние кусочки головоломки встали на свои места. Доброта и Верность.

А были сомнения?

Тяжёлые чёрные гроззовые облака сменились более лёгкими серыми, но всё ещё полными дождя, когда Небесный Бандит приближался к руинам Мэйнхэттена.

Каламити тянул фургон, по бокам от него летели двое сопровождающих нас грифонов.

— Не думали поставить энерго-магическую турель наверху этой штуки? — обратилась Реджи к Каламити, поглядывая на крепления на крыше Небесного Бандита, где СтилХувз стоял во время прошлых битв.

Каламити ответил не сразу. Думаю, он так же, как и я, чувствовал, что установка пушки будет чем-то вроде попытки найти замену СтилХувзу. Мысль, конечно, глупая и бесполезная, в стиле раннего Каламити, с энтузиазмом безавшего общаривать Стойла или трупы Стальных Рейнджеров. Но теперь было по-другому. Это был СтилХувз.

— Ага, — сказал он наконец. — Думаю, СтилХувз одобрил бы это. Ему бы хотелось, чтобы мы смогли себя защитить. Просто не было времени этим заняться.

Кейдж летел с другой стороны, беседуя с Вельвет Ремеди.

— Так значит ты последователь той пони, под которую разукрашены все аптечки, да?

— Да, — заявила Велевет Ремеди, подкладывая копыта под себя. — Её имя — Флаттершай, и она была лучшей пони!

Кейдж задумался.

— Н-но... ты же говорила, что это именно она придумала мегазаклинания. — Насчёт этого Вельвет оказалась на удивление откровенной. Видимо, это ответная реакция на наши попытки скрывать это. — Из-за которых и произошёл апокалипсис, — продолжал

Кейдж. — Выходит, ты... последовательница апокалипсиса, так?

Вельвет Ремеди было достаточно одного удара сердца, чтобы ответить.

— Если так пони будут называть каждого, кто стремится быть добрым, как Флаттершай, то и я буду так себя называть. Без всяких оговорок.

Внезапно Каламити резко спикировал вниз и теперь летел прямо над тем, что осталось от городских улиц. Грифонам, которые следовали за нами, словно тени, потребовалось лишь мгновение, чтобы изменить направление, и вот они уже парили к тому месту, где пегас быстро остановил Небесный Бандит, спрятав нас в тени полуразвалившегося магазина с названием "Радио-Принц".

— Что случилось? — поинтересовалась я, глядя, как Каламити быстро освобождается от упряжи, а затем выпрыгнула из фургона.

— Разве ты не заметила ничего? — спросила Ксенит. Её экзотический голос, казалось, звучал с недоверием.

Мне не потребовалось много времени, чтобы понять, что она имела в виду. Примерно через десять минут ожидания, которые мы провели, присев за магазинной стойкой, тусклый свет, едва пробивавшийся из-за завесы облаков, затмила чёрная поражающая размером передвижная крепость Анклава. Махина спускалась вниз в окружении четырёх кораблей типа Хищник. Формой она отдаленно напоминала наковальню. Четыре огромных розовых облака протянулись под ней по два с каждой стороны. Свет от молний, соединяющих их своими дугами, окрасил полуразрушенную улицу Мэйнхэттена в контрастные чёрно-белые тона. Одним концом каждая из туч была прикреплена к Хищнику, а второй их конец вливался в огромное грозовое облако, державшее на себе всю массу исполнинской крепости. Днище крепости, казалось, было истыкано множеством турелей. Я даже различила там несколько люков, которые, возможно, использовались для бомбардировки или для сброса боевых повозок.

— Какого... хрена... — Неужели нас нельзя оставить в покое хотя бы ненадолго?

Они узнали, что у нас есть пегас, способный совершать сверхзвуковой радиоактивный удар, — напомнила маленькая пони в моей голове. — *Чего же ты теперь хочешь?*

Даже Паерлайт тихо присвистнула.

— Это "Рассвет" — сказал Каламити с лёгким благоговением, глядя, как огромный корабль плывет над Руинами Мэйнхэттена.

Заметив, что мы все уставились на него, пегас, кашлянув, объяснил:

— Мобильная осадная платформа класса Циклон.

— Ты же сказал, что у Анклава всего четыре Циклона, — указала я наружу, надеясь, что это не звучало обвинительно.

— Агась. И два из них постоянно в работе. Один в Нейварро, а другой отдан под здания Высшего Совета.

Я прикинула в уме. И Каламити, и Прайд говорили о "полке" Анклава как о четырёх Хищниках и сопровождающих их войсках — именно столько, должно быть, мог нести и развернуть Циклон. Полный полк вместе с членом Высшего Совета приземлился в Марипони прямо перед тем, как бомба взорвалась. Вероятно, полк прилагался к собственному Циклону Высшего Совета. Сотни пони, как сказал командир Винтер.

Я почувствовала лёгкое недомогание.

— Если они подключают Циклоны к операции "Выжигание", то значит назревает большое наступление, — предостерёг Каламити. — Они оч многих потеряли за эти дни. Если сейчас они не одержат несколько крупных побед, то сорвётся всё их вторжение. И оч много ихних лидеров потеряют свои посты на следующих выборах. Так что им больше нельзя отвлекаться на мелкие цели.

— Теперь понятно, почему они не начали ещё один штурм Эплузы, — задумчиво ответил Кейдж. — Или Разбитого Копыта.

— Ну и куда, по твоему, они направляются? — спросила Ксенит, когда тень наконец-то ушла, вернув дневной свет (если его можно так назвать) обратно на улицы.

— Судя по направлению, я б сказала, что их цель — Филлидельфия, — предположила Реджи. — Ну, если, конечно, они не планируют припарковать эту штуку над Башней Тенпони.

Блять. Чёрт, чёрт, чёрт!

— Каламити, — выпалила я нервно, — помнишь, я говорила тебе, что мы можем сделать так, чтобы все эти смерти и потери были не напрасны? Положить начало чему-то лучшему.

Пегас взглянул на меня. Его выражение лица говорило о том, что он помнил про данное мною обещание. Остальные же уставились на меня с непониманием.

— Что ж, у меня появился план. Я знаю, как это можно осуществить... — начала я.

Грифоны выглядели взволнованными и, казалось, колебались, Ксенит была сдержанна, как обычно, а Вельвет Ремеди застыла с выражением беспокойства на лице. Но Глаза Каламити лучились надеждой, сам он улыбался, а потом неуверенно спросил:

— А чё насчёт моего плана?

— Да, сперва твой план, — убедила я его. Мой друг взглянул на меня с облегчением. — Но это новое наступление Анклава словно заноза в заднице. Мне нужно сперва узнать, сколько времени у нас в запасе.

Каламити согласно кивнул. Потом, хлопнув себя по лбу сказал:

— Окей. Раньше мы не видели Циклонов, а эт значит что они шас используют наземный коммуникационный центр, через который и координируют действия всех своих сил.

Я захлопала копытами.

— Идеально! Мы должны ворваться в их коммуникационный центр и узнать, что и когда они планируют сделать.

— Именно об этом я и думал, — сказал Каламити спустя мгновение. — Центр должен располагаться довольно высоко, я думаю, что они использовали для этого Башню Тенпони, до того как их оттуда выгнали. Но, похож, они нашли другое место...

Я вспомнила Блэквинг, вспомнила, на каком расстоянии я смогла принять сигнал от её портативного передатчика. Тогда Когти были заперты в, похоже, идеальном месте для вещания. В "Башне Подковы." Я была уверена, что именно там сейчас располагался коммуникационный центр Анклава.

— У. Тебя. Есть. План?! — Вельвет Ремеди высунулась в переднее окно Небесного Бандита, разговаривая с Каламити. — У тебя?!

Каламити заржал, заводя Небесный Бандит на посадку к Башне Тенпони. Я тяжело вздохнула, когда его копыта коснулись крыши.

— Я постоянно возвращаюсь сюда, — пробормотала я, — но Хомэйдж всё нет и нет.

— Не говори так! — бросил Каламити Вельвет, когда он осмотрел место посадки и выбрался из упряжи. — А то эт звучит так, будто мы обречены.

— И здесь мы именно по твоему плану? — уточнила она.

— Агась. Нужна помощь твоего друга, Лайфблума, — спокойно ответил Каламити. Я заметила, как съёжилась Вельвет Ремеди от этих слов, сделав единственно возможным и неприятным для неё вывод.

— Ты собираешься сделать это-то со своими воспоминаниями, не так ли?
Каламити кивнул, ничуть не смутившись. Чёрт, а ведь он гордился этой идеей.

— Агась.

— Ты... ты ведь не собираешься забыть меня?

Каламити аж споткнулся, поражённый.

— Нет, чёрт побери! — с жаром ответил он. — Лиг'пип сказала, что Лайфблум может взять воспоминания, не... забирая их. — Он посмотрел на меня взволнованно. — Ведь так, Лиг'пип?

— Да. Лайфблум может записывать воспоминания так же легко, как и удалять.

Это немного успокоило Вельвет Ремеди, но не до конца.

— И сбор твоих воспоминаний поможет нам разгромить самых быстрых и смертоносных охотников Анклава... напомни, как?

Вот оно. Первое "авось".

— Нет, нет, нет, — захлопал крыльями Каламити, распираемый гордостью. — Мы не собираемся громить Вондерболтов, Вельвет.

Мы собираемся спасти их!

* * *

Встретивший нас коричневый жеребец в яблоках был не тем единорогом, которого я надеялась увидеть, но он выглядел знакомо. Он был тем, кто сообщил мне о юридических деталях, связанных с казнью Монтерея Джека. И он тоже был членом Общества Сумерек.

— ...Сверхзвуковой радужный удар! — он говорил, одновременно протирая кусочком ткани парившие перед ним очки. — Или, если точнее, токсичный радужный удар. По-моему именно так его называет Радио Сопротивления, я прав?

— Радио Сопротивления?

— Оу, — он поднял брови, переместив очки обратно на морду. — Да. Именно так окрестная знать начала называть короткие прерывания радиовещаний Анклава ДиДжеем РопЗ.

Радио Сопротивления. А мне нравится. Так держать, Хомэйдж!

— Так Общество Сумерек собирается помогать нам? — спросила я (не в первый раз).

— Безусловно, — подтвердил жеребец-адвокат. — Вы и ваша разношёрстная банда доказали своё стремление и свой потенциал в достижении успеха. Для нас будет честью протянуть копыто помощи в этой битве. — И задумчиво добавил: — Сверхзвуковой радужный удар. В моей жизни...

Мы с Каламити переглянулись.

— Ну, прям щас нам нужен ток Лайфблум. А точнее его знания о магии памяти.

Единорог в яблоках кивнул, даже не взглянув на Каламити.

— Конечно. Я пошлю за ним прямо сейчас. А тем временем, ваши прошлые апартаменты уже готовы.

— И кстати, — добавила я. — Есть кое-что, что я должна обсудить с вами как можно скорее. Один юридический вопрос.

Он развернулся, глядя на меня через оправу очков.

— В самом деле?

Для него "как можно скорее" должно было наступить менее чем через час. Я была немного удивлена внезапным желанием Общества Сумерек помочь нам. Может, я становлюсь параноиком, но то, что всё начинает идти как по маслу, заставляет меня нервничать.

Тем временем, мы зашли в предоставленные нам апартаменты в ожидании Лайфблума.

— Шикарно! — присвистнула Реджи, глядя на прекрасные обои и мраморные плитки пола. Она ткнула когтем в одну из превосходных подушек.

Кейдж пошёл проверять окна. Его взгляд метался так, будто он высматривал снайперов.

— Без шуток, — сказал он. — Если б мы жили в таком месте, вряд ли бы нам захотелось возвращаться на пустошь и чё-то там мутить. — Он задёрнул занавески и кивнул сестре, которая тут же заняла стратегическую позицию у двери.

— Эмм... Я чё-т не думаю, что кто-то будет атаковать нас здесь, — намекнул Каламити. Наши грифоны-охранники посмотрели друг на друга, посчитав Каламити восхитительно наивным.

— Газированной воды? — предложила им Вельвет Ремеди, вытаскивая её из "подарочного набора" в ванной. Я вздрогнула, почувствовав себя немного смущенно.

Вельвет левитировала всем нам чашки, и отпила из своей.

— Да уж, "газирована" прям сильнее некуда, — сказала она, скептически посмотрев на газировку. — Но сойдёт. — Мы были в Башне Тенпони. Здесь Вельвет всегда старалась себя побаловать. — Ну, а пока они там будут копать в мозгах нашего Каламити, может, прогуляемся с тобой в спа, Литлпип?

— О да, вы, пони, в своём репертуаре, — съязвил Кейдж, закатывая глаза.

Я обдумывала это, пока снимала броню и направлялась в ванную комнату. После всего плохого, поход в спа был бы просто раем. Но прямо сейчас я просто хотела помыться, почувствовать себя снова чистой. Я уже и забыла, каково это. Как только я уронила свою укрепленную броню на пол, Вельвет Ремеди провела своим рогом над ней, счистив с неё кровь и грязь.

— Может быть, если будет время. Но я хочу использовать это время для того, чтобы пробраться в Башню Подковы.

Я угадала с местом, которое выбрал Анклав. Мы разглядели множество антенн на крыше. Ну и ещё Хищник, круживший наверху, было как бы довольно трудно не заметить.

Я посмотрела на своих спутников, новых и старых.

— Тайная операция. Войдём и выйдем.

— Агась, все твои детально разработанные "тайные операции" проходят именно так, — съязвил Каламити.

Игнорируя его, я продолжила:

— Я возьму с собой Ксенит и одного из грифонов, чтобы долететь до туда. И для того, — призналась я, — чтобы использовать облачные терминалы.

— Я пойду, — предложил Кейдж. — У меня аж перья чешутся от такого веселья.

Вельвет подошла к Каламити.

— Итак, насчёт этого плана...

Каламити улыбался, смотря прямо в её глаза.

— Ты хочешь обратить Вондерболтов? Помочь им осознать, что они сражаются не на той стороне? Дать им шанс стать героями?

— Агась, — сказал он. Его морда была в дюйме от её.

— Знаешь, часть меня говорит, что это... офигенно. — Она одарила его самодовольным взглядом и пододвинулась так близко, что,

наверное, они чувствовали дыхание друг друга. — И ты никогда ещё не был таким сексуальным...

— Ну вот и всё! — Я быстро вскочила на копыта, левитируя броню к себе. — Нам уже пора приниматься за дело!

Я выскочила за дверь, броня летела позади меня, а Кейдж с Ксенит галопом выбежали за мной до того, как эти двое начали целоваться.

Я ступила на край провала, образовавшегося за последние двести лет из-за того, что однажды не выдержали перекрытия потолка двумя этажами выше. Он обрушился вниз, проломив пол под собой, и вся огромная масса обломков устремилась вниз, разрушая нижние этажи один за другим. Уцелевшие половинки комнат создавали затейливую сотовую структуру вокруг образовавшейся каверны. Пылочки лениво плавали в этом огромном пустом пространстве.

Всё было таким, как я и запомнила. Когда я заглянула в яму, полную обломков, маленькая пони в моей голове напомнила мне, что где-то там внизу Пинки Пай устраивала свою последнюю вечеринку, навсегда затерявшуюся в шаре памяти.

Добраться сюда было... у-у-у, чёрт. И почему мой разум на слово "легко" сразу выдавал маффины? Казалось, из-под моей шкуры проглядывала Дитзи Ду. Нет, не в смысле гниения заживо.

После секундного внутреннего спора я сошлась на "легко". У Ксенит был её зебринский плащ-невидимка, я же использовала свой МГ СтелсБак II. Кейдж, конечно, здорово нас демаскировал, но мы обе постоянно мониторили пространство перед нами. Убеждаясь, что впереди чисто, Ксенит сбрасывала капюшон своего плаща, давая ему знать, что путь чист. Несмотря на то, что Кейдж был подростком, он не проявлял признаков нетерпения. Он был достаточно благоразумен, чтобы не рваться в бой раньше времени.

За исключением его собственных, острых как бритва когтей, грифон был вооружён только ножами из когтей адских гончих и клинками на крыльях. Первый грифон, которого я увидела (один из тех, кто принимал участие в атаке на поезд), был вооружён такими же. Я помнила, с какой лёгкостью он снёс ими голову пони. Но я боялась, что против пегасов в силовой броне они будут не столь эффективны.

Луч радужного света прочертил пустоту, ударяя в обломки разрушенного потолка, а также в стол, опасно свисающий над провалом. Стол растаял, стекая каплями в развалины внизу.

Ого, что-то новое.

Нырряя в укрытие, я включила Л.У.М. Мы были почти в той же самой точке, где стояли три аликорна, когда я была здесь в последний раз. А напротив нас, почти в том же месте, где тогда была я, находился штурмовик Анклава, который палил в нашу сторону из тяжёлого мульти-кристалльного боевого седла.

Я вытащила Малый Макинтош, наводя его на атакующего нас пони с помощью З.П.С., но вынуждена была нырнуть в сторону, когда луч его оружия расплавил моё укрытие.

С другого этажа к нам метнулось ещё два пегаса. Штурмовик же продолжал поливать нас огнём, не давая поднять голову, пока они заходили с флангов.

Первый гвардеец Анклава вышел нам в тыл через офис справа от нас. Кейдж преградил ему путь, помчавшись на закованного в броню пони со своими клинками наготове. Эта атака доказала, что мои страхи были одновременно и обоснованы, и напрасны. Его лезвия на крыльях лишь высекли искры из брони пегаски, не нанеся ей никакого вреда. Прямо перед тем, как Кейдж всадил свой нож в горло пони.

Уже когда с первым гвардейцем было покончено, несколько лучей ударили Кейджу в спину. Броня Когтей, которую он носил, приняла на себя удар, но один из выстрелов поразил его правое крыло. Юный грифон свалился с клеткотом, крепко зажмурил глаза, чтобы сдержать слёзы.

Вторая кобыла-гвардеец приземлилась этажом выше. Я слышала характерное клац-клац-клац, когда она сбросила гранаты через трещину в нашем потолке.

У меня был уже большой опыт общения с гранатами. Они отправились обратно вверх.

Согласна, не самая лучшая моя идея. Поскольку взрыв не только убил пегаску над нами, но и обрушил потолок на наши головы. Моя магия рассеялась, когда содержимое комнаты этажом выше посыпалась на меня. Что-то тяжёлое и обжигающее швырнуло меня на пол. Боль пронзила мои задние ноги.

Меня придавило переломанными половицами и расплавленными останками картотеки.

Кейдж укрылся в дверном проёме. Ксенит нигде не было видно. К счастью, я всё ещё была невидима, когда штурмовик напротив нас начал поливать нашу комнату магической энергией. От прицельного попадания обломки меня бы не спасли.

Я в отчаянии крутила головой, высматривая, куда упал Малый Макинтош.

Поток радужного света иссяк, когда штурмовик начал перезаряжать своё оружие. Мой револьвер внезапно упал на пол рядом со мной. Подарок от невидимой зебры. Я подхватила его своей магией и, используя заклинание прицеливания, снова поймала пегаса на мушку.

БАХ! БАХ! БАХ! БАХ!

"Сектор двенадцать чист!" — гаркнул голос из наушника. — **"Выжигание через девять минут."**

Когда в игру вошли Циклоны, это место потеряло свою значимость. Когда мы сюда прибыли, Анклав уже сворачивался. Хищник над зданием находился явно не для защиты.

У нас оставалось семь минут до того, как он откроет огонь и разрушит Башню Подковы до основания.

"Сектор тринадцать чист!" — отвечал другой голос.

СтелсБак иссяк. Но мы уже и так почти пришли.

Оставалась последняя комната под самой крышей: двухуровневый бар с просторным некогда залом. Теперь Анклав расположил здесь своё оборудование. Хорошая новость была в том, что наше проникновение ускорило эвакуацию. Они уже не пытались забрать всю свою аппаратуру и ограничивались лишь персоналом. А всё, что останется, они собирались доверить мощным орудиям Хищника.

"Сектор четырнадцать чист!" — отозвался первый голос. — **"Выжигание через десять минут."**

А плохая новость была в том, что эта комната определённо будет смертельной зоной. Потому как все оставшиеся сейчас в здании солдаты могли быть либо на крыше, либо в этом зале.

Я удостоверилась, что Малый Макинтош заряжен бронебойными патронами. Каламити скупил у Дитзи Ду все патроны для Малого Макинтоша, но даже несмотря на это, у меня уже снова почти закончились бронебойные. И отчасти я ненавидела анклавовцев за их использование энергомагического оружия — в их ящиках для боеприпасов никогда не оказывалось ничего для меня полезного.

Я кивнула двум моим товарищам.

— Готовы? Вперёд!

И я распахнула двери телекинезом. Заклинание прицеливания стало фиксироваться на всех замеченных солдатах. Большую часть помещения занимал мейнфрейм Анклава. Во все стороны от него змеились кабели, подползая к задним панелям облачных терминалов, светившихся экранами на близстоящих журнальных столиках. Чувствовался холод. На стене справа был ряд окон прямо напротив бара. Пара из них ещё уцелела, но большая часть была забита досками, причём весьма неумело. Стрелки Анклава стояли в охране: и внизу, и вдоль балкона верхнего уровня. Повсюду суетились, изредка приземляясь, в серой униформе офицеры и техники в жёлтом. Большинство спешило к лестницам.

Двое солдат стояло прямо в дверях. Они среагировали первыми. Но я была быстрее.

БАХ! БАХ! Один готов. **БАХ! БАХ!** Третий выстрел убил другого, четвёртая пуля вошла уже в труп.

Две пули в голову, каждому. На случай, если одна пройдёт мимо или её будет недостаточно. Два выстрела — и к следующей цели. Устоявших оставь Кейджу и Ксенит.

Феушшшшшшш!

Какой-то стрелок с балкона пустил ракету в нашу сторону. Я рванулась под защиту барной стойки. Кейдж переметнулся через неё ко мне, то ли прыгнув, то ли брошенный взрывом.

Ксенит на липких копытах пошла по потолку. Взрывом ей откинуло капюшон, местами она кровоточила из-за осколочных ран. Несколько солдат Анклава открыли по ней огонь, рассекая лучами воздух в призматичном светопредставлении. Старинные хрустальные люстры полетели на пол, приземлившись с почти мелодичным перезвоном. Ксенит удалось от всех них увернуться и спрыгнуть с потолка на перила балкона. Пока стоявший там боец перезаряжался и пытался прицелиться, зебра развернулась, стоя передними копытами на перилах, и зарядила ему крепким копытом в горло. Было слышно, как броня с хрустом вошла ему в глотку. Падая, тот пегас нажал на спуск, отправив ракету в неконтролируемый полёт. И та не замедлила взорваться на выцветшем полотне с кобылой в соблазняющей позе, висевшем в дальнем конце зала. Взрыв этот окончательно добил уцелевшие окна.

Влажный воздух раннего вечера ворвался внутрь, разгоняя дым.

БАХ! БАХ! Перезарядка. Заклинание прицеливания отключилось, но не надолго — я хотела выжать из него ещё хоть чуть-чуть.

Другая пони с мульти-кристалльным оружием отправила в сторону бара целую радугу огней, кроша и разбивая бутылки, расставленные на полках позади нас. Большая часть сосудов была пуста, но всё ещё полные шипели и взрывались, когда в них попадали лучи выстрелов, разогревая содержимое. Меня обдало горячими спиртовыми парами, и я закричала от боли. Кейдж, издав вопль, перескочил через стойку и бросился один на один к нападавшей, пока та перезаряжалась. Но пролететь моему компаньону подбитое крыло не позволяло.

Я постаралась прикрыть Кейджа, взяв под прицел какого-то стрелка-пегаса, целившегося в него своей сдвоенной энергомагической винтовкой, смонтированной на броне. **БАХ! БАХ!** Один мимо. Другой попал, но убойной силы оказалось недостаточно.

Но кобыла-солдат Анклава, к которой рвался Кейдж, оказалась на ничтожную долю секунды быстрее и, перезарядив оружие, успела выстрелить ему в грудь, в упор. Только её это не спасло. Кинжалы грифона, поразив сердце, глубоко прошли по её груди в тот же момент, как расплавилась броня Когтя. Крылатый наёмник со сквозной дымящейся раной в груди рухнул на пол. Я с ужасом смотрела, как затухал огонь в его глазах.

Нет! Чёрт подери, нет!

Тело в чёрной броне с громким треском выбило заграждения и выпало с балкона. Это была работа Ксенит. Я глянула на неё, но она снова стала невидима.

"Выжигание через восемь минут."

Раненый мною пегас укрылся за мейнфреймом. Я видела его тень, когда он принимал лечебное зелье. Тут же другой солдат пролетел по комнате и приземлился за колонной, поддерживавшей балкон у ближней стены. Третий солдат (кобыла) перевернула стол и, засев за ним, продвигалась по комнате, стараясь подобраться ближе ко мне. Она взвизгнула, когда стол зацепился за один из кабелей и перевернулся, открывая её.

БАХ! БАХ! Битва продолжалась.

Последний пегас, серый жеребец с длинными чёрными гривой и хвостом, поднял копыта, сдаваясь. Он был не солдат и не техник. На нём была серая офицерская форма, которая очень подходила к его шерсти. Единственный офицер, оставшийся, чтобы убедиться, что другие офицеры и техники успешно эвакуировались, пока войска Анклава пытались нас убить.

Уже убили одного из нас, тяжело подумала я. Я привела сына Гауды на смерть. Я не знала, как я собиралась сказать об этом его сестре. И я никогда больше не смогла бы посмотреть в глаза Гаудины. Но сейчас я винила не себя. Я винила Анклав.

— Назови мне хоть одну причину не пристрелить тебя, — буркнула я. — И постарайся, чтобы она была стоящей, потому что мне реально очень хочется.

— Ну я тут два варианта вижу, — ухмыльнулся пегас, — можете меня просто убить, а можете и получить, что хотели.

"Эвакуация завершена. Уходим," — объявил голос в моём наушнике. — **"Выжигание через пять минут."**

— Что это значит? — спросила я, левитируя Малый Макинтош к лицу офицера. На всякий случай я держала заклинание прицеливания наготове.

"Сэр, у нас всё ещё остался офицер внутри," — сказал другой пегас по военному каналу.

"Выжигание. Через пять минут!" — последовал холодный ответ.

— Ну я ж думаю, вы сюда пришли не пули крупом ловить, — стал объяснять офицер. — И мне кажется, то, что вам надо, именно в этом мейнфрейме. От только у вас сейчас осталось где-то четыре минуты, чтоб копыта отсюда унести, а единственный, кто у вас мог обращаться с нашим компьютером, уже вон лежит и остывает.

Блядь! Огненный геморрой Селестии! Кейдж умер ни за что!

— Так что давайте договоримся, — сказал офицер. — Вы меня отпускаете, а я загружу всё, что вам надо на этот твой Пип-что-эт-за-хрень-там-у-тебя.

— И с чего бы тебе предавать Анклав? — спросила Ксенит. — С чего бы тебе помогать нам?

— Ну, есть две причины, — ответил пегас, всё ещё улыбаясь, но с серьёзным тоном в голосе. — Первая — это то, что вы друзья Каламити. Я люблю своего младшего братишку и не шибко счастлив видеть его имя в списке подлежащих к уничтожению. И вторая — без умения летать вы в любом случае не выберетесь отсюда за три минуты.

Я хотела было остановиться и обдумать всё, что он сказал, но тут голос в моём наушнике сказал: **"Выжигание через четыре минуты!"**

— Ладно! — согласилась я, мотивируя пегаса выполнять обещание. Я решила довериться ему. Не из-за того, что он сказал насчёт

Каламити, а из-за того, что он не лгал о явном недостатке времени на побег.

— Ты же Виндшир, да? — спросила я, когда жеребец дошёл до ближайшего терминала. Каламити упоминал, что его самый старший брат был мастером связных технологий. — Ты был управляющим по связи здесь? — предположила я.

— Агась на оба вопроса, — ответил он, не отрываясь от работы. Я успела заметить пароль: "Служебный". — Ну, чего вам там надо было? Я, конеш, мог бы дать вам всё, но у нас на эт времени нема.

— Мне нужно знать, что Анклав намерен делать дальше и когда. — Шестерёнки в голове завертелись. — Какова вероятность, что сразу два брата Каламити будут задействованы по эту сторону облаков? — поинтересовалась я, когда пегас начал загрузку данных.

"Выжигание через три минуты!" Времени у нас было совсем в обрез!

— Думаю, сто процентов, — сказал Виндшир с улыбкой, отходя от терминала. — Они привлекли Отэм Лифа к операции "Выжигание", а он уж удостоверился, что оба его брата участвовали в "спектакле". — Серый пегас усмехнулся. — Чёрт, да это ж был единственный способ для Прайда выбраться за пределы Нейварро!

Я взревела, борясь с головной болью. Один из братьев Каламити возглавлял всю эту чёртову резню!

— Я сейчас должен уйти, — сказал Виндшир. — Но ты же передашь Каламити, что я его люблю, правда?

— Что любишь его? — спросила Ксенит. — Разве вы все не издевались над ним?

Виндшир пожал плечами.

— Дети же были

— Не аргумент, — топнула Ксенит.

— Слушай, Прайд так поступал, потому что ублюдком был. Хуже того, бездарным ублюдком. В отличие от Каламити, он был одним сплошным разочарованием для отца. Он так поступал вслед за Отэм Лифом. Он всегда повторял то, что делал Отэм Лиф, надеялся, что это прибавит ему уважения в наших глазах, — добавил Виндшир. — Но оно не прибавило.

Голос в моём наушнике снова заговорил:

"Выжигание через две минуты."

— Что я думаю про Отэм Лифа? Мы помним, каким был наш отец, пока мама не умерла, — сказал он, как бы извиняясь. — До этого он был лучше, не всегда вёл себя, как сержант во время муштры. Вместе с мамой мы потеряли и лучшую часть нашего отца... Нам было больно. Каламити просто не повезло оказаться рядом.

Виндшир снова пожал плечами. Затем полетел к одному из открытых окон.

Загрузка завершилась.

Я повернулась к Ксенит, обволакивая магией сначала её, потом себя. Затем галопом поскакала к окну.

"Выжигание через одну минуту," сообщил мне наушник, когда я выпрыгнула вон из разбитого окна.

Хищник был достаточно далеко, чтобы я не опасалась, что нас заметят. Стволы его огромных энерго-магических орудий, готовившихся открыть огонь, светились, как небольшие солнца.

Небо раскололось, воздух разорвался на части, когда множество сгустков оранжево-белой плазмы ударило по Башне Подковы. Каждое уцелевшее окно взорвалось потоком огня и осколков стекла.

Я отвернулась от этого зрелища, сосредоточившись на том, чтобы скорее удалиться от гибнущего небоскрёба. Пот уже тёк по моему лбу. Вопрос был в том, как далеко теперь я смогу улететь.

К Башне Тенпони мы возвращались по линии Селестии. Ксенит несла меня на спине. А я очень даже гордилась собой. Мне удалось пронести нас чуть больше мили, прежде чем напряжение и истощённые силы заставили приземлиться на одну из станций Четырёх Звёзд.

Гордилась и так... устала. Теперь вполне можно было и отправиться в спа с Вельвет. Да только поздно уже, спа будет закрыто. К тому же, меня ожидала встреча с Реджиной Грознопёрой.

Я с головой погрузилась в информацию, выданную Виндширом. Этот жеребец был верен своему слову. Дал лишь то, что я просила, и не больше.

Теперь Анклав сосредоточил усилия на двух самых серьёзных, на его взгляд, угрозах. И в первую очередь это был Красный Глаз. Они отследили его перемещения до самого Собора. Целый полк солдат патрулировал границы Вечнодикого леса, чтобы кибержеребец не сбежал. И через два дня "Громовержец" — Циклон под командованием полковника Отэма — должен был прибыть со всем вторым полком к Собору и стереть его с лица Эквестрии.

"Рассвет" направлялся на встречу с большой группой войск Анклава, дабы повысить боевую мощь перед атакой на Филлидельфию. И под атакой они подразумевали полную зачистку. Рабы, работорговцы, рейнджеры, мародёры... Анклав собирался убить всех и снести до основания все отстроенные Красным Глазом заводы просто на всякий случай.

И ведь он мог. Я уже видела, как их Хищник превратил Башню Подковы в груды камней и мусора.

Я не могла им это позволить.

И вдруг похолодела кровь, когда я увидела, кто вторая цель Анклава. Хомэйдж. Каким-то невероятным образом моя подруга считалась Анклавом второй по величине угрозой. К отчёту об этом прилагалась видеозапись. Я открывала её, слегка дрожа, и не знала, то ли от страха, то ли от злости.

Там было видео с камер наблюдения Хищника. Запись показывала, как Хомэйдж снесла башню Утёса Разбитого Копыта. Взрывная волна от звёздного бластера разрушала всё, с чем сталкивалась — она буквально разъела основание башни.

Им было невдомёк, что она могла так сделать только один раз. Они лишь увидели, что она это могла. И в их глазах это сделало её куда ужаснее Дитзи Ду. Поставило её почти на уровень Красного Глаза с его армией.

Странно, но я поняла, что больше не боялась и не сходила с ума от злости. Я гордилась. Гордилась моей прекрасной и опасной Хомэйдж.

И они понятия не имели, что с этим делать. Они считали, что посылая за ней новые войска, они рисковали навлечь на себя дальнейшее возмездие. Вроде разрушения ещё одной башни. Или нескольких. Поэтому они просто следили за ней.

Хотя, не совсем так. Они выдали лицензию на убийство группе, которой, по их мнению, действительно было по силам выследить и убить Хомэйдж, не дав ей возможности нанести ответный удар. Вондерболтам.

Каламити был прав — Вондерболты увязли в заседаниях. Но они должны были завершиться в течении ближайших шести часов. После чего наши охотники получали тридцать два часа на выполнение их текущих заданий. Затем им было приказано сосредоточить свои силы на уничтожении моей подруги.

Тридцать два часа.

Я надеялась, что они потратят их на то, что так отчаянно требовалось мне — на сон. Неужели эти пони не захотели бы урвать

немного времени, чтобы справиться после двадцати часов непрерывных заседаний? Набраться сил перед тем, как отправиться выслеживать и убивать пони?

Ксенит толкнула дверь в наши апартаменты и весьма бесцеремонно сбросила меня на пол. Я взвизгнула, приземлившись на свою ошпаренную спину.

Каламити тут же возник рядом, глядя на меня сверху вниз:

— Как всё прошло?

Я удивилась, что он всё ещё был в комнате. Или он уже вернулся в неё?

Следом подошел Лайфблум. Вельвет ожидаемо ахнула и бросилась заниматься нашими ранами, начав с истекающей кровью зебры.

— Виндшир шлёт тебе свою любовь, — ответила я.

Я содрогнулась, услышав женский голос из угла комнаты:

— А где Кейдж?

Реджина Грознопёрая уставилась на ноги её брата-близнеца. Затем она осторожно засунула их себе за пояс.

— Спасибо за то, что принесли их назад.

— Реджина, мне так жаль.

— Тебя не осталось, — проинформировала её Ксенит. — Анклав...

— Не смей даже упоминать этот чёртов Анклав! — рявкнула грифина.

В комнате стало пугающе тихо.

Наконец Каламити прервал тишину:

— И чё теперь?

Реджина Грознопёрая нахмурилась в ответ.

— В смысле "и чё теперь"? — спросила она грубо. — Моя работа ещё не окончена, разве нет?

— Так ты... Остаешься?.. — Вельвет Ремеди стояла с открытым ртом.

— Грознопёрые не убегают, поджав хвост, едва дело принимает серьёзный оборот, — фыркнула она.

Молоденькая грифина упала на пол. Она ещё не пролила ни одной слезы, но её глаза уже были влажными. Почти шёпотом, она добавила:

— Да и как я, чёрт подери, вернусь к Гауде и скажу, что отказалась от работы, убившей Кейджа?

Вельвет левитировала ко мне лечебные зелья, сняв с меня магией броню и начав осматривать моё тело на наличие ран. Как будто она нас никогда и не покидала.

— Итак, — сказала наконец Реджи, — что будем делать сейчас?

Ответил Лайфблум:

— Ну, лично я сейчас собирать вещи пойду.

— Что-то, ещё раз?

Единорог с красно-розовой гривой уставился на нас:

— Сохранить такое большое количество копий воспоминаний Каламити было лёгким заданием. Но насчёт твоей второй просьбы... —

Он повернулся к Каламити. — Мне жаль, но у Общества Сумерек просто нет пяти реколлекторов, чтобы выдать их тебе на копыта.

Вот этого я и боялась.

План Каламити заключался в том, чтобы разделить Вондерболтов, нейтрализовать их при помощи анестезирующего заклинания Вельвет Ремеди и парализующего удара копытом Ксенит, и подключить к реколлекторам, заполнить их головы своими воспоминаниями.

Воспоминаниями о том, как и почему он покинул Анклав. Воспоминаниями о хороших пони тут, внизу. О времени, проведённом со мной, и о тех хороших поступках, которые мы совершили.

И верить, что верх возьмёт их лучшая сторона.

Но проблема в том, что переживание воспоминаний, хранящихся в черном опале, занимает столько же времени, сколько пони прожил с ними. И Каламити хотел "скормить" Вондерболтам воспоминания о нескольких днях своей жизни. Очень важно было держать их всех в целостности и сохранности в это время, но если у нас не было достаточного количества реколлекторов, чтобы поймать их всех разом...

— К счастью, у меня есть способ лучше, — заявил Лайфблум. — Есть одно заклинание памяти, созданное Твайлайт Спаркл, которое позволит мне запихнуть все эти воспоминания в их головы в считанные минуты. Это не слишком приятно... — белый единорог покачал головой, — но это сработает.

— Эмм... Без обид, но ты хоть раз бывал снаружи Башни Тенпони? — спросил Каламити. — Там хреново.

Лайфблум взмахнул гривой:

— Да. Я немного знаком с внешним миром.

Для Общества Сумерек это было бы куда более существенным вкладом, чем просто выдача реколлекторов.

— Ты точно уверен? Последний, кто отправился со мной на задание, так и не вернулся.

Реджина тяжелым мрачным взглядом смотрела в никуда.

— Ты просила нас о помощи. И ты права, — Лайфблум смотрел на меня. — Это наша помощь.

Реджи поднялась.

— Ладно, и чего ж мы тогда ждём?

— Ну, — мягко сказала Вельвет Ремеди, — некоторым из нас нужно выспаться. — Она пыталась не смотреть в мою сторону. Я так и не сдвинулась с того места, где Ксенит уронила меня.

— Но недолго, — настояла я, всё ещё не двигаясь. Пол такой хороший. Просто выдайте мне подушку. — Мы должны выдвинуться раньше Вондерболтов.

Реджи посмотрела на пони (и одну зебру) вокруг неё. Паерлайт издала тихий, усталый крик, несмотря на то, что почти всю поездку она провела, дремля на крупе Вельвет Ремеди.

— Ладно, — проворчала она.

Мои веки тяжелели, но я заставляла себя держать их открытыми. Ещё одно "авось" нависло над нами, готовое свалиться нам на головы.

— Итак, — задал вопрос Лайфблум, — куда же мы направляемся?

— Нам нужно такое место, где эти Вондерболты не смогут пользоваться своим превосходством в воздухе, — заметила Реджи.

Вельвет закинула свою стильную гриву за спину. Очевидно, что она всё-таки сходила в спа, пока меня не было. Она выглядела

прекрасно.

— Ну, в Мэйнхэтене наверняка есть ещё Стойла кроме того, что под номером двадцать девять. Ты знаешь какое-нибудь пустующее Стойло неподалёку?

— Никаких Стойл, — отрезал Каламити. — Эти штуки — смертельные ловушки, если вы не заметили. Да даже если само Стойло не захочет убить нас, то Вондерболтам не составит труда просто закрыть дверь и завалить туннель. Или поступить, как Лилгип, и затопить его рекой.

Вельвет Ремеди съёжилась, глядя на меня с удивлением.

— Им даже река-то не нужна, — добавила Реджи. — Они ж пегасы. Им не составит труда создать дождь. — Она встряхнула головой, глядя на моего друга-пегаса. — Короче, под землёй вообще не вариант.

Ага, вот теперь этим "авось" нас и придавит.

— Ну так что, нам нужно место, где Вондерболты не смогут использовать свои лётные умения против нас, — медленно сказал Лайфблум. — И где мы сможем заставить их разделиться. Но это место снаружи?

— Агась, — убеждающе сказал Каламити. — И я как раз знаю прекрасное местечко...

Уии. Прямо сейчас и придавит.

— ...Вечнодикий лес.

Первые золотистые лучи рассвета начали заливать горизонт. Небесный Бандит выравнивался, летя в направлении к Надежде.

— Напомни мне, почему ты доверила Каламити составлять план? — спросила Ксенит. Она сняла свой зебринский плащ-невидимку и отдала его Лайфблumu. Ему он несомненно был нужнее. И мы не могли пойти на риск, давая возможность Вондерболтам прикончить нашего единственного пони, знавшего заклинание памяти. Или рисковать, что лес его прильёт. Или пожары. Или любой из отрядов Красного Глаза, который эти пожары и устраивал. Или патруль Анклава. Получается так, что мы все идём на смерть. Но это хотя бы будет захватывающая смерть.

— Ну, лично я горжусь им, — заявила Вельвет.

— Если мы направляемся в Вечнодикий лес, — сказала Ксенит, попутно вытаскивая древнюю, потрепанную книгу из седельной сумки, — то есть кое-что, что я должна рассказать тебе.

Я взглянула на книгу. Она была в старом кожаном переплёте, потрескавшемся и деформировавшемся. На обложке были нарисованы зебринские руны: одна большая и несколько мелких под ней. В последний раз я видела подобные знаки в Чёрной Книге.

— Откуда ты её достала? — с осторожностью и любопытством спросила я.

— От доч... От Сефир, — ответила наша подруга-зебра. — Когда-то она принадлежала моим бабушке и дедушке. Они буквально спасли её из хижины Зекоры в Вечнодилом лесу.

Ксенит открыла книгу, указав на странные руны.

— Ты никогда не задумывалась, из-за чего Вечнодикий лес стал таким странным и опасным местом?

Я кивнула, вспомнив заявление Каламити: в Вечнодикий лес не попало ни одно мегазаклинание, в нём не было радиации, не было порчи. Поэтому Красный Глаз и стремился превратить его в сельскохозяйственные угодья.

— Благодаря этой книге я наконец-то узнала причину, — загадочно произнесла Ксенит. — И она не новая, а очень древняя.

— И ты только сейчас нам об этом говоришь?

— Я получила эту книгу, пока вы развлекались в руинах Кантерлота. И мне потребовалось некоторое время на то, чтобы её прочитать. — Ага, "некоторое время", которое она должна была проводить, нянчась с Сильвер Белл. — И... её было не так просто прочитать. В ней было много вещей, которые я не хотела понимать.

Мы все приготовились слушать. Даже Каламити начал вертеть ушами, в надежде как можно лучше расслышать нашу беседу.

Что-то мелькало впереди нас. На горизонте был Вечнодикий лес. Всё ещё зелёный, всё ещё залитый дымом.

— Я... Я считаю, что мы могли и ошибаться насчёт Принцессы Луны и Найтмэр Мун, — призналась Ксенит, глядя в книгу. Зебра не хотела встретиться взглядом с кем-то из пони рядом с ней. — Они не одна и та же личность.

Вельвет вопросительно наклонила голову, а Паерлайт сомнительно заворковала.

— До войны, задолго до появления Пустошей... Более тысячи лет назад звезда упала в наш мир. И она упала в Вечнодилом лесу, рядом с тем местом, где жили Принцессы.

Я знала эту историю. Я прочитала её в дневнике Миднайт Шовер.

— Под влиянием упавшей звезды всё вокруг начало искажаться и деформироваться, — утверждала Ксенит. — Если верить записям Зекоры, даже малого её воздействия было достаточно, чтобы помочь тьме в душе Луны завладеть её телом. Только сила Элементов Гармонии смогла свести на нет то, что тьма сотворила с ней.

Зебра наконец-то оторвалась от книги.

— Простите меня, но то, что я сейчас скажу, может показаться дурным по отношению к вашей Богине. Селестия никогда не была такой сильной, как её сестра. Если её что-то сильно ранило, она убегала.

Я сердито посмотрела на Ксенит. Лучше бы она этого не говорила. Я была не рада такой внезапной и не слишком лестной оценке Богини Селестии.

— Она сошла с трона в середине войны, — напомнила нам Ксенит. — И это был не первый раз, когда Селестия отказывалась от чего-либо. После того как ей пришлось сослать сестру на луну, она сбежала из их замка, оставив их дом гнить в Вечнодилом лесу.

Ладно, это я понимаю. Да и кто мог винить её за это? Воспоминания, которые замок, вероятно, таил в себе... Они, должно быть, были слишком мучительными для кого бы то ни было.

— И она оставила Элементы Гармонии в замке, — продолжила Ксенит. — Просто... лежать там. — Ксенит уставилась в книгу. Судя по всему, она читала по этим рунам. — Элементы Гармонии, самые мощные из известных магических артефактов, лежали на своих пьедесталах, спрятанные в безопасном месте в ожидании искры, которая бы их пробудила. Прошли века. Замок обвалился и рухнул. Мох и вьюн начал прорастать сквозь пьедесталы с Элементами. И они были забыты, оставшись лишь в легендах да бабушкиных сказках.

— Так какое ж ужасное событие могло сделать Вечнодикий лес таким "безумным"? — с нетерпением подал голос Каламити. — Вроде это место не было таким ужасным до войны.

Ксенит покачала головой.

— Нет, мой крылатый друг. Оно стало таким задолго до этого. Злу просто нужно было время, чтобы прорасти.

— И что же заставило это Зло прорасти? — спросила Вельвет Ремеди. — Что могло сделать лес таким плохим, если не война? — Кажется, она купилась на это. Как по мне, так это всё просто безумная логика зебр.

— Прочитай эту книгу, — сказала Ксенит, — я пришла к выводу, что влияние звезды сдерживалось в течение тысячи лет. Но даже в то время лес был Злом, но не таким ужасным, каким мог быть, потому что кое-что, хранящееся в сердце леса, сдерживало его. Элементы Гармонии, даже заброшенные и в состоянии спячки, препятствовали распространению Зла... А потом их унесли оттуда.

Мои глаза снова уловили нечто, сверкающее в первых лучах рассвета. Оно было прямо перед нами, вблизи Вечнодикого леса.

— Что это?

— Это? — повторил Каламити. — Ты имеешь в виду вон то сияние?

Я кивнула. Затем, сообразив, что он не может меня видеть, произнесла "да" вслух.

— Там расположены Солнечные Батареи Надежды. Эти тарелки тока на рассвете собирают достаточно солнечного света, чтоб так светиться. — Он усмехнулся. — Прежде чем достичь Вечнодикого леса, мы пройдем прямо над ними, так что сможешь полюбоваться на них как следует.

Я кивнула ещё раз, на этот раз самой себе. Я обдумывала одну вещь, которую Каламити сказал об Анклаве.

— Эй, все, внимание. Послушайте меня. Мы планируем попытаться разделить Вондерболтов, но велики шансы, что при этом разделимся и мы сами. Нам нужно обозначить позицию для отхода.

— Думаешь насчёт этих солнечных батарей? — спросил Каламити. — Эт хоть и близко, но всё ж в нескольких милях от границы леса. Достаточно большое расстояние, чтоб пройти его в открытую. Особенно, если ты ещё и ранен к тому ж.

Проклятье. Думай. Думай. Ага, есть идея.

— Знаю. Есть одна ферма прямо на границе Вечнодикого леса. Она, по слухам, полна то ли мин, то ли призраков, то ли ещё чего, так что следует соблюдать осторожность. — Возможно, это была плохая идея. Но, по крайней мере, это был ориентир. — Подойти, но не входить. — Либо это, либо Домик Флаттершай. А мне совсем не хотелось заставлять Вельвет Ремеди возвращаться туда.

Остальные быстро согласились.

Мы продолжали наш полёт, изредка переговариваясь, пока Вечнодикий лес зловец вырисовывался всё ближе.

Я прекратила выглядывать в окно. Мне правда не хотелось видеть, как сокращается расстояние между лесом и нами. В глазах моих спутников я могла прочесть то же самое. Чувство неправильности происходящего и необъяснимого страха охватывало нас, словно вторая кожа. Запах дыма я почувствовала за минуту до того, как увидела его.

Это был плохой план.

Но Вондерболты уже были в пути. Они собирались прийти, чтобы схватить нас. И моя ПипНога вела их напрямиком ко мне. Если повезет, нам не придется ждать в лесу дольше нескольких часов.

Я посмотрела на Лайфблума. Он выглядел довольно неуместно среди нас. Хотя весь наш план строился вокруг его заклинания памяти.

Что-то щёлкнуло у меня в голове. Я шлепнула себя копытом по лбу.

— Позволь угадать, — сказала я, привлекая внимание белого единорога. — Ты посмотрел мои шары памяти первым, а затем с помощью заклинания памяти закачал воспоминания из них в других пони Общества Сумерек, не так ли? — Как же я была самодовольна, думая, что смогла занять их на несколько дней.

Лайфблум слащаво улыбнулся в ответ:

— Совершенно верно. — Затем нахмурился. — За исключением последнего, восьмого шара. Я убедил их, что он не содержит ничего такого, что им захотелось бы увидеть. — Я начала благодарить его, но он добавил: — И мне пришлось спешно вычищать ЭТО из своей памяти, чтобы вернуть себе душевное равновесие.

Вельвет Ремеди покатила со смеху. А я пребывала в растерянности, не зная, то ли вздохнуть с облегчением, то ли обидеться.

— А? — оживилась Реджи, подлетая ближе. — О чём речь? — Это были её первые слова за всё утро. И благодарить за это нужно было мою половую жизнь.

— Не твоё дело, — резко ответил Лайфблум.

Единорог пересёк салон фургона, усаживаясь рядом со мной. И шёпотом признался:

— Я не хотел тебя обидеть. Просто мы с Хомэйдж были друзьями долгое время. И я не хочу думать о ней таким образом.

— Внимание, пассажиры, — послышался голос Каламити, — если вы выглянете в свои окна, то с правой стороны вы сможете увидеть комплекс Солнечных Батарей Надежды. А если посмотрите вперёд, то сможете насладиться поистине потрясающей панорамой Вечнодикого леса. Для следующей части нашего путешествия мы опустимся на высоту восемнадцати метров над уровнем деревьев...

Я вскочила, устремляясь к окну. Справа внизу из земли выросли полдюжины бетонных башен, пять из которых венчали гигантские чаши, усыпанные изнутри битыми и обветренными зеркалами. Станный прибор вырос из центра каждой чаши, делая её немного похожей на цветок, а весь комплекс на огромный искусственный сад. Одна из чаш была сброшена со своей башни и лежала рабочей частью вниз на земле рядом с ней. Большая трещина змеилась в том месте, которым она ударилась об землю. Я левитировала свой бинокль, чтобы рассмотреть её поближе. Похоже, под перевернутой тарелкой какой-то торговец из пустоши обустроил себе дом с магазином.

— ...И я предлагаю вам укрыть ваши морды. Так как качество воздуха будет снижаться, чёрт возьми, довольно быстро.

Воздух становился плотным, едким и мутным. В качестве импровизированного респиратора Вельвет Ремеди передала мне шарф. Она весьма предусмотрительно закупила их сразу на всех. Ксенит достался шарф в красно-золотую полосу, который смотрелся на ней просто нелепо.

Мы почти добрались до границы леса, когда услышали шум грома позади. Обернувшись, я увидела, как пять шлейфов чёрного дыма, потрескивая молниями, взмыли в небо из Массива Солнечных Батарей Надежды.

Вондерболты.

Каламити, прокряхтев, напрягся и заработал крыльями изо всех сил, набирая скорость. А я, как только могла, старалась уменьшить его нагрузку, поддерживая фургон магией.

— Плохие из них охотники, — констатировала Ксенит, — никакой скрытности. Будто хотят, чтобы их видели.

— Да, хотят, — отозвалась Реджи, догнав нас. — При желании они могли бы напасть ещё когда мы пролетали над тем местом. Или даже раньше.

— Им сама погоня нравится, — хмуро предположила я.

— Или они специально нас загоняют в Вечнодикий лес! — ответила Реджи.

Сейчас под нами проносилась ферма с призраками, была видна взрытая местами почва. Только для меня это было похоже не на

последствия минных взрывов, а скорее на работу адских гончих.

Я подбежала к заднему окну, чтобы рассмотреть ферму, пока мы над ней пролетали. Во внутреннем её дворе, частично скрытый под брезентом, стоял анклавовский излучатель, очень похожий на тот из Старого Олнея.

— Вот срань!

Я подняла взгляд обратно. Полосы чёрного наэлектризованного дыма резко сменили направление и теперь шли прямо за нами, стремительно сокращая разрыв.

Под нами пошли деревья, скрывшие ферму. Мы были уже над лесом. Снизу стало отдавать сильным жаром, мир будто превратился в сплошную печь. Мы были над Вечнодиким.

Необычное чувство гнетущего страха набирало силу. Будто жуки бегали по костям.

А расстояние между нами и Вондерболтами становилось всё меньше и меньше, пока мы устремлялись вглубь леса. Я уже видела оранжевое пламя, бушевавшее на земле между деревьев и вдоль побережья реки, посеревшей от пепла.

Что за фигня? С этим "пейзажем" что-то в крайней степени не так.

Каламити вскрикнул, когда перед нами внезапно выросла скала. Он резко взял вверх, круто наклонив фургон. Все пассажиры кувирком полетели к задней стенке с окном без стекла и лесом вниз.

Ксенит ловко расставила копыта по краям окна, а мы с Лайфблумом плюхнулись поверх неё. Из-за краткой вспышки паники действие моей магии прервалось, и внезапная нагрузка чуть не утянула Каламити вниз.

БАХ!

Выстрелил кто-то из Вондерболтов. Одиночным, из чего-то, по звуку напоминавшего антимер-винтовку. В крыше фургона появилась дыра вместе с такой же напротив, в полу.

Я услышала странный хлопок.

И Каламити тоже. Крикнув в панике, он перетянул нас через край скалы, пока совсем близко под нами не показалась трава, а затем активировал механизм быстрого выпуска с криком:

— Покинуть фургон!

Ксенит сдвинула ноги и проскочила прямо в окно, мне с Лайфблумом пришлось за ней последовать. Паерлайт выскользнула в боковое окно, а Вельвет Ремеди вытолкнула себя из двери.

Ксенит приземлилась, ловко прокатившись по траве. Мне же досталось весьма не грациозное падение на более грубую лесную подстилку, мелкие камешки и редкая растительность которой успели одарить меня множеством ссадин на ногах и подбородке до того, как моё беспорядочное кувирканье прекратилось. Если бы мы не шли в основном на подъём...

Вельвет Ремеди ещё и земли не достигла, когда Небесный Бандит взорвался бесконтрольным фееричным выбросом магической энергии.

* * *

Я ковыляла на своих четырёх, осматриваясь вокруг в поисках друзей. Во рту стоял противный привкус меди, а ноги сводило судорогой. Было трудно дышать, так как при падении я отшибла себе живот и всю левую половину тела. Внезапно мир пошатнулся, и я, теряя равновесие, повалилась обратно на землю.

Разбросанные вокруг нас горящие куски были останками Небесного Бандита. Когда я смотрела на них, моё сердце разрывалось от боли, будто бы я потеряла любимого питомца или заветную реликвию.

Ксенит приземлилась неподалёку. Она потеряла свой шарф, но выглядела от этого как минимум не хуже, учитывая её падение из фургона сразу перед тем, как эта летающая бомба оправдала своё прозвище. Зебра была на ногах и в гораздо лучше форме, чем, я думала, мне ещё когда-нибудь доведётся быть. Ксенит встала надо мной и помогла снова подняться.

В этот момент над головой пролетел Каламити.

— Где остальные? — крикнула я ему.

— Впереди, на поляне, — крикнул он в ответ, прежде чем улететь дальше.

Я поковыляла вперёд на почти отказавших ногах. Мой бок чуть не стонал от каждого шага. Какое "везение": с нами двое медиков, но ни одного рядом со мной. Наверно, сегодня не мой день.

Ксенит помогала мне двигаться дальше, продираясь через заросли. Стоял невыносимый жар. Лёгкие разъедал дым. Но огонь сюда ещё не добрался. Я снова поймала себя на мысли, что здесь что-то сильно не так.

Я остановилась, оглядываясь по сторонам и пытаюсь понять, что же я чувствовала. Но нет, ничего.

— Ай! — взвизгнула я, когда ветка, которую отогнула Ксенит, освобождая себе проход, снова распрямилась, больно шлепнув меня по лицу.

Продираясь через последний кустарник, я внезапно воткнулась в круп Вельвет Ремеди. Отскочив от неё, я приземлилась прямо на свою пятую точку, а затем и вовсе растянулась на траве, когда разъехались мои передние ноги.

Я взглянула прямо перед собой в пространство между копыт Вельвет Ремеди.

На меня сурово уставился кролик.

Каменный кролик.

За каменным кроликом возвышался травянистый холм, а наверху поднималась большая и древняя плакучая ива. Грубая кора дерева была странного масляно-жёлтого цвета. Синяя лоза обвилась вокруг его корявых корней. Опущенные розовые ветви колыхались на ветру, которого я не чувствовала.

Дерево обрамляло грозное коричневое небо, задыхающееся от дыма. За деревом склон холма вёл вниз, в пожары Вечнодикого леса, и в огне выделялись тёмные силуэты грифонов Красного Глаза, поливающих землю жидким огнём из огнемётов.

Примечание: Максимальный уровень.

<<< ^^ >>>

Глава 42. В Огонь и Тьму

«Не подходи!!! Растения убивают!»

<<< ^^ >>>

— Ты.

Словно в трансе, Вельвет Ремеди шагнула в сторону плачущей ивы с маслянистой жёлтой корой и красивыми розовыми листьями.

— Это... ты...

Дерево скрипело и стонало, жуткий ветер развеивал розовые занавеси с печальным, скорбным шорохом. Мягкий, воздушный плач тронул моё воображение. Я была почти готова поверить, что ветер нёс в себе слова.

Не подходи!

Вельвет Ремеди медленно приближалась.

— Это же ты, правда? — произнесла она сдавленным голосом. Звучало это так, будто она была на грани срыва. Или крика.

Я поднялась с травы и взглянула на компас Л.У.М.а в надежде отыскать своих друзей, но ничего на нём не увидела. Мой Локатор повредился во время падения? Или я его вообще не включала? Взрыв Небесного Бандита всё ещё звенел в моих ушах, и размышления давались мне с трудом.

Крадясь так низко, что её живот касался травы, Ксенит приблизилась к каменному кролику. Осторожно протянув копыто, она дотронулась до статуи, а затем отдернула с такой скоростью, словно внезапно осознала, что окунула ногу в раскалённую лаву. Каменная статуя никак не отреагировала на её прикосновение и осталась стоять безмолвной и неподвижной.

Я включила Л.У.М. "Обнаружена новая передача," проинформировал он меня. Я опустила глаза на компас, который полностью светился красным. Будто бы сам лес был враждебен.

Позади меня раздался голос Каламити:

— Реджи, вот ты где! Не видела Лайфблума?

— Неа, — отозвалась грифина, в её голосе было едва различимое ехидство. — А разве он не тот, кому вы отдали стелс-плащ?

Ксенит вновь протянула копыто и толкнула статую. Та, закачавшись, упала. Зебра тут же отскочила назад. Её глаза округлились в испуге.

Ветер с шелестом пролетал сквозь листья, из-за чего они издавали какой-то потусторонний, загробный звук. Казалось, будто плакучая ива по-настоящему... плакала.

— Как... ты могла превратиться в... это? — спросила Вельвет почти жеребьим голосом.

Ксенит встала и подошла к упавшей статуе зайки. Со странно печальным выражением на лице она опустила голову, подобрала зубами статую и поставила её на место.

— Зайка Смерти, — сказала она наконец. — Куролиск превратил его в камень. Достойный конец достойного соперника.

Только куролиск может обратить свою магию, вспомнила я. Тот, который заставил зверька Флаттершай окаменеть, уже давно умер, не от оружия, так от старости. И с тех пор он стоял здесь. Недвижимым, непоколебимым камнем.

Ксенит склонилась перед Энжелом.

— Зайка Смерти, защитник Флаттершай навеки.

Поднялся ветер, казалось, срывавший с ветвей дерева призрачные стоны, полные страдания и невыразимой скорби.

— Я тут, — отозвался Лайфблум, стянув капюшон стелс-плаща со своей головы. — Надеюсь, никто не пострадал?

— Никто, но спасибо, что спросил, — ответила грифина с сарказмом.

Изогнутое, масляно-жёлтого цвета дерево скрипело. Маленькие синие лозы находились в постоянном движении, извиваясь вокруг кривых корней ивы. Мне вновь показалось, что мягкий, полный боли вой складывается в слова:

Не подходи!

Вельвет Ремеди шагнула вперёд.

— Не подходи! — завопила Ксенит, делая рывок к Вельвет Ремеди и толкая её с такой силой, что кобыла пролетела несколько ярдов и остановилась на другом конце поляны.

Синие лозы вырвались из земли, поднимая фонтаны травы и грязи. Извивающиеся отростки кошмарного плюща бросились к своей жертве. Один из них полоснул Ксенит.

Неожиданно Ксенит разразилась потоками крови.

Казалось, тело зебры взорвалось тошнотворными сгустками тёмно-красного. Это выглядело так, будто с её тела срезали каждую полосу, оставляя раны, зияющие кровью и мясом.

Теперь стебли смертоносного растения направились к Вельвет. Зебра упала на землю с влажным хлопком и едва различимым стоном, земля под ней быстро начала багроветь от крови.

У меня не было времени на размышления. Действуя инстинктивно, в отчаянии, я использовала то, что в любой другой ситуации использовать бы не решилась. Кровь Ксенит поднялась из травы, капая вверх, кружась. Если я могла сформировать из неё меч, значит я могла сформировать из неё любую удобную мне форму. Я обернула Ксенит её собственной кровью, делая как бы слепок её тела, оставив открытой лишь морду, чтобы зебра могла дышать.

— ...убийственная шутка... — слабо простонала она, — ...держишь подальше... — Зебра, спасая жизнь Вельвет, потеряла сознание.

Только сейчас неземной ужас, пропитывавший всё в лесу, проник и в мой разум. Страх стал осязаемым, удушающим.

Алая энергия окутала Вельвет Ремеди, поднимая её над землёй как раз в тот момент, когда лозы разорвали землю там, где она стояла всего несколько секунд назад. Стебли, напавшие на Ксенит, теперь обратили своё внимание на меня.

Я замерла, всего на мгновение, уставившись на извивающуюся волну синего, хлещущую по поляне своими щупальцами. Потом я услышала выстрелы. Это был не Каламити, я знала звук его боевого седла. Да и пегас был не настолько глуп, чтобы пытаться убить растение из огнестрельного оружия. Значит это была Реджи. Сперва действует, а потом думает.

Джоукблу? Какое смешное имя. Откуда оно?

Врождённый дефект, — с грустью отвечала мне Хомэйдж. — *На её мать напала "убийственная шутка" во время беременности. Большая удача, что хотя бы одна из них выжила.*

Ксенит видела угрозу и осознавала её. *Иногда мне кажется, что я земная пони и мои полосы — это на самом деле большие раны.*

Растение каким-то образом образовало слово Ксенит против неё самой. Внезапно я поняла, откуда взялось название растения. Это была шутка — плохая, извращённая, злобная шутка. Вечнодикий Лес был домом передвигающемуся агрессивному жестокому растению, переполненному магией трансформации.

Синие лианы ударяли о воздух, скользили по земле, соприкасаясь с полем мерцающего света, возникшего между ними и мной. Это было заклинание щита Вельвет Ремеди. Лианы несколько секунд бились об щит, не способные его пробить, после чего снова зарылись в землю.

Я спросила у себя, что говорила я ранее. После Арбы в мыслях я называла себя монстром. Говорила ли я это вслух? Если да, то что сделает эта убийственная шутка? О Селестия, называла ли я себя бессердечной?

— Литлпип! — закричала Вельвет Ремеди. Задымленный воздух вокруг нас стал забавно алым и наполнился искорками, как будто я смотрела на мир через красный воздушный шарик, обсыпанный блёстками. Трава ушла из-под моих копыт, и я почувствовала, что теряю вес. Взглянув вниз, я успела увидеть, как синий плющ пробился сквозь траву в том месте, где я только что стояла, быстро заполняя собой всю поляну.

Лайфблум сорвался с места, галопом направляясь вглубь леса. Его рог светился алой энергией, левитируя Вельвет Ремеди, меня и тело зебры перед собой. Всех нас окружала защитная сфера, сотворённая Вельвет. Паерлайт, не отставая, летела над нами, ловко лавируя между ветвями деревьев, пытавшимися цапнуть её.

— Что за чертовщину ты там сотворила, Литлпип? — обратился ко мне Лайфблум со странным тоном в голосе. Он перепрыгнул через упавшее бревно, покрытое кочками тёмно-зелёного мха. Земля под бревном разверзлась, синие лианы обернули его, стремясь достичь нас. — Что это ещё за заклинание такое?

— Крайняя мера, — ответила я. Вельвет Ремеди, не теряя времени, начала лечебными бинтами мумифицировать вплоть до самой морды залитую кровью Ксенит. Вельвет не могла сдержать подступавшие слёзы.

Ещё больше стеблей синей лозы вырвалось из-под земли перед нами, сплетаясь между деревьями, подобно паутине.

— Я займусь ими! — крикнула Реджи, бросаясь вперёд. Её пистолеты уже покоились в кобурах, а в когтях она сжимала ножи своего брата.

Я запаниковала.

— Нет! — крикнула я. — Не дай им дотронуться до тебя!

Мое сердце ёкнуло, когда грифина притормозила.

— Дай я! — крикнула я, оборачивая оружие её брата своей магией. Реджи кивнула, отпуская клинки, позволяя моей магии направлять своеобразный взнос её брата в наше выживание. Ножи пронеслись сквозь воздух под моим контролем, разрезая синие лианы и расчищая путь.

Лайфблум бросился через образовавшуюся прореху, перепрыгивая через перерезанные отростки синего плюща. Вокруг нас было полно корявых, изуродованных деревьев и растений странных оттенков. Некоторые деревья толстым слоем покрывал чёрный мох, придававший им зловещие очертания. Но я не обращала на это внимания и следила, не появятся ли где ещё проклятые синие щупальца. Я уже видала раньше дохлые побеги "убийственной шутки" в спальне Флаттершай. Но здесь эта гадость была повсюду.

Везде... но я подозревала, что убийственная шутка, там, на поляне, откуда мы сбежали, была хуже всего. Это место было ловушкой И Флаттершай (сейчас я уже была уверена, что эта маслянисто-жёлтая плакучая ива была раньше Кобылой Министерства Мира) была её наживкой. И, что ещё более ужасно, её жертвой. Говорила ли Флаттершай когда-нибудь, что хотела бы быть деревом? Или неудачно пошутила о том, что хотела бы пустить здесь корни? Чёрт, да она могла просто сказать, что хочет начать всё с чистого листа!

Тёмные ветки проносились мимо нас. Дым становился всё плотнее. Лайфблум начал кашлять и замедлился, так как смена направления ветра прикатила с собой волны жара. Мы направлялись прямо к огню. Я могла видеть яркие оранжевые проблески между толстыми деревьями в глубине леса перед нами.

— Тут нам не пройти, — сказала Реджи, когда я вернула ей ножи Кейджа. Лайфблум повернул в другую сторону.

Три струи искрящегося чёрного дыма пролетели мимо нас. Я наблюдала за тем, как Вондерболты пролетели мимо, разделились и начали разворот.

— Аа чёрт! — взвыл Каламити, пнув рычаг для переключения боезапаса на своём боевом седле.

Самые "скрытные" убийцы за всю историю мира.

Но они же были не убийцы, так? Никто не называл их убийцами кроме пони в моей голове, да и она давала им совсем не ту роль. Нет, Вондерболты совсем не были скрытными. Да и когда вообще Анклав пытался заморачиваться с тонкостями? Скрытность — это не в духе Анклава.

Судя по всему, что мы видели, Анклав действовал в рамках лишь одной военной философии: шок и трепет. Ошеломляющая и устрашающая демонстрация превосходящей силы и навыков, призванная обезоружить, деморализовать и обратить врага в бегство. Хоть Анклав и изгнал Рэйнбоу Дэш, они всё равно пользовались созданной ею тактикой. И Вондерболты были их лучшими и самыми прославленными охотниками. Не потому, что их методы отличались от анклавовских, а потому, что они были самим воплощением шока и трепета.

Они прижимали нас к земле, ослабляли, перед тем как убить, заставляли паниковать.

Дым колотил мои глаза, словно кинжал. Лайфблум снова зашёлся приступом кашля, на этот раз с настораживающим хрипом в горле. Мы не могли бежать дальше, а сбежать от Вондерболтов — тем более. Сама идея сражаться с ними в этом проклятом лесу становилась всё безумнее с каждой минутой.

А лес всё никак не хотел кончаться.

Дым заставлял Вондерболтов держаться ближе к кронам деревьев. Они могли отследить меня по метке, но не остальных членов нашего отряда. Даже заклинания прицеливания их брони фактически были бесполезны в Вечнодикум лесу. На любой дистанции мои спутники просто смешивались с морем красных меток, отмечавших всё чёртово окружение.

Тройка Вондерболтов теперь двигалась медленнее и ближе, достаточно близко, чтобы я смогла отличить пони от инверсионного следа. Они носили модифицированные версии стандартной магической силовой брони Анклава, их гривы выходили из отверстий на затылке шлемов, мордочки их были видны через прозрачные респираторы. У остальных частей брони был схожий дизайн, только тёмно-синего цвета и с золотой филигранью в виде молнии.

Лайфблум снова понёсся вперёд, стараясь максимально увеличить дистанцию между нами и поляной с убийственной шуткой. Тройка Вондерболтов (тройка? Разве их было не пятеро?) почти настигла нас, когда тёмные силуэты посыпались с верхушек деревьев между нами. Это были рептилии, вроде миниатюрных драконов, с кожистыми крыльями, противными когтями и странными головами с клювом и злобными красными глазками.

Одна тварь полетела прямо на встречу одной из Вондерболтов, словно проверяя её на смелость. Элитная летуния Анклава не вздрогнула и даже не думала менять курс. Как и само существо. Но в последний момент, вместо столкновения, грозовой след кончился, Кобыла-Вондерболт начала падать вниз, а существо пролетело мимо. Оно превратило её в камень.

Куролиски.

— Джет! — одновременно воскликнули оставшиеся Вондерболты.

Лидер Вондерболтов с огненной гривой без промедления развернулась в воздухе и пересекла собственный след. Из облака дыма в куролиска с силой ударил разряд молнии, и он с пронзительным криком рванул прочь, унося подальше свой опалённый хвост, вслед за которым тянулась тонкая струйка чёрного дыма.

Ещё четыре куролиска бросились с деревьев. Я услышала, как Каламити открыл огонь из своих винтовок, и ещё один чудовищный крик издала уже его цель, упав на землю разбитой и окровавленной. Вторая тварь развернулась к Каламити, только чтобы быть сбитой вспышкой изумрудного и золотого. Паерлайт выпустила когти в свою чешуйчатую, опасную добычу и дохнула огнём.

Я левитировала лечебное зелье из седельной сумки Вельвет и попыталась осторожно влить его в горло Ксенит. Её рот был полон крови, а лечебные повязки были исполосованы тёмно-багровым в тех местах, где мой кровавый кокон треснул и разошёлся.

Выстрелы ведущей Вондерболтов раздались над моей головой, её рыжая грива развевалась на ветру. Пролетев мимо нас, она стремительно развернулась и устремилась назад. Потоки розового света отделились от её боевого седла и полетели в нашу сторону, разрывая кусты и деревья. Несколько магических зарядов разбилось о щит Вельвет Ремеди, оставив на нём небольшую рябь, как от камня, брошенного в воду. Это напомнило мне небо над Кантерлотом из Шара-Бабочки.

Заклинание Вельвет рассеялось под обстрелом, продержавшись, однако, достаточно долго, чтобы мы успели укрыться под кронами деревьев, прежде чем один из нас пал бы под обстрелом пегасов. И теперь, когда щит спал, нас окутали злоедающий треск и жар горящего леса перед нами.

Реджи достала свои пистолеты и одновременно стреляла из обоих по двум куролискам. Одного, которого подбил Каламити, она прикончила, а второму, который, кружа, летел к Вондерболтам, прострелила крыло. Она направила на него второй пистолет, но не успела спустить курок, как... голова монстра взорвалась, а в воздухе повисло облачко крови. **БАМ!** Его пристрелили не мы. И не витавшие в небе над нами Вондерболты. Очевидно, это была работа элитного снайпера Анклава, который вместе с другим пегасом из отряда находился вдали, но принимал активное участие в погоне.

Ещё один куролиск схватился с Паерлайт; крутясь и извиваясь, он пытался повернуться так, чтобы заглянуть жар-фениксу в глаза. Как бы Паерлайт ни сопротивлялась в ответ, как бы ни била куролиска своими лапами, её когти все равно были бесполезны против жёсткой шкуры монстра и оставляли на ней лишь мелкие царапины.

Мне вновь захотелось, чтобы СтилХувз был с нами. Бывший Стальной Рейнджер мог бы задать жару Вондерболтам. И он бы легко справился с убийственной шуткой. И он ни за что бы не отказался от возможности отомстить за одну из лучших подруг Эпплджек.

Вельвет Ремеди вновь окружила нас своим щитом, бусинки пота стекали по её лицу. Похоже, что она начинала уставать. Именно этого и добивались Вондерболты. Я видела слёзы, струящиеся по её лицу, и что-то мне подсказывало, что они были не из-за едкого дыма.

— Чёрт возьми! Мы должны перестать от них бегать и дать им бой! — прокричала я сквозь рёв пожара и звуки битвы. — Разделяй и спасай. Помните?

— Нам необходимо вернуться, — неожиданно заявила Вельвет Ремеди.

— Что? — уставился на неё Лайфблум, вторя моим мыслям. Вернуться на поле, полное пыток превращениями и смерти?

Вельвет повернулась ко мне. Её пропитанные слёзами глаза были полны решимости и, в то же время, мольбы.

— Мы должны спасти её!

Спасти кого? ...Ох! Мои глаза расширились, когда я поняла, кого хочет спасти Вельвет Ремеди.

Мелодия разрывов магической энергии заставила меня обратить своё внимание вверх. В просветах между деревьями я могла наблюдать эпизоды воздушного боя Каламити с огненногривой кобылой-Вондерболтом.

Броня и боевое седло Каламити были сплошь покрыты подпалинами. Левую заднюю ногу он поджимал под себя, словно она была повреждена. Но нанести по нему разящий удар элитному бойцу Анклава никак не удавалось. Будучи куда лучшим летуном, чем Каламити, она кружила вокруг него, предугадывая каждый его манёвр. Но лес играл злую шутку с её З.П.С., а без заклинания прицеливания она не могла похвастать той же меткостью, которой славился Каламити. К счастью для Вондерболта, в планы Каламити не входило убивать её. Я знала, что он просто пытался увести её подальше от остальных, где Вельвет Ремеди или Лайфблум могли бы сбить её своими заклинаниями.

Глубок, сплетённый из чешуи и перьев, пронёсся через лес мимо нас. Куролиск сумел наконец высвободиться из объятий Паерлайт и, извиваясь, пытался заглянуть ей в лицо своим обращённым в камень взглядом.

Паерлайт плюнула в него сгустком пламени, который проник твари в глаза и выжег ей мозг.

Я попыталась влить Ксенит в рот ещё одну порцию лечебного зелья. Её морда перестала кровоточить, покрываясь тёмно-красными струпьями. Дыхание Ксенит всё ещё было прерывистым, но всё же более ровным (как мне казалось), чем мгновением раньше.

Земля неожиданно вспучилась под Лайфблумом. Ужасные воспоминания о смерти СтилХувза пронеслись в моей голове, когда адская гончая выскочила из-под земли прямо под единорогом. Псина немного запоздала с броском, её шлем ударил Лайфблума в живот, подбрасывая его вверх, и огромные когти полоснули лишь пустой воздух. Магия Лайфблума рассеялась, выронив нас, а сам он, скатившись по закованной в броню спине гончей, свалился на разрытую землю позади неё, ошеломлённый ударом.

Взывая к своему телекинезу, я обволокла им бессознательное тело Ксенит, чтобы предохранить её от удара о землю, сама при этом шлёпнулась в заросли папоротника у подножия деревьев. Одно из растений хлестануло меня по глазам, заставив зажмурить один из них от боли. Я тут же развернулась, чтобы оглянуться назад.

Адская гончая удивлённо моргнула, пытаясь понять, что же пошло не так, а затем развернулась, заноса когти над ошарашенным единорогом. Ранки, фонтанирующие кровью, внезапно появились на её груди, шее и прямо под правым глазом. Это Реджи пронеслась над ней, паля одновременно из обоих своих модернизированных Каламити пистолетов так быстро, как только позволяли спусковые крючки. Бронебойные пули легко пробивали броню гончей и входили в её тело; всего три из них ушли в молоко. Адская гончая упала как подкошенная.

Тело Ксенит опустилось в заросли папоротника прямо передо мной, бережно поддерживаемое моей магией. Где приземлилась Вельвет Ремеди, я не знала. Треск оружия снайпера Вондерболтов расколол небо. Я надеялась, что пегас целился в куролиска.

Примерно в десяти ярдах от нас ещё три адские гончие рванули с земли и вприпрыжку бросились к нам. Их энерго-магические винтовки болтались на ремнях за их спинами.

Земля подо мной задрожала. Земля может немного дрожать, и это единственное, что может тебя предупредить, прежде чем они начнут рвать тебя на части. Моё сердце замерло. Подо мной была адская гончая!

Я была ещё жива, хотя должна была уже погибнуть за то время, пока об этом думала.

Лайфблум встряхнулся и побежал ко мне. Мне показалось, я слышала, как то же сделала и Вельвет Ремеди. А сверху Паерлайт бросила свою жертву и прорывалась через деревья к своей любимой единорожке.

Призраков не существует. Просто мины.

Так думала Дитзи Ду насчёт той фермы с призраками. Я в мгновение ока вспомнила тактику адских гончих в Марипони. Вот почему трое других гончих обнаружили себя так далеко.

— Стойте! — крикнула я. — Назад! Мины!

Я обволокла левитационным полем себя и Ксенит.

Трое адских гончих остановились и укрылись за деревьями, доставая своё оружие. Лайфблум накинул капюшон зебринского плаща и растаял.

— Замри, Литлпип! — пронзительно закричала Реджи. — Она сработает, если ты сойдёшь с неё!

Фиолетовый луч пронзил мою усиленную кантерлотскую броню, полоснув по боку, словно ножом. Броня поглотила большую часть магической энергии, но не спасла от вспышки жгучей боли. Но физическая боль отошла на второй план, когда я поняла, что выстрел пришёлся прямо в мою кьютимарку, возможно, нанося ей необратимые повреждения. Я взвыла. Я никогда не любила свою кьютимарку, но мысль о том, что я могла навсегда потерять её, пусть даже и на одном боку, была невыносимой.

И это всё, что я могла сделать, чтобы удержать себя от желания немедленно скинуть броню и посмотреть, что натворил выстрел адской гончей. Голосом, полным отчаяния, я крикнула Реджи:

— Мы не можем оставаться здесь! — Нам нельзя было стоять на месте. Мы должны были двигаться очень-очень быстро.

— Просто сделай вас двоих невесомыми, — заорала Реджи в ответ, ныряя за камень, который укрыл её от выстрелов адских гончих. — Я взлечу и вытащу вас в мгновение ока...

Ослепительный взрыв света наверху привлёк всеобщее внимание, делая задымленное небо похожим на пылающий костёр. Рыжая бесформенная масса с оранжевым хвостом спикировала в крону ближайшего дерева, оставляя за собой дымный след.

— Каламити! — пронзительно вскрикнула Вельвет Ремеди. Паерлайт тут же полетела на её голос. С ближайшего дерева к ней наперерез сорвалась отвратительная рептилия с чёрной чешуёй. Жар-феникс дернулась к ней, чтобы рассмотреть нового противника, но мгновенно обратилась в камень и рухнула вниз.

Вельвет отчаянно закричала. Реджи развернулась в воздухе, быстро прицеливаясь. *Только куролиск может обратить свою магию.*

— Нет! — заорала я скрипучим от дыма голосом. — Не убивай его! Он нам нужен живым! — Последнее моё слово перебил приступ кашля.

Трое уже были не бойцы. Мы проигрывали.

Даже четверо, если считать маленькую пони в моей голове, которая только и могла, что метаться в отчаянии и рыдать: "Моя кьютимарка! Моя кьютимарка!"

Куролиск встал на крыло, разворачиваясь обратно к нам. Но как только он заметил меня, его сбил магический удар с рога Рельвет Ремеди. Тело перестало его слушаться, и куролиск шлёпнулся о ветку дерева. Затем обмякшее тело сползло с ветки и упало в пурпурного цвета папоротник.

Одна из адских гончих продолжала стрелять, не давая Реджи поднять голову, в то время как две других подобрались ближе и спрятались за деревьями. Они открыли огонь, когда их компаньон вышел из укрытия. И вдруг земля под ними пошла трещинами, из которых потянулись ярко-голубые нити, тут же схватившие за лодыжку пса позади...

От адского пса остались только лежавшие на траве шлем и винтовка. Теперь на этом месте стояла ошеломлённо моргавшая земная пони. У неё была струящаяся пурпурная грива, покрывавшая её жемчужно-белую шерсть. И у неё не было кьютимарки, как заметила маленькая пони в моей голове.

Земная пони закричала, выпучив глаза.

Две другие адские гончие обернулись, чтобы увидеть, кто к ним подкрался. Они набросились на пони с такой бешеной яростью, что только когти сверкнули.

Действуя инстинктивно, я телекинезом оттолкнула её назад. Адские гончие столкнулись друг с другом. Это было почти забавно. Пони тем временем, воспользовавшись ситуацией и с криком побежала в лес.

Адские гончие вскочили и бросились в погоню. Множество голубых отростков вырвалось из-под земли, стараясь достать их, но гончие оказались слишком хорошими бегунами.

Я была ошарашена. В моих мыслях возникла сцена, в которой адский пёс невзначай говорит своим братьям: "Иногда мне жаль, что я не пони" ...ну, или что-то типа этого. До меня дошло, в чём была шутка. Почти смешно. Ха-ха, пусть тебя убьёт твоя же семья. И правда, почти смешно, только чертовски ненормально.

Врождённый дефект. На мать лучшей подруги Хомэйдж напала убийственная шутка во время беременности. Вероятно, убив её, и навсегда поселив ужас в сердце ещё не рождённого жеребёнка. Ко мне пришло отвратительное осознание того, что растения, наверное, сделали что-то, из-за чего мать умерла при родах. Так они убили её в самый лучший день её жизни и навсегда лишили Джоукблу её матери.

Я поняла, что ненавижу эти растения. Не просто боюсь, а ненавижу и чувствую непреодолимое отвращение.

Я почувствовала сильный рывок, когда когти Реджи глубоко вошли в мою броню. Другая её когтистая лапа поднимала Ксенит, уцепившись за её седельные сумки. Земля подо мной размылась в стремительном движении, прежде чем разразилась разрушительной магической энергией.

Реджи опустила нас на землю в десятке метров от взрыва магической бури. Почти сразу же появился Лайфблум, его рог засветился, наложив лечебное заклинание на Ксенит. Я поняла, что мы окончательно потеряли след Вондерболтов.

— Это... плохо, — простонала я. Что они вообще сейчас делали? Почему они перестали на нас нападать?

— Ты! Расколдуешь! Её! Сейчас же! — зарычала Вельвет Ремеди, чуть не задушив только что очухавшегося куролиска своей магией, тыкая его в окаменевшую Паерлайт, лежащую на траве. Куролиск издал жалобный, пронзительный крик. Тело Паерлайт медленно начало покрываться перьями и кожей. Каменный слой как будто смыло.

— Не дайте... этому... гадёнышу... сбежать... — раздался голос Каламити.

После чего его обладатель со стоном грохнулся с дерева. Шкура Каламити обгорела, а в некоторых местах сгорела совсем, обнажая покрасневшую, пузырящуюся кожу. Его шляпа сгорела наполовину, а остатки гривы всё ещё тлели. Мой самый дорогой друг был в агонии.

Мои нервы закрыли в сочувственной боли при виде его. Я ахнула, прикрыв рот копытом.

— Ебанутая... использовала, блять, Пиратскую Вспышку как оружие... — сетовал Каламити сквозь сжатые зубы. Вельвет Ремеди бежала к нему с буксируемым позади куролиском, надеясь на то, что на этом маленьком куске минного поля было безопасно. Я чувствовала жар от огня и пожаров своей шерстью и кожей, и я даже представить себе не могу, насколько сильно он мог усугубить раны Каламити.

Осторожно, как будто каждый мой шаг мог причинить ему ещё больше боли, я приблизилась к Каламити.

— Ты в поря... — Я успела остановиться до того, как задала самый тупой вопрос во всей Эквестрии. Вместо этого я повернулась к Вельвет: — С ним всё будет хорошо? — Угольная единорожка доставала сильное зелье восстановления. Одно из последних. Часть меня подумала, что Ксенит, вероятно, оно будет нужнее. А другая часть меня захотела врезать той первой части за то, что та вообще могла такое подумать. Я должна доверять Вельвет и надеяться на то, что лечащее заклинание Лайфблума будет лучше наших зелий.

— Ни следа наших пернатых "друзей", — высказалась Реджи, приземлившись рядом с нами. — Но полоса огня менее чем в ста метрах от нас, и грифоны Красного Глаза направляют её. Я считаю, что Вондерболты перегруппировываются. Лес вынес одного из них ещё до того, как они вообще начали сражаться с нами, поэтому они наверняка решили переосмыслить свой план, вместо того чтобы пытаться драться с нами там, где они могут привлечь отряды Красного Глаза.

Слава Селестии! Мы нуждались в передышке, пусть даже и в очень короткой. Но ещё больше нам нужно было убраться в безопасное место. Высокая температура истощала наши силы почти так же, как и битва. Дым жёг мои глаза и глотку, из-за чего мне было трудно дышать. Наша битва с Вондерболтами развернулась на три фронта, и побеждал сейчас Вечнодикий.

Я очень хотела подойти к ним, размахивая белым флагом над головой, и сказать: "Приветик? Слушайте, я знаю что мы все решили сразиться в Вечнодилом лесу (надеясь на то, что сможем использовать местность друг против друга), но мы поступили глупо. Подумайте, может, мы могли бы сделать маленький перерывчик, пока сваливаем из убивающего пони леса?"

Но само собой, это просто не могло случиться. Им не нужна была помощь для того, чтобы выбраться из Вечнодикого леса, им достаточно было подняться в воздух. Чёрт, если бы они хотели, они могли бы просто дождаться, пока мы сами не выйдем. Может, поэтому мы и не видели их. Может, они сами додумались до того же самого.

Блять.

Земля переливалась под нами. Вельвет Ремеди распространила свое защитное заклинание на весь участок, занимаемый нами, создавая барьер от убийственной шутки. Но та пока нас больше не беспокоила. Лайфблум предположил, что её мог напугать взрыв мин (хотя выражался он по-другому, говоря что-то про то, как они находят своих жертв, улавливая вибрации и ещё что-то в этом роде). Я же придерживалась своей дикой теории, что растения просто ускользали от приближавшегося огня. Ветер снова поменял направление, раздувая огонь в противоположную от нас сторону, но пламя, казалось, стало ещё метров на десять ближе, и мы даже изредка слышали крики поджигателей леса. Даже работая против ветра, они могли достигнуть Флаттер... дерева к вечеру.

— Эти... эти ужасные лозы, — причитала Вельвет Ремеди, вцепившись в меня. Я боролась с искушением оттолкнуть её, стянуть с себя броню и осмотреть свой бок. Но сейчас Вельвет нужна была моя поддержка. К тому же я понимала, что если моя кьютимарка была повреждена магической энергией, то, сколько ни смотри на неё, делу это уже не поможет. Вельвет важнее. Мои друзья важнее. И действительно ли я хотела знать?

— Они заперли её там, выс-высоко на х-х-холме, чтобы она могла видеть, что случилось с её Эквестрией. Как она была отравлена и уничтожена... — полными слёз глазами она смотрела на меня. — Пип, они заставили её смотреть!

Я обняла эту добрую единорожку, которая была когда-то моим идолом и которая стала одним из моих лучших друзей. Я всё не решалась озвучить свои собственные подозрения, что на протяжении столетий убийственная шутка использовала её как наживку, заманивая свои жертвы на поляну и мучая их перед ней. Это была преднамеренная жестокость, я была уверена в этом. Как растения могут быть настолько гнусными?

— Они мучают её! Мучают Флаттершай! — Вельвет уткнулась мне в шею. Я держала её, не зная, что я ещё могла сделать.

Неподалёку перевязанный бинтами с головы до ног и накачанный лекарствами Каламити убеждал Реджи отрезать лапы у адской гончей, которую она убила:

— Мы могли бы использовать эти когти.

Пегас бросил взгляд в нашу сторону. Он сейчас должен был обнимать Вельвет, не я. Но даже простое прикосновение могло причинить ему жуткую боль. Эта мысль переключила моё внимание на жжение на моём собственном боку. На острую боль, которую я старалась игнорировать, как могла.

Ещё чуть дальше Лайфблум ухаживал за Ксенит, которая по-прежнему была без сознания, делая для неё всё, что было в его силах. Я услышала печальный крик Паерлайт. Мне казалось, что жар-фениксу хотелось быть целителем, следуя примеру Вельвет Ремеди. Но, в отличие от Дитзи Ду или СтилХувза, ни Ксенит, ни Каламити не могли воспользоваться помощью излучения Паерлайт для восстановления их здоровья. Поэтому она просто охраняла связанного куролиска с завязанными глазами. Пленника Вельвет.

— М-мы должны спасти её, Литлпип! — рыдала Вельвет, отстраняясь от меня и тряся за плечи. — Мы должны!

Что я могла ей ответить? Я тоже хотела спасти Флаттершай. Но как? Как можно спасти дерево? Возможно, приближающийся пожар был самым милосердным способом прекратить её страдания.

— Мы... мы делаем всё, что в наших силах, — пообещала я ей, в глубине души понимая, что сделать мы ничего не могли.

Лайфблум стоял, глядя на то, в чём с трудом узнавалась зебра.

— Её состояние тяжёлое, но стабильное. Это просто чудо, что она ещё жива, — сказал он, потом взглянул на меня: — Эта твоя крайняя мера спасла ей жизнь, — и мрачно добавил: — но она в коме. В лучшем случае, она пробудет в ней, пока не очнётся сама.

— А в худшем? — спросил Каламити.

— А в худшем... — Лайфблум сделал паузу, глядя на нас и рассуждая про себя, сколько ещё можно нам сказать. — У меня есть заклинание. Его можно назвать противоположностью чарам Вельвет, отращающим кости. — Некоторые из нас кивнули. Напряжённая Вельвет была напротив меня. — Мне, вероятно, придётся использовать его, дабы уменьшить давление в черепе... при этом растворив его часть. — И, совершенно некстати, он добавил: — А это рискованно.

Я и Вельвет молча повернули головы в сторону Ксенит. Её бинты уже полностью пропитались кровью, которая, высыхая, становилась всё более и более тёмной, из-за чего складывалось впечатление, будто Ксенит — один большой пониобразный кровоподтёк на теле земли... Мои глаза переместились на Вельвет. Она гораздо лучше меня знала, какая правда скрывается за диагнозом Лайфблума. Мне было известно только одно — всё очень плохо, и, скорее всего, пробыть с нами Ксенит долго не сможет. Больше, чем когда-либо, я желала увидеть её возвращение "домой", в Глифмарк. К дочери. На помощь и поддержку её племени. Его обучение

лекарским навыкам и навыкам выживания, а также...

Вспоминания беспорядочно роились в моей голове. Я притормозила поток своих мыслей, сосредоточенно пытаюсь понять, что за важный момент из прошлого я только что упустила.

Закончив свою грязную работу, Реджи метнула себе под ноги один из ножей её брата, который, пройдя сквозь барьер, ушёл в землю по самую рукоять.

— Здесь должен быть Кейдж, не я. — И пока никто из нас не истолковал её слова неверно, она подняла к нам свое лицо с застывшей на ней маской печали. — Кейдж куда лучше шарил во всей этой хитровыебанной науке выживания.

Голос Реджины дрожал от нахлынувших воспоминаний:

— Кейдж действительно хотел узнать всё про это дерьмо. Дай я ему волю, мы бы облазили все самые говёные места в Эквестрии. Прекрасную долину, Кантерлот, Белохвостую чащу... ну и Вечнообучий лес, конечно.

Мой мозг, казалось, ухватился за нужное воспоминание, но я по-прежнему не могла разобрать, что в нём. От досады я начала топтать копытами о землю. Я была уверена, что это важно.

— Литлпип? — неуверенно произнесла Вельвет.

Мысленно вздохнув над потерей, я повернулась к Реджи:

— Я... Я сожалею. О Кейдже.

— Не надо повторяться, — раздражённо ответила она, даже не взглянув на меня.

— Белохвостая чаща? — переспросила Вельвет Ремеди, ухватившись за название, не слышанное ею раньше. Пожалуй, она задала этот вопрос скорее ради Реджины, чем ради собственного любопытства.

Ухмылка пробежала по клюву Реджи.

— Ага. Кейдж называл её самым отравленным местом в Эквестрии.

— Я фумаю, фто Кантерфот ефо уфелывает, — пробормотал Каламити. Мы обернулись чтобы взглянуть на нашего пегаса, почти полностью забинтованного, с развевавшимися на ветру марлевыми повязками. В зубах он держал энергетическую винтовку, которую уронил адский пёс, превращённый в пони.

— Фто? — с невинным видом спросил он, заметив наши взгляды. — Оно ф фоть фто-нить фтоит.

Я закатила глаза. Вельвет, стоявшая рядом со мной, сдержала смехок.

— Кантерлот — уникальное место, — сказала Реджи Каламити. — Ну, было. Но количество отравы в Белохвостой чаще превышает любые допустимые нормы. — Молодая грифина улынулась, слегка пожав плечами, похоже, сама она мало что знала. — В любом случае, так говорил Кейдж. — Грифина подняла торчавший из земли нож Кейджа, вытерла его и засунула обратно за пояс вместе с его "близнецом". Её глаза снова повернулись к расчленённому ею трупу адской гончей.

— Эй, зацените-ка это, — позвала Реджи, взяв в когти шлем мёртвой адской гончей. Приблизившись, я смогла различить какой-то слабый ритмичный шум, исходящий от шлема.

Дерьмо. Когда я только включила свой Локатор Ушки-на-Макушке, ПипБак сообщил мне, что обнаружил новую передачу. Схватившись за наушник, я переключилась на новую частоту. Моё ухо тут же встретилось со странным, ритмичным шумом (пульсирующим в такт шуму из шлема). За этим шумом прослушивались другие нотки, странный хор из искусственных звуков, зацикленный, в нестройном порядке. Основные колебания напомнили мне Анклавовский излучатель из Старого Олнея.

Ленсфлэйр. Лучший из тех, кто работает с арканскими технологиями, — сказал тогда Каламити. Вондерболты использовали пронизанный магией звук, чтобы управлять адскими гончими. Это был ещё один удар по нам в плане Вондерболтов. Они знали, что мы ожидаем от них атаки с неба, не из-под земли.

Я рассказала остальным, что это означало.

— Тогда нам нужно вернуться обратно на ферму, — сказала Реджи. — Выключить излучатель.

— Или просто-напросто снимать с них шлемы, — сказал Каламити, выплюнув винтовку.

— Да, потому что тогда они станут свободно мыслящими, чрезвычайно агрессивными существами, чей разум только что был в копытах пони, — отметил Лайфблум спокойно. — Намного менее опасные.

— Лады, мой план — дерьмо. Опять. — Каламити потряс головой, опустив взгляд на траву под блестящим щитом.

Я больше не могла ждать ни минуты.

— Литлпип, — ахнула Вельвет. — Что ты делаешь?

Снимала броню, чтобы взглянуть на свою кюотимарку. Вот что я делала. И ещё никогда в жизни я не раздевалась так стремительно. Отшвырнув броню в сторону, я вывернула шею, чтобы осмотреть свой бок.

Нет.

Моя шерсть была полностью сожжена, плоть под ней вздулась и покрылась пузырями, скрученная, как штопор. Жёсткая разрушительная магическая энергия пронзила мою защиту чуть ниже кюотимарки, поглотив примерно половину маленького ПипБака на моём боку.

— Нет!

Я не кричала, хотя и чувствовала, что должна была. Было ощущение, что в меня воткнули ржавый крюк, а затем резко выдернули, выпотрошив все эмоции. И оставив на их месте зияющую чёрную рану. Да, это ощущение было нерациональным. Ведь я знала, что на другом боку кюотимарка была в целостности и сохранности. Но я уже не могла включить ту часть своего мозга, что ответственна за здравый смысл.

Я услышала вздох Вельвет Ремеди. Её голос был странно далёким. Стиснув зубы от своей собственной боли, ко мне шагнул Каламити.

— Лил'пип... — начал он, желая сказать мне всё, что, как ему, чёрт возьми, казалось, должно было мне помочь. Но я замахнулась на него копытом, заставляя отступить.

— Не смей говорить мне, что кюотимарки не важны! — прошипела я. Каламити не заслуживал такого, но я была слишком поглощена своим горем, чтобы заботиться о его чувствах.

Пустошь напала на мою душу и тело. Обтесала меня. Порча скрутила меня изнутри, изменила мою суть. Я отрастила ногу заново! Потом была моя ПипНога и всё то, что Розовое Облако со мной сотворило. Более того, Пустошь, забирая мою невинность, мою наивность... отрезала от моей души кусок за куском. Но отнимать это у неё не было никакого права. Пустошь не могла украсть у меня то, что делало меня особенной, не важно, насколько незначительной эта особенность иногда казалась, а атака на мою кюотимарку ощущалась именно как кража.

Обернувшись на Вельвет, я спросила:

— Ты это можешь исправить? Скажи, что можешь!

Вельвет сглотнула с печальным видом, её бегающий взгляд выдавал правду. Тем не менее, она предположила:

— Может быть... если мы удалим всю повреждённую плоть... — Я умышленно проигнорировала эти глаза, взгляд которых говорил мне "нет".

— Вперёд! — потребовала я, подсовывая свой бок фактически ей под нос. — Живо!

— Л-Литлпип... нет... — пыталась образумить меня Вельвет. — Ты только посмотри, где мы.

— Плевать! — отрезала я, мой взор затуманился. Я поняла, что глачу. Когда это началось? — Режь!

Вельвет Ремеди застыла, выражение её лица сменилось явным неудовольствием.

— Нет! — рявкнула она в ответ. — Не. Здесь, — и повернувшись ко мне спиной, сообщила: — Если ты хочешь, чтобы я тебя оперировала, то придётся подождать, пока мы не окажемся в более безопасном месте. И более стерильном.

Мне захотелось ударить её.

Я знала, что это было не похоже на меня. Как будто вся моя боль и пустота смешались, проходя через призму её отказа, и вылились в слепую ярость.

— Тпру! — крикнула Реджи, заметив изменение в моём поведении.

Я замахнула на Вельвет, вставая на дыбы и открывая рот, чтобы закричать на неё, давая ей последний шанс на...

Вспышка магии прервала меня. Боль в моём боку внезапно исчезла. Так же, как и ощущение собственных ног... и всего остального.

Как будто моё тело растворилось, оставив от меня лишь бесплотный дух. Я даже не почувствовала, как свалилась на землю, зафиксировав своё падение лишь по завалившемуся горизонту.

— Кое-кому необходим перерыв, — произнёс Лайфблум, его рог светился. Обезболивающее заклинание. Это ведь он обучил ему Вельвет Ремеди, не так ли?

Все вокруг уставились на меня. Я почувствовала, что закипаю всё больше. Теперь мне хотелось пнуть их ещё сильнее. Прямо промеж глаз. (*Со вкусом редиски*, непонятно к чему добавила моя маленькая пони.)

Каламити отвернулся, заняв себя прикручиванием энерго-магической винтовки к своему боевому седлу.

Вельвет Ремеди наклонилась и нежно прижалась ко мне.

— Нам очень жаль, Литлпип. Мы понимаем, — она подарила мне странный, но добрый взгляд. — Я знаю, как долго ты боролась за то, чтобы получить свою кюотимарку. Не расстроиться в такой ситуации было бы... ненормально.

Она опустила на землю рядом со мной. Не прикасаясь, но оказывая мне поддержку своим присутствием, не заботясь о том, нуждаюсь я в ней или нет. Мой гнев и боль не исчезли. Но после нескольких глубоких вздохов моя ярость начала переходить с Вельвет Ремеди на меня саму. Мир начал расплываться перед глазами, пока не осталось ничего, кроме неясных водянистых очертаний.

Я плакала на щите-полу Вельвет Ремеди, и слезы тихо потрескивали, падая на него.

— Ну что ж, — спокойно произнёс Лайфблум, влив исцеляющие заклятья в Ксенит и Каламити. Мой друг-пегас мог снова двигаться без боли. Ксенит не подавала признаков изменений. — Давайте посмотрим, что мы можем сделать для спасения этой пони.

Мой гнев снова перетёк в то раненое, опустошённое ощущение. И этого перехода оказалось достаточно для того, чтобы позволить рациональной части в моей голове взять верх. Да, моя кюотимарка пропала. Ну, почти пропала. Но я никогда не понимала её или интересовалась ею. Она была, помимо всего, не намного лучше кюотимарки в виде кюотимарки. И у меня по-прежнему оставался её дубликат.

Мне было совестно. Реджи справлялась с потерей родного брата, настоящей семьи, лучше, чем я справлялась с потерей тупой картинке на своём боку.

Я также чувствовала тошноту и головокружение. Я была обезвожена. Моё зрение было по-прежнему размыто, несмотря на то, что я перестала плакать — я не могла даже подвинуть переднюю ногу, чтобы вытереть глаза. Жар горящего леса высушил мои слёзы, сделав их горячими и чрезмерно солёными. Я кашляла из-за дыма, моё горло болело. Я удивилась тому, как близко теперь было пламя. Я не могла подняться, чтобы посмотреть, но треск был громче, чем когда-либо — звук приближался. Вечнодикий лес выглядел ярче, чем раньше, купаясь в нездоровом оранжевом свечении.

(И, конечно, было крошечное затаенное смущение от беспомощности, в то время, когда Вельвет Ремеди переодевала меня. Вельвет с Каламити не могли позволить мне находиться в Вечнодиком лесу без защиты. Для них было недостаточно того, что я и так уже прилегал к броне.)

Белый пони с красно-розовой гривой повернулся и указал своим светящимся рогом обратно на лес. Красноватое свечение сформировалось где-то среди деревьев, за областью, которую я могла видеть со своего места. Свечение усиливалось, приближаясь.

Запакованная в светящийся красный кокон магии Лайфблума каменная статуя пегаски в броне Вондерболта проплыла над папоротниками и опустилась на экранированную землю перед нами.

Джет. Они звали её так.

— Проклятье, — прошептал Каламити с возродившейся надеждой в голосе. Может быть, его план, в конце концов, не был полным провалом.

Вельвет Ремеди левитировала куролиска.

— Теперь слушай, — прошептала она, её голос каким-то образом был одновременно дружелюбным и угрожающим. — Ты оживишь эту пони и пообещаешь, что больше не будешь превращать безвинных существ в камень, и мы тебя отпустим. — Описание того, что произойдёт, если куролиск откажется, повисло в воздухе невысказанным.

Лайфблум вопросительно поднял бровь, обращаясь к другим:

— Отпустим? — Я захихикала про себя и кивнула. Всё-таки Лайфблум совсем ещё не знал нашу Вельвет.

Куролиск согласился (по крайней мере, с первым требованием). Серый, твёрдый, безжизненный камень сошёл, оставив моргавшую в недоумении пегаску в синей броне, с эбонитовой шкуркой и фиолетовой гривой. Прежде чем она смогла осознать одурманивающие изменения её состояния, Лайфблум шагнул к ней, поднял забрало её шлема и коснулся своим рогом её лба.

Рог Лайфблума вспыхнул красным. Глаза пегаски расширились, когда к ней потекла память Каламити.

Где-то неподалёку слышались крики. Бригада огнемётчиков Красного Глаза приближалась к нам.

— Проклятье, — с отвращением пробормотал Каламити.

Лайфблум полностью сосредоточился на передаче воспоминаний Каламити в голову Вондерболта. Тем временем Вельвет освободила куролиска, который тут же улетел, противно крича. На своих кожистых крыльях он понёсся прочь от надвигающейся стены огня.

Реджина поднялась в воздух, но тут же приземлилась обратно, едва осмотрев верхушки деревьев.

— Э-э-э, Пипсвик?..

— Литлпип, — поправила я. Получилось невнятно, я не чувствовала языка.

— Насчёт этой штуки с меткой, по которой Вондерболты тебя нашли. Не думаешь, что у них самих есть метки друг друга? — Мне не нравилась, к чему она клонила, да ещё и этим будничным тоном. — Может, когда эта их девчонка снова ожила, они получили что-то типа сигнала?

Ох блядь.

И бойцы Красного Глаза, и Вондерболты с минуты на минуту должны были быть здесь! Нам надо было немедленно уходить. Особенно мне. Только для начала неплохо было бы хоть копыто поднять.

Свечение вокруг рога Лайфблума погасло, заклинание памяти было завершено. Он попятился, вытирая пот со лба.

— И Твайлайт Спаркл могла делать это не менее пяти раз в день? — слабо спросил он.

Джет стояла, бессмысленно моргая и пошатываясь. Почти чёрная кобыла-Вондерболт уставилась на нас широко раскрытыми глазами, выражение её лица то и дело менялось, показывая то замешательство, то тревогу, то отвращение, то что-то ещё, для чего у меня даже не нашлось названия.

Но наконец, кобыла-Вондерболт расправила крылья и, ни слова не говоря, улетела.

— От чёрт, — сказал Каламити, всё ещё смотря на пустое место, где только что стояла Джет. — Ну и дураком же я был, когда надеялся, что она станет на нашу сторону.

— Но она и не напала на нас, это уже что-то, — заметила я.

— Чудесно. Кто-нибудь, берите вашего вождя и зебру, и давайте уже валить отсюда, — прорычала Реджи, проверяя обоймы своих пистолетов. Она взлетела, чтобы оглядеться поверх деревьев, и чуть не столкнулась с одним из оставленных пегасами розовых инверсионных следов, которыми был исчерчен воздух над нами. Было слишком поздно.

Рыжегривая кобыла-Вондерболт, промчавшаяся мимо Реджи, заложила крутой вираж, открывая по ней огонь потоками розоватого света, который будто взрывался, соприкасаясь с грифиной. Реджи рухнула обратно в кроны деревьев.

Я обнаружила, что заключена в магический кокон цвета соловья на кьютимарке Вельвет Ремеди. *Интересно, если я потеряю обе свои кьютимарки, бесцельно рассуждала пони в моей голове, цвет моей магии изменится?* Вельвет Ремеди левитировала меня над землёй, рассеивая свою защитную магию, и побежала прочь. Лайфблум сорвался в галоп следом, левитируя перед собой Ксенит. Он быстро обогнал нас, поскольку бегал лучше, и бережно перенёс безжизненное тело Ксенит ей на спину. Я видела впереди его красный хвост, развевающийся из-под плаща, всего мгновение. Затем он исчез.

Я вздрогнула. Заклинание Лайфблума распалось, я вновь чувствовала своё тело. Я покачала своей ПипНогой, движение вышло таким, словно я была не пони, а тряпичной куклой (*вроде тех, что шли в комплекте с блокнотом и пером*, подсказал мне тоненький голосок). На ощупь я отметила на карте моей ПипНоги место, где упала Реджи. Я поклялась себе, что мы вернёмся за ней до захода солнца. Но сейчас мы просто стремились оказаться как можно дальше от огня.

Между деревьями впереди появилась фигура в плаще. Сначала я заметила только зебринский плащ, и на секунду задумалась, для чего Лайфблум мог остановиться и повернуть назад. Но фигура под плащом была не его. Моё сердце замерло.

Фигура встала в полный рост и откинула капюшон. Под капюшоном оказалась голова адского пса в шлеме и с необычно белой шерстью. Гончий поднял энерго-магическую пушку, прицеливаясь чуть ниже нас, прищурив один из своих неестественно-красных глаз (явный признак альбинизма — будь умным!), и нажал на спусковой крючок.

Выстрел гончего прошёл мимо. Шар нестабильной энергии пролетел по дуге ярдов двенадцать, прежде чем взорвался, испуская во все стороны сотни лучей. В тот же момент всё ещё невидимый Лайфблум с разбегу врезался в пса своим рогом. Но даже на всём скаку у Лайфблума не получилось пробить толстую шкуру своего противника. Зато от удара монстр отлетел назад и, мотыляя ногами, покатился кубарем.

Изящно закончить удар с разбега у Лайфблума тоже не получилось. Он упал на спину, капюшон сполз вниз, а плащ обернулся вокруг шеи. Единорог брыкал ногами в воздухе, находясь при этом в неудобной, даже почти вызывающей позе.

Пронёсшиеся над головами Вондерболты разделились и полетели в разных направлениях. А огненногривая кобыла-Вондерболт взмыла вертикально вверх.

Лайфблум перевернулся, собираясь встать на копыта, но запутался в плаще. Гончий-альбинос опередил его, одним прыжком встав на ноги, и побежал к своей энерго-магической зенитной пушке.

Я не могла нормально двигаться, но была отнюдь не беспомощна. Левитировав перед собой Малый Макинтош, я нацелилась на адского пса через оптический прицел моего верного револьвера. Без использования З.П.С. подстрелить хаотично движущуюся цель было чертовски трудно, но я уже не была необстрелянным новичком из Стойла. У меня была богатая практика.

БАХ! БАХ! БАХ!

Я не попала в адского пса. Два моих выстрела прошли мимо цели, а третий пришёлся по его магическому оружию, как раз в тот момент, когда он поднимал его. Пёс или действовал быстрее, чем соображал, или просто не заметил попадания. Он нацелил свою пушку на Вельвет Ремеди и нажал на спуск.

Пушка затрещала, её обволокло облачком нестабильной энергии. Гончий отшвырнул своё оружие так далеко, как смог. Энерго-магическая пушка упала где-то среди гротескно-замшелых деревьев и пурпурных папоротников, несколько раз подскочив на кочках.

КРЭЭК-ПРАААУ!!!

Сверкающие магические лезвия разрезали воздух позади меня. Одно из них прошло через гриву Вельвет, вырвав из неё клочок волос, но в этот раз удача и лес были на нашей стороне. Взрывом расщепило несколько деревьев, но жертв среди пони, к счастью, не было.

— Все врассыпную! — заорал Каламити. — Живо!

Вельвет резко повернула в другую сторону и пустилась галопом уносить меня подальше от остальных. Я оглянулась и заметила Лайфблума, который всё же смог подняться на ноги и бежал теперь в противоположном направлении.

С неба выстрелило чем-то голубым. Лес взорвался.

Когда меня накрыло ударной волной, мне показалось, что все мои внутренности превратились в желе. Вельвет и Ксенит с большой силой отбросило вперёд. За ударной волной следовала волна потрескивавшего наэлектризованного чёрного дыма. Позади нас выросло рокошущее грибовидное облако.

Я почувствовала, что мне всё отшибло, ещё раньше, чем ударила об землю. Я благодарила Богинь, что Вельвет успела снова надеть на меня кантерлотскую полицейскую броню.

Кобыла-Вондерболт выстрелила из-за грибовидного облака, целясь в своих поверженных врагов. Воздух между нами наполнили

кришаше-розовые лучи. Подавляя собственный стон, укрываясь, перекатываясь за поваленное взрывом энерго-пушки дерево.

Как только Вондерболт промелькнула мимо нас, к своему ужасу я осознала, что взрыв был создан без помощи оружия. Это был воздушный манёвр. Но... как? Мне было известно, что у пегасов и даже у некоторых земных пони была присущая только им магия (хм, ты же видела Пинки Пай?). Пегасы могут ходить по облакам и управлять ими, в конце концов. Но вот это уже выходило за рамки приличия! Я была вынуждена быстро переосмыслить то, что "воплощение шока и трепета" может означать на самом деле.

Я заставила себя хоть немного прокашляться. Мой кашель был мокрым и горячим, с привкусом меди. Я провела ПипНогой по собственному лицу и обнаружила, что смотрю на смазанный кровью экран.

— Нехорошо.

Дрожа, я встала на копыта и похромала к измятому месиву по имени Ксенит. Корочки на её ранах потрескались и снова ужасно кровоточили. Я обратилась к заклинанию из Чёрной Книги в последний раз, в отчаянной попытке подавить потерю крови.

Вглядываясь в экран с прожилками крови на моей ПипНоге, я использовала заклинание сортировки инвентаря, чтобы отыскать последнее лечащее зелье в моей седельной сумке. Пока я поила Ксенит, я старалась определить местоположение Вельвет Ремеди. Боевое платье Рэрити должно было защитить её, она должна была быть в живых.

Лайфблум, как я осознала, был гораздо ближе к взрыву. Я была уверена, что Вельвет тоже ищет его. Со страхом я представила, как раненая Вельвет, спотыкаясь, проходит мимо завёрнутого в плащ бесчувственного и истекающего кровью тела Лайфблума...

С ненавистью к своему воображению я прогнала от себя эту ужасную сцену. Я не собиралась позволить боли или отчаянию снова остановить меня, так же, как и не была намерена позволить Вондерболтам или Вечнодиному лесу победить. У меня была судьба. У меня была миссия. У меня были друзья, которым надо было помочь, единороги, которых надо было спасти, и небо, которое нужно было очистить. Больше никакой жалости к себе! Никакой тоски! Пусть Анклав и Пустошь бросят против меня всё, на что хватит их долбаной фантазии. До сих пор я со всем справлялась. Я выжила в Филлидельфии и Кантерлоте, а ведь тогда я даже не осознавала свою цель. Как бы смогли они меня теперь остановить? Я собиралась...

(Будь потрясным!)

...быть реально потрясной. Да, именно так.

Рациональная часть моего разума сказала, что, если один из Вондерболтов может сделать такое и просто улететь, любой из них тоже может. И что они будут повторять это до тех пор, пока не оставят от нас одни кровавые ошметки, при этом искрошив в щепки Вечнодикий лес, если потребуется.

Но я приказала рациональной части моего разума заткнуться к чертям.

Следующий же, кто сорвётся с неба, схлопочет любезно предоставленную Малым Макинтошем пулю в забрало ещё до того, как успеет повернуть какой-нибудь трюк своей воздушной шмакробатики.

Как только я найду, куда мог завалиться старый револьвер Эпплджек.

Я посмотрела вверх, пытаюсь засечь пикирующего бомбардировщика пегасов сквозь огромную дыру в листве, проделанную... какой бы хренью этот взрыв ни был. Вместо этого я увидела Каламити, снова ввязавшегося в воздушный бой с Вондерболтом. На этот раз его противником был серый жеребец с гривой цвета морской волны, вооружённый чем-то, напоминающим антимех-винтовку, встроенную в его боевое седло. Их снайпер.

Если и было что-то хорошее в том, чтобы находиться так близко к огню, то оно состояло в том, что густой дым сводил к нулю все преимущества этого ублюдка. А он был лучшим летуном, чем Каламити, и, по крайней мере, почти так же хорош в стрельбе.

Знакомый поток искрящейся красной энергии ударил из леса, обволакивая серого Вондерболта и превращая его из изящного воздушного бойца в пониподобный мешок с дерьмом. Каламити завис на месте, глядя, как его противник падает в лес, парализованный анестезирующим заклинанием.

Это заклинание — работа Лайфблума! Значит, он в порядке, и мы только что вывели из строя второго Вондерболта. Мне захотелось кричать от восторга.

Вместо этого я закашлялась кровью. Спотыкаясь на каждом шагу, я отправилась искать моих друзей. Моё копыто наступило на что-то твёрдое и металлическое. Малый Макинтош! Хвала Луне. Похоже, удача поворачивалась к нам лицом.

Я нашла Вельвет Ремеди. Она боролась за жизнь гончег-альбиноса в зебринском плаще. А как же иначе.

Адский пёс попал в эпицентр взрыва. Вондерболтов, похоже, не особо заботило, что они уничтожали свои инструменты. Его нога была оторвана, оканчиваясь кровавыми ошметками мяса и сломанной костью дюймо́м выше того места, где должно было быть его колено. Пёс измождённо скулил, его тело дрожало от шока, а трава под ним была сплошь мокрой от крови.

Когда я подошла к ним, Вельвет Ремеди накладывала на его культю жгут из куска старой медицинской трубки, чтобы остановить кровотечение.

— Она... часто занимается этим? — поворачиваясь ко мне, прошептал Лайфблум, удивлённый, что Вельвет оказывает помощь врагу.

— Постоянно, — ответила я, качая головой. Часть меня желала разозлиться на неё. Мы ведь сами были ранены. Но что бы это дало? Вельвет не могла видеть страдания существа и не попытаться ему помочь. Это было её кредо... хотя иногда оно чертовски раздражало.

— Лайфблум, пожалуйста... Ксенит... — указала я в направлении моей подруги-зебры, и член Общества Сумерек спешно ускакал прочь. Лайфблум был грязен, его шерсть и плащ были перемазаны землёй и кровью, но он, казалось, совсем не пострадал от взрыва.

Надо мной завис Каламити, осматриваясь вокруг.

— Эй, Лигпип! Не видела, куда свалился Гатшот? — Я покачала головой. Гатшот? Стало быть, их снайпер был пегасом, который четыре года подряд занимал второе, после Каламити, место на Состязаниях Юного Снайпера. Я должна была догадаться.

— Вот облом. Нужно доставить его к Лайфблуму, пока не закончилось действие заклинания. А ведь тот малой вполне мог одолеть меня, если б не стремился так настойчиво меня подстрелить.

Чего? Я смущённо посмотрела на него.

— Гатшот с дюжину раз мог уделать меня своим воздушными трюками. Но, в отличие от Скайдаив, он был настолько заиклен на том, чтоб превзойти меня в умении обращаться с огнестрельным оружием, что, в итоге, перехитрил сам себя.

Каламити поднялся в воздух, чтобы продолжить поиски. Я нахмурилась: было не похоже, что это соперничество получится разрешить заклинанием памяти. Я поволокла себя обратно к Ксенит и Лайфблуму (удивительным образом здоровому). Добравшись до них, я упала на колени перед неподвижной подругой. Лайфблум остановил её кровотечение и колдовал восстанавливающее заклинание.

— Как... насколько плохо?

— Нам действительно нужно вытащить эту девчонку с поля боя, — нахмурил брови Лайфблум. — Я использую почти все заклинания,

какие только могу, чтобы не позволить ей гаснуть. А все эти новые травмы делают дело только хуже, — насупилс я единорог, качая головой. — Если скоро она не придёт в себя, Вельвет придётся сделать выбор. — У меня ушло мгновение, чтобы понять, что он имел в виду магическое действие. Растворить часть черепа Ксенит, чтобы ослабить давление на мозг. Вельвет Ремеди была единственной из нас, кто знал достаточно в медицине, чтобы принять обоснованное решение.

Рисковали ли мы жизнью Ксенит, позволяя Лайфблуму сотворить это заклинание? Или же рисковали, запрещая ему?

— Как ты пережил взрыв? — спросила я, меняя тему разговора на ту, с которой могла лучше справиться.

— Я занял укрытие, — объяснил единорог. — Прыгнул в нору, из которой вылез тот адский пёс.

Одна из Вондерболтов, облачно-белая кобыла с огненно-рыжей гривой, пролетела у нас над головами. Я узнала в ней Скайдаив, разорвавшую свой инверсионный след и сбившую Каламити смертельной Пиратской Вспышкой. Всегда впереди и в центре их строя, я подозревала, что она была лидером Вондерболтов. Она прервала свой полёт и взмыла в воздух, исчезая в дыму прямо над нами и лежавшей рядом Ксенит.

Нет.

— Бежим! — заорала я, заворачивая истекающую кровью зебру в свою магию. Мой мозг игнорировал то, что моё тело было не в состоянии скакать галопом.

Рыжие размытое пятно ударило с небес. Каламити сгрёб меня в свои копыта и помчался, лавируя между деревьями, с развевающимися позади обрывками бинтов. Секундой позже мир позади нас взорвался огненным грибовидным облаком. Дымное кольцо наэлектризованных облаков ударило по нам, обжигая молниями и заставляя биться в конвульсиях. Моя магия распалась, снова роняя Ксенит в лес на зубодробительной скорости. (Богини, таким макаром мы ведь добьем её!) Мы с Каламити врезались в густые заросли фиолетового папоротника с прорастающими сквозь него шаровидными растениями на длинных ножках. Грубо проломившись сквозь эти заросли, немилосердно хлеставшие нас листьями, мы с Каламити, полулежащим на мне, наконец остановились.

Я закашлялась, забрызгивая кровью папоротник и траву. Тело просто разрывало изнутри. Л.У.М. посылал мне предупреждения о серьёзных внутренних травмах.

Бутоны растений на тонких ножках, каждый размером с голову жеребца, вяло склонились к нам. Магический барьер возник над нами за секунду до того, как эти бутоны раскрылись, обдав нас облаком микроскопической растительной субстанции. Споры. Повернувшись, я увидела Вельвет Ремеди, стремительно приближавшуюся к нам. Её рог сиял, генерируя щит, спасший нас от одним Богиням ведомо какого кошмара.

Огненногрявая кобыла-Вондерболт вырвалась из своего взрыва и рванула к Вельвет Ремеди, оставляя за собой огненный инверсионный след. Шарообразные растения повернулись к приближающемуся единорогу. Их бутоны снова раскрылись, извергая споры.

Вельвет выбросила перед собой ещё один щит, изящно остановивший их. Удивление захлестнуло меня, когда я поняла, насколько быстро она сотворила это заклинание. Впервые я увидела появление сразу двух её щитов одновременно.

— Моя детка учится, — ухмыльнулся Каламити, вторя моим мыслям. Он всё ещё лежал на мне, постепенно отходя от поражения электричеством. Я спихнула его, осматриваясь вокруг в надежде, что Ксенит или приземлилась достаточно далеко от спороносных растений, или заклинание Вельвет защищает и её тоже.

Вондерболт пронеслась над Вельвет, воспламеняя своим инверсионным следом деревья за её спиной, и взмыла над нами, поджигая шарообразные растения. Горящие растения, казалось, закричали, корчась и разрушаясь, огонь начал распространяться и на папоротник вокруг нас.

Что-то упало с неба.

Это был не Вондерболт-бомбардировщик. Это больше походило на какую-то ракету — механическое устройство, заключённое в металлическую оболочку красного цвета, которое воткнулось в землю с мощным БУМП.

Каламити снова схватил меня в охапку, переноса нас из зарослей папоротника, которые медленно пожирал огонь. Он закашлялся, когда вдохнул густой едкий дым, поднимавшийся от горящего папоротника, и маленькая пони в моей голове припомнила недавние опасения об опасности дыма Вечнодикого леса. Когда мы приземлились, меня начало рвать большими влажными сгустками крови.

— Проклятье, Лип'пип! — выругался Каламити, выживая лечебное зелье. Я опрокинула его в себя, чувствуя, как тепло его магии растекается внутри. Оно имело лёгкий привкус персиков и спирта, что наталкивало на мысль, что Каламити приобрёл эту бутылку у Канди из Новой Эглусы. Как только зелье начало действовать, я быстро почувствовала, что боль внутри отступает.

Трое оставшихся Вондерболтов парили вверху, глядя на штуковину, которая так бесцеремонно вторглась в наше противостояние.

Пластина на ракете скользнула в сторону, открываясь, и странного вида турель с алмазом, встроенным в ствол, выдвинулась наружу. Она развернулась, нацеливаясь на затянутое густым дымом небо.

Вельвет Ремеди закричала.

Я бросила на неё недоумевающий сердитый взгляд, полагая, что её напугало что-то в таинственной ракете, и тут же увидела нечто ещё более кошмарное. Дерево рядом с ней было подожжено огненным инверсионным следом Вондерболта, языки пламени охватили всю его крону, с которой падали горящие листья. Это было одно из тех причудливо искривленных деревьев, покрытых пятнами чёрного мха. И одно из этих пятен, размерами и формой напоминающее пони, внезапно упало с дерева.

Это мховое нечто упало на четвереньки, ещё больше становясь похожим на пони. Но то, как оно двигалось, будто лишённое костей, делало его похожим на порождение ночного кошмара.

Сначала я надеялась, что оно просто убегает от огня. Но потом краем глаза заметила ещё больше тёмных, деформированных силуэтов, которые прыгивали с деревьев.

Каламити вскинул энерго-магическую винтовку и выпустил несколько зарядов в тварь, которая подбиралась к Вельвет Ремеди, красочно испепелив создание.

От ракеты раздались щёлчки и вой, алмаз на турели засветился, проецируя на дым изображение огромного кибернетического красного глаза. Глаз повернулся туда-сюда, как будто осматривая нас. Мы услышали голос Красного Глаза.

"Мои поздравления с отличной стратегией, Вондерболты," — дружелюбно произнёс он.

— Ух ты, — ответил один из Вондерболтов с безразличием. — Как-то это не по-суперзлодейски.

— Красный Глаз пришёл к нам на помощь? — шепнул мне Каламити, пока горящая листва пронеслась мимо нас.

Красный Глаз продолжал, его голос звучал в приятной, дружеской манере, как будто мы беседовали за чашкой чая с куском яблочного пирога:

"К сожалению, слишком хорошей. Мне скучно. И, если честно, у меня есть свои планы на маленькую единорожку, которую вы преследуете..."

Твою мать.

"...Поэтом я решил немного уравнять ваши шансы."

Ракета испустила импульс, и мой Л.У.М. сообщил мне, что сигнал, контролирующий адских гончих, смолк.

Вондерболты переводили изумлённые взгляды с красного глаза в небе на ракету и обратно. Белая как облако кобыла с огненно-рыжей гривой закричала:

— Джет не здесь. Ситуация изменилась. Тактическое отступление. — Вондерболты полетели вверх.

"*О! На вашем месте я не стал бы этого делать,*" — сказал Красный Глаз спокойно, Вондерболты остановились так, будто что то схватило их за хвосты. — "*Первое правило — никаких полётов.*"

— Первое правило? — спросил Вондерболт.

— Насрать, — резко ответила огненногривая кобыла, взмахнула крыльями и резко ускоряясь метнулась вверх сквозь дым, прямо через спроецированный глаз.

Остальные Вондерболты ждали лишь мгновение. Монстры из мха начали двигаться к нам извивающейся, подёргивающейся походкой.

Ведущая кобыла Вондерболтов стремительно провалилась сквозь дым, увлекаемая вниз тёмно-зелёным аликорном, которая швырнула пегаску с такой силой, что та потеряла сознание и едва не погибла.

Каламити резко развернулся и выпалил в ужасно близко подобравшегося к нам монстра из мха, превращая того в пепел во вспышке магической энергии.

Всё больше и больше зелёных аликорнов спускалось сквозь дым с небес, приземляясь в лесу вокруг нас. Мерцающий красный аликорний щит начал формироваться между ними и нами, заключая нас на пару с Вондерболтами внутри. Я вдруг почувствовала себя, будто в Яму вернулась.

— Чёт не шибко нас спасают, — проворчал Каламити, проверяя заряд в энерго-магической винтовке. Вряд ли монстры из мха были столь же уязвимы для пуль.

Что-то билось в мои мысли, как летучая мышь. Я обернулась, чтобы увидеть аликорна внутри щита, стоящую возле павшего тела лидера Вондерболтов, её взгляд врывался в меня.

Я чувствовала её в своём разуме. Вторжение было глубоким и нежеланным.

"*Ты та, кто нужен Красному Глазу,*" — прозвучал её величественный и мощный голос в моей голове.

"Что ж," — мысленно ответила я. — "Он меня не получит"

"*Ещё посмотрим*"

В одно мгновение к её голосу присоединилась дюжина других, одновременно зашептав в моей голове и затопляя мои мысли бесконечным потоком голосов.

Они все были зелёными. Дочери Гештальт и Мозаики. В то время как волна голосов вырастала в цунами, я размышляла, делает ли зелёных аликорнов их врождённая телепатия более стойкими, более способными справляться с потерей Трикси-Богини... или менее.

Я боролась за то, чтобы услышать свои же мысли. Что они делали? И почему они помогали Красному Глазу? Что аликорны с этого получали, и что же он им наобещал?

"*Самцы,*" — ответили голоса, читая мои мысли. — "*Продолжение. Выживание. Спаривание!*"

О. Умный жеребец.

Море голосов росло. Не просто дюжины. Множество. Красный глаз убедил почти половину зелёных аликорнов служить ему в обмен на аликорнов-самцов, которых он создаст как их новый Бог. И большинство их было здесь, в Вечнодиком лесу. В Соборе.

Я слышала, как Каламити снова стреляет из магической винтовки, но я не видела его. До меня доходили вспышки того, что они видели. Беспорядочные, мимолётные видения внутри каменных стен крепости Красного Глаза, накладывающиеся друг на друга, слишком хаотичные, чтобы понять.

Вельвет Ремеди подошла к нам и сказала что-то по поводу Ксенит, но сути я не уловила. Аликорны слишком сильно давили на мой разум, так что держать связь с окружающим миром становилось всё сложнее.

Над нами под самой верхушкой щита кружили Вондерболты, разгоняясь всё сильнее и сильнее. Их грозовые инверсионные следы накручивали спирали, и с каждым новым кругом они становились всё ближе друг к другу. Красный глаз Красного Глаза перемещался по облаку дыма туда-сюда, наблюдая за представлением.

Поток чужих мыслей становился непреодолимым.

А затем внезапно сфокусировался.

"*ДОСТАТЬ СВОЁ ОРУЖИЕ,*" — приказали голоса в унисон.

Я обнаружила, что левитирую Малый Макинтош. В конце концов, это было такое простое требование. И я действительно хотела этого. Ведь так мне сказали голоса в моей голове.

"*ПРИЦЕЛЬСЯ В ЕДИНОРОГА.*"

Хорошо... Что? Погодите. В Вельвет? Ни за что!

Но давление на мой разум было почти физическим. Сила нескольких дюжин аликорнов заставила меня направить ствол Малого Макинтоша на Вельвет.

"*ПРИЦЕЛЬСЯ В ЕДИНОРОГА.*"

Револьвер плясал в воздухе. Я боролась, я пыталась отстаивать свою волю. Но аликорны были полны решимости поглотить её, растворить в их собственной, пока я полностью не утратила бы её. Маленькая пони в моей голове вела безуспешную борьбу против дюжин маленьких аликорнов, которые роились вокруг неё, горой наваливаясь сверху.

Малый Макинтош повернулся в воздухе, его ствол смотрел прямо в лицо Вельвет Ремеди.

— Литлпип? — робко спросила Вельвет, увидев пистолет, парящий в коконе моей магии, и попыталась от Малого Макинтоша. — Зачем ты?..

"*УБЕЙ ЕДИНОРОГА.*"

Наверху Вондерболты внезапно повернули навстречу друг к другу. Они умело избежали столкновения, их инверсионные следы пересеклись в точке прямо над ракетой, высвобождая звездообразный взрыв электрической энергии.

Прожектор Красного Глаза потух, его глаз исчез с неба. В тот же самый момент накрылся мой Локатор Ушки-на-Макушке, матрица заклинаний в моей ПипНоге разрушилась.

Будь потрясным!

"*УБЕЙ ЕДИНОРОГА.*"

Моя маленькая пони была погребена под растущим холмом из маленьких аликорнов, которые давили на неё, не позволяя вздохнуть.

Но они не были единственными мыслями, которые воздействовали на мой разум.

Будь сильным! Будь непоколебим! Будь умным!

Уже не первый раз я ощущала влияние чужих сознаний. Чёрная книга. Статуэтки. Но несли ли эти чужие мысли добрые намерения, или дурные, я никогда не позволяла им контролировать меня. Влиять на меня, да. Но я никогда не теряла себя в них.

"УБЕЙ ЕДИНОРОГА!"

Гора из маленьких аликорнов, заполнявшая мою голову, взорвалась, а их влияние рассеялось, когда моя маленькая пони дала им всем могучего пинка.

Никогда! Я отвела Малый Макинтош от Вельвет Ремеди, вместо неё открывая огонь по аликорну внутри щита. Никогда этого не будет!

БАХ! БАХ! БАХ! БАХ! БАХ! БАХ!

Аликорн была мертва уже после второго выстрела, но я не останавливаясь жала на спусковой крючок, пока не израсходовала весь боезапас. Надо же, если выпустить достаточно много пуль в голову существа, можно почти обезглавить его.

Рядом со мной стояла шокированная Вельвет Ремеди. Она дрожала... нет, погодите, это была я. Разумы аликорнов всё ещё оставались в моей голове, но сейчас они были уже намного тише. Один за одним, они покидали меня. Самый последний оставил после себя беспризорную мысль.

"Скажите Красному Глазу, она прошла."

Дрожь стала в разы сильнее, разум переполняли бессилие, боль и ярость. Я опустила голову, прыснула слюной на землю и испустила первобытный вопль.

Движение выше приковало мой взгляд.

Вельвет обнаружила Ксенит на краю щита; мы втроём собрались возле неё, перед тем как я согнулась от теплового удара. Остальные чувствовали себя не намного лучше. Вельвет отдала мне последнюю воду после того, как влила в рот Ксенит её большую часть. Я взяла воду, не сопротивляясь, но сейчас уже раскаивалась в содеянном.

Я подняла глаза и увидела Реджи; она билась против щита аликорна. Исцелившаяся, но пойманная снаружи.

— Реджи, ты в порядке? — крикнул Каламити сломанным и дребезжащим голосом. Большинство деревьев под щитом было в огне. В броню Вондерболтов были встроены респираторы, а мы же продолжали травиться дымом.

— Да, конечно! — отозвалась та. — Я ношу с собой достаточно лечебных зелий! Я ж не дура! — Ага. Какие придурки предпочитают бродить по Пустоши, отдавая при этом своё снаряжение кому-то одному из группы?

Перед тем как грифина не сказала ещё чего-нибудь, что заставило бы меня усомниться в собственном уме или мыслительных способностях, я велела ей приступить к убийству аликорнов-статуй, сидящих почти рядом с щитом.

— И будь поосторожней там, — предупредил Каламити между приступами кашля. — Когда щит падёт... этот огонь... — Он упал, снова закашлявшись. Это звучало так, будто он пытался выкашлять свои лёгкие. Реджи кивнула и улетела.

Лайфблум прокрался к лежащей без сознания кобыле-лидеру Вондерболтов, стаскивая с неё труп аликорна.

ШМЯК! Пегаска в синей броне вылетела из клубов дыма прямо перед нами. Я узнала её рыжую гриву и красную морду — тяжёлый штурмовик Вондерболтов. Я направила Малый Макинтош прямо на неё, пытаюсь сфокусироваться, несмотря на дым, жгущий мои глаза, и вспомнить, перезаряжала ли я револьвер.

— Да чёрт подери, это слишком просто, — сказала она, небрежно выбив Малый Макинтош из моего телекинетического поля своим крылом.

Тёмные, изменяющиеся фигуры вышли из дыма, волочась прямо к ней.

— Берегись! — выкрикнул Каламити, когда моховые монстры приблизились к Вондерболту.

Тяжёлый штурмовик Вондерболтов развернулась, распыляя лучи розовой энергии по чёрным существам из мха, распылив двух из них в розовый пепел. Третье существо — огромная, гигантская тень — возвышалось над ней. Холодные мурашки пробежали по моей спине, как только я поняла, что это моховое чудище по форме напоминает мантикору. Это... эти растения-твари когда-то были живыми существами, многие из них пони. Этот чёрный мох как-то заражал их. Поглощал их. Становился ими.

Вондерболт увернулась от мохового монстра, хлестнувшего её чем-то, что когда-то было мантикоровым, словно скорпионьим хвостом. Он целился в голову, пытаюсь попасть в узкую трещину в её шлеме, через которую пробивалась её грива.

Рыжегривая кобыла открыла огонь, обстреливая моховую мантикору розовыми лучами. Чудище кусками рассыпалось пеплом, но оно не собиралось умирать так просто. Моховая мантикора хлестала её с поразительным рвением, обстреливая когтеподобными отростками её броню, пытаюсь сорвать с неё забрало и добраться до глаз.

Вондерболт отшатнулась, блокируя удары крыльями, держа существо подальше от её лица. Она выстрелила снова, вылетело несколько розовых пучков, перед тем как её пушка выдохлась.

Моховая мантикора взорвалась зелёным огнём.

Спотыкаясь, Вондерболт повернулась к нам и попала под удар анестезирующего заклинания Вельвет Ремеди, до того как успела хоть что-то сказать, а уж тем более перезарядиться. Она рухнула прямо перед сгоравшим чудищем. Зияющая дыра появилась в чёрном мхе, в том месте, где у мантикор находится рот. Существо беззвучно кричало, зелёный огонь вырывался сквозь образовавшуюся дыру, пожирая эту пародию на голову.

Паерлайт приземлилась на голову Вельвет Ремеди, выглядя чрезвычайно гордой собой.

— Прости за это, — извинилась Вельвет перед упавшей пегаской.

Прямо за нами Лайфблум вставал на копыта. Он слегка шатался: удар, вызванный использованием заклинания памяти, усугублялся жаром и дымом. Единорог Общества Сумерек споткнулся неподалёку от Вондерболта и от куста папоротников. Похоже, он был готов упасть в обморок.

Стебли с лукоподобными бутонами повылезали из папоротников, как только он подошел к ним, выпустив облако спор прямо в морду единорога.

Я завопила в испуге. Крик рвал горло, но его звук потерялся во внезапном пожарище: как только щит аликорна опустился, пожар, вызванный огненным инверсионным следом Скайдаив, вырвался наружу, встретившись со свежим воздухом.

В Вечнодиком лесу наступала ночь. Нам удалось отойти от линии пожаров километра на два-три. Адское оранжевое зарево светилось в жарившемся небе. От мира внизу остались лишь тени, лежавшие поверх ещё более глубокой тьмы, и лишь свечение рогов, Вельвет Ремеди и моего, могло по-настоящему осветить наш путь.

Лайфблум снова снова согнула в порывах тошноты. Желчь и прочие нечистоты вырываются изо рта и носа. Он применил очищающее заклинание в попытках избавиться от спор, прежде чем они укрепятся и станут медленно его убивать. Эффект оно имело крайне неприятный и сильно ослабляло, но это было куда лучше альтернативы.

Мы пробивались через лес. Я несла рядом с собой Ксенит. Телекинез Вельвет Ремеди нёс раненого гончего-альбиноса. Чудище оказалось без сознания, и Вельвет настояла на том, чтобы унести его с собой, утверждая, что пёс сгорел бы там заживо.

Каламити же настоял, чтобы он был связан в пути, на это Вельвет согласилась. Я же, честно говоря, не была уверена, что узлы очень помогут сдержать такое крупное существо с такими острыми когтями.

Адский пёс временами поскуливал. От Ксенит не было слышно ни звука.

Пока что мы смогли реализовать задумку Каламити с тремя Вондерболтами: Джет, Скайдаив и Стрейфвайз, их специалистом по тяжёлому вооружению. С нами никто из них не остался, хотя перед тем как улететь со Скайдаив, Стрейфвайз и отметила, что "нужно многое обдумать и многое осознать". Перемирие если и наступило, то осталось неозвученным. С двумя Вондерболтами-жеребцами, Ленсфлэйром и Гатшотом, ситуация была пока не ясна. Из-за того немногого, что я о них знала, я сомневалась, что одна только запись воспоминаний Каламити сможет повлиять на образ их мыслей. Ленсфлэйр был другом и любовником его старшего брата, и ему лишь предостояло с нами столкнуться непосредственно. А вот Гатшот...

Удивлённый присвист Каламити прервал мой поток мыслей. Лес перед нами полнился красивыми растениями, светившимися биолуминесцентным зелёным. Паерлайт вылетела вперёд и стала выписывать среди них пируэты, весело распевая. Произрастали они на лианах, опутывавших деревья и змеившихся по лесной подстилке.

— Да, — усмехнулась Вельвет в адрес Паерлайт, когда та к ней вернулась с цветком в перьях, — он хорошо подходит к твоему оперению.

— Чё эт такое, как думаете? — спросил Каламити, осторожно подлетая. — Как считаете, они безопасны? — Лично я не была готова считать хоть что-то в этом лесу безопасным.

— Да уж побезопасней, наверное, — отвечала Реджи. — Зловещих синих лоз здесь не видно.

— Это потому что... — прорычал гончий, перепугав нас всех так, что Вельвет выронила его из поля левитации. Пёс упал на мягкую траву, даже не заворчав. — ...Призрачный цвет есть гибель смертельной шутке.

— Гибель? — спросил Лайфблум, единственный, кто не слишком обратил внимание на то, что в сознание пришёл представитель расы злобных пониубийц. Мне с этим монстром беседовать совсем не хотелось. Моя маленькая внутренняя пони чуть ли не крича требовала забросить его на луну. Или хотя бы так же высоко, как и убивших СтигХувза.

— Они тоже питаются психической энергией, — сказал пёс и, когда Каламити спешно отбежал от цветов, договорил: — Вообще, он без вреда. В смысле, псам и поням. А смертельной шутке они как самый злой сорняк.

Мы переглянулись. Наконец Реджи пожала плечами:

— Ну, если вы таки решили поверить этой одноногой мясорубке... — И не договорив, она взлетела и направилась вглубь мягко светившегося леса.

Вельвет Ремеди снова обернула гончего магией и подняла его.

— Э-э, Вельвет? — недоумевая, обратился Каламити. — Я ещё понимаю не бросать его посреди пожара. А вот отчего б его тут-то не оставить?

Вельвет одарила Каламити милой улыбкой, не сошедшей с её лица и когда она перевела взгляд на адского пса:

— Потому что оставить мы его можем только в безопасном месте. А раз эти цветы так безопасны, как он говорит, то он вряд ли откажется идти с нами.

— Пони, — начал пёс, обращаясь к Вельвет, когда она его поднимала. Он всё ещё был связан, но я никак не могла не заметить, что он ещё толком и не испытал свои оковы на прочность. Даже и не пытался. — Зачем спасают меня?

Вельвет Ремеди ответила, даже не думая:

— Потому что тебе причинили боль.

Альбинос возражал:

— Пони не лечат. Пони убивают, ломают, отнимают.

— Странно, — отвечала Вельвет. — Об адских гончих пони говорят то же самое. — Отлично. А почему бы его просто палкой не ткнуть?

— Эй! — прокричала нам Реджи, она уже была немного впереди. — Я тут нашла... что-то.

Продвинувшись под светившимся оранжевым небом, мы обнаружили дерево с пустой сердцевинкой, почти так же покрытое узлами и перекрученное, как и Флаттершай, покрытое толстыми лианами и сотнями светящихся призрачных цветков. У основания дерева, разбросанные среди его корявых корней, лежали страшные старинные деревянные маски с демонического вида лицами, вырезанными на них. На ветвях вместе с непонятными бутылками и склянками висели и воздушные колокольчики из костей. Призрачные цветы разрастались по лесу от дерева подобно ряби на воде от брошенного камня.

Подождите-ка... (Будь умным!) ...Я уже видела это. Похожее места. Во сне.

— Укрытие? — с надеждой в голосе предположил Лайфблум.

— Или смертельная западня. С нашим везением всё возможно.

—пей, —скомандовала Вельвет Ремеди в своей обычной манере сиделки, поднося бутылку к морде адского пса-альбиноса. — Если ты ждёшь газировки, то быстрее ты умрёшь от обезвоживания. — Полое дерево было убежищем, домом, созданным магией зебры. Из холодильника мы вытащили напиток в бутылках. Большую часть того, что было в нём, покрывала плесень, хоть и не та, что была чёрной и шевелилась. Только несколько бутылок остались целыми и теоретически не представляли опасности. — Вот смотри, сначала я сделаю маленький глоток, если это тебе поможет.

Каламити уставился на ярко светящиеся зелёные цветы, чьи вьющиеся стебли опутывали древний дом зебры внутри почти так же сильно как и снаружи, извивались вокруг разрушающейся мебели и свисали с потолка. Красиво и зловеще безмятежно.

Давно неработающий старый терминал находился среди груды гниющих досок, когда-то бывших столом. Или, возможно, комодом. В спарк-батарею ещё осталось немного магии, и я надеялась, что смогу найти способ перезагрузить свою ПипНогу от этой рухляди.

— Так что ты знаешь обо всех этих призрачных цветочках? — спросил Каламити. Вельвет Ремеди шикнула на него, её глаза сузились. Разговаривающие адские гончие не были пьющими адскими гончими. — Что?

— Эти растения от зебр. Из них делали порошок, который вызывает кошмарный иллюзия, — отвечал нам адский пёс. — Нам такого не получалось, мы её просто хорошенько растирали и получали пасту, который светится. — Пёс усмехнулся, обнажив острые зубы. —

Обмажешь ей козлы в шкуре брамина, твани их за верёвки и посмотри, как плащущий пони бегаёт от безголовой лошади.

— И зачем такое делать? — спросила Вельвет Ремеди.

— И чего это кто-то будет бояться такой ерунды? — удивилась Реджи.

Гончий снова усмехнулся:

— Пони же глупый.

Мы все бросили на него недовольный взгляд. Разве что кроме Реджи, давившейся смешками. Каламити буркнул что-то о глупости спасения псины, заработав очередной мрачный взгляд от Вельвет.

Наконец пёс начал объяснять:

— Не все псы хотят убивать пони. Большинство хочет. Но некоторые из нас просто хотят, чтобы оставили в покое. — Нахмурившись, он продолжил: — Наши альфы хотели войны со старыми пони, и с новыми пони, и с Богинями. Тогда мы уйти из Марипони. Найти себе другой дом. Сделать там призраков и лошадь без головы, чтобы пугать оттуда пони.

Что же, это лучше, чем стрельба.

— Это пока вы, пони, не прилетели к нам на одной из своих больших чёрных туче-лодках и сбросили тот проклятый излучатель к нам во дворе. Всех сделали сидеть смирно, пока они одевали на нас те проклятые шлемы. Сделали нас идти, куда им хочется. Убивать, кого они хотят...

Копыто к лицу. Замечательно. Единственная на всей драной пустоши потенциально дружелюбная группа гончих, и к той прилетел Анклав и засрал им все мозги.

— ...всех, кроме Баркинг Соу. Тот старик обладать, наверное, лучшие глаза на пустошах, но он уже стар, находится в маразмах, и глухой как камень в лучший случае. Своей винтовкой снайпера он подстрелил уже целую толпу пони. Бью об заклад, что он ещё на ферме, стреляет во всё, что похоже на пони и осмеливается высунуть свою голову.

Вот, значит, почему Вондерболты прятались в Массиве Солнечных Батарей Надежды, а не на самой ферме.

— Так почему же он не расстреляет тот излучатель? — спросила я в бесплодных попытках оживить терминал.

Гончий-альбинос недоумённо нахмурился:

— Что про глухоту и маразм до тебя не дошло?

Реджи тихо ойкнула.

Разочарованная, я бросила заниматься терминалом, вместо этого переключаясь на запертый сундук в углу дома зебры. Он был из металла и выделялся среди остального потрёпанного временем интерьера. И в отличие от терминала, я знала, как заставить замок сделать то, что я хочу. Как в старые добрые времена, я достала заколку и мою верную отвёртку.

Вельвет снова докучала адскому псу, заставляя того пить. Я начала подозревать, что его отказ для него был больше игрой в побеси-пони, чем реальной заботой о содержимом бутылки.

— Вельвет, — сказал Лайфблум, осторожно положив копыто ей на плечо. — Нам нужно поговорить о Ксенит. Она всё ещё не очнулась. Опухоль становится всё хуже. Если я буду использовать моё заклинание трепанации, мне следует сделать это сейчас.

Замок сдался без боя. Открыв сундук, я заглянула внутрь. Каменная плита с гравировкой, старая аудиозапись и кусок выщербленного камня странного оттенка. Всё остальное в сундуке давно обратилось прахом и слизью. Надпись на плите была выполнена старинным шрифтом, напоминающим руны зебр, но в нём использовались символы рогов, молний, подков и голов единорогов. Я не имела ни малейшего понятия, что они могут означать.

Реджи заглянула мне через плечо. Затем обратилась к присутствующим:

— Эй, кто-нибудь знает, как читать Претенциозиус? — Я фыркнула, уверенная, что этот язык назывался совсем не так.

— Э-э... не-а, — Каламити был краток. Лайфблум и Вельвет Ремеди подошли ближе, чтобы взглянуть.

— Когда Пять будут собраны вместе, искра заставит появиться Шестой, — прочитал Лайфблум. — Здесь говорится об Элементах Гармонии, — сказал он. — Это выдержка из книги "Элементы Гармонии: справочное руководство". Возможно, оригинал. Похоже, эта плита была частью Замка Сестёр.

— И что же она делает здесь?

Я стала осматривать сундук внимательнее, пока, наконец, не обнаружила шестерёнку логотипа Стойл-Тек, оттиснутую в углу.

— Стойл-Тек построили Стойло под руинами того замка, — сказала я задумчиво. — Для этого им пришлось разобрать небольшую его часть. — Я достала аудиозапись, желая, чтобы моя ПипНога работала. Или, по крайней мере, терминал.

— Если никому из вас особо не нужна эта плита, Общество Сумерек будет признательно за право обладать ей, — сказал Лайфблум, до того как они с Вельвет Ремеди вернулись к обсуждению Ксенит.

— Пффф, — фыркнула Реджи. — Зачем мне может понадобиться дурацкий камень? — *Очень жаль, что нет Элемента Раздражительности*, раздражённо сказала в ответ маленькая пони в моей голове.

— Я предпочитаю украшения, которые я сам могу прочитать, — сказал Каламити, улетаая к одному из окон.

Воспоминание о том, что ускользнуло от моего понимания раньше, вернулось, танцую перед моим мысленным взором.

— Вельвет! — я повернулась к ней. — Я думаю... — Я остановилась. Лучше притормозить. Это ни в коем случае не безошибочный факт. — Я думаю, что, может, я подчёркиваю, может быть, есть способ спасти Флаттершай.

Глаза прекрасной единорожки широко раскрылись, сияя страстной надеждой.

— Как? — спросила она, за этим сразу последовало: — Можем ли мы сделать это сейчас?

— Я прочитала одну книгу, "Сверхъестественное". В ней куча всяких древних лекарств, и одно из них обращает трансформацию, вызванную чем-то под названием "ядовитая шутка", — осторожно сказала я. — Она до сих пор лежит у меня на узловой станции P-7.

Вельвет Ремеди счастливо улыбалась, но у меня уже возникли серьёзные сомнения.

— И ты думаешь, что это сможет превратить Флаттершай обратно в пони?

— Нет, — призналась я. Я была уверена, что убийственная шутка была мутировавшим дальним родственником растения, описанного в "Сверхъестественном". Но они были абсолютно разными, даже в их магическом воздействии. В книге говорилось, что преобразования, вызванные ядовитой шуткой, занимали целую ночь, а убийственная шутка проявляла свою жестокость мгновенно. И, самое главное, её магия была намного сильнее. — Не совсем. Но я думаю, этот рецепт будет отправной точкой в создании нужного зелья.

Вельвет Ремеди кивнула с мрачной решительностью, всё ещё сохраняя надежду.

И даже если бы смогло? Разве это хорошая затея? Что если бы зелье превратило Флаттершай обратно в двухсотлетнюю пони? И даже если бы она восстановила свой первоначальный облик, каковы шансы, что она не потеряла рассудок? Я неохотно озвучила Вельвет Ремеди эти свои сомнения, но, к моему удивлению, она была полна решимости.

— Если дело в этом, то я сделаю то, что ждёт от меня Флаттершай, — непреклонно заявила Вельвет. — Так или иначе, её страдания

закончатся.

Комната погрузилась в молчание.

Осознание мелькнуло на лице Вельвет. Она повернулась к Лайфблуму.

— Сейчас от твоего рога зависит не только жизнь моего друга, но также и жизнь величайшей из пони. — Она закусила нижнюю губу. — Только Ксенит знает достаточно о травах, алхимии и магических растениях, чтобы воссоздать рецепт из старой книги Литлпип. Делай всё, что нужно. И пусть Богини направляют твои копыта.

Произнеся это, она медленно побрела туда, где стоял Каламити, наблюдая за ней. На последнем шаге она запнулась, и он бросился вперёд, чтобы поддержать её, прижимая к себе.

Каламити нежно потёрся носом об усталую единорожку, а затем перевёл взгляд на пугающе красивый участок Вечнодикого леса за окном.

И тут выражение его лица застыло.

— Эй, народ. Гляньте-ка на это...

Примечание: Максимальный уровень.

<<< ^^ >>>

Глава 43. Королевство Слепых

«Разве ты не счастлива, что твоё задание выполнено и ты можешь вернуться к учёбе в Кантерлоте?»

<<< ^^^ >>>

"...камни.

Поверить не могу, что эта война началась из-за каких-то камней. Драгоценности. Уголь. Рэрити упомянула что-то о метеорите, но тут же начала шифроваться, когда поняла, что я подслушивала её разговор. Ну и ладно. Будто бы самой сложно догадаться. Иногда я медлительна, но я же не дура.

Тупые камни.

Я всегда думала, что камни — это круто. Ну, то есть, у моей сестры кьютимарка в виде драгоценных камней. И Пинки Пай раньше жила на каменной ферме. Мы даже играли в игру, я, Скуталу и Эплблум. Мы нашли тот камень, благодаря которому Рэрити получила свою кьютимарку, и я уболтала Твайлайт Спаркл зачаровать его, чтобы мы могли открывать его и закрывать. Ну, она как бы задолжала нам за тот случай с её куклой, Смартипэнтс. Мы называли камень Камнем Судьбы, и мы думали, что когда он откроется, то мы получим наши Кьютимарки. Твайлайт сделала так, что каждая из нас могла выбрать кодовую фразу, которая открывала бы камень. Моя была: 'Тупой Камень'. И я думала, что я была прямо как моя сестра. Я поменяла её на 'Яблочный Пирог' ненадолго, но позже вернула всё как было. Как и всегда. Мы с сестрой не были яблочным пирогом уже очень давно. С самого появления Министерств.

Я надеюсь, ты не против, что я побуду в твоём доме. Ну, то есть, конечно же ты не можешь быть против, но я всё же надеюсь, что ты не против. Иногда мне нужно убраться подальше от всего этого шума. Тут так хорошо и мирно. И я просто обожаю твои цветы.

Ну ладно, полагаю, я вспомнила о камнях потому, что мы нашли осколки этого метеорита на раскопках старой литейной Луны под замком на прошлой неделе. Он был разбит на части потому, что кто-то извлёк всю руду из него, а потом запер остатки. Мне даже немного стыдно. Пони и зебры обвиняли его во всяких глупых вещах. Но не камень виноват. Это всего лишь камень. И я знаю, каково это, когда тебя обвиняют. Иногда, что бы я ни делала, получалось только хуже. Что ж, я приказала им использовать один из самых больших осколков как краеугольный камень. Как... как извинение за что-то, не знаю. Заставить его чувствовать себя полезным. Ну да, я знаю, что это тупо, это ведь всего лишь камень.

И... Я думаю, это не камни тупые. Тупы пони и зебры.

Я пришла сюда вчера. Построить последнее Стойло в Вечнодиком было моей идеей, поэтому я и хотела побыть здесь. Особенно после того, как у нас начались проблемы. Рэрити упоминала, что Вечнодикий лес — это единственное место, которое, как она была уверена, зебры атаковать не станут, вот я и подумала: 'Почему мы строим Стойла только в тех местах, которые, как мы думаем, будут атакованы? Может, есть резон построить одно где-нибудь, куда атаковать точно не станут?' Да, лес опасен, но не настолько. Мы жили тут, моя сестра и её друзья постоянно сюда ходили. Ну... Ещё одна моя идея, которая пошла прахом.

Эплблум предупреждала меня о цветах ядовитой шутки, но они всегда были такими... агрессивными? Последние три дня были по-настоящему плохими. Мунбим говорил, что, похоже, их привлекают раскопки. Он считает, что это или виброчувствительность (да это даже не слово!), или они хотят быть ближе к пони. Но это же бессмысленно. Это ведь растения, верно? Эплблум упоминала, что ты говорила ей, что цветы хотят посмеяться. Как вообще растения могут чего-то хотеть?

Прости. Я знаю, что говорю бессвязно. Думаю, мои мысли тоже не слишком последовательны. Я просто пытаюсь понять, что к чему.

Я думаю...

Я думаю, мы потеряли нашу веру.

Разве это имеет смысл? Это как если бы всё, во что мы должны верить, вдруг потемнело и обрушилось. Как если бы воздух потяжелел. Нет... в этом нет никакого смысла. Будто... не знаю. Будто бы всё слишком реально. Знаешь, как когда ты просто жеребёнок, и ты смотришь на кого-то, кого считаешь своим идолом. И вдруг ты понимаешь, что он вовсе не идеален, как тебе казалось. Что и у него есть недостатки, как и у всех остальных. Может быть, это просто приходит с возрастом?

Это как если бы мы забыли о героях. Только ещё хуже. Мы забыли, как верить друг в друга. В пони. Даже Скуталу... Она пытается исправить пони этими экспериментами.

Однажды я сказала Скуталу, что та пытается сделать пони такими же, какими они были, когда мы были детьми. Знаешь, что она ответила? Она сказала 'Ностальгия почти всегда только понарошку.' Разве это не ужасно?

И тут мне... эм...

И тут мне в голову пришла другая мысль. Может быть, мы просто заиклены на спасении пони. Может быть, это неправильно — исправлять? Но тогда не будет ли всё это впустую, как Скуталу говорила?

Я уже и не знаю. Иногда эти эксперименты кажутся такими... Ну, не знаю... неправильными, что ли. Я знаю, они не опасны. Мы абсолютно уверены в этом. Но мне всё равно не по себе от того факта, что я провожу эксперименты над теми пони, кто просто пытается выжить. Разве это не неправильно? Они же не виноваты... ну, по крайней мере, большинство. Пони в Стойле Один, ещё быть может, но не они. Я просто хотела спасти их и дать им шанс. Как и камням, наверное.

Однажды я даже почти рассказала Рэрити о экспериментах. Но не рассказала. Потому что... ну... Я бы предала Скуталу и Эплблум, если бы поступила так. И я не уверена, что Рэрити поступила бы так, как нужно, если бы я ей сказала. Мне взаправду не нравится Министерство Стиля. И если она теперь такая...

...Как я уже говорила, мы не были яблочным пирогом уже давным-давно. Иногда я чувствую, что та маленькая фигурка Рэрити, которую она мне дала, стала для меня большей сестрой, чем сама Рэрити.

Сегодня я спросила Скуталу, можно ли сделать Стойло Сто Одн 'контрольным', но она и Эплблум настояли на важности эксперимента.

И часть меня считает, что Скуталу права. Может, мы и в самом деле должны попытаться, прежде чем сделаем всё верно? И что будет, если мы не справимся? На этот раз цена может быть куда большей, чем древесный сок и сосновые иголки.

...

Скуталу так странно на меня смотрела. Думаю, может, она знала, что у меня есть своё мнение.

Как бы там ни было... Прости меня за эти бессвязности. Спасибо, что позволила мне побыть у тебя дома. И спасибо, что выслушала. Эплблум была права. Ты и вправду хороший собеседник, Зекора.

Мы все очень, очень опечалены тем, что произошло с тобой. Покойся с миром."

Гляньте-ка на это...

Мы все смотрели вверх, наши взгляды поднимались вдоль тёмных силуэтов лесных деревьев. Покрытое облаками небо мерцало адским оранжевым светом, освещаемое простиравшимися на многие мили от нас пожарами. Наши взоры были прикованы к массивной чёрной тени, медленно плывущей через огненные небеса Вечнодикого леса. Вдоль её бортов вспыхивали слепящие проблески молний. Она надвигалась на нас, но не мы были её целью.

Громовержец.

Это было на целые сутки раньше запланированного. Полковник Отэм Лиф отклонился от собственного плана, прокляни его Богини!

— На этом корабле мой брат, — глухо буркнул Каламити.

Я переступала на месте в волнении. Это плохо. Чёрт возьми, неужели он... Внезапная волна усталости накрыла меня. Этот день был слишком долгим и слишком тяжёлым. Мне необходимо было вздремнуть, но я не могла себе этого позволить.

Прямо над нами сверкнуло ещё несколько молний. Четыре Хищника, пришвартованные к «Громовержцу», тронулись, их мелкие грозовые облака отделились от крупного облака под Циклоном. Два корабля двигались впереди, пока два других прикрывали с флангов мобильную осадную платформу.

— Хорошо, — развернувшись и обращаясь ко всем, сказала я. — План меняется. — Я посмотрела на пони (и грифину), зашедших со мной так далеко. Часть меня смертельно боялась того, что я должна была сказать. Но часть меня знала, что иначе поступить было нельзя. — Нам нужно разделиться.

Прежде чем кто-нибудь начал бы возражать, я объяснила:

— Сейчас Анклав движется к Собору. И они придут туда часов через несколько, так? — я посмотрела на Каламити, кивнувшего в знак согласия. — А все вместе мы пойти не можем. Ксенит не следует беспокоить, в особенности после того, как Лайфблум использует своё заклинание. — И с большим нежеланием я добавила: — Как и адского пса.

Вельвет Ремеди тихо согласилась, глядя на своих пациентов. Лайфблум подошёл к кровати Ксенит, готовясь произвести заклинание трепанации.

— Я и Лайфлум должны остаться, — произнесла Вельвет, избавляя меня от необходимости говорить это. — А ты, любовь моя, должен идти, — грустно улыбнулась она Каламити.

— Паерлайт, защищай их, — дала я указание. Жар-феникс заворковал, выпрямившись, и отсалютовал мне одним крылом.

— Я не знаю, смогу ли я сделать это, — признался Каламити. — После всего, что они натворили, после того, как столько пони погибло... Я знаю, Отэма нужно остановить. Но я не думаю, что смогу... — Он посмотрел на меня большими глазами, полными боли. — Мой родной брат.

Я вспомнила, как изменился Прайд, узнав о том, что Анклав отметил Каламити как подлежащего уничтожению. Именно Отэм Лиф (его родной брат!) приказал ликвидировать моего лучшего друга.

— Тады удачно, что я с вами пру, — сказала Реджи уверенно.

Вельвет Ремеди бросила страдальческий взгляд.

— Это трудно — идти против родни, — сказала Реджи. — Завалить собственного брата... Я не думаю, что мне бы удалось подобное, если бы Кейдж стал плохим. Никто не станет тебя обвинять, если ты не возьмёшь на себя этот выстрел.

Каламити смотрел, как она проверяет, заряжены ли её пистолеты, пистолеты, которые он изготовил специально для этой молодой грифины.

— Если тебе это хоть как-то поможет, ты всё равно сможешь положить конец его зверствам, — сказала она ему. Меня поразило, что Реджи рассматривала свои пистолеты как замену Каламити — словно это он принимал участие в деле, что должен был сделать, но не решился на это сам — во многом так же она относилась и к ножам Кейджа.

— Ну, Лил'пип, каков план? — спросил Каламити. — Каким макаром мы собираемся пройти через мили огня и чего б там ни было ещё, что Вечнодикий держит в рукаве, и добраться до базы Красного Глаза быстрее них?

— А мы и не собираемся, — ответила я ему просто. Я подняла копыто к небу, указывая на «Громовержец». — Нас подвезут. На этом.

Каламити, Реджи и я собирались, когда засветился рог Лайфблума, пытавшегося совершить чудо. У нас не было много времени: мы хотели дать «Громовержцу» достаточно, чтобы миновать нас, но не собирались позволить ему скрыться из виду.

— Это тайная операция, — объявила я, поморщившись от стонов, которые раздались в ответ. — Эй, у нас же есть два стелс-плаща. — Я показала на накидку адского пса, лежавшую рядом с плащом Ксенит. — И ещё у меня есть улучшенный СтелсБак.

— Которому хватает заряда всего на несколько часов, — напомнила мне Вельвет Ремеди.

— Верно, но у нас всё равно нету ничего лучше, — согласилась я. — Когда мы доберёмся до места, мы достанем силовую броню Анклава для Каламити, а я возьму его стелс-плащ.

— Вот дерьмо, — пробормотал Каламити. Он опустил голову, роняя шляпу на землю. — Тогда её придётся оставить тут. — Пегас взглянул на свою чёрную ковбойскую шляпу. Половина её сгорела ещё в Пиратской Вспышке. Честно говоря, она уже перестала быть похожей на шляпу и смотрелась теперь совсем не так, как раньше. Она скорее стала лишь напоминанием о том, какую боль испытал тогда мой друг. Меня передёрнуло при мысли об этом.

— Я любил эту шляпу.

— Я сохраню её до твоего возвращения, — пообещала Вельвет Ремеди. В этих словах мне отчасти послышалась её попытка убедить себя, что он обязательно вернётся.

Яркий алый свет вспыхнул вокруг Ксенит, а потом образовал нечто похожее на нимб вокруг её головы, делая зебру отдаленно

похожей на спящего ангела. Я вспомнила, как однажды она спасла свою дочь, отравив себе крылья, как у летучей мыши. Моё воображение тут же нарисовало мне несколько совершенно нелепых сочетаний этих двух вещей.

Лайфблум обливался потом от напряжения, пытаясь оставаться сконцентрированным.

Каламити вывалил содержимое своих сумок (готова поклясться, груда вещей на полу была куда больше, чем могло вообще поместиться в его сумках, и среди прочего в ней было несколько бутылочек и склянок с сушёными травами и порошками, которые Каламити, очевидно, уже стащил из хижин), заявив, что хочет путешествовать налегке.

— Ты не станешь сражаться с братом, но унесёшь с его корабля всё, что сможешь, да?

— Агась.

Реджи тем временем была уже готова и сейчас стояла в дверном проёме, куря очередную сигарету. Увидев это, Вельвет Ремеди шикнула на неё.

— Ага-ага, — закатила глаза грифина. — Буду курить — спалю лес или ещё чё-нить.

— В конце концов, просто подумай о своём здоровье, — ответила Вельвет.

Реджи удивлённо подняла бровь, а затем обвела крылом нашу разношёрстную компанию.

— Ну да. Это в моём стиле. Выбирать то, что уж точно никак не повредит здоровью.

Вельвет открыла на мгновение рот, уже готовясь возразить, но потом, похоже, смирившись с поражением, закрыла его и лишь спросила:

— Уже слишком поздно?

— Это ты по поводу курения, или того, что я с вами? — Реджи выпустила колечко дыма. — Как мне кажется, бросить — всё равно что сказать: я ошиблась, когда настояла на своей помощи. Или сказать, что Кейдж тоже ошибся. В общем... этого просто не произойдёт.

Но Вельвет не была настроена обсуждать решения, которые Реджи приняла в своей жизни. Вместо этого она повернулась ко мне.

— Литлпип... пожалуйста... скажи честно... — Её голос звучал надломленно, а во взгляде читался ужас. — Сколько времени пройдёт, прежде чем пожар доберётся до Флаттершай? — Она нервно сглотнула. — Он ведь уже добрался. Да? Она уже мертва? Или... или... — Моя подруга не могла заставить себя сказать, что Флаттершай прямо сейчас умирает. Но можно было ясно понять по выражению её мордочки, что она уже представила себе, как кобыла министерства сгорает заживо, умирая в медленной и мучительной агонии. Это был слишком жестокий конец для её и без того полной жестокостей жизни. Я не могла заставить себя сказать, что, по самым радужным прогнозам, пожар достигнет тех мест к ночи. Может, это и была исковерканная доброта, но я просто не могла сказать Вельвет правду. Это бы просто сломало её.

Я уже открыла рот, чтобы солгать, но меня прервали, прежде чем я вымолвила хоть слово.

— Это не имеет значения, — сказала ей Реджи, притягивая взгляды всех, кто находился в этой комнате. Кроме Лайфблума — единорог был полностью сконцентрирован на своём заклинании.

Вельвет уставилась на нее, открыв рот. Казалось, можно было почувствовать, как её сердце сейчас разрывается на части.

— Ч-что?..

Реджи немного опешила.

— Погодите... — Она уставилась на всех нас. — Вы что, в самом деле ничего не знаете?

— Не знаем чего? — осторожно поинтересовался Каламити.

— Огонь не сжигает деревья, — заявила грифина. Похоже, что после такого заявления не только мне пришлось подбирать челюсть с пола. — Чёрт. — Реджи покачала головой. — Гораздо проще показать вам. Всё равно на слово вы мне не поверите.

— Что значит "не сжигает"?! —

— То и значит, — ответила Реджи. — У меня была возможность полюбоваться на это, когда вы убежали, оставив меня едва живую там, на дереве, — начала грифина, однако её слова не звучали обвинительно. Казалось, что она даже находит это весьма забавным. — Там была бригада поджигателей Красного Глаза. Промаршировала мимо меня, паля из своих огнёмётов во всё вокруг. И клянусь именем матери, что огонь проходил прямо сквозь стволы деревьев.

— Но... — Голос Вельвет выдавал её отчаяние. — Но мы же видели, как деревья горят! Когда мы бились с Вондерболтами! Помните? — Она посмотрела на меня, словно ища подтверждение тому, что всё, что она видела — лишь игра её воображения, что Реджи всё-таки говорит правду и что больше не о чем беспокоиться. Я поблагодарила Луну за то, что в этот раз мне не пришлось лгать.

— Те деревья горели из-за финта Скайдаив, — напомнила я ей. — Не из-за огнёмётчиков Красного Глаза.

Каламити, покачав головой, взглянул на Реджину.

— А чё ты раньше эт не сказала?

— Чёрт, да я думала, ты знаешь. Кроме того, мне и так было чем заняться. — Грифина бросила сигарету на землю и затоптала лапой. — Дерево не загорелось, но мох подпало. А потом этот горящий мох начал метаться и извиваться, пытаясь спрыгнуть с дерева. Клянусь, это выглядело так, будто он вопил в жутких муках. Мне теперь несколько недель кошмары будут сниться!

— Нихрена ж себе! — присвистнул Каламити.

— Огонь... не сжигает... Флаттершай в безопасности? — Вельвет Ремеди захлестнуло волной противоречивых эмоций.

— Да, — пробормотала я. Мои глаза расширились, как только шестерёнки в моей голове начали снова вращаться. Я видела результаты исследований Красного Глаза в области Заклинаний Обхода. Его учёные работали над добавлением обхода к эффекту некоторого оружия. Все детали исследования были отредактированы после его успешного завершения. Ксенит рассказывала мне, что она работала в одном из зданий, где производилось огнёмётное топливо. Но свести воедино эти факты мне до сих пор не удавалось. — По крайней мере... сейчас.

— Сейчас? — Голос Вельвет был тихим, но полным надежды.

— Красный Глаз не станет попусту тратить ресурсы, так, Лил'пип? — спросил Каламити, следуя прямо по рельсам моих мыслей. — Он очищает Вечнодикий Лес, но не собирает сжигать деревья. Ему нужна древесина.

Я кивнула.

Я видела свет подсчётов в глазах Вельвет. У её поисков теперь была временная шкала, которую она могла видеть. Ксенит должна была поправиться, чтобы они могли сварить зелье, которое спасёт Флаттершай до того, как силы Красного Глаза покончат со сжиганием леса и преуслеют с лесозаготовкой настолько, что достигнут вершины Холма Убийственной Шутки.

— Вы хотите это? — внезапно прервал нас адский пёс, держа перед собой его зебринский плащ-невидимку; бесполезные теперь веревки, связывавшие его, валялись вокруг. — Вы не получаете это, пока не дадите кое-что взамен. — Его глаза сверкнули недобрым блеском.

— И что же вы хотите в обмен на ваше щедрое предложение? — дипломатично спросила Вельвет, многозначительно посмотрев на

культю его ноги не сделала того менее опасным; альбинос был быстрее, чем любой из нас. Он обхватил лапой Вельвет Ремеди, остановив когти (достаточно острые и прочные, чтобы разрезать металл) прямо напротив её лица. Их лёгкое прикосновение пустило кровь. Вельвет тоненько взвизгнула.

— Эти когти, — рывкнул пёс, указывая на ножи Кейджа из когтей адских гончих, заткнутые за пояс Реджи.

— ЧЁРТА С ДВА! — Юная грифина подлетела почти на расстояние вытянутого когтя от адского пса, выхватывая оружие, прежде чем Каламити поймал её зубами за хвост. — Они. Принадлежали. Моему. Брату!

— Я полагаю, перед ним они принадлежать одному из наш брат, — невпечатлённым злобным тоном ответил адский пёс.

— А ну шпакойна! — крикнул Каламити так громко, как только мог с хвостом Реджи в зубах. — Думаю, мы мофем пшошто приштфелить тефя и фсять то, што нам нуфно. — Он переступил, нацеливая своё боевое седло на адского пса.

Потеря ноги не сделала того менее опасным; альбинос был быстрее, чем любой из нас. Он обхватил лапой Вельвет Ремеди, остановив когти (достаточно острые и прочные, чтобы разрезать металл) прямо напротив её лица. Их лёгкое прикосновение пустило кровь. Вельвет тоненько взвизгнула.

— Кто быстрее? — холодно поинтересовался он.

Я левитировала Малый Макинтош перед собой.

— Отпусти её. Нежно. Или ты умрёшь так быстро, что даже не осознаешь этого.

Удивительно, но изувеченный адский пес даже взглядом не моргнул под прицелом пяти стволов, направленных на него.

Рог Вельвет засветился. Пёс вяло повалился обратно на свою кровать, проведя одним из своих когтей по лицу Вельвет, когда опускалась его лапа. Вельвет пошатнулась, когда кровь хлынула из раны.

— Не убивайте его, — приказала она, отступая назад и прикладывая копыто к лицу. Коготь едва не задел её глаз. — Литлпип! Твоё заклинание. Пожалуйста!

Мы использовали все лечебные повязки и зелья, что у нас были. Не осталось ничего, чтобы помочь Вельвет, за исключением тёмного заклинания, которое я почерпнула из Чёрной Книги. И снова я позволила себе использовать эти знания для создания пластыря из собственной крови Вельвет, упаковавшего половину её головы в кровавую маску.

Каламити бросился к Вельвет, поддерживая её. Он зарычал на адского пса, явно испытывая очень-очень сильное желание пристрелить монстра. Но Вельвет не позволила бы ему. Вместо этого она повернулась к своему обидчику и сказала с лёгким сочувствием:

— Я полностью согласна с тем, как отвратительно то, что какие-то пони делают оружие из частей ваших тел. — Она оглядела нас своим глазом, не скрытым кровавой маской. — А те, кто так не считает, пусть попытаются представить себе существо, владеющее оружием, сделанным из копыт пони!

И снова обратилась к (весьма рассерженного вида) альбиносу:

— В обмен на использование твоего плаща мы даём тебе это... — Её рог засветился снова, и шлем Ксенит из когтей адских гончих проплыл над нами и опустился на грудь адского пса (игнорируя сдавленный возглас протеста от Каламити). — ...Но ты не получишь клинки Кейджа Грознопёрого, — добавила она строго. — Мне жаль.

Она нахмурилась.

— И за твою агрессию ты проведешь оставшуюся часть того времени, что мы будем вместе, под действием этого заклинания. Не очень умно нападать на своего же врача.

Вельвет Ремеди отошла от него. Её колени задрожали, и мгновением спустя она упала на них, тяжело дыша, позволяя панике теперь, когда кризис миновал, взять над ней верх.

Каламити лёг рядом с ней и обнял, нежно прижимаясь носом. Она спрятала лицо в его гриве, заливаясь слезами, вызванными стремительными метаниями между надеждой, отчаянием и смертельной опасностью, которые ей пришлось испытать за последние несколько минут.

Алый свет исчез, и Лайфблум, пошатнувшись, упал на пол рядом с Ксенит. Вытащив мордочку из оранжевой гривы Каламити, Вельвет тотчас начала заваливать Лайфблума вопросами о том, как всё прошло. Единственным ответом, который он мог дать, было слабое:

— Увидим. Теперь всё зависит только от неё.

— Тогда она прорвётся, — провозгласила Вельвет, дыхание которой было ещё немного сбитым. Казалось, она черпала силы от заботы о друзьях. — Ксенит — боец, переживший многое. Больше, чем вы можете себе представить.

Я поняла, что улыбаюсь. Чуть-чуть.

Где-то кто-то издал звук, похожий на вежливое покашливание.

Уголком глаза я уловила движение Реджи. Она выхватила оружие со скоростью Рэйнбоу Дэш и направила оба ствола на дверной проём перед собой.

— Мы не одни, — прорычала она.

Проклятье! Я так надеялась, что Анклав минует хижину Зекоры, не проявив к ней интереса. Я действительно не была готова сражаться прямо сейчас.

Вельвет застонала. Позади меня Лайфблум пытался подняться, но он был слишком изнеможён, чтобы стоять, и едва мог держать глаза открытыми.

— Анклав? — спросил он.

Паерлайт промчалась по комнате и взгромоздилась на голову Реджи, выглядывая из-за двери вместе с ней.

— Нет, — сказала Реджи, морщась от когтей Паерлайт. — Красный Глаз. Один из его проклятых спрайт-ботов.

Действительно, был смысл в том, что он решил немного постранствовать вблизи своей базы, но я не слышала музыки. Наблюдатель!

— Стойте, — воскликнула я, замахав копытами. — Не стреляйте. Он может быть дружественным.

Гром рокотал над головой, словно чёткий ритм барабанов войны. Громовержец проходил прямо над нами, огромная осадная платформа закрывала свет пламени, отражённый от облаков дыма. Цветы, окружавшие хижину Зекоры, казалось, проливали ещё больше красивого биолюминесцентного света в его тени.

Полковник Отэм Лиф или не обращал внимания на наше присутствие, или был сейчас слишком сосредоточен, чтобы его заметить.

— Давненько мой дом не был так заполнен, — сказал Наблюдатель. По механически монотонной интонации спрайт-бота было неясно, доволен ли он, или жалуется. — По крайней мере, половина тех, кого ты просила меня найти, уже прибыла.

— Ась? — Каламити моргнул. — Литлпип, о чём это ты его просила?

— У нас нет времени, — резко ответила я своему другу-пегасу. — Анклав продвигается слишком быстро. Я не могу быть везде одновременно. — Истина была в том, что я хотела попросить Спайка о ещё большем. И это бы ему не понравилось.

— Ты хотела сказать "мы"? — спросил Каламити многозначительно. Моя маленькая пони хмуро посмотрела на меня и мысленно

схватила меня за голову, заставляя виновато кивать.

— Да... Хотя в том-то и вся соль, — сказала я неуверенно. — Нам нужны любые союзники, каких только найдём, чтобы осуществить задуманное.

— Я чё заметил, ты до сих пор не посвятила нас в свой план, — проворчал Каламити. — Я надеюсь, на это есть хорошая причина.

— Да, есть, — заверила я его. Ага, отличная причина: вы попытались бы остановить меня, если б узнали. — А пока я попросила Наблюдателя связаться со всеми, кого мы знаем и кто мог бы помочь, и начать собирать их вместе.

— И, боюсь, у меня плохие новости, — сказал Наблюдатель через спрайт-бота. — Один из ваших друзей не сможет прийти. — Я почувствовала, как жуткий холод прошёлся под моей гривой. Очевидным заключением было то, что кто-то умер.

— Кто? — спросила я, маленькая пони в моей голове полагала, что нам действительно не стоит это знать. — Что случилось?

— Хомэйдж, — ответил Наблюдатель, и я ощутила, как весь мой внутренний мир вытекает из меня, оставляя меня в холодной бездне мрака. О Луна... Только не это...

Чувство было столь сильным, сколь и непродолжительным, развеянное следующими словами Наблюдателя:

— Пока ничего. Но Анклав выяснил, что DJ Pon3 движется от одной башни П.О.П. к другой и взламывает их, чтобы выйти в эфир. Они начали располагать Хищники над всеми башнями в ожидании её следующего шага.

Спасибо, Луна! Селестия, пожалуйста, сохрани её!

Огромная часть меня желала броситься ей на помощь. Но, сделав это, я бы привела врагов прямо к ней. И к тому же я знала, она бы не одобрила мои действия, брось я битву за правое дело лишь для того, чтобы сбежать к ней.

— К счастью, у Анклава недостаточно Хищников, чтобы прикрыть каждую башню, а она не даст им возможности легко обнаружить себя, — объяснил Наблюдатель. — Но их сети в конце концов поймут её.

— Только если мы не сможем помочь, — приподнялся стоящий рядом Каламити и положил копыто мне на голову. — Насколько я знаю Лиг'пип, её план оттянет большую часть заварушки от Хомэйдж.

Я улыбнулась ему обеспокоенно, но всё же благодарно. Он был прав насчёт этого. Мы собирались победить. Всегда должны были, но сейчас это было не только для Пустоши. Сейчас я сражалась, чтобы спасти Хомэйдж. Я осознала, как ужасно эгоистично было ставить сохранность одной пони наравне с нуждами десятков или даже сотен тысяч пони. Но мне было наплевать. Хомэйдж... Хомэйдж была Хомэйдж, и я могла себе позволить побыть немного эгоистичной ради неё, правда ведь?

— Хомэйдж настаивала на том, что она не может прийти. Она решила не рисковать привести Анклав прямо к... Спротивлению, вот как она вас называет. — Радио Спротивления. Так жители Тенпони окрестили вещание Диджея Pon3. Очевидно, она приняла это прозвище. — Я постараюсь найти спрайт-бота где-нибудь поблизости, чтобы она могла поговорить с нами, — предложил Наблюдатель. — И ещё, Хомэйдж просила передать, что она отправит к вам нескольких союзников на помощь.

Союзники — это хорошо. Мне нравятся союзники. Нам пригодятся все друзья, которых сможем найти.

И тут реальность ударила меня. Удар поразил меня, холодный, резкий и жёсткий, почти сбивший меня с ног. Часть меня цеплялась за надежду на то, что я ещё увижу Хомэйдж снова, когда соберу всех в пещере Спайка... на последней встрече, перед тем как приведу свой план в исполнение. Последняя передышка перед тем, как я с головой окунусь в свою судьбу.

Но из всех именно Хомэйдж была той, кого я желала увидеть больше всего, и она не могла туда прийти. Самое большее, что я могла, так это слышать её голос. Поговорить с ней. Но её не будет там, я не смогу прикоснуться к ней, обнять её, поцеловать... Попрощаться.

Мои ноги, похожие на мокрую лапшу, были абсолютно не в состоянии удержать титанический вес разбитого сердца. Я больше никогда не увижу Хомэйдж.

Звук помех, и спрайт-бот начал играть тяжёлую, зловещую музыку Анклава. Наблюдатель ушёл. Его время вышло. Но я даже не заметила этого. Я была слишком занята рыданиями своего сердца.

Рокот грозовых облаков Громовержца удалялся. Времени больше не было. Мы должны были идти.

Я осознала, что всё ещё слышала тихий звук рожков и барабанов, а также печальные тона скрипки: музыка спрайт-бота. Он не улетел. Он наблюдал за нами.

Я знала, что работая из Филлидельфийского центра Министерства Морали, Красный Глаз никак не мог использовать спрайт-ботов так долго и не знать, что их можно задействовать как шпионов.

Мрачная решимость переполняла меня, заглушая сердечные муки. Не убивая их, просто позволяя мне не чувствовать их некоторое время. Я поднялась на копыта и решительно зашагала туда, где в зоне видимости от хижины Зекоры среди деревьев всё ещё висел спрайт-бот.

Красный Глаз знал, что мы были здесь. Знал, где нас искать. И я захотела чётко обозначить, что в этом не было необходимости.

— Мы идём, — сообщила я спрайт-боту, почти уверенная, что обращаюсь непосредственно к Красному Глазу. — Ты ведь этого хотел, верно?

Спрайт-бот продолжал наигрывать музыку.

Я смотрела на него целую минуту, возможно, даже две, прежде чем с отвращением отвернуться.

— Каламити! Реджи! Выдвигаемся.

Я стала удаляться от спрайт-бота, но затем остановилась. Я подбежала назад к нему, мой рог мягко светился, когда я сообщила:

— Извини. Я должна убить тебя. — Сейчас, однако, я обращалась не к Красному Глазу, а к самому спрайт-боту. Моя ПипНога всё ещё была неисправна, и я собиралась использовать маленького механического шпиона для того, чтобы перезагрузить её.

Мой телекинез открыл ремонтный люк в спрайт-боте и выдернул его спарк-батарею.

Спрайт-бот упал, как камень. Мёртв. Или что там у роботов вместо смерти.

Присев, я отключила в нём все аудио- и видеопередачи и вернула его к жизни роботом-овощем. (Или типа того. Плевать. Идиотские роботы, вечно портят все мои метафоры.)

Я посмотрела вниз, на мой ПипБак, гротескно вплавившийся в переднюю ногу. Ужасно. Я подумала, что, возможно, это даже хорошо, что Хомэйдж никогда больше не увидит меня. Пусть она запомнит меня такой, какой я была до жар-бомбы. До Кантерлота. И до Арбы.

Лайфблум подошёл ко мне, пока я перезагружала свою ПипНогу.

Наверное, он собирался утешить меня или спросить о Наблюдателе или о сборах. Я опередила его, задав вопрос о той, кем был занят мой разум.

— Как ты познакомился с Хомэйдж? — непривычно тихим голосом спросила я. У меня не было сил скрывать охватывавшую меня печаль.

Лайфблум замаялся, затем присел рядом.

— Общество Сумерек направило её ко мне, — сказал он. — Они думали, что я смогу сблизиться с ней.

Лайфблум начал рассказывать, покачиваясь на передних копытах.

— Когда она впервые получила вид на жительство в Башне Тенпони, она была в трауре. Она потеряла кобылу, которую любила, и не была уверена, что сможет когда-либо снова обрести любовь. — Он нежно улыбнулся. — Я рад видеть, что она ошибалась.

Это сделало боль только сильнее. Моё сердце обливалось кровью, и я чувствовала, как слёзы наворачиваются на глаза. Они жгли, как огонь. И, что ещё хуже, маленькая пони в моей голове совсем не хотела слышать о предыдущей любви Хомэйдж. Разумеется, у неё должен был быть хоть кто-нибудь до меня. Нельзя же стать столь... искусной без практики, верно? Но мне нравилось думать иначе. Даже зная, что я неправа. Даже точно зная, кто это был.

Джоукблу.

Я не собираюсь ревновать. Не к покойной возлюбленной Хомэйдж. Я отказываюсь быть столь ужасной.

— Мы были одного возраста, и я тоже переживал свою собственную потерю, что в глазах других членов Общества делало нас похожими, — продолжал Лайфблум, но его тон говорил, что Общество в этом ошибалось. Он уточнил: — Меня вышибли из Республики, когда выяснилось, что я предпочитаю жеребцов.

Я удивлённо заморгала.

— Чего?

Я вспомнила, что Республика была маленьким городком, который уничтожили рейдеры из Домика Флаттершай. *Кучка чудаков навроде культа, странные, но неплохие ребята*, если верить Крестоносцам Пустоши.

— Они вышибли тебя только из-за этого? — Я была поражена. С юности я была поставлена перед фактом, что моя тяга к кобылам делает мои перспективы найти любовь весьма туманными. Но я никогда не встречалась с открытыми предубеждениями против этого. Я даже не представляла, что такое возможно. — Почему? Зачем им было делать это?

— Я считаю, по той же причине, по которой Анклав это поощряет, — произнёс Каламити, приближаясь к нам, его слова породили ещё одно *погоди, чего?* от маленькой пони в моей голове. — Контроль рождаемости. Держу пари, такому маленькому поселению, как Республика, требуется столько детей, сколько они только могут получить.

Лайфблум хмуро кивнул.

— И раз я не собирался вносить свой вклад в рост населения Республики, я был не нужен.

— А что Анклав? — спросила я, преисполненная любопытства. Моя ПипНога загудела, подавая признаки жизни, на экране вспыхнули отчёты о состоянии системы. Я включила Л.У.М. и проверила наиболее важные показания.

— Над облачной завесой не так много сельхозугодий, все они расположены вокруг этих башен. Слишком много пегасов означает голод. Анклав крепко держит узды рождаемости.

Официально вы уже мертвы, сказал Каламити Трекеру и другим пегасам в Новой Эплузе. *В течении недели Анклав вышлет соболезнования и разрешения на рождение нового ребёнка.*

— Возможность завести ещё одного жеребёнка — одна из привилегий, которую получают пегасы, вступающие в Анклав, — признался Каламити. — И хотя это и не озвучивается официально, Анклав отдаёт небольшое предпочтение тем офицерам, которые не собираются воспользоваться этим правом.

Я сидела и обдумывала это всего секунду. Затем стряхнула это с себя, словно воду со шкуры.

— Нам действительно пора. — Я поднялась и посмотрела на Лайфблума сверху вниз. — Но когда мы вернёмся, я хочу услышать от тебя всё, что ты знаешь о Хомэйдж.

Он странно посмотрел на меня.

— Это не любопытство, — объяснила я. — Просто я... я скучаю по ней.

Уже через несколько минут мы поднимались сквозь дым. Мы видели под собой пламя, пробивающееся через лес. Если верить Реджи, сами деревья не горели, но иногда, когда вспыхивал мох или обвивающие их лианы, создавалось именно такое впечатление.

Мы все повязали шарфы, чтобы защититься от отвратительного дыма, но они лишь смягчали его мерзость. Мои лёгкие горели, нестерпимо щипало глаза, голова раскалывалась. В основном от дыма, но не только от него. Я была абсолютно вымотана, особенно после душераздирающих новостей, которые я услышала от Наблюдателя. Стоило огромных, почти титанических усилий держать глаза открытыми.

фьють!

Я тихо взвизгнула, когда что-то ударило меня в левое заднее копыто, чувствуя резкую боль с последующим за ней жжением. Я подняла его, обнаружив острый шип, вонзившийся в основание копыта. Жжение нарастало. Яд.

фьють фьють фьють фьють

— Твоюжмать! — закричал Каламити, закладывая резкий вираж, когда воздух наполнился множеством шипов. Нас обстреливала лесная растительность! О Богини, как же я ненавидела этот лес.

Растения прекратили обстрел, когда пожар добрался до них. Каламити мужественно терпел плотный дым в попытке держать нас вне зоны поражения любой другой враждебной растительности Вечнодикого леса.

Огонь в моём копыте с ноющей болью начал распространяться вверх по ноге. Но я испытывала и куда более сильные страдания. Чёрт, да меня даже поджигал дракон. По сравнению с этим, чёрт, по сравнению с тем множеством ранений, что я получила в бою с Вондерболтами, растительный яд из шипа был пустяком.

Мы нагоняли «Громовержец», но это требовало времени. Я не включала МГ СтелсБак II из опасения, что он израсходуется раньше, чем мы достигнем укрытия на Циклоне.

Я закрыла глаза на несколько минут. Я использовала свою левитацию, чтобы облегчить свой вес в копытах Каламити. Я чувствовала себя в безопасности. Я могла себе позволить закрыть глаза на минутку...

Я была Рэйнбоу Дэш.

Облака подо мной были прекрасно белыми, пушистыми и мягкими. И они тянулись бесконечно под тёплым сиянием солнца Селестии. Я могла видеть разноцветных пегасов, порхающих и летающих вокруг. Поблизости находился город, но я не смотрела на него. Не хотела смотреть.

Вместо этого я смотрела на белоснежный океан, раскинувшийся под куполом из яркой синевы.

Я была Рэйнбоу Дэш, и я была несчастна.

Везде под этими облаками была Эквестрия. Или то, что от неё осталось. Повсюду внизу царил крошечный ад, в котором пони, которым не посчастливилось укрыться в одном из Стойл и которые не погибли при нападении, были обречены на страдания и умирали.

И я видела пони, летающих вокруг и благополучно игнорирующих скрытые от них тем, а некоторые начинали называть "Облачной Завесой".

Это было неправильно.

Дело было не в том, что все мои друзья, каждый из них, находились сейчас где-то внизу, и я не знала, живы они или нет. Я не могла просто жить здесь наверху и делать вид, что Эквестрии никогда не существовало. Да, это было сильное искушение. Но я была не из таких пони. Но остальные пегасы, видимо, были готовы смириться, и это ранило моё сердце сильнее, чем оно могло выдержать.

Я должна была чувствовать отвращение ко всем ним. Вместо этого я просто грустила.

Я была Рэйнбоу Дэш, и мне было стыдно, что я пегас.

Если теперь быть пегасом означало именно это... что ж, возможно, для меня настало время уйти.

Я почувствовала, как захлопали мои крылья, медленно отрывая меня от облаков. Я обожала летать, но сегодня я едва нашла в себе силы, чтобы поднять себя. Моя голова была опущена, моё тело свисало с моих крыльев мёртвым грузом. Копыта коснулись облаков, когда я сдвинулась с места.

Я повернулась спиной к летающим разноцветным пони. И обернулась бросить последний взгляд, прежде чем улететь прочь...

...Я проснулась от приступа кашля, настолько сильного, что Каламити пришлось прижать меня к себе, чтобы не дать мне выскользнуть из его объятий.

Мы пролетали над частью отряда огнемётчиков, продвигавшегося через уже обработанную огнём часть леса. Я смотрела на единорожку, шагавшую перед крылом грифонов Красного Глаза. Рог её светился. Свечение распространялось по земле перед ней, освещая большие полосы сожжённой лесной земли. Секунду спустя земля начала взрывать сама по себе.

Грифоны тут же вышли вперёд и начали поджигать своими огнёмётами сплетения голубых лоз, которые были "выкорчеваны" заклинанием единорожки.

— Э, ах, Лил'пип! — взволновался Каламити. — Ты там в порядке?

— Д-да, извини, — извинилась я, снова оборачивая себя левитационным полем. — Вздремнула немного.

— Хах, как окажемся на борту, найдём местечко, где залечь, а там уж вздремнёшь. — «Громовержец» уже был ближе к нам, в паре минут полёта. — Может, всего пару часов, но это ж лучше, чем ничего.

Я включила свой улучшенный СтелсБак. Мы уже были достаточно близко, так что всем нам нужно было стать невидимками. Реджи и Каламити последовали моему примеру, натягивая капюшоны своих зебринских стелс-плащей.

Вдруг, откуда ни возьмись, странного вида сигуэт (тёмного цвета фигура размерами с пони, но с кожистыми крыльями, наподобие крыльев летучих мышей, напомнила мне о Ксенит и её летательном амулете) пулей вылетел из облаков и, словно таран, врезался в один из Хищников.

— Чё это была за херня!? — выпалила Реджи. — Вы тоже эт видели?

Хищник начал менять направление, уходя в сторону от Циклона. Я левитировала свой наушник, вставила его в ухо и быстро настроилась на частоту радиопередач анклавовских войск.

"...корпус повреждён. Повторяю, на борту обнаружен неприятель." — Голос офицера связи Анклава звучал профессионально, равнодушно и даже несколько скучно. — **"Изменяем курс, чтобы разобраться с нарушителями, приём."**

«Громовержец» всё ещё был в часах полёта от Собора, а нападения уже не заставили себя ждать. Сомнений не было, за все этим стоит Красный Глаз, но всё-таки что-то было не так. Одним-единственным существом эту армаду не остановить, даже не задержать. А это значило, что смысл у этой атаки был совершенно иным.

"Принято, Хищник «Перистый». Как только разберётесь с нарушителями, ждём вас у цели. Конец связи."

Я уже начала подозревать, что Красный Глаз захотел немного ослабить силы Анклава, прежде чем ввести в игру какой-нибудь эдакий козырь, что он до сих пор скрывал под плащом.

"Перистый Громовержцу!" — На этот раз в голосе радиста звучала паника. — **"На борту демон! Повторяю, на борту демон!"**

На. Борту. Кто?!

Реджи начала было что-то говорить, но я взмахом копыта попросила её помолчать (позже я осознала, что этот поступок был полным идиотизмом, так как я была невидимой), всё мое внимание было сфокусировано на радиопередачах в моём ухе.

"Громовержец Перистому. Подтвердите, монстр, который сбил «Трубчатого», у вас..."

Офицеру с «Громовержца» так и не удалось закончить свой вопрос, а уж тем более получить ответ. Мой наушник взорвался громкими помехами, а канал внутренней связи военного корабля Анклава начал нести смерть.

Я взбрыкнула в объятьях Каламити и в моих глазах всё покраснело, когда взрыв боли покатился по моему мозгу и сжал рог. Я как можно скорее вырубилась радио моей ПипНоги, лоя ртом воздух и стирая кровь с глаз. Что бы там ни было на борту «Перистого», оно только что пустило в эфир военного канала кантерлотский сигнал!

Во имя гривы Луны!

Мы встретились с осквернёнными передатчиками в Зебратауне. Но даже когда Кантерлот превратился в груды обломков, уцелевшие передатчики всё равно продолжали вещать свою смертельную волну. Блин, да один из них всё ещё был у меня в седельных сумках. Мне и в голову прийти не могло, что кто-нибудь в самом деле захочет использовать какой-то из этих передатчиков для вещания по обычным каналам!

К счастью для Анклава, всё, что им надо было сделать, чтобы обезопасить себя — это выключить свои приёмники. Однако же это означало, что армаде Анклава придётся сойтись в битве с силами Красного Глаза без каких-либо средств коммуникации.

Битва началась.

Жжение, которое сперва ощущалось только в моем копыте, а потом распространилось по всей ноге, вроде бы утихло. И хотя теперь моя нога здорово распухла и с трудом гнулась, худшее, казалось, было уже позади. Яд, содержащийся в шипе, был не смертелен. Ну, по крайней мере, чему-то большему, чем кролик.

Если не учитывать недавнее нападение растений, то наша тайная операция пока шла идеально. Никто не стрелял в нас, пока мы приближались к «Громовержцу». Все орудия Циклона были направлены в другую сторону. Нам нужно было лишь долететь до люка, взломать замок и незаметно проскользнуть внутрь. А так как Каламити идеально знал архитектуру Циклонов, люк мы нашли быстро.

Я прокляла Анклав, пегасов и все технологии крылатых, когда увидела это. Грёбанный облачный интерфейс.

— Этот взломать не получится, — сказал Каламити приглушённым голосом. Интересно, он имел в виду себя или меня? Возможно, обоих.

— Рэйнбоу! — закричала я так громко, как только осмелилась в такой близости от «Громовержца».

— Дэш, — последовал приглушённый ответ. Зебринский стелс-плащ сделал голос как будто звучащим из-под воды. Из-за этого нельзя было точно сказать, где находилась грифина, но было ясно, что она рядом.

— Окей. Теперь план Б, — объявил Каламити достаточно громко, чтобы Реджи (мы надеялись на это) нас услышала. Мы не могли знать, где могла находиться грифина, и поэтому прибегли к навигации "вызов-ответ". Я уже начинала жалеть, что мы отказались от идеи связать нас вместе верёвкой. — Мы сейчас просто поднимемся чуток повыше, приземлимся на одну из палуб и подождём, пока кто-нибудь не откроет дверь.

Сказав это, Каламити заработал крыльями, поднимая нас вверх.

Тут под нами с шипением открылся люк.

— Вы идёте? — раздался голос грифины.

Я попыталась обменяться взглядом с Каламити и, естественно, потерпела неудачу.

— Сдаётся мне, вы тут считали, что одна только Литлпип замки умеет взламывать.

* * *

Мы были во внутренних коридорах «Громовержца», гром от его грозовых облаков сотрясал весь его фюзеляж. Вибрация смешивалась с жужжанием ламп; это жужжание казалось более низким, чем на «Дождевом» или внутри Стойл, более зловещим, но, возможно, это было просто игрой воображения. Голоса пегасов слышались отовсюду, кроме самых изолированных проходов.

Коридоры были окрашены в чёрный, отчего казалось, что лампы светят слепяще ярко. На стены были нанесены цветные полосы, которые были похожи на схематичную радугу, они отражали свет, который сами стены поглощали, из-за чего казалось, будто они светятся. Цветные линии не были сплошными, они то прерывались скошенными концами, то к ним добавлялись новые, по мере того как мы продвигались через корабль. Я предположила, что это своего рода навигационные метки, помогавшие пегасам Анклава узнать, приведёт ли их этот коридор в нужную им секцию этого массивного корабля, или нет. Вдоль стены через равные промежутки висели экраны, на каждом из которых горел символ Анклава — эмблема из облаков и крыльев, с парой глаз, смотрящих из-под арки, зелёная с фиолетовым на чёрном.

Мы двигались тихо, держа друг друга за хвост, Каламити шёл впереди. Моя задняя нога делала ходьбу неприятной и немного трудной. К счастью, чтобы красться через недра «Громовержца», не требовалось бежать.

Я чувствовала себя неловко и неприятно тепло от ощущения, как Реджина Грознопёрая держит мой хвост у себя в клюве. Я попыталась сосредоточиться на том, что происходит спереди, и тут же пожалела об этом. Судя по вкусу, Каламити не мыл свой хвост неделями. (Я знала, что это не могло быть так. Вельвет Ремеди просто не допустила бы этого. Но легче от этого не было.) Я медленно проигрывала битву со своим собственным рвотным рефлексом.

Я пережила примерно пять минут и два этажа, пока мы не достигли уединённой лестничной клетки, где я наконец смогла отпустить хвост своего друга и отплеваться в углу.

Я почувствовала, как Реджина выплюнула мой хвост.

— Ага, будто твой был вкуснее, — иронично прошептала она.

Если я правильно понимала навигационную схему «Громовержца», полосы на металлических ступеньках означали, что мы находимся между его казармами и медицинским отсеком, за которым должны были находиться жилые помещения офицеров. Я ожидала, что такая лестница будет использоваться интенсивно, но она была абсолютно пуста.

— Погоди-ка здесь, Лигпип, — распорядился Каламити. — Я схожу, подберу себе анклавовской брони. Казармы тут, этажом ниже, напротив центра физподготовки.

Мы добрались до лестницы, пройдя мимо этого самого центра физподготовки, хорошо при этом его разглядев через широкие смотровые окна. Физцентр представлял собой просторное трёхэтажное помещение, полное кобыл и жеребцов, которые занимались, поднимали тяжести и даже летали через установленные на разной высоте кольца, причём ни на ком из них не было ни брони, ни униформы. На третьем этаже было расположено тучболное поле, на котором увлечённо играли два десятка взмокших от пота кобылиц и жеребцов Анклава. Должна признать, заглядевшись на некоторых из пегасок, я на некоторое время отвлеклась от мерзкого привкуса во рту.

Тогда вполне логично, что вся броня хранилась совсем рядом. Но...

— Один? В казармы? — спросила Реджи, вторя беспокоившим меня мыслям, прежде чем я успела их озвучить. Но после добавила: — Может, подождать у лестницы, пока здесь не пройдёт какой-нибудь ублюдок из Анклава, и по тихому его прикончить? Он и пикнуть не успеет, я как-никак с ножами Кейджа.

— Нет! — воскликнула я, опешив. Сражение с Анклавом в открытом бою — это одно. Но это? Это же убийство!

— Моему братцу смерть бы не помешала, — строго сказал Каламити. — Но большинство пони здесь совсем не плохие. Они просто следуют приказам. Мы не должны убивать этих пони.

— Нет здесь невинных, — прошипела Реджи.

— Может статься и есть, — возразил Каламити. — Не помню такого, чтоб «Громовержец» раньше сам участвовал в боях.

— Мы так не делаем, — присоединилась я, только заставив Реджи глумиться ещё больше.

— Да ладно, — продолжала гнуть своё Реджи. — Не забыла, что я дочь Гуады? Знаю я, что ты тогда устроила в Разбитом Копыте. Если надо, то ты и наёмным убийцей готова стать.

Я вздрогнула. Мне правда, правда не хотелось представлять себя в таком свете, но Реджина была права. И я заслужила этот подлый удар по самооценке, сбросивший меня с собственного пьедестала.

Несмотря на душевные боли, я сменила тактику:

— Ладно, ты права. Но Каламити — тоже. Мы уже видели мятеж команды. Есть вероятность, что большая часть этих пони перейдёт на нашу сторону; дай им шанс и немного возможности.

— Но они уж точно не согласятся, коли ты будешь им глотки резать на лестнице.

Реджи, казалось, согласилась с этим. Она замолчала.

Я двинула к нескольким анклавовским ящикам, лежавшим под лестницей, и легла, приготовившись погрузиться в сон. Каламити (как я предположила) ушёл, чтобы принести броню. Я не могла точно сказать, но это было разумным предположением. Но в любом случае они с Реджиной больше не спорили и не поднимали неприятные этические моменты. Тихо и спокойно. Время сна.

Слишком тихо.

— Рэйнбоу, — прошептала я.

— Дэш.

* * *

Я проснулась, когда Каламити вернулся с анклавовской бронёй и, как я предположила, со всем тем, что смог вынести из медицинского отсека.

— Всё прошло гладко, — сказал он, снимая зебринский плащ-невидимку и передавая его мне. Я потянулась к нему и поняла, что могу видеть свою переднюю ногу. МГ СтелсБак II выдохся, пока я спала. К счастью, никто (по крайней мере, достаточно наблюдательный) до сих пор не использовал лестницу.

Так, стоп.

— Сколько я проспала?

— Да достаточно долго. Он уже устроил себе тут экскурсию, — подразнила меня Реджи откуда-то неподалёку. — Мы решили, что должны дать тебе поспать. — Реджи переключила внимание на Каламити: — А ты не думаешь, что твой брат всё-таки заметит, что целый его грёбанный корабль исчезнет?

Готова поклясться, у одной из Богинь была слабость к нездоровым шуткам. До того, как Каламити ответил, мы услышали дверь, открывшую несколько этажами выше. Музыка затопила лестничную площадку, скрытые динамики у входа ожили, заиграв навязчивую оркестровую музыку с главным музыкальным инструментом — изысканно звучащей виолончелью.

— Вот чёрт, — тихо простонал Каламити. — Это ж Отэм. — И в ответ на мой сомневающийся взгляд он объяснил: — Кто ж ещё, имея целый корабль, будет проигрывать классическую музыку, куда б ни пошёл? — Я заметила, что он встал, расправив крылья так, чтобы почувствовать Реджи, если она попытается пройти мимо него. Я не была уверена, хочет ли он остановить грифину, или просто предупредить её.

На лестничной площадке раздалось эхо голосов:

— И снова, сэр, я приношу свои глубочайшие извинения, — говорила кобыла, почти ноя. — Я всё ещё не могу понять, как этот монстр прошёл мимо нас.

— Без сомнения, с помощью заклинания телепортации, — ответил Отэм Лиф, его голос был твёрд. — Две твари наподобие этой, пытавшиеся прорваться в Нейварро, могли телепортироваться, — добавил он, — но это пустяковое заклинание не помогло ни одной из них.

— Сэр, вы же понимаете, что это западня? — сказала кобыла.

— Конечно же это западня. — Голос жеребца был гладок, как стекло. В отличие от других братьев Каламити, в его голосе не было ни следа фамильного акцента. — Красный Глаз вызывает меня. Нет просто других объяснений этой... — в голосе Отэм Лифа чувствовалась злоба, — ...ментальной атаке.

У меня голова пошла кругом. Если я правильно истолковала услышанное, то, получается, я была не единственной, кого аликорны Красного Глаза "тестировали" своим ментальным изнасилованием.

Отэм Лиф серьёзно заявил:

— И я не собираюсь его разочаровывать.

Только сейчас я поняла, почему Отэм Лиф выдвинулся раньше запланированного.

— Сэр? — начала умолять кобылка, её голос всё приближался. — При всём моём уважении, я считаю что для вас будет серьёзной ошибкой вступать в подобную схватку.

— Я не сомневаюсь в этом, — ответил пегас, принёсший слишком много вреда, разрушения и смертей Эквестрийской Пустоши. — Но есть такие преступления, которые требуют личного счёта.

Я услышала, как над нами открылась другая дверь.

— Если я умру, — проинструктировал её полковник Отэм Лиф, — или меня схватят в заложники, вы будете следовать отданным вам приказаниям. — Его голос начал удаляться, когда оба пони вышли. Я еле расслышала, как он добавил: — Кроме того, Красный Глаз не сможет этого предвидеть...

Дверь начала закрываться. Как только она закрылась, виртуальный классический оркестр испарился, погрузив лестничную площадку в угнетающую тишину.

— Рэйнбоу? — с опаской спросила я.

Ответного "Дэш" не последовало.

* * *

Я включила своё радио, из-за чего мне пришлось, сдерживая кровавые слёзы, срочно выпить ещё одно лечебное зелье из тех, что раздобыл Каламити. Боль, раскалывавшая голову и рог, отступила, а затем и вовсе исчезла. По крайней мере, попав сюда, мы могли восстанавливать здоровье. Даже опухоль в моей ноге почти полностью исчезла.

Кантерлотский статический сигнал с Хищника «Перистый» всё ещё наводнял внутрикорабельный канал Анклава. Тот факт, что «Перистому» не удалось ни заглушить его, ни увести достаточно далеко от «Громовержца», чтобы вывести того из зоны действия сигнала, указывал на то, что силам Анклава на его борту не удалось успешно разобраться с "демоном". Я готова была спорить, что по крайней мере один из других Хищников пытался преследовать «Перистого». Но без средств связи координировать свои действия им было совсем не просто. Я представляла, как солдаты Анклава летают между кораблями, доставляя сообщения.

Я отключилась от того канала сразу же, как услышала ЭТО, но концентрированный удар кантерлотского сигнала до сих пор негативно сказывался на мне. Теперь я переключалась между другими каналами: анклавовский сигнал, контролирующий адских гончих, внутрикорабельный канал классической музыки (одна виолончель, постоянно), радиовещание Красного Глаза (ведётся прямиком из Собора, минуя башни, а значит неподконтрольное Анклаву) и, наконец, обычное вещание пустоши (всегда Анклав; ну, почти всегда).

От Реджи по-прежнему не было ни слуху ни духу. Прошло уже пятнадцать минут.

— У меня несколько бутылочек ледяной Спарк~Колы в рюкзаке, — заметил Каламити. — Они почти так же хороши, как ещё пара часиков сна, я считаю. — Он повернулся к ящикам под лестницей, открывая первый же незапертый. — Ого, — присвистнул он, — гранаты!

Я тут же начала рыться в его рюкзаке под фанфары, звучащие в моём ухе.

— Тебе действительно нужен ПипБак, — шепнула я Каламити с усмешкой. В очередном приступе клептомании он свалил содержимое неимоверного количества аптечек и ящиков Анклава в свои седельные сумки и ещё больше в свой боевой рюкзак. — Хотя бы для сортировки своего барахла.

Мелодия по радио сменилась. Теперь звучала мрачная струнная музыка.

— Ах чёрт, — ответил Каламити, со стуком приложившись своим бронированным копытом по шлему. — В броне ведь есть один из таких. — Очевидно, он впервые должным образом пользовался бронёй Анклава. В те несколько раз, когда я видела его в собственной

Броне, на нём никогда не было шлема, за исключением краткого пребывания в Старом Олнее.

Я усмехнулась, собираясь сказать что-нибудь остроумное, когда обнаружила ледяную Спаркл-Колу. И пару баночек Минталок за ней. Я уставилась на них, чувствуя, как меня пробирает ледяной озноб.

— Каламити, — спросила я как бы между прочим. — Ты вообще когда-нибудь разбираешь свой хлам?

— Не-а. — Я почти ощущала, как он ухмыляется сквозь шлем. Он понятия не имел, что я там увидела. — Я так подумал, если Отэм хочет это, то пусть оно будет у меня.

Верно. Я оглянулась на рюкзак, мой разум настаивал на том, чтобы снова ощутить вкус Праздничных Минталок, это чувство мощности, интеллекта, уверенности...

Я взяла ледяную Спаркл-Колу в зубы и телекинезом застегнула молнию рюкзака; маленькая пони в моей голове вторила Каламити: *Не-а.*

Мне удалось понаслаждаться своей маленькой победой буквально одну минуту, затем я услышала звук открывающейся двери под нами. Пара офицеров Анклава в лёгкой броне широким шагом побежала вверх по лестнице. Каламити взмахнул своим скорпионоподобным бронированным хвостом, отдавая честь. Один из офицеров поступил так же.

Я проследила за тем, как они ушли вверх по лестнице, следуя линии, что вела их прямо в офицерские казармы, при этом даже не замечая её. Как только они отошли достаточно далеко, я переключила своё внимание на Каламити.

— Хочу кое о чём тебя спросить, — сказала я ему, открывая ледяную бутылку Спарк-Колы и наслаждаясь тихим шипением и ароматом моркови и колы.

— Спрашивай, — ответил он, освобождая ещё один ящик от его содержимого, которое, среди прочего, включало чью-то коллекцию журнала "Вингбонер", семнадцать довоенных монет и копию довоенной книги "Дай гороху шанс: рецепты вегетарианской кухни". — Не стесняйся.

Вспомнив ехидное замечание Реджи по поводу ношения лечебных зелий, я начала наполнять свои седельные сумки лекарствами из рюкзака.

— Какие именно средства защиты Анклав там поставил у центрального узла П.О.П., — спросила я, перед тем как наклонить бутылку колы и сделать глоток. (Морковка, йей!) Я знала, что центр и так имел собственные средства защиты, и самым выразительным из них был щит, окружавший всё строение целиком, но Анклаву они были неподвластны. Проект Одного Пегаса был гарантом власти Анклава в небесах. И даже если никто туда не мог попасть, я должна была допускать наличие там какой-нибудь охраны или хотя бы сигнализации.

— Ты имеешь в виду Нейварро? — спросил Каламити.

Я едва не задохнулась от вкуса газированной моркови. Плывущее ко мне лечебное зелье звякнуло об пол.

— Нейварро? — переспросила я, поставив колу в безопасное место — на один из анклавовских ящиков.

— Твоужма!.. — заржал Каламити, топя от смеха. — И эт твой план? — спросил он, замахав крыльями. — Ты хочешь мериться силами с самой большой анклавовской военной базой?

Вот чёрт.

— С базой, над которой постоянно висит Циклон?

Ебать-колотить.

— С базой, где мой батя сержантом служит?

Принцесса Луна напихала мне в вагину лунных камней под завязку и вызвала домой. Анклав построил целую ебучую военную базу вокруг него!

— Это будет тайная операция? — спросил он, в открытую потешаясь над моей идеей. — Или ты планируешь всего-навсего широкомасштабное наступление?

Я уже открыла рот для ответа, но из меня вышел только писк.

— Агась. Вот это будет веселуха.

Он хотел сказать что-то ещё, но звук открывающейся двери заставил его замолчать. Мы ждали, пытаюсь услышать того, будь то пони или не пони, кто только что вышел на лестницу над нашими головами. Наши уши встретила только тишина.

Через мгновение мы услышали приглушённое "Дэш" Реджи.

Крылья Каламити опустились.

— Мой брат? — спросил он, не решаясь договорить.

— Боюсь, ещё жив, — ответила Реджи. — Простите, я отвлеклась.

Отвлеклась?

— Я обнаружила, что они держат здесь пленников, — объяснила Реджи. — Кто за то, чтобы освободить их?

— Добро пожаловать в команду, — усмехнулся Каламити.

* * *

Один пегас в анклавовской броне на корабле, полном пегасов Анклава, в сопровождении двух невидимых и практически бесшумных партнёров. Если бы мы не смогли повернуть это, мы не заслуживали победы.

Музыка в моём наушнике снова поменялась. Теперь звучало нечто напоминающее панихиду.

— Салют, подруга, — весело крикнул Каламити, приближаясь к кобыле на сторожевом посту перед корабельным тюремным отсеком. Заслужив от меня очередной фэйсхув. — Скучаешь?

— Остановись и назови себя, — приказала пегаска-охранница.

— Виндшир, — тут же соврал Каламити. — Старший офицер связи. Переведён с «Рассвета» на прошлой неделе.

Это была опасная игра. Но если кобыла была знакома с семьёй полковника, то использование имени и звания его брата придавало нашим действиям вполне законный вид. В конце концов, вполне объяснимо, что полковник Отэм Лиф хотел держать брата при себе во время этой операции. А акцент Каламити придавал правдоподобности всей этой истории.

Не вызовет ли у неё подозрений то, что старший офицер связи носит броню Анклава, а не офицерскую униформу? В этом мне пришлось полностью довериться инстинктам Каламити и его опыту службы в Анклаве. Однако если ей было известно, как выглядят братья Отэма Лифа, то малейший взгляд под броню сказал бы ей, что Каламити лжёт. А по его раскраске она бы поняла, что это совсем другой брат Отэма, тот, которого объявили предателем. Тот, которого Анклав должен был убить на месте. Уловка Каламити была призвана поднять кобылу настроение, чтобы отвлечь от угадывания его настоящей личности.

— Старший офицер связи? — переспросила кобыла, немедленно делая мои опасения бессмысленными. — Так может ты объяснишь мне тогда, какого сена происходит с Хищником «Перистый»? — Она раздражённо посмотрела на Каламити. — В смысле, у нас ведь есть

коротка корабля, так? И даже если лазутчиком удалось отключить её, метки есть у всех пони в броне пони в броне на борту. Почему бы просто не засечь проклятый Хищник и не сбить его?

— Потому что мы хотим сохранить в целости все Хищники, — с упрёком сказал Каламити. — Корабль пока не атаковал нас, и я полагаю, есть ещё надежда, что наши войска по-прежнему держат его под контролем. А что касается его отслеживания? Держу пари, что диверсанты не оставили нам ни единого канала для связи.

Управление дверью имело облачный интерфейс, к которому требовался пароль. Мы с Реджи дружно принялись его взламывать, пользуясь её когтями и моим здравым смыслом, пока Каламити отвлекал внимание охранницы.

Он покачал своей бронированной головой.

— Не-а. Вероятнее всего, они запустили этот свой некро-шум широкополосно, забывая им каждый сигнал, исходящий с «Перистого». Блокируя метки, — проржал Каламити. — А чёрт, да возможно, в этом-то и весь смысл, а нарушение связи — это так, побочный эффект.

Пароль был "Мягколапка". Я даже и не знала, что подумать об этом.

— Так это ведь на самом деле демон? Да? — спросила кобыла. — Я слышала, что некоторые из них смогли пробраться в наш мир из ада, когда взорвались жар-бомбы.

— Я не верю в демонов, — ответил Каламити. — И в боги тоже не верю. По мне, так глупо винить какие-то внешние силы в том, что этот мир всё больше погружается в дерьмо. Мы сами это делаем, своими копытами. И, по-моему, у нас неплохо это получается...

Я встала позади кобылы и откинула капюшон, подавая Каламити знак. Реджи ввела код, пока мой друг отвлекал внимание охранницы. Замок негромко зажужжал, открываясь. Чтобы пегаска ничего не заподозрила, Каламити подошёл к ней поближе и немного повысил голос, перекрывая шум.

— ...я уверен, что этот так называемый демон не более чем простой пони. — Он сказал это так, как будто это было не просто его личное мнение, а версия, которой придерживался Анклав. Пегаска, казалось, поверила в это. — Ну или какой-нибудь монстр, мутант, который появился после войны.

Мы с Реджи проскользнули в тюрьму.

Нашему взору открылся коридор высотой в два этажа с множеством камер. Каждая камера закрывалась магическим полем, которое светилось голубоватым светом. Точно такое же использовалось в магической клетке, в которой довелось побывать мне, Каламити и Дитзи Ду меньше недели назад. Едва слышные звуки плача донеслись до наших ушей.

Большинство камер пустовало. Большинство. Тут были пони. Не только взрослые, но и жеребята. Некоторые заключённые ходили по своим камерам, другие же просто лежали на жёстких металлических койках. Их всех объединяло то, что они были уроженцами Пустоши. Они были грязными, пыльными и смотрелись как-то странно на фоне суровой чистоты анклавовского судна. Обнаружив источник плача, я отпрянула — это была кобыла, баюкающая обмякшее тело своего жеребёнка. Он умер, находясь в плену Анклава.

Изнутри тюрьму охраняли два пегаса. Сейчас они стояли у заднего воздушного шлюза, но всё равно слышали звук открывающейся двери.

— Мне кажется, я что-то слышал, — сказал один из охранников, когда они, осматриваясь, двинулись по коридору.

Я едва успела шагнуть в сторону, когда один из них прошёл мимо, махнув хвостом в сантиметре от меня. Часть меня страстно желала выхватить Малый Макинтош и в упор засадить пулю ему в голову. Он заслуживал этого. Но шум переполошил бы весь корабль. Как бы мне хотелось, чтобы с нами сейчас была Вельвет Ремеди с её обезболивающим заклинанием или Лайфблум, или Ксенит с её парализующим ударом. Но так как их не было рядом, я сделала лучшее, что могла.

Мой рог засветился, выдавая моё местоположение, когда я обхватила своим телекинезом их шеи и сдавливала их до тех пор, пока они не перестали брыкаться.

Реджи откинула свой капюшон и огрела одного из охранников, который ещё вяло шевелился.

— Помоги мне отключить энергетические щиты.

Я тоже откинула свой капюшон, полагаясь на то, что заключённые не станут выдавать нас, и двинулась к терминалу, управляющему клетками.

Пока мы с Реджи ковырялись в терминале, я не смогла сдержаться, чтобы не сказать:

— Если это имеет значение, знай — я горжусь тобой. Помощь этим пони ты поставила выше своей мести.

Реджина Грознопёрая издала смешок:

— Я делаю это не ради твоего одобрения, но всё равно спасибо. — Заметив мой удивлённый взгляд, она вздохнула. — Это из-за Кейджа. Где бы сейчас ни был мой брат, я хочу, чтобы он одобрял меня. И я думаю, что это именно то, чего он ждал от меня. То, что он сделал бы на моём месте.

Я вспомнила, как юный грифон покупал мятую консервную банку у Сильвер Белл, только чтобы порадовать малышку.

— Думаю, ты права, — предположила я. — То есть, я знаю, что мы были знакомы с ним совсем не долго. Но из того, что я успела узнать о нём... Да, он бы это одобрил.

Реджи кивнула.

— Чего будет стоить мечь, если в процессе я опозорю его память.

Она посмотрела на меня, в уголке её глаза дрожала слеза.

— Знаешь, он всегда хотел заниматься вещами вроде вот этого. Я тоже, разумеется, — добавила она поспешно. — Но он хотел быть героем. Он хотел, чтобы грифоны играли куда лучшую роль в жизни Эквестрии. — Она мрачно улыбнулась. — Иногда мне казалось, что он воспринимал существование Стерн и подобных ей как личное оскорбление и пытался компенсировать то, что они творили.

— Вы! — воскликнул один из заключённых. Я повернулась на голос и узнала Трекера. Нефритовый пегас ударил копытами по энергетическому щиту, не обращая внимания на ответный удар. — Вы не должны быть здесь! Уходите, пока ещё можете. Пока они не схватили и вас тоже!

— Ни за что, пока не вытащим всех вас отсюда, — решительно ответила я с улыбкой. Многие пони поднялись на ноги и приблизились к магическим барьерам, взирая на нас с Реджи со смешанным выражением надежды и неверия. — Встречайте спасательную команду.

Звук сирен наполнил тюремный отсек. Я посмотрела на Реджи широко раскрытыми глазами, уверенная, что кто-то из пони включил тревогу и что скоро сюда ввалятся солдаты Анклава.

Затем мы почувствовали первую лёгкую вибрацию, прокатившуюся по полу. Тюремные помещения находились вблизи внешней обшивки «Громовержца» (у меня возникло страшное подозрение, что воздушный шлюз здесь был нужен для того, чтобы избавляться от заключённых на большой высоте), и мы, судя по всему, чувствовали последствия ударов зенитных орудий Собора.

На лице у Реджи отразилась та же мысль.

— Вот мы и на месте.

Я никогда не видела такой дисциплинированный и упорядоченный хаос, как в осадной платформе Анклава во время сражения. Каждый пегас знал, куда идти и что делать, и они делали это быстро, под громогласное рывканье своих командиров. Так как военный канал связи лежал, офицеры поднялись под потолок, время от времени задевая его крыльями, крича на подчинённых и через весь корабль друг другу.

Никто не обращал внимания на одинокого, гружёного рюкзаками солдата Анклава, целенаправленно двигавшегося по коридору и свернувшего в ангар одного из причалов «Громовержца».

— Куда, Лил'пип? — спросил Каламити.

— Тебе эт понравится, — ответила я из-под зебринского плаща. — Ты пойдёшь сейчас и утонишь один из небесных танков Анклава.

— Отлично. — Я почти слышала, как он лыбится у себя под шлемом. — Анклав нам должен за «Небесный Бандит».

— Как только свалим с корабля, надо будет открыть воздушный шлюз, — добавила Реджи. — Надо ещё пассажиров на борт взять.

Весь корабль наводнился звуками духовых инструментов, барабанов и скрипок, которые сменили тяжёлую классическую музыку на боевой "Полет Шедоуболтов".

"Вот и всё, пони," — прогремел над музыкой голос полковника Отэм Лифа. — **"Вот тот момент, ради которого вы тренивались сейчас, момент, который потребует всего вашего опыта. Вы рождены для этой битвы. Время разделить пегасов и грифонов. Время надрать задницу Красному Глазу и показать ему, что переходить дорогу Анклаву, уничтожать наших братьев и сестёр было с его стороны совершенно глупо. Мы сражаемся во имя каждого пегаса, позорно убитого в Прекрасной Долине во время подлого нападения..."** — Мониторы вдоль стены ожили, эмблема Анклава сменилась медленно прокручивающимся списком имён, окрашенных в красный — каждый пегас, убитый в Прекрасной Долине во время взрыва жар-бомбы. Я заставляла себя не смотреть, не читать каждого имени. Я знала, что должна была. На мне была ответственность за их гибель... Но если бы я посмотрела, я бы не смогла идти дальше. — **"...Мы сражаемся во имя наших близких, во имя нашего дома и нашего Анклава!"**

Мы направились через палубу ангара к одному из чёрно-зелёных танков, "Полет Шедоуболтов" звучал всё громче. Двери ангара с шумом раскрылись, открывая задымлённое, жёлтое небо. Дымки от взрывов зенитных снарядов заполнили его.

Отряд пегасов в чёрной панцирной броне промчался мимо ворот ангара, вступая в битву с крылом тёмно-зелёных аликорнов, находящихся под защитой их щитов. Я слышала разряды энерго-магического оружия и выстрелы классического огнестрельного оружия, доносящиеся с земли под нами. Все эти звуки смешивались в безумно раздражающий гул. В небо начали подниматься первые небесные танки и колесницы-бомбардировщики, вылетая из глотки корабля прямо в эпицентр сражения.

Каламити открыл самый большой из небесных танков, что мы только смогли отыскать. Вооружён он был многоствольными плазменными пушками (типа той, из которой Каламити стрелял в Топаз: слишком большими даже для боевого седла) и мог перевозить до дюжины солдат в полной боевой экипировке за раз. Каламити побежал в перед танка и начал запрягать себя в боевую упряжь, пока я и Реджи устраивались позади. Прямо перед тем как взойти на борт, я заметила выведенное по трафарету на борту небесного танка название: "Черепеха".

Пара солдат Анклава подскакала к задней части «Черепехи». Они видели, что Каламити запряжён и готов к вылету, и собирались запрыгнуть внутрь. Реджи откинула свой капюшон, предстала перед ними на какое-то мгновение с ухмылкой на лице, прежде чем я захлопнула люк перед их носом.

— Простите, парни. Тут уже занято.

Нужно было видеть их ошеломлённые лица.

— Гони, — крикнула я Каламити, откидывая капюшон, как только люк закрылся. Я взглянула на люк, и пони в моей голове запаниковала, потому что я понятия не имела, как он запирается. — Сейчас. Самое время. Гони немедленно! — Я не собиралась давать тем двоим времени, чтобы очухаться, открыть люк и пристрелить нас.

Каламити расправил свои крылья внутри бронированной кабины «Черепехи», взмахнул ими дважды, и я почувствовала, как танк отрывается от пола ангара.

Мгновением спустя мы уже вылетали из дверей ангара, горизонтальные проёмы окон «Черепехи» пропускали болезненный золотистый свет зарева над Вечнодиким лесом.

Под нами расстился огромный комплекс из металла, камня и коричневого бетона — Собор. В его центре возвышалось воздушное строение в готическом стиле со ступенчатыми сводами, аркбутанами и розовыми витражами. Его окружал хорошо укреплённый замок с толстыми стенами, башнями и бойницами. В башнях располагались зенитные орудия, наподобие тех, что однажды защищали город Дружбы. Там был даже ров, и я могла видеть тень чего-то огромного размером с три дюжины пони, плавающего в нём.

За внешними стенами замка и рвом Вечнодикого леса уже не было. На многие мили во всех направлениях не было ничего, кроме чёрного пепла и покорёженных пней. С трёх сторон землю разрезало глубокое ущелье, через которое был переброшен лишь узкий, похожий на крепостной, мост.

Выжженная земля была заполнена пони. Не десятками, и даже не сотнями. Тысячи пони, одетые в цвета Красного Глаза, были готовы схлестнуться с Анклавом в свирепой битве. Войска Красного Глаза укрывались в траншеях и дотах, ещё больше выстроились вдоль стен замка, посылая заряды в небо. Аликорны и грифоны Красного Глаза встречались с пегасами лицом к лицу в небесах.

Битва носила явно односторонний характер. Бомбардировщики Анклава засыпали своими взрывчатыми веществами укрепления внизу, находясь при этом на высоте вне зоны поражения зениток. Каждый Хищник даже в одиночку мог сравнять Собор с землёй концентрированным огнём. И одним богиням ведомо, что мог натворить «Громовержец» сам по себе.

Два Хищника с «Громовержца» присоединились к тем четырём, что уже кружили вокруг Собора, бомбардируя его шквальным огнём плазмы. (Я полагала, что третий был сейчас занят поимкой «Перистого»). Три Хищника имели признаки повреждения от артобстрела, один из них извергал густой дым и начал крениться, выбиваясь из строя.

Каламити провёл нас широким кругом, избегая попадания на линию огня. Мы приблизились к воздушному шлюзу тюремного блока. Трекер уже был готов открыть его, ожидая нашего прибытия. Я открыла люк в «Черепехе», когда Каламити пришвартовался к «Громовержцу». Посадочная платформа Циклона двигалась еле-еле, прыжок с неё на наш небесный танк был не столько опасным, сколько щекотал нервы. Я заняла позицию у люка, чтобы помогать пони. Реджи забралась в кресло стрелка одной из плазменных пушек.

Первая пони, серая кобылка с поразительно фиолетовой гривой, шагнула на край воздушного шлюза. Она судорожно сглотнула, её колени дрожали, а лоб покрылся испариной от усилий, прилагаемых ею, чтобы не посмотреть вниз.

— Всё хорошо, — подбодрила я её. — Ты справишься.

Наше внимание, как и внимание всех остальных пони, принимавших участие в битве, внезапно было обращено вниз, привлечённое

ужасным, сотрясающим всю Эквестрию, рёвом, рёвом. Это-то огромное, мрачное и кошмарное поднималось от Собора, чудовищная чёрная тень закрыла затянутае дымом солнце. Огромные злобные красные глаза с ненавистью уставились на нас, воздух взбивался массивными кожистыми крыльями.

Затем оно направилось к одному из Хищников, извергая пламя. Когда оно повернулось, я смогла различить его когти и шипы размером с пони и переливающуюся зелёную чешую, а также глубокие шрамы, которые выглядели больше похожими на хирургические, чем на полученные в бою. Также я заметила странное механическое свечение, исходящее от одной из ран, которая ещё не полностью зажила.

В Вечнодиком лесу жил дракон. Да не просто дракон, Луна его дери, а чёртов прадед всех драконов. Древний дракон был настолько стар, что был огромным, гигантским, просто ненормально большим полностью выросшим драконом даже тогда, когда Спайк был ещё ребёнком!

И он сражался на стороне Красного Глаза.

Дракон взревел снова, схватив Хищник своими когтями, в то время как остальные три наводили на него свои орудия. "Убийцы Драконов" — так назвал их Каламити. Что ж, им выпал отличный шанс доказать, что они достойны этого звания. Дракон обдал пленённый Хищник удушающим чёрным дымом и взвыл, когда остальные Хищники пронзили его яркими энерго-магическими лучами. Он щёлкнул хвостом, оцетинившимся массивными шипами, каждый из которых сиял жуткой энергией, и обрушил его на одного из атакующих Хищников, оставляя глубокие борозды в его лобовой броне.

Моя челюсть упала, громко стукнув по полу «Черепахи». Эти шипы были магически зачарованы. Я уставилась на необычные, светящиеся красным глаза дракона и сразу поняла, о ком они мне напомнили.

Красный Глаз. Кибернетически. Улучшил. ДРАКОНА!

Я моргнула, пони в моей голове была ошеломлена. А потом начала крутиться.

— Всё, хватит. Мы приземляемся сейчас же! — крикнула я, оборачивая сбежавших пони-пленников своей магией и бесцеремонно перемещая их в салон «Черепахи». — Каламити, валим нахрен с неба!

Я закрыла люк, извиняясь перед заключёнными, и втиснула себя в свободное кресло стрелка плазменной пушки. Кресло и управление явно были рассчитаны на более крупную пони, к тому же я была примерно так же хороша в управлении энерго-магическим оружием, как и в фехтовании. Но до тех пор, пока у меня не было возможности подстрелить свой же проклятый танк, думаю, даже от меня могла быть польза.

Реджи уже открыла огонь, паля по соседним небесным танкам и бомбардировщикам Анклава. Пронзительный визг её плазменной пушки больно резал по ушам.

— О ДАААА! — крикнула Реджи через какофонию стрельбы. Один из её выстрелов превратил Анклавовский бомбардировщик в каскадный пиротехнический взрыв, переливающийся всеми цветами радуги. Она развернулась к следующей цели, до того как фейерверк рассеялся. — Обожаю эту амфибию!

— Черепахи — рептилии, — поправила я её. Подсоединив свою ПипНогу к турели, я скачала софт небесного танка и увеличила до максимума уровень своего заклинания прицеливания.

— Без разницы, — ответила она, пренебрежительно махнув крылом. — Эй, Каламити. Мы можем оставить её себе?

Следующие три её выстрела вывели из игры двух бронированных пегасов Анклава, спасая весьма удивлённого этим фактом аликорна.

Некоторые из бойцов Красного Глаза, выстроившихся вдоль стены Собора, открыли огонь по «Черепахе», когда Каламити подвёл нас слишком близко. Я ахнула в испуге, когда двое из беглецов рухнули замертво, прошитые пулями. Некоторые пони начали истошно вопить. Более уравновешенные тут же вмешались, пытаясь предотвратить панику. Трекер громко скомандовал всем лечь на пол и сжаться, делая из себя как можно меньшую мишень. Оглядев внутренности танка, я открыла один из рюкзаков, наполненных медицинскими препаратами.

Пули не столько пробивали броню танка, сколько полностью игнорировали её. Не было даже пулевых отверстий. Войска Красного Глаза использовали боеприпасы, на которые было наложено заклинание обхода брони.

Я направила свою плазменную пушку на солдат вдоль стены, пытаясь расчистить нам путь, чтобы приземлиться, не потеряв больше ни одного пони. С учётом зачарованных пуль и дракона, битва внезапно перестала носить столь односторонний характер.

Где-то сверху раздался рёв дракона.

Шум битвы снаружи едва лишь нарушал глубоко религиозную атмосферу центрального здания Собора. Строения вокруг него, оказавшиеся казармами и тренировочными полигонами, сейчас пустовали, так как эта часть армии Красного Глаза сражалась с захватчиками Анклава. Другая, большая часть, насколько я знала по данным из пары взломанных терминалов, располагалась в Филлидельфии. Всего через несколько дней руины Филлидельфии готовились стать местом проведения крупнейшей битвы в Эквестрии после (а может и до) войны между пони и зебрами.

И тысячи невинных погибли бы в огне этой битвы или были бы уничтожены Анклавом, если бы я не нашла способа остановить это.

Мы оставили беглецов в одном из барakov, поручив им забаррикадироваться внутри до нашего возвращения. Я не могла им помочь и думала, что мы затащили их с пресловутой раскалённой сковороды в равноценный пожар. Но вряд ли было хоть какое-нибудь место во всей Эквестрии, где они были бы по-настоящему в безопасности. Разве что в хижине Зекоры, и мне бы очень хотелось, чтобы Каламити отвёз их туда, пока я продвигалась вперёд. Но моё нутро подсказывало мне, что у нас не было времени на это. Как только я освобожу единорогов, которых Красный Глаз намеревался принести в жертву своему проклятому Вознесению, мы должны были сматываться как можно быстрее. Я уже планировала, как буду левитировать многих из них на буксире, пока Каламити будет вести «Черепаху» со всей возможной скоростью. С определённой долей везения она могла бы стать самой быстрой летающей черепахой в истории.

Наше трио пробиралось через Собор. Каламити снял броню Анклава в «Черепахе» и надел зебринский стелс-плащ обратно. В этот раз видимой была Реджи. В войсках Красного Глаза было достаточно грифонов-Когтей, так что никто не бросал на неё косых взглядов.

— Это меня даже пугает, — призналась грифина после того, как кто-то из отряда бойцов Красного Глаза, пробежавшего мимо в гарнизоны, остановился, чтобы улыбнуться и помахать ей.

Мы прошли под аркой. Надпись, вырезанная в камне, гласила: "Равенство есмь Гармония".

Пони в робах мимоходом прошли рядом с нами, напевая что-то низкими голосами и не обращая никакого внимания на Реджину.

Мы увидели ещё двух пони впереди нас, любовавшихся одним из многих разноцветных витражей. Третья пони присоединилась к ним, мои уши уловили фразу: "Идём к Благословенному Единству". Другие пони в робах сразу же повторили за ней как попугаи.

— Это Дискорд, — сказала новоприбывшая двум другим пони. — Дух Дисгармонии. — Она произнесла это внушительным голосом

профессиональной всезнайки": —Красный Глаз был так впечатлён после визита в Кантерлот, что перевёз все окна из Королевского замка в наш Собор.

Я уставилась на окно. Не на монстра, изображённого на нём, а на маленькие розоватые кусочки стекла. Волна страха захлестнула меня, когда я осознала, что соборное окно сохранило в себе остатки Розового Облака. Я тут же представила себе, как каждую минуту из отравленного стекла понемногу вытекает некромантический газ и распространяется по зданию.

— Никогда о нём не слышал. Что с ним случилось? — задал вопрос один из пони в робе.

— А никтооо не знааает, — подразнил его другой пони. И сразу выпрямился: — Не, честно. Принцессы Селестия и Луна победили его и превратили в статую. Он всё ещё был в Кантерлоте, когда начался апокалипсис. Одни говорят, что бомбардировка Кантерлота пробудила его, но только лишь чтобы доказать, что Розовое Облако одинаково смертельно и для духов, и для Принцесс. Другие поговаривают, что он до сих пор был заточён в камне. Тогда, вероятнее всего, он был уничтожен, после того как враги стёрли с лица Эквестрии Руины Кантерлота...

— А кто-то говорит, — лягнула третья, — что Дискорд освободился с началом войны, но был настолько слаб, что теперь он всего лишь жалкий дух, разгуливающий по Эквестрийским Пустошам и раскладывающий патроны и крышечки в случайных местах! — усмехнулась она. — Или... может быть, это делает Призрак Пинки Пай?

Другие два пони тупо уставились на неё, после чего их чуть не разорвало от смеха.

— Айсикэл, ты такая непредсказуемая!

Впереди показалась ещё одна огромная арка с широко распахнутыми стеклянными дверями. Тут же было и ещё одно послание от Красного Глаза, высеченное в камне и отделанное бронзой: "Помните, что вы здесь не потому, что вы лучше, чем другие, а потому, что смогли измениться к лучшему".

За стеклянными дверями расположилась главная аудитория Собора — просторное помещение с колоннами, высокими арками и окнами, которые были украшены витражами ослепительной красоты. В этом помещении было множество пони, облачённых в робы. Сидя на скамьях, они внимали словам кобылы, стоящей за кафедрой.

— Не бойтесь, последователи Нового Единства, — говорила она. — Рёв и грохот насилия окружают нас подобно буре, но не дайте им наполнить ваши сердца тревогой и отчаянием. Вместо этого воспряньте. Мы шли к этому через огонь и тьму, и сегодня настал тот день! День, которого мы так долго ждали. Сегодня произойдёт вознесение Красного Глаза и рождение Нового Единства!

Я стояла как громом поражённая. Сегодня? Красный Глаз собирался стать богом сегодня? Сейчас? Посреди всего этого хаоса?

— Помните, последователи Единства, как вы услышали крики и грохот орудий снаружи этого зала? Красный Глаз ещё в самом начале говорил, что этот день, день нашего перерождения, будет покрыт кровью. И это... — Она указала на одно из окон. Тень пролетавшего дракона окрасила величественные витражи в серый оттенок. — ...Не то, чего мы должны бояться, но должны любить. Ведь это символ нашего спасения! Дракон пришёл к Красному Глазу слепой, слабый, он умирал от старости. И Красный Глаз подарил ему новую жизнь. И так же, как этот дракон, очень скоро мы все переродимся!

Реджи достала и раскурила сигарету:

— Пиздец нам.

Я повернула, зная, что где-то тут была лестница. Нам нужно было спуститься вниз.

— Сюда, — позвала я, увидев знакомого вида гобелен.

Я повела своих спутников в соседний зал, соединявший проповедническую с соборной школой и дошкольным отделением. Сквозь открытые двери по обе стороны от нас можно было увидеть мастерские, в которых послушники Нового Единства создавали учебники и различные пособия для новой школы Красного Глаза, которую он собирался сделать доступной для каждого жеребёнка на Пустоши. Эти комнаты сильно напомнили мне помещения Министерства Стиля.

Двери школы распахнулись, и из них высыпала толпа жеребят, сопровождаемая несколькими пони в робах. Большинство из детей выглядели не столько испуганными, сколько восторженными, а несколько из них были даже одеты в костюмы аликорнов.

— Но мы хотим поглядеть на битву! — протестовал маленький жеребёнок. — Мы хотим увидеть, как хорошие пони победят!

— Мы и так знаем, что Красный Глаз победит, — ответил ему взрослый пони. — Это было predetermined. А теперь идёмте. Красный Глаз хочет, чтобы вы были в безопасности. — Второй пони открыл боковую дверь, за которой находились каменные ступени, ведущие вниз. Как раз то, что нам было нужно. Эти ступени должны были привести нас к... кибероперационной? Нет, нет, это был подуровень... два? А что же было на первом?

— Мы знаааем что это predetermined, но мы хотим увиидеть это! — заныл жеребёнок.

— Нам туда, — сказала я Реджи. — Идём вслед за детьми.

Молодая грифина взглянула на то место, где находилась невидимая я.

— Откуда ты знаешь, куда нам нужно? — спросила она, подняв бровь. — Ты уже была тут? Видела карту?

— Что-то вроде того, — призналась я. — Я смогла разобрать некоторые фрагменты памяти, оставшиеся после того, как аликорны выебали мне мозги своей телепатией. — На меня накатила ностальгия по беззаботным временам, когда я жила в Стойле Два. Тогда я не знала, каково это, когда тебе ебут мозги, да я даже выражения такого не знала!

— Эмм... Ну, я рада, что когда они... кончили... осталось хоть что-то полезное. — Мда, это прозвучало двусмысленно. Но по крайней мере Реджи хватило приличия, чтобы не поморщиться.

Музыка в моём наушнике внезапно перешла в отвратительный шум помех. Я уже почти выдернула его, но сразу же поблагодарила Богинь, что не сделала это, так как звук, который я услышала затем, был, вероятно, самым прекрасным звуком на всей Эквестрийской Пустоши.

"Доброе утро, дееееетки!"

Диджей Пон3! С Хомэйдж всё в порядке!

Или, по крайней мере, она была в порядке, когда записывала это. Зная её, эфир был записан за несколько часов до того, как она ушла. Как говорил Наблюдатель, она не хочет сделать себя лёгкой целью для Анклава.

"Я прерву сраную музыку Анклава ради очень важного эфира. Сегодня вместе со мной двое членов общества Сопротивления Пустоши, не иначе как дуэт борцов с Анклавом — Лев и Мышь. И я буду говорить с ними о хорошем бое, который они дали Анклаву, и что каждый из вас может сделать на благо пустоши. Но сначала погода!"

Я упивалась её голосом. Изменённый, как всегда, он всё равно принадлежал ей. Я могла слышать мою Хомэйдж, чувствовать её присутствие за каждым словом.

Моё сердце затрепетало, набираясь сил, хотя и разрывалось ещё от горя. Никогда...

Я никогда больше не увижу, не почувствую и не вдохну аромата моей Хомэйдж.

О Богини, я бормотала себе под нос, тело начинало дрожать. Пожалуйста, пусть это будет не так! Я сделала что угодно, отдам что угодно. Пожалуйста, только дайте мне это!

Голос диджея Пон3, чудо во свете и тьме, продолжал прорываться.

*"Сильная облачность, с возможностью больших, чёрных Циклонов над Вечнодиким лесом и долиной между Мэйнхэттеном и Филлидельфией. Я предполагаю, что в одном из этих двух городов скоро будет очень скверная погода, и если вы в... *БЦЗЗЗЗЗЫКЧ!*"*

Сигнал сдох. Нет диджея Пон3. Нет музыки. Ничего. Анклав полностью заткнул эфир.

Моё сердце остановилось. Я стояла замороженной. Парализованной...

...Пока Собор не сотрясло могучим, разрывающим грохотом. Повреждённый Хищник полностью потерял контроль над управлением и рухнул на одну из зубчатых стен, вызвав лавину из каменных обломков. Штормовые облака под Хищником рассеялись в ураганном взрыве, превратившем ближайшие окна в сотни острых как бритва осколков и мелкую розовую пыль. Я инстинктивно возвела телекинетическое поле, останавливая обломки и удерживая их как можно дальше от всех нас и от детей. Я ужаснулась от одной только мысли о том, какие последствия могло причинить вдыхание стеклянной крошки, пропитанной Розовым облаком.

Дети закричали; уговоры, чтобы спуститься вниз, больше были не нужны. Мы рванули за ними.

Первый подуровень под проповеднической был посвящён обходным заклинаниям и вооружению. Надпись на арке, которую мы только что прошли, гласила: "Каждый пони имеет право на труд".

Здесь ученики Красного Глаза зачаровали почти тысячу единиц стрелкового оружия для его армии. Как и бараки, эти комнаты сейчас были пусты, за исключением нескольких случайных прохожих и охранников, которые едва удостоили Реджи взглядом.

"Только тот факт, что пони родился с крыльями или рогом, отнюдь не делает его хуже," — вещал голос Красного Глаза в моём наушнике. Это была часть аудиозаписи, помеченной логотипом Стойла Сто Один, которую я нашла среди стопки книг на стеллаже внутри арки.

Эта аудиозапись содержала в себе часть беседы между Красным Глазом и Смотрительницей сто первого Стойла, останки его прошлого, которые кто-то из стойла счёл необходимым сохранить. Дискуссия проходила во время ужина за переполненным столом. Звуки пережёвывания пищи, звон тарелок и стаканов создавали непрекращающийся фоновый шум, иногда голоса других пони за столом бормотали что-то в моё ухо, делая трудноразличимым то, что произносили Красный Глаз или Смотрительница.

"Первый Гриффинчейзер был спроектирован и построен земным пони за считанные минуты," — вкрадчиво возразила Смотрительница. — *"Целый город Эплуза был возведён земными пони менее чем за год. Ты правда полагаешь, что единороги или пегасы могли бы поднять нас от мушкетёров до пулемётов за несколько десятилетий?"*

Пока мы шли, я озиралась по сторонам, пытаюсь выудить из воспоминаний, куда идти дальше. К сожалению, немногие из аликорнов, атаковавших мой разум, бывали на этом уровне.

"У единорогов и пегасов были свои особые таланты, которые они использовали на всеобщее благо," — возразил молодой голос Красного Глаза. — *"Например, без единорогов у нас не было бы исцеляющих зелий. Без пегасов Эквестрия была бы разорена бесконтрольной погодой. Каждая раса была частью единого целого, не являясь более выдающейся или более важной, чем другие. Таков жизненный гештальт, требующий всех трёх. Земные пони не правы, ставя себя выше остальных."*

Собор над нами сотрясся чередой мощных взрывов. На каменных плитах потолка появились трещины, вниз посыпалась пыль. Реджи посмотрела вверх, высказывая догадку:

— Один из бомбардировщиков. Чтобы пробиться сюда, нужно намного больше.

"Магия," — усмехнулась Смотрительница. — *"Позволь, я расскажу тебе немного о магии пони. Так уж получилось, что среди моих предков был один земной пони, обладавший особенной магией. Его звали Джо, и он работал в Кантерлоте мастером по изготовлению кофейных чашек. Хотя он не был единорогом и не знал заклинаний, кофейные чашки его изготовления всегда оставались чистыми, никогда не темнели, и требовалось немалое усилие, чтобы разбить их. Почему? Потому что он делал их с любовью, и этой естественной магией земных пони было пронизано каждое его творение."*

Мы достигли запертой двери. В этот раз никаких облачных терминалов. Только старый добрый кодовый замок. При виде него я расплылась в глупой улыбке и телекинетически вскрыла его, прежде чем успела подумать об этом.

Я открыла дверь, надеясь увидеть за ней лестницу, ведущую вниз. Вместо этого я обнаружила склад. Склад, полный винтовок, ружей, патронов и прочего. Каламити выглядел так, как будто умер и попал в рай.

Я вздохнула.

— Берём только то, что сможем ухватить быстро... — Каламити промчался мимо рыже-оранжевым размытым пятном. — ...И что не станет задерживать нас. — Каламити остановился передо мной, обвешанный абсолютно всем оружием, которое смог найти, и со штурмовой винтовкой во рту. Реджи издала впечатлённое "ого".

— Хочешь отнужу? — спросил он как ни в чём не бывало. Я шагнула к нему и взяла (немного обслюнявленную) штурмовую винтовку и несколько магазинов к ней. Было бы неплохо иметь что-нибудь в дополнение к Малому Макинтошу.

"Во-первых, магия пегасов и единорогов — лишь дешёвое позёрство, посредством которого они избегают тяжёлой работы; а без тяжёлой работы откуда взяться стремлению к прогрессу? Во-вторых, магия пегасов и единорогов эгоистична. Они творят свои облегчающие труд фокусы только для себя. В то время как изобретения земных пони являются общим достоянием всех пони и служат на благо грядущих поколений."

И наконец, магия пегасов и единорогов требовательна. Я бы даже сказала, деструктивна. Если земные пони могли сразу погрузиться в свою работу, то пегасам прошлого требовались лёгкие лагеря, а единорогам нужно было пройти обучение, прежде чем они могли начать пользоваться магией, с которой родились. Время, которое можно было потратить на обучение другим навыкам, они тратили на освоение своей же магии."

С земными пони всё совсем не так. Наша магия присуща нам и врожденно приспособлена к нашей работе. В то время как магия единорогов — сотворение заклинаний, а магия пегасов — невероятные полёты и прогулки по облакам, наша магия — быть лучшими во всём, что мы делаем. Земные пони по своей природе лучше других, потому что это наш дар!"

— Эй, — позвала Реджи, стоя у другой двери. — Похоже, я нашла путь вниз.

"Фокусы," — медленно проговорил Красный Глаз. — *"Иногда они полезны. Даже очень полезны. Конечно, даже действуя, как земные пони, можно сделать многое, но это медленный процесс, а иногда необходимо исправить что-то очень быстро. Возьмем, к примеру, яд. Чтобы приготовить противоядие, действуя методом земных пони, нужно сначала взять кровь на анализ и*

определять тип яда. Всё это может занять часы, которых нет в вашей распряжении. Разве не лучше иметь при себе единорога, который может сотворить заклинание, очищающее вас от любых ядов?"

"Красный Глаз," — снисходительно вздохнула Смотрительница. — "Я не в восторге от этого нового 'мировоззрения', которое ты приобрёл во время своих исследовательских миссий. Я говорю общеизвестные истины, ты же приводишь в ответ лишь отдельные примеры. Исключения, которые явно несостоятельны, чтобы опровергнуть правило. Теперь я..."

Смотрительница внезапно замолчала. Повисла многозначительная пауза, которую нарушил молодой Красный Глаз:

"Смотрительница? Вы там что-то сказать хотели?" — Затем, ещё более небрежным тоном, добавил: — "Что-то не так?"

"Я... почему не..."

"Что?" — переспросил он. — "Боюсь, я не понимаю."

Звуки за обеденным столом стихли. Я представила, как все пони обратили свои взоры к Красному Глазу и Смотрительнице. Подозреваю, последняя внезапно сильно побледнела. Очень тихо Смотрительница пробормотала:

"...я заметила, что ты так и не притронулся к своему стакану..."

Собор. Третий подуровень. Кибероперационная. Табличка на стене гласила: "Пока все мы не будем свободны, никто не будет свободен".

Мы вышли в коридор, разветвлявшийся на "Хирургия и Научные Исследования" и "Администрация". Оба варианта пути были равнозначны, поэтому я выбирала, исходя из того, что в "Администрации" у нас были большие шансы встретиться с Красным Глазом. А он не был моей целью. Я пришла сюда за его пленниками. За его жертвами. Не за ним. Я была рада оставить его на совести Анклава.

И сейчас я жалела о своём решении.

Запах крови, гниющего мяса и дезинфицирующих препаратов ударил по ноздрям подобно удару с копыта по морде, заставив меня отвернуться и заткнуть нос. Реджи шарахнулась, и я услышала приглушённый звук бьющихся друг об друга пушек Каламити, когда его затрясло.

Стены хирургической лаборатории были блестящими, чисто белыми, из-за чего каждые трещинки, выцветания и старые пятна сильно выделялись. Напольная плитка на ощупь была холодной, противной, сырой.

Здесь ещё были какие-то высокотехнологичные агрегаты, встроенные в стены и потолок. Я не могла понять предназначение и половины устройств. Также тут были чаны со странной жидкостью и плававшими в ней кибер-имплантами. В поле моего зрения попали: механическая змея, напоминающая позвоночник пони, роботизированная нога (явно не для пони), металлические хвататели, которые наверняка оторвали у робота-уборщика, и ещё куча странных устройств, начиная от переплетавшихся проводов и заканчивая побрякушками на арканых технологиях.

Отсюда было три выхода. Первый вёл назад, в коридор, идущий к административному сектору этого подуровня. Тот, что был с другой стороны, вёл к лестнице на нижние уровни. Последняя дверь, напротив которой я стояла, открыла нам то, что, судя по табличке, было "складским помещением". Огромные стеклянные трубки с тварями и монстрами, объектами кибернетических экспериментов. Все они были мертвы, многие с разрезами после операций. Все существа, от радтараканов до мантикор. Тут даже была адская гончая. Ну, или точнее, её половина. Левая половина.

В дальнем углу комнаты был чугунный люк с надписью "Утилизация". Почти вся вонь шла из этого "склада", и лишь меньшая его часть исходила от... мяса... на столах вокруг меня.

— И чем же я могу вам помочь? — спросило нечто напротив нас. Оно (или он?) когда-то было пони. Но теперь механизмов в нём было больше, чем плоти; вся нижняя половина тела была заменена роботизированными гусеницами, которые напомнили мне о роботах с мозгами из «Огненных Подков». Механические лапы, как у летающих пауковидных роботов, каждая с каким-либо инструментом или манипулятором, изгибались и двигались над ним, выполняя негласные медицинские и научные задания.

Оно видело только Реджину, но моё сердце прыгало, как загнанный кролик, каждый раз, когда оно смотрело в мою сторону.

Реджи отёрнулась от одного из манипуляторов, направившегося к ней ощупать.

— Н-н-ничего не надо, я в полном порядке.

— В полном? Да, наверное, — сказала существо. — Но я мог бы сделать вас ещё лучше. — Я съежилась.

— Лучше? — спросила Реджина со скептицизмом. — Прямо как себя?

— Конечно. Видели бы вы меня до инцидента с гранатой! — хихикнуло существо. — Я знаю, что к этому виду ещё нужно привыкнуть, но старый добрый Доктор Слаутер никогда не был в лучшей форме. — Он взмахнул несколькими манипуляторами, выполнявшими до этого его команды: — И вы даже не можете себе представить, насколько эти штуки могут быть полезны. Хотя наверняка можете, ведь вы грифина. — Он развернулся на гусеницах, протянув ей одну из механических лап с когтями на конце. Реджи невольно отступила с чувством отвращения.

Доктор Слаутер. Я знала это имя. Да, и покажите её Доку Слаутеру. У неё один из этих терминалов на ноге, которые хер снимешь. Он был в Филлидельфии. Я едва не лишилась ПипБака из-за него.

— Это вы... создали кибердракона, ведь так? — Реджи удивила меня этим вопросом.

— Да-да. Возможно, это моё лучшее творение, — с гордостью произнёс Док Слаутер и развернулся на гусеницах, его механические конечности снова принялись снова по своим заданиям. — Уникальная возможность. Тело этого бедняжки уже отказывало ему, буквально разваливалось на ходу. Он был слеп и не мог летать из-за проблем с сердцем, когда Красный Глаз привёл меня к нему. Красный Глаз дал ему новые глаза и даже больше, всего лишь за половину его драгоценностей, — промурлыкал он с тоской. — И только посмотрите на него сейчас: сильный, быстрый, ещё более мощный и смертоносный, чем был в расцвете сил.

— Если он так сильно хотел получить новую жизнь, то почему он рискует ею сейчас там?

— Дорогуша, в ваших устах это звучит так, будто он подумывает о суициде или о чём-то подобном, — сказал Док Слаутер, шасси под ним завертелись, передвигая его тело из одного конца лаборатории в другой. — Но это не так. У него просто нет выбора.

Нет выбора? Дракон что, раб Красного Глаза?

Мы услышали взрыв и выстрелы скорострельного энергетического оружия. Судя по всему, источник шума был этажом выше.

— Красный Глаз не хотел содержать такое мощное и опасное существо в Вечнодиком лесу без возможности держать его на коротком поводке. Ну, вы поняли, — объяснял кибер-доктор, игнорируя бой, который быстро приближался к нам. — И поэтому, когда мы заменяли сердце дракона на новое, Красный Глаз установил импульсную гранату там же. Красный Глаз подаёт сигнал — дракон вырубается. — Он хлопнул манипуляторами в виде грифоновых когтей. — Вот так.

— Это же... ужасно, — ахнула Реджи. — И очень, очень глупо. Ведь теперь у него есть дракон с супер силами, который вдобавок

ненавидит его.

— Ненавидит его? — рассмеялся Доктор Слаутер. — Да нисколечко. Дракон обожает своё новое тело. Да и Красный Глаз не настолько туп, чтобы злоупотреблять ситуацией. Птичка в золотой клетке. — Очередной взрыв вызвал перебои света и падение нескольких плиток с потолка. В этот раз даже кибер-доктор среагировал: — А теперь простите меня, но мне нужно запечатать эту лабораторию. Я жду нового пациента, и нам никто не должен мешать.

Внезапно страшно знакомая классическая музыка полилась через внутреннюю систему связи. Мгновение спустя на её фоне раздался голос Красного Глаза. Голос старого, закалённого Пустошью жеребца, который я знала чересчур хорошо.

"И теперь, когда наш уважаемый гость наконец-то прибыл, я думаю, что смогу помочь вам почувствовать себя как дома. Это ведь одно из ваших любимых произведений, Отэм Лиф?" — Его голос был дружелюбным, как если бы все сражение и боль, что оно принесло с собой, было не более чем звонком в дверь. — *"Я восхищён вашим вкусом, Отэм. Я ведь могу называть вас Отэм? И я согласен с тем, что это самая прекрасная и идеальная из записей игры Октавии. Да, я хорошо знаком с её творчеством. Я вырос на её работах."*

Он не смог удержаться, чтобы не добавить тихо и с иронией:

"В конце концов, она ведь была земной пони."

Когда мы уже неслись к выходу, робо-док добавил:

— Он даже позволил дракону самому охранять свои камни!

* * *

Собор. Четвёртый подуровень. Почти пришли. Почти там, где, как мне казалось, мы должны были быть. Надписи на дверях именовали этот уровень, как "Метапони исследования". Над главной дверью девиз: "Вознесёмся вместе или же вместе падём".

Стены были из испещрённого коричневого камня, который, казалось, словно выделял толстый слой слизи.

Реджи передёрнуло в отвращении.

— Это место становится всё хуже и хуже.

— Метапони исследования, чё б это значило? — спросил Каламити. По голосу было слышно, что он знал ответ, но надеялся, что ошибается.

— Это означает именно то, что ты себе там навоображал, — уныло ответила я.

Сейчас впереди был лишь один путь. И он проходил как раз через запечатанную дверь хранилища. Терминал, вмонтированный в стену, находился неподалёку. И снова не облачный. Обыкновенный и прекрасно взламываемый.

— Когда вы этот план тогда обсуждали, мне и не казалось, что ваши стелс миссии всегда проходят так гладко, — прокомментировала Реджина, вытаскивая своё оружие и проверяя патроны. — Не, я не жалею. Прост, если я кого-нить вскоре не застрелю, я забуду, как это делается.

Единство. Паролем было "единство". Я почувствовала себя обманутой. Он даже не пытался.

Ввод пароля дал мне доступ к содержимому терминала. Первой опцией стояла разблокировка дверей хранилища и их открытие. Следующими опциями, на моё удивление, были номера научных заметок. Любопытство подтолкнуло меня посмотреть первую. Её же содержание заставило прочесть и последующие.

Запись №5

Ну что за ебучая трата моего драгоценного времени. Теперь всю хуеву программу экспериментов с ЗВТ надо сворачивать к чертям гулячим. Красноглазый пожелал вести исследования "в новом направлении". Мол, одна неудача — пиздец всему. Будто можно сделать сраный омлет без пары поколений мёртвых зародышей цыплят.

Я сказал его неизбежнейшей божественности, что фактор ведения может иметь корни не только в генетике, да только что я в этом понимаю? Я всего лишь сраный ученишка. А он же прославленный, мать его, скаут. Как тут поспоришь?

Сейчас сказал изучить какой-то им проклятый говнокамешек. Будто мне заняться больше нечем. Я что, похож на геолога, мать его?

Запись №4

Целых два ёбанных года экспериментов и исследований — и все результаты влезают на долбаную салфетку. Знаете, на что это всё похоже? На обосранный пиздятину разочарования это похоже.

Вынужденная Трансформация в жизнеспособном субъекте проходит пять стадий. Первые три подробно описаны в моих журналах исследований. Самым значимым на этих этапах является существенное усиление привязанности субъекта к радиации и повышение его к ней устойчивости.

Индукцируемая облучением регенерация тканей, вплоть до восстановления конечностей, начинает проявлять себя ещё на первой стадии и существенно прогрессирует ко второй.

Когда субъект вступает в третью стадию Вынужденной Трансформации, его тело при воздействии радиации становится значительно сильнее и быстрее, что сходно с эффектом "светящегося гуля", а также с состоянием-прекурсором явления "супераликорна". Авторегенеративные способности субъекта при этом становятся настолько развитыми, что процесс естественного старения останавливается полностью.

Четвёртая стадия включает в себя глубинные физиологические преобразования, подготавливающие к последней, пятой стадии: полной трансформации. К примеру, в теле и головном мозге начинают образовываться специальные нейроструктуры, необходимые субъекту для использования рога и/или крыльев, которые образуются на пятой стадии. При этом также происходят и некоторые другие субструктурные изменения, которые подготавливают почву для менее очевидных, однако куда более основательных альтераций организма, сопутствующих превращению в ёбаного аликорна.

И вот именно на этой стадии всё летит в говно с быстротой реактивной клизмы. Зелёе Вынужденной Трансформации было абсолютно не предназначено для постадийного ввода. Самый приятный из побочных эффектов четвёртой стадии можно описать как "синдром фантомных конечностей". Ложные ощущения, испытываемые при этом субъектами, выглядят непрекращающимися и крайне болезненными. Субъекты на четвёртой стадии неизбежно начинают искать источники дополнительного облучения или же просто съезжают с катушек к хренам. Случаются и сразу оба варианта, и, увы, слишком часто.

Главная проблема состоит в чрезвычайно узкой границе между третьей и четвёртой стадиями, а также в том, что я называю "фактором ведения".

Что касается первого, то была экспериментальная доказанная практическая невозможность обработки пони ЗВТ так, чтобы субъект достиг третьей стадии, не перейдя в четвёртую. Все имеющиеся стабильные экзemplяры на третьей стадии образовывались в диких условиях, воспроизвести которые не представляется возможным. Что весьма хуёво, так как стабильные третьестадийные обладают возможностями, которые могут дать хорошую фору хвалёным "улучшениям" дока Слаутера.

Что касается второго, то мной было определено, что успешное превращение требует чего-то большего, чем простое введение достаточной дозы вещества. Оно требует некоторого "ведения" через процесс. В случае уже имеющихся аликорнов эту функцию выполняла Богиня. Является ли это результатом намеренного выведения, или же реакцией на среду, остаётся неясным. Вернее, неясным для меня. У Красноглаза есть своя теория образов, и на другие варианты он упорно продолжает класть penis equidae.

И в качестве заметки: просто не перевариваю этот живой эксперимент над природой, работающий этажом выше. Когда граната отрывает тебе ноги и потрошит полтуловища — это очень хороший намёк, что пора бы тебе уже к хуям сдохнуть.

Запись №3

Вот срань. Ещё одного ассистента потерял. И в этот раз не из-за эксперимента. Этот раковый долбохлёб решил меня бросить и проводить свои собственные сумасбродные "исследования" в хер знает каких ебнях. Это всё его зацикленность на тех драных мантикорах.

И это хуёво. Он был весьма полезен. Особенно потому, что ему не нужно спать. А теперь мне придётся самому проводить вскрытие 128-го и 129-го. И ещё за теми ебучими лампами следить. Ещё один "подхвост" для моего времени. Да, того ублюдка будет не хватать уже к завтрашнему дню.

В отличие от его же вони.

Кстати о вони: наконец-то будут прокладывать новый отбросопровод. Слаутеру его смонтируют уже завтра. До меня же, бля, как всегда будут ёбаную неделю добираться. Честное слово, этот красноглазый мудака точно отдаёт приоритет киберизованным.

А потом ещё приходит ко мне и требует результаты. Говорит, что надоело ему уже присылать мне пони только затем, чтобы их потом сбрасывали в отходы. Заявляет он мне ещё что-то, мать его. Мои исследования, по крайней мере, приносят хоть какую-то ёбаную пользу.

Засранец.

Запись №2

Наконец-то дошёл до совершенства рецептуру зелья трансформации. Процесс шёл бы быстрее, если бы у той психопатки Твайлайт Спаркл не было бы того сраного О.К.Р. на заметках об исследованиях. И вот теперь, когда та мантикорья шваль больше не помеха, ребята внизу могут начать гнать микстуру хоть целыми бочками. Правда, до сих пор не знаю, на кой хуй его превеликому самомнению Красному Глазу нужно столько зелья. Поплавать, что ли, захотел?

А ведь зрелище вышло бы презабавнейшее. Как же я хотел бы увидеть превращение всего тела этого засранца в раздутую, бесформенную живую массу метастазировавших раковых образований. Это же было бы просто охуитительно!

Пока что изначальные прогнозы оправдываются. Положительный эффект проявился у восемнадцати уверенных процентов испытуемых. Не идеально, но, на мой взгляд, это всё-таки неэбически лучше, чем мы могли ожидать. И это неэбически хороший повод для расширения масштабов эксперимента.

Мой ассистент проявил особый интерес к одному из неудавшихся межвидовых исследований. Я, конечно же, знаю, что они все обречены на провал. ЗВТ, всё-таки, разрабатывался специально под пони. Однако эксперименты с другими существами постоянно преподносят вдохновляющие результаты.

И наибольший интерес мой ассистент проявил к исследованиям, приносившим меньше всего результатов. Вернее, не приносившим вообще никаких результатов. Иные протестированные существа хоть как-то реагировали, в основном, с жестоким летальным исходом. Но с этими ебучими мантикорами — всё равно что сраное плацебо колешь. Если не считать взбешённый вид результатом, то ЗВТ не возымело на них никакого долбаного эффекта ни на сраную йоту.

Плюс к тому, я затребовал более удобную систему отвода отходов. Под этим местом лежат протоки, ведущие в ущелье. Почему бы их и не использовать для смыва всего зловония?

Запись №1

Новый проект. Как раз вовремя, чтоб его. Предыдущий обернулся безрезультатной катастрофой. И почему весь грёбаный мир постоянно хочет просирать моё драгоценное, мать его, время?

Хотя насчёт вот этого у меня хорошее предчувствие. Тот надутый гад Красный Глаз где-то достал разработанный довоенными яйцеголовыми состав веществ, из которых образовалась Порча, того дерьма, которое Богиня использует для грёбаного создания аликорнов.

К настоящему времени реакция четверых из пяти подопытных представила из себя в крайней степени неестественную, искажающую тела, смерть. А вот тот один из пяти весьма обнадеживает!

Записи были помечены, как выдержки из личных документов Доктора Глю, руководителя Метапони-исследований.

С похолодевшей кровью в жилах я отступила от терминала.

— Сто двадцать девятого, — хрипло прошептала я. — Этот учёный загубил более сотни жизней пони своими экспериментами во благо Красного Глаза. Возможно, даже больше, плюс к тому и других существ. Замучил их всех до смерти. Порчей.

Я чувствовала, как багряная пелена застилает мои глаза, жажда крови крепла во мне с каждым ударом сердца, подобного чувства я не испытывала со времён Арбы. Мои нервы горели огнём.

Врубив Л.У.М. и отмахнувшись от сообщения о найденном Стойле Сто Один, я приказала терминалу открыть дверь. Я искренне надеялась, что встречу Доктора Глю за ней. Потому что я очень хотела убить его. Много раз убить, если бы это было возможно.

Дверь в обитель ужасов открылась, впуская нас. Катакомбы для ужасающе уродливых и искалеченных отбросов исследований Доктора Глю освещались мерцающими лампами, многие из которых были тусклы и холодны.

Пони с огромными опухолями, окутывающими их головы. Пони, чьи внутренности были выдавлены наружу сквозь их шкуру злокачественными образованиями, развивающимися внутри их тел. Пони, которые были раздуты в пузырившихся мясистых слизняков,

выглядевших словно выкидыш ортодоя из больницы. Лишь эгоидливо деформированные кютимарки позволяли различить в них бывших пони. Отвратительно.

Мелодия классической музыки, которая также проникала и сюда, словно играла дуэтом с мерзостью витавшей здесь. Музыка была осквернена лишь пребыванием в этом месте. Не думаю, что я когда-нибудь смогу спокойно наслаждаться прекрасной игрой Октавии снова.

Реджина Грознонёрая блевала, согнувшись в углу. Я хотела зажать глаза от того ужаса, что был передо мной, но боялась, что даже тогда буду видеть всё это. Так что я просто закрылась от всего происходящего своим ПипБаком, уставившись на экран.

На Л.У.М.е высветилась целая волна красных меток прямо передо мной.

— Твою ж мать, — пробормотал Каламити. Откинув капюшон, мой друг смотрел на ужасно изуродованное тело. Скелет этого бедняги, вероятно, вдруг начал расти слишком быстро. Настолько быстро, что, прорвав мышцы и плоть, он оставил от несчастного лишь окровавленную грудку мяса и костей. — Я думаю, что это когда-то было грифоном.

Реджи подняла голову и подошла к телу. Отплёвываясь от рвоты и тяжело дыша, она спросила:

— Что?.. Как? — В грифине закипала ярость. — Почему? — Наёмница повернулась к Каламити. — Какой пони мог сотворить такое? Какой в этом вообще смысл?

— Я не могу сказать точно, — начал Каламити, отступая. Потом его голос вдруг стал резким. — Но моя девчушка Вельвет сказала бы, что пони, который творит подобные ужасы, уже не пони.

Голоса эхом пронеслись из глубины катакомб впереди нас. И один из них был прекрасно мне знаком.

— Рассредоточиться! — приказал полковник Отэм Лиф. — Этот трус побежал сюда. И если вы найдёте его, то не убивайте. Можете ранить его, можете избить, но ублюдок мой.

Мои глаза расширились от осознания того, что сейчас должно было произойти. Каламити тут же исчез под зебринским плащом. Я, накинув капюшон, прижалась к стене, а Реджи спряталась среди тел, притворившись мёртвой. Едва мы успели это сделать, как два бойца Анклава, выскочив из-за угла, промчались мимо нас. Грифина, выйдя из своего укрытия, подняла свои пистолеты, целясь пегасам в спину, но потом опустила, позволяя солдатам уйти.

— Тайная операция, — проворчала она. — На крышечки поспорить готова, что я об этом ещё пожалею.

— *А ну съебали отсюда! Убрали нахуй свои геморроидные жопы из моей лаборатории!*

Доктор Глю ревел на окружающих его четырёх пони, трое из которых оказались элитными гвардейцами Анклава. Мы могли видеть их через смотровое окошко, встроенное в дверь лаборатории. Глю был худощавым старым жеребцом светло-серой окраски со свалывшейся чёрной гривой. Его кютимарка была само богохульство.

Рядом со мной Реджина яростно пыталась вскрыть замок своими когтями. Я могла бы и сама с лёгкостью открыть его, но понимала, что как только я сделаю это, она ворвётся в комнату, паля из обоих своих стволов. И без потерь не обойдётся.

Катакомбы остались позади. Слева от меня был каменный сводчатый проход и ступени, ведущие к двери хранилища с расположенными по бокам терминалами. Я не представляла, что находится за этой дверью, но фрагментированные воспоминания аликорнов подсказали мне, что пленники Красного Глаза содержатся именно там. Маленькая пони в моей голове сердито указала, что мы были уже почти у своей цели и сейчас отвлекались от неё.

Но не без веской причины.

— Нет-нет. Я думаю, мы составим тебе компанию, пока мои кобылки выслеживают твоего хозяина. — Ответ прозвучал из уст пони в великолепной нефритовой броне изящной работы, украшенной чёрной филигранью и орнаментом из листьев, выполненном из переливающейся бронзы и меди. Мне даже не нужно было видеть лица этого пони, чтобы понять, кто это. Его голос был незабываем.

Полковник Отэм Лиф пренебрежительно усмехнулся, прогуливаясь по лаборатории ужасов доктора Глю:

— На случай, если он вернётся обратно.

Я смотрела на этих двух творцов массовых убийств. От концентрации зла в этой комнате перехватывало дыхание. По правде говоря, мне теперь тоже хотелось там как следует пострелять. Или сделать чего похуже. В этой комнате было достаточно крови, чтобы сотворить по гильотине для каждого. Моя маленькая пони ужаснулась тому, что подобный план пришёл мне в голову, и ещё больше тому, насколько привлекательным он мне показался.

— *Что-о-о?* — вспылил Доктор Глю, привлекая моё внимание к кошке снова. — *Чего* ты только что спизднул?

— Ты меня слышал.

— *Красный Глаз мне НЕ ХОЗЯИН!* — Доктор буквально трясся от ярости. — И он НЕ вернётся! Так что хватай своих сраных громил в охапку жопой и уёбывай к хуям из моей лаборатории! Я здесь важное, мать его, исследование провожу, а вы только просираете моё время!

— Как скажешь, — обронил Отэм Лиф. Он пересек химическую лабораторию, огибая стеллажи клеток с мёртвыми животными, и остановился у неизвестного мне аппарата.

Реджина зарычала и навалилась на дверь.

— К чёрту, — пробормотала она, доставая один из ножей Кейджа. — Чё я ковыряю замок, когда я могу просто вырезать его нахрен?

Я почувствовала, как Каламити навалился на меня, держа в зубах понифицированную энергетическую винтовку адских гончих. Я левитировала перед собой Малый Макинтош, но затем притормозила.

— Погодите, у меня есть идея.

Реджина остановилась, на её лице всё ещё бурлили эмоции, но голос был спокойным и гладким, как полированная сталь.

— Ладно, Литлпип. Излагай.

— Отойди от него! — рявкнул в комнате доктор. — Это очень чувствительный анализатор.

Отэм Лиф потянул переднюю панель, которая открывалась как-то нехотя. Я услышала, как что-то хрустнуло. Доктор Глю взревел и бросился к полковнику, но был скручен и повален на пол охранниками.

— Упс.

Я левитировала к себе штурмовую винтовку и зарядила в неё один из магазинов. Следом стянула зебринский плащ, протягивая его Реджине.

— Вы двое, давайте назад, не ближе чем на два коридора.

— Кова хрена, Лип'пип. Ты чё себе возомнила?

— Я думаю, что если эти пули зачарованы обходным заклинанием, то они пройдут и через эту дверь, и через их броню, — объясняла я друзьям. — Одна очередь, и все они тут и лягут.

— А если нет, ты и нашу позицию сдашь, и на свою гриву обрушишь весь гнев небес, — возразил Каламити.

Агась. Это было проблемой. Выражение грифины показывало, что у неё были те же опасения.

— Тогда я оттяну их на себя, пока вы двое будете для них невидимы, — сказала я. — И у меня всё ещё есть СтелсБак. Я отведу их как можно дальше, а затем, используя его, вернусь к вам.

Я вновь взглянула в окошко, сверяя позиции пегасов с красными метками на моём Л.У.М.е. У меня было около пяти выстрелов из этой винтовки в режиме З.П.С., и я должна была быть уверена, что сначала поражаю облачённых в броню пони.

У меня перехватило дыхание, когда Отэм Лиф поднял с рядом стоящего стола небольшой кусочек скрученного голубоватого металла.

— Это? Это и есть твоё важное исследование? Разве это не?..

Следующие слова полковника подтвердили мои наихудшие опасения:

— Ты исследовал звёздный металл для Красного Глаза. — И эта фраза уже не звучала как вопрос. Я не знала, от чего я пришла в больший ужас: от того, что Красный Глаз интересовался звёздным металлом, от того, что могли повлечь за собой эксперименты Доктора Глю, или же от того, что полковник Отэм знал про звёздный металл, и более того, мог распознать его, просто взглянув на маленький кусочек.

— А ну не трогай! — Доктор пытался прорваться через охранников. — Копыта нахуй от моих экспериментов!

Отэм Лиф потряс куском старой брони Луны между копытами.

— Что ты делал с этим? Соскребал металлическую стружку и скармливал пони, смотря, что из этого выйдет? — Голос Отэма больше не звучал вяло или приятно. — Или, возможно, делал кибернетические механизмы из него? Это то, что находится у Красного Глаза внутри?

Реджина придвинулась ближе ко мне. Зебринский плащ уже был брошен на её плечи, однако капюшон был снят, что позволило ей посмотреть мне прямо в глаза.

— Нет, Литлпип. — прошептала она, удерживая свои когти около штурмовой винтовки. — Позволь мне сделать это. Для Кейджа.

А в комнате доктор Глю продолжал неистовствовать:

— Совсем пизданутый, что ли? Вот значит как ваш ссанный ебанклав вас повышает. По числу клеток мозга, смытых диареей. Ну какой мудака станет пихать в своё тело ебанутейший металл неизвестных свойств, свалившийся прямо из сраного космоса? До сих пор не верится, что кто-то додумался сделать из него доспехи.

Вдохнув, он возобновил поток ненависти:

— К тому же отдел киберхирургии этажом выше, мудило ты трёпаное! Нет, правда, тебе давно эвтаназию делали?

Я смотрела на Реджину. Она была так похожа на своего брата. Я могла видеть его в ней. Именно это напомнило мне о его падении, смерти от оружия анклавовского солдата. Смерти на миссии, которую возглавляла я. И то, что она просила, ставило её в столь же опасное положение, что и её брата тогда. Так всё же имела ли я сейчас право сказать ей нет?

Штурмовая винтовка внезапно стала намного тяжелее, даже несмотря на то, что находилась в невесомости.

— Если хочь, можем сыграть в камень-ножницы-бумага, чтоб решить. — Предложение Реджи полностью сбило меня с толку. Я смотрела на неё, будто разговаривала с зеброй. — Грифонская игра, — вздохнула она, начав объяснять правила. — Камень бьёт ножницы, ножницы режут бумагу, бумага оборачивает камень. Я выиграла. Пони могут выкидывать только камень.

Однако я до сих пор не могла понять, что за чушь она несёт.

— Да бля, — сплюнул Каламити, сбрасывая капюшон со своей головы. Я видела, что он уже собрал Гром Спитфайр, лежащий на земле у его копыт. — Эт у нас так никогда ничё не произойдёт.

Протолкнувшись мимо нас, Каламити подошёл прямо к двери и постучал копытом по окошку.

— Хей! Братюнь! Я тут хотел бы потолковать с тобой! — выпалил он. — Есть кое-что, за что ты должен ответить!

Поворачиваясь ко мне, он сказал просто:

— Беги.

Весь план полетел к чертям.

— Каламити? — с неподдельным удивлением в голосе произнёс Отэм Лиф, поворачиваясь к окошку. Но быстро пришёл в себя, немедленно отдав приказ своей охране: — Приведите мне этого предателя! Живым или мёртвым!

Гвардейцы бросились исполнять приказ, метнувшись к двери и открывая по ней шквальный огонь магическими лучами. Дверь моментально раскалилась докрасна, наполняя зал плазматическим светом (всё равно что забраться Богине Селестии в гриву), и быстро начала таять. Каменная кладка вокруг двери тоже начала раскаляться и зашипела. Воздух вблизи двери стал нестерпимо горячим, и мощный запах расплавленного шлака и магии перекрыл собой запах крови, гнили и протухшего мяса из катакомб.

Реджина вырвала штурмовую винтовку из моего левитационного поля и, направив её на плавящуюся дверь, открыла ответный огонь. Грохот автоматического оружия и боевых седел наполнил комнату, заглушая классическую музыку. Одна из красных точек пропала с компаса моего Л.У.М.а.

Я левитировала Малый Макинтош и, используя свой компас для наведения, ждала момента, когда дверь совсем уже расплавится, чтобы открыть огонь. Свечение от двери почти ослепляло.

Каламити не терял времени. Он отлетел от двери, пинком подбросил Гром Спитфайр с земли и зажал его в зубах. Грохот выстрела прорезал воздух. Ещё одна красная точка исчезла с моего компаса.

Дверь расплавилась, растекаясь по полу и позволяя лучам смертельной магии наполнить коридор. Я успела произвести лишь один выстрел, бросаясь под прикрытия лестницы. Каламити и Реджина нырнули за ближайшее дохлое чудовище, порождение "исследований" доктора Глю. Реджи взвизгнула, когда один из лучей ударил её в правую переднюю лапу, выжигая кусок плоти и оставляя почерневшую и обугленную рану. Грифина выронила свою винтовку и повалилась за горой уродливой плоти с едва различимыми конечностями. Обливаясь слезами от боли, она достала исцеляющее зелье из своих запасов.

Но это же рана, нанесённая магией, подумала я, наблюдая, как она, зажав бутылку в клюве и запрокинув голову, глотала волшебную жидкость. Лево́й лапой она доставала один из своих пистолетов. В лучшем случае у неё останется уродливый шрам. Но что более вероятно, вряд ли когда-либо снова она сможет использовать свой уникальный стиль стрельбы с двух стволов одновременно.

Если, конечно, мы переживём всё это. Горевать о её лапе, возможно, придётся очень недолго.

Я повернулась обратно ко входу. Двое или трое гвардейцев лежали на полу. Каламити перевёл прицел Грома Спитфайр на своего старшего брата.

Доктор Глю, более никем не удерживаемый, вскочил и проскакал мимо Отэма Лифа, на ходу выхватывая у того зубами звёздный металл.

Полковник извлёк из ящика на месте, глядя через дверь на Каламити. На спине его нефритовой силовой брони открылся люк, из которого выдвинулась небольшая турель, лоя на прицел доктора Глю. Оружие, встроенное в турель, было удивительно знакомым. Оно было сделано из блестящего голубого металла и сияющего энергетического ядра.

Звёздный бластер полковника Отэм Лифа выстрелил по доктору Глю. В отличие от оружия Хомэйдж, энергетический луч этого был нестерпимо оранжевым, и доктор Глю испарился в облаке огня.

Полковнику даже не нужно было прицеливаться. Ксенит была права. Этому оружию хотелось убивать.

Реджина высунулась из-за кучи раздутых тел, которая служила ей укрытием, обмениваясь выстрелами с уцелевшим гвардейцем. Импульс голубой магии ударил ей в спину, пошатнув её, хотя и не смог пробить носимую ею броню Когтей. Два солдата Анклава зашли к нам с тыла. Я развернулась, скользнув в З.П.С.

БАХ! БАХ! БАХ!

Один из солдат свалился замертво, другая тут же переключила своё внимание на меня. Поток радужного огня из её мультикристалльной пушки заставил меня срочно сменить укрытие, один из выстрелов прошёл достаточно близко, чтобы опалить кожу на моей шее. Я почувствовала запах палёных волос из своей гривы.

Я открыла ответный огонь, вынуждая её нырнуть обратно за угол, из-за которого она пришла. Пока я перезаряжалась, классическая музыка внезапно оборвалась. Вместо неё раздался голос, который мы ожидали услышать меньше всего.

"Каламити?" — дрожащим голосом произнесла Вельвет Ремеди. Мой друг ахнул, уронив на пол Гром Спитфайр. Он был шокирован и встревожен.

Отэм Лиф навёл звёздный бластер на своего брата.

— Вельвет? — спросил Каламити, моментально забыв обо всём, что творилось вокруг. — Что ты здесь делаешь?

Только Реджи и другой гвардеец, казалось, не обратили внимания на голоса, звучащие по внутренней связи. Пистолеты, сделанные для неё Каламити, доказали свою способность пробивать броню Анклава. Гвардеец уже имел несколько кровотокающих ран. Он опрокинул лабораторный столик и укрылся за ним, обмениваясь выстрелами с грифиной.

"Я пригласил её," — небрежно произнёс холодный голос Красного Глаза. Отэм Лиф повернулся на звук этого голоса и выстрелил, испепелив один из интеркомов. — "Не волнуйся, Каламити. Она в надёжных..." — он запнулся, подыскивая подходящее слово, — "...штуковинах доктора Слаутера."

Я жду нового пациента, и нам никто не должен мешать.

Красный Глаз... притащил мою подругу прямо в самое пекло? Для чего? Чтобы отвлечь нас? Шантажировать?

Что этот кибер-псих делает с Вельвет? — рыдала моя маленькая пони. Я высунулась из своего укрытия достаточно далеко, чтобы держать солдата Анклава на мушке. — *А что с Ксенит?*

А что с Паерлайт? Ведь она охраняла их. Что сделал Красный Глаз?

"Ну-ну, полковник. Так вы не сможете меня убить."

— Где ты?! — взревел Отэм Лиф. В ответ я услышала, как где-то в комнате за пределами видимости открылась, скользнув в сторону, дверь.

"Приди и увидишь," — предложил Красный Глаз.

Каламити подхватил Гром Спитфайр, развернулся и выстрелил, пробивая шлем кобылы Анклава, когда она высунулась, чтобы снова открыть огонь. Закованная в броню пегаска упала с глухим стуком.

— Иди вперёд, — крикнул он мне. — А я отправлюсь за Вельвет!

Отэм Лиф раздумывал секунду, а затем, посчитав, что его миссия важнее убийства брата, поднялся в воздух и полетел прочь от нас.

— Он убегает! — заорала Реджи, стреляя вслед удаляющемуся пегасу. Искры брызнули в тех местах, где пули срикошетили от его нефритовой брони.

— Отправляйся с Каламити! — крикнула я ей в ответ, повернувшись и рванув галопом по ступенькам вниз к двери хранилища.

Над светящимися резервуарами с З.В.Т. пролегалли металлические мостики.

Комната, располагавшаяся на самом нижнем уровне Собора Красного Глаза, представляла собой точную копию обители Богини в Марипони. Здесь даже был мостик, протянувшийся напрямик между резервуарами и заканчивавшийся пьедесталом с чашей. Комната наполнилась мерцающим светом, исходившим от жидкости, которая наполняла каждый из открытых чанов. То была комната вознесения Красного Глаза.

Дверь в низу лестницы вывела меня на открытую платформу (по типу трамплина) размерами с пони. С этой платформы открывался вызывающий приступы головокружения вид на комнату внизу. В конце концов, после узких коридоров внезапные циклопические размеры этого зала смогли пробудить во мне некоторый страх. О, привет тебе, моя старая подруга Агорафобия!

Я испытывала приступ головокружения, смешанный с сильным чувством дежавю. Если бы этот зал не был выстроен недавно, если бы металл не отдавал сияющим блеском новизны, а пол покрывало бы замусоренное обломками озеро, что я так хорошо запомнила, то я могла бы даже начать волноваться, что где-то снизу спрятана жар-бомба.

Над одним из резервуаров, словно пиньята, висела гигантская клетка, набитая единорогами... Ну, это тоже было что-то новенькое.

Терминал пал в неравной битве со мной спустя две минуты. И это, надо сказать, ровно на полторы минуты больше, чем мне понадобилось бы, если бы я до победного не отрицала возможность существования подобного пароля. Ну, в самом деле, разве это нормально, когда хрен знает кто использует твоё имя в качестве пароля к своему терминалу?

На терминале обнаружилась последняя запись журнала Доктора Глю (**Запись №6**). Она представляла собой аудио файл, который я тотчас же скачала в ПипНогу. Я запустила его на воспроизведение, охватила себя полем левитации и поплыла в сторону клетки.

"Обычно я чертовски ненавижу эти ебучие полевые отчёты. Этой хуйнёй должны подчинённые заниматься. Я должен сильно долбануться головой, чтобы отправиться в Эквестрийскую анальную бездну для выполнения своей работы."

Но это обычно. А в этот раз я невзъебенно счастлив, что не доверил это дело кому-то другому. То, что я нашёл... слишком важно, чтобы его проебал какой-нибудь долбодум в лабораторном халате. Расследование происхождения того загадочного красноглазовского булжника заняло у меня ёбаную вечность, но зато оно привело меня в местечко под названием Зебратаун, где я раздобыл фрагмент того, что, как я уверен, является самым, чтоб его, настоящим чужеродным металлом. Уже не терпится принести его в лабораторию."

Я шла мимо резервуаров и заметила, что в клетке было по меньшей мере два десятка единорогов, и ни один из них не двигался.

"Пока я занимался поисками, я хорошенько изучил несколько превалировавших теорий о том метеорите. Не тот зебринский"

бред, а научные труды пони, работавших по указанию самой Принцессы Мандолуны. Как было видно, мнения разделялись между 'это просто камень' и 'падающие звёзды — носители злоебучих духов, приходящих в наш мир из сраных просторов космоса'. Потому что таким как Дискорд нужно откуда-то появляться, считали исследователи. И, как они же отмечали, века раздора и кровопролития поглотили цивилизацию зебр именно после падения метеоритов.

Что, конечно же, глупо до ёбаного безобразия. Зебрам не понадобились какие-то злые духи из-за небес, чтобы скатить свою страну в бездну хаоса и войны. В смысле, те пони что, зебр не встречали? Я сам видел одну, дравшуюся в Яме, и мне лишь одного этого зрелища хватило, чтобы понять, что зебры — пизданутые первобытные животные. И настоящая загадка здесь в том, как им вообще удалось образовать цивилизацию."

Когда я подошла поближе к клетке, я увидела, что её обитатели всё-таки живы и дышат, но все до единого без сознания. Под наркозом, заключила я, ибо не могла поверить в то, что все они разом легли спать. Я воздала Селестии благодарственную молитву.

Если бы на моём месте был кто-нибудь другой, то спасательная операция была бы просто-напросто невозможна. Но мне на дееспособность спасаемых было пофиг.

"Как-то между делом изложил старые теории Красному Глазу. Он тоже посмеялся. 'Если здесь и присутствует какой-то дух, то лишь Дух Прогресса!' — сказал он.

Оглядываясь на проделанные исследования, в первый раз приходится с этим хуем согласиться. И наличие общего с Красноглазом мнения пробуждает стойкое желание выпотрошиться ржавым скальпелем.

Но как бы там ни было, обе точки зрения охуеть как далеки от истины. Результат моего анализа показал, что метеорит действительно кое-что принёс. Но не злого звёзднодемона из пизданутых легенд. Больше похоже на... инфекцию. Вирус, который попал в нашу экосистему и мутировал. Не совсем верное описание, однако оно куда точнее просто-сраных-камней и херни про звёзднодухов.

Неудивительно, что весь мир разьебали. Пони ж тогда были тупы как сраное дерьмо."

Мои внутренности будто скрутило, когда я поняла что он говорил о Ксенит. Мне было абсолютно не жалко, что Глю был мёртв. Ни капельки. Ни один волосок на мне не выражал хоть какой-то симпатии к этому пони-выродку.

И Красный Глаз нанял этого монстра.

Как только мои копыта коснулись "потолка" клетки, дверь, что была у центрального мостика, скользнула в сторону. Я съежилась, пытаюсь стать как можно меньше и неприметней, когда Красный Глаз проскакал сквозь открытую дверь.

Он был один. Только оказавшись внутри, он перешёл на рысь. А затем и на шаг. Несмотря на то, что он только что бежал, и на то, что вокруг его крепости всю гремела битва, Красный Глаз выглядел спокойным. Уверенным. Его грива и шёрстка выглядели ухоженными, на шею был повязан платок, а позади вяло развевался его чёрный плащ сто первого Стойла.

Дверь за ним закрылась. Я наблюдала, как он остановился и осмотрелся вокруг, затем активировал СтелсБак на своём ПипБаке и исчез.

Встревоженно и глупо — вот как я чувствовала себя сейчас. Красный Глаз был сейчас в комнате, вместе со мной, а я даже не знала, где он и что делает. И почему я вжимаюсь здесь в клетку, вместо того чтобы самой так же не использовать СтелсБак? Который, кстати, намного лучше его.

Я активировала МГ СтелсБак II, растворяясь с глаз долой.

И как раз вовремя.

Дверь вновь скользнула в сторону, и в комнату влетел полковник Отэм Лиф. Он взмахнул крыльями, поднимаясь в верхнюю часть помещения, чтобы в полной мере оценить обстановку своим пегасским зрением.

— Я знаю, что ты здесь, — грубо произнёс он. — Других путей для побега просто не было.

— Так всё и задумывалось, уверяю тебя, — раздался голос Красного Глаза из дюжины динамиков сразу. — А теперь, раз уж мы тут все собрались...

Вспышка света из открытого дверного проёма, и плёнка магической энергии тут же покрыла стены, потолок и пол. Аликорний щит!

Полковник крутанулся на месте, только чтобы увидеть тёмно-зелёного аликорна, сидящего статуей за дверным проёмом. Другой аликорн, фиолетовый, только что телепортировал его туда вместе с собой и стал разворачивать щит вокруг них двоих. Посмотрев вверх, я увидела идентичную парочку и за дверью, через которую вошла я сама.

— Что ж, вот он я, именно там, где вы и хотели, — согласился Отэм Лиф, спускаясь вниз на мостик. — Так почему бы не рассказать мне, что тут происходит? Что это за грандиозный план?

Это был момент натянутого спокойствия. Я искала замок на клетке. И наконец-то обнаружила его. Он был под днищем, и при его открытии это самое днище распахивалось, сбрасывая заключённых единорогов вниз, в резервуар с мешаниной из зелёного и фиолетового.

Ну ещё бы.

Красный Глаз заговорил вновь, и в этот раз он звучал очень удивлённо, или даже скорее недовольно:

— Ты что... И впрямь подбиваешь меня на монолог?

Не-а, не думаю. Скорей он хочет потянуть время, чтоб твой СтелсБак сдох, ты вновь стал видимым и он мог пристрелить тебя.

— Итак, ты хочешь стать новым божеством, — предположил Отэм, окидывая взглядом все резервуары. — Это так? Заменить ту, что ты убил?

— Это... не то чтобы не верно, — согласился Красный Глаз.

— И какое отношение это имеет к Проекту Стойкий Пегас? — пытался поддержать разговор Отэм, взлетая в воздух, чтобы осмотреть местность ниже мостика, в поисках земного пони.

— О, непосредственное! — объявил киберпони, явно вливаясь в беседу. — Видишь ли, я наконец-то нашёл путь внутрь комплекса.

— Да неужели? — Закованный в броню пегас встрепенулся. — Может расскажешь? А то в моём понимании это попросту невозможно. И это делает тебя лжецом.

— Невозможно? Едва ли! — объявил голос Красного Глаза из дюжины динамиков. — Есть некоторые вещи, которые могут пройти через щит аликорна, даже столь мощный. Телепатия. Телекинез. Определённые виды магии драконов. И, что самое важное, любой, для кого этот щит зачарован магией обхода, может пройти сквозь него или телепортироваться. Или, как тебе известно, любой из родственников.

— Верно, — согласился Отэм Лиф. — Только вот очень жаль, что Рэйнбоу Дэш не имела потомков.

— Оу, но Рэйнбоу Дэш не была единственной, для кого создавался обход в щите П.С.П., — парировал Красный Глаз, и теперь он

точно завоевал всё внимание полковника Отэма. — Щит так же создавался так, чтобы пропускать принцесс!

Секунду. Чего?

— Мне не легко поверить, что вы будете в состоянии пойти хоть куда-нибудь, — заметил Отэм Лиф. — Судя по предыдущей Богине.

— Полагаю, под своим шлемом он даже закатил глаза.

— Это так. Однако я буду в состоянии телепатически направлять одного из моих детей, который возьмёт под свой контроль центральный узел и станет сосудом моей воли.

Полковник вновь начал озира́ться в поисках Красного Глаза.

— Если ты думаешь, что одно из твоих жалких подоби́й аликорна способно преодолеть щит, то ты глубоко заблуждаешься. Некоторые уже пробовали. — Он окинул взглядом помещение, вода из стороны в сторону звёздным бластером.

— О, я в курсе, — Красный Глаз практически мурлыкал. — Ведь мы посылали их. Признаю, провал Прозревающей Тьму заставил меня пересмотреть свой план.

Прозревающей Тьму? Потребовалось лишь мгновение, чтобы в памяти всплыло лицо. Безумный аликорн в королевском дворце одна из тех, что пали под влиянием Чёрной Книги, и та, кто носил череп принцессы Луны, словно какое-то ожерелье! И это был аликорн, которого послали Богиня и Красный Глаз, чтобы пройти сквозь щит П.О.П.? И она провалилась?

Это... объясняло многое, хоть и весьма странным образом.

— ...Однако именно из-за её провала я и понял, почему аликорны Богини не могли проникнуть внутрь. И что было действительно необходимо. Это именно то, что вы и сказали: все они — жалкое подобие аликорнов. Все они неполноценны. Словно недостаёт чего-то жизненно важного, что должно быть в аликорнах. И, таким образом, они слишком далеки от истинного аликорна, такого, как Селестия.

И будто пытаясь успокоить чувства аликорнов, поддерживающих щит, добавил:

— Но это не их вина, изначальная ошибка заключалась в наборе образцов.

— О чем ты там трещишь? — спросил Отэм. Он уже сделал полный заход вокруг комнаты, проверяя мёртвые зоны за каждым резервуаром, и сейчас вновь приземлялся на центральный мостик.

— Если бы вы осознавали, что это за создание, с которым ваш Высший Совет пытался заключить мир, вы бы поняли, — упрекнул Красный Глаз. — Сущность Богини была сформирована четырьмя доминирующими пони. И эти пони, в свою очередь, обеспечили метафизическую основу, шаблон для последующих аликорнов.

Красный глаз не сказал ничего, что я бы не знала, да и ситуация не изменится, пока его СтелсБак не исчерпает свой ресурс или что-то другое не изменит его статус кво. Так что я полностью сосредоточилась на единорогах.

Они выглядели здоровыми. Невредимыми. Даже на удивление откормленными. Куда более, чем рабы из Филлиделфии. Это натолкнуло меня на мысль, что некоторые из этих единорогов были добровольцами. Если так, то либо они были фанатичными последователями, либо их сильно обманули.

Также я обратила внимание на то, что на каждом были механические ошейники с маленькими красными лампочками. И ошейники были закрыты.

— К несчастью, — продолжал Красный Глаз, — набору образцов крайне не хватало определённого разнообразия...

Агась. Все они были кобылами. У богини был план на этот случай. Но для этого нужна была очень-очень плохая книга.

— ...Все они были единорогами.

Оу. Никогда даже не думала об этом, но предполагаю, что и это может являться правдой. Твайлайт Спаркл, Трикси, Гешгальт и Мозаика — все единороги.

Тпру! Попридержи уздцы!

— Чтобы создать аликорнов, которые могут пройти через тот щит, образцы нуждаются в определённом... единстве.

Каждая раса была частью единого целого, — прошептал в моей голове голос молодого Красного Глаза. — Не являясь более выдающейся или более важной, чем другие. Таков жизненный гештальт, требующий всех трёх.

О нет.

— Новое божество должно быть создано из образцов всех трёх рас, — сообщил Красный Глаз. — Это означает, что мне нужно найти пегаса и единорога, достаточно сильных разумом и душой, которые вместе со мной станут доминирующей частью нового Божества...

После чего все мы хорошо познаем друг друга, вы во мне.

Да ну НАХУЙ!

Полковник Отэм был шокирован. Затем он захихикал, не сумев сдержаться.

— Что? — спросил полковник Отэм Лиф, смеясь. — Ты ждёшь, что я присоединюсь к тебе?

Он проскакал галопом до края платформы, спрашивая:

— Или ты планировал сбросить меня, как это произошло с Трикси? — Он взмахнул своими крыльями, зависая над мостиком, красуясь. — Да, — добавил он, отвечая на невысказанный вопрос. — Я провёл собственное расследование.

— Так же, как и я, — сказал ему Красный Глаз. — Бедный, маленький Отэм Лиф. Средний сын, пойманный в ловушку между идеальным сыном, неудачником и "ошибкой". И ты пошёл по единственному оставшемуся пути: превзошёл все ожидания. Ты обладаешь стимулом, амбициями, не говоря уже о харизме и силе воли, чтобы быть командиром крупной группы войск. Одним из самых высокопоставленных офицеров во всей стране. И тем не менее... причина всего в жажде получить одобрение.

Отэм Лиф безмолвно парил. Затем медленно произнёс:

— Ничего ты не знаешь.

— Не от твоего отца, больше нет. Теперь ты покорный слуга намного более могущественных пони, чем он. Но несмотря на всю твою власть, ты по-прежнему лишь пёс, отвечающий на зов хозяина, в надежде, что его приласкают, — безжалостно промурлыкал Красный Глаз. — Вот что делает тебя совершенным. Ты достаточно силен душой, чтобы стать образцом, но ты никогда не сможешь оспорить у меня настоящее господство.

В комнате было очень тихо и спокойно, лишь хлопали крылья Отэм Лифа.

— Прости, Красный Глаз, — наконец ответил он в притворном веселье. — Но ты проиграл. Я не выпью твою чашу лжи, — он посмотрел прямо в чашу на пьедестале. — Найди другого пони.

Чаша извергла из себя треск взрыва, когда Красный Глаз активировал импульсную гранату, спрятанную им внутри. Броня полковника Отэм Лифа вырубилась, и он рухнул на платформу с громким скрежетом, полностью парализованный.

Красный глаз отключил свой СтелсБак, появляясь на мостике на расстоянии меньше двух ярдов. Он подошёл и слегка толкнул копытом выведенного из строя командира Анклава.

— Замечу, что ты удивил меня, — великодушно объяснил Красный Глаз. — Мне было нужно, чтобы Анклав отправил несколько

пегасов в зону моей досягаемости, но твоя сумасшедшая реакция полностью застала меня врасплох. — Красный Глаз наклонил голову к шлему Отэм Лифа. — Я провёл больше времени, с трудом приспособляясь к массовым убийствам Анклава, чем рассчитывал.

— А чего, во имя того, что ты там считаешь святым, ты ещё ожидал, — раздражённо проворчал Отэм Лиф, пойманный в ловушку внутри своей брони, так же, как СтилХувз, когда я впервые разговаривала с ним. — То, что ты планируешь — не что иное, как уничтожение посевов целой страны. Твоя мания величия угрожает пегасам огромным дефицитом и голодом. Ты стремишься стать величайшим массовым убийцей в истории Эквестрии только для того, чтобы заявить о своём праве на благодарность за солнечный день!

О Богини. Я тоже собиралась сделать это? Мой собственный план не так уж сильно отличался. Такова цена? По сравнению с такой жестокостью, помощь, которую я оказывала пони пустоши, бледнела от своей ничтожности.

— Воскрешение Эквестрии, — ответил Красный Глаз прямо, — требует жертв.

Бессердечность его слов поразила меня. Да, я тоже планировала взять под контроль Проект Одного Пегаса. Анклав должен быть остановлен. И Вельвет Ремеди была права: нельзя положить конец чему-либо, пока существует причина этого. Более того, пони пустоши заслужили вновь увидеть солнце Селестии. Чтобы познать тепло и надежду, которые может принести лишь солнечный день.

Но я не была таким же холодным, бессердечным созданием, которых я видела в обоих пони передо мной. Я знала то, чего не знали ни Красный Глаз, ни Отэм Лиф, фактор, меняющий игру, который делал возможным исполнение моего плана без совершения чудовищного зла. Я знала о Садах Эквестрии.

— Хотя, в конце концов, действия Анклава... так сказать, твои действия... хорошо послужили выполнению моего замысла, — спокойно злорадствовал Красный Глаз. — Вы превратили самих себя в таких ублюдков, что после того, как я уничтожу вас, наше новое Божество будет встречено как спаситель.

Полковник Отэм Лиф начал материться.

— Может быть, я буду одним из тех, кто прикончит тебя!

— Интересный факт, — сказал Красный Глаз, прерывая цепочку проклятий Отэм Лифа. — Четыре пони стали образцами, из которых состояла Богиня, но они не формировали её равномерно. Богиней управлял один разум, одна воля. И не самый могущественный из всех четырёх. Нет, тогда им стала бы Твайлайт Спаркл. Вместо неё им была Трикси. И не просто Трикси, а Трикси-шоупони. Самая харизматичная из всех четырёх. Я разделю Божество с мучеником, желающим спасти всех пони, и безвольной марионеткой. — Он ухмыльнулся. — Я верю в свой успех.

Красный Глаз посмотрел вверх на клетку.

— Теперь ты можешь выйти.

Что? — запнулась маленькая пони в моей голове. — *Я... но... да ну нафиг.* — Её голова поникла, признавая поражение. Я отключила СтелсБак и уставилась вниз на другого Выходца из Стойла.

Красный Глаз улыбнулся мне.

— Ни единого шанса, — резко сказала я.

— Решать тебе, — ответил он, удивив меня.

— Подожди... ты даёшь мне выбор?

Красный Глаз подошёл к перилам мостика, положил на них свои копыта и взгляделся в круговорот красок в цистерне внизу.

— Конечно, даю.

— Почему? — Я должна была знать.

— Потому что меня и так ожидает тяжёлая борьба с ним, — кивнул он головой в сторону обездвиженного Отэм Лифа. — И я не хочу бороться сразу с двумя образцами. К тому же, если ты сейчас согласишься, то я уверен, что с куда большей вероятностью ты станешь использовать Божественность для помощи пустоши, великодушно правя, нежели будешь пытаться меня уничтожить из мелочной мести. И, наконец, потому...

Красный Глаз остановился, казалось, обдумывая свои следующие слова.

— ...Потому что, в отличие от него, — сказал он, хлестнув хвостом в сторону Отэм Лифа, — это не обязательно должна быть ты.

Я моргнула. Раньше я была очень важна для него, а теперь он говорил, что не особо нуждается во мне? Что, в конце концов, я не была особенной? Я была уязвлена и одновременно почувствовала облегчение.

— В той клетке двадцать пять единорогов, — заметил он. — Двадцать пять отборных кандидатов на роль единорога-образца. Одного из них будет достаточно. Но ты... — Он смущённо фыркнул. — В тебе я не сомневаюсь. Представь моё удивление, когда судьба подбросила тебя в самый последний момент. Единорога, который не только имеет все необходимые качества, чтобы стать сильным образцом, но добровольно захочет быть частью Божества, и чьё правление действительно сделает Новую Эквестрию лучше и богаче. Я всегда знал, что рискую. Не важно, как тщательно я изучал, планировал и создавал, непредвиденные обстоятельства неизбежно сводили все мои усилия лишь к броску игральной кости. Ты позволила мне застраховаться от возможных потерь лучше, чем когда-либо.

Мой разум ухватился за одно слово из его речи. Добровольно?

— Какого чёрта я бы...

— Потому что ты боишься возможных последствий своего отказа, — сказал он просто. — Ты уже знаешь, какой он. Ты не станешь рисковать тем, что может появиться Божество с ним во главе. Или другим пони, которого ты не знаешь и который может быть столь же безжалостным.

— Ты сказал, что он не сможет оспорить твоё господство, — напомнила я грустно.

— Совершенно верно, — ответил Красный Глаз. — Но Эквестрией я буду править не один. Я говорил тебе до этого, для мира, который мы создаём, я — монстр. Мне нет места в нём. Это будет твоя работа, ты помнишь? — Он усмехнулся. — Кроме того, я буду полностью поглощён контролем солнца, луны и погоды.

У меня отвисла челюсть.

— Ох, дорогая, — засмеялся Красный Глаз. — А как, ты думала, я собираюсь передать тебе моё дело? Мои силы и мои последователи не будут верны новому лидеру просто потому, что я им прикажу. Но они будут верны новому мне и любой части меня.

Я колебалась.

— Серьёзно, Литлпип, ты когда-нибудь задумывалась об этом? Или ты просто считала, что я лгал?

Я оцепенела, отстранилась от мира, будто он был где-то далеко. Как коконом, я была окутана сомнениями, смотря на реальность затуманенным взором.

Я очнулась, когда Красный Глаз перекинул заднюю ногу через перила.

— Стой! — приказала я, доставая Малый Макинтош и прицеливаясь.

— Да ты шутишь. — Красный Глаз посмотрел на меня. Шок сменился презрением. Он смотрел в дуло, направленное ему промеж глаз.

— Ты ведь шутишь, да?

— Нет, — сказала я на полном серьёзе. — Я выберу третий вариант. Тот, при котором мне не придётся волноваться о том, какие пони станут частью Божества. Потому что не будет нового Божества.

— Стреляй уже! — закричал Отэм Лиф. Мы оба проигнорировали его.

— Честно, Литлпип? — спросил Красный Глаз. — Ты хочешь приговорить всех пони Эквестрии к Пустоши? Приговорить их к ещё двум сотням лет бессмысленных сражений, бедности и лишений... которые закончатся смертью по прихоти рейдеров или монстров? Они нуждаются в тебе, Литлпип. Что они будут делать без лидера? Что станет с ними без нашего руководства?

— Они не нуждаются в нас. Им не нужен Бог, чтобы спастись. Они сами могут спасти себя.

— Я восхищаюсь твоей верой, Литлпип. Она такая... искренняя. Но тебе пора повзрослеть.

Была ли... Была ли я просто слишком наивной?

— Нет, — сказала я медленно, пытаюсь перевести мысли в слова. — Может... наверное... пришла пора всем им повзрослеть.

Я подумала об Обществе Сумерек, сидевшем на сокровищах магии и не использующем их для помощи другим. О Стальных Рейнджерах, охотившихся на других пони в своём стремлении к накоплению технологий из прошлого. О Новой Эплузе, готовой торговать с работодателями и не поднимать копыта на ужасы, творящиеся в Старой Эплузе прямо под их дверьми.

— Для пони пустоши пришло время перестать быть такими эгоистичными и недалёковидными. Начать заботиться о собратьях пони. Подавать копыто помощи и поддержки. Работать всем вместе, чтобы создать что-то большее и лучшее, не потому, что их вынуждают, а потому, что они сами хотят этого для себя и для своих потомков...

Я вспомнила слова Лайфблума: *Это наша помощь.*

— ...Пришло время, чтобы они сказали пустоши съёбывать отсюда!

Я подумала о Рейнджерах Эплджек и о словах СтипХувза в Стойле Два: *Сегодня вы должны выбрать, кому ваша Клятва служит. Бросить эту позорную цель и перейти на мою сторону, подтверждая Клятву верности защиты жителей Эквестрии.*

Я вспомнила слова Хомэйдж по радио: *Ко мне поступает ещё множество сообщений. Герои сомкнули ряды от Разбитого Копыта до Хуффингтона, чтобы противостоять ужасам небес.*

— И знаешь что? — Я продолжала говорить, потому что не могла остановиться. — Я думаю, что они хотят этого. Они уже готовы. Ты показал им, что можно всё восстановить. А я... — А кто я? Я знаю кто. Я пример для них. Я не могла слушать Хомэйдж без барабанной дроби в голове. Но говорить об этом и принимать это было совсем разными вещами. Я знала, что сама по себе не особенная, но моя репутация стала чем-то мощным.

— ...А я их Светоч, — сказала я наконец, переврав слова Хомэйдж и надеясь, что это не прозвучало тщеславно. — Мы сделали всё, что могли...

Нет, я ещё не всё сделала. Было ещё одно важное дело, которое надо было выполнить. А здесь я уже разобралась. И с ним тоже.

— ...А теперь пришло время для Папочки Красного Глаза и Мамочки Литлпип свалить на хуй с их пути.

Богини, о чём я только что подумала? Фи. Самая неблагополучная семья всех времён. Я уже мысленно развелась с Красным Глазом.

Красный Глаз хихикнул, а потом добродушно засмеялся, осмеивая мою причудливую, короткую речь.

— Моя дорогая Литлпип. Ты же сама не можешь в это верить. Не после всего увиденного. Если бы пони были способны на это, они бы давно уже всё сделали. И они бы совсем не нуждались в нас.

Он устоял вниз, на светящуюся, переливающуюся жидкость.

— Если мы уйдём и оставим их на произвол судьбы, они снова разрушат всё, вернувшись к тому режиму, который господствовал в Эквестрийской Пустоши эти две сотни лет. Пони... — Красный Глаз фыркнул. — Пони никогда не меняются.

— Мы совершили ошибку, — парировала я. — Пони иногда делают их. Все мы совершаем ошибки. У всех нас есть недостатки и слабости. Но когда мы вместе, мы сильнее. — Я почувствовала подбадривающую тяжесть статуэток Кобыл Министерств в седельной сумке. — И вместе мы станем лучше. — *Мы должны стать лучше*, добавила маленькая пони в голове. — Мы ведь пони.

— Как проникновенно, — съязвил Красный Глаз, расположившись между перилами. — Даже вдохновляюще. А теперь извините, но я собираюсь сейчас искупаться и вознестись.

Я предостерегающе подняла Малый Макинтош.

— А ну отойди от края, или я прибью тебя.

— Нет, не прибьёшь, — сказал Красный Глаз спокойно. — По двум причинам. Во-первых... — Подняв копыто, он откинул повязанный на шее платок, представляя моему взору ошейник, идентичный тем, что были одеты на единорогах. — ...Потому что у меня есть вот это.

Опустив Малый Макинтош, я уставилась на киберпони с непониманием.

— Это ошейник со взрывчаткой, — объяснил Красный Глаз. — Во время войны зебры одевали такие на пленных пони, а затем отпускали их на все четыре стороны. Оставалось лишь дожидаться, пока пленники вернутся к своим, а потом БУМ!

Мне стало плохо. Я перевела взгляд на единорогов в клетке — каждый из них лежал со смертельной ловушкой на шее.

— Все эти ошейники связаны между собой. Если хоть один будет обезврежен или если пони, носящий его, умрёт, то БАБАХ! Взорвутся все. — Красный Глаз перевёл взгляд на меня. — Убьёшь меня — убьёшь и их.

Теперь я поняла, что новый сигнал, о котором сообщал мне мой Л.У.М., был ничем иным, как частотой связи этих смертельных ошейников. А я-то думала, что знаю Красного Глаза...

А если бы что-то пошло не по плану? Что если бы Отэм Лифу повезло и он застрелил бы его раньше? БУМ. Просто одев эту штуку на себя, Красный Глаз играл с жизнями единорогов подо мной. И эта игра становилась всё отвратительнее.

— Ты, возможно, могла бы попытаться обезвредить их одновременно, — произнёс он. — Могла бы? Я знаю, что ты достаточно хорошо владеешь телекинезом, чтобы одновременно проделать довольно тонкие операции с двумя дюжинами предметов. Но насколько хорошо ты разбираешься во взрывчатке?

Он поимел меня. Блять, он поимел меня!

Чёрт подери, да я ж даже простую связку гранат вряд ли смогла бы обезвредить.

— А во-вторых, потому что если бы ты могла смириться с тем, что из-за тебя умрут невинные, то ты бы меня уже застрелила.

Я люто, бешено ненавидела Красного Глаза.

Всё это было по-настоящему. Я... Я собиралась сделать это? Маленькая пони в моей голове твердила, что нельзя просто позволить Красному Глазу победить. Но это звучало скорее как подростковая упёртость или как какая-то упрямая гордость. Я не собиралась жертвовать этими единорогами, не говоря уже о будущем пустоши, ради чего-то настолько эгоистичного.

Да и правда, разве я не то же самое намеревалась сделать?

Нет, не то же самое.

Я старалась принести надежду Пустоши, изгнать всю эту тьму. И я была готова потерять всё, что у меня было, даже Хомэйдж, лишь бы сделать это ради всех пони в Эквестрии. Я не пыталась заработать славу или построить себе пьедестал своими поступками, я никогда не ставила себя выше других. Но именно этого хотел Красный Глаз.

— И кроме того, у меня твои друзья, — напомнил он мне. — В конце концов, я не повторяю своих ошибок.

— Что ты сделал с ними? — спросила я резким голосом. — Где Ксенит? Что ты сделал с Вельвет Ремеди? Что...

— Не волнуйся, — начал заверять меня Красный Глаз. — Они в порядке. Все-все. Я послал за ними свою лучшую фиолетовую с приглашениями. Она сделала им предложение, от которого трудно отказаться. И твои друзья будут в порядке до тех пор, пока ты не выкинешь что-нибудь глупое.

Ага, как же. Они абсолютно беспомощны и полностью зависят от моих решений, — фыркнула пони в моей голове. У Красного Глаза была дурная привычка недооценивать моих друзей.

Я подумала о своих друзьях. Как бы они к этому отнеслись? Какой совет они бы мне дали? Пришедший в голову ответ окатил меня, как ледяная вода из ведра.

СтилХувз бы этого не одобрил. Он присоединился ко мне только потому, что увидел шанс сделать что-то хорошее, стать лучшим пони, и умер, пытаясь этого достичь. Ему была бы отвратительна сама мысль о том, что я даже просто рассматриваю предложение Красного Глаза. Я не должна подвести его.

И снова я вспомнила, как сидела рядом с ним, любясь заливом города Дружбы. Город пони, который полковник Отэм Лиф приказал стереть с лица Эквестрии. Но разве я сама не уничтожила города? Как я могу позволить пони, вырезавшей всё население Арбы, стать правительницей Эквестрии? Достаточно взглянуть на все мои ошибки, на весь вред, что я принесла. Монтерей Джек... Праздничные Минталки... Я не могла взять на себя обязанность, которую когда-то возложили на себя Принцессы!

Красный Глаз думал, что когда у меня будет эта власть, я не смогу доверять абсолютно никому. Я знала, что тогда я не смогу доверять даже себе.

Красный Глаз взывал к моей добродетели: испорченной, но в то же время истинной. Он знал меня лучше, чем я сама. Всегда знал.

Но то, чего Красный Глаз не понимал (и никогда не поймет), так это дружба. Поодиночке мы слабы и находимся во власти наших недостатков. Но когда мы вместе с друзьями, мы становимся сильнее. Мы поддерживаем друг друга. Делимся нашей силой, защищая уязвимые места друзей. Даже когда мы далеко друг от друга. Я подумала о своих друзьях и их добродетелях. Преданность, доброта, настойчивость, смирение. Предложение Красного Глаза было как плевок им всем в лицо.

Красный Глаз прыгнул.

Я сконцентрировалась.

Секундой позже обёрнутый моей магией красный жеребец всплыл вверх, поравнявшись со мной, стоящей на вершине клетки. Он беспомощно сучил ногами в воздухе, изо всех сил пытаясь опуститься вниз. Затем, уронив голову, Красный Глаз испустил тяжёлый вздох.

— Забыл, что ты можешь так сделать, — признался он. Затем снова вздохнул, поднимая на меня жалобный взгляд: — Почему?

— Потому что пони пустоши заслуживают лучшего правителя, чем я, — ответила я. — И лучшего Бога, чем ты.

Компас моего Л.У.М.а внезапно ожил, озарившись целой россыпью красных точек.

— Существует кое-что ещё, о чём вы забываете, — прозвучал голос под нами. Отэм Лиф молчал достаточно долго, чтобы я забыла о его присутствии. — Ножницы режут бумагу.

Щит аликорнов рухнул, когда адские гончие в шлемах Анклава прорвали оборону на входе, их когти легко проникали сквозь защитные экраны фиолетовых аликорнов. Многие из адских гончих прокладывали себе путь прямо через стены, потолок и даже пол. Один из чанов дал течь, когда не особо удачливая гончая прокопала вход в комнату прямо под ним.

Адские гончие побеждали аликорнов.

— НЕТ! — закричал Красный Глаз, наблюдая, как рушатся его блестящие планы, на осуществление которых он потратил десятилетия.

Мощная, глухая вибрация прокатилась по комнате вознесения. За ней последовали другие, поскольку что-то начало долбить по Собору сверху. Совершенно иной масштаб бомбардировки. Как я догадалась, «Громовеержец» начал обстрел крепости из своих тяжёлых орудий.

Одна из адских гончих, забравшись на подвесной мостик, вытащила свою энерго-магическую винтовку и выстрелила. Фиолетовый луч ударил по Красному Глазу, испепеляя приличный кусок его покрытого шрамами, лишённого кюйтмарки тела. Его настоящий глаз широко раскрылся в шоке.

Красный Глаз умирал.

Бля!

Я не могла его спасти. Он был бы мёртв через считанные секунды, и собирался прихватить всех нас с собой.

Вспышка вдохновения, рождённая паникой. Я вынула МГ СтелсБак II из своей ПипНоги и вставила на его место передатчик из Кантерлота, настраивая его на вещание на каждой частоте, какую смогла найти, прежде чем включить его.

Моя голова просто взорвалась болью, когда смертоносный белый шум наполнил комнату. Моя магия рассеялась, роняя умирающего Красного Глаза в чан под нами, поскольку мой рог сдавило будто тисками. Мои глаза начали кровоточить. Единороги подо мной стонали в адских мучениях. Полковник Отэм вопил, запертый в своей броне. Несколько адских гончих выли, извиваясь в конвульсиях. Многим удалось сорвать с себя шлемы.

Множество лучей света полоснули по комнате. Один из них ударил внутрь клетки, испепеляя одного из парализованных единорогов, сверкающий пепел просыпался вниз в бассейн с З.В.Т.

Ошейники со взрывчаткой не сработали. Как и на «Перистом», кантерлотский белый шум полностью наводнил собой канал, на котором работали ошейники, и сделал невозможной передачу активирующего сигнала.

Выключив передатчик, я выхватила исцеляющее зелье и залпом опустошила его. Затем, предварительно обернув единорогов своим телекинезом, я занялась замком клетки. Здесь мы были слишком уязвимы. Я должна была вытащить нас отсюда!

Ещё более мощные удары сотрясли помещение. Собор стирали в пыль.

— Забери меня с собой, — приказал полковник Отэм Лиф. — Спаси меня!

— Вали вместе со своими гончими, — крикнула я в ответ.

— Им не приказывали делать этого, — признался он, сменив тон на умоляющий. — Мой первый офицер собирается превратить это место в кратер. — И адские гончие были допустимыми потерями. Их приказы не включали в себя действий, направленных на самосохранение.

Замок щёлкнул. Дно клетки распахнулось, и двадцать четыре выживших пони зависли над чаном с циркулировавшим в нём З.В.Т.

— Слушай, я неплохо разбираюсь во взрывчатке, — полковник сделал попытку поторговаться. — Я могу помочь тебе обезвредить эти ошейники. Но только если ты заберёшь меня с собой!

Я смотрела со злостью на пони, который стоял за разрушением Руин Кантерлота и убийством Стар Спаркл. Который приказал выследить и убить своего собственного брата и моего лучшего друга. Который натравил на нас Вондерболтов и отдал приказ атаковать город Дружбы, Новую Эплзу и многие другие города.

— При одном условии, — ответила я брату Каламити.

— Всё что угодно! — с готовностью согласился он.

— Объясни мне, как превратить батарею этого звёздного бластера в бомбу, — потребовала я. Доктор Глю упоминал о тоннелях под Собором. И адские гончие уже пролили в них эту заразу. Насколько хуже станет Вечнодикий лес после того, как эта комната разрушится и миллионы тонн чистого З.В.Т. будут выброшены в окружающую среду? Я не могла даже представить себе, что это сделало бы с Эквестрией. Это могло быть намного разрушительнее мегазаклинаний.

Недостаточно было просто разрушить эту комнату. Всё это должно было буквально испариться.

Моя голова раскалывалась, мой мозг пытался проскрести себе путь из моего черепа. Что-то тёплое, влажное и липкое стекало из моих ушей и ноздрей. Мой перегруженный рог протестовал, казалось, что на вскрытие замка на последнем ошейнике я потратила больше усилий, чем на левитирование товарного вагона.

Ошейник щёлкнул, открываясь, и я в последний раз отключила передатчик, после чего сползла по стене. Мы были в том, что осталось от лаборатории доктора Глю. Мой взгляд задержался на единорогах. На каждый ошейник пришлось лишь несколько секунд работы передатчика, но общие потери всё равно были огромны. Я была без лечебных зелий. Четверо пони не выжили.

Рациональная часть моего мозга (по крайней мере, та его часть, что не пыталась вытечь из моих ушей) говорила мне, что я спасла двадцать жизней. Из двадцати пяти. И что четыре пятых — не так уж и плохо.

Маленькая пони в моей голове плакала, скорбя о каждом из пяти пони, которых я не смогла спасти.

Мощный глухой раскат, из-за которого потолок над нами прогнулся, осыпаясь землёй и каменными глыбами, напомнил мне о том, что я пока ещё никого не спасла. Пока мы не выбрались отсюда, я лишь отсрочила их смерть.

Я вытерла глаза ПипНогой, окрасив её в красный. Мой взгляд сместился на понишку фигуру Отэм Лифа, задержавшись на его нефритовой броне. Я отказалась перезагружать её, пока он не выполнит свою часть сделки. Я не хотела быть сожжённой звёздным оружием в ответ на протянутое копыто помощи.

Я подползла к нему, уделяя особое внимание звёздному бластеру.

— Отлично. Теперь бомба, и я освобожу тебя.

Демонтировать звёздное оружие и извлечь из него энергетическое ядро оказалось куда сложнее, чем я представляла. Это говорило мне о том, насколько опытной должна была быть Хомэйдж, чтобы делать подобное. Я чувствовала радостную боль в своём сердце, гордость за мою любимую смешивалась с горьким пониманием того, что я почти наверняка больше никогда снова не увижу её лицо.

Времени попросту не хватало. Его вообще никогда не хватало.

Самодельное взрывное устройство тихо загудело. Взрывчатка из ошейников окружала оранжевое сияние энергетического ядра звёздного бластера. Я установила таймер и левитировала бомбу вниз по лестнице, направляя её в комнату вознесения. Я помнила эту комнату достаточно хорошо, чтобы не глядя поместить взрывчатку прямо в чашу Красного Глаза.

Я дала нам десять минут. Удары наверху сотрясали комнату, но я не думала, что «Громовержец» сможет добраться до этого подземелья так быстро.

— Ну что ж, — произнёс полковник Отэм Лиф. — Перезагрузи меня, и давай убираться отсюда ко всем чертям.

Я повернулась к брату Каламити. Мясику Пустоши. Освободить его... Вопрос был даже не в том, принесёт ли он ещё больше вреда, а в том, насколько больше. Сколько ещё пони я позволю ему уничтожить, отпуская его.

Я осознала, что должна сделать. Мой взгляд стал решительным и твёрдым. Я склонилась над ним, телекинетически поднимая забрало его шлема, чтобы видеть его глаза. Карие глаза Отэм Лифа. Такие же, как у Каламити, подумала я с болью в сердце. Но они были тёмно-красными, кровь сочилась из уголков этих глаз, заливая его шерсть и наполняя шлем.

— Ты должен знать кое-что обо мне, — печально сказала я ему. — Я отнюдь не носитель Элемента Честности. Но я знаю её. И я люблю её.

Я левитировала Малый Макинтош. Отэм Лиф выпучил глаза.

БАХ!

Отступив назад, я убрала оружие Эплджек в кобуру и левитировала двадцать спасённых пони прочь из комнаты.

Долгое время я думала о себе, как об отражении Красного Глаза (увиденном однажды в кривом зеркале Пинки Пай). Но я сравнивала себя не с тем пони. Я была не Красным Глазом.

Я была Эпснэком.

Все мои друзья уже ожидали меня на борту «Черепахи», когда я вбежала в неё, волоча на телекинетическом буксире двадцать бессознательных единорогов.

— Ну всё! — воскликнул Каламити. — Пора перенести это шоу на крылья!

Собор почти что сровняли с землей, лишь несколько барачков были более-менее целыми. «Громовержец» бомбил землю разноцветным шквалом энергии, буквально распыляя подуровень за подуровнем, пробиваясь до самого низа. Сам же Циклон был сильно потрёпан в бою, и сейчас дым клубами вырывался из множества пробоин в его корпусе. Грозовые облака «Громовержца» находились в нестабильном состоянии, судя по издаваемым ими звукам. Ни дракона, ни аликорнов видно не было, остальные же солдаты Красного Глаза, которым удалось пережить бойню, бежали в Вечнодикий лес, который, как я полагала, только и ждал момента, как бы их прикончить.

Каламити собрал всех в «Черепахе», как друзей, так и беглецов с «Громовержца», и перевёз их всех в укрытие, созданное одним из сбитых Хищников. По шинковке корпуса я предположила, что это судно на счету дракона. К счастью, на моей ПипНогe была метка «Черепахи», так что (после короткого приступа паники) я без проблем её нашла.

— Отэм Лиф? — спросил Каламити, как только я пришла, не успев даже перевести дыхание и вся мокрая от пота.

— Ему не удалось спастись, — ответила я, решив не конкретизировать. — Как и Красному Глазу.

Боль прокатилась по лицу Каламити.

— Оно, наверное, к лучшему, — сказал он, отворачиваясь к кабине небесного танка.

Моя голова раскалывалась с достаточной силой, чтобы составлять конкуренцию бомбардировке Циклона, но с каждым смачным взрывом боль становилась просто зубодробительной. Сейчас мне нужны были друзья, кровать и супер-пупер-мега зелье лечения.

Я открыла люк в грузовое отделение танка, и меня сразу же рывком затащили внутрь и прямо в объятия.

— Литлпип, где же ты пропадала? Я так за тебя переживала!

Я почувствовала облегчение и обняла Вельвет.

— Училась играть в "камень-ножницы-бумагу", — сказала я ей, и сразу же подумала о порождённой звёздами взрывчатке, которую я оставила в Соборе и которая могла взорваться в любую минуту, если уже не взорвалась. — Ставлю на камень.

Моё облегчение сменилось нарастающим беспокойством, когда я разглядела через её плечо и гриву спящего адского пса-альбиноса. Несмотря на то, что «Черепеха» была забита до предела, остальные пони старались держаться от него подальше и не трогать. Я надеялась, что альбинос был под заклинанием Вельвет и был совершенно неопасен. Мой взгляд скользнул вниз и остановился на блестящей кибернетической ноге, на месте которой ранее была лишь уродливая культя.

— Ты ведь сдалась в плен, чтобы помочь ему, да? — медленно спросила я.

— У нас всё было под контролем, — вступил в разговор Лайфблум оттуда, где он осматривал Реджи. Пурпурное свечение его рога охватывало искалеченную конечность грифины. — Ксенит в хижине. Мне больше нечем ей помочь, да и перемещать её мы не посмели. К счастью, аликорну, видимо, было наплевать на неё.

Они оставили её одну?

— Паерлайт осталась там приглядывать за ней, — добавил Лайфблум.

Хорошо, подумала я, вспоминая своё пребывание в Филлидельфии. *Не одну*. Этого было вполне достаточно.

— Да, и Каламити был такиииним любезным, — проворковала Вельвет. — Тебе бы стоило это видеть! У этих анклавовских шавок, охранявших нас, просто не было шансов.

Моя голова заболела. Сильно.

Я пошла к одному из рюкзаков, в поисках лечебного зелья, когда Каламити закрепил себя в упряжи.

— Какого чёрта он вытворяет?! — внезапно спросил Каламити, подаваясь вперёд, чтобы посмотреть наверх через своё бронированное окно.

Я повернулась и высунула голову в открытый люк, чтобы посмотреть на массивную громаду «Громовержца», нависающую над стёртыми в порошок остатками Собора. Сильно повреждённый Хищник снова объединился с одним из грозовых облаков Циклона, а второй Хищник тем временем подлетал ближе, оставляя за собой полосу чёрного дыма, стараясь не потерять высоту и доползти до Циклона для швартовки. Тень третьего Хищника, приближавшегося с дальней стороны, была различима сквозь дым.

И приближался он просто стремительно.

Я осмотрелась и насчитала четыре сбитых Хищника. Три очевидно сбил дракон, и ещё один пал жертвой зенитных орудий, которыми когда-то располагал Собор. Было ещё два — «Перистый» и Хищник, который отправили за ним вдогонку.

Я поднесла к уху наушник, собираясь с духом, и настроилась на внутреннюю связь анклавовских кораблей, готовая при первых признаках помех вырубить приёмник нахрен. Но вместо шипения я услышала голос кобылы:

"«Перистый»! Говорит Циклон «Громовержец»! Ответьте, или мы откроем огонь, приём!"

Ответа не последовало. Несколько орудий «Громовержца» повернулись навстречу приближающемуся боевому кораблю.

"«Перистый», это последнее предупреждение! Отключайте двигатели, или мы откроем огонь!"

Хищник приказу не внял, а если что и сделал, то только ускорился ещё больше.

— Ну и ну! — закричал Каламити. — Эта птичка собирается протаранить Циклон!

«Громовержец» открыл огонь, хотя уже было слишком поздно. Вспышки супер-сконцентрированной магической энергии проделали дырки в обшивке «Перистого», что заставило корабль кровоточить, но, разумеется, не замедлило полёт разогнавшегося Хищника.

Я уставилась на корабль, а мои глаза начали ползти на лоб. Хищник *кровоточил!* Розовые струйки пара вырывались из ран в его броне.

Хищник «Перистый» был заполнен Розовым Облаком!

«Громовержец» остановил огонь и попытался убраться с пути несущегося прямо на него «Перистого», но массивный корабль едва ли превосходил по скорости и манёвренности черепаху. Новый громopodobный голос жеребца зазвучал на военной частоте Анклава: **"ЗА КАНТЕРЛОТ!"**

«Перистый» врезался в «Громовержец» с взрывом неопишуемой мощности. Кто бы там ни был на борту, он перетащил всю взрывчатку, что только смог найти на Хищнике, в носовую часть. Взрыв буквально сдул грозовое облако, находящееся ближе всего к эпицентру, и пробил гигантскую дыру в борту мобильной осадной платформы. Оставшаяся часть Хищника вклинивалась в Циклон, словно отравленный дротик.

Я заметила силуэт, напоминающий пони, вылетевший на летучемышинных крыльях из хвостового отсека «Перистого», как раз в тот момент, когда пегасы начали покидать подбитый Циклон.

Земля под «Черепахой» сдвинулась, проседая вниз. Бомба, созданная мною, взорвалась, бесшумно поглотив значительную часть почвы под укреплениями Красного Глаза. И теперь руины собора проваливались в образовавшуюся под ними пустоту.

Каламити подсказок не потребовалось, и он, взмахнув крыльями, поднял «Черепahu» в небо, унося полный беглецов танк и двадцать левитируемых единорогов в более безопасное место. Я отвернулась и, взяв лечебное зелье, начала его пить, смотря в кормовой люк танка.

Мы уже практически вернулись к хижине Зекоры.

Я услышала громopodobный выстрел. Каламити закричал, когда Гатшотова пуля из анти-мех винтовки прошла кабину и правое крыло Каламити, выводя его из строя. «Черепеха» начала терять высоту, снося верхушки деревьев. Моё заклинание левитации рассеялось, когда меня швырнуло на заднюю дверь, которая тут же распахнулась, рассыпая пассажиров по лесу.

Моё тело врезалось в довольно толстую ветку достаточно сильно, чтобы обломить её, заодно переломав мне рёбра, отшибив живот и выбив из меня дух. Я падала сквозь дерево, однако чувство было такое, будто меня избивали рейдеры. Моя задняя правая нога с хрустом ударилась о дерево, разливая по телу жгучую боль. На землю я приземлилась уже спиной, мой Л.У.М. взрывался предупреждениями, однако я уже потеряла сознание.

Когда я очнулась, Вельвет Ремеди уже стояла надо мной и занималась моей задней ногой, её рог светился. Реджи стояла неподалёку, её повреждённая передняя лапа была туго перевязана, кровь из многочисленных ран стекала вниз по голове и боку. Она

смотрела вперёд сверкавшим кинжалами взглядом.

Мой взгляд зацепился за укреплённую синюю броню, и ещё за одну, и ещё. Мы были окружены Вондерболтами. И между нами был явно какой-то спор. Голоса обволакивали меня. И двое из них принадлежали Каламити.

— Что эт за чертовщина? — спросил голос Каламити.

— Ты шлёпнулся прямо в заросли этого синего растения. Шлёпнулся же? Верно, Гатшот? — усмеялся в ответ Каламити. — Я знал, что у тя зудела задница по поводу того, что ты всегда был вторым. Но я никогда не думал, что ты хочешь стать мной. — Мой друг уже почти кричал. — Хотел стать мной? Хотел жить, как я? Поздравляю, ты получил то, о чём мечтал.

Я повернулась в направлении голосов и увидела основательно потрёпанного и истекающего кровью Каламити, изучающего собственное отражение в броне Вондерболта, анти-мех винтовка на боевом седле которого смотрела прям меж глаз моего друга.

— Гатшот, назад, — скомандовала Скайдайв, выходя вперёд рядом с Каламити.

— Да чёрта с два, — прокричал двойник Каламити. — У нас всё ещё есть миссия.

— Да, — возразила Стрейфвайз, приближаясь с другого бока к настоящему Каламити. — Но не на этот раз. Мы опережаем время.

— В сторону, нахрен! — ревел Гатшот. Никто не стоял на линии огня. Но казалось, что он был не в состоянии выстрелить, когда все были против него. — Мы не можем провалить этот приказ. Я не могу провалить приказ!

— Мы провалим нечто большее, чем приказ, если ты нажмешь на спусковой крючок, — произнесла Джет, её голос был низок и глубок, словно тёмный шоколад. — Здесь всё не так, как нам казалось.

— Да что за хрень с вами!? Он наш враг! Дедшот — предатель!

— Дедшот? — спросил Каламити, покачиваясь от потери крови. — Бля, ты чё, так зациклился на этом, что даж не видишь, чё происходит прямо перед твоим носом?

И тут рядом со мной раздался крик. Все пони обернулись и увидели, как Реджина Грознопёрая внезапно упала со сквозной дымящейся раной в груди. Искорка жизни в её глазах быстро затухала.

Точно так же, как и у её брата-близнеца.

— Нет! — захныкала я с поникшими ушами.

— Кто выстрелил? — рявкнула Скайдайв. Никто не стрелял. Я заметила мелкую синюю лиану, обернувшуюся вокруг правой задней лапы Реджи. И ещё несколько, подползавших ко мне и Вельвет.

Здесь должен быть Кейдж, не я, — сказала когда-то Реджина. Что ещё она успела сказать, чего я не слышала?

— НЕТ! — выкрикнула я, подпрыгнув в воздух и схватив нас троих своим телекинезом. Вельвет Ремеди отреагировала так же быстро, создав щит над землёй. Лианы корчились в ловушке под щитом.

Это не должно повториться снова! Я не собиралась потерять Реджи так же, как и её брата. В этот раз Вельвет Ремеди была с нами. И Лайфблум тоже. Это НЕ ДОЛЖНО повториться!

— Лайфблум! — закричала я, но он уже был передо мной и накладывал стабилизирующее заклинание на грифину, вырывая её из копыт Смерти.

БАХ!

Я обернулась на выстрел.

Каламити держал во рту Малый Макинтош, дымок шёл из его дула. Его "двойник", Гатшот, попытался выстрелить в ответ. Но ничего не произошло. Пуля Каламити вырвала боевое седло Вондерболта.

Гатшот с рёвом бросился на Каламити.

БАХ!

Гатшот упал на землю, схватившись за переднюю ногу. Другие Вондерболты подошли к нему, окружив.

Каламити выплюнул Малый Макинтош и посмотрел на них сконфуженно.

— Я думаю, что эт невозможно было избежать, — сказал он хмуро. — Вечнодикий лес был моей затеей. Но мой план не включал простреливание копыт самому себе.

Путь к хижине Зекоры был долгим. Всю дорогу Вельвет Ремеди поддерживала щит, который окружал нас мерцающей полусферой. С момента аварии мы потеряли ещё десять пони из тех, что мне удалось тогда спасти. Большинство из них было единорогами.

Четверо из тех, что выжили, не веря в то, что произошло, ускакали прочь. Возможно, они были правы, и Красный Глаз не мог просто умереть после всего этого. Он ведь собирался стать Богом, собирался принести этому миру Единство. Остальные же, слегка контуженные, в полном молчании плелись за нами.

Ни у кого из нас не было желания говорить. Тишину нарушали лишь отдалённый треск пламени, цоканье копыт по магическом щиту и негромкое шипение механической ноги адского пса-альбиноса. Он шёл с нами, по крайней мере, пока.

Вондерболты помогли нам найти пони, разбросанных по лесу после нашей аварии. Они не были готовы открыто выступить против Анклава, но собирались бездействовать, пока конфликт не утихнет, не помогая при этом своему начальству. Скайдайв пообещала "поискать нас", когда всё устаканится.

Они также помогли нам отыскать наш рюкзак с медикаментами. Лишь половина лекарств уцелела после падения, и большая часть её была сразу же потрачена на помощь пострадавшим в аварии.

Трекера забрали с собой Вондерболты, когда улетали.

Красный Глаз был повержен и канул в небытие. Та же участь постигла полковника Отэм Лифа. Однако я не чувствовала себя победителем. Я чувствовала себя так, словно мне удалось лишь отсрочить неизбежное поражение.

Но я же должна стараться лучше. Теперь наш путь лежал к Нейварро и Проекту Одного Пегаса. А в это время Анклав готовил нападение на Филлидельфию. Каламити сказал, что даже смерть полковника не сможет предотвратить это. У них есть приказ, и они уже наверняка нашли нового пони, который готов занять место Отэм Лифа. Анклав — это не кантерлотский гуль, которого можно убить, просто отрубив ему голову.

Примерно через час ходьбы мы остановились, чтобы передохнуть. Лайфблум, до этого левитировавший Реджи рядом с собой, теперь вместе с Вельвет Ремеди сосредоточил своё внимание на лечении раненой грифины. Состояние Реджи было стабильным благодаря стараниям Лайфблума, своим заклинанием поместившего её во что-то наподобие анабиоза. Подобная магия использовалась в кресле старейшины Коттэджд Чиза. И в центре управления Проекта Одного Пегаса. Любопытство подначивало меня остаться и посмотреть, что же будет дальше, но я заставила себя отвести взгляд.

Переведя своё внимание на ПипНогу, я вспомнила, что у меня есть аудиозапись, которую я до сих пор не прослушала. Старый аудио файл, найденный в сундуке Стойл-Тек в Хижине Зекоры. Переключившись на наушник, я запустила его.

"Эмм... Привет?"

Нежный, знакомый голос зазвучал в моём ухе.

"Это немного странно. Я знаю, что по сути ты не можешь меня услышать, Зекора, но Эплблум говорила, что ты всегда была хорошим слушателем. И мне очень нужно выговориться. Я не могу поделиться этим с Эплблум или Скуталу, и я больше не хочу общаться со своей сестрой, поэтому... Я надеюсь, что ты не будешь возражать.

Кстати, это я, Свити Белль. Не то чтобы ты могла услышать меня. Но на случай, если можешь, но не узнаешь меня...

Я думала о разных вещах. И я знаю, что это может показаться смешным, но одна вещь, о которой я часто думала — это...

...Ну...

...камни."

Примечание: Максимальный уровень.

<<< ^^ >>>

Глава 44. Искра

«Искра не сработала.»

«Но она всё-таки зажглась. Другая искра... Та, что появилась во мне, когда я поняла, что вы все мои друзья!»

<<< ^^ >>>

Вера.

Все мы призваны, чтобы в тот или иной момент обрести веру.

Веру в богинь.

Или веру в светлое начало пони, которую Вельвет Ремеди стремилась восстановить.

Или, как в случае с Хомэйдж, веру в героев и в важность Сражения на Светлой Стороне.

Иногда вера, которую вы призваны обрести — это вера в себя.

Вера не требует от нас слепо и догматически тупо ей следовать. Но она требует, чтобы мы шли на риск. Чтобы мы надеялись на что-то, что, мы знаем, *может* оказаться ложным. Даже если цена провала очень высока.

Особенно в этом случае.

Для некоторых из нас вера становится главной причиной, чтобы жить, чтобы двигаться вперёд. Вера — это то, что позволяет нам верить в счастливый конец даже в моменты величайшего горя. Это то, что даёт нам надежду на спасение даже в самой удушающей тьме.

И именно веру хищная Пустошь пытается уничтожить сильнее всего. Не доброту. И не невинность. Пустошь делает всё возможное, чтобы отнять вашу способность верить во что-либо, кроме себя.

Только когда вы перестаёте верить в то, что что-то ещё может стать лучше, когда вы перестаёте даже пытаться, Пустошь побеждает.

Пустошь может убить нас, но пока мы умираем, ещё пытаюсь что-то сделать... умираем, веря во что-то... её победы над нами по крайней мере будут пирровыми.

Я думала об одной истории, которую Спайк рассказал нам тогда в пещере. Об одной из множества историй о кобылках, которые позднее стали Кобылами Министерств. Эта история была о том, как магия Твайлайт Спаркл подвела её...

Ты знаешь какое-нибудь заклинание, превращающее гидру в мышь? А может, в белку?

Нет! Ни в каких мелких грызунов!

...И о том, как ей пришлось довериться Пинки Пай и её противоречащему всякому здравому смыслу Пинки-Чувству.

Всё будет в порядке! Это единственная надежда! Ты должна совершить прыжок веры!

Я, вероятнее всего, очень скоро умру.

Это мой прыжок веры.

* * *

Два дня назад:

— Пришло время покончить с этим.

Требую внимания, я топнула копытом по столу Зекоры, отчего подскочила моя бутылка Спаркл-Колы-Рад, стоявшая на нём. Содержимое этой бутылки испускало яркое сияние. Эта газировка хранилась у меня... сколько уже? Неужто со Старой Эглузы? Я нашла её тогда в обломках первого фургончика Дитзи Ду. О Богини, каким далёким казалось то время. Что ж, теперь я могла смело её выпить. С уверенностью, потом такой возможности, скорее всего, уже не будет.

Было раннее утро. Когда мы прибыли в хижину Зекоры вчера вечером, Лайфблум и Вельвет Ремеди первым делом сделали всё, что могли для Реджи. К счастью, её ранение лишь имитировало поражение энерго-магическим зарядом, и они сумели помочь ей, пусть и приложив невероятные усилия. Но перенесённая травма и последующее восстановление отняли у неё все силы. Лайфблум предупредил нас, что ей жизненно необходим отдых, причём длительный, и она ни при каких условиях не должна сопровождать нас в ближайшее время. Прямо сейчас она спала на соседней от Ксенит койке. Той, на которой мы держали адского пса предыдущей ночью.

Большинство из нас, включая меня, воспользовалось предоставившейся возможностью немного поспать. Даже Каламити немного вздремнул после завершения очень важной работы по восстановлению своей шляпы. Спасённые нами пони, которые не рискнули покинуть нас, расположились на ночлег снаружи: последователи Красного Глаза по одну сторону хижины, все остальные — по другую.

Несколько пони из числа бывших узников «Громовержца» копали могилу для жеребёнка, умершего в заключении. Его мать соорудила памятный знак из камня, вытасченного из мутного ручья неподалёку, окружив его венком из мягко светящихся призрачных цветов.

— Я ждал этого, — прошептал Каламити Вельвет Ремеди. Она перевела с меня на него свой непонимающий взгляд. — Не так давно Лигпип пообещала мне, что мы найдём способ сделать все эти смерти не напрасными, — объяснил он, прочтя немой вопрос на её лице. — У неё есть план.

— Моя не верить, что ты планировать пить это, — пробормотал пёс-альбинос. Я по-прежнему не понимала, почему он оставался с нами, особенно сейчас, когда мог беспрепятственно убежать (или закопаться) от нас. Полагаю, он был основной причиной, почему некоторые пони предпочли оставаться снаружи, хотя вряд ли это помогло бы им, стань он действительно опасен. Но он держался почти дружелюбно, особенно с Вельвет, лицо которой чуть не разорвал буквально день назад. — Из этот блестящий дрянь лучше делать взрывчатка, чем пить.

Каламити прижал уши:

— Чё делать?!

— Если она не пить это, моя покажет.

Каламити чувствовал себя в компании нашего нового дружелюбного приятеля примерно так же комфортно, как и я. И доверял ему в той же степени. Он вновь обратил своё внимание ко мне, хотя и продолжал искоса поглядывать на адского пса.

— Литлпип, что ты планируешь? — спросила Вельвет Ремеди. В её голосе слышались нотки недовольства от того, что она впервые услышала об этом. Каламити шёпотом начал уверять свою любимую, что я держала все свои планы при себе и что даже он ничего не знал.

— Проект Одного Пегаса, — сказала я, обращаясь ко всем, кто находился в хижине. — Мы собираемся вернуть солнце.

По помещению пронеслась волна вздохов. Похоже, что только Каламити не выглядел удивлённым.

— Ты собираешься... вернуть солнце? — Лайфблум, казалось, не мог поверить собственным ушам.

— Да! — Я вновь ударила копытом по столу, отчего Спаркл-Кола-Рад отскочила ещё дальше.

— Мы сможем снова увидеть солнце Селестии? Вновь почувствовать его тепло? Все мы?

Я взглянула на Вельвет Ремеди.

— Я запомнила то, что ты сказала мне однажды, — обратилась я к ней. — Ты сказала тогда, что нельзя остановить зло, не устранив причину его существования. — Вельвет Ремеди села и начала медленно перебирать свою память, пытаясь выудить тот момент, когда после пережитого нами ужаса в домике Флаттершай она находилась в объятьях Каламити.

— Анклав существует только из-за того, что есть облачная завеса. Она — источник их власти, основанный на тотальном контроле источников продовольствия и информации. Не станет её — не станет и самого Анклава.

Я понимала, что это произойдёт не за одни сутки, но тем не менее такой финал будет для них неизбежен.

— Откроем небо, и они не смогут остановить пегасов, которые захотят взглянуть вниз, а затем, осознав, что Анклав всё время лгал им, свергнуть его, — провозгласила я. — Откроем небо, и они перестанут убивать пони только потому, что один из нас может развеять их драгоценные облака.

— Откроем небо, — предостерегающе начала Вельвет Ремеди, — и пегасы начнут голодать. Мы не можем так поступить.

Я немного запнулась, а затем медленно кивнула.

— Я знаю. И мы не позволим им голодать. — Улыбнувшись, я подняла глаза на своих друзей. Они не знали, что эта улыбка скрывает холод, который таился в моём сердце. — Это одна из тех вещей, которые делают нас лучше Красного Глаза. Он бы просто взорвал облачную завесу, разрушил башни. Но мы сперва подумаем над тем, как мы можем убрать облака, не вызвав при этом голод среди народа пегасов.

— Но на сколько этого хватит? — спросил Каламити обеспокоенно. — Анклав не даёт населению разрастись, чтоб всем хватало производимой еды и ещё оставалось на чёрный день. Урежем площадь сельскохозяйственных угодий в два раза — на запасённых припасах продержатся ещё этак год. Но потом наступит кризис. А они не готовы довольствоваться крохами, как это делаем мы здесь внизу. Они начнут совершать налёты на земные города, чтобы прокормить себя и свои семьи.

Каламитри покачал головой.

— Я те говорю, когда мы сделаем это, начнётся бойня.

— Может быть, на очень короткое время, — признала я, но завершила его: — Я знаю способ исправить это. Просто я пока не могу говорить об этой части плана. Но я скажу вам завтра. Для начала, мы должны кое с кем встретиться.

Каламити бросил пристальный взгляд на меня. Потом его выражение лица прояснилось.

— Вот это моя девочка!

Вельвет Ремеди кашлянула, и Каламити поторопился перефразировать:

— Не моя девочка, девочка моя. В смысле, не моя кобылка. Я просто имею в виду... — Он услышал её хихиканье и, покраснев, замолчал.

Лайфблум всё ещё обдумывал мои слова:

— Ты собираешься... вернуть нам... солнце!

— Не я одна, — улыбнулась я его словам. — Мне будет нужна вся помощь, какую только смогу найти.

— Когда Хомэйдж стала называть тебя Дарительницей Света, она уже знала? — задал он вопрос, вбивший клин боли в моё сердце.

На мгновение я лишилась голоса; я смогла только покачать головой.

— Две проблемы, Лил'пип, — начал Каламити. — Во-первых, ты не сможешь попасть внутрь. И во-вторых, ты не сможешь даже попасть внутрь, чтоб попасть внутрь. Не ток в центральный комплекс П.О.П., защищённый прабабушкой всех аликорновых щитов, кое-чем, чё ни один пони не смог пробить, но и в окружающую его военную базу Анклава «Нейварро», закрытую Синим Куполом.

— Синим Куполом?

Каламити вздохнул.

— Помнишь, когда Анклав схватил нас и посадил в те синие энергетические клетки? — спросил он, расшевелив мою память. Первым, что я вспомнила, была Дитзи Ду, тыкающая в щит (бац, "ой"), и я едва удержалась от того, чтобы не захихикать.

— Анклав воздвиг огромный защитный купол вроде этого над всей Нейварро. — Он перевёл взгляд на спящую Реджину. — Чтоб держать на расстоянии грифонов-разбойников и им подобных. И как думаешь через него пройти? — спросил Каламити.

— Тайная операция? — осторожно спросила Вельвет Ремеди.

— Вообще-то, — призналась я, — я планировала что-то больше похожее на лобовую атаку.

Грбовая тишина. Первым её нарушил адский пёс:

— И ей вы даёте составлять планы? — Он покосился на Каламити и Вельвет. — По своей воле?

Я попыталась остановить лавину протестов.

— Послушайте, когда они узнают, что мы внутри, мы окажемся под обстрелом всего, что на этой базе может стрелять или взрываться, — возразила я. — Мы не продержимся и минуты под таким огнём.

— Ну да. В таком случае атака в лоб имеет смысл. — Лайфблум закатила глаза. — Она ускорит нашу смерть.

— Мы не Красный Глаз. — Я сверкнула на него глазами. — У нас недостаточно сил для затяжной битвы. Я думаю, тут только два варианта. Либо мы проводим абсолютно безупречную тайную операцию... — Я заметила тени сомнения на лицах моих друзей. — Либо мы устраиваем наглый и быстрый прорыв и бежим к нашей цели, пока они не опомнились.

— Один точный удар, — продолжил Каламити, размышляя. — А эт может сработать. Ну, если, конеш, ты найдёшь способ пройти через те щиты.

Я кивнула ему и взглянула на остальных.

— Итак, кто со мной?

— Спрашивает она, не рассказав нам и половины плана, — фыркнул Каламити, а затем, обменявшись с Вельвет Ремеди весёлым взглядом, улыбаясь, ответил: — Мы, конечно.

— А я нет, — проворчал адский пёс-альбинос. — Атаковать базу крылатых пони, который на облаках? Я пас, оттуда слишком высоко падать.

Взрогнув, я уставилась на альбиноса, на что он ответил мне тем же. Пёс секунду буравил меня взглядом. Он знал.

— Но я знать ту, кто тебе помочь, — продолжил он неохотно. — Если крылатые пони ещё не убивать её. И ты можешь спасти адских гончих так же, как ты спасти много пони.

Я не могла понять, чему он бросил вызов — моим навыкам или моей готовности?

— Ты о ком?

— Мягколапка, — ответил пёс. — Она была Боевой Коготь. Одна из самых жёстких. Она убежать в Старый Олней... потом её схватил

Анклав. — Он пожал плечами. — Это было давно. Ещё до того, как Анклав приходил со своим магическим шумом?

— Видимо, подопытная, — объяснил Каламити. — В экспериментах Анклава по контролю адских гончих.

— Скорее всего, она уже труп, но если нет, то освободи её, и она поможет тебе убить столько крылатых пони, до скольких сможет добраться. — Немного подумав, пёс обратился к Каламити: — Главное, тебе не стать одним из них.

— Мягколапка, — хрипло усмехнулась Реджина, немало удивив всех нас. Я даже не заметила, когда грифина очнулась. — Бич Анклава.

Она перевела на нас затуманенный взгляд.

— Я в деле.

— Нет, — отрезал Лайфблум. — Ты не в деле. Ты в постели, и причём по меньшей мере ещё неделю. — Какое-то мгновение они вызывающе глазели друг на друга. Я обменялась взглядом с Вельвет.

Каламити, уже сосредоточившийся на предстоящей задаче, спросил:

— Лады, Лил'пил, чё у нас первым делом?

— Первым делом... — Я задумалась, постукивая копытом по столу. — Первым делом выведем пони в безопасное место. Я хочу доставить их на узловую станцию Р-7. Ну, а это значит, что нам нужен транспорт.

Я вызывающе глянула на Каламити.

— Думаешь, сможешь вернуть «Черепеху» в строй?

Каламити аж фыркнул.

— Я то подумал, что ты попросишь о чём-нить более трудном. — Он повернулся и наклонился к крылу, на которое Вельвет наложила шину. — Мы ж эти штуки не просто так называем "небесными танками". Их чёртова броня способна остановить пули, выпущенные из антимех-винтовки. А если бы не могла, то я б не обошёлся одной только травмой крыла. — Он нахмурился с серьёзным видом. — На что угодно спорю, что крушение нанесло больше вреда нам, чем «Черепехе». Но даже если мы её и починим, то поднять в воздух я её всё равно не смогу.

Я расстроено кивнула, а потом подбежала и крепко обняла его.

— Мы что-нибудь придумаем.

Среди спасённых с Циклона пленников было несколько пегасов. Может, мы могли бы попросить одного из них?

Вельвет Ремеди поднялась и подошла ко мне.

— Литлпип? Можно тебя на пару слов? Наедине?

Я сглотнула и переглянулась с Каламити озабоченным взглядом, но он только пожал плечами. У него был точь-в-точь такой вид, как у любого отца тогда, когда его жена уговаривает их дочь выпить полезное, но неприятное на вкус лекарство. Я представляла себе это именно так.

Вельвет Ремеди выходила из хижины. Я чуть приостановилась, перед тем как последовать за ней.

Как только я вышла за дверь, адский пёс стремительно пересёк комнату и занял весь дверной проём. Я отпрыгнула, когда он закрыл собой свет, идущий из комнаты, и включила Л.У.М.

— Литлпип, — прошептал он. — То, что ты намереваться сделать — очень большое дело. Хочешь вернуть назад луна и одеяло, покрытый блестяшками.

Какое одеяло? Ааа, он про звёздное небо.

Всё это время я думала о том, что верну солнце, поэтому забыла о том, что верну Эквестрии куда большее. А ведь наверняка были и те, кому ночное небо было бы куда более значимым даром.

Богиня Луна, подумала я, должна быть очень разочарована во мне.

— Ты сделать это, и, может, я смогу простить тебя... немного.

Я уставилась на него, онемев. Он знал!

Будто бы прочитав мои мысли (адские гончие ведь не могут читать мысли, правда?), кибергончий-альбинос прорычал:

— Стаи Прекрасной Долины объявлять война пони. А когда война, ты не жаловаться, когда враг убивать тебя. — Он серьёзно взглянул на меня. — За них я тебя не винить. Но стая с Призрачной Фермы? Пегасы оставить их здесь умирать, прямо как Красный Глаз поступить с теми единорогами...

Следующие его слова ударили по мне очень больно.

— И я припомнить тех, кого ты не спасти.

Отэм Лиф заставил мирных адских гончих идти в бой, а потом открыл огонь по их позициям. Он послал их на смерть, беспомощных, ведомых чужой волей. В любом случае, его непростительно чёрствое пренебрежение этими жизнями прекрасно показало, что, несмотря на все его мольбы о спасении, на жизни остальных ему было глубоко наплевать.

Но правда была в том, что я сама даже и не пыталась спасти никого из них.

— Я... я просто не могла, — с грустью обратилась я к псу. — Они были... буйными, а у нас не было ничего похожего на заклинание Вельвет. И если бы хоть одному удалось вырваться из моего телекинеза... — А для адских гончих это не составило бы труда — если бы я хотя бы на мгновение поднесла их слишком близко к стене, то, оттолкнувшись от неё, они без труда разорвали бы мой телекинетический кокон. — ...и убить хоть одного единорога, то взорвались бы все ошейники. Тогда погибли бы все мы.

Правда была в том, что я не могла спасти всех. И я выбрала единорогов вместо мирных адских гончих, которых мучал Анклав.

Да, потому что тогда они станут свободно мыслящими, чрезвычайно агрессивными существами, чей разум только что был в копытах пони, — вспомнила я слова Лайфблума. — *Намного менее опасные.*

— Как бы я этого ни хотела, — призналась я, — я не могла спасти всех. Да, я выбрала единорогов только потому, что была уверена, что они не убьют остальных беженцев. И, возможно, вообще никого никогда не убьют.

Или потому, что если бы я спасла их, зная что они убьют ещё не один десяток пони, как и если бы я сохранила Отэм Лифу жизнь, я была бы ответственна за смерть всех тех пони, которых бы они погубили?

А логика Зебр, пожалуй, не такая уж и безумная, как мне казалось.

Вельвет Ремеди ждала меня на краю поляны, полной призрачных цветов.

Со вздохом я опустила голову и взглянула на дружелюбного (вроде бы) пса.

— У твоего народа есть множество причин ненавидеть меня, но я действительно стараюсь поступать правильно, стараюсь изо всех сил. — Произнеся это я тут же усомнилась в правдивости собственных слов. Но всё же я должна была это сказать, я должна была сказать хоть что-то. — И мне действительно жаль, что я не могу делать это лучше.

Ещё одна мысль закралась в мою голову. *А ведь после этого у пегасов появится целая куча причин, чтобы тоже ненавидеть меня.* Я испытала внезапный прилив сочувствия к Скуталу. *Мне пришлось стать злодеем, чтобы спасти Эквестрию.*

Я медленно отвернулась и перевела взгляд на Вельвет Ремеди, но как только я начала отдаляться от пса, он вновь зашипел:

— Ты сделать это, ты вернуть нам луну и самоцветы ночи, и мы, может, увидеть в тебе не только злодея.

Он кашлянул, а затем нерешительно продолжил:

— И я, возможно, знать ещё кое-кого, кто помогать тебе. Скажи, где вы собираться, и я, может, прислать его к вам.

Я остановилась. Во мне происходила внутренняя борьба. С одной стороны, мне очень хотелось получить ещё одного союзника, это же адская гончая, в конце концов. И моё сердце радостно ёкало от возможности сделать всё ещё лучше. Но с другой стороны, всё остальное нутро закручивалось узлами от одной только мысли о том, чтобы выдать место сбора пони, в чьих копытах будет находиться судьба Эквестрии, монстру, которому я не доверяла.

Анклав поработил их и послал на бойню, на верную смерть. И я не помогла им тогда. А сейчас, после всего, что произошло в Прекрасной Долине... после того, как я кровью адских гончих написала финальные строки в истории их же родного дома... Почему вообще он вдруг решил помочь мне?

Я взглянула на пса-альбиноса. Мои глаза скользнули по его новому, сияющему кибер-протезу. Я знала ответ.

Вельвет Ремеди.

Мне не очень хотелось верить псу, но я решила дать ему шанс. И я рассказала ему про хозяйственный магазин, который находился недалеко от стоянки фургонов в Фетлоке.

Сегодня:

Первый выстрел раздался менее чем через час после наступления рассвета. Думаю, вряд ли кто-нибудь когда-нибудь узнает, чей это был выстрел. Но он ознаменовал собой начало великой битвы. Две огромные армии сошлись на бесплодных землях близ Филлидельфии.

Циклон «Рассвет» изверг из своего чрева чёрную бронированную чуму, которая обрушилась на своего противника с небес. Сотни закованных в броню единорогов и земных пони, многие из которых прошли Яму, галопом неслись им навстречу, стреляя зачарованными пулями из своего боевого оружия и мощных винтовок.

Грифоны поднялись в небо с Филлидельфийской стены, уничтожая из своих анти-мех винтовок каждую цель, которая попадала в поле их зрения. Более дюжины Хищников налетели на них, своим энергетическим оружием превращая Шары Пинки Пай в летающие адские костры. Когда первые четыре Хищника миновали стену, Стерн выпустила свой главный сюрприз.

Несмотря на тяжёлые ранения, кибердракон Красного Глаза пережил битву в Вечнодиком лесу, и только по ему одному ведомой причине продолжал сражаться за Эквестрию. И он был очень зол. Первый из Хищников был разорван в клочья его неистовой силой.

Звук чудовищной силы грома прокатился над землёй, когда в бой вступил «Рассвет».

Два дня назад:

— Каламити думает, что ты убила его брата, — прямо заявила мне Вельвет. — Я должна знать: ты действительно сделала это?

Должна ли я солгать? Оградить своих друзей от боли? Нет, я уже ступала на эту скользкую дорожку раньше. Ложь своим друзьям, особенно Вельвет, сделала бы всё только хуже.

— Да.

Она молча смотрела на меня.

У меня возникло неприятное чувство дежа-вю; не было ли уже у нас подобного разговора? Я прервала её молчание:

— И прежде чем ты скажешь мне, что я должна была дать ему шанс, знай: ты не видела его там внизу. И ты не видела город Дружбы.

— Мой тон постепенно повышался. — У него был шанс. Нужно хотеть измениться или хотя-бы показать малейшие признаки угрызений совести, порядочности или чего-то...

— Хотеть измениться так же, как ты? — её мягкий голос прервал мою шумную тираду. Я замолчала, глядя на кобылу, которая помогла мне заткнуться и тем самым спасла меня.

Успокоившись, я сказала просто:

— Если бы я дала брату Каламити уйти, он, скорее всего, выместил бы свою злобу на всей пустоши. Ему было плевать на жизни других, а Красный Глаз дал ему отличный повод превратить его операцию "Выжигание" во что-то большее, вроде "Изоляции и Кремации".

Что по её мнению мы должны были делать? Парализовать его на то время, пока будем пытаться внушить ему свою мораль? Применить терапию памяти? Из памяти всплыли некоторые неприятные ассоциации, связанные с Министерством Мира.

Затем я остановила себя. Вельвет Ремеди ничего не предполагала. Она просто задала вопрос. Это я увела наш разговор в сомнительном направлении, всё ещё находясь под впечатлением от разговора с адским псом.

Сделав глубокий вдох, я произнесла:

— Прости. Что ты хотела сказать по этому поводу?

Вельвет покачала головой.

— Ну, прежде всего, я хотела узнать, как ты держишься, — ответила она. — И теперь я имею чёткое представление об этом.

Я застонала, пряча лицо в копыте. Она беспокоилась обо мне. И, вероятно, беспокоилась о нашей с Каламити дружбе.

Я не спеша прошла, рассматривая прекрасные мягко светящиеся призрачные цветы, стебли которых покрывали землю причудливыми узорами, напоминающими лабиринт для насекомых. Мне нужно было успокоиться.

Пытаясь сменить тему, я задала ей встречный вопрос:

— А как насчёт тебя? Ты ведь позволила врагу взять тебя в плен, только чтобы помочь адскому псу, который пытался использовать тебя же в качестве заложника. — Я не могла скрыть своё недоверие. Или своё беспокойство. С её стороны это было не умное решение. Уж я-то, как Принцесса Глухих Решений, это знаю. — О чём ты думала?

— Я представила себя на его месте, — призналась Вельвет Ремеди, подойдя ко мне. Она наклонила голову, чтобы понюхать один из цветов, прежде чем продолжила: — Окружённая адскими гончими, потерявшая ногу, и мой единственный шанс на выздоровление зависит от кого-нибудь, кто рискнет своей жизнью ради меня. — Она улыбнулась: — Как ни странно, было совсем не трудно представить это.

Я моргнула. Тпру. Ну-ка, притормози.

— Это было не то же самое! — Даже близко не стояло.

— Нет, — признала она. — Но всё же было достаточно похожего, чтобы я без особого труда представила себе, что переживал бедный мальчик. — Бедный мальчик? Эта белобрыйса машина для убийства?! — И я знала, что хотя я никогда не была настолько

эгоистична, чтобы другие так рисковали собой, в душе я молилась Богиням, чтобы кто-нибудь сделал это.

Взгляд, который она бросила на меня, очень сильно напоминал тот взгляд, которым она мне ответила в товарном вагоне примерно два месяца назад. Но это была более зрелая, более мудрая версия того взгляда.

— Как я могла не сделать для него того, о чём бы я не молила, чтобы кто-нибудь сделал для меня? Что он сделал бы для меня, окажись я на его месте?

Я задумалась над её словами. Пока я занималась этим, любопытство взяло верх, и я зарылась носом в цветочную клумбу. Цветы так хорошо пахли. Мимолётный цветочный аромат, в котором угадывались нотки мяты.

— Он бы не сделал этого, и ты это знаешь, — сказала я ей.

— Разве это имеет значение?

Я задумалась, размышляя о том, что сделала, и о тех, для кого я это делала. Вспоминая, как совсем недавно преодолела Вечнодикий лес, Анклав и Собор Красного Глаза, чтобы спасти единорогов, многие из которых были добровольными последователями Красного Глаза, и которые даже не задержались, чтобы сказать спасибо. И некоторые из них были весьма недовольны моим поступком.

А я даже не заметила их неблагодарности, больше озабоченная их безопасностью, когда они покинули нас в Вечнодиком лесу. И даже сейчас мне не было до этого дела. Нет, они не сделали бы того же самого для меня. Но это не имело значения.

— Нет, не имеет.

Сегодня:

— Это ску-учно! — пожаловалась Реджи, поворачиваясь и зарываясь в соседнюю грядку облаков, транспортируя её в сторону. Внизу через небольшой просвет мелькнули похожие на лабиринт из серых улиц руины Мэйхэттена. — Там идёт настоящая битва...

— Просто делай свою работу, — приказала Гаудина. — Эти облака не расчищают себя сами. — Это оказалось сложнее, чем она ожидала. Облачная завеса упорно стремилась заделать разрывы, заполняя их почти так же быстро, как они создавали их. — Блэквинг, Бучер, следите за флангами. У вас чёрные начали перемещаться.

Чтобы ещё больше усложнить их задачу, многие облака были насыщены электричеством. Гроза сформировалась над Мэйхэттеном прошлой ночью.

Реджи повернула снова, рассекая толстое облако своим правым крылом, пытаясь разделить его на более управляемые слои. Она вскрикнула, когда облако шарахнуло по ней молнией. Перья её встали дыбом, с кончиков крыльев заструился лёгкий дымок.

— Чтоб тебя!

Патруль Анклава из шести пегасов возник словно из ниоткуда. Воздух прочертили яркие розовые и зелёные лучи, два из которых ударили в защищённую броней грудь Гаудины.

— Мама! — закричала Реджи в испуге, выхватывая свои пистолеты и открывая ответный огонь.

— Я в норме! — отозвалась Гаудина, доставая свой трёхствольный энерго-магический дробовик и ныряя внутрь облачной гряды. Трое из пегасов в чёрной броне продолжали огонь. Облака сбивали с толку, но были некудышным укрытием. Концентрированный огонь анклавовцев быстро испарил облака.

Гауды там не было.

Пегасы развернулись, предупреждённые компасами своих Л.У.М.ов, когда Гауда вырвалась из облака позади них. Это спасло жизни двум из них. Гауда разрядила все три ствола в грудь третьего, прожигая его броню и выжигая сердце.

Грохот грома разорвал воздух, и второй пегас был разорван на части, его оторванные конечности разлетелись в стороны, окрашивая облака красным.

— Поздоровайся с Малышкой Гильдой! — заорала Бучер.

Выживший пегас начал отступать от Гауды, открыв по ней шквальный огонь лучами синего и золотого цвета из мульти-кристалльного минигана в своей броне. Гауда крикнула от усилия, заставляя своё тело двигаться быстрее, чем оно того хотело. Три выстрела поразили её правую ногу, наполняя всё её тело болью. Она развернула свой магический дробовик и снова открыла огонь.

Один из трёх других пегасов спикировал к Реджи. Она вскинула своё оружие, но он был слишком быстр, разворачиваясь и пиная её в лицо, одновременно выпустив двойной заряд розовых лучей в Бучер. Один из них ударил прямо в тяжелого стрелка Когтей, и Бучер развеялась розовым пеплом. Малышка Гильда скользнула в закрывающийся просвет в облаках и исчезла из вида.

— Бля! — вскрикнула Реджи, её голова гудела, а один глаз заплыл кровоподтёком. Она встряхнулась, приходя в себя, и попыталась снова пустить свои пистолеты в ход. Пегас развернулся лицом к ней как раз в тот момент, когда она взяла его на прицел.

Реджи разрядила оба пистолета в забрало шлема анклавовского солдата, одновременно получая удар его отравленного скорпионьего хвоста, который пробил её броню и вошел ей в спину.

Пегас, в которого выстрелила Гауда, таял зеленой жижей, растворяясь перед ней и открывая её взору Реджи, которая падала вниз сквозь облака.

— РЕДЖИ! — закричала Гауда.

Два дня назад:

Мы уже возвращались обратно к хижине Зекоры, когда появились аликорны. Их предводительницей была тёмно-синяя со струящейся, шелковистой гривой светло-голубого, словно лёд, цвета, она отчётливо напомнила мне Трикси.

Я встала в защитную стойку, приготовившись уклоняться от молний, Малый Макинтош уже покинул свою кобуру. Вельвет Ремеди, направив на них рог, шагнула вперёд:

— Что вам нужно?

Проклятье, только этого нам не хватало. Нужно было увести их в лес, подальше от хижины и от пони, которых мы спасли. Нельзя было допустить, чтобы кто-нибудь из этих пони попал под перекрёстный огонь. Ну почему, чёрт возьми, это должно было произойти именно сегодня?

— Вы, — проинформировала Вельвет Ремеди аликорн с шикарной гривой.

Черта с два, подумала я с яростью.

— Мы хотим продолжать. Делать нас больше, — продолжала аликорн. — Больше нет Красного Глаза. Больше нет Чёрной Книги. Вы это исправите.

— Вы хотите... размножаться? — медленно произнесла Вельвет. До меня начало доходить, что аликорны действовали совсем не агрессивно. Это открытие немного ошарашило меня. — Но... у вас нет самцов.

В точку, Вельвет. В этом и проблема.

— **Вы это исправите**, — повторил заявление довольное жуткий хор из всех остальных аликорнов.

— Я не уверена, что мы *можем* вам помочь, — сказала я. После всего, что я пережила, пытаюсь уничтожить Чёрную Книгу и проект обожествления Красного Глаза, я вовсе не хотела увидеть попытку воскрешения того или другого.

— Не ты! — резко ответила лидер аликорнов, остальные за её спиной злобно заржали. — Мы знаем тебя. Ты — Разрушительница.

Мы не ищем *твоей* помощи.

Не уверена, что я больше почувствовала после этих слов — облегчение или обиду. В основном, думаю, я ощущала необходимость защищать свою подругу Вельвет, на которую они имели виды.

Вельвет Ремеди смотрела на них, медленно поднимая голову и поднимая ушки.

— Почему я?

— Мы помним твоё сострадание в Марипони, — просветила её странногивая аликорн. — Ты Та, Кто Помогает.

Чтобля?!

— Мы принесли тебе Воспоминания, чтобы ты могла всё исправить, — заявила аликорн, её рог осветился синим ледяным светом. Я только сейчас заметила на ней сумку, старую и покрытую причудливыми пятнами. Такое же свечение, как и у её рога, охватило сумку, открывая её и левитируя оттуда ПипБак, а также ещё что-то, похожее на заляпанные кровью странные приспособления с пучками проводов. В том числе и механический глаз.

Вельвет Ремеди ахнула, непроизвольно делая шаг назад, когда аликорн поднесла всё это к ней.

— Значит... — произнесла я медленно, обдумав то, что увидела, — ...что-то от Красного Глаза всё-таки выжило.

Красный Глаз умирал, когда падал в чан, это верно. Но он ещё не был мёртв. И кто знает, насколько кибернетические улучшения пони могли отсрочить время смерти. И это был Красный Глаз. Естественно, у него был план спасения. И я оставила достаточно времени до того, как бомба из звёздного бластера взорвалась.

Не то чтобы это сильно ему помогло. Аликорны принесли его имплантаты. Они собирали его по кусочкам.

Мне стало дурно.

— Мы нашли его останки в Логове Дракона, — заявила аликорн фиолетового цвета.

Я боролась с рвотными позывами. Даже Красный Глаз не заслуживал подобной участи. Я попыталась сосредоточиться на менее отвратительных подробностях, которые сообщали аликорны.

Это многое объясняло. В журнале доктора Глю упоминались переходы под Собором, и Дракон, должно быть, жил где-то там. Это могло служить объяснением тому, как внезапно он появился посреди битвы. А также тому, почему запросы доктора Глю на возможность использования туннелей для сброса туда тел его жертв

рассматривались так медленно.

— Он сумел добраться туда, — объяснила другая дочь Богини, — прежде чем раны и Священная Жидкость убили его.

Вельвет взирала на механизмы, вырванные из головы Красного Глаза, с ужасом и отвращением. Мне казалось, она вот-вот упадёт в обморок. Но разве она когда-нибудь так делала?

Воспоминания, сказала аликорн.

Красный Глаз записывал всё. Все свои исследования. Все свои действия. Всё. Его кибернетика была сродни чёрному опалу. Запоминающее устройство его ПипБака, вероятно, могло записывать не больше дня его воспоминаний. Значит для хранения ему требовалось несколько мэйнфреймов. Но ничего подобного в Соборе я не видела. Хотя у этого жеребца была ещё одна штаб-квартира в Центре Министерства Морали в Филлидельфии. Если уж какое здание и было рассчитано на хранение такого количества шпионской...

Чёрт. Это объясняло и спрайт-ботов. Вероятно, он использовал их в качестве передатчиков, чтобы транслировать свои "воспоминания" в филлидельфийский Центр. Я предполагала, что ему должно быть известно о реальном назначении этих роботов, но мне и в голову не приходило, что он воспользуется ими таким образом.

Вельвет Ремеди зажмурилась и отчаянно замотала головой.

— Нет!

Маленькая кроваво-красная капля сорвалась с одного из проводов.

Аликорны возмущённо заржали и затопали ногами. Краем глаза я заметила подлетающего Каламити с боевым седлом наготове. Лайфблум скакал следом за ним.

Вельвет подняла на аликорнов свой мягкий взгляд.

— Я имела в виду да, — сказала она им нежно. — Я помогу вам. Но не так.

— Есть другой способ? — удивлённо спросила снежногивая аликорн.

— Должен быть, — заверила аликорна Вельвет, поднимая копыто, чтобы коснуться её лица. — И вместе мы найдём его.

Каламити приземлился, переводя недоуменный взгляд с Вельвет Ремеди на аликорна. Придвинувшись ко мне поближе, он громким шёпотом поинтересовался:

— Так... хм... они не собираются нападать на нас?

У меня действительно не было слов.

Аликорн услышала Каламити (что было совсем не трудно) и обратила к нему свой взор, как и половина остальных аликорнов.

— Мы научились, — ответила она Каламити. — Выступление на стороне врагов Разрушительницы и её друзей неизменно ведёт к поражению.

Я моргнула. Мои давние мысли об аликорнах всплыли в моей голове: они не наступают дважды на одни и те же грабли.

Сегодня:

— Держать строй! — прокричал Стальной Рейнджер, дожидаясь завершения торопливой перезарядки вооружения брони и прячась за грудой обломков, которая десять минут назад была кофейней «Чашка Явы». — Эти крылатые ублюдки не подойдут ни на шаг ближе к Стойл-Тек!

Раздавшийся быстрый звук и запахи озона, расплавленного металла и варёного мяса дали понять, что он только что потерял ещё одного из его солдат. Рыцарей. Все они были Рыцарями, все были слишком молоды и недостаточно подготовлены для защиты своего дома от подобных врагов.

Процесс перезагрузки закончился в тот же момент, когда прямо над его головой пролетел отряд пони, закованных в чёрную панцирную броню. Стальной Рейнджер запустил две ракеты и проследил за тем, как они навелись на одиночную цель и разнесли одного из анклавовских захватчиков на куски. Остатки отряда разлетелись, чтобы ударить по нему в ответ со всех сторон.

Он не мог уследить за всеми, поэтому сосредоточился на тех, что летали спереди и слева от него, стреляя по ним из гранатомёта. У

него уже была обойма гранат, снятая с одного из этих дрянных патрулей, который его отряд вынес ранее. Самый лучший момент для того, чтобы их использовать. И тут случилось то, что практически повергло его в шок: летевшего справа от него анклавовца буквально разорвало взрывом противотанковой гранаты.

Пони из Анклава сделали вираж и отлетели подальше, переосмысливая новую угрозу. Стальной Рейнджер развернулся и увидел ещё одного земного пони в силовой броне, стоящего на гребне из обломков на другой стороне улицы. В броне, идентичной его, если не считать нарисованных полос цвета наливного красного яблока.

Ни слова не говоря, Стальной Рейнджер отвернулся от Рейнджера Эплджек, сосредоточившись на врагах. Рейнджер Эплджек галопом подбежал, начав прикрывать его слабые места.

Они сражались вместе, плечом к плечу, пока земля под ними не разверзлась и оттуда не хлынули адские гончие в анклавовских шлемах.

Два дня назад:

Первые лучи рассвета, преломлённые дымом, пробивались сквозь ветви деревьев. Цветы начали тускнеть, отчего их зелёные полупрозрачные лепестки перестали казаться чем-то призрачным, но не потеряли своей изящности. Лес просыпался тихо, звуки природы давно затихли, все его обитатели или убежали, или были сожжены заживо, а их призраки не издавали звуков.

После того как Вельвет Ремеди поговорила с ними ещё немного, аликорны исчезли так же неожиданно, как и появились. Или, по крайней мере, я думала, что они исчезли. Рог ведущего аликорна засветился голубоватым светом, и их группа исчезла из виду.

— Погоди-ка, — сказал Каламити. — Мы уже знали, что синие могут становиться невидимыми, но ни разу не видели, чтоб они делали других аликорнов невидимками.

— Они учатся, — сказала я с не меньшим удивлением. — Развиваются.

— Они ещё даже не начали осознавать свой потенциал, — округлила глаза Вельвет во внезапном понимании.

Какой-то момент мы просто стояли в тишине, переваривая увиденное. Потом, один за другим, мы отправились назад, к хижине Секоры. Привязанный к земле Каламити медленно брёл возле возглавлявшей нас Вельвет.

— Литлпип?

Это был Лайфблум. Он отстал, и, судя по его голосу, хотел поговорить со мной.

— Да?

— Я думал о том, как ты сказала, что знаешь, как разобраться с продуктовым кризисом, — начал он. — Существует мегазаклинение производства пищи, не так ли?

Что? Как он?..

— Это единственное разумное объяснение.

Я не рассказывала это никому, кроме Хомэйдж, и то я нарушила клятву, данную Спайку только потому, что она должна была быть одним из Носителей Элементов. Я не посмела рассказать даже Красному Глазу.

— Или, может, очищающее от яда мегазаклинение, — предположил он. — Если бы ты обеззаразила ферму «Сладкое Яблоко», ты бы накормила многих пони. Конечно, этого и близко бы не хватило, но это было бы неплохим началом.

Общество Сумерек. Конечно. У них был доступ ко многим исследованиям Твайлайт Спаркл, включая некоторые из заклинаний, связанных с Садами Эквестрии.

— Что-то типа того, — призналась я, пытаюсь говорить как можно более расплывчато, чтобы не выдать самый ценный секрет Спайка и всей Эквестрии. — Да.

— Мне бы хотелось его увидеть, — ответил он.

— Нет, — отрезала я и сразу же объяснила: — Это не моё место, чтобы я могла его показать. Оно принадлежит кое-кому другому. И оно охраняется.

— Оу, — ответил он кратко.

Я пошла дальше, но он остановил меня:

— Ты же не планируешь просто отключить Проект Одного Пегаса, правда? — Он серьёзно посмотрел на меня, немного подняв голос. — Ты же не планируешь возвращаться, верно?

Неужели это было так очевидно?

— Половина меня хочет обнять тебя и назвать моим героем за то, что ты собираешься сделать, — сказал Лайфблум. — Но другая моя половина хочет тебя вырубить и держать парализованной, пока я не доставлю тебя к Хомэйдж, чтобы она могла впихнуть в тебя немного здравого смысла.

Я почти хотела, чтобы он так и сделал. Было бы намного легче, если бы этот выбор был сделан за меня.

— Кто-то должен там остаться, — объяснила я ему. — Единственный способ заставить Анклав прекратить уничтожать любого, кто мог бы захватить управление Центральным Узлом — это захватить его. И не просто на какое-то время.

Лайфблум хохотнул.

— Ну, может, я сейчас думаю своей дружбой, но ты подумала, что от этого будет с Хомэйдж? — Потом грубо: — Она уже потеряла Джоукблу. Как ты думаешь, что это с ней сделает?

Моё сердце схватило болью.

— Это её уничтожит! — топнул Лайфблум.

Я повернулась к нему, моё лицо скрутилось в ужасающей гримасе из-за того, что моё чувство утраты вылилось в отвращение к самой себе.

— Я знаю. — Я ощутила первую из многих слёз. Я смотрела ему в глаза, моё зрение становилось расплывчатым от жжения. — Но что если я не сделаю этого? Если я эгоистично поставлю нас двоих выше всей пустоши и оставлю Эквестрию страдать из-за этого?

Я ответила за него:

— Она потеряет свою веру в героев, может, даже в саму битву на Светлой Стороне. И она будет винить саму себя за это.

Лайфблум выглядел поражённым.

— Я не собираюсь предавать её принципы и причину, почему она любит меня, только для того, чтобы сохранить её. — Мои слова были тверды и остры, слово нож. — Это бы тоже уничтожило её. Это бы сделало ей ещё хуже.

Да, своим выбором я предавала Хомэйдж. Но другой вариант был бы ещё более ужасным предательством.

— Хомэйдж заслуживает лучшего. — И я теряла кого-то, кого я никогда не заслуживала.

Лайфблум сглотнул и стыдливо отвернулся.

Я мрачно намурилась:

— Кроме того, я могу протащить только одну пони внутрь. Саму себя. И я должна быть заперта в этой машине, погружена в искусственную кому, чтобы управлять ей. — Я посмотрела на испорченные дымом облака, видневшиеся сквозь кроны деревьев. — Мне нужно проанализировать башни и пегасы небесные фермы. Отключить только определённые башни. И простым щелчком выключателя мне этого не сделать.

Лайфблум переваривал это какое-то время. Он был настолько тихим, что я думала, он уже никогда не заговорит. Я чуть не отшатнулась, заметив адского пса, ожидавшего Каламити и Вельвет Ремеди в дверях хижины Зекоры.

— Мы должны поступать как лучше, так ведь? — спросил он тихим голосом. — Ты права. И была права, — продолжил он, обретая чуть больше силы в голосе. — Мы почти ничего не сделали, чтобы помочь. Общество Сумерек. Мы сидели в стороне, накапливая свои секреты, говоря себе... чёрт, да мы прямо Анклав в миниатюре.

Я оглянулась на нашего белого единорога с красно-розовой гривой. Лайфблум, поникнув, смотрел на землю.

— Даже то, что я присоединился к вам... Едва ли это что-то большее, чем жалкая попытка создать видимость бурной деятельности...

В дверях хижины Зекоры кибер-пёс держал мою не выпитую Спаркл-Колу-Рад перед мордой Каламити.

— Мы едва ли заслуживаем имя, которое носим. — Лайфблум поднял глаза, на них были слёзы, так же, как и на моих. — Мы должны поступать как лучше. Мы обязаны. Ты и Хомэйдж... Вы сделали так много. Чёрт, да ты жертвуешь собой ради всех нас.

Он примолк, как будто не зная, что говорить дальше.

Я лишь кивнула, развернулась к нему хвостом и побрела прочь. Несмотря на то, что моё сердце как будто пропустили через блендер, разговор принёс хорошие результаты. Мне было необходимо, чтобы Лайфблум думал так. У меня был план. И без Хомэйдж он был единственным, кто мог бы убедить Общество Сумерек выполнить их часть.

Сегодня:

Древняя ритуальная камера в Башне Тенпони ожила, впервые за последние двести лет. Более двух веков назад мегазакливание, известное как "Селестия Один", было активировано. Пони внутри этой камеры не заметили, как был уничтожен город снаружи, собираясь обрушить всю силу Солнца на острова зебр и прибрежные районы, где, по мнению эквестрийских пони, находились зебринские стартовые площадки и большая часть ракет дальнего действия с мегазакливаниями. Когда эту камеру использовали в последний раз, целые острова погрузились обратно в кипящий океан.

Атака началась примерно за полчаса до того, как пегасы заперли солнце.

И сейчас солнечный свет снова лился по искусственной трубе, через нишу с многогранными зеркалами, которые ловили и отражали пучки солнечного света, солнца Селестии, пересылая их дальше, в выцветшую, белую камеру ниже, превращая ритуальную камеру в монохромный калейдоскоп из осколков света и тени.

Цепочка пони в робах побрела в камеру. Впереди всех шёл старший, коричневый единорог в яблоках. За ним шёл белый жеребец помоложе, с торчавшими из-под капюшона завитками красно-розовой гривы.

Согласно плану, все шли по своим местам, отмеченным на запутанной мистической мозаике из полированных белых плиток. Несмотря на то, что ни один из них никогда ранее не творил мегазакливания (а некоторые и представить себе не могли, что им при жизни представится такая возможность), все знали, что нужно делать. Это было то, что они репетировали много раз, зазубривали. Но в этот раз... они могли чувствовать заряженный воздух. В этот раз всё было по-настоящему.

Они смотрели друг на друга. Некоторые стучали копытами по мозаичным плиткам и нерешительно ржали, до сих пор не уверенные, поступают ли они сейчас правильно...

Два дня назад:

Я максимально сосредоточилась. В этот раз была моя очередь тащить Каламити над верхушками деревьев Вечнодикого леса. Мы отправились отыскать «Черепуху», и я собиралась левитировать её вместе с нами к хижине Зекоры, единственному безопасному месту, где мы могли спокойно поработать над ней.

— Мы должны были тогда взять её с собой, — высказался Каламити немного ранее. Я согласилась с ним. Но вчера мы все были настолько измотаны и исчерпаны к моменту отлёта Вондерболтов, что никто из нас не додумался до этого.

Каламити с тех пор не произнёс ни слова. Его острый глаз высматривал стреляющие шипами растения и прочие опасности, в то время как я делала всё возможное, чтобы не заснуть. Напряжение от полёта было очень сильным. Я была на ногах всего несколько часов, но за последние несколько дней (чёрт, за последние два месяца) я настолько физически и эмоционально вымоталась, что моему телу было всё равно. Оно хотело отдохнуть. И хотело отдыхать очень-очень долго.

Не сейчас, пыталась я уговорить его. Ещё не время.

Каламити подтолкнул меня, чтобы я увеличила зону поиска. Я посмотрела на него, наслаждаясь видом его лица, и подарила ему лёгкую улыбку. Каламити был хорошим другом.

Учитывая, как началось моё утро, сейчас либо у нас с Каламити состоится болезненный разговор по душам, либо мы будем перехвачены каким-нибудь монстром. Возможно, болтливым.

Я почти застонала, когда Каламити раскрыл рот. Сама это на себя накликала.

— У нас гости! — предупредил он, указывая глазами.

Ох. Всё-таки второе. Ура.

Тем не менее, я была абсолютно не готова к тому, что спустилось с небес прямо перед нами. Я обнаружила, что смотрю прямо в глаза самого Мрачного Жнеца!

У него было болезненно-белое тело мёртвого пегаса, тощее и лишённое шерсти, и жестокие глаза дракона с сияющей жёлтой радужкой и кошачьими зрачками, полные силы и неистовой жизни. За его плечами выросли огромные кожистые крылья летучей мыши. И на нём была кошмарная броня, прорастающая прямо из его плоти.

Моё сердце сжалось. Жнец был реален! В смысле, на самом деле реален! О Богини, я не готова умереть! Не сейчас!

— **Ты — Литлпип!** — провозгласил Жнец, его голос потрясал, будто землетрясение, и резал, словно нож. Создание перевело свой грозный взгляд на Каламити: — **Ты — Каламити. Всё верно?**

А-а-а! Он знал моё имя! Жнец знал моё имя!

(И он хочет поговорить, нагло прервала мою панику моя маленькая пони. САМА это на себя накликала.)

— А ты, стало быть, демон, — предположил Каламити.

— **ЛАЕНХАРТ!** — ответил тот, практически сдувая нас.

Каламити захлопал здоровым крылом, оттаскивая нас прочь от Жнеца и его (возможно, также пожилающего) голоса. Вот тут-то я и заметила, что у Жнеца была ПипНога! С передатчиком, точно как у гулей в Стойле Один.

— Полегче там, — вырвалось у Каламити. — Убавь громкость, хорошо? А то создаётся впечатление, что ты орёшь на нас. — И добавил: — Да ещё и с ураганом.

— **Это невозможно!** — объявил... Кантерлотский гуль? Жнец? — **Броня Дворцовой Стражи была зачарована самой принцессой Луной, благодаря чему мы всегда говорим Королевским Кантерлотским Голосом, так, чтобы наши слова имели надлежащий вес!**

Хорошо. Это был не Жнец. А гуль, переживший разрушение Кантерлота!

— **Но не бойтесь! Мы здесь, чтобы помочь!**

— Мы? — осторожно спросил Каламити, приподняв бровь. — Это как королевское псевдо-богинское "Мы" аликорнов?

— **Нет!** — отрезал Кантерлотский гуль. — **Мы — это мы!**

— Не улавливаю, — сказал ему Каламити, осматриваясь в поисках второго крылатого кантерлотского гуля. Или, если на то пошло, вообще чего-либо второго.

В ответ на это крошечная белая полевая мышь с симпатичными маленькими розовыми глазками взобралась по отвратительной бронированной шее гуля и, пища, уселась у него на голове. Усы малышки забавно шевелились...

...И по каким-то причинам, которых я не могла понять, эта крошечная мышка пугала меня даже сильнее, чем пресловутый Жнец до этого.

Подожди! настояла моя маленькая пони. *Я ведь знаю это!*

Моя маленькая пони сложила вместе кусочки памяти, как головоломку.

Его имя было Лаенхарт. Львиное сердце.

Я вспомнила ту передачу диджея Пон3, которую она выдала в эфир после того, как Анклав атаковал город Дружбы. В этой передаче рассказывалось не об ужасах и трагедиях, а о героическом сопротивлении, которое она видела по всей Эквестрии.

У меня как раз есть история именно о двух таких героях, которые разнесли один из тех боевых кораблей немного южнее Сталлионграда. Они даже оставили визитку: Лев и Мышь. Знаете что, Лев и Мышь, остановитесь как-нибудь в Башне Тенпони.

Единственный Хищник был сбит в бою, свидетелем которого я не была.

Я вспомнила растущую панику офицера связи на внутрикорабельном канале связи Анклава, прямо перед тем, как он замолчал: *Подтвердите, монстр, который сбил «Трубчатого», у вас...*

И последнюю передачу диджея Пон3, которая, как я полагаю, была записана за часы, если не дни до того, как я услышала её. (В конце концов, Хомэйдж не собиралась облегчать Анклаву задачу её поимки.)

Я прерву сраную музыку Анклава ради очень важного эфира. Сегодня вместе со мной двое членов общества Сопротивления Пустоши, не иначе как дуэт борцов с Анклавом — Лев и Мышь. И я буду говорить с ними о хорошем бое, который они дали Анклаву, и что каждый из вас может сделать на благо пустоши.

И, наконец, Наблюдателя: *Хомэйдж настаивала на том, что она не может прийти. И ещё, Хомэйдж просила передать, что она отправит к вам нескольких союзников на помощь.*

Союзники, которых моя подруга направила ко мне, сбили «Громовержец»!

Святой страстный секс с Селестией!

— ...полевая мышь? — Каламити моргнул. — Ты принёс с собой питомца?

— **Диджей Пон3 послала нас!** — объявил гуль, подтверждая мои догадки. — **Как доказательство, она просила отдать тебе это.**

Лаенхарт передал мне небольшой прозрачный пластиковый пакет с шаром памяти внутри, а также лист бумаги, на котором было написано просто: №8.

Мышь чихнула, едва слышно, прорезая воздух метровыми розовыми потоками ужающей плотности.

— А, — пробормотал Каламити. — ЭТА мышь.

Сегодня:

На борту «Рассвета» лейтенант Фэнси Лэд, то и дело поправляя наушники, прослушивал отчёты южного подразделения Хищников. Результаты показывали, что проводимые бомбардировки были довольно эффективны против укреплений врага, однако приличная часть бомб сбивалась снайперским огнём ещё в полёте.

— Богини их дери, — пробормотал он. — Они разместили снайперов среди рабов.

Пегас потянулся копытом к переключателю под одним из терминалов. Хищник «Перламутровый» был ближе всех к ним, да и к тому же относительно свободен. Нажав на кнопку, анклавовец произнёс:

— Товарищ Связист, говорит лейтенант Фэнси Лэд. Я думаю, что нам стоит послать «Перламутрового» на зачистку лагеря рабов в пятом южном секторе.

"Вас понял," — раздался голос жеребца в наушниках.

Это были последние слова, которые услышал Фэнси Лэд. Из его гарнитуры внезапно раздался смертельный шум, заставивший пегаса упасть на пол в судорогах. Через десять секунд лейтенант уже лежал мёртвый в луже собственных мозгов, которые продолжали капать из его ушей и носа.

Одновременно с ним на пол рухнуло около тридцати сотрудников центра связи «Рассвета». Большинство из них было не в состоянии даже закричать. Одна из работников, кобыла, которая сняла наушники, чтобы приготовить себе кофе, сейчас, шатаясь, бежала к лифту. С каждым шагом мягкое шипение, которое лилось из каждого динамика в комнате, всё сильнее въедалось в её сознание, разрывая его на куски.

Кобыла потеряла сознание, её глаза были наполнены кровью. Лифт находился меньше чем на расстоянии вытянутого копыта, но она уже не была способна встать и дотянуться до кнопки.

Тут двери подъёмника разъехались в стороны, впуская в помещение густой розовый туман. Когда он рассеялся, из лифта вышел гуль с летучекрылыми крыльями в сопровождении своей маленькой подружки.

Два дня назад:

— Может, просто бросить их в заросли убойная шутка, чтоб у них штыки отросли?

Вельвет Ремеди просверлила взглядом адского пса-альбиноса.

— Чего? — спросил он, делая вид, что не понимает её. — Убойная шутка ведь превратит тот адский пёс в пони девушка.

Вельвет заморгала. Её глаза округлились. Я почти что видела проблеск внезапной мысли в её глазах.

— А... А! — она загарцевала на месте. — И-деее-я! — пропела она и поскакала к выходу из хижины Зекоры, подзывая меня и

Каламити. — О, нам нужно сходить в Стойло Двадцать Девять! — она посмотрела на нас умоляюще. — Мы ведь можем, можем? Ну, пожалуйста? — И робко добавила: — Всё ведь нормально? И это не мешает твоим загадочным планам?

Я кивнула, пройдя через дверной проём:

— Ну конечно же мы можем туда сходить. — После того, как она одарила нас безгранично благодарным взглядом, я не смогла сказать ей, что мы и так собирались туда идти.

— **Приветствую! Ты — Вельвет Ремеди!**

— Пресвятые Богини! — Вельвет Ремеди отступила, когда внушительная фигура Лаенхарта появилась в дверном проёме.

— **Не бойтесь! Мы здесь, чтобы...**

Его прервал болезненный визг адского пса-альбиноса. Мы повернулись и увидели, как он забился в угол, зажав уши лапами.

— Наверное, тебе лучше подождать снаружи, — предложил Каламити. Я подозревала, что он сказал это не чтобы помочь гончому, а чтобы оставить пса глазу на глаз со мной: Вельвет Ремеди уже осматривала бедненькую хныкающую живую мясорубку.

Я кивнула Лаенхарту. Я волновалась не столько о пони-точно-не-Смерти-с-косой, сколько о питомце, с которым он путешествовал. Мышь заполнила целый Хищник концентрированным Розовым Облаком менее чем за два часа. Эта зверушка наверняка убьёт всех в хижине, если случайно чихнёт.

— Давай-ка поговорим о "загадочных планах", — начал Каламити. — Почему ты не хочешь рассказать нам о наших действиях чуточку больше? И чё эт за большую встречу ты прячешь у ся за... рогом? — Пегас ржавого цвета покраснел. Судя по всему, это был какой-то фразеологизм пегасов, не подходящий к единорогам.

У меня было два варианта: либо по быстрому всё рассказать, но только лично ему, либо попытаться перевести тему разговора на "прятать у себя за рогом". Последний вариант был очень заманчивым.

— Как я уже говорила, у меня есть план, — начала я, — но мы не сможем осуществить его в одиночку. Я подсчитала, что нам понадобится помощь семи союзников, с которыми мы познакомились за эти два месяца. Двое на данный момент находятся в пещере Спайка. И ещё один, Лайфблум, уже с нами. — Белый единорог с кудрявой гривой, лежавший в задумчивости около койки Ксенит, посмотрел на нас, когда упомянули его имя. — В Новой Эплузе, в ночь после сверхзвукового радиоактивного удара, я попросила Наблюдателя с помощью спрайт-ботов связаться с остальными и собрать в одном месте. — Я решила не упоминать, что один из этих важных союзников, моя дорогая Хомейдж, не успевал добраться вовремя. — Мы все соберёмся в его пещере менее чем через день, и я расскажу тебе всё остальное, как только мы прибудем туда. — Ну, почти всё. — Но есть ещё кое-что, что мы должны сделать в первую очередь.

— В пещере Спайка? — Каламити так высоко поднял брови, что уронил свою шляпу. — Хорошо, что у нас терь есть ещё пара крыльев. — Он вздрогнул, попытавшись махнуть своим травмированным, перевязанным крылом. — Корабли Анклава не рассчитаны на пилотов-грифонов, а на своих четырёх мы бы никогда не смогли туда добраться.

— **Вы будете доставлены в мгновение ока!** — раздался рёв снаружи, дверь со стуком распахнулась от этого взрыва. — **Когда я служил Её Царскому Величеству, мне часто приходилось тягать королевскую колесницу!** — Если, конечно, можно было использовать сильного и опасного союзника, в некотором смысле героя, как простого шофёра.

— Мда, он всё никак не успокоится, — проворчала Реджи, затыкая уши когтями. Адский пёс снова жалобно заскулил.

Каламити быстро переварил услышанное.

— Ладно, я подожду, — сказал он мне. Было видно, что он нервничает. — Мы доверяем тебе, Лиг'пип.

— Это хорошо, — ответила я робко, — потому что следующий пункт нашего плана: "вывести из себя дракона".

Шокирующая тишина, усиленная лязгом чего-то уроненного на пол.

Тишина в стиле "что-она-только-что-сказала", к которой прибавился чей-то тихий писк.

— И снова, вы и правда давать составлять ей планы? По своей воле?

Прежде чем кто-либо ответил, тихий голос дрогнул позади нас:

— Я всё ещё зебра?

Ксенит! Она... она очнулась!

— Насколько я могу судить, — сказал Лайфблум, отвечая на вопрос закутанной в повязки зебры, — да.

— Ксенит! — радостно воскликнули все, включая меня, когда мы набросились на больную, едва восстановившуюся зебру.

— Они должны делать это? — спросил кибергончий-альбинос, прижав уши к голове и с тревогой смотря на Лайфблума. Он уже был на пол пути к двери, его зебринский плащ уже был накинут на спину. В связи с вновь прибывшим и пробуждением Ксенит, монстр решил, что, видимо, это хорошее время, чтобы занять свою не-оставаться-с-нами позицию.

— О да, — ответил он с весёлой улыбкой. — Как медпони, я могу подтвердить целебную силу групповых обнимашек.

Сегодня:

От пропитанных кровью, отравленных земель до приведённых в боевую готовность руин, звуки сражения и зловоние смерти пылали под грозными, окрашенными в красный облаками Филлидельфии, угрожая утопить последние лучики надежды или добра, что остались в этом чёртовом городе.

Вдруг яркий золотисто-зеленоватый свет ворвался в небо, устремляясь вверх прямо из Филлидельфического кратера, как возродившийся феникс, сбивая кроваво-красный оттенок с неба Филлидельфии.

Но только на мгновение. Затем свет надежды моргнул, исчезая за почерневшими облаками. И Филлидельфия снова погрузилась в пучину ада.

Почти никто этого не заметил. Все были слишком заняты смертельной битвой за жизнь.

Два дня назад:

— Это... он?

Я наблюдала за тем, как Ксенит борется с кризисом веры.

Зебра уселась, с ненавистью уставившись на странный камень синеватого оттенка из сейфа Свити Белль. Лайфблум запинался

рядом, вновь пытаясь убедить её в том, что из постели ей вылезать нельзя.

— И это величайший враг и проклятие моего народа? — прорычала она так, что адские гончие позавидовали бы. — И это то, из-за чего мы страдали, убивали и умирали сами? Это же просто камень!

Ксенит вскочила перед обломком метеорита, её тело тревожно затрясло из-за резкого движения.

— Тупой... бессмысленный... КАМЕНЬ!!!

Её копыто поднялось и нанесло по синеватому камню один точный, целенаправленный, сокрушающий удар.

Я видела, как копыта Ксенит наносили костедробительные удары адским гончим и убивали Стальных Рейнджеров сквозь броню. Несмотря на то, что моя подруга была очень слаба, у звёздного камня не было ни единого шанса. Метеорит рассыпался в мелкую синюю пыль под её копытом.

Ксенит стояла на месте, её грудь вздымалась от тяжёлого дыхания. А потом она закачалась и рухнула.

— Селестия милосердная! — воскликнул Лайфблум, подбегая к Ксенит. — Народ, вы хоть иногда своих врачей слушаете?

— Нет, — коротко ответила Вельвет Ремеди.

— Ты не в том состоянии, чтобы напрягаться, — сказал он серьёзно Ксенит. Потом, посмотрев в сторону Реджи, добавил: — И ты тоже.

— Так приведи нас в нужное! — раздражённо ответила та.

— Это не работает так, — заявил Лайфблум. Да и я сама не хотела, чтобы он это делал. Я едва стояла на копытах. Только приток адреналина от вида очнувшейся Ксенит удерживал меня от того, чтобы упасть на пол и уснуть (причём, скорее всего, в обратной последовательности).

Я продолжала убеждать себя, что у меня будет хороший, длинный, коматозный сон через несколько дней. Моему телу было наплевать, оно уже не слушалось меня.

— Может, твои заклинания сейчас не могут помочь, — медленно произнесла Ксенит, её богатый экзотический голос почти загипнотизировал меня, учитывая моё утомлённое состояние, — но здесь есть много трав и порошков, которые я могу смешать для получения таких эффектов.

Мы осмотрелись. Почти для всех нас хижина Зекоры была помойкой. Среди черепков от глиняной посуды и битых стёкол было много бутылочек, флаконов и банок с чем то, что нам казалось только сорняками и высушенным мусором. Но Ксенит видела больше. Намного больше.

— Эта хижина... она несомненно принадлежала величайшей зебре-алхимику, — сообщила нам Ксенит. — Чудеса, таящиеся в этих сосудах... — Она затихла.

— Значит... — с надеждой в голосе произнесла Реджи, — большую драку мы не пропустим, так?

Взгляд Ксенит упал на меня.

— Мы будем как новенькие к битве, малышка. Но для начала... не могла бы помочь мне передвинуться? — Она покраснела. — И встать?

Сегодня:

Стерн наблюдала с крыши здания Министерства Морали, где когда-то располагался штаб Красного Глаза, как кибердракон, окружённый шестью Хищниками, издал последний, предсмертный крик и, извиваясь в воздухе, рухнул на землю. Его тело обрушилось на руины зданий внизу, поднимая облако пыли и обломков, покрывавших собой улицы.

Чисто случайно хвост дракона задел одного из Хищников, уничтожив его винты по правому борту. Дракон забрал с собой последнюю жертву из числа этих чёрных монстров.

— Неплохо, — пробормотала Стерн.

За её спиной хлопнула дверь, ведущая на крышу. Грифина услышала перестук копыт.

— Что ещё? — раздражённо спросила она, явно недовольная неожиданным вторжением. Чёрная с прилизанным оперением грифина повернула свою украшенную белыми перьями голову к источнику беспокойства и замерла, увидев измождённую, окровавленную зебру в рваном плаще и с потрёпанной седельной сумкой. Зебра тяжело дышала, её изуродованное тело вздрагивало при каждом шаге.

Стерн отступила назад, рассматривая зебру.

— Подожди. Я знаю тебя, — сказала она спустя мгновение, её глаза озарились узнаванием. — Ты — тот боец из Ямы. Та, которую отпустил Красный Глаз.

Стерн была отнюдь не глупой грифиной. Она знала, откуда были родом те несколько рабов зебр, которых она захватила. А если бы и не знала, было невозможно не заметить жгучую ненависть в глазах этой зебры.

Захлопав крыльями, она поднялась в воздух, стараясь держаться подальше, так как знала, насколько впечатляюща у зебр дальность прыжка.

— Сожалею, что ты напрасно проделала весь этот весь этот путь домой, — резко сказала она зебре. — Но у меня есть более важные дела, которые нужно уладить, чем твоё, вне зависимости от того, что за счет ты хочешь мне предъявить. В случае, если ты не заметила, идёт война.

Чёрная грифина пренебрежительно махнула хвостом в сторону зебры, разворачиваясь к той части города, где хозяйничали Хищники. Два из которых уже были заняты тем, что выжигали её наземные войска и её город своими мощными плазменными пушками.

Ксенит фыркнула, глядя вслед улетающей грифине Когтей. Затем она вывернула шею назад и достала из сумки свой талисман кровокрыла. Ксенит бросила талисман через голову и застонала от мгновенной боли, отращивая свои собственные крылья.

Два дня назад:

День казался склеенным из разрозненных фрагментов, как при монтаже; я несколько раз засыпала и просыпалась, в основном во время полёта на борту «Черепахи». Ксенит потратила несколько часов, готовя снадобья, большая часть которых предназначалась ей и Реджи (хотя одно досталось и Каламити, чтобы укрепить его выздоравливающее крыло). Пара этих снадобий, насколько я знала из собственного опыта, имели не только оздоравливающий эффект. Как только Ксенит и Реджи достаточно окрепли для путешествия, мы отправились в путь.

Я едва помню посещение Башни Тенпони, и у меня осталось очень смутное воспоминание о доставке беженцев на узловую станцию Р-7. В память врезался лишь момент, когда я увидела там нашу Смотрительницу, которая доставила в Разбитое Копыто первый яблоневый сад из Стойла Два.

Хоть что-то, радостно подумала я, шло в соответствии с планом. И в будущем я возлагала большие надежды на это место.

Но мой самый длительный период бодрствования начался, когда Лаенхарт посадил «Черепяху» в Фетлоке.

— **Сюда ты хотела попасть? Ты уверена?** — болезненно громко прогремел голос кантерлотского гуля внутри небесного танка.

— **Я не вижу здесь ничего, кроме руин!**

— Это потому, что самое интересное скрыто под землёй, — пояснил Каламити, потирая уши. — И... ой!

— **Извини!** — проревел Лаенхарт, ничуть не облегчая нам жизнь. Вельвет Ремеди и я спешно ретировались.

Могло быть хуже. Меня больше беспокоила мысль о совместной поездке с "мышью". Возможно, она не была больше огромным, ужасным, клацающим зубами, с острой чешуёй, рогатым, храпящим-розовым-облаком, способным-проглотить-пони-за-один-укус драконом, но она оставалась одним из самых опасных существ в Эквестрийской Пустоши. Возможно, сейчас, когда она была вызволена из Королевской Сокровищницы, она была даже более опасна, чем раньше, когда была заточена внутри в окружении золота, драгоценных камней и прочих ценностей. Из объяснения Лаенхарта я поняла, что "мышь" пережила разрушение и падение Кантерлота, просто будучи весьма прочной. Как будто трансформация каким-то образом взяла легендарную драконью прочность и ужала её до этой новой (и действительно милой) формы.

Это было не то, что должно было сделать с ней заклинание. Но с другой стороны, у драконов ведь была своя собственная магия.

Когда я заговорила об этой проблеме, бывший королевский страж в качестве ответа продемонстрировал мне то, что я сначала приняла за огромный кусок розового мрамора. При ближайшем рассмотрении я увидела стеклянный шар, который был когда-то своего рода проглочным шаром для грызунов, стеклянная поверхность которого была так сильно деформирована розовым облаком изнутри, что оказалась полностью запечатанной.

— Как же она входит и выходит? — спросила я.

— Как она дышит? — задалась вопросом ошеломлённая Вельвет. Она быстро поправила себя: — Конечно же, ей это не нужно, не так ли? Она ведь была коренным кантерлотским гулем, я полагаю.

Худой как смерть пегас кивнул ей, отвечая загадочно:

— **Драконья магия.**

Я рискнула предположить, что он и сам ничего не знал.

Вельвет Ремеди и я осторожно шли через мрачные развалины Фетлока. Я внимательно следила за своим Л.У.М.ом, но компас не показывал никаких врагов. Ничего живого вообще.

Холодный ветер гонял хлопья пепла и мусор. Во всех направлениях разбегались руины, которые были когда-то яркими, счастливыми домами для семей пони. Когда мы приблизились к остановочному павильону «Небесных Бандитов», я заметила чёрную надпись на одиноко стоящей стене, многовековое граффити:

Никого не осталось.

Я застыла на месте, подавленная разорением, отчаянием Эквестрийской Пустоши.

Моя задумчивость была прервана скрежетом крышки люка по асфальту, которую сдвинула своим копытом Вельвет Ремеди. Она взглянула на меня сконфуженно, вероятно, понимая, что это была работа скорее для её рога, а затем исчезла в темноте подземелья.

Только я двинулась за ней, как услышала странный звук. Едва слышный... разговор?

Я осторожно двинулась в сторону убежища, где впервые схватилась с мантикорой. Когда я приблизилась, на моём компасе зажглись огни и я чётко расслышала голоса. Я вдохнула с облегчением, так как ни один из появившихся огней не был враждебным.

— ...даже получили новую поставку Дэша прямо от Ангелов, — услышала я голос жеребца. — Просто скажи, что тебе нужно. У доброго доктора есть нужная доза.

— Э-э? — ответил пожилой голос. — Ты продавать роза? Мне не нужна роза. Особенно роза от поней.

— Нет, — повторил жеребец, умело скрывая малейший намёк на раздражение. — Доза. У меня есть доза. Наркотики, мой дорогой пёсик. Наркотики!

Завернув за угол, я увидела пони, одетого в нечто, что когда-то было светской одеждой (возможно, из Башни Тенпони), прежде чем стало таким... поношенным. Его сопровождали брамин и грифина. Последняя была одета в броню Когтей с незнакомыми мне знаками отличия (она не принадлежала ни к грифонам Гауды, ни к грифонам Стерн) с ракетной установкой за спиной.

Клиентом, которого жеребец пытался вовлечь в беседу, был тёмно-серый пожилой адский пёс, который держал модифицированную винтовку с оптическим прицелом.

Адский пёс сидел и продолжал с недоумением на морде внимательно глядеть на пони.

— Котики? Как ты хочешь котиками крылатых пони останавливать? — пролаял он. — Зашвырять их кошками решил?

Я прочистила горло. Жеребец скосил на меня глаза, не желая полностью отворачиваться от опасного монстра, которому пытался сбыть свой товар. Явное облегчение появилось на его лице.

— Док Хуф к вашим услугам, — он нервно улыбнулся, делая небольшой шагок от адского пса. — Не обращайтесь внимания на этого приятеля, — добавил он, не желая, чтобы я спровоцировала его клиента или выстрелила в него сама. — Похоже, он... довольно приветливый. Но я думаю, у него серьёзные проблемы со слухом.

Баркин Соу. Наш белый "друг" действительно прислал кого-то, кто мог быть заинтересован в помощи нам. Адского пса, который видел, как Анклав поработил весь его город. Глухого и старого.

Йей?

Повернувшись к Доку Хуфу, я спросила:

— Есть у вас лечебные зелья или повязки? Медицинские принадлежности? — Я решила, что могла бы сделать что-то полезное с крышечками, которые были записаны на моё имя.

— Конечно! — гордо заржал жеребец. — С тех пор, как та девушка, Ремеди, вложила свой капитал, я смог обеспечить достаточные запасы.

Минутку, что? Вельвет? Когда? Я пораскинула мозгами, но единственное время, которое я смогла подобрать, совпадало со временем, когда я была за Стеной Филлидельфии. Моя маленькая пони упрекнула меня, что я не должна удивляться. Мои друзья не сидели сложа копыта, пока меня не было с ним.

— Ну, давай посмотрим, что найдётся у доброго доктора в его волшебной сумке.

То, что у него нашлось, действительно впечатляло.

Сегодня:

Гаудина стояла на сером облаке и наблюдала, как дыра в завесе над Мэйнхэттенем постепенно затягивается. Слезы капали с её здорового глаза и стекали по клюву, зависая на его кончике лишь для того, чтобы потом сорваться вниз и исчезнуть в той же пропасти.

что поглотила её дочь.

Патруль Анклава забрал с собой на тот свет двоих Когтей, включая Реджину, прежде чем Гауда его уничтожила. И судя по тому, что сейчас к ней приближалась ещё одна группа из шести бронированных пегасов, тот патруль перед смертью успел вызвать подкрепление.

Гауда проверила заряд своего магического дробовика. Едва заметная ухмылка тронула её клюв.

— Не двигаться, — объявил один из солдат Анклава, когда те приблизились к грифине. — Один неосторожный взмах хвоста, и вы обе превратитесь в пыль.

Гауда обменялась взглядом с Блэквинг. Перенебрежительная улыбка, пляшущая на клюве второй грифины, была более чем красноречивым ответом.

Они резко обернулись, нацеливая своё оружие, но вдруг оглушительный раскат грома сотряс небеса.

— ИИХ-ХААА! — завопила Реджи, разом разнося ошеломляющей мощью Малышки Гильды трёх из шести пегасов в прах.

Гауда, замерев, моргнула, не веря своим глазам, но взяла себя в лапы быстрее, чем это смогли сделать оставшиеся солдаты Анклава. Выстрел из её дробовика испарил одного из них. Блэквинг пристрелила второго, но не раньше, чем он успел открыть огонь. Луч света ударил в её левое крыло, оторвав от него больше половины.

Гауда рванулась, чтобы поймать покалеченную грифину, в то время как Реджи аннигилировала из своей суперпушки последнего пегаса.

— Блэквинг! — закричала она, бросаясь вперёд. — Только держись! У меня есть лечебные зелья.

— Откуда... — спросила грифина, пытаясь сосредоточиться. — Чёрт... откуда ты взялась? — Она была уверена, что этот яд должен если не убить Реджи, то как минимум парализовать. Всё остальное должно было сделать падение.

— Что? — Реджи сделала вид, будто не заметила взгляда матери, и продолжила копаться в своих сумках. — Неужели ты никогда не видела усиленную зеброй грифину?

Гаудина не была уверена в том, чего ей хотелось больше: обнять свою дочь или же дать ей хорошего пинка под зад.

— И не вздумай умирать мне тут, — обратилась Реджи к Блэквинг, вливая ей в клюв лечебное зелье. — Нам нужно убрать ещё целую кучу облаков.

Два дня назад:

— Я знаю, что это будет едва ли проще, чем превратить бульжник в цилиндр, — говорила Вельвет Ремеди Старейшине Кроссродс, — но я абсолютно уверена, что тут нет ничего невозможного.

Пока я докричалась до Баркин Соу и выяснила, что адский пёс был нашим потенциальным союзником (что началось с объяснения псине того факта, что это я была той пони, которую он искал, а не Док Хуф), Вельвет Ремеди уже успела пройти в штаб-квартиру Рейджеров Эплджек, добиться аудиенции у их Старейшины и изложить свою просьбу.

Новый лидер Рейджеров Эплджек раздумывала над словами моей подруги.

— Друзья СтилХувза — наши друзья, — начала она. — И мы сочтём за честь помочь вам с чем угодно... кроме этого.

Вельвет Ремеди поморщилась, как будто только что проглотила лимон.

— Вы просите помощи в решении проблемы эквестрийских аликорнов, — продолжила коричневая кобыла с жёлтой гривой. — Надеюсь, вы не забыли, что СтилХувз был известен как "Охотник на Аликорнов". Небеспричинно, между прочим. И ваши аргументы...

— Они не монстры, — рявкнула Вельвет Ремеди. — Они жертвы. Жертвы Богини. Жертвы Красного Глаза. И теперь, когда им открылся путь к свободе и индивидуальности, вы говорите так, будто их надобно истреблять.

— Мы должны поступать лучше, — заметила я, войдя в комнату. Мои слова полностью повторяли слова Лайфблума. Моё сердце полностью разделяло его мнение. Он видел, насколько не хватало стараний Общества Сумерек, насколько ничтожными эти старания казались. Примерно так же я ощущала и свои старания, в особенности если речь шла об адских гончих. После того как я увидела Вельвет и Кроссродс, я почувствовала, что не только мы двое смотрели на мир без иллюзий.

Старейшина Кроссродс внимательно посмотрела на меня, потом на Вельвет.

— Право на исследование, к которому вы хотите получить доступ, принадлежит экс-писарю Рэттлу, — начала она. — Вам повезло, что он выжил после нападения на город Дружбы. Сейчас Рэттл находится на лечении в Башне Тенпони, под наблюдением доктора Хелпингхуфа. Если вы хотите получить доступ к записям об экспериментах, вам нужно всего лишь спросить у него разрешение.

Вельвет Ремеди была удовлетворена таким ответом. Более того, это дало ей повод посетить хорошего доктора. (Очень хорошего доктора, не блуждающего по Пустоши в попытках продать Дэш.)

— Мы переоборудовали Брыклинский Крест под заставу Рейнджеров Эплджек, — сказала Старейшина Кроссродс. — Его исследования находятся там в главном мэйнфрейме. Если он собирается помочь вам, то без разговоров даст свои пароли. Остальное — наша забота.

Коричневая кобыла переместила свой взгляд на меня:

— Вы хотели чего-то ещё, или это было только светским визитом?

Собравшись с духом, я произнесла:

— Мне нужен каждый Рейнджер Эплджек, которого ты можешь мне дать.

Старейшина подняла бровь:

— Грядёт битва?

— Ещё какая, — кивнула я.

Сегодня:

Ксенит рухнула на остроконечную крышу со звуком ломающихся костей, заскользила по разбитым черепицам и ударилась об зубчатые остатки дымоходной трубы.

Стерн приземлилась на верхушке крыши, стоя на задних лапах. Она прижимала к телу раздробленную переднюю лапу и смотрела сверху вниз на зебру, посмевавшую бросить ей вызов в небе. Ксенит полностью доказала, что она была превосходным бойцом, как она уже доказывала это в Яме. Но то, что ты превосходный боец, ничего не значит, если ты ввязался в "воздушный бой" против превосходного летуна.

А эта зебра пользовалась крыльями так, будто только что их отрастила.

— Эта битва была обречена на провал с самого начала, — зарычала Стерн, думая, как лучше всего прибить эту вшивую рабыню. Её любимый вариант — расстрел из анти-мех винтовки — не подходил из-за болевшей повреждённой лапы. И зебра это видела. — Да кем ты себя возомнила?

— Я — никто, — тихо сказала Ксенит, отхаркивая кровь. Глаза Стерн округлились. Разве эта рабыня не была немой? Может быть, я перепутала её с другой зеброй. Не, это невозможно.

— Тогда с чего ты решила, что сможешь разделаться со мной? — недоверчиво прошипела Стерн, аккуратно спускаясь по покато́й крыше. Она была как тёмный силуэт на фоне пылавшего красного неба Филлидельфии.

— С того... — Ксенит снова закашляла и застонала от боли в попытке сдвинуться, что только разозлило её. — ...Что я не одна.

— Чего? — Стерн с круглыми глазами проследила за тем, как вторая зебра появилась над её головой. Ветер скинул с неё капюшон плаща в тот момент, когда она нанесла сокрушительный удар копытами по спине грифины в районе позвоночника.

— Не. Трогай. Мою. МАТЬ!

Два дня назад:

Закат расстилался по всей Эквестрийской Пустоши, словно тяжёлое одеяло, усыпанное румяными цветами, заставляющими облачный покров пылать, подобно предупреждающим огонькам. Видок был такой, будто облака кровоточили.

Старейшина Кросс выделила нам целую дюжину Рейнджеров Эплджек и предложила нам полный доступ к их оружейной. Но я была вынуждена его отклонить; в этом бою пули не будут играть ведущую роль. Но я сама удостоверилась, что каждый Рейнджер был готов к сражению своей жизни.

— Паладин Стрauberри Лемонэд? — спросил Каламити, выглядя впечатлённым.

— Младший Паладин, — застенчиво ответила кобыла. — Но да. И я, скорее всего, стану полным Паладином после этого. — Она даже не знала, чем "это" было, но это не поколебало веру в её голосе. Её бодрый голос стал немного более подавленным, когда она пояснила: — Повышения в звании в военное время быстро приходят.

— Какие новости с фронта? — скромно спросила Вельвет Ремеди.

— О, пальба между нами и Стальными Рейнджерами поутихла. Вторжение Анклава заставило Стальных Рейнджеров попятаться по своим норам. — Исходя из того, что Кроссроадс сказала мне ранее, Рейнджеры Эплджек тем временем приложили свои усилия к помощи остальной части пустоши в борьбе против Анклава, укреплению позиций и зализыванию своих собственных ран. Но иного суждения от гордого молодого Паладина я и не ожидала. — Троттингем наш. Как и Мэйнхэттен. А в Филлидельфии сейчас невесть что творится, так что почему этот город нас должен сейчас волновать?

Потому что там сотни пони, нуждающихся в вашей помощи? Или как насчёт того, что там находится Штаб Стойл-Тек и их собственный мэйнфрейм? Или просто желание сделать что-то правильно?

Свои мысли я решила не озвучивать. Старейшина Кроссроадс имела в копытах более важные дела. Не было необходимости литься дождём на патриотический энтузиазм юного Паладина. Наслаждайся, пока можешь. Суровая реальность скоро заявит о себе.

Я подвинулась, вглядываясь в Эквестрийскую Пустошь через узенькое окошко небесного танка, позволяя моим глазам увидеть это в последний раз. За два месяца я навидалась ужасов, которых бы хватило на целую жизнь кошмаров, жестокости и безысходности, способных разрушить душу. Пустошь походила на труп — выглядела мёртвой и покинутой, не более чем пустая оболочка — который кишел ужасными тварями, питавшимися её гниющей плотью.

Тварями, с которыми я боролась. И боролась успешно, хоть победы и слишком часто давались большой ценой.

— Я Литлпип, — мягко объявила я, ведя беседу лишь между мною и Пустошью. — Ранена, но не побеждена... — Я искала что-то ещё, что могла бы сказать, но лишь одна вещь пришла из моего сердца: — И тебе не победить.

Мгновением позже мы разорвали завесу облаков над нами, и ночное небо открылось нам во всей своей красе, сверкая звёздами.

Сегодня:

Маленький огонек надежды возник в небе над Филлидельфией снова, пробиваясь вниз сквозь чёрно-красные облака, подобный падающей звезде. Эта звезда пульсировала, испуская потоки света ядовитых цветов, с каждой вспышкой становясь всё ярче и ярче.

КА-БУУУУУУУУУУМ!

Огонёк надежды взорвался вспышкой ярче самого солнца Селестии, кольцо света невообразимых цветов разошлось из центра взрыва, гоня перед собой воздушную волну, уносящую отвратительные облака прочь.

Чистый и ясный солнечный свет пролился на отравленные улицы Филлидельфии с сияющего синевой неба.

Расширяющаяся токсичная радуга разорвала остававшиеся в воздухе Хищники и нанесла фатальный удар по уже вышедшему из строя «Рассвету». Падающая со страшным гулом массивная чёрная осадная платформа, казалось, разрушалась под собственным весом, разваливаясь на части и извергая из себя пегасов.

Крошечное пятнышко, бывшее совсем недавно сияющим огоньком надежды, продолжало падать, снижаясь на огромной скорости к Филлидельфийскому Кратеру, откуда оно и появилось ранее.

Нечто, похожее очертаниями на странного тощего пони с кожистыми, как у летучей мыши, крыльями, вырвалось из падающих останков «Рассвета» и помчалось наперерез падающему, чтобы подхватить его.

Два дня назад:

— НЕТ! — взревел Спайк, его могучий рык угрожал скинуть «Черепашу» с выступа рядом с его пещерой.

Гигантский фиолетовый дракон ударил кулаком по горе, загорая вход в свой дом.

— Литлпип! Ты ведь знаешь, почему я не позволяю Стальным Рейнджерам заходить в мой дом! Так почему ты привела сюда целую дюжину их?

Вывести из себя дракона. Сделано.

— Спайк, — сказала я спокойно. — Это Рейнджеры Эплджек! Они хорошие ребята. И ты должен знать это, — разумно заметила я, указывая на него копытом. — Ты видел, сколько хорошего они сделали. Ты Наблюдатель.

Морда Спайка сменилась недовольной миной. Он скрестил лапы на груди, фыркая дымом.

— Ну я всё равно не понимаю, зачем ты привела их сюда.

Я глубоко вздохнула. Самое время, чтобы пустить в ход большие щенячьи глазки.

— Неужели ты мне не доверяешь, Спайк?

Дракон застонал.

— Агх. Только ради тебя, Литлпип. — Спайк опустил морду и уставился на самого первого Рейнджера. — Но вести себя хорошо. Никаких лишних хождений. Стоять в передней комнате. Ясно?

— Д-да, ваша ч-чешуйчатость, — стараясь прозвучать уверенно, ответила ему пони изнутри своей силовой брони; эта её слабая

попытка оставалась жёсткой выглядела просто смешно, особенно если учесть, что она этому дракону была на пол-зуба.

Большинство из нас быстрым шагом направилось прямо в зияющую пасть Пещеры Дракона. Паерлайт и Реджи летели над нами, маленький розовый шар катился между нашими копытами, тень мыши внутри была едва заметна.

Темнота, царившая около входа, уступила место яркости внутренних помещений. Я просто задохнулась от удивления. Блеск пещеры Спайка был совершенно не таким, как я запомнила.

Залежи драгоценных камней были перенесены, но не далеко: они стали переливающейся мозаикой, покрывающей каждую стену, изображая картины с Кобылами Министерств в их счастливой юности. Я узнала некоторые сцены из историй, рассказанных нам Спайком, когда мы его навестили несколько недель назад. Строчки из драгоценных камней пронизывали потолок и проходили через множество книжных полок, как украшения. Драгоценные камни были зачарованы светиться мягким цветным светом. Стены блестели, отражая свет, словно вывернутый зеркальный шар.

— Вам нравится? — зазвучал голос Сильвер Белл, скачущей к нам. — Я сделала пещеру красивой!

Я потрясённо кивнула. Но это было не просто красиво, а ошеломляюще красиво.

— Ух ты, — замурлыкала Вельвет. — Даже я б так не смогла! — Она заключила маленькую кобылку в объятия. Я посмотрела вокруг и недалеко заметила улыбающуюся Дитзи Ду.

— Реджина!

Из группы пони, откуда раздался возглас, выскользнула Гаудина и воспарила через всю комнату навстречу дочери.

В пещере Спайка было не продохнуть от народа.

Семь. Мне нужно было всего семь союзников. Но здесь... Здесь их было намного больше семи! Среди толпы я разглядела Блэвнинг с её отрядом Когтей. Потом, удивлённо моргнув, я осознала, что смотрю на знакомую белую шкурку и ярко-синюю гриву. Их обладательница — Морнинг Фрост — сейчас стояла рядом со своей подругой, подсолнухового цвета пегаской, которую звали Санлайт. Интересно, Трекер тоже был тут?

Как выяснилось, его тут не было, но перед тем как улететь, он, похоже, рассказал им всё.

— Мы слышали, что вы планируете что-то грандиозное, — неунывающим тоном сказала Санлайт. — И мы хотим помочь. То, что делает Анклав, просто ужасно. Это... неправильно. Пони не должны так поступать!

— Не могу с этим не согласиться, — донёсся до меня знакомый голос Крестоносца Пустошей с янтарной шкуркой.

У меня отвисла челюсть. Они тоже были тут?

— Поче... ээ... как?

— Наблюдатель рассказал нам, — объяснила она, топнув ногой. — Ты же не думала, что мы останемся в стороне и будем просто смотреть?

Ну, думала, вообще-то...

Это было... У меня не было слов. Чёрт, некоторых из этих пони я даже не знала.

— Ты пригласила мою дочь? — прошептала Ксенит мне на ухо, заметив ещё нескольких зебр, сосредоточенных на загадках книжных полок. Секундой позже я узнала среди них Сефир. А зебра, следующая за ней, была той самой, которая покрасила саму себя почти полностью в чёрный цвет с тоненькими белыми полосками — Глум.

Ксенит выглядела слегка подавленной.

Я метнула на Спайка гневный взгляд. Он только улыбнулся в ответ и пожал плечами, ловко перекладывая вину.

— Это больше идея Хомэйдж, чем моя.

Так вот оно значит как.

Я стала пробираться сквозь помещение. Через каждые несколько шагов меня останавливал какой-нибудь пони (или грифон, или зебра), который хотел поприветствовать меня. Жизнь вокруг меня буквально бурлила.

Тут на пол передо мной резко, с глухим звуком приземлилась Гауда, заслонив собой всё поле зрения. Подняв на неё глаза, я увидела, что по щеке грифины текут слёзы, а выражение её лица говорило о том, что наёмнице с трудом удавалось сохранять самообладание.

— Скажи мне, что он погиб достойно, — потребовала она низким голосом, в котором слышалась угроза.

Я застыла. О Богини. Она только что узнала о Кейдже.

— Он умер достойно, мам, — вмешалась Реджи, подлетая ко мне, прежде чем я придумала, что ответить. Гауда свирепо взглянула на свою дочь, но та даже не дрогнула.

— Кейдж... — Гаудина подавила крик, обливаясь слезами. — Он был бойцом, Когтем. Но в первую очередь он был моим сыном!

— И он умер, как Коготь, — промолвила я. Когда слова уже сорвались с моего языка, я осознала, насколько же глупо и неуместно они звучали. — Он был храбрым и стоял до самого конца.

Настроение Гауды, похоже, ничуть не улучшилось, и Реджи, сорвавшись с места, полетела и встала практически клюв-к-клюву с точной копией себя, разве что немного большей и седой.

— Кейдж умер, нанеся Анклаву смертельный удар, — сказала она своей матери. — Не моментально убивающий, но всё же смертельный. Такой, который убивает медленно, подобно удару отравленного клинка.

Гаудина, похоже, прислушалась к этим словам, но Реджи не успокаивалась:

— Сколько грифонов погибло, мама, когда Анклав вторгся в наши родные небеса? Сколько ещё, ты думаешь, погибнет, если мы их не остановим? — Реджина взъерошила перья у себя на голове. — Это была наша война задолго до того, как стала и их тоже.

Разговоры вокруг нас затихли. Все пони (и дракон, и зебры, и грифоны, и даже феникс) наблюдали за диалогом двух грифин. Реджи, взглянув на меня, едва заметно улыбнулась, а затем вновь обратилась к своей матери.

— И, похоже, что Каламити и его друзья сделали большую часть работы за нас. Неужели то, что Кейдж, твой сын, мой брат, был на острие этого удара, было чем-то бессмысленным? Чёрт подери, мама, он умер достойно!

Гаудина Грознопёрая, сморгнув слёзы с глаза, взглянула на свою дочь. Вся остальная комната, похоже, затаила дыхание. Но тишина эта продлилась недолго и вскоре была нарушена заливистым свистом. Повернув голову, я увидела, что янтарная кобылица, поднявшись со своего места, одобрительно топала. Вслед за ней со своих мест начали подниматься и все остальные, отчего создалось впечатление, будто пещера Спайка вдруг оказалась в эпицентре землетрясения.

— Что ж... тогда хорошо, — мягко сказала Гаудина. — Ты не должна кричать на меня. Я всё-таки твоя мать. — Реджи робко взглянула на свою маму и обняла её.

— А? Чего тут творится? — проорал мне на ухо Баркин Соу. — Чаго она кричит?

Сегодня:

Мы вынырнули из облачной завесы непосредственно под базой Нейварро. Прямо перед двумя Хищниками.

С одним из них разобрался Спайк, дыхнув своим зелёным пламенем на его воздушные винты, когда пролетал мимо. Половина винтов была объята пламенем, остальные просто испарились. Горящий Хищник, потеряв управление, начал заваливаться на бок, погружаясь в облачную завесу.

"«Непобедимый!» Говорит Хищник «Серебристый!»" — закричал испуганный голос на военной частоте Анклава и в моём ухе. — **"Мы атакованы! Это... это дракон!"**

Спайк пролетел сквозь второй слой облаков, скрываясь из вида Хищников и их Циклона-носителя. Он завис, паря прямо за стеной синего света, защищающей Нейварро, его огромные крылья двигались еле-еле. Внутри из казарм и зданий выскакивали пегасы, взирая на фиолетово-зелёное существо, которое расположилось между ними и восходящим солнцем, укрывая своей тенью всю восточную часть базы.

Хищник «Серебристый» прорвался сквозь облачную грядку, поворачивая к Спайку стволы своих орудий, внутри которых уже зарождался яркий свет.

Спайк набросился на щит. Синяя энергетическая стена прогнулась, деформируясь, и рухнула под напором неистовой силы помощника Твайлайт Спаркл номер один.

Вчера:

Завтрак в пещере Спайка. Столов для пони у него, разумеется, не было, поэтому мы все расположились на полу, уплетая завтрак, предусмотрительно раздобытый для нас Лаенхартом прошлой ночью. Я не знала, где он мог достать столько еды (которая включала в себя свежее сено, овощи и цветы), хотя у меня и было несколько догадок, но я не собиралась спрашивать его об этом.

Большинство гостей Спайка проделало долгий и зачастую опасный путь, чтобы добраться до вершины его горы, и многие из нас страдали истощением различной степени. А учитывая, что следующее утро мы собирались провести в долгих важных обсуждениях и составлении планов, вскоре после сцены между Грознопёрыми большинство начало подыскивать себе место для сна.

Сейчас, как следует отдохнув, мы собрались дружной компанией и завтракали, насыщая себя жизненной энергией. Каламити был в прекрасном расположении духа. Благодаря заботе Вельвет и Лайфблума, а также хорошему ночному отдыху, его крыло наконец окрепло настолько, чтобы поднять его в воздух. Не очень хорошо и не очень быстро, но он носился повсюду, как профессионал.

— Этот мир слишком переполнен оптимистами, — пробормотала Глум. Её грива свисала ей на лицо, но не могла скрыть её угрюмого вида.

— Что у тебя припасено в арсенале? — янтарная кобылица обратилась к Глум с энтузиазмом, который явно не устраивал странную зебру.

— Ты слишком забегаешь вперёд, — упрекнул её приятель цвета хаки. — Мы даже не знаем, дойдёт ли дело до драки.

Янтарная кобылка вытаращилась на него:

— Разумеется, грядёт битва. Не похоже, что они планируют просто мило побеседовать с Анклавом. — Затем вновь повернулась к Глум: — Так ты снайпер? Медицинская пон... э-э, зебра? Умеешь драться копытами, как Ксенит (Правда, она потрясеная?)

— Если мы ввяжемся в бой, то я буду драться, — серьёзно ответила Глум. — С ножом и ядом, пока жива. После этого, возможно, восстану духом мщенья и буду преследовать тех, кто остался.

Янтарная кобылица приподняла бровь, слегка отодвигаясь от зебры.

— Ла-адненько.

— Если это будет битва, — произнесла Гаудина, сидя неподалёку от меня, — то мои Когти смогут многое одолжить для победы в ней. — Зная Гауду, слово "одолжить" нужно было понимать буквально. — За последние несколько недель мы собрали достаточное количество ресурсов и оборудования.

— Ага, это хранилище шаров памяти оказалось настоящей картой сокровищ, — заявила Бучер (которая сейчас была заместителем Блэквинг), не обращая внимания на недовольный взгляд Гауды. — На прошлой неделе мы проникли в старое убежище зебр и притащили оттуда целую кучу вооружения. Можете сами оценить некоторое из того экзотического оружия, которое мы нашли запечатанным в том месте! — Бучер с гордостью продемонстрировала некоторые из новых пушек Когтей.

— Эта мерзкая хреновина для ближнего боя — то, что зебры называют "цепной пилой", — пояснила Бучер. — Малышку Гильду она, конечно, никогда не заменит! Но... чёрт возьми!

Закатывая глаза, Блэквинг всё же решила также проигнорировать недовольство Гауды, демонстрируя обнови её собственного арсенала.

Ксенит моментально опознала странное оружие.

— Арбалет, — произнесла она. — Оружие убийц. Тихое и смертоносное.

— Как пердёж? — сострила Реджи. Затем её глаза загорелись. Она повернулась к матери.

Гаудина спрянула здоровый глаз за своей когтистой лапой.

— Не-ет.

— Что "нет"? — возразила Реджи. — Я не...

— Нет, — повторила Гауда. — Я не позволяю тебе иметь арбалет, который ты можешь обозвать Пердежом.

— Ну, мама! — заныла Реджи.

Я почувствовала, что краснею, поскольку мне напомнили, что героическая грифина, обвешанная оружием, была всего лишь подростком. Я сфокусировалась на пережёвывании своих цветов. Хорошие цветы. Да. Чудесные и вкусные.

— ...только что нашли подземный исследовательский центр, где пони пытались применить к углю алхимические техники зебр, — рассказывала Блэквинг Каламити. — Похоже, они пытались создать вечный уголь. Это им не удалось, но они сумели создать алхимически обработанный уголь, который горит в два раза быстрее. И примерно в десять раз жарче.

— Имей в виду, — сказала Гаудина, наклонившись ко мне. — Если когда-нибудь решишь завести детей, будь осторожна. Как бы сильно ты их ни любила, в конце концов они станут подростками.

Каламити громко фыркнул. Я пробормотала, слегка не в себе:

— А... нет. Детей... вообще-то в планах нет. — Я имела в виду, даже если бы на это было время, и даже если бы Хомэйдж была здесь, это в любом случае не привело бы к беременности! На самом деле, я была абсолютно уверена, что беременность была невозможна с теми пони, с которыми я себя представляла. Или с грифонами... ох, до чего же вкусные цветочки. Правильно, смотри в свою тарелку. Ням, ням, ням... Йей завтраку!

— Ух ты, — нараспев произнесла Глум. — Литлпип любит кобыл. Это заметно.

Я чуть не подавилась.

— Что? Почему ты это сказала? Я ничего не делала. — Мои глазки бегали, пока я быстро соображала. Я не пялилась на Гауду. Или на её дочь. Или на кого-либо ещё. Я была уверена в этом!

— Ты ела цветы, — уточнила странная зебра.

— И что с того? — вмешалась Сефир. — Глум, я ем цветы. Ты ешь цветы.

— Но она ела их как-то по-лесбийски.

Что?!

— Это, — сообщила ей Сефир, — бессмысленно. — Повернувшись ко мне, дочь Ксенит сказала: — Не слушай её, Литлпип. Глум... странная.

Я кивнула, не в состоянии вымолвить ни слова, с лепестком, прилипшим к нижней губе.

Экзотический голос Ксенит прошептал за моей спиной:

— Только глянешь на мою дочь, я тебя парализую.

Аргх!

Я бы не стала! Никогда. Хотя... я ведь иногда тайком заглядывалась на самую Ксенит. Я почувствовала, что почти болезненно краснею, когда воспоминание о том, как Хомэйдж дразнила меня, намекая на тройничок, всплыло в памяти. Я обернулась, но Ксенит там уже не было.

И потому я просто отстранилась от происходящего и попыталась заставить себя думать о чём угодно, кроме кобыл (любого вида)... или цветов.

А вокруг меня тем временем продолжались другие разговоры. В дальнем углу я заметила Дитзи Ду, ведущую глубокомысленную беседу с Баркин Соу.

— Теперь ты хочешь знать? — спросил Баркин Соу. — Что это за вид... ?

Пегаска-гуль вытерла свою доску и написала на ней что-то в ответ.

С другой стороны пещеры до моих ушей долетел жалобный драконий бас:

— Мама?

Паерлайт порхала перед Спайком, держа в своих когтях на уровне его глаз розовый мышиный шар. Огромный фиолетово-зелёный дракон взирал на грызуна внутри с весьма неоднозначным выражением лица.

— Ты не мама, — недовольно произнёс Спайк. — Ты не можешь быть ею. — Он протянул лапу и осторожно коснулся когтем шара.

Паерлайт кивнула с серьёзным видом. Мышь тоненько пискнула.

— Какого рода большие планы? — спросил Каламити у Гауды. Я пропустила момент, когда их разговор пошёл в этом направлении, но мне было всё равно. Я ухватилась за новую беседу, как за спасательный круг.

— Ну, учитывая, что сейчас у меня под крылом находится Разбитое Копыто, а вы, похоже, собираетесь построить новое общество вокруг него, думаю, для меня пришло время повесить кобуру на гвоздь, — призналась она. — Ремесло наёмника — занятие молодых. — Она посмотрела на свою дочь и пустое пространство рядом с ней, которое должен был занимать Кейдж. — Возглавляя Когтей, я сделала всё, что могла в этой области. И я должна быть слепой на оба глаза, чтобы не видеть, что здесь я могу добиться чего-то большего. ...И прочитать в процессе солидную прибыль, — добавила она.

Мои уши приподнялись, а румянец начал быстро отступать. Это становилось интересным. Слова Гауды зажгли во мне искру надежды.

— Не нужно быть тактическим гением, чтобы понять, что Анклав планирует широкомасштабное вторжение в Филлидельфию, — уточнила Гаудина. — И я готова биться об заклад, что вы затеяли это маленькое собрание именно сейчас не случайно. Поэтому предлагаю сделку: я обеспечиваю вам полную поддержку своих Когтей и предоставляю все наши ресурсы. Но в обмен я хочу получить полную свободу распоряжаться ресурсами Красного Глаза в Филлидельфии по своему усмотрению.

— Что ты сказала? — спросил ошарашенный Каламити, в то время как я сосредоточенно пыталась поднять с пола свою челюсть.

— Сотрудничество, конечно, будет приветствоваться, — ответила Гаудина. — Но по крайней мере, от вас и ваших союзников требуется просто не препятствовать мне. Это касается и Рейнджеров Эплджек в том числе.

— Что... конкретно ты планируешь? — спросила я.

— Наконец заняться тем, о чём вы мне говорили ещё давно, — заявила Гауда. — Земли вокруг Разбитого Копыта и узловой станции Р-7 постепенно заселяются. Там уже есть сад, водный талисман... У нас есть всё, чтобы в ближайшем будущем стать одной из самых процветающих общин на Пустоши.

Ну что ж. Должна признаться, я тоже думала об этом.

— Но зачем останавливаться на этом, если можно пойти дальше? — спросила наёмница. — Захватив фабрики Красного Глаза, мы сделаем огромный скачок вперёд в плане возрождения Пустоши. Это будет настоящая Новая Эквестрия, без всякого дерьма типа "Единства", в которой Разбитое Копыто станет новым Кантерлотом.

Я моргнула. Да, план Гауды был несомненно амбициозен. Но было одно "но".

— Это, конечно, здорово, если ты захватишь всё, что осталось от Красного Глаза, — произнесла я, — но, я надеюсь, ты ведь не будешь действовать так же, как он? Всё это рабство, вся эта дикость...

Гауда махнула крылом.

— Успокойся, Литлпип. Я не собираюсь становиться новым Красным Глазом. Пустошь и без этого повидала уже достаточно подобных вещей.

Я позволила непонятно откуда взявшемуся напряжению отступить.

— Новая Эквестрия? — размышляла я. — Новый Кантерлот? Но... кто же будет новой Принцессой?

— Неужто ль ты? — спросил Каламити. — "Богини, Гауду храните"?

Гаудина Грознопёрая покачала головой.

— Монархия — это удел пони. Я думала о чём-то более демократичном, более открытом для общества. — Она перевела взгляд на свою дочь. — Возможно, это будет республика, прообразом которой станет легендарный Совет Грифонов.

— Не будет Принцессы? — переспросила я, пытаясь свыкнуться с новой идеей. — Не будет даже Смотрительницы?

— Неа, — ответила Реджи. — Только Арбитр. На тот случай, если главы кланов не сойдутся во мнениях. Мама отлично подойдёт на эту должность.

Мы политикой не занимаемся и стороны не выбираем.

Клюв Гауды расплылся в широкой улыбке.

— Честно говоря, я уже отработала своих паслов к буйволам и надеюсь, что Ксенит сможет стать моим представителем у Ангелов.

— Я? — едва слышно произнесла Ксенит, вновь демонстрируя своё умение появляться буквально из ниоткуда. Она, казалось, хотела сначала возразить, но прервалась и сконфуженно спросила: — Ангелы?

Я слышала это название раньше. И, кстати говоря, совсем недавно.

— Это она про нас, — пришла ей на помощь Сефир, которая до этого, вероятно, внимательно вслушивалась в нашу беседу. Трудно сказать, что больше встревожило Ксенит — появление дочери или же название. — После того, как мы стали готовить Дэш по твоему рецепту, некоторые из нас решили, что нашему племени нужно новое название. Мы больше не могли использовать отцовское.

Глаза Ксенит расширились.

— Они хотели что-то клёвое, хотели имя, которое вызывало бы уважение, — объяснила Сефир. — Ну, и раз уж мы живём под огромным Зайкой Смерти, то почему бы не назваться его именем?

— Ты... назвала племя... в честь Зайки Смерти? — Ксенит побледнела. (Что, стоит отметить, для зебры непростая задача.)

— А я даже не знал, что буйволы ещё существуют, — шепнул мне Каламити.

Тут в беседу вмешалась Вельвет Ремеди:

— На самом деле, далеко не всё то, над чем работал Красный Глаз, было какой-то дикостью, — заявила она. — Я бы даже хотела возглавить один из его проектов. — Нахмурившись, Гауда уже собиралась было возразить, но единорожица не дала ей даже начать: — Я про его планы по созданию школ и больниц.

— Вы делите шкуру неубитого медведя, — напомнил им Каламити.

— Я больше заинтересована в фабриках и заводах, — призналась Гауда. — И при этом у меня есть Когти и бывшие рейдеры Разбитого Копыта. Не обижайся, но как одна единственная пони будет строить школы и медицинские центры по всей пустоши?

— Я... — Вельвет Ремеди замялась, краснея. — Я думаю, у меня есть аликорны.

Гауда моргнула.

Ксенит тут же подскочила к Вельвет.

— Если ты действительно займёшься этим, то, пожалуйста, начни с Глифмарка. Ему нужна школа... и медицинский центр. — Она взглянула на Сефир. — Там уже есть врач. И...

Вновь переведя взгляд на Вельвет Ремеди, Ксенит с выражением решительности на лице произнесла:

— Я приняла решение. Я стану их учителем. Это то малое, что я могу для них сделать.

Глаза Вельвет расширились от удивления, а её рот расплылся в улыбке. Она потянулась, чтобы обнять зебру, но Ксенит была готова к такому повороту событий и, стукнув по земле, исчезла в густом облаке дыма. Не ожидав такого, единорожка шлёпнулась на круп и просидела так, потрясённая, добрых десять секунд.

— Ты права, Гаудина, — придя в себя, произнесла она. — Даже если у меня есть аликорны, мне всё равно потребуется помощь.

Грифина подняла бровь, давая понять, что внимательно слушает.

— Ты сможешь мне с этим, а я, в память о Кейдже, использую название, которое он придумал. И ещё назову Филлидельфийскую школу в его честь, — предложила Вельвет.

— Послушай, Вельвет... — Каламити вновь попытался образумить свою девушку, но потом, похоже, сдался. Наклонившись ко мне, он пробормотал: — Я искренне надеюсь, что твой план включает в себя разгром армий Анклава и Красного Глаза в Филлидельфии. — Пегас тревожно покосился на Гаудину и Вельвет.

— Название... которое придумал Кейдж? — спросила старая наёмница, а затем вопросительно взглянула на свою дочь.

— "Последователи Апокалипсиса".

Сегодня:

Ходить по облакам было... странно.

К несчастью, у меня не было времени по-настоящему перебороть это чувство. Мне просто пришлось принять его неправильность и ступить на облака.

— Ты уверена, что нам стоит так разделяться? — кричал Каламити сквозь ветер и грохот обороняющейся базы. Над нами крутился и танцевал Спайк, стараясь не попадаться под выстрелы защитных плазменных пушек, прячась от них за Хищниками, также оборонявшими базу.

— Не волнуйся обо мне, — ответила Вельвет Ремеди, улыбаясь. — У этой старой единорожицы есть ещё парочка новых трюков.

— Старой единорожицы? — отозвался Каламити. — Где она? Прячется за Вельвет?

Какофония разрываемого метала и взрывов обозначили, что второй Хищник попал под обстрел со стороны своих и был выведен из строя. К счастью, солдаты Анклава, оставшиеся охранять базу, не обладали достаточным мастерством, чтобы одновременно стрелять в Спайка и избегать огня по собственным кораблям.

К несчастью, некоторые их выстрелы всё же попадали по Спайку. И его прикрытие начало слабеть.

— Мы должны идти, — сказала я этой парочке, прежде чем ускакать.

— Те лучше быть в порядке, когда я тебя снова найду, — сурово сказал Каламити Вельвет.

Прекрасная единорожка улыбнулась и кивнула.

— Конечно буду.

— Они придут за тобой, — не в первый раз сказал Каламити.

— Пусть, — ответила Вельвет. — Они недооценивают меня. Все недооценивают меня.

Каламити и Вельвет остановились, и, посмотрев в глаза друг другу, слились в страстном поцелуе.

Через минуту они оторвались друг от друга. Вельвет ускакала в своём направлении, а Каламити в своём.

Вчера:

— Прошу прощения за опоздание, — извинился самый прекрасный голос в Эквестрии. — Я не пропустила совещание?

Голос Хомэйдж озарил комнату, поднимая моё настроение. Это как если бы моё сердце взмывало вверх, окружённое стаей бабочек.

— Неа, — ответил Каламити спрайт-боту, из которого звучал голос моей любви. — Мы ток начали. Рад, что ты смогла добраться.

— О, спасибо, спасибо! — обрушила я свои эмоции на Спайка. Мои глаза наполнились слезами радости. Я в последний раз с Хомэйдж. Может, не физически, но это было даже больше, чем то, на что я рассчитывала.

Немного смущённый таким всплеском чувств с моей стороны, пригладив шипы, он произнёс:

— Пожалуйста. — Каждый в пещере глядел на нас. — Да мне это, вообще-то, ничего не стоило.

— Для тебя — ничего, — настаивала я, — а для меня это — всё!

Я ничего не могла с собой поделаться. Я обвилась вокруг одной из его лодыжек.

— Спасибо! Спасибо! Спасибо!

— Если ты начнёшь целовать Спайка, — игриво сказала Хомэйдж, — я покину комнату.

Остановившись, я посмотрела на толпу и начала краснеть.

— Э-э, Лил'пин? Ты тут говорила, как Анклав зависит от облачной завесы, — тактично напомнил мне Каламити. — Ну, про план.

— А, да. Об этом.

Я снова собралась, убрала упавшую гриву с лица и окинула взглядом комнату, все смотрели на меня. Вот оно. Мой План.

Маленькая пони в моей голове всё никак не могла прекратить прыгать, как Пинки Пай, благодарить Спайка и кричать имя Хомэйдж.

— Анклав уничтожит всё живое в Филлидельфии и похоронит всё, чего там достиг прогресс, под оплавленными обломками, — напомнила я. — Если победят силы Красного Глаза, то выжившие пегасы либо будут поработаны, либо их головы украсят острия пик.

— А Когти Стерн не похожи на тех, кто может удовольствоваться одной победой, — добавила Гауда. — Теперь, когда с Красным Глазом покончено, она постарается взять на себя всю его операцию. Победить самое большое войско Анклава? Она вернёт линию фронта обратно в небо, едва лишь почувствует проблеск его слабости.

— Это та грифина, что уничтожила племя отца, верно? — спросила Сефир. Ксенит нахмурилась и утвердительно кивнула. — Что ж, тогда мы не позволим им победить, — уверенно сказала молодая зебра.

— У кого-нибудь есть идеи, когда Анклав начнёт атаку? — спросил один из Рейнджеров Эплджек.

— Да, — ответила я ему. — Завтра утром. — Новость вызвала несколько недовольных возгласов.

— Это будет самая большая и ожесточённая битва в истории Эквестрии со времён великой войны, — повторила я. — И, к сожалению, я пропущу её.

— ЧТО?! — прозвучал в ответ хор голосов.

— У нас есть шанс остановить это, — говорила я. — Не только битву, но и всю угрозу со стороны Анклава. Навсегда. Завтрашним утром я с отрядом проникну на базу Анклава в Нейварро, прорвусь к Проекту Одного Пегаса и разорву облачную завесу.

— Подождите, — сказала Морнинг Фрост, поднимая копыто. — Ты хочешь попасть в Нейварро? Ты знаешь, я была там. Это самая большая военная база, которая у нас... у них вообще есть! Знаешь ли ты, сколько войск находится там? Как насчет Циклона и Хищников? А Щит? А защитный массив?

— **Анклав принёс войну к нам, вниз,** — заявил Лаенхарт, заставляя Сильвер Белл глубоко вжаться под крыло Дитзи Ду, насколько это было возможно. — **Мы вернём её к ним обратно, наверх.**

— Большинство войск не будет в Нейварро, — заявила я. — У нас есть два преимущества. Первое — это элемент неожиданности. Анклав не ожидает сил снизу, которые нападут на их... землю? — Должно быть какое-то пегасье слово для этого. Я двинулась вперёд. — Это будет неожиданной стратегией.

— Можт, ещё разок скажешь "неожиданный"? — заржал Каламити.

— Суть второго преимущества заключается в том, что завтра утром на Нейварро останется только минимум персонала, — заявила я. — Каждый доступный пегас из Нейварро будет использован для пополнения войск, собравшихся атаковать Филлидельфию. Пока битва не закончится, на базе почти никого не будет.

Я посмотрела на Гауду.

— За эту информацию Кейдж отдал свою жизнь. Это единственная возможность, единственная слабость, которую мы можем использовать, чтобы взять контроль над П.О.П. и уничтожить Анклав окончательно.

Гаудина восприняла это без комментариев.

— Мы не можем рассчитывать на помощь П.О.П. в битве за Филлидельфию, потому что даже когда я попаду за щит, мне могут потребоваться часы на то, чтобы разобраться, как управлять этим местом. Итак, я нуждаюсь в помощи большинства из вас в битве при Филлидельфии. У меня есть план. Он... видите ли, я собираюсь просить вас о много большем, чем вообще можно кого-либо просить. Но ради тех, кто находится за пределами этой комнаты, на земле или над облаками, я прошу... нет, я умоляю вас помочь.

— Нас бы здесь не было, если бы мы уже не согласились, малышка, — объявил один из Рейнджеров Эплджек. — Мы в твоём распоряжении.

По всей пещере раздалось одобрительное ржание.

Я сделала глубокий вдох и изложила им свой план. Начиная с той части, которая нравилась мне меньше всего.

— Дитзи Ду, — голосом, полным мрачной серьёзности, произнесла я, обращаясь к пегаске-гулю. Она слушала меня со своего места в дальнем углу, обнимая одним крылом свою приёмную дочь. — Мне ненавистна эта часть плана намного сильнее, чем любая другая, но мне действительно необходимо поместить тебя в самое сердце битвы.

Моё сердце сжалось, когда я увидела, как испуганно распахнулись глаза Сильвер Белл.

— Мамочка? — произнесла он робко.

Я заставила себя продолжить:

— Нужно, чтобы ты исполнила свой сверхзвуковой радиоактивный удар ещё раз. На этот раз в самом центре противостояния. — И быстро добавила: — Но я хочу, чтобы ты сделала это с минимально возможным риском для себя. Если ты сумеешь сбить несколько кораблей Анклава, это будет замечательно. Но всё же основная задача — это расчистить облачный слой над полем битвы. Так что будет лучше, если ты сделаешь это на максимально возможной высоте, чтобы быть недосягаемой для вражеского огня.

Сильвер Белл смотрела на свою маму с испуганным выражением.

— Но... кто тебя поймает?

— Лаенхарт сделает это, — решила я. И, уже обращаясь к кантерлотскому гулю, продолжила: — Вы с мышью тоже отправитесь в Филлидельфию. Вашей задачей будет внести как можно больше хаоса в ряды Анклава, отвлекая внимание от Дитзи Ду. А потом поймать её, если будет такая необходимость. После того как сверхзвуковой радиоактивный удар расчистит небо над Филлидельфией, вам нужно будет убираться оттуда как можно быстрее.

Стоит признать, что сейчас, посылая Дитзи Ду в Филлидельфию, я уже переживала намного меньше, чем несколькими днями ранее, до того как к нам присоединились "Лев и Мышь".

— Но сейчас мне нужно, чтобы ты доставил Дитзи Ду в Филлидельфийский Кратер. — И, обращаясь к Дитзи: — Тебе придётся ждать там, пока не настанет нужный момент. Там тебя никто не побеспокоит, и ты снова засияешь в мгновение ока. — Как же мне это не нравилось. Но иного пути не было. Глядя на обожаемую пегаску-гуля, я тихо прошептала: — Мы не можем потерять тебя.

Я поняла, что ставлю ужасно много на способность Дитзи взрываться дважды.

Дитзи Ду забавно отсалютовала мне, а затем повернулась к Сильвер Белл, быстро написав что-то на своей доске. Малышка кивнула, глядя на свою новую маму глазами, полными слёз. Я вознесла молитву Селестии и Луне, чтобы они не позволили этим двоим разлучиться дольше, чем на один день.

Вельвет Ремеди обняла своим хвостом Сильвер Белл, когда Лаенхарт прошёл мимо них. Маленький розовый шар покатился через комнату вслед за двумя гуляями, покидающими пещеру.

— Подождите! — окликнула я их. Оба гуля остановились, оглянувшись через плечо. Маленький розовый шар ударился о левую заднюю ногу Дитзи Ду и с писком отскочил назад. — Прежде чем вы уйдёте, мне нужно поговорить с Дитзи с глазу на глаз. — Я должна была задержать их ещё немного. — Не волнуйтесь. Это не займёт много времени.

Дитзи Ду терпеливо кивнула и снова села на своё место. Сильвер Белл тут же освободилась от хвоста Вельвет Ремеди и юркнула к своей матери.

Я напряжённо сглотнула и набралась решимости продолжить. Одна из худших частей уже пройдена.

— Гауда, нам нужно, чтобы вы с Когтями расчистили небо над Башней Тенпони и поддерживали это окно открытым.

Реджи возмутилась:

— Так мы в битве не участвуем?

Надеюсь, нет, подумала я в ответ.

— Вы крайне важны для неё, — озвучила я свой ответ. Однако грифину он, похоже, не особенно удовлетворил.

— А что ты предлагаешь взамен? — спросила Гауда. Послышался возмущённый ропот со всех сторон, но я-то знала, что грифина не намеревалась обдирать меня в пору трудностей. Ей всего лишь нужно было что-то взамен, хотя бы символически, дабы сохранить лицо. Когти, всё-таки, не рыцарством занимались. Они вели бизнес.

— Как насчёт возможности расширить сферу влияния и на Башню Тенпони? — предложила я. — У меня там как раз остался бывший сырный магазин. По-моему, отличное место для филиала Когтей Гауды или Нового Кантерлота.

Из спрайт-бота, слегка отдавая металлом, прозвучал голос Хомэйдж:

— О-о-о, Литлпип. Что же ты задумала? — Хотя, судя по тону её голоса, она уже догадывалась.

— Лайфблум... — я обратилась к одному из членов Общества Сумерек. — Ты должен будешь убедить своих друзей в Тенпони. Когда в обоих местах небо будет расчищено, нужно будет, чтобы Общество Сумерек направило всю мощь Селестии Один на поле битвы.

Лайфблум медленно моргнул. Затем кивнул.

— Можете на меня рассчитывать. То есть на нас.

— А что такое Селестия Один? — спросил кто-то из Крестоносцев Пустошей. Лайфблум рассказал им об этом. И хотя он и не вдавался в подробности, ситуация стала вполне очевидной. Башня Тенпони могла привести в действие мегазаклинание, обладавшее боевой точностью, а я собиралась ударить им сразу по обеим сторонам.

— Мы возьмём то, что они у нас украли, — благоговейно произнесла янтарная кобылица, — и используем как оружие против них же.

— Именно. — Я позволила себе слегка улыбнуться в ответ на удивление, прозвучавшее в её голосе. — Тем временем наша группа атакует Нейварро. И как только мы доберёмся до центрального узла П.О.П., я проникну внутрь, анализирую облачную завесу и вывожу из строя столько башен, сколько смогу, не оставляя при этом пегасов умирать с голоду.

Морнинг Фрост и Санлайт возразили.

Я переглянулась со Спайком и сообщила по секрету:

— У плана есть и заключительная стадия, которая восполнит нехватку урожая, но она потребует дополнительной подготовки. Возможно, месяцы подготовки. Но эта проблема будет решена.

Я взглянула на Морнинг Фрост.

— Ты ведь была на Нейварро? Так почему бы тебе и Каламити не описать нам в общих чертах, что нас там ждёт?

Морнинг Фрост подняла свой ПипБак и нашла хранящуюся там карту Нейварро. Вельвет Ремеди сконцентрировалась, её рог засветился, проецируя увеличенную копию карты, которую все смогли бы разглядеть. Она уже использовала иллюзорную магию вроде этой, когда выступала на концерте. База выглядела, как поделённое пополам облаком яйцо: маленький красный аликорний щит центрального узла П.О.П. внутри, а синее энергетическое поле Анклава — снаружи.

Мы смогли различить несколько строений, включая казармы, научный центр и даже скопление солнечных батарей, вроде тех, что были рядом с Надеждой. Эти солнечные батареи и грозовые облака служили источниками электричества, которое в основном шло на поддержание голубого купола и линии обороны.

Нейварро находилось на облаке, которое было выше самой облачной завесы, а между ними находилась зловещая громада Циклона «Непобедимый», наблюдающего за небом, едва передвигаясь. Четыре Хищника «Непобедимого» тем временем рыскали вокруг него.

— И это наша цель? — предположила Паладин Строберри Лемонэд. — Мы собрались здесь, чтобы помочь тебе разобраться с этим? — Судя по её голосу, она была впечатлена. И немного сконфужена. — Как? Мы же не умеем летать.

— Да! — вскочила янтарная кобылица. — Как мы можем помочь? Рыцари Пустошей готовы! — Два её друга утвердительно заржали.

У меня не было ответов для них. Я даже не думала, что они вообще тут будут.

Паерлайт коротко ухнула и слетела вниз, просвистев что-то на ухо Вельвет Ремеди. Её глаза просияли.

— Может быть, вам и удастся, — предложила Вельвет Ремеди. — Ну, не полететь, конечно. Спайк, — она обратила своё внимание на дракона, — ты говорил нам, что у Твайлайт Спаркл есть заклинание для хождения по облакам. Какова вероятность того, что заклинание где-то здесь, среди всех этих книг?

А я и забыла про это. С трепетом я осознала, что это заклинание хождения по облакам позволило бы мне также взламывать компьютеры Анклава. Хоть оно мне никак не помогло бы со взломом замков (так как не влияло ни на мой телекинез, ни на инструменты), всё же это был огромный шаг вперёд.

Спайк кашлянул, а затем надулся от гордости.

— Эй, я ведь был помощником номер один у Твайлайт Спаркл, самого начитанного единорога во всей Эквестрии. Ты видела эту библиотеку?

— Замечательно! — вскочил Лайфблум, улыбаясь. — Пошли же. Если оно здесь, я смогу его выучить.

Вельвет Ремеди склонила голову и посмотрела на него. Игривым, дразнящим голосом она задала вопрос:

— Неужели не существует заклинаний, которые ты не смог бы выучить?

— Пока не встречал, — признался он.

Спайк посмотрел на белого единорога немного странно.

— Как так? Твой особый талант — это... магия?

Лайфблум засмеялся и тряхнул головой, его красные и розовые кудри задрожали.

— О, нет-нет-нет. Я никогда даже близко не стоял рядом с мощью Литлпип, тем более рядом с такой пони, как Твайлайт Спаркл. — Я? Мощна? С каких пор? — Но мой разум исключительно гибок. Оказывается, мой особый дар — обучение.

Слегка покраснев, он признался:

— Я могу изучить практически всё, что захочу, если у меня будет на это достаточно времени.

Он мог изучить всё что угодно. И решил стать медпони. Целителем.

Вау. Я даже не... стоп. Идея!

— Спайк? Возможно ли такое, что у тебя, каким-то чудом сохранились Министерские данные об исследованиях Заклятий-в-Коробке?

— Думаю... да, — ответил дракон. — После совещания посмотрим, смогу ли я их найти.

До меня донёсся мягкий голос Ксенит:

— А я смогу сделать несколько талисманов кровокрыла, — предложила она. — Но я не пойду с тобой в этот бой, Литлпип.

Каламити, Вельвет и я, как один повернули головы и с удивлением уставились на зебру.

Ксенит лишь мрачно покачала головой.

— Моё место в Филлидэльфии. Стерн убила моего мужа, уничтожила моё племя, — напомнила она нам, больше уже не пытаюсь скрыть от Сефир то, кем она была на самом деле. — Она захватила меня в рабство и бросила моего ребёнка на произвол судьбы в этом холодном, жестоком мире Пустоши. И если эта битва станет последней для Стерн, то я должна быть там.

Немного нахмурившись, я кивнула. Ксенит была права. Она вправе сама принимать решения, вне зависимости от того, насколько сильно я хотела, чтобы она была со мной. И я приняла это.

— А теперь послушайте меня, ребята. — Каламити топнул копытом, привлекая всеобщее внимание, а затем взлетел вверх и завис прямо над проекцией Нейварро. — Эти солдаты не плохие парни. Считайте их врагами ток в том случае, если они будут стрелять в нас, и не забывайте о том, что мы вламываемся к ним домой. — Он уставился на разношерстную толпу. — Они просто выполняют приказы. Большинство из них будут новичками, которые едва закончили обучение. Эти солдаты не сделали ничего, чё могло бы навредить Эквестрии или её жителям. Где же настоящие злодеи? Все они будут в Филлидэльфии. Что же до пони, который несёт за это ответственность... — он на мгновение запнулся, — ...полковника Отэм Лифа, приказавшего начать атаку на город Дружбы... Он мёртв. И запомните: мы идём в Нейверро не затем, чтоб убить столько пегасов, сколько сможем, — произнёс Каламити тоном, не терпящим возражений. — Мы не должны устраивать там бойню. Наша задача — пробить аккуратную брешь в их обороне.

Мой друг только что озвучил ещё одну причину, по которой я не хотела брать Лаенхарта в Нейварро.

Похоже, что пришло время переходить ко второй неприятной части. Я повернулась к Строуберри Лемонэд и её отряду Рейнджеров Эплджек.

— Отвечу на твой предыдущий вопрос: нет. Ты не будешь частью группы, которая атакует Нейварро.

— Значит Филлидэльфия?

Я вновь помотала головой.

— Вы останетесь здесь.

— Здесь? — спросила Строуберри Лемонэд, её голос звучал разочарованно.

— ЗДЕСЬ?! — выпалил Спайк.

Я кивнула.

— Да. Здесь. Прямо здесь, в этой пещере, — сказала я, глядя на Спайка. — Ваша группа будет охранять эту пещеру и её секреты от всех, кто может воспользоваться отсутствием Спайка, чтобы напасть.

— Отсутствием? — переспросил дракон, не веря своим ушам.

— Да, — сказала я ему. — Ты будешь нужен нам там. Мы не справимся без тебя. Спайк, пришло время перестать наблюдать.

Он смотрел то на меня, то на Рейнджеров Эплджек.

— Но...

— Что бы сделала Твайлайт Спаркл? — спросила я. Судя по его виду, мне больше ничего не нужно было говорить.

— Постой, — заговорил Каламити. — Ты посылаешь Спайка на бой с «непобедимым» и ещё четырьмя Хищниками?

— Разве Анклав не называет их "убийцами драконов"?

Спайк усмехнулся с иронией.

— Думаю, это было predetermined. И если честно, я всегда находил это название оскорбительным. — Он похрустел своими когтями. — Часть меня всегда хотела надрать им хвосты за него.

Морнинг Фрост взглянула на Вельветову проекцию Нейварро, а потом на Спайка.

— Как думаешь, тебе под силу будет разбить щит Анклава?

Спайк наклонил голову, просматривая данные в её ПипБаке.

— Магически усиленный фотонно-резонансный барьер Шестого уровня. Так, дайте подсчитать... — Несомненно, он был помощником у самой странной единорожки.

Он уселся и начал делать какие-то сложные расчёты на когтях, иногда бормоча что-то похожее на "переносим, три в уме", а затем откинулся на спину и одарил нас широкой, страшной, зубастой улыбкой.

— Ага, — заурчал он. — Вероятность неудачи: ноль процентов!

Я не смогла сдержать улыбку.

— И вы трое, — заговорила я, повернувшись к Крестоносцам Пустоши. — Я хочу, чтобы вы сидели здесь и помогали защищать это место. На всякий случай.

— А какие шансы на то, что кто-то нападёт на эту пещеру после вашего ухода? — спросил жеребец оливкового цвета.

— Надеюсь, что никаких, — сказала я, молясь на это Богиням. — Но пока я не объясню почему, эта пещера становится самым важным местом во всей Эквестрии, и её нужно защитить любой ценой.

Паладин Строуберри Лемонэд забыла об огорчении и подошла.

— Тогда мы будем защищать её ценой наших жизней. Вы можете рассчитывать на Рейнджеров Эплджек. Никто не пройдёт.

Да, всё шло даже лучше, чем я могла ожидать.

— Литлпип, я что-то очень сомневаюсь, что смогу пробить щит вокруг центрального узла, — осторожно начал Спайк. — Так что же ты собираешься делать, когда доберёшься до него?

Я открыла рот и тут же захлопнула. На самом деле всё это было одной большой авантюрой. Догадкой, которая опиралась больше на

веру, чем на факты.

— Я собираюсь сделать то, что у меня выходит лучше всего.

— Уронишь на него чё-нить тяжёлое? — спросил Каламити.

— Превратишь себя в решето? — иронично предположила Вельвет.

— Засмотришься на чей-нибудь круп? — хмыкнула Реджи.

— Получишь оргазм? — раздался из спрайт-бота голос Хомэйдж. Я тоненько взвизгнула с её слов.

— Хомэйдж! — Мои уши и щёки пылали жарче солнца Селестии. Когда я успела рухнуть на пол, и почему мои копыта так дёргаются?

Дитзи Ду быстренько накорябала на дощечке: "Будешь визжать и краснеть?"

Я услышала чьё-то хихиканье.

ААРррргх!

— Ладно, ладно! — захныкала я, сдаваясь. — Я сделаю кое-что, что у меня *более-менее хорошо* получается. — Я вздохнула, прикрыв мордочку. — Май Гауд, с чем мне приходится иметь дело...

— Вот только меня сюда не приплетай.

Сегодня:

Вельвет Ремеди первой добралась до своей цели: радиостанции Анклава, посредством которой он связывался с Системой Радиоперекрытия П.О.П.

— Я дико извиняюсь, — пропела она. — Простите меня, извините...

Одного за другим Вельвет Ремеди парализовала техников своим анестезирующим заклинанием, а затем повернулась, чтобы заблокировать дверь в раскрытом положении. Сделав это, единорожка вновь сосредоточила своё внимание на панелях управления.

— Итак, если бы я была кнопкой "отключить-всё", где бы я пряталась?

Бросив взгляд на теперь уже закрывавшуюся дверь, Вельвет вернулась к работе.

— Ага! — она хлопнула по панели копытом, заставив С.Р.П. начать перезагрузку. Через две минуты система была вновь готова к работе.

Вельвет Ремеди проверила настройки на аудиоинтерфейсе, а затем, подойдя к микрофону, прочистила горло.

— Приветствую вас, жители Эквестрии. И доброго утра, — мило произнесла она.

— Да, я знаю, что я не диджей Пон3, но я его хороший друг и я абсолютно уверена, что он не будет возражать, если я ненадолго займу ваше внимание. У меня для вас есть замечательная новая музыка, которую я написала сама, но сперва позвольте мне сказать пару слов о том, что же происходит на Пустоши сегодня...

Дверь позади неё с грохотом распахнулась, и полдюжины солдат Анклава ворвались в помещение.

Не прерываясь, Вельвет промурлыкала:

— ...И начну я, пожалуй, с этих молоденьких жеребят и кобылок Анклава, которые только что пришли сюда, чтобы заткнуть меня. —

Она помахала их хвостом. — Занимайте места, ребятаки. Позвольте мне показать вам, что такое настоящая музыка.

— Отойти от панелей управления, леди, — приказал один из солдат. — Сдавайся. Ты безоружна, и если я увижу, что твой рог начинает светиться, то пристрелю. Не вынуждай нас убивать тебя.

Заигрывающе надув губки и похлопав ресницами, Вельвет Ремеди произнесла:

— Но мальчишки, мне не нужны пушки или магия. У меня есть кое-что, что намного сильнее и того, и другого. — Единорожка мило улыбнулась. — Доброта.

Солдаты переглянулись. Один из них расхохотался.

— Доброта? Что же, чёрт возьми, это за оружие?

Внезапная вспышка яркого света озарила комнату. Когда она угасла, в комнате уже стоял фиолетовый аликорн. Её рог засветился, и из магической брони пегасов вылетели все их энергоячейки и амуниция.

Тут воздух позади разговорчивого солдата заискрился, обнаружив ещё одного аликорна вечерне-синей расцветки с шелковистой, цвета зимнего инея, гривой. Наклонившись к пегасу, она прошептала:

— То, что помогает заводить друзей.

Вчера:

— Они должны увидеть, — сказала я Спайку после завершения инструктажа.

И я ожидала некоторое сопротивление. Но Спайк согласился без колебаний:

— Дитзи я уже всё показал, — признался он. — Как представитель Элемента Гармонии, она имела право знать.

— Как *кто*? — переспросил Каламити. Он и Вельвет Ремеди стояли рядом со мной вместе со Спайком, Дитзи Ду и парившим спрайт-ботом, передававшим Хомэйдж.

Только я раскрыла рот, намереваясь объяснить, как Спайк предложил просто показать им всё.

Минут десять спустя чудо Садов Эквестрии предстало перед нашими глазами. Свет солнца, проникающий сквозь природный "дымоход", отдавал бликами на хребте мэйнфрейма и на кабелях, сетью оплетавших его. Элементы Гармонии, каждый на своём пьедестале, словно сияли в солнечной благодати Селестии.

Я рассказала обо всём. Во всех подробностях.

Дитзи сидела перед пьедесталом Элемента Смеха, с благоговением осматривая ожерелье с его небольшим самоцветом-воздушным шариком.

Первым заговорил Каламити:

— Дух Верности?.. — Он был крайне впечатлён. — Это... сильно. Надо б соответствовать...

— У тебя это уже давно получается, — заверила я его.

— Элементы Гармонии требуют многого, — напомнил пегасу Спайк. — Но они не требуют быть идеальным.

— Доброта? — голос Вельвет прозвучал совсем тихо. — А ты... уверена? — Она склонилась ко мне, нерешительно говоря: — Если ты не заметила, временами я бываю той ещё стервой.

Я вспомнила, как она позаботилась об умиравшем аликорне в Марипони. Как она протестовала против нападения на адских гончих. Как она утешала Сильвер Белл когда-то в амбаре.

Как же много времени ушло, чтобы понять, кто всё это время был прямо передо мной. Чтобы распознать сущность их обоих. По правде говоря, я должна была бы разглядеть её ещё в Тенпони, когда они рассказывали о своих чувствах, описывая, что их привлекало

друг в друге, через призму собственных добродетелей.

— Да, — подтвердила я. — Уверена.

— А-а как же Флаттершай? — возразила Вельвет Ремеди.

Ответил дракон:

— Элементы Гармонии могут передаваться, и иногда даже если прежний носитель ещё жив. Такое случилось с Селестией и Луной.

Ты его у Флаттершай не отнимаешь. Это всё в порядке вещей.

— То есть... даже если она вернётся?..

Спайк моргнул.

— Кто вернётся? Селестия?

— Флаттершай.

— Что?!

Вельвет Ремеди пояснила:

— Мы можем спасти Флаттершай. Можем вернуть её. Хотя, возможно... это и рискованно, но...

— Флаттершай умерла, — весьма уверенно утверждал Спайк.

— Нет, Флаттершай — дерево, — поправила его Вельвет Ремеди.

Дитзи Ду, трепыхая крыльями, опустилась между нами. Она сбросила дощечку, ухватила кусочек мела и начеркала на ней: *"Что происходит?"*

— Вельвет Ремеди думает, что Флаттершай — дерево, — ответил Спайк.

Дитзи вскинула голову, одним глазом уставившись на Вельвет, в то время как другой, видимо, был направлен на Спайка. Пегаска протёрла доску и написала: *"Флаттершай была другом"*, а затем добавила: *"Ты ведь знаешь, что она была пони, а не деревом, да?"*

— Она не дерево, Вельвет, — настаивал Спайк.

— Но ведь так и есть! — воскликнула Вельвет Ремеди и обернулась ко мне с Каламити в поисках поддержки.

— Агась.

— Это дело лоз убийственной шутки, — объяснила я, подтверждая. — Флаттершай сейчас действительно дерево.

Спайк и Дитзи Ду некоторое время переваривали информацию. Флаттершай была той, кого они хорошо знали, кому она была другом, особенно Спайку. Одной из его кобылок. Сама мысль о том, что она всё ещё была жива и что её можно было спасти, была очень тяжкой.

Тем временем у меня были неприятные новости для остальных.

— Начиная с послезавтра вашей главной задачей будет нахождение оставшихся двух пони, являющихся Элементами Гармонии, а также запуск Садов Эквестрии. По твоим, Каламити, оценкам, у вас будет где-то год до того, как начнёт становиться очень плохо. Надеюсь, вы успеете до этого момента.

— Погодь, — Каламити взмахнул копытом. — ты говоришь так, будто ты с нами не пойдёшь.

Моё сердце будто сжало тисками.

— Я... не пойду, — сказала я со слезами на глазах. — Не смогу. — Я объяснила им, как ранее Лайфблуму, что Проекту Одного Пегаса требовался пони для управления. И для спасения Эквестрии он должен был оставаться там.

— Почему ты? — с досадой спросила Вельвет.

Я тяжело вздохнула:

— Вот из-за этого всего, — я обвела взглядом Сады Эквестрии. — Да и потому, что меня, в отличие от вас, жаль не будет.

— Только не нам! — с чувством возразила Вельвет.

— Всё в порядке, — мягко утешила я её. — Это... это так надо. — Я улыбнулась, слёзы капали с моих щёк. — Я наконец-то нашла свою добродетель.

— Это несправедливо! — всхлипнула она.

Ксенит однажды сказала мне: Не важно, что это несправедливо. Такова реальность.

Зебринская мудрость.

Вельвет Ремеди уткнулась в Каламити и заплакала.

Каламити обнял её крылом.

— Соглашусь с Вельвет. Нельзя тобой жертвовать. Да ты, чтоб его, героиня, ты наш любимый друг! — Он стянул с себя шляпу. — Делай что надо. Но возьми вот это с собой. Хочу, чтоб она у тебя была.

Увидев подарок Каламити, Вельвет Ремеди вынула шар памяти Флаттершай.

— И это. От меня.

— Всего год?! — Голова Спайка дёрнулась к нам. — Это безумие! Я целых двести лет искал!

— А Литлпип нашла четверых из нас всего за два месяца, — улыбнулся Каламити, глядя на Спайка, прищурившись. — Прост ты делал это неправильно.

Дитзи Ду держала свою дощечку с надписью: "Он нашёл Литлпип".

С застывшим взглядом Спайк пробормотал что-то, после чего шлёпнул себе по лицу лапой и протащил её вниз, так что его пасть отогнулась и спружинила на место со звуком "бэнньк".

— Ой дурак!

— Что такое?

— Прости меня, — Спайк посмотрел на меня, извиняясь. — Ты не незначительная часть, Литлпип. Ты — самая важная часть.

Что-что?! Нет. Мне нужно быть незначительной. Я уже знала свою добродетель, и она не была одной из тех, что искали Элементы Гармонии.

— Я говорил тебе, что ваша компания не является той, что я искал, потому что для меня было очевидно, что ни ты, ни СтилХувз не собираетесь быть Носителями, — быстро объяснил он. — Чтобы быть Носителем Элемента Честности или Верности, нужно гораздо большее...

О дерьмо. Ты сейчас собираешься усложнить всё ещё больше?

— ...Просто не обязательно быть безупречным отражением той добродетели, Носителем которой являешься. Быть Носителем — это нечно большее. — Он смотрел на нас всех. — Я имею в виду, что это не просто так, что "несколько избранных" как раз жили в Понивилле. Флаттершай, Эплджек, Рэрити... Я уверен, что там было много пони с этими же качествами, но недостаточно просто быть добрым или честным. Это не то, что сделало их Носителями Элементов. Они стали достойными в глазах Элементов только тогда, когда начали действовать и стали друзьями в процессе.

— Так у Элементов глаза есть? — спросил Каламити, услышав слова Спайка слишком буквально.

— Я видел это раньше: Элементы не будут работать на пони, которые воистину не обладают той или иной добродетелью. Или на тех, кто не являются друзьями. И они также не будут работать на пони, которые не желают истинно бороться против дисгармонии и зла.

— Они должны сражаться за Правое Дело, — согласилась Хомэйдж.

Спайк продолжил:

— Это случилось, когда они вступили в Вечнодикий лес, прошли его вместе. Тогда они действительно стали друзьями.

— Ну что ж, — сказал Каламити, — я считаю, что всякая компания пони, бросившая вызов опасности и взглянувшая в лицо злу, в конце концов станет друзьями.

— Точно, — согласился Спайк. — О таком говорят, как будто некая искра дала им решимость, побудила их к действию.

Я растерялась.

Спайк снова повернулся о мне.

— Я был так зациклен на том, что случилось с Твайлайт Спаркл, что забыл. Но даже Найтмер Мун думала, что искра не сработала, а она была Луной, которая раньше была носительницей вместе с Селестией. Она могла ошибиться в этом только из-за того, что сама природа искры каждый раз иная.

Я начала догадываться, к чему он ведёт, и уже открыла было рот, чтобы возразить, но тут образы Твайлайт Спаркл и её друзей проплыли перед моими глазами.

На этот раз всё идёт совсем по-другому...

Агась. А ты думала, что всё пройдёт так же, как и с Селестией? Это было бы скучно!

Мне кажется, что это всегда будет проходить по-разному.

В прошлый раз искра была озарением в глазах Твайлайт. В этот раз искра — это пони.

Спайк пристально смотрел на меня.

— Литлпип, ты и есть искра.

Но... что... как...

— Другой вид искры.

— Ч-чёрт, — проржал Каламити. — Когда Пять будут собраны вместе, искра заставит появиться Шестой. — Когда все повернулись к нему, он застенчиво улыбнулся. — Эй, я просто слушал внимательно!

Я свалилась на пол, моя голова плавала в тумане сомнений... но вдруг всё внезапно прояснилось, как будто маленькая пони в моей голове сделала Сверхзвуковой Радужный Удар.

В этот момент я наконец поняла то, о чём большинство из вас, должно быть, догадалось ещё с самого пролога — истинный смысл моей кюотимарки.

Способность ПипБака, о которой не следует забывать: он показывает дорогу к нужному объекту или пони. Если пони каким-либо образом потерялся, с помощью ПипБака его можно найти.

Так же, как я нашла Кобыл Министерств. Их истории, кричащие, что их нужно помнить. И через статуэтки, созданные благодаря жертве Рарити, самих кобыл.

Как я нашла Вельвет Ремеди, даже без помощи маркеров на карте. И как я нашла своих друзей... и ещё много хороших, доблестных пони, которые сейчас находились в этой пещере.

Я получила свою кюотимарку, когда нашла маленького жеребёнка и вернула его к его родителям. Это первая стоящая вещь, которую я совершила в своей жизни.

Мой особый талант в том, чтобы находить нужных пони.

— Но... не значит ли это, что нам всё ещё нужна Литлпип? — внезапно спросил Каламити. — Нас только четверо.

Вельвет Ремеди ответила, заикаясь, но с убеждённостью в голосе:

— Нет.

Она грустно улыбнулась, вытирая слезы:

— Видели следующую комнату? Литлпип сделала своё дело. Мы знаем, где начать поиски. — Прекрасная угольно-чёрная единорожица подняла взгляд на спрайт-бота Хомэйдж. — И даже если двое оставшихся не в этой комнате, мы знаем, где искать дальше. Мы будем рассчитывать на любую пони, которая пробудилась к действию, чтобы сражаться в битве за Добро по примеру Дарительницы Света, вести о которой диджей Пон3 разнёс по всем уголкам Эквестрии.

Сегодня:

Впечатляющий взрыв фиолетового цвета прогремел посреди массива солнечных батарей Новой Надежды.

— Вот как мы делаем это в пустоши! — крикнул Каламити, когда смолк защитный массив. Удачно размещённая рыжим жеребцом взрывчатка перебила силовые кабели, идущие от действующих тарелок, а также уничтожила ночные резервные источники питания. Будучи экспертом в починке различных вещей, он также обладал необходимыми знаниями и для их разрушения в случае необходимости. Плюс у него был целый мешок взрывчатки, позаимствованной с «Громовержца» и ещё один особый маленький сюрприз.

Каламити принялся.

— Ну надо же! Эт похоже на конец империи... с ароматом редиски.

Спайк над его головой заревел, выражая свою благодарность, и снова занялся Хищником «Серебристый».

Заряд жёлтого света ударил в стену башни рядом с Каламити, подпалив ему гриву и сжигая правое ухо.

Каламити развернулся, всматриваясь в пространство над головой и между башнями. Он прилетел к солнечным батареям Новой Надежды с несколькими пегасами на хвосте. Но, будучи мастером проведения секретных операций, он сумел избавиться от их внимания на время, достаточное для того, чтобы заложить взрывчатку. Он надеялся, что взрыв отвлечёт их внимание и позволит ему незаметно ускользнуть.

Он засёк двух пегасов Анклава, когда они снова открыли огонь. Это были не элитные бойцы Анклава в силовой броне, а всего лишь новобранцы из регулярных войск.

Каламити нырнул в укрытие между двумя башнями. Его недавно излеченное крыло сильно болело, протестуя против чрезмерных нагрузок, а тело начинало ощущать недостаток сна прошлой ночью. Раз они загнали его в угол, ему конец. Или им. Вероятность второго варианта была намного выше.

Ему не хотелось убивать этих пони. Значит, нужно было убежать. Или спрятаться.

Новые выстрелы прошли воздух рядом с ним. Один из них ударил в его броню прямо над боевым седлом. Проклятье. Вот если б он

мог просто избавиться от этого "хвоста"...

Он заметил дверь. Это могло быть как тупиком, в котором он будет пойман, как в ловушке, так и идеальным местом, чтобы спрятаться. А возможно, даже запасным выходом.

Каламити долго не раздумывал.

Уклоняясь и перекатываясь, он увёл своих преследователей подальше, а затем, улучив момент, когда они потеряли его из вида, обходными путями вернулся к двери.

Только для того, чтобы обнаружить, что она заперта.

— Думаю, он полетел обратно в этом направлении, — услышал он голос одного из солдат Анклава.

Да заедрить вас налево!

Каламити услышал где-то над головой грохот канонады энерго-магических орудий. Подняв голову, он увидел Спайка, рвавшего на части плазменные пушки «Серебристого». Пока он смотрел, одно из небольших орудий произвело исключительно удачный выстрел, посылая луч смертоносной энергии прямо в правый глаз Спайка. Дракон взвыл и, извиваясь, отступил от Хищника, пропадая из вида.

Дверь рядом с Каламити открылась, выпуская охранника, который вылетел посмотреть, что творится снаружи.

Каламити вырубил его ударом в голову, а затем затащил бесчувственное тело обратно в дверь, закрывая её за собой.

Глаза рыжего пони распахнулись в удивлении, когда он увидел внутри стеллажи с небольшими светящимися чужеродными элементами питания, каждый размером примерно в сто раз меньше батарей, использовавшихся в звёздных бластерах. Над стеллажами висел плакат, на котором красовалось напоминание пегасам Анклава: "Помните, вы первая и единственная линия обороны между Эквестрией и тем, что падает сверху."

— Них-хрена себе...

Прошлой ночью:

— Я должна извиниться... — произнесла я, обращаясь к Хомэйдж. Мой голос дрожал. Все мои друзья сейчас занимались своими делами. Тут были только я и она, точнее я наедине со спрайт-ботом, в отдалённом углу пещеры.

— За что? — Голос Хомэйдж звучал успокаивающе. — Ты всё сделала правильно.

— За то, что покидаю тебя. И ещё за то... — я подумала о всех тех, кого не смогла спасти тогда, в Вечномдиком Лесу, — ...что сделала всё недостаточно хорошо.

— Перестань думать о тех немногих, которых ты не смогла спасти. Если бы не ты, то погибло бы гораздо больше пони, — укоризненно произнесла Хомэйдж. — Ты спасла Пустошь от Порчи. И не только от той, что уже пролилась. Уничтожив Марипони и Собор Красного Глаза, ты дала Эквестрии уверенность в том, что такое больше не повторится. Лучше подумай о тех, чья жизнь не оборвётся от копыта убийцы или от лапы мутанта только потому, что ты уничтожила этих чудовищ.

Я разрыдалась.

— Я не вернусь.

— Я знаю, — ответила она. Несмотря на то, что её голос, изменённый динамиком, звучал немного непривычно, он всё равно оставался для меня самым прекрасным голосом во всей Эквестрии. Я обняла спрайт-бота, положив голову на его решётку так, что мой рог задевал одну из его антенн.

— Какая самая важная вещь, которую ты получила от меня, Литлпип?

Этот вопрос удивил меня.

— И это были не оргазмы, верно? — игриво заметила она.

— Нет, — запротестовала я. — Это... — Я замаялась, подбирая слова. — Утешение.

— Что ж, — услышала я механический голос спрайт-бота. — Тогда ты очень глупая пони.

Я сморгнула слёзы.

— Что?

— Ты собираешься подключить себя к центру управления Башнями, — объяснила она. — Именно их я использую для своих трансляций. П.О.П. — это моя жизнь, и ты всегда будешь со мной.

Я... никогда не задумывалась об этом.

— У тебя будет доступ ко всей сети, — добавила она. — Ты сможешь наблюдать за всей Эквестрийской Пустошью.

Я моргнула. Маленькая пони в моей голове сделала заметку о том, что нужно будет получить доступ к этим записям в первую очередь и узнать, что же случилось с моими друзьями. Особенно меня волновала судьба Ксенит и Дитзи Ду. Ещё нужно будет узнать, чем же закончилась битва за Филлидельфию. Центральный Узел наверняка сохраняет как минимум последние несколько часов.

— Ты вовсе не потеряешь меня. Мы будем ближе, чем когда-либо, — сказала она, а затем, немного подумав, добавила: — И я думаю, что мне нужно будет найти ещё один дом.

— Что? — отрешённо спросила я, всё ещё пытаюсь осмыслить своё будущее, которое внезапно предстало предо мной в совершенно ином свете.

— Какое-нибудь место, где я смогла бы принимать душ на улице...

Что? Зачем ей делать это? Чтобы наслаждаться солнечным светом? Я уже открыла рот, чтобы запротестовать. Это же было опасно! Любой монстр или рейдер с винтовкой мог...

— ...ну, понимаешь, где ты смогла бы наблюдать.

!

Хлоп.

— Я уже говорила тебе, насколько ты злая? — прохныкала я, поднимаясь с пола.

Сегодня:

...Представьте миг, когда придёт победа

И обратим мы к солнцу взгляд...

Волшебный дерзкий голос поющей Вельвет Ремеди звучал в моём наушнике, пока я мчалась галопом по сверкающим белизной коридорам научного центра Анклава, защищённая полем МГ СтелсБака II.

Сейчас она пела для всей Эквестрии. Её голос долетал до каждого уголка пустоши, где имелось радио. Песня была восторженным гимном, который должен был поднять боевой дух защитников Эквестрии. Дать им силы.

...Эквестрия, что не исчезнет никогда!

Побудить их к действию, заечь в них искру.

Я достигла тюремного блока, имея несколько минут невидимости в запасе. Быстро осмотревшись вокруг, я выяснила всё, что мне было нужно. Непосредственно у дверей камер замков не было. Все они открывались с терминала в комнате охраны. И терминал был с облачным интерфейсом.

К счастью, теперь они были мне по зубам.

Я проскользнула в комнату охраны и занялась терминалом, пока два охранника обсуждали между собой нападение дракона. Я навестила уши, когда один из них заявил, что рухнула вся защитная система. Моё сердце возликовало — Каламити справился.

Это означало, что тот небольшой урок о взрывчатке, что преподал наш друг-альбинос, не прошёл даром. Всё-таки хорошо, что я не стала пить ту светящуюся газировку. Мне стало дурно от мысли, что она могла сделать с моими внутренностями.

Пароль был "неукротимый". Логично.

Терминал открыл мне доступ к системе управления дверьми, а также к папке, содержащей рапорты охраны. Большинство из них было составлено за последние двадцать минут и имело отношение к продолжающемуся в настоящее время нападению.

Кроме одного.

Приказ о списании №34. Объект: Мяголапка.

Мне даже не нужно было читать его, чтобы понять, что он означает. Приказ был датирован этим утром, тремя часами ранее. Если предположить, что охранники здесь не были расторопнее, чем выглядели, то это означало, что Боевой Коготь Мяголапка всё ещё была жива. И что Анклав собирался казнить её. В конце концов, их устройства контроля адских гончих успешно прошли полевые и боевые испытания. В ней они больше не нуждались.

С чувством справедливости, граничащим с удовольствием, я открыла дверь её камеры, а спустя мгновение уже скакала мимо, левитируя подарок сквозь завесу из облаков, ограждавшую небольшую металлическую платформу, на которой она была заключена.

— Подарок от друга, — крикнула я, одновременно с этим утрачивая свою невидимость. Часть меня хотела задержаться, просто чтобы увидеть, что Мяголапка открыла его, и убедиться, что она поняла, что должна делать дальше. К подарку прилагалась записка, но я не была уверена, что Мяголапка умела читать.

Но я не могла себе этого позволить. Нужно было бежать вперёд. И не оглядываться. Я могла только надеяться, что я что-то изменила. Что я открыла ей путь, который был для неё лучше, чем тот, что ей пророчили раньше.

Я хотела всё сделать правильно.

Прошлой ночью:

Впереди меня ждал тяжёлый день, а разговор с Хомэйдж лишил меня последних остатков сил. Всё, чего сейчас я хотела — это спать.

Вечеринка же, продолжавшаяся в главной пещере, нисколько этому не способствовала. Я больше чувствовала, нежели слышала тяжёлые удары барабанов, сопровождающиеся песнями, которые Вельвет Ремеди исполняла своим бархатным голосом.

Сегодняшняя ночь была затишьем перед большой битвой. Битвой, что определит будущее Эквестрии. И многие из тех пони в зале не вернутся, когда она закончится. Вечеринка была идеей Сильвер Белл, но все её поддержали — никто не хотел провести свою, возможно, последнюю ночь за чтением книги.

— *Поднимите копыта!* — крикнула Вельвет Ремеди несколько раз эту часть знаменитого дуэта Винил Скретч и Пинки Пай.

Я попыталась спрятать голову под подушкой. К счастью, у Спайка была целая гора подушек.

— Эй, Литлпип! — Спайк просунул голову в дверной проём комнаты с Садами Эквестрии, в которой я пыталась укрыться от шума вечеринки. — Мы сейчас будем играть в «Приколи-пони-Хвост». Не хочешь с нами?

Я застонала.

— Ого. Дежа-вю, — сказал Спайк. — Тебе действительно стоит пойти. Это последняя ночь перед... ну, ты знаешь. И тебе нужно провести её со своими друзьями.

Издав ещё один стон, я отбросила подушку и села. Возможно, Спайк был прав.

Вопреки своим настоящим желаниям, я последовала за ним обратно в очень светлую и шумную главную комнату.

И быстро была втянута в игры и веселье.

Мы играли в «Приколи-пони-Хвост», бились подушками и даже разбивали пиньяту. А ещё мы устраивали игрушечные гонки и играли в настольный теннис. Потом, перевернув книжный шкаф, мы приспособили его вместо чайного столика, на котором было множество всяких одобренных Министерством Морали вкусностей, включая даже целую гору аппетитнейших кексов. Вельвет Ремеди была в центре внимания. Она исполняла один зажигательный танец за другим, своим рогом создавая себе музыкальное сопровождение и ослепительное световое шоу.

Я танцевала со столькими зебрами, пони и грифонами, сколько за жизнь не могла себе представить. А маленькая извращенка в моей голове могла честно пялиться на бёдра, пока мы танцевали конго.

А ещё были подарки. Особенно подарки, сделанные Лайфблумом, который большую часть дня провёл, изучая Заклинание в Коробке. Подарки для хождения по облакам.

Но главное — было весело.

Эта ночь, эта вечеринка... Мне кажется, это было самое чистое веселье, что я испытывала за свою жизнь.

Спайк был прав. Это было лучше и куда важнее сна. Это были моменты радости с друзьями.

В конце вечеринки Лайфблум передал мне последний подарок, обёрнутый красивым бантом.

— Это то, о чём ты просила, — сказал он. — Мне надо возвращаться. Я полечу с Дитзи Ду и Лаенхартом. Если я собираюсь попасть в Башню Тенпони вовремя, чтобы успеть произнести небольшую заготовленную мной речь, мне надо идти.

Я левитировала красочно завернутую коробку себе на спину.

— Спасибо.

— Кому это? — спросил Каламити, подбежав ко мне, как только Лайфблум ушёл прочь, быстро переместившись туда, где Дитзи Ду в который раз говорила "пока" Сильвер Белл. Несколько часов в кратере должно было вполне хватить ей для набора заряда, да и к тому же уходить с вечеринки Сильвер Белл ей совсем не хотелось.

— Это подарок для Мяголапки.

— Липпип, ты ж знаешь, у нас нет времени на это.

Каламити был прав. У нас и так было достаточно дел в Нейварро, и мы планировали нашу атаку, избегая казарм. Мы должны были двигаться быстро. Не было времени для на экскурсию. Но...

— Хотя бы в этот раз, — ответила я ему, — я хочу поступить правильно по отношению хоть к одной из них.

Каламити нахмурился, встряхнув оранжевой гривой. Маленькие цветные клочки посыпались вниз.

— Те не спасти её, Лиг'пип. Ты выпустишь этого монстра на свободу, и она прикончит любого пони, прежде чем её саму кокнут. — Он показал на коробку. — Эт не вернёт ей её жизнь.

— Я знаю, — призналась я. — Но если она ещё жива, то это — именно то, что она хочет. — Он была Боевым Когтем. Она не предпочтёт закончить жизнь в тюрьме и быть измученной до смерти. А кто бы предпочёл?

— А когда в твоём плане появился пункт про исполнение желаний адских гончих?

Я посмотрела в глаза Каламити.

— Когда я увидела, как Отэм Лиф обращался с ними.

— Хм, ой, — он вздрогнул, а затем, скрипнув зубами, произнёс: — Это был удар ниже пояса, Лиг'пип. Да, я знаю, что он был ублюдком, который убил целую кучу пони, и я понимаю, что его просто нельзя было оставлять в живых. Но он всё ещё мой брат, и я скорблю о том, что потерял его.

Я знала, что Каламити переживает из-за смерти брата, но мне даже в голову не приходило, что он может быть в трауре.

— Прости, — произнесла я с сожалением.

— Ладно уж, — ответил он, приняв мои извинения, — сам спросил.

— У тебя в гриве конфетти.

— И у тя.

Сегодня:

— А ну замри, где стоишь, ты, вороватый отморозок! Пока мы отбиваемся от неприятеля, ты решил, что это охренительно классное время, чтоб поживиться чужим добром? Ты ведь ворующий у АНКЛАВА, дерьма кусок. НИКТО не смеет воровать у Анклава!

Каламити едва закончил набивать седельные сумки, когда этот громкий голос разорвал воздух позади него.

— Привет, батя, — произнёс Каламити, поворачиваясь лицом к своему отцу.

Строевой сержант застыл на месте, уставившись на сына.

Каламити, встретившись взглядом с отцом, молча смотрел в ответ.

Затем вздохнул.

— Знаешь, я всегда считал, что у меня накопилось достаточно всего, чё я смогу высказать тебе, если когда-нибудь предоставится такая возможность, — устало произнёс Каламити. — Но вот я стою перед тобой и понимаю, что сказать мне нечего.

Старший жеребец выпучил глаза.

— Каламити? — Он впал в ярость. — Ты?! Нападаешь на родную страну? На себе подобных? Да ещё и с грёбаным ДРАКОНОМ? Ты?!

Каламити покачал головой в ответ.

— Ты не прав в стольких вещах, что я даже не знаю, с чего начать.

— А для чего ты шёл сюда, убивая пони? Просто поворовать?

Каламити бросил взгляд на свои седельные сумки, прежде чем ответить.

— Я пришёл сюда, чтобы спасти пони, отец. А это? Это просто небольшая страховка. Моим друзьям лучше покинуть это место живыми, если Анклав захочет получить свою собственность обратно. — Он протолкнулся мимо отца, направляясь к выходу.

— НИ С МЕСТА, ты, предательский кусок ОТБРОСОВ! — заревел строевой сержант.

— А не то что? — спросил Каламити. — Ты же не станешь стрелять в меня. При всех твоих недостатках, ты всё же не Отем Лиф.

— Я буду ДРАТЬ ТВОЙ ЗАД, пока ты не начнешь МОЛИТЬ ОБ ЭТОМ!

Каламити обернулся к отцу, оценивая это заявление.

— Э, не-а. Я думаю, что ты не более чем очень шумный старый жеребец, много лаешь, но никогда не кусаешь. Но ты волен попытаться доказать, что я ошибаюсь, — предложил Каламити. — Но держу пари, что скорее эт я надеру те зад. И это, вероятно, лишит ты того уважения, которое сохраняют к тебе солдаты.

Он повернулся, направляясь к двери.

— Прощай, отец.

— И ЭТО ВСЁ?! — Отец Каламити проскочил мимо него, чтобы заблокировать собой дверь. — Разве тебе нечего сказать в своё оправдание, ты...

Каламити прервал его, прежде чем тот сумел подобрать для него новое более унижительное прозвище:

— Не-а. — Но затем, подумав, добавил: — Мне жаль, что мама умерла. Я мог бы сказать что-нибудь о том, как плохо ты справлялся с этим, но, думаю, ты и сам об этом прекрасно знаешь.

Мой лучший друг протолкнулся мимо своего отца и открыл дверь.

— Знаешь, у тебя её грива, — произнёс его отец с неожиданной мягкостью, позволяя сыну пройти. — Мне очень нравилась её грива.

Каламити расправил крылья и молча полетел прочь.

Этим Утром:

— Ну как, Баркин Соу, готов прокатиться на драконе? — спросила я.

— Если честно, эта штука очень неудобная, — повторил Спайк, спустившись достаточно низко для того, чтобы адский пёс-снайпер смог забраться в самодельное седло, сконструированное Каламити, пока я разговаривала с Хомэйдж наедине.

Несколько минут спустя мы уже летели над облаками. Спайк держал меня в своих лапах, а я левитировала Вельвет и Каламити позади. Мой друг-пегас уже мог летать сам, но плохо и недостаточно быстро, чтобы поспевать за взрослым драконом.

Мир за облачной завесой захватывал дух. Воздух был чистым, свежим и тёплым благодаря солнечному свету. Солнечный свет отражался от облаков, катился по яркому, чисто-белому покрывалу. Я чувствовала себя скверно, ведь я несла сюда войну.

Пролетая над очередными горными вершинами, я заметила одну гору, которая была распотрошена. От неё остался только поблескивающий на солнце костяк. Гора была словно тушка животного, чьи кости обглодали. Я позвала Каламити и указала на неё.

— Эт то, чё от Стойла Девяносто Восемь осталось, — объяснил он нам. — Мало было Стойл для пегасов. Большинство, как и вот это, строили внутри гор. Облака были не самой лучшей защитой от мегазаклинаний, да и пегасам, в отличие от других пони, нужны были обширные помещения для полётов, что вело к изменениям в проектировании Стойл.

Обнажённый остов остался позади.

— Анклав уже давным-давно разобрал до последнего листа металла все такие Стойла, что нашёл, — добавил Каламити. — Да и

сейчас продолжаете разбирать остатки их каркасов по мере необходимости.

Несколько минут спустя показался город пегасов. Резкий контраст между его зданиями — величественными памятниками прошлому — и руинами внизу больно ранил сердце. Этот город, словно шар памяти, был подобен окну в прекрасное залитое солнечным светом прошлое Эквестрии.

Но всё-таки что-то было не так. Город при всём своём великолепии выглядел до боли пусто. Огромные размеры и величие старинных устремлявшихся в небо зданий и переливавшихся радужных водопадов превращали и без того малочисленное население просто в карликов.

Граждане-пегасы походили на термитов на дереве. Или на мышей, прогрызавших проходки в свои жилища внутри куда большего дома.

Совсем не похоже на процветающую цивилизацию из моих представлений.

Спайк опустился в облака, и образы сохранённого мира сразу же пропали, сменённые серой с белым дымкой. Её влага уже вскоре прилепила броню к моей шкуре и подкорректировала мне причёску. Остаток пути мы проведём, скрытые покрывалом облаков, пока не окажемся фактически под самой базой.

Десять минут назад:

Ослепительно яркий свет залил солнечное небо над Филлидельфией. Лучи чистейшего солнечного света, тонкие, не толще стволов деревьев, ударили с чистого неба, как раскалённые копья, сжигая всё, с чем соприкасались.

Общество Сумерек распорядилось силой мегазаклинания весьма разумно. Вместо того, чтобы обрушить всю его мощь на город и сравнять его с землёй, они нанесли удар с поистине хирургической точностью. Селестия Один поразила только самое худшее, самое опасное по обе стороны противостояния. Ведь целью было не выиграть битву, а остановить её. Чтобы спасти как можно больше невинных и беспомощных.

В конце концов пони в ритуальной камере решили, что поступили правильно. Да, это было неприятно. Да, в здравом уме они никогда бы не стали повторять такого снова. Да, это ещё долго не позволит им спокойно спать по ночам. Но это было правильно.

Прямо сейчас:

Моё копыто ударило по толстому красному щиту, выбив из него несколько энергетических искр. Щит был твёрд, как стальная стена.

Я встала на дыбы и ещё раз вдарила копытами по окружавшему центральный узел П.О.П. щиту и, отскочив от него, шлёпнулась на круп.

Щит не пускал!

Но... Но я же была так уверена! Я была на три пятах аликорном. И более того, со мной было кое-что, чего не было ни у кого, пытавшегося проделать это до меня: у меня была точная копия души Рэйнбоу Дэш!

Копии душ всех Кобыл Министерств, точнее. Прямо тут, в моей седельной сумке. Если костей Луны было недостаточно, если попытка Анклава пройти сквозь щит, используя отрубленную голову Рэйнбоу Дэш, провалилась, то само собой разумеется, что обход щита был разработан среагировать на нечто гораздо большее, чем просто генетика.

Я должна была быть той, кто сядет за руль. Мне это было обещано! И всё напрасно!

Это была моя цель. Моя судьба!

Я начала плакать. Прямо сейчас столь многие боролись и, вероятно, гибли, потому что верили в мой план. Верили в меня.

Как могла я оказаться неправа? Опять?

Солнце и радуги, она обещала это. Я услышала звук взрыва и массивный выброс энергии из оставшихся Хищников. Мой плач превратился в рыдания.

Я так много вложила, столь многим рискнула... и ради чего?

Не слушай её! — настаивало растение в горшочке. — *Она просто хочет твоего провала.*

О Богини! Что же я наделала?

Голос Пинки Пай всплыл в моей голове: *Всё закончится солнцем и радугами!* — объявила она радостно. — *Если, конечно, ты готова пройти сквозь огонь.*

Пройти сквозь огонь?

Я посмотрела на небо, бесконечно глубокое, ярко-голубое небо.

— Какой ещё огонь? — проскулила я. Я уже прошла через Вечнодикий лес, через Кантерлот, через Анклав и через многое другое. — Разве я недостаточно сделала? Разве я не могу, ну, просто выиграть сейчас? Ну, пожалуйста?

Тёмная тень захлестнула меня.

Если, конечно, ты готова пройти сквозь огонь.

— Спайк! — закричала я, отчаянно замахав ему копытами. — Ты мне нужен!

Огромный фиолетовый дракон заложил вираж и опустился рядом со мной. Я хотела подбежать к нему, хотела спросить, доверяет ли он Пинки Пай, доверяет ли он её предчувствию и её совету.

Но я этого не сделала. Не имело значения, доверял он ей или нет. Смысл был не в его вере.

Смысл был в вере моей.

— Что такое, Литлпип? Что тебе нужно? — спросил Спайк. Он плохо выглядел. Хищникам удалось несколько раз хорошенько по нему вдарить. Его чешуя была обожжена или оплавлена почти по всему телу. Он с большим трудом сидел прямо. В нескольких местах он полностью потерял свою чешую, вместо его правого глаза была кровоточащая и покрытая волдырями яма.

Я подошла к щиту и повернулась к раненому дракону, снова упершись в стену красной трескучей энергии.

— Мне нужно, чтобы ты дыхнул на меня, — сказала я наотрез.

— ЧТО?! — взревел Спайк.

— Пожалуйста. Просто сделай это. Быстро.

— Нет! — Спайк попятился. — Ты умрёшь! Я не хочу убивать тебя!

— Пожалуйста. Ты должен.

— Нет!

О Богини. Ну почему ты вынуждаешь меня сделать это?

— Я солгала.

— Что? — Он выглядел смущённым, мучимым болью и глубоко обеспокоенным. И в центре всего этого...

— Я солгала насчёт Твайлайт Спаркл, — с разрывающимся на части сердцем призналась я.

И я рассказала ему правду. Всю правду. Каждую ужасную, душераздирающую подробность.

— Всё... — пробормотал Спайк наконец, его голос был не громче шёпота. — ...Всё это время...

На его лице бушевала апокалиптическая буря эмоций. Он возненавидел меня. И он возненавидел меня за то, что я заставила его меня возненавидеть. В конце концов он сделал единственное, что мог сделать.

Он взревел.

Я была ослеплена взрывом зеленоватого пламени. Боль была за пределами невыносимой. Я закричала, мои лёгкие наполнились огнём. Я чувствовала, как моя кожа пузырится и, сгорая, пеплом уносится прочь.

Я попыталась удержать в голове свои самые драгоценные воспоминания — воспоминания о Хомэйдж. Но одно за другим эти воспоминания сгорали, как и моя плоть, пожираемые пламенной агонией. Пока не осталась всего лишь одна мысль. Память о последних словах Хомэйдж, как диджей Пон3 через пустошь обращавшейся ко мне.

Ты моё послание.

А потом исчезла и она. И вообще всё. Даже боль.

Заметка: Максимальный Уровень.

<<< ^^ >>>

Глава 45. Добродетель Литлпип

«Но лишь в конце пути Обитательница Стойла постигла истинный смысл величайшей из добродетелей — самопожертвования.»

<<< ^^ >>>

Самопожертвование.

Пустошь будет стараться сломить вас, превратить в монстра и лишит желания бороться. Пустошь... и в меньшей степени сама жизнь. Каждый день — сражение с силами, одна сделка с совестью за другой уничтожающими хорошее в вашем сердце. Конечно, хорошо иметь мотивы, цель, но я повидала и многих, кто, будучи верен лишь им одним, в итоге серьёзно сбивался с пути. У каждого пони есть добродетель, понимаю я это или нет. И именно ваша добродетель и ваши друзья — ваша самая лучшая защита.

Рейдеры — это те, кто не смог выдержать разрушающее влияние Пустоши. Вельвет Ремеди была не права: у них есть причина существовать. Эта причина — Пустошь.

Я наконец наша свою добродетель. Я должна была понять это ещё тогда, когда заглянула в зеркало души. Но я была слишком поражена тем, что увидела — перемазанную кровью умирающую рейдершу — чтобы понять, что зеркало на самом деле показывало мне: мой первый раз, когда я являлась истинным воплощением духа самопожертвования. Когда я, лишённая шанса выжить, встала между беспомощным караваном и пегасом-рейдером, как я верила, задумавшим вырезать его.

Тем "рейдером" был Каламити. И тот момент ознаменовался первой и самой близкой дружбой, которую я знала. Я должна была узреть правду в зеркале, и лишь Пинки Пай помогла мне в этом, научив правильно смотреть, чтобы увидеть.

Ты просто неправильно смотришь, сказала она мне, указывая на зеркало, но не на моё отражение. Указывая на приближающийся караван и семью, на защиту которых я встала. *Посмотри, что у тебя за спиной.*

Моя добродетель — это самопожертвование.

Я верю в Пинки Пай, свет и радуги. Но я думаю, что из всех Кобыл Министерств я чувствовала самую большую связь не с Пинки Пай, а с Рэрити, кобылой, чьим последним жестом было спасение её самого дорогого друга. Той, что расщепила свою душу ради тех, кого любила.

В моих чувствах нет ничего удивительного, ведь самопожертвование и щедрость тесно связаны между собой. Но щедрость — более великая добродетель. Я не щедра. Я никогда ничего не предлагала, кроме самой себя. И, если подумать, моя жертва часто была эгоистична, была средством защиты тех, кого я люблю, от вреда, даже если на встречу с оным у них было полное право. Мои промахи в Филлидельфии — возможно, самый жестокий пример этого.

После последней беседы с Красным Глазом я начала понимать, что похожа на сверхзаботливую мать, не дающую вырасти тем, кого люблю. И только сейчас, наконец, я научилась отпускать. И тем не менее, это было самым тяжёлым и болезненным, что я сделала. Послала друзей в сражение против Анклава, а сама осталась... отправила Дитзи Ду, дух смеха и одну из самых прекрасных душ Эквестрийской Пустоши, на линию фронта... моё сердце просто разрывалось на куски, ведь я не только позволила другим жертвовать собой, я их попростила об этом!

Нет, я не была по-настоящему щедра. Я не Рэрити и даже не Красный Глаз.

Не была я и Эпплсэком. Самопожертвование находится где-то между щедростью и упорством — между желанием отдавать, дабы это не пришлось делать другим, и стремлением никогда не сдаваться, несмотря на опасность и риск.

Я не в силах выразить всю благодарность моим друзьям. Они направляли меня, защищали и позволили моей добродетели стать тем, что могло, без лишней скромности, спасти Эквестрию. Без моих друзей...

Добродетели могли быть запятнаны, превращены в исковерканные тени самих себя. Это правда, которую я видела в других и в самой себе. Без поддержки дружбы самопожертвование становится саморазрушающей ложной добродетелью, заставившей меня слепо покинуть Стойло Два, даже если часть меня полагала, что всё, что я найду за дверью — это забвение. Я содрогаюсь от мысли, что бы стало со мной, если бы я не встретила Каламити.

Без духа дружбы, способного осветить путь, легко потеряться. Я наблюдала подобное, а также была свидетелем и гораздо худшего.

Монтерей Джек покончил с собой. Это было не самопожертвованием, ни даже его запятнанным проявлением, а её эгоистичным абсолютным отсутствием. Монтерей Джек отринул всё, даже собственных детей, потому что не мог принести даже самую простую из жертв: жить.

Эгоизм постоянно твердит нам, что в жизни гораздо важнее иметь что-то, получать что-то новое и при этом не страдать именно нам, а не кому-то другому. Просто потому, что своя шёрстка ближе к телу. Что же касается щедрости... это не иммунитет к таким порывам, нет. Но это возможность противостоять им, давать что-то другим, зная, что при этом потеряешь то, что принадлежит тебе.

Пожертвовать — значит рискнуть тем, что ты ценишь больше всего. Даже, если кто-то готов отдать это вместо тебя. И особенно в этом случае, дабы никому больше не пришлось принести эту жертву.

Я шагнула в огонь не ради себя, а ради шанса спасти жизни, устранить причину следствий войны, дать пони Эквестрийской Пустоши что-то ценное, жизненно важное, украденное у них.

Я надеялась, что могла подарить им всем лучший мир. И в тоже время я не могла не задаться вопросом: был ли это мир, в котором нашлось бы место мне?

Зеркало показало мне мою добродетель, но я не заметила её, отвлекшись образом того, кем я стала. Все жизни, которые я спасла, не могут смыть кровь с моих копыт или остановить кошмары, порождённые всеми теми ужасами, что я видела. Когда Смотрительница пригласила меня назад в Стойло Два, я отказалась. Я знала правду. В тот день я вкусила добродетель самопожертвования и узнала её такой, какая она есть.

Но я не думаю, что в полной мере понимала смысл самопожертвования до этого дня. Дня, когда я умерла.

Я умерла.

Я вспоминаю, где я впервые увидела Вельвет Ремеди. Супружеская пара, живущая напротив моей матери и меня, отправилась посмотреть шоу "Лучших Молодых Талантов" в Атриуме, оставив своего маленького жеребёнка с няней.

По словам няни, она отвлеклась лишь на мгновение, но за это время малыш поскользнулся в ванной, ударился головой и наглотался воды. Она стала звать на помощь. Клинику от этого места отделяло несколько залов, смежных с Атриумом, и медпони прибыли менее чем за минуту. Минуты через четыре здесь была уже чуть ли не половина Стойла, включая Вельвет Ремеди, которая пела в тот момент,

когда распростирались новости. Она оборвала свою песню, устремившись вместе с родителями и зеваками к жеребёнку, чтобы увидеть, будет ли он спасён.

Жеребёнка откачали. Мать рассказывала (каждому, кто хотел послушать, и не раз), что малыш пребывал в состоянии "клинической смерти" в течении двух минут. Я вспоминаю, как думала, до чего же была красива Вельвет Ремеди, когда попыталась последовать за медпони, забравшими того жеребёнка в Клинику, и была выпровожена вон. Если подумать, то именно тот вечер послужил толчком ко всему.

Я умерла. И я вернулась.

Вера не требует слепоты воли или догматической глупости. Я знала, что, шагнув в пламя, я почувствую боль куда большую, чем испытала за всю свою жизнь, и почти наверняка умру. Но я знала, что есть шанс, всего лишь шанс, что смерть можно... пережить. И Пинки Пай обещала мне солнце и радуги. Вера требует того, чтобы вы рискнули. Иногда, чтобы рискнули всем.

Я сказала, что сожгу, объясняла Рэрити Эпплджек, когда последняя поинтересовалась, почему Чёрная Книга всё ещё у её подруги. И я пыталась... Я даже просила Спайка сжечь её. Добилась лишь того, что она отослалась принцессе Селестии.

Чёрная Книга. Сосуд Души, связанный с живой душой. Если она смогла пережить перемещение, не повредив душу, тогда был шанс, всего лишь шанс, что и я смогу.

Возвращение к жизни после того, как тебя испепелили, надо признаться, было гораздо болезненнее, чем когда я утонула. А уж отращивание ноги заново точно не шло с этим ни в какое сравнение.

Я вернулась.

Так ведь?

Меня окружала тьма, как небытие за дверью Стойла, которого я когда-то боялась. Тьма была холодной. Я не ощущала боли. Но чувствовала, что могла дышать. Чувствовала биение своего сердца. Осязала одежду и чувствовала вес седельных сумок.

Кроме того я ощущала холод полированного камня под копытами.

Я узрела комнату, в которой находилась, в тот же момент, когда, осознав, что мои глаза закрыты, инстинктивно открыла их. Я покачнулась под напором охватившего меня облегчения, которое затем уступило место странному чувству эйфории (даже какой-то детской радости).

Я была, как я поняла, в приёмной. Я решила, что нахожусь в центральном узле Проекта Одного Пегаса. Так как, если бы это были небеса, то они оставляли желать лучшего. А если это был ад, то он был каким-то неубедительным.

Я была в огромной круглой комнате. Её пол, над поверхностью которого плавала туманная дымка, был выложен мрамором, а меж белоснежных колонн виднелись небесно-голубого оттенка стены. Подняв глаза вверх, я увидела значительных размеров синевато-серый купол, который был также заполнен облачной дымкой. Стены комнаты были покрыты росписями в форме снежинок, в центре каждой из которых виднелся прекрасный, кристальной чистоты, самоцвет. Целый бриллиантопад.

Всё в этом помещении, начиная от перил и заканчивая причудливой, резной мебелью, было покрыто сияющим слоем инея. Тут было прохладно, но этот холод не обжигал. Похоже, что иней был зачарованным и именно он поддерживал в помещении такую температуру. Со временем распространяясь по помещению, за эти годы он занял большую часть поверхности колонн и укрыл почти все стены и потолок. Ещё через пятьдесят лет он покрыл бы всю комнату.

Из этой комнаты было два выхода. Позади меня располагались огромные двустворчатые серебряные двери с остроконечным верхом, которые я видела, будучи ещё снаружи. Выход же напротив этих грандиозных дверей был намного скромнее. Обычная, маленькая, ничем не приметная дверца, которая, должно быть, вела во внутренние помещения базы.

Причудливый металлический каркас, покрытый сосульками и льдом, растянулся между двумя колоннами, которые были ближе всех к той маленькой дверце. На этот каркас были подвешены три монитора, каждый из которых был едва ли не больше среднего пони. Экраны их были серы и безжизненны.

Похожая штука виднелась между двумя другими колоннами, которые располагались ближе к серебряным дверям. Сосульки на ней складывались в надпись: «Зимний Холл».

Но, запротестовала маленькая пони в моей голове, сейчас же лето!

Около дальней стены я заметила несколько довоенных торговых автоматов, один из которых продавал Рассветную Сарсапарель. Бутылка сарсапарели стояла на подлокотнике одного из кресел, всего в нескольких дюймах от того места, где лежали кости чьей-то передней ноги. Магический мороз превратил жидкость в бутылке в кусок льда.

Вокруг меня были беспорядочно разбросаны скелеты пони. Кости виднелись и на мебели, и на полу. Они возвышались, словно маленькие островки, над туманной дымкой. Всего их было, наверное, около дюжины.

Я аккуратно прошла мимо них. Если мои предположения были верны, то один из скелетов принадлежал Богине Селестии.

Я вздрогнула, наступив копытом на металлический зажим от папки-планшета для бумаг. Взглянув на него, я ощутила, как меня захлёстывает волной ностальгических воспоминаний о том, как Каламити со СтилХувзом шутили про упряму. Улыбнувшись, я вновь сосредоточилась на своём деле.

Спайк, как я знала, ничего и никому, кроме как Принцессе Селестии, никогда не отсылал. У меня была лишь вера в слова Пинки Пай, что на этот раз его огонь принесёт меня именно туда, куда нужно, чтобы вернуть солнце и радуги обратно в Эквестрию. Я не могла отрицать возможность того, что последнее пристанище Селестии и центральный узел П.О.П. могут быть одним и тем же местом.

Щит, окружающий П.О.П., был спроектирован так, чтобы через него могла пройти любая из двух принцесс. А я так и не нашла костей Селестии в Кантерлоте тогда. Я думаю, что если бы она умерла вместе со своей сестрой, то Прозревающая Тьма носила бы кости обеих. Хотя, возможно и нет. Вполне вероятно, если брать в расчёт имя аликорна, что у неё просто была некая привязанность к Принцессе Ночи.

Недалеко от серебряной двери лежало тело кобылы. Не скелет, как другие, а именно тело. Её глаза, распахнутые в ужасе, смотрели в никуда. Температура в «Зимнем Холле» была недостаточно низкой, чтобы совсем заморозить тело, но тем не менее она была способна очень сильно замедлить процесс разложения. Я подозревала, что она лежала тут не больше пары недель. (И меня здорово тревожил тот факт, что я стала настолько хорошо разбираться в трупах, что смогла прикинуть, сколько дней назад умерла эта пони.)

На её теле не было каких-либо отметин, не было ран или следов травм. Так же, как и я, она не сгорела. Казалось, что она просто легла и умерла. Возможно, она умерла от шока? Когда меня обдало пламенем дракона, я была готова к этому, но я не сомневаюсь, что для неё это было абсолютной неожиданностью.

Протянув копыто, намереваясь осторожно опустить её веки, я вдруг задумалась, о чём же она думала в последние мгновения своей жизни? И моё копыто застыло буквально в дюйме от её лица, когда я вдруг осознала, что мне были знакомы эти глаза. Несмотря на то, что недели медленного разложения их не пощадил, можно было почти с уверенностью сказать, что это была та самая кобыла Анклава.

Из числа тех, кто вторглись тогда в пещеру Спайка. Та, которую он убил.

Я... я не понимаю.

Почему она была здесь? И если дыхание Спайка перенесло её сюда, то почему же комната не была заполнена всем тем, на что дракон когда-либо дышал?

Я в запутанной тревоге устала на разлагающееся тело кобылы. Я предалась огню дракона, основываясь на вере, призрачных догадках и ужасно отчаянной нехватке вариантов. Если она попала сюда тем же путём, то что-то, должно быть, делало её особенной, как это "что-то" делало и меня. Но её не вёл вещей голос из прошлого. Она не была Дарительницей Света. Она даже не являлась посланием.

...А вдруг и являлась, в каком-то извращённом смысле? Спайк определённо пытался "послать сообщение" Анклаву. Тупая боль начала сковывать мой разум, пока я думала об этом.

Неужели такие силы как судьба, воля и стремление играют роль в магии дракона? Если и играют, то явно не таким образом, как это представляют себе пони. Возможно, куда более таинственным и туманно экзистенциальным способом.. Я сомневаюсь, что Спайк намеревался куда-нибудь послать эту кобылу... так же как и Чёрную Книгу.

Я почувствовала внезапную слабость в коленях, когда поняла, сколь многого я ещё не знала. Как будто бы я совершила свой прыжок веры, не взяв расчёт даже силу притяжения.

Иней в комнате потихоньку начинал таять, пока я стояла над трупом кобылы Анклава, погружённая в мысли. Я вспомнила часть истории, которую нам когда-то поведал Спайк: случайно икнув, он отправил Селестии целую гору свитков, обрушившуюся затем прямо на её божественную голову. Но это были свитки, их предназначением было передавать сообщения. А Чёрная Книга... возможно, она *сама желала* расширить сферу своего влияния?

Или, возможно, эта мёртвая кобыла не была той, кем я полагала, и я просто бессмысленно наворачивала круги в голове.

Как же она входит и выходит? — спросила я Лаенхарта, глядя на розовый стеклянный шар, который был сделан столетия назад для чьего-то маленького питомца.

Драконья магия.

Я вздрогнула, ощущая неприятную боль в задней части мозга. Драконья магия. Ещё одна вещь, которую нужно добавить в список Вещей, От Которых У Меня Болит Голова. Аккурат между политическим строем Анклава и выращиванием камней.

Но всё же ниже пониприводных двигателей поездов.

Я опустила веки кобылы, пряча её пристальный безжизненный взгляд. Затем, дрожа чуть сильнее, чем тому способствовал холод, я развернулась и двинулась к маленькой дверце.

Даже через всю комнату я смогла разглядеть, что у меня серьёзные проблемы. На двери был облачный замок. Если он был заперт (а когда вообще было легко?), то я не могла открыть его. Заклинание хождения по облакам, благодаря которому я забралась так далеко, не влияло ни на мои инструменты, ни на мой телекинез, которые не могли взаимодействовать с облаками.

Моя рысь упала до медленного шага, когда до меня начало доходить, что я, пройдя весь этот путь, полный смертельных опасностей, могла навсегда застрять в этой холодной, заброшенной комнате.

Три экрана ожили.

Надо мной был чёрный аликорн, и она глядела на меня с выражением холодной, злой ярости. Её огромные чёрные крылья заполнили левый и правый экраны. А с центрального монитора из-под шлема, выкованного из голубоватого металла, на меня смотрели бирюзовые драконьи глаза.

— Ты ворвалась в святилище Найтмэр Мун! — сказала она ледяным голосом. **— Даю тебе единственный шанс. Уходи. Так быстро, как тебя могут унести твои маленькие ножки.**

Шокированная, я начала пятиться назад, пока не наступила копытом на грудную клетку одного из скелетов. Споткнувшись о него и кувыркнувшись назад через голову, я неуклюже приземлилась прямо напротив гниющего трупа неизвестного пегаса.

Найтмэр Мун.

Или, как я быстро сообразила, охранная система, спроектированная для её имитации.

Рэйнбоу Дэш создала Шэдоуболтов. Логично предположить, что она могла придерживаться схожих принципов и при создании внутренней охранной системы для величайшего проекта своего Министерства.

Я поднялась на копыта и, твёрдо стоя на холодном полу, с вызовом посмотрела на экраны, заполненные Найтмэр Мун.

— Я... я не собираюсь возвращаться, — объявила я.

— Ты не пройдёшь! — настаивала Найтмэр Мун. **— И я убью тебя, если ты попытаешься. Возвращайся сейчас же, пока я ещё настолько щедра, чтобы дать тебе шанс!**

И как именно я должна была это сделать? Она собиралась убрать щит, чтобы выпустить меня?

По левому экрану пробежали помехи, искажая правое крыло Найтмэр Мун.

Это не имело значения.

Я отвернулась от трёх экранов, осматривая комнату пристальным взглядом. Я не могла вскрыть облачный замок. Но возможно, мне и не нужно было делать это. Ведь ключ от него мог находиться где-то в комнате.

— Что ты делаешь? — требовательно спросила Найтмэр Мун.

Игнорирую тебя, подумала маленькая пони у меня в голове, когда я начала обыскивать комнату. Облачный замок, вероятно, подразумевал наличие облачного ключа. Мне нужно было найти его, пока сохраняется заклинание и пока я могу поднять его своими копытами или зубами.

На обледеневшем потолке, скользнув в стороны, открылись панели. Потолочные турели выдвинулись вниз, угрожая, но пока не целясь в меня.

— Прекрати это! — воскликнул образ Найтмэр Мун. **— Другого пути внутрь нет. Не трать своё время.**

Я ничего не могла с собой поделать. Моя мордочка расплылась в улыбке.

— Э, нет, он здесь, — ответила я. — Знаешь, почему я так уверена? Потому что это заставляет тебя нервничать.

Изображение на правом экране на миг исказилось помехами.

Минутку. Охранные программы не могут нервничать.

Я обернулась к экранам с широко распахнутыми глазами.

— Последний шанс, — предупредило меня лицо Найтмэр Мун, полное праведного гнева. **— Уходи!**

— Нет. Я останусь, — вызывающе ответила я. — Потому что под угрозой жизни хороших пони. Потому что зло, атакующее невинных, должно быть остановлено. Потому что Эквестрия заслуживает солнца...

Я шагнула к экранам, наблюдая, как волна искажения деформирует изображение Найтмэр Мун.

— Я остаюсь, потому что это моя судьба.

Я топнула ногой, хладнокровно глядя на мерцающего злобного чёрного аликорна. Заглядывая в эти драконьи глаза, словно пытаюсь проникнуть взглядом за экраны, увидеть, что скрывается за фасадом.

Я набрала полную грудь воздуха и выпалила:

— И потому что ты не Найтмэр Мун.

Экраны мигнули, и изображение Найтмэр Мун исчезло, сменившись гораздо более добрым образом.

— Судьба — это то, что создаешь ты сама, — поведала мне Селестия.

Я сказала себе, что это всего лишь ещё одна подпрограмма охранной системы. Это не могла быть настоящая Селестия. Добрая Богиня преодолела смерть, вознесясь на небеса. Даже сейчас Она смотрела сверху на всех пони Эквестрии. Слушала наши молитвы. Она не могла быть... этим.

Это было не то, во что я верила.

— Прекрати эти игры, — я сплюнула в раздражении.

— Убирайся! — велел мне образ Селестии, расправив белые пернатые крылья на левый и правый экраны как демонстрацию королевского величия. — Это место не для тебя.

Я покачала головой.

— Как?

— Так же, как пришла.

Я открыла рот от удивления. Она... не знала?

— Ты разве не заметила? — до чего же бестолковая система безопасности. — Спайк прислал меня сюда. Извини, конечно, но у меня нету ещё одного дракона с собой.

Селестия на экране выглядела очень удивлённой, её губы беззвучно прошептали имя Спайка.

— Ты сожгла себя заживо? — мягким голосом спросила аликорн. Большие, лавандового цвета глаза уставились на меня с экрана.

— Кроме того он не просто послал меня, он... — Стоп, что?

Медленно, нехотя, я спросила:

— Вы ведь принцесса Селестия, да?

— Да, моя маленькая пони, — ответило величавое изображение аликорна. Полоска помех поползла по центральному экрану. — А кто... — Аликорн прервалась, чтобы в первый раз нормально осмотреть меня. — Постой. Я, кажется, знаю тебя.

— Знаете меня? — повторила я с чувством, будто земля стала уходить из-под копыт. — С чего это вы должны знать меня?

— Я наблюдаю... за столькими пони, — призналось изображение Селестии. — Это единственное, чем я могу заняться, сидя в этой тюрьме. Но лишь до тех пор, пока это не становится совсем невыносимым...

Тюрьме? Это... О Богини.

Верила ли я вообще в происходящее? В то, что говорила с Самой Селестией? В то, что Богиня... Принцесса... была как-то заперта здесь? Почему ещё она должна была относиться к этому как к тюрьме? Но это значило...

— ...но я помню, как наблюдала за тобой, — прервала мои размышления Селестия. Её слова звучали нежно, по-матерински, но в то же время тон её голоса давал понять, что я говорю с Принцессой. — Ты — Литлпип, королева красочных ругательств. Я права?

Чего?.. УУУ! Селестия знала меня... ЗА ЭТО?! Мне захотелось спрятаться. Но во всей вселенной не хватило бы места, чтобы зарыться достаточно глубоко.

— Та пони на радио говорила много хорошего о тебе, — продолжила Селестия. Упоминание о моих приукрашенных подвигах только ещё больше смутило меня.

Ну конечно же она слышала всё, что говорила Хомэйдж, да и все диджеи Пон3 до неё. Они, в конце концов, пользовались башнями П.О.П. для трансляции. Как минимум, использовали экстренную линию передач Твайлайт Спаркл. *Это единственное, чем я могу заняться, сидя в этой тюрьме.*

— Ты не такая, как те пони, что стремились пробиться сквозь щит до тебя. Ты не совершала тех ужасных поступков, которые совершали они, пытаюсь попасть сюда...

Я вздрогнула, сердечко маленькой пони в моей голове сжалось, когда я представила, что чувствовала Селестия, видя аликорна, который носил на своей шее череп Её Сестры, подобно какому-то талисману.

— Теперь Луна покоится с миром, — быстро сказала я, желая поскорее забыть неприятные воспоминания. — Я сожгла её останки и убила монстра, который осквернил их.

Из моих уст эти слова звучали просто жалко, но во взгляде Селестии была видна благодарность, которую я не заслужила. Я поклонилась ей, только чтобы не смотреть прямо в эти лавандовые глаза.

— Поднимись, моя маленькая пони, — мягко сказала Селестия. — Я не заслуживаю такого уважения. — Меня потрясли её слова, полные печали. — На моей совести столько смертей, что никто не должен оказывать мне таких почестей. Скорее, это я должна склониться пред тобой.

— Что? Это не так! — Я вскочила рывком. Я была удивлена, и, как ни странно, рассержена. — Всё произошедшее — это не ваша вина! Война, мегазаклинания... все те ужасы, что постигли нас в ваше отсутствие... Это не ваша вина!

Селестия взглянула на меня с грустью. В её прекрасном голосе теперь были слышны слёзы, которые она уже не могла скрыть.

— Но это так, моя маленькая пони, — мягко настояла она. — Именно я выбрала место для школы Луны. Из трёх участков земли, в равной степени пригодных для постройки этой школы, я выбрала именно Каньон Полумесца. Просто потому, что сочла название забавным и мне захотелось увидеть лицо своей сестры, когда она услышит о том, что я собираюсь отправить её студентов на луну...

И теперь я увидела слёзы в глазах Селестии, искажённые помехами на центральном мониторе.

— Те дети оказались там и погибли из-за моей шутки!

Я... Я и представить не могла...

Мои нервы покрыло льдом. Мои глаза горели. Я чувствовала тепло слёз, струйкой текущих по моей правой щеке. Я плакала о моей богине.

— И это ещё не всё, — продолжила Селестия. — Когда зебры начали атаковать, мы с Луной вместе держали щит, давая нашим подданным время, чтобы спрятаться в стойлах, в то время как Облако убивало нас. Нам пришлось работать посменно — сперва одна держала щит, а другая пыталась хоть как-то подлечить первую, а затем, когда другая просто отдыхала...

Самопожертвование.

— Но моя сестра, — голос Селестии уже дрожал, — была моложе. Слабее. И не имело значения, что я делала, я не смогла уберечь её от смерти прямо в моих объятьях. — Слёзы текли с её дрожащих лавандовых глаз. — Я держала Луну до тех пор, пока её тело не стало остывать...

О Богини... Богиня. Луна, сжалась над своей Сестрой.

— И затем, убитая горем, я улетела. Я покинула мёртвый Кантерлот, позволила щиту пасть, тем самым дав отравленной Облаком воде затопить нижние города.

Я горестно вспомнила, что Эпплснэк погиб в следующие за этим секунды. Он не заметил, как улетела Селестия, но его можно понять, ведь тогда на него мчалась огромная розовая волна.

И как будто её признания были недостаточно ужасны, Селестия продолжила:

— Я... Я была ослеплена горем, поражена смертью своей сестры. Но когда я пролетала над Белохвостой чащей, я увидела мегазаклинания зебр, три ракеты, нацеленные на Кантерлот. Зебрам было недостаточно просто убить Луну; они хотели уничтожить город, который стал её могилой. Сровнять всю гору с землёй. Стереть мою сестру даже из памяти.

Я вспомнила слова Стигхувза: *Уже после апокалипсиса до меня дошли слухи о том, что после падения щита зебры произвели запуск мегазаклинаний, дабы окончательно разрушить город. Но даже если это и правда, то те ракеты своей цели не достигли.* Белохвостая чаща.

Я уже слышала это название. Кейдж отзывался о ней как о самом отравленном месте во всей Эквестрии.

— И что же вы сделали? — робко пропищала я.

— Я уничтожила их, — произнесла Селестия срывающимся голосом. — Моё горе превратилось в ярость, и я буквально развала их на кусочки. Стёрла в порошок, пролетая мимо.

Неплохо, неплохо, отозвалась маленькая пони в моей голове, яростно топая.

Теперь в её голосе слышалось только сожаление.

— Ветра развеяли токсины и радиацию, которые содержались в том в оружии, по всей Белохвостой чаще. Они превратили некогда прекрасный лес в ужасное место, отравили все водоёмы и деревья на своём пути. До самого Понивилля.

Слушая Селестию, я вспомнила свои первые минуты на Пустоши. Вспомнила ферму «Сладкое Яблоко». Там всё было заражено настолько, что, казалось, сама земля заставляла мой ПипБак щёлкать.

— Когда моя ярость... — простонала Селестия. — Когда она покинула меня, я почувствовала себя так, будто с меня живьём содрали мою плоть, вырвали моё сердце. Моя душа была истерзана. И... мне было страшно. — Выражение на лице Селестии нельзя было передать словами. — Я умирала и была ужасно напугана.

Мне захотелось обнять её. Уткнуться мордочкой в её королевскую белоснежную щёрстку и разрыдаться. За неё. За Луну. За всё.

— Мне нужно было тогда умереть, — произнесла Селестия. — По крайней мере, я была бы вместе с Луной сейчас. Но я выжила. Я была эгоистичной и жила так долго, что смерть стала казаться мне чем-то неестественным, пугающим. Став жертвой своего малодушия, я оказалась заперта здесь...

Здесь. Проект Одного Пегаса.

— Это не малодушие, — ответила я серьёзным тоном. — Это... нормально. — Мысль о том, что Богиня может быть так близка к обычным пони, вызвала во мне бурю противоречивых эмоций. — Смерть страшит всех нас. Это совершенно естественно, это неотъемлемая часть бытия пони. — Потом, подумав секунду, добавила: — Это неотъемлемая часть вообще жизни.

Селестия, похоже, была благодарна мне за эту попытку.

— ...и в качестве награды я получила пожизненное заключение здесь. Это место стало моей тюрьмой, моим чистилищем. Отсюда я могла лишь наблюдать за жертвами моих грехов, но не могла ничего сделать, чтобы помочь им. — Она перевела взгляд на кости, которые лежали позади меня. — Я сделала всё, что могла, чтобы никто из живущих пони не стал мной. И чтобы не пустить сюда тех, кто обосновался здесь поблизости.

Я открыла рот. Попыталась что-нибудь сказать, возразить, найти способ утешить Её. Она слушала меня лишь мгновение, прежде чем вежливо прервать меня. Зимний вестибюль заполнил голос, который я услышала месяцы назад.

"Алло? Есть тут кто-нибудь?" — спросил давно умерший жеребец голосом, тяжёлым от смирения. Он уже не ждал помощи, которой, как я знала, он никогда так и не получил. — *"Я вёл свою семью к Стойлу около «Сладкого яблока», когда на нас напали рейдеры. Выжили только я и мой сын. Мы добрались до Стойла, но оно по-прежнему закрыто. Внутрь не попасть. Мой сын съел одно из яблок с тех чёртовых яблонь возле Стойла, и теперь сильно болен. Так болен, что не может даже двигаться. Мы забралась в цистерну рядом со старым памятником. У нас кончаются медикаменты и еда. Пожалуйста, если кто-нибудь слышит нас, помогите... Повторяю."*

Я была поражена призраком того осознания, которое испытала, когда впервые услышала это. Безымянный отец, к моменту записи сообщения он уже потерял всякую надежду; он делал это просто потому, что должен был.

Селестия слушала это сообщение, вещавшее о смерти жеребёнка от ядов, которые она же и распространила над Белохвостой чащей, повторяющееся снова и снова, кто знает сколько лет. Пока я не пришла и не выключила передатчик.

Я заплакала.

И Селестия вместе со мной.

— Ты не чета тем, что снаружи, — повторила она, когда моё решение закончить мою миссию отвергло горе и я наконец-то начала вытирать слёзы.

Я поняла, что она имеет в виду Анклав. Мне показалось немного странным, что она не узнала меня сначала. И было похоже, что принцесса не знала ни о битве, бушующей снаружи, ни о цели моего появления.

Это единственное, чем я могу заняться, сидя в этой тюрьме. Но лишь до тех пор, пока это не становится совсем невыносимым.

— Селестия, — вежливо спросила я. — Когда вы перестали наблюдать?

Её ответ не должен был меня удивить.

Город Дружбы.

Это был самый мрачный час Эквестрийской Пустоши. Если бы я наблюдала без возможности помочь, наверняка я тоже перестала бы смотреть.

Пару минут минут ушло на рассказ о том, что же Селестия пропустила.

— Но что... произошло с вами? — осторожно спросила я, пытаюсь подготовить себя к любому ответу, каким бы он ни был. Мне нужно было это знать, хотя я уже не была уверена, смогу ли вынести ещё больше той боли, которую причиняли мне её слова. — Как вы

оказались тут?

Моим первым предположением было, что Селестия сама заняла капсулу центрального узла. Но если так, то почему за всё то время, которое она провела в нём, она не сделала то, что намеревалась сделать я? И почему тогда системы Министерства Крутости сообщили о том, что Центральный Узел был пуст?

— Я сама пришла сюда, — сказала мне Селестия. — Моё тело умирало, но я знала, что мэйнфрейм «Крестonosец» сможет продлить мою жизнь. Поэтому я пришла сюда. — Она выглядела так, словно сама не одобряла свой поступок. — Я надеялась, что взяв под контроль это место, я смогу помочь моим маленьким пони и загладить этим хотя бы часть своей вины. Но когда я загрузила себя в Мэйнфрейм, я поняла, что оказалась в ловушке. Беспомощная. Под моим контролем оказались лишь несколько систем безопасности и всё. Я могла только слушать и наблюдать.

Загрузила?

Я прикоснулась копытами к щекам, ахнув.

Только не надо никакой "скачать-твой-мозг" ерунды, — объясняла Рэйнбоу Дэш когда-то Луне. — Я отключила всю эту фигню. Я хочу, чтобы над погодой Эквестрии работала живая пони, а не какая-то машина, думающая, что она пони.

— Рэйнбоу Дэш... Эгпблум... — еле выговорила я. — Селестия... они отключили систему загрузки разума от управления. Так было спроектировано. — Я знала это, но считала, что они полностью убрали эту функцию из мэйнфрейма «Крестonosец», а не оставили рабочей, но неполной.

Спайк однажды спросил меня: *Ты когда-нибудь слышала старую поговорку — "Дорога в ад устлана благими намерениями"? Если у их истории была бы мораль, то именно так она бы и звучала.*

— Я уже знаю, — мрачно сказала Селестия. Она совершила ошибку. Простую ошибку с ошеломляюще трагичными последствиями, которую, однако, можно понять

Это была история падения Эквестрии в миниатюре. В моей голове всплыли слова диджея Пон3: *Великая истина Пустоши заключается в том, что здесь нет пони без греха, что каждый совершил что-то, о чём теперь сожалеет.*

Во мне заговорила моя разумная часть. Если это произошло на самом деле, то я говорила не с самой Селестией. Это была лишь программа, иллюзия воспоминаний. Загружая себя в мэйнфрейм «Крестonosец», ты не помещаешь самого себя в компьютер. Он просто делает слепок твоих мозгов. Если только не...

Я вспомнила Старейшину Коттэджд Чиза с его дьявольскими намерениями. Он действительно собирался жить вечно, не только загрузив своё сознание в мэйнфрейм, но ещё и перенеся свою душу в саму машину, тем самым сделав её сосудом души.

Я посмотрела на Селестию, и от осознания ужасности произошедшего с ней мои глаза округлились, а в голове прозвучали слова Рэрити:

Я даже просила Спайка сжечь её. Добилась лишь того, что она отослалась принцессе Селестии.

Принцесса Селестия была, пусть и недолго, под влиянием Чёрной Книги.

— Вы... — я уставилась на неё с глазами, полными ужаса.

— Да, — с сожалением подтвердила Селестия, которой и так был понятен вопрос. — Заклинания были настолько простыми для изучения, что я выучила их, едва открыв страницы. Не могла же я даже глазком в книгу не заглянуть?

Я почувствовала озноб.

— Когда живешь целую вечность, скука становится недругом, — объясняла она. — По-своему таким же опасным для меня, как и Дискорд. Особенно, когда я была одна.

Селестия вздохнула.

— В течение последующих столетий после того, как я изгнала Найтмэр Мун, я начала изучать всё, что могла о загадочных, секретных и запретных вещах. Я даже познала некоторые любопытные аспекты алхимии зебр и магии драконов — пара фокусов, которые пони вроде Меня может исполнить. Позднее я даже основала школу, в которой обучали всему тому, что я узнала, и что было безопасно.

Магия драконов? Уж не ей ли Она пользовалась, чтобы отсылать свитки обратно Спайку? Я не удержалась и спросила.

— Да, — ответила она мне, одарив при этом ностальгической улыбкой. — Я узнала её от драконицы, которую ты сейчас знаешь как Мышь. — Она продолжила: — Тайны Чёрной Книги были соблазном, сыгравшем на многовековой привычке.

Не удивительно, что щит центрального узла П.О.П. был таким неуступчивым. Не удивительно, что он простоял так долго. Его поддерживала душа Селестии.

И тут мне в голову пришла ещё одна мысль: выходит, что всё, конец. Обратной дороги не будет, и из П.О.П. мне уже не выбраться. Не то чтобы я это вообще планировала, ведь я всё равно не могла уйти, пока ещё существовала угроза со стороны Анклава. Нет смысла в конце войны, если завтра она разгорится вновь. Тем не менее, свыкнуться с тем, что я буду навсегда заключена внутри комплекса, было очень сложно.

Но всё-таки я была готова к этому. Пусть я больше не увижу своих друзей, пусть пегасы заклеят меня врагом рода пегасьего, это того стоило. Вернуть солнце в Эквестрию... Остановить Анклав...

...блин, да это бы уже стоило того, если бы помогло Сильвер Белл увидеть настоящую радугу.

Я устремилась в сторону маленькой двери. Единственным, о чём я сейчас сожалела, было то, что я больше не увижу Хомэйджд, не смогу обнять её в последний раз.

Я остановилась, оглянувшись на экраны.

— Я могу увидеть их? — спросила я. — Моих друзей? Отсюда?

— Конечно, моя маленькая пони.

Мое сердце ёкнуло, а маленькая пони в моей голове запрыгала на месте в нетерпении. Мои первым порывом было спросить о Хомэйджд. Но у меня был друг, о чьей судьбе я беспокоилась намного сильнее.

— Селестия, умоляю, — взмолилась я. — Покажите мне Дитзи Ду. Покажите, что случилось с ней. Я должна знать, что с ней всё хорошо.

Принцесса Селестия исчезла с экранов, Её изображение сменилось сценами битвы за Филлидельфию. Каждый монитор показывал то, что записывалось башнями П.О.П., причём на двух из них демонстрировалась запись недавних событий, а на третьем велась трансляция в реальном времени.

Я наблюдала, как Дитзи Ду, подобно золотисто-зелёному огоньку надежды, вылетела из Филлидельфийского кратера и поднялась ввысь, скрываясь в облаках. Одновременно я наблюдала, как она вернулась, расчищая своим сверхзвуковым радиоактивным ударом небо над Филлидельфией, чтобы лучи Селестии Один могли ударить по ней. Я наблюдала, как она падала. И я была вне себя от счастья, когда Лаенхарт поймал её.

А на центральном экране я могла видеть Дитзи Ду, прямо сейчас стоящую на перевёрнутой колеснице и взвешивающую своими чудными глазами на море восставших пони-рабов со своей доской в зубах, на которой было начертано:

Путь к свободе и маффинам.

Позади неё в стене зиял огромный провал, обломки этой же стены создавали подобие моста через токсичный ров. Возле этого импровизированного прохода к свободе стоял Лаенхарт, окружённый десятком мёртвых, изувеченных Розовым Облаком, монстроподобных обитателей рва, рядом с его копытами сидела весьма довольная собою белая полевая мышь.

— Хвала Селестии! — сказала я, не подумав.

Затем, краснея, я попросила:

— Покажите мне Ксенит.

Изображение на экранах сменилось. Я наблюдала проникновение моей подруги-зебры в Филлидельфию до самой её встречи со Стерн. Я видела бой, начавшийся на крыше Министерства Морали и закончившийся на остроконечной крыше на дальнем конце города.

Я смотрела, как прямо сейчас окровавленная и почти без сознания Ксенит лежала в пещере, образовавшейся из обломков, а её дочь, доктор Глифмарка, занималась её ранами. Позади них небо вдруг озарилось ярким светом, и концентрированный солнечный луч ударил с небес, испепеляя анклавовский бомбардировщик.

Селестия Один работала! Это дало мне надежду на то, что все мои друзья живы и здоровы.

— Не могли бы вы показать мне Реджи, пожалуйста? И Лайфблума?

Экраны стали показывать сцену расчистки грифонами Гауды неба над Тенпони, изредка перемежая их сценами с занятым Обществом Сумерек. (Селестия даже как-то могла показать саму камеру мегазаклинаний!) Экран по левое копыто показывал Гауду и Реджи, летевших к крыше Тенпони и поддерживавших между собой раненую Блэквинг.

— Если я стану Арбитром Нового Кантерлота, — произнесла Гауда, обращаясь к раненой грифине, — я сочту за честь сделать тебя своим советником.

— А ты не думала, что тебе стоит выбрать пони на эту должность? — отозвалась Блэквинг. — А то создается впечатление, будто Эквестрией одни грифоны правят.

Тут я поняла, что там кое-кого не хватает.

Повернувшись к остальным мониторам, я стала просматривать битву с самого начала. С острой болью в сердце я наблюдала за Бучер, понимая, что той не суждено выжить. И ахнула, когда Реджи, получив удар хвостом, устремилась камнем вниз, но когда несколькими минутами позже она взмыла ввысь, по пути испепелив нескольких бойцов Анклава, я издала радостный клич.

— Хм. А кого ты предлагаешь? — спросила Гауда на левом мониторе, когда тройка выживших приблизилась к верхушке башни. Какой-то пони выбежал на крышу, чтобы поприветствовать их.

Я услышала голос Реджины:

— Лайфблума?

— Достаточно, — махнув копытом, сказала я. Пережившие битву поправятся, но всё же мы понесли потери. Я заранее знала, что без смертей с нашей стороны не обойдётся, но от этого было не легче. Нам просто повезло, что всё прошло относительно гладко. — Покажите мне Вельвет Ремеди?

На центральном экране показалась прекрасная угольно-чёрная единорожка, которая пела в микрофон, прикрепленный к наушникам на её голове. Сейчас она находилась под щитом, который удерживали несколько аликорнов. Под этим куполом были аккуратно расположены раненые солдаты Анклава. Вельвет помогала всем, кто нуждался в лечении. И не важно, враг это был ей, или же друг. Я наблюдала, как фиолетовый аликорн телепортировался под щит, неся на себе ещё одного сражённого пегаса. Единорожка вновь, прервав песню, ринулась на помощь раненому бойцу.

Боковые мониторы теперь показали, что Вельвет Ремеди добралась до центра вещания, не ранив и не убив при этом ни одного пони.

Я никогда не чувствовала такой гордости. И радости.

Но до сих пор мои колени дрожали, а нервы, казалось, были напряжены до предела. Пересилив себя, я робко попросила:

— Селестия, пожалуйста... покажите мне Хомэйдж.

В этот раз, когда загорелся экран, я не увидела ничего, кроме пустоши. А затем на соседних мониторах появилась Селестия. В её взгляде была нежность.

Я увидела лишь чёрный дым, поднимающийся от земли. Камера увеличила изображение. Среди скал я заметила небольшую пещеру, едва ли большую обычного грота. Но всё же я смогла разглядеть внутри неё ветхие опорные балки и беспорядочно разбросанную мебель, которая была как будто сделана для очень маленьких пони. Недалеко от входа в пещеру была прибита деревянная табличка с надписью, явно сделанной жеребёнком.

КАМНЕГРАД.

Кобылкам вход воспрещён!

Через почти прямоугольное окно я увидела очень грязную, очень измождённую Хомэйдж с грязной, спутавшейся гривой, свернувшуюся калачиком среди нескольких пустых банок двухсотлетней томатной пасты. Она пряталась.

Я не могла пошевелиться. Не могла даже вздохнуть.

Затем, невозможно, но Хомэйдж пошевелилась. Она посмотрела на меня. Прямо в камеру, которая была высоко на башне так далеко, что она просто не могла видеть её.

Её рот приоткрылся, и она произнесла одними губами: "Я люблю тебя, Литлпип".

Я разрыдалась вновь.

— Хомэйдж пользовалась этими башнями очень долго, — объяснила мне Селестия. — Она знает их как никто другой. — И каким-то чудесным образом моя Хомэйдж... кобыла, которая видела призраков, находила космические бластеры и даже водила знакомство со странными пони, живущими в синих будках... могла чувствовать, когда кто-то за ней наблюдает.

Мой рог засветился, и, поднеся себя к монитору, я коснулась его копытами в обречённой на провал попытке стать хотя бы чуточку ближе к Хомэйдж.

— Я сделала это, — сказала я ей. — Я сожгла себя заживо, но я в порядке.

— Она тебя не слышит, — напомнила мне Селестия.

Я опустила копыта, всё ещё паря напротив экрана, упиваясь видом кобылы, которую любила.

Глядя на это, Селестия произнесла:

— Я могу отправить тебя назад.

Портал из драконьего пламени осветил комнату позади меня изумрудно-зелёным светом.

— Назад к Спайку. Ты сможешь провести эту ночь с ней.

— Что? — Я с глухим стуком шлёпнулась на пол. Это звучало слишком хорошо, чтобы быть правдой.

Зелёный огонь за моей спиной, как объяснила Селестия, был подобен тому, который она использовала, чтобы отправлять письма Спайку. Стоит мне ещё раз сгореть заживо, и Спайк буквально изрыгнёт меня живой и невредимой. Это было бы неопишимо больно, но... эффективно. И немного тошнотворно.

— Теперь, когда ты знаешь, как попасть сюда через огонь дракона, ты можешь вернуться к своим друзьям и любимой, — предложила мне Селестия. — Ты можешь уйти, чтобы помочь им в их борьбе, и прислать кого-нибудь другого вместо себя. Ты сделала достаточно.

Изображение Хомэйдж смигнуло, уступая место образу Селестии, взвешивающей на меня своим добрым и заботливым взглядом.

— Ты заслуживаешь счастья.

Я оказалась перед нелёгким выбором: маленькая дверь, ведущая вглубь П.О.П., или ещё одна смерть в пламени дракона, которая единственная могла воссоединить меня с друзьями.

Даже этого было слишком много.

— Я не могу! — почти плача, сказала я ей. — Мы никогда не сможем добраться сюда снова. Анклав слишком силен. Они перегруппируются... и если мы не победим сегодня, они не дадут нам второго шанса.

— Магия пламени Спайка не имеет границ, Литлпип, — ответила Селестия. — Тебе не нужно будет проделывать этот путь снова.

Я покачалась на своих копытах. Это было правдой. А я так желала снова быть с Хомэйдж. С моими друзьями. Мне не хотелось, чтобы та жизнь, которую я успела полюбить, несмотря на всю боль и ужас, окончилась здесь.

Это естественно, вторила моим мыслям моя маленькая пони.

Я вспомнила свой разговор с Вельвет Ремеди двумя днями ранее. Как я могла просить кого-либо другого пожертвовать тем, чем я не могла бы пожертвовать сама?

Особенно, добавила моя маленькая пони, *если нужно будет попросить умереть вместо тебя. Пусть даже временно*

— Все, кого я знаю... — по крайней мере из тех, кому я могла доверять подобное, — ...все они тоже заслуживают счастья. Так же, как и я, или даже больше.

Я посмотрела на монитор, на котором Хомэйдж шептала мне слова любви, и задумалась, а что бы сказала она по этому поводу. Я не смогла сдержать смех, когда представила, что она, вероятно, поинтересовалась бы, не пялилась ли я на бёдра Селестии.

Селестия удивлённо подняла бровь, когда я начала хихикать.

Я сдавленно смеялась, потому что знала, что именно сказала бы Хомэйдж, если бы могла видеть меня сейчас. Она бы не стала умолять меня шагнуть в этот огонь, не просила бы вернуться к ней, пожертвовав кем-то другим.

Но и уговаривать меня остаться здесь она не почувствовала бы необходимости. Всё, что она хотела сказать мне по этому поводу, она уже сказала прошлой ночью. Она доверила мне принятие правильного решения. Не было необходимости возвращаться к этому вопросу снова.

— Ты смеёшься?

Я кивнула, не в состоянии подавить хихикание.

— Просто я знаю, что, будь Хомэйдж здесь, она, вероятно, сказала бы мне: "Не делай с Богиней ничего особо неприличного, пока я не пойму, как сделать это втроём".

Селестия сделала большие глаза. Когда до меня дошло, ЧТО я только что сказала и КОМУ, моё лицо буквально взорвалось пламенным румянцем. Но у Селестии было такое выражение лица, что я не смогла сдержаться и захохотала в голос.

— У тебя очень... занятная подруга, — только и смогла сказать Селестия.

Ушла пара секунд на то, чтобы прийти в себя и вытереть слёзы уже совсем иного рода. Я знала, что я должна была сделать. Там, по другую сторону щита, Спайк всё ещё думал, что убил меня. Я просто не могла себе представить, каково ему может быть сейчас или что ему придётся сказать моим друзьям, когда те к нему вернуться. И я не могла это так оставить.

Сконцентрировавшись, я подняла планшет и стала искать чернила. Не нашла. Тогда я разбила копытом бутылку из-под Сарсапарели и порезалась её осколком, чтобы добыть толику крови (немного больно, но с сожжением заживо ни в какое сравнение не шло), и стала писать им письмо:

Дорогой Спайк,

Я жива.

Я внутри с Селестией.

Спасибо тебе. Мне очень, очень, очень жаль. Пожалуйста, прости меня когда-нибудь.

Литлпип

P.S: Это ОЧЕНЬ больно.

Не сказав ни слова, я отправила письмо обратно через портал.

Селестия молча наблюдала за мной. Когда я закончила, она улыбнулась мне.

— Я горжусь тобой, Литлпип. Но всё ещё оставляю для тебя огонь.

— Зачем? Почему?

— Потому что я поняла, где я тебя видела. Последнее, что сделала Твайлайт Спаркл — спасла тебя, — сообщила мне Селестия. — И для чего? Чтобы ты вновь отказалась от своей жизни всего через неделю?

Та, которую я почитала как Богиню, пыталась отговорить меня от моей миссии. И не потому, что я была недостойна, а потому, что была слишком ценна?

— Жизнь — это дар, — ответила я ей. — Я не настолько эгоистична, чтобы просить кого-нибудь отдать её вместо меня.

— Жизнь, — грустно промолвила Селестия, — не всегда дар. А смерть неизбежна. Или, по крайней мере, должна быть. Даже моя Сестра умерла. — Тоска в её голосе была невыносимой. — В этом и есть истинное зло Чёрной Книги. Она изменяет этот порядок вещей. Она похищает у тебя смерть и называет это даром. Она лжива. Я так долго жила в одиночестве, наблюдая за тем, как умирают пони. Я видела больше, чем ты можешь себе представить. Так что поверь мне, пони, которых ты спасёшь, пожертвовав собой, всё равно скоро умрут.

Я не верила своим ушам. Это была не та Селестия, пред которой я преклонялась.

— Что вы сказали?

— Я сказала... не лучше ли если дар чуть более продолжительной жизни окажется у того, кто его на самом деле заслужил, кто достоин

его больше всех? Не лучше ли держать тех, кого ты любишь?

Как бы ни было больно слышать эти слова от Той, кого я считала своей ласковой и любящей Богиней, но в чём-то она была и права.

— А что если война, которой я позволю продолжиться сегодня, завтра уьёт Хомэйдж? — спросила я. — Или пони, дорогую кому-то другому, чью-то ещё Хомэйдж? Как я смогу жить с этим? И как бы я осталась достойной ещё одного дня? Как вы могли даже спросить подобное?

— Я... — Я услышала в голосе Селестии неподдельную боль. — Наверное, у меня всегда были любимчики.

Я подумала о её любимой ученице.

— А... что бы сделала Твайлайт Спаркл, если бы перед ней стоял подобный выбор? — Я почувствовала вспышку угрызений совести, когда произнесла имя Твайлайт, представляя, какую боль это должно было причинить Ей. Какое я имела право? Особенно после того, что я сделала?

Селестия погрузилась в молчание. Я представила, как далеко от меня она сейчас находилась (настолько "далеко", насколько позволяла ей эта её тюрьма).

— Когда Твайлайт Спаркл была моложе, она попыталась сделать то же самое, что сейчас делаешь ты. Она собиралась в одиночку бросить вызов Вечнодикому лесу. Чтобы не рисковать жизнями других пони, — наконец произнесла Селестия. — Её друзья не позволили ей этого. Что было после? Я не совсем уверена. Мне бы хотелось верить, что она осталась со своими друзьями и они прошли через это вместе. Но...

Но были Министерства.

Я почувствовала, как её слова будят во мне гнев. Селестия хотела сказать, что мои друзья отказались от меня? Или, может, я просто не верно поняла смысл её слов?

— Но её друзья, — уточнила я, — были готовы отступить, чтобы позволить ей сделать то, что она должна была. Даже если это означало оставить её в тот момент уязвимой.

— И ты знаешь, чем всё закончилось, — мягко ответила Селестия. — Вдали от друзей Твайлайт всегда была намного слабее. Так же, как и ты.

Я чувствовала присутствие статуэток в моих седельных сумках. Вместе они были сильнее. Лучше.

Ох! Оооо! Ох, Богини... или Богиня, раз уж на то пошло.

Я начала понимать. Не только то, что сказала Селестия, но и то, почему она это сказала. И мне становилось ясно, почему Селестия стала настолько отличаться от той Богини, которой я возносила свои молитвы.

— Селестия, — начала я осторожно, — как давно у тебя нет друзей? Как давно ты одна?

И снова Селестия промолчала. Затем, после долгой и мрачной паузы, она ответила:

— Дольше, чем я нахожусь здесь.

— Ты больше не будешь одинока.

— Литлпип... — глаза аликорна на экранах широко распахнулись.

— Ни одна пони не должна быть одинока, Селестия, — тем более такая, как ты. — Пони нуждаются в друзьях. Они нуждаются... В магии дружбы. Без этого... — Я сорвалась. Пони потеряли своё солнце не единожды. Но я могла это изменить.

— Я здесь. И больше тебя не оставлю.

Селестия не ответила ничего.

Зелёное пламя рассеялось.

Запор на двери открылся, и она отворилась, представив взгляду небольшой длины коридор, ведущий к другой двери. Посреди коридора была небольшая ниша с устройством для загрузки. Шлем из металла, усеянный лампами и самоцветами, лежал подле длиннорогого черепа, принадлежавшего большому крылатому скелету пони.

Скелету Селестии.

Я сделала несколько шагов вперёд и остановилась. Сосредоточившись, я обернула останки Принцессы Селестии магией левитации и отнесла их в Зимний холл.

— Пожалуйста, — попросила Селестия. — То же, что ты сделала для моей сестры.

Поиск способа поджечь кости отнял немного времени, но в конечном счёте погребальное пламя затрещало. Я понимала, что перед тем как отправиться в капсулу управления, нужно будет предать огню останки и других пони в этом зале. Но их можно было сжечь все вместе, а вот Селестия заслуживала честь собственного пламени.

Сидя под мониторами, я глядела на погребальное пламя. Селестия глядела вместе со мной.

Меня застал врасплох внезапно раздавшийся где-то в Центральном Узле гул механизмов, когда скрытые вентиляторы начали вытягивать из зала дым, заново наполняя Зимний холл свежим летним воздухом. Магический иней не выдержал натиска огня и тёплого воздуха и начал таять, туман у пола постепенно рассеялся.

Наконец я снова поднялась на ноги. Время пришло.

Когда я шла по коридору, Селестия открыла последнюю дверь.

Мэйнфрейм Проекта Одного Пегаса напомнил мне дерево. Огромный центральный ствол посверкивал трассами мистической энергии. В загадочных последовательностях мерцали огоньки на раскинувшихся от ствола ветвях, тянувшихся к компьютерам поменьше, что выстроились вдоль стен. Металлический овал капсулы угнездился среди скопления кабелей-корней. Меня поразило его одновременное сходство с яйцом, выпавшим из гнезда и треснувшим, и с кроличьей норой под деревом, ведущей в места неизведанные.

Также согласно сторонам света здесь располагались и три другие двери. Надписи над каждой из них утверждали, что ведут они в Весенний, Летний и Осенний холлы.

И вдруг случайное воспоминание вспорхнуло в глубине моего разума, словно заблудшая бабочка.

Окей, вот ещё одна, — говорил Спайк, рассказывая нам истории о Кобылах Министерств, его давно ушедших друзьях. — Эта история про первую Зимнюю Уборку Твайлайт Спаркл.

А чё такое — эта Зимняя Уборка? — спросил тогда Каламити, как раз перед тем как взболтанная Спаркл-Кола, которую я передала, забрызгала его.

Я усмехнулась, вспоминая выражение его лица.

Впоследствии Спайк объяснил, что сезоны в Эквестрии обычно сменялись отчасти и при помощи магии. Позднее я слышала, как Рэйнбоу Дэш жаловалась на необходимость раз в год демобилизоваться для помощи с Зимней Уборкой.

Каким-то образом я умудрилась забыть, насколько широко было назначение Проекта Одного Пегаса.

Одной из составляющих Зимней Уборки, той, которой всегда заведовала Эплджек, была высадка семян на следующий год. И даже

это, как я поняла, должно было осуществляться под управлением Проекта. И это было частью того, над чем Анклав взял контроль, модифицировав под свои нужды. Засеивание облаков.

Это будет большой ответственностью.

Я открыла лаз в капсулу управления и стала осматривать свой новый будущий дом. Внутри было мягко и удобно. Будто там было облако, только упругое. Думаю, так было сделано на случай, если оператор окажется не пегасом. И, вероятно, благодаря предусмотрительности Эплблум.

Шлем до ужаса походил на тот, что был в коридоре. Но и отличий было достаточно. Нет мигающих лампочек. Чуть больше самоцветов.

Я сосредоточилась и магией отстегнула сумки, которые сразу же упали на пол. Снимая броню, я в последний раз открыла их и стала доставать немногочисленные памятные подарки, прихваченные с собой. Сокровища, полные души и воспоминаний.

Шляпа Каламити. Шар памяти Флаттершай от Вельвет Ремеди. Рисунок Сильвер Белл. Подарки моих друзей.

Один за другим я расположила их кругом на внутреннем выступе капсулы. Пусть они будут рядом, пока я буду "спать".

Малый Макинтош. Статуэтки Кобыл Министерств.

Так и не узнали, что же случилось с Рэйнбоу Дэш, — подумала моя маленькая внутренняя пони. — Наверное, так даже и лучше.

Хорошо, что какие-то тайны ещё остались.

Прах кобылки из города Дружбы.

И, наконец, Шар Памяти №8.

Его я положила рядом со шлемом. Последнее, что я сделаю перед тем, как закрыть люк и погрузиться в контролируемую кому, это посмотрю его. Знаю, это займёт драгоценное время, но вообще никогда не посмотреть тот шар было бы для меня жертвой, на которую я не готова была пойти.

Я же, всё-таки, не *абсолютный идеал* своей добродетели.

Взгляд упал на шляпу Каламити. Воспоминание о первом нашем визите в пещеру Спайка напомнило мне, что на кое-кого я до сих пор так и не посмотрела.

— Селестия, пожалуйста, если можно, — попросила я, вернувшись в Зимний холл, — покажи мне Каламити.

На экране появились сцены яростной битвы. На одном экране Каламити уходил от погони, попутно пытаясь заминировать Массив Солнечных Батарей Новой Надежды. На другом он лицом к лицу с офицером Анклава на каком-то складе. На третьем...

Через весь экран пролетел Спайк, и камера принялась следить за ним. Меж двух когтей он сжимал планшет.

Я услышала взрывные отзвуки выстрелов Грома Спитфайр. Каламити привязался верёвками на спину Спайка вместе с Баркин Соу. Крыло моего друга-пегаса было неумело обёрнуто лечебными повязками — он перенапряг ещё не восстановившуюся конечность, и теперь та вообще перестала работать.

Каламити на пару с псом-снайпером сбивали ракеты, прежде чем те могли попасть в дракона.

— Раз с Пип всё в порядке, так давайте подхватим Вельвет и свалим отседова! — прокричал Каламити, пытаясь перезарядиться. — Отступаем сами знаете куда.

Из дыры на месте разбитого глаза Спайка сочилась кровь. Болезненная гримаса исказила его окровавленное лицо.

— Анклав меня знает, — уныло буркнул он. — И знает, где я живу. Они, как только услышат, явятся отомстить. — Каламити понял всю суровость интонаций Спайка, когда тот добавил: — Они ударят по пещере. Со всей доступной им мощью.

Моё сердце ёкнуло. Сады Эквестрии!

— Ага, — мрачно отозвался Каламити. — Именно поэтому мы стянем туда все наши силы. Организуем линию обороны. — Спайк увернулся от очереди заградительного огня, каждый выстрел плазмы побольше пони. Каламити едва удалось удержать свою винтовку. — Нам бы только продержаться, пока Лил'пип небо не расчистит. А уж потом мы из Селестюхи сможем жахнуть!

Я ощутила приступ паники и тут же прибила его. Путь до пещеры Спайка займёт часы. Куда больше, чем Анклаву понадобится для перегруппировки. Однако ощущение срочности, каким-то образом мной упущенное, приобрело теперь полную силу.

— Селестия, — спросила я, понимая, сколь многое предстоит сделать. — Вы поможете мне?

— Конечно, Литлпип.

Вернувшись из Зимнего Холла в коридор, я задержалась у ниши с загрузчиком.

— Меня не поймут, — сказала я, осознавая это уже не первый раз. — Особенно пегасы. Они не поймут, почему, — не то чтобы это имело значение. Я пыталась сделать хорошо для всех пони, вообще для всех, и делала это единственным известным мне способом.

Я слышала голос Скуталу в моих воспоминаниях:

Это больше не наша Эквестрия! Это не счастливый, безопасный, милый мир, в котором мы выросли. Я не понимаю, как он мог таким стать. Как-к... он м-м-мог стать таким плохим! Кто-то должен в этом разобраться! И всё исправить! И... и... и...

И если мне придётся стать главным злодеем, чтобы сделать это, то я им стану.

Я была Скуталу. Частично, по крайней мере.

— Я ведь буду наблюдать за всем, так? — спросила я. — Смогу я поговорить с ними? Или хотя бы послать сообщение?

Селестия мгновение помолчала, затем продолжила:

— Вряд ли, с текущим состоянием системы, — информировала она меня. — Иначе я бы уже давно это сделала. Но с хорошей ремонтницей тостеров починить её будет несложно.

Мои уши слегка загорелись, но маленькая пони в моей голове радостно запрыгала.

Я посмотрела на загрузочное устройство. Значит, оно может скопировать все мысли, всю жизнь пони за пару часов. А сколько тогда у него уйдёт на простую копию пары месяцев?

— Я хочу отправить сообщение, — сказала я Селестии, окутывая шлем своей магией и включая загрузочную станцию. — Я хочу рассказать им, что произошло на самом деле. Объяснить. Даже если они никогда мне не поверят. Я должна им столь много.

Я вновь спросила:

— Вы поможете мне?

И мне вновь ответили:

— Конечно, моя маленькая пони.

Два месяца. Процесс копирования займёт буквально пару минут. Добавим час на редактирование и дополнение размышлениями...

Я позволила шлему скользнуть на голову и запустила техномагическое устройство. Пока машина синхронизировалась с моим мозгом, меня не покидало странное чувство ментального "давления" и ощущение странного вкуса, напоминавшего маффины. Я глубоко вдохнула, пытаясь сообразить, с чего же начать...

Затем я начала, думая:

Если я и хочу рассказать вам о приключении всей моей жизни — объяснить, как я попала сюда с этими типами и почему сделала именно то, что я сейчас собираюсь сделать — мне, пожалуй, следует начать с небольшого объяснения, что же такое ПипБак...

<<< ^^ >>>

Эпилог. О Прощении и Последствиях

<<< ≡ >>>

Диджей Пон3: Две недели!

Две недели прошло с того дня, который всякий, кто живёт на Пустоши, зовёт теперь днём солнца и радуг. Того дня, когда могучие волны радужного света и звука — сверхзвуковые радужные удары — вырвались из двадцати трёх великих башен, рассеивая облачный покров, скрывавший небо на протяжении всей нашей жизни и жизни всех и каждого, кто родился после великой войны.

Есть одно воспоминание, которое всегда будет символизировать для меня этот день: я взглянул вверх, следя за тем, как расходящиеся кольца фантастического радужного света разрывают облака, проливая их дождём на Пустошь. И когда я в самый первый раз обратил лицо к солнцу, я увидел, как искрится дождевой полог. А потом я заметил жар-феникса в её величественном, переливчатом изумрудно-золотом оперении, резвящуюся в танце среди эфемерных радуг, вспыхивающих по всему залитому солнцем небу.

Это был самый прекрасный вид, который я когда-либо видел за всю свою долгую жизнь.

Спасибо тебе, Литлпип. Ото всех нас.

Кроме того, дети мои, как вы знаете, радужные удары сбросили с небес большую часть оставшихся Хищников Анклава. Те немногие, что остались, примкнули к последним Циклонам... и обратили свою огневую мощь на тех пегасов, которые восстали, чтобы сбросить с себя тиранию Анклава.

Война окончена, но становится ясно, что она была лишь прологом к другой кровавой главе в истории Эквестрии. Гражданская война разрывает на части небо, а здесь внизу остатки армий Красного Глаза разделились на военные лагеря, каждый из которых вознамерился отхватить кусок Пустоши для своей маленькой империи, пропитав землю насилием и кровью тех, кто бросит им вызов.

Но времена меняются, дети мои. Потому что на этот раз у нас есть надежда. Надежда, что Эквестрия завтрашнего дня действительно будет лучше, чем Эквестрия сегодняшняя. И что мы сможем на самом деле сделать мирной жизнь наших детей.

Да, та надежда, что принесена нам нашей Дарительницей Света. И что ещё более важно, надежда, принесённая нами самими, нашей благородной натурой. Последние несколько недель поступки так многих из вас сияли ярче самого солнца. Столь ярко, что ваш старина диджей даже расплакался. Да, дети мои, старина диджей Пон3 никогда ещё не был столь горд за вас.

А теперь слушайте сюда, дети мои. Старина диджей Пон3 хочет вам кое-что сказать, и это важно. Словом дня у нас сегодня будет "прощение".

Мы все пострадали от копыт Анклава. И я представляю, как просто будет направить всю нашу ненависть на всех пони с крыльями. Но Анклав — это не все пегасы. И даже многие из тех, кто был в Анклаве, не были осведомлены о том, что делали их лидеры. Многие восстали против них, и многие были убиты за это. Мы должны принять в свои объятия наших сестёр и братьев пегасов. Им придётся тяжело. Чёрт, да всем нам придётся тяжело. Мы должны демонстрировать любовь, понимание и готовность принять. Мы должны быть теми пони, которыми мы, как верила Обитательница Стойла, можем быть. Которыми вы, как было доказано вами, можете быть.

То же самое относится и к аликорнам. Они не те монстры, которыми были раньше. Они пони, и притом пострадавшие. Да, есть среди них несколько гнилых яблочек — некоторые из них просто не знают другого пути. Но большинство аликорнов просто в смятении. Они пытаются понять, кто они, найти своё место в этом мире. (Немногим отличаясь от одной маленькой единорожки, не больше трёх месяцев назад высунувшей нос из Стойла). А есть некоторые, и их далеко не несколько, кто решил встать на сторону героев Пустоши. Так что, если увидите аликорна, держите оружие наготове, но попытайтесь сначала поговорить. Быть может, вы найдёте друга.

Запомните, дети, это великая истина Пустоши: мы все сделали что-то, о чём сожалеем. Нам всем нужно чуточку прощения. И это чистая правда.

И, кстати говоря, у меня есть особый подарок для всех вас, мои верные слушатели. Здесь со мной в студии находится Вельвет Ремеди, готовая дать редкое интервью вашему покорному слуге. Да, интервью я обычно отдаю на откуп своей помощнице номер один, но это особый случай. К тому же Хомэйдж сейчас довольно занята.

Но сначала немного новостей!

Пожары в Вечнодиком лесу наконец-то погасли. Странно, но часть леса, деревья, по крайней мере, кажутся целыми и невредимыми. Со временем подлесок, скорее всего, вырастет вновь. Тем не менее, по информации из доверенных источников из Рейнджеров Эплджек, они хотят начать проект по преобразованию большей части леса в сельскохозяйственные земли и ожидают результатов переговоров с Детьми Собора. Это относительно не враждебные остатки группировки Красного Глаза, которые сделали своим домом обломки Циклона «Громовержец».

К другим новостям. Бои между Стальными Рейнджерами и их героическим ответвлением — Рейнджерами Эплджек — кажется, стихли, не считая нескольких местных стычек. Видимо, угроза геноцида сверху помогла им по-другому взглянуть на свой конфликт.

Продолжаются ожесточённые битвы в развалинах Филлидельфии. Прежде всего, между наёмниками "Когтя" и остатками армий Красного Глаза. Если ваш список дел на день не включает такие штуки как насилие и кровавую расчленёнку, то я настоятельно рекомендую вам избегать Филлидельфии в обозримом будущем. Если же вы оказались среди тех гражданских, кто всё ещё не может покинуть развалин, ищите ближайшего Когтя, не занятого в активных противостояниях. Если это будет возможно, грифон сделает всё от него или от неё зависящее, чтобы вывести вас из зоны боевых действий.

Также, как многие из вас уже знают из моей первой после возвращения передачи, все эти загадочные башни оказались частью довоенной системы управления погодой под название Проект Одного Пегаса. А Литлпип — пони, которую я упоминал прежде только как Обитательницу Стойла (или же под другими титулами) — сейчас находится в искусственной коме и подключена к этой системе. Кроме того, Сама Селестия душой и разумом вплетена в систему безопасности Проекта. Так что, по-видимому, все, кто верил, что Селестия где-то там наверху наблюдает за нами, были правы.

И это подводит нас к частично хорошим новостям... и частично плохим.

Видите ли, Литлпип была готова пожертвовать всем, что имела, ради всех нас. Её друзья уважают её выбор... и они делают всё, что могут, чтобы облегчить эту жертву. На то они и друзья. Настоящие друзья помогают друг другу, стараются изо всех сил.

Но, несмотря на все усилия, систему безопасности Проекта Одного Пегаса не удалось объединить с системами управления погодой. Оказывается, даже если бы у нас была соответствующая технология, её установка потребовала бы полного отключения и разборки некоторых компонентов мэйнфрейма «Крестonosец». В общем... это не вариант.

Хорошие новости, однако, в том, что они соорудили систему расширенной коммуникации между разрозненными системами. Это не только означает, что Литлпип и Селестия смогут проводить время вместе, но и то, что обе они смогут периодически общаться и с нами

Солнечный свет и Сама Селестия возвратились на Пустошь. Слова... они просто не в состоянии передать всю значимость этого.

Продолжаем хорошие новости... пришло первое сообщение от Литлпип для всех нас. Оно немного беспорядочное, так как передавалось мысленно, но эксперт по магии памяти из Общества Сумерек — пони, которого я считаю надёжным другом — взял на себя сортировку и редактирование его содержимого. Так что мы ожидаем, что в ближайшую пару недель это сообщение станет доступным для всех живущих в Пустоши.

И прежде чем вы спросите, мой друг заверил меня, что редактирование ни в коем случае не уменьшит сообщение и что он не собирается сокращать его на каком-либо отрезке, но и что вряд ли кому-либо из пони так уж надо знать, когда Литлпип ела или ходила в туалет. Друг мой, я могу сказать лишь: я приветствую твою жертву.

И наконец, личная новость: я, ваш голос в Пустоши, опять уезжаю. Надеюсь, не на столь долго, как в мой последний "отпуск", и уж точно, при более благоприятных обстоятельствах. Понимаете, детишки, теперь, когда война закончилась и вновь открылось небо, я займусь поисками своего пути. Своей роли в Сражении на Светлой Стороне, которая требует моего личного внимания. Я сообщу, если позволят обстоятельства, но на какое-то время эта новость может стать последней, что вы услышите.

И вот я слышу, как вы, мои верные слушатели, спрашиваете: эй, диджей Пон3, не значит ли это, что Литлпип теперь тоже всё время приглядывает за нами как новая милостивая Богиня?

Что ж, могу вам сказать, что она не будет очень уж рада такому сравнению, и последнее, чего бы ей хотелось, это чтобы ей возносили молитвы. Это не та роль, которую она себе ищет. Кроме того, из достоверных источников мне известно, что она посвятит немало времени честно заслуженному отдыху.

С другой стороны, хоть я и знаю, что она не из таких пони, я бы всё равно теперь поостерёгся бросаться старым добрым выражением "разрази меня гром, если..." по пустякам. И лично я уже заготавливаю свой запасец цветастых проклятий с упоминанием Литлпип!

И на этой радостной ноте позвольте представить вам Вельвет Ремеди! Привет, медпони! Можно звать тебя Вельвет?

Вельвет Ремеди: Конечно можно. Мы ведь собираемся какое-то время пропутешествовать вместе. Дружеское обращение приветствуется.

Диджей Пон3: Ха, ну да. Выходит так, мои верные слушатели, что Вельвет составит мне компанию в моём маленьком путешествии. Как и её муж — Каламити: герой Битвы при Драконьей Горе. Как он поживает после операции, ВР? Можно звать тебя ВР?

Вельвет Ремеди: Нет. И он отлично выздоравливает. Имплантаты будут компенсировать необратимые повреждения мускулов, и я верю, что он в полной мере восстановит свои лётные способности при достаточном объёме упражнений и распеканий.

Диджей Пон3: О да. Полагаю, распекания — это ключевой элемент выздоровления.

Вельвет Ремеди: Вы, кажется, упоминали "расширенную" коммуникацию? Что ж, это всё объясняет. Я, вроде бы, слышала, как Хомэйдж говорила что-то о башнях, запасных частях из Стойла Двадцать Девять и... "втроём"?

Диджей Пон3: Эй, я, что ли, виноват, что она извращенка?

Вельвет Ремеди: Не будем об этом. Сами знаете почему.

Диджей Пон3: Ха! Так или иначе, позволь мне сначала сказать, как радостно было услышать твою передачу тем утром двухнедельной давности. Старина диджей Пон3 никогда не был так счастлив, что его обскакали.

Вельвет Ремеди: Ч-что? Я не думала даже! Вы же были...

Диджей Пон3: Ба. Да шучу просто. Но совсем не шутка то, что твой голос стал настоящим благословением в тот довольно тёмный час.

Вельвет Ремеди: О! Благодарю. Я просто делала что могла.

Диджей Пон3: И, как я слышал, у тебя есть своя маленькая миссия, к которой ты жаждешь приступить, пока мы все не отправились в наше маленькое приключение. Почему бы тебе не рассказать нам о ней?

Вельвет Ремеди: Да. Мы собираемся попытаться спасти Флаттершай.

Флаттершай была одной из величайших героинь Эквестрии, а в итоге стала и одной из Кобыл Министерств: Кобылой Министерства Мира. Она была добрейшим целителем и самой доброй душой, которую когда-либо знала Эквестрия.

Да, она заблуждалась, совершала ошибки в суждениях, что сыграло свою роль в апокалипсисе. Но её ошибки были рождены добротой и реальными усилиями, целью которых было спасти жизни. Как говорится в старой поговорке, дорога в ад устлана благими намерениями. И то, что она страдает в течении двух столетий — это уже слишком. Это наказание уже много раз покрыло бы любое возможное преступление.

Диджей Пон3: К несчастью, это характерно для Пустоши. Похоже, Флаттершай из тех пони, которые действительно нужны Эквестрийской Пустоши. Что же случилось? И как она может быть спасена?

Вельвет Ремеди: Два столетия назад она была зверски преобразена "убийственной шуткой". Расколдовать эту жестокую магию и спасти её вполне возможно. Всю прошедшую неделю Ксенит работала над зельем... модификацией старого рецепта, освобождающего от эффектов ядовитой шутки... и оно уже готово.

Морнинг Фрост вызвалась довести нас. (Я не хочу, чтобы Каламити тянул небесную колесницу, пока полностью не поправится). Пожары в Вечнодиком лесу должны были очистить зону от "убийственной шутки", но мы не хотим зря рисковать.

Диджей Пон3: Что ж, Вельвет, мне жаль об этом говорить, но ведь уже двести лет прошло. Каковы шансы, что это вообще сработает? А даже если и так, то она ведь может не пережить трансформации. Она может умереть от старости сразу же, как будет расколдована.

Вельвет Ремеди: Мы... я знаю. Но Флаттершай заслуживает того, чтобы попробовать. И даже в худшем случае, она заслуживает покоя. После двухсот лет незаслуженных страданий...

Извините... пожалуйста... дайте мне пару секунд.

Диджей Пон3: Можешь не торопиться.

Вельвет Ремеди: Я...

Спасибо. Я в порядке.

Диджей Пон3: Эй, без проблем. Тема эмоциональная, и это понятно. Так о чём ты говорила?

Вельвет Ремеди: Я... я хотела сказать... мы сделали запись, на всякий случай, чтобы проиграть для неё, прежде чем попытаться сделать это. Запись ото всех нас... Я полагаю, что ваша помощница Хомэйдж тоже приняла участие в её создании, а также помогла Литлпип и Селестии добавить их голоса.

Запись даст знать Флаттершай, что мы её любим. И что ещё важнее, что она прощена за все ошибки, которые совершила.

Мы проиграем эту запись для неё до того, как испробуем зелье. А потом, если нам не удастся спасти её, запись будет заложена в надгробие, чтобы проигрывать её раз в неделю, на заре, в течение следующих десяти лет.

Диджей Пон3: Это... прекрасно. Конечно, я очень надеюсь, что это не понадобится.

Вельвет Ремеди: Спасибо. Ещё раз.

Диджей Пон3: Нет, ВР. За всё, совершённое вами, и за всё, что вы только собираетесь сделать, ото всех нас со всей Эквестрийской Пустоши: спасибо!

Вельвет Ремеди: С этой точки зрения, каждый заслуживает благодарности. Каждый из нас принял участие, сделал свою часть.

И, если можно спросить, как вы после всего этого? Я знаю, что со времени вашего возвращения вы кажетесь немного... грустным. Тоскливым, что ли.

Диджей Пон3: Правда? Ну...

Многое произошло. Со мной. С вами. С Эквестрией. Нельзя пройти через все это и остаться тем же самым пони. Но это просто... жизнь. Жизнь всегда меняется.

И-и-и... боюсь, что это всё на сегодня, мои верные слушатели. Старине диджею Пон3 пора паковать вещички, и ещё надо запрограммировать добрую неделю, а то и три, музыкальных передач, прежде чем уходить. И последнее объявление: немногим ранее я имел возможность провести немного времени с Вельвет здесь в студии звукозаписи, и с сегодняшнего дня Гимн Эквестрии за авторством Вельвет Ремеди станет частью нашей музыкальной ротации.

Уверен, вам понравится его слушать!

Ну а пока оставляю вас с этой давно всем полюбившейся песней. Посвящаю её Строуберри Лемонэд, Эмбер Вэйв и всем тем пони, что отдали свои жизни в Битве при Драконьей Горе. Вы твёрдо стояли, мужественно защищаясь и даже не зная, во имя защиты чего умираете. Лишь веря, что ваша жертва послужит на благо всей Эквестрии. Ваша храбрость и верность не знают равных. И я обещаю вам: вы умерли не зря. Очень скоро... как только мой маленький поход закончится... все поймут вашу жертву. И история будет помнить ваши имена с благоговением.

Спасибо за внимание, дети мои-и!

"О, как мне бурю усмирить, когда война в твоих глазах?

О, как тебя мне защитить, когда повсюду ложь и страх?

И когда всё, что было мило, в руинах обрело могилу,

И вам не выжить здесь, – нам шепчет глас впотьмах.

Ничто не вечно в этом мире, и буря стихнет, дай лишь срок.

Зачем же внемлить жизни лире, так, словно дан лишь этот рок?

Так возьми же моё сердце, в ненастье обними меня,

И любовь нам даст согреться, все ужасы от нас гоня.

Ведь я знаю: завтра будет лучше,

И верю: день тот может лучше быть..."

<<< ^^ >>>

Однажды в волшебной стране Эквестрии...

Десять лет спустя...

<<< млл

— Затем я начала, думая... — проговорила она мягко, читая самые последние строки книги. Они же были и первыми строками, но она не была уверена, что слушатели обратили на это внимание. История прошла полный круг.

Она жила ради таких моментов. Просто проводить время с детьми. Наблюдать, как во время её чтения им их внимательные лица светятся жадной узнать, что же было дальше. Читальный зал храма был подобен островку мира. Никаких бед, никаких тревог, ни пони, ищущих её совета или подсказки. Ей никогда не было комфортно в роли лидера, но пони снаружи сами возвели её на пьедестал. Она ненавидела внимание и знала, что не заслуживает возложенного на неё доверия. Читальный зал был её любимым укрытием.

— ...Если я и хочу рассказать вам о приключении всей моей жизни — объяснить, как я попала сюда с этими типами и почему сделала именно то, что я сейчас собираюсь сделать — мне, пожалуй, следует начать с небольшого объяснения, что такое ПипБак.

Она аккуратно закрыла книгу, наслаждаясь спокойствием финала. Да, это был один из тех моментов, ради которых она жила. Мир и покой перед...

— Чтооо? — заныла абрикосового цвета пегасочка, сидевшая среди прочих жеребят. — И это всё? Этого не может быть! Глупо заканчивать историю вот так!

— Понимаешь, Тандерраш.. — начала она. Раш была дочкой Трекера и Мист, и она полностью переняла характер своего отца.

— Я хочу продолжения! — прервала её Тандерраш. — И я хочу услышать ещё про Рэйнбоу Дэш!

— А мне концовка вроде как понравилась, — робко промолвила жёлтенькая единорожка.

— Я и не сомневалась, — закатила глаза Раш.

Что ж, вот и всё спокойствие.

— Тише, дети, тише...

— Это ведь правдивая история, да? — спросила единорожка с желтой шкуркой, которую звали Фловер.

Даже когда она кивнула в ответ, молодая кобылка Тандерраш сразу не согласилась.

— Конечно же нет! Очевидно, что это просто сказка. Никто бы не выжил, если бы в него столько стреляли! — Кобылка закатила глаза с наигранным раздражением. — Ну и правда же! Неужели вы и впрямь верите, будто в Эквестрии на самом деле было так много монстров?

— Но ведь на самом деле было, — возразила она. — Я была там.

Абрикосовая пегасочка скрестила передние ноги и, фыркнув, уселась на место.

— А вы на самом деле были деревом? — спросил один из жеребят, сидевших в последнем ряду, коричневый с белыми пятнышками.

Флаттершай глубоко вдохнула, подготавливая себя к вопросу, который обычно следовал за этим.

— Да, Клифф, это правда.

Она услышала любопытство в голосе Фловер, когда та спросила:

— Каково это — быть деревом?

И это был он, тот самый вопрос.

— Я не хочу говорить об этом, — ответила Флаттершай заранее отрепетированной фразой.

Были вещи, о которых она просто не могла думать слишком долго. И то время, которое она провела в облике дерева, возглавляло список её запретных мыслей.

— Почему бы всем вам не выйти на улицу и поиграть? — предложила она.

Большинству жеребят не нужно было повторять дважды. Дальние двери со скрипом открылись, впуская внутрь ослепительный поток солнечного света. Толпа с топотом выбежала наружу, освободив читальный зал за считанные секунды. Флаттершай удивлённо моргнула, осознав, что Клифф остался в комнате. Жеребёнок подбежал к ней на своих маленьких ножках и обнял её, заставив стеснительную кобылу бороться с желанием отскочить назад и спрятаться.

— Вы самый лучший рассказчик, мисс Флаттершай! — сказал он счастливо. — Спасибо за историю!

Затем жеребёнок, увлечённый светом полуденного солнца, резво поскакал на улицу к своим друзьям.

Флаттершай стояла на месте и несколько мгновений смотрела в открытые двери, на город за ними. Пони, жившие там, называли себя Последователями Апокалипсиса. Они знали о её прошлом, о её ужасной ошибке, и они не скрывали этого, равно как и не испытывали ненависти к ней. Они восприняли это как урок. Но и всё же, к удивлению, они относились к ней с почтением, заставлявшим её чувствовать себя неудобно.

Тем не менее, раз уж её собирались наделить властью, она ей воспользуется. Она провела два столетия без возможности кому-либо хоть как-нибудь помочь. Но всё изменилось. Она просто... должна справиться со всем лучше на этот раз. И на этот раз она собиралась быть ближе к своим друзьям, чтобы они могли помочь ей.

Она заметила лидера Последователей, Вельвет Ремеди. Угольно-чёрная пони, улыбаясь, глядела в её сторону. Она подняла копыто и помахала. Флаттершай робко помахала в ответ, её взгляд упал на изысканный золотой ПипБак на ноге единорожицы, инкрустированный камнем в форме соловья. Она вспомнила, что этот ПипБак когда-то был ожерельем. Её ожерельем.

Она поймала себя на том, что улыбается: к счастью, он нашел себе нового носителя. Однако ей самой потребовалось время, чтобы признать в этой в некоторой степени противоречивой кобыле ходячий излучатель доброты.

Её не удивило то, что Элемент принял новую форму. В конце концов, до того, как стать ожерельем, он был тяжёлым круглым камнем. И книга помогла объяснить, почему Элемент решил изменить свой вид.

Флаттершай взяла книгу в зубы и подошла к книжной полке.

«Книга Литлпип» была хорошей книгой, по её мнению, правда вот некоторые мрачные её части приходилось опускать при чтении детям. Книга помогла ей понять некоторые вещи, ответить на многие вопросы.

Зелье Ксенит обратило проклятие убийственной шутки, возвратив её физически в то состояние, в котором она была в момент соприкосновения с ней. Но вот её разум...

Ей потребовались годы на то, чтобы вновь найти себя, собрать воедино осколки своего истерзанного разума. Во многом Флаттершай это удалось благодаря вниманию и заботе со стороны её друзей — как новых, так и старых.

Вельвет Ремеди оказалась права. Маленькие статуэтки её друзей помогли ей снова обрести себя. Без их помощи она, возможно,

навсегда осталась бы сломленной и безумной. Второй раз в жизни получила набор статуэток. Первый ей подарила Рэрити. Тот, что был у неё сейчас — Вельвет Ремеди. С их помощью она смогла пережить потерю своих друзей. И иногда статуэтки помогали ей снова почувствовать их присутствие рядом. А по ночам, в её снах, они вместе с ней противостояли монстрам, таившимся в её голове.

Она не понимала, как и почему, до тех пор, пока Вельвет Ремеди не дала ей «Книгу Литлпип». Теперь же, благодаря этой книге, она знала. Тем не менее, она испытывала лёгкий дискомфорт от осознания того факта, что существовали маленькие статуэтки, излучающие сущность её души.

Статуэтки были в её седельных сумках. Она брала их с собой, куда бы ни направлялась, доставая их оттуда только перед сном, чтобы расставить на изголовье своей кровати. Рядом с Энжелом.

Её любимец и давний друг, навеки заточённый в камень, приглядывал за ней каждую ночь, охраняя её ночной покой. Возможно, это было ужасно и даже ненормально, но она спала лучше, когда он находился рядом. Отгоняя прочь её ночные кошмары.

Ставя книгу обратно на её место в книжном шкафу, Флаттершай снова подумала, что это была хорошая книга. Хотя иногда чтение и причиняло боль. Но это позволяло ей чувствовать, будто она лично знала Литлпип. Очень многие из её новых друзей действительно знали Литлпип и, похоже, что та (даже несмотря на то, что и у неё бывали плохие времена) была хорошей пони.

Флаттершай однажды пыталась поговорить с Литлпип. Но даже просто находиться в одной из башен станции ей было очень неприятно. Проект Одного Пегаса, нужно призвать, пугал её до чёртиков. Литлпип называла его "умиротворяющим", но у Флаттершай это место вызывало приступ паники, когда она вспоминала, какво это — быть запертым навеки, неподвижным и беспомощным.

Флаттершай почувствовала, как начинает колотиться её сердце, и отогнала это воспоминание прочь. Это место было в её списке вещей, о которых не стоит думать слишком много. Её разум иногда казался ей минным полем, по которому она вынуждена была ступать крайне осторожно.

Однако она смогла оправиться. Почти полностью. Хотя на это и ушли годы.

Флаттершай улыбнулась той лёгкой улыбкой, которая обычно появляется, когда вспоминаешь о чём-то, что произошло очень-очень давно. Её новые друзья, преисполненные благих намерений, привели её тогда в пещеру Спайка, думая, что ей поможет, если она увидит кого-то, кого знала раньше.

Два века в виде дерева так и не смогли ослабить её драконофобию.

Конечно же, она его не узнала. Он же вырос! Конечно, она видела его выросшим раньше, но это был неестественный и временный рост, а не нечто реальное. Он выглядел совершенно другим. Например, у него были крылья.

Извини, что напугал, — вспомнила она, как Спайк сказал это через день после того, как она наконец смогла в ответ не только пискнуть и спрятаться. — *Это из-за повязки, да? Чёрт, я ж теперь "лихой". Правда, мне кажется, это лишь делает меня больше похожим на рейдера.*

Но дело было не в повязке. Совсем наоборот, повязка была даже... милой. Делала его более щеголеватым, как она ему и сказала.

Флаттершай наклонилась и носом полностью задвинула книгу на своё место.

Да, подумала она в третий раз. Это хорошая книга. Хотя иногда ей казалось, что название не очень подходит. По её мнению, это больше, чем история одной кобылы. Это история Эквестрии. Эквестрии, что была, Эквестрийской Пустоши, что есть, и надежд на Новую Эквестрию, что начинала расцветать.

— Может, в названии этой истории не хватает слова "Эквестрия"? — спросила она себя.

Более того, это история рождения молодых сил добра в Эквестрийской Пустоши. Новая Кантерлотская Республика, Рейнджеры Эплджек, даже Последователи Апокалипсиса имели своё начало в этой истории.

И она не должна забывать Общество Сумерек, чьё мегазаключение превратило их в сверхсилу на Пустоши. Они тоже были добрыми и отзывчивыми пони. В основном. Как правило.

Флаттершай пересекла читальный зал и вышла под яркий солнечный свет, заливавший Узловой Город. Она моргнула, привыкая к нему, и чувствуя, как тепло Солнца пронизывает её перья и шерстку.

Впереди и слева, около клиники, Вельвет Ремеди разговаривала с несколькими медпони. Звонкий смех играющих справа детей ласкал слух. Прямо перед собой, у дальней стены храма, она заметила Палетту и её ученицу Сильвер Белл. Старая кобыла руководила юной единорожицей, которая, используя свою магию, делала последние штрихи на витраже. Флаттершай догадалась, что витраж был для замка в Новом Кантерлоте.

Она глубоко вдохнула, закрыв глаза. Ароматы пыльцы и лаванды смешивались с доносящимися с кухни Бранди нотками розового дерева и корицы.

— Ох, вы только понюхайте этот воздух! — нежно сказала она своим друзьям в седельных сумках. Так пахнет, когда всё в мире хорошо.

Потом она обратила своё внимание на детей. Маленький брат Тандерраш приставал к своей сестре. Флаттершай наклонила уши, надеясь услышать, о чём они говорят.

— Я могу назвать всех президентов Новой Косолотской Республики! — похвастался малыш, настолько мило, что Флаттершай захихикала.

— Пфф, — фыркнула Раш, обдув своего братца. — Это просто. Их всего то два было. Попробуй чего посложнее.

Маленький жеребёнок попробовал снова:

— Хм... я могу назвать всех Принцесс Старой Эквестрии!

— Ха. Ничуть не сложнее.

Флаттершай вздохнула, покачав головой, и шагнула вперёд.

Она услышала, как молодой голос крикнул:

— Эй, Флаттершай!

Обернувшись, она увидела розовую кобылку-аликорна, которая с улыбкой до ушей неустойчиво парила в воздухе.

— Ох, привет, Сюрприз, — поприветствовала её Флаттершай.

Сюрприз была третьим аликорном, появившимся на свет естественным путём, и самой первой, у кого шерстка не была синего, зелёного или фиолетового цвета.

— Смотри, что я могу! — малышка-аликорн сияла от счастья.

Она сосредоточенно наморщила маленькое личико. Её рог вспыхнул и начал светиться, а с его конца стали вырываться маленькие искорки. Небольшой шарик магической энергии сформировался чуть выше аликорна и стёк вниз, формируя вокруг неё магический щит. Хрупкая магическая сфера существовала лишь какое-то мгновение, прежде чем лопнуть, словно мыльный пузырь, однако глаза аликорна ликовали.

— Оу, это действительно впечатляет, Сюрприз! — проворковала Флаттершай. — С каждым разом всё лучше и лучше. Твои родители, должно быть, тобою очень гордятся.

И тем не менее она не смогла сдержать непреднамеренную дрожь, и её глаза скользнули в сторону гор... и в сторону Глифмарка. Она знала, что волноваться не о чем. Ксенит не позволит своим соплеменникам ничего, кроме чрезмерной осторожности. И всё-таки именно там зебры творили своё зелье, превращающее аликорнов-кобыл в жеребцов, помогая им размножаться. Зелье то включало экстракт "убийственной шутки", а это означало, что Ангелы её там выращивали.

Нет. Нет. Нет. Перестань думать о вещах из списка. Ты знаешь, что это небезопасно.

Сюрприз радостно пискнула, а затем упорхнула в поисках другого взрослого, которому она ещё не успела похвастаться.

Флаттершай медленно пошла вниз по булыжной мостовой, проходившей через храмовый комплекс. Она минула Бранди, спешащего в противоположном направлении с тележкой овощей из сада. Она обменялась приветствиями с молодым поваром, чувствуя мимолётное разочарование из-за того, что не сможет отведать ни супа, ни салата, что были запланированы на сегодняшний вечер. Потому что сегодня вечером она собиралась быть в совершенно ином месте.

Еды на Эквестрийской Пустоши теперь хватало всем. Население пони, да и не только пони, росло с каждым днём. Три года минуло с тех пор, как Литлпип развеяла остатки облачной завесы. Она всё ещё пребывала в анабиозе, находясь в Центральном Узле Проекта Одного Пегаса. Не только потому, что была верна своему обещанию, но и в силу определённых психологических и физиологических причин. (Первое — потому что она чересчур сильно сроднилась со своим положением; а второе относилось к усилившейся слабости её организма: длительное воздействие Розового Облака и передатчиков давали о себе знать.) Да и к тому же погодой должен был кто-то управлять, чтобы фермы всегда могли производить достаточное количество пищи. И как бы печально это ни звучало, но скорее всего, сменится не одно поколение, прежде чем Эквестрия вновь доверит управление погодой пегасам.

Да, еда больше не требовала от пони ни борьбы, ни крови. Новая Кантерлотская Республика гарантировала, что их великодушная щедрость в равной степени коснётся каждого, а Когти бережно охраняли фермы и караваны от банд и прочих мародёров, которые пытались захватить их.

Вместо этого главным национальным вопросом снова стала энергия. Сады Эквестрии одарили население пустоши земельными угодьями под сельское хозяйство, но лишили его радиоактивных материалов — топлива для агрегатов Красного Глаза. Это привело к тому, что НКР начала использовать энергию, выделяемую устройствами, работающими на звёздных батареях (которые, как сказали Флаттершай, пожертвовал Каламити). Но ресурсы эти были ограниченными и находились на пределах своих возможностей, и в скором времени растущая нация превысит этот предел.

Флаттершай поёжилась от мысли о том, что энергетика Эквестрии скоро может оказаться в зависимости от радиоактивных камней и прочих подобных материалов, которые можно найти только в дальних землях. Она уже повидала, как её любимый край ступил на подобный путь. И ничем хорошим это не закончилось.

Одной "Атомной воды" было достаточно.

Несколько полёвок решили пересечь улицу. Флаттершай взмахнула крыльями и подняла свои копыта с булыжной мостовой, чтобы пропустить их. Радужная птица с золотым и изумрудным оперением упала с неба и схватила одну из мышей. Затем жар-феникс воспарил ввысь, где-то метров на десять, и сбросил свою добычу на булыжную мостовую. Падение закончилось переломом позвоночника и сразу же последовавшей за ней смертью.

— Ой... п-привет, Фи... Паерлайт, — пискнула Флаттершай, когда Паерлайт опустилась на свою добычу и приступила к трапезе.

Она чуть было не назвала жар-феникса Филоминой. Но Паерлайт не была той же самой птицей, что жила у принцессы Селестии. Ну, по крайней мере, она была достаточно уверена в этом. Но сходство было настолько поразительным, что Флаттершай была уверена: они из одной семьи. Может, кузины. А может, и сёстры.

С мышинными кишками на клюве, Паерлайт посмотрела на Флаттершай и радостно пронзительно крикнула. Флаттершай переборолла желание сгримасничать и вместо этого одарила охотника одобрительной улыбкой. Она была вместе с Вельвет Ремеди в течение двух жизненных циклов жар-феникса, помогая единорожице пережить только кажущиеся страшными изменения в состоянии здоровья питомца.

Флаттершай пролетела мимо, приземлилась в нескольких метрах впереди и продолжила свой путь.

Она заметила, как впереди Палетта и Сильвер Белл отвлеклись от работы, чтобы посмотреть на Сюрприз, решившую похвастаться и перед ними своим магическим щитом.

Чисто, словно хрусталь, зазвенели колокола храмовой колокольни. Встрепенувшись, Флаттершай поглядела в небо над воротами. Всевозможные пони пробежали мимо неё посмотреть. Сильвер Белл также промчалась галопом мимо, а за молодой художницей не спеша следовала её наставница вместе с Вельвет Ремеди. Сюрприз же увидела в этом действе целую кучу взрослых, которым она просто обязана была показать свой щит-пузырик. Один из караванов прибыл домой.

Ещё даже до того, как Флаттершай распознала тот силуэт, сверкание металла под крылом и на передней ноге подсказало ей, что это был Каламити, вернувшийся домой. Она была рада видеть его снова, и не только потому, что после полудня он отправится с ней в путь.

Она всегда была довольно слабым летуном, даже в юности. А сейчас она была вовсе не молода. Её грива была совершенно седой, за исключением той розовой прядки, которую создала Сильвер Белл, когда практиковалась в использовании косметических заклинаний.

Флаттершай была довольно уверена в своих силах для полётов по Узловому городу и даже до места строительства нового замка. Но самостоятельный полёт к Брыклинскому Кресту — это совсем другое.

Скрипнули тяжёлые двери ворот, приведённые в движение с помощью педального механизма, собранного из старых Гриффинчейзеров. Когда Каламити приземлился внутри, караван, который он защищал, уже зашёл. Флаттершай двинулась к прибывшим. Её взгляд скользил от пони к пони, подсчитывая возвратившихся. Она и не заметила, что всё это время не дышала, и выдохнула с облегчением, не обнаружив недостачи. Путешествие до Тандерфола и обратно уже не было таким опасным, как раньше, но всё равно было приятно увидеть их всех вернувшихся целыми и невредимыми.

— Оууу, — надула губки Сильвер Белл. — А я надеялась, что это мама с папой.

Значит и караван Дитзи Ду должен будет вернуться сегодня, поняла она, причём из намного более опасного путешествия. Дитзи делала это ради эквестрийских гулей. Их тела не могли регенерировать без радиации, а после использования Садов Эквестрии все заражённые участки исчезли. Каждую неделю караваны из храбрых гулей, подобных Дитзи Ду, летали на загрязнённые земли за пределами Эквестрии, чтобы набрать облучённой воды, наличие которой стало для них вопросом выживания.

Дитзи Ду, однако, была единственной, чья компания по доставке воды имела бренд. «Абсолютно Всё» был поставщиком Атомной Воды для всей Эквестрии. Бесплатный заказ любых объёмов, не важно, сколь малых.

Караваны с «грязной водой» очень часто становились целью бандитов и других ужасных пони. Флаттершай прекрасно понимала

Беспokoйство Сильвер Белл.

Когда жёлтая пегаска добралась до каравана, он уже был окружён толпой пони. Некоторые из них помогали в разгрузке, но большинство же просто жаждало узнать, как прошла поездка.

— ...на нашем пути, неподалеку от Надежды, мы столкнулись с рейдерами, — рассказывал Каламити, печально качая головой. — Они разгромили заставу, расположенную там. Когда мы добрались до туда, из живых там уже никого не осталось.

— Рейдеры? — ахнула Вельвет. — Но... Мы не видели их уже несколько лет! Ты уверен, что это не одна из банд?

— Банды не делают с пони то, что сотворили эти монстры, — фыркнул Каламити, опуская на глаза свою ковбойскую шляпу. — Но не волнуйся, они больше никогда и никому не причинят вреда.

Флаттершай наблюдала, как эта супружеская пара начала разрабатывать планы по отправке команды, которая бы должным образом позаботилась о погибших на заставе Надежды.

— Я отправляюсь вместе с Шай на Брыклинский Крест этим вечером. Вам может понадобиться несколько ребят из рядов Когтей для обеспечения прикрытия, — предложил наконец Каламити. — На всяк случай. Я уверен, что позаботился обо всех рейдерах, но лучше не рисковать.

Рыжий киберпони обернулся к Флаттершай:

— Я буду готов отправиться через час, если у тебя уже всё приготовлено.

— О! Да, спасибо. Если тебя это устраивает. — Немного подумав, она спросила: — Ты думаешь, это может быть опасно?

— Да ерунда, — улыбнулся Каламити. — Шальные ветерки, скорей всего, будут, но вообще путь от Узлового города до Брыклинского Креста — один из самых безопасных во всей Эквестрии.

Ну, по крайней мере, теперь, когда брачный сезон у кровокрылов уже закончился.

— Шальные ветерки?

— У Хомэйдж день рождения, поэтому она ца в Центре Селестии с Лил'пип, — пояснил ей Каламити. — Я слышал, они весь день проведут в Осеннем холле.

— Ой, — запищала Флаттершай. — Как романтично!

Каламити, усмехнувшись, повернулся к жене:

— Хомэйдж хотела напомнить тебе, что это последний день рождения, прежде чем она официально станет старой и немощной. — Он игриво ткнул её копытом. Вельвет нахмурилась и надула губы. Флаттершай заметила золотой ПипБак на его передней ноге, украшенный двумя драгоценными камнями в форме молотка и отвёртки.

— Что значит немощной? — зашептала Сюрприз, с интересом наблюдая за взрослыми.

— В этом случае? — ответила Палетта, опуская голову, чтобы понарошку нашептать маленькому розовому аликорну: — Это значит, что ей будет столько же лет, сколько было Вельвет, когда она покинула Стойло.

Вельвет Ремеди тряхнула гривой и возмущённо заржала.

Сумерки сгущались над Эквестрией. Свет скрывающегося за горизонтом солнца было всё ещё видно между остовами небоскрёбов руин Мэйнхэттена. Падающие тени тянулись через Фетлок, перемежаясь с полосами тусклого солнечного света. Ветер тревожил водную гладь озера и траву на холмах.

Она стояла в конце небесной колесницы, наблюдая за проплывающим под ними Фетлоком. Она видела огни поселения вокруг крепости Рейнджеров Эплджек, бастиона жизни в море обломков.

— Ты видел Понивилль? — неожиданно спросила она.

— Агась, — ответил Каламити, таща за собой колесницу. — У них, кажись, неплохо идут дела. У адских гончих. Даж рейдеры не настолько тупы, чтоб бродить около Понивилля.

Десять лет назад мегазаклинание разрушило дом адских гончих в Прекрасной Долине. Небольшая часть выживших укрылась в руинах города, который когда-то был её домом. Домом её друзей. Сейчас же он стал домом для десятков семей адских гончих.

Каламити вёл небесную колесницу к тем холмам, и Флаттершай знала, куда они направляются. Часть её разума представляла это место таким, каким оно было давным-давно. Она и её друзья когда-то играли в гольф на этих холмах, ещё до того, как начали ходить даже слухи о войне. Она вспомнила, как Энжел со скуки начал грызть тент их гольфкара, пока они не уговорили его остановиться.

Но это место больше не было полем для гольфа.

Каламити опустил небесную колесницу на приглаженную ветром траву и отвязал упряжку. Флаттершай расправила крылья и наклонилась за цветами, которые сопровождали её всю эту поездку.

Двое пегасов оказались у пяти надгробий. Флаттершай положила цветы на землю, чтобы Каламити смог сам положить несколько на могилу Старейшины "СтилХувза" Эплсэка. Остальные она собрала и начала аккуратно раскладывать на каждую из четырёх могил, веером расходящихся от первой, возле которой застыл Каламити в минуту молчания в память о его погибшем друге.

Мягкой болью наполнялось сердце Флаттершай, когда она жалела, что у неё не было времени узнать Эплсэка получше. Она остановилась у ближайшей к его могиле и прочла надпись на её надгробии:

Здесь покоится

ПАЛАДИН СТРОУБЕРРИ ЛЕМОНЭД

Отвага, Преданность, Честность

Она отдала свою жизнь за то, чтобы Эквестрия смогла расцвести вновь.

На остальных трёх надгробиях были подобные эпитафии.

Ветер начал трепать её поседевшую, с розовой прядкой гриву. Она положила последний цветок и вернулась к Каламити.

Жеребец смотрел вверх и на восток. Она последовала за его взглядом и заметила фигуры двух тощих гулей-пегасов, тянущих цепочку из повозок с водой в направлении Узлового города.

Она знала, что у одного из тех гулей на ноге был золотой ПипБак с семью бриллиантами, похожими на пузыри. Дитзи Ду, Носитель Элемента Смеха. Кто бы мог такое вообразить?

То, что старый друг нашёл свою любовь в Эквестрийской Пустоши, грело ей сердце. Если кто-нибудь и заслужил счастья, думала Флаттершай, так это она. Пока она наблюдала за их полетом, ей показалось, что она заметила, как бледный жеребец, летящий рядом с Дитзи Ду, поглядывал на свою возлюбленную. Как обыденная гримаса кантерлотского гуля превратилась в лицо, выражающее безмолвное обожание.

Он поймал её. Свою маленькую падающую звезду.

Странная мысль всплыла в её сознании, когда она поняла, кого Дитзи Ду и Лаенхарт напоминали ей, хоть и совсем немного. Эплджек

и Эплснэка.

Как будто читая её мысли (очень тревожное предположение!), Каламити подошёл к ней со словами:

— Обычно я не религиозен, но я видел достаточно, чтобы знать, что души существуют, поэтому часть меня любит представлять, что где-то там СтилХувз вместе со своей сердешной улыбаются, глядя на этих двоих.

Флаттершай мягко кивнула.

Ветра продолжали дуть, раскачивая деревья и создавая рябь на воде.

* * *

Закат разлился прекрасной палитрой через Эквестрию, окрашивая небо в оранжевый и фиолетовый, голубой и золотой. Солнечный свет отражался от разбитых окон небоскрёбов Мэйнхэттена, выглядевших, как разбросанные бриллианты, и переливался на поверхности реки, протекающей под Брыклинским Крестом.

Бледно-жёлтая пегаска расправила свои крылья, стоя на краю пропасти, её глаза скользили по реке, наблюдая за медленно плывущими лодками. Потом, подняв взгляд, она заметила домик Гамми вдали. Такие, как Дитзи Ду, ниточки из прошлого, протянувшиеся в настоящее, задевали её сердце. Болезненно, но всё же драгоценно. Словно якоря, они держали её, не давая ей стать унесённой ветром.

Она посмотрела вниз и увидела чёрный шрам тюрьмы Арбы. Каламити был где-то там, посещая какого-то старого друга, который, как он описывал, "был очень похож на меня". Ей было грустно от мысли о том, что Эквестрия всё ещё нуждалась в подобных местах. Не все пони в Пустоши были готовы принять свои лучшие стороны, быть хорошими пони.

В каждом пони есть доброта — она по-прежнему в это верила. Но, как она узнала самым тяжёлым из возможных способов, нельзя полагаться на то, что пони будут поступать как следует. Что делало тех, кто всё же совершал благие дела, ещё чудеснее и драгоценнее.

Она почувствовала присутствие подошедшего сзади адского пса. Старый кибергончий присел рядом с ней, его кибернога при этом механически взвыла. Наконец, старый альбинос заговорил:

— Ты готова к этому?

Флаттершай кивнула.

Она не могла позволить, чтобы новая эра в истории Эквестрии начиналась с геноцида. Адские гонимые были на грани исчезновения, и это (по большей части) была вина пони.

Хотела она этого или нет, заслуженно или нет, но она снова была в таком положении, когда её слова имели огромный вес. И насколько бы сильно она ни ненавидела быть лидером, у неё не было другого выбора. Только не после того, что произошло. Это то, что она должна делать. Должна.

Она должна.

Рейнджеры Эплджек будут не в восторге от её идеи, но она всё же собиралась убедить их. Неприкосновенный Новый Дом Адских Гонимых был хорошей затеей.

Старый адский пёс встал, когда она развернулась, и последовал за ней к залу совета.

Сильный прохладный ветер взъерошил её перья, заставив поёжиться. Солнце постепенно скрывалось за речной гладью на горизонте.

Флаттершай глубоко вздохнула. День почти закончился. Это был день без единого выстрела. Мирный, спокойный день. Лучший день.

"В мире, наполненном страданиями и неопределённостью, великое утешение знать, что свет во тьме всё-таки есть."

Fallout: Equestria